

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ СXXXIX.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СXXXIX.

1915

ПЕТРОГРАДЪ

Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Зртелевъ, 13

1915

Основанъ А. С. Суворинимъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

ЯНВАРЬ 1915 г.

СТРАН.

Историческая летопись. IX—LVI

Иллюстраціи: 1) Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна съ Августѣйшими Дочерьми.— 2) Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Феодоровна.— 3) Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Александровичъ.— 4) Его Императорское Высочество Великій Князь Кирилль Владимировичъ.— 5) Его Императорское Высочество Великій Князь Борисъ Владимировичъ.— 6) Его Императорское Высочество Великій Князь Дмитрій Павловичъ.— 7) Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Михайловичъ.— 8) Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ Михайловичъ.— 9) Его Высочество Князь Гавріиль Константиновичъ.— 10) Его Высочество Князь Константинъ Константиновичъ.

I. Романъ принцессы Іеверской. (Историческая повѣсть). I—VII. Е. С. Шумигорскаго.	1
II. Сашъ-Стефано. Записки. I—II. графа Н. П. Игнатъева.	27
III. Смерть курьера Мамошина. I—XVI. П. П. Гиѣдича.	62
IV. Изъ юныхъ дней великаго князя Михаила Николаевича. А. И. Соколовой.	80
V. Л. Н. Толстой—ластухъ. (Изъ жизни великаго писателя). И. Б. Тенеромо.	91
VI. Передъ Царемъ-Освободителемъ. С. И. С—кова.	105
VII. Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ. (Мои воспоминанія о немъ, думы и соображенія). I—IX. Н. М. Ежова.	110
VIII. Черный «бунтъ». (Страницки изъ исторіи «авонской смуты»). I—IV. Е. Н. Косвинцева.	139
Иллюстраціи: 1) Ротмистръ л.-гв. гусарскаго полка Александръ Ксаверіевичъ Булатовичъ передъ самымъ поступленіемъ въ монастырь. Съ нимъ рядомъ абиссинецъ «Васъка».—2) О. Иларіонъ.	
IX. Императоръ Вильгельмъ II. I—VIII. А. П. Скугаревскаго.	161
X. «Историческій Вѣстникъ» за 35 лѣтъ. (Портретная галлерей). Б. Б. Глинскаго.	180
Иллюстраціи: 1) Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ и Сергѣй Николаевичъ Шубинскій.—2) Николай Ивановичъ Костомаровъ.—3) Константинъ Николаевичъ Вестужевъ-Рюминъ.—4) Евгенийъ Петровичъ Карновичъ.—5) Владимиръ Рафаиловичъ Зотовъ.—6) Павелъ Яковлевичъ Дашковъ.—7) Петръ Николаевичъ Полевой.—8) Даніиль Лукичъ Мордовцевъ.—9) Николай Семеновичъ Лъсковъ.—10) Сергѣй Николаевичъ Терпигоревъ (Атава).—11) Гр. Евгенийъ Андреевичъ Саласъ де-Турнемиръ.—12) Надежда Ивановна Мердери.—13) Василій Григорьевичъ Авсѣенко.—14) Владимиръ Алексеевичъ Тихоновъ.—15) Василій Егоровичъ Рудаковъ.—16) Иларіонъ Федоровичъ Богдановъ.—17) Сотрудники «Историческаго Вѣстника» 1904 года.—18) Сотрудники «Историческаго Вѣстника» 1913 года.	
XI. Владимиръ Ивановичъ Ламанскій. († 19 ноября 1914 г.). К. Я. Грота.	208
XII. Русскіе поэты о современной войнѣ. Д. А. Маслященка.	230
XIII. Роковой годъ. (Предсказанія войны). I—V. П. П. Ювачева.	252
XIV. Историческій очеркъ возникновенія Пруссіи. А. М. Бѣлова.	259
XV. Замокъ князя Паскевича въ Гомелѣ. А. Сигова.	275
Иллюстраціи: 1) Видъ Гомельскаго замка съ рѣки.—2) Замокъ князя Паскевича.—3) Прудъ въ паркѣ.—4) Статуя Понатовскаго въ паркѣ.—5) Вѣсть Паскевича въ паркѣ.—6) Усыпальница князя Паскевича.—7) Башня у замка.	

(См. слѣд. стран.).

XVI. Критика и библиографія	283
<p>1) Н. С. Державинъ. Волгарско-сербскія взаимоотношенія и македонскій вопросъ. Петр. 1914. Андрея Сиротинина.—2) «Въстѣвнѣ общества ревнителей исторіи». Т. I. Подъ редакціей завѣдывателя председателя М. К. Соколовскаго. 1914. т. ф.—3) П. М. Вицили. Западное вліяніе на Русь и начальныя лѣтописи. Одесса. 1914. Н. Ефимова.—4) Е. Н. Щепкина. Изъ исторіи женской личности въ Россіи. Петр. 1915. А. Фаресова.—5) Записки графа Е. Ө. Комаровскаго. Вступительная замѣтка Е. А. Ляцкаго. Петр. 1914. А. Налимова.—6) Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Подъ редакціей действительныхъ членовъ комиссіи И. Ф. Павловскаго, А. Ф. Мальцева и А. В. Паладжи. Вып. 11-й. Полтава. 1914. Павла Россіева.—7) «Минская Старина». Вып. четвертый. Труды мягэваго церковнаго историко-археологическаго комитета (Тройчанскій архивъ). Минскъ. 1914. А. Бочкова.—8) Сборникъ великорусскихъ частушекъ. Подъ редак. Е. Н. Евлевской. Москва. 1914. в. Перетца.—9) Толстовскій музей. Томъ II. Черописка Л. Н. Толстого съ Н. И. Страховымъ. 1870—1894. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. Л. Жодзлевскаго. Петр. 1914. Влад. княгинина.—10) Временникъ Пушкинскаго дома. Петр. 1914. в. Данилова.—11) Игорь Свѣригинъ. Влатоліра. Поэзы. Книга вторая. Москва. 1914. н. Б. х.—12) Исторія музыки всѣхъ временъ и народовъ. Составилъ профессоръ Д. А. Сакетти. Вып. I. Петр. 1914. П. Майкова.—13) Графъ А. А. Мусьянъ-Пушкинъ. Нѣкоторые общія соображенія по вопросу о задачахъ низшаго, средняго и высшаго образованія.—Его же. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ семьи и школы въ педагогической литературѣ и школьной практикѣ у насъ и на Западѣ. Петр. 1914. г. Зоргенфрея.—14) Записки неологического общества при императорскомъ петроградскомъ университетѣ. Вып. IV—VII. Петр. 1910—1914. м.—15) Д. К. Зеленинъ. Великорусскіе говоры съ неорганическимъ и непереходимымъ смягченіемъ согласныхъ въ связи съ теченіями позднѣйшей великорусской колонизаціи. Петр. 1914. в. д.—16) Русская періодическая печать 1703—1900 гг. (Библиографія и графическія таблицы). Составилъ Н. М. Лисовскій. Отдѣлъ I. Библиографія русской періодической печати. Отдѣлъ 2. Графическія таблицы русской періодической печати. Вып. IV. Петр. 1915. а м—ма.</p>	
XVII. Новости исторіи. Обзорѣніе журналовъ	303
XVIII. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника»	310
XIX. Заграничныя историческія новости и мелочи	314
<p>1) Раштадтскій конгрессъ.—2) Изъ воспомнаній о композиторѣ Оберъ.—3) Воспомнанія г-жи Мартэнъ.—4) Агентъ Наполеоновской полиціи.—5) Казаки въ описаніи французца.—6) Карточная игра во Франціи.—7) Театръ марионетокъ въ Италіи.—8) Первый переводчикъ арабскихъ сказокъ «Тысяча и одна ночь».</p>	
XX. Смѣсь	331
<p>1) Тридцатипятилѣтіе «Историческаго Вѣстника».—2) Юбилей судебной реформы.—3) Общее собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—4) Юбилей С. Е. Виссаріонова.—5) Юбилей профессора А. А. Иванова.—6) Юбилей профессора В. М. Коваловича.—7) Конкурсъ на премію имени исторіографа Оренбургскаго края Владимира Николаевича Витевского.—8) Отъ Романовскаго комитета.—9) Помощь Сербіи. Воззваніе сербскаго архимандрита Михаила.</p>	
XXI. Некрологи	342
<p>1) Богдановичъ, А. В.—2) Врюкловъ, П. А.—3) Вудлицкій, Н. А.—4) Ермадаевъ, Г. И.—5) Зильберманъ, П. Я.—6) Кассо, Л. А.—7) Кашкинъ, Н. С.—8) Лачинова, А. А.—9) Масловъ, А. Л.—10) Пославскій, И. Т.—11) Чаевъ, Н. А.</p>	
XXII. Замѣтки и поправки	349
<p>1) По поводу «Замѣтки» г. Перуанскаго. н. н. Оглоблина.—2) Къ статьѣ «Изъ воспомнаній о Царьградѣ». н. н. Арбузова.</p>	

Приложенія: 1) Портретъ Владимира Ивановича Ламанскаго.—2) Долоресъ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ В. Буренина. (Изъ романа Мірионъ Крауфордъ: «In the palace of the king»).

Ежемесячный историко-литературный журналъ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ИЗДАЕТСЯ

Наслѣдниками А. С. Суворина

подъ редакціей Б. Б. Глинскаго.

(Тридцать шестой годъ изданія).

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» знакомитъ читателей въ живой, общедоступной формѣ съ современнымъ состояніемъ исторической науки и литературы въ Россіи и Европѣ и связываетъ отечественную исторію съ всемірною и научное изслѣдованіе съ популярнымъ изложеніемъ. За время **своего 35-лѣтняго** существованія журналъ достигъ широкаго распространенія среди разнообразныхъ классовъ населенія, имѣя здѣсь многочисленныхъ подписчиковъ и читателей. «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» издается по слѣдующей программѣ: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, записки, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, этнографическія и бытовыя описанія и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, историческія новости и матеріалы, имѣющіе общій интересъ. Къ «ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ» прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» выходитъ ежемесячно каждаго 1-го числа въ объемѣ 25—28 печатныхъ листовъ убористаго шрифта.

«Истор. вѣстн.», январь 1915 г., т. сxxxix.

1

Подписная цѣна на годъ 10 рублей серебромъ съ пересылкой и доставкой на домъ, за полгода 6 рублей. Цѣна книжки журнала въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 25 коп. Для служащихъ за подписью казначеевъ, а также для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ допускается разсрочка по четвертямъ года безъ повышенія годовой платы.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва «Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій пр., д. № 40, и въ отдѣленіяхъ главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Такса за объявленія: впереди текста за страницу 80 руб., за 1/2 стр. 45 р., за 1/4 стр. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за 1/2 стр. 35 р., за 1/4 стр. 20 рублей.

Какъ и въ предшествующіе годы, такъ и въ 1915 году, журналъ будетъ выходить со слѣдующими отдѣлами:

Въ журналѣ принимають участіе: его императорское высочество великій князь Николай Мих. (пленникъ и его) свѣтлейшій герцогъ Георгій Николаевичъ Лейхтенбергскій.

БЕЛЛЕТРИСТИКА. Имѣются уже и обѣщаны произведенія слѣдующихъ авторовъ: В. П. Авенаріуса, В. П. Анжу, Г. Артурова, Марка Басанина, В. П. Буренина, А. П. Будищева, В. В. Брусанина, М. Е. Васильевой, М. Г. Веселковой-Кильштейтъ, В. А. Волжина, П. П. Гнѣдича, А. Е. Зарина, Ф. Е. Зарина-Несвицкаго, Ор. Козельскаго, Н. А. Лаппо-Даншевской, В. Микуличъ, Вл. Нарбута, П. М. Невѣжина, С. С. Окрейца, Григ. Ольшанскаго, А. П. Плетнева, И. Н. Потапенка, С. П. Руднева, В. Я. Свѣтлова, И. И. Соколова, А. В. Сульжикова (Вик—Торниовича), Г. Т. Сѣверцева-Полилова, В. В. Уманова-Канлуновскаго, А. П. Шабановой, П. А. Энгельгардта, С. К. Эфрона (Литвина) и другихъ.

ВОСПОМИНАНІЯ. Редакція располагаетъ слѣдующими мемуарами: **гр. Н. П. Игнатьева**—«Самъ-Стефано».—**Н. В. Исакова**—«Записки».—**Сенатора Дрейера**—«Воспоминанія».—**Н. А. Манна**—«Воспоминанія».—**Н. Н. Фирсова**—«Императорскій посоль и дворянская опека».—**С. А. Драгомировой**—«Радецкій, Скобелевъ, Драгомировъ».—**С. К. Эфрона (Литвина)**—«Воспоминанія о С. О. Шараповѣ».—**И. В. Погорманскаго**—«Четыре записки изъ жизни декабристовъ».—**А. И. Соколовой**—«Встрѣчи и знакомства».—**В. Б. Бертонсона**—«За 30 лѣтъ».—**Е. Н. Андреевскаго**—«Изъ записокъ за 47 лѣтъ».—**Н. В. Рейнгарда**—«Изъ воспоминаній о Н. К. Михайловскомъ».—**М. В. Щепкина**—«Театральныя мелочи». «Воспоминанія бывшаго судебнаго дѣятеля» М. Ф. Чулицкаго.—**М. В. Шевлякова**—«Изъ разсказовъ П. И. Вейнберга».—**М. М. Мариной**—«Изъ воспоминаній о пребываніи русскаго экспедиціоннаго отряда въ Критѣ».—**П. А. Россіева**—«Силуэты».—**В. П. Соколова**—«Воспоминанія о Всеволодѣ Гаршинѣ».—**Н. И. Ванченко**—«Изъ воспоминаній украинскаго актера».—**С. И. Уманца**—«Мозаика».—**А. Г. Шиле**—«Изъ литературныхъ воспоминаній».—**П. Юдина**—«Изъ прошлыхъ сношеній съ Германіей».—**А. С. Серебряковой**—«Изъ жизни московской прессы восьмидесятыхъ годовъ» и мног. друг.

Статьи научныя, публицистическія, критика и бібліографія. Въ отдѣлѣ примуть участіе: Н. О. Акаемовъ, В. А. Алексѣевъ, А. А. Бахтіаровъ, А. А. Башмаковъ, проф. П. В. Безобразовъ, Д. А. Бочковъ, В. В. Брусанинъ, А. П. Брянчаниновъ, А. М. Бѣловъ, И. С. Бѣляевъ, проф. Б. В. Варнеке, проф. А. П. Витмеръ, В. В. Вороновъ, Г. К. Гинзъ, Б. Б. Глинскій, проф. В. М. Грибовскій, И. И. Гурвичъ,

В. В. Даниловъ, Н. А. Державинъ, А. А. Дунинъ, П. М. Ежовъ, В. В. Жерве, проф. И. И. Замотинъ, А. Е. Заринъ, Г. Г. Зоргенфрей, А. А. Измайловъ, проф. Л. П. Карсавинъ, А. Е. Кауфманъ, проф. М. В. Ключковъ, В. Н. Княжнинъ, Я. Н. Колубовскій, А. О. Конои, проф. Д. А. Корсаковъ, проф. М. Е. Красноженъ, К. В. Кудряшовъ, В. К. Кузнецовъ, Н. А. Лачиновъ, Н. Н. Лендеръ, проф. Н. М. Лисовскій, А. М. Ловягинъ, проф. Н. Н. Любавичъ, П. М. Майковъ, проф. А. И. Маленинъ, М. М. Марина, В. П. Маринъ, Т. А. Мартемьяновъ, Д. А. Масляненко, С. Р. Минцловъ, А. А. Мироновъ, Б. Л. Модзалевскій, З. Е. Мордвинова, П. О. Морозовъ, В. А. Мустафинъ, И. В. Мѣцаниновъ, А. П. Палимовъ, А. М. Нечаева, Н. Н. Оглоблинъ, С. С. Окрейцъ, А. С. Панкратовъ, академикъ В. Н. Перетцъ, проф. М. Г. Попруженко, Н. В. Рейнгардъ, П. А. Россіевъ, О. О. Симбухинъ, Т. О. Соколовская, М. К. Соколовскій, проф. И. И. Соколовъ, П. И. Соколовъ, Н. П. Стопянскій, И. Тенеромо, К. А. Теплово, Е. С. Тимирязева, В. З. Ткачукъ, О. О. Трозинеръ. А. И. Фаресовъ, А. И. Фирсовъ, Н. Н. Фирсовъ, Н. В. Чарыковъ, проф. П. Н. Черняевъ, М. Ф. Чулицкій, В. И. фонъ-Штейнъ, С. В. фонъ-Штейнъ, Е. Н. Щелкина, М. А. Щепкинъ, князь Б. А. Щетининъ, Н. А. Энгельгардтъ, С. К. Эфронъ, И. П. Ювачевъ, П. А. Юдипъ, П. Л. Юдипъ, проф. А. И. Яцимирскій и мног. друг.

Въ отдѣлѣ критики и библиографіи каждый мѣсяць рецензируются свыше 20-ти вновь вышедшихъ книгъ по преимуществу по русской, всеобщей и древней исторіи, литературѣ, археологіи, исторіи правъ, искусствъ и другимъ отраслямъ гуманитарнаго знанія. Съ 1914 года въ журналѣ открытъ **новый отдѣлъ по обзорѣнню отечественныхъ журналовъ**, а также **Книжный Листокъ**, гдѣ отмѣчаются всѣ поступающія въ редакцію изданія съ краткимъ отчетомъ о главнѣйшихъ изъ нихъ.

Статьи этнографическія и географическія. Будутъ напечатаны произведенія: М. М. Мариной, И. А. Слонова, А. А. Дунина, В. Сазопова, А. Я. Таралеца, П. Максимова, А. Григорьева, А. П. Фирсова, А. Моцанскаго, Д. П. Богданова, С. Р. Минцлова, П. Зайкина, М. Мочульской, В. П. Марина, В. Г. Вейденбаума, А. И. Стеллецкаго, П. П. Орлова.

Историческія новости и мелочи составляются по многочисленнымъ выпускаемымъ редакціею европейскимъ журналамъ и газетамъ, посвященнымъ исторіи и литературѣ, и знакомятъ читателя со всѣми западно-европейскими новинками въ этихъ областяхъ.

Изъ записной книжки историка—Е. С. Шумигорскаго.

Новости русской исторіи—А. А. Измайлова.

Въ приложеніи къ журналу въ 1915 году будетъ дано:

Историческая лѣтопись, гдѣ въ систематическомъ порядкѣ будетъ дѣлаться обзорѣніе событій на всѣхъ театрахъ современной войны. «Лѣтопись» будетъ иллюстрирована многочисленными портретами главныхъ и выдающихся дѣятелей войны.

«**Долоресъ**». Драма въ пяти дѣйствіяхъ В. П. Буренина.

Переводный историческій романъ Е. Демольдеръ «Садовникъ маркизы Помпадуръ».

Въ связи съ переживаемыми военными событіями, редакція «Историческаго Вѣстника» приложитъ всѣ старанія, чтобы печатаемая на страницахъ статьи носили по преимуществу злободневный характеръ и отвѣчали историческимъ запросамъ переживаемого политическаго дня.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

III выпускъ

„ВОЙНА“

Хроника и отклики съ 7 портретами.

Цѣна выпуска 50 коп.

Чистая выручка съ изданія поступитъ въ пользу лазарета для раненыхъ воиновъ, устроеннаго журналомъ „Историческій Вѣстникъ“. (Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“).

Открыта подписка на 1915 г.

на ежедневную политическую, общественную и литературную газету

„ПРИКАРПАТСКАЯ РУСЬ“,

и дающуюся въ гор. Львовѣ (Галичина).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12 мѣс.	На 6 м.	На 3 м.	На 1 м.
Въ Львовѣ безъ доставки:	9 р.	4 р. 60 к.	2 р. 30 к.	80 к.
Съ доставкой на домъ:	12 р.	6 р. 20 к.	3 р. 10 к.	1 р. 10 к.
Съ пересылкою въ Россію:	12 р.	6 р. 20 к.	3 р. 10 к.	1 р. 10 к.
За границу:	18 р.	9 р. 20 к.	4 р. 60 к.	1 р. 60 к.

Учащимся, народнымъ учителямъ, нижнимъ военнымъ чинамъ и крестьянамъ, при условіи непосредственнаго обращенія въ главную контору, подписная цѣна можетъ быть понижена: безъ доставки — на годъ 6 р., на $\frac{1}{2}$ года 3 р. 10 к.; съ доставкой и пересылкой — на годъ 9 р. и на $\frac{1}{2}$ года 4 р. 60 к.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе какъ до конца года.

Адресъ редакціи и конторы:

Г. ЛЬВОВЪ (ГАЛИЧИНА), Русская ул. № 3.

Редакторъ Ю. А. Яворскій.

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ ЛАМАНСКІЙ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ДИННАДЦАТАГО ноября были получены слѣдующія вѣсти о положеніи военныхъ дѣлъ на сербскомъ фронтѣ: въ теченіе 8-го ноября происходило сраженіе на фронтѣ Лазареваць—Міоница, продолжавшееся еще и 10-го ноября. Въ тотъ же день сербская тяжелая артиллерія обстрѣляла австрійскіе мониторы, стоявшіе у Землина, и заставила ихъ удалиться. Кромѣ того, сербская артиллерія заставила замолчать неприятельскую артиллерію, пытавшуюся поддержать мониторы. Лица, прибывшія изъ Сербіи, сообщаютъ объ ощущаемомъ тамъ большомъ недостаткѣ въ бѣльѣ для раненыхъ, а также въ медикаментахъ и врачахъ.

11-го ноября великобританское министерство по дѣламъ Индіи сообщило, что послѣднія военныя операціи въ Персидскомъ заливѣ увѣнчались гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ предвидѣлось. Послѣ значительнаго пораженія, нанесеннаго турецкимъ войскамъ между 2-мъ и 4-мъ ноября, турки бѣжали, оставивъ въ рукахъ англичанъ восемь орудій и много раненыхъ. Въ настоящее время Басра занята британскими войсками.

Кромѣ того, были получены подробности изъ Каира о сраженіи, бывшемъ между турецкими войсками и отрядомъ всадниковъ на верблюдахъ. Отрядъ, встрѣтившись съ подавляющими по численности силами противника, отступилъ къ своей базѣ, потерявъ 14 человекъ убитыми и 3 ранеными.

11-го ноября изъ Каира телеграфировали о сообщеніи главнаго штаба британской арміи о томъ, что отрядъ, численностью въ 40 солдатъ, подъ командой англійскаго офицера, нанесъ пораженіе турецкому отряду, численностью въ 300 человекъ, между Вирь-эль-Нусръ и Гатіа. Въ отрядѣ египетскихъ войскъ вышло изъ строя 12 индійскихъ солдатъ убитыми и трое ранеными.

На французскомъ театрѣ войны день 11-го ноябрю прошелъ сравнительно спокойно. Лишь по временамъ происходила артиллерійская перестрѣлка. На Аргонской возвышенности германцы произвели нѣсколько атакъ, которыя всѣ были отбиты.

По извѣстіямъ, полученнымъ къ 11-му ноябрю, на австро-сербскомъ театрѣ войны дѣла обстояли въ такомъ порядкѣ:

Въ ночь съ 8-го на 9-е ноябрю, около 11 часовъ вечера австрійцы пытались переправиться черезъ рѣку Колубару на фронтъ Драгеваць—Воденица—Старо Село. Сербы дали непріятелю переправить часть своихъ войскъ на правый берегъ рѣки, а затѣмъ атаковали его, причѣмъ взяли въ плѣнъ 178 солдатъ. Застигнутый врасплохъ непріятель не успѣлъ развернуться, но все же оказалъ упорное сопротивление, бывшее, однако, тщетнымъ; все, что не было уничтожено, было взято въ плѣнъ. Часть отряда хотя и спаслась отъ уничтоженія, но уже не смогла переправиться обратно черезъ рѣку Колубару; нынѣ солдаты этого отряда блуждаютъ вдоль рѣки и постепенно сдаются мелкими группами.

Бои на фронтѣ Лазареваць—Мюница, южнѣе упомянутой выше линіи, продолжались уже нѣсколько дней, и къ 11-му ноябрю еще не окончились. Дѣйствія сербовъ сопровождались нѣкоторыми частичными успѣхами на этой линіи, напримѣръ, къ югу отъ деревни Шопичъ; здѣсь сербы неожиданной атакой отбросили непріятеля, взявъ въ плѣнъ трехъ офицеровъ и 136 солдатъ и захвативъ два пулемета. На остальномъ фронтѣ не произошло ничего существеннаго.

11-го ноября въ Лиссабонѣ постъ рѣчи премьеръ-министра, обращенной къ сенаторамъ и депутатамъ, португальскій конгрессъ единодушно принялъ законопроектъ, уполномочивающій правительство, согласно союзному договору съ Англіей, вмѣшаться въ нынѣшній международный конфликтъ, когда и какъ оно найдетъ нужнымъ, и принять всѣ необходимыя мѣры.

12-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что сраженіе подъ Лодзью еще продолжалось. Крупныя массы германцевъ, прорвавшіяся 7-го ноября въ районъ Стрыковъ—Брезины—Колюшки—Рзговъ—Тушинъ, тѣснимыя со всѣхъ сторонъ нашими войсками, напрягали всѣ усилія, чтобы пробиться къ сѣверу. На пространствѣ къ югу отъ станціи Колюшки бродили разбѣянные партіи непріятеля. Нами были захвачены плѣнные, тяжелыя и легкія орудія. Обстановка въ бою у Ловича сложилась для насъ въ теченіе 11-го ноября благоприятно.

Въ сраженіи Ченстоховъ—Краковъ перевѣсъ былъ явно на сторонѣ нашихъ войскъ.

За Карпатскими перевалами наши войска охватили значительныя силы австрійцевъ въ районѣ станціи Мезо—Лаборчъ; въ этомъ районѣ нами были взяты въ плѣнъ 1 генераль, 40 офицеровъ и свыше 3.500 нижнихъ чиновъ, захвачены три поѣзда, пулеметы.

У выхода на Венгерскую равнину мы заняли городъ Гуменное.

12-го ноября на французскомъ фронтѣ положеніе дѣлъ обстояло въ слѣдующемъ видѣ:

На сѣверномъ фронтѣ отъ моря до Ипра пѣхотныхъ атакъ не было. Между Лангемарке и Зоннебеке французы нѣсколько продвинулись впередъ. На каналѣ Лабассѣ индійскія войска отвоевали у непріятели траншеи, ранѣе ему уступленные. На фронтѣ отъ Лабассѣ до Суассона царило почти полное спокойствіе. Союзники нѣсколько продвинулись впередъ близъ Берри-о-Бака и въ Аргошахъ. Въ Бетанкурѣ къ сѣверо-западу отъ Вердена атака германцевъ была отражена. Предложеніе германцевъ о перемиріи было отклонено. Въ области Понтъ-а-Муссона французы бомбардировали Аманвилль. Въ Вогезахъ ничего существеннаго не произошло.

Британскіе броненосцы подвергли бомбардировкѣ портъ Зеебрюгге.

Послѣ предварительной рекогносцировки летчиками германскихъ позицій вдоль побережья пѣхота союзниковъ атаковала германскія траншеи. Одновременно съ этимъ англо-французская эскадра приблизилась къ берегу. Германцы открыли огонь по эскадрѣ, а также по траншеямъ союзниковъ. Позднѣе другая эскадра появилась между Остенде и Вендейне, близъ Вестенде. Огнемъ флота въ Зеебрюгге были приведены къ молчанію двѣ германскія батареи. Электрическая станція и Паласъ-отель были объяты пламенемъ. Артиллерійскимъ огнемъ союзной эскадры Слуйсъ былъ разрушенъ, и населеніе его бѣжало.

Французскій крейсеръ и англійская яхта обстрѣляли городъ Бузу—административный центръ германскаго Камеруна, который былъ занятъ союзными войсками. Британскія войска вступили въ Басору. Остатки турецкихъ войскъ бѣжали, оставивъ свои орудія и ружья. Зебеиръ покорился британцамъ.

Главноначальствующій провинціей Бранденбургъ предписалъ населенію сократить потребленіе блага хлѣба. Въ германскій рейхстагъ внесенъ законопроектъ о новомъ займѣ въ пять миллиардовъ марокъ.

Германія протестовала передъ С.-А. Соединенными Штатами по поводу нарушенія союзниками лондонской деклараціи.

Президентъ Вильсонъ заявилъ о желательности переговоровъ относительно возобновленія торговаго договора между Россіей и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами.

Парижская медицинская академія обратилась къ государю императору съ выраженіемъ своего восхищенія по поводу запрещенія продажи питей.

12-го ноября великобританское правительство сообщило, что въ общемъ положеніе продолжало оставаться безъ переменъ. Индійскіе корпуса завладѣли снова нѣкоторыми траншеями, ранѣе уступленными, и взяли въ плѣнъ трехъ непріятельскихъ офицеровъ и болѣе ста нижнихъ чиновъ, а также захватили мортиру и три пулемета. Согласно сообщенію британскаго адмиралтейства отъ того же 12-го ноября при осмотрѣ поврежденій, причиненныхъ спасательной лодкѣ французскаго парохода «Amiral Ganteaume», пострадавшаго отъ мины въ Па-де-Кале 13-го октября, обнаружено было присутствіе осколковъ германской торпеды. Обстоятельство это является неоспоримымъ доказательствомъ, что пароходъ былъ взорванъ германской подводной лодкой. Адмиралтейство заявляетъ, что это сознательное уничтоженіе беззащитнаго пассажирскаго судна среди бѣла дня является яркимъ примѣромъ примѣняемыхъ гер-

манцами методовъ. Къ сообщенію адмиралтейства была приложена фотографія найденныхъ осколковъ.

Архіепископъ варшавскій Николай представилъ въ Святѣйшій Синодъ донесеніе о кощунственномъ оскверненіи германскими войсками въ занятыхъ ими мѣстностяхъ въ предѣлахъ варшавской епархіи всѣхъ православныхъ храмовъ. Нѣмцы устраивали въ церквахъ лазареты, конюшни, склады, даже уборныя; всѣ кружки оказались взломанными и находившіяся въ нихъ деньги похищены; алтари осквернены. Равнымъ образомъ поруганію подверглись также католическіе костелы. Въ концѣ своего донесенія архіепископъ Николай отмѣтилъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмцы оставили нетронутыми лютеранскія кирки и еврейскія синагоги.

13-го ноября отъ штаба кавказской арміи пришло слѣдующее извѣщеніе:

На Эрзерумскомъ и управленіи мы продолжали преслѣдованіе разбитыхъ главныхъ турецкихъ силъ, причѣмъ было нами захвачено много плѣнныхъ, оружія, зарядныхъ ящиковъ и снаряженія. Путь отступленія турокъ былъ усѣянъ трупами ихъ замерзшихъ солдатъ. Разбитыя турецкія войска, по единогласному показанію плѣнныхъ, слѣшати укрытыя за твердыней Деве-бойну и въ Эрзерумъ. На прочихъ направленіяхъ значительныхъ перемѣнъ не произошло.

13-го ноября пришло сообщеніе, что англійскій крейсеръ захватилъ на высотѣ острова Тенедоса турецкое парусное судно, шедшее въ Смирну. Взятые при этомъ въ плѣнъ два офицера быти переведены на адмиральскій корабль союзниковъ.

На сербскомъ театрѣ военныя дѣйствія къ 13-му ноября обозначились въ такомъ порядкѣ:

10-го ноября на позиціяхъ къ востоку отъ Рогачицы происходили бои съ небольшими непріятельскими отрядами. На фронтѣ Лазаревацъ—Міоница на лѣвомъ флангѣ расположенія сербскихъ войскъ сербы удержали всѣ свои позиціи. Въ результатъ боевъ 10-го ноября и сербскихъ контръ-атакъ непріятель былъ вынужденъ отступить въ безпорядкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сербы взяли плѣнныхъ. Къ югу-западу отъ Лазареваца непріятель пытался произвести атаки, которыя, однако, были отбиты. Въ этомъ районѣ день для сербовъ окончился благополучно. Къ югу отъ мѣста слиянія Марицы и Пештаны сильная непріятельская колонна атаковала сербскія позиціи. Вой продолжался весь день, не давъ рѣшающаго результата. Положеніе сербскихъ войскъ представляется, однако, удовлетворительнымъ. Поведеніе австрійцевъ и рассказы плѣнныхъ подтверждали, что непріятель утомленъ и значительно деморализованъ. Австрійцы пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы сдаться.

13-го ноября французское правительство увѣдомило, что въ Бельгіи наблюдалось полное спокойствіе. Въ центрѣ происходилъ артиллерійскій бой, не сопровождавшійся атаками пѣхоты. Въ Аргоннахъ не произошло ничего новаго. Небольшое сраженіе имѣло мѣсто къ востоку отъ Вердена. Въ районѣ Арраса продолжалась бомбардировка города и предмѣстій.

На рѣкѣ Энѣ непріятель пытался произвести атаку противъ деревни Мисси, но потерпѣлъ полную неудачу, причѣмъ понесъ серьезный уронъ.

Французы имѣли нѣкоторый успѣхъ въ районѣ къ западу отъ Суэна.

Почти на всем протяжении фронта выпалъ обильный снѣгъ, въ особенности въ болѣе возвышенной части Вогезъ.

Русскимъ подданнымъ было вновь разрѣшено выѣзжать изъ предѣловъ Германіи черезъ Засницъ—Трелеборгъ. Въ Плимуть прибыло американское судно съ

Ея Императорское Величество Государыня Императрица
Александра Феодоровна съ Августѣйшими Дочерьми.

рождественскими подарками для воюющихъ странъ. Англія и Франція обратились съ просьбой къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ принять мѣры къ обезпеченію соблюденія нейтралитета Колумбіей и Эквадоромъ. Чилийское правительство отправило къ острову Хуанъ-Фернандецъ три конtringиноноса съ запечатанными приказами въ цѣляхъ обезпеченія строгаго ней-

тралитета въ виду пребыванія тамъ германскихъ судовъ. Шведское морское министерство объявило, что всѣ германскія минныя загражденія, поставленныя въ Балтійскомъ морѣ къ востоку отъ острова Готланда, будутъ вытравливаться шведскими судами въ виду необходимости обезопасить морскіе пути мимо названнаго острова для нейтральнаго мореходства.

14-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что лодзинское сраженіе продолжалось развиваться для насъ благопріятно. Усилія германцевъ были направлены къ тому, чтобы облегчить отступленіе корпусовъ, совершившихъ прорывъ на Брезины, коимъ приходится нынѣ отходить въ районъ Стрыкова при весьма невыгодныхъ для нихъ условіяхъ.

На австрійскомъ фронтѣ наши дѣйствія продолжали имѣть успѣхъ. Въ бояхъ 12-го ноября мы взяли въ плѣнъ до 8.000 австрійцевъ, въ томъ числѣ два полка съ ихъ командирами и офицерами.

Сообщеніе штаба кавказской арміи отъ 14-го ноября гласило:

На эрзерумскомъ направленіи преслѣдованіе разбитаго противника нами закончено. За послѣдніе дни произошелъ рядъ столкновеній къ югу отъ Алашкертской долины, причемъ нами были разбѣяны значительныя силы курдовъ, подкрѣпленныхъ на этотъ разъ регулярными турецкими войсками. Въ остальныхъ отрядахъ полеженіе оставалось безъ значительныхъ переменъ.

14-го ноября былъ опубликованъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату о призовѣ ратниковъ ополченія 1-го разряда.

Циндаоскіе форты Ильтисъ, Висмаркъ, Мольтке японцы переименовали въ Асахяма, Манензанъ, Вакапурдяма; улицы города были переименованы названіями постоянныхъ стоянокъ войскъ и судовъ, участвовавшихъ во взятіи Циндао.

Командующимъ оккупационнымъ отрядомъ въ Циндао былъ назначенъ генералъ Каміо, которому подчиняются администрація учрежденій Шаньдунской дороги и ея горныя предпріятія.

Воспрещены японскимъ правительствомъ продажа и аренда недвижимостей въ Циндао. Въѣздъ германцамъ и австрійцамъ не разрѣшенъ.

14-го ноября утромъ въ Ширнесѣ погибъ отъ взрыва великобританскій броненосецъ «Vulwark». Изъ 700—800 человекъ экипажа остались въ живыхъ 12 человекъ. Несчастье произошло, вследствие взрыва въ кюйтъ-камерѣ. Взрывъ броненосца «Vulwark» былъ настолько силенъ, что строенія города Ширнеса были потрясены въ самыхъ своихъ основаніяхъ. Густыя тучи дыма заволокли небо. Броненосецъ, паходившійся въ разстояніи не болѣе трехъ миль отъ Чатама, пошелъ ко дну въ три минуты; взрывъ былъ слышенъ на много миль за Темзой.

Германская подводная лодка потопила англійское судно «Molohite» и пароходъ «Thran».

Получены были слѣдующія подробности о ходѣ военныхъ дѣйствій на австро-сербскомъ фронтѣ къ 11-е ноября: въ теченіе дня 11-го ноября продолжались бои на фронтѣ Лазаревацъ—Мионица, бывшіе особенно ожесточенными на лѣвомъ флангѣ этого фронта и на позиціяхъ къ югу-востоку отъ Лазареваца. До настоящаго времени эти бои не привели къ окончательному результату. Въ тотъ же день произошелъ успѣшный бой около Рогачича съ неприятельской ко-

лонной на правомъ берегу Дрины. Къ западу отъ Мокрой горы не произошло ничего выдающагося.

Австрійская боевая колонна численностью приблизительно въ 10.000 человекъ уже въ продолженіе четырехъ дней дѣлала отчаянныя усилія, чтобы опрокинуть черногорскую армію, защищающую проходъ между Вышеградомъ и Увацомъ, гдѣ черногорцы смѣнили сербскую армію, передвинувшуюся къ

Ея Императорское Величество Государыня Императрица
Марія Феодоровна.

сѣверу, противъ фронта австрійскихъ войскъ, тщетно старавшихся выбить сербовъ изъ ихъ позицій. Черногорскія войска отбили всѣ атаки австрійцевъ, предпріятыя 11-го, 12-го, 13-го и 14-го ноября, и нанесли имъ значительный уронъ.

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ непріятель былъ обращенъ въ бѣгство, причемъ черногорцы захватили большое количество плѣнныхъ.

14-го ноября официальный бюллетень французского морского штаба сообщил, что в Средиземном море франко-английская эскадра продолжала блокировать Адриатическое море и Дарданеллы; вместе с тем она продолжала охранять побережье Египта и Суэцкий канал. В Северном море английские и французские суда производили разведки, обнаруживая расположение германских батарей, установленных вдоль побережья Бельгии.

Германские крейсера, повидимому, все еще продолжали оставаться в чилийских водах со времени боя 19-го октября.

В Сенть-Омере взятый в плен полковник германской армии заявил, что в течение этой недели германский генеральный штаб предполагал сделать отчаянное усилие, чтобы прорвать линии союзных войск, и присовокупил, что если это германцам не удастся до 16-го ноября, то они начнут отступать. Так как присутствовавшие выразили сомнение в правильности этих утверждений, полковник стал настаивать на своем и сказал: «Вы можете меня расстрелять, если к 16-му ноября мои предположения не сбудутся».

Другое сообщение французского правительства от того же 14-го ноября дало следующие сведения о ходе военных действий на сухопутном фронте:

«В течение 13-го ноября артиллерийский огонь неприятеля ослабел по всей линии. Произведенная германской пехотой две атаки против передовых укреплений у моста, который французы навели через Изер, к югу от Диксмюде, были ими отбиты без труда. На остальном фронте, т.-е. в Бельгии и вплоть до Уазы, ни в районе реки Эна, ни в Шампани, не происходило никаких столкновений, тем не менее Реймс подвергся довольно сильной бомбардировке во время посещения его журналистами нейтральных стран. На Аргонской возвышенности германцы произвели несколько атак, в течение которых некоторые траншеи переходили из рук в руки; причем в этих стычках ни разу не участвовало больше батальона войск, а уступленные французами и вновь занятые участки не превышали двадцати пяти метров. На правом берегу Мааса и в Вогезах не произошло ничего существенного».

Из германских источников было получено сообщение о том, что посол Германии в Вашингтон заявил протест по случаю повторных актов продажи американскими фирмами разных предметов снаряжения и вооружения Англии, Франции и России. В своем протесте посол указывал, что такая торговля должна быть прекращена на том основании, что другая воюющая сторона не пользуется и не может пользоваться американскими произведениями. Между прочим, посол ссылался на отправку в Англию разобранных частей подводных лодок из Америки. По частным сведениям, американское правительство ответило германскому послу, что торговля частных лиц с воюющими державами его не касается. Это дело самих воюющих держав и частных лиц. Нарушения нейтралитета здесь нет. Торговать может кто и как хочет. А если кака-либо из воюющих держав не в состоянии покупать товаров в Америке, то пусть и не подкупает, а правительство Штатов в эти соображения входит не станет. Вообще правительство не считает себя в праве вмешиваться в частные торговые операции

Его Императорское Высочество Великій Князь
Михаиль Александровичъ.

своихъ подданныхъ и навязывать имъ свои соображенія о возможности или невозможности отвозить купленные предметы вооруженія и снабженія въ Европу.

По свѣдѣнїямъ, которыя приводили германскія газеты, устроенные въ Берлинѣ лазареты переполняются, хотя какъ въ самомъ Берлинѣ, такъ и въ его окрестностяхъ имѣется еще много помѣщенїя, гдѣ можно устроить лазареты (преимущественно залы ресторановъ). Среди помѣщенныхъ въ лазаретъ много

истор. вѣстн., январь 1915 г., т. сxxxix.

II

больныхъ, главнымъ образомъ простудными болѣзнями. Уже во время войны 1870—1871 годовъ многие болѣли воспаленіемъ почекъ и поражениемъ спинного мозга. Въ нынѣшнюю войну условія еще тяжелѣе. Врачи усиленно совѣтуютъ улучшить питаніе солдатъ, находящихся въ районѣ боевыхъ дѣйствій.

14-го ноября въ палатѣ общинъ, анализируя военное положеніе на морѣ въ настоящую минуту, Черчилль указалъ, что съ момента возникновенія войны британскому флоту пришлось стать лицомъ къ лицу съ четырьмя главными опасностями.

Первой изъ нихъ была возможность всякихъ неожиданностей во время мобилизаціи; опасность эту удалось миновать.

Вторая опасность грозила со стороны быстроходныхъ пароходовъ, превращенныхъ въ крейсера для уничтоженія коммерческихъ судовъ; эту опасность удалось удачно преодолѣть; обычная убыль въ коммерческихъ судахъ до открытія военныхъ дѣйствій, опредѣляемая въ 5 процентовъ, составляла въ дѣйствительности 1,9 процнта.

Третья опасность заключалась въ минахъ, тѣмъ болѣе, что непріятель усвоилъ себѣ приемы, никогда дотолѣ не примѣнявшіеся цивилизованными націями. Британскій флотъ, правда, пострадалъ отъ минъ, но въ настоящую минуту опасность эта значительно ослаблена принятыми мѣрами.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, британскому флоту угрожаютъ непріятельскія подводныя лодки, но въ этомъ отношеніи сила британскаго флота во-много разъ превосходитъ силу германскаго и, если до сихъ поръ въ этой области не достигнуто крупныхъ результатовъ, то это объясняется отсутствіемъ непріятельскихъ судовъ, которыя можно было бы атаковать.

Сопоставляя потери, понесенныя британскимъ и германскимъ флотами, Черчилль заявилъ, что превосходство въ силахъ не только останется попрежнему на сторонѣ англичанъ, по нынѣ значительно увеличилось. Убыль въ подводныхъ лодкахъ съ обѣихъ сторонъ одинакова; легкихъ крейсеровъ германцы потеряли больше; чѣмъ англичане: что же касается броненосцевъ, то до конца 1915 года германцы могли бы увеличить свой флотъ лишь на три судна, тогда какъ Англія за тотъ же періодъ была бы въ состояніи увеличить свой флотъ пятнадцатю боевыми единицами. Великобританія могла бы даже примириться съ потерей каждый мѣсяцъ одного сверхдредноута, не нанося при этомъ потерь непріятелю, и все же ея превосходство осталось бы тѣмъ же, какимъ оно было до начала войны.

Вонарь Лоу благодарилъ Черчилля за сдѣланное имъ сообщеніе, замѣтивъ, что нѣтъ никакихъ основаній питать какія бы то ни было сомнѣнія. Великобританія можетъ положиться на флотъ съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ когда-либо.

15-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что на лѣвомъ берегу рѣки Вислы наши войска, наступая отъ нижняго теченія рѣки Взуры, достигли Гомбина. Въ центрѣ сраженія городъ Брезины и селенія въ долинѣ рѣчки Морги были взяты нами, причемъ на нѣкоторыхъ участкахъ нѣмцы выбивались нами штыковыми ударами. Наше наступленіе въ этомъ районѣ продолжалось. Между Брезинами и Гловно наша конница произ-

вела нѣсколько успѣшныхъ конныхъ атакъ на непріятельскую пѣхоту. При отходѣ нѣмцевъ нами были захвачены орудія. нѣкоторыя съ полной запряжкой. Число взятыхъ нами плѣнныхъ выяснилось. Въ составѣ германскихъ войскъ, отходившихъ отъ Рзгова и Тушина черезъ Брезины, была обнаружена 3-ья гвардейская дивизія. На участкѣ Эгержъ—Стрыковъ непріятельскія войска были атакованы нами со стороны Лодзи.

На фронтѣ Ченстоховъ—Краковъ—Тымбаркъ нашъ успѣхъ также выяснялся все съ большей опредѣленностью. Наши войска въ теченіе 13-го ноября взяли въ общемъ болѣе 4.000 плѣнныхъ; особенно успѣшно мы атаковали непріятеля въ районѣ нижняго теченія Шренявы, гдѣ нашимъ войскамъ сдался полностью батальонъ 31-го гонведнаго полка. Также взята была нами сильно укрѣпленная австрійская позиція на лѣвомъ берегу Рабы, причѣмъ нѣкоторыя наши части перешли названную рѣку для атаки противника во время ледохода въ бродъ, глубиною по грудь. Особенно упорно обороняли австрійцы Вохнію, взятую наш ми штыковой атакой; при этомъ было захвачено слишкомъ 2,000 плѣнныхъ, пулеметы, 10 орудій. На правомъ берегу Вислы противникъ отходилъ въ районъ Кракова въ большомъ безпорядкѣ, энергично преслѣдуемый нашими войсками. Духъ нашихъ войскъ, закаленныхъ почти непрерывными 45-дневными наступательными боями, по донесенію командующихъ арміями, находился на огромной высотѣ. Получены были вполне заслуживающія довѣрія свѣдѣнія объ установкѣ въ Краковѣ среди города на колокольнѣ Краковскаго собора радиотелеграфовъ и пулеметовъ для стрѣльбы по аэропланамъ.

Между Эгержемъ и Эдунской Волей германскія войска продолжали держаться въ своихъ окопахъ. Въ общемъ, на всемъ фронтѣ между Вислой и Вартой сраженіе развивалось для насъ благопріятно.

На кавказскомъ театрѣ войны, по сообщенію штаба кавказской арміи, за 13-го ноября произошло столкновеніе съ значительной турецкой колонной къ западу отъ Юзь-Верана. На другихъ направленіяхъ были лишь небольшія перестрѣлки.

15-го ноября румынскій король Фердинандъ, въ сопровожденіи наслѣдника престола принца Кароля, прибылъ въ двѣнадцать часовъ дня въ зданіе парламента для открытія очередной сессіи. Король прочиталъ тронную рѣчь, въ которой сказалъ:

«Открывая въ первый разъ очередную сессію парламента, я всѣми своими мыслями переношусь къ воспоминанію о моемъ возлюбленномъ дядѣ, кончина котораго всѣми оплакивается. Своею мудростью, добродѣтелями и непрерывнымъ трудомъ, всегда посвященнымъ общему благу, король Карлъ внисалъ въ исторію нашей страны наиболѣе славныя страницы.

Во время войны онъ велъ къ побѣдѣ храбрую армію, а во время мира неутомимо стоялъ на стражѣ интересовъ страны и велъ государство къ прогрессу, что дало нашей націи возможность въ менѣе чѣмъ пятидесятилѣтній періодъ благословеннаго царствованія его, создать королевство, которое идетъ впередъ на пути прогресса, съ довѣріемъ относясь къ ожидающей его судьбѣ.

Сегодня мы особенно сильно ощущаемъ потерю этого великаго короля, такъ какъ международное положеніе настоящаго момента представляется исключительно серьез-

нымъ. Для того, чтобы пережить эти трудныя времена, мы нуждаемся въ искреннемъ содѣйствіи и проявленіи истиннаго патриотизма всѣхъ силъ страны, равно какъ въ тѣсномъ ихъ единеніи.

Я увѣренъ въ томъ, что въ сознаніи серьезности настоящаго момента вы окажете моему правительству поддержку въ дѣлѣ осуществленія законопроектовъ, вызванныхъ нынѣшними обстоятельствами и имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе нуждъ арміи, пользующейся любовью и довѣріемъ націи».

Рѣчь короля вызвала шумные и продолжительные аплодисменты и овации въ честь арміи и короля.

Согласно официальному извѣщенію французскаго правительства отъ 15-го ноября артиллерійскій огонь германцевъ былъ болѣе энергичнымъ, но непріятель пользовался главнымъ образомъ 77-миллиметровыми орудіями. Непріятельская тяжелая артиллерія дѣйствовала весьма мало. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ артиллерійскій бой всюду закончился успѣхомъ союзниковъ. Въ Бельгіи французская пѣхота отняла у непріятеля различные опорные пункты къ сѣверу и югу отъ Ипра. Въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса атака, произведенная тремя германскими непріятельскими полками, закончилась полной неудачей послѣ нѣсколькихъ контръ-атакъ, произведенныхъ обѣими сторонами. Между Соммой и Шонь французы имѣли замѣтный успѣхъ, въ окрестностяхъ деревни Фэ вступили въ непосредственное соприкосновеніе съ проволочными загражденіями. Въ районѣ рѣки Эна между Вайи и Берри-о-Бакъ снарядами союзнической артиллеріи были разрушены нѣсколько пулеметовъ и купольная батарея для 30-сантиметровыхъ орудій. Одинъ изъ снарядовъ произвелъ взрывъ на непріятельской батарее. Въ Вогезахъ были послѣдовательно отражены три контръ-атаки германцевъ, желавшихъ вернуть обратно отнятую у нихъ территорию въ Ванъ-де-Сантэ.

Аргентина, Чили, Перу и Уругвай предложили Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ присоединиться къ переговорамъ съ воюющими державами въ цѣляхъ обезпеченія нейтралитета.

16-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ:

На фронтѣ Прошовице—Бржеско-Старе—Бохнія—Висничъ наши войска одержали рѣшительный успѣхъ. Здѣсь въ теченіе 13-го ноября была опрокинута австрійская армія, причемъ нами было захвачено свыше 7,000 плѣнныхъ, до 30 орудій, въ томъ числѣ 10 въ запряжкѣ, и свыше 20 пулеметовъ. Нашъ батальонъ, ворвавшійся въ Бржеско-Старе, захватилъ въ плѣнъ остатки 31-го гонведнаго полка, въ составѣ командира полка, 20 офицеровъ и 1,250 нижнихъ чиновъ, и взялъ знамя. Нами былъ захваченъ автомобиль съ офицерами штаба арміи. Энергичное преслѣдованіе продолжалось.

Въ лодзинскомъ сраженіи, продолжавшемся 14-го ноября, намъ также удалось продвинуться впередъ на нѣкоторыхъ участкахъ.

Въ Карпатахъ наши войска атаковали значительныя силы австрійцевъ.

Отъ штаба кавказской арміи 16-го ноября были получены свѣдѣнія: За 14-ое ноября значительныхъ боевыхъ столкновеній на фронтѣ арміи не было.

По полученнымъ извѣстіямъ; разбитыя въ послѣднихъ бояхъ турецкія войска понесли большія потери; такъ, всѣ полки 28-ой и 29-ой дивизіи поте-

ряли до половины состава, почти совершенно были уничтожены два батальона 88-го полка, весьма сильно пострадалъ 102 полкъ, а равно 23-й и 24-ый кавалерійскіе полки, потери также велики и въ полкахъ 34-ой дивизіи. У Маслагата повидимому былъ убитъ начальникъ 34-ой дивизіи, начальникъ 33-ей дивизіи бѣжалъ и замѣненъ другимъ лицомъ. Командующій турецкой арміей недоволенъ дѣйствіями курдовъ и рѣшилъ ихъ переформировать.

Его Императорское Высочество Великій Князь
Кирилль Владимировичъ.

Главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало слѣдующее объявленіе:

«Въ обществѣ ходятъ самыя разнообразныя слухи о размѣрахъ нашей побѣды надъ германцами въ районѣ между Вислой и Вартой. Слухи эти отчасти питаются частными корр спонденціями, идущими изъ района военныхъ дѣйствій и помѣщаемыми нѣкоторыми газетами.

«Въ силу изложеннаго главное управленіе генеральнаго штаба считаетъ долгомъ предупредить, что слухи эти являются не основанными на фактиче-

скихъ данныхъ и потому къ нимъ нужно относиться съ осторожностью. Еще въ самомъ началѣ войны главное управленіе генеральнаго штаба сочло своей обязанностью сдѣлать предупрежденіе о необходимости сдержаннаго отношенія ко всякимъ свѣдѣніямъ, исходящимъ не изъ официальныхъ источниковъ.

«Несомнѣнно, что планъ нѣмцевъ прорвать наше расположеніе на лѣвомъ берегу рѣки Вислы и окружить часть нашихъ войскъ потерпѣлъ полную неудачу. Изъ сообщеній штаба верховнаго главнокомандующаго видно, что нѣмцамъ пришлось отступить отъ Рзгова и Тушина черезъ Брезины къ Стрыкову при невыгодныхъ для нихъ условіяхъ. При этомъ отступленіи они понесли огромныя потери, но бои еще не закончены. Сраженіе на всемъ нашемъ фронтѣ развивается для насъ вполне благоприятно, но нашъ противникъ продолжаетъ оказывать упорное сопротивленіе; такимъ образомъ, операцію нельзя считать законченной и съ выясненіемъ ея окончательныхъ результатовъ необходимо выждать въ твердой увѣренности, что наши войска полны сознанія необходимости довести ихъ доблестныя усилія до конца, дабы окончательно сломить сопротивленіе врага».

На австро-сербскомъ фронтѣ къ 16-му ноября было выяснено слѣдующее: 14-го ноября австрійская артиллерія дѣйствовала со стороны Банаты противъ сербскихъ восточныхъ позицій. Всѣ попытки австрійцевъ отрѣзать сербовъ отъ черногорцевъ у Вышеграда оказались безуспѣшными. Въ послѣднемъ бою непріятель оставилъ въ этой мѣстности 600 убитыхъ и 100 плѣнныхъ. Потери черногорцевъ—23 раненыхъ и 10 убитыхъ.

17-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что между Вислой и Вартой непріятель продолжалъ удерживать укрѣпленную имъ позицію Стрыковъ—Згержъ—Шадекъ—Здунска-Воля. Весьма упорные бои велись въ районахъ Стрыкова и Згержа, причѣмъ нами захв. чены были орудія, пулеметы и нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Наши войска овладѣли съ боя фронтомъ Гловно—Бѣявы—Собота. Вдоль лѣваго берега Вислы нѣмцы ведутъ контръ-атаку. По показаніямъ плѣнныхъ, потери германцевъ огромны, многіе батальоны не имѣютъ вовсе офицеровъ, составъ ротъ уменьшился до 60—80 человекъ.

На фронтѣ Ченстоховъ—Краковъ крупныхъ боевъ не было. Австрійская армія, оборонявшая съ востока подступы къ Кракову на Шренявѣ и Рабѣ и разбитая нами 13-го ноября, при преслѣдованіи, отгѣснена въ районъ крѣпости.

Въ Карпатахъ 14-го ноября мы взяли въ плѣнъ до 1200 австрійцевъ. Непріятельскія войска, находившіяся въ Буковинѣ, послѣдно отступали. Черновцы вновь заняты нами.

Въ районѣ Мазурскихъ озеръ и рѣки Ангерапъ наши войска вытѣснили германцевъ на нѣкоторыхъ участкахъ ихъ укрѣпленныхъ позицій.

Фельдмаршалъ Френчъ представилъ рапортъ отъ 7-го ноября о военныхъ событіяхъ во Фландріи и въ частности о сраженіи при Ипрѣ и Армантьерѣ. Рисуя яркую картину большого сраженія у Ипра и описывая сложныя операціи, связанныя съ передвиженіемъ ядра британской арміи съ рѣки Эна во Фландрію, Френчъ говоритъ, что успѣхъ операціи въ значительной степени

объясняется полной согласованностью дѣйствій французскихъ и британскихъ войскъ. Онъ также отдастъ должное бельгійской арміи, которая храбро помогала союзникамъ въ различные моменты военныхъ операций. Фельдмаршалъ указываетъ на то, что положеніе у Ипра стало критическимъ 6-го ноября. Тогда британскимъ корпусамъ, имѣвшимъ противъ себя значительно превосходящія силы непріятели, пришлось растянуться по фронту болѣе широкому, чѣмъ это собственно позволяла численность войскъ. При этомъ къ непріятелю подходили значительныя подкрѣпленія съ востока, а бельгійцы были утомлены предшествовавшимъ сраженіемъ. При такихъ условіяхъ, казалось, не было никакой возможности противостоятъ атакамъ, не получивъ поддержку. Было ясно, что если не будетъ оказано энергичное сопротивленіе угрозѣ обхода фланговъ германцами, то фланги союзниковъ будутъ обойдены, и каналъ и порты окажутся открытыми для непріятели. Френчъ, принявъ во вниманіе, что успѣшное выполненіе этого движенія германцами имѣло бы весьма печальныя послѣдствія, рѣшилъ рискнуть, предпринявъ операцію на вытянутомъ фронтѣ, и двинулъ первую армію по направленію къ сѣверу отъ Ипра, остальнымъ же войскамъ предписалъ противодѣйствовать намѣреніямъ непріятели, поручивъ бельгійской арміи оказать посильную помощь въ загражденіи доступа къ Ипрскому каналу и Изеру. Несмотря на крайнее изнуреніе, бельгійцы мужественно отстаивали свои позиціи, надѣясь на поддержку британскихъ и французскихъ войскъ. Британцы достигли своей цѣли, выполнивъ болѣе трудную задачу, чѣмъ до тѣхъ поръ выпадавшія на ихъ долю.

Въ заключеніе, подчеркивая стратегическій успѣхъ, Френчъ выражаетъ глубокое сожалѣніе по поводу понесенныхъ тяжкихъ потерь, которыя объясняются ожесточенностью сраженія и тѣмъ, что союзники подверглись нападению непріятели, располагавшаго огромнымъ превосходствомъ силъ, но онъ имѣетъ всѣ основанія предполагать, что потери непріятели въ три раза превосходятъ потери союзниковъ. Френчъ устанавливаетъ фактъ, что въ то время, какъ восточныя провинціи Германіи находятся подъ угрозой неминуемаго вторженія побѣдоносныхъ могущественныхъ русскихъ армій, почти вся дѣйствующая армія Германіи зарылась въ окопы на разстояніи 260 миль, гдѣ она терпитъ значительный уронъ.

17-го ноября пришли слѣдующія вѣсти съ южнаго австро-сербскаго театра войны:

«14-го ноября непріятель произвелъ энергичныя атаки на фронтъ Малиенъ—р. Лигъ—Лазаревацъ, особенно ожесточенными были атаки противъ сербскихъ позицій у деревень Гукоче и Дудовацъ. Непріятель былъ отраженъ на всемъ протяженіи фронта. Австрійцы трижды производили атаки противъ Гукоча и трижды были отброшены. Сербскія войска, перейдя въ контръ-атаку, отбросили непріятели къ рѣкѣ Лигъ. Атаки противъ Дудоваца начались 13-го ноября вечеромъ. Тогда непріятелю удалось завладѣть однимъ пунктомъ на правомъ берегу рѣки Лига. Но 14-го ноября сербы, перейдя въ контръ-атаку, разбили непріятели и отбросили его за рѣку Лигъ, причемъ сербами были взяты въ плѣнъ 3 офицера и 589 нижнихъ чиновъ. На непріятельскихъ позиціяхъ на правомъ берегу рѣки Лига было найдено

500 убитыхъ и раненыхъ и почти столько же на самомъ берегу рѣки. Въ направленіи Лазареваца непріятель пытался произвести атаку противъ Стублички, но сербы отбросили его, взявъ въ плѣнъ 6 офицеровъ и 267 нижнихъ чиновъ. Въ общемъ, въ различныхъ пунктахъ фронта сербами было взято въ плѣнъ 20 офицеровъ, 1,500 нижнихъ чиновъ.

17-го ноября французское правительство сообщило, что въ Бельгіи непріятель ограничился оборонительными дѣйствіями. Артиллерійская перестрѣлка не имѣла напряженного характера. Союзныя войска продвинулись впередъ на нѣкоторыхъ пунктахъ. Въ окрестностяхъ Фэ они прочно занимали позиціи, взятыя ими 15-го ноября.

Въ районѣ Суассона происходила прерывающаяся по временамъ бомбардировка этого города. Въ области Аргоннъ германцы произвели нѣсколько атакъ противъ Багатель, которыя были союзниками отбиты. На правомъ берегу Мааса стоялъ густой туманъ.

Въ области Вевра непріятель безрезультатно подвергъ Апремонскій лѣсъ артиллерійскому обстрѣлу. Въ Вогезахъ не произошло ничего существеннаго.

18-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что упорные бои продолжались на ловичскомъ направленіи. Попытка германцевъ продвинуться въ районѣ Щерцова была нами отражена съ большими для нихъ потерями. На остальной части фронта на лѣвомъ берегу Вислы 16-го ноября велась лишь артиллерійская перестрѣлка.

Австрійскія позиціи, защищавшія проходы въ Карпатахъ на протяженіи пятидесяти верстъ отъ Конечна, что сѣвернѣе Бартфельда, на Жидовске и Жиндранова до Шучо, что южнѣе Мезо-Лаборчъ, были взяты нашими войсками 15-го ноября послѣ десятидневнаго боя, причемъ мы захватили оружія, пулеметы, много плѣнныхъ. Всего за первую половину ноября нами было взято въ плѣнъ до 50,000 австро-венгерскихъ солдатъ при 600 офицерахъ.

Въ Плоцкѣ наши войска захватили 4 баржи, груженныя снарядами и аммуницией.

Въ Восточной Пруссіи продолжались небольшіе бои.

На Черномъ морѣ, начиная съ 8-го ноября, турецкія военныя суда не обнаруживались.

Отъ штаба кавказской арміи 18-го ноября получено было извѣщеніе о томъ, что 14-го ноября одна изъ нашихъ колоннъ, перейдя въ наступленіе въ долину Евфрата, выбила турокъ и обратила ихъ въ бѣгство, причемъ захватила два орудія и плѣнныхъ.

Согласно свѣдѣніямъ французскаго правительства отъ 18-го ноября, въ положеніи на фронтѣ не произошло существенныхъ перемѣнъ за періодъ времени съ 8-го по 14-е ноября. Непріятель тщетно предпринималъ частичныя атаки. Французы, въ свою очередь, производили контръ-атаки, нанося непріятелю чувствительныя потери и достигнувъ нѣкоторыхъ успѣховъ. На фронтѣ отъ берега моря до Лиса положеніе французовъ оказывалось весьма благоприятное. Германцы употребляли большія усилія, чтобы разрушить Ипръ, для чего, кромѣ бомбардировки съ батарей, они пользовались блинди-

роаннымъ поѣздомъ, дѣйствіями котораго управляли при помощи наблюдателей на привязномъ воздушномъ шарѣ. Рѣдкія атаки германской пѣхоты производились боевыми единицами въ сильно уменьшенномъ составѣ, но съ

Его Императорское Высочество Великій Князь
Борисъ Владимировичъ.

тѣмъ большимъ ожесточеніемъ. Война въ траншеяхъ требуетъ большой отваги, мужества и хладнокровія. Французскіе солдаты превратили свои позиціи въ настоящія крѣпости, охотно работая надъ возведеніемъ защитныхъ укрѣпленій.

«На участкѣ отъ Уазы до Вогезъ, вопреки официальнымъ сообщеніямъ германскаго штаба, германцы проявили слабую дѣятельность и не добились никакого результата. Зато они систематически разрушаютъ памятники, не имѣющіе значенія съ военной точки зрѣнія. Между тѣмъ, французская артиллерія достигаетъ существенныхъ успѣховъ, разрушая германскіе аэропланы и батареи и уничтожая ихъ колонны, посылаемая въ атаки. Французская пѣхота проявляла въ этой области такія же высокія качества, какъ и на сѣверѣ.

«Въ Верхнемъ Эльзасѣ и Вогезахъ непріятель не покидаетъ болѣе траншей передъ фронтомъ нашихъ альпійцевъ, которые отбили у непріятели позиціи, стѣснявшія наше положеніе. Здѣсь, какъ и въ районѣ Сенъ-Миэля, тяжелая артиллерія французовъ почти совершенно не допускаетъ подвоза къ непріятелю боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ.

«Въ Бельгіи германская пѣхота пыталась, но безуспѣшно выйти изъ своихъ траншей, расположенныхъ къ югу отъ Биксхооте. Между Бетюномъ и Лансомъ въ результатъ довольно серьезнаго сраженія союзныя силы заняли Вермельскій замокъ и паркъ. Въ области Аргоннъ французы значительно продвинулись впередъ въ Грюрійскомъ лѣсу».

Президентъ Пуанкаре въ сопровожденіи министра-президента Вивіани и генерала Жоффра 18-го ноября утромъ отбылъ въ англійскую главную квартиру, гдѣ посѣтилъ англійскаго короля. Послѣ продолжительной и сердечной бесѣды король и президентъ въ открытомъ автомобилѣ направились къ англійскому фронту. Населеніе всѣхъ мѣстностей, черезъ которыя лежалъ путь, собралось при проѣздѣ высокихъ особъ и восторженно ихъ привѣтствовало. Проведя день среди англійскихъ войскъ, президентъ Пуанкаре вечеромъ присутствовалъ на обѣдѣ у короля на главной квартирѣ англійской арміи. Здѣсь же находились принцъ Уэльскій, генераль Френчъ и министр-президентъ Вивіани. Генераль Жоффръ нѣсколько ранѣе отбылъ въ свою главную квартиру. Ночью президентъ Пуанкаре и Вивіани отбыли въ Парижъ, куда прибыли 19-го ноября.

Германія принесла Португаліи извиненіе по доводу вторженія въ Анголу.

Великобританское адмиралтейство официально сообщаетъ, что при взятіи Циндао потоплены австрійскій крейсеръ «Елизавета», германскія канонерки «Ильтисъ», «Ягуаръ», «Луксъ», «Корморанъ», «Тигеръ», эскадренный миноносецъ «Таку» и минный заградитель «Рушинъ».

Между британскимъ отрядомъ всадниковъ на верблюдахъ, несшимъ сторожевую службу въ Сомалилендѣ, близъ Бурао, и дервишами съ 7-го по 10-е ноября произошло серьезное столкновеніе близъ Шимберберриса. Дервиши были разбиты и обращены въ бѣгство, понеся большія потери. Британцы овладѣли ихъ укрѣпленіями и разрушили ихъ.

Римско-католическій архіепископъ Каковскій обратился къ Ватикану съ телеграммой, въ которой, указывая на то, что германскія войска въ Польшѣ систематически пользуются костелами для военныхъ цѣлей, помѣщаютъ на башняхъ ихъ пулеметы и телеграфныя станціи, вслѣдствіе чего множество костеловъ разрушено, и что та же участь грозитъ Кракову съ его древнимъ ка-

едральнымъ соборомъ и мощами святого Станислава, умоляетъ кардинала статсъ-секретаря просить папу о содѣйствіи.

18-го ноября Его Императорское Величество Государь Императоръ выбылъ изъ Царскаго Села къ дѣйствующей арміи.

19-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что на лѣвомъ берегу Вислы, въ районѣ Ловича, 17-го ноября бои развивались на семь фронтѣ, причеъ атаки германцевъ преимущественно были направлены на фронтъ Вѣлявы—Собота. Къ сѣверу отъ Ловича наше наступленіе имѣло успѣхъ. Въ районѣ Лодзи боевыя дѣйствія ограничивались энергичнымъ артиллерійскимъ огнемъ. На лѣвомъ флангѣ наша развѣдка въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ дней доставляла намъ данныя о сосредоточеніи на направленіи отъ Калиша къ Сѣрадзю значительныхъ германскихъ силъ, повидимому, перевозимыхъ къ Калишу по желѣзнымъ дорогамъ съ запада.

17-го ноября непріятель повелъ наступленіе отъ Сѣрадзя, и въ районѣ Ласка наши авангарды вступили съ нимъ въ весьма упорный бой, продолжавшійся цѣлый день. Мѣры, соотвѣтствующія новой обстановкѣ, были своевременно нами приняты. Южнѣе нами заняты послѣ боя Щерцовъ. Бригада прусской гвардейской пѣхоты съ 5 батареями, выбитая изъ Щерцова, отступила въ безпорядкѣ.

На другихъ фронтахъ положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. Въ Плоцкѣ, кромѣ упоминавшихся ранѣ четырехъ баржъ, захвачены 5 пароходовъ и 1 баржа съ патронами. Въ Буковинѣ нами былъ захваченъ подвижной составъ трехъ поѣздовъ.

19-го ноября получило Высочайшее утвержденіе постановленіе, въ силу котораго главнымъ начальникамъ вѣдомствъ поручается распорядиться по высочайше ввѣреннымъ имъ частямъ «объ исключеніи непріятельскихъ подданныхъ (кромѣ лицъ славянскаго, французскаго и итальянскаго происхожденій, а также турецкихъ подданныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій) изъ состава подвѣдомственныхъ имъ всякаго рода союзовъ, обществъ, ученыхъ, просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учреждений, а также другихъ подобныхъ частныхъ, общественныхъ и правительственныхъ организацій и установленій». Въ силу этого постановленія подлежатъ между прочимъ исключенію члены: германцы, австрійцы и турки изъ императорскихъ: академіи наукъ, художествъ и военно-медицинской, публичной библіотеки, университетовъ и тому подобныхъ установленій.

19-го ноября Его Императорское Величество прибылъ въ дѣйствующую армію.

На австро-сербскомъ театрѣ войны положеніе дѣль къ 19-му ноября обозначилось въ такомъ видѣ:

15-го ноября сербская армія въ Ужице вела только артилерійскія бои. Ожесточенное сраженіе произошло въ Сувофорѣ и Гукошѣ, гдѣ непріятелю, введшему въ бой всѣ свои силы, удалось занять два важныхъ пункта. Бой здѣсь кончился только съ наступленіемъ ночи. Въ тотъ же день сербскія войска имѣли успѣшное столкновеніе съ непріателемъ на правомъ берегу рѣки Колубары, въ направленіи Лазареваца. Здѣсь сербы взяли въ плѣнъ 27 офицеровъ, въ томъ

числѣ одного высшаго, и около 2,000 солдатъ. Изъ главной сербской квартиры сообщили; что вслѣдствіе общаго положенія сербскій отрядъ отступилъ отъ Ужица въ Козеричъ. Отступление было совершено въ полномъ порядкѣ. 16-го и 17-го ноября боевъ не было. Въ теченіе этихъ двухъ дней войска производили заранѣе предусмотрѣнные движенія.

20-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что 18-го ноября на всѣхъ фронтахъ наступило относительное затишье. Въ районѣ Ловича бои хотя продолжались, но съ меньшимъ напряженіемъ. Около полуночи на 19-е ноября непріятель густыми колоннами стремительно атаковалъ наши позиціи къ сѣверу отъ Лодзи, но былъ отбитъ. Въ районѣ къ югу отъ Кракова наши войска вступили въ Величку ¹⁾.

Наткнулся на мину въ Сѣверномъ морѣ и погибъ датскій пароходъ «Магу». Болгарская чета въ 400 человекъ напала на сербовъ, взорвала два желѣзнодорожныхъ моста, перерѣзала телеграфъ и скрылась въ горахъ.

Его Величество Государь Императоръ отбылъ 20-го сего ноября изъ дѣйствующей арміи для посѣщенія въ нѣкоторыхъ городахъ средней и южной Россіи раненныхъ, находящихся въ мѣстныхъ госпиталяхъ.

Французское правительство 20-го ноября сообщило, что началась бомбардировка Лампремисса, къ западу отъ Диксмюде. Въ Аргонахъ непріятель взорвалъ миной выдающуюся сѣверо-западную часть лѣса Лягрюри. Въ общемъ французы, утверждаясь на занятыхъ ими позиціяхъ, постепенно подвигались впередъ въ этой части фронта. Въ Эльзасѣ они овладѣли верхнимъ и нижнимъ Аспашами, къ юго-западу отъ Танна.

Изъ Берлина официально сообщили, что 20-го ноября въ Бреславлѣ императоръ Вильгельмъ имѣлъ свиданіе съ главнокомандующимъ австро-венгерской арміи, эрцгерцогомъ Фридрихомъ, который прибылъ въ сопровожденіи наследника престола эрцгерцога Карла-Франца-Иосифа и начальника главнаго штаба.

Въ засѣданіи рейхстага имперскій канцлеръ произнесъ пространную рѣчь, которая, между прочимъ, содержала многочисленныя ссылки на «союзника» Турцію.

«Турки,—сказалъ канцлеръ,—прекрасно знаютъ, что уничтоженіе Германской имперіи означало бы конецъ государственной самостоятельности Турціи».

Фонъ-Бетманъ-Гольвегъ подчеркнул непреклонную волю всего германскаго народа вынести тяжесть «навязанной» германцамъ войны и защищать независимость Германіи до послѣдней крайности.

«Нынѣ,—замѣтилъ онъ,—германцы ведутъ войну на непріятельской терри-торіи, но сопротивленіе непріятеля еще не сломлено и Германіи придется принести дальнѣйшія жертвы. Она должна упорствовать въ желаніи довести до благополучнаго конца войну въ защитѣ свободы и права. Только послѣ этого Германія выступитъ противъ беззаконій, учиненныхъ непріятельскою страной надъ беззащитными германцами. Миръ долженъ знать,—грозно воскликнулъ

¹⁾ Величка находится въ 15 верстахъ къ юго-востоку отъ Кракова. Извѣстна своими соляными копями.

канцлеръ,—что безнаказанно никто не можетъ коснуться даже волоса германца». Далѣе канцлеръ перешелъ къ вопросу объ отвѣтственности за эту величайшую изъ всѣхъ войнъ. По его словамъ, съ внѣшней стороны отвѣтственность падаетъ на тѣхъ русскихъ, которые добивались и добились общей мобилизаціи русской арміи, внутреннюю же отвѣтственность несетъ великобританское правительство, ибо лондонскій кабинетъ могъ сдѣлать войну невозможной, опре-

Его Императорское Высочество Великій Князь
Димитрій Павловичъ.

дѣленно заявивъ въ Петроградъ, что Англія не согласно дать австро-сербскому конфликту разрастись въ континентальную войну между великими державами. Такое заявленіе принудило бы Францію и Россію рѣшительно воздержаться отъ всякихъ агрессивныхъ мѣропріятій, а тогда посредничество Германіи между Вѣной и Петроградомъ имѣло бы успѣхъ и войны не было бы. Англичанамъ была извѣстна агитація сторонниковъ войны среди отчасти безотвѣтственныхъ, но вліятельныхъ приближенныхъ Царя. Однако, вопреки завѣреніямъ въ дружбѣ, лондонскій кабинетъ далъ понять петроградскому кабинету, что Анг-

лія стоить на сторонѣ Франціи, а слѣдовательно и Россіи. Англійское правительство допустило возникновеніе нынѣшней чудовищной войны, считая моментъ подходящимъ, чтобы при содѣйствіи другихъ членовъ тройственнаго согласія сокрушить жизненный нервъ главнаго своего европейскаго конкурента на міровомъ рынкѣ. «Англія вмѣстѣ съ Россіей,—сказалъ канцлеръ,—несутъ передъ Богомъ и человечествомъ отвѣтственность за обрушившуюся на Европу и весь міръ катастрофу».

Затѣмъ канцлеръ, перейдя къ вопросу о нейтралитетѣ Бельгіи, старался доказать, что Англія имѣла въ виду нарушить бельгійскій нейтралитетъ, такъ какъ сама Бельгія отказалась отъ своего нейтралитета по отношенію къ Англіи. Далѣе фонъ-Бетманъ-Гольвегъ опредѣлилъ характеръ тройственнаго согласія, какъ агресивной политической комбинаціи, тройственнаго же союза—какъ оборонительной, въ чемъ, по его словамъ, и заключался зародышъ страшнаго взрыва.

«Съ Россіей,—сказалъ дословно канцлеръ,—Германія, правда, пришла къ частичному соглашенію, но прочный союзъ русскихъ съ французами, антагонизмъ между Австро-Венгріей и Россіей, наконецъ, привитая русскимъ властолюбивыми тенденціями панславистовъ ненависть къ Германіи—сдѣлали соглашенія невозможными».

Въ заключеніе канцлеръ вновь вернулся къ Англіи, стараясь доказать ея виновность въ возникновеніи нынѣшней войны.

21-го ноября верховный главнокомандующій извѣстилъ, что на отдѣльныхъ учаскахъ фронта въ районѣ Ловича бои продолжались. Значительныя непріятельскія силы, состоявшія преимущественно изъ войскъ, переброшенныхъ въ ноябрѣ съ западнаго фронта Германіи, вели 19-го ноября наступленіе въ районѣ Лютомерскъ—Щерцовъ. На остальномъ фронтѣ на лѣвомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. За Карпатами наши войска при взятіи Бартфельда захватили въ плѣнъ 8 офицеровъ, 1.200 нижнихъ чиновъ при 6 пулеметахъ.

21-го ноября французское правительство сообщило, что единственныя заслуживающія вниманія извѣстія относятся къ французскому правому флангу и боямъ, происходившимъ 20-го ноября. На правомъ берегу рѣки Мозеля французы заняли Лемениль и Синьяль-Дексонъ. Въ Вогезахъ французскія войска взяли концевое укрѣпленіе германской линіи укрѣпленныхъ пунктовъ, находящееся къ югу отъ господствующаго надъ пограничнымъ хребтомъ селенія Бономъ и служившее германцамъ мѣстомъ наблюденія. Въ Эльзасѣ французы заняли станцію Бурнгаутъ и утвердились на линіи Аспакъ—Аспакскій мостъ—Бурнгаутъ. На правомъ флангѣ французы продвигались впередъ въ направленіи Альткирха. 19-го ноября въ одной только сѣверной области французы взяли 991 плѣннаго.

22-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ:

На лѣвомъ берегу Вислы шли упорные бои на фронтѣ Илова—Ловичъ и на путяхъ съ запада къ Лодзи и Петрокову.

На другихъ фронтахъ положеніе продолжало оставаться безъ существенныхъ перемѣнъ.

Въ Даніи въ Фанэ германскій летчикъ принужденъ былъ опуститься на датскую территорию. Его помѣстили въ казарму пѣхотнаго полка въ Одензе, такъ какъ онъ отказался обязаться честнымъ словомъ не дѣлать попытки къ бѣгству. Передъ окномъ и дверью его комнаты былъ поставленъ карауль.

Въ Южной Америкѣ въ Вальпарайзо произошли враждебныя германцамъ демонстраціи. Толпа бросала камнями въ принадлежащія германцамъ зданія, въ германское консульство, банкъ и трамвай. Беспорядки эти явились результатомъ негодованія, вызваннаго въ населеніи нарушеніемъ германскими военными судами нейтралитета Чили.

По свѣдѣніямъ отъ 22-го ноября, въ Бельгіи съ перерывами происходила довольно сильная канонада вблизи желѣзнодорожной линіи Ипръ—Рулеръ и у шоссе Беседеръ—Пасшендель, гдѣ непріятельская пѣхота безуспѣшно пыталась продвинуться впередъ. Въ Вермельѣ французы продолжали укрѣпляться на завоеванныхъ позиціяхъ. На всемъ фронтѣ отъ Соммы до Аргоннъ наблюдалось полное затишье. Въ Аргоннахъ французскія войска отразили нѣсколько атакъ пѣхоты, главнымъ образомъ направленныхъ на сѣверо-западную часть Грюрійскаго лѣса. Въ Веврѣ и Лотарингіи происходила незначительная артиллерійская перестрѣлка.

Въ Эльзасѣ не произошло ничего существеннаго.

Турецкій крейсеръ «Гамидіе», наскочивъ въ Черномъ морѣ на турецкую пловучую мину, взорвался, причемъ получилъ большой кренъ и направился къ анатолійскому берегу.

Предложеніе, сдѣланное Китаемъ Японіи, вывести войска и убрать телеграфъ изъ района бывшихъ военныхъ дѣйствій у Циндао, признано пока невыполнимымъ. Въ Пекинѣ отбылъ японскій посланникъ, который по пути заѣдетъ въ Циндао.

Японскій штабъ осадной арміи объявилъ, что въ Циндао японцами было захвачено 2,500 ружей, 29 орудій, 100 пулеметовъ, въ большинствѣ годныхъ для пользованія, много снарядовъ, аммуниціи, провіантъ на трехмѣсячный срокъ для 5,000 человекъ, 20 правительственныхъ неразрушенныхъ зданій, 40 автомобилей и 1,200 иенъ деньгами. Всѣ суда были потоплены.

22-го ноября великобританское адмиралтейство сообщило слѣдующее:

Пароходъ Сѣверо-Германскаго ллойда «Берлинъ», недавно пришедшій въ Дронгтеймъ, былъ приспособленъ для разстановки минъ. Въ настоящее время на немъ минъ не имѣется. Вѣроятно, онъ ихъ широко разбросалъ на открытомъ морѣ. Основываясь на прежнемъ опытѣ, адмиралтейство поэтому предупреждаетъ суда о серьезной опасности на водахъ, которыя до сихъ поръ, въ виду ихъ большой глубины, считались безопасными. Движеніе судовъ должно совершаться съ большими предосторожностями.

Итальянскій премьеръ-министръ Саландра сдѣлалъ въ палатѣ депутатовъ слѣдующее заявленіе:

«Во имя обезпеченія жизненныхъ правъ націи, осуществленія ея стремленій, поддержанія ея великодержавнаго авторитета и предупрежденія умаленія его по сравненію съ возможнымъ ростомъ значенія другихъ державъ, нейтралитетъ

Италіи долженъ быть активнымъ, бдительнымъ, обеспеченнымъ сильными вооруженіями и готовымъ ко всякимъ неожиданностямъ».

Далѣ Саландра сказалъ: «Главной заботой правительства были приведеніе арміи и флота въ полную боевую готовность. Съ того момента, когда прекращается господство гравы, единственнымъ залогомъ спасенія народовъ остается организованная, вооруженная всеми современными усовершенствованіями сила арміи. Италія не желаетъ терпѣть притѣсненій ни до окончанія войны, ни послѣ нея. Поэтому правительство предлагаетъ палатѣ одобрить принятія мѣры предосторожности и своимъ голосованіемъ оказать правительству поддержку и сообщить ему ту устойчивость, которая необходимы для осуществленія тяжелой задачи при постоянной заботѣ о будущихъ судьбахъ Италіи».

Аналогичное заявленіе, сдѣланное Титтони въ сенатѣ, было встрѣчено такими же взрывами одобренія, какъ и рѣчь Саландры въ палатѣ депутатовъ. Титтони высказалъ удовольствіе по поводу единенія политическихъ партій и приглашалъ послѣднія помнить, что есть нѣчто, стоящее выше всякихъ другихъ интересовъ,—а именно отечество—Италія.

22-го ноября сербскій король Петръ, отправляясь на театръ военныхъ дѣйствій, отдалъ слѣдующій приказъ по арміи:

«Его величество король, восхищаясь сверхчеловѣческими усиліями нашей арміи и преклоняясь передъ огромными жертвами, приносимыми ею, выражаетъ горячую благодарность всемъ офицерамъ, унтеръ-офицерамъ, капраламъ и солдатамъ. Король убѣжденъ, что при ихъ стойкости, извѣстной всему цивилизованному міру, имъ удастся отстоять и защитить отечество, а также поддержать честь и славу, имя и будущее Сербіи, принеся послѣднія жертвы на алтарь національнаго идеала—единенія сербства—и создавъ для подражанія потомству непримѣрные образцы самоотреченія. Его величество король привѣтствуетъ своихъ храбрыхъ соколовъ и вѣритъ и надѣется на ниспосланіе Богомъ успѣха».

Военныя дѣйствія сербовъ развернулись къ 22-му ноября въ слѣдующемъ порядкѣ: 18-го ноября на протяженіи всего сѣверо-западнаго фронта происходили бои съ неприятелемъ. Во всѣхъ бояхъ сербы имѣли успѣхъ и взяли въ плѣнъ 3 офицеровъ, 500 солдатъ, а также захватили четыре горныхъ орудія, 6 пулеметовъ, 1,000 снарядовъ и лагерное снаряженіе. Сербскія войска 16-го и 17-го ноября произвели передвиженія, продиктованныя общимъ положеніемъ вещей на театрѣ военныхъ дѣйствій. Тогда же, то есть съ 16-го на 17-е ноября, сербы эвакуировали Вѣлградъ и только спустя 36 часовъ послѣ эвакуаціи неприятель вступилъ въ сербскую столицу. Войска, защищавшія Вѣлградъ, отступили въ полномъ порядкѣ, не подвергаясь преслѣдованію со стороны неприятеля.

23-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ слѣдующее:

Упорные бои на ловичскомъ направленіи, въ районѣ Лодзи и на путяхъ съ запада къ Петрокову продолжались. Въ бою 21-го ноября наши бронированные автомобили на шоссе Пабіянице—Ласкъ, пользуясь наступившими сумерками, врѣзались въ значительную неприятельскую колонну и картечнымъ и пулеметнымъ огнемъ разсѣяли ее, причинивъ ей большой уронъ.

23-го ноября великобританское правительство официально увѣдомило о томъ, что съ 27-го ноября должны быть потушены огни на всемъ протяженіи канала Ламанша къ востоку отъ линіи, соединяющей Сольсей-биль и мысъ Барфлеръ южнѣе 51° 20' сѣверной широты. Баканы и лихтера должны быть удалены или положеніе ихъ измѣнено. Въ опубликованный новый списокъ военныхъ судовъ включено нѣсколько новыхъ боевыхъ единицъ, въ томъ числѣ: броненосецъ

Его Императорское Высочество Великій Князь
Николай Михайловичъ.

«Canada», два легкихъ крейсера «Cambrian» и «Wallaroo», корабли «Imperious», «Botha» и «Tirpetaqu», миноносцы «Antilope», «Virago» и «Whiting».

3-го ноября французское правительство сообщило, что къ сѣверу отъ рѣки Лисъ французскія войска имѣли значительный успѣхъ. Французская пѣхота атаковала рано утромъ и завладѣла однимъ ударомъ двумя линіями непріятельскихъ траншей на протяженіи 500 метровъ. Часть деревни Виде дрефъ, расположенной въ разстояніи одного километра къ сѣверо-западу отъ Лангемарка, осталась въ рукахъ французовъ. За Пезеле, между Диксмюде и Ипромъ, союзники завладѣли на правомъ берегу канала домомъ паром-

«Истор. вѣстн.», январь 1915 г., т. сxxxix.

III

щика, который оспаривался ими у неприятеля в течение месяца. Неприятель безуспешно пытался энергичной атакой, поддержанной тяжелой артиллерией, заставить союзные войска очистить занятое пространство. В районе Арраса и Шампани происходит с перерывами артиллерийская перестрелка. Неприятель с особенной силой бомбардировал Реймс. Французы, в свою очередь, разрушили огнем тяжелой артиллерии несколько германских земляных укреплений. В Аргоннах продолжался жаркий бой. Французы завладели несколькими траншеями и отразили все контр-атаки германцев.

Французские летчики бросили бомбы в немецкие авиационные ангары во Фрейбург, в Бреслау.

Великий шейх сенусси опроверг слухи, будто он намерен напасть на Египет, наруш в заключенный договор. Шейх, наоборот, продолжает сохранять дружественные отношения с англо-египетскими властями.

Британские аэропланы имѣли постоянное наблюдение над Синайским полуостровом. Неприятель, однако, не показывался. Неприятельский корпус у Гага-Бирь-эль-Нусь был разбит и отступил к востоку. Британские военные власти затопили пустыню к востоку от Порт-Саида. Площадь в несколько квадратных миль была залита водою и сдѣлала с этой стороны Порт-Саидь неуязвимым.

Береговая стража, окруженная 7-го ноября, была взята в плен и направлена в Яффу.

Официальное уведомление сербов указало, что сообщение австро-венгерских газет о взятии Бѣлграда австрийскими войсками совершенно неверно. Бѣлградъ был эвакуирован войсками и гражданскими властями сербов с 16-го на 17-е ноября. Городъ в течение 36 часов оставался без войск. Сражения, которые будто бы произошли в городѣ, быть может, имѣли мѣсто с патрулями удаляющагося арьергарда. Таким образом, рѣчь идет не об овладѣнии Бѣлградомъ послѣ сраженія, но лишь о вступлении в него неприятеля.

24-го ноября около пристани Бурнатъ Измаильскаго уѣзда присталъ небольшой пароходъ подъ русскимъ флагомъ съ котораго высадился турецкій разъѣздъ изъ двухъ офицеровъ и 23 нижнихъ чиновъ. Турки, захвативъ нашего пограничника, отправились в степь, повидимому съ цѣлью разрушить желѣзную дорогу. Телефонъ пристани Бурнатъ был поврежденъ еще до прибытія турокъ. Пограничникъ, захваченный турками, а равно и другой встрѣченный турками стражникъ успѣли скрыться.

24-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что за весь день 22-го ноября особенныхъ перемѣнъ не произошло, бои продолжались, атаки германцевъ были отражены нами.

Норвежское правительство объявило о безусловномъ закрытіи ночного мореходства въ своихъ портахъ Христианзунда, Бергена и Дрон гейма. Для входа или выхода изъ названныхъ портовъ необходимо каждый разъ испрашивать специальное разрѣшеніе брандвахты.

Въ отвѣтъ на запросъ сэра Паркера въ палатѣ общинъ Асквита заявилъ, что британское адмиралтейство распорядилось осматривать нейтральные суда и

арестовывать находящихся тамъ резервистовъ Германіи и Австріи только потому, что въ настоящее время окончательно установлено, что германскія войска въ Бельгіи и во Франціи неукоснительно арестовываютъ всѣхъ мужчинъ, непріятельскихъ подданныхъ, подходящихъ по своему возрасту къ военной службѣ.

Въ Сербіи составлено было новое министерство изъ представителей всѣхъ партій, за исключеніемъ либераловъ, въ слѣдующемъ видѣ: Пашичъ—министръ-президентъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, Пачу—министръ финансовъ, Люба Јовановичъ—министръ внутреннихъ дѣлъ, Джуричъ—министръ юстиціи. Всѣ четыре—старорадикалы. Драшковичъ—министръ общественныхъ работъ, Давидовичъ—народнаго просвѣщенія. Оба—независимые радикалы. Бойовичъ—военный министръ. Такъ какъ Бойовичъ находится за границей, то до его возвращенія портфель военнаго министра приметъ Пашичъ.

Получены были слѣдующія любопытныя подробности объ исторической встрѣчѣ короля Георга и короля Альберта на шоссе во Фландріи. Король бельгійскій первый прибылъ къ мѣсту встрѣчи. Онъ былъ въ обычной темно-синей формѣ. Выйдя изъ автомобиля, король направился къ сосѣднему хутору, милостиво бесѣдуя со встрѣчными бельгійскими солдатами. Лишь послѣ полудня примчался по направленію отъ старой колокольни мотоциклистъ съ англійскимъ флажкомъ, а вслѣдъ за нимъ подъѣхали три автомобиля, за которыми ѣхалъ второй мотоциклистъ; всѣ моторы шли подѣ англійскими флагами. Изъ перваго автомобиля вышелъ король Георгъ въ сопровожденіи принца Уэльскаго, оба въ формахъ защитнаго цвѣта. Короли встрѣтились на шоссе, привѣтствовали другъ друга и обмѣнялись сердечными рукопожатіями. Послѣ краткой бесѣды оба монарха сѣли въ автомобиль короля Альберта и направились черезъ границу въ Бельгію. Произведя смотръ нѣкоторымъ частямъ войскъ, короли вмѣстѣ обѣдали.

24-го ноября въ тронной рѣчи при открытіи парламента японскій императоръ выразилъ удовлетвореніе по поводу того, что при современныхъ событіяхъ союзъ съ Англійей и соглашенія съ Россіей и Франціей все болѣе упрочиваются. «Наши военныя силы,—сказалъ далѣе императоръ,—отправленные за границу, вмѣстѣ съ силами союзныхъ государствъ сокрушили непріятеля, и миръ на Дальнемъ Востокѣ постепенно водворяется. Но война еще не закончена. Уповавая на вѣрность нашихъ подданныхъ, мы надѣемся скоро достигнуть цѣли».

Французское правительство 24-го ноября извѣстило, что въ районѣ рѣки Изера французскія войска продолжали атаковать нѣсколько траншей, которыя остались еще въ рукахъ непріятеля на лѣвомъ берегу Изерскаго канала.

На всемъ пространствѣ между Армантьеромъ и Аррасомъ, а также въ районѣ рѣкъ Уазы и Эны и на Аргонской возвышенности не произошло ничего существеннаго, но въ общемъ слѣдуетъ отмѣтить большую успѣшность активныхъ дѣйствій французскихъ войскъ по сравненію съ германскими.

Въ Шампани французская тяжелая артиллерія нѣсколько разъ явно одерживала верхъ надъ германскою.

25-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго далъ слѣдующій подробный отчетъ о ходѣ нашихъ военныхъ дѣйствій:

На лѣвомъ берегу Вислы операціи въ теченіе первой половины ноября развивались нижеслѣдующимъ образомъ. Къ концу октября наши арміи, преслѣдуя отступавшія въ юго-западномъ направленіи германо-австрійскія войска, достигли фронта рѣкъ Варты и Нидзицы, имѣя сильный уступъ за правымъ флангомъ. Возстановленіе разрушенных до основанія путей и устройство при этихъ условіяхъ тыла въ значительной степени затрудняли наше наступленіе, чѣмъ воспользовались наши противники, отошедшіе на свои желѣзныя дороги. Постепенно передъ нами обозначилось перемѣщеніе германцевъ къ сѣверу и сборъ весьма значительной массы ихъ войскъ на фронтъ Слупцы—Торнъ, что представляло сильную угрозу нашему правому флангу и сообщеніямъ нашихъ правофланговыхъ армій съ ихъ тыломъ. Въ то же время пути въ Силезію передъ фронтомъ нашихъ остальныхъ армій непосредственно были преграждены австрійскими войсками, переброшенными изъ Галиціи по желѣзнымъ дорогамъ, поддержанными частью германскихъ силъ и заблаговременно сильно укрѣпившимися на фронтъ Ченстоховъ—Краковъ.

Новая обстановка потребовала отъ насъ частичной перемѣны фронта на сѣверъ значительной части нашихъ силъ. Эта перемѣна была совершенна подъ прикрытіемъ располагавшагося за правымъ флангомъ нашихъ армій уступа, которому пришлось выдержать рядъ стремительныхъ и ожесточенныхъ атакъ у Влоцлавска, Кутно и Ленчицы.

Задержавъ названными боями движеніе германцевъ, мы развернули необходимые силы для того, чтобы остановить развивавшееся со стороны Торна и Слупцевъ наступленіе вѣмцевъ. Въ дальнѣйшемъ германцы въ теченіе нѣсколькихъ дней упорнѣйшимъ образомъ стремились прорвать наше расположеніе, примыкавшее правымъ флангомъ къ рѣкѣ Вислѣ.

6-го ноября послѣ невѣроятныхъ усилій и жертвъ нашему врагу удался прорывъ въ районъ Пюнтека, послѣ котораго германцы широкой лавиной полились въ образовавшійся промежутокъ, направляясь на Стрыковъ, Брезины, Колюшки, Тушинъ и Рзговъ. Обтекая правый флангъ нашихъ войскъ, дравшихся въ районѣ Лодзи и къ западу отъ нея, германцы энергично и стремительно атаковали наши войска, угрожая имъ съ тыла.

Кромѣ того къ 9-му ноября сильныя германскія колонны, наступавшія съ запада къ Вартѣ, стали уже подходить къ Ласку. Въ столь трудныхъ условіяхъ наши войска продолжали вести бой съ возрастающей энергіей. Въ районѣ къ сѣверу отъ Лодзи наши войска съ упорствомъ отражали бѣшенныя атаки германцевъ, нанося имъ огромныя потери.

Двинутые со стороны Петрокова въ районъ Тушина и Рзгова резервы наши заставили германцевъ своими рѣшительными дѣйствіями сперва пріостановить дальнѣйшее наступленіе въ тылъ, а затѣмъ перейти къ оборонѣ. Въ то же время наступавшія къ Ласку непріятельскія колонны были нами отброшены назадъ въ большомъ безпорядкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наши войска, собранныя на фронтъ Ловичъ—Скерневицы, энергично наступая на западъ, успѣли захватить Стрыковъ и Брезины, чѣмъ прервали сообщенія германскихъ войскъ, прорвавшихся къ Рзгову и Тушину.

Такимъ образомъ, уже къ 10-му ноября общее положеніе сложилось вполне

опредѣленно въ нашу пользу. Передъ фронтомъ Здунска Воля—Шадекъ—Лодзь германцы, понеся огромныя потери, принуждены были отвести свои войска нѣсколько назадъ и перейти къ оборонѣ, закопавшись въ землю. Всѣ же ихъ резервы были направлены въ районъ Стрыкова на помощь отрѣзаннымъ войскамъ, кои съ фронта Рзговъ—Тушинъ повернули назадъ въ направленіи на

Его Императорское Высочество Великій Князь
Александръ Михайловичъ.

Брезины—Колюшки. Въ то же время нѣмцы ожесточенными атаками въ направленіи на Ловичъ стремились помѣшать намъ окончательно сомкнуть кольцо вокругъ ихъ войскъ, столпившихся въ районѣ Брезинъ.

Къ 13-му ноября германцамъ послѣ невѣроятныхъ усилій удалось рядомъ отчаянныхъ ночныхъ атакъ пробиться къ Стрыкову. Въ этихъ дѣлахъ они, по собственному признанію ихъ официальнаго сообщенія, понесли неслыханныя

потери, объясняющіяся тѣмъ, что имъ пришлось пробиваться подъ нашимъ перекрестнымъ огнемъ и совершать отступленіе по стѣсненному нашими войсками пространству.

Потери ихъ дивизій, участвовавшихъ въ прорывѣ и не удавшемся обходѣ, столь велики, что эти дивизіи нашему врагу пришлось вывести совершенно съ фронта еще продолжавшагося сраженія. Равнымъ образомъ, по показаніямъ плѣнныхъ, во многихъ другихъ частяхъ, коихъ роты передъ переходомъ германцевъ въ наступленіе были доведены до 260—280 штыковъ, потери столь велики, что нынѣ въ ротахъ осталось не свыше 70 человекъ.

Однимъ изъ слѣдствій неудачнаго для германцевъ Ловичь-Лодзинскаго сраженія явилась спѣшная перевозка ими значительныхъ подкрѣпленій на ихъ восточный фронтъ. Всего противъ насъ германцами вновь подвезено до шести корпусовъ и пяти кавалерійскихъ дивизій, изъ коихъ часть переброшена съ западнаго фронта Германіи, а другая представляетъ новыя соединенія. Массовая высадка вновь прибывшихъ на нашъ фронтъ непріятельскихъ силъ началась около 12-го ноября. Подошедшія подкрѣпленія позволили германцамъ продолжать атаки нашихъ позицій въ теченіе 14-го—22-го ноября. Эти атаки, однако, имѣли болѣе разрозненный характеръ и оказались совершенно безплодными, почему къ вечеру 22-го ноября германцы, понеся большія потери, принуждены были ихъ прекратить вовсе.

23-го ноября германцы уже не проявляли никакой активности и держались въ отдаленіи отъ нашихъ боевыхъ линій.

Одновременно съ началомъ прибытія новыхъ германскихъ силъ начала обнаруживаться перегруппировка австрійцевъ, которые замѣтно ослабили свои силы на фронтѣ Ченстоховъ—Краковъ и значительно усилились въ районѣ къ югу отъ Кракова, куда направлена также часть германскихъ войскъ. Такимъ образомъ Ченстоховскій районъ временно утратилъ часть своего первоначальнаго значенія.

Всѣ эти обстоятельства создали новую обстановку для послѣдующихъ операцій, требующую въ интересахъ болѣе выгоднаго расположенія нашихъ войскъ занятія нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ.

22-го ноября германцы пытались перейти въ наступленіе отъ Млавы въ направленіи на Праснышъ, но были отбиты съ большимъ для нихъ урономъ. Къ югу отъ Кракова въ теченіе послѣднихъ дней обнаружился обходъ непріятель-нашихъ силъ съ лѣваго фланга. Подкрѣпленія, подходившія къ нашимъ войскамъ, нашли мостъ черезъ Дунаецъ у Курова разрушеннымъ, а высоты лѣваго берега рѣки занятыя непріятелемъ. Подъ жестокимъ огнемъ одинъ изъ нашихъ славныхъ полковъ перешелъ рѣку Дунаецъ въ бродъ по горло въ ледяной водѣ, взявъ приступомъ высоты Тенгоберже и обезпечилъ этимъ переправу другихъ войскъ.

На фронтѣ кавказской арміи 22-го ноября значительныхъ столкновений не было.

Король Георгъ вернулся въ Лондонъ. Король Георгъ во время свиданія во Фландріи вручилъ королю Альберту орденъ Подвязки.

Шведскіе грузовыя пароходы «Everilda», «Luna», «Norra Sverige» наткнулись на германскія мины передъ вѣшной гаванью Бьернеборга и пошли ко дну.

На совѣтъ министровъ въ Голландіи подѣ председательствомъ королевы рѣшено мобилизовать армію, выпустить военный заемъ и привести провинцію Зеландію на положеніе обороны.

На западно-европейскомъ фронтѣ ничего существеннаго не произошло, если не считать наступленія французскихъ войскъ на Парвиль и отбитія атаки германцевъ на Траси-ле-Валь.

Изъ Сербіи пришли слѣдующія извѣстія. Въ виду большого превосходства силъ непріятеля сербскія войска были вынуждены въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца отступать съ цѣлью принять рѣшительный бой, при условіяхъ, которыя она сочтетъ для себя наиболѣе благоприятными. Наконецъ, у укрѣпленій горнаго кряжа Родникъ произошло рѣшительное сраженіе, длившееся шесть дней, съ 20-го по 25-е ноября, и кончившееся полнымъ пораженіемъ австрійской арміи на фронтѣ, протяженіемъ болѣе, чѣмъ 100 километровъ. Сраженіе было весьма ожесточеннымъ. Сербы понесли значительныя потери, но нанесли непріятелю огромный уронъ. Можно утверждать, что 15-й и 16-й непріятельскіе корпуса, образовавшіе правый флангъ, совершенно разбиты. Сербами было взято въ плѣнъ свыше 100 офицеровъ и 20,000 солдатъ и захвачено болѣе 70 орудій, 50 пулеметовъ, знамя, огромное количество продовольствія и прочаго военного матеріала. На всемъ фронтѣ непріятель отступалъ въ большомъ безпорядкѣ, преслѣдуемый сербами по пятамъ. 25-го ноября на сѣверо-западномъ фронтѣ сербскія войска продолжали преслѣдовать разрозненныя войска непріятеля и отбросили ихъ отъ линіи Ужице—Косеричъ—Повленъ—Вальево—Лазаревацъ. Непріятель поспѣшно отступалъ какъ можно дальше. Онъ пытался оказать сопротивленіе только около Вальева и Ужице. Однако сопротивленіе его было быстро сломлено и сербскія войска заняли Вальево 25-го ноября вечеромъ, а Ужице—26-го. На этомъ фронтѣ 25-го ноября сербы взяли въ плѣнъ 28 офицеровъ и врачей и 2.237 солдатъ. Кромѣ того, завладѣли большимъ количествомъ военного снаряженія, однимъ горнымъ орудіемъ, однимъ пулеметомъ и 20 полевыми кухнями. На сѣверномъ фронтѣ, на позиціяхъ къ сѣверу отъ линіи Козмай—Варовница, произошли ожесточенные бои съ значительными непріятельскими силами. Контръ-атаки сербскихъ войскъ нанесли непріятелю большой уронъ, и послѣдній былъ отброшенъ въ безпорядкѣ. На другихъ пунктахъ сѣвернаго фронта не произошло ничего выдающагося.

Боевыя успѣхи британскаго оружія въ колоніяхъ продолжали развиваться. Британскій экспедиціонный корпусъ на Персидскомъ заливѣ 22-го ноября атаковалъ непріятеля на лѣвомъ берегу Тигра, при сліяніи его съ Евфратомъ, противъ Курну, и отбросилъ его за рѣку. Турки при этомъ понесли большой уронъ. Британскія войска захватили пять орудій и взяли въ плѣнъ 77 человекъ, въ томъ числѣ трехъ турецкихъ офицеровъ. 24-го ноября англичане заняли Массеру, расположенный противъ Курну, причемъ захватили 9 орудій и 1,100 человекъ въ плѣнъ. 25-го ноября англійскія войска перешли черезъ Тигръ по понтонному мосту и заняли Курну, комендантъ котораго

сдался безъ всякихъ условій со всеѣмъ своимъ гарнизономъ. Комендантомъ Курну состоялъ бывшій губернаторъ Виссоны. Британскія войска потеряли: 4 англичанина и 160 индусовъ. Это небольшое, но смѣлое дѣло обезпечило за англичанами полный контроль надъ богатѣйшей частью плодородной дельты отъ Курну до морского побережья.

25-го ноября пришли подробности о выдающейся сербской побѣдѣ, одержанной надъ австрійскими войсками. Сербской арміей командовалъ престолонаслѣдникъ Александръ, который проявилъ совершенно исключительную храбрость и находчивость въ борьбѣ съ непріятелемъ. Сербы нанесли въ данномъ случаѣ рѣшительный ударъ австрійскимъ войскамъ. Согласно официальному сообщенію, полученному петроградской сербской миссіей, 19,000 австрійцевъ взято въ плѣнъ, изъ коихъ 80 офицеровъ. Кромѣ того, сербы взяли 52 пушки и 56 пулеметовъ. Австрійцы, въ глубокомъ отчаяніи, предалися бѣгству.

Бои, начавшіеся 20-го ноября на сѣверо-западномъ фронтѣ, продолжались и 21-го. Въ этотъ день войска сербскаго лѣваго фланга также имѣли успѣхъ. Взято было сербами въ плѣнъ 2 штабъ-офицера, 16 оберъ-офицеровъ, 2,398 солдатъ, захвачено 1 горное орудіе, 11 пулеметовъ, множество ружей, матеріалы для устройства телефоновъ и проч. Духъ сербскихъ войскъ попрежнему былъ весьма бодрый.

22-го ноября бои на сѣверо-западномъ фронтѣ продолжались. На всемъ этомъ фронтѣ сербскія войска имѣли успѣхъ, въ особенности на лѣвомъ флангѣ. Здѣсь сербскія войска одержали рѣшительную побѣду надъ непріятелемъ, который принужденъ былъ отступить въ полномъ безпорядкѣ. Во время преслѣдованія непріятели сербами захвачено въ плѣнъ 6 офицеровъ и 1,810 нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, сербскія войска захватили 2 гаубицы, 5 горныхъ орудій, 4 пулемета, 2 госпиталя, ружья и телеграфный матеріалъ.

За послѣдніе дни австрійцы атаковали черногорскія войска въ Босніи на фронтѣ Фоча—Горазда—Вышеградъ, съ цѣлью пробиться въ Новобазарскій санджакъ, а также на линіи Грахово—Вучье, чтобы проникнуть къ Никшичу. Послѣ упорныхъ боевъ, длившихся нѣсколько дней, атаки австрійцевъ были отбиты на обоихъ фронтахъ съ большими для нихъ потерями.

25-го ноября изъ Гааги офиціозно сообщили, что вслѣдствіе бури, бывшей прошлую ночью, на побережьѣ Вальхерена, въ различныхъ мѣстахъ Зеландіи и на берегу Терсейде прибиты волнами къ берегу мины. Нѣкоторые изъ нихъ, находившіеся въ движеніи, взорваны военнымъ судномъ «Nordbrabant».

Въ Бельгіи германцы бомбардировали Остдюнкерке въ четырехъ километрахъ къ западу отъ Ньюпорта. Между Бетюномъ и Лансомъ французы окончательно завладѣли деревней Вермель и Рютурарской позиціей, къ востоку отъ которой французскія войска соприкасаются съ желѣзной дорогой. Французскія войска замѣтно продвинулись въ районъ Рувруа—Парвиллеръ—Лекенуа въ Сантеррѣ.

24-го ноября непріятель проявилъ больше дѣятельности, чѣмъ наканунѣ, въ районѣ рѣки Изера и въ окрестностяхъ Ипра. Французская артиллерія успѣшно отвѣчала непріятельской. Въ районѣ Арраса блестящая атака передала въ руки французовъ Вермель и Рютуаръ. Вермель въ теченіе почти

двухъ мѣсяцевъ былъ сценой ожесточенныхъ боевъ. Непрiятель укрѣпился тамъ 3-го октября, и съ 8-го по 12-е октября ему удавалось отбрасывать французовъ отъ этой мѣстности. Однако съ 12-го октября работы саперъ и минеръ шагъ за шагомъ довели французовъ до Лизьера, а 18-го ноября они отняли у непрiятеля паркъ и замокъ Вормель.

Въ районѣ рѣки Эна и въ Шампани происходило нѣсколько артиллерiйскихъ боевъ. Французская тяжелая артиллерiя разбѣяла нѣсколько скопле-

Его Высочество Князь Гавріиль Константиновичъ.

ній непрiятельскихъ войскъ. Въ лѣсу Грюри, въ Аргоннахъ и къ сѣверо-западу отъ Понтъ-а-Мусона, въ лѣсу Лепретръ, французы захватили немного непрiятельской территорiи.

Германцы набросали свои минныя загражденiя на торговыхъ путяхъ къ шведскимъ портамъ Ботническаго залива. Обстоятельство это раскрылось трагическимъ для шведскаго торговаго флота образомъ. 23-го ноября, около десяти часовъ утра затонулъ, взорвавшись на минѣ загражденiя недалеко

отъ гавани, шедшій съ моря шведскій пароходъ «Эверильда». Комендантъ гавани, получивъ объ этомъ извѣстіе, немедленно отправился въ море для выясненія обстоятельствъ катастрофы. Найти взорвавшійся пароходъ ему не удалось, но въ проливѣ Курса онъ замѣтилъ шведскій пароходъ «Луна», который утромъ вышелъ изъ гавани съ грузомъ яицъ. Въ началѣ двѣнадцатаго часа утра на пароходѣ «Луна» былъ замѣченъ взрывъ, а черезъ нѣсколько минутъ второй. Направившись къ мѣсту взрыва, комендантъ замѣтилъ въ водѣ нѣсколько минъ загражденія, которыя показались на поверхности благодаря сильной зыби. Коменданту удалось спасти 19 человекъ, пароходъ же «Луна» затонулъ. Черезъ нѣкоторое время на томъ же загражденіи взорвался и погибъ еще и третій шведскій пароходъ «Нора Сверіэ», который шелъ съ грузомъ изъ Стокгольма.

25-го ноября французское правительство сдѣлало слѣдующее официальное сообщеніе:

«Во время посѣщенія Франціи король Георгъ вручилъ знаки большого креста ордена Бани генераламъ Жоффру и Френчу, а также знаки большого креста ордена св. Михаила и Георга семи другимъ французскимъ генераламъ.

Передъ отбытіемъ изъ Франціи король издалъ приказъ, въ которомъ говорится:

«Я радъ былъ видѣть мою армію на полѣ дѣйствій и ознакомиться съ жизнью, которую вы ведете. Дисциплиной, отвагой и выносливостью вы поддерживали традиции британской арміи и придали новый блескъ ея исторіи. Я не могу раздѣлять вашихъ испытаній, опасностей и побѣдъ, но я могу васъ увѣрить въ моемъ довѣрїи къ вамъ и въ благодарности какъ моей, такъ и вашихъ согражданъ. Мы всѣ мысленно съ вами на вашемъ пути къ побѣдѣ».

Германскіе крейсера «Дрезденъ» и «Лейпцигъ» пришли въ Вальпарайзо, въ Чили; съ цѣлью принять запасъ топлива, но портовые власти отказали въ разрѣшеніи германцамъ грузиться углемъ въ Вальпарайзо. Два чилийскіе эскадренныхъ миноносца воспротивились захвату въ чилийскихъ территориальныхъ водахъ германскимъ крейсеромъ двухъ англійскихъ торговыхъ пароходовъ «Колуза» и «Оронза». Германскій угольщикъ «Карнакъ», по приказанію чилийскаго правительства, былъ задержанъ и интернированъ въ порту Антофагаста за то, что онъ, какъ выяснилось, занимался доставкой угля германскимъ крейсерамъ, оперирующимъ въ океанѣ.

Бразильское правительство разрѣшило англійскому крейсеру «Глазго» войти въ сухой докъ Рио-де-Жанейро для исправленія поврежденій, полученныхъ въ бою 1-го ноября. Крейсеръ, по свѣдѣніямъ изъ американскихъ источниковъ, имѣлъ 5 пробоинъ. Командиру «Глазго», по распоряженію портовыхъ властей, данъ былъ срокъ въ 7 дней для починки.

Изъ Норвегіи сообщили слѣдующія любопытныя подробности о случаѣ съ германской подводной лодкой «U 17». Лодка входила въ Бергенъ около полудня, но уже на серединѣ фіорда ее остановили два норвежскихъ миноносца. — «Что вамъ угодно въ Бергенѣ?» — «У насъ поврежденія въ машинѣ, и мы рассчитываемъ починиться въ порту». Портовые норвежскія власти

предложили, однако, германскому командиру или немедленно уйти въ море, или, оставаясь въ территориальныхъ водахъ, разоружиться въ Бергенѣ. Командиръ выбралъ первое, причемъ норвежскіе миноносцы сопровождали германскую подводную лодку до самаго выхода.

На засѣданіи великобританской палаты общинъ первый лордъ адмиралтейства Черчилль объявилъ, что съ начала войны англійскихъ морскихъ офицеровъ было убито 222, ранено 37, изъ которыхъ 14 тяжело; 5 офицеровъ пропали безъ вѣсти. Нижнихъ чиновъ было убито 3,455; ранено 428; пропалъ безъ вѣсти 1. Въ эти цифры не вошли потери на сухопутномъ фронтѣ, понесенныя королевской морской дивизіей, а также сюда не были включены потери на крейсерахъ «Гуудъ-Хопъ», которыя пока еще не выяснены. Приблизительно можно считать, что потери королевской морской дивизіи достигаютъ 1,100 человекъ, а на крейсерахъ «Гуудъ-Хопъ» погибло, вѣроятно, 875 человекъ. Къ вышеуказаннымъ цифрамъ отдѣльно слѣдуетъ прибавить цифры, относящіяся къ числу морскихъ чиновъ, интернированныхъ въ Голландіи.

Англичане въ Южной Месопотаміи поднялись по Шатъ-эль-Арабу и заняли Курку, въ 80 километрахъ къ сѣверу отъ Басры, при слияніи Тигра и Евфрата. Къ англичанамъ подошли сильныя подкрѣпленія и прибыла кавалерія.

26-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что развивавшіяся третій день бои въ районѣ Прасныша и Цѣханова еще не закончились. Боевыя столкновенія происходили также въ Петроковскомъ районѣ, гдѣ нами были одержаны частныя успѣхи. Сраженіе, начавшееся 22-го ноября къ юго-востоку отъ Кракова, въ районѣ отъ Велички до рѣки Дунаецъ, развивалось благоприятно, послѣ лихого форсированія рѣки Дунаецъ въ районѣ Новаго Сандеца наши подкрѣпленія продолжали наступать и нанесли жестокой ударъ германскимъ войскамъ, образовавшимъ въ долину рѣчки Лососина правое охватывающее крыло неприятельской арміи.

Перевезенный сюда изъ Бельгіи 24-й германскій корпусъ началъ бой выдвиганіемъ автомобильной батареи, которая была частью подбита, а частью обращена въ бѣгство, не давъ ни одного выстрѣла. Затѣмъ намъ удалось подбить нѣсколько тяжелыхъ орудій и заставить замолчать пять полевыхъ батарей. Нами взяты нѣсколько орудій и плѣнные, изъ числа коихъ германцы показали, что ихъ части понесли огромныя потери, причемъ составъ нѣкоторыхъ ротъ уменьшился до 40 человекъ. Наше наступленіе продолжалось.

24-го ноября, утромъ вблизи Севастополя былъ обнаруженъ крейсеръ «Бреслау». Наши крейсера и гидроаэропланы двинулись ему навстрѣчу. Атакованный, «Бреслау» скрылся въ море.

Въ Бельгіи была отражена энергичная атака германцевъ противъ Сентъ-Элуа, къ югу отъ Ипра. Ожесточенный бой продолжался въ Аргонскомъ лѣсу и въ восточной части Аргоннъ.

25-го ноября на фронтѣ отъ моря до рѣки Лиса происходили артиллерійскіе бои. Въ районѣ Арраса и далѣе къ югу не произошло ничего существеннаго. Всѣ вновь пріобрѣтенныя французами позиціи были укрѣплены нами и упрочены за ними. Въ районѣ рѣки Эна французы имѣли успѣхъ въ артилле-

рійскихъ бояхъ. Въ Аргоннахъ дѣйствія французской артиллеріи и пѣхоты доставили значительный успѣхъ французамъ, которые заняли нѣсколько германскихъ траншей и продвинулись впередъ на всемъ протяженіи фронта, за исключеніемъ одного мѣста, гдѣ непріятель взорвалъ миной французскую траншею.

На правомъ берегу Мааса французская артиллерія заставила замолчать непріятельскую, и мы продвинулись на всемъ фронтѣ и заняли нѣсколько непріятельскихъ траншей и, кромѣ того, лѣсъ Лепретръ. Въ Вогезахъ французы отразили нѣсколько непріятельскихъ атакъ къ сѣверо-западу отъ Сенонъ. Въ остальной части фронта въ Вогезахъ непріятель не пытался серьезно атаковать позиціи, которыми французы овладѣли недѣлю назадъ.

26-го ноября французскіе летчики вновь удачно сбросили 16 бомбъ въ вокзалъ и воздухоплавательные ангары во Фрейбургѣ (въ Врейсгау). Несмотря на сильный обстрѣлъ изъ орудій, летчики благополучно вернулись назадъ.

Изъ Берлина официально сообщали о болѣзни императора Вильгельма; вслѣдствіе обнаружившагося бронхита съ повышеніемъ температуры императоръ Вильгельмъ отложилъ на нѣсколько дней назначенный на сегодня отъѣздъ на театръ военныхъ дѣйствій.

Съ сербскаго театра войны приходили все новыя свѣдѣнія о побѣдоносной борьбѣ славной сербской арміи съ австрійцами. Такъ, къ 26-му ноября были получены слѣдующія подробности:

Въ ночь съ 22-го на 23-е ноября наши войска подъ Ужицей нанесли поражение непріятелю и начали энергично преслѣдовать его. 23-го ноября на разсвѣтѣ непріятель началъ поспѣшное отступление на всемъ сѣверо-западномъ фронтѣ. Въ то же время сербское лѣвое крыло продолжало преслѣдовать непріятеля, отступавшаго въ полномъ безпорядкѣ къ Вальево. Центръ сербскихъ войскъ, имѣвшій за послѣдніе дни рядъ ожесточенныхъ боевъ съ непріателемъ, въ ночь съ 22-го на 23-е ноября сломилъ сопротивление непріятеля и заставилъ его отступить. Въ то же время правое крыло сербовъ выдержало ожесточенный бой, который кончился для него успѣшно.

Отступление непріятеля передъ сербскимъ лѣвымъ крыломъ и сербскимъ центромъ происходило въ большомъ безпорядкѣ, принимая характеръ паническаго бѣгства. Сопротивленіе непріятеля было сломлено почти совершенно на сѣверо-западномъ фронтѣ. Здѣсь непріателемъ оставлены въ сербскихъ рукахъ пушки, обозъ и боевые припасы. Австрійцы сдавались въ плѣнъ цѣлыми боевыми единицами, со всѣми офицерами. Днемъ 23-го ноября сербами захвачено было въ плѣнъ 21 офицеръ и 3,858 солдатъ, съ оркестромъ музыки. Кромѣ того, сербы захватили у непріятеля 9 пулеметовъ, 6 горныхъ гаубицъ, 7 гаубичныхъ лафетовъ, орудія которыхъ взорваны непріателемъ, 60 лошадей, 1 госпиталь, большое число ружей и военного матеріала.

Въ засѣданіи сербской скупщины, происходившемъ 25-го ноября вечеромъ, отъ имени новообразованнаго министерства была прочитана декларация слѣдующаго содержания:

«Правительство имѣетъ честь представиться вамъ со слѣдующаго рода заявленіемъ. Кабинетъ образовался съ тою цѣлью, чтобы до окончанія нынѣшняго великаго кризиса явить единеніе желаній и силъ всѣхъ существующихъ въ нашей странѣ партій. Убѣжденное въ довѣрїи скупщины и посвятившее всѣ свои силы великому дѣлу служенія родинѣ, а также сербо-хорвато-словенской семьѣ, правительство считаетъ

Его Высочество Князь Константинъ Константиновичъ.

своимъ первымъ долгомъ преклониться передъ жертвами и отвагой, которыя народъ добровольно приноситъ на алтарь отечества.

«Правительство шлетъ всей сербской арміи и всѣмъ воинскимъ чинамъ отъ командующихъ до простаго солдата выраженіе своего довѣрїя, восхищенія и благодарности за ихъ усилія и жертвы на пользу родины.

«Наша небольшая молодая армія сохранила за собою пріобрѣтенную въ предшествовавшіе годы добрую славу и вступила въ ряды сильныхъ, славныхъ и старыхъ армій великихъ державъ, нашихъ союзницъ, борющихся вмѣстѣ съ нами за право и свободу. Историческая доля нашего участія въ этой борьбѣ будетъ оцѣнена лишь по прошествїи переживаемыхъ нынѣ тяжелыхъ дней. Будучи увѣреннымъ въ томъ, что весь сербскій народъ исполненъ рѣшимости защищать свои очаги и свою свободу до

конца нынѣшней священной войны, королевское правительство полагаетъ, что въ эти рѣшительные моменты единственной его обязанностью является обезпеченіе благоприятнаго исхода нынѣшней великой войны, которая съ самаго начала стала борьбой за освобожденіе и объединеніе всѣхъ нашихъ братьевъ, лишенныхъ свободы, то есть сербовъ, хорватовъ и словенцевъ.

«Блестящая побѣда, которая увѣнчаетъ нынѣшнюю борьбу, съ избыткомъ вознаградитъ нынѣшнее поколѣніе сербовъ за принесенныя ими тяжелыя жертвы. Въ этой борьбѣ сербскому народу колебаться не приходится, ибо между жизнью и смертью выбирать нельзя. Онъ вынужденъ бороться съ той же несокрушимой энергіей, съ какой сто лѣтъ тому назадъ бился во имя воскрешенія націи изъ коссовой могилы. Правительство приложитъ всѣ усилія къ тому, чтобы вѣрно выразить это рѣшеніе народа, и, оставаясь вѣрнымъ могущественнымъ и доблестнымъ союзникамъ, съ полнымъ доверіемъ будетъ ждать часа побѣды.

«Министерству прекрасно извѣстны всѣ лишенія, претерпѣваемая нынѣ армією и большею частью народа; оно сдѣлаетъ все, что только въ силахъ человѣческихъ, для того, чтобы улучшить общее положеніе: оно энергично и быстро будетъ принимать всѣ нужныя мѣры для снабженія арміи припасами и для улучшенія санитарной службы, дабы въ этомъ отношеніи насъ не остановили никакія жертвы.

«Въ согласіи съ вами, господа депутаты, правительство выработаетъ мѣры для оказанія помощи населенію послѣ войны и для возстановленія его силъ. Нынѣ же, когда непріятель находится на сербской территоріи, правительство восклицаетъ: «Впередъ съ Божьей помощью на врага!»

Послѣднія слова были повторены всѣми депутатами и присутствовавшей публикой. Чтеніе деклараціи было нѣсколько разъ прерываемо возгласами: «Живіо!»

Сербская армія на всемъ фронтѣ побѣдоносно преслѣдовала бѣгущаго непріятели. За послѣдніе дни сербами взято въ плѣнъ 14,000 нижнихъ чиновъ, 94 офицера, знамя, громадное количество военного матеріала. Генералъ Живковичъ, наступая на Бѣлградъ, разбилъ двѣ австрійскія дивизіи, которыя, при своемъ поспѣшномъ отступленіи, оставили на полѣ сраженія много орудій.

24-го ноября ужицкая армія, непрерывно преслѣдсвавшая непріятели, заняла Пожегу и направилась на Ужицу. На сѣверо-западномъ фронтѣ преслѣдованіе непріятели продолжалось по всей линіи, въ особенности же на лѣвомъ флангѣ сербовъ и въ центрѣ. Австрійцы поспѣшно отступали передъ сербскими колоннами. 24-го ноября сербы взяли въ плѣнъ 26 офицеровъ, 6,372 солдата и захватили 28 полевыхъ орудій, одно горное орудіе, одну горную гаубицу, 15 мортирныхъ лафетовъ, 50 ящиковъ съ боевыми припасами, 640 повозокъ, изъ нихъ 44 съ боевыми припасами, 327 лошадей и два ящика военного казначейства, не считая множества взятыхъ ружей, боевыхъ припасовъ для пѣхоты, матеріала для проводки телеграфа, офицерскаго багажа и архива. Въ Гукошѣ сербы захватили цѣлый артиллерійскій складъ. На сѣверномъ фронтѣ не произошло ничего существеннаго.

За время боевъ, имѣвшихъ мѣсто съ 20-го и 24-го ноября, сербы взяли въ плѣнъ всего 95 офицеровъ, 15,742 солдата и захватили 28 полевыхъ и два горныхъ орудія, девять горныхъ гаубицъ, семь лафетовъ горныхъ орудій, семь лафетовъ горныхъ гаубицъ, 36 пулеметовъ, 10,000 ружей, около 46 повозокъ съ боевыми припасами. 19 повозокъ разнаго рода матеріаловъ, 10 большихъ санитарныхъ повозокъ, четыре малыхъ, 600 обозныхъ повозокъ, боль-

шое число лошадей и воловъ, много полевыхъ кухонь, телеграфный матеріаль и тому подобные предметы. Въ виду того, что 15-й и 16-й австрійскіе корпуса, а также большая часть 13-го разбиты сербами, послѣдніе снова заняли Вальево и Пожегу. Вальево было занято 25-го ноября къ вечеру. Непрiятель пытался было защитить этотъ городъ, но вынужденъ былъ отступить передъ неустойчивымъ натискомъ сербскихъ войскъ.

Австрійскими аэропланами брошены бомбы одновременно въ три незащищенныхъ города: Цетинье, Никшичъ и Антивари.

26-го ноября въ Нишъ прибыли раненые. Прибытіе ихъ произвело сильное впечатлѣніе на населеніе. Плѣнные имѣли угнетенный и голодный видъ. Плѣнныхъ распредѣлили по различнымъ казармамъ, гдѣ они пользуются наилучшимъ уходомъ.

Вѣнское официальное сообщеніе отъ 26-го ноября, косвенно признающее послѣднюю сербскую побѣду, гласило слѣдующее:

«26-го ноября часть австрійскихъ войскъ въ Сербіи, къ западу отъ Милановца, столкнулась съ превосходными непріятельскими силами и оказалась не въ состояніи пробиться. Чтобы дать возможность отдѣльнымъ частямъ войскъ уклониться отъ успѣшной для непріятеля атаки, имъ было приказано отойти на болѣе выгодныя позиціи».

Великобританское правительство въ дополнительномъ сообщеніи официально увѣдомило, что германскій крейсеръ «Nürnberg» былъ также потопленъ во время сраженія 26-го ноября. Розыски крейсера «Dresden» продолжались.

Главный бой длился пять часовъ съ перерывами. «Scharnhorst» былъ потопленъ послѣ трехчасового боя. «Gneisenau» двумя часами позже. Непрiятельскіе крейсера стали поспѣшно уходить въ разныя стороны, англійскіе же броненосцы и легкіе крейсера преслѣдовали ихъ. Согласно донесеніямъ, британская эскадра не потеряла ни одного судна.

27-го ноября столь же радостныя извѣстія пришли изъ Англiи о блестящей побѣдѣ великобританскаго флота надъ германскими военными судами. Согласно официальному сообщенію великобританскаго адмиралтейства, германскія военныя суда «Scharnhorst», «Gneisenau» и «Leipzig» потоплены британскими крейсерами у Фалкландскихъ острововъ. У англичанъ вышло изъ строя лишь три человѣка.

Бой произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ семь часовъ тридцать минутъ утра 25-го ноября британская эскадра подъ начальствомъ адмирала сэра Фредерика Старда замѣтила германскіе крейсера «Scharnhorst», «Gneisenau», «Nürnberg», «Leipzig» и «Dresden» близъ Фалкландскихъ острововъ. Произошелъ бой, во время котораго «Scharnhorst», шедшій подъ флагомъ адмирала Шпрее, «Gneisenau» и «Leipzig» были потоплены. Крейсера «Dresden» и «Nürnberg» скрылись во время боя; ихъ преслѣдуютъ англійскія суда. Кромѣ того, было захвачено два угольщика. Число павшихъ со стороны англичанъ было весьма ничтожно. Небольшое число оставшихся въ живыхъ изъ экипажей «Gneisenau» и «Leipzig» были спасены.

Уничтоженные англичанами въ бою у Фалкландскихъ острововъ германскіе крейсера «Гнейзенау» и «Шарнгорстъ» почти совершенно одинаковые перво-

классные бронированные крейсера. Оба постройки 1906 года, хода имѣли 23 узла въ часъ, водоизмѣщеніемъ были по 11,600 тоннъ. Вооруженіе несли по 8 восьмидюймовыхъ орудія, по 6 шестидюймовыхъ, по 10 88-миллиметровыхъ по 10 37-миллиметровыхъ автоматическихкихъ и по 4 пулемета. Каждый имѣлъ 4 подводныхъ минныхъ аппарата. Поясная броня на казематахъ и траверсахъ была толщиною въ шесть дюймовъ. Командный составъ—около 650 человѣкъ. «Лейпцигъ» принадлежалъ также къ числу новыхъ, легкихъ бронепалубныхъ крейсеровъ, типа «Бременъ». Построенъ въ 1905 г. Водоизмѣщеніе 3,250 тоннъ. Ходъ имѣлъ въ 23½ узла въ часъ. Вооруженъ десятью 4-дюймовыми и десятью 37-миллиметровыми орудіями, при двухъ подводныхъ аппаратахъ. Командный составъ—389 человѣкъ. Бѣжавшіе «Дрезденъ» и «Нюрнбергъ» по типу близки къ «Лейпцигу», нѣсколько больше его размѣрами и вмѣсто 37-миллиметровыхъ вооружены 52-миллиметровыми орудіями.

27-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что на млавскомъ направленіи бои приобрѣли 25-го ноября менѣе напряженный характеръ. На лѣвомъ берегу Вислы вечеромъ 24-го ноября съ наступленіемъ темноты германцы перешли въ наступленіе одновременно на всемъ фронтѣ Иловъ—Гловно. Непріятель велъ на этомъ фронтѣ настойчивыя повторныя атаки густыми колоннами, но, освѣщаемый нашими прожекторами и неся огромный уронъ отъ нашего огня, былъ повсюду отбитъ. Съ восходомъ луны непріятельскія атаки прекратились. 25-го ноября упорные бои на фронтѣ между Ловичемъ и Иловомъ продолжались, но безуспѣшно для нашего врага. Въ петроковскомъ районѣ бои не внесли особыхъ переменъ. Сраженіе къ югу отъ Кракова продолжалось съ большимъ упорствомъ, имѣя встрѣчный характеръ; германцы, при двукратныхъ попыткахъ прорвать нашъ фронтъ, отброшены назадъ съ большими потерями. На Черномъ морѣ 25-го ноября непріятельскихъ судовъ не было обнаружено.

27-го ноября официально было сообщено слѣдующія свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій на западномъ театрѣ: 26-е ноября въ Бельгіи и въ районѣ Арраса прошло спокойно, непріятель не пытался переходить въ наступленіе. Южнѣе, въ районѣ Кенуа (Quesnoy) и Андеша (Andechy) союзники мѣстами продвинулись впередъ на 200—600 метровъ и утвердились на занятыхъ ими позиціяхъ. Въ районѣ рѣки Энъ и въ Шампани не произошло существенныхъ переменъ; германская артиллерія, надъ которой союзники имѣли перевѣсъ въ предшествующіе дни, обнаружила 26-го ноября болѣе энергичную дѣятельность, но французская тяжелая артиллерія вновь одержала верхъ. Въ окрестностяхъ Реймса она заставила германцевъ очистить нѣсколько траншей, причемъ отступленіе непріятеля происходило подъ огнемъ пѣхоты. Въ районѣ Порть (Porthes) непріятель двумя контръ-атаками пытался вновь занять утерянныя имъ 25-го ноября траншеи, но былъ отброшенъ; занятое пространство тщательно укрѣплено французами. На всей Аргонской возвышенности французы продолжали продвигаться впередъ; здѣсь они заняли новыя траншеи, съ успѣхомъ отбили шесть контръ-атакъ германцевъ и утвердились на отнятомъ у германцевъ пространствѣ. На правомъ берегу Мааса происходили артиллерійскіе бои. Однако, несмотря на проявленную непріятельскими ба-

тарейми энергію, на сторонѣ французовъ былъ явный перевѣсъ. Въ лѣсу Лепретръ французы заняли новыя траншеи. На остальномъ фронтѣ, вплоть до швейцарской границы, не произошло ничего существеннаго.

28-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ слѣдующее: Въ теченіе 26-го ноября особыхъ перемѣлъ не произошло. Отдѣльныя попытки противника перейти въ наступленіе вызвали безуспѣшныя для него бои въ районѣ Цѣхаловъ—Праснышь, а также Петрокова и на нѣкоторыхъ другихъ участкахъ нашего фронта. Въ районѣ переваловъ Вышковъ и Бескидь 25-го ноября, во время атаки укрѣпленной позиціи австрійцевъ нами было взято 4 орудія, свыше 300 плѣнныхъ и много повозокъ.

Официальное сообщеніе французскаго правительства отъ 28-го ноября увѣдомило, что яростная атака германцевъ въ области Ипра была отражена французскими войсками. Французскія траншеи, занятыя передъ тѣмъ германцами, были снова отбиты французами. Непріятель проявилъ 27-го ноября нѣкоторую дѣятельность въ районѣ Ипра, направивъ на линію французскихъ войскъ нѣсколько атакъ. Три изъ нихъ были совершенно отражены; на одномъ лишь пунктѣ фронта германцамъ удалось достигнуть одной изъ нашихъ траншей первой линіи. Французы продолжали продвигаться впередъ въ направленіи линій непріятели. Въ районѣ Арраса и Жювенкура происходили артиллерійскіе бои. Въ Аргоннахъ французы продвинули впередъ нѣкоторыя изъ своихъ траншей и отразили двѣ атаки германцевъ. Въ районѣ Варенна французы упрочили за собой пріобрѣтенія предыдущихъ дней. Германская артиллерія дѣйствовала очень энергично, но не причинила никакихъ потерь. То же было на правомъ берегу Мааса. Въ лѣсу Лепретръ французы продолжали замѣтно продвигаться. Къ югу отъ Танна французы захватили Аспакскій вокзалъ. На остальномъ вогезскомъ фронтѣ происходили артиллерійскіе бои.

Изъ Сербіи къ 28-му ноября были получены слѣдующія извѣстія: 26-го ноября на западномъ и сѣверо-западномъ фронтахъ сербскія войска продолжали преслѣдованіе непріятели въ направленіи Мокра Гора, Байна-Башта, Рогаичицы, Каменицы и Кочелева, гдѣ отдѣльныя австрійскіе отряды на нѣкоторыхъ пунктахъ пытались оказать сопротивленіе, но потерпѣли полную неудачу въ виду неудержимаго натиска сербовъ. На сѣверномъ фронтѣ, въ направленіи Бѣлграда и Младеновца, непріятели атаковали сербскія позиціи, расположенныя къ сѣверу отъ Космая и Младеновца. Несмотря на то, что атаки эти были весьма упорны, всѣ онѣ были отбиты сербами, нанесшими при этомъ австрійцамъ большой уронъ. Непріятель оставилъ на полѣ битвы около 2,500 убитыхъ, не считая тѣхъ, которыхъ онъ похоронилъ. Среди убитыхъ обнаружено много штабъ- и оберъ-офицеровъ, которыхъ непріятели не успѣлъ похоронить. За 26-ое ноября сербы взяли въ плѣнъ всего 30 офицеровъ, трехъ военныхъ врачей, 4,287 солдатъ, 1 хоръ военной музыки, 4 пулемета и большое количество повозокъ.

29-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на млавскомъ направленіи въ теченіе ночи и дня 27-го ноября энергичныя наступленія нѣмцевъ были съ успѣхомъ отбиты и наши войска перешли въ свою очередь въ наступленіе, преслѣдуя мѣстами въ безпорядкѣ отступавшія колонны

противника. Въ районѣ къ сѣверу отъ Ловича непріятель въ ночь съ 26-го на 27-ое ноябрю и весь слѣдующій день велъ яростныя атаки, которыя, однако, были отбиты съ громаднымъ для нѣмцевъ урономъ. За это время наши доблестныя войска отразили всего семь атакъ, причемъ нѣкоторыя части, подпуская противника на прямой выстрѣлъ, своимъ губительнымъ огнемъ обращали нѣмцевъ въ бѣгство. Въ районѣ къ югу отъ Кракова 27-го ноябрю при нашемъ успѣшномъ наступленіи, продолжавшемся, несмотря на упорное сопротивленіе германцевъ, нами захвачено было нѣсколько германскихъ орудій и пулеметовъ, а также до 2,000 плѣнныхъ.

Сербское правительство получило достовѣрныя свѣдѣнія, что австрійскія власти въ тѣхъ частяхъ Сербіи, которыя подверглись нашествію австрійской арміи, уведаятъ въ плѣнъ всѣхъ молодыхъ людей въ возрастѣ отъ 14 до 16 лѣтъ. Королевское сербское правительство обратилось къ правительствамъ тройственного согласія и къ нейтральнымъ державамъ съ энергичнымъ протестомъ противъ подобныхъ неслыханныхъ дѣйствій, напоминающихъ поступки турецкихъ янычаръ въ средніе вѣка. Осмотръ раненыхъ сербовъ, произведенный врачами въ полевыхъ лазаретахъ, подтвердилъ съ полной несомнѣнностью, что австрійскія войска употребляютъ пули думь-думъ. Пораненія, произведенныя этими пулями, были констатированы у 140 раненыхъ. Королевское сербское правительство вошло по этому поводу съ протестомъ къ державамъ тройственного согласія и нейтральнымъ государствамъ. Въ виду занятія сербской арміей Байна-Башты, Рогачицы и Рачи, сербскія гражданскія власти снова водворились во всемъ округѣ Ужицы. Въ Вальево сербскія власти возвратились 27-го ноябрю въ полдень.

Англійскія газеты на основаніи официальныхъ свѣдѣній дали слѣдующую картину положенія германскихъ колоній. Колоніальныя владѣнія германцевъ превращены въ развалины. Германія разбросала свои силы ради тщеславнаго желанія парадировать своимъ морскимъ флагомъ и навязать его другимъ націямъ. Въ надеждѣ содѣйствовать германской торговлѣ Германія истратила 50 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на колоніи, не считая суммъ, вложенныхъ въ нихъ финансистами и промышленниками. Все это нужно считать потеряннымъ навсегда. Матеріальныя потери германскаго флота выражаются въ суммѣ 4 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а людьми въ 3,000 человекъ. Уничтоженіе германскихъ крейсеровъ являлось лишь вопросомъ времени. Когда англійскій флотъ выполнитъ наиболѣе срочныя задачи, какъ-то: заперъ германскія морскія силы и обезпечилъ подвозъ экспедиціонныхъ корпусовъ, тогда адмиралтейство приступило къ разрѣшенію менѣе важныхъ задачъ, приведшихъ къ заранѣе предвидѣнному результату.

29-го ноябрю шведское министерство иностранныхъ дѣлъ опубликовало слѣдующее сообщеніе по поводу гибели шведскихъ судовъ въ Ботническомъ заливѣ:

«Разслѣдованіе о происхожденіи роковыхъ минъ, предпринятое министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, не дало еще опредѣленныхъ результатовъ. Германскія власти заявляютъ, будто мины эти русскія, такъ какъ германцами никакихъ минъ не устанавливалось ко времени катастрофы.

«По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Финляндіи, официальное разслѣдованіе установило, что на мѣстѣ катастрофы разставлено нѣсколько минъ, что мины эти германскаго происхожденія и что за время войны русскіе не разставляли минъ въ Ботническомъ заливѣ. Пловучихъ минъ не было обнаружено вовсе».

30-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что боевыя столкновенія въ районѣ Праснышъ—Цѣхановъ развивались нормально. 27-го и 28-го ноября вновь шли ожесточенныя атаки германцевъ на фронтѣ Иловъ—Ловичъ, продолжаясь день и ночь. Атаки были отбиты съ громаднымъ урономъ для нѣмцевъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ мы съ успѣхомъ переходили въ штыковыя контръ-атаки. На прочемъ протяженіи фронта на лѣвомъ берегу Вислы велась только перестрѣлка, мѣстами непріятель нѣсколько подался назадъ отъ нашихъ боевыхъ линій.

Въ упорномъ бою къ югу отъ Кракова 27-го ноября нами было взято въ теченіе сутокъ 4 орудія, 7 пулеметовъ, до 4,000 плѣнныхъ. 28-го ноября бой продолжался съ прежнимъ напряженіемъ. Въ Карпатахъ на перевалахъ отъ рѣки Дунайца до Валиграда были обнаружены значительныя силы австрійцевъ, пытавшихся переходить въ наступленіе.

30-го ноября официальныя свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій на западномъ театрѣ гласили: 29-го ноября наблюдалось особенное затишье. Непріятель проявлялъ свою дѣятельность преимущественно артиллерійскимъ обстрѣломъ на различныхъ пунктахъ фронта. Впрочемъ, въ районѣ къ югу-востоку отъ Ипра непріятель пытался произвести три энергичныхъ атаки пѣхотою, которыя, однако, были отражены. Въ лѣсу Лепретръ французы серьезно продвинулись впередъ. Въ Вогезахъ непріятель нѣсколько разъ атаковалъ сигнальную вышку, находящуюся къ сѣверо-западу отъ Сенокъ, но былъ отраженъ.

Непріятель окончательно очистилъ западный берегъ Изерскаго канала; французскія войска занимали этотъ берегъ къ сѣверу отъ дома паромщика. Въ районѣ Арраса происходили артиллерійскіе бои. Въ районѣ Намселя французы заставили замолчать непріятельскія батареи. Въ районѣ рѣки Эна тяжелая артиллерія заставила замолчать германскія полевыя батареи. Французы совершенно уничтожили одну германскую гаубичную батарею на сѣверо-востокъ отъ Вайи. Въ районѣ Перра и Грюрійскаго лѣса французы имѣли успѣхъ въ артиллерійскихъ бояхъ и нѣсколькихъ столкновеніяхъ пѣхотныхъ частей. На правомъ берегу Мааса германская артиллерія обнаружила мало дѣятельности; французская же артиллерія, напротивъ, уничтожила въ Демулѣ (Deumonts), къ западу отъ Виньель—Гаттоншатель, двѣ непріятельскія батареи—одну крупнаго калибра, другую предназначенную для обстрѣла аэроплановъ. Въ томъ же участкѣ французы взорвали блокгаузъ и разрушили нѣсколько траншей. Между Маасомъ и Мозелемъ положеніе безъ замѣтныхъ перемѣнъ. Въ Вогезахъ прѣдложались артиллерійскіе бои. Въ районѣ Сенона французы утвердились на позиціяхъ, отбитыхъ наканунѣ.

Къ 30-му ноября были получены слѣдующія вѣсти о продолжавшемся побѣдоносномъ отраженіи храбрыми сербами австрійской арміи. 27-го ноября на сѣверномъ и сѣверо-западномъ фронтахъ сербскія войска продолжали преслѣдовать непріятеля, который поспѣшно и безостановочно отступалъ, и заняли

Байна-Башту, Рогачицу и Каменицу. Въ направленіи Младеновца и Бѣлграда непріятель тщетно пытался атаковать сербскія позиціи, но затѣмъ началъ отступать. Сербскія войска перешли на этомъ фронтѣ въ наступленіе. На фронтѣ Дуная не произошло ничего существеннаго. 28-го ноября сербскія войска взяли въ плѣнъ 7 офицеровъ и 4.770 солдатъ, изъ которыхъ нѣкоторые были ранены. Кромѣ того, сербы захватили 3 пулемета, 8 полевыхъ орудій, одну горную гаубицу, транспорты боевыхъ припасовъ, нѣсколько автомобилей, одинъ прожекторъ, а также большое количество разнаго боевого матеріала, конской упряжи и много повозокъ.

Двигаясь на Бѣлградъ, сербскія войска смяли врага и заняли всѣ важнѣйшія позиціи. Обреновацъ и Гроцка вновь въ рукахъ сербовъ. За послѣднюю недѣлю ими было взято въ плѣнъ свыше 30,000 австрійцевъ, общее же число плѣнныхъ австрійцевъ съ начала кампаніи достигаетъ приблизительно 50,000. Царить увѣренность въ скоромъ изгнаніи австрійцевъ изъ Бѣлграда.

Главнокомандующій сербскими военными силами наслѣдный королевичъ Александръ издалъ слѣдующій приказъ по арміи:

«Солдаты! Благодаря сверхчеловѣческой доблести и благороднымъ жертвамъ, вамъ удалось въ послѣднихъ бояхъ разбить непріятеля, и нынѣ вы съ небывалой въ исторіи быстротой преслѣдуете его армію. Вы разбили четыре корпуса непріятельскихъ войскъ, захватили безконечное количество трофеевъ и впили въ вашу побѣдный вѣнокъ новую вѣтвь своими побѣдами у Овчара, Каблара, Суворора, Мальена, Космая, Лига и Клубары.

«Отстаивая свободу родины, вы воздвигли на этихъ холмахъ и на берегахъ этихъ дорогихъ сердцу нашему рѣкъ величественные и вѣчные памятники своего героизма. Союзники ваши восхищаются вашими побѣдами, а родина будетъ вамъ вѣчно благодарна.

«Я горжусь тѣмъ, что командую вами, что я могу явить моему отцу новый примѣръ доблести моихъ неопѣнимыхъ витязей. Привѣтствуя васъ, мой герой, я прошу васъ съ прежней желѣзной волей преслѣдовать непріятеля. Гоните его изъ предѣловъ нашей дорогой родины! Возстановите очаги слабыхъ, безжалостно изгнанныхъ непріателемъ, карайте его до конца и докажите ему въ третій разъ, какъ сербы умѣютъ защищать свою родину. Гоните эти жестокія полчища прочь отъ Дрины и Савы! Слава павшимъ въ честномъ бою, да здравствуютъ доблестные офицеры и солдаты!

«Главнокомандующій сербской арміей наслѣдный королевичъ *Александръ*».

1-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на млавскомъ направленіи наше наступленіе окончилось успѣхомъ на всемъ фронтѣ. 29-го ноября мы овладѣли непріятельской позиціей въ районѣ Праснынь—Цѣхановъ и преслѣдовали отходившаго къ границѣ противника, причемъ наша конница у Журоминка произвела успѣшную конную атаку и нанесла большія потери противнику. На фронтѣ Ловичъ—Иловъ ожесточенныя атаки германцевъ продолжались. Нанеся противнику крупный уронъ, наши войска заняли въ этомъ районѣ новую позицію къ сѣверу отъ Бзуры. Въ другихъ районахъ лѣваго берега Вислы происходили лишь небольшія боевыя столкновения.

Къ югу отъ Кракова продолжало оставаться безъ перемѣнъ, бои не закончены. Въ Карпатахъ продолжалось маневрированіе нашихъ и непріятельскихъ войскъ.

Изъ штаба кавказской арміи 1-го декабря пришли слѣдующія извѣстія:

27-го ноября, около двухъ часовъ дня, «Гебень», сопровождаемый крейсеромъ «Берки-Сответъ», подошелъ къ Батуму и пытался обстрѣливать городъ и крѣпость, но, какъ только форты открыли огонь, поспѣшно удалился, успѣвъ выпустить только 15 снарядовъ, причинившихъ ничтожныя поврежденія.

28-го ноября въ теченіе цѣлаго дня шель бой на фронтѣ селеній Парускъ, Эсмеръ и Дуцахъ. Противникъ по всему фронту былъ отброшенъ за рѣку Евфратъ, понеся значительныя потери. Нашъ отрядъ захватилъ гуртъ скота въ 1.400 головъ. У селеній Асурли и Башъ-кала шель бой.

1-го декабря пришла радостная для всѣхъ насъ вѣсть о новомъ геройскомъ подвигѣ доблестной сербской арміи и ея храбраго вождя. Послѣ ожесточеннаго боя сербскія войска вступили въ Бѣлградъ. Австрійцы потерпѣли полное пораженіе. Сэрбами было взято огромное количество военнаго матеріала, нѣсколько тысячъ плѣнныхъ; среди нихъ много офицеровъ. Въ странѣ царило всеобщее восторженное ликованіе.

Между Нишемъ и Салониками было возстановлено желѣзнодорожное сообщеніе. Сербскія доблестныя войска продолжали на всемъ протяженіи фронта побѣдоносно наступать. Ими были вновь заняты Зворникъ, Лозница и Шабаць, вслѣдствіе чего отступленіе австрійцевъ черезъ Дрину въ Боснію отрѣзано и они принуждены, подъ натискомъ сербскихъ войскъ, спѣшно переправляться черезъ Дунай и Саву. Потери австрійцевъ людьми и военными припасами достигали огромнаго количества.

Въ Вѣнѣ понесенное въ Сербіи пораженіе австрійскихъ войскъ было замаскировано слѣдующимъ официальнымъ сообщеніемъ:

При наступленіи отъ Дрины въ юго-восточномъ направленіи австрійскія войска встрѣтили на юго-востокъ отъ Вальево значительно превосходящія ихъ численностью непріятельскія войска, что заставило не только отказаться отъ дальнѣйшаго наступленія, но и произвести въ болѣе обширномъ размѣрѣ обратное движеніе. Создавшееся отсюда общее положеніе обусловило принятіе новаго плана военныхъ операцій.

1-го декабря великобританское адмиралтейство сообщило, что британская подводная лодка «В. 11» 20-го ноября, несмотря на сильное встрѣчное теченіе, вошла въ Дарданеллы и, пройдя подъ пятью рядами минъ, выпустила мину по охранявшему минныя загражденія турецкому линейному кораблю «Мессудіэ». Несмотря на открытый по подводной лодкѣ артиллерійскій огонь и на преслѣдованіе миноносцами, подводная лодка благополучно вернулась, причѣмъ во время своего плаванія провела девять часовъ подъ водой. При выходѣ изъ Дарданеллъ съ подводной лодки было замѣчено, что «Мессудіэ» кормою погружается въ воду.

Затопленный англійской подводной лодкой въ Дарданеллахъ турецкій броненосецъ второго ранга «Мессудіэ» былъ построенъ въ Англии въ 1874 году и капитально перестроенъ въ Италіи въ 1903 г. Водоизмѣщеніе броненосца 9,250 тоннъ, вооруженіе его составляютъ два 9,2-дюймовыхъ, двѣнадцать 6-дюймовыхъ, четырнадцать 76-миллиметровыхъ и десять 57-милли-

метровых орудій. Скорость хода его около 17 узловъ, экипажъ 600—650 человекъ.

На фронтъ между моремъ и р. Уазой не произошло ничего существеннаго. Въ районѣ р. Эна, на сѣверо-западѣ отъ Супира непріятель подвергъ французскія траншеи ожесточенной бомбардировкѣ, французы отвѣчали и произвели опустошенія въ его траншеяхъ; пѣхота не производила атакъ ни съ союзной, ни съ непріятельской стороны. Артиллерійскимъ огнемъ были разрушены важныя непріятельскія укрѣпленныя позиціи близъ Айль (Ailles). На Аргонской возвышенности и въ Грюрійскомъ лѣсу французы слегка продвинулись впередъ у Минь; здѣсь непріятель не производилъ атакъ. На правомъ берегу Мааса происходилъ сильный артиллерійскій бой; непріятельскія батареи, повидимому, передвинулись къ сѣверу. Въ Веврѣ французы захватили линію траншей на фронтъ въ 500 метровъ въ Мормарскомъ лѣсу, а затѣмъ отбили двѣ ожесточенныя контръ-атаки германцевъ. Въ Эльзасѣ французы въ результатъ своихъ успѣховъ продвинули свой фронтъ до линіи, проходящей отъ холмовъ въ 425 метровъ къ сѣверу отъ Штейнбаха, на Аспакскій мостъ и далѣе, на мостъ у Бренигофена (Brenighoffen), въ 1,500 метрахъ къ востоку отъ Эглингена.

Въ Бельгіи французскія войска произвели нѣсколько атакъ и продвинулись впередъ вдоль Ипрскаго канала и къ западу отъ Голлебеке. Произведенныя германцами ожесточенныя атаки были всѣ отбиты французскими войсками. Станція Коммерси обстрѣливалась германской батареей съ очень большого разстоянія. Причиненныя поврежденія были незначительны. Въ Эльзасѣ переходъ непріятели въ наступленіе къ сѣверо-западу отъ Серна потерпѣлъ неудачу.

1-го декабря шведское телеграфное агентство сообщило: «По приглашенію короля шведскаго, въ Мальмѣ 5 декабря состоится свиданіе шведскаго, норвежскаго и датскаго королей. Монарховъ будутъ сопровождать министры иностранныхъ дѣлъ. Предстоящее свиданіе свидѣтельствуетъ о дружественныхъ отношеніяхъ, связывающихъ всѣ три сѣверныя королевства, и полномъ единодушіи ихъ въ вопросѣ о соблюденіи политики нейтралитета, которой они держались до сихъ поръ. Свиданіе это имѣетъ главной цѣлью предоставить монархамъ возможность обмѣняться взглядами относительно способовъ, путемъ которыхъ можно было бы уменьшить экономическія затрудненія, которыя испытываютъ всѣ три страны вслѣдствіе войны въ Европѣ».

1-го декабря состоялось открытіе сессіи парламента султаномъ, который въ пространной рѣчи изложилъ турецкую точку зрѣнія на объявленіе войны, а равно указалъ на явившуюся необходимость объявленія священной войны противъ державъ тройственнаго согласія, которыя рѣшили уничтожить Турцію. По приглашенію султана, бывший хедивъ Египта присутствовалъ на открытіи парламента въ султанской ложѣ. Населеніе проявило полное равнодушіе къ открытію парламента, сессія котораго, по всѣмъ вѣроятіямъ, продлится не больше мѣсяца.

2-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что въ теченіе 30-го ноября на всѣхъ фронтахъ крупныхъ боевыхъ столкновеній не

происходило. На млавском направлении мы продолжали теснить отступавшие германские войска. На левом берегу Вислы положение оставалось без перемен. В район Дуклинских проходов австрийские колонны начали переправляться на северные склоны Карпат. 29-го ноября на фронт кавказской армии происходили лишь незначительные боевые столкновения.

Главная германская квартира следующим образом изобразила в своем сообщении от 2-го декабря поражение германцев у Млавы:

«Германская колонна, продвинувшаяся от Сольдау через Млаву к Цьханову, в виду численного превосходства неприятеля, вновь заняла свои прежние позиции. Неблагоприятная погода оказывает влияние на наши операции».

2-го декабря французское правительство сообщило следующее: «На пространстве от моря до р. Лиса англичане заняли небольшой кусок к юго-западу от Вейтсхате (Wyttschaete), пространство, занятое французами 1-го декабря вдоль Ипрского канала к западу от Холлебеке, было удержано французами, несмотря на стремительные контр-атаки неприятеля. От бельгийской границы до р. Соммы не произошло ничего существенного. На пространстве от Соммы до Аргонской возвышенности происходила по временам незначительная артиллерийская перестрелка, за исключением района Круи, где артиллерийский бой имел более упорный характер. На Аргонской возвышенности французы немного продвинулись вперед и удержались на занятых ими в предшествующие дни позициях. В Вогезах станция Сень-Леонар (St.-Leonard), к югу от Сень-Дие, подверглась ожесточенной бомбардировке с большого расстояния. В Эльзасе артиллерия неприятеля обнаруживала энергичную деятельность. За исключением Штейнбаха, где германской пехоте удалось удержаться после атаки, направленной из Уффгольца, французы здесь всюду сохранили ранее занятые позиции».

2-го декабря из Лондона было официально сообщено, что после периода сравнительного затишья бои на севере Франции возобновились. Скомбинированная атака союзных сил, произведенная 1-го декабря на линии Троллебеке—Вейтсхате, имела результатом занятие нескольких германских траншей и взятие в плен значительного числа германцев; в общем союзники имели существенный успех.

Согласно достоверным донесениям от 2-го декабря, австрийцы перед своим отступлением из городов и селений, временно ими занятых, и на этот раз поступали, как дикие завоеватели, уничтожая имущество жителей и убивая людей. Австрийцы вновь позволили себе невозможные насилия над мирными жителями, часть которых либо увели, либо убили. Всюду на своем пути неприятель оставил следы невбродитнейших насилий. Вальево находится в самом печальном положении. В подтверждение этого сербское «Прессбюро» перечисляет фамилии убитых сельских старост и отмечает факты нахождения трупов убитых стариков, старух, подростков и детей, причем некоторые трупы оказались частью обугленными.

Помощник начальника штаба главной сербской квартиры, полковник Живко Павлович, сообщил 2-го декабря следующее:

«Его величество король, его высочество наследный королевич Александр и королевич Георгій вступили во главѣ побѣдоносной сербской арміи въ Бѣлградъ. Непосредственно вслѣдъ за этимъ было совершено торжественное молебствіе по случаю занятія вновь столицы. Въ настоящее время на сербской территоріи нѣтъ ни одного австрійскаго солдата».

Согласно сообщенію французскаго правительства отъ 3-го декабря, за истекшія сутки французскія войска немного продвинулись впередъ къ сѣверо-востоку отъ Ньюпорта, къ юго-востоку отъ Ипра и вдоль желѣзной дороги въ направленіи на Лабассэ.

Англійская эскадра энергично бомбардировало селеніе Вестенде, находящееся къ сѣверо-востоку отъ Ломбаргзиде. Бельгійская армія отбила контръ-атаку германцевъ противъ Сень-Жоржа и заняла фермы на лѣвомъ берегу Изера.

Французскія войска, уже ранѣе отбившія у германцевъ часть территоріи въ направленіи Клейнциллебене, продолжали продвигаться впередъ въ районѣ Сентъ-Элуа, но уже болѣе медленно. Въ районѣ Арраса, рѣки Эн и Шампани происходили артиллерійскіе бои, причемъ на многихъ пунктахъ перевѣсъ былъ на сторонѣ французовъ.

На Аргонской возвышенности не произошло ничего существеннаго. Въ Веврѣ французы отбили нѣсколько атакъ германцевъ въ Мормарскомъ лѣсу и удержали за собой всѣ траншеи, взятыя 2-го декабря. Въ Эльзасѣ французы отбили атаки германцевъ на западѣ отъ Сернэ».

РОМАНЪ ПРИНЦЕССЫ ІЕВЕРСКОЙ.

Историческая повѣсть.

I.

ВЫЛО ТЕПЛОЕ апрѣльское утро 1806 года. Въ церкви свв. Захарія и Елизаветы, что въ кавалергардскихъ казармахъ, у Таврическаго сада, только что окончилась обѣдня съ молебствіемъ по случаю возвращенія полка изъ австрійскаго похода, гдѣ при Аустерлицѣ полкъ покрылъ себя славою и заслужилъ одобреніе самого Наполеона своею блестящей атакой, но лишился почти половины своего наличнаго состава. На огромномъ казарменномъ дворѣ уже выстроились блестящіе кавалергардскіе эскадроны, «вороные», «гнѣдые» и «сѣрые» по масти своихъ лошадей, и солнце играло своими лучами на стальныхъ кирасахъ солдатъ, заботливо равнявшихся въ шеренги и тщательно осматривавшихъ свою аммуницію. Группа офицеровъ съ командиромъ полка, лихимъ кавалерійскимъ генераломъ Николаемъ Ивановичемъ Депрерадовичемъ, собралась у въѣзда во дворъ и оживленно бесѣдовала между собою. Все это былъ народъ рослый, здоровый, красивый, почти всѣ съ боевыми отличіями за Аустерлицъ; они весело, жизнерадостно болтали между собою то по-русски, то по-французски, оглядываясь иногда привычнымъ взглядомъ на стоявшій за ними блестящій полкъ. Офицеры любили своего командира,

истор. вѣстн., январь 1915 г., т. сxxxix.

1

привлекавшаго сердца подчиненныхъ своимъ остроуміемъ и добротой, и окружили его тѣсной толпой.

— Господа офицеры,—раздался вдругъ звонкій и громкій голосъ Депрерадовича послѣ того, какъ съ Захарьевской улицы подъѣхалъ на взмыленной лошади ѣздовой:—прошу васъ по мѣстамъ. Сейчасъ на парадъ нашъ пріѣдетъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Уже одиннадцать часовъ, а вы знаете, что онъ опаздывать не любитъ.

Офицеры отъѣхали къ своимъ эскадронамъ, а Депрерадовичъ выѣхалъ на улицу встрѣтить великаго князя, командовавшаго въ то время всей гвардіей. Великій князь Константинъ, дѣйствительно, уже приближался верхомъ къ казармамъ въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ. Отвѣтивъ на честь, отданную ему Депрерадовичемъ и принявъ отъ него рапортъ, великій князь, сильно напоминавшій своимъ лицомъ императора Павла, вдругъ покраснѣлъ, надулъ тонкія, почти безкровныя губы и проговорилъ:

— Ну, что, въ порядкѣ ли ваши вольнодумцы? Парадъ, вѣдь, не сраженіе, гдѣ каждый самъ за себя и что ци дѣлаетъ—все съ рукъ сходить!.. Вотъ ужъ посмотрю, посмотрю,—прибавилъ онъ, нервно держа за мундштукъ гарцовавшую подъ нимъ лошадь и почти не слушая отвѣтовъ командира, не отнимавшаго руки отъ каски.—Вотъ увидите, что я скажу имъ сейчасъ.

Цесаревичъ двинулся на полковой дворъ и, встрѣченный по уставу, поздоровался съ людьми и объѣхалъ всѣ эскадроны, зорко вглядываясь въ солдатъ и лошадей. Полкъ какъ бы застылъ во время этого объѣзда, и мертвая тишина лишь изрѣдка нарушалась храпомъ нѣкоторыхъ лошадей. И люди, и лошади будто превратились въ изваянія, не смѣя даже громко дышать, и цесаревичъ даже косился въ ту сторону, откуда раздавался лошадиный храпъ, столь преступный въ эту торжественную минуту.

«Эхъ, ты, Баловень, погубить меня хочешь!—пронеслось въ головѣ правофланговаго кавалергарда, когда его любимый конь всхрапнулъ подъ носомъ проѣзжавшаго цесаревича:—дисциплины не знаешь».

Но все обошлось въ концѣ концовъ благополучно: и солдаты, и лошади выдержали испытаніе. Затѣмъ цесаревичъ произвелъ ученіе, но, кончивъ его, подъѣхалъ къ фронту и вдругъ громогласно сказалъ:

— Я слышалъ, что кавалергарды считаютъ себя обиженными мною, и я готовъ предоставить имъ сатисфакцію,—кто желаетъ?

Сказавъ это, онъ осадилъ свою лошадь и насмѣшливо посмотрѣлъ на Депрерадовича и ближайшихъ къ себѣ офицеровъ. Лицо его подернулось улыбкой, глаза сузились, и онъ, очевидно, наслаждался смущеніемъ, которое выразилось на всѣхъ обращенныхъ къ нему офицерскихъ и солдатскихъ изваяніяхъ.

«Никакъ я съ ума спятилъ?—подумаль бравый вахмистръ «гнѣдого» эскадрона Ларіонова, близъ котораго остановился великій князь Константинъ:—а, можетъ статься, и не дослышалъ. Какъ же такъ? Братъ царевъ и накося,—сатисфакція! Чудно что-то».

Но каменные изваянія, въ головѣ которыхъ, вѣроятно, были тѣ же мысли, что и у Ларіонова, не сморгнули предъ пристальнымъ, ѣдкимъ взглядомъ августѣйшаго своего начальника. Уже великій князь тронулъ свою лошадь, довольный произведеннымъ эффектомъ, когда изъ-за четвертаго, «сѣраго» эскадрона вдругъ вынесся высокій, молодой офицеръ, глаза котораго блистали удалю и умомъ, подскакалъ къ цесаревичу и, лихо осадивъ свою лошадь у самаго его стремени, приложилъ свою руку къ каскѣ.

— Ротмистръ Луинъ! Что скажете?—спросилъ его великій князь, слегка отшатнувшись при его внезапномъ появленіи.

— Ваше высочество,—почтительно, но смотря ему прямо въ глаза, отвѣчалъ Луинъ:—честь такъ велика, что одного я только опасуюсь, что никто изъ товарищей не согласится уступить ее мнѣ.

Великій князь круто повернулъ свою лошадь и подъѣхалъ къ Депрерадовичу, не сказавъ Луину ни слова. Поговоривъ съ нимъ нѣсколько минутъ, онъ снова обратился къ полку со словами: «спасибо, ребята!» и подъ крики солдатъ: «рады стараться, ваше императорское высочество», выѣхалъ изъ кавалергардскихъ казармъ въ сопровожденіи обоихъ безмолвныхъ своихъ адъютантовъ, позабывъ даже пропустить полкъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, что онъ всегда дѣлалъ даже при ученіи. Депрерадовичъ исполнилъ это по отѣздѣ цесаревича, но всѣ исполнили эту повинность какъ бы во снѣ, машинально. У всѣхъ была одна мысль: «что-то будетъ, что-то будетъ!» Солдаты видѣли потомъ, какъ офицеры окружили Луина, жали ему руку, а нѣкоторые даже цѣловали его. Депрерадовичъ ушелъ съ плаца, холодно простившись съ офицерами и не пригласивъ ихъ къ себѣ на уже заготовленный пирогъ и замороженное шампанское, какъ этого всѣ ожидали.

«Заварили кашу другіе, а расхлебывать буду одинъ я»,—мрачно думалъ про себя несчастный командиръ.

Почти прямо съ ученія Депрерадовичъ поѣхалъ съ рапортомъ о случившемся къ самому императору Александру.

II.

«La troupe dorée», какъ называли Кавалергардскій полкъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, съ давнихъ поръ не нравилась великому князю Константину Павловичу. Страстный поклонникъ фронталоваго обученія въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ на прусскій манеръ, строгій формалистъ во внѣшнихъ проявленіяхъ

нiяхъ и обрядахъ службы—до послѣдней пуговицы и крючка на мундирѣ, онъ смотрѣлъ на кавалергардовъ, какъ на парадное войско, употребляемое для придворныхъ церемонiй, называлъ ихъ «бархатниками» и отрицалъ въ нихъ всякiй воинскiй духъ, отдавая предпочтенiе конной гвардiи, которой онъ самъ командовалъ при Павлѣ. Конногвардейцы доведены были имъ до высшей степени возможнаго, по его мнѣнiю, совершенства въ военномъ дѣлѣ нѣмецкими штукмейстерами и берейторами; кавалергарды, сравнительно съ ними, казались «лѣнивцами» и «нѣженками». Были и другiя причины, заставлявшiя великаго князя Константина неблагосклонно относиться къ Кавалергардскому полку,—такъ сказать, политическаго свойства, связанныя съ отношенiемъ его къ службѣ. Офицеры-кавалергарды почти всѣ принадлежали къ богатому русскому дворянству и смотрѣли на службу свою какъ на путь чести, позволяя себѣ даже относиться критически къ дѣйствiямъ своего начальства, тогда какъ въ конной гвардiи офицерство состояло почти все изъ нѣмцевъ, преимущественно остзейцевъ, и конногвардейскiе офицеры въ службѣ своей видѣли въ будущемъ единственный источникъ счастья, а въ строгомъ и тупомъ исполненiи всѣхъ самыхъ мелочныхъ приказанiй цесаревича—свою особую заслугу. Оттого въ Конногвардейскомъ полку русскимъ солдатамъ приходилось куда хуже и тяжелѣе, чѣмъ въ Кавалергардскомъ, гдѣ офицеры были для нихъ свои люди, свои «господа», въ патрiархальныхъ отношенiяхъ крѣпостнаго права. Между Кавалергардскимъ и Конногвардейскимъ полками возникло поэтому нѣкоторое соперничество и служебная ревность: кавалергарды, смѣясь надъ нѣмцами конной гвардiи, называли ее не полкомъ, а regimentомъ, увѣряли, что тамъ и командуютъ только по-нѣмецки, и рассказывали объ офицерахъ regimentа самые смѣшныя анекдоты. Сдѣлавшись корпуснымъ командиромъ по воцаренiи брата, цесаревичъ Константинъ, разумѣется, сталъ на сторонѣ любимыхъ своихъ конногвардейцевъ и началъ придираться къ «бархатникамъ» и ихъ командиру, Депреядовичу; въ австрiйскомъ походѣ по пустому поводу онъ лишилъ его командованiя на двадцать четыре часа и приказалъ ему слѣдовать зади полка. Кромѣ того, онъ преслѣдовалъ ихъ сарказмами при каждомъ удобномъ случаѣ. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что въ петербургскомъ обществѣ стали громко говорить о невозможномъ положенiи кавалергардскихъ офицеровъ. Императоръ Александръ узналъ объ этомъ и далъ совѣтъ брату извиниться предъ обществомъ офицеровъ. Мы видѣли, какъ этотъ совѣтъ былъ исполненъ цесаревичемъ. Не мудрено, что ротмистръ Лунинъ привелъ товарищей въ восхищенiе своимъ отвѣтомъ великому князю, и, разойдясь изъ казармъ, они долго еще толковали, чѣмъ можетъ кончиться все это дѣло для того и другаго.

Офицеровъ четвертаго эскадрона пригласилъ къ себѣ «на супъ» штабсъ-ротмистръ Ѳедоръ Александровичъ Уваровъ, женатый на сестрѣ Лунина, Марьѣ Сергѣевнѣ. Его приглашенія были оригинальны и небезопасны: всякаго товарища, не воспользовавшагося его приглашеніемъ, онъ вызывалъ на дуэль. Съ претензіями на умъ, весьма посредственный, и красоту, которой онъ не обладалъ, Уваровъ соединялъ чисто-русское хлѣбосольство; къ товарищамъ относился дружески и участливо. Офицеры съ охотой отозвались на зовъ Уварова, «супъ» котораго при ближайшемъ знакомствѣ оказывался чистѣйшимъ шампанскимъ; притомъ они хотѣли поговорить еще о полковыхъ дѣлахъ и выпить за здоровье Лунина.

Вино развязало языки у гостей Уварова, среди которыхъ отличался своимъ рѣзкимъ, высокимъ голосомъ эскадронный командиръ, князь Николай Григорьевичъ Реннинъ-Волконскій. Сотый разъ онъ рассказывалъ товарищамъ, какъ послѣ блестящей атаки при Аустерлицѣ онъ былъ взятъ въ плѣнъ и, раненый въ голову и контуженный въ грудь, былъ представленъ Наполеону съ остатками своего эскадрона, въ которомъ уцѣлѣло только восемнадцать человекъ. Реннинъ старался изобразить передъ слушателями и голосъ, и приемы «маленькаго капрала».

— Кто старшій?—спросилъ Наполеонъ. Ну, позвали меня. «Вы — командиръ кавалергардскаго полка императора Александра?»—Я командовалъ эскадрономъ, говорю.—«Вашъ полкъ честно исполнилъ свой долгъ». Знаете, онъ сказалъ это такъ серьезно, искренно, что у меня чуть слезы не брызнули изъ глазъ: развѣ нашъ «курносый» когда-либо скажетъ что-нибудь подобное? Я забылъ и то, что онъ нашъ врагъ, и то, что онъ проклятый корсикаонецъ, и сказалъ ему: «Похвала великаго полководца есть лучшая награда солдату». А онъ такъ же, знаете, задумчиво и серьезно: «Съ удовольствіемъ отдаю ее вамъ». И потомъ приказалъ возвратить намъ свободу. Ахъ, господа, глядя на него, совсѣмъ забываешь, что онъ «маленькій капраль»!

— И вы совсѣмъ не хорошо дѣлаете, князь, что такъ говорите о врагѣ нашего государя,—сказалъ ротмистръ баронъ Левенвольде, случайно попавшій въ Кавалергардскій полкъ и слывшій за передатчика повостей высшему начальству.

— А ты, нѣмецъ, молчи,—сказалъ Уваровъ, уже сильно выпившій:—а не нравится слушать,—уйди по добру по здорову. Тебѣ не мѣшаютъ врать по-русски, холостая твоя душа. Онъ, господа, про мою сестру, дѣвушку, сказалъ недавно, что она холостая.

— Вамъ, баронъ, съ вашимъ знаніемъ русскаго языка лучше было бы служить въ regimentъ,—замѣтилъ старшій изъ братьевъ Каблуковыхъ.

— А я уже о томъ просилъ его высочество и теперь буду рапортъ подавать,—возразилъ Левенвольде:—карошій полкъ, не хуже нашего.

— И товарищи—твои же нѣмцы,—продолжалъ Каблуковъ:—и намъ легче будетъ: отъ нѣмца избавимся.

Левенвольде насупился и вскорѣ исчез незамѣтно изъ подгулявшей компаніи.

— Что непонятно для меня,—сказалъ одинъ изъ офицеровъ, Евдокимъ Васильевичъ Давыдовъ:—такъ это то, что и послѣ Аустерлица цесаревичъ все на насъ злобствуетъ. Вѣдь это, товарищи, первый нашъ не придворный, а военный подвигъ, вѣдь мы своей атакой на жизнь и смерть спасли чуть не всю гвардію, когда пѣхота и тотъ же Конногвардейскій полкъ были отрѣзаны отъ пути отступленія. А вѣдь онъ намъ потомъ и спасибо не сказалъ простого, и что же, Михайла Сергѣичъ,—обратился онъ къ Лунину,—ты думаешь, будетъ онъ съ тобою драться?

— Думаю, не допустятъ,—сказалъ, улыбаясь, Лунинъ, славившійся своими дуэлями:—иначе мнѣ въ полку не оставаться, да и теперь, пожалуй, попросятъ въ отставку. Голубчикъ, ты о чемъ призадумался?—обратился онъ къ штабсъ-ротмистру Охотникову, молодому красавцу, молча сидѣвшему въ креслѣ и, повидимому, безучастно относившемуся къ разговору.

— Горько, друзья,—медленно отвѣтилъ Охотниковъ:—и думать мнѣ о томъ, что не раздѣлялъ я ни трудовъ, ни славы вашей. Тяжко было мнѣ сидѣть въ своей воронежской деревнѣ, лечиться и думать, что дѣлается съ вами. Какъ только почувствовалъ себя въ силахъ,—я поспѣшилъ къ вамъ, и гдѣ засталъ полкъ! Уже въ Брестѣ, на возвратномъ пути въ Петербургъ! Чувствую, что сталъ будто чужой въ полку послѣ этого.

— Не напускай на себя... омбража, что ли,—замаялся Лунинъ:—не ты, вѣдь, одинъ, и потомъ—кому что на роду написано. Можетъ, и тебѣ судьба готовить что-либо доброе, даже больше, чѣмъ намъ.

— Давно уже я Алешѣ про то говорю, а онъ хмурый такой, все ему не по себѣ,—живо заговорилъ поручикъ Прокудинъ, другъ Охотникова, пользовавшійся среди товарищей за свою мягкость и доброту славою блаженнаго миротворца,—да, видно, онъ и по сейчасъ нездоровъ еще. Ты, Алеша, Бога благодари, что не видѣлъ этой крови, этого избіенія человѣческаго. А я видѣлъ и по воинскому долгу своему самъ кровь проливалъ. Такъ мнѣ Господь судилъ, а тебѣ иное что...

— Нѣтъ,—сказалъ князь Репнинъ:—Алексѣй Неофитовичъ не такъ боится крови, какъ говорить. Онъ рубился, какъ богатырь: повернетъ рукой направо—тамъ улица, налево—переулочекъ. А самъ получилъ только нѣсколько царапинъ.

— Все пустое говорите вы, князь,—отозвался Прокудинъ, краснѣя:—на мѣстѣ Алеши я не тужилъ бы, право. Вѣдь съ Наполеономъ-то не все еще кончено. Слухи идутъ, что новая война будетъ: миръ не ладится изъ-за прусскаго короля.

— Pour les beaux yeux de la reine de Prusse,—разсмѣялся князь Трубецкой:—королева Луиза обворожила нашего государя, и отъ нея зависитъ теперь для насъ война или миръ! Вы бываете по-прежнему у княгини Натальи Ѳеодоровны Голицыной, Алексѣй Яковлевичъ?—спросилъ онъ Охотникова:—Вѣдь, она, кажется, вамъ родственница?

— Да,—протянулъ Охотниковъ.

— Она — бывшая фрейлина принцессы Геверской и хорошо знаетъ сильныхъ міра сего. Я самъ встрѣчалъ у ней и принцессу. Она лучше насъ знаетъ, будетъ ли у насъ война. А вамъ, Охотниковъ, въ самомъ дѣлѣ, видно, нездоровится. Идите себѣ домой съ Прокудинымъ, покуда мы съ Давыдовымъ будемъ уничтожать уваровскій супъ.

Охотниковъ какъ будто ждалъ этого приглашенія. Онъ поднялся, простился съ присутствующими и вышелъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Прокудинымъ.

Знаете, господа,—сказалъ Давыдовъ:—на Охотникова и смотрѣть жалко: не жилецъ онъ на этомъ свѣтѣ, вотъ что!

Кутежъ продолжался. Лишь поздно вечеромъ къ Уварову пріѣхалъ Депрерадовичъ, объяснилъ офицерамъ поведеніе цесаревича на ученіи и добавилъ, возвысивъ голосъ, что, по высочайшему повелѣнію, все дѣло Лунина предается забвенію...

III.

Не всѣ офицеры Кавалергардскаго полка принадлежали къ высшему обществу столицы по своему происхожденію, но всѣ они имѣли туда доступъ по своимъ связямъ. Къ числу ихъ принадлежалъ и Алексѣй Яковлевичъ Охотниковъ. Отецъ его, помѣщикъ Землянскаго уѣзда Воронежской губерніи, оставилъ тремъ сыновьямъ своимъ хорошее имѣніе почти въ тысячу душъ. Въ самомъ концѣ царствованія Павла онъ со старшимъ братомъ своимъ Петромъ пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь, семнадцатилѣтнимъ юношей, поступилъ на службу сенатскимъ регистраторомъ. Скоро послѣ этого умеръ братъ его, и княгиня Голицына, будучи въ то время еще княжной Шаховской, употребила свое вліяніе, чтобы опредѣлить молодого своего родственника въ самый аристократическій по тому времени полкъ, въ кавалергардскій, эстандартъ-юнкеромъ. Красавецъ собой, тихій, молчаливый, Охотниковъ такъ мало, по мнѣнію княжны, похожъ былъ на подъяческую крысу! Гражданская служба въ то время не пользовалась еще ува-

женіемъ. Уже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по протекціи княжны, Охотниковъ произведенъ былъ въ корнеты, и тогда княгиня допустила его въ избранный кругъ своихъ знакомыхъ. Воспитанный въ деревнѣ гувернеромъ—французскимъ аббатомъ, Охотниковъ обладалъ всѣми данными, чтобы быстро освоиться въ обществѣ княжны, состоявшемъ по преимуществу изъ французовъ-эмигрантовъ и придворныхъ дамъ, находившихся подъ ихъ вліяніемъ. Изъ сенатскаго регистратора Алексѣй Яковлевичъ превратился мало-по-малу въ обаятельнаго кавалергарда, привлекавшаго къ себѣ сердца женщинъ не только глубокими темно-синими глазами, но и поразительной мягкостью характера и не менѣе поразительною скромностью. Побѣды кавалергардскихъ офицеровъ на поприщѣ любви большею частью въ то время бывали шумны: списки этихъ побѣдъ болѣе или менѣе извѣстны были обществу или, по крайней мѣрѣ, товарищамъ. Но Охотниковъ былъ или недоступенъ чувству любви, или умѣлъ хорошо скрывать свои побѣды. Какъ ни увлекали его свѣтскія красавицы разныхъ возрастовъ, какъ ни старалась сама княжна сблизить его съ своими подругами, молодой кавалергардъ, при всей своей любезности, не далъ никому никакихъ основаній хотя короткое время мечтать, что сердце его не-свободно. Это давало ему ореолъ таинственности, раздражало женское любопытство, побуждало записныхъ кокетокъ изъ числа несчастливыхъ женъ старыхъ мужей къ открытымъ, яростнымъ атакамъ на Охотникова, а онъ, онъ съ замѣчательнымъ тактомъ умѣлъ отбиваться отъ всѣхъ нападеній, не оскорбляя ни въ комъ чувства женскаго самолюбія. Другъ Охотникова, поручикъ Прокудинъ, на вопросы товарищей-офицеровъ клятвенно увѣрялъ, что другъ его чистъ, какъ младенецъ, и бывалъ очень обиженъ, когда эти увѣренія его принимались со смѣхомъ и остротами... Между тѣмъ, всѣмъ кавалергардамъ хорошо было извѣстно, что Охотниковъ почти все свободное отъ службы время проводилъ дома и занимался чтеніемъ, хотя не чуждался и товарищескихъ шушукъ.

Въ дѣйствительности, Охотниковъ былъ давно влюбленъ и безнадёжно. Приѣхавъ однажды къ княжнѣ Шаховской въ неурочное время, Охотниковъ случайно засталъ у ней ея покровительницу, принцессу Луизу Іеверскую. Принцесса давно была извѣстна молодому офицеру, который видѣлъ ее изрѣдка на дворцовыхъ выходахъ во всемъ блескѣ ея сана въ обществѣ ея мужа. Теперь онъ увидѣлъ ее вблизи, въ частномъ быту, въ простой семейной обстановкѣ. Восхитительная блондинка, принцесса въ двадцать пять лѣтъ казалась совершенной богиней граціи и изящества. Высокій лобъ, на диво отточенныя черты ея лица, небесный взглядъ голубыхъ глазъ, удивительнѣйшая нѣжность движеній приковали вниманіе молодого офицера до такой степени, что принцесса за-

мѣтила произведенное ею впечатлѣніе. Желая ободрить его, она сказала ему нѣсколько милостивыхъ словъ, и звукъ ея голоса глубоко проникъ ему въ душу: они показались ему пѣніемъ ангела. Охотниковъ еще никого не любилъ въ своей жизни, и образъ принцессы властно завладѣлъ всѣмъ его существомъ. Соблюдая всевозможную осторожность и недюжинный тактъ, онъ добился еще нѣсколькихъ такихъ же встрѣчъ съ принцессой и въ то же время узналъ такія подробности ея семейной жизни, которыя внушили ему къ ней чувство глубокой жалости. Принцъ Геверскій, кумиръ всего петербургскаго общества, не любилъ своей жены, увлекся замужней дамой высшаго свѣта и не скрывалъ своей связи съ нею. Княжна Шаховская увѣряла Охотникова, что принцесса глубоко чувствуетъ это оскорбленіе, хотя изъ гордости не показываетъ этого. Съ того времени принцесса стала еще дороже для Охотникова, какъ несчастная, нагло обиженная женщина. Но, уважая ея санъ и несчастіе, никогда не смѣлъ ни словомъ, ни взглядомъ выразить ей свое сочувствіе.

Счастливый кавалергардъ не подозрѣвалъ, что и онъ произвелъ на принцессу неотравимое впечатлѣніе. Чистота, идеализмъ, скромность Охотникова поразили молодую принцессу, привыкшую къ развращенности нравовъ общества, гдѣ ей приходилось вращаться. Съ нескрываемымъ любопытствомъ она разспрашивала о немъ Шаховскую, и ея рассказы о молодомъ родственникѣ, отзывавшіеся иногда сарказмомъ надъ его «младенчествомъ» и «телячьими свойствами», еще болѣе привлекали къ нему принцессу Луизу. Ея гордой, нѣсколько холодной натурѣ льстило молчаливое обожаніе этой невинной души; какъ женщина, она угадала его чувства къ себѣ ранѣе, чѣмъ онъ отдалъ себѣ отчетъ въ нихъ, гораздо ранѣе, чѣмъ догадалась о нихъ княжна, уже ставшая въ это время княгиней Голицыной. При этомъ открытіи Наталья Федоровна испугалась и за принцессу, и за своего «мальчика» (von garçon), какъ часто называла она Алексѣя Яковлевича, и за себя, свое положеніе въ свѣтѣ.

«Принцесса не знаетъ,—думала она:—что эти тихони—самыя бурныя, опасныя существа, когда чувство созрѣетъ въ нихъ. Мальчикъ способенъ умереть, сойти съ ума, если ранѣе не надѣлаетъ какихъ-либо глупостей и не совершитъ какого-либо непоправимаго скандала. Что будетъ тогда съ принцессой, что будетъ со мной! Меня обвинять въ томъ, что я покровительствовала этой невозможной страсти, что я была его пособницей!»

И княгиня Голицына, придя къ этой мысли, уже не остановилась предъ крайними средствами. Она призвала къ себѣ Охотникова и объявила ему, что она не сомнѣвается въ его чувствахъ къ принцессѣ, но что любовь его безнадежна, что ему лучше всего уѣхать на нѣкоторое время въ деревню, если онъ дорожить спо-

койствіемъ и добрымъ именемъ принцессы Луизы. Выдержавъ его грустный, недоумѣвающій взглядъ, Наталья Федоровна, послѣ нѣкотораго колебанія, прибавила, что этой жертвы отъ него ждетъ сама принцесса, съ которой она имѣла по этому поводу разговоръ. Воля любимой женщины, конечно, была закономъ для молодого офицера, и онъ подчинился ей безпрекословно. Но ударъ былъ такъ силенъ, что, пріѣхавъ послѣ свиданія съ княгиней домой, онъ впалъ въ безпамятство, и у него открылась горячка. Едва почувствовавъ себя лучше, онъ, по совѣту доктора, поспѣшно выѣхалъ въ свою воронежскую деревню, не простившись съ княгиней, и тамъ медленно выздоравливалъ, окруженный попеченіями младшаго своего брата, Павла Яковлевича. Полкъ кавалергардовъ былъ уже въ это время въ австрійскомъ походѣ. Алексѣй Яковлевичъ возвратился къ нему лишь на обратномъ пути его въ Петербургъ и съ нимъ прибылъ въ столицу. Охотниковъ не былъ еще у княгини и не зналъ даже, пойдетъ ли онъ къ ней, но онъ не могъ удержаться, чтобы нѣсколько разъ, издали, не увидѣть прелестной принцессы Луизы на придворныхъ выходахъ. Она держала себя попрежнему холодно, гордо, но Охотникову показалось, что черты лица ея выдавали сильное, глубокое горе. Въ послѣдній разъ, когда онъ видѣлъ принцессу, она замѣтила его, обводя общество холоднымъ, безучастнымъ взглядомъ. Она выпрямилась, подняла слегка руки, но прежде, чѣмъ Охотниковъ успѣлъ крѣпко схватиться за эфесъ своего палаша, толпа раздѣлила ихъ, и онъ потерялъ ее изъ вида. Теперь Алексѣй Яковлевичъ думалъ день и ночь, останется ли и теперь принцесса Луиза тою же неприступной и жестокой женщиной, какой она была, отправляя его въ деревню, или дастъ ему когда-нибудь рѣдкія минуты счастья видѣть ее, говорить съ нею. Объ этомъ думалъ Охотниковъ и сидя на пирушкѣ у Уварова, и возвращаясь съ Прокудинымъ къ себѣ на квартиру

IV.

Охотниковъ жилъ недалеко отъ казармъ, на Сергіевской.. Въ то время это была еще нелюдная улица, застроенная далеко не сплошь деревянными одноэтажными домами, къ которымъ прилегали большіе и маленькіе сады; предъ нѣкоторыми домами расположены были палисадники, какіе и теперь видѣются на Петроградской сторонѣ. Въ одномъ изъ такихъ домовъ жилъ и Охотниковъ, занимая его весь, цѣлой усадьбой, съ небольшимъ числомъ крѣпостныхъ своихъ людей. Дворецкимъ или управляющимъ этой усадьбы былъ старый дядька Охотникова Ефимъ, души не чаявшій въ молодомъ своемъ баринѣ и считавшій себя въ правѣ на этомъ основаніи иногда ворчать на него и давать ему наставленія. Много словъ потратилъ она на то, чтобы убѣдить Алексѣя Яковлевича.

остаться въ деревнѣ и не ѣздить въ «поганный Петербургъ», не служить въ гвардіи, вынося стѣсненія и обиды отъ начальства, а расположиться на барское привольное житье въ богатомъ его помѣстьѣ Подгорномъ, въ обширномъ помѣщичьемъ домѣ, гдѣ, по словамъ Ефима, «и тепло, и не дуетъ». Ефимъ не былъ ранѣе въ Петербургѣ и пріѣхалъ теперь съ баринкомъ въ твердой увѣренности, что за нимъ нуженъ присмотръ, какъ «за малымъ дитемъ», и что никто другой не обережетъ такъ барина отъ болѣзни или иной какой напасти, какъ онъ, Ефимъ. Вѣрный слуга, строго слѣдившій за баринкомъ, къ крайнему своему удивленію, замѣтилъ, однако, что баринъ и не нуждается ни въ какомъ присмотрѣ, что, кромѣ службы, онъ нигдѣ не бываетъ, а дома возьметъ въ руки книжку и тихо, тихо сидитъ, листовъ не переворачиваетъ, а все о чемъ-то думаетъ. А думы-то, знать, невеселыя, что тучи черныя. И товарищи рѣдко заходили къ Охотникову, одинъ только Прокудинъ забѣгалъ къ нему, дай Богъ ему здоровья, чуть не каждый день. Зналъ Ефимъ, что у барина есть въ столицѣ знатная сродственница, княгиня Голицына, Наталья Ѳеодоровна, но и она никакой присылки не дѣлаетъ, и самъ баринъ къ ней ни ногой. Что за притча такая! И Ефимъ сталъ уже думать, что хорошо было бы Алексѣю Яковлевичу почаще въ гости ходить, себя отъ черныхъ мыслей отвлекать. «Ихъ дѣло молодое,—думалъ Ефимъ,—молахомъ имъ жить негоже».

Когда Охотниковъ съ Прокудинымъ подошелъ къ своей квартирѣ, у самага палисадника увидѣли они Ефима, стоявшаго съ письмомъ въ рукѣ.

— Вамъ, баринъ,—сказалъ онъ торжественно, снимая шапку:—письмо отъ ея сіятельства, княгини Натальи Ѳеодоровны, съ дворецкимъ прислано.

Охотниковъ вздрогнулъ, принимая письмо.

«Узнала отъ кого-то, что я здѣсь, въ Петербургѣ, и снова думаетъ меня выжить,—блеснуло у него въ головѣ.—И, можетъ быть, по желанію самой Луизы»,—подумалъ онъ со вздохомъ.

Простившись съ Прокудинымъ, Охотниковъ поспѣшилъ въ домъ и, добравшись до кабинета, сломалъ печать конверта. Оттуда выпала крошечная записочка, написанная неизвѣстнымъ почеркомъ и заключавшая въ себѣ всего четыре слова: «Venez chez nous aujourdhui». Не разумъ, а сердце подсказало Охотникову, кто писалъ эти драгоцѣнныя слова. Онъ схватился за сердце, потомъ закрылъ лицо руками и, бросившись въ кресло, заплакалъ тихими, радостными слезами.

«Добрая, хорошая, ангель небесный», шептали его уста. Потомъ, вскочивъ, онъ бросился къ столу, долго, внимательно всматривался въ почеркъ записки и приникъ къ ней съ поцѣлуемъ. Еще черезъ нѣсколько минутъ, перемѣнивъ мундиръ, Охотниковъ,

веселый, съ просіявшимъ отъ счастья лицомъ, катилъ «на собственныхъ» на Милліонную, «къ ея сіятельству», какъ живо сообразилъ Ефимъ.

«У молодого, вѣдомо, молодое на умѣ, разсуждалъ про себя вѣрный слуга:—а не то, чтобы, значить, книжки читать. И въ писаніи сказано: «всякому овощу свое время».

Было уже безъ малаго восемь часовъ вечера, когда Охотниковъ подвѣхалъ къ дому Голицыной и его повели безъ доклада прямо въ будуаръ хозяйки. Когда онъ вошелъ туда, то не засталъ тамъ никого, но чрезъ нѣсколько секундъ дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась и въ будуаръ вошла принцесса Луиза. Припавъ на одно колѣно, Охотниковъ поцѣловалъ протянутую ему руку и... зарыдалъ тихими слезами. Принцесса поцѣловала его въ голову.

— Сядьте, успокойтесь, не плачьте,—говорила ему принцесса своимъ нѣжнымъ, музыкальнымъ голосомъ, сама едва сдерживая слезы:—повѣрьте, все къ лучшему. Въ жизни есть вѣчный законъ, что всякая земная радость должна быть освящена страданіемъ, и чѣмъ глубже это страданіе, тѣмъ чище и глубже будетъ и радость. Сегодня я испытала это болѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— Ваше высочество,—едва имѣлъ силы проговорить Охотниковъ.

— Забудьте о титулахъ, mon cher Alexis, и зовите меня просто Louise. Такъ меня называлъ мой братъ, и я хочу изъ вашихъ устъ слышать это имя.

— Я не смѣю...

Принцесса весело размѣялась.

— Вы любите и—не смѣете. А я люблю васъ, cher Alexis, и буду смѣть. Но, прежде всего, я должна свести съ вами счеты.—Здѣсь голосъ принцессы задрожалъ, и она продолжала тономъ обвиненія.—Я не настолько горда и холодна, какъ вы думаете, чтобы раздавить, какъ мошку, человѣка, готового отдать мнѣ жизнь свою. И вы смѣли думать, что я приказала вамъ уѣхать въ деревню, вы смогли думать, что я знала о болѣзни, постигшей васъ здѣсь? Вы это думали?

— Я не могъ не думать этого послѣ словъ княгини...

— Княгиня солгала, правда, съ наилучшими намѣреніями. знала, что это лучшее средство заставить васъ повиноваться,—такъ сказала мнѣ сама она.—Но вы-то, вы, за что вы могли полюбить такую мегеру, такую низкую тварь, какой я должна была быть въ вашихъ глазахъ? Человѣкъ отдастъ мнѣ честь свою, жизнь, а я хладнокровно посылаю его на смерть! Милый, и ты все-таки любилъ меня!

— Луизонъ, не сводите меня съ ума, я умру отъ блаженства,—говорилъ Охотниковъ, цѣлуя руки принцессы и дрожа отъ волненія.—Боже мой, да не въ бреду ли я, какъ прежде, не сонъ ли это?

Принцесса поцѣловала его въ лобъ.

— Ну, бросимъ старые счеты. Расскажи, что ты дѣлалъ въ деревнѣ, какъ живешь теперь. Помни, я всею, всею интересуюсь, что касается тебя.

Такой оборотъ разговора мало-по-малу заставилъ Охотникова успокоиться. Не выпуская руки Луизонъ, какъ бы боясь ея лишиться, Охотниковъ подробно рассказалъ о своемъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ, о своей полковой службѣ, о вызовѣ на дуэль Луннымъ великаго князя Константина.

Принцесса слушала его молча, лишь изрѣдка прерывая его вопросами. Въ заключеніе она сказала:

— Боже, какъ все это интересно, что ты рассказывашь! А мы, несчастныя, въ такомъ невѣдѣніи живемъ, въ такомъ извращенномъ пониманіи людей и міра! А черствый, жестокий Константинъ! Правду сказала мнѣ его мать однажды: «его еще мало учили!» Ты не знаешь, что я его не терплю, хотя онъ всячески ухаживаетъ за мною. Боюсь я почему-то, что онъ причинитъ мнѣ немало горя. Милый, ты знаешь, почему я простила княгинѣ ся обманъ съ тобою? Только потому, что, благодаря болѣзни, ты не попалъ на войну! Тебя могли убить, какъ убили почти половину офицеровъ полка. Но теперь я никому тебя не отдамъ, ты будешь мнѣ и впредь повиноваться, какъ раньше?

Она охватила его шею своими нѣжными руками и посмотрѣла ему прямо въ глаза. Охотникову показалось, что онъ увидѣлъ въ нихъ небо. Онъ медленно закрылъ свои глаза, вздохнулъ отъ полноты счастья и приникъ къ устамъ принцессы долгимъ поцѣлуемъ.

V.

Счастье Охотникова, казалось ему, было безпредѣльно. Гордая, неприступная Луиза любила его горячо и нѣжно и привязывалась къ нему со всею пыломъ женщины, не знавшей преградъ своимъ чувствамъ. Принцъ Іеверскій никакъ не безпокоилъ своей жены и потому, что былъ увѣренъ въ ея добродѣтели, и потому, что самъ создалъ себѣ побочную семью, вступивъ въ связь съ Клеопатрой Болеславовной Юшковой. Юшкова, одна изъ знаменитыхъ красавицъ того времени, была женщиной добраго сердца и вела себя по отношенію къ принцессѣ такъ почтительно и скромно, что самъ принцъ ставилъ это на видъ своей женѣ, выставляя достоинства своей любовницы. Но гордость принцессы страдала при мысли, что она должна, напротивъ, обманывать мужа, скрывая отъ него свою любовь къ Охотникову. Въ душѣ она презирала своего мужа, и сколько разъ, въ отвѣтъ на его признанія, она хотѣла бросить ему въ лицо признаніе и въ своей связи. Но всякій разъ ее удерживала мысль о необходимости сохранять тайну ради безопасности ея любовника. Тайна ея никому не была извѣстна, кромѣ кня-

гини Голицыной, но многіе придворные и гвардейскіе офицеры съ любопытствомъ слѣдили за Охотниковымъ, который хотя и вель себя еще скромнѣе, чѣмъ прежде, но не могъ скрыть вполне счастья, которымъ была полна его душа. Онъ, по желанію принцессы, сталъ появляться въ свѣтѣ, посѣщая спектакли и маскарады, и это было такъ непохоже на «не-жильца на этомъ свѣтѣ», что товарищи искренно ему удивлялись, и поздравляли его. Самъ цесаревичъ Константинъ, присутствуя на одномъ изъ полковыхъ учений, выразилъ ему свое удовольствіе за молодецкій видъ, въ какомъ представлялся ему Охотниковъ въ своемъ эскадронѣ.

«*Nonrez-moi de votre indifférence*», подумалъ Охотниковъ въ это время и невольно покраснѣлъ, когда цесаревичъ спросилъ его о княгинѣ Натальѣ Ѳеодоровнѣ Голицыной, которой онъ интересовался, какъ подругой принцессы. Братъ принца Іеверскаго, принцъ Максъ, бывшій на русской службѣ, не любилъ своей невѣстки, но дружилъ съ цесаревичемъ. И они, по разнымъ причинамъ, одинаково интересовались Луизой: цесаревичъ вслѣдствіе неудачной любви, принцъ Максъ—какъ наслѣдникъ бездѣтнаго брата. Но оба они и не подозрѣвали о связи Охотникова съ принцессой, пока одинъ несчастный случай не навелъ ихъ на слѣдъ.

Лѣтомъ 1806 года гвардейскіе полки, какъ обыкновенно, вышли изъ городскихъ казармъ и расположились по лагернымъ стоянкамъ. Въ то время еще не было красносельскаго лагеря, и гвардія размѣщалась въ окрестностяхъ Петербурга, преимущественно въ загородныхъ резиденціяхъ императорской фамиліи. Въ Павловскѣ, мѣстопробываніе императрицы матери, Маріи Ѳеодоровны, назначалось обыкновенно по одному эскадрону отъ Кавалергардскаго и Конногвардейскаго полковъ, а вблизи его, въ Царскомъ Селѣ, всегда находился лейбъ-гусарскій полкъ, офицеры котораго, соперничавшіе съ конногвардейцами и кавалергардами, считали себя самыми привилегированными во всей гвардіи, потому что только имъ, гусарамъ, въ то время разрѣшено было носить усы. Кавалергардскій эскадронъ, не ладившій по извѣстнымъ уже намъ причинамъ съ конной гвардіей, вступилъ въ дружескія отношенія съ лейбъ-гусарами, въ средѣ которыхъ находился родной братъ командира кавалергардскаго эскадрона Евдокима Васильевича Давыдова, Денисъ, также прежде служившій въ кавалергардахъ.

«Мы жили ладно,—вспоминалъ впоследствии объ этомъ времени Денисъ Васильевичъ,—у насъ было болѣе дружбы, чѣмъ службы, болѣе разсказовъ, чѣмъ дѣла, болѣе золота на ташкахъ, чѣмъ въ ташкахъ, болѣе шампанскаго (разумѣется, въ долгъ), чѣмъ печали, всегда веселы и всегда навеселѣ». Колонны батюшекъ и матушекъ, дядюшекъ и тетюшекъ, разлѣхавшихся по дачамъ, не лѣзли уже на приступъ казармъ, какъ въ городѣ, и господа офицеры жили какъ хотѣли въ Павловскѣ, потому что императрица Марія

Теодоровна устранила всякій этикетъ въ лѣтней своей резиденціи, благожелательно относилась къ военнымъ, и самъ Константинъ Павловичъ, посѣщая Павловскъ, не смѣлъ, изъ уваженія къ матери, проявлять свою обычную придирчивость и любовь къ взысканіямъ. Игрушечная крѣпость Павловска Бипъ, предназначенная для помѣщенія арестованныхъ офицеровъ, была почти всегда свободна отъ постоя. Въ эскадронѣ Давыдова въ Павловскѣ находилась и «холостая душа» барона Левенвольде, но, уже заручившись обѣщаніемъ цесаревича Константина о переводѣ въ конную гвардію, онъ держалъ себя въ сторонѣ отъ товарищей и отводилъ свою душу въ обществѣ конногвардейскихъ офицеровъ-нѣмцевъ. Эскадронъ, въ которомъ находился Охотниковъ съ другомъ своимъ Прокудинымъ, размѣщенъ былъ у самага Петербурга, въ Новой Деревнѣ, почти у самага Каменноостровскаго дворца, гдѣ жилъ тогда государь съ императрицей Елизаветой Алексѣвной, но друзья ѣздили иногда въ Павловскъ, чтобы навѣщать тамъ товарищей-кавалергардовъ. Но и Павловскіе товарищи наѣзжали въ Новую Деревню отъ времени до времени, и при этомъ къ нимъ присоединялся и Левенвольде, скучавшій въ Павловскѣ и любившій бывать въ Петербургѣ для какихъ-то подозрительныхъ «докладовъ».

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ баронъ Левенвольде гулялъ по берегу Большой Невки, противъ Каменноостровскаго дворца и, дойдя до Черной рѣчки, у дома графа Головина, залюбовался окружающимъ его пейзажемъ. Видъ прекрасной рѣчки, обрамленной густыми деревьями и кустарниками и отражавшей въ себѣ косые лучи солнца, склонявшагося къ западу, былъ дѣйствительно очарователенъ, но, кромѣ того, Левенвольде замѣтилъ впереди себя амазонку, ѣхавшую въ сопровожденіи рейткнехта мимо дома Головина, и въ амазонкѣ этой онъ узналъ принцессу Іеверскую. Барону захотѣлось обратить на себя вниманіе принцессы, на случай, если она удостоитъ его бесѣды, и, выждавъ, когда она поравнялась съ нимъ, отдалъ ей установленную честь. Къ глубокому его сожалѣнію, ему отвѣтили лишь привѣтливымъ кивкомъ прелестной головы, и онъ не успѣлъ даже посмотреть въ лицо принцессы, прикрытое густою прядью свѣтлорусыхъ волосъ, упрямо выбивавшихся изъ-подъ полей черной англійской шляпы. Зато рейткнехтъ, слѣдовавшій за принцессой, поджарый рыжеватый нѣмецъ, снявъ шляпу, низко поклонился барону, улыбаясь во весь ротъ. Левенвольде съ удивленіемъ узналъ въ немъ бывшаго своего берейтора, учившаго его верховой ѣздѣ въ рижскомъ манежѣ. Пройдя немного вслѣдъ удалявшимся всадникамъ, баронъ увидѣлъ, что принцесса сошла у дачи графа Строганова, съ женою котораго она была очень дружна, оставивъ лошадь на попеченіе рейткнехта.

— Магнусъ, какъ ты попалъ къ принцессѣ?—воскликнулъ баронъ по-нѣмецки, забывъ обычную свою сдержанность въ обра-

щеніи съ людьми, стоявшими ниже его по общественному положенію.

— Меня рекомендовалъ графъ Паленъ ея шталмейстеру, господинъ баронъ. Теперь какъ сыръ въ маслѣ катаюсь. Вся должность моя—сопровождать въ дежурные дни ея свѣтлость, и, кромѣ меня, есть еще три рейткнехта.

— Такъ, такъ, молодецъ ты, что и говорить. А въ Царскомъ и Павловскѣ бываешь?

— Когда ея свѣтлость изволитъ быть у старой императрицы, иной разъ дня два тамъ проживаетъ,—самодовольно отвѣчалъ Магнусъ:—всегда меня берутъ съ собою, господинъ баронъ.

«Отъ него, навѣрно, можно узнать что-либо полезное», подумалъ Левенвольде и сказалъ:

— Будешь въ Павловскѣ, заходи ко мнѣ вышить ямайскаго. Я тамъ стою съ эскадрономъ.

— Благодарю васъ, господинъ баронъ. Непремѣнно буду. Всегда помню вашу милость,—кланялся обрадованный Магнусъ.

Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ по набережной, Левенвольде встрѣтилъ Уварова и Охотникова и любезно поздоровался съ ними. Уваровъ придержалъ его руку и, указывая на противоположащій берегъ Каменнаго острова, сказалъ:

— Смотри, холостая душа, видишь принца? Вотъ по сосновой аллеѣ идетъ... Вчера пріѣзжалъ къ намъ съ Константиномъ вмѣстѣ и съ Аракчесвымъ, такой ласковый, командира благодарилъ за порядокъ, эскадроннымъ руку подалъ, а Лунину, когда тотъ подъѣхалъ, сказалъ: «молодецъ». Все было бы хорошо, да Аракчеевъ вздумалъ похвалить лунинскаго жеребца, а Лунинъ ему и брякни: «Извѣстно, ваше сіятельство, вся наша репутація отъ скотины зависитъ». Аракчеевъ даже позеленѣлъ, а нашъ благодушный принцъ пристально этакъ посмотрѣлъ на Лунина и улыбнулся. А Лунинъ, понимаешь, сидитъ себѣ на лошади и бровью не поведетъ.

— Очень уже Михайла Сергѣйчъ, мнѣ кажется, много себѣ позволяйтъ,—замѣтилъ Левенвольде:—на немъ же потомъ отзоветь. А я сейчасъ принцессу встрѣчайтъ, у графини Строгановъ сошла.

— Мы съ Охотниковымъ почти каждый день видимъ ее, когда она изволитъ прогуливаться верхомъ,—сказалъ Уваровъ:—придешь ко мнѣ сегодня на супъ, мингеръ?

— Я уѣзжай сегодня въ Павлофскъ, зафтра мой дежурный чередъ,—сказалъ Левенвольде.

— Не неволю,—возразилъ Уваровъ:—слышалъ я, что переходишь въ конный. Ну, туда тебѣ и дорога!

Охотниковъ не любилъ Левенвольде и не выносилъ его тупой, пошлой практичности и чисто остзейской важности, но хотѣлъ

быть любезнымъ съ оставлявшимъ полкъ товарищемъ и выразилъ ему сожалѣнiе о его уходѣ.

— Пошалойста, не шалѣйть,—воскликнулъ Левенвольде:— тамъ не есть и не будетъ никакая исторiя, и я спокойно буду шить.

— И чины, и кресты будешь получать,—добавилъ Уваровъ:— прощай, братъ! Скатертью дорога! Кланяйся Давыдову.

Уваровъ и Охотниковъ еще гуляли по набережной, когда мимо нихъ у самаго вѣзда на дворцовый мостъ проѣхала принцесса и милостиво поклонилась офицерамъ, вытянувшимся въ струнку.

— Хороша она, голубчикъ, вотъ что я тебѣ скажу,—произнесъ послѣ нѣкотораго молчанiя Уваровъ:—а вотъ, поди ты, не въ коня кормъ... Хороша Маша, да не наша, такъ-то, милѣйшiй!—заключилъ онъ энергично, возвысивъ голосъ и зачѣмъ-то хлопнувъ себя по колѣну.

Но уже солнце близилось къ закату, темнѣлъ дворцовый паркъ и прибрежныя рощи, съ рѣки повѣяло сыростью. Офицеры пошли къ Уварову на «супъ».

VI.

Княгиня Наталья Федоровна Голицына жила также недалеко отъ Каменноостровскаго дворца, на Черной рѣчкѣ, почти рядомъ съ дачей графа Строганова. У нея была своя усадьба, съ деревяннымъ домомъ италiанской архитектуры и съ огромнымъ паркомъ. Въ тѣ «золотыя Александровы дни» острова и Черная рѣчка усѣяны были аристократическими дачами и дачками, построенными и устроенными съ тѣмъ изящнымъ, одухотвореннымъ великолѣпiемъ и вкусомъ, о которомъ въ наше прозанческое время и не помышляютъ, Louis XV и Louis XVI въ обстановкѣ уже уступали мѣсто стилю Empire, строгiя линiи котораго какъ бы выражали собою всю торжественность совершавшихся въ то время въ Европѣ великихъ событий. Обстановкѣ отвѣчали самыя моды, женскiе костюмы, переносившiе современниковъ въ блестящiя эпохи Эллады и Рима. Самая распущенность нравовъ, свобода отношенiй личныхъ и семейныхъ исходили, казалось, изъ строгой морали великихъ принциповъ революцiи: *liberté, égalité, fraternité*, хотя бы ими прикрывались самыя низменные инстинкты. Въ высшемъ обществѣ, яснѣе отражавшемъ тогда вѣянiя вѣка, представители самихъ крайнихъ и противоположныхъ умственныхъ и нравственныхъ теченiй жили и дѣйствовали какъ бы по одному и тому кодексу во внѣшнихъ, формальныхъ отношенiяхъ. Женщины въ особенности подчинялись этому кодексу, потому что, при извѣстныхъ условiяхъ, онъ давалъ имъ право на нѣкоторую независимость, даже въ сферѣ семейныхъ отношенiй. По рассказамъ современниковъ, культъ свободной любви въ особенности процвѣ-

талъ тогда въ петербургскомъ обществѣ, но женщины умѣли давать ему возвышенный характеръ, рисовать его романическими красками, густо покрывавшими обычный, пошлый фонъ «мѣщанскихъ» отношеній.

Отношенія принцессы Луизы къ Охотникову внушали княгинѣ Натальѣ Федоровнѣ глубокое сочувствіе. Она хорошо знала, что самъ принцъ началъ измѣнять женѣ почти тотчасъ послѣ свадьбы, что, не довольствуясь связью съ Клеопатрой Болеславовной, онъ любилъ посѣщать, на глазахъ всѣхъ, семейства нѣмецкихъ и англійскихъ купцовъ, у которыхъ были милыя жены и дочери, и не всегда эти посѣщенія оканчивались невиннымъ образомъ. Самъ принцъ рассказывалъ женѣ своей о нѣкоторыхъ своихъ похожденияхъ, ясно показывая этимъ, что онъ не смотритъ на нее какъ на женщину, которой онъ долженъ стѣсняться, и, очевидно, совершенно не подозрѣвая, что такого рода откровенность для нея оскорбительна. Онъ приучилъ свою жену относиться къ нему съ презрѣніемъ, и, потерявъ къ мужу уваженіе, принцесса Луиза не поколебалась бы гласно разойтись съ нимъ даже путемъ развода, если бы высокое положеніе, которое она занимала, не обязывало ея къ терпѣнію и покорности. Принцъ готовъ былъ перенести все, кромѣ скандала. На міръ смотрѣлъ онъ какъ на сцену, гдѣ онъ долженъ былъ играть роль обаятельнаго, благодѣянаго, мудраго вершителя судебъ. Допустить элементъ смѣшного въ своемъ положеніи принцъ не могъ ни въ какомъ случаѣ. Вообще любезный и снисходительный къ людямъ и ихъ слабостямъ, онъ преслѣдовалъ своей мстью всѣхъ, кого онъ заподозривалъ въ самой невинной шуткѣ или улыбкѣ по отношенію къ его особѣ. Однажды, при объясненіи съ женой по поводу одного изъ его приключеній, принцъ прямо объявилъ ей, что онъ никогда и ни въ чемъ ея не будетъ стѣснять, но требуетъ отъ нея только, чтобы она не забывала своего положенія, что онъ не проститъ ей гласности. Послѣ этого объясненія принцесса окончательно замкнулась въ своемъ холодномъ достоинствѣ и терпѣливо несла свой крестъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтила... Охотникова. Она нашла въ немъ то, чего никогда не видѣла въ своемъ мужѣ: чистоту мыслей, искренность и глубину чувства, беззавѣтную къ себѣ преданность. Замѣтивъ недостатки его образованія, она, при свиданіяхъ съ нимъ у Голицыной, часто читала ему любимыхъ своихъ писателей и съ радостью замѣчала, что эти чтенія и ея объясненія устанавливали между ними общность мыслей и интересовъ. Нѣмка по происхожденію, принцесса, въ бесѣдахъ съ Охотниковымъ, полюбила Россію и русскихъ. Она съ ужасомъ думала о томъ, что, въ случаѣ развода съ принцемъ, ей пришлось бы оставить Россію...

Пока у Уварова продолжался суповый вечеръ, Охотниковъ былъ уже на дачѣ Голицыной, ожидая условленнаго знака въ па-

вильонъ парка, чтобы пройти незамѣтно въ самый домъ для встрѣчи съ принцессой. Какъ ни былъ счастливъ молодой офицеръ, но постоянная необходимость скрываться, боязнь такъ или иначе выдать себя или принцессу, самый воровскій характеръ ихъ свиданій наложили на него печать угрюмости и безпокойства. Онъ отдалъ бы все въ мірѣ, чтобы назвать Луизу своей женой предъ Богомъ и людьми, а между тѣмъ хорошо зналъ, что на всемъ земномъ шарѣ не было уголка, въ которомъ не разыскалъ бы ихъ принцъ со своимъ мщеніемъ. На дняхъ еще принцесса, краснѣя и запинаясь, намекнула ему, что, кажется, она носитъ подъ сердцемъ залогъ ихъ любви, а что онъ можетъ сказать ей на это? И что скажетъ принцъ? Неужели она, бѣдная, сама не понимаетъ всѣхъ ужасныхъ послѣдствій этого событія?

На одномъ изъ балконныхъ оконъ опустилась красная занавѣска, и Охотниковъ поспѣшилъ въ домъ. Въ будуарѣ княгини сидѣла уже принцесса, весело разговаривая съ Натальей Ѳедоровной и лаская рукой ея англійскаго дога. Такъ же весело встрѣтила она и Охотникова.

— Я была увѣрена, что васъ встрѣчу,—смѣялась она:—у Строгановой я нашла сиреневый шестилистникъ, когда загадала на это. Ну, цѣлуйте мою руку и скажите, какъ вы себя чувствуете. Вы меня извините, я немного опоздала, но у насъ былъ обѣдъ съ прусскимъ посланникомъ, а это блюдо очень трудно переварить.

— А я ушелъ отъ супа,—сказалъ Охотниковъ:—между офицерами шли толки о вчерашнемъ посѣщеніи полка его свѣтлостью и о новомъ дурачествѣ Лунина.

И Охотниковъ, смѣясь, передалъ принцессѣ острый отвѣтъ Лунина Аракчееву.

— Мнѣ нравится вашъ Лунинъ,—замѣтила принцесса:—въ его выходкахъ есть что-то благородное, независимое. Но, право, я не думала, что графъ Алексѣй Андреевичъ способенъ былъ сразу понять смыслъ словъ Лунина, ха-ха-ха! Ахъ, какъ живо воображаю себѣ его лицо и оловянные глаза! И, что же, цесаревичъ слышалъ?

— Какъ не слышать, когда сказано было громко и отчетливо. Но цесаревичъ очень любить острые отвѣты, когда, конечно, они не къ нему относятся. Онъ только отвернулся и сталъ смотрѣть на фронтъ, а принцъ улыбнулся.

— Но цесаревичъ все-таки этого Лунина не простить,—замѣтила княгиня Наталья Ѳедоровна:—и, благодаря, Луину, онъ еще болѣе будетъ придиратся къ вашему полку. Онъ всѣхъ васъ считаетъ вольнодумцами.

— О,—возразилъ Охотниковъ:—съ этимъ онъ, кажется, уже примирился. Но насъ не любить не одинъ цесаревичъ. Вотъ сегодня Левенвольде прямо сказалъ мнѣ, что онъ радъ своему пе-

реходу въ конную гвардію, потому что (тутъ Охотниковъ переразнилъ барона) тамъ не есть и не будетъ никакая исторія.

Дамы разсмѣялись. Охотниковъ вздохнулъ и прибавилъ:

— А я отчасти понимаю его. Нельзя человѣку вообще жить въ постоянной тревогѣ, ожидая каждый день, каждый часъ, что вотъ-вотъ разразится надъ головой ударъ грома. И когда боишься,—сказалъ Охотниковъ, понижая голосъ,—даже не за себя, а за другого...

— Я васъ не узнаю, Алексѣй Яковлевичъ,—сказала Наталья Федоровна:—за кого это за другого?

Охотниковъ смутился, но оправился.

— Я думалъ о другѣ своемъ, Прокудинѣ,—живо сказалъ онъ:—это добрый и совершенно безобидный человѣкъ, а между тѣмъ можетъ пострадать такъ же, какъ Лунинъ и какъ всякій другой. Цесаревичъ, вѣдь, не разбираетъ, а Прокудинъ отъ товарищей не откажется.

Принцесса внимательно на него посмотрѣла.

— Нѣтъ, это вы не то говорите,—произнесла она медленно:—вашъ Прокудинъ менѣе, чѣмъ кто-либо, можетъ пострадать при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Это просто Божій человѣкъ, даже на офицера мало похожъ.

Когда Наталья Федоровна вышла изъ комнаты, принцесса поцѣловала Охотникова и сказала:

— Ты, Алеша, сегодня какой-то странный, что съ тобой? Можетъ быть, тебѣ нездоровится?

Охотниковъ крѣпко поцѣловалъ принцессу и отвѣчалъ ей, сжимая ея руку:

— Louise, ангелъ мой, я здоровъ и счастливъ всей душой, но меня мучитъ мысль о твоёмъ положеніи. Если бы могъ я всей кровью своею заплатить тебѣ за твою любовь и оградить тебя отъ какихъ-либо неприятностей въ будущемъ, Боже мой, съ какой радостью я сдѣлалъ бы это! А, между тѣмъ, я ничего не могу сдѣлать. Научи меня, Louise, жизнь моя, что я долженъ сдѣлать!

И Охотниковъ приналъ къ ея колѣнямъ.

— Ты общалъ мнѣ, Алеша, повиноваться и вѣрить мнѣ всегда. Я знаю себя и принца и общаю тебѣ, что все устроится. Вѣрь мнѣ, милый другъ мой, что принцъ захочетъ поступить въ этомъ случаѣ со всѣмъ благородствомъ души, на которое онъ способенъ... О, я хорошо, слишкомъ хорошо его понимаю! И я сумѣю заставить его поступить такъ. Предоставь это дѣло мнѣ, милый, объ одномъ только прошу тебя—сохранять тайну, не выдавать ее никакъ и никому. И за тебя я буду спокойна: принцъ знаетъ, что если онъ пальцемъ до тебя дотронется, то ничто въ мірѣ не удержитъ меня предъ всѣми выступить въ твою защиту. О, я сумѣю постоять за тебя, за себя и за нашего ребенка!

Принцесса провела рукой по склоненной головѣ Охотникова и вдругъ заплакала.

— Неужели ты не вѣришь мнѣ, неужели я не могу тебя успокоить! Я слаба предъ тобой, но съ людьми я горда и тверда, какъ мраморъ. Для меня ничто всѣ почести, которыми меня окружаютъ, и твое спокойствіе, твое здоровье, для меня, понимаешь ли, Алеша, все, все.

Охотниковъ поднялъ голову и, цѣлуя руки принцессы, весело сказалъ ей:

— Вотъ, когда я съ тобой, мой ангелъ, слышу твои рѣчи, я всей душой и вѣрю тебѣ, и успокаиваюсь за будущее. О, если бы я всегда, вѣчно былъ съ тобою, всегда, вѣчно тебя слушалъ! Въ твоемъ присутствіи мнѣ ничто не страшно, ты уйдешь, мое солнышко ясное, и жизнь мнѣ кажется темнѣе ночи. Когда я умру, положи со мною въ гробъ свой портретъ: со мною будетъ мое солнышко.

— Ахъ, Алеша,—улыбаясь, говорила принцесса:—къ чему такія рѣчи?.. Такъ ты вѣришь мнѣ?

— Вѣрю, вѣрю.

— Я начинаю думать,—коварно замѣтила принцесса:—что ты меня такъ любишь и такъ волнуешься потому, что мы не живемъ вмѣстѣ, какъ живутъ мужъ и жена. Иначе я бы надоѣла тебѣ, ты радъ бы былъ уйти изъ дому и поухаживать за другими....

— Жизнь бы отдалъ за нѣсколько мѣсяцевъ счастья,—пылко вскричалъ Охотниковъ:—ахъ, Louison, вѣдь я вѣчно съ тобою, мысль о тебѣ ни на одну минуту не оставляетъ меня...

Осторожный стукъ въ дверь возвѣстилъ влюбленной парѣ о приходѣ Натальи Ѳедоровны.

— Дорогая принцесса,—сказала она:—курьеръ изъ дворца привезъ вамъ письмо императрицы-матери. Не будетъ ли отвѣта?

— Да, государыня приглашаетъ меня къ себѣ въ Павловскъ погостить. Конечно, отказа быть не можетъ.

И принцесса, набросавъ нѣсколько строкъ, вручила свой отвѣтъ княгинѣ и затѣмъ стала прощаться съ хозяйкой и Охотниковымъ.

— Мой Магнусъ, вѣроятно, заснулъ, ожидая меня,—сказала она.

Охотниковъ поцѣловалъ у нея обѣ руки, и принцесса удалась въ сопровожденіи княгини, кинувъ ему на прощанье:

— Такъ смотрите же: вѣрьте!

Молодой офицеръ остался въ комнатѣ одинъ: на сердцѣ у него было легко, радостно. Онъ съ улыбкой закрылъ глаза, стараясь представить себѣ образъ своей милой, чудной Louison.

«Господи,—подумалъ онъ:—за что Ты послалъ мнѣ такое счастье, такого ангела?»

VII.

Императрица Марія Теодоровна, веселая и радушная хозяйка Павловска, любила принимать у себя на лонѣ природы гостей внѣ всякихъ правилъ этикета, котораго она была строгой блюстительницей при большомъ дворѣ, въ Петербургѣ, въ зимнее время. Въ Павловскѣ строгая вдовствующая императрица превращалась въ добродушную, хлѣбосольную помѣщицу, открывавшую свои двери для посѣтителей всѣхъ ранговъ. Антресоли дворца и часть флигелей, заключавшія въ себѣ комнаты для гостей, всегда были переполнены, и въ тѣ дни, когда императрица Марія звала къ себѣ царственного сына и невѣстку, въ комнатахъ этихъ жили по двое и по трое, да и всѣ чины ея двора должны были поступаться частью своихъ квартиръ. Огромный павловскій паркъ, прорѣзываемый рѣкой Славянкой, наполнялся массой народа, нарочно прїѣзжавшаго изъ Петербурга, несмотря на тридцативерстное разстояніе, и проникавшаго къ самымъ окнамъ нижнихъ дворцовыхъ покоевъ, гдѣ чаще всего проводила время императрица со своими гостями. Императрица Марія нерѣдко сама выходила къ любопытнымъ и надѣляла ихъ ласковымъ словомъ и улыбкой. Хотя ей было уже сорокъ семь лѣтъ, но она поражала всѣхъ молодежью своимъ видомъ и необыкновенной для ея возраста граціей фигуры (злые языки увѣряли, что она носила лосины). Особымъ вниманіемъ императрицы пользовалась дѣтвора, приходившая сюда за конфетами и пряниками; многія изъ дѣтей находили при этомъ свое счастье, потому что императрица Марія, узнавъ о несчастномъ положеніи ихъ родителей или о ихъ сиротствѣ, тотчасъ же приказывала своему секретарю записать ихъ имена и потомъ устраивала ихъ судьбу. Верховъ ея вниманія къ собесѣдникамъ было обращеніе: «батюшка» и «матушка», и рѣчь ея всегда носила характеръ доброжелательности и наставительности, хотя говорила она по-русски не совсѣмъ правильно, съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ. Въ Павловскѣ она одинаково внимательна была и къ первымъ государственнымъ сановникамъ, и къ писателямъ и художникамъ, которые постоянно бывали ея гостями. Въ многомъ она старалась подражать знаменитой своей свекрови, императрицѣ Екатеринѣ, но въ ея словахъ и дѣйствіяхъ проглядывалъ въ то же время сентиментализмъ, столь свойственный тогда нѣмцамъ, и дѣйствительно доброе сердце. Короче, императрица Марія Теодоровна на лѣтнемъ положеніи заставляла петербургскую публику забывать о зимней вдовствующей императрицѣ, мало доступной и погруженной въ мелочи этикета и самыя ничтожныя подробности дѣлъ ея учреждений.

Принцесса Луиза всегда была желанной гостьей для императрицы. Она ея не любила, но питала къ ней какое-то особенное

чувство уваженія, не была равнодушна къ ея мнѣніямъ и чувствамъ; болѣе того, долгое время не видя принцессы, она испытывала какое-то странное чувство пустоты, и тогда императрица рада была малѣйшему знаку ея вниманія. Но въ отношеніяхъ принца къ Луизѣ, о которыхъ говорилъ весь Петербургъ, Марія Феодоровна всецѣло становилась на сторону мужа, утверждая, вопреки собственному горькому опыту, что въ супружескомъ разладѣ виновной стороной въ концѣ концовъ является жена.

— Elle a certainement beaucoup d'esprit,—говорила она своему довѣренному секретарю, Григорію Ивановичу Вилламову:—mais elle a le défaut d'être très journalière et froide comme la glace. Она могла бы быть счастлива съ своимъ мужемъ, который исполняетъ всѣ ея желанія, потому что у него любящее сердце, но сама она обладаетъ холодной натурой.

Вилламовъ, котораго императрица считала поклонникомъ принцессы, поспѣшилъ выступить защитникомъ принцессы, прибавивъ, что его мнѣніе есть мнѣніе всего общества. Рискуя навлечь на себя неудовольствіе императрицы, любившей принца, онъ рѣзко указалъ на его легкомысленное поведеніе и на открытую связь съ Клеопатрой Болеславовой.

Императрица заволновалась.

— Это все—внѣшнія обстоятельства,—возразила она.—И въ этомъ виновата сама принцесса. Она могла бы легко уничтожить эту связь и возвратитъ къ себѣ мужа, если бы дала себѣ трудъ объ этомъ позаботиться. Mais elle s'emportait contre lui. Я сама видѣла: когда онъ приближался къ ней, чтобы приласкать ее, она его отталкивала. Принцъ ничего отъ нея не скрываетъ и говоритъ ей все, а она молчитъ.

— Oh, mon Dieu,—продолжалъ возражать неуступчивый секретарь:—je conçois bien que les caresses d'un homme doivent lui répugner lorsqu'elle pense que peut-être cinq minutes plus tôt il en a fait de plus tendres à une autre.

— Oh, cela ne lui fait rien,—заклчила Марія Феодоровна этотъ непріятный для нея разговоръ.

Она цѣнила неуступчивость Вилламова, хотя и называла его «спорщикомъ».

Но въ тотъ же день она писала принцессѣ, прося ее «навѣстить свою старую пріятельницу въ Павловскѣ и вмѣстѣ посмотрѣть на полную луну, озаряющую тихіе, зеленые берега Славянки»: императрица рассчитывала, если возможно, вновь сблизить супруговъ. Для той же цѣли былъ приглашенъ и принцъ-супругъ.

Когда чрезъ нѣсколько дней принцъ и принцесса пріѣхали вмѣстѣ въ Павловскъ, то встрѣчены были съ восторгомъ и хозяйкой, и всѣми ея гостями. Принцъ, сіяющій классическою красотой, очаровалъ всѣхъ милостивымъ своимъ обхожденіемъ: любезность

говорилъ онъ своимъ друзьямъ, есть самая дешевая, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самая цѣнная монета. Его супруга, холодная и спокойная, производила впечатлѣніе Психеи своею скромностью и необычайною прелестью. Опытные царедворцы замѣтили, однако, въ ней какую-то новую черту въ ея осанкѣ и взглядѣ: въ нихъ выражалась твердость и увѣренность.

Императрица обняла и поцѣловала своихъ августѣйшихъ родственниковъ и, смѣясь, замѣтила принцессѣ:

— Право, вы оба такіе милые и юные, будто новобрачные.

— Ваше величество, вы слишкомъ милостивы, — отвѣчала принцесса, улыбаясь. — Вамъ извѣстно, что я уже прожила половину срока для серебряной свадьбы, а скоро и совсѣмъ буду старухой.

— Нѣтъ, *chère Louise*, увѣряю васъ, вы неузнаваемы: такъ вы помолодѣли, посвѣжѣли... Да, я всегда была того мнѣнія, что ваше счастье и ваше здоровье зависятъ всецѣло отъ васъ, потому что принцъ исполняетъ всѣ ваши желанія.

— А мое единственное желаніе, — возразила принцесса, почувствовавъ уколъ, — и заключается въ томъ, чтобы не имѣть никакихъ желаній. Принцу это хорошо извѣстно.

«*Comme toujours, froide comme la glace*», подумала Марія Теодорвна и сказала:

— А мы питаемъ искреннее желаніе видѣть васъ у себя почаще, хотя вы и предпочитаете уединеніе. Васъ нужно приглашать...

— Ваше величество, я съ дѣтства была нелюдимкой. Въ послѣднее время, когда мы жили въ Петергофѣ, вѣрите ли мнѣ, я цѣлые дни просиживала на морскомъ берегу на камнѣ у Монплезира. Меня нужно было чуть не силою тащить оттуда домой.

— А вашъ мужъ?

— Мы цѣлыми днями иногда не видимся: онъ такъ занятъ войсками и другими своими служебными обязанностями, что едва имѣетъ возможность отдохнуть, — отвѣчала принцесса равнодушно. — А какъ хорошо у вашего величества въ Павловскѣ! — перешла она къ слабому пунктику императрицы. — Всегда отдыхаешь душой въ этомъ маленькомъ раю.

— Вашъ старый павильонъ въ паркѣ всегда въ порядкѣ и всегда готовъ принять свою хозяйку, — любезно отвѣчала польщенная императрица. — Приѣзжайте почаще, искренно говорю, я всегда буду рада васъ видѣть.

— Мой старый павильонъ? Вы меня помѣстите туда?

— О, нѣтъ, для васъ приготовлены парадныя комнаты.

— А мы съ принцемъ располагали завтра быть въ Царскомъ.

— Какъ другъ, я прошу, а какъ императрица и тетка — призываю вамъ объ этомъ и не думать. Принцъ — другое дѣло: у него свои обязанности.

— Вы такъ добры, ваше величество! Если принцъ позволить, я съ восторгомъ останусь здѣсь, хотя на цѣлый день, чтобы доказать вамъ, какъ я люблю вашу чудную деревушку.

Императрица была восхищена такимъ добрымъ настроеніемъ этой «глыбы льда» и тотчасъ распорядилась подать линейки, чтобы ѣхать цѣлымъ обществомъ на ферму пить чай и молоко.

— И вы съ нами?—сказала она принцу.

Принцъ поморщился: «вѣчно одна и та же пастораль!» подумалъ онъ, но скрылъ свое неудовольствіе и съ любезной улыбкой сказалъ:

— Всегда въ вашемъ распоряженіи, chère tante.

— Охотница до пикниковъ и дѣтскихъ забавъ,—сказалъ онъ Луизѣ сквозь зубы, когда все общество очутилось на фермѣ и занялось истребленіемъ чая и молочныхъ продуктовъ.—И посмотрите: подчиняясь ей, и важные государственные люди ведутъ себя, какъ школьники. Держу пари, что засимъ намъ предложено будетъ играть въ лошадки, кататься на лодкѣ подъ управленіемъ начальника павловской флотиліи Клокачева и смотрѣть на луну!

— У каждаго свои слабости,—возразила принцесса:—и свое воспитаніе. Вы бы предпочли игру въ солдатки.

Принцъ покраснѣлъ.

— Вы очень злы, но на этой игрѣ основана оборона государства. И Петръ Великій этотъ игрой создалъ нынѣшнюю могущественную Россію.

— А Екатерина Великая избирала для этой игры другихъ мастеровъ, и никогда Россія, даже теперь, не была такъ могущественна, какъ при ней.

— Васъ не переспоришь, Луиза. Но я скажу вамъ одно: бѣда, когда во главѣ арміи стоитъ женщина. Женскія слабости это источникъ всякаго зла для государства и могутъ повлечь за собой его гибель. Для арміи нужна въ особенности твердая мужская рука.

— Я не буду спорить съ вами, принцъ,—сказала Луиза:—тѣмъ болѣе, что, принадлежа къ женской половинѣ ради человѣческаго, также имѣю свои слабости, и теперь... теперь скоро буду вынуждена прибѣгнуть къ вашей снисходительности и дружбѣ...

— Вы... ко мнѣ?—вскричала принцъ.—О, вы сама всегда были ко мнѣ снисходительны и смѣло рассчитывайте на меня: я буду «вашъ вѣрный рабъ», какъ писали еще Екатеринѣ наши сановники.

— Быть можетъ, вы не такъ будете стоворчивы, когда узнаете, въ чемъ дѣло.

— Я узнаю дѣло, когда вы мнѣ скажете о немъ,—сказалъ принцъ, отходя по лѣсной дорожкѣ къ озеру.—Но, Луиза, даю вамъ слово, что если вы нуждаетесь въ моей поддержкѣ, то вы ее получите, чего бы мнѣ это ни стоило. Я знаю, что мы всегда будемъ друзьями.

— На дняхъ я подвергну вашу дружбу серьезному испытанію.

— Испытайте, испытайте,—весело сказалъ принцъ и поцѣловаль у жены руку.

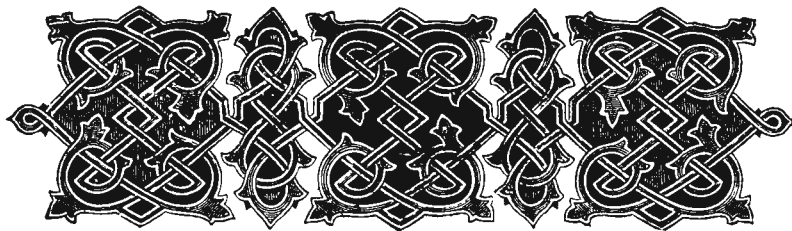
Общество, собравшееся у фермы, наблюдало всю эту сцену, поразившую всѣхъ удивленіемъ. Императрица отыскала взглядомъ Вилламова и выразительно на него посмотрѣла. «Общеніе съ природой всегда производитъ смягчающее впечатлѣніе на самого холоднаго человѣка и будитъ въ немъ лучшія чувства», вспомнились ей слова одного нѣмецкаго натуръ-философа, которыя она заучила наизусть еще въ дѣтствѣ, записавъ ихъ подъ диктовку своей гувернантки. Она была въ восторгѣ, что ея тайные планы о сближеніи супруговъ начинаютъ осуществляться и что начало этому положено ею самою въ любимомъ Павловскомъ паркѣ...

Луиза была поражена нѣжкою, какъ ей показалось, предупредительностью своего супруга: ни одной тучки, ни одной презрительной нотки въ его словахъ въ отвѣтъ на ея унижительную просьбу! Онъ самъ идетъ навстрѣчу ей, нужно только рѣшиться на испытаніе! Принцесса была готова признать, что, быть можетъ, она мало еще знала своего супруга. И она скажетъ ему все завтра, завтра: она не останется въ Павловскѣ кататься въ лодкѣ съ Клокачевымъ!

Е. Шумигорскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

САНЪ-СТЕФАНО.

Записки графа Н. П. Игнатъева съ примѣчаніями А. А. Башмакова и К. А. Губастова ¹⁾.

Предисловіе.

ИПЛОМАТИЧЕСКАЯ исторія освободительной войны 1877—1878 годовъ еще не освѣщена въ достаточной мѣрѣ. Она вся заключается пока въ отдѣльныхъ эпизодахъ, въ матеріалахъ безъ общей сводки и въ фактахъ, ждущихъ еще подведенія идейныхъ итоговъ съ точки зрѣнія историка и принципіального построенія задачъ нашей политики.

Значительный вкладъ въ разработку этой эпохи дастъ намъ теперь появленіе той части записокъ покойнаго графа Н. П. Игнатъева, которая относится къ подготовкѣ и осуществленію главнаго и наиболѣе свѣтлаго творенія этого замѣчательнаго дѣятеля—Санъ-Стефанскаго мирнаго между Россією и Турцією договора отъ 19-го февраля 1878 года.

Значеніе этого государственнаго акта, которому не по винѣ Игнатъева придали нѣсколько односторонній характеръ, не вполне

¹⁾ Настоящія записки снабжены примѣчаніями: самого автора графа Н. П. Игнатъева (авт.), А. А. Башмакова (А. Б.) и К. А. Губастова (К. Г.). Съ такими сокращенными подписями примѣчанія будутъ печататься въ теченіе всего 1915 года. Записки эти являются непосредственнымъ продолженіемъ той части записокъ графа, которая была напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за прошлый годъ (№№ 1—7).

охватывающій всю совокупность интересовъ освобожденныхъ Россією южныхъ славянъ, тѣмъ не менѣе огромное. Завершая собою многолѣтнюю блестящую дѣятельность нашего посла въ Константинополѣ, этотъ договоръ въ возможно большей полнотѣ совмѣщаетъ въ себѣ все, что ему удалось отвоевать въ пользу нашихъ единовѣрцевъ и единомышленниковъ при помощи небывалой до него освѣдомленности и благодаря постоянному сопрیکосновенію Игнатьева съ народными взглядами пробывавшихся къ самостоятельности христіанскихъ народностей. Въ этомъ отношеніи Санъ-Стефанскій мирный договоръ въ удивительной степени соответствовалъ реальному распредѣленію народностей на Балканскомъ полуостровѣ, насколько состояніе этнографическихъ свѣдѣній того момента могло освѣтить этотъ темный вопросъ; съ рѣдкимъ государственнымъ тактомъ и чувствомъ мѣры и реальныхъ величинъ растущаго новаго міра племенныхъ соотношеній Игнатьевъ сумѣлъ изобразить и провести равновѣсіе между вполне опредѣлившимися группами интересовъ, необходимость удовлетворенія коихъ настоятельно выступала на сцену исторіи, какъ слѣдствіе русскихъ побѣдъ.

Съ другой стороны, не менѣе важно значеніе этого крупнѣйшаго изъ Игнатьевскихъ твореній, если мы въ немъ не будемъ искать одно только наслѣдіе прошлаго, но зададимся цѣлью прослѣдить его связь съ послѣдующими за ними событіями.

По винѣ такихъ непреодолимыхъ силъ, — крѣпко свившихъ свои гнѣзда въ высшихъ сферахъ русской государственности того времени, въ особенности въ дипломатіи, — такихъ силъ, которыя всегда относились враждебно къ Игнатьеву и которымъ удалось устранить его отъ государственной дѣятельности за послѣднія тридцать лѣтъ его жизни, Санъ-Стефанскому договору было придано совершенно неподобающее значеніе одного лишь «предварительнаго мира», какъ бы предисловія къ Берлинскому договору, въ коемъ восторжествовало враждебное намъ всецѣльное (въ то время) вліяніе германизма. Всѣ попытки Игнатьева въ закулисной работѣ дипломатіи къ тому, чтобы избавить Россію отъ горечи той чаши, которую намъ поднесли въ Берлинѣ, были систематически отбиваемы въ самой столицѣ Русскаго государства такими вліяніями, которыя были сильнѣе творца Санъ-Стефанскаго мира. При такихъ условіяхъ позоръ Россіи предстоялъ неизбѣжный. Онъ выраженъ былъ необыкновенно выпукло въ пламенной рѣчи И. С. Аксакова немедленно по полученіи въ Москвѣ роковыхъ вѣстей о томъ, что дѣлалось въ Берлинѣ, на зловѣщемъ конгрессѣ, гдѣ побѣдительница-Россія оказалась на скамьѣ подсудимыхъ. За эту незабвенную рѣчь Аксаковъ былъ удаленъ въ ссылку изъ Москвы, а «славянскій комитетъ» закрытъ былъ по соображеніямъ «вышей политики»... Но сѣмена, посеянные Игнатье-

вымъ и Аксаковымъ во дни русскаго приниженія передъ наглѣмъ германизмомъ, дали урожаи. Они прежде всего запали въ душу наслѣдника престола, который, ставъ русскимъ императоромъ, подъ именемъ Александра III, создалъ наиболѣе цѣльный образецъ вполнѣ «русскаго царствованія», какое только знала до того времени наша исторія. Кто знаетъ, не будь того щемящаго оскорбленія, нанесеннаго русской душѣ на Берлинскомъ конгрессѣ, вылилось ли бы царствованіе Александра III въ такую вдохновенную, народную и стильную дѣятельность, которую поэтъ А. Н. Майковъ изобразилъ въ своемъ стихотвореніи: «Къ портрету Александра III» столь вдохновеннымъ возгласомъ:

Въ томъ царская его заслуга предъ Россіей,
 Что царь—онъ вѣрилъ самъ въ устои вѣковые,
 На коихъ зиждется Россійская земля!..

.....

Современники Игнатъева далеко не единодушно почувствовали значеніе его творчества и тяжесть нанесеннаго Россіи оскорбленія; государственный идеализмъ созрѣвалъ въ русскихъ умахъ медленно и неравномѣрно; на пользу той гайтрены, которая завелась, какъ ржавчина на желѣзѣ, именно въ наиболѣе вліятельныхъ верхахъ, у источниковъ власти, сознаніе этого внутренняго заѣдающаго насъ рака «великосвѣтскаго германизма» долго колебалось и отставало въ представленіяхъ нашей интеллигенціи. Тѣмъ не менѣе, какъ нерѣдко бываетъ въ историческихъ судьбахъ великихъ и жизнеспособныхъ народовъ, бессознательное пониманіе реально-необходимаго беретъ верхъ надъ невѣрными теченіями сознательныхъ ученій, навѣянныхъ книжнымъ путемъ и ведущихъ иногда къ обезличенію и обезсиленію народа въ пользу его же враговъ, внушающихъ ему это безсиліе.

Съ этой точки зрѣнія, нельзя не усмотрѣть внутренней связи и преемства между тѣми событіями, которыя столь мѣтко отразились въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, и нынѣшними событіями 1914 года. Въ безконечно разнообразной народной эпопее, происходящей сейчасъ на нашихъ глазахъ, вырисовывается одно могучее, всеохватывающее, медленно созрѣвавшее, но богатырское хотѣніе народа-исполина. Оно выражается безконечно-могучимъ гудѣніемъ: «Довольно! Подъ нѣмцемъ долше жить мы не хотимъ!»

А развѣ не та самая мысль народа выражена была тридцать шесть лѣтъ раньше на скрижаляхъ Санъ-Стефанскаго договора? Развѣ не этотъ основной мотивъ проходитъ красною нитью черезъ многогранный разладъ графа Н. П. Игнатъева съ тѣми кругами горчаковской дипломатіи, которые хронически предавали Россію, быть можетъ, не вѣдая, что творятъ, но въ силу крѣпко установившихся противонародныхъ традицій.

Читатели «Историческаго Вѣстника» 1915 года тѣмъ легче и полнѣе провѣряютъ эти вопросы въ своемъ сознаниі, что окружающая насъ дѣйствительность и послѣднія грозныя событія даютъ намъ постоянную провѣрку вѣрности основныхъ мыслей, вдохновлявшихъ графа Игнатьева въ теченіе всей его жизни.

А. Башмаковъ.

I.

Наши мирные переговоры съ Турціею были усложнены предварительными дипломатическими промахами:

1) Стѣснительными, даже въ отношеніи военныхъ дѣйствій, переговорами съ англійскимъ правительствомъ, возлагавшимъ на насъ обязанности не затрагивать англійскихъ интересовъ, не входить въ Константинополь и не занимать Галлиполи, безъ равносильнаго предоставленія Россіи какихъ-либо выгодъ или даже обезпеченій въ будущемъ отъ англійскаго вмѣшательства въ наше мирное соглашеніе съ Турціею.

2) Заключеніемъ съ Австріею договора, неудачно, неясно редакцированнаго, насъ связывавшаго, въ особенности въ отношеніи къ Сербіи и Черногоріи, стѣснительнаго для насъ какъ во время войны, такъ и въ особенности при заключеніи мира и дозволившаго Австріи извлечь для себя матеріальныя и нравственныя выгоды, несравненно большія, нежели Россіи, безъ усилій и затратъ. Мы связали себя, по обычной нашей честности и изысканной добросовѣстности въ отношеніи иностранныхъ государствъ, по рукамъ и ногамъ честнымъ словомъ государя, а Австріи предоставили возможность свободно, съ свойственными ей коварствомъ и беззащитчивостью, пользоваться выгодами нашихъ побѣдъ, во вредъ Россіи и для угнетенія славянъ. Замѣчательно, что содержаніе договора, заключеннаго въ январѣ 1877 года между графомъ Андраши и Новиковымъ, было, по просьбѣ графа Андраши, скрыто княземъ Горчаковымъ (въ чемъ сей послѣдній сознался мнѣ въ присутствіи государя) отъ русскаго посла въ Константинополь до минуты отъѣзда его въ дѣйствующую армію въ 1878 году; злосчастный договоръ этотъ, поразившій меня самымъ неожиданнымъ образомъ, былъ показанъ мнѣ лишь по повелѣнію государя, послѣ жалобы, принесенной мною лично его величеству, послѣ того, какъ я получилъ отъ генераль-адъютанта Обручева копію карты Балканскаго полуострова, которая должна была быть приложена къ договору русско-австрійскому.

Сверхъ того, мирные переговоры были затруднены, равно какъ и наши военныя операціи въ княжествахъ, неудовлетворительностью нашей конвенціи съ Румыніею, заключенной предъ войною, и непо-

нятнымъ бездѣйствіемъ относительно румынскаго правительства князя Горчакова, проживавшаго, съ своимъ ближайшимъ совѣтникомъ и помощникомъ барономъ Жомини, шесть мѣсяцевъ въ Бухарестѣ и не позаботившагося уладить прочнымъ образомъ вопросъ о возвращеніи намъ Бессарабін, пользуясь тѣмъ временемъ, пока румыны въ насъ еще нуждались и были въ нашихъ рукахъ, а вліянія намъ враждебныя и воздѣйствія иностранныхъ кабинетовъ могли быть нами стѣснены.

Въ совѣтѣ, созданномъ государемъ въ Порадимѣ, передъ своимъ отъѣздомъ изъ дѣйствующей арміи, было рѣшено, по моему предложенію, чтобы:

1. Главкомандующій, снабженный полномочіемъ на заключеніе лишь перемирія, отнюдь не пріостанавливалъ военныхъ дѣйствій до принятія предварительныхъ основаній будущаго мирнаго договора, редакция которыхъ была сдѣлана, по повелѣнію его величества, въ его присутствіи, въ домѣ, имъ занятомъ, и на его собственной бумагѣ генераль-адъютантомъ Игнатьевымъ — примѣнительно къ тому положенію, въ которомъ находились наши войска. Этимъ и объясняется, почему было поставлено въ обязанность главкомандующему требовать предварительной сдачи всѣхъ дунайскихъ крѣпостей: Рушукъ, Виддина и Силистріи, а не было оговорено о сдачѣ Шумлы и Варны. Само собою разумѣлось, что если успѣхи нашихъ войскъ позволяли дойти до Адрианополя, то главкомандующій сдачею дунайскихъ крѣпостей не удовлетворяется, а потребуетъ сдачи и Варны, и въ особенности Шумлы, находящейся въ тылу, на нашихъ сообщеніяхъ и которая, при продолженіи военныхъ дѣйствій, неминуемо должна была бы сдаться войскамъ цесаревича, угрожавшимъ этому укрѣпленному лагерю. Вообще само собою разумѣлось, что въ условія перемирія будутъ включены всѣ тѣ требованія, которыя необходимы были для полнѣйшаго обезпеченія стратегическаго положенія арміи на Балканскомъ полуостровѣ. Безъ этого обезпеченія невысказанно казалась пріостановка побѣдоноснаго шествія нашихъ войскъ къ Царьграду.

2. Пригласить уполномоченныхъ для заключенія мира собраться въ Одессѣ, куда долженъ былъ отправиться генераль-адъютантъ Игнатьевъ въ качествѣ второго уполномоченнаго и куда предполагалось прибыть самому князю Горчакову въ качествѣ перваго уполномоченнаго ¹⁾). Въмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось, со-

¹⁾ Первоначально государь хотѣлъ поручить мирные переговоры исключительно гр. Игнатьеву въ Константинополь, но онъ доложилъ его величеству, что при питаемой къ нему ревности канцлера и желаніи его утвердить своею подписью будущій договоръ было бы практичнѣе и цѣлесообразнѣе предпочесть Одессу Константинополю и предоставить возможность князю Горчакову лично участвовать въ заключеніи договора. Государь согласился, замѣтивъ при этомъ Игнатьеву, улыбаясь: «Однакоже ты сильнѣе побиваешься, какъ я вижу, Горчакова».

Авт.

гласно предложенію Игнатьева, въ случаѣ желанія европейскихъ державъ вмѣшаться въ наши переговоры съ Турціею, предложить кабинетамъ возобновить въ Одессѣ или въ Константинополѣ конференцію, созванную по почину Англій предъ войною, для разрѣшенія восточнаго вопроса. Тогдашняя константинопольская конференція была бы такимъ образомъ продолжена или возобновлена, начавъ свои занятія на основаніи выгодныхъ для Россіи предложеній, сдѣланныхъ европейскими правительствами Портѣ и ею отвергнутыхъ. Такой ходъ дѣла представлялъ бы намъ несравненно большія выгоды, нежели созывъ конгресса, и не позволилъ бы Австріи, а въ особенности Англій, принять то враждебное нашимъ видамъ положеніе, которое такъ неблагоприятно повліяло на окончательный результатъ войны.

Полученныя въ первыхъ числахъ января въ Петроградѣ извѣстія о блистательныхъ побѣдахъ нашихъ войскъ и о взятіи Адрианополя и свѣдѣнія, доставленныя изъ Лондона графомъ Шуваловымъ, заставлявшія опасаться вмѣшательства Англій, измѣнили, къ сожалѣнію, возрѣнія государя императора. Наступленіе нашихъ войскъ къ Константинополю, вопреки первоначальнымъ видамъ императорскаго правительства, казалось возможнымъ, и, по предложенію князя Горчакова, желавшаго по установленіи непосредственными переговорами съ Турціею основаній мирнаго договора достигнуть, въ согласіи съ Европою, мирнаго разрѣшенія восточнаго вопроса, рѣшено было, въ совѣщаніи между государемъ, военнымъ министромъ и канцлеромъ, отправить меня не въ Константинополь, какъ я настаивалъ, и не въ Одессу, а въ главную квартиру, черезъ Бухарестъ. Но при этомъ, вслѣдствіе моихъ замѣчаній на этомъ совѣщаніи, не было и рѣчи объ остановкѣ нашихъ войскъ на пути къ Царьграду. Мысль государя выражена въ его телеграммѣ, отправленной къ великому князю Николаю Николаевичу 12-го января, въ восемь часовъ утра.

«Изложенныя въ трехъ твоихъ шифрованныхъ телеграммахъ 10-го января соображенія относительно дальнѣйшаго наступленія на Константинополь я одобряю. Движеніе войскъ отнюдь не должно быть останавливаемо до официального соглашенія объ основаніяхъ мира и условіяхъ перемирія. При этомъ объяви турецкимъ уполномоченнымъ, что если въ теченіе трехъ дней со времени отправленія ими запросной телеграммы въ Константинополь не послѣдуетъ безусловнаго согласія Порты на заявленныя нами условія, то мы уже не признаемъ ихъ для себя обязательными. Въ случаѣ, если условія наши не приняты, вопросъ долженъ рѣшиться подъ стѣнами Константинополя. Въ разрѣшеніи поставленныхъ тобою на тотъ случай четырехъ вопросовъ, предлагаю тебѣ руководствоваться слѣдующими указаніями:

«По первому. Въ случаѣ вступленія иностранныхъ флотовъ въ Босфоръ, войти въ дружественныя соглашенія ¹⁾ съ начальниками эскадръ относительно водворенія общими силами порядка въ городѣ.

«По второму. Въ случаѣ иностраннаго десанта въ Константинополь избѣгать всячески столкновенія съ ними, оставивъ наши войска подъ стѣнами города ²⁾).

«По третьему. Если сами жители Константинополя и представители другихъ державъ будутъ просить о водвореніи въ городѣ порядка и охраненіи спокойствія, констатировать этотъ фактъ и ввести наши войска ³⁾).

«Наконецъ, по четвертому. Ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ сдѣланнаго нами Англійи заявленія, что мы не намѣрены дѣйствовать на Галлиполи ⁴⁾). Англійя, съ своей стороны, обѣщала намъ ⁵⁾ ничего не предпринимать для занятія Галлипольскаго полуострова⁶⁾,

¹⁾ Главная квартира, занимаясь политикою, всего болѣе боялась иностранцевъ и новой войны, а Петербургъ, т. е. министерство иностранныхъ дѣлъ, вѣрилъ въ свое дѣйствіе *à grande Enigore* и мечталъ объ излюбленномъ европейскомъ «концертѣ», всегда намъ вредившемъ. Странно, что теряли изъ виду враждебность англійской эскадры и предполагали, что если явятся въ Босфоръ европейскія суда, то не одни англійскія, а совместно и суда другихъ державъ и что можно будетъ безъ ссоры занять Константинополь одновременно отрядами разныхъ государствъ, взаимно соперничавшихъ на Балканскомъ полуостровѣ. Авт.

²⁾ Я настаивалъ на томъ, чтобы было повелѣно поставить непремѣнно наши войска на высотахъ, командующихъ Босфоромъ и Константинополемъ, и знять Бѣлградскій тѣсъ и водопроводы, а ограничились указаніемъ, чтобы войска остались подъ стѣнами Константинополя. Авт.

³⁾ На совѣщаніи 9-го января въ Зимнемъ дворцѣ я настаивалъ на занятіи высотъ, господствующихъ надъ Константинополемъ и Босфоромъ, указывая на вѣроятіе возникновенія беспорядковъ, столкновеній между мусульманами и христіанами и угрозъ мусульманъ по адресу европейцевъ и ихъ представителей. Я вызывался, если мнѣ дозволятъ, направиться прямо въ Константинополь моремъ и доставить случай войскамъ нашимъ войти въ столицу по просьбѣ иностранцевъ и безъ нарушенія даннаго Англійи обѣщанія. Авт.

⁴⁾ Графъ Шуваловъ далъ это обѣщаніе лорду Дерби, не заручившись письменно ненарушимостью слова англійскаго министра, что англійская эскадра не войдетъ въ Мраморное море. Когда князь Горчаковъ, въ присутствіи государя, настаивалъ на необходимости соблюденія нами тяжелаго, по военнымъ соображеніямъ, обязательства, принятаго нашимъ посломъ въ Лондонѣ, графъ Игнатъевъ предсказалъ, что англичане насъ проведутъ, пожертвовавъ лордомъ Дерби, который выйдетъ въ отставку, заявивъ Шувалову, что онъ обязался только лично, но что кабинетъ не соглашается поддерживать его. Авт.

⁵⁾ Не Англійя и даже не письменно, а лично лордъ Дерби. Графъ же Шуваловъ, не выкинувъ въ характеръ и образъ дѣйствія англійскаго правительства, повѣрилъ на слово англійскому министерству иностранныхъ дѣлъ и представилъ свои объясненія съ Дерби, какъ важный результатъ, обязательный для Англійи. Авт.

⁶⁾ Англійи незачѣмъ было и нечѣмъ было занимать полуостровъ. Но ей необходимо было заручиться, что мы не дойдемъ во Галлиполи, чтобы рѣшиться ввести свою эскадру въ Мраморное море безъ опасенія, что она будетъ заперта въ Дарданельскомъ проливѣ. Авт.

а потому и мы не должны давать ей предлогъ къ вмѣшательству. Даже если бы какой-нибудь турецкій отрядъ находился на полуостровѣ, достаточно выдвинуть наблюдательный отрядъ на перешеекъ ¹⁾, отнюдь не подходя къ самому городу Галлиполи ²⁾.

«Въ виду приближенія твоего къ Царьграду, я призналъ нужнымъ отмѣнить прежнее распоряженіе о съѣздѣ уполномоченныхъ въ Одессѣ и вмѣсто того приказалъ генераль-адъютанту графу Игнатьеву немедленно отправиться въ Адрианополь для веденія совмѣстно съ Нелидовымъ предварительныхъ переговоровъ о мирѣ при главной квартирѣ».

«Александръ»

Послѣдствія доказали, что если бы движеніе отряда генерала Гурко на Галлиполи не было остановлено вслѣдствіе мнимаго обѣщанія Англій и настояній графа Шувалова, поддержаннаго канцлеромъ, эскадра англійская никогда не рѣшилась бы вступить въ Мраморное море, опасаясь заложения подводныхъ минъ въ проливѣ русскими. Тогда посоль Англій Лайярдъ не приобрѣлъ бы преобладающаго и столь вреднаго для насъ вліянія на Порту и самого султана и все требованія наши были бы безпрекословно исполнены испуганными турками.

Выманивъ у государя одобреніе обѣщанію, данному Англій не занимать ни Галлиполи, ни буларскихъ укрѣпленій, графъ Шуваловъ далъ возможность англійской эскадрѣ проникнуть до Принцевыхъ острововъ и фактически господствовать въ Босфорѣ.

II.

Когда, въ первый разъ, государь объявилъ мнѣ по вызовѣ меня въ Петроградъ изъ Кіева, что я долженъ ѣхать въ дѣйствующую армію, то я испрашивалъ разрѣшеніе сѣсть на пароходъ и отправиться въ Бургасъ или даже прямо въ Буюкъ-дере, смотря по положенію, занимаемому нашими войсками, чтобы оттуда войти въ связь съ главною квартирою. Когда это найдено было слишкомъ рискованнымъ, то я предложилъ проѣхать черезъ Измаиль и расположеніе нашихъ войскъ, минуя Бухарестъ, доказывая, что если съ румынами канцлеръ не условился относительно Бессарабіи въ теченіе шести мѣсяцевъ своего пребыванія въ Бухарестѣ, то теперь едва ли скоро можно съ ними сговориться, тѣмъ болѣе, что они, можетъ быть, уже натравлены на насъ Ан-

¹⁾ Я настаивалъ, чтобы буларскія линіи были, по крайней мѣрѣ, заняты нашими войсками, но возраженія и опасенія князя Горчакова заставили и Милютину согласиться на упоминаніе о высылкѣ къ сторонѣ Галлиполи лишь наблюдательнаго отряда.

Авт.

²⁾ Явствуетъ постоянное опасеніе столкновения съ Англією и стремленіе предупредить ея желанія, даже въ ущербъ своимъ интересамъ.

Авт.

глією и Австрією для созданія намъ затрудненій, и въ такомъ случаѣ переговоры въ Бухарестѣ затянутся и меня задержатъ.

Первоначально канцлеръ предлагалъ поручить мнѣ ограничиться подписаніемъ съ турецкимъ уполномоченнымъ лишь протокола, заключающаго основанія будущаго договора и уступки намъ, на которыя вынуждена будетъ Порта. Но на это я возразилъ, что посылать для сего особаго уполномоченнаго въ дѣйствующую армію не стоитъ и что протоколъ войны и расходовъ нашихъ не прекратитъ, ибо послѣ протоколовъ константинопольскихъ, подписанныхъ всѣми представителями европейскихъ государствъ, новый протоколъ русско-турецкій будетъ служить лишь въ видѣ дополненія, связывающаго лишь развѣ дѣйствія русскихъ и турецкихъ уполномоченныхъ при будущихъ переговорахъ, безъ вліянія на окончательный результатъ конгресса, о которомъ все мечталъ князь Горчаковъ, хотя конгрессъ представлялъ много неудобствъ безъ сокращенія расходовъ, доставленія выгодъ окончательнаго умиротворенія между Россією и Турцією и ручательства облегченія положенія Черногоріи, Сербіи и Болгаріи, которыя мы пришли освобождать. По моему мнѣнію, уже если ограничиваться заключеніемъ одного протокола, то лучше предложить просто возобновленіе константинопольской конференціи, взявъ исходнымъ пунктомъ первыя требованія, заявленныя отъ имени всей Европы Портѣ, съ добавленіемъ того, что уже добыто оружіемъ русскою армією и ея союзниками черногорцами и сербами.

Конференція, начавшись въ Константинополѣ, могла бы быть перенесена въ Одессу, воспользовавшись замѣчаніемъ кого-либо изъ европейскихъ уполномоченныхъ о неудобствѣ трактовать подъ пушками, такъ сказать, русской арміи. Въ предвидѣніи мирныхъ переговоровъ внѣ главной квартиры я предлагалъ назначить вторымъ уполномоченнымъ вмѣсто Нелидова, который долженъ былъ находиться безотлучно при главнокомандующемъ, въ качествѣ начальника его походной дипломатической канцеляріи, Влангали ¹⁾, бывшаго въ шестидесятыхъ годахъ генеральнымъ консуломъ въ Сербіи и знакомаго съ восточнымъ вопросомъ. 10-го января было рѣшено между государемъ, канцлеромъ и военнымъ министромъ, что съ турками будетъ заключенъ предварительный (прелиминарный миръ), который весьма легко, по мнѣнію князя Горчакова, увѣряющаго, что онъ вполне можетъ разсчитывать на содѣйствіе не только князя Бисмарка, но и графа Андраши, будетъ закрѣпить европейскимъ согласіемъ въ конференціи первыхъ министровъ, созванной въ Бадень-Баденѣ или даже въ Петербургѣ. Для за-

¹⁾ Влангали, Александръ Егоровичъ, родился въ Константинополѣ въ 1817 году, умеръ 1-го апрѣля 1908 года. Товарищъ министра (при Н. К. Гирсѣ), посолъ въ Римѣ и членъ Государственнаго Совѣта.

ключенія этого договора, вопреки моему мнѣнію и моимъ представленіямъ, рѣшено было командировать меня въ главную квартиру, направивъ кружнымъ путемъ на Бухарестъ. Всѣ замѣчанія мои противъ остановки въ румынской столицѣ (я предпочиталъ проѣхать чрезъ Измаиль, не заѣзжая въ Бухарестъ, чтобы снабдить консула нашего указаніями, какъ воздѣйствовать на населеніе (русское и болгарское преимущественно) для вынужденія согласія румынскаго правительства на добровольное воссоединеніе съ Россіею отошедшей по Парижскому договору части Бессарабіи) были отвергнуты княземъ Горчаковымъ, который замѣтилъ, что передача мною собственноручнаго письма государя о присоединеніи Бессарабіи *est une affaire de pure courtoisie*—формальность, обязательная относительно союзника передъ началомъ мирныхъ переговоровъ съ Турціею. Эти переговоры съ румынскими министрами не могутъ задержать посланнаго въ пути къ Адрианополю болѣе, чѣмъ дня на два, ибо «министры уже подготовлены имъ, княземъ Горчаковымъ, къ уступкѣ намъ Бессарабіи и знаютъ, что она неизбежна, и потому достаточно будетъ, если я обмѣняюсь съ ними мыслями о территориальномъ вознагражденіи, слѣдующемъ румынамъ за эту территориальную уступку Россіи, съ тѣмъ, чтобы уже *en connaissance de cause* выговорить надлежащее условіе въ договорѣ, имѣющемъ быть заключеннымъ съ турками.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, 10-го поздно вечеромъ я получилъ приказаніе представить государю проектъ будущаго договора. 11-го января утромъ я получилъ собственноручную записку канцлера, съ приказаніемъ представить этотъ проектъ на разсмотрѣніе совѣта, подъ предѣтельствомъ государя. «*L'Empereur ordonne,—писалъ князь Горчаковъ,—que vous vous trouviez demain jeudi à 11¹/₂ au palais d'hiver. C'est la conférence. Apporter y votre mémoire*».

Мнѣ сообщены были копіи телеграммъ, которыми государь и султанъ обмѣнялись въ первыхъ числахъ января.

Телеграмма султана, отправленная въ воскресенье 1-го января, въ 3 часа 45 минутъ по полудни, гласила слѣдующее:

«*A Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies. En déplorant profondément les circonstances malheureuses qui ont amené cette guerre désolante entre les deux Empires, appelés à vivre toujours en bonne harmonie, et désirant ardemment voir cesser un moment plus tôt une effusion de sang inutile, qui répugne également au coeur compatissant et aux sentiments généreux d'humanité bien connus de Votre Majesté Impériale, je viens de nommer, conformément à l'entente établie entre mon Gouvernement et Son Altesse Impériale le Grand Duc Nicolas, Server Pacha, mon Ministre des Affaires Etrangères, et Namik Pacha, Grand Dignitaire de l'Empire, en qualité de plénipotentiaires, chargés d'arrêter avec Son Altesse Impé-*

riale le Grand Duc les bases de la paix et les principes de l'armistice. Les plénipotentiaires partiront après demain, mardi 3 (15) Janvier, pour Kazanlik. J'espère que Votre Majesté Impériale voudra bien, en attendant la conclusion de ces négociations, donner des ordres nécessaires pour la cessation des hostilités sur tout le théâtre de la guerre. Abdul Hamid».

(Его величеству императору всероссійскому. Глубоко скорбя о несчастныхъ обстоятельствахъ, которыя вызвали эту прискорбную войну между двумя имперіями, призванными жить всегда въ добромъ согласіи, и горячо желая, чтобы хотя минутой раньше прекратилось бесполезное кровопролитіе, несомвѣстимое съ сострадательнымъ сердцемъ и хорошо извѣстными благородными и гуманными чувствами вашего императорскаго величества, я, по состоявшемуся соглашенію между моимъ правительствомъ и его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, назначилъ моего министра иностранныхъ дѣлъ Серверъ-пашу и великаго сановника имперіи Намикъ-пашу уполномоченными, которымъ поручено установить вмѣстѣ съ его императорскимъ высочествомъ основанія для заключенія мира и условія перемирія. Уполномоченные выѣдутъ въ Казанлыкъ послѣзавтра, во вторникъ 3-го (15-го) января. Я надѣюсь, что ваше императорскому величеству благоугодно будетъ, въ ожиданіи окончанія переговоровъ, сдѣлать необходимыя распоряженія о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій на всемъ театрѣ войны. Абдуль-Гамидъ).

Телеграмма эта была получена 2-го января, въ 7 часовъ 35 минутъ пополудни. Его величество собственноручно подписалъ на этой телеграммѣ, посылая ее канцлеру: «Voilà une surprise qui prouve que les Turcs doivent être aux abois. Dans tous les cas il faudra bien combiner la réponse à faire». (Вотъ неожиданность, которая доказываетъ, что турки, должно быть, дошли до крайности. Во всякомъ случаѣ надо хорошенько составить отвѣтъ), а въ концѣ телеграммы государь добавилъ: «Il faut absolument nous en tenir à ce qui était dans les instructions, envoyées à mes frères». (Нужно непремѣнно настаивать на томъ, что было сказано въ инструкціяхъ, посланныхъ моимъ братьямъ), т. е. его величество повелѣвалъ не отступать отъ того образа дѣйствій, который былъ установленъ въ Порадимѣ и затѣмъ въ Петербургѣ, по моему представленію, поддержанному военнымъ министромъ: ити впередъ и не останавливать наступательнаго дѣйствія войскъ, пока все требованія наши не будутъ безусловно приняты Портою.

Государь отвѣтилъ султану на телеграмму на другой день слѣдующее:

«Ayant reçu hier soir le télégramme de Votre Majesté daté de dimanche, je puis l'assurer que personne plus que moi ne désire la cessation de l'effusion de sang et le rétablissement d'une

paix solide et durable entre nos deux Empres. Votre Majesté a ainsi parfaitement pressenti mes dispositions personnelles et je me félicite de la voir entrer dans la seule voie qui puisse amener un résultat satisfaisant. Mes frères, les Commandants en Chef de mes armées en Europe et en Asie, sont munis de pleins-pouvoirs et d'instructions suffisantes pour arrêter promptement les conditions de l'armistice avec les plénipotentiaires ottomans, si ces derniers se rendent exactement compte de la véritable situation et des sacrifices que la Russie a dû s'imposer. Votre Majesté comprendra qu'avant de savoir si les bases nécessaires seront irrévocablement acceptées par le Gouvernement Ottoman, il m'est impossible de priver mon armée des conséquences de ses dernières opérations en la paralysant prématurément et cela au moment même, où les cuirassés Ottomans commettent des dégâts en Crimée, en bombardant des villes ouvertes comme Eupatorie, Théodosie et Anapa. Croyez, Sire, que j'appelle de tous mes vœux la possibilité de concilier mes devoirs de souverain avec les aspirations de mon cœur, en faisant cesser partout les hostilités et en concluant la paix. Il dépend de Vos plénipotentiaires d'en hâter le moment».

(Получивъ вчера вечеромъ телеграмму вашего величества, посланную въ воскресенье, я могу васъ увѣрить, что никто такъ не желаетъ прекращенія кровопролитія и восстановленія прочнаго и продолжительнаго мира между нашими двумя имперіями, какъ я. Ваше величество, такимъ образомъ, совершенно вѣрно предугадали мои личныя желанія, и я поздравляю себя съ тѣмъ, что вы вступили на единственный путь, который можетъ привести къ удовлетворительному результату. Мои братья, главнокомандующіе въ Европѣ и въ Азіи, имѣютъ полномочія и инструкціи, достаточныя, чтобы быстро установить условія перемирія вмѣстѣ съ оттоманскими уполномоченными, если они отдадутъ себѣ точный отчетъ въ истинномъ положеніи дѣлъ и въ тѣхъ жертвахъ, которыя должна была принести Россія. Ваше величество изволите понять, что прежде, чѣмъ станетъ извѣстно, приметъ ли безспорно оттоманское правительство необходимыя для переговоровъ основанія, я не имѣю возможности лишить мою армію результатовъ послѣднихъ операцій, преждевременно парализовавъ ее въ то самое время, когда оттоманскіе броненосцы совершаютъ опустошенія въ Крыму, бомбардируя неукрѣпленные города въ родѣ Евпаторіи, Феодосіи и Анапы. Будьте увѣрены, государь, что я всѣми силами призываю возможность примирить мой долгъ, какъ государя, съ желаніями моего сердца, остановивъ повсюду враждебныя дѣйствія и заключивъ миръ. Отъ вашихъ уполномоченныхъ зависить ускорить наступленіе этого момента).

10-го января, прежде, нежели составить окончательно проектъ договора, я подалъ записку князю Горчакову на французскомъ

языкъ подъ заглавiемъ: «Questions à résoudre», чтобы установить главнѣйшія основанія для предстоящихъ дипломатическихъ дѣйствій.

1) Ne pourrait on pas demander aux Turcs la remise préalable de Schoumla, comme garantie matérielle de leurs dispositions politiques?

2) Le Monténégro devra conclure avec les Turcs une convention (militaire) d'armistice et établir une ligne de démarcation, en entrant ainsi en pourparlers séparés avec la Porte. Nous pourrions traiter pour la Serbie et la Roumanie jusqu'au moment de leur reconnaissance comme Etats indépendants; depuis ce moment ils voudront participer directement aux négociations.

3) Est-ce un traité ou simplement des préliminaires de paix qu'il faudra conclure? Comme il nous est difficile de nous passer de l'assentiment des Puissances pour modifier les traités de 1856 et 1871, ne serait-il pas préférable de réserver uniquement à l'examen des Puissances les articles qui se rapportent explicitement et directement aux stipulations des traités de 1856 и et 1871. On aurait pu rédiger simultanément avec la signature des traités avec la Porte, un protocole spécial réservant l'approbation des Puissances aux articles qui seraient énumérés et spécialement indiqués ¹⁾.

4) Quelle garantie offrirons nous à la Roumanie pour assurer son avenir, si nous voulons nous mettre d'accord avec elle pour écarter sa neutralité, garantie par des Grandes Puissances ²⁾.

5) Les Ministres Roumains ayant signalé qu'ils se proposaient de demander des dédommagements pour les dégâts et les frais imposés à la Roumanie, que pourrions nous leur offrir?

6) Devrons nous conclure avec les Roumains une convention d'alliance défensive ³⁾, en nous réservant le droit de passage pour le cas

¹⁾ Остается жалѣть, что князь Горчаковъ не принялъ мысли Игнатъева и избѣгнулъ такимъ образомъ того, что русскій посолье стремился предупредить: вмѣсто нѣсколькихъ только отдѣльныхъ статей, которыя подлежали европейскому разсмотрѣнiю, мы представили на утверждене нашихъ противниковъ весь трактатъ, заключенный съ султаномъ и имъ, и государемъ нашимъ ратификованный. Авт.

²⁾ Вопросы эти доказывали, что Игнатъевъ предвидѣлъ затрудненія съ Румыніей и то ложное положеніе, въ которое Россія и сама Румынія будутъ поставлены. Онъ желалъ предупредить затрудненія предварительнымъ заключеніемъ союза съ Румынією. Авт.

³⁾ Союзный договоръ съ Румынією могъ быть только оборонительный, чтобы не возбудить опасеній и протеста Австро-Венгрии, за которую мы тогда, къ сожалѣнiю, ухаживали. Но Игнатъевъ, въ предвидѣнiи, что Россію захотятъ отрѣзать отъ Сербіи и Болгаріи, предлагалъ выговорить въ конвенціи свободный пропускъ русскихъ войскъ на Балканскій полуостровъ и затруднялся окончательною и безусловною уступкою дунайскихъ гирлъ Румыніи. Нѣтъ сомнѣнiя, что уладить дѣло съ Румынами было легче въ теченіе шестимѣсячнаго пребыванія князя Горчакова въ Бухарестѣ, во время войны, но лучше было договориться хотя поздно, но до заключенія мира, чѣмъ предоставить Австро-Венгрии время развить свои интриги, направленные противъ Россіи. Авт.

spécial où Sa Majesté l'Empereur serait obligé de prendre en main, la défense de la cause chrétienne dans la presqu'île des Balkans? La cession du delta du Danube à la Roumanie sera-t-elle directe ou indirecte?

7) L'augmentation territoriale de la Serbie doit-elle être restreinte ou bien telle qu'elle avait été dans nos projets avant et pendant les négociations avec l'Autriche-Hongrie ¹⁾).

8) En tracant la frontière septentrionale future du Monténégro devons nous en conséquence de nos arrangements avec l'Autriche-Hongrie ²⁾ conclure Novossinje et Stolatz—bercaux de l'insurrection Herzégovinienne du territoire Monténégrin?

9) La surveillance des réformes en Bosnie et Herzégovine sera-t-elle dévolue à une Commission Européenne ou bien à un Commissaire Austro-Hongrois?

10) Comment devra être rédigé l'article 4 du projet que je prépare (Bosnie et Herzégovine) si l'Austro-Hongrie voulait procéder à l'occupation de ces provinces. Si l'Austro-Hongrie visait à s'annexer ces deux provinces, les annexions, que nous accordons au Monténégro et à la Serbie ne répondraient plus aux prévisions qui avaient en vue la dissolution éventuelle de l'Empire Ottoman. Il faudrait y aviser ³⁾).

11) Faut-il englober Salonique et Adrianople dans la Bulgarie?

12) La position de notre Commissaire en Bulgarie et ses pouvoirs devraient être déterminés d'une manière explicite, afin de prévenir des malentendus qui peuvent amener des complications immédiatement après la conclusion de la paix.

13) La durée de l'occupation doit-elle être fixée, ainsi que cela est mentionné dans le projet des préliminaires? Faut-il se taire sur l'immixtion des Commissaires Européens jusqu'à ce que les Cabinets ne réclament leur coopérations ⁴⁾ ou bien dire

¹⁾ Велѣдствіе настояній графа Андраши, чтобы ни Сербія, ни Черногорія не были увеличены угрожающимъ для Австро-Венгріи образомъ, князь Горчаковъ склонялся на удовлетвореніе требованій графа Андраши, а Игнатьевъ желалъ несравненно большаго увеличенія Сербіи и Черногоріи, съ цѣлью приданія имъ большей самостоятельности. Авт.

²⁾ Договоръ, подписанный Новиковымъ и графомъ Андраши, въ предвидѣніи главнѣйше распаденія Турціи. Игнатьеву претило въ угоду Австро-Венгріи отдать ей ту мѣстность, гдѣ возгорѣлось возстаніе, которая омыта была кровью герцеговинцевъ и черногорцевъ и изъ-за которой загорѣлась война. Авт.

³⁾ По договору 3-го января предполагалось пустить австро-венгровъ въ Боснію и часть Герцеговины лишь въ случаѣ распаденія Оттоманской имперіи и взятія Константинополя. Игнатьеву очень не хотѣлось пускать австрійцевъ въ сербскія земли и потому онъ обращалъ вниманіе канцлера, что въ случаѣ непредвидѣннаго договоромъ вступленія австрійцевъ въ Боснію безъ уничтоженія Турецкой имперіи слѣдовало бы увеличить долю Черногоріи и Сербіи противъ того, что предполагалось въ проектѣ договора съ Турціею. Авт.

⁴⁾ Игнатьевъ былъ этого мнѣнія, не желая дѣлать уступокъ европейцамъ прежде, нежели они сами заявятъ свои требованія. Авт.

qu'à l'expiration de la première année, après l'introduction du nouveau régime, les Commissaires Européens pourront participer avec le nôtre, si une entente à ce sujet s'établissait entre les Cabinets?

14) Devons nous réclamer le rasement des forteresses de Silistrie et de Widdin? Devons nous réclamer la même chose à l'égard de Varna et de Schoumla, ou bien passer ces forteresses sous silence?

15) Devons nous nous borner à demander l'amélioration de l'ancien règlement pour la Crète, ou son autonomie, ou bien l'annexion de l'île au Royaume Héliénique?

(1) Нельзя ли будетъ потребовать отъ турокъ предварительной передачи Шумлы, какъ матеріальной гарантіи ихъ политическихъ намѣреній?

2) Черногорія должна будетъ заключить съ турками (военную) конвенцію о перемиріи и провести демаркаціонную линію, войдя, такимъ образомъ, въ отдѣльные переговоры съ Портою. Мы можемъ догвариваться за Сербію и Румынію до того момента, когда онѣ будутъ признаны, какъ независимыя государства. Съ этого времени онѣ благоволятъ принять участіе въ переговорахъ непосредственно.

3) Нужно ли заключить трактатъ или только предварительныя условія мира? Такъ какъ намъ трудно обойтись безъ согласія державъ при измѣненіи трактатовъ 1856 и 1871 годовъ, то не предпочтительнѣе ли предоставить разсмотрѣнію державъ лишь тѣ статьи, которыя явно и прямо относятся къ условіямъ трактатовъ 1856 и 1871 годовъ. Одновременно съ подписаніемъ договоровъ съ Портою можно было бы составить особый протоколъ, въ которомъ содержалось бы одобреніе державами статей, которыя будутъ перечислены и особо указаны.

4) Какія гарантіи предложимъ мы Румыніи, которыя обезпечивали бы ея будущность, если мы хотимъ столкнуться съ нею на предметъ устраненія нейтралитета, гарантированнаго державами?

5) Что можемъ мы предложить румынскимъ министрамъ, если они заявятъ, что они намѣрены просить о вознагражденіи убытковъ за опустошенія и военныя издержки Румыніи?

6) Должны ли будемъ заключить съ румынами договоръ объ оборонительномъ союзѣ, оставивъ за собой право прохода въ томъ случаѣ, если государь императоръ будетъ вынужденъ взять въ свои руки защиту христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ? Будетъ ли уступка устья Дуная Румыніи прямой или непрямою?

7) Должно ли быть сокращено территоріальное увеличеніе Сербіи, или оно должно быть такимъ, какимъ оно было въ нашихъ проектахъ до и во время переговоровъ съ Австро-Венгріей?

8) При обозначеніи будущей сѣверной границы Черногоріи должны ли мы, вслѣдствіе нашихъ соглашеній съ Австро-Венгріей,

включить Невесиње и Столаць — колыбель герцеговинскаго возстанія—въ территорию Черногоріи?

9) Будеть ли поручено наблюденіе за реформами въ Босніи и Герцеговинѣ европейской комиссіи, или же австро-венгерскому комиссару?

10) Какъ должна быть редактирована ст. 4 изготавляемаго мною проекта (Боснія и Герцеговина), если бы Австрія-Венгрія пожелала приступить къ оккупациі этихъ провинцій? Если Австро-Венгрія имѣеть въ виду аннексировать эти обѣ провинціи, то не будутъ ли доли, даваемыя нами Черногоріи и Сербіи, болѣе соответствовать предположеніямъ, которыя имѣлись въ виду возможнаго распадена Турецкой имперіи? Объ этомъ надо подумать,

11) Слѣдуетъ ли включить въ составъ Болгаріи Салоники и Адрианополь.

12) Положеніе и права нашего комиссара въ Болгаріи должны быть ясно опредѣлены, чтобы предотвратить недоразумѣнія, которыя могутъ вызвать осложненія сейчасъ же по заключеніи мира.

13) Слѣдуетъ ли опредѣлить продолжительность оккупациі, какъ объ этомъ говорится въ проектѣ предварительныхъ переговоровъ? Слѣдуетъ ли молчать о привлеченіи къ дѣлу европейскихъ комиссаровъ до тѣхъ поръ, пока кабинеты не потребуютъ ихъ содѣйствія, или же сказать, что по истеченіи перваго года послѣ введенія новаго режима европейскіе комиссары могутъ участвовать вмѣстѣ съ нашимъ, если на этотъ счетъ установится соглашеніе между кабинетами?

14) Должны ли мы требовать срытія крѣпостей Силистріи и Виддина? Должны ли мы требовать того же относительно Варны и Шумлы, или обойти эти крѣпости молчаніемъ?

15) Должны ли мы ограничиться только требованіемъ улучшенія прежняго управленія Критомъ, или требовать его автономіи или же присоединенія этого острова къ Греческому королевству?).

Изъ этой записки видно, что я предвидѣлъ все почти затрудненія, которыя могутъ возникнуть при и послѣ заключенія договора съ Портою и заботился не только объ интересахъ болгаръ, но желалъ обезпечить русскіе интересы въ Румыніи и на Балканскомъ полуостровѣ, доставивъ удовлетвореніе румынамъ и отчасти грекамъ (на островѣ Критѣ) и достаточное увеличеніе Черногоріи и Сербіи, чтобы затруднить Австро-Венгріи принятіе того положенія, которое она захватила послѣ Берлинскаго конгресса. Канцлеръ ограничился четырьмя краткими отвѣтами и нѣкоторыми указаніями для составленія проекта договора съ Портою, не обративъ достаточнаго вниманія на возбужденные мною вопросы и отдѣльваясь общаніемъ, что надлежащія инструкціи будутъ даны имъ русскимъ уполномоченнымъ, сообразно обстоятельствамъ, когда начнутся мирные переговоры.

Излагая канцлеру свое мнѣніе о предстоящемъ порученіи, я выразилъ предположеніе, что главная квартира будетъ недовольна моимъ прибытіемъ и станетъ всячески интриговать, чтобы разстроить прежнія хорошія мои отношенія (товарищескія, какъ выражался великій князь) съ главнокомандующимъ и парализовать мое вліяніе на ходъ событій. Предвидя, что, какъ военный, я буду, несмотря на званіе уполномоченнаго, въ зависимости отъ главнокомандующаго и въ фальшивомъ положеніи, какъ дипломатъ, я старался достигнуть разрѣшенія перенести переговоры, если не въ самый Константинополь, то въ Одессу или Севастополь и заявилъ слѣдующее мнѣніе о вѣроятномъ ходѣ дѣлъ, если переговоры будутъ ведены при главной квартирѣ: «Случится одно изъ двухъ: или турецкіе уполномоченные примутъ всѣ наши требованія, тогда успѣхъ обезпеченъ; или же они отвергнутъ наши предложенія, тогда намъ слѣдуетъ продолжать безостановочно идти впередъ самымъ рѣшительнымъ образомъ и подписать договоръ лишь на высотахъ, господствующихъ надъ Босфоромъ и Царьградомъ. Когда наши войска подойдутъ къ самому городу,—случится одно изъ двухъ: или турки искренно пожелаютъ мира и вступятъ въ переговоры, или же возникнутъ въ Стамбулѣ беспорядки, султанъ можетъ уѣхать въ Бруссу, но можетъ быть и низложенъ (по примѣру Абдуль-Азиса). Если провозглашенъ будетъ новый султанъ, надо будетъ съ нимъ вступить въ сношенія и заключить миръ, тѣмъ болѣе, что и Мурадъ (племянникъ Абдуль-Азиса, низвергнутый султанъ) и Иззединъ (сынъ Абдуль-Азиса ¹⁾) были и прежде со мною въ лич-

¹⁾ Мурадъ вступилъ въ тайныя сношенія со мною еще въ 1867 году, имѣлъ со мною свиданія въ разныхъ мѣстахъ и писалъ мнѣ письма (по-французски), которыя сохраняются у меня. Онъ даже собирался одно время тайно ѣхать въ Россію чрезъ Одессу и, открывшись въ этомъ мнѣ, просилъ узнать предварительно у государя, дадутъ ли ему вѣрный пріютъ: просьба его, по высочайшему повелѣнію, была отклонена. Англичане, ровно какъ и молодая панисламическая партія, низвергнувшіе Абдуль-Азиса въ 1876 году, жестоко ошиблись въ предположеніи, что удаленіемъ султана, хорошо расположеннаго къ русскому послу, они лишили меня вліянія на дворецъ и возможности быть въ прямыхъ сношеніяхъ съ повелителемъ оттомановъ. Что же касается Иззедина, то, будучи съ малолѣтства лично знакомымъ со мною и зная, до какой стѣпени отецъ его довѣрялъ русскому послу, а остальные европейскіе представители были враждебно расположены къ Абдуль-Азису и къ притязаніямъ его сына на наслѣдство престола, отстраненный принцъ Иззединъ постоянно старался поддерживать сношенія со мною и при самомъ началѣ войны прислалъ мнѣ черезъ знакомаго ему русскаго подданнаго письмо (отъ 12-го апрѣля 1877 года), въ которомъ, напоминая о расположеніи своего отца и всего его семейства къ Россіи, выражалъ желаніе получить извѣстія отъ бывшаго друга отца и просьбу быть ходатаемъ за его сына (т. е. Иззедина) предъ государемъ, заявляя, что всегда будетъ преданъ Россіи, и прося быть защитникомъ за него предъ императоромъ, отъ котораго, послѣ Бога, зависѣла его судьба. Посланный отъ Иззедина привезъ письмо отъ него государю, которое просилъ меня вручить его величеству. Еще болѣе опредѣленные ходатайства были доставлены мнѣ въ Салъ-Стефано.

А в т.

ныхъ, хотя и тайныхъ сношеніяхъ ¹⁾ и искали покровительства Россіи. Казалось бы, что мы могли бы извлечь изъ сего пользу, если возникнутъ беспорядки въ столицѣ. Въ случаѣ волненій въ городѣ можетъ случиться даже, что сами европейцы, для обезпеченія своей личной и имущественной безопасности, будутъ просить насъ войти въ городъ. Мы не можемъ остаться внѣ его, если европейскія военныя суда, подъ предлогомъ охраненія своихъ подданныхъ, войдутъ въ Босфоръ.

«При такихъ обстоятельствахъ заключеніе прелиминарнаго договора сдѣлается невозможнымъ или бесполезнымъ. Понадобится европейская конференція и всего лучше образовать ее изъ мѣстныхъ европейскихъ пословъ, какъ продолженіе конференціи, созванной передъ войною. Надо предвидѣть всѣ эти случаи и быть готовыми извлечь изъ нихъ пользу. вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя терять изъ виду, что англичане затѣвали посадить хедива египетскаго на турецкій престолъ, вознаградивъ себя занятіемъ Египта и отдѣленіемъ калифата мусульманскаго (званія калифа) отъ положенія султана турецкаго, съ заднею мыслью провозгласить одного изъ арабскихъ потомковъ Магомета, который былъ бы въ рукахъ Англій и сдѣлался бы послушнымъ орудіемъ ея для упроченія ея вліянія въ Индіи и вліянія во всемъ мусульманскомъ мірѣ».

Касательно денежнаго вознагражденія отъ Турціи, я выразилъ мысль, что при безденежьи Порты трудно будетъ добыть отъ нея достаточную сумму, а лучше всего потребовать предоставленія Россіи таможенныхъ доходовъ гор. Смирны, Салоникъ и т. п. и заключить большой заемъ въ Европѣ для покрытія нашихъ военныхъ издержекъ, подъ условіемъ включенія въ договоръ, что на Турцію и Египетъ возлагается уплата процентовъ и погашенія, причемъ Египетъ участвуетъ въ пятой части всѣхъ расходовъ, а на Турцію возлагается четыре пятыхъ этихъ денежныхъ обязательствъ. Земельныя уступки въ Арменіи, для стратегическаго улучшенія закавказскихъ границъ нашихъ, будутъ потребованы въ вознагражденіе убытковъ, нанесенныхъ турецкимъ флотомъ въ Черномъ морѣ и на черноморскомъ берегу, а также нашей промышленности и торговлѣ. Мысли эти были отвергнуты канцлеромъ, который согласился лишь требовать отъ турокъ капиталъ въ триста милліоновъ рублей, который считалъ достаточнымъ для покрытія издержекъ, сдѣланныхъ до февраля 1878 года.

12-го января, въ четвергъ, собрались въ первомъ кабинетѣ государя князь Горчаковъ, военный министръ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Гирсъ, баронъ Жюмини, статсъ-секретарь Гамбургеръ и генераль-адъютантъ графъ Игнатьевъ.

¹⁾ Принцъ Юсуфъ Иаеддинъ, сынъ султана Абдуль-Азиза, родился въ 1857 г. Въ настоящее время онъ считается наслѣдникомъ престола. К. Г.

Послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ его величествомъ для опредѣленія положенія дѣлъ и объявленія принятаго имъ рѣшенія командировать въ армию Игнатъева для веденія мирныхъ переговоровъ, послѣдоваль обмѣнъ мыслей и былъ прочтенъ мною составленный въ теченіе сутокъ проектъ договора, первоначальный набросокъ котораго былъ уже сдѣланъ во время войны мною въ Порадимѣ и тогда же сообщенъ военному министру. Набросокъ этотъ былъ, для сохраненія тайны, переписанъ рукою жены графа Игнатъева и въ этомъ видѣ прочитанъ его величеству. Впослѣдствіи проектъ былъ нѣсколько измѣненъ, вслѣдствіе ограниченныхъ замѣчаній канцлера, который старался умалить наши требованія, сообразно желаніямъ графа Андраши.

По первоначальному проекту графа Игнатъева:

1. Граница Черногорин отодвигалась до соединенія рѣки Пивы съ рѣкою Тарою и до рѣки Лима, къ сторонѣ Сербіи и до рѣкъ Дрина и Бояны, со стороны Албаніи. Никшичъ, Цевесинье, Столацъ, Гатцко, Спужъ, Подгорица и Жаблякъ признавались принадлежащими Черногорин.

2. Съ признаніемъ независимости Сербіи, Порты уступала ей мѣстность по теченію рѣки Дрина, до соединенія съ рѣкою Лимомъ и по этой рѣкѣ до Пріеполя, откуда граничная черта направлялась на рѣку Мораву, ниже Лѣсковаца, черезъ Митровицу. Ада-Кале долженъ быть очищенъ и срытъ турками ¹⁾.

3. Румыніи Порты уступала нѣкоторые острова въ дунайскомъ устьѣ, съ городомъ и портомъ Сулинскимъ.

4. Въ Босніи и Герцеговинѣ должно было быть введено немедленно устройство, предложенное европейскими представителями въ первомъ засѣданіи константинопольской конференціи; недоимки сборовъ и повинностей, накопившіяся за прошлое время, прощались жителямъ этихъ двухъ областей, а доходы до 1-го марта 1880 года предназначались исключительно на мѣстныя нужды и удовлетвореніе нуждающихся семействъ бѣженцевъ. Европейской комиссіи, намѣченной въ проектѣ конференціи, предоставлялось опредѣлить сумму ежегодной подати, которую обѣ области должны были послѣ 1880 года вносить въ Порту чрезъ Оттоманскій банкъ.

5. Болгарія, въ предѣлахъ не менѣе опредѣленныхъ конференціею для двухъ областей, соединенныхъ нынѣ въ одну, преобразована въ княжество вассальное, съ народнымъ правительствомъ и земскимъ войскомъ. Подробности касательно устройства Болгаріи, выбора князя и дѣятельности русскаго комиссара были тѣ же, что и въ окончательномъ проектѣ. Окончательныя границы княжества Болгарскаго должны быть обозначены смѣшанною комиссіею прежде,

¹⁾ Игнатъевъ не могъ еще предвидѣть, что согласается на захватъ Ада-Кале Австро-Венгріею. А в т.

пожелали русскія войска очистить южную Болгарію, причемъ карта, подписанная уполномоченными русскими и турецкими, заключающими мирныя условія, должна служить руководствомъ при проведеніи граничной черты.

6. Права, предоставленныя европейскою комиссію константинопольскою конференціею представителей державъ, переходили на русскаго комиссара, въ распоряженіе котораго должны были находиться оставленныя въ краѣ русскія войска, въ числѣ не менѣе пятидесяти тысячъ, до образованія достаточно надежнаго и сильнаго войска болгарскаго. Черезъ годъ послѣ выбора князя и введенія новаго устройства края и если послѣдуетъ соглашеніе между Россіею и другими европейскими державами, эти послѣднія могутъ, если найдена будетъ надобность, присоединить къ русскому комиссару въ Болгаріи своихъ представителей и образовать такимъ образомъ европейскую комиссію.

7. Русскія войска (за исключеніемъ означенныхъ выше 50 тысячъ человекъ) очистить Европейскую и Азіатскую Турцію въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ ратификаціи этого договора, причемъ имѣютъ право садиться на суда, присланныя русскимъ правительствомъ, не только въ Варифъ и въ Бургасъ, но и въ Константинополь и въ Буюкъ-дере.

8. Въ Эпирѣ, Эссалии и остающихся подъ непосредственною властію Порты частяхъ Македоніи и Фракіи вводятся уставы, выработанныя константинопольскою конференціею для сѣверныхъ областей, примѣняясь, разумѣется, къ мѣстнымъ потребностямъ.

9. Органическій уставъ, опредѣленный для острова Крита въ 1867 году, будетъ возстановленъ съ тѣми измѣненіями, которыхъ домогалось въ послѣднее время христіанское населеніе.

10. Такъ какъ русскіе монахи, проживающіе на Аѳонѣ, въ трехъ монастыряхъ, имъ принадлежащихъ (св. Пантелеймона, Андреевскій и Ильинскій), были, вслѣдствіе мѣстныхъ интригъ, безпокоены и притѣсняемы въ теченіе войны; то Порта обязуется возвратить имъ все утраченное и возстановить ихъ въ прежнихъ правахъ и преимуществахъ, не дозволяя ихъ впредь притѣснять, и предоставить имъ тѣ же права и преимущества, какими пользуются духовныя учрежденія и монастыри другихъ христіанскихъ исповѣданій въ Турціи. Вообще русское духовенство и православное монашество въ Европейской и Азіатской Турціи будутъ пользоваться тѣми же правами и преимуществами, какъ духовенства римско-католическое и протестантское. Покровительство русскихъ паломниковъ и русскихъ духовныхъ и благотворительныхъ учреждений въ святыхъ мѣстахъ императорскимъ посольствомъ и подчиненными ему консулами и агентами признается Портою ¹⁾.

¹⁾ Эта статья была предложена въ виду того, что по интригамъ греческимъ въ Палестинѣ и на Аѳонѣ русскіе были зачастую притѣсняемы; права заступничества за

11. Порта обязуется принять дѣйствительныя мѣры для полюбовнаго рѣшенія многочисленныхъ не окопченныхъ тяжбныхъ дѣлъ русскихъ подданныхъ въ Турціи, шетно помогающихъ уже нѣсколько лѣтъ покрытія понесенныхъ убытковъ или исполненія приговоровъ, постановленныхъ въ ихъ пользу.

12. Желая отвратить недоразумѣнія и пререканія по поводу прохода судовъ по проливамъ, соединяющимъ Черное море съ Средиземнымъ, и принять въ соображеніе исключительное положеніе Россіи, какъ прибрежнаго къ Черному морю государства, Порта, сохраняя неприкосновеннымъ традиціонный принципъ закрытія проливовъ для военныхъ флотовъ, обязуется пропускать беспрепятственно и безостановочно, по первому требованію русскаго правительства, ежегодно до десяти его военныхъ судовъ, сверхъ мелкихъ его судовъ (стаціонеровъ), обычно находящихся въ Босфорѣ, въ распоряженіи императорскаго посольства въ Константинополѣ. Означенныя военныя суда должны проходить по одиночкѣ, не останавливаясь въ Босфорѣ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, болѣе трехъ сутокъ.

13. Вынужденный прибѣгнуть къ мечу, для охраны собственнаго достоинства, равно какъ для поддержанія требованій Европы, заявленныхъ въ конференціи, и обезпеченія своихъ единовѣрцевъ, его величество императоръ всероссійскій не стремится къ пріобрѣтенію особыхъ преимуществъ, которыя онъ былъ бы въ правѣ, по ходу войны и влѣдствіе понесенныхъ жертвъ, требовать, но изъявляетъ согласіе ограничиться уплатою Портою сдѣланныхъ Россіею военныхъ издержекъ и понесенныхъ ею потерь, вынужденныхъ упрямствомъ Порты и навязанныхъ Россіи вопреки личнаго мирнаго расположенія императора. Суммы, слѣдующія съ Порты, состоятъ:

- а) изъ 900 милліоновъ рублей серебромъ за военные расходы;
- б) 400 милліоновъ рублей для покрытія разоренія и потерь, нанесенныхъ южному побережью, внѣшней торговлѣ, промышленности и желѣзнымъ дорогамъ;
- в) 100 милліоновъ за убытки, причиненные Закавказью попытками турокъ проникнуть въ наши владѣнія;
- г) 10 милліоновъ за протори и убытки русскимъ подданнымъ и учреждениямъ въ Турціи.

Всего 1410 милліоновъ рублей серебромъ.

Принявъ, однакоже, во вниманіе затруднительность финансоваго положенія Турціи и въ виду желанія, заявленнаго его величествомъ султаномъ, его величество соглашается замѣнить большую

нихъ русскихъ представителей, агентствъ оспаривалась, не будучи выговѣрены положительно ни въ одномъ изъ нашихъ прежнихъ договоровъ, тогда какъ западныя державы могли, на основаніи прежнихъ договоровъ, стоять на твердой почвѣ пріобрѣтенныхъ договорныхъ правъ.

часть требуемыхъ суммъ земельными уступками и слѣдующимъ образомъ, а именно:

а) часть Бессарабин, уступленноі Россіею въ 1856 году до Килійскаго и Стамбульскаго рукавовъ, причемъ Россія имѣетъ въ виду вознаграждать Румынію инымъ способомъ;

б) Ардагана, Батума, Карса, Кагызмана съ прилегающею къ русской границѣ частью Лазистана и Арменіи до Саганлука. Смѣшанная русско-турецкая коммиссія опредѣлитъ на мѣстѣ подробности разграниченія;

в) Порты, не имѣя надобности во всѣхъ своихъ блиндированныхъ судахъ и для облегченія непосильныхъ расходовъ на содержаніе флота, уступаетъ Россіи шесть броненосцевъ, по выбору великаго князя Алексѣя Александровича, который прибудетъ для принятія ихъ въ Константинополь съ морскими офицерами и соотвѣтствующимъ экипажемъ.

г) на покрытіе издержекъ Россіи Порты выдаетъ Россіи на срокъ миллионъ стаманскихъ лиръ облигацій¹⁾, платежъ по которымъ процентовъ и погашенія будетъ обезпеченъ доходами Турецкой имперіи и въ одной пятой части—Египта. Подробности этой финансовой операціи будутъ опредѣлены смѣшанною коммиссіею изъ финансистовъ и представителей Оттоманскаго банка²⁾.

Къ этому договору Игнатьевъ предполагалъ присоединить слѣдующую дополнительную и секретную статью:

Если европейскія государства будутъ настаивать на открытіи проливовъ, Черное море будетъ объявлено открытымъ въ мирное время и закрытымъ при возникновеніи войны между европейскими государствами для всѣхъ военныхъ судовъ государствъ, не имѣющихъ владѣній на берегахъ Чернаго моря. Россія, имѣющая совершенно тождественные интересы съ Турціею препятствовать открытію проливовъ, съ предоставленіемъ въ то же время всевозможныхъ облегченій для коммерческихъ судовъ и вообще для торго-

¹⁾ По сравкѣ, наведенной Игнатьевымъ у министра финансовъ, М. Х. Рейтернъ отвѣтилъ запискою на французскомъ языкѣ, что, полагая 7% на ежегодный платежъ и 1% на погашеніе, Турціи и Египту пришлось бы выплачивать ежегодно три миллиона и 200 тысячъ лиръ въ теченіе 30 лѣтъ 8 мѣсяцевъ и 25 дней. Авт.

²⁾ Въ Европѣ были такъ увѣрены, что потребуется вмѣшательство Оттоманскаго банка и западныхъ финансистовъ для немедленной ликвидаціи долга Турціи Россіи, что генералъ-адъютантъ Игнатьевъ получилъ въ Санъ-Стефано и въ Петербургѣ, тотчасъ по заключеніи мира, нѣсколько очень выгодныхъ для Россіи предложеній, которыя были имъ представлены кашцлеру, но отвергнуты имъ, по совѣщаніи съ министромъ финансовъ. Желая болѣе точнымъ образомъ опредѣлить источники будущихъ платежей Порты, Игнатьевъ предложилъ оговорить въ договорѣ, чтобы не затрагивать финансовыхъ европейскіхъ интересовъ, что платежи по облигаціямъ на сорокъ миллионъ лиръ будутъ производиться подъ гарантіею доходовъ Анатолиі, угольныхъ рудниковъ Гераклиіи (принадлежащихъ султану) и дани Египта и Болгаріи. Эти источники, отданные въ распоряженіе Россіи, представляли надежное обезпеченіе и выгоду политической.

А в т.

выхъ сношеній, желаетъ, равно какъ и Турція, оградиться отъ всякихъ случайностей въ этомъ отношеніи, а потому оба правительства обязуются вступить въ соглашеніе касательно принятія совмѣстно надлежащихъ мѣръ для обезпеченія защиты проливовъ противъ всякаго иностраннаго предпріятія.

Для этой цѣли оборонительный союзъ будетъ заключенъ между императоромъ всероссійскимъ и его величествомъ султаномъ, по которому Россія обязуется, въ случаѣ надобности, поддержать султана всѣми своими сухопутными и морскими силами въ защитѣ проливовъ противъ всякой попытки иностранцевъ проникнуть въ Дарданеллы или ими овладѣть.

Канцлеръ далъ слѣдующій письменный отвѣтъ (на французскомъ языкѣ) на различные вопросы, возбужденные Игнатьевымъ еще 4-го января.

1. Перемиріе, заключенное въ главной квартирѣ дѣйствующей арміи, должно касаться всѣхъ воюющихъ, но Черногорія можетъ непосредственно договориться съ турками относительно подробностей прекращенія военныхъ дѣйствій. Въ отношеніи даже Черногоріи слѣдуетъ избѣгнуть самостоятельности непосредственныхъ переговоровъ Черногоріи съ Портою, потому что послѣдняя могла бы воспользоваться прекращеніемъ военныхъ дѣйствій на другихъ театрахъ войны, чтобы, сосредоточивъ свои силы противъ Черногоріи, на нее напасть.

Что касается участія Сербіи и Румыніи въ будущихъ переговорахъ, то этотъ вопросъ не зависить отъ насъ однихъ. Признаніе ихъ независимости можетъ быть выговорено только въ окончательномъ мирномъ договорѣ. А потому княжества эти не могутъ участвовать въ переговорахъ въ качествѣ независимыхъ государствъ. Все, что мы можемъ поддерживать, это—предложеніе допустить присутствіе ихъ представителей для защиты ихъ интересовъ.

2. То, что могло бы быть заключено въ Одессѣ или Севастополѣ, не можетъ быть иное, какъ предварительныя мирныя условія.

Чтобы избѣгнуть протестовъ кабинетовъ противъ заключенія непосредственнаго мира между Россією и Портою, надо бы подчеркнуть этотъ характеръ нашихъ переговоровъ, ограничившись заключеніемъ простаго протокола, въ которомъ изложены были бы договорныя условія обѣихъ воюющихъ сторонъ. Такимъ образомъ можно бы избѣгнуть необходимости трудной оговорки относительно тѣхъ условій договора, которыя нарушаютъ *status quo*, установленное актомъ 1856 и 1871 гг., и которыя могли бы вызвать протесты кабинетовъ ¹⁾.

¹⁾ Игнатьевъ, въ отвѣтъ на сіе указывалъ на прелиминарный договоръ, ратификованный въ Никольсбургѣ въ 1866 г., не возбудившій протестовъ державъ, подписавшихъ Вѣнскій договоръ 1815 года, и выражалъ удивленіе, что дозволенное Германіи мѣстѣ быть запрещено Европою Россіи.

3. Мы не допускаемъ нейтрализаціи Румыніи. Она была бы противна даже интересамъ Румыніи, такъ какъ положеніе Востока останется еще надолго непрочно. Россія, во всякомъ случаѣ, не потерпитъ, чтобы было воздвигнуто между ея и созданіемъ ея препятствіе въ видѣ нейтрализованнаго государства. Мы не обязаны доставлять Румыніи гарантіи. Лучшее для нея обезпеченіе—это наша дружба, основанная на традиціяхъ, на общности нашихъ интересовъ въ отношеніи христіанскаго населенія и независимости Румыніи.

Укрѣпленія этого положенія Румыніа достигнетъ, не компрометируясь ни предъ кѣмъ добрыми отношеніями къ намъ ¹⁾.

4. Румыны могутъ представить во время будущихъ переговоровъ притязанія своего правительства и частныхъ людей на вознагражденіе за понесенные убытки. Все, что мы можемъ сдѣлать,—это поддержать ихъ, по мѣрѣ возможности и справедливости.

5. Оборонительный союзъ, съ правомъ прохода русскихъ войскъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, черезъ Румынію—несвоевременно и насъ компрометируетъ. Разъ, что независимость княжества будетъ признана, Румыны свободны заключать союзы, соотвѣтствующіе обстоятельствамъ ²⁾.

6. Уступка дельты дунайской Румыніи должна бы быть произведена непосредственно, развѣ что Порта предпочтетъ это сдѣлать черезъ наше посредство.

7. Увеличеніе Черногоріи (къ сторонѣ Герцеговины и Сербіи) не можетъ быть опредѣлено безъ соглашенія съ Австріею. Если радикальное рѣшеніе ³⁾, предположенное въ переговорахъ нашихъ съ Вѣною, не состоится, намъ трудно будетъ не согласиться съ уменьшеніемъ предназначаемой для Черногоріи прибавки территоріи, если вѣнскій кабинетъ будетъ на этомъ настаивать.

8. Лучше не упоминать о Невесиньѣ и Столацѣ, развѣ что эти пункты не входятъ въ проектъ, одобренный Австро-Венгеріею.

9. Было бы болѣе соотвѣтственно съ нашими вѣнскими переговорами предоставить надзоръ за введеніемъ реформъ въ Босніи и Герцеговинѣ австро-венгерскому комиссару, развѣ что державы будутъ настаивать на смѣшанной европейской комиссіи.

10. Наши нынѣшніе переговоры съ Вѣною выяснятъ обстоятельства, касающіяся Сербіи и Черногоріи. Но само собою разумѣется, что въ случаѣ захвата Австро-Венгеріею Босніи и Герцеговины ⁴⁾

¹⁾ Какъ будто бы одними фразами можно было успокоить румынъ и одолѣть интриги Австро-Венгріи и Англіи, противъ насъ направленные. Странная иллюзіи мастигаго канцлера, проведеннаго шесть мѣсяцевъ среди румынъ, въ Бухарестѣ. Авт.

²⁾ Я возражилъ, что такая постановка вопроса крайне будетъ невыгодна для Россіи и будетъ способствовать успѣху интригъ Австро-Венгріи. Авт.

³⁾ То есть распаденіе Турецкой имперіи. Авт.

⁴⁾ Это канцлеръ допускалъ лишь въ случаѣ занятія нами Царьграда и распаденія Европейской Турціи. Авт.

максимальное увеличеніе территоріи черногорской и сербской, условленное между нами, должно быть предоставлено симъ послѣднимъ.

11. Адрианополь не можетъ быть включенъ въ Болгарію. Державы сему воспротивятся, какъ вѣчной угрозѣ Константинополю. Что касается Салоникъ, то можно попытаться включить этотъ городъ въ Болгарію, основываясь на согласіи, заявленномъ лордомъ Салисбюри на константинопольской конференціи. Въ случаѣ же сопротивленія турокъ, необходимо уступить этотъ пунктъ.

Положеніе, которое надо предоставить нашему комиссару въ Болгаріи, и опредѣленіе его полномочій должны быть соображены на мѣстѣ.

13. Желательно назначить приблизительный срокъ для пребыванія въ Болгаріи русскихъ войскъ ¹⁾, чтобы избѣгнуть возникновенія опасенія скрытаго присоединенія Болгаріи къ Россіи. Участіе европейской комиссіи, обусловленное предварительнымъ соглашеніемъ, можетъ быть упомянуто.

14. О Силистріи и Виддинѣ слѣдуетъ сказать, какъ предположено въ проектѣ. О Варнѣ и Шумлѣ лучше умолчать ²⁾. Составъ гарнизоновъ крѣпостей (турецкихъ) можетъ быть ограниченъ.

15. Лучше ограничиться для Крита улучшеніемъ существующаго устава, выразившись, какъ въ проектѣ предположено.

Замѣчательно, что всѣ возраженія министра иностранныхъ дѣлъ противъ условій моего проекта клонились къ выгодѣ неблагодарной Австро-Венгріи и къ огражденію ея интересовъ, въ ущербъ Россіи и нашихъ союзниковъ—славянъ. Князь Горчаковъ какъ будто забылъ, что когда, по внушенію русскаго посла, султанъ, чтобы умиротворить Черногорію, хотѣлъ добровольно уступить ей Сутторину и Зубчанскій округъ, графъ Андраши возсталъ противъ этого намѣренія и все время старался удовлетворить Черногорію на счетъ Албанцевъ, а Сербовъ на счетъ Болгаръ, отнюдь не принимая въ расчетъ выгоды и интересовъ Россіи.

Ознакомившись съ замѣчаніями канцлера и вынужденный съ ними сообразоваться, я измѣнилъ соотвѣтственный текстъ своего проекта и въ засѣданіи 12-го января прочелъ послѣдній свой проектъ, названный имъ минимальнымъ, по сравненію съ первоначальнымъ его проектомъ, который заключалъ полную независимость Великой Болгаріи, большее увеличеніе Черногоріи и Сербіи, присоединеніе острова Крита и части Эпира и Фессаліи къ Греціи и который былъ найденъ невозможнымъ вслѣдствіе того, что Европа не согласится признать эти условія.

¹⁾ Я предлагалъ обусловить выходъ русскихъ войскъ изъ Болгаріи установленіемъ безопасности порядка въ краѣ и сформированіемъ достаточной болгарской военной силы.

²⁾ То есть оставить крѣпости во власти турокъ.

По каждой статьѣ послѣдовало общее одобреніе присутствующихъ и утверженіе государя къ руководству для переговоровъ послѣ объясненій, данныхъ мною по нѣкоторымъ изъ нихъ. Его величество, при этомъ, неоднократно прерывалъ чтеніе, входя въ разсмотрѣніе подробностей и спрашивая у присутствующихъ членовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, не имѣютъ ли они предъявить какихъ-нибудь замѣчаній на предложенія Игнатьева. Одна только статья договора вызвала замѣчанія Н. К. Гирса—о плаваніи по Дунаю. Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ обратилъ вниманіе на множество жалобъ и требованій вознагражденія, предъявленныхъ частными лицами, преимущественно австро-венграми, вслѣдствіе прекращенія плаванія судовъ и вообще торговыхъ сообщеній по Дунаю. Я тотчасъ же измѣнилъ предположенную редакцію, чтобы оградить Россію отъ какихъ-либо денежныхъ притязаній и возложить уплату проторей и убытковъ на Турцію. Въ такомъ видѣ проектъ былъ окончательно одобренъ, и канцлеръ, съ соизволенія государя, объявилъ мнѣ, что текстъ этого проекта долженъ служить ему инструкціою при переговорахъ съ турецкими уполномоченными.

Проектъ былъ переписанъ въ канцеляріи министра въ двухъ экземплярахъ: одинъ—выданъ мнѣ, а другой остался въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. По окончаніи конференціи не только государь изъявилъ свое полное одобреніе, но канцлеръ и баронъ Жюмини разсыпались въ любезностяхъ, объявляя: «*que c'est un chef-d'oeuvre, un travail de bénédictin qui n'avait pu être rédigé que par un homme qui possédait entièrement dans son cerveau les archives orientales*» и т. д.¹⁾ Князь Горчаковъ отозвался, что онъ находитъ требованія до того умѣренными, что не предвидитъ, чтобы встрѣтились затрудненія въ принятіи нашего договора европейскими державами въ этомъ видѣ. Я ему отвѣтилъ: «Вашими устами да медъ пить». Я снова попытался при окончаніи конференціи испросить разрѣшеніе государя отпавиться въ Турцію не черезъ Бухарестъ и не черезъ главную квартиру, а съѣсть на одинъ изъ пароходовъ Русскаго общества пароходства и торговли, вооруженныхъ на время войны, и отправиться прямо въ Бургасъ или даже, смотря по обстоятельствамъ, въ Константинополь, гдѣ и войти въ сношеніе съ Портою и главною квартирою одновременно. Я выставлялъ при этомъ на видъ, что къ князю Карлу съ письмомъ отъ государя могло бы быть командировано другое лицо, напримѣръ,

¹⁾ Какъ только Англія и Австро-Венгрія послѣ оглашенія Санъ-Стефанскаго договора показали зубы, то министерство иностранныхъ дѣлъ и наши представители-дипломаты стали открещиваться отъ договора, ложно утверждая, что текстъ имъ былъ неизвѣстенъ, что это личная затѣя Игнатьева и отдали автора на съѣденіе нашимъ противникамъ. Осуществленное мнѣніе было введено въ заблужденіе. Авт.

Влангали или кто-либо изъ свиты его величества, такъ какъ объѣздъ на Бухарестъ съ остановкою для переговоровъ и затѣмъ на Тырново и Казанлыкъ и Адрианополь можетъ до того продлить переѣздъ, что я потеряю много времени и запоздаю прибыть своевременно въ главную квартиру дѣйствующей арміи, а также, что, находясь въ Константинополѣ, я приобрѣту большую свободу въ дѣйствіяхъ при переговорахъ, могу сообщаться съ представителями державъ и наблюдать ближе за ихъ интригами въ Портѣ, чтобы ихъ своевременно парализовать; наконецъ, сообщенія мои съ Петербургомъ и Европою были бы значительно облегчены противъ того, если я буду находиться въ Адрианополѣ. Но канцлеръ настоялъ на необходимости моего проѣзда черезъ Бухарестъ, утверждая, что я никакихъ затрудненій въ переговорахъ о Бессарабіи съ румынами не встрѣчу и никакой задержки не будетъ, что приличіе требуетъ, чтобы уполномоченный для мирныхъ переговоровъ съ Портою предварительно переговорилъ съ прицземъ Карломъ и, наконецъ, что отправка особаго лица въ Бухарестъ представляетъ много неудобствъ и влечетъ напрасную трату денегъ. Государь склонился на мнѣніе канцлера и повелѣлъ мнѣ выѣхать черезъ сутки, направляясь на Бухарестъ, а на другой день явиться еще за полученіемъ послѣднихъ приказаній его величества, по прочтеніи инструкціи, которую я пожелалъ имѣть отъ канцлера, для собственнаго огражденія отъ навѣтовъ впослѣдствіи, по предмету порученія, даннаго мнѣ въ Румыніи. Государь приказалъ мнѣ заѣхать по пути изъ Бухареста въ Тырново въ Брестовацъ, гдѣ была главная квартира наслѣдника, чтобы доложить его высочеству проектъ договора и доставить свѣдѣнія о политическомъ положеніи дѣлъ. По словамъ его величества можно было судить, что оль не сомнѣвается, что войска наши влѣдствіе дашыхъ великому князю Николаю Николаевичу повелѣній идутъ безостановочно на Константинополь и что я застану ихъ уже на высотахъ, окаймляющихъ оттоманскую столицу. Государь, предполагая, что переговоры съ принцемъ Карломъ и Братіано займутъ лишь дня два, опасался, что я буду задержанъ на переправѣ Дуная, который, по послѣднимъ извѣстіямъ, былъ покрытъ льдомъ, и въ Балканахъ свирѣпствовавшими тогда снѣжными метелями. А потому разрѣшилъ мнѣ, въ случаѣ крайности, если я по полученнымъ на Дунаѣ извѣстіямъ удостовѣрюсь, что наши войска достигли уже окрестностей Константинополя и что сухопутьемъ я не поспѣю на высоты Босфора, свернуть на морской путь и отправиться на Константинополь на пароходѣ. Письмо государя къ принцу Карлу было вручено мнѣ вмѣстѣ съ инструкціею, подписанною княземъ Горчаковымъ, въ которой было сказано, что по высочайшему повелѣнію Игнатевъ долженъ отправиться въ Буха-

рестъ, чтобы разъяснить (éclaircir) съ румынскимъ правительствомъ нѣкоторые щекотливые вопросы, имѣющіе связь (se rattachant) съ будущимъ миромъ съ Турціею. «Рѣчи не можетъ быть о формальныхъ переговорахъ. Они были бы преждевременны, такъ какъ основанія будущаго мира еще не установлены». Затѣмъ канцлеръ изложилъ въ инструкціи взглядъ министерства иностранныхъ дѣлъ по всѣмъ вопросамъ, которые могутъ быть затронуты во время моего проѣзда черезъ Бухарестъ.

Mais le Gouvernement Roumain paraît s'engager, dès à présent, en cherchant des appuis en Europe, dans une voie qui le mettrait en désaccord ouvert avec nous et fournirait des prétextes aux protestations que devons prévoir de la part de certains cabinets. C'est ce qu'il importe d'empêcher par des explications amicales, mais catégoriques.

1) La première de ces questions est relative à la restitution de la partie de la Bessarabie cédée en 1856. Le Gouvernement Roumain sait que ce point forme une des conditions réelles.

Dans cet état de choses il serait superflu de s'adresser aux sentimens des ministres roumains et de leur rappeler que la Roumanie doit son existence à la Russie. L'essentiel est de leur fournir des arguments d'intérêts positifs qu'ils puissent opposer aux attaques de l'opposition. Ces arguments ne vous manqueront pas. Vous pourrez leur faire observer que les Roumains ne sont guère fondés à invoquer l'autorité du Traité de 1856, puisque l'existence même de la Roumanie est une infraction à ce Traité. Les Principautés étaient constituées en provinces vassales séparées à l'époque où il a été conclu, et c'est exclusivement à la Moldavie que les districts bessarabiens ont été cédés. Depuis lors ces provinces vassales et districts sont devenus successivement des Principautés-unies, puis un Etat Roumain sous un Prince étranger, aujourd'hui elles se proclament un Etat indépendant et souverain, demain elles voudront se constituer en un royaume de 12 millions d'habitants. La Russie aurait donc été depuis longtemps fondée à réclamer ou bien que le status quo du Traité de 1856 fut rétabli dans les Principautés, ou bien que la clause de ce Traité qui leur donne une frontière impossible fut révisée. Les principes du droit sont ainsi entièrement contraires à leurs prétentions actuelles.

Vous leur ferez comprendre que leurs intérêts ne s'accordent pas davantage avec ces prétentions.

La restitution de ce lambeau de territoire sans valeur, ni politique, ni matérielle, est une question de dignité pour la Russie. Le peuple russe la réclame, l'Empereur se fait un devoir d'effacer ce souvenir d'une époque néfaste. La Roumanie peut-elle trouver son avantage à le mettre en travers de ce vœu légitime au risque de s'aliéner à jamais les sympathies de la Russie à laquelle elle doit

déjà tant dans le passé et dans le présent, et, qui, par la position géographique et par sa puissance, pésera nécessairement toujours d'un grand poids dans la balance de ses destinées.

2) Cette question se rattache à une autre, qui forme également l'objet des rêves de la Roumanie, c'est à dire la neutralité, perpétuelle de son territoire, garantie par l'Europe à l'instar de celle de la Belgique. Cette idée chimérique est depuis longtemps poursuivie par les hommes d'Etat Roumain; il est probable qu'ils ont reçu des encouragements éventuels et que sans cet espoir ils n'oseraient pas risquer de s'aliéner les sentiments d'un puissant voisin. Vous pourrez leur faire observer d'abord qu'une semblable combinaison n'est possible et n'offre des garanties un peu sérieuses que si elle est le résultat d'un accord unanime des Grandes Puissances de l'Europe. Or, le Cabinet Impérial est parfaitement résolu, pour sa part, à y refuser son assentiment, et cela non par caprice ou mauvais vouloir envers la Roumanie, mais par des raisons très sérieuses et dans l'intérêt même de ce pays.

En effet, quelque décisives que soient aujourd'hui, nos victoires, l'oeuvre que nous avons entreprise ne saurait être envisagée comme définitive. Elle exigera longtemps encore un contrôle vigilant, peut-être de nouveaux efforts. La Russie peut donc le trouver encore dans le cas de réclamer un concours que la Roumanie serait la première intéressée à lui offrir et qui serait incompatible avec la neutralité. Et si ce pays yaniteux se laissait entraîner à compromettre l'avenir en vue d'un avantage apparent du moment, la Russie ne saurait consentir à livrer aux chances du hasard son oeuvre séculaire en Orient en se laissant séparer par un état neutre du théâtre de sa mission historique et de ses intérêts vitaux.

En suite il ne vous sera pas difficile de démontrer aux Ministres Roumains combien est illusoire ce rêve de neutralité perpétuelle. Ce qui garantit l'existence de la Belgique ce ne sont pas les traités existants. De nos jours la valeur pratique de ces transactions est bien réduite. Le véritable gage de la nation belge c'est l'intérêt capital qu'a l'Angleterre à ne pas laisser le port d'Anvers tomber aux mains d'une Grande Puissance Européenne, et la possibilité qu'elle a de le défendre par la force. Or, cette même garantie, la Roumanie la possède dans l'intérêt qu'ont ces deux puissants voisins à empêcher qu'elle ne tombe au pouvoir de personne; et les ministres roumains sont assez intelligents pour comprendre que de ces deux voisins, c'est encore la Russie qui doit leur inspirer le plus de sécurité, non seulement en raison de ses traditions historiques, mais encore parce qu'elle est assez grande pour n'avoir pas besoin d'annexions et assez puissante pour n'être pas dans le cas de revendiquer des compensations.

L'amitié et la protection de la Russie restent donc toujours la meilleure garantie de l'indépendance de la Roumanie sans qu'il soit nécessaire de l'inscrire dans aucun Traité.

3) L'idée d'un Traité d'alliance défensive qui nous réserverait un droit de passage en cas de besoin, a également été abordée par les ministres du Prince Charles. Vous leur en démontrerez l'inopportunité. Nous ne croyons pas qu'ils y attachent eux-mêmes une valeur pratique. Ils prévoient des attaques de l'opposition qui leur reprochera de ne pas garantir l'existence du pays et ils voudraient pouvoir montrer un acte quelconque ayant cette destination. Mais à notre avis, une pareille combinaison aurait plus d'inconvénients que d'avantages. Elle compromettrait gratuitement le Gouvernement Roumain vis-à-vis de l'Europe. Une fois son indépendance acquise et reconnue, la Roumanie aura la liberté de ses alliances et si les événements en Orient réclamaient de nouveau l'action de la Russie, l'intérêt du Gouvernement de la Roumanie sera de concourir à une oeuvre dont elle restera toujours solidaire pour sa propre sécurité.

4) Vous ne parlerez qu'avec une certaine circonspection des remaniements territoriaux que nous avons en vue et des compensations réservées à la Roumanie. Bien que toutes ces combinaisons soient déjà pressenties dans leurs traits généraux, tant, qu'elles n'ont pas été formulées et acceptées comme bases de la paix, il ne nous convient pas de les préciser ni surtout de leur donner la valeur d'un engagement. Ce n'est qu'à titre d'éventualités possibles qu'elles peuvent être discutées, mais nous devons nous réserver la liberté de nos décisions selon la tournure que précéderont les négociations sur le terrain diplomatique. Votre tact vous indiquera la mesure à observer.

5) Parmi les revendications du Gouvernement Roumain figure également celle d'une indemnité pécuniaire pour les dégâts et pertes causées par la guerre. Cette question peut donner lieu à de grandes difficultés vu que outre les dévastations matérielles, les pertes causées par l'interruption du commerce, les requisitions, le barrage du Danube etc. peuvent facilement donner à l'avidité des Roumains des proportions illimitées. Vous vous bornerez à réserver aux Roumains la faculté de faire valoir les réclamations de l'Etat et celle des particuliers lors des négociations de paix en leur laissant entrevoir notre appui dans la mesure du possible.

6) Vous serez peut-être dans le cas de traiter la question épineuse des transports par les chemins de fer roumains. Vous vous en êtes déjà occupé. Je ne puis vous donner aucune indication à ce sujet. Vous aviserez sur place à ce que vous jugerez possible afin de contribuer à aplanir les difficultés et les conflits incessants auxquels elle donne lieu.

7) Les ministres roumains ont témoigné le voeu de pouvoir se faire représenter à la future conférence Européenne, qui serait appelée à régler les affaires Orientales. Ils semblent attacher un grand prix à cette satisfaction de vanité qui flatterait la nation. Vous leur ferez observer que cette question, de même que la reconnaissance de l'in-

dépendance de la Roumanie ne relèvent pas de nous seuls. Vous leur laisserez seulement entrevoir que leurs demandes rencontreront de notre part l'appui le plus amical et notamment celui de pouvoir faire valoir leurs intérêts dans la conférence au moins par des délégués. Il semblerait difficile d'obtenir davantage, puisque l'indépendance de l'Etat Roumain ne peut devenir un fait reconnu et incontesté qu'à l'issue de la conférence.

En général, vous devrez apporter beaucoup de ménagement dans nos rapports avec les ministres roumains. Malgré son insignifiance ce pays peut facilement devenir un instrument entre les mains de nos adversaires au moment où se produit l'activité diplomatique Européenne. Son hostilité pourrait nous causer des embarras sérieux. Il nous importe, par conséquent, d'entretenir autant que possible chez les Roumains, sans cependant contracter des engagements onéreux, la confiance et le bon vouloir, qui ont amené leur coopération dans la guerre actuelle. Il s'agit surtout de les empêcher de s'égarer dans des voies contraires en prêtant l'oreille aux suggestions de certains Cabinets, au moins avant que la guerre ne soit finie. Il faut donc leur témoigner une sympathie amicale sous laquelle se fasse sentir la fermeté nécessaire pour réprimer à temps leurs velléités hostiles.

C'est ce qui rend particulièrement délicate la mission que l'Empereur vous confie.

(Но румынское правительство, ища поддержки въ Европѣ, съ этого времени, повидимому, вступать на путь, который привелъ бы его къ открытому несогласію съ нами и далъ бы разные предлоги для протеста, который мы должны предвидѣть со стороны нѣкоторыхъ кабинетовъ. А этому-то и нужно воспрепятствовать путемъ дружескихъ, но категорическихъ разъясненій.)

1) Первый изъ этихъ вопросовъ относится къ возвращенію части Бессарабіи, уступленной въ 1856 году. Румынскому правительству извѣстно, что этотъ вопросъ составляетъ одно изъ реальныхъ условий.

При такомъ положеніи вещей было бы излишнимъ обращаться къ чувствамъ румынскихъ министровъ и напоминать имъ, что Румынія обязана своимъ существованіемъ Россіи. Самое главное— дать имъ доказательства положительныхъ интересовъ, которые они могутъ противопоставить нападеніямъ противоположной стороны. Въ такихъ доказательствахъ недостатка у насъ не будетъ. Вы можете поставить имъ на видъ, что румыны не могутъ ссылаться на силу трактата 1856 года, такъ какъ самое существованіе Румыніи является уже нарушеніемъ этого трактата. Въ то время, когда онъ былъ заключенъ, княжества существовали въ видѣ отдѣльныхъ вассальныхъ провинцій, и бессарабскіе округа были уступлены исключительно Молдавіи. Съ того времени вассальная

провинціи и округа сдѣлались послѣдовательно соединенными княжествами, потомъ румынскимъ государствомъ, подъ властью иностраннаго принца. Нынѣ они провозглашаютъ себя государствомъ независимымъ и сувереннымъ, завтра они захотятъ образовать королевство съ двѣнадцатю милліонами жителей. Поэтому Россія давно могла бы потребовать, чтобы въ этихъ княжествахъ былъ установленъ status quo трактата 1856 года, или же была бы въ этомъ трактатѣ пересмотрѣна статья, которая устанавливаетъ для нихъ невозможную границу. Такимъ образомъ, принципы права совершенно расходятся съ ихъ теперешними притязаніями. Вы дадите имъ понять, что ихъ интересы уже не согласуются съ этими требованіями.

Возвращеніе этого куска земли, не имѣющаго никакой цѣнности ни политической, ни матеріальной, для Россіи есть вопросъ ея достоинства. Народъ русскій требуетъ ее себѣ, и государь императоръ считаетъ своимъ долгомъ уничтожить это напоминаніе о несчастномъ времени. Неужели Румынія можетъ найти какую-нибудь выгоду для себя въ томъ, чтобы заставить его дѣйствовать, вопреки этому священному обѣту, рискуя навсегда утратить симпатіи Россіи, которой она такъ много обязана какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, и которая, по своему географическому положенію и могуществу, по необходимости всегда будетъ сильно давить на вѣсы ея судебъ.

2) Этотъ вопросъ связанъ съ другимъ, который также составляетъ предметъ мечтаній Румыніи, а именно съ вѣчнымъ нейтралитетомъ ея территоріи, гарантированнымъ Европой, наподобіе бельгійскаго. Государственные люди Румыніи уже давно преслѣдуютъ эту химерическую идею. Очень можетъ быть, что они получили уже какое-нибудь поощреніе и что безъ этого они не осмѣлились бы рисковать утратить дружественныя къ себѣ чувства могущественнаго сосѣда. Вы можете поставить имъ на видъ прежде всего, что подобная комбинація невозможна и даетъ такія же мало серьезныя гарантіи, какъ если бы она была результатомъ единодушнаго согласія великихъ европейскихъ державъ. Кромѣ того, императорскій кабинетъ твердо рѣшилъ, съ своей стороны, отказать въ этомъ случаѣ въ своемъ согласіи и не по капризу или недоброжелательству къ Румыніи, но по очень серьезнымъ причинамъ, въ интересахъ самой этой страны.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни рѣшительны въ настоящее время наши побѣды, нельзя считать законченнымъ дѣло, за которое мы взялись. Оно еще долго будетъ требовать бдительнаго контроля и, можетъ быть, новыхъ усилій. Россія можетъ найти, что оно находится еще въ такомъ положеніи, что потребуетъ помощь Румыніи, которая будетъ болѣе всего заинтересована въ томъ, чтобы эту помощь оказать, а это было бы уже несомнѣнимо съ ней-

тралитетомъ. И если бы эта тщеславная страна рѣшилась скомпрометировать свою будущность ради наглядной выгоды настоящаго-Россія не могла бы согласиться на то, чтобы предоставить дѣлу случая свое вѣковое дѣло на Востокѣ, позволивъ отдѣлить себя нейтральнымъ государствомъ отъ театра ея историческихъ миссій и жизненныхъ интересовъ.

Итакъ, для васъ не представитъ затрудненій доказать румынскимъ министрамъ, какъ призрачна эта мечта о вѣчномъ нейтралитетѣ. Существованіе Бельгій гарантируется вовсе не существующими трактатами. Въ наше время практическое значеніе такихъ актовъ не такъ велико.

Дѣйствительный залогъ существованія бельгійской націи въ томъ, что Англія не можетъ допустить, чтобы антверпенскій портъ попалъ въ руки какой-либо великой европейской державы, и что она въ состояніи не допустить это силою. Румынія обладаетъ такого же рода гарантіей въ томъ, что обѣ сосѣднія державы заинтересованы въ томъ, чтобы она не досталась кому-либо изъ нихъ. Румынскіе министры достаточно умны и могутъ понять, что изъ двухъ сосѣдей болѣе всего имъ можетъ внушать довѣрія Россія, не только въ силу своихъ историческихъ традицій, но и потому еще, что она достаточно велика, такъ что не имѣетъ надобности въ присоединеніи другихъ странъ, и достаточно могущественна, такъ что ей не придется просить компенсацій.

Итакъ, дружба и покровительство Россіи всегда остаются лучшей гарантіей независимости Румыніи, и нѣтъ необходимости заносить это въ какой-либо трактатъ.

3) Министры князя Карла равнымъ образомъ затронули мысль заключить договоръ объ оборонительномъ союзѣ, который сохранялъ бы за нами право прохода черезъ Румынію, въ случаѣ надобности. Вы докажете имъ неудобство этого. Мы не думаемъ, что они сами придадутъ этому какое-либо практическое значеніе. Они предвидятъ нападки оппозиціи, которая будетъ упрекать ихъ въ томъ, что они не обезпечили существованія страны. Имъ хотѣлось бы имѣть возможность показать какой-нибудь актъ, имѣющій эту цѣль. Но, по нашему мнѣнію, такая комбинація имѣла бы больше неудобствъ, чѣмъ выгодъ. Она зря скомпрометировала бы передъ Европой румынское правительство. Послѣ того, какъ ея независимость ею получена и признана, Румынія будетъ имѣть полную свободу заключать союзы, и если бы событія на Востокѣ снова потребовали вмѣшательства Россіи, въ интересахъ Румыніи будетъ помочь дѣлу, въ которомъ она будетъ всегда съ нею солидарна, ради своей собственной безопасности.

4) О распределеніи территорій, которое мы имѣемъ въ виду, и о компенсаціяхъ, предназначенныхъ для Румыніи, вы должны говорить съ нѣкоторою осторожностью. Хотя всѣ эти комбинаціи

уже извѣстны въ ихъ общихъ чертахъ, однако, пока онѣ еще не формулированы и не положены въ основаніе мирныхъ переговоровъ, намъ не слѣдуетъ опредѣлять ихъ точнѣе, а въ особенности придавать имъ значеніе обязательства. О нихъ можно говорить только, какъ о возможностяхъ.

Но мы должны сохранить за собою свободу рѣшеній, смотря по тому, какой оборотъ примутъ переговоры на дипломатической почвѣ. Чувство мѣры будетъ опредѣляться вашимъ тактомъ.

5) Въ числѣ требованій румынскаго правительства есть также требованіе о денежномъ возмѣщеніи убытковъ и потерь, вызванныхъ войною. Этотъ вопросъ можетъ вызвать большія затрудненія, такъ какъ, кромѣ матеріальныхъ опустошеній, потери, причиненныя прекращеніемъ торговли, реквизиціи, прекращеніе судоходства по Дунаю и т. д.—все это легко можетъ возбудить жадность румынъ въ безграничныхъ размѣрахъ. Вы ограничьтесь тѣмъ, что предоставите румынамъ возможность предъявить требованія государства и частныхъ лицъ, какъ только откроются мирные переговоры, оказывая имъ, по мѣрѣ возможности, нашу поддержку.

6) Можетъ быть, вамъ представится возможность затронуть щекотливый вопросъ о перевозкахъ по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Вы уже заняты этимъ вопросомъ. Я не могу дать вамъ на этотъ счетъ никакихъ указаній. Вамъ виднѣе будетъ на мѣстѣ, что можно сдѣлать, чтобы сгладить затрудненія и постоянные конфликты, которые этотъ вопросъ вызываетъ.

7) Румынскіе министры высказали желаніе, чтобы имъ была дана возможность присутствовать на будущей европейской конференціи, которая будетъ созвана для регламентаціи восточныхъ дѣлъ. Они, повидимому, придаютъ большое значеніе этой уступкѣ ихъ тщеславію, которая польститъ ихъ націи. Вы имъ поставите на видъ, что этотъ вопросъ, какъ равно и признаніе независимости Румыніи, зависитъ не отъ насъ однихъ. Вы имъ дадите только понять, что ихъ желанія встрѣтятся съ нашей стороны дружескую поддержку именно въ томъ направленіи, чтобы дать имъ возможность поддерживать на конференціи ихъ интересы, хотя бы черезъ уполномоченныхъ. Очень трудно добиться чего-нибудь большаго, такъ какъ независимость румынскаго государства можетъ стать признаннымъ и бесспорнымъ фактомъ только по окончаніи конференціи.

Вообще вы должны проявить въ нашихъ сношеніяхъ съ румынскими министрами большую осторожность.

Несмотря на свою незначительность, эта страна легко можетъ стать орудіемъ въ рукахъ нашихъ противниковъ въ тотъ моментъ, когда будетъ дѣйствовать европейская дипломатія. Ея враждебность могла бы создать намъ серьезныя затрудненія. Для насъ

важно, слѣдовательно, поддерживать въ румынахъ, не принцпая, однако, на себя тяжелыхъ обязательствъ, довѣріе и благорасположеніе, которое образовалось благодаря совмѣстнымъ дѣйствіямъ въ настоящую войну. Дѣло идетъ въ особенности о томъ, чтобы не дать имъ пойти по противоположному пути, прислушиваясь къ внушеніямъ нѣкоторыхъ кабинетовъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не кончится война. Нужно, стало быть, показывать къ нимъ дружеское сочувствіе, подъ которымъ должна чувствоваться твердость, необходимая для того, чтобы во-время подавлять ихъ враждебныя стремленія.

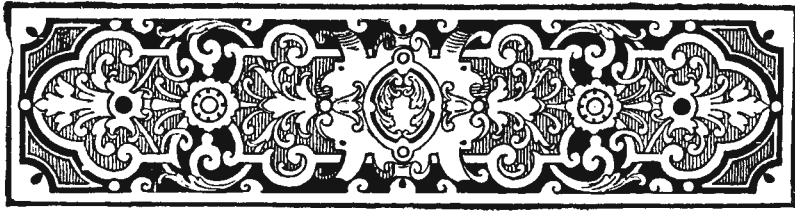
Вотъ что дѣлаетъ особенно тонкой миссію, которую на васъ возлагаетъ государь императоръ).

Читая эту инструкцію, приходишь въ недоумѣніе: почему всѣ эти вопросы не были разъяснены и улажены съ румынами на досугѣ, во время полугодового пребыванія князя Горчакова и барона Жomini, а понадобилось поручить переговорить о всѣхъ этихъ вопросахъ, «щекотливыхъ», какъ выражался самъ канцлеръ, и затрагивающихъ за живое не только интересы Румыніи, но и Россіи, генералу, посланному въ дѣйствующую армію и на пребываніе котораго въ Бухарестѣ могло быть посвящено не болѣе двухъ или трехъ дней, какъ заявилъ самъ канцлеръ въ присутствіи государя и какъ было повторено мнѣ его величествомъ при прощаніи.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СМЕРТЬ КУРЬЕРА МАМОШИНА.

Homo homini lupus...

I.

ТУКЪ въ ворота дома Коростельцева былъ упорный, дробный, продолжительный. Повидимому, стучавшій не хотѣлъ отступить отъ своего намѣренія ни въ какомъ случаѣ и рѣшилъ колотить въ калитку до той поры, пока ему не отворять.

А было уже за полночь,—время позднее для городка Питербурха, только что провозглашеннаго новой столицей. Сухой снѣгъ крутился вокругъ приземистыхъ домовъ не то голландскаго, не то новгородскаго пошиба. Вѣтеръ вылъ вдоль широкой, только что ставшей подъ слоемъ наноснаго ладожскаго льда Невы и раскачивалъ скрипѣвшіе на петляхъ фонари, горѣвшіе по приказу полиціи черезъ каждые три-четыре дома по всеѣмъ перспективамъ и набережнымъ. Все попряталось подъ крыши, и даже караульные псы залѣзли въ свои будки. День начинался тогда рано,—вставали всѣ при свѣчахъ,—а потому заваливались спать съ девяти вечера.

Тукъ-тукъ! Тукъ-тукъ! Тукъ-тукъ!—неотвязно, навязчиво раздавалось по околотку.—Тукъ-тукъ! Тукъ-тукъ!

Гдѣ-то вдали заиграли куранты. По вѣтру ясно донесся подобранный въ мелодическій аккордъ звонъ ихъ колоколовъ. Это было двѣнадцать: часъ привидѣній, возставшихъ изъ гробовъ, и грабителей, нападавшихъ на мирныхъ гражданъ. Но и этотъ зловѣщій

бой не смутил маленькаго чловѣчка съ серебряными «окулярами» на горбато́мъ носу, и онъ продолжалъ стучать такъ же назойливо и нетерпѣливо.

Наконецъ, въ подворотнѣ забѣгали лучи отъ фонаря, и какъ будто снѣгъ заскрипѣлъ за воротами подъ чьими-то шагами. Бабій заспанный голосъ донесся со двора:

— И къ намъ стучать, что ли?

— Ты, Дунюшка?—захрипѣло изъ-подъ носа съ окулярами.— Открывай, милая! Свои!

— Свои!—пропѣлъ голосъ за воротами.— Да Виссаріонъ Игнатьевичъ залегъ съ пѣтухами. Спитъ онъ.

— Да что ты, чортово отродье,—обозначалась совсѣмъ? Меня не узнала? Отпирай, клюковница,—долго мнѣ на морозѣ стыть?

Какъ будто кто-то заворчалъ. Ключъ завертѣлся въ замкѣ новой калитки, и цѣпной песь, высунувъ морду изъ будки, глухо и нехотя залаялъ.

Потомъ дверь завизжала и отворилась. Гость пролѣзъ черезъ высокій порогъ. Фонарь стоялъ на снѣгу, и черныя тѣни отъ его остова бѣжали по снѣгу во всѣ стороны и шевелились отъ неровно горѣвшаго пламени сальнаго огарка.

— Никакъ Давыдъ Ѳедорычъ? А я думаю—кто...

— А ты не думай... Запирай калитку, веди въ домъ, да Виссаріона буди.

Гость пошелъ къ крыльцу, тяжело вытаскивая ноги изъ рыхлаго снѣга, по которому виднѣлись глубокіе слѣды отворявшей бабицы. На крыльцѣ онъ ухватился за перила и осторожно сталъ взбираться кверху, отряхивая снѣгъ съ плаща, и чувствуя, что онъ забился у шеи за воротъ и, растаявъ, мочить ему и затылокъ и шею подъ подбородкомъ.

II.

Въ прихожей, гдѣ стоялъ огромный красный сундукъ, окованный бѣлымъ желѣзомъ, а на дубовой полкѣ смутно проступали какіе-то ящички и баулы, а въ воздухѣ пахло капустой и лукомъ, Давыдъ Ѳедоровичъ сталъ еще разъ отряхиваться.

— Тамъ начерно, а здѣсь набѣло отрусь,—пояснилъ онъ и, увидѣвъ при свѣтѣ того же фонаря полныя бѣлыя икры Дунюшки, выставшіяся изъ-подъ короткой юбки, прибавилъ:—а ты что жъ босоногая съ постели на дворъ скачешь?

— Я привыкши,—отвѣтила она.—И такъ ругаешься, что долго. Пока огонь вздула, пока что...

— Ну, буди хозляина.

Онъ вошелъ, отдуваясь и протирая запотѣвшія стекла, въ полутемную горницу. Въ углу, между окномъ и дверью, приткнулась божница. Малиновая лампадка теплилась передъ Богома-

терью, и черный ликъ свидѣтельствовалъ, что княжна была старая-престарая. Тутъ же за кіотъ была заткнута и іорданская пальмовая вѣтвь, и высохшая верба съ бѣлыми барашками распуколокъ, а вокругъ лампады стояли на полочкѣ кіота освященная соль, пузырекъ съ водой, съ масломъ, восковой огарокъ, сухая просевира и лежала книжечка маленькаго молитвенника въ тонкой кожѣ съ золотымъ крестомъ.

— Владычица, спаси и помилуй!—прошепталъ вошедшій; перекрестился, и еще разъ сталъ вытирать шею, стоя на половикѣ посреди комнаты.

Опять зашлепали ноги Дунечки. Вошла она съ мѣднымъ подсвѣчникомъ и сальной свѣчой. Но зажгла она ее не прямо отъ лампадки, а сперва восковой свѣчечкой позаимствовала огня отъ образа, а потомъ засвѣтила уже и принесенную свѣчу.

— Сейчасъ выйдетъ,—сказала она.—Очень испугавшись, что ты пришелъ.

— По почамъ всегда надлежитъ пугаться,—заявилъ Давыдъ Оедоровичъ, и густыя его брови, спутанныя и нависшія, какъ трава, сдвинулись.—Ночи потому и надлежитъ міръ объяти тьмою, дабы смертные приходили въ трепеть...

— Какъ я твой стукъ услышала, такъ трепетаніе во мнѣ и пошло. Такъ вотъ сердце-то полыхается посейчасъ,—говорила она, и ея сѣрые маленькіе глаза смотрѣли на старика сонно и безстрашно.

Подъ толстой рубашкой колыхалась здоровая грудь, да и вся она точно изъ кости была точеная. Онъ даже пощупалъ ее плечо и похвалилъ:

— Ничего, круглая!

III.

Запахиваясь въ бухарскій пестрый халатъ, въ туфляхъ-шлепанцахъ на босу ногу, вошелъ въ горницу хозяинъ, Виссаріонъ Игнатьевичъ Коростельцевъ,—длинный, худой молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти. Должно быть, чтобъ прийти въ себя, онъ причесался щеткой, смоченной водою, потому что короткіе волосы его были мокры и торчали вихрами во все стороны.

— Папанечка,—заговорилъ онъ.—Чему я обязанъ счастіемъ столь поздней визитаціи?

Онъ облобызался со старикомъ, чувствуя его небритыя щеки и холодныя губы.

— Не желаете ли съ морозцу ромку ямайскаго? Горяченькой воды у насъ всегда много. Кардамонцу положимъ, сахарцу, лимончиковъ, водочки вольемъ... Нектаръ достойный жителей Олимпа получится... Дунюшка,—распорядись, милая, чтобы мигомъ однимъ все было... Папанечка, да вы присядьте... Ромокъ-то велико-

лѣпнѣйшій: отъ родителя покойнаго остаточекъ... Вамъ удобно ли на сихъ креслахъ, папанечка?

— Мнѣ, милый, вездѣ удобно... И ромку я выпью... Хорошо у тебя, тепло. Топишь?

— Топлю, папанечка. Чухонецъ намедни пять возовъ дровецъ привезъ. Что Вѣрунечка? Въ добромъ ли здоровьѣ?

— Вѣрунѣ не знаетъ, что здѣсь я. А то бы кланяться велѣла. Весь вечеръ она какъ на шилѣ сидѣла, ждала тебя. Что къ невѣстѣ не зашелъ?

Лицо у Виссаріона Игнатъича сдѣлалось дѣловымъ и удлинилось.

— Папанечка, такъ я былъ занятъ дѣлами, такъ занятъ! А дѣло первѣйшую ситуацію занимаетъ, папанечка. Вѣрунечка дѣвица восхитительная, и Купида пронзилъ мнѣ сердце злою стрѣлой. Но служба—первѣе всего.

— Снять служебное ярмо съ амурными пріятствами надлежитъ,—посоветоваль Давыдъ Ѳедоровичъ.—Страдать служба отъ амура не должна, но амуръ украшать дни нашей жизни обязанъ.

— Но какъ одно съ другимъ совокупить, папанечка? Чувствую, какъ раздирается на части сердце мое и докучно шепчетъ въ ухо: «къ Вѣрунѣ иди». А гласъ Ѳемиды вѣщаетъ: «Положи сперва на жертвенникъ мой все потребное, а затѣмъ бѣги въ цвѣтникъ любви».

Давыдъ Ѳедоровичъ вдругъ сложилъ губы воронкой, точно собрался на трубѣ играть.

— Хо-хо,—сколь штилемъ высокимъ ты говорить началъ! Пинтъ парнасскому уподобился.

Виссаріонъ виновато ухмыльнулся.

— Отходя въ объятія Морфея,—сказаль онъ:—я въ дневникъ мой записаль это, пользуясь тѣмъ знаніемъ въ словоизвѣтіи хрій, въ какихъ еще въ семинаріи отличенъ былъ передъ своими сверстниками. Въ формѣ простого коллоквиума съ вами я отразилъ только какъ бы слабую тѣнь того витійства, что разлито мною въ дневникѣ.

— А ты Вѣрунѣкъ потомъ его почитай, какъ женишься,—бабы это любить.

— Слушаю, папанечка.

Онъ вдругъ неожиданно зѣвнулъ, да такъ вкусно, что даже слезы на его глазахъ выступили.

— Виновать, папанечка,—сказаль онъ, прикрывая ротъ.—Плоть моя немощна. Азь человекъкъ емь, и ничто же свойственное человечеству мнѣ не чуждо,—какъ говорили римляне.

IV.

Голландскіе часы, висѣвшіе у двери, съ гирями на длиннѣйшихъ воощеныхъ нитяхъ, пробили разъ.

— Неужто часъ уже есть?—изумился Давыдъ Ѳедоровичъ.

«истор. вѣсти», январь 1915 г., т. сxxxix.

5

— Нѣтъ, всего половина. Да и то на четырнадцать минутъ они впереди. Итакъ, папанечка, какой оказіи я обязанъ, что вижу васъ у себя въ часы полуночныя?

Давыдъ Ѳедоровичъ посмотрѣлъ на двери.

— Кромѣ Дуняши, у тебя никого нѣтъ?—спросилъ онъ.

Глазки Виссаріона остановились на будущемъ тестѣ.

— Прахомъ покойнаго родителя клянусь, что чистоту свою по отношенію Вѣрунечки блюду....

Старикъ махнулъ рукою.

— Да я не объ этомъ! Я въ разсужденіи подслушиванья и подсматриванья?

Виссаріонъ обрадовался, даже какъ будто солнечное сіяніе разлилось по его лицу.

— На этотъ счетъ, папанечка, вы можете быть въ совершеннѣйшемъ покоѣ. Услужаящая дѣвица Евдокія столь скудоумна, что все выходящее изъ обихода обычнаго домашняго хозяйства ею не усваивается. Вы можете при ней говорить о рискованнѣйшихъ измышленіяхъ, и все скатываться съ нея будетъ, какъ вода съ утки. Ежели вы конфиденціальное что сообщить мнѣ желаете, то можете говорить открыто: все здѣсь будетъ погребено, какъ бы въ склепѣ.

— Дѣло, о коемъ говорить буду, точно, требуетъ нѣкотораго конфидента.

— Я сразу догадался, папанечка. Не станете же вы въ такую вьюгу, поздней ночью оставлять теплое ложе свое,—и подобно Никодиму тайкомъ по перспективамъ пробираться? Ясное дѣло, вопросъ важности первостепенной!

— Въ логикѣ ты натасканъ. Ужъ коли двинулся я,—значить важное дѣло.

— Вниманіе мое повисло на устахъ вашихъ, папанечка.

Давыдъ Ѳедоровичъ вынулъ табакерку, понюхалъ, не торопясь вынулъ фуляръ, оберся, еще разъ протеръ свои окуляры и сказалъ:

— Можно много денегъ получить.

Глазки Виссаріона забѣгали.

— А какъ много, папанечка?

— Много. Столько, что въ иной годъ и не заработаешь.

— Хорошо!

— Еще бы. Все, что получу, пополамъ раздѣлимъ.

— Пополамъ, папанечка? А почему пополамъ?

— А то хочешь одну треть?

Виссаріонъ подумалъ, моргая рѣдкими рѣсницами.

— Ну, положимъ, папанечка, пополамъ.

— Это тебѣ подарокъ свадебный будетъ. Какъ отецъ, о Вѣрунечкѣ я забочусь.

— Сверхъ приданого?—полюбопытствовалъ Виссаріонъ.

Давыдъ Федоровичъ протеръ начисто окуляры, водворилъ ихъ себѣ на носъ и, хитро глядя черезъ нихъ на будущаго зятя, подтвердилъ:

— Сверхъ приданого.

V.

— Конечно, папанечка, вы исполняете вашъ родительскій долгъ, но все же позвольте отъ полноты чувствъ обнять васъ.

Папанечка позволилъ. Опять Виссаріонъ почувствовалъ на своихъ щекахъ небритыя щеки Давыда. Когда процедура этихъ изліяній окончилась, Виссаріонъ спросилъ:

— Но въ какой суммѣ?

— Говорю тебѣ—много. Ты не ожидаешь, какъ много.

— Гм... Это пріятно.

— Пріятно. Но дабы это пріятство получить—надлежитъ дѣльце обработать. И не далѣе, какъ завтра, все должно быть сработано.

— Не слишкомъ ли спѣшно? Взвѣсить необходимо.

— Взвѣшено.

— Я знаю, папанечка, что разумъ у васъ Цицероновскій...

— Ты кумплименты оставь... Меня вотъ доселѣ дрожь прорываетъ,—и ежели твоя Евдокія опять завалилась въ постель...

— Невозможно. Въ кругозорѣ хозяйственныхъ заботъ она обнаруживаетъ дѣятельность неимовѣрную. Пока она еще подастъ все должное, вы, можетъ, ознакомленіе съ нашимъ предпріятіемъ сдѣлать успѣли бы?

Но въ это время какъ разъ показалась Евдокія; она шла, колыхая бедрами и вздрагивая при каждомъ шагѣ грудями. На подносѣ она несла большой чайникъ красной мѣди. Старикъ уставился на ея румяныя щеки, на пухлыя руки и перевелъ снова глаза на бѣлыя ноги.

— Евдокія,—строго заговорилъ Виссаріонъ:—я говорилъ тебѣ, и не однажды, что допрежь того, чтобъ кипяченое варево подавать, надлежитъ приготовить стаканы и ложки.

— И чего ихъ готовить, ежели они готовы,—отвѣтила Дунечка и вынула изъ поставца все, что надо.—Еще что подать?—прибавила она, и пухлые глаза ея говорили, что спать она хочетъ и будетъ спать, покуда не разбудятъ ее, чтобъ запереть за гостемъ.

— Ложись, Евдокія, ложись,—намъ болѣе тебя не надо,—сказалъ Виссаріонъ:—иди къ себѣ, иди.—Папанечка, вскипячено все, какъ слѣдуетъ, дозу она знаетъ мою досконально. Позвольте, я сосудъ вамъ наполню. Выпьемъ за Вѣрунечку, за ангелочка моего, на вѣжды коего сыплется теперь макъ усыпительный.

— Чтò Вѣрунька! За дѣло наше выпьемъ. Господи, благослови!

— Мать Пресвятая Богородица поможетъ. Ежели съ вѣрою, съ чистымъ сердцемъ, то поможетъ.

— Виссаріонъ, будетъ молоть! Слушай.

Виссаріонъ положилъ локти на столъ. Новая матерія шелковаго халата заиграла и зеленью и пурпуромъ на свѣтѣ нагоравшей сальной свѣчи. Давыдъ Ѳедоровичъ взялъ съ лоточка щипцы и осторожно снялъ нагаръ.

— Слушай,—повторилъ онъ.

VI.

— Еще когда родитель твой былъ въ живности, а ты, учение свое окончивъ, пріять священнической санъ возжелалъ, отговаривалъ я отъ сего и тебя, и отца Игнатія. Резоны, что приводилъ я, таковы были...

Давыдъ Ѳедоровичъ хлебнулъ изъ стакана и продолжалъ:

— Что впереди предстоить тебя, ежели на рамена своя іерейскій санъ примешь? Пасомое стадо отнюдь не будетъ твоимъ покровителемъ, питателемъ и защитникомъ. Ты обличать его будешь въ пьянствѣ и блудѣ, а тебя жеребьячей породой дразнить стануть, за требы грошами отбоиваться будутъ. Въ кабаки да въ притоны къ плясавицамъ рубли понесутъ, а отцу духовному грошики. Гдѣ палаты каменные, попами возведенныя? И отецъ Игнатій со мною согласенъ былъ, и говорилъ, что домикъ сей, въ коемъ жилъ, а теперь ты живешь, скопленіемъ доходовъ всей жизни своей пространной, возвести могъ. А возри, между тѣмъ, на Москву, чьи дома на Сивцовомъ Вражкѣ? Чьи на Арбатѣ? Все приказныхъ—нынѣ въ чиновники переименованныхъ. Сколько кубышекъ ими въ землю закопано? Сколько послѣ смерти ихъ открывается богатства и въ постеляхъ зашитаго, и въ сундукахъ подъ кроватями, и въ садахъ подъ рябинками? Не токмо десятки тысящъ собираются ими, но и болѣе.

Глаза у Виссаріона утратили сонливость. Онъ какъ-то клюнулъ носомъ воздухъ и сказалъ:

— Все это я хорошо помню, папанечка. Съ родителемъ всю ночь послѣ этого мы проговорили. И на разсвѣтѣ онъ сказалъ мнѣ: «Не неволю я тебя, Виссаріонъ, иди въ ту сторону, куда тебѣ умъ твой путь показываетъ,—и благословеніе мое будетъ почитать на тебѣ ненарушимо».

— Почему я тебѣ сказалъ такъ?—продолжалъ Давыдъ Ѳедоровичъ.—А потому, что время мы переживаемъ особое. Вывернуты всѣ мы наизнанку. Теперь наука и образованность важнѣе, чѣмъ родъ столбовой. А ты и греческую грамоту, и латинскую, и исторію, и философію, и богословіе поглотилъ основательно. Таковыя

знанія зарывать нельзя, но пустить въ оборотъ надлежитъ. Посему и доставилъ я тебѣ мѣсто служенія твоего.

— Я считаю себя, папанечка, столь облагодѣтельствованнымъ...
Давыдъ Федоровичъ помахалъ опять рукой.

— Не на словахъ, на дѣлѣ доказать надо. «Вѣра безъ дѣлъ мертва есть». Помнишь?

— Даже весьма. Но къ чему вы наклоненіе имѣете?

— Твой отецъ,—продолжалъ старикъ:—удивлялся, почему я тебя въ свои помощники не взялъ, а опредѣлилъ тебя по иному вѣдомству.

— Признаюсь, и я удивленъ немало.

— Не такъ я глухъ, какъ ты обо мнѣ полагаешь.

— Папанечка, да развѣ я смѣю...

VII.

— У себя и такъ я единомышленниками окруженъ. Важно мнѣ, чтобы и въ прочихъ учрежденіяхъ свои люди у меня были. И на Вѣрунѣ я потому позволяю жениться тебѣ, что ты отъ меня въ зависимости будешь.

Виссаріонъ заигралъ бровями...

— То-есть въ какихъ же смыслахъ, папанечка, въ зависимости?

— Въ прямыхъ. Я вѣдь на прожитіе суммы обѣщаль дважды въ году выдавать.

— Обѣщали.

— Но коль скоро выдаю я, то и отъ тебя въ благодарность нѣчто ожидаю получить.

— И всегда получите, папанечка, особливо, ежели выгода изъ всего этого обоюдная.

— Ну, такъ вотъ на первый случай—надо условиться насчетъ завтра.

— А еще ромцу, папанечка?

— И еще ромцу выпью.

Онъ наполнилъ себѣ стаканъ и зятю будущему налилъ.

— Я, папанечка, сегодня въ воздержаніи. Завтра въ присутствіе государь заглянуть можетъ...

Давыдъ Федоровичъ прищурился.

— Знаю. Весьма возможно, что будетъ. Онъ сейчасъ отъ Меншикова проѣхалъ. Я по рыжему коньку его узналъ. Прижался за угломъ, онъ меня и не видѣлъ. Да и снѣгъ очи слѣпить...

— Завтра у насъ дѣло важное докладывается.

— Знаю.

— О злоупотребленіяхъ Переселкина купца.

— Знаю. Вотъ я насчетъ этого дѣла и пришелъ къ тебѣ.

Виссаріонъ дернулъ головой. Онъ сжалъ зубы, мускулы заходили на его щекахъ.

— Государь большой интересъ къ этому дѣлу имѣеть,—проговорилъ онъ.

— Знаю.

— Постановленіе дѣлу завтра неотложно.

— Знаю.

— И безповоротно, ибо время не терпитъ.

— Знаю.

— И послѣ постановленія резолюціи дѣло ничѣмъ поправить нельзя.

Старикъ вдругъ отвалился на спинку кресла и захохоталъ. Хохоталъ онъ отъ души, но хрипло, по-старчески. А Виссаріонъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

VIII.

— Горация ты изучалъ, Вергилія изучалъ, Овидія и прочихъ. Насквозь сихъ великихъ умовъ человѣческихъ проштудировалъ, а не знаешь, что всему вариации возможны.

— Однако государева рѣшенія самъ онъ измѣнить не властенъ?

— Государь не властенъ... Но причины могутъ быть сверхъ нашего разумѣнія и ожиданія, кои въ новое русло все повернуть могутъ. Ежели ты идешь на службу свою, и вдругъ стѣна, мимо коей ты прохожденіе имѣешь, завалится, и ты убитъ будешь? Или иной примѣръ. Преступникъ на плаху голову положилъ, и палачъ топоръ уже заноситъ. И вдругъ у палача сердце лопається, и замѣсто того, чтобы злодѣю быть обезглавлену, иной человѣкъ воспринимаетъ смерть,—а злодѣю казнь отсрочивается. Или еще примѣръ. Сидишь ты въ горницѣ и благодумствуешь,—и вдругъ пожаръ у сосѣда, и огонь пожираетъ все имущество твое.

Виссаріонъ опять захолопалъ рѣсницами.

— Въ разумъ не возьму, къ чему всё эти странныя случайности вы, папанечка, приводите? Ежели къ тому, что на воскресенье назначена свадьба моя и Вѣрунечки...

— Вотъ свадьба назначена тебѣ на воскресенье!—подхватилъ Давыдъ.—А вдругъ въ субботу, послѣ того, какъ на полкѣ меня по обычаю баннымъ вѣникомъ отхлещутъ и квасомъ пару подадутъ, вдругъ я на лоно Авраамово переселюсь неожиданно? Придется свадьбу тогда отложить: не станете же вы вѣнчаться, когда на столѣ отецъ лежитъ?

— Что это вы, папанечка, говорите,—даже слушать непріятно, особливо въ ночи!

— Примѣры привожу, примѣры. А къ тому я веду, что завтра рѣшеніе постановятъ, и думаютъ, что оное въ силу войдетъ немедля. А Господь иначе положить. Господу виднѣе, какъ оно надлежитъ.

IX.

— Что же вы отъ меня, папанечка, желаете?

— Что желаю? Ничего особаго, что бы выходило изъ предѣловъ природы.

— Я весь вниманіе, папанечка, что же вы остановились?

Давыдъ вдругъ строго посмотрѣлъ на него.

— Вѣдомо тебѣ, что князь Чухломинъ изъ дома не выходитъ, а съ повязанной ногой сидитъ въ креслахъ и токмо стонетъ?

— Вѣдомо.

— Но чтобъ резолюція въ силу вошла, надлежитъ, чтобъ онъ оную подписомъ своимъ утвердилъ?

— Вѣрно, папанечка.

— А для подписа сего необходимо завтра же доставить дѣло на домъ къ Чухломину?

— И даже неукоснительно.

— Такъ какъ важности дѣло сіе большой, то возложить доставку сію надлежитъ на лицо надежное.

— Есть такой—Кутузкинъ.

— А Мамошинъ?

— Онъ именинникъ и потому освобожденъ отъ занятій мною.

Давыдъ вдругъ внимательно посмотрѣлъ на потолокъ, гдѣ ходила тѣнь отъ кіотной лампадки.

— И тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы порученіе это возложено было на Мамошина.

— Но ежели онъ отпущенъ?

— Призови и повели отнести. Скажи, что порученіе столь важное никому иному, oprичъ его, ввѣрить невозможно. Польщенъ онъ будетъ довѣриемъ.

— А дальше что?

— Да ничего. Что дальше—это ужъ касательства до твоей персоны не имѣетъ. Но допрежь того, какъ онъ къ его сіятельству князю Чухломину пойдетъ, пусть занесетъ ко мнѣ сіе письмо.

Давыдъ запустилъ руку въ боковой карманъ и вытащилъ пакетъ синей бумаги, на лицевой сторонѣ котораго были четко изображены имя, отчество и фамилія Давыда Федоровича.

— А что же внутри сего пакета?—спросилъ Виссаріонъ.

— За любопытство прародителей изъ рая изгнали. Можетъ, бумага бѣлая положена.

— Положите вы бумагу, какъ же! Не такой вы человѣкъ, папанечка!

— Ну, пушай будетъ бумага писанная. Велишь ты Мамошину, чтобъ онъ первымъ дѣломъ ко мнѣ пакетъ этотъ принесъ, а за симъ направился къ князю. Въ этомъ только и вся отъ тебя потреба.

— Но почему же не Кутузкинъ? Онъ человѣкъ вѣрный?

— А потому, что нуженъ Мамошинъ. Не все ли тебѣ одно?

Х.

— Ежели не ошибаюсь,—сказалъ Виссаріонъ, подумавъ:—Мамошинъ нѣкоторое отношеніе къ вамъ имѣеть, ибо живетъ неподалеку отъ васъ у персоны, что волосочесаніемъ женскимъ занимается.

— Возможно. Возможно и то, что о днѣ его ангела я освѣдомленъ, и то, что рассчитываетъ онъ весь день пробыть дома. А почему я именно на немъ остановился, а не на комъ иномъ,—опять тебѣ что за дѣло? Ты одно помнить долженъ: въ воскресенье свадьба твоя назначена. Отчего же къ свадьбѣ и не заработать малую толику?

Виссаріонъ побарабанилъ пальцами по столу.

— Все же, папанечка, я опасаюсь: не подвохъ ли какой?

— А ты мнѣ довѣрся. Довѣрился ранѣе—путь свой жизненный измѣнилъ и замѣсто духовной стези избралъ свѣтскую. Тѣмъ паче въ пустякахъ довѣрчивость мнѣ оказывай.

— Что же, папанечка, вы болѣе на нутрь не употребляете?—вздумалъ перемѣнить разговоръ Виссаріонъ, указывая глазами на пустой стаканъ.

— Я человѣкъ не питушій. Такъ, во благовременіи и строгой препорціи. Моя препорція кончена.

— Какъ угодно, папанечка.

— Не нравится мнѣ, что замѣчаю я въ тебѣ нѣкоторую опасливость. Точно ты боишься меня.

— Боюсь, папанечка.

— Чего же ты боишься?

— Умный вы человѣкъ, папанечка. А умныхъ людей бояться надлежить.

— Какой же мнѣ расчетъ собственнаго зятя подводить?

— По видимости, расчета никакого нѣтъ, а вдругъ... Вдругъ надобность вамъ какая? Ровно въ ступкѣ истолчете. Былъ человѣкъ, и нѣтъ человѣка.

Давыдъ Ѳедоровичъ опять засмѣялся, опять закашлялся и опять потрепалъ Виссаріона по плечу.

— Люблю я въ тебѣ эту осторожность. И выйдетъ толкъ изъ тебя. Когда тебѣ столько годовъ будетъ, сколько мнѣ теперь, добромъ меня помянешь.

И онъ вытеръ глаза, налившіеся слезами, не столько стъ тѣхъ чувствъ, коими былъ обуреваемъ, сколько отъ того кашля, что былъ у него уже лѣтъ тридцать.

— Я и теперь васъ не иначе, какъ добромъ, папанечка, поминаю.

— Цыплятъ, душенька, по осени считаютъ,—теперь еще рановато.

Вѣтеръ стукнулъ въ окно комыями снѣга и завылъ между узкими стѣнами пристройки къ дому.

— Какая погодка, папанечка! Какъ вы домой пойдете? Не желаете ли прилечь у меня?

— Дойду,—недалеко тутъ. Доплечусь. А завтра еще свирѣпѣе будетъ.

XI.

«Папанечка» все сегодня удивлялъ Виссаріона своимъ непреложнымъ авторитетомъ.

— Можеть, къ завтраму и полегчаетъ,—сказалъ Виссаріонъ.

— Не полегчаетъ. У меня инструментъ живой дома есть, такъ онъ пророчить, что еще хуже будетъ.

— Инструментъ живой?—переспросилъ Виссаріонъ.

— Да. Кровопускательная пиявица. Голландка одна меня научила. Черненькая, вертлявая,—и чувствуетъ. Какъ непогода будетъ, такъ она и мечется, и мечется въ банкѣ...

— Такъ она теперь въ безпокойствѣ?

— Въ безпокойствѣ. И въ такомъ, что на завтра ждать бури.

Давыдъ отвалился и посмотрѣлъ на икону.

— Да, премудрость Божія непостижима!—сказалъ онъ.—Что такое пиявица? Тотъ же червь. А между прочимъ какимъ даромъ предвѣдѣнія она обладаетъ?..

Виссаріонъ перешелъ на болѣе реальную почву.

— У родителя покойнаго ревматизмъ въ ножкахъ былъ. Такъ, какъ хорошая погода на убыль пойдетъ, такъ въ его колѣнки ломота и вступаетъ. Еле тогда служить онъ могъ.

Давыдъ соорилъ пренебрежительную мину.

— Такъ то недугъ. Боль. А тутъ—въ червѣ—не боль, но иное нѣчто, что человѣческому разуму не постичь. Такъ отъ высшей Провиденціи предустановлено. Однако суесловить объ этомъ не будемъ. Конклюзію бесѣдѣ нашей сдѣлать надлежить.

Виссаріонъ смотрѣлъ на маленькую коротенькую фигурку Давыда Федоровича, на его водопадиками нависшія брови, на крючковатый носъ и все думалъ:

«Охъ, подведетъ. Такой подведетъ. Не даромъ покойный родитель говаривалъ, что много добра еще въ Москвѣ имъ приколплено было. И Вѣрунечка на него похожа: такая же маленькая, такой

же носикъ крючковатый, и костлявая такая же, какъ папанечка, только лѣтъ поменьше. Ему ужъ за шестьдесятъ, а ей много-много тридцать».

Давыдъ Ѳедоровичъ точно понялъ его мысли и быстро всталъ.

— Ну,—сказалъ онъ:—часъ уже било, мнѣ пора. Значить, такъ? Какъ резолюцію постановятъ, такъ ты сейчасъ за Мамошинымъ пошлешь, и все, о чемъ я говорилъ, исполнишь. Такъ?

Онъ зорко уставился на зятя.

— Такъ,—нерѣшительно отвѣтилъ тотъ.

— А тебѣ вотъ что еще сказать долженъ,—въ поученіе на всю жизнь. Долженъ ты ясно сознать путь свой. Предначертанія всѣ должны быть сдѣланы загодя. И никакія силы не должны тебя съ твоего пути сбить. Ко всякимъ нечаяностямъ готовъ будь. И ежели тебѣ поперекъ дороги человѣкъ лежитъ, не обходи его, но переступи.

— Переступить?

— Переступи. Человѣкъ подлаго рода, онъ токмо думаетъ, какъ бы чрево свое наполнить. А человѣкъ разума большаго мыслить иначе: какъ бы слава его не испразднилась, а, напротивъ сего, возросла. А слава возрастетъ человѣчья, и посыплется на него дары Фортуны, какъ изъ рога изобилія.

XII.

Маленькій крюконосый папанечка вдругъ показался Виссаріону самымъ нечистымъ. Онъ, растопыря ноги, стоялъ въ его зальцѣ и хриплымъ голосомъ вѣщалъ свои сентенціи. Пахнулъ онъ ромомъ,—но почему же и лукавому не издавать подобный же аромат?

— Граждане великаго Рима великую истину изрекли, сказавши: homo homini—lupus, сирѣчь: человѣкъ человеку есть волкъ.

Изумленіе Виссаріона достигло крайнихъ предѣловъ.

— Папанечка, вы и латинскія цитаты приводить можете?

Папанечка зашурился.

— Я все могу,—сладостно улыбаясь, сказалъ онъ, и вдругъ открылъ глаза, и лицо его стало свирѣпымъ.

Онъ продолжалъ:

— Человѣкъ человеку—волкъ. Ежели увидишь ты, что болѣе слабый стоитъ передъ тобою и можешь ты знатный обѣдъ изъ его персоны приготовить, то тутъ же обрати его въ снѣдь. Ибо, ежели ты не съѣшь его, иной кто съѣстъ, а нѣтъ—онъ тебя же пожретъ, поразивъ тебя предательски.

Давыдъ Ѳедоровичъ взялъ Виссаріона за руку.

— Вѣрь мнѣ, возлюбленный, что величайшія истины я тебѣ открываю. Ты не пожрешь—тебя пожрутъ. И никогда средствами для достиженія цѣли не стѣсняйся.

— Езуитское то правило.

— Езуитское, но къ нему надлежитъ прибавить: однако отнюдь не попадайся,—да не обвинять тебя въ беззаконіи какомъ. Будь передъ закономъ чистъ, какъ кристалль.

Онъ обнялъ Виссаріона и прижалъ къ груди.

— Возлюбленный мой,—сказалъ онъ.—Многое еще и тебѣ открою. Много еще тайнъ повѣдать мнѣ тебѣ надлежитъ. Но не сразу все...

И опять щетинистая щека коснулась его губъ, опять острый уголь окуляровъ больно придавилъ ему високъ.

— Прощай, спи спокойно. Одно помни: очи свои закрывъ, можешь слѣдовать за мной. Не къ гибели, а ко вратамъ райскимъ приведу тебя.

Они пошли въ прихожую. Папанечка стала укутывать шею большимъ сѣрымъ шарфомъ, трижды обертывая его вокругъ. Потомъ онъ надѣлъ шубу въ рукава, а ноги всунулъ въ высокія валенки.

— Ну, прощай. Не холодись, иди въ горницу. Дунечка вотъ съ фонарикомъ вышла. Она и проводитъ меня. Отпирай двери, Дунюшка.

Холодный вѣтеръ со снѣгомъ ворвался въ открытую дверь и чуть не потушилъ фонаря. Но пламя заметалось во все стороны и удержалось на толстомъ фитилѣ.

XIII.

Снѣгъ обжегъ подошвы голыхъ ногъ Дунечки; она сбѣжала проворно съ крыльца и стала свѣтить скользившему по ступенькамъ въ своихъ валенкахъ старику. Онъ сошелъ, не торопясь, и сказалъ:

— Не бѣги, не бѣги, мнѣ за тобой, босоногой, не угнаться.

Она не торопясь пошла рядомъ съ нимъ, проваливаясь въ зыбучіе пласты ровнаго снѣга.

— Охъ, съ воскресенья тяжело тебѣ будетъ!—посмѣивался старикъ.—Новая хозяйка у васъ заведется. Ужъ она охулки на руку не положить.

Дунечка поставила фонарь и загремѣла замкомъ. А Давыдъ Ѳедоровичъ, когда открыла она калитку, совсѣмъ неожиданно сунулъ ей въ руку монету.

— На утѣшеніе тебѣ, хи-хи!—хрипло засмѣялся онъ и пошлепалъ ее по спинѣ рукой въ мохнатой рукавичкѣ.—Утѣшайся. А коли Вѣра Давыдовна что съ тобой сдѣлаетъ...

Онъ понизилъ голосъ, хотя никого кругомъ не было.

— Бѣги ко мнѣ. Я—защита твоя. У меня управу всегда найдешь.

И онъ еще разъ потрепалъ ее и перенесъ ногу черезъ высокій порогъ калитки.

— Ты на постелюшку тепленькую, а старичокъ на морозъ да на вьюгу. Пожалѣй старичка!.. Хи-хи!

Она захлопнула калитку. Загремѣлъ послѣдній разъ засовъ. Она подняла фонарь и бѣгомъ кинулась къ подъѣзду. Рыхлый снѣгъ теперь не жегъ больше ея горячія ноги, а пріятно охватывалъ ихъ почти до колѣнъ. Вѣтеръ крутилъ юбкой, захлестывая ею фонарь. Она вбѣжала въ душную прихожую, поставила фонарь на сундукъ и заглянула въ пріемную. Тамъ Виссаріонъ стоялъ у окна неподвижно и о чемъ-то думалъ.

Дуня вошла въ комнату и стала прибирать линкіе стаканы и ложки. Она поставила въ шкапъ сахарницу и лимонъ. Ноздри у нея раздувались, брови вздрагивали.

— Заперла?—спросилъ Виссаріонъ, поворачиваясь.

— Заперла,—буркнула она въ отвѣтъ, гремя въ шкапу тарелочками.—Поганый старичишко!—прибавила она.

Виссаріонъ усмѣхнулся.

— А чѣмъ не угодилъ тебѣ?

— Туда же гладить. Лапу протянуть...

— Да ну?

— Полтину даль.

— Полтину? Скажи на милость!

Она совсѣмъ повернулась къ Виссаріону.

— Говорить, новая хозяйка будетъ...

Спазмъ сдавилъ ея горло.

— Она, говоритъ, тебѣ покажетъ... Велѣлъ къ себѣ приходите, коли что...

— А! Къ себѣ велѣлъ?..

Дуня вдругъ схватилась за шкапомъ и стала рыдать—горько, по-бабьи, какъ рыдаютъ у насъ на Руси женщины, когда вдругъ передъ ними станеть стѣна поперекъ того пути, что казался такъ свѣтлый и ясенъ.

Виссаріонъ подошелъ къ ней.

XIV.

— Ну, чего ты! Полно!—сказалъ онъ.—Вотъ охота глаза уплатить загодя. Еще увидимъ, что и какъ... Вѣдь ты не крѣпостная какая,—просвирына дочь, отецъ твой псаломщикомъ былъ!..

Онъ сталъ гладить ее по головѣ, по влажнымъ отъ снѣга волосамъ.

— Лучше теперь уйти... Скарбъ весь собрать, да и уйти...

— Куда же ты, Евдокія, пойдешь?

— Найду мѣсто. Лучше гдѣ въ хлѣву жить, чѣмъ отъ приказнаго сѣмени терпѣть.

Виссаріонъ поводити указательнымъ перстомъ справо налѣво.

— Логика у тебя нѣтъ,—сказалъ онъ.

— Чего такого?—спросила она.

— Прежде, чѣмъ поступить тако ли, инако ли, надлежитъ обдумать все и подойти къ предмету мышленія съ разныхъ сторонъ. Чего ты трепыхаешься, когда не видать тебѣ еще ничего?

Она вытерла рукавомъ глаза.

— Все я вижу,—почти про себя пробормотала она.

— Ну, да,—не торопясь, съ разстапкой заговорилъ онъ.—Ну, да,—Вѣрунечка горбатенькая, ножки у нея кривенькія, и старше она меня годика на четыре, можетъ, и на пять. И, однако, все же съ нею въ бракъ я вступаю.

— Нужно очень!

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Глупая ты, глупая! Ужли жъ ты хотѣла, чтобъ жена у меня была красавица писаная? Въ родѣ того, какъ ты?.. Ежели я отошелъ отъ духовнаго сословія, въ коемъ родился, ежели я пренебрегъ іерейскимъ сапомъ,—ежели промѣнялъ все это на посты чиновничьи, то постовъ этихъ достигъ долженъ. Наилегчайшій и простѣйшій путь для такого достиженія—есть бракъ съ Вѣрунечкой.

— Денегъ-то у приказной крысы, говорятъ, много,—опять точно сквозь зубы, сказала она.

— Что деньги! Деньги всегда нажить можно. Иные вопъ крадутъ, и деньги имѣютъ. Не въ этомъ суть. Давыдъ—выкига. Каждому лестно отъ опыта его житейскаго позаимствоваться. Имѣя его тестемъ, пріобрѣтаешь въ нѣкоторомъ родѣ путеводителя, который, какъ столбъ огненный надъ скиніей, указывать будетъ, куда идти.

XV.

Виссаріонъ всталъ и вытянулся такъ, что въ двухъ мѣстахъ у него кости хрустнули.

— Неужто ты думаешь,—продолжалъ онъ:—что весь вѣкъ въ домѣ этомъ я проживу, а не построю себѣ палатъ каменныхъ, не поѣду въ колмагѣ цугомъ, звѣздъ себѣ на кафтанъ не нацѣплю, крѣпостныхъ себѣ не куплю? Плохое твое разумѣніе, ежели такъ скудно про меня разумѣешь. Даромъ, что ли, въ семинаріи драли меня по субботамъ? Даромъ, что ли, въ науки я погружалъ умъ свой? Капиталь—капиталами, а вознесеніе вверхъ по лѣстницѣ чиновъ—предметъ въ будущемъ мечтаній моихъ даже весьма неукоснительный. Торопиться не буду я, но къ намѣченной мною цѣли пойду неуклонно. Вѣрунечка—одна изъ ступеней лѣстницы, по коей иду я...

— Какъ бы она не окрутила все вокругъ пальца,—замѣтила Дунечка.

Виссаріонъ подошелъ къ ней, взялъ ея обѣ щеки въ ладони и поднялъ ея голову.

— Смотри на меня,—сказаль онъ.

Она въ упоръ смотрѣла на него, онъ на нее.

— Чего?—тихо спросила она.

— Много я тебѣ денегъ дамъ, ежели одно дѣло удастся. И будешь ты свободной рыбицей.

— На посулѣ, какъ на стулѣ...

— До воскресенья все рѣшится.

Онъ тихо отпустилъ ее и опять зашагалъ по комнатѣ, шлепая своими туфлями безъ задковъ, то по половикамъ, то по полу. Она исподлобья смотрѣла на него. Онъ думаль о чемъ-то, точно провидѣль что, и тихо улыбался.

Она взяла щипцы, погасила свѣчку. Опять комната озарилась только свѣтомъ лампы. И Дуня вся освѣтилась сбоку, желтымъ свѣтомъ. Ея круглое бѣлое плечо выставилось изъ-подъ сползшей рубашки. Виссаріонъ посмотрѣлъ на нее и подумаль:

«Нынѣ дѣвицы на ассамблеяхъ оголяются сверху и больше. Только у Евдокіи, пожалуй, тѣлеса будутъ получше, чѣмъ у любой изъ боярскихъ дочекъ».

Мысль его невольнo перескочила къ Вѣрунечкѣ. Какія-то у нея плечи, счастливымъ обладателемъ которыхъ будетъ онъ съ воскресенья? Но представленіе это было не изъ приятныхъ,—и Виссаріонъ его отогналъ. Еще впереди много будетъ времени о Вѣрунечкѣ думать...

XVI.

Онъ совсѣмъ разгулялся, и не могъ долго заснуть. Онъ слышалъ, какъ часы пробили и три, и половину четвертаго, слышалъ, какъ вѣтеръ билъ въ стекла, какъ жалобно попискиваль на домѣ флюгеръ голландскаго образца. Онъ завидоваль крѣпкому, молодому сну Дуни: она могла спать во всякое время дня и ночи, и теперь спала, разметавшись отъ жара, отбросивъ въ сторону ватное одѣяло. А онъ все ворочался, и все думаль:

«И что затѣяль Давыдка? Втравить онъ меня, или не втравить? Какъ будто втравить-то и нѣтъ расчета. А, можетъ, испытываетъ онъ будущаго родственничка? Ухо востро съ нимъ держать надлежить. Верхнимъ чутьемъ все схватывать. На Евдокію онъ зарится,—чортова перечница. Пущай его маленько за носъ она поводитъ. И это на руку. Ее отдалять не надо, а черезъ нее на Давыдку дѣйствовать возможно. Глупа она. Да на то, какъ обойти стараго хрѣна,—на то ума хватить».

Въ углу заскреблась мышъ.

«Скребись, скребись!—поощрилъ ее Виссаріонъ.—Скребись. Вотъ къ Меншиковымъ палатамъ какъ переселюсь поближе, такъ, небось, скрестись перестанешь».

Насчетъ Мамошина тоже вспоминалось ему. Какъ поступить завтра? Какъ свое слово отмѣнить? Вѣдь самъ же онъ освободилъ его отъ службы. И чего Давыдъ такъ прилипъ къ этому Мамошину?

Всклооченный, мрачный, но хитрый, умный, Мамошинъ живымъ нѣсколько разъ вставалъ передъ нимъ, рѣзко выступая изъ тумана. Мамошинъ всегда готовъ былъ все исполнить. А только вотъ что самъ Виссаріонъ его отпустилъ, именинъ ради...

Онъ заснулъ наконецъ на какой-то неясной мысли.

Вскорѣ его растолкала Дуня.

— Вставать пора!—говорила она, тряся его за локоть.—Вставай, Виссаріонъ Игнатьевичъ, пора. Пока побреешься, пока что...

— А на дворѣ какъ?—спросилъ онъ хриплымъ отъ сна голосомъ.

— Хуже, чѣмъ вчера, такъ-то крутить, такъ крутить! Водовозъ еле воды привезъ намъ,—заледеѣлъ весь.

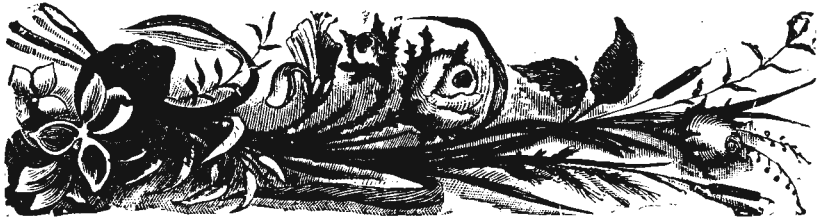
«Вѣрно пѣявица Давыдкина показываетъ,—подумалъ онъ.— Хорошо тому, кто можетъ теперь дома».

Умылся онъ, прочелъ всѣ молитвы установленныя. Позавтракалъ, молока выпилъ, и почувствовалъ, что два разные чувства гнѣздятся въ немъ. Одно—что тестъ общалъ ему много денегъ. Это было хорошо. Другое, что надо вызвать на службу Мамошина, когда онъ отпущенъ. Но, можетъ, еще резолюціи по дѣлу Переселкина сегодня и не постановятъ? Можетъ, сегодня, по случаю непогоды, господа члены въ полномъ комплектѣ не соберутся?...

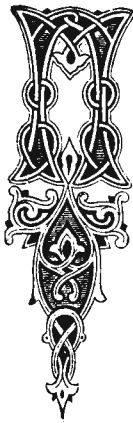
П. П. Гнѣдичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЮНЫХЪ ДѢЙ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА.

РОСТИВШИСЯ съ отошедшими въ вѣчность покойниками, какъ-то живѣе и горячѣе вспоминается ихъ недавняя жизнь среди насъ, и симпатичнѣе встаетъ въ душѣ все то, что было въ нихъ добраго и хорошаго, и охотнѣе прощается все то, что при жизни возбуждало противъ нихъ досаду и ропотъ.

Таковъ ужъ законъ смерти, и не только въ силу традиціоннаго изреченія, но въ силу разъ навсегда вѣдѣннаго равнаго душевнаго порыва, хочется сказать объ отошедшемъ въ вѣчность человѣкѣ все, что вспоминается объ немъ хорошаго, и не хочется вспоминать того, что вызывало порицаніе и осужденіе.

Все это пришло мнѣ на память, когда Петербургъ съ такимъ искреннимъ почетомъ и въ такомъ живомъ сожалѣніемъ встрѣчалъ перевезенный въ Россію прахъ великаго князя Михаила Николаевича, скончавшагося далеко отъ родной ему Россіи, и въ послѣдніе годы совершенно развѣдывшагося съ нею, въ силу болѣзни.

Великій князь, постоянно довольно сильно недомогавшій, жилъ безвыѣздно въ Каннѣ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ проживалъ одинъ изъ сыновей его, великій князь Михайлъ Михайловичъ.

Покойный великій князь былъ человѣкъ очень добраго и общительнаго характера, и въ теченіе его долгаго нахожденія на службѣ родного русскаго правительства на него меньше, нежели на кого-нибудь, слышалось жалобъ и нареканій. Преднамѣреннаго зла онъ, навѣрное, не сдѣлалъ почти никому. Ему можно было

поставить въ особую похвалу то, что онъ никогда не кичился своимъ высокимъ положеніемъ и никого не давилъ своимъ величіемъ, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о многихъ изъ лицъ, далеко не облеченныхъ ни его величіемъ, ни его властью.

Я лично помню великаго князя Михаила Николаевича совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, и даже, въ отдаленныхъ воспоминаніяхъ моихъ, въ эпоху моего ранняго дѣтства, встаетъ воспоминаніе о немъ, какъ о совсѣмъ маленькомъ мальчикѣ, котораго какъ-то привезли къ намъ въ Смольный монастырь, вскорѣ послѣ кончины его сестры, великой княгини Александры Николаевны.

Какъ теперь, встаетъ въ моемъ воспоминаніи вся эта сцена. Мы были въ то время въ маленькомъ классѣ, и насъ, еще мало привычныхъ къ царской фамиліи, особенно живо интересовала каждый пріѣздъ къ намъ кого-нибудь изъ высочайшихъ особъ, къ которымъ воспитанницы старшихъ классовъ успѣли привыкнуть, такъ какъ въ тѣ отдаленныя времена царская фамилія посѣщала Смольный очень часто, и присутствіе среди насъ высочайшихъ особъ было для насъ не рѣдкостью.

При быстро разнесшейся вѣсти, что пріѣхала императрица, насъ всѣхъ послѣшно собрали въ большую актовую залу и маленькихъ поставили рядами, какъ это всегда дѣлалось, такъ какъ право свободно окружать императрицу и нести за ней ея шаль, зонтикъ, перчатки или муфту принадлежало исключительно только взрослымъ воспитанницамъ и на институтскую дѣтвору не распространялось.

Когда насъ привели въ залу, императрицы тамъ еще не было. Она была въ рекреационной залѣ старшаго класса, гдѣ смотрѣла на гимнастическія упражненія воспитанницъ. Гимнастика (въ очень тѣсныхъ рамкахъ) преподавалась въ Смольномъ еще въ тѣ отдаленныя времена и обращала на себя особое вниманіе государыни, придававшей большое значеніе физическому развитію дѣтей.

Но вотъ издали донесся веселый гулъ сотни молодыхъ голосовъ, въ залу вразбродъ вбѣжали воспитанницы старшаго класса, наскоро построившіяся у дверей залы, чтобы вновь встрѣтить государыню, которая съ маленькой группой воспитанницъ прошла въ физическій кабинетъ, гдѣ шла лекція на французскомъ языкѣ, такъ какъ физика, преподававшаяся только въ старшемъ классѣ, именно читалась на французскомъ языкѣ.

Громадная актовая зала, въ которой въ ту минуту размѣстилось рядами свыше четырехсотъ воспитанницъ, казалась совершенно свободной... Оживленный гулъ дѣтскихъ голосовъ сдерживался торжественностью ожиданія, и по огромной двусвѣтной залѣ носились волны благоухающаго дыма отъ курильницъ, разносившихся дежурными унтеръ-офицерами, составлявшими мужской персоналъ нашей институтской прислуги.

Словомъ, всё приготовленія къ торжеству были налицо, когда объ громадныя половинки высокихъ и широкихъ дверей распахнулись и въ залу вошла императрица вмѣстѣ съ великой княжной Ольгой Николаевной, впослѣдствіи королевой виртембергской.

Объ онѣ были въ глубокомъ траурѣ, и мягкія складки чернаго крепа еще возвышали легендарную красоту Ольги Николаевны, какъ извѣстно, одной изъ самыхъ красивыхъ особъ своего времени. Обѣ онѣ прошли впередъ на средину залы, за ними послѣдовали прибывшія съ ними вмѣстѣ дежурныя фрейлины, и только два красивыхъ мальчика подростка, лѣтъ десяти-одиннадцати, скромно и робко остановились въ дверяхъ и стояли, прижавшись къ притолкѣ.

Дойдя до средины залы, великая княжна Ольга Николаевна остановилась и заботливо оглянулась, какъ бы отыскивая глазами кого-то. Она именно искала взоромъ меньшихъ братьевъ, которыхъ всегда очень горячо любила, въ особенности Михаила Николаевича, который былъ ея крестникомъ. Увидавъ ихъ у дверей, она быстро направилась въ ихъ сторону и, взявъ ихъ обоихъ за руки, повела за собой въ ту сторону, гдѣ была императрица. Это именно и были великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи. На обоихъ были суконныя курточки, на которыя выправлены были, по дѣтской модѣ того времени, громадныя бѣлые воротники, обшитые мелко сплоенными оборочками. Такъ одѣвали тогда совсѣмъ маленькихъ дѣтей. Оба мальчика были очень хороши собой и, несмотря на свой довольно высокій ростъ, смотрѣли совершенными дѣтьми и были замѣтно робки и сдержанны. Это приписывалось тогда той строгости, съ какой воспитывалъ дѣтей своихъ, и въ особенности сыновей, императоръ Николай Павловичъ, горячо любившій дѣтей, но бывшій всегда врагомъ всего, что носило характеръ поблажки или баловства.

Императрица подвела сыновей къ дѣтямъ младшаго класса и представила ихъ намъ, сказавъ, что мы съ ними—ровесницы. Мы всѣмъ классомъ сдѣлали имъ глубокій реверансъ, и они очень учтиво и граціозно раскланялись съ нами.

Августѣйшіе мальчики все время держались въ сторонѣ, подлѣ сестры, и молча разсматривали все ихъ окружавшее, когда мгновенно глазамъ ихъ представилась хорошо знакомая фигура свѣтлѣйшей княжны Терезы Гурійской, незадолго передъ тѣмъ окончившей курсъ, но жившей при Смольномъ монастырѣ и недавно пожалованной фрейлиной. Назначеніе это она сама вызвала, такъ какъ прислать ей фрейлинскій шифръ никто не рѣшался въ силу того, что старшая сестра ея Сарра (въ то время уже умершая) отслала обратно присланный ея шифръ, гордо отозвавшись, что «для русской императрицы будетъ слишкомъ много чести, ежели у нея во фрейлинахъ будетъ числиться владѣтельница княжна Гурійская».

Тереза гордой заносчивости сестры своей не унаслѣдовала, о желаніи своемъ быть фрейлиной заявила сама и вообще представляла собой одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ типовъ, когда-либо являвшихся при дворѣ. Въ ней, привезенной въ Смольный монастырь совсѣмъ маленькимъ ребенкомъ изъ какого-то дѣйствительно самостоятельнаго владѣтельнаго княжества или чуть ли не царства, сохранилось множество дикости, не поддававшейся никакой культурѣ. Училась она неохотно, хотя совершенно свободно говорила по-французски и по-нѣмецки, но строгимъ законамъ институтскаго обихода не подчинялась вовсе, или подчинялась очень неохотно, и въ споръ вступала со всѣми, начиная съ императора Николая Павловича, который всегда шутилъ съ ней и немилосердно приставалъ къ ней и дразнилъ ее. Къ числу характерныхъ особенностей княжны Терезы принадлежалъ ея гомерическій смѣхъ, раскаты котораго безъ различія оглашали и классы и дортуары Смольнаго монастыря, и своды длинныхъ смольненскихъ коридоровъ, и пышныя залы Зимняго дворца въ дни дежурствъ Терезы у императрицы. Смѣхъ этотъ знали всѣ, кто зналъ Терезу, и этотъ гомерическій смѣхъ вызвалъ первую улыбку на лицѣ императрицы послѣ кончины великой княгини Александры Николаевны. Императрица была такъ убита понесенной утратой, что не только сама не улыбалась, но и при ней никто не рѣшался весело улыбнуться,—когда назначена была на дежурство Тереза Гурійская, незадолго передъ тѣмъ помолвленная за свѣтлѣйшаго князя Дадіани.

Тереза, которой по причинѣ помолвки разрѣшено было снять наложенный при дворѣ трауръ, явилась на дежурство въ бѣломъ платьѣ и, воспользовавшись минутой отдохновенія императрицы, отправилась съ обычной своей безцеремонностью бродить по окрестнымъ комнатамъ, гдѣ и встрѣтилась съ герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ, супругомъ великой княгини Маріи Николаевны. Герцогъ, въ то время очень еще молодой человекъ, принадлежалъ къ большимъ друзьямъ Терезы, но тоже любилъ дразнить ее. Она въ долгу оставаться не любила, и каждая ихъ встрѣча ознаменовывалась неизбѣжно какимъ-нибудь крикомъ, скандаломъ, а подчасъ доходила чуть не до рукопашной, потому что Тереза, разсердившись, спуску никому не давала, и императоръ Николай Павловичъ въ шутку называлъ ее за это «первой революціонеркой имперіи». Бесѣда между Терезой и герцогомъ Лейхтенбергскимъ началась, какъ и всегда, очень мирно и дружно, они потолковали немножко, слегка о чемъ-то поспорили, и герцогъ пригласилъ Терезу сыграть партію-другую на китайскомъ бильярдѣ, стоявшемъ въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ императрицыной половины. Тереза приняла приглашеніе, распорядилась, со свойственной ей смѣлой безцеремонностью, чтобы ее увѣдомили, когда государыня ее спро-

силь, и отправилась съ герцогомъ Максимилианомъ въ бильярдную. Но тутъ произошелъ обычный между ними конфликтъ. Герцогъ обчелъ ее въ общей отмѣткѣ сдѣланныхъ ходовъ, Тереза замѣтила это, принялась спорить, герцогъ не сознавалъ никакой ошибки, Тереза стала кричать, и въ концѣ концовъ, поднимая кій, побѣждала съ нимъ за убѣгавшимъ герцогомъ.

Тотъ сначала бѣгалъ, извиваясь кругомъ бильярда, подлѣзалъ подъ него, чтобы, выскочивъ съ противоположной стороны, опять крикнуть Терезѣ, что онъ правъ и что она сама хочетъ его обчитать... Та кричала еще громче и еще ожесточеннѣе грозила поднятымъ кіемъ... Онъ опять увертывался, и, наконецъ, выбѣжавъ изъ бильярдной, понесся прямо передъ собой по коридору, идущему параллельно съ амфиладой императрицыныхъ комнатъ. Здѣсь онъ неловкимъ движеніемъ зацѣпился за коверъ и, протянувъ впередъ руки, самъ растянулся во весь ростъ на коврѣ... Тереза пришла отъ этого паденія въ такой неописанный восторгъ, что разразилась раскатомъ своего гомерическаго хохота, и такъ мало стѣснялась при этомъ, что звукъ ея необычайнаго смѣха достигъ до комнаты императрицы, разбудилъ ее и вызвалъ на ея лицѣ пезвольную улыбку. За обѣдомъ она сообщила государю, что Тереза первая заставила ее разсмѣяться послѣ ея большого, непереноснаго горя, а Тереза воспользовалась этимъ, чтобы рассказать государю все, «какъ было». Она посвятила его въ подробности событія, рассказала, какъ «плутовалъ» герцогъ Лейхтенбергскій, какъ онъ, «противный», спорилъ съ ней и какъ постыдно обратился въ бѣгство, когда она подняла кій... Слушая ее, всѣ за столомъ смѣялись, но Тереза говорила совершенно серьезно и, только дойдя до описанія того момента, когда принцъ «растянулся» въ коридорѣ, разразилась такимъ гомерическимъ заразительнымъ смѣхомъ, при звукѣ котораго, по словамъ императора Николая Павловича, у него двадцать лѣтъ съ плечъ спадало... Нечего и говорить, конечно, что, поднимая такую неизбѣжную суету и возню со всѣми взрослыми членами двора и даже царской фамиліи, Тереза былъ въ царскихъ дѣтскихъ какъ у себя дома и, составляя отчаяніе всѣхъ воспитателей и воспитательницъ, пользовалась самой горячей и непритворной дружбой всѣхъ царскихъ дѣтей.

Вотъ ее-то увидали маленькіе князья въ большой залѣ Смольнаго и при этой встрѣчѣ разомъ почувствовали себя въ знакомой сферѣ.

— Тереза!..—первый воскликнулъ Михаилъ Николаевичъ и, сдѣлавъ къ ней нѣсколько шаговъ, взялъ ее за руку.

Примѣру его послѣдоваль Николай Николаевичъ, и ей удалось не только расшевелить и развеселить мальчиковъ, но императрицѣ пришлось даже унимать ихъ, такъ они расшумѣлись, затѣявъ въ одномъ изъ угловъ залы ожесточенную борьбу съ неугомонной Терезой.

Подростками я обоихъ, великихъ князей не помню вовсе, и врядь ли даже они оба въ этомъ переходномъ возрастѣ къ намъ когда-нибудь пріѣзжали, но зато глубоко врѣзался у меня въ памяти характерный эпизодъ, имѣвшій мѣсто передъ выпускномъ нашего класса, въ день послѣдняго императорскаго экзамена, или, какъ у насъ было принято называть, «императорскаго вечера», *Soirée Impériale*, въ которомъ воспитанницы сначала пѣли и играли, а затѣмъ танцевали нѣсколько характерныхъ па и затѣмъ исполняли общій финальный таецъ, съ шаями и цвѣтами.

За этими экзаменаціонными танцами слѣдоваль обыкновенно роскошно сервированный чай, а затѣмъ открывался уже балъ, на которомъ воспитанницы танцевали съ великими князьями, иностранными принцами и особами высочайшаго двора, и этотъ балъ, всегда очень оживленный, продолжался до ужина, въ которомъ вмѣстѣ съ выпускными воспитанницами принимали участіе и сами августѣйшіе хозяева дворца, начиная отъ императора и императрицы и вплоть до младшихъ членовъ царской семьи.

Я забыла сказать, что передъ началомъ бала происходила раздача наградъ, и такимъ образомъ воспитанницы, получившія шифры, танцевали уже съ этимъ почетнымъ знакомъ на лѣвомъ плечѣ.

Шифровъ, собственно, на весь классъ, состоявшій изъ 150 слишкомъ человекъ, раздавалось только десять, и вслѣдствіе этого даже на этомъ веселомъ балѣ находилъ себѣ мѣсто порядокъ придворнаго этикета, и только на легкіе танцы великіе князья приглашали воспитанницъ по личному своему выбору, что же касается французскихъ кадрилией, то онѣ были расписаны, и на нихъ, по назначенію дежурнаго церемоніймейстера, великіе князья, по старшинству, обязаны были приглашать только воспитанницъ, удостоенныхъ наградой шифрами.

Наслѣдникъ престола (впослѣдствіи императоръ Александръ II) въ то время уже не танцеваль, и такимъ образомъ воспитанница, удостоенная перваго шифра, должна была танцевать первую кадрили съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, второй шифръ—съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, третій—съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, и такъ далѣе. Слѣдующую кадрилией августѣйшіе кавалеры мѣнялись, и такъ какъ въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь, назначено было всего только три кадрили, и все остальное время отдано было легкимъ танцамъ, то всѣ шифристки обязательно должны были танцевать по разу съ великими князьями.

Ихъ высочества предупреждены были объ этомъ министромъ двора и, по указанію церемоніймейстера, тотчасъ послѣ ритурунели кадрили подходили къ указаннымъ имъ воспитанницамъ съ приглашеніемъ.

Во главѣ танцующихъ кавалеровъ стояли великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, которые и суетились и волновались больше всѣхъ и для которыхъ этотъ въ сущности довольно оригинальный балъ былъ далеко не обыденнымъ фестивалемъ. Первому изъ нихъ было въ то время лѣтъ 19, второму лѣтъ 18. Это были въ сущности еще мальчики, и на настоящихъ балахъ имъ, несмотря на ихъ высокое положеніе, еще не принадлежала первенствующая роль, тогда какъ здѣсь, на этомъ полудѣтскомъ балѣ, они являлись первыми законодателями, и танцовавшія съ ними «дамы», въ свою очередь, были такими же дебютантками, какъ и они сами. Ежели ко всему этому прибавить ту прелестную картину, какую являлъ собой громадный букетъ молоденькихъ головокъ, во всемъ блескѣ первой ранней красоты, съ полной наивностью дѣтства и полнымъ обаяніемъ неподдѣльной свѣжести, чуждой всякой искусственной подмалевки, — то легко будетъ понять, какъ такой балъ заинтересовалъ молоденькихъ великихъ князей.

Начался балъ съ традиціоннаго вальса.

Открылъ балъ великій князь Николай Николаевичъ съ одной изъ гостившихъ тогда при дворѣ иностранныхъ принцессъ, и затѣмъ молодые хозяева были уже предоставлены себѣ и выбирали и приглашали кого хотѣли.

Оба молодые великіе князья отличались исключительной влюбчивостью, и императрица всегда дразнила ихъ тѣмъ, что послѣ каждаго изъ придворныхъ баловъ они на другой день ходили какъ во снѣ, подъ влияніемъ очарованія, каждый разъ новаго и новаго. Мудрено ли, что и здѣсь оба августѣйшіе юноши, ежели не съ перваго взгляда влюбились безъ ума, то съ перваго взгляда выбрали себѣ абонированныхъ дамъ на весь предстоящій вечеръ. Николай Николаевичъ еще не такъ скоро рѣшилъ свой выборъ, что же касается Михаила Николаевича, то онъ съ перваго тура вальса призналъ себя покореннымъ красавицей Варенькой Галенкиной, очаровательной блондинкой съ пепельными волосами и таліей сильфиды. Танцевала Варенька очаровательно, и этимъ талантомъ, съ прибавленіемъ очень бойкой французской болтовни, ограничилось все то, что вынесла она изъ долгаго пребыванія въ Смольномъ монастырѣ. По наукамъ она шла отчаянно дурно, и не только не получила никакой награды, но даже и простого похвальнаго листа не удостоилась, и получила при выпускѣ только свидѣтельство о томъ, что она пробыла известное количество лѣтъ въ Смольномъ монастырѣ и обучалась предметамъ, которымъ слѣдовалъ подробный перечень.

Пробѣлы своего образованія Варенька пополнила сама, крайне своеобразно; исторію знала она изъ романовъ, причемъ, благодаря романамъ бывшаго въ то время въ большой модѣ Александра Дюма, французской исторіи было отдано преимущество, и имена всѣхъ

фаворитокъ Людовиковъ XIV и XV Варенька знала наперечеть, безошибочно. Кромѣ того, несмотря на участіе свое только въ хоровомъ пѣніи, она съ большимъ чувствомъ исполняла двѣ или три сравнительно трудныя аріи, прекрасно фразировала нѣсколько модныхъ романовъ и, болтая по-французски, умѣло произносила букву «р» именно такъ, какъ ее произносила прирожденная парижанка, преподававшая въ институтѣ разговорный языкъ.

Крайне польщенная исключительнымъ вниманіемъ великаго князя Михаила Николаевича, Варенька и сама разсыпалась передъ нимъ въ наивныхъ комплиментахъ, и во время польки съ фигурами, царившей въ то время на всѣхъ балахъ, молоденькая парочка успѣла уже чуть ли не въ вѣчной любви другъ другу поклониться.

Въ антрактахъ между танцами великій князь не отходилъ отъ Галенкиной, восторженно нахвастывалъ ей что-то обаятельно-страстное и почти не танцевалъ ни съ кѣмъ, кромѣ нея, такъ какъ и она почти всѣмъ отказывала подъ предлогомъ усталости и, слегка передохнувши вновь уже неслась по залѣ, вся плѣнительная и воздушная, съ своимъ очаровательнымъ юнымъ кавалеромъ.

Но вотъ настала минута невольной, хотя и краткой разлуки. Оркестръ проигралъ ритуфель кадрили, и великій князь, въ сопровожденіи церемоніймейстера, отправился приглашать ту изъ шифристокъ, съ которой ему предписывалось танцевать, согласно законамъ придворнаго этикета. Михаилъ Николаевичъ скрѣпя сердце, разстался съ своей неизмѣнной дамой, заранѣе оставилъ за собой абонированнымъ первый предстоявшій за тѣмъ вальсъ и, учтиво склонивъ голову передъ выпадавшей ему на долю шифристкой, сталъ съ ней въ одномъ изъ двухъ передовыхъ карре, расположенныхъ прямо передъ креслами, занимаемыми императрицей, государемъ и вообще всѣми не танцующими высокими посѣтителями. Кадриль показалась ему неимоვნю длинной, онъ раза два спуталъ даже фигуры, глядя куда-то въ даль, въ ту сторону, гдѣ расположены были карре, въ которыхъ танцовали флигель-адъютанты, камеръ-пажи и молоденькіе камергеры и камеръ-юнкеры, и гдѣ, вдали отъ параднаго представительства передовыхъ карре, уже кому-то улыбалась и съ кѣмъ-то безбожно кокетничала бѣдовая пассія молоденькаго великаго князя. Ему и больно и досадно сдѣлалось, и едва окончилась кадриль, какъ Михаилъ Николаевичъ былъ уже подлѣ Галенкиной и горячо ей что-то доказывалъ.

Начались очередные легкіе танцы, и между ними дежурный церемоніймейстеръ доложилъ великому князю, что ему слѣдуетъ танцевать кадриль съ шифристкой Щ. Михаилъ Николаевичъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ и мелькомъ бросилъ разсѣянный взглядъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла официально назначенная ему «дама». При этомъ взглядѣ на лицѣ его выразился буквально ужасъ. Надо сказать, что Щ. была такъ исключительно дурна со-

бой, что институтское начальство одну минуту задумывалось даже назначить ей дѣйствительно заслуженный ею шифръ. Боялись, чтобы на императрицу непріятно не подѣйствовало то конвульсивное искаженіе некрасивой фізіономіи, какимъ обычно страдала несчастная безобразная дѣвочка въ минуту сильныхъ душевныхъ волненій. По этому поводу состоялся особый докладъ у статсъ-секретаря Гофмана, который и порѣшилъ, что государыня слишкомъ милостива для того, чтобы поставить въ вину дѣвочкѣ ея исключительно некрасивую наружность, и награда была назначена, съ предупрежденіемъ Щ., чтобы она какъ можно меньше боялась и волновалась, и съ увѣреніемъ, что государынѣ особенно пріятно видѣть, когда дѣти съ полнымъ довѣріемъ и безъ малѣйшаго страха относятся къ своему начальству и къ ней лично.

Вотъ для этой-то непривлекательной «дамы» юному великому князю приходилось разлучиться на цѣлую долгую кадрили съ своей плѣнительной Ундиной, какъ онъ и великій князь Николай Николаевичъ успѣли уже прозвать очаровательную Галенкину. Великій князь молча выслушалъ докладъ церемоніймейстера, сказалъ, что къ указанному моменту онъ будетъ его ожидать, и... въ ту минуту, когда раздались звуки ригурнели, внезапно исчезъ изъ залы.

Церемоніймейстеръ подвелъ остальныхъ великихъ князей къ назначеннымъ имъ дамамъ... всѣ заняли указанные мѣста... Оркестръ проигралъ ригурнель вторично, а великаго князя нѣтъ какъ нѣтъ!.. Въ залѣ произошло замѣшательство... Всѣ официально назначенныя дамы были приглашены очередными кавалерами... чинами двора и гвардейскими офицерами. Всѣ заняли свои мѣста, и одна только Щ. сидѣла въ сторонѣ, никѣмъ не приглашенная, всѣми обойденная, съ искаженнымъ отъ волненія лицомъ, едва удерживаясь отъ душившихъ ее рыданій... Ригурнель былъ проигранъ въ третій разъ...

Въ залѣ на минуту произошелъ полный переполохъ, не укрывшійся отъ государя...

Онъ подозвалъ церемоніймейстера и спросилъ, въ чемъ дѣло?.. Тотъ въ смущеніи доложилъ ему о внезапномъ исчезновеніи августѣйшаго кавалера... Къ государю въ эту минуту подошелъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, который, какъ уже выше сказано, совершенно не принималъ участія въ танцахъ, вообще уже не числился въ рядахъ танцующихъ кавалеровъ и на официальныхъ балахъ ограничивался обыкновенно однимъ только традиціоннымъ польскимъ. Онъ услышалъ о таинственномъ исчезновеніи брата, взглянулъ въ ту сторону гдѣ сидѣла обездоленная «дама» безъ кавалера, и, быстро отстегнувъ оружіе, направился къ ней, чтобы пригласить ее на кадрили. Государь бросилъ на него благодарный взглядъ, несчастная Щ. просіяла, и послѣ вновь повторенной ригурнели наконецъ задвигались пары...

Государь тѣмъ временемъ нечаянно или нарочно пожелалъ пройтись по залѣ и... къ крайнему недоумѣнію и къ довольно сильному гнѣву своему, увидаль великаго князя Михаила оживленно танцующаго и разговаривающаго съ Галенкиной въ самомъ заднемъ и глухомъ карре. Молча пройдя мимо него и бросивъ ему одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые были такъ хорошо извѣстны августѣйшимъ юношамъ, государь направился къ императрицѣ, и тихо сообщилъ ей что-то.

Она съ улыбкой пожала плечами и слегка махнула рукой. Взоры всей залы были устремлены на нихъ, и все, кто хорошо зналъ императрицу, поняли, что она на что-то дала свое молчаливое согласіе.

По окончаніи кадрили государь отошелъ въ амбразуру окна въ глубинѣ залы и знакомъ подозвалъ министра двора. Тотъ на минуту нагнулся, чтобы выслушать его приказаніе, и затѣмъ, отыскавъ великаго князя Михаила, передалъ ему приглашеніе отца. Тотъ выпрямился, быстро оправилъ мундиръ и поспѣшилъ вслѣдъ за министромъ къ государю. Императоръ, сдвинувъ брови, сказалъ сыну нѣсколько словъ, которыя тотъ выслушалъ, почтительно вытянувшись во фронтъ, и затѣмъ, почтительно откланявшись и повернувшись по военной формѣ, отошелъ на минуту въ глубину залы, пристегнулъ оружіе и затѣмъ сѣлъ сзади императрицы въ рядяхъ лицъ, не принимающихъ участія въ танцахъ.

Для всѣхъ стало ясно, что государь на весь остальной вечеръ лишилъ великаго князя права танцовать. Лица, близкія царственному юношѣ, добродушно смѣялись... Лица свиты, все поголовно очень любившія молодого танцора, смотрѣли на него съ участіемъ, а императрица, къ которой онъ нагнулся, убѣдительно ей что-то доказывая, только плечами пожимала въ отвѣтъ на все его убѣжденія. Она хорошо знала, что въ этомъ случаѣ даже ея всемогущее заступничество останется безплоднымъ.

Раздались звуки чуднаго вальса, пары закружились... Красавица Ундина соблазнительно мелькала передъ оштрафованнымъ недавнимъ кавалеромъ своимъ, а онъ сидѣлъ съ такимъ уморительно-разочарованнымъ лицомъ, что даже намъ, дѣтямъ, смѣшно было смотрѣть на него. Такъ прошло около часа, и только незадолго до ужина, за которымъ должна была слѣдовать мазурка, съ злополучнаго великаго князя снятъ былъ поразившій его остракизмъ, и онъ вновь получилъ разрѣшеніе танцовать, съ условіемъ не принимать участія въ кадриляхъ, чтобы опять чего-нибудь не «перепутать».

За ужиномъ, въ которомъ особы царской фамиліи постоянного мѣста за столами не занимали, а переходили, какъ гостепріимные хозяева, отъ одного столика къ другому, великій князь Михайлъ опять не отходилъ отъ Галенкиной и, принявъ на себя совмѣстно съ братомъ своимъ раздачу бонбоньерокъ, которыя поданы были на громадныхъ подносахъ, сумѣлъ какимъ-то образомъ сдѣлать такъ, что Галенкиной досталась одна изъ самыхъ красивыхъ бонбоньерокъ,

очевидно, предназначенная кому-нибудь изъ успѣшнѣе ея окончившихъ курсъ и, быть можетъ, отвоеванная случайно у той же злополучной Ц.

Процался великій князь съ Варенькой Галенкиной самымъ дружескимъ и отчасти восторженнымъ образомъ и, какъ она сама намъ сообщила, далъ ей слово, что встрѣча эта въ ихъ жизни будетъ не послѣдняя.

Въ ту минуту никто изъ насъ не придавалъ этому обѣщанію никакого серьезнаго значенія, но, встрѣтившись съ Варенькой лѣтъ восемь или десять спустя, когда она была уже давно замужемъ, я не безъ нѣкотораго удивленія выслушала ея рассказъ о томъ, что великій князь свое слово сдержалъ, въ доказательство чего она, снявъ съ руки очень дорогой браслетъ, показала мнѣ въ немъ медальонъ, въ который былъ вставленъ прекрасно исполненный портретъ Михаила Николаевича, сдѣланный миниатурой на кости.

Оба молодые великіе князья, по свидѣтельству лицъ, ихъ очень близко знавшихъ и видѣвшихъ, въ эпоху ранней молодости своей отличались необычайной влюбчивостью и такимъ же необычайнымъ непостоянствомъ,

Мнѣ лично рассказывалъ покойный князь Трубецкой, сопровождавшій ихъ высочества во время обычнаго великокняжескаго путешествія по Россіи, что чуть не въ каждомъ городѣ, по крайней мѣрѣ обязательно въ каждомъ изъ тѣхъ, гдѣ въ честь августѣйшихъ гостей давались балы, оба юные путешественника обязательно въ кого-нибудь да влюблялись и съ дѣтства привыкшіе къ вполне откровенной передачѣ каждаго своего впечатлѣнія августѣйшей матери своей на другой же день подробно описывали ей вынесенныя наканунѣ впечатлѣнія.

Во время этого путешествія въ Саратовѣ молодые великіе князья пробыли около недѣли, въ теченіе которой приняли отъ города и главныхъ его представителей три бала и, кромѣ того, присутствовали на любительскомъ концертѣ съ живыми картинами, поставленнымъ мѣстнымъ художникомъ. Здѣсь романы разыгрались, какъ говорится, во всю, и дѣло дошло чуть не до женитьбы, такъ что понадобилось авторитетное вмѣшательство императора для того, чтобы неугомонные путешественники согласились спокойно продолжать свой путь.

Великій князь Николай Николаевичъ на этотъ разъ влюбился въ дочь мѣстнаго крупнаго администратора Трубникову, а Михаилъ Николаевичъ въ дочь помѣщика Огнева, что вызвало со стороны императрицы шутовское замѣчаніе, что оба ея сына никакъ не могутъ вырваться изъ Саратова, ибо рискуютъ сгорѣть: «Николай въ трубѣ, а Миша въ огнѣ».

Письма великаго князя къ матери хранились у нея и послѣ кончины императрицы перешли обратно къ нему.

А. И. Соколова.

Л. Н. ТОЛСТОЙ — ПАСТУХЪ.

(Изъ жизни великаго писателя).

ВЕСНА 1887 года выдалась въ Ясной Полянѣ ранняя и дружная. На поляхъ проталины, заиндивѣвшія за ночь пушистой, сѣдой пеленой мороза, къ полудню быстро чернѣли и, ширясь, сливались съ другими проталинами и обнажали уже на далекое пространство черную грудь истосковавшейся за зиму земли. Вскорѣ показалась и травка на пару между остатками щетинистаго жнивья прошлаго лѣта, и изъ крестьянскихъ воротъ, радуясь и разминая подъ солнцемъ слежавшіяся за зиму кости, потянулись съ ревомъ и бляніемъ коровы, овцы, телята.

Скотину выгоняли бабы и на близкихъ къ деревнѣ пригоркахъ пасли до обѣда и потомъ вновь загоняли въ сарай.

— Зарѣзъ!—жаловались бабы.—Тутъ по дому хлопотъ по горло, а ты еще со скотиной воловодься. И что жъ это наши старики пастуха не осмыслятъ!..

Но проходили дни, прошла недѣля, другая, а пастуха все еще не «осмыслили», т. е. не нашли. Старый пастухъ, слабогрудый, страдавшій удушьемъ Назарь, назябшись въ осеннюю слякоть, заболѣлъ.

Погорѣлъ около мѣсяца и умеръ на печи въ той избѣ, гдѣ была ему послѣдняя очередь харчиться. Похоронили его съ миромъ старики и ждали къ веснѣ сына Назара, тоже бездомнаго деменскаго мужика съ сухой рукой. Звали его Липать. Служилъ когда-то въ

ямщикахъ и ѣздилъ первымъ номеромъ, когда возилъ начальство. Отъ частыхъ угощеній привыкъ къ вину, сталъ пить его зажоромъ и еще совсѣмъ въ силѣ и румянымъ парнемъ свалился подъ Свѣтлый праздникъ съ ногъ, пересталъ говорить и не могъ владѣть ни правой рукой, ни правой ногой. Съ годъ повалялся, потомъ сталъ на ноги, но рука висѣла плетью и ужъ больше не слушалась. Тогда онъ пошелъ въ подпаски къ отцу, Назару. Когда умеръ Назаръ, Липатъ отпросился домой въ Деменки и обѣщалъ на весну прійти пастуховать. Но случился въ деревнѣ пожаръ, загорѣлся сарай, и Липатъ побѣждалъ спасать скотину.

Скотину вывелъ, а самъ попалъ подъ горящую слегу, слега свалилась, придавила Липата, и его потомъ уже вытащили мертвымъ, съ чернымъ, обуглившимся лицомъ. Такъ и не довелось ему пастуховать въ Ясной Полянѣ.

И пало уныніе на сердца ясно-полянскихъ крестьянъ.

Когда разъ вечеромъ деревенскіе пришли къ Льву Николаевичу на обычную вечернюю бесѣду, разговоръ быстро перешелъ на главное горе дня. Старикъ Сергѣй жаловался:

— Хоть прямо изъ деревни бѣги. Скотина реветъ, словно въ голодную зиму, отошала, бока подвело. Охалками тащимъ траву, да гдѣ жъ натащишься! и откуда взять ее? Она мелкая, чуть стелется по-земи, рукой не ухватишь, развѣ зубами только. А бабы воемъ воють. Какіе мы пастухи, говорятъ онѣ.

Другой говорилъ:

— Бабья работа вовсе стала. Ни тебѣ обѣдъ въ пору, ни бѣлье не постирано, въ избѣ не прибрано,—ералашъ такой, голова кругомъ.

Заговорилъ и староста Константинъ Орѣховъ. Красивый, съ длинной русской бородой.

— Обѣгаль я всю округу. Какъ на грѣхъ, нѣтъ человѣка въ пастухи. Всѣ на работѣ, самая пора, какъ и у насъ. Мальчонка и тотъ при дѣлѣ. Въ гору глянуть некогда. Все къ одному приспѣло: и навозъ возить, и скородить, и пахать, и по дому ладить, и исполнующую работу дѣлать. Хоть разорвись, да и только. Намедни заходилъ изъ Тулы прохожій, ночевать просился. Я его не въ очередь у себя оставилъ и сталъ просить въ пастухи пойти къ намъ. Дадимъ, говорю, двадцать пять цѣлковыхъ за лѣто, харчишки, одежонку кой-какую. Оставайся, говорю, чѣмъ ноги-то бить по бѣлу свѣту. А онъ это скручиваетъ сигарку, смотрѣлъ, смотрѣлъ, слушалъ, слушалъ, да и сплюнулъ на бокъ. «Ни въ жисть!—говорить.—Буду бездомной собакой по міру мыкаться, а въ эту каторгу не пойду. Нѣтъ, не заманишь! Знаю я, какъ съ скотиной-то. Всѣ соки она тебѣ выварить. Ну ее!» И тутъ же сталъ собираться въ дорогу. «Кои для этого оставилъ на ночь, не хочу и ночлега твоего!» Насилу уговорилъ, жалко человѣка, куды жъ онъ противъ ночи пойдетъ.

Остался почевать, а утромъ, чуть свѣтъ, наострилъ лыжи и подался. «Ищи, говорить, другого, поглубѣ въ пастухи».

Слушалъ Левъ Николаевичъ, вздыхалъ, раздумчиво поддакивалъ и, когда староста кончилъ, обратился ко мнѣ и съ горечью говоритъ:

— Стало быть, мы съ вами только одни свободные люди на деревнѣ... Хотите?

Я съ восторгомъ согласился.

— Слышите,—обратился къ крестьянамъ обрадованный Левъ Николаевичъ:—вотъ вамъ и пастухъ! А я въ подпаски пойду.

Смутились крестьяне, и улыбаются и крикають, переминаются съ ноги на ногу.

— Гдѣ жъ тутъ!.. Пора тамъ!.. Нешто это можно!..

— Можно, можно,—заговорилъ вдругъ быстро, съ загорѣвшими огоньками въ глазахъ Левъ Николаевичъ и обратился къ старостѣ:

— По рукамъ, Константинъ Михайловичъ!—И взялъ за руку старосту и сильно потрясъ ее.—Вели завтра поутру бабамъ выгнать скотину на поляну, а мы съ Борисычемъ придемъ. Ладно?

— Ладно,—говоритъ Константинъ:—коли Господь такія мысли вамъ посылаетъ... деревнѣ послужить... міру поработать.

— Да, да, дорогой! Это моя давняя дума. Горбомъ, силами, руками работать для васъ. А сейчасъ, когда это такъ нужно,—для меня нѣтъ большей радости.

Подошелъ старикъ къ Льву Николаевичу, обнялъ его голову и дрожащими губами поцѣловалъ его въ лобъ, и долго не отпуская его.

Левъ Николаевичъ тихо отстранилъ старика:

— Будеть, Сергѣй,—сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, побоярая спазмы, подступившіе къ горлу.—Такъ, бывало, и отецъ мнѣ дѣлаеть, когда хвалить за хорошее. Не надо, застыжусь, видишь, уже багровый сталъ.

Старикъ утеръ рукавомъ увлажнившіеся глаза.

— Стыдъ красить человѣка. Святое дѣло. И мнѣ бы вотъ стыдиться, что сердце размякло и слезы на глазахъ. Да радость большая. Что Господь видѣть привелъ! Вѣдь мы твои рабы были и рабы дѣдовъ твоихъ. А теперь вотъ въ трудахъ для насъ будешь,—стадо пасти. Подумай, родной мой, хорошій нашъ! По силамъ ли трудъ берешь? Вѣдь она изморомъ изведеть, скотина-то.

Левъ Николаевичъ положилъ ему руку на плечо.

— Дѣдь! силы Богъ дастъ. Не отговаривай. Это будетъ великою радостью для меня.

Когда крестьяне, умиленные, растроганные, ушли съ новой вѣстью на деревню, Левъ Николаевичъ долго еще, взволнованный и широко шагая по комнатѣ, говорилъ о неожиданной большой, радостной работѣ, предстоящей ему.

— Я всегда съ жгучей завистью смотрѣлъ на старика Назара,

когда онъ въ ненастные дни сидѣлъ на корточкахъ, укрывшись чекменемъ отъ непогоды, зорко слѣдилъ однимъ глазомъ за пасущимся на мокрой пожнѣ стадомъ. Завидоваль ему, когда онъ подъ солнцемъ, съ открытой головой и грудью, загонялъ отбившуюся коровку и совѣмъ по-молодому, забывъ старость, скользилъ по крутизнѣ зеленого взгорья, нагоняя шаловливую Машку, смѣявшуюся своими добрыми, полными глазами. Какъ хорошо! Какой тихій потокъ ласки, заботливости и невѣдомой, незнаемой нами радости общенія съ живыми существами, съ воздухомъ, съ солнцемъ, съ Богомъ. Но больше всего я завидоваль ему, когда узналъ, что онъ умеръ на печи у Сергѣя, у того самаго старика, который сегодня былъ здѣсь, у послѣдняго очередного хозяина своего. Быть всю жизнь не своимъ, отдавать все другимъ и имѣть «очередныхъ» хозяевъ и у очередного хозяина умереть, заброшеннымъ, одинокимъ, среди хлама на печи, гдѣ пахнетъ глиной, трудомъ и святой любовью къ труду... Лучшаго счастья для себя я не желаю!.. И если теперь я стою на этой тропчкѣ... Нѣтъ, я прямо не вѣрю, что все такъ могло сложиться хорошо.

Левъ Николаевичъ присѣлъ, взялъ меня за руку.

— Вы понимаете, какъ все кстаети, наши господа все въ Москвѣ, и мы теперь вольныя птицы. Что будетъ потомъ—Его воля, а покамѣстъ Его воля и въ томъ, что намъ завтра предстоитъ исполнить.

И Левъ Николаевичъ началъ торопливо, но дѣловито и обдуманно собираться къ завтрашнему дню. Починилъ сапоги, приготовилъ сумочку для хлѣба, къ ременному поясу пряжку пришилъ.

Поздно мы легли, и ночью я слышалъ, какъ онъ ворочался, вставалъ, подходилъ къ окну. Вѣтеръ завывалъ и шумѣлъ еще голыми, безъ листвы, макушками деревьевъ.

— Спите, спите,—сказалъ Левъ Николаевичъ, замѣтивъ, что и я просыпаюсь.—Свѣтаетъ еще не скоро будетъ. Вы спрашиваете, почему я не сплю? Такъ, старыя кости и новыя мысли. Я вамъ потомъ расскажу.

Солнце взошло яркое и большое изъ-за узкой полосы позолоченныхъ и багряныхъ тучъ, и, когда оно золотило соломенные крыши хатъ и верхушки дальней засѣвки, мы съ Львомъ Николаевичемъ подошли уже къ краю деревни, гдѣ на выгонѣ, около школы, собиралось стадо. Левъ Николаевичъ былъ въ своемъ старомъ, потертомъ коричневомъ пальто, туго подпоясанномъ широкимъ кожаныиъ ремнемъ. Черезъ плечо висѣла на красномъ старомъ кушакѣ холщевая сумочка съ кусками хлѣба и съ глинянымъ кувшинчикомъ для воды. Левъ Николаевичъ ни за что не хотѣлъ уступить мнѣ удовольствія носить сумочку. «Это,—говорилъ онъ,—обязанность подпаска».

Бабы, пригоняя скотину, весело здоровались..

— Вотъ пригнали вамъ подъ начало живность нашу.

— Сердечные вы, оживеть теперь скотинушка.

— Пошли вамъ Господи!

Старуха Прасковья подошла къ Льву Николаевичу.

— Не обезсудь, родимый, возьми вотъ ситничка мягкаго, свѣжаго спекла нынче. И положила ему въ сумочку—А это сольцы,— подала она завернутую въ тряпочку пригоршню соли.

— Вѣдь нашъ чередъ нынче,—пояснила она,—харчить пастуховъ. Ужо-тко приготовимъ ужинъ на славу! Хрѣну съ квасомъ, картошки намнемъ.

— Вотъ, вотъ,—подхватилъ Левъ Николаевичъ:—ты у насъ хозяйшка, Прасковья! Спасибо!

Левъ Николаевичъ принялъ соль, тоже положилъ въ сумочку и сталъ обходить стадо по военному, какъ командиръ передъ смотромъ.

— Кажется, все стадо?—произнесъ онъ громко и издалъ какой-то звукъ, очень похожій на шелканье и вмѣстѣ съ тѣмъ присвистъ, давая знать, что можно двинуться. Въ это время изъ проулка показалась старушка въ старой паневѣ съ длиннымъ, сухимъ лещинникомъ въ рукахъ, она гнала пару овецъ и часто спотыкалась, сбиваясь съ рыси на простой шагъ:

— Бабка Маланья, бабка Маланья!—стали кричать бабы:— гони, стадо ушло.

Услыхалъ Левъ Николаевичъ, улыбнулся.

— Поздно въ школу ребятъ водишь,—сказалъ онъ ласково бабкѣ Маланьѣ, когда она, запыхавшись, подогнала овецъ.

Старушка вскинула глазами на Льва Николаевича, подалась назадъ и всплеснула руками.

— Батюшки, свѣтъ!

— Не пугайся, Маланья, ты лучше добрымъ словомъ наставь насъ.

Старушка прослезилась и взволнованнымъ дрожащимъ голосомъ, простирая руки, произнесла:

— Господь тебѣ во всемъ Наставникъ. Царь Небесный, что видятъ глаза мои!..

Стадо двинулось, поднялось на гору, а бабка Маланья еще долго стояла съ распростертыми руками и, не глядя на окружившихъ ее бабъ, что-то страстно и горячо говорила.

Мы шли полемъ по скошенной нивѣ прошлогоднихъ овсовъ, и стадо, очутившись на просторѣ, раздалось и дружно принялось щипать и рвать зубами еще тощую и низкорослую травку. Особенно усердствовали овцы. Онѣ быстро, быстро работали своими маленькими ротиками, спѣшно пережевывая и глотая сжеванные комки травы. Отъ снѣхоты онѣ захватывали стебли овса, вырывая ихъ съ корнями, набухшими въ рыхлой землѣ, и съ трудомъ, всячески изловчаясь, чтобы не выронить изо рта захваченной травы, выбра-

сывали невкусную, тухлую, желтую солому и быстро перебѣгали на другое мѣсто, зорко высмотрѣвъ зеленѣющей кустикъ травы. Коровы шли важегато, покачиваясь и нагнувъ головы, медленно прикладывались губами къ облюбованному кустику травы, медленно захватывали ее рѣзцами и, подрѣзавъ траву, какъ серпомъ, мѣрно и дѣловито передавали ее языкомъ на широкіе, бугристые, задніе зубы и такъ же толково, не спѣша прожевывали и наслаждаясь свѣжестью соковъ, глотали и, такъ же важегато покачиваясь, переходили къ слѣдующему высмотрѣнному ими кустику травы.

Особенно тихо и величественно пасся быкъ. Весь въ мѣтинахъ желтыхъ и бѣлыхъ, съ бѣлыми рѣсницами на бѣлыхъ вѣкахъ, высокій, дородный, но легкой на ходу, онъ держался больше около межъ, частыхъ осмишниковъ и полнивъ; тамъ травка была гуще, хотя попадалась и польнь, но онъ умѣлъ, какъ-то ловко высовывая языкъ, отодвигать польнь, захватывая чистую травку, и, самодовольно отдувая ноздрями, поднималъ голову и на ходу методически прожевывалъ и тихо, какъ бы удлиняя удовольствіе, глоталъ маленькими глотками. Этотъ быкъ особенно понравился Лѣву Николаевичу.

— Я его зналъ еще теленочкомъ, — сказалъ Лѣвъ Николаевичъ, — и слышалъ о немъ часто отъ мужиковъ, что онъ смиренъ и тихъ, но никогда не видѣлъ его такъ близко, какъ сейчасъ. Вы присмотритесь, какая ласковость взгляда у него и какъ онъ все понимаетъ. Мнѣ кажется, что я даже вижу улыбку его. Нестрогъ, незлобенъ и знаетъ себѣ цѣну. Онъ только чуть обернется, взмахнетъ хвостомъ, глянетъ глазомъ, не поворачивая шеи, а уже коровка, которая намѣтила травку около него, спѣшитъ отвернуться и покорно уходить. Вотъ у кого надо учиться манерамъ. Тактъ, мужество.

Солнце уже взошло высоко, скотина, сначала усердно работавшая челюстями и быстро переходившая съ мѣста на мѣсто, теперь двигалась уже медленнѣе и жевала слабѣе. Оттого ли, что она насытилась немного, оттого ли, что начала уставать. Трава была рѣдкая и низкая, и рвать ее трудно. Мы погнали стадо внизъ.

— Тамъ лучше, — сказалъ Лѣвъ Николаевичъ: — попробуемъ попасти въ нашихъ барскихъ угодьяхъ, авось не потянутъ насъ за траву. — Онъ горько усмѣхнулся. — Теперь я только вижу, какъ великъ и необоримъ соблазнъ травы. Невольно тянетъ къ тучной зелени, тутъ же надъ бокомъ она. А это поле тощее, сухое... Сколько разъ я просилъ своихъ: не загоняйте деревенскихъ лошадей и коровъ, пусть попасутся въ лѣсу, въ заказѣ. Только послѣднее время стали слушаться, и приказчикъ Филиппъ добрѣе сталъ.

Такъ бесѣдуя, мы незамѣтно сошли со стадомъ внизъ и пошли обочиной около барской рощи.

Трава пашни гуще, сочнѣе и видно было, какъ сразу скотъ

охотно припалъ къ травѣ и медленно двигался съ опущенными шеями и усиленно работая челюстями. Нѣкоторые подались вправо, въ рощу.

Левъ Николаевичъ пошелъ за ними, чтобы не дать имъ далеко отойти въ сторону, и вскорѣ скрылся изъ виду въ чащѣ деревъ. Долго не видно было его, и я, полагая, что онъ не можетъ справиться съ разсыпавшейся по рощѣ скотной, пошелъ помочь ему. Вижу, коровы мирно пасутся между деревьями, а Левъ Николаевичъ далеко, далеко въ просвѣтѣ двухъ высокихъ осинъ держитъ маленькаго ягненочка на рукахъ и спѣшитъ къ стаду. Все ближе, ближе виднѣется величественная фигура Льва Николаевича, съ нѣжностью и лаской прижимающаго бѣлошерстаго ягненочка къ груди. Я засмотрѣлся. Онъ такъ напомнилъ мнѣ великаго Моисея, котораго древнiя сказанiя тоже рисуютъ съ ягненкомъ на рукахъ. Образъ кроткой и спасаемой имъ души человѣка.

Левъ Николаевичъ запыхался, вспотѣлъ.

— Вотъ,—говоритъ онъ, когда подошелъ близко:—возился съ бяшкой. Глупенькiй ягненокъ. Отошелъ къ самому оврагу. Я за нимъ, кричу ему: бяшка, бяшка! Не узнаетъ голоса, еще я чужой для него, и боится, глупенькiй. Вижу, дрожитъ уже и вотъ-вотъ упадетъ въ оврагъ. Тамъ камни старые, щебенъ битый. Расшибется ягненокъ, думаю, на смерть. Я пересталъ кричать и началъ тихонько подходить, прячась за деревьями, чтобы не испугать его. Неловко было, стыдно. Вспомнилъ, будто охочусь, какъ въ старину. А тутъ еще думаю: вотъ хорошiй дебютъ будетъ для перваго дня, хоть на деревню не показывайся. Чувствую, что краснѣю, горю, и черезъ это еще тише двигаюсь. Смотрю, ягненокъ обернулся ко мнѣ. Смотритъ своими глазами робко, покорно. Дурачекъ, говорю ему, протянулъ руку, а онъ мордочкой ко мнѣ, прямо къ рукѣ, обнюхиваетъ, водить бочками, испугался, видно, все-таки. Я взялъ его на руки и понесъ. Не правда ли, славенькiй, смотрите, руно мягонькое, бѣленькое, глаза нѣжные, а бочками и сейчасъ водить, еще не отдышался. А баранъ еще! Стыдись, стыдись!—погладилъ его Левъ Николаевичъ и спустилъ съ рукъ.

Баранчикъ съ минуту еще шатался на ножкахъ, не твердо чувствуя себя, потомъ замахалъ хвостикомъ, заблеялъ, увидавъ другихъ овецъ, и побѣжалъ къ нимъ.

Мы выгнали скотъ изъ рощи, соединили стадо.

— Ну, теперь отдохнемъ немного,—вздохнулъ облегченно Левъ Николаевичъ и, посмотрѣвъ на солнце, сказалъ:—пора ужъ и завтракать. Уже скотина сыта немного. Господа поѣли, теперь работникамъ можно.

И онъ наскоро снялъ сумку и сталъ выпрастывать оттуда хлѣбъ, соль. Мы усѣлись и стали завтракать.

— Никогда еще не ѣлъ хлѣба съ такимъ вкусомъ, какъ сейчасъ. *ввстн.*, январь 1915 г., т. сxxxix.

часть,—сказалъ Левъ Николаевичъ:—въ этомъ ситничкѣ и въ этомъ черномъ хлѣбѣ всѣ вкусы міра. Хотите торта кусочекъ?—пошутить онъ и отрѣзалъ кусочекъ ситничка.—Вотъ первый сортъ, шоколадомъ облитый, съ цукатами,—и онъ посыпалъ солью.— Попробуйте, попробуйте!

И потомъ вдругъ серьезный сталъ.

— Все дѣлается гораздо лучше, чѣмъ мы думаемъ. Если бы я въ крестьянствѣ родился и сызмальства былъ бы въ этомъ чарующемъ мірѣ простоты, труда, я бы не видѣлъ теперь всей этой прелести. И я увѣренъ, что если бы дѣдъ мой былъ сейчасъ здѣсь, онъ не сталъ бы упрекать меня, какъ упрекалъ ночью. Онъ снился мнѣ сегодня и мнѣ казалось, что я слышу его сердитые шаги наверху въ столовой. Оттого-то я вставалъ ночью. Помните, вы спрашивали меня.

Къ полудню мы подошли съ стадомъ къ рѣчкѣ Воронкѣ, къ тому мѣсту, гдѣ она широкимъ сифономъ поворачивала къ Засѣкѣ. Берегъ здѣсь отлогіи и вода мелкая. Удобно поить скотъ.

Первыми бросились овцы и жадно прильнули губами къ водѣ, коровы не спѣша, съ достоинствомъ входили и шли подальше отъ берега, искали мѣста поглубже. И тамъ уже, слегка вытянувъ шею, припадали мордой къ водѣ и пили.

Левъ Николаевичъ любовался картиной.

— Вы присмотритесь,—сказалъ онъ:—съ какой нѣжностью онѣ это дѣлаютъ. Правда, лошади пьютъ куда нѣжнѣе, только чуть-чуть тонкими и тѣсно сомкнутыми губами коснутся воды и цѣдятъ влагу въ ротъ. Лошадь можетъ пить самую мутную воду, а въ ротъ она попадаетъ чистая, фильтрованная. Весь осадокъ у нихъ остается на губахъ, снаружи. У коровъ губы не такъ тонки, но все-таки и онѣ цѣдятъ, также и овечки. Въ этомъ есть что-то благоговѣйное къ той большой стихіи, которая одна почти составляетъ все тѣло. Въ тѣлѣ четыре пятыхъ воды, а только одна пятая твердой части.

Левъ Николаевичъ зашелъ влѣво стаду, пошелъ немного выше по теченію рѣки.

— А здѣсь мы напьемся,—сказалъ онъ и, вынувъ кувшинчикъ изъ сумочки, зачерпнулъ свѣжей прозрачной воды. Отпивъ немного изъ кувшина, онъ улыбнулся.

— Хотѣлъ пить нѣжно губами и не могу. Непремѣнно норовлю нижней губой за край кувшинчика. До сихъ поръ я думалъ, что это такъ и слѣдуетъ и, когда я пилъ изъ стакана, изъ ложки, изъ блюдечка, я старался только не шлюпать громко. Это у насъ съ дѣтства учили. Лоскъ воспитанности. Непремѣнно буду приучать себя теперь пить иначе.

Понемногу коровы, напившись, стали выходить изъ воды; отходили на зеленый просторъ берега и ложились отдыхать.

Усѣлись и мы на берегу, вынули опять изъ сумочки хлѣбъ и соль и разостлали скатерть самообранную, какъ шутя называлъ Левъ Николаевичъ холщевую сумку, на которой лежали хлѣбъ и соль. Левъ Николаевичъ часто оборачивался къ водѣ и задумчиво смотрѣлъ на зеркало тихо текущей воды.

— Не могу оторваться,—сказалъ онъ:—синева неба въ водѣ восхитительна, еще прекраснѣе, чѣмъ такъ. Вотъ посмотрите, даже трепеть воздуха отражается во влагѣ, а самая глубина неба кажется еще глубже и величественнѣе. Я недавно много думалъ о небѣ. Странно, но въ Библии, напримѣръ, слово небо встрѣчается четыреста пятьдесятъ разъ и нигдѣ не говорится, что небо синее или голубое. Вы тамъ найдете небо «красное», небо «багровое», небо «какъ желѣзо», но ни разу не сказано, что оно синее. Не правда ли, удивительно? Еще удивительнѣе, что сняго неба и у Гомера нѣтъ и въ Ведахъ. Какъ будто всѣ древнiе люди не знали этого цвѣта. Пнагоръ, напримѣръ, оперировалъ четырьмя цвѣтами: краснымъ, чернымъ, бѣлымъ и желтымъ. Только послѣ Христа мы начинаемъ встрѣчаться съ синимъ и голубымъ цвѣтомъ. И небо получило свою синеву. Оно стало голубое. Не знаменателенъ ли этотъ фактъ? Только теперь глазъ нашъ научился выдѣлять изъ спектра голубой цвѣтъ. Символь кротости и смиренiя. И только теперь намъ это дѣлается понятнымъ и близкимъ. Какъ хорошо!..

Передохнувъ послѣ обѣда, мы подняли стадо и двинулись по широкой лощинѣ. Стадо шло колыхаясь и шурша, какъ одно огромное тысяченое существо, шло весело, бодро. Левъ Николаевичъ неустанно забѣгалъ то направо, то налево, ровняя вылѣзавшихъ изъ строя, и былъ очень доволенъ этой работой.

Стадо пошло въ гору, изогнулось, и когда еще большая половина стада была въ лощинѣ, вдругъ съ горы, выходя изъ береговой посадки, показалось небольшое стадо барскихъ коровъ. Дебелыя, сытыя, все больше нѣмецкой породы, онѣ шли, неохотно переставляя ноги, но, когда увидѣли большое стадо, обрадовались и ускорили шагъ навстрѣчу ему. Позади этихъ коровъ шелъ грузный, мѣрно переваливаясь съ ноги на ногу, толстый, въ мѣтинахъ бурый быкъ съ толстыми, короткими ногами. Его подгонялъ барскiй пастухъ Васька, еще молодой парнишка, и звонко хяпалъ своимъ длиннымъ веревочнымъ бичомъ.

Вскорѣ оба стада смѣшались, барскiя коровы сразу вошли въ кругъ, повернули и зашагали вмѣстѣ съ нашими, но быки встрѣтились грозно. Деревенскiй быкъ обыкновенно добрый и ласковый, уставился противъ барскаго быка и преградилъ ему дорогу. Барскiй быкъ заворочалъ бѣлками своихъ огромныхъ глазъ, опустил низко голову и началъ громко сопѣть. Изъ ноздрей выходили клубы пара, и не прошло и минуты, какъ оба быка вцѣпились другъ въ друга рогами.

Васька вскрикнулъ:

— Гей! Лысунъ!—и ударилъ кнутомъ деревенскаго быка.

Но быки продолжали стоять вцѣпившись и только рыли ногами землю:

Левъ Николаевичъ крикнулъ:

— Не бей, Вася! Стой, стой!—и бросился къ быкамъ. Онъ отважно подошелъ къ барскому быку, положилъ ему руку на спину, потрепалъ.—Ну, ну, будетъ, будетъ. Чего ты? на хлѣбца!—и тутъ же досталъ изъ сумочки кусочекъ хлѣба.

Быкъ хорошо зналъ голосъ Льва Николаевича, сразу отнялъ голову, пересталъ сопѣть, но хлѣба не взялъ.. Какъ бы конфузясь, онъ отвернулся и стыдливо заворочалъ хвостомъ. Но Левъ Николаевичъ зашелъ ему справа, потрепалъ по шеѣ и поднесъ ему къ самымъ губамъ кусокъ хлѣба.

— Берн, берн, глупонекъ! И чѣмъ тебѣ не понравился товарищъ? Посмотри,—указалъ онъ на деревенскаго быка,—молодчина!

Деревенскій быкъ въ это время, уже спокойный, но величественный, съ своей обычной ласковостью во взорѣ смотрѣлъ то на Льва Николаевича, то на своего соперника.

Левъ Николаевичъ, отдавъ кусокъ хлѣба барскому быку, взялъ одной рукой правый рогъ деревенскаго быка, а другой за лѣвый барскаго, свелъ ихъ головы вмѣстѣ.

— Смотрите у меня, не враждовать!—крикнулъ онъ и грозно и ласково.—Ну, маршъ впередъ!

И онъ отступилъ шага на два и поднялъ руку вверхъ. Быки послушно зашагали впередъ, слились съ общимъ стадомъ и мирно стали пастись. Васька былъ очень удивленъ.

— Намедни нашъ Сопунъ,—указалъ онъ на барскаго быка,—вцѣпился вотъ такъ съ другимъ быкомъ, обаполъ скотнаго двора. Весь дворъ сбѣжался, разнять не могли, только водой разлили. Двѣ ведерки вылили. А сейчасъ, ишь!

Мы медленно двигались со стадомъ. Васька разговорился, повеселѣлъ.

— Изъ васъ, видать, хорошіе пастухи выйдутъ,—похвалилъ онъ насъ,—отчетистые. Всѣ ухватки знаете, и посвистъ и окрикъ...

— А тебѣ нравится пастухова работа?—спросилъ Левъ Николаевичъ.

— Люблю,—живо отвѣтилъ Васька.—Пустишь коровъ пастись, а самъ сидишь подъ деревомъ и только щуришь глаза. Думы въ головы лѣзутъ, привилегіи мерещатся.

— Привилегіи? Ха-ха-ха!—засмѣялся Левъ Николаевичъ. Ты, должно быть, хочешь сказать привидѣнія?

— Вотъ вотъ,—застыдился Васька,—привидѣнія. А я что видѣлъ нонче,—заговорилъ онъ вдругъ серьезно, испуганно.—Я пасъ въ Чапыжѣ коровъ и присѣлъ подъ корявымъ дубомъ отдохнуть.

Вдругъ, слышу, зашелестѣло что-то на вѣткѣ. Глянулъ, а тамъ змѣя, козюля. Огромная, сѣрая, въ пятнахъ. Зацѣпилась хвостомъ за вѣтку, а сама свѣсилась. Длинная, пузатая. Голову подняла вверхъ, ротъ разинула и глядитъ себѣ на пузо. Я обмеръ, съ мѣста не могу двинуться, будто меня обручами къ дереву приковали. Гляжу въ оба. Смотрю, показался изъ брюха козюли маленькій козюльченкокъ. Высунулъ головку и потомъ живо, живо сталъ просовываться весь. Только свѣселся, еще хвостикъ въ пузѣ былъ, а козюля хватъ его зубами и глотнула, и хвостикъ его вытащила. Еще она глотала его, а изъ брюха-то другой выползалъ. Тоже голову впередъ высунулъ и быстро-быстро сталъ просовываться весь. Хотѣла и его козюля проглотить, да не успѣла. Козюльченкокъ проворно выползъ, да и упалъ, упалъ и уползъ. Потомъ, гляжу, изъ пуза козюли еще ползеть козюльченкокъ. Проглотила его, каторжная. Такъ штукъ пять на моихъ глазахъ съѣла, а два козюльченка уползло. Одинъ у меня промежъ ногъ проползъ, махонькій, юркенькій, жить хочется ему. Тутъ ко мнѣ вернулись силы, тихонько всталъ я, думаю, убить козюлю, да нечѣмъ. Кнудомъ ее не добьешь, а кнудовище, видишь, короткое да мало способное. Однаво дыхнуть, вотъ побожиться готовъ!—закончилъ онъ, замѣтивъ удивленіе Льва Николаевича.

— Вѣрю, вѣрю,—улыбнулся Левъ Николаевичъ:—ты мастакъ расписывать. А я вотъ всю жизнь тутъ въ лѣсу живу и ни разу не видѣлъ, какъ козюля щенится и какъ она глотаетъ своихъ козюльчатъ.

— Вотъ ужъ покажу,—обѣщала Вася.

Такъ мы съ Васькой и пасли вмѣстѣ до вечера.

Когда солнце стало садиться, Васька погналъ свою скотину на лѣво, на барскій дворъ, а мы направо, къ деревнѣ.

Левъ Николаевичъ загорѣлъ за день, обвѣтрился, но былъ свѣжъ и легокъ на ходу. На краю деревни, у школы насъ ждали уже бабы, мальчишки и живо разбирали свою скотину и гнали по домамъ. Отовсюду слышалось:

— Спасибо!

— Благодаримъ!

Проѣзжали крестьяне съ поля, привѣтливо здоровались.

— Ожила скотинка! Повеселѣла.

Подошла и бабка Прасковья, гладить буренушку.

— Насытилась, родненькая!—Потомъ обернулась къ Льву Николаевичу.—Что жъ, откушать къ намъ обѣщался. Мы ждемъ.

— Ладно, ладно, бабка Прасковья, мы идемъ,—отвѣтилъ Левъ Николаевичъ

Прасковья погнала коровъ, а мы, выждавъ, пока все стадо было разобрано, тоже отправились къ Прасковѣ.

Изда у нихъ была подновленная, положено нѣсколько новыхъ вѣнцовъ, и старикъ-дѣдъ Севастьянъ мшилъ еще не законченныя щели, стоя на лѣсенкѣ и работая деревянной долбешкой и шпирокимъ долотомъ.

Увидавъ насъ, онъ торопливо сошелъ съ лѣсенки, положилъ на завалинку, гдѣ лежали пакля и мохъ, долбешку и долото, и, вытерши руку о синюю съ набойками рубаху, привѣтливо поздоровался.

— Я знаю,—сказалъ онъ:—грѣхъ послѣ солнца работать, да вотъ привычка, осилить не могу.

— Привычка святая, дѣдъ,—похвалилъ Левъ Николаевичъ:—Господь труды любить.

Дѣдъ обрадовался:

— А любить, любить.

И торопливо открылъ дверь, приглашая насъ войти.

На столѣ уже дымилась похлебка въ деревянной чашкѣ, ложки лежали вокругъ, былъ нарѣзанъ хлѣбъ, стояла соль въ солонкѣ.

Бабка Прасковья суетилась.

— Садитесь, садитесь. Можетъ, раньше кваску съ хлѣбомъ покушаете? Есть, есть.

И когда мы усѣлись, она наскоро натерла хрѣну въ чашку, натолкла картошекъ, подрумянившихся въ печи за день, подбавила бѣлаго кваску, помѣшала ложкой и подала пѣнящіяся пышной пѣной блюда на столъ.

Левъ Николаевичъ съ удовольствіемъ похвалилъ:

— Вотъ наши-то не умѣютъ такъ готовить.

Дѣдъ улыбнулся:

— Это ты съ охотки такъ. А намъ-то онъ не вновѣ, и мы ему цѣны не знаемъ.

— Въ вѣкъ бы не пріѣлась,—сказалъ Левъ Николаевичъ, дохлебывая послѣднюю ложку.

Потомъ мы принялись за похлебку.

— Можетъ, теперь молочка свѣжаго, скородойнаго? Коровка наша, слава тебѣ Господи, во какое вымя притащила. Вамъ спасибо, пасли хорошо, ужъ и дай вамъ Господь! И вамъ и дѣтямъ вашимъ, чтобъ въ разумъ пришли и отцову благодѣтельность превзошли.

— Вотъ за это спасибо, бабка Прасковья, великое слово ты сказала. Да не даетъ Господь эту радость видѣть.

— Дастъ Богъ, дастъ Богъ, — стала утѣшать Прасковья и подала на столъ большую чашку съ парнымъ молокомъ.

Дѣдъ сталъ крошить въ нее хлѣбъ.

Когда было съѣдено и это блюдо, мы встали изъ-за стола и простились съ хозяевами. Левъ Николаевичъ торопился домой.

Дѣдъ пошутить:

— Оно по настоящему пастухамъ у насъ и почевать бы чередъ.

— Нѣтъ, нѣтъ—заторопилъ Левъ Николаевичъ:—мы домой. Спасибо вамъ за хлѣбъ, за соль и за милость вашу.

Мы вышли и короткимъ путемъ, черезъ слободку и лощину прошли на барскій дворъ.

Въ кабинетѣ на столѣ лежала груда свѣжихъ писемъ и газетъ, полученныхъ съ сегодняшней почтой. Левъ Николаевичъ наскоро сбросилъ сумочку, распоясался, снялъ пальто и сталъ разсматривать почту. Вскрылъ одно письмо, другое, на третьемъ долго остановился и долго читалъ его. Читалъ и перечитывалъ.

— Поздравляю,—оторвался онъ наконецъ отъ письма и тяжело вздохнулъ.—Завтра приѣзжаютъ господа наши. Чувствую, что будетъ война. Не легко намъ придется, но я готовъ, готовъ ко всему. Не будемъ загадывать заранѣе, а только чую, что надвигается туча. Ужъ не тѣ вольныя птицы будемъ.

Онъ растянулся на диванѣ, подложилъ руки подъ голову и еще долго горячо и страстно говорилъ о своихъ задушевиѣйшихъ планахъ и далекихъ мечтаніяхъ слиянія съ народомъ.

— Но такъ, чтобы все время съ нимъ быть, съ утра и до вечера и съ вечера и до утра!..

Уже стемнѣло. За окномъ послышались чьи-то сильные, торопливые шаги, чьи-то ноги торопливо зашаркали по каменнымъ плитамъ ступеней, такъ, какъ это дѣлаютъ, вытирая приставшую грязь. Потомъ кто-то кашлянулъ; открылась дверь, и на порогѣ показался улыбающійся, довольный староста, Константинъ Орѣховъ.

— Добрый вечеръ!—раздался его сочный, грудной голосъ.

Левъ Николаевичъ поднялся, присѣлъ.

— А, Константинъ, здравствуй!—протянулъ онъ ему руку.—Проходи, проходи! Тебѣ видно? Мы тутъ сумерничаемъ съ Борисычемъ, мечтаемъ.

Константинъ подошелъ близко, поздоровался.

— А я къ вамъ съ новостью, Левъ Николаевичъ! Завтрашній день у насъ новый пастухъ.

— Какъ?—изумился Левъ Николаевичъ.

— А такъ, спасибо, легкая рука у васъ. Только вы взяли за дѣло, а къ вечеру, еще солнце не садилось, пришелъ изъ-подъ Крапивны. На барскомъ дворѣ, недалеко отъ Ржанова скотъ пасъ. Аѳанасіемъ звать. Высокій ростомъ, «Верста» по прозванію. Знакомый человѣкъ. Хорошій, добрый, не пьетъ и скотину любить. А только на барскомъ дворѣ новый приказчикъ злой, отца родного съѣсть готовъ, и взѣлся на Аѳанасія и прогналъ. А онъ прямо ко мнѣ. Мы вразъ и поладили, 25 рублей за лѣто. Далъ ему свой чекмень, и завтра на работу. Сейчасъ ночуетъ у меня. Сыскался и мальчонка-подпасокъ. Полный комплектъ!..

Онъ говорилъ это скоро, нагоняя слово на слово, чтобъ быстрѣе обрадовать Льва Николаевича интересной вѣстью.

Но Левъ Николаевичъ слушалъ его съ поникшею головой, сталъ сумраченъ, вздыхалъ и, когда Константинъ кончилъ, долго еще молчалъ.

— Не судьба, стало быть!.. — тихо заговорилъ онъ. — Въ отставку?! А ты думалъ обрадовать меня?—Онъ положилъ руку на плечо Константину;—Искренно говорю я тебѣ: я... я былъ бы счастливъ, если бы я былъ настухомъ!..

И. Тенеромо.

ПЕРЕДЪ ЦАРЕМЪ-СВОБОДИТЕЛЕМЪ.

(Изъ незабываемыхъ пережитковъ).

ТО случилось въ 1872 году. За сорокъ съ немногимъ лѣтъ много воды утекло, но все-таки въ ея потокахъ не утонули безслѣдно воспоминанія о нѣкоторыхъ пережиткахъ, остающихся и до сихъ поръ столь же яркими, живыми, какъ будто они вотъ-вотъ только что передо мною прошли.

Къ числу такихъ пережитковъ относится и случайная моя встрѣча съ императоромъ Александромъ II. Впрочемъ, правильнѣе будетъ сказать, что это была не встрѣча, а просто-напросто я очутился передъ императоромъ въ безпримѣрно нелѣпномъ положеніи. Случай этотъ, по существу, носилъ на себѣ самый невинный характеръ, а между тѣмъ впоследствии, черезъ много лѣтъ, онъ послужилъ причиной печальной для меня житейской драмы.

По окончаніи курса въ симбирской гимназій я, по совѣту гимназическаго начальства, рѣшилъ поступить въ историко-филологическій институтъ въ Петербургѣ, куда и явился въ половинѣ августа восемнадцатилѣтнимъ юношей, для котораго дальше гимназической науки, пожалуй, никакихъ другихъ горизонтовъ не существовало. «Превратными мыслями», которыя тогда начали обуревать учащуюся молодежь, я не былъ одержимъ, а о дебряхъ политики не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. Можете по этому судить, на какіе «гражданскіе подвиги» я былъ тогда способенъ...

До начала лекцій въ институтѣ времени оставалось еще много, а потому я, отъ бездѣлья, изо дня въ день странствовалъ на Вы-

боргскую сторону къ своимъ товарищамъ-сибирякамъ, поступившимъ въ медико-хирургическую академію. Случалось, что и они заходили ко мнѣ въ институтъ, откуда мы обыкновенно предпринимали экскурсіи для обозрѣнія диковинокъ столицы. Въ одну изъ такихъ экскурсій я и очутился передъ царемъ-Освободителемъ.

Стояло сѣренькое, непривѣтливое утро. Словно сквозь тончайшее сито, моросила дождевая пыль и висѣла въ воздухѣ бѣлесо-ватой пеленой, черезъ которую предметы вырисовывались неясными, расплывчатыми... Хмурая, брюзгливая погода, однако, не помѣшала мнѣ и зашедшимъ за мной двоимъ товарищамъ отправиться въ обычную экскурсію и прежде всего въ Лѣтній садъ, гдѣ мы рассчитывали встрѣтить государя, котораго еще ни разу не видѣли, и для котораго посѣщеніе Лѣтняго сада, по рассказамъ, составляло обычную утреннюю прогулку.

Мы перешли Дворцовый мостъ и направились по невской набережной, которая, вѣроятно, вслѣдствіе мокропогоды, была почти пустынна. Кругомъ насъ ни одного пѣшехода... Только впереди, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ, шелъ высокій, закутанный сашлыкомъ, офицеръ подъ руку съ очень стройной, видимо, молодой женщиной; передъ ними трусилъ огромный, сколько помнится, желтый песъ.

Мы шли бодрымъ шагомъ и вели веселый разговоръ, прерывая его изрѣдка легкими взрывами смѣха. Разговоръ нашъ былъ, можно сказать, просто дѣтскій лепетъ, такъ какъ вращался вокругъ тѣхъ курьезовъ, которые съ нами приключились во время экскурсій. Такъ, намъ припомнился случай, когда, проходя мимо Мраморнаго дворца, мы съ необычайной почтительностью отвѣсили поклонъ «особѣ» въ красномъ съ гербами одѣяніи, сочтя ее за очень крупную придворную персону. Затѣмъ, вдоволь насмѣялись надъ покупкой въ Апраксинскомъ рынкѣ галошь съ мѣдными запятниками, которыя мой товарищъ на другой же день бросилъ на улицѣ, такъ какъ подошвы самымъ коварнымъ образомъ отвалились во время пути и т. д.

Въ разговорахъ мы не замѣтили, какъ разстояніе между нами и идущимъ впереди офицеромъ съ дамой сократилось настолько, что мы шли, что называется, по ихъ пятамъ. Нужно было ихъ обогнать. Мои спутники съ этою цѣлью сошли съ панели, а я рѣшилъ прошмыгнуть между офицеромъ и гранитнымъ парашетомъ набережной. Съ ловкостью молодого медвѣжонка я юркнулъ въ намѣченномъ мною направленіи и... задѣлъ офицера за шпору...

— Нельзя ли умѣрить ваши шаги!..—быстро, но безъ рѣзкости, проговорилъ офицеръ, на мгновеніе остановившійся и повернувшійся къ намъ лицомъ, а затѣмъ продолжалъ свой путь.

Словно подъ оглушительнымъ ударомъ грома я застылъ, оцѣпенѣлъ на мѣстѣ... Точно въ такой же позиціи стояли и мои спут-

ники. Снятыя съ головы фуражки висѣли въ нашихъ рукахъ, которыя словно потеряли способность подниматься, чтобы водворить головные уборы на подобающее имъ мѣсто. Безмолвно мы смотрѣли вслѣдъ удаляющемуся офицеру, который оказался (мы узнали по портретамъ) государемъ императоромъ, шедшимъ съ своею дочерью великой княжной Маріей Александровной, впослѣдствіи супругой герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго.

Промелькнуло всего лишь нѣсколько секундъ, какъ къ намъ быстро подошли двѣ какихъ-то статскихъ персоны. Въ ихъ движеніяхъ, разговорѣ съ нами замѣчались нервнось, безпокойство...

— О чемъ съ вамъ говорилъ государь?—упершился мнѣ почти въ самое лицо, твердо проговорила одна изъ этихъ Богъ вѣсть откуда вынырнувшихъ персонъ.

Языкъ мой, словно примороженный къ гортани, совершенно не двигался... Въ столбнякѣ, съ непокрытой головой, стоялъ я на панели и безмысленно пучилъ глаза на вопрошающаго.

— Что же вы молчите? Я васъ спрашиваю: о чемъ съ вами говорилъ государь? Отвѣчайте!..—уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ проговорилъ незнакомецъ и, надо полагать, во свидѣтельство своего права на допросъ, слегка дернулъ меня за рукавъ.

Слава Богу, языкъ мой отлипъ, руки зашевелились, фуражка была водворена на свое мѣстопребываніе... Я набрался нѣкоторой храбрости и проговорилъ, однако, не безъ робкихъ запинокъ:

— А вамъ, собственно, какое до того дѣло?

Смутно припоминаю, что таинственный незнакомецъ показалъ мнѣ какую-то карточку, давшую мнѣ понять, что передъ нами стоитъ та «грозная власть», съ которой мы, зеленая молодежь, были знакомы только по наслышкѣ. Пришлось передъ этою «грозою» преклониться и рассказать, какъ и въ чемъ было дѣло.

— Кто вы такіе?—послѣдовалъ новый вопросъ.

Мы назвались.

Они перекинулись шепотомъ коротенькими фразами, и затѣмъ послѣдовалъ обращенный ко мнѣ приказъ:

— Идите за мной...

Мы вдвоемъ пошли обратно къ Дворцовому мосту, а мои товарищи, конвоируемые другимъ незнакомцемъ, побрели въ противоположную сторону.

Не проронивъ ни единого звука, мы дошли до историко-филологическаго института, и мой нежданный-негаданный «страшный» спутникъ повелительно указалъ мнѣ на дверь, пропустивъ меня впередъ. Онъ далъ швейцару карточку и приказалъ немедленно доложить директору, каковымъ въ то время состоялъ К. В. Кедровъ, преподававшій въ то же время какія-то науки августѣйшимъ дѣтямъ царя-Освободителя. Спутникъ мой былъ тотчасъ же принятъ директоромъ. Уходя, онъ бросилъ мнѣ:

— Ждите здѣсь...

Въ томительномъ ожиданіи, минуты мнѣ казались вѣчностью... Я уже сообразилъ, что изъ этого совершенно невиннаго случая пачинаетъ разыгрываться какое-то непріятное для меня «событіе». Но какое?.. Надъ разрѣшеніемъ этого вопроса я до такой степени напрягалъ свои мысли, что мнѣ казалось, будто у меня въ головѣ что-то трещало и звякало... Вереницей неслись отвѣты, одинъ нелѣпѣ другого, на этотъ мучительный вопросъ, и я даже додумался до того, что сталъ вспоминать «Макара съ его телятами»...

Прошло добрыхъ пятнадцать-двадцать минутъ, какъ въ швейцарской появился вышедшій изъ директорской квартиры мой «страшный» слутникъ и, пройдя мимо меня безъ единого звука вышелъ на улицу.

На душѣ стало почему-то легко... Я снялъ пальто и поднялся въ студенческое общежитіе, но ожидать, что мнѣ, несомнѣнно, придется давать отвѣтъ и институтскому начальству.

Такъ это и случилось. Не прошло и пяти минутъ, какъ явился надзиратель и повлекъ меня къ директору, у котораго былъ уже и инспекторъ, нервно маршировавшій по кабинету.

Засыпанный подробностями, я далъ повѣствованіе «о случившемся» съ самыми мельчайшими подробностями, а въ оправданіе своего ротозѣйства указалъ на то, что я даже предполагать не могъ, чтобы государь появлялся на улицѣ въ такой простой обстановкѣ, да еще въ слякоть и что цѣль моего путешествія въ Лѣтній садъ была единственная—видѣть государя и только...

Директоръ выслушалъ мою повѣсть совершенно спокойно и до вѣрчиво, тогда какъ инспекторъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы мы не могли узнать государя.

— Да вѣдь передъ государемъ собака-то бѣжала?! А ее весь Петербургъ знаетъ!..—съ запальчивостью выкрикнулъ инспекторъ, видимо, непоколебимо признававшій вѣрность этой своеобразной примѣты.

— Ну, такую примѣту рекомендовать не совѣмъ-то удобно...—слегка улыбаясь, проговорилъ директоръ и отпустилъ меня съ навиданіемъ быть впредь осмотрительнѣе...

На этомъ исторія и кончилась. Страхи разсѣялись, и я успокоился отъ пережитыхъ тревогъ, которыя, однако, черезъ долгіе годы снова дали себя почувствовать, но уже гораздо болѣзненнѣе...

Въ институтѣ мнѣ не посчастливилось. Не зная греческаго языка, мнѣ пришлось итти слишкомъ быстрымъ аллюромъ, чтобы достичь требуемаго уровня; а тутъ на горе привязалась еще продолжительная болѣзнь, такъ что, по выздоровленіи, сколько я ни прилагалъ усердія, чтобы одолѣть греческую премудрость, все-таки шество-

валъ далеко позади однокурсниковъ. Для меня стало яснымъ, что, при такой отсталости, въ институтѣ мнѣ улыбающейся перспективы не видѣть, а потому я и рѣшилъ съ нимъ проститься. Задумано—сдѣлано... И вотъ я снова въ родныхъ приволжскихъ палестинахъ, гдѣ скороталъ остатки потеряннаго года и затѣмъ въ августѣ 1873 года сталъ студентомъ-математикомъ казанскаго университета, по окончаніи котораго въ 1877 году былъ назначенъ учителемъ реального училища въ одномъ изъ поволжскихъ городовъ.

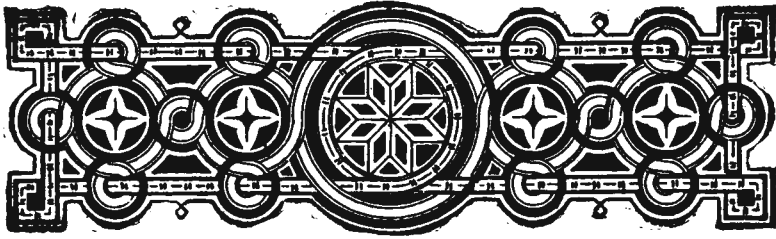
Трудовая моя жизнь текла безмятежно вплоть до 1883 года, когда въ рукахъ окружнаго начальства оказалось на меня «донесеніе», говорившее о моихъ житейскихъ прегрѣшеніяхъ и законченное сообщеніемъ о томъ, что я въ бытность свою въ Петербургѣ «учинилъ непочтительный поступокъ противъ особы государя императора Александра II»; это, собственно, и было гвоздемъ «донесенія», который въ ту трудную для русскаго обывателя пору не могъ остаться безъ вниманія со стороны «недремлющихъ очей»...

Нужно сказать, что о петербургскомъ случаѣ мнѣ много разъ приходилось рассказывать при разной обстановкѣ, разумѣется, ни на юту не уклоняясь отъ истины. И мой рассказъ никого не смущалъ, не вызывалъ никакихъ кривотолковъ, а принимался всеми обыкновенно за невиннѣйшее ротоустройство... Но въ «донесеніи» этому эпизоду была придана та «особая» окраска, которая наложила на меня клеймо «неудобнаго» на коронной службѣ. Въ итогѣ мнѣ пришлось уйти въ отставку...

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я дѣлалъ попытки къ поступленію на государственную службу въ Казани, но безуспѣшно, такъ какъ мое «неудобство» тотчасъ же всплывало наружу, какъ только вводилась обо мнѣ справка по мѣсту моего прежняго служенія на педагогическомъ поприщѣ. Только съ переѣздомъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ Петербургъ я снова вступилъ на царскую службу.

С. И. С—ковъ.

АЛЕКСѢЙ СЕРГѢЕВИЧЪ СУВОРИНЪ.

(Мои воспоминанія о немъ, думы, соображенія).

«Я, вообще, того мнѣнія, что выдающіеся люди должны обращать на себя вниманіе печати. Что же страна безъ нихъ?»

А. С. Суворинъ.

I.

Нѣсколько предварительныхъ словъ.

БОЛЬШОЙ, необыкновенно большой, но доступный и не скрывающійся, стоитъ передо мною этотъ замѣчательный человѣкъ, сѣдой, обремененный славой, богатствомъ, годами, а въ послѣднее время его жизни—болѣзнью и тяжкими страданіями, сильный во всю свою длинную дорогу, молодой душою и сердцемъ. О немъ хочется говорить и говорить долго. О немъ хочется также много писать, но это гораздо труднѣе, чѣмъ вспоминать Суворина въ товарищеской бесѣдѣ. Ужъ, кажется, чего бы лучше, какъ не взяться за перо и начать.... Но тутъ-то и нахлынуть на васъ сомнѣнья. Вѣрны ли ваши критическіе вѣсы, есть ли зоркій глазъ, умѣнье и вкусъ постигнуть большого человѣка, произвести вѣрную оцѣнку его громадной и разнообразной дѣятельности? А. С. Суворинъ—послѣ Л. Н. Толстого—ужъ очень переросъ всѣ наши представленія объ общественныхъ дѣятеляхъ. Впрочемъ, дѣятели бываютъ различныя не только

ростомъ таланта, но и качествомъ. Къ иному и сердце не лежитъ, хотя на видъ это дѣятель эффектный, и портретъ его хорошъ, и губы улыбаются, и вѣнокъ изъ розъ на челѣ, какъ у пирующаго древняго римлянина. Но фальшиво смѣются уста, нѣтъ аромата у цвѣтовъ, и какою-то мутью покрыты тайныя вождельнія этого дѣятеля, хотя иногда толпа его любитъ, и слава его раздута до чрезвычайности, хотя это и заблужденіе.

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ не таковъ. Его открытое и серьезное русское лицо не улыбается приторной улыбкой, онъ не прихорашивается передъ вами, не завиваетъ въ папилютки своихъ фразъ. Онъ живетъ лишь затѣмъ, чтобы сказать вамъ горькую правду, которую онъ умѣлъ говорить всегда. И самъ онъ постоянно ждалъ правдивой себѣ оцѣнки, честнаго къ своимъ трудамъ печатнаго отношенія. Но если бы вы знали, какъ не просто подойти къ такому большому усоншему дѣятелю! Тяжелы они, русскіе золотые таланты-самородки. Я вотъ сейчасъ всей памятью моею, всѣми итогами впечатлѣній отъ долгаго знакомства съ нимъ хочу приподнять этотъ цѣнный литературный массивъ,—и, простите, я принужденъ сознаться, что тяжело и больно стало моему плечу! Но у меня есть «архимедовы рычаги»: это моя любовь къ А. С. Суворину и благодарность стараго сотрудника, чтущаго и оберегающаго память своего наставника-редактора. При помощи такихъ рычаговъ я, несомнѣнно, дѣлаюсь сильнѣе и рѣшительнѣе. И я попробую поднять этого тяжелаго и милаго старика и поставить его на пьедесталь моей собственной постройки, моихъ архитектурныхъ украшеній... *Noli turbare circulos meos!*

А. С. Суворинъ представляетъ собою для біографа великолѣпный матеріалъ, ничѣмъ не затмѣенный. Суворинъ свободенъ отъ всякой позы и рисовки. Онъ «просто», какъ вычитаніе цѣлыхъ чиселъ» (сравненіе, можетъ быть, курьезное, но оно удивительно подходит!). Суворинъ виденъ весь, и дѣлами своими, и словами онъ утверждаетъ всегда одно и то же:

— Я вотъ какой, это люблю, это ненавижу, это вотъ мнѣ нравится, а это я считаю пошлымъ!

Главнымъ образомъ, онъ былъ истинный патріотъ своего отечества и любилъ его, и весь ему отдавался, отстаивалъ его во всю жизнь отъ напастей, сражался съ его врагами, хранилъ его высокое достоинство, стоялъ за русскій талантъ, за самобытность Россіи. Истинный сынъ родины, онъ заслужилъ себѣ нерукотворный мавзолей!

Суворинъ носилъ имя «Алексѣй», что значитъ *помощникъ*.

Это было его истинной эмблемой: помощь ближнимъ. Дѣйствительно, онъ только и дѣлалъ, что всю жизнь и всѣмъ помогалъ. И въ прямомъ, и въ переносномъ значеніи этого слова. Онъ всегда смѣло отстаивалъ тѣ реформы, какія находилъ полезными для

Россіи, которыя намъ помогали и насъ возвышали; если же что-нибудь онъ считалъ вреднымъ, то, не боясь, что возбудить противъ себя гнѣвъ интеллигентной толпы, громко заявлялъ:

— Это не для Россіи! Назадъ! Не нужно этого!

Когда вспыхнули студенческіе беспорядки (незадолго до Пушкинскаго праздника въ Москвѣ), Суворинъ первый сказалъ:

— Если студенты хотятъ заниматься политикой, а не учиться, пусть уходятъ изъ университета! На ихъ мѣсто много кандидатовъ. Вся Русь рвется къ наукѣ.

По тогдашнему времени это было очень рѣшительно и рѣзко, но Суворинъ всегда въ своихъ статьяхъ тѣснилъ своей правдой и умомъ. Не даромъ Пушкинъ сказалъ:

«А умъ, любя просторъ, тѣснить!»

Впослѣдствіи стало общимъ лозунгомъ, что политикѣ не мѣсто въ храмѣ науки. Правда восторжествовала. Но первый о ней открыто объявилъ Суворинъ. Онъ первымъ поставилъ «камень во главу угла».

Въ 1905 году Алексѣй Сергѣевичъ оказался за границей. Возвращаясь, онъ слышалъ, что у насъ «революція».

— Какой вздоръ!—сказалъ онъ.—Въ Россіи не можетъ быть революціи, и всѣ эти событія въ Москвѣ—пародія на возстаніе...

Такъ оно и было! Онъ провидѣлъ несерьезность и ничтожность «движенія».

Суворинъ имѣлъ государственный умъ. Какъ жаль, что онъ не дожился до нынѣшней войны, когда воскресъ русскій могучій патріотизмъ, вспыхнула былая горячая вѣра въ Бога, явилось мужество, настали побѣды и надъ врагомъ, и надъ «зеленымъ змѣемъ»... То-то бы порадовался всему этому старый Алексѣй—этотъ большой помощникъ великой Россіи!

II.

Въ гостяхъ у Антоши Чехонте.

Въ 1914 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ исполнилось двадцатипятилѣтіе моего сотрудничества въ «Новомъ Времени». Такимъ образомъ, почти четверть вѣка мнѣ пришлось имѣть непосредственныя отношенія къ издателю этой газеты.

Чтобы говорить о знакомствѣ съ А. С. Суворинымъ, предварительно никакъ не избѣжишь цѣлаго ряда лицъ, служащихъ звеньями цѣпи, ведущими къ главной фигурѣ моего очерка. Не безъ удовольствія, а подчасъ даже съ прямой отрадой приступаю я къ такому разсказу. Приходится вспоминать и живыхъ, и усопшихъ. Стоитъ только назвать иныя имена, какъ сейчасъ же повѣтъ юностью, былыми надеждами и очарованіями.

Прежде всего—одинъ изъ симпатичнѣйшихъ людей, любимецъ А. С. Суворина, имъ созданный или, по крайней мѣрѣ, твердо поставленный на ноги, только что начавшій тогда входить въ славу Антонъ Павловичъ Чеховъ, еще не успѣвшій утратить своего прозвища «Антоша Чехонте», популярнаго въ маленькихъ кружкахъ журнальной Москвы того времени. Подъ этимъ псевдонимомъ Чеховъ писалъ свои юмористическіе рассказы сначала въ «Будильникѣ», «Осколкахъ» и «Стрекозѣ», потомъ—въ «Петербургской Газетѣ», у С. Н. Худекова. Въ нашихъ кружочкахъ такъ его и называли. Бывало, назовешь фамилію: «Чеховъ».

— Кто это? Какой Чеховъ?

— Да вотъ—Антонъ Чеховъ.

— Ахъ, Антоша Чехонте! Такъ и говорите, а то вѣдь есть еще другой Чеховъ, Александръ, братъ его, нашего-то, старшій братъ.

— Такой же хорошій, милый?—спрашивалъ я у товарищей.

Редакторъ «Будильника» А. Д. Курепинъ, писавшій также московскіе фельетоны въ «Новомъ Времени» за подписью «А. К—инъ», качалъ загадочно своей красивой головой и говорилъ ласково:

— Его псевдонимъ—Агафоподъ Единицынъ...

Всѣ смѣялись, и только тогда я понялъ этотъ смѣхъ, когда увидалъ самого «Агафопода Единицына». Ужъ очень онъ отличался съ братомъ! И наружно, и внутренно.

Въ тѣ времена, т.-е. въ 1889—1890 гг., Антонъ Павловичъ Чеховъ былъ высокій, стройный и весьма красивый молодой человекъ, широкія плечи котораго не говорили даже о тѣни болѣзненности. Лицо у него было живое, открытое, съ прекрасными свѣтло-кариыми глазами, «какъ копейки», очень умными, иногда задумчивыми, но чаще блестящими огнемъ веселаго и добродушнаго юмора. Волосы на его головѣ, волнистые, темные и обильные, формой прядей напоминали волосы Антона Рубинштейна. Небольшая бородка и пробивающіеся усы каштановаго цвѣта нѣсколько упрощали это оригинальное, останавливающее на себѣ ваше вниманіе лицо.

Я рисую вамъ вполне точный портретъ Антоши Чехонте двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Прибавьте къ этой симпатичной наружности не шумную, но очень живую и натуральную веселость Антона Павловича, его постоянное радушіе, гостепрѣимство и любезность, и вы поймете, что такой хозяинъ только могъ забрать въ полонъ сердца своихъ гостей. Такъ это и было съ нами, его частыми въ тѣ годы посѣтителями.

Чеховъ недавно прибылъ изъ Петербурга и казался весь полонъ новыми ощущеніями, когда я зашелъ его повѣстить (въ 1889 г.).

— Ну, батенька, и городокъ!—сообщилъ Чеховъ, рассказывая о поѣздкѣ.—Прелестъ! Восхитительный городъ. Вы не были въ

«Р. вѣстн.», январь 1915 г. т. сxxxix.

Петербургѣ? Обязательно съѣздите. Познакомился я съ Суворинымъ...

— Ну, что же, какое ваше впечатлѣніе?

— Впечатлѣніе чего-то крупнаго, совершенно неожиданнаго и хорошаго! Только... представьте, я было совсѣмъ отложилъ свою визитацію въ «Новое Время».

— Это почему?

— Да, видите ли, пріѣхалъ я въ Питеръ, захожу предварительно къ брату Александру...

«А, Агафоподъ Единицынъ!» подумалъ я.

— Онъ, знаете, въ «Новомъ Времени» служить тамъ, въ редакціи... Онъ меня встрѣчаетъ и говоритъ: «Читаю я твои рассказы... Чортъ знаетъ, что ты пишешь! Вотъ, напримѣръ, «Дѣла»... такъ, ерундистика и прочее... Ничего, говорить, понять нельзя! Это и въ редакціи говорятъ...

Тутъ Чеховъ прервалъ рассказъ, какъ вещь для себя неприятную, но сейчасъ же его лицо прояснилось, и онъ продолжалъ съ новымъ оживленіемъ:

— А какъ пришелъ я въ «Новое Время», смотрю, всѣ такъ на меня и нинулись: «Чеховъ пріѣхалъ! Это Чеховъ... Покажитесь, Чеховъ! Ахъ, какой вы молодой...» Пришелъ В. П. Буренинъ и тутъ же расхвалилъ мои рассказы... Потасили меня къ Суворину... Слышу, и тотъ хвалить, даже въ восторгѣ, и всѣ въ восторгѣ!

— А какъ же Агафоподъ-то Единицынъ...—началъ было я.

— Н-да, Агафоподъ... Единофодъ... А знаете, батенька, сколько мнѣ Суворинъ за рассказы назначилъ? По двѣнадцати копеекъ за строчку!!! (Цѣна по тѣмъ временамъ, дѣйствительно, рѣдкая) Чеховъ радовался, какъ ребенокъ.

Относительно «критики» того же Агафопода Единицына я могу сказать, что, вѣроятно, это было простое брюзжанье, а не серьезная критика. Покойный Александръ Павловичъ Чеховъ былъ человекъ нездоровый, склонный подчасъ сильно выпить. Онъ даже въ письмахъ къ брату Антону всегда какъ-то странно топорщился и несоотвѣтственно своему возрасту кривлялся. Напримѣръ, помню, одно такое письмо читалось вслухъ. Это было гораздо позже, когда Антонъ Павловичъ Чеховъ вернулся изъ своей поѣздки на островъ Сахалинъ, т.-е. уже настоящей литературной знаменитостью, а «Агафоподъ-Единофодъ», впередъ, какъ литераторъ, увя, не пошедшій, прислалъ ему изъ Петербурга такое посланіе (Чеховъ началъ самъ его читать при всѣхъ, потомъ, беззлбно разсмѣявшись, бросилъ):

«Мой кругосвѣтный братъ! Говорятъ, ты, объѣздивъ множество земель, вернулся домой, растерявъ по дорогѣ послѣдній умишко!»

Это письмо дочитывалъ, но уже про себя, другой братъ Антона Павловича, Иванъ Чеховъ («протоучитель Іоаннъ Павловичъ Чеховенскій»), какъ въ шутку наименовалъ его знаменитый братъ и даже книжку ему подарилъ именно съ такой надписью).

Такой письменный «mauvais gout» Александръ Павловичъ Чеховъ проявлялъ, кажется, постоянно. И главное, письмо его были огромныя и даже талантливо написанныя. Помню, у Чеховыхъ читали еще его письмо о собственной гувернанткѣ, которая была пятидесятилѣтней нѣмецкой дѣвой съ ушами летучей мыши, очень доброжелательной и всего больше на свѣтѣ любившей картофель. Александръ Павловичъ преуморительно описывалъ эту особу (всѣ хохотал.):

«Узнавъ, что картофель сильно вздорожалъ, она (нѣмка) пришла въ необыкновенное волненіе, хотя за этотъ продуктъ плачу все-таки я, а не она!» писалъ онъ и неожиданно добавлялъ по адресу младшаго брата (Михаила Павловича Чехова, студента-юриста, тутъ же присутствовавшаго на чтеніи): «Мишка, не хочешь ли на ней жениться?!..».

Это было покрыто общимъ хохотомъ.

Чтобы покончить съ покойнымъ Александромъ Павловичемъ Чеховымъ, я долженъ сказать, что это былъ беллетристъ съ большимъ талантомъ, но что-то помѣшало ему развиваться. У него былъ напечатанъ въ «Осколкахъ» разсказъ «Тарасикъ» (мальчикъ, сынъ кухарки, проявлявшій любовь къ техническому искусству, дѣлавшій разные колесики и т. п., за что мать постоянно драла его безъ милосердія),—этотъ разсказъ, трогательный и живой, сдѣлалъ бы честь самому Антону Павловичу. Да и много другихъ хорошихъ разсказовъ и статей напечаталъ онъ въ разныхъ изданіяхъ.

Въ тотъ день, когда я навѣщалъ Чехова, въ «Новомъ Времени» появился мой первый разсказъ «Лея», и Чеховъ, вдругъ что-то вспомнивъ, сказалъ мнѣ:

— Только что получилъ письмо отъ Суворина. Тамъ и о васъ есть...

— Да неужели?!

Суворинъ писалъ немного:

«Лея» г. Ежова напечатана. Гема разсказа банальна, но въ немъ есть нѣкоторая грація, это мнѣ понравилось, и я помѣстилъ его въ «Субботникахъ».

— Ну-съ,—сказалъ Чеховъ:—теперь вамъ въ «Новое Время» дорожка проторена! Вы говорили, что у васъ есть еще темы... Не откладывайте ихъ въ дальній ящикъ, пишите, пишите направо и налево... Да, вотъ что еще! Хотите познакомиться съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Суворинымъ? Это вамъ будетъ небезполезно, онъ теперь состоитъ редакторомъ «Новаго Времени». Онъ будетъ у меня съ женой обѣдать (Чеховъ назвалъ дню), вотъ вы и приходите...

И, говоря такъ, Чеховъ весело на меня поглядывалъ. Вообще онъ былъ въ юности всегда веселъ.

Попутно скажу, что впоследствии, читая многочисленныя воспоминанія объ усопшемъ Антонѣ Павловичѣ Чеховѣ, я встрѣчалъ много странныхъ описаній, въ родѣ, напримѣръ, того, что Чеховъ имѣлъ особый какой-то языкъ и говорилъ, будто бы, такъ: «Да конечно жъ», «да онъ же-шь», «да я же-шь» и т. п., точь-въ-точь, какъ одна изъ приживалокъ изъ комедіи Островскаго, говорившая: да что ужъ, да ну ужъ, да я ужъ! и т. д.

Ничего подобнаго въ рѣчи Чехова не было. Изъяснялся онъ вполне литературнымъ языкомъ и былъ, когда хотѣлъ, краснорѣчивъ, что твой адвокатъ. Лишь изрѣдка попадались у него «южныя неправоности», въ родѣ: ѣзжайте, разсѣрдился и т. п., но и то онъ постепенно отучился отъ этого, исправилъ всѣ свои провинциализмы. А изъ описаній «воспоминателей» можно подумать, что Чеховъ былъ какой-то Васильковъ изъ «Бѣшеныхъ денегъ», говорившій чуть не по-чувашски.

Точно также никакого не было у Чехова «баска», ни «характернаго», ни обыкновеннаго. У него былъ голосъ слабоватый—и ужъ вовсе не басового оттѣнка. Смѣхъ Чехова, пріятный и задушевный, говорилъ о томъ, что Чеховъ вообще не склоненъ сердиться. Въ немъ было что-то тихое и чистое, и басовые звуки не идутъ къ этому симпатичному образу. Я, по крайней мѣрѣ, ихъ никогда не слыхалъ. Не было ли тогда у Чехова, когда его посѣщали будущіе воспоминатели, бронхита? Это, пожалуй, и создало легенду о «баскѣ».

Въ описываемое мною время А. П. Чеховъ переживалъ весну своего расцвѣта. Разказы его въ «Новомъ Времени» слѣдовали одинъ за другимъ, радуя всѣхъ, и В. П. Буренинъ первый изъ критиковъ замѣтилъ эти разказы и написалъ о нихъ одобрителный фельетонъ,—честь, немногимъ избраннымъ оказываемая.

Когда Антоша Чехонте, уступая мѣсто Антону Чехову, вошелъ въ моду, въ гостиной его стало тѣсно. Насъ, маленькихъ сотрудниковъ, стѣсняло общество артистовъ-премьеровъ, художниковъ и т. п. Особенно часто сталъ бывать у Антона Павловича артистъ Малаго театра А. П. Ленскій и почти всегда что-нибудь читалъ. Надо замѣтить, что читалъ онъ много хуже, чѣмъ игралъ на сценѣ; и когда онъ громко «декламировалъ» какую-нибудь изъ чеховскихъ одноактныхъ пьесокъ, то всѣ сидѣли и внимательно слушали, а супруга Ленскаго вязала, держа въ одной рукѣ коробочку съ антипириномъ; тогда это средство только что вошло въ моду, и имъ многіе злоупотребляли, особенно дамы.

Чтобы обрисовать портретъ «Антоши Чехонте» и проститься съ нимъ (въ слѣдующихъ главахъ будетъ фигурировать только Антонъ Павловичъ Чеховъ, нѣсколько иной человѣкъ),—я расскажу слѣ-

дующій эпизодъ. Эпизодъ о настоящей улыбкѣ Чехова. Я его бережно храню въ своей памяти.

Однажды, собравшись къ автору только что выпущенной книги «Въ сумеркахъ», я подошелъ къ его квартирѣ. Чеховъ тогда жилъ на Кудринской Садовой, въ домѣ доктора Карифева, и окна его кабинета выходили въ палисадникъ и на дворъ. Я заглянулъ въ окошко—и остановился.

Чеховъ сидѣлъ одинъ, за письменнымъ столомъ, и что-то быстро-быстро писалъ. Перо такъ и бѣгало по бумагѣ. Должно быть, онъ сочинялъ что-нибудь новое...

Я долго глядѣлъ на него. Красивые волосы волнами падали ему на лобъ; онъ положилъ перо, задумался, и вдругъ... *улыбнулся*. Это улыбка была особая, безъ обычной доли ироніи, не юмористическая, а нѣжная и мягкая. И я понялъ, что это была улыбка счастья, писательскаго счастья,—беллетристъ, творя, набрелъ на удачный типъ, образъ, фразу, и это доставило ему тѣ радостныя переживанія, которыя только пишущимъ понятны...

Я не захотѣлъ своимъ появленіемъ помѣшать работѣ талантливаго писателя. Я медленно отправился домой и думалъ, идя по улицамъ:

«Чеховъ будетъ большимъ писателемъ! Все за него: и талантъ, и умѣнье подолгу трудиться...»

Я былъ тогда такъ взволнованъ, что даже сейчасъ испытываю легкой трепетъ сердца. О, молодость, время безцѣнное и незабываемое! Спасибо, что есть тебя чѣмъ помянуть...

Я искренно и глубоко любилъ Ан. П. Чехова и гордился дружбой съ нимъ.

III.

Алексѣй Алексѣевичъ Суворинъ.

Наше знакомство съ А. А. Суворинымъ, имѣвшимъ огромное для меня значеніе въ будущемъ, устроилось въ назначенный Чеховымъ день. Я пришелъ нѣсколько позже обѣда и засталъ хозяина съ гостемъ въ кабинетѣ, пьющими чай.

— Вотъ-съ, Алексѣй Алексѣевичъ, вашъ новый сотрудникъ,—отрекомендовалъ меня Чеховъ:—авторъ «Лели», разсказа, который вы, навѣрное, не читали.

— Напротивъ, читалъ, и нахожу, что молодой авторъ недурно о барышняхъ пишетъ,—возразилъ тихо и очень вѣжливо А. А. Суворинъ.—Надо еще написать... и не только о барышняхъ. Не однѣ барышни на свѣтѣ. Не правда ли?

Впечатлѣніе этой встрѣчи было для меня болѣе чѣмъ пріятное. А. А. Суворинъ показался мнѣ очень искреннимъ человѣкомъ, и его корректность положительно очаровала меня.

Суворинъ и Чеховъ возобновили разговоръ.

— Я ее бросилъ читать, совсѣмъ бросилъ!—говорилъ, ероша волосы, Чеховъ (рѣчь шла о журналѣ «Русская Мысль»).—Дѣйствуетъ своей скукой усыпляюще, какъ сонные порошки!

— Да что вы?—улыбнулся А. А. Суворинъ.—Надо будетъ сегодня же купить послѣднюю книжку, а то у меня бессонница...

— Вы знаете, Алексѣй Алексѣевичъ,—продолжалъ Чеховъ:—они меня недавно къ себѣ заманивали работать... почву ошупывали... Но ужь послѣ отзыва о моей книгѣ—нѣтъ, слуга покорный! И какъ не стыдно этому Лаврову... Строки не дамъ я въ его «честную», но безталанную «Русскую Мысль!»

А. А. Суворинъ спокойно замѣтилъ:

— По-моему, Лавровъ—это маленькая, незначительная флюгарка; сегодня такъ, завтра этакъ; согласись вы писать, онъ именно одобрить и напечатаетъ то, что не похвалилъ у васъ его Викторъ Гольцевъ.

— Можетъ быть. Только я-то туда ничего не дамъ!

— А скажите, Антонъ Павловичъ, правда ли, что профессоръ Гольцевъ, чувствуя, что послѣ отставки онъ совсѣмъ утратитъ популярность, рѣшилъ отправиться въ участокъ и тамъ просилъ, чтобы его «для славы» арестовали денька на три?

Мы засмѣялись. Чеховъ просто покатывался.

— Это петербургская выдумка, но это прелестно!—сказалъ онъ.—И отчасти на Гольцева похоже...

— Нѣтъ, это ваша московская легенда,—возразилъ Суворинъ.—И, будто бы, полицейскій приставъ сказалъ Гольцеву: «Я бы, профессоръ, весьма радъ вамъ услужить, но, въ виду вашей абсолютной невинности, никакъ не могу удовлетворить ваше ходатайство!»

Чеховъ опять расхохотался. Бесѣда эта продолжалась довольно долго. Я все сидѣлъ и жадно слушалъ А. А. Суворина. Меня безудержно «тянуло» къ этому петербургскому журналисту, сыну славнаго писателя и редактору той газеты, куда проникнуть было, пожалуй, желаніе всякаго начинающаго литератора. А мнѣ, какъ выразился Чеховъ, «дорожка туда была проторена»...

Въ тѣ годы «Новое Время», какъ газета, имѣла ошеломляющій успѣхъ и въ Россіи, и за границей. Оно блистало талантами. Статьи А. С. Суворина будоражили русскую жизнь, и голосъ издателя слушали и высокія особы, и все образованное общество. Фельетоны В. П. Буренина производили сильное впечатлѣніе въ литературныхъ кругахъ. Печатавъ свои хлесткіе памфлеты Житель. Всѣ сотрудники газеты были молоды, энергичны, смѣлы. Этой великолѣпной литературной колесницей правили могучія руки самого А. С. Суворина. Онъ давалъ тонъ всему хору. Изданіе выходило въ свѣтъ въ такой филигранной отдѣлкѣ, какой никогда не отли-

чалось ни одно изъ русскихъ изданій, ни раньше, ни теперь. Уже тогда это дѣло такъ разрослось, что у издателя не хватало силъ, ему нуженъ былъ помощникъ.

Такимъ помощникомъ и соредакторомъ появился именно А. А. Суворинъ. Этотъ молодой человекъ былъ весь въ отца: онъ могъ работать день и ночь, онъ ввелъ порядокъ, точность, аккуратность, а по отношенію къ сотрудникамъ также явился достойнымъ замѣстителемъ отца. Его слово было твердымъ документомъ.

IV.

Первыя письма А. С. Суворина.

Второй дебютъ мой въ «Новомъ Времени» былъ неудаченъ: Суворинъ не принялъ моего разсказа (кажется, онъ назывался «Два взгляда»), вернулъ его мнѣ обратно и написалъ длинное, на четырехъ страницахъ, письмо. Я долго не могъ ничего понять въ этихъ іероглифахъ. Почеркъ Суворина—это нѣчто недоступное... для новичка. Если же изучить его, понять «ключъ», то дальнѣйшія письма читались разъ отъ разу легче. Я привожу его письмо въ сокращеніи:

«Этотъ разсказъ могъ бы итти, потому что онъ не хуже многихъ, которые появляются въ нашихъ журналахъ и газетахъ, но въ немъ, батюшка, столько психологической путаницы, что даже досадно становится. Отношенія лицъ романа, повѣсти и разсказа, запомните это, должны быть ясны автору, а я увѣренъ, что вы сами не дадите себѣ отчета въ нѣкоторыхъ поступкахъ своихъ героевъ. Вы бы прочитали разсказъ Чехова, гдѣ докторъ ударилъ фельдшера. Посмотрите, какъ просто и понятно объясняетъ Чеховъ душевное состояніе этихъ лицъ послѣ скандальнаго происшествія. Читатель скажетъ: да, это вѣрно, такъ и бываетъ на дѣлѣ... Но бѣда автору, если читающая публика, остановившись на какомъ-нибудь мѣстѣ, замѣтитъ: что-то странно... бываетъ ли такъ въ жизни? Вотъ и у васъ такой случай: не вѣрится, что такъ бываетъ... Да и любовный эпизодъ... гмъ... Не женщины въ этомъ грѣшны, голубчикъ, а мужчины. Вы—авторъ молодой, талантливый. Берите какіе угодно сюжеты, потому что бояться сюжетовъ—беллетристомъ не быть! Но надо описывать то, что вы сами способны представить себѣ ясно. Повторяю, поглядите, какъ все ясно въ разсказахъ Чехова, а у васъ, новѣйшихъ дебютантовъ, темно. Писать вы можете, но надо трудиться. Ищите правды, остальное приложится».

Для начинающаго писателя такое письмо—полная неожиданность.

Я понялъ цѣнность цитируемаго письма, долго надъ нимъ подумавъ. А. С. Суворинъ, человѣкъ, которому не хватало на работу сутокъ, будь въ нихъ хотя сорокъ восемь часовъ, вдругъ удосужился и написалъ мнѣ длинное письмо¹⁾!

А такъ онъ и всѣмъ дѣлалъ. Слабость другихъ инстинктивно дѣлалась ему понятной, и онъ спѣшилъ на помощь. Письма Суворина ко множеству людей—это и есть тотъ явный признакъ плодотворной суворинской дѣятельности, направленной на благо ближнихъ. Что такое вся жизнь Суворина? Вся его работа? Великіе и разнообразные труды?—Исполненіе долга мудреца-гражданина передъ лицомъ общества. Каждый его шагъ—служеніе на пользу людей. Суворинъ не имѣетъ ни одного «пустого» дня. Онъ вѣчно былъ занятъ. Замѣтивъ малѣйшую неправильность, онъ спѣшилъ васъ научить: «Не такъ! Это надо такъ!» говорилъ онъ. Россія, учрежденіе, редакція или маленькій сотрудникъ—для всѣхъ одинаково открывалась рѣчь Суворина, а перо писало свои поучительные афоризмы. И такъ-то всегда торопился онъ помогать, учить и служить. По завѣту Пушкина, поэтъ долженъ «чувства добрыя лирой пробуждать». Лира Суворина бряцала на прозаическихъ струнахъ, но гимны ея были всегда составлены по этимъ завѣтамъ великаго поэта. Суворинъ *не могъ не быть полезнымъ*. Какъ свѣча, онъ освѣщалъ всѣ темные закоулки; какъ пчела, онъ питалъ медомъ всѣхъ, кто достигалъ его улья. Таково было отличительное качество его сердца, души, ума, таланта.

За двадцать лѣтъ непрерывныхъ отношеній я много получилъ отъ А. С. Суворина писемъ, устныхъ совѣтовъ и указаній. Было не разъ, что онъ сердился на меня. Про Суворина ходила слава, что онъ мастеръ на «ругательныя» письма. А я скажу такъ, что даже самое его ругательное изъ ругательныхъ писемъ было не ехидно, потому что оно проистекало изъ добраго чувства принести вамъ же пользу. Явное, настойчивое и горячее желаніе жило въ такихъ письмахъ: это добиться вразумленія человѣка, чтобы онъ исправился къ лучшему, и общее дѣло отъ этого выигрывало. Вообще, *безсмысленной брани* отъ Суворина, я утверждаю смѣло, никто не получалъ. Да и не могъ этого сдѣлать А. С. Суворинъ, каждое движеніе котораго знаменовало смыслъ, разумное дѣйствіе. А спокойныя его письма—одно восхищеніе было читать. Я ими всегда упивался.

Начавъ писать фельетоны изъ Москвы (по приглашенію А. А. Суворина, которому понравился мой очеркъ о скачкахъ), я повелъ войну съ московскимъ кредитнымъ обществомъ. Суворинъ не

¹⁾ Я выбрасываю остроумныя фразы А. С. Суворина о любви чисто физической. Онъ цитировалъ «Фауста», «Дворянское Гнѣздо» и рѣшительно былъ противъ реализма въ подобныхъ описаніяхъ нашихъ беллетристовъ. Авт.

мѣшалъ этой борьбѣ, но нѣтъ-нѣтъ да и дѣлалъ свои замѣчанія, находя, что я порой *врезаю самъ себя*.

«Вы все полемизируете съ кредитными мздоимцами и защищающими ихъ московскими литераторами, тогда какъ вашъ очеркъ о нищихъ куда интереснѣе всего вашего московскаго городского кредитнаго общества, со всѣми его ворами и приплясывающими газетчиками. Въ самомъ дѣлѣ, вы въ лирическихъ описаніяхъ очень сильны, и я вамъ прямо, *для вашей же пользы*, совѣтую чаще выступать въ томъ родѣ творчества, въ которомъ вы сильнѣе. У васъ замѣчается именно стремленіе туда, гдѣ ваше перо гораздо слабѣе. Вы умѣете писать трогательно, задушевно. Стоитъ ли говорить о газетчикахъ, о ***, о воришкахъ, о плутахъ, которыхъ судятъ и, вѣроятно, засудятъ? Я знаю, что вашъ N и глупъ, и тупъ, но это и до васъ было хорошо выяснено. Москва интересна мѣстными особенностями. Вы городское хозяйство знаете, и нѣсколько статей по хозяйству вполне умѣстны. Но у Москвы есть старообрядцы (это область мало затронутая), есть театръ и биржа. О театрѣ вы исправно оповѣщаете. Такъ и нужно, конечно. И хоть я не поклонникъ фельетоновъ съ цифрами и конторскими выкладками, я даже вашу «кредитку» предпочту полемикѣ съ Р—ными. Опишите мнѣ Грачевку, ея переулки, извѣстнаго сорта «дома»... До сихъ поръ этого намъ изъ Москвы еще никто не писалъ, но крайней мѣрѣ не писалъ съ толкомъ. Вообще, ратуйте не противъ журнальныхъ дурачковъ, а противъ безобразій жизни, противъ рутины, застоя, вреда житейскаго. Все, что писатель пишетъ, должно быть яркимъ протестомъ противъ искаженій нормы человѣческаго существованія...»

Вотъ какъ воспитывалъ всѣхъ насъ, начинающихъ журналистовъ, старикъ-Суворинъ, нашъ лекторъ въ письмахъ и профессоръ въ статьяхъ!

Суворинъ никогда не насилывалъ ничьихъ убѣжденій. Онъ не боялся разницы во взглядахъ, но требовалъ отъ васъ правдивости, искренности. Онъ не терпѣлъ лишь одной фальши, да и трудно было ее скрыть отъ него. Многие пробовали поддѣлаться къ Суворину, усиленно нападая на какія-нибудь его антипатіи,— Суворинъ сразу понималъ, что человѣкъ кривитъ душой, и тутъ же откровенно высказывалъ ему свои основательныя догадки...

V.

Личное знакомство.

Впервые приѣхавъ въ редакцію «Новаго Времени» (я тогда еще не писалъ фельетоновъ и корреспонденцій изъ Москвы), я встрѣтилъ Виктора Петровича Буренина.

«Да неужели это графъ Алексисъ Жасминовъ?!» думалъ я, созерцая этого джентльмена-писателя, одѣтаго франтовато, съ мягкими манерами и мягкимъ спокойнымъ голосомъ.

— Вамъ нужно издать книжечку вашихъ рассказовъ,—говорилъ онъ:—я думаю, Суворинъ согласится это устроить. Вы еще не видались съ нимъ?

Я отвѣтилъ, что нѣтъ.

— Идите, сейчасъ же идите, теперь самое удобное время...

Я отправился (редакція и квартира Суворина тогда помѣщались на Малой Итальянской улицѣ, нынѣ улица Жуковского). Кабинетъ Алексѣя Сергѣевича показался мнѣ какой-то гигантской храминой. Изъ-за письменнаго стола поднялся большой и взъерошенный человѣкъ, онъ потянулся, поглядѣлъ, кто вошелъ, и тотчасъ же зашагалъ ко мнѣ навстрѣчу, говоря:

— Вы изъ Москвы прѣехали? Вы мило пишете. Привезли еще что-нибудь?

Я сказалъ, что привезъ и отдалъ В. П. Буренину.

— Ну, и отлично. Я теперь беллетристику не читаю. Какъ здоровье Антона Павловича?

Я только собрался отвѣтить, какъ вошелъ лакей и подалъ письма, бандероли и сообщилъ, что Алексѣя Сергѣевича просятъ по дѣлу въ редакцію.

— Кто тамъ?

Лакей назвалъ чье-то имя.

— А, хорошо! Я сейчасъ... Вы, голубчикъ, заходите, пишите, очень радъ!—сказалъ Суворинъ, на ходу протягивая мнѣ руку, а другой разсматривая какое-то письмо.

Говорять, первое впечатлѣніе бываетъ самое яркое. Въ данномъ случаѣ я этого не скажу. Я почти не разсмотрѣлъ А. С. Суворина. Что-то крупное, волосатое, напоминающее художника Шишкина, что-то озабоченное и, главное, чрезвычайно занятое.

Я засталъ Суворина среди кипучей редакторской дѣятельности. Но ничего суроваго или антипатичнаго не было и тѣни. Я вышелъ отъ Суворина въ довольномъ расположеніи духа, хотя онъ сказалъ мнѣ всего нѣсколько словъ, былъ, какъ будто, небреженъ.

Впослѣдствіи Чеховъ, выслушавъ, какъ я познакомился съ Суворинымъ, сказалъ:

— Что вы, Николай Михайловичъ! Онъ васъ отлично принялъ. Суворинъ не лицебренъ. Кому онъ не радъ, тому не скажетъ, что радъ, и ужъ заходить и писать не попросить... Жаль, что вамъ не удалось потолковать объ изданіи книжки! Ну, да я какъ поѣду, скажу на сей счетъ...

Слѣдующее мое свиданіе съ А. С. Суворинымъ состоялось, когда уже моя книга «Облака и другіе рассказы» готовилась къ печати.

Я поѣхалъ къ Суворину въ то время, когда у него гостилъ Чеховъ. Меня къ нему и провели. У Чехова сидѣлъ въ какой-то принужденной позѣ рыжеволосый молодой человекъ, отчасти похожій на еврея. Разговоръ его съ Чеховымъ, что называется, не клеился, и Чеховъ, увидя меня, сказалъ:

— А, пріѣхали! Это очень хорошо, у меня есть дѣло къ вамъ. Вы не знакомы, господа? Морской беллетристъ г. Чермный (настоящая фамилія—*Черманъ*), а это... (онъ назвалъ мою фамилію).

Мы раскланялись, послѣ чего Чермный скоро ушелъ. Онъ мнѣ показался надутымъ и несообщительнымъ.

— Вы читали его рассказы?—спросилъ Чеховъ.

— Читалъ. По-моему, великолѣпныя вещи. Какъ хорошо море описано, моряки...

— Да, это правда. А не приходится вамъ въ голову, что это только хорошій переводъ, а не оригиналъ?

Я затруднился отвѣтить. Въ эту минуту дверь отворилась, быстро вбѣжалъ лѣтъ 10—11 мальчикъ и, вѣжливо мнѣ поклонившись, сказалъ:

— Антонъ Павловичъ, папа хочетъ къ вамъ зайти, можно?

— Можно, Боря, можно! Мы оба ждемъ папу... А что, онъ здоровъ?

— Ему лучше!

Мальчикъ опять вѣжливо и ловко поклонился и вышелъ. Это былъ Борисъ Алексѣевичъ Суворинъ, нынѣшній редакторъ «Вечернаго Времени».

Скоро раздались тяжелые шаги, и показался Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ. На немъ былъ надѣтъ зеленый бархатный халатъ (послѣ мнѣ Чеховъ объяснилъ, что самъ Суворинъ къ одеждѣ—равнодушнѣйшій человекъ въ мірѣ; что ему подадутъ, въ то и одѣнется; халатъ зеленого цвѣта, очевидно, подарили ему родные—онъ равнодушно надѣлъ и зеленый халатъ).

Тутъ я впервые разсмотрѣлъ его лицо, и мнѣ показалось, что онъ похожъ на графа Толстого. Только онъ былъ повыше, погрузнѣе, и брови были какія-то особенныя—дугой, наискось. Взглядъ его былъ спокойный, простой и не вопрошающій, а какъ бы ожидающій. Онъ ласково протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— А мы вашу книгу пускаемъ! Вотъ онъ (Суворинъ кивнулъ на Чехова) беретъ корректуру прочитать.

— Да, да, я просмотрю,—послышался голосъ Чехова.—У меня тутъ Чермный былъ и нѣсколько вашихъ книгъ унесъ... Я вотъ спрашивалъ Николая Михайловича, не напоминаютъ ли ему рассказы Чермнаго переводъ съ англійскаго?

Суворинъ улыбнулся.

— Да, есть что-то... этакое... А если и переведено, то очень недурно!

— Ужасно странный человекъ. Освѣдомлялся, знаю ли я по-англійски! Я сказала, что знаю.

Суворинъ опять улыбнулся и спросилъ:

— Читали «Новое Время»? Я сегодня доволенъ отвѣтомъ князю Мещерскому. Благородно ему отвѣтилъ, съ душой...

Этотъ споръ съ княземъ Мещерскимъ изъ-за какой-то статейки въ «Новомъ Времени» обошелся Суворину ровно въ 1,000 рублей. Князь Мещерскій говорилъ, что подобная замѣтка есть въ газетѣ Суворина, а Суворинъ отрицалъ. Сотрудники все переискали и сказали, что князь Мещерскій по обыкновенію лжетъ: такой статьи не было помѣщено.

Тогда Суворинъ предложилъ издателю «Гражданина» пари на 100 рублей, въ пользу благотворительныхъ дѣлъ.

Хитрый Мещерскій сказалъ:

— Что за сумма 100 рублей, не хотите ли 1.000 рублей?

Суворинъ пари принялъ... и проигралъ. Его сотрудники плохо искали въ собственной газетѣ. Алексѣй Сергѣевич немедленно внесъ, куда слѣдуетъ, 1,000 рублей и вотъ тутъ-то «съ душой» и отвѣтилъ Мещерскому.

И даже легкой досады не выразилъ А. С. Суворинъ, говоря о своемъ пораженіи! Впрочемъ, развѣ это было пораженіемъ?

VI.

Обѣдъ беллетристовъ.

Въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» въ Петербургѣ была въ тѣ годы особая комната, гдѣ собирались сотрудники, и куда приходили и другіе писатели, не сотрудники Суворинской газеты. Туда водилъ меня дважды А. П. Чеховъ, познакомилъ съ Вас. Ив. Немировичемъ-Данченко, I. I. Ясинскимъ (Максимомъ Бѣлинскимъ) и друг. На одной бесѣдѣ Чехову пришло въ голову:

— Господа, давайте, устроимъ обѣдъ беллетристовъ? Соберемся въ ресторанѣ, по подпискѣ, съѣдимъ уху, кулебяку... вина выпьемъ, побесѣдуемъ...

Мысль понравилась. Чеховъ сейчасъ же рѣшилъ произвести «перепись» беллетристовъ, которыхъ слѣдовало пригласить, меня заставили писать, а сами (Чеховъ, Ясинскій и Маминъ-Сибирякъ) стали припоминать и диктовать имена.

Вотъ, кажется, полный списокъ участниковъ этого «перваго обѣда беллетристовъ»:

Д. В. Григоровичъ, С. В. Максимовъ, И. О. Горбуновъ, А. С. Суворинъ, А. П. Чеховъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, В. А. Тихоновъ, П. П. Гнѣдичъ, И. Н. Потапенко, I. I. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій), С. Н. Терпигоревъ (Атава), Н. А. Лейкинъ, Д. Н.

Маминъ-Сибирякъ, К. С. Баранцевичъ, В. Г. Авсѣенко, А. Н. Черманъ (Чермный) и я.

Собрались въ «Маломъ Ярославцѣ».

Григоровичъ нѣсколько запоздалъ. Слышу: кричатъ и аплодируютъ!

— Григоровичъ, Григоровичъ! Бра-а-во! Бра-а-во!

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, элегантно одѣтый старичекъ, вошелъ при общихъ ликованіяхъ. Съ Суворинымъ онъ сейчасъ поцѣловался и спросилъ:

— Кому пришла въ голову хорошая идея созвать беллетристовъ? Кого намъ благодарить за это?

— Чехову, вотъ кому!

— Чехову? Гдѣ онъ! Дайте, я поцѣлую этого умницу!

И Григоровичъ обнялъ Антона Павловича.

Всѣ усѣлись за столъ, а раньше, по обыкновенію, закусывали. Н. А. Лейкинъ, любившій поточить на своихъ сотрудникахъ зубы, увидалъ меня и, схвативъ за руку, подтащилъ къ Атавъ.

— Сергѣй Николаевичъ, Сергѣй Николаевичъ!—задрезжалъ онъ.—Вотъ это Ежовъ, вы знакомы съ нимъ?

— Знакомъ, знакомъ, — отвѣчалъ Терпигоревъ, протягивая мнѣ руку.

— Я говорю: хоть бы вы, Сергѣй Николаевичъ, внушили ему... Вообразите, сколько я у него разказовъ ни читалъ, всегда его герои закусываютъ семгой! Какъ будто нѣтъ другой закуски!

Но скоро Лейкинъ умолкъ. Да и всѣ бросили разговоры «кучками». Всталъ И. Ѳ. Горбуновъ, со своимъ типичнымъ лицомъ, и заговорилъ:

— Позвольте, господа, отъ души привѣтствовать васъ, людей пера, такому же, какъ и всѣ, любителю русской литературы!

Всѣ сейчасъ же зааплодировали. Пользуясь перерывомъ въ рѣчи, Атава вдругъ спросилъ:

— Иванъ Ѳедоровичъ, отчего вы сидя не говорите?

И. Ѳ. Горбуновъ вдругъ слегка «укололся».

— Я знаю, Сергѣй Николаевичъ, что здѣсь я пользуюсь одинаковыми со всѣми правами, значить, могу и сѣсть, но... у меня ужъ такая привычка! Итакъ, господа, привѣтствую всѣхъ! Воскресаютъ старые обычаи пишущихъ людей града Петербурга. Въ давно прошедшіе годы литераторы также собирались по «кабачкамъ» и весело проводили время. Припоминаю время поэтовъ Ситцевыхъ, подражателей Барковыхъ (Суворинъ въ это время сказалъ кому-то изъ сосѣдей: «Все это вѣрно, и поэтъ Ситцевый былъ!»). Но о семъ я скажу впослѣдствіи, а пока только о бывшихъ литературныхъ собраніяхъ *констатирую* (это неправильное слово вызвало усмѣшку С. Н. Терпигорева) фактъ! Изволите видѣть, вообще, литературные кружки на Руси были, и тамъ нашему брату, начинающему писать

или артисту, теплою грѣло. Напримѣръ, что за кружокъ существовалъ въ Москвѣ, когда тамъ, бывало, сходились Александръ Николаевичъ Островскій, Провъ Михайловичъ Садовскій, Алексѣй Теофилактовичъ Писемскій и другіе таланты. Я тогда ютился возлѣ, какъ маленькій актерикъ, и потребляли меня въ качествѣ переписчика. Не могу забыть, когда переписывалъ я роли изъ «Своихъ людей», и попалось мнѣ слово «упаточилась». Замялся я, переспросилъ, а Островскій недовольнымъ тономъ отвѣтилъ: «Упаточилась, упаточилась!—чего тутъ не понять, самое простое русское слово!» Скажу вамъ, что въ этомъ кружкѣ мы ходили попросту: кто въ косороткѣ, кто въ поддевкѣ, а Островскій и Садовскій носили валенки и полушубки. И вотъ-съ, посѣтилъ насъ достопочтеннѣйшій и доброславнѣйшій Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, на кого мы всѣ сейчасъ имѣемъ великое счастье устремлять взоры свои (всѣ, дѣйствительно, поглядѣли на Григоровича и опять захопали въ ладоши). Вотъ-съ, приходитъ Дмитрій Васильевичъ,—продолжалъ Горбуновъ,—и видимъ мы, что это человѣкъ не отъ міра сего. И парочка на немъ дорогая и пестренькая, и галстучекъ восхитительный, съ драгоцѣнной булавкой, и ножку онъ, сидя, подвернулъ, анъ чулочекъ у него алаго цвѣта, чего мы и во снѣ не видывали. И пахло отъ него не по-нашему. Сразу человѣкъ-европеецъ оказывался. Говорить, да нѣтъ-нѣтъ во французскій діалектъ ударится. И не разъ Дмитрій Васильевичъ къ намъ жаловали, и всякій разъ въ немъ перемѣна въ облаченіи нами примѣчалась. То былъ въ пестренькомъ, а теперь въ сѣренькомъ съ искрою, и чулокъ голубенькій, а туфля лаковая. Не мало мы тому дивились и въ споръ вступали, во что все это симпатичному писателю обходится?

Д. В. Григоровичъ сидѣлъ, слушая и свѣсивъ все еще красивую голову на бокъ, и улыбался. Увы, онъ ужъ далеко не былъ похожъ на свой «популярный» портретъ, гдѣ онъ изображался кудрявымъ бакенбардистомъ, этакимъ лихимъ молодцомъ-кудрявичемъ; теперь эти кудри и баки исчезли, на мѣстѣ послѣднихъ была сѣдая и жиденькая борода, лицо похудѣло, покрылось старческими морщинами, глаза потускнѣли. И говорилъ онъ, какъ старикъ, надтреснутымъ голосомъ.

Тѣмъ временемъ, Горбуновъ продолжалъ—и всѣ снова явили общее единодушное вниманіе:

— Вотъ какъ-то разъ сидимъ мы въ своей компаніи, болтаемъ свое о театрѣ, о пьесахъ, и всѣ, какъ всегда, одѣты попросту. Вдругъ отворяется дверь—Мать Пресвятая Богородица!—мы такъ и ахнули! Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, собственной своей персоною!!! Всѣ мы обомлѣли. Глаза на него уставили. Ну, онъ ничего, со всѣми ласково обошелся, а потомъ сѣлъ—и за Садовскаго, Прова Михайловича, взялся. Основательно онъ за него взялся. Вы, говорить, талантъ, въ васъ искра Божія! Да знаете ли, говорить, что

это налагаетъ, чему обязываетъ!? — И пошелъ, и пошелъ... Вы, говорить, слуга искусства, жрецъ алтаря... вѣдь, это храмъ... свѣтильники курятся... Постигаете ли вы это, понимаете ли? Садовскій заговорилъ было... Пойдите, говорить, вникните! Вы безподобно играете, но ясенъ ли вамъ тотъ Богъ, которому вы поклоняетесь!? То есть, такъ онъ пробралъ его, что того даже въ потъ ударило... Всталъ Тургеневъ, посмотрѣлъ на всѣхъ ласково, руки всѣмъ пожалъ, Прова Михайловича поцѣловалъ и ушелъ. Сидимъ мы, молчимъ, муху слышно, если пролетитъ. Отдулся Провъ Михайловичъ, крикнулъ и сказалъ: «Дворянинъ.... (крѣпкое слово)!»

Надо было слышать, какъ все это рассказываетъ И. О. Горбуновъ, чтобы понять весь юморъ разсказа, великое его искусство дѣлать значительными, казалось бы, простыми, даже незначительными и не смѣшными вещи! Это описаніе Григоровича, Тургенева, Островскаго и Садовскаго, и также крѣпкое слово послѣдняго, сказанное въ смыслѣ удивленія, почтенія и восхищенія передъ Тургеневымъ, все это, повторяю, такъ было разсказано, что общій искренній хохотъ и сердечные аплодисменты были наградой талантливому разсказчику.

А. С. Суворинъ смѣялся также отъ души и добродушно кому-то объяснялъ:

— Все это правда, Горбуновъ никогда не присочиняетъ отъ себя!

Я слышалъ Горбунова впервые. Такого разсказчика, я думаю, русской сценѣ не нажить. Иванъ Ѳедоровичъ самъ является великимъ самородкомъ: онъ первоклассный русскій писатель, его народныя сцены—это перлы русской литературы, но Господь Богъ щедро расточилъ ему свои дары: онъ сдѣлалъ его и неподражаемымъ разсказчикомъ... Въ этотъ вечеръ я видѣлъ этотъ даръ во всемъ его блескѣ и роскоши. Горбуновъ былъ въ ударѣ, да и аудиторія была рѣдкостная: самъ Григоровичъ присутствовалъ! Чеховъ раза два подмигнулъ мнѣ и спросилъ:

— Ну, что, хорошо!?

— Хорошо, Антонъ Павловичъ!

— Погодите, подопьютъ—что дальше будетъ!

Дальше... продолжалось царство Горбунова. Онъ рассказывалъ анекдоты, изображалъ «модныхъ актрисъ», читалъ стихи (довольно неприличные, но очень смѣшные) поэта Ситцеваго. Затѣмъ выпили за здоровье Дмитрія Васильевича Григоровича, за Максимова, за Суворина и за всѣхъ писателей и представителей русской литературы. Перешли на анекдоты. Всталъ Д. В. Григоровичъ (старикъ былъ очень доволенъ вечеромъ и общимъ къ себѣ вниманіемъ). Онъ сказалъ, приблизительно, слѣдующее:

— Много разсказчиковъ на святой Руси, и всѣ они рассказываютъ, пожалуй, недурно. Но передъ И. О. Горбуновымъ все

уничтожается. Въ одной извѣстной сценѣ толстая купчиха, высываясь изъ окна, говорить нищимъ, которыхъ она приготовилась одѣлять: «Эй, вы, которые... подходите!» Такъ вотъ и И. О. Горбуновъ именно также можетъ обратиться къ толпѣ рассказчиковъ и сказать имъ отъ себя: «Вы, которые, подходите!».

Это довольно ироническое начало Д. В. Григоровичъ пригналъ къ тому, что, невзирая на присутствіе такого удивительнаго артиста-рассказчика, онъ самъ, Григоровичъ, никогда не рассказывавшій, дерзаетъ среди милыхъ собратій сейчасъ рассказать «анекдотецъ»...

Аплодисменты были ему отвѣтомъ.

И Григоровичъ рассказалъ фривольный анекдотъ про старика и старуху, причемъ, самъ шамкая, старался шамкать нарочно, и поэтому двѣ трети анекдота разобрать было затруднительно. Все кончилось смѣхомъ, рукоплесканіями. Всѣ, наконецъ, поднялись и стали собирать подписныя деньги (по 4 рубля 50 копеекъ, если не ошибаюсь). Казначеемъ былъ А. П. Чеховъ. На прощанье рѣшили собираться на беллетристическіе обѣды ежемѣсячно... Однако для меня это былъ первый и послѣдній беллетристическій вечеръ. На другіе обѣды мнѣ попасть не удалось, да, кажется, и Чехову также.

На этомъ первомъ обѣдѣ я слышалъ, какъ А. С. Суворинъ говорилъ со своими сосѣдами:

— Это хорошо, что теперь устанавливается дружба среди пишущихъ. Не все же драться и махать картонными мечами! Пусть такіе же обѣды устраиваютъ драматурги, журналисты... все же это лучше игранья въ карты по клубамъ, право, лучше!

Я очень хорошо разглядѣлъ тогда Суворина. Какая мощь чувствовалась въ немъ! Большой, плечистый, съ суровымъ лицомъ, которое было какъ-то внутренне освѣщено серьезной мыслью, оно было положительно прекрасно; это былъ образецъ журнальнаго борца, сознающаго святость задачи своего дѣла и безстрашно идущаго къ намѣченной цѣли.

VII.

Наѣзды А. С. Суворина въ Москву.

Я думаю, что А. С. Суворинъ не любилъ Москвы. По крайней мѣрѣ, ходя вмѣстѣ со мной или ѣздя по Москвѣ, онъ всегда былъ недоволенъ городомъ.

— Ну, послушайте, голубчикъ,—говорилъ онъ, глядя на кучи мусора, неровную мостовую, стаи собакъ и т. п.—Вѣдь, это что же такое! Константинополь! Что у васъ полиція дѣлаетъ? То-то, читаешь ваши корреспонденціи, сразу видишь, что человекъ ругаться хочетъ. Теперь понимаю, что ругаться слѣдуетъ.

Но онъ любилъ Москву въ «кускахъ». Кремль, виды Москвы, театры, магазины—это нравилось Алексѣю Сергѣевичу. Часто бывалъ онъ въ Третьяковской галереѣ, хотя сердился, что «далеко».

— Что за городъ! Лучшій музей гдѣ-то подъ Таганкой, лучшій ресторанъ—возлѣ Грачевки... Кстати, Грачевка вамъ отлично удалась. Описывайте почаще эту голытьбу. Вашъ фельетонъ и Лелѣ (А. А. Суворину) понравился. Вы умѣете описывать людей. Теперь вамъ бы описать биржу...

Пушкинскій праздникъ былъ отравленъ А. С. Суворину. Раньше онъ самъ писалъ мнѣ, что приѣдетъ на всероссійское торжество, но передъ этимъ были студенческіе беспорядки, и Суворинъ написалъ свое знаменитое «Маленькое письмо», въ которомъ сказалъ, въ сущности, вовсе не страшную фразу:

«Студенты, не желающіе учиться, могутъ уходить изъ университета. На ихъ мѣсто кандидатовъ сколько угодно».

Однако же враги «Новаго Времени» постарались изъ мухи сдѣлать слона. Они стали печатать инсинуаціи на автора «Маленькаго письма», начались «письма въ редакцію» изъ публики, какіе-то инженеры «отказались отъ подписки» на «Новое Время», словомъ, началась травля Суворина. И хотя онъ былъ боецъ обстрѣлянный, все-таки подобная несправедливость его взволновала и укулола больно его самолюбіе. Правда, онъ приѣхалъ въ Москву какъ разъ наканунѣ Пушкинскихъ дней, я его и А. П. Чехова увидаль въ магазинѣ «Новаго Времени», но въ тотъ же вечеръ онъ направлялся къ себѣ въ имѣніе.

Узнавъ, что я, по распоряженію А. А. Суворина, заказалъ вѣнокъ и буду въ числѣ прочихъ депутацій возлагать вѣнокъ отъ «Новаго Времени», Суворинъ сказалъ недовольнымъ голосомъ:

— Ну, къ чему все это? Что можно придать великому Пушкину какими-то вѣнками и депутаціями?

Замѣчательно, что о Пушкинскомъ чествованіи буквально ту же мысль выразилъ Л. Н. Толстой. Я приѣхалъ къ великому писателю узнать, правда ли то, что про него рассказала одна газета.

Л. Н. Толстой (я съ нимъ уже былъ знакомъ) встрѣтилъ меня очень любезно и сказалъ:

— Прочитайте, пожалуйста, что тамъ такое написано!—и добавилъ съ неподражаемымъ юморомъ:—Интересно послушать, что я-то сказалъ писателю!

Въ газетѣ говорилось, что Толстой былъ противъ всякихъ чествованій:

«Собравшіеся должны отслужить панихиду и разойтись по домамъ!»

Л. Н. Толстой, выслушавъ, вскочилъ и забѣгалъ по кабинету.

— Это, они пишутъ, я сказалъ?

— Да, вотъ, поглядите....

— Ну, послушайте, что же это такое!? Вѣдь, я еще не умеръ! Я еще живу! Видите ли, теперь у меня къ вамъ просьба. Когда-то мы съ вами кое-о-чемъ поговорили, а я просилъ васъ ничего не печатать. Вы исполнили это?

— По вашей просьбѣ—ни одного слова не опубликовано,—отвѣчалъ я.

— А сейчасъ я, напротивъ, прошу васъ опубликовать! Опубликуйте, во-первыхъ, что это вздоръ, то-есть что я не могъ рекомендовать служить панихиды и расходиться домой. Я говорилъ и еще разъ скажу, что Пушкинъ, въ сущности, настолько великъ и блестящъ, что никакія чествованія не прибавятъ ему ни величія, ни блеска. Поэтому можно чествовать Пушкина, но можно и не чествовать. Хорошо бы соединить съ этими праздниками какое-нибудь доброе дѣло. Если же литераторы и разныя общества рѣшили непременно праздновать Пушкинскіе дни, то отчего же не праздновать? Вотъ единственное мое мнѣніе, такъ вы и напишите.

Однажды А. С. Суворинъ приѣхалъ въ Москву и взялъ ложу въ Новый театръ, гдѣ въ тотъ вечеръ «молодые артисты и артистки» труппы Малаго театра играли въ пьесѣ Сарду «Термидоръ». Режиссеры А. П. Ленскій и А. М. Кондратьевъ очень просили издателя «Новаго Времени» посѣтить именно первое представленіе.

А. С. Суворинъ вызвалъ къ себѣ Чехова и попросилъ его извѣстить и меня, говоря, что вмѣстѣ смотрѣть «Термидоръ» будетъ интереснѣе.

Такъ мы втроемъ въ ложѣ бельэтажа и возсѣдали. Суворинъ до зрѣлица былъ веселъ, разговорчивъ и все обѣщалъ хорошій результатъ спектакля.

— Ленскій мнѣ прямо ручается за успѣхъ! И пьеса эффектная и играютъ, говорить, хорошо. Пьесу-то я знаю, а вотъ какъ играютъ—посмотримъ...

Игра началась. Смотрю, лицо Суворина вытягивается, глаза начинають поблескивать. Наконецъ, онъ не выдерживаетъ и шепчетъ:

— Господа, это чортъ знаетъ, что такое! Антонъ Павловичъ, вы что скажете...

— Да что-то не тово...

— Это хуже, чѣмъ не тово! Это и поставлено омерзительно, и игра самая заволжская... Крикъ, шумъ, нескладная суетня! Что за вздоръ—вотъ хоть эта сцена... Какъ фамилія этой актрисы?

Я шепотомъ называю.

— Откуда они ихъ набрали?

— Это молодежь... ихъ много, этихъ молодыхъ...

— Да что, Малый-то театръ—воспитательный домъ, что ли? Молодежь! Это мнѣ нравится!

Кончилось одно или два дѣйствія, ужъ не помню. Двери ложи

отверзлись, и А. М. Кондратьевъ влѣзъ своей грузной фигурой: за нимъ виднѣлся вице-мундиръ какого-то чиновника театра.

— Ну, какъ, Алексѣй Сергѣевичъ?—освѣдомился Кондратьевъ.

Суворинъ такъ на него и вскинулся.

— Послушайте, голубчикъ, да это что же? Позвольте, развѣ это представленіе? Развѣ это постановка? Вѣдь, это ужасъ! Зачѣмъ у васъ такая сумятица? Это что—толкучка московская, что ли? Кто у васъ ставилъ «Термидоръ»?

— Ленскій, Александръ Павловичъ,—испуганно отвѣчалъ Кондратьевъ.

— Какъ ему не стыдно! Вы такъ ему и передайте, что стыдно! Или вотъ, напимѣрь, сейчасъ, въ сценѣ...

Они вышли изъ ложи. Чеховъ смѣялся потихоньку и говорилъ мнѣ:

— Смотрите, смотрите, какъ Суворинъ увлекается! Точно юноша! А какъ кричить-то... ужасъ! Вотъ за что его всегда полюбить можно...

Мы брели сзади, а Суворинъ продолжалъ распекать и Кондратьева, и чиновника. Тѣ ужъ не знали, какъ отъ него отбиться. Наконецъ Суворинъ увидалъ С. В. Васильева (Флерова), извѣстнаго и очень талантливаго театральнаго критика «Московскихъ Вѣдомостей».

— А! Вотъ кого мнѣ надо... Какъ, бишь, зовутъ его?

Мы замялись, но Суворинъ не сталъ дожидаться и ринулся на Васильева.

— Ну, что, батюшка! Вѣдь, это что же, а!?

Онъ ухватилъ его за руку и потащилъ съ собой, говоря цѣлые монологи о пьесѣ и объ игрѣ артистовъ.

Васильевъ—важный старикъ небольшого роста—шелъ и солидно кивалъ своей красивой головой съ сѣдыми кудрями. А Суворинъ, большой, сторбленный, съ лохматыми волосами и бородой, шелъ, махалъ руками и кричалъ на все фойе, обращая на себя вниманіе публики.

— Какъ увлекается, Боже, какъ онъ увлекается!—твердилъ Чеховъ.

Да, такъ любить театръ и увлекаться имъ могъ только А. С. Суворинъ. Я не забуду никогда нашей бесѣды о московскомъ Художественномъ театрѣ. Скажу кстати, что до открытія этого театра я ожидалъ совершенно иного. Мнѣ казалось, что гг. Вл. Ив. Немировичъ-Данченко и К. С. Станиславскій явятся добросовѣстными режиссерами, любовно и тщательно ставящими хорошія пьесы. Первое представленіе «Царя Θεодора Іоанновича» положительно разочаровало меня. Я увидалъ море мишуры и мало таланта въ исполненіи. Кромѣ того, къ пьесѣ сдѣланы были «режиссерскія дополненія»—новинка тѣгдашняго времени, и я, удивленный, не сталъ даже пи-

сать отчета о первомъ спектаклѣ, далъ только небольшую замѣтку, а самому Суворину написалъ большое частное письмо, говоря, что я новыхъ пріемовъ новаго московскаго театра не понимаю. По-моему, это только странность, дающая просторъ для режиссерскаго произвола, и если подобная мода установится, то, пожалуй, все искусство сценическихъ изображеній будетъ областью одного режиссера. Во что же обратятся актеры? Въ куклы, въ маріонетки? И что будетъ, если режиссеръ окажется глупъ?

Не знаю, попало ли въ руки А. С. Суворина это письмо. Какъ будто нѣтъ.. Однакожъ, когда Суворинъ самъ полюбовался на спектакли Художественнаго театра, онъ написалъ свою знаменитую статью «о скворцахъ въ искусствѣ».

Въ Художественномъ театрѣ поставили «Доктора Штокмана». Роль ибсеновскаго героя очень хорошо игралъ К. С. Станиславскій, и я расхвалилъ его въ рецензій. Спустя довольно долгое время, пріѣзжаетъ въ Москву А. С. Суворинъ, и изъ «Славянскаго Базара» мнѣ передали, что Алексѣй Сергѣевичъ ждетъ меня къ себѣ въ восемь часовъ вечера.

Я пріѣхалъ,—у Суворина на столѣ стоялъ красивый самоваръ, и знаменитый театраль попивалъ чаекъ. Тутъ же стояла корзинка съ яблоками «Наполеонъ» (я случайно узналъ, что это, кажется, были любимыя яблоки Алексѣя Сергѣевича).

Я поклонился.

— Здравствуйте, здравствуйте! Что это вы, голубчикъ, пишете о Художественномъ театрѣ? Ахъ да охъ! И хорошо, и талантливо, и то, и се... Я говорю о «Докторѣ Штокманѣ». Ужъ какъ расписали!

— А развѣ не хорошо?—спросилъ я.—Согласитесь, что Станиславскій очень недурень...

— Я не говорю, что онъ плохъ. Хорошъ. И это хорошо, что вы ихъ похвалили. За «Доктора Штокмана», пожалуй, можно. А только особеннаго ничего нѣтъ. Народное засѣданіе, гдѣ дѣйствуетъ это самое «никогда не могущее быть правымъ» большинство,—даже очень деревянно и вымученно. Сразу видно, что актеровъ натаскали, а все-таки вышло плохо... Самъ Штокманъ... Не знаю, право, а по моему Станиславскій не такъ играетъ. Я бы не такъ игралъ... Вы помните сцену, какъ онъ изъ-подъ мебели камни достаетъ? Онъ вотъ что дѣлаетъ, этотъ длинный Станиславскій...

Суворинъ вдругъ живо вскочилъ со стула и, внезапно принявъ позу Станиславскаго (и это было такъ похоже!), полѣзъ подъ диванъ и голосомъ того же Станиславскаго закричалъ:

«Катерина, Катерина! Смотри, я еще нашелъ камень... вотъ, гляди, Катерина!»

Суворинъ поднялся и продолжалъ:

— Зачѣмъ это онъ все моргаетъ, все моргаетъ, какъ обезьяна? Все это у него «сдѣлано», для эффекта, а не отъ души! И голосъ не

потрясенный, а равнодушный... Развѣ это возможно? Ну, скажите, развѣ можно въ эту минуту говорить равнодушно? Съ толпой онъ держится лучше, но... и тамъ фальшь въ голосѣ! Нѣтъ, не говорите! Если придирается, то и въ «Штокманъ» Станиславскій надѣлалъ грѣховъ и промаховъ... И какъ онъ ходитъ странно... (Суворинъ прошелъ, опять дѣлаясь очень похожимъ на Станиславскаго).. Вообще, они фокусники, великіе люди на малыя дѣла, у нихъ душа-то на второмъ планѣ, а прежде всего виднѣется форма. Вы видѣли у насъ «Царя Θεодора Иоанновича»?

— Видѣлъ,—отвѣчалъ я.

Суворинъ продолжалъ горячо:

— Орленевъ двумя головами выше вашего Москвина, а у васъ его ужъ какъ хвалили! Москвинъ даже не понимаетъ, кого играетъ. У насъ трагедія поставлена проще, а у нихъ напичкано множество сусального золота. Развѣ это нужно? А что я, голубчикъ, вчера увидалъ у Корша, такъ это... это...

И Суворинъ съ тѣмъ же увлеченіемъ сталъ говорить о какой-то пьескѣ, данной въ театрѣ «Корша» (Суворинъ тутъ же остроумно разбранилъ и пьеску, и исполнителей). Въ заключеніе онъ добавилъ:

— А, вѣдь, нельзя сказать, чтобы актеры были плохи! Нѣтъ, труппа у него подобрана изрядная, только онъ на пустяки тратитъ силы артистовъ!

Да, Суворинъ глубоко, искренно любилъ театръ. Газету и театръ онъ любилъ больше всего на свѣтѣ. И о нихъ онъ всегда говорилъ— пылко, увлекательно.

VIII.

Юбилей В. П. Буренина.

Этотъ праздникъ сотрудниковъ «Новаго Времени» состоялся 20-го декабря 1896 года. Рѣшительно не помню, гдѣ происходило чествованіе Виктора Петровича, и пировали какъ сотрудники, такъ и гости, но знаю, что на этомъ вечерѣ выступалъ застольнымъ ораторомъ А. С. Суворинъ.

В. П. Буренина, вообще, привѣтствовали рѣчами многіе. Эффектную юбилейную рѣчь сказалъ С. С. Татищевъ, говоря, что въ древнемъ Римѣ побѣдителя Цезаря привѣтствовали кликами:

— Цезарь—Викторъ (побѣдитель)!

А теперь всѣ почитатели юбиляра, собравшіеся здѣсь, привѣтствуютъ его такими же кликами:

— Буренинъ—Викторъ!

Это всѣмъ ужасно понравилось, и искусному оратору очень аплодировали.

Выступали и дамы: артистка Л. Б. Яворская, беллетристка Н. А. Лухманова. Первая сказала коротко, но умно и ловко, а вто-

рая, по совѣсти сказать, наговорила столько лести, что слушатели опустили глаза и потихоньку смѣялись надъ ораторшей. Говорила что-то извѣстная тогда г-жа Шабельская (рѣчи ея не помню, но знаю, что эта дама ослѣпляла массой брильянтовъ). Поэтъ В. С. Лихачевъ (сѣдой господинъ съ безпокойными глазами) сказалъ хорошенькій экспромтъ:

«Вамъ ваши пятницы¹⁾, быть можетъ, надоѣли,
А мы бы календарь имѣть хотѣли,
Гдѣ бы семь пятницъ было на недѣлѣ!»

Сказалъ тостъ отъ имени «литературныхъ младенцевъ» С. Н. Сыромятниковъ (Сигма), въ тѣ годы красивый и франтоватый молодой человѣкъ, сказалъ весело, безобидно и также имѣлъ успѣхъ.

Ораторовъ, вообще, было чересчуръ много.

Вдругъ поднялся А. С. Суворинъ. Едва онъ всталъ—дружные аплодисменты встрѣтили главу «Новаго Времени».

Какъ только Суворинъ заговорилъ, я сразу почувствовалъ, что могучій публицистъ сейчасъ сконфуженъ, какъ ребенокъ. И, дѣйствительно, голосъ его дрожалъ, а лицо имѣло самое потерянное выраженіе.

— Господа, извините, я говорю, но... я не готовился!—началь ораторъ при одобрительномъ смѣхѣ и улыбкахъ.—Меня предупреджали: вамъ придется что-нибудь сказать, приготовьтесь! А я все-таки не готовился... Я, знаете, не ораторъ... И не понимаю, какъ это у иныхъ такъ льется... Ну-съ, такъ вотъ, я вамъ хочу сказать нѣсколько словъ о Викторѣ Петровичѣ Буренинѣ. Это я съ особымъ удовольствіемъ скажу. Мнѣ хочется внести своей рѣчью нѣкоторую поправку... потому что существуетъ ошибка... и ее надо исправить... Видите ли, про Виктора Петровича все говорятъ, что онъ убійца! То есть, я не про тѣхъ убійцъ говорю, которые выходятъ съ ножомъ на большую дорогу (общій хохоть), нѣтъ... Рѣчь моя идетъ о литературныхъ убійствахъ... Будто бы, Буренинъ много совершилъ такихъ убійствъ! У читателя, чего добраго, о Викторѣ Петровичѣ сложится странное понятіе, что В. П. Буренинъ—злой человѣкъ! Это вотъ, господа, и есть большая ошибка. В. П. Буренинъ, напротивъ, очень добрый человѣкъ, я это отлично знаю. Если бы его скромность не требовала извѣстной тайны... знаете, какъ говорится, пусть шуйца не знаетъ, что творить десница... если бы самъ В. П. Буренинъ не былъ противъ, я бы вамъ могъ разсказать множество примѣровъ, какъ мягокъ, добръ и снисходителенъ къ людямъ В. П. Буренинъ... Вотъ все, господа, что я хотѣлъ

¹⁾ Какъ извѣстно, критическіе фельетоны В. П. Буренина печатались всегда по пятницамъ, Н. Е.

сказать... И я хочу выпить за здоровье моего друга В. П. Буренина, какъ за добрѣйшей души человѣка!

Послѣ этого «тоста» подняли «на ура» и юбиляра, и Суворина. Всѣ аплодировали. Всѣ смѣялись. Суворинъ былъ, видимо, въ восторгѣ, что исполнилъ свою трудную задачу—произнесъ-таки цѣлую рѣчь. И онъ, обращаясь къ окружавшимъ его, говорилъ:

— Какъ я радъ сегодняшнему вечеру! Я увидалъ, что сотрудники «Новаго Времени» умѣютъ и пошутить, и отъ души повеселиться. Очень я доволенъ, очень...

Тутъ стали всѣ приставать къ В. П. Буренину:

— Рѣчь! Рѣчь! Пусть юбиляръ скажетъ!

В. П. Буренинъ, сидѣвшій со своими взрослыми дочерьми (одна была замужня), почему-то долго отпѣкивался.

— Викторъ Петровичъ, васъ дамы просятъ!

— Викторъ Петровичъ, умоляемъ!

Юбиляръ всталъ. Все умолкло.

— Полагается,—сказалъ тихо Викторъ Петровичъ:—что юбиляръ въ день своего юбилея долженъ быть непременно тронуть...

Эта фраза вызвала смѣхъ и аплодисменты.

— Ну, а что же занимательнаго и интереснаго можетъ сказать «тронутый» человѣкъ!?

Этимъ каламбуромъ юбиляръ и ограничился. Его шутка подбавила веселья, и затѣмъ надвинулись, какъ густой Донзиданскій лѣсъ, новые и новые ораторы...

Юбилей кончился подъ утро.

IX.

Примѣры доброты А. С. Суворина.

Я думаю, что если біографы Суворина захотятъ тщательно переписать всѣ случаи проявленія доброты издателя «Новаго Времени», то очень большую книгу придется имъ тогда печатать. Я начну говорить сначала о самомъ себѣ, потому что добро, сдѣланное мнѣ Алексѣемъ Сергѣевичемъ, для меня всего ближе и ощутительнѣе.

Не говорю объ авансахъ, этой хронической болѣзни почти всѣхъ писателей. Деньги у Суворина роли никогда не играли, и если онъ давалъ ихъ, то слѣдовало цѣнить его расположеніе, а не деньги.

Однажды, присутствуя на одномъ изъ «Касьяновъ» (29-го февраля—день выхода 1-го № «Новаго Времени» подъ редакторствомъ А. С. Суворина; эти дни, обыкновенно, праздновались очень шумно и весело), я былъ разсмотрѣнъ въ толпѣ хозяиномъ и уведенъ въ другую комнату для бесѣды наединѣ.

— Я что вамъ хотѣлъ сказать,—началь Суворинъ:—вы развиаетесь и улучшаетесь, у васъ фельетоны удаются все лучше и лучше! Я очень радъ это сказать вамъ.

Признаюсь, я никакъ не ожидалъ подобныхъ словъ. Не такъ давно получались письма отъ того же Суворина съ нѣкоторыми распеканіями по моему адресу. Суворинъ продолжалъ:

— Вы отлично описали духоборовъ. Какъ вы ухитрились пробраться къ нимъ, если даже англійскаго корреспондента арестовали? Очень мнѣ про духоборовъ понравилось... И насчетъ ртути, насчетъ оляныхъ копей все это удачно. Путешествія вамъ полезны, я надѣялся, что именно такъ они на васъ и повліяютъ. Знаете что? Въ будущемъ году выставка въ Парижѣ... Сначала вы отправляйтесь въ Берлинъ и опишите намъ его. Вамъ полезно заглянуть въ Европу. А Берлинъ—мудрый хозяинъ, есть чему поучиться городскимъ дѣятелямъ вашей Москвы. Покончивъ дѣла въ Берлинѣ, поѣзжайте въ Парижъ, на выставку, это ужъ не для писемъ въ газету, а для собственнаго удовольствія. Впрочемъ, встрѣтится что-нибудь интересное—пишите и изъ Парижа... И вотъ еще что... (Суворинъ понизилъ голосъ). Безъ Лели это нельзя устроить... Вы скажите Алексѣю Алексѣевичу, что послать васъ въ Берлинъ и Парижъ—мое большое желаніе, я очень этого хочу... Повторяю, вамъ эта прогулка доставитъ не только удовольствіе, но и горизонты откроетъ. Радъ буду вашему путешествію!

Скажите, читатель, случалось ли вамъ видѣть въ редакторѣ газеты такое чисто отеческое отношеніе къ своимъ сотрудникамъ? Считаю себя человѣкомъ очень маленькимъ въ «Новомъ Времени», я никогда и не рассчитывалъ на такое особое вниманіе. Но А. С. Суворинъ зналъ мои труды, старанія, добросовѣстность. Онъ вѣрилъ мнѣ, въ мою честь журналиста, онъ зналъ, что я ни разу не уронилъ и не уроню достоинства газеты, въ которой работаю. И онъ, прозорливо наблюдая за всѣми сотрудниками, вѣроятно, cadaго умѣлъ сдѣлать такъ же, какъ и меня, счастливымъ. Помимо желанія доставить радость, А. С. Суворинъ заботился о нашей пользѣ. Это всегда и во всемъ. Не будучи добрымъ разгильдяйски и неосмотрительно, Суворинъ былъ добръ разумно и расчетливо. И если траты его несли пользу, онъ не жалѣлъ никакихъ денегъ. Вотъ чѣмъ высока и цѣнна доброта А. С. Суворина.

Не могу не упомянуть, что когда я чистосердечно рассказалъ А. А. Суворину о своей бесѣдѣ съ его отцомъ, и онъ также посмотрѣлъ на дѣло. Надо сказать, что я намѣтилъ лѣтомъ поѣхать въ Сибирь. Теперь указаніе А. С. Суворина мѣняло дѣло, и Алексѣй Алексѣевичъ, улыбнувшись, сказалъ мнѣ:

— Насчетъ Сибири погодите. Вотъ напишете что-нибудь такое вольное, тогда васъ на казенный счетъ туда отправить. А пока

приготовляйтесь ѣхать въ Берлинъ, потомъ въ Парижъ. Загляните и въ Вѣну.

И А. А. Суворинъ снабдилъ меня адресами нашихъ заграничныхъ корреспондентовъ, разными совѣтами, указаніями и деньгами на поѣздку.

Доброта А. С. Суворина выражалась неоднократно, и я являлся также и исполнителемъ ея. Какъ разъ передъ Пушкинскимъ праздникомъ отыскалась въ Москвѣ современница Пушкина, Вѣра Александровна Нащокина. Мнѣ о ней разсказалъ тогдашній ректоръ университета профессоръ Д. Н. Зерновъ, я написалъ Суворину, и тотъ сейчасъ же выслалъ 100 рублей для этой рѣдкостной старушки.

В. А. Нащокина жила въ селѣ Всѣхсвятскомъ, подъ Москвой, вмѣстѣ съ своимъ неудачникомъ-сыномъ, который мнѣ даже не показался. Нащокина была живая, хотя и очень дряхлая женщина, маленькая, худая, съ глазами, все еще говорящими о былой красотѣ. Я отвезъ ей деньги, а по просьбѣ ректора купилъ черное шелковое платье и привезъ прямо въ университетъ и платье, и Нащокину. Объ этой старушкѣ стоитъ какъ-нибудь написать особо, а теперь я скажу только, что Вѣра Александровна не могла понять, откуда ей Богъ посылаетъ 100 рублей.

— Вы говорите, отъ «Новаго Времени»? Откуда газета узнала, что я существую на свѣтѣ?

— Это я узналъ отъ ректора московскаго университета. И написалъ Алексѣю Сергѣевичу Суворину, издателю «Новаго Времени». А онъ и выслалъ вамъ 100 рублей,—объяснялъ я.

— Да за что? Чѣмъ я могу отплатить этому доброму человѣку?—женировалась старушка.

— Я передамъ ему отъ васъ поклонъ, вотъ и дѣлу конецъ!

— Ахъ, передайте, что я его благодарю отъ всей души! Я его цѣлую и обнимаю, какъ мать... даже какъ бабушка! Вѣдь, г. Суворинъ, вѣроятно, красивъ, молодъ?

— Онъ самъ старый, сѣдой и почтенный человѣкъ.

— Ну, тогда я цѣлую его, какъ сестра...

Взволнованная Нащокина, намученная жизнью въ нищетѣ, не могла удержать своихъ слезъ.

Однажды я встрѣтилъ В. А. Тихонова. Онъ былъ чѣмъ-то очень взволнованъ.

— Вы давно въ Питерѣ?—спросилъ онъ меня.

— Вчера пріѣхалъ.

— Суворина видѣли, старика?

— Собираюсь къ нему.

— Собирайтесь! Видѣть Алексѣя Сергѣевича, говорить съ нимъ—это удѣлъ завидный... Разговоръ его—это откровеніе, положительно, откровеніе! Придешь къ нему, расскажешь про свое горе, а онъ

засмѣется и скажетъ просто: этому горю помочь не трудно! И поможетъ...

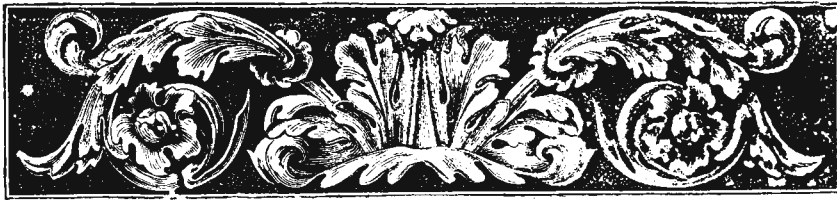
В. А. Тихоновъ говорилъ это очень сердечнымъ тономъ. Очевидно, онъ самъ только что испыталъ доброту А. С. Суворина, и рассказъ вель отъ полноты души.

Я нарочно вставилъ сюда этотъ крошечный эпизодъ. Онъ характеренъ. Много, много людей бывали въ положеніи покойнаго Тихонова, и кто не присоединится къ его словамъ съ такой же горячей благодарностью?

Н. Ежовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧЕРНЫЙ „БУНТЪ“.

(Странички изъ исторіи «аеонской смуты»).

І.

Корни аеонской смуты.—Книга о. Иларіона «На горахъ Кавказа».—«Новый догматъ».—Сторонники и противники ученія о. Иларіона.—«Рецензія» схимника Хрисанова.—Причина недовольства книгой о. Иларіона.—*За кулисами* иноческой жизни.—«Прельстившаяся баба Наталія» и ея почитатели.—Схимникъ Иларіонъ—обличитель монашескихъ слабостей.—Видъшательство архіепископа Антонія волинскаго.—«Имяславцы» и «имяборцы», «справы и лѣвы».—Монахи-почтатели Толстого и Фарафара.—Монахъ бывшій нигилистъ и участникъ царубійства 1-го марта 1881 г.—Съ чужимъ паспортомъ...—Въ пылу полемики.—«Хлысты»!—Епископъ, обвиненный въ еретичествѣ.

ОДЪ слишкомъ тому назадъ русскія газеты облетѣло сенсационное извѣстіе: «На старомъ Аеонѣ взбунтовались русскіе монахи, низложили игумена, избрали остальную старшую братію и объявили «независимую республику, съ торжественнымъ провозглашеніемъ новаго еретическаго догмата».

Вотъ что писала газета «Рѣчь» въ номерѣ отъ 19-го марта 1913 года:

«Въ святѣйшемъ синодѣ получены подробныя донесенія о безпорядкахъ, возникшихъ среди аеонскихъ монаховъ. Иеромонахъ Антоній Булатовичъ, главный виновникъ безпорядковъ, за короткое время успѣлъ привлечь на свою сторону большинство русскихъ монаховъ и поднять бунтъ въ обители на Аеонѣ. Старѣйшій игуменъ Андреевскаго русскаго скита архимандритъ Иеронимъ

былъ сперва захваченъ въ плѣнъ, а затѣмъ изгнанъ изъ скита; сторонники игумена, весьма почтенные старцы, были жестоко избиты и также изгнаны. Послѣ этого Антоній Булатовичъ провозгласилъ божественность имени «Иисусъ» и двинулся съ монахами на Пантелеймоновскій монастырь, гдѣ также изгналъ игумена архимандрита Мисаила и его ближайшихъ сторонниковъ. Вслѣдъ за этимъ Ильинскій скитъ, населенный также русскими монахами, оказался охваченнымъ новымъ еретическимъ ученіемъ и всецѣло подчинился Булатовичу. Выясняется, что движеніе среди монаховъ имѣло также націоналистическій характеръ и въ немъ проявилась давно уже начавшаяся между монахами малороссами и великороссами скрытая борьба. Побѣдителями оказались монахи-малороссы. По слухамъ, святѣйшимъ синодомъ командировано на Аѳонъ особое духовное лицо для разслѣдованія дѣла и умиротворенія монаховъ».

Это была первая официальная версія объ аѳонскомъ бунтѣ. И все-таки официальность сообщенія не явилась гарантіей для его точности и правдивости. Мнѣ пришлось бесѣдовать съ безпристрастными очевидцами «бунта» въ Андреевскомъ скиту, читать документы, относящіеся къ этому эпизоду, и въ настоящей статьѣ я могу возстановить точную картину всего происшедшаго въ Андреевскомъ скиту въ памятные дни 10-го—13-го января 1914 года.

Прежде, чѣмъ начать повѣствованіе о низложеніи братіей Андреевскаго скита своего игумена Иеронима, остановимся кратко на причинахъ, вызвавшихъ это низложеніе.

Въ теченіе пяти-шести послѣднихъ лѣтъ на Аѳонѣ среди русскихъ монаховъ шелъ глухой догматическій споръ о имени Божіемъ. Начало этому спору положила книга схимонаха Иларіона «На горахъ Кавказа», тѣ именно ея мѣста, гдѣ авторъ говорилъ, что Богъ присутствуетъ и въ имени Своемъ. И дѣлалъ довольно осторожный выводъ:

«Имя Божіе какъ бы есть Самъ Богъ».

Книга отца Иларіона имѣла необычайный для такого спеціальнаго сочиненія успѣхъ и разошлась въ трехъ изданіяхъ, причемъ послѣднее изданіе выпустила Кіево-Печерская лавра. Книга особенно пришлась по сердцу инокамъ-простецамъ. Зато монахи-интеллигенты отнеслись къ ней враждебно, усмотрѣвъ въ размышленіяхъ схимонаха Иларіона «еретическое мудрованіе». Выраженіемъ взгляда монаховъ-интеллигентовъ на книгу «На горахъ Кавказа» явилась «рецензія», написанная схимонахомъ Хрисанѳомъ (Линаевымъ) и распространенная на Аѳонѣ сперва въ гектографированномъ видѣ, а затѣмъ напечатанная въ почаевскомъ журналѣ «Русскій Инокъ». Схимонахъ Хрисанѳъ не ограничился въ своей рецензій разборомъ книги, но обрушился и на ея автора, называя его «впавшимъ въ прелесть», «легкомысленнымъ самочин-

никомъ», измыслившимъ «новый догматъ». Такъ какъ въ книгѣ отца Иларіона преимущественно упоминалось имя Исусъ, то о. Хрисанъ доказывалъ, что какъ же это имя можетъ быть Богомъ, когда Исусовъ было много? Имя Исусъ, по мнѣнію автора рецензіи, простое человѣческое имя.

Выпуская въ свѣтъ свою рецензію, схимонахъ Хрисанъ думалъ принести ея пользу: раскрыть глаза монашеству на «вновь измышленный догматъ»... Между тѣмъ у читателей рецензіи впечатлѣніе сложилось совершенно противоположное. «Самочинникомъ» они сочли не о. Иларіона, а самого схимонаха Хрисанъ.

Сторонники Иларіона въ защиту его приводили многочисленные тексты изъ священнаго писанія, гдѣ говорилось, что «Имя Божіе есть самъ Богъ». А разъ такъ, говорили они, то и имя Исусъ Христосъ—Богъ.

Кромѣ того, сторонниковъ Иларіона изумляло, какъ это духовные цензоры могли пропустить, а Кіево-Печерская лавра напечатать книгу, въ которой проповѣдуется новая ересь?

Былъ еще одинъ поводъ, заставлявшій русскихъ аеонскихъ насельниковъ относиться съ недовѣрчивостью къ критикѣ схимонахомъ Хрисаномъ сочиненія о. Иларіона. Многимъ монахамъ было извѣстно, что схимонахъ Хрисанъ написалъ рецензію не по собственной инициативѣ. Мысль объ этомъ внушилъ ему іеромонахъ Агаѳодоръ—духовникъ Пантелеймоновскаго монастыря.

Между тѣмъ этотъ Агаѳодоръ имѣлъ личные счеты со схимонахомъ Иларіономъ. Послѣдній въ своей книгѣ привелъ эпизодъ, доказывающій, какъ легко иноку «впасть въ прелесть». Иларіонъ припоминалъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ въ Россіи славилась своей прозорливостью «мать Наталія». Когда эта «прозорливая» жила въ Петроградѣ, къ ней шли за «благодатью» бѣдные и миллионеры, простые мѣщане и сановники въ шитыхъ золотомъ мундирахъ. Наталія всѣмъ «изрекала» отъ имени Божіей Матери, которую она якобы всегда видѣла передъ глазами. И вотъ, когда Наталія пріѣхала въ Іерусалимъ, одинъ изъ высихъ русскихъ иноковъ Пантелеймоновскаго аеонскаго монастыря пріѣхалъ туда и просилъ у «прозорливой» молитвы о ниспосланіи ему благодати. Когда Наталія возвращалась изъ Іерусалима, пароходъ, на которомъ она плыла, останавливался у Аѳона, и упомянутый выше инокъ съ многими другими монахами явились на пароходъ и «земно кланялись» Наталіи.

Вскорѣ же она была разоблачена однимъ изъ русскихъ монаховъ-затворниковъ, какъ впавшая въ прелесть. И съ той поры отъ нея отлетѣлъ ореолъ прозорливости.

Схимонахъ Иларіонъ и упрекалъ въ своей книгѣ тѣхъ монаховъ, «которые, имѣя счастье жить въ удѣлѣ самой Божіей Матери,

ходили кланяться прельстившейся бабѣ Наталіи...». Это было, по мнѣнію Иларіона, весьма легкомысленно.

А въ числѣ этихъ легкомысленныхъ иноковъ былъ и духовникъ Агаѳодоръ. Онъ именно просилъ черезъ прельстившуюся бабу Наталію благодати себѣ... Онъ ѣздилъ къ ней въ Іерусалимъ...

Для Агаѳодора было очень желательно, чтобы книга «На горахъ Кавказа», въ которой онъ такъ жестоко оказывался скомпрометированъ, не получила распространенія. А этого можно было достигнуть только путемъ зачисленія этой книги въ index еретическихъ сочиненій. Рецензія схимонаха Хрисанѳа и кампанія противъ схимонаха Иларіона, поднятая архіепископомъ Антоніемъ волинскимъ въ его журналѣ «Русскій Инокъ», безапелляціонно устанавливали еретичность книги. Таковъ корень аѳонской смуты.

Въ концѣ 1912 года русскіе аѳонскіе монахи подѣлились на два враждебныхъ лагеря. Сторонники книги схимонаха Иларіона называли себя «имяславцами», а противниковъ книги—«имяборцами», т. е. борющимися противъ имени Божія.

Въ обыденныхъ же разговорахъ имяславцы называли себя «правыми», а своихъ противниковъ «лѣвыми». Эти термины имѣли подъ собою уже политическую подкладку.

Имяславцы, принимая во вниманіе, что главари имяборчества—люди интеллигентные и ученые, напримѣръ, схимонахъ Хрисанѳъ, авторъ рецензіи, универсантъ, іеромонахъ Алексѣй Кирѣевскій и Ѳеофанъ—питомцы русскихъ духовныхъ академій, утверждали, что они—люди и «лѣваго образа мыслей». Они будто бы радовались въ свое время наступившимъ въ Россіи «днямъ свободы» и привѣтствовали «новую эру»...

Монахи-простецы съ ужасомъ передавали другъ другу, что видали въ кельѣ іеромонаховъ Хрисанѳа и Алексѣя сочиненія «еретиковъ» Льва Толстого и Фаррара. Рылись въ прошломъ имяборцевъ и докопались, что схимонахъ Хрисанѳъ, въ мірѣ Иванъ Ивановичъ Минаевъ, помѣщикъ Воронежской губерніи, въ молодости былъ нигилистомъ, занимался либеральной профессіей (адвокатурой), причастенъ къ царевубійству 1-го марта 1881 года. Когда это было обнаружено, Минаевъ будто бы съ паспортомъ на имя Потапьева бѣжалъ изъ Россіи, попалъ на Аѳонъ, гдѣ болѣе двадцати пяти лѣтъ и живетъ въ Ильинскомъ скиту, «объересивъ» его.

Чью же сторону держало въ этомъ догматическомъ спорѣ начальство русскихъ аѳонскихъ обителей? Первоначально оно не вмѣшивалось и держало себя нейтрально. Но послѣ того, какъ сторону «лѣвыхъ» принялъ архіепископъ Антоній волинскій, котораго за это имяславцы заклеили «еретикомъ», начальство стало всецѣло на сторону имяборцевъ.

Вмѣшательство Антонія волинскаго въ аѳонскій споръ объ-

ясняется тѣмъ, что единомышленники схимонаха Хрисанеа— іеромонахи Теофанъ и Алексѣй (Кирѣевскій)—ученики владыки, первый по казанской, а второй—по московской академіямъ и любимцы. Подъ его вліяніемъ (какъ ректора) они приняли монашество.

Имяславцы причислили Антонія волынскаго къ сонмищу «еретиковъ» послѣ того, какъ онъ обозвалъ ихъ печатно хлыстами, такъ какъ, по мнѣнію владыки, книга о. Иларіона проповѣдуетъ хлыстовство и на руку только хлыстамъ.

Какъ мы видимъ, въ этой догматической полемикѣ стороны такъ увлеклись, что наговорили много лишняго. Имяславцы не могли не знать, что только соборъ авторитетенъ произносить «анаѳему» и причислять къ еретикамъ епископовъ.

Какъ бы то ни было, а пламя разгоралось. Догматическая полемика между имяславцами и имяборцами являла собой только цвѣточки...

II.

Политика монастырскаго начальства.—Гоненія на имяславцевъ.—Іеросхимонахъ Антоній Булатовичъ и «братъ Павелъ»—апологеты имяславія.—«Имяборство» игумена Іеронима.—Духовный «салатъ».—Изгнаніе Іеронимомъ о. Булатовича.—Отношеніе Іеронима и его единомышленниковъ къ имени «Иисусъ».—Отсутствіе Іеронима и агитация противъ него имяславцевъ.—«Встрѣча» Іеронима.—Іеронимъ пускаетъ въ ходъ версію о «малороссійскомъ сепаратизмѣ».—«Измѣна!»—Судъ надъ «бунтовщиками».—Изъ обвинителей въ обвиняемые.—Улики противъ Іеронима.—Игуменъ низложень.—Прокламація къ великороссамъ.—«Сепаратисты» выбираютъ игуменомъ великоросса!—Характеристика архимандрита Давида.—Дальнѣйшая агитация іеронимовцевъ.—Жалоба въ Ватопедь.—Обвиненіе о. Давида и о. Булатовича въ еретичествѣ.—«Не давать въ обиду!».

Когда начальство и старшая братія русскихъ монастырей стали на сторону «лѣвыхъ», на имяславцевъ посыпались репрессіи. Ихъ отлучали отъ исповѣди, причастія. Іеромонаховъ и іеродіаконовъ запрещали въ священнослуженіи на сроки отъ одного до трехъ лѣтъ.

Нѣкоторые начальствующіе вели пропаганду «имяборчества».

Въ этой области особенное рвеніе проявилъ игуменъ Андреевскаго скита Іеронимъ. Въ числѣ братіи этого скита находился іеросхимонахъ Антоній Булатовичъ, бывшій офицеръ лейбъ-гвардіи Его Величества гусарскаго полка. Онъ первое время былъ на сторонѣ монаховъ-интеллигентовъ и самъ подсмѣивался надъ «ѡиваидскими мужичками» (впервые имяславцы появились въ скиту Новая ѡиваида), выдумавшими «свой догматъ». Но вскорѣ же онъ убѣдился, что «мужички» вовсе не заслуживаютъ насмѣшекъ. Спустя нѣкоторое время іеросхимонахъ Антоній заявилъ себя яримъ сторонникомъ имяславцевъ и, какъ человекъ, обладающій литературными способностями, началъ писать апологетическія статьи въ защиту имени Божія.

Въ этой работѣ усерднымъ помощникомъ о. Булатовичу явился другой бывший офицеръ — Павелъ Дометіевичъ Григоровичъ, штабсъ-ротмистръ Переяславскаго драгунскаго полка, котораго въ скиту всё называли «братомъ Павломъ».

Такимъ образомъ, въ Андреевскомъ скиту пребывали два антипода аѳонской смуты: игумень, убѣжденный имяборецъ, и простой монахъ — ярый апологетъ имяславія.

Ужиться вмѣстѣ долго они не могли, и лѣтомъ 1912 года игумень Иеронимъ изгналъ изъ скита іеросхимонаха Антонія. Изгнанію предшествовали слѣдующія обстоятельства. Не ограничившись сочиненіемъ мелкихъ брошюрочекъ и листовочекъ въ защиту имяславія, о. Булатовичъ написалъ солидную книгу «Апология имени Божія». Когда рукопись была окончена, авторъ явился съ нею къ игумену Иерониму и попросилъ у него благословенія напечатать книгу. Иеронимъ отвѣтилъ, что прежде, чѣмъ онъ не прочтетъ рукопись не можетъ дать благословенія. О. Булатовичъ оставилъ «Апологию» у игумена и спустя нѣсколько дней явился за отвѣтомъ.

— У васъ тутъ настоящій салатъ напичканъ! — заявилъ Иеронимъ іеросхимонаху Антонію, возвращая рукопись, и категорически воспретилъ ее печатать.

— Лучше бросьте въ печь и сожгите!

Слово «салатъ» игумень Иеронимъ примѣнилъ къ «Апологии» въ томъ смыслѣ, что она была наполнена выдержками изъ творений многихъ святыхъ отцовъ.

Слова игумена такъ озадачили іеросхимонаха Антонія, что онъ воскликнулъ:

— Да вы и вправду еретикъ!

Въ тотъ же день онъ долженъ былъ покинуть скитъ.

«Имяборчество» Иеронима выразилось еще въ томъ, что онъ писалъ на бумажкѣ имя «Иисусъ» и топталъ ее ногами, приговаривая:

— Вотъ вамъ и Богъ.

То же имя писалъ онъ пальцемъ на полированной спинкѣ своего кресла.

Подчиненные Иеронима изъ числа старшей братіи не отставали отъ своего игумена. Между прочимъ, они любили дразнить имяславцевъ нѣкимъ монахомъ Иисусомъ съ Капсасы, говоря:

— А мы сегодня съ вашимъ Иисусомъ на Кареѣ (греческій городъ, резиденція греческаго губернатора) пили водку.

— Иисусъ вашъ валяется пьяный подъ платаномъ.

Когда этотъ Иисусъ послѣ долгаго отсутствія пришелъ въ скитъ Оиваиду, имяборцы встрѣтили его восклицаніями:

— Гдѣ ты пропадалъ! Изъ-за твоего имени у насъ тутъ цѣлый догматическій споръ вышелъ.

Такое легкомысленное отношеніе части братіи къ спору о имени Божіемъ до глубины души возмущало монаховъ-простецовъ и

тѣхъ немногихъ монаховъ-интеллигентовъ, которые подобно іеросхимонаху Антонію примкнули къ «правой» сторонѣ.

Весь декабрь 1912 года игумень Іеронимъ отсутствовалъ изъ скита. Онъ жилъ въ Македоніи, на скитскомъ хуторѣ (метохѣ) и жилъ тамъ очень привольно, предаваясь будто бы разнымъ из-

Ротмистръ л.-гв. гусарскаго полка Александръ Ксаверіевичъ Булатовичъ передъ самымъ поступленіемъ въ монашество. Съ нимъ рядомъ абиссинецъ «Васька», котораго въ 1887 году, во время своего путешествія, Булатовичъ спасъ отъ смерти и до самаго своего поступления въ монастырь воспитывалъ въ Россіи.

лишествамъ и соблазнамъ. Правдивы ли были слухи и извѣстія о легкомысленномъ поведеніи игумена, я не могу здѣсь утверждать. Скажу лишь, что имяславцы очень удачно использовали ихъ въ цѣляхъ агитаціи. Они доказывали, что человекъ, нарушающій иноческій обѣтъ, недостойнъ не только игуменствовать, но и вообще

«истор. вѣстн.», январь 1915 г., т. сxxxix.

10

находиться въ числѣ братіи. Инокіи-простецы, особенно старики, были весьма шокированы «поведеніемъ» Геронима. Въ короткое время мысль о смѣнѣ игумена охватила почти всю братію.

И когда 7-го января 1913 года Геронимъ возвратился въ Андреевскій скитъ, судьба его уже была рѣшена. Прежде всего, братія не устроила ему «встрѣчи» съ цѣлованіемъ руки и земными поклонами, какъ это дѣлалось ранѣе. Мало того, когда Геронимъ шель по двору въ свои покои, встрѣчавшіяся съ нимъ монахи шарахались въ сторону, точно отъ зачумленного. Только старшая братія да соборные іеромонахи, преимущественно ставленники Геронима, относились къ нему съ прежнимъ подобострастіемъ. Но ихъ было очень мало: шестьдесятъ-семьдесятъ человѣкъ, тогда какъ всей братіи въ скиту было около четырехсотъ человѣкъ.

Увидѣвъ перемѣну къ себѣ со стороны братіи, игумень Геронимъ рѣшилъ, что подъ него подкапываются «хохлы», а цѣль этого подкапыванія—захватить богатый скитъ изъ рукъ монаховъ-великороссовъ въ руки малороссовъ. А разъ въ руки послѣднихъ попадутъ скитскіе милліоны, они употребятъ ихъ на поддержку малороссійскаго сепаратизма въ Россіи. Слѣдовательно, такіе монахи—бунтовщики, и ихъ слѣдуетъ наказать.

Главарями «малороссійскаго движенія» Геронимъ считалъ іеросхимонаха Антонія Булатовича и схимонаха Мартиніана Бѣлокня, какъ уроженцевъ Слободской Украины.

Трудно допустить, чтобы игумень Геронимъ искренно вѣрилъ въ «малороссійскій сепаратизмъ», ибо такового въ дѣйствительности и не было въ скиту. Малороссы жили очень дружно съ великороссами. Пристегнуто политическое движеніе къ имяславію было потому, что это являлось поводомъ для вмѣшательства въ монастырскія дѣла свѣтской власти, въ данномъ случаѣ нашего дипломатическаго вѣдомства. Послѣдующія событія вполне подтвердили эти предположенія, тогда же высказывавшіяся монахами-имяславцами.

Убѣдившись въ наличности «измѣны», Геронимъ не долго думая, созвалъ на соборъ старшую братію и предложилъ ей судить «бунтовщиковъ». Соборъ происходилъ 8-го января и кончился ничѣмъ. Онъ превратился скорѣе въ судъ надъ самимъ Геронимомъ, такъ какъ сторонники имяславцевъ предъявили ему рядъ обвиненій, въ томъ числѣ въ неправославіи... Вслѣдъ за этимъ соборомъ состоялся общій братскій соборъ, на которомъ игумень опять изъ обвинителя превратился въ обвиняемаго.

Рядъ свидѣтелей-монаховъ показали, какъ Геронимъ совращалъ ихъ съ истиннаго пути въ имяборческую «ересь», требуя не признавать имени Иисусъ Христосъ Богомъ...

Геронимъ подтвердилъ на соборѣ, что признаетъ Иисуса Христа Богомъ, но имя «Иисусъ» Богомъ не признаетъ.

Братія изъ этихъ словъ заключила, что Иеронимъ собственноручно расписался въ еретичествѣ.

Клиторъ Андреевскаго скита, престарѣлый архимандритъ Давидъ, громко назвалъ Иеронима еретикомъ.

Нападки на него были такъ сильны, что игумень растерялся и въ концѣ концовъ воскликнулъ съ горечью:

— Тогда дѣлайте со мной, что хотите!

— Хотимъ, чтобы ты отказался отъ игуменства!—раздались дружные возгласы братіи.

Иеронимъ, однако, не изъявилъ согласія отказаться отъ игуменства. Но братія такъ враждебно была противъ него настроена, что даже не стала добиваться отъ него добровольнаго согласія, объявила его низложеннымъ на основаніи § 14 скитскаго устава и приступила къ выборамъ новаго игумена.

Сторонники Иеронима рѣшили еще разъ запугать братію «малороссійской опасностью» и выпустили воззвание, въ которомъ, между прочимъ, писали:

«Русскій Свято-Андреевскій на Аѳонѣ скитъ основанъ и благоустроенъ при помощи Божіей и Царицы Небесной, дивной Покровительницы Святой горы, коренными великороссами, т.-е. чисто русскими людьми. Основатели скита завѣщали, чтобы сей скитъ былъ чисто русскій, а не малороссійскій.

«Ввиду исключительнаго положенія дѣлъ настоящаго времени, мы, чисто-русскіе великороссы, насельники скита, должны объединиться и не дать скитъ въ малороссійскія руки.

«Для того, если придется теперь избирать новаго игумена, то должно выставить кандидатовъ чисто русскихъ. Среди нихъ настоящій игумень, архимандритъ отецъ Иеронимъ, долженъ быть первымъ. По избраніи такихъ кандидатовъ и должно приступить къ избранію игумена баллотировкой непремѣнно.

«Всѣхъ соборныхъ старцевъ и эпитроповъ должно снова выбрать чисто русскихъ. Этимъ способомъ, при помощи Божіей, можно спасти скитъ отъ разоренія, а себя отъ предстоящей скитальческой жизни и сопряженныхъ съ нею скитаній...»

Эта предвыборная прокламація не имѣла ровно никакого успѣха. За оставленіе Иеронима игуменомъ подано было только семьдесятъ голосовъ, а за новаго кандидата въ игумены—архимандрита Давида—триста два голоса.

Очень характеренъ тотъ фактъ, что архимандритъ Давидъ оказывался... кореннымъ великороссомъ. Отсюда видно, сколь основательны были «малороссійскіе» страхи игумена Иеронима.

Низложеніе Иеронима и выборы новаго игумена происходили въ тотъ моментъ, когда въ Андреевскомъ скиту находились прѣстолы (соборные іеромонахи) греческаго Ватопедскаго монастыря, господствующаго надъ Андреевскимъ скитомъ.

Иеронимъ вызвалъ проестосовъ для суда надъ бунтовщиками, и прїѣхавшіе были очень изумлены, когда убѣдились, что въ скиту полный порядокъ. Иеронимъ просилъ «проестосовъ сорвать» выборы новаго игумена, но они ничѣмъ не могли помочь, такъ какъ низложеніе Иеронима совершилось на основаніи скитскаго устава.

Новый игумень, архимандритъ Давидъ, былъ очень престарѣлый и чтимый всей братіей инокъ. Онъ происходилъ изъ крестьянъ Рязанской губерніи, былъ на военной службѣ и въ зрѣлыхъ годахъ ушелъ въ монахи. Прибывъ на Аѳонъ, онъ поселился въ Андреевскомъ скиту, откуда въ санѣ іеромонаха былъ командированъ въ Петроградъ. Тамъ онъ построилъ Андреевское подворье.

Когда извѣстный сибирскій миллионеръ-золотопромышленникъ Иннокентій Сибиряковъ пожелалъ «спасаться», онъ пришелъ къ о. Давиду и передалъ ему свои миллионы, сказавъ:

— Распоряжайся ими, какъ хочешь, а мнѣ вымоли душевный покой.

На сибиряковскіе миллионы о. Давидъ построилъ въ Петроградѣ нѣсколько благотворительныхъ учрежденій, возобновилъ на Кавказѣ древній Кобьевскій монастырь, а на Аѳонѣ—преобразилъ Андреевскій скитъ, ставъ его первымъ ктиторомъ. Последнія девять лѣтъ архимандритъ Давидъ пребывалъ въ затворѣ.

Вотъ кого признала братія достойнымъ занять игуменство.

Ватопедскій монастырь, на утвержденіе котораго было отослано съ уполномоченными выборное производство, ничего не имѣлъ противъ архимандрита Давида, но придрался къ выборамъ по формальнымъ причинамъ:

— Надо было избрать нѣсколькихъ кандидатовъ въ игумены.

И предложилъ произвести новые выборы. На этотъ разъ за о. Давида были поданы почти всѣ голоса и вновь выборное производство поѣхало въ Ватопедскій монастырь.

Ознакомившись съ документами, соборные проестосы съ неудовольствіемъ указали, что опять избранъ только одинъ кандидатъ.

Уполномоченные отвѣтили, что это говорить лишь о единомысліи брата. Будь расколъ среди скитниковъ, тогда представили бы большее число кандидатовъ.

По версіи имяславцевъ, ватопедскій соборъ призналъ выборы произведенными правильно и общалъ 19-го января прислать эпитроповъ для торжественнаго поставленія въ форму новаго игумена. Но впоследствіи сами ватопедскія власти заявили, что не давали согласія на утвержденіе о. Давида...

Относительно низложеннаго Иеронима ватопедскій соборъ заявилъ уполномоченнымъ братіи, чтобы съ нимъ было поступлено осторожно, безъ насилій и оскорбленій.

Пока уполномоченные ѣздили въ Ватопедъ съ выборнымъ производствомъ, сторонники Иеронима еще сдѣлали попытку отстоять

его на игуменствѣ. Они послали въ Ватопедскій монастырь жалобу, въ которой заявляли, что «архимандритъ Давидъ подъ вліяніемъ книги о. Иларіона «На горахъ Кавказа» впалъ въ богохульную ересь и съ ревностью фанатика учить ей и братію скита и уже многихъ увлекъ въ сіе богохульное ученіе».

«Ученіе» это, по словамъ авторовъ жалобы, заключалось въ томъ, что о. Давидъ «упорно утверждаетъ, что самое имя второй ипостаси Пресвятыя Троицы, сына Божія «Исусъ», есть самъ Богъ по существу, что «къ сему-то имени «Исусъ» и должно обращаться, какъ къ самому живому Богу, ибо, по его, архимандрита Давида, и его единомышленниковъ ученію, это самое имя Исусъ есть самъ Богъ, что оно неотдѣлимо отъ Божьяго существа, «что оно съ существомъ Божіимъ—съ самимъ Богомъ—едино!..»

Если игумень Іеронимъ, приплетая къ догматическому спору «малороссійскій сепаратизмъ», имѣлъ въ виду привлечь на свою сторону свѣтскую власть, то авторы жалобы, обвиняя архимандрита Давида въ ереси, имѣли въ виду устранить его отъ игуменства. Въдъ раздѣлять ученіе схимонаха Иларіона это значитъ итти противъ вселенскаго патріарха Германа, который осудилъ книгу «На горахъ Кавказа».

Въ дѣйствительности архимандритъ Давидъ даже не прочиталъ этой книги. Указаніе же въ жалобѣ, что о. Давидъ и его единомышленники учатъ видѣть въ имени Исусъ какую-либо самосущую силу, къ которой можно было бы обращаться отдѣльно отъ Бога, представляло злостный вымыселъ. Имяславцы, называя имя Исусъ Христось Богомъ, понимали это въ духовномъ смыслѣ, а не въ буквальной.

Переходя къ собору, низложившему Іеронима, авторы жалобы—сами присутствовавшіе на этомъ соборѣ—назвали его «самочиннымъ сборищемъ», оклеветавшимъ «нашего высокочтимого достолюбезнаго дикѣя (игумена) Іеронима въ неслыханной доселѣ ереси—«имяборства»...

Авторы жалобы утверждали, что при выборахъ въ игумены архимандрита Давида надъ братіей чинились насилія. Между тѣмъ на выборахъ значительное время присутствовалъ одинъ изъ проестосовъ Ватопедскаго монастыря о. Арсеній и никакихъ насилій не видѣлъ. Да и сторонники Іеронима не заявляли ему о такихъ насиліяхъ.

Въ заключеніе всего авторы жалобы требовали изгнанія изъ Андреевскаго скита и съ Аѳона «главныхъ еретиковъ» — архимандрита Давида, іеросхимонаха Антонія Булатовича¹⁾ и всѣхъ единомышленныхъ съ ними монаховъ. Это значило, что изъ скита должны

¹⁾ Навлсживъ Іеронима, братія немедленно возвратила въ скитъ о. Булатовича.

были выбраться 302 монаха и тогда хозяевами въ немъ остались бы Иеронимъ и его семьдесятъ единомышленниковъ.

Ватопедскій соборъ, разсмотрѣвъ эту жалобу, обвиненія противъ архимандрита Давида нашель бездоказательными, но іеросхимонаха Антонія, какъ раздѣляющаго ученія о. Иларіона, призналь подлежащимъ изгнанію.

Когда братія узнала о послѣднемъ рѣшеніи, то закричала:

— Пусть изгоняютъ всѣхъ насъ! Мы такъ же думаемъ, какъ и о. Антоній!

Было рѣшено «не давать его въ обиду»...

III.

Отказъ Иеронима добровольно разстаться съ властью.—Рѣшеніе собора «примѣнить силу».—На «ура», братцы!—Взаимное побойще.—Удаленіе старшей братіи.—«Выходъ» въ окно.—«Жди очереди!»—«Вотъ тебѣ «такса!»—«Вотъ какъ «ересь» вышибаютъ!»—Вознагражденіе «истинному философу».—Удаленіе Иеронима.—Расправа съ его келейникомъ.—«Легучій отрядъ» и его работа.—Конфискація у о. Досіея 10.000 руб.—Обыски у прочихъ иноковъ.—«Гнѣвъ Божій!»—Вѣщіе сны...

Избравъ игуменомъ о. Давида, братія «поставила его въ форму» и цѣловала руку. 19-го января должно было произойти торжественное утвержденіе его въ санѣ греческими преостосами. Между тѣмъ низложенный игуменъ Иеронимъ и не думалъ разставаться съ властью.

Онъ пребывалъ въ игуменскихъ покояхъ и отказывался передать ключи отъ монастырской казны и отъ ризницъ вновь поставленнымъ монашескимъ властямъ. При Иеронимѣ было такъ, что онъ былъ полнымъ хозяиномъ всѣхъ монастырскихъ богатствъ. Кромѣ него, никто не имѣлъ права заглядывать въ казну. При новомъ игуменѣ соборъ старцевъ постановилъ имѣть для кассы четыре ключа; одинъ ключъ долженъ былъ находиться у игумена, остальные—у трехъ монаховъ изъ числа старшей братіи. Отворяться касса могла только въ присутствіи всѣхъ четырехъ обладателей ключей. Это гарантировало монастырскимъ милліонамъ полную сохранность.

Иеронимъ не пожелалъ даже считаться съ опредѣленіемъ собора Ватопедскаго монастыря, признавшаго законными смѣну игумена и избранія новаго.

Когда братія убѣдилась, что Иеронимъ добровольно не уйдетъ, она на соборѣ рѣшила удалить его силой.

И вотъ 12-го января уполномоченные братіи іеросхимонахъ Антоній и монахъ Константинъ съ «сонмищемъ» имяславцевъ явились въ покои Иеронима. О. Антоній Булатовичъ, прочитавъ бумагу ватопедскаго собора, признававшую смѣну игумена законной, обратился къ Иерониму съ вопросомъ:

— Отказываетесь ли вы отъ власти добровольно?

На это Иеронимъ отвѣтилъ, что о. Антоній не имѣетъ право распоряжаться въ чужомъ монастырѣ.

— Онъ нашъ! Отецъ Антоній нашъ! Мы его признаемъ за нашего!—раздались возгласы братіи.

Дважды еще о. Антоній задалъ вопросъ Иерониму, отказывается ли онъ отъ власти, и, не получивъ желаннаго отвѣта, крикнулъ:

— На ура, братцы!

И первый прыгнулъ на большой письменный столъ, за которымъ сидѣлъ Иеронимъ со своими единомышленниками. Послѣднихъ было въ игуменскихъ покояхъ человѣкъ сорокъ—пятьдесятъ.

Что произошло дальше, о томъ мы находимъ любопытнѣйшія свѣдѣнія въ дневникѣ монаха Николая Протопопова, очевидца и участника происшедшаго «сраженія».

« О. Антоній вскочилъ на столъ для того, — повѣствуетъ монахъ Николай, — чтобы его не задавили, такъ какъ онъ изъ себя малосильный и небольшого росту. Первымъ долгомъ о. Гавріилъ и іеромонахъ Іаковъ (сторонники Иеронима) ухватили о. Антонія за горло и начали душить, такъ какъ его считали всему дѣлу головой, сильнымъ въ дѣлѣ и на словахъ. Имъ хотѣлось его убить и этимъ погасить все дѣло. Но попытки оказались тщетными. Гавріилу дали одну «столбуху», и онъ, очумѣвъ, выпустилъ о. Антонія. На Іакова бросился о. Аеанасій и, вцѣпившись въ бороду, оттащилъ отъ о. Антонія, и послѣдній остался невредимъ.

«Въ это время братія исполнилась непомѣрнаго гнѣва и бросилась «на ура!» Былъ великій бой съ обѣихъ сторонъ. Сперва кулаками, а потомъ одинъ другого давай таскать за волосы. Это было чудное зрѣлище! Внизу руки, ноги, туловища, а сверху виднѣлась одна шерсть (т.е. волоса). И начали вытаскивать (іеронимовцевъ) изъ этой кучи по одному человѣку въ коридоръ, гдѣ братія стояла въ двѣ шеренги, получая добычу и провожая (іеронимовцевъ) кого за волосы, кого подъ бока и съ приговоромъ, кого за что бьютъ, чтобы онъ зналъ. Такимъ образомъ провожали до лѣстницы, а по лѣстницѣ спускали кто какъ угодилъ: одни шли внизъ головой; другіе спускались ногами книзу, а затылкомъ считали ступеньки... Провожали ихъ до самой соборной площадки, а тамъ съ честью брали подъ руки и выводили за порту (ворота).

«Монахъ Николай (пѣвчій) бросился въ окно, на мраморную площадку, но его налету подхватила стоявшая внизу братія и не дала разбиться на смерть. Иеромонахъ Меркурій тоже хотѣлъ сигануть въ окно, но его удержалъ о. Сосипатръ-старшой, говоря:

«— Надо пройти черезъ двери. Жди очереди...

«Въ это время подбѣжалъ о. Сосипатръ-младшій и сказалъ Меркурію:

«— Не скорби, иди-ка сюда»... и ухватилъ его за волосы, но вытащить въ коридоръ не могъ, такъ какъ волоса оказались при-

крѣплены слабо и остались въ рукахъ о. Сосипатра. Тогда Меркурія подхватили за шиворотъ и высадили въ дверь. Тутъ онъ проходилъ путь (по коридору) съ остановкою и медленно, потому что нагрузка со стороны братіи была большая.

«О. Артемій также шелъ медленно, съ большими остановками. Іеродіаконъ Іосифъ прошелъ быстро и прямо за порту... Сергія (писаря) больше катили по коридору. Онъ закрывалъ голову, а боконъ не жалѣлъ... О. Гавріиль получилъ хорошіе фонари подъ очеса. О. Самонъ прошелъ всѣ пути, и у него получилось изверженіе афидрономъ безъ всякихъ медицинскихъ средствъ.

«Чудно провожали о. Павлина, соборнаго старца. Онъ недѣли за двѣ передъ этимъ сочинилъ таксу, сколько полагается каждому (уходящему) монаху: одна ряска, одинъ подрясникъ, двѣ пары бѣлья, пара сапогъ, пятьдесятъ рублей денегъ на дорогу, а тѣмъ, которые прожили въ скиту тридцать—сорокъ лѣтъ, сто рублей.

«Когда дошла очередь до о. Павлина, о. Сосипатръ крикнулъ:

«— Иди-ка сюда, дадимъ тебѣ на дорогу пятьдесятъ рублей и двѣ пары бѣлья...

«Съ этими словами Сосипатръ бросился къ Павлину на «ура» и ухватилъ его за бороду, но борода слабо была приращена: земля мягкая, корни слабо держались, и волоса остались въ рукахъ (Сосипатра). Но Павлинъ сильно отбивался. Кто къ нему ни дотронется, всѣ падали... Но явились осадныя орудія: Смарагдъ и Геласій дали Павлину по одной столбухѣ, и онъ повалился. Потомъ потащили его за двери, а тамъ (въ коридорѣ) пошла награда... Били съ приговоркой, кто за сапоги, кто за бѣлье, кто за подрясничекъ. Провели его взадъ и впередъ съ остановкой. Каждому брату хотѣлось положить клеймо за его «благодѣянія», которыя готовилъ онъ братіи. Но платили ему уже не матеріально, а физическими силами, говоря:

— Будешь помнить до смерти, какъ писать въ обители «таксы»!

«И получилъ о. Павлинъ очеса сини, браду малу и рѣдку, ноги хромы...

«Чудное дѣло: не думали, а наградили, не писали ему таксы, а воздали. Яму копалъ для другого, а попалъ въ нее самъ...

«Послѣдовала очередь и за (другими) попами. Іаковъ и Серафимъ—сильные люди и оборону при себѣ имѣли хорошую. Для нихъ у дверей поставили Геласія и Смарагда, чтобы «очуманить» ихъ. «Угощеніе» они получили отъ всего братства. Черезъ двѣ лѣстницы прошли съ большой «честью», а тамъ получили свободу и, идя по двору, только оглядывались назадъ...

«Почетный іеромонахъ и бывшій экономъ петроградскаго Андреевскаго подворья о. Досиеей показался изъ двери въ коридорѣ какъ богатырь: росту высокаго, съ распущенными власами, обвѣшанный немощной (мелкорослой) братіей, которая не могла его свалить на землю, чтобы потѣшиться надъ нимъ.

«Когда онъ пошелъ по коридору, малыя силы были освобождены, а приступили два вышеупомянутыхъ о. Смарагдъ и о. Геласій и сразу повалили.

«Занялъ мѣсто о. Досиѳей, поперекъ всего коридора: и всѣмъ было доступно прикасаться къ нему. И продолжалъ онъ свой путь головою впередъ внизъ по лѣстницѣ, а тамъ до собора шелъ на своихъ ногахъ. Тихими шагами пошелъ въ свою келію, заложилъ

О. Иларіонъ.

дверь своимъ гардеробомъ, умывальникомъ и прочими келейными принадлежностями и сидѣлъ тамъ, какъ медвѣдь въ берлогѣ, до времени...

«О. Еремей (пѣвчій) выскочилъ въ коридоръ и большущими прыжками бѣжалъ книзу, приговаривая на ходу:

«— Вотъ какъ «ересь» вышибаютъ!

«Многіе изъ братіи смѣялись и невольно опускали руки, готовя было опуститься на выю онаго Еремея. Поэтому онъ получилъ

очень мало «вознагражденія», благодаря своему искреннему признанію передъ всѣмъ братствомъ.

«О. Діомидъ, какъ личность, являвшая себя истиннымъ философомъ и преданнымъ своему новому мудрованію, получилъ почетное вознагражденіе отъ лица братіи. Двѣ седмицы лежалъ на пузѣ, а бока и спину берегъ къ старости...

«О. Варлаамъ всѣ руки (намъ) перепортилъ своимъ тѣлосложеніемъ: ударовъ было много, а ранъ не получалось. Всѣхъ досада брала! Кожа такъ присохла къ костямъ, что нисколько не предавалась тлѣнію отъ ударовъ...

«Дошла очередь до бывшаго игумена Іеронима и его келейника Климента... У перваго отобрали ключи, взяли подъ руки и съ честью стали выводить изъ покоевъ. Климентъ хотѣлъ укрыться подъ игуменской рясой, но когда вышли въ коридоръ, то Климента вытащили изъ-подъ рясы и утѣшали надъ нимъ всѣ, кто хотѣлъ, какъ надъ главнымъ виновникомъ всего дѣла. На прощанье онъ получилъ отъ братіи синія очеса и боковыя награды...

«О. Амвросію, какъ духовнику игуменскому, кто-то далъ одну хорошую на память за «хорошее» воспитаніе духовнаго сына и игумена.

«Сидоръ Ивановичъ стоялъ въ углу, что-то шепталъ и крестился изрѣдка. Его проводили безъ награды, а за нимъ сидѣлъ о. Наркисъ. Этого провожали съ честью сквозь строй, какъ и прочихъ.

«Когда игумень о. Іеронимъ сошелъ съ мраморной лѣстницы, къ нему подбѣжалъ о. Сосипатръ, вскричалъ: «Стой, м...» и началъ обыскивать. При немъ ничего не оказалось, потому что онъ почувствовалъ и въ ночь съ 10-го подъ 11-е января все заколотилъ въ ящички и, навѣрное, спустил по веревкѣ въ окно... Въ келіи оказалась пустота. Когда о. Іеронимъ вышелъ за порту, то сдѣлалъ три метанія (поклона) земныхъ Божіей Матери и поклонился до земли братіи, которая взаимно дала такой же привѣтъ. Іерониму предлагали келію за скитомъ, келейника и все довольствіе, но онъ сказалъ:

«— Лучше пойду на всѣ четыре стороны Божьяго свѣта»...

«Послѣ проводовъ о. Іеронима былъ составленъ летучій отрядъ, который, никѣмъ отъ старшихъ не напутствуемый, самъ пошелъ на добычу, начиная отъ Петровской церкви. Во-первыхъ прикоснулись къ дверямъ о. Аммона. Двери были на замкѣ и на три задвижки. Но онѣ отворились сами (?). Аммонъ, видя это, бросился въ окно со втораго этажа, гдѣ наружи стояла и смотрѣла вся Каряя (населеніе греческаго города)... Пошли дальше и прикоснулись къ дверямъ келіи о. Михаила. Келья оказалась порожняя: птичка вылетѣла... въ кельѣ о. Мартирія тоже пустота. Знать (они), провидѣли духомъ... Оказалось, они ушли въ больницу и тамъ сидѣли подъ замкомъ. Спаслись. Вторично посѣтили о. Досиою, у котораго двери кельи оказались заложены комодомъ и умывальникомъ. Потребовалось нѣсколько силъ. Надавили дверь, и внутрен-

ня подпоры подались впередъ, а двери отворились. Взяли о. Досиѣя и повели за порту. Вывели на дворъ и стали обыскивать. Нашли подножку изъ синяго сукна, наполненную золотомъ и бумажками на 10.000 рублей, и въ карманъ кошелекъ... О. Сосипатръ, взявъ добычу, торжественно крикнулъ:

«— Пустите горбатаго дурака! Теперь онъ намъ не нуженъ... Деньги у насъ. Ха-ха-ха! Дуракъ горбатый! Деньги умѣлъ воровать, но не зналъ, куда дѣвать...

«Пошли дальше, въ больницу, искать скрывшихся упомянутыхъ выше Михаила и Мартирія, но, къ счастью, не нашли. Подались вверхъ къ неприкосновеннымъ и вѣчнымъ дворянамъ, которые были уже наготовѣ къ исходу изъ скита и только дожидались нашего отряда, который возвѣстилъ бы имъ исходъ. Въ кельѣ у о. Анеима оказался еще іеромонахъ Софроній.

«Ему приказали выходить за порту. Когда его подвели къ больницы лѣстницѣ, послѣдовало приказаніе:

«— Разувайся, надо обыскать!

«Софроній сталъ противиться, но о. Сосипатръ выходитъ впередъ и, показывая кулаки, говоритъ:

«— Тебѣ приказываю, разувайся, а то бить буду!..

«Видитъ Софроній, дѣло плохо, садится и подаетъ ноги... Его разули и нашли въ сапогѣ пакетъ, небольшого размѣра, но толстый, для простого человѣка непонятный... Довели до собора и отпустили на волю... Послѣдовала очередь за о. Владимиромъ. Довели его до больницы и спустили по одной лѣстницѣ. О. Сосипатръ встрѣчаетъ его возгласомъ:

«— Стой! Надо обыскать...

«О. Владимиръ началъ противиться. Сосипатръ показывается кулаки и говоритъ:

«— Замолчи!

«Но о. Владимиръ все огрызался и не хотѣлъ дать обыскать себя.

«Послѣ третьей просьбы о. Сосипатръ далъ ему нѣсколько разъ въ спину, говоря:

«— Ахъ, ты! Обобралъ обитель и метоху (монастырскій хуторъ) и не хочешь покаяться...—вскричалъ о. Сосипатръ.

«Видитъ о. Владимиръ, дѣло плохо, замолчалъ. Стали его обыскивать донага и нашли тоже какой-то свертокъ, подобный первому, обернутый желтой бумагой и перевязанный ленточкой. Также что-то непонятное для простецовъ. И этого довели до собора и бросили со словами:

«— Теперь ты намъ не нуженъ! Прогуляйся...

«О. Иоасафъ самъ отворилъ двери и передалъ отряду, что имѣлъ, прося:

«— Только не троньте...

«Его никто не тронулъ ни словомъ, ни дѣломъ. О. Софроній ви-

дѣло плохо, побѣжалъ въ келью, забралъ деньги и только успѣлъ положить за голенище, за нимъ послѣдовалъ о. Авивъ (бондарь), вывелъ его къ собору, снялъ съ него сапоги, въ одномъ изъ которыхъ оказался мѣшечекъ съ золотомъ.

«Отобравъ деньги, Авива послали прогуляться вокругъ собора. Вся добыча была отправлена игумену о. Давиду.

«Потомъ спустились въ канцелярію, гдѣ нашли о. Іоакінеа, старшаго писаря. О. Сосипатръ далъ ему пару хорошихъ подщечинъ, а о. Вареоломей провожалъ внизъ по лѣстницѣ и давалъ по за шею, напоминая свои недоимки...

«Потомъ о. Павлинъ рассказывалъ, что его никто такъ не билъ, какъ о. Вареоломей. Когда онъ дѣлалъ удары по затылку, у рассказчика искры сыпались изъ глазъ... О. Павлинъ дивился, какъ у него еще глаза удержались на своихъ мѣстахъ.

«Послѣ этой катастрофы, со многими стариками былъ бредъ: думали, что все еще продолжается... Кто чувствовали себя виновными, тѣ хоронились, кто подъ крышу, кто подъ лѣстницы. Нѣкоторые залѣзли въ амосовскія печи, куда кладется уголь. «Нечестиваго никтоже гоняя. Самъ бѣгая»...

«Выведены были за порту, кромѣ о. Іеронима, іеромонахи Меркурій, Климентъ, Артемій, Сергій, Геннадій, Исидоръ, Даніилъ, Дороей, Гавріилъ, Тергій, Савинъ, Дмитрій. Аммонъ выскочилъ въ окно. Іеромонахи Макарій и Симеонъ тоже выскочили изъ корпуса со второго этажа. Макарій сломалъ ногу. Вареоломей (имяборецъ) спущенъ былъ по веревкѣ раньше. Его Іеронимъ послалъ съ доносомъ о «малороссійскомъ бунтѣ» въ Салоники, къ россійскому генеральному консулу. Іеромонахъ Софроній и Досіеѳъ ушли за порту позднѣе, именно 22-го января.

«Всѣ вышеупомянутыя лица (кромѣ двухъ послѣднихъ — Іеронима и Вареоломея) получили тѣлесные побои за хулу на имя Божіе. Это былъ всецѣло гнѣвъ Божій. Никто не думалъ, чтобы сбылось такое потрясеніе въ скиту»...

Далѣе лѣтописецъ этого безпримѣрнаго побоища пишетъ, что еще за два мѣсяца передъ этимъ келейникъ Климентъ (имяборецъ) рассказывалъ ему про такой символическій сонъ. Видѣлъ себя окруженнымъ народомъ. Всѣ были съ камнями въ рукахъ и нѣсколько разъ покушались побить его таковыми, но не могли, такъ какъ Климентъ находился у самаго распятія и молился. А когда крестъ отъ него удалился, его начали избивать... Другой вѣщій сонъ видѣлъ схимонахъ Аванасій. Ему представилось, что къ собору подѣхали на шестеркѣ бѣсы и пытались вѣхаться въ самый храмъ. Аванасій спросилъ ихъ:

— Что вамъ надо, окаянныя?

— Поповъ намъ надо!—отвѣчали въ одинъ голосъ черти.

— Нѣту ихъ! Тутъ одни монахи...

— А намъ надо поповъ,—не упимались бѣсы и помчались въ коридоръ, на которомъ жили имяборцы...

И въ эту самую ночь,—разсказываетъ далѣе авторъ дневника,—на «лѣвую» сторону, т. е. къ имяборцамъ, перешло двадцать исповѣдниковъ, соблазнившихся денежными и иными (до водки включительно) подарками. Черти пріѣзжали за ними...

Въ то время, когда въ скиту еще шла взаимная братская потасовка, прибѣжавшіе въ Карею греки донесли губернатору, что въ скиту бунтъ, съ убитыми и ранеными. Губернаторъ немедленно распорядился послать для усмиренія «мятежа» роту греческихъ солдатъ. Но, когда тѣ прибыли въ скитъ, тамъ стояли уже миръ и тишина. Братія молилась у вечерни, и лишь столяры исправляли попорченныя въ кельяхъ иноковъ-имяборцевъ двери. Всего было удалено изъ скита въ этотъ памятный день восемнадцать человекъ, включая сюда и самого Иеронима. Денегъ было конфисковано около 50.000 рублей. Онѣ постушили въ монастырскую казну.

Черезъ нѣсколько дней уполномоченнымъ братіи пришлось давать обо всемъ происшедшемъ объясненіе передъ соборомъ старцевъ господствующаго Ватопедскаго монастыря.

Уполномоченные объяснили, что кулачная расправа была вызвана самими «имяборцами», которые хотѣли лишить жизни іеросхимонаха Антонія и первые пустили въ ходъ кулаки.

На указаніе проестосовъ, что не надо было отбирать у изгоняемыхъ монаховъ деньги, уполномоченные отвѣтили, что Андреевскій скитъ—общежительный и никто не долженъ имѣть больше положеннаго. Если бы каждый монахъ стремился къ «стяжанію» и имѣлъ такіе крупные капиталы, какіе были отобраны у имяборцевъ, то скитъ былъ бы давно разоренъ.

Объясненія эти вполне удовлетворили ватопедскій соборъ, тѣмъ болѣе, что драки въ аеонскихъ монастыряхъ—не въ диковинку. Но наплась другая инстанція, которая, какъ увидимъ въ послѣдней главѣ, посмотрѣла на эту невинную для аеонскихъ обитателей потасовку, какъ на бунтъ, да еще на политической подкладкѣ. Такой инстанціей оказалось наше посольство въ Константинополь.

IV.

Двуличность грековъ.—Перемѣна во взглядахъ ватопедскихъ проестосовъ на событія въ Андреевскомъ скиту.—Отказъ проестосовъ отъ своихъ устнаго и письменнаго согласія на смѣну Иеронима.—Причина подобной перемѣны.—Вмѣшательство протата Св. горы.—Квалификація протатомъ андреевцевъ.—Изращеніе протатомъ «исповѣданія вѣры» имяславцевъ.—Отказъ гарантировать бунтовщикамъ и еретикамъ неприкосновенность личности.

Съ самаго начала «бунта» господствующій надъ скитомъ Ватопедскій монастырь занялъ какъ будто вполне опредѣленную позицію: смѣну Иеронима призналъ законной, а выборы новаго игу-

мена, архимандрита Давида,—правильными. За процедурой выборов послѣдняго нѣкоторое время лично слѣдилъ одинъ изъ ватопедскихъ проестосовъ, о. Аркадій, и никакихъ насилій и безчинствъ не видѣлъ. Не позднѣе 19-го января ватопедскіе проестосы общали пріѣхать въ скитъ и торжественно утвердить о. Давида въ игуменскомъ санѣ.

Но какъ только Ватопедъ былъ извѣщенъ, что наше константинопольское посольство взглянуло на событія въ Андреевскомъ скиту, какъ на бунтовщическое дѣяніе,—взгляды ватопедскихъ проестосовъ сразу измѣнились.

Такъ, когда прибывшій 22-го января 1913 г. въ Андреевскій скитъ вице-консулъ Щербина, обозвавъ собравшихся для его встрѣчи иноковъ «драчунами», «безначальными», «бунтовщиками», потребовалъ объясненій, на какомъ основаніи они избрали новаго игумена, братія ему отвѣтила, что низложеніе Іеронима найдено законнымъ Ватопедомъ, который и о. Давида призналъ игуменомъ.

Щербина возразилъ, что такого признанія со стороны названнаго монастыря не было.

Тогда уполномоченные братія подали вице-консулу бумагу отъ Ватопедскаго монастыря, подтверждавшую слова братіи.

Г. Щербина, даже не читая бумаги,—она была написана по-гречески,—заявилъ, что документъ этотъ подложный.

— Но онъ скрѣпленъ печатью Ватопедскаго монастыря!—возразили уполномоченные.

— Ничего не значить! Первый эпитропъ Ватопедскаго монастыря уже говорилъ мнѣ, что никакихъ бумагъ вамъ не посылали,—отвѣтилъ г. Щербина.

Явившійся въ скитъ ватопедскій эпитропъ о. Аркадій, къ изумленію всѣхъ иноковъ, дѣйствительно заявилъ, что бумаги, которую братія показывала вице-консулу, не посылали... Подтвердилъ о. Аркадій и слова г. Щербины о томъ, что Ватопедскій монастырь не считаетъ правильной смѣну Іеронима. Имяславцы говорятъ, что такой крутой поворотъ во взглядѣ ватопедскихъ проестосовъ на событія въ Андреевскомъ скиту явился результатомъ крупной денежной подачи со стороны Іеронима наиболѣе вліятельнымъ проестосамъ. Угождая Іерониму, греки дѣлали пріятное и нашему посольству въ Константинополѣ.

Главный духовный органъ Св. горы—протать, въ числѣ восемнадцати-двадцати членовъ котораго былъ только одинъ русскій представитель, а остальные почти всѣ греки, также взглянулъ на братію Андреевскаго скита, какъ на бунтовщиковъ и еретиковъ.

Въ изданномъ 24-го января протатомъ циркулярѣ всѣмъ афонскимъ монастырямъ говорится, что поддерживающіе въ этомъ скиту ересь о. Иларіона, «собравшись 10-го текущаго января, подъ предсѣдательствомъ (?) іеросхимонаха Антонія, присягнувъ насильно

отцовъ къ новому догмату и подъ вліяніемъ угрозъ и изгнанія, приступили къ выбору новаго дикея (игумена), причемъ произошло множество (?) беспорядковъ и выбрали такового, по большинству голосовъ, архим. Давида, огласивъ еретиками и выгнавъ изъ скита дикея архимандрита Іеронима и вмѣстѣ съ нимъ шестнадцать отцовъ, не подписавшихъ новый догматъ.

«Уполномоченные проестосы священнаго монастыря Ватопеда, по просьбѣ сказаннаго скита, послали четырехъ проестосовъ къ изслѣдованію вопроса (?) и донесли священной эпистасіи о незаконномъ и нечестивомъ (?) этомъ избраніи 14-го же сего мѣсяца. Священный монастырь Ватопедъ потребовалъ отъ скита арестовать и послать подъ судъ 26 бунтовщиковъ-злодѣевъ (!), монаховъ, предводителей этихъ беспорядковъ... Эпистасія приступила къ необходимымъ дѣйствіямъ, ходивъ дважды въ скитъ съ полицейскимъ, (но) найдя въ немъ врата закрытыми, поставили караулъ кругомъ скита».

Далѣе изъ «циркуляра» видно, что 18-го января состоялось второе засѣданіе протата Св. горы, рѣшившее командировать въ скитъ для разслѣдованія ереси и беспорядковъ четырехъ своихъ членовъ—иверскаго старца Іоакима, пантократскаго старца Синесія, зографскаго іеромонаха Мину и каракальскаго старца о. Филата. Эта «слѣдственная комиссія» не была, однако, принята скитомъ. Дежурный звонарь отвѣтилъ съ колокольной пришедшимъ: — Нѣтъ благословенія!

И они возвратились ни съ чемъ.

Цитированный нами циркуляръ избличаетъ въ двойственности ватопедскихъ проестосовъ. Считаая андреевцевъ «еретиками» и «бунтовщиками», они въ глаза имъ не говорили этого и какъ при разговорахъ, такъ и на бумагѣ признавали законными ихъ дѣйствія въ отношеніи смѣны игумена. Въ донесеніяхъ же протату Св. горы ватопедцы изображали андреевцевъ уже «бунтовщиками-злодѣями».

Да и самъ протатъ не разобрался толкомъ, въ чемъ заключается «ересь». Въ «циркулярѣ» говорилось, что «ересь» эта «вычитана изъ книги «На горахъ Кавказа» о имени второй ипостаси св. Троицы сына Божія Іисусъ, что имя Іисусъ есть самъ Богъ по существу, что имя съ Богомъ есть едино»...

Въ дѣйствительности «исповѣданіе вѣры», подписанное всей братіей Андреевскаго скита, а затѣмъ, 24-го января, и братіей Пантелеймоновскаго монастыря, гласило:

«Вѣрую и исповѣдую, что имя Божіе и имя Господа Іисуса есть свято само по себѣ, есть неотдѣлимо отъ Господа и есть Самъ Богъ, какъ то многіе святые отцы исповѣдали. Хулителей и уничижителей имени Господа Іисуса отмечаю, какъ еретиковъ».

Такимъ образомъ, въ исповѣданіи ни слова не говорилось о второмъ лицѣ Св. Троицы. Іеросхимонахъ Антоній Булатовичъ

изъясняль этотъ, «символь вѣры» такъ: «въ семь исповѣданіи имени Божію и имени Иисусову приписывались три свойства: оно «свято само по себѣ»,—но это никакъ не можетъ признаваться ересью, ибо сіе прямо сказано въ «Катехизисѣ». Затѣмъ—неотдѣлимость. Но и сіе не андреевцами изобрѣтено, но говорится св. отцами и писателями церковными и, наконецъ, божественное достоинство, выражаемое словами «Самъ Богъ», но и сіе находитъ себѣ оправданіе и подтвержденіе у св. отцовъ. Аеонскимъ же протатомъ словамъ «исповѣданія» дано было совершенно превратное толкованіе, именно такое, что мы будто бы сливаемъ имя Божіе съ существомъ его, и аеонскій протать, которому весьма съ руки было признать за русскими ересью, тѣмъ болѣе, что это угодно и русскимъ официальнымъ представителямъ (въ Царьградѣ), поспѣшили, конечно, признать Андреевскій скитъ находящимся въ злословіи и ереси и безъ всякаго суда и допроса отлучилъ скитъ отъ церкви впредь до суда Великой Церкви».

Правда, изъ «циркуляра» видно, что протать Святой горы назначилъ слѣдствіе надъ «злодѣями-бунтовщиками» и требоваль ихъ на судилище. Но андреевцы, не вѣря въ безпристрастіе духовныхъ судей и зная, сколь греки вѣроломны, потребовали, чтобы обвиняемымъ была гарантирована за стѣнами Андреевскаго скита полная неприкосновенность. Протать отказался дать письменную гарантію, чѣмъ и укрѣпилъ братію скита въ своихъ подозрѣніяхъ относительно возможнаго вѣроломства со стороны грековъ.

Е. Н. Косвинцевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ II.

I. Разнорѣчивые отзывы. — II. Личныя воспоминанія изъ эпохи 44 года и 30 лѣтъ тому назадъ. — III. Ротное ученье. — IV. Первый прѣздъ императора Вильгельма въ Россію въ 1888 году. — V. Второй прѣздъ въ 1890 году. — VI. Рѣчи Вильгельма и мнѣнія о немъ. — VII. Армія. — VIII. Причины войны и подготовка къ ней.

ВЪ СОВРЕМЕННУЮ намъ войну великихъ державъ Европы выдающуюся роль, несомнѣнно, играетъ германскій императоръ Вильгельмъ II, которому принадлежитъ инициатива этой колоссальной борьбы. Мы хорошо не знаемъ и не можемъ подробно говорить о количественномъ соотношеніи силъ воюющихъ сторонъ; но поверхностный подсчетъ по тѣмъ даннымъ, которыя доступны публикѣ, показываетъ, что численное превосходство на сторонѣ противниковъ Вильгельма. Между тѣмъ онъ до сихъ поръ не выпускаетъ инициативы военныхъ дѣйствій изъ своихъ рукъ. Онъ далеко не достигъ той цѣли, для которой началъ войну, и мало надежды, чтобы онъ достигъ ея въ будущемъ, тѣмъ не менѣе онъ ведетъ пока ее съ замѣчательнымъ упорствомъ.

Объ императорѣ Вильгельмѣ писано много; ему посвящены цѣлыя книги, оцѣнивающія его дѣятельность съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія; я, съ своей стороны, хочу дать нѣсколько новыхъ или забытыхъ штриховъ, чтобы помочь читателю полнѣе освѣтить себѣ эту историческую личность.

Сначала я разкажу нѣсколько личныхъ воспоминаній, а затѣмъ постараюсь напомнить наиболѣе характерныя черты императора Вильгельма, повліявшія на ходъ современныхъ намъ событій, на подготовку къ войнѣ и на способы веденія ея.

I.

Какъ у всякаго выдающагося дѣятеля, у императора Вильгельма есть и хвалители и хулители; особенно ихъ много въ Германіи. Я скажу здѣсь о томъ, что мнѣ приходилось слышать у насъ въ Россіи, и не теперь, когда противъ Вильгельма все озлоблено, а на первыхъ порахъ его дѣятельности, когда къ нему относились объективно.

И тогда еще рѣдко о комъ случалось слышать столь разнорѣчивые отзывы, какъ о нынѣшнемъ германскомъ императорѣ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ я часто встрѣчался по учебнымъ дѣламъ съ однимъ очень умнымъ человѣкомъ; можетъ быть, кто-нибудь изъ читателей его помнить. Это А. Р. Шуляченко, извѣстный въ свое время профессоръ химіи и инспекторъ классовъ въ военно-инженерной академіи. Онъ всегда судилъ о жизненныхъ вопросахъ удивительно здраво и людей оцѣнивалъ мѣтко. Слыша различныя сужденія о молодомъ тогда императорѣ Вильгельмѣ, я спросилъ мнѣніе о немъ покойнаго Алексѣя Романовича.

— Дуракъ,—опредѣлилъ онъ однимъ словомъ и сталъ приводить рядъ фактовъ въ доказательство не совсѣмъ нормальныхъ поступковъ новаго государя Германіи.

Послѣ того мнѣ случалось не разъ говорить на эту тему съ разными лицами, между прочимъ съ однимъ изъ командовавшихъ войсками въ одномъ изъ нашихъ военныхъ округовъ, впоследствии командовавшимъ арміею, котораго многіе считали самымъ храбрымъ послѣ Скобелева у насъ генераломъ.

— Геніальный человѣкъ,—сказалъ онъ про императора Вильгельма и также привелъ нѣсколько фактовъ въ доказательство такого своего опредѣленія.

Одно время должность флагъ-капитана у насъ занималъ адмиралъ Басаргинъ. Въ 1892 году онъ разсказалъ одинъ эпизодъ извѣстному въ свое время М. И. Кази, который тогда же передалъ намъ этотъ разсказъ въ кружкѣ, собиравшемся еженедѣльно у М. Ф. Меца.

Въ одну изъ поѣздокъ въ шхеры высокое лицо, бесѣдуя съ Басаргинимъ на досугѣ по разнымъ вопросамъ, вдругъ спросило его:

— А какого вы мнѣнія объ императорѣ Вильгельмѣ?

Басаргинъ, повидимому, не имѣлъ никакого о немъ мнѣнія, и, кажется, не сразу догадался, какого мнѣнія о немъ была вопрошавшая особа. Поэтому онъ отвѣтилъ обычнымъ придворнымъ въ подобныхъ случаяхъ способомъ: съ одной стороны, конечно... того; а съ другой стороны, несомнѣнно, выходило этого.

— А по-моему—дуракъ,—отрѣзала особа,—тоже вздумалъ гнать изъ Германіи всѣхъ несогласныхъ съ нимъ. Какъ бы его самого, болвана, не выгнали вонъ оттуда.

Это было до запрещенія канцлера Бюлова императору Вильгельму свободно держать рѣчи, за которыя правительство должно было отвѣчать; словомъ, въ то время, когда императоръ говорилъ немножко много и кстати и некстати. 24-го февраля 1892 года на банкетѣ въ Бранденбургѣ онъ сказалъ, что всѣ недовольные имъ въ Германіи могутъ отряхнуть прахъ отъ ногъ своихъ и удалиться поскорѣе изъ страны.

Въ Германіи нынѣшній кайзеръ очень популяренъ въ массѣ народонаселенія; у него до сихъ поръ было громадное число самыхъ восторженныхъ поклонниковъ, и многіе его считаютъ если не прямо великимъ человѣкомъ, такъ кандидатомъ въ великіе люди.

Большинство германцевъ цѣнятъ въ своемъ императорѣ его кипучую дѣятельность, неутомимыя заботы о величіи родины, зоркое блюденіе ея интересовъ. Императоръ Вильгельмъ вмѣшивался почти во всѣ политическіе вопросы Европы и даже всего міра, стараясь извлечь при этомъ выгоды для своей имперіи. Онъ высоко поднялъ значеніе своего государства и въ этомъ отношеніи явился продолжателемъ великаго Бисмарка. «Желѣзный канцлеръ» укрѣпилъ Германію внутри и положилъ начало вѣсу ея во внѣшнихъ дѣлахъ; императоръ Вильгельмъ внутри для страны сдѣлалъ немного и то больше въ началѣ своего царствованія (страхованіе рабочихъ, улучшеніе податной системы и школьнаго дѣла, сельское самоуправленіе и пр.), зато во внѣшнихъ дѣлахъ онъ рѣшительно продолжалъ начатое Бисмаркомъ и вскорѣ получилъ преобладающее значеніе въ дѣлахъ Европы, которое закончилось настоящею войною въ союзѣ съ Австріею и Турціею противъ остальныхъ великихъ державъ Европы съ Японіею.

У императора, однако, немало въ Германіи и противниковъ, которые осуждаютъ его слабую и одностороннюю внутреннюю политику и слишкомъ задорную внѣшнюю. У императора Вильгельма вездѣ на первомъ мѣстѣ армія и военное дѣло; все для войска; заботы о народѣ имѣютъ конечную цѣль извлечь больше выгодъ для арміи; развитіе экономическихъ силъ страны направлено главнымъ образомъ къ поднятію военной мощи имперіи.

Усиленіе военнаго могущества, желаніе превзойти въ этомъ сосѣдей въ концѣ концовъ не достигаетъ цѣли, такъ какъ ведетъ къ такому же усиленію военныхъ силъ и средствъ другихъ государствъ. Эта вѣчная погоня за военнымъ превосходствомъ въ Европѣ привела къ тому милитаризму, который вотъ уже болѣе сорока лѣтъ въ значительной степени поглощаетъ производительныя силы народовъ. Прозорливые люди давно предсказывали, что такому военному напряженію государства долженъ наступить предѣлъ, который неминуемо кончится катастрофою. Они высказывали, что императоръ Вильгельмъ руководствуется при этомъ

не столько выгодами и пользами народа, сколько личнымъ честолюбіемъ и даже тщеславіемъ. Но императоръ не хотѣлъ этого слушать или не могъ этого понять. А деспотическія замашки Вильгельма II у себя въ странѣ создали ему много противниковъ и усилили социалистическія теченія въ населеніи. Въ народныхъ массахъ, однако, императоръ продолжалъ пользоваться популярностью; а война теперъ заставила замолчать и социалистовъ.

Но количествомъ враговъ чаще измѣряется сила политическаго дѣятеля, чѣмъ его слабость. У кого нѣтъ враговъ, у того рѣдко бываютъ и друзья; только у безцвѣтныхъ людей нѣтъ противниковъ, но зато у нихъ не бываетъ и поклонниковъ.

Разнорѣчивыя мнѣнія о теперешнемъ германскомъ императорѣ все-таки показываютъ, что онъ человѣкъ недюжинный; его можно не любить, но нельзя отрицать въ немъ силы привлекать къ себѣ и отдѣльныхъ личностей и цѣлыя массы людей. Настоящая война всѣхъ крупныхъ державъ противъ Германіи имѣетъ корни въ исторіи; но, несомнѣнно, она не разразилась бы такъ скоро и, можетъ быть, разрѣшилась бы эволюціей вмѣсто катастрофы, если бы императоръ Вильгельмъ не предъявилъ Россіи ультиматума слишкомъ поспѣшно, и война не приняла бы такихъ размѣровъ, если бы этотъ государь своими поступками не возбудилъ противъ себя почти всю Европу.

Прежде, чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ дѣятельности Вильгельма, приведу нѣсколько личныхъ воспоминаній.

II.

Я никогда не былъ представленъ нынѣшнему германскому императору, хотя получилъ отъ него два важныхъ ордена, одинъ даже со звѣздой, и хотя я имѣлъ честь представляться его знаменитому дѣду. Позволю себѣ по этому поводу сдѣлать отклоненіе отъ главной темы моего разсказа.

Случилось это въ 1871 году, когда я по окончаніи курса академіи генеральнаго штаба былъ командированъ за границу, между прочимъ для посѣщенія лекцій въ берлинской военной академіи. Императору Вильгельму I меня представилъ на одномъ изъ дворцовыхъ празднествъ тогдашній посолъ нашъ Убри. Конечно, представленіе носило формальный характеръ: императоръ съ ласковымъ взглядомъ поинтересовался узнать, по какому поводу я пріѣхалъ въ Берлинъ.—*Comme voyageur?*—спросилъ онъ. Я отвѣтилъ о своей командировкѣ; онъ добродушно сказалъ: «а», и обратился къ другимъ представлявшимся.

Въ то время русскіе въ Германіи, особенно въ военныхъ сферахъ и при дворѣ, пользовались большимъ вниманіемъ. Изъ вопроса, сдѣланнаго мнѣ престарѣлымъ императоромъ, я понялъ, что всякій

русскій армейскій офицеръ, пріѣхавшій въ Берлинъ какъ путешественникъ, могъ представиться ко двору, и я, молодой офицеръ въ скромномъ армейскомъ мундирѣ, приглашался не разъ на придворные балы и концерты въ замкѣ. Однажды я видѣлъ тогда двѣнадцатилѣтняго принца Вильгельма съ эполетами фенриха и съ быстрымъ взглядомъ, по которому, однако, совершенно нельзя было опредѣлить, что изъ него выйдетъ впоследствии.

По случаю командировки я долженъ былъ представиться разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и фельдмаршалу Мольтке. «Великій молчальникъ» принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, стоя и скрестивъ по-наполеоновски руки. Нашъ тогдашній военный агентъ А. А. Даллеръ доложилъ ему обо мнѣ. На бритомъ, морщинистомъ и безстрастномъ лицѣ фельдмаршала это ничѣмъ не отразилось; онъ промолчалъ, и тѣмъ аудіенція кончилась.

Бисмарка я тогда видѣлъ нѣсколько разъ во дворцѣ; но для представленія ему у меня не было ни права, ни обязанности, ни повода.

Возвращаясь къ императору Вильгельму II. Итакъ, я ему не представлялся, но видѣлъ его нѣсколько разъ, имѣлъ случаи наблюдать его при войскахъ и старался внимательно слѣдить впоследствии за его дѣятельностью, такъ печально завершившеюся настоящею войною.

Послѣ 1871 года я увидѣлъ нынѣшняго германскаго императора тридцать лѣтъ тому назадъ, въ 1884 году, когда онъ въ положеніи старшаго внука императора Вильгельма I пріѣзжалъ въ Петроградъ, чтобы присутствовать при бракосочетаніи великаго князя Сергія Александровича съ принцессою гессенскою, нынѣ великою княгинею Елизаветою Федоровною. Въ нашей столицѣ будущій наслѣдникъ германскаго престола былъ встрѣченъ государемъ Александромъ III на вокзалѣ съ почетнымъ карауломъ.

Въ то время я былъ начальникомъ штаба 1-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, отъ которой былъ выставленъ караулъ, и потому я стоялъ на правомъ флангѣ его за своимъ начальникомъ дивизіи принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ.

Поѣздъ тихо подходилъ къ дебаркадеру, когда мы увидали черезъ окна быстро шедшаго по салонъ-вагону принца Вильгельма. Онъ вышелъ, можно даже сказать, выскочилъ на площадку вагона какъ разъ въ то время, когда поѣздъ остановился; принцъ этого не разсчиталъ и головою стукнулся о косякъ двери. Моментально перевернувшись кругомъ, онъ вылетѣлъ на дебаркадеръ и бросился въ объятія государя. Молодой принцъ былъ въ формѣ полковника нашего Выборгскаго пѣхотнаго полка, и барашковая шапка, вѣроятно, смягчила ударъ его головою о дверь.

Послѣ того обходъ караула и представленіе свиты прошли обычнымъ порядкомъ. Точно также ничего особеннаго съ нашей

наблюдательской точки зрѣнія не случилось на придворныхъ свадебныхъ торжествахъ. Но на другой день послѣ свадьбы произошло нѣчто интересное.

III.

Не знаю почему, вѣроятно, по желанію самого принца Вильгельма, было показано ему наше ротное ученье. Для этого была назначена рота Его Величества лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, которая 4-го іюня 1884 года и была построена на Марсовомъ полѣ, около Мраморнаго дворца. Ротю командовалъ капитанъ М. (сынъ убишаго на дуэли Лермонтова); батальоннымъ командиромъ состоялъ великій князь Сергѣй Александровичъ; командиромъ полка былъ князь Н. Н. Оболенскій; начальникомъ дивизіи, какъ я уже сказалъ,—принцъ А. П. Ольденбургскій, командиромъ корпуса—графъ П. А. Шуваловъ, впоследствии нашъ посолъ въ Берлинѣ и другъ Вильгельма, и главнокомандующимъ—великій князь Владимиръ Александровичъ. Всѣ эти лица присутствовали на ученьи. Но молодой принцъ послѣ обычнаго привѣтствія не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

Ученье было самое обыкновенное, какое можно показать на ровномъ плацу: ружейные приемы, ломка фронта, приемы разсыпанія въ цѣпь, усиленія цѣпи, сбора ея и т. под. Ничего тактическаго, ничего одухотвореннаго, никакого рѣшенія боевой задачи нельзя было продѣлать. Тѣмъ не менѣе принцъ Вильгельмъ съ серьезнымъ видомъ, широкими шагами, съ размахистой правой рукою ходилъ все время между частями роты, неоднократно прикладывая правую руку къ барашковой шапкѣ, у которой не было козырька, чтобы лучше разглядѣть детали перестроеній. Могло показаться, что онъ глубоко вникаетъ во всѣ подробности ученья; а такъ какъ тамъ не во что было вникать, то для насъ было ясно, что въ этихъ глубокомысленныхъ осмотрахъ механическаго ученья не мало было рисовки съ его стороны. Онъ, видимо, изъ себя строилъ знатока механики ротнаго строя и закончилъ все это довольно оригинально.

Когда было продѣлано все, что можно было показать, даже и атаку въ пустое мѣсто, чего на войнѣ не можетъ и не должно быть,—рота была собрана въ ожиданіи обычной въ такихъ случаяхъ благодарности. Принцъ Вильгельмъ попросилъ вызвать впередъ фельдфебеля. Вышелъ извѣстный въ то время въ гвардіи Степановъ. Принцъ пожалъ ему руку, ничего не сказалъ ротѣ и ея командиру, не попрощался съ высокопоставленными лицами, присутствовавшими на ученьи, сѣлъ съ генераломъ Вальдерзее, его сопрождавшимъ, въ коляску и уѣхалъ.

Для всѣхъ было очевидно, что онъ просто растерялся. Высокія особы снисходительно улыгнулись такому пассажиру.

IV.

Въ 1888 году, въ годъ вступленія на престолъ императора Вильгельма, я видѣлъ его два раза: сначала въ Берлинѣ, гдѣ въ Тиргартенѣ я случайно попалъ въ толпу при первомъ въѣздѣ новаго императора въ свою столицу; а потомъ Вильгельмъ посѣтилъ нашъ лагерь подъ Краснымъ Селомъ.

Императоръ Вильгельмъ въѣзжалъ въ Берлинъ вмѣстѣ съ императрицею въ обыкновенной коляскѣ; разница отъ обычнаго въѣзда заключалась въ томъ, что впереди и сзади экипажа ѣхали по эскадрону или по полуэскадрону кирасиръ. Но интересно было наблюдать толпу; она густыми шпалерами тянулась по всей улицѣ *Unter den Linden*, по Тиргартену и, вѣроятно, протягивалась до Шарлотенбурга. Войскъ я не видѣлъ. Толпа была интеллигентная, патріотически настроенная, но молчаливая: ни «ура», ни другихъ общихъ возгласовъ не было. Впереди меня стоялъ элегантно одѣтый брюнетъ съ просѣдью; послѣ проѣзда императора онъ пришелъ въ такой экстазъ, что прокричалъ какое-то привѣтствіе, изъ котораго я слышалъ послѣднія слова: «*Kaiser und Vaterland*». На улицѣ публика охотно покупала фотографіи императора съ подписью «*Unser Kaiser*». Но такъ какъ новый государь себя еще ничѣмъ не проявилъ, то его популярность и оваціи ему слѣдуетъ приписать не столько его достоинствамъ, сколько прирожденному монархическому чувству берлинцевъ и возлагавшимся на новаго императора надеждамъ.

Лѣтомъ того же 1888 года императоръ Вильгельмъ началъ визиты государямъ Европы. Первый визитъ былъ сдѣланъ имъ нашему государю Александру III. Въ этомъ видѣли, что германскій императоръ желалъ подчеркнуть традиціонную вѣковую дружбу Пруссіи и Россіи и выразить особое уваженіе къ личности нашего государя.

Мы видѣли въ то время императора Вильгельма въ красносельскомъ лагерѣ нѣсколько разъ на парадѣ и на ученьяхъ. Открытый видъ его и смѣлый взглядъ производили пріятное впечатлѣніе. Фигура его на конѣ была молодцоватая. Съ нимъ прибыли изъ Берлина четыре его верховыхъ лошади, на которыхъ онъ красиво гарцовалъ и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы брать препятствія. У императора Вильгельма, какъ извѣстно, лѣвая рука короче правой; за столомъ ему клали особый маленькій приборъ; тогда говорили, что онъ можетъ ѣздить верхомъ только на своихъ специально для него выѣзженныхъ лошадяхъ, хотя черезъ два года, когда онъ вновь посѣтилъ красносельскіе маневры, онъ ѣздилъ на русскихъ придворныхъ лошадяхъ, но тоже, вѣроятно, специально для него подѣзженныхъ.

Все-таки и тогда было замѣтно, что Вильгельмъ рисовался своею развязностью и даже размахистостью въ походкѣ и въ манерахъ держать себя. Помню, какъ во время парада онъ стоялъ на Царскомъ валикѣ на виду всей свиты и проходившихъ войскъ и говорилъ съ кѣмъ-то изъ высокопоставленныхъ дамъ; но стоялъ онъ особенно: одна нога его была выставлена впередъ и поднята на столбикъ, къ которому привязывалась веревка шатра, разбитаго на царскомъ валикѣ. Такія мелочи какаго-то ухарства не подходили къ его положенію, онъ рѣзали глазъ.

Но чрезвычайно неприятное впечатлѣніе производилъ шталмейстеръ германскаго императора; хотя онъ носилъ офицерскую форму, но, вѣроятно, былъ произведенъ изъ простыхъ конюховъ. Онъ всюду совался въ свитѣ государей, держалъ себя нахально, особенно во время завтраковъ, которые во время маневровъ сервировались отъ двора для свиты и офицеровъ ближайшихъ штабовъ и войскъ прямо въ полѣ на травѣ. Хотя все разставлялось въ обильномъ количествѣ, но, конечно, были лица, которые желали захватить подаваемые блюда и вина первыми. А этотъ конюхъ императора Вильгельма старался всегда протолкаться впередъ. Невольно вспоминалась поговорка: «*quel maître, tel valet*», хотя хозяина этого пахала мы еще хорошо не знали.

V.

Черезъ два года мнѣ вновь случилось видѣть императора Вильгельма II и опять же въ Россіи, въ маневренной обстановкѣ.

Въ 1890 году большіе маневры войскъ Красносельскаго лагеря были назначены отъ Нарвы къ Петербургу. Гвардейскій корпусъ подъ начальствомъ генерала Манзея наступалъ противъ 1-го армейскаго корпуса генерала Данилова, который защищалъ Петербургъ. Я былъ начальникомъ штаба у Манзея. На эти маневры пріѣхалъ германскій императоръ.

Онъ прибылъ на яхтѣ «*Hohenzollern*» въ Ревель и по желѣзной дорогѣ долженъ былъ пріѣхать въ Нарву, гдѣ императоръ Александръ III ожидалъ его съ почетнымъ карауломъ.

Карауль былъ давно готовъ, и государь уже пріѣхалъ къ нему, но о выѣздѣ германскаго императора изъ Ревеля точныхъ свѣдѣній еще не было. Какъ это случилось, мы не знали. Обыкновенно монарху настолько точно докладываютъ о пріѣздѣ особы, которой устранивается встрѣча на вокзалѣ, что государь пріѣзжаетъ за нѣсколько минутъ до подхода поѣзда. А тутъ вышло, что государь ждалъ довольно долго и былъ этимъ, видимо, недоволенъ. Онъ этого не говорилъ, но часто съ замѣтною досадою поправлялъ каску на головѣ, — государь былъ въ прусской формѣ, — и нѣсколько разъ спрашивалъ: какъ телеграфировалъ Розенбахъ? Генералъ-адъютантъ

тантъ Розенбахъ, бывшій туркестанскій генераль-губернаторъ, былъ назначенъ состоять при германскомъ императорѣ и встрѣтилъ его въ Ревелѣ. Зная Розенбаха за очень аккуратнаго человѣка, я не могу допустить мысли, чтобы онъ могъ неточно довести о выѣздѣ германскаго императора изъ Ревеля.

Мы не были посвящены въ тонкости придворныхъ отношеній, но намъ было видно, что начатое такою неудачною встрѣчею пребываніе императора Вильгельма II въ Россіи на этотъ разъ не только не носило сердечнаго характера, но были замѣтны и холодныя струйки. Отъ начальника штаба округа Бобрикова получились указанія о такомъ направленіи маневровъ, которыя давали понять намъ о вліяніи придворныхъ соображеній надъ поучительностью маневренныхъ дѣйствій. И, наконецъ, прямо послѣдовало приказаніе сократить маневры на одинъ день; пришлось кое-что урѣзать въ общемъ планѣ маневровъ, кое-что скомкать. Ясно было, что свыше желали ускорить отъѣздъ...

Я почти не видѣлъ германскаго императора до конца маневровъ; онъ больше находился при отрядѣ нашего противника, чаще всего при Выборгскомъ полку, шефомъ котораго состоялъ. Разсказывали, что однажды онъ лично верхомъ повелъ этотъ полкъ въ атаку, что было, конечно, знакомъ вниманія къ нашимъ войскамъ въ лицѣ шефскаго полка, но совершенно не походило на дѣйствительный бой, такъ какъ и тогда, 25 лѣтъ тому назадъ, начальники верхомъ въ бою въ атаку не водили.

Тогда же разсказывали эпизодъ, случившійся по поводу серебряныхъ трубъ Выборгскаго полка. Германскій императоръ спросилъ, за что пожалованы полку эти трубы. Командиръ полка полковникъ Церницкій, впоследствии герой мукденскихъ боевъ, доложилъ:

— За взятіе Берлина.

— Надѣюсь, этого больше никогда не случится,—сказалъ императоръ.

Маневры закончились обычною «куделью» на Военномъ полѣ около Царскаго валика, на которомъ былъ разбитъ шатеръ для завтрака. Я былъ въ числѣ приглашенныхъ къ завтраку въ этотъ шатеръ и слышалъ, какъ императоръ Вильгельмъ довольно чисто по-русски провозгласилъ тостъ:

— За здоровье его величества императора всероссійскаго!

VI.

Въ теченіе послѣднихъ 24 лѣтъ мнѣ не случилось видѣть императора Вильгельма, я слѣдилъ за его дѣятельностью только по печати и говорилъ съ людьми, видѣвшими его лично. Эти люди обыкновенно восторгались германскимъ императоромъ; онъ вообще импо-

нируетъ на лицѣ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло: живой, хотя и порывистый, онъ краснорѣчивъ въ бесѣдѣ, смѣло касаясь разнообразныхъ областей знаній, искусствъ и практической жизни. Но эти люди за блестящею внѣшностью императора обыкновенно не могутъ судить о внутреннихъ качествахъ его.

Лучшимъ матеріаломъ для опредѣленія характера и для объясненія поступковъ императора Вильгельма могутъ служить его собственные рѣчи, которыхъ онъ въ первые 20 лѣтъ своего царствованія говорилъ много. Послѣ того, какъ я сказалъ выше, Бюловъ закрылъ его фонтанъ краснорѣчія, выражаясь словами Пругкова; но съ уходомъ этого канцлера Вильгельмъ снова предался своей слабости.

Рѣчи Вильгельма, его депеши, рескрипты и письма были опубликованы въ «Norddeutsche Zeitung»¹⁾. Французскій писатель Жюль Арренъ по этому матеріалу въ 1910 году написалъ книгу «Вильгельмъ II. Что онъ говоритъ, что онъ думаетъ», въ которой разсортировалъ наиболѣе характерныя мысли императора по семнадцати главамъ, показывающимъ отношеніе Вильгельма къ себѣ, къ народу, къ арміи, къ флоту, къ искусству, къ образованію, къ другимъ гоеударствамъ и т. д. Въ 1914 году г. М. М. Тверской перевелъ эту книгу на русскій языкъ.

Книга позволяетъ намъ прослѣдить постепенную эволюцію во взглядахъ Вильгельма на миръ и войну.

Въ первое десятилѣтіе своего царствованія Вильгельмъ при всякомъ подходящемъ случаѣ старался увѣрить всѣхъ въ своихъ миролюбивыхъ наклонностяхъ и въ благахъ мира вообще.

За нѣсколько мѣсяцевъ до вступленія на престолъ, въ февралѣ 1888 года, онъ сказалъ: «Мнѣ приписываютъ жажду войны и славы. Сохрани меня Богъ отъ такого преступнаго легкомыслія!»

Черезъ два года онъ выразился такъ: «Будьте покойны, блага мира обезпечены; кто захочетъ нарушить миръ, получитъ урокъ, который сто лѣтъ потомъ будетъ помнить».

Въ такомъ духѣ онъ говорилъ много разъ. «Меня не смогутъ побудить лишить страну тѣхъ благъ, которыя несетъ съ собою миръ». «При нынѣшнемъ положеніи Европы тотъ, кто первый нарушитъ миръ, понесетъ за это жестокое наказаніе». «Мое единственное стремленіе поддержать миръ. Исторія, смѣю надѣяться, воздастъ мнѣ должное за то, что я всегда преслѣдовалъ эту цѣль».

Но уже черезъ десять лѣтъ царствованія въ рѣчахъ Вильгельма начинаютъ быть слышны воинственные ноты, сначала слабыя, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе.

«Пока первородный грѣхъ царитъ среди человѣчества, будутъ и война, и ненависть, и раздоры».

¹⁾ См. ст. О. Тровинера въ «Истор. Вѣстн.», 1914 г., кн. 10.

Чаще начинается упоминаніе о вооруженномъ нѣмецкомъ народѣ. Сначала этотъ народъ назначенъ былъ въ рѣчахъ императора стоять на стражѣ у храма мира не только въ Европѣ, но на всей землѣ. А въ 1905 году Вильгельмъ уже прямо говоритъ: «Порохъ наготовѣ, мечъ заостренъ; не будемъ упускать нашу цѣль. Я поднимаю стаканъ за вооруженный нѣмецкій народъ». Къ этому же времени относится и «бронированный кулакъ».

Впрочемъ, когда надо, мирныя ноты въ рѣчахъ Вильгельма попадались и въ послѣдніе годы. Въ этомъ отношеніи интересны его рѣчи въ Бельгіи за четыре года передъ войною, когда онъ расточалъ похвалы «безконечно энергичному народу» этой страны.

Короля бельгійцевъ, съ которымъ Вильгельмъ такъ жестоко нынѣ поступилъ, въ 1910 году онъ тепло привѣтствовалъ:

«Пусть проникнутыя полнымъ довѣріемъ и основанныя на дружественномъ сосѣдствѣ отношенія наши, закрѣпленныя недавними переговорами нашихъ правительствъ, сдѣлаются еще болѣе близкими. Да польются потоки радости на вашъ королевскій домъ и на весь вашъ народъ», говорилъ онъ.

Люди, не сочувствующіе Вильгельму, въ такихъ противорѣчійхъ его между словомъ и дѣломъ видятъ коварство и двуличность. Это можетъ быть объяснено проще. Вильгельмъ до крайности экспансивенъ; онъ до самозабвенія отдается настроенію минуты, а краснорѣчіе всегда увлекаетъ ораторовъ. Самозабвеніе часто нарушаетъ равновѣсіе душевныхъ силъ, и человекъ утрачиваетъ самообладаніе. Когда Вильгельмъ говорилъ о мирѣ, онъ искренно вѣрилъ, что объявить войну въ наше время—жестокая ошибка и даже великое преступленіе; но когда его широкіе планы подъ девизомъ «Deutschland über Alles» не удавались, онъ, по горячности натуры, начиналъ грозить.

Въ отношеніи Бельгіи другое. Всегда готовясь къ войнѣ, онъ давно замѣтилъ, что, въ случаѣ войны съ Франціей, ему самое выгодное наступать черезъ Бельгію, и потому онъ всѣми силами старался привлечь эту страну и ея короля на свою сторону. Это обычно встрѣчающееся жизненное явленіе. Вотъ когда это не помогло и онъ нарушилъ нейтралитетъ Бельгіи, который его предкомъ былъ гарантированъ, то онъ совершилъ преступленіе, которое рано или поздно получить свое возмездіе.

Враги нынѣшняго германскаго императора давно замѣтили многіе неодобрительные поступки Вильгельма, а нѣкоторые даже заподозрѣли его въ разстройствѣ умственныхъ способностей подъ вліяніемъ хронической болѣзни уха, отражающейся будто бы въ мозгу.

Академикъ В. М. Бехтеревъ, разсмотрѣвъ поступки Вильгельма съ точки зрѣнія психіатра, не находитъ его душевно-больнымъ; онъ признаетъ его современнымъ Нерономъ-дегенератомъ («Вечерн. Звено» 1914 г., № 1).

У Аррена есть также свѣдѣніе, что нѣкоторыя лица считаютъ Вильгельма сумасшедшимъ, довольно вульгарнаго типа дегенератомъ, а его артистическіе вкусы унодобляютъ экстравагантности Церона.

Одинъ изъ нашихъ дипломатовъ, графъ Р., приводитъ въ «Вечернемъ Звонѣ» (22-го августа 1914 г., № 3) слѣдующія слова, сказанныя ему Вильгельмомъ еще до вступленія на престолъ:

«Въ моемъ положеніи нельзя имѣть друзей; надо имѣть только—кого обманывать...»

Неизвѣстно, при какихъ обстоятельствахъ и по поводу чего это было сказано. Можетъ быть, это была шутка молодого человѣка; но въ его положеніи такія шутки недопустимы, потому что черезъ нихъ сквозить всегда доля правды.

Изъ множества отзывовъ объ императорѣ Вильгельмѣ считаю полезнымъ привести здѣсь два, взятыхъ изъ газеты «Новое Время». Они показываютъ, насколько могутъ ошибаться въ оцѣнкѣ такой личности, какъ Вильгельмъ, извѣстныя въ литературѣ лица.

Извѣстный публицистъ Максимиліанъ Гарденъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ сказалъ покойному А. С. Суворину: «Кайзеръ по натурѣ своей просто трусъ, и никогда ни за что на свѣтѣ не начнетъ войны. Всѣ его бряцанья саблей, всѣ угрозы и страшные жесты—одна лишь хитрость».

Точно также ошибся въ характеристикѣ германскаго императора недавно умершій нашъ публицистъ князь Мещерскій, написавъ въ 1913 году о честной, умной, искренней и безстрашной натурѣ Вильгельма, о прямотушной и неизмѣнной, какъ онъ самъ, политикѣ его по отношенію къ Россіи. Самая главная, по словамъ Мещерскаго, заслуга Вильгельма и самая великая страница во всемірной исторіи передъ судомъ Божіимъ и человѣческимъ та, что онъ ни разу не поддавался искушенію извлечь мечъ изъ ноженъ.

Ошиблись въ Вильгельмѣ нѣмецкій и русскій писатели, ошибся и французъ. Жюль Арренъ, дѣлая заключеніе въ своей книгѣ «Вильгельмъ II», сказалъ, что дѣду нынѣшняго германскаго императора нужна была война, а Вильгельму II понадобится миръ, необходимый для экономическихъ завоеваній имперіи. Военная сила, по словамъ Аррена, нужна ему для того, чтобы предписать всѣмъ миръ. Вильгельмъ II,—заканчиваетъ онъ,—повелѣвающій блюстителъ мира.

Но Поль Адамъ, написавшій предисловіе къ книгѣ Аррена, тогда еще, за четыре года до войны, не раздѣлялъ его мирныхъ иллюзій.

VII.

Чтобы полнѣе объяснить такой поступокъ императора Вильгельма, какъ неожиданное для многихъ объявленіе войны Россіи, надо остановиться на одномъ его увлеченіи, которому онъ былъ

вѣренъ съ годовъ юности по роковой день 19-го іюля 1914 года. Это увлеченіе военнымъ дѣломъ, какъ я это отмѣтилъ еще въ I главѣ.

Отецъ Вильгельма, въ послѣдствіи 97-дневный императоръ Фридрихъ III, человѣкъ гуманный и образованный, рано замѣтилъ одностороннія военныя наклонности сына и потому старался дать ему болѣе общее образование: курсъ гимназіи молодой принцъ прошелъ въ Касселѣ, университета—въ Боннѣ. Но это не отвлекло Вильгельма отъ его страсти, которая нашла наконецъ полное свое удовлетвореніе тогда, когда онъ 29 лѣтъ отъ роду вступилъ на престолъ.

Тогда Вильгельмъ весь отдался военному дѣлу; у него не войско назначается для государства, а государство для войска. Въ своихъ рѣчахъ онъ часто упоминаетъ традиціи Гогенцоллернскаго дома, которые небольшую марку Бранденбургскую обратили въ могущественную Германскую имперію ¹⁾. Все это было добыто войною, и Вильгельмъ считаетъ военную силу главною, если не единственною, основою могущества государства.

Первое воззваніе новаго императора въ день смерти отца было къ арміи; къ народу онъ обратился только черезъ три дня. Большинство его рѣчей произносилось въ войскахъ; тамъ онъ грозилъ своимъ внутреннимъ недругамъ и возбуждалъ въ солдатахъ вѣрность и преданность себѣ; тамъ онъ высказывалъ не разъ свое политическое credo, которое хорошо характеризуется фразою, сказанною при открытіи памятника Вильгельму I во Франкфуртѣ въ 1896 году: «Армія и монархъ во главѣ ея—вотъ единственная гарантія устойчивости имперіи и мира на землѣ».

При открытіи памятника Фридриху-Карлу, фельдмаршалу за войну 1870—71 годовъ, онъ такъ опредѣлил свой взглядъ на защиту родины: «Лучше уложить всѣ 18 корпусовъ нѣмецкой арміи и всѣ 42 милліона нѣмецкаго народа, чѣмъ потерять хоть часть территоріи Германіи».

Свое увлеченіе войсками Вильгельмъ старался афишировать при всякомъ случаѣ. Первое время по воцареніи онъ любилъ по окончаніи учений и парадовъ на военномъ полѣ въ окрестностяхъ Берлина вѣзжать въ столицу верхомъ во главѣ всѣхъ знаменъ гарнизона. Это подогрѣвало воинственное настроеніе толпы и увеличивало популярность императора. «Echter Hohenzollern»—говорили берлинцы съ восторгомъ.

Но въ этомъ увлеченіи военнымъ дѣломъ императоръ доходилъ до поступковъ, которымъ нельзя дать разумнаго объясненія. Напримѣръ, хотя бы производство себя въ фельдмаршалы. Бывали слу-

¹⁾ Болѣе подробно объ этомъ см. ниже въ ст. А. Бѣлова «Историческіе очерки возникновенія Пруссіи».

чаи, что короли и императоры принимали на себя этотъ чинъ послѣ побѣдоносныхъ войнъ, ими руководимыхъ, но не было еще примѣра, чтобы они жаловали себѣ фельдмаршальскіе жезлы въ мирное время за любовь къ войскамъ и за увлеченіе ими.

Къ такого рода поступкамъ относится и постановка себѣ при жизни памятника на Майнцскомъ мосту. Судя по исторіи, это плохой признакъ. Римскимъ цезарямъ тоже при жизни ставили памятники, но изъ нихъ сохранились въ Римѣ лишь два: Траяну и Марку Аврелію. Наполеонъ III поставилъ себѣ памятникъ въ Бордо. Даже Наполеона I съ Вандомской колонны два раза свергали, причеиъ одинъ разъ вмѣстѣ съ колонною.

По поводу одного поступка императора Вильгельма можно сдѣлать интересное сравненіе его съ нашимъ государемъ Александромъ III.

Вездѣ бывали случаи, что часовые, исполняя свои важныя обязанности, стрѣляли и даже убивали не исполняющихъ ихъ требованій. За время моей службы въ штабѣ гвардейскаго корпуса былъ случай, что часовой на охранѣ желѣзной дороги при слѣдованіи поѣзда чрезвычайной важности кричалъ одному крестьянину, что нельзя переѣзжать черезъ желѣзную дорогу; но тотъ не послушался, отвѣтилъ часовому браннымъ словомъ и поѣхалъ. Часовой выстрѣлилъ и убилъ ослушника. Когда объ этомъ было донесено императору Александру III, государь, не обвиняя часового, исполнявшаго лишь то, чему его учили, все-таки выразилъ сожалѣніе о случившемся. И, конечно, такая высочайшая резолюція заставила начальниковъ принимать мѣры противъ повторенія чего-либо подобнаго въ будущемъ.

Совсѣмъ не такъ поступилъ императоръ Вильгельмъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Часовой Люцъ тоже убилъ частнаго чело-вѣка въ Берлинѣ. Печать извѣстнаго направленія, довольно свободная въ Германіи, воспользовалась этимъ случаемъ для нападокъ на войска. Императоръ поѣхалъ въ казармы, вызвалъ Люца передъ строй полка, высказалъ одобреніе его поступку, подалъ ему руку и произвелъ въ ефрейторы. Это вызвало еще болѣе неудовольствія въ оппозиціонныхъ кругахъ, и нѣсколько депутатовъ въ рейхстагѣ не встали во время криковъ «Hoch» въ честь императора. На замѣчаніе предсѣдателя они отвѣтили, что не будутъ вставать до тѣхъ поръ, пока императоръ будетъ поощрять солдатъ къ убійству мирныхъ жителей.

Роковая страсть привела въ концѣ концовъ къ роковой развязкѣ. Всю жизнь императоръ Вильгельмъ отдавался военному дѣлу, конечною цѣлью котораго является война. Естественно, что онъ всю жизнь мечталъ о войнѣ и всегда стремился къ ней. Благоразуміе его часто удерживало отъ такой погубной, какъ онъ сознавалъ, страсти. Чтобы излечиться отъ нея, въ минуты отрезвленія онъ натяги-

валъ на себя тогу мира и себя и всѣхъ увѣрялъ, что война безуміе. Но, какъ человѣкъ увлекающійся, неустойчивый, онъ не удержался отъ соблазна и чертя голову бросился въ омутъ войны. Такіе люди могутъ впадать въ другую крайность—въ отчаяніе.

VIII.

Были и другія причины, побудившія императора Вильгельма объявить войну или, лучше сказать, ускорить объявленіе войны.

Это, во-первыхъ, увѣренность въ качествахъ своей арміи, въ ея непобѣдимости. Вильгельму казалось, что ничто не можетъ устоять противъ германскихъ войскъ. Безспорно, нѣмецкая армія обладаетъ высокими качествами: организація, начальнической персоналъ, какъ низшій, такъ и высшій, духъ войскъ, дисциплина, обученіе, снабженіе, вооруженіе и т. д.—все это въ германскихъ войскахъ очень хорошо поставлено. Но и войска противниковъ не во всемъ имъ уступаютъ, а кое въ чемъ и превосходятъ.

Опытъ первыхъ мѣсяцевъ войны показали, что нѣмцы дерутся отлично, но далеко не всегда одерживаютъ побѣды, а случается, что и довольно послѣдно отступаютъ. Они не только несутъ большія потери, что въ качественномъ отношеніи войскъ считается за плюсъ, но и сдаются въ плѣнъ, что составляетъ большой минусъ.

Вторая причина, облегчившая Вильгельму объявленіе войны въ данное время, составляетъ тотъ перевѣсъ, какой ему удалось сразу достигнуть въ минувшемъ году въ состояніи своихъ вооруженныхъ силъ. Я сказалъ, что этотъ перевѣсъ все время не удавался Германіи: другія государства скоро обгоняли ее въ этомъ отношеніи. Тогда Вильгельмъ прибѣгъ къ чрезвычайной мѣрѣ: онъ обложилъ всю страну единовременнымъ налогомъ, какъ бы контрибуціею, въ миллиардъ. Рейхстагъ изъ патріотизма не отказалъ. Это дало германскому императору¹ возможность сразу перегнать всѣ государства въ вооруженіяхъ и заговорить съ ними другимъ языкомъ.

Вильгельмъ побудилъ Австрію предъявить Сербіи такія невозможныя въ международныхъ отношеніяхъ требованія, которыя низвели бы ее на степень вассальнаго государства. Если бы Россія это допустила, она окончательно уронила бы себя въ глазахъ славянскихъ народовъ. Поэтому наше правительство вступило въ переговоры съ Австріей и для приданія этимъ переговорамъ большаго вѣса мобилизовала противъ Австріи часть войскъ, а получивъ свѣдѣніе, что Германія тоже мобилизуется,—объявила общую мобилизацію.

Въ это время переговоры не прекращались; Россія высказывала полную готовность къ миролюбивому разрѣшенію кризиса; Англія взяла на себя посредничество. Все давало возможность благоприятно

разрѣшить конфликтъ, какъ вдругъ германскій императоръ, предъявилъ Россіи ультиматумъ: приступить къ демобилизаціи не только противъ Германіи, но и противъ Австро-Венгріи.

Такимъ неожиданнымъ, ничѣмъ не оправдываемымъ ультиматумомъ императоръ Вильгельмъ выдалъ себя головою. Во-первыхъ, стало очевиднымъ, что онъ жаждалъ войны; все, зависящее отъ него, онъ давно настраивалъ на войну и ждалъ только хотя бы ничтожнаго предлога, чтобы объявить ее. А, во-вторыхъ, требуя отъ Россіи демобилизаціи противъ Австро-Венгріи, Вильгельмъ прямо выдалъ то, что онъ руководилъ дѣйствіями своего союзника, не справляясь съ его желаніями.

Получилось довольно странное явленіе: Вильгельмъ объявилъ намъ войну за то, что мы не разоружились противъ Австріи; но сама Австрія намъ за это войны не объявляла и въ теченіе недѣли послѣ объявленія Россіи войны Германіей оставалась съ нами въ «дружескихъ» отношеніяхъ.

Третья причина, дававшая Вильгельму надежду на успѣхъ въ войнѣ, это замѣчательная подготовка ея во всѣхъ отношеніяхъ.

Всѣ государства всегда готовятся къ войнѣ со всѣми возможными противниками: собираютъ свѣдѣнія объ ихъ вооруженныхъ силахъ, составляютъ планъ распредѣленія и направленія своихъ войскъ и запасовъ въ случаѣ войны, подготавливаютъ театры военныхъ дѣйствій и проч. Вотъ эти «проч.» у пруссаковъ всегда, а при императорѣ Вильгельмѣ въ особенности, получили особое развитіе. Въ тайныхъ развѣдкахъ, въ шпіонствѣ нѣмцы дошли до совершенства; по этому предмету много писано; есть нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій (Клембовскій, Лянуаръ, Гревсъ и др., не говоря о книгахъ на нѣмецкомъ языкѣ); похождения «короля сыщиковъ» Штибера напоминаютъ сказки Пинкертона.

Особенность германскаго шпіонства та, что нѣмцы не ограничиваются только наемными агентами, которые возводятся иногда до «королевскаго» достоинства, но они шпіонятъ въ высшемъ свѣтѣ лицами, занимающими положеніе въ обществѣ; они шпіонятъ среди цѣлыхъ классовъ населенія, подготавливаютъ расположеніе къ себѣ цѣлыхъ слоевъ его, если тамъ почва имъ для того благопріятствуетъ; тайно подготавливаютъ мѣстность не только у себя, но и въ сосѣднихъ государствахъ для облегченія своихъ возможныхъ тамъ военныхъ дѣйствій; возбуждаютъ у будущихъ противниковъ элементы населенія, склонные къ броженію; подкупаютъ для того агентовъ и провокаторовъ; широко подкупаютъ печать свою и чужую; провидя далеко впередъ, они заранѣе привлекаютъ къ себѣ цѣлыя страны или искусно отвлекаютъ ихъ отъ союзовъ противъ себя.

Въ краткой статьѣ нѣтъ возможности это все описать; я приведу лишь нѣсколько фактовъ изъ дѣятельности императора Вильгельма и его предшественниковъ, подготовившихъ ему почву.

Всѣмъ извѣстна особая близость прусскаго короля Фридриха Вильгельма III съ нашимъ императоромъ Александромъ I. Въ 1806 году оба монарха поклялись въ вѣчной дружбѣ у гроба Фридриха Великаго, и русскій императоръ свято соблюдалъ эту клятву, ведя ради спасенія Пруссіи бесполезную для Россіи войну съ Наполеономъ въ 1807 году.

Пруссія отблагодарила за это Россію тѣмъ, что въ 1812 г. пошла войною на насъ вмѣстѣ съ Наполеономъ. А Россія за это освободила Пруссію отъ ига Наполеона въ 1813 году.

Послѣ Наполеоновскихъ войнъ Пруссія на Вѣнскомъ конгрессѣ, благодаря дружбѣ Александра I, получила земельныхъ приращеній больше всѣхъ государствъ Европы. Эта безпримѣрная въ исторіи дружба была, наконецъ, закрѣплена родствомъ: дочь прусскаго короля была сосватана за брата русскаго императора, за великаго князя Николая Павловича.

Принцесса Шарлотта, будущая императрица Александра Ѳедоровна, въ 1817 году отправилась въ Россію; въ ея свитѣ ѣхалъ генералъ Натцмеръ. И что же? Этому генералу черезъ два года послѣ Вѣнскаго конгресса дается тайное порученіе осмотрѣть по пути укрѣпленія Риги, Пскова, Нарвы, Ивангорода. Пруссія на всякій случай и тогда уже готовилась къ войнѣ съ нами...

Черезъ годъ ѣдетъ въ Россію самъ прусскій король съ двумя старшими сыновьями, которые впослѣдствіи тоже были прусскими королями, а второй сынъ—и германскимъ императоромъ. Въ Москвѣ на башнѣ Пашкова дома король и его сыновья кладутъ земные поклоны Кремлю, который своимъ пожаромъ искупилъ свободу Пруссіи и всей Европы; а въ это время тотъ же генералъ Натцмеръ по особой инструкціи занимался собираніемъ тайныхъ военныхъ свѣдѣній...

Если тогда было такъ, то что же бывало впослѣдствіи? Можно смѣло сдѣлать заключеніе, что при всѣхъ посѣщеніяхъ нашего двора и свиданіяхъ императоровъ въ нѣмецкой свитѣ всегда находился свой Натцмеръ и, можетъ быть, даже не одинъ.

Прямо скажу, когда мнѣ случалось имѣть дѣла съ прусскими военными агентами, то въ ихъ разспросахъ, въ ихъ высматриваніи такъ и сквозило шпионство. Я могъ бы кое-что разсказать, да моя статья и безъ того затягивается отъ этихъ частныхъ эпизодовъ.

Нашъ генеральный штабъ это отлично зналъ и понималъ. Позволю себѣ все-таки привести одинъ случай. Не такъ давно одинъ извѣстный нашъ генералъ пожелалъ быть командированнымъ на германскіе маневры. Наше военное министерство запросило объ этомъ установленнымъ порядкомъ германское министерство. Вильгельмъ по своей привычкѣ изъ всего, даже изъ самыхъ незначительныхъ дѣлъ извлекать для себя выгоды, приказалъ отвѣтить, что онъ согласенъ на командированіе русскаго генерала, но съ условіемъ, чтобы было

разрѣшено и германскому генералу присутствовать на маневрахъ провинціальныхъ русскихъ войскъ,—не столичныхъ, гдѣ много показного. На это мы не могли согласиться, потому что нашъ генералъ былъ генераломъ только по названію, при войскахъ онъ служилъ лѣтъ 50 тому назадъ, а послѣ того все время работалъ не въ военномъ вѣдомствѣ, и потому на германскихъ маневрахъ онъ не увидѣлъ бы того, что намъ надо. Вильгельмъ же командировалъ бы такого генерала, который увидѣлъ бы именно то, что ему надо.

Все государства содержатъ при своихъ посольствахъ въ другихъ государствахъ особыхъ военныхъ агентовъ. Но Пруссія этимъ не довольствовалась: находясь на положеніи особой дружбы съ Россією, она, кромѣ военнаго агента, обыкновенно штабъ-офицера или молодого генерала, имѣла не при посольствѣ, а прямо при дворѣ русскаго государя, еще особаго уполномоченнаго изъ генераль-адъютантовъ короля. Конечно, это дѣлалось взаимно, и мы тоже держали при прусскомъ дворѣ своего уполномоченнаго генерала. Но какъ-то такъ выходило, что прусскій уполномоченный всегда оказывался болѣе хитрымъ и болѣе знающимъ, чѣмъ нашъ. Я многихъ изъ нашихъ хорошо помню.

Напримѣръ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ нашимъ уполномоченнымъ былъ генераль-адъютантъ графъ Кутузовъ, благороднѣйшая личность, но мало свѣдущій въ военныхъ дѣлахъ. Именно по своему благородству онъ не соответствовалъ для развѣдочныхъ обязанностей. У насъ же въ это время уполномоченнымъ былъ прусскій генераль-адъютантъ Вердеръ, который втерся въ самый интимный кругъ свиты императора Александра II и отсюда всегда все зналъ, даже то, чего не знали иногда русскія высшія лица. Держалъ онъ себя съ русскими военными, въ которыхъ не пуждался, чрезвычайно гордо. На маневрахъ прямо входилъ въ сношенія съ начальниками сторонъ, игнорируя штабы. Словомъ, онъ былъ у насъ на какомъ-то особомъ положеніи и, конечно, умѣлъ, вѣроятно, хорошо доносить. Предмѣстникъ его Швейницъ такъ хорошо зналъ всѣхъ нашихъ военныхъ начальниковъ, что къ нему наши высшія лица обращались за справками.

Германскихъ уполномоченныхъ послѣдняго времени я не зналъ; но нашихъ всѣхъ помню. Все рассказывать неудобно. Оригинально относился экспансивный Вильгельмъ къ нашему послѣднему состоявшему при немъ военному уполномоченному. Когда онъ бывалъ чѣмъ-нибудь недоволенъ Россією, онъ его почти не замѣчалъ и обращался съ нимъ холодно. Зато, если наше правительство его не огорчало, а, напротивъ, удовлетворяло его желанія, онъ не зналъ, какъ обласкать нашего генерала, любезно заговаривая съ нимъ и называя *Unser Piuscha*.

О нѣмецкихъ шпионахъ въ нашемъ высшемъ свѣтѣ я только слышалъ рассказы. Не имѣя возможности подтвердить ихъ фактически,

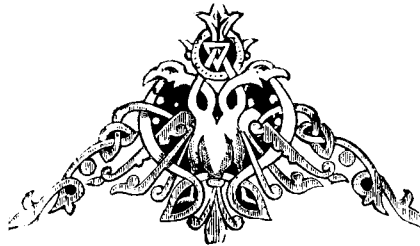
не могу ихъ здѣсь приводить, но невольно вспоминается пословица: нѣтъ дыма безъ огня.

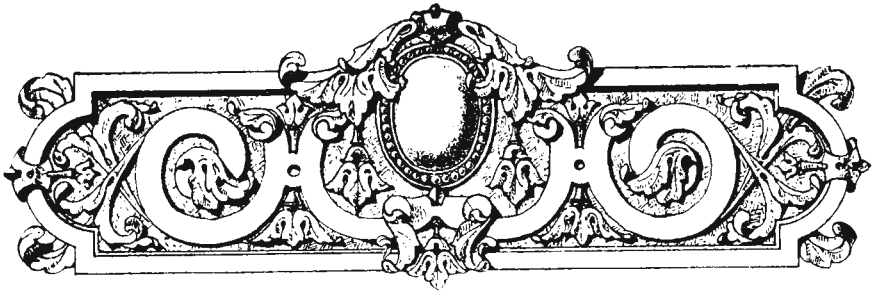
Шпіонство германскихъ колонистовъ, разсѣянныхъ по всей Россіи, нѣмцевъ Прибалтійскаго края, арендаторовъ, купцовъ, приказчиковъ изъ нѣмцевъ, поселившихся въ районахъ нашихъ крѣпостей, давно было извѣстно, и въ настоящее время для всѣхъ это подтвердилось. Объ этомъ нечего распространяться.

Точно также не буду останавливаться на подкупѣ нѣмцами нашей печати, забастовщиковъ и революціонеровъ. Объ этомъ много писано; а въ вышедшей недавно французской «Желтой книгѣ» есть прямое признаніе въ этомъ нѣмцевъ. Остановимся лучше на дѣлахъ Балканскаго полуострова. Какая картина рисуется здѣсь?

А. П. Скугаревскій.

(Окончите въ слѣдующей книжкѣ).

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ ЗА 35 ЛѢТЪ.

(Портретная галлерей).

ВЪ МИНУВШЕМЪ декабрѣ «Историческому Вѣстнику» минуло тридцать пять лѣтъ плодотворной жизни, и въ этотъ періодъ онъ успѣлъ настолько зарекомендовать себя у нашей читающей публики, что въ отношеніи своей распространенности занялъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ среди нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Его успѣхъ росъ постепенно, но прочно, непрерывно и безъ колебаній. Покойный нынѣ его основатель и руководитель, незабвенный Сергѣй Николаевичъ Шубинскій, совершенно справедливо и мудро видѣлъ въ этомъ постепенномъ и не прерывающемся ростѣ залогъ прочнаго существованія своего литературнаго дѣтища и отвергалъ всякія форсированныя предлагаемыя ему средства для болѣе напряженнаго проникновенія въ толщу читающей массы.

— Зачѣмъ это?—спрашивалъ онъ.—Искусственно поднять подписку не трудно, и я увѣренъ, что при имѣющихся въ распоряженіи Суворина средствахъ не трудно достигнуть значительной подписки. Но будетъ ли такая значительность прочна и будетъ ли она соответствовать нормальному спросу на такой журналъ, какъ «Историческій Вѣстникъ», въ Россіи? Пока съ насъ довольно. А плохо будетъ, если по какимъ-либо причинамъ настанетъ разочарованье. Отвѣдавши сладкаго, не захочется горькаго.

Старикъ начиналъ перечислять судьбу нашихъ ежемѣсячниковъ, многіе изъ которыхъ послѣ болѣе или менѣе шумнаго успѣха черезъ нѣкоторое время пошли на убыль и въ концѣ концовъ или

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ и Сергѣй Николаевичъ Шубинскій.

почти, или совсѣмъ сошли на нѣтъ. Дѣйствительно, если взглянуть на исторію возникновенія, развитія, существованія и конецъ нашихъ такъ называемыхъ толстыхъ журналовъ, то мы увидимъ, что почти ни одинъ изъ нихъ, сверстниковъ «Историческаго Вѣстника» или приблизившихся къ его возрасту, не достигъ къ нашимъ

двѣмъ благополучнаго существованія. Однихъ ужъ нѣтъ, а другіе, испытавъ нѣкоторыя превратности судьбы, видоизмѣнились и въ своемъ внѣшнемъ обликѣ и даже со стороны своего внутренняго содержанія и общественнаго служенія. И должно сказать откровенно, что это видоизмѣненіе не нашло имъ на прокъ и на украшеніе. *Nomina sunt odiosa*, но, обобщая вопросъ, нельзя не сознаться, что, держа нынѣ въ рукѣ многіе изъ нашихъ ежемѣсячниковъ, имѣвшихъ когда-то славное прошлое, невольно вздохнешь объ измѣнчивости постигшей ихъ судьбы и съ грустью вспоминаешь время, когда ихъ издатели по праву гордились своими литературными дѣтищами.

Слава Вогу, «Историческому Вѣстнику» выпало на долю мирное житіе и, какъ сказано выше, непрерывность издательскаго и матеріальнаго роста. Даже бурный 1905 годъ мало сравнительно отразился на его распространенности и далъ ему возможность перейти въ слѣдующій болѣе спокойный 1906 годъ безъ всякихъ потрясеній. Неизмѣнное сочувствіе къ нему читателей не покидало его, и будемъ надѣяться, что и текущій грозный годъ, когда, по видимому, надъ всею ежемѣсячною печатью повисла опасность пониженія подписки, позволить намъ, хотя и съ неизбѣжными жертвами, несомыми всѣми сторонами отечественной жизни, довести благополучно дѣло до конца. Мы вѣримъ постоянству нашихъ подписчиковъ, а потому, въ уваженіе къ нимъ, не поднимаемъ по примѣру большинства нашихъ собратьевъ подписной цѣны на журналъ, принимая убытокъ отъ жертвъ, съ согласія нашихъ издателей, на себя...

Десять лѣтъ назадъ пишущій эти строки далъ на страницахъ журнала краткую его исторію за двадцать пять лѣтъ, съ показаніемъ его матеріальнаго успѣха и роста подписки по годамъ. Промчавшееся десятилѣтіе внесло немного въ сказанное¹⁾, но намъ хочется на сегодняшний разъ все же окинуть бѣглымъ взоромъ прошлое журнала по главнымъ вѣхамъ его жизни, помянуть словомъ признательности нашихъ славныхъ сотоварищей, воскресить въ памяти читателя образы главнѣйшихъ изъ нихъ и прослѣдить, какъ изъ первообраза историческаго сборника, каковымъ его создалъ С. Н. Шубинскій, онъ, сообразно потребностямъ времени и запросамъ читателей, обратился въ тотъ органъ ежемѣсячной печати, какимъ онъ выходитъ въ наши дни. Во всѣхъ эволюціяхъ, пережитыхъ журналомъ, явственно сказался духовный обликъ его перваго редактора, который и запечатлѣлся на его отдѣлахъ и страницахъ настолько прочно, что порою мнѣ, его нынѣшнему руководителю, начинаетъ казаться, какъ будто загроб-

¹⁾ Въ минувшемъ 1914 году журналъ разошелся въ количествѣ свыше 13.000 платныхъ экземпляровъ. Авт.

ная тѣнь Сергѣя Николаевича и о сію пору диктуеть мнѣ тѣ или нныя рѣшенія.

Въ своей біографіи С. Н. Шубинскаго, въ юбилейномъ очеркѣ, посвященномъ «Историческому Вѣстнику», въ біографіи А. С. Суворина, въ свое время появлявшихся на страницахъ журнала, я изла-

Николай Ивановичъ Костомаровъ.

галъ достаточно полно обстоятельства, при какиихъ условіяхъ возникъ нашъ «Вѣстникъ». Типъ его не сразу опредѣлился и вылился въ нѣчто цѣлостное. Потерпѣвъ неудачу съ «Древней и Новой Россіей», Шубинскій, при проектированіи новаго журнала, находился подъ давленіемъ воспоминаній о своемъ первомъ дѣтищѣ, съ одной стороны, и, съ другой, имѣлъ передъ собою уже вполне отлившіеся образцы въ образѣ «Русскаго Архива» и «Русской Старины».

Вотъ эти-то обстоятельства и сыграли доминирующую роль въ опредѣленіи первоначальной фizioноміи «Историческаго Вѣстника». Этому опредѣленію въ значительной мѣрѣ содѣйствовали и первый составъ его сотрудниковъ, большая и преобладающая часть которыхъ оказалась бывшими сотрудниками «Древней и Новой Россіи», т.-е. профессорами высшихъ учебныхъ заведеній,

Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ.

связанными такъ или иначе съ наукой, изслѣдующей древнюю русскую исторію не позднѣе XVIII вѣка, представителями знанія, работающими по преимуществу для специальныхъ аудиторій или для ограниченнаго круга читателей. Эти ученые до известной степени сторонились новѣйшей русской исторіи, полагая, съ одной стороны, что для научнаго строительства ея нѣтъ наличія достаточнаго матеріала, нѣтъ источниковъ, критически провѣренныхъ,

съ другой—опасаясь, какъ бы видѣреніе въ новѣйшее время не завлекло журналъ въ полемку и въ пристрастность по адресу тѣхъ или другихъ лицъ, тѣхъ или другихъ событій. Костомаровъ, Бестужевъ-Рюминъ, Замысловскій, Брикнеръ, Забѣлинъ, А. Корсаковъ, Л. Майковъ и многіе другіе, принявшіе участіе на первыхъ порахъ въ организуемомъ С. Н. Шубинскимъ журналѣ, принесли съ собою хотя и почтенную, но очень тяжелую научную артиллерию, кото-

Евгеній Петровичъ Карновичъ.

рая, ударяя по научной любознательности специалистовъ, оказывалась, однако, не по плечу той массѣ, ради которой А. С. Суворинъ готовъ былъ итти на матеріальныя жертвы, протянувъ руку содѣйствія С. Н. Шубинскому. Журналу грозила участь, можетъ быть, очень почтенная, но нѣсколько специализированная,—обслуживать интересы избранной аудиторіи. Его основатель сознавалъ эту опасность и понималъ, что при такой постановкѣ вопроса между нимъ и фактическимъ издателемъ не на долго сохранятся добрыя отношенія. Сергѣй Николаевичъ оказался какъ бы подъ трой-

нымъ давленіемъ—собственнаго сознанія, требованій издателя и давленія на него со стороны бывшихъ сотрудниковъ по «Древней и Новой Россіи». И нужно удивляться, какъ онъ съ честью вышелъ изъ испытанія и скоро наладилъ дѣло.

Обладая замѣчательною способностью улаживать свои отношенія съ окружающими къ общему довольству, онъ твердой рукой, но въ бархатной перчаткѣ сумѣлъ въ непродолжительномъ времени всѣхъ разсадить на должныя мѣста, эмансипироваться отъ всякихъ на него давленій, столкнуться по-хорошему съ А. С. Суворинимъ и постепенно, не утрачивая необходимый журналу научный колоритъ, придать ему болѣе легкую и согласную съ запросами жизни и потребностями времени архитектуру, хотя и безъ строго выдержаннаго стиля. Въ данномъ случаѣ подъ словомъ «стиль» я разумѣю соединеніе въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и требованій, предъявляемыхъ специалистами къ историческимъ журналамъ, и требованій, предъявляемыхъ къ нему широкой массой читателей. Журналъ не отрѣшается отъ тенденцій и характера своихъ старшихъ собратьевъ,—«Русскаго Архива», «Русской Старины» но вмѣстѣ съ тѣмъ вливаетъ сюда нѣчто новое, что являлось дотогѣ достояніемъ общелитературныхъ органовъ, а именно беллетристику, литературную критику, компендіумъ и компиляцію, а также умѣренную публицистику постольку, поскольку она не будила общественныхъ страстей и не создавала политическихъ инцидентовъ. Рядомъ съ этимъ онъ ставитъ своихъ читателей лицомъ къ лицу не только съ явленіями и представителями отечественной жизни, но и жизни западно-европейской. Въ данномъ случаѣ дѣятельными пособниками ему въ послѣдней области явились В. Р. Зотовъ, Е. М. Гаршинъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, В. А. Тимирязевъ и другіе.

Такое разнообразіе вводимаго въ журналъ матеріала потребовало и строгаго разграниченія отдѣловъ, что болѣе или менѣе благополучно совершилось только къ исходу перваго десятилѣтія, ибо, если и въ предшествующіе годы отдѣлы и были поставлены, то въ нихъ не наблюдается строгаго-литературной кристаллизаціи; это особенно сказывалось на отдѣлахъ «Смѣси» и «Некрологовъ», куда порою попадали замѣтки, не вполне соответствовавшія назначенію отдѣловъ и значенію русскаго историческаго журнала.

Когда пишущій эти строки въ 1888 году имѣлъ честь быть принятымъ черезъ посредство нынѣшняго профессора А. К. Вороздина въ составъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника», онъ нашелъ журналъ и по своей внѣшней конструкціи, и по своимъ задачамъ вполне опредѣлившимся, но, обращая память къ быломu и сопоставляя его съ днями послѣднихъ годовъ жизни С. Н. Шубинскаго и нынѣшними, отмѣчаешь невольню нѣкоторую разницу между бывшимъ и настоящимъ. Беллетристика пер-

ваго десятилѣтія журнала была почти исключительно историческая, и здѣсь ярко сіяли имена графа Саліаса, П. Н. Полевого, Д. Л. Мордовцева, Н. И. Мердеръ, а также В. О. Михневича, а главное—Н. С. Лѣскова и С. Н. Терпигорева. Два послѣднихъ являлись, пожалуй, переходной ступенью отъ исторической беллетристики, почерпавшей свое содержаніе изъ матеріала, даваемаго XVIII вѣкомъ, къ беллетристичѣ историко-бытовой и

Владимиръ Рафѣиловичъ Зотовъ.

просто бытовой, черпающей свои сюжеты изъ жизни XIX, а потомъ и XX вѣковъ. Послѣдняя категория романовъ, повѣстей и разсказовъ, если не считать произведеній Лѣскова и Терпигорева, начинаетъ обильно заполнять собой страницы журнала уже съ начала пятидесятихъ годовъ. А. И. Леманъ, Маркъ Басанинъ, Г. Г. Ясинскій, П. П. Гнѣдичъ, И. Н. Потапенко, В. Г. Авсѣенко, А. В. Кругловъ, Тимашевъ-Берингъ, А. А. Винницкая, Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ, С. К. Эфронъ (Литвинъ) и многіе другіе,

вотъ та плеяда тогда еще относительно молодыхъ писателей, которая явилась на смѣну старымъ могоканамъ. XVIII вѣкъ въ произведеніяхъ разныхъ авторовъ оказывался достаточно исчерпаннымъ, и С. Н. Шубинскій, по большей части дававшій, какъ знатокъ той эпохи, темы и матеріалъ для романовъ графу Салиасу, Мер-

Павель Яковлевичъ Дашковъ.

дерь, Полевому, оказывался уже въ затрудненіи подвигать въ этомъ направленіи своихъ старыхъ друзей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по многимъ цензурнымъ соображеніямъ, исторія XIX вѣка была мало доступна для нашихъ историковъ-повѣствователей; даже періодъ послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины II, Павла I и Александра I въ ихъ интимныхъ подробностяхъ и правильномъ освѣщеніи былъ почти изъятъ изъ беллетристическаго оперированія. Отсюда необ-

ходимость сосредоточенія вниманія на бытѣ, въ строгомъ смыслѣ слова, новаго и новѣйшаго времени, разработка котораго стала особенно возможна, благодаря множеству появившихся къ тому времени мемуаровъ и записокъ современниковъ. Эта бытовая беллетристика не устраняла собой, однако, и беллетристики исторической, которая со смертью ветерановъ «Историческаго Вѣстника» продолжала занимать на страницахъ журнала послѣднихъ двад-

Петръ Николаевичъ Полевой.

цати-пятнадцати лѣтъ почетное мѣсто. Романы и повѣсти Н. А. Энгельгардта, В. Г. Авсеенка, П. П. Гнѣдича, Ф. Е. Зарина-Невицкаго, Е. С. Шумигорскаго и другихъ до нѣкоторой степени возмѣстили убыль въ журналѣ, получившуюся послѣ кончины гр. Салиаса, Мордовцева, Мердерь, Полевого и друг. Явилась уже возможность, особенно послѣ 1905 года, использовать такіе моменты изъ эпохи XVIII столѣтія и всего XIX и даже XX вв., которыхъ старые беллетристы въ свое время касаться не могли. Въ рома-

нахъ Н. А. Энгельгардта нашло свое изображеніе убійство императора Павла I, Е. С. Шумиторскій удѣлилъ свое вниманіе эпохѣ Александра I, М. Г. Веселкова-Кильштетъ въ своихъ двухъ романахъ «Колычевская вотчина» и «На родной почвѣ» сдѣлала попытку представить эволюцію русской жизни по періодамъ четырехъ послѣднихъ царствованій. С. К. Эфронъ (Литвинъ) далъ въ журналѣ живыя страницы изъ быта инородцевъ-евреевъ, Павловскій-Яковлевъ раскрылъ страницу изъ исторіи русскаго революціоннаго движенія 70-хъ годовъ, а г. Вик—Торпновичъ представилъ въ драматическомъ произведеніи «Вождь» эпизоды изъ исторіи бурнаго 1905 г. съ пресловутымъ Азефомъ въ центрѣ драмы; ту же тему развилъ и С. С. Окрейцъ въ рассказѣ «Исповѣдь революціонера»; Н. А. Лаппо-Данилевская ввела читателей въ маловѣдомую имъ сферу жизни высшаго и бюрократическаго петроградскаго міра. Такимъ образомъ, мы видимъ, что беллетристика журнала, отъ событій XVIII в. эволюционируя постепенно, широкой рукой захватила весь XIX в. и отозвалась на злободневныя событія XX столѣтія.

Прилагаемый къ книжкамъ исторической переводный романъ привлекъ къ себѣ вниманіе широкихъ круговъ по преимуществу провинціальной интеллигенціи, и въ исторіи нашихъ губернскихъ библіотекъ (а также многихъ столичныхъ) явился источникомъ для умноженія ихъ книжнаго богатства: приложенія такъ, какъ они печатаются въ «Вѣстникѣ», легко отдѣляются отъ книжекъ и въ концѣ года, брошюруемые и переплетаемые въ отдѣльности, являются для владѣльцевъ библіотекъ новымъ номеромъ въ каталогахъ послѣднихъ. Разумѣется, по самому существу дѣла, въ области переводнаго романа журналъ былъ не въ силахъ внести какое-либо видоизмѣненіе. Переводчики преслѣдовали лишь задачи занимательности чтенія, не входя въ разсмотрѣніе того или иного соотношенія этого чтенія къ западно-европейской дѣйствительности. Англійскій и французскій историческій романъ въ этой области давали наиболѣе благопріятный и обильный матеріалъ. Съ утвержденіемъ литературныхъ конвенцій между Россіей и европейскими народами выборъ переводнаго романа становится все болѣе затруднительнымъ, но тѣмъ не менѣе завѣдующій этимъ выборомъ А. Михайловъ (А. М. Бѣловъ) съ успѣхомъ справляется съ своей задачей и выдвинулъ въ русской литературѣ такого занимательнаго автора, какъ Поль Бертрамъ, два переводныхъ романа котораго за послѣдніе два года особенно сильно привлекли къ себѣ вниманіе нашихъ читателей.

Если переводный романъ служилъ нѣкоторымъ звеномъ, соединяющимъ «Историческій Вѣстникъ» съ западно-европейской литературой, то еще болѣе прочнымъ звеномъ послужилъ введенный въ журналъ по мысли А. С. Суворина отдѣлъ «Историческихъ новостей и мелочей». Здѣсь составители этихъ отдѣловъ Е. М. Гар-

шинъ, В. Р. Зотовъ, Ѳ. И. Булгаковъ, А. М. Ловягинъ, В. А. Тимирязевъ, а вслѣдъ за смертью послѣдняго его вдова Е. С. Тимирязева, А. М. Бѣловъ, оперируя иностранными журналами, получили возможность держать русскихъ читателей въ курсѣ относительно всѣхъ западно-европейскихъ новинокъ, новостей литературы, теченій философской мысли и многихъ злободневныхъ политическихъ вопросовъ. Этотъ отдѣлъ былъ особенно любимымъ отдѣломъ А. С. Суворина, который всегда говорилъ, что по полученіи нововышедшей книги «Историческаго Вѣстника» онъ прежде всего раз-

Даніиль Лукичъ Мордовцевъ.

рѣзаетъ тѣ ея страницы, которыя содержатъ въ себѣ отдѣлы «Историческихъ новостей и мелочей» и «Критики и библиографіи». Дѣйствительно, идея этого отдѣла была какъ нельзя болѣе удачна. Здѣсь въ сжатой формѣ редакция даетъ читающей публикѣ то новое въ литературѣ и исторической наукѣ Запада, что въ другихъ журналахъ преподносится читателямъ въ распространенномъ только видѣ въ качествѣ самостоятельныхъ статей. Пожелай редакция журнала анонсировать перечень своихъ статей по западной литературѣ, какъ то дѣлаютъ иногда нѣкоторые журналы, она могла бы щегольнуть чуть ли не сотней отдѣльныхъ нумеровъ, предназначенныхъ къ появленію на страницахъ журнала въ подписномъ

году. Редакція «Историческаго Вѣстника» отъ такого пріема щегольства устраняется, предпочитая тихо и серьезно, но съ экономіей мѣста въ журналѣ и времени читателей, совершать ту же по-

Николай Семеновичъ Лѣсковъ.

лезную работу, которая въ иныхъ мѣстахъ производится съ зывомъ подписчиковъ.

Рядомъ съ указанными отдѣлами по обслуживанію интереса къ сосѣднимъ странамъ «Историческій Вѣстникъ» создалъ у себя и своего рода отдѣлъ «Rossica» подъ наименованіемъ «Иностранцы о

Россіи», гдѣ дается компиляція изъ серьезныхъ трудовъ европейскихкихъ ученыхъ, въ коихъ встрѣчается то или иное соприкосновеніе съ русской исторіей и русской жизнью. Въ этомъ отдѣлѣ за время существованія журнала особенно плодотворно поработали В. А.

Сергѣй Николаевичъ Терпигоревъ (Атава).

Тимирязевъ, В. И. фонъ-Штейнъ и А. М. Бѣловъ. Отзывались статьями на вопросы европейской жизни и другіе сотрудники, изъ числа работъ которыхъ отмѣтимъ работы профессора А. И. Кирпичникова, Ѳ. И. Булгакова, В. Р. Зотова, Н. Н. Фирсова и др.

Исключительную роль сыгралъ въ жизни «Историческаго Вѣстника» отдѣлъ «Критики и библиографіи», гдѣ начали свою литературную

«ИСТОР. ВѢСТН.», ЯНВАРЬ 1915 Г. Т. СXXXIX.

13

карьеру весьма многие из писателей, достигших впоследствии, что называется, «степеней известных». И кто только ни поработал в этом отделе, начиная с знаменитых ученых и профессоров и кончая скромными представителями журнальной нивы! Первоначально мы видим в этом отделе разбор очень ограниченного числа книг, и при том специально по русской истории и по истории русской литературы и подписанных таким авторитетами нашего научного знания, как Бестужев-Рюминъ, Л. Майковъ, Е. Замысловскій и др. Съ течением времени редактор журнала видоизменяет физиономию отдела, давая порою в книжкѣ до двух печатных листов критики и библиографии, куда входят разборы до 20 и свыше новинок русской литературы и не только в области истории и истории литературы, но и других отраслей гуманитарного знания. При этом С. Н. Шубинскій стремился, чтобы отзывы, даваемые о книгах, не давили бы отдела своим размахом, своей тяжеловѣсностью и излишней специализацией. Он и здѣсь пытается сдѣлать отдел популярным доступным для массы, в каковых дѣлях суживает тут кадръ ученых рецензентов, имѣющих навыкъ писать, приравливаясь къ специальным аудиторіямъ, но зато приближает къ себѣ молодых литераторов и ученых, только вступающих на научно-литературное поприще. Профессорскій авторитет имъ не исключается из обихода отдела, но вводится въ рамки требованій сокращенности и популярности, причем задача редактора направляется къ тому, чтобы страницы журнала в этой области носили разнообразіе и свѣжесть новизны. Я не стану перечислять здѣсь главнѣйших из сотрудников, поработавших на рецензентском амплуа. За исключением беллетристов и мемуаристов, пожалуй, вся остальная армія работников «Историческаго Вѣстника» такъ или иначе имѣла прикосновение къ отделу «Критики и библиографии», причем нѣкоторые почти все время своего сотрудничества в журналѣ отдавали свои силы этой категоріи работы, какъ, напримѣръ: профессор А. И. Яцимирскій, профессор А. И. Малеинъ, профессор М. В. Ключковъ, В. Е. Рудаковъ и др. Составитель настоящаго обзорѣнія, переступивъ порогъ редакторскаго кабинета С. Н. Шубинскаго, на первых порахъ былъ причисленъ имъ къ сонму рецензентовъ. Испытавъ обыкновенно своего сотрудника в указанномъ направленіи, старикъ-редакторъ, ознакомившись ближе съ его духовным обликомъ, опытной рукой передвигалъ его въ тотъ или иной отделъ, задавая ему опредѣленные темы и удѣляя много времени на выработку въ немъ методовъ работы. Въ своихъ любопытныхъ воспоминаніяхъ о С. Н. Шубинскомъ А. И. Фаресовъ привелъ не мало образцовъ того, какъ редакторъ «Историческаго Вѣстника» добивался отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ сотрудниковъ умѣнія писать въ опредѣленномъ направленіи и приспособляться къ требованіямъ журнала.

Гвоздемъ новаго журнала Сергѣя Николаевича явился отдѣлъ воспоминаній и дневниковъ, который составилъ богатѣйшій вкладъ въ исторію отечественной жизни и ея просвѣщенія. За 35 лѣтъ своей жизни «Историческій Вѣстникъ» далъ въ отношеніи воспоминаній современниковъ чрезвычайно много цѣннаго, въ особенности примѣнительно къ эпохамъ Александра I, Николая I и Александра II. При печатаніи этихъ воспоминаній и записокъ современниковъ

Графъ Евгеній Андреевичъ Саліась-де-Турнемиръ.

редакторъ также непрестанно стремился къ тому, чтобы и здѣсь находила удовлетвореніе своему любопытству масса читателей и чтобы тѣмъ самымъ ея культурный уровень подымался. Въ этихъ видахъ онъ отказывался печатать необработанные архивные матеріалы, какой бы цѣнности таковые ни были, рекомендуя авторамъ и держателямъ ихъ обращаться въ редакціи другихъ изданій, по преимуществу въ «Русскую Старину». Отъ статей этой категоріи, т. е. воспоминаній, требовалась обработанность, приведенность

13*

въ связь всѣхъ изложенныхъ въ нихъ обстоятельствъ жизни и законченность характеристикъ выведенныхъ лицъ. Перечислить даже часть напечатанныхъ въ журналѣ воспоминаній значило бы повторить то, что сдѣлано въ нашихъ указателяхъ по отдѣлу VI-му. Отмѣчу лишь, что воспоминанія эти по преимуществу вливаются въ двѣ группы: въ одну входятъ воспоминанія и записки

Надежда Ивановна Мердъръ.

современниковъ, затрагивающія государственную жизнь Россіи, въ другую—жизнь личную и въ связи съ нею жизнь общественную и окружающій бытъ, какъ столичный, такъ и провинціальный. Первая категорія воспоминаній, типичнымъ образцомъ которыхъ являются записки сенатора Фишера или записки графа Н. П. Игнатъева, представляетъ собою наибольшую долю серьезности чтенія съ требованіемъ отъ читателей вкуса къ вопросамъ внутренней и внѣшней политики. Вторая категорія являетъ собою болѣе легкое чтеніе,

гдѣ порою читатель соприкасается съ элементомъ полубеллетристическимъ, какъ это, напримѣръ, мы видимъ въ запискахъ С. И. Васюкова, Л. Е. Оболенскаго, Е. К. Андреевскаго, А. И. Фаресова, А. П. Чехова (Съдого), А. И. Соколовой, В. Б. Бертенсона и др. На страницахъ произведеній этихъ авторовъ передъ нами мелькаетъ

Василій Григорьевичъ Авсѣнко.

во всемъ разнообразіи калейдоскопъ русской общественности въ разныхъ ея ситуаціяхъ, въ лицѣ разныхъ представителей, въ освѣщеніи порой трагическомъ, порой комическомъ. Исторія русскихъ нравовъ, будничной русской жизни нашла себѣ богатѣйшее изображеніе, и будущій русскій лѣтописецъ исторіи Россіи XIX вѣка, не имѣя подъ рукою томовъ «Историческаго Вѣстника», окажется не въ силахъ полно и безпристрастно совершить свою работу.

Редакція журналу, приймаючи до надрукування тї или иніе мемуари, всегда стремилась избїгнуть однотонности вь подборї мемуарнаго матеріала и опасалась, чтобы авторы вь ущербъ фактическому матеріалу не вдавались вь политическое доктринерство и резонерство.

До 1905 года за немногими исключеніями отдїль воспоминаній содержалъ вь себї лишь матеріалъ, не вызывающій съ точки зрїнія цензурныхъ требованій какихъ-либо нареканій или недоразумїній. 1905 годъ явился годомъ переломнымъ вь исторіи нашей литературы и журналистики; мы получили возможность касаться такихъ темъ и такого содержанія изъ былого отечественной дїйствительности, которыя до того обрїтались подъ цензурнымъ спудомъ. Но съ дарованіемъ законовъ о свободахъ, а вь томъ числї и закона о свободї печати рамки нашей литературной работы, если не вь полной мїрї, то значительно расширились, и редакція «Историческаго Вїстника» получила возможность выступить передъ читателями съ новой категоріей статей, которыя до того именно по цензурнымъ условіямъ оставались вь недосягаемости. Первой ласточкой среди такого рода статей явились (1906 г.) записки Екатерины II, Саблукова, воспоминанія Худякова и т. д. Тотъ же 1905 годъ породилъ и своеобразный сортъ воспоминаній, а именно—воспоминаній о самомъ бурномъ 1905 годї, когда вся русская жизнь потрясена была стачками, забастовками и окуталась кровавымъ туманомъ политической непогоды. На страницахъ журнала С. Н. Шубинскаго этотъ роковой годъ нашелъ свое обстоятельное изображеніе, и вь воспоминаніяхъ участниковъ тогдашнихъ событій будущій историкъ русской революціи начала XX вїка найдетъ для себя цїнный матеріалъ.

Тотъ же годъ сыгралъ нїкоторую роль и для подбора научныхъ и научно-публицистическихъ статей. Статьи эти, группируясь по разнымъ отраслямъ отечествовїдїнія, относительно слабо соприкасались съ политической злободневностью, вь послїднее же десятилїтіе эта злободневность ярко сказывается на характерї подбора статей. Вь первые годы существованія журнала публицистика не встрїчаетъ радушнаго приїма со сторонї редактора, но уже подъ напоромъ требованій времени и характера новаго наслоенія сотрудниковъ онъ нїсколько сдается, и мы видимъ появленіе вь журналї статей все болїе и болїе злободневнаго характера. Тутъ свободно трактуются и вопросы образованія, и вопросы экономическіе, женскій вопросъ и т. д., вь которыхъ самъ редакторъ не всегда чувствовалъ себя компетентнымъ, а потому шелъ на буксиръ авторовъ работъ, гдї эти вопросы были разрабатываемы. Самъ человекъ жизни, человекъ отзывчивый, Сергїй Николаевичъ опасался, чтобы сотрудники не вовлекли бы его, однако, вь ненужныя полемики, не поставили бы журналъ вь опасное и фальшивое положеніе, не от-

патнули бы отъ него извѣстную часть читателей и не причинили бы тѣмъ ущерба журналу. Вотъ почему онъ отступалъ отъ занятой имъ въ первое десятилѣтіе существованія «Историческаго Вѣстника»

Владимиръ Алексѣевичъ Тихоновъ.

позиціи медленно и осторожно, порою иронически рисуя передъ слушателями свое якобы безвыходное положеніе.

— Приходитъ Ф. и начинаетъ красить меня въ красную краску, а затѣмъ Н. перекрашиваетъ въ бѣлую, затѣмъ является С. и на-

водитъ на меня сѣрый цвѣтъ, а я безпомощно молчу, слушаю, какъ меня дуракомъ ругаютъ, и одного только не понимаю—въ какую же я краску окрашенъ?

Когда въ редакцію являлся сотрудникъ и, шагая по редакціонному кабинету, начиналъ разносить Сергѣя Николаевича за помѣщеніе той или иной, по его мнѣнію, реакціонной статьи или за отказъ отозваться на тотъ или иной вопросъ дня, Шубинскій съ ко-

Василій Егоровичъ Рудаковъ.

мизмомъ перебивалъ оратора, выражая опасенія попасть за такіе разговоры въ кутузку, или опять-таки съ сарказмомъ въ голосѣ грозилъ позвать городского, дабы тотъ привелъ спорщика въ надлежащую вѣру. Но съ 1906 года въ программѣ веденія журнала, какъ я уже выше сказалъ, совершается переломъ, и въ редакціонный кабинетъ врывается уже широкая струя политическаго воздуха. На его страницахъ въ компилятивной формѣ начинаютъ печататься очерки политическихъ и революціонныхъ движеній въ Россіи отъ древнѣйшихъ временъ до новѣйшаго періода русской жизни. вмѣсто

былыхъ проченныхъ персонажей XVIII вѣка, участниковъ государственнаго строительства Россіи, въ книжкахъ журнала все чаще и чаще попадаются изображенія разночинцевъ, представителей рус-

Иларіонъ Федоровичъ Богдановъ.

ской «вольницы» и политическаго заговора. Со стороны редактора въ этомъ отношеніи все менѣе встрѣчалось къ такого рода эволюціи журнала противодѣйствія, но издатель сначала нѣсколько смутился передъ этимъ обстоятельствомъ. Засимъ, однако, познакомившись

ближе съ матеріаломъ, включеннымъ въ составъ политическихъ очерковъ и съ методомъ ихъ компановки и обработки, благословилъ эту эволюцію. Правда, эта послѣдняя отчасти смутила стародавнихъ подписчиковъ «Историческаго Вѣстника», но съ теченіемъ времени и они примирились съ совершившимся фактомъ и не отступили отъ журнала, ограничиваясь лишь легкимъ ворчаніемъ и нѣкоторыми ядовитыми замѣчаніями по адресу уступчиваго редактора и его сотрудника-новатора.

Опять-таки, говоря про отдѣлъ научныхъ статей, совершенно нѣтъ возможности переименовать полностью всѣхъ, кто здѣсь поработалъ. Отмѣчу лишь нѣсколько именъ, съ памятью и представленіемъ о которыхъ соединяются воспоминанія о нѣкоторыхъ теченіяхъ въ исторіи нашего журнала. Въ числѣ таковыхъ я назову лишь профессора А. И. Кирпичникова, Б. В. Никольскаго, К. П. Медвѣдскаго, В. Е. Рудакова, П. Е. Щеголева, Р. И. Сементковскаго, Т. А. Мартемьянова, А. И. Фаресова, П. И. Ювачева, А. Г. Фомина, большая часть которыхъ потрудились надъ разработкой разныхъ страницъ и моментовъ изъ исторіи отечественной литературы, біографій русскихъ выдающихся представителей литературы и русской общественности.

Отдѣлъ этнографическихъ и географическихъ статей и работъ въ области археологіи¹⁾ и описаній мѣстностей носилъ по большей части случайный характеръ, да иначе и быть не могло. Въ этихъ областяхъ редактору при обилии поступающаго къ нему матеріала остается лишь удовлетворяться тѣмъ, что присылается или о чемъ сотрудники по собственному почину съ нимъ уславливаются. Для специальныхъ же заказовъ съ особыми командировками, съ порученіемъ нарочитыхъ фотографическихъ снимковъ у журнала нѣтъ ни свободнаго мѣста, ни лишнихъ средствъ. Важной заслугой С. Н. Шубинскаго было то, что онъ отвелъ широкое мѣсто забытой русской церковной старинѣ, которая во все время существованія журнала находила себѣ со стороны редакціи самое бережное и внимательное отношеніе. Нѣкоторое новое вѣяніе для сказаннаго отдѣла вносить собою исторія нашихъ дней, когда на авансцену интереса читателей выступаетъ все то территориальное, что имѣетъ соприкосновеніе съ нынѣшней общеевропейской войной. Отсюда родился запросъ на описанія тѣхъ мѣстностей и того русскаго и общеславянскаго быта, которыя захвачены бурнымъ вихремъ современныхъ военныхъ событій. Статьи объ Азіатской Турціи, о Западномъ краѣ, о русскихъ курортахъ, о нѣмецкой колонизаціи заставляютъ редактора журнала, идущаго навстрѣчу читающей публикѣ, дать преимущественно мѣсто именно этого рода статьямъ, оставляя прежде принятый матеріалъ въ глубинѣ портфеля до бо-

¹⁾ Здѣсь выдѣляются работы В. Е. Рудакова и А. А. Миронова.

лѣе благопріятнаго и спокойнаго времени или даже возвращая его авторамъ. Какъ уже сказано было въ объявленіи о подпискѣ на 1915 годъ, редакція обѣщаетъ подачу читателямъ матеріала, отвѣчающаго запросамъ нынѣшняго политическаго дня. Слишкомъ захватывающее время мы переживаемъ, вѣруемъ, что стоимъ на грани перелома нашей исторіи и ожидаемъ приближенія такихъ событій нашей государственной и политической жизни, свидѣтелями и участниками которыхъ мы и не смѣли чаять себя еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Въ такой обстановкѣ и передъ лицомъ такой перспективы редакція широко распространеннаго и популярнаго журнала не можетъ пребывать въ квіетическомъ равнодушіи; она обязана реагировать на событія дня, памятуя слова поэта: «писатель, если онъ волна, а океанъ Россія, не можетъ быть не возмущенъ, когда возмущена стихія».

Первымъ слѣдствіемъ такого положенія вещей является необходимость дать на страницахъ журнала мѣсто отраженію совершающихся военныхъ событій. Статей специально-военныхъ, посвященныхъ исключительно военному быту, до сихъ поръ редакція избѣгала по вполне понятнымъ причинамъ: для сего широко открыты страницы специальныхъ органовъ печати, куда и покойный Шубинскій и я, слѣдуя его мудрому завѣту, непрестанно и направляли авторовъ такихъ статей. Пережитая, обрисованная выше эволюція въ жизни журнала измѣнила его типъ, и если въ періодъ русско-японской войны редакція «Историческаго Вѣстника» избѣгала затрагивать послѣднюю и давать ей у себя отраженія, то объясняется это тѣмъ, что и журнальная наша эволюція тогда еще не завершила своего круга, да и матеріаль-то, рожденный этой злополучной войной, былъ настолько мраченъ, что могъ вводить читателей въ одно сплошное уныніе. Лишь десять лѣтъ спустя, когда военные событія 1904—1905 годовъ отошли отъ насъ на нѣкоторое разстояніе и мы получили возможность болѣе спокойно реагировать на тогдашнее русское горе, мы рѣшились бросить назадъ бѣглый взглядъ и дать на страницахъ нашего журнала закончившійся печатаніемъ въ декабрьской книжкѣ минувшаго года «Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы)».

Нынѣ обстоятельства измѣнились, характеръ, смыслъ и значеніе современной войны иной, эволюція журнала замкнула свой кругъ, а потому, откликаясь въ мѣру силъ и возможности на переживаемое, мы даемъ ему болѣе или менѣе полное фактическое отраженіе въ каждой книжкѣ журнала, выдвигая при томъ эту часть нашей редакціонной работы въ первую голову. «Историческая лѣтопись»—вотъ нашъ посильный откликъ на великую борьбу народовъ. Въ дополненіе къ этой лѣтописи мы ежемѣсячно выпускаемъ отдѣльныя изданія «Война. Хроника и Отклики», гдѣ, во-первыхъ, перепечатаваемъ сказанную выше «Лѣтопись», а, во-вторыхъ, до-

СОТРУДНИКИ «ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА» 1904 года.

1-й рядъ: А. Г. Слезкинскій, С. И. Васюковъ, Н. А. Бѣлозерская, А. С. Суворинъ, С. Н. Шубинскій,
Д. Л. Мордовцевъ, А. И. Фаресовъ, А. В. Кругловъ.

2-й рядъ: К. А. Военскій, В. Я. Анисимовъ (контрорщикъ), В. В. Матъ, Б. В. Никольскій, Б. Б. Глин-
скій, В. В. Жерве, К. I. Храчевичъ, Н. Фалъевъ, Л. Г. Ждановъ, В. А. Тимашевъ-Берингъ.

3-й рядъ: Т. А. Мартемьяновъ, бар. Н. В. Дризенъ, П. М. Невъжинъ, А. А. Пеликанъ, Павлювъ,
И. О. Богдановъ.

1-й рядъ: Г. Т. Съвецъ-Политовъ, Н. А. Лапш-Данилевская, Т. О. Соколовская, прсф. А. И. Маленинъ, Д. А. Масляненко, А. М. Бяловъ, Б. Б. Глинскій, М. Г. Веселкова-Кильштетъ, М. И. Ключкова, Г. И. Ясинскій, В. В. Умановъ-Каплуновскій.

2-й рядъ: С. К. Эфронъ (Литвинъ), А. М. Ловягинъ, П. М. Майковъ, В. В. Жерве, С. В. Фонт-Штѣйнъ, В. В. Даниловъ, М. Ф. Чулицкій, М. К. Соколовскій, В. К. Куницевъ, прсф. М. В. Кисчковъ, В. Б. Бертенсонъ, Т. А. Мартемьяновъ, Н. Н. Лендеръ.

3-й рядъ: Е. К. Андреевскій, В. И. Фонт-Штѣйнъ, Г. К. Гинсъ, А. И. Фаресевъ, прсф. В. М. Грибевскій, Е. С. Шумигорскій, П. И. Соколовъ, В. З. Ткачукъ, Н. А. Энгельгадъ д-ръ.

полняемъ ее общественной хроникой («Отклики»), гдѣ находятъ себѣ отзвукъ въ разныхъ общественныхъ слояхъ Россіи самая война. Равнымъ образомъ и въ составъ статей включаются нынѣ такія, которыя, какъ уже упомянуто выше, имѣютъ отношеніе и къ переживаемымъ на полѣ брани событіямъ, и къ явленіямъ отечественной дѣйствительности, соприкасающейся съ войною.

Я бы не считалъ свой краткій юбилейный очеркъ, написанный, какъ скромное дополненіе къ помѣщаемой здѣсь обширной портретной галлерей бывшихъ, отошедшихъ въ вѣчность сподвижниковъ по журналу С. Н. Шубинскаго, законченнымъ и полнымъ, если бы не упомянулъ здѣсь еще о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, иллюстрирующихъ исторію журнала за тридцать пять лѣтъ. Прежде всего нѣсколько словъ о второстепенномъ отдѣлѣ журнала— о «Смѣси». При основаніи журнала онъ далеко не носилъ того общественнаго характера, какой онъ носить нынѣ. Прежде сюда вносились отрывочныя свѣдѣнія по исторіи, анекдоты, некрологи и такого рода краткій матеріалъ, для котораго не находилось мѣста съ составѣ статей. Затѣмъ, когда журналъ окончательно конструировался, отдѣлъ этотъ получилъ точную опредѣленность, какъ хроника (по преимуществу столичная) русской научно-литературно-общественной жизни, свѣдѣнія о которой заимствуются изъ нашей повседневной печати. Когда въ первое время редакція журнала была слабо обслужена газетами и журналами, свѣдѣнія сюда вмѣщались довольно ограниченныя, и первые составители «Смѣси» В. Зотовъ и Б. Никольскій оказывались порою въ затруднительномъ положеніи по части удовлетворенія требованій читателей. Съ теченіемъ времени журнально-газетное богатство и по обмѣну изданіями, и по выпискѣ ихъ оказалось въ болѣе счастливомъ положеніи. Нынѣ этотъ отдѣлъ ведется подъ моимъ руководствомъ секретаремъ редакціи Д. А. Масляненко.

Видную роль въ успѣхѣ журнала играли его иллюстраціи, и въ данномъ случаѣ передо мною возстаетъ сейчасъ во всей своей привлекательности тѣнь покойнаго П. Я. Дашкова, на богатыхъ коллекціяхъ котораго и при неизмѣнномъ его сочувствіи къ журналу выросла иллюстраціонная часть «Историческаго Вѣстника». П. Я. Дашковъ, можно сказать, воспиталъ и вырастил Шубинскаго-иллюстратора, и безъ него, какъ въ томъ неоднократно сознавался нашъ старый редакторъ, онъ оказался бы почти въ безвыходномъ положеніи. Въ обществѣ же П. Я. Дашкова и его друзей, собиравшихся въ незабвенномъ особнякѣ на Михайловской площади, Шубинскій находилъ многія себѣ полезныя указанія по части веденія на первыхъ порахъ журнала; черезъ него же завязались у редактора «Историческаго Вѣстника» многія полезныя знакомства, и тутъ же онъ получилъ доступъ къ нѣкоторымъ архивнымъ богатствамъ, которыя

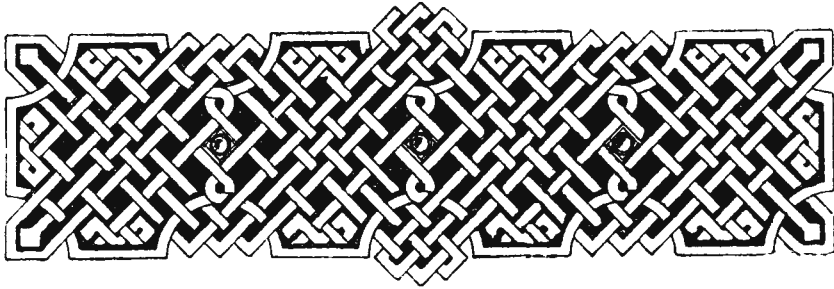
со временемъ въ переработанномъ видѣ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» стали достояніемъ русской литературы.

Съ самаго своего основанія «Историческій Вѣстникъ» печатается въ типографіи «Новаго Времени», и первымъ лицомъ, пріившимъ изъ рукъ С. Н. Шубинскаго первыя рукописи для набора, былъ нынѣшній управляющій типографіей И. Θ. Богдановъ, изображеніе котораго мы здѣсь помѣщаемъ. Такимъ образомъ изъ числа оставшихся въ живыхъ сотрудниковъ Шубинскаго И. Θ. Богдановъ является по времени своей работы по журналу старѣйшимъ, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ работавшимъ на журналѣ въ качествѣ метранпажа, а нынѣ имѣющій надъ его техническимъ выполненіемъ высшее наблюденіе.

Въ біографіи С. Н. Шубинскаго я повѣдалъ знаменательные юбилейные дни, прожитые журналомъ. Здѣсь не стану повторять рассказаннаго, но дабы воскресить наглядно въ памяти былое, воспроизвожу группу нѣкоторой части сотрудниковъ, снявшихся съ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія жизни журнала. Многие изъ изображенныхъ здѣсь отошли уже въ вѣчность, нѣкоторые откололись отъ журнала и лишь весьма немногихъ встрѣтятъ читатели на второй изображенной здѣсь группѣ, представляющей собою главный современный кадръ сотрудниковъ журнала. Все это ваши старые и добрые знакомые, читатели «Историческаго Вѣстника». Съ ними вамъ придется, вѣроятно, встрѣчаться не одинъ разъ, и съ ними нынѣшняя редакція бодро и съ свѣтлыми надеждами на будущее вступаетъ въ 36-лѣтнюю годовщину нашего всѣмъ дорогаго «Историческаго Вѣстника».

Б. Глинскій.

ВЛАДИМИРЪ ИВАНОВИЧЪ ЛАМАНСКІЙ.

(† 19 ноября 1914 г.).

РОССІЯ и русское общество, кажется, только теперь вступаютъ въ ту историческую фазу, на эту ступень своего національнаго развитія, когда роль и духовное наслѣдіе такихъ сыновъ ихъ, какъ только что почившій ученый, писатель и дѣятель, могутъ надѣяться получить и въ широкихъ кругахъ вѣрную, сколько-нибудь полную оцѣнку.

Глубокая старость, болѣзнь и постепенное увяданіе силъ и организма В. И. Ламанскаго въ послѣдніе годы его жизни не дали ему возможности принимать живое и дѣятельное духовное участіе во всемъ томъ, что переживали Россія и славянство въ минувшія пять-шесть лѣтъ. Голосъ его, нѣкогда столь отзывчивый, громкій и смѣлый, постепенно замолкъ; талантливое перо его перестало работать, и въ нашемъ всегда нѣсколько «лѣнливомъ и нелюбопытномъ», забывчивомъ и довольно равнодушномъ къ своимъ лучшимъ людямъ обществѣ, а вмѣстѣ и въ печати—имя знаменитаго слависта стало встрѣчаться и упоминаться все рѣже: увы, живого—его уже какъ будто стали забывать!

Лично для Владимира Ивановича—насколько онъ это сознавалъ,—для его близкихъ, друзей и почитателей—это было тяжело и въ своемъ родѣ трагично, и въ этомъ отношеніи надо признать, что смерть, пресѣкшая жизнь человѣка въ пору живой и кипучей его дѣятельности, въ дни вліянія и популярности, всегда произво-

дить гораздо большее впечатлѣніе, заставляетъ о себѣ больше говорить, а потому въ общественномъ отношеніи какъ будто выгоднѣе и завиднѣе...

Я позволяю себѣ, поэтому, думать, что если бѣ Провидѣніе отняло у насъ В. И. Ламанскаго ранѣе, хотя бы съ пятокъ или десятокъ лѣтъ тому назадъ, то, вѣроятно, дѣйствительно, это событіе въ текущей жизни, и особенно въ нѣкоторыхъ кругахъ общества почувствовалось бы острѣе и сильнѣе, вызвало бы болѣе общественнаго вниманія и, пожалуй, газетнаго злободневнаго шума, чѣмъ нынѣ... Но я не сомнѣваюсь въ томъ, что нынѣшнее время, что переживаемые нами историческіе дни несравненно благоприятнѣе для того, чтобы масса русскаго общества сознательно и вдумчиво отнеслась къ кончинѣ Владимира Ивановича, отдала себѣ ясный отчетъ въ понесенной нами потерѣ и оцѣнила, хотя бы въ той мѣрѣ, въ которой это ей нынѣ доступно, великое значеніе и великіе плоды ушедшей отъ насъ жизни и личности.

Въ знаменательномъ совпаденіи этой тяжелой утраты, а слѣдовательно и подведенія итоговъ и возможно полной оцѣнки замѣчательной жизни, дѣятельности и трудовъ В. И. Ламанскаго съ переживаемыми нынѣ великими для Россіи и славянства событиями, съ разразившейся гигантской, рѣшительной и, Богъ дастъ, побѣдоносной кровавой схваткой ихъ съ германствомъ нельзя, сдается мнѣ, не видѣть все предопредѣляющей руки Провидѣнія!

Про Ламанскаго мало сказать, что онъ былъ большой, очень много сдѣлавшій для своей родины и для науки человѣкъ и что, какъ «большому кораблю», ему судьбой было опредѣлено и «большое плаваніе».

Имя Ламанскаго говорить намъ больше этого. Онъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ тѣмъ избраннымъ, рѣдкимъ людямъ, которыхъ жизнь и дѣятельность представляютъ и знаменуютъ цѣлую эпоху, которые, прокладывая своими трудами и умственнымъ творчествомъ глубокія борозды на нивѣ культурнаго развитія своего народа и обильно засѣвая эту ниву, не успѣваютъ, однако, пожать плоды своихъ усилій,—которые обыкновенно остаются не оцѣненными и не признанными въ настоящемъ, но сознательно готовятъ почву и работаютъ для будущаго своей родины... Современники рѣдко умѣютъ ихъ понять: въ широкихъ кругахъ общества они слывуть часто чуть ли не отсталыми, благодаря хотя бы своему особому интересу къ національной старинѣ, фантастами, неисправимыми идеалистами-мечтателями, людьми не отъ міра сего (какъ это было и съ московскими славянофилами, къ которымъ идейно примыкалъ Владимиръ Ивановичъ), но въ дѣйствительности они оказываются наиболѣе передовыми, дальновидными и яркими провозвѣстниками грядущаго развитія и судьбы своего народа.

Такъ и истинная оцѣнка Ламайскаго, во всей совокупности имъ сдѣланнаго, большой массой нашего общества можетъ и должна начаться только теперь, съ широкимъ подъемомъ въ послѣднемъ національнаго самопознанія и съ началомъ осуществленія тѣхъ завѣтныхъ думъ и стремленій, которыя одушевляли почившаго...

Но это усвоеніе нынѣшнимъ поколѣніемъ русскихъ людей духовнаго наслѣдія нашего ученаго писателя-мыслителя не можетъ произойти быстро и безъ извѣстныхъ усилій. Это наслѣдіе должно стать легко доступнымъ для изученія широкимъ кругамъ, а для этого оно должно быть тщательно собрано и переиздано, чего и можно ждать отъ одного изъ нашихъ ученыхъ учреждений, всего скорѣе отъ академіи наукъ, и надо желать, чтобъ это дѣло не откладывалось въ долгій ящикъ, ибо время для него пріспѣло.

Въ настоящей краткой поминкѣ мнѣ хочется приподнять хоть слегка завѣсу надъ этимъ драгоценнымъ наслѣдіемъ и воскресить сколько-нибудь передъ русскими читателями духовный образъ почившаго нашего учителя, подѣлившись съ ними нѣсколькими личными моими впечатлѣніями и воспоминаніями.

Унаслѣдовавъ культурныя традиціи рода и семейную талантливость, отличавшую также и снискавшихъ себѣ заслуженную извѣстность его братьевъ¹⁾, Владимиръ Ивановичъ рано инстинктивно созналъ свои огромныя дарованія, свое истинное призваніе и сумѣлъ избрать вѣрный путь, которымъ неуклонно шель всю жизнь. Этотъ путь опредѣлился самъ собою—смолоду горѣвшюю въ его душѣ беззавѣтною любовью къ родинѣ и русскому народу, глубокимъ интересомъ къ ихъ всестороннему научному познанію и горячимъ благороднымъ стремленіемъ принести всю возможную въ предѣлахъ его силъ пользу родной наукѣ, отечественному просвѣщенію и общественному развитію.

Какъ большая часть молодежи того времени, Владимиръ Ивановичъ рано кончилъ гимназію (петроградскую первую гимназію), лѣтъ семнадцати поступилъ въ петроградскій университетъ, который кончилъ уже въ 1854 году (онъ родился 26-го іюня 1833 г.), представивъ на медаль прекрасную работу «О языкѣ Русской Правды», удостоенную серебряной медали²⁾ и получивъ кандидат-

¹⁾ Яковъ Ивановичъ (1822—72 гг.) былъ дѣятелемъ по горной части и директоромъ технологическаго института; Евгенийъ Ивановичъ (род. 1825 г.)—извѣстный финансистъ и государственный дѣятель; Сергѣй Ивановичъ (род. 1841 г.)—выдающійся ученый, профессоръ-физикъ и фیزیологъ; Константинъ Ивановичъ—судебный дѣятель. Отецъ ихъ Иванъ Ивановичъ (1793—1879 гг.) занималъ видный постъ въ министерствѣ финансовъ и былъ затѣмъ сенаторомъ.

²⁾ На ту же тему писалъ его товарищъ Д. Л. Мордовцевъ, удостоенный, если не ошибаюсь, золотой медали,

скій дипломъ. Въ томъ же году началась его научно-писательская дѣятельность, и онъ вступилъ въ ряды энергичнѣйшихъ ученыхъ работниковъ не только въ типъ своего кабинета, но и на общественно-научномъ поприщѣ—въ императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ—секретаремъ этнографическаго отдѣленія.

Первымъ печатнымъ трудомъ Владимира Ивановича былъ—и это не случайно—критическій его отзывъ о книгѣ Метлинскаго «Народныя южно-русскія пѣсни» въ «Вѣстникѣ Имп. Русск. Геогр. Общ.», но уже въ этой небольшой статьѣ авторъ выказалъ и большія свои познанія, и широкій взглядъ, и критическое чутье, являясь достойнымъ ученикомъ своего учителя, И. И. Срезневскаго. Вообще своей подготовкой и учеными качествами, основательностью и осторожностью, направлениемъ своихъ интересовъ и научной пытливости, особенно въ первый періодъ дѣятельности, Владимиръ Ивановичъ былъ, конечно, обязанъ этому своему главному и лучшему учителю и руководителю. Онъ чрезвычайно высоко ставилъ и цѣнилъ Срезневскаго точно такъ же, какъ и послѣдній сразу оцѣнилъ своего ученика, всячески поощрялъ его и всегда продолжалъ высоко ставить его труды и заслуги, несмотря на то, что и въ предметъ своихъ спеціальныхъ изученій, и въ характеръ и направленіи своихъ изысканій и ученыхъ построеній ученикъ впоследствии значительно отдалился отъ спеціальныхъ интересовъ своего учителя. Взглядъ В. И. Ламанскаго на Срезневскаго, его почитаніе и преклоненіе передъ нимъ ярко выразились въ его тепломъ и живомъ біографическомъ очеркѣ, посвященномъ знаменитому слависту ¹⁾, гдѣ онъ, между прочимъ, крайне симпатично характеризуетъ начало ученой карьеры И. И. Срезневскаго, его увлеченія малорусской этнографіей и поэзіей, приведшія его постепенно къ интересамъ и изученіямъ общеславянскимъ.

«Украинское направленіе молодого Срезневскаго,—говоритъ Владимиръ Ивановичъ,—его украинскія сочувствія, пристрастія и занятія чрезвычайно помогли ему сразу ступить твердой ногой на почву славяновѣдѣнія и въ скорости стать однимъ изъ крупныхъ славистовъ, быстро сблизили его съ главными представителями, лучшими учеными и писателями западнаго славянства и живо ввели его въ кругъ ихъ интересовъ и сочувствій, дали Срезневскому умѣнье и навыкъ въ обращеніи съ народомъ, въ наблюденіяхъ его быта, въ изученіи языковъ и говоровъ западнославянскихъ». Это замѣчаніе тѣмъ интереснѣе, что до нѣкоторой степени оно можетъ быть примѣнено и къ самому Владимиру Ивановичу, который также прежде, чѣмъ посвятить себя исключитель-

¹⁾ «Измаилъ Ивановичъ Срезневскій» (1812—1880). Историческая записка о дѣятельности императорскаго московскаго археологическаго общества за двадцать пять лѣтъ, М. 1890 г.

но славяновѣдѣнію, прошелъ основательную школу этнографическаго, географическаго и историческаго познанія русскаго народа во всѣхъ его разновидностяхъ и вообще своего отечества. Какъ высоко Срезневскій цѣнилъ ученыя качества и заслуги своего ученика, видно изъ многихъ отзывовъ, на примѣръ, хотя бы изъ слѣдующаго, по поводу докторской диссертациі Владимира Ивановича: «Всѣ слѣдящіе за успѣхами самостоятельной научной дѣятельности русской признають значеніе Ламанскаго, какъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ ея участниковъ. Такъ и должно быть: на это дали ему одинаковое право его многообразные труды, его даровитость и обширныя знанія, счастливое соединеніе въ умѣ его умѣнья вникать въ мелочи съ выдержкою широкаго кругозора любознательности, своеобразія помысловъ и домысловъ съ неутомимою изыскательностью и, вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, его готовность содѣйствовать работамъ другихъ, его теплое усердіе въ помощи молодымъ любителямъ науки»¹⁾. Не забудемъ, что этотъ лестный приговоръ былъ произнесенъ еще въ самый ранній періодъ ученой карьеры Владимира Ивановича, задолго до достиженія имъ апогея своей ученой и профессорской славы.

Первое десятилѣтіе (1854—1864) ученаго поприща Владимира Ивановича было посвящено тремъ моментамъ или сферамъ дѣятельности: ученымъ работамъ въ императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ и въ государственномъ и главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ съ 1858 по 1862 гг. прослужилъ старшимъ архиваріусомъ, труду надъ магистерской диссертацией въ связи съ сдачей магистерскихъ экзаменовъ, и наконецъ заграничной командировкѣ и первому ученому путешествію по славянскимъ землямъ. Уже съ первыхъ шаговъ ученой и общественной дѣятельности своей Владимиръ Ивановичъ ярко заявляетъ себя убѣжденнымъ приверженцемъ народно-самобытнаго, національнаго направленія и славянофильскаго міровоззрѣнія, которое, очевидно, очень рано успѣло развиться въ немъ и постепенно сложилось, подъ вліяніемъ его основательныхъ русско-славянскихъ этнографическихъ и историческихъ изученій, при его рѣдкой начитанности и пріобрѣтенномъ широкомъ общемъ кругозорѣ,—въ форму совершенно оригинальныхъ и глубокихъ историко-философскихъ построеній...

Къ сожалѣнію, наши матеріалы пока не даютъ намъ прослѣдить ближе ростъ и процессъ умственнаго развитія и сформированія воззрѣній Владимира Ивановича, но, несомнѣнно, этотъ процессъ въ совершенно опредѣленномъ направленіи начался еще на университетской, вообще школьной скамьѣ, а вслѣдъ за тѣмъ на выработку міровоззрѣнія начинающаго ученаго должны были

¹⁾ Записка объ ученыхъ трудахъ проф. В. И. Ламанскаго. 1876 г.

оказать самое рѣшительное вліяніе какъ идейное и дружеское сближеніе съ лучшими представителями тогдашняго московскаго славянофильскаго кружка (И. Аксаковымъ, Самаринымъ, Чижовымъ), такъ и живая дѣятельность и обращеніе его въ кругу выдающихся ученыхъ силъ и общественныхъ дѣятелей императорскаго русскаго географическаго общества, объединившаго тогда въ своей средѣ все, что имѣлось въ петроградской интеллигенціи—талантливаго, живого и энергичнаго въ области отечество- и народовѣдѣнія. Не забудемъ, что именно въ началѣ 50-хъ годовъ совершились въ этомъ обществѣ рѣзкій переломъ и полное обновленіе въ смыслѣ самобытнаго національнаго направленія, когда предсѣдательство послѣ Ѳ. П. Литке принялъ на себя М. Н. Муравьевъ, а въ числѣ главныхъ работниковъ выдвинулись такіе передовые дѣятели науки историко-филологической и этнографіи, какъ Н. И. Надеждинъ, И. И. Срезневскій, К. Д. Кавелинъ, а въ другихъ областяхъ знанія и государствовеѣдѣнія—такіе, какъ Е. И. Ламанскій, Н. Я. Данилевскій, братья Милутины, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, К. С. Веселовскій, Я. И. Ростовцовъ, П. П. Семеновъ, А. К. Гирсъ и другіе.

Увлеченный идеей великой для Россіи важности подъема народнаго духа и силъ на основѣ самопознанія и всесторонняго самоизученія, Владимиръ Ивановичъ глубоко проникся стремленіемъ не только лично всемѣрно послужить на ученomъ и общественномъ поприщѣ этой высокой задачѣ, но и побуждать и подстрекать молодя и свѣжія общественныя силы къ такой дѣятельности. Въ примѣрахъ и явленіяхъ русской исторіи и культурнаго прошлаго онъ искалъ и находилъ поучительныя указанія и поощреніе для работы на избранномъ имъ пути, и въ этомъ отношеніи особенно увлекалъ его образъ и подвигъ безсмертнаго Ломоносова, трудамъ и дѣятельности котораго въ академіи наукъ онъ впоследствии посвятилъ спеціальныя изслѣдованія и статьи. Съ захватывающимъ интересомъ и вниманіемъ онъ изучалъ съ этой національной русско-славянскою точки зрѣнія историческіе памятники и матеріалы XVIII и начала XIX вв. въ архивѣ государственномъ и министерства иностранныхъ дѣлъ (гдѣ служилъ съ 1858 г.) и извлекалъ изъ нихъ для печати и повременныхъ изданій много новаго и любопытнаго. Вѣкъ Елизаветы Петровны и Ломоносова наиболѣе привлекалъ его вниманіе, и не даромъ цитаты изъ сочиненій Ломоносова, въ видѣ эпитафій, украсили первую замѣчательную его учено-публицистическую статью «О распространеніи знаній въ Россіи» («Современникъ» 1857 г., № 5), обратившую на себя и на молодого автора сочувственное вниманіе наиболѣе просвѣщеннаго круга читателей.

Между тѣмъ преобладающимъ интересомъ В. И. Ламанскаго въ его ученыхъ занятіяхъ оставались все же славянскія изученія,

т.-е. предметъ, на которомъ онъ специализировался еще въ университетѣ, въ школѣ И. И. Срезневскаго, и въ этой области опять самобытно-русское, славянофильское міровоззрѣніе послужило основой и стимуломъ для тѣхъ глубокихъ изысканій и для той синтетической творческой работы, которыя привели Ламанскаго къ его широкимъ философско-историческимъ построеніямъ и выводамъ— въ изображеніи и характеристикѣ судебъ славянства...

Въ началѣ 1860 года Владимиръ Ивановичъ публично защитилъ свою магистерскую диссертацию, свой замѣчательный по эрудиціи, широкой постановкѣ и разработкѣ охваченныхъ вопросовъ трудъ «О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи». Рѣчь, сказанная имъ на диспутѣ, заключаетъ въ себѣ полное, талантливо изложенное его profession de foi, которое ярко освѣщаетъ его научныя задачи и стремленія, всю его какъ предыдущую, такъ и послѣдующую дѣятельность, что придаетъ этой рѣчи и автобіографическое значеніе ¹⁾. Съ огромнымъ интересомъ она читается и теперь. Я не могу пропустить удобнаго случая привести хоть нѣсколько выдержекъ изъ нея, особенно въ виду того, что добратъся до нея въ старомъ московскомъ славянофильскомъ журналѣ не легко.

Изложивъ послѣдовательный ходъ своихъ славянскихъ изученій въ области языка, славянскихъ нарѣчій, народной словесности и особенно памятниковъ русской и славянской письменности и исторіи, Владимиръ Ивановичъ рассказываетъ, какъ онъ отъ изученія «Русской Правды» перешелъ къ однороднымъ памятникамъ славянскимъ, къ Законнику Стефана Душана, и какъ эти сравнительныя наблюденія и изслѣдованія его увлекали. Эти работы,—говоритъ онъ,—при помощи моихъ прежнихъ занятій, позволили мнѣ подглядѣть ту основную идею и тѣ связующія начала, которыя какъ бы сплачиваютъ въ одно цѣлое исторію болгаръ, сербовъ и хорватовъ и исторію русскаго народа до такой степени, что многія явленія нашей народной жизни или необъяснимы, или мало понятны безъ знакомства съ бытомъ нашихъ южныхъ соплеменниковъ, и нѣкоторыя болѣе или менѣе знаменательныя событія нашей исторіи имѣютъ поразительную аналогію и сходство съ таковыми же событіями ихъ исторіи. Прямо явная связь южнославянской исторіи съ исторіей Венгріи, а ея съ исторіей Чехіи и Польши, этой же послѣдней съ исторіей Россіи, тѣ особыя отношенія, въ которыхъ издавна находились эти страны къ міру греческому,—всѣ эти данныя заставили меня, вслѣдъ за другими, признать въ исторіи новой Европы особую дѣйствующую группу народовъ,

¹⁾ «Русская Бесѣда» 1860 г. I. М., Смѣсь, стр. 135—146.

отличающуюся, подобно другой европейской группѣ—романо-германской, своимъ особливимъ характеромъ, своимъ замѣчательнымъ прошедшимъ, неколебимою вѣрою въ свое великое будущее, несмотря на все тягости настоящаго... Миѣ стало ясно, что исторія греко-славянскаго міра должна пополнить значительный пробѣлъ въ исторіи новаго человѣчества... «Народы славянскіе... постоянно находились въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ. Характеръ же ихъ взаимныхъ сношеній опредѣлялся ихъ внутреннимъ бытомъ: чѣмъ болѣе подпадалъ онъ чужеземному вліянію, чѣмъ менѣе оставался онъ вѣренъ своимъ кореннымъ народнымъ стихіямъ, тѣмъ скорѣе утрачивали они сознаніе своего единства, тѣмъ замѣтнѣе ослабѣвали ихъ первоначальныя связи, тѣмъ враждебнѣе становились ихъ взаимныя столкновенія. Пока непріятельскія стихіи дѣйствовали врозь, славяне не сознавали потребности во взаимныхъ союзахъ. Когда же имъ явно стала угрожать общая опасность,—устроить союзъ было уже поздно: государства славянскія до того прониклись чужеземными элементами, что уже вовсе не годились на потребности славянскія... и массы народныя не спасли своихъ государствъ съ ихъ ложною образованностью, а болѣе или менѣе равнодушно отдались въ неволю азіатамъ и нѣмцамъ. Славянскій міръ до того подчинился чуждымъ стихіямъ—азіатской, византійской и римско-нѣмецкой, что въ XVIII вѣкѣ можно было думать, что начался процессъ разложенія славянскихъ народностей... Изъ среды славянскаго міра замѣтно выдѣлялся одинъ русскій народъ... На русскомъ народѣ пришлось оборваться самымъ завѣтнымъ стремленіямъ исконныхъ противниковъ славянскаго міра. Все чуждыя стихіи, вліявшія на южныхъ и западныхъ славянъ, проникли и къ намъ и понынѣ вліяютъ на насъ ¹⁾, съ тою, впрочемъ, разницею, что каждая порознь и все вмѣстѣ не только ослабляютъ другъ друга, но и невольно подчиняются нашей основной народной стихіи—славянской,—если не всегда служатъ русскому знамени, то зато всегда выдвигаютъ его впередъ для прикрытія своихъ частныхъ и корыстныхъ цѣлей. Русскій народъ не только вынесъ все суровыя испытанія своихъ южныхъ и западныхъ соплеменниковъ, но и совершилъ поворотъ въ исторіи славянскаго міра. Какъ принципъ и идею, онъ заставилъ признать славянскую личность. И теперь все ясно становится, что безъ его содѣйствія и участія невозможно освобожденіе остальнаго славянства... Близкое книжно-литературное ознакомленіе Владимира Ивановича съ воззрѣніями западныхъ европейцевъ (особенно нѣмцевъ) на Россію, ея прошедшее, настоящее и будущее, и на славянство—впослѣдствіи онъ посвятилъ этому предмету осо-

¹⁾ Владимиръ Ивановичъ тогда еще не могъ предвидѣть, до какихъ размѣровъ дойдетъ у насъ германское засилье рѣшительно во всемъ.

бый трактатъ—убѣдило его въ томъ, «что въ сознаниі романско-германскаго міра наша Русь не отдѣлима отъ прочихъ народовъ славянскихъ, что славянскій міръ представляется ему, какъ одно цѣлое, имѣющее свои особливья задачи, часто вовсе несогласныя съ его собственными видами». «Прослѣдивъ эти воззрѣнія исторически, я замѣтилъ,—говорить онъ:—что они порождены цѣлою исторіею отношеній народовъ романско-германскихъ къ намъ, славянамъ. Мнѣ представился тогда длинный, безконечный рядъ вопросовъ, не одинаково общезанимательныхъ, но чрезвычайно важныхъ въ своей совокупности,—вопросовъ объ отношеніяхъ греко-славянскаго міра къ романско-германскому и къ прочимъ племенамъ и народностямъ»... Именно этими руководящими идеями на дѣлѣ и обосновывался выборъ темъ въ послѣдующихъ научныхъ трудахъ, изысканіяхъ и историко-философскихъ трактатахъ Владимира Ивановича. Въ заключительной части своей рѣчи онъ, нѣкоторымъ образомъ пророчески, сказалъ о Россіи: «Современное поступательное движеніе Россіи всего лучше опредѣлить освобожденіемъ ея основной народной стихіи, славянской, изъ-подъ вліянія ей чуждыхъ стихій. Какія бы грозныя тучи ни собирались на нашемъ небосклонѣ, но окончательное ея торжество несомнѣнно. Оно же неразлучно съ примиреніемъ и сближеніемъ русскаго народа съ другими народами славянскими. Эти же явленія, немислимые безъ умственнаго и литературнаго общенія нашего съ ними, обозначатся распространеніемъ въ Россіи знакомства съ языками и литературами славянскими, вступленіемъ русскаго искусства и русской литературы въ новый, высшій періодъ своего развитія, въ періодъ славянскій, когда они стануть общимъ достояніемъ народа, чистымъ выраженіемъ народнаго духа»...

Эти свои воззрѣнія на греко-славянскій міръ и Россію въ ихъ отношеніяхъ къ европейскому Западу и азиатскому Востоку, на ихъ прошлое и будущее, на ихъ міровыя историческія задачи,—воззрѣнія, опредѣлившія роль славянства, какъ великаго фактора въ міровой исторіи, Владимиръ Ивановичъ развивалъ и углублялъ въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ замѣчательныхъ изслѣдованій, этюдовъ, статей, производившихъ въ свое время глубокое впечатлѣніе въ посвященныхъ въ эти вопросы русскихъ и славянскихъ кругахъ, но, къ сожалѣнію, не получившихъ достаточно широкаго распространенія въ слишкомъ еще не подготовленной къ ихъ пониманію и усвоенію массѣ русскаго общества.

Въ ряду такихъ работъ и статей Владимира Ивановича должны быть названы: «Вступительное чтеніе» его въ университетѣ въ зимній сезонъ 1865 г. (напеч. въ «Днѣ», №№ 50—52); «Чтеніе о славянской исторіи въ петроградскомъ университетѣ» (I. Изученіе славянства и русскаго самосознанія. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1867 г., янв.); знаменитая докторская диссертация «Объ историческомъ

изученіи греко-славянскаго міра» (Спб. 1871 г.). Кстати будетъ замѣтить, что Владимиръ Ивановичъ, крайне строгій къ самому себѣ, долго не соглашался представить это сочиненіе на докторскую степень, какъ ранѣе отказался сдѣлать это съ своимъ превосходнымъ, глубокимъ изслѣдованіемъ о происхожденіи древняго церковно-славянскаго языка «Непорѣшенный вопросъ», и уступилъ лишь усиленнымъ убѣжденіямъ Срезневскаго и другихъ товарищей. Далѣе слѣдуетъ его блестящая, полная огромной эрудиціи и интереса, но, къ сожалѣнію, не оконченная или, вѣрнѣе, лишь начатая работа «Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV, XVI и XVII вѣкахъ» («Славянскій Сборникъ», I, 1875 г.); «Предисловіе» къ монументальному, цѣннѣйшему по содержанію и выводамъ, и едва ли еще достаточно оцѣненному ученому труду «Secrets d'Etat de Venise» (Спб. 1884 г.; посвященъ авторомъ ученикамъ своимъ).

Пропуская затѣмъ массу другихъ очерковъ, журнальныхъ и полемическихъ статей и рѣчей, развивающихъ все тѣ же плодотворныя идеи и историческія построенія Владимира Ивановича, мы приходимъ къ послѣднему ихъ наиболѣе блестящему и сильному выраженію и, такъ сказать, заключительному аккорду, къ замѣчательному трактату или очеркамъ Владимира Ивановича «Три міра азійско-европейскаго материка» (въ «Славянскомъ Сборникѣ», I, 1892 г.). Къ сожалѣнію, и эта интереснѣйшая и высокопоучительная работа Ламанскаго мало у насъ извѣстна, а въ широкой публикѣ едва ли вообще извѣстна, развѣ только по заглавію, и потому требуетъ скорѣйшаго переизданія.

Къ 1862—63 гг. относится первое ученое заграничное путешествіе Владимира Ивановича и посѣщеніе имъ какъ австрійскихъ и южныхъ, балканскихъ славянъ, такъ и вообще всего балканскаго и итальянскаго юга, включая и Константинополь. Нечего и говорить, какое громадное значеніе для Владимира Ивановича и для его ученыхъ работъ имѣло это путешествіе и какими научными и умственными сокровищами онъ умножилъ и безъ того богатый капиталъ своихъ знаній. Прямыми учеными результатами его изысканій и собиранія матеріаловъ было нѣсколько вышедшихъ вскорѣ затѣмъ первоклассныхъ по научной важности работъ, каковы: «Сербія и южно-славянскія провинціи Австріи», «О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, съ филологическихкими и историческими примѣчаніями» и «Національности италянская и славянская въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ». Другимъ результатомъ поѣздки были завязавшіяся связи и сближенія съ выдающимися славянскими учеными и дѣятелями, со многими изъ которыхъ онъ поддерживалъ долго переписку и книжныя сношенія. Эти связи, столь необходимыя и многополезныя для ученаго и слависта, оживляемы были позже слѣдую-

щами поѣздками Владимира Ивановича въ славянскія земли въ 1868—69 гг., а затѣмъ въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ.

Наконецъ съ 1865 года Владимиръ Ивановичъ занялъ давно уже заслуженную имъ университетскую кафедру, и съ этихъ поръ начинается его столь плодотворная и высокополезная профессорская дѣятельность, продолжавшаяся около тридцати пяти лѣтъ и крупныя результаты которой достаточно извѣстны; не разъ были отмѣчаемы и получали высокую, заслуженную оцѣнку не только со стороны его признательныхъ учениковъ, его «школы», но и со стороны безпристрастнаго суда русской науки и общества.

Въ 1865 году Ламанскій началъ свои университетскія чтенія и руководство занятіями специалистовъ, а уже къ выпускамъ 1867 и 1868 гг. принадлежатъ первые его ученики (Θ. Θ. Зигель и А. С. Будиловичъ)¹⁾, составившіе скоро честь и славу его возникающей научной «школы» славистовъ. Съ тѣхъ поръ послѣдовательно готовится и выходитъ на ученое поприще подъ его руководствомъ—въ теченіе цѣлаго тридцатилѣтія непрерывный рядъ учениковъ²⁾, изъ которыхъ большая часть занимаетъ и теперь или занимала до послѣдняго времени славянскія и другія родственныя кафедры въ русскихъ университетахъ.

Вмѣстѣ съ ростомъ авторитета, вліянія и значенія Владимира Ивановича въ университетѣ, среди товарищей-профессоровъ и учащейся молодежи, росли, естественно, и вліяніе и популярность его въ обществѣ, по крайней мѣрѣ въ ученыхъ и литературныхъ кругахъ и тѣхъ группахъ нашей интеллигенціи, которымъ были близки и дороги идеалы и стремленія такихъ людей, какъ Владимиръ Ивановичъ, тѣ національныя задачи, славянская идея и славянское движеніе, въ которыхъ Ламанскій въ памятные 1875—78 годы принималъ живое и авторитетное участіе.

По поводу горячей отзывчивости Владимира Ивановича на современныя событія и явленія жизни, на общественныя движенія и интересы дня и его умѣнья сблизить свои ученые интересы съ жизнью я не могу не повторить того, что говорилъ объ этой чертѣ характера и душевнаго склада Владимира Ивановича по поводу его пятидесятилѣтняго юбилея.

Всегда и всюду, дома, на кафедрѣ и во время своего многократнаго паломничества по городамъ и весямъ славянскихъ и неславянскихъ странъ, онъ не былъ только пытливымъ изыскателемъ, рывшимся въ пыли архивовъ и собиравшимъ для своихъ изученій дробныя факты и свидѣтельства старыхъ актовъ и бытописаній: онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ живымъ и тонкимъ наблюдателемъ совре-

¹⁾ За названными слѣдовали: 1867 г. Семеновичъ, 1871 г. Ю. С. Анненковъ и Θ. И. Успенскій, 1875 г. Р. Θ. Брандтъ.

²⁾ Послѣдній, проф. Г. А. Ильинскій—выпуска 1898 г.

менной жизни народовъ, ихъ племенныхъ особенностей и политическихъ отношеній, съ увлеченіемъ дѣлвшимся съ окружающими его людьми науки и общества своими идеями, взглядами и выводами... Онъ не только до мелочей анализировалъ добытые имъ научные матеріалы и дѣлалъ на основаніи ихъ важныя спеціальныя открытія, но онъ умѣлъ обнаружить въ мертвыхъ на видъ памятникахъ голосъ минувшей жизни и ея духа, сближалъ отдаленное прошедшее съ настоящимъ и своимъ замѣчательнымъ творческимъ даромъ создавалъ смѣлая глубокомысленныя построенія, открывалъ широкія заманчивыя историческія перспективы, къ изученію которыхъ онъ увлекалъ своихъ молодыхъ учениковъ и послѣдователей.

На университетской кафедрѣ Владимиръ Ивановичъ не былъ только авторитетнымъ знатокомъ своего предмета и добросовѣстнымъ лекторомъ, читавшимъ своимъ слушателямъ все новое и основанное на новѣйшихъ научныхъ данныхъ и выводахъ курсы: онъ былъ въ лучшемъ и полномъ смыслѣ профессоръ-учитель, всей душою отдававшійся дѣлу руководства и всяческой поддержки своихъ молодыхъ учениковъ и благотворно вліявшій на нихъ своимъ дружескимъ общеніемъ и обаяніемъ всей своей личности.

Характеризовать и описывать здѣсь подробнѣе университетскую, разносторонне-научную и общественную дѣятельность Владимира Ивановича въ послѣдующіе ея періоды (1880—1890 годовъ) и останавливаться на послѣдней академической порѣ его трудовъ, какъ члена русскаго отдѣленія академіи наукъ, не входитъ въ мою задачу. Имѣя счастье и честь принадлежать къ числу учениковъ Владимира Ивановича, я не могу не попытаться освѣтить, на основаніи своихъ воспоминаній и опыта, только что затронутыя его роль и дѣятельность, какъ идеальнаго учителя-руководителя.

Я поступилъ въ петроградскій университетъ въ 1872 году, а уже въ 1874 г., очевидно, не только слѣдуя внутреннимъ своимъ влеченіямъ, но и, несомнѣнно, подъ сильнымъ вліяніемъ университетскихъ чтеній Владимира Ивановича и той духовной атмосферы, которая неволью создавалась около него, его кафедры и кружка его молодыхъ почитателей, я избралъ славяновѣдѣніе своею спеціальностью и тѣмъ самымъ долженъ былъ вступить въ личныя непосредственныя сношенія; а затѣмъ и домашнее знакомство съ Владимиромъ Ивановичемъ. Насколько меня увлекли славянскіе интересы и сочувствія, можно судить по тому, что тогда же, едва перейдя на третій курсъ университета, я уже вступилъ въ число членовъ петроградскаго славянскаго комитета и сталъ принимать сперва, конечно, довольно пассивное, а впоследствии болѣе живое и активное участіе въ его дѣлахъ и интересахъ. Въ славянскомъ комитетѣ играли тогда, разумѣется, видную роль не только своимъ авторитетомъ, но и непосредственнымъ участіемъ какъ самъ

Владимиръ Ивановичъ, такъ и приобрѣтавшій уже извѣстность и популярность его ученикъ А. С. Будиловичъ.

На моемъ курсѣ, очень немногочисленномъ, насъ оказалось нѣсколько человекъ (четверо), избравшихъ славистику своей спеціальностью¹⁾, и я помню хорошо, какъ Владимиръ Ивановичъ былъ пріятно удивленъ такому для него неожиданному успѣху его предмета. Скоро мы сошлись съ ближайшими нашими старшими (однимъ годомъ) сотоварищами по занятіямъ у Владимира Ивановича, а къ намъ на слѣдующемъ курсѣ примкнуло нѣсколько младшихъ товарищеславистовъ²⁾, такъ что образовалась уже порядочная группа учениковъ Ламанскаго—болѣе или менѣе сверстниковъ, объединенныхъ одинаковыми научными стремленіями и интересами, духомъ воззрѣній и направленіемъ мыслей, глубокой приверженностью и сердечными чувствами уваженія и благодарности къ своему руководителю. Наши взаимныя связи и дружеское сближеніе не прекращались и не ослабѣвали и по оставленіи университета, такъ какъ, независимо отъ притягивавшаго насъ центра—самого Владимира Ивановича, сохранявшаго постоянно къ своимъ ученикамъ близкое и дружеское, почти родственное отношеніе, мы, а именно оставшіеся по окончаніи курса въ Петроградѣ, естественно составили тѣсный товарищескій кружокъ, нѣкоторое время даже правильно собиравшійся для совмѣстныхъ занятій, чтенія рефератовъ, обмѣна мыслями какъ по научнымъ, такъ и по другимъ злободневнымъ славянскимъ вопросамъ культурнаго и политическаго значенія. Но главнымъ, самымъ притягательнымъ мѣстомъ соединенія и общенія оставались уютный, никогда не закрытый для учениковъ, кабинетъ и гостепріимный домъ Владимира Ивановича Ламанскаго, его приснопамятныя, незабвенныя субботнія собранія. Тутъ мы знакомились и сближались съ все новыми выходившими на славянскую ниву учениками и послѣдователями Владимира Ивановича, такими же, какъ мы, вѣрными «птенцами» его ученаго «гнѣзда». Конецъ семидесятыхъ и особенно 1880 годъ были особенно счастливы обиліемъ славистовъ въ этихъ выпускахъ³⁾. Уже смѣло можно было говорить и дѣйствительно говорили о школѣ Ламанскаго: она, несомнѣнно, росла, множилась и крѣпла.

Нельзя отрицать, что извѣстную роль въ этомъ влеченіи молодежи къ изученію славянскаго міра сыграли и внѣшнія событія 1876—78 гг., и русско-гурецкая освободительная для южнаго сла-

¹⁾ Это были, кромѣ меня, Т. Д. Флоринскій, И. И. Соколовъ и Виноградовъ.

²⁾ Старшими были Р. Ѳ. Брандтъ и два работавшихъ у Владимира Ивановича бывшихъ воспитанниковъ духовныхъ академій (вып. 1875 г.), Г. А. Воскресенскій и В. Н. Маланинъ, а младшими: С. Л. Птапицкій, М. И. Соколовъ и П. А. Сырку.

³⁾ Къ 1879 году принадлежатъ И. П. Филевичъ и В. Э. Регель, а къ 1880 г.: Ѳ. И. Истоминонъ, Г. М. Князевъ, В. А. Кракау, а по петроградской духовной академіи И. С. Пальмовъ.

вянства война. Общественный порывъ къ освобожденію братьевъ отъ вѣкового рабства и связанная съ этимъ стихійно охватившая массы идея славянской взаимности всего сильнѣе сказались на молодежи. Одушевленная проповѣдь и поучительныя рѣчи съ кафедръ и дома такихъ знатоковъ славянства, какъ Владимиръ Ивановичъ, падали на благодарную почву и вызывали живой интересъ къ предмету и научную пытливость. Многіе изъ насъ, молодыхъ славистовъ, не ограничивались научною, академическою стороною поглотившихъ насъ славянскихъ интересовъ, а стремились и практически послужить задачамъ славянскаго духовнаго сближенія и взаимности. И тутъ навстрѣчу намъ шла дѣятельность петроградскаго славянскаго благотворительнаго комитета, къ которой ея руководители старались привлечь и молодыхъ научныя силы. Это была блестящая, золотая пора жизни славянскаго комитета, въ трудахъ котораго, подъ предѣдательствомъ сперва И. П. Корнилова, потомъ князя А. И. Васильчикова и затѣмъ К. Н. Бестужева-Рюмина, принималъ самое дѣятельное участіе и В. И. Ламанскій, а рядомъ съ нимъ такіе частью ученые, частью практическіе славянофилы, какъ С. Ѳ. Миллеръ, М. О. Кояловичъ, Т. И. Филипповъ, А. Ѳ. Бычковъ, А. Н. Поповъ, А. Н. Майковъ, братья Кирѣевы, прот. Г. Л. Янышевъ, А. Д. Башмаковъ, И. Ѳ. Золотаревъ, И. И. Петровъ, А. В. Васильевъ, М. П. Розентеймъ, В. И. Аристовъ и другіе.

Съ какимъ увлеченіемъ и восторгомъ слушали мы въ этихъ блестящихъ славянскихъ собраніяхъ одушевленные и интереснѣйшія рѣчи Владимира Ивановича и другихъ ораторовъ! Въ то время славянской комитетъ (скоро переименованный въ славянское благотворительное общество) не имѣлъ еще своего постоянного печатнаго органа, но потребность въ немъ живо чувствовалась, и вотъ нашъ маленькій кружокъ славистовъ¹⁾, поощряемый особенно пламеннымъ и неугомоннымъ дѣятелемъ общества—И. И. Петровымъ, занялся составленіемъ программы такого изданія. Она и была нами выработана, но почему-то тогда эти предположенія не осуществились, и органъ «Извѣстій» общества возникъ уже нѣсколько позже. Въ ту же эпоху нѣкоторые изъ насъ (особенно усердно покойный И. И. Соколовъ при моей помощи) принимали дѣятельное участіе въ собираніи, упаковкѣ и отправкѣ въ изобиліи жертвуемыхъ книгъ въ славянскія земли.

Но вернемся къ личнымъ отношеніямъ учениковъ къ учителю. Я уже говорилъ, какъ расширился нашъ кругъ къ началу 1880-хъ годовъ. Въ это время въ числѣ учениковъ старшихъ поколѣній были уже не только доктора, магистры и магистранты, но нѣкото-

¹⁾ Сотоварищами моими въ этомъ дѣлѣ были, сколько помню, Флоринскій, Штапицкій, Соколовъ и еще кое-кто.

рые занимали уже университетскія кафедръ; многіе уже оставили Петроградъ; но дорогой нашъ учитель и другъ Владимиръ Ивановичъ продолжалъ попрежнему насъ объединять и сплачивать, и совершенно естественно было, что когда въ 1883 году предстояло чествованіе 25-лѣтія его профессорской и ученой дѣятельности, его ученики рѣшили ознаменовать этотъ юбилей особенно вѣскимъ и яркимъ выраженіемъ своей глубокой ему благодарности и издали въ честь его сборникъ своихъ трудовъ и статей («Сборникъ статей по славяновѣдѣнію», Спб. 1883), въ который вошли работы 21 ученика¹⁾. Владимиръ Ивановичъ былъ глубоко тронутъ такимъ свидѣтельствомъ любви, вниманія и признательности своихъ учениковъ и въ своей отвѣтной рѣчи, скромно отрицая какія-либо свои заслуги, приписывалъ это чествованіе только «доброму къ нему расположенію, сердечной привязанности къ своему бывшему профессору»...

Признавая, что ученому и профессору естественно и позволительно иногда предаваться честолюбивымъ и горделивымъ мечтамъ о томъ, что его трудъ, быть можетъ, не напрасенъ, что онъ оставитъ по себѣ извѣстный слѣдъ въ литературѣ, наукѣ, въ исторіи образованности, оставитъ учениковъ, послѣдователей, Владимиръ Ивановичъ заключилъ такъ свое слово:

«Провозглашая себя громко моими учениками, вы утѣшаете и ласкаете меня отрадною надеждою: ученики ваши и ученики ихъ учениковъ, вспоминая о вашей дѣятельности, быть можетъ, когда-нибудь и меня, какъ вашего стараго дядьку, помянутъ съ благодарностью за то уже одно, что вы меня такъ любили». И эта надежда сбылась еще при жизни Владимира Ивановича. Во второмъ «Новомъ Сборникѣ», изданномъ въ его честь его учениками въ 1905 г. по случаю его 50-лѣтняго юбилея, приняли участіе и ученики его учениковъ, его, такъ сказать, духовные внуки²⁾.

Какимъ же образомъ и какими приѣмами Владимиръ Ивановичъ достигалъ такихъ результатовъ своего учительства и руководства, такой духовной и сердечной приверженности? Гдѣ разгадка его необыкновеннаго личнаго вліянія и обаянія, привлекавшихъ къ нему умы и сердца всѣхъ тѣхъ, кто разъ ввѣрился его руководительству и духомъ близко подошелъ къ нему?

Въ молодые свои годы, испытывая это мощное вліяніе, ученики Владимира Ивановича, конечно, не могли себѣ отдавать от-

¹⁾ Это были: Ѳ. Ѳ. Зигель, А. Г. Семеновичъ, А. С. Будиловичъ, Ю. С. Анненковъ, Ѳ. И. Успенскій, Г. А. Воскресенскій, Р. Ѳ. Брандтъ, В. Н. Малининъ, К. Я. Гротъ, И. И. Соколовъ, Т. Д. Флоринскій, С. Л. Пташицкій, М. И. Соколовъ, П. А. Сырку, И. Ѳ. Анненскій, В. Э. Регель, И. С. Пальмовъ, Ѳ. М. Истомина, Г. М. Князевъ, В. А. Кракау и А. Л. Петровъ.

²⁾ А именно: Е. Ѳ. Карскій, Н. В. Шляховъ, А. Н. Ясинскій, К. Ѳ. Радченко, В. А. Францевъ, Е. Ѳ. Тураева-Церетели, Н. Н. Дурново и А. М. Лукьяненко,

чета въ основѣ и существѣ этого явленія. Но теперь, критически оцѣнивая факты и отношенія уже далекаго прошлаго, анализируя и вдумываясь въ нихъ, мы можемъ лучше разобраться въ причинахъ и элементахъ той глубокой нравственной связи, которая создавалась между покойнымъ нашимъ профессоромъ-другомъ и нами, его учениками.

Прежде всего нельзя не учесть того факта, что Владимиръ Ивановичъ умѣлъ сдѣлать самый предметъ свой—славяновѣдѣніе—въ тѣхъ широкихъ рамкахъ и пониманіи, въ какія онъ его ставилъ,—необыкновенно интереснымъ и привлекательнымъ. Заставляя своихъ учениковъ углубляться въ самыя спеціальныя, частныя изысканія и основательную работу надъ источниками, не пренебрегать мелочами и деталями, онъ указывалъ имъ интереснѣйшую цѣль впереди, открывалъ передъ ними заманчивыя перспективы важныхъ общихъ выводовъ и широкаго историческаго синтеза. Онъ самъ являлся передъ ними яркимъ и живымъ примѣромъ такой истинно плодотворной работы: онъ доказывалъ своими трудами, что ему не чужды самыя спеціальныя и съ виду сухія изслѣдованія въ области языка и письменныхъ памятниковъ, но они были для него не цѣлью самой по себѣ, а средствомъ и путемъ къ дальнѣйшимъ историко-культурнымъ изысканіямъ и выводамъ: чрезмѣрной и бездушной спеціализаціи и буквоѣдству онъ не могъ сочувствовать, и для стремящейся впередъ, къ высшимъ предѣламъ научнаго мышленія молодежи такіе широкіе научные взгляды говорили и общались много.

Но еще большую роль въ привлеченіи Ламанскимъ къ себѣ его слушателей играли его особенныя личныя качества, присущія ему даръ духовнаго, идейнаго вліянія на умы и сердца. Владимиръ Ивановичъ былъ не только въ высшей степени доступенъ и простъ въ обращеніи съ ними; онъ широко открывалъ передъ ними не только двери своего дома, своего ученаго арсенала и своихъ книжныхъ богатствъ, но и все свое духовное существо, весь свой научный и умственный капиталъ, которымъ готовъ былъ щедро дѣлиться съ каждымъ своимъ ученикомъ, охотно дѣлился съ ними и всѣми своими завѣтными мыслями, думами, планами и мечтами. Онъ ничего изъ своего громаднаго капитала знаній не таилъ отъ нихъ, но пользованіе послѣднимъ было обыкновенно сопряжено для нихъ съ самой полезной и производительной самодѣятельностью и напряженной работой ума и воли. Дѣло въ томъ, что Владимиръ Ивановичъ говорилъ и общался съ своими учениками на темы своихъ и ихъ ученыхъ работъ и задачъ не какъ съ людьми мало еще опытными и неимовѣрно еще далекими отъ него по знаніямъ и научному пониманію, а какъ съ почти равными себѣ, стоящими какъ будто на уровнѣ и высотѣ его собственнаго научнаго развитія и созерцанія. Этимъ онъ поднималъ ихъ духъ, подзадоривалъ и внушалъ

имъ энергію, научное рвеніе и довѣріе къ своимъ силамъ, а съ другой стороны задавалъ имъ большую усиленную и благодарную работу надъ собой—къ скорѣйшему движенію впередъ въ усвоеніи изучаемаго предмета, расширеніи и углубленіи своего научнаго кругозора.

Его руководство и помощь ученикамъ никогда не состояли въ навязываніи имъ своей программы, какихъ-либо приѣмовъ работы или въ сообщеніи подробныхъ указаній источниковъ и пособій. Онъ, бесѣдуя съ ними по поводу ихъ работъ, выборъ которыхъ, конечно, обуславливался вліяніемъ его чтеній и его идей, какъ бы предполагалъ у нихъ уже большую освѣдомленность и давалъ свои совѣты большей частью мимолетнымъ замѣчаніемъ, намекомъ, названіемъ имени какого-либо автора, часто полуфразой и отрывочнымъ сужденіемъ, и нерѣдко его собесѣдникъ-ученикъ—говоря по собственному опыту—чувствовалъ большое смущеніе и стыдъ, что не могъ, по своей недостаточной освѣдомленности въ томъ или другомъ специальномъ вопросѣ и его литературѣ, сразу понять намекъ своего учителя и усвоить его соображеніе, а переспрашивать и обнаружить тѣмъ свое незнаніе не позволяло самолюбіе... Но каждая услышанная фраза, сужденіе или имя запоминались твердо, и все это раскрывалось и становилось понятнымъ послѣ того, какъ дома углублялся въ дѣло, рылся въ книгахъ и источникахъ и въ концѣ концовъ вполне уяснял себѣ новое цѣнное указаніе.

Такимъ-то непринужденнымъ способомъ общенія съ своими учениками, не подавляя ихъ своимъ авторитетомъ и сознаниемъ своего превосходства, велъ ихъ Владимиръ Ивановичъ по пути вполне самостоятельнаго ученаго труда и возбуждалъ въ нихъ въ чрезвычайной степени научную пытливость и любознательность. Если къ этому прибавить рѣдкую доброту и сердечную участливость Владимира Ивановича, всегдашнюю готовность помочь въ затрудненіи и поддержать неувѣреннаго или сомнѣвающагося, а рядомъ съ этимъ строгость и полную искренность не только въ одобреніи и поощреніи, но, когда это нужно было, и въ критикѣ или внушеніи, то станутъ еще болѣе понятными та преданность и привязанность, которыми платили Владимиру Ивановичу его ученики за его о нихъ заботу и теплое къ нимъ отношеніе. Приходя къ нему, въ истинно-ученую обстановку его кабинета съ заваленными книгами столами и перегруженными книжными полками, мы, благодаря необычайной простотѣ и благодушію хозяина, чувствовали себя почти какъ дома, и многіе широко пользовались великодушнымъ разрѣшеніемъ Владимира Ивановича не только разсматривать и перебирать его книги, но пользоваться ими и даже брать ихъ къ себѣ на домъ—явно въ ущербъ его личному удобству. Въ этомъ отношеніи доброта и великодушіе Владимира Ивановича были поистинѣ удивительны, и онъ за нихъ, конечно, платился. Сплошь и рядомъ онъ, нуждаясь

въ какой-либо книгѣ, забранной его слушателемъ, и не находя ее у себя, принужденъ былъ ее выписывать изъ университетской библіотеки...

Для приѣма своихъ учениковъ, обоюднаго сближенія и бесѣдъ съ ними Владимиръ Ивановичъ устроилъ у себя вечернія собранія по субботамъ. Постепенно эти вечера расширились и оживились участіемъ въ нихъ не только профессоровъ и ученыхъ — ближайшихъ товарищей Владимира Ивановича (В. Г. Васильевскій, И. П. Минаевъ, бар. В. Р. Розень, Л. Н. Майковъ, Страховъ и друг.), но и другихъ многочисленныхъ почитателей его изъ среды писателей и общественныхъ дѣятелей. Интересъ этихъ собраній, столь достопамятныхъ и незабвенныхъ для учениковъ Владимира Ивановича, возрасталъ періодами въ зависимости отъ происходившихъ крупныхъ событій въ русской и славянской жизни, на примѣръ, во время и послѣ балканскихъ движеній и турецкой войны 1876—78 годовъ, и отъ посѣщенія ихъ славными дѣятелями науки и литературы. Такъ, оставили во мнѣ, какъ, думается, и въ другихъ, неизгладимое впечатлѣніе вечера съ Ѳ. М. Достоевскимъ (въ концѣ 1870 г.), приковывавшимъ къ себѣ общее вниманіе своею интересною личностію и своими вдохновенными и блестящими импровизаціями. Собранія эти, приносившія не малую пользу ученой молодежи, группировавшейся около своего учителя, сыграли также, несомнѣнно, свою роль въ образованіи и развитіи «школы» В. И. Ламанскаго.

Какъ ни увлекался Владимиръ Ивановичъ своими славянскими изученіями и работами, своими публицистическими выступленіями, текущими славянскими дѣлами и современностію, — въ 1887—1888 гг. онъ съ любовью редактировалъ «Славянскія Извѣстія» (органъ славянскаго благотворительнаго общества), въ которомъ самъ много писалъ, — однокожь его сильно влекло снова и въ ту область, которой онъ посвящалъ и въ ранніе годы много силъ и вниманія и для которой онъ и въ эти 80-е—90-е годы продолжалъ трудиться въ императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ, какъ предсѣдатель этнографическаго отдѣленія. Эта область была русская или русско-славянская этнографія въ самомъ широкомъ ея значеніи. Успѣхи русской науки, литературы и образованности въ направленіи всесторонняго отечествовѣдѣнія особенно близко принимались имъ къ сердцу. Его постоянно занимала и удручала мысль, что въ этомъ смыслѣ, какъ и въ области русскихъ историческихъ изученій, у насъ дѣлается крайне мало, и онъ носился съ планами всячески содѣйствовать такимъ начинаніямъ. Въ сферѣ этнографіи ему и удалось сдѣлать многое созданіемъ прекраснаго ученаго изданія «Живая Старина», ставшаго органомъ этнографическаго отдѣленія, и въ этомъ — великая и приснопамятная его заслуга.

Чтобъ вполне охарактеризовать только что отмѣченныя высокія и благородныя стремленія и и тяготѣнія Владимира Ивановича

и вообще для обрисовки его личности я позволю себѣ,—за что читатель, надѣюсь, на меня не посѣтуетъ—привести здѣсь, въ заключеніе своего очерка, три письма изъ собранія писемъ ко мнѣ Владимира Ивановича, которыя кажутся мнѣ весьма интересными и характерными.

Письмо отъ 17 марта 1889 года.

Добрѣйшій Константинъ Яковлевичъ,

«Простите пожалуйста, что поздно откликаюсь на ваше милое письмо. Я не жалѣю, что годъ съ небольшимъ занимался «Славянскими Извѣстіями», но теперь радъ и очень доволенъ, что ихъ бросилъ. Современностью славянской скучно долго заниматься, да и все одно и то же. Быть можетъ, осенью надумаюсь, если лѣтомъ приготовлю одну-другую статью, издать «Сборникъ» и тогда обращусь къ вамъ и другимъ друзьямъ и пріятелямъ съ просьбою о статьяхъ ¹⁾).

«Одна статья или, лучше, тема давно меня разбираетъ. Недавно мнѣ пришла мысль развить ее слегка въ нашемъ филологическомъ обществѣ, выслушать замѣчанія и возраженія, дабы легче было потомъ писать въ маѣ и іюнѣ. Тема вотъ какая: О темныхъ и слабыхъ сторонахъ нашей литературы и о томъ, что бы нужно и что можно сдѣлать для ея подъема?»

«Здѣсь постараюсь обратить вниманіе на ограниченность и узкость такъ называемаго русскаго національнаго направленія, утвердившагося у насъ со временъ Каткова, но не о сферѣ внѣшней и внутренней политики буду распространяться, а объ области просвѣщенія. Катковский взглядъ на русское просвѣщеніе всего лучше выразился въ его проектѣ университетской реформы и изуродованіи нашего факультета.

«Никакими, конечно, желаніями, никакою сознательною и строго-обдуманною дѣятельностью нельзя породить талантовъ творческихъ ни въ искусствѣ, ни въ наукѣ. Но наука, помимо творчества гениевъ и особенно сильныхъ талантовъ, нуждается въ массѣ наблюдений, строго опредѣленныхъ извѣстными правилами, и изслѣдованій предварительныхъ, по точнымъ приемамъ. Эти наблюдения и изслѣдованія могутъ быть совершены по указаніямъ и предписаніямъ людьми, къ тому приготовленными. Обязанность государства помогать такимъ изысканіямъ, поддерживать, вызывать и вести. Таковы астрономическія опредѣленія и картографія, геологическія изысканія, метеорологическія наблюдения. Такого рода обязанность имѣетъ государство и по отношенію къ отечественной исторіи, археологіи и проч. И у насъ сознается—нашъ Эрмитажъ, археологическая коммиссія, наши архивы и археографическія коммиссіи въ Петербургѣ, Кіевѣ, Вильнѣ.

«Но что у насъ по исторіи дѣлается въ настоящее время? Что дѣлается въ Англіи—Master of Rolls, во Франціи, въ Италіи, въ Германіи, даже въ Венгріи, даже въ Галиціи, и какъ сравнительно слаба и ничтожна теперь дѣятельность наша по изученію русской исторіи или исторіи

¹⁾ Мысль о сборникѣ статей въ то время, впрочемъ, не была осуществлена. Но послѣдствіи въ извѣстной степени ея воплощеніемъ явился тотъ академическій сборникъ статей по славяновѣднію въ 2-хъ выпускахъ (1904—095 гг.), который, по почину Владимира Ивановича, уже какъ академика, былъ изданъ академіей наукъ—въ нѣкоторой связи со съѣздомъ славянскихъ философовъ, при участіи какъ русскихъ, такъ и славянскихъ ученыхъ,

русской литературы (нѣтъ доселѣ изданія одного вида и характера, съ одною программою—нашихъ древнихъ памятниковъ!). Изданія русскаго историческаго общества почтенны, но они относятся преимущественно къ XVIII вѣку. Но въ Европѣ сверхъ государства много дѣлаютъ и земства и частные люди. Сверхъ изданія новыхъ или переизданія уже напечатанныхъ, но дурно или несистематически, источниковъ, нужны еще періодическія въ родѣ Archiv'a нѣмецкаго, разныхъ итальянскихъ Archivio, англійскихъ и французскихъ Revue историческихъ, да и нужна подробная библіографія и т. д.

«Мнѣ хочется намѣтить еще нѣсколько вопіющихъ нуждъ нашей литературы. Нужно выработать извѣстныя программы работъ нашихъ по русской, славянской, византійской и проч. исторіи. Указать хочется и на нѣкоторыя другія явленія нашей скудости и на разные способы исправленія ¹⁾».

Слава Богу, есть большая вѣроятность, что съ будущаго академическаго года историко-филологическій нашъ факультетъ будетъ преобразованъ, то есть возстановленъ по-старому съ классическимъ и проч. отдѣленіями съ 3-го курса.

«Очень радъ, что вы кончили или кончаете вашу диссертацию, но жалѣю, что не сообщили, какіе года и моменты вы выбрали? А. Л. Петровъ поѣдетъ въ июль въ Прагу и Вѣну—въ институтъ, занимается XIII вѣкомъ чешской исторіи, займется, конечно, и венгерской исторіей.

«Въ концѣ апрѣля рассчитываю покончить съ экзаменами въ духовной академіи и съ лекціями въ университетѣ и уѣхать на покойныя работы, не прерываемыя никакими засѣданіями и выѣздами въ гости и въ комиссіи, общества и проч.—въ Боровичи, гдѣ у меня теперь дѣлалъ библіотека и куда еще забираю съ собою много всякихъ книгъ».

Въ концѣ письма, рассказавъ о своихъ дѣтяхъ и ихъ успѣхахъ, Владимиръ Ивановичъ прибавляетъ: «Но страшно подумать, какъ мучать дѣвочекъ въ гимназіи. Просто безсовѣстно такъ занимать дѣтей по вечерамъ. Пора, давно пора подумать о пересмотрѣ программъ и пріемовъ преподаванія въ нашихъ женскихъ гимназіяхъ, да и въ мужскихъ не мало дикостей».

Другія два письма касаются изданія «Живой Старины», явившейся плодомъ отгнѣченныхъ выше стремленій, думъ и заботъ Владимира Ивановича о пользахъ русской науки и литературы, и свидѣтельствуютъ о томъ увлеченіи и той энергіи, съ которыми онъ приступалъ къ этому дѣлу, какъ оно и заботило его, и радовало.

23-го марта 1890 г.

«Многоуважаемый Константинъ Яковлевичъ.

«Очень благодаренъ вамъ за письмо и за пріобрѣтеніе подписчиковъ. Наша «Живая Старина» состоится. Только въ нынѣшнемъ году выпустимъ не четыре, а двѣ книжки. Подписчики, внесшіе 5 рублей или 5½ рублей, получаютъ всѣ четыре — первыя двѣ за 1890 года и вторыя двѣ за 1891 годъ. На этой недѣлѣ ужъ мы нѣсколько организовали редакцію. Помощникомъ или товарищемъ моимъ будетъ доцентъ санскритскаго яз.

¹⁾ Всѣ эти и подобныя мысли были развиты нѣсколько позднѣе Владимиромъ Ивановичемъ Ламанскимъ отчасти въ «Предисловіи» къ 1 кн. основаннаго имъ изданія «Живая Старина» (1890 г.), отчасти въ его статьѣ «Три міра» («Слав. Обзоръ» 1891 г.).

ученикъ Минаева С. Ѳ. Ольденбургъ, въ родѣ секретаря будетъ Половинкинъ, славистъ, аккуратнѣйшій и исправнѣйшій человѣкъ.

«Одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, Романовъ въ Витебскѣ, уже не спрашивая нашего согласія, напечаталъ въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» чуть ли не цѣликомъ наше заявленіе о «Живой Старинѣ». Просить не смѣю, но ничего не имѣю противъ и даже лично буду радъ и благодаренъ, если «Варшавскій Дневникъ» и «Филологическій Вѣстникъ» тоже напечатаютъ что найдутъ нужнымъ изъ заявленія и прибавятъ и отъ себя свои пожеланія и указанія, чего они отъ насъ ждутъ. Поблагодарите отъ меня всѣхъ за сочувствіе и передайте всѣмъ знакомымъ поклонъ.

«Вашъ В. Ламанскій».

Наконецъ еще черезъ годъ, въ апрѣлѣ (25-го) 1891 года, Владимиръ Ивановичъ писалъ:

«Любезнѣйшій и добрѣйшій Константинъ Яковлевичъ,

«Поздравляю васъ съ праздникомъ и сердечно желаю вамъ и всему семейству вашему добра и благополучія и благодарю васъ очень за вашъ лестный отзывъ о «Живой Старинѣ» въ «Дневникѣ» и за статью о Шапкаревѣ. Она пойдетъ уже въ 4-ю книжку. «Живая Старина» меня очень занимаетъ; я отдался ей съ полнымъ увлеченіемъ. Подписчиковъ, увы, еще мало—за 340, кажется, уже дошло до 350. Вторая и третья книжки стоятъ не дорого, по 500 рублей съ бездѣлицей, а первая (въ 2.000 экземпляровъ въ дорогой, хотя и дурной типографіи) вмѣстѣ съ разсылкой даровой и разсылкой программъ стоила дорого—1.100 рублей слишкомъ. Всѣ у насъ трудятся даромъ. Только одинъ молодой человѣкъ—держитъ большую часть первыхъ корректуръ—получилъ и то пока всего 100 руб. Дорого стоитъ пересылка (4 кн.—80 коп.) и книжка слишкомъ велика—и потому дорога. Впрочемъ, если къ декабрю-январю прибавится еще 150 подписчиковъ, то второй годъ можно считать обеспеченнымъ.

«Журналъ у меня беретъ много времени, но я нынче какъ-то сумѣлъ справиться съ дѣломъ. Нынче засаживаюсь за новую еще работу, за цѣлый большой и страшный трудъ, впрочемъ, по частямъ давно, давно уже веденный. Ужасно бы хотѣлось хорошенько и до конца его обдѣлать, конечно, на первый разъ полной равномерности въ немъ не можетъ быть. Что это такое—пока секретъ ¹⁾.

«Кажется, «Живая Старина» улучшается, второй выпускъ лучше перваго, третій лучше, кажется, второго. Слабъ отдѣлъ критики и библиографіи, но просишь, просишь—общаются и не даютъ. Мало охотниковъ писать даромъ. Я и В. за то продернулъ во второй книжкѣ, былъ просто на него сердитъ за то, что мнѣ сказалъ: «Вѣдь вы гонорару не дадите?» По-моему, это просто... Разсчитываю теперь на выписку журнала въ библиотеки гимназій и другихъ учебныхъ заведеній; разошлемъ на дняхъ циркуляръ въ разные ученые комитеты—прахъ ихъ возьми,—учительство само бы, кажется, могло понять пользу такихъ изданій. Всего замѣчательнѣе, что въ провинціи есть подписчики даже между учителями городскихъ училищъ, а ни одинъ учитель гимназій въ Петербургѣ не подписался на нашу журналъ. Изъ блага духовенства только двое:

¹⁾ Надо думать, что здѣсь разумѣется начало труда Владимира Ивановича надъ кирилло-меоидіевскимъ вопросомъ, который его долго занимать, надъ которымъ онъ работалъ долго, хоть и урывками. Замѣчательная часть этого не доведеннаго до конца изслѣдованія появилась только въ 1903 году (въ «Журн. Мин. Нар. Просв.») подъ заглавіемъ «Славянское жительство св. Кирилла, какъ религіозно-эпическое произведеніе и историческій источникъ».

одинъ священникъ (профессоръ духовной академіи) въ Петербургѣ, другой въ Г-мъ уѣздѣ и одинъ изъ чернаго—архимандритъ въ Москвѣ (Арсеній). Да еще Наумовичъ и Николаевскій въ Вѣнѣ. Также и высокопоставленные лица: Д. Милютинъ, Бунге, вашъ дядя ¹⁾, Ровинскій и еще два-три человѣка; ни одинъ министръ, ни одинъ попечитель, за исключеніемъ Яновскаго и Лавровскаго. Въ четвертой книжкѣ я думаю помѣстить эти любопытные выводы.

Вскорѣ думаю уѣхать изъ Петербурга, куда въ концѣ мая опять приѣду на два послѣдніе государственные экзамена. Лѣтомъ мнѣ еще предстоитъ удовольствіе искать новую квартиру и перевозить вещи и книги. Въ іюнѣ рассчитываю съ Володей съѣздить въ Москву на выставку и затѣмъ по Смоленской дорогѣ въ Бѣлую Русь. Хочется побывать въ имѣніи Куторги (близъ Мстиславля), поискать тамъ писемъ Прейса и переглядѣть различные его бумаги и замѣтки. Не правда ли, его письма (3 кн.) интересны?

«Очень радъ, что вы не оставляете исторіи Венгрии. Статьи вашей въ «Русскомъ Вѣстникѣ» еще не прочелъ.

«Передайте мой поклонъ Будиловичу, Зигелю, Кулаковскому. Скажите Зигелю, что былъ бы ему очень благодаренъ, если бъ онъ опять побывалъ у меня (въ Боровичахъ), но только подольше, чѣмъ въ прошломъ году. Мнѣ надо бы было его поэксплуатировать для моего труда по части права. Такъ ему и скажите.

«Женѣ вашей низжайшее почтеніе.

«Душевно вамъ преданный В. Ламанскій».

«Вчера Василій Григорьевичъ Васильевскій опять прихворнулъ. Со всѣмъ нехорошо болѣетъ Кояловичъ. Я видѣлъ его въ среду на Страстной—нашелъ его весьма худымъ. Сегодня былъ у меня Пальмовъ, видѣвшій его въ воскресенье: говорить, что ничего не лучше.

Къ сожалѣнію, въ этой небольшой поминкѣ я не имѣю возможности даже слегка коснуться еще многихъ важныхъ сторонъ и моментовъ многообразной и плодотворной ученой, публицистической и общественной дѣятельности Владимира Ивановича. Такой широкой и богатой темы не объять вообще въ журнальной статьѣ или біографическомъ очеркѣ. Достойно описать и охарактеризовать жизнь, труды и огромное духовное наслѣдіе почившаго ученаго и дѣятеля—задача большая, сложная, но и благодарная, требующая не только основательнаго изученія, но и любви и одушевленія къ предмету. Такая біографія, широко построенная, была бы вмѣстѣ съ тѣмъ исторіей цѣлой интереснѣйшей и важной эпохи нашего культурнаго и національнаго развитія, въ которой покойный занимаетъ такое центральное, видное и почетное мѣсто. Надо желать, чтобъ за такой трудъ взялся кто-нибудь, на него способный, пока еще обильны сохранившіеся въ архивѣ покойнаго и у современниковъ матеріалы, свѣжа память и живы воспоминанія. Подъ талантливымъ и искуснымъ перомъ Ламанскій и его жизнь станутъ для всѣхъ яркой и увлекательной страницей русской культурной исторіи XIX вѣка.

К. Гротъ.

¹⁾ К. К. Гротъ, членъ Государственнаго Совѣта.

РУССКІЕ ПОЭТЫ О СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНѢ.

Ы ПЕРЕЖИВАЕМЪ рѣдкій историческій моментъ. Послѣ многолѣтней внутренней разрухи и междоусобицы, послѣ упорной и ожесточенной борьбы различныхъ общественныхъ партій, слоевъ, группъ и кружковъ, Россія забыла всѣ внутренніе раздоры и, сплотившись въ одну великую единоклубную семью, дружно поднялась навстрѣчу врагу, долго и внимательно готовившемуся на борьбу съ нами. Безусловно, такое громадное по своей важности и значенію историческое событіе, какъ нынѣшняя война, глубоко всколыхнуло всю Россію, подняло могучую волну чистѣйшаго и благороднѣйшаго патріотизма во всѣхъ кругахъ народа, доставило намъ незабываемыя переживанія и впечатлѣнія и возбудило лучшія, святѣйшія чувства души. Вполнѣ понятно, что этотъ безпримѣрно высокій и согласный порывъ народа долженъ былъ и дѣйствительно нашелъ себѣ чуткій откликъ въ лицѣ самыхъ чуткихъ и впечатлительныхъ выразителей народныхъ думъ и чувствъ—поэтовъ. Всеобщее согласіе и единомысліе, однородность общественныхъ интересовъ, надеждъ и внутреннихъ запросовъ выразились въ томъ, что поэты самыхъ различныхъ направленій и величинъ слили свои голоса въ общемъ, единоклубномъ и стройномъ хорѣ. Но это единство основной темы не помѣшало проявленію разнообразія поэтическихъ образовъ, картинъ и настроеній. Каждый поэтъ—уже признанный или молодой, начинающій—всѣ по-своему выражаютъ свои думы, по-своему воплощаютъ

въ поэтическихъ образахъ и краскахъ свои чувства и переживанія, общій же смыслъ, общее чувство вездѣ одно, какъ одинъ интересъ и одно несчастье у всей Россіи. Въ настоящей замѣткѣ мы и попытаемся по мѣрѣ возможности прослѣдить, какъ выразились эти глубокія переживанія народа въ нашей поэзіи, какіе мотивы въ ней зазвучали, какими чувствами откликнулся русскій народъ на разразившуюся военную грозу, какіе помыслы и надежды горятъ въ немъ, каковы его порывы, стремленія и какъ передали совокупность всѣхъ этихъ явленій стихи нашихъ поэтовъ.

Выпущенный съ симпатичной благотворительной цѣлью—«на помощь пострадавшей Польшѣ»—сборникъ стихотвореній подъ редакціей Б. Б. Глинскаго «Современная война въ русской поэзіи»¹⁾ является первымъ путеводителемъ въ этой области, и при помощи его мы и рассмотримъ наиболѣе характерныя произведенія поэтической литературы нашихъ бурныхъ дней.

Балканскіе славяне въ лицѣ доблестныхъ сербовъ первые приняли на свою грудь тяжелый ударъ Австро-Венгрии, и къ ихъ историческому испытанію не могла остаться равнодушной наша поэзія. Еще со временъ Тютчева, Хомякова, Аксакова и другихъ судьба зарубежнаго славянства глубоко волновала русскихъ, и въ современныхъ стихотвореніяхъ поэты разныхъ направленій и лагерей соединяются въ общемъ чувствѣ горячей симпатіи, безпредѣльнаго уваженія передъ героизмомъ и стойкостью въ борьбѣ съ вѣковымъ сильнымъ врагомъ и передъ свѣтлой радостной надеждой на скорое и крѣпкое объединеніе всего свободнаго славянства съ Россіей, ихъ старшей сестрой, какъ предсказывали когда-то Тютчевъ и славянофилы. Появились красивыя переложенія сербскаго національнаго гимна (Леонидъ Афанасьевъ), И. Пересвѣтовъ вспомнилъ въ балладѣ «Домбровна» блестящую страницу исторіи славянства—знаменитую Грюнвальдскую битву 1410 года; полна тихой грусти и сочувствія Сербіи передъ надвигающейся боевой грозой «Сербская пѣсня» Н. А. Карпова:

Слова ты будешь, родная,
Участь оплакивать вдовью,—
Тихія воды Дуная
Снова окрасились кровью.

Вторгнулся врагъ кичливый,
Волкомъ онъ рыщетъ насытымъ;
Наши родимыя нивы
Топчетъ онъ конскимъ копытомъ.

Слышимъ,—труба боевая
Воетъ звончѣй и побѣднѣй,

¹⁾ «Современная война въ русской поэзіи», Петроградъ. 1915. Стр. 276. Цѣна 2 рубля.

Храбрыхъ бойцовъ призывая
Къ битвѣ кровавой, послѣдней.

Дрогнуть отъ топота нивы,
Дрогнетъ земная уроба;
Слыша родные призывы,
Мертвые встанутъ изъ гроба.

Воззваніе нашего верховнаго главнокомандующаго къ австро-венгерскимъ славянамъ, изстрадавшимся подъ непомѣрно тяжелымъ игомъ германизма, вызвало однородный поэтический призывъ князя Голицына-Муравлина:

Славяне, мы идемъ! Тотъ день наступитъ вскорѣ,
Когда, въ сіяніи любви и торжества,
Славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ,
И Русь произнесетъ великія слова:
«Освобожденные, я къ вамъ пришла съ любовью!
Всевышній мнѣ помогъ вамъ радость принести.
Я проложила путь для васъ своею кровью,
Объединитесь всѣ на томъ святомъ пути!
То для славянства путь любви и возрожденья,
Работы творческой исконныхъ свѣтлыхъ силъ.
Пусть вѣдаетъ весь міръ, что для объединенья,
Для общаго труда Господь васъ воскресилъ».

Яркій образъ недалекаго объединенія славянства съ Россіей, въ свое время напечатанномъ въ «Историческомъ [Вѣстникѣ]» далъ Ив. Соколовъ въ красивомъ стихотвореніи «Славянскіе орлы». Тотъ же мотивъ сквозитъ въ «Славянскомъ гимнѣ» Александра Бахирева.

Много стихотвореній въ сборникѣ посвящено подъяремной Галицкой Руси. Радужныя надежды на близкое освобожденіе галичанъ и соединеніе ихъ съ родной Русью сулитъ Н. В. Хвостовъ.

Блѣднѣетъ мракъ, уходитъ ночь,
Въ сіяніи день родится новый.
Вставай, возлюбленная дочь,
Снимай разбитыя оковы!

Довольно слезъ ты пролила,
Томясь въ страданьи на чужбинѣ:
Подъ сѣнь родимаго крыла
Вступай, свободная отнынѣ!

Я—мать, печальница твоя,
Пади же, дочь, въ мои объятія!
Давно ужъ ждешь тебя семья:
Сестра Москва и съ нею братья.

Со всѣхъ концовъ родной земли
Сыны ея стремятся къ бою,
Они, Галиція, пришли
Къ горамъ Карпатскимъ за тобою.

Нѣтъ на рукахъ твоихъ цѣпей,
Разрушенъ сводъ тюрьмы суровой,—
Сливайся съ родиной своей
Великой, Малой, Бѣлой, Новой!

Красивый «Сонетъ» посвятилъ Червонной Руси А. Мейснеръ въ немъ чувствуется задушевная искренность и горячая любовь къ роднымъ и по языку, и по крови страдальцамъ, въ немъ звучать тѣ же мотивы о близкомъ освобожденіи и свѣтятся тѣ же надежды на свободное и счастливое историческое будущее.

Гляжу впередъ безъ страха,—не робѣя.
Восходятъ тѣни гдѣ-то далеко:
Хмельницкаго, Шевченка, Кочубея...
За ними—тѣнь слѣпого Василько.
...За рубежомъ... Тамъ сердцу не легко...
За рубежомъ... Но та же все Украина.
И тѣ же ночи, темныя, какъ тайна,
И тѣ же сны Оксаны и Грицко...
Далекъ ли путь отъ Львова до Полтавы!
Поставимъ стягъ единой русской славы!
Единая наслѣдственная кровь
Сольетъ въ одно и наши пѣсни, степи...
Страна славянъ, твои разбиты цѣпи
И ждуть тебя Свобода и Любовь.

Съ настроеніемъ написана изящная «Галицкая пѣсня» Георгія Иванова, и очень эффектно посвященное генералу Н. В. Рузскому образное и яркое стихотвореніе И. Пересвѣтова «Ночи темны, тучи грозны»...

Не останавливаясь далѣе на другихъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ балканскому славянству, замѣтимъ только, что всѣ они дышатъ глубокой, нерушимой увѣренностью въ томъ, что за военной грозой наступитъ яркій солнечно-свѣтлый день, политическая атмосфера очистится и разъединенное доселѣ славянство сольется, какъ ручьи и рѣки въ море, въ одно могучее, свободное и родное цѣлое. Даже теперь, когда гроза только что началась, когда «по землѣ громъ небывалый прошелъ перекатами», уже становится замѣтно это приближающееся проясненіе и освѣженіе.

Развѣ не легче дышать? Кругозоръ
Развѣ не шире? Гроза небывалая
Тучи разноситъ... и въ выступахъ горъ
Ярко заря загорается алая...

(Стих. «Гроза» В. Опочинина).

Больше всего вызвала къ себѣ сочувствія трагическая судьба разгромленной и растерзанной на части врагами Польши. На первомъ мѣстѣ здѣсь нужно поставить сильное стихотвореніе Т. Щепкиной-Куперникъ «Наша младшая сестра», полное тихой печали

и задушевности. Нарисовавъ жуткую картину военного разгрома мирныхъ селеній и городовъ Польши, поэтесса говорить:

Вся израненная, Польша,
Утопаешь ты въ крови,
Но не бойся, есть въ Россіи
Много силы и любви.

Ты, сестра, за насъ страдала,
Жертва бѣдная, прости,—
Мы твои залечимъ раны,
Мы должны тебя спасти.

Мы дѣтей твоихъ накормимъ,
Обогрѣемъ бѣдняковъ,
Пріютимъ несчастныхъ братьевъ
И вернемъ имъ отчій кровъ.

Всепрощенья, примиренья
И любви святой залогъ
Въ эту тяжкую годину
Намъ найти поможетъ Богъ.

Для родной и близкой Польши
Кто что можетъ—пусть даетъ;
Дайте щедро, дайте больше
Хлѣба, ласки и заботъ.

Пусть увидитъ, что за бурей
Будетъ свѣтлая пора,—
Оживетъ и встанетъ Польша—
Наша младшая сестра.

Чувство долга помощи разгромленной Польшѣ въ часъ ея тяжкаго историческаго испытанія и горячія желанія ея возрожденія слышны въ стансахъ Ѳедора Сологуба:

Не дли ея страданій дольше—
Молю великаго Отца,—
Перемѣни великой Польшѣ
На лавры тернія вѣнца.

Въ другомъ стихотвореніи «Братьямъ» Ѳедоръ Сологубъ говоритъ устами поляка, совѣтующаго дѣтямъ итти къ русскимъ изъ своихъ разоренныхъ гнѣздъ,—

Не бойтесь: въ русскихъ городахъ
Мы всѣ друзей и братьевъ встрѣтимъ.

Какъ бы въ отвѣтъ на воззваніе нашего верховнаго главнокомандующаго къ полякамъ, Валерій Брюсовъ написалъ стихотвореніе «Польшѣ», въ которомъ побѣдно и ясно слышится непоколебимая вѣра, что для Польши настаетъ воскресеніе и что близокъ день начала ея счастливаго существованія на лонѣ объединеннаго славянскаго братства вмѣстѣ съ великой Россіей. Вотъ это стихотвореніе:

ПОЛЬШЬ.

Орель одноплеменный!
 ...Вѣрь слову русскаго народа:
 Твой пепелъ мы свято бережемъ,
 И наша общая свобода,
 Какъ фениксъ, возродится въ немъ:

Э. Тютчевъ.

Провидецъ! Стихъ твой осужденный
 Не наше ль время прозрѣвалъ,
 Когда «орель одноплеменный»
 Напрасно крылья расширялъ!

Сны, что тебѣ туманно снились,
 Предстали намъ, воплощены,
 И вѣщимъ свѣтомъ озарились
 Въ багровомъ заревѣ войны.

Опять родного намъ народа
 Мы стали братьями,—и вотъ
 Та «наша общая свобода,
 Какъ фениксъ», править свой полетъ.

А ты, народъ скорбей и вѣры,
 Подъявшій вмѣстѣ съ нами брань,
 Услышь у гробовой пещеры
 Священный возгласъ: «Лазарь, встань!»

Ты, бывший мертвымъ въ этомъ мѣрѣ,
 Но тайно памятный Судьбѣ,
 Ты—званный гость на нашемъ пирѣ,
 И первый нашъ привѣтъ—тебѣ!

Просторъ родимаго предѣла
 Единымъ взоромъ облегла,
 И крики «Польска не сгинѣла!»
 По-братски съ русскимъ гимномъ слей.

Тѣ же мотивы и тотъ же общій смыслъ имѣютъ и другія стихотворенія, но это не дѣлаетъ ихъ однообразными и скучными, такъ какъ у каждаго поэта находятся новыя слова сочувствія и утѣшенія страждущей Польшѣ, новыя образы, новыя штрихи и отѣнки. Такъ, напримѣръ, Бенедиктъ въ концѣ своего сонета говоритъ:

Не надо пышныхъ фразъ, не время суесловью,—
 Сильнѣе не скрѣпить связующихъ насъ узъ:
 Тѣ узы снаяны пролитой вмѣстѣ кровью!

О, Польша! Пусть удѣлъ твой пынѣ и печаленъ,—
 Недолго ужъ нести невзгодъ и бѣдствій грузъ,
 И обновленною ты встанешь изъ развалинъ.

Большою прочувствованностью вѣтъ отъ стихотворенія Сергѣя Жопыткина, заканчивающагося слѣдующимъ братскимъ обѣтомъ:

Не плачь, сестра! Злодѣйствамъ вражымъ
Придетъ конецъ... близка пора—
Твои мы раны перевяжемъ,
Мы исцѣлимъ тебя, сестра!

Двойственная нерѣшительность, выжиданіе и скрытая вражда болгарскаго правительства къ общему дѣлу славянъ, а отсюда нежеланіе Болгаріи принять участіе въ общей исторической борьбѣ славянства за свое освобожденіе отъ воинствующаго германизма, за право свободной самобытности и національнаго саморазвитія вызвали по адресу Болгаріи цѣлый рядъ стихотвореній, полныхъ горячихъ упрековъ за измѣну, глубокой скорби и дружественныхъ страстныхъ призывовъ къ братскому объединенію. Съ большимъ пафосомъ написано стихотвореніе Н. К. Савенко-Новоспасской «Болгарамъ», особенно же рѣзко и выразительно небольшое чеканное стихотвореніе Сергѣя Маковского:

Болгары! Кровь зоветь къ отвѣту...
Предательства не утаить.
Славяно-русскому завѣту
Ужель не быть?

Иль все забыто? И не виденъ
Со стѣнъ Софіи Петроградъ?
И гнетъ Стамбула не обиденъ?
И сербъ—не братъ?

Иль ваша честь врагамъ послушна?
И крови, пролитой за васъ,
Вы устыдились малодушно
Въ кровавый часъ?

Въ кровавый часъ пылаетъ грозно
Россіи вѣщая любовь.
Болгары! Братья! Будетъ поздно.
Отмстится кровь.

Какъ же было встрѣчено объявленіе войны, какіе мысли и порывы возбудила она, какія надежды загорѣлись въ сердцахъ поэтовъ, какія чувства наполнили сердца, какіе картины и эпизоды наиболѣе привлекаютъ ихъ вниманіе, какъ и во что вылились ихъ настроенія и переживанія, какъ отразилось все это черезъ ихъ поэтическую призму?

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ и строго вычерченнымъ звучнымъ стихотвореніемъ отозвался Валерій Брюсовъ.

Свершилось! Рокъ рукой суровой
Приподнял завѣсу временъ.
Предъ нами лики жизни новой
Волнуются, какъ дикій сонъ.

Покрывъ столицы и деревни,
Взвились, бушующа, знамена.
По пажитямъ Европы древней
Идетъ послѣдняя война.

Подъ топотъ армій, громъ орудій,
Подъ ньюпора гудящей летъ,
Все то, о чемъ мы, какъ о чудѣ,
Мечтали, можетъ быть, встаетъ!

Вѣдь слишкомъ долго мы коснѣли
И длили Валтассаровъ пирь!
Пусть, пусть изъ огненной купели
Преображенный выйдетъ мѣръ!

Пусть падаетъ въ провалъ кровавый
Строенье шаткое вѣковъ,—
Въ невѣрномъ озареньи славы
Грядущій мѣръ да будетъ новъ!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть съ гуломъ падаютъ столбы,—
Началомъ мира и свободы
Да будетъ страшный годъ борьбы!

И далѣе поэтъ высказываетъ надежду на то, что эта послѣдняя война сулитъ міру близкое возрожденіе на обломкахъ разрушенной современности и новое недалекое преображеніе подъ началомъ мира и свободы.

Дмитрій Цензоръ, этотъ типичный поэтъ-петербуржецъ, чуткій выразитель «интеллигентскихъ» мечтаній и думъ, въ началѣ своей «Пѣсни о смерти» какъ будто поддался нѣкоторымъ колебаніямъ, неувѣренности въ своей силѣ, въ ней звучатъ грустные мотивы:

Какъ я жалокъ, какъ я малъ
Передъ часомъ, что насталь...

Но въ концѣ стихотворенія это чувство растерянности исчезаетъ, и уже слышатся стойкіе и опредѣленно-увѣренные мотивы, чувствуется какая-то мистическая просвѣтленность:

Смерть, возьми меня съ собой
Въ этотъ бой, всемірный бой,
Что волнами жаркой крови
Духъ земной очиститъ вновь.
Кто отступитъ предъ судьбой?
Смерть, возьми меня съ собой!

Въ другомъ стихотвореніи, въ «Стансахъ о войнѣ», Дм. Цензоръ, отрѣшившись отъ своей минутной растерянности, говоритъ, что въ мѣрѣ не было священнѣй и правдивѣй войны, чѣмъ современная, что война сулитъ намъ великое будущее, что намъ «былъ

нуженъ глаголь изъ стали, былъ нуженъ всенародный сдвигъ», что странѣ нужно это «очищеніе огнемъ».

Твердая увѣренность въ правотѣ того, за что мы принуждены бороться съ напавшимъ на насъ врагомъ, и непоколебимое убѣжденіе, что Богъ поможетъ намъ побѣдить, проходить черезъ все величаво-простое, суровое стихотвореніе Ѳедора Сологуба:

На начинающаго Богъ!
Вѣщанью мудрому повѣрьте.
Кто шлетъ сосѣдямъ злыя смерти,
Тотъ самъ до стона изнемогъ.

На начинающаго Богъ!
Его твердыни станутъ пылью,
И обречетъ Господь безсилью
Его, зачинщика тревогъ.

На начинающаго Богъ!
Его кулакъ въ бронѣ желѣзной,
Но разобьется онъ надъ бездною
О нашъ незыблемый чертогъ.

Этотъ же бодрый мотивъ горячей вѣры въ правоту нашего дѣла, эти надежды на нашу грядущую побѣду слышны и во многихъ другихъ стихотвореніяхъ, гдѣ поэты даютъ освѣщеніе надвинувшимся военнымъ явленіямъ и изъясняютъ основной характеръ нашей родины. Изъ таковыхъ стихотвореній особенно запоминаются и по оригинальной разработкѣ этой темы, и по своей красочности помѣщенные въ разсматриваемомъ нами сборникѣ стихотворенія «Благовѣсть боя» К. Бальмонта, «Воскресеніе богатыря» Аполлона Коринфскаго, «Война за миръ» Вл. Гиляровскаго, «18-го іюля 1914 года» М. Веселковой-Кильштетъ, «Salute» М. Андреева, «Съ нами Богъ» Н. Б. Хвостова, «О, Русь!» Маугли, «Русь» Евгениі Намѣтниченко и друг.

Но этими общими, такъ сказать, представленіями объ исходѣ и характерѣ войны, объ историческихъ цѣляхъ и задачахъ Россіи, связанныхъ съ нею, наши поэты далеко не ограничиваются, разрабатывая въ своихъ произведеніяхъ рядъ конкретныхъ случаевъ изъ современной военной эпопеи и давая не мало типичныхъ жанровыхъ картинъ боевой страды. Оригинальное стихотвореніе В. Мазуркевича даетъ красочно выписанный страшный образъ Войны, которая вихремъ мчится по полямъ, стараясь догнать ряды движущихся въ битву войскъ. Вотъ этотъ жуткій образъ:

Смерть сѣдлаетъ во тѣмѣ боевого коня,
Смерть, ликуя, хрипитъ: «Подождите меня!
Жаднымъ ухомъ слышавъ тревогу,
Я спѣшу, я лечу на подмогу.

Проложили мнѣ люди дорогу вездѣ:
 Въ облакахъ, на землѣ, надъ водой и въ водѣ.
 Всюду люди меня славословятъ,
 Жгутъ куренья и жертвы готовятъ;
 Цѣлый міръ обративъ въ мой кощунственный храмъ,
 Въ немъ вы служите смерти, какъ Богу:
 Стоишь страдальцевъ—мой гимнь, дымъ костровъ—ниміамъ,
 Я лечу, я лечу на подмогу!
 И несется костью, припадая къ коню,
 И, ликуя, хрипитъ: «Догоню! догоню!»

Печальную бытовую картинку рисуетъ наша сотрудница М. Г. Веселкова-Кильштетъ въ стихотвореніи «Ушли»; много искренней грусти слышится въ другомъ ея стихотвореніи—«Братскія могилы». Глубокою и какой-то трогательно-интимною лирикою проникнуто стихотвореніе Вл. П. Лебедева «Образокъ». Ив. Соколовъ въ изящномъ по своей простотѣ стихотвореніи «Ушли» воспроизводитъ нѣжный образъ женщины, проводившей на войну близкаго человѣка; строго и печально смотритъ она на стальные рельсы желѣзной дороги и въ сотый разъ беззвучно креститъ

Тотъ путь, гдѣ скрылся красный глазъ,
 Куда ушли они такъ скоро...

Цѣлый рядъ картинокъ съ натуры изображенъ въ изящныхъ стихотвореніяхъ князя Ѳ. Касаткина-Ростовскаго, изъ которыхъ особенно выдѣляются и по оригинальности сюжета, и по глубинѣ настроенія «Всеношная» и «Въ избѣ лѣсника». Слѣдуетъ отмѣтить также музыкальное и образное стихотвореніе Н. Кашталинской «Надъ міромъ смерть свои простерла крылья...» Эта поэтесса, стихи которой появляются на страницахъ провинціальной печати, обладаетъ счастливою способностью ярко и звучно передавать въ оригинальныхъ запоминающихся поэтическихъ краскахъ свои настроенія, мысли и чувства, и ея произведеніе положительно намъ кажется однимъ изъ лучшихъ стихотвореній, которыми откликнулась наша провинціальная печать на нынѣшнюю войну. Прелестна трогательная и захватывающая лирическая «Пѣсня надъ рубашкой» Т. Щепкиной-Куперникъ. Въ ней талантливому автору удалось передать тѣ просвѣтленныя войною грустныя чистыя думы женщины, которая шьетъ рубашку для своего милаго, сражающагося гдѣ-то въ далекомъ краю, и думаетъ,—попадетъ ли ея работа ему или другому, чужому,—пусть она согрѣетъ его, доставитъ ему минуту удовольствія, замѣнитъ ему въ сырыхъ окопахъ его измокшую грязную ветошь.

Кто бъ ты ни былъ, мой воинъ безвѣстный,
 Но съ надеждой въ работу мою
 Я съ молитвой Царицѣ Небесной
 Образокъ освященный зашью.

Боже мой, Боже мой! Доживу ли?..
 Но пускай тебя въ битвѣ, какъ щить,
 Отъ меча и отъ вражеской пули
 Мягко вымытый холстъ защититъ!

Въ немъ жаркія слезы защиты,
 Всѣ тревоги безсонныхъ ночей...
 Въдѣ иной, въдѣ надежнѣй защиты
 Не найти мнѣ для жизни твоей.

Вдругъ—ниспослано будетъ судьбою
 Словно чудо какое-нибудь,
 Бѣлый холстъ мой прикроетъ собою
 Моего ненагляднаго грудь?..

Не его—не его—такъ другого!
 Для него пусть другая сошьетъ...
 Все равно для кого—я готова
 Просидѣть всю-то ночь напролетъ!

Сколько женщинъ отъ края до края
 Наклоняются нынче къ шитью,
 И дрожить въ нихъ душа, замирая,
 О любимыхъ, далекихъ—въ бою...

Сколько молятъ въ тоскѣ безутѣшной,
 Какъ и я, на великой Руси:
 Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшной—
 Моего дорогого спаси!

Сердце мое надрывается,
 Кровью оно обливается...
 Что я могу еще дать?
 Только—плакать, молиться и ждать!

Жуткій обликъ мародера рисуетъ Сергѣй Михѣевъ, отозвавшійся на войну многими хорошими стихотвореніями.

Новыя техническія усовершенствованія въ военномъ дѣлѣ и новые способы войны не только на землѣ и на водѣ, но и подѣ землей, подѣ водой и даже въ воздухѣ подѣ облаками тоже, конечно, не могли не отразиться въ творческомъ зеркалѣ поэтовъ. Аэропланы и аэростаты очень часто фигурируютъ теперь въ стихотвореніяхъ то въ видѣ легкой ласточки, то въ образѣ хищнаго коршуна, который упорно вьется въ недосыгаемой небесной лазури, высматриваетъ всѣ передвиженія войскъ, планы ихъ расположенія, укрѣпленій и мечетъ сверху смертоносныя бомбы въ беззащитные мирные города и соборы. Воздушная дуэль съ нѣмецкимъ цепелиномъ знаменитаго французскаго летчика Роланда Гарро, геройская смерть Нестерова, бросившагося на непріятельскій аэропланъ и погибшаго вмѣстѣ съ врагомъ, вызвали много поэтическихъ откликовъ, изъ которыхъ выдѣляются «Памяти Нестерова» А. Рославлева,

Вл. Черевкова «Пѣсня о Нестеровѣ» и Г. Галипой «На смерть летчика». Подводная лодка представляется поэту В. Вегену въ видѣ хищной коварной акулы, скрывающейся за выступами подводныхъ скаль и зорко выслѣживающей на поверхности моря не подозрѣвающую страшной опасности жертву, чтобы ядовитымъ укусомъ погубить ее, а самой быстро скрыться въ морскую глубину до другой роковой встрѣчи съ новымъ непріятелемъ.

Безпримѣрная храбрость и лихіе подвиги нашего славнаго казачества вызвали много стихотвореній, въ которыхъ съвозитъ чувство удивленія и преклопенія передъ ихъ доблестью и беззавѣтною вѣрностью родиѣ. Изъ этихъ произведеній нужно отмѣтить стильное и звучное стихотвореніе Вл. Воинова «Голосъ Дона», «Сторожевой пикетъ» г. Тихобережскаго и «Въ станицѣ» В. Опочнина, гдѣ рисуется картина мобилизаціи въ казачьей станицѣ и сбсровъ въ походъ. Эффектна «Казачья пѣсня» Н. Агнивцева, написанная на манеръ народныхъ пѣсенъ и охотно распѣваемая, какъ говорятъ, въ войскахъ.

Не мало стихотвореній посвящено славной памяти нашихъ почившихъ героевъ. В. Рутковскій заключаетъ свое стихотвореніе слѣдующими прочувствованными строфами:

Вы пали у пушекъ «Паллады»,
 Въ дремучихъ Карпатскихъ лѣсахъ.
 Герои не ждали награды,—
 Награда ихъ ждетъ въ небесахъ.
 Вашъ даръ драгоцѣненъ отчизнѣ.
 И вѣрьте—изъ вашей крови
 Мы встанемъ къ торжественной жизни—
 Свободы, добра и любви.

Свѣтлый обликъ геройски почившаго князя-визязя Олега Константиновича вызвалъ прекрасныя стихотворенія Т. Щепкиной-Куперникъ и Вл. Жуковскаго.

Запоминается также стихотвореніе молодого поэта Вл. Краковецкаго «Миръ павшимъ». На поле ночью послѣ боя слетаетъ ангелъ и, склонивъ колѣна, какъ нѣжный братъ, ласкаетъ лица убитыхъ солдатъ.

На влажныхъ травахъ лучи сверкали.
 Роса роняла алмазовъ пыль.
 Кругомъ молились ночныя дали,
 И плакать нѣжно сухой ковыль...
 — Миръ павшимъ братьямъ... Васъ много пало!..
 И ангелъ тихо ронялъ слезу.
 Молитвѣ небо вверхъ внимало,
 Безъ словъ молилась земля внизу...

Глубокимъ трагизмомъ вѣетъ отъ судьбы несчастной матери, отправившей на войну своего сына. Еще когда-то Некрасовъ въ «истор. еяги.», январь 1915 г., т. сxxxix,

своихъ жгучихъ стихахъ воспѣлъ свѣтлыя искреннія слезы матерей, которыя никогда не могутъ

... Забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой пшѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

И современные поэты посвятили долѣ этихъ бѣдныхъ матерей много стихотвореній, изъ которыхъ особенно хороши «Послѣднее прощаніе матери» И. Гриневской и «Мать» В. Вадимовой. Чисто въ некрасовскомъ духѣ и съ трогательнымъ непосредственнымъ лиризмомъ написана А. Дрождиннымъ «Орина, мать солдатская»; образъ старухи-матери, молящейся всю ночь о сынѣ, ея сомнѣнія, надежды, предчувствія, волненія и горячая простая вѣра въ помощь Заступницы переданы поэтомъ просто, безъ излишней сентиментальности и производятъ глубокое впечатлѣніе.

Трогательный обликъ сестры милосердія, этой безкорыстной подвижницы нашихъ дней, также нашелъ себѣ отраженіе въ стихахъ. Чувствомъ искренняго преклоненія передъ тяжелымъ и смиреннымъ подвигомъ сестры проникнуто изящное стихотвореніе А. Воина. Дм. Цензоръ рисуетъ нѣжный привлекательный образъ интеллигентной петроградской барышни, бросившей все удобства тихаго семейнаго уюта и ушедшей туда, «гдѣ стонетъ бранная равнина», «къ бойцамъ на поле брани приложить къ кровавой ранѣ хрупкіе персты». Не могло не вызвать патріотическаго отклика и то многозначительное и высокое явленіе, что многія великія княгини съ Государыней Императрицей и ея дочерьми во главѣ работаютъ въ лазаретахъ въ качествѣ рядовыхъ сестеръ милосердія; одной изъ этихъ августѣйшихъ сестеръ посвящено прочувствованное стихотвореніе А. Мейспера «Называйте сестрой, не высочествомъ»...

Союзная съ нами государства, воюющія съ общимъ грознымъ врагомъ, встрѣтили у насъ рядъ поэтическихъ привѣтствій и откликовъ. Изъ стихотвореній, посвященныхъ Англіи, нужно отмѣтить довольно близкое по общему характеру переложеніе В. Князевымъ англійскаго національнаго гимна и своеобразную шотландскую пѣсню, въ переводѣ А. Д'Актиля, которая сложена самими солдатами, сражающимися на франко-бельгійскомъ театрѣ войны.

Трагическая судьба славнаго отнынѣ геройскаго бельгійскаго народа нашла у насъ самое сердечное, глубокое и искреннее участіе и соболѣзнованіе. Чувство восхищенія и преклоненія передъ этимъ маленькимъ храбрымъ народомъ, положившимъ на кровавый алтарь войны буквально все, что было накоплено долгими годами упорнаго и высококультурнаго труда, сквозитъ во всѣхъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ Бельгіи, и эти стихотворенія достигаютъ

весьма большого числа, отражая всё славныя страницы великой борьбы Бельгіи съ ея страшнымъ врагомъ, описывая бомбардировку Льежа, его беззавѣтную защиту, разрушеніе Лувена, Малина, характеризуя культурныя богатства Бельгіи, погибшія въ пламени войны, и клеймя звѣрскій вандализмъ опьяеннаго кровью прусскаго юнкерства.

Вы заслужили лавры вѣчной славы,—говорить Т. Щепкина-Куперникъ,
 И ты, король, и твой народъ-герой:
 Но плачьте, плачьте, мощныя державы,
 Надъ младшею прекрасною сестрой.
 За васъ она пошла въ борьбу безъ стона,
 За васъ всей кровью жертвуетъ родной...
 Склонитесь же съ почетомъ, знамена,
 Предъ маленькой великою страной!..

Звучный и глубокопрочувствованный сонетъ Бельгіи написалъ Ал. Рославлевъ.

З. Гипіусъ, отрѣшившись на этотъ разъ отъ своей обычной модернистской манерности и вычурности, откликнулась простымъ и образнымъ стихотвореніемъ «Три креста», отъ котораго вѣтъ сердечнымъ участіемъ къ судьбѣ несчастнаго народа и сквозитъ свѣтлая надежда, что минуетъ страшная Голгова и за ней послѣдуетъ великое воскресеніе, то, отъ котораго уже недалеко и близкая сестра по несчастью Бельгіи—Польша. Вотъ это прекрасное стихотвореніе.

О, Бельгія, земля святыхъ смертей!
 Ты на крестѣ, но духъ твой живъ и волепъ.
 И передъ нимъ—что кровь твоихъ дѣтей
 И дымъ и гарь воздушныхъ колоколенъ?
 На Польшу, близкую сестру, взгляни,—
 Нѣтъ изумительнѣй ея удѣла:
 Безуміемъ пылающіе дни
 Ей два креста судили: на одномъ
 Ея истерзанное тѣло,—
 Душа пѣмая на другомъ.
 Но сочтены часы томленья,
 Господь страданій не забудеть.
 Голгова—ради воскресенья,
 И вѣруемъ,—да будетъ!

По обыкновенію, ярка поэтическая характеристика мирной культурной Бельгіи, застигнутой внезапно войною, въ стихотвореніи А. Блока «Антверпенъ», который вообще на войну откликнулся очень мало, двумя-тремя стихотвореніями.

Осада и бомбардировка нѣмцами Льежа дали случай В. Воннову написать стихотвореніе; выразительно окончаніе его: когда прекратилась бомбардировка крѣпости и доблестные бельгійцы уже не въ силахъ были сопротивляться нѣмецкимъ полчищамъ,

Тогда на льежскіе окопы,
 На этот доблестный очагъ,
 Лицо восторженной Европы
 Взглянуло съ гордостью въ очахъ:
 Зане на немъ разбилась слава
 Двуличныхъ «братьевъ во Христѣ»,
 Что «правомъ силы» «силу права»
 Распяли нагло на крестѣ.

Все поэты сходятся на одномъ: они цѣнятъ громадную историческую жертву Бельгіи и единодушно вѣрятъ, что Бельгія воскреснетъ, Бельгія снова будетъ жива и снова храбрый король Альбертъ, «король-Баярдъ, безъ страха и упрека», возвратится въ свою славную столицу, и народъ-герой примется за свой повседневный трудъ, а союзники отмстятъ врагу за жертву и бѣдствія Бельгіи.

Федоръ Сологубъ увѣренъ въ побѣдѣ Бельгіи, ибо девизъ ея борьбы: правда и вѣрность.

... не трепещетъ духъ Альберта короля.
 Онъ свободными увидитъ скоро милыя поля.
 Ужъ плететь ему побѣда вѣчный лавровый вѣнецъ.
 Онъ торжественно вернется въ свой разграбленный дворецъ.
 Только правда—путь къ побѣдѣ, только вѣрность—вѣрный щитъ.
 Такъ наивность предвѣщаній, такъ и мудрость говорить.

Сильное отраженіе нашла въ русской поэзіи наша старинная союзница, дружественная Франція. Изящны три сонета Дм. Цензора, посвященные «городу вольности, плѣнительному Парижу». Этотъ «капризно-вычурный, но полный стройной мѣры» городъ влечетъ къ себѣ поэта, въ немъ царятъ бойцы и гении, въ немъ живутъ «святые призраки Иоанны, Демулена и пышнаго Гюго, и нищаго Верлена»; поэтъ поражаетъ яркая многогранность жизни парижанъ, будь то ученый, гаменъ или апашь...

И теперь, «когда кипитъ всемірная война и гибнуть въ пламени бессильные народы», поэтъ вѣритъ, что Франція будетъ навѣки сохранена и свободна.

И никогда, Парижъ, твой гордый духъ печалю,
 На радостный Монмартръ и на ступень Версаля
 Не ступитъ Пруссія—безчеловѣчный врагъ!
 Всегда свободная, подъ звуки марсельезы,
 За вьющійся Маасъ, за тихія Вогезы
 Неси, о Франція, побѣдоносный стягъ.

Той же увѣренностью и воодушевленіемъ полно и стихотвореніе Д. Коковцова, у котораго Парижъ говоритъ родной землѣ:

— Я битвы новыя провижу
 И путь побѣдъ въ кровавой мглѣ.
 Я поздней жалости не внемлю...
 Тому я гибелью воздамъ,
 Кто дерзко топчетъ нашу землю,

Кто мечетъ бомбы въ «Notre-Dame»
 Одѣтъ, какъ встарь, въ огни и въ дымы,
 Я буду мстителемъ обидѣ...
 — И въ часъ невзгоды онъ стоитъ,
 Какъ Франція, непобѣдимый

Барварское разрушеніе нѣмцами знаменитаго Реймскаго собора вызвало множество стихотворныхъ откликовъ (Н. Архангельскаго, А. Липецкаго, А. Мейснера и др.); наиболѣе ярокъ сонетъ Ал. Рославлева «Реймскому собору»:

Когда на башни Реймскаго собора
 Желѣзный падалъ дождь и рушилъ ихъ,
 Въ дыму и пламени земного спора
 Шелъ споръ извѣчный воинствъ неземныхъ.
 Взирали ангелы, полны укора,
 На демоновъ, чей богохульный стихъ
 Вѣнчалъ хвалою зачинщиковъ раздора,
 Виповника безумій міровыхъ.
 Вопили камни, низвергаясь, грозно,
 И то, что было въ созиданьи розно,
 Единой грудью ждало: что Творецъ?
 И Онъ судилъ спокойно и сурово,
 И къ ангеламъ Его слетѣло слово,
 Вѣщавшее Германіи: конецъ.

Слѣдуетъ также отмѣтить стихотворенія Эдмонда Ростана въ умѣломъ переводѣ Н. Минскаго; оплакивая гибель исторической святыни, Ростанъ утѣшаетъ своихъ соотечественниковъ, говоря, что этотъ разрушенный храмъ встрѣтитъ еще большую любовь французъ...

Съ настроеніемъ написано А. А. Измайловымъ сказаніе о старомъ реймскомъ звонарѣ, который во время разгрома города былъ на колокольнѣ до тѣхъ поръ, пока подъ бомбами не рухнула башня и не погребла подъ своими обломками вѣрнаго служителя собора.

Кромѣ стихотвореній, посвященныхъ нашимъ союзникамъ, много написано также и относительно нашихъ враговъ. Впрочемъ, по адресу Австро-Венгрии стихотвореній сравнительно мало, и то, главнымъ образомъ, юмористика или же сатира. Насмѣшка, иронія или пренебрежительный и презрительный каламбуръ,—вотъ и все, чѣмъ отозвались наши поэты на стремительно напавшую на насъ лоскутную монархію дряхлаго Франца-Иосифа, который разыгрываетъ печальную роль на подмосткахъ исторической сцены, прислушиваясь и дѣлая лишь то, что подскажетъ ему изъ своей суфлерской берлинской будки германскій императоръ. Нашъ главный, если не единственно серьезный и страшный врагъ—Германія и ея воинствующій кайзеръ. Онъ заставилъ почти весь міръ вѣстаться за оружіе, онъ привелъ милліоны людей на поля жестокихъ боевъ, и благодаря

ему разрушаются цвѣтущіе города, пылаютъ въ заревѣ пожаровъ старинные соборы, разграблены музеи и другія сокровищницы культуры, рыдаютъ миллионы вдовъ и сиротъ... Но «поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ»—этотъ пророчесвенный мотивъ проходитъ черезъ многія стихотворенія, посвященные Вильгельму.

Рѣшительно и рѣзко характеризуетъ его Федоръ Сологубъ:

Онъ долго угрожалъ, безумно смѣлъ,
Бренча мечомъ, онъ вызвалъ бурю мщенья.
Вокругъ своей страны сковать сумѣлъ
Вильгельмъ кольцо холоднаго презрѣнья.

На землю падаетъ кровавый дождь,
И многихъ рѣкъ отъ крови темны воды.
Жестокость и разбой! Безумный вождь!
На что же онъ ведетъ свои народы?

Въ неправедно имъ начатой войнѣ
Ему мечтается какая слава?
Что общааетъ онъ своей странѣ?
Какая цѣль? Парижъ или Варшава?

Для прусскихъ юнкеровъ земля славянъ,
И для германскихъ фабрикантовъ рынки?
Нѣтъ, близокъ часъ,—и онъ, отъ крови пьянъ,
Своей имперіи свершитъ поминки.

Близка къ вышеприведенному стихотворенію характеристика Вильгельма въ стихотвореніи В. Уманова-Каплуновскаго «Тевтону».

С. Копыткинъ въ стихотвореніи «Видѣніе кайзера» создаетъ жуткую картину душевныхъ мученій Вильгельма въ долгую бессонную ночь, когда ему грезятся поля битвы, слышится чей-то страшный предсмертный хрипъ, чьи-то стоны, крики...

Тотъ стонъ на цѣломъ свѣтѣ,
Изъ разныхъ странъ, со всѣхъ морей:
Кричатъ обманутыя дѣти
У овдовѣвшихъ матерей.
Шлютъ императору проклятья
Певѣсты, матери, отцы.
Сцѣпившись въ смертныя объятія,
Кричатъ солдаты—мертвецы.
Надъ непломъ прусскаго позора
Въ краю, гдѣ тѣшился тевтонъ,
Съ развалинъ Реймскаго собора
Гудитъ зловѣщій перезвонъ.
А черезъ кровь и лязгъ желѣза,
Сквозь трескъ германскаго костра
Звучитъ все ближе марсельеза,
Грохочетъ русское ура.

Рычитъ голодный людъ рабочій.
 Встаетъ обманутый Берлинъ.

 Онъ не уснетъ до поздней ночи,
 Кровавый прусскій властелинъ.

Съ большимъ настроеніемъ и экспрессіей написано стихотвореніе «О чемъ пѣла флейта» г. Донъ-Аминадо. Въ частностяхъ этой пьесы есть нѣкоторые недочеты, шероховатости, стилистическія неровности, но въ общемъ авторъ создаетъ цѣльную картину торжественнаго концерта, устроеннаго пѣмцами на улицахъ разгромленнаго и завоеваннаго Антверпена. Поэтъ исполненъ самаго жгучаго негодованія, онъ говоритъ, что самымъ бурнымъ маршемъ не заглушить криковъ и плача обиженныхъ, дикаго хохота сумасшедшихъ и раздражающихъ душу стоновъ раненыхъ... И дѣйствительно, вдругъ сквозь бравурные громкіе звуки литавръ, трубъ и барабановъ пробивается скорбная мелодія флейты.

Но, чу!.. Вы слышите?.. На флейтѣ
 Рыдаетъ кто-то безъ конца...
 Флейтистъ! Безумецъ!.. Флейта стонетъ,
 Рыдаетъ флейта среди трубъ!
 Твоя мелодія не тронетъ
 Того, кто дикъ, того, кто грубъ!
 А ты заплатишь головою
 За то, что въ этотъ страшный часъ
 Огонь, твоей душой живою
 Всегда владѣвшій, не погасъ!
 Но флейта въ звукахъ изливала
 И скорбь, и жалость, и привѣтъ,
 И на вопросъ души давала
 Свой сострадающей отвѣтъ:
 О всѣхъ, кто плачетъ въ эти ночи,
 О всѣхъ, кто страждетъ въ эти дни,
 О нѣжной дѣвушкѣ, чьи очи,
 Смѣясь, позорили они!..
 О томъ, что сладкаго возмездья
 Наступятъ скоро времена,
 О томъ, что кроткія созвѣзды
 Увидитъ бѣдная страна!
 ...И, какъ ни силились литавры
 Разбить мелодію тоски,—
 Сама судьба вылетала въ лавры
 Печальныхъ лилій лепестки!..

Но пусть до поры до времени германская ярость испепеляетъ и уничтожаетъ города слабыхъ враговъ, пусть прусскій «бронированный кулакъ» неожиданно опустился на грудь Россіи,—тяжесть и сила этого удара упадетъ обратно на Германію и разгромитъ ее, неправдой начавшую войну, а Россія и ея союзники, отразивъ врага

и сбросивъ ярмо германскаго милитаризма, стануть снова, какъ и прежде, на путь историческаго бытія и дальнѣйшаго культурнаго развитія. Вотъ лейбъ-мотивъ почти всѣхъ стихотвореній, въ которыхъ говорится о насъ и нашихъ врагахъ!

Испепеляйте, грабьте, жгите!
Презрѣше вамъ отвѣтъ,—не страхъ.
Съ небесъ невидимыя нити
Возстановляютъ падшій прахъ.

И мраку косности тлетворной
Не затемнить на зло вѣкамъ
Свободный и нерукотворный
Сердцами строящійся храмъ!

(М. Кузмицъ).

Кончая разсмотрѣніе стиховъ о врагахъ, отмѣтимъ жуткую стихотворную картину г. Потемкина, гдѣ представлены нѣмецкія сестры милосердія, добивающія на полѣ битвы раненыхъ оставшихся непріятелей. Можно бы упрекнуть поэта въ болѣзненной пылкости фантазій, если бы мы сами не читали въ газетахъ разсказовъ очевидцевъ объ этихъ гнусныхъ и позорныхъ поступкахъ «добрыхъ тевтонокъ». О, какъ далеко шагнули по пути «цивилизации» нѣмецкія женщины XX вѣка по сравненію хотя бы съ гетевской Маргаритой XVIII столѣтія!

Заканчивается разсмотрѣнный нами сборникъ «Современная война въ русской поэзіи» юмористическими и сатирическими стихотвореніями изъ народнаго творчества, тоже почти цѣликомъ проникнутаго элементами юмора и ироніи. Здѣсь осмѣивается вильгельмовская *mania grandiosa*, его хвастливое приглашеніе обѣдать въ Парижѣ, вымышленныя побѣды и дѣйствительныя невымышленныя пораженія, щедрый потокъ орденовъ на разбитую австрійскую армію, торжественныя подношенія нѣмецкими университетами ученыхъ степеней за гуманность прусскимъ воителямъ; рисуется храбрый кронпринцъ, ограбившій обстановку дворцовъ, гдѣ онъ останавливался постоемъ; характеризуется Вильгельмъ съ его лицемѣріемъ, актерствомъ и безчисленными рѣчами, описываются «подвиги» австрійской арміи, «храбро отступающей» за эрцгерцогомъ и т. д., и т. д. Очень хороши злободневныя мѣткія пародіи на классиковъ В. Барятинскаго.

Бѣдки и остроумны стихотворенія В. Мазуркевича, напримѣръ, «Обычное явленіе».

Надѣвъ стѣснительныя узы
На прусскій дерзостный наскокъ,
Въ Эльзасѣ храбрые французы
Бьютъ нѣмцевъ вдоль и поперекъ.

И, точно облитые варомъ,
 Бѣгутъ тевтоны отъ враговъ...
Французской зеленью не даромъ
 Всегда выводятъ *прусаковъ*.

Затѣмъ нужно отмѣтить стихи Бенедикта, Weга, В. Князева, Арк. Бухова, Сэра Гея, Танкреда и «Басни Крылова для дѣтей старшаго возраста» А. А. Измайлова, опытного и умѣлаго пародиста.

Наравнѣ съ профессиональными поэтами откликнулся на войну и простой народъ, который создалъ множество частушекъ на самыя разнообразныя «военныя» темы и, кромѣ того, далъ не мало юмористическихъ произведеній, пародировавъ любимыя и популярныя въ народной сферѣ пѣсни. Въ разсматриваемый нами сборникъ попало не особенно много образцовъ народнаго творчества, такъ какъ не особенно много изъ него пока еще и зарегистрировано въ нашей литературѣ, но все же и эти немногіе образцы очень ярки, опредѣленны и вполне характеризуютъ тѣ чувства и настроенія, которыя полна душа народа, а въ частности также и солдатъ, которые не только охотно распѣваютъ эти пѣсни и частушки, но даже сами сочиняютъ ихъ, лежа въ окопахъ или отдыхая у костра послѣ тяжелыхъ переходовъ и боевъ. Одинъ изъ собирателей этихъ образцовъ «военнаго» народнаго творчества (Вл. Лехно) говоритъ: «Это особая «поэзія»—импровизація, которую сколько ни записывай, она она всегда новая. Солдатники, импровизаторы такихъ пѣсенъ, сами не записываютъ своихъ произведеній и почти ихъ не запоминаютъ. Если попросить повторить какую-нибудь строфу изъ спѣтыхъ, то она рождается въ новой редакціи, и въ ней сквозитъ новый юморъ и новые штрихи, характеризующіе моментъ. Лучшими импровизаторами частушекъ являются обитатели Волги, изощренные уже въ созданіи такого рода литературы на баркахъ, плотахъ и бѣлянахъ».

Вотъ частушка типичнаго волжскаго характера:

Закрутивши кверху усь,
 Батюшки!
 Пѣмецъ двинулъ на французъ,
 Матушки!
 Сышитъ на городъ Парижъ,
 Батюшки!
 Ой, тамъ, нѣмецъ, угоришь,
 Матушки!
 За француза англичанъ,
 Батюшки!
 поймалъ нѣмца за арканъ,
 Матушки!
 Нѣмецъ въ Гельбю идеть,
 Батюшки!
 А гелбьець нѣмца бьетъ,
 Матушки!

Съ колбасою австріякъ,
 Батюшки!
 А на нѣмцевъ сербіякъ,
 Матушки!
 И російскій нашъ народъ,
 Батюшки!
 И япошка гонить флотъ,
 Матушки!

Въ частушкахъ нашла себѣ своеобразное и любопытное отраженіе вся война съ ея начала и съ очень многихъ сторонъ. Есть здѣсь и изображенія мобилизаціи, загулъ рекрута, сборы въ походъ, утѣшеніе мужемъ, отправляющимся на призывъ, своей жены; приведены характерные образцы отношенія къ современнымъ событіямъ простонародья городскаго, фабричнаго и даже тюремнаго, которос такъ, напрімѣръ, выразило свои переживанія:

— Зоветъ гроза насъ боевая.
 А мы сидимъ въ тюрьмѣ...
 Судьбу неволи проклиная,
 Горимъ, какъ всѣ, въ своей тоскѣ.

Многія частушки, какъ уже сказано, сочинены на войнѣ и описываютъ событія и героев послѣднихъ дней, напрімѣръ, Рузскаго, «браваго командира», который

Штурмовой надѣлъ мундиръ,
 За врагами—черезъ Санъ—
 Мажеть нѣмца по усамъ.

Встрѣчаются женскія частушки, изображающія разлуку съ милымъ, тоску по немъ, горе, думы и душевное состояніе женщины, у которой близкій человѣкъ на войнѣ.

Много частушекъ посвящено, конечно, «нѣмцу», которому

... дома не сидится,
 Понаскучилъ ему «биръ»,
 Знать, желаетъ нѣмецъ биться,
 Коль нарушилъ съ нами миръ.
 Будетъ нѣмецъ долго знать,
 Какъ съ Россіей воевать!

Немаловажное въ жизни народа событіе, непосредственно связанное съ войной,—закрытіе казенокъ—тоже нашло себѣ звучный, откликъ:

Государевымъ приказомъ—
 Всѣ казенки къ шаху разомъ,—
 Нѣтъ вамъ, пьяницы, вина,—
 Теперь съ Германіей война!
 Эхъ, какъ казеночку закрыли—
 Всѣ пьянчуги завопили:
 Изъ-за подлага нѣмца
 Не выпьешь рюмочки винца!

Вообще великія событія, разразившіяся надъ Россіей, глубоко всколыхнули народныя массы, пробудили лучшія чувства и мысли ихъ, и несомѣнно, что приведенныя здѣсь случайныя пѣсни—только начало той могучей волны звуковъ, которая вызоветъ многое еще изъ богатыхъ нѣдръ народнаго творчества; такая великая историческая година не можетъ пройти безслѣдно, не оставивъ за собою глубокой борозды въ русскомъ народномъ пѣснотворствѣ. И нужно надѣяться, что все это, какихъ бы трудовъ оно ни стоило, будетъ своевременно зарегистрировано на скрижаляхъ нашей литературы и принесетъ впослѣдствіи извѣстную пользу историкамъ, давъ имъ правдивый матеріалъ, изъ котораго они воссоздадутъ цѣльную картину того, что переживала, чѣмъ жила и волновалась душа народная въ грозный часъ историческаго испытанія.

Какъ видятъ читатели, составитель сборника «Современная война въ русской поэзіи» представилъ достаточно полно на образцахъ лучшихъ представителей нашего поэтическаго творчества, какъ отразились на послѣднемъ переживаемомъ человѣчествомъ грозныя событія. Любопытно было бы знать, произведена ли такая работа нашими западными сосѣдями, и въ случаѣ утвердительнаго отвѣта изъ сопоставленія наличія работъ всѣхъ народовъ можно было бы вывести заключеніе: какія чувства и мысли вызвала у современнаго человѣчества военная гроза XX вѣка и, кромѣ того, поэзія какого народа стоитъ въ настоящее время на наивысшей ступени. Въ сборникѣ «Современная война въ русской поэзіи» выведены на судъ читателей и критики почти всѣ представители русскаго Парнаса, имъ подѣ извѣстнымъ угломъ требованій произведенъ своего рода экзаменъ. Поскольку этотъ экзаменъ выдержанъ удовлетворительно, пусть отвѣтитъ наша эстетическая критика, мы же, ограничиваясь констатированіемъ опредѣленнаго литературнаго наличія, постарались всесторонне и безпристрастно обрисовать таковое и указать читателю на заслуживающій вниманія издательскій починъ, направленный на оказаніе помощи бѣдствующимъ нашимъ собратьямъ по крови—разоренному страшной войною и не знающимъ милосердія врагомъ польскому населенію.

Дм. Масляенно.

РОКОВОЙ ГОДЪ.

(Предсказанія войны).

Неизсякаемый источникъ предсказаній.—М. de-Тобъ.—Ея брошюра о войнѣ.—Печальный конецъ Вильгельма II.—Страдалецъ Францъ-Генрихъ.—Удѣлъ къ Турціи.—Величіе Россіи.—Последнія предсказанія м. de-Тобъ.—Парижская Сиббила.—Германскія самовосхваленія.—Индійское предсказаніе.—Японское пророчество.—Иеромонахъ Иннокентій.—Серафимъ Саровскій.—Prognosticationes.—Предсказаніе старинной книги.—Вильгельмъ II осудилъ самого себя.

I.

ВСТРѢЧАЮ своего пріятеля, Ивана Ивановича, на Невскомъ проспектѣ.

— Что такъ давно не заходили ко мнѣ? Или перестали интересоваться предсказаніями войны?

— Неужели у васъ еще есть что-нибудь новое въ этой области?

— Предсказаній—неизсякаемый источникъ! Да мы всѣ, если хотите, такъ или иначе предсказываемъ. Одинъ высказываетъ свои соображенія, по которымъ война должна скоро окончиться. Другой, обратно, предвидитъ затяжную войну. Каждый гадаетъ по своему. Французскія газеты напечатали предсказаніе одного аббата о празднованіи въ Берлинѣ русскаго Рождества; нѣмцы готовятся на зимнія квартиры; Англія собирается воевать три года... Но я не объ этихъ предсказаніяхъ хочу съ вами говорить. Въ моихъ глазахъ имѣютъ особен-

ную цѣну тѣ спеціальныя пророчества о войнѣ, которыя были высказаны задолго до исполненія ихъ въ настоящее время, на нашихъ глазахъ. Поѣдемте сейчасъ ко мнѣ да потрлкуемъ о наступающихъ событіяхъ.

По дорогѣ Иванъ Ивановичъ разсказалъ мнѣ о хироманткѣ и оккультисткѣ madame де-Бергъ, проживающей въ Петроградѣ и своими предсказаніями подражающей французской оккультисткѣ madame де-Тэбъ. Она такъ же, какъ и французская гадалка, рассматривая въ послѣднее время множество рукъ людей разныхъ положеній, пришла къ выводу, что 1914 и 1915 годы сулятъ намъ много переменъ, какихъ уже не было сто лѣтъ. Еще въ 1909 году m-me де-Бергъ имѣла случай увидѣть въ Берлинѣ Вильгельма II и предсказать ему о кровавой войнѣ и о концѣ Германской имперіи.

Дома мой пріятель досталъ небольшую брошюру въ ярко-красной обложкѣ—«Предсказанія m-me де-Бергъ о войнѣ»—и сталъ читать отмѣченныя карандашомъ нѣкоторыя мѣста, попутно давая имъ свои объясненія:

— Ея предсказанія сдѣланы въ концѣ 1908 года. Имѣются ссылки на нѣкоторыя газеты, но эти газеты, какъ и сама брошюра, вышли недавно, послѣ объявленія войны. О Вильгельмѣ II она предсказываетъ, что то обаяніе, которымъ окружено его царствованіе, будетъ падать уже къ концу 1913 года, а въ началѣ 1914 года императоръ начнетъ терять понемногу своихъ друзей изъ числа коронованныхъ особъ сосѣднихъ державъ. Одинъ изъ его лучшихъ друзей и союзниковъ внезапно умретъ. Можетъ быть, это предсказаніе исполнилось въ лицѣ эрцгерцога Франца-Фердинанда, убитаго въ Сараевѣ. Когда произойдетъ большая война,—говоритъ m-me де-Бергъ,—кровопролитіе которой не видѣло еще солнце, много ближайшихъ по крови родственниковъ Вильгельма умретъ; самъ онъ лишится трехъ сыновей, а затѣмъ потеряетъ и корону. Народъ, выстрадавшій такъ много за одинъ годъ, отомститъ кайзеру за всѣ его «блага». Населеніе страны уменьшится на половину; а оставшіеся въ живыхъ будутъ томиться, ухаживая за больными и ранеными. На улицахъ столицы будутъ бродить голодные и обездоленные, съ крикомъ отчаянія посылая проклятія всему дому Гогенцоллерновъ. Попытка Вильгельма лишить себя жизни будетъ предотвращена, и онъ умретъ въ ужасныхъ условіяхъ, когда-либо испытываемыхъ людьми его положенія.

— Однако петроградская предсказательница не пожалѣла красокъ.

— Слушайте дальше, что она говоритъ о нѣмцахъ:

«...Германія и германскій народъ сильно разочаруются въ своемъ преклоненіи передъ монархомъ. Война принесетъ странѣ ужасныя опустошенія и полнѣйшій застой промышленности. Мо-

нархія распадеться на массу мелкихъ земель, а пограничныя земли отойдутъ къ сосѣднимъ великимъ державамъ. Вліяніе нѣмецкой націи на культуру Европы прекратится на цѣлое столѣтіе...»

II.

— Не говоритъ ли она о другомъ нѣмецкомъ императорѣ— Францѣ-Иосифѣ?

— Немного сообщаетъ и объ австрійскомъ императорѣ, называя его страдальцемъ. Онъ будетъ жить долго, но его жизнь будетъ гораздо мучительнѣе страданій его подданныхъ. Онъ, подобно много-страдальному Іову, терпѣливо будетъ ждать своего безславнаго конца.

«...Славянскія земли Австро-Венгрии отдѣлятся отъ нея, а оставшаяся часть расцвѣтетъ и будетъ жить въ союзѣ съ завоевателями. Къ оставшейся части Австро-Венгрии присоединится южная полоса Германіи и образуетъ съ нею одно королевство подъ скипетромъ новой династіи, предки которой нѣкогда владѣли въ Европѣ большими землями...»

— Ну, а третій нашъ врагъ—Турція?

— Кончитъ очень грустно. Второй султанъ будетъ сверженъ съ престола, власть перейдетъ на нѣкоторое время въ руки народа, въ лицѣ военныхъ диктаторовъ, а затѣмъ на престолѣ будетъ одинъ изъ старѣйшихъ принцевъ.

«...Молодой генералъ, судьба которому до сихъ поръ благоволила, окончитъ свою карьеру весьма печально...»

— Ужъ не Энверъ ли паша?

— Вѣроятно. Далѣе m-me де-Бергъ предсказываетъ, что вліянія иностранцевъ погубить Турцію; ея территорія на материкѣ Европы перейдетъ къ славянамъ. Внутренніе раздоры доведутъ Турцію до полного матеріальнаго упадка.

— Все это легко допустить... Интересно, что она говоритъ про Россію?

— Только хорошее. Могущество Россіи достигнетъ въ 1915 году небывалаго расцвѣта. «Славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ». Русская армія раздавитъ нѣмецкій милитаризмъ. Вообще планеты сулятъ Россіи свѣтлое будущее. Впрочемъ, послѣ великой всемірной войны, она пророчитъ всѣмъ нашимъ союзникамъ хорошую будущность. Сербіи и Бельгіи—расширеніе территоріи, Англіи—богатство, Франціи попрежнему быть центромъ всемірной культуры. Между прочимъ, пророчица говоритъ: «Вокругъ свѣта облетитъ вѣсть о подвигѣ одной экзальтированной французской дѣвушки изъ простой рабочей семьи; дѣвушка эта будетъ сражаться въ рядахъ побѣдоносной французской арміи». А въ Бельгіи явится проповѣдникъ «равносильный святому».

III.

— Итакъ, въ Россіи явилась конкурентка французской m-me де-Тэбъ.

— Я васъ долженъ предупредить, что такъ называемыя «Послѣднія предсказанія г-жи де-Тэбъ», появившіяся въ ея отсутствіе въ Парижѣ, есть дѣло рукъ ловкаго афериста. Когда m-me де-Тэбъ вернулась изъ Бретани и услышала на улицахъ Парижа выкрики ея новыхъ предсказаній, то она немедленно оповѣстила редакціи французскихъ газетъ слѣдующимъ письмомъ:

«Я не предсказывала ничего внѣ того, что появилось въ моемъ альманахѣ на 1913 и 1914 годы. Я могу добавить теперь лишь слѣдующее: Мы должны проявить много терпѣнія и вѣры въ конечную побѣду нашего оружія. Событія развернутся вскорѣ съ изумительной стремительностью и будутъ благопріятны для насъ и нашихъ союзниковъ. Я повторяю, что императоръ Германіи имѣетъ на своей каскѣ не орла побѣды, а хищника кровавыхъ полей, что уже теперь онь предчувствуетъ глубину той пропасти, въ которую ему суждено свергнуться съ былой высоты... Но пока я не могу сказать ни слова о томъ срокѣ, который судьба поставила для окончанія этой войны».

— Все-таки она настоячиво проповѣдуетъ пораженіе Германіи?

— Объ этомъ она давно говоритъ. Еще два года тому назадъ, то-есть, въ 1912 году, m-me де-Тэбъ писала:

«Германія угрожаетъ Европѣ вообще и особенно—Франціи. Когда вспыхнетъ война, отвѣтственность за такую падеть на Германію. Послѣ войны наступитъ конецъ гегемоніи Гогенцоллерновъ и Пруссіи. Это будетъ наказаніемъ Берлину за насиліе и жестокость его политическихъ методовъ. Я сказала, и я повторяю, что дни императора сочтены и что послѣ него все перемѣнится въ Германіи».

— Поговариваютъ, кайзеръ боленъ сейчасъ?

— Въ Парижѣ есть еще въ своемъ родѣ Сибилла, которая предсказала сотруднику туринской газеты «Stampa» о грядущей войнѣ и кое-что о кайзерѣ въ такихъ выраженіяхъ: «Европейскій горизонтъ не можетъ быть мрачнѣй. Вездѣ кровавые призраки войны. Въ рукахъ славянъ находится судьба. Драма въ императорской семьѣ неизбѣжна. Особа кайзера является цѣлью фатума. Не вижу возстановленія европейскаго равновѣсія до тѣхъ поръ, пока Пруссія не будетъ низведена до положенія второстепеннаго государства. Бельгію ожидаютъ дни испытаній». Предсказывала она также, что Италія не примкнетъ къ Германіи, напротивъ, будетъ помогать Франціи.

IV.

— Нѣтъ ли у васъ предсказаній германскихъ?

— Есть нѣсколько, но всѣ они написаны съ большимъ самовосхваленіемъ. Напримѣръ, профессоръ Хассе проповѣдуетъ: «Будущ-

ность принадлежит великимъ націямъ, среди коихъ Германія призвана стать самой великой, при томъ, однако, условіи, что вся ея территория будетъ населена исключительно природными нѣмцами. Весь иностранный элементъ слѣдуетъ вылопать, какъ сорную траву... Мы должны сдѣлать жизнь инородцевъ невозможной, чтобы заставить ихъ покинуть нашъ край, замѣнивъ ихъ добрыми нѣмцами». А вотъ что напечатано въ одной гамбургской газетѣ: «Все, что есть благороднаго и великаго въ наше несчастное время упадка Европы, все это нѣмецкое. Пораженіе Германіи было бы концомъ настоящаго человѣколюбія, и если міръ жаждетъ прогресса, онъ долженъ стать нѣмецкимъ». Такимъ гордымъ самомибніемъ у нихъ проникнуты все предсказанія о будущей жизни Европы. Противно! Послѣ того, какъ раскрылось съ этой войной, что это за гнусный народишка, злой, мстительный, звѣрски-жестокій, вдвое противнѣе стало ихъ хвастовство своею культурностью. Сердце человѣческое ими утеряно, а умъ ихъ весь ушелъ въ хитрыя машинки, махинаціи, въ тонкое мошенничество. И сами они превратились въ желѣзныя машины. Этимъ только и сильны. Какъ мы обманулись въ нихъ! какъ обманулись!..

Иванъ Ивановичъ въ сильномъ волненіи сталъ ходить по комнатѣ. Я хотѣлъ было перемѣнить тему разговора, но мой пріятель плотно сталъ на рельсы и снова быстро заговорилъ объ исходѣ войны.

— Весь міръ, и древній и новый, и восточный и западный, какъ точно сговорился, одинаково пророчествуетъ о Германіи. «The Daily Mail» приводитъ слова одного индуса, появившіяся въ январскомъ альманахѣ: «Въ іюль мѣсяцѣ 1914 года вся Европа будетъ взбудоражена войной между великими державами. Война эта причинитъ страшныя бѣдствія. Но въ ноябрѣ большой императоръ потеряетъ свою корону, и военныя дѣйствія прекратятся».

— Въ ноябрѣ какого года? Въ минувшемъ году ноябрь канулъ въ вѣчность и по новому и по старому стилю. Неужели это надо отнести къ концу будущаго?

— Я васъ предупреждалъ, что вообще хронологія всѣхъ предсказаній нѣсколько хромаетъ... Я прочелъ вамъ про индусское сказаніе, но та же газета вспоминаетъ еще японское предсказаніе, появившееся въ 1793 году: «Когда люди будутъ летать, какъ птицы, великіе короли пойдутъ войной другъ на друга, и весь міръ будетъ воевать...»

— Недавно я слышалъ, что посланный въ Соловецкій монастырь іеромонахъ Иннокентій предвидѣлъ настоящую войну и ея послѣдствія еще въ 1910 году.

— У меня есть вырѣзка изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№ 14455), въ которой приведено его краткое пророчество: «Не смущайтесь, когда услышите о слухахъ бранныхъ. Возстанетъ западъ и югъ. Кровью потекутъ рѣки. Но правда восторжествуетъ, и миръ Христовъ водворится во всемъ мірѣ». Но это довольно неопредѣленное пред-

сказаніе. Подобное пророчество о войнѣ безъ указанія мѣста и времени приписываютъ и Серафиму Саровскому. На Невскомъ проспектѣ продавали листки съ его предсказаніями, переложенными въ стихх:

Онъ говорилъ: настанутъ дни, когда
Далекій Саровъ станетъ вамъ святыней,
И на Руси взойдетъ моя звѣзда,
Моя звѣзда—въ далекой сей пустынѣ.

И на Руси настанетъ тяжкій годъ,
И двинетъ царь полки на поле битвы...
А тѣнь моя за ними вслѣдъ пойдетъ,
И въ небесахъ я буду пѣть молитвы.

V.

— Право, я теряюсь въ массѣ предсказаній и не знаю, что бы еще могло васъ наиболѣе заинтересовать. Вашъ любимый Достоевскій въ одномъ изъ своихъ «Дневниковъ» 1877 г. сдѣлалъ нѣсколько выписокъ изъ книги «Prognosticationes», написанной въ 1528 году Іоанномъ Лихтенбергеромъ. Книга эта въ настоящее время хранится въ королевской библиотекѣ въ Лондонѣ. Вотъ эти строки, которыя я вамъ сейчасъ прочту, относятся къ европейской войнѣ нашего времени:

«...Возстанетъ орелъ великій на востокъ, островитяне западные восплачутъ. Три царства захватить. Сей есть орелъ великій, который спитъ годы многіе пораженный, возстанетъ и трепетать заставитъ водяныхъ жителей западныхъ въ землѣ Дѣвы и другія вершины прегордыя и полетитъ къ югу, чтобы возвратить потерянное. И любовью милосердія воспламенитъ Богъ орла восточнаго, да летитъ на трудное, крылами двумя сверкая на вершинахъ христіанства».

— Очевидно, эти строки относятся къ Россіи, но правду сказать, темноваты онѣ.

— А. Швыровъ («Биржевыя Вѣдомости», № 14391) указываетъ на другую старинную книгу, изданную въ Роттердамѣ въ 1608 году. Полагаютъ, что авторомъ ея былъ полякъ Владиславъ. Въ ней есть пророческія указанія, которыя примѣнимы къ Вильгельму II:

«...Надменный человекъ, какъ бродящее вино,—онъ никогда не бываетъ спокоенъ, онъ ненасытенъ, какъ сама смерть.

«Поднимается народъ жестокій, необузданный, стремящійся завладѣть тѣмъ, что не принадлежитъ ему.

«Отъ моря дуетъ Борей и гонитъ тучи всадниковъ. Раздѣляются полчища, на двѣ стороны направлень ихъ ударъ.

«Внимайте, жители страны цвѣтущей, столь долго питавшіе плодами науки вашей Владислава. На васъ поднятъ мечъ *Однорукаго*».

— Намекъ на сухорукаго Вильгельма?

«истор. вѣстн.», январь 1915 г., т. сxxxix.

17

— Далѣ говорить пророкъ Владиславъ, вѣроятно, о Польшѣ и Россіи:

«Изъ страны, перерѣзанной рѣками, выйдетъ рослый, сильный народъ. Съ востока поднимется орель *могучій*. Кровь прольетъ. Замутятся воды рѣки моей. Тоска и ужасъ охватятъ однихъ. Многіе короли падутъ во прахъ; на краю гибели окажутся другіе. Все пройдетъ, все мнуетъ. Ты опять цвѣтешь, страна моя! Не страшно тебѣ чудовище. Будетъ отрѣзана вторая рука. *Орель могучій* снова провозгласитъ миръ».

— Могучій-то орель—Россійская имперія? А «воды рѣки моей», надо полагать,—Висла, которая стала мѣстомъ гигантскихъ битвъ нѣмцевъ съ русскими?.. Ну, а что же вы, Иванъ Ивановичъ, скажете? Какое ваше мнѣніе относительно того, что сейчасъ происходитъ на свѣтѣ?

— Такъ какъ заварилъ всю эту кашу Вильгельмъ II, то я вамъ отвѣчу его же пророческими словами. Говорятъ, когда кайзеръ глядѣлъ на картину Верещагина, изображающую выступленіе Наполеона изъ Москвы, то онъ произнесъ на свою голову слѣдующее: «Будутъ еще люди, которые захотятъ покорить себѣ весь міръ, но всѣ они погибнутъ, какъ погибъ этотъ человѣкъ».

— На нашихъ глазахъ исполняются слова св. писанія: «Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать». Вѣрю, скромная Россія за всѣ свои безкорыстныя жертвы получитъ особое благоволеніе Божіе.

Ив. Ювачевъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ВОЗНИКНОВЕНІЯ ПРУССІИ.

УТОБЫ представить себѣ ясно исторію возникновенія теперешней Пруссіи и почувствовать особенный характеръ этого государства, надо перенестись мыслью къ той отдаленной эпохѣ, когда Западная Европа, потрясенная паденіемъ Римской имперіи, а затѣмъ великимъ переселеніемъ народовъ, стала понемногу успокаиваться и кристаллизироваться въ новыя политическія тѣла. Это—старая исторія, но,—говоритъ извѣстный французскій историкъ Лависсъ,—не слѣдуетъ пренебрегать старыми исторіями: кто станетъ относиться къ нимъ свысока, тотъ легко можетъ проглядѣть много важныхъ сторонъ въ самыхъ крупныхъ современныхъ событіяхъ.

Великое переселеніе вызвало настоящую тягу народовъ съ востока на западъ. Въ этомъ вихреобразномъ движеніи ранѣе другихъ встрѣтили преграду франки: упоревшись въ берега Атлантическаго океана, они осѣли въ предѣлахъ прежней Галліи и образовали франкское государство. За ними шли разные мелкіе германскіе народцы, перекатившись черезъ волну славянскую, дошедшую до береговъ Лабы или Эльбы и здѣсь разбившуюся на мелкіе народы: вендовъ, бодричей, сербовъ. Еще дальше къ востоку, въ предѣлахъ нынѣшней Восточной Пруссіи, въ непроходимыхъ дебряхъ, за широкими рѣками, засѣли въ лѣсахъ боруссы, или пруссы—небольшой народъ литовскаго происхожденія.

Въ половинѣ VIII вѣка вся тогдашняя Западная Европа была скована могучей рукой Карла Великаго въ одну имперію. Все-европейскій императоръ, горя желаніемъ распространить христіанскую религію, мечталъ о томъ, чтобы обратить въ христіанство и славянъ-язычниковъ, жившихъ за предѣлами его имперіи, за Эльбой. Это ему удалось до извѣстной степени, и власть Карла распространилась до Одера (Одры). Чтобы поддерживать эту власть надъ славянами, онъ устроилъ въ этихъ глухихъ пограничныхъ мѣстахъ рядъ маркграфствъ, или марокъ, т.-е. областей съ чисто-военной организаціей, куда назначались опытные въ военномъ дѣлѣ графы. Но по смерти Карла Великаго императоры устремились на Италію, и его движеніе на востокъ, этотъ первый нѣмецкій *Drang nach Osten*, прекратилось, и изъ всѣхъ крупныхъ марокъ осталось только три: Мейссенъ, на сѣверѣ нынѣшней Саксоніи, епископство Магдебургское, по среднему теченію Эльбы, и Сѣверная марка—узкая полоска земли вдоль лѣваго берега Эльбы, противъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ Берлинъ.

Впослѣдствіи обѣ первыя марки захирѣли, сошли на нѣтъ, но Сѣверной маркѣ предстояла блестящая будущность. Въ 1134 году императоръ Лотарь II отдалъ эту марку асканійскому графу Альбрехту Медвѣдю. Появленіе на Эльбѣ асканійскихъ графовъ усилило маленькую марку. Асканіи, или, правильнѣе, Аскаріи, (латинизированная форма нѣмецкой фамиліи Ашерслебенъ) владѣли значительными землями на восточныхъ склонахъ Гарца, гдѣ стоялъ и ихъ родовой замокъ Ашерслебенъ, безслѣдно разрушенный въ XV вѣкѣ.

Поселившись въ Сѣверной маркѣ, Альбрехтъ Медвѣдь измѣнилъ завоевательную политику своихъ предшественниковъ и сталъ дѣйствовать хитростью. Онъ вошелъ въ дружбу съ однимъ изъ правобережныхъ славянскихъ князьковъ, изъ числа тѣхъ, которые уже приняли христіанство, Прибыславомъ, и настолько сумѣлъ забрать его въ руки, что бездѣтный Прибыславъ объявилъ его своимъ наслѣдникомъ. Получивъ отъ его вдовы извѣстіе, что Прибыславъ умеръ, Альбрехтъ переправился на правый берегъ Эльбы и хотѣлъ занять освободившееся мѣсто князя. Но венды подняли мятежь, который, однако, вскорѣ былъ усмиренъ, причемъ былъ взятъ и главный городокъ славянскаго князя—Браниборъ. Альбрехтъ Медвѣдь посидѣвши передѣлать это названіе на нѣмецкій ладъ въ Бранденбургъ и сталъ съ этого времени величать себя маркграфомъ бранденбургскимъ.

Такъ произошло это первое виѣдреніе нѣмецкаго элемента въ славянскія земли. Нѣмецкая хитрость, а затѣмъ и открытое насилие съ одной стороны и славянское прекраснодушіе и недалекновидность съ другой будутъ потомъ встрѣчаться чуть не на каждой страницѣ исторіи будущей Пруссіи.

Мѣстность, захваченная Асканіями у вендовъ, представляла собою мало привлекательнаго. То была плоская песчаная равнина со скудной растительностью въ видѣ сосенъ, цѣпляющихся корнями за песчаные обрывы. Равнина настолько плоска, что, вступивъ на нее, рѣки Гаволя, или, по теперешнему, Гавель, и Спрова, или Шпрее, почти перестаютъ течь и разливаются на множество прудовъ и болотцевъ. Сами нѣмцы прозвали Бранденбургъ «песочницей», и даже теперь есть деревни, гдѣ жители утромъ съ трудомъ отгребаютъ отъ своихъ дверей песокъ, нанесенный вѣтромъ за ночь. Несмотря, впрочемъ, на отсутствіе живописности и плодородія, мѣстность эта имѣла весьма важное въ военномъ отношеніи качество: она не была замкнута въ естественныя границы ни горами, ни широкими рѣками и, стало бытъ, допускала возможность дальнѣйшаго расширенія бранденбургскихъ владѣній. Обстоятельства благоприятствовали Асканіямъ: единственный опасный соперникъ Бранденбургской марки герцогъ Саксонскій Генрихъ Левъ, тоже двигавшійся на сѣверъ вдоль береговъ Эльбы, вызвалъ противъ себя цѣлую коалицію мелкихъ германскихъ князей, былъ разбитъ, и его государство раздробилось на множество мелкихъ самостоятельныхъ политическихъ мірковъ.

Асканіи очутились на Эльбѣ одни и немедленно повели свое наступленіе на славянскій востокъ и сѣверъ. Покупая и подкупая, обманывая и избывая, они продвинулись на востокъ до Одера и вступили въ соприкосновеніе съ самымъ могучимъ изъ славянскихъ государствъ того времени—Польшей, а на сѣверѣ столкнулись съ Даніей. Это энергичное государство, руководимое королемъ Вальдемаромъ II, отняло у нѣмцевъ нижнее теченіе Эльбы, завладѣло Гольштиніей и подчинило своей власти даже вольные города Ганзейскаго союза—Гамбургъ и Любекъ. Вальдемаръ II былъ страшнымъ сосѣдомъ для Бранденбургской марки, которая скоро почувствовала на себѣ его тяжелую руку. Но, къ счастью для Асканіевъ, Вальдемара скоро не стало. Одинъ изъ его вассаловъ, имѣвшій съ нимъ личные счеты, вернувшись изъ Палестины, пріѣхалъ къ своему королю, чтобы показать ему вывезенный изъ Святой Земли изумрудный фіалъ съ каплей крови Спасителя. Оставленный ночевать въ королевскомъ замкѣ, онъ ночью напалъ на старика-короля, ранилъ его и увезъ въ безопасное для себя мѣсто. Чтобы возвратитъ себѣ свободу, плѣнникъ согласился на самыя тяжкія условія, но, вырвавшись изъ неволи, разорвалъ договоръ и пошелъ войной на своего вѣроломнаго вассала. Однако на полѣ битвы онъ снова сдѣлался жертвою измѣны, былъ разбитъ, и съ этого времени Данія не была уже страшна для Бранденбургской марки.

Поступокъ вассала былъ, конечно, гнуснымъ предательствомъ, но такъ какъ онъ пошелъ на пользу нѣмцамъ, то нѣмецкіе исто-

рики величаютъ это предательство «поступкомъ, объективная сила котораго была довольно значительна».

Благодаря такимъ поступкамъ, не лишеннымъ «объективной силы», въ началѣ XIV вѣка территорія марки была уже такъ велика, что можно было уже проѣхать съ нижняго Одера до тѣснинъ такъ называемой Саксонской Швейцаріи, ни разу не выходя изъ границъ Бранденбурга. Когда въ срединѣ того же столѣтія угасъ родъ Асканіевъ, то нѣмецкіе захваты въ славянскихъ странахъ были уже такъ обширны, что явившіеся въ марку на смѣну Асканіевъ Гогенцоллерны получили титуль и права курфюрстовъ, т.-е. имѣли право, въ числѣ семи наиболѣе крупныхъ германскихъ владѣтелей, участвовать въ выборѣ германскаго императора.

Какъ мы видѣли, марка образовалась въ чужой землѣ, для защиты нѣмецкихъ окраинъ отъ славянскихъ враговъ. Что отношенія между старыми хозяевами земли—вендами—и новыми колонистами-насилъниками были враждебныя, это доказываетъ старинный нѣмецкій языкъ, гдѣ все славянское стало синонимомъ плохого, а выраженіе *wendische Leute* значило то же, что *unehrliche Leute*. Побѣжденные славяне не допускались нѣмцами до своихъ организацій и, повидимому, могли жить въ городахъ только въ извѣстныхъ кварталахъ. Но изъ этихъ гетто они предпочитали бѣжать на волю, въ дебри лѣсовъ, въ деревни, которыя были такъ бѣдны, что вмѣсто подати маркграфъ получалъ съ нихъ къ празднику Рождества Христова всего нѣсколько мнोगъ. Вмѣсто этихъ славянскихъ деревень нѣмецкіе завоеватели стали усиленно заводить свои собственныя. Дѣлалось это по заранѣе намѣченному плану, причемъ извѣстная мѣстность отдавалась на откупъ подрядчику. Онъ платилъ маркграфу за откупъ, строилъ деревню и отъ себя уже входилъ въ договорныя отношенія съ крестьянами. Такъ какъ новые хозяева Полабской страны, поставивъ себѣ промысломъ войну, не могли особенно поднять культуру страны, то маркграфы прибѣгли въ широкомъ размѣрѣ къ колонизаціи, заманивая къ себѣ переселенцевъ главнымъ образомъ изъ Голландіи. Теперешніе Шуленбурги, Арнимы, Брэдовы—всѣ голландскаго происхожденія, причемъ послѣдніе сохранили въ своихъ фамиліяхъ имена городовъ Арнгейма и Брэды, откуда они вышли.

Привлеченіе крестьянъ-колонистовъ сдѣлалось главной заботой бранденбургскихъ маркграфовъ. Чтобы привлечь къ себѣ народныя массы, они пустили въ ходъ средство, которое всегда даетъ хорошіе результаты: обѣщаніе большей свободы и разныхъ земельныхъ льготъ. Эта перспектива сильно увеличивала крестьянское населеніе марки. Дворянство, мелкое, небогатое, но воинственное, тамъ уже имѣлось. Купечество явилось само собой по мѣрѣ развитія народныхъ богатствъ. Нуждаясь въ деньгахъ а военные расходы, маркграфы поневолѣ давали городамъ и об-

щинамъ большія, чѣмъ въ другихъ германскихъ владѣніяхъ, права и привилегіи. Но это нисколько не умаляло ихъ власти. Напротивъ, уже тогда ясно обрисовывается то поработеніе государствомъ всѣхъ живыхъ силъ страны, какое мы видимъ въ современной Пруссіи. Даже духовныя лица и епископы, пользовавшіеся повсюду такой силой и независимостью отъ свѣтской власти, въ Бранденбургѣ были всецѣло въ рукахъ маркграфа, а старинные официальные сборники молитвъ, гдѣ о главѣ марки говорится, почти какъ о Богѣ, а о его приближенныхъ, какъ о святыхъ, показываютъ, что даже самая религія была здѣсь только своего рода христіанствомъ, приспособленнымъ для цѣлей бранденбургскаго правительства.

Такимъ образомъ, возникновеніе Бранденбургской марки есть результатъ нѣмецкой колонизаціи въ славянской землѣ. Чтобы яснѣе видѣть приемы нѣмецкой колонизаціи, сравните съ этой колонизаціей другую колонизацію, нашу русскую. Когда татары разорили южную Русь и жить въ степной полосѣ Россіи стало небезопасно отъ этихъ кочевниковъ, населеніе, ища убѣжища, хлынуло на сѣверъ, въ лѣсистую мѣстность между Окой и Волгой, населенную финскими племенами. Встрѣча новыхъ пришельцевъ съ туземнымъ населеніемъ была, однако, самая мирная: географическія имена урочищъ показываютъ, что новые и старые обитатели селились вперемежку. Если нѣмцы отнеслись къ вендамъ, какъ къ нечестнымъ, гнуснымъ людямъ, то въ русскихъ ихъ противники, вся эта «чудь бѣлоглазая», вызвали только чувство удивленія, оставшееся въ словахъ «чудить», «чудаки». Словомъ, русскіе несли за собой заселеніе, а не завоеваніе края. О враждебныхъ столкновеніяхъ новыхъ сожителей ничего не слышно, и въ лѣтописи, которая до того описывала кровавыя битвы, все чаще и чаще начинаетъ попадаться подъ годами лаконическая, но многознаменательная отмѣтка лѣтописца: «и бысть тишина».

Продвигать нѣмецкій элементъ на сѣверъ и востокъ, выжигая и вытравляя вокругъ себя все славянское, — вотъ въ чемъ заключалась задача военной нѣмецкой колонизаціи въ славянской землѣ. Неизвѣстно, какъ пошла бы дальнѣйшая ея исторія, если бы судьбѣ не было угодно связать исторію Бранденбургской марки съ событіями, которыя разыгрались подъ совершенно другими широтами и которыя первоначально не имѣли къ ней прямого отношенія.

Въ XII столѣтіи, послѣ перваго крестоваго похода, Іерусалимъ сдѣлался до нѣкоторой степени международнымъ городомъ. Обломки крестоносныхъ ополченій, организованныхъ разными національностями, застряли во Святомъ градѣ и мало-по-малу обросли здѣсь своими національными учрежденіями. Между прочимъ, въ 1128 году нѣсколько нѣмецкихъ князей рѣшили осно-

вать въ Иерусалимѣ особое религіозно-благотворительное общество, которое оказывало бы всяческую помощь спеціально нѣмецкимъ паломникамъ. Оказывать эту помощь можно было двояко: или ухаживая и поддерживая тѣхъ, кто успѣлъ уже, среди величайшихъ въ то время опасностей, добраться до Иерусалима, или же охраняя паломниковъ въ ихъ пути отъ нападеній сарацинъ. Отсюда военная организація этого общества. Какъ религіозное учрежденіе, это общество, или орденъ, названный Тевтонскимъ, былъ подвѣдомственъ папѣ, а какъ военная организація—германскому императору. Очень скоро орденъ выхлопоталъ для себя земельныя владѣнія въ Италіи и въ Германіи, но искусно лавировалъ между папой и императоромъ въ ихъ жестокой борьбѣ за власть. Лѣтъ черезъ тридцать послѣ своего основанія орденъ покинулъ свою палестинскую резиденцію, замокъ Монפורтъ, и перенесъ ее въ самый оживленный въ тѣ времена европейскій городъ, въ Венецію, къ которой сходились все тогдашніе морскіе пути. Въ рукахъ ордена скопились большія матеріальныя средства, онъ представлялъ уже внушительную военную силу, а во главѣ его стоялъ одинъ изъ самыхъ тонкихъ политиковъ XIII вѣка Германъ фонъ-Зальца, только и мечтавшій о томъ, какъ бы пріобрѣсти гдѣ-нибудь территорію и стать настоящимъ государемъ.

Случай не замедлилъ представиться.

Въ 1226 году мазовецкій князь Конрадъ обратился къ ордену съ предложеніемъ взять на себя защиту его владѣній отъ нападеній сосѣднихъ язычниковъ-пруссовъ, обѣщая за это наградить рыцарей землю. Германъ фонъ-Зальца съ наслажденіемъ ухватился за это предложеніе и, прикрываясь религіознымъ рвеніемъ просвѣтить свѣтомъ христіанства языческія души, черезъ Венгрію прибылъ въ 1230 году съ своими рыцарями въ Пруссію. Результаты неосторожнаго шага славянскаго князя не заставили себя долго ждать.

Страна между нижней Вислой и Нѣманомъ, называвшаяся встарь Боруссіей, принадлежала къ числу самыхъ глухихъ мѣстностей тогдашней Европы. Это былъ своего рода европейскій Far East, куда рѣдко заглядывали путники. Самыя раннія свѣдѣнія объ этой странѣ оставилъ намъ нѣкто Вульфстанъ изъ Шлезвига. Изъ своей страны онъ плылъ семь дней и семь ночей до этой пещеромой никому земли. Онъ видѣлъ много городовъ, въ каждомъ изъ которыхъ сидѣло по маленькому князьку.

Послѣ Вульфстана въ эту дикую страну, направляются путешественники совсѣмъ иного рода. Въ девяностыхъ годахъ X вѣка Чехія, уже принявшая христіанство, высылаетъ сюда перваго христіанскаго миссіонера, св. Адалберта. Этотъ славянскій просвѣтитель спустился на баркѣ по Вислѣ, поплылъ вдоль восточныхъ береговъ Балтійскаго моря и послѣ нѣсколь-

кихъ дней плаванія причалилъ къ непривѣтливымъ берегамъ Пруссіи.

Первая встрѣча христіанства съ язычествомъ кончилась не въ пользу перваго: Адальбертъ былъ убитъ, а его спутниковъ дикари отправили обратно туда, откуда они пришли. Но смерть Адальберта дала новую точку приложенія религіознаго рвенія многочисленнымъ миссіонерамъ, и по его слѣдамъ въ прусскія дебри тронулись монахи различныхъ національностей. Излагая дикарямъ на непонятномъ для нихъ языкѣ самыя таинственныя изъ догматовъ христіанской церкви—о грѣхопадѣніи, объ искупленіи, о св. Троицѣ и т. д., эти миссіонеры вмѣстѣ съ тѣмъ оскверняютъ священные лѣса, тѣни и безмолвіе которыхъ такъ чтятся пруссами, налагаютъ вьюкъ на бѣлаго коня, прорицающаго будущее во храмѣ бога огня Святовита, вонзаютъ топоръ въ стволъ дуба, шелестъ котораго открываетъ людямъ волю небесъ. Понятно, что язычники въ звѣриныхъ шкурахъ оказываютъ имъ отчаянное сопротивление, прожеляя, впрочемъ, большое къ нимъ милосердіе: по большей части ограничиваются тѣмъ, что прогоняютъ ихъ отъ себя.

Задача обратить ихъ въ христіанство силою дала тевтонскому ордену прекрасный предлогъ для вторженія въ ихъ землю. Если бы эту миссію взяла на себя Польша, то, по всей вѣроятности, міровая исторія была бы совершенно иная. Но въ томъ-то и дѣло, что Польша,—говоритъ Лавиньсъ,—ни въ одинъ изъ моментовъ своей исторіи не дѣлала того, что ей нужно было бы сдѣлать. Такъ поступила она и на этотъ разъ опрометчиво.

Пятьдесятъ три года продолжалась отчаянная борьба пруссовъ съ тевтонами. Волна нѣмецкаго нашествія на литовскую землю двигалась впередъ, то набѣгая, то снова отступая. Продвигаясь впередъ, тевтоны всюду устраивали блокаузы, въ которые можно было укрыться съ случаѣмъ нападенія пруссовъ, и основывали крѣпости, у подножія которыхъ возникали деревни. Такъ, въ 1232 году они заложили Торнъ и Кульмъ. Черезъ девять лѣтъ пруссы, собравшись съ силами, сдѣлали отчаянное усиліе и хотѣли стряхнуть накладываемое на нихъ ярмо. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась это возстаніе, если бы въ дѣло не вмѣшался чешскій король Оттокаръ, принявшій сторону тевтоновъ. Онъ глубоко проникъ въ лѣса Пруссіи и въ 1254 году достигъ берега Балтійскаго моря, гдѣ заложилъ городъ Кролевецъ, теперешній Кенигсбергъ. Подавляя возстаніе, нѣмцы всячески истребляютъ населеніе, жгутъ деревни, избиваютъ тѣхъ, кто не успѣлъ скрыться въ лѣсныхъ дебряхъ, а когда нельзя дѣйствовать открытой силой, прибѣгаютъ къ поступкамъ, имѣющимъ значительную объективную силу. Такъ, одинъ изъ сановниковъ ордена пригласилъ разъ къ себѣ большое общество знатныхъ пруссовъ. Ихъ напаиваютъ, незамѣтно запираютъ двери залы и сжигаютъ вмѣстѣ съ замкомъ, гдѣ происходило пиршество.

Къ концу XIII вѣка пруссы были большею частью истреблены, а тѣ, которые остались въ живыхъ, превращены въ рабовъ. Тевтонскіе рыцари исполнили свою благочестивую задачу и распространили христіанство. Что религіозная цѣль, ради которой рыцари явились въ Пруссію, была только предлогомъ, объ этомъ свидѣлствуютъ сами католическіе миссіонеры. Такъ, одинъ картезіанскій монахъ упрекаетъ рыцарей въ томъ, что они мѣшаютъ пруссамъ ходить въ церковь, обременяютъ въ праздники барщиной и заботятся только о томъ, чтобы вымогать изъ нихъ какъ можно больше денегъ и работы.

Обезпечивъ себя даровымъ трудомъ побѣжденныхъ и прочно засѣвъ въ циклопическомъ замкѣ своей новой резиденціи, въ Мариенбургѣ, на нижней Вислѣ, рыцари принялись устраивать хозяйство страны. И надо имъ отдать справедливость: они проявили въ этомъ дѣлѣ много настойчивости и планомѣрности. Въ дремучихъ лѣсахъ появились просѣки и дороги, болота осушались и превращались въ участки пахотной земли, или такъ называемые «вердеры», всюду строятся деревни, основываются города, куда орденъ такъ же, такъ и его западный сосѣдь курфюрстъ Бранденбургскій, отовсюду привлекаютъ на льготныхъ условіяхъ купцовъ и ремесленниковъ. Уже въ XIV вѣкѣ орденъ насчитываетъ у себя до восьмидесяти городовъ и около полуторы тысячи деревень. Сельская культура достигла у нихъ высокаго развитія, и въ одной хроникѣ мы не безъ удивленія читаемъ, что въ 1392 году морозъ побилъ у тевтоновъ виноградъ и тутовья деревья. Обильные луга давали возможность вести скотоводство въ широкихъ размѣрахъ. Не была забыта и птица: въ числѣ доходовъ, которые орденъ собиралъ съ своихъ подданныхъ, значится и шестьдесятъ тысячъ пѣтуховъ. Разведеніе лошадей въ этой солдатской странѣ было, конечно, предметомъ особыхъ заботъ.

Земледѣліе процвѣтало и однимъ только рыцарямъ принадлежало около четырехъ сотенъ мельницъ.

Скоро нѣмецкіе купцы изъ Пруссіи стали расползаться съ своими товарами по окрестнымъ народамъ. Особенно много было ихъ въ Польшѣ. Въ одномъ только Львовѣ въ XIV столѣтіи уже насчитывалось болѣе 1.200 нѣмецкихъ семей. Силезія была наводнена ими. Они рано стали извѣстны и въ Лондонѣ, гдѣ на долю прусскихъ членовъ Ганзейскаго союза приходилась третья часть всѣхъ оборотовъ, и въ нашемъ Новгородѣ, гдѣ нѣмецкіе гости тѣснились въ укрѣпленныхъ кварталахъ церкви св. Олара и Петра, наваливая выюки товаровъ внутри самой церкви, такъ что едва оставалось немного свободнаго мѣста у алтаря.

Орденъ богатѣлъ, и въ центральной его маріенбургской кассѣ скапливалось иногда болѣе двухъ милліоновъ рублей на наши деньги.

Росло вмѣстѣ съ тѣмъ и военное могущество ордена, надъ развитіемъ котораго рыцари постоянно трудились. Они завели военный флотъ на Балтійскомъ морѣ и отлили себѣ большую артиллерію всѣхъ видовъ: полевую, осадную, морскую. Ихъ спеціальностью, какъ и теперь, было литье пушекъ чудовищныхъ размѣровъ: въ 1408 году въ Маріенбургѣ было отлито орудіе вѣсомъ въ шестьсотъ пудовъ, стрѣлявшее такими громадными камнями, что ихъ пришлось отыскивать и привозить изъ Лабіау, гдѣ было много большихъ валуновъ. На слѣдующій годъ эта пушка была испробована на полякахъ, и въ четыре дня стѣны города Бобровника на Вислѣ были ею разнесены вдребзги.

Расширились и границы владѣній ордена. Въ самомъ началѣ его захватной дѣятельности въ Пруссіи, въ 1237 году, къ тевтонскому ордену присоединился другой нѣмецкій орденъ, орденъ меченосцевъ, дѣйствовавшій восточнѣе и изъ основаннаго имъ въ 1201 году города Риги распространившій нѣмецкія завоеванія на нынѣшнюю Лифляндію, Курляндію и Эстляндію, которую, впрочемъ, у ордена нѣкоторое время энергично оспаривали шведы изъ заложеной ими крѣпости Ревель.

Такимъ образомъ, вся теперешняя Восточная Пруссія и такъ называемыя остзейскія губерніи оказались въ рукахъ нѣмцевъ. Дальнѣйшему Drang nach Osten мѣшала Польша, и въ концѣ XV вѣка тевтоны начинаютъ поговаривать не болѣе, не менѣе, какъ о раздѣлѣ Польши: все, что лежитъ по западную сторону Калиша, должно было отойти Пруссіи, страна къ югу отъ Калиша предназначалась на долю Венгріи, остальное отдавалось Чехіи. Съ планомъ этимъ нѣмцамъ пришлось повременить до XVIII столѣтія, но развѣ не правъ одинъ изъ историковъ ордена, говоря, что старая исторія тевтоновъ дышитъ для насъ жизнью и вовсе не такъ далека отъ современности, какъ это могло бы казаться!

О прежней, туземной, литовской Пруссіи теперь нѣтъ и помину. Правда, кое-гдѣ на глухихъ окраинахъ еще сохранились дебри, въ которыхъ укрываются язычники, въ слабой надеждѣ, что вернутся еще ихъ старые боги и вытѣснятъ дерзкихъ пришельцевъ съ ихъ Богородицей Магдебургской. Но теперь ихъ не истребляютъ нарочно: тевтоны берегутъ ихъ, какъ рѣдкую дичь, за которой время отъ времени устраивается веселая охота. Крестовые походы давно кончились, рыцарямъ больше негдѣ и не надъ кѣмъ упражнять свою силу и храбрость, и единственнымъ подходящимъ мѣстомъ для этого остается Восточная Пруссія. Это тѣмъ болѣе удобно, что папы, отвлекая рыцарство отъ новыхъ религіозныхъ вѣяній, не перестаютъ проповѣдывать крестовые походы противъ языческой окраины. Рыцари всей Европы охотно и съ благодарностью принимали приглашенія тевтоновъ участвовать въ этой вполне безопасной для нихъ экспедиціи истребленія невѣрныхъ

во имя Христова и толпами прибывали въ Маріенбургъ. И кого, кого тутъ только не было! Вотъ Іоаннъ чешскій, царственный авантюристъ, не нашедшій себѣ дѣла въ Чехіи и отправившійся умирать за французовъ въ битвѣ при Кресси. Вотъ другой сосѣдь— Людовикъ венгерскій. Далѣе идутъ германскій императоръ Карлъ IV, храбрый Боллинброкъ, вступившій потомъ на англійскій престолъ подъ именемъ Генриха IV. Изъ Англій же ѣдетъ сюда графъ Варвикъ, изъ Шотландіи Дугласъ. Здѣсь же подвизались нѣсколько голландскихъ графовъ, французъ Бусико и многое множество другихъ безпокойныхъ или заскучавшихъ отъ бездѣлья рыцарей.

Добравшись до Маріенбурга и попиравъ здѣсь нѣсколько дней, эти европейскіе «охотники за черепами» начинали снаряжаться въ «походъ». Рыцарскіе отряды сопровождались цѣлыми транспор-тами дамъ, которыя должны были смягчать для рыцарей тягости походной жизни, за ними шествуютъ гудочники и гаеры, на обязанности которыхъ лежало развлекать ихъ среди подвиговъ, и множество слугъ съ провизіей и виномъ.

Достигнувъ вражескихъ предѣловъ, рыцари оставляли своихъ дамъ гдѣ-нибудь на холмѣ, въ безопасномъ мѣстѣ, а сами бросались на попавшуюся имъ на глаза несчастную прусскую деревушку, избивали ея население отъ мала до велика, сжигали лачуги ея обитателей и, совершивъ такіе поступки, тоже не лишеныя «объективной силы», возвращались въ Маріенбургъ, въ гордомъ сознаніи великаго дѣла, которое они совершили во имя покровительницы нѣмцевъ, Богородицы Магдебургской. Едва успѣвали несчастные туземцы перевести духъ отъ погрома, какъ европейская мода бросала на нихъ новую волну всякаго сброда отжившаго свой вѣкъ и вырождающагося въ авантюризмъ рыцарства.

Разложеніе рыцарства не могло, конечно, не коснуться и самого Тевтонскаго ордена. Распри въ его средѣ, убійства однихъ рыцарей другими показываютъ, что обѣтъ послушанія давно забыть. Завѣщанія на значительныя суммы свидѣтельствуютъ, что то же самое случилось и съ обѣтомъ нестяжанія. Относительно третьяго монашескаго обѣта—цѣломудрія—достаточно привести только одинъ фактъ. Одинъ изъ весьма строгихъ и ученыхъ рыцарей Дюсбургъ, оставившій намъ исторію ордена, выдвигаетъ, какъ несомнѣнную и неопровержимую истину, что *castus nemo potest esse, nisi Deus det*, т. е. никто не можетъ остаться цѣломудреннымъ, если только не получить на помощь особую благодать Божію.

Считая главнымъ своимъ дѣломъ войну, рыцари съ презрѣніемъ относились ко всякому знанію, были невѣжественны и сильно хромали въ умственномъ отношеніи. Среди нихъ были такіе, которымъ давалось полгода, чтобы выучить какъ слѣдуетъ «Вѣрую». Въ сравненіи съ нарождавшеюся буржуазіей они сильно проигрывали.

Но не отъ буржуазіи грозила имъ опасность. Упорно продвигаясь на востокъ и сѣверо-востокъ, тевтоны сильно сдавливали своихъ сосѣдей—Литву, Польшу и русскихъ, и было ясно, что при малѣйшемъ ослабленіи этого давленія упругость народная должна отбросить ихъ назадъ. Катастрофа эта и разразилась въ началѣ XV вѣка.

Какъ извѣстно, въ 1368 году приняла христіанство Литва. Новокрещенный литовскій князь Ягелло женился на дочери умершаго польскаго короля Людовика и соединилъ обѣ земли подъ личной своей уніей. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ оставилъ за собой лишь польскій престолъ, уступивъ свой прежній, литовскій, своему двоюродному брату Витовту. Вотъ эти-то два литвина и задумали отплатить тевтонамъ за все то зло, которое они сдѣлали ихъ сородичамъ пруссамъ и остановить вражеское движеніе на востокъ. Они напрягли для этого всѣ силы и собрали не только литовскую и польскую рать, но пригласили къ совмѣстной борьбѣ и смоленскія рати и наняли отряды татаръ и чеховъ. 15-го іюля 1410 года недалеко отъ Кенигсберга, при деревнѣ Танненбергъ произошла знаменитая битва, извѣстная у насъ подъ именемъ Грюнвальдской битвы. Тевтоны потерпѣли полное пораженіе, и историкъ этого похода, краковскій каноникъ Длугошъ, утверждаетъ, что прусская армія однихъ убитыхъ потеряла до пятидесяти тысячъ человекъ.

Ударъ былъ страшный, но использовать его, какъ слѣдуетъ, Ягелло не удалось. Поляки не могли взять сразу Мариенбургъ и принуждены были его обложить. Осада затянулась, и, просидѣвъ около крѣпости два мѣсяца, поляки показали себя истыми славянами съ ихъ отсутствіемъ выдержки и настойчивости. Имъ надоѣло осаждать крѣпость тевтоновъ, и они принудили Ягелло поскорѣе заключить миръ. Условія его были столь милостивыя, что сами тевтоны пришли въ изумленіе

Но эта удача не спасла орденъ, и онъ продолжалъ разлагаться: въ немъ вспыхнула борьба между городами и крестьянствомъ съ одной стороны и рыцарями, выродившимися въ касту, съ другой. Мятежники посылаютъ за помощью къ полякамъ, и то, что не удалось сдѣлать Ягелло, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ него довершаетъ польскій король Казимиръ IV. Онъ побѣдоносно забираетъ прусскіе города, вступаетъ въ Торнъ, беретъ неприступную твердыню тевтоновъ Мариенбургъ. Гросмейстеръ въ лодкѣ бѣжитъ въ Кенигсбергъ, но городъ выдаетъ его полякамъ.

Польша получила всю страну на западъ отъ Вислы съ городами Мариенбургомъ, Эльбингомъ, Данцигомъ, Торномъ и Кульмомъ. Орденъ и его остальная территория навсегда соединились въ союзъ съ Польшей, и гросмейстеръ его долженъ былъ засѣдать въ польскомъ сеймѣ по правую руку польскаго короля.

Казалось бы, тевтонскому ордену пришелъ конецъ и настало время для раскрѣпощенія придавленныхъ имъ славянъ и литов-

цевъ. Но тевтоны обращаютъ свой взоръ на западъ и ждутъ спасенія отъ своихъ сородичей изъ Бранденбургской марки.

Пока мы занимались исторіей Восточной Пруссіи, въ Бранденбургѣ произошло важное событіе. Около половины XIII вѣка угасъ родъ Асканіевъ, и марка въ 1415 г. была отдана императоромъ Сигизмундомъ другому швабскому роду Гогенцоллернамъ, которымъ суждено было сдѣлаться національной династіей Пруссіи. Первый изъ самостоятельныхъ Гогенцоллерновъ Фридрихъ, получивъ марку, сталъ называться уже курфюрстомъ, а одиннадцатый потомокъ этого Фридриха, тоже Фридрихъ, по счету третій, современникъ нашего Петра Великаго, былъ уже прусскимъ королемъ.

Между тевтонскимъ орденомъ и курфюрстомъ бранденбургскимъ завязались оживленныя сношенія, которыя менѣе чѣмъ черезъ полстолѣтія привели къ уніи между двумя этими ногами будущей единой Пруссіи. Въ 1511 году гротмейстеромъ ордена дѣлается не кто другой, какъ внукъ перваго Гогенцоллерна, Альбрехтъ. Онъ секуляризируетъ орденъ, принимаетъ лютеранство и дѣлается просто герцогомъ прусскимъ.

Альбрехтъ пытался стряхнуть съ себя зависимость отъ Польши, но потерпѣлъ неудачу. Судьба было угодно оставить вѣкового врага въ рукахъ Польши почти полтора столѣтія до самаго появленія Фридриха-Вильгельма, получившаго титулъ великаго курфюрста. Польша не справилась съ тевтонами.

Прошло еще столѣтіе слишкомъ, явился новый Фридрихъ, такъ называемый Фридрихъ Великій, и, осуществляя тайныя планы, которые когда-то дѣлали тевтоны, захватываетъ уже куски самой Польши. Обыкновенно представляли, а нѣмцы и теперь продолжаютъ представлять, что раздѣлъ Польши возникъ по инициативѣ Россіи! Но какъ ни придавливали нѣмецкіе историки истину своими фоліантами, она все-таки встаетъ теперь во весь ростъ, и никто уже не скажетъ, что въ этомъ виновата одна только Россія. Напротивъ, доказано, что все дѣло было задумано въ Берлинѣ и выполнено съ обычной прусской настойчивостью. «Какая бы отвѣтственность ни падала на поведеніе Екатерины, — пишетъ англійскій историкъ раздѣла Польши Низбетъ Бэнъ, — все-таки оно вполне извинительно въ сравненіи съ образомъ дѣйствій Фридриха-Вильгельма. Екатерина принимала на себя весь рискъ за раздѣлъ, шла открыто на враговъ, противъ которыхъ имѣла зубъ. Фридрихъ-Вильгельмъ дѣйствовалъ сзади, являлся тогда, когда битва была уже окончена, и грабилъ союзника, котораго торжественно обѣщаль защищать».

Прошло еще сто слишкомъ лѣтъ, и, повинувшись завѣтамъ, изложеннымъ въ тайномъ завѣщаніи «Стараго Фрица», теперешній Гогенцоллернъ захотѣлъ новаго раздѣла, на этотъ разъ нашего

отечества. Но онъ забылъ, что исторія уже дала его государству три предостереженія.

Въ самомъ дѣлѣ три раза въ исторіи стояла Пруссія передъ своею гибелью. Первую пробу на крѣпость она выдержала въ бурѣ и вихрѣ тридцатилѣтней войны, опустошившей ея территорію. Съ 1618 по 1648 гг. всѣ народы Европы одинъ за другимъ приняли участіе въ этой кровавой борьбѣ.

Пруссія вышла изъ нея едва живую. Изъ трехсотъ тысячъ ея населенія уцѣлѣло меньше половины. Отправленный въ 1639 году изъ Дрездена въ Берлинъ курьеръ жалуется, что за цѣлый день пути онъ не встрѣтилъ ни одного дома, гдѣ бы можно было что-нибудь съѣсть. Бывали случаи, что голодные бродяги, забравшись, чтобы поживиться, въ деревушку, въ ужасѣ отпатывались отъ пороговъ домовъ, гдѣ вороны, собаки и волки дрались изъ-за труповъ людей и животныхъ. Но вотъ офиціальныи документъ—рапортъ Пренцловской ратуши, въ которомъ говорится: «Такъ какъ война уже много лѣтъ не даетъ земледѣльцу работать, то жизнь до того вздорожала, что теперь повсюду слышны стоны, крики и вой голодающихъ. Люди питаются самыми непотребными вещами: ѣдятъ собакъ, кошекъ и даже на улицахъ, среди бѣлаго дня, гложутъ кости мертвыхъ. Говорить ли все до конца? Голодъ свирѣпствуетъ съ такою силою, что въ деревняхъ и даже въ городѣ люди бросаются другъ на друга; болѣе сильные убиваютъ тѣхъ, кто слабѣе, жарятъ ихъ и ѣдятъ».

Принявъ истерзанное и впавшее въ каннибализмъ государство, Фридрихъ-Вильгельмъ долженъ былъ прежде всего снова создать прусскій народъ съ помощью чужеземной колонизаціи, которая потомъ онѣмечивалась. Средство это уже было испробовано съ успѣхомъ, и Фридрихъ-Вильгельмъ зналъ, откуда добыть себѣ подданныхъ: ихъ опять выписывали изъ Голландіи, въ которой великій курфюрстъ провелъ свою молодость. Между голландцами оказались инженеры, устроившіе первые въ Пруссіи каналы, скульпторы, архитектора, привившіе на новой почвѣ кое-какое искусство. Голландскіе земледѣльцы учили нѣмцевъ уходу за скотомъ и сдѣлали важный вкладъ въ сельскохозяйственную культуру страны, разведя здѣсь впервые картофель. Сама супруга курфюрста имѣла свой собственный коровникъ и огородъ, гдѣ не брезговала работать своими руками.

Фридрихъ-Вильгельмъ вѣрно понялъ потребность своего времени—необходимость религіозной свободы—и сталъ ею соблазнять всѣхъ страдавшихъ за свободу совѣсти. Въ 1684 году онъ распространилъ по Франціи въ пятистахъ экземплярахъ такъ называемый «потсдамскій указъ», въ которомъ обѣщаль угнетаемымъ правительствомъ Людовика XIV гугенотамъ пособіе на переѣздъ въ его государство, даровую уступку заброшенныхъ земель и опустѣв-

шихъ домовъ, свободу отъ податей, ссуды отъ государства, право проповѣди слова Божія на родномъ языкѣ и, наконецъ, право имѣть свой выборный французскій судъ. Въ Амстердамѣ и во Франкфуртѣ сидѣли особые комиссары Фридриха, на обязанности которыхъ лежало переправлять французскихъ эмигрантовъ въ глубь Бранденбурга. Пособія и всякія подъемныя раздавались такъ щедро, что слухъ объ этомъ прошелъ по всей Европѣ, и многіе эмигранты уже водворившіеся было въ Швейцаріи и въ Англіи, оставили эти страны и двинулись въ Бранденбургъ.

Французскіе эмигранты спасли культуру опустошенной страны. Они принесли съ собою искусство красить матеріи, ввезли съ собою первыя въ Пруссіи чудотворныя машины, завели бумажныя фабрики. Даже знатные дома въ курфюршествахъ освѣщались еще восковыми факелами, а бюргерскія семьи довольствовались дымными плошками, гдѣ горѣлъ фитиль, плававшій въ рыбьемъ жирѣ. Французы основали первыя свѣчныя фабрики. Французскіе садовники, поселившіеся около Берлина въ пустынной, песчаной мѣстности, которую они въ шутку называли библейскимъ именемъ земли Моавитской и которая до сихъ поръ удержала это названіе, благодаря своему трудолюбію и искусству скоро добились такихъ результатовъ, что мѣстные жители стали обвинять ихъ въ колдовствѣ.

Немалый вкладъ сдѣлали французы и въ вялую умственную жизнь Пруссіи: въ 1700 году они основали берлинскую академію наукъ, они же способствовали процвѣтанію университета во Франкфуртѣ и основанію его въ Галле. Они же дали длинный рядъ ученыхъ разныхъ спеціальностей. Припомнимъ хотя бы Ламотъ Фуке, братьевъ Гумбольдтовъ, мать которыхъ была французженка, дю-Буа-Реймона и многихъ другихъ.

Теперешніе потомки этихъ французскихъ эмигрантовъ совсѣмъ забыли о своемъ французскомъ происхожденіи. О немъ напоминаетъ лишь темный цвѣтъ ихъ волосъ да нѣсколько словъ, уцѣлѣвшихъ въ домашнемъ обиходѣ. Такъ, кое-гдѣ и теперь дѣти говорятъ родителямъ *pir, mir*; постель называется *kutsche (couche)*, слово *groseille* превратилось въ *gruselchen*, а французскія фамиліи *Dupont Villain, Urbain* въ *Dippo, Villing, Irrbenk*.

Но настоящимъ «воромъ чужихъ подданныхъ» былъ слѣдующій Гогенцоллернъ, первый прусскій король Фридрихъ I. Этотъ не только сманивалъ къ себѣ французовъ-вальденцевъ, которымъ расписывалъ ихъ будущую столицу Магдебургъ, какъ городъ, получившій свое названіе «отъ Венеры и грацій, ея прислужницъ», австрійскихъ протестантовъ изъ Зальцбурга и чеховъ изъ Богеміи, но даже послѣдователей швейцарскаго проповѣдника Менно, или меннонитовъ, несмотря даже на то, что они отвергали столь любимую королемъ военную службу.

Несмотря на территоріальное увеличеніе Пруссіи и даже захватъ Фридрихомъ у Швеціи Помераніи, судьба готовила этому государству второе предостереженіе. Третьимъ былъ разгромъ Пруссіи Наполеономъ. При внукѣ Фридриха I, Фридрихѣ II, разразилась Семилѣтняя война. Берлинъ былъ занятъ русскими войсками, самъ Фридрихъ въ отчаяніи напрасно искалъ смерти на поляхъ сраженій. Пруссія, какъ въ Тридцатилѣтнюю войну, опять была на краю гибели, и только перемѣна царствованія въ Россіи и появленіе на русскомъ престолѣ совершенно неизвѣстнаго странѣ голштинскаго принца спасла Пруссію. Петръ III въ качествѣ прусскаго генерала всѣ завоеванія императрицы Елизаветы положилъ къ ногамъ обожаемаго имъ Фридриха.

Чтобы привести въ равновѣсіе потрясенное государство, Фридрихъ пустилъ въ ходъ традиціонные гогенцоллернскіе приемы— захватъ территорій у сосѣдей и вербовку колонистовъ. У Австріи имъ была отнята Силезія, а колонизація стала главной дѣятельностью прусской администраціи: чуть не во всѣхъ городахъ сѣверной Европы были устроены прусскія колонизаціонныя агентства, всячески сманивавшія въ Пруссію переселенцевъ. Фридрихъ не пренебрегалъ даже цыганами: какъ всесвѣтныя, много видѣвшіе бродяги, они предназначались служить Фридриху шпионами. Въ Силезіи для привлеченія пограничнаго населенія Фридрихъ распорядился выстроить для чеховъ-гусситовъ рядъ церквей, а для населенія, оставшагося вѣрнымъ католицизму, достаточное количество кабаковъ.

Въ концѣ царствованія Фридриха II Пруссія была уже такъ сильна, что дерзнула на вторичный дѣлежъ своего стариннаго врага, Польши. Попытка, какъ извѣстно, удалась блестяще, и Пруссія получила порядочный «кусочекъ анархіи», какъ цинично выражался Фридрихъ.

Въ XIX вѣкѣ Пруссія продолжаетъ свою традиціонную политику захватовъ. Въ 1864 году она силою отнимаетъ у Даніи Шлезвигъ, поглощаетъ черезъ два года Ганноверъ и еще два маленькихъ нѣмецкихъ же государства и выталкиваетъ изъ германскаго союза Австрію. Ставъ хозяйкой въ Германіи, она побѣждаетъ Францію и сорокъ съ лишнимъ лѣтъ лихорадочно готовится къ новой побѣдѣ, на этотъ разъ надъ Россіей. Но исторія не всегда повторяется.

Подводя итогъ всему сказанному, приходится признать, что Пруссія есть государство, носящее чужое имя, государство безъ собственной расы и безъ собственной территоріи. Никакой прусской расы, какъ этнографической единицы, не существуетъ, а есть кучка южныхъ нѣмцевъ, онѣмечившихъ огромное количество славянъ и литовцевъ и вобравшихъ въ свою среду голландскихъ, французскихъ, швейцарскихъ эмигрантовъ и даже цыганъ.

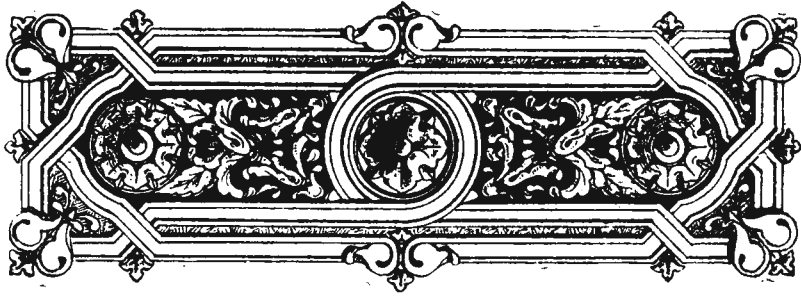
Территорія, занимаемая теперь Пруссіей, захвачена ею восемь вѣковъ тому назадъ у литовцевъ и славянъ на востокъ, а въ новыя времена у шведовъ, датчанъ, нѣмцевъ-ганноверцевъ и французовъ на западѣ. Эти захваты удавались нѣмцамъ въ старыя годы лишь благодаря тому, что славяне и литовцы были раздроблены, безпечны за свою будущность и политически непредусмотрительны, а позднѣе исключительно благодаря попустительству Россіи. Во-вторыхъ, Пруссія всегда была государствомъ завоевательнымъ, а потому и милитаристическимъ. Душой, двигавшей этотъ государственный организмъ, всегда была война, или, какъ выразился еще Мирабо въ XVII вѣкѣ, «война есть національный промыселъ Пруссіи».

Покончивъ съ вопросомъ о томъ, какъ возникла Пруссія и что она такое, мы позволимъ себѣ прибавить нѣсколько словъ и о ея будущности, какъ она намъ представляется.

Въ комплексѣ силъ, двигающихъ человѣчество впередъ и образующихъ такъ называемый «духъ времени», въ нашу эпоху едва ли не главное мѣсто занимаетъ чувство законности, т. е. желаніе повиноваться только закону, но не силѣ. Всякій гнетъ и насиліе, какъ надъ отдѣльной личностью, такъ и надъ цѣлымъ народомъ, теперь становится нестерпимымъ для современнаго просвѣщеннаго человѣка, и девизъ XX вѣка: «Право выше силы». Германія когда-то вывернула эту формулу наоборотъ, и изъ глубины вѣковъ несетъ за собой свой старый казарменный лозунгъ: «Nicht resoniren! Сила выше права!» Въ наше время такой лозунгъ является уже извращеніемъ здороваго правового чувства, мрачнымъ анахронизмомъ. Этотъ анахронизмъ заставилъ отвернуться отъ Пруссіи или, что то же, Германіи всѣ цивилизованные народы, и достойными соратниками теперешнихъ Гогенцоллерновъ являются одни лишь полудивицизованные турки. Но это столкновение Германіи съ главной силой человѣческаго прогресса не пройдетъ и не можетъ пройти ей даромъ: какъ нѣчто, внутренне противорѣчащее самому духу современной культуры, какъ наслѣдіе иныхъ, варварскихъ и насильническихъ вѣковъ, Германія въ теперешнемъ ея видѣ, несомнѣнно обречена на ликвидацію.

А. М. Бѣловъ.

ЗАМОКЪ КНЯЗЯ ПАСКЕВИЧА ВЪ ГОМЕЛѢ.

ОГДА вы подъѣзжаете по желѣзной дорогѣ съ юга къ городу Гомелю, то передъ вами открывается съ правой стороны великолѣпный видъ на красивый, живописный замокъ—«надъ рѣкой, на горѣ». Это замокъ князя Паскевича—одна изъ самыхъ интересныхъ и замѣчательнѣйшихъ достопримѣчательностей города Гомеля. Въ настоящее время онъ принадлежитъ княгинѣ-вдовѣ недавно умершаго князя—сына знаменитаго генералъ-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго, князя Варшавскаго, намѣстника царства Польскаго. Высокая, красивая, массивная, правильной четырехугольной геометрической формы, бѣлая башня, точно гигантская пирамида, съ короной-зубцами и шпилемъ, гордо поднимается надъ замкомъ. И такое же красивое, массивное, четырехугольное, правильной кубической формы, громадное бѣлое зданіе съ куполомъ, высокими порталами и стройными колоннадами бѣлой стѣной примыкаетъ къ башнѣ. Позади главнаго зданія точно такая же башня, но только гораздо ниже и меньше. Весь замокъ обнесенъ высокой, бѣлой, каменной стѣной и окруженъ чудеснымъ вѣковымъ паркомъ, съ роскошными садами, тропическими деревьями, растеніями и цвѣтами въ кадкахъ и зимними оранжереями. Въ глубинѣ парка, подъ большими, вѣковыми, тѣнистыми деревьями находятся глубокіе, блестящіе, зеркальные пруды, на

поверхности которыхъ постоянно плаваютъ бѣлыя лебеди, а надъ ними стоятъ причудливой художественной формы красивыя бесѣдки. Затѣмъ—фонтаны, цвѣтники и памятники. Поблизости, у башни, находится конная статуя всадника—это памятникъ Понятовскому, послѣднему королю Польши, а дальше, въ глубинѣ парка, бѣлый мраморный бюстъ, на квадратной колоннѣ-цоколѣ, памятникъ генераль-фельдмаршалу князю Варшавскому графу Паскевичу-Эриванскому, намѣстнику царства Польскаго.

Странно, какъ вмѣстѣ оба сошлись здѣсь!.. Тутъ же, въ глубинѣ парка, недалеко отъ главнаго зданія, но только съ противоположной стороны, находится и часовня-усыпальница замка,

Видъ Гомельскаго замка съ рѣки.

гдѣ покоятся въ вѣчномъ мракѣ склепа вѣчнымъ сномъ князя Паскевичи—знаменитый фельдмаршалъ и его—уже совсѣмъ не знаменитый—сынъ...

Старожилы гор. Гомеля, еще помнящіе до сихъ поръ хорошо времена царствованія Николая I, рассказываютъ, какъ хоронили торжественно, съ великими почестями, знаменитаго фельдмаршала-князя. Тѣло его привезли въ замокъ изъ Варшавы, гдѣ онъ скончался. Говорятъ, что въ Гомелѣ тогда собралось пропасть войска разнаго рода оружія. На похороны прибыли высшія петроградскія власти, аристократія, генералитетъ, представители отъ всѣхъ частей войскъ и намѣстничества царства Польскаго. Хоронили съ большимъ почетомъ: стрѣляли изъ пушекъ и преклоняли знамена. А потомъ—и забыли всѣ... Тихо теперь, тѣшисто подъ зелеными

сводами громаднаго марка. Ничто не нарушаетъ идиллической тишины здѣсь... Изъ города ни звука не доносится сюда. Точно въ забытомъ старомъ храмѣ... Не слышно ни шума веселой, придворной жизни... ни криковъ битвъ... Только одинъ вѣтерокъ, шелестя по листьямъ деревьевъ, да пѣніе безчисленныхъ птицъ нарушаютъ тишину и безмолвіе этого зеленого храма. Но вернемся къ замку опять.

Весь замокъ выдержанъ въ строгомъ, однообразномъ стилѣ. Главная башня его четырехъэтажная, съ громадными воротами, окнами, рѣшетками и бойницами наверху. Надъ башней—шпиль: когда владѣлецъ находится въ замкѣ—на шпилѣ рѣветъ флагъ.

Замокъ князя Паскевича.

а если владѣлецъ въ отсутствіи или умеръ, то флагъ спускается. Въ Гомелѣ издали видно всѣмъ, когда княгиня находится въ замкѣ.

На четвертомъ этажѣ башни устроены башенные часы, которые довольно мелодично вызываютъ время. У входа въ замокъ, со стороны рѣки, громадные монументальныя ворота въ башнѣ, съ порталомъ и конною фигурой рыцаря съ поднятой шпагой въ рукѣ надъ воротами замка. Тутъ стоятъ, по бокамъ у входа въ замокъ, двѣ старинныя бронзовыя пушки на лафетахъ съ низенькими, маленькими колесиками, какъ когда-то на старыхъ военныхъ парусныхъ корабляхъ и въ крѣпостяхъ XVIII вѣка.

Главное зданіе замка—дворецъ—окружено высокой, стройной бѣлой колоннадой и террасой, выходящей въ паркъ со стороны города. Съ двухъ сторонъ дворца два парадныхъ входа, съ высокими мону-

Прудъ въ паркѣ.

Статуя Понятовскаго въ паркѣ.

ментальными порталами и четырьмя колоннами по бокамъ. Надъ порталами входа вверху полукруглые бѣлые щиты съ гербами замка.

Во дворцѣ замка находятся: картинная галерея со старинными портретами, все больше разныхъ знаменитыхъ ясновельможныхъ

Бюстъ Паскевича въ паркѣ.

пановъ старой Рѣчи Посполитой и картины шедевры знаменитыхъ мастеровъ-художниковъ давно уже прошедшаго и прошлаго вѣка. Есть богатая старинная библиотека съ рѣдкими манускриптами, рукописями и книгами и музей стариннаго оружія и разныхъ

предметовъ и вещей, главнымъ образомъ изъ временъ крулевства Польскаго XVI—XVII вѣка и возстанія. Залы дворца богато украшены картинами, скульптурами и фресками и тропическими растеніями зимняго сада. Обстановка дворца тоже старинная, богатая,

Усыпальница князя Паскевича.

великолепная, пышная и аристократическая. Такъ и вѣтъ на васъ отовсюду знатной польской стариной прошлаго времени.

Вообще въ замкѣ много есть интереснаго и исторически достопримѣчательнаго. Къ сожалѣнію, только туда очень трудно

попасть, особенно когда сама владѣлица находится въ замкѣ, тогда уже совсѣмъ никого не допускаютъ...

Впрочемъ, лѣтомъ съ 1-го іюня по 1-ое сентября гомельская публика допускается въ паркъ для гулянія по четвергамъ и воскресеньямъ два раза въ недѣлю отъ пяти часовъ до девяти вечера. Въ

Башня у замка.

остальное же время паркъ и замокъ закрыты для посѣтителей изъ города.

Замокъ и паркъ освѣщаются электричествомъ, и когда вечеромъ вездѣ зажжены огни, тогда онъ дѣйствительно представляетъ волшебное зрѣлище.

Къ замку примыкаетъ громадное майоратное имѣніе, занимающее чуть ли не въ цѣлый уѣздъ. Это настоящее княжество, графство... майентекъ!.. Земля Паскевича тянется на тридцать верстъ въ длину и двадцать въ ширину кругомъ замка. Громадныя поля, лѣса, луга и пашни... Три экономіи-усадьбы въ уѣздѣ... Бумажная фабрика въ Добрушѣ... Фабрика очень большая и извѣстная въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Собственный звѣринецъ—на волѣ въ лѣсу, гдѣ на свободѣ живутъ: дикія козы, лоси и другіе звѣри и масса пернатой дичи. Этотъ лѣсъ тянется на двадцать съ лишнимъ верстъ по Полѣской и Либаво-Роменской желѣзной дорогѣ. Въ Гомелѣ есть загородная роща, гдѣ тоже содержатся дикіе звѣри и подъ городомъ фруктовые сады.

Изрѣдка на охоту въ замокъ прѣзжаютъ изъ Петрограда разныя высокопоставленныя лица и знакомые княгини, и тогда начинается настоящее избиеніе звѣрей, послѣ чего убитую дичь цѣлыми возами отправляютъ въ замокъ.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда Гомеля еще не было на этомъ мѣстѣ или онъ только еще зарождался здѣсь, а вмѣсто него уѣзднымъ городомъ было теперешнее мѣстечко Новобѣлица, заштатный городокъ въ четырехъ верстахъ отъ Гомеля, тогда замокъ-имѣніе представлялъ собою настоящее владѣтельное княжество, со своими придворными и крѣпостными рабами. Но бывшее, старое, прошлое, славное величіе замка навѣки ушло и не вернется оно.

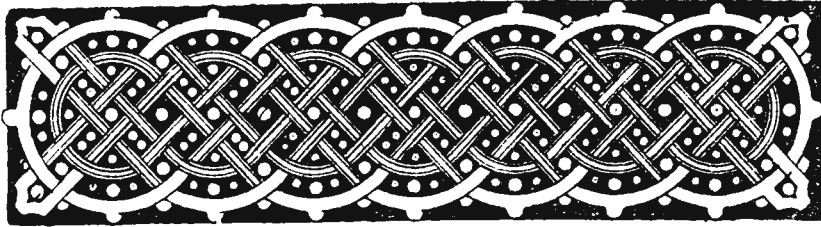
Исторія замка такова: замокъ-майентекъ принадлежалъ когда-то знаменитымъ польскимъ магнатамъ-князьямъ Чарторыжскимъ. Но послѣ польскаго возстанія 1831 года былъ конфискованъ русскимъ правительствомъ въ казну, а потомъ былъ подаренъ государемъ императоромъ Николаемъ I въ майоратное владѣніе генералъ-фельдмаршалу князю Варшавскому графу Паскевичу-Эриванскому, намѣстнику царства Польскаго...

Послѣ смерти его майоратное имѣніе наследовалъ его единственный сынъ. Князь Паскевичъ-сынъ, какъ извѣстно, не отличался ни талантами, ни дарованіями своего знаменитаго отца.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ умеръ, не оставивъ наследниковъ послѣ себя... Такимъ образомъ прекратилась фамилія и родъ князей Паскевичей, и имѣніе, какъ майоратное, должно было перейти въ казну. Но почему-то имѣніе перешло къ княгинѣ—вдовѣ покойнаго князя, урожденной Воронцовой-Дашковой, во владѣніе до самой ея смерти, а потомъ должно перейти къ ея наследнику—племяннику Балашеву, уже совсѣмъ изъ другой фамиліи, у котораго, говорятъ, есть еще большее имѣніе, гдѣ-то въ Россіи.

А. Сиговъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. С. Державинъ. Болгарско-сербскія взаимоотношенія и македонскій вопросъ. Петроградъ. 1914. Стр. 132. Цѣна не обозначена.

НИГА г. Державина очень скучная, но и живая, ученая и специальная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полная отзвуковъ на современный переживаемый нами политическій моментъ.

Въ общеславянской жизни издавна уже было два «проклятыхъ» вопроса: русско-польскій и сербско-болгарскій, или македонскій. Первый совершенно неожиданно приблизила къ разрѣшенію война. Испитая вмѣстѣ чаша бѣдствій и вмѣстѣ пролитая кровь крѣпкою связью связала русскій народъ съ польскимъ и, когда будетъ осуществлено возвѣщенное великимъ княземъ возрожденіе Польши, дѣло русско-польскаго единенія станетъ на прочномъ фундаментѣ. Настоящей войнѣ, повидимому, суждено выдвинуть вновь и вопросъ македонскій. Русскому обществу поэтому слѣдуетъ заранѣе знать, въ чемъ заключается суть сербско-болгарскаго о Македоніи спора и на чьей сторонѣ здѣсь находится правда. Книга г. Державина подробно, обстоятельно и безпристрастно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ.

Начавъ съ указанія на сложность македонской проблемы, авторъ сперва подробно раскрываетъ сербскую точку зрѣнія, какъ она изложена въ трудахъ сербскихъ ученыхъ: Цвѣича, Белича, Цемовича и Андоновича. Вся остальная часть книги посвящена разбору и подробному доказательству неосновательности сербскихъ утверждений. Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, авторъ не даетъ ничего новаго: онъ идетъ по пути, давно уже указанному русской наукой,

которая, за весьма немногими исключениями, Ястребова, например, давно уже утверждала, что Македонія по составу своего населенія страна безспорно болгарская. Исключение здѣсь можетъ составлять только сѣверная Македонія около Скопя (Ускуба) и Тетова, гдѣ уже ощутительны признаки сербскаго вліянія и находятся сербскія поселенія.

Достоинство книги г. Державина заключается въ томъ, что въ ней македонскій вопросъ рассмотрѣнъ со всевозможныхъ точекъ зрѣнія—географической, исторической, культурной, лингвистической, этнографической и даже отчасти политической. Собраны, сопоставлены другъ съ другомъ мнѣнія самыхъ разныхъ лицъ, и изъ этого столкновенія мнѣній ясно, наглядно бросается въ глаза основная мысль книги о болгарскомъ характерѣ Македоніи. Г. Державинъ болгарофилъ, но при всѣхъ симпатіяхъ нашихъ къ сербамъ нельзя не видѣть, что въ данномъ вопросѣ они совершенно не правы. Статьи Белича, Цемовича и Андоновича могли бы служить классическимъ примѣромъ, до чего можетъ дойти наука, когда она поступаетъ въ услуженіе политикѣ. Шагъ за шагомъ слѣдить за ними г. Державинъ и разбиваетъ ихъ въ конецъ, что, впрочемъ, не трудно, ибо они не разъ сами обличаютъ свою неправоту. Болѣе серьезные доводы сербскихъ правъ на Македонію даетъ Цвѣичъ. Какъ географъ, онъ выдвигаетъ впередъ географическую точку зрѣнія, указывая, что македоно-вардарская долина есть непосредственное продолженіе большого Моравскаго пути и что, такимъ образомъ, сама геологія какъ бы устанавливаетъ географическое единство Сербіи и Македоніи, объединенныхъ мораво-вардарской коммуникаціонной линіей. Македонія должна принадлежать Сербіи, потому что путь Солунь—Вѣлградъ единственно возможный и въ силу этого жизненно-необходимый торговый путь для Сербіи. Г. Державинъ справедливо возражаетъ на это, что при современныхъ успѣхахъ техники и усовершенствованныхъ путяхъ сообщенія геологическія теоріи территориальнаго единства смежныхъ областей не могутъ имѣть рѣшающаго политическаго значенія тѣмъ болѣе, что Солунь, которой во всемъ этомъ построеніи отведена такая большая роль, все равно не принадлежитъ ни сербамъ, ни болгарамъ.

Одно несомнѣнно: сербамъ нуженъ выходъ къ открытому морю. Но совершенно излишно: искать его въ направленіи Солуня, когда у нихъ есть выходъ иной, черезъ коренныя сербскія и хорватскія Боснію, Герцеговину, Далмацію. Настоящая война вообще сулитъ разрѣшеніе многимъ наболѣвшимъ вопросамъ, можетъ привести къ благоприятному исходу и вопросъ о Македоніи. Получивъ доступъ къ Адриатикѣ, Сербія можетъ и должна поступиться въ пользу Болгаріи Македоніей, и только тогда можетъ настать на Балканахъ прочный миръ, а что Македонія страна болгарская, въ этомъ и наиболѣе сомнѣвающейся можетъ убѣдиться изъ книги г. Державина.

Андрей Саргѣевичъ

**Вѣстникъ общества ревнителей исторіи. Т. I. Подъ редакціей замѣстителя
предсѣдателя М. К. Соколовскаго. 1914 г. Цѣна 3 рубля.**

Общество ревнителей исторіи, въ октябрѣ мѣсяцѣ получившее почетное званіе императорскаго, выпустило въ видѣ изящнаго большого тома первый

томъ «Вѣстника». Книга украшена портретами почетнаго предсѣдателя общества великаго князя Николая Михайловича и предсѣдателя общества герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго.

Книга раздѣляется на двѣ части—статьи и конспекты докладовъ.

Въ отдѣлѣ статей обращаетъ вниманіе переводъ части записокъ о Россіи графа фонъ-Герца, прусскаго посланника при дворѣ Екатерины II. Переводъ выполненъ герцогомъ Лейхтенбергскимъ съ черновыхъ оригиналовъ и снабженъ предисловіемъ и примѣчаніями. Герць—истый пруссакъ, а потому приведенныя въ статьѣ характеристики императрицы Екатерины II и ея двора весьма любопытны, какъ показатель прусскихъ взглядовъ конца XVIII вѣка. Нарисованные Герцомъ портреты русскихъ дѣятелей не особенно лестны для подлинниковъ и не всегда безпристрастны, ибо Герць, поддаваясь чувству личной несимпатіи, сгустилъ краски для нѣкоторыхъ своихъ политическихъ противниковъ. Но вѣдь никто и не станеть основывать свои сужденія о героическомъ вѣкѣ Великой Семирамиды и ея вельможахъ только на основаніи портретовъ Герца; къ этимъ портретамъ нужно приложить извѣстный коэффициентъ. Во всякомъ же случаѣ, герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго нужно поблагодарить за ознакомленіе имъ читающей русской публики съ любопытными записками.

Опытному перу А. О. Кони принадлежитъ мастерская характеристика графа М. Т. Лорисъ-Меликова, выдающагося дѣятеля царствованія царя-Освободителя. Изъ первоначальной своей службы онъ уже «вынесъ обдуманную смѣлость пріемовъ и разумную увѣренность въ пользованіи своею властью». Послѣ блестящей военной службы Лорисъ-Меликовъ былъ призванъ на отвѣтственный постъ харьковскаго военнаго генераль-губернатора, гдѣ ему удалось сдѣлать свою власть «сильною, но не досадливою». На посту министра внутреннихъ дѣлъ онъ предпринялъ систематическій планъ преобразованій, по катастрофа, разразившаяся 1-го марта 1881 г., заставила сойти его съ арены государственной дѣятельности. Это былъ человекъ, чуждый позы и самолюбованія, живой, откровенный до неосторожности, довѣрчивый, высокоталантливый.

Новыя черточки къ бунту 14-го декабря 1824 года вноситъ дневникъ флигель-адъютанта Н. Д. Дурново, служившаго по квартирмейстерской части. Выдержки любезно сообщены генераль-адъютантомъ П. П. Дурново и читаются съ большимъ интересомъ.

Статья профессора П. И. Ковалевскаго «Двѣнадцатый годъ на Кавказѣ» описываетъ подвиги знаменитаго Котляревскаго, героя штурма Ленкорани, про который самъ Котляревскій писалъ: «Симъ штурмомъ достойно запечатлѣнъ 1812 годъ, и какъ при воспоминаніи сего незабвеннаго для Россіи года всякій россиянинъ возвысится духомъ, такъ при имени Ленкорани персіянинъ вздрогнетъ и преклонитъ колѣно славы русской».

Обстоятельная статья П. П. Исакова «Парижскій конгрессъ и дунайскія княжества» читается съ особымъ вниманіемъ въ наши дни, когда румынскій вопросъ приобретаетъ особое значеніе.

Мало разработанный вопросъ о военно-судныхъ дѣлахъ въ 1812—1814 годахъ разсматриваетъ по архивнымъ даннымъ М. К. Соколовскій въ особой

статья. Статья эта читается съ большимъ интересомъ, такъ какъ въ поле зрѣнія историка необходимо должны входить и дѣянія тѣхъ слабыхъ, безвольныхъ сыновъ русской земли, которые силою рока были вовлечены въ преступленія. Авторъ, приводя нѣсколько десятковъ судныхъ дѣлъ, приходитъ къ выводу, что дисциплина въ русской арміи двѣнадцатаго года была на высокой степени, а потому конечная побѣда явилась необходимымъ слѣдствіемъ войны.

Особенною разработанностью отличается работа Т. О. Соколовской «Въ масонскихъ ложахъ». Статья написана на основаніи архивныхъ документовъ, сохранившихся отъ союза великой провинціальной ложи въ рукописныхъ отдѣленіяхъ императорской академіи наукъ и императорской публичной библиотеки и рукописномъ отдѣленіи московскаго Румянцовскаго музея; главнымъ матеріаломъ служили обрядники, списки членовъ и дневники масона Л. А. Симанскаго, впоследствии флигель-адъютанта. Статья, снабженная многочисленными примѣчаніями, въ которыхъ виденъ глубокой знатокъ по исторіи масонства, очень живо передаетъ внутреннюю жизнь ложъ и масоновъ въ 1817—1822 годахъ. Къ статьѣ приложены документы.

Въ отдѣлѣ рефератовъ останавливаютъ читателя доклады проф. С. Θ. Платонова «Почемѣ въ 1613 году избранъ былъ на московскій престолъ именно Романовъ?», Т. О. Соколовской «Трагедія заката» и ея же «Мотивы русской исторіи въ произведеніяхъ русскихъ поэтовъ».

Т. Ф.

П. М. Бицилли. Западное вліяніе на Руси и начальная лѣтопись. Одесса. 1914.

Анализируя лѣтописное сказаніе о крещеніи Владимира Святого, академикъ А. А. Шахматовъ призналъ въ его основѣ два источника: древнѣйшій лѣтописный сводъ, называвшій мѣстомъ крещенія князя Кіевъ, и отдѣльный литературный памятникъ—«Корсунскую легенду», согласно которой князь крестился въ Корсуни подъ вліяніемъ царицы Анны. Такого литературнаго памятника нѣтъ, но, по убѣжденію академика Шахматова, его необходимо конструировать, что онъ и дѣлаетъ. Противъ этого тезиса выступаетъ въ настоящей книгѣ приват-доцентъ новороссійскаго университета П. М. Бицилли. Онъ указываетъ реально существующій литературный памятникъ, въ которомъ надо искать схему лѣтописнаго сказанія о Владимирѣ безъ предположенія наличности «легенды». Загадочный источникъ г. Бицилли пытается обнаружить путемъ разбора соответствующаго мѣста начальной лѣтописи. И ему, дѣйствительно, удастся, какъ медіэвисту, натолкнуться въ западно-европейской средневѣковой исторической литературѣ на сказаніе, весьма близко подходящее къ разбираемому мѣсту, именно о крещеніи Хлодвига по разсказу въ «Liber Historiae Francorum», компіляціи VIII вѣка. Сравнивъ оба сказанія—лѣтописное о Владимирѣ и о Хлодвигѣ—и найдя между ними совпаденіе (ситуація и форма выраженія), г. Бицилли усматриваетъ въ первомъ изъ нихъ копию, а во второмъ—оригиналъ, позволившій лѣтописцу приспособить «Корсунскую легенду» къ схемѣ, связывавшей добываніе невѣсты съ обращеніемъ въ христіанство. Что касается вопроса о путяхъ, какими могъ начальный лѣтописецъ познакомиться со своимъ

западнымъ образцомъ, то г. Бицилли склоненъ предположить, что при довольно частыхъ съ половины XI вѣка сношеніяхъ Кіевской Руси съ Западомъ и въ виду особой обстановки составленія лѣтописи, которое происходило на глазахъ княжескаго двора, редакторъ лѣтописи имѣлъ среди западныхъ обитателей послѣдняго сотрудниковъ, которые и могли обратить его вниманіе на легенду о Хлодвигѣ. Лѣтописецъ могъ и самъ понимать по-латыни; возможно также, что для него дѣлались переводы нужныхъ отрывковъ; вѣроятно, что онъ питался и слухами. Утверждать же, что онъ вообще читалъ западныя хроники и извлекалъ изъ нихъ пригодный для себя матеріалъ, было бы, по справедливому замѣчанію автора, натяжкой. Допуская, что лѣтописецъ обработалъ сказаніе о «новомъ Константинѣ» Востока въ духѣ и стилѣ своего западнаго источника, г. Бицилли, мнѣ думается, стоитъ на твердой почвѣ; точки соприкосновенія лѣтописи съ *Lib. Hist. Fr.* наблюдаются на самомъ дѣлѣ. Кромѣ того, его догадка не является одинокой въ нашей историографіи. Еще, кажется, К. Н. Вестужевъ-Рюминъ подмѣтилъ, что знаменитыя слова новгородскихъ пословъ къ варягамъ: «Земля наша велика» и т. д. очень напоминаютъ слова бриттовъ къ саксамъ у Видукинда: «*terram latam et spatiosam*» и проч. Западно-европейское культурное вліяніе на древнюю Русь теперь все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ признаніе въ наукѣ. Работы академика Васильевскаго, Суворова, Е. Н. Щепкина, L. Goetz'a установили слѣды этого вліянія въ области церковнаго права, въ междукняжескихъ отношеніяхъ, въ статьяхъ «Русской Правды». Сюда примыкаетъ и этуль г. Бицилли. Не сомнѣваемся, что его открытіе будетъ принято къ свѣдѣнію.

Н. Бѣловъ.

**Е. Н. Щепкина. Изъ исторіи женской личности въ Россіи. Петроградъ. 1915.
Стр. 307. Цѣна 1 руб. 35 коп.**

Книга г-жи Щепкиной о русской женщинѣ состоитъ изъ прочтенныхъ ею на высшихъ женскихъ курсахъ и переработанныхъ заново лекцій по женскому вопросу. Эти лекціи представляютъ собою цѣлую монографію о судьбахъ женщины въ связи съ бытомъ и правами нашей страны. Изслѣдованіе начинается съ древнѣйшаго періода русскаго государства и продолжается очерками о положеніи той же женщины по введеніи христіанства, о жизни ея въ теремахъ по Домострою, потомъ—послѣ петровскихъ реформъ и кончается женскими типами Пушкина, «декабристокъ» и шестидесятыхъ годовъ.

Очерки г-жи Щепкиной научно обоснованы историко-литературнымъ матеріаломъ, мемуарами, юридическими справками о положеніи женщины былыхъ временъ и закончены совершенно вѣрнымъ резюме автора: отсутствіе общественной жизни и замкнутость семейной въ Московской Руси подавляли духовныя силы женщинъ высшихъ классовъ, а рабство, отсутствіе цеховъ и корпорацій принижали женщинъ трудящихся низовъ. Только съ XVI вѣка, когда Русь становилась объединеннымъ національнымъ государствомъ, стали лучше цѣнить женскую личность—церковь, какъ святую заступницу, государство—какъ сотрудницу своихъ служилыхъ людей. Въ XVII вѣкѣ среди церковной смуты и культурно-политическаго кризиса уже выдвигаются на роли

вождей энергичныя талантливя женщины и открываютъ пути на общественную арену слѣдующимъ поколѣніямъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ женщины принимали участіе въ общественной жизни, получали нѣкоторое образование, призывались къ литературной и просвѣтительной дѣятельности; въ среду писательницъ проникли первые отзвуки идеи о равноправіи половъ. Женщины XIX вѣка не нуждаются въ призывахъ; онѣ идутъ впередъ вмѣстѣ съ русской интеллигенціей, содѣйствуя культурному подъему, устраиваютъ литературные салоны, вдохновляютъ творцовъ національной литературы; онѣ идутъ за политическими дѣятелями; онѣ—товарищи представителей молодой Россіи, а инья вносятъ нотку своего групповаго интереса, отстаиванья своихъ человѣческихъ правъ. А когда социальна-экономическая реформа глубоко всколыхнула все населеніе страны, женщины выдвинулись изъ-подъ давленія бытоваго уклада; однѣ стали слугами рынка, а другія пополняли собой кадры интеллигенціи, гдѣ оказались подготовленными къ выполненію общественныхъ задачъ и выдѣлили свое феминистическое, какъ говорили на Западѣ, движеніе для расширенія своихъ правъ на образованіе и трудъ.

А. Фаресовъ.

Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго. Издательство «Огни». Редакція П. Е. Щеголева. Вступительная замѣтка Е. А. Ляцкаго. Петроградъ. 1914. Стр. XI+278. Ц. 2 р. 25 к.

Впервые записки гр. Комаровскаго были напечатаны въ 1897 году по подлинной рукописи на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Въ вышеозначенномъ изданіи воспроизведенъ полный текстъ, данный «Историческимъ Вѣстникомъ».

Авторъ записокъ, жившій въ 1769—1843 гг., былъ сыномъ чиновника дворцовой канцеляріи въ Петроградѣ и сдѣлался «графомъ Священной Римской имперіи» въ 1803 году. Тогда, по словамъ Комаровскаго, «эрцгерцогъ палатинъ изъявилъ желаніе видѣться съ императоромъ и со вдовствующей императрицей, послѣ кончины его супруги великой княгини и эрцгерцогини Александры Павловны. Государю угодно было послать меня на встрѣчу его императорскаго высочества».

«Записки» изложены живо, подчасъ очень недурнымъ литературнымъ языкомъ своего времени, и очерчиваютъ автора—даровитымъ, просвѣщеннымъ и честнымъ дѣятелемъ на поприщѣ придворной, военной и гражданской службы,—личностью, быть можетъ, безъ шири и глубины духа, но недюжинно-умной, работающей и крѣпко вѣрной своему долгу.

Комаровскому пришлось сталкиваться съ видными людьми разныхъ эпохъ, соучаствовать въ яркихъ проявленіяхъ былого. Имѣлъ онъ дѣло съ Екатериной и Павломъ I, съ Александромъ I и Суворовымъ, и т. д. Переживалъ впечатлѣнія и отъ отечественной войны, и отъ волненій 14-го декабря, и отъ «неприятностей», выпадавшихъ на долю «командира отдѣльнаго корпуса внутренней стражи» при императорѣ Николаѣ I, и проч.

Записки Комаровскаго, несомнѣнно, и въ отдѣльномъ изданіи найдутъ себѣ читателя, и просто любопытнаго, и болѣе требовательнаго. Онѣ изданы

«Огнями», къ слову, благообразно, съ портретомъ автора. И, за всѣмъ тѣмъ, правы и тѣ, кто желаетъ отъ подобныхъ книгъ на потребу большой публики строго-обдуманной приспособленности. Умѣсны бы тутъ попутныя сопоставленія записокъ Комаровскаго съ другими соотвѣтственными трудами, обобщющія примѣчанія относительно тѣхъ или другихъ лицъ и событій, упоминаемыхъ въ текстѣ. Объясненія иныхъ выражений, напримѣръ: «цолнеръ», «les Notables, les Etats généraux, «вицерой въ Индіи», генераль-рекетмейстеръ», «инглизированныя» лошади», «кальверъ» и т. п.

Вѣдь Комаровскій заинтересуетъ и читателя, нуждающагося въ лишннихъ поясненіяхъ.

Въ разсматриваемой книгѣ данъ «Указатель личныхъ именъ». И въ него включены даже нѣкоторыя освѣдомленія: «Бецкій—дѣятель екатерининской эпохи въ просвѣтительной области», «Мариво—французскій писатель» и т. д.

Но мы, признаемся, не разобрались, въ какой мѣрѣ здѣсь прибавлялись дополнительные освѣщенія. Сообщено, что «Жюссье—французскій ботаникъ», но относительно Бомарше, Талейрана, Греза, Руссо, Вольтера, напр., нѣтъ никакихъ поясненій; а кто былъ И. И. Дмитріевъ—сказано. Имя М. М. Сперанскаго приведено безъ всякихъ примѣчаній, а по поводу фамиліи—«Ржевускій»—сдва ли не безъ надобности удлинено позаимствование изъ текста «Записокъ».

А. Налимовъ.

Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Издано подъ редакціей дѣйствительныхъ членовъ комиссіи И. Ф. Павловскаго, А. Ф. Мальцева и А. В. Палки. Вып. одиннадцатый. Полтава. 1914. Стр. VII+211+110.

Одиннадцатый выпускъ трудовъ ученаго полтавскаго муравейника открывается некрологомъ почетнаго члена комиссіи Г. П. Алексѣева. Подъ теплымъ и любовнымъ перомъ А. Ф. Мальцева покойный представленъ не только какъ видный государственный и общественный дѣятель, съ удивительной нравственной чистотой, глубоко-христіанской вѣрою, рѣдкимъ самоотверженіемъ и съ удивительной же простотою, но и какъ искренній любитель старины, особенно малороссійской, собиратель ея памятниковъ и нумизматъ. Его трудъ «О рѣдкихъ херсонскихъ монетахъ времени Владимира Святого» выдержалъ два изданія и служить не однимъ русскимъ, а и заграничнымъ нумизматамъ. Въ качествѣ собирателя монетъ Алексѣевъ занималъ въ Россіи третье мѣсто послѣ великаго князя Александра Михайловича и гр. И. И. Толстого. Разнообразное собраніе его древностей, относящихся къ доисторическимъ временамъ и ко временамъ Запорожской Сѣчи, а также архивъ матеріаловъ о Новороссіи, Запорожьѣ и гетманщинѣ, сдва ли не самыя выдающіеся въ южной Россіи. Г. П. Алексѣевъ сотрудничалъ въ «Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ».

За некрологомъ слѣдуютъ письма извѣстнаго писателя Е. П. Гребенки къ Николаю Михайловичу Новицкому, товарищу Гребенки по нѣжинскому лицу, піонеру сахароваренія въ Полтавщинѣ; письма доселѣ не были обнародованы, снабжены примѣчаніями Г. А. Коваленскаго и касаются жизни пи-

сателя въ полтавской деревнѣ и въ Петербургѣ, отражая событія въ литературно-общественныхъ сферахъ 1834—1841 годовъ. Для характеристики симпатій и вкусовъ Гребенки они далеко не лишніи.

С. Т. Сиротенко напечаталъ обстоятельную статью: «Церковное пѣніе въ древней Руси (X—XVI вв.)». И. Ф. Неутрѣвскій далъ, на основаніи архивныхъ матеріаловъ, мрачную картину голода въ Полтавской губерніи въ 1833—34 годахъ, съ указаніемъ благихъ мѣръ, какія предприняты были губернаторомъ Могилевскимъ и военнымъ губернаторомъ кн. Н. В. Репнинымъ для парализованія бѣдствія. П. Н. Малама извлекъ изъ архива «Дѣло объ очисткѣ рѣки Остра въ гор. Нѣжинѣ», окончившееся, впрочемъ, ничѣмъ, такъ какъ бывший малороссійскимъ генераломъ-губернаторомъ кн. А. Б. Куракинъ, сочувствовавшій этому дѣлу, покинулъ Малороссію, преемники же его посмотрѣли на дѣло сквозь пальцы. За время своего существованія полтавская архивная комиссія сдѣлала достаточно, чтобы въ потомствѣ образъ князя сохранился въ свѣтломъ ореолѣ; вотъ и въ разсматриваемомъ выпускѣ трудовъ А. Ф. Дучинскій возвращается «къ заботамъ князя Куракина о судоходствѣ рѣкъ въ Малороссіи», свидѣтельствующимъ о его высокихъ порывахъ, направленныхъ къ благу и процвѣтанію лѣвобережной Украины, а И. Ф. Павловскій приводитъ письмо славнаго В. Н. Каразина, который, раздѣляя всеобщее уваженіе къ кн. Куракину, проситъ его привлечь малороссійское дворянство къ пожертвованію на харьковскій университетъ (1802 г.). Князь переговорилъ по этому поводу со многими видными дворянами Полтавской и Черниговской губерній и убѣдился въ ихъ полномъ равнодушіи, о чемъ и написалъ Каразину. Пожертвованіемъ откликнулись харьковскіе дворяне.

Кромѣ указанныхъ, въ этомъ выпускѣ имѣются: «Матеріалы къ исторіи гор. Крюкова» (г-жи М. Слабченко), сообщенные Г. А. Максимовичемъ «Матеріалы» касательно учрежденія въ Малороссіи почты. Столѣтію дубенскаго высшаго начальнаго училища (1814—1914 гг.) посвященъ очеркъ М. Г. Астряба. Въ сообщенныхъ И. И. Скитскимъ купчей крѣпости гетмана Разумовскаго и документахъ XVIII вѣка воскресаютъ: образъ послѣдняго гетмана Малороссіи, съ царственной пышностью хоронившаго принципъ казацкаго самоуправленія, и потускнѣвшія картины купли-продажи крѣпостныхъ, причѣмъ явствуеъ почти ничтожность цѣны на «человѣческія души».

Въ приложеніи: «Казки и оповиданія», записанныя въ Лубенщинѣ В. П. Милорадовичемъ и начатыя въ «Трудахъ» съ выпуска восьмого, и отчетъ дѣятельности комиссіи за 1913 годъ, составленный неутомимымъ правителемъ дѣлъ и казначеемъ И. Ф. Павловскимъ. Павель Россіевъ.

«Минская Старина». Выпускъ четвертый. Труды минскаго церковнаго историко-археологическаго комитета (Тройчанскій архивъ). Минскъ. 1914 Стр. IV + 200 + 38. Цѣна не обозначена.

По распоряженію минской духовной консисторіи мѣстному церковному историко-археологическому комитету былъ переданъ архивъ Слуцкаго Св.-Троиц-

каго монастыря, всего въ количествѣ 165 книгъ, содержащихъ переплетенные по годамъ синодальные и консисторскіе указы, разныя дѣла съ архіерейскими резолюціями, переписку, инвентарныя описи, а также приходо-расходныя, амбарныя книги и проч. за время съ 1796 по 1869 годъ. Засимъ отъ частнаго лица поступили еще двѣ книги того же архива за время съ 1517 по 1747 гг. (1-я часть) и съ 1747 по 1796 г. и далѣе (2-я часть перваго тома) съ бумагами, относящимися не только къ Св.-Троицкому, но и къ Слуцкому Ильинскому, и къ Грозовскому Іоанно-Богословскому монастырямъ, къ Преображенскому и Успенскому Слуцкимъ же православнымъ братствамъ.

Въ разсматриваемомъ выпускѣ помѣщено описаніе лишь первой части перваго тома, заключающей въ себѣ 540 документовъ. «Издавая настоящее описаніе,—пишетъ составитель выпуска,—я имѣлъ въ виду исполнить черную работу: дать сырой матеріалъ, сдѣлать доступнымъ для лицъ, изучающихъ западно-русскую старину, имѣющееся въ архивѣ комитета собраніе документовъ. Съ этой цѣлью я старался передать по возможности подробнѣе содержаніе актовъ, подчеркнуть характерныя обороты рѣчи и юридическіе термины. Нѣкоторые документы приведены полностью и не только дословно, но и буквально...». Съ цѣлью облегчить пользованіе даваемымъ въ выпускѣ матеріаломъ въ концѣ приложены азбучные указатели: а) именъ собственныхъ, б) мѣстъ и в) предметовъ и реченій.

Нельзя не поблагодарить составителя (онъ же и редакторъ) IV выпуска, А. К. Снитко, за его добрый починъ въ дѣлѣ описанія комитетскаго архива съ пожеланіемъ успѣшнаго продолженія и выполненія его до конца. Исслѣдователи западно-русской старины будутъ ему только благодарны за такую работу.

А. Бочковъ.

Сборникъ великорусскихъ частушекъ. Подъ редакціей Е. Н. Елеонской. Москва. 1914. Стр. 539.

Въ послѣдніе годы «частушкѣ» посчастливилось; долгое время бывшая въ полномъ пренебреженіи, она привлекла къ себѣ вниманіе этнографовъ: ее записываютъ, составляютъ сборники, пытаются подойти къ этому явленію въ народномъ пѣснотворествѣ съ научной точки зрѣнія, найти его корни въ прошломъ. Сборники г. Симакова и г-жи Елеонской—наиболѣе крупныя явленія, знаменующія поворотъ въ отношеніи къ «частушкѣ» нашихъ этнографовъ. Обиліе опубликованнаго матеріала, собраннаго съ разныхъ концовъ великой Россіи, и возможность сравнительнаго изученія новыхъ записей съ записями, сдѣланными давно, когда только просыпался интересъ къ «новой пѣснѣ», ставятъ на очередь пересмотръ старыхъ теорій о ея возникновеніи. Въ литературѣ о «частушкѣ» въ 1880—1890 годахъ мы встрѣчаемъ лишь пренебрежительные отзывы; искатели «исконной» старины, твердо стоя на точкѣ зрѣнія, диктуемой идеализаціей стариннаго, якобы застывшаго въ уже достигнутомъ эстетическомъ совершенствѣ,—не могли возвыситься до пониманія историческаго значенія «новой пѣсни» и видѣли въ ней лишь продуктъ «фабричной цивилизаціи», хотя частушка ширилась какъ разъ въ тѣхъ

районахъ, гдѣ никакихъ фабрикъ и не бывало. Только въ девяностыхъ годахъ появились первыя попытки исторически объяснить появленіе частушекъ и теоретически обосновать новыя воззрѣнія на нихъ, какъ на явленія закономерно проявляющейся творческой силы народа въ извѣстныхъ бытовыхъ условіяхъ. Брошюра Львова и наша статья объ «искаженіяхъ» въ народной пѣснѣ имѣли цѣлью выдвинуть вопросъ о научномъ обслѣдованіи частушекъ. Брошюра г. Смирнова и друг. имѣли то же значеніе, и постепенно росла и росла литература о частушкахъ, имѣющая цѣлью заинтересовать публику и ученыхъ этими своеобразными пѣсенками, родственными по строенію съ украинскими коломыйками и польскими краковьяками. Историческіе элементы въ развитіи частушекъ были указаны въ статьѣ академика Соболевскаго въ 1902 году: имъ было отмѣчено въ предисловіи къ седьмому тому «Великорусскихъ пѣсень», что слѣды существованія частушекъ можно найти еще въ XVIII вѣкѣ и что взглядъ на нихъ, какъ на новѣйшее, фабричное творчество, долженъ быть оставленъ.

Вотъ почему сборникъ, изданный подъ редакціей г-жи Елеонской, приобретаетъ серьезное значеніе. Онъ составился изъ записей, доставленныхъ въ общество любителей ест., арх. и этногр. въ теченіе 1911—1914 гг. изъ разныхъ губерній, и отличается большимъ обиліемъ данныхъ и разнообразіемъ: всего въ сборникъ вошло 6020 пѣсень. Онѣ расположены по губерніямъ, изъ которыхъ доставлены, а въ предѣлахъ губерній—по содержанію. Предисловіе г-жи Елеонской предлагаетъ читателю характеристику важнѣйшихъ особенностей частушки, отличающихъ ее отъ другихъ пѣсень въ отношеніи формы и отчасти содержанія. Не всегда можно согласиться съ авторомъ предисловія: примѣры заимствованій изъ книжныхъ произведеній (стр. XI) недостаточно типичны, слишкомъ много цитатъ изъ сборника, можно было бы ограничиться ссылкой на соответствующіе нумера пѣсень; не отмѣчено, что частушка уже имѣетъ свою исторію въ отдѣльныхъ вариантахъ. Правильно характеризую частушку, какъ явленіе старое, г-жа Елеонская, однако, приводитъ не всегда удачныя примѣры въ подтвержденіе этого безспорнаго теперь тезиса,—именно изъ сборника Кириши Данилова, гдѣ приведенные отрывки имѣютъ совершенно не типичное для частушки ритмическое построеніе (стр. XXI). Но въ общемъ предисловіе полезное и даже необходимое. Въ концѣ книги находимъ столь же интересную статью г-жи Дмитріевой «Замѣчанія о музыкальной сторонѣ частушекъ» съ нотами и указатели—предметный и именной, а также указатель бібліографическій, почти полный, заключающій свѣдѣнія о статьяхъ и книгахъ съ 1864 года по 1914 годъ. Въ немъ мы не замѣтили нашихъ статей—объ «Искаженіяхъ» («Библіогр.» 1892 г.), въ «Жив. Старинѣ» 1892 г. объ игровыхъ частушкахъ и о сборникѣ Дютша и Истомина («Ж. Мин. Нар. Просв.» 1894 г.), статьи А. Флоридова и нѣкоторыхъ другихъ. Конечно, это не лишаетъ книгу значенія, которое она имѣетъ, какъ цѣнный сборникъ этнографическаго матеріала.

В. Перетцъ.

Толстовскій музей. Томъ II. Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ. 1870—1894. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго. Изданіе общества Толстовскаго музея. Петр. 1914. Стр. 478 и два портрета. Цѣна 2 р. 50 к.

Печатавшаяся въ 1913 году въ журналѣ «Современный Міръ» переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ, философомъ и критикомъ, вышла теперь отдѣльнымъ изданіемъ.

Если образъ Л. Н. Толстого, какъ писателя и какъ человѣка, есть для всѣхъ нѣчто яркое, незабываемое, то нельзя сказать того же самаго о Н. Н. Страховѣ. Редакторъ переписки совершенно справедливо называетъ Страхова «еще мало оцѣненнымъ критикомъ и мыслителемъ»; о личной жизни этого писателя извѣстно еще меньше. Вотъ отчего эта переписка, помимо общаго интереса, который всегда вызываютъ письма творца «Войны и мира», имѣетъ значеніе новыхъ данныхъ для характеристики личности забытаго критика.

Толстой и Страховъ—ровесники. Оба родились въ 1828 году. Страховъ всего на полтора мѣсяца моложе Толстого. Литературная дѣятельность обоихъ началась почти одновременно. Но Толстой къ концу жизни достигъ вершины міровой славы, Страховъ же сошелъ со сцены въ полной почти неизвѣстности для широкой публики, имѣя немногихъ преданныхъ поклонниковъ и забытый читателями. А, между тѣмъ, критическая дѣятельность Страхова вовсе не была явленіемъ зауряднымъ.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ возможность остановиться на личности Страхова и его воззрѣніяхъ лишь постольку, поскольку это относится къ его перепискѣ съ Толстымъ и поскольку вообще характеризуетъ интересность книги. Въ перепискѣ, заключающей въ себѣ, кстати сказать, главнымъ образомъ письма Страхова, такъ какъ многія письма Толстого были уже опубликованы и ихъ пришлось бы перепечатывать изъ біографіи его, составленной Вирюковымъ, или изъ сборника «Писемъ» Л. Н. Толстого П. А. Сергѣенка, поражаетъ прежде всего необычайно глубокая привязанность Страхова къ писателю. Передъ нами словно не два друга-ровесника, а два друга въ положеніи іерархической подчиненности: старшій—Толстой, и младшій—Страховъ. Такъ много покорности и преклоненія, такъ много готовности служить Толстому. Страховъ наблюдаетъ за продажей «Азбуки» Толстого, корректируетъ «Анну Каренину», хлопочетъ о выпускѣ въ свѣтъ собранія сочиненія Толстого, исполняетъ порученія по покупкѣ книгъ и т. д. Свиданія съ Толстымъ, переписка—для Страхова предметъ необычайнаго душевнаго наслажденія.

Знакомство Страхова съ Толстымъ произошло въ 1871 году, послѣ статей о «Войнѣ и мирѣ», которыми Страховъ гордился, считая, что изъ критиковъ онъ былъ первымъ, угадавшимъ и оцѣнившимъ въ Толстомъ гениальнаго писателя и мыслителя. «Войну и миръ» Страховъ считалъ настолько выдающимся произведеніемъ, что писалъ Толстому: «Когда русскаго царства не будетъ, новые народы будутъ по «Войнѣ и миру» изучать, что за народъ были русскіе». Но въ совершенный восторгъ былъ приведенъ Страховъ явленіемъ «Анны Карениной». Онъ не находитъ достаточно словъ, чтобы передать свое изумленіе, все

возраставшее съ каждою новою частью романа. Страховъ читаль романъ не только съ жадностью, со слезами и со вскакиваніями съ мѣста, «но и съ какимъ-то новымъ впечатлѣніемъ».

О себѣ самомъ Страховъ отзывается съ нѣкоторою горечью. Что ояъ не критикъ, не публицистъ—это понималось имъ отлично. «Не имѣя почти вовсе творчества, я имѣю очень большую способность пониманія», пишетъ ояъ. Но, обладая умѣньемъ понимать другихъ и растолковывать ихъ идеи, Страховъ не пользовался успѣхомъ въ публикѣ, у широкаго читателя, потому что это былъ мыслитель тонкій, слѣдить за которымъ было трудно.

Въ книгѣ разсыпанъ рядъ мимолетныхъ, но любопытныхъ характеристикъ разныхъ общественныхъ дѣятелей. Такъ, отъ Страхова не мало достается двумъ его приятелямъ: Ан. Н. Майкову и Н. Я. Данилевскому.

Есть замѣчанія объ Ап. Григорьевѣ, сочиненія котораго издавалъ и редактировалъ Страховъ въ 1875 году, о Н. Н. Обручевѣ, будущемъ начальникѣ генеральнаго штаба, талантливомъ военномъ теоретикѣ, и о многихъ другихъ. Къ Некрасову и Влад. Соловьеву оба корреспондента отнесены отрицательно.

Переписка редактирована Б. Л. Модзалевскимъ со всемъ тѣмъ вниманіемъ, какого заслуживаетъ дѣло: даны прекрасные портреты обоихъ мыслителей, масса примѣчаній, указатель именъ; по отношенію къ тексту редакторомъ проявлена особая заботливость, такъ, даже перечеркнутыя Толстымъ слова и фразы восстановлены и заключены въ особыя скобки, что важно, конечно, когда любознательный читатель захочетъ прослѣдить процессъ мысли Толстого, видный изъ восстанавливаемого текста; къ письмамъ приложено краткое, но цѣнное обиліемъ фактическаго матеріала предисловіе редактора.

Можно пожелать изданію такого же успѣха, какой выпалъ на долю тома перваго.

Влад. Княжнинъ.

«Временникъ Пушкинскаго дома». Спб. 1914. Стр. XXI+77. Ц. не обозначена.

Первый выпускъ «Временника Пушкинскаго дома»—первая попытка ознакомить изслѣдователей и любителей русской литературы съ новымъ хранилищемъ книгъ и рукописей. Его еще нѣтъ, и пріютомъ для пушкинскихъ реликвій, а также для другихъ памятниковъ русской литературы, которые будутъ тамъ храниться, временно является академія наукъ. Цѣль учрежденія—собрать такую бібліотеку по исторіи русской литературы XIX вѣка, которая удовлетворяла бы самымъ строгимъ научнымъ требованіямъ, и наивозможно большее количество рукописей и бумагъ русскихъ писателей истекшаго столѣтія и реликвій, относящихся къ ихъ жизни и творчеству.

Настоящій выпускъ «Временника», украшенный снимками съ автографовъ Пушкина, Гоголя, Аполлона Григорьева, Добролюбова, портретами Д. В. Давыдова, Н. М. Коншина и А. П. Чехова, съ надписью «на добрую, нѣжную память о старинѣ глубокой И. Л. Леонтьеву-Щеглову», содержитъ составленное В. Н. Княжнинскимъ описаніе архива Н. А. Добролюбова, именно его дневниковъ, рукописей, бумагъ Н. Г. Чернышевскаго, документовъ, писемъ

къ критику родственниковъ, товарищей и литераторовъ, писемъ къ Чернышевскому и Некрасову.

Описание даетъ нѣсколько любопытныхъ черточекъ изъ литературной дѣятельности Добролюбова и отношеній къ нему Чернышевскаго. Такъ, напримеръ, сохранился родъ дневника Добролюбова «Психаторіумъ», въ которомъ авторъ записывалъ событія свей религіозной жизни, но, кромѣ двухъ дней марта мѣсяца 1853 г., все остальное вырвано рукою Чернышевскаго, съ прямолинейностью своего Рахметова приписавшаго: «Остальные листы этого вздора я бросилъ, какъ ненужное. Довольно этого образца». Очень интересны записанные Добролюбовымъ случаи выступленій цензуры въ 1859 г., по отношенію къ «Современнику» и другимъ изданіямъ. Такъ, въ сентябрьской книгѣ журнала вмѣсто «духовная» политика цензоръ четыре раза поставилъ «умственная», зачеркнулъ слово «святошами», вмѣсто «независимость» челоуѣчества написалъ «благо», въ августовской книжкѣ вмѣсто «бестія» поставилъ «шелъма», вмѣсто «приходскій попъ»—«тит. сов. Ханжинъ».

Описание даетъ полное представленіе о характерѣ рукописей, сохранившихся послѣ Добролюбова. Но желательно было бы все-таки видѣть больше характерныхъ выдержекъ изъ отдѣльныхъ манускриптовъ, которые манятъ читателя своими заглавіями, но больше которыхъ ничего не видишь. Во всякомъ случаѣ нельзя не поблагодарить В. Н. Кляжнина, взявшаго на себя не плѣняющій творческимъ размахомъ трудъ составленія описанія архива писателя.

В. Даниловъ.

Игорь Сѣверянинъ. Златолира. Поэзы. Книга вторая. Изданіе I. Издательство «Грифъ». Москва. 1914. 8. Стр. 131. Ц. 1 р.

Паденіемъ эстетическаго чувства у публики и погонею ея за прсеоцѣнкою пѣнностей во всѣхъ проявленіяхъ низверженія старыхъ идеаловъ объясняется тотъ успѣхъ, которымъ пользуются у насъ футуристы. Лавры ихъ увлекли и не лишенаго въ нѣкоторой степени дарованія стихотворца, печатающагося подъ псевдонимомъ «Игорь Сѣверянинъ». И онъ сталъ на вѣрный путь къ достиженію извѣстности. Какую славу въ исторіи русской литературы принесетъ ему эта извѣстность—вопросъ, повидимому, его мало интересующій. Въ настоящемъ—успѣхъ ему обеспеченъ. Книгу его покупаютъ, читаютъ, ему подражаютъ. Первая его книга расходится четвертымъ изданіемъ. Не удивительно, что, выпуская въ свѣтъ его вторую книгу, издательство «Грифъ» помѣчаетъ ее изданіемъ I. Очевидно, что за первымъ изданіемъ послѣдуетъ второе и третье и т. д.

Какъ не идти въ ходъ книгѣ, обогащающей русскій языкъ цѣлымъ лексикономъ новыхъ словъ! Въдъ языкъ старичковъ Пушкина, Гоголя, Тургенева такъ бѣденъ для точнаго выраженія впечатлѣній, идей, картинъ. Надо явиться къ нему на помощь такому умному, сообразительному, талантливому литератору, какъ г. Игорь Сѣверянинъ, пополнить русскую рѣчь новыми удобопонятными и красивыми словами.

И откуда онъ черпаетъ живую струю для обогащенія языка своихъ предковъ? Изъ народнаго кладезя? Подслушивая говоръ отдѣльныхъ народностей, входящихъ въ составъ нашего великаго отечества? Знакомясь съ мѣстными выраженіями въ очагахъ роднаго слова? Ничуть не бывало. Онъ самъ—этотъ очагъ. Онъ—единный творецъ. Ему одному поднесетъ вѣнецъ новоявленнаго короля поэзій не только благодарное отечество, но даже весь міръ.

Самовлюбленность у автора поразительная. «Какъ златотрубы снапы ржаные моихъ поэзъ?» Во всей вселенной ихъ, вѣдь, только двое: онъ и его желанье. Имъ, этому «Эго»—всѣ жертвы міра (стр. 9).

Объ изяществѣ поэзій г. Игоря-Съверянина свидѣтельствуетъ стихотвореніе, съ обращеніемъ къ матери своей будущей дочери, которая «набухла ребенкомъ» и которой онъ рекомендуетъ «плевать» на всѣ осужденія, какъ на «подлое свинство», возликовать безпредѣльно и быть хорошею «матью», а не вытравлять плода (стр. 26).

Въ ясности выраженія всѣхъ мыслей поэта тоже нельзя упрекнуть. Какъ понять такой милый стишокъ:

Май шалитъ златисто и весело,
Дай ему ликера два—глотка,—
И фіалковой волшбой спеленать,
Падая, дастъ липѣ туманъ.

Символика новатора часто крайне неудачна. У него оказывается «среброгорнымъ» май; сирень весны (очевидно, женщина) «грузитъ въ грезы разумъ», вплетаетъ въ брови сны; облако «сѣдитъ (отъ слова: сѣдой) високъ солнца», которое онъ почему-то называетъ княземъ Владимиромъ (стр. 36).

Прекрасна у г. Игоря Съверянина дачная картинка: За «пыхтящимъ въ дуду» пастухомъ несется вскачь корова, «какъ помеломъ, хвостомъ маша». За коровою «милолица и здорова дѣвчонка дѣветъ (хорошенькое словцо) антраша». Каждый (замѣтьте—каждый) отрокъ капризничаетъ, стремясь у боннъ изподъ рукъ, и показываетъ гувернанткѣ носъ. Финскій рикша-хлѣбопекъ везетъ «француженокъ» и сайки за пятачокъ, авторъ же—миль, юнь и добросердъ—подливаетъ въ кофе сливки и вскрываетъ утренній конвертъ на колени коровой подшивкѣ (стр. 38). Не правда ли—идиллія!

Перечислять всѣ художественныя красоты сборника мы находимъ излишнимъ. Читатели по приведеннымъ нами выдержкамъ могутъ судить, служить ли его авторъ настоящимъ задачамъ искусства, или преслѣдуетъ иныя цѣли, къ парнасскимъ богамъ никакого отношенія не имѣющія. Н. В. Х.

Исторія музыки всѣхъ временъ и народовъ. Составилъ профессоръ Л. А. Сакетти. Изданіе «Шиповникъ» Выпускъ I. Петроградъ. 1914 г. Стр. 104 въ большую четверку, съ картинками и рисунками. Цѣна за выпускъ 1 р. 60 к., по подпискѣ.

Значительное распространеніе въ послѣднее пятидесятилѣтіе занятія музыкою въ нашемъ отечествѣ, особенно съ основанія въ Петроградѣ знаменитымъ

пианистомъ А. Г. Рубинштейномъ музыкальной консерваторіи, а затѣмъ открытіе въ различныхъ городахъ имперіи подобныхъ же консерваторій, а также множества музыкальных школъ и кружковъ выдвинули не только спросъ на болѣе серьезное музыкальное образованіе, но возбудили также вопросы о взаимодѣйствіи, связи и зависимости музыкальнаго искусства въ нашемъ отечествѣ отъ такового же у другихъ народовъ и вызвали потребность въ ознакомленіи не только съ музыкой отечественной, но и другихъ странъ, такъ сказать, съ музыкальнымъ достояніемъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Удовлетворить этой послѣдней потребности принялъ на себя извѣстный профессоръ петроградской консерваторіи Л. А. Сакетти, имя котораго хорошо извѣстно въ области исторіи музыки и также литературы. Онъ составилъ капитальный трудъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ въ четырехъ томахъ, изъ которыхъ послѣдній (четвертый) посвященъ исключительно русской музыкѣ, начиная съ духовной византійской до новѣйшихъ нашихъ композиторовъ послѣ Чайковского и Аренискаго. Первый же томъ говоритъ о музыкѣ древнѣйшихъ временъ до XVII вѣка включительно; второй—о музыкѣ XVIII вѣка (Бахъ, Гендель и т. д., Моцартъ). Третій, наиболѣе обширный томъ посвященъ музыкѣ XIX вѣка, начиная съ Бетховена до Вагнера включительно въ Германіи, а также въ другихъ странахъ Европы и даже американскихъ. По техническимъ причинамъ издательство «Шиповникъ» начало печатать трудъ Сакетти съ этого третьяго тома, и вышедшій недавно первый выпускъ этого тома посвященъ всецѣло Людовику ванъ-Бетховену, родившемуся въ Боннѣ 16-го декабря 1770 года, но проведенному съ конца 1792 года всю свою жизнь въ Вѣнѣ, гдѣ онъ и умеръ 26-го марта 1827 г. Въ подробной и живой біографіи Бетховена Сакетти знакомитъ не только съ его жизнью, но также, въ хронологической послѣдовательности, и съ его музыкальною дѣятельностью. Бетховень, пройдя довольно суровую школу обученія игрѣ на скрипкѣ и на фортепьяно въ домѣ своего отца, а позднѣе у Пфейфера, Неффе и знаменитаго Гейдена, сдѣлался замѣчательнымъ пианистомъ-виртуозомъ; онъ соединялъ въ исполненіи своемъ, по отзывамъ современниковъ, «величественную простоту, прелесть правильного ритма, гнѣвучесть, вѣрную фразировку и яркій колоритъ игры. Кромѣ глубокихъ познаній въ гармоніи и добросовѣстной композиціи, въ немъ находился утонченный вкусъ и вѣрное эстетическое чувство». Кромѣ того, онъ былъ замѣчательный импровизаторъ. Позднѣе онъ предался исключительно композиціи и, начавъ таковую съ 1783 г., написалъ множество произведеній, и по настоящее время приводящихъ въ восторгъ истинныхъ любителей и знатоковъ музыки, почти всѣмъ извѣстны его очаровательные романсы, дивныя сонаты, оперы, прекрасные концерты и особенно симфоніи, оцѣнку которыхъ читатели найдутъ въ его біографіи. Упомянемъ, что только въ третьей (Героической) симфоніи Бетховень проявилъ новое направленіе въ музыкѣ, которое ставитъ психологическія проблемы и уже не настраиваетъ насъ произвольно, а предначерчиваетъ внутренне-обоснованный планъ для возбужденія въ насъ ряда развивающихся настроеній. Подобнаго рода музыка возбуждаетъ въ слушатель желаніе узнать, что композиторъ хотѣлъ выразить въ своемъ произведеніи, причемъ на помощь является воображеніе и уноситъ въ субъективный міръ фантазій. Каждый слу-

шатель объясняетъ содержаніе подобнаго произведенія по-своему. Г. Сакетти приводитъ при этомъ любопытный примѣръ, какъ два музыкальные, самобытные таланты, современные другъ другу, Р. Вагнеръ и Берліозъ, объясняли различно эту Героическую симфонію. Причину этого различія Сакетти видитъ не только въ неопредѣленности инструментальной музыки, но и въ томъ, что оба они, Вагнеръ и Берліозъ, собственно не объясняли содержанія симфоніи, а только рассказывали, что они чувствовали, слушая ее, и какъ направлялось ихъ воображеніе. Разница ихъ индивидуальностей обуславливаетъ разницу въ ихъ объясненіяхъ, тѣмъ болѣе, что сама инструментальная музыка, ограничиваясь одними музыкальными средствами, не даетъ никакого опредѣленнаго представленія, но можетъ, выражая напряженіе, энергію страсти, навѣвать на насъ опредѣленное настроеніе, которое возбуждаетъ представленія соотвѣтствующаго характера. Замѣтимъ при этомъ, что Сакетти относится къ музыкальнымъ произведеніямъ съ полнымъ безпристрастіемъ и во возможности сообщаетъ также свѣдѣнія, при какихъ условіяхъ создалось то или другое произведеніе. Такъ, напримѣръ, въ періодъ 1818—1827 г.г. Бетховень, «жертвуя,—какъ онъ пишетъ,—всѣми обыденными заботами во славу искусства», пытался воспѣть радость (или свободу—финаль IX симфоніи) при условіяхъ своей жизни далеко не радостныхъ. Его мечты о семейномъ счастьѣ въ бракѣ съ любимой женщиной были разбиты; глухота лишила его возможности слушать произведенія, которыя онъ творилъ; создавъ цѣлый рядъ образцовыхъ произведеній, имѣвшихъ блестящій успѣхъ, авторъ не пользовался соотвѣтствующимъ расположеніемъ вѣнской публики. Къ тому же умершій братъ великаго композитора назначилъ его опекуномъ своего сына, на которомъ Бетховень, по своему любящему сердцу, сосредоточилъ всю свою любовь, племянникъ же его оказался повѣсой, бездарнымъ лѣнтяемъ, лгуномъ и развратникомъ. На этомъ эпизодѣ жизни Бетховена заканчивается первый выпускъ его біографіи.

Нельзя не пожалѣть, что издательство не признало возможнымъ напечатать въ первомъ выпускѣ всю біографію Бетховена сполна. Желательно очень, чтобы дальнѣйшія біографіи выходили по возможности цѣликомъ и тѣмъ еще болѣе способствовали распространенію предпринятаго «Шиповникомъ» полезнаго изданія, которое и въ типографскомъ отношеніи хорошо. Оно печатается на прекрасной слоновой бумагѣ хорошимъ шрифтомъ, снабжено множествомъ картинъ, и его цѣна—1 р. 60 к. за выпускъ по подпискѣ—не дорога. Общедоступность изложенія Сакетти представляетъ интересное чтеніе не только для специалистовъ, но и для всякаго, интересующагося музыкальнымъ искусствомъ.

П. Майковъ.

Графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Нѣкоторыя общія соображенія по вопросу о задачахъ низшаго, средняго и высшаго образованія. Петр. 1914 г. Ц. 30 к. Его же. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ семьи и школы въ педагогической литературѣ и школьной практикѣ у насъ и на Западѣ. Петр. 1914 г. Ц. 1 р.

Авторъ обѣихъ брошюръ занималъ отвѣтственные посты помощника попечителя кievскаго, попечителя сперва одесскаго, затѣмъ петроградскаго учеб-

ныхъ округовъ и близко долженъ быть знакомъ съ постановкою школьнаго дѣла у насъ на Руси. Поэтому, если онъ утверждаетъ, что «современное состояніе учительскихъ институтовъ, готовящихъ учителей городскихъ училищъ, и учительскихъ семинарій, готовящихъ учителей народныхъ училищъ, требуетъ коренной реформы и исключительнаго вниманія»; что это — самая слабая сторона дѣятельности нынѣшняго министерства; что «наша современная русская средняя школа не старается развивать въ ученикѣ здоровой идеализаціи»; что «абитуриенты выходятъ изъ гимназіи часто съ крайне низкимъ умственнымъ развитіемъ и съ полнымъ отсутствіемъ научныхъ интересовъ»; «что вся «научная» работа нынѣшняго студента сводится къ пассивному выслушиванію многочисленныхъ лекцій по общему и специальному курсу и къ зубренію въ концѣ года безчисленныхъ литографированныхъ записокъ», то тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься! Наоборотъ, какъ земець-гласный, я не вижу опасности въ томъ, что завѣдываніе народнымъ образованіемъ почти повсемѣстно перешло въ руки земства и что права Думы въ этомъ важнѣйшемъ государственномъ вопросѣ все расширяются. Графъ категорически утверждаетъ, что «результаты этой политики могутъ быть только весьма пагубны для государства и преслѣдуемыхъ имъ цѣлей, такъ какъ слишкомъ часто взгляды и цѣли правительства и земства въ вопросѣ народнаго образованія бываютъ прямо противоположны». Совершенно не раздѣляю я и опасеній автора относительно искусственнаго будто бы увеличенія женскихъ гимназій въ глухой провинціи. Когда я читаю, что это обстоятельство «отвлекаетъ молодыхъ дѣвушекъ, по окончаніи курса, отъ родной семьи и родного крова въ шумные университетскіе центры, для поступления на различные высшіе женскіе курсы, гдѣ онѣ, слишкомъ часто предоставленныя самимъ себѣ, гибнутъ», что полученное ими въ средней школѣ образованіе, крайне непрактичное, совершенно пропадаетъ даромъ для ихъ семьи, для близкихъ, для родного края и, напротивъ, имѣетъ пагубное вліяніе на молодую дѣвушку: оно придаетъ ей совершенно ложную самоувѣренность—она привыкаетъ свысока смотрѣть на мать, на своихъ сестръ, не прошедшихъ черезъ гимназію и не готовящихся доверить свое образованіе на курсахъ; она съ пренебреженіемъ относится къ своимъ повседневнымъ домашнимъ занятіямъ... я съ изумленіемъ спрашиваю себя: неужели рѣчь идетъ здѣсь о русскихъ дѣвушкахъ, объ этихъ скромныхъ, трудолюбивыхъ и самоотверженныхъ труженицахъ, которыхъ мы, преподаватели въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, призывали такъ цѣнить и уважать? неужели рѣчь идетъ о безкорыстныхъ земскихъ и городскихъ учительницахъ, женщинахъ-врачахъ, которыми родина наша въ правѣ гордиться. Неужели, дѣйствительно, слѣдовало, по мысли автора, «сузить ихъ порывы», оберечь ихъ отъ «несбыточныхъ иллюзій и мечтаній». Наконецъ, развѣ будущей матери и женѣ нужны только рукодѣліе и домоводство, а не общее развитіе, чтобы воспитывать дѣтей и быть другомъ своего мужа? Конечно, женскія гимназіи нуждаются въ крупныхъ реформахъ, но со-всѣмъ въ противоположномъ направленіи.

Вторая, болѣе объемистая книга посвящена важному вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ семьи и школы у насъ и на Западѣ. Излагается исторія идеи о сближеніи семьи и школы, возникновеніе родительскихъ комитетовъ; рисуются

попытки правительства и общества найти пути къ разрѣшенію конфликта между школой и обществомъ; указываются формы взаимоотношеній семьи и школы на Западѣ, какъ параллель къ тому, что происходитъ у насъ въ Россіи.

Авторъ въ этой книгѣ допустилъ, несомнѣнно, два недостатка: онъ слишкомъ идеализируетъ взаимоотношенія семьи и школы въ Германіи и слишкомъ субъективно рисуетъ развалъ русской школы въ 1905—1906 гг., но съ этимъ легко можно примириться, такъ какъ корень зла имъ указанъ вѣрно: «излишняя регламентація, бюрократизмъ и формализмъ представляютъ существенное зло современной нашей школы. Учебное начальство, не довѣряя учительскому персоналу и самимъ директорамъ, до нельзя стѣснило всѣ ихъ дѣйствія, окутало ихъ такой непроходимой сѣтью всевозможныхъ циркуляровъ, инструкцій и учебныхъ плановъ, предусматривающихъ каждый малѣйшій случай ихъ преподавательской и воспитательской дѣятельности, что лишило ихъ всякой здоровой и полезной инициативы на пользу вѣрнѣшаго имъ юношества. Въ высшей степени живое дѣло обратилось въ механическое ремесло, лишилось самага главнаго своего фактора—возможности проявить живую любовь къ юношеству, непосредственное чутье дѣтской природы, а потому и понятно, почему наша современная школа такъ мало въ состояніи воспитать молодое поколѣніе». (См. «Сборникъ статей по вопросамъ школьнаго образованія», т. II, стр. 331).

Во всякомъ случаѣ обѣ книги читаются съ живымъ интересомъ.

Г. Зоревфрой.

Записки нефилологическаго общества при императорскомъ петроградскомъ университетѣ. Вып. IV—VII. Петроградъ. 1910—1914. Стр. 177, 254, 128, 86. Цѣна 1 р. 50 к., 2 р., 1 р., 75 к.

Нефилологическое общество при петроградскомъ университетѣ насчитываетъ уже тридцать лѣтъ своего существованія. Оно возникло въ 1885 году, первоначально какъ романо-германское отдѣленіе филологическаго общества, по уже съ 1889 года начало существовать самостоятельно. Своимъ успѣхомъ и процвѣтаніемъ общество обязано прежде всего энергіи своего перваго предсѣдателя, всемірно-извѣстнаго ученаго А. Н. Веселовскаго, который былъ вдохновителемъ и руководителемъ своихъ сочленовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ и ревностныхъ докладчиковъ. Съ кончиной А. Н. Веселовскаго его неусыпную дѣятельность на пользу общества весьма успѣшно продолжаетъ профессоръ Ѳ. А. Браунъ, который не только мастерски руководитъ преніями, но и постоянно принимаетъ въ нихъ самое живое и дѣятельное участіе. Постоянными энергичными помощниками Ѳ. А. Брауна по управленію обществомъ являются профессора Д. К. Петровъ и А. А. Чебышевъ. За время существованія общества въ немъ было заслушано свыше трехсотъ докладовъ, не считая мелкихъ сообщеній о книгахъ, журналахъ и т. п. Темы этихъ докладовъ весьма разнообразны и въ огромнымъ большинствѣ случаевъ высоко интересны. Широко понимая задачи общества, члены его обсуждали одновременно всю европейскую литературу, начиная съ древнеклассической и кончая новѣйшей русской. Такъ, седьмой выпускъ «Записокъ» посвященъ цѣликомъ докладамъ

о поэзии К. Д. Бальмонта по поводу двадцатипятилѣтнаго служенія его музамъ. Кромѣ того, въ обществѣ неоднократно читались доклады по вопросамъ археологій, этнографіи, эстетики, музыки и языкознанія. Последнее, впрочемъ, выдѣлилось въ 1895 году въ особую лингвистическую секцію, предсѣдателемъ которой беззмѣнно остается профессоръ С. К. Буличъ. Кромѣ лингвистической, общество имѣетъ еще одну секцію—педагогическую, въ которой особенно трудились тотъ же *Θ. А. Браунъ* и *Е. А. Лева*. Обычный для нашихъ ученыхъ обществъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ мѣшаетъ и нефилологамъ своевременно и полно опубликовать свѣдѣнія объ ихъ живой и интересной дѣятельности. Но всякій образованный человекъ, который дастъ себѣ трудъ познакомиться съ «Записками» общества, найдетъ въ нихъ для себя много весьма интереснаго и поучительнаго, и мы позволяемъ рекомендовать ихъ особому вниманію читателей «Историческаго Вѣстника». **М.**

Д. К. Зеленинъ. Великорусскіе говоры съ неорганическимъ и непреходнымъ смягченіемъ заднебныхъ согласныхъ въ связи съ теченіями позднѣйшей великорусской колонизаціи. Изд. отд. русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1914. Стр. XVI+544.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» уже не разъ давалась оцѣнка выдающимся въ этнографическомъ отношеніи трудамъ Д. К. Зеленина. Настоящая работа его является новымъ почтеннымъ вкладомъ въ русскую науку. Ея длинное лингвистическое заглавіе, правда, можетъ испугать читателя, но на самомъ дѣлѣ это не сухое, оторванное отъ жизни изслѣдованіе по языковѣдѣнію. Трудъ даетъ широкую картину исторической и бытовой жизни народа въ связи съ узко-лингвистическимъ вопросомъ о такъ называемомъ неорганическомъ смягченіи заднебныхъ (гортанныхъ), классическимъ примѣромъ чего является слово Ванька. И вотъ распространеніе подобнаго выговора выясняется на данныхъ культурной исторіи русскаго народа.

Тутъ находимъ, на примѣръ, подробную историческую и этнографическую характеристику однодворцевъ—того своеобразнаго старо-русскаго сословія, съ названіемъ котораго соединяется представленіе объ одномъ изъ прелестнѣйшихъ разсказовъ Тургенева «Однодворецъ Овсяниковъ», и изъ нѣдръ котораго вышелъ покойный *А. С. Суворинъ*.

Въ книгѣ очень подробно обрисована исторія колонизаціи южно-великорусскихъ губерній: Тульской, Курской, Воронежской, Орловской и др.; выяснена связь прошлаго съ настоящимъ, связь прежнихъ московскихъ служилыхъ людей и дѣтей боярскихъ съ позднѣйшими однодворцами, приборныхъ казаковъ съ современными новосильскими землеробами, польскихъ полоняниковъ XVI—XVII вѣковъ—съ теперешними «ляхами» и «панами» губерній Владимирской и Нижегородской.

Рисуетъ также авторъ картину сѣверной колонизаціи, двигавшейся постепенно и медленно съ подсыпки на подсыпку, съ починка на починокъ. Одинъ изъ параграфовъ книги трактуетъ о совершенно не изученномъ еще вопросѣ—исторіи ве-

ликорусской одежды. Немало страницъ въ трудѣ г. Зеленина посвящено выясненію разныхъ типовъ крестьянскаго великорускаго жилища.

Лингвистическая часть сочиненія устанавливаетъ фактъ дѣленія великорусскихъ говоровъ по древнерусскимъ сословіямъ, причемъ оказывается, что на нѣкоторыя особенности говоровъ существовала такая же мода, какъ у современныхъ дамъ на шляпки и прочее. Политическіе центры, особенно Москва, оказывали большое вліяніе на говоры тѣхъ областей, которыя тяготѣли къ данному городу.

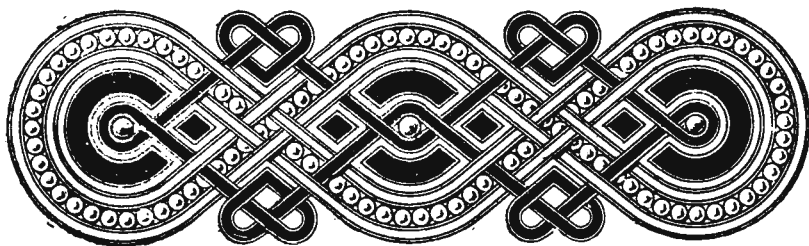
Такимъ образомъ, книга г. Зеленина представляетъ свозобразный интересъ, переплетая факты языковѣдннн съ данными исторіи и этнографіи. Съ этихъ точекъ зрѣнія изученъ цѣлый рядъ великорусскихъ губерній. Вообще, серьезный и внимательный читатель извлечетъ изъ этой книги много новаго и интереснаго.

В. Д.

Русская періодическая печать 1703—1900 г.г. (Библиографія и графическія таблицы). Составилъ и издалъ Н. М. Лисовскій. Отдѣлъ 1. Библиографія русской періодической печати. Отдѣлъ 2. Графическія таблицы русской періодической печати. Вып. IV (дополненный). Спб. 1915. 4^о. Цѣна 5 рублей.

Съ особымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ окончаніе огромнаго и высокоцѣннаго труда, начатаго печатаніемъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Объ общемъ характерѣ всей работѣ Н. М. Лисовскаго и ея содержаніи было сказано въ нашемъ журналѣ по поводу третьяго выпуска книги (кн. 7 за 1913 г., стр. 320 сл.). Настоящій выпускъ представляетъ, если можно такъ выразиться, ключъ ко всему изданію, заключаая въ себѣ два указателя періодическихъ изданій, алфавитный и систематическій, а также алфавитный перечень фамилій редакторовъ и издателей. Алфавитный перечень изданій составленъ съ особою тщательностью и подробностью, такъ что большинство журналовъ повторено тамъ для удобства находженія по два раза, какъ, на примѣръ, «Артиллерійскій Журналъ» можно отыскать и подъ первымъ, и подъ вторымъ словомъ. Въ списокѣ фамилій редакторовъ и издателей заключается около 1.500 фамилій. Конечно, при такой массѣ именъ, напечатанныхъ къ тому же петитомъ по четыре столбца на страницѣ, неизбежны нѣкоторыя корректурные промахи, но смѣемъ думать, что число ихъ сравнительно весьма и весьма незначительно. Между прочимъ, не приняты во вниманіе три скромныя указанія, сдѣланныя въ названной выше рецензії на предшествующій выпускъ книги. Во второмъ отдѣлѣ книги даны добавочныя графическія таблицы періодическихъ изданій, приведенныхъ въ первыхъ двухъ выпускахъ. Дополненія эти напечатаны такъ удобно, что при желаніи могутъ быть вклеены въ соответствующія мѣста.

Огромная польза труда Н. М. Лисовскаго для всѣхъ интересующихся судьбами нашего просвѣщенія сама собою очевидна; остается только пожелать, чтобы это монументальное изданіе нашло себѣ заслуженное распространеніе въ нашихъ общественныхъ и частныхъ книгохранилищахъ. **А. М.—нѣ.**

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Итоги минувшаго года.—Кто убилъ Пушкина?—Роль великовѣтской кама или въ судьбѣ Пушкина, по запискамъ сына Карамзина.—Дневникъ флигель-адъютанта Дурново.—Смерть Александра I, отреченіе Константина и бунтъ декабристовъ подъ перомъ современника.—Арестъ Рыльева.—Въ Ливадіи во время турецкой войны.—Скобелевъ въ оцѣнкѣ завистниковъ и ревнивцевъ.—Царедворческія страсти и чувства.—Памфлетъ поэта Дурново на князя Черкаскаго.

ВЪ АННАЛАХЪ общей литературы минувшій годъ придется отмѣтить чернымъ камешкомъ. Война и сопутствующія ей обстоятельства выбили изъ строя нѣкоторыя изданія, какъ Русское» Богатство» или «Завѣты», другія пошатнули, какъ «Современный Міръ», сократили третьи, какъ «Украинскую Жизнь». На будущей выставкѣ печати журналистика 1914 года будетъ численно представлена скуднѣе, чѣмъ во всѣ послѣдніе годы.

По счастью, историческій журналъ и историческая наука избѣжали этой участи. Если исключить «Старые Годы», ни одинъ изъ журналовъ, ни старинные «Русскій Архивъ» и «Русская Старина», ни новые «Голосъ Минувшаго», «Русскій Библиофиль» и «Наша Старина» не задержали очередныхъ книжекъ. Война своеобразно окрасила послѣднія книжки года, ввела новые отдѣлы, приблизила эти лѣтописи истории къ сегодняшнему дню,—сдѣлала всюду приблизительно то, что читатель «Историческаго Вѣстника» впервые замѣтилъ въ нашемъ органѣ. Современный историческій журналъ явственно работаетъ для будущаго историка, который въ этихъ книжкахъ найдетъ уже подобранный матеріалъ «1914 года», начиная официальными актами и дипломатическими нотами и кончая бытовыми записями, хроникой дня и современнымъ анекдотомъ и легендой. Въ роли лѣтописца этотъ журналъ безпристрастно заноситъ все на свои страницы,—время покажетъ, что здѣсь

было центральнымъ и что эпизодическимъ, и, можетъ быть, многое изъ того, что теперь кажется второстепеннымъ, выдвинетъ на первое мѣсто.

Пока можно лишь съ несомнѣнною засвидѣтельствовать, что во всѣхъ смыслахъ прискорбное явленіе—мировая катастрофа имѣла въ одномъ изъ своихъ ближайшихъ итоговъ фактъ благополучный для русскаго историческаго изслѣдованія: съ прозрѣніемъ Россіи въ отношеніи своего политическаго сосѣда и съ разрывомъ съ нимъ узъ пріязни и дипломатіи наша историческая наука получила права не стѣсненнаго и свободнаго сужденія о событіяхъ и лицахъ, доселѣ почти не допускавшихъ безпристрастнаго и независимаго изслѣдованія. Та фальсификація исторіи, какая была обязательна для ученаго, касавшагося выясненія отношеній Россіи къ Пруссіи въ предшествовавшія царствованія, въ силу близкихъ связей съ Россіей прусскаго двора,—отошла въ область прошлаго, вѣроятно, невозвратнаго. Самый фактъ такого раскрѣпощенія науки засвидѣтельствованъ уже и компетентными лицами (см. статью историка Шумигорскаго—«Кто освободилъ Пруссію» въ «Русской Старинѣ»).

Слѣдя за библиографическимъ отдѣломъ «Историческаго Вѣстника», читатель не могъ замѣтить ущерба и въ книжной исторической литературѣ. Она шла своимъ чередомъ, и, наоборотъ, наступленіе событій и пробужденіе интереса къ недавнему дружественному сосѣду и нынѣшнему врагу вызвало къ жизни цѣлый рядъ иногда не незначительныхъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій о культурѣ, психологіи и историческихъ судьбахъ Германіи. Ученія общества не прекращали своихъ изданій, но успѣли обогатить библіотеку любителя новыми, иногда весьма неллишними матеріалами.

Такъ, живой и разнообразный историческій интересъ представляетъ послѣдняя книжка сборника общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія «Старина и Новизна». Археологъ и романистъ съ благодарностью примутъ напечатанный здѣсь «перечень пожитковъ царевны Наталіи Александровны», сразу переносящій писательское воображеніе черезъ нѣсколько вѣковъ въ пышно-наивную и прекрасную въ этой наивности атмосферу былого русскаго двора съ его изумительнымъ своеобразиемъ. Цѣнны новыя документы по смутному времени, дополняющіе извѣстные своды матеріаловъ профессора Александра. Наиболѣе близкій къ нашему дню интересъ представляетъ переписка сына исторіографа Карамзина, Андрея Николаевича, относящаяся къ послѣднимъ двумъ годамъ жизни Пушкина.

Переписка характерна и сама по себѣ, какъ изъясненіе думъ и чувствъ русскаго интеллигента, воспитавшагося въ русской патріотической семьѣ знаменитаго историка и подъ угломъ воспріятыхъ здѣсь понятій переживающаго пестряя и разнообразная впечатлѣнія первой побывки за границей, въ яркомъ и красочномъ Парижѣ. Но исторически она особенно дорога тѣми страницами, гдѣ молодой Карамзинъ отзывался искреннею и могучею скорбью на великое національное горе—убійство гениальнаго поэта рукою чужеземца.

Въ февралѣ 1837 года подъ яснымъ небомъ Парижа чуткій русскій интеллигентъ, научившійся отъ младыхъ ногтей обожать Пушкина, узнаетъ изъ мате-

ринскаго письма страшное извѣстіе, что геніальнаго отечественнаго поэта уже нѣтъ, что пѣсень его больше не услышать. Всѣмъ сердцемъ отзывается онъ на «убійственное извѣстіе».

«Милый, свѣтлый Пушкинъ, тебя нѣтъ!.. Я плачу съ Россіей, плачу съ друзьями его, плачу съ несчастными жертвами (виновными или нѣтъ?) ужаснаго происшествія. Поздравьте отъ меня петербургское общество, маменька, оно сработало славное дѣло! Пошлыми сплетнями, низкою завистью къ генію и къ красотѣ оно довело драму, имъ сочиненную, къ развязкѣ; поздравьте его,—оно стоитъ того!.. Бѣдная Россія! Одна звѣзда за другою гаснетъ на твоёмъ пустынномъ небѣ, и напрасно смотримъ, не зажигается ли заря. На востокъ—темно!.. Какъ пишу вамъ эти строки, слезы капаютъ изъ глазъ,—мнѣ грустно, неизяснимо грустно».

Карамзинъ прошелъ благородную школу, и онъ не мечетъ безъ разбора громовъ въ противника Пушкина, предполагая съ мѣста, что тутъ дѣло шире и глубже, что человѣкъ, котораго онъ лично зналъ, могъ быть и простымъ орудіемъ въ рукахъ болѣе странной и сокрушительной силы. О Дантесѣ въ первомъ письмѣ онъ не произноситъ еще рѣшающаго сужденія.

«Я не знаю, что сказать о Дантесѣ. Если правда, что онъ послѣ свадьбы продолжалъ говорить о любви Натальѣ Николаевнѣ, то—il est jugé, но я не могу и не хочу вѣрить. Не думаютъ ли о памятникѣ? Скажите брату Сашѣ, что я ожидаю отъ него письма, онъ, какъ мужчина, могъ многое слышать, пусть не полѣнится. Неужели не откроется змѣя, написавшая безыменныя письма, и клеймо всеобщаго презрѣнія не приложится къ лицу злодѣя и не прогонитъ его на край свѣта. Божеское правосудіе должно бы открыть его, и мнѣ кажется, что я бы съ наслажденіемъ согласился быть его орудіемъ»...

Видимо, среди русскихъ, бывшихъ въ Парижѣ, страшная вѣсть произвела впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. Этимъ были полны, объ этомъ напереерывъ говорили, обсуждали участь семьи. Черезъ день Карамзинъ приписываетъ въ письмѣ къ матери:

«Сейчасъ выходитъ изъ комнаты Соболевскій. Ему пришла въ голову хорошая мысль: онъ предлагаетъ открыть по Россіи подписку для дѣтей Пушкина и оставлять проценты съ капитала до замужества дочерей и до полного возраста сына. Онъ будетъ объ этомъ самъ писать Жуковскому».

Новое письмо сына Карамзина содержитъ въ себѣ несомнѣнное показаніе, что мы еще въ правѣ надѣяться, что когда-либо будетъ найдено полное глубочайшаго интереса письмо матери его, съ полнымъ рассказомъ сыну о смерти, точнѣе—казни нашего поэта. Факты, конечно, давно извѣстны,—хотя пробѣлы въ нихъ есть и посейчасъ,—но необычайно дорого было бы освѣщеніе этой трагедіи такимъ лицомъ, какъ жена Карамзина, конечно, знавшая все изъ первыхъ рукъ и знавшая, можетъ быть, въ той редакціи, какую постарались затушевать. Какое освѣщеніе драмѣ давала жена исторіографа, въ значительной мѣрѣ мы можемъ угадывать по отклику ея сына. Надо думать, что ея письмо было въ высшей степени неблагоприятно для тогдашняго свѣтскаго общества.

«Какъ я вамъ благодаренъ за письмо, полученное сегодня!—пишетъ ей сынъ.—

«Истор. вѣстн.», январь 1915 г., т. сxxxix.

20

Я очень желалъ, но не смѣлъ надѣяться получить его, потому что это болѣе, нежели сколько было общано. Но вы знали, что, отчужденный отъ родины пространствомъ, я не чуждъ ея печалямъ и радостямъ, и что съ тѣхъ поръ, какъ роковое извѣстiе достигло меня и русскую братiю въ Парижѣ, наши сердца и взоры съ тоской устремились на великаго покойника, и мы жадно ожидали подробностей. Если что можетъ здѣсь утѣшить друга отечества и друга Пушкина, такъ это всеобщее сочувствiе, возбужденное его смертию: оно тронуло и обрадовало меня до слезъ!

«Не все же у насъ умерло, не все же холодно и безчувственно! Есть струны, звучныя даже и въ петербургскомъ народѣ!

«Милые, добрые мои сограждане, какъ я люблю васъ! Но съ другой стороны то, что сестра мнѣ пишетъ о сужденiяхъ хорошаго общества высшаго круга, гостиной аристократiи (чортъ знаетъ, какъ эту сволочь назвать!), меня нимало не удивило; оно выдержало свой характеръ. Убiйца бранить свою жертву, и это должно быть такъ, это въ порядкѣ вещей. «*Que d'Antès trouve des défenseurs*, по-моему, это справедливо; я первый, съ чистою совѣстью и съ слезой въ глазахъ о Пушкинѣ, протяну ему руку: онъ вель себя честнымъ и благороднымъ человѣкомъ—по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ кажется, *mais que Pouchkine trouve des accusateurs acharnés... les misérables!*.. Быстро перемѣнялись чувства въ душѣ моей при чтенiи вашего письма, желчь и досада наполнили ее при извѣстiи, что въ церковь пускали по билетамъ только *la haute société*. Ее-то зачѣмъ? Развѣ Пушкинъ принадлежалъ ей? Съ тѣхъ поръ, какъ онъ попалъ въ ея тлетворную атмосферу—его гению стало душно, онъ замолкъ... *méconnu et déprecié, il a végété sur ce sol arride et ingrat, et il est tombé victime de la médisance et de la calomnie*».

«Выгнать бы ихъ и впустить рыдающую толпу, и народная душа Пушкина улыбнулась бы свыше!»

Въ дальнѣйшихъ письмахъ матери Карамзина, очевидно, проводилась рѣшительно та же точка открытаго обвиненiя салонной камарильи, окружавшей Пушкина и затравившей его. По крайней мѣрѣ, Карамзинъ, на минуту усомнившiйся было въ правильномъ пониманiи писемъ съ родины, вновь отдается первому чувству.

«Мнѣ стало было совѣстно, что я такъ напалъ на бонтонное петербургское общество, но теперь, послѣ письма Аркадiя къ сестрѣ его, я не только мысленно повторяю все сказанное мною, но мнѣ еще кажется мало. Какъ вспомню, такъ злость и негодование разбирають, тѣмъ болѣе, что и здѣсь есть хорошіе образчики. Такъ, напримѣръ, Медемъ, членъ нашего нѣмецкаго посольства, чуть не выцарапалъ глаза Смирнову за то, что онъ назвалъ Пушкина *l'homme le plus marquant en Russie* и прибавилъ: «*Pouchkine a fait de jolis vers, s'est vrai, mais sa popularité ne lui est venue que de ses sat' res contre le gouvernement*». Жаль, что онъ не сказалъ этого мнѣ; я бы осадилъ ревельскую селедку! Ужъ эти нѣмцы безотечественные, непричастные русской славѣ и русскимъ чувствамъ, долго ли имъ хмелиться на чужомъ пиру? Какъ ни сойдемся, все говоримъ про одно, и разоидемя, грустные и сердитые на Петербургъ».

Безпристрастная исторія давно уже произнесла свой судъ надъ убійцами Пушкина, впервые вышедшій изъ устъ Лермонтова. Все въ письмахъ Карамзина подтверждаетъ правильность историческаго взгляда.

Такое же значеніе документовъ, собственно не дающихъ чего-либо новаго, но выразительно закрѣпляющихъ историческій фактъ, подвергающійся позднѣйшему заподозрѣнію, надо признать за весьма интереснымъ «Дневникомъ» флигель-адъютанта императора Николая I Н. Д. Дурново», напечатанномъ въ первомъ выпускѣ «Вѣстника общества ревнителей исторіи», подъ редакціей М. К. Соколовскаго.

Записки захватываютъ моментъ исключительной важности и интереса,— онѣ начинаются концомъ 1825 года и обрываются на первыхъ январскихъ числахъ 1826 года, но въ этотъ маленькій промежутокъ времени, какъ извѣстно, разрѣшились событія огромной важности: смерть императора Александра, отреченіе отъ престола великаго князя Константина и мятежъ декабристовъ. Дурново былъ первымъ, слышавшимъ и видѣвшимъ многое, и къ нѣкоторымъ событіямъ имѣлъ и непосредственное касаніе по долгу своей службѣ.

День за днемъ, иногда часъ за часомъ онъ слѣдитъ событія, разыгрывающіяся предъ его глазами, уже тогда отдавая себѣ точный отчетъ въ ихъ значительности. Выписывать его страницы нѣтъ необходимости. Въ его разсказѣ о томъ, какъ умиралъ въ Таганрогѣ государь, какъ было читано отреченіе великаго князя Константина во дворцѣ, какъ присягали новому монарху,— во всемъ этомъ историкъ найдетъ не безъ труда новые блики. Но именно въ полномъ совпаденіи съ существующими источниками—цѣнность дневника Дурново. Онъ утверждаетъ непреложную истину хотя бы смерти Александра I, являя еще новое возраженіе тѣмъ легковѣрнымъ, которые доселѣ не оставляютъ своихъ тщедушныхъ попытокъ воєвать съ исторіей и здравымъ смысломъ.

Нѣкоторыя страницы дневника любопытны просто въ смыслѣ характеристикъ. Вотъ, напримѣръ, мнѣніе объ Аракчеевѣ царскаго флигель-адъютанта.

«Теперь каждый день представляетъ собою особый интересъ. Во дворцѣ я узналъ, что графъ Аракчеевъ вчера въ семь часовъ вечера былъ съ визитомъ у императрицы-матери. Этотъ человекъ, погруженный въ горе и отчаяніе послѣ смерти какой-то дѣвки, непотребной женщины, и вслѣдствіе этого отказавшійся отъ всякихъ государственныхъ дѣлъ, сейчасъ же послѣ прискорбной вѣсти о смерти возлюбленнаго монарха, своего благодѣтеля, того, кто удостоивалъ его именовать своимъ другомъ, вдругъ выздоравливаетъ и вступаетъ въ командованіе военными поселеніями! Во всякой другой странѣ Аракчеевъ былъ бы растерзанъ толпою за свое низкое поведеніе».

Немалый интересъ представляютъ личныя записи объ историческихъ моментахъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ самъ Дурново.

«Утромъ во дворцѣ я конфиденціально узналъ, что великій князь Константинъ отказался отъ трона, а потому великій князь Николай долженъ вступить на престоль; все это мнѣ передали подъ величайшимъ секретомъ, а часъ спустя весь городъ уже зналъ объ этомъ».

Между прочимъ, Дурново былъ тѣмъ лицомъ, которому государь довѣрилъ арестъ такого важнаго дѣятеля замышляемаго переворота, какъ Рыльцевъ.

«Немного позднѣе полуночи государь приказалъ мнѣ привести къ нему живымъ или мертвымъ поэта Рыльцева и прибавилъ, что я отвѣчаю своею головою въ случаѣ неисполненія этого повелѣнія. Я отвѣтилъ его величеству, что черезъ полчаса приказаніе будетъ исполнено. Взявши съ собою шесть солдатъ Семеновскаго полка, я немедленно отправился къ квартирѣ Рыльцева, проживавшаго въ домѣ американскаго общества. Сначала мнѣ оказали маленькое сопротивленіе, но когда я объявилъ, что дѣйствую по приказанію самого государя, меня впустили въ домъ; я прямо приказалъ себя вести въ спальню поэта, который спалъ или, вѣрнѣе, притворялся спящимъ; какъ бы то ни было, но пробужденіе его было не изъ пріятныхъ. Онъ безпрекословно повиновался и, наскоро одѣвшись, послѣдовалъ за мною во дворецъ. За быстроту и точность исполненія его величество изволилъ меня благодарить и послалъ меня къ коменданту крѣпости съ предупрежденіемъ имѣть наготовѣ помѣщенія на нѣсколько сотъ заключенныхъ, которые должны скоро прибыть».

Въ «Нашей Старинѣ» самымъ цѣннымъ документальнымъ матеріаломъ надо признать «Записки Ю. А. Горбуновой», придворной дамы, интересной свидѣтельницы жизни въ Ливадіи въ 1874—1878 годахъ.

Быть царскаго дома съ величавымъ образомъ царя и далеко не величавыми фигурами придворныхъ, остающихся тѣми же людьми со всѣми человѣческими слабостями и вблизи трона, встаетъ очень живо въ простомъ, безхитростномъ и чуждомъ какихъ бы то ни было тенденцій рассказъ хорошей русской женщины, рѣшившей отдать сердце свое высокимъ покровителямъ и тому маленькому школьному дѣлу, какое ей довѣрили. И беззабно, хотя и съ огорченіемъ, зарисовываетъ она въ своемъ дневникѣ фигуры тогдашнихъ царедворцевъ.

Горбунова терялась въ оцѣнкѣ людей,—до такой степени людское зложелательство не шадило никого, и, наоборотъ, въ особенности устремлялось за тѣмъ, кому улыбались слава и удача.

«Зашелъ Салтыковъ,—записитъ она подь однимъ числомъ,—просидѣлъ долго и много рассказывалъ о житьѣ на Дунаѣ. Отдавая справедливость генералу Скобелеву 2-му, какъ очень храброму, энергичному человѣку, съ желѣзной волей, онъ въ то же время описалъ его интриганомъ, карьеристомъ, для котораго будто бы нѣтъ ничего святого въ достиженіи честолюбивыхъ цѣлей. Гдѣ правда—не отдаю себѣ отчета».

Иногда впечатлѣнія неискренности такъ сгушались въ душѣ Горбуновой, что она давала полную волю своему осужденію въ дневникѣ. Однажды у мужа она застаётъ генерала Рауха. «Онъ тоже подтвердилъ слова Салтыкова о Скобелевѣ, котораго всѣ мы считали образцомъ всего прекраснаго. Вѣрить ли? При дворѣ всѣ ненавидятъ другъ друга, и всѣ обнимаются и цѣлуются, какъ закадычные друзья! Въ особенности же ненавидятъ графа Адлерберга и все его потомство. Есть ли у этихъ людей что-нибудь святое? Ничего, рѣшительно ничего! Все обращаютъ въ смѣшки, надо всѣмъ издѣваются, нѣтъ самой гряз-

ной клеветы, которую бы не забросали самого смирнаго и невиннаго чело-вѣка, и это тѣ, которые считаются добрыми! Всѣ они говорятъ скоро, всегда разсѣянны, на вопросы никогда не ждутъ отвѣтовъ, вѣчно куда-то торопятся, чѣмъ-то озабочены. Невѣжества изумительнаго, неблаговоспитанности поразительной».

Самая привѣтливость и ласка государя часто служила основаніемъ самой откровенной и тяжелой ревности, и случайность перетолковывалась, какъ фактъ огромнаго значенія. Государю докладываютъ, что стрѣлковый полкъ благополучно прибылъ въ Николаевъ.

«Въ стрѣлковомъ полку служить братъ Семеновъ. Вѣроятно, позабывъ объ этомъ, государь, увидавъ черезъ нѣсколько времени въ окно уборной императрицы Семенову, подававшую мантилью ея величеству, замѣтилъ:

«— Не помню, сказалъ ли я вамъ, что стрѣлки благополучно прибыли въ Николаевъ.

«Этого было довольно, чтобы надъ головой бѣдной дѣвушки разразилась цѣлая буря! «Мнѣ не говорятъ, когда мои племянники приходятъ куда, а ничтожную дѣвчонку извѣщаютъ»,—и цѣлый потокъ черной грязи облѣпилъ невинную ни въ чемъ Семенову.

«Я молчала, чувствуя, что одно слово заступничества раздражить еще болѣе».

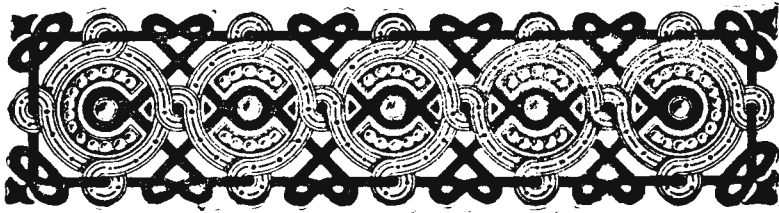
При дворѣ существовали свои поэты и сатирики, мишенью которыхъ являлись, конечно, «свой» люди, политики и политиканы. Вотъ не лишенный интереса и по нынѣшнимъ временамъ памфлетъ въ свое время небезызвѣстнаго Дурново на князя Черкаскаго, въ виду его новаго назначенія въ Болгарію.

«Надъ несчастною Болгаріей
Солнце новое встаетъ.
Сей народъ не будетъ паріей:
Князь Черкасскій съ канцеляріей
Днесъ въ страну сію грядетъ!
Дабы въ лѣтопись всемірную
Дѣло дивное вписать,
Въ канцелярію обширную
Молодежь онъ все трактирную
Вкругъ себя сумѣлъ собрать.
Всѣхъ за штатомъ изнывающихъ,
Всѣхъ, кто мѣсто потерялъ,
Всѣхъ слѣпыхъ и всѣхъ хромящихъ,
Водъ движенія ожидающихъ
Пріютилъ сей либераль.
Мировую занять цѣлію,
Онъ собралъ ихъ не с проста
Къ многотрудному бездѣлію.

Силоамскою купелію
Канцелярѣя стала та.
Всѣмъ страданьямъ меньшей братіи
Тамъ подводится итогъ;
Торжество тамъ демократіи,
Тамъ въ блаженствѣ бюрократіи
Утопаютъ демагогъ.
Созидая для Болгаріи
Органическій статутъ,
Въ этой дивной канцеляріи
Бруты, Кассіи и Маріи,
Какъ грибы въ лѣсу, растутъ.
И съ оливковою вѣткою
Князь Черкасскій тамъ сидитъ
Надъ статутомъ тѣмъ насѣдкою,
И все это опереткою
Оффенбаховской звучитъ».

Много характерныхъ мелочей мало доступной обществу придворной жизни возстаютъ въ запискахъ Горбуновой.

А. Измайловъ.

Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили съ 15 ноября
по 15 декабря для отзыва слѣдующія книги:

Отчетъ императорской публичной библиотеки за 1906 годъ. Петр. 1913. Стр. 202. Тоже за 1907 годъ. Петр. 1914. Стр. 147+180. Цѣна не обозначена.

Проф. И. А. Линниченко. Психологія борьбы. Одесса. 1914. Стр. 15. Цѣна не обозначена.

— Два письма Фридриха II. Одесса. 1914. Стр. 24. Цѣна не обозначена.

П. И. Кадилинъ. Историческій подвигъ Россіи въ эти дни въ дѣлѣ освобожденія славянъ. Житомиръ. 1914. Стр. 50. Ц. 20 к.

Содержательная брошюра г. Кадилина даетъ картину возникновенія русской государственной идеи и идеи національной всеславянской. Авторъ въ своемъ изложеніи ссылается на цѣлый рядъ любопытныхъ отрывковъ изъ церковно-націоналистической литературы древней Руси и приводитъ мнѣнія лучшихъ русскихъ писателей о будущемъ объединеннаго славянства. Книжка г. Кадилина какъ нельзя болѣе подходитъ къ настоящему политическому моменту и прочтется съ интересомъ.

Силуэты войны. Рисунки участника А. М. Петроградъ. 1915. Стр. 32. Ц. 1 р.

А. Ѳ. Кони. Отцы и дѣти судебной реформы. (Къ 50-лѣтію судебныхъ уставовъ). Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1914. Стр. 295+22. Цѣна не обозначена.

Сѣрая книга. Бельгійская дипломатическая переписка, относящаяся до войны 1914 года (24 іюля—29 августа). Петр. 1914. Стр. 75. Ц. 50 к.

Проф. А. Л. Матанскій. Воспоминанія стараго профессора. (Съ 1847 по 1913 г.г.), Вып. первый (1847—1867). Петр. 1914. Стр. 224. Ц. 1 р.

А. А. Пазухинъ. Родословная Пазухинскихъ и родословные матеріалы Пазухинскаго архива. Петр. 1914. Стр. 91. Цѣна не обозначена.

А. Закржевскій. Лермонтовъ и современность. Изданіе И. И. Самоенко. Кіевъ. 1915. Стр. VI+153. Ц. 1 р.

Отчетъ о дѣятельности тверскаго общественно-педагогическаго кружка за 1913—1914 годъ. Тверь. 1914. Стр. 57. Цѣна не обозначена.

Д. И. Сиворцовъ. Южно-русскій штундобаптизмъ, его происхождение и сущность. Краткій историческій очеркъ. Тула. 1914. Стр. 12. Цѣна не обозначена.

— Жизнь Амвросія, митрополита бѣлоринскаго. (Изъ старообрядческой рукописи). Москва. 1914. Стр. 14. Цѣна не обозначена.

В. Б. Шкловскій. Неофилологическіе опыты. Петр. 1914. Стр. 43. Ц. 40 к.

В. И. Крыжановская (Рочестеръ). Блаженны нищіе духомъ. Романъ. Петр. 1914. Стр. 324. Цѣна не обозначена. Со-

знавая огромную важность герметиче-
вской науки и трудности путей ея, а
чмбгѣ съ тѣмъ опасался полужнанія
въ рукахъ людей, которыхъ, словно огонь
бабочекъ, влечетъ къ себѣ тайна, премудро
скрывающая отъ толпы исполнскія
силы, авторъ какъ бы разрѣшаетъ въ
данномъ произведеніи вопросъ: всемъ ли
доступно опытное изслѣдованіе «не зем-
ной» науки при земной обстановкѣ?
На примѣрѣ своей героини г-жа Кры-
жановская доказываетъ, повидимому, что
великій завѣтъ Спасителя «Блаженны
нищѣ духомъ» ненарушимъ и по сей
день. Необъятные горизонты, раскры-
вающиеся передъ ищущимъ сокровеннаго
знанія, не всякому по глазамъ, а грозные
враги, стерегущіе неопита на порогѣ
потусторонняго міра, зачастую оказы-
ваются ему не по силамъ, при условіяхъ
нашей обыденной жизни. Велики и мудры
слова: «могущій вмѣстити да вмѣститъ»,
и спиритуалистическая философія на
основѣ вѣры является для массы впло-
нѣ надежной пристанью спасенія среди
жгтейскихъ буръ и подводныхъ камней.

В. И. Крыжановская (Рочестеръ). Свѣ-
точи Чехіи. Историческій романъ. Петр.
1915. Стр. 379. Ц. не обозначена. Русская
художественная литература скуца вообще
на разработку темъ изъ исторіи славян-
скихъ народовъ, и по одному этому уже
«Свѣточи Чехіи» заслуживаютъ вниманія.
Вдумчивое изученіе эпохи и вслѣдствіе
сега правдивое освѣщеніе событий, а за-
тѣмъ, самое главное, любовное отноше-
ніе къ мученической долѣ чешскаго на-
рода, осужденнаго судьбой на многовѣ-
ковую, неустанную борьбу съ поработи-
телями-нѣмцами, вотъ—главнѣйшія до-
стоинства даннаго произведенія, отмѣ-
ченныя между прочимъ и академикомъ
В. И. Ламанскимъ въ отчетѣ император-
ской академіи наукъ, удостоившей въ
виду сега сочиненіе г-жи Крыжановской
почетнымъ отзывомъ. Время дѣйствія
романа относится къ первой четверти
XV ст., заканчиваясь штурмомъ праж-
ской ратуши и взрывомъ народнаго
гнѣва противъ тевтонскаго ига, что пред-
ставляетъ уже прологъ слѣдовавшихъ
засимъ гусситскихъ войскъ, которыя мо-
гучимъ подъемомъ національнаго само-
сознанія спасли чеховъ отъ политической
смерти, постигшей въ свое время полаб-
скихъ и поморскихъ славянъ.

Сборникъ въ память князя Павла Пе-
тровича Вяземскаго. Петр. 1915. Стр.
83. Цѣна не обозначена.

Изъ вшедшаго въ сборникъ мате-
ріала особеннаго вниманія заслужи-
ваютъ весьма любопытныя съ историко-

литературной точки зрѣнія письма кн.
П. П. Вяземскаго къ гр. С. Д. Шерме-
теву и письма покойнаго Н. П. Барсу-
кова къ гр. С. Д. Шерметеву и гра-
финѣ Е. П. Шерметевой.

«Книжка за книжкой» **М. Н. Слѣпцовой**.
1) П. Демоловичъ. Къ Средиземному
морю (Турція). Ц. 40 к.; 2) П. Демоло-
вичъ. Разказы о землѣ Аравійской.
Ц. 40 к.; 3) Д. А. Коробчевскій. Арапы.
Ц. 15 к.; 4) Египетъ. Ц. 35 к.; 5) В. Нар-
ская. Японія и японцы. 2 кн. по 20 к.;
6) В. Нарская. Голландія и голландцы.
2 кн. Ц. по 15 к.; 7) Гусь. Ц. 13 к.; 8) Гу-
ситы. Ц. 13 к.; 9) А. Иррисенъ. Песби го-
ловы. Ц. 28 к.; 10) Слнмакъ. Ц. 15 к.;
11) А. Грушицкій. Тамъ, гдѣ кончается
Висла. Ц. 30 к.; 12) Э. Оржешко. Коро-
бейникъ. Ц. 10 к.; 13) Г. Сенкевичъ.
Побѣдитель. Ц. 10 к.; 14) О. Шрейнеръ.
Петръ Холькегъ. Ц. 7 к.; 15) М. Фо-
рестъ. Калѣка. Ц. 10 к.; 16) Услуга за
услугу. Ц. 10 к.; 17) Шаріанъ. Рекрутъ.
1913 г. Ц. 10 к.

Перечисленныя книги изданія «Книж-
ка за книжкой» М. Н. Слѣпцовой, со-
ставляютъ дѣльную бібліотеку на темы
переживаемаго момента. Міровая вой-
на пробудила въ массахъ глубокой ин-
тересъ къ исторіи и географіи воюю-
щихъ народовъ, а также ихъ внутренней
и международной жизни. Этого по-
вышеннаго интереса къ книгѣ настолько
ощутителенъ, что необходимость хоро-
шей книги на эти темы теперь оза-
бочиваютъ педагоговъ и земство. Мас-
са выходящей «популярной» литера-
туры, къ сожалѣнію, не можетъ счита-
ться отвѣчающей этой потребности,
такъ какъ большею частью она лубоч-
наго и тенденціознаго характера. Глу-
бокое удовлетвореніе чувствуешь, пере-
читывая книжки изд. М. Слѣпцовой.
Объективное, ясное изложеніе, инте-
ресный матеріалъ, теплота и гуман-
ность—вотъ основныя качества этихъ
книгъ. На эти достоинства ея книгъ
не разъ указывалось въ періодической
и педагогической печати.

С. Р. Минцовъ. Странное... О вліяніи
имени на судьбу человѣка. Петр. 1914.
Стр. 14. Ц. 50 к.

Труды оренбургской ученой архивной
комиссіи. Оренбургъ 1914. Т. XXIV.
Стр. 201. Ц. 1 р. Т. XXX. Стр. 227.
Ц. 1 р. Т. XXXI. Стр. 80. Ц. 50 к.

Извѣстія таврической ученой архивной
комиссіи. № 51. Симферополь. 1914.
Стр. 362. Цѣна не обозначена.

А. Евлаховъ. Надорванная душа. (Къ
апологіи Печорина). Ейскъ. 1914. Стр.
53, Ц. 50 к.

Г. Н. Гинсъ и П. А. Шафрановъ. Сельскохозяйственное вѣдомство за 45 лѣтъ (1837—1912 г.г.). Изданіе канцеляріи главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ. Петр. 1914. Стр. VII+397+61+VII. Цѣна не обозначена.

Отдѣлъ земельныхъ улучшеній въ 1909—1913 г.г. г. у. з. и з. Петр. 1914. Стр. 133. Цѣна не обозначена.

А. И. Коростелевъ. Балты и война. Петр. 1914. Стр. 18. Ц. 50 к.

Первоначально настоящая работа г. Коростелева была напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» № 11. 1914 годъ.

И. Харламовъ. Грѣхопаденіе. Романъ. 2-е изданіе. Петр. 1914. Стр. 196. Ц. 1 р. 25 к.

Эсхиль. Прикованный Прометей. Драма. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. «Дешевая бібліотека». Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Петр. 1914. Стр. XII+53. Ц. 10 к.

А. Найскій. Дѣти на войнѣ. Петрогр. 1914. Стр. 63. Ц. 50 к.

М. Бородинъ. Исторія Финляндіи. Время императора Николая I. 284 иллюстраціи и 1 карта. Петр. 1915. Стр. XXV+716. Ц. 5 р.

Н. Маринцевъ. Два друга. Изъ жизни въ лѣсахъ Африки. Повѣсть для дѣтей и юношества. Съ рис. худ. С. Площинскаго. Петр. 1915. Стр. 244. Ц. 1 р. 50 к.

Ф. Орловъ. Легенда о митрополитѣ Филаретѣ въ Варшавѣ. 1614—1914. 2 изд. Петр. 1915. Стр. 64. Ц. 40 к.

Опись документовъ и дѣлъ историческаго архива. Дѣла «удѣльные». Вып. II. Составилъ Д. А. Добровъ. Изданіе саратовской губерн. ученой архивной комиссіи. Саратовъ. 1914. Стр. XI+136. Ц. 1 р. 50 к.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. За пятьдесятъ лѣтъ. Петр. 1914. Т. I. Стр. XI+786. Т. II. Стр. 831 4°. Цѣна не обозначена.

В. В. Бруснянинъ. Трагедія Михайловскаго замка. Романъ въ двухъ томахъ изъ эпохи царствованія Павла I. Ч. I. Кн-во «Освобожденіе». Петр.-Москва. Стр. 313. Ц. 2 р.

Б. П. Ивановъ. Res mancipii et nec mancipii. (Очеркъ по исторіи римскаго права). Казань. 1914. Стр. 142. 1 р. 50 к.

Исслѣдованіе г. Иванова основано на изученіи огромной литературы предмета. По мнѣнію автора, дѣленіе вещей на res mancipii и nec mancipii относится еще къ досторической древности, съ чѣмъ довольно трудно согласиться.

Н. Марѣвъ. Роль парижскихъ секцій въ переворотѣ 9 термидора. По архивнымъ матеріаламъ. Петр. 1915. Стр. 86. Ц. 50 к.

Н. Яблонскій. Машинно-истребительная культура. Объ источникахъ нѣмецкаго звѣрства. Харьковъ. 1914. Стр. 39. Ц. 25 к.

Ш. Диль. По берегамъ Средиземнаго моря. Кн-во М. и С. Сабанниковыхъ. Москва. 1915. Стр. 316. Ц. 1 р. 25к.

Проф. А. А. Санкетти. Исторія музыки всѣхъ временъ и народовъ. Изд. «Шиповникъ». Спб. 1914. Вып. I. Стр. 104. Вып. II. 105—200 4°. Цѣна не обозначена.

С. Н. Кривенко. М. Е. Салтыковъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Петр. 1915. Стр. IX+105. Ц. 75 к.

А. Степовичъ. Славянскія извѣстія. Воронежъ. 1914. Стр. 73. Ц. не обозначена.

Акты и документы, относящіеся къ исторіи петербургскаго городского управленія и города С.-Петербурга въ эпоху Отечественной войны. Матеріалы изъ архивовъ: спб. городского, спб. купеческой управы и общаго архива министерства внутреннихъ дѣлъ, собранные и изданные подъ редакціей К. А. Военскаго Ф. Ф. Прохоровымъ и А. С. Николаевымъ. Изданіе спб. городской управы. Т. I. Петр. 1914. Стр. LVI+573. Цѣна не обозначена.

Е. Спекторскій. Происхожденіе протестантскаго рационализма. Варшава. 1914. Стр. 67. Ц. 40 к.

И. С. Самоновъ. «Педагогическій сборникъ» за 50 лѣтъ. 1864—1914. Краткій историческій очеркъ. Изд. гл. упр. военно-учебн. заведеній. Петр. 1914. Стр. 85. Цѣна не обозначена.

Русскій Календарь на 1915 годъ. А. Суворина. Сорокъ четвертый годъ. Петр. 1915. Стр. XXVIII+500. Ц. 1 р.

Н. Маринцевъ. Сказки и легенды шведскаго народа въ обработкѣ для дѣтей. Петр. 1915. Стр. 328. Ц. 1 р. 75 к.

Чудныя шведскія сказки и легенды въ красной и простой передачѣ Н. Маринцева можно смѣло рекомендовать дѣтямъ средняго возраста въ качествѣ полезнаго и занимательнаго чтенія. Издана книга изящно и украшена множествомъ стильныхъ рисунковъ шведскихъ художниковъ.

Труды вятской ученой архивной комиссіи. Вып. II—III. Вятка. 1914. Стр. XVI+654. Цѣна не обозначена.

Проф. С. В. Соловьевъ. Очерки изъ исторіи новой французской и провансальской литературы. Петр. 1914. Стр. XXXIX. Ц. 2 р.

И. Гриневская. Изъ книги жизни. Петр. 1915. Стр. 204. Ц. 1 р.

С. Фонвизинъ. Безъ вины виноватыя. Петр. 1915. Стр. 233. Ц. 1 р. 50 к.

А. С. Резановъ. Нѣмецкія звѣрства. По рассказамъ потерпѣвшихъ и очевидцевъ, а также по официальнымъ документамъ. Изданіе М. А. Суворина, второе и дополненное. Петр. 1915. Стр. XXIV+438. Ц. 1 р. 50 к.

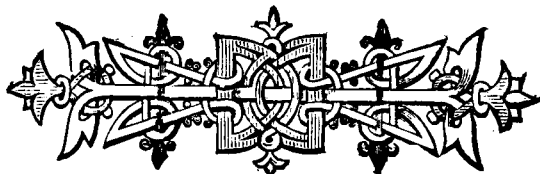
Родной языкъ въ школѣ. Ежемѣсячный журналъ (Редакція: Ярославль. Мужская гимназія. Цѣна въ годъ 3 р.).

Журналъ посвященъ вопросамъ преподаванія русскаго языка въ средней и низшей школѣ. Онъ безусловно необ-

ходимъ для учителя, желающаго стоять на высотѣ современной постановки преподаванія русскаго языка. Пока вышло три номера.

И. Я. Стеллецкій. Китайгородская стѣна. Москва. 1914. Стр. 17. Ц. 40 к.

Брошюра г. Стеллецаго возна-вливаетъ любопытную страничку изъ истоіи русской архитектуры, именно—судьбу знаменитой московской Китайгородской стѣны съ ея основанія, 380 лѣтъ тому назадъ, и до нашихъ дней. Издана брошюра изящно и украшена хорошими фотографическими снимками.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВАШТАДТСКІЙ конгрессъ. — Когда Бонапартъ умышленно, какъ утверждаетъ легенда, или нечаянно, какъ говорятъ историки, сбросилъ на полъ драгоценный фарфоровый сервизъ графа Кобенцеля, его владѣлецъ былъ страшно этимъ опечаленъ. Говорятъ, что онъ грустно взглянулъ на обломки сервиза, но не проронилъ ни слова. Этотъ сервизъ подарила ему императрица Екатерина, и онъ такъ имъ гордился, что всюду возилъ его за собой.

Кобенцелю, впрочемъ, слѣдовало отнестись къ гибели этого драгоценнаго сервиза съ философскимъ спокойствіемъ: если бы онъ не разбился вдребезги, никто и не зналъ объ этомъ подаркѣ императрицы Екатерины; разлетѣвшись же вдребезги, онъ вошелъ въ исторію: этотъ инцидентъ, а также угрозы, которыя вырвались у Бонапарта, говорятъ, явились причиной мирнаго трактата въ Кампо-Форміо, а этотъ трактатъ, въ свою очередь, являлся причиной конгресса, на который была возложена задача выработать условія мира между австрійской монархіей и французской республикой.

Какъ извѣстно, этотъ конгрессъ собрался въ городъ Раштадтъ, на лѣвомъ берегу Рейна. Раштадтъ—маленькій городокъ съ огромнымъ дворцомъ, которымъ баденскіе маркграфы хотѣли затмить самый Версаль. Это обширное зданіе могло вмѣстить въ себѣ тысячи дипломатовъ, собравшихся со всѣхъ концовъ Германіи. Республика была представлена на конгрессѣ тремя бывшими членами конвента Бонье, Робержо и Трельяромъ. Послѣдній изъ нихъ скоро былъ выбранъ членомъ Директоріи и замѣненъ Жаномъ Дерби.

Всѣ трое были лишь случайными дипломатами, и въ ихъ прошломъ не было ничего такого, что подготавливало бы ихъ къ этой карьерѣ. Бонье, сидѣвшій

безъ денегъ, страшно обрадовался, что ему удалось получить должность съ опредѣленнымъ содержаніемъ, и желалъ только одного: чтобы конгрессъ продолжался какъ можно дальше. Болѣзненный и нелюдимый, онъ большею частью сидѣлъ у себя дома, зарывшись въ книги. Роберто прежде былъ деревенскимъ священникомъ. Человѣкъ грамотный, онъ отличался умомъ и привѣтливостью. Что касается Дерби, то до революціи онъ торговалъ разными матеріями въ Вервенѣ и такъ же мало былъ подготовленъ къ дипломатическимъ хитростямъ, какъ и остальные его коллеги. Нужно прибавить еще, что онъ не отличался умѣньемъ держать себя, и его безцеремонность, которую онъ считалъ свойствомъ каждаго хорошаго республиканца, мало подходила къ нравамъ этого мірка дипломатовъ.

Онъ намѣренно оставался мужикомъ и среди этихъ короткихъ шелковыхъ панталонъ упорно носилъ свои мужицкія шаровары. Когда въ театрѣ появлялась королева Пруссіи и вся публика вставала со своихъ мѣстъ, Дерби хладнокровно оставался на своемъ мѣстѣ въ ложѣ. Бонье и Дерби считались въ числѣ «цареубійцъ», и съ ними, конечно, не очень-то стали бы церемониться въ Раштадтѣ. Но они явились представителями юной республики и республики побѣдоносной. Они имѣли право говорить громко. Они давали великолѣпныя обѣды, и это значительно облегчало ихъ положеніе.

Дипломаты съ наслажденіемъ принялись за свое дѣло. Они сочли бы себя обезславленными, если бы оно пошло скоро. Публика, которой не извѣстны дипломатическія тайны, не понимаетъ, конечно, ихъ медленности, воображая въ простотѣ сердечной, что при добромъ желаніи и усердіи нѣтъ такого дѣла, о которомъ нельзя было бы столкнуться въ недѣлю. Публика 1798 года, зная, что конгрессъ собрался съ вполне опредѣленной цѣлью—выработать условія прочнаго мира—удивлялась, что дипломатическіе переговоры никакъ не могутъ увѣнчаться успѣхомъ. Удивленіе ихъ длилось цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Потомъ прошло еще новыхъ шесть мѣсяцевъ, а миръ все еще не былъ подписанъ. Наоборотъ, Европа опять вооружалась и стали говорить о возобновленіи военныхъ дѣйствій.

Что же дѣлали дипломаты въ Раштадтѣ? Кромѣ заинтересованныхъ правительствъ, этого никто не могъ сказать, а сами они хранили глубокое молчаніе. Вышедшая года полтора тому назадъ работа Монтарло и Пэнго «Congrès de Rastatt» даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Что дѣлалось въ Раштадтѣ? Да ничего. Занимались, главнымъ образомъ, соблюденіемъ церемоній.

Въ большомъ залѣ маркграфскаго дворца, отведенномъ для дипломатовъ, были поставлены пять длиннѣйшихъ столовъ: два вдоль, два поперекъ, а пятый немного въ отдаленіи. Занимались тѣмъ, что строго вымѣривали разстояніе между креслами и наблюдали за тѣмъ, чтобы ни на одномъ изъ нихъ не было больше позолоты, тѣмъ на другихъ. Особенное вниманіе было обращено на то, гдѣ кого усадить. Всѣ эти нѣмецкіе принцы, которые не были такъ блестящи, какъ звѣзды на небѣ, но, навѣрно, не уступали имъ въ количествѣ, всѣ имѣли здѣсь своихъ представителей, помѣшанныхъ на соблюденіи ранга и этикета.

Было условлено, что нѣмецкіе принцы должны уступить Франціи лѣвый

берегъ Рейна. Это было рѣшено и подписано. И, однако, поднялись споры о томъ, что считать лѣвымъ берегомъ рѣки. Затѣмъ поднимается другой важный вопросъ: пойдетъ ли граница по берегу или по самой водѣ. Наконецъ, кому отойдутъ многочисленные острова на Рейнѣ, хотя эти острова не что иное, какъ простыя отмели? Объ этомъ поднимались жаркіе дебаты, и всякій разъ, когда дѣло, казалось, идетъ къ концу, вдругъ оказывалось, что члены конгресса должны спросить по этому вопросу мнѣніе своихъ правительствъ, Курьеры опаздывали и привозили двусмысленные отвѣты, и дѣло приходилось начинать сызнова. Та же самая исторія повторялась съ мостами, съ фортами, съ каждымъ клочкомъ земли, который приходилось уступать.

Французскіе дипломаты отъ нетерпѣнія только стучали ногами. Они перестали принимать участіе въ засѣданіяхъ конгресса, и бумаги имъ носили на домъ. Эти бумаги писались по-латыни съ нѣмецкимъ переводомъ. Никто изъ нихъ не зналъ латинскаго языка, и они отвѣчали по-французски. И тѣ и другіе документы приходилось переводить, причемъ нѣмцы старались редактировать всѣ акты такимъ образомъ, чтобы впоследствии ихъ можно было перетолковать по-своему.

Цѣлый годъ тянулася эта игра въ дипломатію. Извѣстно, чѣмъ она кончилась. Въ апрѣлѣ 1799 года конгрессъ не подвинулся ни на шагъ отъ того, на чемъ онъ начался 9-го декабря 1797 года. Вся Европа была уже опять подъ ружьемъ. Австрійская армія стояла вокругъ города, и трое уполномоченныхъ республики чувствовали себя очень плохо: кругъ около нихъ продолжалъ сжиматься. Имъ, наконецъ, было предъявлено прямое требованіе—оставить Раштадтъ.

Вечеромъ 28-го апрѣля они вечеромъ безъ всякихъ провожатыхъ двинулись къ Рейну по дорогѣ, уже занятой вражескими патрулями. Отгѣхавъ нѣсколько верстъ, они подверглись нападенію австрійскихъ гусаръ и двое изъ нихъ были безжалостно убиты. Дерби былъ только раненъ и, сохраняя присутствіе духа, упалъ въ канаву и притворился мертвымъ. Рано утромъ онъ выпросилъ у какого-то прохожаго его куртку и шапку и, пробравшись не узнаваемымъ сквозь толпу, уже собравшуюся около труповъ Бонье и Робержо, вернулся въ Раштадтъ, гдѣ врачъ перевязалъ его рану.

Австрійцы не преминули свалить убійство французскихъ уполномоченныхъ на Дерби, но онъ счастливо выпутался изъ этой опасной исторіи и при имперіи получилъ баронскій титулъ и занималъ мѣсто префекта въ Ду. По поводу этого убійства долгое время шла переписка, но, конечно, виновниковъ его не нашли. Это злодѣяніе послѣдовательно приписывали австрійцамъ, разбойникамъ, шуанамъ, членамъ конгресса, самому Дерби, но кто убилъ Бонье и Робержо, такъ и осталось тайной. Это убійство было, кажется, единственнымъ реальнымъ результатомъ Раштадтскаго конгресса.

— Изъ воспоминаній о композиторѣ Оберѣ.—Въ октябрьской книжкѣ американскаго журнала «Century» находимъ воспоминанія пианиста Грирсона о знаменитомъ директорѣ парижской консерваторіи и композиторѣ Оберѣ.

«Въ назначенный для перваго свиданія день,—пишетъ Грирсонъ,—за мной

зашелъ мой знакомый, нѣкто Дэвидъ, и мы вмѣстѣ отправились въ rue Bergère, гдѣ находится консерваторія. Узнавъ, что директоръ не можетъ насъ принять немедленно и что придется подождать минутъ двадцать, мы вышли на просторный, четырёхугольный дворъ и стали ждать.

«Восьмидесятилѣтній Оберъ былъ весьма популяренъ въ Парижѣ. Его шутки и остроты переходили изъ устъ въ уста, а его оперы въ теченіе полувѣка считались настоящимъ выраженіемъ французскаго генія. Мѣсто директора консерваторіи онъ занималъ двадцать девять лѣтъ. По живости характера, по подвижности это былъ настоящій Беранже въ музыкѣ.

«Прождавъ на дворѣ съ полчаса, мы поднялись наверхъ, въ директорскую пріемную, и я очутился въ присутствіи самаго маленькаго изъ великихъ людей, какого только мнѣ доводилось видѣть. Важности въ немъ не было и слѣдовъ, и его можно было принять за обыкновеннаго человѣка, одѣвавшагося по старомодному и довольно небрежно. Ему шелъ восемьдесятъ шестой годъ, но на видъ ему нельзя было дать больше шестидесяти. Его лицо носило отпечатокъ того спокойствія, которое дается годами успѣха.

«Онъ принялъ меня любезно, но безразлично. Его вопросы были отрывисты и дѣловиты, словно онъ торговалъ для себя сапоги. Черезъ нѣсколько минутъ онъ предложилъ мнѣ сыграть что-нибудь на маленькомъ піанино, которое стояло здѣсь же.

«— Это въ самомъ дѣлѣ удивительно!—сказалъ онъ, выслушавъ мою игру, и посмотрѣлъ на меня, какъ будто у меня на лбу вдругъ выросли рога.—Здѣсь не мѣсто, чтобы изслѣдовать вашъ талантъ. Приходите завтра ко мнѣ къ завтраку.

«Оберъ жилъ въ собственномъ домѣ № 24 по улицѣ Св. Георгія. Когда мы явились въ назначенное время, восьмидесятилѣтній консьержъ направилъ насъ во второй этажъ, гдѣ лакей долженъ былъ доставить насъ къ самому Оберу.

«Дэвидъ позвонилъ. Дверь открылъ дряхлый слуга, такого же возраста, какъ и консьержъ. Онъ принялъ насъ очень холодно и, не докладывая о насъ, предложилъ итти дальше съ такимъ видомъ, какъ будто мы шли на самоубійство. Оберъ уже ждалъ насъ и принялъ весьма радушно.

«Мы сѣли за столъ. Прислуживалъ намъ лакей, еще болѣе старый, чѣмъ первый. Мнѣ начинало казаться, что я попалъ въ какое-то царство тѣней. У Обера было пять слугъ. Самый молодой изъ нихъ былъ кучеръ, семидесяти лѣтъ, служившій у него уже тридцать пять лѣтъ.

«Оберъ, впрочемъ, не былъ хозяиномъ въ своемъ домѣ. Настоящимъ хозяиномъ былъ его старый камердинеръ.

«— Мы сегодня не можемъ принять ихъ,—отвѣчалъ онъ за Обера какимъ-нибудь посѣтителемъ:—пусть приходятъ послѣзавтра.

«— Хорошо, послѣзавтра,—покорно вторилъ Оберъ.

«Глядя на него, я невольно углубился въ воспоминанія. Мое воображеніе перенеслось въ то далекое время, когда этотъ человѣкъ былъ еще мальчикомъ и только и слышалъ вокругъ себя, что разговоры о трагической судьбѣ Людовика XVI и паденіи Робеспьера. Онъ хранилъ живыя воспоминанія о появле-

ни Бонапарта, о сценахъ, разыгравшихся послѣ Ватерлоо, о возвращеніи Бурбоновъ и революціи 1830 года. Онъ жилъ при двухъ императорахъ, четырехъ короляхъ, двухъ президентахъ и вынесъ на себѣ горести и радости, мечты и разочарованія четырехъ различныхъ эпохъ. И послѣ всего этого онъ сохранилъ еще въ себѣ всю живость типичнаго парижанина!

«Оберъ и Россини были въ большой дружбѣ. Оберу пришлось пережить своего друга, и онъ горько жаловался:

«— Увы! Подбираемся понемножку! Послѣ Мейербера умеръ вотъ и Россини. Слѣдующая очередь за бѣднягой Тома.

«А Тома былъ на цѣлую четверть вѣка моложе его и отличался прекраснымъ здоровьемъ.

«— Когда мнѣ приходилось бывать въ обществѣ Россини,—разсказывалъ Оберъ:—я всегда чувствовалъ на себѣ вліяніе его суетвѣрій. Этотъ итальянецъ всегда старался избѣгать дурного глаза. За нѣсколько дней до перваго представленія «Le premier jour du bonheur» я встрѣтился съ Россини, который смотрѣлъ, какъ публика каталась на льду пруда въ Булонскомъ лѣсу. Одна изъ моихъ знакомыхъ попросила меня кататься вмѣстѣ съ ней, и я уже началъ было надѣвать коньки.

«— Что вы дѣлаете, несчастный человѣкъ!—вскричалъ Россини:—это наканунѣ-то перваго представленія!

«И онъ принялся разсказывать мнѣ разныя исторіи о графѣ X. и о его дурномъ глазѣ. Этотъ графъ стоялъ недалеко отъ насъ.

«— Боже васъ сохрани кататься!—шепталъ Россини, растопыривая по направлению къ графу два пальца.

«И, дѣйствительно, едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ раздался страшный трескъ. Ледъ провалился, всѣ упали въ воду, и нѣсколько человѣкъ утонуло.

«Россини все время говорилъ о дурномъ глазѣ, о тяжеломъ днѣ пятницъ и о числѣ тринадцатомъ. Ничто въ мірѣ не могло заставить его пригласить кого-нибудь на завтракъ въ пятницу.

«— Однажды,—продолжалъ, увлекаясь Оберъ,—я былъ приглашенъ на большой званый обѣдъ къ Россини. Я зналъ по опыту, что чѣмъ больше будетъ гостей, тѣмъ меньше достанется каждому. Поэтому за часъ до обѣда я зашла въ близъ лежащій ресторанъ и заказалъ себѣ сочный бифштексъ. Смотрю, въ ресторанъ входитъ какой-то человѣкъ, фигура котораго показалась мнѣ знакомой. То былъ Амбруазъ Тома. «Какъ, Россини пригласилъ васъ на обѣдъ, а вы идете въ ресторанъ!»—Бѣдный Тома страшно сконфузился и не зналъ, что сказать:—«Ну, я самъ приглашенъ туда же, но счелъ необходимымъ зайти сюда. Давайте, закусимъ хорошенько, а затѣмъ уже доставимъ хозяйкѣ дома удовольствіе морить насъ голодомъ».

«Однажды четверо изъ нашей компаніи рѣшили сыграть съ женой Россини, Олимпіей, штуку, которая послужила бы ей урокомъ. Мы рѣшили передъ тѣмъ, какъ итти къ Россини, хорошенько пообѣдать въ ресторанѣ. Въ семь часовъ мы сидѣли уже у Россини и дѣлали видъ, что ѣдимъ. Пока другіе съ недоволь-

нымъ видомъ старались хоть чѣмъ-нибудь утолить свой голодъ, мы весело болтали, прохаживаясь насчетъ любезной хозяйки.

«Замѣтивъ, что мы почти ничего не ѣдимъ въ то время, какъ другіе напрасно стараются утолить голодъ, Олимпія заподозрѣла что-то неладное, но только потомъ узнала, что лозунгомъ всѣхъ приглашаемыхъ ею на обѣдъ стало: обѣдъ передъ обѣдомъ у Россіи.

«Мы довольно долго сидѣли за столомъ, пока Давидъ не предложилъ мнѣ сѣсть за пианино. Но Оберъ сказалъ:

«— Незачѣмъ спѣшить. Я знаю, что артисты не любятъ играть послѣ ѣды. Пойдемте наверхъ, я вамъ покажу мои костюмы.

«Намъ много приходилось слышать объ этомъ замѣчательномъ гардеробѣ Обера. Поднявшись наверхъ, мы замѣтили какое-то привидѣніе, тихо скользившее вдоль коридора. Фигура прошла безшумно и безшумно закрыла за собой дверь. Это былъ самый старшій изъ слугъ Обера, который казался старше самаго дома.

«Оберъ открылъ дверь своей гардеробной, и мы очутились въ большой комнатѣ, въ которой всюду висѣли самые разнообразныя костюмы отъ начала столѣтія до 1869 года. Ихъ было, по крайней мѣрѣ, полтора ста штукъ, разныхъ фасоновъ, отъ Наполеона I до Наполеона III. Къ каждому костюму былъ прикрѣпленъ ярлыкъ съ подробной замѣткой о томъ времени, когда этотъ костюмъ былъ сдѣланъ».

Оберъ никогда не терялся и, что называется, не лазилъ за словомъ въ карманъ.

Однажды въ Тюльери императрица Евгенія обратилась къ нему съ вопросомъ, не раскаивается ли онъ въ томъ, что не женился, и остался старымъ холостякомъ.

— Нѣтъ, madame, — быстро отвѣчалъ Оберъ: — вѣдь теперь madame Оберъ было бы восемьдесятъ лѣтъ.

— В о с п о м и н а н і я г-ж и М а р т э н ѣ. — Въ отдѣлѣ заграничныхъ историческихъ новостей и мелочей уже упоминалось о мемуарахъ воспитательницы дочери великой герцогини веймарской Маріи Павловны. Въ іюльской и августовской книжкахъ «Bibliothèque Universelle» эти воспоминанія продолжаются.

Г-жа Мартэнъ довольно забавно описываетъ приемъ, оказанный Маріи Павловнѣ съ ея маленькой дочерью австрійской императрицей въ Вѣнѣ. Вслѣдствіе того, что модистка запоздала доставить принцессѣ шляпу, воспитательница съ нею и придворными дамами пріѣхали слишкомъ поздно, когда всѣ уже садились за столъ.

Г-жа Мартэнъ спросила у слуги: «Гдѣ Марія Павловна?» Ей отвѣтили, что у императрицы. На вопросъ, гдѣ половина императрицы, получился отвѣтъ, что у императрицы нѣтъ своей отдѣльной половины. Ихъ пригласили въ вестибюль, гдѣ уже толпились придворные и оттуда они видѣли, какъ въ залъ всѣ садились за столъ. Долго они ждали.

Фрейлины Маріи Павловны положительно не знали, куда имъ себя дѣвать. Но вотъ появился оберъ-церемоніймейстеръ двора, графъ Альтонъ, и спросилъ

ихъ, объѣдали ли онѣ. Имъ ничего не оставалось дѣлать, какъ отвѣтить утвердительно.

— Ну, такъ не хотите ли прогуляться по саду?

Такой пріемъ показался г-жѣ Мартэнъ очень забавнымъ. Погулявъ немного, онѣ опять вошли въ комнату. На этотъ разъ это было помѣщеніе, гдѣ оказались картонки и пакеты Маріи Павловны. Возлѣ нихъ объѣдали горничныя.

Къ принцессѣ и фрейлинамъ присоединилась еще одна дама, которая рассказала имъ, какая встрѣча была оказана Маріи Павловнѣ и Екатеринѣ Павловнѣ. Хотя онѣ пріѣхали по приглашенію императрицы, однако ихъ никто даже не встрѣтилъ.

Долго ожидали г-жа Мартэнъ съ воспитанницей и фрейлинами, когда ихъ, наконецъ, отведутъ въ другое помѣщеніе. Дѣйствительно, ихъ скоро отвели, но въ еще менѣе комфортабельное помѣщеніе, гдѣ съ горничными объѣдали и лакеи.

Воспитательница ожидала, что, Марія Павловна придетъ за ними, но имъ пришлось еще долго ждать. Наконецъ въ четыре часа окончился объѣдъ и маленькую принцессу пригласили въ залъ.

Тамъ уже собрались семь братьевъ императора. Два изъ нихъ, Іосифъ и Карлъ, были косые и не могли смотрѣть прямо на человѣка. Это производило неприятное впечатлѣніе; но все-таки они показались г-жѣ Мартэнъ симпатичными.

Дѣти всѣ такъ громко хохотали и кричали, что ихъ было слышно на другомъ концѣ дома. Даже во время спектакля они продолжали шалить, выдерживая одинъ у другого стулья, чтобы заставить упасть.

Послѣ объѣда отправились кататься по парку. Маленькая принцесса все время была съ императрицей. Г-жа Мартэнъ съ двумя придворными дамами помѣстились въ какомъ-то неудобномъ экипажѣ.

Онѣ пріѣхали къ пруду, на которомъ плавало множество лодокъ. Цѣлью поѣздки былъ рыцарскій замокъ, расположенный на островѣ. Графиня Бестъ предупредила воспитательницу отъ имени Маріи Павловны, что принцесса поѣдетъ съ императрицей. Воспитательница должна была слѣдовать за нею сзади.

Обѣ великія герцогини вошли со всѣми эрцгерцогами на лодки и стали сами грести. На берегу осталась императрица съ маленькой принцессой, въ ожиданіи лодки. Г-жа Мартэнъ съ фрейлинами сѣли въ лодку. Но Марія Павловна попросила ее выйти и остаться при дочери. Воспитательница повиновалась и очутилась наединѣ съ императрицей, которая не скрывала, что это ее очень стѣсняетъ. Положеніе было очень неловкое: она видѣла, что императрица не знаетъ, что съ нею дѣлать, и старалась держаться въ отдаленіи. Наконецъ пришла фрейлина императрицы. Она подошла къ ней и сказала:

— Ея величеству очень досадно, что она не можетъ предложить вамъ мѣсто. Она не знала, что вы послѣдуете за нею. Она проситъ васъ сѣсть въ ея экипажъ.

Это была низенькая, крохотная телѣжка, вродѣ кресла, которую везъ пони не выше собаки. Императрица любила кататься въ ней съ наслѣдникомъ. Эки-

пажъ былъ такой забавный, что г-жа Мартэнъ едва сдерживалась отъ смѣха. Она отвернулась отъ фрейлины, чтобы не выдать себя.

Народъ, воображая, что это императрица, окружилъ телѣжку. «Я кусала платокъ, — говорить г-жа Мартэнъ: — чтобы громко не расхохотаться».

Нѣсколько дней спустя послѣ этого посѣщенія, пришло извѣщеніе о побѣдахъ надъ французами. Громадныя толпы тѣснились предъ окнами императрицы и Маріи Павловны. Все кругомъ ликовало, и процессіи продолжались цѣлыхъ три дня.

Въ воспоминаніяхъ г-жи Мартэнъ все время слышится нотка недовольства Маріей Павловной. Съ годами это недовольство усиливалось и проявлялось замѣтнѣе. Это можно объяснить тѣмъ, что молодая воспитательница слишкомъ страстно привязалась къ своей *chère petite* и ради нея забыла обо всемъ на свѣтѣ.

Ее не пугала тягость обязанностей воспитательницы, но ей было тяжело вѣчно находиться на вытяжкѣ. «Не пройдетъ минуты, чтобы я не должна была слѣдить за каждымъ своимъ дѣйствіемъ, выраженіемъ лица, жестами и мыслями. Надо всегда быть готовой и отдавать себѣ отчетъ въ самыхъ интимныхъ чувствахъ, сдерживать себя и отражать тяжелыя нападки или трусить и подъ впечатлѣніемъ постоянной нравственной боли нарушать этикетъ».

Обращеніе съ нею Маріи Павловны казалось ей пренебрежительнымъ, и это проявлялось въ мелочахъ. Задумывала ли Марія Павловна куда-нибудь ѣхать съ принцессой, она предупреждала объ этомъ не воспитательницу, а свою фрейлину. Эти женскія недоразумѣнія, очевидно, вырастали на почвѣ ревности къ маленькой принцессѣ. Г-жа Мартэнъ была убѣждена, что только она одна понимаетъ этого ребенка, и считала Марію Павловну эгоисткой. Впрочемъ, она нѣсколько разъ признавалась, что когда Марія Павловна была любезна, то становилась восхитительна.

Во время поѣздки въ Вѣну съ 15-го по 29-е сентября Марія Павловна вела себя слишкомъ рѣзко. «Всю дорогу она обращалась съ прислугою нетерпѣливо и несправедливо. Даже маленькая принцесса замѣтила это и сказала матери: «Но, мама, ты всѣхъ бранишь!..»

Это замѣчаніе вызвало вспышку гнѣва у Маріи Павловны, и она сдѣлала замѣчаніе:

— Прошу васъ, г-жа Мартэнъ, не позволять Мари говорить подобныя вещи.

Когда они пріѣхали въ сельскую гостиницу, то Марія Павловна снова говорила объ этомъ. Она допытывалась, кто научилъ ребенка сказать это. Воспитательница отвѣтила слишкомъ громко: ея возмущилъ этотъ неделикатный вопросъ. Но Марія Павловна не унималась и повторяла, что она не можетъ терпѣть, чтобы ея дочь говорила подобныя вещи. Наконецъ г-жа Мартэнъ замѣтила, что если она прикажетъ, то можно будетъ запретить дѣвочкѣ говорить объ этомъ, но нельзя запретить ей думать. Марія Павловна, успокоившись; замѣтила: «Я вижу, что надо остерегаться быть при ней несправедливой».

Эти маленькія стычки очень огорчали г-жу Мартэнъ. Но черезъ нѣсколько дней подъ впечатлѣніемъ пріятной вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій Марія

Павловна была съ нею любезна и сама предложила ей денегъ, чтобы купить необходимые предметы туалета.

Эти шероховатости въ характерѣ Маріи Павловны подмѣтила и австрійская императрица. Наединѣ въ дружеской бесѣды съ воспитательницей она выразилась о Маріи Павловнѣ слѣдующимъ образомъ:

«Герцогиня очень интересна. У нея столько хорошихъ качествъ, такая чистая душа, образованіе и таланты и поразительныя способности. Желательно бы видѣть ее болѣе спокойной. Но она несчастлива и неспокойна. Есть характеры, которые созданы, чтобы постоянно волноваться и жить только тревоженіями. Герцогиня ищетъ повсюду совершенства; малѣйшій недостатокъ ее сердитъ».

Императрица находила, что Марія Павловна предъявляетъ слишкомъ большія требованія къ своей дочери. «Она требуетъ отъ нея того, что можно требовать, когда ей будетъ десять лѣтъ, а въ десять лѣтъ потребуетъ отъ нея, того что возможно въ пятнадцать лѣтъ, и такъ далѣе. Такимъ образомъ она портитъ себѣ настоящее: я говорила ей объ этомъ».

Г-жа Мартэнъ пришла въ восторгъ отъ императрицы послѣ этого разговора и не удержалась отъ сравненія. «Императрица говоритъ легко, откровенно; по крайней мѣрѣ у нея нѣтъ того натянутого тона и скрытности, которые дѣлаютъ иногда разговоръ великой герцогини столь непріятнымъ».

Холодность и официальность въ отношеніяхъ Маріи Павловны къ воспитательницѣ проявились съ особенной силой, когда та уѣзжала въ Швейцарію для поправленія здоровья. «Я была тронута, что каждый по-своему проявлялъ ко мнѣ участіе,—пишетъ она.—Одна только великая герцогиня оставалась холодна и время отъ времени говорила мнѣ кое-какія любезности, но не выразила ни однимъ словомъ дружбы. Ничего отъ сердца, и ничего что говорило бы сердцу. Признаюсь, что если это меня обижаетъ ради себя самой, то еще болѣе обидно за нее. Эта бѣдная женщина несчастна и будетъ всегда несчастна, потому что она ничего и никого по-настоящему не любитъ».

Поѣздка на родину не поправила здоровья г-жи Мартэнъ. Къ несчастью, она по возвращеніи вывихнула ногу. Но она все забыла возлѣ своей *chère petite*. На слѣдующій годъ она отправилась въ Эмсъ, который принесъ ей очень мало пользы, и она опять собралась на родину. На этотъ разъ пребываніе въ Швейцаріи совсѣмъ возстановило здоровье, и она написала объ этомъ Маріи Павловнѣ. Но та уже рѣшила замѣнить ее другой воспитательницей.

Это извѣстіе сильно огорчило г-жу Мартэнъ, и она впала въ ипохондрію. Только нравственная поддержка отца Жирара привела ее въ себя. Онъ самъ былъ въ такомъ состояніи, и никакія медицинскія средства не помогли ему, пока онъ не взялъ себя въ руки. Этотъ же способъ онъ рекомендовалъ г-жѣ Мартэнъ.

Матеріальное положеніе г-жи Мартэнъ становилось все труднѣе. Дѣла отца были далеко не блестящи. Въ 1812 г. онъ умеръ, и ей пришлось распутывать его дѣла. Она отправилась въ Женеву, гдѣ познакомилась съ пасторомъ Гарлахомъ, вдовцомъ лѣтъ пятидесяти, у котораго было восемь человѣкъ дѣтей отъ перваго брака.

Пасторъ сдѣлалъ ей предложеніе. Г-жа Мартэнъ долго колебалась, но наконецъ рѣшилась выйти за него замужъ. Образъ *chère petite*, безъ которой, по ея увѣренію, она не могла жить, ступевался новой и болѣе сильной любовью.

Замѣчая, что послѣ свадебнаго путешествія съ недѣлю они водворятся «у себя», г-жа Мартэнъ прибавляетъ: «Какое это чудное слово! Какое счастье слышать его. Другого такого я не знаю!»

— Агентъ Наполеоновской полиціи¹⁾.—Было время, очень, правда, короткое, когда французы считали непреложной истиной каждое слово, напечатанное въ газетѣ. Къ несчастью, послѣднія нерѣдко злоупотребляли довѣрчивостью и легковѣріемъ общества и пускали въ обращеніе самыя невѣроятныя слухи. Въ этомъ отношеніи періодъ революціоннаго угара Франціи съ 1789 по 1795 гг. представляетъ кульминаціонную точку газетныхъ измышленій. Газеты на каждомъ шагу обнаруживали заговоры роялистовъ и покушенія на едва зародившуюся свободу. Вотъ почему вся Франція пришла въ негодованіе, когда газеты возвѣстили осенью 1790 года о раскрытіи страшнаго заговора противъ «патріотовъ», составленнаго нѣкимъ дворяниномъ изъ Божоле графомъ Миньо де-Бюсси. Передавали за вполнѣ достовѣрное, что онъ уже собралъ болѣе сорока тысячъ добровольцевъ, которые должны были итти къ Парижу, освободить тамъ короля и распустить національное собраніе.

Когда слухи о готовящемся покушеніи противъ свободы дошли до муниципальныхъ властей мѣстнаго административнаго центра Макона, къ замку, гдѣ жилъ графъ де-Бюсси, былъ двинуть цѣлый батальонъ національной гвардіи. Домъ заговорщика, который, по достовѣрнѣйшимъ слухамъ, былъ превращенъ въ настоящій арсеналь, былъ оцѣпленъ со всѣхъ сторонъ и быстро занятъ гвардіей. Произвели самый тщательный обыскъ, причемъ въ «арсеналь» найдены были въ старомъ шкапу шесть изъѣденныхъ молью мундировъ, двадцать дюжинъ пуговицъ и лейтенантскіе эполеты. Захватили также одиннадцать ружей, три сабли и нѣсколько фунтовъ пороху. Отставной офицеръ и страстный охотникъ, графъ де-Бюсси клялся, что онъ невиновенъ, что весь этотъ порохъ предназначенъ для охоты. Въ доказательство справедливости своихъ словъ де-Бюсси сослался на своихъ сосѣдей, которые—человѣкъ шесть или семь—собрались у него въ ожиданіи облавы.

Разъясненія де-Бюсси не помогли дѣлу: его и его гостей арестовали, заковали въ цѣпи и подъ конвоемъ національной гвардіи отправили въ Парижъ, гдѣ они были брошены въ тюрьму Аббатства. Въ тотъ же день газета «Патріотъ» извѣстила своихъ читателей, что въ преступномъ замкѣ были найдены двадцать пять пушекъ, совершенно готовыхъ къ отправкѣ, шесть тысячъ ружей и сорокъ тысячъ патроновъ, четыре тысячи мундировъ и полный боевыхъ припасовъ погребъ.

Бюсси и его злосчастные гости оставались въ тюрьмѣ въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ. Одинъ изъ маконскихъ адвокатовъ Жанъ-Мари Франсуа послѣдовалъ за ними въ Парижъ и принялъ на себя ихъ защиту передъ судомъ

¹⁾ Un agent de la police secrète. Par Mantarlot. Paris. 1912.

паціональнаго сабраія. Процесс онъ выигралъ безъ труда, и въ январѣ 1791 г. докладчикъ по этому дѣлу заявилъ, что слухи объ этомъ заговорѣ настолько же заслуживаютъ довѣрія, какъ и рассказы о чудесахъ Магомета. Всѣ обвиняемые были выпущены на свободу. Тѣмъ не менѣ злые языки продолжали утверждать, что заговоръ былъ и что подсудимые были оправданы только благодаря искусству ихъ адвоката. Какъ бы то ни было, графъ де-Бюсси и Франсуа сочли для себя небезопаснымъ оставаться во Франціи и переселились въ Туринъ. Франсуа скоро получилъ мѣсто воспитателя дѣтей графа д'Артуа и герцога Беррійскаго и сопровождалъ ихъ въ Англію и Германію и принималъ такое участіе въ партіи роялистовъ, что графъ д'Артуа отправилъ его во Францію въ качествѣ своего секретнаго агента. Но время террора уже прошло, и при Директоріи за такую пропаганду можно было поплатиться только тюремнымъ заключеніемъ.

Тѣмъ не менѣ, прибывъ въ Парижъ, бывший адвокатъ принялъ свои мѣры предосторожности: онъ поселился у одного изъ своихъ единомышленниковъ и устроилъ въ своей комнатѣ вращающійся шкафъ, при помощи котораго можно было проникнуть въ сосѣднюю комнату, а оттуда на потайную лѣстницу. Къ несчастью, всѣ его предосторожности оказались напрасными, и его выдалъ одинъ изъ его агентовъ, которому пришла въ голову несчастная мысль вырядиться въ костюмъ пьемонтскаго офицера. Полиція выслѣдила его и арестовала въ тотъ моментъ, когда онъ хотѣлъ переѣхать границу. При немъ нашли компрометирующія бумаги, а по бумагамъ добрались и до вращающагося шкафа, обладатель котораго очень быстро очутился въ тюрьмѣ. Начальникъ тайной полиціи Вейра такъ ловко повелъ дѣло, что Франсуа скоро выдалъ всѣхъ своихъ сообщниковъ, которыхъ было всего человѣкъ пятнадцать. Одинъ изъ нихъ, маркизь де-Трионъ, немедленно былъ разстрѣлянъ. Самъ Франсуа былъ также осужденъ на смерть и сидѣлъ въ ожиданіи своей участи въ тюрьмѣ. Повидимому, бывший адвокатъ окончательно опустился и сдѣлался тюремнымъ шпёиномъ. Въмѣсто того, чтобы исполнять надъ нимъ приговоръ, полиція предоставила ему хорошее мѣсто съ жалованьемъ въ 8 тысячъ франковъ. Фуше поручилъ ему редактировать ежедневные рапорты, которые онъ подносилъ императору. Эту работу бывший секретарь Бурбоновъ исполнялъ до самаго отреченія Наполеона. Это событіе заставило его прервать работу, но всего на двое сутокъ. Черезъ два дня рапорты стали выходить опять, но писались уже на имя не императора, а управляющаго королевствомъ графа д'Артуа. Франсуа дѣйствовалъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Аккуратность его работы снискала ему благодарность новаго правительства. Но черезъ шесть мѣсяцевъ вернулся Наполеонъ. Фуше опять вступилъ въ кабинетъ начальника полиціи, а вмѣстѣ съ нимъ и Франсуа, невозмутимо продолжавшій свое редактированіе своихъ рапортовъ. Настало Ватерлоо. Имперія пала, явилось опять королевство, но это маленькое событіе нисколько не отразилось на судьбѣ Франсуа: онъ продолжалъ сидѣть все на томъ же мѣстѣ и получалъ, какъ и прежде, свои 8 тысячъ франковъ. Ему пришлось только перемѣнить титулы въ заголовкѣ своихъ рапортовъ.

Въ 1822 году онъ вышелъ въ отставку съ пенсіей, которой пользовался, впрочемъ, только въ теченіе четырехъ лѣтъ.

— К а з а к и в ъ о п и с а н і и ф р а н ц у з а .—Въ «Revue hebdomadaire»¹⁾, которое по причинѣ войны выходитъ теперь въ видѣ газеты, Фелисьенъ Паскаль вспоминаетъ, какъ сто лѣтъ тому назадъ парижане съ любопытствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ ужасомъ устремлялись въ Елисейскія поля взглянуть нѣ русскихъ ужасныхъ казаковъ, расположившихся тамъ лагеремъ. Казаки не очень стѣснялись выборомъ мѣста для своихъ стоянокъ. Цвѣтники и газоны служили мѣстомъ пастбищъ для ихъ коней, пока префектъ не обратился къ императору Александру съ просьбою изъавить Парижъ отъ этого варварства. Конечно, Александръ тотчасъ же далъ приказъ, чтобы больше подобныхъ сценъ не повторялось.

Казаки того времени наводили на всѣхъ панической страхъ, который граничилъ съ ужасомъ. Они не очень церемонились съ правомъ собственности. Обокраденные парижане гнались за ними до Новаго моста, гдѣ совершался торгъ. Собственники, узнавъ здѣсь свои вещи—кто лошадь, кто осли, кто сбрую—все необходимое въ походѣ, старались отнять ихъ у похитителей. Толпа помогала обиженнымъ, и завязывались такія драки, что требовалось вмѣшательство самого префекта.

Накѣ положилъ конецъ и этимъ безчинствамъ Онъ обратился къ ихъ главному начальнику генералу Сакену, и казаки немедленно прекратили свои набѣги и сдѣлались, какъ говорить Накѣ, самыми мирными людьми на свѣтѣ.

Это придадо смѣлость парижанамъ. Имъ любопытно было взглянуть поближе на оригинальную красоту ихъ мундировъ и наблюдать ихъ нравы и обычаи.

И вотъ какія наблюденія сдѣлали парижане. Ихъ крайне изумляло одно обстоятельство: казаки никогда не ходили пѣшкомъ. У нихъ были два излюбленныхъ положенія: или верхомъ на лошади, или сидя на землѣ возлѣ лошади. Казакъ оставался вѣрнѣ себя, даже когда ему предстояло сдѣлать ровно тридцать шаговъ къ большому ушату съ водою, который охранялъ часовой. Они вскакивали на лошадь, чтобы достать свое копье изъ общей пирамиды копей, наклонялись до земли за тыквенной бутылкой и мчались къ ушату. Потомъ клали все на свое мѣсто и опять усаживались на землѣ. Они обыкновенно сидѣли небольшими группами по три-четыре человѣка и бесѣдовали между собою «очень мягкимъ голосомъ, съ гармонической интонаціей», такъ выразилась о нихъ графиня де-Буанъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Но они не сидѣли сложа руки, а то поправляли свою одежду, то шили новую изъ захваченныхъ въ разныхъ мѣстахъ матерій, то чинили уздечки.

Парижскія женщины и дѣти вскорѣ убѣдились что не такъ страшнѣ чортъ, какъ его малюютъ. Они стали смѣлѣе приближаться къ казакамъ и даже отважились брать въ руки ихъ работу и осматривать ее. Казаки охотно допускали ихъ до этого осмотра. Но время отъ времени они ради шутки издавали оглушительный страшный крикъ. Любопытные съ ужасомъ отскакивали отъ нихъ. Казаковъ это забавляло.

Графиня де-Буанъ въ своихъ мемуарахъ рассказывала, что сначала ея саванникъ и его жена не могли безъ ужаса думать о казакахъ. Однажды, пока

¹⁾ «Revue hebdomadaire». 1 octobre 1914.

жена садовника приготавлила казакамъ ужинъ, ся ребенокъ такъ расплакался въ своей люлькѣ, что казаки не знали, какъ его утѣшить. Наконецъ одинъ изъ нихъ подошелъ къ люлькѣ, вынулъ ребенка и понесъ его къ огню. Мать бросило въ дрожь отъ ужаса. Но скоро она успокоилась. Казакъ поднесъ его къ огню, чтобы отогрѣть его маленькія ножки. Потомъ вмѣстѣ съ товарищами принялся старательно его занимать. Онъ нашептывалъ ему разныя ласкательныя слова, и у ребенка вскорѣ показалась улыбка. Съ этой поры «ужасные варвары» поочередно нянчили его все время, пока стояли въ имѣніи.

Еще одна черта у казаковъ бросалась въ глаза парижанамъ: они страстно любили цвѣты, что, впрочемъ, не мѣшало имъ допускать своего коня побаловаться этими цвѣтами. Но вѣдь для казака—конь родной братъ.

По цѣлымъ часамъ стояли казаки предъ теплицами графини де-Буанъ и любовались цвѣтами, которые манили ихъ изъ-за стеколъ. Но они умѣли, когда надо, удерживаться, и графиня де-Буанъ увѣряетъ, что они не тронули руками ни одного цвѣтка. Они были очень довольны, когда садовникъ подарилъ имъ букетъ, и благодарили его.

За эти сто лѣтъ, говоритъ Ф. Паскаль, казаки, конечно, совершенно измѣнились. Теперь они совсѣмъ уже не тѣ прежніе казаки, которые сѣяли вокругъ себя панику. Правда, они попрежнему любятъ цвѣты и дѣтей, когда возвратятся послѣ сраженій на отдыхъ, и эта черта особенно симпатична парижанамъ.

Описывая психологію казаковъ, Паскаль говоритъ, что казакъ играетъ жизнью и презираетъ смерть. Выше всякаго блага на свѣтѣ казакъ ставитъ—свободу.

Одинъ французъ пытался уловить характеръ казацкой мелодіи и говоритъ: «Ноты этихъ жителей степей не встрѣчаютъ на своемъ пути никакихъ препятствій, онѣ скользятъ по росѣ равнинъ, до безконечности разсыпаются и таютъ въ пространствѣ, не оставляя по себѣ слѣда».

Казакъ всегда былъ свободенъ: онъ никогда не зналъ неволи и если замѣчалъ, что его хотятъ лишить свободы, то перекочевывалъ въ другое мѣсто. Такъ было въ его отношеніяхъ къ Польшѣ, которой онъ оказалъ въ давно минувшей старинѣ большія услуги. Потомъ перешелъ на службу Россіи, которой доказалъ свою преданность.

— Карточная игра во Франціи ¹⁾—Карточная игра такъ же стара, какъ міръ. Въ средніе вѣка люди войны и церкви предавались ей съ одинаковой страстью. Дюгескленъ, сидя въ тюрьмѣ, проигралъ тамъ все свое состояніе. Въ XVI вѣкѣ принцъ Оранскій Филибертъ, осаждавшій Флоренцію, черезъ одиннадцать мѣсяцевъ долженъ былъ снять осаду, проигравшись въ «ландскнехтъ» и не имѣя болѣе средствъ, чтобы заплатить своимъ солдатамъ. Герцогъ Виронъ проигралъ въ одинъ годъ болѣе полумилліона экю.

Кто изобрѣлъ карты—неизвѣстно. Незвѣстно также, съ какого времени появились карточные игры. Одинъ изъ старинныхъ французскихъ писателей утверждаетъ, будто бы карты были изобрѣтены въ глубокой древности лидій-

¹⁾ «Revue de Paris», Juillet 1914.

цами, и назначеніемъ ихъ было отвлекать вниманіе народа отъ ощущеній голода. Но это только догадка.

Во Франці карточные игры появились въ началѣ XIV вѣка. Древнѣйшей игрой былъ «пикетъ», вошедшій въ моду при Карлѣ VII. Какъ показываетъ самое его названіе и термины, въ немъ употребляемые, это была игра, изображавшая сраженіе, въ которомъ принимали участіе отряды или пикеты солдатъ, вооруженныхъ пиками.

Другая игра, распространенная во Франці во времена Франциска I, была «reversi». Эта игра была введена для развлечения придворныхъ дамъ и, какъ показываетъ ея названіе, игралась наоборотъ: выигравшимъ считался тотъ, у кого не было ни одной взятки. Главной картой въ этой игрѣ считался валетъ червей, называвшійся встарину *quinola*, т. е. слуга, на обязанности котораго было, до изобрѣтенія экипажей, возить дамъ на крупѣ своей лошади.

Мазарини ввелъ еще весьма азартную игру «хеку». Ее занесли во Францію всякаго рода плуты и мошенники, выгнанные изъ Рима. Несмотря на ордонансы Людовика XIII, ненавидѣвшаго карточную игру, кардиналъ предавался ей со страстью. Игра напоминала лото и состояла въ томъ, что на большомъ картонѣ расчерчивалось тридцать нумерованныхъ квадратиковъ, затѣмъ клались въ мѣшокъ кости, откуда вытаскивались по очереди.

Мазарини даже на смертномъ одрѣ съ интересомъ слѣдилъ за игрой. Въмѣсто него карты держалъ балли изъ Сувра. Передъ смертью ему удалось выиграть скромную сумму въ пятьсотъ экю, которую онъ не безъ удовольствія припряталъ къ себѣ. Говорятъ, что Мазарини съ умысломъ поощрялъ развитіе картежной игры, желая отвлечь этимъ придворные круги отъ политики. Фаворитки Людовика XIV съ жадностью набросились на приманку. Самъ король увлекся игрой, и новая забава стала модной при дворѣ. Въ теченіе тринадцати лѣтъ господства Монтепань карточная игра приняла прямо азартный характеръ. Нѣсколько лицъ составили себѣ огромныя состоянія. Среди нихъ особенно отличался извѣстный своими похождениями графъ де-Грамонъ. Это былъ настоящій шулеръ, навѣрняка обыгрывавшій своихъ партнеровъ.

Въ дни, когда у Монтепань происходила карточная игра, король просиживалъ за столомъ отъ трехъ до шести часовъ. За однимъ съ нимъ столомъ обыкновенно садились Монтепань, его братъ, м-де де-Субизъ и одинъ изъ азартнѣйшихъ игроковъ того времени Данжо. За другими столами располагались дофинь, сестра короля, герцогини, маршалы и другіе придворные. Во время игры, по заламъ свободно сновали посланники и иностранные дипломаты. Когда королю игра начинала надоѣдать, онъ приглашалъ на свое мѣсто кого-нибудь изъ членовъ своей семьи и уходилъ. Скоро на этихъ играхъ появились официально назначенные королемъ крупье.

Но, кромѣ этой королевской игры, всюду велась другая, частная. Играли днемъ и ночью, играли у фаворитки и у придворныхъ, имѣвшихъ квартиру во дворцѣ. Здѣсь страсти, сдерживаемыя присутствіемъ короля, разгорались безудержно. Крики, ругательства, удары кулакомъ по столу при неудачномъ оборотѣ игры—все это обыкновенно сопровождало игру. Нѣкоторые изъ игроковъ представляли собою прямую опасность для окружающихъ. Одинъ изъ

егермейстеровъ д'Эдикуръ входилъ въ такой ражъ, что нерѣдко опрокидывалъ самый игорный столъ, и его партнеры благодарили Бога за то, что остались не изувѣченными.

Сама Монтепань очень любила эти оргіи и не обращала вниманіе на короля, который запрещалъ ей присутствовать на нихъ. Тутъ проскальзывали между пальцами фаворитки цѣлые милліоны франковъ, назначенные на постройку флота. Проигравшись до тла, она продолжала игру на честное слово, причѣмъ ставила всегда удвоенную ставку и играла до тѣхъ поръ, пока счастье не поворачивалось на ея сторону и она сразу отыгрывала свой проигрышь.

Не менѣе ея любили играть въ карты дофинъ, дочери короля и ихъ дядя Monsieur. Дофинъ нерѣдко проигрывалъ все до послѣдняго су и напрасно искалъ занять у кого-нибудь хотя бы маленькую сумму. Съ Monsieur играть было труднѣе: онъ былъ страшно раздражителенъ. Однажды, разсерженный тѣмъ, что «карта ему не шла», онъ, вмѣсто того, чтобы обвинять во всемъ свою пагубную страсть, обрушился на дворецъ и громко кричалъ, что этотъ проклятый домъ всегда приноситъ ему несчастье. Объ этомъ, конечно, не преминули сосплетничать королю, который сильно разсердился на брата.

Герцогъ Орлеанскій, проигравъ однажды сто тысячъ экю и не имѣя чѣмъ заплатить этотъ карточный долгъ, приказалъ своему слугѣ продать свою серебряную посуду и нѣкоторыя драгоценности. Впослѣдствіи оказалось, что его обчистили мошенническимъ способомъ.

Плутства при игрѣ въ карты не гнушались даже духовныя лица. Однажды въ присутствіи экскаго архіепископа зашелъ разговоръ о томъ, что слѣдуетъ канонизовать св. Франциска Сальскаго.

— Какъ,—воскликнулъ епископъ,—канонизовать моего стариннаго пріятеля! Я очень радъ за него. Отличный былъ человекъ, хотя иной разъ любилъ сплутовать въ пике.

— Позвольте, ваше преосвященство, развѣ можно допустить, чтобы человекъ святой жизни сталъ плутовать въ игрѣ?

— Но онъ утверждалъ, что дѣлаетъ это ради бѣдныхъ,—возразилъ прелать.

Плутство въ игрѣ такъ привилось въ придворныхъ кругахъ, что потомъ вошло въ обычай по окончаніи игры дарить другъ другу то, что было выиграно не совсѣмъ чисто.

Страсть къ карточнымъ играмъ сдѣлалась для многихъ выгодной профессіей. Нѣкоторые наживали состояніе, сражаясь на зеленомъ полѣ, а нѣкоторые, превративъ свои дома въ тайныя притоны игры. Такъ, герцогъ Вангадуръ организовалъ у себя во дворцѣ игру въ хоку, но притонъ этотъ былъ закрытъ полиціей. Герцогиня де-ла-Ферте устроила у себя игорный домъ, въ которомъ прежде всего безсовѣстно обыгрывала свою собственную прислугу. «Я отыгрываю у нихъ только то, что они у меня крадутъ»,—говорила она въ свое оправданіе. Притонъ этотъ дѣйствовалъ довольно долго, пока одинъ офицеръ изъ швейцарцевъ, котораго тамъ обчистили самымъ безсовѣстнымъ образомъ, не поднялъ агитаціи противъ герцогини. Онъ расклеилъ по всему Парижу плакаты съ разоблаченіемъ ея дѣятельности, и герцогиня была изгнана.

— Театръ маріонетокъ въ Италіи ¹⁾.—Театръ маріонетокъ, который служить съ давнихъ поръ любимымъ развлеченіемъ итальянцевъ, имѣетъ свою исторію. По случаю открытія новаго театра маріонетокъ въ Римѣ, въ залѣ Верди, Эмиліо Кальви даетъ въ «Nuova Antologia» очеркъ этого рода развлечения.

Въ 1815 г. въ Римѣ существовалъ театръ маріонетокъ, называвшійся «Фіано». Онъ помѣщался въ низкомъ залѣ и, судя по платѣ—пять байокки, что равняется семи съ половиною копейкамъ—былъ чисто народнымъ театромъ. Но онъ ставилъ интересно пьески, его сцена была довольно обширна, а декорации такъ хороши, что мало-по-малу и буржуазія стала его посѣщать. За нею послѣдовала и аристократія. Въ этомъ театрѣ представленія давались даже тогда, когда другіе театры были закрыты. Въ теченіе вечера давалось три-четыре сеанса.

Импресаріо этого театра былъ сначала нѣкій Винченцо Яковакки, а съ 1830 года его замѣнилъ прославившійся въ Италіи Филиппо Теоли. Это была интересная личность. Днемъ онъ занимался ремесломъ чеканщика, а по вечерамъ превращался въ импресаріо маріонетокъ. На этомъ поприщѣ онъ достигъ большого успѣха и много лѣтъ давалъ представленія съ маріонетками. Особымъ успѣхомъ пользовался фарсъ «Притворство Кассандріно». Здѣсь остроумно и смѣло вышучивались дѣйствія римскаго правительства. Впослѣдствіи, однако, вмѣшалась цензура и стала такъ строго придираться, что пришлось прекратить представленія маріонетокъ.

При папѣ Піи XIII дѣла шли плохо. Ставить сатирическія комедіи воспрещалось, и Кассандріно невольно замолчалъ. Публика была этимъ очень недовольна: она привыкла къ его злымъ и остроумнымъ насмѣшкамъ подъ современнымъ строемъ. Одна газета въ 1830 году наконецъ напечатала, что если Кассандріно будетъ молчать, то Римъ уподобится городу, по которому прошла чума.

Папа Григорій XVI снова разрѣшилъ представленія маріонетокъ Фіано. Въ благодарность за это ему былъ посвященъ особый сонетъ, написанный на четырехъ языкахъ

Послѣ смерти Теоли это дѣло перешло въ руки его семьи и существовало еще долго. Самъ Теоли настолько прославился въ Италіи, что скульпторъ Винченцо Гаяеси сдѣлалъ его бюстъ изъ мрамора.

Изъ обширнаго репертуара Теоли особенно прославилась изящная комедія «Кассандріно любитель и импресаріо»—подражаніе произведенію Сографі. Фабула комедіи слѣдующая.

Одинъ римскій гражданинъ вообразилъ, что обладаетъ большою способностью къ пѣнію. Нѣкто изъ его добрыхъ друзей, желая подслужиться къ нему, чтобы перехватить у него нѣсколько скуди, сталъ его увѣрять, что онъ обладаетъ необыкновеннымъ сопрано, и принялся его уговаривать пѣть въ Мантефіасконе. Сказано—сдѣлано. Они собрали труппу изъ тенора, примадонны, баса и отправились въ Монтефіасконе.

¹⁾ Le Marionette a Roma. Emilo Calvio «Nuova Antologia» 1 Agosto 1914.

Но Кассандрино влюбился въ примадонну и сдѣлался соперникомъ друга маэстро, который былъ моложе и красивѣе его и изящнѣе одѣтъ. Старикъ хотѣлъ отбить отъ соперника дѣвушку съ помощью денегъ и прибѣгалъ къ тысячамъ различныхъ уловокъ. Но та не поддавалась. Наступила репетиція; басъ простудился и хрипѣлъ, у тенора былъ слишкомъ неаполитанскій выговоръ, а примадонна, бывшая цирковая наѣздница, сбивалась съ такта. Самъ маэстро тянулъ такимъ фальцетомъ, что приводилъ всѣхъ въ ужасъ. Капельмейстеръ негодовалъ и неистовствовалъ на пѣвцовъ. Тѣ, въ свою очередь, не оставались у него въ долгу. Поднялась общая свалка. Когда, наконецъ, всѣ успокоились, то замѣтили, что примадонна и капельмейстеръ исчезли. Влюбленная парочка не забыла прихватить съ собою деньги, которые были получены за представленіе.

Въ другой комедіи «Праздникъ на виллѣ Боргезе» превосходно описана веселая, безпечная жизнь римлянъ въ праздники. На одномъ изъ такихъ празднествъ Кассандрино увлекся одной красавицей и, несмотря ни на какія препятствія и на разницу ихъ общественнаго положенія, рѣшилъ жениться на ней. Брачный пиръ состоялся на виллѣ Боргезе. Но бѣдному новобрачному суждено было пережить разныя тревоженія въ эту ночь. За новобрачной упорно ухаживалъ одинъ франтъ, французскій актеръ. Она удалилась въ отдаленную бесѣдку съ своимъ поклонникомъ и совершенно забыла о существованіи Кассандрино. Наконецъ Кассандрино потерялъ терпѣніе и пришелъ въ такую ярость, что ворвался въ бесѣдку, схватилъ жену подъ руку и толкнулъ ее въ домъ, спасая отъ преслѣдованій франта.

Другія комедіи написаны были на довольно разнообразныя темы. Многіе итальянскіе и иностранные литераторы, между прочимъ французъ Стендаль, находили театръ Фіано очень забавнымъ. Стендаль говорилъ, что этотъ маленькій театръ очень забавенъ, и декорации прелестны. Добрый старикъ Кассандрино въ напудренномъ парикѣ напоминаетъ кардинала. Разбитной на всякаго рода дѣла, Кассандрино хорошо зналъ людей и жизнь, но за нимъ водился грѣшокъ: онъ всегда кончалъ тѣмъ, что развращалъ женщинъ и соблазнялъ ихъ.

По отзыву извѣстныхъ иностранцевъ, эти знаменитыя маріонетки были очень интересны и, благодаря оптическому обману, казались гигантскими. Въ «Histoire des marionettes» Маркъ Монье увѣрялъ, что артисты театра Фіано исполняютъ репертуаръ Россіни съ рѣдкой ловкостью.

Фредерикъ Мерзэ говорилъ, что театръ Фіано обладаетъ знаменитыми актерами, которые соперничаютъ съ лучшими современными артистами. Онѣ были такъ искусно сдѣланы, что каждая часть тѣла у нихъ приходила въ движеніе, даже глаза. Эти движенія согласовались съ высказываемой мыслью. Кассандрино поражалъ всѣхъ, и его воспѣлъ даже Джіакомо Леонарди въ своихъ «Pagalipomeni».

Впослѣдствіи театръ маріонетокъ не былъ исключительной монополіей театра Фіано. Кромѣ него, былъ открытъ еще театръ Орнани, гдѣ давался балетъ. Между прочимъ, въ памяти современниковъ остался слѣдующій случай. Валерина маріонетки приподняла слишкомъ высоко юбку, и публика

закричала ей, какъ живой танцовщицѣ: «Спустить платье». На другой вечеръ балерина-маріонетка появилась уже въ длинной юбкѣ.

Въ библіотекѣ Виктора-Эмануила въ Римѣ сохраняется экземпляръ трех-актной комедіи для маріонетокъ «*Basileuco di Bergamasso*». Главными персонажами въ ней были Ридольфо, Кассандро, капитанъ Ругантино, Арлекино, Коломбина, Чиккобимби, Нотаро, хозяинъ ресторана и солдаты. Ругантино приводитъ съ собою солдатъ арестовать Арлекина, но Базилеско хватаетъ его и бьетъ палкой, и тотъ убѣгаетъ.

Около 1830 года въ Римѣ существовали подобныя театрики—передвижныя. Между ними прославился театръ Гетаначіо, какъ его называли въ Римѣ, а въ другихъ мѣстностяхъ Гаэтаначіо. Этотъ импресаріо родился въ 1782 году отъ очень бѣдныхъ родителей. Онъ самъ выдѣлывалъ маріонетки и подражалъ различнымъ голосамъ и діалектамъ. Этотъ комедіантъ пользовался большимъ успѣхомъ. Его тирады, полныя огня и остроумія, задѣвали современниковъ, били ихъ по ихъ слабой сторонѣ и выводили на свѣтъ Божій разные скандалы. Протагонистомъ этихъ фарсовъ былъ Ругантино. Какъ и въ наше время, Гетаначіо заставлялъ говорить Пульчинелло съ помощью маленькаго инструмента «*privetta*», чтобы придать его голосу рѣзкій звукъ. Часто случалось, что этотъ инструментъ проскакивалъ въ горло актера, и несчастному приходилось прибѣгать къ помощи хирурга. Не только низшій классъ народа, но даже аристократія увлекались этими представленіями. Сама герцогиня Марія Луиза пожелала однажды взглянуть на маріонетокъ.

Въ одной комедіи Ругантино выступалъ въ роли служителя въ домѣ разорившагося патриція. Хозяинъ спрашиваетъ его: «Быть можетъ, ты сомнѣваешься во мнѣ? Твое жалованье цѣле (*соре*)». — «Правда, — отвѣчаетъ тотъ: — *sigge tanto che non lo posso aggrivo*» (Въ этой фразѣ игра слова — *соре* и *sigge* — бѣжать. Слуга отвѣчаетъ: оно такъ бѣжитъ, что ему не догнать).

Во время поста, когда представленія были запрещены, для маріонетокъ наступило тяжелое время. Но особенно тяжелая година выпала на ихъ долю въ 1825 году, когда пришлось совсѣмъ прекратить представленія. Импресаріо забрали съ собою своихъ маріонетокъ и переходили съ площади на площадь; раскладывая ихъ на землю, они обращались къ прохожимъ со словами:

— Подайте милостыню бѣдной семьѣ, попавшей на улицу.

Это уже былъ не фарсъ, не комедія, а самая правдивая драма. Несчастный Гетаначіо дошелъ до того, что долженъ былъ заложить своихъ маріонетокъ. Выкупилъ онъ ихъ въ ужасномъ видѣ. Примадонна лишилась головы; любовница источена червями; благородный отецъ казался исжареннымъ на сковородѣ. Бѣдныя маріонетки не избѣгли человѣческой участи и тоже пережили драму. Несчастный Гетаначіо уже носилъ въ себѣ зародышъ туберкулеза, и скончался 12-го іюня 1832 года. При жизни его отдали въ жертву голоду, но послѣ его смерти въ награду о немъ вспомнили. Джіованни Батиста Розани въ изящномъ стихотвореніи на латинскомъ языкѣ увѣковѣчилъ его въ «*Academia Tibertina*», а поэтъ Джакомо Феррети прославилъ его въ элегій, напечатанной въ Римѣ въ 1830 году.

Съ его смертью страсть къ маріонеткамъ не умерла, судя по недавно откры-

тому театру въ Римѣ. Парижане также до сихъ поръ продолжаютъ забавляться этими представленіями. Только въ Россіи «Петрушка» почти отжилъ свой вѣкъ, вѣроятно, за неимѣніемъ остроумныхъ уличныхъ комедіантовъ.

— Первый переводчикъ арабскихъ сказокъ «Тысяча и одна ночь».—21-го августа 1670 года изъ Марсея отошелъ одинъ изъ лучшихъ фрегатовъ французскаго королевскаго флота «Принцесса». «Принцесса» шла подъ флагомъ нарочнаго французскаго посла, котораго сопровождала большая блестящая свита. Посольскій корабль конвоировали четыре другихъ, наиболѣе сильныхъ и внушительныхъ, которые должны были произвести надлежащее впечатлѣніе на блистательную Порту. Нарочный посоль маркизъ Нуантель везъ обратно въ Константинополь султанскаго посла Сулеймана-агу, котораго Мольеръ по приказу короля вышутилъ въ своей комедіи «Мъщанинъ въ дворянствѣ».

Въ свитѣ посла находился, между прочимъ, «attachè théologique» Антуанъ Галланъ. Онъ попалъ въ свиту по протекціи самого министра иностранныхъ дѣлъ, котораго, въ свою очередь, упросили французскіе богословы изъ Поръ-Роля, у которыхъ въ это время завязалась жаркая полемика по вопросу о Божественной евхаристіи и которымъ хотѣлось познакомиться съ ученіемъ по этому вопросу восточной православной церкви. Галланъ какъ нельзя болѣе былъ пригоденъ для такого порученія. Онъ отлично зналъ какъ восточные языки, въ томъ числѣ и еврейскій, санскритъ, пехлевійскій, такъ и новогреческій. Человѣкъ скромный и тихій, онъ мечталъ посвятить всю свою жизнь описанію восточныхъ рукописей Сорбонской бібліотеки. Библіофилъ по натурѣ, Галланъ любилъ скупать старинныя арабскія книги и съ наслажденіемъ читалъ восточныя сказки, гдѣ такъ разыгрывается яркая восточная фантазія. Вотъ этому-то «прикомандированному къ послу богослову» и суждено было стать первымъ въ Европѣ переводчикомъ знаменитаго сборника арабскихъ сказокъ «Тысяча и одна ночь».

Его страсть всюду проникать, ища наблюденій, его ненасытное любопытство, прекрасное знаніе турецкаго языка и безчисленныя связи въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества дали ему возможность видѣть истинную Турцію, которая обыкновенно скрыта отъ глазъ путешественниковъ. Каждый вечеръ, побывавъ на молитвѣ въ Старомъ Сералѣ, посмотрѣвъ на неистовства вертящихся и завывающихъ дервишей, онъ тщательно записывалъ все видѣнное въ свой «Дневникъ», недавно изданный парижской фирмой Леру.

Людовикъ XIV далъ понять султану Магомету IV, что Франція вовсе не намѣрена церемониться съ нимъ. Французскій посланникъ велѣлъ произвести передъ Константинополемъ морскую демонстрацію, которая такъ подѣйствовала на турокъ, что два высшихъ сановника, съ которыми французамъ приходилось имѣть дѣло, Капаланъ-Мустафа и Кассимъ-паша, по имени котораго теперь называется одинъ изъ константинопольскихъ кварталовъ, стали необыкновенно любезны съ французами, несмотря на то, что маркизъ Нуантель не пропускалъ случая, чтобы нарочно сдѣлать имъ непріятность.

Турецкая дипломатія искони вѣковъ отличалась затяжнымъ характеромъ, и пока посоль премирался съ Портой по поводу капитуляцій, Антуану

Галлану оставалось много свободного времени для удовлетворенія своихъ научныхъ стремленій. Лишь изрѣдка ему поручали составленіе на одномъ изъ туземныхъ языковъ грамоты или посланія. Такъ, въ 1672 году онъ написалъ на латинскомъ языкѣ обширное посланіе къ первому драгоману Порты Панаіоту Никузіусу.

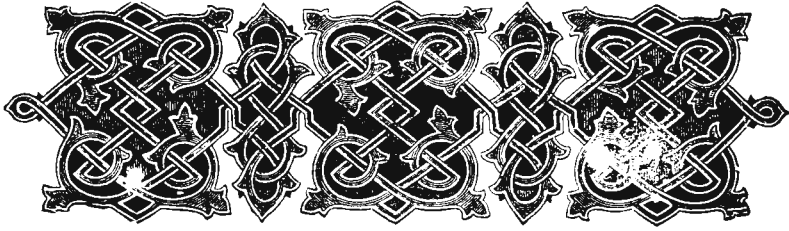
Скучная жизнь французскаго посольства въ Константинополь прерывалась лишь приходомъ кораблей, привозившихъ съ собою дипломатическую переписку, а иногда и вѣсти о побѣдѣ французовъ въ Голландіи. По этому поводу французы устраивали торжественныя молебствія и обѣды въ своемъ дворцѣ въ Перѣ, стрѣляя при этомъ изъ пушекъ, чѣмъ приводили турокъ въ ужасъ.

Иногда посланникъ устраивалъ у себя даже театральныя представленія, въ которыхъ участвовалъ и Галланъ, исполнявшій обыкновенно женскія роли, за недостаткомъ дамскаго персонала.

Всеу на свѣтѣ бываетъ конецъ. Кончилось и невольное пребываніе маркиза Нуантеля въ Стамбулѣ, и посоль отправился въ путешествіе по греческому Архипелагу. Такимъ образомъ, Галлану удалось посѣтить острова Тенедосъ, поля, гдѣ нѣкогда стояла Троя, Родосъ, гдѣ была еще цѣла крѣпость, основанная французскими рыцарями, Святую Землю, Сирію, Триполи.

Вернувшись во Францію, Галланъ весь погрузился въ изученіе вывезенныхъ имъ съ Востока книжныхъ сокровищъ. Получивъ мѣсто бібліотекаря у интенданта Нормандіи и принятый въ академію надписей, онъ сталъ настоящимъ ориенталистомъ и занялся первымъ въ Европѣ переводомъ «Тысячи и одной ночи». Надъ этимъ переводомъ, первый томъ котораго появился въ 1704 году, онъ работалъ цѣлыхъ семь лѣтъ.

С М Ъ С Ъ.

ТРИДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ «Историческаго Вѣстника». 1-го декабря тѣсный кружокъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника», съ его редакторомъ Б. Б. Глинскимъ во главѣ, справлялъ тридцатипятилѣтіе журнала. Собрались: Маркъ Басанинъ, Н. А. Лапш-Данилевская, А. А. Башмаковъ, В. Б. Вертенсонъ, К. А. Военскій, П. П. Гнѣдичъ, А. Е. Кауфманъ, Я. Н. Колубовскій, профессоръ А. І. Малейнъ, Т. А. Мартемьяновъ, К. П. Медвѣдскій, И. И. Соколовъ, Г. Т. Съверцевъ-Полиловъ, В. В. Умановъ-Каплуновскій, Е. С. Шумигорскій, В. И. ф. Штейнъ, С. В. ф. Шгейнъ, С. К. Эфронъ (Литвинъ), В. В. Даниловъ, Н. К. Арбузовъ, А. И. Фаресовъ, И. П. Ювачевъ, П. М. Майковъ, С. И. Уманецъ и др. Въ рѣчахъ были тепло упомянуты отошедшіе въ вѣчность старые сотрудники «Историческаго Вѣстника», а также создатели его: А. С. Суворинъ и С. Н. Шубинскій. Отъ имени присутствовавшихъ были посланы привѣтственные телеграммы: верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу слѣдующаго содержания: «Въ день тридцатипятилѣтія «Историческаго Вѣстника» редакция и сотрудники съ надеждою и восторженнымъ благоговѣніемъ обращаютъ взоры туда, гдѣ борется доблестная русская армія во главѣ съ ея августѣйшимъ вождемъ. Дай Вамъ Богъ довести до конца великое дѣло на славу и благо дорогой Россіи и всего славянства. Редакторъ Глинскій съ сотрудниками». Въ отвѣтъ на это привѣтствіе былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ верховнаго главнокомандующаго: «Очень тронуть и сердечно благодарю Васъ и сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника» за пожеланія. *Генералъ-адъютантъ Николай*». Затѣмъ было послано слѣдующее телеграфное привѣтствіе августѣйшему сотруднику «Историческаго Вѣстника» великому князю Нико-

лаю Михайловичу, находящемуся нынѣ въ дѣйствующей арміи! «Въ день тридцатипятилѣтія журнала «Историческій Вѣстникъ» его редакторъ и сотрудники шлютъ вашему императорскому высочеству свои наилучшія пожеланія въ надеждѣ видѣть въ скоромъ времени журналъ украшеннымъ вашей статьей». Великій князь Николай Михайловичъ отвѣтилъ слѣдующее: «Желая дальнѣйшихъ успѣховъ вашему журналу, привѣтствую васъ и сотрудниковъ съ тридцатипятилѣтіемъ «Историческаго Вѣстника». По окончаніи войны съ удовольствіемъ буду работать на пользу нашей исторической науки. *Николай Михайловичъ*». Затѣмъ были посланы привѣтственныя телеграммы: старѣйшему сотруднику «Историческаго Вѣстника» казанскому профессору Д. А. Корсакову, вдовѣ С. Н. Шубинскаго и представителямъ издательства «Историческаго Вѣстника» Б. А. Суворину и М. А. Суворину. Среди присутствовавшихъ были собраны деньги для снабженія теплымъ бѣльемъ арміи. Деньги эти переданы въ распоряженіе Б. А. Суворина.

Юбилей судебной реформы. Вся Россія праздновала 20-го ноября юбилей великой судебной реформы. Въ Петроградѣ празднество сосредоточилось въ головѣ судебныхъ учреждений—въ правительствующемъ сенатѣ, въ церкви котораго совершалось благодарственное молебствіе. Въ половинѣ третьяго часа дня въ небольшую церковь сената и прилегающіе къ ней коридоры и комнаты собрались сенаторы, чины прокурорскаго надзора и судебного вѣдомства, центральныхъ управленій министерства юстиціи, присяжные повѣренные и нотариусы, а также лица, раньше служившія по судебному вѣдомству. Присутствовалъ на молебствіи исправляющій обязанности предсѣдателя Государственнаго Совѣта статсъ-секретарь Голубевъ, предсѣдатель совѣта министровъ статсъ-секретарь Горемыкинъ, министры: юстиціи—статсъ-секретарь Щегловитовъ, финансовъ—дѣйствительный статскій совѣтникъ Баркъ, государственный контролеръ статсъ-секретарь Харитоновъ, членъ Государственнаго Совѣта Манухинъ и другіе сановники. Настоятель сенатской церкви Милонидовъ совершилъ благодарственное молебствіе, которое закончилось провозглашеніемъ царскихъ многолѣтій, вѣчной памяти императору Александру II его сподвижникамъ, участникамъ разработки судебныхъ уставовъ и многолѣтія правительствующему сенату, російскому воинству и христіанамъ. Въ залѣ кассационныхъ департаментовъ послѣдовало распорядительное засѣданіе общаго собранія кассационныхъ департаментовъ. За столомъ заняли мѣста свыше семидесяти сенаторовъ. Предсѣдательствующее мѣсто занималъ первоприсутствующій общаго собранія дѣйствительный тайный совѣтникъ Желеховскій, справа отъ него первоприсутствующій гражданскаго департамента дѣйствительный тайный совѣтникъ Юреневъ, слѣва первоприсутствующій соединеннаго присутствія и кассационныхъ департаментовъ д. т. с. Кузминскій. Въ мѣстахъ для публики и позади сенаторовъ—всѣ приглашенные. Послѣ открытія первоприсутствующимъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ В. А. Желеховскимъ засѣданія общимъ собраніемъ былъ заслушанъ Высочайшій рескриптъ, данный на имя министра юстиціи. Затѣмъ первоприсутствующій обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью, въ которой отмѣтилъ, что русскій судъ, образованный на основаніи судебныхъ уставовъ 1864 года, оправдалъ царственные

надежды своего основателя, и что выраженная всѣмъ чинамъ судебного вѣдомства благодарность Монарха за ихъ службу и труды является высшею наградою судебному вѣдомству за его полувѣковую дѣятельность и даетъ право надеяться, что и въ будущемъ, идя уже по намѣченному пути, судъ останется вѣрнымъ исполнителемъ воли законодателя, выраженной въ манифестъ 20-го ноября 1864 года. Далѣе первоприсутствующій указалъ, что, празднуя пятидесятилѣтнюю годовщину изданія манифеста 20-го ноября 1864 года, надлежитъ прежде всего съ глубочайшимъ благоговѣніемъ преклониться предъ памятью незабвеннаго творца судебныхъ уставовъ, волею котораго призваны къ существованію и кассационные департаменты правительствующаго сената. Отъ создателя судебныхъ уставовъ мысль въ естественномъ своемъ теченіи обращается къ лицамъ, призваннымъ быть сотрудниками Монарха въ предпринятомъ имъ великомъ дѣлѣ, и на которыхъ была возложена обязанность воплотить великодушныя предназначенія государя въ конкретную форму законодательнаго акта. О нихъ должно вспомнить съ глубокимъ уваженіемъ признательностью, высказавъ увѣренность, что ихъ имена и труды никогда не забудутся. Равнымъ образомъ, надлежитъ почитать и память сенаторовъ, явившихся пионерами кассационной практики въ Россіи. Обширные сборники кассационныхъ рѣшеній свидѣтельствуютъ объ ихъ безавѣтной любви и преданности къ порученному имъ дѣлу и объ ихъ трудахъ, результатами которыхъ мы пользуемся въ настоящее время. Вызванныя настоящимъ юбилеемъ мысли и чувства ищутъ исхода, и достойнымъ завершеніемъ нынѣшняго торжества можетъ явиться лишь обращеніе къ Царственному Предсѣдателю сената съ выраженіемъ одушевляющихъ чувствъ. Однако прежде какого-либо постановленія по сему предмету дѣйствительный тайный совѣтникъ Желеховскій предложилъ выслушать заключеніе оберъ-прокурора. Исправляющій обязанности оберъ-прокурора сенаторъ Рейнке въ пространномъ заключеніи высказалъ, что въ торжественный день пятидесятилѣтія судебныхъ уставовъ надлежитъ прежде всего благоговѣнно преклониться передъ памятью того, державною волею котораго правда и милость царствуютъ въ судахъ. Затѣмъ послѣдовало постановленіе правительствующаго сената, которое гласило, что по указу Его Императорскаго Величества правительствующій сенатъ слушали: предложеніе оберъ-прокурора съ приложеніемъ копии съ Высочайшаго рескрипта, даннаго 20-го ноября 1914 года на имя министра юстиціи, докладъ первоприсутствующаго по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія изданія судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года, учрежденія кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената. По выслушаніи заключенія оберъ-прокурора правительствующій сенатъ остановился на слѣдующихъ соображеніяхъ: въ торжественную полувѣковую годовщину преобразованій судебного строя въ Россіи правительствующій сенатъ въ общемъ собраніи кассационныхъ департаментовъ по принесеніи благодарности Господу Богу молебствіемъ считаетъ своимъ священнымъ долгомъ прежде всего благоговѣнно преклониться передъ памятью того, державною волею котораго были созданы судебные уставы 20-го ноября 1864 года. Въ памятномъ навсегда указѣ о введеніи судебной реформы блаженной памяти императоръ Александръ II воз-

вѣстили всепародно, что среди другихъ предначертанныхъ имъ преобразованій утвержденіе въ народѣ уваженія къ закону является одною изъ основъ общественнаго благосостоянія. Это уваженіе къ закону должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и cadaго отъ высшаго до низшаго. Для наблюденія за охраной точной силы закона учреждены кассационные департаменты правительствующаго сената въ качествѣ верховнаго кассационнаго суда. А слѣдѹя предначертаніямъ Державнаго Вождя земли русской, кассационные департаменты правительствующаго сената, движимые беззавѣтною любовью къ порученному имъ дѣлу, неотступно стремятся къ осуществленію воли Царя-Освободителя. И нынѣ, когда на полѣ брани доблестная армія призвана защищать наслѣдіе предковъ и бороться за честь и славу Россіи, правительствующій сенатъ, равно какъ и все судебное вѣдомство, свято храня завѣты прошлаго, продолжаетъ охранять законъ и начала, положенныя въ основаніе судебныхъ уставовъ, возстановленныхъ въ полномъ объемѣ Царственнымъ Внукомъ ихъ незабвеннаго творца. Дѣятельность судебныхъ установленій признана съ высоты престола оправдавшей царственныя надежды ихъ основателя. Всемиловѣйше выраженная въ рескриптѣ, данномъ на имя министра юстиціи, Монаршая благодарность судебному вѣдомству является лучшею для него наградою за его пятидесятилѣтнюю дѣятельность и даетъ ему право съ радостнымъ чувствомъ исполненнаго долга оглянуться на пройденный путь, питая надежду, что въ будущемъ служба его Царю и родинѣ будетъ признана не менѣ ревностной и плодотворной. Осчастливленный Монаршею благодарностью судебному вѣдомству, воодушевленный безграничною любовью къ своему Монарху и несокрушимой вѣрой въ его предначертанія, правительствующій сенатъ постановилъ: 1) повергнуть предъ Его Императорскимъ Величествомъ свои вѣрноподданническія чувства, 2) о Всемиловиѣйше выраженной въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя министра юстиціи благодарности судебному вѣдомству поставить въ извѣстность судебныя палаты, окружныя суды и мировыя учрежденія. По окончаніи засѣданія въ сосѣдней залѣ первоприсутствующій сенаторъ Желеховскій обратился къ министру юстиціи съ привѣтственной рѣчью. Затѣмъ въ залахъ канцеляріи присутствовавшимъ былъ предложенъ чай. 20-го ноября по случаю истекшаго пятидесятилѣтія изданія судебныхъ уставовъ императора Александра II въ зданіи судебныхъ установленій, въ четыре часа дня, въ проходномъ залѣ было совершено молебствіе, а затѣмъ панихида. На богослуженіи присутствовали члены судебной палаты съ старшимъ предсѣдателемъ С. Н. Крашенинниковымъ во главѣ, вся магистратура окружнаго суда, совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ съ своимъ предсѣдателемъ присяжнымъ повѣреннымъ Стасовымъ, предсѣдатель коммерческаго суда, служащіе канцелярій и много посторонней публики. Богослуженіе было совершено съ особой торжественностью, а у подножія статуи творца уставовъ были возложены цвѣты.

Общее собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. 30-го ноября подъ предсѣдательствомъ Я. Н. Колубовскаго состоялось общее собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Изъ сдѣланнаго доклада выяснилось, что посѣщаемость членами кассы общихъ

собраній находилась всегда въ прямой связи съ правовымъ положеніемъ кассы и характеромъ ея дѣятельности. Когда касса по уставу могла сравнительно широко развить рамки своей дѣятельности, тогда общія собранія были многочисленными и несостоявшихся собраній почти не было. Когда же права кассы были подвергнуты стѣсненію и урѣзаны и дѣятельность ея должна была замкнуться въ кругъ «узкостраховыхъ операций», энергія кассы упала, горячее отношеніе къ дѣламъ смѣнилось «равнодушіемъ», посѣщаемость собраній ослабѣла и стала понижаться съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, пока не достигла въ послѣдній годъ минимума. Такъ, въ 1913 г. при 231 членахъ, находящихся въ Петроградѣ, собиралось отъ 16 до 35 членовъ. Докладъ этотъ вызвалъ оживленные пренія и выдвинулъ на очередь вопросъ о пересмотрѣ устава, какъ средствъ оживленія дѣятельности общества и привлеченія большей посѣщаемости членовъ. Собраніе постановило вопросъ о пересмотрѣ устава передать правленію, а затѣмъ поставить на повѣстку слѣдующаго общаго собранія. Затѣмъ было доложено общему собранію, что правленіе постановило сдѣлать отсрочку платежей членамъ кассы, призваннымъ на войну, а также лицамъ, находящимся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, вызванныхъ военнымъ временемъ. Собраніе постановленіе правленія утвердило. Общее собраніе ассигновало 1.000 рублей на освобожденіе отъ обязательныхъ платежей за 1914 годъ. Въ члены ревизионной комиссіи избраны В. Н. Цѣховская, Е. А. Чебышева-Дмитріева, П. И. Межевичевъ, Ю. Н. Лавриновичъ и Е. Е. Семенюта. Въ члены кассы избраны профессоръ А. И. Ивановъ, В. С. Поповъ, П. Я. Рысь, И. Л. Гарнесъ, В. Н. Стечкинъ и другіе. По вопросу объ ознаменованіи двадцатипятилѣтія кассы, которое предполагается въ началѣ 1916 года, собраніе поручило правленію разработать детально программу юбилейнаго ознаменованія и сдѣлать по этому поводу докладъ общему собранію.

Юбилей С. Е. Виссаріонова. Предсѣдатель петроградскаго комитета по дѣламъ печати С. Е. Виссаріоновъ праздновалъ 1-го декабря двадцатипятилѣтіе своей государственной службы. Юбиларъ по окончаніи юридическаго факультета долгое время служилъ по министерству юстиціи, откуда въ 1906 году по приглашенію П. А. Столыпина перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ департаментъ полиціи. Въ 1912 г. С. Е.—тогда вице-директоръ департамента полиціи—былъ назначенъ предсѣдателемъ столичнаго комитета по дѣламъ печати. Ссылаясь на переживаемое родиной время, С. Е. уклонился отъ чествованія. Тѣмъ не менѣе юбиляра 1-го декабря въ теченіе цѣлаго дня посѣтило много друзей, знакомыхъ и сослуживцевъ. Среди принесшихъ поздравленіе были начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати графъ С. С. Татищевъ, бывшіе директора департамента полиціи сенаторы Н. П. Зуевъ и С. П. Вѣлецкій; директора департаментовъ министерства юстиціи П. Н. Милютинъ и Д. А. Живковичъ и мн. др. Сослуживцы поднесли юбиляру подарокъ.

Юбилей профессора А. А. Иванова. 30-го ноября на высшихъ женскихъ курсахъ состоялось чествованіе секретаря совѣта профессоровъ, профессора А. А. Иванова по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія его научно-педагогической дѣятельности. Присутствовали профессора съ директоромъ курсовъ во главѣ и слушательницы. Профессоръ А. А. Ивановъ родился въ 1867 году.

По окончаніи восьмой гимназіи онъ поступилъ въ петроградскій университетъ, который окончилъ въ 1889 году. Въ теченіи одиннадцати лѣтъ профессоръ А. А. Ивановъ работалъ въ Пулковской обсерваторіи, а затѣмъ въ главной палатѣ мѣръ и вѣсовъ. Профессоръ А. А. Ивановъ въ настоящее время занимаетъ кафедры астрономіи въ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ. Профессоромъ А. А. Ивановымъ издано много цѣнныхъ научныхъ трудовъ и, между прочимъ, нѣсколько популярныхъ книгъ по астрономіи. Въ день юбилея профессоромъ А. А. Ивановымъ получено много поздравленій, въ томъ числѣ отъ директора Пулковской обсерваторіи академика Баклунда, астронома Покровскаго изъ Юрьева и мн. др.

Юбилей профессора Б. М. Кояловича. 30-го ноября исполнился двадцатипятилѣтній юбилей учено-преподавательской дѣятельности профессора Б. М. Кояловича. Юбиляръ родился въ 1867 г.—сынъ профессора духовной академіи. Университетъ онъ окончилъ въ 1889 году, а въ 1894 году защитилъ диссертацию на степень магистра и въ 1903 году на степень доктора. Въ 1892 году преподавательская дѣятельность Б. М. Кояловича началась въ технологическомъ институтѣ, гдѣ онъ въ настоящее время занимаетъ кафедру математики, а съ 1894 г. также и на высшихъ женскихъ курсахъ. Съ 1911 года профессоръ Б. М. Кояловичъ занимаетъ кафедру математики въ женскомъ педагогическомъ институтѣ. Б. М. Кояловичъ состоитъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и членомъ конференціи Николаевской инженерной академіи. За послѣднія нѣсколько лѣтъ профессоръ Б. М. Кояловичъ неизмѣнно назначался предѣдателемъ физико-математической испытательной комиссіи при петроградскомъ университетѣ.

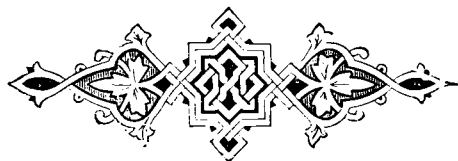
Конкурсъ на премію имени исторіографа Оренбургскаго края Владимира Николаевича Витевского. Оренбургская городская управа, на основаніи журнальнаго постановленія оренбургской городской думы на 9-ое апрѣля 1910 года, объявляетъ конкурсъ на соисканіе преміи имени исторіографа Оренбургскаго края Владимира Николаевича Витевского. Условія конкурса, согласно выработаннаго устава, слѣдующія: 1. Премія имени В. Н. Витевского учреждается оренбургскою городскою думою для поощренія научныхъ изслѣдованій Оренбургскаго края по вопросамъ теоретическаго и прикладнаго характера. Подъ именемъ «Оренбургскаго края» надлежитъ понимать территорию, входившую въ составъ прежняго оренбургскаго генералъ-губернаторства. 2. Премія, въ размѣрѣ трехсотъ рублей, выдается разъ въ три года за лучшее сочиненіе въ означенномъ родѣ или можетъ быть подѣлена между нѣсколькими, но не болѣе, какъ тремя сочиненіями. 3. Представляемая на соискательство преміи сочиненія должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: а) должны быть написаны на русскомъ языкѣ; б) должны быть представлены въ рукописи или въ напечатанномъ видѣ; изъ напечатанныхъ работъ подлежатъ награжденію только тѣ, которыя напечатаны въ теченіе послѣдняго года передъ представленіемъ; в) они должны представлять собою изслѣдованія Оренбургскаго края, а также и сводки результатовъ прежнихъ работъ; г) они не должны игнорировать трудовъ предшествующихъ мѣстныхъ изслѣдователей; д) сочиненія, являющіяся результатомъ изслѣдованій, совершенныхъ на

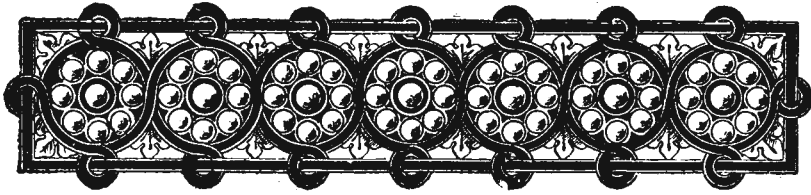
счетъ научныхъ обществъ или правительственныхъ учреждений, не могутъ быть представляемы на конкурсъ. 4. Сочиненія на соискательство преміи подаются на имя оренбургскаго городского головы; могутъ быть представлены и подъ девизомъ. 5. Комитетъ по разсмотрѣнію представленныхъ сочиненій на премию составляется городской думой изъ представителей по одному отъ cadaго имѣющагося въ Оренбургѣ ученаго или научно-практическаго общества и одного отъ городской думы. 6. Комитетъ поручаетъ разсмотрѣніе представленныхъ работъ или своихъ членамъ или обращается за содѣйствіемъ къ специалистамъ, не входящимъ въ его составъ, и свои заключенія сообщаетъ оренбургскому городскому головѣ. 7. Городская дума, выслушавъ заключеніе комитета, постановляетъ свое рѣшеніе. 8. Работы, удостоенныя преміи, съ согласія автора, печатаются на счетъ оренбургской городской думы, которой и принадлежитъ первое изданіе. 9. Если премія не будетъ присуждена, конкурсъ откладывается на слѣдующій годъ. Срокъ представленія сочиненій на конкурсъ 1-ое мая 1915 года.

Отъ Романовскаго комитета. Неслыханна по своей жестокости нынѣшняя война. Съ беззавѣтною храбростію чудо-багатыри наши отдаютъ свою жизнь на защиту родины отъ кроваваго врага. Много сиротъ остается послѣ нихъ въ деревняхъ и селахъ нашихъ. Священный долгъ родины спасти этихъ сиротъ отъ физической и нравственной гибели и обезпечить имъ призрѣніе и воспитаніе. Состоящій подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ Романовскій комитетъ уже остановилъ свое вниманіе на этой потребности. Къ земскимъ учреждениямъ уже обращена просьба создать при его помощи сѣтъ воспитательныхъ учреждений, приспособленныхъ къ крестьянскому быту, въ которыхъ осиротѣвшія вслѣдствіе войны дѣти могли бы получить необходимыя ремесленныя или сельско-хозяйственныя познанія, обезпечивающія имъ въ будущемъ хорошій заработокъ. Но изъ имѣющихся въ распоряженіи комитета казенныхъ средствъ онъ можетъ оказывать созданію и содержанію подобныхъ заведеній лишь ограниченную помощь, въ размѣрѣ половины средствъ, предназначаемыхъ для сего мѣстными учреждениями. Чтобы сдѣлать нѣчто достойное великой Россіи и дѣйствительно, а не только на словахъ, воздать хотя бы отчасти нашимъ храбрецамъ, въ лицѣ ихъ потомства, благодарность родины—нуженъ обильный притокъ добродѣтельныхъ пожертвованій. Комитетъ вѣритъ, что таковыя притекутъ. Каждая, хотя бы и самая ничтожная, лепта будетъ принята съ горячею благодарностію, будетъ израсходована съ строгою бережливостію и въ ней будетъ отданъ публичный отчетъ. Пожертвованія принимаются: 1) въ канцеляріи совѣта министровъ (по Романовскому комитету)—Петроградъ, улица Жуковскаго, 59, ежедневно отъ 1 до 5 часовъ дня. 2) въ конторахъ и отдѣленіяхъ государственнаго банка; 3) во всѣхъ казначействахъ имперіи. Пожертвованія, отправляемые денежными переводами, адресуются на имя Романовскаго комитета въ Петроградъ (улица Жуковскаго, 59).

Помощь Сербіи. Возваніе сербскаго архимандрита Михаила. Сербскій архимандритъ Михаилъ разослалъ всѣмъ городскимъ главамъ Россіи письма-воззванія слѣдующаго содержанія: «Въ виду крайне тяжелаго положенія Сербіи, доведенной трехлѣтней борьбой со своими врагами до полнаго разоренія,

обращаюсь къ вамъ, какъ къ избраннику и представителю города, со всепокорнѣйшей просьбой, не найдете ли вы возможнымъ предложить гласнымъ мѣстной городской думы оказать пожертвованія въ пользу жертвъ войны, ихъ семействъ, раненыхъ и больныхъ. Описать несчастное положеніе Сербіи невозможно. Значительная часть ея территоріи занята врагомъ, опустошена; жители, не исключая младенцевъ, перебиты или увезены на чужбину, дома сожжены, имущество разграблено. Пожертвованія будутъ немедленно мною препровождаемы сербскому и черногорскому «Красному Кресту» и правительствамъ, о чемъ васъ немедленно извѣщу. Съ глубокимъ уваженіемъ къ вамъ, смиренный молитвенникъ и покорный слуга архимандритъ Михаилъ, представитель сербской церкви въ Россіи».

НЕКРОЛОГИ.

БОГДАНОВИЧЪ, А. В. 5-го декабря предали землѣ тѣло почившей вдовы генераль-адъютанта Е. В. Богдановича—Александры Викторовны. Покойная скончалась шестидесяти восьми лѣтъ отъ роду и до конца жизни проявляла исключительный интересъ къ политической и общественной жизни Россіи. Всѣ, кто бывалъ у генерала Богдановича, а бывали у него почти всѣ выдающіеся дѣятели нашего времени, хорошо знали гостепріимную хозяйку интереснѣйшаго политическаго салона. Александра Викторовна умѣла соединять въ себѣ плѣнительность тонко воспитанной женщины, выдержку зрѣлаго ума и широкое радушіе хозяйки. Говорятъ, что покойная оставила послѣ себя мемуары. Если это правда, то русская жизнь, начиная съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, обрѣла въ ея лицѣ тонкаго и умнаго лѣтописца, много видѣвшаго и еще болѣе знавшаго. Имя супруговъ Богдановичей носило слишкомъ опредѣленную національно-консервативную окраску, чтобы вокругъ

нихъ не было многочисленныхъ враговъ. Они знали это и относились къ своимъ врагамъ со спокойнымъ достоинствомъ, которое такъ шло къ этой умной и благородной парѣ русскихъ людей, горячо и искренно любившихъ великую Россію. Погребеніе состоялось въ Александро-Невской лаврѣ. (Некрологъ ея: «Голосъ Руси», 1914 г., № 331).

† **Брюлловъ, П. А.** 3-го декабря с. г. скончался дѣйствительный членъ императорской академіи художествъ Павелъ Александровичъ Брюлловъ. Покойный принадлежалъ къ художественной семьѣ, давшей Россіи цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей въ области искусства. Родной дядя умершаго—Карль Павловичъ—былъ создателемъ знаменитой картины «Послѣдній день Помпеи»,

а отецъ его, Александръ Павловичъ, пользовался въ николаевскія времена большою популярностью; какъ талантливый архитекторъ. П. А. родился 17-го августа 1840 года въ Павловскѣ, на той самой дачѣ, которая была пожалована за художественныя заслуги его отцу императоромъ Николаемъ I. Въ Павловскѣ же нашель себѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія прахъ почившаго художника. П. А. получилъ двойное высшее образованіе: на физико-математическомъ факультетѣ петроградскаго университета, курсъ котораго окончилъ въ 1864 году со званіемъ кандидата, и въ императорской академіи художествъ, гдѣ специализировался по архитектурѣ. По окончаніи послѣдняго высшаго учебнаго заведенія Брюлловъ былъ командированъ за границу, гдѣ провелъ два года, изучая иностранную живопись и работая подъ руководствомъ западно-европейскихъ мастеровъ. По возвращеніи въ Россію Брюлловъ примкнулъ къ лагерю «передвижниковъ» и у нихъ выставилъ свою первую картину «Жатва», находящуюся нынѣ въ одной изъ частныхъ художественныхъ коллекцій въ Англіи. Этотъ первый успѣшный дебютъ въ области пейзажной живописи вызвалъ къ жизни рядъ пейзажей П. А. («Весна», картина Эльбруса съ Бермамутомъ, «циклъ алжирскихъ картинъ», Сиди-Окба и Зруйя, находящіяся въ Третьяковской галлерей въ Москвѣ). Работалъ П. А. и въ области жанра (картина «Дѣвочки»), оставилъ онъ также слѣды въ исторіи русской портретной живописи (прекрасный портретъ К. Д. Кавелина, находящійся въ Русскомъ музеѣ императора Александра III). Многія художественныя работы П. А. хранятся въ картинной галлерей Терещенко. Вообще, необходимо отмѣтить, что П. А. выставялъ свои картины неохотно и мало. Для того, чтобы правильно судить объ истинныхъ размѣрахъ его дарованія, нужно знать его этюды и эскизы, исполненные непосредственной яркости. Будучи глубокимъ и серьезнымъ теоретикомъ въ области искусства, П. А. чрезвычайно взыскательно относился къ своимъ картинамъ и, постоянно передѣлывая и переписывая ихъ, какъ говорятъ художники, нѣсколько «засушивалъ» свои полотна. Послѣдніе годы жизни П. А. числился дѣйствительнымъ членомъ императорской академіи художествъ и членомъ ея совѣта, въ то же время служа въ качествѣ хранителя коллекціи въ Русскомъ музеѣ императора Александра III въ Петроградѣ (съ 1897 по 1912 годъ). П. А. принадлежалъ къ числу тѣхъ скромныхъ силъ художественной Россіи, которыя, не создавая собственного направленія въ искусствѣ, однако весьма успѣшно содѣйствуютъ возвышенію художественнаго уровня родины своими полезными трудами. Къ числу большихъ заслугъ П. А. слѣдуетъ отнести его энергичную дѣятельность въ обществѣ передвижныхъ выставокъ, председателемъ правленія которыхъ онъ состоялъ долгое время. (Некрологъ его: «Голосъ Руси», 1914 г., № 330.)

† **Буйницкій, Н. А.** 5-го декабря съ поля битвы пришло печальное извѣстіе о кончинѣ заслуженнаго профессора Николаевской инженерной академіи, военнаго инженера, генераль-лейтенанта Нестора Алоизіевича Буйницкаго, который былъ извѣстенъ какъ выдающійся знатокъ крѣпостнаго дѣла и фортификаціи. Ему принадлежитъ нѣсколько цѣнныхъ работъ по фортификаціонному дѣлу. Во время японской войны его военные обзоры печатались въ «Новомъ Времени» и были посвящены по преимуществу осадѣ Портъ-Артура. Покойный

по окончаніи курса во второй петроградской гимназіи поступилъ въ Николаевское инженерное училище, изъ котораго выпущенъ подпоручикомъ въ первый саперный батальонъ. Затѣмъ онъ окончилъ курсъ Николаевской инженерной академіи и послѣ трехлѣтняго пребыванія въ осовецкомъ крѣпостномъ управленіи въ качествѣ штабъ-офицера вернулся въ инженерную академію на должность репетитора. Черезъ восемь лѣтъ, въ 1900 году, Н. А. былъ экстраординарнымъ профессоромъ, въ 1904 году—ординарнымъ. Въ 1909 году покойный былъ привлеченъ въ инженерный комитетъ главнаго инженернаго управленія въ качествѣ постоянного члена. Когда крѣпостное дѣло перешло въ вѣдѣніе генеральнаго штаба и при главномъ военно-техническомъ управленіи была образована крѣпостная комиссія, Н. А. былъ избранъ постояннымъ членомъ этой комиссіи и явился однимъ изъ ея дѣятельнѣйшихъ и талантливыхъ сотрудниковъ. Война увлекла его на театръ военныхъ дѣйствій. Смерть отъ несчастнаго случая—столкновенія автомобиля съ телеграфнымъ столбомъ—унесла его въ могилу въ расцвѣтѣ его творческихъ силъ на пятьдесятъ второмъ году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914, № 13917).

† **Ермолаевъ, Г. И.** 3-го декабря скончался редакторъ «Артиллерійскаго Журнала» и совѣщательный членъ артиллерійскаго комитета генераль-отъ-артиллеріи Г. И. Ермолаевъ. Покойный родился въ 1838 году; образованіе получилъ въ воронежскомъ и Константиновскомъ кадетскихъ корпусахъ и въ Михайловской артиллерійской академіи. Службу началъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскомъ полку (1858 г.) и по окончаніи въ 1860 г. академіи былъ переведенъ въ гвардейскую конную артиллерію и служилъ, занимая техническія артиллерійскія должности. Въ 1869 году былъ назначенъ завѣдующимъ чертежной главнаго артиллерійскаго управленія, въ 1883 году—совѣщательнымъ членомъ артиллерійскаго комитета, а въ 1885 году—редакторомъ «Артиллерійскаго Журнала», обязанности котораго онъ несъ до своей кончины. Въ томъ же 1885 году былъ произведенъ въ генераль-майоры, въ 1895 году—въ генераль-лейтенанты и въ 1913 г.—въ генералы-отъ-артиллеріи. Въ 1868 году по порученію главнаго артиллерійскаго управленія покойный составилъ «Сборникъ свѣдѣній по матеріальной части полевой артиллеріи». Въ 1870 году для третьей части «Справочной книжки для артиллерійскихъ офицеровъ» покойный составилъ главу «Орудійная принадлежность». Затѣмъ въ 70-хъ годахъ покойнымъ были составлены для издававшагося въ то время «Краткаго руководства артиллерійской службы» статьи: 1) «Обозъ полевыхъ батарей», и 2) «Инструменты легкихъ и конныхъ батарей». Покойный руководилъ изданіемъ «Артиллерійскаго Журнала» почти тридцать лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914, № 13914).

† **Зильберманъ, П. Я.** Послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни во Владикавказѣ скончался журналистъ Петръ Яковлевичъ Зильберманъ. Покойный болѣе двадцати лѣтъ работалъ въ столичной и провинціальной печати. Въ 1905 г. онъ сотрудничалъ въ «Сынѣ Отечества» изданія С. П. Юрицына, а по закрытіи этой газеты—въ цѣломъ рядѣ народническихъ изданій. Затѣмъ съ закрытіемъ большинства изъ нихъ онъ уѣхалъ на Кавказъ, въ Пятигорскѣ редактировалъ газету «Курортная Жизнь», «Казбекъ». Возвратившись вновь въ Петроградъ,

П. Я. Зильберманъ завѣдывалъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» провинціальнымъ отдѣломъ. Большой туберкулезомъ П. Я. вынужденъ былъ уѣхать въ Крымъ, а затѣмъ переѣхалъ въ Екатеринодаръ, гдѣ завѣдывалъ редакціей газеты «Кубанскій Курьеръ». Недавно онъ переѣхалъ во Владикавказъ, гдѣ и скончался отъ туберкулеза легкихъ. (Некрологъ его: «День», 1914, № 313).

† **Кассо, Л. А.** 26-го ноября скончался министр народнаго просвѣщенія, докторъ гражданскаго права Левъ Аристовичъ Кассо. Онъ былъ приглашенъ на министерскій постъ покойнымъ предсѣдателемъ совѣта министровъ П. А. Столыпинымъ въ ноябрѣ 1910 года и въ теченіе четырехъ лѣтъ руководилъ дѣятельностью министерства, сохранивъ министерскій портфель при графѣ В. Н. Коковцовѣ и И. Л. Горемыкинѣ. Л. А.—потомственный дворянинъ Бессарабской губерніи, гдѣ онъ имѣлъ крупную земельную собственность. Онъ родился въ Парижѣ 6-го іюня 1865 года, учился въ парижскомъ лицѣ Condorat, слушалъ лекціи въ парижской Ecole de droit и на юридическихъ факультетахъ гейдельбергскаго и берлинскаго университетовъ. Въ берлинскомъ семинаріи римскаго права покойный провелъ два года и получилъ въ 1889 году отъ берлинскаго университета степень доктора правъ. Вернувшись въ Россію, Л. А. выдержалъ въ юревскомъ университетѣ въ 1892 году магистерскій экзаменъ по гражданскому праву и былъ назначенъ исправлять должность доцента по кафедрѣ церковнаго права. Черезъ годъ онъ исполнялъ должность экстраординарнаго профессора по кафедрѣ мѣстнаго остзейскаго гражданскаго права, дѣйствующаго въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской. Въ это время имъ изданъ «Обзоръ остзейскаго гражданскаго права». Въ 1895 году покойный защитилъ въ университетѣ Святого Владимира диссертацию на степень магистра гражданскаго права «Преемство наслѣдника въ обязательствахъ наслѣдодателя» и былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ харьковскаго университета по кафедрѣ гражданскаго права и судопроизводства. Въ 1899 году онъ защитилъ въ университетѣ святого Владимира диссертацию «Понятіе о залогѣ въ современномъ правѣ» на степень доктора гражданскаго права и былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ московскаго университета по гражданскому праву. Кафедру эту занималъ до своего назначенія управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1910 году. Одновременно онъ былъ инспекторомъ лица цесаревича Николая въ Москвѣ и, когда директоръ лица Л. А. Георгіевскій былъ призванъ на постъ товарища министра народнаго просвѣщенія, онъ явился его преемникомъ по должности директора лица. Съ 1900 года Л. А. ежегодно назначался членомъ государственной юридической испытательной комиссіи при московскомъ университетѣ. Въ 1901 году онъ сдѣлалъ по порученію министра народнаго просвѣщенія разборъ проекта статей объ авторскомъ правѣ. Будучи профессоромъ московскаго университета, Кассо чуждался занятій политикой и всецѣло посвятилъ себя своему научному предмету и практическимъ занятіямъ въ руководимомъ имъ семинаріи. Гражданское право онъ читалъ талантливо и дѣятельно заботился о приобрѣтеніи студентами знаній по его специальности. Какъ человекъ, онъ отличался безупречной корректностью и большимъ остроуміемъ. Къ ученымъ трудамъ Л. А. принадлежали: диссертация—«Die Haftung des Benefizialerben nach römischem und heutigem

Recht» (Berlin 1889 г.), «Преемство наследника въ обязательствахъ наследодателя» (Юрьевъ 1895 г.), «Обзоръ остзейскаго гражданскаго права» (1896 г.), «Общiе и мѣстные гражданскiе законы» (Харьковъ 1896 г.), «Ф. Г. фонъ-Бунге и остзейское гражданское право» (Спб. 1897 г.), «Понятiе о залогѣ въ современномъ правѣ» (Юрьевъ 1898 г.), «Источники русскаго гражданскаго права» (М. 1900 г.), «Запродажа и задатокъ» («Журналъ Министерства Юстиции» 1903 г., кн. 5), «Къ столѣтiю кодекса Наполеона I» (тамъ же, 1904 г., кн. 1), «Къ исторiи Свода Гражданскихъ Законовъ» (кн. 3), «Зданiя на чужой землѣ» (М. 1905 г.), «Неизвѣстность хозяина потерянной вещи» (М. 1905 г.), «Русское поземельное право» (М. 1906 г.), «Византийское право въ Бессарабiи» (М. 1907 г.), рядъ статей въ «Ученыхъ запискахъ императорскаго лицаа цесаревича Николая» (1908—1912 гг.), «Россiя на Дунаѣ и образованiе Бессарабской области» (М. 1913 г.) и «Петръ Манега, забытый кодификаторъ бессарабскаго права» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенiя, 1914 г., кн. 1). (Некрологи его: «Новое Время» 1914, № 13906 и «Московскiя Вѣдомости», 1914, № 275).

† **Кашкинъ, Н. С.** Въ Калужской губернiи 29-го ноября скончался въ глубокой старости извѣстный общественный дѣятель Николай Сергѣевичъ Кашкинъ, послѣднiй петрашевецъ. Собственно говоря, Кашкинъ не былъ членомъ кружка Петрашевскаго, а стоялъ во главѣ маленькаго кружка поклонниковъ Фурье, собиравшихся специально съ цѣлью изученiя сочиненiй этого писателя. Устроенный членами кружка 7-го апрѣля 1849 года, въ годовщину рожденiя Фурье, обѣдъ въ его честь, рѣчи, произносившiяся на этомъ обѣдѣ, и присутствованiе одинъ разъ на собранiи у Петрашевскаго послужили основанiемъ для привлеченiя Кашкина въ дѣлу петрашевцевъ. Какъ и всѣ прочiе участники этого дѣла, Кашкинъ, несмотря на свою молодость (онъ родился въ 1829 году, и ему было тогда только 20 лѣтъ), былъ приговоренъ къ смертной казни. Казнь ему была замѣнена отдачей въ рядовые въ кавказскiе линейные батальоны. Солдатскую лямку онъ тянулъ до 1855 года, когда былъ произведенъ въ прапорщики, причемъ за участiе въ походахъ противъ горцевъ получилъ солдатскiй георгиевскiй крестъ. Въ 1856 году онъ былъ помилованъ, а въ слѣдующемъ 1857 году ему были возвращены права дворянства. Тяжелый ударъ, обрушившiйся на Кашкина въ дни его юности, не сломилъ его. Поселившись по возвращенiи съ Кавказа въ Калужской губернiи, онъ принялъ живое участiе въ дѣлѣ освобожденiя крестьянъ. Онъ былъ выбранъ членомъ губернскаго комитета и былъ здѣсь однимъ изъ главныхъ представителей небольшого прогрессивнаго меньшинства. Это же меньшинство поручило Кашкину защиту въ редакционнхъ комиссiяхъ выработаннаго меньшинствомъ проекта положенiя, но въ виду своего прошлаго Кашкинъ, не имѣвшiй въ то время права въѣзда въ столицу, не былъ допущенъ къ участiю въ редакционнхъ комиссiяхъ. Со введенiемъ въ Калужской губернiи земскихъ учрежденiй онъ безсмѣнно избирался уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ, а въ 1866 году былъ избранъ козельскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ сѣзда мировыхъ судей и былъ утвержденъ въ этой должности, хотя полицейскiй надзоръ съ него былъ снятъ только въ 1865 году. Въ 1870 году онъ перешелъ на коронную службу и былъ назначенъ членомъ окружнаго суда. Судебная его дѣятельность продол-

жалась до 1908 года, когда въ виду преклоннаго возраста онъ выпелъ въ отставку. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1914, № 276).

† **Лачинова, А. А.** 26-го ноября скончалась на 83 году Анна Александровна Лачинова, авторъ многихъ романовъ и повѣстей, написанныхъ ею самостоятельно, подъ псевдонимомъ «Вольскій» и въ сотрудничествѣ съ своею сестрою П. А. Лачиновой, подъ псевдонимомъ «Лѣтневъ». Въ свое время эти романы, печатавшіеся въ повременныхъ изданіяхъ и живо характеризовавшіе общественное настроеніе шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, охотно читались тогдашнею молодежью и потребовали изданія полнаго собранія сочиненій Лѣтнева. Послѣдними произведеніями А. А. Лачиновой, до глубокой старости сохранившей ясность ума, живость пониманія и отзывчивость къ явленіямъ современной жизни, были: «Жена», «Мертвая схватка» и «Подъ грозой». Молодость свою А. А. провела въ старомъ дворянскомъ гнѣздѣ въ центрѣ нашего черноземья (Тамбовской губерніи) въ самомъ разгарѣ крѣпостного права, пережила освободительныя реформы императора Александра, русско-японскую войну, революцію, новый порядокъ вещей и, наконецъ, имѣла счастье въ концѣ своей долгой жизни увидѣть столь упорно ожидаемый ею моральный переворотъ въ русской жизни, связанный съ настоящею войною. По своему живому и нетерпѣливому характеру, А. А. не хотѣла ждать эволюціи, длящейся десятками годовъ; несмотря на мрачный тонъ русской жизни послѣднихъ лѣтъ, несмотря на отсутствіе идеаловъ въ новыхъ верхнихъ слояхъ нашего общества и на отсутствіе понятій о добрѣ и злѣ, потерянныхъ въ винныхъ парахъ, несмотря на доходящее до цинизма равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, она твердо вѣрила въ неизбѣжность моральнаго переворота, что «такъ жить нельзя» и что все сдѣлается «вдругъ». И это «вдругъ» совершилось. Какъ человекъ, А. А. представляла собою совершенно исключительный характеръ: обладая душой, полной любви къ ближнему, чуткой ко всякому несчастью и стремящейся навстрѣчу всякому доброму дѣлу, она при этомъ совершенно забывала о себѣ и въ самоотреченіи находила смыслъ и наслажденіе въ жизни. Въ этомъ отношеніи она доходила даже до смѣшнаго: желая, напримѣръ, облегчить работу прислуги, она, мало-по-малу, принимала ея работу на себя, и кончалось тѣмъ, что догадливая прислуга совершенно забывала свои обязанности и охотно предоставляла ихъ барышѣ. Въ дѣлѣ благотворенія А. А. не размѣнивалась на мелочи, не любила мелкихъ подачекъ, но всегда желала видѣть результаты своей помощи и, можно сказать, преслѣдовала своихъ «протеже»; нерѣдко она ошибалась въ своихъ симпатіяхъ, но это нисколько не охлаждало ея желанія итти на помощь ближнему. Словомъ, она находила смыслъ и наслажденіе въ жизни только въ самопожертвованіи и самоотреченіи, и потому жизнь ея была полна и оставила неизгладимую память во всѣхъ ее знавшихъ.

† **Масловъ, А. Л.** Александръ Леонтьевичъ Масловъ, музыкальный писатель и этнографъ, убитъ въ бою съ австро-германцами. А. Л. родился въ 1876 году въ Ливенскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, окончилъ шесть классовъ елецкой гимназіи и курсъ музыкально-драматическаго училища филармоническаго общества въ Москвѣ съ званіемъ свободнаго художника. Начиная съ 1902 года, онъ совершилъ рядъ музыкально-этнографическихъ экспедицій: на Бѣлое море, въ Орловскую губернію, въ Малороссію и лѣтомъ этого года въ Юго-

Западный край, откуда и былъ призванъ на войну въ званіи прапорщика. Болѣе четырнадцати лѣтъ онъ сотрудничалъ въ этнографическомъ отдѣлѣ общества любителя естествознанія, а потомъ въ основаннейшей при отдѣлѣ музыкально-этнографической комиссіи въ качествѣ ея секретаря, организатора и устроителя музыкально-этнографическихъ концертовъ, докладчика многихъ своихъ рефератовъ и т. д. Въ «Этнографическомъ Обзорѣніи», «Трудахъ музыкально-этнографической комиссіи» и «Русской Музыкальной Газетѣ» имъ напечатанъ рядъ очерковъ и статей по музыкальной этнографіи. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1914, № 274).

† **Пославскій, И. Т.** 13-го ноября въ городѣ Ташкентѣ отъ воспаления легкихъ скончался одинъ изъ старыхъ туркестанцевъ, сотрудниковъ К. П. Кауфмана и Г. А. Колпаковского, инженеръ генераль-лейтенантъ Илья Титовичъ Пославскій. Покойный въ 1879 году выпущенъ былъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ и, въ 1877 году окончивъ курсъ Николаевской инженерной академіи, дальнѣйшую свою службу проходилъ по инженерному вѣдомству въ туркестанскомъ военномъ округѣ. Столь продолжительная служба въ Туркестанскомъ краѣ сроднила совершенно И. Т. съ Туркестаномъ, а врожденная любознательность, широкое образованіе, настойчивость въ намѣченныхъ жизненныхъ задачахъ сдѣлали И. Т. однимъ изъ глубокихъ знатоковъ этого края. Немало энергіи и знанія употребилъ И. Т. на знакомство съ языкомъ, бытомъ и прошлымъ населенія Туркестана, съ особою любовью собиралъ и изучалъ памятники древней арійской культуры нашей Средней Азии. Долголѣтняя служба въ краѣ дала возможность И. Т. сдѣлаться владѣльцемъ единственной въ своемъ родѣ коллекціи такъ называемыхъ оссуаріевъ, остатковъ своеобразнаго культа погребенія, любопытныхъ глиняныхъ урнъ съ фигурными и иными украшеніями. Ознакомленію широкой публики съ найденными имъ памятниками быта посвященъ былъ цѣлый рядъ публичныхъ докладовъ Пославскаго въ мѣстномъ археологическомъ кружкѣ, напечатанныхъ затѣмъ въ трудахъ этого кружка. Значеніе дѣятельности И. Т. въ Туркестанѣ не исчерпывается его археологическими интересами: и въ области своей практической дѣятельности, какъ военный инженеръ, онъ оставилъ по себѣ богатое наслѣдство въ цѣломъ рядѣ прекрасныхъ проектовъ всякаго рода построекъ и сооружений военныхъ и гражданскихъ, осуществленныхъ подъ его руководствомъ. Основательное знаніе края и особенно Бухары обратило вниманіе Пославскаго на значеніе для прочнаго закрѣпленія нашего владычества на Аму-Дарьѣ мѣстности у бухарскаго селенія Термезъ. Докладъ Пославскаго о Термезѣ былъ настолько убѣдителенъ, что наше правительство рѣшило сначала приобрести покупкою небольшой участокъ земли въ Термезѣ для постройки казармъ, а затѣмъ добилось отъ эмира бухарскаго уступки тамъ же значительной площади для сооруженія крѣпости и русскаго поселенія. Пославскій немало поработалъ надъ созданіемъ этого русскаго поселка на границахъ Афганистана, надъ его благоустройствомъ, орошеніемъ и колонизаціей. Послѣ занятія Термеза, по инициативѣ и по проектамъ его же, было приступлено къ сооруженію важнѣйшаго въ краѣ тракта для соединенія Самарканда съ Термезомъ. Въ 1910 году генераль Пославскій былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи по выработкѣ основныхъ началъ всесторонняго экономическо-статистическаго обслѣдованія Туркестана и тогда

же на его долю выпало счастье стать во главѣ исполнительнаго комѣтета по сооруженію въ Ташкентѣ памятника устройтелю Туркестанскаго края К. П. Кауфману, при которомъ Пославскій пачаль свою службу въ этомъ краѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914, № 13907).

† **Чаевъ, Н. А.** 16-го ноября скончался Николай Александровичъ Чаевъ. Москва потеряла одного изъ видныхъ театралныхъ старожилловъ, литература—одного изъ видныхъ русскихъ драматурговъ, театр—крупнаго дѣятеля и знатока сцены. Перу Н. А. принадлежать драмы и хроники изъ древней русской исторіи. Изъ нихъ большинство видѣло свѣтъ рампы и въ Москвѣ, и въ провинціи. Наиболѣе значительными произведеніями Н. А. считаютъ «Дмитрія Самозванца», «Свекровь» (трагедія изъ временъ удѣловъ), «Царя и великаго князя всея Руси Василя Ивановича Шуйскаго». Перу Н. А. принадлежать историческіе романы: «Подслудныя силы» и «Богатыри» (повѣсть изъ эпохи Павла I). Имъ написана поэма «Надя». Перечень работъ Н. А. будетъ не полонъ, если не указать его ученаго труда «Наша старина по лѣтописи и устному сказанью». Любовь къ старинѣ—отличительная черта Н. А.. Служенію ей онъ отдалъ всю свою жизнь. Окончивъ московскій университетъ, Н. А. еще юношей поступилъ въ московскую дворцовую контору. Его бережное и любовное вниманіе къ памятникамъ древности, которыми такъ богата Москва, обратило на себя вниманіе, и скоро Н. А. получилъ въ завѣдываніе одну изъ русскихъ сокровищницъ—Оружейную палату. Въ теченіе многихъ лѣтъ Н. А. стоялъ на этомъ посту, и его руками было сдѣлано многое для пополненія коллекцій палаты. Въ періодъ музейной работы Н. А. написалъ свое первое литературное произведеніе. Его сразу замѣтили. О немъ говорилъ Н. А. Добролюбовъ. Послѣ смерти А. Н. Островскаго Н. А. сталъ завѣдующимъ репертуарной частью московскихъ Императорскихъ театровъ, гдѣ и работалъ долго и много, но подошла старость, и Н. А. удалился на покой. Но «покой» не удовлетворилъ Н. А. Послѣ краткаго перерыва въ работѣ онъ написалъ воспоминанія о дѣдушкѣ Малаго театра М. С. Щепкинѣ и историческую хронику «1613 годъ». «1613 годъ» былъ поставленъ на Малой сценѣ въ дни юбилейныхъ торжествъ въ память трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Скончался Н. А. девяноста лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: бюллетень «Русскаго Слова», отъ 17-го ноября 1914 года).

~~~~~

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

—

I.

По поводу «Замѣтки» г. Перуанскаго.

Въ моихъ очеркахъ «Не жизнь, а декорация» (въ «Истор. Вѣстн.», 1911, № 2) на стр. 589—591 описаны своеобразные «порядки» земской больницы въ гор., Васильѣ и обрисована несимпатичная личность нѣкоего врача, завѣдующаго больницей. Имя этого земскаго дѣятеля не было упомянуто въ моей статьѣ.

Теперь г. Перуанскій восполняетъ этотъ пробѣлъ, объявляя во всеобщее свѣдѣніе («Ист. Вѣстн.», 1914, № 11, стр. 704), что на указанныхъ страницахъ моихъ очерковъ обрисованъ именно онъ, Д. А. Перуанскій, а не кто-либо другой.

Кромѣ того, г. Перуанскій оповѣщаетъ читателей «Истор. Вѣстн», что я причтенъ нижегородскимъ окружнымъ судомъ къ лику «клеветниковъ».

Г. Перуанскій наивно полагаетъ, что своимъ сообщеніемъ онъ сведетъ на нѣтъ мою характеристику его особы и его больницы. Увы! что написано перомъ, того не вырубишь ни топоромъ, ни судебнымъ приговоромъ...

Недаромъ вѣдь говорится, что судебные процессы «выигрываются» и «проигрываются». Веденіе ихъ—такое сложное искусство, что вполне овладѣвають имъ лишь специалисты...

Не имѣя за мою долгую жизнь случаевъ свести знакомство съ російской Оемидой, естественно, что я «проигралъ» дѣло съ Перуанскимъ. Самъ я не могъ быть на разбирательствѣ дѣла въ Василѣ, какъ не имѣлъ возможности (по отсутствію средствъ) поручить дѣло адвокату. Никто, значить, не защищалъ меня на судѣ, кромѣ моего единственнаго свидѣтеля, именно того васильчанина, со словъ котораго я описалъ «порядки» васильской больницы, и который подтвердилъ мое описаніе какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судебномъ разбирательствѣ.

Ясно отсюда, что въ моемъ «преступленіи» не было ни малѣйшаго признака «клеветы», ибо клевета есть «завѣдомо ложное» сообщеніе о комъ-либо какихъ-либо свѣдѣній. Никакой «завѣдомой лжи» не было въ моей статьѣ, разъ я повѣрилъ разказу васильчанина, давно извѣстнаго мнѣ (какъ и всему Василию) за челоуѣка правдиваго, честнаго, порядочнаго.

И все же я былъ осужденъ достопочтенными судьями, на коихъ, очевидно, повліяли показанія г. Перуанскаго, лично присутствовавшаго на судѣ въ роли обвинителя и вызвавшаго чуть не дюжину «благородныхъ свидѣтелей», частью изъ его же подчиненныхъ по больницѣ, а частью изъ его же кліентовъ по медицинской практикѣ...

Протеста противъ судебного приговора я не подавалъ и не подамъ.

Мое «преступленіе» совершилось въ февралѣ 1911 года, а нашъ «скорый судъ» мудритъ надъ этимъ простымъ «дѣломъ» уже четвертый годъ!.. Сколько же еще лѣтъ протянется «дѣло», если апеллировать въ судебную палату и т. д.?! Между тѣмъ я уже полтора года прозябаю съ «подпискою о невыздѣ», а это состояніе далеко не привлекательно, ибо весьма губительно отражается на моихъ интересахъ, здоровьѣ и проч.

Н. Н. Оглобинъ.

II.

Въ статьѣ моей «Изъ воспоминаній о Царьградѣ», напечатанной въ № 12 «Историческаго Вѣстника» за 1914 годъ, вкралась досадная опечатка: на стр. 816, гдѣ идетъ рѣчь о М. А. Хитрово, сказано: «бывшій конногвардеецъ», а нужно—«конногренадеръ».

Н. К. Арбузовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступила въ продажу новая книга:

„СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗИИ“,

сборникъ стихотвореній выдающихся русскихъ поэтовъ
подъ редакціей **Б. Б. Глинскаго.**

Цѣна 2 руб.

ЧИСТЫЙ СВОРЪ СЪ ИЗДАНІЯ—НА ПОЛЬЗУ РАЗОРЕННОЙ ПОЛЬШИ.

Складъ изданія у редактора-составителя: 2-я Рождественская, д. 19, кв. 17,
телеф. 129-32.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Товарищества А. С. Суворина — „Новое Время“,

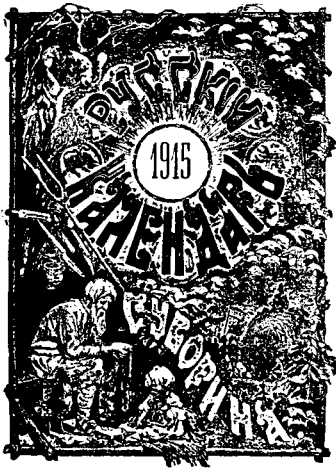
Петроградъ, Невскій пр., 40, Петр. сторона, Большой пр., 69-А, Вознесенскій пр., 86,
Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ (на Дону) и Саратовъ,

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1915 г.

А. С. СУВОРИНА

(44-й годъ).

Всѣ отдѣлы, касающіеся разнообразныхъ сторонъ политической, финансовъ и экономической жизни Россіи, исправлены и дополнены по новѣйшимъ даннымъ, многіе совершенно переаботаны. Рисунки и портреты на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ, диаграммы.

Статистическая часть Календаря и справочная за чѣло переработана и дополнена многими цѣнными свѣдѣніями. Въ отдѣлѣ «Приложеній» впервые появляются въ этомъ году **обзоры русской литературы, искусства и научное обзорѣіе.** Сверхъ того, здѣсь помѣщены: «Календарь охотника» (охота въ Россіи — законоположенія и время производства охоты по мѣсяцамъ, съ диаграммой);

«Календарь удильщика и любительское рыболовство» (съ практическими совѣтами); «Искусство плавать»; «Медицинскій спутникъ» (перечень болѣзней, ихъ признаки и леченіе) и проч.

Цѣна: въ бумажкѣ—1 р., съ пересылкой—1 р. 40 к., въ папкѣ—1 р. 25 к., съ пересылкой—1 р. 75 к., въ переплетѣ—1 р. 60 к., съ пересылкой—2 р. 10 к., за наложенный платежъ прибавляется 10 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ — ВТОРОЙ ГОДЪ
ИЗДАНИЯ.

ПЕРВЫЕ №№ ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ РАЗОУЩИЕ ИЕСКОТО КИМИ ИЗДАНИЯМИ.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

ЖУРНАЛЬ

„КРАСИВОЙ ЖИЗНИ“.

Журналъ посвященъ свѣтской жизни нашихъ столицъ, спорту, охотѣ, коллекционерству и, особенно, жизни русской усадьбы въ ея прошломъ и настоящемъ.

Двухнедѣльный роскошный журналъ совершенно новаго въ Россіи типа, по образцу англійскихъ. Красочные рисунки въ каждомъ №. Войнѣ отводятся мѣсто въ предѣлахъ программы журнала.

Подписка на 1915 годъ: въ Петроградѣ . . . . . 11 руб. 50 коп.
въ Россіи . . . . . 12 руб. 50 коп.
за-границей . . . . . 40 франк.

Отд. № — 85 коп. съ перес.

Пробный № высылается за 80 коп. почтов. марками.

Редакція—Каменн. остр. (прот. театра), соб. вилла. Тел. 145-25.

Контора—Невскій, д. Зингера, кв. 10, входъ съ Невского (на подъемной машинѣ въ 8 этажъ). Тел. 260-51.

Изъ № 1. ...Всѣ газеты ведутъ хроникку несчастныхъ случаевъ, никто не пишетъ о счастливыхъ моментахъ жизни.

Жизнь полна плохого: печальнаго гораздо больше, чѣмъ веселаго, но есть же и хорошее, красивое—объ этой красивой жизни писать не принято...

У насъ печатають портреты интереснаго человѣка, его домъ, его изящныя вещи, пишутъ объ укладѣ его жизни только тогда, когда онъ умретъ, попадетъ въ крушеніе поѣзда или въ судебный процессъ! Еще такое право даетъ выступленіе въ обществѣ на чужбѣхъ, но не всѣ же интересные люди работаютъ въ этой области, есть и другіе.

Заграничная печать—особенно въ странѣ самой совершенной культуры, въ Англии—давно уже отступила отъ этого принципа. Въ англійскихъ газетахъ пишутъ не только некрологи, пишутъ также о радостномъ рожденіи, о помолвкахъ, балахъ, охотахъ и т. д.

Радостнаго такъ мало въ жизни, что его, казалось бы, надо подчеркивать, какъ можно больше говорить о немъ.

Недавнее русскоя усадьбы, съ ея своеобразной жизнью, уходило въ прошлое. Мѣняется быстро и жизнь города, многое становится лучше, а много жаль... Сколько погубило произведеній искусства, вдохновения человѣческой мысли благородныхъ традицій, красивой старины въ тѣхъ старыхъ усадьбахъ, въ домахъ, даже въ отдѣльных предметахъ, которые разрушены уже временемъ или самимъ человѣкомъ.

Красивая жизнь доступна не всемъ, но она все-таки существуетъ, она создаетъ тѣ особыя цѣнности, которыя станутъ когда-нибудь общимъ достояніемъ. Хотѣлось бы запечатлѣть эти черточки русской жизни въ прошломъ, рисовать постепенно картину того, что есть сейчасъ, что осталось, какъ видоизмѣняется, подчеркнуть красивое въ настоящемъ.

Эту задачу ставитъ себѣ редакція.

Всякая политика, партійность, классовая рознь будутъ абсолютно чужды журналу...

Изъ № 17. ...Наша громадная армія доблеетно сражается за отечество и вся страна, съ твердой увѣренностью въ безопасности, въ побѣдѣ, спокойно живетъ, почти какъ и въ мирное время. Итъ въ мѣръ той силы, которая могла бы выбить изъ колеи необъягую Русь...

Нашъ журналъ, по своей программѣ, по своему девизу „красивая жизнь“, не долженъ, кажется намъ, ни въ чемъ отступать отъ прежняго содержанія. Мы можемъ дополнить его только иллюстраціями нѣкоторыхъ новыхъ, величественныхъ, красивыхъ чертъ русской жизни, вдругъ проявившихся среди общаго подлѣма.

Война пройдетъ, за нею ждетъ Россію еще большее величіе, а въ теперешнія трудныя минуты всякій долженъ, кажется намъ, по мѣрѣ силъ спокойно дѣлать свое дѣло...

Редакторъ ВЛ. КРИМОВЪ.

ДОЛОРЕСЪ

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

В. БУРЕНИНА.

(Изъ романа Маріонъ Крауфорда
«In the palace of the king»).

ПЕТРОГРАДЪ
1915

Л И Ц А:

Король Филиппъ II.

Донъ-Хуанъ Австрійскій.

Мендоза.

Долоресъ } дочери Мендозы.
Инесъ, слѣпая }

Принцесса Эболи.

Перезъ.

Гомезъ.

Адонисъ, королевскій шутъ.

Англійскій посланникъ.

Офицеръ королевской гвардіи.

Камергеръ.

Фадрикъ, слуга донъ-Хуана.

Придворные, дамы и мужчины.

Дѣйствіе въ Мадридѣ, при Филиппѣ II.

ДѢЙСТВІЕ I.

Комната въ Эскуріалѣ. Въ правой стѣнѣ, ближе въ вансепѣ мавританское окно съ глубокой амбазурой. Въ средней стѣнѣ, въ глубинѣ сцены, дверь. Въ лѣвой стѣнѣ другая дверь. По стѣнамъ ковры, изображающіе зеленыя роши съ разными животными. Орѣховая рѣзная панель. Бронзовый каминь. Стулья и кресла съ высокими спинками. Столъ.

СЦЕНА I.

Долоресъ у стола пишетъ письмо. **Инесъ** сидитъ въ креслѣ.

Инесъ.

Ты кончила письмо?

Долоресъ.

Да, дорогая.

Но я хочу перечитать его.

Инесъ.

Зачѣмъ же перечитывать? Ты развѣ
Мѣняешь то, что написала развѣ?
Вѣдь чувство у тебя одно и то же—
Любовь къ нему; такъ для чего жь искать
Слова другія?

Долоресъ.

Лучшихъ я ищу,
Чтобъ выразить живѣе и сильнѣй,
Что сердце чувствуетъ. И мнѣ невольно
Все кажется, что написала я
Такъ мало. Я хочу сказать, Инесъ,
Ему такія вещи, о которыхъ
Еще никто не говорилъ... да, да...

Я многое сказать хочу... Что если
Надъ этимъ засмѣется онъ?..

Инесъ.

Неправда,
Не можетъ онъ смѣяться.

Долоресъ.

Но ему
Ребяческими могутъ показаться
Мои признанія. Зачѣмъ письмо
Я написала? Какъ ты полагаешь,
Отдать его или нѣтъ?

Инесъ.

Что я могу
Тебѣ отвѣтить? Ты мнѣ не читала
Свое письмо, и я совсѣмъ не знаю,
Что пишешь ты Хуану.

Долоресъ.

Я пишу,
Что я люблю его, люблю и буду
Жить для него и за него умру...
И многое еще, еще...

Инесъ.

Довольно
И этого.

Долоресъ.

Нѣтъ, мало. Если бъ я
Могла найти слова,—о, я бы столько
Ему сказала...

Инесъ.

Вечеромъ его
Увидишь ты и скажешь все ты лучше,
Чѣмъ хочешь написать.

Долоресъ.

Не знаю, какъ
Увидимся мы съ нимъ и что случится
Со мной, когда его увижу я.

Инесь *(печально)*.

Счастливая, чрезъ нѣсколько мгновений
Увидишь ты изъ этого окна,
Какъ побѣдитель мавровъ, окруженный
Ллкующей толпою, тамъ проѣдетъ,
А я...

Долоресь.

Я все, все расскажу тебѣ,
Мои слова тебѣ замѣнять зрѣнье,
И ты его почти увидишь.

Инесь *(сквозь слезы)*.

Да.

Почти...

Долоресь.

Инесь, ты плачешь, дорогая?
Что опечалило тебя? Скажи?

Инесь.

Такъ, ничего... Я буду одинока,
Когда ты обвѣнчаешься съ Хуаномъ
И мнѣ придется ѣхать въ монастырь,
Иль въ нашъ угрюмый домъ въ Вальядолидѣ.

Долоресь *(обнимая ее)*.

Нѣтъ, я не отпущу тебя, Инесъ,
Съ тобой не разлучать меня; и если
Мы обвѣнчаемся, ты будешь съ нами,
И о тебѣ заботиться всегда
Я буду, какъ теперь.

Инесь *(прислушавшись)*.

Постой, Долоресь:

Мнѣ кажется, какъ будто звуки трубъ
Доносятся издалека. Да, вѣрно,
И шумъ толпы... Онъ ѣдетъ!.. Отвори
Скорѣй окно...

Долоресь быстро идетъ къ окну и отворяетъ.

Вѣдь я права: ты слышишь?

Долоресь.

Да, издали какой-то смутный гулъ
Доносится...

Инесъ.

Я слышу: трубы, трубы
И топотъ лошадей. Все ближе... Вотъ
Теперь ужъ ясно!.. Да, онъ ѣдетъ, ѣдетъ,
Полками окруженный и народомъ!..

За окномъ слышны звуки марша, сначала отдаленные, потомъ все громче и громче. Шумъ толпы и войска, привѣтствія, клики.

Долоресъ (*подводя слѣпую къ окну и усаживая ее на кресло въ амбразурь*).

Дай руку мнѣ... Садись сюда. Вотъ такъ.
Отсюда видно хорошо.

Инесъ.

Ну, что же
Ты видишь, что? Смотри и говори.

Долоресъ.

На площади кругомъ народъ... солдаты
И офицеры на коняхъ. Блестятъ
Отдѣланные золотомъ кольчуги
И панцыри, и сбруя лошадей.
Отецъ нашъ на конѣ передъ отрядомъ.
Онъ точно статуя въ блестящихъ латахъ
И въ черной мантии...

Отшатывается внезапно отъ окна.

Инесъ.

Ты испугалась?
Чего? Чего?..

Долоресъ.

Ахъ, онъ увидитъ насъ.

Инесъ.

Кто? Донъ-Хуанъ?

Долоресъ.

О, нѣтъ—отецъ.
Онъ подъ окномъ... Онъ насъ не долженъ видѣть.
Отодвигается еще отъ окна.

Инесъ (*съ волненіемъ*).

Но такъ ты не увидишь донъ-Хуана?

Долоресь.

Нѣтъ, нѣтъ, увижу... Вотъ толпа... полки
Подходятъ... Слышишь?..

Громкіе привѣтственные крики народа прерывають звуки марша, который гремитъ все торжественнѣе и ближе.

Инесь.

Слышу. Это онъ!
Онъ подъѣзжаетъ?

Долоресь.

Да. Подъ солнцемъ ярко
Сверкають каски трубачей, и знамя
Колышется... Вотъ разступились... Вотъ
Онъ на конѣ арабскомъ. Плащъ расшитый,
Токъ бархатный на гордой головѣ,
И черныя, и золотыя перья
По вѣтру развѣваются... Мечомъ
Привѣтствуетъ онъ короля... Съ балкона
Король отвѣтилъ на его поклонъ
Движеніемъ руки... Народъ къ герою
Бросается со всѣхъ сторонъ!.. Инесь,
Ты слышишь? Слышишь?

Взрывъ восторженныхъ восклицаній народа.

О, какъ онъ хорошъ!..

Съ улыбкою онъ пожимаетъ руки
Друзьямъ, его встрѣчающимъ... И взгляды
Его сияеть, будто лучъ небесный...
Инесь, онъ смотритъ вверхъ... сюда, сюда!..
Меня увидѣлъ онъ... Онъ насъ увидѣлъ!
Онъ улыбнулся мнѣ глазами... Да,
Одними лишь глазами. О, я знаю
Улыбку этихъ гордыхъ глазъ...

Инесь.

Скажи,
Онъ измѣнился?

Долоресь.

Нѣтъ, все тотъ же онъ:
Онъ сталъ еще красивѣе, но только
Въ его лицѣ теперь я вижу больше
И твердости, и мужества!

Внезапно, какъ бы съ испугомъ беретъ Инесь
за руку.

Инесь,

Не выставляйся изъ окна: насъ могутъ
Замѣтить и, пожалуй, осмѣютъ.

Инесь (*отодвигается въ амбразуру
окна*).

Да, ты права. О, въ этомъ мигъ, Долоресь,
Я не грущу о томъ, что я слѣпа:
Я видѣть не могу, но эти клики,
Которыми привѣтствуетъ его
Восторженный народъ, живѣе слышу,
Чѣмъ ты... И въ этихъ чудныхъ звукахъ мнѣ
Мелькаетъ свѣтъ, отраднѣй свѣта солнца.
Вѣдь это свѣтъ, не правда ли?

Долоресь (*съ жалостью*).

Не знаю...

Инесь.

Но шумъ и крики смолкли?..

Долоресь.

Во дворецъ
Вошелъ Хуанъ. Расходится народъ.
Отряды войска отъѣзжаютъ. Слышишь—
Отецъ командуетъ. Придетъ сюда,
Навѣрно, онъ сейчасъ... Инесъ, прошу я,
Письмо отдай скорѣе Адонису,
Пусть передастъ его онъ донъ-Хуану.

Инесъ.

Ты хочешь переслать ему письмо
Черезъ Адониса?

Долоресь.

Да. Я это сдѣлать
Могла бы и сама, но я боюсь,
Онъ догадается. Тебя же
Не заподозритъ онъ.

Инесъ.

Да для чего жъ
Твое письмо теперь, когда, быть можетъ,
Ты съ нимъ увидишься сегодня?

Долоресъ.

Нѣтъ,
Мнѣ хочется, чтобъ ранѣ свиданья
Онъ зналъ, что я... Ахъ, все равно, Инесъ,
Прошу тебя, не спрашивай объ этомъ
И сдѣлай такъ... Иди же. Вотъ письмо.

Инесъ (*взявъ письмо*).

Если ты желаешь, я отдамъ. Но гдѣ же
Найти мнѣ Адониса?

Долоресъ.

Вѣрно, онъ
Въ дворцовой галереѣ. Ты вѣдь знаешь
Всѣ переходы и дойдешь туда,
Какъ зрячая

Инесъ.

Конечно.

Долоресъ.

Такъ иди же.
Скорѣе...

Цѣлуетъ ее и подводитъ въ двери палѣво.
Инесъ уходитъ. Входитъ Мендоза изъ двери въ
глубинѣ сцены, порывисто затворяетъ за собой
двери и останавливается, оглядывая сурово дочь.
Долоресъ дѣлаетъ къ нему движеніе. Онъ остано-
вливаетъ ее энергическимъ жестомъ.

СЦЕНА II.

Долоресъ. Мендоза.

Мендоза.

Сдѣлала меня сегодня
Ты посмѣяньемъ цѣлаго двора.
Что можешь ты сказать мнѣ въ оправданье?

Долоресъ.

Но въ чемъ, отецъ, оправдываться мнѣ—
Я не могу понять...

Мендоза.

Понять не можешь?
 Какой злой духъ тобою овладѣлъ,
 Что ты рѣшилася покрыть позоромъ
 Себя и твоего отца, когда
 Ты изъ окна Хуану улыбалась,
 Какъ будто эспадеро онъ, а ты
 Красотка изъ народа! Какъ рѣшилася
 Ты это сдѣлать на глазахъ всего
 Мадрида, начиная съ короля
 И до послѣдняго бродяги? Значить,
 Въ тебѣ ни скромности нѣтъ, ни стыда,
 Ни крови, что краснѣть насъ заставляетъ?
 Нѣтъ женственности даже, что тебѣ
 Могла бы подсказать, какъ ты пятнаешь
 Предъ цѣлымъ свѣтомъ собственное имя,
 А также и мое!

Долоресъ.

О, ради Бога
 Не говори такихъ рѣчей, отецъ.
 Ты говорить не долженъ, ты не можешь...

Мендоза.

Неправду развѣ я тебѣ сказала?
 Не знаетъ развѣ дворъ, что донъ-Хуана
 Австрійскаго ты любишь?

Долоресъ.

Пусть весь міръ
 Про это знаетъ! Иль любить постыдно
 Того, кто лучший изъ людей?..

Мендоза.

И пусть
 Весь знаетъ міръ, что хочетъ быть Долоресъ
 Игрушкой и забавой принца.

Долоресъ (гордо).

Нѣтъ,—
 Его женой! И если только въ этомъ
 Не помѣшаетъ мнѣ король и вы,
 Сегодня жъ это будетъ. Богъ васъ сдѣлалъ
 Моимъ отцомъ, но оскорблять меня
 Ни Богъ, ни человѣкъ вамъ не далъ права!

Пока во мнѣ есть жизнь, я отвѣчать
 Вамъ буду твердо: я люблю Хуана!
 Его забавою, его игрушкой,
 Его рабыней я готова быть,—
 Всѣмъ, чѣмъ угодно: я люблю и стану
 Работать для него руками такъ же,
 Какъ жизнь мою я за него отдамъ!
 Да, я пойду къ нему служанкой, если
 Богъ дастъ мнѣ это счастье и блаженство,—
 Коль не позволить быть его женой!

Мендоза (*насмѣшливо*).

Его женой! его женой! Ты хочешь,
 Чтобы тебя сегодня обвѣчали,
 А завтра выгнали бы, доказавъ,
 Что бракъ твой недѣйствителенъ, а принцу
 Жениться нужно на другой, положимъ,
 Хоть на Маріи Стюартъ. Чѣмъ тогда
 Ты будешь, милая жена Хуана
 Австрійскаго?

Долоресъ.

О вашемъ королѣ
 Хорошаго вы мнѣнья! Неужели,
 Вы полагаете, потерпѣть онъ
 Въ Испаніи подобные поступки?

Гордо выпрямившись, смотреть на отца.

Мендоза (*послѣ нѣкотораго молчанія,
 подавивъ волненіе*).

Ты думаешь, мнѣ нечего отвѣтить?
 И, можетъ быть, права. Что я скажу,
 Когда ты потеряла стыдъ, не хочешь
 Ни уважать отца, ни слушать. Да.
 Ужъ не начать ли мнѣ передъ тобой
 Оправдываться? Можетъ быть, ты ждешь,
 Что стану разсуждать, когда я силой
 Могу заставить уважать себя
 И самое тебя? Нѣтъ, слава Богу,
 До сей поры ни мыслей короля,
 Ни побужденій, ни причинъ дѣяній
 Монарха моего я не судилъ
 И не оспаривалъ святого права
 Все дѣлать, что отчизнѣ принесеть
 И честь и славу. Жизнь моя—его,

Онъ можетъ все, что хочетъ. Въ этомъ вѣра
И въ этомъ мой законъ. И если мнѣ
Не удалось воспитать въ такихъ же
Понятіяхъ тебя, я совершилъ
Великій грѣхъ; и, можетъ быть, возстанетъ
Онъ на меня, хотя, стремясь ко благу,
Я дѣлалъ все, что можно было.

Поднимаетъ мечъ и цѣлуетъ три раза его рукоятку.

Богъ,

Король, Испанія. Мое рѣшенье
Не измѣню.

Долоресъ.

Но что жъ рѣшили вы?
Что сдѣлаете вы со мной? Хотите
Въ Вальядолиду увезти меня?
Иль вы приставите ко мнѣ старуху
Жестокую, чтобъ стерегла она
Меня и днемъ и ночью?

Смѣется.

Неужели

Вы думаете,—не одна дуэнья,
А двадцать, самыхъ старыхъ, самыхъ злыхъ,
Мнѣ могутъ помѣшать любить Хуана,
Иль письма посылать къ нему? А онъ—
Кумиръ Испаніи, любимецъ войска,
Онъ, храбрый, молодой,—его народъ
Чтитъ больше короля,—онъ покорится
Рѣшенью вашему? Со мной не будетъ
Онъ видѣться?..

Мендоза.

Власть и отца

И короля онъ долженъ чтить и дерзко
Онъ не осмѣлится ее нарушить,
Какъ не осмѣлишься и ты!

Долоресъ.

Отецъ,

Вы думаете, что король, законъ
Способны побороть любовь, когда
Всѣмъ сердцемъ, всей душой и всею силою
Полюбить женщина?.. Еще прошу,
Отвѣтите мнѣ, что вы рѣшили сдѣлать
Со мною? Я же вамъ скажу, отецъ,

Свое рѣшенье, и—клянусь въ томъ Небомъ
Не отступлю я отъ него, что бѣ вы
Ни сдѣлали со мною!

Мендоза.

Хорошо.

Твой гордый нравъ и духъ твой непокорный
Меня заставить поступить съ тобою,
Какъ требуетъ и долгъ и власть отца.
Я знаю, что и раньше такъ бывало,
И свосвольныхъ дочерей не разъ
Отцы насильно выдавали замужъ,
Чтобы мужья смирили ихъ. Но ты
Не только не покорна мнѣ: ты губишь
Себя, ты имя честное мое
Покрывать позоромъ хочешь. Я обязанъ
Спасти тебя и честь мою спасти
Отъ поношенья. Завтра же съ разсвѣтомъ
Я отошлю тебя въ Ласъ-Куэльгасъ
И если ты не согласишься бросить
Свое безуміе, не выйдешь замужъ
За человѣка, избраннаго мной,
Тогда ты жизнь окончишь въ заключеньѣ,
Въ стѣнахъ монастыря! Ты поняла?

Долоресь.

Да, поняла, но вѣдь угроза эта
Моей любви не уничтожить въ сердцѣ.

Мендоза.

Вотъ мой приказъ: ты до утра не выйдешь
Изъ этой комнаты. Увижу я,
Осмѣлится ли донъ-Хуанъ Австрійскій
Сюда ворваться или въ монастырь
Святыхъ монахинь? Ты вдали отъ принца
Отнынѣ будешь жить. Мы отъ него
Избавимся. А если онъ сегодня
Къ тебѣ попробуетъ придти, клянусь,
Его убью я собственной рукою!
Я это сдѣлаю—даю въ томъ слово
Отца и дворянина.

Въ волненіи ходить по комнатѣ. Пауза.

Что же ты

Не отвѣчаешь?

Долоресъ.

Дѣлайте со мною,
Что вамъ угодно.

Мендоза *(внезапно останавливается
передъ нею).*

Долоресъ, дитя
Мое любимое!

Въ отчаяніи опускается на стулъ и склоняетъ
голову, опираясь на мечъ. Въ глазахъ у него слезы.

Долоресъ *(подходитъ къ нему, кладетъ
ему нѣжно руку на плечо).*

Мнѣ очень грустно,
Что я васъ огорчила...

Мендоза.

О, прости
Мнѣ, милосердый Богъ, коль я виною,
Что дочь меня не любитъ!.. Для тебя
Я только злой старикъ, а ты... а ты
Все для меня на свѣтѣ, все!..

Долоресъ *(падая передъ нимъ на ко-
льни).*

Могла ли
Я это знать, отецъ, могла ли думать,
Что ты меня такъ любишь? Никогда
Ты это не высказывалъ... Иль, можетъ,
Я такъ была слѣпа...

Мендоза.

Молчи, дитя,
Не мучай стараго отца... Ты видишь,
Какъ горько мнѣ признать свою вину...

Долоресъ.

О, если бъ только я подозрѣвала
Все это раньше, я была бъ, отецъ,
Совсѣмъ иной... Я васъ всегда боялась,
Я думала, не любите вы насъ—
Меня и бѣдную Инесъ. Вы были
Суровы, вѣчно недовольны...

— Долоресъ —

Мендоза (*береть ея руку*).

Дочь,

Вполнѣ другъ друга никогда съ тобою
Мы не поймемъ. Обязанъ человѣкъ
Такъ поступать съ дѣтьми, какъ долгъ и совѣсть
Ему велятъ; чтобъ возбудить любовь
Дѣтей своихъ, онъ жертвовать не можетъ
Завѣтами обычая и чести...
Вотъ, видишь ли, ты своевольна, да,
Ты очень своевольна, дорогое
Мое дитя... И если ты объ этомъ
Подумаешь, какъ слѣдуетъ, должна
Со мною согласиться...

Долоресъ.

Своевольна

Не мысль моя, а сердце... (*Улыбалась*).

И притомъ

Я ваша дочь, а вы упрямы тоже—
Не правда ли?

Мендоза.

Быть можетъ. Но того,
Что сдѣлано, теперь не перемѣнишь.
Вотъ ты не вѣришь, что всегда была
Мнѣ дорога. Могло ли быть иначе?
Я очень одинокъ. Да. Ваша мать...
Ужъ двадцать лѣтъ, какъ нѣтъ ея на свѣтѣ.
И сынъ Родриго—онъ меня давно
Покинулъ. Онъ разбилъ мнѣ сердце,
И если въ этомъ сердцѣ кое-что
Еще осталось цѣлымъ, ты, Долоресъ,
Ужель разбить все хочешь до конца?

Долоресъ.

Нѣтъ, вы неправы, мой отецъ. Открыли
Вы душу любящую предо мной,
И я для васъ все сдѣлать постараюсь,
Что я могу.

Мендоза.

Коль такъ, мнѣ обѣщай
Не видѣться съ Хуаномъ и навѣки
Забывать, что ты когда-нибудь его

Любила. Выбрось эту страсть изъ сердца
И замужъ за другого выходи.
Тебѣ найду я мужа.

Долоресъ молча отходитъ къ окну и склоняется
головою на подоконникъ.

Мендоза (*встаетъ и подходитъ къ ней*).

Ты не хочешь
Мою исполнить волю?

Долоресъ.

Не могу.
Поймите, у меня теперь нѣтъ воли.
Вы и король—вы можете со мною
Все, что угодно сдѣлать, потому что
Надъ вѣшней жизнью моей у васъ
Есть власть и сила. Но надъ этимъ сердцемъ
И надъ душой моей не властны вы.
Давно я полюбила донъ-Хуана
И буду я любить его всю жизнь
До самой смерти, даже послѣ смерти
И даже послѣ Страшнаго суда!
И какъ же я могу о немъ не думать?
Безумно это требовать.

Мендоза.

Коль такъ—
Его убью я!

Долоресъ.

Нѣтъ, вы не убьете,
Не сдѣлаете и попытки даже
Вы на убійство брата короля!
И если будетъ можно мнѣ сегодня
Съ нимъ увидаться, я увижусь съ нимъ.
Вѣдь вы изъ-за угла не нападете
На донъ-Хуана? Значитъ, я его
Увижу—говорю вамъ это прямо!
А завтра или черезъ день, когда
Окончатся всѣ торжества въ честь принца
И вы освободитесь, увезти
Вы можете меня куда угодно.
Но если вашу дочь вы въ монастырь
Отправите, то стерегите крѣпче:
Я убѣгу оттуда къ донъ-Хуану!

Вотъ все, отецъ, что я могу сказать,
И слово вамъ даю: какъ я сказала,
Такъ и сдѣлаю!

Мендоза.

А я тебѣ

Свое далъ слово честное, что если
Попробуетъ къ тебѣ Хуанъ придти,
Его убью. Съ зарей въ Ласъ-Куэльгасъ
Уѣдешь ты. Я такъ рѣшилъ. Довольно!

СЦЕНА III.

Долоресъ, потомъ **Инесъ**.

Долоресъ (*одна*).

Здѣсь или тамъ—въ стѣнахъ монастыря,
Но я останусь та же все. Съ судьбою
Бороться невозможно, говорятъ;
И кто пойдетъ противъ судьбы—погибнетъ...
Ну, что жъ, не все ль равно! Въ душѣ моей
Теперь одинъ я только слышу голосъ:
«Люби меня, какъ я тебя люблю!»
Куда зоветъ онъ—къ счастью или къ горю?
Не знаю я, но на его призывъ
Итти должна.

Входитъ Инесъ.

Инесъ (*торопливо*).

Письмо передала я
Сама Хуану. Онъ мнѣ повстрѣчался
Въ дворцовой галереѣ. Онъ сказалъ,
Что будетъ здѣсь сейчасъ...

Долоресъ (*съ испугомъ*).

Инесъ, скорѣй, скорѣй иди туда...
Хуанъ еще, быть можетъ, въ галереѣ:
Найди его, скажи ему, чтобъ онъ
Не приходилъ... Ты знаешь ли, грозился
Отецъ убить его, коль здѣсь найдетъ!
Предупреди его, я умоляю...

Инесъ.

Но это невозможно... Слышишь тамъ
Шаги за дверью? Это онъ, Долоресъ!..

Долоресъ (*въ отчаянiи*).

Ахъ, онъ погибъ, коль встрѣтится съ отцомъ...

Входитъ донъ-Хуанъ.

СЦЕНА IV.

Долоресъ, донъ-Хуанъ.

Хуанъ.

Долоресъ! Жизнь моя и счастье жизни!
Любовь души моей!..

Цѣлуетъ ей руки и волосы. Инесъ отходить въ
глубину сцены, прислушивается мгновеніе и ухо-
дить. Долоресъ отдается невольно ласкамъ Хуана,
потомъ вдругъ вырывается изъ его объятій.

Но что съ тобой?

Господь небесный! Ты блѣдна? Дрожиши
Ты отъ меня сторонисься?

Долоресъ.

Не можемъ

Мы вмѣстѣ быть, Хуанъ, и вы уйти
Должны сейчасъ же... Мой отецъ разгнѣванъ:
Онъ запретилъ свиданье съ вами мнѣ
И слово далъ, что васъ убьетъ, коль здѣсь онъ
Застанетъ васъ!..

Хуанъ.

Кого убьетъ? Меня?!

Ты шутишь, полно...

Долоресъ.

Говорю я правду:

Здѣсь оставаться—это смерть!

Хуанъ.

Такъ что жъ?

Но быть съ тобою розно хуже смерти!

Вотъ послѣ долгой, тягостной разлуки
Вернулся я, тебя я вижу вновь
И хочешь ты, чтобъ я тебя покинуть?

Долоресь.

Не я хочу: отецъ мой и король
Грозятъ насъ разлучить.

Хуанъ.

Я не покину,
Долоресь, васъ ни ради короля,
Ни ради вашего отца, хотя бы
Король сулилъ мнѣ царственный союзъ
Съ богинями, а вашъ отецъ грозился
Мнѣ тысячею смертей... Я возвратился
На родину, я вновь нашелъ тебя
Любимую и полную любовью,
Ты близъ меня...

Долоресь.

Отецъ клялся, что завтра
Онъ удалитъ меня въ Ласъ-Куэльгасъ,
Чтобъ никогда съ тобой я не видалась...
Спаси меня, Хуанъ, отъ заточенья
Въ монастырѣ... Ахъ, что я говорю:
Не обо мнѣ теперь намъ думать надо,
А о тебѣ: уйди скорѣй, Хуанъ:
Придетъ отецъ...

Хуанъ.

Нѣтъ, онъ прійти не можетъ
Сейчасъ—я знаю—онъ у короля
И тамъ, навѣрное, пробудетъ долго.
У насъ довольно времени, и мы
Должны обдумать вмѣстѣ, что намъ дѣлать...
Но прежде успокойся...

Долоресь.

Какъ могу
Я быть спокойной, если отнимаютъ
Мою любовь и счастье, и тебѣ
Грозитъ опасность, смерть?..

Хуанъ.

О, не тревожься,
Не бойся за меня. Никто, никто

Насъ разлучить не можетъ, если только
Ты мнѣ довѣришься.

Долоресъ.

Я всей душой
Довѣриться готова. Но не знаю,
На что рѣшиться. Я тебѣ сейчасъ
Писала, какъ тебя, Хуанъ, люблю я...

Хуанъ.

Благодарю, дитя, благодарю,
Письмо твое вотъ здѣсь: на сердцѣ вѣрномъ
Я скрылъ его, Долоресъ, и тебя
Отъ всѣхъ я скрою... Надобно подумать,
Куда тебѣ уйти... Здѣсь во дворцѣ
На одного лишь только человѣка
Могу я положиться...

Долоресъ.

На кого жъ?

Хуанъ.

На самого себя.

Долоресъ.

И я—я вѣрю
Лишь одному тебѣ... твоей любви!..

Хуанъ.

Но понимаешь ли ты, дорогая,
Что это значитъ? Вѣдь тебѣ придется
Уйти сегодня вечеромъ ко мнѣ
И въ комнатѣ моей пробыть, покуда
Съ разсвѣтомъ я не выведу тебя
Изъ королевскаго дворца. На это
Рѣшишься ль ты?..

Долоресъ молчитъ, потупившись.

Вотъ видишь, ты молчишь!
Ты мнѣ не довѣряешь. Это горько
Мнѣ сознавать, но понимаю я
Твой сомнѣнья: ни одна изъ женщинъ
На это не рѣшилась бы.

Долоресъ (*гордо поднимаетъ голову*).

Хуанъ,

Вы ошибаетесь. Я полюбила
Васъ всей душою. Для меня теперь
И жизнь и смерть въ любви. Я не ревною,
Какимъ была назадъ тому два года,
Когда разстались мы. Я васъ люблю
И знаю, что мой долгъ идти за вами...
Когда насъ Богъ соединитъ, мы рай
Узнаемъ на землѣ. Я буду вѣрной
Рабою вашей, буду охранять
Я вашу жизнь отъ всѣхъ тревогъ. Но если
Не суждено мнѣ вашей быть женой—
Я сохраню любовь въ душѣ и небу
Отдамъ ее съ молитвою за васъ!..
Я знаю, вы достойнѣй всѣхъ на свѣтѣ,
Вамъ чуждо зло, добро—вашъ долгъ святой.
Я знаю, что, сражаясь въ грозныхъ битвахъ
За честь Испаніи, своимъ мечомъ
Вы охраняете честь всѣхъ испанокъ
И, стало-быть,—мою. Я не могу
Въ васъ сомнѣваться. Донъ-Хуанъ, ввѣряю
Вамъ жизнь мою, мою дѣвичью честь,
Какъ ихъ ввѣряю небесамъ!

Хуанъ.

Клянусь я,

Не пожалѣете, Долоресъ, вы,
Что мнѣ довѣрились: Господь поможетъ
Мнѣ сдѣлаться такимъ, какимъ меня
Считаете вы.

Долоресъ.

Вы такой, я знаю,
И даже лучше вы еще. Когда
Для моего спасенья нужно сдѣлать
То, что задумали вы,—я пойду,
Куда вы скажете. На вашу волю
Я отдаюсь.

Хуанъ.

Теперь ты для меня
Еще прекраснѣе, еще дороже!
За то, что ты довѣрилася мнѣ,
Тебя люблю еще сильнѣй, Долоресъ!

Хотя я думалъ—это невозможно,
Но зналъ, что ты доврѣшься...

Долоресъ (*улыбаясь*).

И все же
Хотѣлъ, чтобъ это высказала я?
И ты былъ правъ: мы этимъ ближе стали
Другъ къ другу.

Хуанъ.

Да. Такъ ты придешь ко мнѣ?

Долоресъ.

Когда стемнѣтъ...

Хуанъ.

И еще луною
Не озарится ночи мгла. Теперь,
Долоресъ, слушай, какъ должна ты сдѣлать:
Ты выйдешь на дворцовую террасу,
Гдѣ статуя Мадонны, тамъ тебя
Я буду ждать. Смотри, будь осторожна,
Чтобъ не замѣтилъ кто-нибудь тебя.

Долоресъ.

О, будь спокоенъ за меня, мой милый,
Мой дорогой... Теперь иди... Прощай,
Боюсь я, каждый мигъ отецъ вернется...
Прощай... Разстанемся...

Хуанъ.

Затѣмъ, чтобъ послѣ
Не разставаться никогда. Прощай.

Обнимаетъ ее, цѣлуетъ ея волосы и уходитъ.

З А Н А В Ъ С Ъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Комната донъ-Хуана въ Эскуріалѣ. Дверь въ глубинѣ сцены. Другая дверь въ лѣвой стѣнѣ. Въ правой стѣнѣ окно съ расписанными стеклами; одна половинка его открыта. На стѣнахъ ковры, изображающіе битву при Павіи, взятіе въ плѣнъ короля Франциска и апогееозъ императора Карла, отца донъ-Хуана. У окна письменный столъ. Диванъ съ высокой спинкой. Кресла. На столѣ горять восковыя свѣчи въ канделябрахъ. Вечеръ.

СЦЕНА I.

Хуанъ, Долоресъ.

Хуанъ изъ двери въ глубинѣ сцены вводитъ Долоресъ, закутанную въ черную мантилью и кружевное покрывало. Долоресъ подходит къ столу и отбрасываетъ съ головы кружево: Хуанъ въ восхищеніи отступаетъ, любуясь Долоресъ.

Долоресъ.

Хуанъ, что съ вами?

Хуанъ.

Какъ прекрасны вы!

Вы самая прекрасная изъ женщинъ,
Какихъ видалъ я!

Долоресъ.

Не смущайте мнѣ
Души словамъ льстивыми...

Хуанъ.

Простите

Порывъ невольнаго восторга...

Долоресъ (*краснѣя, озирается*).

Гдѣ жъ

Я ночь пробуду? Здѣсь?

Хуанъ.

Нѣтъ, въ этой

Вотъ комнатѣ.

Подходить къ двери налѣво и отворяетъ ее.

Запритесь вы на ключъ

И до утра безъ всякихъ опасеній

Вы можете заснуть покойнымъ сномъ,

А на зарѣ слуга мой старый Фадрикъ

Васъ тайно выведетъ и отвезетъ

Васъ въ Виллагарцію, гдѣ все, что нужно,

Найдете вы у матери моей;

И завтра жъ вечеромъ я къ вамъ приѣду.

Таковъ мой планъ. Не правда ли, онъ простъ

И намъ удастся.

Долоресъ.

Я объ этомъ стану

Молиться Небу. Если будетъ можно,

Вы расскажите завтра все Инесъ.

Мнѣ жалко, что покину я бѣдняжку,

Мою сестру...

Хуанъ.

И мнѣ: вѣдь я виной

Ея разлуки съ вами. Но, надѣюсь,

Разлука эта будетъ не долга...

Долоресъ садится въ кресло, оглядываетъ столъ
и блѣднѣетъ. Пауза.

Хуанъ.

На что вы смотрите? Что привлекло

Вниманье ваше на столъ?

Долоресъ.

Вотъ это.

Указываетъ на маленькій букетъ бѣлыхъ розъ,
лежащій на столѣ.

Хуанъ.

Цвѣтъ?

Долоресъ.

Да: Отъ кого они?

Хуанъ.

Не знаю.

Долоресъ.

А я—я знаю очень хорошо.
Отъ женщины!

Хуанъ.

Смѣтесъ вы, Долоресъ.
Но почему жъ—отъ женщины?

Долоресъ.

Она

Тутъ кое-что оставила—смотрите.

Береть букетъ, протягиваетъ его Хуану и по-
казываетъ на записку, въ которую обернуты сте-
бельки цвѣтовъ.

Хуанъ (*въ изумленіи и смущеніи бе-
ретъ букетъ*).

Письмо! Цвѣты съ письмомъ!..

Долоресъ.

Ну да—цвѣты,

И свѣжіе. Ихъ принесли недавно:
Быть можетъ, за минуту передъ тѣмъ,
Какъ я вошла...

Хуанъ.

Нѣтъ, это невозможно,
Ихъ принести не могъ никто... Букетъ
Подброшенъ изъ окна.

Долоресъ.

Такъ вамъ записки
Подбрасываютъ тайныя съ цвѣтами?

Хуанъ.

Долоресъ, дорогая, вы меня
Подозрѣваете? Такъ вотъ—смотрите!

Береть записку и подносить ее къ свѣчѣ.

Долоресъ (*удерживая его руку*).

Постойте: прежде надо прочитать.

Хуанъ.

Кто написалъ записку, я не знаю
И не желаю знать.

Долоресъ.

Быть можетъ, вы
Подозрѣваете, кто эта дама?

Хуанъ.

Нѣтъ.

Долоресъ.

Имя мнѣ хотѣлось бы узнать.
Прочтите же письмо и мнѣ скажите,
Кто написалъ его?

Хуанъ.

Я не могу
Такъ поступить: вѣдь я тогда бы выдалъ
Вамъ тайну женщины. А такъ какъ я
Не знаю, кто она, то это будетъ
Нечестно.

Долоресъ.

Да. Вы правы. Такъ скорѣй
Письмо сожгите.

(Хуанъ сжигаетъ).

Хорошо. Однако
Какъ думаете вы, что было тамъ
Написано? Любовное признанье?..

Хуанъ.

Мнѣ, право, совѣстно, Долоресъ, вамъ
Объ этомъ говорить... но я... я часто
Такія письма получаю... Ихъ
Я прежде распечатывалъ; теперь же
Я просто жгу, когда ихъ нахожу
Въ моихъ перчаткахъ, на эфесѣ шпаги,
Иль въ комнатѣ моей.

Долоресъ.

Ихъ пишетъ вамъ
Одна и та же дама?

Хуанъ (*смѣется*).

Если бъ такъ—

Она была бъ примѣромъ постоянства,
Отвѣта не встрѣчая.

Долоресъ.

Боже мой,

Такъ многія вамъ пишутъ? Умоляютъ
Васъ о любви, когда вы даже ихъ
Не знаете? О, какъ ужасно это,
Какъ низко и безстыдно!

Хуанъ.

Молчаніе.

Вы, Долоресъ,

Мнѣ вѣрите?

Долоресъ (*гордо и рѣзко*).

Когда бы я, Хуанъ,

Не вѣрила—сюда бы я пришла ли?

Ужель вы думать можете, что я

Переступила бъ вашъ порогъ завѣтный,

Подозрѣвая, что у васъ была

Передо мною женщина другая?

О, если бъ я такъ думала хоть мигъ—

Я не осталась бы у вашей двери,

Я вновь ушла бы къ моему отцу

И заперлась въ монастырѣ далекомъ,

Чтобы съ разбитымъ сердцемъ умереть!..

Нѣтъ, нѣтъ, Хуанъ: имѣете вы право

Дерзать на все, но не дерзнете вы

Такъ думать обо мнѣ! Вѣдь я люблю васъ,

Я отдаю вамъ жизнь мою и душу

И гордой вѣрой въ вашу честь живу!

Хуанъ.

Клянусь вамъ, я достоинъ этой вѣры!

Забудемъ о письмѣ. Я сжегъ его—

Поступимъ въ этомъ родѣ и съ цвѣтами:

Я выброшу ихъ.

Хочетъ бросить букетъ въ окно.

Долоресъ (*улыбаясь*).

Нѣтъ, Хуанъ: цвѣты

Невинны такъ же, какъ они прекрасны.

Отдайте мнѣ ихъ. Кромѣ васъ, никто
 Меня сегодня не увидитъ: розы
 Пускай украсятъ голову мою...

Береть у него цвѣты и вполетаеъ ихъ въ волосы.

Хуанъ (*въ восторгъ*).

Ихъ лепестки какъ будто утонули
 Въ каскадѣ вашихъ золотыхъ волосъ!

Долоресъ (*бросаясь къ нему въ объятя
 съ внезапнымъ страстнымъ
 порывомъ, шепотомъ*).

Я удержаться не могла...

Хуанъ.

Долоресъ...

Стукъ въ дверь. Она вырывается изъ его объ-
 ятій и убѣгаетъ въ другую комнату. Входитъ
 Фадрикъ.

Что, Фадрикъ, надобно?

Фадрикъ.

Желаеъ ваше

Высочество увидѣть Адонисъ.

Хуанъ.

А, это старый другъ... проси, проси.

Фадрикъ отворяеъ дверь въ глубинѣ сцены.
 Входитъ Адонисъ. Фадрикъ уходитъ.

СЦЕНА II.

Хуанъ, Адонисъ.

Адонисъ.

Ave Caesar!

Привѣтъ мой побѣдителю невѣрныхъ
 И всѣхъ испанцевъ и испанскихъ дамъ.

Хуанъ.

Ты слишкомъ увеличилъ счетъ привѣтствій.
 Хотѣлось бы узнать мнѣ, отъ кого

Ты получилъ извѣстья о побѣдахъ
Надъ дамами?

Адонисъ.

Миѣ... поваръ говорилъ.

Хуанъ (*смѣется*).

Что! Поваръ говорилъ тебѣ?

Адонисъ.

Да, ваше
Высочество. Вотъ видите ль, когда
Вы ко дворцу сегодня подъѣзжали,
Одна кухарка увидала васъ
Изъ погреба и тотчасъ помѣшалась:
Она поетъ о солнцѣ, о лунѣ,
О счастіи любви, о поцѣлуяхъ
И каплуну на вертелѣ твердитъ:
«Люблю тебя, герой, сразившій мавровъ!..»

Хуанъ смѣется.

Ну, словомъ, кухня превратилась въ домъ
Умалишенныхъ. Я молюсь усердно,
Чтобъ и дворецъ не сдѣлался бы тѣмъ,
Чѣмъ стала кухня.

Хуанъ.

Если бъ за молитвы
Считало Небо шутки, Адонисъ,—
Ты былъ бы на дорогѣ въ рай.

Адонисъ.

Навѣрно!
Теперь же осужденъ я Небомъ жить
Въ Мадридѣ, во дворцѣ, а это хуже,
Чѣмъ быть въ аду... Ахъ, для чего сюда
Приѣхали вы—въ это мѣсто злобы
И клеветы и всяческихъ грѣховъ!
Не знали ль развѣ вы, что «Юлій Цезарь
Австрійскій» славою своихъ побѣдъ
Намъ непріятенъ?

Хуанъ.

«Намъ»? Кому же это?

Адонись.

Кому? Его величеству и мнѣ!
 Мнѣ потому, что донъ-Хуанъ красавецъ,
 А я уродъ. Король же—да хранить
 Его Всевышній—хоть и носить шпагу,
 Но мавровъ онъ не можетъ побѣждать,
 Да и своихъ испанцевъ не умѣетъ
 Онъ добротой плѣнять... На этотъ счетъ
 Напрасны были всѣ мои совѣты
 Его величеству.

Хуанъ.

Вотъ какъ: съ тобой
 Совѣтуется братъ мой!

Адонись (*съ комической важностью*).

Постоянно!

О разныхъ государственныхъ дѣлахъ
 И личныхъ тоже. Онъ мнѣ даже тайны
 Порою довѣряетъ.

Хуанъ.

Адонись,
 Сшей платье новое!

Адонись.

Зачѣмъ же, принцъ?

Хуанъ.

Теперь разбухнуть долженъ ты, какъ мѣхъ,
 Наполненный виномъ: вѣдь у Филиппа
 Такъ много тайнъ!

Адонись.

Одну изъ нихъ теперь
 По порученью короля я долженъ
 Вамъ передать.

Хуанъ (*встревожась*).

Въ чемъ дѣло: говори.
 Но покороче: мнѣ не время.

Адонись.

Тайна

Не велика: король желаетъ съ вашимъ
 Высочествомъ бесѣдовать. Сюда

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя Бориса Борисовича Глинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городскій) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ФЕВРАЛЬ 1915 г.

СТРАН.

Историческая лѣтопись	V—XLVIII
Иллюстраціи: 1) Генераль-отъ-инфантеріи П. А. Лещицкій.—2) Генераль-адъютантъ М. В. Алексѣевъ.—3) Генераль-отъ инфантеріи А. Е. Эвертъ.—4) Генераль-отъ-кавалеріи П. А. Плева.—5) Генераль-адъютантъ П. И. Мищ-яко.—6) Елизавета, королева Бельгіи.	
I. Романъ принцесы Іеверской. (Историческая повѣсть). VIII—XVI. (Окончаніе). Е. С. Шумигорскаго.	351
II. Санъ-Стефано. III—IV. (Продолженіе). Записки графа Н. П. Игнатъева.	376
III. Смерть курьера Мамошина. XVII—XLII. (Окончаніе). П. П. Ггѣдича.	405
IV. Радецкій, Скобелевъ, Драгомировъ. I. Э. Э. Радецкій. Изъ воспоминаній С. А. Драгомировой.	432
V. Императоръ Александръ II и дѣти. Н. Н. Лавровой.	438
Иллюстрація: Императоръ Александръ II и дѣти.	
VI. Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ. X—XIII. (Продолженіе). Н. М. Ежова.	450
VII. Черный «бунтъ». V—VII. (Окончаніе). Е. Н. Косвинцева.	470
Иллюстраціи: 1) Келья о. Иларіона.—2) Хата въ имѣніи генеральши Е. А. Булатовичъ, въ которой живетъ іеросхимонахъ Антоній Булатовичъ.	
VIII. Императоръ Вильгельмъ II. IX—XIII. (Окончаніе). А. П. Скугаревскаго.	488
IX. Русскій энциклопедистъ. (Изъ воспоминаній о Н. А. Демчинскомъ). А. Е. Кауфмана.	503
Иллюстрація: Николай Александровичъ Демчинскій.	
X. Торговый договоръ съ Германіей 1904 г. И. Иванюкова.	517
XI. Очеркъ внѣшней исторіи Габсбургской монархіи. А. М. Бѣлова.	533
XII. Прибалтійское помѣстное дворянство и отношеніе его къ текущимъ событіямъ. I. Князя С. Мансырева.	550
XIII. Война и вѣра. И. П. Ювачева.	566
Иллюстраціи: 1) Везуиѣ влстителя міра.—2) Германскій императоръ—внѣхристъ.—3) Воряба русскаго витязя съ трехглавымъ дракономъ.—4) Видѣніе «Вѣлаго генерала».	
XIV. Памяти Г. Т. Полилова-Сѣверцева. Б. Б. Глинскаго.	591
Иллюстрація: Георгій Тихоновичъ Поляловъ-Сѣверцевъ.	
XV. Въ странѣ нашихъ союзниковъ. I.—V. И. А. Слонова.	607
Иллюстраціи: 1) Уралъ.—2) Злагоустъ.—3) Тайга.—4) Накатникъ (мостъ въ тайгѣ).—5) Кругобайкальская жел. дорога.—6) Сибирская жел. дор. близъ ст. Нерчинскъ.—7) Владивостокъ. Гавань Золотой Рогъ.—8) Нагасаки. Вухъ Сетомура.—9) Нагасаки. Виржа дженериншъ.—10) Нагасаки. Улица Ханюаши.—11) Нагасаки. Вертящаяся бумажная бочка.—12) Нагасаки. Гейши, музыканты и пѣвецъ, дающіе представленіе на улицѣ.—13) Нагасаки. Процессія съ дракономъ.—14) Нагасаки. Рыболовная процессія.—15) Нагасаки. Японскіе потѣшныя.	
XVI. Изъ записной книжки историка. Е. С. Шумигорскаго.	637

(См. слѣд. стран.).

XVII. Критика и библиография.

- 1) М. Воронцовъ. Исторія Финляндіи. Время императора Николая I. Петр. 1915. п. м. майковъ. — 2) Сельскохозяиственное ведомство за семьдесят пять летъ его дѣятельности (1837—1912). (Составили Г. К. Гинъ и П. А. Шафрановъ. Петр. 1914. № — 3) Дѣятели нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сооръжиль. Т. XV. Вып. I, II и III. Т. XVI. Вып. I и II. Шажаго-Востородъ. 1914. — Изъ родной старины. Выставка нижегородской ученой архивной комиссіи. Нижній-Новгородъ. 1914. м. — 4) Н. В. Акаемовъ. Топи минувшаго (изъ вандявской старины). Съ рисунками и планомъ старой Варшавы. 1914. Пав. Черныява. — 5) Мачество въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ редакцію С. П. Мельгунова и Н. П. Оидорова. Т. Сооловской. — 6) Международная выставка печатнаго дѣла и графики въ Деллцигѣ. 1914. Каталогъ русскаго отдѣла. В. Перетца. — 7) И. М. Соловьевъ. Русскіе университеты въ ихъ уставахъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Выпускъ первый. Университеты до эпохи шестидесятихъ годовъ. № 1 «Культурно-исторической библиотеки». Подъ редакціей исторической комиссіи учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ вѣдѣй. Петр. 1914. м. — 8) Языковскій Архивъ. Вып. I. Письма Н. М. Языкова къ роднымъ за дерптскій періодъ его жизни (1822—1829 г.г.). Подъ редакціей и съ объяснительными примечаніями Е. В. Пѣтухова. п. м. — 9) И. П. Дячачевъ. Генеалогическая исторія одной повѣщаньей библиотеки. Ч. I и II. М-тр. 1914. С. Штеана. — 10) А. Климентовъ. Романтизмъ и декадентство. Философія и психологія романтизма, какъ основы декадентства (символизма). Одесса. 1914. В. Уначука. — 11) А. В. Ахфитратровъ. Собраніе сочиненій. Забрь изъ бѣды. Томъ IV. — Погасшія легенды. Петр. 1914. №-на. — 12) Людмила Трубицына. Юристка. Изъ жизни парижской студентки. Петр. 1914. В. Уманова-Калужскаго. — 13) Ив. Коввалодовъ. Очерки современной деревни. Петр. 1914. А. м. Нечасовъ.

XVIII. Новости исторіи. Обзорѣніе журналовъ. А. А. Измайлова. 664

XIX. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника». 673

XX. Заграничныя историческія новости и мелочи. 677

- 1) Какъ создавалась прусская армія. — 2) Шагобрънъ въ роли англійскаго археолога. — 3) Французское воздушное плаваніе въ Польшѣ. — 4) Его изобрѣтъ дирижабль-щепельнякъ. — 5) Происхожденіе Бетховена. — 6) Къ исторіи нѣмецкаго шовинизма. — 7) Германская культура.

XXI. Смѣсь. 696

- 1) Годовое собраніе академіи наукъ. — 2) Среди литераторовъ и ученыхъ. — 3) Въ литературномъ фондѣ. — 4) Юбилей изданія хивастрства финансовъ. — 5) 30-лѣтіе литературной дѣятельности Т. А. Мартельянова. — 6) Тридцатипятилѣтіе литературной дѣятельности Н. Н. Васильева. — 7) Юбилей Л. М. Савелова. — 8) Юбилей М. Г. Ярова. — 9) На памятникъ М. И. Кутузову-Смоленскому.

XXII. Некрологи. 705

- 1) Алексій, архіепископъ. — 2) Вялибнъ, Н. Н. — 3) Вунге, Н. А. — 4) Витрамъ, Ф. Ф. — 5) Волошинъ, М. — 6) Гожинали, Н. В. — 7) Каблукъ, С. А. — 8) Рыкачевъ, А. М. — 9) Моисей, старецъ. — 10) Трутовскій, Я. Я. — 11) Морской, Г. А. — 12) Уховъ, Н. А. — 13) Фоканъ, Н. Н. — 14) Шварць, А. Н. — 15) Шестаковъ, П. М.

XXIII. Замѣтки и поправки. 715

- 1) По поводу статьи А. А. Яронова. С. Литвина. — 2) Отвѣтъ Г. Г. Зоргенфрею. Графа А. А. Мусина-Пушкина. — 3) Отвѣтъ на отвѣтъ Г. Зоргенфрея. — 4) По поводу статьи А. П. Окунгаревскаго. М. Поливанова. — 5) По поводу ст. Б. О. Шумигорскаго. А. Петрова.

Приложенія: 1) Портреть Осдора Осдоровича Радоцкаго. — 2) Долоресъ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ В. Буренина. (Изъ романа Маріонъ-Крауфорда «In the palace of the king»). (Продолженіе).

При этой книжкѣ разсылается извѣстнѣмъ подписчикамъ объявленіе книжнаго магаз. Москвитина, Петроградъ, Литейный 25, и книжнаго склада Баллома Петроградъ, Екатеринбургская ул., 4).

Ежемесячный историко-литературный журналъ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ИЗДАЕТСЯ

Наслѣдниками А. С. Суворина

подъ редакціей Б. Б. Глинскаго.

(Тридцать шестой годъ изданія).

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» знакомитъ читателей въ живой, общедоступной формѣ съ современнымъ состояніемъ исторической науки и литературы въ Россіи и Европѣ и связываетъ отечественную исторію съ всемірною и научное изслѣдованіе съ популярнымъ изложеніемъ. За время **своего 35-лѣтняго** существованія журналъ достигъ широкаго распространенія среди разнообразныхъ классовъ населенія, имѣя здѣсь многочисленныхъ подписчиковъ и читателей. **«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»** издается по слѣдующей программѣ: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, записки, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, этнографическія и бытовыя описанія и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, историческія новости и матеріалы, имѣющіе общій интересъ. Къ **«ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»** прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» выходитъ ежемесячно каждаго 1-го числа въ объемѣ 25—28 печатныхъ листовъ убористаго шрифта:

истор. вѣстн., февраль 1915 г., т. сxxxix.

Подписная цѣна на годъ 10 рублей съ пересылкой и доставкой на домъ, за полгода 6 рублей. Цѣна книжки журнала въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 25 коп. Для служащихъ за подписью казначеевъ, а также для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ допускается разсрочка по четвертямъ года безъ повышенія годовой платы.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва «Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій пр., д. № 40, и въ отдѣленіяхъ главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Такса за объявленія: впереди текста за страницу 80 руб., за 1/2 стр. 45 р., за 1/4 стр. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за 1/2 стр. 35 р., за 1/4 стр. 20 рублей.

Какъ и въ предшествующіе годы, такъ и въ 1915 году, журналъ будетъ выходить со слѣдующими отдѣлами:

Въ журналѣ принимаютъ участіе: его императорское высочество великій князь Николай Михайловичъ и его свѣтлость герцогъ Георгій Николаевичъ Лейхтенбергскій.

БЕЛЛЕТРИСТИКА. Имѣются уже и обѣщаны произведенія слѣдующихъ авторовъ: В. П. Авенариуса, В. И. Анжу, Г. Артурова, Марка Басанина, В. П. Буренина, А. Н. Будищева, В. В. Брусняина, М. Е. Васильевой, М. Г. Веселковой-Кильштетт, В. А. Волжина, П. П. Гнѣдича, А. Е. Зарина, Ф. Е. Зарина-Несвицкаго, Ор. Козельскаго, Н. А. Лашо-Данилевской, В. Микудичъ, Вл. Нарбута, П. М. Невѣжина, С. С. Окрейца, Григ. Ольшанскаго, А. П. Плетнева, И. Н. Потапенка, С. П. Руднева, В. Я. Свѣтлова, И. И. Соколова, А. В. Сульжикова (Вик-Ториновича), Г. Т. Сѣверцева-Подилова, В. В. Уманова-Каплуновскаго, А. Н. Шабановой, Н. А. Энгельгардта, С. К. Эфрона (Литвина) и другихъ.

ВОСПОМИНАНІЯ. Редакція располагаетъ слѣдующими мемуарами: **гр. Н. П. Игнатьева**—«Санъ-Стефано».—**Н. В. Исакова**—«Записки».—**Сенатора Дрейера**—«Воспоминанія».—**Н. А. Манна**—«Воспоминанія».—**Н. Н. Фирсова**—«Императорскій посолъ и дворянская опека».—**С. А. Драгомировой**—«Радецкій, Скобелевъ, Драгомировъ».—**С. Н. Эфрона (Литвина)**—«Воспоминанія о С. Э. Шарановѣ».—**И. В. Погорманскаго**—«Четыре записки изъ жизни декабристовъ».—**А. И. Соколовой**—«Встрѣчи и знакомства».—**В. Б. Бертенсона**—«За 30 лѣтъ».—**Е. Н. Андреевскаго**—«Изъ записокъ за 47 лѣтъ».—**Н. В. Рейнгарда**—«Изъ воспоминаній о Н. К. Михайловскомъ».—**М. В. Щепкина**—«Театральныя мелочи». «Воспоминанія бывшаго судьбанаго дѣятеля» М. Ф. Чулицкаго.—**М. В. Шевлякова**—«Изъ разсказовъ П. И. Вейнберга».—**М. М. Мариной**—«Изъ воспоминаній о пребываніи русскаго экспедиціоннаго отряда въ Критѣ».—**П. А. Россіева**—«Силуэты».—**В. П. Соколова**—«Воспоминанія о Всеволодѣ Гаршинѣ».—**Н. И. Ванченко**—«Изъ воспоминаній украинскаго актера».—**С. И. Уманца**—«Моваика».—**А. Г. Шиле**—«Изъ литературныхъ воспоминаній».—**П. Юдина**—«Изъ прошлыхъ сношеній съ Германіей».—**А. С. Серебряковой**—«Изъ жизни московской прессы восьмидесятыхъ годовъ» и мног. друг.

Статьи научныя, публицистическія, критика и библиографія. Въ отдѣлѣ примутъ участіе: Н. Э. Акаемовъ, В. А. Алексѣевъ, А. А. Бахтгаровъ, А. А. Башмаковъ, проф. П. В. Безобразовъ, Д. А. Бочковъ, В. В. Брусняинъ, А. Н. Брянчаниновъ, А. М. Бѣловъ, И. С. Бѣляевъ, проф. Б. В. Варнеке, проф. А. Н. Витмеръ, В. В. Вороновъ, Г. К. Гинсъ, Б. Б. Глинскій, проф. В. М. Грибовскій, И. И. Гурвичъ,

В. В. Даниловъ, Н. А. Державинъ, А. А. Дунинъ, Н. М. Ежовъ, В. В. Жерве, проф. И. И. Замотинъ, А. Е. Заринъ, Г. Г. Зоргенфрей, А. А. Измаиловъ, проф. Л. П. Карсавинъ, А. Е. Кауфманъ, проф. М. В. Ключковъ, В. Н. Княжнинъ, Я. Н. Колубовскій, А. О. Кони, проф. Д. А. Корсаковъ, проф. М. Е. Красноженъ, А. В. Кругловъ, К. В. Кудряшовъ, В. К. Кузнецовъ, Н. А. Лачиновъ, Н. Н. Лендеръ, проф. Н. М. Ливсовскій, А. М. Ловягинъ, проф. Н. Н. Любавичъ, П. М. Майковъ, проф. А. И. Маленинъ, М. М. Марина, В. П. Маринъ, Т. А. Мартемьяновъ, Д. А. Масляненко, С. Р. Минцловъ, А. А. Мироновъ, Б. Л. Модзалевскій, Э. Е. Мордвинова, П. О. Морозовъ, В. А. Мустафинъ, И. В. Мѣщаниновъ, А. П. Налимовъ, А. М. Нечаева, Н. Н. Оглоблинъ, С. С. Окрейцъ, А. С. Панкратовъ, академикъ В. Н. Перетцъ, проф. М. Г. Попруженко, Н. В. Рейнгардъ, П. А. Россіевъ, О. О. Симбухинъ, Т. О. Соколовская, М. К. Соколовскій, проф. И. И. Соколовъ, П. И. Соколовъ, Н. П. Столпянскій, И. Тенеромо, К. А. Тепловъ, Е. С. Тимирязева, В. З. Ткачукъ, О. О. Тростинеръ, А. И. Фаресовъ, А. И. Фирсовъ, Н. Н. Фирсовъ, Н. В. Чарыковъ, проф. П. Н. Черняевъ, М. Ф. Чулицкій, В. И. фонъ-Штейнъ, С. В. фонъ-Штейнъ, Е. Н. Щепкина, М. А. Щепкинъ, князь Б. А. Щетининъ, Н. А. Энгельгардтъ, С. К. Эфронъ, И. П. Ювачевъ, П. А. Юдинъ, П. Л. Юдинъ, проф. А. И. Яцимирскій и мног. друг.

Въ отдѣлѣ критики и библиографіи каждый мѣсяцъ рецензируются свыше 20-ти вновь вышедшихъ книгъ по преимуществу по русской, всеобщей и древней исторіи, литературѣ, археологіи, исторіи права, искусствъ и другимъ отраслямъ гуманитарнаго знанія. Съ 1914 года въ журналѣ открытъ **новый отдѣлъ по обзорнiю отечественныхъ журналовъ**, а также **Нижний Листокъ**, гдѣ отмѣчаются всѣ поступающія въ редакцію изданія съ краткимъ отчетомъ о главнѣйшихъ изъ нихъ.

Статьи этнографическія и географическія. Будутъ напечатаны произведенія: М. М. Мариной, И. А. Слонова, А. А. Дунина, В. Сазонова, А. Я. Таранецъ, Н. Максимова, А. Григорьева, А. И. Фирсова, А. Моцанскаго, Д. П. Богданова, С. Р. Минцлова, П. Зайкина, М. Мочульской, В. П. Марина, В. Г. Вейденбаума, Л. И. Стеллецкаго, П. П. Орлова.

Историческія новости и мелочи составляются по многочисленнымъ выписываемымъ редакціею европейскимъ журналамъ и газетамъ, посвященнымъ исторіи и литературѣ, и знакомятъ читателя со всѣми западно-европейскими новинками въ этихъ областяхъ.

Изъ записной книжки историка—Е. С. Шумигорскаго.

Новости русской исторіи—А. А. Измаилова.

Въ приложеніи къ журналу въ 1915 году будетъ дано:

Историческая лѣтопись, гдѣ въ систематическомъ порядкѣ будетъ дѣлаться обзорнiе событій на всѣхъ театрахъ современной войны. «Лѣтопись» будетъ иллюстрирована многочисленными портретами главныхъ и выдающихся дѣятелей войны.

«Долоресъ». Драма въ пяти дѣйствіяхъ В. П. Буренина.

Переводный историческій романъ бельгійскаго романиста Е. Демольдеръ «Садовникъ маркизы Помпадуръ».

Въ связи съ переживаемыми военными событіями, редакція «Историческаго Вѣстника» приложитъ всѣ старанія, чтобы печатаемая на страницахъ статья носила по преимуществу злободневный характеръ и отвѣчала историческимъ запросамъ переживаемаго политическаго дня.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

№№ 1 (распродано), 2, 3 и 4 изданія

„Историческаго Вѣстника“

„ВОЙНА“

Хроника и отклики

Цѣна выпуска 50 коп.

Складъ изданія въ книжн. магазинѣ Товарищества
А. С. Суворина—„Новое Время“ (Невскій, 40).

Вышла очередная (V-ая) книга журнала

ВЕШНІЯ ВОДЫ.

Цѣна 60 коп. (съ перес. наложен. платеж.—85 коп.).

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ—съ 1-го сентября книгами до 300 страницъ каждая—разнообразнѣйшаго содержанія—съ иллюстраціями.

«Вешнія Воды»—единственный въ Россіи большой русскій студенческій научно-литературно-художественный журналъ.

Начались печатаніемъ: съ декабрьской (IV-ой) книги журнала (въ публицистическомъ отдѣлѣ) большая оригинальная статья писателя-философа В. В. Розанова—«Изъ жизни, исканій и наблюденій студенчества»; съ январской (V-ой) книги обширный научный очеркъ извѣстнаго психіатра профессора П. И. Ковалевскаго—«Психологія русской націи». Продолжаются печатаніемъ литературныя замѣтки Мих. Спасовскаго—«О современномъ писательствѣ».

Подписная цѣна на годъ—4 руб., на 1/2 года 2 руб. 50 коп.

Подписка и объявленія принимаются въ гл. конторѣ и редакціи журнала «Вешнія Воды»:

Петроградъ. 7-я Рождественская ул., д. 4. Тел. 67-74.

Подписка на «Вешнія Воды» продолжается въ теченіе всего 1915 года.

ФЕДОРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ГАДЕЦКІЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ТРЕТЬЯГО декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что на млавскомъ направленіи наши дѣйствія продолжали развиваться успѣшно. На лѣвомъ берегу Вислы значительныя силы германцевъ продолжали группироваться въ ближайшемъ къ Вислѣ районѣ, причѣмъ у Илова были обнаружены нѣкоторыя вновь прибывшія на нашъ фронтъ германскія части. Съ утра 1-го декабря между Ловичемъ и Вислой, на лѣвомъ берегу Взуры, завязались крайне упорныя встрѣчныя бои, въ которыхъ наши войска нѣсколько продвинулись впередъ. Боевыя столкновенія меньшаго напряженія происходили и на другихъ участкахъ общаго фронта. Выяснилось значительное ослабленіе непріятели между Ченстоховомъ и Краковомъ; находившіяся здѣсь войска противника заканчивали переброску по желѣзнымъ дорогамъ къ карпатскимъ проходамъ. Въ Западной Галиціи бои продолжали развиваться.

Съ западно-европейскаго театра войны 3-го декабря были получены слѣдующія вѣсти:

Въ Бельгіи франко-бельгійскія войска, выйдя изъ Ньюпора, заняли линію отъ западной окраины Ломбартзиде до фермы Сень-Джорджъ. Къ югу отъ Ипра французы произвели атаки въ направленіи къ Кленрциледеке и продвинулись на 500 метровъ впередъ. Въ Эльзасѣ французскія войска продолжали удерживать за собою высоты, господствующія надъ Штейнбахомъ.

Установлено было пребываніе въ нейтральныхъ портахъ Китая и южно-океанскихъ острововъ 94 германскихъ пароходовъ, въ томъ числѣ 15 близъ Западной Америки и Гавайскихъ острововъ. Около 20 пароходовъ пока еще не было разыскано.

3-го декабря великобританское адмиралтейство сообщило, что произошло передвижение германского флота, имѣющее нѣкоторое значеніе. 3-го декабря утромъ германцами были обстрѣяны порты въ Скарборо и Гартльпуль въ Нѣмецкомъ морѣ. Англійскія флотиліи въ различныхъ пунктахъ принимали участіе въ бою. Сраженіе продолжало развиваться.

3-го декабря англійское адмиралтейство объявило, что утромъ отрядъ германскихъ крейсеровъ произвелъ демонстрацію у побережья Йоркшира, во время которой германскія суда бомбардировали Гартльпуль, Уитби и Скарборо. Для этой демонстраціи германцы выслали свои самыя быстроходныя суда. Германскіе крейсера оставались около часа у побережья Великобританіи. Съ ними вступили въ бой находившіяся на мѣстѣ сторожевыя англійскія суда. Лишь только получены были свѣдѣнія о присутствіи непріятеля въ англійскихъ водахъ, сторожевая британская эскадра пыталась отрѣзать германскимъ судамъ путь къ отступленію. Однако, замѣтивъ англійскія суда, германцы стали уходить полнымъ ходомъ; благодаря туману, имъ удалось скрыться. Потери съ обѣихъ сторонъ незначительны; впрочемъ, подробнаго донесенія еще не было получено. Адмиралтейство отмѣтило, что подобнаго рода демонстраціи противъ неукрѣпленныхъ городовъ или торговыхъ портовъ, не представляя затрудненій въ исполненіи и будучи связаны развѣ только съ извѣстнымъ рискомъ, лишены вмѣстѣ съ тѣмъ какого бы то ни было военнаго значенія. Онѣ могутъ стоять жизни жителямъ городовъ и нанести вредъ имуществу, но онѣ ни въ какомъ случаѣ не должны вносить измѣненій въ усвоенную адмиралтействомъ морскую тактику.

Англійское военное министерство тоже 3-го декабря сообщило слѣдующее:

«По донесенію коменданта крѣпости Западный Гартльпуль, германскія военныя суда напали на крѣпость между восемью и шестью часами сегодняшняго утра. Непріятель былъ отраженъ. Одновременно небольшое германское военное судно обстрѣяло Скарборо и Уитби».

3-го декабря былъ опубликованъ слѣдующій обзоръ военныхъ операцій, предшествовавшихъ занятію сербами Бѣлграда:

«29-го ноября наши войска, продвигаясь въ направленіи Мокрой Горы, дошли до Вышеграда и очистили районъ, прилегающій къ правому берегу Дрины, отъ непріятеля. Наши и черногорскія войска заняли Вышеградъ. На сѣверо-западномъ фронтѣ наши войска, продолжая преслѣдовать непріятеля, дошли до линіи Дебричь—Мишарь—Жаребицы и заняли Обреноваць.

«Въ направленіи Бѣлградъ—Младеноваць наши войска энергично атаковали непріятеля, который отступалъ постепенно къ сѣверу. До этого отступленія непріятель пытался удержаться на нѣкоторыхъ позиціяхъ, въ особенности на тѣхъ, которыя были сильно укрѣплены, но въ виду энергичныхъ атакъ нашихъ войскъ самыя укрѣпленныя позиціи непріятеля быстро, одна за другой, попадали въ наши руки. Во время этого сраженія одна изъ нашихъ дивизій завладѣла цѣлой непріятельской батареей и послѣ энергичной кавалерійской атаки разбѣла 52-ой полкъ.

«На остальномъ протяженіи сѣвернаго фронта не произошло ничего выдающагося. Мы захватили въ плѣнъ въ теченіе 29-го ноября на всемъ протя-

женіи фронта 9 офицеровъ и 2,200 солдатъ и завладѣли 15 полевыми орудіями, однимъ горнымъ и многочисленнымъ военнымъ снаряженіемъ.

«30-го ноября на сѣверо-западномъ фронтѣ наши войска энергично преслѣдовали непріятеля и очистили отъ него весь районъ, заключенный между Дриной и Савой, занявъ Шабаци и Лозницу. Въ направленіи къ Младеновацу и Вѣлграду наши войска энергично преслѣдовали шагъ за шагомъ непріятеля, несмотря на то, что послѣдній упорно защищался. Особенно упоренъ былъ отпоръ на его правомъ флангѣ; однако наши войска сломили его сопротивление и въ направленіи къ Петрову—Гробу завладѣли непріятельскими позиціями, которыя были переполнены непріятельскими трупами. Преслѣдуя непріятеля, наши войска за этотъ день значительно приблизились къ Вѣлграду.

«Въ теченіе 30-го ноября мы захватили на всемъ протяженіи фронта много плѣнныхъ, не считая полутора батальона, сдавшагося въ Ковіонѣ, 17 офицеровъ, 2,450 нижнихъ чиновъ, а также завладѣли 5 полевыми орудіями, 4 мортирами, 6 пулеметами, двумя лафетами, 92 зарядными ящиками, тремя шлюпками, многими повозками, лошадьми и полевыми пекарнями».

4-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на млавскомъ направленіи противникъ былъ нами отброшенъ къ границѣ. На лѣвомъ берегу Вислы настойчивыя атаки германцевъ продолжались, въ направленіи отъ Кернозя на Сохачевъ наши войска, вынужденныя отбивать атаки на невыгодной для себя мѣстности, къ вечеру нѣсколько отошли назадъ. На остальныхъ участкахъ произведенныя нашими войсками контръ-атаки сдерживали непріятеля на мѣстахъ, препятствуя его передвиженіямъ къ району главной атаки. Предпринятымъ нами маневромъ наступленіе австрійцевъ изъ-за Карпать было задержано.

Донесеніе штаба кавказской арміи отъ 4-го декабря гласило слѣдующее: «30-го ноября на фронтѣ арміи происходили незначительныя столкновения. Во второй половинѣ ноября турки, значительно усилившись частями багдадскаго корпуса и новыми формированіями, перешли въ долину Евфрата и въ Ванскомъ районѣ въ наступленіе, вылившееся въ цѣломъ рядѣ небольшихъ боевъ у Суверди и Дутаха, на Клычгядукскомъ перевалѣ у Сарая, Асурли и Деера. Однако эти бои неизмѣнно заканчиваются пораженіями турокъ и отступленіемъ ихъ отрядовъ. Большой уронъ турокъ въ этихъ бояхъ убитыми, ранеными и плѣнными и захватъ нами орудій и боевыхъ припасовъ привели къ серьезному разстройству турецкихъ отрядовъ, оперирующихъ на этихъ направленіяхъ, и многія турецкія части, согласно повѣренныхъ данныхъ, насчитываютъ лишь половину своего первоначальнаго состава».

4-го декабря англійское военное министерство дало слѣдующія подробности о бомбардировкѣ нѣмцами англійскихъ городовъ:

«Два крейсера-дреднота и одинъ броненосный крейсеръ были усмотрѣны въ виду Гартлпуля въ восемь часовъ утра. Германскими судами была открыта бомбардировка. Въ восемь часовъ пятнадцать минутъ батареи донесли, что нанесли поврежденія непріятелю, который въ восемь часовъ 50 минутъ скрылся изъ вида. Ни одно изъ британскихъ орудій не было повреждено. Снаряды

падали въ мѣсторасположеніе королевскихъ саперъ, а также 18-го батальона Дургамской легкой пѣхоты. Въ войскахъ потери составляли 7 человекъ убитыми, 14—ранеными. Причинено нѣсколько поврежденій городу и подожженъ газовый заводъ. Среди мирныхъ жителей Гартльпуля насчитывается 22 убитыхъ и 50 раненыхъ. Одновременно крейсеръ-дреднотъ и броненосный крейсеръ появились въ виду Скарборо и произвели 50 выстрѣловъ, причинивъ городу значительныя поврежденія. Убито было 13 человекъ. 2 крейсера-дреднота обстрѣливали Уитби, причинивъ поврежденія строеніямъ. Снарядами двое убиты и двое ранены. Паники нигдѣ не было. Всюду поведеніе жителей не оставляло желать ничего лучшаго».

4-го декабря, согласно извѣщенію французскаго правительства, несмотря на неблагоприятныя метеорологическія условія, французскіе аэропланы, находясь на высотѣ менѣе чѣмъ 1,000 метровъ, совершили полеты надъ непріятельскими позиціями и успѣшно бросили нѣсколько бомбъ въ области Онтельсь.

На пространствѣ отъ побережья до рѣки Лиса французы штыковыми ударами захватили нѣсколько траншей и укрѣпили свои позиціи у Ломбартзиде и Сень-Жоржа. Кромѣ того, французы укрѣпились на занятой ими къ западу отъ Гелловельта мѣстности и продвинулись впередъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ въ районѣ Вермеля. На остальномъ фронтѣ пѣхотныхъ боевъ не происходило. Французская тяжелая артиллерія весьма успѣшно обстрѣливала непріятельскія позиціи въ окрестностяхъ Траси-ле-Валля, на рѣкѣ Энѣ, въ Шампани, на Аргонской возвышенности и въ районѣ Вердена.

Въ Бельгіи французскія войска продвинулись впередъ къ сѣверу отъ дороги, ведущей отъ Ипра къ Манену, а также къ югу и къ юго-востоку отъ Виксхооте. На сѣверо-востокѣ отъ Арраса французы перешли въ наступленіе и достигли первыхъ домовъ Сень-Морана-Бланжи. Французскія войска значительно продвинулись впередъ также у Овилье-ла-Буассель, Мамена и Марикура, въ районѣ Баломъ—Пероннѣ. На всемъ пространствѣ отъ рѣки Соммы до Вогезъ не произошло ничего существеннаго.

Изъ Сербіи продолжали приходять подробности о побѣдномъ изгнаніи австро-венгерской арміи изъ Бѣлграда и о томъ, какъ вели себя завоеватели въ завоеванной ими землѣ.

Австрійцы разграбили, разрушили и подожгли самымъ варварскимъ образомъ городъ Лозницу, несмотря на то, что за послѣдній періодъ военныхъ дѣйствій близъ этого города не происходило никакихъ боевъ. Сербскія власти вновь водворились во всѣхъ мѣстностяхъ области Подринье. Всюду были обнаружены австрійскіе солдаты, которые сдались въ плѣнъ. По словамъ австрійцевъ, потери, понесенныя австро-венгерскими войсками, огромны и превышаютъ число австрійцевъ, взятыхъ сербами въ плѣнъ. Впрочемъ, фактъ этотъ былъ констатированъ и сербами, такъ какъ на дорогахъ, по которымъ отступалъ непріятель, было найдено безчисленное количество не погребенныхъ труповъ австрійцевъ. Власти приняди мѣры къ ихъ погребенію. Непріятель бросилъ, кромѣ того, въ этой области большое число своихъ раненыхъ. Австрійцы увели съ собой все мужское сербское населеніе, въ возрастѣ отъ 15 до

60 лѣтъ. Во всѣхъ мѣстностяхъ, по которымъ прошли венгерскія и германскія войска; и въ особенности шестой полкъ, были совершены многочисленныя убійства женщинъ, дѣтей и стариковъ, и всевозможныя насилія и грабежи.

4-го декабря штабъ командующаго нашимъ черноморскимъ флотомъ сообщилъ, что въ ночь на 1-е декабря однимъ изъ нашихъ судовъ былъ остановленъ около Керасунда, у турецкаго берега, шедшій безъ огней пароходъ германской

Генераль-отъ-инфантеріи П. А. Лечицкій.

левантійской линіи «Деринтъ». Опознавъ пароходъ, наше судно приказало опустить шлюпки и всѣмъ сойти на нихъ, предупредивъ, что пароходъ будетъ потопленъ. Это приказаніе было выполнено только двумя турецкими офицерами и 12 солдатами, которые были подобраны и привезены плѣнными въ Севастополь. Пароходъ послѣ этого былъ разстрѣлянъ, причемъ вспыхнувшій пожаръ вызвалъ взрывъ котла и рядъ взрывовъ патроновъ и ракетъ. Вечеромъ 1-го декабря часть нашего флота усмотрѣла подъ турецкимъ берегомъ стоящій

корабль съ двумя трубами и двумя мачтами. Выпущенныя въ него мины, повидимому, попали, такъ какъ наблюдались два взрыва, большое пламя и слышенъ былъ звукъ, какъ отъ ряда внутреннихъ взрывовъ. Темнота наступившей ночи и другія обстоятельства не позволили убѣдиться въ результатахъ взрывовъ.

5-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что на млавскомъ направленіи наша конница и передовыя части, энергично преслѣдуя разбитыя германскія войска численностью свыше корпуса, перешли границу. Во время преслѣдованія нами были захвачены плѣнные, нѣсколько орудій и другая матеріальная часть. На лѣвомъ берегу Вислы и въ Западной Галиціи 3-го декабря крупныхъ боевыхъ столкновеній не происходило. Въ теченіе послѣдней недѣли гарнизонъ крѣпости Перемышля нѣсколько разъ пытался производить вылазки. Всѣ эти попытки были отбиты нами съ большими для гарнизона потерями. 2-го декабря при отраженіи одной изъ вылазокъ мы захватили нѣсколько сотъ плѣнныхъ и пулеметы.

На фронтѣ кавказской арміи продолжались незначительныя столкновенія. Наблюдалось усиленіе турецкихъ войскъ въ Ванскомъ вилайетѣ, на границѣ съ Персіей.

5-го декабря французское правительство сообщило слѣдующее: день 4-го декабря отмѣченъ французскимъ движеніемъ впередъ въ предѣлахъ Бельгіи, гдѣ всѣ контръ-атаки противника окончились неуспѣхомъ. Въ окрестностяхъ Арраса энергичное наступленіе привело къ занятію французами нѣсколькихъ непріятельскихъ траншей, расположенныхъ передъ Оши-лэ-Лабасэ (Auchy-le-Labassée), Лоосомъ, Сень-Лораномъ и Бланжи. Въ послѣдней мѣстности французы на протяженіи фронта, растянутого больше, чѣмъ на километръ, заняли почти всѣ траншеи первой линіи непріятели. Въ мѣстности Трасиле-Валь, на рѣкѣ Энъ и въ Шампани французская тяжелая артиллерія имѣла опредѣленно выраженный успѣхъ. Въ Аргоннахъ нѣмцы взорвали одну изъ сѣверныхъ траншей «Фуръ-де-Пари» и пытались прорваться черезъ нее тремя батальонами. Какъ эта атака, такъ и атаки у Сентъ-Юбера были отбиты.

5-го декабря французы овладѣли частью территоріи вдоль дюнь къ сѣверовостоку отъ Ньюпора. Къ сѣверу отъ дороги Ипръ—Манень ими были отражены двѣ ожесточенныя контръ-атаки непріятели. Британскія войска нѣсколько продвинулись впередъ въ область Армантьера. Французская артиллерія разрушила двѣ батареи тяжелыхъ орудій непріятели въ области Вердена.

Турецкая главная квартира 5-го декабря сообщила слѣдующее: «Вчера англійскій крейсеръ въ теченіе непродолжительнаго времени бомбардировалъ одинъ изъ нашихъ блокгаузовъ на побережьи между Яффою и Газою. Русскій крейсеръ «Аскольдъ» вчера потопилъ въ бейрутскомъ портѣ два небольшихъ судна».

Положеніе военныхъ дѣлъ на нашемъ фронтѣ обрисовывалось, согласно сообщенію штаба верховнаго главнокомандующаго, въ такомъ видѣ: на лѣвомъ берегу Вислы, послѣ отраженія почти на всемъ фронтѣ непріятельскихъ атакъ, производившихся въ теченіе ряда дней, установилось почти полное затишье

въ боевых дѣйствіяхъ. Въ связи съ совершившимся переходомъ части нашихъ войскъ къ рѣкѣ Взуръ и продолжающимся усиленіемъ австрійцевъ на Карпатахъ, явилась необходимость соотвѣтственно измѣнить группировку нѣкоторыхъ нашихъ армій. Наступленіе непріятеля въ Западной Галиціи 5-го декабря нами задержано. На фронтѣ Санокъ—Лиско мы успѣшно развивали наступленіе. Всего было нами взято здѣсь 3.000 плѣнныхъ, нѣсколько орудій и пулеметовъ.

На всемъ фронтѣ кавказской арміи значительныхъ боевыхъ столкновеній не было.

Состоялось въ гор. Мальме свиданіе королей Швеціи, Норвегіи и Даніи. Цѣль свиданія — устраненіе недоразумѣній и возможныхъ конфликтовъ между сѣверными государствами въ виду общеевропейскаго положенія, а также экономическое объединеніе въ виду новаго положенія, которая приняла торговля и промышленность названныхъ трехъ сѣверныхъ государствъ благодаря разразившейся общеевропейской войнѣ.

Официальное сообщеніе французскаго правительства отъ 6-го декабря гласило слѣдующее: въ Бельгіи, въ районѣ Стеенъ—Строте, французами была отражена атака непріятеля, и они значительно продвинулись впередъ въблизи постоялаго двора Кортекеръ. Британскія войска потеряли въ окрестностяхъ Невшателя нѣкоторыя изъ траншей, занятыхъ ими 5-го декабря. Между тѣмъ, индійскій корпусъ продвинулся впередъ на нѣсколько сотъ метровъ въ направленіи Ришбура. Противникъ выказалъ дѣятельность у Типвала и Лигона. Въ этомъ мѣстѣ непріятельскія войска были застигнуты врасплохъ и буквально уничтожены.

5-го декабря французы укрѣпились на территоріи, накануне захваченной нами къ югу отъ Диксмюде, и продвинули фронтъ къ югу отъ постоялаго двора Кортекера. Движеніе впередъ къ югу отъ Ипра продолжалось въ мѣстности болотистой и затруднительной для дѣйствій. На фронтѣ между рѣками Лисомъ и Уазой французы продвинулись впередъ болѣе, чѣмъ на одинъ километръ, въ районѣ церкви Dame de consolation (къ югу отъ Лабасѣ). Въ теченіе послѣднихъ двухъ дней французскія войска также продвинулись впередъ въ направленіи Каранси и удержали за собою у Сень-Лорена и Бланжи захваченныя 4-го декабря позиціи, несмотря на весьма энергичныя контръ-атаки. Въ районѣ Альбера французы въ ночь на 5-го декабря и въ теченіе 5-го декабря продвигались впередъ подъ сильнымъ огнемъ и достигли проволочныхъ загражденій второй линіи непріятельскихъ траншей. Къ сѣверу отъ Марикура французскія войска принуждены были оставить траншею, захваченную накануне и подожженную непріятелемъ при помощи ручныхъ гранатъ. Французы захватили нѣсколько траншей въ районѣ Мамеца и отразили три энергичныя контръ-атаки въ районѣ Лигона. Въ районѣ рѣки Эна происходили артиллерійскіе бои. Въ Шампани непріятельская артиллерія проявила больше энергіи, чѣмъ накануне. Въ Аргоннахъ, въ Грюрійскомъ лѣсу французы взорвали германскую сапу. Непріятелю путемъ весьма ожесточенной атаки удалось слегка продвинуться изъ Сень-Юбера. Подтверждается, что на правомъ берегу Мааса огонь французовъ, направляемый при содѣйствіи летчиковъ, уничтожилъ двѣ нѣмецкія батареи тяжелыхъ орудій и повредилъ третью.

7-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что на правомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Попытка непріятеля переправиться на правый берегъ Вислы и Добржина была отражена артиллерійскимъ огнемъ. Непріятель былъ вынужденъ спѣшно очистить занятый имъ островъ на Вислѣ, причемъ нами были захвачены его понтоны. Начинались развиваться бои на Бзурѣ, наши войска отбили нѣсколько германскихъ атакъ. Въ остальныхъ районахъ лѣваго берега Вислы происходили лишь столкновенія передовыхъ частей. Въ Западной Галиціи, въ бояхъ на лѣвомъ берегу рѣки Дунайца, въ ночь на 5-е декабря нами вновь было захвачено до тысячи плѣнныхъ уже сражавшейся съ нами въ этомъ районѣ германской дивизіи. Значительная часть гарнизона Перемышля пыталась пробиться въ направленіи на Бирчу. Наши войска вели здѣсь бой въ благопріятныхъ условіяхъ.

Морской генеральный штабъ сообщилъ, что, по донесенію командира крейсера «Аскольдъ», прибывшаго въ Портъ-Саидъ, крейсеръ во время предпринятой развѣдки вдоль сирійскаго побережья захватилъ въ порту Хайфа германскій пароходъ «Хайфа» и отправилъ призь съ отряженной командою подъ начальствомъ офицера въ Портъ-Саидъ. Придя къ Бейруту, крейсеръ «Аскольдъ» взорвалъ находившійся тамъ одинъ турецкій пароходъ и утопилъ въ морѣ другой. Въ шести мѣстахъ сирійскаго побережья крейсеръ посылалъ на берегъ свои катера съ командою для развѣдки.

7-го декабря въ Каирѣ состоялась торжественная церемонія вступленія на престолъ султана Гуссейна въ присутствіи представителя англійскаго короля, командующаго британскій арміей, египетскихъ министровъ, высшихъ сановниковъ, нотаблей, англійскихъ и египетскихъ офицеровъ. Послѣ церемоніи султанъ принялъ присутствовавшихъ въ аудіенціи. Кортѣжъ, сопровождавшій султана во дворецъ, открывался и замыкался отрядами британской кавалеріи. По пути слѣдованія стояли шпалерами британскіе солдаты. Туземное населеніе проявляло полную лояльность; городъ былъ украшенъ флагами. Султанъ получилъ нѣсколько тысячъ поздравительныхъ телеграммъ, въ томъ числѣ отъ англійскаго короля и лорда Китченера. Султанъ Гуссейнъ опубликовалъ декретъ, въ которомъ объявляетъ, что подъ протекторатомъ Англій онъ обезпечитъ населенію безопасность, процвѣтаніе и свободу, а также улучшить народное просвѣщеніе и судъ. Новый кабинетъ образованъ подъ предсѣдательствомъ Рушди-паши. Министерство иностранныхъ дѣлъ было упразднено. Король Георгъ обмѣнялся телеграммами съ египетскимъ султаномъ по случаю вступленія на престолъ послѣдняго. Новый султанъ высказываетъ въ своей телеграммѣ, что онъ всѣ свои упованія возлагаетъ на Англію.

7-го ноября официальное сообщеніе французскаго правительства гласило о томъ, что на протяженіи отъ моря до Лиса французы заняли нѣкоторое пространство впереди Ньюпора и Сень-Жоржа. На западъ и на югъ отъ Ипра, гдѣ непріятель усилилъ свое оборонительное расположеніе, происходилъ артиллерійскій бой, въ исходъ котораго французскія войска немного продвинулись впередъ. На протяженіи отъ Лиса до Уазы союзныя силы заняли пять непріятельскихъ траншей первой линіи, на фронтѣ Лисебургъ—Лавуэ—Сиванпиль—Лабасъ. На юго-западѣ французы вторично заняли траншею Альбера, которая въ пер-

вый разъ была взята ими 4-го декабря и перешла къ неприятелю на слѣдующій день. Въ районѣ Лигона нѣмцы дважды произвели весьма энергичныя атаки, чтобы вернуть траншею, которую французы захватили 5-го декабря, но были отбиты. Въ районѣ отъ Уазы до Аргоннъ обнаружилось превосходство французской артиллеріи, выражавшееся перерывами въ артиллерійскомъ огнѣ противника, въ разрушеніи его прикрытій для пулеметовъ и наблюдательныхъ пунктовъ.

7-го декабря великобританское адмиралтейство извѣстило, что у сѣверныхъ береговъ Ирландіи наткнулся на мину британскій пароходъ «Tritonia». Пароходъ, повидимому, затонулъ; командѣ удалось благополучно высадиться на берегъ.

8-го декабря отъ штаба верховнаго главнокомандующаго были получены слѣдующія вѣсти: На лѣвомъ берегу Вислы, на фронтѣ по рѣкамъ Бзуръ и Равкъ въ теченіе 6-го декабря происходилъ рядъ боевъ, носившихъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ весьма упорный характеръ. Двѣ нѣмецкія роты, перешедшія черезъ Бзуру у деревни Дахово по не вполне сожженному мосту, были немедленно атакованы нашими частями и совершенно уничтожены; оставшіеся въ живыхъ 50 человекъ взяты въ плѣнъ. Бои происходили также въ районѣ Опочно. Въ Галиціи положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ мы переходили въ контръ-атаки, причемъ захватили плѣнныхъ и пулеметы. Въ районѣ Перемышля австрійцы пытались произвести вылазку значительными силами, но попытка эта привела къ печальнымъ для нихъ результатамъ. Атакованные во флангъ нашими войсками, австрійцы были отброшены, потерявъ много плѣнныхъ.

Штабъ кавказской арміи 8-го декабря увѣдомилъ, что сраженіе съ турками, сосредоточившими значительныя силы на ванскомъ направленіи, развивалось для насъ успѣшно. Ночная атака противника у селенія Алагезъ нами была отбита, причемъ неприятель понесъ большія потери убитыми.

Согласно сообщенію французскаго правительства отъ 8-го декабря, британскія войска, предпринявъ атаку, къ утру 8-го декабря завладѣли большою частью ранѣ уступленныхъ траншей. У Лигона (Lihons) неприятель произвелъ послѣдовательно четыре атаки, пытаясь захватить траншеи, которыя французы передъ этимъ заняли въ этомъ районѣ; всѣ эти атаки были отбиты. Французскія войска атаковали неприятельскія траншеи къ сѣверо-западу отъ Пуисалена (Puisaleine) и къ югу отъ Нуайона и заняли первую линію ихъ. Кромѣ того, французы продвинулись впередъ въ Сентъ-Марскомъ (Saint Mard) лѣсу.

8-го декабря огромное число итальянскихъ городовъ чествовало память итальянскаго патріота Оберданка, причемъ во многихъ мѣстахъ были устроены антиавстрійскія демонстраціи. Наиболѣе значительныя манифестаціи произошли въ Миланѣ, Туринѣ, Флоренціи, Неаполѣ, Венеціи, Болоньѣ, Генуѣ, Пармѣ, Реджіо, Савонѣ, Мантуѣ, Падуѣ, Веронѣ, Удино, Мессинѣ. Во многихъ мѣстахъ ораторами выступали депутаты парламента.

9-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на млавскомъ направленіи противникъ отступилъ на фронтъ Лаутенбургъ—Нейденбургъ. На лѣвомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ существен-

ныхъ перемѣнъ. Въ Галиціи наступленіе австрійцевъ было остановлено нашими войсками, дальнѣйшія дѣйствія коихъ развивались вполнѣ благопріятно. Одна изъ австрійскихъ дивизій, дѣйствовавшая на дукльскомъ направленіи, штыковымъ ударомъ обращена была нами въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ боя 500 труповъ и плѣнными 10 офицеровъ и свыше 1.000 нижнихъ чиновъ. Попытки гарнизона Перемышля прорваться черезъ фронтъ обложенія были окончательно отражены, гарнизонъ съ большими для него потерями отброшенъ къ линіи фортовъ.

Штабъ кавказской арміи 9-го декабря увѣдомилъ о томъ, что на ванскомъ направленіи 7-го декабря шли бои, окончившіеся пораженіями турокъ, которые понесли большія потери убитыми и ранеными. При преслѣдованіи противника нами было взято горное орудіе съ 500 снарядами. На сарыкамышскомъ направленіи имѣли мѣсто только незначительныя столкновения.

Главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало слѣдующее объявленіе:

Въ виду широко распространяемыхъ въ послѣдніе дни въ Германіи и Австро-Венгріи злостныхъ свѣдѣній о состояніи нашихъ армій и ихъ стратегическомъ положеніи главное управленіе генеральнаго штаба считаетъ своей обязанностью предупредить русское общество о полной предвзятости и невѣрности распространяемыхъ во враждебной намъ прессѣ свѣдѣній, касающихся нашихъ вооруженныхъ силъ.

Переходъ нашихъ армій на болѣе сокращенный фронтъ является результатомъ свободнаго рѣшенія соответствующаго военнаго начальства и представляется естественнымъ въ виду сосредоточенія противъ насъ германцами весьма значительныхъ силъ, кромѣ того, принятымъ рѣшеніемъ достигаются и другія преимущества, о коихъ, по военнымъ соображеніямъ, къ сожалѣнію, не представляется пока возможнымъ дать разъясненія обществу.

Французское правительство 9-го декабря извѣстило, что 8-го декабря вечеромъ непріятель произвелъ ожесточенныя контръ-атаки на сѣверо-западѣ отъ Пуисалеи (Puissaleine), къ югу отъ Нуайона. Всѣ эти контръ-атаки были отбиты. Къ югу отъ Вареннъ французы утвердились 8-го декабря, къ вечеру въ Бурейль (Bouzeilles). Французскія атаки продолжались и 9-го декабря, и въ результатъ ихъ французскія войска продвинулись къ Бурейлю и къ западу отъ Вокюа (Vauquois).

10-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ о новыхъ успѣхахъ побѣдоноснаго русскаго оружія.

Въ теченіе 8-го декабря на лѣвомъ берегу Вислы, между нижнимъ ея теченіемъ и Пилицей, происходилъ рядъ упорныхъ боевъ, изъ числа коихъ особое развитіе получилъ бой въ районѣ лѣваго берега рѣки Пилицы. Въ общемъ всѣ атаки нѣмцевъ были отражены съ большими для нихъ потерями, и только на нѣкоторыхъ небольшихъ участкахъ наши войска отошли нѣсколько къ востоку для занятія болѣе выгоднаго расположенія. Переправившіяся черезъ Взуру въ районѣ Закржева части нѣмцевъ были сброшены нашей контръ-атакой въ рѣку, потерявъ массу убитыхъ и 9 пулеметовъ, взятыхъ нами. Между Пилицей и Верхней Вислой положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ за исключеніемъ участка у Скворонно, гдѣ австрійцы, перешедшіе было черезъ рѣку

Ниду, контръ-атакой наших войскъ были прижаты къ рѣкѣ; угрожаемые нашей штыковой атакой, они сдались въ плѣнъ въ числѣ 18 офицеровъ и свыше 1.000 нижнихъ чиновъ. Выяснено было также, что въ бою съ австрійцами 6-го декабря, въ районѣ восточнѣе Пржедборжа, мы взяли въ плѣнъ 17 офицеровъ и до 1.000 нижнихъ чиновъ.

Въ Галиціи наши дѣйствія въ теченіе 8-го декабря продолжали развиваться весьма успѣшно. Близъ Рыглице одна австрійская дивизія, внезапно атакованная нашими войсками, въ безпорядкѣ бѣжала, оставивъ на полѣ битвы 1.500 труповъ. Части другой дивизіи, атакованныя въ штыки близъ Іудлова, также бѣжали, оставивъ 500 труповъ. Кромѣ того, въ этомъ же районѣ австрійцы при нашемъ дальнѣйшемъ наступленіи потеряли много плѣнныхъ, три орудія и пулеметы.

Части перемышльскаго гарнизона вновь пытались производить вылазки въ различныхъ направленіяхъ, но всюду были отброшены на свои укрѣпленія съ большимъ для нихъ урономъ.

Штабъ кавказской арміи извѣстилъ о слѣдующемъ:

Нашъ миноносецъ въ районѣ Хопы обстрѣлялъ прибрежныя селенія, занятыя турецкими войсками, и потопилъ четыре грузженныя фелюги. На ванскомъ направленіи наши войска продолжали тѣснить значительныя силы турокъ.

Штабъ верховнаго главнокомандующаго 11-го декабря сообщилъ, что въ теченіе 9-го декабря наши дѣйствія на всѣхъ фронтахъ въ общемъ развивались благопріятно, причемъ наиболѣе существенные успѣхи достигнуты были нами на рѣкахъ Нидѣ и Дунайцѣ, о также въ Карпатахъ.

На млавскомъ направленіи передовыя части нѣмцевъ пытались вновь перейти нашу границу.

Между Нижней Вислой и Пилицей въ теченіе ночи и весь день 9-го декабря нѣмцы сосредоточили свои усилія для форсированія Бзуры и Равки на участкахъ у Мистржевице, у Болимово и противъ Скерневицъ. Всюду они были отброшены нашими контръ-атаками за эти рѣчки на свои прежнія позиціи, причемъ понесли громадныя потери. Въ одномъ только скерневицкомъ районѣ было насчитано свыше тысячи германскихъ труповъ. Успѣху нашихъ дѣйствій оказывали содѣйствіе наши автомобильныя батареи. На лѣвомъ берегу Пилицы продолжался упорный бой въ районѣ деревень Езержець и Рожкова-Воля (въ десяти верстахъ къ западу отъ Нова-Мяста), на правомъ берегу той же рѣки мы успѣшно подвигались впередъ въ районѣ Опочно—Томашовъ.

Въ Галиціи развитіе нашего успѣха продолжалось, причемъ выяснилось, что къ югу отъ Вислы нами въ теченіе 7-го и 8-го декабря было взято въ плѣнъ 66 офицеровъ и 5,600 нижнихъ чиновъ и захвачено 3 орудія и 10 пулеметовъ, а на Карпатахъ при преслѣдованіи отступающихъ австрійцевъ 9-го декабря вновь взято въ плѣнъ 30 офицеровъ и до 1,500 нижнихъ чиновъ.

Подъ Перемышлемъ австрійцы опять произвели вылазку, причемъ нѣсколько непріятельскихъ ротъ, выдвинувшихся впередъ, были совершенно уничтожены нами, а остатки взяты въ плѣнъ; при этомъ захвачено полторы

версты полевой желѣзной дороги. Взятые у непріятеля пулеметы были тутъ же использованы нами для обстрѣливанія подходившихъ резервовъ.

Отъ штаба кавказской арміи къ 11-му декабря были получены слѣдующія вѣсти:

Въ теченіе 9-го декабря была обнаружена усиленная дѣятельность турокъ на ольгинскомъ направленіи. На сарыкамышскомъ направленіи турки произвели рядъ неудачныхъ атакъ. На ванскомъ направленіи наступленіе турокъ закончилось переходомъ ихъ къ оборонѣ, которая послѣ упорнаго сопротивленія противника была сломлена нашими войсками, взявшими плѣнныхъ, оружіе и снаряды.

На западномъ театрѣ, на фронтѣ между рѣками Маасомъ и Аргоннами союзнымъ войскамъ удалось удержать за собою почти всѣ позиціи, занятыя ими въ результатъ ихъ атакъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, линія фронта въ этомъ районѣ продвинулась до проволочныхъ загражденій непріятеля у юго-западнаго выступа лѣса Форжъ, на востокъ отъ Кюизи, и далѣе проходитъ вдоль дороги, ведущей въ Бурейльскій лѣсъ.

Въ Бельгіи французы 9-го декабря немного продвинулись впередъ на пространствѣ между побережьемъ и дорогой отъ Ньюпора на Вестенде, а также въ районѣ Стеенстрееде и Биксхооте, гдѣ они заняли лѣсъ, нѣсколько домовъ и одинъ редутъ. Въ востокъ отъ Веткона французы совместно съ англійскими войсками вновь взяли селеніе Живонши-ле-Бассэ. Въ районѣ Арраса густой туманъ стѣснялъ дѣйствія какъ непріятеля, такъ и союзниковъ.

Къ востoku отъ Амьена, на рѣкѣ Энъ и въ Шампани происходили артиллерійскіе бои. Въ области Перть-ле-Юрлю французы послѣ сильной артиллерійской перестрѣлки и двухъ атакъ захватили послѣдній участокъ желѣзнодорожной линіи, часть которой была уже взята 8-го декабря, продвинувшись въ среднемъ на 800 метровъ. Во взятыхъ ими здѣсь траншеяхъ французы захватили нѣсколько пулеметовъ съ боевыми припасами и людьми. Ожесточенная контръ-атака германцевъ была отбита. Французскія войска продвинулись впередъ также и къ сѣверо-востоку отъ Восежура, гдѣ непріятель вновь произвелъ безуспѣшную контръ-атаку. Значительный успѣхъ имѣли войска французовъ и въ Грюрійскомъ лѣсу на линіи траншей протяженіемъ въ 400 метровъ и вдающихся вглубь до 250 метровъ. Они взорвали минами двѣ линіи германскихъ траншей и заняли ихъ. Бои продолжались въ окрестностяхъ Бурейля.

Вечернее официальное сообщеніе французскаго правительства отъ 11-го декабря гласило, что къ сѣверу отъ рѣки Лиса непріятель подвергъ довольно сильному артиллерійскому огню мѣстность, прилегающую къ дорогѣ отъ Ипра на Коминъ (Comines), а также окрестности Лангермака, но не предпринималъ здѣсь никакихъ атакъ. У Ла-Буаселя, къ сѣверо-востоку отъ Альбера, французскія войска немного продвинулись впередъ. Произведенная въ ночь на 10-е декабря германцами атака противъ Сень-Марскаго лѣса, къ востоку отъ Траси-ле-Вая, была отбита. Французы укрѣпили траншеи, отбитыя у непріятеля третьяго дня близъ Пуисалена, удержали за собою и укрѣпили мѣстность, занятую ими въ Вандесапѣ, близъ Лонуа (Lanoua), къ сѣверу отъ Нэдитъ (Naidite). Но прочихъ фронтахъ не произошло ничего существеннаго.

11-го декабря, въ 10 часовъ 50 минутъ утра, надъ Дувромъ показался германскій аэропланъ и сбросилъ бомбу въ городской садъ. Однако взрывъ не причинилъ вреда. По истеченіи нѣсколькихъ секундъ аэропланъ скрылся въ направленіи моря. Немедленно вылетѣлъ британскій аэропланъ, но непріятель болѣе не показывался.

Австро-венгерское правительство опубликовало слѣдующее официальное сообщеніе о положеніи боевыхъ дѣлъ въ Сербіи:

«Послѣдовавшее послѣ побѣдоносныхъ боевъ въ Сербіи удаленіе оттуда

Генераль-адъютантъ М. В. Алексѣевъ.

австро-венгерскихъ войскъ породило различные слухи. Въ виду этого, по повелѣнію императора, немедленно было произведено разслѣдованіе, выяснившее слѣдующее:

«По одержаніи боевыхъ успѣховъ главнокомандующій балканской арміей рѣшилъ достигнуть конечной цѣли, т.-е. полного уничтоженія противника. Однако при этомъ имъ недостаточно были приняты во вниманіе предстоявшія преодолѣнію препятствія. Вслѣдствіе неблагоприятной погоды, немногія дороги, пролегающія и безъ того по трудно проходимой мѣстности, принесли въ

«Истор. вѣстн.», февраль 1915 г., т. сxxxix.

11

такое состояніе, что доставка арміи необходимаго продовольствія и снарядовъ стала невозможной.

«Такъ какъ одновременно непріятель собралъ новыя силы и предпринялъ атаку, пришлось отказаться отъ наступленія, и благоразуміе подсказывало не принимать рѣшающаго боя при столь неблагоприятныхъ условіяхъ и отвести изъ Сербіи вторгшіяся въ нее войска. При отступленіи австрійская армія понесла чувствительныя потери въ личномъ составѣ и въ матеріальной части.

«Главнокомандующій балканской арміей уволенъ отъ должности и на его мѣсто назначенъ генераль-отъ-кавалеріи эрцгерцога Евгенийъ».

Изъ Львова къ 11-му декабря были получены слѣдующія подробности разстрѣла австрійцами священника отца Сандовича. Единогласно оправданный въ процессѣ, за отказомъ въ паспортъ на выѣздъ въ Россію, Сандовичъ поѣхалъ на отдыхъ въ родную деревню. Въ началѣ мобилизациі онъ былъ арестованъ и вмѣстѣ съ женою посаженъ въ горлицкую тюрьму. 6-го сентября изъ Кракова послѣдовало распоряженіе по телеграфу разстрѣлать узника. Мѣсто казни назначено публичное—передъ зданіемъ тюрьмы. Объ этомъ было оповѣщено населеніе города, а заключенные были согнаны къ окнамъ тюрьмы. Сандовичъ исповѣдался и пріобшился святыхъ тайнъ у униатскаго священника. На его рясѣ надъ сердцемъ мѣломъ былъ сдѣланъ бѣлый крестъ, какъ знакъ прицѣла. Стрѣлявшій жандармъ попалъ выше прицѣла. Падая, отецъ Сандовичъ воскликнулъ: «Да здравствуетъ русскій народъ и святое православіе». Офицеръ приказалъ прикончить жертву: изъ револьвера былъ произведенъ смертельный выстрѣлъ въ голову. У матушки послѣ обморока обнаружилось глубокое душевное расстройство. Въ такомъ состояніи она была вывезена.

12-го декабря великобританское военное министерство сообщило, что въ половинѣ перваго часа дня надъ Ширнесомъ былъ усмотрѣнъ непріятельскій гидроаэропланъ. Британскій воздушный флотъ вылетѣлъ навстрѣчу противнику. Непріятельскій гидроаэропланъ, въ который попали три или четыре снаряда, былъ принужденъ къ отступленію и отлетѣлъ назадъ въ направленіи къ морю.

11-го декабря французское правительство опубликовало слѣдующее:

«Австрійская подводная лодка выпустила двѣ мины въ французскій броненосецъ въ Отрантскомъ каналѣ. Одна изъ минъ попала въ носовую часть броненосца и взорвалась, причинивъ незначительныя поврежденія. Раненыхъ нѣтъ».

12-го декабря отъ штаба верховнаго главнокомандующаго было сообщено, что на Взурѣ у господскаго двора Жуковъ (въ пяти верстахъ ниже Сохачева) въ ночь на 10-е декабря довольно значительныя силы нѣмцевъ, переправившіяся на правый берегъ рѣки, были на голову разбиты нашими войсками, одинъ изъ нѣмецкихъ полковъ былъ почти совершенно уничтоженъ, потерявъ 5 пулеметовъ и оставивъ намъ плѣнными 5 офицеровъ и 515 нижнихъ чиновъ. Въ ту же ночь и въ теченіе всего 10-го декабря нѣмцы произвели рядъ энергичныхъ атакъ въ районѣ Болимова, но всюду были отбиты огнемъ и контръ-атаками нашихъ войскъ. На берегахъ Пилицы въ районѣ Иновлодзи и ниже этого пункта продолжались весьма упорные бои, причемъ 10-го декабря намъ уда-

лось отбросить нѣмцевъ, перешедшихъ ранѣе на правый берегъ рѣки. На Нидѣ 9-го и 10-го декабря бои шли по всему фронту и отличались особымъ упорствомъ на нижнемъ ея теченіи между Вислицей и Н.-Корчиномъ; за оба эти дня нами въ этомъ районѣ взято въ плѣнъ: на участкѣ сѣвернѣе Пинчова 57 офицеровъ и свыше 4,000 нижнихъ чиновъ и южнѣе Пинчова 8 офицеровъ и до 600 нижнихъ чиновъ. Къ югу отъ Вислы успѣхъ нашихъ дѣйствій за предыдущіе дни продолжалъ развиваться, причемъ нами вновь взято въ плѣнъ до 1,500 нижнихъ чиновъ. Въ Восточной Пруссіи, подъ Перемышлемъ и на Карпатахъ положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ.

На кавказскомъ фронтѣ боевыя дѣла обстояли въ слѣдующемъ видѣ:

На ольгинскомъ направленіи военныя дѣйствія продолжали развиваться. На сарыкамьшскомъ направленіи наши войска, перейдя въ наступленіе, сбили передовыя части турокъ на семь фронтѣ. На ванскомъ направленіи противникъ послѣ упорнаго сопротивленія, понеся значительныя потери, отступилъ на линію Сарай—Ассурли.

Выяснились къ 12-му декабря слѣдующія знаменательныя подробности лихихъ дѣйствій нашихъ сибирскихъ стрѣлковъ, въ теченіе трехъ ночей подъ рядъ, съ 6-го по 8-е декабря, нанесшихъ жестокія пораженія нѣмецкимъ войскамъ, пытавшимся переправляться черезъ Взуру на участкѣ ея между впадѣніемъ рѣки Равки и Сохачевымъ. Въ первую ночь были почти совершенно уничтожены семь батальоновъ, принадлежавшихъ большею частью къ левой вюртембергской дивизіи, незадолго передъ тѣмъ перевезенной на нашъ фронтъ изъ Франціи и укомплектованной до полного состава. Въ ночь на 7-е декабря такая же участь постигла двѣ роты, переправившіяся въ теченіе 6-го декабря по пѣшеходному мостику близъ устья рѣки Писи. На слѣдующій день, на томъ же участкѣ Взуры, нѣмцы при поддержкѣ сильнѣйшаго артиллерійскаго огня опять успѣли накопить на правомъ берегу около двухъ батальоновъ. Однако въ ночь на 8-е декабря и эти батальоны были уничтожены, несмотря на то, что своевременно замѣтили наше наступленіе еще за версту отъ своихъ окоповъ, освѣтили всю впереди лежащую мѣстность прожекторами и ракетами и осыпали наши штурмовыя колонны градомъ ружейныхъ и шрапнельныхъ пуль. Въ виду ожесточенности боевъ и работы нашихъ войскъ почти исключительно штыками, потерь нѣмцевъ убитыми были огромны, и въ одну только послѣднюю ночь ими было оставлено на мѣстѣ боя свыше 1,200 труповъ. Взятые въ плѣнъ германскіе офицеры высказывали мнѣніе, что они прямо не представляли себѣ, чтобы можно было атаковать съ такою стремительностью, каковая была проявлена нашими стрѣлками.

По официальному вечернему сообщенію отъ 12-го декабря на западномъ фронтѣ положеніе дѣлъ приняло такой порядокъ: въ направленіи Ньюпора французы нѣсколько продвинулись впередъ. Въ направленіи Нотр-Дамъ-де-Лоретъ, къ сѣверу отъ Ланса, атаки непріятели были отбиты. Утромъ французскія войска взяли новую траншею близъ Пюсалена и удержались на ней, несмотря на нѣсколько контръ-атакъ противника. Прошлою ночью противникъ ожесточенно, безъ успѣха, пытался атаковать въ Вогезахъ французскія позиціи у Теръ-де-Фо (Tête de Faux).

13-го декабря Государь Императоръ прибылъ къ дѣйствующей арміи.

13-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что на всемъ фронтѣ нашего расположенія на лѣвомъ берегу Вислы и въ Галиціи положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. Атаки нѣмцевъ въ ночь и весь день 11-го декабря велись преимущественно на участкѣ Сохачевъ—Болимовъ. Всѣ эти атаки были нами отбиты съ громадными для нѣмцевъ потерями. Бои на берегахъ рѣки Пилицы продолжались. При развитіи нашего наступленія въ предгорьяхъ Карпатъ особенно отличились два нашихъ пѣхотныхъ полка, подъ жестокимъ огнемъ переправившіеся по поясъ въ холодной водѣ черезъ рѣку Ясіолку, выбившіе штыками австрійцевъ изъ занятой ими линіи и захватившіе въ плѣнъ 4 офицеровъ и 150 нижнихъ чиновъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ районѣ Дутаха противникъ пытался наступать въ различныхъ направленіяхъ, но былъ отраженъ и отступилъ.

На западно-европейскомъ фронтѣ боевыя дѣла къ 19-му декабря свелись къ слѣдующему: на пространствѣ между моремъ и рѣкой Лисомъ происходила лишь слабая артиллерійская перестрѣлка, такъ какъ густой туманъ мѣшалъ операціямъ. Между рѣками Лисомъ и Уазой французы отбили нѣсколько атакъ и контръ-атакъ непріятели у Нулеттъ, Ла-Буассель и Лигонъ, гдѣ послѣ упорнаго боя утерянныя были ими траншеи были вновь отняты у германцевъ. Между рѣками Уазой и Эномъ происходилъ сильный артиллерійскій бой. Германская атака у Шиви, къ сѣверо-востоку отъ Супира, была отбита. Въ районѣ Перта французская артиллерія заставила замолчать непріятельскія батареи, обстрѣливавшія занятые французами недавно траншеи. Двѣ стремительныя контръ-атаки германцевъ были отбиты французами въ ночь съ 11-го на 12-ое. Новая, особенно ожесточенная, контръ-атака германцевъ на фронтѣ въ 1.500 метровъ, предпринятая значительными силами, потерпѣла полную неудачу.

На Аргонской возвышенности и на пространствѣ между рѣками Маасомъ и Мозель не произошло ничего существеннаго. У Сернэ французскія войска достигли опушки лѣса на холмахъ къ западу отъ города и удержались на этихъ позиціяхъ, несмотря на нѣсколько произведенныхъ непріателемъ контръ-атакъ. Кромѣ того, французы заняли мѣстность, прилегающую къ Аспакъ-де-Ба, и возвышенности, господствующія надъ Карспакомъ (Carpsach) съ запада.

14-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на лѣвомъ берегу Вислы положеніе оставалось попрежнему въ общемъ безъ существенныхъ перемѣнъ. Между нижнимъ теченіемъ Вислы и рѣкой Пилицей боевыя дѣйствія въ теченіе 12-го декабря носили значительно менѣе напряженный характеръ, за исключеніемъ района, непосредственно прилегающаго къ Пилицѣ, гдѣ всю ночь и весь день продолжались упорные бои. Такой же упорный характеръ продолжалъ носить бой съ австрійцами въ низовьяхъ рѣки Ниды. Выяснилось, что въ теченіе 11-го декабря нами на этомъ участкѣ было взято въ плѣнъ 68 офицеровъ и около 4.000 нижнихъ чиновъ. Въ Галиціи бои по всему фронту сопровождалась успѣхомъ нашихъ войскъ.

На западномъ фронтѣ, по официальнымъ свѣдѣніямъ отъ 14-го декабря, непріятель, послѣ сильнаго артиллерійскаго и пѣхотнаго огня, поддерживавшагося имъ въ теченіе всей прошлой ночи противъ французскихъ войскъ, укрѣ-

павшихся у Ла-Буасселя и въ соседнихъ траншеяхъ, произвелъ двѣ послѣдовательныя атаки, не имѣвшія, однако, успѣха. Французы прочно засѣли въ Траншеяхъ, отнятыхъ близъ Пуисалена. На правомъ берегу Мааса они укрѣпляются на позиціяхъ, занятыхъ ими близъ траншеи у Калоннѣ (Ca Lonne). Сент-Ліэ подвергся ожесточенной бомбардировкѣ германцевъ, продолжавшейся съ 9 часовъ 30 минутъ утра до 12 часовъ дня.

14-го декабря французская социалистическая партія выпустила характерное воззваніе къ рабочимъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

«Мы обращаемся ко всемъ съ призывомъ къ большей увѣренности. Борьба можетъ оказаться очень продолжительной, но она не утомительна. Мы, социалисты, знаемъ, за что боремся. Мы боремся за то, чтобы впредь единство и независимость Франціи не стояли подъ вопросомъ, чтобы провинціи, отторгнутыя противъ ихъ воли, получили возможность вернуться къ свободно избранному ими отечеству, чтобы право народа распоряжаться собою было признано всеміи и всюду и чтобы прусскій милитаризмъ пересталъ угнетать свободное развитіе націи. Мы боремся за то, чтобы война была послѣдней, и чтобы миръ, не лживый вооруженный миръ, но истинный миръ между свободными народами воцарился въ Европѣ и во всемъ мірѣ. Мы боремся за то, чтобы рабочіе, выносящіе на своихъ плечахъ все бремя вооруженій, могли, наконецъ, вздохнуть свободно, и за то, чтобы въ мирѣ появилась, наконецъ, справедливость и чтобы наши внуки могли не опасаться возвращенія насилій и варварства».

14-го декабря великобританское адмиралтейство опубликовало слѣдующее сообщеніе: 12-го декабря германскія военныя суда, стоявшія на якорѣ у Куксгафена, были атакованы семью аэропланами, вылетѣвшими изъ мѣстности по соседству съ Гельголандомъ. Аэропланы конвоировались однимъ легкимъ крейсеромъ, однимъ миноносцемъ и подводными лодками. Лишь только германцы замѣтили съ Гельголанда англійскія суда, два цеппелина и три или четыре непріятельскихъ гидроаэроплана напали на нихъ. Произошелъ бой между крейсерами новѣйшаго типа съ одной стороны и непріятельской воздушной силой—съ другой. Быстрымъ маневрированіемъ англійскимъ судамъ удалось избѣгнуть атаки германскихъ подводныхъ лодокъ; оба же цеппелина были безъ особаго труда обращены въ бѣгство артиллерійскимъ огнемъ съ крейсеровъ «Undaunted» и «Arethusa». Непріятельскіе гидроаэропланы бросили нѣсколько бомбъ, упавшихъ вблизи судовъ, но не задѣвшихъ ни одного изъ нихъ. Англійскія суда оставались въ теченіе трехъ часовъ у береговъ, занятыхъ непріятелемъ, не подвергаясь при этомъ нападенію надводныхъ судовъ. Англійскими судами благополучно были приняты на бортъ три летчика съ ихъ аэропланами. Три другихъ пилота, аппараты которыхъ были потоплены, подобраны были позднѣе англійскими подводными лодками. Не досчитываются одного летчика, разбитый аппаратъ котораго былъ замѣченъ приблизительно въ восьми миляхъ отъ Гельголанда. Судьба этого летчика неизвѣстна. Размѣры причиненнаго англійскими летчиками вреда не могутъ быть опредѣлены въ точности, однако всѣ бомбы были сброшены въ пунктахъ, имѣющихъ военное значеніе. 11-го декабря командующій морской воздушной эскадрой Дювисъ появился надъ Брюсселемъ на бипланѣ съ цѣлью сбросить 12 бомбъ въ воздухоплавательный ангаръ, въ которомъ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, находился германскій парсифаль. Англійскій летчикъ сбросилъ 10 бомбъ, но вслѣдствіе густыхъ

клубовъ дыма, поднявшагося съ ангара, оказалось невозможныхъ выяснитъ достигнутые результаты.

15-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ теченіе 13-го декабря боевыя дѣйствія на линіи рѣкъ Бзуры и Равки въ общемъ ограничились артиллерійскимъ огнемъ; частичныя атаки нѣмцевъ были нами съ успѣхомъ отбиты. На Нижней Нидѣ австрійцы, пытавшіеся утвердиться на лѣвомъ ея берегу, были къ вечеру 12-го декабря выбиты изъ деревни Вислицы, упорно ими оборонявшейся, и затѣмъ отброшены за названную рѣку. Къ югу отъ Верхней Вислы, въ районѣ Тарнова, въ теченіе 12-го декабря, австрійцы были сбиты съ линіи Туховъ—Ольпины, потерявъ 10 пулеметовъ и плѣнными 43 офицера и свыше 2.500 нижнихъ чиновъ. На слѣдующій день мы продолжали преслѣдовать отступавшихъ въ беспорядкѣ австрійцевъ, взяли еще 8 пулеметовъ и около 1.000 плѣнныхъ и заняли на лѣвомъ берегу рѣки Бялы высоты у Сѣдлиски.

На дукльскомъ направленіи боями 12-го и 13-го декабря австрійцы были сбиты съ линіи Змигродъ—Дукла и находились въ полномъ отступленіи. За время послѣднихъ боевъ въ этомъ районѣ австрійцы понесли громадныя потери, оставивъ намъ одними плѣнными свыше 10.000 человекъ.

Официальное сообщеніе австрійскаго генеральнаго штаба о послѣднемъ пораженіи австрійской арміи на Карпатахъ было составлено въ слѣдующихъ осторожныхъ выраженіяхъ: «Въ виду наступленія русскихъ войскъ въ направленіи Румановъ—Туховъ, австрійскія силы на галиційскихъ предгорьяхъ Карпатъ нѣсколько отодвинуты назадъ». Къ этому, вѣроятно, въ предположеніи абсолютной неспособности австрійскаго мнѣнія дѣлать логическіе выводы изъ данныхъ посылокъ, добавлено слѣдующее, нѣсколько неожиданное заявленіе: «Положеніе на Карпатахъ безъ перемѣнъ».

15-го декабря австрійцы атаковали черногорскую герцеговинскую армію. Развился ожесточенный артиллерійскій бой. Непрiятель былъ отраженъ и понесъ большія потери. Надъ Граховомъ и Антивари пролетали австрійскіе аэропланы, открывшіе огонь изъ пулеметовъ, не причинившія, однако, большаго вреда.

16-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что между Нижней Вислой и Пилицей крупныхъ боевыхъ столкновеній 14-го декабря не происходило, частныя атаки германцевъ повсюду были отбиты. Особенно большой уронъ понесли германцы при неуспѣшной для нихъ атакѣ къ юго-востоку отъ Скерневиць. Между Пилицей и Верхней Вислой непрiятель перешелъ къ оборонѣ, наши войска взяли приступомъ селеніе Щитники, упорно оборонявшееся австрійцами, причѣмъ лѣвый берегъ Ниды окончательнo очищенъ отъ непрiятеля. Къ югу отъ Верхней Вислы, на фронтъ Опатовецъ—Біечь, боевыя дѣйствія продолжаютъ развиваться благопріятно для насъ. Всего за время съ 5-го по 13-е декабря нами здѣсь взято въ плѣнъ 200 офицеровъ, 15,000 нижнихъ чиновъ и 40 пулеметовъ. Отступленіе непрiятеля въ районѣ дуклинскихъ проходовъ и на путяхъ отъ Лиско пріобрѣтало все болѣе послѣдній и беспорядочный характеръ. За 13-е декабря нами было взято въ этомъ районѣ до 5,000 плѣнныхъ.

Неприятельская операція, связанная съ переброской силъ съ ченстоховскаго направленія въ Карпаты, встрѣченная нашимъ контръ-маневромъ, къ 14-му декабря окончательно завершилась для неприятеля неудачей.

16-го декабря штабъ кавказской арміи сообщилъ, что на ольтинскомъ направленіи наши войска, пройдя рѣку Лаурсинъ, остановили наступленіе значительныхъ силъ турокъ. Въ районѣ Сарыкамыша боевыя дѣйствія продолжали развиваться. 13-го декабря въ районѣ Дутахъ наше наступленіе закончилось занятіемъ линіи Хамуръ—Агоадеве, откуда турки отступили, понеся значительныя потери плѣнными.

Находившійся въ крейсерствѣ у береговъ Сиріи крейсеръ «Аскольдъ» 14-го декабря днемъ подвергъ обстрѣлу турецкія войска у Эль-Ариша къ востоку отъ Портъ-Саида. Передъ тѣмъ у береговъ Сиріи крейсеръ отправлялъ на берегъ для развѣдки паровой катеръ съ гребной шлюпкой въ мѣстности къ югу отъ Тарабула ¹⁾, причемъ произошла перестрѣлка между турецкими войсками и крейсеромъ, который открылъ по неприятелю огонь изъ судовыхъ орудій.

16-го декабря официальное сообщеніе съ западнаго фронта извѣстило, что продолжавшаяся цѣлый день страшная буря препятствовала военнымъ дѣйствіямъ на большей части фронта. Тѣмъ не менѣе французы нѣсколько продвинулись впередъ въ Аргоннахъ.

Объ отступленіи австрійцевъ черезъ Карпаты австрійская главная квартира сообщила въ слѣдующихъ осторожныхъ выраженіяхъ:

«Такъ какъ восьмая русская армія, перешедшая недѣлю тому назадъ въ наступленіе противъ нашихъ выдвинутыхъ за Карпаты силъ, получила подкрѣпленія въ видѣ свѣжихъ дивизій, представилось необходимымъ отодвинуть наши войска на высоты переваловъ».

17-го декабря отъ штаба верховнаго главнокомандующаго пришли слѣдующія извѣстія:

За минувшія сутки между нижнимъ теченіемъ Вислы и Пилицей происходили лишь небольшіе бои. Германцы очистили окопы на правомъ берегу Взуры у селенія Мистржевице и отошли на лѣвый названный берегъ. На Равкѣ наша тяжелая артиллерія успѣшно боролась съ многочисленными германскими батареями крупнаго калибра. Въ районѣ Болимова чередовались наши и германскія атаки, носившія частный характеръ. Неприятель, захватившій нашъ окопъ близъ деревни Гумина, былъ выбитъ изъ него контръ-атакой, причемъ мы взяли пулеметы и плѣнныхъ. Между Пилицей и Верхней Вислой въ центрѣ происходила только артиллерійская перестрѣлка, на обоихъ же флангахъ мы продвигались впередъ. При атакѣ германскаго редута, къ югу отъ Иновлодзи, нами было взято три пулемета. Большой успѣхъ одержали наши войска, перешедшія Нижнюю Ниду и овладѣвшія приступомъ сильно укрѣпленными селеніями С.-Корчинъ и Сениславице. Въ этомъ бою мы взяли въ плѣнъ 40 австрійскихъ офицеровъ и 1,700 нижнихъ чиновъ и захватили три пулемета.

¹⁾ Тарабуль—портъ въ сѣверной части Ливана по сосѣдству съ Бейрутомъ.

Въ Западной Галиціи, несмотря на непролазную грязь, мы продвигались впередъ и отбѣснили непріятеля съ фронта Громникъ—Горлице—Яслиска, причемъ нами были захвачены орудія и много пулеметовъ. Всего за первую половину декабря нами было взято въ плѣнъ свыше 50,000 австрійцевъ.

На кавказскомъ фронтѣ къ 17-му декабря наши военныя дѣла были въ такомъ положеніи: на ольгинскомъ направленіи наши войска, перейдя въ наступленіе, заняли Мерденекъ. У Сарыкамыша происходилъ успѣшный для насъ встрѣчный бой съ непріятельской колонной, наступающей съ сѣверо-запада. На линіи Сономеръ—Хоросанъ рядъ упорныхъ атакъ турокъ былъ отраженъ нашими штыковыми контръ-атаками. Турки проявили звѣрства надъ мирными жителями, были случаи поголовнаго вырѣзыванія селеній.

Съ балканскаго театра войны къ 17-му декабря были получены извѣстія о томъ, что во время преслѣдованія австрійцевъ по направленію къ Бѣлграду среди захваченной нами добычи оказалась вся переписка, касавшаяся операции 7-ой дивизии своднаго корпуса. Въ теченіе послѣднихъ дней, послѣ обратнаго взятія Бѣлграда не произошло ничего выдающагося ни на одномъ изъ фронтовъ, за исключеніемъ попытки непріятеля 15-го декабря въ шесть часовъ вечера, подъ защитою огня своей артиллеріи пѣхоты произвести высадку солдатъ при помощи семи шлюпокъ на островъ Скаланска-Ада у Обреноваца. Сербскія войска, находившіяся на этомъ островѣ, встрѣтили непріятеля смертоноснымъ огнемъ, причемъ убили и ранили 50 солдатъ и взяли въ плѣнъ 20 нижнихъ чиновъ и 1 офицера. Въ брошенныхъ непріятелемъ шлюпкахъ найдено было много убитыхъ непріятельскихъ солдатъ.

18-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на всемъ фронтѣ армій, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Вислы, установилось спокойствіе, за исключеніемъ участковъ у Болимова, Иновлодзи и въ районѣ южнѣ Малогоща, гдѣ продолжались упорные бои. Наступая отъ Болимова подъ нашимъ сосредоточеннымъ огнемъ, Германцы ворвались въ господскій дворъ Боржимовъ и въ наши окопы у Гумина, но затѣмъ нашей стремительной контръ-атакой всѣ ворвавшіеся на позиціи были переколоты, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ нижнихъ чиновъ, взятыхъ нами въ плѣнъ. Въ этомъ бою нами были захвачены также германскіе пулеметы. Въ общемъ потери германцевъ на этомъ участкѣ, гдѣ они послѣдовательно вводили въ бой полки различныхъ корпусовъ, достигли огромныхъ размѣровъ. У Иновлодзи наши войска взяли расположенные къ югу отъ посада германскіе окопы и ворвались въ посадъ, въ которомъ 16-го декабря завязался упорный бой. Южнѣ Малогоща атака противника, предпринятая послѣ продолжительной артиллерійской подготовки, отражена нашимъ огнемъ. Непріятель у селенія Бохинецъ овладѣлъ нашимъ окопомъ, но послѣдовавшей контръ-атакой былъ выбитъ изъ него и опрокинутъ назадъ.

Въ Западной Галиціи наши войска успѣшно продолжали продвигаться впередъ. Къ востоку отъ Закличина мы овладѣли штурмомъ частью непріятельскихъ укрѣпленій, причемъ захватили въ плѣнъ 44 офицера, 1,500 нижнихъ чиновъ и взяли 8 пулеметовъ. Къ юго-западу отъ Дуклы наши войска рядомъ штыковыхъ атакъ отбросили австрійцевъ изъ ихъ укрѣпленныхъ позицій у

Грениы и Тылавы, причѣмъ обратили ихъ въ паническое бѣгство. Также достигнутъ нами значительный успѣхъ къ югу отъ Лиско у Горжаньки. Контръ-атаки противника въ Карпатахъ на перевалѣ Ужокъ, а также новыя вылазки изъ Перемышля были нами отбиты.

18-го декабря штабъ кавказской арміи увѣдомилъ о томъ, что бой у Сары-камышпа продолжался съ значительными турецкими силами. Огнемъ нашей артил-

Генераль-отъ-инфантеріи А. Е. Эвертъ.

леріи была разбѣяна сильная турецкая колонна, которая, потерявъ половину состава, спаслась бѣгствомъ. Часть силъ турокъ сосредоточилась въ районѣ Ялагузъ—Чамскій переваль—Багдадъ и наступала на Ардаганъ.

Сербы отразили попытку австрійцевъ произвести высадку солдатъ на семи шлюпкахъ на островѣ Скаланска-Ада.

Попытки Германіи добиться отъ Южной Америки признанія германскаго су-

веренитета надъ Бельгіей потерпѣли полную неудачу. Согласно послѣднимъ спискамъ потерь, опубликованнымъ въ Германіи, общія потери нѣмцевъ достигаютъ двухъ миллионовъ человѣкъ.

Австро-венгерское министерство иностранныхъ дѣлъ рѣшило опубликовать Красную книгу съ изложеніемъ причинъ войны. Военный заемъ въ Австріи потерпѣлъ полную неудачу.

Изъ Турціи выбыли благополучно наши консулы въ Самсунѣ, Кили, Ванѣ и Витлисѣ. Въ Александрію прибылъ изъ Турціи начальникъ нашей духовной миссіи въ Иерусалимѣ.

Наслѣдный корольичъ Александръ издалъ слѣдующій приказъ по арміи:

«Солдаты! Пять мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ непріятель напалъ на наше дорогое отечество. Несмотря на то, что мы испытали послѣдствія двухъ славныхъ, но тяжелыхъ войнъ, мы встрѣтили непріятеля съ непоколебимымъ мужествомъ. Разбивъ его у Цера и у Ядара, мы въ настоящее время, послѣ столькихъ кровавыхъ, но славныхъ сраженій, нанесли ему болѣе жестокой ударъ, чѣмъ всѣ ранѣе нанесенные удары. Тысячи плѣнныхъ, сотни орудій, громадная военная добыча, которыя мы взяли у непріятеля, являются свидѣтелями его пораженій и нашей побѣды. Солдаты! Я могу сказать вамъ, что ни одинъ врагъ не находится на землѣ Сербскаго королевства. Мы изгнали его, нанеся ему большой уронъ. Въ этотъ торжественный моментъ, когда надъ нашимъ гордымъ Бѣлградомъ снова развѣвается побѣдоносное сербское знамя, я прежде всего хочу исполнить долгъ благодарности.

«Въ вашихъ рядахъ рука объ руку съ вами сражаются во время этой третьей войнѣ ваши братья, которыхъ мы освободили отъ Турокъ. Вы являетесь свидѣтелями ихъ героизма и ихъ любви къ отечеству, солдаты Косоова, Вардара, Югливаца, Брегалницы, Битоли и Порѣчья достойны своихъ братьевъ изъ Шумадіи, съ береговъ Дуная, Подринья, Моравы, Тимока и Дужицы. Они показали себя достойными преемниками героевъ Милоша и Душана, которые въ свое время далеко разнесли славу сербскаго имени и сербскаго войска.

«Я хочу дать имъ видимое доказательство благодарности отечества за это несомнѣнное проявленіе ихъ великаго самоотреченія и за пролитую ими столь геройски кровь. Въ виду такого реального доказательства исполненія ими наиболѣе труднаго долга гражданина, исполненнаго притомъ со столь большимъ воодушевленіемъ, я намѣренъ предоставить имъ такія же политическія права, какими пользуются граждане Сербіи-освободительницы.

«Скупщина въ первой сессіи, которая состоится послѣ заключенія мира, приметъ всѣ необходимыя мѣры къ тому, чтобы обезпечить полное и безусловное дѣйствіе соотвѣствующихъ постановленій.

«Солдаты! Желѣзное кольцо нашихъ могущественныхъ союзниковъ охватываетъ все больше и больше врага. Нашъ общій врагъ приближается къ разгрому и его ужаснымъ послѣдствіямъ. Онъ борется съ отчаяннымъ упорствомъ; но все это напрасно. Число его солдатъ все болѣе и болѣе таетъ. Союзники же наши выставляютъ на поле битвы все новыя арміи. Конецъ этой гигантской битвы уже виденъ, хотя она еще не окончилась.

«Мы еще въ теченіе нѣкотораго времени должны исполнять нашу тяжелую обязанность и раздѣлять тягости съ нашими великими и мужественными союзниками, которые сражаются также и за насъ, до тѣхъ поръ, пока они не разобьютъ на своихъ необозримыхъ поляхъ сраженій нашего общаго врага. Когда настанетъ миръ, который достойнымъ образомъ увѣнчиваетъ жертвы, понесенныя за нашу великую Сербію, тогда наше отечество будетъ гораздо болѣе могущественнымъ и гораздо болѣе счастливымъ, чѣмъ оно было когда-либо. Поэтому Сербія и будетъ вамъ признательна, мои герои!»

Подписалъ главнокомандующій арміей корольичъ *Александръ*.

Великобританскій посолъ сэръ Джорджъ Бьюкененъ, председательствуя 18-го декабря на ежегодномъ обѣдѣ Новаго англійскаго клуба въ Петроградѣ, на которомъ присутствовали всѣ наиболѣе видные члены англійской колоніи, обратившись къ собранію, произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Послѣдній обѣдъ, на которомъ я имѣлъ честь председательствовать, давался британской колоніей офицерамъ англійской эскадры, посѣтившей Кронштадтъ въ концѣ іюня текущаго года. Въ моей рѣчи по этому случаю я заявилъ, что флотъ—наша слава и наша гордость, и что какъ бы ни мѣнялся типъ нашихъ судовъ, ихъ офицеры и матросы, подобно великимъ морякамъ прошлаго, всегда будутъ поддерживать высокія традиціи ихъ благородной профессіи.

«Произнося эту рѣчь, я менѣе всего думалъ, что адмиралъ Битти и его отважные офицеры черезъ какіе-нибудь два мѣсяца будутъ принимать участіе въ блестящей битвѣ близъ Гельголандской бухты. Въ то время никому не снилось, что Германія уже готовится вовлечь Европу въ войну въ ея безумномъ стремленіи къ мировому владычеству.

«Въ настоящее время война вступаетъ уже въ шестой мѣсяць, и мы, англичане, имѣемъ всѣ причины гордиться той ролью, которую сыграла въ ней наша страна. Тѣмъ не менѣе, небольшая и не имѣющая вліянія часть населенія Россіи, повидимому, держится другой точки зрѣнія въ оцѣнкѣ того, что сдѣлано нами.

«Нѣсколько извѣстныхъ германофиловъ еще сравнительно недавно проповѣдывали антианглійскій крестовый походъ, и небольшая кучка ихъ послѣдователей предлагала всѣ усилія къ тому, чтобы посѣять разладъ между Россіей и ея союзниками.

«Намъ предъявляли обвиненія, будто мы толкаемъ Россію въ войну ради нашихъ эгоистическихъ цѣлей и предоставляемъ ей выдержать главный натискъ этой войны, тщательно заботясь о сохраненіи собственныхъ ресурсовъ, чтобы быть въ состояніи захватить львиную долю при раздѣлѣ добычи, когда кончится война.

«Гдѣ британскій флотъ и что дѣлаетъ британская армія? Вотъ вопросы, которые задавали эти господа въ Петроградѣ, Москвѣ и Одессѣ. Я скажу имъ, что сдѣлано британскимъ флотомъ. Этотъ флотъ съ помощью союзныхъ флотовъ заставилъ германскій флагъ скрыться со всѣхъ морей.

«Первая безкровная побѣда была одержана британскимъ флотомъ въ тотъ день, когда германскій флотъ самъ себя загналъ въ Кильскій каналъ, и когда почти всѣ пароходы германскаго коммерческаго флота должны были искать убѣжища въ какомъ-либо нейтральномъ портѣ.

«За исключеніемъ двухъ или трехъ небольшихъ судовъ, всѣ германскіе крейсера, которые были способны нанести вредъ нашей торговлѣ, въ теченіе перваго же мѣсяца войны были потоплены, и въ настоящее время Англія является полнымъ хозяиномъ на моряхъ.

«Благодаря этому факту, союзники могутъ получать необходимые припасы со всѣхъ концовъ міра, между тѣмъ какъ Германія страдаетъ подъ тяжестью экономическаго гнета, который, въ концѣ концовъ, можетъ оказаться рѣшающимъ факторомъ въ этой войнѣ.

«Благодаря нашему флоту, мы могли отправить нашу армію во Францію и усилить ее постоянными подкрѣпленіями, а также переправить большое число войскъ изъ Индіи и другихъ нашихъ колоній. Кромѣ успѣшныхъ дѣйствій близъ Гельголанда и Фалькландскихъ острововъ, а также потопленія «Эмдена», слѣдуетъ напомнить нашимъ критикамъ отважный подвигъ нашей подводной лодки, которая, не испугавшись встрѣчныхъ теченій въ Дарданеллахъ и пройдя пять рядовъ минныхъ загражденій, потопила турецкое судно береговой обороны и тѣмъ ослабила турецкій флотъ, оперирующій въ водахъ Чернаго моря.

«Если до сихъ поръ не произошло рѣшительнаго морскаго сраженія, то это только потому, что германскій флотъ укрывается за непроницаемой линіей фортовъ. Мины и подводныя лодки совершенно измѣнили способъ веденія морской войны и нашъ великій

флотъ долженъ довольствоваться временно тѣмъ, что получено названіе «молчаливаго бодрствованія», пока, наконецъ, германскіе дредноты не выйдутъ, чтобы попытаться въ единоборствѣ отнять у насъ трезубецъ Нептуна.

«Если въ чемъ можно упрекнуть насъ, это развѣ только въ томъ, что мы не предвидѣли этой войны и не увеличили въ мирное время численности нашей арміи, но насъ нельзя упрекать въ какомъ-либо упущеніи со времени объявленія войны.

«Мы напрягли все наши силы, чтобы поддержать нашихъ союзниковъ всеми средствами нашей имперіи.

«Въ настоящій моментъ мы затрачиваемъ ежедневно полтора милліона фунтовъ стерлинговъ на войну. У насъ около двухъ милліоновъ солдатъ, подготовляемыхъ къ военной службѣ или находящихся на поляхъ сраженія. Несмотря на колоссальный заемъ въ 350 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, который былъ только что заключенъ на наши военныя нужды, мы дѣлаемъ все отъ насъ зависящее, чтобы оказать поддержку нашимъ друзьямъ, какъ въ отношеніи денежныхъ средствъ, такъ и припасовъ.

«Если наши критики, которые, къ счастью, не являются истолкователями истинныхъ чувствъ русскаго народа, не согласны съ моими доказательствами, то я могу отослать ихъ къ авторитету, въ непристрастности котораго не можетъ быть сомнѣній — а именно къ Германіи (голосъ которой имѣетъ больше значенія, чѣмъ мой). Готовясь къ войнѣ, германцы считали англичанъ націею вырождающейся и увѣряли, что имперія ихъ разлетится въ прахъ передъ германскою угрозою.

«Теперь же, когда они встрѣтились лицомъ къ лицу съ нашими солдатами въ Монсѣ, на Маринѣ, на Энѣ и Изерѣ и потерпѣли пораженія, несмотря на большое численное превосходство и несмотря на настоятельное предписаніе ихъ императора прорваться сквозь британскія линіи, теперь, когда они поняли, что значитъ морское могущество Англіи, они выдѣлили насъ въ специальныйъ объектъ своей ненависти.

«Именно къ Англіи, архиврагу, обращаютъ ихъ поэты свои гимны ненависти, и именно на Англію ихъ профессора изливаютъ всю желчь своей злобы. Они ненавидятъ насъ, такъ какъ знаютъ, что Британская имперія загораживаетъ имъ путь къ тому мировому владычеству, о которомъ грезятъ они, и для достиженія котораго они нарушили, какъ Божескіе, такъ и человѣческіе законы.

«Позвольте спросить, могла ли Германія воздать намъ большую честь и могла ли она дать болѣе краснорѣчивое доказательство тѣхъ услугъ, которыя Великобританія оказываетъ своимъ союзникамъ?

«Съ самаго начала войны арміи Франціи, Бельгіи и Англіи сражались бокъ-о-бокъ, отбиваясь отъ атакъ двухъ милліоновъ германцевъ. Въ настоящее время наши арміи перешли въ наступленіе. Опасности, которыя дѣлили онѣ вмѣстѣ, и героизмъ, который проявляли онѣ, выковали неразрывное звено дружбы между этими тремя націями.

«На восточномъ театрѣ войны Россія должна выдерживать натискъ соединенныхъ армій Австріи и Германіи, въ то время, какъ на югѣ ей приходится отражать арміи султана, и она достойнымъ образомъ выполняетъ эту гигантскую задачу.

«Подъ блестящимъ руководствомъ своего прославленнаго верховнаго главнокомандующаго арміи русскаго императора вызываютъ восхищеніе всего міра своими героическими подвигами. Онѣ одержали блестящія побѣды и заняли большую часть Галиціи. Преодолѣваемые ими затрудненія колоссальны. Онѣ должны защищать фронтъ, простирающійся отъ Балтійскаго до Чернаго морей.

«Онѣ принуждены перевозить войска и припасы на огромныя разстоянія по плохимъ дорогамъ, а въ Польшѣ имъ приходится сражаться въ странѣ, которая слѣва и справа граничитъ съ враждебной территоріей, въ то время, какъ ихъ подвижной врагъ располагаетъ прекрасной сѣтью стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ.

«Но, несмотря на все эти затрудненія, русская армія сражается безподобно, что, впрочемъ, предвидѣли все, кто зналъ русскіхъ солдатъ раньше. Кромѣ того, русская армія проявила благородный духъ самопожертвованія въ своихъ стремленіяхъ облегчить натискъ врага на западный фронтъ, чѣмъ она оказала неоцѣнимыя услуги, которыя глубоко сознаютъ союзники.

«Путем истощения и постепеннаго разстройства непріятельскихъ силъ русская армія достигаетъ одной изъ главныхъ цѣлей этой затажной войны и, продолжая этотъ процессъ, она, въ концѣ концовъ, сломитъ преграду, препятствующую проникновенію русскихъ войскъ въ Силезію.

«Я сожалью только объ одномъ, что, въ виду разстоянія, раздѣляющаго насъ, наши войска не могутъ сражаться бокъ-о-бокъ со своими русскими товарищами, такъ какъ тогда они смогли бы познакомиться и понять другъ друга.

«Англичане любятъ храбрыхъ людей, а русскій солдатъ храбрѣйшій изъ храбрыхъ. Въ нашемъ госпиталѣ я имѣлъ случай наблюдать, съ какимъ терпѣніемъ и стойкостью онъ переноситъ свои страданія.

«Онъ никогда не жалуется и всегда благодаритъ за малѣйшую услугу, причѣмъ выражаетъ ее съ такой деликатностью, которая обнаруживаетъ въ немъ прирожденнаго джентльмена.

«Съ того времени, когда я впервые предсѣдательствовалъ на этомъ ежегодномъ обѣдѣ, пять лѣтъ тому назадъ, Россія и Великобританія постепенно начали сближаться другъ съ другомъ. Съ тѣхъ поръ я часто мечталъ о созданіи англо-русскаго союза, который послужилъ бы залогомъ сохраненія всеобщаго мира, но эта мечта была разрушена войной, которую Германія навязала намъ, и теперь кровью своихъ дѣтей Россія и Англія осыпали своей союзъ.

«Но эта жертва не будетъ напрасной и если нынѣшнему поколѣнію придется дорого платиться, то послѣдующія поколѣнія будутъ наслаждаться благами мира, ибо Россія, Англія и Франція рѣшили сражаться до конца, пока не будетъ сокрушенъ навѣки духъ германскаго милитаризма.

«Я смотрю съ увѣренностью на будущее. Подобно тому, какъ въ эти мрачные зимніе мѣсяцы мы утѣшаемъ себя мыслью о будущемъ наступленіи весны и лѣта, такъ я нахожу успокоеніе въ мысли, что прежде, чѣмъ лѣто смѣнится осенью, оружіе союзниковъ будетъ увѣнчано побѣдой и будетъ положенъ фундаментъ для прочнаго мира.

18-го декабря французское правительство опубликовало слѣдующее официальное сообщеніе о ходѣ военныхъ дѣйствій за время отъ 3-го по 11-е декабря:

«Этотъ періодъ военныхъ операцій окончательно закрѣпилъ за нами всѣ успѣхи, ранѣ достигнутые нашими войсками. Вездѣ наше наступленіе, которое становилось все болѣе и болѣе энергичнымъ, заставило непріятеля, несмотря на всѣ его усилія, перейти къ оборонѣ. Во многихъ мѣстахъ боевого фронта, а именно въ окрестностяхъ Арраса и Вердена и на западѣ Аргоннъ, мы овладѣли весьма важными опорными пунктами. Военныя дѣйствія на сѣверѣ Лиса сдѣлались, съ наступленіемъ дурной погоды неимоვნю трудными, тѣмъ не менѣе войска неизмѣнно сохраняютъ превосходное настроеніе духа и удивительную бодрость. Отъ морскаго побережья до Лиса и отъ Лиса до Уазы мы овладѣли передовой линіей траншей, приблизительно на протяженіи около 2.500 метровъ. Въ этомъ районѣ мы захватили также большое число пулеметовъ и ящиковъ съ боевыми снарядами, заняли лѣсные участки, дома и редуты. Всѣ германскія контръ-атаки были нами здѣсь отбиты. Наша артиллерія имѣла повсюду замѣтный успѣхъ, а наша пѣхота продвинулась весьма значительно впередъ. Въ районѣ Реймса непріятель выпустилъ за эту недѣлю вдвое больше снарядовъ, чѣмъ въ предыдущую, но стрѣльба это была безуспѣшна и потери нашей пѣхоты значительно меньше, чѣмъ на той недѣлѣ. Между Реймсомъ и Аргоннами всѣ опорные стратегическіе пункты, которые мы ранѣ намѣтили для захвата у непріятеля, находятся нынѣ въ нашихъ рукахъ. Къ западу отъ Аргоннъ и до швей-

царской границы военныя операціи сдѣлались еще болѣе затруднительными вслѣдствіе топографическихъ препятствій, создаваемыхъ лѣсистой и топкой почвой. Тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія наши успѣхи въ этой области, гдѣ мы подвигаемся впередъ и ни на шагъ не отступили. Въ Вогезахъ мы удержали за собой все равнѣ нами приобрѣтенное. Наконецъ, переходя въ обзорнїю воздушной войны, нужно признать, что и она была для насъ вполне благоприятной, не взирая на тяжелыя метеорологическія условія. Наши аэропланы причинили непріятелю весьма серьезный вредъ, который признаютъ даже германскія газеты. За это время мы успѣшно преслѣдовали нѣсколько германскихъ авиаторовъ, а 5 декабря уничтожили непріятельскій аэропланъ, пилотъ котораго былъ убитъ. Несмотря на неблагоприятное состояніе атмосферы, наши летчики бомбардировали групповыя форты Страсбурга, а также станцію Діэзъ».

Въ официальномъ сообщеніи Порты извѣстила о томъ, что противъ новаго египетскаго султана издана фетва и что Гуссейнъ-Кемаль будетъ лишень чиновъ и орденовъ и преданъ военному суду.

Германія официально увѣдомила Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, что американскіе консулы въ Бельгїи должны сноситься съ германскими военными властями, а также, что Германія считаетъ желательнымъ удаленіе нѣкоторыхъ консуловъ.

Въ Мадрастѣ открылся индійскій національный конгрессъ, который выразилъ чувства преданности англійскому королю. Митингъ магометанъ въ Калькуттѣ принялъ резолюцію, порицающую поведеніе Турціи и выражающую лояльность британской коронѣ.

19-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что на лѣвомъ берегу Вислы въ теченіе минувшихъ сутокъ крупныхъ боевыхъ столкновеній не было. Въ частности между Вислой и Пилицей мы съ успѣхомъ отразили ночную и дневную атаки германцевъ къ югу отъ дороги Болимовъ—Медневице. Къ сѣверу отъ Равы наступленіе германцевъ было встрѣчено нашей контръ-атакой въ штыки, причемъ непріятель былъ и здѣсь опрокинутъ. Вблизи Пилицы, у деревни Езержець, мы подпустили германскую колонну, двигавшуюся ночью въ атаку, на 300 шаговъ къ нашимъ окопамъ, и затѣмъ разсѣяли ее энергичнымъ огнемъ, нанеся противнику огромныя потери. На нѣкоторыхъ участкахъ при отраженіи атакъ Германцевъ нами съ большимъ успѣхомъ примѣнялись ручныя гранаты. Бой у Иновлодзи вызвалъ переходъ въ наступленіе непріятеля отъ Томашева въ направленіи на Опочну, но на полпути между этими пунктами, у селеній Камень и Мазорня, мы успѣшно отразили его атаки. Съ урономъ отбито также наступленіе австрійцевъ у Малогоша и къ югу отъ Пинчова, у Закржева. Въ Западной Галиціи сраженіе продолжалось развиваться вполне благоприятно для насъ. Нашими войсками были взяты укрѣпленія на высотахъ къ югу отъ Котань и Кремпа, сѣвернѣ Бервинекъ и къ юго-западу отъ Яслика. Въ районѣ Балигорода, что южнѣ Лиска, успѣшными штыковыми атаками мы нанесли противнику огромныя потери, уничтожая въ штыковомъ бою цѣлыя его роты. Поздно вечеромъ 16-го декабря непріятель началъ здѣсь поспѣшное отступленіе. По свѣдѣніямъ, кои относятся лишь къ части общаго

фронта нашихъ войскъ, за 16-го декабря нами было захвачено свыше 3.000 плѣнныхъ, много офицеровъ и 15 пулеметовъ.

На кавказскомъ фронтѣ съ разсвѣтомъ 17-го декабря мы обстрѣляли артиллерійскимъ огнемъ селеніе Верхній Сарыкамышъ, упорно обороняемое турками въ теченіе трехъ дней, послѣ чего наши охотники подожгли крайнюю саклю, а двѣ роты одного изъ славныхъ кавказскихъ полковъ бросились въ штыки. Турки понесли огромный уронъ убитыми, среди которыхъ одинъ генераль. Всего нами было взято въ плѣнъ болѣе 20 офицеровъ и 1.500 нижнихъ чиновъ. Вой у Ардагана продолжался.

Его Величество Государь Императоръ во время пребыванія въ дѣйствующей арміи посѣтилъ ставку верховнаго главнокомандующаго, гдѣ принималъ доклады о ходѣ военныхъ дѣйствій, и прослѣдовалъ затѣмъ къ войскамъ. При объѣздѣ войскъ въ мѣстахъ ихъ расположенія Государь Императоръ собственноручно награждалъ наиболѣе отличившихся въ дѣлахъ противъ непріятеля знаками отличія и благодарилъ за службу. Выслушавъ докладъ главнокомандующаго арміями сѣверо-западнаго фронта генераль-адъютанта Рузскаго, Государь Императоръ изволилъ отбыть изъ дѣйствующей арміи.

19-го декабря были получены характерныя подробности пораженія австрійцевъ и ихъ бѣгства.

Слѣдующій фактъ можетъ дать понятіе о томъ безпорядкѣ, въ какомъ отступалъ непріятель, и о той быстротѣ, съ какою преслѣдовали его сербы. 5-го декабря непріятель, потерпѣвъ пораженіе на своемъ правомъ флангѣ, началъ отступать подъ натискомъ сербовъ. Иѣхотѣ былъ данъ приказъ преслѣдовать врага. Сербскія войска двинулись впередъ, но такъ какъ дороги сдѣлались совершенно непроходимыми, вслѣдствіе проливныхъ дождей, то артиллерія едва успѣвала за пѣхотой. Тогда командиръ батареи приказалъ отпрячь лошадей, оставить пушки на мѣстѣ и слѣдовать лошадямъ съ упряжью за пѣхотой, заявивъ, что пушки и зарядные ящики онъ возьметъ у непріятеля. И, дѣйствительно, ему вполне удалось сформировать снова свою батарею изъ орудій и зарядныхъ ящиковъ, отнятыхъ у непріятеля. Во время дальнѣйшаго преслѣдованія австрійцевъ командиръ той же батареи вторично бросилъ орудія и снова сформировалъ батарею изъ новыхъ непріятельскихъ орудій. Такимъ образомъ, командиръ батареи во время преслѣдованія австрійцевъ, продолжавшагося пять дней, пользовался противъ австрійцевъ ихъ же орудіями. Впослѣдствіи оставленные на дорогахъ орудія были вновь собраны тѣмъ же командиромъ.

Съ начала военныхъ дѣйствій и до настоящаго времени сербы захватили въ общемъ слѣдующую добычу: четыре полковыхъ знамени, 191 зарядный ящикъ, 86 пулеметовъ, 70,000 ружей; кромѣ того, ими взято въ плѣнъ 600 офицеровъ и приблизительно 60,000 солдатъ. Цифры эти соотвѣтствуютъ контингенту и количеству боевого матеріала для четырехъ полныхъ дивизій. 15-го декабря надъ Бѣлградомъ появился непріятельскій аэропланъ.

19-го декабря Его Величество Государь Императоръ возвратился изъ дѣйствующей арміи въ Церское Село.

20-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что въ Восточной Пруссіи и на млавскомъ направленіи попытки германцевъ

перейти въ частное наступленіе были нами успѣшно отражены. На Вислѣ, на островѣ Янышевѣ, противъ Вышегорода, германская пѣхота успѣшно обстрѣливалась нашими пароходами. Между Нижней Вислой и Пилицей непріятель произвелъ рядъ атакъ, поддержанныхъ огнемъ весьма крупныхъ орудій. Наши войска, находящіяся на лѣвомъ берегу Взуры у Видковице, отбили двѣ ночныя атаки. На Равкѣ нами отбита атака на Долецкѣ. Въ теченіе 18-го декабря непріятель развивалъ особенную дѣятельность близъ Равы, въ районѣ между устьями Бялки и Рыльки. Бой здѣсь еще продолжается. Къ югу отъ Пилицы бои развивались на позиціяхъ, преграждающихъ пути отъ Влащовы къ Кѣльцамъ, у Лопушно, Михала-Гора, Вольмино, Полихно.

Въ Галиціи мы энергично атаковали противника въ районѣ Горлице, на участкѣ Мшанка—Ропица. Несмотря на упорнѣйшее сопротивленіе непріятеля, мы овладѣли здѣсь приступомъ его укрѣпленіями на высотахъ и селеніемъ Мшанка, причемъ нами было взято до 3 тысячъ плѣнныхъ съ 68 офицерами, 4 орудія и 6 пулеметовъ. Бой продолжался. Яростныя контръ-атаки противника, поддержанныя бронированными автомобилями, отражались огнемъ, штыками и ручными гранатами. Въ Буковинѣ наши войска заняли съ боемъ Сторонецъ и Радауць. Здѣсь нами также были взяты плѣнные.

Съ западно-европейскаго фронта пришли слѣдующія извѣстія о ходѣ военныхъ дѣйствій съ 18-го декабря:

На фронтѣ между моремъ и р. Эномъ день 18-го декабря прошелъ сравнительно тихо; лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ происходила артиллерійская перестрѣлка. Въ Шампани, къ западу отъ фермы Альжѣ (на реймскомъ участкѣ, къ сѣверу отъ Сильери) непріятель ночью взорвалъ двѣ французскія траншеи и направилъ противъ насъ атаку, которая, однако, была отбита. Къ сѣверу отъ Мениль-ле-Юрлю французы заняли вторую линію непріятельскихъ укрѣпленій. Въ томъ же районѣ, къ сѣверу отъ фермы Бо-Сежуръ, они также заняли траншеи; непріятель произвелъ здѣсь контръ-атаку, но былъ отбитъ французами, которыя, въ свою очередь, перешли въ наступленіе и продвинулись впередъ. На томъ же участкѣ, но нѣсколько восточнѣе, наступавшія на французовъ германскія войска попали подъ ихъ артиллерійскій огонь и были разсѣяны. На Аргонской возвышенности, въ направленіи Фонтенъ-Мадамъ, французскія войска немного продвинулись впередъ и, взорвавъ мину, заняли образовавшіяся отъ взрыва ямы. Между рѣками Маасомъ и Мозелемъ, въ районѣ Мормарскаго лѣса, французы захватили около 150 метровъ германскихъ траншей. Въ Верхнемъ Эльзасѣ ихъ войска ворвались въ Штейнбахъ и заняли половину этого селенія.

19-го декабря, на фронтѣ между моремъ и Реймсомъ, происходили почти исключительно артиллерійскіе бои. Непріятель безрезультатно бомбардировалъ селеніе Сень-Жоржъ и сооруженное бельгійцами предмостное укрѣпленіе къ югу отъ Диксмюде. Сильные артиллерійскіе бои, закончившіеся всѣ въ пользу французовъ, происходили между Лабасъ и Наранси, между Альберомъ и Руа и въ районѣ Вернейль и Бланъ-Саблонъ, близъ Кранелль; у послѣдняго пункта французскія войска уничтожили укрѣпленную позицію непріятеля. Въ районѣ Пертъ и Бо-Сежуръ они удержали за собой позиціи, занятые

ими 17-го декабря. Въ теченіе всего 18-го декабря происходила непрерывно артиллерійская перестрѣлка. На Аргонской возвышенности непріятель произвелъ ожесточенную атаку въ Грюрійскомъ лѣсу почти по всему фронту; причемъ на нѣкоторыхъ пунктахъ ему удалось продвинуться на 50 метровъ; французскія войска немедленно произвели контръ-атаку. Въ области Вердена

Генераль-отъ-кавалеріи П. А. Плеве.

происходили ожесточенные артиллерійскіе бои. Между рр. Маасомъ и Мозелемъ, къ сѣверо-западу отъ Флира, германцы произвели въ ночь съ 17-го на 18-ое декабря и утромъ 18-го шесть ожесточенныхъ атакъ противъ позицій, захваченныхъ французами. 17-го декабря, всѣ эти атаки были блестяще отбиты ими. Французскіе летчики ночью бомбардировали вокзалы Меца и Арнавилля. Въ Штейнбахѣ французы продолжали постепенно продвигаться впередъ. Утромъ 18-го декабря непріятельская артиллерія проявила энергич-

«Истор. вѣстн.», февраль 1915 г., т. сxxxix.

III

ную дѣятельность, но послѣ полудня перевѣсъ оказался явно на сторонѣ нашихъ батарей.

21-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на Бзурѣ и Равкѣ, несмотря на огонь непріятельской тяжелой артиллеріи и метаніе минъ, мы продолжали успешно отражать атаки германцевъ. На шоссе отъ Влоцковы въ Кѣльцы, въ районѣ дер. Лопушно, 18-го декабря германскія войска послѣ упорнаго боя захватили часть нашихъ окоповъ, но произведенной контръ-атакой непріятель былъ выбитъ изъ всѣхъ занятыхъ имъ окоповъ, причѣмъ мы взяли нѣсколько сотъ плѣнныхъ и захватили 9 пулеметовъ. Въ Западной Галиціи бой въ районѣ Горлице продолжался. Въ районѣ перевала Ужокъ нами взята была позиція австрійцевъ, причѣмъ мы захватили до 1,000 плѣнныхъ. Отступленіе австрійцевъ въ Буковинѣ, подъ напоромъ нашихъ войскъ, приобрѣло весьма послѣдственный характеръ.

На кавказскомъ фронтѣ у Сарыкамыша бой продолжался съ прежнимъ ожесточеніемъ. Въ ардаганскомъ районѣ и на ольтинскомъ направленіи за 19-ое декабря боевыхъ столкновеній не было. На прочихъ направленіяхъ положеніе оставалось безъ перемѣнъ.

Въ Ламаншѣ пошелъ ко дну англійскій броненосецъ «Formidable» отъ мины, выпущенной подводной лодкой. Французскіе летчики бомбардировали вокзалы Метца и Арнавила. Французскій эскадренный миноносецъ обстрѣлялъ и разсѣялъ турецкія войска у Гекли противъ острова Тенедоса. Австрійцы съ четырехъ мониторовъ обстрѣляли Бѣлградъ.

21-го декабря въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» было помѣщено слѣдующее сообщеніе о согласованности дѣйствій союзниковъ на западномъ и восточномъ фронтахъ:

Уже съ самаго начала войны всѣ военныя операціи нашихъ и союзныхъ намъ армій и флотовъ слились воедино, съ полной согласованностью всѣхъ военныхъ дѣйствій, предужывающей наилучшее достиженіе основныхъ и конечныхъ дѣлей войны. Такимъ образомъ, какія ни выдвигала бы война временныя испытанія или періоды, требующіе отъ союзниковъ чрезвычайнаго напряженія силъ,—эта согласованность союзныхъ дѣйствій уже закрѣпила прочно въ сердцахъ и въ умахъ народовъ Бельгіи, Франціи, Англіи, Россіи, Японіи, Сербіи и Черногоріи несокрушимую вѣру въ конечную побѣду союзниковъ.

«Средство армій по духу при использованіи ими общихъ войсковыхъ силъ, техническихъ средствъ и согласованное развитіе союзниками операцій—дѣлаютъ всякій боевой эпизодъ въ рядахъ союзныхъ войскъ дорогимъ каждому изъ нихъ въ отдѣльности: захватъ атакой нашими союзниками непріятельскихъ траншей на Иверѣ или въ Аргоннахъ въ такой же мѣрѣ намъ близокъ и дорогъ, какъ и имъ наше завладѣніе позиціями и захватъ орудій непріятеля въ районѣ боевыхъ дѣйствій въ Польшѣ, Галиціи и Восточной Пруссіи; каждый боевой подвигъ бельгійца, англичанина, француза столь отождествляется съ подвигомъ русскаго солдата, что создается одно впечатлѣніе, будто всѣ эти подвиги совершаются подъ однимъ и тѣмъ же полковымъ знаменемъ, несмотря на то, что героевъ бельгійцевъ, англичанъ, французовъ, а съ другой стороны—русскихъ еще раздѣляетъ территорія непріятельской страны, пока еще не занятая войсками союзныхъ армій.

Для выполненія отдѣльной военной операціи проходитъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ, въ теченіе котораго населеніе, непосредственно не участвующее въ войнѣ, имѣетъ возможность опредѣлять ходъ военныхъ событій лишь по отдѣль-

ным боевым столкновениям частного значения. И только когда закончится вся операция, ее развитие,—тогда она выступит во всей полноте, со всем ее значением как для нашего, так и для союзного фронтов. Тогда отпадет и всякий вопрос о том, соответствует ли удар союзных войск на одном фронте напряжению боевых действий на другом.

Подобное настроение уже имело место в недавнем прошлом, в пору решительного наступления германцев на Париж; но достаточно было затѣм нашим войскам нанести удар в Восточной Пруссии, коренным образом повлившим на изменение положения на западном фронте, чтобы возможность такого течения мысли исчезла и всеми союзниками по достоинству была оценена эта наша операция.

Суждение того же порядка могло появиться и теперь: среди людей, далеко стоящих от хода военных операций, может вновь зародиться вопрос о соответствии боевого напряжения на нашем и англо-франко-бельгийском фронтах. Но, как прежде, так и теперь каждая из сторон находится вне упрека. Все операции союзных армий во всех частях обнаруживают величайшую отвагу англо-франко-бельгийских войск, в соединении с чрезвычайным искусством их полководцев, проявляющимся с неизменной твердостью и решительностью для того, чтобы прорвать сплошную сеть всяких заграждений и укреплений, устроенных германцами, и, разрушив все преграды, внести победоносная операция уже в предѣлы Германии. В ожидании этого момента перелома великой войны, союзные войска охвачены одним стремлением к побѣдѣ, столь ярко выраженным в словах их главнокомандующаго, генералиссимуса Жоффра: «Въ моментъ, когда загорается сраженіе, от котораго зависитъ судьба отечества, не время думать о томъ, что находится позади; все усилія должно сосредоточить на атакѣ. Части, не имѣющія силъ продолжать наступленіе, должны во что бы то ни стало удержать завоеванное и скорѣе умереть, нежели отступить».

«Такова сила и мощь нашихъ союзниковъ и преданность ихъ нашему общему великому дѣлу войны».

21-го декабря великобританское правительство официально сообщило, что настоящая организация сухопутныхъ силъ Соединеннаго королевства, состоящая в ихъ распредѣленіи по дивизіямъ и армейскимъ корпусамъ, подлежитъ дальнѣйшему развитію в видѣ созданія армій, изъ коихъ каждая будетъ заключать в себѣ в видѣ нормы три армейскихъ корпуса. Сообщены были также слѣдующія имена вновь назначенныхъ командующихъ британскими арміями: первой—Хэгъ (Haage), второй—Смитъ Дорьенъ, третьей—Хентеръ, четвертой—Танъ Гемилтонъ, пятой—Лесли Рендль, шестой—Брюсъ Гамилтонъ.

22-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ слѣдующія извѣстія о ходѣ военныхъ действий на нашемъ фронтѣ:

На всемъ фронтѣ лѣваго берега Вислы продолжался сильный артиллерійскій огонь. Попытки противника продвинуться на Взуръ в нѣсколькихъ мѣстахъ успѣха не имѣли. В ночь на 20-ое декабря мы обнаружили переправу германцевъ черезъ Взуру у господскаго двора Козловъ-Бискупи. Выждавъ накопленія противника, части одного изъ нашихъ доблестныхъ полковъ, обойдя противника, бросились безъ выстрѣла стремительно въ штыки, причемъ в рукопашномъ бою непріятель, в числѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ, былъ истребленъ почти полностью. Лишь нѣсколькимъ одиночнымъ людямъ удалось сохранить жизнь, сдавшись въ плѣнъ. Около трехъ часовъ дня 20-го декабря бригада германской пѣхоты повела наступленіе на нашу позицію у Боржи-

ш*

мова, къ сѣверо-востоку отъ Болимова, однако послѣдовавшій штурмъ непріятеля былъ отраженъ здѣсь съ огромнымъ для него урономъ сосредоточеннымъ огнемъ нѣсколькихъ батарей и успѣшной контръ-атакой въ штыки. Ожесточенные бои происходили всю ночь до разсвѣта 20-го декабря въ районѣ къ сѣверо-востоку отъ Равы, причемъ намъ удалось выбить непріятеля изъ части окоповъ, захваченныхъ имъ ранѣе. Къ югу отъ Пилицы бои происходили у хутора Гашекъ, къ западу отъ Иновлодзи и къ юго-востоку отъ Малогоща, у Вольмина, гдѣ мы отбили непріятельскія атаки. Въ Галиціи бои въ районѣ Горлице—Закличинь продолжались. Въ районѣ переваловъ Ужокъ и Ростоки мы успѣшно продвинулись впередъ, отбросивъ противника въ большомъ безпорядкѣ, причемъ нами вновь было взято до 2000 плѣнныхъ съ офицерами и пулеметами; нѣсколько ротъ было взято цѣликомъ, отступающіе отъ Ужка австрійцы бросали по пути оружіе и снаряженіе. Наше наступленіе въ Буковинѣ продолжалось.

На кавказскомъ фронтѣ 19-го декабря въ районѣ Сарыкамышъ бой шель съ большимъ ожесточеніемъ и видимымъ успѣхомъ для насъ. Противникъ держался упорно, но въ борьбѣ съ нашими доблестными войсками былъ взятъ въ плѣнъ почти весь пятидесятый турецкій полкъ съ командиромъ и 15 офицерами, 6 горными орудіями и 14 пулеметными вьюками. Въ общемъ нами было взято около 5 тысячъ плѣнныхъ турокъ, при 40 офицерахъ и нѣсколько врачей. 20-го декабря бой продолжался, войска взяли нѣсколько турецкихъ позицій и на одномъ взятомъ нами перевалѣ мы захватили три турецкихъ пулемета и болѣе 700 человекъ плѣнныхъ турокъ. Въ другомъ пунктѣ одна рота одного изъ славныхъ кавказскихъ полковъ штыками опрокинула двѣ турецкихъ роты и захватила четыре горныхъ орудія. Хотя войскамъ приходится дѣйствовать при исключительно тяжелыхъ условіяхъ, сильныхъ морозахъ и въ глубокомъ снѣгу, на высотахъ до десяти тысячъ футовъ, настроеніе войскъ было бодрое и они рвались въ бой. Сраженіе у Сарыкамышъ весь день 20-го декабря и часть ночи на 21-ое продолжалось съ крайнимъ упорствомъ. Турки терпѣли огромныя потери. Въ остальныхъ районахъ за истекшія сутки значительныхъ боевыхъ столкновеній не было.

22-го декабря съ западно-европейскаго театра войны въ официальномъ сообщеніи никакихъ указаній на измѣненіе положенія не содержалось. Почти на всемъ фронтѣ попрежнему продолжала стоять дурная погода, что препятствовало ходу военныхъ дѣйствій.

Папа Бенедиктъ XV телеграфировалъ императору Вильгельму: «Христіанская любовь къ человѣчеству, которою отличается ваше величество, даетъ намъ основаніе надѣяться, что ваше величество закончите старый годъ проявленіемъ императорской милости, принявъ наше предложеніе о взаимномъ обмѣнѣ военноплѣнныхъ, неспособныхъ къ войнѣ». Императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ: «Благодарю ваше святѣйшество и чувствую сердечную необходимость увѣрить васъ, что предложеніе вашего святѣйшества о смягченіи участи военноплѣнныхъ, неспособныхъ воевать, вызываетъ мои симпатіи. Чувства христіанской любви къ ближнему, послужившія основой предложенія, вполне отвѣчаютъ моимъ личнымъ стремленіямъ».

23-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что въ теченіе 21-го декабря на фронтѣ лѣваго берега Вислы положеніе оставалось безъ существенныхъ переменъ. На нѣкоторыхъ участкахъ происходили обычные артиллерійская перестрѣлка и частные бои. Наиболѣе упорнымъ были бои въ районѣ Болимова, происходившій въ ночь съ 20-го на 21-ое декабря.

Генераль-адъютантъ Н. Н. Мищенко.

Нѣмцы, послѣ энергичной атаки, ворвались здѣсь въ одинъ изъ нашихъ окоповъ, но контръ-атакой были выбиты изъ него, при чемъ мы захватили 6 пулеметовъ и много плѣнныхъ. Въ Западной Галиціи въ теченіе 20-го декабря при движеніи нашемъ впередъ вновь было взято въ плѣнъ свыше 1.000 австрійцевъ, захвачено нѣсколько орудій и пулеметовъ. Въ районѣ перевала Ужокъ также наши войска забрали много плѣнныхъ, нѣсколько орудій и пулеметовъ.

Здѣсь сдѣлся въ плѣнь полностью австрійскій батальонъ съ 11 офицерами. Въ этомъ же районѣ въ наши руки попалъ цѣликомъ штабъ одной изъ колоннъ вмѣстѣ съ раненымъ начальникомъ штаба и со всѣми документами. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ наши войска, пройдя всю Буковину, заняли гор. Сучаву, находящійся въ верстѣ отъ австро-румынской границы.

Сообщеніе штаба кавказской арміи отъ 23-го декабря гласило слѣдующее:

У Сарыкамыша сраженіе продолжалось для насъ благопріятно. Наши войска съ разсвѣтомъ 21-го декабря атаквали Ардаганъ, и къ вечеру послѣ упорнаго боя турки, понеся большія потери, были выбиты изъ окоповъ. Въ упорномъ бою 21 декабря подъ Ардаганомъ туркамъ нанесено полное пораженіе. Наши войска занимаютъ Ардаганъ и преслѣдуютъ разбитаго непріятели.

23-го декабря на западно-европейскомъ фронтѣ военныя дѣйствія развились въ такомъ порядкѣ: на фронтѣ отъ моря до Уазы въ теченіе всего дня царило почти полное спокойствіе. Шелъ дождь. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ фронта происходила артиллерійская дуэль. Противъ Нулеттъ французская тяжелая артиллерія привела къ молчанію германскія батареи. На рѣкѣ Энь и въ Шампани происходилъ особенно ожесточенный артиллерійскій бой, окончившійся успѣшно для французскихъ батарей, обстрѣлявшихъ непріятельскіе резервы. Французы заняли нѣсколько опорныхъ пунктовъ въ районѣ Перта и Мениль-ле-Юрлю. Въ Аргоннахъ, на Маасѣ, равно какъ на правомъ берегу Мааса происходилъ съ промежутками артиллерійскій бой. Попытка, произведенная французскими войсками 22-го утромъ овладѣть Бурейлемъ не удалась. Въ лѣсу Ле-Претръ французы продолжали продвигаться впередъ.

Согласно вечернему официальному сообщенію отъ того же 23-го декабря очень упорное сраженіе продолжалось въ Верхнемъ Эльзасѣ въ области Сернэ. Ночью на 23-ое декабря французскія войска сначала уступили непріятелю, а затѣмъ отбили у него ту часть деревни Штейнбахъ, въ которой расположена церковь. На слѣдующее утро, однако, французскія войска овладѣли всей деревней. Германскіе окопы къ западу отъ Серно, захваченные французами 22-го декабря, были отбиты германцами сильной ночной контръ-атакой. Однако непріятель не могъ удержать за собой взятыхъ у нихъ траншей, и онѣ остаются въ рукахъ французовъ.

По свѣдѣніямъ отъ 23-го декабря въ британской Восточной Африкѣ англійскія военныя суда «Fox» и «Goliath» произвели успѣшныя операціи противъ непріятели въ Дарессаламѣ. Городъ отъ произведенной бомбардировки значительно пострадалъ. Непріятельскія суда въ гавани были окончательно выведены изъ строя. Взято было много плѣнныхъ. Потери англичанъ: 1 убитый и 13 раненыхъ.

24-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на лѣвомъ берегу Вислы въ теченіе 22-го декабря продолжалась обычная ружейная и артиллерійская перестрѣлка. Въ окрестностяхъ Боржимова и къ югу отъ него происходили частныя бои. Въ Галиціи положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. На перевалѣ Ужокъ отступавшіе австрійцы были атакованы нашей конницей, зашедшей имъ во флангъ и тыль, несмотря на сильную вьюгу и черезъ заваленныя снѣгомъ горныя тропинки; при этой атакѣ

нами было взято въ плѣнь до 10 офицеровъ съ начальникомъ отряда во главѣ и свыше 450 нижнихъ чиновъ.

На кавказскомъ фронтѣ подъ Сарыкамышемъ нашими доблестными войсками было нанесено полное пораженіе турецкой арміи. IX турецкій корпусъ былъ совершенно уничтоженъ. Командиръ корпуса Исханъ-паша, начальники 17-й, 28-й и 29-й дивизій и два замѣстителя начальниковъ дивизій со своими штабами, свыше сотни офицеровъ и множество нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнь. Потери турокъ убитыми и ранеными достигли огромныхъ размѣровъ. Намъ досталось много орудій, пулеметовъ, боевыхъ припасовъ, обозовъ. Рота одного изъ доблестныхъ полковъ захватила въ плѣнь весь высшій командный составъ IX корпуса. Наши побѣдоносныя войска преслѣдовали остатки X турецкаго корпуса, пытавшагося спастись бѣгствомъ. При взятіи нами Ардагана одинъ изъ сибирскихъ полковъ, бросившись въ атаку въ конномъ строю, изрубилъ двѣ роты турецкой пѣхоты, а 4-я сотня этого полка взяла знамя 8-го пѣхотнаго Константинопольскаго полка. Отъ Ардагана турки поспѣшно отступили въ разныхъ направленіяхъ.

24-го декабря французское военное министерство увѣдомило, что ночью на 24-ое декабря французы овладѣли одной изъ каменоломенъ, расположенныхъ на развѣтвленіи дорогъ Рувруа—Сенъ-Миэль и Мезъ—Сенъ-Миэль, а также сосѣдними траншеями. Ни о какихъ другихъ военныхъ дѣйствіяхъ сообщеній получено еще не было. Погода продолжала стоять весьма неудовлетворительная. Шли непрерывные проливные дожди.

25-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что на млавскомъ направленіи 23-го декабря нашими войсками было организовано нечаянное нападеніе на дер. Розровы, что западнѣе шоссе Праснышъ—Млава, близъ Грудуска. Занимавшій эту деревню противникъ былъ почти весь переколотъ и нами были взяты плѣнные. На лѣвомъ берегу Вислы продолжались обычныя артиллерійская и ружейная перестрѣлки. Частные бои происходили въ районѣ господскаго двора Боржимова и фольварка Могелы, которые еще не закончены. Въ Галиціи положеніе продолжало оставаться безъ существенныхъ переменъ. Въ Буковинѣ наше наступленіе продолжалось, причемъ нами были заняты Сипоть-Камераль, что южнѣе Селетина, а 21-го декабря на путяхъ къ Гура-Гумора Плесъ-Качика и Иллишешты. 22-го декабря съ боя были взяты Гура-Гумора и Букшоя. Оба послѣдніе пункта лежатъ на лучшемъ прямомъ пути, ведущемъ черезъ Буковину въ Трансильванію.

Того же 25-го декабря, точно въ подарокъ отъ кавказской арміи къ празднику Рождества Христова, были получены слѣдующія подробности разгрома турецкой арміи нашими доблестными войсками:

«Къ концу ноября главная масса войскъ третьей турецкой арміи была эшелонирована на востокъ отъ Эрзерума, имѣя впереди два корпуса и одинъ въ резервѣ у Гассанъ-Кала. По плану Энверъ-паша третья турецкая армія должна была наступать слѣдующимъ образомъ: X и IX корпуса должны были перейти на ольтинское направленіе и составить наступающій флангъ, а XI корпусу приказано оставаться на своихъ сильно укрѣпленныхъ позиціяхъ и путемъ демонстраціи привлечь на себя вниманіе нашихъ войскъ; въ

случае же нашего перехода въ рѣшительное наступленіе одиннадцатый корпусъ долженъ былъ отходить къ Эрзерумской крѣпости и увлекать за собой наши войска. X корпусъ долженъ былъ наступать двумя колоннами: одной дивизіей на Идъ долиною Ольты-чая и двумя дивизіями на Ардажъ долиною Серли-чая. Въ промежуткѣ между XI и X корпусами долженъ былъ наступать IX корпусъ.

«Нашъ отрядъ, несмотря на значительно превосходныя силы противника, мужественно сдерживалъ послѣдняго и, переходя въ энергичныя контръ-атаки, нанесъ врагу весьма значительныя потери. Тѣмъ временемъ обнаружилось наступленіе сильной турецкой колонны, поддерживаемой возставшимъ мусульманскимъ населеніемъ, со стороны Пантурецкаго и Ялагузчамскаго переваловъ въ направленіи на Ардаганъ. Занимавшій этотъ пунктъ нашъ гарнизонъ послѣ упорнаго боя въ теченіе 16-го и 17-го декабря отошелъ нѣсколько къ востоку.

«Получивъ подкрѣпленіе, мы атаковали 21-го декабря турецкія силы, сосредоточенныя у Ардагана, нанесли здѣсь туркамъ полное пораженіе, причемъ нами было захвачено знамя 8-го турецкаго полка, принадлежащаго къ составу константинопольскаго гарнизона.

«При дальнѣйшемъ развитіи боевыхъ дѣйствій выяснилось, что главныя силы турокъ, т. е. IX и X турецкіе корпуса повели наступленіе на Сарыкамышъ. Эти движенія по горнымъ дорогамъ, занесеннымъ снѣгомъ, черезъ высокіе перевалы, производились почти безъ обоза, безъ полевой артиллеріи, хотя турецкія войска были обильно снабжены боевыми припасами. При этихъ дѣйствіяхъ турки рассчитывали, главнымъ образомъ, на сочувствіе и широкую помощь мѣстныхъ мусульманъ, заранѣе образованныхъ турецкими эмиссарами.

«На долю нашихъ войскъ выпала задача: удерживая на фронтѣ большія турецкія силы, выдѣлить достаточный заслонъ для того, чтобы разбить IX и X турецкіе корпуса. Несмотря на исключительную трудность этой задачи, на суровую зиму при условіи борьбы на высокихъ перевалахъ до 10.000 футовъ, занесенныхъ снѣгомъ, наши доблестныя кавказскія войска послѣ десятидневнаго упорнаго боя благополучно выполнили свою исключительно трудную задачу, а именно, отразивъ бѣшенныя атаки турокъ съ фронта и на Сарыкамышъ, они окружили и уничтожили почти два турецкихъ корпуса, причемъ остатки одного изъ нихъ вмѣстѣ съ командиромъ корпуса, время начальниками дивизіи, штаба и многими офицерами, тысячами нижнихъ чиновъ, артиллеріей, пулеметами и выучными транспортами были захвачены въ плѣнъ.

«Напряженная борьба на главномъ фронтѣ естественно потребовала перегруппировки нашихъ силъ на второстепенныхъ для насъ направленіяхъ и приближенія нѣкоторыхъ отрядовъ къ нашимъ границамъ.

«Наши трофеи не приведены еще въ извѣстность, такъ какъ преслѣдованіе еще продолжается».

25-го декабря съ австро-сербскаго фронта было сообщено, что 21-го декабря непріятель занялъ значительными силами островокъ Ада-Циганлія близъ Бѣлграда. Въ ночь съ 22-го на 23-е декабря нѣсколько мелкихъ сербскихъ отрядовъ застигли непріятеля врасплохъ, обратили его въ бѣгство и захватили въ плѣнъ 24 солдата, фельдфебеля и 2 унтеръ-офицеровъ. Потери сербовъ были незначи-

Елизавета, королева Бельгии.

тельны. Кроме этого боя, не произошло ничего существенного на остальных фронтах.

На открывшемся 25-го декабря в 4 часа 30 минут дня заседании краткосрочной сессии палаты лордов лорд Китченер, дѣлая сообщеніе о военныхъ операціяхъ, сказалъ:

«За декабрь мѣсяць союзники продвинулись во многихъ мѣстахъ, но общій ходъ операцій продолжаетъ развиваться съ переменнымъ успѣхомъ, хотя союзныя войска добились замѣтныхъ результатовъ на востокъ отъ Реймса, а также въ южномъ Эльзасѣ. Несмотря на переброску германцами своихъ частей на восточный фронтъ, ими все же оставлены достаточныя силы для защиты траншей на западномъ театрѣ войны. Надежды германцевъ въ Польшѣ потер-

пѣли жестокій ударъ. Въ настоящее время германцы сознали безконечныя затрудненія, создаваемыя зимнимъ временемъ для веденія военныхъ операцій въ Россіи».

Переходя къ сербской побѣдѣ, Китченеръ заявилъ, что это одно изъ самыхъ блестящихъ военныхъ дѣйствій за декабрь мѣсяць. Кромѣ того, полученныя извѣстія о русской побѣдѣ на Кавказѣ должны возымѣть сильное вліяніе на всѣ военныя операціи турокъ. Наступленіе ихъ на Египетъ до сихъ поръ не осуществилось. Положеніе въ Южной Африкѣ измѣнилось къ лучшему, благодаря мастерскимъ дѣйствіямъ генерала Бота. Упомянувъ о набѣгѣ германской эскадры на Гартльпуль, лордъ Китченеръ воздалъ должное храбрости и хладнокровію населенія, сказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что подобныя набѣги не имѣютъ никакого военнаго значенія. Говоря объ успѣшномъ наборѣ добровольцевъ, Китченеръ заявилъ, что на всеобщій призывъ военнаго министерства отозвалось готовыхъ вступить въ ряды арміи 218.000 человекъ, не считая добровольцевъ, записанныхъ ранѣе. У арміи имѣется уже значительный запасъ опытныхъ офицеровъ. Со времени начала войны въ армію принято 29.100 офицеровъ. Британскія силы подъ командованіемъ генерала Френча усилены территоріальными боевыми единицами, а также новой дивизіей, въ которую входитъ, между прочимъ, канадскій полкъ.

26-го декабря штабъ кавказской арміи сообщилъ слѣдующее:

Въ бою подъ Ардаганомъ 21-го декабря были разбиты и разсѣяны части турецкихъ войскъ, принадлежавшія къ составу 1-го турецкаго корпуса, квартирующаго въ Константинополѣ. Подъ Ардаганомъ оказалось не мало башибузуковъ, привезенныхъ изъ Европейской Турціи, а также шаекъ передавшихся на сторону Турціи аджарцевъ. Нашими войсками было захвачено много боевыхъ припасовъ, оружія, часть артиллеріи, причемъ одно горное орудіе съ полной запряжкой и всей прислугой во главѣ съ офицеромъ было взято однимъ изъ кубанскихъ казачьихъ полковъ. Нами было взято въ плѣнъ нѣсколько десятковъ офицеровъ, много нижнихъ чиновъ и предано землѣ свыше полуторы тысячи неприятельскихъ труповъ. Знамя 8-го турецкаго полка было захвачено послѣ молодецкой атаки въ конномъ строю частей лиховаго сибирскаго казачьяго полка, изрубившаго нѣсколько турецкихъ ротъ. Выясняется полный разгромъ 30-тысячнаго IX корпуса турецкаго, уничтоженнаго подъ Саракамышемъ въ бояхъ съ доблестными частями кавказской арміи. Нами была захвачена вся артиллерія этого корпуса и взяты въ плѣнъ всѣ генералы, свыше 300 офицеровъ и нѣсколько тысячъ аскеровъ, представляющихъ остатки истребленнаго корпуса. Сборъ оружія и прочихъ трофеевъ, разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ въ горахъ, лѣсахъ и оврагахъ, занесенныхъ снѣгомъ, продолжается. Энергичное преслѣдованіе остатковъ X турецкаго корпуса отдастъ намъ новые трофеи, подсчетъ коихъ еще не dokonченъ.

26-го декабря французское правительство извѣстило, что въ періодъ между 12-го 22-го декабря, несмотря на отвратительное состояніе дорогъ и дурную погоду, произошло три весьма важныхъ дѣла, закончившихся удачно для французовъ. Первое изъ нихъ—занятіе Сень-Жоржа, второе—развитіе успѣховъ французскихъ войскъ въ районѣ Перта и, наконецъ, третье—занятіе ими

Штейнбаха. Кроме того, на всем протяжении фронта французы с успехом продолжали активную деятельность. В некоторых пунктах неприятель оказывал лишь слабое сопротивление, в других же предпринимал ожесточенные контр-атаки, но был всюду отброшен. Нигде неприятелю не удалось достигнуть результатов, которые имели бы хотя отдаленное сходство с теми, которые в течение этих 11 дней выпали на долю французов.

26-го декабря австрийцы начали строить укрепления близ Пайчево, причем, дабы им не мешали в работах, они пользовались сербскими пленными солдатами, выставляя их под выстрелы сербских войск.

27-го декабря от штаба верховного главнокомандующего были получены сообщения о следующем:

«По повелению верховного главнокомандующего, штаб доводит до всеобщего сведения, что в настоящее время выяснилось, что недостатка в теплом белье нет, и верховный главнокомандующий сердечно благодарит всех, принявших участие в обеспечении нижних чинов теплым бельем. Вместе с тем, если жертвователям угодно продолжать свою заботу, то крайне желательна присылка нижнего носильного белья, в котором всегда есть нужда».

На левом берегу Вислы в течение 24-го декабря в общем было затишье, лишь на фронте Суха—Балимов происходили частные бои. Немцы для приближения к нашим позициям пытались применять приемы крепостной войны, продвигаясь на некоторых участках вперед посредством сап и пользуясь для своего прикрытия стальными щитами. В районе деревни Суха немцы, занявшие в ночь на 24-е декабря часть наших окопов, были к утру того же дня выбиты из них нашими штыковыми атаками. В этих делах нами было захвачено пять пулеметов и взяты пленные.

В Буковинѣ наше наступление продолжалось.

На левом берегу Вислы бои на фронте деревни Суха—фольварк Могелы принимают все более упорный характер. Немцы, несмотря на наносимые им крупные потери, настойчиво атакуют здесь различные участки нашего расположения, местами им удавалось временно занять некоторые из наших передовых окопов, но энергичные контр-атаки наших войск, обычно заканчивавшиеся ударом в штыки, заставляли противника покидать занятые позиции, не успев на них укрепиться. Так, в районе ф. Могелы 25-го декабря был выбит противник, ворвавшийся в наши передовые окопы, причем нами взято в плен несколько офицеров и свыше 100 нижних чинов.

В Буковинѣ мы заняли 24-го декабря Кимполунг. Таким образом, в течение последних восьми дней наши войска, оперирующая в Буковинѣ, пройдя с боями свыше 120 верст, достигли пограничного хребта, отделяющего Буковину от Венгрии. За время этой операции нами было взято в плен свыше 1,000 австрийцев и захвачено много разного рода военных трофеев.

В Черном море 21-го декабря наш крейсер и дивизион миноносцев обнаружили при приближении к Синопу турецкий крейсер типа «Меджидие»

и за нимъ транспортъ, направлявшіеся на востокъ. Усмотрѣвъ погоню, турецкія суда повернули на западъ, стремясь скрыться. Транспортъ былъ достигнуть и потопленъ, крейсеру же удалось уйти.

27-го декабря былъ опубликованъ слѣдующій приказъ по кавказской арміи:

«Сегодня получилъ отъ верховнаго главнокомандующаго слѣдующую телеграмму:

«Горячо поздравляю васъ, графъ, съ блестящей побѣдой нашихъ доблестныхъ кавказскихъ войскъ, въ чемъ никогда не сомнѣвался. Съ вѣрой въ милость Всевышняго убѣжденъ, что кавказская армія еще покроетъ свои знамена славой новыхъ геройскихъ подвиговъ. Передайте чудо-богатырямъ мою сердечную благодарность за ихъ службу.»

«Генераль-адъютантъ НИКОЛАЙ».

«Объявляя объ этомъ по войскамъ кавказской арміи, глубоко счастливъ, что доблестная кавказская армія оправдала надежды нашего верховнаго главнокомандующаго и блестящей побѣдой надъ врагомъ покрыла свои сѣдья знамена новою славой, доказавшей великую силу русскаго оружія. Но борьба далеко еще не закончена. Врагъ еще не сломленъ окончательно, и я глубоко вѣрю, что гордые сегоднѣшней блестящей побѣдой, вѣсть о которой разнеслась уже по всему міру, доблестныя войска кавказской арміи еще болѣе могучимъ натискомъ ударятъ на врага и новыми геройскими подвигами покажутъ себя чудо-богатырями, какъ назвалъ ихъ самъ верховный главнокомандующій.

«Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ, батареяхъ, командахъ, управленіяхъ и учрежденіяхъ».

«Подписалъ: главнокомандующій кавказской арміей генераль-адъютантъ генераль-отъ-кавалеріи *графъ Воронцовъ-Дашковъ*».

27-го декабря губернаторъ Западной Африки телеграфировалъ въ Парижъ, что нѣмцы большими силами напали на Эдеа въ Камерунѣ, но были отбиты и понесли значительныя потери. На полѣ сраженія были найдены трупы 20 европейцевъ и 54 туземныхъ стрѣлковъ. Французскія войска захватили пулеметь и 50 ружей. Французскія потери были ничтожны.

28-го декабря штабъ кавказской арміи извѣстилъ, что турки, повидимому, съ цѣлью облегчить тяжелое положеніе 10-го корпуса, остатки котораго спѣшно отступали изъ-подъ Сарыкамыша, вновь повели въ окрестностяхъ Караургана энергичное наступленіе. Въ окрестностяхъ Караургана упорный бой продолжался. Турки вели здѣсь энергичныя атаки, успѣшно отражаемыя нашими войсками, которыя продолжали наносить противнику большія потери. На остальныхъ фронтахъ въ теченіе 26-го декабря шли незначительныя перестрѣлки.

Въ теченіе 26-го декабря на всемъ фронтѣ нашего австро-германскаго расположенія перемѣнъ не произошло. Лишь въ районѣ ф. Могелы упорный бой продолжалъ развиваться.

28-го декабря съ западно-европейскаго фронта пришли слѣдующія официальные извѣстія:

На сѣверъ отъ Суассона французы взяли приступомъ германскую позицію, захватили двѣ послѣдовательныя линіи окоповъ и достигли третьей линіи. Три произведенныя нѣмцами контръ-атаки остались безуспѣшными. Въ Аргоннахъ произошла очень дѣятельная атака нѣмцевъ на высоту Готъ-Шевощѣ. Атака эта первоначально принудила французовъ къ отступленію на одинъ километръ отъ первоначальнаго расположенія, но они произвели контръ-атаку и заняли вновь свои прежнія позиціи.

Произведенныя ночью на 27-е декабря ночью германцами двѣ контръ-атаки, одна къ сѣверу отъ Перта, другая къ сѣверу отъ Бо-Сежура были отбиты. На Аргонской возвышенности двѣ незначительныя атаки непріятели потерпѣли неудачу у Фонтень-Мадамъ и Сентъ-Юбера. Довольно сильная перестрѣлка происходила къ западу отъ Бурейля и на Мерисонской рѣчкѣ, но атакъ произведено здѣсь не было. На остальномъ фронтѣ ночь прошла спокойно. Наступленіе германцевъ было отбито. Траншен, занятые французами между Пертомъ, Ле-Юрлю и высотой 200, подверглись сильной контръ-атакѣ противника, который былъ окончательно отбитъ, понеся большія потери.

Англичане захватили германское судно «Мельпомена», приписанное къ гамбургскому порту, съ цѣннымъ и весьма важнымъ грузомъ. «Мельпомена» пыталась провезти въ Германію изъ Америки цѣлыхъ 3,000 тоннъ питратовъ, необходимыхъ германцамъ для фабрикаціи взрывчатыхъ веществъ. Сообщаютъ о захватѣ англійскимъ флотомъ двухъ новыхъ германскихъ пароходовъ, принадлежавшихъ компаніи «Гамбургъ-Американская линія», а именно «Баденъ» и «Святая Изабелла». Пароходы были взяты по содѣйствию съ Фалькландскими островами.

28-го декабря французское военное министерство опубликовало объявленіе слѣдующаго содержанія:

«Вслѣдствіе суроваго режима, которому подвергаются французскіе военноплѣнные въ Германіи, что установлено официально документами, французское правительство дипломатическимъ путемъ энергично протестовало въ Берлинѣ и со своей стороны приняло на плечахъ взаимности суровыя мѣры, противъ германскихъ военноплѣнныхъ во Франціи. Впредь возвращеніе на родину германскихъ врачей и санитаровъ будетъ поставлено въ зависимость отъ возвращенія на родину французскаго санитарнаго персонала. Далѣе, по примѣру Германіи, прекращается выдача ежедневно пяти сантимовъ плѣннымъ солдатамъ и унтеръ-офицерамъ и раздача имъ табаку. Жалованье плѣннымъ оберъ- и штабъ-офицерамъ сокращено до 60 съ 100 марокъ, а также измѣненъ прежній питанія. Этимъ распоряженіями уже достигнуты нѣкоторые результаты, напримѣръ, въ смыслѣ облегченія переписки съ плѣнными французами въ Германіи. Правительство исполнено твердой рѣшимости продолжать придерживаться этого образа дѣйствій и примѣнять и впредь къ германскимъ плѣннымъ тотъ же режимъ, которому подвергаются плѣнные французы».

29-го декабря отъ штаба верховнаго главнокомандующаго были получены извѣстія о томъ, что на лѣвомъ берегу Вислы происходили лишь частныя бои съ германцами. Въ теченіе ночи съ 26-го на 27-е декабря и слѣдующаго дня нѣмцы вели четыре повторныя атаки въ районѣ сѣвернѣе деревни Суха; всѣ

эти атаки были отбиты нашимъ огнемъ и контръ-атаками. У фольварка Доловатка небольшой отрядъ нашихъ войскъ внезапно напалъ на нѣмцевъ, приблизившихся къ нашему расположенію сапой, забросалъ ихъ ручными гранатами, выбилъ и засыпалъ часть непріятельскихъ окоповъ. Въ районѣ фольварка Могелы намъ удалось продвиженіемъ впередъ занять часть нѣмецкихъ окоповъ и въ нихъ закрѣпиться. На австрійскомъ фронтѣ положеніе оставалось безъ существенныхъ измѣненій; наши частныя атаки имѣли успѣхъ, австрійцы на атакованныхъ участкахъ повсюду отошли, нами были взяты плѣнные.

На Черномъ морѣ 24-го декабря нашъ флотъ ночью встрѣтился съ крейсерами «Бреслау» и «Гамидіе». Произошло кратковременная перестрѣлка, послѣ которой непріятельскіе крейсера быстро скрылись въ темнотѣ. Въ наши суда попаданій не было. 25-го и 26-го декабря при осмотрѣ анатолійскаго побережья нами было частью сожжено, частью утоплено много парусныхъ судовъ, фелюгъ и другихъ пловучихъ средствъ непріятеля. Команды судовъ, потопленныхъ вдали отъ берега, были взяты на наши корабли. 26-го декабря флотъ бомбардировалъ Хопу.

На кавказскомъ фронтѣ сраженіе въ окрестностяхъ Караургана продолжается съ прежнимъ упорствомъ. На прочихъ фронтахъ положеніе продолжало оставаться безъ значительныхъ перемѣнъ.

Всѣ состоящіе на дѣйствительной службѣ румыны получили приказаніе вернуться въ отечество. Между Сербіей и Италіей состоялось соглашеніе о выходѣ къ Адриатикѣ. Японія категорически отвергла предложеніе китайскаго правительства вывести войска изъ Шаньдуна. Англія потребовала отъ Швейцаріи запрещенія вывоза въ Германію и Австрію имѣющихся въ странѣ запасовъ.

Государь Императоръ пожаловалъ королю сербскому Петру знаки ордена св. Андрея Первозваннаго съ мечами.

На французскомъ и бельгійскомъ фронтѣ за 29-е декабря въ общемъ положеніи дѣлъ перемѣнъ не произошло.

30-го декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что на лѣвомъ берегу Вислы въ теченіе ночи и дня 28-го декабря нѣмцы безуспѣшно старались атаковать наше расположеніе въ нѣкоторыхъ пунктахъ, но всюду были отбиты нашимъ огнемъ. При атакѣ въ районѣ деревни Самице, восточнѣе Скерневицъ, нѣмцы ночью, дойдя до нашихъ проволочныхъ загражденій, стали кричать: «Не стрѣляйте, свои». Такъ какъ подобные же случаи уже имѣли мѣсто и раньше, то бдительность нашихъ войскъ не была обманута этимъ приемомъ нѣмцевъ. Встрѣтивъ непріятеля сильнымъ огнемъ и контръ-атакой, мы отбросили противника, нанеся ему при этомъ большія потери. Въ Галиціи, сохраняя соприкосновеніе съ противникомъ, мы вели только артиллерійскій и ружейный огонь.

На кавказскомъ фронтѣ сраженіе въ районѣ Караургана продолжало развиваться. 28-го декабря нашими войсками захвачены были два горныя пушки со снарядами и взяты въ плѣнъ двѣ турецкія роты съ офицерами. На остальныхъ фронтахъ положеніе оставалось безъ перемѣнъ.

30-го декабря главное управленіе генеральнаго штаба сдѣлало слѣдующее оповѣщеніе:

«Въ виду официального турецкаго объявленія объ одержанныхъ, якобы, турками побѣдахъ въ Азербейджанѣ, причемъ въ бою подъ Миандуабомъ, будто бы, палъ великій князь Александръ Михайловичъ, сообщается, что никакихъ побѣдъ турками одержано не было, а у Миандуаба были только стычки конвоя нашего консула со скопищами курдовъ.

«Его императорское высочество великій князь Александръ Михайловичъ на кавказскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій не присутствовалъ и находится въ полномъ здравіи».

30-го декабря французское правительство увѣдомило о томъ, что на сѣверо-востокъ отъ Суассона непріятель сильно обстрѣливалъ въ теченіе всей ночи расположеніе французовъ на плоскогорьѣ Перриеръ и на высотѣ 132. Затѣмъ непріятель повелъ энергичную атаку съ цѣлью вновь овладѣть послѣднимъ пунктомъ. Исходъ атаки еще неизвѣстенъ. На остальномъ фронтѣ не произошло ничего существеннаго.

31-го декабря отъ штаба верховнаго главнокомандующаго были получены слѣдующія извѣстія.

На лѣвомъ берегу Вислы въ теченіе ночи 29-го декабря и всего слѣдующаго дня продолжались ставшія обычными за послѣднее время попытки нѣмцевъ атаковать небольшими частями отдѣльные участки нашего расположенія; однако всѣ атаки были легко отбиты нашимъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ съ нанесеніемъ противнику крупныхъ потерь. Наиболее настойчиво, но безуспѣшно, нѣмцы наступали въ районѣ деревни Суха, атакуя насъ за минувшія сутки четыре раза, и у фольварка Могелы, гдѣ они вели двѣ атаки. 29-го декабря на разсвѣтѣ на одномъ изъ участковъ нашего фронта наши развѣдчики подошли на близкое разстояніе къ нѣмецкимъ окопамъ и удачно забросали ихъ ручными гранатами, нанеся этимъ противнику большія потери. По дополнительно полученнымъ свѣдѣніямъ, нѣмцы при ночной атакѣ 28-го декабря въ районѣ деревни Самице понесли значительныя потери, оставивъ на полѣ сраженія не менѣе 500 труповъ. При отраженіи этой атаки намъ очень помогли наши полевые прожекторы.

Отъ штаба кавказской арміи 31-го декабря пришли такія вѣсти: на ольтинскомъ направленіи продолжался упорный бой съ турецкими арьергардами на рѣкѣ Ольты-Су и къ западу отъ нея. Въ районѣ Караургана ожесточенное сраженіе продолжалось для насъ успѣшно. За 29-е декабря нами былъ взятъ въ плѣнъ 92-й полкъ въ составѣ 11 офицеровъ, 3 врачей и около 1,500 нижнихъ чиновъ и уничтоженъ батальонъ 52 полка, причемъ остатки его въ числѣ 250 нижнихъ чиновъ съ однимъ офицеромъ также были взяты въ плѣнъ. При взятіи нами одной горы въ предѣлахъ Турціи нашими войсками былъ захваченъ турецкій лагерь со складомъ артиллерійскихъ и ружейныхъ патроновъ.

На западномъ фронтѣ, по сообщенію отъ 31-го декабря, къ сѣверо-востоку отъ Суассона французскія войска, произведя контръ-атаку, слегка продвинулись впередъ между Кюффи (Cuffies) и Круи (Crouy), но не могли продолжить этого наступленія дальше послѣдняго пункта. Къ востоку отъ этого района французы, сильно атакованные германцами, слегка отступили въ окрестностяхъ деревни Монсель, которую они теперь занимаютъ. Французскими вой-

сками заняты Сентъ-Маргерить и Мисси-сюръ-Энъ. Ничего существеннаго не произошло на остальныхъ фронтахъ.

Англійскій посолъ въ Петроградъ сэръ Джорджъ Бьюкененъ увѣдомилъ верховнаго главнокомандующаго о пожалованіи его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу королемъ Англїи орденъ Бани первой степени.

31-го декабря въ Каирѣ было опубликовано слѣдующее официальное сообщеніе:

«Согласно послѣднимъ свѣдѣніямъ, сосредоточеніе турецкихъ войскъ на египетской границѣ, а также подвозъ боевыхъ припасовъ и провіанта закончены. Несмотря на настойчивыя требованія командировъ турецкихъ войскъ прислать изъ Константинополя подкрѣпленія экспедиціонному корпусу, германскіе офицеры настаиваютъ на немедленномъ выступленіи въ походъ. Главной цѣлью этой настойчивости является не столько желаніе германцевъ доставить Турціи побѣду, сколько намѣреніе отвлечь вниманіе Англїи отъ военныхъ операцій въ Европѣ».

РОМАНЪ ПРИНЦЕССЫ ГЕВЕРСКОЙ¹⁾.

VIII.

В ТОТЪ ВЕЧЕРЪ, когда принцъ и принцесса Геверскіе гостили у императрицы Маріи Теодоровны въ Павловскѣ и поражали тамъ присутствовавшихъ пѣжностью своихъ отношеній, въ Царскомъ Селѣ, невдалекѣ отъ казармъ лейбъ-гусарскаго полка, сидѣлъ, запершись у себя на квартирѣ, эскадронный его командиръ, только что произведенный въ ротмистры, графъ Антонъ Болеславовичъ Мичельскій, родной братъ извѣстной всему Петербургу любовницы принца, Клеопатры Болеславовны Юшковой. Съ нимъ сидѣли офицеры: кавалергардъ—Евдокимъ Васильевичъ Давыдовъ и братъ его, лейбъ-гусаръ Денисъ Васильевичъ. Въ комнатѣ царствовала тишина. Мичельскій нервно и быстро писалъ какую-то бумагу, а Евдокимъ Васильевичъ какъ-то безнадежно разводилъ своими толстыми, короткими руками. Наконецъ онъ прервалъ молчаніе и обратился ласково къ Мичельскому:

— Ты можешь, наконецъ, сказать мнѣ, Антоша, отчего ты вздумалъ уходить въ отставку? Вѣдь дѣло это, братъ, важное. Потомъ его не поправишь. Цесаревичъ, братъ, лютъ съ такими: все относить къ неудовольствіямъ на него. «Семь разъ примѣрь, одинъ—отрѣжь», говоритъ пословица.

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», январь 1915 г., т. СXXXIX.

«Истор. вѣстн.», февраль 1915 г., т. СXXXIX.

— Хорошо,—сказаль Мичельскій:—а ты можешь мнѣ отвѣтить на одинъ вопросъ, какъ честный товарищъ и офицеръ, прямо и безъ экивоковъ?

— Отчего же, ну, спрашивай.

— Дѣло касается моей сестры, Клеопатры,—продолжалъ Мичельскій.

Давыдовы переглянулись между собою и молчали.

— Вотъ такіе вы всѣ друзья и товарищи,—желчно сказалъ Мичельскій:—надо мною смѣются исподтишка, пальцами на меня тычуть въ спину, а милые друзья и рады моему сраму! Никто ни единымъ звукомъ не обмолвился, никто намека никакого не сдѣлалъ, а поздравляютъ съ чиномъ, за мое здоровье шампанское пьютъ! Да когда бы я зналъ, не допустилъ бы до этого, а гораздо раньше вышелъ бы со службы.

Братья продолжали молчать.

— И я вамъ все скажу, отвѣчайте мнѣ только: моя сестра давно извѣстна Петербургу, какъ любовница принца?

Евдокимъ вздохнулъ и посмотрѣлъ на младшаго брата.

— Коли требуетъ, то говори,—отвѣчалъ Денисъ.

— Ужъ скоро годъ будетъ,—сказаль протяжно Евдокимъ Васильевичъ:—да мало ли что врутъ въ городѣ, ты самъ разсуди, Антоша, мало ли сплетенъ по городу ходить! Да развѣ на людской ротокъ накинешь платокъ? И, что же, долженъ ли я выкладывать всякую гадость, какую я услышу невзначай, стороной? Нѣтъ, Антоша, не мое это дѣло сплетни разводить, да и ты ихъ не слушай.

— Ну, такъ и я скажу вамъ. Это не сплетня, а объ этомъ сказалъ мнѣ самъ принцъ. Понялъ?

Давыдовы вскочили со своихъ мѣсть.

— Да что ты! Быть не можетъ!—вскричали они разомъ.

— А вотъ, послушайте, я вамъ разскажу, какъ было. Вѣдь это старое правило, что о паденіи женщины послѣдніе узнаютъ мужъ или братъ. Вы знаете, что я каждую недѣлю ѣзжу на петергофскую дорогу на дачу къ сестрѣ повидаться, и всегда днемъ, чтобы попасть къ обѣду послѣ эскадроннаго ученія. Вчера, какъ нарочно, меня задержали въ Петергофѣ, и я приѣхаль къ сестрѣ часовъ въ одиннадцать вечера. Иду я прямо безъ доклада къ ней въ будуаръ, прогнавъ камеристку, попавшюся мнѣ на дорогѣ, вхожу и... застаю тамъ сестру въ объятіяхъ принца. Сестра ахнула, покраснѣлась, но бросилась меня цѣловать, ну, а принцъ взялъ меня за руку, отвелъ къ окну и сказалъ мнѣ приблизительно такъ: «Мы давно, Антонъ Болеславовичъ, любимъ другъ друга, и чувствъ вашей сестры ко мнѣ для меня даръ небесный, который я умѣю цѣнить. Мы принадлежимъ другъ другу предъ Богомъ, и я хотѣлъ бы, чтобы вы смотрѣли на меня, какъ на родного брата. Вы знаете, не въ моей власти назвать ее своею женой предъ людьми».

Онъ хотѣлъ меня обнять при этомъ, но я, знаете, отступилъ этакъ на шагъ, поклонился и, не посмотрѣвъ даже на Клеопатру, вышелъ изъ дому... Не помню уже, какъ пріѣхалъ сюда. Вотъ почему я подаю въ отставку и завтра же уѣду въ Москву на жительство,— заключилъ Мичельскій, пристально смотря на собесѣдниковъ.

Давыдовы молчали.

— Да, братъ,—сказалъ, наконецъ, Евдокимъ:—ты правъ, хотя многіе на твоёмъ мѣстѣ поступали иначе. Тяжело тебѣ теперь служить, а вступаться въ это дѣло нельзя, если бы даже вмѣсто принца былъ и частный человѣкъ. Сестра твоя—женщина замужня, принцъ—тоже не мальчикъ. Уѣзжай, Антоша! Не слѣдуетъ тебѣ при твоёмъ характерѣ жить здѣсь.

— А послѣ моего отъѣзда, увидишь, они совсѣмъ не будутъ стѣсняться. *Sa maîtresse à titre*,—злбно разсмѣялся Мичельскій:—не того я ждалъ отъ милой Клеопы.

— Повѣрь, милый, что она истинно полюбила принца,—горячо возразилъ Денисъ Васильевичъ:—она женщина душевная, безкорыстная, а принцъ и чорту въ душу влѣзеть: очарователь извѣстный! Мужъ у нея колпакъ, вотъ ея горе! Хорошо, что принца полюбила, а не какого-нибудь семинариста или француз-парикмахера, а и такіе примѣры бывали. Не горюй, братъ, и въ Москвѣ люди живутъ.

Антонъ Болеславовичъ написалъ прошеніе объ отставкѣ и, обратившись къ Денису Давыдову, славившемуся своими «гусарскими» пѣснями, воскликнулъ:

— Ну, пѣвецъ Венеры и Вакха, совѣтую тебѣ, амуры брось, и займись лучше Вакхомъ. Что, братцы, выпьемъ съ горя?

Вскорѣ къ Мичельскому подошли и другіе офицеры-гусары. Пирушка затянулась надолго, до разсвѣта. Принцъ, возвращаясь изъ Павловска въ Царское Село, проѣхалъ какъ разъ мимо дачи Кочубея, гдѣ жилъ Мичельскій, и, глядя на освѣщенные окна ея, подумалъ:

«Что это господа гусары, съ радости или горя? Мало ихъ подтягиваетъ Константинъ... Впрочемъ,—и принцъ саркастически улыбнулся:—вѣдь, они одни въ російской арміи награждены драгоцѣннымъ правомъ носить усы!»

IX.

На другой день настроеніе принца Іеверскаго было не изъ радужныхъ. Сцена съ Антономъ Болеславовичемъ, происшедшая на дачѣ у его сестры, не выходила у него изъ головы. Принцъ былъ очень самолюбивъ, и гордый отказъ графа Айтона принять его дружбу, сдѣланный въ присутствіи самой красавицы-сестры, уязвилъ его болѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ въ томъ сознаться самому себѣ.

«Фанфаронъ съ польскимъ гоноромъ и безмозглый притомъ,—размышлялъ онъ.—Онъ меня не удостоилъ своей дружбы, ха-ха-ха, Антонъ Болеславовичъ!.. Ну-съ, ротмистръ графъ Мичельскій! вы не хотѣли моей дружбы, такъ бойтесь вызвать мою вражду! Ея безнаказанно никто никогда не вызывалъ! Пожалуй, отъ этого мальчишки станеть, что онъ будетъ рассказывать мой разговоръ съ нимъ. Это будетъ всего неприятнѣе». Разговоръ съ женой, принцессой Луизой, также пришелъ ему на память: «Не узнала ли и она что-нибудь и хочеть у меня что-либо выторговать?—думалъ принцъ.—Едва ли она хочеть поучить меня добродѣтели, да и въ ея добродѣтель я не особенно вѣрю: слишкомъ долго она продолжается. Если она будетъ каяться, мы ее простимъ, но недаромъ: пусть чувствуетъ, что она мнѣ обязана!»

И принцъ съ истерпѣніемъ ожидалъ прїѣзда принцессы изъ Павловска, чтобы, наконецъ, разрѣшить мучившую его загадку. «Что ей отъ меня нужно?—въ сотый разъ задавалъ онъ себѣ вопросъ:—никогда ни съ чѣмъ, ни съ какой просьбой, по своей гордости, ко мнѣ не обращалась, и вдругъ... какъ это она сказала? «нуждается въ снисхожденіи», что ли? О, принцесса, вы, конечно, будете его имѣть, это снисхожденіе, но не забудете его до гроба!» Съ давнихъ поръ мечтою принца было заставить свою жену признать его нравственное превосходство надъ ней, смирить ея гордость, вывести ее изъ того спокойно-равнодушнаго отношенія къ его личности и даже къ его измѣнамъ, которое отзывалось даже презрѣніемъ. Въ глубинѣ души принцъ съ уваженіемъ относился къ уму принцессы и даже боялся ея стойкаго, гранитнаго, какъ онъ выражался, характера.

Принцесса прїѣхала изъ Павловска лишь къ вечеру, потому что императрица Марія не желала отпустить ее безъ обѣда, составлявшаго одинъ изъ торжественныхъ моментовъ мѣстнаго павловскаго обихода.

— Вы слышите къ мужу,—говорила принцессѣ императрица:—знаю, знаю. Но онъ, вѣдь, такъ занятъ днемъ. Нѣтъ, нѣтъ, останьтесь, прошу васъ.

И Луиза осталась, даже довольная, что настойчивость хозяйки Павловска даетъ время подготовиться къ супружескому объясненію, которое не могло не внушать ей опасеній.

Принцъ тотчасъ же предложилъ женѣ прогулку по парку, обѣщая ей показать новую распланировку одного изъ глухихъ его уголковъ. Увлекаясь своей страстью къ садоводству, онъ долго водилъ принцессу по аллеямъ, выходящимъ къ Александровой дачѣ, пока, наконецъ, принцесса не возвратила его къ дѣйствительности прямымъ вопросомъ:

— Вы не забыли своего вчерашняго обѣщанія, принцъ?

— О, нѣтъ! Всегда готовъ васъ выслушать, если это необходимо.

Принцесса помолчала нѣсколько секундъ, невольно прижимая къ сердцу лѣвую свою руку, и спросила:

— И я могу говорить съ вами вполне откровенно? Вы дадите мнѣ позволеніе?

— Боже мой, Боже мой!—вскричалъ принцъ:—къ чему эти предисловія? Луиза, вѣрьте мнѣ, что я сумѣю оцѣнить вашу искренность, въ которой у меня нѣтъ и не было никогда сомнѣній. Затѣмъ, если вы позволите мнѣ прибавить, ваше отношеніе къ Юшковой, деликатное, снисходительное, сдѣлало меня вѣчнымъ вашимъ должникомъ. Знаете ли, что скоро я надѣюсь быть отцомъ? Но въ чемъ же дѣло?

— Я очень устала,—проговорила принцесса:—вы позволите мнѣ сѣсть?

И она упала на скамью, стоявшую на пригоркѣ, осѣненномъ вѣтвями стройной столѣтней сосны.

— Что сказали бы вы, принцъ,—выговорила она наконецъ:—если бы и я въ настоящее время была въ томъ же положеніи, какъ Юшкова?

И принцесса невольно опустила глаза и склонила свою чудную головку.

Принцъ выпрямился, глаза его блеснули, но онъ тотчасъ же улыбнулся и сказалъ насмѣшливо:

— Ну, конечно, этого вы не хотите простить ни мнѣ, ни Юшковой. Вы не хотите, какъ законная супруга, допустить, чтобы у меня была своя маленькая семья, гдѣ я могъ бы отдохнуть душой и сердцемъ, пользоваться радостями, въ которыхъ не отказано самому послѣднему русскому крестьянину. О, я понимаю васъ!..

— Принцъ,—сказала Луиза, взявъ его за руку и приглашая его сѣсть рядомъ съ собою.—Умоляю васъ, успокойтесь. Я давно вамъ все простила, я сама нуждаюсь въ вашемъ прощеніи... Я сказала вамъ святую правду... Вѣрьте мнѣ, жальтесь надо мною! О, не смотрите на меня такъ, выслушайте меня, вы обѣщали мнѣ это!

Самообладаніе принца, которымъ онъ всегда гордился, казалось, совершенно его оставило. Онъ покраснѣлъ, глаза его расширились, а правая его рука поднялась кверху и какъ бы застыла въ страшномъ, угрожающемъ движеніи.

— Если бы вы не сами сказали мнѣ это,—проговорилъ онъ наконецъ:—то я никогда бы этому не повѣрилъ. О, да развѣ осмѣлился бы кто-либо сказать мнѣ это? И вы, принцесса,—продолжалъ принцъ, успокаиваясь и опуская руку:—просите моего прощенія?

— Да, я прошу васъ простить мою любовь, какъ я простила вашу...

Принцъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону, а затѣмъ, повернувшись къ женѣ, вскричалъ:

— Несчастная! Вы сравниваете себя со мной, съ Юшковой!

Неужели вы не поняли, какая страшная пропасть лежит между вами и нами! Вы, умная женщина, съ тонкимъ пониманіемъ вещей, не замѣтили маленькой разницы въ моемъ и вашемъ положеніи! Мой сынъ отъ Юшковой будетъ только Юшковымъ и только съ тѣмъ состояніемъ, которымъ я его надѣлю, тогда какъ вашъ сынъ долженъ быть моимъ сыномъ, наслѣдникомъ герцогства, главой всей нашей фамиліи! Я долженъ буду обмануть Макса, лишить его наслѣдія, ради кого?

Быть можетъ, принцъ никогда еще не говорилъ такъ горячо, съ такимъ убѣжденіемъ. Принцесса поблѣднѣла, какъ платокъ, который она держала въ рукахъ. Она готова была лишиться чувствъ, но слезы неудержимымъ потокомъ хлынули у нея изъ глазъ.

— Я не знала, не понимала этого,—заговорила она, наконецъ, съ энергіей:—да и не хочу этого знать. Вы можете выслать меня за границу, развестись со мною, заключить меня въ монастырь, какъ это не разъ случалось въ Россіи, но ребенокъ не будетъ вашимъ—Пусть всѣ знаютъ, что онъ сынъ любимаго мной человѣка...

— Ба, ба, ба, принцесса, вы впадаете въ романтизмъ, совершенно не соотвѣтствующій вашему званію. Когда вы успокоитесь, вы сами увидите со свойственною вамъ пронизательностію, что это—рѣчи какой-либо простушки-монастырки, а не принцессы Іеверской, обязанной блюсти честь владѣтельнаго герцога и будущность всего его герцогства. Я не хотѣлъ бы знать, кто это любимый вами человѣкъ, хотя, къ сожалѣнію, о немъ все равно доведутъ такъ или иначе до моего свѣдѣнія, но думаю, что это совсѣмъ юный мальчикъ, не взвѣсившій всей важности своего проступка. И, по всей справедливости, вина лежитъ, главнымъ образомъ, не на немъ, а на васъ, принцесса! Въ какое безвыходное положеніе поставили вы себя и меня, Конечно, не всѣ принцессы вашего званія слѣдовали стезѣмъ добродѣтели, но зато онѣ и вели себя осмотрительнѣе. Даже въ Россіи были Таракановы, Бобринскіе... Ваше несчастье, Луиза,—приба! вилъ принцъ, смягчаясь:—что вы сохранили въ себѣ душевную чистоту, которой никто не имѣлъ въ вашемъ положеніи. Вы лишены духа интриги...

Принцъ проговорилъ эту тираду, возвышая голосъ всякій разъ, какъ онъ замѣчалъ, что принцесса хочетъ ему возражать. Затѣмъ онъ сѣлъ возлѣ принцессы и, взявъ ее за руку, сказалъ ей тихимъ голосомъ:

— И мое положеніе не такое, какимъ вы себѣ его представляете. Что бы ни было причиной нашей отчужденности, я привыкъ уважать васъ и до нѣкоторой степени, сознаюсь, считаю себя виновникомъ обрушившагося на меня и васъ несчастья. Мы должны быть выше другихъ по своимъ чувствамъ и поведенію, а жена Цезаря, вы знаете, должна быть выше всѣхъ подозрѣній. Умъ и чувство мои—на вашей сторонѣ, Луиза, и я хочу помочь вамъ, помогая и

себѣ. На вашего ребенка я хотѣлъ бы смотрѣть такъ же, какъ на своего собственнаго, тѣмъ болѣе, что, весьма возможно, это будетъ и не мальчикъ, а une fichue demoiselle. Потомъ, если нужно будетъ, мы все обсудимъ съ вами, но теперь я требую отъ васъ одного—полнаго вашего молчанія и вашей обычной сдержанности. Я,—прибавилъ, помолчавъ, принцъ:—ни предъ кѣмъ, даже предъ Клеопатрой, не буду отрицать своего отцовства...

Принцесса Луиза схватила его руку и крѣпко поцѣловала, покрывъ ее своими слезами.

— Идите къ себѣ,—сказалъ принцъ,—и постарайтесь успокоиться. Я провожу васъ до вашихъ комнатъ.

Супруги, пройдя по уединеннымъ аллеямъ парка, возвратились къ себѣ домой. Принцесса, едва вошла въ свой будуаръ, оставивъ принца, зашаталась и съ глухимъ крикомъ упала на руки подбѣжавшей камеристкѣ. Принцъ велѣлъ подать себѣ верховую лошадь и поѣхалъ снова въ паркъ кататься.

«Трудно сохранять всегда спокойствіе и самообладаніе,—думалъ онъ.—Случилось не то, что я только могъ себѣ представить, и велъ себя я, быть можетъ, совсѣмъ не такъ, какъ рассчитывалъ и долженъ былъ вести. Бѣдная Луиза, кажется, вовсе не ожидала отъ меня такой мягкости. Но, вѣроятно, никогда не суждено мнѣ отрѣшиться отъ слабостей человѣческихъ! Да и не въ нихъ ли собственно и заключается земное, человѣческое счастье? Но Луиза-то, Луиза! Кто могъ бы подумать!»

Х.

Братъ принца Геверскаго, принцъ Максъ, извѣстенъ былъ въ петербургскомъ обществѣ, какъ человѣкъ съ неукротимымъ характеромъ, но невысокаго ума. Въ немъ не было и признаковъ культурности, внѣшняго лоска образованія и гуманности, которыми такъ прельщалъ и мужчинъ, и женщинъ братъ его, «извѣстный очарователь», по выраженію Дениса Давыдова. Умственные интересы и наслажденія были совершенно чужды душѣ Макса, но зато тѣмъ болѣе предавался онъ грубымъ удовольствіямъ казарменнаго вкуса, а нѣкоторыя его выходки по своей безпричинной жестокости и бессмыслию заставляли даже предполагать въ немъ умственное расстройство. На приморской своей дачѣ, въ обществѣ любимыхъ офицеровъ, Максъ забавлялся стрѣльбою изъ орудій живыми крысами и амурными приключеніями среди невзыскательныхъ чухонковъ. Жена его, принцесса Амалія, вынуждена была оставить своего супруга и уѣхать за границу, такъ какъ и ее подвергалъ онъ невѣроятнымъ испытаніямъ. Въ спальню ея приводилъ онъ барабанщиковъ, чтобы они будили ее раннимъ утромъ боемъ

своихъ барабановъ, а ее заставлялъ являться на офицерскія пирушки и здѣсь не стѣсняясь выхвалялъ ее прелести. Игра въ солдаты, повышенный интересъ ко всѣмъ мелочамъ обученія солдатъ и ко всѣмъ хитростямъ нѣмецкаго штукмейстерства въ особенности давали пищу жестокому, раздражительному его характеру, и онъ подвергалъ провинившихся суровымъ наказаніямъ, а иногда и самъ прикладывалъ къ нимъ свою руку. Всего ужаснѣе въ немъ была холодность его жестокости и безумныхъ выходовъ, потому что, подобно своему брату и великому князю Константину, онъ не любилъ спиртныхъ напитковъ и всегда былъ трезвъ. Разумѣется, ближайшіе соучастники всѣхъ «чудесъ» принца Макса, его преданные слуги и исполнители его фантазій, пользовались его протекціей и милостями, хотя и сами часто были жертвами его необузданнаго нрава. Въ числѣ ихъ были преимущественно нѣмцы остзейскаго происхожденія, рѣшавшіеся во что бы то ни стало сдѣлать карьеру, и среди нихъ особенно отличался своею угодливостью новый конногвардеецъ, баронъ Карлъ Карловичъ Левенвольде. Зная дружбу принца Макса съ великимъ княземъ Константиномъ, командовавшимъ всѣмъ гвардейскимъ корпусомъ, баронъ всегда, какъ только позволяла ему служба, находился въ пріемной принца или у него въ манежѣ, на знаменитыхъ ученіяхъ, и достигъ такого успѣха своею вкрадчивостью, что принцъ называлъ его часто «милый Карлуша». Это не помѣшало Максѣ сказать о немъ при его же товарищахъ: «C'est un mouton qui rêve».

Принцъ, однако, ошибался. Карлуша умѣлъ вести свою линію и зналъ, чего добивался. Всего болѣе снискалъ онъ расположеніе своего покровителя ловкой передачей ходившихъ по Петербургу сплетенъ объ интересовавшихъ Макса лицахъ высшаго петербургскаго общества, а также «докладцами» о жизни гвардейскихъ офицеровъ. Болѣе всего доставалось при этомъ, конечно, офицерамъ русскаго происхожденія, потому что Левенвольде, какъ истый остзеецъ, всегда выгораживалъ нѣмцевъ. Чаше другихъ Левенвольде касался Кавалергардскаго полка, столь несимпатичнаго ему по воспоминаніямъ его собственной службы въ немъ. Говоря объ Охотниковѣ, онъ однажды выразился, что «въ тихомъ омутѣ самъ чортъ родится». Гордый своимъ баронскимъ гербомъ, гдѣ было множество предметовъ, Карлуша прибавилъ, что Охотниковъ—низкаго происхожденія, потому что у него нѣтъ герба.

— Откуда ты это знаешь?—спросилъ его принцъ.

— Да я спрашивалъ его: «Какой у васъ гербъ?» А онъ и сказалъ: «Громъ у чистомъ полѣ». Я говорю: «Тучи и молнія?»—«Нѣтъ,—говорить,—просто громъ». Значить, у него герба и нѣтъ: пустой человекъ!—закончилъ Левенвольде при громкомъ смѣхѣ принца, который объяснилъ своему собесѣднику, что Охотниковъ только смѣялся надъ нимъ.

На дальнѣйшіе вопросы принца, баронъ сообщилъ ему, что Охотниковъ живетъ тихо, кутежами не занимается и бываетъ только у своей родственницы княгини Голицыной, въ которую, вѣроятно, влюбленъ.

— У Натальи Федоровны?—удивился Максъ:—у подруги моей любезной невѣстки? Сколько я знаю, принцесса бываетъ часто у княгини.

— Въ это лѣто почти каждый день, ваше высочество, — сказалъ Левенвольде.—Мнѣ рѣйткнхтъ принцессы, мой бывший берейторъ, говорить.

— И что же? Она встрѣчаетъ тамъ и Охотникова?

— Не знаю, можетъ быть, и встрѣчаетъ.

— А вотъ это-то знать и интересно, милый Карлуша. Я съ принцессой рѣдко встрѣчаюсь, у нея свой кругъ знакомыхъ; быть можетъ, и Охотниковъ въ ихъ числѣ. Она къ русскимъ благоволитъ, не то, что къ вамъ, нѣмцамъ.

— Охотниковъ никогда про ея высочество не сказалъ ни слова. Я спрашивалъ у него, кто бываетъ у княгини Голицыной, а онъ засмѣялся и говоритъ: «Все русскіе, а нѣмцевъ нѣтъ». Ну, да я могу узнать,—прибавилъ Левенвольде.

Принцъ Максъ льстилъ себя надеждою, что бездѣтный бракъ старшаго его брата обезпечиваетъ ему наслѣдованіе и герцогства, и огромнаго состоянія Іеверской фамиліи. Замѣтивъ полную отчужденность супруговъ, Максъ, которому по закону контрастовъ нравилась поэтическая красота его невѣстки, пробовалъ ухаживать за нею, но встрѣтилъ такой насмѣшливый отпоръ, что вознепавидѣлъ ее всѣми силами своей души. Немудрено, что слова Левенвольде возбудили его ревнивое вниманіе къ Охотникову и внушили ему новую мысль.

— Если Охотниковъ бываетъ только у Голицыной, то ты можешь узнать также, часто ли онъ самъ бываетъ дома,—сказалъ онъ Левенвольде.—Лѣтомъ-то полкъ стоитъ въ Новой Деревнѣ, недалеко отъ Голицынской дачи.

— О, ваше высочество, не извольте беспокоиться, я все, все узнаю,—вскричалъ Левенвольде, догадавшись наконецъ, чѣмъ онъ можетъ угодить своему покровителю.

Уединенный и скромный образъ жизни принцессы Іеверской всегда казался страннымъ принцу Максу, и онъ не разъ пытался даже обратить на него вниманіе своего брата, не безъ хитрости увѣряя его, что онъ боится за здоровье его жены. Одна мысль, что Охотниковъ могъ привлечь на себя вниманіе принцессы, уже заставила его подумать о томъ, чтобы воспользоваться своимъ вліяніемъ на великаго князя и удалить Охотникова не только изъ полка, но и изъ Петербурга. «Быть можетъ,—разсуждалъ онъ,—откроется возможность еще болѣе возстановить брата противъ принцессы и навсегда

сдѣлать невозможнымъ примиреніе между ними». Страшнымъ ударомъ для интересовъ принца Макса былъ бы разводъ брата и вступленіе его въ новый бракъ, но онъ твердо зналъ, что на этотъ шагъ братъ его никогда не рѣшится.

XI.

Наступила сырая, тоскливая петербургская осень. Гвардейскіе полки изъ загородныхъ своихъ стоянокъ вернулись въ столицу и размѣстились по своимъ казармамъ. Они были уже наэлектризованы упорнымъ слухомъ о новой войнѣ съ Наполеономъ, предпринимаемой императоромъ для защиты Пруссіи. Офицеры часто сходились потолковать между собой о политикѣ, о новой кампаніи противъ французовъ, въ которой, быть можетъ, какъ они мечтали, имъ удастся отомстить Наполеону за Аустерлицъ. И баронъ Карлъ Карловичъ Левенвольде принималъ участіе въ этихъ бесѣдахъ, часто навѣщая и кавалергардскихъ офицеровъ на правахъ стараго товарища и однополчанина. Въ особенности старался онъ подружиться съ Охотниковымъ, увѣряя его, что всегда питалъ къ нему особую благодарность за то, что тотъ никогда не задѣвалъ его и не смѣялся надъ его нѣмецкимъ происхожденіемъ. Нѣсколько разъ заходилъ онъ къ нему на квартиру, но всякій разъ получалъ отъ Ефима отвѣтъ, что барина нѣтъ дома и что вообще его трудно застать. Алексѣй Яковлевичъ, встрѣчаясь изрѣдка съ Левенвольде у товарищей, старался держать себя отъ него въ сторонѣ и искренно удивлялся его любезности, столь мало похожей на его обычную остзейскую важность. Да и прочіе офицеры Кавалергардскаго полка, которые знали уже о близости Левенвольде къ принцу Максѣ и не довѣряли его чистосердечію, всячески сторонились его и избѣгали его посѣщеній. Въ обрушившихся въ послѣднее время на Кавалергардскій полкъ суровыхъ взысканійхъ со стороны цесаревича Константина Павловича многіе заподозривали доносы и внушенія бывшаго своего сослуживца, такъ неожиданно заднимъ числомъ полюбившаго и полкъ, и товарищей. Однажды Уваровъ, встрѣтивъ Левенвольде въ казармахъ полка, прямо сказалъ ему при другихъ офицерахъ безъ объясненія причинъ, что побьетъ ему морду, если еще разъ увидитъ его въ полку. Дѣло едва не дошло до дуэли, и Левенвольде мало-помалу исчезъ съ кавалергардскаго горизонта. Алексѣй Яковлевичъ также сталъ предметомъ особаго вниманія начальства. Для офицеровъ казалось страннымъ, что такой всегда усердный и исполнительный офицеръ, какъ Охотниковъ, чаще прежняго нарывался на строгаго цесаревича и получалъ отъ него выговоры и замѣчанія. «Пойдемъ скоро въ походъ,—утѣшали себя кавалергарды:—заживемъ тогда по-новому».

Переѣхали въ городъ на зимнее положеніе и принцесса Луиза, и ея подруга, княгиня Голицына. Прекратились верховья прогулки принцессы, и ея рейткнехтъ Магнусъ, оставшись безъ дѣла, часто сталъ захаживать къ доброму своему господину, барону Левенвольде, чтобы осушить предлагаемый ему стаканъ ямайскаго. Подъ его вліяніемъ, онъ сообщилъ барону, что лѣтнія прогулки не пропали для него даромъ, что сама гофмейстерина или, проще, экономка княгини Голицыной, фрау Амалія Гильхенъ, обратила вниманіе на его молодцеватый видъ и широкія плечи и что онъ скоро будетъ просить господина барона къ себѣ на свадьбу. Магнусъ, однако, не могъ сообщить барону желаемыхъ имъ свѣдѣній о геррѣ Охотниковѣ, но не сомнѣвался, что они будутъ даны для удовлетворенія любопытства господина барона его возлюбленной, фрау Амаліей Гильхенъ, отъ зоркаго глаза которой ничто въ домѣ ея сятельства укрыться не можетъ, что зоркій глазъ фрау Амаліи и ея хозяйственныя способности, между прочимъ, и побудили его, Магнуса, предложить ей свою руку и сердце для успокоенія его грядущей старости. Въ слѣдующее свиданіе Магнусъ уже доставилъ высокоуважаемому господину барону новости, услышанныя имъ изъ собственныхъ устъ фрау Гильхенъ, и былъ награжденъ цѣлой бутылкой ямайскаго, которую онъ долженъ былъ унести домой въ цѣлости, потому что господинъ баронъ былъ очень занятъ. Въ тотъ же день эти новости переданы были Левенвольде принцу Максу.

Свиданія Охотникова съ принцессой Луизой у княгини Голицыной дѣйствительно продолжались. Принцесса передала Алексѣю Яковлевичу сущность своихъ объясненій съ мужемъ и успокоила его за будущее, скрывъ отъ него все то, что вызывало ея тревогу. Но будущее мало интересовало Охотникова: онъ какъ бы въ забытьѣ думалъ только о настоящемъ.

— Мнѣ хочется пить, пить свое счастье, не отнимая губъ отъ кубка,—говорилъ онъ принцессѣ.—Милая, что-то твердить мнѣ постоянно, что счастье мое слишкомъ велико и я не могу расплатиться за него дешевой цѣною. И я хочу видѣть тебя чаще, о, какъ можно чаще, ангель мой. Я боленъ, когда не вижу, не слышу тебя. Какъ сладко было бы для меня умереть теперь, глядя на тебя, моя безцѣнная! Если бы только я могъ уѣхать съ тобою въ Англію, Америку, чтобы посвятить тебѣ всю жизнь!

Принцесса давно уже поняла причину тоски своего возлюбленнаго. Онъ желалъ, чтобы она принадлежала ему безраздѣльно, чтобы она была съ нимъ вѣчно, до послѣдняго издыханія, и въ то же время понималъ хорошо все безуміе своего желанія. Онъ не хотѣлъ видѣть въ ней влюбленную свѣтскую женщину, въ утѣхахъ любви нашедшую успокоеніе отъ пустоты и скуки жизни... Онъ хотѣлъ, чтобы она была для него женой, вѣрной, преданной

подругой. А она могла ему предложить то же тягостное прозябаніе, вѣчное дрожаніе подъ крыломъ Голицыной или кого-либо другого. Ей припоминались слова Охотникова: «Мы ворujemy изрѣдка то, что принадлежитъ намъ по праву навсегда». И она раздѣляла эти чувства, эти мысли Охотникова, но, вмѣстѣ съ нимъ, сознавала ихъ безуміе, ихъ несбыточность.

Подъ вліяніемъ бесѣды своей съ мужемъ, принцесса предупредила Алексѣя Яковлевича объ опасности, грозящей имъ со стороны принца Макса, если ему что-либо станетъ извѣстно, и заклинала его быть осторожнымъ.

— Милая Louison,—сказалъ Охотниковъ печально:—я слишкомъ берегу свое счастье, чтобы допустить какую бы то ни было неосторожность, но чувствую, что оно продолжаться не можетъ, будетъ ли виной тому Максъ, или кто-либо другой. Но если я и погибну подъ бременемъ этого несказаннаго счастья, послѣдняя мысль моя будетъ о тебѣ, ненаглядной, которая мнѣ свѣтъ животворила.

Разставаясь съ Охотниковымъ, принцесса всякій разъ чувствовала, что онъ уноситъ съ собою ея спокойствіе. Мрачныя предчувствія терзали ея сердце... Неужели ея возлюбленный дѣйствительно правъ, говоря, что ихъ счастье должно быть разрушено, что такъ оно продолжаться не можетъ. Но почему, почему?

XII.

Принцъ Максъ не любилъ посѣщать брата иначе, какъ по дѣламъ служебнаго характера. Между братьями обнаружилось такое несходство во вкусахъ и наклонностяхъ, такое глубокое различіе во взглядахъ на жизнь и людей, что послѣ каждаго свиданія съ принцемъ Іеверскимъ Максъ чувствовалъ себя не по себѣ и серьезно увѣрялъ своихъ приближенныхъ, что братъ про изводитъ на него впечатлѣніе головы Медузы, несмотря на утонченную деликатность своихъ манеръ и выраженій. Необузданной, горячей натурѣ Макса невыносимъ былъ даже внѣшній видъ принца Іеверскаго, одѣтаго всегда по формѣ и застегнутаго до послѣдняго крючка, всегда спокойнаго и ровнаго въ своихъ движеніяхъ, съ вѣчной улыбкой на тонкихъ сжатыхъ губахъ. Вспоминая годы дѣтства и совмѣстнаго воспитанія съ братомъ, принцъ Максъ говорилъ, что и въ тѣ годы старшій братъ его производилъ всегда впечатлѣніе накрахмаленнаго человѣка, боящагося всякаго непроизвольнаго, естественнаго движенія или слова. Максъ не договаривалъ, что никто на свѣтѣ не говорилъ ему такихъ горькихъ истинъ, какъ этотъ накрахмаленный человѣкъ, хотя въ самой любезной, даже изящной формѣ. Даже кабинетъ принца Іеверскаго наводилъ тоску на Макса, когда ему приходилось бывать въ немъ:

рядъ длинныхъ столовъ краснаго дерева, вытянутыхъ въ одну линію, какъ фронтъ солдатъ на ученіи, нѣсколько огромныхъ, но не глубокихъ шкафовъ, приплюснутыхъ къ стѣнамъ и упиравшихся въ самый потолокъ, да дюжина неудобныхъ деревянныхъ кресель, обитыхъ темно-зеленымъ сафьяномъ на сидѣньяхъ,—вотъ и вся обстановка рабочей комнаты принца. Нигдѣ ни пылинки; лакированная поверхность мебели блестяла красноватымъ матомъ, какъ бы точно сейчасъ была отполирована. Единственнымъ украшеніемъ комнаты были узенькія полосы тяжелой шелковой матеріи, которыя должны были изображать собою занавѣсы и драпир, но на самомъ дѣлѣ едва прикрывали переплетъ дверей и оконъ. «И кабинетъ, точно накрахмаленный»,—думалъ, глядя на него, Максъ.

На этотъ разъ, сидя въ кабинетѣ брата, лицомъ къ лицу съ нимъ, принцъ Максъ чувствовалъ себя особенно плохо. На приморской его дачѣ произошелъ скандалъ съ одной дамой, женой нѣмецкаго негоціанта, подвергшейся насилію со стороны замаскированныхъ людей, залекшихъ ее вечеромъ въ дачный павильонъ, да въ полку, которымъ Максъ командовалъ, вышла у него неприятная исторія съ офицерами, громко жаловавшимися на оскорбленіе своей чести. Оба эти случая вызвали негодованіе въ высшемъ петербургскомъ обществѣ; даже императрица Марія Ѳеодоровна, покровительствовавшая Максѹ, нашла, что его поведеніе заслуживаетъ примѣрнаго наказанія, и перестала его принимать. Волнуясь и путаясь въ словахъ, Максъ долженъ былъ подробно объяснять объ исторіи принцу, какъ бы застывшему въ своемъ креслѣ, но не сводившему съ брата пронизательнаго взгляда. Выслушавъ его объясненія, онъ сказалъ:

— Мнѣ очень жаль, дорогой Максъ, но нахожу, что въ обоихъ случаяхъ вы неправы. Вы говорите, что офицеры не исполнили вашихъ приказаній, но это не давало вамъ права бранить ихъ: для этого существуютъ законныя мѣры взысканія.

— Но есть же предѣлъ всякому терпѣнію,—г. зразиль Максъ:—у меня вырвались эти выраженія совершенно невольно, въ приливѣ гнѣва...

— И въ этомъ я несогласенъ съ вами. Вы смотрите на офицеровъ, какъ на машины? Прекрасно, но тогда и вы должны смотреть на себя тоже, какъ на машину. Служба—есть дисциплина, а требовать дисциплины можетъ только тотъ начальникъ, кто самъ себя дисциплинируетъ, умѣетъ сдерживать свои страсти. Если вы на службѣ позволяете себѣ приходить въ гнѣвъ, прибавлю, самый неумѣренный, то какое право имѣете вы жаловаться на несдержанность тѣхъ, кому вы должны служить примѣромъ? Сердиться даже въ частномъ быту—значитъ лишать себя права судить, значить внушать недовѣріе къ своей собственной пра-

вотъ и безпристрастію, значить давать провинившемуся орудіе для его защиты, средство для возбужденія къ нему симпатіи. Я боюсь, Максъ, что я вынужденъ буду лишить васъ командованія, оставивъ за вами лишь почетныя должности; я долженъ буду сдѣлать это, чтобы спасти васъ самихъ отъ послѣдствій вашей неумѣренной горячности, въ которой вы сами сознаетесь.

— Но и другіе командиры...—началъ было Максъ.

— Конечно, всѣ люди не свободны отъ слабостей и недостатковъ. Но вы сами, Максъ, должны признать, что именно на другихъ командировъ жалобъ не поступаетъ и что въ другихъ полкахъ сору изъ избы не выносятъ. Въ виду вашего сана и положенія подчиненнымъ жаловаться на васъ еще менѣе удобно, чѣмъ на кого бы то ни было, и если они это дѣлаютъ, то по горькой необходимости. Почему же на другихъ командировъ нѣтъ жалобъ, если они и позволяютъ себѣ что-либо подобное вашей горячности? Вамъ пора бы понять это. Нужно, чтобы командиръ имѣлъ личный авторитетъ помимо присвоенной ему власти, нужно, чтобы онъ имѣлъ въ глазахъ подчиненныхъ особая достоинства, ради которыхъ ему прощаютъ его слабости, нужно, наконецъ, чтобы эти слабости имѣли своимъ источникомъ не удовлетвореніе личнаго тщеславія, а всѣми ясно сознаваемую пользу службы, преданность долгу. Пользуясь извѣстными привилегіями, нужно умѣть налагать на себя и нѣкоторыя цѣпи, извѣстныя стѣсненія. Говорю вамъ это, какъ братъ и какъ другъ.

Сказавъ это, принцъ обвелъ глазами свой кабинетъ, какъ бы призывая его въ свидѣтели собственныхъ усилій тщательно выполнять свои обязанности. На одномъ столѣ лежали дѣла уже рѣшенныя, на другомъ—требовавшія дополнительныхъ справокъ, на третьемъ, за которымъ сидѣлъ самъ принцъ, куча бумагъ, подлежащая неотложному разсмотрѣнію въ этотъ именно день.

«И я—машина своего рода», подумалъ принцъ съ удовольствіемъ.

Между братьями воцарилось тягостное молчаніе. Вдругъ на лицѣ принца показалась морщинка брезгливости: на лежавшей предъ нимъ бумагѣ сдѣланъ былъ переносъ: «прокур-ору»; но морщинка скоро исчезла и смѣнилась презрительной улыбкой: «это на бумагѣ Державина: ну, онъ поэтъ, человекъ неосновательный». Принцъ не любилъ стихотворцевъ и стихотвореній.

— Что касается до второго случая—съ женою Банкаса, то я не вижу основаній для обвиненія лично васъ,—продолжалъ принцъ такъ же спокойно, отчеканивая каждое слово и любясь округленностью своей рѣчи:—но вы виноваты, какъ хозяинъ, не наблюдающій за порядкомъ въ своемъ имѣніи. За ненахожденіемъ виновныхъ, мнѣ кажется, можно примѣнить лишь одну мѣру—долженъ быть уволенъ отъ службы вашъ управляющій и отчисленъ отъ должности вашъ дежурный адъютантъ. Могу только сожалѣть, что общество,

надъ мнѣніемъ котораго я не властенъ, считаетъ и васъ участникомъ этого дѣла, считаетъ васъ на него способнымъ.

Каждое слово принца тяжелымъ камнемъ ложилась на душу растерявшагося Макса. Принцъ всталъ съ кресла и, улыбаясь, сказалъ брату:

— На этотъ разъ я долженъ проститься съ вами, милый другъ. Вы видите, сколько дѣлъ еще ожидаетъ меня! Какъ это скучно, утомительно!

Провожая брата до двери, принцъ сказалъ ему съ обворожительной улыбкой:

— А я скажу вамъ по секрету, дорогой Максъ, о своей радости, которую вы, конечно, раздѣлите, какъ братъ. О ней еще никто не знаетъ, и вамъ я сообщаю о ней первому... Я надѣюсь скоро быть отцомъ.

Максъ остановился какъ вкопанный.

— Отъ Юшковой?—вскричалъ онъ необдуманно.

Принцъ поморщился.

— Милый мой, вы всегда слишкомъ скоро судите... Нѣтъ, отъ принцессы.

Максъ посмотрѣлъ на улыбающееся лицо брата съ тревожнымъ недоумѣніемъ. Онъ едва подавилъ въ себѣ желаніе сдѣлать вопросъ, готовый уже сорваться съ языка.

— Поздравляю васъ, дорогой братъ,—проговорилъ онъ и поцѣловался съ принцемъ.

«Комедіантъ!»—со злобой подумалъ онъ, выходя изъ кабинета и едва замѣчая кланявшихся ему сановниковъ, ожидавшихъ принца въ приемной. «Что это за новая его штука?»

XIII.

Въ Большомъ театрѣ шла опера Глюка «Ифигенія въ Тавридѣ» съ участіемъ придворныхъ итальянскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Бельэтажъ и ложи бенуара наполнены были представительницами высшаго свѣта, въ свѣтлыхъ костюмахъ à la grec, и на фонѣ ихъ въ глубинѣ ложъ лишь изрѣдка мелькали черные фраки напудренныхъ звѣздоносцевъ и золотые мундиры придворныхъ чиновъ. Весь партеръ занятъ былъ преимущественно молодежью гвардейскихъ полковъ. Офицеры были въ парадной формѣ и толпились у барьера и въ проходахъ, тщательно лорнируя ложи и отвѣчая поклонами и жестами на улыбки и привѣтствія, посылаемыя имъ изъ ложъ находившимися тамъ красавицами. Запахъ тонкихъ духовъ, наполнявшій атмосферу театральной залы, блескъ брильянтовъ, покрывавшихъ головы и груди декольтированныхъ женщинъ, захватывающіе звуки оркестра возбуждали молодыхъ, легко воспламеняющіеся головы. Настроеніе зрителей было приподнятое. Даже Охотниковъ,

сидѣвшій въ партерѣ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Прокудинымъ, какъ ни грустно былъ настроенъ въ послѣднее время, былъ увлеченъ спектаклемъ и всей его феерической обстановкой. Любя музыку, онъ восторгался классическими мелодіями Глюка, а сама Ифигенія почему-то напоминала ему его божественную Louison.

— Никогда,—сказалъ онъ въ послѣднемъ антрактѣ Прокудину:—я еще такъ не наслаждался театромъ, какъ сегодня. Забываешь о всемъ окружающемъ и чувствуешь, что тебя что-то несетъ наверхъ, къ небу.

— Вѣроятно, это то же небесное чувство, милый другъ,—простодушно отвѣчалъ Прокудинъ:—какое испытываютъ, говорятъ, предъ отходомъ въ лучший міръ умирающіе. Я, признаюсь, его никогда не испытывалъ, вотъ развѣ когда Богу молишься, ищешь утѣшенія въ молитвѣ. Впрочемъ, можетъ быть, я не о томъ говорю.

— Да, это совсѣмъ другое,—задумчиво замѣтилъ Охотниковъ.—Молитва—дѣло внутренняго чувства, а здѣсь тебя поднимаетъ и уноситъ какая-то внѣшняя непреодолимая сила. Несетъ она тебя въ какой-то другой, сказочный міръ, носить-носить, а потомъ ты съ удивленіемъ видишь, что сидишь неподвижно на одномъ мѣстѣ, среди людей, на этомъ креслѣ. Однако, видишь ты принца Макса и его прислѣзника Левенвольде? Принцъ смотритъ на насъ и почему-то смѣется.

— Баронъ, вѣроятно, сказалъ ему какую-нибудь глупость.

— А мнѣ одинъ видъ ихъ уже испортилъ настроеніе,—проговорилъ Охотниковъ.—Если бы не красоты послѣдняго акта, то сейчасъ ушелъ бы отсюда.

— Ну, Алеша, жду тебя и тебя, Прокудинъ, къ себѣ на супъ,—вдругъ раздался около нихъ голосъ Уварова:—изъ театра приѣзжайте прямо ко мнѣ, будетъ все теплая компанія, и Дениска Давидовъ придетъ съ Мичельскимъ. Его выпустили, Мичельскаго, въ отставку, съ чиномъ полковника, и онъ уѣзжаетъ жить въ Москву.

— Мичельскій?! Да что ты!—удивился Охотниковъ.—Такой молодой да въ отставку! Да при его связяхъ!

— Чужая душа—потемки, братъ,—отвѣчалъ Уваровъ:—ужъ я пыталъ его, пыталъ, ничего не узналъ: падошло мнѣ все, говорить. А жаль, человекъ онъ простой, душевный, и на поляка совсѣмъ не похожъ. Такъ придете вы оба, а? Не то, вы сами знаете, дистанція на двадцать пять шаговъ.

И Уваровъ, махнувъ рукой на прощанье, разсмѣялся и пошелъ дальше, гремя саблей.

— И то правда, пойдемъ потомъ къ нему,—сказалъ Прокудинъ, желавшій поддержать веселое настроеніе друга.—Вѣдь намъ и въ Петербургѣ недолго жить придется. Того гляди, объявятъ походъ.

— Ладно, идемъ,—отвѣчалъ Охотниковъ:—мнѣ и съ Мичельскимъ хочется попрощаться.

Взвился занавѣсъ, и друзья снова увлеклись Ифигеніей, чуднымъ ея голосомъ, всей прелестью музыкальныхъ мелодій. Смотри на артистку, слушая ее, Охотниковъ нечувствительно перенесся въ область прошедшаго, и вся поэзія любви его къ Louison охватила его своимъ ароматомъ. «Милая, сокровище мое,—думалъ Охотниковъ:—если бы и мы могли уѣхать хоть на край свѣта! Или любовь наша превратится въ прахъ и развѣется по вѣтру, какъ этотъ пепель на жертвенникѣ! Или, быть можетъ, мнѣ придется принести себя въ жертву!»

Наконецъ спектакль окончился, и оба офицера, съ трудомъ проталкиваясь въ шумной толпѣ, наполнявшей вестибюль, подошли къ выходной двери театра, гдѣ толпа была еще гуще и суетливѣе. Вдругъ Охотниковъ слегка вскрикнулъ и схватилъ Прокудина за руку. Поддерживая друга, Прокудинъ вмѣстѣ съ нимъ вышелъ на площадь и затѣмъ спросилъ его:

— Что съ тобой, Алеша?

— Поддержи меня,—сказалъ Охотниковъ прерывающимся голосомъ,—и посади меня скорѣе въ карету. Меня въ толпѣ кто-то ударилъ въ бокъ кинжаломъ или просто ножомъ. Скорѣе, скорѣе! И, ради Бога, молчи, молчи! Боже мой, Боже мой!

По счастью, карета Охотникова нашлась скоро, и Прокудинъ, помѣстившись въ ней возлѣ раненаго своего товарища, увидѣлъ на правомъ боку его мундира небольшое отверстіе, края котораго уже напитаны были просачивавшеюся кровью. Прокудинъ пришелъ въ ужасъ.

— Алеша, что же это? Намъ слѣдовало сейчасъ заявить полиціи и схватить этого разбойника.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ, оставь это. Я знаю, съ чьей стороны нанесенъ мнѣ этотъ ударъ, но пусть онъ не торжествуетъ: я, можетъ быть, еще останусь живъ. Кажется, я раненъ только легко. Умоляю тебя, милый, никому объ этомъ не говори, сохрани все въ тайнѣ.

— Но развѣ это можно скрыть?—возразилъ Прокудинъ, крайне удивленный просьбой друга и его желаніемъ замять дѣло.

— Ефиму скажи, что я раненъ на дуэли, а всѣмъ прочимъ пусть говорятъ, что я очень боленъ. А доктора позови Штофрегена, который лечитъ у княгини Голицыной. Боже мой, какъ это на ней отзовется, когда она узнаетъ!—прибавилъ Охотниковъ, думая о принцессѣ.

Между тѣмъ карета быстро неслась по направленію къ Сергіевской. Когда она остановилась наконецъ у квартиры Охотникова, онъ отъ потери крови такъ ослабѣлъ, что Прокудинъ и Ефимъ вынесли его на рукахъ. Шепнувъ Ефиму, что баринъ раненъ на

дуэли и что объ этомъ нужно молчать, Прокудинъ тотчасъ же отправилъ его за Штофрегенемъ, а самъ остался съ Охотниковымъ. Душа Прокудина была потрясена этимъ ужаснымъ покушеніемъ на жизнь его друга, тѣмъ болѣе, что онъ никакъ не могъ его себѣ объяснить.

«И у кого могла рука подняться на Алешу,—думалъ онъ.— Самый тихій, безобидный, добрый человѣкъ! А онъ говорить, что знаетъ убійцу, и молчитъ о немъ...»

Прокудинъ терялся въ догадкахъ, сидя у постели Охотникова, и наконецъ пришелъ къ единственно вѣрному, по его мнѣнію, объясненію, что въ этомъ дѣлѣ, навѣрное, замѣшана женщина.

«И неужели женщина эта княгиня Голицына?—спрашивалъ себя Алексѣй Неофитовичъ.— Да вѣдь она его старше и его родственница, да и замужъ недавно вышла. Но если не Голицына, то кто же? Вѣдь Алеша нигдѣ и не бывалъ, кромѣ Голицыной!»

Но пріѣхалъ Штофрегенъ, поднятый съ постели Ефимомъ, и Прокудинъ предался заботамъ о своемъ другѣ. Изслѣдовавъ рану, докторъ заявилъ, что она не смертельна, но требуетъ тщательнаго ухода. Онъ сдѣлалъ Охотникову перевязку и сказалъ Прокудину, что самъ останется съ больнымъ на ночь на всякій случай, а утромъ выпишетъ сидѣлку. Прощаясь съ другомъ, Охотниковъ вновь просилъ его соблюдать полное молчаніе о совершенномъ на него покушеніи и только донести на другой день утромъ командиру о постигшей его серьезной болѣзни.

XIV.

Какъ всѣ врачи, Штофрегенъ сказалъ своему паціенту не всю правду. Да, рана была не смертельная, но онъ боялся развитія воспалительнаго процесса, не былъ увѣренъ еще даже въ томъ, что кинжаломъ убійцы не были задѣты болѣе важные органы, напримѣръ, печень.

«Утро вечера мудренѣе», рѣшилъ Штофрегенъ, укладываясь въ кабинетъ рядомъ со спальней Охотникова, предписавъ больному полное спокойствіе и пожелавъ ему поскорѣе и покрѣпче заснуть.

Штофрегенъ, имя котораго Конрадъ передѣлано было на русскій ладъ въ Кондратія Кондратіевича, былъ нѣмецъ съ крѣпкими нервами и весьма спокойно относился къ самымъ неожиданнымъ и ужаснымъ случаямъ въ своей профессіи. Въ то время врачи вообще стояли ближе къ семейной жизни своихъ паціентовъ, имъ вѣдомы были всѣ семейныя ихъ тайны, и нерѣдко отъ нихъ зависѣло правильное теченіе не только фамилныхъ, но и государственныхъ дѣлъ. Поэтому отъ врача требовалось не только искусство врачеванія, но и умѣнье жить и, болѣе всего, умѣнье молчать. Врачъ

княгини Голицыной также былъ человѣкъ въ высокой степени практической. Зная Охотникова, какъ родственника княгини, онъ нимало не сомнѣвался, что тяжкая рана, нанесенная его пациенту, имѣетъ связь съ личностью самой княгини и что его пригласили именно съ цѣлью строгаго соблюденія тайны.

«Неужели княгиня такъ скоро промѣняла своего мужа на этого красавца?—подумалъ Штофрегень, вообще по профессиональной своей опытности мало довѣрившій женщинамъ въ тотъ распущенный вѣкъ.—Завтра, конечно, мы все это узнаемъ: достаточно только будетъ посмотреть на княгиню. А жаль: отъ нея я этого совѣмъ не ожидалъ».

Съ пріятными мыслями о томъ, что случай этотъ можетъ выгодно отразиться на его практикѣ, заставивъ княгиню быть къ нему щедрѣе и благосклоннѣе, Кондратій Кондратьевичъ заснулъ наконецъ глубокимъ, крѣпкимъ сномъ.

Сильный шумъ въ комнатѣ Охотникова заставилъ Штофрегена прислушаться. Зажегши стоящую возлѣ него на столикѣ восковую свѣчу, онъ бросился туда и увидѣлъ Охотникова лежащимъ у письменнаго бюро на полу безъ движенія. На бюро стояла догравшая свѣча и лежало недоконченное Охотниковымъ письмо: молодой офицеръ нарушилъ предписаніе доктора и, превозмогая свою слабость, попробовалъ сообщить о случившемся съ нимъ несчастіи кому-то изъ своихъ близкихъ. Прежде всего Штофрегень уложилъ Охотникова на постель и привелъ его въ чувство.

— Стыдитесь, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ Охотникову:—вы что же? не хотите скоро выздороветь, а? Теперь-то вамъ только и можно лежать спокойно въ постели, а не вставать да письма писать, какъ я вижу. Очень, очень нехорошо, вотъ я завтра на васъ княгинѣ буду жаловаться. Ай, ай, какъ нехорошо!—говорилъ Штофрегень, покачивая головой.

Блѣдное лицо Охотникова какъ бы зарумянилось при этихъ словахъ доктора.

— У меня къ вамъ просьба, докторъ,—прошепталъ онъ.—Доставьте это письмо княгинѣ завтра и, ради Бога, успокойте всѣхъ тамъ насчетъ моего здоровья. Я княгинѣ такъ и пишу, что рана пустая, неопасная. Скажите, что получилъ на дуэли...

— Хорошо, хорошо, все сдѣлаю и скажу, но молчите и постарайтесь заснуть. Нельзя вамъ разговаривать ни письменно, ни устно. Письмо я возьму, вотъ при васъ запечатаю, а вы спите себѣ, голубчикъ, спите.

И Штофрегень, запечатавъ письмо печатью Охотникова, положилъ его себѣ въ карманъ, потушилъ свѣчу и вошелъ обратно въ кабинетъ.

— Хороша дуэль,—проворчалъ онъ:—развѣ на дуэли пыряютъ кинжаломъ? И развѣ я могу сказать княгинѣ неправду? А кня-

гния-то дѣйствительно тутъ замѣшана. Прямо повѣри: невозможно: давно ли замужь вышла?

И почтенный эскулапъ снова заснулъ сномъ праведника.

На другой день, ровно въ полдень, Штоффрегень по обычаю явился къ княгинѣ Натальѣ Ѳедоровнѣ, какъ всегда, спокойный и любезный. Послѣ первыхъ привѣтствій докторъ уже собирался вручить княгинѣ письмо Охотникова, какъ въ комнату вошла внезапно принцесса Луиза. Штоффрегень всталъ и низко поклонился принцессѣ.

— Докторъ Штоффрегень, если не ошибаюсь?—сказала она съ улыбкой, поцѣловавшись съ княгиней.—Развѣ мы нездоровы?—спросила она княгиню, упирая на слово *мы*.

— Совершенно здорова, принцесса. Но докторъ любезно слѣдить за мною и часто меня навѣщаетъ.

— И, кромѣ того,—сказалъ Штоффрегень, почувствовавъ непреодолимое желаніе вернуть и отъ себя нѣсколько словъ принцессѣ:—имѣю я письмо отъ родственника ея сіятельства, ротмистра Охотникова. Онъ поручилъ мнѣ вамъ передать,—добавилъ онъ, обращаясь къ княгинѣ.

— Да?—сказала княгиня.—Онъ здоровъ?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, захворалъ и пригласилъ меня лечить къ себѣ.

— О, Алексѣй Яковлевичъ пишетъ, что онъ почти здоровъ, но получилъ царапину на дуэли, которая заставитъ его не выходить изъ дому нѣсколько дней,—проговорила княгиня, пробѣжавъ письмо Охотникова.—Съ кѣмъ же это была у него дуэль и по какому поводу?

Штоффрегень взглянулъ на принцессу и увидѣлъ, что она смотритъ на него и также ждетъ отвѣта.

— Я не смѣю говорить вамъ неправду, ваше сіятельство,—произнесъ послѣ нѣкотораго молчанія Штоффрегень:—но, по моему мнѣнію, никакой дуэли не было, а ротмистръ раненъ въ бокъ кинжаломъ или чухонскимъ ножомъ...

— Что вы говорите!—вскричала принцесса Луиза.—Раненъ въ бокъ кинжаломъ? Господи Боже мой, и опасно? Да говорите, говорите, докторъ!

И принцесса вскочила съ кресла и, блѣдная, трепещущая, остановилась предъ изумленнымъ Штоффрегенемъ.

— Рана несмертельная, ваше высочество, но опасная. Все будетъ зависѣть отъ крѣпости организма больного, отъ правильности леченія. Пройдетъ двѣ-три недѣли, пока можно будетъ сказать что-либо рѣшительное,—говорилъ ошеломленный Штоффрегень.—Но, ваше высочество, прошу меня не выдавать. Ротмистръ именно просилъ меня не сообщать никому ничего объ его болѣзни, да и это письмо было не кончено, потому что онъ упалъ въ обморокъ отъ напряженія.

Но принцесса уже не слушала Штоффрегена, а, обнявъ руками шею княгини Натальи Теодоровны, горько плакала у нея на груди. Прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ она овладѣла собой. Затѣмъ она обратилась къ Штоффрегену съ слѣдующими словами:

— Мнѣ дорого здоровье Алексѣя Яковлевича не менѣе, чѣмъ княгинѣ. Прошу васъ приложить все свое искусство, чтобы помочь ему, и почаще увѣдомляйте княгиню о состояніи его здоровья. Но, докторъ, скажите, какъ все это произошло.

Но Штоффрегень не могъ дать никакихъ свѣдѣній, кромѣ того, что съ Охотниковымъ былъ Прокудинъ, привезшій его домой, но онъ ручался, что, судя по ранѣ, о дуэли не можетъ быть и рѣчи. Послѣ этого онъ былъ отпущенъ съ строгимъ наказомъ княгини немедленно пригласить къ ней Прокудина.

Алексѣй Неофитовичъ явился къ Натальѣ Теодоровнѣ лишь къ вечеру и также не счелъ возможнымъ скрывать отъ нея правду. Онъ разсказалъ ей, что былъ съ Охотниковымъ въ театрѣ, что другъ его былъ въ хорошемъ настроеніи духа и что при выходѣ на площадь онъ получилъ отъ кого-то ударъ въ бокъ. Онъ прибавилъ, что, судя по всему, Охотниковъ знаетъ, съ чьей стороны нанесенъ былъ ему этотъ ударъ, но что именно поэтому онъ просилъ никому не сообщать о происшедшемъ, надѣясь, что рана легкая, и не желая никого беспокоить. Къ удивленію Прокудина, княгиня не выказывала при этомъ особаго волненія, а ему не было извѣстно, что къ каждому слову его жадно прислушивалась принцесса Луиза, сидѣвшая въ креслѣ за ширмой будуара. Въ концѣ концовъ Прокудинъ выразилъ сожалѣніе, что Охотниковъ не ушелъ изъ театра предъ послѣднимъ актомъ оперы, когда навело на него тоску появленіе въ театрѣ принца Макса.

— А принцъ Максъ,—спросила княгиня,—видѣлъ васъ и вашего друга?

— Видѣлъ и даже смѣялся, глядя на насъ, потому, вѣроятно, что Левинвольде говорилъ какія-либо глупости.

— Но это непостижимо,—продолжала княгиня, пристально смотря на Божьяго человѣка:—неужели у бѣднаго Алексѣя Яковлевича были какіе-нибудь враги, которые могли бы посягнуть на его жизнь? И если, какъ вы говорите, Алексѣй Яковлевичъ знаетъ такихъ враговъ, то почему онъ скрываетъ отъ всѣхъ о ихъ покушеніи.

— Право, ничего не могу сказать объ этомъ, княгиня,—отвѣчалъ Прокудинъ.—Я самъ думалъ объ этомъ и ничего не придумалъ. Одно ясно, что не хочетъ никакой огласки. Я такъ и командиру сказалъ, что Алеша боленъ, а потомъ Алеша рапортъ написать, и дѣло съ концомъ. Я послалъ нарочнаго къ брату Алеша, Павлу, въ деревню.

Княгиня увидѣла, наконецъ, что она узнала отъ Прокудина все, что только могла узнать отъ него, и отпустила его, поблагодаривъ его за заботы объ ея родственникѣхъ.

«Не она,—подумаль Прокудинъ, выходя отъ княгини:—а если не она, то никакой другой женщины нѣтъ».

Онъ не зналь, что тотчасъ по его уходѣ изъ-за ширмы будуара вышла принцесса Луиза и сказала княгинѣ, прижимая къ вискамъ пальцы:

— Теперь я болѣе, чѣмъ когда-либо, убѣждена въ томъ, что это дѣло рукъ Макса, дѣло наемнаго убійцы. Очевидно для меня, что и Алеша того же мнѣнія. Бѣдный, даже въ этотъ ужасный для него моментъ онъ думаль обо мнѣ, о соблюденіи тайны! Но, Максъ, я съ вами когда-нибудь сведу свои счеты.

— Луиза,—сказала Наталья Феодоровна, крѣпко обнимая свою высокую подругу:—болѣе всего вы должны теперь беречь себя, потому что вамъ предстоитъ дать жизнь новому ангелу. И скоро...—добавила она, цѣлуя принцессу.

— Вы правы, Наташа, я не дамъ торжествовать Максу. Я сберегу жизнь моего ребенка. Подкрѣпи и спаси меня, Господи!—твердымъ голосомъ закончила Луиза.

XV.

Для Охотникова потянулись дни тяжелой борьбы со смертью, и Штофрегену иногда казалось, что молодая жизнь возьметъ верхъ надъ смертью. Рана не закрывалась, но самочувствіе больного по временамъ заставляло его забывать о своей болѣзни. Принцесса писала ему каждый день и нѣсколько разъ, въ сопровожденіи Натальи Феодоровны, навѣстила его въ глубокой тайнѣ. Но докторъ Штофрегенъ запретилъ эти посѣщенія, потому что они слишкомъ сильно вліяли на спокойствіе Охотникова. Почувствовавъ себя лучше, Алексѣй Яковлевичъ рѣшился выйти изъ службы и въ концѣ октября, черезъ три недѣли послѣ покушенія на него, подалъ въ отставку «за имѣющеюся у него грудною болѣзнью». Цесаревичъ Константинъ, должно быть, не совсѣмъ повѣрилъ этой болѣзни и предписаль самому шефу полка, генераль-адъютанту Уварову «Охотникова лично освидѣтельствовать въ болѣзни и дѣйствительно ли къ службѣ неспособенъ». И только когда Уваровъ подтвердилъ неспособность Охотникова къ службѣ, онъ былъ уволенъ отъ нея навсегда. Но въ это время и врачи потеряли надежду на выздоровленіе молодого офицера. «Болѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ онъ не протянетъ», рѣшилъ, наконецъ, Штофрегенъ, и эту вѣсть княгиня Голицына со всѣми возможными предосторожностями сообщила наконецъ принцессѣ, незадолго предъ тѣмъ давшей жизнь крошкѣ-дочери.

Штофрегень не могъ разрѣшить принцессѣ навѣстить умирающаго, увѣряя, что ему вредно всякое волненіе. Лишь за нѣсколько дней до смерти Охотниковъ испыталъ счастье увидѣть свою возлюбленную. Уступая настояніямъ и просьбамъ принцессы, Штофрегень далъ наконецъ разрѣшеніе на ея свиданіе съ Охотниковымъ, но подъ условіемъ, чтобы оно продолжалось лишь нѣсколько минутъ.

Горе принцессы наложило слѣды на ея наружности. Она перестала быть очаровательной Психеей, той молодой женщиной, которой такъ еще недавно любовалась въ Павловскѣ императрица Марія Ѳеодоровна. Впалые глаза, слегка пожелтѣвшее, осунувшееся лицо, медленная, тяжелая походка,—все это краснорѣчиво говорило объ испытанномъ ею потрясеніи, о душевномъ недугѣ, подтачивавшемъ ея жизнь. Однажды вечеромъ въ назначенный часъ въ сопровожденіи Натальи Ѳеодоровны принцесса Луиза вошла къ Охотникову, который уже не могъ встать съ постели, но встрѣчалъ ее, какъ свою королеву, въ мундирѣ, въ комнатѣ, украшенной цвѣтами. Принцесса приблизилась къ нему и поцѣловала его въ лобъ.

— Louise, какъ я благодаренъ вамъ за ваше посѣщеніе,—проговорилъ Охотниковъ, цѣлуя у нея руку:—я чувствую себя, какъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье.

— Если бы не вашъ Штофрегень,—сказала принцесса, вглядываясь въ блѣдное лицо своего друга:—я давно была бы здѣсь. Да и теперь онъ позволилъ мнѣ видѣться съ вами всего нѣсколько минутъ, но увѣряетъ, что потомъ, когда вамъ будетъ лучше, мы будемъ видѣться чаще и продолжительнѣе.

— Я не вѣрю Штофрегену, какъ и всѣмъ докторамъ, но я такъ счастливъ, что вижу васъ теперь и вижу васъ у тебя притомъ, что готовъ исполнять ради этого все, что онъ прикажетъ. Боже мой, Louise, вѣдь недавно еще мы были такъ счастливы, ангель мой безцѣнный, а теперь я чувствую, что умираю и долженъ тебя покинуть навсегда.

— Зачѣмъ это думать,—спокойно возразила принцесса, едва сдерживая слезы:—мы еще будемъ жить другъ для друга.

Дверь отворилась, и изъ-за нея показалось озабоченное лицо Штофрегена.

— Докторъ находитъ, что вамъ нужно уходить, душа моя Louise. Пусть такъ. Уходите, но...

И глаза Охотникова съ мольбою устремились на молодую женщину.

Она поняла его и поцѣловала его въ губы.

— Я умираю,—произнесъ Охотниковъ:—счастливымъ, но дайте мнѣ что-нибудь, что унесу съ собою.

Принцесса увидѣла лежавшія на столѣ ножницы и, отрѣзавъ локонъ своихъ волосъ, положила его къ нему на грудь. Охотниковъ

закрывъ глаза, и принцесса выбѣжала, вся въ слезахъ, навстрѣчу отворившему дверь Штоффрегену...

Это послѣднее свиданіе свое съ Охотниковымъ принцесса помнила потомъ въ мельчайшихъ подробностяхъ всю свою жизнь, и оно наложило на нее навсегда печать меланхоліи и грусти.

Закрывъ глаза при уходѣ принцессы, Охотниковъ впалъ въ безпамятство, и долгое время все успія Штоффрегена привести его въ чувство не имѣли успѣха. Только къ утру Охотниковъ пришелъ въ себя, призвалъ брата, Павла Яковлевича, и просилъ его положить съ нимъ во гробъ золотой медальонъ съ портретомъ принцессы, кольцо, которое онъ постоянно носилъ, и локопъ, оставленный ему принцессой. Шкатулку съ письмами принцессы онъ поручилъ передать тому лицу, которое придетъ за ними. Затѣмъ Охотниковъ трогательно простился съ Прокудинымъ, съ Ефимомъ и со всеми своими слугами. Все плакали навзрыдь.

Послѣдними словами Охотникова были: «Прощайте, друзья мои, я васъ покидаю».

Принцесса на другой же день послѣ смерти Алексѣя Яковлевича поѣхала поклониться его тѣлу, не боясь уже огласки и презирая гнѣвъ своего мужа. Въ глубокомъ траурѣ, въ сопровожденіи сестры, недавно пребывшей въ Россію, она пріѣхала вечеромъ на квартиру Охотникова и была встрѣчена Павломъ Яковлевичемъ. Онъ оставилъ ихъ однѣхъ въ комнатѣ, гдѣ стоялъ гробъ брата. Припринцесса, стоя у гроба на колѣняхъ, долго плакала и молилась. На слѣдующій день сестра принцессы вновь пріѣхала, чтобы взять шкатулку съ письмами, и отъ имени Луизы просила разрѣшенія поставить памятникъ на могилѣ покойнаго на средства и по мысли принцессы.

— Vous ne refuserez pas de céder vos droits? C'est une amie qui desire faire cette triste offrande à la mémoire du défunt, — сказала она Павлу Яковлевичу.

Раазумѣется, согласіе было дано.

XVI.

Памятникъ этотъ до сихъ поръ украшаетъ собою Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры. Онъ изображаетъ собою скалу съ дубомъ, вершина котораго сломлена бурей; у подножія скалы на колѣняхъ женская фигура въ покрывалѣ держитъ въ рукахъ погребальную урну; подъ скалою—якорь, символъ спасенія. На помятникѣ простая надпись: «Здѣсь погребено тѣло Кавалергардскаго полку штабсъ-ротмистра Алексѣя Яковлевича Охотникова, скончавшагося генваря 30 дня на 26 году отъ рожденія». Памятникъ этотъ, небольшой по размѣрамъ, но чудной работы изъ мрамора, несмотря на слишкомъ столѣтнее свое существованіе безъ какого бы то ни было ремонта, пока цѣлъ, но постаментъ ушелъ

въ землю и памятнику угрожаетъ паденіе. Если это случится, его, конечно, уберутъ куда-нибудь, а на его мѣстѣ выроютъ другую могилу съ роскошнымъ купеческимъ мавзолеемъ...

А сто лѣтъ тому назадъ эту могилу чуть не каждую недѣлю посѣщала принцесса Луиза, переодѣтая въ простое платье, одна, безъ провожатыхъ, плакала на ней и молилась. Какія думы, какія чувства приносила она на эту безвѣстную нынѣ могилу и какія уносила отъ нея? До конца жизни не забывала она этого послѣдняго убѣжища своего несчастнаго друга. Не забыла она и о немъ. Послѣ ея смерти въ шкатулкѣ, которую она постоянно имѣла при себѣ, найдены были письма и портретъ Алексѣя Яковлевича Охотникова.

Е. Шумигорскій.

САНЪ-СТЕФАНО.

Записки графа Н. П. Игнатъева съ примѣчаніями А. А. Башмакова и К. А. Губастова ¹⁾.

III.

ТРИНАДЦАТАГО вечеромъ (въ пятницу) я выѣхалъ изъ Петербурга ¹⁾.

Заносы задерживали поѣзда, которые вездѣ запаздывали противъ расписаній, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣдующій поѣздъ уходилъ, не дождавшисъ предыдущаго, и мнѣ приходилось сидѣть по нѣсколько часовъ на мѣстѣ, а въ Яссахъ даже почти сутки. 15-го января, поздно вечеромъ прибылъ я въ Кіевъ, а 19-го только въ Бухарестъ. Тамъ я потерялъ двое съ половиною сутокъ и лишь 22-го января рано утромъ успѣлъ выѣхать изъ столицы румынской. По Румыніи поѣзда еще болѣе опаздывали, и хаосъ на желѣзныхъ дорогахъ былъ страшный. Станціи были загромождены воинскими поѣздами преимущественно съ полушубками и даже понтонами для нашей арміи, тогда какъ она такъ нуждалась въ зимней одеждѣ при переходѣ Балканъ, уже преодоленныя нашими доблестными и вы-

¹⁾ Продолженіе «Историч. Вѣстн.», т. СXXXIX, стр. 61.

²⁾ Какъ въ своихъ первыхъ запискахъ («Истор. Вѣстн.», 1914 г.), такъ и въ настоящихъ Игнатъевъ ведетъ повѣствованіе то въ третьемъ лицѣ, то въ первомъ. По большей части мы сохраняемъ изложеніе автора, но лишь мѣстами, въ интересахъ большаго удобства чтенія, дѣлаемъ нѣкоторыя исправленія. Ред.

носливыми войсками, вступившими въ болѣе теплую часть страны прежде, нежели полушубки могли до нихъ достигнуть.

Въ Бухарестѣ я узналъ, что дальнѣйшій путь будетъ крайне затруднителенъ и замедленъ большими препятствіями: экипажъ, лошадей и обозъ нельзя было переправить черезъ Дунай противъ Брестоваца, по случаю ледохода. Предстояло переплыть Дунай въ военной шлюпкѣ, а затѣмъ ѣхать до главной квартиры посредствомъ военной почты, рискуя нигдѣ не найти сноснаго экипажа. Но, убѣдившись собственнымъ опытомъ въ невозможности скорого переѣзда по желѣзнымъ дорогамъ, zagrożеннымъ разбросанными по станціямъ поѣздами, отказался отъ мысли вернуться въ Одессу и сѣсть на пароходъ, тѣмъ болѣе, что я рѣшился во всякомъ случаѣ добраться до Брестоваца, чтобы поставить наслѣдника въ извѣстность о предполагаемыхъ мирныхъ условіяхъ съ Портою. Узнавъ же, что главнокомандующій остановился въ Адрианополѣ и ведетъ переговоры съ турецкими уполномоченными, рѣшилъ рискнуть переѣздомъ черезъ Балканы, чтобы скорѣе добраться до главной квартиры.

Первою моею заботою по прибытіи въ Бухарестъ было собрать свѣдѣнія не только отъ нашего дипломатическаго агента въ Румыніи, барона Стюарта, но и отъ другихъ чиновниковъ, отъ генераль-адъютанта Дрентельна, завѣдующаго тыловою частью арміи и, наконецъ, изъ разныхъ другихъ источниковъ (въ Бухарестѣ находились тогда нѣсколько лично знакомыхъ Игнатьеву по Константинополю людей) о положеніи дѣлъ въ Румыніи, о расположеніи къ намъ лицъ правительственныхъ и туземнаго населенія, а равно и о преобладающемъ мѣстномъ воззрѣніи на жгучій вопросъ о воссоединеніи съ Россіею Бессарабіи. Русскій уполномоченный былъ пораженъ дурными отношеніями, существующими между русскою арміею и румынскимъ правительствомъ. Отношенія начальствующихъ съ обѣихъ сторонъ были очень натянуты. Происходили постоянныя недоразумѣнія и ежедневныя препирательства. Князь Карлъ, его министры и военные румыны громко жаловались на мнимыя обиды, ими понесенныя, на дурное съ ними обращеніе главной квартиры и начальниковъ нашихъ войскъ, оскорблявшихъ разными мелочами болѣзненное самолюбіе и честолюбіе румынскихъ министровъ, офицеровъ и чиновниковъ. Въ особенности же жаловались на нашу военную администрацію въ княжествахъ, безпорядочность интендантства и своеволіе комендантовъ желѣзнодорожныхъ станцій. Ни министерство Братіано, ни общественное мнѣніе въ Румыніи не допускали мысли, что Россія, послѣ мнимыхъ услугъ (румыны хвастливо приписывали себѣ взятіе Плевны и даже спасеніе русской арміи въ первый періодъ кампаніи), оказанныхъ ей румынами, настойчиво будетъ пре-

слѣдовать возвращеніе себѣ Бессарабін, присоединенной къ Румыніи по Парижскому договору 1856 года.

Во время путешествія по румынскимъ дорогамъ и въ самомъ Бухарестѣ русскому уполномоченному Игнатьеву было оказано самое утонченное и почтительное вниманіе, но тѣмъ не менѣе онъ могъ лично удостовѣриться изъ доставленныхъ свѣдѣній о раздраженіи румынъ противъ своихъ союзниковъ, распоряжавшихся въ княжествахъ не совѣмъ удачно. Съ другой стороны, вся наша военная администрація, съ генераломъ Дрентельномъ во главѣ, обвиняла румынъ въ недобросовѣстности, подкупности, алчности, корыстолюбіи и крайнемъ безпорядкѣ, въ особенности на желѣзныхъ дорогахъ. Обвиняли управленіе румынскихъ желѣзныхъ дорогъ даже въ преднамѣренномъ затрудненіи всякаго движенія военныхъ транспортовъ и подозрѣвали, что чрезъ банкира Блейхредера, имѣвшаго первенствующее значеніе въ обществѣ румынскихъ желѣзныхъ дорогъ, агенты его были подкуплены нашими противниками для созданія препятствій на единственномъ пути сообщенія нашей арміи съ Россією. Однимъ словомъ, взаимныя ежедневныя обвиненія и препирательства постоянно поддерживали обоюдное раздраженіе, и Игнатьевъ пришелъ къ заключенію, что худшей и менѣе благоприятной минуты для переговоровъ съ румынскимъ правительствомъ, въ особенности объ уступкѣ Бессарабін, нельзя было избрать. Очевидно было, что хотя Братіано и былъ предупрежденъ мною еще во время его поѣздки въ Крымъ съ княземъ Карломъ о неизбѣжности и неминуемости возвращенія Россіи Бессарабін, какъ только войско русское тамъ появится,—но слѣдовало министерству иностранныхъ дѣлъ воспользоваться минутою расцвѣта нашего союза съ Румынією и перваго ихъ увлеченія послѣ разрыва съ Турцією, когда всѣ надежды населенія княжества возлагались на присутствіе русскихъ войскъ, ограждавшихъ страну отъ ожидавшагося вторженія турокъ, и когда правительство румынское было компрометировано въ глазахъ европейской дипломатіи и въ особенности Англій своимъ поведеніемъ при открытіи кампаніи, а принцъ Карлъ находился подъ непосредственнымъ, личнымъ вліяніемъ государя императора, чтобы выяснитъ вполнѣ вопросъ о воссоединеніи Бессарабін съ Россією. Находясь въ теченіе шести мѣсяцевъ въ Бухарестѣ, князь Горчаковъ имѣлъ полную возможность, въ безпрестанныхъ личныхъ сношеніяхъ съ министрами и членами парламента, подготовить румынское правительство и общественное мнѣніе къ мысли о необходимости доставить Россіи добровольно требуемое ею удовлетвореніе поруганной въ 1856 году народной гордости и убѣдить въ незначительности для Румыніи этой жертвы.

Какъ бы то ни было, но мнѣ пришлось безотлагательно

преступить къ исполненію тягостнаго порученія, на меня возложеннаго, имѣя въ виду, что терять мнѣ время въ продолжительныхъ и методическихъ переговорахъ было невозможно и надо было торопиться, попасть за Балканы. Обстоятельства сложились такъ, что мнѣ пришлось съ перваго свиданія съ румынскими министрами тотчасъ же послѣ пріѣзда своего въ гостиницу объясниться съ ними по существу, безъ утайки и прикрасъ. Не ожидая моего визита, первый министръ Братіано и министръ иностранныхъ дѣлъ Когальничано ¹⁾, посѣтили меня немедленно. Они были предупреждены по телеграфу румынскимъ представителемъ въ Петербургѣ княземъ Гика, какъ о порученіи, данномъ генераль-адъютанту Игнатъеву въ Бухарестѣ, такъ и о содержаніи бурнаго разговора, происшедшаго между нимъ и канцлеромъ на другой день послѣ выѣзда русскаго уполномоченнаго изъ Петербурга. Князь Гика, узнавъ объ отъѣздѣ Игнатъева въ Бухарестъ, пожелалъ узнать отъ самого князя Горчакова, какого рода переговоры съ румынскимъ правительствомъ поручены бывшему русскому послу въ Константинополь, и канцлеръ, считая его преданнымъ Россіи человекомъ,—какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности во время нахождения своего въ Константинополь и близости съ русскимъ посольствомъ,—не принялъ во вниманіе, что онъ въ то же время горячій румынскій патріотъ, и, безъ всякихъ обиняковъ, объявилъ ему, что государь рѣшилъ присоединить Бессарабію къ Россіи и возстановить границу, бывшую до 1856 года, за исключеніемъ острововъ Дельты, которые будутъ отдапы, вмѣстѣ съ Сулинскимъ портомъ, Румыніи..

Подготовленные такимъ образомъ министры сами тотчасъ же заговорили съ Игнатъевымъ о невозможности уступить Бессарабію, вопреки общественному мнѣнію, которое никогда не свыкнется съ мыслию, что въ награду за пролитіе крови подъ стѣлами Плевны и союзъ съ Россіею Румыніа, вмѣсто ожидаемаго территориальнаго увеличенія, должна лишиться частицы «родной земли», которою яко бы Румыніа очень дорожить. Оба министра разразились жалобами на притѣсненія нашихъ военныхъ властей, на нарушеніе румынской конституціи, и когда я потребовалъ отъ нихъ письменнаго доказательства основательности взводимыхъ на русскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ обвиненій, то Ко-

¹⁾ Когальничано, Михаилъ (1818—1891 гг.). Получилъ образованіе въ Берлинѣ. Принималъ участіе въ румынскихъ государственныхъ дѣлахъ еще при господаряхъ Стурдзѣ и Гикѣ. Занимая постъ министра народнаго просвѣщенія, основалъ яскій университетъ. Былъ съ 1863 по 1865 гг. министромъ-президентомъ и выступилъ съ демократической программой аграрной, сельской и судебной реформъ. Съ 1868 по 1870 гг. занималъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ; былъ въ 1878 году министромъ иностранныхъ дѣлъ и представителемъ Румыніи на Берлинскомъ конгрессѣ. Онъ извѣстенъ также своими учеными трудами по румынской исторіи. А. Б.

гальничано представилъ мнѣ двѣ записки, приготовленныя за-ранѣе.

Въ одной изъ нихъ были изложены жалобы румынъ на способъ пользованія нами ихъ желѣзнодорожною сѣтью, а также на произвольныя дѣйствія комендантовъ желѣзнодорожныхъ станцій, остановившихъ торговлю, подвозъ угля и затрудняющихъ даже подвозъ транспортовъ для румынскихъ войскъ. Въ другой запискѣ перечислены были случаи мнимаго нарушенія воинскими начальниками русско-румынской конвенціи 4-го апрѣля (жалобы были въ особенности направлены на коменданта Зимницы и на одного изъ русскихъ инженеровъ) и единоличные случаи грубаго обхожденія съ населеніемъ и мѣстными властями офицеровъ и чиновниковъ нашихъ. Записки эти были переданы мною генералу Дрентельну для повѣрки, и на другой день я получилъ отъ начальника тыловой части арміи обстоятельную записку съ опроверженіемъ взведенныхъ на русскихъ «тенденціозныхъ» обвиненій, заключающихъ большею частію «чистую ложь», по выраженію генерала Дрентельна, заявившаго, въ свою очередь, что желѣзныя дороги, принадлежащія румынскому правительству, находятся въ «невообразимо жалкомъ состояніи» и что, «несмотря на значительный доходъ, доставляемый дорогамъ этимъ военнымъ движеніемъ и потребностями русской арміи, правительство не дѣлаетъ ровно ничего, чтобы, по крайней мѣрѣ, поддерживать дорогу и ея подвижной составъ въ удовлетворительномъ состояніи. Дороги ремонтируются чинами нашего желѣзнодорожнаго батальона и паровозы чинятся на нашъ счетъ, безъ чего движеніе могло бы вовсе прекратиться». Что же касается частныхъ дорогъ въ Румыніи, то генераль Дрентельнъ заявилъ, что хотя румынское правительство прежде всего заинтересовано въ исполненіи кампаніями требованій русскаго правительства, а между тѣмъ министерство румынское дѣлаетъ всякія затрудненія и новой дирекціи акціонерной румынской компаніи, препятствуя ей быть полезною потребностямъ арміи.

Игнатьевъ, основываясь на заявленіяхъ генераль-адъютанта Дрентельна, сдѣлалъ внушеніе румынскимъ министрамъ о неумѣстности и неосновательности ихъ жалобъ и посовѣтовалъ прекратить это препирательство, чтобы общими силами и при довѣрчивомъ соглашеніи съ генераломъ Дрентельномъ устранить тѣ затрудненія относительно сообщеній по желѣзнымъ дорогамъ, въ которыхъ онъ воочію убѣдился во время своего проѣзда изъ Унгени въ Бухарестъ. Что касается вопроса о Бессарабіи, то я напомнилъ Братіано свой разговоръ съ нимъ въ Крыму о неизбѣжности возвращенія намъ отторгнутой въ 1856 г. части нашихъ прежнихъ владѣній, признаніе имъ этой неизбѣжности и необходимости соединиться съ Россіею тѣсными узами для обез-

печенія будущности румынъ, выразивъ ему удивленіе касательно замѣченной въ немъ значительной перемѣны въ воззрѣніяхъ. Когда министры румынскіе сослались на возбужденное общественное мнѣніе и на непрочность своего положенія, если они имъ пренебрегутъ, то я замѣтилъ имъ, что, сознавъ необходимость жертвы, въ сущности ничтожной для достиженія большихъ выгодъ, они имѣли достаточно времени и обладаютъ подобающимъ вліяніемъ, опытностію и ловкостью въ общественныхъ дѣлахъ, чтобы надлежащимъ образомъ подготовить мнѣніе страны. Это тѣмъ болѣе для нихъ легко, что большинство жителей требуемаго нами участка Бессарабіи, вопреки предѣлокъ румынскихъ агентовъ, пламенно этого желаютъ и постоянно намъ жаловались на существующій способъ управленія. Я напомнилъ румынскимъ министрамъ, что эта часть Бессарабіи только искусственно, по политическимъ, враждебнымъ Россіи соображеніямъ, присоединена къ Молдавіи, такъ какъ заключаетъ и русское и болгарское, т.-е. славянское населеніе; отторгнута она отъ Турціи силою русскаго оружія, послѣ вѣкового ряда войнъ и цѣною потоковъ крови не румынской, а русской. До того времени, т.-е. когда еще край этотъ принадлежалъ Портѣ, онъ входилъ въ составъ санджака Татарскаго, былъ почти пустынною степью, въ которой кочевали татары, а турецкіе гарнизоны занимали лишь укрѣпленные пункты. Наши выходцы изъ Россіи, а затѣмъ выходцы изъ Болгаріи, убѣгавшіе, вслѣдъ за нашими войсками, отъ преслѣдованій турокъ, начали заселять край осѣдло. Всѣ энергическія, безпощадныя и настойчивыя усилія румынскихъ агентовъ румынизировать этотъ край съ 1856 года, обезличить славянское населеніе и привлечь на свою сторону выдающихся лицъ онаго остались тщетными, причѣмъ особенною стойкостью отличались наши старовѣры ¹⁾.

— Неужели,—спросилъ я Братіано,—вы забыли, что я вамъ говорилъ въ Крыму, а именно, что присоединеніе части Бессарабіи къ Румыніи въ 1856 году, учиненное Парижскимъ договоромъ, было сдѣлано Австрією и Англією единственно съ цѣлью унижить Россію въ глазахъ Востока и что сносить вѣчно такое униженіе могущественная Россія не будетъ; первый русскій солдатъ, перешедшій навязанную намъ конгрессомъ 1856 года граничную черту, вынудитъ возвращеніе Россіи отторгнутаго участка. Я и

¹⁾ Часть Бессарабіи, отнятая у насъ по Парижскому трактату 18-го (30-го) марта 1856 г. (ст. XX), доходила до границы, проведенной по «Троянову валу» и отъ гор. Болграда по рѣкѣ Яллуху къ верховьямъ р. Прута. Мы тогда лишились, вмѣстѣ съ южной Бессарабіей, доступа къ берегамъ Прута и Дуная, пріобрѣтеннаго еще въ 1812 году, по Бухарестскому договору. Но, кромѣ того, Парижскій трактатъ отнялъ у насъ также и дунайскія гирла (вплоть до Георгіевскаго рукава Дуная), пріобрѣтенныя нами въ 1829 году по Адрианопольскому миру. Берлинскій же договоръ 1878 года возвратилъ намъ южную часть Бессарабіи, но безъ территоріи гирлъ.

туркамъ постоянно говорилъ съ 1868 года и румынъ предупреждать, что слѣды нашего униженія въ 1856 году должны быть задѣланы или добровольно, или будутъ смыты кровью ¹⁾).

Министры, какъ будто, стали соглашаться съ неизбежностью факта воссоединенія и заявили, съ своей стороны, слѣдующія требованія:

1. Занятіе румынской арміею, до заключенія окончательнаго мира, турецкихъ крѣпостей: Никополя, Рахова, Ломъ-Паланки и Виддина и всего дунайскаго побережья между этими пунктами.

2. Признаніе Портою полной независимости Румыніи. До заключенія специальныхъ договоровъ румынскіе подданные должны пользоваться въ Турціи всѣми преимуществами, принадлежащими подданнымъ другихъ европейскихъ государствъ (по капитуляціямъ).

3. Срытіе всѣхъ турецкихъ крѣпостей по Дунаю, начиная отъ Ада-Кале.

4. Присоединеніе къ Румыніи устья Дуная, до рукава Св. Георгія включительно, соотвѣтственно прежнимъ правамъ собственности.

5. Уплата Портою Румыніи 100 милліоновъ франковъ военнаго вознагражденія. Заятіе праваго берега Дуная, означенное въ 1-мъ пунктѣ предложенія, до полной уплаты этой суммы.

Я взялъ отъ румынскихъ министровъ письменное изложеніе этихъ требованій, отозвавшись, что постараюсь принять въ соображеніе желанія румынскаго правительства при переговорахъ съ турецкими уполномоченными; но что касается занятія праваго берега Дуная румынскими войсками, то вопросъ этотъ подлѣжитъ всецѣло рѣшенію главнокомандующаго, великаго князя Николая Николаевича, по его военнымъ соображеніямъ.

Въ тотъ же день, то есть 19-го, генераль-адъютантъ графъ Игнатьевъ, вслѣдъ за первымъ разговоромъ его съ министрами румынскими, былъ принятъ принцемъ Карломъ, которому онъ и вручилъ письмо государя императора. Аудіенція продолжалась довольно долго и, несмотря на все стараніе Игнатьева придать исполненію порученія, ему даннаго, самыя мягкія формы, завязавшійся между княземъ и имъ разговоръ былъ самаго тяжелаго свойства. Князь настаивалъ на томъ, что требованіе уступки Бессарабіи для него совершенно неосужденно, и высказывалъ подозрѣніе, что Игнатьеву

¹⁾ Во время происшедшихъ горячихъ споровъ по бессарабскому вопросу Братіано выражался скорѣе не какъ государственный человѣкъ, но какъ патріотъ, «предводитель либеральной партіи», тогда какъ Когальничано, какъ человѣкъ ловкій и болѣе гибкій, продолжалъ выставлять всевозможные доводы противъ уступки намъ Бессарабіи, но, какъ человѣкъ своекорыстный, видимо, изыскивалъ способъ получить за оную наибольшее вознагражденіе и старался вывѣдать отъ Игнатьева, какимъ образомъ Румыніа могла бы произвести наивыгоднѣйшій для нея размѣнъ территорій. На почвѣ личной выгоды съ Когальничано было бы легко сговориться, но я на это не былъ уполномоченъ.

лично принадлежит эта пагубная и обидная для Румынии мысль, такъ какъ ни государь, ни великій князь главнокомандующій, съ которымъ онъ безпрестанно видѣлся и имѣлъ довѣрчивые разговоры, никогда о возвратѣ Бессарабіи ему не упоминали и даже князь Горчаковъ, съ нимъ бесѣдовавшій неоднократно, не замолвилъ объ этомъ важномъ обстоятельстве ни слова.

Посланными на другой день телеграммами я вкратцѣ далъ слѣдующій отчетъ канцлеру о своихъ свиданіяхъ съ принцемъ и его министрами:

«Я нашелъ здѣсь положеніе мѣстныхъ дѣлъ неудовлетворительнымъ, отношенія натянутыя, увеличивающееся взаимное раздраженіе, горькія жалобы на нашу администрацію касательно своевольнаго пользованія желѣзными дорогами. Вручилъ вчера письмо князю Карлу. Имѣлъ продолжительные и непріятные разговоры какъ съ нимъ, такъ въ особенности съ Братіано и Когальничано. Князь утверждаетъ, что государь никогда не говорилъ ему о поразившемъ его требованіи возврата участка Бессарабіи, и сказалъ, что надѣялся, переходомъ румынскихъ войскъ черезъ Дунай въ союзѣ съ русскими и совмѣстнымъ пролитіемъ крови подъ Плевною, оградить себя и Румынію отъ подобнаго требованія. Ссылаясь на конституціонныя обязанности и условія нашей конвенціи ¹⁾, гарантирующей неприкосновенность румынской территоріи, проситъ, чтобы государь подарилъ этотъ участокъ румынскому народу, или же допустилъ общій пересмотръ и исправленіе всей нашей пограничной линіи съ Румыніей ²⁾. Я энергически опровергнулъ эти заявленія и отвергъ предложеніе исправленія всей пограничной линіи ³⁾. Князь собирается отвѣтить письменно государю и изло-

¹⁾ Договоренной Нелидовымъ въ Бухарестѣ съ Братіано передъ войною и подписанной 5-го апрѣля. Авт.

²⁾ Постановка вопроса въ томъ видѣ, какъ ее предлагалъ румынскій князь Карлъ I, была совершенно недопустима, съ точки зрѣнія исторіи самаго вопроса. Онъ становился, правда, на этнографическую точку зрѣнія и какъ бы говорилъ слѣдующее: «Россія желаетъ у насъ отнять южную (придунайскую) часть Бессарабіи, въ которой значительная часть населенія состоитъ изъ не-румынъ. Такъ пусть же она дастъ намъ (между Прутомъ и Днѣстромъ) такіе уѣзды, гдѣ румынское населеніе преобладаетъ!» Коренная ошибка такой аргументаціи состоитъ въ томъ, что этнографическій элементъ спора не долженъ претендовать въ политикѣ на исключительное и рѣшающее значеніе, внѣ его связи съ исторіею и практической политикой. Бессарабія была спасена въ 1812 году отъ турецкаго ига, при восторженномъ отношеніи къ этому событію всего христіанскаго населенія. Тѣмъ и осяятилось моральное значеніе правъ Россіи, установленныхъ по Бухарестскому договору. А. Б.

³⁾ Передѣлкою границы нашей принцъ Карлъ желалъ дать удовлетвореніе собственному самолюбію и сохранить въ глазахъ румынскаго народа свое достоинство. Уступку участка Бессарабіи онъ надѣялся прикрыть приобрѣтеніемъ отъ насъ приграничныхъ клочковъ Бессарабской области, населенныхъ молдаванами. Игнатьевъ заявилъ принцу Карлу, что не имѣетъ права объ этомъ трактовать, безъ особаго уполномочія, а что лично не можетъ допустить мысли о какой-либо уступкѣ клочка русской территоріи кому бы то ни было. Авт.

жить всю затруднительность своего личнаго положенія въ виду нашихъ требованій, завѣряя, что мои сообщенія и объясненія его глупо опечалили. Я отсовѣтовалъ ему эту попытку, выставляя бесполезность оной и быстроту, съ которою развивающіяся обстоятельства могутъ привести къ подписанію мирнаго договора прежде, нежели непосредственная переписка съ государемъ достигнетъ цѣли. Братіано утверждаетъ, что его камнями закидаютъ соотечественники, которые стали очень раздражительны по поводу уступки намъ Бессарабіи, усматривая въ этомъ весьма опасный прецедентъ для слабаго государства въ отношеніяхъ съ сильнымъ сосѣдомъ. Предвидитъ полное разочарованіе и румынскаго населенія въ отношеніи къ намъ и измѣненіе существующаго расположенія. Будущность отношеній Румыніи къ Россіи представляется ему въ самомъ мрачномъ видѣ. Ужасаясь послѣдствій своей политики, хочетъ подать въ отставку. Когальничано, менѣе идеалистъ и болѣе шаткій въ своихъ убѣжденіяхъ, исчерпавъ всѣ свои доводы противъ уступки намъ Бессарабіи, принялся торговаться со мною за вознагражденіе Румыніи предоставленіемъ ей Добруджи, стараясь распространить оную до Мангаліи и Силистріи; спрашиваетъ, не можетъ ли мы согласиться на присоединеніе еще нѣсколькихъ участковъ, населенныхъ румынами, близъ Виддина (на правомъ берегу Дуная) ¹⁾, не забывая при томъ собственныхъ, личныхъ интересовъ въ отошедшей къ Румыніи части Бессарабіи ²⁾. Я оспаривалъ означенныя притязанія территоріальнаго увеличенія, доказывая ихъ неосновательность. Стараясь казаться стоворчивымъ, не уступаю ни на шагъ по существу. Оба министра увѣряютъ, что, будучи не въ состояніи уступить Бессарабію непосредственнымъ договоромъ съ нами, они предпочитаютъ, чтобы мы выговорили возвращеніе Россіи Измаила въ договорѣ съ Портою. Вообще бесѣды съ румынами заставляютъ предвидѣть большія затрудненія съ ними въ будущемъ и измѣненіе этихъ отношеній къ Россіи по окончаніи войны. Необходимо это имѣть въ виду для принятія соотвѣтствующихъ мѣръ. Вызвалъ Романенка (нашъ консулъ въ Измаилѣ) и далъ ему надлежащія

¹⁾ Румынское населеніе на правомъ берегу Дуная встрѣчается въ слѣдующихъ мѣстностяхъ:

а) въ предѣлахъ Сербіи—въ довольно значительномъ пространствѣ сѣверо-восточнаго угла между Дунаемъ и Тимокомъ, отъ Петроваца и Майдана до Кладова и Неготина;

б) въ предѣлахъ Болгаріи—около Виддина, Рахова, Самовита, Систова, Рушука, Орѣхова, Тутракана и Силистріи—(см. этнографическую карту проф. Т. Д. Флоринскаго). А. Б.

²⁾ У Когальничано было тамъ имѣніе, и онъ желалъ, чтобы русское правительство купило оное у него по очень возвышенной цѣнѣ. Когальничано былъ человѣкъ корыстолюбивый. Желаніе его было сообщено Игнатьевымъ канцлеру, съ совѣтомъ симъ воспользоваться для пріобрѣтенія содѣйствія румынскаго министра иностранныхъ дѣлъ.
Авт.

инструкціи, чтобы противодѣйствовать румынскимъ интригамъ и мѣропріятіямъ въ Измаильскомъ участкѣ».

Игнатьевъ былъ приглашенъ къ обѣду принцемъ Карломъ 20-го января. Такъ какъ разговоръ былъ щекотливый, то князь, чтобы отнять всякій характеръ официальнойности и придать дружескій оттѣнокъ бесѣдѣ съ русскимъ уполномоченнымъ, никого не пригласилъ къ столу, кромѣ его. Сѣли за столъ втроемъ: князь, княгиня и Игнатьевъ, котораго осыпали любезностями и знаками вниманія. Въ политическомъ отношеніи князь мало измѣнилъ свое мнѣніе, но и я не поддавался на расточаемыя ласки. На другой день, 21-го, я телеграфировалъ канцлеру: «Ясность моихъ сообщеній и доводы, употребленные въ нѣсколькихъ бесѣдахъ съ княземъ и министрами, произвели нѣкоторое впечатлѣніе. Министры, продолжая выставять трудности конституціонныя, неблагоприятное расположеніе населенія и выражая сожалѣніе, что съ ними не вступили въ переговоры о Бессарабіи еще прошлою осенью, чтобы дать имъ время подготовить почву къ тяжкому для Румыніи рѣшенію, кажется, начинаютъ свыкаться съ мыслью и переговариваться о томъ съ членами ихъ партіи. Когальничано отказывается отъ притязаній своихъ въ сторонѣ Виддина, но какъ онъ, такъ и Братіано и даже самъ принцъ Карлъ настаиваютъ на уступкѣ Добруджи, съ распространеніемъ ея территоріи до Силистріи и Мангаліи. Допускаютъ, что всѣ территоріальныя уступки будутъ сдѣланы Портою Россіи съ тѣмъ, что мы переуступимъ Румыніи ту часть за Дунаемъ, которая предназначается княжествамъ, заключивъ съ нею впослѣдствіи соглашеніе ¹⁾, въ которомъ будутъ оговорены всѣ мѣстныя подробности производимаго земельного обмѣна ²⁾. Предпочитаютъ, чтобы денежное вознагражденіе Румыніи не было уплачено турками не-

---

¹⁾ Это мѣсто изъ записокъ графа Игнатьева заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ изъ него видно, что Игнатьевъ еще до возникновенія свободнаго княжества Болгарскаго ясно сознавалъ, что жизненнымъ интересамъ для Россіи представляется необходимость обезпечить наше постоянное, не зависящее отъ другихъ сосѣдей территоріальное сообщеніе съ созданной нами Болгаріею. Мысль Игнатьева состояла въ томъ, что Россія, побѣдившая Турцію, получаетъ отъ нея (по праву анексії) Добруджу и затѣмъ уступаетъ эту территорію Румыніи, въ видѣ говышеннаго эквивалента за вновь присоединяемую къ намъ южную Бессарабію. При этомъ мы, не ограничивая верховенства Румыніи, должны были выговорить себѣ нѣчто въ родѣ «государственнаго сервитута», право прохода черезъ Добруджу, безъ испрошенія, на каждый разъ, особаго разрѣшенія. Словомъ сказать, это было нѣчто въ родѣ пресловутаго «*accès commercial*», который Австрія обѣщала Сербіи, въ отношеніи Адриатики, на Лондонской конференціи 1913 года. Мысль Игнатьева осталась втуне. По статьѣ 46 Берлинскаго трактата, Буджакъ отданъ былъ Румыніи безъ всякой оговорки. А. Б.

²⁾ Это было впослѣдствіи совершенно упущено изъ вниманія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, и Добруджа передана безусловно румынамъ по Берлинскому договору, хотя само румынское правительство, въ переговорахъ съ Игнатьевымъ, признавало право Россіи выговорить въ свою пользу нѣкоторыя условія для обезпеченія свободнаго сообщенія съ Болгаріею.

посредственно княжеству, а чтобы сумма эта была включена въ то военное вознагражденіе, которое Россія вытребуетъ отъ Порты. Обѣщали мнѣ отказаться отъ дѣлаемыхъ попытокъ воздѣйствія на насъ черезъ другіе европейскіе кабинеты. Князь Карлъ далъ мнѣ понять, что напишетъ государю единственно съ цѣлью отвѣчать на высочайшій рескриптъ и выгородить свое личное положеніе въ странѣ этимъ обращеніемъ къ государю, сдѣланнымъ для видимости.

«Необходимо повліять на консерваторовъ румынскаго собранія, чтобы ослабить ихъ нападки на министровъ, которыхъ они уже обвиняютъ въ продажѣ намъ Бессарабіи, и способствовать принятію собраніемъ благопріятнаго рѣшенія. Поручилъ барону Стюарту продолжать начатыя мною усилія для умиротворенія и успокоенія страны. Выяснивъ порученные мнѣ вопросы, отправляюсь завтра въ Тырново и Адрианополь. Не могъ уладить пререканій относительно желѣзныхъ дорогъ, на что потребовалось бы мнѣ остаться здѣсь продолжительное время, чтобы изслѣдовать затрудненія и изыскать удовлетворительное разрѣшеніе».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду настояній румынскихъ министровъ, я спросилъ по телеграфу канцлера: «Слѣдуетъ ли въ переговорахъ съ турками включить Силистрію и Мангалію въ мѣстность, предназначенную румынамъ, или не измѣнять одобреннаго въ Петербургѣ проекта».

Получивъ въ Бухарестѣ свѣдѣнія, что греки готовы поднять возстаніе въ Эпирѣ, Фессаліи и Македоніи ¹⁾, я обратилъ на это обстоятельство, телеграммою отъ 21-го января, вниманіе канцлера слѣдующимъ образомъ: «Вступленіе грековъ въ Эпиръ, Фессалію и Македонію усложняетъ положеніе и склоняетъ къ радикальному рѣшенію восточнаго вопроса ²⁾. Не признаете ли нужнымъ снабдить меня новыми инструкціями?»

IV.

Наканунѣ моего выѣзда изъ Бухареста, вечеромъ, Братіано сообщилъ мнѣ, что главнокомандующій великій князь заключилъ перемиріе съ турками въ Адрианополь. Я, зная, что

¹⁾ Если бы они это предприняли, какъ совѣтовалъ имъ Игнатьевъ, въ проѣздъ свой черезъ Аѳины въ январѣ 1877 года, въ ту минуту, когда наши войска стали переходить Балканы, то результаты были бы благопріятнѣе и для Греціи, и для насъ. Движеніе это оттянуло бы часть турецкихъ войскъ и послужило бы намъ диверсією. Сабуровъ, равно какъ и министерство иностранныхъ дѣлъ пренебрегли этимъ средствомъ и тѣмъ лишили насъ содѣйствія грековъ и возможности присоединить острова и часть Эпира и Фессаліи къ Греціи, какъ предполагалъ Игнатьевъ, имѣвшій въ виду удовлетвореніемъ грековъ облегчить созданіе Великой Болгаріи. Авт.

²⁾ То есть не ограничиться условіями проекта договора, вывезеннаго изъ Петербурга, но вести дѣло къ уничтоженію владычества турокъ на европейской территоріи увеличеніемъ Греціи и разрѣшеніемъ вопроса о Константинополѣ и проливахъ.

Авт.

его величество выразилъ главнокомандующему желаніе, чтобы дожидаться пріѣзда генераль-адъютанта Игнатъева для переговоровъ съ турками и что всѣ выгоды продолженія военныхъ дѣйствій теперь были на нашей сторонѣ, не повѣрилъ слуху, но тотчасъ же телеграфировалъ Нелидову: «Доложите великому князю, что встрѣтилъ здѣсь большія затрудненія по вопросу о Бессарабіи, задержавшія меня два дня. Сообщите мнѣ въ Тырново о положеніи дѣла и переговорахъ съ турками, для моего соображенія. Буду завтра. До скорого свиданія».

Канцлеру я телеграфировалъ:

«По разсказу Когальничано, онъ, спрошенный княземъ Карломъ о мнѣніи его касательно положенія дѣла, отвѣтилъ, что не остается ничего другого, какъ уступить Россіи Бессарабію. Онъ взваливаетъ всю отвѣтственность за этотъ исходъ на Братіано. Князь и министры очень встревожены извѣстіемъ о заключенномъ якобы перемиріи, такъ какъ они желали имѣть время взять Виддинъ, или вытребовать занятія этой крѣпости румынскими войсками. Они просили меня сообщить вамъ объ этомъ, замѣтивъ, что они, во всякомъ случаѣ, добиваются, чтобы вооруженіе и имущество крѣпости было имъ отдано. Изъ словъ самого князя и признаній Братіано можно вывести заключеніе, что князь Карлъ желалъ бы быть избранымъ княземъ Болгаріи. Я отвѣчалъ, что государь императоръ не назначаетъ кандидата и что избраніе будетъ произведено болгарами совершенно свободно. Можетъ быть полезнымъ не разочаровывать совершенно и преждевременно князя Карла до окончанія разрѣшенія вопроса о Бессарабіи».

Писать подробныя донесенія изъ Бухареста канцлеру не было никакой возможности, ибо цѣлый день приходилось Игнатъеву принимать различнаго рода людей, имѣть свиданія съ министрами и отдавать визиты, а бесѣды съ Братіано и Когальничано продолжались часами. Только въ Адрианополѣ удалось мнѣ составить подробное донесеніе (на французскомъ языкѣ) о происходившихъ переговорахъ въ Бухарестѣ и отправить съ военнымъ курьеромъ, послышавшимся изъ главной квартиры арміи. Вотъ содержаніе донесенія канцлеру:

«Согласно высочайшему повелѣнію ¹⁾ и инструкціи, вами мнѣ данной при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, я остановился въ Бухарестѣ для разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ, прикасающихся къ будущему миру съ Турціею. Какъ ваше сіятельство изволили указать, дѣло шло не о формальныхъ ²⁾ переговорахъ, которые были

¹⁾ Всѣ донесенія Игнатъева канцлеру писаны по-французски и здѣсь сообщаются въ точномъ переводѣ. Авт.

²⁾ Выраженіе «формальный», очевидно, передаетъ здѣсь французское слово «formel». Нерѣдко въ официальныхъ текстахъ, въ особенности въ послѣднее время, попа-

бы преждевременны, такъ какъ даже основанія будущихъ условій мира еще не были установлены, и, чтобы договориться съ румынами, потребовалось несравненно болѣе времени, нежели то, которымъ я могъ располагать для остановки моей на пути въ главную квартиру арміи. Я обязанъ былъ ограничиться собраніемъ свѣдѣній о дѣйствительномъ расположеніи и намѣреніяхъ румынъ, попытаться сговориться съ министрами, объясниться съ вліятельными людьми различныхъ партій, пытаясь подготовить такимъ образомъ пути для дальнѣйшаго соглашенія ¹⁾. Военныя событія, придвигавшія наши войска быстро къ Царьграду, не позволяли мнѣ посвятить въ Бухарестѣ болѣе двухъ сутокъ съ половиною. Но я полагаю, что въ этотъ краткій срокъ я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, чтобы приостановить румынское правительство въ его опасныхъ стремленіяхъ, ведущихъ его къ разрыву съ нами.

«При медленномъ движеніи по желѣзнымъ дорогамъ я не успѣлъ прибыть въ Бухарестъ ранѣе 19-го въ полдень и долженъ былъ выѣхать 22-го, въ восемь часовъ утра.

«Не стану утруждать ваше сіятельство подробнымъ изложеніемъ продолжительныхъ бесѣдъ моихъ съ княземъ Карломъ, министрами и вліятельными лицами страны. Въ виду медленности почтовыхъ сообщений и необходимости принять своевременно мѣры для противодѣйствія враждебнымъ намъ замысламъ и интригамъ, я счелъ обязанностью извѣстить васъ по телеграфу обо всемъ вкратцѣ, но съ возможною точностью.

«Согласно моему телеграфическому донесенію и, вѣроятно, свѣдѣніямъ, полученнымъ вашимъ сіятельствомъ отъ барона Стюарта, политическое положеніе въ Бухарестѣ было, въ минуту моего прибытія, весьма натянутое. Умы были чрезвычайно раздражены противъ насъ; министры, подвергаясь постояннымъ нападкамъ и упрекамъ собственной своей партіи, незамѣтно поддавались общему теченію; князь былъ нерѣшителенъ и подпалъ подъ вліяніе лицъ, его окружающихъ. Чтобы ваша свѣтлость могли себѣ составить понятіе о горечи обвиненій, взводимыхъ румынами на наши военныя власти, считаю долгомъ представить вамъ двѣ записки, врученныя мнѣ Когальничано при первомъ свиданіи. Просмотрѣвъ

дается это выраженіе. Оно совершенно не соотвѣтствуетъ установившемуся въ русскомъ языкѣ смыслу слова «формальный» (т. е. относящагося къ одной лишь внѣшней формѣ), а потому его слѣдуетъ тщательно избѣгать. Французское выраженіе «formel, formellement» означаетъ нѣчто совершенно категорическое, въ отличіе отъ всего неяснаго и недосказаннаго. Поэтому, въ этомъ мѣстѣ записокъ Игнатьева лучше было бы сказать: «дѣло шло не объ окончательныхъ переговорахъ, которые были бы преждевременны», и т. д.

А. Б.

¹⁾ Князю Горчакову хотѣлось, чтобы Игнатьевъ сдѣлалъ въ Бухарестѣ въ два дня то, что онъ самъ, со всеми своими совѣтниками, долженъ былъ бы, но не захотѣлъ или не могъ, достигнуть въ теченіе своего шестимѣсячнаго пребыванія въ румынской столицѣ.

А в т.

ихъ, я тотчасъ отвѣтилъ ему, что я не имѣю права судить о дѣйствіяхъ нашей администраціи, но, убѣжденный въ преувеличеніи и неосновательности взводимыхъ на нее румынскими властями обвиненій, я могу только, отнюдь не вмѣшиваясь въ разбирательство спорныхъ вопросовъ, передать частнымъ образомъ и совершенно конфиденціально генераль-адъютанту Дрентельну, отъ котораго и будетъ зависѣть принять это во вниманіе. Возмущенный содержаніемъ этихъ записокъ, генераль Дрентельнъ доставилъ мнѣ записку, при семь прилагаемую, для опроверженія и изобличенія выставленныхъ румынами фактовъ.

«При свиданіи со мною генераль Дрентельнъ предупредилъ меня, что коменданта Зимницы, на котораго такъ рѣзко напалъ въ запискѣ Когальничано, онъ непременно представитъ къ наградѣ за отличіе, чтобы доказать, что онъ вполнѣ одобряетъ его образъ дѣйствій. Я старался смягчить обоюдное раздраженіе, но я не могъ ожидать видимаго результата моихъ умиротворяющихъ усилій, для достиженія котораго пришлось бы остаться въ Румыніи неопредѣленное время: для уничтоженія зла, пустившаго уже глубокіе корни, требуются энергичныя мѣры и постоянныя усилія. Впрочемъ, князь Оболенскій¹⁾, уѣзжающій въ Петербургъ, намѣренъ доставить подробныя свѣдѣнія императорскому правительству о мѣстныхъ вопросахъ и въ особенности о расположеніи умовъ въ Румыніи.

«Во время моего пребыванія въ Румыніи румынскія власти и даже населеніе были до нельзя учтивы, привѣтливы и почтительны ко мнѣ. Въ Бухарестѣ, тотчасъ послѣ моего прибытія, явились ко мнѣ Братіано и Когальничано. Въ бесѣдѣ, продолжавшейся нѣсколько часовъ, и въ послѣдующихъ разговорахъ съ ними (вечеромъ и на другой день) я объяснилъ имъ виды императорскаго правительства, стараясь сдѣлать имъ внушенія въ смыслѣ вашихъ инструкцій и исчерпывая всѣ доводы, которые могли бы привести ихъ на нашу точку зрѣнія. Братіано и Когальничано притворились пораженными неожиданнымъ якобы для нихъ требованіемъ нашимъ возврата уступленной нами въ 1856 году части Бессарабіи. Они утверждали, что, застигнутые мною врасплохъ, они не имѣютъ даже права вести переговоры объ этомъ предметѣ. Оба ссылались на конституціонную невозможность для министровъ трактовать объ уступкѣ малѣйшаго клочка румынской территоріи. Разъ, что конституція будетъ нарушена, князь Карлъ рискуетъ, говорили они, быть выгнаннымъ изъ края; возникнутъ безпорядки, и страна будетъ ввержена въ анархію; ихъ лично отдадутъ подъ судъ и

---

¹⁾ Князь Михаилъ Александровичъ Оболенскій, род. 1821 г., +1886 г., бывшій нашимъ комиссаромъ при румынскомъ правительствѣ и служившій посредникомъ между нимъ и нашими военными властями. Авт.

обвинять, вѣроятно, въ государственной измѣнѣ; во всякомъ случаѣ они рискуютъ потерять всякое значеніе среди соотечественниковъ, и собственная ихъ партія отъ нихъ откажется. Братіано добавилъ, что для того, чтобы собраніе одобрило и приняло конвенцію съ Россіею (5-го апрѣля), онъ вынужденъ былъ провозгласить, что это было единственнымъ средствомъ *сохранить неприкосновенность нынѣшней территоріи*, упомянутой и гарантированной въ конвенціи ¹⁾, и что по мысли всѣхъ румынъ эта гарантія относилась прежде всего къ уступленной Россіею части Бессарабіи. Когда я напомнилъ Братіано, а равно и Когальничано, что со времени посѣщенія принцомъ Карломъ и Братіано Ливадіи въ 1875 году имъ было извѣстно наше намѣреніе возвратить утраченную часть Бессарабіи и что я лично всякій разъ, когда имѣлъ случай съ ними бесѣдовать, упоминалъ о нашихъ неоспоримыхъ правахъ на эту часть Бессарабіи и о предстоящемъ возвратѣ оной Россіи, — они мнѣ отвѣчали, что всегда предполагали, что это было лишь личное ²⁾ мое мнѣніе, основываясь на томъ, что его величество ни разу не заговорилъ о томъ съ княземъ Карломъ и что ваша свѣтлость въ продолженіе всего пребыванія вашего въ Бухарестѣ не затронули этого вопроса въ бесѣдахъ съ министрами. По ихъ мнѣнію, если были намѣрены, чтобы Румыніа добровольно согласилась возвратить намъ участокъ Бессарабіи, необходимо было озаботиться подготовленіемъ къ сему страны, воспользовавшись довѣрительными и добрыми отношеніями нашими съ министрами. Когальнича-

¹⁾ Нѣтъ сомнѣнія, что это была большая ошибка и непредусмотрительность, съ нашей точки зрѣнія, допустить подобную редакцію статьи конвенціи. Когда, при объявленіи войны Турціи, Игнатьеву былъ показанъ текстъ конвенціи, онъ упрекнулъ князя Горчакова и Нелидова, посланнаго въ Бухарестъ для переговоровъ съ Братіано, что они включили обязательство, противорѣчащее тѣмъ требованіямъ, которыя мы обязаны будемъ предъявить при заключеніи мира. Князь Горчаковъ въ объясненіяхъ своихъ хотѣлъ свалить ошибку на Нелидова, но сей послѣдній доказалъ, что онъ не согласился на предложенную Братіано редакцію и сообщилъ ее въ Петербургъ ad referendum, а статья эта была включена въ конвенцію, подписанную барономъ Стюартомъ, по приказанію канцлера, посланному по телеграфу нашему дипломатическому агенту въ Бухарестѣ. Авт.

²⁾ Нигдѣ не обнаруживается столь вышукло пагубное отсутствіе серьезныхъ традицій въ нашемъ дипломатическомъ вѣдомствѣ, какъ въ этомъ удивительномъ инцидентѣ, когда румынскіе министры, даже хорошо освѣдомленные (въ 1875 году, въ Ливадіи) о томъ, что императоръ Александръ II чувствовалъ какъ камень на своей царской совѣсти отторженіе отъ насъ въ началѣ его царствованія части Бессарабіи, все же находили возможнымъ «предполагать, что это личное (?) мнѣніе Игнатьева».

Будь у насъ, къ тому времени, прочно и опредѣленно сложившіяся традиціи русской дипломатіи относительно того, куда идетъ Россія, въ чемъ состоитъ ея кровный интересъ, чего наши государственные люди *должны неустанно домогаться* изъ рода въ родъ?—румынскіе дипломаты не стали бы тогда проявлять такую увѣренность, что ясная государственная прозорливость Игнатьева могла быть только индивидуальной его осб и іостью среди преобладающей безпринципности и полного отсутствія какихъ бы то ни было государственныхъ цѣлей. А. Б.

но въ особенности горячился и запальчиво утверждалъ, что, если бы его предупредили, онъ сумѣлъ бы систематически подѣйствовать на умы своихъ соотечественниковъ, но что въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ онъ поставленъ въ невозможность быть намъ полезнымъ».

Истошнвъ безуспѣшно всѣ доводы въ доказательство матеріальной необходимости установить лучшую границу между нашею Бессарабією и Румынією, нежели та, которая искусственно была проведена въ 1856 году, соображенія политическія, ссылки на историческіе факты и данныя этнографическія, доказывающія основательность требованія Россіи, Игнатъевъ принужденъ былъ, какъ онъ выражался во второмъ своемъ донесеніи: «охладить пылъ Когальничано твердымъ и категорическимъ заявленіемъ о безповоротности рѣшенія государя возвратить отторгнутый у Россіи участокъ Бессарабіи». «Я далъ понять,—пишетъ Игнатъевъ,—Когальничано, какъ и Братіано, что если они станутъ сопротивляться, то найдутся другіе министры, которые, взглянувъ на этотъ вопросъ съ высшей точки зрѣнія, какъ подобаеъ истиннымъ государственнымъ людямъ, сумѣютъ уладить это дѣло; что такъ какъ Румынія обязана тѣмъ или другимъ образомъ подчиниться волѣ государя императора, то они поступили бы разумно и честно, не создавая намъ напрасныхъ затрудненій, а постарались бы, напротивъ, объяснить странѣ, что, поставленные предъ совершенною необходимостью уступки и историческою неизбѣжностью ¹⁾, они сумѣли извлечь наибольшую пользу изъ опаснаго положенія, заключивъ съ Россією въ согласіи съ ними выгодный для Румыніи земельный обмѣнъ».

Чтобы заставить замолчать Когальничано и унять его заносчивость, мнѣ пришлось сказать ему, какъ упомянуто въ донесеніи, нѣсколько правдивыхъ, но горькихъ для него словъ объ его личныхъ поступкахъ и побужденіяхъ, чтобы показать ему, что мнѣ многое извѣстно до него лично касающееся изъ того, что можетъ

---

¹⁾ Въ 1875 году, когда Братіано былъ въ Ливадіи съ княземъ Карломъ и пускался въ политическіе разговоры съ Игнатъевымъ, которые онъ по приказанію государя поддерживалъ, русскій посолъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобы категорически заявить румынскому первому министру, что возвращеніе Россіи отторгнутой части Бессарабіи лежитъ на сердцѣ государя, что его величество смотритъ на это, какъ на свой царскій долгъ предъ Россією, и не упуститъ, разумѣется, случая исполнить свое завѣтное желаніе. Игнатъевъ объяснилъ Братіано, что если возгорится когда-либо война съ Турцією и наши войска войдутъ въ Измаиль, то никакая сила ихъ не выведетъ вторично изъ этой части Бессарабіи и что Румынія, для прочнаго обезпеченія своей будущности и установленія искреннихъ отношеній къ Россіи, должна бы сама озаботиться доставленіемъ этого удовлетворенія русскому народному чувству, оскорбленному въ 1856 году уступкою земли, завоеванной русскимъ оружіемъ. Братіано не возражалъ, но замѣтилъ, что онъ понимаетъ нравственное значеніе для Россіи возврата участка Бессарабіи, матеріальное значеніе котораго онъ считаетъ ничтожнымъ. Авт.

его поставить въ нашу нравственную зависимость ¹⁾. Я указалъ обоимъ министрамъ съ негодованіемъ на недостойныя продѣлки и интриги въ Измаильскомъ уѣздѣ полковника Кандіано, командированнаго въ званіи правительственнаго комиссара въ эту мѣстность исключительно для того, чтобы противодѣйствовать желанію той части населенію, которая уже давно стремилась вызвать присоединеніе къ Россіи. Естественно, что съ появленіемъ нашихъ войскъ сочувствіе къ Россіи оживилось и окрѣпло. Кандіано, чтобы парализовать это настроеніе, сталъ обѣщать избавленіе на двадцать лѣтъ отъ податей и давалъ разныя другія заманчивыя обѣщанія, принуждая, въ то же время, черезъ мѣстныхъ властей обманнымъ образомъ сельчанъ подписывать протестъ ²⁾ противъ желаемаго населеніемъ присоединенія къ Россіи. Я замѣтилъ, что если румынское правительство унижается употребленіемъ подобныхъ средствъ, чтобы ввести въ заблужденіе жителей, мы вынуждены будемъ принять энергическія мѣры противъ такихъ интригъ; допуская даже, что молдаване въ этой мѣстности дѣйствительно не расположены къ присоединенію къ Россіи, не надо забывать, что они составляютъ ничтожное меньшинство, тогда какъ большинство населенія, состоящее изъ русскихъ и болгаръ, открыто и по собственному почину требуетъ возвращенія края Россіи, угрожая въ противномъ случаѣ покинуть его вмѣстѣ съ нашими войсками ³⁾. Я замѣтилъ, что предо-

¹⁾ Когальничано былъ челоѣкъ корыстолюбивый и находился въ близкихъ денежныхъ сношеніяхъ съ Поляковымъ, строителемъ желѣзныхъ дорогъ, съ разными поставщиками арміи и т. п. Сверхъ того онъ владѣлъ имѣніемъ въ отошедшей отъ насъ части Бессарабіи и желалъ или продать эту землю казнѣ за высокую цѣну, или получить отъ насъ другія личныя выгоды. Авт.

²⁾ Еще 13-го января баронъ Стюартъ доносилъ канцлеру, что префектъ Измаила, по порученію правительства, обѣщаніемъ большой отсрочки поземельныхъ платежей собираетъ подписи для плебисцита, заявляющаго якобы желаніе населенія отошедшаго отъ Россіи въ 1858 году участка Бессарабіи оставаться подъ владычествомъ Румыніи. Министръ Кампиано отправленъ былъ въ Берлинъ и Парижъ, а князь Гика въ Лондонъ ходатайствовать о дарованіи коллективной европейской гарантіи нейтралитета Румыніи, по образцу Бельгіи. Агентъ румынскій въ Вѣнѣ Балачіано хлопоталъ о томъ же. Вице-консулъ Романенко донесъ Игнатьеву, что Кандіано, не довольствуясь подпольными интригами и внушеніями черезъ мѣстныхъ властей, сдѣлалъ открытое оповѣщеніе по городу и уѣзду Измаильскому, въ которомъ заявилъ, что: «говоръ о томъ, что румынская Бессарабія отъидетъ къ Россіи, долженъ прекратиться», и приглашалъ представлять начальству людей, смущающихъ населеніе подобными слухами, для подвергнутія ихъ законному строжайшему взысканію. По донесеніямъ Романенка, ни хитрости, ни угрозы Кандіано не могли вынудить жителей города Измаила отказаться отъ пламеннаго желанія воссоединенія съ Россіею. Авт.

³⁾ Адресы въ этомъ смыслѣ переданы были Игнатьеву нашимъ консуломъ въ Измаилѣ Романенкомъ, у котораго, тотчасъ послѣ своего выѣзда изъ Петербурга, Игнатьевъ запросилъ по телеграфу объ истинномъ расположеніи населенія, а равно о дѣйствіяхъ въ отошедшей части Бессарабіи румынскихъ властей, такъ какъ въ бытность посломъ въ Константинополь онъ всегда внимательно слѣдилъ за состояніемъ умовъ въ этомъ краѣ и интригамъ и румынъ стремившихся искоренять сочувствіе къ Россіи въ жителяхъ. Авт.

сторожности, принимаемыя нынѣ на мѣстѣ правительствомъ румынскимъ, въ виду ожидаемаго событія, служили лучшимъ доказательствомъ того, что въ силу обстоятельствъ отторгнутая часть Бессарабіи должна быть возвращена Россіи. Наконецъ, я заявилъ, что въ виду ненависти, которую румынскія власти заслужили въ населеніи, его величеству совершенно невозможно, при окончательномъ расчетѣ, который окончитъ нынѣшнюю войну, отказать въ своемъ покровительствѣ своимъ старымъ подданнымъ, обитающимъ не румынскую страну, а бывший Татарскій санджакъ, входившій въ составъ Бессарабіи и который въ мнѣніи не только всякаго русскаго, но и самихъ молдаванъ былъ только временно отторгнутъ отъ имперіи въ 1856 году.

«Не оспаривая этой точки зрѣнія, министры ограничились утвержденіемъ, что переходомъ черезъ Дунай и пролитіемъ крови вмѣстѣ съ нами на поляхъ Болгаріи румыны поставили насъ въ нравственную невозможность отобрать у нихъ участокъ Бессарабіи, что только такой смыслъ придавали въ странѣ оказанному намъ вооруженному содѣйствію и что враги министерства поздравляли его съ обезпеченіемъ Румыніи такого результата. Братіано продолжалъ говорить въ этомъ смыслѣ, выставляя все, что онъ якобы сдѣлалъ, чтобы быть полезнымъ Россіи, ссылаясь на общественное мнѣніе, противное всякой мысли о возвращеніи намъ бессарабскаго участка, на злобу, которую это посѣетъ въ краѣ и которая обратится въ открытую вражду послѣ войны. Братіано объявилъ, что, предвидя разрѣшеніе такимъ образомъ тѣхъ добрыхъ отношеній, которыя ему стоило столько труда установить между Румыніею и Россіею, онъ предпочитаетъ выйти въ отставку, нежели содѣйствовать такому отрицательному результату. По его мнѣнію, отдача Бессарабіи намъ, сверхъ всѣхъ другихъ неудобствъ и затрудненій, создастъ еще опасный прецедентъ, которымъ Австро-Венгерія могла бы со временемъ воспользоваться, чтобы распространить свои владѣнія до Дуная. Первый министръ окончилъ жалобное свое изліяніе сознаниемъ опасности личнаго своего положенія: «если я вамъ окажу содѣйствіе, моя собственная партія въ парламентѣ отъ меня отступится, страна проклянетъ, и я буду побить камнями моими соотечественниками». Когальничано, охлажденный моими предостереженіями личнаго свойства, доказалъ еще разъ гибкость своего ума, принявшись тутъ же торговаться съ мною о вознагражденіи, которое мы предложимъ Румыніи за отнятый у нея край. Чтобы быть справедливыми, слѣдовало бы, по его мнѣнію, прибавить къ Добруджѣ еще Мангалію и Силистрію, въ особенности послѣднюю, такъ какъ въ этомъ городѣ обитаетъ, по его словамъ, значительное число румынъ. Въ Силистріи же находятся, какъ увѣряетъ Когальничано, церкви и румынская школа, которыя въ отдаленныя времена принадлежали румынскимъ князьямъ. Онъ требо-

валь, сверхъ того, для Румыніи городъ Виддинъ съ окружающею мѣстностью вдобавокъ къ Добруджѣ. Я категорически отвергнулъ это послѣднее притязаніе, заявивъ, что такъ какъ и сербы могутъ требовать себѣ Виддинъ, то, чтобы избѣгнуть пререканій между двумя единовѣрными княжествами, мы рѣшили оставить Виддинъ болгарамъ, которые, въ сущности, одни имѣютъ на этотъ городъ неоспоримое право. Что касается Силистріи и Мангаліи, я замѣтилъ, что около этихъ пунктовъ нѣтъ никакой естественной границы, тогда какъ Траяновъ валъ можетъ служить весьма опредѣленною граничною чертою Добруджи. Увлеченный нашимъ споромъ, Братіано, незамѣтно для самого себя, вошелъ въ общее разсужденіе касательно вознагражденія Румыніи за Бессарабію. Онъ возразилъ, вмѣстѣ съ Когальничано, что граница по Траянову валу была бы слишкомъ приближена къ желѣзной дорогѣ изъ Черноводы въ Кюстенджи, такъ что эта линія не была бы обезпечена отъ попытки ея завладѣть извнѣ.

«Замѣчанія румынскихъ министровъ и вдобавокъ настоянія князя Карла, который въ разговорѣ, который я имѣлъ съ нимъ вскорѣ послѣ моей бесѣды съ его министрами, съ своей стороны, требовалъ увеличенія Добруджи, вѣроятно, понудятъ насъ измѣнить нѣсколько проектъ статьи о Добруджѣ, помѣщенный въ проектѣ, разсмотрѣнномъ въ Петербургѣ. Въ виду этого я полагаю требовать отъ турокъ уступки намъ всего Тульчинскаго санджака, не упоминая о линіи Черноводы—Кюстенджи. Граница прошла бы тогда отъ моря близъ Мангаліи до Дуная, выше Рассова. Можно принять нѣсколько во вниманіе притязанія Румыніи, но Силистрію нельзя выдѣлить изъ Болгаріи. Враждебность и возрастающее недовѣріе къ намъ румынъ рѣшили меня ввести слѣдующее измѣненіе въ нашемъ проектѣ договора.

«Вмѣсто того, чтобы, какъ первоначально предположено было, непосредственно предоставить Румыніи дунайскія гирла (Дельту), я намѣренъ требовать уступки всей Тульчинской области (включая всѣ острова) Россіи. Отъ насъ будетъ зависѣть предоставить впослѣдствіи часть румынамъ, взамѣнъ Бессарабіи, отчужденной въ 1856 году. Такимъ образомъ румыны будутъ лишены возможности, получивши острова Дунайскіе, претестовать противъ возврата намъ Бессарабіи. Такого рода измѣненіе утвержденного проекта договора кажется тѣмъ болѣе сообразнымъ, что сами министры румынскіе, удостовѣрившись, что они не въ состояніи отстаивать свою точку зрѣнія на бессарабскій вопросъ, заявили мнѣ, что они предпочитаютъ нести послѣдствія договора, заключеннаго между Россією и Турцією, нежели добровольно согласиться съ нами на территориальную уступку.

«Прочитавъ письмо государя, мною врученное, князь Карлъ сталъ говорить о неожиданности для него требованія Бессарабіи, о томъ

глубокомъ впечатлѣніи, которое слухъ объ этомъ уже произвелъ въ Румыніи, и о затрудненіяхъ, созданныхъ такимъ образомъ его правительству.

«Я доложилъ князю самымъ почтительнымъ, но рѣшительнымъ образомъ требованія нынѣшняго положенія и рѣшеніе, принятое государемъ.

«Князь Карлъ выразилъ большое удивленіе по поводу возбужденія этого вопроса. «Я надѣялся,—сказалъ онъ:—что мое поведеніе во время войны оградило меня отъ такого большого униженія; подданные мои никогда не простятъ мнѣ, что я ихъ ввелъ въ войну для того, чтобы прійти къ такому горестному результату, нарушающему конституцію, которой я присягалъ, и конвенцію, заключенную съ Россіею». Онъ доказывалъ мнѣ, что положеніе его въ Румыніи сдѣлается невыносимымъ и т. п.

«Всѣ эти доводы были, очевидно, подсказаны ему министрами, говорившими уже мнѣ совершенно въ томъ же смыслѣ за часъ передъ тѣмъ. Но князь пошелъ еще дальше. По его мнѣнію, если его величество желаетъ нынѣ уничтожить послѣдніе слѣды несчастныхъ обстоятельствъ начала его царствованія, то, конечно, понятно, что, пользуясь нынѣшнимъ положеніемъ, государь заставитъ султана возвратить Россіи тотъ край, который былъ отъ нея отторгнутъ въ 1856 году; но разъ, что народная честь такимъ образомъ будетъ удовлетворена, императоръ могъ бы подарить этотъ клочокъ румынамъ, въ награду за содѣйствіе, оказанное его войскамъ въ преодоленіи турокъ, или даже допустить общій пересмотръ и исправленіе русско-румынской граничной линіи, причемъ могли быть отданы Румыніи (взамѣнъ Измаила) нѣкоторая часть Бессарабской земли на лѣвомъ берегу Верхняго Прута. Я не допустилъ продолженія разговора на эту неприличную тему и вернулъ князя на болѣе практическую почву дѣйствительности. Онъ долго распространялся относительно затрудненій и опасностей своего личнаго положенія въ краѣ и предупредилъ меня, что намѣренъ написать письмо государю, чтобы умолить его отказаться отъ проекта, который могъ быть приведенъ въ исполненіе только въ ущербъ «вѣрному боевому союзнику». Такъ какъ онъ постоянно возвращался къ «униженію», которому онъ подвергнется, я не могъ не замѣтить ему, что въ сдѣлкѣ, предлагаемой государемъ, нѣтъ никакого равно униженія, а лишь земельный обмѣнъ.

«Европейская гарантія Румыніи, какъ составной части Турецкой имперіи, обезпеченная Парижскимъ договоромъ 1856 года, прекращена войною и объявленіемъ независимости княжествъ¹⁾).

¹⁾ Весьма замѣчательна мысль Игнатьева, что «гарантія Румыніи, какъ составной части Турецкой имперіи, обезпеченная Парижскимъ договоромъ 1856 года, прекращена войною и объявленіемъ независимости княжествъ». Это вытекало изъ того, что

Весьма понятно, что княжеское правительство желало бы замѣнить прежнее свое международное положеніе признаніемъ нейтралитета Румыніи, наподобіе Бельгій. Неудобства подобнаго результата не только для Россіи, но и вообще для славянскихъ земель Балканскаго полуострова очевидны: русскимъ войскамъ будетъ закрытъ доступъ къ послѣднимъ. Игнатьевъ въ бесѣдѣ съ Братіано указалъ на дѣйствительный способъ огражденія Румыніи въ будущемъ отъ Австро-Венгріи и Турціи заключеніемъ оборонительнаго союза съ Россіею, съ оговоркою права прохода русскихъ войскъ черезъ княжества, когда обстоятельства вынудятъ наше заступничество военное за единовѣрцевъ на Балканскомъ полуостровѣ. Такъ какъ Братіано соглашался съ этимъ мнѣніемъ, то Игнатьевъ предложилъ князю Горчакову заключить подобную искреннюю конвенцію съ Румыніей прежде заключенія окончательнаго мира съ Турціею, причемъ договоръ этотъ не имѣлъ бы быть направленнымъ противъ Австро-Венгріи, а лишь служилъ какъ бы огражденіемъ Румыніи отъ мщенія турокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если благоприятная минута, чтобы связать княжества, выгоднымъ для Россіи образомъ, будетъ пропущена и состоится вмѣшательство европейскихъ державъ въ условія замиренія Востока, то такая конвенція не можетъ быть заключена и кабинеты употребятъ всевозможныя старанія, чтобы отдалить отъ насъ Румынію ¹⁾).

«Неоднократно различные европейскіе кабинеты и сама Турція въ 1870 году подсказывали намъ, чтобы мы возвратили себѣ отчужденную часть Бессарабіи, но государь не желалъ пріобрѣсти оную, не предупредивъ румынъ и не доставивши имъ соотвѣтствующаго вознагражденія. Его величество предпочелъ снести предва-

---

слова «*garantie collective de toutes les Puissances signataires*» были употреблены въ статьѣ 25-го Парижскаго договора лишь въ отношеніи тѣхъ основныхъ законовъ («*l'organisation de ces provinces*»), которые должны были быть выработаны мѣстнымъ народнымъ представительствомъ по соглашенію съ Портою, а затѣмъ же и утверждаемы турецкимъ законодательнымъ актомъ («*hatti-chéریف*»). Разумѣется, разъ Румыніа провозгласила свою независимость и объявила войну Турціи, то всѣ эти положенія и гарантіи тѣмъ самымъ отпадали. А. Б.

¹⁾ Прозорливость Игнатьева подсказывала ему, что никакое международное гарантированіе нейтральности Румыніи, наподобіе Бельгій, не можетъ быть освящено соглашеніемъ Россіи, пока останется не разрѣшеннымъ вопросъ о территориальномъ непосредственномъ общеніи между Россіею и славянскими государствами на Дунаѣ. Здѣсь мысль Игнатьева достигаетъ ясности и прозрачности настоящей доктрины, какъ, впрочемъ, мы и раньше указывали, что есть въ его запискахъ такіа мѣста, которыя составляютъ какъ бы дидактическое наслѣдіе для будущей школы дипломатовъ.

Въ связи съ тѣмъ, что Игнатьевъ категорически отвергъ всякое предположеніе о томъ, будто еще дѣйствовала въ пользу Румыніи европейская коллективная гарантіа статьи 25-й Парижскаго трактата, Игнатьевъ оставался вѣрнымъ разъ принятой имъ системѣ, когда онъ отвергалъ мысль о провозглашеніи нейтральности Румыніи наподобіе Бельгій и, взаимѣнъ этихъ надеждъ, подсказывалъ румынамъ, что ихъ естественный интересъ требовалъ заключенія съ нами особой конвенціи. А. Б.

рительно съ княземъ, какъ сносятся между собою сосѣдніе владѣтели, предлагая ему вознагражденіе не только достаточное, но несравненно выгоднѣйшее, такъ какъ Добруджа съ Дунайскою дельтою составляютъ земельную площадь вдвое большую, нежели Измаильскій уѣздъ, и сверхъ того обладаютъ морскимъ портомъ, котораго доселѣ Румынія была лишена ¹⁾).

«Я горячо отсовѣтовалъ князю обращеніе къ государю, предупредая, что оно будетъ неприятно его величеству и что оно не можетъ вызвать никакихъ благопріятныхъ послѣдствій, такъ какъ рѣшеніе императора—окончательное и безповоротное. Князь Карль, тѣмъ не менѣе, настаивалъ на своемъ предположеніи написать государю, давъ мнѣ, однакоже, понять, при окончаніи нашихъ разговоровъ, что письмо его будетъ лишь отвѣтомъ на высочайшій рескриптъ и попыткою, для видимости, оградить свою личную отвѣтственность отъ всякаго упрека, доказавъ румынамъ, что онъ исчерпалъ всѣ имѣвшіяся у него средства, чтобы воспрепятствовать потерѣ края, присоединеннаго къ Молдавіи въ 1856 году.

«По нѣкоторымъ выраженіямъ и намекамъ князя Карла, мнѣ показалось, что ему желательно быть избраннымъ въ Болгаріи ²⁾), когда эта страна будетъ преобразована въ самостоятельное княжество. Онъ мечтаетъ посвятить себя созданію Болгаріи и ея общественному устройству. Братіано подтвердилъ мое предположеніе, и я замѣтилъ, что онъ поощряетъ до нѣкоторой степени эти мечтанія. Въ признаніи Братіано не выяснилась цѣль желаемаго имъ избранія князя Карла: способствуя осуществленію его заглавной мысли, либеральные министры, можетъ быть, желаютъ удалить его совсѣмъ изъ края, опасаясь личнаго значенія, приобретеннаго имъ участіемъ въ нынѣшней войнѣ, въ качествѣ командующаго союзными войсками подъ Плевною, но, можетъ быть, они стремятся установить личную унію между Болгаріею и Румыніею, чтобы эксплуатировать первую въ свою пользу. Во всякомъ случаѣ, это стремленіе можетъ утвердиться и выразиться въ опредѣленной формѣ. Въ отвѣтъ на намеки и на запросы касательно будущаго князя болгарскаго я ограничился отзывомъ, что у его величества нѣтъ еще кандидата для Болгаріи, что выборъ князя будетъ зависетьъ отъ самого населенія и что если князь Карль желаетъ обра-

¹⁾ По Парижскому договору 1856 г. и по протоколу Парижской конференціи 25-го декабря (въ составленіи котораго Игнатъевъ принималъ участіе, стараясь возвратить Россіи часть уже уступленнаго пространства) отошло изъ Бессарабіи къ Молдавіи 8.035 квадратныхъ верстъ. Дунайскія гирла заключали 2.358 кв. верстъ, а Добруджа около 10.500 кв. верстъ, хотя жителей было, разумѣется, меньше на этомъ пространствѣ, но незначительно. Впрочемъ, по Берлинскому договору, уступаемую Румыніи территорію еще увеличили. Авт.

²⁾ Домогательство объ оставленіи румынскихъ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ праваго берега Дуная, въ Болгаріи, имѣло связь съ этимъ проектомъ. Авт.

тить на себя вниманіе населенія, то надо жалѣть для успѣха его предположеній о поведеніи румынскихъ войскъ въ Болгаріи, возбудившихъ всеобщія жалобы на ихъ вымогательства и даже на совершенные разбои. Мнѣ кажется, однакоже, что до устройства бессарабскаго вопроса намъ надо избѣгать выказывать противодѣйствіе видамъ князя на Болгарію.

«Румынскіе министры мнѣ сообщили конфиденціально инструкціи, данныя князю Гикѣ, посланному въ Петербургъ (прежде моего выѣзда изъ столицы) съ порученіемъ добыть для Румыніи желаемое ею вознагражденіе и отвратить наше требованіе возвращенія бессарабскаго участка. Считаю долгомъ доставить при семъ копію съ сего документа на случай, если бы текстъ онаго былъ неизвѣстенъ вашей свѣтлости.

«Братіано и Когальничано силятся представить «сущими бездѣлицами» предъявленныя притязанія румынскаго правительства, утверждая при этомъ, что они предпочитаютъ не пріобрѣтать никакой территоріи, лишь бы бессарабскій участокъ, отчужденный въ 1856 году, не былъ похищенъ у Румыніи. Я далъ имъ замѣтить, что, требуя уничтоженія дунайскихъ крѣпостей въ Болгаріи, мы не можемъ впасть въ противорѣчіе, допуская желаемое ими продолжительное занятіе нѣкоторыхъ изъ нихъ румынскими войсками, что, впрочемъ, вопросъ этотъ подлежитъ исключительному вѣдѣнію главнокомандующаго всѣхъ войскъ, дѣйствующихъ противъ турокъ за Дунаемъ ¹⁾.

«Вашей свѣтлости извѣстно, вѣроятно, что нѣсколько дунайскихъ крѣпостей уже заняты румынскими войсками и, вѣроятно, будетъ занятъ ими Виддинъ, который турки очистятъ при заключеніи перемирія. Домогательство, чтобы войска эти могли оставаться въ этихъ крѣпостяхъ до заключенія окончательнаго мира между Портою и княжествами и до совершенной уплаты денежнаго вознагражденія, могло бы создать впослѣдствіи большія затрудненія. Нельзя бы было приступить къ устройству Болгарскаго княжества, пока крѣпости и города на правомъ берегу Дуная, съ обширнымъ райономъ мѣстности, необходимой для содержанія гарнизоновъ, оставались бы въ рукахъ румынъ.

«Со своей стороны, я жалѣю, что, въ виду заносчивости румынъ, занятіе дунайскихъ крѣпостей не смѣшанное, а предоставлено румынскимъ гарнизонамъ и что не признано было возможнымъ отдѣлить изъ нашей арміи нѣсколько батальоновъ, которые были бы введены въ занятія турецкія крѣпости совмѣстно съ румынами.

¹⁾ Напоминая, такимъ образомъ, румынамъ, что ихъ войска, равно какъ и сербскія, находятся подъ командою великаго князя Николая Николаевича, отъ котораго и зависитъ дать каждой части соответствующее его видамъ и соображеніямъ назначеніе.

Двт.

«По мысли министровъ принца Карла, денежное вознагражденіе, о которомъ они хлопочуть и о которомъ упомянуто въ параграфѣ шестомъ инструкціи князя Гика, должно быть включено въ общую сумму, требуемую Россіею отъ Турціи, и съ тѣмъ, что выплата княжеству будетъ произведена нами, а не непосредственно Портою ¹⁾».

«Я имъ объяснилъ, что желаніе ихъ не можетъ быть осуществлено, потому что Порты не имѣетъ денегъ и, вѣроятно, пожелаетъ замѣнить уплату наличныхъ суммъ земельными ²⁾ уступками или финансовыми долгосрочными обязательствами. Чтобы избѣгнуть будущихъ недоразумѣній между нами и провести ясную грань между нашими требованіями и домогательствами румынъ, я считаю необходимымъ упомянуть въ нашемъ договорѣ съ турками, что княжеству предоставляется право предъявить непосредственно свои требованія на денежное вознагражденіе за протори и убытки и что размѣры этого вознагражденія будутъ опредѣлены по взаимному соглашенію между Румыніей и Портою; Россія же можетъ принять участіе въ рѣшеніи этого вопроса только въ качествѣ посредника или третейскаго судьи, если спорящіе не придутъ къ непосредственному соглашенію. Какъ только я прибылъ въ Адрианополь, командированный въ главную квартиру румынскій

¹⁾ Румыны беззабѣчиво хотѣли себя обезпечить, не довѣряя платежнымъ силамъ Порты и желая, чтобы мы для нихъ каштаны изъ огня выгребали. Авт.

²⁾ Интересный и поучительный примѣръ для изучающихъ практику дипломатическаго искусства. Игнатъевъ ловкимъ и, можно сказать, неотразимымъ аргументомъ отпарировалъ такую инсинуцію румынскихъ министровъ, которая могла казаться безобидной и легкопріемлемой. На Румынію производится давленіе изъ-за Бессарабіи. Принцъ Карлъ и его министры обижаются, но, постепенно поддаваясь, просятъ лишь объ одномъ—позволить Румыніи не впутываться въ денежный рискъ съ плохимъ плательщикомъ—Турціей: пусть Россія гарантируетъ ей турецкій платежъ и взыскиваетъ съ Турціи за свой страхъ. Казалось бы, отчего и не помочь хотя бы денежно, впавшей въ затрудненіе союзной странѣ, Румыніи? Но прозорливый Игнатъевъ видитъ дальше. Онъ понимаетъ, что предстоящая передача Добруджи, какъ русскій даръ Румыніи, должна быть нераздѣльно соединяема съ особыми соглашениями, для территоріальнаго общенія Россіи съ Болгаріей и что до тѣхъ поръ, пока этотъ жизненный для Россіи вопросъ не будетъ выясненъ, нечего намъ соваться со своимъ кредитомъ для облегченія сношеній Румыніи съ Турціей. И вотъ онъ однимъ ударомъ парируетъ попытку румынскихъ министровъ: какъ, молъ, поступить съ земельной гарантіей, когда Турціи нечѣмъ будетъ вамъ платить? Вѣдь все сведется къ залогу! Кто же его у турокъ получитъ? Румыны поняли, что если сохранить за Россіей, а не за ними, роль главнаго кредитора, въ суммѣ ихъ претензіи къ Турціи, то залогъ-то должны получить мы, а не они. Разумѣется, они тутъ и замолчали. Но затѣмъ слѣдующіе фазисы были таковы: никакого временнаго залога землями мы не взяли, да и Румыніи не взяла; турецкая контрибуція была лишь предметомъ финансоваго нашего соглашенія съ турками. Съ другой стороны, вслѣдствіе промаховъ нашей дипломатіи, имъ была отдана Добруджа безъ всякихъ сепаратныхъ соглашеній съ нами. При такомъ провалѣ—сохранилась лишь та выгода, которую Игнатъевъ какъ бы случайно отстоялъ: мы не поставили въ пользу Румыніи своего бланка на вексель турецкаго банкрота.

А. Б.

майоръ Аріонъ представилъ мнѣ подробную записку въ подтвержденіе требованія румынскаго правительства денежнаго вознагражденія. Убѣдившись въ громадности и беззастѣнчивости румынскихъ притязаній, я ограничился указаніемъ г. Аріону того, что мы располагаемъ сдѣлать для княжества при заключеніи мира, и, затѣмъ, ограничился въ разговорѣ съ нимъ общими мѣстами.

«Считающій себя оскорбленнымъ, вслѣдствіе заключенія главнокомандующимъ перемирія съ турками безъ его, какъ румынскаго представителя, участія, майоръ Аріонъ заявилъ мнѣ, что оставляетъ главную квартиру и возвращается въ Бухарестъ.

«Исчерпавъ въ бесѣдахъ своихъ съ румынскими министрами всѣ вопросы, означенные въ инструкціяхъ, которыми ваша свѣтлость меня снабдили, я затронулъ также и вопросы о нейтралитетѣ румынской территоріи и объ оборонительномъ союзѣ съ нами, къ которому, впрочемъ, Братіано, послѣ возбужденія бессарабскаго дѣла, не возвращался, и, наконецъ, объ участіи княжества въ той европейской конференціи, которая можетъ быть созвана для окончательнаго разсмотрѣнія восточныхъ дѣлъ.

«Разъясненія мои сдѣланы въ точномъ смыслѣ вашихъ инструкцій. Имѣю поводъ предположить, что оба министра передали князю Карлу въ точности доводы, имъ мною сообщенные, и вообще мои разсужденія. Съ другой стороны, я узналъ, что Когальничано поручилъ нѣкоторымъ агентамъ собрать статистическія данныя, чтобы напечатать брошюру, доказывающую выгоды, получаемыя Румыніею при предположенномъ обмѣнѣ, съ цѣлью подготовленія своей партіи и собственнаго оправданія въ ея глазахъ.

«Такъ какъ Братіано и Когальничано, въ разговорахъ со мною, настаивали въ особенности на препятствіи, которое они встрѣтятъ въ собраніи со стороны оппозиціи, то я вступилъ въ сношеніе съ главнѣйшими вожаками ихъ противниковъ-консерваторовъ. Я старался дать понять симъ послѣднимъ, что коль скоро они себя выставляютъ друзьями Россіи и всегда пользовались нашею поддержкою, то имъ представляется нынѣ случай доказать намъ свою искренность: предоставляя имъ, сколько имъ угодно, нападать на министерство Братіано по другимъ вопросамъ и даже его опрокинуть и замѣстить, мы требуемъ, чтобы въ бессарабскомъ дѣлѣ они доказали, что намъ не противорѣчили и шли съ нами заодно. Такой образъ дѣйствій обяжетъ насъ ихъ поддерживать и впредь, согласно нашимъ преданіямъ въ княжествахъ и нашему всегдашнему сочувствію къ людямъ порядка въ странѣ. Поддерживать въ этомъ случаѣ министерство, если оно выскажется благопріятно для насъ въ бессарабскомъ вопросѣ, убѣждаетъ ихъ не только политическій здравый смыслъ и правильно понятый патріотизмъ, но и выгоды ихъ партіи, сохраняющей полную возможность впоследствии возобновить борьбу на иной почвѣ. Нѣкоторые изъ влія-

тельныхъ лицъ заявили мнѣ, что они сознають правильность этого воззрѣнія, и обѣщали мнѣ свое содѣйствіе; но, зная румынъ, я не сохраняю никакихъ иллюзій насчетъ продолжительности и искренности этого расположенія, точно также и относительно добросовѣстности дѣйствій самихъ министровъ».

Честолюбивые замыслы румынъ, недобросовѣстное отношеніе къ намъ и заискиваніе предъ Европою противъ насъ, несмотря на союзъ съ Россіею и на братство по оружію, скрѣпленное пролитою кровью подъ Плевною, нежеланіе ихъ удовольствоваться одною Добруджею и гирлами дунайскими, предложенными имъ государемъ, внушили Игнатьеву мысль симъ воспользоваться и привести дѣло о вознагражденіи Румыніи за уступку Бессарабіи къ болѣе выгодному для Россіи и Бессарабіи исходу. Предлагая Добруджу, но въ тѣхъ границахъ, которыя были первоначально предположены, Игнатьевъ хотѣлъ вести къ тому, чтобы румынскіе министры, не желавшіе удовольствоваться такимъ обмѣномъ, отказались категорически отъ Добруджи, какъ отъ недостаточнаго и разорительнаго для Румыніи подарка, продолжая настаивать на предпочтеніи, уже ими заявленномъ, получить денежное вознагражденіе отъ турокъ, чрезъ наше посредство. Сдѣлавъ для исполненія инструкцій, ему данныхъ, и для соблюденія международнаго приличія предложенія обмѣна земель, Игнатьевъ замышлялъ официально оформить отказъ румынскаго правительства удовольствоваться Добруджею, которая будетъ уступлена Портою не Румыніи, а Россіи, что доставитъ намъ полное право располагать этою областью по своему усмотрѣнію. А потому Игнатьевъ надѣялся получить высочайшее разрѣшеніе передать, за отказомъ Румыніи,—Болгаріи всю Добруджу, съ обязательствомъ выплачивать румынскому правительству соотвѣтствующее вознагражденіе въ формѣ или займа, сдѣланнаго въ Европѣ, съ платежомъ процентовъ и погашенія Болгаріею, или же ежегодно выплачиваемой сею послѣднею Румыніи суммы въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, подъ гарантіею Россіи, что обезпечило бы намъ на долгое время роль посредника между Румыніею и Болгаріею и утвердило бы наше вліяніе на обѣ стороны.

Во время пребыванія Игнатьева въ Бухарестѣ принцесса Елизавета удостоила его принять въ частной аудіенціи и долго бесѣдовала съ нимъ съ глазу на глазъ. Она, между прочимъ, повѣдала съ горячностью и нѣкоторымъ смущеніемъ личныя затрудненія князя Карла ввести добросовѣстное и порядочное управленіе въ краѣ и пріучить «къ дисциплинѣ, къ чувству долга и чести такихъ распущенныхъ людей, какъ румыны», и высказала, что рѣшеніе, принятое въ Петербургѣ касательно Бессарабіи, создастъ мужу ея новыя затрудненія, можетъ быть, непреодолимая. Принцесса краснорѣчиво и, повидимому, съ искреннимъ увлеченіемъ

говорила Игнатьеву о преданности своей и принца Карла государю и всей царской семьѣ, о природномъ расположеніи и приобрѣтенномъ умѣннн князя Карла и ея самой «управлять и вводить порядокъ въ восточныхъ странахъ», выражая въ то же время, какъ бы мимоходомъ, что болгарь еще легче приучить къ дисциплинѣ военной, къ экономіи въ расходахъ и къ порядку въ администраціи, нежели румынъ, которые, какъ принадлежащіе къ «латинской расѣ, отличаются словоохотливостью, доходящею до пустой болтовни, и распущенностью нравовъ». Желая удостовѣриться, до какой степени простираются виды владѣтельной румынской четы на Болгарію, Игнатьевъ, послѣ обѣда 20-го января, при общемъ разговорѣ, происходившемъ втроемъ, безъ постороннихъ лицъ, умышленно заговорилъ о созданіи и устройствѣ будущаго Болгарскаго княжества, о вѣроятныхъ границахъ онаго и о природномъ расположеніи жителей къ дисциплинѣ, порядку въ хозяйствѣ и расчетливости, что, по его мнѣнію, облегчило бы значительно введеніе благоустройства въ краѣ, лишь бы умѣли за это взяться какъ слѣдуетъ. «Въ Болгаріи,—сказалъ Игнатьевъ,—эта задача можетъ быть достигнута легче, нежели во всякой другой странѣ Востока, какъ справедливо изволила замѣтить накануне принцесса Елизавета». Отвѣтныя разсужденія и намеки принца Карла и его супруги подтвердили вполне предположеніе Игнатьева, что оба они желали бы быть призванными болгарами на княженіе въ Софію.

Не успѣлъ Игнатьевъ выѣхать изъ Россіи, какъ князь Гоцчаковъ, подъ вліяніемъ получаемыхъ имъ свѣдѣній отъ нашихъ представителей за границу (въ особенности отъ графа Шувалова и Новикова), сталъ измѣнять свои воззрѣнія и посылать вдогонку Игнатьеву телеграммы и бумаги, измѣняющія тотъ образъ дѣйствій, который ему былъ предписанъ государемъ при отъѣздѣ изъ Петербурга и который предъ тѣмъ обсуждался у его величества съ участіемъ канцлера.

Въ Бухарестѣ Игнатьеву были переданы слѣдующія телеграммы канцлера:

«Отъ 14-го января. Намъ сообщаютъ изъ Берлина, что по донесенію князя Рейса, германскаго посла въ Константинополь ¹⁾, турки рѣшили принять наши условія и подписать перемиріе».

«Отъ 17-го января. Извѣстіе о заключеніи перемирія еще не подтверждено главною квартирою. Государь и я энергически за-

---

¹⁾ Князь Генрихъ VII Рейсъ род. 1825 г., умеръ въ 1906 г., германскій посолъ въ Константинополь, въ Вѣнѣ. К. Г.

явили Гикъ ¹⁾ о возвращеніи Россіи отчужденной части Бессарабіи. Извѣстія изъ Лондона и Берлина упоминають о заключеніи перемирія съ принятіемъ турками основаній мира. Запозданіе свѣдѣній изъ главной квартиры надо приписать разстояніямъ и перерыву телеграфныхъ сообщеній».

«18-го января. Подъ предлогомъ желѣзныхъ дорогъ Кампиньяно ²⁾ дѣлалъ въ Берлинѣ политическія попытки. Императоръ его не принялъ. Бюловъ его осадилъ. Онъ отправился въ Парижъ».

«18-го. Стюарту. Для Игнатьева. Если онъ выѣхалъ изъ Бухареста ³⁾, перешлите въ главную квартиру, въ Адрианополь. Андраши намъ заявилъ, что, ознакомившись съ сообщенными ему нами основаніями мира, онъ не можетъ согласиться на заключеніе нами мира съ глазу на глазъ съ Портою и что онъ долженъ будетъ подать въ отставку ⁴⁾, если мы не согласимся на европейскую конференцію, которая бы утвердила окончательный миръ. Я отвѣтилъ, что мы не предполагаемъ сами разрѣшить вопросы, имѣющіе европейское значеніе ⁵⁾, и, разъ, что перемиріе будетъ заключено не

¹⁾ Румынскому посланнику, отправленному въ Петербургъ съ инструкціями, касающимися условій мира. Онъ былъ нѣсколько лѣтъ передъ войною представителемъ Румыніи въ Константинополѣ, а во время войны состоялъ при главной квартирѣ.

Авт.

²⁾ Министръ румынскій, посланный Братіано въ Европу.

Авт.

³⁾ Разстоянія для князя Горчакова не существовали. Игнатьевъ съ трудомъ только на другой день добрался до Бухареста, ради остановокъ на желѣзныхъ дорогахъ, а канцлеръ предполагалъ, что онъ уже можетъ быть въ главной квартирѣ; но эта телеграмма, равно какъ и предыдущая, доказала Игнатьеву, что въ Петербургѣ желаютъ ускоренія прибытія его въ главную квартиру и что ему засиживаться въ Бухарестѣ нельзя.

Авт.

⁴⁾ Странно, что канцлеръ такъ испугался ухода графа Андраши, который его обворожилъ своею личною лестію и притворною откровенностію, что онъ на него вполне положился, какъ на своего личнаго друга. Князь Горчаковъ тотчасъ же согласился попасть въ изготовленную венгерцемъ ловушку: конференцію, которая бы пересмотрѣла нашъ договоръ съ Портою. Игнатьевъ полагалъ, что если Андраши выйдетъ въ отставку, то тѣмъ лучше и что ему слѣдуетъ отвѣтить, что его отставка до насъ не касается: «скатертью дорога».

Авт.

⁵⁾ Спрашивается: почему Россія не имѣла право, проливши кровь сотни тысячъ сыновъ своихъ и издержавъ сотни милліоновъ на то, чтобы заставить турокъ подчиниться въ сущности единогласному рѣшенію европейской конференціи, отказавшейся слѣдовать за нами на пути поддержанія достоинства державъ и для блага угнетенныхъ христіанскихъ народностей, заключить самостоятельно миръ съ Портою? Если сдѣлаться только слѣпымъ исполнителемъ воли другихъ державъ и войти въ роль какъ бы подчиненнаго мнѣшеской Европы, то не стоило начинать войну, какъ заявлялъ Игнатьевъ на совѣтѣ у государя, на которомъ было предложено заключить нашъ споръ съ Портою подписаніемъ заключительнаго протокола. Почему одна Россія не могла и не смѣла заключить самостоятельный договоръ съ Турціею, когда князь Бисмаркъ не затруднился рѣшить европейскіе вопросы, съ явнымъ нарушеніемъ постановленій Вѣнскаго конгресса и въ 1866 году и въ 1871 годахъ? Робость нашей политики и постоянное преклоненіе канцлера предъ европейскимъ ареопагомъ привели насъ къ Берлинскому договору.

Авт.

иначе, какъ съ принятіемъ Портою нашихъ предварительныхъ основныхъ мирныхъ условий, мы не возражаемъ противъ европейскаго соглашенія, что переговоры, вамъ порученные, только прелиминарные и что отъ Австріи зависитъ предложить великимъ державамъ или конференцію министровъ иностранныхъ дѣлъ, или же всякій другой способъ европейскаго соглашенія. Въ вашихъ прелиминарныхъ условіяхъ договора промолчите (т.-е. исключительно) вопросъ о проливахъ, какъ дѣло исключительно и очевидно европейское ¹⁾».

Гр. Н. П. Игнатьевъ.

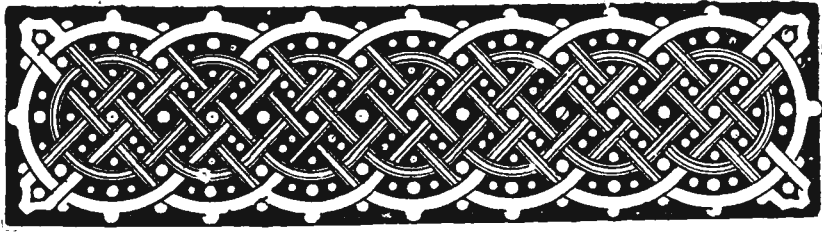
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

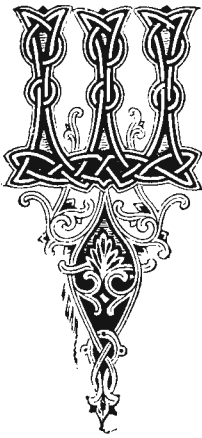
¹⁾ Такимъ образомъ, прежде, нежели успѣлъ доѣхать Игнатьевъ и начались переговоры, проектъ, который онъ везъ изъ Петербурга, былъ уже измѣненъ и того условія, которое, по мнѣнію Игнатьева, имѣло первостепенное значеніе для Россіи въ морскомъ, торговомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніи, было запрещено касаться въ переговорахъ съ турками.

Авт.

СМЕРТЬ КУРЬБЕРА МАМОШИНА.¹⁾

—
XVII.

ВЕДСКАЯ пуля ранила рядового Лазаря Мамошина въ сраженіи подъ Полтавой. Генеральный бой, рѣшающій, послѣдній, всего тянулся полчаса. И Мамошинъ прикололъ трехъ шведовъ, а самъ отдѣлался царапиной на лѣвой рукѣ. И когда ужъ совсѣмъ выстрѣлы замолкли, и непріятель зады показалъ русскимъ, вдругъ какая-то пуля, не вѣсть откуда налетѣвшая, продырявила мундиръ Мамошина и вырвала здоровый кусокъ мяса. Это было столь неожиданно, что Мамошинъ не успѣлъ даже выругаться, какъ надо. Было больно, но не настолько, чтобъ кричать, а потому онъ рѣшилъ остаться въ строю. Небо было такое ясное, голубое; на поляхъ было дымно отъ пороха—ужъ очень много стрѣляли, но начальство было весьма довольно. Генералы носились на красивыхъ коняхъ, пожимали другъ другу руки, трепали по плечу, а были и такіе, что плакали. Семеновцы гнали шведовъ до Переволочны, а на полѣ битвы поставили маленькій престолникъ, и попы загѣли благодарственный молебенъ.

Царь былъ доволенъ всѣмъ, и тѣмъ, что шляпа у него прострѣлена и крестъ на груди погнуть пулькой, и что въ чепракѣ ден-

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXIX, стр. 62.

щики тоже нашли пули. Моллился онъ радостно, и Бога благодарилъ, что все такъ удачно. Онъ спросилъ одного генерала:

— А потеря большая у насъ?

— Да всего тысячь пять убитыхъ и раненыхъ,—отвѣчалъ генералъ.—На глазомѣрь такъ ежели прикинуть.

— Для столь славной викторіи немного,—замѣтилъ Петръ, и еще болѣе развеселился.

Одинъ генералъ рѣчь сказалъ,—что, молъ, «государь всѣхъ остроюю своего разума обогащаетъ». Государь обнялъ его и руку далъ поцѣловать. Потомъ столы обѣденные тутъ же соорудили, и царь безъ шапки ходилъ вокругъ и общался всѣхъ раненыхъ вылечить и семьи убитыхъ обезпечить. И вдругъ Мамошина увидѣлъ, что на караулъ держалъ.

— Ты чего жъ не перевязался, кровью изойдешь? Ишь, лужа какая набѣжала.

— Чего тамъ кровь...—удивился Мамошинъ.

Однако царь велѣлъ сейчасъ перевязать его, спросилъ, какъ его имя и много ли шведовъ закололъ, и похвалилъ:

— Ловкачь какой! Медаль тебѣ за это.

XVIII.

И дали Мамошину серебряную медаль на ленточкѣ. А начальнику его, князю Берибасову, золотую.

— Вотъ подишь ты,—удивлялся Мамошинъ:—я трехъ человекъ убилъ—мнѣ серебряную дали, а ѣтъ ни одного—яму золотую.

Мечты Мамошина остаться въ рядовыхъ не сбылись. Онъ думалъ, что у него не рана, а ранка, даже контузія. А полковой лекарь изъ нѣмцевъ говорилъ:

— И ну!

Когда перевязку сняли, Мамошинъ вдругъ замѣтилъ, что рука совсѣмъ плохо дѣйствуетъ, даже, можно сказать, совсѣмъ не дѣйствуетъ.

— Это какъ же?—спросилъ онъ.

Но лекарь сжалъ тонкія губы и только повторилъ:

— И ну!

Ни стрѣлять, ни рубить, ни взять ружье наперевѣсъ онъ не могъ.

— Ахъ ты, мать честная,—сокрушался онъ:—когда же сила въ меня вернется?

На это утѣшительно сказалъ лекарь:

— Господь вѣдоваеть.

Его пробовали растирать—не помогло. Такъ, пока онъ ничего не дѣлалъ, рука была, какъ будто, и настоящая. Но только онъ хотѣлъ взять что-нибудь, какъ пальцы рѣшительно отказывались

исполнять свою обязанность. Они пошевеливались, но не хотѣли отправлять возложенную на нихъ службу. Такъ что Мамошинъ, глядя на нихъ разъ, сообразилъ:

— Чего добраго, я лѣвшой останусь?

И онъ началъ приучать лѣвую руку работать за обѣ. Она скоро выучилась все хватать, сжимать, вдѣвать нитку въ иголку, даже зашивать что надо въ солдатской аммуниціи. А правая похудѣла и ничего не дѣлала

— Ты что жъ это, —а?—спрашивалъ у нея Мамошинъ.—Нѣшто это возможно такъ? Я тебя поилъ-кормилъ,—а ты на-ко?

И пришлось ему оставить военную службу. Пригнали ихъ въ новый градъ Питербурхъ, что на «великомъ поморьѣ» построили. Начальство и заявило:

— Уходи!

— Какъ же я уйду, ежели мнѣ тридцать пятый годъ?—возражалъ Мамошинъ.

— Но коли ты десницей ослабѣлъ,—что же за прокъ въ тебѣ? Можешь ли ты защищать отечество, будучи одnorукимъ?

— Сдѣлайте милость,—еще какъ,—лучше трехрукаго защиту окажу.

— Не по артикулу.

— Да что жъ артикуль, ежели я лѣвой рукой лошадь убить могу?

— Фронтъ будешь портить. А ты вотъ выучись грамотѣ по новому, по гражданскому, и будешь ты курьеромъ.

Въ представленіи Мамошина всѣ сторожа въ приказахъ и коллегіяхъ были чернь, ибо были они на побѣгушкахъ у приказныхъ. Но дѣлать было нечего: изъ поповъ онъ попалъ въ дьяконы.

Приписали его въ «бурмистерскія палаты» и опредѣлили во Псковъ. Тамъ бурмистры крали во всю. Книги велись подложно и съ «великимъ умноженіемъ». Прибыли казнѣ не было никакой, а были кражи премногія. И больше всѣхъ возмущался Мамошинъ.

— Нѣшто можно угнетеніе такое чинить маломочнымъ?—спрашивалъ онъ.—Кнутомъ бить ихъ надо, этихъ самыхъ подьячихъ ратушскихъ.—Животовъ всѣхъ лишить.

Одинъ старикъ, что помнилъ все въ Псковской округѣ лѣтъ за восемьдесятъ, говаривалъ Мамошину:

— Милый, и прежде такъ было. Не то и казна, чтобъ на нее набѣгъ дѣлать. Воеводы съ прежней властью не могутъ разстаться. И тащутъ, всѣ тащутъ. Вотъ у насъ во Псковѣ тысячъ на сто растащили во время одной войны шведской. А что нынче подьячіе бурмистрами зовутся, такъ ты его какъ ни зови,—все онъ псомъ остается.

XIX.

Изъ Пскова перешель Мамошинъ въ Новгородъ. Въ грамотѣ онъ уже понаторѣлъ и даже выводилъ каракули. Впрочемъ, самъ царь писалъ каракулями, и этому по тому времени мирволили. Петръ захотѣлъ ввести во всѣхъ городахъ порядокъ,—снабдить ихъ «добрыми регулами». Первымъ дѣломъ для того онъ восхотѣлъ учредить «полицію,—дабы непотребное житье отогнать». Мамошинъ этому обрадовался.

— Вотъ это такъ!—говорилъ онъ:—это по мнѣ,—я какъ гдѣ непотребство какое замѣчу, сейчасъ отметить буду.

— Очень ты человѣкъ неистовый, чего на стѣну лѣзешь? Посмотри на мурло свое:звѣрь звѣреть,—говорилъ ему управляющій магистратомъ.

— Человѣкъ по подобію Божію созданъ!—пробовалъ возражать Мамошинъ.

— Да развѣ Господь Богъ можетъ быть на тебя похожимъ? Такая образина больше на дьявола похожа.

— Не можетъ того быть,—стоялъ на своемъ Мамошинъ.—Его царское величество въ указахъ разъясняли, что единъ Творецъ твари всей—Богъ, а дьяволу надъ людьми власти нѣтъ.

Словомъ, Мамошинъ спокойный человѣкъ былъ, и всѣ отъ него отдѣлаться хотѣли какъ можно скорѣе. Готовы были перевести на лучшее мѣсто, только бы избавиться отъ него. А придавить его сразу—не рѣшались: увѣрялъ онъ, что царь его знаетъ, и самъ подъ Полтавой медаль ему на грудь повѣсилъ.

Въ концѣ концовъ, попалъ Мамошинъ на «великое поморье» въ Питербурхъ. Здѣсь его, какъ грамотнаго, взяли въ курьеры. Онъ навелъ сразу страхъ на своихъ сослуживцевъ.

— Дѣла исправлять честно,—говорилъ онъ.—Чуть что, никакъ я потерпѣть не смогу, а доложу не медля.

Кому онъ доложить,—никто не зналъ. Но онъ какъ бы намекалъ на то, что царь его знаетъ, а потому опасались его.

Онъ былъ очень исполнительенъ. Парализованная рука не мѣшала ему подавать плащи, отстегивать полости у саней, подсаживать въ кареты.

Разъ онъ подсаживалъ царя въ его одноколку и точно про себя сказалъ:

— И не могу я забыть, ваше царское величество, полтавскаго дня, какъ вы изволили безъ шапки ко мнѣ подойти и сказать: «да вѣдь ты, скотина, кровью изойдешь».

Петръ глянулъ на него искоса.

— Что-то не припомню тебя. А коли медаль за Полтаву получилъ, доброе дѣло.

Мамошинъ вдругъ бухнулся въ талый, грязный снѣгъ на колѣна.

— Помереть и теперь готовъ, ваше царское величество!—завопилъ онъ.

— Ну, ладно, ладно,—сказалъ царь и тронулъ лошадь.

А Мамошинъ уткнулся лбомъ въ снѣгъ и такъ и лежалъ, покуда онъ не отъѣхалъ. А потомъ поднялся, насутился и важно пошелъ назадъ.

— Что онъ тебѣ сказалъ?—загадѣли кругомъ.

Мамошинъ присанился.

— А вамъ какое дѣло, смерды?—проговорилъ онъ, супя все больше брови.—Давно мы знакомы—съ Полтавы.

И еще больше съ этого дня поднялось значеніе Мамошина.

XX.

Такъ какъ казенныя помѣщенія для курьеровъ еще не были готовы, то жили они на частныхъ квартирахъ. Мамошинъ жилъ у Дарьи Артемьевны, которая была женской чесалкой, и въ ассамблейные дни столькихъ причесывала, что съ семи часовъ утра бѣгала по клиенткамъ. Дарья обучилась этому дѣлу у рижской нѣмки Хазенклеверъ, и такое количество рублевиковъ за свое искусство получала, что жила въ своемъ домѣ и бѣдную племянницу свою Гликерію снабдила нарочитымъ приданымъ. И вышла Гликерія замужъ за Мамошина. Дѣвица она была уже на возрастѣ и, кажется, имѣла двойни лѣтъ пятнадцать назадъ. Мамошинъ понравился ей солидностью,—да и она ему приглянулась за то же. Иногда въ долгіе зимніе вечера, сидя другъ противъ друга, озаренные свѣтомъ сальной свѣчи, они взаимно ублажали другъ друга «кумплимен-тами».

— Смотрю я на васъ, Лукерья Дмитріевна,—говорилъ онъ:—и изумляюсь, сколь много вамъ отпущено солидности.

Гликерія, вязавшая красные чулки, вздыхала своей обширной грудью и говорила:

— Такое же я разсужденіе и о васъ, Лазарь Антоновичъ, имѣю.

Мамошину болѣе всего нравилось въ ней монументальное сложеніе. Онъ любилъ, чтобъ въ женщинѣ было много жира. Въ этомъ отношеніи Гликерія могла дать впередъ сколько угодно очковъ любой рубенсовской Венерѣ.

Однажды онъ спросилъ у нея:

— А сколько годковъ вамъ, Лукерья Дмитріевна?

Она какъ будто подавилась чѣмъ,—но потомъ оправилась и, потупляя глазки съ рыжими рѣсницами, сказала:

— Тридцать.

— И въ замужествѣ вы не состояли?

Красныя щеки Гликеріи стали, какъ будто, еще краснѣе. Она склонила голову и прошептала еще тише:

— Нѣтъ.

— Но вѣдь безъ кавалера лѣзя ли прожить?—сказалъ онъ и поправилъ у себя на груди полтавскую медаль.

Она стрѣльнула на него глазами, опять потупилась и испустила такой вздохъ, точно въ горницѣ былъ кузнечный мѣхъ. Даже полосатый котъ Стенька, и тотъ чихнулъ, не то отъ пыли, не то отъ нюхательнаго табака, что изрѣдка вынималъ изъ тавлинки Мамошинъ.

Еще минутная стрѣлка не пробѣжала до двѣнадцати, и крошечная кукушка не выскочила изъ своего голландскаго домика, какъ ужъ она, жеманясь, говорила:

— Ежели тетенька моя будутъ согласны, такъ и я не прочь.

— Тетеньку мы обойдемъ. Вѣдмедей старыхъ обхаживали, не токмо что...

XXI.

Передъ Петровымъ постомъ была свадьба. Супруги подошли другъ къ другу.

— Можеть, тебѣ неприятно, что я дѣвица тронутая?—спросила она разъ мужа.

— Ну, это дѣло твое больше, а мнѣ наплевать. А только..

Онъ постучалъ пальцемъ по столу.

— А только чтобъ въ будущемъ ни-ни! Чтобъ какъ хрусталинка была.

— Само собой.

Когда на одиннадцатый мѣсяцъ брака родился у нихъ сынъ Антонъ, этимъ рожденьемъ какъ бы скрѣплялись брачныя узы. Иногда, лежа на широкомъ брачномъ ложѣ, онъ думалъ:

«Сколь я счастливъ, сколь вознесенъ отъ Господа! Первыя лица въ государствѣ знаютъ, какъ зовутъ меня! Царь меня знаетъ. У жены тѣлесна умопомрачительныя. Сынъ есть. Сколькихъ шведовъ я закололъ! Сколь много я счастливъ».

Иногда онъ смотрѣлъ на себя подолгу въ женино зеркало. Разъ какъ-то Гликерія спросила:

— Да ты не изъ зырянъ?

Лазарь повернулъ къ ней голову.

— Дура! Да нѣшто зыряне черныя бываютъ?

— Очень я боялась, что дочь у насъ будетъ, и въ тебя похожая выйдетъ.

— Дѣти всегда съ родителемъ сходство имѣютъ,—процѣдилъ онъ.

— Да ежели женскъ полъ,—кто жъ замужъ возьметъ?

Лазарь откинулся назадъ, еще въ зеркало прищурился и съ увѣренностью сказалъ:

— Ничего, возьмутъ.

Мамошинъ былъ человѣкъ, любившій, чтобы все было правильно. Но разъ въ году онъ разрѣшался, — это было въ день его именинъ. Наканунъ онъ готовился къ нимъ, — потому «ошибался», а слѣдующій день шель на поправку. Это заведено имъ было издавна: какъ только онъ изъ строя ушелъ. Три дня въ году такимъ образомъ являлись какъ бы встряской всего организма, — такъ какъ Лазарь напивался до безчувствія, и чѣмъ пилъ болѣе, тѣмъ болѣе становился мраченъ и тѣмъ чувствовалъ себя довольнѣе. Уже за недѣлю до этого торжества онъ чувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ, какъ будто предстояла ему радость свиданія съ любимымъ человѣкомъ.

Такъ было и въ этомъ году. Вчера онъ уже явился къ Виссаріону.

— На три дня увольненія прошу, — говорилъ онъ, весь расцвѣтая отъ восторга. — Потому долженъ я почитать андила своего.

И его отпустили, какъ всегда, и онъ, счастливый, предвкушая райскія наслажденія, шель домой.

— И какъ я напьюсь! Боже мой, какъ я напьюсь! — восхищенно говорилъ онъ, скрипя сапогами по снѣгу. — Никогда никто не напивался такъ, какъ напьюсь я.

И онъ любовно поглядывалъ на приготовленныя къ воспринятію внутрь батареи и проглатывалъ мысленно одну чарку за другой, и умиленно шепталъ:

— Хорошо!

XXII.

Но въ этомъ мѣрѣ ни па что нельзя разсчитывать. Думалъ Мамошинъ, что и нынче день Лазаря пройдетъ, какъ всегда. Но произошло что-то странное и небывалое.

Прибѣжалъ сторожъ, Никита Подушный и, запыхавшись, сказалъ:

— Тамъ тебя требуютъ!

Лазарь былъ уже на взводѣ. Онъ сурово посмотрѣлъ на Подушного и спросилъ:

— Ты пьянъ?

Подушный былъ человѣкъ вострый, а потому, не моргнувъ глазомъ, сказалъ:

— Пьянъ я буду, когда ты угостишь, проздравлю я тебя, вотъ тогда у меня и помутитѣнне будетъ. А пока я въ полномъ аккуратствѣ.

— Самъ меня отпустилъ. Слышишь: — самъ.

— Кто «самъ»?

— Виссаріонъ.

— Ну, а онъ же и послалъ меня. Бѣги, говоритъ, — и чтобъ духомъ однимъ былъ здѣсь Мамошинъ.

— Но ежели день андила?..

Тутъ вступилась въ разговоръ Гликерія.
 — Я такъ полагаю, что тебѣ, Антонычъ, бѣжать надо.
 Антонычъ мутно посмотрѣлъ на нее.
 — Еще что?
 — Еще ничего. А только безъ дѣла звать не стануть.
 — Какія же дѣла возможны, ежели андиль?
 Мамошинъ всталъ съ табурета и пошатнулся.
 — Но ежели я на службу употребленъ быть не могу?—спросилъ онъ.
 — Этого я не знаю, а безъ тебя не пойду назадъ.
 Съ минуту Мамошинъ поводитъ справа налево головой, какъ китайскій болванчикъ. Потомъ встряхнулся и присоанился.
 — Воды ковшикъ!—крикнулъ онъ женѣ.
 Онъ окатилъ себѣ голову изъ ковша надъ ушатомъ. Потомъ пригладилъ вихры и опять крикнулъ:
 — Кафтавъ мнѣ!
 Долго не могъ попасть онъ въ рукавъ и все бормоталъ что-то. Наконецъ одѣлся и сказалъ громко:
 — Довольно странно,—однако пойду.
 На порогѣ онъ остановился.
 — Я назадъ скоро. Чтобъ пирогъ и все прочее въ порядкѣ...
 — Да ужъ знаю безъ тебя, иди, иди!
 И Лукерья долго смотрѣла въ окно, какъ, кутаясь отъ сильной вьюги, два солдата шли по прямой улицѣ и какъ ихъ фигуры все дѣлались сѣрѣе и бѣлѣе отъ крутившагося вокругъ снѣга.

XXIII.

Морозный вѣтеръ леденилъ щеки курьеровъ. Они кутали лица и руки, а холодъ леденилъ имъ ноги. Скрипѣли фонари еще больше, чѣмъ прошлой ночью. У заборовъ, столбовъ и деревянныхъ тумбъ наметены были бѣлыя горки снѣга. Съ деревьевъ, съ крышь, съ карнизовъ,—отовсюду сыпались снѣжные хлопья. Вѣтеръ несся вдоль улицъ, звенѣлъ желѣзными листами, раскачивалъ вывѣски, рвалъ платье и шляпы у прохожихъ и проѣзжихъ. Лошади послушно и тяжело тащили сани, а возницы били ихъ кнутами, и чтобы скорѣе добраться до дома, и чтобы согрѣться. Сѣрое низкое небо все сыпало и сыпало снѣгомъ. Курьеры шли, а именинникъ бормоталъ про себя пьяныя угрозы. Онъ обѣщался кого-то побить, поминалъ и царя, и медаль, и Полтаву. Онъ тяжело дышалъ и разъ, остановившись на углу, крикнулъ:

— И все навралъ ты, стервецъ...

— Идемъ, идемъ!—торопилъ его Подушный.

И они шли, и вѣтеръ сбивалъ ихъ съ ногъ и залѣплялъ имъ и глаза, и носъ, и уши. Раза два Подушный придержалъ Мамошина

подъ локоть: ноги его разбѣзжались, и онъ, того и гляди, могъ свалиться на снѣгъ.

Вотъ зажелтѣло передъ ними изъ-за снѣжной сѣтки и крыльцо ихъ, вотъ и бѣлые наличники оконъ, и дверь краснаго дерева, съ мѣдными замками и прутьями. Ближе, ближе они къ цѣли. Еще нѣсколько шаговъ. Отворяется дверь, и тепло охватываетъ ихъ, и запахъ бумаги, чернилъ и казеннаго сургуча слышенъ даже и здѣсь, на лѣстницѣ.

Никогда не позволялъ себѣ Мамошинъ прійти на службу нетрезвымъ. Но тутъ онъ почувствовалъ, что все смотрять на него. Или казалось ему, что все смотрять: и стѣны, и лѣстницы, и колонны. Людей было мало,—ужь присутствіе кончилось, и все разошлись.

— А тебя Виссаріонъ Игнатьевичъ дожидаетъ, —сказалъ толстый сѣдой усачъ, что стоялъ при двери.—Два раза ужь справлялся, пришелъ ли.

Какъ будто метель нѣсколько протрезвила именинника. Ему казалось, что держится онъ на ногахъ тверже и лѣвая рука оказываетъ больше крѣпости, чѣмъ полчаса назадъ. Онъ отеръ лицо платкомъ, отеръ мокрую шею, обдернулъ камзолъ и пошелъ въ комнату Виссаріона.

Тотъ ходилъ изъ угла въ уголъ, посвистывая и потирая руки,—въ кабинетѣ было холодно. У окна онъ останавливался и смотрѣлъ, не идетъ ли Мамошинъ. Но Мамошинъ не шелъ, а часы въ углу отбивали маятникомъ секунды.

«Ежели пьянъ онъ,—не могу же я ему столь важныхъ бумагъ вручить?—думалъ онъ.—За сіе отвѣтственность нарочитая и сугубая. Такъ и скажу Давыду: зѣло пьянъ былъ онъ, и сдать ему дѣла не могъ я».

Въ это время дверь кабинета отворилась, и вошелъ Мамошинъ. Держался онъ твердо и, по-солдатски вытянувшись, спросилъ:

— Изволили приказать явиться?

XXIV.

Виссаріонъ подошелъ къ столу и взялъ въ руки большой синій пакетъ.

— Хотя и отпущенъ былъ ты мною,—не смотря на курьера, началъ онъ,—но непреложнаго свойства дѣло принудило тебя звать. Ты, пьянъ?

— Никакъ пѣтъ!

Онъ собралъ все силы и смотрѣлъ прямо въ глаза начальнику.

— Тѣмъ любезнѣе, что ты въ трезвомъ состояніи. Надлежитъ бумага эти,—важности и спѣшности зѣло большой,—немедля доставить.

Именинникъ тряхнулъ головою.

— Завируха на першпективѣ,—глухо проговорилъ онъ.

— Вѣдомо, что завируха,—потому-то я тебя и выбралъ. Такого дѣла опричь тебя возможно ли кому препоручить?

Мамошинъ пріосанился.

— Опричь меня невозможно никому. Но ежели взять въ расчетъ...

— А никому,—то и балясы точить не будемъ. Свезешь ты сей пакетъ князю Чухломину.

— Князю? Черезъ Неву надоть итти? Мостки накладывають...

— И сейчасъ, какъ своимъ подписомъ утвердить князь, ты доставишь мнѣ обратно.

Мамошинъ молчалъ.

— Чего жъ ты столбомъ солянымъ стоишь?

Въ рукахъ Виссаріона появился другой пакетъ, поменьше.

— А предварительно этотъ пакетъ доставь. Поняль.

Мамошинъ качнулся какъ-то, точно понюхалъ воздухъ, и сказалъ:

— Поняль.

— Такъ иди.

Курьеръ по-солдатски повернулся.

— А тебѣ это зачтено на службѣ будетъ.

Мамошинъ издалъ неопредѣленный звукъ, вышелъ, крѣпко держа рукою важные пакеты.

Въ низенькой курьерской комнатѣ, гдѣ пахло кнастеромъ и водкой, его окружили.

— Съ андиломъ проздравляемъ!—запѣлъ рябой сторожъ.—Что же говорили, будто ты, въ смыслѣ аменинь, отпущенъ?

Мамошинъ пріосанился.

— Когда какое важное дѣло, то завсегда Мамошина вызываютъ,—хрипло сказалъ онъ и поднялъ закорузлый палецъ кверху.

Онъ мутно обвелъ глазами комнату и опустился на табуретъ. Разговаривая съ начальствомъ, онъ подтянулся, а теперь точно земля закружилась подъ нимъ.

Онъ тупо смотрѣлъ на товарищю. Потомъ опомнился, провелъ рукою по лбу и крикнулъ рябому:

— Клеенку, живо!

Рябой принесъ изъ угла клеенчатый пакетъ, въ которомъ возили въ дождливую и снѣжную погоду казенныя бумаги. Невѣрными руками, попадая не сразу куда надо, началъ Мамошинъ укладывать въ сумку пакеты. Ужъ совсѣмъ уложилъ, потомъ припомнилъ что-то и снова вытащилъ. Сощуривъ глаза, онъ началъ читать одинъ адресъ, потомъ другой. Прочелъ и задумался.

— Это тутъ... недалече,—сказалъ онъ.

Дверь въ курьерскую отворилась, и Виссаріонъ заглянулъ въ щель.

— Ты тутъ еще?—спросилъ онъ Мамошина.

Мамошинъ вскочилъ и сказалъ:

— Чичасъ я!

XXV.

Давыдъ Ѳедоровичъ въ этотъ день не пошелъ на службу, а послалъ со сторожемъ увѣдомленіе, что ему недужится и онъ останется дома. Съ утра онъ былъ въ ажитации. Вчера, вернувшись ночью отъ будущаго зятя, сѣлъ онъ за разборку бумагъ. Легъ онъ потому только, что свѣчи догорѣли, а другихъ не было. Едва стало свѣтать, онъ уже всталъ и началъ обычный обходъ по дому.

— Ты спала, Вѣруничъ, плохо?—спросилъ онъ у дочери, длинноносой сухощавой дѣвицы, горбатой, низенькой, что сердито топала по столовой и запахивала свою голландскую кофточку на заячьемъ мѣху.

— Ничего, папанечка, здоровья у меня вдоволь,—а что бессонница есть,—такъ я, почитай, всю эту недѣлю не сплю.

— Невѣсты передъ свадьбой плохо спятъ всегда,—пошутилъ старикъ.—Мечты ихъ обуяютъ и сонъ гонять.

Щеки Вѣруничика вспыхнули.

— Ой, папанечка, и что ты говоришь, даже слушать стыдобушка,—сказала она.

— А то и говорю, что вѣдомо,—ухмыльнулся онъ и двинулся дальше въ обходъ.

Часовъ въ десять пріѣхалъ къ нему купецъ, въ старообрядческомъ кафтанѣ и валенкахъ. Рапѣе никогда не бывалъ онъ у него. Давыдъ навстрѣчу ему вышелъ.

— Ну, какъ?—тревожно спросилъ гость, усаживаясь въ комнату, куда привелъ его Давыдъ.

— Рано еще.

— Надѣешься?

— Не надѣюсь,—а коли взялся, такъ до вождедѣйнаго конца все доведу.

— А я не вѣрю.

— Не вѣришь. Думаешь, невозможно?

— Невозможно. Кабы царя не было,—а то самъ царь...

— Значить, мало я съ тебя, Переселкинъ, денегъ взять. За невозможное дорого берутъ...

Переселкинъ только отдувался и сопѣлъ носомъ.

— Какъ стемнѣетъ, заверни сюда опять,—сказалъ Давыдъ.

Купецъ посмотрѣлъ на него.

— Ужъ я веревку приготовилъ...

— Вѣшаться собрался?.. Погоди. Другіе тебя повѣсятъ... Хи-хи!

— Тебѣ все шутки.

Давыдъ положилъ ему руку на плечо.

«истор. вѣстн.», февраль 1915 г., т. сxxxix.

— Ты веревочку-то спрячь,—сказаль онъ.—Неравно на что пригодится. А то петельку-то вокругъ шеи раньше времени не стойтъ затягивать... И не грусти. Все наладимъ. Богъ поможетъ, наладимъ...

Переселкинь уныло поводишь шей.

— Иди теперь, иди домой,—потомъ потолкуемъ. Неравно, кто увидить тебя здѣсь,—пехорошо... Иди...

— Морозище сегодня,—замѣтилъ гость, укутываясь въ медвѣжью шубу.

Давыдъ весело вскинулъ глазки на окно:

— Да, холодновато, холодновато,—сказаль онъ.

XXVI.

Вьюга не утихала. Пявица все болѣе металась въ банкѣ, и все радостнѣе становилось лицо стараго приказнаго.

— Морозецъ, морозецъ!—потирая руки, говорилъ онъ.—Вѣтеръ и морозецъ. Рѣдкая погодка, рѣдкая!

Всѣ печи топились, и трещали въ огнѣ сырыя дрова. Старикъ ходилъ съ кочергой и самъ поправлялъ полѣнья. Иногда онъ говорилъ дочери:

— Люблю тепло, ахъ, люблю тепло!

— И я люблю,—подтверждала Вѣруня.

— Пехорошо, кому теперь надо по першпективѣ ходить.

— Ну, еще бы!

— Особливо черезъ Неву. Съ Ладоги тянетъ...

И онъ все посматриваль въ окошко, и все потираль руки, и улыбался и говорилъ:

— Выйдешь замужъ, Вѣруничъ,—топи, чтобъ вездѣ тепло было. Будеть тепло, и я ходить буду. А я буду ходить—и хорошо будетъ. Много благостынь изъ моихъ рукъ увидите.

— Много?

— Охъ, много. Только живите хорошо. Ты должна во всемъ мужу угождать,—и б. лть съ нимъ въ постоянномъ амурѣ... А только...

Отецъ подошелъ къ ней вплотную и почти шепотомъ сказала:

— А дѣвку Евдокию, что живетъ у него теперь,—отстрани. На первый же день брака скажи: не желаю, чтобъ означенная дѣвка оставалась здѣсь... Понимаешь?

— Понимаю.

— И чтобы даже возлѣ въ домахъ не селилась; чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Гдѣ-нибудь въ нашей сторонѣ. Чтобъ мнѣ наблюдать за ними имѣть,—пѣтъ ли чего. Понимаешь?

— Понимаю, папапечка.

— И тебѣ спокойнѣе будетъ, и мнѣ прятнѣе... Чтобъ ты въ спокойствіи была,—первое это для меня дѣло...

XXVII.

На улицѣ стало какъ будто еще темнѣе и сѣрѣе, когда подслѣповатая Акулинушка, баба лѣтъ пятидесяти, повязанная повойникомъ по старому обычаю, мягко ступая валеными башмаками, сказала хозяину:

— Кулъерь къ тебѣ пришелъ

Давыдъ, отмѣчавшій въ бумагахъ что-то гусинымъ перомъ и блѣдными чернилами, что самъ онъ дѣлалъ изъ черпильныхъ орѣшковъ, встрепенулся.

— Мамошинъ?—спросилъ онъ.

— Да кто его знаетъ. Можетъ, и Мамошинъ.

— Хорошо. Пусть оботретъ ноги, да пусти его въ столовую. Онъ не выпивши?

— Кто его знаетъ? Можетъ, и выпивши...

— Надо поднести ему стакачикъ, надо... Хи-хи! Какъ не поднести...

Онъ пошелъ слѣдомъ за старухой и посмотрѣлъ въ шелку двери на кухню,—онъ ли. Потомъ подошелъ къ большому голландскому шкапу, вынулъ пузатый графинъ съ желтоватой водкой, посмотрѣлъ въ него и пробурчалъ про себя:

— Что жъ, стакачика на два хватить.

Потомъ онъ, быстро шлепая и шаркая ногами, держа въ рукахъ графинчикъ, дошелъ до своей комнаты. Сухія его ручки закинули крючокъ на двери. Потомъ подошелъ онъ къ небольшому стѣнному шкапчику и досталъ оттуда пузырекъ, что съ утра еще отодвинулъ въ сторону.

— Ну, вотъ,—шепталъ онъ.—Ну, вотъ и покапаемъ. Четыре капельки довольно будетъ!

Онъ вынулъ пробку, напулъ пузырекъ къ графинчику съ водкой и сталъ капать. Накапалъ четыре, задумался, и еще двѣ прибавилъ.

— Такъ-то лучше, крѣпче,—сказалъ онъ.

XXVIII.

Въ столовой комнатѣ стоялъ Мамошинъ. Онъ красными отъ вѣтра, несмотря на теплыя рукавички, пальцами держалъ большой пакетъ, что далъ ему Виссаріонъ. Онъ поеживался и какъ-то странно жевалъ губами. Обычной угодливости не было на его лицѣ.

— Здравствуй, милый, здравствуй,—говорилъ Давыдъ.—Что это ты въ какую погоду? Спасибо, спасибо!.. Вечеру бы принесъ, не къ спѣху.

— Велѣно, чтобъ сейчасъ,—хрипло просигѣлъ Мамошинъ.

— Ну, коли велѣно—другое дѣло. Коли начальство что прикажетъ, всегда исполнять надо... Ты рачительный человекъ, всегда таковъ былъ. Давно я знаю тебя, охъ, давно!

— Вотъ на Островъ къ его сіятельству еще надо сейчасъ, къ князю Чухломину.

Давыдъ даже глаза свои сощуренные постарался сдѣлать большими.

— Ку-уда? На Островъ, говоришь? Въ такую-то погоду? Да нѣшто переходъ туда есть?

— Мостки сегодня накладываютъ...

— Голубчикъ, да какъ же ты? Въ такую-то вьюгу?.. Вотъ Москву и вспоманешь. Круглый годъ во всѣ стороны ходъ есть. А здѣсь, въ чухонскомъ парадизѣ,—что осень, что весна—совсѣмъ мы отрѣзанные люди...

Мамошинъ смотрѣлъ на графиню съ водкой и слезливо мигалъ, какъ собака, что ждетъ подачки.

— Водочки тебѣ, водочки надо дать,—заторопился старикъ.— Возможно ли въ такой холодъ, въ такую бурю безъ водочки внутри должность править?

Онъ вынулъ изъ шкапа стаканчикъ, поболталъ графинчикъ и сталъ наливать.

— Анделъ мой сегодня!—проговорилъ Мамошинъ.

— Да ну! Ангелъ! И въ день ангела такую комиссію исполняешь? Давай, я себѣ вишнепочки налью. Я опричь вишнепочки самъ ничего не употребляю. Ну, будь здоровъ. Примѣромъ будь. Всѣмъ будь примѣромъ. Ахъ, такой ты примѣрный! Такой примѣрный!

Онъ какъ будто хотѣлъ его поцѣловать, да раздумалъ,—только заторопился еще больше и сказалъ:

— А на дорожку еще послѣдній... Тутъ всего два стаканчика и было. Я тебя держать не буду. Смеркаться начинаетъ,—пока свѣтло, и доберись на ту сторону... Ну, будь здоровъ, давай чокнемся, и я допью остаточки... Вотъ такъ, вотъ такъ. Ха-ха!

XXIX.

Еще шаги Мамошина слышались въ кухнѣ, а ужъ Давыдъ говорилъ дочери:

— Прислалъ мнѣ важную записочку Виссаріонъ. Я пойду къ нему. А ты вели лошадку заложить, да чтобы черезъ часъ Митька къ нему за мной пріѣхалъ...

— Папанечка, а сейчасъ ты нѣшто пѣшкомъ?—забезпокоилась дочка.

— А сейчасъ пѣшкомъ поплетусь. Пока онъ копаться будетъ, запрягать да поить, я ужъ тамъ буду. Кланяться отъ тебя же-

ниху-то? Хи-хи!.. Поклонюсь, поклонюсь, респекты засвидѣтельствую...

И, быстро семеня коротенькими ножками, Давыдъ покатился навстрѣчу вѣтру и снѣгу. Онъ, дойдя до ближайшаго проходнаго двора, свернулъ въ него и направился къ Невѣ. Прохожихъ и проѣзжихъ совсѣмъ не было, всѣ попрятались по домамъ.

Маленькій ростъ и худощавенькая фигурка старика была для вѣтра небольшая поверхность, и онъ бодро не по-лѣтамъ вытаскивалъ свои короткія валенки изъ снѣга и все шепталъ:

— Ну, что дѣлать! Такъ всегда бываетъ! Такъ Зяждителемъ предусмотрено. Мамошинъ не виноватъ, Мамошинъ долгъ свой исполняетъ. И я долгъ свой исполняю. Всякій долженъ трудиться въ потѣ лица... Вотъ бреду я по непогодѣ и бурѣ. А зачѣмъ бреду? Велѣлъ мнѣ кто-нибудь? Нѣтъ, не велѣлъ. Но должно,—и кончено. Всякій, что предписано ему, исполнять долженъ. Я вонъ, во дни юности моя, въ нѣмецкой школѣ у пастора Іоганна латыни обучался. А потомъ латынь изучалъ у Симеона въ Спасской школѣ. А потомъ возвеличенъ былъ судьбою, и къ моимъ мнѣніямъ вельможи теперь слухъ склоняють. Значить, перстъ такой указующій мнѣ предопредѣленъ...

На набережной онъ приостановился. Вѣтеръ здѣсь совсѣмъ захватывалъ дыханье. Темнѣло все больше, и звѣздочки фонариковъ мелькали въ той сторонѣ, гдѣ настилали мостки. Покривившіеся столбы показывали, гдѣ берегъ. Зазимовавшія суда были всѣ залѣплены снѣгомъ, и канаты у мачтъ казались такими толстыми, несуразными.

И Давыдъ началъ не торопясь спускаться на ледъ.

XXX.

Мамошина нигдѣ не было видно, а Давыдъ, пройдя наискось дворомъ Шалыгина, долженъ былъ бы одновременно съ нимъ прийти сюда,—много минутки на двѣ поздне. Онъ сталъ вертѣться во всѣ стороны и, причмокивая бритыми губами, присматриваться. Но нигдѣ не было его видно.

— Что за притча!

Онъ опять поднялся наверхъ, на проѣзжую дорогу, и рѣшилъ пройти до той улицы, откуда долженъ былъ завернуть на Неву Мамошинъ.

Вдали появилось что-то темное, какое-то неопредѣленное пятно и стало быстро приближаться. Не то лошадь, не то корова была запряжена въ маленькія санки. Роговъ было у нея что-то много,—куда больше, чѣмъ пара. Или окуляры, залѣпленные снѣгомъ, показывали такъ?

Когда совсѣмъ близко выпырнула передъ Давыдомъ странная группа,—онъ увидѣлъ, что это былъ олень, и ѣхалъ, взнуздавъ его, какъ лошадь, какой-то маленькій, какъ и Давыдъ, человѣчекъ въ ушастой шапкѣ. Сидѣлъ онъ не то въ саняхъ, не то въ маленькой лодкѣ, и весь запесепъ былъ вьюгой.

— Ишь ты, модникъ какой!—подумалъ старикъ.

И стало ему еще веселѣй,—точно яркій солнечный день былъ вокругъ, а не ноябрьская завируха.

И вдругъ увидѣлъ онъ на откосѣ у столба Мамошина. И онъ не стоялъ, а сидѣлъ. Сидѣлъ онъ, растопыривъ ноги и привалившись спиной къ столбу. Къ груди прижималъ онъ клеенчатый свертокъ и держалъ его, должно быть, крѣпко.

Давыдъ остановился и окликнулъ курьера. Тотъ не отвѣчалъ. Давыдъ окликнулъ его еще разъ. Никакого отвѣта.

XXXI.

Онъ подошелъ къ нему ближе и ткнулъ его въ плечи.

— Милый, чего ты!—проговорилъ онъ.

Вокругъ никого не было. Олень уѣхалъ. Рабочіе, что налаживали мостки, были далеко.

— Что, родной, умаялся?.. Встань, давай, подниму тебя! Не хочешь?

Показалось старику, что поднялъ на него сторожъ глаза и смотреть съ ужасомъ.

— Вѣдь бумаги-то важныя ты несешь къ князю на подпись? Лучше другого кого послать. Ну, дай мнѣ,—дай сверточекъ... Сверточка-то мнѣ не надо, только бумаги... Ну, пусти, дай...

И онъ сталъ освобождать пакетъ изъ его застывающихъ рукъ, не торопясь, тихоцпо. Кабы увидѣлъ кто, и это не бѣда,—сказалъ бы онъ:

— Бумаги-то важнѣйшія... Сохранить ихъ необходимо...

Давыдъ не торопился. Да и зачѣмъ торопиться-то было?..

— И совсѣмъ не годится пить столько... Должно, много выпить... Ангелъ, ангелъ! А развѣ ангелу Божію пріятно, что ты одурманилъ себя симъ пойломъ дьявола?.. Ну, вотъ такъ. Бумажки взялъ я,—а ты полежи здѣсь съ сумочкой своей, отоспишься, родной. Отоспишься,—вотъ-то тебѣ награда будетъ! По головкѣ не поглядятъ! Столь важныя бумаги, а ты такъ пренебрежительно къ нимъ отнесся! Хорошо, что я взялъ,—не пропадутъ онѣ,—а ежели бы другой кто? Ежели злоумышленіе у кого въ головѣ? Такъ пельзя, мпый, охъ, пельзя!..

И Давыдъ запряталъ на грудь бумаги и плотнѣе закрылся пубой и пошелъ къ себѣ домой, и чувствовалъ себя легко и свободно.

— Не успѣлъ еще заложить Митенька?—спросилъ онъ дѣма:— ужь я лучше на лошадекъ поѣду. Пошелъ было пѣшкомъ, да итти неумоготу,—такая погода.

И онъ, запрятавъ въ столъ бумаги, сталъ посматривать въ окно, когда Митенька выѣдетъ къ крыльцу.

XXXII.

Митенька выѣхалъ. Старикъ запахнулся поплотнѣе въ шубу и влѣзъ въ сани. Онъ все повторялъ про себя:

— Ой, во хмелю надо осторожнымъ быть. Воспользуются другіе,—все отнимутъ. И ото всей честности останется шишъ. Вотъ Мамошинъ,— всю жизнь старался. А изъ чего потѣлъ? Теперь выгонять его со службы. Видитъ Богъ, выгонять. Да и нельзя не выгнать! Какъ можно столъ важныя бумаги и носить не въ своемъ видѣ... Ахъ, нехорошо!

На стукъ отворила Дунечка. Теперь она одѣта была по модѣ, чисто. На ногахъ башмаки съ каблуками; юбка теплая, голландская. Кофточка-душегрѣя на бѣлкѣ и чепчикъ нѣмецкаго образца.

— Виссаріонъ Игнатьичъ уѣхали,—заявила она.

— Куда?

— Да нѣшто онъ у меня спрашивается. Сказалъ: ближе семи часовъ не жди. Вотъ недавно заходилъ, надѣлъ кафтанъ новый и ушелъ.

Старикъ присѣлъ на сундукъ.

— А ты чего такъ разрядилась?

— А чего жъ мнѣ не рядиться?

Онъ провелъ пальцемъ по ея рукѣ.

— Ишь, гладка больно. Всѣ вы изъ духовнаго званія такія.

Онъ посмотрѣлъ на нее снизу и потянулся пальцемъ къ подбородку, она отмахнулась.

— Дочь замужъ выдаетъ, а самъ...

— Тебя еще не такъ рядить можно. Душегрѣйку-то изъ атласа на пуху сдѣлать можно, а у тебя вотъ шерстяная.

— Мнѣ и шерстяная хороша...

— А у меня много денегъ.

— Слыхала.

— Кому захочу, тому и дамъ. Препятствій никто учинить мнѣ не можетъ. Ты запомни.

Она опустила глаза и молчала. Онъ всталъ.

— Когда въ семь Виссаріонъ пріѣдетъ, скажи, чтобъ не раздѣваясь ко мнѣ ѣхалъ... Не спутаешь?

— Мудрость какая!

Онъ хитро посмотрѣлъ на нее, засмѣялся и, поправивъ шапку, пошелъ къ выходу.

— То, что сказалъ тебѣ, запомни,—проговорилъ онъ на порогѣ.

— Это насчетъ Виссаріона Игнатъича?—лукаво спросила она.

— И насчетъ всего прочаго,—сказалъ онъ.

XXXIII.

Тотъ же купчина, по фамиліи Переселкинъ, съ бородой клиномъ сидѣлъ вечеромъ у Давыда Федоровича.

— Такъ какъ же?—спрашивалъ онъ и все гладилъ бороду, не для того, чтобы она требовала этого, а просто онъ не зналъ, куда дѣвать руки отъ безпокойства.

— Что жъ, дѣло сдѣлано,—спокойно говорилъ Давыдъ.

— Резолюція положена, узналъ я.

— Ну, и пушай!

— Конецъ, значить? Крышка?

— Намъ до того дѣла нѣтъ. Объявить тебѣ рѣшеніе невозможно.

— Чего брешешь?

— Ты о двухъ дняхъ просилъ? Два дня тревожить тебя не будутъ. А только завтра вечеромъ, привози деньги. А ежели хочешь накинуть третій день, то и послѣзавтра опять деньги... Чего тебѣ стоить?.. Толстосумъ ты.

— Не брешешь?—переспросилъ купецъ.

Давыдъ всталъ, перекрестился на образъ и сѣлъ.

— Видѣлъ?

Купецъ запустилъ пальцы въ бороду глубже.

— Видать-то видѣлъ, а только что жъ изъ эстаго? Вы, приказное сѣмя, и Бога продадите. На то васъ взять.

Давыдъ поморгалъ вѣками и потомъ крикнулъ:

— Пошелъ вонъ!

Гость дернулъ головой и насторожился.

— Пошелъ вонъ!—повторилъ хозяинъ и даже съ своего кресла поднялся:—и чего ты къ приказному сѣмени льнешь? Вотъ завтра тебѣ приказъ-отъ этотъ предъявятъ... Пошелъ вонъ!..

— Ну, чего ты! Я пошутилъ, а ты и взвѣлся...

— Дворника позову, метлой гнать велю!

— Меня?

— Да, тебя! Прохвость ты, грабитель! Мошенникъ ты и прощальга.

— Ну, будетъ, будетъ!

— Нѣтъ, не будетъ. Я долго терпѣлъ, и терпѣніе истощилось. Ты мнѣ не вѣришь,—ну, значить, и дѣло пошабашимъ. Ты иди къ себѣ домой и вѣшайся, а я за свои приказныя каверзы засяду.

— Говорю, —будеть, не срамись. Довѣрія моего не то къ тебѣ, — ни къ кому нѣтъ. Душа извѣрилась...

Давыд потушилъ одну свѣчку, другую взялъ въ руки.

— Ну, иди, —я провожу тебя до прихожей.

Гость внимательно посмотрѣлъ на Давида.

— Да ты шутишь, либо нѣтъ?

— Нимало не шучу. Говорю, между нами все копчено.

— Ну, перестань. Коли я что лишнее сказалъ, —прощенья прошу.

— Уходи туда, гдѣ вѣры у тебя больше.

— Вотъ ты какой, право! Ну, денегъ хочешь?

— Не хочу.

— Денегъ не хочешь?

Онъ полѣзъ за пазуху.

— А я-то тебѣ припасъ...

— У меня своихъ денегъ много!

— Награбилъ?

— Не съ тебя — съ другихъ!

XXXIV.

Когда Виссаріонъ постучалъ въ парадныя двери, его проводили къ невѣстѣ, —къ Вѣрунчику, чему онъ, кажется, былъ радъ не особенно.

— У папани какой-то купчина сидитъ, —сказала она.

Виссаріонъ насторожился.

— На запорѣ они?

— Должно, на запорѣ. Папаниа всегда на запорѣ комнату держитъ, когда кто у него.

— Погодка-то полегче стала?

— Да пѣявица какъ будто успокаиваться начала. Трепыханія въ ней меньше.

— Желательно, чтобъ въ день нашей свадьбы метели не было. А то весьма непріятна въ такой день непогода.

— Какова погода въ день, когда вѣнчаютъ, такая и жизнь впереди будетъ...

Виссаріонъ посмотрѣлъ на ея сухую голову, конусомъ торчавшую вверху, и сказалъ:

— Одно суевѣріе!

Вѣрунечка что-то много трещала предъ нимъ, и ея каріе влюбленные глаза такъ и вспыхивали звѣздами, когда она останавливала ихъ на утиномъ лицѣ жениха!

— Кажись, уходятъ? —спросилъ онъ, прислушиваясь къ неясному говору и движенію на половинѣ старика.

— Ужъ они тамъ часа два какъ возятся. Не то ругаются, не то цѣлуются.

Онъ опять прислушался. Она подошла къ нему и, лукаво улыбаясь, спросила:

— А мы съ тобою любовно будемъ жить, безъ вздора?

На этотъ разъ, какъ будто, купчина совсѣмъ уходилъ. Тяжелые шаги и говоръ переходили изъ комнаты старика въ столовую, въ прихожую. Долго тамъ говорили, и кто-то кого-то о чемъ-то просилъ, и кто-то успокаивалъ.

Давидъ пришелъ къ дочери веселый.

— Все въ безпокойствѣ!—заговорилъ онъ, улыбаясь и щелкая языкомъ:—ужъ очень онъ боится, чтобъ завтра ему крышка не была...

— А Мамошинъ-то принесъ бумагу съ подписомъ?—будто проснувшись, прибавилъ онъ.

— То-то, что не принесъ доселѣ,—отвѣчалъ Виссаріонъ.

— Скажи на милость! Ледъ-то на Невѣ теперь сталъ только,—переходъ-то съ опаской большой... Спосылать надо къ нему. Матрешу либо Митеньку спосылать надо... А я для того и просилъ тебя заѣхать, чтобъ узнать... Ахъ, какъ все сіе непріятно...

«Вотъ юлить чортовъ старикъ,—подумалъ Виссаріонъ:—и все передъ дочерью»...

XXXV.

Замерзшее тѣло Мамошина было найдено только на слѣдующее утро. Клеенчатый кошель онъ плотно прижималъ къ груди окостенѣвшими руками,—и лицо застыло въ такой странной гримасѣ,—какъ будто онъ плакать собирался.

Товарищи его по службѣ показали, что былъ онъ пьянъ. И жена его тоже сказала, что онъ хватимши былъ и весьма. Давидъ Федоровичъ, видѣвшій его послѣднимъ, сказалъ:

— Какъ быдто онъ былъ и не очень, чтобы такъ... Не зналъ я, что онъ столь важныя бумаги несетъ, а то не даль бы ему... А вѣдь я ему поднесъ два стакачика собственноручно. Потому мнѣ жалко стало человѣка:—въ такую погоду...

Хуже всего было то, что при Мамошинѣ бумагъ, что несъ онъ для подписи, не оказалось.

— Не иначе, что украли,—но кто?

— Кто бы это, папанечка, могъ?—спрашивалъ Виссаріонъ.

— Ай-ай! Нехорошо!—качалъ головою старикъ:—вотъ товарищи его всѣ показываютъ, что онъ былъ зѣло въ подпитіи. Какъ же такого посылать съ важными бумагами возможно?..

Виссаріонъ зорко смотрѣлъ на Давыда.

— Я тоже не запримѣтилъ. Вѣдь и вы, папанечка, не запримѣтили того же?

— Оба мы съ тобой крюку дали, оба! Ну, я, старый дуракъ, изъ ума выживаю. А ты молодъ еще, свѣжъ и остеръ умомъ. Какъ же ты оное упустительство произвелъ?..

А затѣмъ прежде, чѣмъ Виссаріонъ отвѣтилъ, сказалъ:

— Насчетъ же обѣда свадебнаго—все готово. И вина будетъ достаточно, и кушанья будутъ подаваться на заморскій манеръ. Обѣщали мнѣ важныя персоны трапезу нашу осчастливить и присутствіемъ своимъ освѣтить, подобно солнцамъ, торжество наше. А къ новому году, въ генварѣ, будешь ты произведенъ въ чинъ. Тоже узналъ я про то...

— Папанечка, чувствительнѣйше благодарю васъ.

— И меня произведутъ въ генералы за числѣю и безпорочную службу мою въ теченіе сорока восьми лѣтъ.

— Что жъ, папанечка, давай Богъ!

— И будемъ мы съ тобой, Виссаріонъ, птицы. Не то, что воробы или чижики...

— Орлы, папанечка, будемъ.

— Ну, орлы не орлы,—а все же важнѣе, чѣмъ голуби, али сороки...

Виссаріонъ поцѣловалъ въ плечо Давыда и сказалъ:

— Будемъ, папанечка, почище.

XXXVI.

Обѣдъ въ день свадьбы устроилъ Давыдъ на свой счетъ. Было нанято помѣщеніе съ обширнымъ заломъ для ѣды. Столы были поставлены покоемъ. Гостей было человѣкъ сто. Трое было стариковъ со звѣздами на великолѣпныхъ мундирахъ. Парики были и сѣрые и изъ своихъ волосъ. И дамы тоже были и въ парикахъ, и просто въ своемъ натуральномъ видѣ, только волосы у нихъ были высоко подобраны, а наверху ихъ украшало еще стоячее кружево, башенками возвышавшееся надъ обѣдающими. Надъ столами горѣли церковныя паникадила, а по стѣнамъ сіяли стѣнные канделябры, въ видѣ колчановъ со стрѣлками. Давыдъ хотѣлъ блеснуть,—а потому и кушанья были на славу, и вина было вволю. Онъ только объяснилъ распорядителю пира, что на концы стола слѣдуетъ подавать вино похуже. А именитымъ гостямъ—вина дорогія шампанскія.

— Людское веселіе чередуется съ плачемъ и стенаніемъ,—говорилъ мѣстный приходскій священникъ отецъ Паисій:—здѣсь веселіе и блистаніе багряницъ. А въ иныхъ мѣстахъ—юдоль скорби. Давыдъ вдругъ перебилъ его.

— Надлежитъ сегодня, отецъ Паисій, болѣе отдаваться веселію, чѣмъ скорби!—проговорилъ онъ. —Читали вы о новыхъ предначертаніяхъ по поводу флота?

Отець Митрофанъ, сидѣвшій наискосокъ, вдругъ взыгралъ духомъ.

— Читалъ и духомъ восхищался!—сказалъ онъ, потрясая кускомъ гуся въ воздухъ:—истинно, монархъ нашъ единою рукою дѣло творяху, а другою держажу мечъ. Нарочитое смотрѣніе Божіе надъ народомъ россійскимъ принесетъ превеликую пользу въ грядущемъ.

— Это въ «Вѣдомостяхъ» пропечатанное?—спросилъ молодой.

— Въ «Вѣдомостяхъ»,—подтвердилъ Митрофанъ.

— Не удосужился,—замѣтилъ съ сокрушеніемъ Паисій.

— А я воспринялъ съ превеликою пользою и веселіемъ,—прожевывая гуся, сказалъ Митрофанъ.—Мысли глубины необъятной проведены.

— Необъятной!—подтвердилъ Давыдъ Ѳеодоровичъ, и даже зажмурился.

— Главенствующая мысль какая же?—спросилъ Виссаріонъ.

Отець Митрофанъ проглотилъ кусокъ и сказалъ:

XXXVII.

— Главенствующая мысль: къ чему созданы пространныя поля водныя, толикое множество водъ, большую часть земного круга объемше, ежели онѣ къ питію человѣческому весьма неуютны? Сія того вина есть, что премудрый міра Создатель, дабы взаимное друголюбіе промыслить человѣкомъ, въ единый любовный союзъ сопрягшися, восхотѣлъ коммуникацію морскимъ путемъ учинить. Отъ сего—и нужда нарочитая во флотѣ.

— Правильно!—подтвердилъ Виссаріонъ.

— Не люблю я словъ нѣмецкихъ,—замѣтила молодая:—отъ нихъ такой щекоть идетъ по пяткамъ.

Виссаріонъ снисходительно улыбнулся.

— То не нѣмецкія слова, а церковнаго толка.

А Давыдъ посмотрѣлъ на свою дочь, покачалъ головой и промолвилъ:

— Дура ты, дура!

Глаза Вѣрунечки немедля наполнились слезами. А Виссаріонъ погладилъ ее по плечу и сказалъ:

— Папанечка, не обижайте ее, ибо теперь она не вапа, но моя, и вступиться за нее я могу.

Тогда папанечка всталъ и, кланяясь въ поясъ, сказалъ:

— Мамзель—пардонъ!

И всѣ начали хохотать кругомъ, а Вѣрунечка краснѣла и плакала.

— Такъ вотъ я хотѣлъ повѣдать,—началъ Паисій, но Давыдъ снова его перебилъ:

— А покажи-ка, Виссаріонъ, отцу Паисію ту прицѣпку, что я въ даръ тебѣ далъ сегодня.

Виссаріонъ заторопился и, вынувъ изъ кармана золотые часы, поднялъ надъ столомъ руку.

— Вотъ, папанечка, ваша брелока.

— Покажи отцу Паисію.

— Возрите, отецъ Паисій.

Отецъ Паисій досталъ изъ обширнаго кармана своей лиловой рясы огромный футляръ съ окулярами и, надѣвъ на изрытый ослою носъ, взялъ пухлой бѣлой рукой многогранный горный хрусталь, вертѣвшійся на золотомъ полукругѣ, изображавшемъ вервие.

— Какъ бы левъ рыскающій!—сказалъ онъ.

— Двѣнадцать знаковъ зодіака небснаго. На каждый мѣсяць дабы печатать соотвѣтствующимъ знакомъ.

Отецъ Паисій повернулъ хрусталь и воскликнулъ:

— Дѣва! И вѣтвь оливовая въ шуйцѣ... Весьма занятно.

— Но изображенія сіи языческія?—спросилъ Митрофанъ.

— Болѣе астрономическія, чѣмъ языческія,—поправилъ его Виссаріонъ:—и имѣтъ ихъ при себѣ христіанину незасорно.

— Послѣ голландца Питера Кристофена остался сей раритетъ, и я приобрѣлъ его для зятя,—замѣтилъ Давыдъ.

XXXVIII.

— А вотъ я началъ говорить,—продолжалъ свое Паисій:—что пока мы здѣсь веселимся, иные въ скорбь погружены и въ отчаяніи терзаютъ свои перси. Сегодня хоронили мы курьера Лазаря Мамошина,—и вдова его такъ скорбь свою выражала, такъ выкрикивала, что вопли ея разносились далече по стогнамъ.

— На улицахъ сіе воспрещено!—замѣтилъ Митрофанъ.

Давыдъ Федоровичъ вдругъ сладко улынулся.

— Завидная смерть!—сказалъ онъ.

— Говорятъ, что замерзъ онъ у спуска на Неву?—спросилъ Паисій.

— Замерзъ, ибо морозъ былъ лютый. Но какъ замерзъ?

Давыдъ съ наслажденіемъ обвелъ вокругъ глазами.

— Долгъ священныя службы своей исполняя, былъ онъ достигнуть морозомъ и бурей. Крѣпко прижавъ казенные пакеты къ персямъ своимъ, заковенѣлъ онъ и вырвать клеенчатый обвертокъ изъ рукъ его съ трудомъ могли.

— Но, говорятъ, въ клеенкѣ ничего не оказалось?—спросилъ Паисій.

Виссаріонъ зорко уставился на тестя. Но тотъ не смутился. Даже рѣсницы у него не дрогнули.

— Вотъ у Виссаріона онъ въ подчиненіи былъ,—проговорилъ Давыдъ:—бумагъ-то важныхъ какихъ не оказалось у него?

— Важныхъ,—процѣдилъ молодой.

— Ко мнѣ заходилъ онъ къ послѣдному,—продолжалъ Давыдъ Федоровичъ:—и онъ показался мнѣ зѣло не въ своемъ видѣ. И какъ возможно было человѣку, отуманенному питіемъ, поручать важныя бумаги?

— Онъ какъ будто совсѣмъ не пьянъ былъ на службѣ,—у меня и свидѣтели есть,—проговорилъ Виссаріонъ.

— Значить, потомъ напился... Ну, царство ему небесное! Завидная смерть, снова повторяю.

— Очень вдова убивается,—повторилъ Паисій.—Хотя и выдала казна деньги похоронныя,—но все сіе потери мужа ей не возмѣститъ.

— Слѣдуетъ пенсію ей назначить, ибо мужъ ея умеръ на посту, подобно солдату на часахъ,—и сіе какъ примѣръ для прочихъ поощрить надо,—сказалъ Давыдъ.

— Государю я докладывалъ, и пенсію приказано вдовѣ назначить!—громко заявилъ толстый звѣздоносецъ.

— Моеархъ нашъ высокомиловитъ и щедръ!—воскликнулъ Митрофанъ, а Давыдъ даже глаза вытеръ пестрымъ фуляромъ и сказалъ:

— Узнаю, узнаю его нарочитую благость.

— Аминь!—подтвердилъ Паисій.

— А что, отче,—вдругъ заговорилъ звѣздоносецъ, снисходительно улыбаясь:—что, ежели мученическая смерть сего служителя дастъ ему вѣнецъ въ загробной жизни, и онъ въ святые возведенъ будетъ?

— Для сего необходимо, дабы тѣло его не поддавалось тлѣнію. А между тѣмъ тяжелый духъ еще вчера отъ него пошелъ.

— Такъ что невозможно сіе, отче?

— Думаю, что невозможно.

— Ну, исполать тебѣ.—Я такъ полагаю, что на почвѣ Питербурха петлѣнія и вовсе не будетъ. Закладывали на дняхъ на Охтѣ домъ новый и при рытѣ наткнулись на человѣческія кости. Лекаря говорятъ, что онѣ хотя недавняго времени, но сгнили въ труху отъ сырости, что насквозь грунтъ просочила.

— Оно и лучше, что святыхъ среди насъ не будетъ,—сказалъ Давыдъ Федоровичъ:—мы имъ совсѣмъ не компанія. Грѣшники мы, въ грѣхахъ рождены, въ грѣхахъ ходимъ...

XXXIX.

Когда гостей стали развозить по домамъ, а нѣкоторые и сами двинулись, шатаясь, въ путь, Виссаріонъ тоже сталъ собираться со своею молодой женой восвояси.

— Сейчас я къ вамъ прїѣду,—шепнулъ зятю Давыдъ.

— Жду, папанечка, жду,—отвѣтилъ онъ:—денегъ я передъ вѣнчаніемъ, какъ другіе, не требоваль, ибо вѣрю въ васъ и питаю надежду, какъ на стѣну каменную.

— Какъ счастлива я сегодня!—заговорила Вѣрунечка, прижимаясь къ мужу, когда они сѣли въ сани.—А ты? Ты доволенъ?

Виссаріонъ, уткнувшись носомъ въ воротникъ своей новой шубы, отвѣтилъ:

— Да, и я доволенъ.

И сейчасъ же прибавилъ:

— Папанечка къ намъ прїѣдетъ сію минуту.

Она недовольно повернула къ нему голову.

— Мало его я видѣла! Зачѣмъ ему нужно теперь къ намъ?

— Ай-ай, Вѣрунечка, нехорошо такъ говорить про родителя!.. Надо же намъ кой-какіе счеты свести. Это недолго, Вѣрунечка: четверть часа всего.

— Нельзя будто завтра!—сказала она.

«А она ничего... ужъ не очень, чтобы того»,—подумаль онъ, глядя на ея блѣнное лицо, освѣщенное зеленовато-синимъ свѣтомъ луны.

— Ужъ ты потерпи его на сегодня. Вотъ покончимъ съ нимъ всё счеты, тогда...—проговорилъ онъ.

Въ домѣ у него все было вычищено, выложено,—и Авдотья не было, хотя Вѣрунечка зорко посматривала, не увидитъ ли гдѣ ее. Лампады у образовъ теплились ярко, натоплено было сильно, отзывало мятой,—такъ какъ наканунѣ полы были вымыты мыльнымъ квасомъ. Комнаты были низенькія, но уютныя.

— И ты, Вѣруня, хозяйка полная сей обители,—сказаль Виссаріонъ и запечатлѣлъ на увядающей ланитѣ супруги поцѣлуй, на который она отвѣтствовала не менѣе страстнымъ лобзаніемъ.

XL.

Папанечка не заставилъ себя дожидаться и прїѣхаль скоро.

— Кажется, все въ порядкѣ, все хорошо было?—спросилъ онъ.

— Все хорошо, папанечка!

— Ну, а теперь рассчитываться я прїѣхаль.

Онъ раскрылъ тиковый мѣшокъ.

— Двери-то на крючокъ припереть надо. А теперь—считай.

Виссаріонъ принялся считать. А старикъ началъ ходить по маленькой каморкѣ,—шага четыре въ поперечникѣ да шаговъ шесть въ длину. Зять считаль долго и аккуратно.

— Ну?—спросилъ Давыдъ, когда онъ кончилъ.

— Совершенно вѣрно. А только по тому дѣлу... еще не получено мною, папанечка.

— То—статья особливая,—сказаль старикъ и вытащилъ изъ кармана кафтана еще мѣшокъ.

Виссаріонъ разгорѣвшимися глазами хотѣлъ опредѣлить,— сколько тутъ денегъ. Онъ даже прикинулъ мѣшокъ руками на вѣсъ.

— Считай!—сказаль старикъ.

— Сочту, папанечка.

И онъ опять началъ считать. Опять старикъ ходить началъ. Полная луна смотрѣла въ окно и освѣщала уголь комнаты ко-сымъ четырехугольникомъ. Кончилъ Виссаріонъ, записаль цифру и, поднявшись, трижды облобызался со старикомъ, проговоривъ:

— Спасибо, папанечка.

ХІІ.

— Ты не думаль, что столько?—спросилъ тестъ, показывая глазами на мѣшокъ.

— Это именно, папанечка, совпало съ моими ожиданіями. Но думаю, что болѣе сіе для Вѣрунечки, чѣмъ для меня?

Старикъ прослезился: по крайней мѣрѣ онъ опять вынулъ фуляръ и опять отеръ глаза.

— Нынѣ я не раздѣляю васъ, ибо два плоть слились во едино.

— Спасибо, папанечка.

— Уѣзжаю я отъ васъ. Желаю вамъ жить честно, мирно и примѣрно. Но главное—будь по службѣ твердъ и иди тѣмъ путемъ, на который указаль тебѣ твой разумъ. И помни, что сказаль я тебѣ на сихъ дняхъ: отмай все то, что стоитъ на пути твоёмъ. Перешагивай черезъ близкихъ твоихъ, не жалѣя, если того требуютъ обстоятельства. О людяхъ стороннихъ и говорить я не буду... Гдѣ Вѣрунечка? Благословлю я ее и поплетусь восвосяи.

Онъ направился къ двери, да вдругъ остановился.

— А Дунечка твоя гдѣ,—не видать ея?

Виссаріонъ сдѣлаль изумленное лицо.

— Папанечка! Да осмѣлился ли бы я оставить ее въ томъ домѣ, куда Вѣрунечка переѣхала?

— А-а!.. Ну, похвально сіе, похвально... А гдѣ же она?

— А я даже не знаю, папанечка. Я сказаль ей: Евдокія можешь уходить куда хочешь. Вотъ деньги тебѣ за услуги твои,—но болѣе пребыванія твоего чтобъ въ домѣ этомъ не было.

— Куда же она ушла?

— Вотъ ужъ не интересовался, папанечка. Я, папанечка, теперь человекъ женатый. Мало ли что я позволялъ себѣ въ холостомъ положеніи? Теперь это недопустимо...

Старикъ сжалъ губы...

— Да, да... похвально,—пробормоталь онъ.

И когда пожилая широкозадая Марьюшка выпустила его на улицу,—онъ тихо шевелилъ губами, и глаза его подь окулярами вертѣлись колесами.

— Вотъ мерзавецъ! Вѣдь знаеть, гдѣ Дунечка! Для себя припряталь... Ну, да отъ меня не уйдешь! Я вѣдь подь землей найду.

И онъ злобно посмотрѣлъ на закрытые ставни, сквозь которые ярко блестѣлъ свѣтъ въ помѣщеніи новобранчыхъ.

XLII.

— И такъ-то я счастлива, такъ счастлива! Ахъ, какъ я счастлива!—все повторяла Вѣрунечка мужу.

А онъ смотрѣлъ на кафели жарко натопленной печи, на полку, гдѣ стояли баулы и пузатенькіе кувшины, на бухарскій халатъ, что висѣлъ на гвоздикѣ, и вспоминалъ Дунечку. У Дунечки были полныя крѣпкія руки и локти были мягкіе, гладкіе. А у Вѣры была такая дряблая кожа, что кости легко было вездѣ прощупать, и локти были острые,—о нихъ ушибиться можно было.

— Что за объдомъ говорилъ отецъ Паисій,—продолжала она.— Не вездѣ счастье. Вотъ вдова курьера Мамошина,—плачетъ теперь,—нѣтъ мужа, похоронили мужа. Горе-то какое, горе!

— Д-да!—сквозь зубы отвѣтилъ Виссаріонъ.

Ему рядомъ съ бухарскимъ халатомъ почудилась фигура Мамошина,—длинная, синяя, съ оловянными глазами и всклокоченной шевелюрой. Онъ стоялъ, какъ всегда опустивъ руки, и какъ будто исподлобья смотрѣлъ на него, и потемнѣвшія его губы шептали:

— Померъ Лазарь... померъ.

Виссаріонъ нахмурился. Но потомъ онъ вспомнилъ, что въ столѣ у него лежать деньги, много денегъ.

«Надо шагать черезъ другихъ», повторилъ онъ слова тестя.

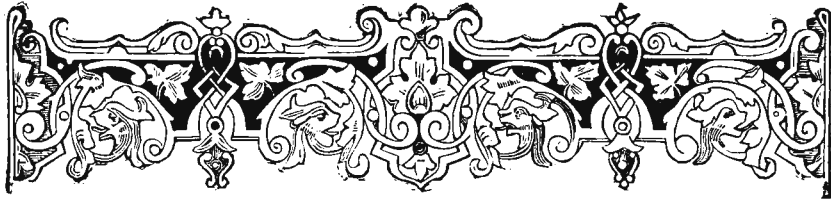
— А вѣдь и мерзавецъ же папанечка,—вдругъ сказалъ онъ.

— Мерзавецъ!—подтвердила Вѣрунечка и повернулась къ мужу на бокъ.

Онъ радъ былъ, что она того же мнѣнія, что и онъ. И Морфей тихо сталъ сыпать на нихъ маки. И стали мерещиться Виссаріону и чины, и деньги, и звѣзды, и согнутыя спины, и Дунечки, Дунечки, Дунечки...

П. Гнѣдичъ.

РАДЕЦКІЙ, СКОБЕЛЕВЪ, ДРАГОМИРОВЪ.

(Изъ воспоминаній Софьи Абрамовны Драгомировой) ¹⁾

1. **Ө. Ө. Радецкій.** ²⁾

«L'esprit dans les grandes affaires n'est rien,
sans le coeur» (Cardinal de Retz).

ТИ СЛОВА вполне подходят къ **Ө. Ө. Радецкому**. **М. И. Драгомировъ** не иначе его называлъ, какъ «чистый сердцемъ».

Какъ много обязана Россія **Өодору Өодоровичу** и какъ грустно съ нимъ разстались! Судьба великихъ людей не быть оцѣненными во-время и по заслугамъ. **Өодоръ Өодоровичъ** ушелъ послѣ юбилея, не дождавшись рескрипта, который не послѣлъ во время, и узналъ изъ газетъ о простомъ отчисленіи отъ должности. Извѣстный богачъ **Н. А. Терещенко** приготовилъ для него помѣщеніе въ одномъ изъ своихъ имѣній, хотѣлъ съ почестями принять у себя героя Шипки, но **Өодоръ Өодоровичъ** отказался; онъ не ожидалъ отчисленія отъ должности, не былъ къ этому подготовленъ и второпяхъ уѣхалъ въ Крымъ. Впослѣдствіи онъ жилъ въ Одессѣ.

Когда **Өодоръ Өодоровичъ** скончался, весь городъ былъ въ траурѣ, его похоронили по-царски.

¹⁾ Софія Абрамовна Драгомирова, рожденная Григоровичъ, супруга генераль-адъютанта **Михаила Ивановича Драгомирова**, извѣстнаго военнаго писателя и дѣятеля войны 1877—1878 гг. Скончалась 25-го ноября 1912 г.

Предлагаемая воспоминанія не предназначались для печати, носятъ отрывочный и совершенно интимный характеръ, но потому-то они, какъ первоисточникъ, представляютъ большой интересъ, въ смыслѣ освѣщенія и характеристикъ дѣятелей прошлой войны.

Ред.

²⁾ Хотѣлось бы написать о каждомъ отдѣльно, но они такъ сплелись въ моемъ представленіи, что точное раздѣленіе невозможно,

С. Др.

Назначеніе Драгомирова на должность командующаго войсками кievскаго округа состоялось вслѣдъ засимъ. Мих. Ив. Драгомировъ не искалъ случая получить округъ; назначеніе вышло помимо его заявленія. По этому поводу начальник штаба кievскаго округа (генераль Эйлеръ) писалъ Михаилу Ивановичу 29-го августа 1889 года: «Вчера получилъ ваше письмо отъ 25-го августа, и оно даетъ мнѣ право передать не только мои личныя чувства, но и личное утѣшеніе Федора Федоровича за всю попесенную имъ скорбь: замѣнить Радецкаго можетъ только Драгомировъ. Смѣю увѣрить, что ваше назначеніе много успокоило Федора Федоровича, который сегодня уѣхалъ въ Крымъ, гдѣ и пробудеть до конца октября».

М. И. Драгомировъ говорилъ съ государемъ Александромъ III о Радецкомъ. Государь былъ вполне согласенъ, что «старое знамя нельзя ставить въ пыльный уголь». — приказалъ передать Федору Федоровичу извѣстную сумму ¹⁾, предлагалъ избрать мѣсто жительства. Но было уже поздно: оскорбленіе было полное. Федоръ Федоровичъ отвѣчалъ: «подальше отъ официальныхъ». Поселился въ Одессѣ и скончался въ полномъ огорченіи.

Пріѣхалъ Федоръ Федоровичъ въ Кишиневъ передъ войной, уже командиромъ 8-го корпуса. Въ высшей степени скромный, скорѣе блаженный, глубоко чувствующій, правдивый, искренній, безконечно преданный Россіи и государю, не выражавшій своихъ чувствъ, но умѣвшій передать безъ словъ свою любовь къ солдату служащимъ и окружающимъ его. Корпусъ его боготворилъ, не было слова неуваженія или критики, относящейся къ Ф. Ф. Радецкому. Его силу чувствовали въ его безмолвномъ молчаніи, его терпимости, его выдержкѣ. Умѣлъ брать на себя отвѣтственность, какъ никто. Его извѣстныя слова: «На Шипкѣ все спокойно», а на душѣ великая грусть, но онъ ея не высказывалъ, былъ всегда ровень, спокоенъ.

Лоска и блеска не было у Ф. Ф. Радецкаго, да онъ и не нуждался въ этомъ. Человѣкъ не свѣтскій и не науки, что принято называть, онъ въ высшую область мысли не вдавался, но понимать, чувствовать умѣлъ. «На такихъ людяхъ лежитъ печать избранія», — говорилъ М. И. Драгомировъ.

Федоръ Федоровичъ умѣлъ передать безъ словъ, что надо было для славы и счастья родины. Его скромность доходила до того, что послѣ переправы, когда государь далъ ему Георгія, Федоръ Федоровичъ сказалъ: «Не мнѣ, ваше величество, а Михаилу Ивановичу надо». Государь отвѣтилъ: «Будетъ и ему».

На войнѣ одерживаетъ верхъ только тотъ, кому дана внутренняя сила сплотить массу людей въ одно существо и устремить ихъ къ цѣли. Именно эта сила была въ безмолвномъ Ф. Ф. Радецкомъ.

¹⁾ 25 тысячъ, какъ говорили.

Обаяніе его перешло даже на дамъ 8-го корпуса. Всѣ работали съ любовью, безъ устали, всѣмъ хотѣлось, чтобы въ 8-мъ корпусѣ было всего довольно, посылали транспорты, и ихъ съ любовью доставляли. *О. О. Радецкому* расположенныя къ нему лица: *Федоръ Федоровичъ* писалъ: «просимъ и впредь не забывать своими попеченіями».

Радецкій понималъ призваніе *М. И. Драгомирова*, чувствовалъ «его огонекъ», вѣрилъ ему, любилъ его, былъ расположенъ ко всему семейству. *Радецкій* былъ человекъ самыхъ скромныхъ требованій, всегда былъ всѣмъ доволенъ, никогда не думалъ о себѣ; заботился о немъ *В. И. Дмитровскій*, его достойный начальникъ штаба, искренно преданный и любившій *Федора Федоровича*. Да кто могъ его не любить? Онъ былъ такъ неприхотливъ, такъ всегда благодаренъ за все. Когда *Федоръ Федоровичъ* былъ назначенъ шефомъ, онъ писалъ по этому поводу: «Я отвѣтилъ государю, что врядь ли достанетъ жизни моей, чтобы отплатить за всѣ милости, которыми онъ меня осыпалъ» ¹⁾.

В. И. Дмитровскій написалъ брошюру «*Радецкій и Скобелевъ*» въ оправданіе *О. О. Радецкаго* за бой при *Шейновѣ*. Къ сожалѣнію, брошюра не была пропущена, но, вѣрно, будетъ принята во вниманіе при болѣе подробномъ описаніи войны 1877—1878 года. Изъ этой брошюры ясно видно, какъ *М. Д. Скобелевъ* приписалъ себѣ больше заслугъ, чѣмъ слѣдовало, во время *Шипки*. *О. О. Радецкій* могъ бы развѣнчать *Михаила Дмитриевича (Скобелева)*, но онъ этого не сдѣлалъ: «по извѣстной всѣмъ снисходительности и добродушію, свойственнымъ ему», какъ пишетъ въ своей брошюрѣ *В. И. Дмитровскій*.

Прилагаю еще нѣсколько словъ изъ статьи *В. И. Дмитровскаго* для правильной оцѣнки бывшаго дорогого командира 8-го корпуса:

«Когда послѣ плѣненія *шипкинской* арміи великій князь, слѣдуя черезъ *Шипкинскій* переваль въ *Казанлыкъ*, увидѣлъ самъ тѣ землянки, въ которыхъ жили всю зиму войска, оборонявшія *Шипку*, увидѣлъ позицію, окруженную со всѣхъ сторонъ командующими высотами, которую приходилось оборонять этимъ войскамъ, наконецъ трупы *подольцевъ*, *житомирцевъ* и *брянцевъ*, лежащіе еще не убранными цѣлыми рядами передъ турецкими укрѣпленіями, тогда только великій князь оцѣнилъ, какой подвигъ совершили войска 8-го корпуса, чтобы исполнить его приказаніе удержать за собою *Шипку* и затѣмъ атаковать блокирующую ее армію. Обѣзжаемая войска, великій князь такъ сердечно благодарилъ какъ ихъ, такъ и генерала *Радецкаго*, какъ только онъ одинъ умѣлъ это дѣлать. За ласковыми его словами всѣми забыты были всѣ бывшія невзгоды».

¹⁾ Изъ письма *О. О. Радецкаго* въ *М. И. Др.*

Далѣе В. И. Дмитровскій говоритъ: «Въ заключеніе не могу не сравнить ту боевую школу, которую пришлось пройти какъ генералу Скобелеву, такъ и генералу Радецкому еще до войны 1877 года и приобрѣсти себѣ въ арміи извѣстность своею выдающеюся храбростію. Нисколько не отвергая ни таланта, ни тѣхъ подвиговъ, которые были совершены генераломъ Скобелевымъ въ Средней Азіи до послѣдней войны съ турками, справедливость, однако, заставляетъ сказать, что все эти подвиги совершены были противъ непріятеля плохо вооруженнаго, часто одними батиками (палицами), далеко невоинственнаго, какими были и остались до настоящаго времени коканцы, противъ которыхъ всякая смѣлость всегда и во всемъ была вполне умѣстна. Но не съ такимъ непріятелемъ пришлось генералу Радецкому сражаться во время своей долгой службы на Кавказѣ. Горцы въ началѣ сороковыхъ годовъ были враги грозные, воинственные, фанатичные и хотя не имѣющіе своей артиллеріи, но лучше вооруженные своими нарѣзными винтовками, чѣмъ наши солдаты, вооруженные тогда гладкоствольными кремневыми ружьями. При томъ горцы были чрезвычайно опытные и способны къ горной и лѣсной войнѣ, а все наши встрѣчи съ ними обыкновенно происходили въ трудно доступныхъ трупобахъ Дагестана и вѣковыхъ лѣсахъ Чечни. Намъ дорого иногда обходились побѣды надъ ними, на примѣръ, штурмы Ахульго и Салты были не по одному только названію кровавыми штурмами. Горцамъ удавалось давать отпоръ и такимъ извѣстнымъ нашимъ генераламъ, какъ Граббе (Ичкеринскій лѣсъ въ 1842 году) и герою Бородина и Краона князю Воронцову (Даргинская экспедиція). Но зато эта война была прекрасной боевой школой, изъ которой вышли столь извѣстные въ свое время на Кавказѣ Фрейтагъ, Пассекъ, Клугенау, князь Аргутинскій-Долгорукій, Бобутовъ, Слѣпцовъ, князь Барятинскій и другіе. Эта же война послужила школой и генералу Радецкому и дала возможность ему приобрѣсти во время войны 1877 года ту громкую и вполне заслуженную имъ извѣстность, на которую въ послѣднее время нѣкоторые изъ поклонниковъ генерала Скобелева такъ несправедливо стараются набросить тѣнь. А между тѣмъ все задачи, выпавшія во время войны на долю генерала Радецкаго, исполнены имъ безъ неудачъ и съ полнымъ успѣхомъ, а эти задачи были далеко не легкія: сначала оборона съ небольшимъ резервомъ нашего южнаго фронта и балканскихъ проходовъ, затѣмъ выручка Шипки, удержаніе перевала за собою въ продолженіе цѣлой зимы и, наконецъ, зимній переходъ черезъ Балканы и плѣненіе цѣлой арміи».

Въ своей книгѣ «Очерки» М. И. Драгомировъ говоритъ: «Нравственное настроеніе, какъ сила высшая, слагается изъ всехъ мелочей; все эти мелочи относятся къ нравственному настроенію, какъ причина къ слѣдствію, или какъ силы составляющія къ равнодѣйствующей». Нравственная мощь Э. Э. Радецкаго распространялась

и на окружающих его людей, разумѣется, имѣющихъ свойства души, способныхъ къ воспріятію его отношеній и его любви къ солдату. По письму М. Θ. Петрушевскаго можно судить о ихъ душевномъ настроеніи въ «эту рѣшающую минуту кампаніи» (на Шипкѣ), какъ говорилъ М. Д. Скобелевъ. М. Θ. Петрушевскій пишетъ: «27-го декабря Скобелевъ и Мирскій должны были соединиться въ тылу непріятеля. Но не соединились. Ночью отъ Мирскаго отчаянная телеграмма: «Атаковаль, никто не помогъ. Продовольствія нѣтъ, патроновъ нѣтъ, приходится отступать. Выручайте». 28-го повалили всѣ трое. Конецъ хорошій... «Мы собственно дрались часа три, такъ отъ 12 до 3; взяли кое-что. Потеряли процентовъ 60, выбыло много народа изъ 14-й дивизіи, а главное изъ Подольскаго полка... Такъ и ходить онъ, родной, до сихъ поръ въ 32 рядовъ въ ротѣ... Тяжелы были часа полтора, пока неожиданно-негаданно узнали о сдачѣ непріятеля. Говорятъ, атака наша оттянула таборовъ 20, которые иначе могли бы быть посланы къ укрѣпленію войскъ, дравшихся противъ Скобелева и Мирскаго. Дай Господь, коли такъ, недаромъ положили столько народа»¹⁾.

Привожу ниже подлинныя донесенія, которыя характеризуютъ дѣйствія Скобелева и князя Мирскаго. Изъ донесеній генерала Скобелева командиру 8-го корпуса, отъ 26-го декабря, 3 часа 30 минутъ, видно, что М. Д. Скобелевъ имѣлъ намѣреніе поддержать князя Мирскаго: «Завтра, въ полдень, атакую Шипку съ тѣми силами, которыя могу собрать. Если бы Мирскій атаковаль раньше, то во всякомъ случаѣ поддержу его всѣмъ, что будетъ подъ рукою».

Изъ записки генерала, Скобелева командиру 8-го корпуса 27-го декабря (полудни): «Во всякомъ случаѣ и въ которомъ часу бы ни было, если увижу атаку лѣвой колонны, поддержу ее, какими бы малыми силами я ни располагалъ. Во всякомъ случаѣ предупреждаю ваше превосходительство, что если придется атаковать, то буду это дѣлать самымъ рѣшительнымъ образомъ».

Изъ донесеній генерала Скобелева 27-го декабря, 6 часовъ 30 минутъ вечера: «Сегодня въ 2 часа пополудни ввѣренный мнѣ отрядъ дебушировалъ почти цѣликомъ. *Не атаковаль турокъ*²⁾ рѣшительно только потому, что ждалъ появленія въ долинѣ колонны князя Мирскаго. Ночью въ долинѣ Тунджи на занятой сегодня позиціи. Завтра утромъ намѣренъ атаковать Шейново, но желалъ бы какихъ-нибудь указаній отъ вашего превосходительства».

Изъ донесеній князя Мирскаго генералу Радецкому отъ 27-го вечеромъ: «Цѣлый день дрались, атаковали Шипку, никто не поддержаль, потери большія, отступить невозможно, рѣшился почевать передъ турецкими траншеями въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ.

¹⁾ Какое трогательное отношеніе М. Θ. Петрушевскаго къ солдатамъ своей дивизіи. С. Д.

²⁾ Вотъ за эти слова долго послѣ войны доставалось М. Д. Скобелеву; онъ не оспаривалъ и молчалъ. С. Д.

Положеніе крайнее. Довольствія недостатокъ, патроновъ и пищи мало. Мы взяли 2 орудія, 160 плѣнныхъ». Вторая депеша князя Мирскаго генералу Радецкому: «Ночью продержались. Уже 10 часовъ. Ничего не слышно отъ Иметли. Принимаю мѣры къ отступленію на Гузовское ущелье, которое постараюсь удержать до вашихъ приказаній. Потери велики» ¹⁾).

Въ своихъ замѣткахъ В. И. Дмитровскій такъ описываетъ моментъ фронтальной атаки Радецкаго: «28-го декабря, въ 6-мъ часу утра, когда еще было темно, генераль Радецкій прибылъ на Николай. Тамъ около 5-ти часовъ утра, внизу въ сторонѣ князя Мирскаго показались огни. Можно было заключить, что идетъ горячій бой. Что дѣлается въ колоннѣ князя Мирскаго послѣ послѣдняго донесенія, было неизвѣстно. Успѣли ли во время передать приказанія генералу Скобелеву и будетъ ли генераль Скобелевъ дѣйствовать, какъ предполагалъ? Вотъ при какихъ обстоятельствахъ приходилось генералу Радецкому принять рѣшеніе. Онъ принялъ рѣшеніе энергично атаковать въ лобъ непріятельскія траншеи и батареи, выстроенныя противъ Николая, чтобы оттѣснить непріятельскія силы, облегчить положеніе князя Мирскаго и атаку Скобелева, если онъ подойдетъ. Генераль Радецкій назначилъ атаку въ 12 часовъ». Полный успѣхъ увѣщчалъ это геройское рѣшеніе.

«Подъ Константинополемъ,—пишетъ Мих. Ѳ. Петрушевскій ²⁾,—собираются дѣлать парадъ всѣмъ войскамъ, находящимся въ окрестностяхъ, объявлено, что въ мундирахъ. 8-й корпусъ заявилъ, что на Шипкѣ такъ оборвались: ни тебѣ не только мундировъ, показаться нельзя иначе, какъ въ заплатанныхъ шинеляхъ, которыя, однако, прикроютъ наготу нашу; въ иномъ видѣ на парадъ явиться не можемъ. Отвѣчали: «На парадъ въ мундирахъ, а если кто этого исполнить не можетъ, тотъ не будетъ удостоенъ участванія на парадѣ». Такъ у насъ и записано; В. И. Дмитровскій, бывший въ главной квартирѣ, все подпѣвалъ: «На парадъ назадъ, а какъ дѣло—впередъ».

Послѣ войны въ товарищеской бесѣдѣ у Мих. Ив. Драгомирова съ участниками Шипки: Ѳ. Ѳ. Радецкимъ, М. Д. Скобелевымъ, М. Ѳ. Петрушевскимъ и В. И. Дмитровскимъ, послѣдній, вспоминая объ этомъ событіи, то есть о парадѣ, говорилъ, что надо было пощадить моральную сторону солдата, что «именно въ заплатанныхъ шинеляхъ героевъ была вся сила духа побѣды» и надо было «гордиться этими шинелями, какъ старыми боевыми знаменами, оставшимися цѣлыми послѣ жестокой борьбы».

Да будетъ вѣчная память незабвеннымъ героямъ Шипки!

С. А. Драгомирова.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Изъ эт г) видно, что М. Д. Скобелевъ не подошелъ въ-время.

С. Д.

²⁾ Письмо сохранилось.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II И ДѢТИ.

ОЙ ОТЕЦЪ, художникъ и извѣстный въ свое время портретистъ, имѣлъ счастье лично писать портретъ съ императора Александра II, когда онъ былъ наслѣдникомъ. Въ которомъ году это было, я не знаю, но думаю, что въ 1853—54 годахъ.

Императоръ Николай Павловичъ былъ очень строгъ и не любилъ, чтобы въ его присутствіи курили, и даже наслѣдникъ, не только во время дежурства, но и въ свободное время, не позволялъ себѣ курить въ присутствіи государя и забѣгалъ въ комнату, гдѣ работалъ мой отецъ, помѣщался на корточкахъ передъ печкой и закуривалъ пипироску. Это я слышала отъ моего отца.

Отдали насъ въ Смольный институтъ, на Александровскую половину; сначала меня, потомъ и сестру. Государь и государыня довольно часто посѣщали институтъ. Тогда обыкновенно прекращались занятія, воспитанницы хоровымъ пѣніемъ встрѣчали государя. Онъ обходилъ классы, разговаривалъ съ начальницей, шутилъ съ воспитанницами, заходилъ въ лазаретъ, разспрашивалъ о больныхъ. Мы все окружали его, и старшія воспитанницы просили у него на память носовые платки и рвали ихъ на части, а мы, маленькія, не смѣли этого дѣлать.

Однажды пронесся слухъ, что пріѣхалъ государь; мы все повскакали съ мѣстъ, чтобы встрѣтить его въ залѣ, но намъ вѣлѣно было остаться на мѣстахъ, такъ какъ государь пройдетъ по классамъ и будетъ спрашивать самъ ученицъ.

Вдругъ отворяется дверь, и государь въ сопровожденіи начальницы входитъ въ нашъ классъ. Мы замерли на своихъ мѣстахъ: намъ отвѣчать передъ государемъ! Онъ подошелъ къ каедрѣ, сѣлъ на стуль, взялъ журналъ и сталъ проглядывать наши фамиліи.

— Обыкновенно начинаютъ спрашивать съ начала или съ конца, — говоритъ государь:—а я вотъ спрошу именно тѣхъ, которыя мнѣ всего ожидаютъ. А вотъ, кстати, какъ будто знакомая фамилія...—и называетъ меня.

Я встаю со своего мѣста ни жива, ни мертва: руки и ноги дрожать, голосъ едва повинуется, и подхожу къ каедрѣ. У насъ былъ урокъ географіи, мы проходили домашній бытъ англичанъ, ихъ обычаи и, между прочимъ, какъ они празднуютъ день Рождества Христова: именно, что у нихъ комнаты убираются букетами омелы, паразитнаго растенія съ темно-зелеными листьями и красными ягодами, и такіе же букеты вѣшаются къ потолку по серединѣ комнаты. Что приписываютъ англичане этому растенію и почему они имъ дорожатъ—я не припомню, но помню, что государь сказалъ:

— Я знаю этотъ обычай; вообще англичане умѣютъ беречь свои народные обычаи. А не твой ли батюшка писалъ съ меня портретъ, когда я былъ наслѣдникомъ?—неожиданно спросилъ онъ меня.

— Да, ваше величество, это онъ, мы дома часто объ этомъ слышали.

— Передай ему мой поклонъ, скажи, что государь ему кланяется.

— Хорошо, ваше величество,—отвѣтила я.

Государь раскланивается и уходитъ, мы опять повскакали было съ мѣстъ, но государь объявилъ, что пойдетъ въ другіе классы спрашивать ученицъ.

— Счастливица, счастливица! — обступили меня воспитанницы.

Кончился учебный годъ, и мы уѣхали на каникулы.

Жили мы обыкновенно на дачѣ въ деревнѣ Новая Вель, или «Вѣсть», какъ мы ее называли. Знакома она, вѣроятно, многимъ петроградцамъ. Она находится недалеко отъ Павловска, на берегу рѣки Славянки.

Мы очень любили эту деревню, купанье въ Славянкѣ и чудный паркъ, совсѣмъ почти лѣсъ, гдѣ у насъ были свои любимые грибныя и ягодныя мѣста. Любили ходить гулять къ «Бѣлой березѣ», въ «Розовый павильонъ», въ «Красную Долину», къ «Девяти музамъ», на ферму великаго князя по дорогѣ въ Павловскъ.

Однажды лѣтомъ мы отправились за земляничкой по косогору въ Красную Долину. Насъ было трое дѣвочекъ: я, сестра и по-

друга, тоже смолянка. Вдруг видимъ, что какой-то военный на бѣлой лошади спускается къ мосту по дорогѣ изъ Павловска мимо Глазовой къ Новой Веси.

— Государь!—закричали мы:—побѣжимъ навстрѣчу!

Но потомъ раздумали: можетъ быть, это не понравится государю? И остановились у дороги. Государь уже насъ замѣтилъ и, подѣхавъ, остановилъ лошадь.

— Что вы тутъ дѣлаете, дѣти, однѣ?

Вдругъ языки наши развязались, и мы все разомъ заговорили:

— Мы здѣшнія, ваше величество, живемъ здѣсь въ деревнѣ, да вотъ пошли за земляникой; у насъ у каждой есть свое любимое мѣстечко; побѣжали каждая порознь, а глядимъ—мѣстечко-то одно и то же, ну, и встрѣтились все вмѣстѣ. Вотъ посмотрите, ваше величество, какая чудная земляника, спѣлая, душистая, и какъ ея здѣсь много! Возьмите, ваше величество, покушайте!

И мы протянули государю руки съ букетами земляники.

— Спасибо, дѣти, вы нарвали для себя, и кушайте на здоровье! А тебя я знаю,—сказалъ государь, обращаясь ко мнѣ.— Я вѣдь помню, какъ спрашивалъ тебя изъ географіи; а поклонъ батюшкѣ передала? Ну, а теперь прощайте! Я, вѣдь, здѣсь часто катаюсь.

Государь слегка пришпорилъ коня, сдѣлалъ подъ козырекъ и уѣхалъ въ сопровожденіи берейтора.

Мы побѣжали домой и, захлебываясь, торопясь и перебивая другъ друга, рассказали роднымъ о нашемъ знакомствѣ съ государемъ и рѣшили ходить встрѣчать государя ежедневно.

На другой день, едва позавтракавъ, мы бросились на наши ягодныя мѣста, обшарили все завѣтныя мѣстечки, набрали порядочный букетъ сочной, крупной земляники и, лишь только увидѣли государя, побѣжали ему навстрѣчу и преподнесли ему этотъ букетъ. Государь принялъ его, нѣсколько разъ вдыхалъ ароматъ ягодъ, а затѣмъ передалъ берейтору.

— Это я передамъ Машѣ. Вы знаете, дѣти, кто Маша? Это моя дочь (великая княжна Марія Александровна), она тоже любить землянику. Мы, я, императрица и Маша, иногда забираемся въ глушь Павловскаго парка и тоже собираемъ ягоды и грибы.

Однажды государь сказалъ, что любить запахъ липы. На другой день мы полѣзли на деревья, несмотря на протесты родителей, и нарвали огромный букетъ: въ середину помѣстили липовый цвѣтъ, а кругомъ незабудки. Государь поблагодарилъ, взялъ букетъ, нѣсколько разъ нюхалъ и передалъ берейтору для государыни.

Мы уже безъ стѣсненія каждый день отправлялись встрѣчать государя по дорогѣ къ фермѣ и провожали его до Красной Долины. Государь, увидѣвъ насъ, еще издали прикладывалъ руку къ козырьку, потомъ, подѣзжая, давалъ руку, которую мы цѣловали;

отъ бѣлой замшевой перчатки всегда такъ хорошо пахло свѣжей кожей уздечки.

Государь закуривалъ папироску, мы просили на память спички и окурки. Спички были съ большими душистыми головками. Спички и папиросы мы обертывали ватой и хранили въ коробочкахъ.

Многіе дачники, узнавъ о нашихъ встрѣчахъ съ государемъ, стали тоже выходить ему навстрѣчу, и набиралось народу порядочно. Это, видимо, стѣсняло государя, и онъ однажды сказалъ намъ:

— Дѣти, попросите дачниковъ не встрѣчать меня. Я и безъ того всегда на людяхъ, а мнѣ хотѣлось бы побыть вдаль отъ нихъ; съ вами я чувствую себя хорошо, вы еще не знаете жизни.

Мы предупредили дачниковъ, и они больше не выходили, но иногда прятались за деревьями.

Разъ одна дачница, возвращаясь изъ Павловска съ книгами въ корзинѣ, повстрѣчалась съ государемъ и поклонилась ему.

— Что это вы несете?—полюбопытствовалъ государь.

— Умъ, ваше величество,—отвѣтила та.

Теперь родители не стѣсняли насъ больше: они сначала боялись, что мы можемъ надоѣсть государю, но теперь мы знали, что наши ребячьи разговоры забавляютъ государя и даже доставляютъ удовольствіе.

Какъ-то разъ мы вышли встрѣчать государя въ пальтишкахъ и кофточкахъ. Вѣроятно, можно было ожидать дождя и намъ велѣно было одѣться потеплѣе. Съ нами побѣжали и меньшіе братишки. Мы уже поднялись съ государемъ къ деревнѣ и повернули направо къ дорогѣ въ Красную Долину, какъ вдругъ началъ накрапывать дождь. Мы стали беспокоиться, какъ бы государь не промокъ, приглашали его къ намъ на дачу, предлагали ему наши пальто и кофточки.

— Нѣтъ, дѣти,—сказалъ государь:—лучше переждемъ дождь въ лѣсу, вотъ заѣдемъ сюда и будемъ здѣсь, какъ подъ крышей.

Государь вѣхалъ въ чашу лѣса, и мы за нимъ. Онъ сошелъ съ лошади, передалъ ее берейтору и сталъ закуривать папиросу. Такъ какъ государь отказался отъ нашихъ пальто, то мы рѣшили прикрыть ими лошадь, несмотря на протесты государя и требованіе надѣть пальто. Пока онъ закуривалъ папиросу, наши братишки—шести-восьмилѣтняя дѣтвора,—разинувъ рты, окружили его. Государь затянулся нѣсколько разъ и выпустилъ дымъ кольцами.

— А ты,—обратился государь къ моему братишкѣ:—курить умѣешь?

— Умѣю, ваше величество,—отвѣтилъ онъ, не сморгнувъ.

— Ну, а мнѣ что-то не вѣрится; а вотъ я умѣю еще курить ухомъ. Хочешь покажу?

Государь набралъ въ ротъ дыму, приставилъ папиросу къ уху и выпустилъ дымъ.

Дѣти совсѣмъ разинули рты отъ удивленія.

— Ну, а теперь попробуй-ка сдѣлать такъ, какъ я,—сказалъ государь и подаль папиросу брату. Тотъ взялъ ее, приставилъ къ уху, закрылъ ротъ, потомъ открылъ его и сконфуженно посмотрѣлъ на государя. Дыма не было.

— Ну, что я тебѣ говорилъ: курить-то и не умѣешь, а хватаешь; да какъ у тебѣ и дымъ-то во рту удержится, вонь у тебя какія ворота! Гдѣ это ты зубы потерялъ?

У брата только что выпали два зуба. Вдругъ совершенно неожиданно братъ обращается къ государю и выпаливаетъ:

— А я, ваше величество, женюсь.

— Вотъ какъ? На комъ же?

— Да вотъ, ваше величество, на Сашѣ В.

Это была наша подруга по институту, потерявшая одновременно отца и мать. Мы упросили нашихъ родителей попросить начальницу отпустить ее къ намъ на лѣто.

— У тебя губа не дура,—сказалъ государь:—а когда же свадьба?

— Въ воскресенье, я уже приказалъ кухаркѣ приготовить сладкій пирогъ и малиновый кисель.

Пока мы такимъ образомъ проводили время, дождь пересталъ, государь велѣлъ подать себѣ лошадь, а намъ итти скорѣй домой, чтобъ не беспокоились родные, а самъ поѣхалъ дальше.

Однажды государь говоритъ намъ:

— Государыня беспокоилась сначала, что я долго пропадаю изъ дому, но я сказалъ ей, что меня всегда сопровождаетъ моя маленькая банда, съ которой я отдыхаю отъ дѣлъ. А вы знаете государыню?

— Нѣтъ, ваше величество.

— Такъ я васъ представлю ей. Она часто катается по парку, но по другимъ дорогамъ и въ другой часъ.

На слѣдующій день государь не пріѣхалъ въ два часа по обыкновенію, и мы остались ждать его до четырехъ часовъ. И вотъ видимъ спускается съ горы легкій плетеный экипажъ-коляска, а сбоку на бѣлой лошади государь. Мы не побѣжали навстрѣчу, такъ какъ не знали, какъ это понравится государынѣ, а выстроились на мѣстѣ въ рядъ.

Государь подѣхалъ къ намъ и, когда поровнялся съ нами экипажъ, сказалъ намъ:

— Вотъ государыня и Маша,—и, повернувшись къ государынѣ, продолжалъ, указывая на насъ:—а это моя маленькая банда.

Государыня милостиво кивала головой и сказала:

— Теперь я спокойна. А это вотъ наша дочь Маша, любить тоже Павловскъ, грибы и ягоды.

Какъ-то государь обѣщалъ прокатить насъ по далекимъ дорожкамъ сада. Мы сказали ему, что со стороны деревни мы знаемъ всѣ дорожки парка, самыя дальнія и глухія, что отцы берутъ насъ съ собою за грибами и что у каждой изъ насъ есть грибныя и ягодныя мѣстечки, которыя мы скрываемъ другъ отъ друга; встаемъ раньше поутру и пробираемся туда разными дорогами, чтобы побольше набрать грибовъ и ягодъ и потомъ хвастаться другъ передъ другомъ.

И вотъ однажды государь пріѣзжаетъ въ легкомъ плетеномъ экипажѣ, грума оставляетъ у насъ на дачѣ и забираетъ насъ и всю дѣтвору въ экипажъ. Мы, дѣвочки, размѣщаемся рядомъ съ государемъ, а мальчиковъ сажаемъ на козлы и въ ноги; государь править; отправляемся по крайней дорогѣ къ Ижорѣ и сворачиваемъ къ Бѣлой деревнѣ. Здѣсь были самыя грибныя мѣста.

— Я люблю этотъ паркъ, дѣти,—говорилъ государь:—особенно эти дальнія дорожки; я здѣсь одинъ и почти не встрѣчаю людей. Счастливыя вы, дѣти, вы еще не знаете жизни. Не знаете, какъ тяжело, если хочешь сдѣлать доброе дѣло, а тебя не понимаютъ или даже всячески противодѣйствуютъ.

Мы смотримъ на государя и ловимъ каждое его слово, даже мальчики присмирѣли и чувствуютъ, что государю тяжело.

— И вамъ, вѣроятно, не всегда бываетъ весело,—продолжаетъ государь:—уроки-то вѣдь учить надо, не все же гулять; вотъ я возьму да и спрошу васъ, чему научились? Французскій языкъ, вѣроятно, плохо идетъ, а я вотъ съ вами и заговорю по-французски.

Мы всѣ сжались и похолодѣли.

— А, испугались. Языки иностранные необходимо знать, вотъ мнѣ и дома приходится говорить по-французски, а лучше русскій родной языкъ, ну, и давайте продолжать по-русски.

Мы опять повеселѣли и, увидѣвъ грибы, закричали:

— Ваше величество, грибы-то какіе! Боровики самыя лучшіе, остановитесь, ваше величество, дайте сорвать грибы.

Государь остановилъ лошадь, мы повскакали со своихъ мѣстъ. Каждой хотѣлось принести государю самый лучшій грибъ, а государь кричалъ намъ:

— Ошиблись, ошиблись: это все поганки и мухоморы!

Но мы уже бѣжали назадъ и подавали государю прелестныя, толстенькіе, бархатно-коричневые боровики.

— Я не нашла гриба, который запримѣтила,—сказала я государю:—мы далеко отбѣжали.

— Да знаешь ли ты различать еще грибы? Есть, вѣдь, ядовитые.

— Мы знаемъ, ваше величество, всѣ грибы: бѣлые, боровики, березовики, подосиновики, грузди, волнушки, сыроѣжки, желтушки... Грузди и волнушки у насъ солятъ, а березовики, подосиновики, бѣлые и рыжики очень вкусны въ сметанѣ.

— Мы тоже любимъ грибы и тоже жареные въ сметанѣ, но Маша, вѣроятно, всѣхъ грибовъ не знаетъ.

Мы усѣлись въ экипажѣ, но поминутно просили государя останавливаться, завидѣвъ грибы, и такимъ образомъ набрали ихъ порядочно ¹⁾. Во время одной такой остановки кто-то изъ насъ, слѣзая, задѣлъ ногой за подкладку пальто государя и разорвалъ его. Мы всѣ страшно сконфузились, и виновница заплакала, но у кого-то изъ насъ въ головѣ блеснула мысль:

— Ваше величество, позвольте взять на память лоскутки отъ подкладки, вѣдь все равно придется ставить новую; кромѣ того, ваше величество, вѣдь старшіе классы крадутъ у васъ платки и рвутъ на память!

Государь засмѣялся.

— Но подумайте, дѣти, что скажетъ государыня, когда увидитъ меня такимъ оборванцемъ, да и платки брать нехорошо, лишаютъ меня необходимаго, а себѣ оставляютъ на память тряпки.

Разговаривая такимъ образомъ, государь повернулъ назадъ и доставилъ насъ до дому «въ цѣлости и невредимости», какъ объявилъ нашимъ родителямъ.

Въ августѣ мѣсяцъ обыкновенно происходили маневры въ окрестностяхъ Царскаго Села, Павловска и деревень. Слышна была пальба, но насъ не пускали далеко отъ дома.

Однажды государь спросилъ насъ, знаемъ ли мы, что такое маневры и видѣли ли мы войска? Мы отвѣтили, что каждое лѣто въ августѣ слышимъ пальбу, но войскъ и маневровъ не видѣли.

— Этимъ лѣтомъ,—сказалъ государь,—маневры будутъ за Липицами. Я самъ принимаю участіе. По окончаніи маневровъ расположимся лагеремъ за фермой великаго князя Константина Николаевича, пройдемъ по вашей деревнѣ, и я покажу вамъ своихъ молодцовъ.

Въ назначенный день мы отправились на свое обычное мѣсто, заслышавъ военную музыку и топотъ лошадей. По деревнѣ проходили войска, впереди ѣхалъ государь, окруженный свитой. Поравнявшись съ нами, государь поднялъ руку къ козырьку и проговорилъ:

— А вотъ и мои молодцы!

Мы низко присѣли и остались на мѣстѣ. Вслѣдъ за государемъ

---

¹⁾ Эти грибы государь свезъ во дворецъ великаго князя Константина Николаевича и на другой день намъ сказалъ, что грибы были замѣчательно хороши въ сметанѣ.

и вся свита отдала намъ честь. Сначала мы думали убѣжать, но потомъ остались: интересно было видѣть, какъ начальники одинъ за другимъ прикладывали руку къ козырьку и гарцовали мимо насъ. За ними слѣдовали конные и пѣшіе полки.

Государь объявилъ, что войска будутъ расположены лагеремъ за фермой, гдѣ уже разбивали палатки, что будутъ ужинать на фермѣ, а завтра пойдутъ дальше.

— Я буду пить чай тоже на фермѣ у своихъ,—сказалъ государь.

— Ваше величество, мы прибѣжимъ посмотрѣть лагерь, можно?

— Приходите, если разрѣшатъ ваши родители.

— Но гдѣ же мы увидимъ васъ, ваше величество?

— Послѣ девяти часовъ я выйду на балконъ.

Мы не смогли дождаться вечера; порывались нѣсколько разъ бѣжать, но насъ останавливали родные, они хотѣли насъ сопровождать, боясь, что насъ могутъ задавить, а тутъ еще началъ накрапывать дождь и насъ рѣшили оставить дома. Но къ восьми часамъ у насъ лопнуло всякое терпѣніе, мы страшно волновались, что не увидимъ лагеря и государя, и, несмотря на усиливающийся дождь, потихоньку убѣжали на ферму. За нами побѣжали родители, несли зонтики, пальто, накидки, но насъ не догнали. Мы примчались на ферму, еле переводя духъ.

Постороннюю публику не пускали, но мы объявили, что государь велѣлъ намъ прійти и хотѣлъ показать лагерь. Это уже мы приврали. Намъ сказали, что государь еще обѣдаетъ во дворцѣ у великаго князя Константина Николаевича и къ девяти часамъ будетъ. Мы взобрались на валъ и остались ждать государя.

Вдругъ послышались бубенчики, и мимо насъ промчалась русская тройка, звеня серебрянымъ наборомъ. Всѣ заволновались. Государь вышелъ изъ экипажа и прошелъ въ свою палатку. Мы видѣли, какъ откинулась полоса палатки.

Такъ какъ дождь усиливался, а государь обѣщалъ выйти на балконъ во дворѣ фермы, то мы отправились во дворъ фермы и усѣлись на скамейкѣ подъ «грибомъ», который былъ на серединѣ двора. На дворѣ почти никого не было, и онъ не былъ даже освѣщенъ. Мы были защищены отъ дождя и рѣшили ждать хоть до утра.

Вдругъ на балконѣ появилось нѣсколько темныхъ фигуръ. Тутъ ли государь? Кто-то закурилъ папиросу.

— Ваше величество, вы тутъ?

— Неужели, дѣти, въ такую погоду вы здѣсь? Вотъ я сейчасъ спущусь къ вамъ!

Государь вышелъ на крыльцо, а за нимъ великіе князья. Государь представилъ намъ своихъ братьевъ—Константина и Михаила Николаевичей.

— Какъ же вы теперь вернетесь домой?—спросилъ государь.

— Тутъ наши родные,—говоримъ мы.

А одинъ изъ великихъ князей говорить:

— У нихъ, пожалуй, и дома не лучше, старыя деревенскія крыши, поди, протекають?

— У насъ новый домъ,—сказала я:—а все-таки въ большой дождь протекаетъ около трубы и приходится подставлять корыто.

— Ну, дѣти, прощайте,—сказалъ государь:—пора и по домамъ.

И мы отправились восвояси подъ проливнымъ дождемъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, встрѣтились мы съ государемъ въ дождливую погоду.

— Все тамъ же живете?—спросилъ государь.

— Да, ваше величество,—отвѣтила я.

— А корыто подставляете къ трубѣ вотъ въ такую погоду?

Такъ государь былъ памятливъ даже на мелочи!

Такимъ образомъ, мы видѣли государя въ продолженіе трехъ или четырехъ каникулъ ¹⁾.

Государь интересовался, какъ мы проводимъ время, какъ и гдѣ веселимся, и мы все рассказывали ему. Говорили, что иногда ходимъ на музыку въ Павловскъ, иногда танцуемъ подъ рояль у насъ или въ лѣсу и на мостикѣ въ дер. Глазово подъ органчикъ и гребенку. Государь пожелалъ разъ посмотрѣть, какъ мы танцуемъ: мы собрались въ лѣсу на площадкѣ, пришли наши родители, дачникъ-настройщикъ съ органчикомъ. Приѣхалъ государь. Мы танцевали подъ немудрую музыку, а государь обошелъ всѣхъ присутствовавшихъ и милостиво спрашивалъ у каждого фамилію и чѣмъ занимается.

Разъ какъ-то мы собрались поиграть въ пятнашки и побѣгать въ горѣлки. Вечеръ былъ теплый, но темный, и мы развѣсили фонарики по деревьямъ на площадкѣ къ Красной Долинѣ, гдѣ расходятся нѣсколько дорогъ. Обыкновенно же мы пользовались лунными вечерами. Игры были въ полномъ разгарѣ, двоюродные братья-гимназисты дразнили, что мы ихъ не догонимъ. Какъ разъ пришлось «горѣть» мнѣ и ловить долговязаго гимназиста-кузена. Вдругъ слышимъ лошадиный топотъ по дорогѣ отъ Розоваго павильона; ѣдетъ государь на огонекъ.

— Что дѣлаете? Кому ловить и кого?—спрашиваетъ государь.— Ну, не догнать такого долговязаго!—дразнить меня государь.

¹⁾ Художникъ, товарищъ нашего отца, нарисовалъ воспроизведенную здѣсь картину нашихъ встрѣчъ съ государемъ. Эта картина, находившаяся въ большомъ Царскосельскомъ дворцѣ, въ настоящее время перенесена въ музей Александра III.

Императоръ Александръ II и дѣти.

Съ картинъ К. А. Горбунова.

Я бѣгу, напрягаю всѣ силы, и вдругъ звонкій ударъ по спинѣ раздаётся по лѣву.

— Ого!—говорить государь:—это, должно быть, родственный ударъ.

И я, запыхавшись, подхожу къ государю...

Мы подрастаемъ, государь занять и часто въ отъѣздѣ. Встрѣчи съ государемъ становятся все рѣже и рѣже.

Разъ мы расхрабрились попросить у государя его карточку. Онъ обѣщалъ дать на обмѣнъ съ нашими, и мы снялись группой. Государь привезъ карточки и, подавая намъ, говоритъ:

— Рожа-то не схожа, да книжка похожа—значить грамотный. Знаете, откуда это?

— Да, это подпись подъ портретомъ купца работы художника Федотова.

Послѣ окончанія курса института мнѣ пришлось ѣхать съ другими медальерками въ Царское Село. Обыкновенно получали медали изъ рукъ самого государя. Этотъ разъ государь былъ въ отъѣздѣ, и раздавала медали государыня. Передавъ мнѣ медаль, она остановила меня и спросила по-нѣмецки:

— Вы опять будете тамъ же жить на дачѣ? Вѣроятно, увидимся. Павловскъ и его окрестности—это наша любимая прогулка.

Но встрѣтиться запросто уже больше не пришлось.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, я уже окончила институтъ, какъ у насъ умеръ отецъ. Однажды я забралась въ его мастерскую и разбирала оставшіеся послѣ него картины, эстампы, этюды. Дверь была открыта, день былъ солнечный, какъ вдругъ пробѣжала какая-то тѣнь, я выхожу изъ дверей и вижу—подъѣзжает государь.

— Что значить?—встревоженно спрашиваетъ онъ.—Вы въ траурѣ? Сейчасъ встрѣтилъ въ паркѣ вашу матушку, она тоже въ траурѣ. Кого вы потеряли?

— Умеръ отецъ,—сказала я.

Государь набожно перекрестился, слеза задрожала на его глазахъ, и онъ тихо отъѣхалъ. На обратномъ пути, встрѣтивъ въ паркѣ мать, онъ спросилъ ее:

— Чѣмъ могу помочь?

Но мать не нашла, что отвѣтить, и только поблагодарила государя.

Для характеристики отеческаго отношенія Александра II къ дѣтямъ приведу еще одинъ эпизодъ изъ моихъ раннихъ встрѣчъ съ нимъ.

Лѣтъ десяти я перенесла очень сильную scarlatinu, и въ наслѣдіе отъ нея остались такія сильныя головныя боли, что я стягивала голову платкомъ или ремнемъ и буквально билась о стѣну. Въ институтѣ я не сходила съ лазаретной порціи и мучилась голов-

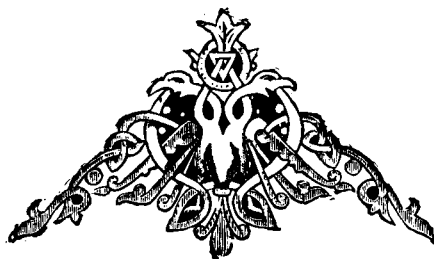
ной болью иногда цѣлыми недѣлями. Ничто не помогало, и вотъ докторъ рѣшилъ употребить рискованное средство: онъ поставилъ мнѣ мушку на лобъ отъ виска до виска: я могла бы ослѣпнуть, но боли все-таки въ концѣ концовъ перемѣнили характеръ и сдѣлались переносимыми. И вотъ только что сняли пластырь, обрѣзали, забинтовали лицо и положили въ кровать, слышимъ: пріѣхалъ государь. Какъ ему показаться въ такомъ видѣ? Но вѣдь не всегда же онъ заходитъ въ лазаретъ? Однако дверь уже тихо отворилась, и государь безъ провожатаго вошелъ. Надзирательница его встрѣтила, и государь долго съ нею разговаривалъ. Въ это время пріотворяется снова дверь, и Пончъ, любимая собака государя, прокрадывается къ кроватямъ и подходитъ ко мнѣ, виляетъ хвостомъ, и я, какъ могу, глажу ее по спинѣ. Государь тихо кличетъ собаку, но она и ухомъ не ведетъ.

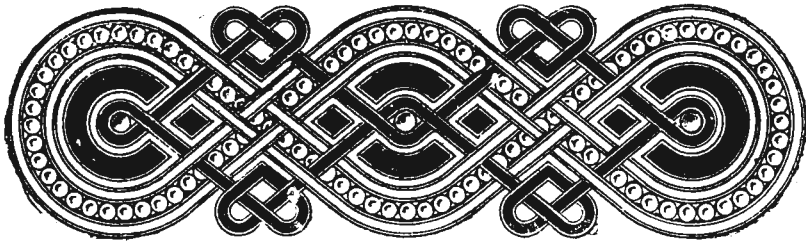
— Здѣсь кто-нибудь знакомый,—говорить государь и направляется ко мнѣ.

Я не знаю, куда себя дѣть, а государь уже читаетъ надпись: «невралгія головы».

— Боже!—говорить государь.—Такая молодая, почти дѣвочка (мнѣ было четырнадцать лѣтъ), и такія страданія!—и велитъ позвать врача, съ которымъ долго бесѣдуетъ.

Н. Н. Лаврова.

АЛЕКСѢЙ СЕРГѢВИЧЪ СУВОРИНЪ.

Х.

Суворинъ и Чеховъ.

АЛЕКСѢЙ Сергѣевичъ Суворинъ любилъ Ант. П. Чехова, это всѣмъ извѣстно. Когда Чеховъ умеръ, Суворинъ, печатая о немъ сочувственную замѣтку, сказалъ, между прочимъ, такъ:

— Онъ молодилъ меня.

Суворинъ, какъ человѣкъ, очень увлекающійся, всегда что-нибудь ищущій, открывающій и радующійся всякой своей удачѣ на этомъ пути, услыхалъ впервые объ Ант. П. Чеховѣ отъ В. П. Буренина. Последний съ великой прозорливостью увидалъ въ авторѣ рассказовъ «Скорая помощь», «Егеръ» и т. п., напечатанныхъ въ «Петербургской Газетѣ» (по восьми копеекъ за строчку!), нѣчто побольше веселаго Антоши Чехонте и сказалъ объ этомъ Д. В. Григоровичу и А. С. Суворину. Григоровичъ прочиталъ указанные г. Буренинымъ рассказы, также пришелъ въ восторгъ и пріѣхалъ къ Суворину, крича:

— Талантъ! Талантъ! Вы его должны пригласить!

А. С. Суворинъ сразу повѣрилъ этимъ двумъ авторитетнымъ мнѣніямъ и пригласилъ Чехова. Читая присланный имъ рассказъ «Панихида» (за подписью «А. Чехонте»), онъ такъ восхитился

этимъ произведеніемъ, что телеграммой просилъ автора подписаться настоящей фамиліей. Такимъ образомъ и народилось въ литературѣ новое имя «Ан. Чеховъ».

Второй разсказъ—«Агафья» и затѣмъ третій—«Вѣдьма» окончательно покорили Суворина. И онъ полюбилъ Чехова заглазно, за его талантъ, свѣжесть, самостоятельность. Онъ сразу далъ ему отличный гонораръ, обласкалъ, наговорилъ при этомъ много полезнаго, укрѣплялъ въ той манерѣ письма, которую избралъ Чеховъ, отмѣчалъ все наиболѣе удачное въ его разсказахъ. Однимъ словомъ, Суворинъ выбралъ въ беллетристической оранжереѣ лучшей тогда цвѣтокъ-сѣянецъ и сталъ его холить, нѣжить, лелѣять, ухаживать за нимъ, и Чеховъ распустился роскошнымъ, благоуханнымъ цвѣтомъ. Буренину, Григоровичу Чеховъ былъ обязанъ многимъ, Суворину—всѣмъ. По свойству своей натуры дѣлать людямъ добро, Суворинъ отдавалъ Чехову столько отцовской ласки и любви, что Антонъ Павловичъ обязанъ былъ до гробовой доски это цѣнить и помнить. Но въ послѣдствіи Чехова забрали въ свои руки такъ называемые либералы. Какъ это ни прискорбно и ни смѣшно, а тѣ же Лавровъ и Гольцевъ, о комъ молодой Чеховъ столь презрительно отзывался въ бесѣдѣ съ А. А. Суворинымъ, закабалили Чехова, платя ему жалованье по двѣсти рублей (только!) въ мѣсяцъ и по скольку-то съ листа, лишь бы Чеховъ не писалъ въ другихъ изданіяхъ. Періодъ сотрудничества въ «Русской Мысли» самый печальный для Чехова. Насколько онъ былъ свѣжъ и талантливъ въ «Новомъ Времени», настолько же тусклъ и посредственъ въ «Русской Мысли». Всѣ эти повѣсти—«Жена», «Убійство», разсказъ о какомъ-то интеллигентѣ, во имя политики угодившемъ въ лакеи,—все это было настолько слабо, что прежняго Чехова напоминало въ очень незначительной степени. Этого мало, появился разсказъ «Ариадна», цѣль котораго была ниже достоинства автора...

Въ этотъ періодъ Чеховъ, несомнѣнно, получалъ отъ А. С. Суворина не мало писемъ. Думаю, что Суворинъ, любя Чехова, а еще болѣе его талантъ, скорбѣлъ о странномъ направленіи его дарованія и, по своей откровенности, не оставлялъ этого безъ письменныхъ и, можетъ быть, рѣзкихъ упрековъ. Однажды Чеховъ при мнѣ получилъ письмо отъ Суворина. Большое, мелко исписанное обычнымъ суворинскими іероглифами. Чеховъ читалъ его долго, насупившись, и вдругъ сказалъ:

— Суворинъ думаетъ, что мой свѣтъ въ окнѣ только «Русская Мысль»? Странно, право... И за что нападать на «Русскую Мысль»? Если я пишу неудовлетворительно, то развѣ журналъ здѣсь причиною?

Больше Антонъ Павловичъ ничего не сказалъ, и, что было еще въ письмѣ Суворина, я не знаю. Думаю, что Суворинъ упрекалъ Чехова за исключительное сотрудничество у Лаврова и, можетъ

быть, высказывалъ мысль, что сѣрая обстановка журнала плохо вліяла на талантъ автора книги «Въ сумеркахъ». Но это только мои предположенія.

Возможно ли, дѣйствительно, такое вліячіе? То-есть вліяніе журнала на писателя-сотрудника? Это смотря, что за человекъ авторъ. Чеховъ былъ очень впечатлителенъ и въ то же время рыхлъ, и на него обстановка могла вліять въ ту или иную сторону. Я допускаю, что люди, вродѣ Гольцева, Соболевскаго, Лаврова, могли до извѣстной степени понизить вдохновеніе Чехова. А по правдѣ сказать, Чеховъ къ тому времени почти использовалъ себя, какъ беллетристъ, и краски его пера естественно поблекли. Онѣ ожили въ драмахъ Чехова, потому что драмы потребовали огромнаго напряженія силъ, и Чеховъ это сдѣлалъ, въ ущербъ своему здоровью. Писаніе для театра оживило, воскресило его талантъ, но не настолько, чтобы онъ создалъ что-нибудь замѣчательное. Л. Н. Толстой совсѣмъ не понималъ его драмы «Дядя Ваня» и называлъ ее «трагедіей на пустомъ мѣстѣ»—убійственная, но вѣрная характеристика.

А. С. Суворинъ, насколько мнѣ извѣстно, чеховскихъ пьесъ послѣдняго періода его творчества не любилъ, но онъ высоко поставилъ драму «Ивановъ» (въ смыслѣ пьесы, пожалуй, самую удачную) и за «Чайку», провалившуюся въ Александринскомъ театрѣ, вступился горой. Онъ отмѣтилъ все, гдѣ горитъ и переливается искрами чеховское дарованіе. Продолжая любить писателя-Чехова, онъ возмущился грубымъ отношеніемъ петербургской публики, громко называвшей пьесу «чепухой» и «вздоромъ»; вообще, эта статья Суворина есть горячая отвѣдь всѣмъ, кто осудилъ произведеніе талантливаго автора. Но еще болѣе она—отеческое любовное заступничество за милого человека.

А. П. Чеховъ, во времена давнопрошедшія, высказывалъ симпатіи къ Суворину, а въ письмахъ къ нему говорилъ о своей любви. Въ послѣднее время, когда онъ писалъ драмы для Художественнаго театра, о такой любви къ Суворину даже было говорить странно. Чеховъ выражалъ, и не разъ, полную неприязнь къ А. С.—чу, и я не знаю, чѣмъ это объяснить. Думаю, что не разность взглядовъ въ политическомъ отношеніи тому причиной. Вѣрнѣе, что открытые и проникнутые горькимъ чувствомъ упреки Суворина и при встрѣчѣ и въ письмахъ раздражали Ант. П. Чехова. Онъ и физически былъ нездоровъ, и самолюбіе его достигло болѣзненно-ненормальныхъ размѣровъ. Все это привело къ печальному разрыву Чехова съ Суворинымъ, и это болѣе повредило Чехову, чѣмъ Суворину. Если бы Антонъ Павловичъ остался до конца другомъ Алексѣя Сергѣевича, онъ бы, можетъ быть, удержался отъ многаго того, что онъ сдѣлалъ...

Ошибки, конечно, свойственны каждому. Но дружба съ Суворинымъ избавила бы Чехова отъ многихъ ошибокъ; а вотъ дружба

съ гг. Гольцевымъ, Лавровымъ, а затѣмъ съ редакціей «Русскихъ Вѣдомостей» и руководителями и артистами театра не избавила Чехова отъ нѣкоторыхъ невѣрныхъ шаговъ. Очень жаль, что все это такъ вышло...

Любовь Суворина къ Чехову, разумѣется, также потускнѣла, хотя Суворинъ всегда стремился сдѣлать Чехову только одно добро. Суворинъ, отыскавъ Чехова въ мелкой прессѣ, первый способствовалъ росту его таланта. Онъ его любилъ, какъ коллекціонеръ, отыскавшій на грязномъ рынкѣ довольно цѣнную рѣдкость. Суворинъ въ литературномъ смыслѣ коллекціонерствовалъ долгіе годы. Его составъ сотрудниковъ доказываетъ, какая у него бывала коллекція талантовъ. Чеховъ былъ въ ней яркій самоцвѣтный камень. И Суворинъ—первый и главный его гранильщикъ. Блескъ Чехова—въ немъ рука мастера-Суворина отражена безспорно. И таланту, и душѣ человѣка, пользующагося дружбой А. С. Суворина, это было всегда выгодно. Потому что Суворинъ, повторяю, какъ глубоко-нравственная личность, могъ вліять лишь въ добромъ смыслѣ, а его умъ и талантъ создали изъ него первокласснаго руководителя многихъ литературныхъ дѣятелей.

И Антонъ Чеховъ былъ средней по величинѣ золотой чашей русской литературы; на этой изящной чашѣ-кубкѣ есть, несомнѣнно, узоры искусной чеканки А. С. Суворина...

Вліяніе А. С. Суворина на Чехова было прежде огромное. Помню, когда происходили словесные бои въ обществѣ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, когда крупные драматурги стремились лишить голоса драматурговъ маленькихъ и скоро добились этого,—къ А. С. Суворину ходили на поклонъ и казначей общества Майковъ, и писатель Шпажинскій; общество поднесло А. С. Суворину какую-то почетную медаль. При этомъ Суворину постарались изобразить суть дѣла такъ, что и онъ склонился къ идеѣ, что хозяиномъ можетъ быть лишь тотъ, кто зарабатываетъ извѣстную опредѣленную сумму денегъ. Но что отъ этого страдалъ принципъ права собственнаго голоса каждаго драматурга, хотя бы и маленькаго, на это Суворинъ особаго вниманія не обратилъ, тѣмъ болѣе, что онъ вѣрилъ составу правленія. Антонъ Павловичъ Чеховъ сначала былъ на сторонѣ маленькихъ драматурговъ и горячо объ этомъ говорилъ съ А. Д. Курепинымъ, въ тѣ годы писавшимъ въ «Новое Время» фельетоны изъ Москвы и громившимъ гг. членовъ правленія названнаго общества. Да и мнѣ лично Чеховъ говорилъ (когда ужъ права голоса для большинства членовъ были отмѣнены):

— Это несправедливо, очень несправедливо!

Самъ Суворинъ, вѣроятно, побывавъ на общемъ собраніи драматурговъ, которыя проходили очень бурно и подчасъ даже безтолково, разсердился на шумящихъ неизвѣстностей, поэтому и сталъ на сторону новаго правила. И вотъ, когда борьба была въ полномъ разгарѣ, а Чеховъ гостилъ въ квартирѣ издателя «Новаго Времени», А. С. Суворинъ, какъ я предполагаю, перестроилъ мысли Антона Павловича въ обратную сторону, и Чеховъ написалъ и напечаталъ въ «Новомъ Времени» шуточную статейку «Вынужденное объясненіе», за подписью «Акакій Тарантуловъ», а Суворинъ снабдилъ ее примѣчаніемъ отъ редакціи. Вещичка эта невелика, смѣшна и характерна, и я ее привожу здѣсь цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что она въ тѣ давніе годы произвела страшное волненіе и досаду среди маленькихъ драматурговъ.

«ВЫНУЖДЕННОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ».

«Въ 1876 году, 7-го іюня, въ 8½ часовъ вечера мною была написана пьеса. Если моимъ противникамъ угодно знать ея содержаніе, то вотъ оно. Отдаю его на судъ общества и печати.

«СКОРОПОСТИЖНАЯ КОНСКАЯ СМЕРТЬ

или

ВЕЛИКОДУШІЕ РУССКАГО НАРОДА».

Драматическій этюдъ въ 1 дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Любвинъ, молодой человѣкъ.

Графиня Финикова, его любовница.

Графъ Финиковъ, ея мужъ.

Нилъ Егоровъ, извозчикъ № 13326.

Дѣйствіе происходитъ среди бѣла дня, на Невскомъ проспектѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Графиня и Любвинъ ѣдутъ на извозчикѣ Нилѣ Егоровѣ.

Любвинъ (*обнимая ее*). О, какъ я люблю тебя! Но все-таки я не буду въ покоѣ, покуда мы не доѣдемъ до вокзала и не сядемъ въ вагонъ. Чувствуетъ мое сердце, что твой подлець-мужъ бросится сейчасъ за нами въ погоню. У меня поджилки трясутся. (*Нилу*). Поѣзжай скорѣй, чортъ!

Графиня. Скорѣе, извозчикъ! Хлобысни-ка ее кнутомъ! Ъздить не умѣешь, курицынь сынъ!

Нилъ (*хлещетъ по лошади*). Но! Но! Холера! Господа на чай прибавятъ.

Графиня (*кричитъ*). Такъ ее! Такъ ее! Нажаривай дряншэ такую, а то къ поѣзду опоздаемъ.

Любвинъ (*восторгаясь ея неземной красотой*). О, моя дорогая! Скоро ты будешь принадлежать всецѣло мнѣ, но отнюдь не мужу! (*Оглядываясь съ ужасомъ*). Твой мужъ догоняетъ насъ! Я его вижу! Извозчикъ, погоняй! Скорѣй, мерзавецъ, сто чертей тебѣ за воротникъ! (*Лупитъ Нила въ спину*).

Графиня. По затылку его! Постою, я сама его зонтикомъ... (*Лупитъ*).

Нилъ (*хлещетъ изо всѣхъ силъ*). Но! Шевелись, апаема! (*Изморенная лошадь падаетъ и издыхаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и графъ.

Графъ. Вы бѣжать отъ меня? Стой! Измѣнница! Я ли тебя не любилъ? Я ли тебя не кормилъ!?

Любвинъ (*малодушно*). Задамъ-ка я стрекача! (*Убѣгаетъ подъ шумокъ собравшейся толпы*).

Графъ (*Нилу*). Извозчикъ! Смерть твоей лошади спасла мой семейный очагъ отъ поруганія. Если бы она не издохла внезапно, то я не догналъ бы бѣглецовъ! Вотъ тебѣ сто рублей!

Нилъ (*великодушно*). Благодарный графъ! Не нужно мнѣ вашихъ денегъ! Для меня послужить достаточной наградой сознаніе, что смерть моей любимой лошади послужила къ огражденію семейныхъ основъ! (*Восхищенная толпа качаетъ его*).

Занавѣсъ.

Эту шутку Чеховъ кончаетъ слѣдующимъ ядовитымъ послѣсловіемъ:

«Въ 1886 году, 30-го февраля (!) эта моя пьеса была сыграна на берегу озера Байкала любителями сценическаго искусства. Тогда же я записался въ члены общества драматическихъ писателей и получилъ отъ казначея А. А. Майкова надлежащій гонораръ. Больше никакихъ пьесъ я не писалъ и никакого гонорара не получалъ.

«Итакъ, состоя членомъ названнаго общества и имѣя права, симъ званіемъ обусловенныя, я отъ имени нашей партіи настоятельно требую, чтобы, во-первыхъ, предсѣдатель, казначей и секретарь и комитетъ публично попросили у меня извиненія, во-вторыхъ, чтобы всѣ перечисленныя лица были забаллотированы и замѣнены членами нашей партіи, въ-третьихъ, чтобы 25.000 рублей изъ годового бюджета общества были ежегодно ассигнуемы на покупку билетовъ гамбургской лотереи, и чтобы каждый выигрышъ дѣлился между членами общества поровну...» и т. д., еще нѣсколько смѣшныхъ требованій.

Отъ редакціи (то есть, можетъ быть, отъ самого А. С. Суворина въ компаніи съ Чеховымъ).—«Помѣщая это заявленіе почтеннаго члена общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ Акакія Тарантулова, мы льстимъ себя надеждою, что оно вызоветъ полное сочувствіе по крайней мѣрѣ въ половинѣ достопочтенныхъ членовъ этого общества, заслуги которыхъ столь же велики, какъ и заслуги г. Акакія Тарантулова. Русская драматургія есть именно тотъ важный родъ поэзіи, въ которомъ Акакіи Тарантуловы могутъ приобрѣтать неувядаемую славу отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенныхъ кулисъ, отъ потрясеннаго Кремля до трескотни общихъ собраній общества драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ...»

Надо кстати сказать, что драматурги «Тарантуловы» ратовали противъ дѣйствительно чудовищныхъ гонораровъ, которые получалъ путемъ процентныхъ отчисленій простой чиновникъ А. М. Кондратьевъ (который не написалъ даже драматическаго этюда г. Акакія Тарантулова, но бралъ съ общества по 20.000 рублей въ годъ, да и теперь береть!), противъ слишкомъ щедраго жалованья казначею Майкову и т. д. Раздоры въ обществѣ послужили впослѣдствіи образованію союза драматическихъ писателей въ Петербургѣ.

Но тогда Суворинъ и Чеховъ поглядѣли на это дѣло глазами московскаго правленія общества.

ХІ.

Суворинъ-драматургъ.

Когда въ московскомъ Маломъ театрѣ поставили «Татьяну Рѣпину» съ М. Н. Ермоловой въ заглавной роли, спектакль прошелъ съ громаднымъ успѣхомъ, съ выдающейся игрой артистовъ. Помимо г-жи Ермоловой, превзошедшей себя въ роли несчастной Рѣпиной, отлично игралъ Сабинина А. И. Южинъ, а еврейку—Н. Д. Никулина.

«Татьяна Рѣпина»—произведеніе зрѣлаго и сильнаго Суворина. Пьеса эффектна, сценична и написана превосходнымъ русскимъ литературнымъ языкомъ. И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ провинціи эта драма прошла съ громомъ аплодисментовъ, всѣмъ понравилась, а артистамъ давала отличный матеріалъ для игры.

И все-таки А. С. Суворинъ даже въ «Татьянѣ Рѣпиной»—не драматургъ. Это произведеніе большого писателя, но публицистъ проскальзываетъ всюду въ этой пьесѣ, чуть-чуть искусственной, съ явнымъ расчетомъ на эффектъ смерти артистки на сценѣ.

Я здѣсь расскажу о другомъ драматическомъ произведеніи А. С. Суворина, написанномъ уже въ старости. о драмѣ «Вопросъ», также шедшей впервые на Маломъ театрѣ въ Москвѣ, а потомъ—въ Петроградѣ, въ театрѣ самого Суворина.

Алексѣй Сергѣевичъ явился въ Москву задолго до постановки и вызвалъ меня. Мы съ нимъ завтракали въ «Славянскомъ Базарѣ», въ ресторанѣ. Суворинъ ждалъ князя А. И. Сумбатова для бесѣды о пьесѣ. Онъ волновался и спрашивалъ:

— Есть въ труппѣ Малаго театра хорошая молодая артистка?

Я боялся называть ему имена.

— Сумбатовъ рекомендуетъ Селиванову. Помнится, вы ее не хвалили.

— Вамъ нужна молодая артистка?

— Да, для роли бойкой барышни, дочери важнаго петербургскаго чиновника.

— Берите, кого хотите, только не Селиванову, — сказала я. — Ничего особеннаго не представляетъ собою г-жа Садовская 2-я, но, во всякомъ случаѣ, она хоть по-русски говорить будетъ.

— А Селиванова что такое?

— По-моему, артистка безъ всякой дикціи, но, какъ говорятъ, съ протекціей.

Какъ разъ въ это время приѣхалъ князь Сумбатовъ.

— Ахъ, это для роли дочери Юрѣева?—спросилъ князь Сумбатовъ.—Я бы рекомендовалъ г-жу Селиванову.

Я сейчасъ же возразилъ и князю Сумбатову.

— Я знаю, вамъ она не нравится!—замѣтилъ тотъ.

— О, вѣдь, эти господа театральные критики народъ престрогий!—сказалъ быстро Алексѣй Сергѣевичъ.—Впрочемъ, онъ на Садовскую указываетъ...

— Нѣтъ, я стою за Селиванову, — продолжалъ князь Сумбатовъ, которому также предстояло играть въ суворинской драмѣ бойкую роль Муратова.—Она роли, во всякомъ случаѣ, не испортить.

— Ну, такъ ей и отдадимъ!—сказалъ Суворинъ.

Я, конечно, болѣе не спорилъ. Однакожъ, скоро я узналъ, что роль дочери сановника отдана Садовской 2-й. Повидимому, Суворинъ убѣдился, что «артистка съ протекціей, но безъ дикціи»—дѣло не подходящее. Такъ оно и было. Онъ первый, увидя меня на генеральной репетиціи «Вопроса», сказалъ:

— Ну, знаете, Селиванова мнѣ совсѣмъ не понравилась! Нарочно ее смотрѣлъ...

— Я же говорилъ, что Садовская болѣе подходитъ.

— Да, съ грѣхомъ пополамъ, подходитъ... Скажите, почему у васъ молодые актеры какіе-то варенные?

— Какъ варенные?

— Да вотъ... спрашиваю одного... отчего онъ руку къ зиску под-
нялъ да такъ и заостенѣлъ въ этой странной позѣ? А онъ отвѣчаетъ:
«Это говорить, я пробую изобразить усиленную думу!» Я ему го-
ворю: «Оставьте!» А онъ опять по-своему дѣлаетъ... Ну, да
ужь и...

Тутъ Суворинъ сталъ разбирать игру исполнителей со свойственной ему прямою. Онъ былъ самъ не свой, видимо, горя волненіемъ автора наканунѣ перваго спектакля.

— Пришлось конецъ пьесы передѣлать!—продолжалъ онъ.—Показалось неестественнымъ многое... Вообще, надо бы посидѣть надъ драмой...

Его позвали за кулисы, — онъ побѣжалъ, какъ, быть можетъ, торопился только въ молодости, почти рысью. Думаю, что онъ не уснулъ во всю ночь передъ спектаклемъ!

Драма «Вопросъ» лично мнѣ не понравилась. Блестящая по слогу, она носитъ на себѣ чисто петербургскій колоритъ. Острота о сановникѣ, не знающемъ, какой бываетъ въ полѣ овесъ, когда это «даже лошади знаютъ», очень смѣшна и въ Петербургѣ произвела фуроръ, но въ Москвѣ была принята хотя со смѣхомъ, но безъ особаго энтузіазма. Появленіе синьоры Венони (играла г-жа Федотова), какъ *deus ex machina*, дѣлало пьесу похожей на мелодраму. Самая дуэль героевъ казалась не совѣмъ естественнымъ выходомъ. Словомъ, эта пьеса—относительно слабое произведеніе Суворина, и съ «Татьяной Рѣпиной» ее сравнить никакъ нельзя.

Публикѣ, однако, очень понравился спектакль, да и Суворина въ Москвѣ всегда любили. Автора «Вопроса» стали вызывать послѣ втораго акта, а послѣ третьяго (Суворинъ вышелъ только тогда, когда крики: «Автора, автора!» стали дружными и общими) и четвертаго актовъ эти вызовы знаменовали настоящій, неподдѣльный успѣхъ. Я живой свидѣтель этого.

На другой день я посѣтилъ А. С. Суворина въ «Славянскомъ Базарѣ».

— Вы написали что-нибудь о спектаклѣ?—было первымъ вопросомъ Суворина.

Онъ сидѣлъ, разложивъ московскія газеты, и съ увлеченіемъ молодого автора-дебютанта читалъ отзывы нашихъ рецензентовъ.

Я сказалъ, что передалъ кратко по телефону о первомъ представленіи пьесы и о томъ, что былъ успѣхъ, автора дружно вызывали нѣсколько разъ.

— Скажите, голубчикъ, вѣдь, вы, конечно, были на представленіи?—спросилъ Суворинъ.—Гдѣ вы сидѣли?

— Въ четвертомъ ряду креселъ. А что?

— Ну, скажите по совѣсти, охотно ли вызывала меня публика?

— И даже очень охотно и громко,—отвѣчалъ я.

— Многіе вызывали?

— Очень многіе. Послѣ втораго акта не такъ много, а послѣ третьяго—усиленно вызывали. Также и послѣ четвертаго. По-моему, московскою публикѣ ваша пьеса понравилась.

— Ну, вотъ видите! А вотъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ, что автора не вызывали, а онъ самъ выходилъ, вмѣстѣ съ вызывае-

мыми артистами. Знаете, мнѣ это было очень больно прочитавъ и именно въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Я ихъ всегда считалъ опрятнымъ изданіемъ. И вдругъ, такое злостное искаженіе истины... Я, знаете, долго не шелъ. Актеры мнѣ говорятъ: васъ вызываютъ, идите! Но я пропустилъ второй антрактъ, вовсе не желая выходить на рѣдкіе вызовы. Послѣ третьяго акта я вышелъ, вполне убѣдившись въ желаніи публики меня видѣть... Вѣдь, я же это слышалъ, слышалъ!

Онъ былъ въ сильной ажитаци, этотъ молодой старикъ, страшно впечатлительный и ненавидящій ложь. Указавъ на газеты, онъ продолжалъ:

— Ужъ и рецензіи я читалъ! Кое-гдѣ все-таки прилично и констатированъ успѣхъ... Но «Русскія Вѣдомости»! Кто бы отъ нихъ это ожидалъ... Я не ожидалъ, честное слово!

Въ тотъ же день онъ пригласилъ меня вмѣстѣ пообѣдать. За обѣдомъ была супруга Суворина, Анна Ивановна Суворина, Б. А. Суворинъ и г. Коломнинъ, племянникъ Алексѣя Сергѣевича.

Суворинъ отдохнулъ, и раздраженіе его улеглось. Разговоръ шелъ только о пьесѣ «Вопросъ» и объ ея исполненіи. Суворинъ очень хвалилъ О. О. Садовскую, Правдина и Южина; остальными исполнителями онъ остался менѣе доволенъ.

Не помню, кажется, Суворинъ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ въ Петроградъ, а его драма «Вопросъ» продолжала не безъ успѣха итти въ нашемъ Маломъ театрѣ.

XII.

Суворинъ — и война съ Японіей, революція въ Москвѣ и всероссійскія реформы.

Неожиданное нападеніе японскаго флота на русскій въ гавани Портъ-Артура и объявленная вслѣдъ за симъ война Японіи произвели на А. С. Суворина потрясающее впечатлѣніе. Онъ сталъ ежедневно печатать свои «Маленькія письма». Въ нихъ съ юношеской энергіей, горячо, сильно, патріотично выступилъ онъ за честь Россіи, за достоинство родины. Всѣ читали статьи Суворина съ захватывающимъ интересомъ. Онъ краснорѣчиво описывалъ свои первыя впечатлѣнія отъ военныхъ дѣйствій. Затѣмъ, въ газетѣ своей онъ сдѣлалъ рядъ распоряженій. Отъ «Новаго Времени» поѣхало девять корреспондентовъ, снабженныхъ огромными денежными суммами и оплачиваемые за статьи баснословнымъ вознагражденіемъ. Суворинъ слѣдилъ за всѣми перипетіями войны, волновался, беспокоился, не спать по ночамъ, читалъ всѣ статьи, самъ писалъ, стараясь ободрить русское общество. Это былъ его годъ страды, онъ много унесъ у него силъ и здоровья. Кромѣ того, неудачи рус-

скихъ войскъ страшно и губительно отозвались на Суворинѣ. Онъ сталъ нервень сверхъ мѣры, вспыльчивѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Опишу одинъ случай его крайней экспансивности, чему я былъ невольнымъ свидѣтелемъ. Мнѣ пришлось пріѣхать въ Петербургъ, и я, конечно, посѣтилъ А. С. Суворина. Къ этому времени онъ, какъ редакторъ, испытывалъ массу непріятностей. Одинъ изъ корреспондентовъ «Новаго Времени» заболѣлъ и уѣхалъ изъ Портъ-Артура. Другіе, повидимому, ничего путнаго не присылали. Суворинъ прямо изъ себя выходилъ и кричалъ, что слѣдовало взять корреспондентомъ Вас. Немировича-Данченко, который «хоть даже чего и не увидить, а все-таки умѣло опишетъ!»

Я попалъ къ Суворину въ разгаръ такихъ недоразумѣній съ корреспондентами. Алексѣй Сергѣевичъ показался мнѣ сильно постарѣвшимъ, щеки у него впали, но со мной онъ обошелся пріятливо и сейчасъ же заговорилъ о Москвѣ, принялся разспрашивать, какіе тамъ происходятъ безпорядки, сходки, волненія (дѣйствительно, въ Москвѣ ужъ подготовлялись политическія движенія, вполнѣ ствѣи разразившіяся въ формѣ настоящаго бунта, съ «баррикадами» даже!). Я началъ рассказывать, и вѣсти изъ Москвы заинтересовали Алексѣя Сергѣевича. Онъ слушалъ нервно, качалъ головой, ахалъ, смѣялся, негодсвалъ.

Вдругъ неожиданно вошелъ нынѣ покойный В. А. Шуфъ. Я былъ очень удивленъ его появленіемъ. Въ началѣ войны я видѣлъ его въ Москвѣ, въ громадной папахѣ. Онъ ѣхалъ на войну корреспондентомъ отъ «Новаго Времени», снабженный полномочіями и средствами. Я спросилъ, зачѣмъ онъ въ папахѣ.

Шуфъ отвѣчалъ:

— Походная штука, батенька! Кто его знаетъ, придется въ поляхъ ночевать, вотъ вамъ и подушка.

И вотъ онъ оказался уже въ Петербургѣ, въ квартирѣ А. С. Суворина, хотя и безъ пѣпѣхи.

Увидавъ вошедшаго Шуфа, Алексѣй Сергѣевичъ весь такъ и всполошился. Такъ и вскинулся.

— Да это что же такое?! Вы что же это, въ самомъ дѣлѣ? Вамъ надо на войнѣ быть, а вы изволили бѣжать съ поля сраженія!

Вскорѣ послѣ этого вошедшій на крикъ Суворина Б. В. Гей потихоньку объяснилъ мнѣ, что Шуфъ самовольно вернулся въ Петербургъ, кратко извѣстивъ редакцію, что онъ «ѣдетъ обратно».

— Вы что это!?!—продолжалъ, вскочивъ и не сажая корреспондента, Суворинъ, весь даже сотрясаясь отъ негодованія.—Какая нужда у васъ появилась возвращаться? Что вы, заболѣли, переутомилась? Ранили васъ?

— Нѣтъ, не ранили,—отвѣчалъ Шуфъ:—но японцы наступали...

— Японцы наступали!—воскликнулъ Суворинъ.—Такъ что же изъ этого!?! На войнѣ всегда такъ, или непріятель наступаетъ, или

мы на непріятеля наступаемъ... Дѣло корреспондента описывать все это, а вы что сдѣлали?!

— Я опасался, что меня возьмутъ въ плѣнъ...

Суворинъ даже подпрыгнулъ на мѣстѣ.

— Да это, голубчикъ, чортъ знаетъ, что вы говорите такое! Вѣдь, это стыдно и позорно! Въ плѣнъ его японцы возьмутъ... Что жъ изъ того, что васъ хотя бы и въ плѣнъ взяли? Вамъ это полезно было бы... Можетъ быть, вы вернулись бы изъ японскаго плѣна поумнѣе... Я теперь весьма жалѣю, что васъ не взяли въ плѣнъ!

— Но, Алексѣй Сергѣевичъ, вѣдь я... не могъ же я...

— Молчите! Не оправдывайтесь! Вы только глупости способны наговорить. Вы струсили и убѣжали съ поля битвы... Ваше письмо мы читали, гдѣ вы объясняете причины бѣгства. Вы изволили умо- заключить, что все потеряно, и вотъ, въ компаніи двоихъ сотрудни- ковъ изъ «Петербургской Газеты» и «Петербургскаго Листка» (ка- кая компанія для васъ, подумаешь, отличная!) вы втроемъ рѣшили удрать... и прямо укатили въ Петербургъ! Очень благородно! И какъ это подходяще для сотрудника «Новаго Времени». Всѣ были въ редакціи противъ того, чтобы посылать васъ на войну. Я одинъ стоялъ за васъ. Я думалъ, что вы, какъ человѣкъ еще молодой и энергичный, оправдаете мой выборъ. И что же? Вы даже телеграммъ не умѣли путемъ составить. Мы получали какую-то дребедень. И только послѣдняя ваша телеграмма была интересна, первая и послѣдняя, такъ сказать! А затѣмъ вы съ двумя газетными евреями, испугавшись японскаго плѣна, рѣшили, что самое лучшее, самое умное—это бѣжать въ Петербургъ! Bravo, г. Шуфъ! Спасибо! Исполать вамъ...

— Алексѣй Сергѣевичъ, какой же смыслъ попасть въ плѣнъ?— все не сдавался Шуфъ:—опасность была огромная!

— Фу, Боже мой! Ваши возраженія безсмысленны. Корреспон- дентъ долженъ описывать событія, а не дѣлать выводы о собственной опасности или безопасности. Ну, теперь, извините, я вамъ ника- кихъ порученій не дамъ! Можете безопасно сидѣть дома.

— Но, Алексѣй Сергѣевичъ...

— Оставьте, говорю вамъ, не возражайте! Можете итти, вы меня только раздражаете! И я вамъ, въ концѣ концовъ, такъ скажу: ваши товарищи по бѣгству поступили, какъ дураки, а вы, извините меня, поступили, какъ дуракъ въ квадратѣ!

Суворинъ запыхался и сѣлъ.

Послѣ этого комплимента несчастный Шуфъ исчезъ. А Суво- ринъ разводилъ руками и все не могъ успокоиться:

— Корреспондентъ «Новаго Времени» бѣжить съ поля сраже- нія! Вѣдь, это что же такое!? Это что же!?

Повидимому, военныя неудачи Россіи такъ потрясли А. С. Су- ворина, что онъ захворалъ и уѣхалъ, кажется, въ Германію. По

крайней мѣрѣ, во дни «великой московской революціи» онъ находился за границей и, слыша урывками о нашихъ событіяхъ, не вѣрилъ, что въ Россіи серьезный бунтъ.

— Это не революція, а пародія!—твердилъ онъ:—я не вѣрю въ возстаніе русскаго народа...

Вернувшись, онъ написалъ нѣсколько статей о нашихъ политическихъ событіяхъ. Московская пародія, какъ выразился Суворинъ, пародія на французскую революцію, кончилась. Начались отечественныя реформы. Прошли первая и вторая Государственныя Думы. Послѣ созыва третьей Государственной Думы и избранія А. И. Гучкова предсѣдателемъ парламента я напрасно ждалъ статей А. С. Суворина.

Увы, «Маленькія письма» почему-то вдругъ прекратились. Новыя событія, вѣянія, происшествія, реформы, новый укладъ жизни, повидимому, поразили А. С. Суворина и заставили его временно замолчать. Впрочемъ, не только Суворинъ, даже Л. Н. Толстой былъ подавленъ событіями «новаго курса» на Руси. Мнѣ говорили сотрудники «Новаго Времени», что Суворинъ, продолжая вести газету, иногда печаталъ статьи, но совершенно безъ подписи. Онъ не рѣшался возобновить своихъ «Маленькихъ писемъ». Однажды, напримѣръ, написавъ такое письмо объ А. И. Гучковѣ, предсѣдателѣ Государственной Думы, онъ вдругъ велѣлъ разобрать статью, хотя сотрудники, читавшіе статью въ корректурахъ, находили ее великолѣпной.

Въ концѣ концовъ, я дѣлаю выводъ, что А. С. Суворинъ, пожалуй, и совсѣмъ не растерялся передъ новой дѣйствительностью, а приглядывался къ ней, разбирался въ ней, оттого онъ и медлил со статьями. Вѣдь мужества у него было не занимать стать. Когда Алексѣй Сергѣевичъ вернулся изъ-за границы, онъ сразу обрушился на враговъ Россіи, оставляя въ сторонѣ всякія соображенія объ опасности для газеты. Вспомнимъ хотя бы его прекрасныя статьи о Носарѣ, о графѣ Витте. Суворинъ смѣло отказался печатать у себя манифестъ революціонныхъ партій. Словомъ, онъ явился героическимъ слугою и другомъ родины въ самыя критическія минуты всероссійской разрухи и общественнаго безпорядка. Всѣ честные русскіе люди съ восторгомъ тогда произносили имя А. С. Суворина.

И вотъ, когда была созвана третья Государственная Дума, передъ Суворинымъ и всѣми интеллигентами открылся новый путь для новаго дѣла. Однако Суворинъ уже не могъ принять въ немъ первенствующей, какъ всегда, роли. Физическая усталость и надорванные нервы давали себя знать. Японская война въ особенности потрясла этого богатыря-патріота. Раны Россіи были ранами и Суворину. Болѣя тѣломъ и душой, Алексѣй Сергѣевичъ сталъ мнительнѣе и не вѣрилъ даже самому себѣ, не былъ дово-

лень даже своими блестящими статьями. Вотъ почему, мнѣ думается, и появился этотъ досадный пробѣлъ въ «Новомъ Времени».

Но онъ не потерялъ живого интереса къ обновленной русской жизни, ко всѣмъ ея событіямъ. И газету Суворинъ составлялъ по-прежнему самъ, и всѣ статьи читалъ и исправлялъ ихъ, просиживая цѣлыя ночи за работой.

Мощный старый писатель еще потрясалъ своими литературными перунами!

XIII.

А. С. Суворинъ, какъ редакторъ.

Эта глава моихъ размышленій о Суворинѣ—дань сотрудника, до самой смерти желающаго сохранить свѣтлую память о своемъ руководителѣ. Я пробую сказать только то, что сказать слѣдуетъ, именно одну правду, ничѣмъ не прикрашенную, прямую и безбоязненную.

У А. С. Суворина, говорятъ, былъ дурной характеръ. Антонъ Павловичъ Чеховъ говорилъ мнѣ, что, живя въ Парижѣ, онъ часто «не выносилъ брюзжанья и придирательства Суворина» и уходилъ отъ него.

— Вы куда, Антонъ Павловичъ?

— Гулять!

— Врете, вы на меня сердитесь.

— Нисколько. Просто я хочу пройтись...

— Ну, идите, идите, чортъ съ вами!

Такія сцены возможны со всякими людьми, и съ большими, и съ ничтожными. Суворинъ въ Парижѣ, скучая и сидя безъ дѣла, могъ опуститься до бранчивости и старческаго брюзжанья. Что жъ, развѣ Суворинъ не человѣкъ?

«Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ»...

Я однажды ходилъ съ Суворинымъ по Москвѣ. На немъ была дорогая пльковая шуба, и онъ, должно быть, усталъ отъ ходьбы, сталъ кашлять и выказывать неудовольствіе. Онъ бранилъ московскіе дома и улицы, грязь, извозчиковъ, вывѣски, «которыя разобратъ нельзя», толпу, «которая претъ и толкается», наконецъ, даже снѣгъ...

— Чортъ знаетъ, что у васъ за погода! Я думалъ, здѣсь морозъ, такой настоящей русской морозъ-морозецъ, аленькія щечки, а, вѣдь, это что же такое? Крупа какая-то сыплется... подъ ногами таесть...

Алексѣй Сергѣевичъ шель, ворчалъ. Я не зналъ, что ему отвѣчать. И потомъ, чтобы какъ-нибудь развлечь его, заговорилъ объ одномъ московскомъ купцѣ-милліонерѣ, который четыре раза вѣнчался, причѣмъ его прежнія три жены были живы.

— Не можетъ быть! Кто же это?

Я назвалъ фамилію, въ Москвѣ очень извѣстную.

— Удивительная исторія! Какъ это случилось, расскажите, это замѣчательно...

Я сообщилъ вкратцѣ, что этотъ купецъ-четыреженецъ, любя законный бракъ, говорилъ своему повѣренному, совѣтовавшему купцу жить съ четвертой женой гражданскимъ бракомъ, что будетъ и дешево, и безъ хлопотъ.

Купецъ погладилъ бороду и спросилъ:

— А какъ же, баринъ, «Исаія, ликуй!» не будетъ!?

— Какой «Исаія»?

— Во-на! Какой! Я, братъ, люблю, чтобы все честь-честью. Я съ невѣстой на коврикъ идемъ, а пѣвчіе «Исаія, ликуй!» поютъ. Ты, баринъ, изъ испанцевъ, кажись, будешь? Ну, а мы, православные христіане, насчетъ того, чтобы все по закону и чтобы обрядъ блюсти, стоимъ незыблемо! Такъ ты и запиши.

— Да, вѣдь, дорого будетъ стоить вамъ, достоуважаемый!— твердилъ еврей-адвокатъ.

— А тебѣ какая забота? Деньги всегда при насъ. Ты только дѣйствуй, а мы платить будемъ.

И купецъ дождался своего: вѣнчался въ четвертый разъ и слышалъ «Исаія, ликуй!»

А. С. Суворинъ очень смѣялся, говорилъ, что только Москва и можетъ таить въ себѣ подобные типы, называлъ купца какой-то «безобразной, но отдаленной копіей Ивана Грознаго», затѣмъ сказалъ:

— Отчего же вы этого не опишете?

— Ужъ очень дѣло-то интимное... Удобно ли?

— А вы въ формѣ разсказа, очерка; это характерно, это типично... Вообще, все чисто московское, намъ, петербуржцамъ, невѣдомое или мало-знакомое, вы должны заносить въ свои субботніе фельетоны. Вы иногда прекрасно расскажете что-нибудь незаурядное или представляющее интересъ, а то вдругъ заведете свою излюбленную полемику съ литераторами московскихъ изданій. Я знаю, васъ увлекаетъ такая полемика. Но разбирайте, что есть полемика общая и полемика частная. Вопросы государственные вызываютъ яростную полемику, и публика съ интересомъ это читаетъ. А кому интересно знать, напримѣръ, что въ газетѣ «Курьеръ» какой-то выгнанный профессоръ написалъ вздорную статью? Или кому надо знать, что московскій издатель N безграмотенъ, туцъ и глупъ? А вы на это тратите силы, выдумываете кудря-

выя фразы! Передъ вами открыта вся Москва. Это громадный музей. Онъ неисчерпаемъ. Ваши раскольничьи кладбища, быть Таганки, Хитровка, Грачевка, рынки, ночлежные дома, ростъ торговли, фабрики, фабричные короли, купцы старые и купцы новые, жизнь московскихъ окраинъ, гдѣ еще, вѣроятно, голубей гоняють¹⁾, все это крайне интересные сюжеты, а такъ какъ вы умѣете описать то, что видите, то положительно вы грѣшите и противъ себя, и противъ газеты, дѣлая фельетонныя экскурсиі въ сторону отъ правильной своей дороги. Вы какъ-то описывали пасхальную заутреню въ Кремлѣ. У васъ хорошо звонилъ Иванъ-Великій. Позванивайте же, голубчикъ, почаще въ тѣ колокола, которые даютъ вамъ стройную музыку, а не какофонію!

Произошло знаменитое убійство секретаря полтавской духовной консисторіи А. Я. Комарова. Газеты подняли шумъ. Первый процессъ вызвалъ статьи корреспондентовъ, гдѣ доказывалось, что виновница убійства женщина, и что въ подозрѣніи остается жена убитаго. Профессоръ Патенко издаетъ свою безпримѣрную по легкомыслію брошюру: «Кто убилъ Комарова?» и доказываетъ, что только дамская кокетливая рука могла завязать въ бантъ веревку, найденную на шеѣ задохнувшагося Комарова. Въ «Новомъ Времени» появились «Маленькія письма» А. С. Суворина, гдѣ и онъ склонялся къ выводу, что обвинявшіеся въ убійствѣ братья Скитскіе напрасно посажены на скамью подсудимыхъ, и что тутъ чувствуется рука ревнивой женщины.

Вскорѣ послѣ этихъ статей ко мнѣ явилась вдова покойнаго Комарова и рассказала все, что касалось обстоятельствъ таинственнаго убійства ея мужа. Пораженный этимъ рассказомъ, а также самой Комаровой, вполне интеллигентной женщиной, полной ума, энергіи, здраваго смысла и говорящей языкомъ образованнаго оратора,—я сейчасъ же написалъ фельетонъ «Къ дѣлу братьевъ Скитскихъ» и отправилъ въ «Новое Время». Фельетонъ былъ напечатанъ, и началось опять газетное столпотвореніе. Писали всякій вздоръ, но серьезныхъ возраженій словамъ г-жи Комаровой я не встрѣтилъ нигдѣ.

А. С. Суворинъ извѣстилъ меня, что онъ съ большимъ интересомъ читалъ мою бесѣду съ Комаровой:

«Я точно вижу передъ собой эту описанную вами женщину съ блѣднымъ лицомъ и темными волосами. Недавно я увидаль портретъ Комарова: совсѣмъ инымъ я его воображалъ! Я думалъ, это какой-нибудь консисторскій чиновникъ, злобный, мелочный; но, оказывается, это человекъ съ открытымъ, вполне интеллигентнымъ лицомъ, очень молодой при этомъ. У меня сразу родилось

¹⁾ Нынѣшнимъ лѣтомъ, проѣзжая по краю Москвы, я видѣлъ стаю бѣлыхъ голубей въ воздухѣ и вспомнилъ слова Суворина.

чувство жалости къ нему. Вы, Николай Михайловичъ, идете въ разрѣзъ съ общимъ мнѣніемъ, я читаю у васъ между строкъ, что вы готовы оправдать Комарову, что очень хорошо, если это удастся доказать, и обвинить братьевъ Скитскихъ, что очень плохо, такъ какъ, если судить по словамъ Патенка и корреспонденціямъ, оба Скитскіе тутъ совершенно ни при чемъ. Берегитесь! Такія ошибки для журналиста опасны. Знайте также, что пока не состоялось третьяго разбирательства дѣла, твердыхъ выводовъ дѣлать нельзя. Я же стою за то, что братья Скитскіе неповинны въ этомъ преступленіи».

Это письмо Суворина меня очень взволновало. Дѣйствительно, поддавшись чувству жалости и выслушавъ искусную рѣчь г-жи Комаровой (впослѣдствіи она и на судѣ доказала свою способность великолѣпно объясняться: около двухъ часовъ шелъ ея допросъ, причемъ присяжный повѣренный Карабчевскій, защитникъ Скитскихъ «оптомъ», такъ какъ были защитники «и въ розницу», совершенно спасовалъ передъ этой замѣчательной женщиной, бросилъ тактику грубаго «сбиванія» и отступилъ, ничего не найдя въ словахъ вдовы убитаго, что могло бы оказаться ему полезнымъ),—я могъ, не зная дѣла, совершить ошибку, стать несправедливымъ. Я немедленно досталъ всѣ матеріалы дѣла бр. Скитскихъ, оправданныхъ въ Полтавѣ, но обвиненныхъ въ Харьковѣ, и сталъ изучать процессъ. Чѣмъ ближе я знакомился съ событіемъ, тѣмъ болѣе росла во мнѣ увѣренность, что г-жа Комарова никакъ не могла ни убивать мужа, ни руководить его убійствомъ, а относительно братьевъ Скитскихъ, напротивъ, рядъ косвенныхъ уликъ создавалъ для меня рѣшительный выводъ, что убить могли только Скитскіе, заинтересованные смертью Комарова, спасавшей ихъ отъ изгнанія со службы и отъ голода. По старому юридическому правилу, преступленіе совершилъ тотъ, кому оно было полезно. Комарова, лишась мужа, лишилась всего: средства къ жизни (она впослѣдствіи служила на желѣзной дорогѣ, получая тридцать руб. въ мѣсяць), почетнаго общественнаго положенія. Братья Скитскіе, наоборотъ, только выигрывали: смерть Комарова предотвращала ихъ изгнаніе со службы. Старшій Скитскій, съ пріѣздомъ Комарова въ Полтаву, потерялъ всякое значеніе въ консисторіи и былъ изобличенъ новымъ секретаремъ въ разныхъ неблаговидныхъ продѣлкахъ. Ихъ участь была рѣшена,—отсюда и выводъ: убійство полезно однимъ Скитскимъ.

Обо всемъ этомъ я написалъ А. С. Суворину, добавивъ, что заинтересовавшая его курьезная брошюра профессора Патенка об-суждалась у насъ юристами, и московскій профессоръ Минаковъ назвалъ ее «болтовней старой бабы»,—мнѣніе вполне правильное.

Суворинъ на это письмо мнѣ не отвѣтилъ. Третье разбирательство дѣла Скитскихъ произошло въ Полтавѣ, въ два пріема: зима

помѣшала судебной палатѣ осмотрѣть мѣстность убійства и пути Скитскихъ, будто бы шедшихъ черезъ гору «купаться по системѣ пастора Кнейпа», и дѣло отложили до лѣта.

Редакція «Новаго Времени» командировала на процессъ Скитскихъ меня, и я съ рвеніемъ исполнилъ эту обязанность корреспондента. Дѣло кончилось оправданіемъ братьевъ Скитскихъ. Мотивы оправданія—появленіе новыхъ свидѣтелей въ пользу Скитскихъ, рассказывавшихъ о дѣлѣ черезъ три года послѣ убійства. Юристы прямо называли ихъ показанія сфабрикованными. Я нахожу, что это приговоръ несправедливый (два судейскихъ голоса также были противъ оправданія). Свои статьи я писалъ такъ, какъ разумѣлъ суть дѣла. А я былъ увѣренъ въ виновности братьевъ Скитскихъ. Процессъ этотъ слѣдовало бы подробно описать и издать, но не такъ, какъ описали его харьковскіе и полтавскіе корреспонденты.

Разумѣется, мои статьи въ «Новомъ Времени» стали предметомъ нападокъ противниковъ моего взгляда. Но я сознавалъ, что стою за правду. Послѣ процесса лучшее полтавское общество прислало мнѣ нѣчто вродѣ адреса, гдѣ благодарили меня за истинное освѣщеніе дѣла, затуманеннаго громкими рѣчами адвокатовъ и лживыми показаніями разныхъ свидѣтелей.

Но лучшей моей наградой были слова А. С. Суворина. При личномъ свиданіи онъ сказалъ мнѣ буквально слѣдующее:

— Я читалъ ваши корреспонденціи изъ Полтавы и долженъ сказать, что вы переубѣдили меня. Я болѣе не подозреваю г-жу Комарову и думаю, какъ и вы, что Комарова убили братья Скитскіе...

Этотъ эпизодъ касается исторіи конченной и забытой. Младшій Скитскій, выйдя изъ тюрьмы, пилъ «мертвую» и скоро умеръ. Живъ ли Степанъ Скитскій, не знаю, но мнѣ извѣстно, что онъ, очутившись на свободѣ, не могъ найти мѣста въ Полтавѣ и куда-то уѣхалъ... чуть ли не въ Америку. А самъ на судѣ давалъ клятву, что задачей его жизни будетъ разысканіе истинныхъ убійцъ Комарова! Что же, нашель ли онъ ихъ въ странѣ янки?

Кровь честнаго русскаго общественнаго дѣятеля А. Я. Комарова, желавшаго истребить дурные консисторскіе нравы и искоренить взяточничество, до сихъ поръ вопіеть къ небу. Убійцы его официально не обнаружены. Пусть же Господь покараетъ виновныхъ, если люди были лишены возможности отыскать ихъ...

Однажды А. С. Суворинъ разбранилъ меня за небрежный фельетонъ о Солдатенковѣ. Дѣйствительно, послѣ смерти этого интереснаго москвича я, торопясь и боясь опоздать, послалъ только небольшую замѣтку о дѣятельности этого «московскаго обоньяка», какъ принято у насъ называть крупныхъ дѣятелей.

Перейдя къ другимъ темамъ, А. С.—чѣ спрашивалъ:

— Отчего вы совершенно не касаетесь биржи? У васъ, въ Москвѣ, биржевикомъ и биржевыхъ зайцевъ легіоны. Биржа—пульсъ большого города. Я самъ когда-то писалъ о биржѣ. Повидимому, вы далеки отъ этого учрежденія. Пожалуй, оно вамъ и непонятно, какъ было непонятно сначала и мнѣ. А вы побесѣдуйте съ Крестовниковымъ, съ биржевыми дѣльцами. Присмотритесь къ вѣшной стонѣ биржевой дѣятельности. Она васъ и поразитъ, и захватитъ. Это прямо-таки какой-то кипящій котель. Не надобно залѣзать въ трясину специальностей биржевого дѣла, это черезчуръ сухо, а вы типы-то, типы рисуйте! Биржа дастъ вамъ удивительныя фигуры. Вы умѣете описывать людей. Попробуйте же московскую биржу, прошу васъ...

Нужно ли приводить другіе примѣры суворинскаго отношенія къ сотрудникамъ? Я тщательно припоминаю всякія указанія А. С—ча и не могу найти ничего такого, что говорило бы о ненужности, о неправильности подобнаго внушенія, устнаго или письменнаго. Все было кстати, все вразумляло и помогало.

Суворинъ, весь погруженный въ тысячи дѣлъ, за всѣми слѣдилъ изъ Петербурга и каждому изъ насъ, постоянныхъ сотрудниковъ, давалъ «приказы по полку». Прочтите «Письма Суворина къ В. В. Розанову». Тамъ есть яркое подтвержденіе моихъ словъ.

Интересуясь всякимъ замѣчательнымъ явленіемъ жизни, Суворинъ особенно интересовался московскими театрами, самъ зналъ ихъ до тонкости. Если я—очень рѣдко, какъ помнится,—но все-таки опаздывалъ съ отчетомъ о какой-нибудь новинкѣ, А. С—чь уже торопилъ меня, иногда письмомъ, иногда телеграммой: что же не сообщаете о такой-то пьесѣ? Онъ требовалъ быстроты въ присылкѣ рецензій.

— Хорошо бы вамъ,—говорилъ онъ:—давать отчеты о пьесѣ по телефону! Зато какой эффектъ: на другой день въ Петербургѣ читають отчетъ о пьесѣ, шедшей наканунѣ въ Москвѣ!

Это было бы, конечно, недурно. Я и передавалъ иногда въ «Новое Время» краткую корреспонденцію по телефону о какой-нибудь сенсационной пьесѣ, но отчетъ, болѣе подробный, приходилось посылать по почтѣ.

Будучи знатокомъ и любителемъ театра, издатель «Новаго Времени» мало удѣлялъ вниманія искусствамъ изобразительнымъ.

Понималъ ли А. С. Суворинъ въ художествѣ, въ живописи? Помню, онъ высказывался въ томъ смыслѣ, что ему нравится «Христіанская цирцея въ римскомъ циркѣ» Генриха Семирадскаго. А по-моему, это очень безвкусная, вымученная и не реальная картина. Тѣло обезпамятѣвшей, замученной дѣвушки, привязанной къ спинѣ дикаго быка, написано и не ахти какъ хорошо, и, главное, невѣрно. Развѣ такимъ оно должно быть послѣ гоньбы быка по аренѣ? Вообще эту картину Суворинъ хвалилъ напрасно. Она не стояла этой похвалы. Но живопись Суворинъ чрезвычайно любилъ.

Однажды я сопровождалъ А. С—ча въ Третьяковскую галерею. Кажется, тутъ былъ и Чеховъ, и еще кто-то. Суворинъ ходилъ и восхищался шедеврами русской школы. При этомъ его замѣчанія были вѣрны, а взглядъ очень зорокъ.

— Какъ потемнѣли тона «Березовой рощи» Куинджи!—говорилъ онъ.—Но что за талантъ! Сколько у него неожиданныхъ красокъ, разнообразія, поэзіи!

Картину Рѣпина «Иванъ Грозный убиваетъ своего сына Іоанна» всѣ хвалили, но, помнится, трактовку сюжета Суворинъ не одобрялъ. Это я потому запомнилъ, что самъ не люблю это полотно, залитое излишнимъ обиліемъ крови и вообще возбуждающее гадливость. У Рѣпина талантъ титана, и мы счастливы, что живемъ одновременно съ такимъ великимъ русскимъ художникомъ, но иногда у этого прекраснаго артиста-художника проскальзываетъ незваная гостья—тенденція... а она-то совѣмъ и не нужна Рѣпину!

Что же сказать еще о Суворинѣ, какъ о редакторѣ?

Я только что написалъ, что счастливы всѣ, кто является современниками гигантовъ-Рѣпиныхъ. По отношенію къ А. С. Суворину скажу также: счастливъ тотъ журналистъ, кто поработалъ у такого гиганта-редактора, какъ Суворинъ! Я это счастье испыталъ, и имя «А. С. Суворинъ» для меня священо.

Этотъ старый руководитель «Новаго Времени», какъ Борей, съ бѣлыми власами и сѣдою бородой, потрясалъ умы читателей и училъ всѣхъ насъ добру, чести, стойкости, борьбѣ за право и правду. Онъ давалъ сотрудникамъ свободу за ихъ искренность. Онъ былъ образованъ, многознающъ, полезенъ, добръ, доступенъ, справедливъ, милостивъ. Перестройте теорію, скажите, что это былъ крикунъ, вспыльчивый брюзга, безхарактерный человѣкъ... Все это, можетъ быть, въ немъ было, но въ дозахъ меньшихъ. Главное Суворина—его положительныя качества. Онъ былъ редакторъ мудрый, опытный и обладалъ пронизательностью, передъ которой не спасала никакая маска. Онъ отъ своего сотрудническаго хора требовалъ вѣрнаго пѣнія и фальшивыхъ нотъ не выносилъ.

Это редакторъ—образецъ, примѣръ, достойный подражанія, редакторъ другъ и братъ, редакторъ, отечески относящійся къ вамъ въ минуту вашихъ паденій и заблужденій.

Пробыть нѣсколько лѣтъ въ распоряженіи такого редактора—это все равно, что прослушать курсъ лекцій талантливаго профессора.

Суворинъ-редакторъ—колоссальная статуя, повитая лавровымъ вѣнцомъ, и никто не можетъ сказать, что его вѣнецъ надѣтъ не по праву.

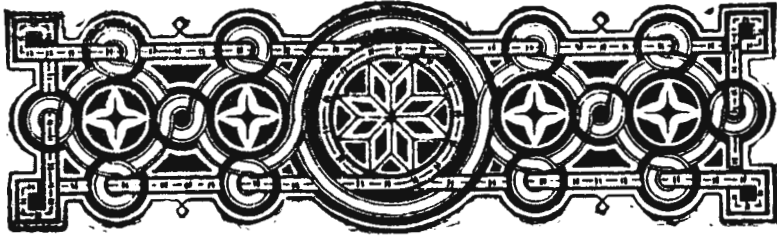
Многихъ редакторовъ можно упрекнуть въ чемъ-нибудь,—А. С. Суворина никто не дерзнетъ оскорбить даже малѣйшимъ упрекомъ.

Ибо, какъ редакторъ,—А. С. Суворинъ безупреченъ.

Н. М. Ежовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧЕРНЫЙ «БУНТЪ».

V.

«Торжество православія» въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ.—Соборный судъ надъ нямборцами.—Агаѳодоръ—главная пружина смуты.—«Грѣхи» прочихъ обвиняемыхъ.—Закулисный дѣлецъ.—Монахъ-ораторъ.—«Колокольный» публицистъ.—Тонкій политикъ и дипломатъ.—«Коемуждо воздастся по дѣломъ его...»

ВЪ ТОТЪ день, когда протать Святой горы писалъ и разсылалъ аѳонскимъ монастырямъ свой грозный «циркуляръ», въ коемъ ученіе имяславцевъ называлось «еретическимъ», а руководители имяславія—«бунтовщиками-злодѣями», въ этотъ самый день къ «еретическому ученію» торжественно присоединился еще одинъ аѳонскій монастырь—Пантелеймоновскій, болѣе чѣмъ съ тысячею монаховъ и пустынниковъ. Братія этого монастыря, получивъ отъ Андреевскаго скита посланіе съ приведеннымъ въ предыдущей главѣ «исповѣданіемъ вѣры», подписалась подъ нимъ и предложила то же сдѣлать начальствующимъ лицамъ.

Игумень монастыря маститый архимандритъ Мисаилъ, намѣстникъ архимандритъ Іоакимъ, а вслѣдъ за ними и прочая старшія братія безъ колебаній подписались подъ исповѣданіемъ. Донесеніе въ синодъ о томъ, что игумень Мисаилъ и прочая братія (см. начало главы I очерка) были изгнаны, оказалось преждевременнымъ. Авторъ донесенія, монахъ Денасій, продавецъ книгъ въ монастырской лавкѣ, освѣдомлялъ синодъ

черезъ архіепископа Антонія волынскаго, онъ же писалъ въ «Колоколь» лживыя корреспонденціи объ аеонской смутѣ. Его перу принадлежитъ и корреспонденція въ названной газетѣ о существованіи въ Андреевскомъ скиту «малороссійскаго сепаратизма».

Но возможно, что, не надѣнь на себя игумень Мисаиль личины имяславія, его постигла бы та же участь, какъ и о. Иеронима. Боясь этого, Мисаиль и подписался безъ возраженій подъ вѣроисповѣднымъ актомъ и этимъ самымъ предупредилъ повтореніе экспессовъ, имѣвшихъ мѣсто въ Андреевскомъ скиту. Но, какъ увидимъ ниже, и здѣсь не обошлось безъ удаленія за порту нѣкоторыхъ иноковъ-имяборцевъ.

Примиреніе Мисаила и прочей старшей братіи съ остальными монахами Пантелеймоновскаго скита явилось для послѣднихъ настоящимъ торжествомъ.

Этотъ день монастырь праздновалъ, какъ Святую Пасху. Братія привѣтствовала другъ друга возгласами:

— Христось воскресе!

Цѣловались другъ съ другомъ. Плакали отъ радости. Весь день не прекращался торжественный колокольный звонъ... Этотъ день справедливо былъ названъ «торжествомъ православія».

Немедленно вслѣдъ за признаніемъ божественности имени Иисусъ, въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ начался соборный судъ надъ «упорствующими», т. е. надъ тѣми монахами, которые не пожелали отказаться отъ «имяборческой ереси». Таковыхъ было очень много.

Это было невиданное въ монастырѣ зрѣлище. Налицо была вся старшая соборная братія. Предсѣдательствовала самъ игумень Иеронимъ.

При торжественной тишинѣ началъ читать одинъ изъ монаховъ-судей «обвинительный актъ» объ имяборцахъ, въ коемъ каждому «упорствующему» ставились въ вину его наиболѣе тяжкіе «имяборческіе грѣхи».

Первымъ въ списокѣ этихъ «грѣшниковъ» стоялъ престарѣлый духовникъ Пантелеймоновскаго монастыря іеромонахъ Агаѳодоръ, прожившій на Аеонѣ ровно полвѣка и снискавшій себѣ среди братіи всѣхъ обитателей Святой горы широкую популярность.

Вотъ что ему ставилось въ вину «обвинительнымъ актомъ»:

«Будучи обличень о. Иларіономъ въ заблужденіи къ прельщенной бабѣ Наталіи, къ которой онъ ѣздилъ на пароходъ кланяться и брать благословеніе, Агаѳодоръ задумалъ отомстить о. Иларіону. Съ этою цѣлью онъ набросился на книгу «На горахъ Кавказа», но вмѣсто книги онъ врѣзался въ имя Господа Нашего Иисуса Христа «Иисусъ»—еже есть Спаситель нашъ—и расшибся объ это Божественное имя, какъ о краеугольный камень. Для этого

онъ подобралъ партію единомышленниковъ: Алексѣя Кирѣевского, монаха Денасія, схимонаха Леона, пустынника Веніамина и прочихъ, съ помощью которыхъ собралъ матеріаль и передалъ иноку Хрисану для составленія рецензіи. Когда рецензія была составлена и передана Агаѳодору, онъ собралъ соборъ своихъ единомышленниковъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ, на которомъ было рѣшено смягчить нѣкоторыя грубыя выраженія рецензіи, что Агаѳодоръ взялъ на себя. По смягченіи оной рецензіи и перепискѣ въ канцеляріи о. Митрофаномъ, она была послана на Кавказъ о. Иларіону, на которую (рецензію) о. Иларіонъ написалъ свою рецензію и напечаталъ въ своей книгѣ, во второмъ изданіи.

«Но такъ какъ о. Иларіонъ не упомянулъ имени составителя богохульной рецензіи, то еивандскіе пустынники и обратились съ запросомъ къ о. Агаѳодору, какъ къ авторитетному духовнику до того времени. О. Агаѳодоръ, отвѣчая письмомъ (схимонаху) Мартиніану, послалъ ему и копію рецензіи. Изъ этого еивандскіе отцы и узнали, кто составлялъ и посылалъ о. Иларіону рецензію.

«Послѣ этого подлинникъ рецензіи о. Агаѳодоръ прислалъ читать о. Іаннуарію (писарю) и когда Іаннуарій, прочитавши, принесъ (обратно) рецензію, то Агаѳодоръ спросилъ: «Ну, что, какъ рецензія?» на что Іаннуарій отвѣчалъ: «Страшно богохульная и еретическая!»—«Да неужели,—изумился о. Агаѳодоръ:—что же тамъ еретическаго?»—«Какъ же, имя Господа «Исусъ» авторъ рецензіи называетъ простымъ человѣческимъ именемъ, не имѣющимъ никакого значенія и кто будетъ вѣровать и поклоняться этому имени, то на страшномъ судѣ Господь скажетъ: «Отыдите отъ меня, не вѣмъ васъ». Агаѳодоръ на это не отвѣтилъ ничего, но, желая ступевать острый вопросъ, сказалъ: «Я вѣрую, что имя Исусъ—Божественное. Вотъ я и записку написалъ Хрисану...» Но, спустя три недѣли послѣ этого разговора, Агаѳодоръ позвалъ къ себѣ Іаннуарія и сказалъ ему: «Я вѣрую, что имя Исусъ Божественное, но не есть самъ Богъ. Намъ тутъ ничего нельзя обожать. Это обожаютъ пантеисты. Такъ, они все обожаютъ: и камни, и звѣрей, и деревья. Богъ же—непостижимъ...».

«Іаннуарій, будучи озадаченъ такимъ неожиданнымъ отвѣтомъ и отъ такого знаменитаго духовника, едва собрался съ духомъ и спросилъ: «Если имя «Исусъ» не самъ Богъ, то какъ же вы читаете канонъ «Исусе сладчайшій, спаси мя» и акаѳистъ: «Исусе, сыне Божій, помилуй мя?»—«А это сочиненіе новыхъ богослововъ!»—отвѣчалъ Агаѳодоръ,—на нихъ нечего вниманія обращать и на Іоанна Кронштадтскаго тоже не надо обращать вниманія: онъ зря написалъ, называя необдуманно имя Господа Исуса Богомъ».—«Ну, а святія тайны—тѣло и кровь Христовы, какія онѣ тогда будутъ, если Исусъ не Богъ, какъ вы говорите?» продолжалъ допытываться монахъ Іаннуарій.—«И это не самъ Богъ. Я сказалъ, что намъ ничего тутъ

нельзя обожать». Потомъ Агаѳодоръ, взявъ письмо о. Иларіона (напечатанное Денасіемъ въ № 17 «Русскій Инокъ») говоря: «Видишь, что онъ пишетъ: «Въ имени Иисусъ вся полнота Божества Христова». Какъ это можно принять, это съ ума надо сойти!»

«Тутъ-то о. Іаннуарій и понялъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло. Но такъ какъ Агаѳодоръ просилъ Іаннуарія никому не говорить о семъ, а Іаннуарій, въ свою очередь, просилъ не выпускать изъ своей келліи его новаго (имяборческаго) ученія и съ о. Иларіономъ примириться, то о. Іаннуарій молчалъ. Но когда послѣ смерти о. Михаила Алексѣй Кирѣевскій началъ открыто хулить имя Господа Иисуса, а сопротивлявшіеся ему евандцы подверглись гоненію, запрещенію и отлученію, тогда Іаннуарій началъ открыто говорить, что Алексѣй есть не болѣе, какъ выскочка, а главный корень ереси— о. Агаѳодоръ.

«Изъ этого видно, что духовникъ Агаѳодоръ является главнымъ возбудителемъ и руководителемъ по составленію, подъ авторствомъ инока Хрисанѳа, богохульной рецензіи на книгу «На горахъ Кавказа», дѣйствуя очень хитро, всячески скрывая и пряча свое имя. Онъ распространялъ свою ересь только между своими единомышленниками, духовными чадами, которые, получивъ внушеніе отъ своего духовника, вездѣ проповѣдывали, что имя Иисусъ не есть Богъ и обожаніе его немислимо, потому что Иисусы были въ Вѣтхѣмъ Завѣтѣ и теперь есть и что имя Иисусъ—неодушевленное и не болѣе, какъ простыя буквы и звуки, или какъ посредствующая сила, посредствомъ которой будто бы привлекается Богъ. Каждый (изъ нихъ) богохульствовалъ по-своему, чѣмъ возбуждались и возбудились между братьями нашей обители и по всей Святой горѣ споры, раздоры, бунты, поведшіе къ гоненіямъ, изгнаніямъ, отлученіямъ, запрещеніямъ и т. п. репрессіямъ. Мирная иноческая духовная жизнь была нарушена въ полномъ смыслѣ.

«За сіе духовникъ Агаѳодоръ, какъ главный виновникъ всего вышеуказаннаго зла, подлежитъ совершенному изгнанію со святой горы Аѳона, какъ еретикъ и возмутитель...»

Соборъ единогласно согласился съ этимъ, но, снисходя къ старости Агаѳодора, опредѣлили помѣстить его въ скиту Евандѣ, гдѣ братія поголовно состояла изъ имяславцевъ. При этомъ Агаѳодору было воспрещено духовничество.

Слѣдующими за Агаѳодоромъ обвиняемые стояли іеромонахъ Алексѣй Кирѣевскій—внукъ знаменитыхъ славянофиловъ братьевъ Кирѣевскихъ, помѣщикъ Орловской губерніи, и монахъ Денасій, «какъ главные единомышленники и помощники Агаѳодора, выступившіе открытыми проповѣдниками и распространителями богохульной имяборческой ереси, на всѣ лады хуля имя Спасителя «Иисусъ», на Аѳонѣ—устно, а въ Россіи—печатнымъ словомъ».

Далѣе въ обвинительномъ актѣ слѣдовалъ перечень «литератур-

ныхъ грѣховъ» Денасія и Алексѣя, конми они «посѣяли въ отечествѣ смуты, расколы, соблазны, невѣрія, а къ святой горѣ Аеонской, съ древнихъ временъ славившейся подвижничествомъ, святостью благочестія своихъ насельниковъ,—охлажденіе и отвращеніе. На обитель же нашу, несмотря на то, что на нее весь христіанскій міръ смотрѣлъ, какъ на свѣточъ древляго православія, подвижничества и благочестія, но въ настоящее время ставшую колыбелью такихъ страшныхъ хулителей имени Божія,—обрушились всякія невзгоды: въ благодѣтеляхъ подозрѣніе, охлажденіе и отвращеніе; свыше—гнѣвъ Божій, кары, грозяція полнымъ разореніемъ обители.

«За таковыя ихъ (Денасія и Алексѣя) злодѣянія они не заслуживаютъ никакого снисхожденія, но съ полнымъ презрѣніемъ, какъ зловерные люди, Алексѣй Кирѣевскій высланъ съ Аеона въ сентябрь 1912 года, а монахъ Денасій подлежитъ высылкѣ теперь, съ отмѣткою въ паспортѣ, за что именно онъ высланъ...».

Соборъ такъ и постановилъ въ отношеніи этихъ двухъ «главарей имяборчества».

Далѣе слѣдовалъ монахъ Леонъ. Обвинительный актъ характеризовалъ его, какъ теплѣйшаго помощника схимонаху Хрисанеу въ составленіи «рецензій» и ревностнаго распространителя этого произведенія въ гектографированномъ видѣ. «Всѣ, кто были заражены богохульнымъ (имяборческимъ) ученіемъ, шли къ нему (Леону) за наставленіями. Тѣмъ же, кто противорѣчилъ ему, (обвиняемый) угрожалъ отлученіемъ отъ церкви и преданіемъ анаемѣ». Опираясь на авторитетъ всесильнаго Агаѳодора, монахъ Леонъ, по словамъ обвинительнаго акта, «дѣйствовалъ смѣло и вполне самоувѣренно въ своей непогрѣшимости, чѣмъ возбуждались смуты и раздоры въ обители».

За всѣ эти проступки Леона соборный судъ приговорилъ его въ выселенію изъ предѣловъ Пантелеймоновскаго монастыря, съ разрѣшеніемъ жить на Святой горѣ на правахъ пустытника, т. е. «сиромахи».

Схимонаху Пинуфрію вмѣнялись въ вину тѣ же «грѣхи», что и о. Леону. Онъ, между прочимъ, «распускалъ возмутительные слухи, а именно, будто духовникъ Агаѳодоръ говорилъ: «кто будетъ вѣровать во имя Господа Іисуса, тотъ не узритъ св. Троицы». Угрожалъ военнымъ пароходомъ, за что обвинительный актъ требовалъ для него наиболѣе строгаго взысканія.

Но соборный судъ, снисходя «къ тщедушію и слабому характеру воли» Пинуфрія, приговорилъ его къ выселенію на островъ Каламарію, срокомъ на три года, подъ надзоръ эконома, съ несееніемъ послушанія.

Слѣдующій обвиняемый—духовникъ іеромонахъ Вероникъ. Это тоже убѣжденный сторонникъ Агаѳодора. По обвинительному

акту, «онъ участвовалъ во всѣхъ совѣщаніяхъ еретиковъ, если по лично, то согласіемъ по изгнанію, запрещенію и отлученію оивандскихъ отцовъ, не соглашавшихся съ еретическимъ мнѣніемъ Алексѣя Кирѣевскаго; по напечатанію богохульной статьи въ «Колоколѣ», жидовской (!) рецензіи въ «Русскомъ Инокѣ»; помогаль составлять еретическій актъ (исповѣданія); побуждалъ собрать соборъ 20-го августа 1912 года, на которомъ представлялъ изъ себя оратора, поборника и защитника имяборной ереси, называль отца Силу коломазомъ (?) и другими досадными названіями. По обнаруженіи іеромонахомъ Досіеемъ (который былъ изгнанъ по его же, Вероника, съ Агаѳодоромъ приказанію) ереси въ (ихъ) «актѣ»—

Келья о. Иларіона.

принималь участіе въ совѣщаніи послать монаха Кирика къ патріарху (съ жалобой на имяборцевъ). По обнаруженіи въ патріаршей «грамотѣ» подлога онъ (Вероникъ) бѣгалъ по коридору, какъ опалѣвшій, изъ кельи въ келью своихъ единомышленниковъ, побуждалъ (ихъ) и даваль совѣты послать Кирика въ Константинополь съ жалобой къ патріарху и послу (Гирсу) на о. Антонія Булатовича, защитника имени Божія и обличителя еретиковъ, какъ на возмутителя всего Аѳона, прося власть выслать такового съ Аѳона. Когда же и тутъ получилась неудача, онъ, Вероникъ, принималь участіе въ совѣщаніи о необходимости напечатать «патріаршую грамоту» въ «Русскомъ Инокѣ» (появилась въ № 20).

Вероникъ, какъ и о. Леонъ, угрожалъ имяславцамъ:

— Вотъ придетъ военный пароходъ и заберетъ всѣхъ васъ, противниковъ патріарха!

Тыкая пальцемъ въ икону Спасителя, спрашиваль:

— Ты думаешь, кто это?

«Дѣйствовалъ всегда и во всемъ хитро, скрытно, а теперь не признаетъ за собой никакой вины, считая себя ангемъ. Но дѣла говорить сами за себя».

Судя по этой характеристикѣ, о. Вероникъ представлялъ изъ себя дѣйствительно выдающуюся личность и пользовался большимъ вліяніемъ. Голосъ его былъ рѣшающимъ. Поэтому соборный судъ и не повѣрилъ его оправданіямъ и заключилъ, что если бы о. Вероникъ былъ противъ «имяборческой ереси», то онъ и своихъ духовныхъ чадъ отвращалъ бы отъ нея, а этого и не было.

Обвинительный актъ требовалъ для о. Вероника строгаго наказанія, безъ всякаго милосердія. Но соборный судъ, снисходя къ его старости, приговорилъ къ высылкѣ его на ближнюю Арсану, въ пантелеймоновскую келью, съ лишеніемъ правъ духовничества.

Иеродиаконъ Неархъ, защищавшій главнаго вождя «еретиковъ» о. Агаѳодора, приговаривался соборомъ къ высылкѣ на келью трехъ святителей безъ срока.

Послѣднимъ обвиняемымъ стоялъ духовникъ Кирикъ. Это фигура еще болѣе яркая, чѣмъ духовникъ Вероникъ. Онъ слылъ за тонкаго политика, и ему поручалось выполненіе самыхъ щекотливыхъ дипломатическихъ порученій. По обвинительному акту, онъ «два раза ѣздилъ къ патріарху и русскому послу въ Константинополь, тратилъ большія суммы монастырскихъ денегъ (въ связи съ поѣздками), клеветалъ на книгу «На горахъ Кавказа» и на братію обители и всего Аѳона, называя ихъ «мужиками»; «невѣжами», не понимающими, какъ вѣровать въ Бога. Привезъ подложную патріаршую грамоту безъ патріаршей подписи и печати, выдавая оную за подлинную, чѣмъ ввелъ братію обители и всего Аѳона въ обманъ и одураченіе, святѣйшій синодъ и архіепископа Антонія въ заблужденіе, всѣ послѣдствія чего должны лечь на нашу обитель».

Помимо этихъ главныхъ преступленій, духовникъ Кирикъ «на всѣхъ предсоборіяхъ держалъ себя высококомѣрно, ораторствовалъ въ пользу ереси и еретиковъ, т. е. Агаѳодора и Вероника; всякіе вопросы старался забыть, замаять и запутать; задавалъ своимъ своимъ противникамъ вопросы: «а вы гдѣ учились богословію?»

Будучи по происхожденію крестьяниномъ, а по профессіи—печникомъ, этотъ нигдѣ не учившійся «аѳонскій дипломатъ», по словамъ обвинительнаго акта, «выдавалъ себя за ученаго богослова». Онъ тоже распускалъ между братіей возмутительные слухи, говоря: «вотъ монастырь перейдетъ скоро къ грекамъ».

Когда Кирякъ почувствовалъ надъ собой неминуемую бѣду, въ видѣ соборнаго суда, онъ бѣгалъ по кельямъ старшей братіи, со слезами валялся въ ногахъ и просилъ защиты, говоря:

— Я ни въ чемъ не виновенъ, а если что и дѣлалъ, и ѣздилъ— къ патріарху, то все это дѣлалъ за послушаніе. Виноватъ, слѣдовательно, не я, а тѣ, кто мнѣ приказывалъ выполнять эти дѣла.

Но составитель обвинительнаго акта сурово и съ полнымъ недоумѣніемъ отнесся къ этому позднему раскаянію о. Киряка.

«О, лукавый рабе!—читаемъ въ этомъ актѣ:—отъ устъ твоихъ сужу тя! Ты говоришь, что дѣлалъ все за послушаніе. Скажи же намъ, если бы игумень, искушая кого изъ насъ, сказалъ: «Пойди и убій человѣка!» или: «Отрекись отъ Господа Бога»,—долженъ ли я или кто бы то ни было сдѣлать это? Конечно, нѣтъ! Почему? Святой апостоль Павелъ сказалъ: «Аще бы и ангель съ неба сказалъ паче, яже азъ сказалъ, анаѳема да будетъ!» А ты за послушаніе отрекся отъ Господа, предалъ Иисуса, и не стыдишься, не плачешь! О, низкая, огрубѣвшая душа! Какое будешь имѣть оправданіе передъ Богомъ?»

Соборный судъ счелъ преступленіе духовника Киряка настолько тяжкимъ, что не далъ ему никакого снисхожденія, вынесъ самый строгій приговоръ. Онъ высылался изъ обители на пустынный и печальный островъ Кассандру, срокъ на пять лѣтъ, съ лишеніемъ правъ духовничества, священнослуженія и друг. Таковъ былъ судъ надъ «нечестивыми». Ихъ оказалось восемь человѣкъ.

Въ окончательномъ приговорѣ всѣмъ имъ воспрещалось на будущее время вмѣшиваться въ какія-либо монастырскія дѣла, принимать къ себѣ братію, давать послѣдней совѣты и наставленія, вести съ кѣмъ-либо переписку.

Въ отношеніи отсутствовавшаго уже на Аѳонѣ іеромонаха Алексѣя Кирѣвскаго соборный судъ дополнительно постановилъ, что если онъ вернется на Святую гору, то въ порту его не пускать и вообще воспретить жительство гдѣ-либо въ предѣлахъ Пантелеймоновскаго монастыря.

VI.

Инокъ-«освѣдомитель».—Письмо архіепископа Антонія.—Когда «запахло-порохомъ».—Вліятельные защитники «имяборцевъ».—Гирсъ и о. Іеронимъ.—Неудача вице-консула Щербини.—Экономическая и финансовая «блокада» Андреевскаго скита.—Послѣдствія «блокады».—Жилыбы на г. Гирса.—Мародерство греческихъ солдатъ.—Упреки имяславцевъ г. Гирсу въ «односторонности» и «пристрастности».—Подозрѣнія.

О бунтѣ въ Андреевскомъ скиту и о переходѣ въ «еретичество» Пантелеймоновскаго монастыря, какъ уже сказано выше, рапортовалъ въ газету «Колоколъ» и архіепископу волынскому Антонію монахъ Денасій, принадлежавшій къ лагерю «лѣвыхъ». Онъ, конечно, не жалѣлъ черныхъ красокъ для обрисовки имя-

славцевъ, и впечатлѣніе отъ его сообщеній получалось внушительное. Антоній волинскій, читавшій прочимъ членамъ святѣйшаго синода «донесенія» Денасія, въ началѣ февраля 1913 года отвѣтилъ послѣднему такимъ характернымъ письмомъ:

«Всечестный батюшка о. Денасій!!

«Конечно, зѣло скорблю объ усиленіи ереси, точнѣе, шайки сумасшедшихъ, предводимыхъ честолюбивымъ гусаромъ (разумѣлся о. Антоній Булатовичъ), желающимъ подражать Иліодору и наслѣдующимъ въ скоромъ будущемъ его участь (Флорищеву пустынь?). Ваши письма отъ 21-го января и около того я получилъ только на сихъ дняхъ (около 11-го февраля), читали ихъ въ синодѣ, а тамъ полагаются на присылку на Аѳонъ П. Б. Мансурова отъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Этотъ просвѣщенный и благочестивый господинъ достоинъ довѣрія. Но тутъ не въ довѣрїи дѣло, а въ томъ, чтобы привести съ собою три роты солдатъ и закопать нахаловъ.

«Въ «Колоколѣ» напечатана ваша корреспонденція объ изгнаніи о. Иеронима изъ обители, а послѣзавтра напечатаютъ переводъ греческаго письма изъ Ватопеда, а затѣмъ ваши дальнѣйшія сообщенія о паденіи о. Мисаила... Конечно, Булатовичей всѣхъ погоняютъ и лишаютъ монашества. Ихъ побѣда—на двѣ недѣли. Но печально то, что послѣдствіемъ ихъ хлыстовскаго бунта можетъ оказаться требованіе грековъ изгнать съ Аѳона всѣхъ русскихъ, что имъ будетъ не такъ трудно при греческомъ правительствѣ»...

Такимъ образомъ, вотъ еще когда «запахло порохомъ»...

Вотъ уже когда въ головахъ отдѣльныхъ членовъ святѣйшаго синода зрѣли планы о посылкѣ на Аѳонъ, для подавленія бунта, хотя и «хлыстовскаго», военной экспедиціи, со штыками и кандалами...

Угрозы пантелеймоновскихъ «имяборцевъ» Пинуфрїя и Вероника «военнымъ пароходомъ» имяславцамъ имѣли нѣкоторое основаніе, такъ какъ монахъ Денасій дѣлился со своими единомышленниками содержаніемъ писемъ отъ архіепископа Антонія и прочихъ петербургскихъ друзей «имяборцевъ». Авторы этихъ писемъ ободряли и поощряли сторонниковъ Агаодора и, конечно, проговаривались о посылкѣ «военныхъ пароходовъ» и «трехъ ротъ солдатъ»...

Изъ русскихъ «правящихъ» лицъ, сочувствовавшихъ «имяборцамъ» и готовыхъ оказать имъ не только моральную, но и иную поддержку, ближе всѣхъ находился къ Аѳону нашъ посоль въ Константинополь г. Гирсъ.

Онъ благоволилъ къ игумену Иерониму и донесеніямъ его о происшедшемъ въ Андреевскомъ скиту бунтѣ монаховъ на политической почвѣ придалъ полную вѣру.

Противъ «бунтовщиковъ» г. Гирсъ рѣшилъ предпринять самыя

крутыя мѣры, вплоть до «блокады» Андреевскаго скита. Въ чемъ выразилась эта безпримѣрная «блокада», читатель увидитъ ниже.

Считая, что низложеніе Іеронима, какъ учиненное «бунтовщиками», не имѣетъ канонической силы, г. Гирсъ, потребовалъ отъ бунтовщиковъ, чтобы они приняли Іеронима обратно. Но послѣ того, какъ братія скита не послушалась «увѣщаній» командированнаго г. Гирсомъ салоникскаго вице-консула Щербины и отказалась возвратити на игуменство «еретика», посоль распорядился, чтобы русская почта прекратила выдавать скиту простую и денежную корреспонденцію, препровождая ее эксъ-игумену Іерониму, а равно не принимала отъ Андреевскаго скита никакой корреспонденціи.

Хата въ имѣніи генеральши Е. А. Булатовичъ, въ которой живетъ іеросхимонахъ Антоній Булатовичъ.

Не ограничившись этимъ, г. Гирсъ приказалъ греческимъ береговымъ властямъ не выдавать Андреевскому скиту его собственной провизіи, огромные запасы которой хранились на берегу моря, у пристани, въ греческихъ складахъ.

Въ Константинополѣ, по распоряженію г. Гирса, были арестованы два монаха Андреевскаго скита, командированные въ Бессарабію закупать хлѣбъ. Бывшія при нихъ свыше двадцати тысячъ рублей денегъ были конфискованы и оставлены въ посольствѣ...

«Бунтовщиковъ» хотѣли донять изморомъ. Но они громко запротестовали.

Скитомъ была послана жалоба на Высочайшее имя, но она дальше Константинополя не пошла... А въ этой жалобѣ, между прочимъ, указывалось, что, «благодаря содѣйствію императорскаго

посольства, о. Иеронимъ съ двадцатью единомышленниками своими отнимаетъ отъ братства скита одинъ изъ источниковъ его пропитанія». Въ случаѣ неотмѣны распоряженія г. Гирса въ карманъ о. Иеронима дслжно было, по словамъ жалобы, попасть за годъ около пятидесяти тысячъ рублей братскихъ денегъ. Значительная часть поступавшихъ въ скитъ по почтѣ денегъ адресовалась отдѣльнымъ монахамъ.

.....
 .....
 .....

Когда дѣйствительный статскій совѣтникъ П. Б. Мансуровъ, о которомъ писалъ монаху Денасію архіепископъ Антоній волынскій, прибылъ въ началѣ марта на Аѳонъ, Андреевскій скитъ первымъ дѣломъ обратился къ нему съ жалобой на распоряженія посла Гирса объ установленіи надъ скитомъ экономической и финансовой блокады.

«Наши запасы муки,—говорилось въ этой жалобѣ,—уже на исходѣ, и мы принуждены будемъ отказывать не одной тысячѣ русскихъ и другихъ паломниковъ, которыхъ до сего времени питали, въ кускѣ насущнаго хлѣба. Кромѣ того, наша братія и рабочіе на скитскомъ хуторѣ израсходовали уже почти всѣ свои продукты, купить же ихъ на мѣстѣ нельзя, въ виду военныхъ тамъ дѣйствій (хуторъ находится въ Македоніи, около Валлоны). Послать отсюда также не можемъ, такъ какъ Ватопедскій монастырь не пропускаетъ.

«Вотъ къ чему привели скитъ вышеуказанныя распоряженія (г. Гирса)! Правда, милостію Божіею, еще мало замѣтны результаты сихъ распоряженій, но уже не далеко время, когда могутъ произойти отъ этого трудно поправимыя бѣдствія, какъ нравственныя, такъ и матеріальныя, если продлить дольше настоящее положеніе. И нынѣ весьма цвѣтущая русская обитель, на радость врагамъ Россіи и лицамъ, безразличнымъ къ вѣрѣ и духовной жизни иноковъ, можетъ прійти въ полный упадокъ и больше не возстать.

«Поэтому, какъ сыны Россіи, создавшей своими средствами такую обитель и постоянно пекущейся о ней, какъ дѣти обители, рожденныя въ ней духовно и посему преданныя ей до смерти, просимъ и молимъ васъ, избраннаго посланника къ намъ отъ возлюбленнаго Государя Императора, помогите намъ въ тяжкомъ испытаніи, ниспосланномъ отъ Господа Бога, и не допустите окончательно восторжествовать неправдѣ и клеветѣ...»

Такъ писали «бунтовщики» и «малороссійскіе сепаратисты» «царскому посланцу», какъ именовали они П. Б. Мансурова. Последнему, какъ Щербинѣ, было поставлено въ задачу примирить «бунтовщиковъ» съ Иеронимомъ, но въ выше упомянутомъ прошеніи опредѣленно заявлялось:

«Такъ какъ братія не допускаетъ и мысли о томъ, чтобы могъ быть возвращенъ въ скитъ неправославный и недостойный игуменъ, то къ кому должно обращаться за полученіемъ денегъ (адресованныхъ инокамъ)?»

П. Б. Мансуровъ отвѣтилъ андреевцамъ, что ничѣмъ не можетъ имъ помочь, такъ какъ пріѣхалъ на Аѳонъ по другому дѣлу—для ознакомленія на мѣстѣ съ вопросомъ объ установленіи надъ русскими аѳонскими монастырями самостоятельнаго русскаго управленія. Но онъ обѣщаль переговорить объ отмѣнѣ блокады съ посломъ Гирсомъ. Исполнилъ ли г. Мансуровъ свое обѣщаніе—неизвѣстно. Если онъ и говорилъ съ посломъ, то пользы отъ этого не вышло. Блокада съ Андреевскаго скита не снималась. Тогда скитъ обратился съ жалобой къ русскому послу въ Аѳинахъ. Жалобщики указывали, что, благодаря воспрещенію г. Гирса получать съ пристани и со складовъ муку, картошку, рыбу, мануфактуру, эти продукты и товары, «благодаря продолжительному пребыванію въ сыромъ мѣстѣ, на пристани... стали сильно портиться и, пожалуй, придутъ въ полную негодность».

Кромѣ того, служащіе при греческой таможенѣ солдаты безнаказанно растаскивали принадлежавшіе скиту продукты и товары.

«Отсюда можетъ произойти то,—говорилось въ жалобѣ:—что когда получится нами разрѣшеніе на полученіе уже залежалаго, испортившагося и полурасхищеннаго груза, то, во-первыхъ, придется заплатить таможенѣ значительный кушъ за полежалое, а, во-вторыхъ, невозможно будетъ найти виновника порчи и расхищенія груза, потому именно, что таможенные власти, съ цѣлью оградить себя отъ непріятныхъ послѣдствій, могутъ сослаться на (пароходное) агентство и сказать, что грузъ и раньше былъ полученъ съ парохода такимъ испорченнымъ и въ полурасхищенномъ видѣ, а агентство (будетъ) обвинять таможеню, и тогда ищи, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ».

Въ концѣ жалобы андреевцы восклицали: «Молимъ васъ усерднѣйше приказать російскому (транспортному) агентству выдавать всѣ получающіеся на имя скита грузы и почту, дабы отъ задержки не произошли для скита трудно поправимыя бѣдствія».

Увы! И русскій посолъ въ Аѳинахъ не облегчилъ тягостнаго положенія андреевцевъ. Онъ, видимо, считалъ неудобнымъ отмѣнить распоряженія своего константинопольскаго коллеги.

Наступилъ и май мѣсяцъ, а денежную корреспонденцію на имя Андреевскаго скита попрежнему продолжалъ получать съ почты изгнанный игуменъ Иеронимъ. Продукты и товары продолжали гнить на пристани или расхищаться изъ таможи. Братія теряла терпѣніе. Было рѣшено жаловаться самому министру иностран-

ныхъ дѣлъ г. Сазопову. Жалобу былъ уполномоченъ подать приходившійся въ Петроградѣ казначей Андреевскаго скита іеросхимонахъ Антоній Булатовичъ. Въ жалобѣ указывалось, что четырехмѣсячная «блокада» поставила скитъ въ невыносимое и безвыходное положеніе, и, между прочимъ, говорилось:

«Если императорское правительство считаетъ нужнымъ наложить опеку и надзоръ надъ нашимъ имуществомъ, то во всякомъ случаѣ покорнѣйше просимъ дать намъ средства къ дальнѣйшему существованію, ибо въ дальнѣйшемъ намъ угрожаетъ голодъ; рабочіе, не получая жалованья, разойдутся, скотъ безъ корма весь пропадетъ, и произойдутъ прочія неисчислимыя бѣды, которыя едва ли намѣрено причинить намъ императорское правительство.

«Общая сумма прихода-расхода Андреевскаго скита со всѣми его подворьями равняется болѣе, нежели тремстамъ тысячамъ рублей въ годъ. Общій же расходъ одного только Андреевскаго скита на Аѳопѣ равняется 150 тыс. рублей въ годъ, причемъ прихода гдѣтъ абсолютно никакого, ибо все получается изъ Россіи. За четыре мѣсяца блокады мы уже задолжали .... и въ кассѣ денегъ абсолютно нѣтъ никакихъ».

Скитъ ходатайствовалъ передъ Сазоновымъ объ отмѣнѣ блокады и попутно просилъ сдѣлать распоряженія, чтобы хотя половина денегъ изъ 20,000 рублей, «конфискованныхъ» г. Гирсомъ у монаха Фортунаса, посланнаго за покупкой хлѣба въ Россію, была размѣнена на турецкое золото и переслана въ хозяйственное управленіе Андреевскаго скита «для насущныхъ потребностей и необходимѣйшихъ тратъ». Лишь послѣ этого ходатайства было отмѣнено безцѣльное распоряженіе г. Гирса.

Надо ли говорить, что одностороннее отношеніе нашего константинопольскаго посольства къ событіямъ въ Андреевскомъ скиту, полное нежеланіе вице-консула Щербины, а затѣмъ и самого Гирса выслушать объясненія и оправданія «бунтовщиковъ» породили среди братіи Андреевскаго скита враждебное отношеніе къ представителямъ нашего дипломатическаго вѣдомства.

Названные дипломаты, конечно, не пребывали въ невѣдѣніи относительно распространявшихся въ скиту неблагоприятныхъ для нихъ слуховъ и еще больше убѣждались въ правильности своихъ дѣйствій по отношенію къ бунтовщикамъ.

VII.

«Свѣтлый день» въ жизни Андреевскаго скита.—Пребываніе на Аѳонѣ д. с. с. Мансурова.—Депутація отъ андреевцевъ.—«Малый диспутъ».—Визитъ царскаго посланца въ Андреевскій скитъ.—Впечатлѣніе, произведенное на братію П. Б. Мансуровымъ.

Кто оставилъ по себѣ довольно благопріятное впечатлѣніе въ глазахъ братіи Андреевскаго скита, такъ это упомянутый выше д. с. с. П. Б. Мансуровъ. Онъ хотя и заявилъ андреевцамъ, что прибылъ на Аѳонъ «по другому дѣлу», но не отказался бесѣдовать съ ними о догматической смутѣ. Онъ именно бесѣдовалъ съ монахами, а не кричалъ и не топалъ на нихъ ногами подобно молодому дипломату г. Щербинѣ при посѣщеніи послѣднимъ Андреевскаго скита въ январѣ 1913 года.

Вотъ какой разговоръ происходилъ 7-го марта этого года между г. Мансуровымъ, находившимся въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ, и монахами Андреевскаго скита Аристокліемъ, Іліодоромъ и Паенутіемъ, явившимися просить «царскаго посланца» посѣтить Андреевскій скитъ.

— Вотъ, говорятъ, васъ требуетъ патріархъ, и вы не должны послушаться,—мягко говорилъ г. Мансуровъ посланцамъ:—а то бываетъ отлученіе за ересь, а бываетъ и за послушаніе.

Андреевцы отвѣтили, что братія скита и не думаетъ противиться, а лишь отложила поѣздку на судъ къ патріарху, такъ какъ сейчасъ на Аѳонѣ нѣтъ іеросхимонаха Булатовича, а о. Давидъ не очень свѣдушъ въ Священномъ Писаніи.

Затѣмъ г. Мансуровъ освѣдомился, получилъ ли скитъ письмо отъ архіепископа Никона? Монахи отвѣтили утвердительно и добавили, что письмо это написано односторонне:

— Владыка Никонъ говоритъ въ немъ только о книгѣ «На горахъ Кавказа», а у насъ о ней нѣтъ и разговора. У насъ вся неурядица о имени Божіемъ Иисусъ, такъ какъ это святѣйшее имя стали всевозможно уничижать, и даже нѣкоторые дерзали ногами попирать...

— Это, говорятъ, неправда,—перебилъ говорившаго г. Мансуровъ.

— Свидѣтелей можемъ поставить!—заявили въ одинъ голосъ монахи.

— А вы ихъ (имяборцевъ) сильно поколотили?—освѣдомился г. Мансуровъ.

— Особыхъ поврежденій не было, а такъ, нѣкоторымъ досталось... У насъ и въ мысляхъ не было, чтобы драться... Сами они взялись первые.

— Говорятъ, внизъ выбрасывали, въ окна?

— Неправда, ваше превосходительство!—отвѣтилъ одинъ изъ посланцевъ.—Мы даже удерживали ихъ... Когда началась ката-

вася, то одинъ іеромонахъ съ ихней стороны разбилъ оконную раму и хотѣлъ выпрыгнуть съ высоты наружу, но нашъ монахъ его удержалъ.

— Говорять, вы ихъ сильно притѣсняете и не даете имъ служить?

Монахи опровергли и это, заявивъ, что старые іеромонахи-имяборцы Іезекіиль и Николай сами отказались служить, а молодые іеромонахи—служать. Старые просили себѣ параклисъ, чтобы служить отдѣльно, но имъ отвѣтили, что разъ не хотите вмѣстѣ служить, то и отдѣльно не служите до рѣшенія патріаршаго суда.

— Вотъ, говорятъ, вы «новую вѣру» проповѣдуете?

— Нѣтъ, ваше превосходительство!—оправдывались посланцы.—Мы вѣримъ тому, что написано въ святыхъ книгахъ и у богослововъ... Вотъ и вы признаете Іоанна Кронштадтскаго, что онъ великій свѣтильникъ, а они (имяборцы) говорятъ: «Его писанія подлежатъ еще критикѣ!»

— Все-таки нѣтъ у святыхъ отцовъ написаннаго, что имя Божіе есть Богъ,—осторожно полемизировалъ г. Мансуровъ съ имяславцами.

— Какъ нѣтъ!—изумились тѣ, и одинъ изъ иноковъ вынулъ изъ-за пазухи книжку сочиненій Іоанна Кронштадтскаго и протянулъ ее сановному собесѣднику, но тотъ отстранилъ книжку, съ улыбкой заявивъ:

— Вѣдь я не духовный...

Монахи, какъ на правоту своего вѣрованія, указали, что за негъ весь скитъ, а съ Іеронимомъ лишь очень немногіе. На это д. с. с. Мансуровъ возразилъ:

— Бываетъ, что и большинство, да неправо, и, наоборотъ, правда бываетъ иногда на сторонѣ меньшинства.

Затѣмъ рѣчь перешла на отношеніе къ смутѣ грековъ и русскаго посольства въ Константинополь.

— Греки, по нашему убѣжденію, задарены,—заявили андреевцы.

— Вы вотъ и про Щербину говорите, что онъ задаренъ,—съ упрекомъ въ головѣ замѣтилъ г. Мансуровъ.

— Если начальство дѣйствительно безпристрастно, то оно должно сначала одну сторону допросить, а потомъ и другую,—отвѣтили андреевцы:—а если понадобится, то и обѣ стороны свести вмѣстѣ для очной ставки. Между тѣмъ г. Щербина съ нашей стороны ни одного слова не принялъ, ни одного нашего оправданія. Онъ всѣ силы приложилъ къ тому, чтобы приняли опять Іеронима, на что мы не могли согласиться, хотя бы пришлось претерпѣть и смерть.

Въ концѣ этой бесѣды Мансуровъ обѣщалъ посланцамъ посѣтить Андреевскій скитъ. Тѣ освѣдомились, въ какой день и часъ, дабы встрѣтить рѣдкаго гостя, какъ слѣдуетъ, со звономъ.

— Не надо! Я приду тихонько.

— Ему же честь, честь...—улыбаясь, говорилъ старшій изъ посланцевъ.

7-го марта д. с. с. Мансуровъ прибылъ въ Андреевскій скитъ. Встрѣченъ былъ съ колокольнымъ звономъ и открытыми настежь воротами, что дѣлается въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Гость подошелъ подь благословеніе къ игумену архимандриту Давиду, тогда какъ г. Щербина во время своего январскаго посѣщенія уклонился отъ этого. Названный вице-консулъ отказался откушать у «бунтовщиковъ» кофе, чаю и выпить коньяку, а г. Мансуровъ охотно принялъ чашку кофе и повелъ съ братіей разговоръ.

Вспомянули бывшаго посла въ Константинополь г. Зиновьева, котораго о. Давидъ зналъ лично, а г. Мансуровъ служилъ при немъ и теперь характеризовалъ его, какъ добраго человѣка и рѣдкаго христіанина.

— Только людьми не могъ онъ распоряжаться. Все хотѣлъ самъ дѣлать...

— Вотъ и у насъ таковъ былъ покойный игумень Іосифъ,—сказалъ о. Давидъ:—ревнитель по церкви, по благоустройству обители. Но тоже хотѣлъ самъ все захватить въ свои руки. Во-первыхъ, упразднилъ старчество въ скиту; всѣмъ хотѣлъ самъ управлять, а времени не хватало на все это. И мало-по-малу начался упадокъ въ духовной жизни. Дошло до того, что отворилъ кругомъ порты: «приходите и смотрите наружныя украшенія обители». Приходили и любовались, а чтобы повести къ духовнымъ старцамъ, испѣлить душевныя болѣзни,—этого у насъ нѣтъ теперь... Все это упразднилось въ скиту...

Далѣе игумень Давидъ припомнилъ, что когда онъ сорокъ пять лѣтъ тому назадъ поступалъ въ скитъ, то тогда при встрѣчѣ братія другъ другу кланялась, а у старцевъ цѣловала руку. Теперь и этого нѣтъ. Духовная жизнь обители пришла въ такой упадокъ, что иноки стали и имя Божіе поирать.

Такимъ образомъ о. Давидъ осторожно подошелъ къ самой важнѣйшей темѣ для бесѣды.

— Вотъ и о. Іеронимъ,—заявилъ онъ,—воспитанъ въ такой духовной жизни.

— Мнѣ очень жаль Іеронима,—отозвался г. Мансуровъ и освѣдомился, въ какомъ онъ положеніи.

— И мы сожалѣемъ о немъ,—сказалъ игумень Давидъ:—но что будешь дѣлать, когда онъ уклонился отъ церкви и сталъ хулить имя Божіе, вводя новое мудрованіе. Мы вотъ признаемъ, что имя Іисусъ есть Богъ, какъ пишутъ и св. отцы.

Мансуровъ оянтъ отвѣтилъ, что этого не читалъ, а затѣмъ сослался на авторитетъ синода, признавшаго это ученіе неправильнымъ.

— Синодъ еще не составляетъ церкви,—возразилъ о. Давидъ.

— Вы, быть можетъ, не такъ понимаете писанія св. отцовъ, какъ они?

— Мы ничего своего не вводимъ, а что написали св. отцы, то и говоримъ. Если мы говоримъ неправильно, стало быть, и святые отцы писали неправильно,—отвѣчалъ игуменъ Давидъ.

— А вотъ, говорятъ, вы не признаете ни духовной власти, ни гражданской (г. Щербину?).

— Это неправда!—съ жаромъ отвѣтилъ о. Давидъ.

— Какъ же? Васъ протать Св. горы требовалъ на судъ, а вы не явились.

— Мы написали протату, прося, чтобы намъ была обезпечена неприкосновенность, а намъ не отвѣтили. А на утро прибили на Кареѣ и у насъ на воротахъ объявленіе, обзывая насъ «злословными», «еретиками», «бунтовщиками». Такимъ образомъ, не выслушавъ обвиняемыхъ, вынесли имъ уже обвинительный приговоръ. И гдѣ такое правило, чтобы двадцать монаховъ могли судить цѣлую обитель съ четырьмястами братіи?

— Можетъ быть, иногда большинство ошибается,—замѣтилъ мягко Мансуровъ, и спросилъ:—Если церковь признаетъ васъ неправыми, то повинуетесь ли вы ей?

— Если правильно осудятъ, то повинемся, а если неправильно, то не повинемся. Будемъ на Св. Писаніи основывать свою правоту.

— А если вы неправильно понимаете Св. Писаніе? Вы этакъ думаете, а тамъ думаютъ иначе...

— И тамъ такіе же люди, какъ мы, и они могутъ ошибаться,—отвѣтилъ о. Давидъ.

— Да, и это можетъ быть,—согласился д. с. с. Мансуровъ и добавилъ, что тогда можно требовать собора.

Въ такомъ тонѣ велась вся бесѣда. Д. с. с. Мансуровъ держался на строго нейтральной почвѣ, не осуждая имяславцевъ и не льстя имъ.

Братія была очарована подобнымъ безпристрастіемъ и вслухъ заявляла:

— Вотъ бы кому быть судьей въ нашемъ спорѣ.

Но монахи были въ восторгѣ и отъ своего игумена о. Давида, который держалъ себя передъ «царскимъ посланцемъ» съ достоинствомъ и на каждый его вопросъ быстро находилъ отвѣты, подчасъ весьма остроумные. Отъ Давида, никогда не бывшаго ораторомъ и общественнымъ человѣкомъ, этого прямо не ожидали.

Прощаясь съ братіей, П. Б. Мансуровъ спросилъ, желаетъ ли она высказаться въ пользу введенія надъ русскими монастырями на Аѳонѣ «своего», русскаго правленія?

— Съ любовію желаемъ,—отвѣтилъ архимандритъ Давидъ:—какъ желаемъ быть и въ подчиненіи Святѣйшаго Синода, а не константинопольскаго патріарха.

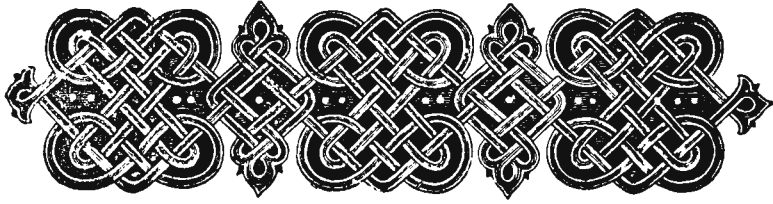
— Этого нельзя сдѣлать,—отвѣтилъ П. Б. Мансуровъ:—высшая духовная власть надъ вами попрежнему будетъ принадлежать патріарху... При этомъ г. Мансуровъ освѣдомился, почему въ Андреевскомъ скиту не упоминаютъ на ектеніяхъ патріарха, на что о. Давидъ отвѣтилъ, что протать Св. горы не сообщилъ скиту имени новаго патріарха.

— Патріарха зовутъ Германомъ. Поминайте его на ектеніи,—посоветовалъ г. Мансуровъ и тепло простился съ братіей.

Посѣщеніе П. Б. Мансуровымъ Андреевскаго скита—это одна изъ немногихъ страницъ въ скорбной лѣтописи Андреевскаго скита за «смутный» періодъ его существованія...

Е. Н. Косвинцевъ.

ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ II ¹⁾.

IX.

IX. Балканскія дѣла.—X. Вильгельмъ и Россія.—XI. Военныя дѣйствія.—
XII. Звѣрства.—XIII. Заключеніе.

ТРУСТНО было видѣть, какъ Германія, ради подготовки къ войнѣ съ Россіею, довольно искусно разными способами и средствами вытѣснила насъ съ Балканскаго полуострова, который давно считался какъ бы по праву подлежащимъ нашему вліянію. Тамъ не было даже раздѣла сферъ, какъ у насъ съ Англіею въ Персіи, гдѣ, однако, Вильгельмъ, несмотря на этотъ раздѣлъ, тоже предъявилъ свои требованія. На Балканскомъ полуостровѣ мы одно время отдали Сербовъ подъ австрійскую тяжелую руку, но доблестный народъ самъ вышелъ изъ-подъ ярма, и одною изъ причинъ настоящей войны является желаніе Австріи вновь забрать его въ свои когти, только, по наущенію императора Вильгельма, она повела это слишкомъ безцеремонно.

Мы считали, что балканскіе народы, особенно Болгарія, изъ признательности къ намъ всегда пойдутъ съ нами. Балканы наши, мы говорили, но Германія въ настоящее время ловко вырвала ихъ у нашей дипломатіи. Много тамъ сдѣлалъ Бисмаркъ, кое въ чемъ и мы сами помогли; но наибольшая заслуга здѣсь принадлежитъ Вильгельму.

¹⁾ Окончаніе. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXIX, стр. 161.

Бисмаркъ искусно посадилъ гогенцоллернскаго принца на румынскій престолъ, освободившійся послѣ изгнанія Кузы. И Румынія, до Крымской войны состоявшая подъ нашимъ вліяніемъ, гдѣ графъ Киселевъ распоряжался, какъ въ русской губерніи, а господарь Молдавіи считалъ за честь носить чинъ русскаго генераль-майора, эта Румынія, достигнувъ теперь полной самостоятельности, стала намъ на пути движенія къ Константинополю и настроила противъ насъ крѣпостей.

Въ настоящую войну жизненные интересы Румыніи требуютъ союза съ нами; но какимъ образомъ Гогенцоллернъ-король, у котораго многомилліонное состояніе хранится въ Германіи, пойдетъ противъ Гогенцоллерна-императора? И вотъ Румынія въ этой великой войнѣ, которая разрѣшитъ многіе общеевропейскіе, въ томъ числѣ и балканскіе вопросы, находится въ положеніи анемичнаго нейтралитета.

Греческій королевскій домъ находится въ родствѣ съ нашей императорскою фамилією; но Вильгельмъ выдалъ свою сестру за нынѣшняго греческаго короля и далъ ему фельдмаршальскій чинъ. Какимъ образомъ, тоже скажу, германскій фельдмаршалъ пойдетъ противъ германской арміи, предводимой его шуриномъ? И Греція тоже сковала себя анеміей нейтралитета, хотя интересы ея требуютъ войны съ Турціей, союзницею Германіи.

Въ Болгаріи посадить нѣмецкаго принца мы сами помогли. Я не встрѣчалъ въ печати разсказа о томъ, какъ былъ избранъ болгарскимъ княземъ Баттенбергъ, поэтому могу разсказать то, что мы слышали тогда отъ М. А. Домонтовича.

Генераль Домонтовичъ былъ начальникомъ канцеляріи князя Дондукова-Корсакова, императорскаго комиссара въ Болгаріи послѣ войны 1877—1878 годовъ. Передъ выборами перваго болгарскаго князя въ 1879 году вожди болгарскаго народа сказали князю Дондукову, что они изберутъ того, кого имъ укажетъ императоръ Александръ II.

Дондуковъ послалъ за этими указаніями въ Ливадію М. А. Домонтовича. Государь ему сказалъ:

— Я не хочу стѣснять болгарскій народъ; пускай выбираютъ, кого хотятъ. Я требую только, чтобы не выбирали кого-либо изъ моихъ подданныхъ. Императрица хочетъ принца Александра Баттенбергскаго; но мнѣ кажется, что онъ очень молодъ.

Когда Домонтовичъ вышелъ изъ кабинета государя, его встрѣтилъ Н. К. Гирсъ, исправлявшій должность министра иностранныхъ дѣлъ за болѣзнью канцлера князя Горчакова, словами:

— Что сказалъ государь?

Домонтовичъ повторилъ слова Александра II.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Гирсъ,—передайте князю Дондукову, чтобы избрали Баттенберга; непременно Баттенберга.

И прусскій поручикъ Баттенбергъ былъ избранъ. Онъ тотчасъ по приѣздѣ захотѣлъ вызвать въ Болгарію прусскихъ офицеровъ, которымъ при прощаніи съ нимъ много наобѣщаль. Первый болгарскій министръ того времени, нашъ генераль П. Д. Паренсовъ, этому воспротивился. И начались конфликты, кончившіеся сначала арестованіемъ князя офицерами, а потомъ такимъ неодобреніемъ его дѣйствій императоромъ Александромъ III, которое заставило Баттенберга отказаться отъ престола, послѣ немалого вреда, принесеннаго имъ Россіи.

Если бы русская дипломатія не руководилась однимъ желаніемъ угодить, а служила бы царю и родинѣ дѣломъ, она должна была бы подготовить выборъ на болгарскій престолъ соответствующаго лица и доложить государю. Знавшіе близко императрицу Марію Александровну говорили, что она была очень умная женщина и горячо любила Россію. Поэтому, если бы ей было доложено неудобство насаждать въ Болгаріи нѣмецкаго принца, она не могла бы съ этимъ не согласиться. Но рѣдко кому изъ дипломатовъ у насъ бывають близки интересы Россіи; угодничество и услужничество они ставятъ выше того. Они заставляютъ государя не только рѣшать, но и думать за нихъ.

Если изъ членовъ нашего императорскаго дома никто не пожелалъ быть княземъ болгарскимъ и если бы министерство иностранныхъ дѣлъ того времени больше думало о русскихъ интересахъ, ему слѣдовало представить государю докладъ о выгодахъ согласиться на желаніе болгаръ избрать княземъ, какъ они просили, Игнатьева или Дондукова. Александръ II навѣрное согласился бы. Хотѣлъ же потомъ Александръ III посадить на болгарскій престолъ князя Мингрельскаго. А княженіе Дондуковыхъ и особенно Игнатьевыхъ, въ семьѣ которыхъ оказались способные люди, прочно скрѣпшило бы Болгарію съ Россією навѣки.

Послѣ Баттенберга болгарскимъ княземъ при содѣйствіи венгерскихъ магнатовъ былъ избранъ Фердинандъ Кобургскій. Онъ умнѣе и хитрѣе Баттенберга, но для Россіи все-таки послѣдній былъ выгоднѣе. Фердинандъ также теперь не можетъ воевать противъ Австро-Венгріи, которой много обязанъ и въ которой находятся его богатая имѣнія.

Затѣмъ Турцію завлекъ въ свои сѣти довольно искусно самъ Вильгельмъ. Онъ два раза ѣздилъ въ Константинополь, въ 1889 и въ 1898 годахъ, и такъ оболъстилъ султана Абдуль-Гамида, что тотъ, выражаясь попросту, остался безъ ума отъ него; его именемъ назвалъ фонтанъ около древняго ипподрома въ центрѣ Царьграда, который онъ подарилъ городу. Благодаря дружескимъ отношеніямъ, Германія получила выгодныя для нея концессіи въ Малой Азіи, и Турція, опутанная искусствомъ кайзера и его дипломатовъ, въ концѣ концовъ приняла въ свою армию нѣмецкихъ генераловъ

и офицеровъ, которые вынудили ее объявить войну Россіи, и сами руководятъ теперь этою войною.

Участіе Австріи въ разстройствѣ Балканскаго союза всѣмъ хорошо памятно; объ этомъ прямо заявилъ нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ въ Государственной думѣ 26 іюля 1914 года, и, конечно, первая скрипка въ этихъ дѣлахъ всегда принадлежала императору Вильгельму. Въ концѣ концовъ онъ такъ ловко опуталъ балканскіе народы, что они въ настоящее время не могутъ тронуться съ мѣста, чтобы выйти изъ своего нейтралитета: Румынія боится, что Болгарія запуститъ ей ножъ въ спину; Греція опасается Турціи и Болгаріи; а Болгарія боится всѣхъ, такъ какъ союзъ противъ нея на Балканахъ еще не утратилъ своей силы, и ненависть ея правительства къ намъ такъ велика, что оно готово вступить въ союзъ съ Турціею.

Х.

Современная война начата была Вильгельмомъ противъ Россіи. Францію онъ, видимо, не считалъ за серьезнаго противника. Онъ понималъ, что французы мечтаютъ о реваншѣ; но отъ мечтаній до осуществленія ихъ еще очень далеко. Сама Франція войны Германіи никогда не объявила бы: матеріальныя блага и сохранность жизни цвѣта населенія для нея дороже обладанія тою или другою провинціей, безъ которыхъ она можетъ существовать и процвѣтать. Но Россія съ ея необъятнымъ пространствомъ, съ ея угрожающе увеличивающимся народонаселеніемъ, которое, благодаря представительнымъ учрежденіямъ, распространенію народнаго образованія, подъему экономическихъ производительныхъ силъ, приближается къ политически зрѣлому возрасту, становилась все болѣе и болѣе опасною агрессивнымъ цѣлямъ Вильгельма. Сознательное отношеніе къ своимъ силамъ и подъемъ патріотическихъ чувствъ грозили выходомъ Россіи изъ-подъ экономической зависимости отъ Германіи и вообще изъ-подъ засилья германизма.

Пруссія выросла на славянскои землѣ и усилилась завоеваніями славянскихъ и литовскихъ народовъ. Изъ славянскаго Бранибора создалось курфюршество Бранденбургское, а покореніе литовскаго племени пруссовъ положило начало королевству Прусскому. Настоящая война можетъ считаться продолженіемъ сдвига германизма на востокъ, хотя она и не вызывалась современнымъ состояніемъ дѣлъ: международный антагонизмъ вовсе не имѣлъ остраго характера, требующаго разрѣшенія мечомъ. Потребность эта таилась только въ душѣ Вильгельма.

Почти всѣ Гогенцоллерны отличались искусными захватами чужихъ земель, особенно Великій курфюрстъ и король Фридрихъ II, тоже прозванный Великимъ. Вильгельмъ II въ своихъ рѣчахъ

признался, что ставитъ себѣ ихъ за образецъ. Единственнымъ предметомъ его завоеваній могла служить только Россія.

Западныя окраины Россіи много способствовали его планамъ: въ Польшѣ русскіе, по его мнѣнію, не пользовались расположеніемъ народонаселенія, которое въ случаѣ войны легко отпало бы отъ Россіи; Прибалтійскій край въ высшихъ слояхъ своихъ—дворянство, духовенство, богатое купечество—представляетъ господство нѣмцевъ; въ Лигвѣ сохранилось вліяніе польскаго дворянства и поляковъ-горожанъ; на Волини и въ Подоліи, кромѣ того, мучили украинцы; во всемъ Западномъ краѣ систематически насаждены нѣмецкія колоніи. Внутри Россіи были частыя внутреннія неурядицы, забастовки, броженія революціонныхъ партій, которыя могли затруднять правительство. Вильгельмъ, какъ было сказано въ предшествовавшихъ главахъ, всемъ этимъ старался пользоваться, готовясь къ войнѣ съ Россіей, хотя эти старанія и не увѣнчались успѣхомъ.

По союзнымъ договорамъ, Вильгельмъ разсчитывалъ силами трехъ государствъ: Германіи, Австро-Венгріи и Италіи, напасть на два: на Россію и Францію. Количественный подсчетъ силъ обѣихъ сторонъ приводилъ почти къ равенству, а качественный, по мнѣнію Вильгельма, былъ на его сторонѣ. Посвящая все свои заботы арміи и принимая въ соображеніе прежнія войны, онъ думалъ, что германская армія непобѣдима. Русскую армію онъ особенно ставилъ не высоко, судя о ней по опыту русско-японской войны и по донесеніямъ его шпионовъ.

Трудно опредѣлить, когда именно Вильгельмъ задумалъ войну съ Россіей. При первомъ посѣщеніи Берлина императоромъ Александромъ III въ 1889 году Вильгельмъ въ своей рѣчи къ нему говорилъ о дружбѣ, которая существуетъ болѣе ста лѣтъ между царствующими домами и которую онъ рѣшилъ хранить, какъ наслѣдіе, оставленное ему предками.

Несомнѣнно, онъ говорилъ тогда это искренно. Онъ подтвердилъ это нашему Государю и въ Ревелѣ въ 1909 году, тоже говоря о традиціонной сердечной дружбѣ, довѣріи правительствъ и глубоко миролюбивыхъ чувствахъ. А черезъ пять лѣтъ онъ, забывъ и дружбу, и традиціи, и мирныя чувства, объявилъ Россіи войну по ничтожному поводу, или, лучше сказать, безъ всякаго повода.

Между Германіей и Россіей никогда не было спорныхъ областей, служившихъ предметомъ войнъ въ прежнее время, какъ то нерѣдко бываетъ между сосѣдними государствами и что вызвало, на примѣръ, рядъ безконечныхъ войнъ между Россіей и Польшею. И если, какъ я сказалъ, тайлся вѣковой антагонизмъ между славянствомъ и германизмомъ, эпизодъ котораго разразился пятьсотъ лѣтъ тому назадъ подъ Грюнвальдомъ, то въ настоящее время онъ ничѣмъ не обострялся и всегда могъ быть разрѣшенъ мирнымъ эволюціоннымъ путемъ.

На что рассчитывалъ императоръ Вильгельмъ въ войнѣ съ Россіею, точно сказать трудно, онъ о томъ не объявлялъ прямо, но догадываться можно, судя по подготовительнымъ мѣрамъ, по тому, какъ германскій императоръ иногда проговаривался, по отзываютъ печати, по издававшимся въ Германіи картамъ «будущей Европы» и т. п.

Что Вильгельмъ надѣялся, а, можетъ быть, и теперь надѣется присоединить къ себѣ царство Польское, видно изъ словъ его, сказанныхъ во время настоящей войны познанскому епископу Ликовскому, что онъ не кончитъ войны, пока хоть одинъ полякъ останется подъ русскимъ скипетромъ, и что онъ приложитъ всѣ усилія къ наилучшему устройству отнятыхъ у Россіи земель («Новое Звено» 1914 г., № 45).

Кромѣ того, относительно намѣреній противъ Россіи Вильгельмъ проговорился въ рѣчи своей къ народу съ балкона дворца при объявленіи войны, если только газеты вѣрно передаютъ эту рѣчь. Онъ сказалъ, что у многихъ русскихъ помѣщиковъ земли больше, чѣмъ у баварскаго короля, и что въ Германіи черезъ двадцать пять лѣтъ будетъ двѣсти милліоновъ жителей, почему имъ придется умирать съ голоду въ русскомъ рабствѣ.

Изъ этихъ словъ, однако, нельзя сдѣлать вывода, чего именно Вильгельмъ желалъ достигнуть войною съ Россіею: хотѣлъ ли онъ расселить нѣмцевъ въ завоеванныхъ отъ Россіи областяхъ, или новымъ торговымъ договоромъ облегчить дешевое пропитаніе германцевъ русскимъ хлѣбомъ.

О газетныхъ мнѣніяхъ и о картахъ будущей Европы говорить не стоитъ, тамъ Россія вся раздѣлена: до Петрограда и даже съ Петроградомъ все отдано Германіи, а до Москвы—Австріи. Какъ ни увлекается Вильгельмъ въ своихъ мечтаніяхъ, но до такихъ бредней онъ дойти не могъ. Однако желаніе германскаго императора расселить нѣмцевъ на русскихъ земляхъ имѣетъ большую вѣроятность, судя по тому, что еще до войны Германія помогала изъ особаго фонда покупать лицамъ нѣмецкаго происхожденія земли въ Прибалтійскомъ краѣ по удешевленной цѣнѣ и содѣйствовала развитію нѣмецкихъ колоній на нашихъ западныхъ окраинахъ.

Вообще, германцы много мѣръ принимали для мирнаго завоеванія Россіи; но императоръ Вильгельмъ, вѣроятно, находилъ, что эти мѣры не скоро принесутъ желаемые результаты, или прямо опасался, что онѣ, въ виду пробужденія въ Россіи сознанія своихъ силъ, не дадутъ никакихъ послѣдствій, и потому рискнулъ добиться своего войною.

Но если бы даже война кончилась для Россіи неудачно, Вильгельмъ не могъ не знать, что непобѣдный для Россіи миръ былъ бы только для нея перемиріемъ. Россія государство молодое, полное свѣжихъ силъ, государство будущаго. Она не хочетъ ничего пріобрѣтать германскаго, но свое потерянное она всегда вернетъ.

Долженъ былъ также знать Вильгельмъ, что всякая война рискована. Упустивъ изъ виду эту старую истину, онъ съ первыхъ же дней испыталъ послѣдствія этого: вмѣсто надежды воевать тремя противъ двухъ, онъ ошибся въ своемъ союзѣ съ Италией и оказался въ необходимости вести войну двумя противъ семи (Россія, Франція, Англія, Бельгія, Сербія, Черногорія, Японія). Если потомъ къ нему присоединился еще одинъ союзникъ, но это была Турція и союзъ этотъ уравниваетъ у его противниковъ Португалией, готовой начать военныя дѣйствія.

Интересна фраза Бегманъ-Гольвега, который всегда является вѣрнымъ подголоскомъ своего императора, по поводу заступничества Англіи за нейтралитетъ Бельгіи: «Англія,— сказалъ онъ,— объявила войну дружественной націи изъ-за простого лоскута бумаги» («pour un simple chiffon de papier»). Фраза, достойная быть исторической даже и не для XX вѣка.

Да, много ошибокъ надѣлалъ императоръ Вильгельмъ въ этой войнѣ; постараюсь ихъ перечислить, а потомъ скажу кратко о способахъ веденія войны Вильгельмомъ.

XI.

Короли и императоры, ставящіе себѣ идеаломъ не мирное преслѣжаніе дарованныхъ имъ Провидѣніемъ царствъ, а военное могущество для новыхъ завоеваній, стараются подготовить къ каждой войнѣ что-нибудь новое, неожиданное, чѣмъ можно было бы поразить своихъ противниковъ.

Такъ, напримѣръ, узурпаторъ Наполеонъ III, который всегда готовился къ войнѣ ради сохраненія захваченнаго имъ трона Франціи, въ 1859 году захотѣлъ поразить австрійцевъ новинкою—нарѣзными пушками; въ 1870 году противъ Германіи—митральезами. Такъ и теперь императоръ Вильгельмъ, давно готовясь къ войнѣ, подготовилъ тоже новинки въ видѣ 42-сантиметровыхъ (16½-дюймовыхъ) пушекъ въ полевой войнѣ и цѣлой флотиліи цепелиновъ.

Вообще въ военномъ отношеніи, сравнительно съ послѣдней большою войною въ Манчжуріи, нынѣшняя война мало принесла новаго, кромѣ многочисленности армій и обширности полей сраженій, что военными людьми уже предвидѣлось и учитывалось. Не буду останавливаться на этихъ специальныхъ вопросахъ. Скажу только, что новинки Вильгельма сослужили нѣмцамъ службу относительную, временную: во-первыхъ, у противниковъ, по слухамъ, тоже оказались тяжелыя пушки и притомъ даже нѣмецкой работы; а, во-вторыхъ, не эти сравнительно мелочи рѣшаютъ окончательный успѣхъ на войнѣ, а талантъ полководца и количественное и качественное соотношеніе силъ воюющихъ сторонъ.

Вильгельмъ, какъ я сказалъ выше, потерпѣлъ уже много неудачъ: Англія оказалась на сторонѣ его враговъ, чего онъ никакъ

не ожидалъ; Бельгія досталась ему не даромъ, какъ онъ рассчитывалъ, а съ большимъ трудомъ; бить своихъ противниковъ поочередно, какъ говорится—по внутреннимъ линіямъ, подобно Фридриху Великому, ему оказалось не по плечу; Парижа ему смаху взять не удалось; Россія изготвилась скорѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, и проявила такое единодушіе и подъемъ силъ и духа, какого онъ не предвидѣлъ; русская армія оказалась высокаго качества, и предводительство ею теперь совсѣмъ не то, что было въ японскую войну; армія его союзницы Австріи явилась въ качественномъ отношеніи ниже, чѣмъ онъ думалъ; а сербы, напротивъ, проявили поразительныя военныя доблести; участіе въ войнѣ съ Вильгельмомъ Японіи тоже явилось для него неожиданностью; большимъ ударомъ для него было и то, что противники рѣшили не заключать съ нимъ сепаратнаго мира.

Я не знаю, всѣ ли ошибки и неудачи императора Вильгельма я здѣсь перечислилъ, но долженъ сказать, что имъ проявлены и несомнѣнныя военныя достоинства: онъ энергично наступаетъ на всѣхъ своихъ противниковъ; при неудачахъ пока не теряется, а быстро исправляетъ ихъ и упорно продолжаетъ свои наступательныя дѣйствія. Это еще не увѣнчалось полнымъ успѣхомъ и приводитъ пока только къ большимъ потерямъ въ нѣмецкихъ войскахъ, но зато Вильгельмъ до сихъ поръ почти все время ведетъ войну на чужой землѣ, сохраняя большую часть своей страны не тронутой непріателемъ, что при замкнутости Германіи отъ подвозовъ съ моря имѣетъ для нея большое значеніе. Инициатива военныхъ дѣйствій пока все-таки въ рукахъ Вильгельма.

Что будетъ дальше—сказать не трудно: пока къ началу 1915 года противники на обоихъ фронтахъ уперлись лбами другъ въ друга и стоять на мѣстахъ. Для Вильгельма, начавшаго войну съ агрессивными цѣлями, такая остановка на мѣстѣ уже неуспѣхъ. А такъ какъ нельзя предполагать, чтобы у него явились новыя силы побороть упорныхъ враговъ, у которыхъ есть запасные ресурсы, то слѣдуетъ рассчитывать, что противники Вильгельма тоже наконецъ перейдутъ въ наступленіе, и тогда можетъ наступить быстрая развязка. Пока частными атаками германцы только увеличиваютъ свои потери. Мольке въ 1870 году держался правила: стратегически наступать, а тактически обороняться; у Вильгельма выходитъ это теперь навыворотъ: онъ стратегически обороняется, а тактически наступаетъ.

Вильгельмъ, повидимому, рассчитываетъ оказать упорство до конца; по слухамъ, онъ возводитъ вокругъ Берлина укрѣпленія. Врядъ ли ихъ придется защищать: задолго до приближенія непріателя къ Берлину дѣло будетъ кончено. Германія не выдержитъ нашествія враговъ въ ея страну, и самъ легко поддающійся увлеченіямъ неустойчивый Вильгельмъ не выдержитъ характера и

можетъ впасть въ отчаяніе. Признаки этого уже есть. Венгерскій министр Тисса, ѣздившій въ Берлинъ просить войскъ для защиты Венгріи, говорилъ, что Вильгельмъ дрожалъ и плакалъ.

Вильгельму, какъ и Фридриху Великому въ 1761 г., остается надѣяться только на счастье или даже на чудо. Но найдется ли оно для него, какъ у его предка нашлось въ лицѣ Петра III? Не слѣдуетъ забывать, что Фридрихъ до свершившагося съ нимъ чуда носилъ съ собою ядъ...

Мнѣ кажется, что Вильгельму повредило Сольдау: онъ одержалъ тамъ крупный успѣхъ и теперь рассчитываетъ на повтореніе его. Между тѣмъ для нашей арміи это была только частная неудача, которая, послѣ удаленія нѣсколькихъ слабыхъ начальниковъ, не оставила слѣда: мы послѣ нея имѣли нѣсколько крупныхъ побѣдъ, отбили нѣмцевъ отъ Варшавы и вновь перешли въ наступленіе въ Восточной Пруссіи, не говоря о дѣйствіяхъ въ Галиціи и на Карпатахъ. Словомъ, можно думать, какъ бы Сольдау не оказало Вильгельму такую же услугу, какую принесла Карлу XII Нарва передъ Полтавою.

XII.

Нынѣшняя война является давно небывалой по варварскому способу веденію ея: нѣмцы жестоко и даже безчеловѣчно обращаются съ мирными жителями, бесполезно уничтожаютъ всякое встрѣчаемое ими по пути движимое и недвижимое имущество не только казны и обществъ, но и ни въ чемъ неповинныхъ частныхъ лицъ. Мѣстность, по которой прошли германскія арміи, является послѣ ихъ ухода разоренною и обездоленною. Контрибуціи они накладываютъ громадныя и взыскиваютъ ихъ немилосердно; увозятъ съ собою заложниковъ; а австрійцы, кромѣ того, безъ суда казнятъ всѣхъ «руссофиловъ», стойкихъ въ сохраненіи своего русскаго происхожденія; часто казнятъ ихъ только по одному подозрѣнію въ расположеніи къ Россіи. Брюссельская и двѣ гаагскихъ конференціи для германцевъ не послужили ни къ чему.

Войны иногда сопровождаются грабежами и насиліями надъ жителями, но это считается преступленіемъ для лицъ, ихъ совершающихъ; оно обыкновенно является показателемъ ослабленія дисциплины и распущенности войскъ; начальники въ своимъ приказахъ напоминаютъ о воспрещеніи такого поведенія своихъ подчиненныхъ и караютъ виновныхъ. Теперь же подобныя «звѣрства» германцевъ—обычное явленіе; никто тамъ этому не препятствуетъ, а иные и поощряютъ, почему отвѣтственность за такія безчинства должна падать на высшее начальство, допустившее ихъ, и прежде всего—на императора Вильгельма.

Ему достаточно было сказать одно слово, чтобы все это прекратилось. Доказательствомъ тому служить дворецъ въ Скерневицахъ: во время октябрьскаго наступленія нѣмцевъ онъ былъ не тронутъ, вслѣдствіе приказа о томъ императора. Значить, въ другихъ мѣстахъ грабсжи имъ допускались, а можетъ быть и поощрялись.

Что такой способъ веденія войны не является привычнымъ для нѣмцевъ, доказываетъ война 1870—71 годовъ. Я хорошо помню эту войну. Осенью въ годъ ея окончанія я обошелъ почти всѣ поля сраженій. Кромѣ обычныхъ разрушеній отъ бомбардировокъ, на бывшемъ театрѣ войны все было въ цѣлости; всѣ деревни, кромѣ одной, были въ сохранности. Эта одна деревня была Базейль подѣ Седаномъ; она оказалась разрушенною въ южной своей части, потому что нѣмцамъ пришлось тамъ брать ее штурмомъ, проламывая домъ за домомъ. Жители Базейля принимали участіе въ защитѣ этихъ домовъ; захваченныхъ съ оружіемъ тамъ нѣмцы разстрѣляли, но не сожгли за это всей деревни, какъ то дѣлаютъ они теперь, иногда изъ-за провокаторскихъ выстрѣловъ.

Какъ всегда бываетъ, такъ было и тогда, французы обвиняли своихъ противниковъ въ грабсжахъ; я помню нѣсколько рисунковъ и карикатуръ на нѣмецкихъ солдатъ, выносящихъ изъ домовъ столовые часы. Во-первыхъ, эти обвиненія были сравнительно рѣдки, а, во-вторыхъ, они были неправдоподобны: зачѣмъ солдату въ походѣ тяжелые часы? А такихъ именно рисунковъ нѣмецкихъ солдатъ съ часами среди народныхъ картинъ было нѣсколько.

Интересно характеризовалъ отношенія нѣмцевъ и французовъ въ той войнѣ нашъ военный агентъ, бывшій при германской главной квартирѣ, баронъ З. Кстати сказать, нашъ баронъ такъ сроднился съ германскими войсками, что въ разговорахъ часто ошибался, говоря: «у насъ, въ Пруссіи». По окончаніи войны онъ читалъ намъ лекціи о своихъ впечатлѣніяхъ изъ войны, которыя заканчивалъ такимъ анекдотомъ. Француженки ему бранили нѣмцевъ; баронъ З. защищалъ послѣднихъ, приводя въ доказательство порядокъ и дисциплину въ нѣмецкихъ войскахъ.

— Посмотрите на нихъ,—говорилъ онъ:—они даже васъ не трогаютъ, не пристають къ вамъ.

— Тѣмъ хуже,—отвѣчали ему француженки.

Про теперешнихъ француженокъ этого и въ анекдотѣ нельзя сказать, такъ далеки нынѣшнія нѣмецкія войска отъ тогдашнихъ. Но вѣдь германскій солдатъ не сдѣлался хуже, нѣмецкая дисциплина съ тѣхъ поръ не упала. Да. Но руководство свѣше оказалось другое.

Тонъ отношенія нѣмцевъ къ войнѣ былъ данъ императоромъ Вильгельмомъ въ его рѣчи съ балкона дворца въ день объявленія

войны. Я о ней упоминалъ, но не рѣшаюсь приводить ее здѣсь цѣликомъ, до того она кажется невѣроятною въ устахъ монарха.

Подождемъ окончанія войны, когда она будетъ точно воспроизведена не въ видѣ газетныхъ слуховъ, а въ серьезныхъ изданіяхъ.

Если изъ этой рѣчи хоть что-нибудь теперь сообщено вѣрно, то оно показываетъ, что человѣкъ, объявившій народу, что русскіе хотятъ отнять клочки земли у нѣмецкихъ крестьянъ, что нѣмцы будутъ умирать съ голоду въ русскомъ рабствѣ и т. п., такой человѣкъ потерялъ уже душевное равновѣсіе.

Рѣчь Вильгельма къ народу вызвала озлобленіе толпы противъ нашего посольства и противъ ни въ чемъ неповинныхъ русскихъ путешественниковъ, не только довѣрившихся гостепріимству Германіи, но въ большинствѣ уважавшихъ честныхъ и трудолюбивыхъ нѣмцевъ, любившихъ ихъ страну, примѣрную по законности и порядку. Разрушить это, положить сѣмя раздора между народами, изъ которыхъ одинъ учился многому у нѣмцевъ, а другой наживался на счетъ русскихъ,—можно было сдѣлать только въ ослѣпленіи отъ безсильной злобы.

Въ газетахъ былъ переданъ приказъ, отданный будто бы Вильгельмомъ во время войны, гдѣ онъ говоритъ, что на него снизошелъ Духъ Божій, что онъ орудіе Всемогущаго, Его мечъ и представитель, что его устами Богъ повелѣваетъ исполнять Его волю и т. под. Тоже не вѣрится, чтобы такой приказъ могъ быть отданъ. Иначе пришлось бы согласиться съ Ломброзо, что германскій престолъ занимаетъ больной человѣкъ, типичный маньякъ и дегенератъ.

Въ нашей арміи, какъ извѣстно, отмѣнена водка, тогда какъ о германцахъ пишутъ, что они въ атаку часто ходятъ пьяными, а послѣ отступленія ихъ въ траншеяхъ и на бивакахъ находятъ множество бутылокъ изъ-подъ вина и пива. Между тѣмъ Вильгельмъ 8-го мая 1905 г., говоря въ одномъ офицерскомъ собраніи о русско-японской войнѣ, сказалъ: «Мой сынъ Адальбертъ говорилъ, что русскіе офицеры покупали шампанское въ Кіао-Чіао... Офицеры германской арміи должны быть насторожѣ, чтобы не впасть въ распутство и пьянство»...

Звѣрства на войнѣ—оружіе обоюдоострое: въ случаѣ перемѣны счастья противникъ можетъ вступить въ предѣлы государства, свободно допускавшаго грабежи своими войсками мирныхъ жителей, и тогда онъ тоже начнетъ накладывать тяжелыя контрибуціи, да еще съ лихвою, чтобы вернуть взятое въ его странѣ, и тоже можетъ допустить грабежи, а иногда начальство просто будетъ не въ силахъ удержатъ отъ нихъ свои озлобленные звѣрствами непріятели войска.

Въ послѣднихъ войнахъ звѣрства допускались турками, какъ отчаянное средство, чтобы не выпустить изъ-подъ своей власти

райю; для Турціи это всегда было вѣрнымъ признакомъ начала конца.

Не то же ли самое происходитъ теперь съ германцами?..

XIII.

Въ заключеніе позволю себѣ повторить, что я не брался писать полной характеристики германскаго императора, но все-таки, приведя рядъ фактовъ и мыслей, хотя и отрывочныхъ, мнѣ хочется сдѣлать выводъ: что же собою представляетъ императоръ Вильгельмъ? Его нельзя охарактеризовать однимъ словомъ браннымъ или возвеличивающимъ въ геніи.

Императоръ Вильгельмъ мнѣ представляется человѣкомъ способнымъ и обладающимъ многими дарованіями, смѣлымъ починомъ, рѣшительнымъ характеромъ и кипучею дѣятельностью; но эти качества въ немъ не уравновѣшены, и нѣкоторыя страсти отрицательнаго свойства часто берутъ верхъ у него надъ положительными сторонами его натуры.

Если попытаться перечислить его дарованія въ разныхъ сферахъ, то приходится сказать, что онъ собесѣдникъ не безъ ума, ораторъ не безъ блеска, художникъ не безъ мысли, писатель не безъ огня, дѣятель не безъ смѣлости, человѣкъ не безъ поклонниковъ, политикъ не безъ враговъ, семьянинъ не безъ счастья, полководецъ не безъ упорства, дипломатъ не безъ хитрости, правитель не безъ инициативы, король не безъ популярности ¹⁾. При гармоничномъ сочетаніи все это могло бы создать изъ Вильгельма человѣка положительнаго, который при своемъ высокомъ положеніи могъ бы совершить много полезнаго для своей родины и для всего человѣчества. Для себя лично онъ достигъ бы душевнаго спокойствія до конца жизни въ сознаніи исполненнаго долга; его не угнетала бы суетная и рискованная слава полководца, столь обольстительная для него теперь; его жизнь сопровождалась бы истинною любовью подданныхъ и уваженіемъ всѣхъ народовъ; память его благословлялась бы потомствомъ и озаряла бы славою его наслѣдниковъ; а имя его заняло бы почетное мѣсто въ исторіи.

Но Вильгельмъ далъ ложный путь своимъ дарованіямъ и взялъ одностороннее направленіе для всей своей дѣятельности. Онъ задался

---

¹⁾ Можно добавить развѣ, что онъ архитекторъ безъ вкуса, потому что утвердить для сооруженія, какъ то приписываютъ ему лично, такое зданіе, какъ теперешній домъ германскаго посольства въ Петроградѣ, какую-то фабрику съ толстыми нагими фигурами наверху,—значитъ выказать большую антихудожественность. Можетъ быть, Вильгельмъ это сдѣлалъ на зло Россіи, въ минуту досады на нее, но въ такомъ случаѣ при заключеніи мира послѣ удачной войны слѣдуетъ потребовать исправленія зданія, которое производитъ отталкивающее впечатлѣніе въ самой лучшей части русскаго столичнаго города.

Авт.

цѣлью возвеличить свое царствованіе завоеваніями и покрыть себя военною славою. Этому онъ посвятилъ всѣ свои силы: онъ усилилъ и усовершенствовалъ армію, и до него уже бывшую превосходною; онъ старался усилиться союзами съ другими государствами чисто съ агрессивными цѣлями; искусными мѣрами онъ хотѣлъ опутать администрацію и высшіе слои общества въ странѣ своихъ будущихъ противниковъ; ловкими тайными развѣдками онъ желалъ знать все, что у нихъ дѣлается; подготовилъ среди нихъ себѣ пособниковъ; подготовилъ тамъ даже мѣстность для своихъ выгодъ; заранѣе старался ослабить своихъ будущихъ враговъ волненіями и внутренними неурядицами; словомъ, онъ подготовилъ себѣ все для достиженія военныхъ успѣховъ, и въ концѣ концовъ понесъ рядъ самыхъ жестокихъ неудачъ.

На примѣрѣ императора Вильгельма, какъ и Наполеона, какъ и другихъ неудачныхъ претендентовъ на владычество надъ міромъ, невольно вспоминаются слова мудрѣйшаго изъ царей всего міра и всѣхъ вѣковъ Соломона: «суета суетъ».

Всѣ махинаціи Вильгельма раскрыты и обратились или обратятся въ концѣ концовъ противъ него и противъ его Германіи.

Въ 1896 году онъ сказалъ: «Германская имперія сдѣлалась всемірною имперією»; а въ 1900 году выразился еще яснѣе: «На волнахъ океана и за предѣлами его ничто серьезное не должно рѣшаться безъ согласія Германіи и германскаго императора». Этому исполнѣ соответствуетъ «Deutschland über Alles in der Welt».

И онъ дѣйствительно достигъ того, что въ послѣднее время имѣлъ вліяніе на всѣ дѣла Европы; при всякомъ возникновеніи какого-либо вопроса невольно всѣ взоры обращались на Германію: что скажетъ императоръ Вильгельмъ? Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія подобное вліяніе на дѣла Европы имѣлъ Наполеонъ III, котораго многіе тогда считали тоже «геніальнымъ», хотя Бисмаркъ послѣ біаррицкаго свиданія съ нимъ прямо сказалъ про него: «геніальная, но не признанная бездарность».

Этотъ успѣхъ мирныхъ притязаній, достигнутый Вильгельмомъ сравнительно легко, хотя иногда и не безъ бряцанія саблей, развилъ въ немъ самонадѣянность, которая при неуравновѣшенности его натуры и толкнула на такой неосторожный, роковой, а можетъ быть и преступный (что покажутъ результаты) для своей родины шагъ, какъ неосновательное объявленіе войны.

Европа много разъ доказывала, что она не выноситъ владычества надъ собою. Она свергла иго и Людовика XIV, и Наполеона I, — и мы сами два раза испытали на себѣ ея власть. Въ половинѣ прошлаго столѣтія Россія получила слишкомъ преобладающее значеніе въ европейскихъ дѣлахъ, и въ Крыму оно было сломлено. Въ 1878 году мы достигли слишкомъ большихъ успѣховъ на Балканскомъ полуостровѣ, и Европа лишила ихъ насъ въ Берлинѣ.

Пришла очередь и Вильгельма. Война не может не кончиться полною побѣдою надъ нимъ. Если бы миръ теперь былъ заключенъ не полнымъ, то, какъ я уже сказалъ, онъ былъ бы лишь перемиріемъ: черезъ десять, черезъ двадцать, черезъ сто лѣтъ возобновилась бы новая война, и, навѣрное, болѣе жестокая и болѣе кровопролитная, чѣмъ теперешняя. Въ ней участвовало бы не по пяти-шести милліоновъ бойцовъ съ каждой стороны, а по десяти-пятнадцати; убитые и раненые и плѣнные исчислялись бы не сотнями тысячъ, а милліонами.

Вотъ почему есть полное основаніе рассчитывать, что война будетъ доведена до конца, до полного пораженія господствующаго германизма и угнетающаго народы милитаризма. И можно надѣяться, что будутъ приняты мѣры противъ повторенія того же, хотя бы въ ближайшемъ будущемъ.

Европѣ пора наконецъ начать новый или новѣйшій періодъ своей исторіи, который долженъ считаться не съ Вѣнскаго конгресса, который внесъ мало новаго въ политическую жизнь европейскихъ государствъ, если могъ народиться такой монархъ, какъ Вильгельмъ, — а съ Гаагской конференціи, или съ 1915 года. Большинство европейскихъ государствъ вполне окристаллизовались въ своихъ формахъ; предстоящій миръ долженъ такъ закончить эту кристаллизацію въ отношеніи славянскихъ государствъ, чтобы войны въ будущемъ могли быть только оборонительными противъ хищническихъ захватовъ и нападеній.

Война эта можетъ быть концомъ карьеры Вильгельма. Къ чему привело его покровительство милитаризму? Между прочимъ, къ тому, что другіе народы, научившись у нѣмцевъ, ихъ же побили.

Такъ случилось особенно наглядно съ японцами. Главнымъ инструкторомъ ихъ арміи былъ Меккель, профессоръ тактики берлинской военной академіи. Одержавъ побѣды надъ нами, японцы послали ему въ 1905 году благодарственную телеграмму, а послѣ войны, говорятъ, поставили памятникъ. Но теперь, благодаря тому же Меккелю, японцы разгромили германцевъ при Циндао. Не слѣдовало ли Меккеля казнить, если бы онъ былъ живъ, за то, что онъ такъ хорошо научилъ японцевъ бить нѣмцевъ?

То же самое съ крупновскими пушками, которыя такъ хороши у противниковъ нѣмцевъ, что отлично бьютъ послѣднихъ. Не подлежитъ ли Круппъ за это казни?

Суета суетъ.

Меня интересуетъ еще одинъ вопросъ: какъ императоръ Вильгельмъ вернется въ семью европейскихъ монарховъ? Послѣ увѣреній въ своихъ миролюбивыхъ чувствахъ, въ своей традиціонной дружбѣ, изліянія потоковъ радости и т. п., онъ вдругъ про-

явилъ ко всѣмъ, кромѣ австрійцевъ и турокъ, самыя злобныя чувства—что же можетъ быть злѣе войны? Онъ неожиданно напалъ на своихъ бывшихъ друзей, надѣясь на ихъ неподготовленность, на раздоры въ дружескомъ народѣ, которые онъ самъ тайными подкупами сѣялъ; онъ разгромилъ ни въ чемъ неповинное государство, нейтралитетъ котораго былъ торжественно гарантированъ трактатами; онъ бомбардировалъ беззащитные города, разрушалъ рѣдкія художественныя сооруженія, грабилъ частныхъ жителей и уничтожалъ ихъ имущество. Онъ не признавалъ обязательности договоровъ и твердости даннаго слова. Можетъ ли онъ послѣ этого, какъ говорится, прямо смотрѣть въ глаза?

Жизнь теперешнихъ королей проходитъ на виду народовъ: они являются первыми людьми въ государствѣ не только по праву рожденія, но и по праву заслугъ въ своихъ дѣлахъ и въ своей жизни; любовь подданныхъ, какъ чувство прирожденное, поддерживается и возвышается чувствомъ уваженія и почитанія. Монархи теперь являются образцомъ людскихъ добродѣтелей, гражданской или военной доблести, примѣромъ для своихъ подданныхъ.

Умчалось безвозвратно то время, когда короли говорили языкомъ, обычнымъ теперь только въ высшихъ классахъ народа:

— Онъ меня обманулъ два раза,—жаловался Францискъ I.

— Лжетъ онъ, собака,—отвѣтилъ Филиппъ II:—я обманулъ его десять разъ.

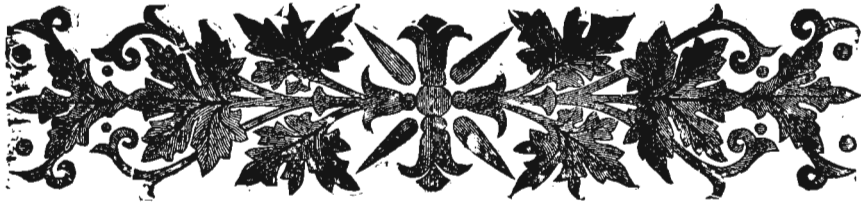
Вильгельмъ такъ не говорилъ, хотя рѣчь его съ балкона дворца 19-го іюля, рассчитанная на возбужденіе самыхъ низменныхъ инстинктовъ толпы и выражавшая бессильную злобу зарвавшегося въ своихъ поступкахъ человѣка,—по цѣнности своей для нашего времени мало уступаетъ приведенному діалогу.

Репутація Вильгельма, не только какъ императора, но и какъ человѣка, поколеблена. Какъ онъ вернется въ семью монарховъ? Какъ къ нему будутъ относиться его подданные, если война кончится разгромомъ Германіи.

Правъ былъ ученый ареопагъ, отказавшійся присудить Вильгельму Нобелевскую премію мира (за воздержаніе?), какъ о томъ усердно хлопоталъ австріецъ Фридь.

А. П. Скугаревскій.

РУССКІЙ ЭНЦИКЛОПЕДИСТЪ.

(Изъ воспоминаній о Н. А. Демчинскомъ. † 31 дек. 1914 г.)

А РУБЕЖЪ старога и новаго годовъ, когда часы пробили двѣнадцать, испустилъ послѣдній вздохъ Николай Александровичъ Демчинскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей, инженеръ, математикъ, климатологъ, агрономъ, юристъ, популярный общественный дѣятель и незаурядный публицистъ. Можно смѣло сказать, что знаній и дѣятельности покойнаго хватило бы на извѣстность и славу цѣлой дюжины дѣятелей. Это былъ человекъ съ необычайною энергіею и силою воли, съ большимъ темпераментомъ и неистощимою творческою инициативою.

Всѣ свои знанія и дарованія, всѣ бленія своего сердца Н. А. Демчинскій отдавалъ родинѣ, которой служилъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Николай Александровичъ умеръ при полномъ сознаніи, и можно поручиться, что послѣднею его мыслью было благополучіе родины, которую онъ мечталъ видѣть обновленною послѣ войны, куда рвался до послѣдняго дня своей жизни.

Всю жизнь Демчинскій учился и училъ другихъ. Получивъ высшее образованіе въ казанскомъ и харьковскомъ университетахъ, гдѣ окончилъ математическій факультетъ, онъ поступаетъ затѣмъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, а впослѣдствіи слушаетъ лекціи въ горномъ институтѣ. Подъ обаяніемъ рѣчи знаменитаго московскаго золотоуста Ѳ. Н. Плевако, Демчинскій, на тридцать второмъ году отъ роду, имѣя уже три диплома и сына-гимназиста, хватается за учебники по юриспруденціи и чрезъ семь

мѣсяцевъ получаетъ въ кievскомъ университетѣ степень кандидата правъ.

При такомъ разнообразіи своихъ спеціальностей, человекъ, казалось бы, не могъ имѣть глубокихъ знаній въ каждой изъ нихъ, не могъ, какъ говорится, выдумать пороха. Въ дѣйствительности же, Демчинскій въ каждой своей спеціальности былъ на своемъ мѣстѣ и, между прочимъ, выдумалъ порохъ—такъ называемый русскій бездымный порохъ, который нашелъ себѣ примѣненіе за границею, ибо давно извѣстно, что нѣсть пророка въ своемъ отечествѣ.

Книга Демчинскаго о желѣзнодорожныхъ мастерскихъ является настольною у спеціалистовъ за границею, и въ крупныхъ городахъ Франціи желѣзнодорожныя мастерскія построены по принципамъ, предложеннымъ нашимъ соотечественникомъ. Имъ же выпущенъ рядъ другихъ трудовъ по желѣзнодорожнымъ вопросамъ и основанъ научный журналъ «Инженеръ», издающійся и донинѣ.

Всюду Демчинскій вносилъ что-нибудь новое. Онъ былъ первый русскій инженеръ, который началъ строить электрическія станціи, когда электричество стало получать у насъ примѣненіе.

Когда иллюстраціонное дѣло въ журналахъ было еще въ примитивномъ состояніи, Демчинскій, изучившій цинкографію въ Вѣнѣ и Берлинѣ, нашелъ дешевый способъ изготовленія клише и завелъ собственное цинкографическое заведеніе.

Демчинскій постоянно былъ преисполненъ широкими плановъ и замысловъ, всегда носился съ идеями, которыя не оставались у него втуне, а находили возможное осуществленіе. Онъ имѣлъ мужество въ своихъ подававшихся имъ въ высшія сферы запискахъ высказывать свои взгляды о неурядицахъ Россіи и выступилъ съ проектомъ о созывѣ земскихъ соборовъ, когда сферы были еще очень далеки отъ мысли о какомъ бы то ни было народномъ представительствѣ. Съ отличавшею его всегда прямою Демчинскій развивалъ свои взгляды о довѣрїи къ обществу и ослабленїи административнаго гнета передъ всеильнымъ бюрократомъ и реакціонеромъ В. К. Плеве, предлагавшимъ ему для проведенія на практикѣ проектированныхъ имъ реформъ надѣть мундиръ товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ своихъ публицистическихъ писаніяхъ Демчинскій оставался всегда самимъ собою. Воспламенившись какою-нибудь идеею, онъ не интересовался, что скажутъ о немъ всякія литературныя княгини Марїи Алексѣевны, и избѣгалъ всегда партійныхъ шоръ. Если статья оказывалась не ко двору одной редакціи, онъ шель въ другую, не справляясь съ ея направленіемъ. Вотъ почему встрѣчали подпись Демчинскаго подъ статьями въ радикальной «Руси» А. А. Суворина, въ «Новомъ Времени», въ прогрессивномъ «Утрѣ Россіи», въ либеральныхъ «съ оглядкой» «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», въ издававшемся самимъ покойнымъ Николаемъ Але-

ксандровичемъ прогрессивномъ «Переломѣ», который двукратно былъ приостановленъ и могъ бы процвѣтать, если бы несговорчивый издатель согласился на соблазнительное предложеніе П. А. Столыпина.

Съ Н. А. Демчинскимъ я встрѣчался одно время довольно часто, и я никогда не забуду его въ высшей степени интересныхъ разсказовъ о бесѣдахъ съ коронованными особами и съ властью имущими— В. К. Плеве, С. Ю. Витте, адмираломъ Алексѣевымъ, о знакомствѣ съ Л. Н. Толстымъ и дружбѣ съ В. М. Гаршинымъ, съ которымъ однажды написалъ въ четыре руки пьесу.

Широкую извѣстность и доступъ въ высшія сферы доставили Демчинскому его предсказанія погоды.

Высоко цѣня народную мудрость и зная по опыту, какъ наблюдатели русскій крестьянинъ, Демчинскій обратилъ вниманіе на тѣ указанія, которыя въ такомъ изобиліи имѣются въ народныхъ примѣтахъ о важной роли луны въ жизни атмосферы. Научныя работы въ этомъ направленіи были весьма скудны и къ тому же, преданы были анаѣмѣ всѣми учеными ареопагами, не признававшими иного источника силъ, кромѣ солнца.

Съ такою предвзятостью научной мысли Демчинскій согласиться не могъ. Луна, поднимающая необъятныя массы воды, искажающая форму земного шара приливной и отливной волной океановъ, не могла, по его мнѣнію, не вліять на атмосферу, т. е. на измѣненіе погоды. Съ теченіемъ времени Демчинскій намѣтилъ нѣсколько новыхъ гипотезъ, изъ которыхъ въ конечномъ результатѣ была выведена математически обоснованная теорія.

Свою систему предсказанія погоды, давшую изумительное совпаденіе съ дѣйствительностью въ послѣдніе два года (1913—1914 гг.), Демчинскій основывалъ на слѣдующихъ положеніяхъ: солнце и луна, слагая свои силы, вліяютъ на атмосферу, побуждая ее производить нѣкоторую работу (сжатіе и разрѣженіе), что, въ свою очередь, опредѣляетъ барометрическое давленіе, то есть погоду. Работу атмосферы представляется возможнымъ вычислить по извѣстной формулѣ на любое количество лѣтъ впередъ.

Такимъ образомъ, найдя, что будущій годъ совпадаетъ въ работѣ атмосферы съ однимъ изъ предшествующихъ лѣтъ, Демчинскій бралъ метеорологическій бюллетень этого предшествующаго года и на немъ строилъ свои выводы относительно будущаго.

Послѣднимъ трудомъ нашего метеоролога въ этой области была «Динамика атмосферы», на которую обратили вниманіе западные ученые и, между прочимъ, Пуанкарэ. Нынѣ все рѣже и рѣже стали отрицать вліяніе луны въ жизни атмосферы.

Теорією Демчинскаго о такъ называемыхъ лунныхъ узлахъ заинтересовались въ высшихъ сферахъ, и онъ удостоился быть принятымъ въ Царскомъ Селѣ. Ему выдана была субсидія въ суммѣ 25.000 рублей на изданіе журнала «Климатъ», выходившаго на четырехъ языкахъ. Тогда же Демчинскому предложено было изложить на бумагѣ свои мысли о внутренней политикѣ Россіи, а министру внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве предписано было свыше рассмотреть его записку о необходимыхъ реформахъ.

Въ запискѣ своей Н. А. Демчинскій выступилъ самымъ яркимъ сторонникомъ реформъ императора Александра II и не менѣ пылкимъ врагомъ тѣхъ, кто относился враждебно къ реформамъ освободительной эпохи.

Начинается записка съ очерка внутреннихъ неустройствъ Россіи до Крымской войны, вслѣдъ за которою и наступила эпоха великихъ реформъ.

«Все величіе этихъ реформъ,—писалъ авторъ записки,— въ томъ, что во всѣхъ ихъ, безъ исключенія, проводится одна и та же мысль—привлеченіе общества на помощь правительству... Никакіе нигилизмы, социализмы и прочіе измы, вмѣстѣ взятыя, не причинили Россіи столько вреда, какъ Катковъ и Толстой (Д. А.). Вотъ уже слишкомъ тридцать лѣтъ мы пожинаемъ посѣянное ими и не можемъ отдѣлаться отъ отравленія общества десятками тысячъ недоучекъ, выброшенныхъ бездушной, чисто фѳормальной школой за бортъ житейскаго корабля»...

Одинъ изъ директоровъ московской гимназій рассказывалъ, что во время служенія панихиды по убитомъ министрѣ народнаго просвѣщенія Боголѣповѣ ученикъ младшаго класса улыбался. На сдѣланное ему замѣчаніе мальшъ отвѣтилъ:

— О чемъ же сокрушаться! Папа говорилъ: слава Богу, что министра убили...

Отмѣчая этотъ эпизодъ, Демчинскій восклицаетъ:

«Вотъ зрѣлые фрукты розни государства и общества! Во имя ея оправдываются убійства, и на этихъ принципахъ воспитывается юношество. Правительство само по себѣ. Общество само по себѣ. Второе время отъ времени нападаетъ исподтишка, а первое находится постоянно въ оборонительномъ положеніи, имѣя разсыпанную впереди цѣпь, въ видѣ урядниковъ, жандармовъ и даже, по словамъ покойнаго Толстого,—латинскій и греческій языки... Положеніе вполне боевое, вмѣсто нормальнаго развитія государственной жизни на почвѣ общихъ интересовъ мирнаго прогресса всѣхъ богатствъ страны».

Съ ужасомъ отмѣчаетъ далѣе Демчинскій царившую у насъ почти поголовную безграмотность.

«Насколько мало у насъ низшихъ школъ, показываетъ сравненіе съ прибалтійскими губерніями: послѣднія дали въ 1899 году

Николай Александрович Демчинскій.

всего два процента неграмотныхъ новобранцевъ, а Харьковскій округъ—87 процентовъ».

Состояніе Россіи въ то время, къ которому относится записка Демчинскаго, послѣдній образно представилъ въ видѣ гиганта, которому становится тѣсно въ своей давно выстроенной избенкѣ, и онъ начинаетъ понемногу выпирать локтями стѣны, а затылкомъ упирается въ потолокъ. Всякій добрый хозяинъ, по мѣрѣ увели-

ченія своей семьи, все прибавляетъ и прибавляетъ разныя пристройки для подрастающаго поколѣнія. Казалось бы, то же слѣдовало бы дѣлать государству. Но дѣйствительность убѣждаетъ насъ въ противномъ. вмѣсто того, чтобы расширить избу, мы урѣзываемъ отъ нея всякіе уголки, дѣлая пристройки не снаружи, а во внутрь, сажая въ эти пристройки чуть ли не по тысячѣ новыхъ чиновниковъ каждый годъ...

«Теперь,—продолжаетъ Демчинскій,—самое благопріятное время начать перестройку русской избы. слѣдуетъ твердо помнить историческій законъ, прекрасно формулированный Боклемъ:

«Что одно поколѣніе проситъ, то другое требуетъ, какъ право».

«Опасно, очень опасно,—говоритъ Демчинскій,—выжидать того времени, когда мольба перейдетъ въ требованіе, а потому нужно пользоваться моментомъ... Стоптъ лишь призвать общество къ жизни, оказать ему довѣріе, а не смотрѣть на него, какъ на крамольниковъ...»

Многое въ запискѣ Демчинскаго звучитъ теперь анахронизмомъ, жизнь наша ушла далеко впередъ, но при оцѣнкѣ взглядовъ автора записки надо помнить, что писалась она въ плевенскую эпоху, за два года до наступленія «эры довѣрія» къ обществу, провозглашеннаго княземъ Святополкомъ-Мирскимъ.

Въ одно прекрасное утро Н. А. Демчинскій получилъ приглашеніе къ В. К. Плеве для обмѣна мнѣніями по поводу поданной въ высшія сферы «записки». И между министромъ-бюрократомъ и немундирнымъ обывателемъ произошла слѣдующая характерная бесѣда, которую я воспроизвожу здѣсь со словъ покойнаго Демчинскаго.

Плеве. Извѣстная часть общества въ послѣднее время настойчиво требуетъ льготъ, слишкомъ значительныхъ. Между прочимъ, высказываются пожеланія о привлеченіи земскихъ людей къ законосовѣщательной дѣятельности. Къ сожалѣнію, высокія сферы теперь доступны для нѣкоторыхъ лицъ, помимо министра внутреннихъ дѣлъ, и потому туда проникаютъ мнѣнія, не получившія апробаціи со стороны соответствующихъ министровъ. Я считаю необходимымъ, получивъ распоряженіе свыше рассмотретьъ вашу записку, сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія. Главное мое замѣчаніе клонится къ тому, что Россія, дѣйствительно, находится въ тревожномъ и въ возбужденномъ состояніи, и я не отрицаю возможности бурнаго проявленія недостаточно осознанныхъ стремленій. Этотъ моментъ является наиболѣе опаснымъ для реформъ, такъ какъ всякій сдвигъ растревоженной массы и всякое потворствованіе дастъ тотъ же эффектъ, какъ и сотрясеніе сосуда при перегрѣтой жидкости. А по-

тому мои стремленія и направлены на удержаніе Россіи въ томъ же положеніи, въ какомъ она находится нынѣ, въ расчетѣ на спасительныя событія...

Демчинскій. Если функціи управляющаго внутренними дѣлами Россіи свести къ удержанію страны въ окостенѣломъ состояніи, чтобы въ нее не пробивались лучи прогресса, то это слишкомъ снижаетъ функціи министра внутреннихъ дѣлъ, и онъ становится уже не министромъ, а большимъ городовымъ...

Плеве. Историческую свою миссію я вижу въ томъ, чтобы быть большимъ городовымъ. Если же министру задаться широкими идеями, то Россія будетъ въ опасности...

Бесѣда велась въ миролюбивомъ тонѣ, но собесѣдники остались при своихъ мнѣніяхъ по поводу реформъ.

Провожая своего гостя, Плеве неожиданно объявилъ ему:

— А знаете что? Я большой бюрократъ. Вы человекъ свободный, представитель общественныхъ силъ. Вашъ кругозоръ не затуманенъ бюрократическою школой. Не находите ли вы, что сочетаніе дѣятельности чиновника и свободного общественнаго дѣятеля было бы полезно?

— Это значитъ—стать вашимъ товарищемъ...

— Да, именно!

— Я всегда былъ силенъ и свѣжъ, какъ человекъ, благодаря своей безмундирности. Если надѣну мундиръ какого бы то ни было канта, то это будетъ равносильно наступленію для меня политической смерти. Моя безмундирность—все мое реальное достояніе.

Плеве совѣтовалъ все же Демчинскому подумать объ его предложеніи и сохранилъ за собою право вторично побесѣдовать съ нимъ по затронутымъ въ ихъ разговорѣ вопросамъ.

— Я охотно и съ полнымъ вниманіемъ,—заявилъ министръ внутреннихъ дѣлъ,—прислушиваюсь ко всему, что можетъ мнѣ помочь разобраться въ эту трудную для всѣхъ насъ минуту...

До предполагавшейся второй бесѣды Демчинскій отправилъ Плеве обстоятельное письмо по поводу одного правительственнаго акта, вызваннаго, какъ было тогда заявлено въ «Times» и нѣмецкой печати—«запискою». 26-го февраля 1903 года возникло особое совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ Плеве, для выработки новыхъ административныхъ реформъ.

«Правительство, очевидно, сознало,—писалъ Демчинскій В. К. Плеве:—что броженіе умовъ всего общества (не къ крамольникамъ же обращенъ манифестъ!) достигло такого напряженія, что этому самому обществу нужно что-либо бросить, хотя бы въ видѣ общаго. Вотъ это и есть удовлетвореніе одной стороны трусливой формулы: съ одной стороны нельзя не сознаться... Но что же обѣщать? Обѣщать что-нибудь опредѣленное—опасно, пожалуй, разгорячатъ аппетиты, а обѣщать просто обѣщаніе—и того хуже. Для

меня совершенно ясна первоначальная редакція манифеста; я почти увѣренъ, что могъ бы воспроизвести ее въ подлинномъ видѣ, хотя и не видалъ ея. Мысль тутъ ясная и вполнѣ опредѣленная, скажу больше, она могла бы повести за собою общество.

«При участіи особенно довѣренныхъ лицъ слѣдуетъ-де выработать нѣчто такое, что помогло бы развить необходимое земское дѣло. Но тутъ опять страхъ передъ призракомъ «самостоятельное земство»,— и вотъ поставленъ регуляторъ: «земство, руководимое (?) сильною закономѣрною властью». Неужели вы, Вячеславъ Константиновичъ, серьезно думаете, что русскій человѣкъ, хоть немного мыслящій, можетъ повѣрить сочетанію столь обольстительныхъ на видъ, но непонятныхъ намъ по смыслу прилагательныхъ? Всякому изъ насъ прекрасно извѣстна «власть», и всѣ мы не только логикой, но и на собственной спинѣ испытали ея силу, ея беззаконмѣрность, ея безответственность,—все это сложилось вѣками, и уже, конечно, не министерскому циркуляру подѣ стать бороться съ этимъ русскимъ горемъ...»

.....
 .....
 .....
 .....

Все это откровенно высказывалось министру, такъ радѣвшему о благополучномъ существованіи столь дорогого ему института земскихъ начальниковъ и ревниво охранявшему «основы» отъ какого-либо потрясенія, а застоявшуюся бюрократическую атмосферу—отъ проникновенія въ нее свѣжей струи воздуха...

Съ П. А. Столыпиномъ, какъ я уже говорилъ, Демчинскій встрѣтился по поводу кары, постигшей издававшійся имъ «Переломъ».

Газета приостановлена была за статью, въ которой усмотрѣно было возбужденіе общественнаго мнѣнія противъ главнаго военнаго прокурора, генерала Павлова. Въ инкриминированной статьѣ шла рѣчь о распоряженіи высшей военно-судебной власти—не включать въ составъ военныхъ судовъ лицъ военнаго званія со специально-юридическимъ образованіемъ.

«Переломъ» писалъ, что если создается подборъ лицъ безъ юридическаго образованія, то это равносильно стремленію къ умышленному пониженію уровня военнаго суда.

Во время бесѣды съ Демчинскимъ Столыпинъ высказалъ ему, что считаетъ «Переломъ» по существу правымъ и не усматриваетъ ничего злокозненнаго въ инкриминированной статьѣ. Между прочимъ, бывшій премьеръ полюбопытствовалъ, насколько «Переломъ» обез-

печень въ финансовомъ отношеніи. Получивъ отвѣтъ, что ресурсы газеты не очень велики и что доходовъ она не приноситъ, Столыпинъ предложилъ разсылать ее въ волостныя правленія при условіи измѣненія направленія. Предложеніе принято не было.

«Переломъ», возобновленный чрезъ двѣ-три недѣли послѣ приостановки, былъ снова приостановленъ и исчезъ съ журнальнаго горизонта...

Не съ одними министрами сталкивала судьба Н. А. Демчинскаго. Въ его домъ можно было встрѣчать и писателей, и художниковъ.

Благоговѣя передъ Л. Н. Толстымъ, какъ передъ величайшимъ художникомъ, Н. А. Демчинскій отправился однажды въ Ясную Поляну.

— Съ первыхъ же словъ,—разсказывалъ потомъ Николай Александровичъ,—обнаружилось, что мы люди двухъ полюсовъ, разныхъ планетъ.

Человѣкъ большой энергіи и предприимчивости, выступавшій всегда съ проповѣдью «дѣла», Демчинскій почувствовалъ, по его словамъ, какое-то удущье, когда попалъ въ яснополянскую атмосферу, очутившись словно въ застойной, болотной тихой заводи. Тамъ царило созерцательное и спокойное настроеніе. Тамъ проповѣдывали «непротивленіе», «недѣланіе», что шло въ разрѣзъ съ настроеніемъ и со всѣмъ укладомъ жизни сторонника борьбы и дѣла.

Бесѣда между Толстымъ и Демчинскимъ сразу оборвалась, и собесѣдники, чтобы не расплеваться съ мѣста въ карьеръ, занялись игрою въ шахматы.

Демчинскій былъ отличный шахматистъ и имѣлъ даже званіе лучшаго кievскаго шахматиста.

Во время игры всегда уравновѣшенный Л. Н. Толстой обнаруживалъ большую нервность и раздражительность, но потомъ благодарилъ своего партнера за шахматный сеансъ, а передъ окружающими отозвался о немъ, какъ объ очень умномъ и дѣльномъ человѣкѣ.

— Когда я покинулъ Ясную Поляну,—разсказывалъ Демчинскій,—и вырвался на свѣжій воздухъ изъ удушливой для меня атмосферы, то сразу почувствовалъ, какъ хороша жизнь за предѣлами обители великаго моралиста и писателя земли русской...

Съ талантливымъ русскимъ писателемъ В. М. Гаршинымъ Демчинскій былъ особенно близокъ. Ихъ знакомство началось еще въ то время, когда Гаршинъ не пользовался большою литературною извѣстностью, и продолжалось вплоть до трагической кончины даровитаго писателя, котораго И. С. Тургеневъ считалъ своимъ литературнымъ наслѣдникомъ.

Демчинскій, вспоминая о своихъ встрѣчахъ съ Гаршинымъ, рассказалъ мнѣ однажды слѣдующій эпизодъ, тутъ же записанный мною.

— На передвижной выставкѣ была впервые выставлена знаменитая картина Рѣпина «Іоаннъ Грозный». Мы отправились вмѣстѣ съ Гаршинымъ на эту выставку, помѣщавшуюся на Невскомъ проспектѣ, кажется, въ домѣ Бенардаки. Цѣлая анфилада маленькихъ комнатъ заканчивалась большимъ заломъ, въ которомъ и находилась самая картина. Пока мы смотрѣли на картину чрезъ головы торчавшей около нея толпы зрителей, она не производила на насъ такого сильнаго впечатлѣнія, но по мѣрѣ того, какъ толпа расходилась и мы приближались къ картинѣ, нижняя часть ея становилась все болѣе и болѣе видной. Когда, наконецъ, мы увидели лужу крови, Гаршинъ, какъ бы испугавшись, весь затрясся и, схвативъ меня за руку, дрожащимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ:

«— Зачѣмъ, зачѣмъ столько крови?..

«Я его тотчасъ увелъ въ другія комнаты.

«По словамъ Гаршина, онъ не спалъ всю послѣдующую ночь. Но, видимо, что-то особое влекло его къ этой крови, и онъ почти каждый день, отправляясь на службу, заходилъ на нѣсколько минутъ на выставку. Рѣпинъ для своей картины воспользовался отчасти портретомъ Гаршина: онъ воспроизвелъ характерный ротъ и носъ писателя. Что-то невыразимо привлекательное и обаятельное было во всей фигурѣ Гаршина...»—закончилъ Демчинскій свой рассказъ.

Вспоминалъ иногда Демчинскій о своемъ давнишнемъ знакомствѣ и встрѣчахъ въ Кіевѣ съ нынѣ здравствующимъ Іер. Іер. Ясинскимъ.

Пишущій эти строки до личнаго знакомства своего съ Н. А. Демчинскимъ; разумѣется, зналъ о немъ, какъ о творцѣ теоріи о лунныхъ узлахъ, изъ-за которой газетные зубоскалы дѣлали его не разъ мишенью для своихъ остротъ, и какъ объ авторѣ знаменитой «Элписки». Познакомился же я съ Н. А. вскорѣ послѣ того, какъ мы оба, почти одновременно, стали работать въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ». Газета на первыхъ порахъ дорожила сотрудничествомъ Демчинскаго. Ей импонировали его связи въ высшихъ сферахъ и знакомства съ министрами.

Одинъ нынѣ здравствующій общій пріятель нашъ В. А. П.—въ началѣ іюня 1904 года прислалъ мнѣ въ Одессу письмо, въ которомъ упрекалъ, что я затянулъ на цѣлый мѣсяцъ свои переговоры съ петроградскимъ издателемъ, и поставилъ мнѣ въ при- мѣръ Н. А. Демчинскаго.

«Демчинскій,—писаль П—въ,—сидѣль въ «Руси», но достаточно было двухъ-трехъ часовъ времени для переговоровъ, чтобы чрезъ два дня онъ уже мчался въ экспрессъ на войну, въ Лаоянь. Приходитъ онъ и жалуется на скуку, а я ему предложи поѣхать въ Манчжурію.

«— А знаете, В. А., это идея! Тамъ, въ далекой Манчжуріи, рѣшаются историческія судьбы Россіи, а я здѣсь въ «Руси» бобы развожу. Жаль, что у меня со старикомъ С—нымъ разладъ, а у моего—грошъ въ карманѣ.

«Демчинскій ушелъ въ десять часовъ вечера, а въ одиннадцать я уже бесѣдовалъ по телефону съ издателемъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» и предложилъ послать въ Манчжурію Демчинскаго. Я ихъ свелъ у себя, и въ полчаса всѣ переговоры были уже закончены. На другой день С. М. Пропперъ застраховалъ жизнь Демчинскаго на 50,000 рублей, выдалъ авансъ въ нѣсколько тысячъ, подъемныя и на телеграммы, вечеромъ втроемъ отобѣдали, и спустя нѣсколько часовъ Демчинскій уже лежалъ въ купе перваго класса по пути въ Лаоянь, а теперь вы уже можете читать его телеграммы изъ-за Байкала»...

Демчинскій получалъ три тысячи рублей въ мѣсяцъ за свои корреспондентскія услуги. И хотя у него уже былъ корреспондентскій опытъ, ибо онъ обслуживалъ «Голосъ» въ качествѣ корреспондента въ русско-турецкую войну 1877—78 гг., «Биржевыя Вѣдомости» были имъ недовольны. Въ его телеграммахъ тщетно искали сенсаціонныхъ и сносшибательныхъ эпизодовъ. Не удовлетворяли и письма съ театра войны, ибо они не писались въ духѣ «Громъ побѣды раздавайся!», «макаки-япошки» не раздѣлывались подъ орѣхъ, чѣмъ занимался другой манчжурскій корреспондентъ, жившій у Крюкова моста и посылавшій свои реляціи «Изъ Чифу» на китайскихъ джонкахъ, курсировавшихъ, повидимому, по Крюкову каналу.

Какъ человекъ наблюдательный, Н. А. Демчинскій сразу толкнулся на рядъ дефектовъ и неурядицъ, констатированныхъ впоследствии официальными историками русско-японской войны и нынѣ устраненныхъ, какъ свидѣлствуютъ очевидцы и участники обѣихъ войнъ и успѣхи русскаго оружія на трехъ театрахъ военныхъ дѣйствій.

Давать въ газетѣ отчеты о всѣхъ своихъ наблюденіяхъ въ Манчжуріи, раскрывать на ея столбцахъ всѣ слабыя стороны и язвы, обнаруженныя въ японскую войну, Демчинскій, разумѣется, не могъ, да и не стали бы тамъ печатать, но онъ считалъ тогда своимъ патриотическимъ долгомъ въ своихъ сообщеніяхъ, адресованныхъ въ высшія сферы и С. Ю. Витте, говорить всю правду.

22-го іюля онъ отправилъ изъ Лаояня въ Петергофъ черезъ одно вліятельное лицо обстоятельное сообщеніе съ изложеніемъ своихъ

манчжурскихъ впечатлѣній и письмо о томъ же на имя С. Ю. Витте. Въ препроводительномъ письмѣ, адресованномъ тогда сыну, Николаю Александровичъ, между прочимъ, писалъ: «Тяжело душевно жить здѣсь. Стыдно смотрѣть въ глаза кому-нибудь, нося имя «русскаго». Ужасъ позора покрылъ наше государственное знамя, и все это сдѣлалъ одинъ безталанный, безтолковый человѣкъ... Вчера я видѣлъ наполеоновскую армію по пути къ Березинѣ, буквально бѣгущую по одиночкѣ, по пять, по десять человѣкъ. Это ужасъ! Куропаткинъ кричитъ: «Я васъ всѣхъ разстрѣляю!» Но безконечная цѣпь бѣглецовъ заняла десятки верстъ вдоль полотна дороги и двигается неудержимо куда-то. Куда?.. Отдохнуть отъ японцевъ. Страшно! Точно какой-то кошмаръ душитъ русскую душу!»...

Черезъ мѣсяць Демчинскій писалъ, на этотъ разъ—изъ Мукдена:

«Это уже слишкомъ жестоко переживать такія позорныя пытки. Лаоянь отданъ съ боя! Насъ побили и выгнали и гонять, и гонять. Что писать? Какія тутъ возможны корреспонденціи! Ужасъ позора, котораго Россія никогда не переживала! Насъ гонять съ двухъ сторонъ по бокамъ. На полперехода впереди идутъ Куроки и Оку. Удеремъ ли? Позоръ, позоръ!..».

Донесенія Демчинскаго истолковывались самымъ невыгоднымъ для него образомъ. Его обвиняли въ сгущеніи красокъ, въ недостаточномъ патриотизмѣ.

Достоинно замѣчанія, что зарубежная русская газета, издававшаяся П. Б. Струве, «Освобожденіе», давшая у себя мѣсто «Запискѣ» Демчинскаго, приписала ему и его инспираціямъ вліяніе на агрессивную дальне-восточную политику, хотя Николай Александровичъ былъ всегда далекъ не только отъ дальне-восточныхъ, но и отъ крайнихъ вопросовъ. Онъ былъ постоянно озабоченъ судьбою «центра» и «низами» русскаго народа. Вотъ почему, при всей своей отзывчивости, Демчинскій не откликался на вопросы о положеніи инородцевъ, хотя высказывался въ частныхъ бесѣдахъ съ осужденіемъ о преслѣдованіяхъ нерусскаго населенія.

Знакомство Демчинскаго съ дальне-восточными дѣлами началось съ командировки его въ Манчжурію, въ качествѣ корреспондента. Тамъ же онъ изучилъ грядковую культуру хлѣбовъ, которую сталъ потомъ усиленно пропагандировать въ печати, за что газеты прозвали его «грядковымъ спасителемъ Россіи».

Демчинскій, дѣйствительно, видѣлъ въ грядковой культурѣ и вообще въ интенсификаціи земли панацею отъ всѣхъ нашихъ экономическихъ бѣдъ. Его брошюры «Грядковая культура» и «Чего хотятъ люди, которые ходятъ съ краснымъ знаменемъ» (объ интенсификаціи земли) разошлись въ милліонахъ экземпляровъ.

Пропагандировавшаяся покойнымъ Демчинскимъ грядковая культура основана на увеличеніи корневой системы растенія, что и составляетъ главную заслугу Николая Александровича. До него земледѣльцы, а за ними и наука были затипотизированы стремленіемъ развивать стебель хлѣбныхъ злаковъ, какъ органъ плодоносящій и потому единственно выгодный. Демчинскій находилъ, что слѣдуетъ итти совсѣмъ инымъ путемъ и стараться развить питающій аппаратъ: тогда остальные блага, въ томъ числѣ и пышное развитіе стебля, приложатся сами собою.

На увеличеніе мощности корней и направлена грядковая культура. Насколько эта идея оказалась жизненной, доказываетъ то, что крупные машиностроительные заводы стали изготовлять все чаще и чаще машины для грядковой культуры, дающія возможность обрабатывать по восьми десятинъ въ день при двухъ лошадяхъ и одномъ человѣкѣ.

Изданная Н. А. Демчинскимъ совмѣстно съ сыномъ Борисомъ Н.—чемъ книга «Обезпеченность урожая» разошлась у насъ въ пятнадцать изданійхъ и переведена на четыре языка. Въ 1913 году книга эта вышла въ Индіи.

Не довольствуясь печатною пропагандою своей грядковой системы, Демчинскій разъѣзжалъ по Россіи, обучая безвозмездно землевладѣльцевъ и крестьянъ сѣять и окучивать.

О грядковой культурѣ Николай Александровичъ помѣстилъ немало статей въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», съ которыми не порвалъ, несмотря на недоразумѣніе изъ-за корреспонденцій изъ Манчжуріи и на неулаженные денежные расчеты. Разочарованный всѣмъ видѣннымъ имъ и заболѣвъ, Демчинскій, послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія на театрѣ военныхъ дѣйствій, вернулся въ Петроградъ.

Произошло разногласіе въ толкованіи договора, издатель газеты удержалъ невыданное жалованье, Демчинскій хотя и находилъ издательское толкованіе неправильнымъ, махнулъ рукою на денежное недоразумѣніе и даже принималъ участіе въ «Бирж. Бѣд.» вплоть до 1911 года. Это не помѣшало газетѣ обойти полнымъ молчаніемъ его сотрудничество въ посвященной ему небольшой некрологической замѣткѣ и сопричислить его къ лику сотрудниковъ охранительной печати...

Со времени японской войны Н. А. Демчинскій сильно постарѣлъ. Къ нему подкралась болѣзнь печени, но, больной, онъ носился съ мыслью о поѣздкѣ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Не суждено было осуществиться его мечтѣ. вмѣсто Николая Александровича поѣхали на войну его сыновья, изъ коихъ одинъ, офицеръ, получилъ четыре раны и попалъ въ плѣнъ; другой, морякъ, участвовавшій въ японской войнѣ, гдѣ былъ раненъ на «Суворовѣ», подалъ прошеніе на Высочайшее имя о принятіи его вновь

на службу. Удовлетворенію этого ходатайства не мало содѣйствоваль самъ отецъ наканунѣ кончины.

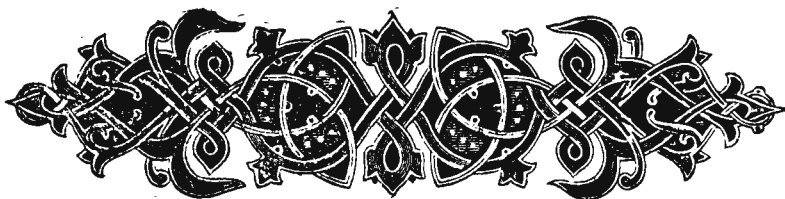
— Мнѣ тяжело было бы лишиться васъ,—объявилъ Демчинскій своимъ сыновьямъ:—но я благословляю васъ на ратное дѣло. Ваша жизнь нужна родинѣ...

И жизнь самого Н. А. Демчинскаго, скончавшагося на шестьдесятъ четвертомъ году отъ роду, нужна была родинѣ, для которой онъ могъ бы еще поработать на разныхъ поприщахъ.

Но и сдѣланное Демчинскимъ даетъ ему право на видное мѣсто въ исторіи нашей общественности...

А. Е. Кауфманъ.

ТОРГОВЫЙ ДОГОВОРЪ СЪ ГЕРМАНИЕЙ 1904 Г. ¹⁾

В 1903 ГОДУ истекалъ срокъ русско-германскаго торговаго договора 1894 года. Германское правительство внесло въ рейхстагъ проектъ новаго таможеннаго тарифа, который послѣ весьма продолжительнаго обсуждения былъ утвержденъ въ декабрь 1902 года. Въ рейхстагѣ господствовалъ въ это время блокъ аграріевъ и клерикальнаго центра. При руководящей роли этого блока, новый германскій тарифъ представилъ собою сильное повышение большей части пошлинъ, особенно значительное по отношенію къ продуктамъ сельскохозяйственной промышленности. Сверхъ того, тарифъ этотъ внесъ въ германскую таможенную систему ту особенность, что пошлины на пшеницу, полбу, рожь, овесъ и пивоваренный ячмень не могли быть, при заключеніи торговыхъ договоровъ съ другими государствами, понижаемы болѣе опредѣленныхъ въ этомъ законѣ минимальныхъ размѣровъ. Эти минимальные размѣры были таковы, что превышали дѣйствовавшія по договору съ Россіей пошлины: для ржи на 11 коп., для пшеницы на 15 коп. и для

---

¹⁾ Настоящая статья принадлежитъ перу покойнаго профессора Иванюкова и представляетъ собою окончаніе его работы о торговыхъ договорахъ съ Германіей, первая часть которой была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы» (№ 7) за 1914 годъ. Въ этой части профессоръ Иванюковъ обстоятельно повѣствуетъ, при какихъ обстоятельствахъ заключенъ былъ тогдашнимъ министромъ финансовъ С. Ю. Витте торговый договоръ съ Германіей въ 1894 году и въ чемъ заключалась его выгодная сторона для нашей страны.

Ред.

овса на 17 коп. съ пуда, что въ сопоставленіи съ дѣйствовавшими ставками выражается слѣдующими цифрами (въ маркахъ съ дв. цент.).

	ПРЕЖНІЙ ТАРИФЪ		НОВЫЙ ТАРИФЪ	
	ПОШЛИНЫ		ПОШЛИНЫ	
	ОБЩАГО ТАРИФА	ДОГОВОРНЫЯ	ОБЩАГО ТАРИФА	МИНИМАЛЬНЫЯ
Пшеница и полба .	5.00	3.50	7.50	5.50
Рожь	5.00	3.50	7.00	5.00
Овесъ	4.00	2.80	7.00	5.00

Увеличеніе новаго германскаго тарифа было настолько значительно, что въ примѣненіи его къ нашему привозу въ Германію послѣдній оказался бы переобложеннымъ, сравнительно съ условіями торговаго договора 1894 года, на сумму приблизительно 78 милліоновъ марокъ, если принять въ расчетъ для главныхъ хлѣбовъ минимальныя пошліны, и до 110 милліоновъ марокъ—если эти хлѣба обложены ординарными ставками.

Съ своей стороны, и русское правительство, въ виду приближенія срока, съ котораго могло послѣдовать прекращеніе дѣйствія заключенныхъ торговыхъ договоровъ, приступило къ пересмотру своего таможеннаго тарифа. Результатомъ этого пересмотра явился новый тарифъ, утвержденный Государемъ въ январѣ 1903 года. Усиливающееся къ началу XX вѣка во всей Западной Европѣ, кромѣ Англїи, теченіе къ повышенію пошліней сказалось и на нашемъ новомъ тарифѣ. Кромѣ того, на нѣкоторые товары (преимущественно на металлы, издѣлія изъ нихъ и на нѣкоторые мануфактурные товары) по новому тарифу установлены два размѣра пошліней: общія ставки для товаровъ, привозимыхъ по морской границѣ, и ставки, повышенныя на двадцать процентовъ для тѣхъ же товаровъ, привозимыхъ по западной сухопутной границѣ (Германія и Австрія).

Срокъ введенія въ дѣйствіе какъ русскаго, такъ и германскаго новыхъ тарифовъ не былъ, при ихъ утвержденіи, назначенъ, будучи, какъ съ нашей, такъ и съ германской стороны, поставленъ въ зависимость отъ хода предстоящихъ переговоровъ относительно заключенія новыхъ торговыхъ трактатовъ.

Нотою въ январѣ 1903 года германское правительство сообщило о своей готовности немедленно приступить къ переговорамъ о заключеніи новаго договора, заявивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что эти переговоры оно полагало бы основать: съ нашей стороны—на дѣйствующемъ тарифѣ, а съ его стороны—на новомъ, уже въ то время опубликованномъ тарифѣ. Наше правительство немедленно отвѣтило, что и оно не усматриваетъ необходимости въ коренномъ измѣненіи дѣйствующаго договора, и что было бы всего правильнѣе исходить съ обѣихъ сторонъ изъ дѣйствующаго договора, такъ какъ имъ опре-

дѣлилось уже извѣстное равновѣсіе въ условіяхъ товарнаго обмѣна между обоими государствами. Но, въ виду указанія германскаго правительства на послѣдовавшее уже опубликованіе новаго германскаго тарифа, съ нашей стороны было заявлено объ отсутствіи возраженій къ тому, чтобы исходнымъ основаніемъ для переговоровъ были приняты новые тарифы.

Въ это время въ нѣмецкой печати, по преимуществу въ органахъ аграрно-консервативнаго направленія, шла агитація противъ русскаго министра финансовъ. Агитація велась съ цѣлью свергнуть С. Ю. Витте съ занимаемаго имъ поста. Не брезгали ничѣмъ, лишь бы подорвать къ нему довѣріе въ высшихъ сферахъ. Среди инсинуацій на С. Ю. Витте ясно выступало наружу злобное памятованіе аграріевъ о его дѣятельности въ договорѣ 1894 года и, разумѣется, стремленіе освободиться отъ такого опаснаго противника въ предстоящемъ заключеніи новаго договора.

По поводу агитаціи въ нѣмецкой печати бывшимъ нашимъ финансовымъ агентомъ въ Берлинѣ В. И. Тимирязевымъ было прислано на имя министра финансовъ въ концѣ 1902 года слѣдующее интересное письмо:

«Въ послѣднее время возобновились въ нѣмецкой печати нападки на васъ и на вашу финансово-экономическую политику. Нападки эти являются по преимуществу въ органахъ аграрно-консервативнаго направленія... Нѣмецкіе журналисты сосредоточиваютъ свои стрѣлы на вашемъ государственномъ служеніи, проявляя совсѣмъ неестественную для нѣмцевъ заботливость о благѣ Россіи, которому, по ихъ словамъ, ваша дѣятельность угрожаетъ всякими ужасами.

«Невольно спрашиваешь себя, зачѣмъ все это пишется и почему это дѣлается именно теперь. Казалось бы, что если, какъ изображаютъ ваши здѣшніе критики, Россія, и въ особенности земледѣльческая Россія, оказывается, «благодаря вамъ», «слабой», «разоренной», «продающей за границу хлѣбъ нужный дома» и т. д., то это должно быть на руку нѣмецкимъ патріотамъ и имъ не было бы, собственно говоря, никакого основанія нападать на человѣка, который, по ихъ мнѣнію, привелъ уже или приведетъ въ самомъ скоромъ времени Россію въ самое плачевное состояніе.

«Мнѣ кажется, что ларчикъ просто открывается. Статьи эти рассчитаны не на нѣмецкихъ, а на русскихъ читателей. Въ нихъ видна явная цѣль поколебать ваше положеніе въ Россіи, подорвать довѣріе къ вамъ въ Россіи, начиная съ общественнаго у насъ мнѣнія и восходя, быть можетъ, до высоты престола. Въ нихъ высказывается прямо-таки необузданное желаніе добиться вашего паденія, вашего ухода съ министерскаго кресла. И вотъ что замѣчательно: въ то время, какъ въ прошломъ году германскія правительственныя лица, съ имперскимъ канцлеромъ во главѣ, приняли, по собственному почину, слѣдуя элементарнымъ правиламъ международной вѣжливости, мѣры къ прекращенію нападковъ на васъ, какъ русскаго министра, теперь, когда нападки эти проявляются въ гораздо болѣе рѣзкой формѣ, они спокойно допускаютъ появленіе ихъ въ германской печати, въ той именно печати, которая, какъ здѣсь всѣмъ хорошо извѣстно, находится если не въ рукахъ правительства, то по крайней мѣрѣ подъ сильнымъ его вліяніемъ. Небезынтересно также, что

походъ противъ васъ возобновился какъ разъ тогда, когда шансы германскаго правительства на принятіе рейхстагомъ его проекта новаго таможеннаго тарифа значительно возросли и пришлось подумывать о томъ, какъ бы поудобнѣе «взять съ бою» новые торговые договоры съ иностранными государствами, въ особенности съ Россіей, которой, какъ странѣ земледѣльческой, особенно невыгоденъ аграрный таможенный тарифъ.

«Все это оставляетъ во мнѣ несомнѣнное впечатлѣніе, что за пресою, желающею во что бы то ни стало вашего ухода и усердно работающею въ этомъ направленіи, стоитъ само германское правительство или, вѣрнѣе, стоятъ тѣ германскіе государственные люди, которые нѣсколько опрометчиво увѣрили страну, что на основаніи новаго таможеннаго тарифа торговые договоры будутъ заключены, а теперь очень боятся международныхъ затрудненій. Правительство помнитъ 1894 годъ, когда ему пришлось впервые помѣряться съ вами въ торгово-политическомъ столкновеніи, и его страшитъ повтореніе этого опыта при условіяхъ, для Германіи менѣе благоприятныхъ.

«Я пишу вамъ обо всемъ этомъ не для того, чтобы рекомендовать вамъ принятіе какихъ-либо мѣръ противъ новаго похода на васъ. Мнѣ хочется только, чтобы вы были въ полномъ курсѣ того, что здѣсь дѣлается. Дѣлается, разумѣется, нѣчто не очень красивое, но на войнѣ всѣ средства хороши и не даромъ графъ Посадовекій называетъ свое дѣтище — новый германскій тарифъ, —необходимѣйшимъ вооруженіемъ при помощи котораго Германія должна будетъ добиться выгодныхъ ей торговыхъ договоровъ».

Въ апрѣлѣ 1903 года германское правительство, увѣдомивъ, что оно закончило изученіе новаго русскаго тарифа, равно какъ и разработку тѣхъ пожеланій, которыя оно намѣрено заявить относительно условій новаго торговаго соглашенія, предложило русскому правительству заявить его пожеланія по тому же вопросу.

Предложеніе это было нами принято. При обмѣнѣ списковъ пожеланій со стороны нашей было заявлено, что главнѣйшими условіями для заключенія новаго торговаго договора мы признаемъ: 1) отмѣну крайне стѣснительныхъ мѣръ, принимаемыхъ Германіей по отношенію къ ввозу изъ Россіи живого скота, мяса, птицы и другихъ предметовъ животноводства; 2) принятіе надлежащихъ мѣръ противъ дѣйствій существующихъ въ Германіи промышленныхъ союзовъ (картелей, синдикатовъ и т. п.), сбывающихъ товаръ за границу по искусственно пониженнымъ цѣнамъ и тѣмъ ослабляющихъ значеніе нашихъ таможенныхъ пошлинъ, и 3) пониженіе пошлинъ на хлѣба до уровня, возможно приближающагося къ дѣйствующимъ пошлинамъ.

Пожеланія же, заявленныя германскимъ правительствомъ, заключались въ весьма значительномъ пониженіи пошлинъ по большей части статей русскаго тарифа и въ уравниеніи условій провоза по морской и сухопутной границѣ для тѣхъ товаровъ, для которыхъ новымъ нашимъ тарифомъ устанавливались различные оклады пошлинъ по этимъ двумъ границамъ. Далѣе заявлялось о цѣломъ рядѣ измѣненій и дополненій въ текстѣ договора, изъ которыхъ

особенно обращали на себя вниманіе слѣдующія два пожеланія: разрѣшеніе германскимъ подданнымъ пріобрѣтать повсемѣстно въ Имперіи недвижимыя имущества наравнѣ съ русскими подданными и открытіе для нѣмецкихъ товаровъ транзита черезъ Закавказье и по сибирскимъ желѣзнымъ дорогамъ.

Въ августѣ, по инициативѣ Германіи, собралась въ Петербургѣ конференція изъ представителей обѣихъ странъ. Конференція не пришла ни къ какимъ результатамъ, въ виду крайней незначительности тѣхъ уступокъ, которыя были предложены нѣмецкими представителями.

Въ это время, наканунѣ войны съ Японіей, министръ финансовъ С. Ю. Витте былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета министровъ, а его постъ занялъ Плесске, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончался, а затѣмъ В. Н. Коковцовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ по докладу В. Н. Коковцова на С. Ю. Витте Высочайше возложено было дальнѣйшее веденіе происходившихъ переговоровъ о торговомъ договорѣ съ Германіей.

Въ ноябрѣ открылась въ Берлинѣ вторая конференція изъ представителей обѣихъ странъ. Работы этой конференціи ограничивались лишь обсужденіемъ вопросовъ по привозу изъ Россіи въ Германію скота, птицы и другихъ предметовъ животноводства; къ обсужденію же тарифовъ конференція и не приступала, въ виду рѣшительнаго со стороны нѣмецкихъ делегатовъ отказа въ пониженіи пошлинъ на хлѣбъ. На наши пожеланія объ отмѣнѣ Германіей стѣснительныхъ мѣръ къ ввозу изъ Россіи предметовъ животноводства, нѣмецкіе делегаты отвѣчали отрицательно, ссылаясь на неудовлетворительную у насъ постановку ветеринарной части, при которой, говорили они, нельзя, безъ особыхъ предосторожностей, открыть границы Германіи для пропуска живого скота безъ риска занесенія туда эпизоотій.

Одновременно съ вялымъ и малосодержательнымъ ходомъ занятій конференціи германскимъ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ Рихтгофеномъ въ ноябрѣ 1903 г. былъ врученъ лично старшему русскому делегату В. И. Тимирязеву новый перечень предлагаемыхъ Германіей уступокъ, а также германскихъ пожеланій, который долженъ послужить базисомъ для дальнѣйшихъ переговоровъ. При этомъ германское правительство заявило: 1) что оно лишено возможности понизить минимальныя пошлины на хлѣбъ; 2) что по изученію современныхъ ветеринарно-санитарныхъ условій Россіи оно не признаетъ возможнымъ отмѣнить существующія запрещенія по ввозу изъ нея скота и продуктовъ животноводства; и 3) что предлагаемыя въ остальной части новаго германскаго тарифа уступки могутъ быть предоставлены Россіи въ томъ лишь случаѣ, если для германскаго ввоза въ Россію будутъ сохранены въ общемъ ставки дѣйствующаго русскаго тарифа.

Ознакомившись въ подлинникъ съ документомъ, врученнымъ статсъ-секретаремъ Рихтгофеномъ нашему делегату, предсѣдатель комитета министровъ пришелъ къ заключенію, что сдѣланныя Германіей предложенія въ виду крайней незначительности дѣлаемыхъ уступокъ, съ рѣшительнымъ при томъ отказомъ въ какомъ-либо пониженіи минимальныхъ ставокъ, не создаютъ соответствующей достоинству и выгодамъ Россіи почвы для достиженія желательнаго соглашенія. Онъ полагалъ, что вообще не слѣдуетъ спѣшить съ замѣной дѣйствующаго договора новымъ. А потому лучше воздержаться отъ какихъ бы то ни было предложеній съ нашей стороны и выжидать ихъ отъ Германіи. По его убѣжденію, какой бы договоръ мы ни заключили, при современныхъ обстоятельствахъ, онъ окажется для насъ менѣе выгоднымъ, чѣмъ дѣйствующій. Наше искусство можетъ только до нѣкоторой степени ослабить невыгоды новаго договора. Существующій договоръ можетъ быть денонсированъ одной изъ сторонъ за годъ до истеченія его срока. Поэтому, если бы Германія, по какимъ-либо причинамъ, признала для себя желательнымъ воспользоваться принадлежащимъ ей правомъ и денонсировала бы договоръ, то мы во всякомъ случаѣ были бы избавлены отъ немедленнаго наступленія таможенной войны и имѣли бы передъ собою свободный годовой срокъ. Впрочемъ, нужно имѣть въ виду, что германскому правительству не такъ-то легко денонсировать договоръ, ибо, согласно закону, оно не имѣетъ права денонсировать какой-либо отдѣльный договоръ и ввести свой новый тарифъ по отношенію данной страны. Оно можетъ ввести тарифъ лишь по отношенію всѣхъ странъ, а слѣдовательно и денонсировать всѣ договоры съ специальными тарифами. Далѣе предсѣдатель комитета министровъ С. Ю. Витте считалъ необходимымъ вести переговоры по торговому соглашенію одновременно и съ другими странами—Франціей, Австро-Венгріей и Италіей. Такіе переговоры, будучи въ началѣ предварительными, дали бы, однако, возможность узнать, какіе шаги дѣлаетъ Германія въ этихъ странахъ. Торговые договоры такъ между собою связаны, что нельзя заключить одинъ изъ нихъ, не выяснивъ основанія другихъ. Въ виду всего сказаннаго, предсѣдатель комитета министровъ полагалъ необходимымъ на сдѣланныя германскимъ правительствомъ предложенія высказаться отрицательно и предложить ему представить новыя основанія для веденія дальнѣйшихъ переговоровъ.

Подробно развитыя, всѣ эти заключенія и соображенія, вмѣстѣ съ проектомъ ноты германскому правительству, составили содержаніе всеподданнѣйшаго доклада, представленнаго предсѣдателемъ комитета министровъ въ концѣ декабря.

Въ отправленной въ Берлинъ нотѣ говорилось, что русское правительство признаетъ неприемлемыми германскія предложенія, какъ создающія полное неравенство въ условіяхъ товарообмѣна

между обоими государствами. При допущеніи этихъ предложеній, вывозъ товаровъ изъ Россіи въ Германію оказался бы переобложеннымъ пошлинами, сравнительно съ теперешними условіями, приблизительно на $33\frac{1}{2}$ милліона марокъ въ годъ, между тѣмъ какъ произведенія германской промышленности сохранили бы всѣ льготы по ввозу въ Россію, предоставленныя имъ дѣйствующимъ договоромъ. Въ такихъ условіяхъ русское правительство не находитъ возможнымъ итти далѣе тѣхъ уступокъ въ тарифѣ, которыя уже были имъ предложены въ августовской конференціи въ Петербургѣ, такъ какъ, съ принятіемъ ихъ, германскій ввозъ въ Россію оказался бы переобложеннымъ, сравнительно съ теперешними условіями, всего на 26 милліоновъ марокъ въ годъ, т. е. даже на четыре милліона марокъ менѣе переобложенія нашего вывоза въ Германію. Въ заключеніе нами было заявлено, что въ случаѣ несогласія германскаго правительства на сдѣланныя нами уже предложенія, отъ него будетъ зависѣть заявить намъ вновь такія условія, при которыхъ русское правительство могло бы пойти съ своей стороны на дальнѣйшія уступки въ пошлинахъ своего тарифа.

На этомъ переговоры временно пріостановились. Затѣмъ, въ концѣ января 1904 года, вспыхнула русско-японская война. Въ апрѣлѣ 1904 года вопросъ о возобновленіи переговоровъ былъ снова возбужденъ германскимъ правительствомъ. Вслѣдствіе этого предстояло рѣшить: какъ поступить въ случаѣ, если бы окончательно выяснилось безповоротное рѣшеніе германскаго правительства не соглашаться на какія-либо уступки въ минимальныхъ пошлинахъ.

При обсужденіи этого вопроса въ особомъ высшемъ совѣщаніи, состоявшемся подъ его предсѣдательствомъ, С. Ю. Витте высказался за настойчивость въ домогательствѣ относительно пониженія минимальныхъ пошлинъ на зерновой хлѣбъ. Мы, въ сущности, говорилъ С. Ю. Витте, ничѣмъ не рискуемъ, такъ какъ если бы Германія, въ виду нашей неуступчивости, рѣшилась прибѣгнуть къ денонсированію дѣйствующаго русско-германскаго торговаго договора, что весьма мало вѣроятно, то и тогда дѣйствіе его не могло бы быть прекращено ранѣе одного года со дня денонсированія и мы имѣли бы впереди достаточно времени для окончательнаго соображенія условій, на которыхъ можно было бы заключить новый договоръ съ Германіей и изыскать способъ осуществить его безъ всякаго умаленія достоинства Россіи. Если бы Германіи удалось ранѣе заключить договоръ съ другими странами, имѣющими одинаковые съ нами интересы, то и тогда этотъ фактъ не могъ бы имѣть для насъ неблагоприятнаго значенія. Но едва ли Германіи удастся заключить выгодные для нея договоры со странами, намъ конкурентными. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ въ этомъ отношеніи она не достигала серьезныхъ результатовъ, ибо въ дѣйствительности всѣ ждутъ, какъ отнесется

къ новому тарифу Россія. Вотъ почему для Германіи особливо важно покончить скорѣе и благопріятно для нея дѣло съ нами. Нельзя не указать при этомъ и на то, — продолжалъ предсѣдатель, — что въ самой Германіи противъ пошлины на хлѣбъ существуетъ оппозиція въ торгово-промышленныхъ кругахъ и рабочихъ сферахъ, усматривающихъ въ нихъ препятствіе къ заключенію выгодныхъ для нѣмецкаго экспорта договоровъ и увеличеніе стоимости питанія бѣднаго класса населенія.

Министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Ламсдорфъ, заявилъ, что съ точки зрѣнія ввѣреннаго ему вѣдомства заключеніе торговыхъ договоровъ является вообще весьма желательнымъ; обостренность экономическихъ интересовъ между государствами отражается нерѣдко и на политическихъ дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ, что при всей важности возобновленія съ сосѣднею имперіею на новый десятилѣтній срокъ торговаго соглашения, нельзя принести, безъ соотвѣствующихъ компенсацій, въ жертву германскимъ аграріямъ интересы нашего сельскаго хозяйства.

Министръ финансовъ В. Н. Коковцевъ былъ того мнѣнія, что весь вопросъ сводится къ тому, можно ли ожидать, что, продолжая замедлять ходъ переговоровъ и оставаться неуступчивыми по отношенію къ минимальнымъ ставкамъ, мы добьемся ихъ пониженія. Твердое намѣреніе германскаго правительства усилить, во что бы то ни стало, таможенное покровительство хлѣбопашеству явилось, въ сущности, исходной причиной, сдѣлавшей необходимымъ самый пересмотръ торговыхъ договоровъ Германіи съ иностранными государствами. Постановленіе о минимальныхъ пошлинахъ утверждено значительнымъ большинствомъ въ имперскомъ парламентѣ. Высказывается мнѣніе, что уходъ канцлера можетъ повліять на судьбу минимальныхъ пошлинъ. Но помимо того, что не имѣется никакихъ признаковъ, которые позволили бы ожидать такого событія, нѣтъ основанія думать, что съ уходомъ графа Бюлова наступитъ новый курсъ. Всѣ кандидаты, называемые нѣмецкою печатью на канцлерскій постъ, извѣстны какъ еще болѣе крайніе аграріи, нежели графъ Бюловъ. Наконецъ, едва ли приходится намъ рассчитывать въ нашей оппозиціи минимальнымъ пошлинамъ и на поддержку со стороны другихъ государствъ. Австро-Венгрія перестала быть страной, вывозящею въ Германію пшеницу и рожь, и ее могутъ интересовать только пошлины на пивоваренный ячмень и солодъ, насъ не касающіяся. Соединенные Штаты придають значеніе лишь тому, чтобы ихъ сельско-хозяйственные продукты не облагались болѣе высокими пошлинами, чѣмъ однородные продукты конкурирующихъ съ ними странъ.

Разъ намъ надо примириться съ мыслью, что въ будущемъ, какъ и теперь, придется трактовать съ Германіей не иначе, какъ на основаніи тѣхъ же минимальныхъ пошлинъ, то. промедленіе мо-

жетъ лишь поставить насъ въ невыгодное положеніе. Мы весьма правильно придерживались до сихъ поръ той точки зрѣнія, что въ нашихъ интересахъ представляется желательнымъ, чтобы Германія договорилась съ нами первыми, и добились даже отъ нея согласія не начинать ни съ кѣмъ переговоровъ ранѣе, чѣмъ съ нами. Медленный ходъ русско-германскаго соглашенія заставилъ Германію отступить отъ этого пути. По имѣющимъ свѣдѣніямъ, ею уже подписанъ договоръ съ Италіей; готовъ къ подписанію договоръ съ Бельгіею, имѣющей большое значеніе, какъ транзитное государство по ввозу на германскіе рынки иностраннаго хлѣба. Начаты переговоры съ Румыніей, Швейцаріей и Австро-Венгріей, въ благопріятномъ исходѣ которыхъ едва ли можно сомнѣваться.

При такомъ положеніи дѣла мы легко можемъ оказаться изолированными и, чтобы избѣжать таможенной войны съ Германіей, быть вынужденными согласиться на тѣ самыя хлѣбныя пошлины, принятіе которыхъ теперь можетъ имѣть характеръ дружеской услуги сосѣднему государству.

Скорѣйшее заключеніе торговаго трактата съ Германіей представляется министру финансовъ желательнымъ еще и по тому соображенію, что *при настоящихъ, весьма серьезныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ*, требующихъ крайняго напряженія финансовыхъ силъ Россіи, обращеніе къ заграничному кредиту, въ видахъ усиленія средствъ государственнаго казначейства и охраненія неприкосновенности золотого обращенія, представляется дѣломъ государственной необходимости. Ограничиться только что заключеннымъ займомъ во Франціи едва ли окажется возможнымъ. Зависимость же, въ этомъ отношеніи, отъ одного французскаго рынка, насыщеннаго нашими цѣнностями, не можетъ не обезпечить министра финансовъ. Между тѣмъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что другой испытанный и солидный рынокъ,—германскій,—будетъ оставаться закрытымъ для насъ до тѣхъ поръ, пока остается не разрѣшеннымъ вопросъ о русско-германскомъ торговомъ договорѣ.

Министръ земледѣлія статсъ-секретарь Ермоловъ замѣтилъ, что, какъ представитель вѣдомства, призваннаго охранять интересы русскаго сельскаго хозяйства, онъ былъ бы особенно склоненъ къ тому, чтобы не отказываться отъ дальнѣйшихъ попытокъ добиться отъ Германіи пониженія минимальныхъ пошлинъ на зерновой хлѣбъ, если бы у него оставалась какая-либо надежда на то, что такія попытки могли бы увѣнчаться успѣхомъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарь Плеве находилъ, что въ интересахъ его вѣдомства, пользующагося предупредительной внимательностью германскаго правительства въ вопросахъ, *связанныхъ съ охраною исконныхъ началъ нашей государственной и общественной жизни*, всякій шагъ, могущій благопріятно

вліяты на политическія отношенія между Россіей и Германіей, представляется желательнымъ, а такимъ шагомъ, при данныхъ обстоятельствахъ, несомнѣнно, явится скорѣйшее заключеніе торговаго договора съ Германіей.

Главноуправляющій торговымъ мореплаваніемъ и портами изволилъ выразить, что въ разсматриваемомъ вопросѣ выдвигается на первый планъ его политическая сторона. При нормальномъ ходѣ событій было бы необходимо вести переговоры такъ же упорно, какъ они велись до сихъ поръ. При такомъ способѣ веденія дѣла есть вѣроятность, что въ концѣ концовъ Германія можетъ пойти на большія уступки. Но при особыхъ обстоятельствахъ *переживаемаго нами времени нельзя пренебрегать политической поддержкою Германіи*. Съ этой собственно точки зрѣнія главноуправляющій торговымъ мореплаваніемъ и портами и съ своей стороны не возражалъ бы противъ принятія нами минимальныхъ германскихъ пошлинъ.

Послѣ дальнѣйшаго обмѣна мыслей, касавшихся нѣкоторыхъ частныхъ дѣла, совѣщавшіеся пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Торговый договоръ съ Германіей, основанный на минимальныхъ пошлинахъ для пшеницы (и полбы), ржи и овса, измѣнить къ худшему теперешнія условія сбыта въ Германію этихъ основныхъ предметовъ нашего вывоза. Поэтому, если разсматривать настоящій вопросъ съ одной только экономической точки зрѣнія, то не усматривалось бы основаній измѣнять принятую систему веденія переговоровъ и приближать время окончательнаго рѣшенія, въ томъ расчетѣ, что, можетъ быть, удастся, въ концѣ концовъ, добиться пониженія минимальныхъ пошлинъ. Во всякомъ случаѣ при неуступчивости возможно достигнуть лучшихъ результатовъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Принятіе нами теперь же минимальныхъ пошлинъ за основаніе новаго торговаго соглашенія явится по существу дѣла дружественнымъ дѣйствіемъ, которое можетъ отразиться благопріятно и на политическихъ отношеніяхъ между обоими сосѣдними государствами.

Что касается, наконецъ, финансовыхъ обстоятельствъ, озабочивающихъ съ полнымъ основаніемъ министра финансовъ, то съ этой точки зрѣнія скорѣйшее улаженіе русско-германскаго экономического спора представляется, несомнѣнно, весьма желательнымъ.

По совокупности всѣхъ изложенныхъ соображеній, совѣщавшіеся полагали, что, при современныхъ обстоятельствахъ, представлялось бы желательнымъ приступить немедленно къ обсужденію основаній и, затѣмъ, къ практическому осуществленію, но безъ задержекъ, торговаго соглашенія съ Германіей, принявъ въ

основаніе минимальныя пошлины германскаго тарифа и не предъявляя къ ней требованій, на которыя германское правительство не могло бы согласиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ обставить уступчивость Россіи въ области торговаго трактата возможно благопріятными общими условіями.

Эти заключенія послужили руководствомъ для дальнѣйшихъ переговоровъ съ Германіей. Затѣмъ императоръ соизволилъ поручить предсѣдателю комитета министровъ лично войти въ переговоры въ Берлинѣ съ имперскимъ канцлеромъ относительно заключенія новаго торговаго договора.

Отъѣздъ предсѣдателя комитета министровъ задержался, повидимому, въ ожиданіи, къ чему поведетъ недовольство политикой нѣмецкаго канцлера, проявлявшееся въ это время въ Германіи. Въ Германіи говорили о возможности скорой отставки графа Бюлова. Были нѣкоторыя основанія рассчитывать хотя бы на небольшой въ нашу пользу поворотъ въ направленіи германской торговой политики.

Статсъ-секретарь С. Ю. Витте рѣшилъ ѣхать въ Берлинъ въ началѣ іюля. Передъ поѣздкой онъ озаботился тѣмъ, чтобы нѣмецкая печать не истолковала его пребываніе въ Берлинѣ, какъ признакъ, что русское правительство готово итти на всѣ уступки по торговому трактату и принять всѣ требованія Германіи. Нашему послу поручено было войти по этому предмету въ сношеніе съ берлинскимъ кабинетомъ. Въ полученномъ отъ посла отвѣтѣ сообщалось, что графъ Бюловъ очень радъ войти въ прямые переговоры съ человекомъ, столько значительнымъ, какъ С. Ю. Витте. Канцлеръ выразилъ увѣренность, что его императоръ съ удовольствіемъ узнаетъ о томъ, что полномочія по веденію переговоровъ даны предсѣдателю комитета министровъ С. Ю. Витте, и будетъ тронуть новымъ доказательствомъ дружбы къ нему русскаго двора. Канцлеръ очень желалъ бы ускорить переговоры. Отправляясь въ лѣтній отпускъ въ Нордернэ, онъ, тѣмъ не менѣе, выразилъ готовность пріѣхать въ Берлинъ при первомъ увѣдомленіи о прибытіи статсъ-секретаря Витте. Въ то же время онъ рѣшается сдѣлать статсъ-секретарю слѣдующее предложеніе: перенести веденіе всего дѣла о новомъ торговомъ договорѣ въ Нордернэ. Спеціальнѣйшій поѣздъ, въ случаѣ согласія русскаго уполномоченнаго, будетъ въ его распоряженіи. Уединенность мѣста и возможность, поэтому, для графа Бюлова избѣгать въ немъ исполненія многообразныхъ обязанностей, поглощающихъ все время въ Берлинѣ, облегчили бы, несомнѣнно, ходъ переговоровъ и позволили бы покончить ихъ въ десять дней.

Желаніе, высказанное статсъ-секретаремъ по отношенію къ печати, будетъ исполнено канцлеромъ по мѣрѣ возможности.

Предсѣдатель комитета министровъ не замедлилъ отправиться въ Берлинъ и оттуда въ Нордернэ. Переговоры пошли быстрымъ темпомъ, несмотря на неожиданное осложненіе, вызванное тѣмъ обстоятельствомъ, что русское правительство поставило подписаніе договора въ зависимость отъ согласія Германіи на заключеніе нами займа въ Берлинѣ.

Русское правительство настаивало, чтобы имперскій канцлеръ принялъ письменное обязательство допустить насъ къ совершенію займа въ Германіи. Канцлеръ желалъ отклонить это предложеніе ссылкой на то, что самъ императоръ германскій предвидитъ необходимость обратиться къ внутреннему займу. Нашъ уполномоченный далъ понять графу Бюлову, что Россія придаетъ заявленному желанію особое значеніе и что, въ случаѣ его непріятія, онъ лишень будетъ возможности скрѣпить договоръ своей подписью. Въ результатѣ переговоровъ, нашему уполномоченному удалось достигнуть нѣкоторыхъ существенныхъ уступокъ въ направленіи уменьшенія переобложенія нашего вывоза, а также согласія на заключеніе въ Германіи займа. Министръ финансовъ В. Н. Коковцовъ, получавшій отъ нашего уполномоченнаго сообщенія о ходѣ переговоровъ, писалъ С. Ю. Витте въ Нордернэ: «Я вполне доволенъ достигнутыми вами результатами. Нахожу даже, что мы взяли съ нѣмцевъ все, что можно было взять».

10-го іюля переговоры въ Нордернэ закончились, и нашъ уполномоченный, проѣздомъ черезъ Берлинъ, получилъ отъ министра финансовъ увѣдомленіе, что состоявшееся соглашеніе признано вполне отвѣчающимъ преподаннымъ указаніямъ и въ должной степени ограждающимъ интересы и достоинство Россіи.

Проектъ новаго торговаго соглашенія поступилъ въ началѣ 1905 года на обсужденіе: въ Россіи—Государственнаго Совѣта, въ Германіи—рейхстага.

Государственный Совѣтъ, въ чрезвычайномъ общемъ собраніи 27-го января, призванъ былъ высказать свое заключеніе о дополнительной конвенціи къ существующему договору съ Германіей, подписанной 15-го (28-го) іюля 1904 года статсъ-секретаремъ Витте и германскимъ имперскимъ канцлеромъ. Въ этомъ засѣданіи министръ финансовъ В. Н. Коковцовъ указалъ, что германскій таможенный законъ 1902 года о минимальныхъ пошлинахъ на зерно и рѣшительный отказъ германскаго правительства допустить какія-либо изъ него изыятія въ нашу пользу имѣли рѣшающее значеніе для всего хода нашихъ переговоровъ. Встрѣтившись съ неизбѣжной необходимостью или принять, или отвергнуть минимальныя ставки и взвѣсивъ совокупность тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ протекало веденіе переговоровъ по этому важному предмету, русское правительство прониклось убѣжденіемъ что согласіе на минимальныя ставки является непремѣннымъ усло-

віемъ заключенія конвенціи. При этомъ принято было во вниманіе, что, въ случаѣ заключенія новаго торговаго договора между нами и Германіей, къ нашимъ зерновымъ хлѣбамъ, наравнѣ со всѣми прочими, безъ различія страны происхожденія, будутъ примѣняться однѣ и тѣ же пошлины и, слѣдовательно, русскій хлѣбъ будетъ поставленъ въ совершенно одинаковыя условія конкуренціи съ хлѣбами, привозимыми въ Германію изъ всякаго другого вступившаго съ нею въ договоръ государства. Напротивъ того, въ случаѣ денонсаціи Германією дѣйствующаго договора,—что являлось бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ непринятія нами ставокъ,—эта равноправность утрачивалась бы нами къ явному ущербу для нашего земледѣлія. При такихъ условіяхъ, уполномоченному для заключенія конвенціи оставалось направить свои усилія къ тому, чтобы обезпечить за нашимъ сельскимъ хозяйствомъ нѣкоторыя другія облегченія условій торговли съ Германіей и предоставить прочимъ отраслямъ отечественной промышленности недостававшее имъ, по тарифу 1894 года, покровительство.

Эта задача осуществлена въ мѣрѣ возможности. То, что можно было сдѣлать для сохраненія прибрѣтенныхъ нами ранѣе при помощи договора выгодъ, по мнѣнію министра финансовъ, сдѣлано и сдѣлано съ принятіемъ въ должное соображеніе интересовъ русскаго производства. Мѣрами внутренней промышленной политики можно до извѣстной степени ослабить вредъ, нанесенный сельскому хозяйству новыми германскими пошлинами. Но тѣ изъ этихъ мѣръ, которыя сопряжены съ крупными пожертвованіями государственнаго казначейства, едва ли примѣнимы немедленно, такъ какъ всѣ наличные его ресурсы предназначены на окончаніе требующей огромныхъ жертвъ войны съ Японіей.

Статсъ-секретарь С. Ю. Витте, охарактеризовавъ тѣ условія, при которыхъ велись переговоры и заключена была конвенція, констатировалъ, что договоръ, въ силу котораго мы подчинились взысканію новыхъ, сильно повышенныхъ пошлинъ съ хлѣбовъ, сравнительно съ дѣйствовавшими, измѣняетъ условія товарообмѣна между нашимъ отечествомъ и Германіей въ неблагопріятную для насъ сторону. Отсюда вытекаетъ несомнѣнная обязанность для правительства прійти на помощь нашему сельскому хозяйству. Если бы мирное теченіе народной жизни не было нарушено войною и если бы ресурсы государственнаго казначейства не подверглись истощенію вслѣдствіе огромныхъ на ея веденіе расходовъ, то изысканіе способовъ поддержки отечественнаго земледѣлія и сохраненіе за нашими хлѣбами германскихъ рынковъ на облегченныхъ, сравнительно съ создаваемыми новою конвенціею, условіяхъ представляло бы гораздо меньшія трудности, нежели въ переживаемое нами тяжелое время. Не задаваясь подробностями тѣхъ мѣръ, которыя

могли бы быть проектированы съ означенною цѣлью при нормальномъ ходѣ вещей, достаточно указать на такой способъ облегченія доступа русскаго зерна въ Германію, какъ пониженіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ на хлѣбъ въ прямомъ заграничномъ сообщеніи. Этимъ путемъ оказалось бы, вѣроятно, возможнымъ снять если не цѣликомъ, то въ большей его части—возлагаемое на наше земледѣліе новое бремя. Само собою разумѣется, что пониженіе желѣзнодорожнаго тарифа не обошлось бы безъ ущерба доходности рельсовой нашей сѣти, въ чемъ такъ близко заинтересовано государственное казначейство. Но пониженіе дохода желѣзныхъ дорогъ могло бы быть возмѣщено тѣмъ избыткомъ поступления таможенныхъ пошлинъ, который явится слѣдствіемъ повышенія ставокъ новаго конвенціоннаго съ Германіей тарифа. При такомъ оборотѣ дѣла выговоренная нами компенсація получила бы реальное и при томъ неубыточное для сельско-хозяйственной промышленности значеніе. Настоящая конвенція вступить въ силу только 18-го іюня (1-го іюля) 1906 года. Надо надѣяться, что къ этому времени несчастная для насъ война окончится и что, затѣмъ, возможно будетъ приступить къ подробному соображенію указаннаго выше вопроса и осуществить необходимыя для облегченія ввоза нашихъ хлѣбовъ въ Германію мѣры въ той степени и послѣдовательности, въ какихъ будетъ облегчаться государственное казначейство отъ обременяющихъ его теперъ расходовъ.

Государственный Совѣтъ не встрѣтилъ препятствій къ принятію подписанной германскимъ имперскимъ канцлеромъ и статсъ-секретаремъ Витте конвенціи въ полномъ ея объемѣ и положилъ представить министру иностранныхъ дѣлъ поднести подлинный текстъ означенной конвенціи на Высочайшую Его Императорскаго Величества ратификацію.

Въ томъ же январѣ мѣсяцѣ происходило въ рейхстагѣ разсмотрѣніе новаго торговаго трактата съ Россіей одновременно съ разсмотрѣніемъ еще семи новыхъ торговыхъ договоровъ съ другими государствами. Послѣ перваго чтенія и пятидневныхъ преній въ рейхстагѣ можно было уже вывести заключеніе, что большинство въ рейхстагѣ выскажется за принятіе этихъ договоровъ. Стало извѣстно, что и многіе изъ тѣхъ, которые далеко въ цѣломъ не одобряютъ содержаніе внесенныхъ въ рейхстагъ договоровъ, подадутъ голосъ за ихъ принятіе, такъ какъ отклоненіе трактатовъ было бы равносильно введенію новаго автономнаго германскаго тарифа, вслѣдствіе чего Германія была бы вовлечена въ таможенную войну съ значительнымъ числомъ государствъ. Въ результатѣ: не только для германской промышленности, но и для всего германскаго народнаго хозяйства наступилъ бы неслыханный еще кризисъ. Выдержатъ—говорили противники новыхъ торговыхъ трактатовъ—тамо-

женную войну съ однимъ государствомъ возможно, но такая война со многими государствами имѣла бы послѣдствіемъ непоправимое зло. Партія свободомыслящихъ въ рейхстагѣ заявила, что, выбирая изъ двухъ золъ меньшее, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отказывается отъ борьбы и со всей энергіей возобновить ее противъ торговой политики, создавшей подобныя торговые трактаты.

Не былъ доволенъ новыми договорами и вліятельный органъ въ промышленной жизни Германіи «германскій торговый съѣздъ» (Handelstag). Послѣ перваго чтенія торговыхъ трактатовъ въ рейхстагѣ состоялось общее собраніе членовъ названнаго учрежденія. Генеральный секретарь торговаго съѣзда, д-ръ Зетберъ, прочелъ собранію рефератъ, посвященный новымъ договорамъ. Указавъ невыгоды новыхъ трактатовъ для промышленнаго класса, референтъ все же призналъ необходимымъ предложить Handelstag'у резолюцію, по которой торговый съѣздъ, хотя и высказывается въ пользу принятія договоровъ рейхстагомъ, но поступаетъ такъ лишь изъ опасенія, что отклоненіе ихъ поведетъ къ большому еще ухудшенію условій экономической жизни Германіи. День вступленія въ силу новыхъ договоровъ не будетъ радостнымъ для германской торговли и промышленности. Послѣ дебатовъ резолюція Зетбера была принята торговыхъ съѣздомъ. Русскій торговый договоръ былъ принятъ въ рейхстагѣ 288 голосами противъ 81.

Что касается отношенія нѣмецкой печати къ новымъ договорамъ, то вся либеральная и радикальная печать находила, что введеніе новыхъ минимальныхъ ставокъ на произведенія сельскохозяйственной промышленности отзовется тяжелымъ бременемъ на нѣмецкой промышленности. Также не всѣ органы печати, представляющіе интересы аграріевъ, были вполне довольны новыми торговыми трактатами. Нѣкоторые изъ нихъ сѣтовали, что многія существенныя требованія и пожеланія германскаго правительства оказались не удовлетворенными.

Русская печать въ большинствѣ своихъ органовъ видѣла въ новомъ торговомъ договорѣ съ Германіей неизбѣжную необходимость.

Обмѣнъ ратификацій торговой конвенціи, заключенной между Россіей и Германіей, состоялся 15-го (28-го) февраля 1905 года.

Исторія торговыхъ договоровъ поучительна. Въ борьбѣ за условія договора 1894 года Россія одержала побѣду. При заключеніи договора 1904 года Россіи пришлось уступить важнѣйшимъ требованіямъ Германіи. Причина такого различія въ результатѣ переговоровъ по содержанию означенныхъ договоровъ заключалась въ неодинаковости политической силы нашего отечества въ эти два періода времени. Война съ Японіей ослабила политическое могущество Россіи. Германія учитывала это обстоятельство въ ходѣ переговоровъ съ нами; пришлось, волей-неволей, учитывать его и

намъ. Мысль, что мы вынуждены согласиться на условія новаго германскаго тарифа изъ опасенія обостренія въ политическихъ отношеніяхъ между Россіей и Германіей стала у насъ мыслью доминирующей. Въ обмѣнъ за заключенный нами договоръ, который облегчилъ Германіи заключеніе выгодныхъ для нея договоровъ и съ другими странами, мы получили въ тяжелую годину японской войны какъ эквивалентъ, обезпеченіе мирныхъ отношеній къ намъ сосѣдней державы.

И. Иванюковъ.

ОЧЕРКЪ ВНѢШНЕЙ ИСТОРИИ ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХІИ.

ЕПЕРЕШНЯЯ Австро-Венгрія по размѣрамъ своей территоріи является второй, послѣ Россіи, державой Европы и географически занимаетъ почти самый ея центръ. Эта мѣстность съ давнихъ временъ притягивала къ себѣ самые разнообразныя народы, изъ которыхъ одни исчезли безслѣдно, другіе переплавились въ невообразимо пестрой этнографической смѣси, третьи наконецъ продолжаютъ существовать и донныѣ. Въ древности съ запада напирала на этотъ центръ кельты, съ востока—азіаты-мадьяры, а за ними монголы, съ сѣвера германцы и славяне, съ юга римляне и впослѣдствіи турки. Такимъ образомъ, по населенію своему Австро-Венгрія держава полу-восточная, съ сильной примѣсью турецко-башкирско-финскихъ элементовъ, и Меттернихъ недаромъ утверждалъ, что Азія начинается не далѣе, какъ за предмѣстьемъ Вѣны.

Какъ пестра этнографическая карта Австро-Венгріи, такъ же пестра и ея исторія. Прошлыя судьбы двуединой имперіи являются, по выраженію одного историка, «микрокосмомъ, въ которомъ чрезвычайно отчетливо отражаются послѣдовательныя явленія западно-европейской исторіи». Въ самомъ дѣлѣ, Австро-Венгрія стоитъ въ центрѣ историческихъ событій Западной Европы, и нѣтъ такого крупнаго событія, въ которомъ она такъ или иначе не принимала бы участія. Ея исторія не представляетъ собою чего-либо цѣльнаго, стройнаго. Напротивъ, это какой-то калейдоскопъ, въ которомъ

безпрестанно мѣняютъ мѣсто три большихъ камня—Австрія, Чехія и Венгрія и нѣсколько штукъ мелкихъ, болѣе или менѣе съ ними слившихся. Иногда къ этимъ камнямъ присоединяется еще одинъ большой—Польша и нѣсколько маленькихъ сосѣднихъ—Эльзась, теперешняя Бельгія, Голландія, Сѣверная Италія. Съ каждымъ поворотомъ судьбы получаютъ все разныя и разныя комбинаціи этихъ камней, имѣющихъ каждый свою форму и свой собственный цвѣтъ. Иногда эти камни соединяются въ калейдоскопѣ въ такую фигуру, которая намъ, съ нашими теперешними понятіями, представляется совершенно противоестественной. Соединенія эти чрезвычайно непрочно, обыкновенно недолговѣчны и безпрестанно мѣняются. То они объединяются всѣ въ одну общую группу, то Венгрія слипается съ Польшей, а Чехія съ Австріей, то Австрія соединяется съ Венгріей и вытѣсняетъ изъ поля зрѣнія Чехію, то Чехія укладывается въ калейдоскопѣ рядомъ съ Венгріей, а Австрія отходитъ на задній планъ и т. д.

Для того, чтобы понять эту пестроту и возможность такихъ соединеній, какъ мадьяры съ нѣмцами противъ славянъ, или нѣмцы со славянами противъ мадьяръ, или славяне съ мадьярами противъ нѣмцевъ, нужно прежде всего совершенно отрѣшиться отъ нашихъ современныхъ понятій о государствѣ и народности. Понятіе о народности, мысль о томъ, что извѣстная территорія или страна принадлежитъ населяющему ее народу, очень недавняго происхожденія и еще лѣтъ семьдесятъ тому назадъ ея въ политическомъ обиходѣ не было. Въ средніе вѣка и приблизительно до половины прошлаго XIX вѣка главнымъ элементомъ государства была земля, территорія, а какой народъ на ней жилъ, это совершенно не принималось во вниманіе. Извѣстная страна такъ или иначе поступала въ управленіе князя, герцога или короля. Былъ ли этотъ король, князь или герцогъ изъ того же народа или даже расы, что и туземцы, понималъ ли онъ языкъ управляемаго имъ населенія, или былъ совершенно чуждъ ему по всему, наконецъ даже, жилъ ли онъ въ управляемой странѣ, или только извлекалъ изъ нея доходы, лишь числясь ея монархомъ,—все это было совершенно безразлично для владѣтеля. Вотъ отчего еще Вѣнскій конгрессъ, послѣ окончательнаго паденія Наполеона, выкроилъ для его второй жены—австрійской принцессы, типичной нѣмки, кусокъ итальянской территоріи съ городомъ Пармой, образовавъ такимъ образомъ для нея герцогство Пармское съ чисто итальянскимъ населеніемъ, но съ австрійскими чиновниками-нѣмцами.

При зарожденіи современныхъ государствъ дѣйствовала такъ называемая феодальная система. Сущность ея заключается въ томъ, что императоръ (Карль Великій и его преемники) отдавалъ кусокъ завоеванной имъ земли на кормленіе своимъ приближеннымъ. Тѣ, въ свою очередь, отдавали ее въ пользованіе своимъ прибли-

женнымъ, а эти послѣдніе—крестьянамъ и городамъ. За это вассалы должны были денежно и матеріальной силой поддерживать своего сюзерена. Вымиралъ родъ вассала или не нравился самъ вассалъ, сюзерень могъ отдать ленъ другому лицу, не справляясь съ желаніемъ населенія. Впослѣдствіи всѣ эти герцоги, графы, князья владѣли землей, какъ своею частною собственностью, т. е. такъ, какъ теперь владѣтъ нашъ современный помѣщикъ. Они могли продавать свои владѣнія, закладывать ихъ, дарить, завѣщать, отдавать въ приданое за дочерьми. Этотъ переходъ земель изъ рукъ въ руки въ качествѣ наслѣдства или приданого—типичное явленіе въ исторіи Австро-Венгріи, такъ что сложилась даже поговорка: «*Bella gerant alii. Tu felix, Austria, nube*», т. е. пусть другіе ведутъ войны, а ты, Австрія, счастлива браками.

Наконецъ, необходимо имѣть въ виду, что въ трехъ большихъ сосѣднихъ странахъ—Чехіи, Венгріи и Польшѣ—престолъ былъ избирательнымъ. Наслѣдственнымъ онъ былъ лишь въ началѣ исторіи каждой страны, когда на немъ сидѣла династія, вышедшая изъ того же народа—Арпада въ Венгріи и Пржемысла въ Чехіи. Когда эти династіи вымерли,—Пржемысловичи въ XIII вѣкѣ, а потомки Арпада въ самомъ началѣ слѣдующаго, то національные короли, въ родѣ сына воеводы Гуніяди Яноса, Матвѣя Корвина, являются случайно и на короткое время, а обыкновенно сидятъ на престолѣ чужеземцы: въ Чехіи—Люксембургскій домъ, нѣмецкій по своему происхожденію, а въ Венгріи—Анжуйскій, французскій. А затѣмъ и тѣхъ, и другихъ къ половинѣ XVI вѣка замѣняютъ швабы Габсбурги.

Слѣдуетъ также все время помнить, что главнымъ духовнымъ цементомъ, спаивавшимъ всѣ разрозненныя части, образовавшія впослѣдствіи Австро-Венгрію, была не общность политическихъ и экономическихъ интересовъ, какъ въ наше время, а религія. Она связывала людей чуждыхъ расъ, она же разъединяла даже земляковъ, и чехи-католики вмѣстѣ съ венграми-католиками считали главными своими врагами чеховъ-гусситовъ. Религія давала не только общую вѣру, общее настроеніе и міросозерцаніе, но и общій языкъ, языкъ латинскій, который былъ языкомъ правительственныхъ актовъ и образованнаго общества. Важнѣйшіе правительственные акты этихъ странъ писались по-латыни, и еще въ 1820 году императоръ Францъ долженъ былъ обращаться къ венграмъ не иначе, какъ по-латыни. Рядомъ съ чисто нѣмецкими учрежденіями въ родѣ всякихъ *Haus-Hof-Staatskanzlei*, *Studienhofcommission* (министерства народнаго просвѣщенія), *Ministerial-Banco-Deputation* (государственный банкъ) существовали еще въ XVIII вѣкѣ носившія средневѣковой отпечатокъ и латинскія названія учрежденія, въ родѣ *Directorium in publicis et camerilibus* (министерство финансовъ). Кстати сказать, Австро-Венгрія всегда была и

до сего времени остается страной пышнаго расцвѣта бюрократической волокиты, безчисленныхъ канцелярій и комиссій, разныхъ «просительныхъ пунктовъ», которые благополучно перекочевали и въ нашъ канцелярскій языкъ.

Исторія собственно Австріи начинается съ того же времени, какъ и исторія теперешней Пруссіи, т. е. съ царствованія Карла Великаго, объединившаго подъ своей властью въ концѣ VIII вѣка всю тогдашнюю Западную Европу и захватившаго даже часть территоріи, населенной славянами, по рѣкѣ Эльбѣ и въ Штиріи. Для защиты восточной границы своего обширнаго государства отъ аваровъ Карлъ основалъ такъ называемую Восточную марку, Ostmark, прилѣпленную къ восточной границѣ нынѣшней Баваріи и граничившую съ сѣвера съ Чехіей, а съ юга съ мелкими славянскими народцами, населявшими нынѣшнюю Крайну и Штирію. По раздробленіи мозаичной монархіи Карла Великаго Ostmark достается внуку его Людовику Нѣмецкому, и тутъ происходитъ первое перемѣщеніе калейдоскопа: Людовикъ присоединилъ къ Восточной маркѣ, или Австріи, какъ она стала называться, славянскую область Моравію, но зато сама Австрія ушла изъ-подъ власти собственныхъ графовъ и очутилась вскорѣ въ зависимости отъ баварскихъ герцоговъ. Баварцы недолго владѣли Австріей: на Дунаѣ появился новый народъ—венгры, которые въ 907 году разбиваютъ баварцевъ, и императоръ Оттонъ II безъ особенныхъ хлопотъ отбираетъ Австрію у баварцевъ и отдаетъ ее во владѣніе Бабенбергамъ. Къ 1150 годамъ границы марки настолько продвигаются впередъ къ востоку, что считается вполне безопаснымъ перенести столицу изъ небольшого городка Мелька въ древнюю римскую колонію Виндабону, т. е. Вѣну. Въ 1156 году императоръ Фридрихъ Барбаросса объявляетъ марку герцогствомъ, и этотъ годъ слѣдуетъ считать началомъ самостоятельнаго политическаго бытія Австріи. Она сбрасываетъ свою тѣсную зависимость отъ императора и начинаетъ переходить по наслѣдству не только по мужской линіи, какъ полагается феодеу, но и по женской. Черезъ двадцать лѣтъ съ новообразовавшимся герцогствомъ слипается Штирія, когда-то бывшая самостоятельной славянской землей и покоренная затѣмъ Карломъ Великимъ, этимъ родоначальникомъ славянскаго порабоженія. Леопольдъ V получаетъ Штирію по наслѣдству послѣ смерти своего пріятели, герцога штирійскаго Оттокара IV. Слѣдующій Леопольдъ собирается уже вырвать новый кусокъ изъ славянскаго тѣла и присвоить Крайну, но пока ограничивается тамъ покупкою нѣсколькихъ леновъ. Захватить Крайну удается только Фридриху II, послѣднему представителю дома Бабенберговъ.

Несмотря на это пріобрѣтеніе, царствованіе Фридриха II (1230—1246) было критическимъ временемъ въ исторіи Австріи. Сосѣднее

съ нею государство—Венгрія была разгромлена татарскими полчищами, нагрянувшими подъ предводительствомъ Батыя изъ южной Руси. Вся Венгрія была наводнена страшными завоевателями, и венгерскій король Бела IV принужденъ былъ укрываться въ самыхъ западныхъ своихъ владѣніяхъ, въ Далмаціи. Фридрихъ II Бабенбергъ погибъ во время этого татарскаго нашествія, не оставивъ наслѣдниковъ. Послѣ его смерти въ Австріи настало междуцарствіе и смуты. Недостатка въ претендентахъ на выморочное австрійское наслѣдство, конечно, не было. Бела венгерскій занялъ южную часть страны, баварскій сосѣдъ—сѣверную. Но верхъ надъ всѣми одержалъ чешскій король Оттокаръ II Пржемысль. Австрія сдается ему подъ условіемъ, чтобы онъ женился на сорокашестилѣтней сестрѣ Фридриха Бабенберга, баварцевъ и венгерцевъ Пржемысль разбиваетъ вдребзги и, чтобы обезопасить себя на будущее время со стороны Венгріи, вступаетъ въ бракъ не съ Маргаритой Бабенбергъ, а съ дочерью побѣжденнаго имъ Бела венгерскаго.

Время Оттокара Пржемысла—половина XIII вѣка—могло быть поворотнымъ пунктомъ въ исторіи всѣхъ австрійскихъ земель: вмѣсто нѣмецкой образовалась изъ Чехіи и Австріи съ подвластными ей Штиріей-Крайной и Карингіей сильная славянская держава. Если бъ эта держава удержалась, то исторія славянства и Европы была бы совершенно другая. Къ несчастью, могущество Пржемысла Оттокара было сокрушено нѣмцами, которые быстро поняли опасность и выбрали императоромъ одного изъ самыхъ сильныхъ германскихъ князей, Рудольфа Габсбургскаго, имѣвшаго обширныя владѣнія сначала въ Ааргау, а потомъ и въ другихъ кантонахъ теперешней Швейцаріи—Цюрихѣ, Люцернѣ и Унтервальденѣ. Курфюрсты выбрали новаго императора, даже не пожелавъ выслушать Оттокара Пржемысла: его голосъ былъ переданъ ими Баваріи. Въ отвѣтъ на это Пржемысль отказался признать Габсбурга императоромъ. Война стала неизбѣжной. Въ 1276 году нѣмецкіе князья объявили чешскаго короля лишеннымъ всѣхъ его владѣній. Рудольфъ Габсбургъ двинулся на него въ союзѣ съ венгерцами и дворянствомъ Австріи. Пржемысль вездѣ встрѣчался съ измѣной и проигралъ войну. Австрія и Штирія отошли къ Рудольфу, Чехія и Моравія остались за Пржемысломъ, но уже какъ зависимыя отъ нѣмцевъ земли, какъ нѣмецкій ленъ.

Такъ разрушена была нѣмцами славянская держава Пржемысла, и дѣло собиранія австрійскихъ земель попало не въ славянскія, а въ нѣмецкія руки.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и Чехія сама едва не дѣлается нѣмецкой добычей. Габсбурги цѣлко держатся за свою задачу—расширить свои владѣнія за счетъ славянъ и венгерцевъ. Рудольфу Габсбургскому наслѣдуетъ его сынъ Альбрехтъ I (убитъ въ 1308 году). Въ это время историческій калейдоскопъ Австріи поворачивается

и получается совершенно новая комбинація: сынъ Оттокара II Пржемысла Венцеславъ II (или Вацлавъ II) выбирается королемъ польскимъ, а внукъ Вацлавъ III получаетъ венгерскую корону. Но Вацлавъ II скоро умеръ, а Вацлавъ III былъ убитъ, и съ нимъ прекратилась династія Пржемысловичей. Соединеніе Польши и Венгріи подъ властью Пржемысловичей кончается, и наслѣдницами ихъ явились двѣ женщины: вдова Вацлава II венгерскаго Елизавета и его дочь, тоже Елизавета. Обѣ эти Елизаветы выходятъ замужъ, и переходящее къ нимъ наслѣдство достается ихъ мужьямъ. Старшая Елизавета становится женою сына австрійскаго герцога Альбрехта, Рудольфа II, внука перваго Габсбурга, а младшая Елизавета—Иоанна Люксембургскаго, племянника французскаго короля Карла VII, избраннаго на чешскій престоль, опустѣвшій за прекращеніемъ династіи Пржемысловичей.

Безъ королей остаются Польша и Венгрія. Убылое мѣсто въ первой занимаетъ Владиславъ Локотекъ, а во второй водворяется династія французская, въ лицѣ Карла-Роберта Анжуйскаго, свояка послѣдняго венгерскаго короля. Сынъ этого Карла-Роберта завязываетъ связи съ Польшей и женится на дочери новаго польскаго короля Владислава Локотка.

Такимъ образомъ, въ началѣ XIV вѣка получается новая политическая констелляція: Польша, Венгрія, Чехія и Австрія продолжаютъ существовать, какъ самостоятельныя государства, съ разными, хотя и родственными по перекрестнымъ бракамъ династіями.

Опытъ брачной политики оказался чрезвычайно удачнымъ для Габсбурговъ, и они пошли въ этомъ направленіи еще дальше. Альбрехтъ II Хромой (1330—1358 г.), за прекращеніемъ мужского потомства Мейнгардта Герцкаго, владѣвшаго Крайной и Тиродемъ, силою вырываетъ первую область у послѣдней представительницы этого рода Маргариты, по прозвищу Маульташъ, и подготавливаетъ права Австріи на Тироль, выдавъ свою дочь за сына обиженной имъ Маргариты Маульташъ. Когда сынъ этотъ умеръ бездѣтнымъ, Тироль черезъ его жену переходитъ къ роду Габсбурговъ, но самъ Альбрехтъ не успѣлъ насладиться плодами своей предусмотрительной политики, и Тироль вопелъ въ составъ австрійскихъ владѣній уже при его сынѣ Рудольфѣ IV.

Рудольфъ IV—одинъ изъ самыхъ крупныхъ государей Австріи. Онъ чувствовалъ себя уже настолько сильнымъ, что зависимость отъ императора, и безъ того уже номинальная, стѣсняла его. Чтобы сбросить ее съ себя, онъ приказалъ въ своей канцеляріи изготовить подложный императорскій декретъ, такъ называемое *Privilegium Majus*, которымъ императоръ будто бы предоставлялъ Австріи сюзеренныя права. Хотя это *Privilegium Majus* возбудило большое сомнѣніе и было признано подложнымъ такимъ знатокомъ

латинскаго языка, какъ Петрарка, тѣмъ не менѣ Рудольфъ стоялъ на своемъ и хотѣлъ распоряжаться совершенно самостоятельно, обезпечивъ за царствующимъ государемъ право передавать всѣ земли въ руки одного наслѣдника, не спрашиваясь своихъ братьевъ. Однако преемникъ его Альбрехтъ III не сумѣлъ воспользоваться этимъ Privilegium Majus. При немъ установился порядокъ, сильно напоминающій нашу удѣльную систему Кіевской Руси. Въ началѣ XV вѣка въ Австріи произошла шумная усобица, въ которой приняли участіе иностранцы—чехи и венгры—и которая кончилась раздѣломъ всѣхъ австрійскихъ земель на четыре части.

Возстановителемъ австрійскаго единства явился внукъ Альбрехта III, тоже Альбрехтъ (по счету австрійскихъ герцоговъ—V, по счету же римскихъ императоровъ—II). Ко времени его выступленія на политическое поприще положеніе созвѣздія изъ Польши, Венгріи, Чехіи и Австріи сложилось слѣдующимъ образомъ: Польша и Венгрія были соединены личной уніей въ лицѣ венгерскаго короля Людовика Великаго, сидѣвшаго разомъ на двухъ престолахъ, польскомъ и венгерскомъ. Въ Чехіи правил Вацлавъ IV, сынъ знаменитаго императора и вмѣстѣ съ тѣмъ чешскаго короля Карла IV, внукъ перваго чешскаго короля изъ Люксембургскаго дома Іоанна, о которомъ мы уже упоминали. Другой сынъ Карла IV, Сигизмундъ, женатый на дочери вышеупомянутаго венгерско-польскаго короля Людовика Великаго, нѣкоторое время былъ не у дѣлъ, но затѣмъ по смерти тестя получилъ въ наслѣдство венгерское королевство. Вторая половина этого наслѣдства—Польша—отъ него ускользнула, и ему удалось изъ польскихъ владѣній отхватить только Галицію, которая и была присоединена къ Венгріи. Но судьба вознаградила его другимъ образомъ: по смерти брата его Вацлава IV Чешскаго чешскій престолъ переходитъ къ нему, и такимъ образомъ личной уніей связываются опять венгерское государство и одно изъ славянскихъ: мѣсто Польши занимаетъ Чехія, а Польша переходитъ къ сестрѣ Сигизмунда и Вацлава, которая выходитъ замужъ за литовскаго князя Ягелло и такимъ образомъ входитъ въ составъ новой комбинаціи—Литва-Польша.

Сигизмундъ, получивъ Богемію и Венгрію, выдаетъ свою дочь замужъ за своего западнаго сосѣда герцога Альбрехта V и избирается императоромъ. Послѣ его смерти Люксембургскій домъ вымираетъ, и въ руки австрійскаго Альбрехта отъ тестя попадаетъ богатѣйшее наслѣдство: Чехія, Венгрія и Австрія соединяются всѣ три въ рукахъ Альбрехта, къ нему же послѣ тестя переходитъ и императорскій титулъ (1438 г.). Съ этого времени и до 1806 года званіе императора не выходитъ изъ рода Габсбурговъ, за исключеніемъ трехлѣтія между 1742—1745 годовъ, когда императоромъ были Карлъ VII Баварскій и Францъ I Лотаринскій, впослѣдствіи мужъ австрійской императрицы Маріи-Терезіи.

Здѣсь будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ объ императорахъ, представлявшихъ собою такъ называемую Священную Римскую имперію. Эта имперія не была отдѣльнымъ государствомъ или соединеніемъ нѣсколькихъ изъ нихъ въ одну группу. Это было своего рода учрежденіе, которое связывало древній міръ съ новымъ и на протяженіи восемнадцати столѣтій отличалось если не тѣми же правами, то, по крайней мѣрѣ, тѣми же притязаніями. Одинъ изъ европейскихъ монарховъ избирался императоромъ, короновался четырьмя коронами: германской—въ Ахенѣ, бургундской—въ Арлѣ, итальянской—въ Миланѣ и короной всего міра въ Римѣ, и считался наслѣдникомъ власти римскаго императора Августа и повелителемъ всей Европы. Власть императора зависѣла, конечно, отъ степени могущества того государства, которымъ обладалъ императоръ, какъ его король, и по большей части была лишь номинальна. Иногда бѣдному императору приходилось даже заискивать въ избравшихъ его короляхъ и курфюрстахъ, и его власть ограничивалась предѣлами его собственнаго государства, за границей котораго его никто не хотѣлъ слушать.

Такимъ образомъ, Священная Римская имперія была въ сущности политической фикціей, и еще Вольтеръ говаривалъ про нее, что она вовсе не священная, не римская и не имперія. Въ 1806 году австрійскій императоръ Францъ I, по настоянію Наполеона, отрекся отъ званія императора Священной Римской имперіи, и фикція эта перестала существовать.

Весьма хрупкое соединеніе Австріи, Чехіи и Венгріи продержалось, какъ и слѣдовало ожидать, недолго. Въ 1439 году Альбрехтъ V умеръ, не оставивъ наслѣдниковъ. Такимъ образомъ, всѣ три трона опустѣли. Историческій инстинктъ подсказалъ всѣмъ тремъ странамъ вѣрное рѣшеніе вопроса о замѣщеніи ихъ: вездѣ появились національные, а не пришлые короли: въ Венгріи былъ избранъ знаменитый венгерскій воевода, успѣшно боровшійся съ напиравшими на Венгрію турками—Яносъ-Гуніади, въ Чехіи его своякъ Георгій Подибрадъ, а въ Австріи—Фридрихъ III, изъ боковой линіи Габсбурговъ. Однако династіи, основанныя было Подибрадомъ и Гуніади, быстро прекратились послѣ ожесточенной религіозной вражды между собой. Фридрихъ III, занимавшійся больше разведеніемъ фруктовыхъ садовъ, чѣмъ государственными дѣлами, едва удержался на австрійскомъ престолѣ и спасся отъ крушенія только благодаря необыкновенной силѣ пассивнаго сопротивленія. Несмотря на то, что ему одно время приходилось скитаться по Германіи чуть не нищимъ, претензіи его были невѣроятны, и именно при немъ была пущена въ ходъ знаменитая формула А. Е. I. O. U. (*Austriae est imperare orbi universo*, т.-е. Австріи назначено повелѣвать всѣмъ міромъ).

Австрія, Чехія и Венгрія пошли на нѣкоторое время вразсы-

ную. Но уже при слѣдующемъ австрійскомъ императорѣ, Максимилианѣ I, сынѣ Фридриха III (1493—1519 гг.), Австрія начинаетъ приобрѣтать земли, не соприкасающіяся съ ней и не имѣвшія съ ней до сего времени ничего общаго, которыя можно назвать европейскими колоніями Габсбурговъ. Максимилианъ женится на дочери знаменитаго бургундскаго герцога Карла Смѣлаго, Маріи Бургундской, и послѣ смерти тестя получаетъ черезъ жену въ наслѣдство Бургундію, т.-е. часть нынѣшней сѣверной Франціи, Бельгію и Голландію. Царствованіе Максимилиана было довольно безславно въ военномъ отношеніи, его неудачныя войны стоили странѣ громадныя денегъ и самъ императоръ былъ весь въ долгахъ. Рассказываютъ, что въ Инспрукѣ его не хотѣли пустить ни въ одну гостиницу, зная, что платить ему нечѣмъ. Зато брачная политика Максимилиана дала такіе плоды, что имперія Габсбурговъ заняла скоро первое мѣсто въ Европѣ. Сынъ Максимилиана, Филиппъ Красивый, женится на единственной дочери покровительницы Христофора Колумба испанской королевы Изабеллы и Фердинанда Кастильскаго, принцессѣ Хуанѣ, или Іоаннѣ, которая была очень несчастна въ этомъ бракѣ и впослѣдствіи сошла съ ума, получивъ прозвище Іоанны Безумной.

Вотъ эта-то Іоанна Безумная, наслѣдовавъ послѣ отца всѣ испанскія владѣнія, приноситъ своему супругу Филиппу Красивому огромное наслѣдство въ Европѣ и въ новооткрытой Америкѣ. Образуется такая имперія, что становится уже не подъ силу управлять ею одному, и она дробится между двумя сыновьями Филиппа Красиваго и Іоанны Безумной—Карломъ и Фердинандомъ. Карлъ—впослѣдствіи знаменитый герой трагедіи Гюго «Эрнани» императоръ Карлъ V—беретъ себѣ наслѣдство матери своей: Испанію, Южную Италію, Сардинію, Сицилію, Бельгію съ Нидерландами и американскія владѣнія. Земли же австрійскія достаются его младшему брату Фердинанду, который получаетъ отцовскія владѣнія: Австрію съ ея вѣрными спутниками Штиріей, Каринтіей и Крайной, Тироль и швабскія земли Габсбурговъ въ Эльзасѣ.

Но этимъ изумительное сочетаніе въ политическомъ калейдоскопѣ Австріи еще не кончилось. Съ цѣлью втянуть въ австрійскій конгломератъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, Чехію и Венгрію, оставшіяся на старомъ пепелищѣ дѣти Филиппа Красиваго и Іоанны Безумной—сынъ Фердинандъ австрійскій и дочь Марія—сами дѣлаютъ очень выгодную «партію». Фердинандъ женится на Аннѣ, единственной дочери чешскаго короля Владислава, а Марія выходитъ замужъ за брата этой Анны Людовика. Получается фигура, которая въ танцахъ называется *chassez-croisez*. Когда Людовикъ Чешскій принимаетъ избраніе на венгерскій престолъ, обѣ сосѣднія страны, благодаря этому перекрестному браку, тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ къ Австріи. Злополучнаго

чешско-венгерскаго Людовика, на радость Габсбурговъ, скоро не стало: онъ погибъ въ битвѣ съ турками при Могачѣ. Чехія и Венгрія остаются безъ короля. Чехія переходитъ къ Аннѣ Чешской, т.-е. фактически къ ея мужу Фердинанду Австрійскому, а Венгрія завоевана турками, и отъ нея остаются лишь куски, которые переходятъ къ вдовѣ погибшаго Людовика, Маріи, т.-е. фактически опять-таки къ ея брату, тому же Фердинанду австрійскому. Заставить чеховъ и венгерцевъ признать себя королемъ для Фердинанда не представляло уже особыхъ затрудненій.

Вмѣшательство турокъ заставило австрійскій калейдоскопъ повернуться еще разъ. Получилась новая комбинація. Слились вмѣстѣ Австрія со всѣми своими мелкими спутниками, Чехія и часть Венгрии. Срединя Венгерской равнины была во власти Турціи, а въ восточномъ углу ея, въ Трансильваніи, засѣлъ турецкій ставленникъ Яносъ Заполья. Впослѣдствіи Австрія постепенно вытѣсняетъ турокъ съ венгерской территоріи, забирая ее въ свои цѣлкія руки. Такимъ образомъ, на поляхъ Могача венгерская независимость погибла на много вѣковъ. Отнынѣ въ австрійскомъ калейдоскопѣ венгерскій камень всегда будетъ ложиться рядомъ съ австрійскимъ. Полунезависимой оставалась пока Чехія, но и ея свободѣ скоро придетъ конецъ.

У Фердинанда было три сына: Максимилианъ II, Фердинандъ II и Карлъ. Такъ какъ вопреки Privilegium Majus въ Австріи продолжала дѣйствовать своего рода удѣльная система, то послѣ смерти Фердинанда надѣлы получили всѣ три его сына: старшій, Максимилианъ, получилъ центральныя владѣнія Австріи, т.-е. собственно Австрію, Чехію и Венгрію, второй, Фердинандъ,—западныя ея земли, т.-е. Тироль и швабскія владѣнія, третій—южныя земли, т.-е. прежнихъ неразлучныхъ спутниковъ Австріи Штирію, Каринтію и Крайну.

Австрійская монархія при этомъ троевластіи переживала жестокій кризисъ: помимо политическаго раздробленія, ее раздирали религиозныя споры: протестантизмъ объявилъ войну католицизму, особенно въ Чехіи, гдѣ дѣйствовали ученики сожженнаго Гусса. Положеніе вещей еще болѣе ухудшилось, когда Максимилиану II наслѣдовалъ его сынъ Рудольфъ II (1576—1611). Происхождение отъ Иоанны Безумной наложило свою печать на Габсбурговъ: это были мрачныя, сосредоточенныя люди, давившіе своимъ присутствіемъ другихъ. Но къ этому у Рудольфа II, воспитывавшагося въ Испаніи у знаменитаго по своей борьбѣ съ Нидерландами Филиппа II, присоединился еще фанатизмъ и подозрительность. Нетрезвый и безпечный, онъ забросилъ всѣ государственныя дѣла и подпалъ подъ вліяніе своего камердинера Ланга. Положеніе самой сердцевины Австріи при Рудольфѣ стало, наконецъ, невыносимо и кончилось возстаніемъ противъ него его родного брата

Матвѣя. Послѣ ожесточенной междоусобной войны и безъ того сузившіяся центрально-австрійскія владѣнія распадаются дальше: у Рудольфа остается только Чехія, въ которой онъ жилъ безвыѣздно, Австрія же съ Венгеріей и Моравіей уступаются Матвѣю. Чтобы удержать за собой хотя Чехію, Рудольфъ издаетъ знаменитую «грамоту величества», по которой объявляется свобода совѣсти и каждому предоставляется право исповѣдывать протестантизмъ.

Зимой 1612 года Рудольфъ умеръ, и послѣдній его удѣлъ Чехія перешла также къ Матвѣю. Но черезъ семь лѣтъ Матвѣя не стало. Оба брата были бездѣтны, и собственно австрійская вѣтвь Габсбурговъ пресѣклась. Престоль переходить въ боковую линію, къ двоюродному брату Матвѣя, Фердинанду Штирійскому, тому самому, при которомъ разразилась извѣстная тридцатилѣтняя война (1618—1648), прославившая имена Тилли, Валленштейна и Густава-Адольфа. Эта война захватила чуть не всѣ западно-европейскіе народы, которые послѣдовательно принимали въ ней участіе. Первоначально Фердинандъ боролся только съ чехами-протестантами, избравшими своимъ королемъ протестанта Фридриха Пфальцскаго. Въ 1620 году у Бѣлой горы чехи были разбиты Тилли, и съ этого времени погибла политическая самостоятельность Чехіи: она вошла въ составъ владѣній Габсбурговъ, какъ завоеванная ими страна.

Но протестанты жили не только въ Чехіи, но и по всей Европѣ, и потому борьба съ ними католиковъ сдѣлалась вопросомъ обще-европейскимъ. Въ борьбу Фердинанда съ чехами-протестантами постепенно вмѣшиваются сосѣди, одни по соображеніямъ религіознымъ, другіе—по соображеніямъ политическимъ. На помощь протестантамъ выступаетъ шведскій король Густавъ-Адольфъ. Когда онъ погибъ и успѣхъ борьбы сталъ склоняться на сторону Габсбурговъ, выступила Франція. За Габсбурговъ стала, конечно, Германія. Вся эта продолжительная война закончилась Вестфальскимъ миромъ. Швеція получила южный берегъ Балтійскаго моря, а Франція отняла у Габсбурговъ ихъ Эльзасъ. Габсбурги потеряли также Швейцарію и Нидерланды (теперешнюю Голландію), которые были признаны самостоятельными государствами. Германская имперія раздробилась на 360 отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ. Католики, лютеране и кальвинисты получили одинаковыя права.

Едва оправившись отъ разоренія и глубокихъ ранъ, нанесенныхъ ей тридцатилѣтней войной, Австрія на самомъ порогѣ XVIII вѣка должна была выдержать другую тяжелую войну, длившуюся четырнадцать лѣтъ и извѣстную въ исторіи подъ названіемъ войны за испанское наслѣдство.

Въ Испаніи случилось то же, что не разъ бывало и въ Австріи. Отводокъ Габсбургскаго дома, водворившійся съ 1516 года въ Испа-

ни въ лицѣ Карла V, къ началу XVIII столѣтія завялъ и не далъ дальнѣйшаго отпрыска. По духовному завѣщанію послѣдняго испанскаго короля изъ рода Габсбурговъ, Карла II, испанскій тронъ долженъ былъ перейти къ Филиппу V изъ рода Бурбоновъ, за спиной котораго стоялъ король-Солнце Людовикъ XIV. У Габсбурговъ ускользала вся Испанія съ ея владѣніями. Они низводились на положеніе второстепеннаго государства, раздираемаго къ тому же внутренними неурядицами. Австрія, конечно, не могла уступить этого наслѣдства Бурбонамъ т.-е. Франціи, и объявила послѣдней войну. Изъ опасенія чрезмѣрнаго усиленія Франціи, противъ Людовика XIV составила европейская коалиція изъ Австріи, Англіи и Голландіи. Въ первую половину этой войны Франція терпѣла сплошныя пораженія, но подъ конецъ, когда Англія въ 1711 г. вышла изъ коалиціи, счастье повернулось къ французамъ, и они нанесли австрійцамъ нѣсколько серьезныхъ пораженій и изгнали ихъ войска изъ Испаніи.

Война кончилась Раштадтскимъ миромъ, по которому испанскимъ королемъ былъ признанъ не Габсбургъ, а Бурбонъ, и изъ всего испанскаго наслѣдства Австріи были выдѣлены лишь Бельгія да итальянскія владѣнія испанцевъ, т.-е. Сѣверная Италія, Сардинія и Сицилія.

Тридцатилѣтняя война и война за испанское наслѣдство произвели сильную встряску австрійскаго политическаго калейдоскопа. Къ первой четверти XVIII вѣка, къ эпохѣ нашего Петра Великаго, внѣшній обликъ имперіи представляется въ слѣдующемъ видѣ: Австрія, потерявъ изъ своихъ мелкихъ камешковъ Тироль, Швейцарію, Нидерланды, объединяетъ другіе вокругъ себя—Штирію, Каринтію, Крайну. Она цѣпко захватываетъ и крѣпко держитъ около себя Чехію съ ея спутниками Моравіей и Силезіей и Венгрію съ подвластными ей Кроаціей, Славоніей, Далмаціей. Кромѣ того, у этой имперіи, безпрестанно мѣняющей свои географическія очертанія, есть на западѣ двѣ колоніи: Италія и Бельгія.

Къ срединѣ XVIII вѣка Австрія теряетъ одного изъ спутниковъ Чехіи—Силезію, которую прусскій король Фридрихъ II безъ церемоніи отнимаетъ у императрицы Маріи-Терезіи. Къ концу вѣка Австрія испытываетъ новую территориальную утрату: революціонныя войска молодой Французской республики, подъ командой генерала Пишегрю, заняли Бельгію, или, какъ она тогда называлась, Австрійскіе Нидерланды, и присоединили ихъ къ Франціи. Въ 1814 году Бельгія была соединена съ Голландіей, но въ 1830 году въ ней вспыхнуло возстаніе противъ голландцевъ, она отдѣлилась отъ нихъ и съ этого времени ведетъ самостоятельное политическое существованіе.

Но прежде, чѣмъ потерять свои Нидерланды, Австрія сумѣла заранѣе вознаграждать себя за эту потерю за счетъ Польши: по пер-

вому раздѣлу Польши въ 1773 году Австрія получила львиную часть всей отнятой у Польши земли—Восточную Галицію, а по третьему—Краковъ, Сандомиръ и Любельскъ съ ихъ округами.

Съ потерей Бельгіи и приобрѣтеніемъ части Польши составъ Австріи оставался неизмѣннымъ болѣе пятидесяти лѣтъ. Въ такомъ составѣ она вступила въ XIX вѣкъ, въ вѣкъ географическихъ передѣленій, вызванныхъ сначала тѣмъ разгромомъ всей Европы, который учинилъ Наполеонъ, а затѣмъ и вошедшимъ въ плоть и кровь народовъ чувствомъ національнаго единства. Разрушеніе старинной, феодально-абсолютистской Франціи явилось лозунгомъ для того, чтобы смести остатки феодализма и средневѣковщины въ остальныхъ государствахъ Европы. Народы не хотѣли больше жить въ полицейскомъ государствѣ, идеаломъ котораго было регулировать каждый ихъ шагъ и гдѣ законъ, который долженъ былъ бы указывать на то, чего граждане не имѣютъ права дѣлать, наоборотъ, старался перечислить все, что они обязаны дѣлать. Не хотѣли народы и служить какимъ-то неодушевленнымъ матеріаломъ, который можно дѣлать какъ угодно и отдавать подъ власть кому угодно: въ сознаніи ихъ явилась коллективная народная личность. Какъ ихъ дѣлили раньше, это мы видѣли на примѣрѣ выкройки Пармскаго государства, а лучшимъ примѣромъ для характеристики полицейскаго государства является тотъ историческій фактъ, что всеильный министръ императрицы Маріи-Терезіи Кауницъ долженъ былъ ежегодно представлять ей свидѣтельство о своемъ говѣніи.

Въ нашу задачу не входитъ излагать здѣсь возникновеніе и ходъ постепеннаго развитія національныхъ стремленій венгровъ, итальянцевъ, чеховъ, а позднѣе и другихъ славянъ, поработенныхъ Австріей. Слишкомъ далеко завело бы насъ также изображеніе постепеннаго нарастанія революціоннаго духа въ австрійскихъ земляхъ, выведенныхъ, наконецъ, изъ себя меттерниховской политической системой, вся суть которой заключалась въ «стабилитетѣ», т. е. въ поддержаніи застоя. Мы ограничимся только описаніемъ новой фигуры, которая сложилась въ австрійскомъ калейдоскопѣ послѣ того, какъ Меттернихъ, этотъ, какъ его называли *trois f* (*fin, faux, fanfaron*), былъ въ 1848 г. свергнутъ и бѣжалъ въ Лондонъ.

Чехія потребовала себѣ автономіи. Польскія и итальянскія области стремились отложиться къ землякамъ. Поднялась и тріединая область Хорвато-Славоно-Далмація съ требованіемъ внутреннаго самоуправленія. Венгрія сначала ограничивалась требованіемъ реформъ, потомъ подъ вліяніемъ Кошута отложились отъ Австріи и, по всей вѣроятности, образовала бы независимое отъ Австріи государство, если бы Францу-Юсифу не помогъ импе-

раторъ Николай Павловичъ, боявшійся распространенія революціоннаго движенія на Россію.

Послѣ революціи 1848 года сдѣленіе частицъ Австрійской монархіи оказалось уже иное, чѣмъ было въ царствованіе императора Фердинанда. Его племяннику Францу-Иосифу пришлось въ 1859 году покинуть свои итальянскія владѣнія, гдѣ немедленно начался процессъ національнаго объединенія итальянцевъ. Въ 1860 году особымъ императорскимъ дипломомъ объявлены были незыблемые основные законы, которыми даровалось мѣстнымъ ландтагамъ земель австрійскихъ, земель коронъ венгерской и чешской полное самоуправленіе. Австрія превращалась въ федерацію, въ которую входили составлявшія ее земли. Но эта федерація просуществовала всего четыре мѣсяца. Послѣ серьезнаго внутренняго броженія, повлекшаго за собой въ 1865—1867 годахъ отмену конституціи, венгры взяли верхъ въ завязавшейся борьбѣ съ Вѣной. Борьба эта кончилась такъ называемымъ «соглашеніемъ», въ силу котораго единая Австрія раздѣлилась на два государства, объединенныя въ лицѣ одного и того же государя, который въ Австріи продолжалъ именоваться австрійскимъ императоромъ, а въ Венгріи сталъ носить титулъ апостолическаго короля Венгріи. Такъ возникла новая двуединая монархія Австро-Венгріи.

Одной изъ трехъ главныхъ частей этой «лоскутной» монархіи удалось до извѣстной степени вернуть себѣ старинную независимость. Чехія ея еще только добивается. До сего времени она вынуждена была довольствоваться вмѣсто прежней своей политической независимости лишь мѣстной автономіей, да и эта автономія нѣсколько времени тому назадъ была у нея отнята.

Но и на этой комбинаціи не кончился политическій калейдоскопъ Австро-Венгріи. На нашихъ глазахъ эта имперія еще разъ измѣнила свои внѣшнія формы, вознаградивъ себя за потерю своихъ бывшихъ итальянскихъ владѣній аннексіей Босніи и Герцеговины.

Покончивъ бѣглый очеркъ территоріальныхъ измѣненій двуединой имперіи, мы, для ясности общей картины, считаемъ не обходимымъ сказать нѣсколько словъ объ исторіи Венгріи и Чехіи въ тѣ періоды, когда онѣ не сливались съ своей западной сосѣдкой Австріей, а вели самостоятельное существованіе. По недостатку мѣста мы, конечно, должны ограничиться лишь эскизнымъ очеркомъ ихъ многовѣковой исторіи.

Исторія Чехіи и Венгріи начинается почти одновременно въ IX вѣкѣ. Занявъ теперешнюю свою территорію, и венгры, и чехи образовали самостоятельныя государства. Въ Чехіи княжеская власть сосредоточилась въ рукахъ Вацлава, но уже въ 929 году послѣдовало столкновеніе чеховъ съ нѣмцами. Генрихъ I завоевалъ всю Богемію, проникъ до самой Праги и принудилъ чеш-

скаго короля стать его данникомъ. Славяне дѣлають попытку усилиться, и сосѣдняя Моравія примыкаетъ къ Чехіи. Къ сожалѣнію, сами же славяне разрушаютъ начавшееся было объединеніе, и поляки, какъ часто бывало въ ихъ исторіи, безсознательно играютъ въ руку нѣмцевъ: въ 1000 году польскій князь Болеславъ Храбрый отторгаетъ отъ Чехіи Моравію, которая съ этого времени начинаетъ переходить изъ рукъ въ руки. Нѣмцы, разумѣется, внимательно слѣдятъ за Чехіей, и въ 1126 году императоръ Лотарь II претендуетъ на Чехію, какъ на нѣмецкій ленъ, престолъ котораго онъ можетъ замѣщать по своему усмотрѣнію. Нѣсколько ослабѣваетъ это нѣмецкое давленіе на Чехію въ эпоху жестокой борьбы за верховную въ мірѣ власть между императоромъ и папой. Пользуясь этимъ, чешскій король Оттокаръ Пржемысль I основываетъ въ концѣ XII столѣтія династію Пржемысловичей, просуществовавшую около ста лѣтъ.

Принявъ титулъ короля, Пржемысль задался широкимъ планомъ собрать всѣ австрійскія земли въ славянскія руки, но потерпѣлъ неудачу, благодаря избранію нѣмцами на австрійскій престолъ Рудольфа Габсбургскаго. Изъ Пржемысловичей замѣчательны: сынъ основателя династіи Вацлавъ II, бывшій, какъ мы уже говорили раньше, одно время королемъ чешскимъ и польскимъ; затѣмъ надо назвать трагически убитаго сына Вацлава II, Вацлава III сидѣвшаго, какъ и отецъ, разомъ на двухъ престолахъ — своемъ чешскомъ и венгерскомъ. Со смертью Вацлава III, династія Пржемысловичей кончилась, и на освободившійся чешскій престолъ былъ избранъ въ 1310 году тринадцатилѣтній сынъ императора Генриха Люксембургскаго, Іоаннъ, положившій начало Люксембургской династіи. Династія эта правила Чехіей также около ста лѣтъ и много сдѣлала для культурнаго развитія страны. Особенно въ этомъ отношеніи прославился сынъ Іоанна, Карль, воспитывавшійся у своей тетки, при дворѣ французскаго короля. При немъ украсилась Прага своими монументальными зданіями, при немъ былъ основанъ Пражскій университетъ. Другъ Петрарки, Карль покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ и вознесъ Чехію на небывалую высоту, будучи избранъ въ императоры подъ именемъ Карла IV.

За нимъ слѣдуетъ сынъ его Вацлавъ IV, отобравшій у нѣмцевъ Силезію и Лузитанію. Послѣ его смерти чешскій престолъ переходитъ, какъ было указано выше, къ его брату Сизизмунду, впослѣдствіи тоже избранному въ императоры, а потомъ, въ половинѣ XV вѣка, черезъ этого Сизизмунда, Чехія достается его тестю, австрійскому герцогу Альбрехту. Дальнѣйшая исторія этой страны сливается уже съ общей исторіей Австріи, очеркъ которой данъ нами выше.

Въ томъ же родѣ сложилась и историческая жизнь венгровъ.

Это тюркско-монгольское племя, родичами которыхъ считаются наши башкиры, послѣ продолжительныхъ странствованій продвинулось на западъ въ равнины Панонніи и здѣсь осѣло въ концѣ IX вѣка. Желтолицые, скуластые венгры вступаютъ въ сношенія съ своими ближайшими—Баваріей и Польшой, принимаютъ христіанство и прочно врѣзываются клиномъ въ среду европейскихъ народовъ. Около 1000 года венгерскій король Стефанъ получаетъ корону отъ папы Сильвестра II и даже удостоивается послѣ смерти канонизаціи. Въ царствованіе св. Владислава въ 1091 году Венгрія расширяетъ свои границы и пріобрѣтаетъ на западѣ Трансильванію, на востокѣ Кроацію, обезпечивъ себѣ выходъ въ Адриатическое море. Съ этого времени славянская Кроація становится неизбѣжнымъ спутникомъ Венгрии и раздѣляетъ ея историческія судьбы.

Съ началомъ крестовыхъ походовъ Венгрія является большою дорогою крестоносныхъ ополченій и получаетъ значительный нѣмецкій осадокъ. Къ началу XIII вѣка границы ея расширяются еще болѣе, и на востокѣ венгерцы переваливаютъ за Карпаты и отнимаютъ у поляковъ Галицію. Ихъ король, Андрей II, принимаетъ уже титулъ короля Галиціи и Лодомеріи. Этотъ Андрей оставилъ по себѣ яркій слѣдъ въ исторіи Венгрии изданіемъ такъ называемой «Золотой Буллы», сильно напоминающей изданную за семь лѣтъ до нея англійскимъ королемъ Иоанномъ Безземельнымъ знаменитую «Великую хартію вольностей». По «Золотой Буллѣ» такъ же, какъ и по англійской хартіи, обезпечивается гражданская и политическая свобода венгровъ. Король обязанъ ежегодно созывать сеймъ, онъ не можетъ вмѣшиваться въ имущественныя дѣла своихъ дворянъ, никто не можетъ быть брошенъ въ тюрьму безъ суда и т. д.

Но, едва ставъ на правильный путь государственнаго развитія, Венгрія едва не погибла отъ нашествія Батыя, вторгшагося въ нее послѣ опустошенія имъ Руси. Какъ сказано выше, король Бела IV долженъ былъ отступить передъ татарами до самой Далмаціи, но Венгрія спаслась только потому, что Батый вдругъ повернулъ назадъ. Вслѣдъ за тѣмъ ослабленная страна сдѣлалась было добычей Оттокара-Пржемысла Чешскаго. Однако венгры жестоко отплатили ему за пораженіе и, соединившись съ Рудольфомъ Габсбургскимъ, сокрушили могущество чешское, положивъ, такимъ образомъ, начало могуществу австрійскому.

Въ 1301 году угасаетъ національная венгерская династія Арпадовъ. Послѣдній изъ Арпадовъ, Владиславъ IV Куманъ, былъ женатъ на дочери неаполитанскаго короля Карла изъ Анжуйскаго дома, и вотъ венгерцы рѣшаются на опустѣвшій престолъ призвать сына этого Карла, племянника послѣдняго Арпада по женѣ Карла Роберта, съ которымъ водворяется въ Венгрии династія Анжуй-

ская. Второй венгерскій король изъ этой династіи, Андрей, сынъ Карла-Роберта, старается завязать болѣе тѣсныя связи съ Польшей, женится на дочери польскаго короля Владислава-Локотка, подготавливая этимъ бракомъ право своего сына Людовика Великаго на польскій престолъ. Но унія эта не удалась: избранный на польскій престолъ, Людовикъ остался у себя въ Венгріи, а управление польскимъ государствомъ поручилъ своей матери-полькѣ. Послѣ его смерти поляки ищутъ другой комбинаціи на востокъ, и Польша соединяется съ Литвой, подъ властью Ягелло.

Послѣ Людовика Великаго венгерскій престолъ переходитъ къ его зятю, императору Сигизмунду, а затѣмъ къ его брату Вацлаву IV Чешскому, о которыхъ было сказано выше. Со смертью Вацлава IV угасаетъ и Люксембургско-Чешскій домъ на венгерскомъ престолѣ. Венгерскій престолъ опять становится вакантнымъ и переходитъ изъ рукъ въ руки: то на немъ (и въ Чехіи) водворяется въ 1438 Альбрехтъ, герцогъ австрійскій, зять Сигизмунда, то королемъ провозглашается Яношъ Гуніади, то въ Венгрію является Владиславъ польскій. Затѣмъ этотъ рядъ хронологически повторяется, и дѣло начинается опять сначала: Фридрихъ III, герцогъ австрійскій, Матвѣй Корвинъ, сынъ Гуніади Яноса, Владиславъ Ягеллонъ польскій. Царствованіемъ сына этого Владислава Ягеллона, Людовика II, кончается самостоятельное политическое существованіе Венгріи. Въ 1526 году въ битвѣ съ турецкимъ султаномъ Салиманомъ Великолѣпнымъ погибъ не только самъ Людовикъ II, но и вся Венгрія. Отнынѣ она стала турецкой провинціей, которую австрійцы постепенно отвоевывали у турокъ и забирали себѣ, какъ завоеванную, а не равноправную съ ними страну. Дальнѣйшая исторія Венгріи сливается въ общую исторію австро-венгерскую.

Если подвести итогъ тѣмъ историческимъ фактамъ, на которыхъ мы остановили вниманіе читателей, то окажется прежде всего, что двуединая имперія никогда не имѣла органическаго роста: она вся выросла изъ случайныхъ соединеній различныхъ народностей и даже расъ. Не имѣя историческаго центра, къ которому тяготѣло бы все населеніе ея территоріи, она, какъ безформенная медуза, вѣчно мѣняла свою внѣшнюю форму и переливалась въ сторону наименьшаго сопротивленія, то подбирая въ клубокъ свою полужидкую массу, то растекаясь на большое пространство. Разнородныя части, входившія въ ея составъ, никогда не сливались съ остальными вполне: то всегда было соединеніе механическое, но не химическое.

И нѣтъ ничего мудренаго, если при новомъ готовящемся поворотѣ въ судьбахъ двуединой имперіи эти части отпадутъ отъ нея совершенно: онѣ только вернуться въ то первобытное состояніе, въ которомъ были три вѣка тому назадъ.

А. Бѣловъ.

ПРИБАЛТИЙСКОЕ ПОМѢСТНОЕ ДВОРЯРСТВО И ОТНОШЕНІЕ ЕГО КЪ ТЕКУЩИМЪ СОБЫТІЯМЪ.¹⁾

ВЪ БЛИЗКОМЪ сосѣдствѣ съ Петроградомъ, почти рядомъ съ нимъ, находится край, состоящій изъ трехъ губерній и извѣстный подъ названіемъ Прибалтійскаго, который съ перваго же взгляда поражаетъ прибывшаго туда, даже не слишкомъ вдумчиваго путешественника своими рѣзкими отличіями отъ прочихъ мѣстностей Россіи. вмѣсто извѣстнаго всѣмъ пейзажа безконечныхъ полей на югѣ и неизмѣримыхъ по пространству, но тощихъ и вырубленныхъ на половину лѣсовъ, прерываемыхъ частыми болотами, на сѣверѣ, онъ видитъ постоянную смѣну привѣтливыхъ и уютныхъ, манящихъ своею культурностью пейзажей; передъ нимъ не обширныя, но тщательно воздѣланныя, изрѣзанныя оросительными и обводнительными каналами поля, постоянно чередующіяся съ живописными перелѣсками и тучными лугами; мѣстами на него глядятъ привѣтливо отдѣльныя крестьянскія усадьбы, въ которыхъ и жилой домъ, и надворныя постройки неизмѣримо отличны отъ извѣстной всѣмъ намъ, покривившейся, заплатанной и прокопѣлой русской крестьянской избы. Но вотъ показывается вдали помѣщичья усадьба; какъ цѣлый городокъ, высыпаетъ она

¹⁾ Лекція, читанная въ Москвѣ 12 и 19 октября 1914 г., въ Петроградѣ 16, 21 и 22 ноября 1914 г. и въ Воронежѣ 27 ноября 1914 г.

многочисленными, почти сплошь каменными надворными службами; гордо высится замокъ съ башнями и фронтонами,—и все въ его видѣ говорить: нѣтъ здѣсь мѣста помѣщикуему оскуднѣю, не захудалый и почти обнищавшій послѣдышъ живетъ здѣсь, а баронъ, крѣпкій своею связью съ землею, могущественный и властный для всей округи. Если путешественникъ понаблюдательнѣе, то попутно передъ нимъ раскрываются другія стороны быта, изъ области взаимныхъ отношеній между обитателями этого счастливаго, на первый взглядъ, края: все своеобразно, не похоже на русское; вездѣ чувствуется своя, мѣстная жизнь, полная жгучихъ, острыхъ вопросовъ; жизнь, которая поставила много задачъ, но ихъ еще не разрѣшила, предъявила много требованій, но удовлетворенія ихъ еще не получила... Обида, горе, неравенство и рознь чувствуются и въ этихъ уютныхъ на видъ крестьянскихъ усадьбахъ, и въ гордыхъ помѣщичьихъ замкахъ!

И народъ въ краѣ другой, не русскій: въ сѣверной половинѣ мужикъ эстонецъ, въ южной—латышъ. Помѣщикъ—нѣмецъ, съ очень длинною родословною и съ весьма немалыми связями. Любой изъ нихъ съ перваго же знакомства поразитъ какъ своею вѣднѣю интеллигентностью, такъ и очень подробнымъ знакомствомъ съ положеніемъ вещей и у насъ, и за границею, а еще болѣе того—освѣдомленностью съ настроеніями въ сферахъ, власть имущихъ. И неудивительно: вѣдь слишкомъ двѣсти лѣтъ Россія хорошо знаетъ нѣмецкаго ученаго, артиста, купца, а паче того—военнаго и гражданскаго сановника, стоящаго у власти, а зачѣстую и направляющаго ея дѣйствія. Весь новый періодъ русской исторіи протекаетъ при сильномъ и дѣятельномъ участіи нѣмецкихъ, точнѣе прибалтійскихъ дѣятелей, неизмѣнно сохраняющихъ свое вліяніе при разныхъ степеняхъ давленія политическаго барометра... Поэтому, небезынтереснымъ для насъ долженъ быть вопросъ: гдѣ причина высокаго матеріальнаго благосостоянія прибалтійскаго помѣстнаго сословія и его исключительнаго политическаго вліянія, гдѣ источникъ тѣхъ малоизвѣстныхъ, но, въ дѣйствительности, крайне обостренныхъ отношеній между разными классами мѣстнаго населенія, тѣхъ отношеній, которыя заставляютъ видѣть обиду и горе подъ заманчивою вѣднѣю края?

Для отвѣта на эти вопросы мнѣ придется обратиться къ исторіи края, причѣмъ замѣчу, что хотя выводы мои будутъ касаться всѣхъ трехъ губерній—Эстляндской, Лифляндской и Курляндской, но иллюстрировать ихъ я буду главнымъ образомъ данными по Лифляндской губерніи,—во-первыхъ, какъ наиболѣе мнѣ знакомой, а, во-вторыхъ, наиболѣе типичной для всего края и превосходящей двѣ другія губерніи и пространствомъ, и количествомъ населенія.

I.

Съ доисторическихъ временъ Прибалтійскій край былъ населенъ двумя различными по происхожденію и языку, но однородными по культурѣ народами: эстами и латышами. Эти народы не были воинственны—они рѣдко приходили въ соприкосновеніе съ своими сосѣдями, не вели внѣшнихъ войнъ, не имѣли укрѣпленныхъ городовъ и замковъ, не торговали съ другими народами, а вели жизнь земледѣльческую и охотничью. Въ концѣ XII вѣка въ край появились первые нѣмецкіе выходцы съ торговыми цѣлями; но черезъ короткое время эти цѣли замѣнены были другими—покореніемъ туземцевъ и обращеніемъ ихъ въ христіанство, что и было достигнуто съ помощью тевтонскаго ордена меченосцевъ. Весь край поступилъ во владѣніе епископа рижскаго, надѣлившаго завоеванными землями какъ своихъ непосредственныхъ помощниковъ—рыцарей, такъ и другихъ нѣмецкихъ пришельцевъ, цѣлою волною нахлынувшихъ въ край. Не путемъ мирной проповѣди и убѣжденія распространялось христіанство: огонь и мечъ принесли съ собою нѣмцы; непокорные туземцы безпощадно истреблялись, а крестившіеся и подчинившіеся пришельцамъ обкладывались непосильными сборами. Изъ полной произвольности этихъ сборовъ и повинностей съ одной стороны и безконтрольнаго права суда и расправы съ туземцами—съ другой, выросло и укрѣпилось крѣпостное право надъ ними, закономъ, однако, не признанное и даже прямо запрещенное императорскими эдиктами и буллами папы. Надѣленные землею нѣмцы, ставшіе въ вассальную зависимость отъ епископа и ордена, нѣкоторое время представляли собою совокупность лицъ, ничѣмъ не связанныхъ и не объединенныхъ; но постоянныя возмущенія туземцевъ, не могшихъ примириться съ своимъ угнетеннымъ положеніемъ, скоро вызвали необходимость совѣщаній между земельными владѣльцами о принятіи однородныхъ мѣръ по отношенію къ непокорнымъ; эти совѣщанія тѣмъ болѣе были полезны, что на нихъ можно было договориться и о земельныхъ границахъ, совершенно неопредѣленныхъ, и о разнаго рода правовыхъ отношеніяхъ, ничѣмъ не урегулированныхъ. Совѣщанія происходили на специально назначенныхъ съѣздахъ, по мѣстному выраженію, *ландтагахъ*, собиравшихся все чаще и чаще и, наконецъ, съ начала XV вѣка превратившихся въ ежегодные. Компетенція ландтаговъ была въ началѣ совершенно неопредѣленна, но постепенно, главнымъ образомъ вслѣдствіе ослабленія епископской власти, охватывала все большій и большій кругъ дѣлъ и отношеній. Продолжающіяся междоусобія между епископомъ и орденомъ, отвлекавшія вниманіе того и другого отъ внутреннихъ отношеній, привели къ тому, что наконецъ всѣ мѣст-

ные дѣла и вопросы, кромѣ военныхъ, незамѣтно перешли въ вѣдѣніе ландтаговъ. Никакимъ закономъ они не были урегулированы, но стали фактически верховнымъ правительствомъ края, его настоящимъ властелиномъ. Такого рода эволюція отразилась и на характерѣ землевладѣльческаго класса: изъ ничѣмъ не объединенной совокупности лицъ онъ обратился въ сословіе, крѣпкое взаимною связью своихъ членовъ, съ общими задачами и единствомъ дѣйствій; это сословіе уже употребляетъ названія: «*Gemeine Ritterschaft, Adel*», т.-е. дворянство. Сила и вліяніе ландтаговъ окончательно укрѣпились послѣ распространенія реформаціи, когда епископы были упразднены; хотя одновременно верховное господство въ краѣ было закрѣплено императоромъ за орденомъ и его главою, орденомейстеромъ, но и это обстоятельство ничуть не мѣшало сосредоточенію фактической власти въ рукахъ дворянства; вѣдь рыцари, связанные обѣтами безбрачія и нищеты, не были лично заинтересованы въ развитіи гражданскаго правооборота, и все устройство ордена было припоровлено къ сферѣ военныхъ и духовныхъ отношеній.

Съ середины XVI вѣка мирное развитіе края прерывается; начинаются войны, сначала между орденомъ и сосѣдними государствами, а когда орденъ палъ, то между этими послѣдними изъ-за обладанія краемъ. Онъ переходитъ послѣдовательно въ руки поляковъ, затѣмъ шведовъ, наконецъ—русскихъ. Отношеніе каждаго изъ этихъ правительствъ къ краю было различно. Поляки ставятъ себѣ задачу—воздѣйствіе религиозное и административное, они покровительствуютъ уже падшему въ краѣ католицизму, даже пытаются его возстановить, стараются сначала ослабить, а затѣмъ—совсѣмъ упразднить сосредоточенное въ ландтагахъ самоуправленіе, вручаютъ управленіе страню лицамъ по назначенію отъ короны, пытаются ввести въ употребленіе польскій языкъ, законъ и юридическіе обычаи. Но сложившійся порядокъ землевладѣнія и область отношеній дворянъ къ туземцамъ пользуются покровительствомъ поляковъ; мало того, они расширяютъ и укрѣпляютъ владѣльческія права дворянъ, способствуя, такимъ образомъ, развитію ихъ экономическаго могущества. Такъ, бывшее до тѣхъ поръ не узаконеннымъ крѣпостное право было официально признано и утверждено, а, кромѣ того, дворяне-землевладѣльцы получили рядъ привилегій, связанныхъ съ обладаніемъ имѣніями, о чемъ рѣчь впереди. Тѣмъ не менѣе, административная практика польскаго правительства не могла не возбудить сильнаго неудовольствія дворянства, въ теченіе вѣковъ привыкшаго къ властвованію въ краѣ; оно не могло примириться съ умаленіемъ его правъ, какъ самоуправляющагося сословія и, сильное своею земельною мощью, въ значительной степени созданной тѣми же поляками, сумѣло дать имъ надлежащій отпоръ. Результатомъ польской

политики явилось не ослабленіе власти дворянства, а переходъ края подъ владычество шведовъ, на сторону которыхъ дворянство стало при удобномъ случаѣ.

Шведы держались по отношенію къ краю политики прямо противоположной. Они возстановили самоуправленіе и всячески ему покровительствовали. Въ вѣдѣніе ландтаговъ и вновь образованныхъ исполнительныхъ ихъ органовъ—ландратскихъ коллегій—были переданы всѣ, безъ исключенія, мѣры, предположенія и узаконенія, касавшіяся благоустройства и хозяйства края, всѣ земельныя и прочія гражданскія правоотношенія. Не только хозяйственныя, но и судебныя и административныя лица края сдѣлались выборными; въ рукахъ того же дворянства сосредоточиваются части—учебная, церковная, почтовая и друг. Наконецъ, получила официальное признаніе и окончательную организацію дворянская касса, т.-е. право самообложенія, и тѣмъ обезпечены денежныя средства дворянскаго самоуправления. Но зато все свое воздѣйствіе, всю полноту государственной власти и энергію шведы направили на измѣненіе порядковъ землевладѣнія, а, главнымъ образомъ, на ненавистное и незнакомое имъ крѣпостное право. Было бы долго перечислять всѣ мѣропріятія, направленные къ ослабленію помѣщичьяго гнета и къ огражденію крестьянъ отъ произвола; достаточно сказать, что ни въ желаніи, ни въ энергіи къ достиженію намѣченной цѣли у шведскаго правительства недостатка не было: издавался рядъ отдѣльныхъ узаконеній, предпринимались земельныя ревизіи съ цѣлью урегулированія крестьянскихъ повинностей, вводился строгій контроль надъ отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ, очень сурово карались всякія отступленія отъ закона и его нарушенія. Такого рода политика была для дворянства еще неудобнѣе, чѣмъ упраздненіе самоуправления при полякахъ: вѣдь здѣсь накладывалась рука на неограниченность его экономическихъ правъ, здѣсь подрывался въ корнѣ источникъ его неисчерпаемаго матеріальнаго могущества. И, пользуясь широко поставленнымъ тѣми же шведами самоуправленіемъ, дворянство оказывало стойкій отпоръ правительству во всѣхъ его начинаніяхъ; каждая новая мѣра, каждый законъ, каждый шагъ правительства влекъ за собою противодѣйствіе, сначала пассивное, а затѣмъ—активное. Тогда шведы не остановились передъ крайней, изъ ряду вонъ выходящей мѣрою: воспользовавшись нѣкоторыми недомолвками и разнорѣчіями въ дѣйствующемъ законѣ по вопросу о наследованіи имѣніями, правительство приступило къ конфискаціи имѣній и провело эту мѣру столь энергично, что $\frac{5}{6}$ земельныхъ владѣній дворянства было отобрано въ казну, которая, такимъ образомъ, становилась крупнѣйшимъ и сильнѣйшимъ земельнымъ собственникомъ края. Въ конфискованныхъ и другихъ казенныхъ имѣніяхъ вводилось положеніе о крестьянахъ,

которое должно было служить преддверіемъ ихъ окончательнаго освобожденія отъ рабства. Но шведское правительство не разочитало, что оно имѣло дѣло не съ толпою политически-безправныхъ и разрозненныхъ лицъ, но съ сословіемъ организованнымъ, крѣпкимъ въ своемъ единствѣ, права и вольность котораго въ дѣлѣ суда и управленія оно само же такъ заботливо оберегало и развивало. Такое сословіе не могло уступить безъ борьбы—и борьба началась, а результатомъ ея было не упраздненіе помѣстнаго сословія, а паденіе шведскаго господства надъ страной, какъ слѣдствіе Сѣверной войны. Россія, страна малокультурная, а потому менѣе опасная въ смыслѣ воздѣйствія на внутреннія дѣла, Россія, сама изнывавшая подъ бременемъ крѣпостнаго права, была въ то время для прибалтійскаго помѣстнаго дворянства той обѣтованной землею, которая сулила на долгое время неприкосновенность дорогихъ для него порядковъ, незыблемость основъ и обезпеченіе матеріальныхъ интересовъ.

И дворянство въ этомъ отношеніи не ошиблось.

Петръ I интересовался краемъ съ точки зрѣнія военной и, частью, торговой. Ему было важно обезпечить себя отъ нападенія враждебныхъ шведовъ, пріобрѣсти столь страстно искомый выходъ въ море, наконецъ, вступить въ непосредственныя сношенія съ Западной Европой. Внутренними отношеніями края онъ не интересовался, да и не могъ оказывать на нихъ прямого воздѣйствія въ силу незнакомства съ языкомъ, законами и обычаями края. Это всецѣло относилось и къ его ближайшимъ сотрудникамъ, изъ которыхъ назначались первые генераль-губернаторы края. Пользуясь частью вынужденнымъ, частью добровольнымъ невмѣшательствомъ правительства, дворянство уже при присоединеніи края къ Россіи выговорило себѣ все то, чѣмъ оно пользовалось когда-либо: съ одной стороны, сохраненъ былъ шведскій порядокъ самоуправленія, причемъ два выборныхъ ландрата были поставлены ближайшими и постоянными совѣтниками генераль-губернатора во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ, съ другой—былъ возстановленъ порядокъ землевладѣнія, процвѣтавшій при полякахъ, съ подтвержденіемъ всѣхъ земельныхъ льготъ и привилегій дворянства; было выговорено тщательное упраздненіе всего того, что сдѣлано шведами для урегулированія крѣпостнаго права и положенія крестьянской массы. Такимъ образомъ, уже съ первыхъ поръ русскаго господства прибалтійское дворянство стало пользоваться такими правами и преимуществами, которыхъ оно до тѣхъ поръ никогда не имѣло, даже въ періодъ самостоятельной политической жизни края.

Но для дворянства и этого было мало: *l'appetit vient en mangeant*; пользуясь нѣкоторою неполнотою договора о присоединеніи Лифляндіи, дворянство стало настаивать на исключительномъ

своёмъ правѣ на покупку и пріемъ земельныхъ имуществъ въ залогъ—правѣ, до того всегда принадлежавшемъ и горожанамъ. Благодаря вмѣшательству въ это дѣло графа Левенвольде, лифляндскаго же дворянина, споръ былъ въ 1711 году разрѣшенъ въ пользу дворянъ.

Дворянство пошло дальше. Оно стало добиваться признанія за нимъ исключительнаго права аренды казенныхъ имѣній, въ то время весьма многочисленныхъ, опираясь на недавнюю резолюцію Левенвольде. При Петрѣ достигнуть этого не удалось, но, возобновляя неоднократно свои ходатайства, дворянство достигло своей цѣли при его преемникахъ.

Но вскорѣ исключительной привилегіи дворянства въ области земельного могущества сталъ угрожать новый врагъ—это тѣ «петровскіе, вчерашніе, табельные» дворяне, которые по табели о рангахъ приобрѣтали себѣ военною и гражданскою службою права дворянства и связанныя съ нимъ преимущества. Примѣненіе этой табели къ Прибалтійскому краю, конечно, должно было сильно видоизмѣнить замкнутый и однообразный составъ помѣстнаго сословія, влить въ него новую, чуждую струю. Въ Россіи внутренней родовитое дворянство затерялось между массою новыхъ элементовъ и слѣлось съ ними, но въ Прибалтійскомъ краѣ вопросъ былъ рѣшенъ иначе. Въ 1728 году ландтагомъ было возбуждено ходатайство о дозволеніи составить особую книгу, матрикуль, куда были бы внесены на вѣчныя времена мѣстные древніе рыцарскіе роды. Когда ходатайство было уважено, то въ 1735 году (эпоха Бирона) было опубликовано весьма важное дополненіе къ первоначальному плану работъ,—именно, что внесенію въ матрикуль подлежатъ только тѣ роды, члены которыхъ представляютъ безспорныя данныя о владѣніи имѣніями ихъ предковъ въ теченіе извѣстнаго періода времени; такихъ образомъ, изъ матрикула были устранены всѣ табельные дворяне. А когда работа была кончена и матрикуль, заключавшій въ себѣ 172 фамиліи, былъ составленъ, то оказалось, что лишь лица, внесенныя въ матрикуль, составляютъ въ тѣсномъ смыслѣ дворянское сословіе, *Ritterschaft*, и имъ же принадлежатъ всѣ преимущества, связанныя съ дворянскимъ званіемъ; эти лица, слѣдовательно, получили исключительный доступъ къ занятію всѣхъ выборныхъ должностей и завладѣли всѣмъ самоуправленіемъ. Вмѣстѣ съ этимъ установленъ очень сложный порядокъ принятія новыхъ членовъ корпораціи путемъ баллотировки съ квалифицированнымъ большинствомъ избирательныхъ голосовъ. Однимъ словомъ, прибалтійское дворянство стало пользоваться прерогативою, всегда и вездѣ принадлежащею верховной власти; даже болѣе, оно явилось какъ бы высшею инстанціею по отношенію къ послѣдней, такъ какъ одного факта возведенія въ дворянство было недостаточно для пользованія по-

жалованными правами своего состоянія; окончательную санкцію давалъ ландтагъ. Правила о матрикулахъ были вскорѣ закрѣплены кодификаціоннымъ порядкомъ въ вышедшемъ въ 1759 году положеніи о земскомъ устройствѣ, вошли въ послѣднее «Положеніе о ландтагахъ» 1827 г. и дѣйствуютъ въ неприкосновенности до сихъ поръ.

Что касается крестьянскаго вопроса, то и по отношенію къ нему русское правительство долгое время держалось политики полного невмѣшательства. Съ упраздненіемъ всего сдѣланнаго для крестьянъ шведами и съ сильнымъ сокращеніемъ казенныхъ имѣній, благодаря щедрымъ ихъ пожалованіямъ, масса населенія оказалась въ очень бѣдственномъ положеніи. Ничѣмъ и никѣмъ не огражденные отъ произвола помѣщиковъ, обремененные разными сборами и повинностями, лишеныя всякой имущественной обезпеченности, крестьяне владели самымъ жалкимъ существованіемъ, обратившее, наконецъ вниманіе императрицы Екатерины II во время ея путешествія по краю въ 1765 году. По ея рескрипту было предложено ландтагамъ рассмотреть вопросъ объ улучшеніи участи крестьянъ. Ландтагъ дѣятельно принялся за возложенное на него дѣло и въ теченіе сорока лѣтъ сдѣлалъ только одну уступку: согласился на запрещеніе продажи отдѣльныхъ членовъ крестьянскихъ семействъ. Повидимому, правительство этимъ удовлетворилось, и крестьянскій вопросъ оставался на мертвой точкѣ до начала царствованія Александра I. На этотъ разъ разработка крестьянскаго положенія была поручена уже не ландтагу, а особому комитету въ Петербургѣ. Результатомъ работъ комитета явилось обнародованное въ 1804 году положеніе о крестьянахъ, въ общемъ—весьма рациональное. Правда, крѣпостное право имъ не отмѣнялось, но создавались значительныя гарантіи крестьянскаго обезпеченія. Всѣ земли были раздѣлены на мызные и крестьянскія, причемъ послѣднія могли быть эксплуатируемы помѣщикомъ лишь посредствомъ сдачи ихъ въ аренду мѣстнымъ крестьянамъ. Присоединеніе этихъ земель къ мызнымъ воспрещено; неприкосновенность арендныхъ правъ была урегулирована и ограждена отъ произвола; введена наследственная аренда участковъ; запрещена продажа крестьянъ на выводъ—отдѣльно отъ земли—и переселеніе ихъ въ другія губерніи; наконецъ, регулированы всѣ сборы и повинности съ крестьянъ и за произвольное ихъ измѣненіе назначены взысканія.

Очевидно, что такого рода законъ долженъ былъ кореннымъ образомъ измѣнить поземельный строй въ краѣ и, во всякомъ случаѣ, къ невыгодѣ дворянства, лишавшагося неограниченной экономической власти надъ крестьянами. Передъ дворянствомъ встала задача—упразднить реформу, но добиваться отмѣны только что изданнаго закона было неудобно, а потому избранъ обходный

путь. Пользуясь нѣкоторыми неизбежными недочетами «положенія», ландтаги заявили, что вводимая реформа—неполна, что дворянство не может и не желаетъ останавливаться на полумѣрахъ, что оно намѣрено вполне освободить крестьянъ, а потому проситъ передать крестьянскій вопросъ на его дополнительное обсужденіе. Нераздѣльное властвованіе Аракчеева во внутреннихъ дѣлахъ Россіи было благопріятно для такого ходатайства—ландтаги дѣятельно принялись за переработку положенія,—и результатомъ ихъ занятій явилось новое положеніе о крестьянахъ (въ Лифляндіи 1819 г.), торжественно возвѣщавшее личную свободу крестьянъ и передававшее всю землю вновь въ безграничное распоряженіе помѣщиковъ. Раздѣленіе земель на мызныя и крестьянскія было уничтожено, опредѣленіе повинностей и сборовъ такъ же, какъ и аренда участковъ, предоставлено «свободному» соглашенію съ помѣщикомъ. Почти одновременно и на одинаковыхъ основаніяхъ произошло освобожденіе крестьянъ и въ двухъ другихъ губерніяхъ края.

Такимъ образомъ, дворянское помѣстное сословіе побѣдоносно шествовало по пути всевозможныхъ приобрѣтеній и въ теченіе вѣка нахожденія подъ властью Россіи добилось окончательнаго и полнаго сосредоточенія земельной собственности въ рукахъ узкаго кружка привилегированныхъ фамилій, доступъ въ который фактически преградило всѣмъ другимъ; оно укрѣпило и расширило свои имущественныя права на землю; оно сосредоточило всѣ отрасли мѣстнаго управленія въ рукахъ того же кружка привилегированныхъ счастливцевъ... Никогда еще дворянству не удавалось осуществитъ въ такой полнотѣ свои идеалы и никогда экономическое и политическое могущество его не достигало такой высоты, какъ въ періодъ времени 1820—1840 годовъ.

Печальныя послѣдствія «освобожденія» крестьянъ не замедлили сказаться: начались безпричинные отказы арендаторамъ участковъ, обработка послѣднихъ батрацкимъ трудомъ, выселеніе крестьянъ. «Свободное» соглашеніе съ помѣщиками привело къ непрерывному подъему цѣнъ на землю, а барщинныя работы, по обилію безземельныхъ, оцѣнивались ниже и ниже. Положеніе крестьянской массы становилось невыносимымъ, и въ 1841 году произошелъ кризисъ, выразившійся въ массовыхъ волненіяхъ крестьянъ и въ массовомъ переселеніи ихъ въ другія губерніи. Усмиренія и экзекуціи примѣнялись широко, но для дворянства въ недалекомъ будущемъ рисовалась печальная перспектива—остаться не только безъ арендаторовъ, но и безъ батраковъ. Это послѣднее обстоятельство и поставило на очередь пересмотръ крестьянскихъ отношеній, что повело за собою изданіе новаго «положенія о крестьянахъ» 1849 года. Послѣднее заимствовало отъ закона 1804 года раздѣленіе земель на мызныя и крестьянскія, но этимъ и ограни-

чиваются его положительныя стороны. Начало свободнаго соглашенія при арендѣ было сохранено такъ же, какъ и другія невыгодныя стороны существовавшаго строя; былъ созданъ особый институтъ «квотныхъ» (въ Эстляндіи—шестидольныхъ) земель, подъ которыми разумѣлись участки, выдѣленные изъ крестьянской земли и присоединенныя къ мызной, но съ специальной цѣлью обезпеченія землею мызныхъ батраковъ. Къ чему привело это нововведеніе—о томъ рѣчь дальше.

Положеніе 1849 года можетъ считаться основаніемъ и для нынѣшняго поземельнаго строя Прибалтійскаго края. Съ тѣхъ поръ были вводимы лишь частичныя измѣненія,—такъ, въ 1860 году введено волостное самоуправленіе, въ 1869 году дозволено арендуемые участки пріобрѣтать въ собственность, въ 1889 году созданъ институтъ комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, на которыхъ возложена повѣрка и утвержденіе купчихъ и арендныхъ контрактовъ на крестьянскіе участки со стороны ихъ законности (но не по существу сдѣлки). Равнымъ образомъ, и въ сферѣ самоуправления измѣнено весьма немногое: послѣ того, какъ ревизія края сенаторомъ Манасеинымъ въ 1882—1883 годахъ показала всю устарѣлость и непригодность мѣстныхъ административно-судебныхъ учрежденій, существовавшихъ въ неприкосновенности съ шведскихъ временъ, были реформированы по общерусскому образцу и изъяты изъ компетенціи ландтаговъ судебныя, полицейскія и крестьянскія учрежденія,—но основы узко-сословнаго самоуправления, охватывающаго всѣ стороны мѣстной жизни,—остались не измѣненными до сихъ поръ. Нельзя сказать, чтобы неудовлетворительность этихъ основъ не сознавалась правительствомъ. Еще въ 1864 году, при введеніи земствъ въ Россіи, существовало предположеніе о распространеніи его и на Прибалтійскій край. Прошло двадцать лѣтъ, и тотъ же Манасеинъ въ своемъ отчетѣ о ревизіи указываетъ на строй мѣстнаго самоуправления какъ на наиболѣе вредный для правильнаго развитія края и рекомендуетъ его въ скорѣйшемъ времени реформировать. Проходитъ еще двадцать лѣтъ—послѣ революціи 1905 года образуется совѣщаніе при временномъ прибалтійскомъ генераль-губернаторѣ, которое, между прочимъ, разрабатываетъ предположенія о земской реформѣ; наконецъ, членами Государственной Думы третьяго созыва вносятся соотвѣтствующія законодательныя предположенія,—но «возъ еще и нынѣ тамъ»; за пятьдесятъ лѣтъ въ этомъ направленіи не сдѣлано ничего. Почему? Да вполне очевидно: изъ всего предыдущаго мы видѣли, до какой степени умѣло и послѣдовательно помѣстное дворянство направляло всю законодательную дѣятельность по отношенію къ Прибалтійскому краю въ своихъ интересахъ, въ свою пользу. Не въ его расчеты можетъ входить измѣненіе мѣстнаго самоуправления, которое даетъ ему громадное могуще-

ство въ дѣлахъ края; не желаетъ оно и неспособно совершить подъ собою актъ политическаго самоубійства, неминуемаго при измѣненіи существующаго порядка. Достаточно прочесть соотвѣтствующія статьи свода мѣстныхъ узаконеній, чтобы видѣть, что представляетъ собой нынѣшній ландтагъ. Вотъ статья 83 тома II; согласно ей, предметомъ сужденія на ландтагѣ можетъ быть «все, что касается правъ, пользы и учрежденія дворянскихъ обществъ или блага сего края». Компетенція безграничная, я бы могъ сказать, что она шире компетенціи многихъ парламентовъ, въ томъ числѣ и нашей Государственной Думы, изъ вѣдѣнія которой являются изъятыми многіе предметы управления,—напримѣръ, дѣла православной церкви, подлежащія вѣдѣнію Святѣйшаго Синода, дѣла благотворительныя и, частью, просвѣтительныя, поскольку они касаются вѣдѣнія собственной Его Величества канцеляріи по вѣдомству императрицы Маріи и т. д. И вся исторія края подтверждаетъ, что дворянство, въ лицѣ ландтаговъ, широко сумѣло использовать эту привилегію. Въ какомъ направленіи? На это намъ даетъ отвѣтъ также законъ: ст. 563 устанавливаетъ кругъ дѣятельности ландратской коллегіи и гласитъ, что первая ея обязанность есть «бдительное отеческое попеченіе объ охраненіи правъ, преимуществъ, учреждений и постояннымъ обычаемъ установленныхъ правилъ дворянскаго общества». Итакъ, сохраненіе существующаго порядка въ мѣстныхъ отношеніяхъ, недопущеніе какихъ-либо въ нихъ измѣненій, полное отрицаніе всякихъ новшествъ—вотъ требованіе закона, обращенное къ органу, вѣдающему всѣ дѣла мѣстнаго самоуправленія, разрабатывающаго и представляющаго ландтагу свои соображенія и доклады по всѣмъ вопросамъ мѣстной жизни. Но мы знаемъ, что участіе въ самоуправленіи есть привилегія немногихъ избранныхъ, принадлежащихъ къ тѣсно сплоченному кружку; удивительно ли, что вѣковымъ лозунгомъ этого кружка является: все для насъ, ничего для другихъ! И, благодаря этому, далеко не всѣ насущнѣйшія культурныя потребности мѣстнаго населенія удовлетворяются. Взгляните, достаточно ли обезпеченъ народъ медицинской помощью, почтами, телеграфомъ, учебными заведеніями—низшими и средними? Не являются ли всѣ эти учрежденія исключительно къ услугамъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, и не лишены ли ихъ тѣ мѣстности, гдѣ помѣщичьихъ усадебъ нѣтъ? А сельскохозяйственныя станціи, опытыя фермы, все дѣло агрономической помощи, дѣла мелкаго кредита, не должны ли они ютиться въ вѣдѣніи частныхъ обществъ, существованію которыхъ можетъ всегда грозить неожиданная и насильственная смерть?

Наконецъ, область самообложенія сборами и повинностями. Вплоть до 1880 года всѣ безъ исключенія сборы и повинности ложились исключительно на крестьянскія земли; мызныя были со-

вершено свободны отъ обложенія. При усилившихся слухахъ о возможности земской реформы ландтаги изъявили готовность самопожертвованія, и обложеніе сборами и повинностями распространено на земли мызныя, но въ какой мѣрѣ? Я оставляю въ сторонѣ неравномѣрность оцѣнокъ, необложеніе сборами разнаго рода имущества неземельныхъ (торгово-промышленныхъ заведеній, мельницъ и т. д.), но коснусь только вопроса о повинностяхъ, именно о повинности дорожной, благодаря которой дорожныя сообщенія края (поскольку они обслуживаютъ потребности помѣщиковъ) находятся въ томъ блистательномъ состояніи, которое приводитъ въ изумленіе и восхищеніе прїѣхавшаго въ край туриста. Эта повинность распределяется между помѣщиками и крестьянами, причемъ на долю первыхъ относится отпускъ необходимыхъ для устройства и исправленія дорогъ матеріаловъ, а на вторыхъ ложится производство всѣхъ безъ исключенія работъ натурою. Въ то время, когда устанавливался подобный порядокъ (въ Лифляндіи—около 55 лѣтъ тому назадъ), трудъ стоилъ несравненно дешевле, чѣмъ теперь, и можно было еще съ нѣкоторою долею основанія говорить объ уравнительности распределенія повинностной тяжести. Но съ теченіемъ времени задѣльная плата быстро возвышалась, а дорожная сѣть постоянно возрастала, и въ настоящее время можно безошибочно утверждать, что даже при минимальной оцѣнкѣ крестьянскаго труда и наивышей—помѣщичьихъ матеріаловъ, доля участія крупныхъ землевладѣльцевъ въ исполненіи дорожной повинности является совершенно ничтожною. Примѣровъ можно привести много. Вотъ Нидербартовская волость Курляндской губерніи. Въ ней исполненіе работъ по дорожной повинности обходится крестьянскому населенію почти въ 140.000 рублей ежегодно, или по 14 р. 65 к. съ десятины земли; помѣщикамъ обходится та же повинность лишь въ 990 рублей, что составитъ съ десятины 7,8 копейки. Иначе, доли расходовъ крестьянъ и помѣщиковъ въ волости выразятся въ отношеніи 193:1. Другой примѣръ—Лемзальская волость Лифляндской губерніи. Тамъ это отношеніе равно 136:1, причемъ на десятину крестьянской земли падаетъ 2 р. 13 к., а на десятину мызной лишь 1½ копейки. Еще около тридцати лѣтъ тому назадъ командированный въ Прибалтійскій край officialный изслѣдователь вопроса о земскихъ повинностяхъ Яковичъ опредѣлялъ, что крестьянское населеніе одной Лифляндской губерніи тратитъ на дорожную повинность свыше одного милліона рублей въ годъ и что на него эта повинность падаетъ 96½% своей тяжести, тогда какъ помѣщики несутъ лишь 3½%; теперь эти цифры должны быть сильно измѣнены къ невыгодѣ крестьянъ. Еще Манассеинъ при своей ревизіи обращалъ на этотъ вопросъ особое вниманіе; онъ признаетъ въ своемъ отчетѣ, что одною изъ главныхъ причинъ неустройства края является «неуравнительное распределеніе по-

винностей между дворянствомъ и крестьянствомъ, такъ какъ почти вся тяжесть этихъ повинностей лежитъ почти исключительно на крестьянахъ, что ставитъ крестьянское землевладѣніе въ весьма невыгодныя условія». Но, несмотря на тридцать лѣтъ, истекшія со времени подобнаго отзыва ревизующаго сенатора, несмотря на внесеніе законодательныхъ предположеній членами Государственной Думы и третьяго, и четвертаго созывовъ, вопросъ о повинностяхъ остается въ томъ же положеніи, что и раньше.

Аграрный строй Прибалтійскаго края вообще поражаетъ своими аномаліями и несоотвѣтствіемъ съ интересами массы населенія. Когда туристу бросаются въ глаза благоустроенныя и зажиточныя крестьянскія усадьбы, то да не забываетъ онъ, что обитатели этихъ счастливыхъ уголковъ представляютъ собою ничтожное меньшинство въ массѣ населенія. По переписи 1897 года виѣгородское населеніе Лифляндіи, приблизительно, равно миллиону; крестьянскихъ усадебъ, какъ выкупленныхъ, такъ и невыкупленныхъ, состоящихъ въ арендѣ, около пятидесяти тысячъ; средній размѣръ крестьянской семьи—четыре человѣка (отецъ, мать и двое дѣтей). Итакъ, около 200.000 человѣкъ, т. е. одна пятая часть общаго числа крестьянъ пользуется видимымъ благосостояніемъ; гдѣ же четыре пятыхъ? Гдѣ остальные 800.000 человѣкъ, принадлежащіе къ крестьянской массѣ? Это—пролетаріи, въ полномъ смыслѣ слова, нищія, лишены всякаго имущества, всякаго обезпеченія на завтрашній день, лишены даже отдаленной надежды когда-либо устроить свой уголь, свое хозяйство. И эта масса возрастаетъ ежегодно, въ силу естественнаго прироста, а число крестьянскихъ участковъ, въ силу закона о недробимости ихъ, остается то же, что и раньше; новыя и новыя массы нищихъ выбрасываются на рынокъ труда, они уже не находятъ себѣ мѣста на поприщѣ земледѣльческомъ, къ которому они склонны, съ которымъ они сроднились въ теченіе вѣковъ. И вотъ народъ-пахарь, выросшій въ землю, рожденный землеробъ, уходитъ изъ деревень, бросается въ города, становится въ ряды фабричныхъ рабочихъ, переселяется въ другія мѣста, куда глаза глядятъ... За послѣдніе годы, въ особенности послѣ революціи 1905 года, это бѣгство принимаетъ угрожающій характеръ: деревня пустуетъ, она обезлюдѣла, и уже самому дворянству, какъ помѣстному сословію, приходится серьезно считаться съ недостаткомъ рабочихъ рукъ и подъемомъ цѣны на нихъ... Все говоритъ о томъ, что аграрный кризисъ неизбѣжно близокъ, но, пока что, неприкосновенность существующаго порядка бдительно охраняется отъ переменъ и мѣстнымъ законодательствомъ, и самимъ помѣстнымъ сословіемъ. Болѣе того, послѣднее не только не идетъ на необходимыя уступки справедливости и требованіямъ времени, но и продолжаетъ свою узко-эгонстическую политику—концентраціи земельной собственности въ рукахъ немногихъ и обез-

земеливанія населенія. Иначе не могутъ быть объяснены многочисленные, еще недавніе факты незаконнаго присоединенія крестьянскихъ земель къ мызнымъ. Въ томъ же отчетѣ Манасейна мы находимъ ихъ. Вотъ имѣніе, въ которомъ крестьянская земля уменьшилась на 10.000 десятинъ, изъ коихъ не менѣе 6.000 десятинъ присоединено къ мызной землѣ незаконно. И этотъ случай—далеко не единственный. А квотныя земли, о которыхъ я упомянулъ раньше? Вѣдь назначеніе ихъ—служить земельнымъ обезпеченіемъ мызныхъ батраковъ, но пошли ли онѣ по своему назначенію? Еще въ 1860 году Государственный Совѣтъ обращалъ вниманіе дворянства на то, чтобы квотная земля была употреблена въ теченіе пяти лѣтъ для обезпеченія, по возможности, всѣхъ работниковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Прошло не пять, а цѣлыхъ тридцать три года—и именнымъ указомъ сенату признается своевременнымъ приступить къ окончательному разрѣшенію вопроса о квотѣ, а министру внутреннихъ дѣлъ повелѣно войти съ представленіемъ объ обращеніи этихъ земель къ законному ихъ назначенію. Съ тѣхъ поръ прошло еще двадцать одинъ годъ, но квотныя земли попрежнему остаются въ полномъ и безконтрольномъ распоряженіи помѣщиковъ, ничуть не стѣсняющихся поступать съ ними по своему усмотрѣнію, успѣвшихъ даже продать значительную долю этихъ земель—до 72.000 десятинъ. При этомъ колоссальномъ числѣ безземельныхъ,—до 90% по отдѣльнымъ мѣстностямъ,—которое даетъ намъ Прибалтійскій край, такіе приемы, какъ незаконное присоединеніе крестьянскихъ и квотныхъ земель къ своему хозяйству можетъ быть приравнено къ кражѣ суммы у нищаго...

Но такой способъ дѣйствій, несомнѣнно, очень выгоденъ для помѣстнаго сословія. Вѣдь крестьянскіе участки подчинены хотя бы нѣкоторому контролю со стороны административныхъ учреждений; участки же, арендуемые въ предѣлахъ квотныхъ и мызныхъ земель, совершенно свободны отъ какого бы то ни было надзора... Все, что помѣщикъ заблагоразсудитъ помѣстить въ арендномъ контрактѣ, будетъ имѣть значеніе договорнаго акта, а охотники на аренду найдутся всегда: за каждымъ арендаторомъ стоятъ по десяти ожидающихъ очереди. И надобно отдать справедливость помѣщикамъ—они контракты составляютъ умѣютъ такъ, что неудобный почему-нибудь арендаторъ всегда можетъ быть выселенъ съ участка за неисполненіе того или другого пункта; исполнить контрактъ въ точности зачастую внѣ человѣческихъ силъ и возможности. Защиты у арендатора не найдется—судъ станетъ на сторону помѣщика, такъ какъ контрактъ нарушенъ, а арендатору вольно же было его подписывать... Даже такіе контракты, которые не только нарушаютъ интересы другой стороны, но явно незаконны, такъ какъ противорѣчатъ интересамъ общегосударственнымъ, въ Прибалтійскомъ краѣ не рѣдкость. Приведу два примѣра. Вотъ имѣніе на

берегу Чудского озера, въ Юрьевскомъ уѣздѣ. Тамъ въ большомъ числѣ живутъ русскіе, старообрядцы, переселившіеся еще въ Петровскія времена. Они, вопреки общему характеру заселенія Прибалтійскаго края, живутъ не усадьбами, а большими селеніями, иногда въ двѣ-три тысячи человѣкъ; они, какъ прибрежные жители, — рыболовы, а земельные ихъ участки ограничиваются только усадьбнымъ мѣстомъ и клочкомъ выгона. Я уже не говорю про высоту оброка за эти усадьбы—это золотое дно для помѣщика, который оцѣниваетъ десятину земли въ селеніяхъ съ угодьями по 1.400 рублей, но какъ охарактеризовать контракты съ жителями, которымъ, по пункту четвертому, воспрещается устройство «всякихъ торгово-промышленныхъ, а также школьныхъ помѣщеній»? Селеніе, сплошь состоящее изъ рыбаковъ, не въ правѣ устроить сушильню для рыбы, не въ правѣ извлекать какія бы то ни было выгоды изъ своего единственнаго промысла! Селеніе въ двѣ слишкомъ тысячи жителей не можетъ добиться основанія школы, несмотря на многія, повторныя ходатайства!

А вотъ другой примѣръ: у меня имѣется копія контракта, заключеннаго въ имѣніи Анпельзе Верроскаго уѣзда въ 1888 году съ арендаторомъ мызнаго участка. Этотъ арендаторъ обязуется особымъ пунктомъ исполнять безпрекословно всѣ требованія мызнаго управленія и принимаетъ на себѣ отвѣтственность за всѣ поступки не только свои, но и двухъ своихъ взрослыхъ сыновей; за всякій ихъ проступокъ онъ обязуется, по требованію мызнаго управленія, подвергать ихъ тѣлесному наказанію!! Не знаю, много ли разъ были выпороты злосчастные сыновья арендатора, но про этотъ контрактъ слѣдовало бы почаще вспоминать тѣмъ, которые хвалятся самымъ раннимъ въ Россіи освобожденіемъ прибалтійскихъ крестьянъ отъ крѣпостнаго права.

Я не думаю утверждать, что злоупотребленія помѣщиками своими правами—общее явленіе; я согласенъ, что это единичные случаи, но думаю, что и надобности особой въ такихъ злоупотребленіяхъ для помѣщиковъ нѣтъ; ихъ интересы и безъ того законодательствомъ обезпечены черезчуръ достаточно. Вѣдь ни въ одной странѣ въ мірѣ (конечно, цивилизованной), тѣмъ болѣе—нигдѣ въ Россіи, нѣтъ такихъ исключительныхъ правъ и привилегій, которыя принадлежать владѣльцу дворянской вотчины въ Прибалтійскомъ краѣ и которыя, восходя ко временамъ сѣдой древности, остаются доселѣ неприкосновенными въ своемъ феодальномъ величіи. Вѣдь до сихъ поръ въ силѣ и дѣйствуютъ статьи 883 и 892 т. III мѣстныхъ узаконеній, въ которыхъ собственнику дворянской вотчины принадлежатъ: право винокуренія, пивоваренія, продажи хлѣбнаго вина, пива и стѣстныхъ припасовъ, а также право заводить и содержать мельницы, корчмы и шинки, право вотчинной полиціи въ предѣлахъ имѣнія, право учреждать мѣстечки и открывать рынки и ярмарки, наконецъ—право охоты и рыбной ловли.

Достаточно остановиться на нѣкоторыхъ изъ этихъ привилегій. Право открытія мѣстечекъ и рынковъ—вѣдь оно одно отдастъ въ руки помѣстнаго сословія всю экономическую жизнь страны! Ея географія, распредѣленіе населенныхъ и торговыхъ пунктовъ, вся промышленная жизнь зависятъ отъ усмотрѣнія помѣщика! Онъ можетъ оживить торговлею тотъ пунктъ, который наиболѣе удобенъ и выгоденъ для него, а интересы всего населенія будутъ забыты и пренебрежены... А воспрещеніе строить фабрики и заводы на крестьянской землѣ, дѣлающее невозможнымъ какое бы то ни было развитіе промышленности внѣ района мызныхъ земель, тормозящее всякую промышленную инициативу, всякій экономической подъемъ края?

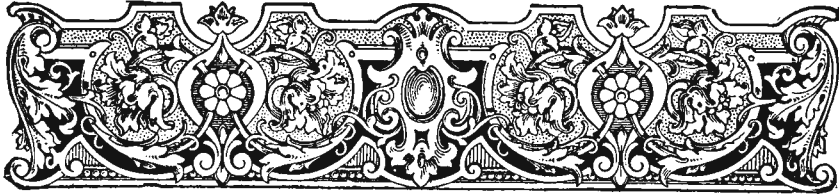
Другія привилегіи еще цѣннѣе въ матеріальномъ смыслѣ, и на первомъ планѣ должна быть поставлена привилегія питейная. Содержаніе корчемъ—заведеній для розничной продажи крѣпкихъ напитковъ—это одинъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ дохода помѣщиковъ; за однѣ голыя стѣны корчмы, за ничтожный клочокъ земли при ней взимается арендная плата очень и очень солидныхъ размѣровъ, никогда не опускающаяся ниже нѣсколькихъ сотъ рублей, а въ бойкихъ мѣстахъ достигающая пяти-шести тысячъ въ годъ—и это при воспрещеніи торговать въ корчмахъ водкой. Право же вотчинниковъ на исключительную продажу спирта и водочныхъ издѣлій было выкуплено казною отъ помѣщиковъ при введеніи казенной монополіи за десять милліоновъ рублей. Корчма—это злокачественная болѣзнь въ жизни мѣстнаго крестьянства; это притонъ пьянства, разгула и всяческихъ преступленій; у меня имѣется перечень полицейскихъ протоколовъ, составленныхъ въ одной корчмѣ лишь за полгода о такихъ милыхъ вещахъ, какъ грабежъ, покушеніе на убійство, пораненіе, кражи и т. п.; ихъ двадцать семь; повсемѣстно крестьяне умоляютъ о закрытіи корчемъ, растлввающимъ образомъ дѣйствующихъ на окружающихъ; но всѣ ходатайства тщетны: право корчемства есть привилегія помѣщиковъ и привилегія очень и очень выгодная; зачѣмъ же ею поступаться?

Такимъ образомъ, мы видѣли, что въ сферѣ землевладѣнія и связанныхъ съ нимъ правоотношеній прибалтійское дворянство до послѣдняго времени почти всецѣло сохранило свою силу и значеніе. Государственная власть въ теченіе двухъ вѣковъ всячески способствовала этому, всегда и при каждомъ случаѣ становясь на защиту интересовъ помѣстнаго сословія, видя въ немъ оплотъ государственности противъ беспокойной и подозрительной, въ особенности съ 1905 года, массы латышскаго и эстскаго населенія. Какъ же оплатило помѣстное сословіе за это покровительственное, благожелательное отношеніе? Какое положеніе оно приняло въ настоящей исторической для жизни Россіи моментъ? Постараюсь на это отвѣтить

Князь С. П. Мансыревъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОЙНА И ВѢРА.

I.

ВѢра двигаетъ горамп... людей.—Второе крещеніе.—Товарищество на войнѣ.—Гроза войны раскрываетъ свойства народовъ.—Въ области чудеснаго.—Икона съ крейсера «Паллада».—Переправа походной церкви черезъ рѣку.—Подвигъ іеромонаха Антонія.—Невѣрующихъ война дѣлаетъ вѣрующими.

ВЪ СТРАШНОЙ грозѣ настоящаго времени мы убѣждаемся, что война есть стихійное явленіе. Ежедневно мы видимъ, какъ необозримыя толпы людей, погоняемыя чудесною силою, слѣпно двигаются со всѣхъ сторонъ къ боевымъ линіямъ на всевозможныя лишенія и невзгоды, на раны и самую смерть. Всѣ одушевлены религіознымъ сознаніемъ—принести себя въ жертву за своихъ родныхъ братьевъ, за близкихъ друзей, за дорогую родину. Трезвая Русь совершенно сознательно идетъ навстрѣчу огненному дождю и покорно, съ молитвою на устахъ, умираетъ. Умираетъ, вѣруя въ свое безсмертіе. Можно ли проникнуть въ великую тайну войны?!

На нашихъ глазахъ война перерождаетъ людей. Тревожное чувство постояннаго пребыванія подъ сѣкирою смерти дѣлаетъ человѣка болѣе честнымъ, самоотверженнымъ, великодушнымъ и безкорыстнымъ. Онъ нравственно очищается. Не даромъ говорятъ про воиновъ, что они принимаютъ боевое или огненное крещеніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ первомъ же серьезномъ бою солдаты получаютъ какъ бы второе крещеніе и обновляются душою.

Русская жизнь, а за ней и литература дали намъ славные типы боевыхъ офицеровъ. Многолѣтнія войны на Кавказѣ и въ Туркестанѣ сблизили воиновъ тогдашней арміи въ одну хорошую семью. Нигдѣ такъ не чувствуется товарищество, какъ подъ общою опасностью ежеминутно быть убитымъ. Выручить товарища во время боевой схватки—первый долгъ, главная заповѣдь стараго кавказца или туркестанца. Не колеблясь, онъ бросается въ адскій огонь, проявляетъ чудеса храбрости и, если нужно, беззавѣтно жертвуетъ собою. Это дивные золотые люди!

Многочисленные свидѣтельства настоящей войны рисуютъ намъ воиновъ также въ лучезарномъ ореолѣ. Съ одной стороны поразительная храбрость и самоотверженность, съ другой—нѣжное, трогательное отношеніе къ своему товарищу.

Подъ грозою войны раскрываются свойства народовъ. Иностранцы восхищаются доблестью русскихъ людей. Они много говорятъ объ удивительномъ мужествѣ нашихъ ратниковъ; еще болѣе ихъ поражаетъ благородство и человѣколюбіе, которыя проявили русскіе въ борьбѣ съ нѣмцами и мадьярами. Когда-то нашъ казакъ для иностранцевъ олицетворялъ всѣ ужасы насилія, всю звѣриную свирѣпость, а теперь англичане и французы преклоняются предъ благороднымъ рыцарствомъ казаковъ. Даже враги наши, оцѣнивая благодущіе и милосердіе нашихъ воиновъ, осмѣливаются по ночамъ тихонько подползать къ нимъ и вымаливать хлѣба.

Нашъ православный народъ идетъ на войну, какъ на Страшный Судъ. Передъ сраженіемъ онъ спѣшитъ, если возможно, одѣть чистое бѣлье, исповѣдуются и причащаются. Однимъ словомъ, готовится предстать предъ нелицепріятнымъ судьей—Богомъ.

Въ частныхъ письмахъ воиновъ проскальзываютъ признанія, которыя свидѣлствуютъ о высоко нравственномъ настроеніи ихъ души. Какое самопожертвованіе! Какая покорность судьбѣ! Какая вѣра въ Божій промыселъ! У такихъ лицъ, понятно, и религиозная атмосфера должна сгуститься до крайняго напряженія. Военныя корреспонденціи полны чудеснаго. То русскіе ратники видятъ небесныя знаменія, то имъ являются святые или видѣніе «блага генерала», то они чудесно спасаются отъ нѣмецкихъ пуль, то совершается неизъяснимая помощь при переходахъ черезъ горы или при переправахъ черезъ рѣки.

Моряки находятъ плавающимъ въ Финскомъ заливѣ образъ Спасителя съ погнѣшаго крейсера «Паллада». Все погибло, а вотъ икона въ кіотѣ, находившаяся въ каютѣ-компаніи корабля, всплыла на поверхность.

Въ Галиціи идетъ переправа черезъ рѣку Санъ по понтонному мосту. Уже переѣхала большая часть обозовъ. Дошла очередь до походной подковой церкви. Лишь только повозка вѣхала на

мость, какъ средній пролетъ его разорвался, и повозка съ лошадьми немедленно погрузилась въ воду. Гибель казалась неизбѣжной, такъ какъ рѣка глубока, а теченіе ея очень быстрое. Однако лошади барахтаются въ волнахъ. Вдругъ теченіемъ воды повозку съ лошадьми понесло прямо къ тому мѣсту, къ которому и надо было пристать. Походная церковь была спасена. У всѣхъ присутствовавшихъ при этомъ сложилось убѣжденіе, что совершилось чудо («Вечерн. Время», № 943).

Вообще хроника войны полна чудеснаго.

Священники въ дѣйствующей арміи показываютъ примѣры высокорелигіознаго воодушевленія и христіанскаго самопожертвованія. То священникъ съ крестомъ въ рукѣ идетъ среди своихъ воиновъ въ бой, то онъ исповѣдуетъ раненыхъ на полѣ сраженія, то онъ отпѣваетъ груди тѣлъ убитыхъ ратниковъ.

Подвигъ іеромонаха Антонія на транспортѣ «Прутъ» будетъ переходить въ восторженныхъ разсказахъ изъ рода въ родъ. Пароходъ тонетъ. Отцу Антонію предлагаютъ спастись, покинувъ судно. Но іеромонахъ самоотверженно остался на палубѣ корабля и, благословляя крестомъ матросовъ, вмѣстѣ съ ними пошелъ ко дну.

Война поддерживаетъ вѣру воиновъ и, больше того, она невѣрующихъ дѣлаетъ вѣрующими. У одного еврея фуражка была пробита пулями въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а онъ остался нетронутымъ. Такое чудесное спасеніе свыше такъ на него подѣйствовало, что онъ изъявилъ желаніе креститься.

II.

Нѣмецкій рай на землѣ.—Санъ-Франциско, какъ иллюстрація рая.—Веселая жизнь нѣмецкихъ колоній.—Крушеніе вѣры германцевъ.—Ихъ жестокость.—Вильгельмъ II, какъ виновникъ несчастія нѣмцевъ.

На пароходѣ, по пути изъ Японіи въ Америку, случилось мнѣ познакомиться съ миссіонерами протестантскихъ исповѣданій. Среди бесѣды по разнымъ вопросамъ однажды рѣчь зашла о приближеніи Царства Божія.

— Это вы, православные, — говорили они мнѣ: — полагаете, что прежде, чѣмъ сотворить новое, Господь разрушитъ старое. По-вашему, придетъ день, когда небеса разрушатся, а земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ. Правда, такъ говоритъ Святое Писаніе; но вѣдь все ученіе Христа заключается въ притчахъ, въ аллегоріяхъ, въ символахъ. Всѣ пророческія сказанія о новомъ небѣ и о новой землѣ надо понимать иносказательно. Существующая земля не только не сгоритъ или разрушится, но постепенно придетъ въ высшую степень культурнаго состоянія и будетъ какъ рай эдемскій. Тогда всѣ люди объединятся въ одно громадное братство; они не будутъ имѣть въ чемъ-либо нужды, не будутъ воевать; пре-

ступленія у нихъ прекратятся, и наступитъ блаженная жизнь. И все это придетъ безъ нарушеній стихій, безъ ломки неба, безъ пожара земли, а только благодаря постепенному культурному обновленію всѣхъ людей.

Недѣли черезъ три совмѣстнаго плаванія мы прибыли въ Санъ-Франциско. «Жемчужина Великаго океана», какъ называютъ этотъ городъ американцы, показала мнѣ прекрасной иллюстраціей къ ученію протестантовъ.

Дѣйствительно, глядя на красивые дома и дворцы, утопавшіе въ яркой весенней зелени и въ восхитительныхъ цвѣтахъ, на всѣ удобства жизни, на его множество удовольствій и развлеченій, можно было повѣрить, что люди уже обрѣли блаженное царство здѣсь на землѣ. Чтобы еще болѣе поразить меня красотой и пріятностью земного рая, они повезли меня на берегъ моря въ знаменитыя купальни, гдѣ было собрано, кажется, все, что могло доставить удовольствіе всѣмъ чувствамъ человѣка: и разнообразныя зрѣлища, и тонкая музыка, и вкусныя блюда, и чудные напитки, и дивныя пахучіе цвѣтники, и купанья въ водѣ разныхъ температуръ и на разныхъ глубинахъ, и всевозможныя общественныя игры. Мужчины и женщины всѣхъ возрастовъ въ легкихъ купальныхъ костюмахъ составляли здѣсь одно веселое, наслаждающееся общество подъ яркимъ теплымъ солнцемъ, среди красиваго сада.

— Вотъ вамъ въ миниатюрѣ Эдемъ!—говорили мои спутники:—къ этому мы должны прійти и по всей землѣ, чтобы жизнь людей была одно сплошное наслажденіе.

Но не успѣлъ я вернуться въ Европу, какъ узнаю изъ газетъ, что одно ничтожное колебаніе почвы,—и райскій городъ Санъ-Франциско вспыхиваетъ страшнымъ пожаромъ и одновременно разрушается землетрясеніемъ.

Подобныя катастрофы время отъ времени повторяются и въ другихъ райскихъ уголкахъ на земномъ шарѣ. Что было въ древности съ Содомомъ и Гоморрою, Геркуланумомъ и Помпеей, то въ наши дни случилось съ Сень-Пьерромъ на островѣ Мартиникѣ и съ Мессиною въ Сициліи. Природа этими катастрофами какъ бы напоминаетъ людямъ православное ученіе и указываетъ, что ждетъ и всю землю, когда она обратится въ одинъ сплошной эдемскій садъ.

Въ послѣдніе годы мнѣ чаще приходилось сталкиваться съ протестантами въ нѣмецкихъ земляхъ. Надо согласиться, что они всюду умѣютъ хорошо устроиться. Въ другихъ частяхъ свѣта нѣмцы, пожалуй, даже лучше обставляютъ свою жизнь, чѣмъ въ самой Германіи. Политика Бисмарка и бряцаніе мечомъ Вильгельма II сдѣлали свое дѣло: нѣмцы стали богаче другихъ народовъ, доходы ихъ значительно превышаютъ доходы Англій или Франціи. Сознаніе силы и богатства проникло всю массу нѣмец-

каго народа. Deutschland, Deutschland über Alles!—стало побѣднымъ гимномъ германскихъ культуртрегеровъ на всемъ земномъ шарѣ. вмѣстѣ со своими протестантскими пастырями они уже достигли блаженной жизни здѣсь, на грѣшной землѣ.

— Посмотрите,—говорятъ они,—какъ жизнь нашихъ культурныхъ городовъ подошла уже къ царству блаженныхъ. Утромъ улица наполняется народомъ. Здоровые, сильные, прекрасно одѣтые люди весело спѣшаютъ въ свои конторы и магазины. У многихъ на лицѣ блуждаетъ улыбка отъ воспоминаній вчерашнихъ развлеченій. По дорогѣ они радостно сообщаютъ другъ другу, какъ они пріятно провели время. Охотно они становятся за свой прилавокъ или садятся за бюро. Обстановка красивая, удобная; трудъ легкій; много свѣта и воздуха; постоянное общеніе съ пріятными, довольными людьми. Къ вечеру веселой гурьбой они быстро разсыпаются по домамъ, сговариваясь по дорогѣ, гдѣ и какъ провести сегодняшній вечеръ. Лѣтомъ, въ веселой компаніи, они отправляются въ путешествіе... Нѣтъ, мы положительно близки къ тому времени, когда всѣ люди перестанутъ воевать между собою и объявятъ царство Божіе на землѣ.

Такова вѣра нѣмца.

И вотъ теперь, въ своемъ упоеніи господства надъ всѣми народами во всѣхъ странахъ свѣта, нѣмцы объявляютъ войну Россіи, Франціи, Англіи, Японіи, Бельгіи, Сербіи, Черногоріи... Дѣлаютъ гордый вызовъ чуть ли не всему міру.

И случилась катастрофа...

Народы дружно оцѣнили швабовъ и тевтоновъ кольцомъ стойкихъ армій и постепенно сдавливаютъ ихъ. Австрія уже потеряла до милліона солдатъ, потеряла Галицію и Буковину. Германія тоже выставила на свои границы все, что могла, весь цвѣтъ народа. Дома остались женщины, дѣти, старики да больные. Груды мертвыхъ тѣлъ съ каждымъ днемъ растутъ, какъ на прусской, такъ и на французской границахъ. Сотни тысячъ раненыхъ заполнили всѣ города внутри страны. Надвигаются страшные спутники войны—голодъ и моръ.

Нѣмцы уже чувствуютъ весь ужасъ совершающейся катастрофы. Въ храмахъ раздаются отчаянные вопли женщинъ. Возбужденныя толпы народа на площадяхъ городовъ открыто протестуютъ противъ безумной войны. Приходится солдатъ опьявлять виномъ, одурманивать эфиромъ, чтобы заставить ихъ ийти подъ русскіе штыки, подъ французскія пули.

Когда Господь хочетъ наказать кого, то, говорятъ, Онъ отнимаетъ у него разумъ.

Гдѣ же твой, нѣмецъ, рай? Гдѣ «Царство Божіе» на землѣ, о которомъ ты такъ много хлопоталъ? Ты ошибся. Царство Божіе не въ матеріальномъ богатствѣ и не въ грубой физической силѣ, а

Безуміе властителя міра.

(Лубочная картина).

въ правдѣ, въ мирѣ, въ любви, въ милосердіи и духовной силѣ.

Нѣмцы чувствуютъ крушеніе своей вѣры и ищутъ виновника своего несчастія.

Все громче и громче раздаются голоса, что виновникъ этотъ— ихъ обольститель, императоръ Вильгельмъ II.

III.

Поклоненіе Вильгельму II.—Жадность нѣмцевъ.—Чудовищное звѣрство.—Хваленая послѣдовательность.—Варвары XX вѣка.

Не надо ѣздить въ Германію, чтобы убѣдиться, какимъ чуть ли не божескимъ поклоненіемъ окруженъ Вильгельмъ II. У насъ въ Россіи нѣмцы двойного подданства съ такимъ же благоговѣніемъ чтутъ всемірнаго владыку кайзера, какъ мусульмане—падишаха или какъ католики—папу. Съ каждымъ днемъ теперь все яснѣе и яснѣе раскрываются замыслы Вильгельма, какъ онъ задолго до іюля 1914 года готовился къ настоящей грандіозной бойнѣ. Онъ мечталъ, что, послѣ побѣдоносной войны, его провозгласятъ императоромъ объединенной Средней Европы. Австрія добровольно присоединится къ Германіи ¹⁾ и такимъ образомъ откроетъ ей широкой путь на Балканскій полуостровъ, а затѣмъ черезъ Турцію и Персію—къ самой Индіи. Францъ-Іосифъ не долговѣченъ. А въ Турціи и сейчасъ не разберешь, кто правитъ—Вильгельмъ II или султанъ? Противъ Константинополя, въ Скутари давно развѣвается германскій флагъ надъ вокзаломъ нѣмецкой дороги въ Багдадъ. Путь намѣченъ. Аппетитъ нѣмцевъ, однако, такъ великъ, что имъ, кажется, надо обладать всѣмъ земнымъ шаромъ. Недавно они грозилась стереть съ географической карты даже Англію, какъ самостоятельное государство.

Нарушивъ Божескіе и человѣческіе законы, допустивъ въ войнѣ пріемы, отодвигающіе нѣмцевъ на нѣсколько вѣковъ назадъ, Вильгельмъ допускаетъ всѣ средства, и дозволенные, и недозволенные, лишь бы побѣдить. Приготовливая солдатъ къ настоящей бойнѣ, имъ внушали, что надо какъ можно болѣе разрушать, уничтожать, убивать, чтобы терроризировать непріятеля. Еще во время боксерскаго возстанія въ Китаѣ Вильгельмъ самъ себя выставилъ страшнѣе гунновъ и Атиллы; а теперь газеты почти ежедневно приносятъ намъ извѣстія о новыхъ неслыханныхъ ужасахъ со стороны нѣмцевъ. Самомнящаго культурнаго германца современная война обнажила и выставила на позоръ всему міру его чудовищное звѣрство, сознательную жестокость, непомѣрный эгоизмъ и ненасытную жадность.

Слѣдуя своему императору, нѣмецкіе генералы стараются не отставать отъ него ни въ своихъ поступкахъ, ни въ тонѣ своихъ приказовъ. Напримѣръ, баварскій кронпринцъ Рупрехтъ отдалъ приказъ 6-му армейскому корпусу, сражающемуся во Фландріи, въ которомъ между прочимъ объявляется («Биржевыя Вѣдомости», вѣч. вып., № 14463):

¹⁾ Этимъ присоединеніе Австріи къ Германіи и сейчасъ агитируютъ австрійскіе нѣмцы.

«...Постарайтесь повергнуть непріятеля во прахъ! Мы должны вцѣпиться въ него зубами!»

Обстрѣлъ храмовъ и мирныхъ городовъ, разрывныя пули, злоупотребленія бѣлымъ флагомъ, разстрѣлъ раненыхъ на полѣ сраженія, пытки плѣнныхъ воиновъ, грабежь, насиліе и множество другихъ недопустимыхъ приѣмовъ войны показали, до чего могутъ дойти эти современные варвары.

И все это дѣлается подъ эгидою кайзера, который такъ много говорилъ о милостивомъ Богѣ.

Бельгійскій инженеръ де-Мей, рассказывая о неистовствахъ германцевъ (веч. «Биржев. Вѣд.», № 14477), говоритъ: «Нѣмцы, проходя среди мирнаго крестьянскаго населенія, не оставили ни одного мальчика, чтобы не отрубить указательный и средній пальцы правой руки, чтобы и въ будущемъ бельгійцы не могли стрѣлять». Такая сознательная жестокость лучше всего характеризуетъ нѣмцевъ. Нѣкоторые восхищаются, что нѣмцы всякое дѣло доводятъ до конца, со всею тщательностью и стараніемъ. Газъ рѣшили драться съ русскими и съ французами, то ужъ и готовились къ бою не какъ-нибудь, а со всею хваленою нѣмецкою аккуратностью, и предусмотрительностью. Да, но параллельно извѣстны и другіе примѣры нѣмецкой послѣдовательности: разъ завели пытки, то довели ихъ до невѣроятнѣйшихъ границъ. Вѣдь только Германія могла додуматься до ящика съ гвоздями, извѣстнаго подъ названіемъ Нюрнбергской дѣвы.

Поражаются, какъ Вильгельмъ, такъ много трактовавшій о наукахъ и искусствахъ, допускаетъ разрушеніе рѣдчайшихъ памятниковъ старины и уничтоженіе знаменитыхъ библіотекъ. Послѣ Реймса, Лувена, Калиша и другихъ городовъ, подвергшихся разгробленію и разрушенію, нѣмцевъ вообще и въ частности Вильгельма иначе не называютъ, какъ *варварами, вандалами, звѣрями*. Протесты поднялись отъ всѣхъ ученыхъ и художественныхъ обществъ изъ всѣхъ государствъ всего міра.

IV.

Кайзеръ, какъ Божій избранникъ.—Чудесный сонъ германскаго императора.—Прокламація Вильгельма II.—Заигрываніе съ магометанами.—Безуміе и болѣзнь кайзера.

Еще задолго до войны Вильгельмъ выступалъ въ роли пастора, проповѣдника и истолкователя Св. Писанія. Онъ хотѣлъ царить также и въ области религіи. Во время же войны кайзеръ поразилъ всѣхъ страннымъ возваніемъ, обращеннымъ къ германской арміи: «Солдаты!

«Помните, что вы избранный народъ. Духъ Божій сошелъ на меня, такъ какъ я императоръ германцевъ.

«Я являюсь орудіемъ Всемогущаго! Я—Его мечъ и Его воля!
 «Уничтоженіе и смерть всѣмъ, кто противится моей волѣ!
 «Уничтоженіе и смерть всѣмъ, кто не вѣритъ въ мою Божественную миссію!
 «Уничтоженіе и смерть трусливымъ!
 «Да погибнуть всѣ враги германскаго народа!
 «Богъ требуетъ ихъ уничтоженія, Богъ, вѣщающій черезъ меня, приказываетъ вамъ исполнить Его святую волю» («Вечерн. Время», № 907).

Разсказываютъ, что передъ объявленіемъ войны Россіи и Франціи Вильгельмъ II выѣхалъ на яхтѣ въ открытое море и тамъ искалъ указанія свыше. И вотъ въ ночной бесѣдѣ съ Богомъ, когда онъ, уединенный, стоялъ на палубѣ парохода какъ бы между небомъ и землею, на него сошло рѣшеніе объявить міру войну-бойню, о какой еще и не слыхивали съ самыхъ первыхъ дней творенія и до сего дня.

— Война!—пронеслось его грозное слово къ ужасу всѣхъ народовъ. И теперь онъ объявляетъ себя *орудіемъ Всемогущаго*, а свою волю отождествляетъ съ волей Божіей. Онъ пошелъ, кажется, далѣе Магомета и другихъ воинствующихъ пророковъ.

Почти одновременно съ первымъ воззваніемъ Вильгельма, обращеннымъ къ солдатамъ, появилось въ «Ченстоховской Газетѣ», издающейся нѣмцами, другое его воззваніе къ мѣстному населенію:

«Поляки! Вы, конечно, помните, какъ однажды ночью начали звонить безъ участія человѣка колокола святого Святогорскаго монастыря. Тогда уже набожные люди поняли, что случилось великое и важное событіе, отмѣченное чудомъ. Событіе это—рѣшеніе мое воевать съ Россіей и отдать Польшу ея святыни и присоединить ее къ культурнѣйшей странѣ, Германіи.

«У меня былъ чудесный сонъ. Ко мнѣ явилась Богородица и приказала спасти ея святую обитель, которой угрожаетъ опасность. Она смотрѣла на меня со слезами, и я пошелъ исполнить ея Божественную волю.

«Знайте объ этомъ, поляки, и встрѣчайте мои войска, какъ братьевъ и спасителей. Знайте, Поляки, что тѣ, кто со мною, будутъ щедро вознаграждены, кто противъ—погибнетъ!

«Со мною Богъ и Святая Богородица! Она подняла мечъ Германіи на п м щь Польшу!»

Вильгельмъ II исполняетъ то волю Всемогущаго Бога, то волю Святой Богородицы. На всѣ его поступки у него всегда санкція свыше. Пожалуй, непогрѣшимый папа въ Римѣ не осмѣлился бы сказать про себя, какъ Вильгельмъ: «Духъ Божій сошелъ на меня... Богъ, вѣщающій черезъ меня, приказываетъ вамъ исполнить Его святую волю»... Да что смиренный папа! Недавно нѣмецкій кайзеръ выпустилъ для поляковъ образки Божіей Матери и рядомъ съ

Германскій императоръ—антихристъ.
(Лубочная картина).

Владычицей міра помѣстилъ свое изображеніе. Поляки сильно возмущены были подобными кощунственными прокламаціями. Негодованіе набожной Польши дошло до крайняго предѣла, когда Вильгельмъ прислалъ на чудотворную икону Божіей Матери въ Ченстоховскомъ монастырѣ золотую корону вмѣсто уничтоженной нѣмецкими солдатами. Поляки отвѣтили на такой даръ сильнымъ воззваніемъ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ него:

«истор. вѣстн.», февраль 1915 г., т. сxxxix.

15

«...Кощунственные уста Вильгельма II провозгласили высокіе лозунги и повторяли: «Богъ съ нами, ибо дѣло наше святое. Вамъ, полякамъ, мы приносимъ культуру, свободу и независимость.»

«И началась культура и освобожденіе разрушеніемъ Калиша, ограбленіемъ всей польской земли, разгромомъ и убійствами мирнаго населенія, издѣвательствами и казнями женщинъ, дѣтей и стариковъ. Въ нашихъ храмахъ ночевали лошади и жевали украденный у бѣдняковъ овесъ передъ святыми престолами. Чего не могли уничтожить преступныя руки пруссаковъ, то доконали ядра и огонь. На нашихъ земляхъ остались лишь пожарища и пепель, нужда и несчастье, слезы и ненависть.

«И вотъ теперь преступная рука Вильгельма II, съ которой еще стекаетъ кровь нашихъ женъ, матерей и дѣтей, осмѣливается святотатственно оскорблять нашу народную святыню на Ясной горѣ.

«Прочь руки, пруссакъ, отъ святаго святыхъ нашей простой и глубокой вѣры! Долой твой нечистый даръ!..»

И далѣе все воззваніе написано въ такомъ же тонѣ, полномъ негодованія и ненависти къ пруссакамъ и ихъ вдохновителю Вильгельму II.

Лютеранинъ Вильгельмъ, заигрывая съ католиками-поляками, пошелъ противъ ученія своей церкви и объявилъ себя почитателемъ Святой Богородицы и Ея иконъ; въ то же время онъ заигрываетъ и съ магометанами-турками, выпуская въ милліонахъ экземпляровъ воззваніе на арабскомъ языкѣ такого содержанія:

«Во имя Бога, носителя высшаго милосердія! Наши друзья-нѣмцы вѣрятъ въ Бога. Въ Его рукахъ—побѣда. Онъ имѣетъ власть надъ каждымъ предметомъ, устраняетъ все затрудненія. Германскій императоръ—*другъ ислама*. Изъ своего паломничества къ святымъ мѣстамъ Иерусалима онъ вынесъ навсегда благопріятное впечатлѣніе объ исламѣ. Поэтому вы, почитающіе Бога, освободите ваши души, очистите одежды вашего мужества отъ позора и вступите въ борьбу во славу ислама и для доставленія побѣды трону калифата, такъ какъ усердіе одного правовѣрнаго во имя священной войны пробуждаетъ усердіе 7.000 другихъ».

Истинныхъ мусульманъ это воззваніе не можетъ подкупить. Если турки и выступили въ союзъ съ нѣмцами противъ Россіи, то въ Константинополѣ винятъ въ этомъ комитетъ «Единеніе и Прогрессъ», состоящій въ своемъ большинствѣ изъ лицъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ убѣжденій, и космополитовъ, подкупленныхъ Германіей.

Сопоставляя воззваніе Вильгельма къ солдатамъ, полякамъ и магометанамъ, газеты очень часто называютъ его безумнымъ и сумасшедшимъ. Пожалуй, за его непомѣрную жажду обладанія землями и народами ему можно напомнить евангельскаго стяжателя богатствъ, который также получилъ этотъ далеко нелестный эпитетъ.

«Безумный! — говоритъ Христось: — въ сію ночь душу твою возьмуть у тебя... Кому же достанется то, что ты заготовилъ? Какая польза человѣку, если онъ приобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ?»

О безуміи Вильгельма въ послѣднее время очень усердно говорятъ и карикатуры. То его изображаютъ охватывающимъ руками всю Европу на картѣ, то—прикованнымъ цѣпью къ кровати и въ горячечномъ бреду сжимающимъ руками весь міръ на глобусѣ, то—возсѣдающимъ въ видѣ жирной свиньи на вершинѣ земного шара. Недавно появилось въ «Голосѣ Руси» (№ 315) сообщеніе, что «психическое состояніе Вильгельма настолько подорвано, что близкія къ нему лица опасаются какого-либо рокового съ нимъ исхода... Безсонница настолько овладѣла кайзеромъ, что никакіе наркозы не оказываютъ вліянія на его напряженные нервы... Когда Вильгельмъ узналъ о послѣднихъ пораженіяхъ, то съ нимъ приключился припадокъ эпилепсіи, продолжавшійся болѣе двухъ часовъ».

V.

Апокалиптическій звѣрь.—Вильгельмъ II—антихристъ.—666 мѣсяцевъ кайзера.—Книга объ антихристѣ.—Намеки на германскаго императора.—Аллегорія современной войны.—Русскія народныя картины.—Борьба съ краснымъ дракономъ.—Мнѣніе старообрядцевъ.

Въ началѣ войны твердо установилось положеніе: нѣмецъ—звѣрь. И этотъ страшный многоголовый звѣрь упорно ползетъ въ Россію. Русскіе богатыри смѣло выступили на борьбу со звѣремъ и уже много порубили головъ его. Но лютый звѣрь не унимается; вмѣсто погибшихъ головъ тотчасъ же появляются новыя. Что-то сказочное, апокалиптическое. И вотъ пронеслось по всему міру грозное слово:

— Антихристъ!

Императоръ Вильгельмъ—апокалиптическій звѣрь!

Англичане («News of World») доказываютъ, что звѣриное число Апокалипсиса—шестьсотъ шестьдесятъ шесть—приложимо къ императору Вильгельму, который родился 27-го января 1859 года. Когда исполнилось со дня его рожденія 666 мѣсяцевъ, онъ объявляетъ христіанскому міру звѣрскую войну, опираясь съ одной стороны на губительныя пушки съ адскимъ огнемъ, съ другой—на подкупленный мусульманскій Востокъ.

Французы (извѣстный Peladan) нашли старинную латинскую рукопись, составленную Іоанномъ (Frère Iohannès) въ срединѣ XVI вѣка, которая указываетъ на Вильгельма, какъ на антихриста. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этой рукописи въ переводѣ на русскій языкъ («Полночь», №№ 6 и 7; «Figaro»; «Новое Время», № 13873):

«Настоящій антихристъ предстанетъ въ образѣ одного изъ монарховъ своего времени и будетъ сыномъ Лютера. Онъ будетъ взывать къ Богу, а служить будетъ пославшему его. Этотъ принцъ лжи будетъ клясться передъ библіей...

«У него будетъ лишь одна рука, но его безчисленныя войска, которыя примутъ за девизъ: «Богъ съ нами», будутъ казаться адскими легіонами. Въ теченіе долгаго времени будетъ онъ дѣйствовать хитростью и вѣроломствомъ, а его шпіоны будутъ разсѣяны по всей землѣ, и онъ будетъ владѣть всѣми секретами сильныхъ міра...

«Война послужитъ причиной того, что онъ принужденъ будетъ сбросить свою маску. Это будетъ не та война, которую онъ объявитъ одному французскому монарху, а другая, которая ярко выразится въ томъ, что черезъ двѣ недѣли она охватитъ весь міръ.

«Она охватитъ всѣ христіанскія народности, всѣхъ мусульманъ и даже другіе, весьма отдаленные народы. Арміи будутъ формироваться въ четырехъ углахъ (концахъ) міра...

«Антихриста узнаютъ по многимъ признакамъ: онъ будетъ избивать, главнымъ образомъ, священниковъ, монаховъ, женщинъ, дѣтей и стариковъ; онъ никому не дастъ пощады; онъ пройдетъ по Европѣ, какъ смерчъ, съ факеломъ смерти и разрушенія въ рукахъ и именемъ Христа на устахъ.

«Его обманныя слова будутъ схожи со словами христіанъ, но его дѣйствія будутъ напоминать поступки Нерона и другихъ римскихъ гонителей. Въ гербѣ его будетъ орелъ, такъ же, какъ и въ гербѣ его приспѣшника, другого злого императора, который умретъ отъ проклятія папы Бенедикта, избраннаго въ началѣ злого дѣла антихриста...

«Количество людей, которые погибнутъ въ дѣлѣ освобожденія міра отъ антихриста, будетъ больше всего народонаселенія Римской имперіи. Потребуются усилія всѣхъ государствъ, потому что пѣтухъ (Франція?), леопардъ (Англія?) и бѣлый орелъ (Россія?) не были бы въ состояніи побѣдить чернаго орла (Германію?), если бы молитвы и пожеланія всего человѣчества не явились бы имъ на помощь.

«Трое звѣрей не должны прекращать битвы до тѣхъ поръ, пока у антихриста не останется больше ни одного солдата...

«Трое звѣрей—защитники Агнца—уничтожатъ послѣднюю армію антихриста...

«Антихристъ утратитъ свою корону и окончитъ дни въ одиночествѣ и безуміи. Его имперія будетъ раздѣлена на двадцать два отдѣльныхъ государства, но ни одно изъ нихъ не будетъ имѣть ни сильной династіи, ни арміи, ни кораблей... А во всемъ мірѣ воцарится прочный и долгій миръ.

«Бѣлый орелъ (Россія?) по повелѣнію архангела Михаила вытѣснитъ Турцію изъ Европы, гдѣ останутся лишь одни вѣрующіе; онъ утвердится въ Константинополѣ».

Борьба русского витязя съ трехглавымъ дракономъ.
(Лубочная картина).

Русскіе выпустили рядъ народныхъ картинъ, на которыхъ Вильгельмъ II изображенъ антихристомъ, духомъ зла, демономъ, вампиромъ и т. п. Особенно интересна одна картина, гдѣ Вильгельмъ сидитъ на звѣрѣ, въ видѣ свиньи. Въ лѣвой высохшей рукѣ его что-то въ родѣ пробирки съ холерными бациллами. Его сопровождаютъ

нѣмецкія собаки (таксы) въ прусскихъ каскахъ и летучія мыши. Подписано: «Германскій антихристъ—императоръ Вильгельмъ, тиранъ Европы, послѣдній Гогенцоллернъ, презрѣвъ всѣ высокіе завѣты Христа, окруженный сонмомъ всяческой нечисти, въ безумномъ ослѣпленіи своимъ мнимымъ величіемъ, сбросивъ крестъ со своей императорской короны, идетъ походомъ противъ всѣхъ народовъ міра, противъ свободы, справедливости и правды. По его приказу нѣмецкіе солдаты жгутъ чужое добро, убиваютъ мирныхъ жителей, безчестятъ женщинъ, бросаютъ младенцевъ въ огонь, несутъ смерть и опустошеніе. Война съ Германіей — священная война за свободу, правду и справедливость, за вѣру, Царя и Русскій народъ».

Интересна также картина, изображающая русскаго витязя, выступившаго противъ краснаго трехглаваго дракона. На одной головѣ звѣря каска прусская, на другой—австрійская, на третьей—турецкая феска.

Случилось мнѣ быть въ группѣ старообрядцевъ. Зная, какъ они съ петровскихъ временъ усердно ищутъ признаковъ пришествія антихриста и кончины міра, я задалъ имъ вопросъ относительно нѣмецкаго выступленія:

— Скажите, пожалуйста, въ виду невѣроятныхъ звѣрствъ, проявленныхъ нѣмцами по приказу своего начальства, въ виду неслыханныхъ ужасовъ этой чудовищной войны, не приходила ли вамъ мысль о послѣднихъ временахъ, объ антихристѣ и о концѣ міра?

— Старая и постоянно новая исторія!—отвѣтилъ мнѣ ихъ главный начетчикъ:—чуть какое-нибудь народное бѣдствіе,—и сейчасъ же подымаются голоса о кончинѣ міра и объ антихристѣ. Обыкновенная вещь! Наиболѣе выразительнымъ антихристомъ въ глазахъ народа въ послѣднее время былъ Наполеонъ I. Теперь, конечно, всплываетъ фигура Вильгельма II. У насъ такъ говорятъ: если Вильгельмъ побѣдитъ христіанское воинство, то возможно, что онъ и есть ожидаемый антихристъ; если же его разобьютъ, то съ этою побѣдою Россіи и ея союзниковъ разлетится и догадка людей, что этотъ нѣмецъ есть апокалиптическій антихристъ. Иные называютъ его просто однимъ изъ *предтечей* (предшественниковъ) антихриста, какихъ мы насчитываемъ за послѣднія двѣ съ половиною сотни лѣтъ нѣсколько человѣкъ. И это, пожалуй, вѣрнѣе.

VI.

Суровая жизнь обостряетъ духовное зрѣніе.—Видѣнія во время большихъ войнъ.—«Сямъ побѣдишь».—Видѣнія въ періодъ крестовыхъ походовъ.—Франко-прусская война.—Рапортъ священника о. I. Стратоновича.—Небесное знаменіе близъ города Маріамполя.—Письмо генерала III.—Трезвость и воздержаніе—залогъ побѣды.

Еще до христіанской эры александрійскіе ученые и философы признавали, что уединеніе отъ шумной жизни и воздержаніе въ пищѣ развиваютъ умственные способности человѣка, горизонтъ его

духовнаго зрѣнія расширяется, и онъ можетъ усмотрѣть такія вещи, которыя недоступны людямъ, живущимъ въ обыкновенныхъ условіяхъ. Обостряется духовное зрѣніе и у аскета-монаха. Нѣчто подобное бываетъ и съ воинами на поляхъ сраженія. Изнурительные

Видѣніе «блѣга генерала».
(Народная картина).

переходы, иногда невольное воздержаніе въ пищѣ и питьѣ, лишеніе сна и разныя невзгоды ставятъ воина въ положеніе аскета. Если къ этому прибавить постоянное ожиданіе смерти отъ пули или шрапнели, то станетъ понятно, что у сражающихся вырабатывается

особый взглядъ на міръ Божій. Постоянное ожиданіе внезапно явиться предъ престоломъ Господа дѣлаетъ война болѣе вѣрующимъ, чище сердцемъ, съ раскрытой, какъ говорится, душой. Такой сильнѣе чувствуетъ близость Бога. Передъ его глазами начинаютъ являться картины потусторонняго міра, или чудесныя видѣнія, которыя обыкновенно относятъ къ области галлюцинацій.

Докторъ М. П. Никитинъ въ своей статьѣ «О массовыхъ галлюцинаціяхъ и иллюзіяхъ»¹⁾ замѣчаетъ, что видѣнія чаще являются во время переживанія народомъ моментовъ величайшаго возбужденія, напримѣръ, во время большихъ войнъ, когда у людей, связанныхъ общимъ чувствомъ, общимъ вѣрованіемъ, общей идеей, является однородное настроеніе. Исторія полна случаями коллективныхъ видѣній въ періоды сильныхъ народныхъ движеній, особенно въ военное время. Въ 312 году, передъ началомъ сраженія, войска Константина Великаго увидѣли на небѣ изображеніе креста съ надписью: «Симъ побѣдишь». Въ 1187 году, когда Іерусалимъ былъ взятъ Саладиномъ, многіе монахи видѣли, какъ луна спустилась на землю и тотчасъ снова поднялась на небо. Въ 1870 году, во время франко-прусской войны, было много видѣній религіознаго характера. На протяженіи отъ города Раштадта (герцогство Баденское) до города Страсбурга мѣстные жители видѣли изображенія распятія, Мадонны и т. п.

Въ такую исключительную войну, какъ вторая отечественная нашего времени, когда люди разныхъ народностей и разныхъ сословій крѣпко объединились однимъ чувствомъ борьбы съ страшнымъ врагомъ, когда русскій народъ въ эти тяжелые, ужасные дни, подобно Христу на крестѣ, отказался отъ одурманивающаго напитка и проявилъ въ своей массѣ небывалую трезвость, должны, конечно, быть массовыя видѣнія. Они и были. Укажемъ, напримѣръ, на болѣе извѣстное явленіе Божіей Матери на небѣ, близъ гор. Маріамполя Сувалкской губерніи. «Вѣстникъ военнаго и морского духовенства» (№ 21, 1-го ноября 1914 г.) помѣщаетъ письмо о. І. Стратоновича, священника той воинской части, которая свидѣтельствуетъ объ этомъ удивительномъ видѣніи на небѣ.

«1-го сентября 1914 г., въ одиннадцать часовъ ночи,—пишетъ о. І. Стратоновичъ,—обозъ второго разряда бригады лейбъ-гвардіи кирасиръ Его и Ея Императорскихъ Величествъ, находившійся близъ гор. Маріамполя, внезапно былъ застигнутъ нѣмцами: получено было донесеніе, что непріятель на автомобиляхъ съ пулеметами и пушками находится вблизи на шоссе. Не надѣясь отразить врага своими силами, многіе изъ воиновъ обратились съ мольбою о помощи къ Державной Заступницѣ, крѣпкой въ браняхъ Помощницѣ. И что же? Матерь Божія услышала молитву

¹⁾ «Вѣстникъ Психологін», вып. 2, 1904 г.

нихъ. Воины увидѣли на небѣ необыкновенно яркую звѣзду, изъ которой постепенно образовалось сіяніе изъ маленькихъ звѣздъ, и чудный образъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, причемъ Божія Матерь рукою указывала на западъ.

«Кирасиры пригласили изъ квартиры офицера г. поручика Зернецъ. Съ живымъ благоговѣніемъ всѣ воины взирали на чудное явленіе, продолжавшееся около получаса, и призывали на помощь Матерь Божію. Когда видѣніе исчезло, на мѣстѣ явленія возсіяла та же яркая звѣзда.

«Послѣ этого общей радости не было предѣла: непріятеля уже не оказалось, и обозъ благополучно совершалъ дальнѣйшее слѣдованіе».

Объ этомъ явленіи еще раньше священника о. І. Стратоновича писалъ генералъ Ш., командующій отдѣльною частью на прусской границѣ.

«... Послѣ нашего отступленія,—пишетъ генералъ 18-го сентября:—нашъ офицеръ съ цѣлымъ полускадромомъ видѣлъ видѣніе. Они только что расположились на бивуакѣ. Было одиннадцать часовъ вечера. Тогда прибѣгаетъ рядовой съ обалдѣлымъ лицомъ и говоритъ: «Ваше высокоблагородіе, идите!» Поручикъ Р. пошелъ и вдругъ видитъ на небѣ Божію Матерь съ Иисусомъ Христомъ на рукахъ, а одной рукой указываетъ на западъ. Всѣ нижніе чины стоятъ на колѣняхъ и молятся. Онъ долго смотрѣлъ на видѣніе. Потомъ это видѣніе измѣнилось въ большой крестъ и исчезло...»

Вечернія «Биржевыя Вѣдомости» (№ 14397), напечатавшія это письмо, сопровождаютъ его такимъ комментариемъ: «Люди науки по поводу всего этого скажутъ: массовыя галюцинаціи, внушеніе, психическая зараза. Но да будетъ у нашего войска побольше такихъ галюцинацій и заразы! Въ нихъ—ободреніе и животворящая сила. И пусть наше воинство земное почаще зрѣтъ воинство небесное».

Намъ, читающимъ эти письма и донесенія, остается вспомнить слова Христа: «Блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе». Но мы вѣримъ и тому, что наша трезвость и воздержаніе помогутъ намъ сохранить наши сердца отъ робости или трусости, отъ лжи и коварства, отъ всего злого и грязнаго. А это—вѣрный залогъ побѣды, какъ въ области матеріальной, такъ и въ нравственной.

VII.

Легенда о «Бѣломъ генералѣ».—Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.—Явленіе Бѣлаго вожда въ древнемъ Израилѣ.—Тайственные всадники Апокалипсиса.—Небесные вожди во время перваго крестоваго похода.—Святые Георгій, Дмитрій, Борись и Глѣбъ.—Русскій оратай противъ нечистой силы.

Наша побѣда надъ колоссальнымъ скопищемъ австро-германскихъ войскъ, наступавшихъ къ Варшавѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ, по разсказамъ московскихъ («Утро Россіи») и петроградскихъ

газетъ («Биржевыя Вѣдомости», № 14463), сопровождалась видѣніемъ «Бѣлаго генерала».

Русская легенда о «Бѣломъ генералѣ» давно извѣстна среди нашихъ войскъ. Народъ не можетъ скоро разстаться со своими любимыми героями, вождями-защитниками. Онъ вѣритъ въ ихъ безсмертіе. И если говорятъ, что Бѣлый генералъ турецкой кампаніи 1877 года, Михайль Дмитріевичъ Скобелевъ, умеръ, то любовь къ нему русскаго народа воскрешаетъ его въ своихъ ожиданіяхъ, какъ защитника государства. Особенно памятенъ Скобелевъ въ настоящую войну съ нѣмцами, угнетателями славянства. Никто, кажется, такъ страстно не желалъ побить германцевъ и австрійцевъ, какъ этотъ грозный для нихъ Бѣлый генералъ, Михайль Дмитріевичъ. Понятно желаніе русскаго народа, да и всѣхъ славянъ, видѣть его въ своихъ рядахъ теперь, когда исполняются его завѣты, когда Святая Русь единодушно ополчилась на исконныхъ враговъ славянства и православія.

Современная легенда о «Бѣломъ генералѣ», принесшемъ русской арміи зарокъ непобѣдимости, сопровождается такими сказаніями: около котораго солдата остановится Бѣлый генералъ и взглянетъ на него, тому до конца войны живымъ быть; а мимо котораго онъ пройдетъ не глядя, тому не сегодня—завтра смерть найти.

Когда спросишь кого: видѣлъ ли ты самъ, своими глазами, Бѣлаго генерала?

— Нѣтъ, не видѣлъ...

— А почему же ты говоришь о немъ?

— Казаки, сказываютъ, видѣли его, мчавшагося верхомъ на бѣломъ конѣ.

Легенда о видѣніи вообще «Бѣлаго вождя» среди битвы въ рядахъ войскъ не нова. Въ исторіи много можно найти указаній, какъ во время сраженія появляется лучезарный всадникъ и разить неприятельское войско своимъ копьемъ или мечомъ. Библейскому Израилю, въ его завоёванія въ Ханаанской землѣ, всегда сопутствовалъ «Вождь воинства Господня», съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ. (Ис. Нав. V, 13, 14). Послѣдняя же борьба Израиля за свою независимость, во время Маккавеевъ, особенно изобиловала видѣніями небесныхъ всадниковъ (2 Маккав. III, 25; V, 2; X, 29; XI, 8).

«...явился предводителемъ ихъ всадникъ въ бѣлой одеждѣ, потрясавшій золотымъ оружіемъ...»

Этотъ «небесный поборникъ» повелъ небольшой отрядъ іудеевъ на многочисленнаго неприятеля и одержалъ рѣшительную побѣду.

Итакъ, легенда о бѣломъ вождѣ существовала еще до Рождества Христова. Въ первыя же времена христіанства св. Іоаннъ описывалъ въ своемъ Апокалипсисѣ два момента явленія бѣлыхъ всадниковъ. Одинъ—при снятіи первой печати съ таинственной міровой книги. Тогда появляется всадникъ на бѣломъ конѣ.

«...и вышелъ онъ какъ побѣдоносный и чтобы побѣдить».

Другой моментъ описывается подъ конецъ временъ, когда является всадникъ тоже на бѣломъ конѣ.

«...и сидящій на немъ называется Вѣрный и Истинный, который праведно судить и воинствуетъ... Онъ былъ облеченъ въ одежду, обогренную кровью... И воинства небесныя слѣдовали за Нимъ на коняхъ бѣлыхъ, облеченныя въ виссонъ бѣлый и чистый. Изъ устъ же Его исходитъ острый мечъ, чтобы имъ поражать народы...»

«...и увидѣлъ я звѣря и царей земныхъ и воинства ихъ, собранныя, чтобы сразиться съ сидящимъ на конѣ и съ воинствомъ Его» (Апокал. XIX гл.).

Можно допустить, что указанные библейскіе примѣры дали основаніе для цѣлаго ряда сказаній объ явленіяхъ воинственныхъ всадниковъ въ періодъ крестовыхъ походовъ. Такъ, во время битвы при Дорилеѣ участники перваго крестоваго похода видятъ св. Георгія и св. Дмитрія сражающимися въ ихъ рядахъ. Въ разгаръ сраженія при Антиохіи на глазахъ крестоносцевъ небесный отрядъ, закованный въ латы, спускается съ неба подъ предводительствомъ великомученика Георгія, св. Дмитрія и св. Феодора Стратилата. Въ день взятія Иерусалима отрядъ провансальцевъ, ожидая своей очереди вступить въ бой, вдругъ увидѣлъ на вершинѣ Елеонской горы лучезарнаго рыцаря, который, махая щитомъ, побуждалъ отрядъ вступить въ городъ.

Подобныя явленія намъ извѣстны по лѣтописнымъ сказаніямъ и на Русской землѣ. Кромѣ явленія св. Бориса и Глѣба на рѣкѣ Невѣ передъ битвою Александра Невскаго со шведами, лѣтописцы говорятъ, что русскіе воины обязаны своей побѣдой на Куликовомъ полѣ въ 1380 году появленію небесной рати передъ отрядомъ войскъ, находившимся въ резервѣ. Когда главныя силы русскихъ стали уступать натиску непріятели и резервъ долженъ былъ уже вступить въ бой, передъ нимъ вдругъ явилась небесная рать—сонмъ ангеловъ-заступниковъ во главѣ съ архистратигомъ Михаиломъ и св. воинами Георгіемъ, Димитріемъ, Борисомъ и Глѣбомъ.

Св. Георгій считается защитникомъ и покровителемъ русской земли. Его изображали въ московскомъ гербѣ, какъ и теперь—въ центрѣ всероссійскаго герба, на бѣломъ конѣ, попирающимъ крылатаго дракона, того страшнаго апокалиптическаго звѣря, который олицетворяетъ всю сумму зла, лжи, коварства и насилія. Сейчасъ, въ лицѣ Германіи, Австріи и Турціи, трехглавый драконъ, изрыгающій изъ тысячи пастей убійственный огонь и раскаленное желѣзо, ползетъ на святую Русь съ запада и съ юга. И русскій оратай, подобно великомученику Георгію ¹⁾, съ желѣзомъ въ рукѣ и съ крестомъ въ сердцѣ смѣло вышелъ на бой съ «нечистой силой».

¹⁾ Георгій, какъ греческое слово, означаетъ земледѣлецъ.

VIII.

Предложенія изобрѣтателей.—Русская Жанна д'Аркъ.—Даръ ясновидѣнія.—Предсказанія сибирячки.—Роль пророка Елисея во время войны.—Поѣздка сибирячки въ Варшаву.

Велика святая Русь и всѣмъ обильна. И чего только нѣтъ въ ней! Въ настоящее время, напимѣръ, въ виду войны съ Германіей, страною машинъ, хитрыхъ машинокъ и всякихъ махинацій, у насъ въ Россіи поступаетъ множество предложеній отъ разныхъ изобрѣтателей орудій и приемовъ борьбы съ коварнымъ врагомъ. Къ сожалѣнію, сейчасъ нѣтъ ни времени, ни силъ разсмотрѣть различныя приспособленія и новыя изобрѣтенія для военнаго дѣла. Но предложенія, какъ справиться съ нѣмцемъ, идутъ не только въ области машинъ, въ области матеріальной. Недавно появилась особа, предлагавшая свои услуги въ области духовной. Если не въ полной роли новой Жанны д'Аркъ, то въ качествѣ вдохновенной прорицательницы или ясновидящей она гѣтова принять участіе въ великой борьбѣ съ тевтонами и швабами. Какъ и Орлеанская Дѣва, наша русская дѣвица тоже имѣетъ семнадцать лѣтъ, а зовутъ ее Валентиной Теофилактовной Соковой-Лебедковой. Еще будучи въ гимназій, она всѣхъ поражала даромъ прозорливости, безошибочно предсказывала на экзаменахъ нумера билетовъ и за это получила отъ подругъ кличку «пророчицы».

Въ настоящее время Валентина Теофилактовна пріѣхала въ Петроградъ изъ далекаго Иркутска, чтобы поступить на курсы; но какая-то таинственная сила толкаетъ ее использовать свои духовныя способности для военнаго дѣла. Сибирская дѣвица полагаетъ, что, въ моменты ея ясновидѣнія, она можетъ быть полезною для военачальниковъ своими предсказаніями. Съ этой цѣлью, поборовъ свою застѣнчивость, Валентина Теофилактовна является къ извѣстному писателю І. І. Ясинскому и проситъ его совѣта и указаній, какъ занять ей такое положеніе, чтобы она могла въ борьбѣ съ нѣмцами использовать свой даръ провидѣнія. При первомъ же свиданіи съ нимъ сибирячка предсказала, что нѣмцы будутъ разбиты подъ Варшавой, а онъ самъ скоро получить давножданное письмо отъ своего сына изъ дѣйствующей арміи. То и другое предсказаніе дѣйствительно скоро исполнились.

При второмъ свиданіи съ І. І. Ясинскимъ (Вечернія «Бирж. Вѣд.», 15-го и 21-го окт.) она робко замѣтила:

— Подъ Варшавой нѣмцы разбиты. Вѣдь я же объ этомъ предупредила васъ... Могу сказать вамъ еще, что Вильгельму грозитъ большая личная опасность. Можетъ быть, дни его сочтены. Но... иногда мнѣ все ясно; иногда какъ въ туманѣ... Сейчасъ раздвои-

лось... Ахъ, да! Въ Германіи два лица будутъ оспаривать власть... Простите, я всего не могу сказать.

Когда она застѣнчиво проговорила послѣднюю фразу, І. І. Ясинскій замѣтилъ ей:

— Послушайте, если вы обладаете такимъ ясновидѣніемъ, то вамъ самимъ легче узнать дорогу въ военныя сферы и предложить имъ свои услуги.

— Нѣтъ,—возразила она:—лично себя я не вижу. Мои пути для меня темны.

Замѣтка І. І. Ясинскаго о новой пророчицѣ возбудила много запросовъ. Иркутская барышня разрѣшила ему оповѣстить ея петроградскій адресъ (Васильевскій островъ, 16-я линія, д. 47, кв. 75); но къ ней стали обращаться, какъ къ гадалкѣ. Она просила заявить, что то, что она видитъ по временамъ, почти исключительно касается войны; душа ея волнуется теперь только въ этомъ направленіи. На прямые вопросы она не отвѣчаетъ. Но во время бесѣды она вдругъ можетъ что-нибудь сказать по собственному почину. Если бы ей удалось очутиться на театрѣ войны и войти въ соприкосновеніе съ военными фактами, она, по ея словамъ, выполнила бы съ большимъ успѣхомъ то, къ чему она чувствуетъ непреодолимое влеченіе.

Подобныя примѣры духовной помощи въ военномъ дѣлѣ имѣются и въ сказаніяхъ Библии. Священный повѣствователь рассказываетъ намъ (4-я Царствъ, VI, 8—12), какъ послѣ нечестиваго Ахава воцарился надъ Израилемъ его сынъ Іорамъ. Тогда

«...царь сирійскій пошелъ войною на израильтянъ и совѣтовался со слугами своими, говоря: въ такомъ-то и въ такомъ-то мѣстѣ я расположу свой станъ. И посылалъ человекъ Божій (пророкъ Елисей) къ царю израильскому сказать: берегись проходить симъ мѣстомъ, ибо тамъ сиріяне залегли. И посылалъ царь израильскій на то мѣсто, о которомъ говорилъ ему человекъ Божій, и предостерегалъ его; и сберегъ себя тамъ не разъ и не два.

«И встревожилось сердце царя сирійскаго по сему случаю, и призвалъ онъ рабовъ своихъ и сказалъ имъ: «скажите мнѣ, кто изъ нашихъ въ сношеніи съ царемъ израильскимъ?»

«И сказалъ одинъ изъ слугъ его: «Никто, господинъ мой царь, а Елисей пророкъ, который у Израиля, пересказываетъ царю израильскому и тѣ слова, которыя ты говоришь въ спальной комнатѣ своей».

Вотъ такимъ-то пророкомъ Елисеемъ и мечтаетъ быть наша русская дѣвица.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Валентина Теофилактовна получила въ Петроградѣ много рекомендательныхъ писемъ, съ которыми она и уѣхала въ Варшаву.

IX.

Съ потерей вѣры человѣкъ впадаетъ въ суевѣріе.—Гордость нѣмца-лютеранина.—Колдовство и заклинанія германцевъ.—Новый законъ противъ суевѣрныхъ обычаевъ.—Заклинанія противъ кровотеченія.—Цѣлительныя молитвы Кресту Христову.—Мѣшечки съ лягушечьими костями.—Свойства драгоцѣнныхъ камней.—Образки и ладонки русскаго народа.

Когда человѣкъ теряетъ настоящую вѣру, онъ впадаетъ въ суевѣріе. Это мы теперь видимъ до нѣкоторой степени на нашихъ врагахъ. Культурные нѣмцы съ напыщенною важностью всегда стараются подчеркнуть, что вотъ они-то и есть настоящіе почитатели Бога, поклоняющіеся Ему въ духѣ и истинѣ (Іоанна, III гл.). Они смѣются надъ нашимъ почитаніемъ иконъ, надъ различными обрядами, надъ поклоненіемъ Божіей Матери и разнымъ святымъ.

Но вотъ грянулъ громъ войны. Русскій мужикъ набожно перекрестился. А нѣмецъ? Лютеранинъ сильно засутилъ, ища тоже духовной помощи. Матери Божіей, какъ заступницы или защитницы, у него нѣтъ. Нѣтъ и скорого помощника, святителя Николая. Лютеранство, отвергнувъ древнія преданія, оторвалось отъ общаго христіанскаго корня. За что же ухватиться теперь лютеранину-нѣмцу? Къ общему удивленію, германцы прибѣгли къ колдовству и заклинаніямъ, къ разнымъ талисманамъ и амулетамъ. И чѣмъ дольше тянется война, тѣмъ большій спросъ оказывается на эти вещи у «культурныхъ» воиновъ. Наконецъ дѣло дошло до того, что надо было издать особый законъ, грозящій «цѣлымъ рядомъ административныхъ наказаній тѣмъ лицамъ, которыя позволяютъ пользоваться разными суевѣріями и засыпать армію различными ладонками, амулетами и прочими пережитками варварской старины».

У одного убитаго «культурнаго» воина нашли бумажку, на которой было написано готическими буквами: «Если у кого изъ носа кровотеченіе или если онъ раненъ, тотъ долженъ положить на рану это письмо, и кровь перестанетъ течь (So wird sich das Blut stillen). Или если кто не вѣритъ этому,—возьми кровь на ножъ, напиши заглавныя буквы и уколи животное—кровотеченіе, конечно, прекратится» («Новое Время», № 13862). Далѣе слѣдуетъ такая молитва:

Bin (†), Kufus (†), Lustus (†), Narren (†), Sibesch (†), Munna (†), Jesus (†), Maria (†), Joseph (†)...

Судя по послѣднимъ тремъ именамъ, это заклинаніе католическаго происхожденія. Далѣе идетъ объясненіе:

«Эта дѣйствительнѣйшая и для всѣхъ людей цѣлительная молитва Кресту Христову была найдена въ 1505 году на гробѣ нашего Господа и Спасителя. Когда Kaiser Karl ¹⁾ отправлялся на

¹⁾ Вѣроятно, Карль V.

войну, то получилъ ее въ благословеніе отъ папы. Когда онъ вступилъ во Францію, то велѣлъ начертать молитву золотыми буквами на своемъ щитѣ. Кто ежедневно читаетъ молитву эту или выслушиваетъ ее и затѣмъ произноситъ «Отче нашъ» изъ Страстей Господнихъ, тотъ не умретъ никакой неестественной смертью и не будетъ изведенъ ядомъ...»

На этомъ прерывается текстъ бумаги.

Говорятъ, книжныя лавки въ Берлинѣ завалены заказами на книги объ оккультизмѣ. Въ большой модѣ разныя предсказатели, гадалки, хиромантки (новый законъ о суевѣріяхъ запрещаетъ прибѣгать къ ихъ помощи). Въ огромномъ распространеніи среди нѣмецкихъ воиновъ маленькіе мѣшочки съ костями лягушекъ. Ювелиры свидѣтельствуютъ, что въ большомъ спросѣ также драгоценныя и полудрагоценныя камни, которые обладаютъ чудесными свойствами предохранять людей отъ опасности и смерти.

Нѣкоторые вѣрятъ въ амулеты, сдѣланные изъ костей давно умершихъ людей. Другіе предпочитаютъ заговорные корешки и колдовскіе альрунхены. Въ Берлинѣ идетъ бойко торговля всевозможными ладонками и талисманами. И это дѣлаютъ люди, которые позволяютъ себѣ издѣваться надъ почитаніемъ святыхъ иконъ православными и католиками. Мало того, эти люди позволяютъ себѣ всякое оскорбленіе чтимымъ вещамъ, принадлежащимъ непріятелямъ иныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Ни алтарь, ни престолъ, ни крестъ, ни евангеліе, ни святая чаша не были защищены своимъ святымъ назначеніемъ отъ дерзкихъ рукъ варваровъ-тевтоновъ.

Въ прошломъ году, объѣзжая Китай и Индію, я покупалъ мѣдныя изваянія Будды и изображенія разныхъ боговъ. Къ моему удивленію, всѣ эти вещи оказались нѣмецкаго производства. Съ одной стороны, лютеране посылаютъ своихъ миссіонеровъ для проповѣди христіанства среди жителей на берегахъ Великаго океана; съ другой—производство идоловъ для нихъ. Такое безразличіе къ религіи!

У русскаго народа также есть ладонки и талисманы, но они не носятъ языческаго характера, какъ амулеты нѣмцевъ. Каждый православный имѣетъ на шеѣ металлическій крестъ, полученный имъ при крещеніи, и кругленькій образокъ, чаще всего—Божіей Матери. Иногда носятъ освященныя кольца съ надписями такого содержанія: «Святая великомученица Варвара, моли Бога о насъ». Носятъ еще ладонки съ частицами мощей святыхъ или креста Господня. Но все это дѣлается съ разрѣшенія и одобренія церкви. Все это связано съ именемъ Иисуса Христа, Божіей Матери или одного изъ прославленныхъ святыхъ.

Нѣкоторые берутъ съ собою на войну небольшого размѣра евангеліе или молитвенникъ; приписываютъ большое значеніе девяти-

десятому псалму «Живый въ помощи Вышняго», прочитанному передъ битвою; надѣвають на грудь родительское благословеніе—святую икону. Но все это носить чисто христіанскій характеръ, безъ всякаго намека на какое-либо заклинаніе или колдовство. Беря съ собою священные предметы, русскій воинъ не полагаетъ, что онъ уже застрахованъ отъ смерти или пораненія. Съ молитвою и благословеніемъ священника или родителей онъ лишь болѣе покорно принимаетъ жребій, намѣченный ему свыше. «Да будетъ воля Твоя!»—говоритъ нашъ ратникъ и смѣло идетъ подъ градъ пуль. Удивительная покорность судьбѣ! Удивительное мужество!

И. П. Ювачевъ.

ПАМЯТИ Г. Т. ПОЛИЛОВА-СЪВЕРЦЕВА.

ВЕЧЕРОМЪ въ началѣ десятаго часа 6-го января сего года выбылъ изъ рядовъ постоянныхъ сотрудниковъ нашего журнала близкій другъ, хорошій товарищъ и даровитый самородокъ-писатель Георгій Тихоновичъ Полиловъ-Съверцевъ. Смерть подкрадывалась къ нему на протяженіи послѣднихъ полутора лѣтъ, когда его въ общемъ крѣпкій, но очень нервный организмъ сталъ «сдавать» подъ напоромъ непосильной работы и бремени жизни. Всегда подвижной, суетливый, «тарарыга», какъ называли его близкіе, онъ еще года два назадъ не могъ себѣ и представить, что грозный послѣдній часъ жизни не за горами. Но вотъ стала проявляться усиленная нервность, раздражительность, удушья и боли въ области груди и сердца. «Переутомленіе»,—говорили доктора, но и самъ больной, и мы, ему близкіе, почували, что рядомъ съ переутомленіемъ въ жизнь врывается что-то мрачное, не предвѣщающее добра. По просьбѣ семьи больного, которому становилось все хуже, я зимою 1913 года билъ челомъ знаменитому специалисту по внутреннимъ и сердечнымъ болѣзнямъ Льву Бернардовичу Бертенсону, вѣчному печальнику нашихъ писательскихъ недуговъ, и онъ, самъ больной, страдающій астмой и никуда не выѣзжавшій, согласился тѣмъ не менѣе посѣтить страждущаго и подняться по трудной лѣстницѣ къ нему въ квартиру въ третій этажъ. И Левъ Бернардовичъ, со свойственной ему пронипательностью, осторожно началъ наводить на сознаніе и окружающихъ, и самого больного, что положеніе его не изъ легкихъ, что

надо радикально перемѣнить образъ жизни и перейти на тотъ покой и то самосохраненіе, которые менѣе всего были свойственны Полилову.

Я въ жизни не встрѣчалъ такого «живчика», какъ нынѣ скончавшійся мой другъ, вѣчно, какъ я ему говаривалъ, «шарикомъ» катавшійся по стогнамъ столицы съ портфелемъ, набитымъ рукописями и книгами подъ мышкой. Вставая рано утромъ, онъ до двѣнадцати, до часу стоялъ, что называется, на работѣ, диктуя барышнѣ-машинисткѣ свои многочисленныя произведенія, статьи для газетъ, еженедѣльниковъ, ежемѣсячниковъ, и тутъ же, во время процесса творчества, постоянно отрываясь отъ диктанта для бесѣды по телефону, по большей части совершенно ненужныхъ и праздныхъ. Я уже привыкъ, что ежедневно первая утренняя телефоната ко мнѣ идетъ съ Гатчинской улицы, гдѣ жилъ нашъ беллетристъ. Вылѣзаешь изъ постели, подходишь къ телефону и слышишь знакомый голосъ:

— Здравствуй. Я не помѣшалъ? Извини, голубчикъ! Что новаго?

— А ново то, что я еще только что изъ постели выскочилъ.

— Извини, голубчикъ... А знаешь...—и начинаетъ сообщать какой-то не провѣренный слухъ, который ему какая-то сорока на хвостѣ принесла. Иногда это желаніе подѣлиться новостямъ приносило бѣдному Георгію Тихоновичу непріятности, с авило въ ложное положеніе и доставляло даже матеріальный ущербъ. И вотъ, надиктовавши и наговорившись по телефону власть, писатель выбѣгалъ изъ дому и несся по редакціямъ, книжнымъ магазинамъ и театральнымъ дирекціямъ съ предложеніемъ сбыта своего литературнаго товара... Часто всѣ эти визиты были напрасны и безъ всякой надобности: его просто тянуло въ литературные и театральные муравейники, гдѣ на людяхъ, среди знакомыхъ и друзей онъ дышалъ тѣмъ редакціоннымъ и кулиснымъ воздухомъ, безъ котораго жить не могъ. Есть такія природы въ писательской и спенической средѣ, для которыхъ этотъ «воздухъ», обстановка и люди, родные ихъ профессіи, являются неотдѣлимой потребностью ихъ жизни, ихъ земного существованія. Тутъ, въ сущности, кроется нѣчто очень трогательное, нѣчто возвышенное, но рядомъ съ этимъ тутъ же заключается и нѣчто для окружающихъ назойливое и надоѣдливое. И вотъ это-то послѣднее часто обращалось на голову бѣднаго Полилова своей неблагопріятной стороной. Редакціи косились на избытокъ предлагаемыхъ рукописей, каковыми онъ и безъ того были достаточно перегружены со стороны писателя, тоже и книжные магазины, какъ равно, подчасъ, и театральныя дирекціи, отмахивавшіяся отъ навязываемыхъ имъ переводныхъ драматическихъ произведеній. Но беллетристъ, драматургъ и журналистъ не унывалъ и путешествовалъ отъ одной двери

къ другой, обрѣтая въ этомъ тяжеломъ способѣ дѣйствія хлѣбъ для пропитанія боготворимой имъ семьи¹⁾ и рядомъ съ этимъ почерпая въ этихъ странствованіяхъ удовлетвореніе запросамъ своей пытливой и нервной натуры.

Такъ вотъ такому-то типу живому и вѣчно подвижному искусный врачъ, стоящій на высотѣ науки, въ желаніи отодвинуть его отъ грозящей опасности, предписалъ именно тотъ режимъ жизни, который онъ именно менѣе всего могъ вышолнить. Лейбъ-медикъ Л. В. Бертенсонъ, исходя изъ требованій полезности для больного, указалъ совершенно справедливо все, что тому въ данный моментъ требуется. Онъ сказалъ и сдѣлалъ все, что могъ, что подсказало ему его профессиональная совѣсть и докторскій опытъ. Но я, присутствовавшій при этомъ визитѣ, тутъ же понялъ, что Полилову сказано то зловѣщее слово, которое не упадетъ добрымъ сѣменемъ въ его душу: онъ предписаннаго режима вышолнить не будетъ въ состояніи. Образы отошедшихъ въ вѣчность М. В. Шевлякова, С. Н. Шубинскаго, В. Е. Рудакова мелькнули передъ мной, и мнѣ тогда же почувалось, что вблизи отъ меня скоро-скоро потянетъ трупнымъ запахомъ. Вопросъ сводился только ко времени: когда?

Послѣ долгихъ обсужденій и совѣщаній съ докторами Полиловъ съ женою уѣхалъ въ декабрѣ 1913 года въ Бордигеру (въ Итали), въ ту область свѣта и тепла, которые должны были обновить пришедшій въ разрушеніе организмъ. Ожиданія стали оправдываться, и больной началъ воскресать: легче дышалось груди, кровь быстрѣе циркулировала, и жизнь, повидимому, снова начала улыбаться больному. 17-го декабря онъ писалъ мнѣ изъ Бордигеры: «Добрались сюда послѣ долгихъ странствій по Нерви, Генуѣ, но и здѣсь холодно, сегодня два градуса тепла только, холодные вѣтры съ моря; зябнемъ въ отелѣ, хотя есть паровое отопленіе. Воздухъ чистый, живительный, я чувствую себя значительно бодрѣе и лучше. Приѣзжихъ почти нѣтъ, всѣ отели пустуютъ. Что у тебя новаго? Напиши, другъ. Буду радъ получить вѣсточку. Жена кланяется. До сихъ поръ не имѣлъ вѣстей изъ дома и отъ друзей изъ Петербурга. Сравнительно устроились недурно—пятнадцать франковъ за двоихъ—все готово. Комната большая въ садѣ, кормятъ очень хорошо, что дальше—не знаю. Пиши. Твой Г. Полиловъ».

Изъ дальнѣйшихъ вѣстей изъ Бордигеры я узнавалъ, что мой милый больной поправляется, много гуляетъ, легко подымается въ горы и даже начинаетъ работать: въ приложеніи къ «Новому Времени» появляются его очень красивыя и поэтическія описанія Бордигеры, этого царства розъ и цвѣтовъ. И вдругъ страшное извѣстіе: Полиловъ ослѣпъ; глазная сѣтчатка отслоилась отъ глазного

---

¹⁾ У Полилова семья состояла изъ жены и четырехъ дѣтей—трехъ дочерей и сына.

яблока, онъ лежитъ въ постели, и доктора запрещаютъ ему всякое движеніе. Вскорѣ послѣдовало новое извѣстіе: въ Бордигерѣ нѣтъ нужной медицинской помощи для глазной болѣзни, и Георгія Тихоновича везутъ въ Петербургъ. И вотъ онъ прибылъ сюда, поникшій, удрученный новой постигшей его бѣдой. Писателю остаться безъ глазъ—вещь страшная! Но, благодаря помощи, оказанной ему Докторомъ-гомеопатомъ Габриловичемъ, болѣзнь глаза стала поддаваться леченію, и хотя съ трудомъ, однако страждущій началъ понемногу различать предметы и... даже читать, что, впрочемъ, ему было запрещено врачомъ. И на этой-то почвѣ—воспрепятствія—разыгрался слѣдующій актъ его жизненной драмы. Полиловъ приступилъ къ изданію одной изъ своихъ многочисленныхъ книжекъ, принесли корректуру, и, какъ боевой конь, почувшій трубный звукъ, онъ окунулся съ головою въ свѣже-отпечатанные, милые ему типографскіе листы, отъ которыхъ вѣяло столь знакомой всѣмъ писателямъ скипидарной типографской краской. Напряженіе зрѣнія и утомленіе здороваго до тѣхъ поръ глаза привели къ тому, что и этотъ послѣдній заболѣлъ и настолько сильно, что явилась угроза совсѣмъ его лишиться. Видимо, во всемъ организмѣ больного совершался таинственный процессъ разрушенія, и все, что иному, здоровому сошло бы съ рукъ, жизнь ставила ему въ грозный минусъ. Но и тутъ помощь доктора Габриловича и тщательный домашній уходъ, съ устраненіемъ отъ больного всего ему вреднаго, дали добрый результатъ и настолько, что уже къ лѣту того же года онъ могъ предпринять путешествіе на сѣверъ, въ Архангельскъ и на Мурманъ, для наблюденія жизни, нравовъ, типовъ и обычаевъ этой интересной и мало изслѣдованной окраины.

Съ дороги онъ отъ времени до времени посылалъ мнѣ открытки и увѣдомлялъ о своемъ путешествіи. 7-го іюня онъ писалъ мнѣ изъ Вологды: «Милый другъ! ъду и вспоминаю тебя. Здѣсь теплѣе и солнышко. Сегодня плыву вечеромъ въ Тотму и такъ далѣе. Жму руку и кланяюсь Рудакову».

Рудакову... который въ тѣ дни, какъ читатель уже знаетъ изъ моего о немъ некролога, постепенно готовился отойти въ міръ иной.

Черезъ двѣ недѣли изъ Архангельска онъ шлетъ мнѣ открытку: «ъду сегодня на пароходѣ «Николай II». Жму руку! Здѣсь до 34° на солнцѣ. Много ѣздилъ по бухтамъ—интереснаго тѣма. Видаль пожни монастырскія, покрытыя дикими гусями, лебедями и журавлями. Совершилъ поѣздку на Коневецъ, на баркасѣ, пароходѣ и пѣшкомъ. Вернусь въ П—гъ около 10—12 іюля».

Эта поѣздка на любимый имъ сѣверъ была во всѣхъ отношеніяхъ для него благоприятна. Онъ помѣстилъ въ «Новомъ Времени» рядъ любопытныхъ корреспонденцій подъ общимъ заглавіемъ «По старинному заморскому пути и сѣвернымъ гнѣздамъ», которыя, со-

бранныя воедино, составили интересную книгу, выпущенную имъ подъ тѣмъ же заглавіемъ, гдѣ авторъ обнаружилъ, рядомъ съ прирожденнымъ ему художественнымъ талантомъ, мѣткость наблюдательности и тщательность изученія источниковъ для изображенія всего виданнаго. Въ мартовской и апрѣльской книжкахъ «Историческаго Вѣстника» я напечатаю его красивую повѣсть «За бѣлой лыбедью», гдѣ представлены жизнь и бытъ нашихъ сѣверныхъ скитовъ. По-моему, эта повѣсть по силѣ красокъ одно изъ лучшихъ

Георгій Тихоновичъ Полиловъ-Сѣверцевъ.

произведеній Полилова и справедливо можетъ быть поставлена въ разрядъ тѣхъ произведеній нашей отечественной этнографической беллетристики, гдѣ красуются имена Мельникова-Печерскаго, С. Максимова и Мамина-Сибиряка. Я коснулся здѣсь литературной дѣятельности Сѣверцева, а потому, оставивъ его путешествовать по сѣверу, обращусь вообще въ его литературному формуляру и жизненной біографіи.

Георгій Тихоновичъ Полиловъ родился въ 1859 году въ Петроградѣ въ богатой купеческой семьѣ; отецъ его стоялъ во главѣ обширной пенъковой торговли, но, кромѣ того, занимался живо-

писью и носилъ званіе некласснаго художника. Просвѣщенный родитель далъ сыну прекрасное образованіе въ нѣмецкой гимназій Видемана, гдѣ одновременно съ нимъ учились на скамьѣ не мало нынѣ видныхъ представителей нашей общественности и науки. По окончаніи гимназій онъ много путешествовалъ по Европѣ и Сѣверной Америкѣ, служилъ въ нѣсколькихъ торговыхъ фирмахъ по различнымъ отраслямъ коммерціи въ Лондонѣ, Ливерпулѣ; слушалъ лекціи нѣсколькихъ семестровъ въ боннскомъ университетѣ, гдѣ одновременно съ нимъ обучался здѣсь и нынѣшній нашъ врагъ—императоръ Германіи Вильгельмъ II. Подготовленный солидно отцомъ къ коммерческой дѣятельности, онъ на зарѣ своей жизни выступаетъ прежде всего на поприщѣ коммерсанта, но, увы! коммерція не принесла ему счастья, и по-всѣмъ отраслямъ торговли, къ которымъ Полиловъ приобщался, онъ терпѣлъ жестокое фіаско. Ему не везло, и, я думаю, даже онъ просто не могъ, по свойству своей нервной, нетерпѣливой природы, быть хорошимъ коммерсантомъ. У него совершенно не хватало выдержки, планомѣрности въ дѣятельности, которыя столь необходимы въ широкихъ оптовыхъ торговыхъ предпріятіяхъ, и вотъ въ результатѣ банкротство, потеря всего отцовскаго движимаго и недвижимаго состоянія. Пропали доставшіяся ему отъ родителя богатая дача въ Новой Деревнѣ, пошла прахомъ и солидная благопріобрѣтенная уже имъ самимъ недвижимость въ Тайцахъ. Это время разоренія совпало съ его женитьбой на Ольгѣ Ѳедоровнѣ Вѣловой, тоже представительницѣ купеческой семьи. «Одна голова не бѣдна» говоритъ поговорка, ну, а ужъ двѣ, пожалуй, если и не полная бѣда, то, во всякомъ случаѣ, не матеріальная отрада, и вотъ Полиловъ пускаетъ въ ходъ пребывавшій дотолѣ не использованнымъ имъ ресурсъ природы—свой прекрасный въ тѣ годы теноръ—и скоро оказывается на подмосткахъ частной оперной сцены. Первоначально ему сопутствовали успѣхъ, и артистъ Чаевъ,—подъ такимъ именемъ онъ дебютировалъ,—завоевываетъ себѣ симпатіи публики. Поднять былъ вопросъ и о принятіи его на императорскую сцену, и предварительная проба голоса оказалась ему благопріятна. Назначенъ былъ и день испытанія, но, увы, проведенная въ нервномъ ожиданіи экзамена ночь испортила все дѣло: дебютантъ блестяще провалился и, къ удивленію Направника, рекомендовавшаго своего протеже великому князю Владимиру Александровичу, не оправдалъ своего выступленія на пробной репетиціи. Этотъ провалъ оказалъ на Полилова сильное впечатлѣніе, настолько сильное, что онъ, страстный любитель русской оперы, гдѣ столь удачно сначала подвизался рядомъ съ такими нашими корифеями, какъ былой теноръ Орловъ и нынѣшніе Собиновъ и Шаляпинъ, послѣ своего неудачнаго дебюта уже ни разу въ жизни не переступилъ порога русскаго опернаго театра.

Послѣ постигшей его неудачи онъ уѣзжаетъ за границу и нѣкоторое время съ успѣхомъ подвизается на оперныхъ подмосткахъ итальянскихъ театровъ, но и здѣсь ему не долго суждено было отдавать силы любимому искусству,—и здѣсь не повезло, голосъ ему измѣнилъ и пришлось проститься съ подмостками. «Но прежде, чѣмъ перейти къ литературной карьерѣ, оказавшейся его «настоящимъ» жизненнымъ дѣломъ, Георгій Тихоновичъ пытался такъ или иначе остаться при театрѣ,—читаемъ мы въ некрологѣ его, напечатанномъ въ «Обозрѣніи театровъ» (№ 2639).—Онъ затѣялъ большое оперное предпріятіе—антрепризу итальянской оперы въ Петроградѣ. Знакомства и дружескія связи съ Мазини и другими итальянскими знаменитостями помогли ему поставить затѣянное дѣло на широкую ногу. Нынѣшніе петроградцы, навѣрное, помнятъ итальянскую оперу въ «Акваріумѣ» въ пятидесятыхъ годахъ. Громадный театръ Александра, походившій на гигантскую коробку, съ странными висячими ложами и крохотной сценой, огласился сладкозвучными итальянскими голосами. Г. Т. Полиловъ, принимавшій въ этой антрепризѣ громадное участіе и деньгами и личнымъ трудомъ, могъ чувствовать себя счастливымъ. Онъ былъ въ своей сферѣ, въ близкомъ и тѣсномъ касательствѣ къ театру. Но сладкіе голоса Мазини и компаніи не спасли полиловскаго предпріятія. Театръ Александра пустовалъ: петербуржцы и теперь не любятъ ѣздить въ зарѣчныя части города, а тогда и подавно не любили. Предпріятіе потерпѣло крахъ. Итальянскіе соловьи закутали драгоцѣнныя горла въ шубы и отправились на родину. А Полиловъ... выплатилъ имъ копейка въ копейку крупные гонорары и остался безъ денегъ и безъ излюбленнаго театральнаго дѣла... Мазини расцѣловался съ нимъ на прощанье и пригласилъ его гостить къ себѣ въ итальянское помѣстье и трогательно обѣщался при первомъ же случаѣ помочь ему, если встрѣтится надобность... Справедливость требуетъ сказать, что, когда нѣсколько лѣтъ спустя Г. Т. Полиловъ рѣшилъ воспользоваться любезными обѣщаніями короля теноровъ и навѣститъ его съ цѣлью попросить денежной поддержки, Мазини угостилъ его какимъ-то необыкновеннымъ виномъ, но не далъ ни копейки и даже пришелъ въ дурное настроеніе отъ просьбы бывшаго антрепренера...»

Затѣмъ Г. Т. Полиловъ пытался еще разъ поддержать близкое отношеніе съ театромъ, но уже нѣсколько иначе. Въ то время онъ уже пользовался большою извѣстностью, какъ беллетристъ и журналистъ. Литература сдѣлалась для него постояннымъ и исчерпывающимъ занятіемъ. И вотъ Георгій Тихоновичъ основалъ тогда театральнй журналъ «Комикъ». Но и съ журналомъ его постигла неудача. «Комикъ» просуществовалъ недолго, хотя имѣлъ всѣ права на безоблачное существованіе: онъ составлялся литературно, издавался очень изящно...

Болѣе удачными были выступленія Г. Т. Полилова въ драматической литературѣ. Онъ писалъ оригинальныя пьески и много переводилъ съ иностранныхъ языковъ. И съ этой стороны его любовь къ театру нашла себѣ удовлетвореніе и признаніе.

Если сцена и театральное поприще не принесли ему удачъ и счастья, то косвеннымъ образомъ онѣ оказались для него тѣмъ широкимъ и глубокимъ бытовымъ резервуаромъ, откуда онъ для своей литературной дѣятельности обрѣлъ въ послѣдствіи обильную пищу. Театральная жизнь, представители сцены—вотъ тотъ источникъ, откуда онъ почерпалъ многіе сюжеты для своихъ беллетристическихъ произведеній, выходявшихъ послѣ ихъ предварительнаго напечатанія въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ отдѣльными книгами. Къ числу таковыхъ относятся: «Въ погонѣ за славою и золотомъ», романъ изъ жизни оперной богемы. «На оперныхъ подмосткахъ», рассказы изъ жизни оперныхъ пѣвцовъ, «Отъ шарманки на сцену», романъ извѣстной пѣвицы: «Ядъ», романъ изъ жизни артистовъ: «Ты бывала въ Порторико, танцевала контрадансъ», веселые рассказы, и мног. друг.

Всѣ повѣствованія Полилова съ сюжетами изъ жизни артистическаго міра носятъ правдивый характеръ, отличаются занимательностью и благорасположенностію къ представителямъ сцены. Нигдѣ онъ не впадаетъ въ злой и обидный шаржъ, менѣе всего здѣсь «личныхъ счетовъ», что такъ часто встрѣчается въ произведеніяхъ подобнаго рода у нѣкоторыхъ другихъ авторовъ. Сценическая дѣятельность не осыпала его жизненнаго пути розами, но и не оставила въ немъ слѣдовъ горечи и злобы. Онъ ушелъ съ этого пути огорченный, но безъ всякаго злого чувства къ кому бы то ни было. Порою только слышится со страницъ его повѣстей и романовъ веселый смѣшокъ, безобидная шутка, и читатель видитъ во взорѣ и на устахъ автора игривую улыбку, далекую по своему значенію отъ обиднаго сарказма. Да этотъ сарказмъ и не былъ сродни природѣ Полилова; онъ любилъ веселую шутку; анекдотъ, смѣшное положеніе, и это пристрастіе къ веселому онъ распространялъ не только при бесѣдѣ о постороннемъ себѣ, но и на собственную личность. Вспоминая свое театральное житіе, свою сценическую практику, онъ именно охотнѣе всего останавливался на комическихъ эпизодахъ, ставя себя самого въ центръ этого комическаго. Мнѣ помнятся многіе его рассказы этого рода, и я думаю, что кое-какіе эпизоды, рассказанные о немъ въ нѣкоторыхъ его некрологахъ, суть результаты его собственныхъ веселыхъ рассказовъ о самомъ себѣ въ дружескихъ компаніяхъ и среди добрыхъ знакомыхъ, гдѣ, разойдясь во всю, онъ, ради краснаго словца, не жалѣлъ красокъ своей повѣствовательной палитры. Въ данномъ случаѣ преслѣдовался интересъ комическаго эффекта, причѣмъ рассказчикъ не придавалъ серьезнаго значенія тому толкованію,

которое будетъ сдѣлано слушателями о его личности. Онъ, какъ мнѣ кажется, создавалъ анекдотъ, и вотъ этотъ-то анекдотъ и явился послѣ его смерти составнымъ элементомъ его біографіи. Я не отрицаю, что Полиловъ по свойству своей природной суетливости могъ поставить себя въ смѣшное и порою даже неловкое положеніе, и мнѣ часто при моемъ расположеніи къ нему приходилось досадовать на него за его неумѣніе беречь себя и свою репутацію.

Если поприща коммерсанта и театральнаго дѣятеля оказались для Полилова неудачными, то писательская дѣятельность явилась той областью, гдѣ его природное призваніе, его дарованіе и талантъ нашли свое настоящее проявленіе, дали ему извѣстность и хотя трудный, но какъ-никакъ обезпеченный кусокъ хлѣба. Впервые онъ прикоснулся литературы въ 1886 году, выступивъ съ небольшимъ рождественскимъ разсказомъ на столбцахъ «Саратовскаго Листка». По совѣту редактора «Живописнаго Обзорѣнія», извѣстнаго романиста-шестидесятника А. К. Шеллера, явившагося литературнымъ крестнымъ отцомъ многихъ молодыхъ представителей русской писательской среды, Полиловъ серьезно занялся беллетристикой, и вскорѣ его имя начинаетъ постоянно появляться на столбцахъ и страницахъ всевозможныхъ повременныхъ изданій. Онъ печатается и подъ собственной фамиліей Полиловъ, подъ псевдонимомъ Сѣверцевъ, Фантомъ, Ю. Чаевъ, Сѣверцевъ-Полиловъ въ самыхъ разнообразныхъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, въ «Дѣлѣ» и «Руси» Гайдебурова, въ «Новомъ Времени», «Вѣстникѣ Европы», «Нивѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», въ «Россіи» (Амфитеатрова), «Родинѣ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Огонькѣ», «Природа и Люди», «Голосъ Москвы», «Ежегодникъ императорскихъ театровъ», «Южномъ Краѣ», «Приазовскомъ Краѣ», «Сельскомъ Вѣстникѣ», «Отдыхъ Христіанина», «Нашей Старинѣ», «Солнцѣ Россіи», «Родникѣ», «Южной Россіи», въ «Свѣтлячкѣ», «Всходахъ», «Всемирной Панорамѣ», «Лукоморьѣ» и т. д., и т. д.

Литературная его дѣятельность поражаетъ разнообразіемъ родовъ писанія, многоразличіемъ разработанныхъ сюжетовъ, выведенныхъ типовъ и страницъ исторической и бытовой жизни нашей родины. Онъ не явился новаторомъ въ литературѣ, не принесъ съ собою какого-нибудь хитроумнаго вымученнаго новаго слова, но пошелъ по широкому и твердо намѣченному пути, по коему шли лучшіе представители нашей реалистической литературы. Полиловъ, не мудрствуя лукаво, рисовалъ передъ читателями многообразіе русской жизни, рисовалъ хорошими сочными красками въ здоровомъ освѣщеніи и съ крѣпкой любовью къ тому народу и той странѣ, сыномъ которыхъ онъ съ гордостью считалъ себя и каковыхъ онъ въ дѣйствительности былъ достойнымъ пред-

ставителемъ. Самъ по себѣ человѣкъ несложный и немудреный, онъ несъ въ читательскую среду свои патріархальныя религиозныя вѣрованія, которыя почерпнулъ изъ родительской купеческой среды, вѣрованія трогательныя и умилительныя во всей ихъ исторической неприкосновенности, несъ свою крѣпкую вѣру въ Россію и любовь къ ней, къ ея обычаямъ, нравамъ, гражданскому и церковному быту, ея историческому предназначенію. Онъ не былъ политическимъ трибуномъ, не былъ провозвѣстникомъ соціальныхъ проблемъ, не былъ публицистомъ, ударающимъ по сердцамъ съ невѣдомою силою. Онъ былъ занимательный повѣствователь, недюжинный художникъ, которому особенно удавались описанія родной ему сѣверной природы и мѣстныхъ людей, былъ дѣятелемъ, создающимъ вокругъ себя здоровую и бодрую атмосферу. И вотъ эти-то свойства его пера и привлекали къ нему широкія массы читателей, особенно среди юношества, среднихъ общественныхъ слоевъ, гдѣ нѣтъ запросовъ особенно сложныхъ и мудреныхъ. Этимъ до извѣстной степени объясняется игнорированіе его нашей публицистической либеральной критикой, которая при жизни его не находила у себя по его адресу ласковаго добраго слова, которая его замалчивала и держала въ тѣни и черномъ тѣлѣ. Только на его юбилей, который своевременно былъ описанъ на страницахъ нашего журнала, и послѣ его смерти въ его некрологахъ о немъ было сказано то доброе и заслуженное имъ, что давно слѣдовало громко сказать. Такъ, въ поднесенномъ ему депутаціей рабочихъ отъ народнаго александровскаго общества трезвости адресѣ сдѣлана слѣдующая его справедливая характеристика и оцѣнка:

«Ваше самобытное, безыскусственное, но въ своей простотѣ величавое художественное слово, которымъ вы такъ хорошо умѣли передавать красоты нашей родной русской рѣчи, нашего роднаго языка, даннаго Богомъ великому народу,—это художественное слово ваше дошло и до нашего народнаго сердца, тронуло его и задѣло въ немъ лучшія чувства.

«Читая ваши повѣсти и рассказы, мы не только находимъ въ этомъ чтеніи отдыхъ для души своей, не только облагораживаемъ чрезъ это свои досуги трезвой жизни, но, внимая благовѣсту вашего роднаго и понятнаго намъ призыва, мы научились чтить великіе завѣты нашей родной исторіи и нашего общественнаго и семейнаго быта. Въ исторіи народнаго самовоспитанія никогда не забудутся заслуги вашего талантливаго пера и вашего вѣщаго слова.

«А чуткое сердце простаго русскаго народа навсегда сохранитъ о васъ благодарную память, какъ о такомъ искреннемъ другѣ, который хорошо понималъ запросы народной души и въ своихъ твореніяхъ умѣлъ давать всегда удовлетворяющіе его отвѣты».

Поминая своего отошедшаго въ вѣчность сотрудника, «Солнце Россіи» (1915, № 257—2), такъ характеризуетъ его:

«Не представляя въ литературѣ явленія яркаго, Полиловъ давалъ, однако, всегда интересный рассказъ, въ которомъ чувствовалась прямая правда жизни. Онъ умѣлъ выбирать всегда интригующую фабулу, и даже въ небрежномъ иногда штрихѣ его карандаша чувствовалась настоящая натура. Реалистъ-бытовикъ, онъ признавалъ только этотъ жанръ, искренно отталкивался ото всего выдуманнаго и вычурнаго, не понималъ и не принималъ декадентства и модернизма и чтить старыхъ мастеровъ реального искусства.

«И въ своей области у него была здоровая наблюдательность и та дѣлкость литератора, которая позволяетъ ему все въ жизни повертывать, какъ творческій матеріалъ. Полиловъ умѣлъ добывать «человѣческій документъ», и подъ его рукой многіе дневники и записки оживали въ формѣ красочнаго, небезполезнаго и для историка рассказа. Это въ особенности справедливо въ отношеніи лучшей его книги «Наши дѣды-кушцы», своего рода беллетристической монографіи о старомъ нашемъ купечествѣ. Академія наукъ присудила за эту книгу Полилову почетный отзывъ имени Пушкина, и лестное сужденіе исходило отъ такого литературнаго авторитета, какъ А. О. Кони. Къ сожалѣнію, той отдѣлки, каковая есть, напимѣръ, въ этомъ произведеніи, Полиловъ, работавшій буквально не покладая рукъ, не могъ давать всѣмъ своимъ работамъ, и онѣ много проигрываютъ отъ недостатка чекана. Въ лучшихъ условіяхъ работы и при большемъ теоретическомъ кругозорѣ покойный могъ бы выработаться въ значительнаго писателя, такъ какъ литературная жилка была, безъ всякаго сомнѣнія, ему прирождена.

«Полиловъ оставилъ огромное литературное наслѣдство,—можетъ быть, не меньше сотни книгъ, если включить сюда всѣ его романы, сборники рассказовъ изъ русской и иноземной жизни, пьесы оригинальныя и переводныя и дѣтскія книги, часто съ экскурсіями въ область нашей исторіи. Въ этой послѣдней отрасли у Полилова былъ безспорный успѣхъ, и молодой читатель любилъ его простой, ясный и безхитростно-искренній языкъ».

Г. Влагинъ въ «Лукоморьѣ» (1915, № 3) такъ опредѣляетъ значеніе Г. Т. Полилова въ нашей литературѣ и общественности:

«Георгій Тихоновичъ не зналъ партій и направленій и ихъ зачастую злобной, узкой кружковой политики—онъ былъ неизмѣнно корректенъ, благожелателенъ, внимателенъ и добродушенъ. Терпимость и уваженіе къ чужому мнѣнію, то, чѣмъ у насъ рѣдко кто можетъ похвастаться, были отличительной особенностью Георгія Тихоновича; въ этомъ отношеніи онъ у насъ въ литературномъ мірѣ былъ однимъ изъ очень немногихъ. Не много у насъ и такихъ повѣствователей, каковымъ былъ Георгій Тихоновичъ. Онъ уклонялся отъ рѣшенія проклятыхъ вопросовъ, модныхъ темъ, эффектныхъ проблемъ, просто дѣлясь съ читателемъ огромнымъ запасомъ наблюденій изъ своей тревожной жизни. Этой такъ необычайно

сложившейся жизнью, можетъ быть, и можно только объяснить то, что фабулой Георгій Тихоновичъ владѣлъ мастерски, его романы читались съ большимъ интересомъ и ихъ ждали. Въ свое время «Въ погонѣ за славой и золотомъ», «Слѣпая любовь», «Отъ шарманки—на сцену» были встрѣчены читателемъ съ благодарностью. Шумнымъ успѣхомъ Георгій Тихоновичъ никогда не пользовался, критика его не баловала, но онъ завоевалъ себѣ читателя, у него былъ свой читатель-другъ, съ которымъ у писателя установились разъ на всю жизнь опредѣлившіяся отношенія: онъ не очаровывалъ, не восхищалъ, но никогда не разочаровывалъ своего читателя. Ровное творчество Георгія Тихоновича не знало скачковъ: оно не увлекало, не потрясало, но всегда вызывало въ читателѣ неизмѣнный интересъ къ себѣ».

Сказаннаго, я полагаю, достаточно, чтобы читатель могъ уяснить себѣ въ общихъ чертахъ писательскую фізіономію нашего покойнаго сотрудника и его мѣсто въ литературѣ. Обращаясь къ его произведеніямъ, мы видимъ, что они дѣлятся на слѣдующія главные группы: 1) бытовые романы и рассказы, 2) повѣствованія изъ театральнаго жизни, 3) историческіе хроники и рассказы, 4) драматическія произведенія, 5) произведенія для юношества, 6) корреспонденціи и хроника, 7) рассказы изъ военной жизни, 8) описанія Финляндіи, 9) переводы, 10) воспоминанія. Изъ числа этихъ категорій я лично придаю наибольшее значеніе его разработкѣ русскаго быта—по преимуществу купеческаго и изъ жизни нашего сѣвера. Самъ вышедшій изъ купеческой среды, Полиловъ изучилъ эту сферу во всѣхъ подробностяхъ, рисовалъ ее съ любовью и большимъ знаніемъ и въ этой области оставилъ послѣ себя значительный слѣдъ книгою «Наши дѣды-купцы. Бытовые картины начала XIX столѣтія». Въ этой книгѣ имѣются цѣнныя страницы по изслѣдованію исторіи Петербурга въ началѣ прошлаго вѣка, а также по исторіи хлѣбной торговли въ Рыбинскѣ. Трудъ этотъ былъ въ свое время удостоенъ, какъ уже сказано выше, почетнаго академическаго отзыва на основаніи рецензіи о немъ такого знатока нашей словесности, какъ А. Θ. Кони. Далѣе по своему значенію идутъ его сцены изъ жизни нашего Сѣвера. Георгій Тихоновичъ любилъ Сѣверъ, охотно предпринималъ путешествія «по сѣвернымъ гнѣздамъ», какъ онъ ихъ именовалъ, «по старинному заморскому пути», и извлекалъ изъ знакомства съ этими сторонами русской жизни то маловѣдомое и давно забытое, что въ глазахъ современнаго поколѣнія является совершенно новымъ.

Я неоднократно указывалъ ему на полную возможность для него составленія путеводителей по нашимъ сѣвернымъ захолустьямъ, монастырямъ, которые онъ такъ хорошо зналъ, по рѣкамъ, городамъ и весямъ, которые онъ извѣдывалъ вдоль и поперекъ.

Полиловъ одно время носился съ этой идеей, но такъ-таки ничего не успѣлъ сдѣлать, отвлеченный текущей работой ради насущнаго прокормленія семьи.

Слѣдомъ его изслѣдованій жизни и этнографіи Мурмана, Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерній являются отдѣльно изданный романъ «Кряжъ» и нѣкоторые рассказы и корреспонденціи, напечатанные у насъ въ журналѣ, «Новомъ Времени» и «Голосѣ Москвы». Повѣсть изъ той же области «За бѣлой лыбедью», о которой я уже упоминалъ, несомнѣнно, явится однимъ изъ лучшихъ произведеній его пера. Съверъ не избалованъ вниманіемъ къ нему со стороны нашихъ писателей, а потому кончина Георгія Тихоновича является для него невознаградимою утратою, которая вноситъ въ общую русскую жизнь значительный пробѣлъ.

О театральныхъ повѣствованіяхъ я уже говорилъ. Обособленное мѣсто среди его произведеній занимаютъ тѣ, которыя посвящены жизни, быту и типамъ Финляндіи. Живя обыкновенно лѣтомъ на дачѣ съ семьей въ Вильманstrandъ или окрестностяхъ Выборга, онъ успѣлъ полюбить Финляндію, охотно обращалъ свой взоръ на ея природу и теченія тогдашней современной жизни, откуда рождались его легкіе очерки, небольшіе рассказы и корреспонденціи на финляндскія темы. Книжка его «Въ странѣ труда» и «Проснулась женщина» наиболѣе видный слѣдъ въ его работѣ на пользу ознакомленія и сближенія русскаго общества съ людьми и странюю за Сестрой-рѣчкой.

Любитель исторіи, какъ обширнаго резервуара для почерпанія свѣдѣній о своей родинѣ, Полиловъ много сдѣлалъ для популяризаціи многихъ знаменательныхъ и героическихъ эпизодовъ въ нашей исторіи среди юношества. Хорошій стилистъ, владѣющій въ совершенствѣ великорусскою рѣчью, онъ умѣлъ этими своими произведеніями для юношества внушать ему любовь къ нашей старинѣ, къ нашимъ преданіямъ и пробуждать любознательность къ изученію былыхъ судебъ родины. Въ этомъ направленіи имъ написанъ и изданъ отдѣльно цѣлый рядъ произведеній, многія изъ которыхъ были удостоены учеными комитетами гражданскаго и военнаго вѣдомствъ одобренія и рекомендаціи. Онъ издавалъ свои книги для юношества съ особенною тщательностью и любовью, заботился о ихъ внѣшнемъ видѣ, о качествѣ иллюстрацій, изяществѣ обложекъ, справедливо придерживаясь поговорки, что часто книги, какъ и людей, по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ. Къ числу наиболѣе видныхъ книгъ его этой категоріи относятся: «Сказки и были», «Царскій духовникъ», «Братъ на брата», «Подъ удѣльной властью», «Княжой отрокъ», «О быломъ», «Москва подъ рукою Наполеона», «Царскій каменныхъ дѣлъ мастеръ» и друг.

Въ послѣднее время въ связи съ войною Полиловъ сосредоточилъ свое вниманіе на разныхъ эпизодахъ современной войны, резуль-

татомъ чего была недавно выпущенная имъ книжка «На полѣ брани».

Я не стану утруждать вниманія читателей воспроизведеніемъ всей библиографіи его творчества: оно было кичуче, упорно, плодотворно и для своего изображенія здѣсь потребовало бы нѣсколькихъ страницъ мелкаго шрифта. Незадолго до своей смерти Георгій Тихоновичъ останавливался на мысли о полномъ собраніи своихъ сочиненій, даже сдѣлалъ попытку извлечь изъ своихъ складовъ наиболѣе видное изъ числа имъ написаннаго, но подточившая его силы болѣзнь не позволила довести этого начинанія до конца, и, такимъ образомъ, полное собраніе сочиненій его, самостоятелно имъ изданное или изданное въ видѣ приложений къ тѣмъ иллюстрированнымъ еженедѣльнымъ изданіямъ, для которыхъ онъ такъ много поработалъ, остается задачей будущаго. Бѣднѣе не удалось при жизни видѣть своего замысла осуществленнымъ. Воображаю себѣ, если бы это тогда удалось, сколько хлопотъ, суетливости онъ проявилъ бы, ибо онъ былъ, оставляя матеріальную сторону дѣла, прирожденнымъ любителемъ издательства. Въ этомъ отношеніи Полиловъ среди нашихъ беллетристовъ занималъ совершенно особое и оригинальное положеніе. Въ то время, какъ большая часть нашихъ писателей не рискуетъ выступать съ издательствомъ за свой страхъ, Полиловъ въ этомъ отношеніи развилъ у себя дома цѣлую фабрику и совершенно самостоятельное торговое производство книгами. Онъ по нѣсколько книгъ въ годъ выбрасывалъ на книжный рынокъ и самъ лично размѣщалъ ихъ по торговымъ центрамъ, являясь какъ бы приказчикомъ и экспедиторомъ своего собственнаго торговаго предпріятія. Его постоянно можно было встрѣтить по разнымъ книжнымъ магазинамъ Петрограда и Москвы, ведущимъ переговоры о размѣщеніи своихъ изданій, вступающимъ въ соглашеніе съ книготорговцами и приказчиками и подносящимъ имъ свои нововышедшія книжки съ любезными авторскими надписями, мчащимся на товарную станцію Николаевской желѣзной дороги съ транспортами своихъ книгъ для экспедиціи ихъ въ книжное контрагентство въ Москву,—короче, вѣчно хлопочущимъ около своихъ изданій. Книжное желѣзнодорожное контрагентство было въ его жизни тѣмъ своеобразнымъ центромъ, около котораго онъ постоянно вертѣлся; оно было оптовымъ его покупателемъ, который позволялъ ему не оставаться въ долгу типографіи и писчебумажной фабрикѣ и давалъ тѣ обратныя средства, безъ коихъ полиловское издательство было бы невымыслимо. Правда, при сдѣлкахъ съ агентствомъ онъ вынуждаемъ былъ на большія уступки, но зато наверстывалъ себѣ убытокъ на цѣнѣ книги. Такимъ образомъ, получался правильный коммерческій балансъ, который спасалъ его отъ прогара даже въ самыя трудныя періоды нашей книжной торговли. Тутъ въ немъ

сказывался прирожденный купецъ, опытной рукой ведущій свою торговлю оптомъ и въ розницу.

Но эта дѣятельность поглощала въ значительной мѣрѣ его творческія силы—время уходило не на кабинетную работу, не на нужное чтеніе, самообразование, литературную подготовку, а на разъѣзды, на бѣготню, на хлопоты. До извѣстной степени это отвѣчало его природной потребности передвиженій, о которой я упоминалъ выше, но тутъ же лежалъ и источникъ его литературныхъ промаховъ. Человѣку некогда было отдѣлать свое произведеніе, обработать его, а приходилось въ поискахъ брэннаго металла, нужнаго для прокормленія семьи, часто писать, что называется, съ маху, безъ оглядки и осторожной остановки. Отсюда же и матеріальное обезцѣненіе до нѣкоторой степени и его работъ. Онъ часто недополучалъ за свой трудъ то, чего онъ по праву заслуживалъ.

Послѣдніе полтора года были труднымъ періодомъ въ жизни Г. Т. Полилова. Силы и здоровье убывали, и становилось все труднѣе работать. По возвращеніи съ Мурмана въ 1913 году онъ, какъ уже сказано выше, использовалъ свою поѣздку для ряда корреспонденцій и рассказовъ, а на слѣдующее лѣто предпринимаетъ поѣздку по Волгѣ, но эта прогулка, совершенная частью для укрѣпленія здоровья, частью для собиранія литературнаго матеріала, не дала его писательскому творчеству какихъ-либо особыхъ темъ. А тутъ еще грянула война, которая спутала всѣ карты беллетриста. Спросъ на бытовые темы упалъ и надо было перестроить свою «лиру» на новый ладъ. Со свойственнымъ ему упорствомъ работы и энергіи онъ еще находить въ себѣ силъ поработать и въ этомъ направленіи, разсыпая по редакціямъ маленькіе рассказы на тему о войнѣ, каковыя, собранные вмѣстѣ, и дали ему возможность выпустить книжку «На полѣ брани». Незадолго до кончины Полиловъ приступилъ къ подготовкѣ новой книги, которую, однако, не успѣлъ осуществить и которая оборвалась на половинѣ корректуръ.

Хотя испытанный въ житейскихъ невзгодахъ и въ работѣ, больной писатель и не покидалъ своей профессіи, но настроеніе его становилось все мрачнѣе: онъ какъ бы смутно чувствовалъ приближеніе своего конца, и безпокойная забота о будущемъ семьи охватывала его все чаще и сильнѣе. Ему все труднѣе было покидать свой домъ, подыматься по редакціоннымъ лѣстницамъ; это его также нервировало и раздражало: привычку бѣгать и находиться въ безпрестанномъ движеніи приходилось бросить. Къ концу ноября припадки грудной жабы и проявленія склероза участились и для окружающихъ становилось все яснѣе, что грозный конецъ Георгія Тихоновича близокъ; въ этомъ можно было убѣдиться и глядя на него, и изъ ознакомленія съ указаніями врачей. Праздничные дни и Новый годъ

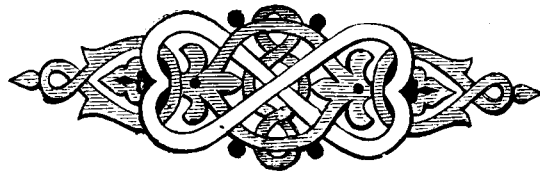
протекли въ тягостной домашней обстановкѣ, и уже 4-го января домашніе дали мнѣ знать по телефону, что Георгій Тихоновичъ, по видимому, отходить въ міръ иной; но организмъ находилъ въ себѣ силы еще бороться цѣлыхъ два дня, и катастрофа наступила только 6-го января. Я обѣдалъ въ этотъ день съ нашимъ сотрудникомъ и врачомъ В. Б. Бертенсономъ у П. П. Гнѣдича, когда по телефону меня и Бертенсона экстренно вызвали къ больному съ увѣдомленіемъ, что у него началась агонія. Мы поспѣшили на зовъ, нашли Полилова уже въ полной потерѣ сознанія и черезъ полчаса по нашемъ прибытіи онъ умеръ, можно сказать, у насъ на рукахъ...

Такъ отошелъ въ вѣчность даровитый русскій писатель, никому въ жизни не сдѣлавшій зла, честно и полезно прожившій свою жизнь, не зарывшій Богомъ данный талантъ въ землю и оставившій по себѣ у всѣхъ знавшихъ его доброе воспоминаніе.

Что сказать еще? Прибавлю лишь, что Г. Т. Полиловъ умеръ, какъ и большинство писателей, не оставивъ послѣ себя рѣшительно никакихъ средствъ. Все, что зарабатывалось, проживалось и уходило на семью, такъ что и похоронить-то его пришлось на Смоленскомъ кладбищѣ въ складчину отъ тѣхъ редакцій, гдѣ онъ чаще всего работалъ.

Миръ твоему праху, милый другъ, хорошій русскій человѣкъ и талантливый сотрудникъ!

Б. Глинскій.

ВЪ СТРАНѢ НАШИХЪ СОЮЗНИКОВЪ.

I.

АВНО интересовалъ меня Дальній Востокъ, мнѣ хотѣлось поѣхать туда и познакомиться тамъ съ жизнью нашихъ далекихъ сосѣдей—японцевъ, китайцевъ и другихъ азіатскихъ народовъ.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ осуществить такое желаніе представляло громадный трудъ, сопряженный съ большой потерей времени и со многими неудобствами, лишеніями и опасностями.

До проведенія Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути сообщеніе съ Дальнимъ Востокомъ производилось большею частью морскимъ путемъ, черезъ посредство Добровольнаго флота, пароходы коего совершаютъ путь изъ Одессы до Владивостока въ 55 дней, а, въ зависимости отъ погоды, иногда и болѣе.

Съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги путь на Дальній Востокъ сократился во времени въ шесть разъ, т. е. теперь на путешествіе отъ Москвы до Владивостока требуется не два мѣсяца, какъ было ранѣе, а всего только девять дней.

Колоссальный желѣзнодорожный путь, протяженіемъ болѣе девяти тысячъ верстъ, теперь можно проѣхать скоро, удобно и даже съ нѣкоторымъ комфортомъ; этому способствуетъ солидное устройство русскихъ желѣзныхъ дорогъ, по праву считающихся одними изъ лучшихъ въ мірѣ.

Вечеромъ 9-го сентября 1913 года я отправился въ далекое путешествіе.

Послѣ обычныхъ совѣтовъ и просьбъ провожатыхъ—беречь себя, присылать почаще письма, привезти хорошій подарокъ и проч.—слышенъ третій звонокъ, за нимъ начинаются спѣшные поцѣлуи, рукопожатія, затѣмъ маханіе шляпами и платками.

Поѣздъ трогается. Печальныя и непечальныя лица провожавшихъ остаются далеко позади. Въ купе вагона вмѣстѣ со мной помѣстились два молодыхъ нѣмца, повидимому, коммивояжеры, и одинъ японецъ, ни слова не говорящіе по-русски; я радъ былъ такому интернаціональному сосѣдству, потому что оно не мѣшало мнѣ дѣлать наблюденія и писать свои замѣтки. Вскорѣ мы начали укладываться спать, причемъ мои сосѣда стали облачаться въ крайне оригинальные туалеты. Нѣмцы, снявъ съ себя верхнее платье, нарядились въ какіе-то фантастическіе костюмы изъ голубой полосатой фланели; на головы одѣли вязаные красные колпаки. Японецъ поступилъ проще: онъ снялъ съ себя всѣ доспѣхи и облачился въ длинную бѣлую женскую рубаху... Въ такомъ видѣ мои сосѣди легли спать.

Въ дорогѣ, подѣ методичное покачиваніе и постукиваніе вагона, я сплю всегда особенно крѣпко.

Проснулся въ восемь часовъ утра. Мороситъ мелкій осенній дождь. Быстро мчится сибирскій экспрессъ. Мимо оконъ вагона мелькаютъ обычные родныя картины: вспаханныя сѣрыя поля, грязныя проселочныя дороги съ глубокими колеями и ямами, наполненными водой, лѣса съ обнаженными березовыми и осиновыми деревьями, небольшія убогія деревушки съ покосившимися домами, крытыми почернѣлой соломой. Сверху все было покрыто хмурымъ небомъ съ низко повисшими густыми, темно-свинцовыми тучами. Поѣздъ уноситъ насъ все далѣе и далѣе. Мы проѣзжаемъ нашими житницами—Тамбовской, Пензенской и Самарской губерніями. Около большихъ зажиточныхъ селъ и деревень видны хорошо сложенные высокія и длинныя скирды ржи и десятки вѣтренныхъ мельницъ съ медленно вертящимися дырчатыми крыльями. За Самарой потянулась гладкая равнина съ часто встрѣчающимися на ней татарскими селеніями, большею частью состоящими изъ глиняныхъ мазанокъ съ соломенными крышами. Среди нѣкоторыхъ селъ красиво выдѣляются мечети съ высокими и узкими минаретами. За Бугурусланомъ вдали въ синей дымкѣ стали обрисовываться невысокія горы.

Проѣзжаемъ татарскій городъ Уфу, расположенный на известковыхъ горахъ, прорѣзанныхъ глубокими оврагами. Вскорѣ послѣ Уфы поѣздъ входитъ въ предгорья Урала и все время идетъ долинами рѣкъ Симы и Юрузани, по обѣимъ сторонамъ коихъ, высятся живописнѣйшія Уральскія горы, которыя бывають осо-

бенно красивы осенью, когда листва горныхъ лѣсовъ окрашена въ золотой, красный, зеленый и другіе цвѣта, что придаетъ горамъ дивную чарующую прелесть. Горы Урала, не имѣютъ грознаго вида Кавказа, отъ послѣдняго онѣ отличаются особой ласкающей кра-

Склоны Уральскихъ горъ.

сотой, заключающейся въ ихъ красивой формѣ, необычайной прозрачности воздуха и въ мягкихъ и нѣжныхъ тонахъ восхитительной флоры. Нѣкоторыя сопки, покрытыя разноцвѣтнымъ лѣсомъ, имѣли настолько правильную и красивую форму, что были поразительно похожи на гигантскія цвѣточныя корзины, убранныя

ныя разнообразнѣйшими яркими цвѣтами. Любоваться Ураломъ доставляетъ большое наслажденіе; къ сожалѣнію, немногіе изъ насъ знаютъ объ его чарующей красотѣ, во многомъ превосходящей различныя прославленные виды Швейцаріи, Тироля и другихъ излюбленныхъ туристами мѣстъ. Чѣмъ выше поднимаемся мы къ перевалу, тѣмъ виды становятся разнообразнѣе; на фонѣ горныхъ лѣсовъ мѣстами высятся каменные голыя сопки, въ формѣ конусовъ, круглыхъ шапокъ, широкихъ плато и иныхъ причудливыхъ формъ.

На большихъ станціяхъ Самаро-Златоустовской желѣзной дороги имѣются лавки, торгующія уральскими разноцвѣтными камнями, желѣзными и чугунными статуэтками и другими мелкими вещами, вырабатываемыми уральскими заводами. Пассажиры охотно покупаютъ эти вещи. Поѣздъ входитъ въ долину рѣки Ай, послѣдняя у города Златоуста разливается въ большое озеро, въ которомъ красиво освѣчиваются силуэты этого небольшого городка, защищеннаго со всѣхъ сторонъ невысокими горами. Вскорѣ послѣ Златоуста поѣздъ тихо подходитъ къ станціи Уржумка, близъ которой поставленъ невысокій гранитный столбъ, означающій границу Европы и Азіи.

Мы на перевалѣ. Отсюда начинается спускъ. Поѣздъ быстро несется зигзагами въ широкомъ ущельѣ. Горы становятся ниже, растительность бѣднѣе.

Подѣзжаемъ къ городу Челябинску, за которымъ поѣздъ входитъ въ безконечную Барабинскую степь. Здѣсь картина рѣзко мѣняется. На протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ тянется мрачная пустынная равнина съ выжженной пожелтѣвшей травой и мѣстами прорѣзанная оврагами, съ растущими по краямъ ихъ низкими чахлыми березками. Кругомъ мертво. Не видно ни поселковъ, ни людей, ни дорогъ или присутствія хотя какой-нибудь жизни—глазъ не на чемъ остановить. Болѣе сутокъ приходится созерцать эту печальную природу.

Проѣзжаемъ городъ Курганъ, центръ сибирскаго маслодѣлія и кожевенныхъ издѣлій; затѣмъ слѣдуетъ большой городъ Омскъ, красиво расположенный на высокомъ берегу рѣки Иртыша. Между городами Омскомъ и Новониколаевскомъ мѣстность мѣняетъ нѣсколько свой безжизненный унылый видъ. Стали попадаться пахотныя поля съ рѣдкими и небольшими переселенческими поселками. Поѣздъ тихо проходитъ по красивому желѣзнодорожному мосту, перекинутому черезъ широкую рѣку Обь, на которой былъ виденъ идущій маленькій грузовой пароходъ съ баржей и два дровяныхъ плота. За рѣкой Обью поѣздъ входитъ въ знаменитую сибирскую тайгу. По обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги, на неозримомъ пространствѣ во всѣ стороны, вначалѣ тянется смѣшанный лѣсъ чахлыхъ сосенъ, березъ, ели, ольхи и осины. Мѣстами

видны большія кочковатыя болота, поросшія высокою травой и камышомъ. Далѣе за Красноярскомъ тайга становится гуще, деревья выше и толще; среди строевого лѣса сосенъ, лиственницы, сибирскихъ кедровъ и дубовъ виднѣтся множество валежника,

г. Златоустъ.

сухостоя и деревьевъ съ сломанными бурей верхушками. На землѣ безпомощно гнѣютъ гигантскіе стволы этихъ лѣсныхъ великановъ, поваленные пургой. Тутъ часто бываютъ большіе лѣсные пожары, которые никогда не тушатъ, потому что ихъ некому тушить, имъ предоставляется гаснуть самимъ.

Въ тайгѣ часто встрѣчаются громадныя площади горѣлаго лѣса, иногда въ нѣсколько тысячъ десятинъ. Сколько здѣсь гибнетъ лѣсного богатства, это не поддается никакому исчисленію.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тайги ея мрачную картину дополняетъ пролегающая въ ней знаменитая «Владимирка», видѣвшая на своемъ отжившемъ вѣку много человѣческихъ слезъ, страданій и безысходнаго горя. Встрѣчавшіеся на станціяхъ сибирскіе аборигены, одѣтые въ грубые армяки, съ низко нахлобученными оленьими шапками съ большими наушниками на головахъ, имѣли видъ настоящихъ дикарей. На ихъ скуластыхъ флегматичныхъ лицахъ видна была полнѣйшая апатія ко всему окружающему. Въ общемъ природа Сибири и населяющіе ее люди и ихъ жизнь имѣютъ колоритъ суровый и мрачный.

Въ нашемъ поѣздѣ ѣхали изъ Кіева въ Иркутскъ на службу молодой, но уже достаточно потрепанный жизнью ротмистръ. Сибирь произвела на него настолько удручающее впечатлѣніе, что онъ насъ серьезно увѣрялъ, что какъ только онъ пріѣдетъ въ Иркутскъ, то прежде всего пуститъ себѣ пулю въ лобъ. Неизвѣстно, привелъ ли онъ въ исполненіе свое рѣшеніе.

Лично на меня Сибирь произвела гнетущее впечатлѣніе. Эта громаднѣйшая плодородная страна съ находящимися въ ней неисчерпаемыми богатствами, водяными, растительными и минеральными, до сихъ поръ, къ стыду русскихъ людей, находится въ своемъ первобытномъ состояніи (если не считать проведенную въ ней желѣзную дорогу), въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ преподнесъ ее когда-то Россіи ея легендарный покоритель, Ермакъ Тимофеевичъ.

Все въ ней спитъ непробуднымъ сномъ... Очевидно, эта богатѣйшая страна ждетъ своихъ варяговъ, которые въ лицѣ англичанъ и нѣмцевъ уже рыщутъ въ Сибири по всѣмъ направленіямъ и загребаютъ въ свои цѣпкія руки все, что заслуживаетъ ихъ благосклоннаго вниманія.

II.

Между прочимъ въ дорогѣ я обратилъ вниманіе на слѣдующее: ѣду я въ русскомъ поѣздѣ, по глухой сибирской тайгѣ, но вагоны биткомъ набиты англичанами, нѣмцами, японцами, китайцами и другими. Кругомъ слышенъ разговоръ на разныхъ языкахъ, исключая русскаго.

Мнѣ казалось, что я нахожусь за границей въ иностранномъ поѣздѣ, но непроходимая сибирская глушь и тайга разубѣждали меня въ этомъ.

Я сталъ искать русскихъ пассажировъ, и во всѣхъ вагонахъ оказалось ихъ только четырнадцать человѣкъ; остальные всѣ были иностранцы, большинство коихъ состояло изъ англичанъ и нѣмцевъ.

Эти просвѣщенные культуртрегеры, задающіе всѣмъ и повсюду свой тонъ, и въ глухой сибирской тайгѣ чувствовали себя какъ дома.

При этомъ, по обыкновенію, особой безцеремонностью (чтобы не сказать болѣе) отличались нѣмцы; компанія этихъ господъ въ ва-

Т а й г а .

гонѣ-ресторанѣ, выпивъ невѣроятное количество бутылокъ пива, держала себя крайне неприлично. Въ некурящемъ отдѣленіи и несмотря на присутствіе дамъ, нѣмцы закурили свои отвратительныя сигары «капустисимусы» и въ заключеніе всего начали громко свистѣть... Публика, возмущенная нѣмецкимъ нахальствомъ, обра-

тилась къ начальнику поѣзда съ просьбой попросить нѣмцевъ прекратить ихъ свистъ и куреніе кислыхъ сигаръ въ некурящемъ отдѣленіи. Послѣ сдѣланнаго замѣчанія Михели притихли и затѣмъ

Накатникъ (мостъ въ тайгѣ).

вскорѣ вынуждены были оставить ресторанъ и удалиться по своимъ мѣстамъ.

На большихъ станціяхъ, гдѣ поѣздъ останавливался на десять-пятнадцать минутъ, пассажиры выскакивали изъ вагоновъ «брать воздуха» и начинали быстро шагать по платформѣ. Англичане, не довольствуясь простой бѣготней, устроили игру въ... чехардѣ.

На видъ почтенные люди, съ сѣдиной и солидными брюшками, тяжело и некрасиво прыгали черезъ согнутыя спины и головы своихъ коллегъ и тѣмъ приводили въ большое недоумѣніе желѣзнодорожное начальство и главнымъ образомъ жандармовъ: послѣдніе смо-

Кругобайкальская жел. дорога.

трѣли на англійскую игру съ растеряннымъ видомъ, не зная, что предпринять—«запрещать и не пущать», или «дозволить»? пока продолжалось ихъ колебаніе, англичане успѣли благополучно окончить свою игру.

На станціи Тайга обратила на себя вниманіе пассажировъ сибирская модница, молодая особа, завернутая «а-ла-Пакенъ» винто-

образно во что-то синее. На головѣ у нея качалась черная шляпка, діаметромъ въ восемнадцать вершковъ, съ спускавшимся на спину громаднымъ бѣлымъ страусовымъ перомъ. Въ такомъ эксцентричномъ-нарядѣ дѣвица одна разгуливала по платформѣ. Пассажиры и въ особенности пассажирки смотрѣли на нее съ большимъ удивленіемъ. Явился англичанинъ съ кодакомъ и хотѣлъ было снять ее, но находившійся на станціи жандармъ не позволилъ ему это исполнить, объяснивъ, что по Сибирской желѣзной дорогѣ строго запрещено пассажирамъ дѣлать какіе-либо снимки.

Я долго искалъ снимокъ съ знаменитой Хинганской петли и не могъ нигдѣ найти. На одной изъ станцій мнѣ объяснили, что снимать петлю строгаише запрещено, но снимки съ нея можно достать сколько угодно въ Японіи...

Переѣзжаемъ широкую рѣку Томъ, черезъ нее перекинута параллельно два желѣзнодорожныхъ моста. То же самое замѣчается и на другихъ сибирскихъ рѣкахъ. Такая роскошь объясняется тѣмъ, что при постройкѣ Сибирской и въ особенности Восточно-Китайской желѣзныхъ дорогъ было такъ много денегъ, что дѣвать ихъ было некуда. Но инженеры нашли имъ назначеніе, построивъ черезъ большинство сибирскихъ рѣкъ не по одному мосту, какъ это вообще принято дѣлать, а сразу по два.

Въ началѣ моего путешествія со мной произошелъ забавный случай.

Московскій картузникъ Романовъ сдѣлалъ мнѣ походную фуражку, похожую на военную. Въ этой фуражкѣ вхожу я въ вагонъ-ресторанъ. Ко мнѣ быстро подскочили два лакея, одинъ изъ нихъ, низко кланяясь и указывая рукой на отдѣльно сервированный столъ, сказалъ: «Пожалуйте сюда, ваше превосходительство». Въ это время другой лакей принесъ откуда-то букетъ цвѣтовъ и поставилъ на мой столъ. Затѣмъ оба лакея какъ-то особенно почтительно начали суетиться около моего стола. Они подавали обѣдъ мнѣ первому и при этомъ неестественно сгибали свои спины. Я молча слѣдилъ за дѣйствіями лакеевъ и недоумѣвалъ, что сіе означаетъ. Вскорѣ дѣло выяснилось; оказалось, что въ нашемъ поѣздѣ ѣхалъ въ одну изъ сибирскихъ губерній вновь назначенный губернаторъ, за котораго меня и приняли лакеи.

На другой день, замѣтивъ свою ошибку, эти варвары разжаловали меня самымъ безжалостнымъ образомъ. Они посадили меня за общій столъ и безъ букета, обѣдъ подавали не спѣша и совершенно съ прямыми спинами. Такимъ образомъ, изъ «вашего превосходительства» я очутился опять у разбитаго корыта... Ничего не подѣлаешь—такова превратность судьбы!

Въ каждомъ сибирскомъ экспрессѣ имѣется начальникъ поѣзда. Въ казенныхъ вагонахъ, идущихъ изъ Москвы до Иркутска, эту должность исполняютъ лица, похожія на чиновниковъ,—они дер-

жать себя по-олимпійски, съ большимъ достоинствомъ, большею частью сядятъ въ первомъ классѣ, въ отдѣльномъ купе и въ рѣдкихъ случаяхъ снисходятъ къ пассажирамъ и начальственнымъ тономъ даютъ нужные совѣты и указанія. У этихъ на видъ важныхъ

Сибирская жел. дор. близъ ст. Черчинскъ.

начальниковъ подчиненные грубы и не дисциплинированы. Ночью истопники нажариваютъ до такого состоянія, что рискуешь изжариться въ собственномъ соку. Въ вагонахъ замѣчается полнѣйшее отсутствіе чистоты и порядка, все дѣлается спустя рукава, на авось, небось и какъ-нибудь. Въ ресторанѣ душно и грязно, кормятъ плохо.

III.

Поѣздъ приближается къ Иркутску. Природа становится разнообразнѣе, видѣются большія долины, окруженныя холмами, покрытыми разнообразной растительностью, среди нихъ попадаются небольшія селенія, отстоящія одно отъ другого на двѣсти-триста верстъ, при этомъ замѣчается полнѣйшее отсутствіе какихъ-либо дорогъ. На шестыя сутки мы пріѣзжаемъ въ Иркутскъ, главный центръ сибирской золотопромышленности.

Это довольно большой городъ, раскинутый по обоимъ берегамъ широкой и, какъ кристаллъ, чистой и прозрачной рѣки Ангары. Въ Иркутскѣ пассажиры пересаживаются въ другой поѣздъ, состоящій изъ спальныхъ вагоновъ международнаго общества. Здѣсь картина быстро мѣняется къ лучшему. На платформѣ пассажировъ встрѣтилъ другой начальникъ поѣзда, молодой финляндецъ, хорошо говорящій по-русски; при размѣщеніи пассажировъ онъ съ большою любезностью старался каждому оказать услуги и вниманіе. Явилась вѣжливая и исполнительная прислуга.

Мы вошли въ чистый и свѣтлый вагонъ, полы коего были устланы мягкими коврами; послѣ грязнаго и пыльнаго казеннаго вагона наше новое помѣщеніе казалось роскошнымъ. Въ ресторани было свѣтло и чисто, кормили прекрасно. Черезъ два часа мы тронулись въ дальнѣйшій путь.

Въ Иркутскѣ въ нашъ поѣздъ сѣлъ членъ Государственной Думы Родичевъ, ѣздившій по сибирскимъ городамъ читать лекціи о Герценѣ. Начальникъ поѣзда, подойдя къ Родичеву, просилъ его написать въ почетной книгѣ свой автографъ. Родичевъ исполнилъ его просьбу и написалъ, что порядками и столомъ, существующими въ вагонахъ международнаго общества, онъ доволенъ и желалъ бы видѣть таковыя же на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ. Затѣмъ начальникъ поѣзда, узнавъ, что я авторъ нѣсколькихъ книгъ, просилъ и меня написать въ книгѣ автографъ. Я исполнилъ его просьбу и написалъ параллель между путешествіемъ въ вагонахъ международнаго общества и казенныхъ, указавъ въ послѣднихъ на грязь, отсутствіе порядка и плохую кухню и, наоборотъ, отмѣтивъ вниманіе и любезность начальника поѣзда къ пассажирамъ, вѣжливость и исполнительность прислуги, образцовый порядокъ и хорошій столъ въ спальныхъ вагонахъ международнаго общества.

Отъ Иркутска до озера Байкала желѣзная дорога все время идетъ по берегу красивой и быстрой Ангары. Черезъ три часа вдали показался Байкаль. Это громадное прѣсноводное озеро Восточной Сибири имѣетъ длину болѣе шестисотъ верстъ, наибольшая ширина его 78 и наименьшая 20 верстъ. Вода его чрезвычайно чиста и прозрачна. Въ него впадаетъ множество небольшихъ рѣкъ, но изъ него вытекаетъ только одна многоводная рѣка Ангара.

Байкаль был спокоенъ. Кругомъ его высятся высокіе скалы и утесы, по которымъ проложена живописная Кругобайкальская желѣзная дорога, она огибаеъ Байкаль на протяженіи болѣе четырехсотъ верстъ. Желѣзнодорожный путь лѣплится зигзагами надъ

Владивостокъ. Гавань Золотой Рогъ.

водой, около высокихъ отвѣсныхъ утесовъ и проходить 57 тоннелей. Послѣ каждаго поворота и закругленія пути открываются виды одинъ очаровательнѣе другого.

Отъ главнаго переселенческаго управленія на нѣкоторыхъ станціяхъ Сибирской желѣзной дороги вывѣшены большія вывѣски

съ слѣдующимъ объявленіемъ: «Для переселенцевъ имѣются свободныя земли въ Томской губерніи 547.628, въ Иркутской—450.335, въ Тобольской 603.917 десятинъ и т. д. На одной изъ станцій Забайкальской желѣзной дороги мы встрѣтила «ходака», ѣхавшаго обратно на родину въ Подольскую губернію, и спросили его, почему переселенцы возвращаются обратно въ Россію, когда въ Сибири такъ много свободной земли? Онъ отвѣтилъ слѣдующее: «Хорошія земли давно уже всѣ разобраны, осталась земля неудобная, которая большею частью состоитъ изъ солончаковаго суглинка, на этой землѣ родится «пьяный хлѣбъ».—Почему же онъ пьяный? «Потому что послѣ ѣды такого хлѣба чувствуется боль въ желудкѣ и тяжесть въ головѣ. Пьяный хлѣбъ отказываются ѣсть даже домашнія животныя».

Затѣмъ онъ добавилъ еще, что ранѣе выдавалось пособіе каждой переселенческой семьѣ на постройку дома и обзаведеніе хозяйства въ размѣрѣ двухсотъ рублей, а теперь выдаютъ только по полтора ста рублей.

Вотъ тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ, по словамъ «ходака», переселенцы неохотно идутъ на земли, предлагаемыя главнымъ переселенческимъ управленіемъ.

Мы приближаемся къ городу Читѣ, раздѣленному на двѣ части, называемыя старой и новой, близъ послѣдней находится большое и глубокое озеро Кенонъ, изобилующее рыбой: щуками, окунями, лещами и друг.; по словамъ мѣстныхъ жителей, рыбу эту въ пищу не употребляютъ, потому что она заражена солитерами.

Вскорѣ поѣздъ останавливается на станціи Манчжурія, откуда начинается Восточно-Китайская желѣзная дорога, проложенная по Сѣверной Манчжуріи, на протяженіи 1.500 верстъ; она занимаетъ узкую полоску земли, мѣстами шириной отъ тридцати до полтора ста сажень, арендуемую у китайскаго правительства.

Здѣсь мы попадаемъ въ совершенно новую обстановку.

На платформахъ типичныхъ китайскихъ станціонныхъ зданій съ загнутыми кверху краями черепичныхъ крышъ въ самыхъ невозможныхъ позахъ сидятъ и лежатъ грязные и плохо одѣтые китайцы. Носильщики, стрѣлочники и другіе низшіе желѣзнодорожные служащіе также всѣ китайцы.

Восточно-Китайская желѣзная дорога, стоившая Россіи баснословныхъ денегъ, до сихъ поръ охраняется отъ нападеній китайскихъ хунхузовъ двадцатитысячнымъ корпусомъ пограничной стражи, разбросанной маленькими кучками на громадномъ протяженіи.

По берегу рѣки Амура, параллельно съ Восточно-Китайской желѣзной дорогой, но уже на русской территоріи, ведется другая желѣзная дорога Амурская, которая вслѣдствіе особыхъ неблагоприятныхъ условій гористой и пересѣченной мѣстности будетъ стоить Россіи также колоссальной суммы.

Между станціями Хинганъ и Бухэду находится оригинальная Хинганская петля. Она представляетъ собой большую круглую и глубокую котловину, окруженную со всѣхъ сторонъ высокими горами. На высшей точкѣ Хинганскаго перевала, находящейся

Нагасаки. Бухта Сетомури.

на высотѣ 460 сажень, сдѣланъ тоннель, протяженіемъ въ три версты.

Поѣздъ, выходя изъ тоннеля, тотчасъ же начинаетъ круто спускаться внизъ, для этого онъ дѣлаетъ въ котловинѣ большую петлю, проходя по одному и тому же мѣсту два раза, на различной высотѣ.

Въ техническомъ отношеніи Хинганская петля представляетъ большой интересъ.

Между станціями Бухэду и Цицикаръ желѣзнодорожный путь пролегаетъ между громадными болотами, тянущимися во всѣ стороны на сотни верстъ. На водѣ, въ прогалинахъ между высокихъ камышей, видны плавающія большія стаи дикихъ гусей и утокъ.

Послѣ сибирскихъ безжизненно-пустынныхъ пространствъ и мрачной тайги Сѣверная Манчжурія кажется страной чрезвычайно красивой и жизнерадостной; она состоитъ изъ невысокихъ сопокъ, покрытыхъ большею частью дубовыми лѣсами, между нихъ находятся плодородныя долины, засѣяныя гаолянкомъ, чумизой, бобами и другими злаками.

Около прекрасно раздѣланныхъ полей разбросаны маленькія китайскія фанзы, близъ которыхъ видны медленно работающіе китайцы.

Погода вполне гармонировала съ природой.

Въ Сибири было пасмурно и холодно, мѣстами даже шелъ снѣгъ, тогда какъ въ Манчжуріи насъ встрѣтила чисто лѣтняя погода; было тепло и ясно.

IV.

На Восточно-Китайской желѣзной дорогѣ паровозы отапливаются дровами изъ лиственницы, которыя при горѣніи даютъ цѣлыя тучи искръ, темной ночью похожія на огненный дождь.

Поѣздъ, проходя по степи, зажигаетъ искрами сухую траву, оставляя послѣ себя большіе костры.

Ночью близъ Харбина былъ виденъ громадный степной пожаръ.

На станціи Пограничной мы снова вступаемъ въ предѣлы Россіи, и вслѣдствіе этого русскіе таможенные чиновники дѣлаютъ детальный осмотръ пассажирскаго багажа.

Отсюда начинается Уссурійская желѣзная дорога, проложенная на русской территоріи, на протяженіи двухсотъ верстъ.

Ровно черезъ девять сутокъ, поздно вечеромъ, мы благополучно прибыли во Владивостокъ, въ которомъ было довольно холодно, такъ какъ съ моря дулъ свѣжій вѣтеръ.

Отъ далекаго путешествія и девятидневнаго пребыванія въ вагонѣ я не чувствовалъ ни малѣйшей усталости—былъ только шумъ въ ухахъ, но и онъ скоро исчезъ.

Наша дальне-восточная твердыня городъ Владивостокъ раскинуть на крутой горѣ. Въ немъ есть только одна относительно ровная и широкая улица—Свѣтланская, на ней помѣщаются присутственныя мѣста и магазины, остальные улицы узкія и гористыя.

Городъ не отличается ни чистотой улицъ, ни красотой зданій, въ немъ жизнь такъ же скучна и однообразна, какъ и во всѣхъ остальныхъ большихъ сибирскихъ городахъ.

Что хорошо во Владивостокѣ, такъ это его большая бухта Зо-

Нагасаки. Биржа деменерикшъ.

лотой Рогъ, со всѣхъ сторонъ защищенная высокими горами, единственный недостатокъ ея это то, что она ежегодно замерзаетъ на семь мѣсяцевъ.

Внизу горы, близъ бухты, помѣщается рыбный базаръ, гдѣ торгуютъ исключительно только одни китайцы.

Владивостокъ изобилуетъ рыбными продуктами, которые продаются здѣсь по баснословно дешевымъ цѣнамъ, такъ, на примѣръ, кета живая вѣсомъ десять фунтовъ стоитъ двадцать пять копеекъ, фунтъ свѣжей кетовой икры пятнадцать копеекъ, фунтъ камбалы живой пять копеекъ, сотня живыхъ крупныхъ креветокъ двадцать копеекъ и т. д.

21-го сентября я взялъ билетъ перваго класса въ конторѣ Добровольнаго флота и въ тотъ же день на пароходѣ «Рязань» отправился въ Нагасаки.

Пароходъ «Рязань» водоизмѣщеніемъ въ 3.500 тоннъ, довольно старой конструкціи; онъ въ самомъ началѣ русско-нѣмецкой войны былъ захваченъ нѣмцами въ Корейскомъ проливѣ и, какъ призъ, отведенъ ими въ бухту Циндао.

Въ первомъ классѣ ѣхало только пять пассажировъ, изъ нихъ двое, англичанинъ и еврей, хорошо говорили по-русски и оказались очень веселыми спутниками.

Пароходы Добровольнаго флота, курсирующіе между Владивостокомъ и Нагасаки, идутъ медленно, не болѣе десяти узловъ въ часъ; они не отличаются чистотой и удобствами, при этомъ кормятъ тамъ довольно плохо, поэтому на нихъ пассажировъ всегда бываетъ мало.

Эти пароходы обслуживаютъ, главнымъ образомъ, грузовое движеніе.

Тихій океанъ былъ спокоенъ.

На другой день рано утромъ мы прошли печальный для насъ Цусимскій проливъ, на днѣ коего погребены наши военные суда и съ ними множество человѣческихъ жертвъ несчастной русско-японской войны.

По сторонамъ виднѣются небольшіе пустынные острова, мѣстами покрытые зеленью.

Вдали показались высокіе скалистые берега Японіи. Чѣмъ ближе подходили мы къ нимъ, тѣмъ красивѣе становились прибрежныя скалы, вверху покрытыя низкорослыми типичными японскими соснами, а въ срединѣ и внизу распаханныя уступами, въ видѣ лѣстницъ, на крошечныя поля, засѣяныя рисомъ и другими злаками, изумрудная зелень коихъ, освѣщенная лучами восходящаго солнца, была чрезвычайно красива.

Будучи еще въ Россіи, мнѣ пришлось слышать отъ многихъ лицъ, что въ Японіи за каждымъ туристомъ слѣдитъ шпіонъ, а за русскимъ даже по два; что тамъ нельзя ничего снимать, записывать и проч.

Во Владивостокѣ мои знакомые все это мнѣ подтвердили.

Въ заключеніе всего, мои спутники, молодой англичанинъ и еврей, нѣсколько разъ бывавшіе и подолгу жившіе въ Японіи,

отзывались о ней крайне недружелюбно, называя японцевъ нищими и людьми лживыми и коварными.

Наслушавшись такихъ нелестныхъ отзывовъ о Японіи, я подъѣзжалъ къ ней съ приподнятой шерстью и съ колебаніемъ—остаться ли въ ней, или ѣхать мимо въ Шанхай.

Нагасаки. Улица Хатомашин.

Рѣшеніе этого вопроса я оставилъ до личнаго свиданія съ адмираломъ Скальскимъ; все зависѣло отъ его приѣма.

Тутъ я долженъ пояснить слѣдующее: агентами Добровольнаго флота служатъ исключительно отставные моряки, а, какъ извѣстно, послѣдніе считаются самыми любезными людьми въ мірѣ. Вотъ этимъ я и воспользовался.

Въ числѣ моихъ друзей имѣется адмиралъ В. Н. Китаевъ, который за мѣсяцъ до моего отъѣзда на Дальній Востокъ послалъ телеграммы своимъ коллегамъ, агентамъ Добровольнаго флота, во всѣ порты Тихаго и Индійскаго океановъ съ просьбой не отказывать мнѣ въ ихъ совѣтахъ и указаніяхъ.

Просьба его была исполнена въ широкомъ объемѣ. Такимъ образомъ, благодаря любезности нашихъ моряковъ, мнѣ нигдѣ и ни въ чемъ не приходилось испытывать ни малѣйшаго затрудненія, меня вездѣ встрѣчали съ большимъ радушіемъ и гостепрѣимствомъ.

Мы быстро приближаемся къ Нагасаки.

Двѣ круглыя скалы, окруженныя водой и покрытыя маленькими кудрявыми японскими соснами и другими деревьями, образуютъ собой какъ бы ворота, которыми «Рязань» тихо входитъ въ большую живописную нагасакскую бухту, со всѣхъ сторонъ защищенную высокими зелеными горами, внизу коихъ по обѣимъ сторонамъ бухты расположены въ живописномъ беспорядкѣ крошечныя, деревянныя японскіе домики, кокетливо выглядывающіе изъ густой зелени окружающихъ ихъ садовъ.

Въ бухтѣ стояли на якоряхъ пять японскихъ крейсеровъ и три миноносца, далѣе были видны нѣсколько десятковъ разной величины пароходовъ и парусныхъ судовъ.

Между прочимъ мнѣ пришлось узнать въ Японіи слѣдующее: наши старыя суда изъ Небогатовской эскадры, взятыя японцами при Цусимѣ, для того, чтобы показать ихъ народу, какъ важные трофеи, японское правительство приказало заново ремонтировать, на что потребовались большія затраты денегъ. Но вскорѣ послѣ ремонта эти отжившія свой вѣкъ суда морскимъ министерствомъ были признаны никуда негодными и были проданы на сломъ.

Несмотря на присутствіе въ бухтѣ военныхъ судовъ и порядочнаго количества пассажирскихъ и грузовыхъ пароходовъ, въ ней не было замѣтно того шума и суеты, какія обыкновенно происходятъ въ большихъ бухтахъ европейскихъ и американскихъ городовъ.

При окружающей нагасакскую бухту оригинальной ласкающей природѣ все здѣсь дѣлалось тихо, спокойно, и поэтому чувствовалась во всемъ полнѣйшая идиллія.

Пароходъ «Рязань», подойдя къ Нагасаки, отдалъ якорь и спустил трапъ, по которому быстро вошли на пароходъ три маленькихъ японца; это были доктора; они съ привѣтливой улыбкой поздоровались съ пассажирами перваго и втораго классовъ, разрѣшивъ имъ безъ всякаго осмотра ѣхать на берегъ.

При этомъ ручной багажъ пассажировъ былъ пропущенъ японской таможеней безъ досмотра.

По приѣздѣ въ Нагасаки я тотчасъ же отправился въ агентство

Добровольнаго флота, гдѣ меня радушно встрѣтилъ адмиралъ И. Г. Скальскій.

Онъ сказалъ, что уже знакомъ со мной и ждалъ меня. На мой вопросъ: когда же онъ успѣлъ со мной познакомиться?—Адмиралъ

Нагасаки. Вертящіяся бумажныя бочки.

отвѣтилъ: «Отъ своихъ знакомыхъ, я ранѣе слышалъ о васъ и о вашихъ путешествіяхъ».

Затѣмъ онъ представилъ мнѣ своего помощника г. Грюнберга и пригласилъ меня къ восьми часамъ вечера къ себѣ на обѣдъ. Прежде, чѣмъ отвѣтить на это, я спросилъ адмирала:

— Сколько шпионовъ будутъ ходить за мной—одинъ или два? Онъ отвѣтилъ:

— Можете оставаться спокойны, никто за вами ходить и шпионить не будетъ.

Послѣ такого успокоительнаго отвѣта я охотно принялъ его любезное предложеніе и рѣшилъ остаться въ Японіи. Вслѣдъ за тѣмъ адмиралъ сдѣлалъ распоряженіе привезти мой багажъ съ «Рязани» въ отель «Бель-вию».

V.

У подъѣзда для меня былъ уже приготовленъ «дженерикша»,— это маленькій человекъ, затянутый въ черное трико, на головѣ у него была одѣта черная бамбуковая шляпа съ широкими полями. Онъ держалъ въ рукахъ маленькія оглобли отъ миниатюрной колясочки съ проволочными колесами на резиновыхъ шинахъ. Я поѣхалъ осматривать городъ.

Когда я сѣлъ въ колясочку, то прежде всего почувствовалъ стыдъ и неловкость; мнѣ совѣстно было ѣхать на человекѣ вдвое менѣе меня; онъ, согнувъ спину и наклонивъ низко голову, бѣжалъ все время рысью и при этомъ для чего-то высоко откидывалъ свои боссы пятки.

Мнѣ казалось, что ему было очень тяжело везти меня. Но такъ какъ въ японскихъ городахъ извозчиковъ не имѣется и единственнымъ способомъ передвиженія жителей служить дженерикши, то и я скоро привыкъ къ нимъ, причемъ мой стыдъ и неловкость незамѣтно куда-то исчезли.

Ѣзда на дженерикшахъ очень покойна и стоитъ дешево, за пятнадцать-двадцать копеекъ можно ѣхать двѣ-три версты.

Тяжести и громоздкія вещи возятъ тамъ на маленькихъ волахъ.

Въ Японіи прежде всего бросается въ глаза общая миниатюрность: домики, садики, люди, домашнія животныя и птицы тамъ настолько малы и оригинальны, что кажутся игрушечными.

Уличная жизнь въ японскихъ городахъ полна захватывающаго интереса. Все въ нихъ было настолько ново и оригинально, что первое время мнѣ казалось, будто я попалъ съ земли на другую планету.

Маленькіе деревянные домики съ раздвижными стѣнками и съ рамами, въ которыя вмѣсто стеколъ вклеена тонкая промасленная бумага.

Внизу такихъ домиковъ помѣщаются лавки и разныя мастерскія; вверху, во второмъ этажѣ, находятся жилыя комнаты, безъ мебели, съ полами, устланными чистыми циновками.

На потолокъ и по стѣнамъ развѣшены разноцвѣтные бумажные фонари.

Микроскопическіе, изумительные садики, съ мостиками, гротиками, прудиками и фонтанами. Узкія, чистыя, шоссированныя улицы безъ тротуаровъ; на нихъ въ полнѣйшей тишинѣ медленно движутся маленькіе люди, одѣтые въ темныя кимоно и киримоны, причеъ большинство японцевъ во время ходьбы приподни-

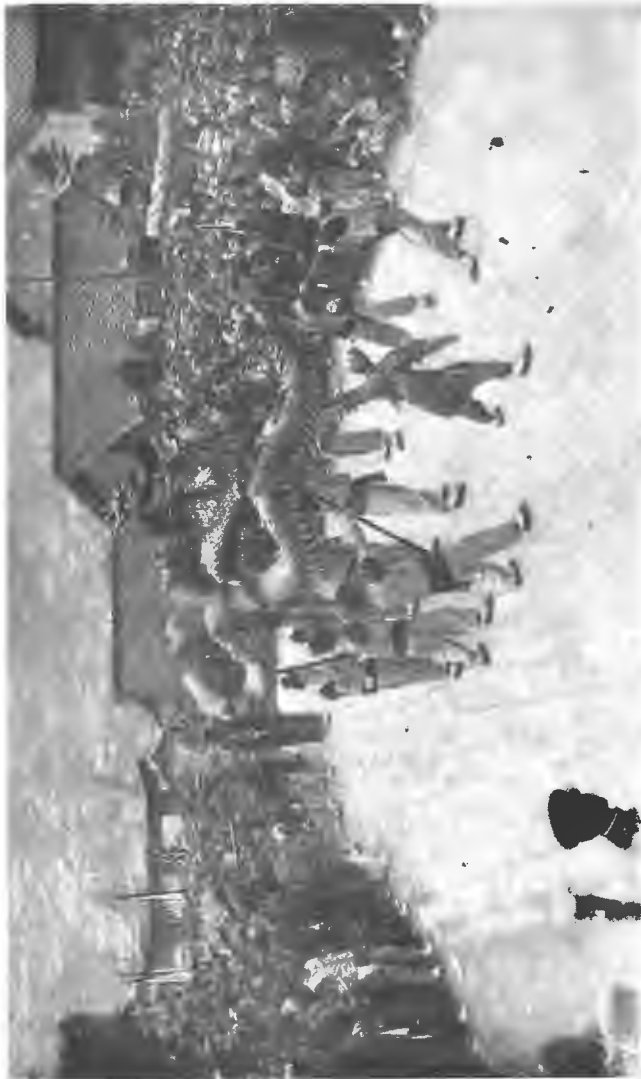
Нагасаки. Гейши, музыканты и пѣвецъ, дающіе представление на улицѣ.

мають высоко полы кимоно, изъ которыхъ видны оголенные коричневые ноги, у мужчинъ и женщинъ обутыя въ деревянные туфли, называемыя «хакимоно».

Японскія женщины ходятъ по улицамъ тоже въ довольно откровенномъ видѣ, одѣтыя въ киримоны, съ привязанными сзади на

поясницѣ большими цвѣтными бантами въ видѣ подушекъ, съ непокрытой головой, голыми ногами и съ открытой грудью, причемъ кормленіе дѣтей грудью происходитъ на улицѣ съ полнѣй-

Нагасаки. Процессія съ дракономъ.

шей безцеремонностью, никого и ничего не стѣсняясь,—на это тамъ никто не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія.

Низшій и рабочіе классы ходятъ совершенно нагіе, съ однимъ фиговымъ листкомъ, въ видѣ узкой тряпки.

Въ общемъ, во всемъ видна вопіющая бѣдность, граничащая съ

нищетою; между тѣмъ въ Японіи милостыни никто не просить, да тамъ ее никому и не даютъ, каждый долженъ работать.

Требованія японца поразительно ограничены; одной горстью варенаго риса онъ можетъ быть сытымъ цѣлый день.

Нагасаки. Рыболовная процессія.

Ночью японскія улицы и домики, освѣщенные множествомъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ фонарей, имѣли волшебный, сказочный видъ.

Во всю ширину узкихъ улицъ тихо двигалась толпа людей-пигмеевъ, одѣтыхъ въ бутафорскіе костюмы.

Тутъ же среди густой толпы пробѣгали рысью дженерикши съ своими маленькими колясочками, въ которыхъ большею частью сидѣли европейцы.

За раздвинутыми стѣнками крошечныхъ домиковъ виднѣлись фигуры японцевъ и японокъ, сидящихъ съ поджатыми ногами на циновкахъ посреди пола.

Изъ нѣкоторыхъ домиковъ слышались музыка и пѣніе, очень похожія на вой шакаловъ.

Первое время, находясь въ этой оригинальной толпѣ, среди необыкновенной, никогда не видѣнной мной обстановки, мнѣ казалось, что я участвую въ фантастической фееріи.

Нужно замѣтить, что въ японскихъ городахъ нѣтъ городскихъ уличныхъ фонарей; желающій освѣщать улицу долженъ имѣть свой фонарь.

Вслѣдствіе этого японскія улицы освѣщаются не одинаково; тамъ, гдѣ имѣются магазины и лавки, свѣтло, а въ глухихъ улицахъ и переулкахъ царить кромѣшная тьма.

Поэтому дженерикши и запоздалые обыватели движутся ночью, имѣя въ рукѣ зажженный бумажный фонарь.

Вечеромъ я пріѣхалъ къ адмиралу Скальскому; онъ познакомилъ меня со своей семьей, послѣ чего послѣдовалъ обѣдъ, который прошелъ довольно весело. Семья Скальскихъ оказалась очень любезной и гостепріимной, и поэтому я бывалъ у нихъ почти ежедневно.

На другой день въ Нагасаки былъ праздникъ, подъ названіемъ «осуа-о-мадури», т. е. праздникъ урожая хлѣба, который въ Нагасаки ежегодно справляется по очереди двумя улицами, послѣднія для этого украшаются флагами, зеленью и большими бумажными фонарями.

Отсюда по вѣсѣмъ улицамъ ходили многолюдныя процессіи съ различными символическими атрибутами и фонарями; причемъ во главѣ каждой процессіи носили на толстыхъ шестахъ большія бумажныя бочки, на верху которыхъ находились золотыя и красныя сосны, драконы, снопы, маски и проч.

Процессіи останавливались у дома губернатора, у городской думы, на площадяхъ, на перекресткахъ улицъ и давали нѣчто въ родѣ представленій, начинавшихся тѣмъ, что два музыканта, игравшіе на дудкѣ и на шамисенъ-цуцуми (такъ называется японскій національный инструментъ, похожій на гитару), и одинъ пѣвецъ садились на корточки на землю и начинали концертъ, очень похожій на кошачій; подъ ихъ дикую музыку тяжелая бочка начинала быстро вертѣться волчкомъ, вертѣлъ человекъ, находившійся внутри бочки, при этомъ, если онъ не спотыкался, тогда зрители ему громко аплодировали.

Затѣмъ тутъ же устанавливались деревянные подмостки, на которыхъ танцовали гейши свои монотонные и однообразные танцы, главнымъ образомъ заключавшіеся въ манерномъ кривляніи и въ маханіи руками.

Нагасаки. Японскіе потішныя.

Были и другія процессіи, въ одной изъ нихъ двадцать человекъ носили на высокихъ шестахъ громаднаго дракона, сдѣланнаго изъ цвѣтной матеріи; подъ громкую музыку японцы быстро поднимали и опускали шесты, отъ этихъ движеній драконъ красиво изви-

вался, какъ живой, и тѣмъ приводилъ въ неподдѣльный восторгъ окружающую его большую толпу зрителей, одѣтыхъ въ праздничные цвѣтные киримоны.

Далѣе слѣдовала процессія, въ которой сорокъ человѣкъ везли на колесницѣ большую лодку, убранную флагами и зеленью, въ ней помѣщались восемь мальчиковъ, гремѣвшихъ въ барабаны и бубны, на носу лодки находился маленькій мальчикъ рыбакъ съ сѣткой, которую онъ закидывалъ на землю и оттуда вылавливалъ подбрасываемыхъ ему картонныхъ рыбъ.

Но самой интересной процессіей была рота крошечныхъ мальковъ потѣшныхъ, щеголевато одѣтыхъ въ военные красные мундиры и вооруженныхъ деревянными ружьями.

Потѣшными громко командовалъ восьмилѣтній мальчикъ въ красивой формѣ японскаго генерала.

Воины-карлики подъ военную музыку довольно ловко продѣлывали разные военные аллюры и тѣмъ приводили громадную толпу зрителей въ неистовый восторгъ, все время сопровождавшійся громкими криками «банзай».

Въ общемъ, эти процессіи были довольно наивны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне оригинальны.

На третій день моего пребыванія въ Нагасаки И. Г. Скальскій досталъ для меня билетъ на банкетъ, данный городскимъ самоуправленіемъ; тамъ онъ меня представилъ губернатору, городскому голубѣ, его супругѣ и русскому консулу.

Банкетъ заключался въ томъ, что передъ зданіемъ городской думы были построены двѣ деревянныя трибуны, на одной изъ нихъ находились начальствующія лица и приглашенные европейцы, на другой возсѣдали на цыновкахъ японцы съ своими семьями.

На площадку, находившуюся по срединѣ трибунъ, по очереди проходили вышеописанныя мною процессіи и давали представленія.

Затѣмъ всѣмъ приглашеннымъ былъ предложенъ завтракъ а-ла-фуршетъ, состоявшій изъ застарѣлыхъ бутербродовъ, подозрительнаго вида колбасъ и другихъ деликатесовъ въ этомъ же родѣ, вина совсѣмъ не было, вмѣсто него стояли бутылки кислаго пива.

Для японцевъ былъ сервированъ отдѣльный завтракъ изъ ихъ національныхъ блюдъ, варенаго риса, сырой рыбы, нарѣзанной тонкими ломтиками, рисовыхъ лепешекъ и проч., все это они запивали изъ крошечныхъ чашечекъ теплымъ «саки» (рисовая водка).

Съ японскаго банкета, продолжавшагося четыре часа, большинство гостей уѣхали голодными и усталыми.

Послѣ небольшого отдыха я поѣхалъ въ городской садъ, разбитый уступами на высокой горѣ, откуда открывается очаровательный видъ на городъ, бухту и окружающія ихъ горы.

Въ саду поражаютъ своей величиной камфарныя деревья, изъ нихъ особенно выдѣляется одинъ экземпляръ діаметромъ въ комлѣ около трехъ аршинъ.

На слѣдующій день я отправился на дженерикшѣ въ горы, осматривать водопроводъ, устроенный по американскому образцу.

Дорога лежала туда между живописныхъ горъ, съ растущими на нихъ лѣсами сосенъ, пихтъ, бамбука и другихъ деревьевъ.

Въ нѣкоторыхъ ущельяхъ были видны небольшіе водопады.

Мы забрались на значительную высоту, гдѣ въ котловинѣ между горъ находятся два большихъ открытыхъ бассейна съ хорошей чистой водой, стекающей изъ многочисленныхъ горныхъ ручьевъ.

Берега обоихъ бассейновъ выложены бѣлымъ гранитомъ. Отсюда на протяженіи пяти верстъ проведены въ Нагасаки чугунныя трубы, по которымъ вода доставляется по всему городу естественнымъ напоромъ.

Устройство водопровода и его содержаніе находятся въ образцовомъ порядкѣ.

Въ тотъ же день мы съ И. Г. Скальскимъ поѣхали къ извѣстному японскому придворному фабриканту черепаховыхъ издѣлій г. Езаке.

Мы купили у него черепаховыхъ вещей на 200 рублей, послѣ чего г. Езаке предложилъ мнѣ, для путешествія по Японіи, въ спутники своего интеллигентнаго племянника, молодого человѣка, говорящаго на русскомъ, англійскомъ и японскомъ языкахъ, безъ всякаго гонорара.

Я охотно принялъ его любезное предложеніе.

Утромъ 27-го сентября мы съ г. Езаке поѣхали по желѣзной дорогѣ въ первомъ классѣ, сначала въ Коби. Это богатый портовый городъ съ большой бухтой, въ немъ имѣется множество иностранныхъ экспедиціонныхъ конторъ, большею частію англійскихъ, дѣлающихъ здѣсь громадныя обороты.

Въ Коби, въ живописномъ ущельѣ, мы любовались красивымъ водопадомъ, падающимъ вертикально съ высокой горы.

Тутъ же, недалеко отъ водопада, внизу горы, находится извѣстный минеральный источникъ Танзанъ, вкусомъ похожій на нашъ Нарзанъ.

Мы вошли въ контору источника, гдѣ насъ встрѣтилъ директоръ г. Лидита, къ которому мы обратились съ просьбой показать намъ источникъ и способъ разливки и укупорки его воды. Директоръ охотно исполнилъ наше желаніе.

Насъ сначала повели къ источнику, находящемуся у подножія каменной горы, въ закрытомъ помѣщеніи; когда съ резервуара

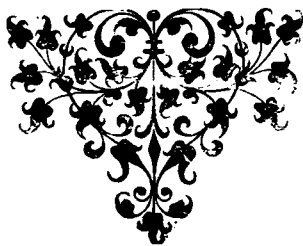
сняли деревянную крышку, мы увидѣли на глубинѣ двухъ сажень воду, покрытую зеленой плѣсенью.

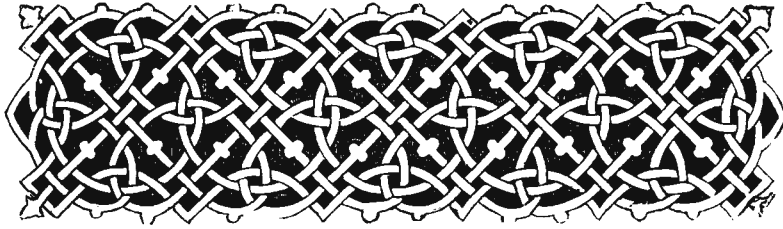
Намъ предложили попробовать воду, взятую изъ источника, она имѣла непріятный затхлый привкусъ, но послѣ ея газированія этотъ привкусъ пропадаетъ, и вода становится вкусной.

Послѣ этого намъ показали разливку воды въ бутылки и ихъ закупорку, послѣдняя производится людьми съ надѣтыми на лицо предохранительными желѣзными сѣтками, такъ какъ иногда бутылки разрываются газомъ на мелкіе куски.

И. Слоновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА.

БЫ СНОВА возвращаемся въ новомъ году къ старой темѣ о нѣмецкомъ засильѣ въ Россіи. Дѣлалъ это въ глубокомъ убѣжденіи, что въ борьбѣ съ нѣмцами самые блестящіе успѣхи нашихъ армій, даже взятіе Берлина, не принесутъ намъ той пользы, какую мы могли бы ожидать отъ нихъ, если, одновременно съ этимъ, не выработаемъ себѣ плана уничтоженія нѣмецкаго засилья внутри Россіи. Нѣмцы глубоко засѣли во всѣхъ концахъ нашей родины и завоевали себѣ въ ней такія позиціи, укрѣпились въ ней въ такихъ окопахъ, что внутренняя война наша съ ними потребуетъ, несомнѣнно, не одного десятка лѣтъ при постоянномъ, неослабномъ напряженіи всѣхъ общественныхъ и государственныхъ силъ: столѣтнее ихъ владычество не можетъ быть уничтожено однимъ почеркомъ самага могущественнаго пера или изданіемъ ряда запретительныхъ законовъ. Нужна для этого долготѣнная культурная и экономическая борьба—и не съ одними нѣмцами, но и съ тѣми традиціями и предрасположеніями моральнаго порядка, которыя они успѣли къ своей выгодѣ поселить въ нашемъ обществѣ, правительствѣ и въ цѣломъ строѣ нашихъ социальныхъ отношеній, напр., въ школѣ. Избавиться отъ всей нѣмецкой нечисти, освободить отъ ея вліянія духовную и матеріальную жизнь русскаго народа—это будетъ задачею не одного лишь нашего поколѣнія... Война съ Германіей открыла предъ изумленнымъ русскимъ обществомъ такую силу нѣмецкаго элемента въ самой Россіи, такіе размѣры

сдѣланныхъ имъ мирныхъ завоеваній, что въ самой войнѣ этой, тяжелой и кровавой, оно видитъ помиловавшую насъ руку Провидѣнія, спасшаго насъ отъ несравненно болѣе грозной опасности. Мы отрезвѣли, въ шумихѣ фразъ научаемся различать нашихъ друзей и враговъ,—развѣ это не великое Божіе благодѣяніе? Послѣ разрухи 1905 года—почувствовать себя всѣмъ русскимъ людямъ безъ различія партій, единымъ духомъ и единымъ сердцемъ дѣтьми одной и той же великой русской семьи и стать на стражѣ ея интересовъ и достоинства,—развѣ это не огромной важности нравственное завоеваніе для цѣлаго ряда поколѣній русскаго народа? Отнынѣ это завоеваніе будутъ оберегать уже милліоны глазъ, милліоны воле, составляющихъ недѣлимый русскій народъ, и безслѣдно оно пройти не можетъ...

Характеръ борьбы нашей съ нѣмцами въ настоящее время уже достаточно опредѣлился за шесть мѣсяцевъ войны съ ними и является лучшимъ доказательствомъ только что высказанной нами мысли—о большей трудности побороть врага внѣшняго, чѣмъ внутренняго. Дѣйствительно, войска наши, подъ твердымъ и мудрымъ руководствомъ верховнаго главнокомандующаго, беззавѣтно и радостно исполняютъ свой долгъ, отражая тевтонское нашествіе и готовясь проникнуть въ самое сердце Германіи. Ну, а мы, штатскіе люди, такъ ли беззавѣтно, не оглядываясь назадъ, помогаемъ нашей арміи въ ея гигантской борьбѣ съ осатанѣвшими нѣмцами? Увы, мы до сихъ поръ еще не освоились съ мыслию, что мы уже боремся съ недавними нашими угнетателями и даже побѣждаемъ ихъ, и, какъ старые подручные возлѣ своего хозяина, конфузливо и неловко отмахиваемся направо и налево отъ всѣхъ мѣръ, предписываемыхъ обороной. Не старая ли это, вошедшая въ плоть и кровь части нашего общества привычка принижаться предъ нѣмецкимъ элементомъ, подобострастно предъ нимъ расшаркиваться? Если нашъ доблестный верховный главнокомандующій, во главѣ необозримой русской рати, воскрешаетъ предъ нами побѣды русскихъ надъ нѣмцами на Невѣ, на льду Чудскаго озера, при Гроссѣ-Егерсдорфѣ, Пальцигѣ и Куннерсдорфѣ, то мы, гражданскіе воители, не напоминаемъ ли собою тѣхъ дѣятелей временъ Александра I и Николая I, которые и дѣйствовать не могли иначе, какъ по нѣмецкой указкѣ? Слѣдуя ей, мы всегда приходили слишкомъ поздно туда, куда это было нужно для русскаго народа. Безъ нѣмецкой указки мы не рѣшаемся даже слѣдовать примѣру нашихъ союзниковъ Англіи и Франціи, какъ бы падая нѣмцевъ въ силу старыхъ связей съ ними...

Первое, весьма важное обстоятельство, которое бросается въ глаза въ дипломатической и гражданской борьбѣ нашей съ тевтонами, это наша абсолютная беззаботность о всѣхъ мирныхъ жертвахъ борьбы съ ними. «Нѣмецкія звѣрства», возмутившія весь культурный міръ, въ предѣлахъ занятой ими русской Польши и Галиціи

были не менѣе ужасны и многочисленны, какъ и во Франціи и Бельгіи. Кровожадные, безчеловѣчныя приказанія нѣмецкаго кайзера—избивать мирное населеніе селъ и городовъ, разстрѣливать плѣнныхъ и доканчивать раненыхъ, сжигать и грабить имущество мирныхъ жителей, стрѣлять по Красному Кресту—нашли себѣ достойныхъ исполнителей среди его солдатъ и офицеровъ. Газетныя извѣстія, устные рассказы очевидцевъ и, наконецъ, официальные свѣдѣнія рисуютъ предъ нами массу ужасающихъ по своей жестокости дѣяній нѣмцевъ и ихъ военачальниковъ, не боящихся, очевидно, ни Божія, ни человѣческаго суда. И масса ставшихъ намъ извѣстными фактовъ этихъ, несомнѣнно, лишь малая доля дѣйствительно происшедшихъ, потому что въ большинствѣ случаевъ нѣмцы дѣйствовали одни, лицомъ къ лицу со своими жертвами, безъ свидѣтелей. Преступныя нарушенія международныхъ соглашеній о правахъ воюющихъ сторонъ и ихъ обязанностяхъ попираются нѣмцами самымъ наглымъ, беззастѣнчивымъ образомъ, хотя соглашенія эти были ими подписаны и въ исполненіи ихъ они приняли на себя обязательства. Звѣря нельзя научить кротости, но зато, въ случаѣ побѣды надъ нимъ, должно подвергнуть его за это отвѣтственности. Такъ и посмотрѣли на эти нѣмецкія звѣрства наши союзники Франція и Англія, которые, готовясь къ будущей мирной конференціи, исподволь официально ведутъ судебныя разслѣдованія нѣмецкихъ дѣяній въ сферѣ преступныхъ нарушеній международныхъ соглашеній, закрѣпляютъ ихъ судебными актами и затѣмъ предъявляютъ нѣмцамъ на законномъ основаніи не только требованіе объ уголовной отвѣтственности звѣроподобныхъ ихъ виновниковъ, безъ различія ихъ званія, но и счетъ за убытки мирныхъ жителей. Такъ поступаютъ наши союзники, не связанные съ нѣмцами традиціоннымъ чувствомъ приниженности, и этотъ образъ дѣйствій ихъ по мѣрѣ того, какъ важныя событія складываются не въ пользу насильниковъ, производитъ на нѣмцевъ мало-по-малу отрезвляющее и умѣряющее ихъ инстинкты впечатлѣніе. Въ послѣднее время мы слышимъ меньше и меньше о звѣрствахъ германцевъ на западномъ фронтѣ. Болѣе того, предвидя несомнѣнное наступленіе рокового для себя момента, когда рано или поздно имъ придется явиться на судъ мирной конференціи, сами нѣмцы завели у себя такое же судебное разслѣдованіе и фиксированіе правонарушеній, совершенныхъ якобы французами, англичанами и... русскими. Одна Россія не считаетъ этого судебного разслѣдованія нужнымъ, одна Россія на будущей конференціи явится лишь въ видѣ отвѣтчицы въ содѣянныхъ якобы ею правонарушенияхъ, въ одной Россіи нѣмцы могутъ продолжать свои неописуемые жестокости и грабительства безъ всякаго опасенія въ будущемъ подвергнуться за это возмездію. Въ этой излишне, безвинно пролитой крови нашихъ воиновъ, сестеръ милосердія, дѣтей, женщинъ, стар-

цевъ, въ этомъ разгулѣ звѣрскихъ инстинктовъ осатанѣлаго тевтонскаго воинства, увѣреннаго въ своей безнаказанности, неужели мы никакъ не будемъ считать себя виновными? Или наша кровь дешевле французской и англійской крови? Правда, за шесть мѣсяцевъ войны, вслѣдствіе упущеннаго времени, о многихъ достовѣрныхъ случаяхъ невозможно уже произвести дознанія и закрѣпить его судебными актами, но въ этомъ дѣлѣ мы не должны терять ни одного дня, дабы и враги наши знали, что мучительства ихъ и надъ русскими не пройдутъ для нихъ даромъ. А мы спали шесть мѣсяцевъ, и не было грома, который бы разбудилъ насъ, безпечныхъ, преступно-равнодушныхъ!

Между тѣмъ, недавняя исторія, можно сказать, исторія вчерашняго дня свидѣтельствуетъ, что самая мысль о международныхъ соглашенияхъ для предотвращенія преступныхъ дѣйствій со стороны воюющихъ—принадлежитъ... Россіи! Благодаря лишь ея инициативѣ и ея усиліямъ, заключена была державами международная конвенція 1899 года и нынѣ дѣйствующая конвенція—гагская, подписанная 5-го (18) октября 1907 года. Надобно думать, что Россія, добиваясь установленія гуманныхъ узаконеній о способѣ веденія сухопутныхъ войнъ, имѣла, прежде всего, цѣлью обезпечить личность и интересы своихъ же подданныхъ, что это не было съ ея стороны только актомъ заботы о человѣчествѣ вообще. Но, оказывается, гагская конвенція является мертвымъ актомъ только для Россіи въ моментъ величайшей изъ войнъ, какія только она когда-либо вела, съ врагомъ, который своей свирѣпостью превзошелъ татаръ и турокъ, вмѣстѣ взятыхъ. Зато мы великодушно предоставили нѣмцамъ средства предъявить намъ въ будущемъ ихъ собственныя судебныя дознанія... И на сей разъ, какъ въ прежнія эпохи своей исторіи, мы, конечно, думали болѣе о нихъ и объ Европѣ, чѣмъ о себѣ.

Мало подумали до сего времени и о нѣмецкихъ колонистахъ, облѣпившихъ пути и позиціи нашихъ армій въ русской Польшѣ. Только на дняхъ военнымъ начальствомъ убраны нѣмецкіе колонисты изъ Плоцкой губерніи, а въ какихъ губерніяхъ Завислинскаго края, гдѣ идетъ у насъ бой съ нѣмцами, ихъ нѣтъ? Теперь выяснилось съ полной очевидностью, что на нашей западной границѣ нѣмецкія колоніи должны были служить этапами для побѣдоноснаго шествія впередъ нѣмецкой арміи, техническое оборудованіе коихъ съ этою цѣлью въ мирное время шло чуть не подъ самыми глазами русскихъ властей. Нѣмцы являлись на позиціи какъ бы къ себѣ домой: оказывались тамъ и цементныя площадки для орудій, и вышки для сигнализаци, и сѣти телефонныхъ проводовъ, и даже окопы, вырытые подъ видомъ канавъ; при этомъ—масса якобы мирнаго населенія нѣмецкаго происхожденія, изъ котораго появились кадры мѣстныхъ, хорошо освѣдомленныхъ шпіоновъ, призна-

ваемыхъ русскими властями до поры во времени за лояльныхъ подданныхъ, одновременно и русскихъ, и нѣмецкихъ. Если бы мы слѣдовали нѣмецкой указкѣ, то не стали бы терпѣть этихъ нѣмцевъ, русскихъ подданныхъ, на театрѣ военныхъ дѣйствій. Въ какой тяжелой мѣрѣ эти господа повліяли на ходъ военныхъ событій, объ этомъ мы узнаемъ только послѣ войны. Но уже теперь обнаружилось, какъ и слѣдовало ожидать, что нѣмцы сочувствовали и содѣйствовали нѣмцамъ же, а не русскимъ. Послѣ этого, невольно является вопросъ, какъ бы, въ случаѣ военныхъ успѣховъ нѣмцевъ, они встрѣчены были въ густой цѣпи нѣмецкихъ колоній, расположенныхъ на Воляни, въ Ковенской губерніи и въ Прибалтійскомъ краѣ? Что касается юга Россіи, то высадка турокъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ и тихое, спокойное ихъ шествіе по нѣмецкимъ колоніямъ этого уѣзда на протяженіи *ста верстъ* (excusez du peu) въ нашъ вѣкъ телеграфовъ и телефоновъ достаточно сильно свидѣтельствуесть о нѣмецкихъ симпатіяхъ колонистовъ и ихъ сочувствіи къ союзникамъ ихъ кайзера. Русское общество спрашиваетъ себя, какія же мѣры приняты или будутъ приняты по отношенію и къ сомнительнымъ по своей вѣрности нѣмцамъ, и къ завѣдомымъ измѣнникамъ изъ ихъ же круга? Съ большимъ удивленіемъ узнало оно, что проектъ о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія въ Россіи потерпѣлъ крушеніе въ совѣтѣ министровъ и что ограничительныя мѣропріятія по новому проекту не коснутся именно пограничныхъ губерній: Курляндской, Ковенской и Волынской. Высылки подозрительныхъ нѣмцевъ изъ этихъ мѣстъ едва ли могутъ привести къ цѣли, какъ и всякія мѣропріятія противъ отдѣльныхъ личностей тамъ, гдѣ корнемъ зла является система, цѣлая цѣпь отношеній: на мѣсто одного высланнаго измѣнника явятся сотня другихъ, когда это потребуется. Для нѣмцевъ потеряла свою силу даже знаменитая 87-я статья. Участь ихъ признана подлежащею лишь вѣдѣнію законодательныхъ учреждений, во время войны, какъ извѣстно, бездѣйствующихъ. Покончивъ съ внѣшними нѣмцами, не оставимъ ли мы внутреннихъ у себя, въ видѣ утѣшенія нѣмецкому племени по своему славянскому добродушію? Намъ сдается, впрочемъ, что врагъ внутренній гораздо опаснѣе внѣшнихъ. Институтъ двойного подданства, установленный германскихъ закономъ 1870 года для нѣмцевъ изъ фатерланда, въ сущности дѣлаесть ихъ неприемлемыми ни для какого уважающаго себя государства. Только неготовностью Россіи къ войнѣ въ 1907 году можно объяснить себѣ пріостановку внесенія на законодательное обсужденіе проекта покойнаго П. А. Столыпина объ упорядоченіи нѣмецкаго землевладѣнія въ Россіи, сдѣланную подъ вліяніемъ представленій германскаго правительства. Но именно эти представленія и должны были показать намъ, что нѣмецкая колонизація въ Россіи разсматривается Германіей, какъ дѣло внутреннее и, разумѣется, для Россіи опасное.

Но и помимо захвата нѣмцами земельныхъ богатствъ, мы не должны были допускать образованія специально нѣмецкихъ общинъ и волостей съ исключительными правами самоуправленія, съ дѣлопроизводствомъ на нѣмецкомъ языкѣ, почти безъ всякаго контроля администраціи, съ привилегіями, которыми колонисты не пользуются у себя на родинѣ, не должны были допускать и существованія специально нѣмецкихъ школъ съ совершеннымъ игнорированіемъ государственнаго языка—русскаго. Это и многое другое дѣлаетъ нѣмецкія колоніи государствомъ въ государствѣ, а рядъ привилегій, которыми не пользуется самъ хозяинъ—народъ русскій,—усиливаетъ ихъ значеніе не только на мѣстахъ, но и въ государствѣ.

Наши союзники не столь сильно страдаютъ отъ нѣмецкаго засилья, какъ мы, русскіе люди, а между тѣмъ они не стѣсняются теперь же принимать должныя мѣры къ тому, чтобы обезвредить ихъ прежде всего на время войны. Намъ остается только слѣдовать за своими высококультурными союзниками по этому пути не колеблясь и рѣшительно также въ областяхъ экономической и промышленной. Но мы только еще раскачиваемся, собираемся что-то сдѣлать. Даже высылка германскихъ подданныхъ изъ петроградскаго района только теперь осуществилась полностью лишь благодаря вмѣшательству главнокомандующаго, севестръ акціонерныхъ германскихъ предпріятій затягивается, а ликвидація патентовъ на изобрѣтенія выродилась въ странное воспроизведеніе, въ перифразу стараго закона объ отчужденіи этихъ патентовъ въ пользу государства, а при этомъ условіи наша промышленность попрежнему останется въ нѣмецкихъ тискахъ. Еще многое мы могли бы указать, что слѣдовало бы сдѣлать для защиты насъ отъ внутреннихъ нѣмцевъ, но и погромче насъ были витіи, а что было сдѣлано? Пусть самъ народъ, устами своихъ законныхъ представителей въ Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ, укажетъ нашимъ бюрократическимъ кругамъ, что дѣло рѣшится не на одномъ только бранномъ полѣ, что отъ ихъ патріотизма и государственнаго ума зависитъ освобожденіе насъ отъ внутренняго нѣмецкаго засилья, что чистое дѣло не можетъ дѣлаться нечистыми руками, что, наконецъ, возможное и едва терпимое до русско-нѣмецкой войны *посль войны* не можетъ быть терпимо, если только думать о мирномъ, спокойномъ развитіи государственныхъ силъ. Настоящій историческій моментъ—необычайной важности. Война сама по себѣ даетъ правительству чрезвычайныя средства для ликвидаціи многихъ ненормальностей въ государственномъ быту, а мирные договоры по окончаніи побѣдоносной войны закрѣпятъ надолго условія существованія Россіи и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ. Дай Богъ, чтобы наше правительство во всемъ его составѣ сумѣло воспользоваться этими факторами для

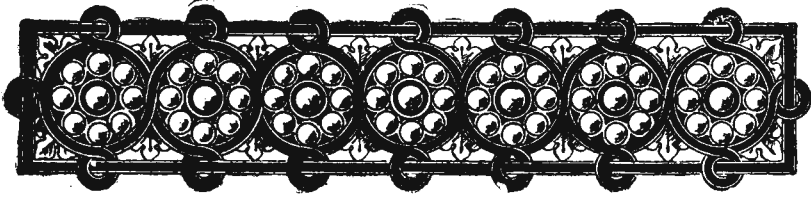
будущаго благоденствія русскаго народа и чтобы кровавыя жертвы, принесенныя нашимъ поколѣніемъ въ тѣсномъ единеніи съ Верховнымъ Вождемъ русскаго народа для величія Россіи, остались навѣки въ благодарной нашему поколѣнію памяти потомства.

Сдавленные въ желѣзныхъ тискахъ англо-французской арміею на Западѣ и русскими силами на востокѣ, нѣмцы чувствуютъ невозможность побѣды при твердо установившемся единодушіи своихъ непріятелей. Самымъ страшнымъ врагомъ для нихъ оказалась та же русская армія, которая прежде спасала ихъ на свою голову. И вотъ, въ порывѣ отчаянія, нѣмцы хватаются за самыя гнусныя средства, чтобы поселить рознь въ русскомъ народѣ и русской арміи, возбуждая соціаль-демократическія движенія, стараясь распропагандировать плѣнныхъ и разбрасывая съ аэроплановъ прокламаціи къ нашимъ воинамъ, призывая ихъ къ измѣнѣ отечеству и Государю. Что нѣмцы не понимали и не могутъ понять русскаго человѣка и русскаго чувства, употребляя эти низкія средства,—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; понятно и то, что, спасая свое великодержавное существованіе, нѣмцы идутъ теперь на все. Но на русскомъ языкѣ нѣтъ такихъ крѣпкихъ словъ, чтобы мы могли выразить въ достаточной степени свое негодованіе и возмущеніе по поводу ихъ попытокъ внушать нашему христолюбивому воинству путемъ прокламацій, что война ведется вопреки волѣ Русскаго Царя, что, сдаваясь въ плѣнъ, оно исполнить истинное желаніе Государя и что за каждую принесенную съ собой винтовку русскій солдатъ получить отъ нѣмцевъ по семи рублей. Верховный Главнокомандующій въ своемъ приказѣ по арміямъ называетъ эти нѣмецкія воззванія «гнуснѣйшимъ подлогомъ», а наши арміи, благоговѣнно встрѣчавшія еще столь недавно своего Царя на полѣ брани, новыми подвигами запечатлѣютъ въ войнѣ съ нѣмцами свою любовь къ нему и отечеству. Кромѣ омерзѣнія, эта новая выходка нѣмцевъ, совершаемая съ одобренія ихъ обоихъ кайзеровъ, не покончитъ ли разъ навсегда съ установившимся въ нѣкоторой части нашего общества мнѣніемъ, будто нѣмцы являются представителями монархическихъ принциповъ? Они стремятся подорвать вѣру въ самодержавіе русскаго Государя, выставляютъ Его, какъ монарха, слѣдующимъ не Своей, а чужой волѣ. Такой гнусности не позволялъ себѣ даже Наполеонъ, думавшій прельстить русскихъ крестьянъ обѣщаніемъ воли. Враги наши заносятъ свою святотатственную руку на самый священный залогъ крѣпости русскаго государства, оберегаемый народомъ, несмотря на всѣ испытанія, во всѣ періоды его исторіи,—единеніе Государя и Его народа. Эта мерзкая,

возмущающая душу попытка нѣмцевъ можетъ быть объяснена только словами ихъ же канцлера Бетманъ-Гольвега: «Чтобы закончить успѣшно войну, мы готовы заключить союзъ съ самимъ дьяволомъ». Для этихъ союзниковъ дьявола у христоролюбиваго воинства русскаго найдутся крестъ на груди и мечъ въ рукѣ. И этихъ-то нѣмцевъ у насъ многіе считали людьми порядка, христіанскихъ добродѣтелей! А они оказываются просто Мефистофелями на пошлый тевтонскій манеръ...

Е. Шумигорскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. Бородинъ. Исторія Финляндіи. Время императора Николая I. Петроградъ. 1915. Одинъ томъ. Стр. 716+XXV, съ 284 иллюстраціями. Цѣна 5 рублей.

ВАДУМАННЫЙ г. Бородинымъ большой трудъ—дать русскимъ читателямъ подробную и правдивую исторію Финляндіи со временъ подчиненія ея Россійской имперіи, начавшагося еще при Петрѣ Великомъ, быстро приближается къ концу. Объ отдѣльныхъ томахъ этого труда, появляющихся не въ строго хронологическомъ порядкѣ, не разъ сообщалось своевременно читателямъ «Историческаго Вѣстника»¹⁾. Новый томъ изслѣдованія г. Бородинки, посвященный исторіи Финляндіи въ царствованіе императора Николая I, отличается тѣми же достоинствами, какъ изданные ранѣе, то есть обширнымъ изученіемъ шведскихъ и финскихъ первоисточниковъ, изъ которыхъ приводится не мало дословныхъ выписокъ, а также малоизвѣстныхъ бумагъ графа А. Закревскаго и князя Меншикова, управлявшихъ вмѣстѣ съ финляндскимъ сенатомъ Финляндіею при Николаѣ I. Сеймъ, дарованный Финляндіи при Александрѣ I и созданный при немъ всего только одинъ разъ, не созывался ни разу при императорѣ Николаѣ I, при которомъ продолжалъ управлять краемъ бывший дежурный генералъ главнаго штаба Арсеній Андреевичъ Закревскій, назначенный на эту должность еще Александромъ I 30-го августа 1823 года.

¹⁾ Нельзя не замѣтить что эти тома «Исторіи Финляндіи» г. М. Бородинки были удостоены императорской академіею наукъ премии гр. Уварова 21 сентября 1914 г. (См. «Истор. Вѣст.» 1914 г., ноябрь, стр. 690).

Не безъ основанія можно допустить, что этотъ край былъ доволенъ его правленіемъ, припомнивъ, что самъ финляндскій сенатъ во время посѣщенія императоромъ Николаемъ I Финляндіи въ 1830 г. ходатайствовалъ предъ нимъ о возведеніи Закревскаго въ графское достоинство (стр. 137), на что и послѣдовало, какъ сказано въ рескриптѣ, высочайшее соизволеніе: «съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что это согласуется съ желаніемъ, изъявленнымъ нашимъ финляндскимъ сенатомъ». Вскорѣ послѣ этого Закревскій, назначенный еще въ 1828 году министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ сохраненіемъ за собою поста финляндскаго генераль-губернатора, былъ въ 1831 году освобожденъ отъ обязанностей министра внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ и уволенъ отъ должности финляндскаго генераль-губернатора. Это увольненіе объясняли его своеволіемъ въ дѣлахъ Финляндіи, основываясь на его столкновеніи съ помощникомъ губернатора Нюландской губерніи Грипенбергомъ; но это объясненіе едва ли справедливо, такъ какъ финляндскій сенатъ не одобрилъ самъ дѣйствій Грипенберга, которому генераль-губернаторъ отдалъ вполнѣ законное приказаніе (стр. 155). Преемникомъ Закревскаго явился извѣстный князь А. С. Меншиковъ, управлявшій Финляндіею даже изъ города Севастополя, въ то время, когда онъ былъ главнокомандующимъ нашихъ войскъ, собранныхъ около этого города въ Крымскую кампанію. Этому управленію князя и его характеристикѣ отведены прелюбопытныя главы, съ которыми предоставляемъ ознакомиться самимъ читателямъ. Мы только здѣсь упомянемъ, что тотъ же финляндскій сенатъ въ 1842 году просилъ императора «въ ознаменованіе незабвенныхъ услугъ, оказанныхъ княземъ Меншиковымъ краю, разрѣшить назначить ему въ видѣ майората помѣстье на вѣчныя времена». Это было высочайше разрѣшено, и Меншикову было подарено финляндской казною имѣніе Аньяла съ однимъ изъ живописнѣйшихъ водопадовъ Финляндіи. Позднѣе графъ Армфельтъ находился въ числѣ лицъ, молившихъ Небо, чтобы князь Меншиковъ вернулся изъ-подъ стѣнъ Севастополя скорѣе къ финляндскимъ дѣламъ. Подробное изложеніе исторіи Финляндіи при Николаѣ I въ вышедшемъ томѣ доведено собственно только до 1854 года по той причинѣ, что двумъ послѣднимъ годамъ этого царствованія, въ продолженіе которыхъ происходила Восточная война, авторомъ была посвящена ранѣе особая монографія «Война 1854—1855 годовъ на финскомъ побережьѣ», переведенная также на шведскій языкъ. Эта монографія можетъ служить какъ бы вторымъ подробнымъ томомъ нынѣ изданнаго, изъ котораго можно усмотрѣть, какъ постепенно увеличивалось благосостояніе Финляндіи въ этотъ періодъ времени. Въ торжественныхъ собраніяхъ, посвященныхъ памяти императора Николая въ 1855 году, было сказано, что въ продолженіе этого царствованія народъ, непрестанно подвигаясь впередъ по пути своего индивидуальнаго развитія, спокойно могъ воздѣлывать унаслѣдованную отъ отцовъ землю и посвятить себя остальнымъ мирнымъ занятіямъ, такъ какъ доходы края были употребляемы исключительно на собственныя нужды. Земледѣліе, промышленность, торговля и благодаря имъ общее благосостояніе процвѣтало и возросло до невиданныхъ еще въ этомъ краѣ размѣровъ и т. д. (стр. 656).

Нельзя не упомянуть, что императоръ Николай оказывалъ щедрыя пособія

финляндцамъ по поводу различныхъ бѣдствій общественныхъ, постигавшихъ не разъ этотъ край въ его царствованіе, какъ, напримѣръ, страшный голодъ на сѣверѣ Финляндіи въ 1832 году, появленіе холеры въ 1831 году, а также 1848 и 1853 годахъ, неоднократные большіе пожары въ различныхъ городахъ, причемъ въ 1827 году въ Або сгорѣлъ древній университетъ со всеми принадлежностями (библіотекою, кабинетами, музеями и т. д.). На средства Россіи въ значительной мѣрѣ былъ сооруженъ взамятъ сгорѣвшаго новый университетъ, но уже въ главномъ городѣ Финляндіи Гельсингфорсѣ. При торжественномъ открытіи онаго вся коллегія профессоровъ, подписавъ свои фамиліи по-русски подъ благодарственнымъ адресомъ его величеству, высказывала, между прочимъ, по русски же, «что исторія и потомство должны воздвигнуть вашему императорскому величеству памятникъ, достойный безсмертныхъ и неисчислимыхъ добродѣтелей, оказанныхъ нашему высшему отечественному святилищу наукъ» (стр. 823). Съ того времени, однако, прошло болѣе полувѣка, и не только потомство этихъ финновъ не соорудило еще памятника Николаю I, но не желаетъ теперь даже подписываться и говорить по-русски. Причиною этого отчасти явилось проявившееся въ это время сперва стремленіе финновъ обосновать черты ихъ духовной національной фizioноміи. Эліасъ Ленротъ въ карельскихъ лѣсахъ собиралъ забытыя финскія преданія, М. Кастренъ на Алтаѣ искалъ колыбель финскаго племени, Снельманъ будилъ лежавшихъ въ гробу шведовъ-соотечественниковъ и т. д. Финны захотѣли имѣть свой литературный языкъ, финскую школу, финскій судъ и, наконецъ, отдѣльное финское государство!..

Все это отразилось не только на государственно-правовыхъ отношеніяхъ Финляндіи къ Россіи, но повліяло очень и на взаимныя отношенія финляндцевъ и русскихъ, какъ подданныхъ одного и того же государства. Весьма нагляднымъ примѣромъ этого можетъ служить происшедшее съ нашимъ извѣстнымъ ученымъ Яковомъ Карловичемъ Гротомъ. Онъ любилъ природныя красоты Финляндіи, привязался къ ея населенію, былъ очень друженъ со многими финляндцами и искренно хлопоталъ о сердечномъ сближеніи финляндцевъ съ русскими. Финляндцы, въ свою очередь, не могли нахвалиться почтеннымъ Я. К. Гротомъ. Но вдругъ этотъ высокообразованный чловѣкъ назначается профессоромъ русскаго языка въ гельсингфорскій университетъ. И что же, вы думаете, происходитъ? Отношенія финляндцевъ къ Гроту сразу измѣнились. Всѣ его прежніе знакомые въ Финляндіи принимаютъ его настолько холодно и съ такими высокоумѣнными поученіями, что ни въ чемъ неповинный Я. К. Гротъ горько плакалъ. Онъ ведетъ преподаваніе государственнаго языка самымъ добросовѣстнымъ образомъ, а въ окна его квартиры трижды летятъ камни, а въ стѣнахъ гельсингфорскаго университета ему устраивается грубая демонстрація. Забыты были всѣ его услуги, оказанныя Финляндіи, и его рѣдкія нравственныя и ученныя качества. Онъ покинулъ край немедленно и вернулся въ Петербургъ.

Весь этотъ эпизодъ съ Я. К. Гротомъ подробно изложенъ г. М. М. Бородкинѣмъ въ новомъ его трудѣ, который читается весьма легко и съ большимъ интересомъ. Книга издана очень хорошо и снабжена множествомъ иллюстрацій.

П. М. Майковъ.

Сельскохозяйственное вѣдомство за семьдесятъ пять лѣтъ его дѣятельности (1837—1912 гг.). Составили Г. К. Гинсъ и П. А. Шафрановъ. Стр. VII+397+61. (Приложенія). Цѣна не обозначена. Петроградъ. 1914. Изданіе канцеляріи главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ.

Исторія сельскохозяйственнаго вѣдомства (нынѣ главнаго управления землеустройства и земледѣлія) начинается съ учрежденія 26-го декабря 1837 г. министерства государственныхъ имуществъ.

Въ основу дѣятельности министерства было положено крестьянское дѣло.

Императоръ Николай I сказалъ первому руководителю новаго вѣдомства, генераль-адъютанту Киселеву: «Ты будешь мой начальникъ штаба по крестьянской части».

Въ теченіе тридцати лѣтъ, до эпохи освобожденія крестьянъ, министерство заботилось объ улучшеніи быта порученныхъ ему вѣднію государственныхъ крестьянъ.

Кореннымъ образомъ измѣнилась дѣятельность вѣдомства послѣ освобожденія крестьянъ. Новыя вѣянія появились, впрочемъ, уже нѣсколько раньше: въ періодъ управленія вѣдомствомъ извѣстнаго М. Н. Муравьева (впослѣдствіи вилenskaго генераль-губернатора), который придавалъ особое значеніе возвышенію доходности государственныхъ имуществъ. Послѣ освобожденія крестьянъ, когда руководящая роль въ области крестьянскаго вопроса перешла къ министерству внутреннихъ дѣлъ, въ министерствѣ государственныхъ имуществъ получили преобладающее значеніе вопросы оброчнаго и лѣснаго хозяйства, а съ 1873 года еще и горная часть.

Новая эпоха въ исторіи вѣдомства начинается со времени преобразованія въ 1894 году министерства государственныхъ имуществъ въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ. На первый планъ выдвинулись тогда заботы о сельскомъ хозяйствѣ. Въ 1905 году вѣдомство вновь преобразуется и, повторяя свою исторію, становится вновь «штабомъ по крестьянской части». Семидесятипятилѣтній юбилей засталъ вѣдомство, главнымъ образомъ, за работою въ области крестьянскихъ земельныхъ дѣлъ—землеустройства и переселенія.

Главная часть книги состоитъ изъ трехъ частей: «Крестьянское дѣло», «Государственные имуществы» и «Сельское хозяйство». Здѣсь подробно описывается развитіе дѣятельности вѣдомства въ каждой изъ этихъ областей его компетенціи. Многіе изъ отдѣльныхъ очерковъ, напримѣръ, о «Попечительствѣ» въ Киселевскій періодъ, о развитіи переселенческаго дѣла, исторія лѣснаго хозяйства—представляютъ общій интересъ. Заслуживаетъ вниманія также глава двадцать вторая «Улучшеніе общихъ сельско-хозяйственныхъ условій», гдѣ приводятся любопытныя данныя о сельско-хозяйственномъ машиностроеніи, влияніи на сельское хозяйство торговыхъ договоровъ (въ частности русско-германскаго) и т. п.

Въ приложеніяхъ помѣщены краткія біографіи министровъ, списокъ высшихъ чиновъ, любопытныя данныя о ростѣ бюджета, списокъ главнѣйшихъ изданій вѣдомства за послѣднія двадцать пять лѣтъ (этотъ списокъ замѣняетъ

библиографическій указатель къ книгѣ), наконецъ, очень полезно помѣщенное въ концѣ книги описаніе дѣлъ архива, въ которомъ хранится много интересныхъ документовъ, особенно по крестьянскому и земельному вопросамъ.

Отъ обычныхъ казенныхъ юбилейныхъ изданій настоящее отличается сжатостью, сравнительною живостью и легкостью изложенія. Несмотря на это, нѣкоторыя подробности кажутся излишними. Составители значительно улучшили бы книгу, если бы придерживались изложенія историческаго, а не систематическаго, распредѣливъ весь матеріалъ по эпохамъ. Не мѣшало бы также расширить біографіи министровъ и внести больше свѣдѣній относительно упоминаемыхъ въ книгѣ (напримѣръ, стр. 244, 262) выдающихся дѣятелей, заслужившихъ себѣ почетное имя въ исторіи сельскаго хозяйства Россіи (напримѣръ, Докучаевъ, Стебутъ, Энгельгардтъ и друг.). При изложеніи по эпохамъ не ускользнули бы нѣкоторыя подробности объ интересныхъ совѣщаніяхъ и комиссіяхъ, возстановлялся бы иногда въ большей степени общій фонъ—условія каждой эпохи, борьба вліяній.

Если, однако, принять во вниманіе специальный характеръ книги, то, быть можетъ (оставляя въ силѣ замѣчанія о необходимыхъ дополненіяхъ), придется оправдать избранную систему изложенія, благодаря которой о каждой отрасли дѣятельности министерства даются болѣе подробныя свѣдѣнія. Но тогда слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторые пробѣлы специального характера. Въ главѣ о попечительствѣ нѣтъ данныхъ о введенномъ графомъ Киселевымъ народно-административномъ управленіи, необходимы были бы болѣе подробныя свѣдѣнія о колонистахъ, о поземельномъ устройствѣ. Во главѣ о сельско-хозяйственномъ образованіи нѣтъ свѣдѣній о Ново-Александрійскомъ институтѣ, существующемъ около ста лѣтъ (сначала въ Мармонтѣ). Въ главѣ о земельныхъ улучшеніяхъ не упомянуто о готовившемся десять лѣтъ тому назадъ покушеніи на самостоятельное существованіе отдѣла земельныхъ улучшеній, подчиненнаго тогда гидрологическому комитету. Въ главѣ о кустарномъ дѣлѣ не указаны три главные періода въ исторіи этого дѣла и не освѣщена роль земствъ.

Частичные недостатки, однако, едва ли могутъ отразиться на общей оцѣнкѣ книги, которая читается съ большимъ интересомъ. Заслуживаетъ похвалы и внѣшность изданія. Очень любопытны портреты министровъ (всего двадцать портретовъ на мѣловой бумагѣ). N.

Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Томъ XV. Вып. I, II и III. Стр. 170; 1—32, 1—6, 1—28, 1—32; 160. Томъ XVI. Вып. I и II. Стр. 1—8, 1—6, 1—18, 1—4, 1—6, 1—8, 193—240, 1—24, 10—31, 1—5; 1—16, 1—196, 241—272, 1—15. Нижній-Новгородъ. 1914. Цѣна не обочена.—Изъ родной старины. Выставка нижегородской ученой архивной комиссіи. Нижній-Новгородъ. 1914. Стр. 26. Цѣна 20 коп.

XV томъ сборника нижегородской архивной комиссіи посвященъ трехсотлѣтію царствованія дома Романовыхъ. Въ ознаменованіе этого событія комиссія

постановила напечатать имѣющіеся въ ея распоряженіи документы временъ первыхъ царей династіи, преимущественно писцовыя и переписныя книги по Нижегородскому краю. Такъ, первый выпускъ тома занимаетъ изданная подъ редакціей предсѣдателя комиссіи А. Я. Садовскаго писцовая книга города Балахны 1674—1676 г.г. Документъ этотъ, сохранившійся въ частной копіи XVIII столѣтія и нигдѣ ранѣе не опубликованный, достался комиссіи отъ извѣстнаго ревнителя на ея пользу, А. С. Гацискаго, и представляетъ крайне любопытную и всестороннюю картину жизни провинціального города въ послѣдней четверти XVII вѣка. Г. Садовскій предпослалъ тексту книги обстоятельное предисловіе, гдѣ указалъ много интересныхъ фактовъ. Такъ, соборное духовенство Балахны по государевой жалованной грамотѣ 1613 г. получало изъ государевой таможенной казны годовую ругу деньгами и хлѣбомъ, причемъ протопопу, главному лицу причта, приходилось въ годъ пять рублей денегъ и пятнадцать четей ржи и овса, да на свѣчи, воскъ и ладанъ 1 рубль. Но новые писцы положили окладъ всему причту вдвое меньше прежняго. Любопытно также указаніе, что тогдашнее число жителей Балахны болѣе современнаго (по переписи 1897 г.) на сорокъ девять человекъ. Вообще, любители нашей старины могутъ найти въ этой писцовой книгѣ весьма много цѣннаго матеріала. Третій выпускъ тома также заполненъ весь однимъ документомъ, изданнымъ подъ редакціей того же г. Садовскаго. Это—Нижняго-Новгорода приходная книга окладнымъ и неокладнымъ денежнымъ доходамъ. Списокъ съ нижегородскихъ платежницъ 154 (1646) года. Во второмъ выпускѣ напечатаны четыре памятника, самый интересный изъ которыхъ—редактированный Н. И. Левитскимъ синодикъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря 1552 года, здѣсь на 80 листъ рукописи имѣется любопытный перечень опасныхъ людей, поминавшихся по грамотѣ Іоанна Грознаго, со слѣдующимъ предисловіемъ: «Сихъ опасныхъ людей поминати по грамотѣ царевѣ. и понахиды по нихъ пѣти. а которые в семь сенаники. не имены писаны прозвищи или в которомъ мѣсте писано 10 или 20 или 50, ино бы тѣхъ поминати Ты Господи самъ вѣси имена ихъ». Въ первомъ выпускѣ XVI тома центральное мѣсто занимаютъ написанныя съ художественной простотой воспоминанія уроженца Нижегородской губерніи, заслуженнаго профессора петербургской духовной академіи, А. И. Садова. Авторъ хорошо знаетъ и мастерски изображаетъ бытъ нашего духовенства лѣтъ пятьдесятъ-шестьдесятъ тому назадъ. Это—та среда, откуда вышло много усердныхъ и сумѣвшихъ сохранить лучшіе завѣты своей родины тружениковъ на всѣхъ поприщахъ русской жизни. Не лишены интереса данныя для первоначальной исторіи нашей духовной школы заключаются въ статьяхъ о. дьякона Днѣпровскаго и А. И. Звѣздина. Во второмъ выпускѣ обращаетъ на себя вниманіе весьма старательное изслѣдованіе М. И. Смирнова: «Нижегородскіе казенные кабаки и кружечные дворы XVII столѣтія» съ приложеніемъ текста книгъ нижегородскаго кружечнаго двора 1658 года. Умѣло собранный авторомъ богатый историческій матеріалъ можетъ принести извѣстную пользу при обсужденіи злободневнаго теперь вопроса борьбы съ пьянствомъ. Г. Драницынъ, продолжающій въ обоихъ выпускахъ тома описаніе дѣлъ сенатскаго архива, касающихся Нижегородской губерніи,

далъ нѣсколько архивныхъ справокъ изъ исторіи Нижегородской ярмарки. Съ 26-го декабря 1913 по 7-е января 1914 года при комиссіи была открыта выставка предметовъ «родной старины», по преимуществу археографическаго характера. Позволимъ себѣ особо отмѣтить интересное собраніе автографовъ, принадлежащее члену комиссіи С. В. Лазаревскому, а также фотографическіе снимки М. П. Дмитріева со скитовъ Семеновскаго уѣзда, знакомыхъ каждому грамотному человѣку по художественнымъ романамъ П. И. Мельникова-Печерскаго.

М.

Н. Ѡ. Акаемовъ. Тѣни минувшаго (изъ варшавской старины). Съ рисунками и планомъ старой Варшавы. 1914. Стр. 115.

«Тѣни минувшаго»—рядъ весьма интересныхъ историческихъ очерковъ прошлаго Варшавы.

Всѣхъ очерковъ двадцать. Одни изъ нихъ описываютъ старинныя частныя и общественныя постройки и храмы. (Самый старый домъ въ Варшавѣ, домъ «подъ звѣздой», Мариваль, первые театры въ Варшавѣ; храмы: «Панъ Езусъ Старый», первый костель въ Варшавѣ, костель Пресвятой Дѣвы), другіе рассказываютъ исторію рынковъ, площадей, улицъ и памятниковъ (рынокъ Стараго Мѣста, площадь Александра, «улица римскаго короля», первый памятникъ въ Варшавѣ), въ третьихъ—сообщается топографія старой Варшавы (двадцать одинъ городъ въ Варшавѣ, Окопы), въ четвертыхъ—передаются различныя легенды и воспоминанія объ историческихъ событіяхъ и лицахъ (привидѣнія въ замкѣ, Золотая утка, «Черная смерть» въ Варшавѣ, Бодуэнъ, Наполеонъ въ англійской гостиницѣ)¹⁾. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ очеркахъ даются подробныя историческія справки о культурныхъ учрежденіяхъ Варшавы (цехи, первые наемные экипажи въ Варшавѣ).

Очерки снабжены четырьмя снимками (гербъ Варшавы въ двухъ видахъ, видъ Варшавы въ 1589 г. и планъ Варшавы 1665 г.).

Относительно Варшавы давно уже не издавалось на русскомъ языкѣ подобнаго обзора ея историческаго прошлаго. Вышедшее въ 1850 г. описаніе Варшавы и ея окрестностей, составленное П. Д., стало теперь библиографической рѣдкостью, изслѣдованія г. Устимовича (варшавскій православный кафедральный Свято-Троицкій соборъ, Ловичъ, древняя резиденція примасовъ Польши, Гостынский замокъ, мѣсто заточенія, кончины и первой усыпальницы царя Василія Іоанновича Шуйскаго) носятъ спеціальнѣйшій характеръ; принадлежащій же перу того же г. Акамова «Путеводитель по Варшавѣ», вышедшій уже третьимъ изданіемъ, преслѣдуетъ главнымъ образомъ практическія цѣли. Въ настоящее время ощущается потребность въ изданіи научно-популярнаго историческаго очерка Варшавы, а къ типу подобнаго изданія болѣе всего приближаются именно тѣ историческіе наброски, которые г. Акаемовъ далъ въ своей брошюрѣ «Тѣни минувшаго».

¹⁾ Ср. статью проф. Н. Н. Любовича, Наполеонъ въ Варшавѣ въ 1812 г. Варшава. 1912.

Очерки изъ варшавской старины, составленные г. Акаемовымъ съ любовью и знаніемъ дѣла, прочтутъ не только лица, занимающіяся исторіей отдѣльныхъ городовъ, но и всѣ тѣ, кого интересуетъ прошлое бывшей столицы царства Польскаго.

Пав. Черняевъ.

Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ редакцію С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Изданіе «Задруги» и К. Ф. Некрасова. Стр. 255.

Не ослабѣвающей, а, наоборотъ, все возрастающей интересъ читающей широкой публики къ вопросамъ мистики и къ оккультнымъ знаніямъ заставилъ вспомнить о своеобразномъ явленіи въ прошломъ Россіи, о увлеченіи «царственнымъ искусствомъ вольныхъ каменщиковъ», т. е. о масонствѣ. Въ отвѣтъ на спросъ увеличивается число предложеній, и подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ одно изъ московскихъ издательствъ задалось цѣлью популяризировать итоги того, что въ настоящее время сдѣлано по исторіи западно-европейскаго масонства и масонскаго движенія въ Россіи. Изданіе заключаетъ три тома и представляетъ коллективный трудъ цѣлаго ряда лицъ, все болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей-историковъ, чѣмъ обезпечено серьезное отношеніе къ разбираемому различнѣйшимъ отраслямъ такого сложнаго вопроса, какимъ является исторія развитія масонскаго собратства. Однако, согласно программѣ, предназначаясь для широкихъ слоевъ читающаго общества, большинство статей написано легко и популярно и лишь нѣкоторыя снабжены подстрочными ссылками на источники. Кромѣ того, каждый авторъ вноситъ свой личный взглядъ. Что касается иллюстрацій, то въ предисловіи редакторы объясняютъ, что онѣ «не могутъ претендовать на какую-либо научность», такъ какъ «слишкомъ большія трудности представляло бы точное опредѣленіе и объясненіе значительной части помѣщаемыхъ рисунковъ» и т. д., и что «при помѣщеніи нѣкоторыхъ рисунковъ имѣлась въ виду исключительно только цѣль иллюстраціи изданія». Иллюстрацій помѣщено достаточное количество, причемъ нѣкоторыя появляются въ печати впервые, но именно эти-то, впервые появляющіяся, за незначительнымъ исключеніемъ, совершенно не объяснены, и едва ли даже самая непритязательная читающая публика будетъ удовлетворена подписями въ родѣ: «масонскій знакъ», «масонскій символъ» и т. п. Этотъ пробѣлъ тѣмъ болѣе досаденъ, что многія иллюстраціи очень любопытны и заимствованы изъ малодоступныхъ хранилищъ.

Просмотрѣнный нами первый томъ является только частью предпринятаго изданія и заключаетъ статьи о происхожденіи масонства и распространеніи и развитіи его въ Англіи, Германіи, Франціи и Россіи, а также біографіи И. В. Лопухина, Н. И. Новикова и Г. Г. Шварца. Т. Соколовакая.

Международная выставка печатнаго дѣла и графики въ Лейпцигѣ. 1914. Каталогъ русскаго отдѣла. 8°. Стр. 266+—2 нenum. Цѣна 1 р.

Русскій отдѣлъ этой выставки созданъ какъ-то необычайно, въ смыслѣ цѣлесообразности. Подготовка, какъ мы слышали, началась за годъ; вопросъ объ участіи Россіи въ этой выставкѣ былъ внесенъ на обсужденіе Государ-

ственной Думы, и, такимъ образомъ, дѣло было представлено, какъ оно и есть,—имѣющимъ государственное, общерусское значеніе. Между тѣмъ, если мы просмотримъ лежащій передъ нами каталогъ выставки, то невольно зародится у насъ мысль: стоило ли придавать значеніе этой выставкѣ, въ такомъ видѣ представившей иностранцамъ наши успѣхи въ развитіи печатнаго дѣла. Изъ массы фирмъ откликнулись лишь немногія, хотя и весьма почтенныя. Но, несмотря на рѣшеніе правительства взять въ свои руки руководство выставкою, правительственныя учрежденія представлены весьма скудно: синодальная типографія, академія наукъ, университеты московскій и кievскій, петроградскій политехническій институтъ, московскій археологическій институтъ, московскій Румянцовскій музей, общество исторіи и древностей, императорская публичная бібліотека, историческое общество любителей древней письменности,—вотъ немногія высшія учебныя заведенія и ученныя учрежденія, принявшія участіе въ выставкѣ, приславшія книги изъ своихъ бібліотекъ. Изъ изданій русскихъ университетовъ находимъ лишь «Извѣстія» университета св. Владимира; ни академическихъ, ни другихъ университетскихъ не замѣчаемъ; не видно и изданій нашихъ многочисленныхъ ученыхъ обществъ. Изъ каталога выставленныхъ предметовъ и не видно ясно, чѣмъ руководились составители или собиратели выставки, подбирая включенныя въ каталогъ книги: идеей представить лишь успѣхи типографскаго искусства въ тѣсномъ смыслѣ слова, или идеей вообще представить ростъ и развитіе русской культуры, поскольку она выразилась въ книгопечатаніи и графикѣ? Если преобладала первая задача, то многія книги совершенно излишни на такой чисто-технической выставкѣ; если второй,—то, нельзя не сознаться, идейный ростъ русской литературы и книгопечатанія представленъ довольно скудно. Въ самомъ дѣлѣ, имѣя въ виду даже чтеніе лекцій о Россіи, комитетъ долженъ былъ внимательнѣе отнестись къ подбору книгъ, чтобы показать иностранцамъ разнообразіе и богатство того, что производитъ русская творческая мысль и предъявляетъ свѣту чрезъ печатное искусство. Чтобы не быть голословными, укажемъ, что многочисленныя провинціальныя типографіи XVII вѣка, работавшія внѣ Кіева, Москвы и Львова, почти совершенно не представлены, а между тѣмъ изданія ихъ любопытны, какъ образцы печати и гравюры. Изъ эпохи петровской слѣдовало бы выставить роскошно для своего времени изданные панегирики Петра Великаго по случаю Полтавской побѣды, книгу Полидора Виргилія Урбинскаго объ изобрѣтателяхъ вещей, Театронъ и др. Изъ позднѣйшей эпохи—времени императрицы Анны Иоанновны—любопытныя, какъ показатели техники, изданія академической типографіи: оперы «Сила любви и ненависти» 1736 г. и «Притворный Нінъ» 1737 г.—съ параллельными текстами итальянскимъ и русскимъ, итальянскимъ и нѣмецкимъ. Не видно «Наказа» императрицы Екатерины II; не видно и изданій, относящихся къ 1812 году; изъ позднѣйшихъ изданій не видно также многихъ, заслуживающихъ вниманія, напримѣръ, юбилейныхъ изданій министерствъ (особ. мин. имп. двора). Первопечатныя «Вѣдомости» 1703 г. представлены въ перепечаткѣ 1855 г. (почему не въ фотографіи или не въ воспроизведеніи синодальной типографіи?).

Не отражая умственной жизни Россіи въ XVII—XIX вв. и лишь слабо техническіе успѣхи книгопечатанія, достигнутые ею, каталогъ, однако, заваленъ массою книжнаго сора, интересующаго только любителей-коллекціонеровъ, цѣнящихъ книгу тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе экземпляровъ ея было выпущено въ свѣтъ и вращается на книжномъ рынкѣ, независимо отъ содержанія и порою отъ вѣщности. Можно думать, что подборомъ книгъ руководили не лица, имѣющія цѣлью познакомить Германію съ Россіей, а букинисты-антиквары, не смогшіе осилить своихъ мелко-собирательскихъ страстишекъ. Среди внесенныхъ въ каталогъ много такихъ книгъ, которыя относятся къ типу «библиографическихъ рѣдкостей», порою чисто искусственнаго происхожденія, въ родѣ изданій г. Бурцева. Культурно-историческое значеніе ихъ часто совершенно ничтожно; въ типографскомъ же отношеніи онѣ также далеко не всегда интересны. Не думаемъ, на примѣръ, чтобы вышеназванныя изданія или чтобы мѣсяцесловы, хотя бы и придворные, стояли выше въ историческомъ отношеніи, чѣмъ изданія ученыхъ учреждений—академіи, университетовъ и высшихъ женскихъ курсовъ (послѣднее—новый типъ изданій, заслуживающій безусловно вниманія; но, къ сожалѣнію, въ каталогѣ не имѣемъ упоминанія объ этомъ новомъ культурномъ предпріятіи, небезынтесномъ для нѣмцевъ; а между тѣмъ намъ извѣстно, что на выставку была послана «Лѣтопись вечернихъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ»).

Конечно, выражать подобное пожеланіе—вещь совершенно платоническая послѣ того, какъ выставка окончила свое существованіе. Но, мы надѣемся, съ восстановленіемъ равновѣсія, нарушеннаго войною, выступятъ на сцену вновь интересы мирнаго преуспѣянія и тогда, можетъ быть, въ будущемъ, составителямъ выставочной коллекціи придется вновь имѣть дѣло съ вопросомъ: что выставить, что выбрать, чтобы иллюстрировать наглядно исторію печатнаго дѣла въ Россіи.

Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство: если выставка преслѣдовала лишь чисто-техническія цѣли, то почему приняли въ ней участіе такъ мало издательскихъ фирмъ? Почему изъ инородческой печати представлена одна, если не ошибаемся, эстонская? Почему нѣтъ книгъ малорусскихъ, при наличности обширной торговли ими, журналовъ (даже научныхъ) и газетъ?

Каталогъ въ исторической, книжной своей части производить, безспорно, впечатлѣніе чего-то сдѣланнаго наспѣхъ, на скорую руку. Недурно только подобраны отдѣлы—«гравюры, литографія въ прошломъ» и «библиофілія и собирательства», хотя здѣсь, въ вводной статьѣ, конечно, прежде всего слѣдовало бы упомянуть среди собирателей-книголюбовъ XVIII в.—митрополита Стефана Яворскаго, оставившаго потомству трогательную элегію къ своимъ книгамъ, арх. Теофана Прокоповича, ак. Коля, маг. Пауса и друг.

Пріятное впечатлѣніе производятъ вводныя статьи къ нѣкоторымъ отдѣламъ, особенно «Начало книгопечатанія на Руси и московская синодальная типографія» А. А. Покровскаго; хотя мы и замѣтили въ ней нѣсколько недосмотровъ, но было бы желательно, чтобы на будущей выставкѣ печатнаго дѣла подобный очеркъ былъ удѣленъ и южно-русскому книгопечатанію; недурна статья «Очеркъ развитія гражданской книги и книгоиздательства» А. Круг-

лаго; къ сожалѣнію, она слишкомъ кратко говоритъ о многомъ, почему у читателя не получается яснаго впечатлѣнія о предметѣ. Очень любопытныя данныя собраны въ статьѣ «Печатное дѣло въ Россіи»; оно особенно развилось послѣ 1905 года, общая стоимость книгъ, вышедшихъ въ Россіи въ 1912 г., достигла 40.608,677 р.; возросло и число періодическихъ изданій—болѣе 2700. Къ сожалѣнію, въ статьѣ не указано на ряду съ цифрами зарегистрированныхъ поврежденныхъ изданій въ 1908—1912 гг.—числа поврежденныхъ изданій, закрытыхъ по суду и въ административномъ порядкѣ, и суммы штрафовъ, ими уплаченныхъ. Это—также любопытная черта новой культурной исторіи, которая пишется съ 1905 года.

Мы коснулись лишь части матеріала, представленнаго каталогомъ. Несмотря на скромное названіе, эта изящно изданная книга заключаетъ въ себѣ немало интереснаго. Нельзя умолчать, что спѣшность отразилась на внѣшности этого изданія: опечатки въ родѣ «книжна» вмѣсто книжка (стр. 170), «словеси золотыя» вмѣсто словеса (стр. 179), балландисты (стр. 31), повѣшаны (стр. 13), и т. п. совершенно излишни.

В. Перетцъ.

И. М. Соловьевъ. Русскіе университеты въ ихъ уставахъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Выпускъ первый. Университеты до эпохи шестидесятыхъ годовъ. № 1 «Культурно-исторической библіотеки» подъ редакціей исторической комиссіи учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній. Спб. 1914. Книгоиздательство типо-литографіи «Энергія». Стр. 206. Ц. 1 р. 25 к.

Книга состоитъ изъ двухъ частей. Первая часть содержитъ университетскіе уставы и официальные документы: инструкціи, циркуляры, рѣчи, записки. Вторая и центральная, собственно говоря, часть заключаетъ въ себѣ воспоминанія современниковъ въ выдержкахъ, начиная съ извѣстной автобіографіи Фонвизина и кончая выдержками изъ «Записокъ» историка С. М. Соловьева. Нѣтъ надобности говорить о томъ, насколько интересенъ самъ по себѣ матеріалъ подобной книги, насколько показательно появленіе такой книги для нашего культурнаго роста! Изобразить въ такихъ живыхъ и наглядныхъ формахъ, какъ воспоминанія современниковъ, прошлую жизнь того, что для Россіи, до самаго послѣдняго времени, представлялось единственною истинно-культурною цѣнностью,—заслуга, какъ угодно, не малая, хотя бы все дѣло заключалось лишь въ томъ, чтобы выбрать и систематизировать это выбранное. Во вступительномъ очеркѣ составитель совершенно вѣрно отмѣчаетъ, что «непосредственные документы—официальные источники или частные мемуары—всегда ярче освѣщаютъ прошлое, чѣмъ отдаленное, хотя бы и безпристрастное повѣствованіе историка».

Университетскіе уставы и официальные документы рисуютъ картины нагнѣвавшейся широкой автономной жизни (высочайше утвержденный проектъ московскаго университета 1755 года) и постепеннаго вторженія въ университетскую жизнь «фельдфебеля въ Вольтерахъ»,—отъ принятія въ студенты даже крѣпостныхъ, если помѣщикъ «напередъ того молодого человѣка объявить вольнымъ», до перехода къ запрещенію принимать въ университеты лицъ, не

имѣющихъ правъ гражданской службы, вплоть до признанія, что высшія учебныя заведенія въ Ярославль, Нѣжинъ и Одессѣ открываются уже «не столько по необходимости, сколько по уваженію къ значительнымъ приношеніямъ частныхъ лицъ», вплоть до инструкцій, подобныхъ данной директору казанскаго университета 17-го января 1820 года. И все же, судя по воспоминаніямъ, университетская жизнь цвѣтеть, да и какъ же иначе? Развѣ молодость, проведенная безстрастно, могла бы носить званіе молодости? И дѣйствительно. Достаточно сравнить столь несродныхъ людей и столь различныя эпохи, какъ «дней Александровыхъ блаженное начало», двадцатые и тридцатые годы, какъ Жихаревъ, Пироговъ и Герценъ—всѣ трое, каждый по-своему интересные и талантливые, чтобы убѣдиться, сколько пыла въ этомъ увлеченіи поэзіей и театромъ—у Жихарева, философско-богословскими спорами—у Пирогова, политикой—у Герцена.

Досадно, что составитель прошелъ полнымъ молчаніемъ первыя пятьдесятъ лѣтъ университетской жизни, не упомянувъ никого, кромѣ Фонвизина. Назовемъ первое, что приходитъ въ голову—«Записки» (1777—1797) И. И. Тимковскаго, напечатанныя въ «Москвитяинѣ» 1852 года, гдѣ есть кое-что о московскомъ университетѣ. Жаль также, что не включено нѣсколько яркихъ страницъ изъ жизни московскаго университета, находящихся въ незаконченныхъ воспоминаніяхъ Ап. Ал. Григорьева и въ «Раннихъ годахъ моей жизни» А. Фета.

Цѣна книги—1 р. 25 к.—велика.

Е.

Языковскій Архивъ. Выпускъ I. Письма Н. М. Языкова къ роднымъ за дерптскій періодъ его жизни (1822—1829 гг.). Подъ редакціей и съ объяснительными примѣчаніями Е. В. Пѣтухова. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1914. Стр. 502. Съ портретомъ. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Николай Михайловичъ Языковъ, сынъ помѣщика Симбирской губерніи, отставнаго гвардіи прапорщика, и супруги его Екатерины Петровны Ермоловой, родился въ деревнѣ 4-го марта 1803 года и рано лишился отца своего, умершаго въ 1819 году. Пробывъ въ деревнѣ до двѣнадцати лѣтъ и получивъ незавидное, по его словамъ, первоначальное образованіе, онъ былъ опредѣленъ въ институтъ горныхъ инженеровъ въ 1814 году, гдѣ уже воспитывались два старшіе его брата. Въ институтъ онъ пробылъ до 1819 года, когда подалъ прошеніе о принятіи его въ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія. Но и тутъ,—говоритъ г. Пѣтуховъ (стр. 4),—природная лѣнь, непривычка къ регулярнымъ занятіямъ и нерасположеніе къ математическимъ наукамъ имѣли своимъ послѣдствіемъ, что Языковъ былъ скоро исключенъ изъ института и для продолженія своего образованія сталъ готовиться къ поступленію въ петроградскій университетъ, незадолго предъ этимъ основанный въ 1819 году. Наступившее управленіе петроградскимъ округомъ извѣстнаго Д. П. Рунича и свершившійся скоро погромъ нѣкоторыхъ профессоровъ въ новомъ универ-

ситетѣ воздержали молодого Языкова отъ поступленія въ оный; по совѣту А. Θ. Воейкова онъ попустилъ въ дерптскій (т.-е. юрьевскій) университетъ, пользовавшійся извѣстностью какъ по составу своихъ профессоровъ, такъ и разгульною студенческою жизнью, во многомъ сохранившею еще нравы и обычаи средневѣковые. Въ Дерптѣ Языковъ пробылъ около девяти лѣтъ. По порядкамъ преподаванія того времени въ университетѣ Языковъ пользовался полною свободою слушанія тѣхъ или другихъ предметовъ; изъ выданнаго ему 12-го сентября 1830 года аттестата видно, что онъ слушалъ многіе курсы по разнымъ отдѣламъ исторіи, философіи, праву, русской литературѣ, эстетикѣ, исторіи искусствъ, но окончательнаго экзамена не въ силахъ былъ выдержать и покинулъ Дерптъ бездипломнымъ студентомъ, не получивъ даже и права на чинъ, но оставивъ немало долговъ. Языковъ возвратился въ свою симбирскую деревню и посвятилъ себя развитію того поэтическаго таланта, первое проявленіе котораго появилось еще въ Дерптѣ въ 1822 г. 23-го ноября.

Предоставляя читателямъ непосредственно познакомиться съ весьма любопытными свѣдѣніями, сообщаемыми г. Пѣтуховымъ въ живо составленномъ имъ очеркѣ пребыванія Языкова въ Дерптѣ, скажемъ только, что во время своего пребыванія въ университетѣ онъ велъ значительную переписку со своими братьями; къ матери же напечатаны два-три письма всего; можно предположить, что она вскорѣ послѣ этого скончалась.

Письма къ братьямъ содержали въ себѣ немало различныхъ стихотвореній Языкова, который, какъ извѣстно, скоро занялъ видное мѣсто среди писателей кружка знаменитаго Пушкина, приглашавшаго его къ себѣ въ Михайловское. Дельвигъ же просилъ его участвовать въ изданіи «Сѣверные Цвѣты» и т. д. Въ настоящее время изданы г. Пѣтуховымъ только письма Языкова за время пребыванія его въ Дерптѣ, т.-е. до конца 1829 г.; всѣ онѣ снабжены необходимыми примѣчаніями и заставляютъ желать скорѣйшаго появленія дальнѣйшей переписки Языкова со всѣми литературными дѣятелями его времени, которую онъ, несомнѣнно, велъ во время своей непродолжительной и страдальческой жизни. Онъ страдалъ, какъ извѣстно, болѣзью спинного мозга и скончался 26-го декабря 1846 года, оставивъ немало вакхическихъ и лирическихъ произведеній, мало, къ сожалѣнію, читаемыхъ въ настоящее время. Желательно было бы, чтобы г. Пѣтуховъ принялъ на себя трудъ издать полное собраніе литературныхъ произведеній Н. М. Языкова, обладавшаго, несомнѣнно, яркимъ, своеобразнымъ талантомъ. П. М.

Н. П. Лихачевъ. Генеалогическая исторія одной помѣщичьей бібліотеки. Петроградъ. 1914. Часть I. Стр. 101+16 таблицъ. Часть II. (Приложеніе). Стр. 22+66 таблицъ. Цѣна не обозначена.

Настоящее изслѣдованіе, принадлежащее перу почтеннаго ученаго спеціалиста по русской исторіи, первоначально было помѣщено въ журналѣ «Русскій Библиофилъ» за прошлый годъ. Нынѣ оно отпечатано самостоятельнымъ изданіемъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и, хотя книга эта предназначена для тѣснаго круга родныхъ и друзей автора, мы считаемъ не-

обходимымъ, въ виду ея исключительныхъ достоинствъ, познакомить нашихъ читателей съ ея содержаніемъ.

Н. П. Лихачевъ принадлежитъ къ казанской вѣтви стариннаго русскаго дворянскаго рода Лихачевыхъ и среди своихъ предковъ насчитываетъ не мало преданныхъ друзей и любителей книги. Ихъ библиофильской страсти обязана своимъ возникновеніемъ фамильная библіотека Лихачевыхъ, нынѣ насчитывающая свыше двухсотъ пятидесяти лѣтъ своего существованія.

Если у насъ на Руси рѣдки такія культурныя явленія, какъ частныя библіотеки двухсотлѣтняго возраста, то еще рѣже встрѣчаются описанія старинныхъ книгохранилищъ, сдѣланныя поздними потомками лицъ, накопившихъ книжныя богатства. Мы вообще привыкли,—приходится съ грустью въ этомъ сознаться,—къ тому, что внуки растрачиваютъ культурныя цѣнности, пріобрѣтенныя ихъ дѣдами.

Вотъ почему еще такъ отрадно читать трудъ г. Лихачева. Въ немъ буквально каждая строчка проникнута любовью къ старинѣ вообще, а въ частности къ прошлому рода Лихачевыхъ. Шагъ за шагомъ, со строгою научною тщательностью изслѣдуетъ г. Лихачевъ судьбы фамильной библіотеки, измѣнявшіяся подъ вліяніемъ ея перехода изъ одного поколѣнія владѣльцевъ въ другое, отъ лицъ безучастныхъ къ книгѣ—въ руки пламенныхъ книголюбовъ. Интереснѣйшую галерею послѣднихъ рисуетъ намъ г. Лихачевъ въ своей книгѣ.

Послѣ генеалогическихъ экскурсовъ г. Лихачевъ даетъ подробное описаніе дошедшаго къ нему книгохранилища, которое на протяженіи своего многолѣтняго существованія пополнялось многими лицами, съ которыми Лихачевы состояли въ той или иной степени родства. Изъ числа послѣднихъ назовемъ Новосильцевыхъ, Осокиныхъ; казанскаго дѣятеля XVIII вѣка Юлія фонъ-Каница, Ив. Ив. Панаева и сына его поэта-идиллика Влад. Ив. Панаева и, наконецъ, доктора Рындовскаго.

На ряду съ историческимъ матеріаломъ, исчерпать который въ этой журнальной замѣткѣ совершенно невозможно,—въ книгѣ г. Лихачева чрезвычайно интересны страницы автобіографическаго характера. Воспитанный императорскаго Казанскаго университета, авторъ на почвѣ любви къ книгамъ сблизился со многими казанскими библиофилами старыхъ годовъ. И обо всѣхъ этихъ своихъ учителяхъ на библиографическомъ поприщѣ г. Лихачевъ сохранилъ теплое воспоминаніе и сказалъ о нихъ свое сердечное и благодарное слово.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить глубоко альтруистическаго взгляда г. Лихачева на природу книги. Онъ искренно возмущается какъ искусственнымъ созданіемъ книжныхъ рѣдкостей, такъ и изытіемъ изъ общаго оборота цѣнныхъ книгъ и рукописей, чѣмъ систематически занимался всю вторую половину своей жизни извѣстный американскій миллиардеръ Пирпонтъ Морганъ. Г. Лихачевъ энергично защищаетъ идею общедоступности книги, вытекающую изъ самаго факта общественной и просвѣтительной миссіи печатнаго слова.

Изданъ трудъ г. Лихачева превосходно. Какъ отдѣльныя таблицы рисунковъ, такъ и включенныя въ текстъ иллюстраціи отпечатаны съ рѣдкимъ тщаніемъ и изяществомъ. Вотъ книга, которую держать въ рукахъ уже доставляетъ эстетическое удовольствіе.

О. Штейнъ.

А. Климентовъ. Романтизмъ и декадентство. Философія и психологія романтизма, какъ основы декадентства (символизма). Одесса. 1914 г. Стр. 261. Ц. 1 р. 50 коп.

Вопросъ о романтизмѣ въ достаточной мѣрѣ изслѣдованъ и изученъ и ему посвящено не мало трудовъ какъ въ европейской, такъ и въ русской литературѣ. Поэтому выступить съ новымъ изслѣдованіемъ можетъ лишь тотъ, кто обладаетъ новыми матеріалами, дающими иное освѣщеніе тому или иному уголку въ сложномъ явленіи, именуемомъ романтизмомъ. Иначе авторъ рискуетъ обречь свой трудъ на полное равнодушіе со стороны читателей. Очевидно, желая избѣжать этой печальной участи, г. Климентовъ, выпустившій книгу о романтизмѣ, предпочелъ связать романтизмъ съ декадентствомъ, которое у насъ, кстати, мало изслѣдовано, обобщая выяснить, насколько послѣднее является естественнымъ и логическимъ продолженіемъ романтизма. Къ сожалѣнію, это обязательство далеко имъ не выполнено, почти вся книга заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе романтизма, причемъ авторъ рѣшительно ничего новаго не далъ, повторяя давно уже извѣстное. При этомъ бессистемное и зачастую совершенно не нужное нагроможденіе повторяющихся одна другую ссылокъ, наконецъ пространный пересказъ ряда повѣстей и романовъ, оказавшихъ въ свое время вліяніе въ области романтизма («Рене» Шатобріана, «Ловель» Тика, «Люцинда» Фр. Шлегеля) еще больше подчеркиваютъ эклектической характеръ работы г. Климента, приближая ее по своей консисгенци къ студенческимъ сочиненіямъ. Въ концѣ концовъ жаль становится автора, потратившаго столько трудовъ для того, чтобы доказать, что романтизмъ представляетъ собою буйный порывъ души къ свободѣ, къ освобожденію творчества отъ подавляющихъ рамокъ формализма и всякихъ «условностей» классицизма, къ освобожденію души отъ деспотическаго господства холоднаго разума и положительной философіи, наконецъ, къ освобожденію личности отъ гнета общественной среды. Но это все давно доказано, при томъ и яснѣе и убѣдительнѣе. Сошлемся хотя бы на книгу П. Люблинскаго «Итоги современнаго искусства», посвященную, между прочимъ, и нѣмецкому романтизму, который привлекъ исключительное вниманіе г. Кондратьева, заявляющаго, что нѣмецкій романтизмъ ближе стоитъ къ нашему декадентству и символизму. Однако это далеко не вѣрно, такъ какъ русское декадентство (какъ въ литературѣ, такъ и въ искусствѣ) по духу родное дѣтище французскаго, а не нѣмецкаго декадентства, которое отнюдь не лишено ни здраваго смысла, ни уваженія къ языку. Впрочемъ, на этотъ счетъ авторъ держится особаго мнѣнія. На стр. 236 онъ ставитъ русскимъ декадентамъ въ заслугу, что «они допускаютъ почти безграничную свободу индивидуальнаго творчества языка, стиля, формъ (грамматическихъ)», — благодаря чему «нашъ литературный языкъ въ ихъ произведеніяхъ дѣлаетъ огромные шаги впередъ, онъ блещетъ яркой, необычайной какой-то, своеобразной красотой» (?).

Отдавая декадентамъ дань усерднаго преклоненія, г. Климентовъ основывается на реальныхъ ихъ заслугахъ: его особенно радуетъ, что вслѣдствіе

стараний тѣхъ же декадентовъ «даже Гоголь значительно уже пошатнулся на томъ пьедесталѣ, на которомъ утвердилъ его Бѣлинскій».

Пошатнулся ли Гоголь—это еще спорно, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ сильной мѣрѣ пошатнулась способность автора къ критической оцѣнкѣ окружающихъ явленій, если онъ могъ, затѣмъ, далѣе утверждать, что «все это только здравые ростки русскаго отрезвленія и самосознанія», «только зачатки будущаго, о которыхъ говорить пока еще преждевременно». Такая скромность автора не совсѣмъ понятна. Декадентство уже дало осязательные результаты въ видѣ литературы футуристовъ, одного изъ которыхъ г. Климентовъ, быть можетъ, и возведетъ на мѣсто «пошатнувшагося» Гоголя. **Вик. Ткачукъ.**

А. В. Амфитеатровъ. Собраніе сочиненій. Звѣрь изъ бездны. Томъ IV. Погасшія легенды. Спб. 1914. Стр. 488. Цѣна 1 р. 50 к.

Заключительный томъ большого 17-лѣтняго труда г. Амфитеатрова написанъ столь же живо и даже талантливо, какъ и три предшествующіе; что же касается содержания, то оно, пожалуй, и интереснѣе ихъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы съ выводами автора можно было во всемъ согласиться. Попржежнему блестящихъ парадоксовъ въ книгѣ гораздо больше, чѣмъ реальнаго содержанія. Такъ, въ первой главѣ г. Амфитеатровъ разбираетъ вопросъ о Золотомъ домѣ Нерона и приходитъ къ тому выводу, что «въ дѣйствительности онъ никогда не былъ построенъ или, если и строился, то лишь въ какой-либо незначительной части». Конечно, это утверждение звучитъ странно особенно теперь, когда производятся раскопки этого зданія, воочію доказывающія его грандіозные размѣры. Не говорю уже про то, что «Золотой домъ» видѣлъ современникъ, поэтъ Марціалъ. Г. Амфитеатрова все равно ничѣмъ не убѣдишь. Другая «погасшая легенда» это—гоненіе на христіанъ при Неронѣ. Разумѣется, та глава, гдѣ оно разсказано у Тацита, объявлена интерполяціей. Кстати, г. Амфитеатровъ дѣлаетъ честь рецензенту «Историческаго Вѣстника», любезно указывая, что скептическіе взгляды автора «Звѣря изъ бездны» касательно Тацита никогда не мѣнялись. Рецензентъ высказалъ это предположеніе потому, что въ III томѣ г. Амфитеатровъ цитуетъ римскаго историка безо всякой оговорки, что это—позднѣйшая интерполяція. Теперь въ главѣ о Пизоновомъ заговорѣ авторъ именуется Тацита, и притомъ дважды, даже великимъ историкомъ и во всякомъ случаѣ постоянно на него ссылается. Кажется, что это скептическое отношеніе къ Тациту г. Амфитеатровъ усвоилъ себѣ только тогда, когда значительная часть его труда была уже написана. Этимъ и объясняется та двойственность въ его ссылкахъ на историка. Во всякомъ случаѣ, при своихъ дальнѣйшихъ работахъ по исторіи Римской имперіи, которыхъ г. Амфитеатровъ предполагаетъ очень много, онъ долженъ уяснить своимъ читателямъ, какія части труда Тацита онъ считаетъ подлинными и какія интерполированными, а вмѣстѣ съ тѣмъ осязательно доказать подложность двухъ Лавренціанскихъ рукописей римскаго историка, изъ которыхъ, по обычному мнѣнію, одна относится къ IX, а другая къ XI вѣку; иначе гипотеза объ участіи въ теперешнемъ текстѣ Тацита Поджіо

Браччиолины, писателя XI вѣка, будетъ вѣсть въ воздухѣ. Въ главѣ о катакомбахъ г. Амфитеатровъ всячески умаляетъ значеніе этихъ поэтическихъ памятниковъ римскаго христіанства, не останавливаясь предъ противорѣчіемъ самому себѣ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «ничто не намекаетъ, чтобы онѣ (катакомбы) существовали при Неронѣ», а въ другомъ, дѣля исторію катакомбъ на періоды, замѣчаетъ, что первый изъ нихъ, строительный, ведетъ начало «отъ 60-хъ годовъ I вѣка (эпоха Нерона)». За катакомбами идетъ большая глава о Пизоновомъ заговорѣ. Изъ любви къ громкимъ словамъ авторъ называетъ ее очень неудачно «Римскіе декабристы». Эта глава не вызываетъ никакихъ споровъ, такъ какъ представляетъ безхитростное изложеніе древнихъ источниковъ. Непонятно одно, почему она попала въ «Погасшія легенды». То же самое надо сказать и о VI главѣ «Гибель Нерона». Въ заключеніе авторъ оправдываетъ, хотя самъ и отрицаетъ это, всѣ жестокости Нерона аналогичными поступками другихъ государей. Конечно, безъ натяжекъ дѣло не обходится и здѣсь. Такъ, въ одномъ мѣстѣ г. Амфитеатровъ говоритъ: «Стихи, которые дошли къ намъ подъ именемъ Нерона, совсѣмъ недурны», а раньше самъ признавалъ, что изъ всего литературнаго наслѣдства императора сохранились лишь восемь съ половиной гексаметровъ, а навѣрное принадлежитъ ему всего одинъ. Единственно, съ чѣмъ можно согласиться съ г. Амфитеатровымъ, это въ томъ, что Неронъ не поджигалъ Рима, и что апостолъ Петръ не былъ 25 лѣтъ римскимъ первосвященникомъ. На послѣднихъ страницахъ авторъ весьма благосклонно отзывается о современныхъ представителяхъ историко-филологическихъ наукъ въ Россіи. Искренно желаемъ, чтобы г. Амфитеатровъ нашелъ возможность и средство познакомиться и съ трудами русскихъ богослововъ, причемъ особенно рекомендуемъ ему работы профессора Н. Н. Глубоковскаго. Подобно предшествующимъ томамъ, авторъ и теперь признаетъ, что его трудъ далекъ отъ совершенства. Такъ какъ онъ произноситъ самъ себѣ довольно суровый приговоръ, то мы не будемъ распространяться на эту тему: пожалѣемъ только, что обиліе занятій и недостатокъ времени не позволяютъ г. Амфитеатрову быть достаточно краткимъ въ своемъ изложеніи. Въ заключеніе отмѣтимъ, что предлагаемая автономъ этимологіи для словъ pontifex и Pales нынѣ оставлены, и что послѣднее слово означаетъ божество женское, а не мужское.

М—нѣ.

Людмила Трубицына. Юристка. Изъ жизни парижской студентки. Петр. 1914.
Стр. 218. Ц. 1 р. 25 к.

Произведеніе начинающей писательницы посвящено «милымъ снамъ дѣвичьей молодости, тихимъ слезамъ ея пробужденія», и отъ него дѣйствительно вѣетъ увлекающей свѣжестью искренняго дарованія. Мягкіе тона акварели, то переходящіе въ элегію, то неожиданно дающіе яркія искры юмора, оживляютъ книгу, написанную легко, съ нервнымъ подъемомъ. На нѣкоторыхъ страницахъ—налетъ истинной поэзіи. Какъ хороши, напримѣръ, описанія зачарованныхъ садовъ стараго Трианона или картина весенняго вечера въ Па-

рижѣ съ его «моремъ огня, музыки и веселья»!.. Нельзя не волноваться при чтеніи разсказа, посвященнаго «первому дню экзаменовъ» въ Ecole de Droit. Выпуклые образы мелькающихъ лицъ встаютъ передъ читателемъ, какъ живые. Авторъ умѣло схватываетъ и передаетъ душевные изгибы молодой студентки Смуровой, подчасъ такой одинокой въ шумной столицѣ міра, и каждая глава проникнута особымъ настроеніемъ переживаемой минуты.

Сюжетъ—вообще мало затронутый въ русской литературѣ, и книга Люд миль Трубицыной во всѣхъ отношеніяхъ—новая книга.

А финалъ ея звучитъ такъ бодро и красиво:

«Работать, Ольга! Непремѣнно работать!.. Вспомните, сколько труда и лишений пришлось испытать вамъ на этомъ вашемъ пути,—изъ непроглядной тьмы рабства женщины! Неужели все это для того, чтобы снова потерять, размѣняться на мелочи? Это было бы слишкомъ грустно и горько. Нѣтъ, работайте, милыя! Родинѣ нужны ваши женскія силы. Громадна и мало засѣяна ея нива; работы хватить для всѣхъ,—и для насъ (мужчинъ), и для васъ! За ваши успѣхи, товарищи! Они должны быть у васъ, неpremѣнно...»

Книга читается съ отраднымъ чувствомъ, что юристка не погибнетъ въ волнахъ пошлой житейской суеты, а найдетъ настоящее примѣненіе своимъ здоровымъ силамъ.

В. Умановъ-Каллуновскій.

**Ив. Коноваловъ. Очерки современной деревни. Петроградъ. 1914. Стр. 397.
Ц. 1 р. 50 к.**

Большинство русскихъ писателей о народѣ по преимуществу отмѣчали въ немъ невѣжество, грубость нравовъ, пьянство и т. п. отрицательныя стороны. «Поддиповцы» Рѣшетникова, «Власть тьмы» Толстого и произведенія позднѣйшихъ писателей о деревнѣ: гг. Бунина, Чапыгина («Бѣлый скитъ»), подтверждаютъ нашу мысль. Но «Очерки современной деревни» г. Коновалова исполнены иного направленія и, рядомъ съ бѣдностью и невѣжествомъ народа, авторъ отмѣчаетъ въ немъ и глубокую духовную жизнь, въ связи съ бытіями позднѣйшаго времени. Въ этомъ новизна и интересъ его «Очерковъ».

Народъ у него, конечно, прежде всего, ищетъ земли не только путемъ легальнаго переселенія съ истощенныхъ угодій на новыя или черезъ землеустроительныя комиссіи и крестьянскій банкъ, но и при помощи аграрныхъ безпорядковъ.

Однако по разсказу «Въ деревнѣ» видно, что аграрныя выступленія крестьян обманули всѣ ихъ ожиданія. «Нѣсколько лѣтъ ожесточенной борьбы,—говоритъ авторъ,—повели къ тому, что положеніе только ухудшилось. Борьба заставила старыхъ владѣльцевъ бѣжать изъ деревни, ликвидируя насиженыя гнѣзда. Но, въ силу какихъ-то странныхъ причинъ, земля выскользнула снова изъ рукъ крестьянской бѣдности и попала въ цѣпкія кулацкія лапы... Тѣ—зачиточные крестьяне—и раньше жили хорошо. Во время крестьянскихъ движеній они не пожертвовали и милліонной частью силъ,

затраченныхъ бѣднотой, и, тѣмъ не менѣе, земля, главный предметъ, изъ-за котораго велась борьба,—попала имъ...»

Послѣдующіе очерки г. Коновалова, какъ-то: «Землеустроители», «Новый помѣщикъ», «Деревенскій интеллигентъ», «На хуторахъ», «Пролетаризація деревни» и т. д., сливаясь и дополняя друга друга, даютъ одну яркую картину перехода крестьянъ съ общиннаго землевладѣнія на хуторное хозяйство и кореннаго измѣненія всего мужицкаго быта за послѣдніе годы. По его словамъ, всѣмъ становится ясно, «что, благодаря землеустроителямъ, цѣны на землю начали расти съ бѣшеной быстротой» и многіе помѣщики запродали въ банкъ по весьма высокой оцѣнкѣ свои земли, отдаваемые прежде въ аренду крестьянамъ. Неимущій мужикъ не могъ итти на покупку этой дорогой земли, а если покупалъ, то съ рискомъ и кабалой у поставщиковъ. Арендовать тоже становилось негдѣ и получалось безвыходное положеніе».

Что касается до пришедшей на помощь крестьянину хуторной системы, то авторъ признаетъ, что жизнь намѣтила уже два типа хуторовъ: хутора богачей, имѣющіе будущность, и хутора бѣдноты, влачащіе жалкое существованіе, заранѣе обреченные на гибель, а отчасти гинущіе и теперь. Богатые хуторяне были богатыми крестьянами задолго до законовъ о землеустройствѣ. Хутора для нихъ—лишь льготная форма аренды, помимо хуторовъ многіе изъ нихъ имѣютъ и другія средства къ жизни. Денежные запасы даютъ имъ возможность безо всякаго ущерба для хозяйства производить различные платежи. Хутора явились для нихъ счастливой неожиданностью; правдой и неправдой они стараются захватить по два и по три хутора.

Интересныя наблюденія автора о деревнѣ и хуторахъ снабжены, можетъ быть, нерѣдко спорными выводами, но это нисколько не обезцѣниваетъ его книгу, а сообщаетъ ей интересъ насущныхъ вопросовъ о бытѣ крестьянъ.

А. М. Нечаева.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Нѣмецкій кайзеръ въ оцѣнкѣ русскаго императора.—Наполеонъ и атаманъ Платовъ о русскомъ казакѣ.—Провинціалъ о смерти Екатерины и воцареніи Павла.—Московскій митрополитъ Филаретъ въ безпристрастной оцѣнкѣ епископа-современника.—Борьба съ оберъ-прокуратурой.—Современникъ о процессѣ Петрашевскаго.—Владимиръ Соловьевъ въ частной жизни.—Журналъ «Свѣтильникъ» и возрожденіе церковнаго вкуса.

ИСТОРИЧЕСКАЯ справка и анекдотъ, освѣщающіе психологію и исторію Германіи и ея взаимоотношенія съ Россіей, продолжаютъ быть наиболѣе интереснымъ матеріаломъ историческаго журнала. Въ томъ подборѣ и освѣщеніи, какое война даетъ всему этому, матеріалъ слагаетъ сгущенное впечатлѣніе. Глубокое противорѣчіе натуръ русскаго и нѣмца выступаетъ со всей яркостью, такъ что порой надо удивляться, какъ этотъ антагонизмъ могъ маскироваться столь долгое время. Рознь между народами двухъ совершенно различныхъ духовныхъ строеній чувствуется и въ дворцѣ, и въ хижинѣ, и характерны въ этомъ отношеніи два передаваемые «Русскою Стариной» отзыва прямого и открытаго русскаго царя Александра III по поводу посѣщенія Россіи императоромъ Вильгельмомъ и Бисмаркомъ.

Во время пребыванія императора Вильгельма II въ Россіи въ 1890 году на нарвскихъ маневрахъ германскій императоръ былъ необычайно внимателенъ и почителенъ къ нашему императору и очень надобдалъ ему своими любезностями. Однажды, когда германскій императоръ былъ до приторности любезенъ, Александръ III обратился къ великому князю Владимиру Александровичу и сказалъ ему:

— Послѣ завтрака возьми Вильгельма на свое попеченіе,—я его перевариваю только до обѣда.

Послѣ представленія князя Бисмарка Александру III германскій государственный канцлеръ, проходя мимо своихъ придворныхъ чиновъ и поднявъ гордо свою голову, произнесъ знаменательныя слова:

— Кажется, я произвелъ на русскаго императора самое благопріятное впечатлѣніе.

Много лѣтъ спустя послѣ этого свиданія императоръ Александръ III въ разговорѣ съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ сказалъ:

— Князь Бисмаркъ при свиданіи произвелъ на меня самое отвратительное впечатлѣніе.

И государственнымъ канцлерамъ не всегда дано улавливать вѣрное впечатлѣніе отъ своей особы.

Въ сборникъ историческихъ анекдотовъ того же жанра даетъ живую страничку П. Юдинъ въ «Русскомъ Архивѣ». Рѣчь идетъ о героѣ современной войны—донскомъ казацкѣ, высокую оцѣнку котораго, сдѣланную нынѣшнимъ нѣмцемъ, въ 1812 году совершенно раздѣлялъ и Наполеонъ.

Когда во время тильзитскаго свиданія императоръ Александръ представлялъ Наполеону своихъ генераловъ, великій полководецъ обратился къ донскому атаману Платову:

— *Mon cher general*,—сказалъ онъ ему:—я очарованъ вашими казаками и желалъ бы имѣть такихъ воякъ въ своей арміи. Скажите пожалуйста, какъ сдѣлать, чтобы сформировать мнѣ хотя бы тысячу двадцать казаковъ?..

— Ваше величество,—не сморгнувъ глазомъ, отвѣтилъ храбрый атаманъ:—пришлите на Донъ двадцать тысячъ молоденькихъ французенокъ и черезъ двадцать лѣтъ вы получите двадцать тысячъ казаковъ.

Талантливый русскій генералъ, не умѣвшій давать тонкихъ царедворческихъ отвѣтовъ, грубовато выразилъ глубокую мысль: создать казака нельзя искусственными мѣрами,—имъ можно родиться и стать, проникнувшись духомъ и идеалами общины.

Со словъ покойнаго Бартенева П. Юдинъ передаетъ, что наканунѣ вступленія французскихъ войскъ въ Москву Наполеонъ присылалъ къ атаману Платову курьера съ предложеніемъ не помогать русскимъ, а присоединиться къ его арміи, обѣщая за то казакамъ деньги, почести и славу. Казаки остались вѣрны присягѣ.

Положительно серьезный вкладъ въ литературу мемуаровъ Екатерининскаго и Павлова вѣка сдѣлалъ «Русскій Библиофилъ», печатающій изъ номера въ номеръ красочныя записки забытаго стараго писателя, князя И. М. Долгорукова. Высокое положеніе князя среди провинціальныхъ помѣщиковъ, его постоянныя столкновенія съ тогдашними губернскими властями—ставили его въ самый центръ дореформенной жизни той Россіи, которая была страшна неправдой черной.

А у князя былъ стойкій и упрямый характеръ и большая доза рыцарскаго безстрашія и благородства. Историческій романистъ могъ бы пожалѣть, что записки видятъ свѣтъ такъ поздно. Разсказъ Долгорукова о чиновной интригѣ, начинающейся гдѣ-то тамъ, на провинціальныхъ задворкахъ, въ глуши Пензы или Саратова, и перекидывающейся наконецъ въ сѣверную столицу, къ подножію трона самой «матушки» или ея капризнаго преемника—могъ бы вдохновить не одного романиста на живыя и показательныя главы.

Сейчасъ дневникъ доведенъ до момента смерти Екатерины и первыхъ дней царствованія еще не разгаданнаго, еще совершенно таинственнаго Павла. Отзывъ князя о новомъ государѣ замѣчателенъ по своей мѣткости и выдаетъ въ авторѣ мемуаровъ настоящаго писателя, ухищреннаго въ искусствѣ постиженія людей съ первыхъ впечатлѣній. Въ наши дни такая характеристика дѣло нехитрое,—для тѣхъ дней она—заслуга. Двойственная натура Павла освѣщена имъ рѣшительно въ тѣхъ тонахъ, въ какихъ освѣщаетъ его современныи историкъ, спустя цѣлый вѣкъ послѣ его смерти.

Лѣбопытны подробности, какъ до далекой Пензы долетѣла печальная вѣсть о кончинѣ «матушки», какъ доходила потомъ молва «объ ужасахъ новаго на сѣверѣ Нерона». Долгоруковъ точно зналъ будущую судьбу своихъ записокъ—эту ихъ долгую подспудность,—и писалъ дѣйствительно такъ, какъ можно писать для потомства, называя даже поступки царей настоящими именами. «Я пишу одинъ въ моемъ кабинетѣ,—меня, кромѣ четырехъ стѣнъ моихъ, никто не слышитъ». Если бы его оцѣнка «сѣверлаго Нерона» попала въ чьи-нибудь искусныя руки, даже въ царствованіе кроткаго сына Павлова,—князю въ самомъ дѣлѣ не поздоровилось бы.

Вотъ какъ описываетъ онъ смутные дни въ провинціи, какіе она пережила подъ убѣжденіемъ кончины любимой государыни,—но безъ всякихъ еще основательныхъ извѣщеній.

«Въ самый сей день мы открывали новый клубъ и, собравшись во множествѣ, танцовали, какъ вдругъ печальный вѣстникъ поразилъ насъ симъ плачевнымъ извѣстіемъ. Нѣтъ нужды разсказывать, что все пришло въ какое-то оцѣпенѣніе, скоропостижность удара тронула каждого: всякій думалъ, что она проживетъ сто лѣтъ, и никто, наипаче въ текущей годъ, не представлялъ себѣ кончину ея такъ близкой. Первое движеніе мое было крѣпко вздохнуть, грудь моя стѣснилась, и я, какъ будто ожидая новыхъ несчастій, не имѣлъ духу радоваться. Однакоже жена моя принесла монарху новому, какъ старому попечителю юности ея, письменное поздравленіе. Намъ казалось нужнымъ симъ о себѣ напомнить. Салтыковъ бѣгалъ и загадывалъ, кого позовуть, кого во что пожалуютъ. Гедеоновъ смиренно сокрушался. Всѣ больше или меньше изъявляли сожалѣніе и печали. Вотъ въ какомъ положеніи нашелся городъ по полученіи манифеста. На другой же день принята всѣми присяга. Кромѣ манифеста, ни отъ кого не было никакихъ извѣстій, ни писемъ, а курьеръ сенатскій не могъ намъ ничего основательнаго сказать. Подорожная его служила намъ поводомъ къ заключенію о многихъ чрезвычайностяхъ, ибо подписана была государемъ Александромъ Павловичемъ, объявленнымъ въ присяжномъ листѣ наследникомъ всероссійскаго престола».

Мимоходомъ запечатлѣваетъ Долгоруковъ и одинъ-другой казусъ анекдотическаго Павлова царствованія. Вотъ, напримѣръ, трагикомическая исторія одного новаго начинанія.

«Всѣ генералы-губернаторы имѣли при Екатеринѣ серебряные богатые сервизы для умноженія ихъ почести. Павелъ приказалъ ихъ всѣ востребовать ко двору и сперва съ жаркимъ нетерпѣніемъ велѣлъ изъ нихъ сдѣлать какіе-то уборы для конной гвардіи. Скоро потомъ новая мысль перемѣнила прежнюю, и то же серебро пошло на латы кавалергардамъ, которые до того были въ большія церемоніи окованы серебромъ, что походили на движущіея слитки серебра болѣе, нежели на людей, имъ украшенныхъ. Наконецъ Павлу и то наскучило, но между тѣмъ надлежало заплатить за фасонъ и передѣлку серебра изъ посуды въ квирасы, изъ квирасовъ въ латы, и цѣна работы сей по счетамъ такъ была высока, что серебрянники вмѣсто платы получили самое его серебро себѣ въ удовлетвореніе; вотъ знатный опытъ хозяйственнаго духа Павла и его осторожнаго благоразумія!!!»

Характеристика Павла слишкомъ велика, чтобы ее выписывать, но вотъ нѣкоторыя мѣткія строки, дающія почувствовать, насколько вѣрно иногда современность оцѣниваетъ явленіе дня.

«Онъ былъ вмѣстѣ и робокъ, и жестокъ, первое происходило отъ послѣдняго. Приятно заключать въ пользу сердца его, будто онъ, какъ многіе то утверждаютъ, былъ поврежденнаго ума и не по произволу, а машинально отъ безумія разъярялся. Распускаемые рекруты по домамъ, жены ихъ и дѣти, отцы и матери, все его благословляло со слезами умиленія. Я видѣлъ это зрѣлище и помню всѣ его прелести. Раздача земель и деревень казенныхъ помѣщикамъ обрадовала сперва многихъ, но когда скоро потомъ увидѣли, что сегодня онъ давалъ деревни, а завтра ссылалъ въ заточеніе, первое безъ заслугъ, а послѣднее безъ вины, то цѣна милости его и щедротъ такъ унизилась, что никто ужъ и предметомъ ихъ быть не захотѣлъ, а всякому лестнѣе или, по крайней мѣрѣ, спокойнѣе казалось быть отъ него забыту; всякій день приходили разныя вѣсти; но какъ мы получали ихъ не изъ первыхъ рукъ, то многія молвой такъ обезображивались, что инымъ вѣрить было невозможно, однако со временемъ всѣ странности стали казаться вѣроятными. Каждая почта приносила свои анекдоты. Павелъ, проживши весь почти вѣкъ свой въ бездѣйствіи, торопился все вдругъ завести по-своему.»

Завершительный мазокъ, какимъ Долгоруковъ заканчиваетъ портретъ государя,—въ пору настоящему художнику, и его послѣдній афоризмъ запомнился бы въ устахъ историка, подводящаго итогъ двумъ царствованіямъ:

«Чтобы возвысить имя Екатерины, надобно было родиться Павлу, и судьба, какъ бы угождая Екатеринѣ во всѣхъ прихотяхъ ея славолюбія, надѣла корону на Павла, дабы бессмертная мать его и за предѣлами гроба сіяла въ полной славѣ своего величества».

Живой интересъ представляетъ въ «Русской Старинѣ» оцѣнка знаменитаго Филарета Московскаго, принадлежащая перу его современника, епископа Никодима (Казанцева). Совершенно откровенное мнѣніе Филаретова собрата

по архіерейской мантіи едва ли могло увидѣть свѣтъ при цензурныхъ условіяхъ, царившихъ ранѣе. Отдавая митрополиту дань высокаго уваженія, епископъ Никодимъ тѣмъ не менѣе освѣщаетъ личность его не всегда въ принятыхъ тонахъ, а до святости, о которой иногда говорили неумѣренные почитатели Филарета, пожалуй, и совсѣмъ далеко этому человѣку, очень не чуждому земныхъ движеній.

Передъ тѣмъ вполне опредѣленно преклоняется епископъ въ личности митрополита—это передъ его исключительнымъ умомъ. «Почитаю его умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи въ его время,—пишетъ Никодимъ,—не только между духовными, но и между свѣтскими и вообще. Однако, по-моему, онъ былъ мудрецъ книги и пера, но не мудрецъ жизни, даже житейской».

Въ самомъ дѣлѣ великая часть отзывовъ Филарета выдаетъ огромный тактъ, мѣткость глаза, практическое чувство послѣдствій далеко впереди. Онъ умѣетъ отстаивать свою мысль отъ свѣтскихъ князей церкви, но отлично знаетъ ту грань, когда надо отступить и уступить, чтобы не потерять большаго.

Тогда было модно нападать на преподаваніе философіи въ семинаріяхъ. Государь ужаснулся, когда узналъ отъ оберъ-прокурора, что въ семинаріяхъ учатъ философію.—«Какъ въ семинаріяхъ! Въ духовныхъ школахъ? Вонъ ее оттуда!» Прокуроръ защищалъ.—«Наша философія въ рясахъ, а не со штыками».

Никодимъ долго умолялъ Филарета вступить за обижаемую философію, тотъ почти всегда отвѣчалъ одно: «Что мнѣ дѣлать? Надо что-нибудь уступить и имъ, а то, пожалуй, все отнимуть».

Въ академіи на студентовъ смотрѣли, какъ на взрослыхъ, и не стѣсняли ихъ внѣшне. Но въ 1838 году ихъ сжали и подчинили школьной дисциплинѣ,—между прочимъ закрыли на цѣлый день спальня. Одинъ Филаретъ понялъ безразсудство стѣсненія:

«— Вотъ чортъ шутить!—уронилъ онъ:—подкрадывался къ академіи со всѣхъ сторонъ,—не пускаютъ. Нашелъ таки-путь: теперь студенты будутъ дураки. Ихъ лишили покоя!»

Въ общей характеристикѣ Филарета Никодимъ пишетъ откровенныя строки. «Царямъ и сильнымъ земли онъ робѣлъ говорить нагую истину. Если и вынуждалъ себя говорить имъ это, то витіевато, завернуто, гадательно, сквозь зубы. Оттого, думаю, девять десятыхъ не сказано имъ того, что онъ хотѣлъ сказать».

Общее положеніе доказывается и цѣлымъ рядомъ фактовъ. Митрополитъ умѣлъ проявлять свой авторитетъ и въ синодѣ, гдѣ до его вызова царя величайшая халатность и члены теряли время на праздные разговоры, но съ его водвореніемъ воцарилась настоящая рабочая атмосфера,—дѣлъ разбирались кучи, и за все засѣданіе не было сказано ни одного празднаго слова. «Что скажетъ въ синодѣ Филаретъ, то и есть, и бываетъ, и не умретъ»—такова была молва въ Петербургѣ. Однако на самомъ дѣлѣ и онъ вынужденъ былъ нерѣдко покоряться гнету свѣтскихъ.

Особенно характеренъ одинъ случай, гдѣ рѣзкость огненнаго характера Никодима столкнулась съ дипломатическимъ тактомъ стараго іерарха, и нужно было архіерею слишкомъ любить владыку, чтобы ему уступить.

Въ 1862 году оберъ-прокуроръ синода разослалъ архіереямъ огромный проектъ о свѣчныхъ заводахъ съ требованіемъ мнѣнія. Прочитавъ проектъ, Никодимъ, тогда енисейскій архіерей, преисполнился «страшнаго негодованія на дерзость свѣтскихъ служащихъ въ синодѣ». Въ самомъ дѣлѣ, по проекту прокурора, архіереи становились чѣмъ-то «въ родѣ приказчиковъ и торгашей», а всѣ доходы свѣчнаго епархіальнаго дѣла «подметались, какъ метлой» въ пользу синода. Свою критику Никодимъ закончилъ бурнымъ обращеніемъ къ самимъ свѣтскимъ въ синодѣ:

«Зачѣмъ вы у насъ въ синодѣ? Мы—духовные, дѣла наши духовныя. Вы беретесь за чужое дѣло. Васъ и не просятъ,—навязываетесь. Вы заслонили собою отъ насъ, архіереевъ, синодъ,—мы съ нимъ не можемъ бесѣдовать лицомъ къ лицу. Говоримъ съ ними черезъ васъ, но они—старшіе братья наши. У насъ съ ними дѣло общее. Въ васъ мы не нуждаемся и по уставу церкви, и по убѣжденію, зная, что вы не умѣете ни понять наши дѣла, не судить оныхъ. Подите прочь, вонъ изъ синода! Посторонитесь! Оставьте насъ себѣ самимъ. Не ваше дѣло насъ учить!..»

Смѣлый и грозный отвѣтъ Никодимъ отослалъ въ Петербургъ. Тамъ цѣлый мѣсяцъ думали, какъ затушевать скандалъ. Рѣшили, наконецъ, послать отвѣдъ къ Филарету. Увы, глава синода принялъ сторону несправедливости, хотя, разумѣется, для самого его это былъ давній наболѣвшій вопросъ, и полныя могучей правды слова правдиваго товарища онъ не могъ читать иначе, какъ съ глубокимъ имъ сочувствіемъ.

Филаретъ, однако, очевидно, настолько не вѣрилъ въ успѣхъ праваго дѣла, что политично посовѣтовалъ Никодиму бить отбой. «Вы на себя больше взяли,—писалъ онъ,—нежели сколько вамъ поручалось. Вы учите не только свѣтскихъ въ синодѣ, но и самихъ членовъ синода». И онъ предсказывалъ, что Никодимъ непременно «потерпитъ», если не пришлетъ новый дипломатичный отвѣтъ.

Никодиму ничего не оставалось, какъ послѣдовать совѣту политика въ рясѣ. Благородные тона слышатся въ его объяснительной запискѣ. Никодимъ изъяснялъ, что онъ «столь строго написалъ потому, что такъ думаетъ и доселѣ, что синода учить онъ не смѣлъ, но думалъ, что его правдивый, хотя и жестокій, отвѣтъ будетъ небезполезнымъ», что какъ епископъ «послѣднѣйшій на своемъ мѣстѣ, онъ разсчитывалъ на свою смѣлость свидѣтельства въ правдѣ. Мнѣ тогда было уже шестьдесятъ лѣтъ, пусть, я думалъ,—шестидесятилѣтняго накажутъ».

Филаретъ былъ очень доволенъ такимъ исходомъ и прислалъ Никодиму письмо, гдѣ почти благодарилъ его за послушаніе.

Въ заключительномъ словѣ о московскомъ митрополитѣ цѣнны такія строки прямого и благороднаго епископа.

«Онъ былъ благочестивъ не наружно, не фарисейски, не напоказъ, а для себя самого по существу и всегдашнему убѣжденію даже въ молодости. Онъ былъ дѣвственникъ не только по религиозному убѣжденію, но и на самомъ дѣлѣ.

«Онъ былъ тщеславенъ и занятъ собою почти по-женски. Но это была натура его, какъ думаю, а не страсть нажитая.

«Въ молодости онъ не умѣлъ или не хотѣлъ щадить враговъ своихъ. Но послѣ шестидесятилѣтняго возраста своего былъ очень снисходителенъ. Особенно любилъ онъ дурачковъ, юродивыхъ, причудниковъ.

«У Филарета, кажется, не было друзей, и онъ не искалъ ихъ, но покровительствуемые имъ, особенно духовные, рѣдко были не негодяи, но всегда гордецы, дерзкіе и отчаянные...

«Тайны своей Филареть, кажется, никому не повѣрялъ, зналъ ихъ для себя самого. Аминь».

Въ воспоминаніяхъ Е. И. Ламанскаго въ томъ же журналѣ находимъ страничку личныхъ впечатлѣній человѣка, на самомъ себѣ пережившаго тревогу знаменитаго дѣла Петрашевскаго. Ламанскій не былъ своимъ человѣкомъ ни у Петрашевскаго, ни у Дурова, но бывалъ и тутъ и тамъ. За это свое любопытство ему и пришлось поплатиться, правда, далеко не такъ, какъ другимъ, но и онъ пережилъ и обыскъ, и арестъ, и вызовъ на комиссію въ Петропавловскую крѣпость.

«Слухи о томъ, что за кружками наблюдаютъ и что въ числѣ посѣтителей есть агенты третьяго отдѣленія, уже блуждали среди молодежи. Въ 1849 году на одномъ изъ баловъ-маскарадовъ какая-то таинственная маска подошла къ Пальму или къ кому другому и сказала: «Берегитесь, васъ сегодня ночью будутъ арестовывать». И, дѣйствительно, на слѣдующій день ночью послѣдовали аресты Петрашевскаго, Свѣшневъ, Толя и многихъ другихъ.

«Однажды къ Ламанскому прибѣжалъ денщикъ Пальма и дрожащимъ голосомъ сообщалъ:

«— Нашихъ господъ взяли, и они послали сказать вамъ, чтобы вы прятали, если у васъ есть какія-нибудь вещи.

«Я немедленно разбудилъ брата и сообщилъ ему все переданное денщикомъ, и, между прочимъ, о томъ, что къ брату должны прійти поутру въ тотъ же день. Наскоро оправившись и переговоривши, мы стали обдумывать, что намъ прятать и скрывать. Особенно подозрительнаго у насъ не было ничего, но были болѣе или менѣе запрещенныя книги того времени. Принявъ необходимыя мѣры предосторожности, мы съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія полиціи.

«Дѣйствительно, въ два часа за братомъ отправились въ департаментъ и привели домой для осмотра комнаты, въ которой онъ жилъ вмѣстѣ со мною. Какъ любопытное обстоятельство, припоминаю, что братъ былъ тогда боленъ и принималъ какія-то капли, прописанныя докторомъ. Въ то время, какъ агенты тайной и явной полиціи съ депутатами отъ департамента, въ которомъ служилъ братъ, снимали съ полокъ всѣ книги нашей бібліотеки, вынимали бумаги, находившіяся въ шкапахъ и столахъ, и сваливали все въ одинъ узелъ, братъ мой захотѣлъ принять свои капли, но жандармъ съ осторожностью остановилъ его, говоря: «Нѣтъ, извините, я этого не могу вамъ позволить».

«Мало-по-малу слухи о томъ, въ чемъ подозрѣвались захваченные молодые люди и какое развитіе принимало слѣдствіе, проникали въ общество. Аресты сдѣлались общей басней въ городѣ. Особая верховная слѣдственная комиссія

взялась за разслѣдованіе «заговора». Сюда, въ Петропавловскую крѣпость, былъ вызванъ и Е. Ламанскій.

«Я прибылъ въ сопровожденіи полковника. Меня тотчасъ же позвали въ комиссію, и я увидалъ тамъ князя Гагарина, Набокова и Ростовцева, которые начали предлагать мнѣ разные вопросы, отвѣты на которые я уже зналъ впередъ. Вопросы касались преимущественно освобожденія крестьянъ и свободы торговли. Это экономическое ученіе было извѣстно генераламъ въ смыслѣ избавленія купцовъ отъ какой-то зависимости отъ правительства и чуть ли не призыва къ бунту всего коммерческаго люда въ Россіи. Когда я объяснилъ, что ученіе о свободѣ торговли есть ученіе экономическое, что о немъ намъ читали съ кафедръ профессора, что оно признается въ Европѣ, они заставили меня дать снова объясненія и съ большой снисходительностью эти же самые члены комиссіи подсказывали мнѣ выраженія, служащія къ оправданію».

Рядомъ со «Старыми Годами» и «Русскимъ Библіофиломъ» возникъ журналъ, специально посвятившій себя религіозному искусству въ прошломъ и настоящемъ. Съ этой стороны «Свѣтильникъ» слишкомъ специальное изданіе, способное заинтересовать только любителей,—тѣхъ, что чувствуютъ прелесть старинной иконы, стараго шитья, кто можетъ, не скучая, часами стоять передъ какимъ-нибудь древнимъ Страшнымъ судомъ на церковной стѣнѣ.

Роскошное изданіе съ дорогими нерѣдко съ золотомъ, картинами и рисунками, такому любителю можетъ доставить наслажденіе. Старинные ростовскіе, звенигородскіе, костромскіе, кievскіе, ярославскіе монастыри и соборы открываютъ на этихъ страницахъ свои сокровища. Специалисты церковной археологіи вскрываютъ передъ читателемъ тайны древняго искусства и таинственные пути его къ намъ изъ Италіи и Византіи.

Устами такого церковнаго авторитета, какъ, на примѣръ, епископъ Юсифъ Угличскій, журналъ зоветъ русскихъ людей почувствовать истинную красоту старины, которую искусственно выбивали изъ него десятилѣтіями, портя его вкусъ безстыльными поддѣлками, жестяными иконками и всяческой мишурной дешевкой.

«— За что ни возьмись мало-мальски порядочный знатокъ и цѣнитель нашей художественной старины,—пишетъ епископъ:—во всемъ современномъ онъ встрѣтитъ нѣчто отталкивающее, претящее, оскорбительное для художественнаго чутья. Возьмите хотя бы тѣ же плащаницы: шаблонные лики, одѣянія,—всѣ на одинъ манеръ, безъ крупницы художественнаго замысла и исполненія, и, главное, безъ того, что дѣлаетъ этого рода работы живыми и цѣнными памятниками искусства,—безъ усердія и тщательности выполненія, безъ того, что можно назвать душою предмета.

«Возьмите современные митры: это—какія-то кучерскія шапки съ безобразнѣйшимъ расширеніемъ верхней части, съ поддѣльными драгоценностями, стеклами и шитьемъ, какое можно встрѣтить на ночныхъ туфляхъ самаго зашудалаго барина.

«Или, напримѣръ, вотъ краса древнихъ святительскихъ служеній,—архіерейскіе саккосы, сплошь затканые и расшитые священными изображеніями, какъ иконостасъ, на который можно прямо молиться. Какъ убоги и жалки передъ ними наши современные саккосы, поистинѣ,—мѣшки, которые съ успѣхомъ могли бы замѣняться дьяконскими стихарями,—до чего они выполняются нынѣ бѣдно, безвкусно, нецерковно, нелѣпо!»

Журналъ дѣлаетъ серьезное и полезное дѣло, но ему можно пожелать большей доступности, чтобы онъ могъ интересовать не только специалистовъ, могъ поднимать вкусъ и широкаго общества. Журналу хочется пожелать тѣхъ живыхъ популярныхъ статей о русской церковной старинѣ, на какія, напримѣръ, такимъ большимъ мастеромъ былъ покойный Лѣсковъ. Было бы интересно, если бы онъ служилъ и старому быту, и живой исторіи въ лицахъ! Пока къ такому типу поучительно-интереснаго разсказа можно отнести лишь интересную статью знатока дѣла С. М. Прохорова—«Объ иконописи и ея техникѣ», дающей любителю точный и подробный отвѣтъ на столь интересный вопросъ, какъ создавалась старая икона, какъ создается новая и до какихъ хитростей додумалось искусство современной реставраціи.

А. Измайловъ.

Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили съ 15 декабря
по 15 января для отзыва слѣдующія книги:

М. Жерлицынъ. Кольриджъ и англійскій романтизмъ. Одесса 1914. Стр. XV+300. Ц. 2 р.

М. И. Демковъ. Уголокъ дѣтской жизни. Разказы для дѣтей отъ 9 до 11 лѣтъ. Съ рисунками худ. А. И. Подтыканнаго. Москва. 1915. Стр. 172. Ц. 1 р.

А. А. Резановъ. Нѣмецкія звѣрета. (Добавленіе ко второму изданію). Изданіе М. А. Суворина. Петроградъ. 1915. Стр. 224. Ц. 1 р.

Клодъ Фарреръ. Корсаръ изъ Сепъ-Мало. Переводъ Е. Преображенской. Петроградъ. 1915. Стр. 314. Ц. 1 р. 25 к.

Азіатская Россія. Т. III. Приложение. Изданіе переселенческаго управл. главн. управл. землеустр. и земледѣлія. Петроградъ. 1914 г. Стр. СЛIII. Цѣна не обозначена.

Въ составъ 3-го тома «Азіатской Россіи» вошли алфавитные указатели встрѣчающихся въ предшествующихъ I и II томахъ «Азіатской Россіи» географическихъ названій, личныхъ именъ, предметовъ, портретовъ, рѣсунокъ, картъ, плановъ, картограммъ и діаграммъ; кромѣ того приложенъ указатель главнѣйшихъ источниковъ и пособій по разработаннымъ въ данномъ трудѣ вопросамъ.

Дм. Вергунъ. Что такое Галлія? Издательство «Лукоморье». Петроградъ. 1914 г. Стр. 46. Ц. 35 к.

Гете. «Фаустъ». Въ переводѣ Н. Холодковского. Изданіе А. Ф. Девріена. Петроградъ. 1914. Т. I. Стр. 436.—Т. II. Стр. 350. Цѣна за 2 тома 4 руб.

Дм. Львовичъ. По киргизской степи. Путевые очерки. Изданіе А. Ф. Девріена. Петроградъ. 1914. Стр. 224. Ц. 2 р. 25 к.

Конрадъ Гюнтеръ. Цейлонъ. Введеніе въ міръ тропиковъ. Переводъ Наталіи Холодковской подъ редакціей проф. Н. А. Холодковского. Изданіе А. Ф. Девріена. Петроградъ. 1914 г. Стр. 365. Ц. 3 р. 25 к.

Э. Микельсонъ. По слѣдамъ жертвъ ледяной пустыни. Переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Съ рисунками и картами. Изданіе А. Ф. Девріена. Петроградъ. 1914. Стр. 414. Ц. 4 р. 50 к.

Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Томъ I. Созданіе имперіи. Переводъ А. Захарова. М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1915 г. Стр. IV+361. Цѣна 1 р. 75 к.

Проф. Д. М. Петрушевскій. Великая хартія вольностей и конституціонная борьба въ англійскомъ обществѣ во второй половинѣ XIII вѣка. М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1915. Стр. IV+176. Цѣна 85 к. Складъ: М. Тверской бульваръ, 6.

Сборникъ храмозданныхъ грамотъ на постройніе церквей въ Вятской епархіи. Изданіе вятской ученой архивной ко-

миссіи. Вятка. 1914. Стр. 546. Цѣна не обозначена.

Наталогъ памятниковъ церковной и частью народной старины Вятскаго края, имѣющагося въ Вятскомъ Трифановскомъ церковно-археологическомъ музеѣ. Вятка. 1914. Стр. 59. Цѣна не обозначена.

П. В. Верховскій. Въ вопросу о «фальсификаціи» духовнаго регламента. Петр. 1914. Стр. 17. Цѣна не обозначена.

Марія Веселовская. Бельгія до войны 1914 г. съ иллюстраціями. Кн-во «Звѣзда» Н. Н. Орфенова. Москва. 1915. Стр. 63. Ц. 40 к.

Юрій Веселовскій. Трагедія турецкой Арменіи. Кн-во «Звѣзда» Н. Н. Орфенова. Москва. 1915. Стр. 46. Ц. 25 к.

Въ настоящемъ очеркѣ авторъ даетъ картину тяжелыхъ историческихъ испытаній турецкой Арменіи, знакомитъ съ отраженіемъ этого состоянія страны въ армянской художественной и научной, отчасти, литературѣ и въ концѣ своей обстоятельной, хоть и краткой по размѣру работы высказываетъ надежду, что Арменія дождется лучшей участи и что побѣды русскихъ войскъ дадутъ возможность этой многострадальной странѣ «воскреснуть во прахѣ и пыли» и обратить свои взоры къ восходящему солнцу новой жизни.

А. Левенстимъ. Финляндскія медали. Москва. 1914. Стр. 56. Цѣна не обозначена.

М. Д. Новиковъ. Роль славянъ въ третьемъ крестовомъ походѣ. Мглинъ. 1914. Стр. 12. Ц. 20 к.

Проф. А. Л. Погодинъ. Зарубежная Русь. Изданіе П. П. Сойкина («Знаніе для всѣхъ»). Петроградъ. 1915. Стр. 32. Ц. 50 к.

Названная книга профессора харьковского университета А. Л. Погодина какъ нельзя кстаги отвѣчаетъ пробудившемуся интересу читающей публики къ Зарубежной Руси. Авторъ даетъ полную картину политической судьбы Галичины, Буковины и Угорской Руси, знакомитъ съ политическими теченіями этихъ странъ, съ ихъ бытомъ, населеніемъ, культурой и экономическимъ состояніемъ страны. Книга щедро иллюстрирована, написана вполне доступно и ей нужно пожелать широкаго распространенія среди разнообразныхъ слоевъ читающей публики.

Православныя народныя школы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Историческое значеніе ихъ и современное бѣдственное положеніе. Изданіе прибалтійскаго православнаго братства. Петроградъ. 1914. Стр. 66. Цѣна не обозначена.

Отчетъ подольскаго церковнаго историко-археологическаго общества за 1911—1912 гг. Каменецъ-Подольскъ. 1914. Стр. 24. Тоже за 1913. Стр. 20. Цѣна не обозначена.

Н. Г. Высоцкій. Первый печатный трудъ о скопцахъ. Москва. 1914. Стр. 16. Цѣна не обозначена.

Первоначально означенная работа была напечатана на страницахъ «Русскаго Архива» за 1914 годъ въ № 12.

И. Т. Тарасовъ. Лекціи по полицейскому (административному) праву. Т. III. Москва. 1915. Стр. 668+IV. Ц. 4 р. 50 к.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. Царскихъ-каменныхъ дѣлъ мастерь. Историческая повѣсть для юношества. Съ рис. худ. В. Спасскаго. Изданіе А. Ф. Девріена. Петроградъ 1914. Стр. 164. Ц. 75 к.

А. Л. Погодинъ. Кіевскій Вышгородъ и Гардарики. Петроградъ 1914. Стр. 33. Цѣна не обозначена.

Ө. Платовъ. «Блаженны нищіе духомъ». Кн-во «Центрифуга». Москва. 1915. Стр. 14. Ц. 50 к.

«Вешнія воды». Научно-литературно-художественный студенческой журналъ. № 4. Петроградъ. 1915. Стр. 280. Ц. 70 к.

Б. Босомоловъ. Царевна Зоренька. Стихи дѣтскіе. Петроградъ. 1915. Стр. 39. Ц. 60 к.

Б. Босомоловъ. Сказы. Подарокъ воинамъ. Петроградъ. 1914. Стр. 15. Ц. 10 к.

А. М. Оедоровъ. Весенній вѣтеръ. Томъ первый. Изд. 2-е. Петр. 1915. Стр. 309. Ц. 1 р. — Утро. Томъ второй. Изд. 2-е Петр. 1915. Стр. 316. Ц. 1 р. Книгоиздательство «Жизнь и Знаніе» Петр. Фонтанка, д. 38, кв. 19. Тел. 227—42.

Разсказы талантливаго автора красочно рисуютъ русскую жизнь во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Особенно интересна повѣсть «Весенній вѣтеръ», изображающая хорошо знакомую г. Оедорову литературную среду. Цѣна книжекъ вполне общедоступна.

М. Горькій. О писателяхъ-самоучкахъ. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Петр. 1915. Стр. 63. Ц. 25 к.

За время 1906—10 гг. М. Горькій прочиталъ свыше 400 рукописей авторовъ-самоучекъ изъ народа и результаты своихъ наблюденій опубликовалъ въ названной брошюрѣ, гдѣ выяснилъ о чемъ думаютъ самые чуткіе представители народной массы, что заставляеть ихъ писать, о чемъ они пишутъ, каково ихъ отношеніе къ литературѣ, провель любопытную и очень характерную параллель между темами интеллигентовъ (студентъ, учителя) и простого народа. Каждому, кто интересуется ра-

ботой проснувшейся народной мысли, исканіями народа, его думами и душевными запросами,—необходимо прочесть эту интересную новую книжку М. Горькаго.

М. Горькій. Жизнь ненужнаго человѣка. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Петр. 1915. Стр. 184. Ц. 1 р.

Байронъ. Манфредъ. Небо и земля. Кайнъ. Перев. И. А. Бунина. Изданіе для юношества. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Петр. 1914. Стр. 285. Ц. 1 р.

С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Золотой сонъ. Разказы. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Петрогр. 1915. Стр. 345. Ц. 1 р.

С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Недоумѣніе. Разказы. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Петрогр. 1915. Стр. 317. Ц. 1 р.

С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Курычанскіе прихожане. Разказы. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Петрогр. 1915. Стр. 340. Ц. 1 р.

Вновь вышедшіе три тома разказовъ С. И. Гусева-Оренбургскаго читаются съ большимъ интересомъ. Современный бытописатель нашего сельскаго духовенства, самъ бывший одно время священникомъ, великолѣбно знаетъ духовную среду и крестьянство преимущественно Оренбургскаго края и отчасти Сибири. Имъ выведено множество типовъ духовенства, и свѣтлыхъ, и отрицательныхъ, при чемъ большинство подавлено матеріальной нуждой и заботами о хлѣбѣ насущномъ, духовный и нравственный уровень ихъ низокъ, интересы ничтожны, хотя среди молодыхъ священниковъ нерѣдко встрѣчаются идеалисты, идущіе по завѣтамъ Евангелія. Духовная бюрократія— архіереи и консисторія—почти всегда рисуются г. Гусевымъ-Оренбургскимъ въ черномъ, непривлекательномъ цвѣтѣ. Крестьянство въ изображеніи этого автора невѣжественно, дико, грубо, продажно, но въ то же время крѣпко какой-то суровой своеобразной «правдой». Очерки изъ эпохи 1905 года слабѣе другихъ разказовъ того же писателя благодаря какой-то повышенности и вычурности тона, напоминающей дурныя подражанія Л. Андрееву. Особенно хороши разказы «Дьячекъ», «Звонарь», «Курычанскіе прихожане», «Грани» и др.

Д-ръ Н. А. Вигдорчикъ. «Жертвы «мирнаго» труда». Кн-во «Жизнь и Знаніе». Петроградъ. 1915. Стр. 67. Ц. 25 к.

Небольшая книжка д-ра Вигдорчика о несчастныхъ случаяхъ при фабричныхъ работахъ выясняетъ причины этихъ несчастныхъ случаевъ, говоритъ, какъ уничтожить опасность фабрич-

ной работы, повѣствуетъ объ обезпеченіи пострадавшихъ рабочихъ и даетъ очеркъ развитія законодательства о несчастныхъ случаяхъ за границей и въ Россіи.

П. Жуковъ. Л. Андреевъ и А. Блокъ. Изданіе И. А. Кузнецова. Уфа. 1915. Стр. 47. Ц. 35 к.

Сборникъ статей въ честь Владислава Петровича Бузескула. XXI томъ сборника харьковскаго историко-филологическаго общества. Харьковъ. 1913—1913. Стр. XXIII+831+IV. Ц. 5 р.

С. М. Никоновъ. По Сибири и Японіи. Экскурсія учениковъ средн. учебн. зав. Варш. учебн. округа. Варшава. 1914. Стр. 234. Ц. 3 р.

Опись дѣлъ архива Государственнаго Совѣта. Петроградъ. 1908—1911 г. Т. I. Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1810 года по 1829 годъ. Стр. 917.—Т. II. Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1830 года по 1839 годъ. Стр. 417.—Т. III. Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1840 года по 1849 годъ. Стр. 557.—Т. IV. Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1850 года по 1856 годъ. Стр. 445.—Т. V. Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1857 года по 1862 годъ. Стр. 434.—Т. VI. Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1863 года по 1866 годъ. Стр. 447.—Т. VII. Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1867 года по 1870 годъ. Стр. 466. Т. VIII. Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1871 по 1876 годъ. Стр. 483.—Т. IX. Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1877 года по 1882 годъ. Стр. 424.—Т. X. Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1883 года по 1888 годъ. Стр. 445.—XVI. Дѣла Государственнаго Совѣта и Государственной канцеляріи съ 1807 по 1910 гг. Стр. 922.—Т. XV. Дѣла секретнаго комитета и главныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу и объ устройствѣ сельскаго состоянія съ 1857 по 1826 гг. Стр. 525.—Т. XIX. Дѣла статсъ-секретаріата герцогства Варшавскаго и Царства Польскаго съ 1807 г. по 1825 г. Стр. 321.—Т. XX. Дѣла собственной Е. И. Вел. канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго съ 1826 по 1835 гг. Стр. 450. Цѣна не обозначена.

Проф. Н. В. Ястребовъ. Галліція наканунѣ великой войны 1914 года. Петроградъ 1915. Стр. VIII+146. Ц. 1 р. 25 к.

А. В. Ветуховъ. Отчетъ о командировкѣ на первый всероссійскій съѣздъ по семейному воспитанію (Сиб. 1912—13). (Наброски, замѣтки, впечатлѣнія). Харьковъ. 1913. Стр. 26. Ц. не обозначена.

Его же. Изъ воспоминаній объ А. А. Потебнѣ одного изъ наслѣдницъ его слушателей Р. И. Каширенинова. Харьковъ. 1913. Стр. 4. Цѣна не обозначена.

А. В. Ветуховъ. Жизнь слова. (Основы теоріи словесности для школы и самообразования). Изд. 3-е. Ярославль. 1915. Стр. 28. Ц. 20 к.

Его же. Замѣтки по поводу книги проф. Погодина «Языкъ какъ творчество». Сергіевъ посадъ. 1913. Стр. 86. Ц. 45 к.

Его же. Основы вѣры и знанія (религія и наука) по даннымъ языка (По поводу «Феоидеи» свящ. о. Флоренскаго). Харьковъ. 1915. Стр. 108. Ц. 1 р.

А. Ренниковъ. Въ странѣ чудесъ. Правда о прибалтійскихъ нѣмцахъ. Изданіе М. А. Суворина. Петроградъ. 1915. Стр. VI+347. Ц. 1 р. 50 к.

Савватій. Силы жизни. Петроградъ. 1915. Стр. 88. Ц. 1 р.

А. И. Кузнецовъ. Краткій учебникъ всеобщей исторіи. Для высш. нач. школъ и торг. училищъ. Кн-во М. С. Козмана. Одесса. 1914. Стр. 150. Ц. 80 к.

Проф. А. И. Яроцкій. Цѣнность рели-

гіи съ біологической точки зрѣнія. Юрьевъ. 1915. Стр. 73. Ц. 60 к.

А. Морской. Военная мощь Россіи. Предсказанія ген.-ад. А. Н. Куропаткина и ихъ критика гр. С. Ю. Витте. Петроградъ 1915. Стр. 159. Ц. 1 р. 25 к.

Сергій Копыткинъ. Пѣсни о войнѣ. Стихотворенія. Петроградъ. 1915. Стр. 32. Ц. 20 к. (Складъ изданія у автора: Петроградъ. 8-я Рождественская, 47).

Въ названный сборникъ вошло 35 стихотвореній, которыми талантливый авторъ чутко отозвался на разразившуюся мировую борьбу съ тевтонами и турками. Въ стихотвореніяхъ г. Копыткина нашли яркое поэтическое отраженіе и большинство выдающихся геройскихъ эпизодовъ («Русская смерть», «Памяти П. Н. Нестерова», «Взятіе Львова»), и бытовья стороны войны («Въ полевомъ лазаретѣ»). Особенно запоминаются звучныя стихи «Сербскому народу», «Знаменщикъ» и «Польгѣ».

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

А КЪ создавалась прусская армія¹⁾. Въ одно прекрасное лѣтнее утро—это было въ 1755 году—Ульриху Брекеру повезло. Это случилось съ нимъ не такъ часто: бѣдный малый, сынъ ткача изъ Санъ-Галля въ Швейцаріи, не принадлежалъ къ числу счастливицковъ. Самъ онъ былъ тоже ткачомъ, но едва зарабатывалъ себѣ на хлѣбъ и воду. Но онъ былъ молодъ, силенъ, веселаго нрава и не жаловался на свою судьбу. Вдобавокъ онъ считался женихомъ одной изъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ въ деревнѣ. Не мудрено, что жизнь представлялась ему въ розовомъ свѣтѣ.

И вотъ въ это прекрасное воскресное утро одинъ изъ товарищей затащилъ его въ кабачекъ, гдѣ засѣли какіе-то знатные иностранцы, угощавшіе виномъ всѣхъ желающихъ. То были гѣмцы, путешествовавшіе, по ихъ словамъ, ради собственнаго удовольствія. Видно было, что они явились сюда прямо изъ столицы и видали всякіе виды. Потягивая вино, они разспрашивали крестьянъ и удивлялись ихъ неприхотливости: развѣ можно такимъ крѣпко скроеннымъ молодцамъ довольствоваться однообразной жизнью въ какой-то глухой деревушкѣ? Жить вдали отъ большихъ городовъ значить прозябать. Они смѣялись, громко хохотали, осыпали деревенскихъ пентюховъ насмѣшками и бросали на столъ золотыя монеты, увѣряя, что въ городѣ у каждаго жителя ихъ найдется болѣе, чѣмъ достаточно. Кончилось тѣмъ, что Ульрихъ, вдребезги пьяный, уже не хотѣлъ разставаться съ своими случайными знакомыми. Итти съ ними онъ уже не могъ,

¹⁾ Soldats suisses au service de l'étranger. Genève. 1913.

и потому его привязали къ лошади и поѣхали всѣ вмѣстѣ въ Шафгаузенъ, куда нѣмцы, видимо, торопились.

Ѣхали они всю ночь. Ночная свѣжесть нѣсколько привела въ себя Ульриха, хотя онъ помнилъ очень смутно о всемъ, что произошло вчера. Когда показался городъ, его знакомцы дали ему нѣсколько наставленій о томъ, какъ онъ долженъ себя держать. Они говорили, подмигивая глазами, что у нихъ слуги живутъ лучше, чѣмъ самые зажиточные владѣльцы въ Санъ-Галлѣ. Въ Шафгаузенѣ, какъ можно было понять изъ ихъ словъ, жилъ инкогнито какой-то важный нѣмецкій вельможа, и такой человѣкъ, какъ Ульрихъ, долженъ считать за счастье, что онъ будетъ взятъ къ нему на службу. Сказать по правдѣ, ткачу, окончательно теперь протрезвившемуся, новые знакомые вовсе не казались такими важными людьми, какъ это было вчера, но, ощупывая свой карманъ, полный золотыми монетами, неизвѣстно откуда туда попавшими, онъ утѣшалъ себя мыслью, что онъ во всякое время можетъ вернуть себѣ свободу, если обстановка его службы ему не понравится, и возвратиться къ себѣ въ деревню.

Вотъ почему онъ рѣшился занять предлагаемое мѣсто у важнаго барина. Баринъ этотъ жилъ въ Навирѣ, въ довольно скромной гостиницѣ. Онъ сейчасъ же принялъ его на службу, пообѣщавъ дать ему столько одѣяній сколько онъ самъ пожелаетъ.

Ульриху никогда не случалось раньше имѣть дѣло съ сильными міра сего. Вотъ почему все здѣсь возбуждало его удивленіе. Первымъ дѣломъ его господина было снять съ него сапоги и осмотрѣть его ноги, потомъ его поставили подъ мѣрку. Потомъ его раздѣли догола и заставили кричать, кашлять, повертываться въ разныя стороны. По окончаніи осмотра знатный баринъ вступилъ въ какіе-то таинственные для Ульриха переговоры съ его знакомыми. Повидимому, они требовали отъ барина денегъ, которыхъ онъ не хотѣлъ имъ дать. Наконецъ, послѣ многочисленныхъ взаимныхъ ругательствъ, они пришли къ соглашенію, и Ульрихъ остался у барина, который, по его словамъ, назывался Жанъ Маркони.

Хорошее мѣсто оказалось у бывшаго ткача! Только и дѣла было, что причесывать барина и чистить его платьѣ. Остальное время шло на танцы, на гулянье по улицамъ Шафгаузена, на рыбную ловлю въ Рейнѣ и на охоту за птицами. Наивный малый едва вѣрилъ выпавшему на его долю счастью. Онъ лихо носилъ франтовскую ливрею, которую ему далъ Жанъ Маркони, хотя ливрея была нѣсколько страннаго вида. Къ ней полагались высокіе сапоги со шпорами, шляпа съ галунами и сабля. Больше всего удивляло Ульриха то обстоятельство, что всѣ окружающіе, вмѣсто того, чтобы завидовать его положенію, глядѣли на него съ несомнѣнной грустью. Нѣкоторые даже говорили ему вслѣдъ: «Бѣдный малый!» Однажды перевозчикъ черезъ Рейнъ, не находившій, очевидно, покоя отъ зависти, прямо сказалъ ему: «Не хотѣлъ бы я быть на твоёмъ мѣстѣ и за тысячу талеровъ!»

Все это обезпокоило Ульриха. Онъ сталъ наводить справки, и узналъ, что Маркони—прусскій офицеръ, вербующій добровольцевъ для арміи его величества прусскаго короля Фридриха. Словно дубиной ударилъ кто-нибудь наивнаго ткача. Но Маркони успѣшилъ успокоить его, давъ ему благородное слово,

что все это вздоръ. «Ты—солдатъ?»—говорилъ онъ.—Будь покоенъ. Ты еще не доросъ до этого. Твоя участь будетъ гораздо лучше».

Послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ Шафгаузенѣ важный баринъ объявилъ Ульриху, что они должны ѣхать дальше. Направились они въ Ротвелль, гдѣ вели всю зиму самую веселую жизнь. Маркони тамъ нашелъ уже цѣлую толпу другихъ слугъ, которыхъ къ нему привели какія-то подозрительныя личности.

Весною къ нему привели еще пятокъ. Не имѣя возможности взять ихъ всѣхъ съ собою, Маркони далъ каждому изъ нихъ по нѣсколько гульденовъ и приказалъ имъ итти въ Берлинъ, гдѣ онъ уже встрѣтитъ ихъ. Пришлось итти пѣшкомъ. Это было не особенно пріятно, и Ульрихъ далъ себѣ клятву не предпринимать больше никогда такихъ путешествій. Пройдя Ульмъ, Нюренбергъ, Галле, они достигли, наконецъ, Шпандау и въ апрѣлѣ 1756 года вступили въ Берлинъ. На улицѣ «Подъ липами» имъ пришлось разстаться: ихъ встрѣтили провожатые, которые предложили имъ осмотрѣть достопримѣчательности города и развели ихъ въ разныя стороны.

Ульрихъ прежде всего освѣдомился у своего провожатого, гдѣ здѣсь живетъ его превосходительство г. Маркони. Тотъ привелъ его къ какому-то огромному зданію, которое, однако, вовсе не походило ни на дворецъ, ни на гостиницу. Глуповатый малый особенно былъ удивленъ огромнымъ количествомъ солдатъ, которые виднѣлись въ зданіи. Провожатый передалъ его часовому, а часовой отвелъ его въ комнату, также переполненную солдатами. Его забросали вопросами: кто онъ? откуда? Ульрихъ отвѣчалъ, что онъ одинъ изъ слугъ его превосходительства г. Маркони и хотѣлъ бы пройти къ нему. Всѣ кругомъ покатались со смѣху. Пришелъ какой-то солдатъ и принесъ военную амуницію. «Вотъ твои вещи,—сказалъ онъ Ульриху.—Одѣвайся скорѣе. Я принесу тебѣ хлѣба».—«Какого хлѣба?»—спросилъ Ульрихъ, которому хотѣлось плакать.—«Что все это значить?»—«Это значить, что ты солдатъ. Пожалуйста, безъ разспросовъ». Ульрихъ начинаетъ протестовать, увѣряетъ, что тутъ произошла, очевидно, ошибка, просить, чтобы позвали его превосходительство г. Маркони. «Ты его больше не увидишь!» Солдатъ уходитъ, произнося угрожающія слова. Окружающіе солдаты утѣшаютъ новичка, увѣряютъ, что необходимо быть всѣмъ довольнымъ, иначе посадятъ на хлѣбъ и на воду, а то и въ карцеръ, а то еще хуже: будутъ бить саблею плашмя, пока не выскочатъ всѣ ребра. «Я буду жаловаться королю», говоритъ Ульрихъ.—«Ну, король-то посѣщаетъ насъ не слишкомъ часто».—«Но я состою на службѣ у г. Маркони».—«Ну, лейтенантъ Маркони едва ли можетъ сдѣлать для тебя что-нибудь. Онъ издержалъ на вербовку слишкомъ много денегъ, и полковникъ недоволенъ имъ».

Дѣлать нечего—пришлось покориться, и швейцарскій ткачъ превратился въ прусскаго солдата.

Плохо приходилось солдату въ австрійской арміи, но еще хуже у его величества короля прусскаго Фридриха II. Солдатъ получалъ на четыре дня двѣнадцать грошей, т. е. около шестидесяти копеекъ. На эти деньги онъ долженъ былъ самъ приобрѣтать все, что требовалось его амуниціей: воскъ, мѣлъ,

мыло. Цѣлые дни посвящались шагистикѣ, а вечеромъ измученные и голодные солдаты едва добирались до казармъ. Питались они на свои деньги, сообща. Давался только хлѣбъ. Обычной ихъ пищей служили бобы и картофель, который они варили сами. Утромъ полагался завтракъ съ водкой. На обѣдъ—тарелка супа, вечеромъ все сводилось къ кружкѣ пива. Итценблицкій полкъ, куда попали Ульрихъ, былъ, какъ и всѣ другіе полки, составленъ изъ людей разныхъ національностей. Чтобы хотя нѣсколько улучшить свое матеріальное положеніе, солдаты въ свободное время разгружали барки на Шпрее или же работали на фабрикахъ.

Ульриха не покидала мысль вырваться при первомъ же удобномъ случаѣ на свободу и вернуться на родину. Но пытаться бѣжать значило рисковать весьма сильно. Всѣ его сотоварищи не менѣе его рвались на родину, и нѣкоторые изъ нихъ уже пробовали бѣжать, спрятавшись гдѣ-нибудь въ бочкѣ съ товарами или въ трюмѣ какого-нибудь судна. Но ихъ находили, угощали шпицрутенами, и Ульриху долго мерещались ихъ окровавленные спины и жалобные крики. Онъ уже началъ было терять всякую надежду, какъ вдругъ была объявлена война. Кому объявлена война и за что,—этимъ интересовались мало. Известно было только, что походъ предстоитъ тяжелый: приходилось итти подъ іюльскимъ солнцемъ, волоча на себѣ тяжелую аммуницію на ремняхъ, которые впивались въ тѣло. Когда засвистѣли пули, чувство страха овладѣло всѣми: всѣ стали блѣдны, какъ смерть. Вотъ завязалась жаркая схватка. Молодой швейцарецъ ведетъ себя героемъ, но вмѣстѣ съ другими попадаетъ въ плѣнъ. Всю ихъ разношерстную компанію—швейцарцевъ, баварцевъ, поляковъ, тирольцевъ—ведутъ въ Прагу. Тамъ ихъ отпускаютъ на всѣ четыре стороны, взявъ съ нихъ клятву, что они не будутъ больше принимать участіе въ этой войнѣ.

Ульрихъ, разумѣется, даетъ такую клятву очень охотно. Вмѣстѣ съ товарищами онъ пробирается пѣшкомъ въ Швейцарію, ночуя по монастырямъ. Черезъ три недѣли путники достигли вершины, съ которой можно было различить вдали ихъ родную деревеньку. Ульрихъ рвется впередъ. Вотъ онъ наконецъ у себя дома. Его встрѣчаютъ его маленькіе братья. Они не узнаютъ его и пугаются этого прусскаго солдата и его огромныхъ усовъ. Появилась на сценѣ мать. Ульрихъ просится переночевать, но она отказывается принять его подъ разными предлогами: ея мужа нѣтъ дома, военныхъ она не любитъ, и лучше ему помѣститься въ деревенской гостиницѣ.

— Неужели ты не узнаешь твоего Ульриха!—рыдая, говоритъ солдатъ.

Все объяснилось быстро.

Бывшая невѣста была уже давно замужемъ, и этого ткачъ Ульрихъ Брекеръ никогда не могъ простить прусскому королю.

— Ш а т о б р і а н ь в ѣ р о л и а н г л і й с к а г о а р х е о л о г а.— Франсуа Шатобрианъ впервые высадился въ Англии 17 мая 1793 года. Младшій сынъ знатной, но деревенской семьи, онъ былъ изъ числа тѣхъ, которымъ эмиграція уготовала самую безрадостную и трудную жизнь. Этотъ эмигрантъ, высадившійся на Саутгемптонской набережной, имѣлъ довольно скромный видъ, и багажъ, который онъ несъ съ собой, не привлекъ къ нему вниманія извозчиковъ и не возбудилъ особаго уваженія въ гостиницѣ.

Измятая треугольная шляпа, поношенное платье и слишком легкій чемоданъ— все это указывало на тощій кошелекъ новопривышаго. И въ самомъ дѣлѣ, въ карманѣ этого молодого эмигранта изъ Бретани въ началѣ путешествія на все про все лежало не болѣе тридцати луидоровъ, которые были ему высланы незамѣтно отъ всѣхъ изъ Сень-Мало. По прибытіи въ Лондонъ издержки путешествія и перваго обзаведенія значительно уменьшили и эту болѣе чѣмъ скромную сумму.

Поселился Шатобрианъ на какомъ-то чердакѣ, на Новой улицѣ (New-Road). вмѣсто всякихъ удовольствій ему приходилось довольствоваться бесѣдой съ однимъ изъ своихъ дальнихъ родственниковъ, нѣкимъ Аннибаломъ де-Беде, добрымъ малымъ, любившимъ хорошо поѣсть и попить и имѣвшимъ счастливую способность забывать о всѣхъ горестяхъ изгнанія, стоило ему попасть въ одинъ изъ лондонскихъ трактировъ, гдѣ можно было получить кружку портеру и съѣсть кусокъ плумпудинга.

Въ промежутокъ между такими случайными пиршествами Шатобрианъ и его другъ буквально умирали съ голоду на чердакѣ, гдѣ пріютился будущій авторъ «Мучениковъ». Одинъ изъ товарищей Шатобриана по изгнанію, бывший совѣтникъ парламента въ Бретани Гинганъ де-ла-Транбле, которому надоѣла эта медленная агонія, рѣшилъ однажды разомъ покончить со своими страданіями и едва не зарѣзался. Шатобрианъ былъ очень худъ и блѣденъ и постоянно кашлялъ, иногда даже кровью. Онъ былъ такъ бѣденъ, что не могъ позволить себѣ такую роскошь, какъ позвать къ себѣ доктора, и потому друзья водили его въ амбулаторію для бѣдныхъ, но и тутъ приходилось дѣлать расходы чуть не въ цѣлую гинею. Иногда, впрочемъ, докторъ Гудвинъ, прославившійся своими опытами надъ утопленниками, былъ болѣе снисходителенъ, чѣмъ его лондонскіе коллеги, и лечилъ молодого эмигранта безвозмездно. Его предсказанія не сулили, однако, пациенту ничего хорошаго.

— Вы еще можете протянуть такъ нѣсколько мѣсяцевъ,—говорилъ онъ Шатобриану съ обычной своей откровенностью и прямолинейностью.—Но если вы не будете себя изнуять, то проживете года два-три.

Пока подойдетъ развязка, надо было все-таки жить чѣмъ-нибудь. Англійское правительство выдавало ежедневно по шиллингу тѣмъ изъ эмигрантовъ, которые находились въ нуждѣ и просили помощи. Но Шатобрианъ былъ слишкомъ гордъ и не хотѣлъ просить милостыни.

Что было дѣлать? Не заняться ли продажей каменнаго угля, какъ сдѣлалъ одинъ изъ эмигрантовъ, вошедшій въ сношеніе съ кардифскими копами? Шатобрианъ отвергъ эту мысль. Не понравилось ему и другое предложеніе: открыть на самой шикарной улицѣ Лондона—Пикадилли—магазинъ готоваго платья и французскихъ шляпъ, которыя предполагалось сбывать дамамъ высшей англійской аристократіи. Для этого чисто парижскаго занятія нужна была женщина, а жена Шатобриана осталась во Франціи. Оставалось только одно: жить литературой.

«Вкусъ къ литературной дѣятельности всегда былъ у меня,—пишетъ Шатобрианъ самъ въ своихъ «Мемуарахъ».—Мнѣ пришла въ голову мысль написать

сравнительное изслѣдованіе о революціяхъ. Но кто возьмется напечатать рукопись, за которую никто не будетъ хлопотать?»

Въ печальномъ существованіи Шатобріана произошелъ переворотъ съ появленіемъ на сценѣ нѣкоего Пеллетье, этого Фигаро, или точнѣе Жиль Блаза всѣхъ эмигрантовъ. Пеллетье былъ когда-то человѣкомъ со средствами и принималъ участіе въ издательской дѣятельности, напечатавъ «Дѣянія апостольскія» Ривароля. Появленіе этого издателя окончательно увлекло Шатобріана на путь литературной работы.

— Я устрою ваше дѣло,—говорилъ онъ Шатобріану, сидя у него на чердакѣ, окно котораго выходило на кладбище.—Я читалъ въ одномъ журналѣ, что археологическое общество въ Эрмутѣ предпринимаетъ изданіе «Древностей графства Суффолькъ». Имъ требуется французъ, который могъ бы разбирать французскія надписи XII вѣка. Во главѣ всего предпріятія стоитъ distinguished отецъ Бенсъ Спарро. Къ нему-то и нужно обратиться. Я достану вамъ рекомендательное письмо отъ парижскаго бібліотекаря Дебофа, который рекомендуетъ васъ, какъ первокласснаго ученаго. У distinguished отца много дочерей, и вы, можетъ быть, будете давать уроки французскаго языка старшей изъ нихъ. Кромѣ того, она съ увлеченіемъ занимается графологіей. Постарайтесь усовершенствоваться въ наукѣ угадывать характеръ людей по ихъ почерку. Это будетъ для васъ небезполезно.

Увлекаемый разными видами на будущее, Пеллетье былъ неистощимъ. Веселый марселецъ вносилъ лучъ свѣта въ мрачную берлогу Шатобріана и заражалъ всѣхъ своими самоувѣренными расчетами на будущее.

Въ часы такого веселья другой эмигрантъ, Ла-Буестарде, тоже бывший софитникъ бретанскаго парламента, обносившійся до того, что щеголялъ въ своей красной служебной тогѣ, снималъ со стѣны гитару и начиналъ наигрывать мотивы, подъ которые когда-то въ молодости танцевалъ съ большимъ азартомъ.

— Отправляйтесь, не упускайте случая,—продолжалъ Пеллетье.—Вы сумеете разобрать эту старую рухлядь. А, покончивъ съ работой, вы вернетесь въ Лондонъ съ двумя сотнями гиней въ карманѣ. А тамъ увидимъ...

Шатобріанъ, не чувствовавшій себя подготовленнымъ къ роли историка Суффолькскаго графства, сталъ было приводить разныя возраженія, но Пеллетье сразу остановилъ его:

— Что же, чортъ возьми, неужели вы хотите оставаться въ этомъ дворцѣ, гдѣ уже теперь можно окопѣть отъ холода? Вѣдь издавалъ же я «Дѣянія апостольскія»! Съ этой исторіей былъ цѣлый адъ! Да вѣдь вы оба умрете съ голоду!

И Пеллетье, перегнувшись пополамъ, залился веселымъ смѣхомъ, какъ будто предстояло нѣчто чрезвычайно комическое. Этотъ разговоръ закончился въ ближайшемъ ресторанѣ, гдѣ голодные эмигранты объединились вокругъ сочнаго ростбифа.

Ростбифъ сдѣлалъ свое дѣло: Шатобріанъ отправился въ Суффолькъ, и его дѣятельность въ качествѣ историка этого графства послужила темой недавней вышедшей интересной монографіи англійскаго ученаго Дика.

— Французское воздухоплавание в Польшу.— 16-го июня 1794 года на полѣ битвы при Флери родилось военное французское воздухоплавание. Въ этотъ день авiatorъ Жанъ-Баттистъ Гарнерэнъ, летая надъ арміей принца Кобургскаго, собралъ подробныя свѣдѣнія о приготовленіяхъ непріятеля, которыя и поспѣшилъ сообщить генералу Журдану. Эти свѣдѣнія, несомнѣнно, помогли войскамъ молодой Французской республики одержать побѣду. Ни конвентъ, ни послѣдовавшая за нимъ директорія, ни, наконецъ, Наполеонъ не сумѣли оцѣнить въ достаточной степени пользу искусства Гарнерэна, который увлекъ за собою на путь авіаціи и свою дочь Эльзу. Но подвигъ Гарнерэна видѣлъ одинъ человѣкъ, навсегда сохранившій о пользѣ въ военномъ дѣлѣ воздухоплаванія самыя возвышенныя представленія. То былъ нѣкій маркизь Галише, котораго революціонная буря заставила бѣжать изъ Франціи и который нашелъ себѣ убѣжище въ Польшу. Варшава такъ понравилась этому эмигранту, что при реставраціи онъ уже былъ не въ силахъ разстаться съ польскою столицей и вернуться на родину. Вращаясь въ высшемъ польскомъ обществѣ, онъ былъ особенно друженъ съ барономъ Моренгеймомъ, отцомъ того барона Моренгейма, который лѣтъ двадцать тому назадъ былъ русскимъ посломъ въ Парижѣ. Галише съ такимъ энтузіазмомъ рассказывалъ барону объ услугахъ, которыя оказалъ генералу Журдану воздухоплаватель Гарнерэнъ, что баронъ Моренгеймъ, въ свою очередь, заинтересовался и доложилъ объ этомъ своему начальнику великому князю Константину Павловичу. Въ это время самого Гарнерэна уже не было въ живыхъ, но была жива его дочь, которая пошла по стопамъ отца и справедливо гордилась тѣмъ, что за тридцать пять лѣтъ своей практики она не мало усовершенствовала науку «аэропорического полета», какъ тогда выражались. Имя этой отважной дѣвицы неоднократно встрѣчается въ запискахъ жившаго въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка въ Парижѣ польскаго полковника Курпинскаго. Этотъ Курпинскій особенно хотѣлъ видѣть полеты отважной воздухоплавательницы и ея опытъ съ особымъ приспособленіемъ, получившимъ тогда названіе «парашюта». Но какъ нарочно, все время, пока Курпинскій былъ въ Парижѣ, стояла плохая погода, и ему такъ и не удалось видѣть интересовавшихъ его полетовъ.

Послѣ доклада барона Моренгейма великій князь Константинъ Павловичъ также заинтересовался стратегическимъ значеніемъ воздухоплаванія, и обрадованный Галише поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ Эльзу Гарнерэнъ, прося ее какъ можно скорѣе пріѣхать въ Варшаву съ ея аппаратомъ.

Когда воздухоплавательница въ февралѣ 1831 года прибыла въ Варшаву, ни великаго князя, ни барона Моренгейма тамъ уже не было: началось польское возстаніе 1830 года, и русскіе должны были удалиться изъ Варшавы. Воздухоплавательница нашла тамъ одного барона Галише, который немедленно принялся хлопотать о томъ, чтобы познакомить свою землячку съ главнокомандующимъ польскою арміей, княземъ Радзивилломъ. Но французскою воздухоплавательницѣ не повезло въ Польшу. 20-го марта 1831 года польскій военный министръ генералъ Моравскій препроводилъ національному правительству свой отзывъ, въ которомъ онъ высказывался отрицательно о новомъ способѣ военныхъ развѣдокъ. «Г-жа Гарнерэнъ заявляетъ,—писалъ Моравскій:—

что она явилась въ Варшаву по специальному приглашенію, съ цѣлью показать свой воздушный шаръ, который даетъ возможность развѣдывать позиціи непріятели. За свои услуги она требуетъ прежде всего уплаты ей трехъ тысячъ франковъ, которые она издержала на свою поѣздку, и сорока тысячъ франковъ за дальнѣйшую свою службу». Но генераль Моравскій полагаетъ, что услуги Элизы Гарнерэнъ будутъ весьма проблематичны, что же касается ея пріемовъ, то, по мнѣнію генерала, они давно уже извѣстны, а «ракета, позволяющая разбрасывать пули», не практична. Напрасно воздухоплавательница черезъ нѣсколько дней спустила цѣну и просила всего девять тысячъ франковъ, считая въ томъ числѣ и тѣ три, которыя она издержала на свою поѣздку. На поляхъ представленнаго по этому дѣлу рапорта значится помѣтка, что національное правительство не признаетъ возможнымъ принять предложеніе Гарнерэнъ.

Со времени генерала Моравскаго во главѣ польскаго правительства, какъ всегда бываетъ при революціяхъ, перебывало не мало разныхъ людей, и каждый разъ французская аэронавтка снова начинала свои хлопоты, предлагая свои услуги воздушнаго развѣдчика. Наконецъ, въ августѣ 1831 года Элиза Гарнерэнъ съ горечью излагаетъ президенту Круковецкому свое отчаянное положеніе, въ которое она попала, горя желаніемъ оказать свою помощь дѣлу освобожденія поляковъ. Просительница жалуется, что она напрасно потеряла въ Варшавѣ драгоценное время и упустила сезонъ для своихъ аэропорическихъ экспериментовъ, которые составляютъ единственный источникъ ея существованія.

И на это прошеніе отвѣтъ былъ неутѣшительный: правительство не считаетъ возможнымъ вознаграждать убытки частныхъ лицъ, тѣмъ болѣе, что пріѣздъ ея въ Варшаву былъ добровольный.

Польское возстаніе было скоро подавлено, и русскіе опять вернулись въ Варшаву. Элиза Гарнерэнъ заявляетъ новому военному губернатору генералу Витту, что она прибыла въ Варшаву, чтобы показывать публикѣ свое искусство, но что начавшееся возстаніе помѣшало ей. Поэтому она ходатайствуетъ о томъ, чтобы ей были возмѣщены причиненные возстаніемъ, убытки, или же разрѣшили показать его превосходительству и варшавской публикѣ пріемы воздухоплаванія и пользованія «парашютомъ». На этотъ разъ просьба ея была встрѣчена болѣе благосклонно, и 16-го іюля 1832 года въ «Варшавскомъ Курьерѣ» появилось слѣдующее объявленіе: «Сегодня въ три часа дня m-ле Гарнерэнъ поднимется на воздушномъ шарѣ, послѣ чего бросится внизъ при помощи парашюта, а вечеромъ появится въ Национальномъ театрѣ въ ложѣ перваго яруса».

При спускѣ смѣлой воздухоплавательницы произошло маленькое несчастіе: она попала на дерево и сильно поцарапала себѣ руку. На другой день «Курьеръ Варшавскій» оповѣщалъ своихъ читателей, что г-жѣ Гарнерэнъ сдѣлалъ визитъ самъ генераль-губернаторъ царства Польскаго въ сопровожденіи генерала Витта. Хорошо, что генераль-губернатору и генералу Витту осталась неизвѣстна та переписка между воздухоплавательницей и польскимъ революціоннымъ правительствомъ, которая приведена выше и которую раскопалъ недавно въ польскихъ архивахъ одинъ изъ польскихъ историковъ, Александръ Краушаръ. Знай они это, едва ли француженкѣ удалось бы безнаказанно выбраться

изъ Варшавы. Впрочемъ, мы, можемъ быть, тогда знали бы больше о ея дальнѣйшей судьбѣ, чѣмъ теперь, когда о дальнѣйшихъ ея похожденияхъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

— Кто изобрѣлъ дирижабль-цепелинъ. — Происхожденіе цепелиновъ, на которые германцы возлагали столько надеждъ въ началѣ войны, является спорнымъ вопросомъ. Графъ Цепелинъ играетъ въ немъ не совсѣмъ благовидную роль. Европейское общество было изумлено, когда прошелъ слухъ о возникновеніи судебного процесса между вдовою дѣйствительнаго изобрѣтателя и графомъ Цепелиномъ, котораго она обвиняла въ присвоеніи изобрѣтенія ея мужа.

Вотъ какъ передается исторія этого изобрѣтенія въ «La Revue Contemporaine». Лѣтъ тридцать тому назадъ въ австро-венгерской деревенькѣ Загабрія жилъ бочаръ Давидъ Шварцъ. Умственно развитый не по своему социальному положенію, Шварцъ посвящалъ свои досуги изученію механики. Изобрѣтеніе новой системы механической пилы дало ему возможность заработать небольшую сумму денегъ, и онъ вполне отдался осуществленію своей идеи—заняться аэронавтикой.

Усидчивый, упорный трудъ надъ изученіемъ этого рода искусства далъ хорошіе плоды. Шварцъ обдумалъ планъ постройки дирижабля изъ алюминія, сдѣлалъ чертежи, смѣту и представилъ все военному министру въ Вѣнѣ. Тотъ одобрилъ его идею и посоветовалъ поискать денегъ, необходимыхъ для постройки дирижабля, такъ какъ само вѣнское военное министерство не располагало свободными суммами.

Для Шварца начались тревожные дни въ поискахъ необходимыхъ денегъ. Но все его лихорадочныя хлопоты не дали утѣшительныхъ результатовъ. Тогда ему ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ обратиться къ германскому военному министерству. Здѣсь его произведеніе также заслужило одобреніе военнаго министра, который отнесся къ нему серьезно. Послѣ внимательнаго изученія чертежей военный министръ лично назначилъ комиссію изъ техниковъ во главѣ съ графомъ Цепелиномъ для болѣе подробнаго ознакомленія съ изобрѣтеніемъ Шварца.

Послѣ этого германское правительство заключило съ Шварцемъ условіе, по которому обязалось въ случаѣ удачныхъ опытовъ принять дирижабль и уплатить за него 375,000 марокъ.

Шварцъ возвратился къ себѣ на родину и сталъ ожидать вѣстей изъ Берлина. Наконецъ, 13-го ноября 1897 года онъ получилъ изъ Берлина телеграмму, которой германское военное министерство извѣщало его, что все готово для опыта. Шварцъ отправился въ Берлинъ. Успѣхъ уже былъ почти обезпеченъ,—но вдругъ произошелъ загадочный случай. Шварцъ отъ волненія или по какой-нибудь другой причинѣ внезапно чувствовалъ себя дурно, когда выходилъ изъ-за обѣденнаго стола, чтобы отправиться на поле для опытовъ, и умеръ почти на улицѣ.

Тѣмъ временемъ на полѣ собрались представители военнаго министерства въ назначенный для поднятія дирижабля часъ. Шварцъ не явился для опытовъ, и военныя власти, прождавъ изобрѣтателя, удалились, бросивъ его ди-

рижабль въ воздухѣ. Дирижабль великолѣпно поднялся на воздухъ на высоту трехсотъ метровъ и вполнѣ отвѣчалъ всемъ требованіямъ германскаго военнаго министерства. Но вопросъ о его судьбѣ такъ и не удалось рѣшить при отсутствіи изобрѣтателя. Въ это время офицерамъ не разрѣшали принимать активное участіе въ такихъ опытахъ—и управлять дирижаблемъ Шварца поручили молодому неопытному механику. Онъ былъ совершенно незнакомъ съ системой дирижабля Шварца и при спускѣ выпустилъ весь газъ. Дирижабль стремительно упалъ на землю и разбился вдребезги, а механикъ убитъ на смерть.

При этихъ опытахъ присутствовалъ и графъ Цеппелинъ. Черезъ нѣкоторое время стало извѣстно, что онъ тоже изобрѣлъ дирижабль. До сихъ поръ его занятія аэронавтикой ограничивались теоретическими познаніями. И вдругъ онъ построилъ дирижабль точь-въ-точь такой же конструкции, какъ и система Шварца, также изъ алюминія. Даже всѣ принадлежности были заказаны на той же фабрикѣ, которая дѣлала ихъ и для австрійскаго изобрѣтателя.

Но это еще не доказательство, что его дирижабль былъ сдѣланъ по чертежамъ Шварца. Доказательствомъ служатъ слѣдующіе факты. Графъ Цеппелинъ и фабрикантъ Карлъ Бергъ, который исполнилъ изъ алюминія остовъ дирижабля, пригласили вдову Шварца и предложили ей подписать два контракта. Согласно имъ госпожа Шварцъ отказывалась отъ своихъ правъ на изобрѣтеніе мужа. За это ей обѣщали выплачивать черезъ общество аэронавтовъ, которое уже начало ихъ строить, 15,000 марокъ за аппаратъ, построенный за границей. За каждый изъ тридцати впервые появившихся дирижаблей, построенныхъ въ Германіи, ей обѣщали выплачивать 10,000 марокъ. Въ случаѣ, если бы это общество не осуществилось, Карлъ Бергъ обязывался дѣлать съ наслѣдниками Шварца доходы, получаемые съ него.

Но прошли годы, и ни тотъ, ни другой изъ контрагентовъ не позаботились выплатить ей обѣщанную сумму. Поэтому въ прошломъ году она возбудила судебное дѣло противъ нихъ, представивъ доказательства, что дирижабль былъ изобрѣтенъ вовсе не графомъ Цеппелиномъ, а Давидомъ Шварцемъ, такъ загадочно скончавшимся въ день, назначенный для опыта.

— П р о и с х о ж д е н і е Б е т х о в е н а.—Какъ извѣстно, произведенія Вагнера долго были совершенно изгнаны изъ французскаго музыкальнаго репертуара. Когда французскій музыкальный міръ, наконецъ, перемѣнилъ гнѣвъ на милость и рѣшился вновь впустить въ свой міръ преданнаго остракизму Вагнера, то въ Парижѣ поднялась страшная буря.

Одинъ очевидецъ рассказываетъ, что это рѣшеніе явилось чуть не политическимъ событіемъ. Зданіе Большой оперы охранялось усиленнымъ нарядомъ полиціи не только съ внѣшней стороны, но и внутри зданія. Рестораны къ началу спектакля всѣ уже были закрыты; столики и стулья убраны съ бульваровъ и на окна спускали желѣзныя жалюзи.

Несчастныхъ прохожихъ, которые не ожидали такого скандала и попадались навстрѣчу, бѣсновашаяся на улицѣ человѣческая волна сбивала съ ногъ, и въ полицейскія бюро было доставлено не мало изувѣченныхъ. Экипажи съ желающими насладиться музыкой Вагнера и кстати взглянуть на небывалый скан-

далъ подвергались со стороны толпы свисткамъ и даже нападеніямъ. Насмѣшки, свистки щедро сыпались по адресу пассажировъ. А жаждавшихъ попасть въ оперу было очень много. Экипажи тянулись шагомъ въ нѣсколько рядовъ. И безъ того длинныя оперы Вагнера при такихъ обстоятельствахъ оканчивались далеко за полночь.

Когда ряды экипажей исчезали, то получалось новое любопытное зрѣлище: изъ театра то и дѣло выводили подъ конвоемъ городскихъ изящно одѣтыхъ мужчинъ и дамъ за произведенные скандалы. Въ артистовъ и оркестръ, несмотря на принятія мѣры, летѣли разные предметы. При разъѣздѣ публики повторялись прежнія сцены. Такое возбужденіе длилось не одинъ, не два дня, а продолжительное время, пока наконецъ толпѣ не надобно повторять ежедневные скандалы.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но французы все еще не забыли обиды, которую нанесъ имъ нація Вагнеръ, такъ злорадствовавшій ихъ неудачамъ въ 1871 году. Неудивительно поэтому, что въ настоящій моментъ враждебныхъ отношеній съ Германіей негодованіе вновь проснулось во французскихъ патріотахъ, и Фредерикъ Массонъ энергично возсталъ противъ введенія во французскій репертуаръ музыки Вагнера. Онъ проситъ французовъ не опьянять себя тонкимъ ядомъ вагнеровской музыки и вырваться изъ-подъ чаръ, которыя опьяняютъ слушателя, какъ раба—опіумъ. Насколько послѣднему трудно отъ него отвыкнуть, настолько первому не легко вырваться изъ этого очарованія, которое такъ же ихъ губитъ, какъ опіумъ раба.

Сень-Сансъ высказалъ свое мнѣніе болѣе сдержанно. Онъ умалчиваетъ объ изгнаніи нѣмецкихъ композиторовъ, но вообще совѣтуетъ французамъ не увлекаться иностранными композиторами и предпочитать своихъ національныхъ.

Однако одинъ изъ нѣмецкихъ композиторовъ, Бетховенъ, попалъ въ исключительное положеніе. Фелисьенъ Паскаль объясняетъ въ «Revue hebdomadaire», почему Бетховенъ могъ избѣжать участи нѣмецкихъ композиторовъ быть изгнаннымъ изъ европейскаго музыкальнаго репертуара.

Дѣдъ знаменитаго композитора былъ бельгіецъ и вышелъ изъ народа—его родители были скромные земледѣльцы. На свѣтъ онъ появился въ Антверпенѣ въ 1712 году. Домашнія неурядицы съ родителями заставили его разстаться съ роднымъ краемъ и отправиться искать счастья въ другомъ мѣстѣ. Ему исполнилось въ это время восемнадцать лѣтъ. Судьба ему улыбнулась, а его голосъ помогъ ему устроить свою судьбу, и онъ получилъ сначала мѣсто пѣвчаго въ церкви св. Петра въ Лувенѣ, а затѣмъ—регента.

Хорошія манеры и приличное поведеніе обратили на него вниманіе кельнскаго курфюрста, и онъ пригласилъ его на службу въ свою резиденцію въ Боннѣ. Валь-Бетховенъ сдѣлался придворнымъ музыкантомъ и главою капеллы. Талантъ, исполнительность и твердый характеръ помогли ему основательно укорениться въ своемъ новомъ положеніи, и въ 1786 году онъ былъ возведенъ въ званіе почетнаго гражданина города. Довольно надежное положеніе при дворѣ дало ему возможность вызвать къ себѣ своихъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ и нѣкоторыхъ музыкантовъ изъ Лувена и Антверпена, между прочимъ органиста ванъ-Эндена.

Здѣсь онъ женился на нѣмкѣ Маріи-Фредерикѣ Поль. На его несчастіе, эта женщина пристрастилась къ спиртнымъ напиткамъ. Пагубная привычка настолько развилась у нея въ нѣсколько лѣтъ, что несчастную женщину необходимо было помѣстить въ одинъ изъ кельнскихъ монастырей. Здѣсь она оставалась до самой своей смерти въ 1775 году. Говорятъ, что алкоголизмъ имѣлъ вліяніе на ея мозгъ, и это отразилось на психикѣ ея сына.

Этотъ сынъ Луи ванъ-Бетховенъ, отецъ будущей знаменитости, унаслѣдовалъ отъ матери пагубную страсть къ алкоголю. Хотя онъ и занялъ мѣсто отца въ капеллѣ курфюрста, но обладалъ очень незначительнымъ музыкальнымъ талантомъ. Его жена, тоже нѣмка простого происхожденія, влачила несчастное существованіе. Поэтому дѣтство будущаго композитора прошло весьма сумрачно. Подъ вліяніемъ опьянѣнія отецъ беспощадно билъ мальчика. Маэстро было четыре года, когда отецъ началъ эксплуатировать его талантъ въ свою пользу и при этомъ обращался съ нимъ жестоко. Онъ запиралъ мальчика въ наказаніе вмѣстѣ со скрипкою въ чуланъ и такъ его запугалъ, что едва не отбилъ у него охоту заниматься музыкой. Его жена тщательно ограждала мальчика отъ придирокъ пьянаго отца. Но она не выдержала такой тревожной жизни, и у нея развилась чахотка. Когда она скончалась, семнадцатилѣтнему Бетховену предстояло заботиться о двухъ братьяхъ—личностяхъ распущенныхъ и недостойныхъ, которые были косвенной причиной его смерти.

Отецъ не ожидалъ совершеннолѣтія сына и началъ пользоваться его талантомъ преждевременно. Одиннадцатилѣтній Людвигъ уже игралъ на скрипкѣ въ театральномъ оркестрѣ. Въ тринадцать лѣтъ онъ владѣлъ искусствомъ органной игры, а въ семнадцать лѣтъ замѣчательно импровизировалъ на фортепіано, такъ что Моцартъ однажды сказалъ: «Обратите вниманіе на этого молодого человѣка: онъ заставитъ весь свѣтъ говорить о себѣ».

Феликсъ Паскаль ставитъ себѣ цѣлью доказать въ своей статьѣ, что Бетховенъ унаслѣдовалъ талантъ по мужской линіи, отъ бельгійскихъ предковъ. Съ женской линіи онъ не могъ его унаслѣдовать: нѣмкѣ-матери нечего было ему передать; она не отличалась никакими талантами и выдающимися качествами. Его отецъ велъ себя такъ беспорядочно, что мать хотѣла сгладить неприятное впечатлѣніе, которое онъ производилъ на мальчика, и поэтому усиленно расхваливала ему дѣда. Такимъ образомъ, хотя дѣдъ лично не могъ вліять на мальчика, которому исполнилось три года, когда онъ умеръ, но она сумѣла придать ему такія качества, что внукъ питалъ къ нему благоговѣйное уваженіе.

Первыми шагами въ музыкальномъ образованіи мальчика руководилъ фламандецъ ванъ-деръ-Энденъ. Первое музыкальное путешествіе одиннадцатилѣтній Бетховенъ началъ съ Бельгіи и Голландіи.

Даже въ его музыкѣ Паскаль находитъ болѣе фламандскій отгѣнокъ, чѣмъ нѣмецкій.

Трудно сказать, какое вліяніе отразилось на Бетховенѣ—нѣмецкое или бельгійское. Большинство его біографовъ находило, что главнымъ его учителемъ былъ онъ самъ лично, благодаря своей строгой самодисциплинѣ.

Образованіе онъ получилъ отъ нѣмцевъ, и вѣнское общество, особенно князь Лихновскій, носило его на рукахъ.

Происхожденіе отъ родителей различной національности выразилось въ его психикѣ раздвоенностью. Въ немъ жили двѣ души. Одна проявлялась въ безконечной любви къ людямъ и склонности къ добру—черта, унаслѣдованная по мужской линіи. Другая душа—тираническая, ужасающе-могучая, которая должна была непременно разрушать, чтобы созидать. Послѣдняя проявилась у него въ слѣдующихъ словахъ, произнесенныхъ послѣ битвы при Іенѣ: «Жаль, что я не знаю военного искусства, какъ музыку,—сказалъ тогда Бетховень:—я бы его все-таки побѣдилъ!»

Это титаническая душа была унаслѣдована имъ по женской линіи отъ матери-нѣмки. Но если въ искусствѣ и существуетъ національность, у Бетховена во всякомъ случаѣ ихъ двѣ. Поэтому онъ одинаково принадлежитъ и нѣмецкому и бельгійскому музыкальному репертуару.

— Къ исторіи нѣмецкаго шовинизма.—Въ январской книжкѣ «The Nineteenth Century» англійскій историкъ Даусонъ дѣлится съ читателями своими воспоминаніями объ апостолѣ современнаго германизма, прусскомъ исторіографѣ профессорѣ Трейчке, котораго онъ слушалъ въ Берлинѣ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, когда Трейчке былъ въ самомъ зенитѣ своей славы.

«Трейчке,—говоритъ Даусонъ,—былъ высокаго рода, массивный человѣкъ—настоящее воплощеніе доктрины силы, которую онъ проповѣдывалъ. Наружность его носила повелительный отпечатокъ. Его голова тяжело покоилась на плечахъ. Онъ носилъ длинную темную бороду. Глаза его то и дѣло вспыхивали огонькомъ. Хотя онъ жилъ въ странѣ очковъ, однако ихъ не носилъ. Словомъ, по вѣншему виду, это былъ сильный и внушительный человѣкъ. По своимъ манерамъ онъ скорѣе былъ похожъ на офицера, чѣмъ на ученаго. И въ самомъ дѣлѣ, онъ происходилъ изъ военной семьи, жившей въ Саксоніи и вышедшей изъ Чехіи. Родъ Трейчке впоследствии совершенно онѣмчился и насквозь пропитался нѣмецкимъ шовинизмомъ. Родители предназначали Трейчке къ военной службѣ, и только слѣпой случай сдѣлалъ изъ него ученаго: Трейчке въ дѣтствѣ послѣ какой-то болѣзни оглохъ и сталъ негоденъ для военной службы.

Трейчке привлекъ къ себѣ вниманіе прусскаго правительства, когда еще онъ жилъ въ Саксоніи. Уже и тамъ онъ проповѣдывалъ необходимость уничтоженія мелкихъ германскихъ государствъ и гегемонію Пруссіи, которая привела бы къ образованію единой Германіи. Съ того времени, когда въ семидесятыхъ годахъ его пригласили въ Берлинъ и сдѣлали официальнымъ прусскимъ исторіографомъ, вся его дѣятельность направилась на восхваленіе Германіи въ Европѣ и Пруссіи въ Германіи.

Его предшественникъ Ранке говорилъ, что обязанность историка излагать одну голую правду, не допуская ни малѣйшаго уклоненія отъ нея. Такая щепетильность совершенно чужда Трейчке: вся его исторія и его политико-философскія построенія носятъ на себѣ прусско-гогенцоллернскій штемпель. Ни одинъ историкъ не проповѣдывалъ съ такой откровенностью, что «міромъ

всегда правила, править и будетъ править только сила». Вотъ почему онъ всю исторію Пруссіи сводитъ только къ проявленію ея силы.

Шовинистическій патріотизмъ Трейчке, заставлявшій его повторять: «мы, пруссаки...» выросъ изъ страстнаго желанія политическаго единства, которымъ жило поколѣніе его сверстниковъ. Когда Пруссія стала предметомъ его изученія, онъ сталъ говорить о ней, какъ о «самомъ могущественномъ, самомъ благородномъ и самомъ образованномъ изъ всѣхъ германскихъ государствъ».

Послѣ смерти Ранке Трейчке занялъ первое мѣсто среди современныхъ нѣмецкихъ историковъ, не считая, конечно, Моммсена. Тридцать слишкомъ лѣтъ своей дѣятельности посвящено имъ на то, чтобы возвеличивать Пруссію, а съ нею и Германію, въ своихъ лекціяхъ, сочиненіяхъ и публичныхъ чтеніяхъ. Пруссія такъ овладѣла его умомъ, что онъ впалъ въ непоправимую для историка односторонность и пристрастіе. Весь міръ въ послѣдствіи сталъ представляться ему не иначе, какъ подъ тевтонскимъ угломъ зрѣнія, хотя это обстоятельство не только не уменьшило, но наоборотъ способствовало увеличенію его обаянія среди его соотечественниковъ.

Прусская односторонность Трейчке была гораздо замѣтнѣе въ его лекціяхъ, чѣмъ въ его сочиненіяхъ. Рѣдка лекція проходила у него безъ враждебныхъ выходокъ по отношенію къ той или другой странѣ, которая, по его мнѣнію, стояла на дорогѣ Германіи. «Культура», о которой проповѣдывалъ Трейчке, была своего рода «не тронь меня», гордымъ и надутымъ, культурой того циника, который, увидѣвъ у философа Платона ковры, сталъ доказывать, что солома изъ бочки гораздо лучше всякихъ ковровъ. Трейчке по очереди перебиралъ всѣ страны: Францію, Россію, Англію, Соединенные Штаты. Несдержанный въ своихъ мысляхъ, онъ былъ несдержанъ и въ словахъ и нерѣдко употреблялъ грубыя и оскорбительныя выраженія. Такъ и чувствовалось, что все это превыспреннее восхваленіе Германіи было результатомъ крайняго униженія, изъ котораго Германія только что вышла, переставъ быть простымъ географическимъ понятіемъ. Особенно враждебно относился Трейчке къ Англіи. На своихъ лекціяхъ онъ представлялъ англичанъ какими-то кислыми пуританами, готовыми все цѣнить только на деньги. «Въ Англіи все продается для богатыхъ людей,—говорилъ онъ.—Даже англійское духовенство видитъ свой долгъ въ томъ, чтобы убѣждать маленькихъ людей сторониться передъ богатыми».

Можно было бы сомнѣваться, найдутъ ли идеи Трейчке такое широкое распространеніе, если бъ его не выручало блестящее краснорѣчіе и энтузіазмъ, который дѣйствуетъ на молодежь гораздо сильнѣе, чѣмъ вѣрное изложеніе фактовъ. Его блестящему краснорѣчію не могло повредить даже нѣкоторое однообразіе его голоса, объяснявшееся его глухотой.

Поднявшись на кафедру, онъ сразу начиналъ свою лекцію и, проговоривъ три четверти часа, кончалъ ее, не измѣняя голоса, и быстро уходилъ. Своимъ краснорѣчіемъ, умѣніемъ излагать свои мысли сжато и логично, онъ подкупалъ многихъ. «Однажды,—разсказываетъ Даусонъ,—я разговорился насчетъ его предрасудковъ съ однимъ изъ его берлинскихъ коллегъ, профессоромъ Ко-зеромъ.

«Все это такъ,—отвѣчалъ Козерь,—но вспомните только о его языкѣ!»

У Трейчке совершенно не было юмора. Онъ былъ такъ поглощенъ весь мыслью о важности своей миссіи, что улыбка никогда не появлялась на его лицѣ.

Теоріи Трейчке пользовались огромнымъ вліяніемъ въ Германіи. Цѣлый рядъ поколѣній—студенты, будущіе офицеры, чиновники, государственные люди, журналисты—всѣ сидѣли у подножья его кафедръ, всѣ когда-нибудь толпились въ его аудиторіи. Даже его коллеги-профессора обязательно присутствовали на его публичныхъ лекціяхъ, которыя онъ обыкновенно читалъ въ зимнемъ семестрѣ. Они представляли его почетную гвардію и встрѣчали его появленіе громомъ аплодисментовъ. Только одинъ изъ тогдашнихъ профессоровъ, профессоръ физики Дюбуа-Реймонъ могъ похвастаться такимъ успѣхомъ.

Такимъ образомъ изъ аудиторіи Трейчке шло сильное вліяніе, которое распространялось на всѣ стороны нѣмецкой жизни, укореняя шовинизмъ въ нѣмцахъ. «Среди современныхъ историковъ,—говоритъ профессоръ Паульсенъ,—Трейчке имѣлъ наибольшее вліяніе на политическую мысль подрастающихъ поколѣній. Съ своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ онъ проповѣдуетъ неизмѣнно, что государство—это сила и война первая его функція».

Никто не умѣлъ такъ расшевелить германскій націонализмъ, какъ Трейчке. Его патріотизмъ былъ слѣпъ и одностороненъ, но онъ былъ страстью его сердца, и любовь къ отечеству была главнымъ стимуломъ, заставлявшимъ его браться за перо.

«Въ мартѣ 1887 г.,—говоритъ Даусонъ,—я присутствовалъ на его послѣдней лекціи по исторіи Германіи. Въ это время умы были встревожены возможностью войны съ Франціей. За нѣсколько дней до этого Бисмаркъ произнесъ въ рейхстагѣ одну изъ самыхъ блестящихъ своихъ рѣчей, въ которой онъ говорилъ объ условіяхъ австро-германскаго союза и по обыкновенію просилъ денегъ на увеличеніе арміи. Трейчке подхватилъ съ кафедръ указанія Бисмарка на національную опасность».

«Помните,—говорилъ онъ своимъ слушателямъ:—что любовь къ родинѣ есть самая священная страсть человѣка. Помните, что вы будете сражаться за единство Германіи». Тутъ онъ не выдержалъ и зарыдалъ. Слушатели были взвинчены до такой степени, что въ теченіе нѣсколькихъ минутъ сидѣли въ полной тишинѣ, а затѣмъ разразились бурными рукоплесканіями.

Не мудрено, что подъ гипнозомъ такого шовиниста выросла цѣлая страна, задававшая сумасшедшей мыслью навязать всѣмъ силою свою прусскую культуру и тѣмъ облагодѣтельствовать человѣчество.

— Германская культура — Мировая война совершенно поглотила вниманіе литературнаго міра всей Европы. Иностранные журналы переполнены статьями, которыя прямо или косвенно касаются исключительно этого жгучаго событія. Даже остроумные, веселые французы замѣнили свой обычный живой тонъ серьезнымъ, и во французскихъ журналахъ теперь рѣдко попадаются пикантные историческія статьи. «La Revue Hebdomadaire», которое все еще выходитъ въ форматѣ газеты, также наполнено статьями о войнѣ съ Германіей. Среди нихъ наиболѣе интересны статьи французскихъ академикомъ Эдмона Перрье и Гастона Боннье.

Переживаемая нами война рельефно выдѣлила одну черту въ характерѣ германцевъ—грубость, которая порою доходитъ до жестокости. Флегматичный въ мирное время, грубовато-добродушный германецъ не могъ внезапно превратиться въ злобное чудовище. Защитники германцевъ, которые прежде маскировали слово грубость «воинственностью», уже не пытаются теперь защищать ихъ. Жестокость въ обращеніи съ мирными путешественниками и гражданами заставила смолкнуть самыхъ ярыхъ защитниковъ нѣмцевъ.

Поведеніе нѣмцевъ въ первые моменты войны озадачило всѣхъ,—настолько оно казалось невѣроятнымъ со стороны культурной націи. Тогда раздавались даже сомнѣнія въ совершившихся фактахъ грубого обращенія нѣмцевъ. Но сами нѣмцы постарались разсѣять эти сомнѣнія; разъясненіе такого поведенія, какъ и стремленіе уничтожать историческіе памятники, мы и находимъ въ упомянутыхъ французскихъ статьяхъ.

Варварство входитъ въ планъ германскихъ политиковъ; это подтверждаетъ нѣмецкій пацифистъ, которому предназначалась Нобелевская премія—Вильгельмъ Оствальдъ. Въ бесѣдѣ съ редакторомъ шведской газеты «Dagen» почтенный нѣмецкій пацифистъ, по словамъ академика Эдмона Перрье, высказалъ мысль, тождественную съ мыслью пресловутаго желѣзнаго канцлера Висмарка: «Я не могу признавать другого источника права,—сказалъ В. Оствальдъ:—какъ сила».

Уже если ученый высказываетъ такую мысль, то что же можно ожидать отъ германскаго солдата? Вильгельмъ Оствальдъ, уроженецъ Риги и злѣйшій врагъ Россіи, занималъ кафедру химіи въ дерптскомъ университетѣ, но затѣмъ уѣхалъ въ Германію. Онъ сдѣлалъ много ученыхъ открытій въ области химіи, но лѣтъ десять уже занимается исторіей и философій. Его грандіозная теорія пересозданія культуры какъ нельзя болѣе соответствовала воинственному стремленію Вильгельма экономически поработить Европу и диктовать ей свои законы; въ этомъ отношеніи они идутъ дружно къ своей цѣли.

Для примѣненія теоріи Оствальда прежде всего необходима германизация Европы. Сдѣлать это совсѣмъ не такъ трудно,—говоритъ Оствальдъ,—и въ этомъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго. Россія находится все еще въ дикомъ состояніи; англичане и французы пребываютъ на той степени развитія, изъ котораго нѣмцы уже давно перешли въ другую, болѣе высокую. Этапъ, совершаемый англичанами и французами, индивидуализмъ, а нѣмцы уже совершаютъ этапъ организациі.

Теперь Германія желаетъ вступить на новый путь—осуществить идею коллективнаго труда и облагодѣтельствовать Европу этимъ грандіознымъ замысломъ. Она хочетъ организовать Европу такъ, чтобы извлечь изъ каждаго наибольшую сумму энергіи. И все это въ смыслѣ болѣе благопріятномъ для общества и съ единственной цѣлью сдѣлать людей свободными.

Правда, при этомъ приходится прибѣгать къ помощи пулъ думъ-думъ, артиллеріи и пулеметамъ! Но вѣдь извѣстно, что въ систему нѣмецкаго воспитанія всегда входили розги! А другой ученый—профессоръ берлинскаго университета Лассонъ—высказалъ, что «истинная свобода состоитъ въ наслажденіи, которое даетъ добровольное и охотное повиновеніе». Стоить только Европѣ до-

бровольно покориться, и она будет наслаждаться полной свободой. Отъ нея потребуютъ немногого—пассивнаго повиновенія, и она явится мастерскою для совершенія грандіозныхъ работъ. Конечно, надо подразумѣвать, что Европа будетъ работать исключительно для благополучія Германіи.

Ради этой теоріи пересозданія европейскаго міра уничтожаются памятники старины и святыни, въ родѣ Реймскаго собора и т. п. Это дѣлается для того, чтобы стереть съ лица земли прежнюю культуру и дать жизнь новой культурѣ, новому искусству. Въ глазахъ Оствальда искусство не играетъ важной роли въ построеніи міра. «Если рѣдкая историческая вещь уничтожена пожаромъ, — говоритъ онъ, — или продана въ Америку, если, напримѣръ, образцовое произведение Италіи XIV или XV вѣка потеряно для европейскихъ музеевъ, раздадутся только единичныя жалобы объ этой потерѣ. Но человѣчество во всё время подвергалось такимъ потерямъ, и это не произвело никакого особеннаго ущерба». Вообще, по его мнѣнію, нѣтъ ничего опаснѣе для прогресса человѣчества, какъ старики и преклопеніе предъ стариною, это настоящая язва для общественнаго образованія и вотъ почему молодежь такъ бесплодна въ умственномъ отношеніи. Классическій идеаль тормозитъ цивилизацію. Для развитія цивилизаціи нужна наука, а не древности.

Такъ думаетъ современный интеллигентный нѣмецъ. Но то же проповѣдывалъ и его предокъ.

«Пусть ихъ Лувръ бомбардируютъ и обратятъ его въ пепель. Уничтожьте этотъ позорный памятникъ, который воздвигнутъ на нашихъ останкахъ, чтобы ничего не осталось отъ славы ихъ бывшаго «великаго императора», отъ ихъ великой націи».

Эта злобная тирада вышла изъ-подъ пера Юганна Герреса въ апрѣлѣ 1814 г., когда Наполеонъ съ своей тридцатитысячною арміею изъ восемнадцатилѣтнихъ мальчиковъ сражался со старыми европейскими арміями. Герресъ былъ въ свое время тоже извѣстный ученый, энциклопедистъ, физикъ, естественникъ, лингвистъ, богословъ, историкъ и, наконецъ, философъ. Профессоръ кобленцкаго и мюнхенскаго университетовъ призывалъ къ уничтоженію плодовъ художественной культуры французскаго народа. Онъ не прикрывался ученою теоріею созданія новой культуры, а просто призывалъ къ отмщенію.

«Отметите франкамъ за вашихъ предковъ, — писалъ онъ. — Уничтожьте Сентъ-Дени! Разсѣйте по вѣтру останки ихъ королей. Обратите въ пепель Реймскій соборъ, гдѣ короновался Хлодвигъ, гдѣ зародилась имперія франковъ—этихъ лживыхъ братьевъ благородныхъ германцевъ. Сожгите этотъ соборъ, и англичане, которые не забыли Столѣтней войны, безъ усталы будутъ рукоплескать исчезновенію этого собора, гдѣ короновался Карлъ VIII, ихъ злѣйшій врагъ!».

Прошло уже сто лѣтъ послѣ этого воззванія, но внутреннее міросозерцаніе германскихъ ученыхъ, какъ видно изъ словъ В. Оствальда, не измѣнилось ни на воробыиный шагъ. Современный ученый нѣмецъ сдѣлался только болѣе Тартюфомъ, чѣмъ его предтеча, и жажду уничтоженія чужой культуры прикрылъ научною теоріею.

Что сказалъ бы нѣмецъ Шиллеръ, если бы онъ узналъ, что его соотечественники обстрѣливали Реймскій соборъ, гдѣ живетъ воспоминаніе объ Орлеанской

Дѣвѣ? Хотя Шиллера уже нѣтъ на свѣтѣ, но его слова, которыя произносить реймскій епископъ въ своемъ произведеніи «Орлеанская Дѣва»—все еще живуть въ памяти многихъ. Они какъ нельзя болѣе кстати относятся теперь къ нѣмцамъ.

«Кто васъ звалъ въ эту чужую для васъ страну опустошать цвѣтущія поля и бросать пылающіе факелы въ мирныя святилища нашихъ городовъ? Въ вашемъ высокомерномъ сердцѣ вы уже мечтаете низвергнуть въ постыдное рабство свободныхъ дѣтей Франціи. Вы рассчитываете тинуть, какъ барку на буксирѣ вашего корабля, эту обширную страну? Безумцы! Оружіе Франціи привѣшено къ престолу Божію, и вы скорѣе оторвете отъ небеснаго свода звѣзду, чѣмъ деревню отъ этого королевства, которое никогда не должно быть раздѣлено. Франція, какъ фениксъ, выйдетъ возрожденной изъ своего пепла! Счастливое будущее улыбнется ей. Глубокія раны этой страны заживуть. Разоренныя деревни, разрушенныя города возстануть изъ своихъ развалинъ, и поля покроются зеленью».

Такъ говорилъ Шиллеръ. Но это было очень давно. Профессору Оствальду, ради осуществленія его колоссальной цѣли, нечего считаться съ его произведеніями. Впрочемъ, онъ великодушно обѣщаетъ не навязывать всей Европѣ послѣ побѣды Германіи ни нѣмецкаго языка, ни нѣмецкой мысли, ни нѣмецкихъ искусствъ и эстетики. Въслѣдствіе всенѣмецкаго господства въ Европѣ многія препятствія, которыя теперь мѣшаютъ прогрессу нѣмецкой культуры, исчезнутъ сами собой.

Профессоръ Оствальдъ обѣзжалъ нейтральныя государства и устраивалъ тамъ конференціи, на которыхъ развивалъ свою теорію. Прежде всего онъ поѣхалъ въ Стокгольмъ и, вѣроятно, рассчитывалъ, что если шведы предлагали ему премію Нобеля, то поддержать и его теорію.

Но онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. «Мы, нѣмцы, хорошо видимъ, что Швеція не отступится изъ своего нейтралитета,—сообщилъ онъ въ газетахъ.— Мы естественно съ радостію бы приняли шведовъ, какъ братьевъ по оружію, но теперь мы знаемъ, что Швеція не будетъ за насъ сражаться».

Въ своемъ трудѣ «Европа подъ нѣмецкимъ управленіемъ» Оствальдъ говорить, что нѣмцы сражаются не только за свое существованіе, но также за культуру. Уничтоженіе Германіи повлечетъ за собою уничтоженіе такой высокой цѣнности культуры, что сохраненіе ея дѣлаетъ побѣду необходимой; съ гибелью Германіи погибнетъ и внутренняя духовная культура. Такая катастрофа внесетъ въ жизнь народовъ господство низменныхъ инстинктовъ, господство животнаго надъ человѣкомъ и упадокъ нравственности, а это уже предсказываетъ разрушеніе европейской цивилизаціи. Когда же Германія одержитъ побѣду, въ чемъ профессоръ Оствальдъ не сомнѣвается, то что останется нѣмцамъ дѣлать?—спрашиваетъ онъ.—Перестраивать Европу подъ нѣмецкой гегемоніей. Но если нѣкоторыя части Европы будутъ протестовать, то Германія послѣ такой побѣдоносной войны можетъ силой ихъ въ этому принудить.

Морское владычество Англіи должно быть уничтожено, какъ вредное для всего человѣчества. Впрочемъ, послѣ побѣдоносной для Германіи войны другія націи будутъ такъ слабы, что нѣмцы откажутся содержать въ нихъ войско.

Германія будетъ имъ покровительствовать противъ восточной опасности. Кромѣ того, Германія будетъ не только военнымъ европейскимъ центромъ, но и экономическимъ.

Въ унисонъ съ профессоромъ Оствальдомъ, безусловно обладающимъ эрудиціей, къ которой примѣшивается въ сильной дозѣ гордость и наивность, говорятъ и другіе нѣмецкіе ученые и даже богословы. Группа англійскихъ пасторовъ обратилась въ европейской знаменитости профессору Гарнаку съ письменнымъ протестомъ противъ насилія надъ Бельгіей. Профессоръ берлинскаго университета на кафедрѣ исторіи христіанства отвѣтилъ имъ на конференціи, устроенной для американцевъ, которые проживаютъ въ Берлинѣ. Онъ сослался на одинъ фактъ изъ Ветхаго Завѣта и прибавилъ, что есть «право необходимости, которое ломаетъ желѣзо, а не то что политическіе договоры».

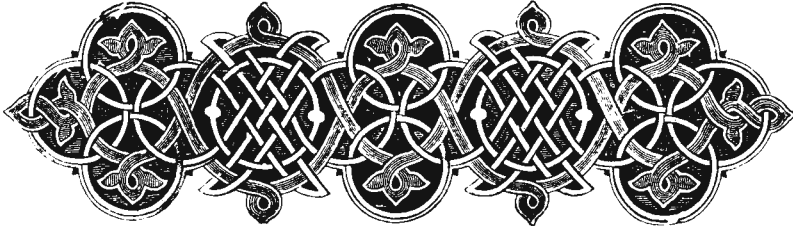
Другой богословъ, придворный пасторъ Э. Дріандеръ, поддерживаетъ мнѣніе, что нѣмцы сражаются, какъ истые христіане.

«Nuova Antologia» ¹⁾ передаетъ, что французскіе протестанты возмутились жестокимъ обращеніемъ нѣмцевъ съ плѣнными и обратились къ посредничеству швейцарскихъ газетъ. Одинъ изъ французскихъ пасторовъ обратился съ воззваніемъ къ нѣмецкимъ пасторамъ, чтобы они внушали сражающимся смотрѣть на враговъ, какъ на братьевъ во Христѣ. На это воззваніе послѣдовалъ гордый отвѣтъ отъ придворнаго пастора Э. Дріандера, что нѣмецкія войска сражаются согласно христіанскимъ принципамъ, человѣколюбію и милосердію сознательно, съ такимъ самообладаніемъ и съ такою мягкостью, какой не было примѣра во всемирной исторіи.

Міровая война показала теперь всему міру, что такое въ дѣйствительности нѣмцы и ихъ фатерландъ. Носи они какіе угодно ученые титулы, прикрываясь какими угодно громкими словами—все же это напомаженные нахалы, подготовлявшіе всеобщее рабство.

¹⁾ Nuova Antologia. Dicembre 1915.

С М Ъ С Ъ.

ТОДОВОЕ собраніе академіи наукъ. Въ торжественномъ собраніи императорской академіи наукъ 29-го декабря предсѣдательствовали августѣйшій президентъ великій князь Константинъ Константиновичъ. Дѣятельности академіи былъ нанесенъ въ отчетномъ году существенный ущербъ порѣдніемъ ея состава. Въ началѣ года скончался дѣйствительный членъ **Т. П. Чернышевъ**, обогатившій русскую науку трудами по стратиграфіи, палеонтологіи и физической геологіи; въ сентябрѣ скончался академикъ **Ф. Ф. Фортунатовъ**, оставившій послѣ себя обширную школу русскихъ лингвистовъ; въ октябрѣ за границей умеръ **И. И. Янжулъ**—выдающійся экономистъ и финансистъ; въ ноябрѣ скончался **В. И. Ламанскій**. Порѣдѣли также ряды почетныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ. Умеръ **П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій**, сорокъ лѣтъ украсившій академическій списокъ почетныхъ членовъ. Изъ членовъ-корреспондентовъ академія отмѣчаетъ утерю **Н. П. Некрасова**—ислѣдователя церковно-славянскаго языка. Въ отчетномъ году академія присудила слѣдующія преміи: денежная премія **П. Н. Ватюшкова** присуждена—1) **И. А. Малиновскому** за сочиненіе «Рада великаго княжества Литовскаго въ связи съ боярскою думою», 2) **Е. Р. Романову** за сочиненія историко-этнографическаго характера и 3) **А. В. Жиркевичу** (біографія каноника Сенчиковскаго). **Ломоносовская премія** присуждена **Е. В. Бирону** за сочиненіе «Сжатіе при смѣшеніи нормальныхъ жидкостей», **Н. Н. Яковлеву** за сочиненіе «Фауна верхней части палеозойскихъ отложеній въ Донецкомъ бассейнѣ» и почетный отзывъ **А. Г. Вачинскому** за «Ислѣдованія о внутреннемъ треніи жидкостей». Большую награду въ тысячу рублей и золотую медаль за соисканіе преміи гр. **Д. А.**

Толстого академія присудила сочиненіямъ С. В. Лебедева и малую П. М. Альбицкому. Кромѣ того, присужденъ цѣлый рядъ наградъ за различныя сочиненія по историко-филологическому отдѣленію. Изъ премій по отдѣленію русскаго языка и словесности академія отмѣтила въ своемъ отчетѣ: И. М. Ббло-руссову и Г. З. Кунцевичу преміи М. И. Ахматова. Въ ознаменованіе великой заслуги передъ всемірной словесностью и въ залогъ грядущаго нерушимаго духовнаго единенія русской и польской народностей—почетнымъ академикомъ разряда изящной словесности единогласно избранъ Генрикъ Сенкевичъ. Въ отчетномъ году въ составъ отдѣленія русскаго языка и словесности вошли двѣ новыя ученые силы: заслуженный ординарный профессоръ университета св. Владимира В. С. Иконниковъ и профессоръ того же университета В. Н. Перетцъ. На свободныя вакансіи членовъ-корреспондентовъ были избраны: профессоръ петроградской духовной академіи И. Е. Евсѣевъ и петроградскаго университета—Д. И. Айналовъ.

Среди литераторовъ и ученыхъ. 21-го декабря подъ предѣлательствомъ Я. Н. Колубовскаго состоялось чрезвычайное общее собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Собранію было доложено «объ образованіи въ составѣ пенсіоннаго капитала именнаго капитала О. К. Нотовича»; въ докладѣ указывалось, что изъ отчетовъ правленія видно, что черезъ посредство О. К. Нотовича поступило въ пенсіонный капиталъ въ періодъ 1898—1900 гг. сбора отъ спектаклей, концертовъ и вечеровъ въ суммѣ 12.616 руб. 51 коп., въ томъ числѣ 3,100 руб. отъ вечера, устроеннаго самимъ О. К. Нотовичемъ, которымъ, кромѣ того, дѣлались взносы за перепечатки газеты «Новости», а типографіей О. К. Нотовича произведены значительныя бесплатныя работы для кассы, что въ сложности можетъ быть оцѣнено приблизительно въ суммѣ около 3,000 рублей. Заслуги О. К. Нотовича передъ кассой, такимъ образомъ, значительны и стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Въ виду этого, учрежденіе пенсіоннаго капитала имени О. К. Нотовича является актомъ простой справедливости и благороднаго отношенія къ памяти покойнаго дѣателя, принесшаго кассѣ столь значительную пользу, и правленіе, вполне согласно съ заявленіемъ Я. Н. Колубовскаго, полагало бы возможнымъ помѣщать въ отчетахъ правленія въ спискѣ именныхъ капиталовъ и капиталъ имени О. К. Нотовича въ 3,000 рублей. Предложеніе правленія собраніемъ было принято единогласно. Затѣмъ были произведены выборы въ комиссію для пересмотра устава. Избраны: Я. Н. Колубовскій, Л. З. Слонимскій, Ю. Н. Лавриновичъ, Н. Н. Баженовъ и А. Н. Кремлевъ и кандидатами М. Н. Слѣпцова и В. В. Шарковъ. Въ комиссію по усиленію средствъ кассы избраны: А. Н. Кремлевъ, Е. П. Карповъ, Л. Г. Ждановъ, В. Н. Дубровская и С. Ф. Либровичъ. По вопросу объ ознаменованіи двадцатипятилѣтія кассы правленіе намѣтило слѣдующую программу. 1) Изданіе историческаго очерка кассы, съ выясненіемъ ея задачъ, круга и характера дѣятельности, процесса образованія и современнаго состоянія кассы и произведенныхъ по нимъ операций. Изданіе иллюстрировать портретами главныхъ дѣателей кассы. 2) Изданіе небольшой брошюры о цѣляхъ и задачахъ кассы и выгодахъ участія въ ней. 3) Выпустить юбилейный номеръ «Вѣстника кассы». 4) Созвать торжественное собраніе чле-

новъ кассы съ участіемъ представителей отдѣленій, для котораго выработать особую программу. 5) Устройство литературнаго вечера.

Въ литературномъ фондѣ. 27-го декабря состоялось очередное общее собраніе членовъ литературнаго фонда, подъ предсѣдательствомъ С. А. Венгерова. Собраіе почтливо вставалиемъ память скончавшагося недавно академика В. И. Ламанскаго. Заслушанъ былъ отчетъ о дѣятельности фонда за послѣдніе два мѣсяца истекающаго года. За ноябрь и декабрь мѣсяцъ было выдано продолжительныхъ пособій 48 лицамъ на 8710 р., пособій на воспитаніе и обученіе дѣтей нуждающихся литераторовъ выдано было 215 руб. 4 лицамъ; назначены двѣ пенсіи: одному писателю по 600 руб. въ годъ и вдовѣ одного писателя 300 руб. Безрочныя ссуды комитетъ въ отчетный періодъ выдалъ 30 литераторамъ на сумму 1359 р.; единовременныя пособия въ размѣрѣ отъ 10 до 120 р. получили 22 лица. Кромѣ того, выдано было на похороны одного писателя 50 руб. Всего комитетъ израсходовалъ въ теченіе ноябрю—декабря мѣсяцевъ на помощь литераторамъ 11,765 руб. Комитетъ литературнаго фонда назначилъ двумъ студентамъ харьковскаго университета годовыя стипендіи имени Е. П. Ковалевскаго по 225 руб. каждая. Возобновлена стипендія имени Н. Г. Чернышевскаго одному студенту петроградскаго университета, двѣ стипендіи имени Бунакова по 342 руб. каждая назначены двумъ слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Петроградѣ. По ходатайству комитета двѣ слушательницы тѣхъ же курсовъ были освобождены отъ платы за ученіе. Въ отчетѣ комитета отмѣчено, что устроенный 7-го ноября литературнымъ фондомъ вечеръ въ память Л. Н. Толстого далъ чистаго дохода 612 р. 83 к. Заслушанный отчетъ принятъ собраніемъ къ свѣдѣнію. Продолжительный обмѣнъ мнѣній вызвалъ вопросъ объ условіяхъ договора на сдачу въ аренду части дачи на станціи Ермоловской, пожертвованной литературному фонду инженеромъ С. А. Малкіелемъ. Съ прошлаго года фондъ является полнымъ собственникомъ названной дачи, и поэтому всѣ договорныя отношенія съ третьими лицами на аренду того или иного корпуса должны быть отъ имени фонда. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, собраніе рѣшило поручить особой комиссіи изъ юристовъ опредѣлить юридическую форму такихъ договорныхъ отношеній. 2-го февраля 1914 года выбываютъ на основаніи § 20 устава фонда изъ состава комитета В. Д. Набоковъ, С. А. Венгеровъ, А. А. Корниловъ, В. П. Кранихфельдъ и, кромѣ того, за невозможностью принимать дѣятельное участіе въ работахъ комитета, Л. Ф. Пантелѣевъ. Въ кандидаты намѣчены слѣдующія лица: Н. И. Карѣевъ, В. Г. Котельниковъ, Н. А. Котляревскій, Н. А. Морозовъ, С. О. Ольденбургъ, А. Ф. Рѣдько, П. Н. Сакулинъ, М. А. Славинскій, М. И. Туганъ-Барановскій и Д. В. Философовъ.

Юбилей изданій министерства финансовъ. 28-го декабря исполнился пятидесятилѣтній юбилей періодическихъ изданій министерства финансовъ. Начало этимъ изданіямъ положилъ «Указатель правительственныхъ распоряженій по министерству», изъ котораго впоследствии развились и другія изданія. Въ настоящее время министерство издаетъ «Вѣстникъ Финансовъ», «Указатель распоряженій», «Отчеты торгово-промышленныхъ учреждений», «Сводъ приви-

легій», «Торгово-Промышленную Газету», «Ежегодникъ», «Сводъ тиражей» и другіе. Празднованіе юбилея отложено на неопредѣленное время.

30-лѣтіе литературной дѣятельности Т. А. Мартемьянова¹⁾. 13-го февраля исполняется тридцатилѣтіе литературной дѣятельности Тимоѳея Афанасьевича Мартемьянова, много поработавшаго по изслѣдованію прошлаго русской исторіи и русскаго быта. Живо и легко изложенныя, написанныя на основаніи вдумчиваго и тщательнаго изученія первоисточниковъ и отхватывающія собою темы, въ большинствѣ случаевъ мало разработанныя въ литературѣ, статьи Т. А. Мартемьянова часто отмѣчались нашей повседневной печатью и охотно прочитывались многочисленными читателями. Родился юбиляръ въ дер. Мартемьяновой на рѣкѣ Березуѣ Болховскаго уѣзда Орловской губерніи 20-го января 1861 года отъ представителей стариннаго русскаго рода боярскихъ дѣтей Мартемьяновыхъ, ведущаго свое начало отъ древняго новгородскаго рода, который былъ сведенъ «насилъно» царемъ Иваномъ Грознымъ въ Орловскій край. Первоначальное образованіе Т. А. получилъ сначала въ сельской приходской школѣ, а затѣмъ въ болховскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1874 году. Одно время Т. А. состоялъ на государственной службѣ по министерству юстиціи: секретаремъ мирового съѣзда, нотариусомъ и т. д. Первое литературное произведеніе Т. А. Мартемьянова появилось въ печати 13-го февраля 1885 года на столбцахъ «Орловскаго Вѣстника». Это была скромная корреспонденція изъ Болхова, и съ тѣхъ поръ Т. А. сдѣлался постояннымъ корреспондентомъ орловской газеты. Осенью 1886 года редація, въ лицѣ Н. А. Семеновы, пригласила Т. А. на службу въ Орелъ, гдѣ онъ и проработалъ около двухъ лѣтъ, неся самыя разнообразныя газетныя обязанности: репортера, секретаря, корректора, фельетониста. Въ теченіе этого времени (1884 г.) въ газетѣ между прочимъ былъ напечатанъ его бытовое фельетонъ. «Изъ болховскихъ нравовъ», обратившій на себя вниманіе даже столичной журналистики и вызвавшій благосклонный отзывъ «Сѣвернаго Вѣстника». Съ 1899 года Т. А., по желанію І. І. Ясинскаго, начинаетъ печатать въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» передовыя статьи по внутреннимъ вопросамъ (объ адвокатурѣ, опекахъ, душеприказчикахъ и т. д.). Съ осени того же 1899 года Т. А. Мартемьяновъ вошелъ въ составъ сотрудниковъ «Сѣвернаго Курьера» князя В. В. Барятинскаго и велъ въ этой газетѣ такъ называемый столичный «думскій отчетъ» о засѣданіяхъ городской думы. Въ концѣ 1899 года Т. А. послѣ долгихъ переписываній послалъ въ «Историческій Вѣстникъ» свою первую статью, которая весьма понравилась покойному С. Н. Шубинскому и была напечатана въ октябрьской книжкѣ журнала въ 1900 году. Статья эта называлась: «Правда о «Камаринской» и «Барынѣ». Исторія двухъ народныхъ пѣсень». Идя строго научнымъ путемъ, Т. А. Мартемьяновъ далъ въ этой исторіи двухъ самыхъ популярныхъ народныхъ пѣсень и яркое освѣщеніе историческихъ эпохъ, создавшихъ ихъ, и тщательную мѣткую характеристику героевъ этихъ пѣсень съ хитроумными догадками объ авторѣ ихъ. Статья эта была благожелательно встрѣчена критикой и вызвала немало литературныхъ откликовъ.

¹⁾ Сообщилъ Д. А. Масляненко.

Въ 1901 году статья эта была выпущена отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ «Камаринская и Барыня». Слѣдующая статья Т. А. Мартемьянова въ «Историческомъ Вѣстникѣ» «Общества нетрезвости на Руси» даетъ очеркъ веселыхъ обществъ за время съ конца XVII столѣтія и до сороковыхъ годовъ XIX-го, каковыми были «Всеппяньйшій соборъ» Петра I, «столовые ложки», веселые обряды которыхъ пародировали обряды масонскихъ ложъ, дружеское разгульное общество «Галера», членами котораго были В. Л. Пушкинъ, князь П. А. Вяземскій и другіе представители литературы и общества конца XVIII вѣка, «Общество кавалеровъ пробки», основанное мужемъ поэтессы Буниной—И. П. Бунинымъ, «Зеленая Лампа», воспѣтая А. С. Пушкинымъ, который со своими друзьями принималъ въ немъ горячее участіе, и, наконецъ, малорусское общество «Мочемордія». Затѣмъ изъ работъ Т. А. Мартемьянова въ «Историческомъ Вѣстникѣ» отмѣтимъ очерки. «Изъ исторіи цензуры русской народной пѣсни», гдѣ дается довольно обширный очеркъ судебъ нашей пѣсни съ XI вѣка въ связи съ мало разработанной у насъ исторіей скомороховъ; интересна работа, посвященная разработкѣ вопроса о томъ, какъ отразилось крѣпостное право въ произведеніяхъ великорусской народной словесности и каковы эти немногочисленные произведенія. Въ довольно значительномъ по объему очеркѣ «Изъ преданій о Стенькѣ Разинѣ» Т. А. Мартемьяновъ, кромѣ тщательной разработки и объединенія въ одно цѣлое разрозненныхъ фактовъ изъ исторіи предшественниковъ и преемниковъ Разина, кромѣ характеристики многочисленныхъ пѣсенъ и преданій о Разинѣ, сообщилъ еще объ одной малоизвѣстной пьесѣ, разыгрывавшейся при Разинѣ и представлявшей, повидимому, переложеніе «Стенькиной прелести» въ фарсъ для черни. Эта статья очень понравилась покойному С. Н. Шубинскому, который самъ выбралъ для иллюстраціи ея старинныя гравюры. Въ статьѣ «Маланьина свадьба» Т. А. Мартемьяновъ пытался разгадать историческій ребусъ, скрытый въ этомъ и другихъ родственныхъ ему «крылатыхъ славахъ». По мнѣнію нашего изслѣдователя, «Маланьина свадьба»—это второй бракъ Петра I. Въ очеркѣ «Изъ исторіи русской сатиры на клиръ» Т. А. дѣлаетъ обзоръ преимущественно народныхъ пѣсенъ, осмѣивающихъ наше духовенство. Много любопытнаго о крѣпостныхъ театрахъ графа Каменскаго и Юрасовскихъ сообщаетъ онъ въ статьѣ «Страничка изъ исторіи русскаго крѣпостного театра въ Орловской губерніи». Въ статьѣ «Комедія о царѣ Максимилианѣ» Т. А. выясняетъ ея значеніе, какъ политической сатиры на Петра I, и попутно даетъ краткій очеркъ антипетровской народной сатиры вообще. Рядъ статей о «лапотныхъ дворянахъ»—великорусскихъ однодворцахъ—былъ помѣщенъ Т. А. въ журналѣ І. І. Ясинскаго «Бесѣда». Кромѣ статей, Т. А. Мартемьяновъ печатаетъ въ нашемъ журналѣ много рецензій и послѣ смерти В. Е. Рудакова составляетъ ежегодный «Указатель именъ и предметовъ къ «Историческому Вѣстнику» за годъ.

Тридцатипятилѣтіе литературной дѣятельности Н. И. Васильева. 30-го декабря 1914 года исполнилось тридцатипятилѣтіе литературной и общественной дѣятельности Николая Ивановича Васильева, пользующагося въ провинціи широкою извѣстностью и до сихъ поръ пишущаго подъ псевдонимомъ Смагда Горностаева. Въ виду переживаемыхъ нынѣ дней юбиляръ уклонился

отъ празднованія этого дня, задуманнаго особымъ комитетомъ подъ предѣлательствомъ доктора С. С. Жихарева. Н. И. Васильевъ родился 25-го апрѣля 1862 года въ гор. Вольскѣ Саратовской губерніи. Дѣтство его тяжело и неприглядно. Лишившись матери, когда ему было всего три года, онъ попалъ въ такую ужасную семейную обстановку, которая отразилась на всей его жизни. Впослѣдствіи, однако, онъ сумѣлъ самоучкой пополнить свое образованіе, получить не только аттестатъ зрѣлости и университетскій дипломъ, но и достигъ ученой степени. Н. И. былъ одно время народнымъ учителемъ, а потомъ преподавателемъ въ женской гимназіи. Нѣкоторое время онъ былъ адвокатомъ, но оставилъ и эту профессію. Но въ теченіе всей своей жизни онъ не измѣнилъ лишь литературному призванію, къ которому стремился чуть ли съ той самой поры; какъ сталъ жить сознательной жизнью. Первая статья Н. И. Васильева появилась въ петербургскихъ «Новостяхъ» въ номерѣ отъ 30-го декабря 1879 г. Съ этихъ поръ онъ непрерывно работаетъ въ періодической печати. Первые двадцать лѣтъ онъ работалъ, главнымъ образомъ, въ провинціальныхъ органахъ, не имѣя возможности, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, жить въ столицахъ и университетскихъ городахъ, хотя, впрочемъ, его статьи и появлялись за это время и въ столичныхъ газетахъ и журналахъ. Въ провинціи онъ прошелъ все ступени газетнаго работника, отъ репортера и корректора до фельетониста, критика, переводчика, секретаря редакціи и фактическаго редактора. Въ теченіе тридцати пяти лѣтъ имъ было написано тысячи фельетоновъ, статей и беллетристическихъ произведеній. Изъ его беллетристическихъ вещей нѣкоторыя были переведены на иностранные языки, какъ-то: этюдъ «Кошмаръ» (первоначально помѣщенъ въ журналѣ «Наука и Жизнь» 1904 года) на французскій и рассказъ «Серегина смерть» («Живописное Обзоріе» 1900 г. ред. Шеллеръ-Михайлова) на польскій, французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Его сказка «Закормленная правда» обошла массу періодическихъ изданій, помѣщалась въ ученическихъ хрестоматіяхъ, читалась со сцены и на литературныхъ вечерахъ какъ самимъ авторомъ, такъ и разными артистами (напримѣръ, В. П. Андреевымъ-Бурлакомъ и М. И. Писаревымъ). Въ общемъ Н. И. работалъ болѣе чѣмъ въ пятидесяти періодическихъ изданіяхъ. Особенно значительна его дѣятельность въ Поволжьѣ, гдѣ онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ извѣстнаго знатока Волги и русскаго судоходства, нынѣ покойнаго, С. П. Неустроева. Желая познакомиться съ жизнью и бытомъ народа, Н. И. нѣсколько лѣтъ подъ рядъ въ теплые мѣсяцы обошелъ пѣшкомъ множество губерній, преимущественно приволжскихъ (Нижегородскую, Костромскую, Казанскую, Симбирскую и др.), гдѣ собралъ множество народныхъ пѣсень, сказокъ и легендъ. Н. И. нѣсколько лѣтъ подъ рядъ путешествовалъ по Западной Европѣ, Востоку, Азіи, Африкѣ и Америкѣ. Въ виду широкаго распространенія въ провинціальной печати извѣстія объ исполнившемся 30-го декабря тридцатипятилѣтіи литературной и общественной дѣятельности Н. И. Васильева (Смарагдъ Горностаевъ), привѣтственные письма изъ провинціи стали юбилярномъ получаться уже съ перваго дня Рождества. Такимъ образомъ, до вечера 29-го декабря было получено свыше ста привѣтственныхъ писемъ отъ провинціальныхъ журналистовъ, представителей такъ называемаго земскаго

«третьяго элемента», торговли и промышленности (впрочемъ, болѣе служебнаго персонала, напр., командировъ волжскихъ пароходовъ); болѣе же пятидесяти писемъ отъ представителей сельской интеллигенціи (земскихъ врачей, фельдшеровъ, фельдшерницъ, агрономовъ, сельскихъ священниковъ, волостныхъ писарей, кооперативныхъ дѣятелей, народныхъ учителей и учительницъ, сознательныхъ крестьянъ и рабочихъ).

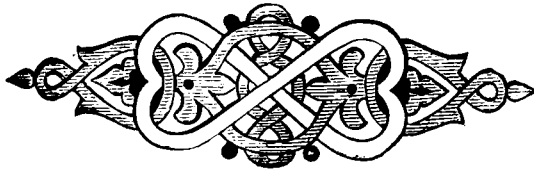
Юбилей Л. М. Савелова. 8-го января исполнилось двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности Л. М. Савелова. Имя Л. М., какъ одного изъ выдающихся русскихъ генеалоговъ, извѣстно всему ученому міру. Библиотека Савелова, состоящая изъ рѣдкихъ книгъ, считается единственной въ Россіи. Генеалогіей Л. М. Савеловъ занялся случайно. Онъ началъ собирать матеріалы о своемъ родѣ. Увлекся работой. Затѣмъ собралъ матеріалы для библиографическаго указателя родовъ. Издалъ ихъ въ 1893 году. Его первые труды обратили на себя вниманіе. Въ 1890—92 году онъ работалъ въ московскихъ архивахъ и библиотекахъ. Въ «Русской Родословной Книгѣ» кн. Лобанова-Ростовскаго помѣщенъ рядъ его монографій и дополненій. Заинтересовавшись донскимъ дворянствомъ, Л. М. Савеловъ съѣздили на Донъ, гдѣ собралъ массу матеріаловъ. И затѣмъ приступилъ къ большому труду—«Родословный словарь древняго русскаго дворянства». Пока онъ выпустилъ три тома (шесть буквъ). Всего же будетъ томовъ двѣнадцать. Въ Петроградѣ Л. М. принималъ близкое участіе въ созданіи русскаго генеалогическаго общества, а въ Москвѣ учредилъ «Историко-родословное общество».

Юбилей М. Г. Ярона. 10-го января исполнилось сорокъ лѣтъ литературной дѣятельности популярнаго драматурга, журналиста и переводчика Марка Григорьевича Ярона. Почтенный юбиляръ хорошо извѣстенъ оперетоманамъ, какъ одинъ изъ талантливыхъ переводчиковъ. Перу его принадлежатъ переводы популярнѣйшихъ оперетъ: «Нищій студентъ», «Цыганскій баронъ», «Модель», «Ужасы войны» и мн. др. Кромѣ этого, М. Г. Яронъ извѣстенъ, какъ авторъ остроумныхъ куплетовъ на злобы дня, всегда отличающихся тонкимъ юморомъ и блестящей римой. Опереточные комики успѣхомъ своимъ въ столь любимыхъ публикой куплетахъ, составляющихъ обязательную принадлежность чуть ли не всякой оперетты, въ значительной степени обязаны талантливому монополисту въ этой области М. Г. Ярону. М. Г. Яронъ пишетъ десятки куплетовъ, и куплеты эти всегда на рѣдкость удачны. Изъ самостоятельныхъ произведеній большимъ успѣхомъ пользовалась шедшая въ московскомъ театрѣ Корша комедія въ трехъ дѣйствіяхъ «Во снѣ и на яву», написанная въ звучныхъ и красивыхъ стихахъ. Журнальную дѣятельность свою юбиляръ началъ въ Одессѣ, гдѣ воскресные фельетоны его имѣли шумный успѣхъ. Переселившись въ столицу, М. Г. Яронъ продолжалъ сотрудничать въ періодическихъ изданіяхъ Петрограда и Москвы, отмѣчая въ стихахъ и прозѣ всѣ перипетіи нашей общественной жизни. Несмотря на такую долготѣнную дѣятельность, М. Г. Яронъ полонъ силъ и до сихъ поръ неутомимо работаетъ. Исключительныя обстоятельства текущаго времени не позволили многочисленнымъ друзьямъ симпатичнаго юбиляра чествовать его спеціальнымъ празднествомъ, но, несомнѣнно, каждый изъ нихъ отъ всей души пожелаетъ дарови-

тому М. Г. Ярону столь же успѣшнаго продолженія его дѣятельности на много лѣтъ.

На памятникъ князю М. И. Кутузову-Смоленскому. Комитетъ по устройству въ Москвѣ памятника генераль-фельдмаршалу свѣтлѣйшему князю Михаилу Иларіоновичу Кутузову-Смоленскому имѣеть честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что со дня открытія высочайше утвержденнаго сбора на сооруженіе означеннаго памятника, съ 23-го ноября 1913 года по 1-ое декабря 1914 года, комитетомъ получено 43.418 р. 98 к., изъ которыхъ израсходовано на печатаніе бланковъ, рассылку до 100.000 подписныхъ листовъ, помѣщеніе, содержаніе канцеляріи и другія надобности 6.196 р. 26 к. Остается чистаго прихода 37.222 р. 72 к., изъ коихъ 36.000 рублей находятся въ годовомъ обращеніи изъ $4\frac{1}{2}$ процентовъ въ Московскомъ купеческомъ банкѣ, а остальные 1.222 р. 72 к. въ томъ же банкѣ на простомъ текущемъ счету. За покрытіемъ издержекъ по печатанію и рассылкѣ бланковъ и листовъ, нынѣ ежегодный расходъ опредѣленъ лишь до 1.500 р. Комитетъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ принести всѣмъ жертвователямъ свою глубокую благодарность и сообщить, что, несмотря на переживаемое тяжелое военное время, притокъ въ комитетъ пожертвованій на сооруженіе памятника князю М. И. Кутузову продолжается въ значительномъ количествѣ, а въ послѣднее время пожертвованія стали даже поступать съ такими надписями на листахъ: «Вернувшись изъ-за границы, спѣшу выслать на памятникъ такую-то сумму». Все это, при теперешней европейской войнѣ, также называемой «Отечественной», безъ сомнѣнія, служить явнымъ подтвержденіемъ вѣрной оцѣнки нынѣ нашимъ самосознаніемъ выдающейся личности главнокомандующаго русскихъ войскъ въ славномъ 1812 году. Комитетъ съ отряднымъ чувствомъ можетъ отмѣтить, что въ пожертвованіяхъ на сооруженіе въ Москвѣ памятника князю М. И. Кутузову принимаютъ участіе всѣ сословія. Замѣчательно, что множество крестьянъ по деревнямъ подписываютъ двѣ, три и пять копеекъ и онѣ по всему сельскому обществу составляютъ рубли, увеличивающіе фондъ комитета. Болѣе крупныя пожертвованія на сооруженіе въ Москвѣ памятника князю М. И. Кутузову-Смоленскому поступили отъ слѣдующихъ учреждений и лицъ: московское дворянство—3.000 р., харьковское дворянство—300 р., графъ С. Д. и графиня Е. П. Шереметевы—225 р., М. Ф. Гончаровъ—210 р., управление по передвиженію войскъ московско-смоленскаго района—160 р., мануфактуръ-совѣтникъ М. А. Павловъ—150 р., генераль-отъ-инфантеріи П. Е. Агапьевъ—103 р. 80 к. По 100 рублей: И. Д. Баевъ, А. Ф. Вантышъ, вологодское дворянство, графиня Е. А. Воронцова-Дашкова, княгиня А. С. Голицына, М. М. Гончаровъ, О. Н. Гончарова, Ново-гостинодворская биржевая артель, грайворонское дворянство, Н. Л. Давыдовъ, А. А. Измаиловъ, Н. А. Ильинъ, Н. С. Мальцовъ, герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій Михаилъ Георгіевичъ, О. И. Макшеева-Машенова, С. Т. Морозовъ, Н. Ф. Монтезоръ, крестьянинъ И. Т. Нерубасскій, К. Н. Пасхаловъ, 3-й гренадерскій Перновскій полкъ, петроградская государственная типографія, лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, ревельская гимназія императора Николая I, Самарское коммерческое собраніе, смоленское дворянство, Троице-Сергіева лавра, 72-й пѣхотный Тульскій полкъ, А. Н. Устиновъ, 11-й гренадерскій Фанагорійскій

полкъ, финляндскій сенатъ, 17-й гусарскій Черниговскій полкъ и правленіе Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ. Приемъ пожертвованій на сооруженіе въ Москвѣ памятника свѣтлѣйшему князю М. И. Кутузову-Смоленскому продолжается. Жертвуемая суммы могутъ непосредственно быть направлены въ учрежденный для сей цѣли комитетъ (Москва, д. 15, на Царицынской улицѣ) или сданы въ губернскія и уѣздныя казначейства въ депозитъ комитета, или же въ отдѣленія и конторы государственнаго банка на условный текущій счетъ комитета подъ № 40.309.

НЕКРОЛОГИ.

АЛЕКСІЙ, архієпископъ. 22-го декабря было совершено въ Донскомъ монастырѣ погребеніе архієпископа Алексія. Почившій, въ мѣрѣ Алексѣй Алексѣвичъ Опоцкій, родился въ 1837 году въ селѣ Шкнятинѣ Порховскаго уѣзда Псковской губерніи и учился въ псковской семинаріи, изъ которой перешелъ въ петроградскую духовную академію. По окончаніи академическаго курса въ 1863 году со степенью кандидата богословія онъ восемь мѣсяцевъ состоялъ главнымъ, отвѣтственнымъ корректоромъ официальной газеты «Сѣверная Почта» и только съ 1864 года выступилъ на педагогическое поприще: покойный сначала состоялъ инспекторомъ въ виленскомъ духовномъ училищѣ (1864—1866 гг.), затѣмъ, по принятіи священства,—настоятелемъ виленской Николаевской церкви и законоучителемъ тамошней женской гимназіи (1866—1871 гг.), переведенный же въ городъ Гродну занималъ мѣсто протоіерея при Софійскомъ соборѣ и должность законоучителя при мѣстной классической гимназіи (1871—1891 гг.); здѣсь, кромѣ того, въ цѣляхъ христіанско-просвѣтительной благотворительности, для проведенія въ жизнь тамошняго общества началъ православія и русской народности имъ было учреждено въ 1882 году «православное Свято-Софійское братство въ память Царя-Освободителя». Послѣ кончины жены заслуженный о. протоіерей Опоцкій принялъ монашество въ 1891 году съ оставленіемъ прежняго своего имени и, возведенный въ санъ архимандрита, былъ опредѣленъ ректоромъ литовской духовной семинаріи (съ 18-го декабря 1891 г.), но въ этой должности пробывъ только около двухъ лѣтъ: 30-го сентября 1893 года онъ былъ назначенъ епископомъ балахнинскимъ и викаріемъ нижегородской епархіи (1893—1896 гг.), затѣмъ состоялъ епископомъ вятскимъ и слободскимъ (1896—1901 гг.), экзархомъ Грузіи и членомъ Святейшаго Синода (1901—1905 гг.), наконецъ—архієпископомъ тверскимъ и кашинскимъ (1905—1910 гг.). Уволенный на покой (съ 20-го января 1910 года), почившій переселился въ Москву.

гдѣ до конца жизни занималъ мѣсто управляющаго Донскимъ монастыремъ, сохраняя званіе члена Святѣйшаго Синода и обязанности члена московской синодальной конторы. Изъ трудовъ покойнаго архіепископа Алексія извѣстны проповѣди, напечатанныя въ «Вѣдомостяхъ» тѣхъ епархій, гдѣ ему привелось служить, и «Слово при нареченіи въ архіерейскій санъ», помѣщенное въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» (1893 г., № 48. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1914, № 297).

† **Бибилінъ, Н. И.** 12-го декабря скончался одинъ изъ видныхъ педагоговъ, членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. И. Бибилінъ. Н. И. по окончаніи курса физико-математическаго факультета императорскаго университета началъ педагогическую дѣятельность въ гимназій при императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ и во многихъ частныхъ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Впослѣдствіи Н. И. былъ назначенъ директоромъ перваго реального училища, во главѣ котораго стоялъ около восемнадцати лѣтъ, проявляя особыя заботы и попеченія о неимущихъ ученикахъ своего училища. Трудями покойнаго былъ созданъ училищный храмъ и при немъ учреждено братство святителя Иннокентія и положено основаніе учрежденію школьной дачи училища. Въ 1904 году, оставивъ постъ директора перваго реального училища, Н. И. Бибилінъ былъ назначенъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, а вскорѣ же и членомъ учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ. Покойный Н. И. немало также работалъ по области математики и оставилъ нѣсколько цѣнныхъ трудовъ въ данной области. (Некрологъ его: «Петроградскій Листокъ», 1914, № 343).

† **Бунге, Н. А.** Скончавшійся въ Монтрѣ въ Швейцаріи 31-го декабря заслуженный профессоръ университета Святого Владимира въ Кіевѣ Николай Андреевичъ Бунге принадлежалъ къ знатокамъ химіи. По чистой химіи извѣстны его цѣнныя изслѣдованія по электролизу органическихъ кислотъ. По технической химіи онъ занимался по преимуществу изслѣдованіями винодѣлія и свеклосахарнаго производства. Цѣннымъ вкладомъ въ химико-техническую литературу является его «Химическая технологія», въ которой онъ подробно изслѣдовалъ воду и топливо. Подъ редакціей покойнаго составленъ библиографическій указатель русской литературы по математикѣ и естествознанію (10 томовъ) и по химической технологіи. Н. А. родился въ Варшавѣ въ 1842 году. По окончаніи курса въ кіевскомъ университетѣ онъ былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію и въ 1870 году былъ приглашенъ читать техническую химію. Съ этого времени дѣятельность покойнаго сосредоточилась въ кіевскомъ университетѣ. Онъ блестяще защитилъ магистерскую и докторскую диссертациі, былъ сперва экстраординарнымъ, потомъ ординарнымъ и заслуженнымъ профессоромъ. Досуги своей ученой дѣятельности Н. А. посвящалъ общественной жизни. Онъ былъ предсѣдателемъ кіевского отдѣленія императорскаго технического общества и принималъ видное участіе въ трудахъ мѣстнаго общества естествоиспытателей. (Некрологъ его: «Новое Время», 1915, № 13942).

† **Витрамъ, О. О.** 23-го декабря скончался старшій астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи въ Пулковѣ Оедоръ Оедоровичъ Витрамъ. Покойный родился въ 1854 году въ Ригѣ. По окончаніи курса въ юревскомъ университетѣ по физико-математическому факультету, онъ опредѣлился на службу въ Пулковскую обсерваторію. Его дѣятельность была связана съ жизнью обсерваторіи болѣе тридцати шести лѣтъ. Будучи сперва вычислителемъ, онъ былъ потомъ адъюнктъ-астрономомъ и въ послѣдніе годы старшимъ астрономомъ. Николаевская военная академія потеряла въ немъ своего профессора, читавшаго курсъ геодезіи и практической астрономіи. Покойный принималъ неоднократно дѣятельное участіе въ наблюденіяхъ солнечнаго затмѣнія. Имъ опубликовано было нѣсколько цѣнныхъ трудовъ по его специальности, удостоенныхъ географическомъ обществомъ Константиновской золотой медали. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914, № 13936).

† **Волошинъ, М.** Въ Кіевѣ умеръ даровитый провинціальный журналистъ-поэтъ М. Волошинъ. Какъ и подобаетъ настоящему газетному работнику, Волошинъ умеръ на больничной койкѣ. Это былъ интересный человекъ. Больше всего его знали въ Кіевѣ, гдѣ онъ работалъ въ «Кіевской Газетѣ» Соловцова, а затѣмъ въ «Кіевскихъ Откликахъ» и «Кіевской Мысли», гдѣ Волошинъ писалъ провинціальные фельетоны. Жизнь его была тяжка и печальна... Въ послѣднее время Волошинъ былъ очень боленъ, одно время совсѣмъ было исчезъ изъ журналистики и только недавно началъ писать въ вечерней кіевской газетѣ. Писалъ онъ небольшіе яркіе, оригинальные фельетоны. За три дня до смерти пришло разрѣшеніе на журналъ, задуманный Волошинымъ въ Кіевѣ. Этого разрѣшенія онъ такъ и не прочиталъ, смертельно больной... (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», 1915, № 4).

† **Гржимали, И. В. проф.** Утромъ 11-го января скончался отъ нервнаго удара на семьдесятъ первомъ году жизни заслуженный профессоръ московской консерваторіи Иванъ Войцеховичъ Гржимали. Онъ былъ чехъ, родился въ 1844 году въ Пильзенѣ, учился музыкѣ у своего отца-органиста, а затѣмъ въ пражской консерваторіи и, какъ выдающійся скрипачъ, своими концертами снискалъ большую извѣстность за границей. Въ 1896 году покойный Н. Г. Рубинштейнъ пригласилъ И. В. Гржимали въ московскую консерваторію помощникомъ по преподаванію игры на скрипкѣ знаменитаго Лауба, на дочери котораго онъ былъ женатъ. По смерти его онъ избранъ былъ профессоромъ и сорокъ пять лѣтъ своей жизни посвятилъ музыкальному дѣлу въ Москвѣ. Къ нему перешла знаменитая страдиваріевская скрипка Лауба. Кромѣ преподавательства, покойный состоялъ концертмейстеромъ русскаго музыкальнаго общества и членомъ квартета. Онъ немало выступалъ солистомъ въ симфоническихъ и другихъ концертахъ. Талантливая, исполненная задушевности, игра создала ему огромный кругъ поклонниковъ. Огромное большинство скрипачей Москвы—его ученики, но много ихъ разсѣяно и по всей Россіи. Изъ нихъ многіе стали извѣстными артистами, какъ Бардевичъ, кн. Дуловъ, Печниковъ, Арендсъ, Крейнъ, Прессъ, Любошицъ и другіе. Покойный напечаталъ цѣлый рядъ педагогическихъ сочиненій, посвященныхъ скрипкѣ. (Некрологъ его: прибавленіе къ № 8 «Московскихъ Вѣдомостей», 1915).

† **Каблуновъ, С. А.** 12-го декабря скончался Сергій Алексѣевичъ Каблуковъ. Съ глубокимъ сознаниемъ общественнаго долга все свободное время и силы покойный посвящалъ работѣ въ кооперативныхъ и взаимовспомогательныхъ организаціяхъ въ качествѣ члена выборныхъ органовъ и ревизионныхъ комиссій. Работая въ коопераціи, С. А. Каблуковъ началъ въ качествѣ члена правленія московскаго общества потребителей «Взаимная польза» въ срединѣ пятидесятихъ годовъ, принимая дѣятельное участіе въ первыхъ блестящихъ шагахъ общества. Въ качествѣ представителя этого общества онъ вошелъ въ составъ бюро возникшаго въ 1898 году московскаго союза потребительныхъ обществъ, неся безвозмездно въ теченіе четырнадцати лѣтъ обязанности сначала члена бюро и затѣмъ его предсѣдателя, пока въ 1913 году онъ не былъ избранъ при реорганизаціи управленія дѣлами союза почетнымъ предсѣдателемъ союза. Дѣятельное участіе принималъ также покойный въ обществѣ взаимопомощи купеческихъ приказчиковъ, гдѣ онъ въ послѣднее время состоялъ предсѣдателемъ кассы взаимнаго вспоможенія на случай смерти. Съ учрежденіемъ московскаго народнаго банка С. А. Каблуковъ былъ избранъ членомъ ревизионной комиссіи послѣдняго. Долго было бы перечислять всѣ тѣ выборныя должности, на которыхъ работалъ покойный. Онъ именно повсюду работалъ, посвящая общественной работѣ вмѣсто отдыха досугъ, остававшійся у него послѣ профессиональнаго занятія бухгалтеріей, дававшего ему средства къ существованію. Струя полной личной незаинтересованности, объективности, умѣнія подчинять свои личныя симпатіи общественной коллегіальной дисциплинѣ дѣлала легкой и пріятной совмѣстную работу съ Сергѣемъ Алексѣевичемъ, окружала его общимъ уваженіемъ сотрудниковъ. И если сейчасъ возникшій скромно и незамѣтно шестнадцать лѣтъ тому назадъ московскій союзъ потребительныхъ обществъ развился въ организацію, объединяющую 1,200 кооперативовъ, достигъ десятиmillіоннаго годового оборота, то въ немалой долѣ этимъ обязанъ онъ С. А. Каблукову, вложившему много труда на первыхъ организаціонныхъ шагахъ молодого, новаго въ Россіи союзно-кооперативнаго дѣла. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1914, № 196).

† **Рыкачевъ, А. М.**¹⁾ 10-го ноября 1914 года палъ на полѣ брани молодой ученый Андрей Михайловичъ Рыкачевъ. Покойный родился въ Петроградѣ 2-го ноября 1876 года; въ гимназію поступилъ въ 1885 году и окончилъ ее въ 1894 году. Осенью того же года онъ поступилъ въ петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, а въ 1895 г. перешелъ на юридическій; въ 1900 году онъ уже сдаетъ государственный экзаменъ. Въ 1889 г. покойный занимался въ качествѣ счетчика въ статистическомъ отдѣленіи министерства земледѣлія, а въ 1900 г.—по переписи въ Петроградѣ. Въ мартѣ 1901 г. онъ долженъ былъ уѣхать въ Саратовъ въ административную ссылку; тамъ онъ работаетъ въ «Саратовскомъ Дневникѣ»; издававшемся тогда Н. Н. Львовымъ, и здѣсь же сходится съ В. С. Годубевымъ и И. В. Жилкинымъ, съ которыми работалъ потомъ въ періодическихъ изданіяхъ въ Петроградѣ,

¹⁾ Сообщилъ Т. А. Мартымяновъ.

куда покойный вернулся в концѣ 1902 года. Въ столицѣ А. М. работалъ въ журналѣ «Миръ Божій», а также въ «Народномъ Хозяйствѣ» Ходскаго, затѣмъ въ газетѣ «Наша Жизнь» и въ замѣнившемъ ее «Товарищѣ»; отъ «Нашей Жизни» онъ посланъ былъ въ японскую войну военнымъ корреспондентомъ на театръ военныхъ дѣйствій и присылалъ оттуда корреспонденціи. По окончаніи войны покойный работалъ, въ качествѣ журналиста, во многихъ журналахъ. Въ 1906 г. А. М. пишетъ также отчеты о засѣданіяхъ первой Государственной Думы. Вскорѣ затѣмъ А. М. почти всецѣло отдается научнымъ работамъ. Въ 1910 г., не переставая заниматься наукой, онъ принимаетъ также участіе въ работѣ по столичной городской статистикѣ, но скоро оставляетъ эту работу для того, чтобы отдаться еще болѣе важной—принять участіе въ трудахъ экспортной палаты по разработкѣ проекта новаго торговаго договора съ Германіей. Въ это же время онъ читаетъ уже лекціи по политической экономіи на Стебутовскихъ женскихъ сельско-хозяйственныхъ курсахъ; въ 1914 г. его избираютъ штатнымъ преподавателемъ политической экономіи на тѣхъ же курсахъ. Года три-четыре тому назадъ А. М. сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ «Русской Мысли». Въ послѣдніе годы онъ готовился было держать экзаменъ на магистра при московскомъ университетѣ, но изъ-за массы другихъ работъ ему не удалось покончить съ этимъ экзаменомъ. Не мало также статей покойнаго по текущей экономической литературѣ и вообще изъ области политической литературы было напечатано въ журналахъ «Миръ Божій» и другихъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ А. М. дѣятельно работалъ въ вольно-экономическомъ обществѣ и нѣкоторое время состоялъ даже секретаремъ одного изъ отдѣленій этого общества. Въ то время, когда А. М. работалъ въ экспортной палатѣ надъ такимъ вопросомъ величайшей важности, какъ проектъ новаго торговаго договора съ Германіей, внезапно разразилась великая русско-германская война. Охваченный патріотическимъ порывомъ, А. М. пожелалъ непременно принять въ этой расовой борьбѣ личное участіе въ качествѣ простаго вольноопредѣляющагося. Обязательному призыву въ ряды войскъ онъ не подлежалъ, такъ какъ воинское присутствіе, когда онъ еще являлся къ исполненію воинской повинности, признало его, по состоянію его здоровья, совершенно неспособнымъ къ военной службѣ и освободило его отъ таковой навсегда. Тѣмъ не менѣе А. М. сталъ теперь усиленно хлопотать, чтобы его приняли въ строй и отправили въ дѣйствующую армію. Врачи отсвѣтывали ему это, указывая опять-таки на слабость его здоровья. А. М., однако, настаивалъ на своемъ и былъ, наконецъ, 11-го августа принятъ на дѣйствительную военную службу вольноопредѣляющимся. 4-го октября онъ выбываетъ изъ Петрограда въ дѣйствующую армію, а 10-го ноября уже «погибъ на передовыхъ позиціяхъ» въ бою съ германцами, съ которыми онъ раньше упорно готовился бороться посредствомъ новаго торговаго договора.

† **Моисей, старецъ** Въ Троицкомъ Зеленецкомъ монастырѣ Новоладожскаго уѣзда скончался старѣйшій изъ іеромонаховъ обители—старецъ Моисей (въ мѣрѣ Михаилъ Ѳедоровичъ Чернецовъ). Покойный—личность замѣчательная своими обширными воспоминаніями, имѣющими большое историческое значеніе. Онъ началъ свою иноческую жизнь въ знаменитомъ нынѣ Са-

ровѣ, гдѣ въ теченіе тридцати восьми лѣтъ состоялъ келейникомъ при старцѣ Θεодосіи, въ свою очередь сорокъ лѣтъ исполнявшемъ эти же обязанности при преподобномъ Серафимѣ Саровскомъ. Изъ бесѣды съ о. Θεодосіемъ покойный почерпнулъ много интереснѣйшихъ свѣдѣній о послѣднихъ годахъ царствованія императора Александра I, о прѣподобномъ Серафимѣ Саровскомъ и многихъ другихъ выдающихся дѣятеляхъ первой четверти прошлаго столѣтія. Для записи этихъ воспоминаній весной прошлаго года командированъ былъ къ о. Моисею преподаватель петроградской духовной семинаріи Д. А. Тарасовъ, съ которымъ старецъ охотно подѣлился всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ. Его рассказы, записанные г. Тарасовымъ дословно, поражаютъ красотой и образностью языка и рѣдкимъ остроуміемъ. (Некрологъ его: «Вечернее Время», 1915, № 989).

† **Трутовскій, Я. Я.** 18-го декабря, поздно ночью, скончался послѣ семимѣсячной тяжелой болѣзни извѣстный на югѣ Россіи невропатологъ, приватдоцентъ харьковскаго университета докторъ медицины Яковъ Яковлевичъ Трутовскій, на 48 году жизни. Покойный былъ сыномъ ветеринарнаго врача (изъ семьи извѣстнаго художника), родился въ Константиноградскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, но учился въ Харьковѣ. Здѣсь онъ окончилъ гимназію и университетъ, въ 1889 году, совсѣмъ молодымъ, двадцатитрехлѣтнимъ врачомъ, выдававшимся и тогда уже своими блестящими способностями и научными знаніями. Каѳедру психіатріи занималъ тогда П. И. Ковалевскій, ученикомъ котораго былъ покойный: онъ работалъ подъ его руководствомъ и впоследствии сдѣлался его ассистентомъ. Вскорѣ послѣ окончанія университета Я. Я. занялъ мѣсто штатнаго ординатора на Сабуровой дачѣ по психіатрическому отдѣленію, былъ онъ затѣмъ ординаторомъ въ лечебницѣ И. Я. Платонова и лѣтъ около пятнадцати тому назадъ открылъ собственную психіатрическую лечебницу, сначала небольшую, которая затѣмъ разрослась въ одну изъ самыхъ крупныхъ на югѣ Россіи. Въ этой клиникѣ покойный Я. Я. открылъ отдѣленіе для леченія алкоголиковъ. Занятія въ лечебницѣ не отрывали Я. Я. отъ работъ въ качествѣ специалиста за предѣлами ея, такъ, съ 1903 года онъ занималъ должность врача на Харьковско-Николаевской желѣзной дорогѣ, а затѣмъ Донецкой, по изслѣдованію нервныхъ болѣзней служащихъ, много писалъ по вопросамъ, стоявшимъ тогда на очереди въ области психіатріи. Онъ былъ первый, разработавшій вопросъ о травматическомъ неврозѣ. Въ 1897 году Я. Я. защитилъ свою диссертацию «Къ ученію о физиологическомъ дѣйствиі частоты электрическихъ ударовъ на сердце, нервы и мускулы»,— работа эта вышла изъ физиологической лабораторіи А. Я. Данилевскаго. Большую извѣстность приобрѣлъ Я. Я. въ качествѣ эксперта; онъ участвовалъ въ разрѣшеніи многихъ крупнѣйшихъ процессовъ; его заключенія, всегда ясныя, опредѣленные, отлично мотивированныя и обоснованныя, выдвинули его въ первые ряды русскихъ невропатологовъ. Солидная научная подготовка, большой умъ, способность къ обобщенію, мѣткость и острота взгляда при общемъ литературномъ образованіи дѣлали заключенія Я. Я. чрезвычайно интересными, тѣмъ болѣе, что онъ блестяще владелъ словомъ, былъ находчивъ и экспансивенъ, какъ ораторъ. Я. Я. писалъ много и легко, и любилъ это дѣло, особенно, когда былъ по-

моложе. Въ книжкахъ «Архива русской психіатріи» много десятковъ его крупныхъ работъ и переводы заграничныхъ специалистовъ. (Некрологъ его: «Южный Край», 1914, № 12448).

† **Морской, Г. А.** 26-го декабря, въ четыре часа дня, послѣ долгихъ страданій скончался въ больницѣ Кальмейера артистъ императорскихъ театровъ Гаврииль Алексѣевичъ Морской (Ячницкій). Сынъ священника Черниговской губерніи, Г. А. родился въ 1862 году. Дѣтство и юношество покойнаго прошло въ хорѣ митрополита кіевскаго Филофея, съ которымъ онъ и попалъ въ Петроградъ, гдѣ и слушалъ регентскіе курсы пѣвческой капеллы. Окончивъ ихъ со званіемъ регента, покойный поступилъ въ консерваторію, въ классъ профессора Эверарди, въ одно время съ І. В. Тартаковымъ, П. А. Лодій и другими свѣтилками нашей оперы. Послѣ окончанія консерваторіи со званіемъ свободного художника, покойный сразу занялъ выдающееся положеніе въ оперныхъ труппахъ провинціи, выступая съ большимъ успѣхомъ въ Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Тифлисѣ и другихъ крупныхъ центрахъ, поражая своимъ красивымъ теноромъ. Лучшими его партіями считались Ленскій, Левко, Радамесь, Рауль и др. Въ 1895 году онъ дебютировалъ съ большимъ успѣхомъ въ Маріинскомъ театрѣ въ «Аидѣ». Принятый въ составъ труппы и прослуживъ съ честью въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, онъ по болѣзни долженъ былъ выйти въ отставку. Проработавъ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ преподавателя петроградской консерваторіи, покойный открылъ курсы пѣнія, выпустивъ не мало хорошихъ пѣвицъ и пѣвцовъ. Тонкій исполнитель малороссійскихъ пѣсень, покойный былъ постояннымъ участникомъ благотворительныхъ концертовъ, въ которыхъ пользовался исключительнымъ успѣхомъ (Некрологъ его: «Петроградскій Листокъ», 1914, № 356).

† **Умовъ, Н. А.** Въ Москвѣ 2-го января скончался бывшій профессоръ московскаго университета, докторъ физики, Николай Алексѣевичъ Умовъ. Покойный родился въ Симбирскѣ въ 1846 году. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ кандидатомъ физико-математическихъ наукъ былъ недолго вольнослушателемъ технологическаго института. Съ 1868 года Н. А. преподавалъ физику въ нѣсколькихъ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ и на лубянскихъ курсахъ. Въ 1871 году былъ выбранъ доцентомъ новороссійскаго университета, вскорѣ защитилъ диссертацию: «Законы колебаній въ изотропной средѣ постоянной упругости» на степень магистра физики и читалъ студентамъ теоретическую и экспериментальную физику. Въ 1893 году покойный перешелъ въ московскій университетъ, преподавалъ физику студентамъ-медикамъ и теорію физики студентамъ-математикамъ. Послѣ смерти профессора А. Г. Столѣтова явился его замѣстителемъ по кафедрѣ экспериментальной физики. Въ 1910 г. онъ покинулъ университетъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1915 г., № 13942).

† **Фокинъ, Н. Н.** 26-го декабря скоропостижно, во время сердечнаго припадка, скончался въ Петроградѣ на 47 году жизни редакторъ журнала «Наша Охота» Николай Николаевичъ Фокинъ. Покойный происходилъ изъ купеческой семьи, съ ранняго дѣтства пристрастился къ природѣ и охотѣ и, не окончивъ курса коммерческаго училища, получивъ самостоятельность послѣ смерти

родителей, всецѣло увлекся охотой и изученіемъ природы до самозабвенія. Около десяти лѣтъ онъ провелъ въ глухихъ, но богатыхъ дичью угодьяхъ Бѣлозерскаго уѣзда Новгородской губерніи. Далекій отъ инстинктовъ промышленника, онъ былъ идеалистомъ-охотникомъ и истиннымъ любителемъ природы. Все свободное время онъ посвящалъ охотничьей литературѣ, сотрудничая въ повременныхъ изданіяхъ («Природа и Охота» и друг.) и помѣщая тамъ статьи на охотничьи темы, обзоры охотничьяго дѣла въ уѣздѣ, рассказы и стихотворенія. Въ нихъ онъ обнаружилъ недюжинный литературный талантъ; описанія природы и охоты Н. И. отличаются наглядностью, живостью, колоритностью и полнымъ отсутствіемъ вымысла и преувеличенія. Онъ чутко ощущалъ красоты природы, и описаніе его охотничьихъ переживаній полно поэзіи. Какъ человекъ, онъ былъ безупречной честности и кристальной души; и замкнутый для большинства, онъ только для своихъ интимныхъ друзей довѣрчиво открывалъ свою симпатичную душу. Переселившись съ 1906 г. въ Петроградъ, Н. Н. Фокинъ основалъ журналъ «Наша Охота» и съ тѣхъ поръ почти безвыѣздно жилъ до смерти своей въ столицѣ, неся громадный трудъ по изданію журнала почти единолично, пользуясь помощью только своей супруги Александры Николаевны. Работая буквально дни и ночи, съ затратой и энергіи, и матеріальныхъ средствъ Н. Н. поставилъ журналъ на рѣдкую для подобнаго рода изданій высоту и привлечь къ сотрудничеству лучшія силы русской охотничьей литературы. Наградой его трудамъ были все увеличивающійся кругъ читателей и лестная оцѣнка его изданія, выразившаяся въ присужденіи ему 11 золотыхъ медалей за періодъ съ 1909 по 1914 годъ на различныхъ спортивныхъ выставкахъ въ Россіи. Какъ редакторъ, онъ былъ чуждъ партійности и политики и широко раскрывалъ страницы своего журнала для всякой дѣльной статьи. Непосильные труды по изданію и связанныя съ ними волненія немало способствовали развитію сердечнаго недуга, который безвременно свелъ Н. Н. въ могилу. Кромѣ многочисленныхъ томовъ своего журнала за восемь лѣтъ, Н. Н. обогатилъ отечественную охотничью литературу выпускомъ въ свѣтъ многочисленныхъ монографій по охотѣ и сборниковъ рассказовъ и очерковъ, какъ своего сочиненія, такъ и другихъ авторовъ (Комарова, Байкова, Мельницкаго, Орнатскаго), капитальныхъ трудовъ по оружію А. П. Ивашенцова («Бой и служба дробового ружья») и С. А. Бутурлина («Стрѣльба пулею») и многихъ другихъ. Послѣднее время, какъ специалистъ, онъ принималъ участіе въ трудахъ особой комиссіи по выработкѣ мѣръ къ распространенію и развитію стрѣлковаго дѣла въ населеніи Россіи. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914, № 13937).

† **Шварцъ, А. Н.** 5-го января скончался отъ грудной жабы заслуженный профессоръ, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, бывший министръ народнаго просвѣщенія А. Н. Шварцъ. Покойный родился въ 1848 году въ Тулѣ, получилъ высшее образованіе въ московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету и, окончивъ его въ 1868 году, состоялъ преподавателемъ классическихъ языковъ въ нѣсколькихъ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ до 1875 года, когда былъ избранъ доцентомъ по кафедрѣ греческой словесности и на средства министерства народнаго просвѣщенія командированъ съ ученой цѣлью за границу. Въ 1884 году, будучи экстраординарнымъ профессо-

ромъ, онъ читаль лекціи по теоріи и исторіи искусствъ до 1888 года, послѣ чего снова перешель на кафедру классической литературы. Въ 1892 году защитилъ диссертацию «О государствѣ аѳинскомъ» на степень доктора греческой словесности и въ томъ же году получилъ званіе ординарнаго профессора, соединяя вмѣстѣ съ профессорскою дѣятельностью въ теченіе пяти лѣтъ и должность директора московскихъ гимназій. Спустя пять лѣтъ, А. Н. былъ назначенъ директоромъ Константиновскаго межевого института и одновременно продолжалъ читать лекціи въ университетѣ. Во время профессуры А. Н. Шварцъ помимо диссертации напечаталъ рядъ ученыхъ работъ, въ томъ числѣ «О композиціи скульптурныхъ украшеній Парѳенона», «Изъ наблюденій надъ «Политикою» Аристотеля». Многія его работы посвящены археологіи и искусству греческихъ колоній въ Россіи. Изъ многочисленныхъ педагогическихъ трудовъ наибольшей извѣстностью пользовались его книги «Гуманистическая гимназія» и «Петиція о полномъ переустройствѣ нѣмецкихъ школъ Оскарда Легера, директора кельнской гимназіи» и «Отчетъ о поѣздкѣ въ 1894 году въ Германію и Францію для ознакомленія съ нѣкоторыми учебными заведениями» (вмѣстѣ съ гр. П. А. Капнистомъ). Съ цѣлью ознакомленія съ постановкой среднихъ учебныхъ заведеній за границей А. Н. Шварцъ совершилъ рядъ поѣздокъ и, между прочимъ, въ 1900 году участвовалъ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ и былъ президентомъ жюри по отдѣлу среднего образованія. Въ 1904 году онъ назначенъ былъ попечителемъ рижскаго учебнаго округа, затѣмъ черезъ годъ переведенъ на постъ попечителя варшавскаго учебнаго округа, который онъ занималъ вплоть до назначенія его въ 1905 году попечителемъ московскаго учебнаго округа. Не сойдясь во взглядахъ съ тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ И. И. Толстымъ, покинулъ постъ попечителя и былъ назначенъ сенаторомъ въ департаментъ герольдіи. Въ концѣ 1907 года А. Н. Шварцъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и съ 1-го января 1908 года былъ призванъ на постъ министра народнаго просвѣщенія. На этомъ отвѣтственномъ посту покойный проявилъ себя, между прочимъ, принятіемъ ряда мѣръ о восстановленіи ограничительныхъ нормъ для приѣма евреевъ, объ отміненіи приѣма женщинъ вольнослушательницами въ университеты, о прекращеніи дѣятельности совѣта студенческихъ старостъ и пр. При А. Н. Шварцѣ была восстановлена система внѣшкольнаго надзора за учениками среднихъ школъ, переработанъ уставъ женскихъ семинарій, изготовленъ новый уставъ гимназій, внесенъ законопроектъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія учителей среднихъ школъ и пр. Имъ былъ также выработанъ новый университетскій уставъ для представленія въ законодательныя учрежденія. Въ качествѣ представителя министерства покойный очень часто выступалъ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ. (Некрологъ его: «Вечернее Время», 1914, № 990).

† **Шестаковъ, П. М.** 23-го декабря, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался извѣстный педагогъ, литераторъ и журналистъ П. М. Шестаковъ. Всѣ, кто соприкасался съ дѣломъ народнаго образованія, съ народной школой, хорошо знаютъ это имя. Самъ народный учитель, онъ отдалъ работѣ въ интересахъ школы и учителя всю свою жизнь. По окончаніи курса въ

киржачской учительской семинаріи, онъ работалъ въ школахъ Московской, затѣмъ Тульской губерній, гдѣ сразу обратилъ на себя вниманіе, какъ выдающійся, идейный школьный учитель. Стремясь расширить свое образованіе, онъ въ срединѣ 80-хъ годовъ оставляетъ учительство и поступаетъ въ петроградскій учительскій институтъ. Здѣсь сразу началась для него дѣятельная, кипучая жизнь: занятія въ институтѣ, участіе въ кружкахъ учащейся молодежи, чтеніе въ интересахъ самообразованія, — все захватываетъ его цѣликомъ; онъ работаетъ до самозабвенія, съ увлеченіемъ молодости и пыломъ своей страстной натуры. Но полного курса ему окончить не удалось: за нѣсколько мѣсяцевъ до выпускныхъ экзаменовъ онъ долженъ былъ оставить Петроградъ и выбрать мѣстомъ жительства Нижній-Новгородъ. Сдавъ въ одинъ день всѣ экзамены на званіе учителя городского училища (на сборы для выѣзда изъ Петрограда ему было дано 24 часа), онъ безъ копейки въ карманѣ ѣдетъ въ Нижній и здѣсь въ первое время испытываетъ сильную матеріальную нужду, но не падаетъ духомъ. Къ этому времени относится начало его работы въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», — сначала въ качествѣ корреспондента, затѣмъ, по переѣздѣ въ Москву, въ качествѣ постоянного близкаго сотрудника. Это время (начало 90-хъ годовъ) какъ разъ совпало съ оживленіемъ дѣятельности московскаго комитета грамотности. П. М. весь отдается работѣ въ комитетѣ. Онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ работахъ разныхъ комитетскихъ комиссій, занимается въ извѣстной тогда 3-й воскресной школѣ, завѣдуетъ фабричнымъ училищемъ на одной изъ большихъ московскихъ мануфактуръ, читаетъ доклады, рефераты, разрабатываетъ анкетныя данныя по народному образованію, изслѣдуетъ грамотность среди рабочихъ и т. д. Съ начала 900-хъ годовъ П. М. начинаетъ новую дѣятельность: онъ принимается за работу по созданію цѣлаго ряда учебныхъ книгъ и пособій для начальной школы. Книги эти съ самаго начала и до настоящаго времени издаются товариществомъ И. Д. Сытина. Съ 1907 года П. М. работаетъ по изданію педагогическаго журнала, посвященнаго исключительно нуждамъ народной школы и ея учителя, — журнала «Для Народнаго Учителя». Приблизительно съ этого же времени онъ становится лекторомъ московскихъ педагогическихъ курсовъ, гдѣ кладетъ начало совершенно новому курсу о дѣтской и народной литературѣ. Казалось бы, для одного человѣка достаточно и этой работы, но для такихъ людей, какъ П. М., этого было мало: онъ не пропускаетъ ни одного сколько-нибудь значительнаго съѣзда, посвященнаго вопросамъ народнаго образованія, являясь въ нихъ всегда виднымъ, активнымъ работникомъ. Многимъ, вѣроятно, еще памятны выступленія его на второмъ и третьемъ съѣздахъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію, на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ представителей учительскихъ обществъ, на первомъ съѣздѣ по внѣшкольному образованію. Мало того, — онъ находитъ еще время и силы читать лекціи на провинціальныхъ учительскихъ курсахъ. Въ лицѣ П. М. родина потеряла цѣннаго работника, школа и учитель — вѣрнаго и неизмѣннаго друга, всѣ знавшіе его — на рѣдкость замѣчательную личность. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1914, № 298).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи А. А. Миронова.

Въ декабрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за истекшій 1914 годъ, въ статьѣ «Новости археологiи» А. А. Миронова нѣсколько строкъ посвящено экспедици русскаго комитета для изученiя Средней и Восточной Азiи въ Китайскiй Туркестанъ.

Неточность и неполнота этого сообщенiя можетъ породить не вполне ясныя представленiя среди широкихъ круговъ читающей публики, которой извѣстiя и протоколы русскаго комитета въ массѣ недоступны. Между тѣмъ экспедицiя эта представляетъ крупное явленiе въ жизни русской археологiи.

Необходимость скорѣйшаго изученiя древностей домусульманской культуры Китайскаго Туркестана явилась одной изъ главныхъ причинъ образованiя международнаго союза для изученiя Средней и Восточной Азiи, центральнымъ органомъ котораго является русскiй комитетъ.

Для осуществленiя этой задачи комитетомъ была организована въ 1905—1907 гг. предварительная экспедицiя, результаты которой дали комитету возможность устроить въ помѣщенiи Царскосельскаго дворца выставку, удостоившуюся посѣщенiя Государя Императора, который, выразивъ свое одобренiе дѣятельности комитета, поручилъ академику С. Θ. Ольденбургу выработать въ возможно широкомъ масштабѣ планъ археологической экспедици въ Китайскiй Туркестанъ. Всеподданнѣйшiй докладъ, представленный комитетомъ, былъ Высочайше утвержденъ 30-го января 1909 года и на осуществленiе экспедици было отпущено всего 75.000 руб. Согласно Высочайше одобренному плану, работы экспедици были раздѣлены на двѣ части, и въ 1909—1910 гг. экспедицiя закончила лишь первую половину; весной минувшаго года экспедицiя возобновила свои работы, и въ настоящее время онѣ приближаются къ концу: нѣкоторые участники ея уже вернулись въ Петроградъ.

Этихъ краткихъ замѣчанiй достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ заведенiи комитета 29-го марта 1914 года не могъ быть «одобренъ и окончательно рѣшенъ проектъ археологической экспедици въ Китайскiй Туркестанъ», какъ вообще въ своей статьѣ г. Мироновъ, такъ какъ проектъ этой экспедици получилъ Высочайшее одобренiе пять лѣтъ тому назадъ. **С. Литвинъ.**

II.

Отвѣтъ Г. Г. Зоргенфрею.

Покорнѣйше прошу редакцiю «Историческаго Вѣстника» не отказать напечатать въ ближайшемъ номерѣ мой отвѣтъ на рецензию Г. Г. Зоргенфрея, помѣщенную въ январской книжкѣ за нынѣшнiй годъ, стр. 298—299.

Произошло какое-то недоразумѣніе: я ли недостаточно ясно выразился, или г. рецензентъ меня не понималъ. Въ виду этого я считаю необходимымъ прибавить нѣсколько словъ и тѣмъ возразить на возводимыя на меня обвиненія. Начнемъ по порядку. Г. рецензенту, вѣроятно, никогда не приходилось ни посѣщать нашихъ учительскихъ семинарій и институтовъ, ни бесѣдовать съ директорами провинціальныхъ изъ нихъ. Тогда бы г. рецензентъ убѣдился, что я былъ правъ, сказавъ, что учительскія семинаріи—самая слабая сторона дѣятельности нынѣшняго министерства. Штаты до сихъ поръ мизерные, поэтому подобрать подходящий составъ преподавателей чрезвычайно трудно, и въ провинціи, напримѣръ, въ одесскомъ округѣ поступаютъ въ преподаватели семинарій и даже института часто самые слабые преподаватели средней школы, за неимѣніемъ лучшихъ кандидатовъ. Вообще, я хотѣлъ сказать, что министерство совершенно забросило этотъ типъ заведеній, являющійся чуть ли не главнымъ, въ особенности при усиленной дѣятельности Государственной Думы. Открываются все новыя и новыя въ огромномъ числѣ народныя училища, а къ подготовкѣ достаточнаго контингента годныхъ учителей мѣръ не принимается почти никакихъ. Программы давно уже не пересматривались, съѣздъ директоровъ учительскихъ семинарій и институтовъ, собравшійся недавно въ министерствѣ, ни къ чему не привелъ и т. д.

Вообще я придаю громадное значеніе типамъ учебныхъ заведеній, готовящихъ преподавателей, и не могу не находить ихъ слабыми у насъ.

Сказалъ я далѣе, что наша современная русская школа (средняя) не старается развивать въ ученикѣ здоровой идеализаціи, имѣя въ виду, несомнѣнно, существующую склонность и предпочтеніе, отдаваемое нашими преподавателями словесности отрицательнымъ типамъ въ литературѣ, а на нихъ однихъ вы не воспитаете юношество! Это и есть, по-моему, глубокий и коренной педагогическій недостатокъ. Критическому методу мѣсто въ университетѣ, а не въ средней школѣ.

Что абитуранты наши выходятъ часто съ полнымъ отсутствіемъ научныхъ интересовъ, это, къ сожалѣнію, слишкомъ вѣрно, и вы постоянно можете наблюдать нашихъ медалистовъ, не знающихъ, куда поступить, на какой факультетъ, именно вслѣдствіе отсутствія умственныхъ научныхъ интересовъ. Поступивъ въ университетъ (обыкновенно на юридическій факультетъ, ошибочно считая его болѣе легкимъ), они обнаруживаютъ очень мало интереса, и, безъ обязательныхъ семинарскихъ занятій, ограничиваются долбленіемъ бесчисленныхъ литографированныхъ записокъ. (Объ этомъ только что вышла моя новая статья: «Къ вопросу объ университетскомъ преподаваніи»).

Борясь съ указаннымъ ненормальнымъ явленіемъ, я задался мыслью устроить профессорскія лекціи для учениковъ старшихъ классовъ, чтобы хоть нѣсколько оживить преподаваніе,—что мнѣ отчасти и удалось, при содѣйствіи Г. Г. Зоргенфрея.

Что касается того, что я сожалѣю о томъ, что дѣло народнаго образованія перешло почти всецѣло въ руки земства, я говорю это тоже на основаніи опыта,—я земскій гласный и бываю въ земскихъ собраніяхъ и всегда скажу, что правительству никогда не слѣдовало выпускать изъ своихъ рукъ народ-

наго образованія—самаго главнаго фундамента всего остальнаго. А что интересы земствъ и министерства (правительства) не всегда идентичны—тому доказательствомъ могутъ служить хотя бы безконечныя пререканія между харьковскимъ губернскимъ земствомъ и министерствомъ изъ-за нѣсколькихъ народныхъ библиотекъ. Это, конечно, одинъ незначительный случай, которыхъ въ повседневной практикѣ безчисленное количество.

Неправильно г. рецензентъ трактуетъ и мое отношеніе къ женскому образованію. Я высказался только противъ *искусственнаго размноженія женскихъ гимназій* въ глухой провинціи, противъ насажденія ихъ тамъ, *гдѣ нѣтъ мужскихъ* не только гимназій, но и вообще мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Я вообще никогда не былъ противникомъ женскаго образованія, но считаю неправильной существующую у насъ постановку даннаго дѣла: открываютъ полныя женскія гимназіи, не обезпечивъ ихъ достаточнымъ составомъ хорошо подготовленныхъ преподавателей, да и гдѣ ихъ взять въ городѣ, гдѣ нѣтъ даже мужскаго средняго учебнаго заведенія?!

Какъ лично я самъ отношусь къ женскому образованію, можно судить хотя бы по слѣдующимъ двумъ фактамъ. Будучи еще студентомъ, я самъ готовилъ многихъ дѣвушекъ, окончившихъ гимназію, на курсы, какъ высшіе женскіе, такъ и на медицинскіе. Засимъ, если курсы высшіе женскіе (Вестужевскіе) не были закрыты два года тому назадъ, то это я ихъ отстоялъ, а министръ Кассо хотѣлъ уже закрыть.

Я, напротивъ, имѣя въ виду благо женской молодежи, указываю на явленія, которыя всегда могутъ повториться въ провинціи: гимназистки, не получивъ никакого практическаго образованія, по окончаніи гимназіи, не довольствуются имъ, а стремятся въ большіе центры, гдѣ, будучи предоставлены самимъ себѣ, совершенно въ чужой средѣ, могутъ легко увлечься и погибнуть; другія же изъ нихъ относятся свысока къ своимъ роднымъ, зауряднымъ условіямъ жизни, теряютъ всякій интересъ къ нимъ; но могутъ, конечно, быть и исключенія. Я никогда не смотрѣлъ на это печальное явленіе, какъ на *обычное и неизбѣжное послѣдствіе*, ожидающее *каждую* русскую дѣвушку, и самъ первый отдаю полную справедливость ея идейной работѣ, вполне безпристрастной, въ высшей степени самоотверженной.

Отрицать вполне возможность тѣхъ печальныхъ явленій, которыя я привожу, въ судьбѣ кончившихъ курсъ въ женскихъ гимназіяхъ въ *захолустныхъ* городахъ Россіи, вы *не можете*, а разъ это такъ, я не считалъ себя въ правѣ о нихъ умолчать.

Графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ.

III.

Отвѣтъ на отвѣтъ.

Все, что графъ говоритъ въ своихъ книжкахъ о постановкѣ дѣла въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ и воспитательной работѣ въ нашей

средней школѣ, показалось мнѣ *настолько важнымъ и тревожнымъ*, что я находилъ, что *«тутъ есть надѣ чѣмъ призадуматься»*. Не понимаю, что опровергаетъ авторъ книгъ.

На роль земства въ дѣлѣ народнаго образованія мы—два гласныхъ земскихъ—держимся диаметрально противоположныхъ взглядовъ. Я это констатировалъ въ своемъ отзывѣ, и ничего новаго по этому вопросу графъ Мусинъ-Пушкинъ въ своемъ возраженіи не привелъ.

Наконецъ, въ вопросѣ о «размноженіи» женскихъ гимназій мое разномнѣніе съ почтеннымъ авторомъ заключается въ томъ, что онъ считаетъ это размноженіе искусственнымъ и нежелательнымъ, а я совершенно естественнымъ и полезнымъ. Наличие мужского учебнаго заведенія въ городѣ отнюдь не является *conditio sine qua non* для открытія женскаго. Вѣдь женскую гимназію устроить дешевле и учить въ ней могутъ женщины съ высшимъ образованіемъ, которыя поѣдутъ въ глухую провинцію. Никакихъ «обвиненій» я на графа не «взводилъ» и при нашихъ добрыхъ отношеніяхъ не имѣлъ основанія взводить.

Г. Зоргенфрей.

IV.

По поводу статьи А. П. Скугаревскаго.

Въ № 1 «Историческаго Вѣстника» на стр. 169, въ статьѣ А. П. Скугаревскаго «Императоръ Вильгельмъ II» сказано про маневры 1890 года:

«Маневры закончились обычною куделью на Военномъ полѣ...»

Это ошибка: маневры 1890 года окончились у деревни Чирковицы, гдѣ состоялось и производство юнкеровъ въ офицеры.

М. Поливановъ.

V.

По поводу статьи Е. С. Шумигорскаго.

Въ статьѣ г. Шумигорскаго «Изъ записной книжки историка» («Ист. Вѣстн.» 1914 г., XII, стр. 988), авторъ, говоря объ отправкѣ въ Петроградъ депутаціи для защиты нѣмецкихъ землевладѣльцевъ, приводитъ имена русскихъ членовъ этой депутаціи, какъ имѣющихъ право на историческую извѣстность. Но при этомъ фамилія главы депутаціи таврическаго губернскаго предводителя дворянства—приведена невѣрно, и получилось «сокрытіе» этого лица отъ исторической извѣстности. Таврической губернской предводитель дворянства не Нестеровъ, какъ сказано въ статьѣ г. Шумигорскаго, а гофмейстеръ Двора Его Величества Алексѣй Алексѣевичъ Нестроевъ.

А. Петровъ.

Прибудетъ онъ чрезъ полчаса и проситъ,
Чтобъ безъ свидѣтелей былъ разговоръ.

Хуанъ (*торопливо*).

Я жду его величество. Или
И передай ему отвѣтъ.

Адонисъ кланяется и уходитъ. Хуанъ въ волненіи
бросается къ дверямъ комнаты, гдѣ Долоресъ.

Долоресъ!

Она входитъ.

СЦЕНА III.

Хуанъ и Долоресъ.

Долоресъ.

Чѣмъ вы встревожены? Кто былъ у васъ?

Хуанъ.

Отъ короля... Король сейчасъ же долженъ
Прійти сюда!

Долоресъ.

Король—сюда? Такъ что же?
Когда я съ вами—развѣ что-нибудь
Мнѣ можетъ угрожать?

Хуанъ.

О, нѣтъ: пскуда
Я живъ—вы въ безопасности. Но онъ
Вѣдь подозрителенъ: войти захочетъ
Онъ въ комнату, гдѣ вы...

Долоресъ.

Но я запрусь!

Хуанъ.

О, вы не знаете Филиппа: если
Не довѣряетъ онъ, то ни предъ чѣмъ
Не остановится... А вамъ отсюда
Нельзя и некуда уйти теперь.

Долоресъ.

Да, это правда. Волей или неволей
Остаться я должна. Но странно мнѣ,
Что вы, Хуанъ, встревожились такъ сильно,
Вы—доблести и мужества примѣръ!
Какъ люди удивились бы, когда бы
Увидѣли васъ въ страхѣ.

Хуанъ.

Этотъ страхъ
Не за себя—за васъ!

Долоресъ.

Но я спокойна,
Я не боюсь. Что мнѣ король, коль Богъ
Меня вамъ отдать. Я готова встрѣтить
Гнѣвъ короля, и за свою любовь
Бороться буду я.

Хуанъ.

У насъ нѣтъ силы
Бороться съ самовластіемъ. Король
Насъ разлучить... Давно съ Маріей Стюартъ
Онъ для меня задумалъ бракъ... Тебя
Онъ вырветъ даже изъ моихъ объятий,
Когда увидитъ, что возсталъ ты
Препрадой замысламъ его... Долоресъ,
Я говорю тебѣ, коль здѣсь теперь
Филиппъ найдетъ тебя, то все пропало
И завтра мы не можемъ уѣзжать!..
Да если бъ и могли—куда намъ скрыться
Отъ мести и насилья короля?
Онъ насъ вездѣ постигнетъ... Я не знаю,
Что предпринять... Смущается мой умъ...

Нѣкоторое время стоитъ въ молчаніи, какъ
бы раздумывая. Потомъ бросается тревожно къ
Долоресъ и беретъ ее за руки.

Постой... Вотъ мысль... Ужасно... да, ужасно...
Но ты достойна этого

Долоресъ (удивленно).

Чего?
Достойна я, Хуанъ?.. Что ты задумалъ?..
Что говоришь ты?

Хуанъ.

Честью я клянусь,
Ты стоишь этого, ты больше стоишь!
Весь міръ, все небо для меня въ тебѣ—
И я рѣшусь...

Долоресъ.

На что?

Хуанъ.

Долоресъ, слушай:
Одно есть только мѣсто на землѣ,
Гдѣ мы укрыться можемъ отъ Филиппа...

Долоресъ.

Такъ отвези меня туда, Хуанъ,
И мы всю жизнь тамъ проживемъ съ тобою...
Но для чего жъ съ такою мукой ты
Объ этомъ говоришь?.. Гдѣ жъ это мѣсто?..
Куда уйдемъ мы?

Хуанъ.

Ты не догадалась?—
Въ Гренаду! Понимаешь ли теперь?

Долоресъ.

Въ Гренаду? Но вѣдь это такъ далеко!
И почему жъ въ Гренаду?

Хуанъ.

Неужель
Тебѣ мой замыселъ еще не ясенъ?
Въ Гренадѣ только я могу спастись
Отъ короля: тамъ донъ Хуанъ Австрійскій
Самъ можетъ быть такимъ же королемъ,
Какъ и Филиппъ!.. И для тебя, Долоресъ,
На это я готовъ пойти!..

Долоресъ (*блѣднѣетъ и въ ужасѣ от-
ступаетъ*).

Нѣтъ, нѣтъ...

Хуанъ.

Туда съ тобой уйдемъ мы. Развѣ мавры
Не люди тоже? Говорю тебѣ:

Когда я знамя подниму возстанья,
Они пойдутъ за мной, они пойдутъ
Хотя бы даже до воротъ Мадрида,
А съ ними вмѣстѣ и большая часть
Испанской арміи... Но мнѣ короны
Испаніи не надо. Я бы могъ
Давно ее добыть, но не желаю!
Я одного желаю, чтобы ты
И я своимъ владѣли королевствомъ!..
Война начнется!.. Ну, такъ что жъ? Весь міръ
И сжечь готовъ, чтобъ ни теперь, ни послѣ
Съ тобой меня не разлучили!

Долоресъ.

Нѣтъ,
Хуанъ, не говори такъ!.. Ты въ безумьѣ,
Ты и меня сведешь съ ума.

Хуанъ.

Повѣрь,
Что я задумалъ—сдѣлать такъ легко!

Долоресъ.

Нѣтъ—не легко, нѣтъ, это невозможно
И этого не будетъ. Неужели
Ты думаешь, что до такихъ поступковъ
Я допущу тебя, когда люблю?
О, если бъ я на это согласилась,
Тогда во мнѣ была бы не любовь,
А ненависть, предательство, измѣна,
Быть можетъ, худшая еще, чѣмъ та,
Которую задумалъ ты въ безумьѣ!..
И ты мнѣ это говоришь—ты, вождь,
Прославленный побѣдами? Ты—чести
И мужества герой?..

Хуанъ.

О, для тебя я
Все въ жертву принести готовъ, Долоресъ,—
Все—даже жизнь!

Долоресъ.

Нѣтъ, нѣтъ, повѣрь,
Я не могла бы вынести измѣны
Отчизнѣ, славѣ, самому себѣ,

Я не хочу, чтобы тебя назвали
Изъ-за меня предателемъ. Хуанъ,
Не думай, что я меньше бы любила
Тебя за твой проступокъ. Пусть Господь
Проститъ меня: какое бѣ преступленье
Ни сдѣлалъ ты, я буду все любить;
Я знаю—это стыдно и позорно,
Но я вѣдь только женщина... И все жъ
Я соглашусь скорѣй тебя утратить
И на землѣ, и въ небѣ, соглашусь
Скорѣй сгубить и честь свою и душу,
Чѣмъ сознавать, что за мою любовь
Ты сталъ измѣнникомъ!..

Хуанъ.

Но я, Долоресь,
Люблю тебя безумнѣе, чѣмъ ты,
И что мнѣ честь и слава, и побѣды,
И родина, коль я тебя лишусь!

Долоресь.

Не говори, что любишь ты сильнѣе,
Чѣмъ я тебя люблю, не думай такъ:
Я отдаю тебя безсмертной славѣ
И родинѣ твоей, и королю
Такимъ, какъ былъ всегда ты, и останусь
Одна, съ воспоминаьемъ о моей
Любви къ тебѣ...

Хуанъ.

О, ты права: душою
Свѣтлѣй ты ангеловъ небесъ!

Долоресь.

Разстаться
Съ тобой должна я, чтобъ спасти тебя.

Хуанъ.

Разстаться? Ты сказала это слово?
Иль я ослышался, Долоресь?

Долоресь.

Да,
Я такъ сказала. Ахъ, вѣдь только этимъ
Могу тебѣ я показать теперь,

Какъ свято я люблю тебя. Покуда
 Не разлучились мы, тебѣ грозить
 Отъ самого себя опасность. Это
 Я поняла. Я стала на пути
 Между тобой, Хуанъ, и всѣмъ, что можетъ
 Тебѣ дать миръ. Я не хочу отнять
 Честь у тебя. Такъ поступить должна я...
 И это все, что сдѣлать я могу:
 Моя любовь вѣдь—жизнь моя! Возьми же
 Ты эту жизнь: я въ жертву приношу
 Ее тебѣ... Прощай, прощай навѣки!..

Рыдая, падаетъ въ его объятія.

Хуанъ.

Нѣтъ, нѣтъ, мы не разстанемся, мня
 Ты не покинешь...

Долоресъ.

Ахъ, мнѣ легче съ жизнью
 Проститься, чѣмъ съ тобой... я не могу...
 Я думала, что я сильна душою,
 Но вижу, что слаба я и жалка,
 Какъ всѣ мы, женщины...

Плачетъ.

Хуанъ.

Не плачь, Долоресъ.
 Напрасной мукой сердце не терзай:
 Ничто, ничто насъ разлучить не можетъ,
 Клянусь тебѣ я небомъ...

Долоресъ.

Не клянись...

Хуанъ (*падаетъ на колѣни передъ нею*).

Нѣтъ, повторяю, небомъ я и честию
 Клянусь передъ тобою: никогда
 Не сдѣлаю того, что я въ порывѣ
 Отчаянья задумалъ! Королю
 И родинѣ не измѣню я. Буду
 Я защищать тебя, твою любовь
 Отъ всѣхъ, но долга чести не нарушу!
 Забудь, забудь о томъ... Прости меня:
 Я былъ безуменъ.

Долоресъ.

Я забыть готова
Твое безуміе, какъ страшный сонъ.
Но онъ прошелъ теперь; за что жъ прощенья
Ты просишь у меня?

Хуанъ.

За то, что я
Могъ допустить хотя одно мгновенье
Мысль объ измѣнѣ.

Долоресъ.

Для меня, Хуанъ,
Хотѣлъ ты это сдѣлать, такъ могу ли
Я обвинять тебя, могу ль прощать?
Нѣтъ, я себѣ вовѣкъ бы не простила
Здѣсь на землѣ и въ небѣ не могла
Прощенья ждать, когда бъ не удержала
Тебя отъ преступленія.

Хуанъ.

И все же
Виновенъ я передъ тобой и мелокъ
Я предъ величіемъ души твоей.

Долоресъ.

Мое величіе въ любви и вѣрѣ
Въ твою любовь... И противъ короля
И противъ всѣхъ готова я бороться
Одной моею любовью до конца!
Любовь—мой мечъ... Ты вѣрнишь мнѣ, Хуанъ...

Хуанъ.

Да, дорогая, вѣрю всей душою,
Какъ всей душой люблю я...

Долоресъ.

Повтори мнѣ
Твои признанья...

Хуанъ.

Повторить? Но словъ
Такъ мало, и сказать тебѣ хочу я
Такъ много... Ты придумывай слова—

Они милѣй моихъ... А я... я буду
Ихъ повторять.

Долоресъ (*смѣясь*).

Ну, хорошо, скажи:
«Тебя люблю я, дорогая»... Нѣжно
Скажи и мягко, а не съ страстной силой,
Какъ говоришь ты... Хочется мнѣ слышать
Любви признанье, сказанное нѣжно—
И больше ничего...

Хуанъ (*улыбаясь*).

Ну, такъ вотъ, что ли:
Тебя люблю я, дорогая...

Долоресъ (*смѣется еще веселѣе*).

Не такъ, не такъ!.. Еще разъ повтори:
Нѣжнѣе, мягче... Понимаешь—ты
Серьезно долженъ говорить, не страстно...
Не правда ли, похоже это, будто
Я львенка обучаю: растерзать
Меня онъ можетъ каждое мгновенье,
А я хочу, чтобъ онъ повиновался
Капризу моему... Мнѣ говорили,
Что у тебя есть львенокъ, что покорго
Онъ ходитъ за тобою, какъ собака:
Скажи, какъ учишь ты его?...

Хуанъ (*смѣется*).

Вѣдь львенка
Не пробоваль я заставлятъ, чтобъ онъ
Твердилъ: «люблю тебя я, дорогая»...

Прислушивается. Внезапно улыбка сбѣгаетъ
съ его лица.

Постой, Долоресъ... Мы съ тобой безопасно
Играемъ въ жизнь и смерть... Ты слышишь, слышишь,
Тамъ стукъ подковъ?..

Долоресъ (*вздвигнувъ*).

Король?

Хуанъ.

Да, это онъ.

Долоресъ (*торопливо, шопотомъ*).

Что скажешь ты ему, Хуанъ?

Хуанъ (*такъ же*).

Не знаю:

Что скажеть мнѣ онъ...

Долоресъ.

Я боюсь, что ты

Не удержишься...

Хуанъ.

Нѣтъ, нѣтъ, я обѣщаю
Быть сдержаннымъ. Иди скорѣй. Запрись.

Въ волненіи беретъ ее за руку и ведетъ къ
двери налѣво.

Долоресъ.

Онъ можетъ оскорбить тебя...

Хуанъ.

Я это

Перенесу. Но если оскорблять
Тебя онъ будетъ, то...

Долоресъ.

Я умоляю

Тебя, Хуанъ...

Хуанъ.

Долоресъ, поспѣши.

Войти онъ можетъ каждую минуту...

Торопливо цѣлуетъ ее и затворяетъ за ней
дверь. Она запираетъ замокъ изнутри. Хуанъ от-
ходитъ отъ двери, приближается къ столу и оста-
навливается, скрестивъ руки. Пауза. За дверью,
что въ глубинѣ сцены, слышны шаги. Дверь
отворяется. Входитъ Филиппъ въ сопровожденіи
Мендозы.

СЦЕНА IV.

Хуанъ, Филиппъ, Мендоза.

Филиппъ Мендозъ.

Поговорить мнѣ надо о дѣлахъ
Съ его высочествомъ. Ты будь за дверью

И никого сюда не допускай:
Мы не хотимъ, чтобъ намъ мѣшали.

Мендоза уходитъ. Филиппъ оглядываетъ
комнату.

Это
Вашъ кабинетъ? Мы съ вами здѣсь одни?

Хуанъ.

Мы здѣсь одни.

Филиппъ (*указывая на дверь въ комнату Долоресъ*).

А тамъ—за этой дверью —
Тамъ что такое?

Хуанъ.

Тамъ уборная моя.

Филиппъ вглядывается на него и дѣлаетъ
движеніе къ двери.

Дверь заперта.

Филиппъ.

У васъ есть ключъ? Откройте.

Хуанъ.

Ключа нѣтъ у меня.

Филиппъ.

Такъ гдѣ же онъ?

Хуанъ.

Не знаю, право.

Филиппъ.

Запертыхъ дверей
Я не люблю, коль неизвѣстно мнѣ,
Кто или что скрывается за ними.
Мендоза!

Мендоза входитъ.

Подойди сюда. Вотъ дверь.
Найти его высочество не можетъ
Ключъ отъ нея. Ее откроешь ты?

Мендоза.

Попробую.

Подходитъ къ двери, съ усилиемъ надавли-
ваетъ ее, потомъ отступаетъ.

Нѣтъ, не могу я, ваше
Величество.

Филиппъ (*гнѣвно*).

Тогда поди достань
Намъ ключъ и принеси сюда.

Мендоза уходитъ.

Хотѣлъ я
О важномъ дѣлѣ съ вами говорить.

Хуанъ.

Я--весь вниманье, ваше
Величество.

Дѣлаетъ поклонъ и роиаетъ печально письмо
Долоресь, которое было спрятано у него на груди.
Онъ быстро нагибается и поднимаетъ письмо.

Филиппъ (*подозрительно*).

Что уронили вы?

Хуанъ.

Письмо отъ дамы.

Филиппъ.

Дайте мнѣ его.

Хуанъ.

Я требованье это, государь,
Исполнить не могу.

Филиппъ (*мрачно сверкнувъ глазами*).

Какъ! мой приказъ
Отказывается вы исполнить?

Хуанъ.

Въ этомъ
И каждому испанцу дворянину
Я отказаль бы.

Филиппъ (*раздражаясь*).

Вы, однако, первый
Испанскій дворянинъ, что не желаетъ
Повиноваться своему монарху!

Хуанъ.

И пусть да буду я послѣднимъ, ваше
Величество.

Филиппъ.

Вы вообще меня
Встрѣчаете по меньшей мѣрѣ странно.

Хуанъ.

Но, государь, что жъ я себѣ позволилъ,
Что бъ вашему величеству могло
Казаться страннымъ.

Филиппъ.

Мнѣ противорѣчить—
Я думаю, что это очень странно.
Вы полагаете, что королю
Противорѣче подданнаго—дѣло
Обычное? Что можете сказать
Вы въ оправданье этого?

Хуанъ.

Мнѣ не въ чемъ
Оправдываться передъ вами.

Филиппъ.

Мы
Не въ лагерѣ. Вы здѣсь не полководецъ,
А я не подчиненный вашъ. Прошу
Васъ помнить, съ кѣмъ вы говорите. Ваши
Слова я не забуду.

Хуанъ (гордо).

Никогда
Не говорю я ничего такого,
Что я желалъ бы позабыть потомъ.
Я очень сожалѣю, если ваше
Величество я разсердилъ рѣчами,
Быть можетъ, рѣзкими. Вы правы: я
Жилъ долго въ лагерѣ, а лагерь—школа
Плохая для обычая двора
И развиваетъ болѣе привычку
Командовать, чѣмъ подчиняться.

Филиппъ.

Да,
Вотъ это я и говорю. Забыли
Вы совершенно, что у васъ здѣсь есть

Король и господинъ. Вы тонъ берете
Самостоятельнаго государя. Я
Не сомнѣваюсь, вы рискнете скоро
Стать настоящимъ королемъ. Для васъ
Должны мы королевство дать, иначе
Взволнуете народъ вы...

Хуанъ.

Никогда!

Я лучше соглашусь въ уединенны
Прежить всю остальную жизнь!..

Филиппъ (*пристально смотритъ на
Хуана*).

Ну, что жъ,

Для вашего высочества мы можемъ
Потребовать уединенья... да...
Уединенья полного...

Смѣется.

Хуанъ.

Его я

Предпочитаю смутамъ.

Филиппъ (*начинаетъ ходить по ком-
натъ*).

Хорошо

Вы говорите, но поступки ваши
Словамъ противорѣчатъ. На словахъ
Въ васъ слишкомъ много вѣрности. На дѣлѣ
Проглядываетъ—возмущенья духъ.
Одно съ другимъ не вяжется. Смѣтесъ
Вы надо мной!

Хуанъ.

Нѣтъ, Боже сохрани.

Я не прошу похвалъ за то, что сдѣлалъ,
Но все, что мной совершено, вело
Лишь къ миру въ королевствѣ, а не къ смутѣ.

Филиппъ.

И только потому, что вы дрались
Въ теченіе двухъ лѣтъ съ пригоршней дурно
Вооруженныхъ мавровъ—вамъ вослѣдъ
Бѣгутъ толпы, гдѣ бъ вы ни появлялись,
Васъ чествуютъ, васъ славятъ, подаютъ
Вамъ просьбы, точно вы король или больше

Вы даже короля—какой-то богъ,
Передъ которымъ въ прахъ склоняться надо!

Хуанъ.

Мнѣ не пристало, государь, гордиться
Побѣдами моими, все же смѣю
Сказать—онѣ виною этой
Народной благосклонности ко мнѣ.

Филиппъ.

И думаете вы, что я такъ простъ,
Повѣрю вамъ—вы легкою побѣдой
Могли поднять Испанію и всѣхъ—
Народъ и дворъ—заставили съ восторгомъ
Встрѣчать васъ здѣсь? Нѣтъ, вашу всю игру
Давно проникъ я. Если вы со мною
Такъ поступаете, какъ будто мнѣ
Равны въ могущество и это мнѣнье
Въ народѣ всюду пущено, то здѣсь
Я вижу ясно тайныя интриги
Агентовъ вашей партіи: они
Кричатъ повсюду о побѣдахъ вашихъ,
Мужчинамъ хвалятъ вашъ геройскій духъ,
А женщинамъ поютъ о красотѣ
И добротѣ Хуана. Сожалѣютъ
О томъ, что этотъ храбрый юный принцъ
Лишь предводитель арміи Филиппа,
Жестокаго и злого короля,
Коварнаго и жаднаго, ну, словомъ,
Настолько гнуснаго, насколько миль
Кумиръ народа—донъ-Хуанъ Австрійскій!
Что жъ это: подчиненіе и миръ?
Или начало бунта, возмущенья,
Войны междоусобной, что должна
Окончиться престоломъ для Хуана
Австрійскаго и смертью для меня!

Останавливается передъ Хуаномъ. Хуанъ молчитъ.

Вы ничего не можете отвѣтить
На эти подозрѣнія? Такъ что жъ
Меня теперь удержитъ обвинить васъ
Въ преступныхъ замыслахъ?

Хуанъ (холодно).

Но, ваше
Величество, нельзя такъ обвинять

Того, чье преступленіе въ одномъ лишь—
Въ томъ, что служилъ онъ родиѣ и вамъ!
Для этого вы слишкомъ справедливы...

Филиппъ.

Я больше добръ, чѣмъ справедливъ. Уликъ
Нѣтъ противъ васъ—согласенъ я. Однако
Всѣ обстоятельства намъ говорятъ
Не въ вашу пользу. Да. О, берегитесь—
За вами наблюдаютъ. Слишкомъ вы
Замѣтны, чтобъ не наблюдать за вами!

Хуанъ.

Мои поступки могутъ видѣть всѣ,
И объ одномъ прошу я только ваше
Величество: судите обо мнѣ,
Основываясь на моихъ дѣяніяхъ,—
Не на словахъ другихъ людей, меня
Невѣрно понимающихъ.

Филиппъ.

Васъ хвалятъ
Всегда и всѣ. Но эти похвалы
Не стоятъ ничего. Я объяснилъ
Вамъ ихъ источникъ. Вы народа идолъ,
Любимецъ женщинъ и всего двора.
Я нахожу, что это слишкомъ много
Для человѣка одного. Еще разъ
Вамъ повторяю: берегитесь, принцъ!
Старайтесь милость заслужить Филиппа
И меньше думайте о славѣ той,
Которою толпа васъ награждаетъ.

Хуанъ.

Мнѣ кажется, что дружной похвалою
Меня почтили люди потому лишь,
Что я по мѣрѣ силъ моихъ служилъ
Испаніи и королю. Коль, ваше
Величество, вы недовольны тѣмъ,
Что мною сдѣлано, позвольте мнѣ
Для вашей славы больше сдѣлать. Честью
Клянусь, я постараюсь совершить
Все, даже невозможное...

Филиппъ (*насмѣшливо*).

Ну, это
Для женщинъ нужно, но онѣ и такъ
Отъ вашей славы безъ ума. Въ дни мира
Вамъ подвиговъ довольно будетъ здѣсь
Среди мадридскихъ дамъ... Хуанъ, женитесь
Вамъ надобно, не то въ сѣтяхъ любви
Запутаетесь вы совсѣмъ.

Хуанъ.

Не страшны
Мнѣ сѣти женскія. Но я не прочь
Жениться, и напротивъ...

Филиппъ.

Вотъ въ чемъ дѣло:
Я прямо выскажусь—извѣстно вамъ,
Я брака вашего давно желаю
Съ шотландской королевой. Между тѣмъ
Вы мнѣ противитесь, увлечь вашей
Несчастной страстью къ дочери Мендозы.
Такъ знайте жь—я рѣшилъ безповоротно,
Что опозорить не позволю вамъ
Себя такимъ союзомъ.

Хуанъ (*съ внезапнымъ взрывомъ гнѣва*).

Опозорить!
А, вы храбрѣй, чѣмъ думалъ я, когда
Пронести рѣшились это слово
Передо мной!

Дѣлаетъ шагъ впередъ. Филиппъ въ страхѣ
отступаетъ и хватается за шпагу.

Ошибся я: вы трусь!

Презрительно смѣется.

Филиппъ.

Вы забываетесь. Вы какъ убійца
Рванулись на меня... и странно вамъ,
Что я przygotowляюся защищаться?

Хуанъ (*еще презрительно*).

Я только сдѣлалъ шагъ впередъ. Къ тому же
Я безъ оружія... Но... вы мой братъ

И мой король: вотъ почему прощенья
Прошу за то, что я васъ испугалъ.

Филиппъ.

Что вы мой братъ—объ этомъ не желаю
Теперь я слышать. Я призналъ родство,
Когда ребенкомъ были вы, и этимъ
Я память императора почтилъ,
Но никогда я не желалъ, чтобъ братомъ
Филиппа звалъ сынъ бюргерши.

Хуанъ.

И все жъ,
Хоть мать моя дочь бюргера,—по крови
Я братъ вашъ. Въ свѣтъ помню я всегда,
Что вы король, я—подданный. Но здѣсь мы
Два брата. Здѣсь—ни короля, ни принца...
Но не тревожьтесь, я не трону васъ:
Я слишкомъ мало уважаю брата
И слишкомъ чту я короля.

Филиппъ (*раздражаясь все больше и больше*).

Я вамъ
Сказалъ, что вашихъ словъ не позабуду,
Припомню и поступки. Я найду
Въ Мадридѣ мѣсто, гдѣ въ усиденьи,
Желанномъ вами, можете вы жить.

Хуанъ.

Коль вашему величеству угодно
Въ тюрьму Хуана бросить, то не онъ
Окажетъ вамъ сопротивленье.

Филиппъ (*съ язвительнымъ гнѣвомъ*).

Кто же?
За васъ народъ возстанетъ? Можетъ, вы
Предвидите переворотъ дворцовый?
Константинополь здѣсь? Или Парижъ?
Нѣтъ, мы въ Испаніи, я здѣсь король
И воля короля—законъ священный!
За то, что вы сказали, что въ мечтахъ
Вы замышляете, Елизавета
Казнила бы васъ завтра же. Но я

Даю возможность оправдаться, средство
Спасти себя.

Хуанъ.

Въ чемъ оправдаться?

Филиппъ.

Въ томъ,
Что оскорбили короля. Спрошу васъ:
Имѣть право подданный презрѣнне
Выказывать къ тому, что государь
Ему повелѣваетъ и при этомъ
Словами оскорблять? Имѣть?

Хуанъ.

Нѣтъ.

Филиппъ.

Когда такъ, васъ можно обвинить въ измѣнѣ.
Да—въ государственной измѣнѣ. Вамъ
Извѣстно, полагаю я, что много
Есть способовъ допрашивать того,
Кто обвиненъ!

Хуанъ.

Ужъ не хотите ль пыткой
Вы запугать меня?

Филиппъ.

Вѣдь при допросѣ
Свидѣтели бываютъ. Иногда
И ихъ пытаютъ. Въ ихъ числѣ, быть можетъ,
Окажутся знакомыя вамъ дамы...

Хуанъ.

Ихъ у меня немного.

Филиппъ.

Ну, такъ что жъ!
Тѣмъ легче выбрать двухъ или трехъ. Пусть даже
Одну придется допросить, но въ нашемъ
Присутствіи: она поможетъ намъ
Подъ пыткой открыть все ваши тайны...
Хотя бы—дочь Мендозы...

Хуанъ (блѣднѣя).

Я былъ правъ,
Когда васъ называлъ трусомъ... И теперь

Я вижу, что вы съ трусостью жестокость
Соединяете...

Филиппъ (*свирьно*).

Довольно!.. Отдадите
Вы мнѣ письмо, которое вы скрыли,
Когда я къ вамъ вошелъ?..

Хуанъ.

Нѣтъ, не отдамъ!

Филиппъ.

Хотя бы это васъ спасло отъ пытки?

Хуанъ.

Нѣтъ!

Филиппъ.

Даже если бъ этимъ вы
Могли спасти... Отдайте мнѣ письмо—
Иначе дочь Мендозы палачу я
Отдамъ въ распоряженъ!

Хуанъ (*бросаясь на него въ бѣшенствѣ*).

Негодяй!

Филиппъ обнажаетъ шпагу и наноситъ ударъ.
Хуанъ падаетъ.

Филиппъ (*наклоняется въ ужасъ надъ
упавшимъ Хуаномъ*).

Убить. Я этого не ждалъ.

Долго въ мрачномъ молчаніи смотреть на тѣло
Хуана. Дверь въ глубинѣ сцены отворяется, вхо-
дитъ Мендоза. Понявъ, что случилось, онъ съ вы-
раженіемъ суровой рѣшимости подходить къ ко-
ролю. Тотъ его не замѣчаетъ.

Мендоза (*громко и твердо*).

Я, ваше

Величество, вамъ отдаю себя:

Убилъ я дочь-Хуана въ личной ссорѣ.

Онъ безоруженъ былъ.

Филиппъ (*вздвигнувъ, оборачивается,
долго смотритъ въ глаза
Мендозѣ, затѣмъ порывисто
схватываетъ его за руку*).

Пусть будетъ такъ!

Мендоза (*съ рѣшимостью*).

Необходимо, ваше
Величество, чтобъ въ тронный залъ сейчасъ
Вернулись вы, какъ будто ничего
Здѣсь не случилось. Вѣсть о смерти принца
Должна прійти неожиданно къ вамъ, когда
Вы будете среди своихъ придворныхъ...

Филиппъ.

Но кто же принесетъ мнѣ эту вѣсть?

Мендоза.

Я, государь.

Филиппъ.

Они вѣдь растерзаютъ
Васъ на куски, Мендоза, прежде, чѣмъ
Я васъ спасти успѣю...

Мендоза.

Что жъ, тѣмъ лучше:
За короля я моего умру—
И смерть меня избавитъ отъ суда
И устранить для васъ необходимость
Помиловать меня за преступленье,
Которое нельзя простить...

Филиппъ.

Но я,
Мендоза, не желаю вашей смерти:
Во Францію или въ Англiю бѣжать
Вы можете...

Мендоза.

Нѣтъ, государь,
Безъ вашей помощи нельзя мнѣ скрыться,
Объ этомъ всѣ узнаютъ, и молва
Пойдетъ, что дѣло злое совершилъ я
По приказанью короля...

Филиппъ.

Вы правы!..
Вы вѣрный человѣкъ, Мендоза, лучший
Изъ всѣхъ, кого я зналъ... Благодарю,
Благодарю васъ!.. Если будетъ можно,
Я васъ спасу...

Мендоза.

Едва ли, государь,
Возможно это... Если вамъ угодно
Вернуться въ тронный залъ—все будетъ скоро
Окончено: туда явлюся я
И на глазахъ всего двора признаюсь,
Что мною принцъ Хуанъ убитъ...

Филиппъ.

Идемъ.

Быстро уходитъ въ сопровожденіи Мендозы.
Но сценъ нѣкоторое время тишина.

СЦЕНА V.

Долоресъ одна.

Долоресъ (*медленно и осторожно приотворяетъ дверь*).

Затихли голоса... Они ушли...
Нѣтъ и Хуана... Гдѣ жъ онъ?... Что тутъ было?..
Мнѣ показалось, что слова отца
Ужасныя я слышала: «Хуана
Убилъ я...»

Взглядъ ея упадаетъ на Хуана, лежащаго у
стола. Она вдругъ бросается къ нему.

Небо! это правда?.. Кровь..
Убить онъ... Умеръ онъ...

Припадаетъ къ нему.

Хуанъ! откликнись!

Хуанъ!..

Съ крикомъ отчаянія обнимаетъ тѣло и разражается рыданіями.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Тронный залъ въ Эскуриалѣ. Простѣнки между окнами и дверями покрыты дорогими восточными коврами. Сводъ разукрашенъ причудливою мавританскою лѣпкой. Въ глубинѣ зала ниша, задернутая шелковой драпировкой, за которой оркестръ. По сторонамъ ниши двѣ двери. Въ правой стѣнѣ широкая арка, съ опущенной тяжелой портьерой. Налѣво, на первомъ планѣ, возвышеніе въ три ступени, покрытое краснымъ сукномъ. На возвышеніи тронъ, надъ нимъ наметъ изъ желтаго и краснаго бархата съ королевскими гербами. Вечеръ. Залъ освѣщенъ огнями восковыхъ свѣчей въ высокихъ канделябрахъ.

СЦЕНА I.

Перезъ, принцесса Эболи, придворные дамы и кавалеры.

При поднятіи занавѣса музыка и танцы. Танцуютъ «паванъ». Мужчины, одѣтые въ шелкъ и бархатъ пурпуроваго, блѣдно-зеленаго, палеваго и нѣжно-голубогаго цвѣта, ведутъ дамъ, медленно скользя и соблюдая тактъ. Платья дамъ украшены золотомъ, серебромъ, жемчугомъ, но больше темнаго цвѣта, какъ требуетъ мода. По окончаніи танца всѣ размѣщаются въ залѣ разнообразными группами. Оживленные разговоры.

Эболи (*выходитъ съ Перезомъ на авансцену*).

Не правда ль, донъ-Перезъ, сегодня всѣ
Въ особенномъ какомъ-то настроеніи:
И дамы и мужчины донъ-Хауну
Поютъ хвалы. Прислушайтесь: вездѣ
Одно и то же слово повторяютъ:
Хуанъ, Хуанъ...

Перезъ.

Да, каждый изъ мужчинъ
Готовъ поклясться, что Хуанъ славнѣе

И Александра и мудрѣ Карла
Великаго. А дамы—въ цѣломъ мірѣ
Теперь для нихъ прекраснѣй нѣтъ героя,
И всѣ хотятъ его скорѣй увидѣть.

Эболи.

Герой нашъ заставляетъ ждать себя
Довольно долго. Что-нибудь случилось,
Должно быть: почему онъ не приходитъ?

Перезъ.

Быть можетъ, задержалъ его король:
Онъ полчаса тому пошелъ къ Хауну
И, вѣроятно, вмѣстѣ съ нимъ придетъ
На праздникъ.

Эболи.

Я не думаю: Филиппъ
Не любить, чтобы рядомъ съ нимъ всходило
Другое солнце. Онъ себя считаетъ
Единственнымъ

Перезъ.

Однакоже, принцесса,
Я не ошибся, кажется: взгляните,
Вонъ тамъ въ толпѣ движеніе... Сейчасъ
Мы ихъ увидимъ.

За спущенной портьерой арки шумъ. Въ груп-
пахъ стоящихъ вблизи волненіе. Слышны голоса:
«Донъ-Хуанъ, донъ-Хуанъ». Изъ глубины сцены къ
этимъ группамъ бросаются другіе. Всѣ тѣснятся
передъ аркой. Волненіе и говоръ возрастаютъ.
Изъ-за спущенной портьеры арки появляются два
пажа и открываютъ портьеру. Толпа раздражается
общимъ привѣтственнымъ крикомъ: «Да здрав-
ствуетъ донъ-Хуанъ! Слава донъ-Хуану!» Входитъ
камергеръ.

Камергеръ (громко).

Его величество король!

Крики внезапно смолкаютъ. Входитъ Фи-
липпъ въ сопровожденіи свиты.

СЦЕНА II-

Филиппъ, Рюй-Гомезъ-де-Сильва, англійскій посланникъ, евита.

Филиппъ, слышавшій привѣтственные клики донъ-Хуану, внезапно прервавшіеся, оглядываетъ толпу мрачно-презрительнымъ взглядомъ. Затѣмъ быстро мѣняетъ выраженіе недовольства на благосклонную улыбку, медленно выходитъ на возвышеніе къ трону и садится. Придворные группируются близь трона.

Филиппъ (*къ Перезу*).

Что жъ не танцуютъ?..

Перезъ.

Танцы, государь,

Сейчасъ лишь только прекратились...

Филиппъ.

Пусть

Начнутъ опять. Пусть музыка и танцы
Всю ночь не прерываются сегодня.
У насъ есть основанье веселиться
И радоваться: кончилась война,
И донъ-Хуанъ Австрійскій воротился
Какъ побѣдитель мавровъ.

Перезъ даетъ знакъ музыкантамъ. Музыка. Танцующіе проходятъ передъ кородемъ и удаляются въ глубину сцены. Король смотритъ нѣкоторое время на танцующихъ, затѣмъ вступаетъ въ разговоръ съ англійскимъ посланникомъ.

Филиппъ.

Какъ жалѣ, милордъ, что королева, наша
Сестра, не можетъ быть у насъ сегодня
На этомъ праздникѣ. Подобныхъ зрѣлищъ
Не видѣли мы въ Лондонѣ, когда
Тамъ были мы...

Посланникъ.

О, государь, съ тѣхъ поръ
Тамъ многое перемѣнилось. Роскошь
И пышность праздниковъ теперь у насъ
Обычны. Королева очень любитъ
Веселье, любитъ танцовать... Но все жъ
Дворъ вашего величества, конечно,
По блеску и богатству первый въ мірѣ.

Филиппъ.

И съ красотою нашихъ дамъ сравняться
Никто не можетъ.

Посланникъ.

Ваши дамы такъ
Прекрасны, что онѣ въ своихъ побѣдахъ
Пожалуй, даже превзойдутъ героя,
Чьи подвиги сегодня славятъ все.

Эболи.

Вы правы, дорогой милордъ,—и это,
Мнѣ кажется, самъ побѣдитель мавровъ
Желаетъ подтвердить: онъ съ поля битвы
Вѣжалъ отъ нашихъ дамъ, и мы его
На праздникѣ не видимъ...

Филиппъ.

Вѣроятно,
Сейчасъ придетъ онъ... Развѣ допъ-Хуанъ
Здѣсь не былъ послѣ ужина?

Эболи.

Нѣтъ, ваше
Величество, хотя его все ждали
И все надѣялись увидѣть.

Филиппъ.

Страшно.
Онъ былъ всегда охотникомъ до танцевъ
И лучшимъ изъ танцоровъ... Да. Милордъ,
Случалось вамъ видѣть человѣка,
Такъ щедро одареннаго природой,
Какъ братъ мой?

Посланникъ.

Государь, на вашъ вопросъ
Отвѣчу прямо: нѣтъ. И красота
И доблесть духа молодого принца
Достойны изумленія.

Филиппъ.

При этомъ
Онъ обладастъ кроткимъ, нѣжнымъ сердцемъ.

Я помню, мальчикомъ еще его
 Любили всѣ и слишкомъ баловали,
 А онъ всегда былъ скромнѣе. Онъ мой братъ,
 Но какъ бы я желалъ такого сына....
 Онъ все-таки стать можетъ королемъ...
 И кто жъ достоинѣе его, чтобъ быть
 Моимъ преемникомъ, когда умру я?..

Эболи.

Не предрекайте, государь, такого
 Ужаснаго несчастія...

Филиппъ.

Принцесса,
 Жизнь вещь сомнительная очень...

Въ толпѣ придворныхъ, группирующейея близъ
 двери направо, движеніе. Входитъ Мендоза. Онъ
 блѣденъ. Взглядъ неподвижный и мрачный. По-
 рывисто отстраняя встрѣчныхъ, онъ быстро направ-
 ляется къ трону.

Филиппъ (*вздвигнувши х мураясь, огляды-
 вается*).

Тамъ

Случилось что-то...

СЦЕНА III.

Тѣ же, Мендоза:

Мендоза становится передъ королемъ, вытянувшись, какъ на парадѣ, и
 ожидая, чтобъ король заговорилъ. Въ залѣ стихло оживленіе. Всѣ
 взгляды обращены въ сторону короля.

Филиппъ.

Это ты, Мендоза?..

Зачѣмъ ты здѣсь?..

Мендоза (*громко и рѣшительно*).

Я, государь, пришелъ

Сказать, что донъ-Хуанъ Австрійскій умеръ!

Убить онъ мною!

Нѣсколько мгновеній необычайно напряженнаго
 безмолвія и неподвижности окружающихъ.

Филиппъ (*холодно и рвзко*).

Этотъ человекъ

Сошелъ съ ума. Черезъ,
Вы позаботитесь о немъ.

Мендоза.

Нѣтъ, нѣтъ!

Я не сошелъ съ ума. Я говорю,
Что донъ-Хуана я убилъ! Найдете
Убитаго вы въ комнатѣ его
На мѣстѣ томъ, гдѣ онъ уналъ, пронзенный
Моею шпагой.

Еще мгновеніе тишины. Потомъ вдругъ пронзительный женскій вопль, какъ бы прервавшій напряженное опѣмѣніе, и вслѣдъ за нимъ разомъ общіе крики и смятенъе.

Голоса.

— Хуанъ убить!—Убить Хуанъ!—Возможно ль?
— Да кто жъ убилъ его?—Убилъ Мендоза!
— Онъ здѣсь... онъ самъ признался королю!..
— Отмщеніе!—За смерть Хуана смерть
Убійцѣ!—Крови! Крови! Крови!

Одинъ изъ офицеровъ обнажаетъ шпагу и высоко взмахиваетъ клинкомъ. Вслѣдъ за тѣмъ мгновенно поднимаются нѣсколько шпагъ и кинжаловъ. Мужчины отталкиваютъ дамъ и бросаются впередъ, потрясая оружіемъ.

Голоса.

— Убить преступника!—Убить сейчасъ же!
— У трона короля!—У ногъ его!
— Отмщенъе!—Смерть убійцѣ!—Крови!—Крови!

Порываются къ ступенямъ трона. Мендоза стоитъ неподвижно, не обращая вниманія на изступленные крики позади его и даже не удастая вая повернуть голову. Рюй-Гомезъ порывисто выступаетъ впередъ, чтобы предупредить убійство.

Гомезъ (*громовымъ голосомъ*).

Назадъ! Кто вы?—испанскіе дворяне,
Иль палачи, что собственной рукою
Хотите кровь преступника пролить!..
Назадъ!

Голоса.

— Отмщенъе!—Крови!—Крови!

Гомезъ.

Тогда возьмите прежде кровь мою!

Протягиваетъ на рукѣ свой плащъ, какъ бы ограждая Мендозу отъ шпагъ и кинжаловъ нападающихъ; они отступаютъ изъ уваженія къ возрасту старика, но затѣмъ снова грозятъ оружіемъ, порываясь къ Мендозѣ. Въ этотъ мигъ въ залъ входитъ отрядъ королевской гвардіи и окружаетъ короля, Мендозу и Рюй-Гомеза. Крики о мщеніи и общее волненіе отчасти стихаютъ. Вдругъ изъ толпы вырывается пронзительный голосъ женщины:

Припомните донъ-Карлоса! За нимъ
И королевой Изабеллой нынче
Послѣдовалъ и донъ-Хуанъ Австрійскій!

При этомъ крикѣ внезапно водворяется напряженная тишина. Филиппъ нервно вздрагиваетъ, порывисто поднимается съ трона и, шатаясь, готовый упасть, опирается на руку Переза. Очнувшись отъ волненія, онъ дѣлаетъ шагъ впередъ и повелительнымъ жестомъ указываетъ на Мендозу.

Филиппъ.

Арестовать донъ-Дьего де-Мендозу!

Четыре гвардейца окружаютъ Мендозу и уводятъ его изъ зала.

Преступника немедленно мы сами
Допросимъ и монаршіи приговоръ
Произнесемъ кровавому злодѣйству!

Поспѣшно уходитъ. Свита слѣдуетъ за королемъ, за исключеніемъ Гомеза.

СЦЕНА IV.**Тѣ же, Долоресъ.**

Изъ дверей въ глубинѣ сцены выбѣгаетъ Долоресъ, блѣдная, съ распущенными волосами и горящими глазами. Она пробивается сквозь толпу.

Долоресъ.

Прошу васъ, дайте, дайте мнѣ пройти!..

Голоса въ толпѣ.

— Кто это?—Кто?—Не знаю.—У нея
Видъ сумасшедшей...

Долоресъ (*увидѣвъ Гомеза, порывисто
бросается къ нему, хватаятъ
его за руку*).

Донъ-Рюй-Гомезъ,

Я умоляю... помогите мнѣ...

О, ради неба помогите!..

Гомезъ.

Въ чемъ,

Несчастное дитя, помочь?

Долоресъ.

Пришла я

Спасти отца... Отецъ мой не виновенъ...

Я это доказать могу... Пусть всѣ

Меня услышать... пусть узнають правду...

Гомезъ.

Вы обратитесь къ королю хотите?

Долоресъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Хочу я высказать передъ всѣми,

Что не убійца мой отецъ!.. Потому

Меня ведите къ королю... ведите

Куда угодно... Только дайте, дайте

Все объясните мнѣ...

Гомезъ.

Хорошо... Пройдемте

Сюда, здѣсь лучше васъ услышать...

Ведеть ее на возвышеніе у трона и обращается
къ толпѣ громкимъ голосомъ:

Гранды

Испаніи! Дочь Дьего де-Мендозы

Марія Долоресъ стоитъ предъ вами!

Движеніе и короткое молчаніе въ толпѣ. По-
томъ смутный ропотъ изумленія и ужаса.

Голоса.

— Мендозы дочь!—Убійцы дочь!..

Долоресъ (*съ подавленнымъ рыданіемъ*).

О, Боже...

Гомезъ (*возвышая голосъ*).

Она васъ проситъ выслушать ее
И хочетъ доказать, что не виновенъ
Ея отецъ въ убійствѣ донъ-Хуана
Австрійскаго.

Голоса.

Какъ—не виновенъ?..

Долоресъ (*смертельно блѣдная. При первыхъ словахъ ея голосъ дрожитъ, потомъ звучитъ силой и рѣшимостью*).

Гранды

Испаніи! Отецъ мой... онъ признался
Въ ужасномъ преступленіи... Но онъ
Невиненъ... Вѣрьте, вѣрьте, цыкогда
На донъ-Хуана онъ руки не поднималъ,
Какъ онъ не поднималъ бы руки на короля...
Я не могу сказать вамъ, почему онъ
Пожертвовалъ своею рѣшилою жизнью,
Принявъ вину чужую на себя,
Но знаю—онъ не совершилъ убійства!
Вы спросите: какъ мнѣ извѣстно это?
И чѣмъ могу вамъ это доказать?—
Такъ слушайте, я признаюсь предъ всѣми:
Я, Долоресъ, Мендозы дочь, была
Тамъ, гдѣ убили донъ-Хуана: я
Скрывалась у него въ покояхъ тайно,
Скрывалась какъ любовница его!..
Покуда онъ былъ живъ—я отдавала
Все, все ему: и душу, и любовь,
И честь мою дѣвичью... но сегодня
Онъ умеръ, умеръ... и за жизнь отца
Теперь я заплачу моею честью:
Пусть о моемъ паденіи всѣ узнаютъ,
Пускай меня осудитъ цѣлый свѣтъ,
Но мой отецъ не долженъ умереть—
Онъ неповиненъ въ смерти донъ-Хуана,
Я это говорю. Вы люди чести,
Испаніи вы гранды. Мой отецъ—
Одинъ изъ васъ. Такъ могъ ли посягнуть
Онъ на такое подлое злодѣйство?
Нѣтъ, нѣтъ—не могъ, клянусь въ томъ небесами!

Разражается истерическимъ рыданіемъ и падаетъ въ изнеможеніи. Гомезъ поддерживаетъ ее. Толпа глубоко потрясена. Нѣмая сцена.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Комната во дворцѣ. Двѣ стѣны угломъ. Въ правой стѣнѣ дверь въ глубинѣ и другая ближе къ авансценѣ. У лѣвой стѣны на первомъ планѣ широкій каминъ. Передъ каминомъ кресло съ высокой спинкой, украшенной королевскимъ гербомъ. Въ сторонѣ столъ съ письменными принадлежностями. Нѣсколько свѣчей въ высокихъ подсвѣчникахъ освѣщаютъ комнату.

СЦЕНА I.

Филиппъ, Мендоза, Перезъ.

Филиппъ сидитъ въ креслѣ, устремивъ неподвижный взглядъ на горящее пламя камина. Передъ нимъ, вытянувшись, стоитъ Мендоза. Перезъ у стола записываетъ показанія Мендозы.

Филиппъ.

Вы говорите, что давно имѣли
Къ Хуану чувство злобы?

Мендоза.

Государь,
Прошу я извиненія: о злобѣ
Не говорилъ я. Я сказалъ лишь только,
Что замѣчалъ давно я съ безпокойствомъ
Страсть принца къ дочери моей.

Филиппъ.

Перезъ,
Прочтите, какъ сказалъ онъ?

Перезъ (читаетъ).

«Я давно
Былъ полонъ озлобленья на его

Высочество за то, что восхищался
Онъ дочерью моею».

Филиппъ.

Вотъ видите: вы злобствовали. Это
Записано. Да. Будьте осторожны
Въ своихъ признаніяхъ, Мендоза. Ваши
Слова послужатъ завтра противъ васъ
Свидѣтельствомъ. Точнѣе выражайтесь
И говорите правду. Почему
Ухаживанье принца возбуждало
Въ васъ злобу?

Мендоза.

Потому, что никогда
Не думалъ, чтобъ кончиться могло
Ухаживанье это бракомъ.

Филиппъ.

Вотъ что!

Мендоза

Я полагалъ, что дочь моя игрушкой,
Забавой будетъ принца донъ-Хуана...
И если бъ даже принцъ на ней женился—
Все жъ бракъ бы не дѣйствительнымъ былъ признанъ,
Когда бъ его высочество нашель
Себѣ супругу равную по сыну.

Филиппъ (*рѣзко*).

Перезъ, точнѣе запишите: это
Признанье важное. Но какъ же бракъ,
Благословеньемъ церкви освященный,
Быть можетъ не дѣйствительнымъ?

Мендоза.

По волѣ
Всесильной вашего величества.

Филиппъ.

Перезъ,
И это запишите. Стало быть,
Вы полагаете, Мендоза, уважаю
Я таинство церковное такъ мало,
Что ради политическихъ расчетовъ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городского) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

Основанъ А. С. Суворинимъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ 1915 г.

СТРАН.

Историческая лѣтопись . . . . . V—XLVIII

Иллюстраціи: 1) Великобританскій вице-адмиралъ сэръ Джонъ Битти.— 2) Августѣйшая сестра милосердія Ея Императорское Высочество Государыня Императрица Александра Теодоровна.— 3) Августѣйшая сестра милосердія Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Александровна.— 4) Августѣйшая сестра милосердія Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Павловна (Младшая).— 5) Ея Императорское Высочество Великая княгиня Елизавета Теодоровна.— 6) Королева Бельгіи съ дѣтьми.

I. За бѣлой лыбедью. (Повѣсть изъ поморскаго быта). I—XI. Г. Т. Сѣверцева-Полилова.	719
II. Санъ-Стефано. V—VI. (Продолженіе). Записки графа Н. П. Игнатьева.	746
III. Послѣ грозы. (Повѣсть). I—VIII. А. А. Плетнева.	773
IV. Радецкій, Скобелевъ, Драгомировъ. II.—М. Д. Скобелевъ. Изъ воспоминаній С. А. Драгомировой.	796
V. Въ дни войны въ пограничной деревнѣ. (Воспоминанія очевидца). I—II. С. Богдановича.	804
VI. Изъ воспоминаній о М. Е. Салтыковѣ. Е. И. Жуковской.	813
VII. Парижскія впечатлѣнія. (Августъ 1914 г.). В. Я. Свѣтлова.	826
VIII. Россія, Австрія и Пруссія въ срединѣ XVIII вѣка. М. В. Ключкова.	839
IX. Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ. XIV—XVII. (Окончаніе). Н. М. Ежова.	856
X. Прибалтійское помѣстное дворянство и его отношеніе къ текущимъ событіямъ. II. (Окончаніе). Князя С. П. Маньерева.	880
XI. Академикъ И. И. Янкуль. (Характеристика и воспоминанія). Князя Б. А. Щетинина.	894
Иллюстрація: И. И. Янкуль.	
XII. Роковины Шевченка въ Петроградѣ въ 1875 году. Изъ воспоминаній П. Морозова.	912
XIII. Россія и Англія. (Ихъ прошлыя отношенія и будущее взаимодѣйствіе). А. М. Бѣлова.	916
XIV. Коренная пустынь. А. И. Фирсова.	929
XV. Въ странѣ нашихъ союзниковъ. (Окончаніе). VI—X. И. А. Слонова.	940
Иллюстраціи: 1) Японія. Рисовыя поля.— 2) Кіото. Драгоцѣнныя ворота въ кумирѣ Хигаши-Хонгаджи.— 3) Кіото. Статуя Будды въ кумирѣ Хигаши-Хонгаджи.— 4) Кіото. 500-лѣтняя сосна, имѣющая форму лодки.— 5) Токио. Японка съ ребенкомъ.— 6) Токио. Мавки въ школѣ во время занятій.— 7) Токио. Гейша, пишущая письмо.— 8) Токио. Прическа головы.— 9) Токио. Драма изъ жизни самураевъ въ японскомъ театрѣ.— 10) Окрестности Нагасаки. Мѣстечко Моги.	
XVI. Изъ записной книжки историка. (Галицкая Русь: ея современное положеніе и нужды). Е. С. Шумигорскаго.	967
XVII. Критика и библиографія.	974

1) Прибалтійскій край и война. Матеріалы изъ русской печати за августъ, сентябрь и октябрь 1914 г. Собралъ и составилъ А. Тупинъ. Съ предисловіемъ профессора К. И. Арабажина. Петр. 1915. ии. с. м.—ва.— 2) Сборникъ московскаго архива министерства юстиціи. Псковъ и его пригороды. Т. V и IV. Москва. 1914. и. с. б.— 3) Наше прошлое. Разказы изъ русской исторіи. Подъ редакціей Вишнякова, Мельгунова и Сыротчковскихъ. Ч. II. Съ 98 рисунками. М. 1915. м. н.—ва.— 4) Труды пермской губернской ученой архивной комиссіи. Пермь. 1914. а. м.—на.— 5) Труды

псковскаго археологическаго общества. Вып. X. Исковъ. 1914. А. Фаресова.—6) А. А. Пазухинъ. Родословная Пазухиныхъ и родословные материалы Пазухинскаго архива. Петр. 1914. Б. Модзалевскаго.—7) Н. К. Никольскій. Рукописная книжность древнерусскихъ библиотекъ (XI—XVII вв.). Материалы для словаря владѣльцевъ рукописей, писцовъ, переводчиковъ, справщиковъ и книгохранителей. Вып. I. А.—Б. (Пам. др. писемъ СХХХII в.). В. п.—8) Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову. Юбилейный сборникъ. М. 1914.—Поэтъ мировой скорби. Очеркъ проф. К. И. Арабажина. Петр. 1914. И. Замотина.—9) В. Евгеньевъ. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Сборникъ статей и материаловъ. Москва. влад. Мясниина.—10) «Библиографическія извѣстія». Подъ редакціею Б. Ст. Боднарскаго. Москва. 1913—1914. Н. Лисовскаго.—11) Извѣстія тифлискихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Книга первая. Вып. I. Тифлисъ. 1914. А. Налимова.—12) Военная энциклопедія. XXXIII и XXXIV томы. Петр. 1914. л. н.—13) П. Е. Казанскій, проф., предсѣдатель одесскаго отдѣленія галицко-русскаго общества «Присоединеніе Галичины. Буковины и Угорской Руси». Одесса. 1915.—«Современное положеніе Червонной Руси» (Австро-венгерскія звѣрства). Одесса. 1915. в. Гр—снаго.—14) А. П. Нечаевъ. Исторія философіи для начинающихъ изучать эту науку. Съ 20 портретами въ текстѣ. М. 1914. А. в.—15) В. Л. Сегадь. Исторія еврейскаго народа. Ч. II. Одесса. 1914. с. л.—16) Министерство внутреннихъ дѣлъ.—Управленіе сельской продовольственной части.—Отчетъ по продовольственной кампаніи 1912—1913 г.г. Петр. 1914. в. Кузнецова.—17) «Война и Памь». Библиотека «Вечернаго Времени». Изд. В. А. Суворина. Карикатуры. Война и Памь. Вып. I. (Юль—декабрь). 48 рис. н. нравчико.—18) Солдатскія сказки. Подъ редакціею Н. Г. Козырева. Библиотека «Вечернаго Времени». Изданіе В. А. Суворина. Петр. 1915. д. м.—но.—19) Труды восточно-сибирскаго отдѣла императорскаго географическаго общества № 8. Иркутская лѣтопись 1857—1880 г.г. (Продолженіе «Лѣтописи» П. И. Нежескаго и В. А. Кротова). Составилъ Н. С. Романовъ. Подъ редакціею члена отдѣла И. И. Серебренникова. Иркутскъ. 1914. т. м.—20) В. В. Врусиинъ. Трагедія Михайловскаго замка. Романъ въ двухъ томахъ изъ эпохи царствованія Павла I. Т. I. Ч. I. Тоска по власти. Петр. 1914. л. л.—21) К. Я. Гротъ. Австро-Венгрія или Карпато-Дунайскія земли въ судьбахъ славянства и въ русскихъ историческихъ изученіяхъ. Петр. 1914. м.—22) Подробный ореографическій словарь. Состав. В. А. Зелинскій. М. 1914. д. м.—23) Н. В. Пуцило и М. М. Лебедкина. «Въ родномъ мірѣ». Хрестоматія для младшихъ и среднихъ классовъ средно-учебныхъ заведеній. Пособіе при обученіи русскому языку. Петр. 1910—1914. м.—о.—24) Э. Микельсонъ. По слѣдамъ жертвъ ледяной пустыни. Переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Петр. 1914.—Конрадъ Гюнтеръ. Цейлонъ. Введеніе въ міръ тропиковъ. Переводъ Наталіи Холодковской подъ редакціею проф. Н. А. Холодковскаго. Петр. 1914.—Дм. Львовичъ. По киргизской степи. Путевые очерки. Петр. 1914. д. м.—25) Труды пермской губернской архивной комиссіи. Вып. II. Пермь. А. Налимова.—26) Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи (годъ двадцать седьмой). № 51. Подъ редакціею предсѣдателя комиссіи Арс. Ив. Маркевича. Симферополь. 1914. л. л.

XVIII.	Новости исторіи. Обзорѣніе журналовъ. А. А. Измайлова.	1005
XIX.	Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника»	1015
XX.	Заграничныя историческія новости и мелочи.	1019
	1) Польскій король и его лекторъ.—2) Трагедія «Оленьей залы».—3) Откуда взялъ Дюма своихъ «Трехъ мушкетеровъ».—4) Изъ воспоминаній о Тьеръ.—5) Роковой шагъ Турціи.—6) Послѣдній лейбъ-медикъ Наполеона.—7) Предсказанія Нострадамуса.	
XXI.	Смѣсь.	1037
	1) Въ литературномъ фондѣ.—2) Присужденіе великому князю Николаю Михайловичу ученой степени.—3) Къ вопросу объ учрежденіи въ гор. Москвѣ центральнаго русскаго церковнаго древлехранилища.—4) Исторія первой мужской гимназіи въ Саратовѣ.—5) Двадцатипятилѣтіе учено-литературной дѣятельности профессора А. I. Малейна.—6) Закрытіе императорскаго вольно-экономическаго общества.	
XXII.	Некрологи.	1043
	1) Бирилевъ, А. А.—2) Голубевъ, П. А.—3) Живило, К. Т.—4) Колобакинъ, А. М.—5) Кореневскій, П. И.—6) Некрасова, О. А.—7) Павликъ, М. И.—8) Ршави, Л. А., проф.—9) Соколовъ, Д. П., протоіерей.—10) Церетели, А. Р., князь.	
XXIII.	Замѣтки и поправки.	1053
	1) Къ ст. «Забутый писатель». Д. Стахѣва.—2) Письмо къ редактору. В. Волярярскаго.—3) Отвѣтъ Б. Б. Глинскаго.	

Приложенія: Портретъ Михаила Дмитріевича Скобелева.—2) Долоресъ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ В. Буренина. (Изъ романа Маріонъ-Крауфорда «In the palace of the king»). (Окончаніе).

СОДЕРЖАНІЕ СТО ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАГО ТОМА.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ 1915 года.

СТРАНИ.

Историческая лѣтопись . . . . . IX—LVI, V—XLVIII, V—XLVIII

Иллюстраціи: 1) Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Теодоровна съ Августѣйшими Дочерьми.—2) Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Теодоровна.—3) Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Александровичъ.—4) Его Императорское Высочество Великій Князь Кириллъ Владимировичъ.—5) Его Императорское Высочество Великій Князь Борисъ Владимировичъ.—6) Его Императорское Высочество Великій Князь Дмитрій Павловичъ.—7) Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Михайловичъ.—8) Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ Михайловичъ.—9) Его Высочество Князь Гавріилъ Константиновичъ.—10) Его Высочество Князь Константинъ Константиновичъ. 11) Генераль-отъ-инфантеріи П. А. Лечицкій.—12) Генераль-адъютантъ М. В. Алексѣевъ.—13) Генераль-отъ-инфантеріи А. Е. Эвертъ.—14) Генераль-отъ-кавалеріи П. А. Плеве.—15) Генераль-адъютантъ П. И. Мищенко.—16) Елизавета, королева Вельгій.—17) Великобританскій вице-адмиралъ сэръ Джонъ Витти.—18) Августѣйшая сестра милосердія Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Теодоровна.—19) Августѣйшая сестра милосердія Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Александровна.—20) Августѣйшая сестра милосердія Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Павловна (Младшая).—21) Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елизавета Теодоровна.—22) Королева Вельгій съ дѣтьми.

Романъ принцессы Іеверской. (Историческая повѣсть). Е. С. Шумигорскаго.	1, 351
Санъ-Стефано. I—VI. Записки графа Н. П. Игнатъева.	27, 376, 746
Смерть курьера Мамошина. П. П. Гнѣдича.	62, 405
Изъ юныхъ дней великаго князя Михаила Николаевича. А. И. Соколовой.	80
Л. Н. Толстой—пастиухъ. (Изъ жизни великаго писателя). И. Б. Тенеромо.	91
Передъ Царемъ-Освободителемъ. С. И. С—кова.	105
Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ. (Мои воспоминанія о немъ, думы и соображенія). I—XVII. Н. М. Ежова.	110, 450, 856
«истор. вѣстн.», мартъ 1915 г., т. сxxxix.	1/2г

Черный «бунтъ». (Странички изъ исторіи «аѳонской смуты»). **Е. Н. Ко-
свинцева**. 139, 470

Иллюстраціи: 1) Ротмистръ л.-гв. гусарскаго полка Александръ Бса-
веревичъ Булатовичъ передъ самымъ поступленіемъ въ монашество. Съ
нимъ рядомъ абиссинецъ «Васька».— 2) О. Иларіонъ.— 3) Келья о. Иларіо-
на.— 4) Хата въ имѣніи генеральши Е. А. Булатовичъ, въ которой жи-
ветъ іеросхимонахъ Антоній Булатовичъ.

Императоръ Вильгельмъ II. **А. П. Скугаревскаго**. 161, 488
«Историческій Вѣстникъ» за 35 лѣтъ. (Портретная галлерей). **Б. Б. Глин-
скаго**. 180

Иллюстраціи: 1) Алексій Сергѣевичъ Суворинъ и Сергѣй Николаевичъ
Шубинскій.— 2) Николай Ивановичъ Костомаровъ.— 3) Константинъ Нико-
лаевичъ Вестужевъ-Рюминъ.— 4) Евгенийъ Петровичъ Карновичъ.— 5) Вла-
димиръ Рафаиловичъ Зотовъ.— 6) Павелъ Яковлевичъ Дашковъ.— 7) Петръ
Николаевичъ Полевой.— 8) Давидъ Лукичъ Мордовцевъ.— 9) Николай
Семеновичъ Лѣсковъ.— 10) Сергѣй Николаевичъ Терпигоревъ (Атава).—
11) Гр. Евгенийъ Андреевичъ Саліасъ де-Турнемиръ.— 12) Надежда Ивано-
вна Мердеръ.— 13) Басилій Григорьевичъ Авсеенко.— 14) Владимиръ Але-
ксѣевичъ Тихоновъ.— 15) Василій Егоровичъ Рудаковъ.— 16) Иларіонъ
Федоровичъ Богдановъ.— 17) Сотрудники «Историческаго Вѣстника»
1904 года.— 18) Сотрудники «Историческаго Вѣстника» 1913 года.

Владимиръ Ивановичъ Ламанскій. († 19 ноября 1914 г.). **Н. Я. Грота**. 208

Русскіе поэты о современной войнѣ. **Д. А. Масляенка**. 230

Роковой годъ. (Предсказанія войны). **И. П. Ювачева**. 252

Историческій очеркъ возникновенія Пруссіи. **А. М. Бѣлова**. 259

Замокъ князя Паскевича въ Гомелѣ. **А. Сигова**. 275

Иллюстраціи: 1) Видъ Гомельскаго замка съ рѣки.— 2) Замокъ князя
Паскевича.— 3) Прудъ въ паркѣ.— 4) Статуя Понятовскаго въ паркѣ.—
5) Юсть Паскевича въ паркѣ.— 6) Усыпальница князя Паскевича.—
7) Башня у замка.

Радецкій, Скобелевъ, Драгомировъ. I. **Ө. Ө. Радецкій**.—II. **М. Д. Ско-
белевъ**. (Изъ воспоминаній). **С. А. Драгомировой**. 432, 796

Императоръ Александръ II и дѣти. **Н. Н. Лавровой**. 438

Иллюстрація: Императоръ Александръ II и дѣти.

Русскій энциклопедистъ. (Изъ воспоминаній о Н. А. Демчинскомъ). **А. Е.
Кауфмана**. 503

Иллюстрація: Николай Александровичъ Демчинскій.

Торговый договоръ съ Германіей 1904 г. **И. Иванюкова**. 517

Очеркъ внѣшней исторіи Габсбургской монархіи. **А. М. Бѣлова**. 533

Прибалтійское помѣстное дворянство и отношеніе его къ текущимъ со-
бытіямъ. **Князя С. Мансырева**. 550, 880

Война и вѣра. И. П. Ювачева	566
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Безуміе влстителя міра.—2) Германскій императоръ— антихристъ.—3) Борьба русскаго витязя съ трехглавымъ дракономъ.— 4) Видѣніе «Вѣлаго генерала».	
Намѣчи Р. Т. Подиловъ-Сѣверцева: Б. Б. Глинскаго	591
<i>Иллюстрація:</i> Георгій Тиховичъ Подиловъ-Сѣверцевъ.	
Въ странѣ нашихъ союзниковъ. И. А. Слонова	607, 940
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Уралъ.—2) Златоустъ.—3) Тайга.—4) Накагинскъ (мостъ въ тайгѣ).—5) Кругобайкальская жел. дорога.—6) Сибирская жел. дор. близъ ст. Нерчинскъ.—7) Владивостокъ. Гавань Золотой Рогъ.— 8) Нагасаки. Вухтэ Сетохура.—9) Нагасаки. Виржа дженерикшъ.—10) На- гасаки. Улица Ханомаша.—11) Нагасаки. Вертящаяся бумажная бочка.— 12) Нагасаки. Гейши, музыканты и пѣвецъ, дающіе представленіе на улицѣ.—13) Нагасаки. Процессія съ дракономъ.—14) Нагасаки. Рыболов- ная процессія.—15) Нагасаки. Японскіе потѣшныя.—16) Японія. Рисовыя поля.—17) Киото. Драгоценныя ворота въ кумирнѣ Хигаши-Хонгажи.— 18) Киото. Статуя Будды въ кумирнѣ Хигаши-Хонгажи.—19) Киото. 500-лѣтняя сосна, имѣющая форму лодки.—20) Токио. Японка съ ребен- комъ.—21) Токио. Майки въ школѣ во время занятій.—22) Токио. Гейша, пишущая письмо.—23) Токио. Прическа головы.—24) Токио. Драма изъ жизни самураевъ въ японскомъ театрѣ.—25) Окрестности Нагасаки. Мѣ- стечко Могі.	
Изъ записной книжки историка. Е. С. Шумигорскаго	637, 967
За бѣлой лыбедью. (Новѣсть изъ поморскаго быта). I—XI. Г. Т. Сѣвер- цева-Полилова	719
Послѣ грозы. (Новѣсть). I—VIII. А. А. Плетнева	773
Въ дни войны въ пограничной деревнѣ. (Воспоминанія очевидца). С. Бог- дановича	804
Изъ воспоминаній о М. Е. Салтыковѣ. Е. И. Жуковской	813
Парижскія впечатлѣнія. (Августъ 1914 г.). В. Я. Свѣтлова	826
Россия, Австрія и Пруссія въ срединѣ XVIII вѣка. М. В. Ключкова	839
Академикъ И. И. Янжуль. (Характеристика и воспоминанія). Князя Б. А. Щетинина	894
<i>иллюстрація:</i> И. И. Янжуль.	
Роквины Шевченка въ Петроградѣ въ 1875 году. (Изъ воспоминаній). П. Морозова	912
Россия и Англія. (Ихъ прошлыя отношенія и будущее взаимодѣйствіе). А. М. Бѣлова	916
Коренная пустыня. А. И. Фирсова	929
Критика и библиографія	283, 645, 974

1) Н. С. Державинъ. Болгарско-сербскія взаимоотношенія и македон-
скій вопросъ. Петр. 1914. Андрея Сиротинина.—2) «Вѣстникъ общества рев-
нителей исторіи». Т. I. Подъ редакціей замѣстителя председателя М. К.

- Соколовскаго. 1914. т. ф.—3) П. М. Виццлди. Западнае вліаніе на Руси и начальная лѣтопись. Одесса. 1914. Н. Ефимова.—4) Е. Н. Щенкина. Изъ исторіи женской личности въ Россіи. Петр. 1915. А. Фаресова.—5) Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго. Влугительная замѣтка Е. А. Ллцвага. Петр. 1914. А. Налимова.—6) Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Подъ редакціей дѣйствительныхъ членовъ комиссіи И. Ф. Павловскаго, А. Ф. Мальцева и А. В. Паладки. Вып. 11-й. Полтава. 1914. Павла Россіева.—7) «Минская Старина». Вып. четвертый. Труды мнлзскаго церковнаго историко-археологическаго комитета (Тройчанскій архивъ). Минскъ. 1914. А. Бочкова.—8) Сборникъ великорусскихъ частушекъ. Подъ редак. Е. Н. Елеонской. Москва. 1914. В. Перетца.—9) Толстовскій музей. Томъ II. Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ. 1870—1894. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. Л. Модзалевскаго. Петр. 1914. Влад. Мннннина.—10) Временникъ Пушкинскаго дома. Петр. 1914. В. Данилова.—11) Игорь Сфверянннвъ. Златолира. Поэзы. Книга вторая. Москва. 1914. М. Б. Х.—12) Исторія музыки всѣхъ временъ и народовъ. Составилъ профессоръ Л. А. Сакетти. Вып. I. Петр. 1914. п. Майнова.—13) Графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Нѣкоторые общія соображенія по вопросу о задачахъ низшаго, средняго и высшаго образованія.—Его же. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ семьи и школы въ педагогической литературѣ и школьной практикѣ у насъ и на Западѣ. Петр. 1914. г. Зоргенфрея.—14) Записки нефилологическаго общества при императорскомъ петроградскомъ университетѣ. Вып. IV—VII. Петр. 1910—1914. м.—15) Д. К. Зеленинъ. Велнорусскіе говоры съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ звнанебныхъ согласныхъ въ связи съ теченіями позднѣйшей великорусской колонизаціи. Петр. 1914. в. д.—16) Русская періодическая печать 1703—1900 г.г. (Библиографія и графическія таблицы). Составилъ Н. М. Лисовскій. Отдѣлъ 1. Библиографія русской періодической печати. Отдѣлъ 2. Графическія таблицы русской періодической печати. Вып. IV. Петр. 1915. А. м—на.—17) М. Вородкинъ. Исторія Финляндіи. Время императора Николая I. Петр. 1915. п. м. Майнова.—18) Сельскохозяйственное вѣдомство за семьдесятъ пять лѣтъ его дѣятельности (1837—1912). Составили Г. К. Гинсъ и П. А. Шафрановъ. Петр. 1914. м.—19) Дѣяствія нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Т. XV. Вып. I, II и III. Т. XVI. Вып. I и II. Нижній-Новгородъ. 1914.—Изъ родной старины. Выставка нижегородской ученой архивной комиссіи. Нижній-Новгородъ. 1914. м.—20) Н. В. Акаемовъ. Тѣни минувшаго (изъ варшавской старины). Съ рисунками и планомъ старой Варшавы. 1914. Пав. Черняева.—21) Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ редакцію С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Т. Соколовской.—22) Международная выставка почетнаго дѣла и графики въ Лейпцигѣ. 1914. Каталогъ русскаго отдѣла. В. Перетца.—23) И. М. Соловьевъ. Русскіе университеты въ ихъ уставахъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Выпускъ первый. Университеты до эпохи шестидесятихъ годовъ. № 1 «Культурно-исторической библиотеки». Подъ редакціей исторической комиссіи учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній. Петр. 1914. м.—24) Языковскій Архивъ. Вып. I. Письма Н. М. Языкова въ роднымъ за дерптскій періодъ его жизни (1822—1829 г.г.). Подъ редакціей и съ объяснительными примѣчаніями К. В. Пѣтухова. п. м.—25) Н. П. Лихачевъ. Генеалогическая исторія одной помѣщичьей библиотеки. Ч. I и II. Петр. 1914. С. Штейна.—26) А. Климентовъ. Романтизмъ и декадентство. Философія и психологія романтизма, какъ основы декадентства (символизма). Одесса. 1914. В. Тмачука.—27) А. В. Амфитеатовъ. Собраніе сочиненій. Звѣрь изъ бездны. Томъ IV.—Погасшія легенды. Петр. 1914. м—на.—28) Людмила Трубицына. Юристка. Изъ жизни парижской студентки. Петр. 1914. В. Уманова-Калпуноскаго.—29) Ив. Коноваловъ. Очерки современной деревни. Петр. 1914. А. М. Мечавой.—30) Прибалтійскій край и война. Матеріалы изъ русской печати за августъ, сентябрь и октябрь 1914 г. Собралъ и составилъ А. Тушинъ. Съ предисловіемъ профессора К. И. Арабажина. Петр. 1915. мн. с. м—ва.—31) Сборникъ московскаго архива министерства юстиціи. Псковъ и его пригороды. Т. V и VI. Москва. 1914. м. с. б.—32) Наше прошлое. Разсказы изъ русской исторіи. Подъ редакціей Вишнякова, Мельгунова и Сыровѣковскихъ. Ч. II. Съ 98-ю рисунками. М. 1915. м. м—ва.—33) Труды перской губернской ученой архивной комиссіи. Пермь. 1914. А. м—на.—34) Труды псковскаго археологическаго общества. Вып. X. Псковъ. 1914. А. Фаресова.—35) А. А. Пазухинъ. Родословная Пазухинныхъ и родословные матеріалы Пазухинскаго архива. Петр. 1914. Б. Модзалевскаго.—36) Н. К. Никольскій. Рукописная книжность древнерусскихъ библиотекъ (XI—XVII вв.),

Материалы для словаря владѣльцевъ рукописей, писцовъ, переводчиковъ, справщиковъ и книгохранителей. Вып. I. А—Б. (Нам. др. письм. СХХХII в.). в. п.—37) Ввнокъ М. Ю. Лермонтову. Юбилейный сборникъ. М. 1914.—Поэтъ мировой скорби. Очеркъ проф. К. Н. Арабажина. Петр. 1914. и. Замотина.—38) В. Евгеньевъ. Николай Алексѣевич Некрасовъ. Сборникъ статей и материаловъ. Москва. Влад. Мянжнина.—39) «Библиографическія извѣстія». Подъ редакцію В. Ст. Воднарскаго. Москва. 1913—1914. и. Лисовскаго.—40) Извѣстія тифлискихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Кн. первая. Вып. I. Тифлисъ. 1914. А. Малимова.—41) Военная энциклопедія. ХХХIII и ХХХIV томы. Петр. 1914. л. н.—42) П. Е. Казанскій, проф., председатель одесскаго отдѣленія галицко-русскаго общества «Присоединеніе Галичины, Буковины и Угорской Руси». Одесса. 1915.—«Современное положеніе Червоной Руси» (Австро-венгерскія звѣрства). Одесса. 1915. в. Гр—снаго.—43) А. П. Нечаевъ. Исторія философіи для начинающихъ изучать эту науку. Съ 20 портретами въ текстѣ. М. 1914. А. в.—44) В. Л. Сегаль. История еврейскаго народа. Ч. II. Одесса. 1914. с. л.—45) Министерство внутреннихъ дѣлъ.—Управление сельской продовольственной части.—Отчетъ по продовольственной кампаніи 1912—1913 г.г. Петр. 1914. в. Музнецова.—46) «Война и Памѣть». Библиотека «Вечерняго Времени». Изд. В. А. Суворина. Карикатуры. Война и Памѣть. (Вып. I. Июль—декабрь). 48 рис. и. Иравченко.—47) Солдатскія сказки. Подъ редакціей Н. Г. Козырева. Библиотека «Вечерняго Времени». Изд. В. А. Суворина. Петр. 1915. д. м—но.—48) Труды восточно-сибирскаго отдѣла императорскаго географическаго общества № 8. Иркутскія лѣтописи 1857—1880 г.г. (Продолженіе «Лѣтописи» П. И. Пежемскаго и В. А. Бротова). Составилъ Н. С. Романовъ. Подъ редакціей члена отдѣла И. И. Серебренникова. Иркутскъ. 1914. т. м.—49) В. В. Брусанинъ. Трагедія Михайловскаго замка. Романъ въ двухъ томахъ изъ эпохи царствованія Павла I. Томъ I. Ч. I. Тоска по власти. Петр. 1914. л. л.—50) К. Я. Гротъ. Австро-Венгрія или Карпато-Дунайскія земли въ судьбахъ славянства и въ русскіихъ историческихъ изученіяхъ. Петр. 1914. м.—51) Подробный орографическій словарь. Состав. В. А. Зелинскій. Изд. 2-е. М. 1914. д. м.—52) Н. В. Пуцило и М. М. Лебедкина. «Въ родномъ мірѣ». Хрестоматія для младшихъ и среднихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Пособіе при обученіи русскому языку. Петр. 1910—1914. м—о.—53) Э. Миккельсонъ. По слѣдамъ жертвъ ледяной пустыни. Переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Петр. 1914.—Конрадъ Гюнтеръ. Цейлонъ. Введеніе въ міръ тропиковъ. Переводъ Наталіи Холодковской подъ редакціей проф. Н. А. Холодковскаго. Петр. 1914.—Дм. Львовъ. По киргизской степи. Путевые очерки. Петр. 1914. д. м.—54) Труды пермской губернской архивной комиссіи. Вып. II. Пермь. А. Малимова.—55) Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи (годъ двадцать седьмой). № 51. Подъ редакціей председателя комиссіи Арс. Яв. Маркевича. Симферополь. 1914. л. л.

Новости исторіи. Обзорніе журналовъ. **А. А. Измайлова.** 303, 664, 1005

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго
Вѣстника». 310, 673, 1015

Заграничныя историческія новости и мелочи. 314, 677, 1019

1) Раштадтскій конгрессъ.—2) Изъ воспоминаній о композиторѣ Оберъ.—3) Воспоминанія г-жи Мартенъ.—4) Агентъ Наполеоновской полиціи.—5) Казаки въ описаніи француза.—6) Карточная игра во Франціи.—7) Театръ маріонетокъ въ Италіи.—8) Первый переводчикъ арабскихъ сказокъ «Тысяча и одна ночь».—9) Какъ создавалась прусская армія.—10) Шатобрианъ въ роли англійскаго археолога.—11) Французское воздухоплаваніе въ Польшѣ.—12) Кто изобрѣлъ дирижабль-цепепедаль.—13) Происхожденіе Ветховена.—14) Изъ исторіи нѣмецкаго шовинизма.—15) Германская культура.—16) Польскій король и его лекторъ.—17) Трагедія «Оленья залы».—18) Откуда взялъ Дюма своихъ «Трехъ мушкетеровъ».—19) Изъ воспоминаній о Тьеръ.—20) Роковой шагъ Турпіи.—21) Последний лейбъ-медикъ Наполеона.—22) Предсказанія Нострадамуса.

Смѣсь. 334, 696, 1037

1) Тридцатипятилѣтіе «Историческаго Вѣстника».—2) Юбилей судебной реформы.—3) Общее собраніе членовъ кассы взаимопомощи литерато-

ровъ и ученыхъ.—4) Юбилей С. Е. Виссарионова.—5) Юбилей профессора А. А. Иванова.—6) Юбилей профессора В. М. Конловича.—7) Конкурсъ на премию имени исторіографа Оренбургскаго края Владимира Николаевича Витевскаго.—8) Отъ Романовскаго комитета.—9) Помощь Сербіи. Воззвание сербскаго архимандрита Михаила.—10) Годовое собраніе академіи наукъ.—11) Среди литераторовъ и ученыхъ.—12) Въ литературномъ фондѣ.—13) Юбилей изданій министерства финансовъ.—14) 30-лѣтіе литературной дѣятельности Т. А. Мартемьянова.—15) Тридцатипятилѣтіе литературной дѣятельности Н. И. Васильева.—16) Юбилей Л. М. Савелова.—17) Юбилей М. Г. Ярова.—18) На памятникъ М. И. Кутузову-Смоленскому.—19) Въ литературномъ фондѣ.—20) Присужденіе великому князю Николаю Михайловичу ученой степени.—21) Къ вопросу объ учрежденіи въ гор. Москвѣ центрального русскаго церковнаго древлехраннща.—22) Исторія первой мужской гимназіи въ Саратовѣ.—23) Двадцатипятилѣтіе учено-литературной дѣятельности профессора А. І. Маленина.—24) Закрытіе императорскаго вольно-экономическаго общества.

Некрологи. 342, 705, 1043

1) Богдановичъ, А. В.—2) Брюлловъ, П. А.—3) Вуйницкій, Н. А.—4) Ермолаевъ, Г. И.—5) Зильберманъ, П. Я.—6) Кассо, Л. А.—7) Кашкинъ, Н. О.—8) Лачинова, А. А.—9) Маслоу, А. Л.—10) Иославскій, И. Т.—11) Чаевъ, Н. А.—12) Алексій, архіепископъ.—13) Вилбинъ, Н. И.—14) Вунге, Н. А.—15) Витрамъ, Ф. Ф.—16) Волошинъ, М.—17) Гржимали, И. В.—18) Каблуковъ, С. А.—19) Рыкачевъ, А. М.—20) Моисей, старецъ.—21) Трутовскій, Я. Я.—22) Жорской, Г. А.—23) Умовъ, Н. А.—24) Фокинъ, Н. Н.—25) Шварцъ, А. Н.—26) Шестаковъ, П. М.—27) Вирилевъ, А. А.—28) Голубевъ, П. А.—29) Живило, К. Т.—30) Колюбазинъ, А. М.—31) Кореневскій, П. Н.—32) Некрасова, Ф. А.—33) Павликъ, М. И.—34) Ршави, Л. А., проф.—35) Соколовъ, Д. П., протоіерей.—36) Церетелли, А. Р., князь.

Замѣтки и поправки. 349, 715, 1053

1) По поводу «Замѣтки» г. Перуанскаго, Н. Н. Оглоблина.—2) Къ статьѣ «Изъ воспоминаній о Царьградѣ». Н. И. Арбузова.—3) По поводу статьи А. А. Миринова, С. Литвина.—4) Отвѣтъ Г. Г. Зоргенфрея. Графа А. А. Мусина-Пушкина.—5) Отвѣтъ на отвѣтъ. Г. Зоргенфрея.—6) По поводу статьи А. П. Скугаревскаго, М. Поливанова.—5) По поводу ст. Е. С. Шумигорскаго, А. Петрова.—6) «Забытый писатель». Д. Стахѣевъ.—7) Письмо въ редакцію. В. Вонлярларскаго.—8) Отвѣтъ Б. Б. Глинскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портреты: 1) Владимира Ивановича Ламанскаго.—2) Федора Федоровича Радецкаго.—3) Михаила Дмитриевича Скобелева.—4) Доло-ресь. Драма въ пяти дѣйствіяхъ В. Буренина. (Изъ романа Маріонъ-Крауфорда «In the palace of the kings»).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ — ВТОРОЙ ГОДЪ
ИЗДАНИЯ.

ПЕРВЫЕ №№ ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ РАЗОШЛИСЬ НЕКОЛЬКИМИ ИЗДАНИЯМИ.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ЖУРНАЛЬ

„КРАСИВОЙ ЖИЗНИ“.

Журналъ посвященъ свѣтской жизни нашихъ столицъ, спорту, охотѣ, коллекционерству и, особенно, жизни русской усадьбы въ ея прошломъ и настоящемъ.

Двухнедѣльный роскошный журналъ совершенно новаго въ Россіи типа, по образу англійскихъ. Красочные рисунки въ каждомъ №. Войнѣ отводится мѣсто въ предѣлахъ программы журнала.

Подписка на 1915 годъ: въ Петроградѣ . . . . . 11 руб. 50 коп.
въ Россіи . . . . . 12 руб. 50 коп.
за-границей . . . . . 40 франкъ.

Отд. №—85 коп. съ перес.

Пробный № высылается за 80 коп. почт. марками.

Редакція—Каменн. остр. (прот. театра), соб. вилла. Тел. 145-25.
Контора—Невскій, д. Зингера, кв. 10, входъ съ Невского (на подъемной машинѣ въ 3 этажъ). Тел. 260-51.

Изъ № 1. ...Всѣ газеты ведутъ хронику несчастныхъ случаевъ, никто не пишетъ о счастливыхъ моментахъ жизни.

Жизнь полна плохого; печальнаго гораздо больше, чѣмъ веселаго, но есть же и хорошее, красивое—объ этой красивой жизни писать не принято...

У насъ печатають портреты интереснаго человѣка, его домъ, его изящныя вещи, пишутъ объ укладѣ его жизни только тогда, когда онъ умретъ, попадетъ въ крушеніе поѣзда или въ судебный процессъ! Еще такое право даетъ выступленіе въ общественныхъ дѣлахъ, но не всѣ же интересные люди работаютъ въ этой области, есть и другіе.

Заграничная печать—особенно въ странѣ самой совершенной культуры, въ Англии—давно уже отступила отъ этого принципа. Въ англійскихъ газетахъ пишутъ не только некрологи, пишутъ также о радостномъ рожденіи, о помолвкахъ, балахъ, охотахъ и т. д.

Радостнаго такъ мало въ жизни, что его, казалось бы, надо подчеркивать, какъ можно больше говорить о немъ.

Недавнее русскою усадьбы, съ ея своеобразною жизнью, уходитъ въ прошлое. Мѣняется быстро и жизнь города, многое становится лучше, а много жаль... Сколько погибло произведеній искусства, вдохновенія человѣческой мысли, благородныхъ традицій, красивой старины въ тѣхъ старыхъ усадьбахъ, въ домахъ, даже въ отдѣльных предметахъ, которые разрушены уже временемъ или самимъ человѣкомъ.

Красивая жизнь доступна не всѣмъ, но она все-таки существуетъ, она создаетъ тѣ особы цѣнности, которыя станутъ когда-нибудь общимъ достояніемъ. Хотѣлось бы запечатлѣть эти черточки русской жизни въ прошломъ, рисовать постепенно картину того, что есть сейчасъ, что осталось, какъ видоизмѣняется, подчеркнуть красивое въ настоящемъ.

Эту задачу ставить себѣ редакція.

Всякая политика, партійность, классовая рознь будутъ абсолютно чужды журналу...

Изъ № 17. ...Наша громадная армія доблестно сражается за отечество и вся страна, съ твердой увѣренностью въ безопасности, въ побѣдѣ, спокойно живетъ, почти какъ и въ мирное время. Нѣтъ въ мірѣ той силы, которая могла бы выбить изъ колеи необъягую Русь...

Нашъ журналъ, по своему программѣ, по своему дѣвизу „красивая жизнь“, не долженъ, кажется намъ, ни въ чемъ отступать отъ прежняго содержанія. Мы можемъ дополнять его только иллюстраціями нѣкоторыхъ новыхъ, величественныхъ, красивыхъ чертъ русской жизни, вдругъ проявившихся среди общаго подъема.

Война пройдетъ, за нею ждетъ Россія еще большее величіе, а въ теперешнія трудныя минуты всякій долженъ, кажется намъ, по мѣрѣ силъ спокойно дѣлать свое дѣло...

Редакторъ ВЛ. КРИМОВЪ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

**РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ
РУССКОЙ ИСТОРИИ (1861-1881 гг.)**

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

Въ этой книгѣ изложены историческія событія въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и вплоть до мученической кончины Императора Александра II. Въ первой части авторъ слѣдитъ за рожденіемъ оппозиціи внутренней политикѣ правительства и по преимуществу сосредоточиваетъ свое вниманіе на борьбѣ либеральныхъ общественныхъ элементовъ съ консервативными тенденціями правящихъ сферъ. Событія революціоннаго порядка отмѣчаются, какъ явленія единичныя, безъ поддержки ихъ значительнымъ количествомъ соучастниковъ. Во второй части передъ читателями развертывается дѣятельность «землеволецкихъ» и «народовольческихъ» группъ, и на сцену выступаютъ фанатизированные террористы, жертвою преслѣдованія со стороны которыхъ является Царь-Освободитель. Обѣ части книги обильно иллюстрированы портретами русскихъ государственныхъ, общественныхъ и революціонныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка.

ТОГО ЖЕ АВТОРА продается книга:

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ

(1612-1861 гг.).

Историческіе очерки

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Цѣна 3 р. 50 коп.

МИХАИЛЬ ДМИТРИЕВИЧЪ
СКОБЕЛЕВЪ.

Ежемесячный историко-литературный журналъ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ИЗДАЕТСЯ

Наслѣдниками А. С. Суворина

подъ редакціей Б. Б. Глинскаго.

(Тридцать шестой годъ изданія).

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» знакомитъ читателей въ живой, общедоступной формѣ съ современнымъ состояніемъ исторической науки и литературы въ Россіи и Европѣ и связываетъ отечественную исторію съ всемірною и научное изслѣдованіе съ популярнымъ изложеніемъ. За время **своего 35-лѣтняго** существованія журналъ достигъ широкаго распространенія среди разнообразныхъ классовъ населенія, имѣя здѣсь многочисленныхъ подписчиковъ и читателей. **«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»** издается по слѣдующей программѣ: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, записки, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, этнографическія и бытовыя описанія и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, историческія новости и матеріалы, имѣющіе общій интересъ. Къ **«ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»** прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» выходитъ ежемесячно каждаго 1-го числа въ объемѣ 25—28 печатныхъ листовъ убористаго шрифта.

«ИСТОР. ВѢСТН.», МАРТЬ. 1915 г., т. СХХХІХ.

1

Подписная цѣна на годъ 10 рублей съ пересылкой и доставкой на домъ, за полгода 6 рублей. Цѣна книжки журнала въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 25 коп. Для служащихъ за подписью казначеевъ, а также для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ допускается разсрочка по четвертямъ года безъ повышенія годовой платы.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва «Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій пр., д. № 40, и въ отдѣленіяхъ главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Такса за объявленія: впереди текста за страницу 80 руб., за $\frac{1}{2}$ стр. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стр. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стр. 20 рублей.

Какъ и въ предшествующіе годы, такъ и въ 1915 году, журналъ будетъ выходить со слѣдующими отдѣлами:

Въ журналѣ принимаютъ участіе: его императорское высочество великій князь Николай Михайловичъ и его свѣтлость герцогъ Георгій Николаевичъ Лейхтенбергскій.

БЕЛЛЕТРИСТИКА. Имѣются уже и обѣщаны произведенія слѣдующихъ авторовъ: В. П. Авенаріуса, В. И. Анжу, Г. Артурова, Марка Басанина, В. П. Буренина, А. Н. Будищева, В. В. Брусянина, М. Е. Васильевой, М. Г. Веселковой-Кильштетъ, В. А. Волижина, П. П. Гнѣдича, А. Е. Зарина, Ф. Е. Зарина-Несвицкаго, Ор. Козельскаго, Н. А. Лаппо-Данилевской, В. Микуличъ, Вл. Нарбута, П. М. Невѣжина, С. С. Окрейца, Григ. Ольшанскаго, А. П. Плетнева, И. Н. Потапенка, С. П. Рудцева, В. Я. Свѣтлова, И. И. Соколова, А. В. Сульжикова (Вик-Ториновича), Г. Т. Сѣверцева-Пошлова, В. В. Уманова-Каплуновскаго, А. Н. Шабановой, Н. А. Энгельгардта, С. К. Эфрона (Литвина) и другихъ.

ВОСПОМИНАНІЯ. Редакція располагаетъ слѣдующими мемуарами: **гр. Н. П. Игнатьева**—«Санъ-Стефано».—**Н. В. Исакова**—«Записки».—**Сенатора Дрейера**—«Воспоминанія».—**Н. А. Манна**—«Воспоминанія».—**Н. Н. Фирсова**—«Императорскій посолъ и дворянская опека».—**С. А. Драгомировой**—«Радецкій, Скобелевъ, Драгомировъ».—**С. Н. Эфрона (Литвина)**—«Воспоминанія о С. Ф. Шараповѣ».—**И. В. Погорманскаго**—«Четыре записки изъ жизни декабристовъ».—**А. И. Соколовой**—«Встрѣчи и знакомства».—**В. Б. Бертенсона**—«За 30 лѣтъ».—**Е. Н. Андреевскаго**—«Изъ записокъ за 47 лѣтъ».—**Н. В. Рейнгарда**—«Изъ воспоминаній о Н. К. Михайловскомъ».—**М. А. Щепкина**—«Театральныя мелочи». «Воспоминанія бывшаго судебного дѣятели» М. Ф. Чулицскаго.—**М. В. Шевлякова**—«Изъ разсказовъ П. И. Вейнберга».—**М. М. Мариной**—«Изъ воспоминаній о пребываніи русскаго экспедиціоннаго отряда въ Критѣ».—**П. А. Россіева**—«Силуэты».—**В. П. Соколова**—«Воспоминанія о Всеволодѣ Гаршинѣ».—**Н. И. Ванченко**—«Изъ воспоминаній украинскаго актера».—**С. И. Уманца**—«Мозаика».—**А. Г. Шиле**—«Изъ литературныхъ воспоминаній».—**П. Юдина**—«Изъ прошлыхъ сношеній съ Германіей».—**А. С. Серебряновой**—«Изъ жизни московской прессы восьмидесятыхъ годовъ» и мног. друг.

Статьи научныя, публицистическія, критика и библіографія. Въ отдѣлѣ примутъ участіе: Н. Ф. Акаемовъ, В. А. Алексѣевъ, А. А. Бахтіаровъ, А. А. Башмаковъ, проф. П. В. Безобразовъ, Д. А. Бочковъ, В. В. Брусянинъ, А. Н. Брянчаниновъ, А. М. Бѣловъ, И. С. Бѣляевъ, проф. Б. В. Варнеке, проф. А. Н. Витмеръ, В. В. Веревновъ, Г. К. Гинсъ, Б. Б. Глинскій, проф. В. М. Грибовскій, И. И. Гурвичъ,

В. В. Даниловъ, Н. А. Державинъ, А. А. Дупинъ, Н. М. Ежовъ, В. В. Жерье, проф. И. И. Замотинъ, А. Е. Заринъ, Г. Г. Зоргенфрей, А. А. Измайлловъ, проф. Л. П. Карсавинъ, А. Е. Кауфманъ, проф. М. В. Клочковъ, В. Н. Княжнинъ, Я. Н. Колубовскій, А. О. Кони, проф. Д. А. Корсаковъ, проф. М. Е. Красножель, А. В. Кругловъ, К. В. Кудряшовъ, В. К. Кузнецовъ, Н. А. Лачиновъ, Н. Н. Лендеръ, проф. Н. М. Лисовскій, А. М. Ловягинъ, проф. Н. Н. Любовичъ, П. М. Майковъ, проф. А. А. Маленинъ, М. М. Марина, В. П. Маринъ, Т. А. Мартемьяновъ, Д. А. Масляпенко, С. Р. Минцловъ, А. А. Мионовъ, Б. Л. Модзалевскій, Э. Е. Мордвинова, П. О. Морозовъ, В. А. Мустафинъ, И. В. Мбшаниновъ, А. П. Налимовъ, А. М. Нечаева, Н. Н. Оглоблинъ, С. С. Окрейцъ, А. С. Панкратовъ, академикъ В. Н. Перетцъ, проф. М. Г. Попруженко, Н. В. Рейнгардъ, П. А. Россіевъ, О. О. Симбухинъ, Т. О. Соколовская, М. К. Соколовскій, проф. И. И. Соколовъ, П. И. Соколовъ, Н. П. Столпянскій, И. Тенеромо, К. А. Тепловъ, Е. С. Тимирязева, В. З. Ткачукъ, О. О. Трозинеръ, А. И. Фаресовъ, А. И. Фирсовъ, Н. Н. Фирсовъ, Н. В. Чарыковъ, проф. П. Н. Черняевъ, М. Ф. Чулицкій, В. И. фонъ-Штейнъ, С. В. фонъ-Штейнъ, Е. Н. Щепкина, М. А. Щепкинъ, князь Б. А. Щетининъ, Н. А. Энгельгардтъ, С. К. Эфронъ, И. П. Ювачевъ, П. А. Юдинъ, П. Л. Юдинъ, проф. А. И. Яцимирскій и мног. друг.

Въ отдѣлѣ критики и библиографіи каждый мѣсяцъ рецензируются свыше 20-ти вновь вышедшихъ книгъ по преимуществу по русской, всеобщей и древней исторіи, литературѣ, археологіи, исторіи права, искусствъ и другимъ отраслямъ гуманитарнаго знанія. Съ 1914 года въ журналѣ открытъ **новый отдѣлъ по обозрѣнію отечественныхъ журналовъ**, а также **Книжный Листокъ**, гдѣ отмѣчаются всѣ поступающія въ редакцію изданія съ краткимъ отчетомъ о главнѣйшихъ изъ нихъ.

Статьи этнографическія и географическія. Будутъ напечатаны произведенія: М. М. Мариной, И. А. Слонова, А. А. Дунина, В. Сазонова, А. Я. Таранецъ, Н. Максимова, А. Григорьева, А. И. Фирсова, А. Мочанскаго, Д. П. Богданова, С. Р. Минцлова, П. Зайкина, М. Мочульской, В. П. Марина, В. Г. Вейденбаума, А. И. Стеллецкаго, П. П. Орлова.

Историческія новости и мелочи составляются по многочисленнымъ выписываемымъ редакціею европейскимъ журналамъ и газетамъ, посвященнымъ исторіи и литературѣ, и знакомятъ читателя со всѣми западно-европейскими новинками въ этихъ областяхъ.

Изъ записной книжки историка—Е. С. Шумигорскаго.

Новости русской исторіи—А. А. Измайлова.

Въ приложеніи къ журналу въ 1915 году будетъ даво:

Историческая лѣтопись, гдѣ въ систематическомъ порядкѣ будетъ дѣлаться обзорѣе событій на всѣхъ театрахъ современной войны. «Лѣтопись» будетъ иллюстрирована многочисленными портретами главныхъ и выдающихся дѣятелей войны.

«Долоресъ». Драма въ пяти дѣйствіяхъ В. П. Буренина.

Переводный историческій романъ бельгійскаго романиста Е. Демольдеръ «Садовникъ маркизы Помпадуръ».

Въ связи съ переживаемыми военными событіями, редакція «Историческаго Вѣстника» приложитъ всѣ старанія, чтобы печатаемая на страницахъ статьи носили по преимуществу злободневный характеръ и отвѣчали историческимъ запросамъ переживаемаго политическаго дня.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Б. А. СУВОРИНА

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ НАКАНУНЪ ПЕТРОГРАДСКИХЪ БѢГОВЪ И СКАЧЕКЪ.

Подписная цѣна 12 р. въ годъ; 7 р. на 1/2 года; 4 р. на 3 мѣс. и на 1 мѣс. 1 руб. 50 коп. съ пер. и дост.

За границу 22 р., 12 р., 7 р. и 2 р. 50 к.

Перемѣна адреса 30 коп. Цѣна отдѣльнаго № 20 коп.

Объявленія передъ текстомъ 50 коп., послѣ текста 25 коп. за строчку петита въ 1 столбцѣ.

Редакція: Петроградъ, Эртелевъ пер., 13. Тел. 660-17. Контора: Невскій пр., 52 («Вече еее Врема»). Тел. 135-54.

БИБЛИОТЕКА „ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЯ Б. А. СУВОРИНА.

Юр. Бѣляевъ.
БАРЫШНИ ШНЕЙДЕРЪ

(впечатлѣнія).

4 изданіе. Цѣна 1 руб.

Юр. Бѣляевъ.
ОТКРЫТКИ СЪ ВОЙНЫ.

I серия. Цѣна 50 коп.

Юр. Бѣляевъ.
П С И Ш А.

Пѣсн.

Обложка худ. П. Д. Шмарова.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Юр. Бѣляевъ.
ГОРОДОКЪ ВЪ ТАБАНЕРКЪ.

Цѣна 1 руб.

Бор. Горовскій.
ЗАБЫТЫЯ РУССКІЯ ЗЕМЛИ.

Съ 55 рисунками и картой.
Цѣна 2 руб.

ЦЕНзуРА И ШПІОНСТВО
ПО ЗАКОНАМЪ ВОЕННАГО ВРЕМЕНИ.
Сост. Н. А. Громовъ. Цѣна 50 коп.

КАРИКАТУРЫ ПЭМА.

Цѣна 1 р. 50 к.

ВОЙНА И ПЭМЪ

(карикатуры).

LA GUERRE ET PÈME.

I выпускъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

СОЛДАТСКІЯ СКАЗКИ.

Подъ редак. Н. Г. Козырева. Цѣна 75 к.

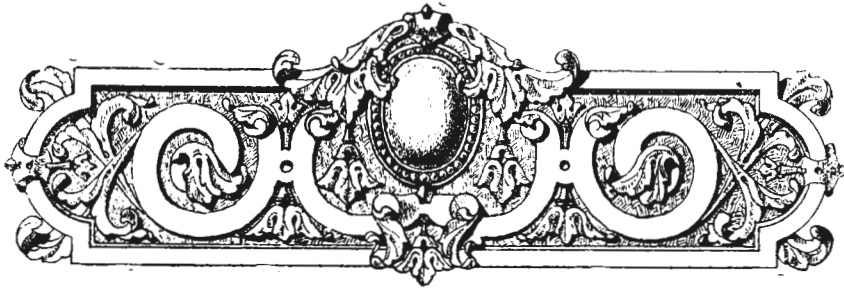
Въ скоромъ времени выйдутъ:
ЛАВРЕЦКІЙ (Бор. Суворинъ).

ДО ВОЙНЫ.

ПО ГЕРМАНИИ НА АВТОМОБИЛѢ.

„Въ дорогѣ“ и очерки „День за днемъ“.

Юр. Бѣляевъ.
СЕСТРЫ ШНЕЙДЕРЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РИДЦАТЬ первого декабря штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ о томъ, что на всемъ фронтѣ нашего расположенія въ теченіе ночи на 30-е декабря и слѣдующаго за ней дня происходила артиллерійская и ружейная перестрѣлка и поиски развѣдывательныхъ партій. Больше значительныя столкновенія были на слѣдующихъ участкахъ: наступавшій въ Восточной Пруссіи, въ районѣ къ востоку отъ Росого нашъ отрядъ, оттѣснивъ конницу противника, поддержанную пѣхотой, занялъ съ боя рядъ деревень, причемъ одна изъ нихъ оказалась сильно укрѣпленной и была очищена нѣмцами лишь послѣ нашей штыковой атаки. Къ юго-западу отъ Млавы мы успѣшно продвигались въ направленіи на Радзаново. На фронтѣ Козловъ — Бискупи — Вакржевъ — Суха нѣмцы послѣ подготовки сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ повели наступленіе на южный участокъ этого фронта, но легко были отражены нашимъ огнемъ. Въ районѣ Боржимовъ—Гуминь—Воля Шидловская непріятель неоднократно переходилъ въ наступленіе, но успѣха не имѣлъ. Наступая противъ Гумина, нѣмцы пытались окопаться, прикрываясь щитами. Въ районѣ къ югу отъ фольварка Могелы противникъ велъ рядъ повторныхъ атакъ. Всѣ эти атаки были въ этомъ районѣ легко отбиты огнемъ, причемъ нѣкоторыя изъ нашихъ частей отбрасывали противника контръ-ударами.

На кавказскомъ фронтѣ, согласно официальному сообщенію, положеніе дѣлъ было таково:

На ольтинскомъ направленіи послѣ ряда упорныхъ боевъ турецкіе аррьергарды были нами разбиты и отброшены за Ольты, причѣмъ нашими войсками захвачена была часть артиллеріи и взято много плѣнныхъ. Въ районѣ Караургана за 30-е декабря турки понесли большія потери убитыми и плѣнными, въ числѣ которыхъ былъ взятъ въ полномъ составѣ батальонъ 53-го полка, здѣсь же нами взяты горныя орудія, много оружія, артиллерійскіе паркы, гурты скота, транспорты съ продовольствіемъ и полевой госпиталь съ 600 ранеными турками.

Генералъ-адъютантомъ Ивановымъ получена отъ Его Императорскаго Величества 1-го января 1915 года слѣдующая Высочайшая телеграмма:

«Глубоко цѣня блестящее командованіе ввѣренными вамъ арміями и огромные труды и усилія, приложенные вами въ теченіе пяти мѣсяцевъ нынѣшней войны, жалуя вамъ орденъ св. Владимира первой степени съ мечами. Желаю вамъ здоровья въ наступающемъ году и новыхъ успѣховъ во славу русскаго оружія.

«НИКОЛАЙ».

1-го января официальное сообщеніе французскаго правительства гласило: Ночью на 1-е января французскими войсками внезапной атакой удалось уничтожить траншеи, сооруженныя недавно непріятелемъ къ сѣверо-западу отъ Фукъ-Куръ, къ сѣверу отъ Руа. Наступленіе германцевъ въ районѣ къ сѣверу отъ Суассона было задержано. Подъемомъ воды на рѣкѣ Энѣ были уничтожены нѣсколько мостовъ и пѣшеходныхъ мостиковъ, что сильно затрудняло сообщенія французскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ на правомъ берегу названной рѣки, и не позволяло имъ послать имъ подкрѣпленія. Это обстоятельство и было главной причиной отступленія этихъ отрядовъ, сражавшихся въ крайне невыгодныхъ условіяхъ. Будучи вынуждены, вслѣдствіе разрыва части моста, бросить нѣсколько орудій, мы привели ихъ всѣ въ негодность. Германцамъ удалось взять въ плѣнъ тѣхъ изъ французскихъ раненыхъ, которыхъ французы не успѣли эвакуировать при отступленіи. Въ свою очередь, французы взяли въ плѣнъ значительное число нераненыхъ германцевъ, принадлежащихъ къ батальонамъ семи различныхъ полковъ. Въ общемъ все изложенное сводится къ частному успѣху противника, который не можетъ оказать вліянія на общій ходъ военныхъ дѣйствій, ибо, благодаря преградѣ, создаваемой рѣкой Энью, и принятымъ французами мѣрамъ, непріятель не въ состояніи использовать къ югу отъ этой рѣки достигнутый имъ успѣхъ, носящій чисто мѣстный характеръ.

1-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго объявилъ, что за время съ 31-го декабря по 1-е января наше продвиженіе на правомъ берегу Нижней Вислы успѣшно развивалось. Дѣйствовавшая въ этомъ районѣ конница противника была нами отгѣснена, причѣмъ наши передовыя части заняли Серпецъ. На прочихъ фронтахъ нашего расположенія происходили артиллерійская и ружейная перестрѣлка и поиски развѣдывательныхъ партій. Частныя атаки нѣмцевъ на нѣкоторыхъ участкахъ лѣваго берега Вислы всюду легко отражались огнемъ.

На австрійскомъ фронтѣ, въ некоторыхъ пунктахъ австрійцы пытались обстрѣливать наше расположеніе артиллеріей крупныхъ калибровъ, но, благо-

даря успѣшному огню нашихъ батарей, австрійская артиллерія была скоро приводима къ молчанію.

Штабъ кавказской арміи 1-го января сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

«Во избѣжаніе неправильнаго пониманія нашихъ дѣйствій за послѣднее время въ Азербейджанѣ штабъ арміи находитъ необходимымъ разъяснить слѣдующее: съ началомъ рѣшительныхъ дѣйствій на главномъ направленіи явилась естественная необходимость извѣстныхъ перегруппировокъ въ расположеніи нашихъ силъ. Въ частности въ Азербейджанѣ было произведено сосредоточеніе нашихъ войскъ въ указанномъ имъ районѣ, для чего было необходимо оставить нѣкоторые изъ занимавшихся нами ранѣе пунктовъ. Эта перегруппировка происходила вовсе не подъ давленіемъ противника, а въ силу указаннаго войскамъ плана. Во время передвиженій войскъ, кромѣ стычекъ небольшого нашего передового отряда у Миандуаба, боевыхъ столкновений не было. Такимъ образомъ Азербейджана мы не отдали, а лишь приняли иное расположеніе войскъ, болѣе отвѣчающее создавшейся обстановкѣ».

Президентъ Французской республики пожаловалъ медаль за военное отличіе великому князю Николаю Николаевичу. Медаль за военное отличіе жалуются нижнимъ чинамъ, а, кромѣ того, только главнокомандующимъ, такъ что является высшей военной наградой для генераловъ:

Большой офицерскій крестъ ордена Почетнаго Легіона пожалованъ былъ французскимъ президентомъ генераламъ Янушкевичу, Данилову, Рузскому и Иванову.

2-го января сообщеніе штаба верховнаго главнокомандующаго гласило, что ночь подъ Новый годъ и день 1-го января прошли на всѣхъ фронтахъ сравнительно спокойно; незначительныя попытки нѣмцевъ атаковать передовыя части нашего расположенія въ районѣ Летцена успѣха не имѣли. Понеся крупныя потери, противникъ былъ вынужденъ отойти обратно на свои позиціи. На правомъ берегу Нижней Вислы мы продолжали 1-го января тѣснить конницу противника, поддержанную небольшими пѣхотными частями. Отброшенный нами отъ Серпца, непріятель занялъ переправы на рѣкѣ Скрвѣ, но не могъ на нихъ удержаться и подъ нашимъ давленіемъ продолжалъ отходить на сѣверъ. На лѣвомъ берегу Вислы нѣмцы вели обычныя атаки на нѣкоторые участки нашего расположенія, преимущественно на фронтъ Боржимовъ—Рава, но нигдѣ они успѣха не имѣли.

На кавказскомъ фронтѣ 31-го декабря бои въ районѣ Караургана продолжались, причемъ нами было вновь захвачено много плѣнныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Преслѣдованіе разбитыхъ турецкихъ войскъ продолжалось отъ Ольты по разнымъ направленіямъ. Вытѣсненіе турокъ изъ Зачорохскаго края продолжалось успѣшно.

Въ районѣ Караургана бои развивались съ успѣхомъ для насъ. Штыковой атакой былъ уничтоженъ 52-й турецкій полкъ, причемъ остатки его съ командиромъ полка и нѣсколькими офицерами были нами взяты въ плѣнъ. На одномъ изъ направленій, по которому мы преслѣдовали разбитыя турецкія войска, нами было взято за время преслѣдованія болѣе 5.000 плѣнныхъ, 14 орудій, множество разныхъ запасовъ и до 10.000 головъ скота.

Съ западнаго театра 3-го января пришли слѣдующія извѣстія:

Сраженіе къ сѣверу отъ Суассона свелось къ отступленію, не превосходящему 1.800 метровъ на фронтѣ въ пять километровъ. Отступленіе это было вызвано разливомъ рѣки. Французскія войска, участвовавшія въ этомъ сраженіи, не превышали численностью трехъ бригадъ. Войска отступили на лѣвый берегъ рѣки Эна, такъ какъ, вслѣдствіе разлива рѣки, которымъ снесло мосты, къ нимъ не могли подойти подкрѣпленія. Французскія войска отошли, не будучи преслѣдуемы непріятелемъ и продолжая прикрывать Суассонъ.

Въ Бельгіи, въ районахъ Ньюпора и Ипра, происходили артиллерійскіе бои. Отъ Лиса до Соммы, въ Нотр-Дамъ-де-Лоретъ, близъ Каранси, непріятель вновь занялъ часть траншей, потерянныхъ имъ 1-го января. Въ Бланжи, близъ Арраса, движеніе французовъ впередъ продолжалось. Непріятель произвелъ энергичную атаку на ихъ позиціи къ западу отъ Лабуасель, предварительно подвергнувъ позиціи сильному артиллерійскому обстрѣлу, но эта атака была отбита.

На всемъ фронтѣ отъ Соммы до Мааса не было никакихъ боевыхъ дѣйствій пѣхоты. Въ районахъ Суассона и Реймса французская артиллерія достигла въ нѣсколькихъ пунктахъ значительнаго успѣха. Такъ, напримѣръ, удалось разбить германскій полкъ, произвести взрывъ въ непріятельской батарее и разрушить непріятельское укрѣпленіе. Въ Аргоннахъ продолжались довольно энергичныя боевыя дѣйствія непріятельской артиллеріи, направленные на Фонтенъ-Мадамъ. На фронтѣ отъ Аргоннъ до Вогезъ довольно энергичная атака, направленная противъ французскихъ траншей въ Флире, потерпѣла полную неудачу. Германцы подъ дѣйствіемъ огня французской артиллеріи покинули высоту къ сѣверу отъ Клемери (на востокъ отъ Понтъ-а-Мусона). Въ Вогезахъ на всемъ фронтѣ шелъ артиллерійскій бой, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Теть-де-Фо, также ружейная перестрѣлка.

Въ Верхнемъ Эльзасѣ положеніе дѣлъ продолжало оставаться безъ измѣненій.

3-го января великобританское правительство официально сообщило, что союзныя войска заняли главный городъ германской юго-западной Африки— Свакопмундъ.

3-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на всѣхъ фронтахъ нашего расположенія ночь на 2-е января и весь послѣдующій день прошли сравнительно спокойно. Лишь на лѣвомъ берегу Вислы и преимущественно на фронтѣ Сохачевъ—Болимовъ шла артиллерійская и ружейная перестрѣлка; на этомъ же фронтѣ нѣмцы продолжали свои безуспѣшныя попытки переходить въ наступленіе.

Замѣчено, что съ цѣлью безпрепятственнаго подхода къ нашимъ позиціямъ нѣмцы мѣстами пользуются бѣлымъ флагомъ.

Районъ къ сѣверу отъ Равы обстрѣливался огнемъ тяжелой артиллеріи. Такъ же и австрійцы огнемъ тяжелой артиллеріи обстрѣливали наше расположеніе на Дунайцѣ орудіями весьма крупныхъ калибровъ. Они вели огонь 1-го января по станціи и городу Тарнову, однако огонь этотъ не далъ непріятелю существенныхъ результатовъ.

4-го января наши миноносцы, находясь въ анатолийскихъ водахъ, подошли къ Синопу, гдѣ обнаружили и потопили выстрѣлами большой грузовой пароходъ «Георгіосъ» и нѣсколько парусныхъ судовъ, обслуживавшихъ турецкіе армію и флотъ путемъ доставки военныхъ припасовъ, провіанта и каменнаго угля. Передъ истребленіемъ непріятельскихъ судовъ командамъ ихъ предложена возможность съѣхать на берегъ. Оставшіеся на пароходѣ матросы передъ потопленіемъ судна были сняты и доставлены въ Севастополь плѣнными.

Великобританскій вице-адмиралъ сэръ Джонъ Батти.

На западно-европейскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 4-го января, французскія войска продолжали наступать въ районѣ Ньюпора и Ломбартзиде и продвинулись впередъ приблизительно на двѣсти метровъ. Французская артиллерія заставила германцевъ очистить ихъ траншею у Большой дюны, разрушила Редень, находящійся къ сѣверу отъ послѣдней, и обстрѣляла возводившіеся непріятельскія земляныя укрѣпленія на этой части фронта и къ югу отъ Сентъ-Жоржа. Въ районѣ Ипра, Лабассэ и Ланса происходили артиллерійскіе бои. Въ Бланжи, около Арраса, произошло довольно серьезное сраженіе. Германцы завладѣли тамъ сталелитейнымъ заводомъ, который французы у нихъ отбили энергичной контръ-атакой и удержали за собой. Французская артиллерія продолжала разрушать непріятельскія траншеи около Лабусель. На суассон-

скомъ участкѣ не произошло ничего новаго. Между Вайи и Кранномъ непріятель произвелъ безуспѣшную атаку близъ сахарнаго завода Тройонъ и другую атаку противъ французскихъ траншей близъ Бонъ (Beaune), которая также была отражена. Въ районѣ Перта и Босежура наше наступленіе продолжалось, несмотря на сильную бурю. Въ Аргоннахъ, на правомъ берегу Мааса, и въ Веврѣ не произошло ничего новаго. Въ лѣсу Лепретръ, близъ Понтъ-а-Мусона, французы отразили германскую атаку. Въ Вогезахъ французскія войска продвинулись впередъ къ западу отъ Орбэ.

Въ брестскомъ арсеналѣ произошелъ пожаръ въ гидравлическихъ мастерскихъ, проникшій въ судовую и чертежную. Убытки не очень значительны. Всѣ обширныя русскія подворья въ Палестинѣ заняты турецкими войсками. Французскій совѣтъ министровъ обсуждалъ вопросъ объ участіи Франціи на выставкѣ въ Санъ-Франциско. Франція предложила Бельгіи почетное мѣсто въ своемъ дворцѣ. Испанскій дипломатъ Гаэтанъ де-Айяла посланъ въ Берлинъ специально для веденія дѣлъ, касающихся военноплѣнныхъ русскихъ и бельгійцевъ.

4-го января отъ штаба верховнаго главнокомандующаго было получено извѣстіе о томъ, что на правомъ берегу Нижней Вислы наши войска продолжали успѣшно продвигаться впередъ. 3-го января нашими передовыми частями противникъ былъ выбитъ изъ деревни Буды-Сулковскія. На лѣвомъ берегу Вислы въ теченіе минувшихъ сутокъ. 3-го января противникъ велъ рядъ ожесточенныхъ атакъ на наше расположеніе въ районѣ деревни Гуминь, силами въ общемъ не менѣе шести полковъ. Послѣ семи послѣдовательныхъ атакъ и упорнаго штыкового боя въ рукахъ нѣмцевъ остался окопъ одной изъ нашихъ передовыхъ ротъ; на прочихъ участкахъ непріятель былъ отбитъ и принужденъ отойти обратно на свои позиціи. Свои атаки нѣмцы поддерживали сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, преимущественно тяжелой артиллеріи, направленнымъ на сосѣдніе съ атакуемымъ участки нашего расположенія. Въ районѣ деревни Конопница противникъ, приблизившись къ нашимъ окопамъ сапой на разстояніи тридцати шаговъ, вчеромъ 2-го января поднялся съ цѣлью насъ атаковать, но былъ забросанъ ручными гранатами и остановленъ. Происшедшимъ у непріятеля замѣшательствомъ воспользовались наши охотники, которые, пройдя впередъ, забросали гранатами ходъ сообщенія нѣмцевъ, и послѣдніе были вынуждены его очистить. Районъ къ югу отъ Пинчова противникъ обстрѣливалъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ: здѣсь онъ пытался три раза атаковать расположеніе одной изъ нашихъ передовыхъ частей, но былъ отбитъ. Обстрѣливавшая Тарновъ тяжелая австрійская батарея крупнаго калибра, по обнаруженіи ея расположенія, приведена была къ молчанію огнемъ нашей артиллеріи.

Въ Буковинѣ наши передовыя части съ боя овладѣли пограничнымъ съ Трансильваніей Карпатскимъ переваломъ Кирлибаба, находящимся на шоссеиномъ пути, ведущемъ изъ Кимполунга въ Мармарошъ-Сигетъ и въ Деешъ.

На кавказскомъ фронтѣ, по сообщенію штаба кавказской арміи, караурганское сраженіе, происходившее послѣдніе три дня при не прекращающейся снѣжной метели, закончилось полной нашей побѣдой. Усиліями доблестныхъ кав-

казских и туркестанских полковъ, а равно и сибирскихъ казаковъ, послѣднее сопротивленіе противника было сломлено, его арріергарды, прикрывавшіе отступленіе, почти уничтожены, и остатки турецкой арміи, тѣснимые съ фланговъ и съ фронта, бѣжали къ Эрзеруму. Наши войска, ведущія преслѣдованіе, находили въ оврагахъ части турецкихъ орудій, которыя непріятель, не будучи въ состояніи вывезти, сбрасывалъ съ кручь и закапывалъ въ снѣгъ. Преслѣдованіе непріятели продолжалось.

5-го января официальное вечернее сообщеніе французскаго правительства увѣдомило о слѣдующемъ:

Вслѣдствіе взрыва артиллерійскаго склада, вызваннаго разрывомъ снаряда, была сожжена деревня Боассель, которую французскія войска вслѣдствіе этого вынуждены были очистить. Утромъ 5-го января, послѣ энергичной контръ-атаки, французы вновь заняли ее. Непріятель обстрѣлялъ Сень-Поль близъ Суассона.

Въ Шампани германскіе летчики, появившіеся надъ французскими позиціями, были обстрѣляны пушечнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Два изъ германскихъ аэроплановъ упали во французскомъ расположеніи, близъ Баръ-ле-Дюка. Аппараты получили лишь весьма незначительныя поврежденія, четыре летчика были взяты въ плѣнъ. Въ Аргоннахъ временами происходила ружейная и артиллерійская перестрѣлка. На фронтѣ отъ Аргоннъ до Вогезъ свирѣпствовала снѣжная буря.

5-го января британская главная квартира опубликовала сообщеніе, въ которомъ указывалось, что британскія войска очистили наблюдательный постъ Кэнши (Cuinchy), такъ какъ дальнѣйшее занятіе его сдѣлалось невозможнымъ въ виду непріятельскаго огня. Однако постъ этотъ германцами не былъ занятъ. Британская артиллерія разрушила 31-го декабря важный въ стратегическомъ отношеніи мостъ ниже Армантьера.

Другое сообщеніе съ западно-европейскаго фронта гласило о томъ, что отъ моря до Уазы происходила сильная буря, особенно въ Бельгіи. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ продолжались артиллерійскіе бои.

Въ Отрешъ (Autrèche), къ сѣверо-востоку отъ Вика, на р. Эльф, французы отразили двѣ атаки. Въ суассонскомъ и реймскомъ районахъ перемѣнъ никакихъ въ общемъ положеніи дѣлъ не произошло. Въ районѣ Перга французская артиллерія подвергла весьма дѣйствительному обстрѣлу непріятельскія позиціи. Въ Аргоннахъ атаки германцевъ противъ возвышенности 263 на западѣ отъ Бурейля остались безрезультатными. Французы завладѣли нѣсколькими германскими траншеями на сѣверо-западѣ отъ Понтъ-а-Мусона въ единственной части лѣса Лепретръ, находящейся еще въ рукахъ непріятели. Послѣ этого французы отразили контръ-атаку и удержали за собою отвоеванныя позиціи. Въ Вогезахъ выпалъ обильный снѣгъ. Непріятель бомбардировалъ Таннъ безъ серьезныхъ результатовъ.

Французскіе авіаторы отразили два германскихъ аэроплана, сдѣлавшихъ нападеніе на Мондидье и Крепи-анъ-Валуа.

Его королевское высочество сербскій наслѣдный королевичъ Александръ получилъ отъ Государя Императора слѣдующую телеграмму:

«Выражая вашему королевскому высочеству благодарность за посланную телеграмму, Я шлю вамъ самыя искреннія пожеланія по случаю наступленія Нового года и отъ всего сердца желаю, чтобы 1915 годъ прибавилъ новыя военныя успѣхи къ тѣмъ, которые уже выпали на долю вашего королевскаго высочества и храброй сербской арміи, дабы установились прочныя основы процвѣтанія и счастливаго будущаго Сербіи.

«НИКОЛАЙ».

Телеграмма Его Императорскаго Величества послѣдовала въ отвѣтъ на нижеслѣдующую телеграмму королевича Александра, посланную Государю Императору по случаю наступленія Нового года.

«Прошу Ваше Императорское Величество принять мои самыя искреннія поздравленія и изъявленія глубочайшаго уваженія, которымъ я проникнуть къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ и всему Императорскому дому. Одновременно съ этимъ я выражаю самыя горячія пожеланія, чтобы Новый годъ принесъ конечную побѣду Вашей арміи надъ врагомъ святой Руси, арміи, которая въ настоящее время возбуждаетъ всеобщее восхищеніе, и чтобы Новый годъ установилъ какъ въ Россіи, такъ и во всемъ мірѣ длительный періодъ мира и благоденствія.

«Александръ».

5-го января сообщеніе штаба верховнаго главнокомандующаго гласило:

На лѣвомъ берегу Вислы въ теченіе ночи на 4-ое января нашей контръ-атакой вновь были заняты окопы въ районѣ дер. Гуминь, наканунѣ захваченный противникомъ, причемъ нами восстановлено было прежнее положеніе; оборонявшіе названный окопы нѣмцы были всѣ уничтожены. Попытки непріятели на слѣдующій день дважды атаковать насъ въ этомъ районѣ успѣха не имѣли. Въ теченіе той же ночи нѣмцы дважды переходили въ наступленіе на фронтѣ Гулки—Висувка, но, во-время обнаруженные при помощи прожекторовъ, они были остановлены и разбѣяны нашимъ огнемъ. Огнемъ нашей артиллеріи въ районѣ къ востоку отъ Петрокова разбитъ былъ блиндированный автомобиль противника. Новыя попытки противника бомбардировать тяжелыми орудіями Тарновъ были остановлены мѣткимъ огнемъ нашей артиллеріи. На прочихъ участкахъ нашего расположенія особыхъ перемѣнъ не произошло.

На кавказскомъ фронтѣ преслѣдованіе разбитой подъ Караурганомъ турецкой арміи продолжалось. Подъ Еникеемъ въ двухдневномъ упорномъ бою были разбиты части 32-й турецкой дивизіи, которая, понеся большія потери, поспѣшно отступила, оставивъ намъ два пулемета съ выюками, офицеровъ и много аскеровъ плѣнными. Потери турокъ только убитыми и изрубленными въ конной атакѣ однимъ изъ сибирскихъ казачьихъ полковъ достигали до 300 человекъ. На прочихъ фронтахъ были незначительныя столкновенія.

6-го января великобританское правительство официально увѣдомило о сраженіи между англичанами и арабами:

29-го декабря арабское племя Оманъ атаковало гор. Мускаты. Непріятель потерялъ изъ 3.000 человекъ 500. Предводитель племени Изабинъ-Салехъ

былъ раненъ. Англійскимъ войскамъ пришлось прибѣгнуть къ штыковой атакѣ. Потери англичанъ: одинъ капитанъ и 14 англійскихъ солдатъ ранено, 6 сипаевъ убиты.

6-го января французское правительство сообщило слѣдующее:

«Французская подводная лодка «Saphir», стоявшая на наблюдательномъ посту близъ Дарданеллъ съ утра 2-го января, съ тѣхъ поръ не присоединилась къ нашимъ морскимъ силамъ, оперирующимъ въ этомъ районѣ. По свѣдѣніямъ иностранной печати, эта лодка будто бы потоплена и турецкія суда подобрала часть экипажа».

Офиціозное французское телеграфное агентство Гаваса дало слѣдующій обзоръ военныхъ дѣйствій отъ 23-го декабря по 2-ое января. Несмотря на нѣкоторыя повторенія, мы все-таки помѣщаемъ отрывки изъ этого обзора въ виду характерности и картинности этихъ свѣдѣній объ общемъ положеніи дѣлъ у нашихъ западныхъ союзниковъ. Въ обзорѣ этомъ, между прочимъ, указывается:

«Очень плохая погода задерживаетъ ходъ военныхъ операций. Главнѣйшими событіями являются: 1) распространеніе нашихъ успѣховъ на районъ рѣки Изера, гдѣ мы заняли широкій выходъ по ту сторону этой рѣки; 2) бой вокругъ Суассона, гдѣ блестящимъ образомъ начатое наступленіе наше было заторможено разливомъ Эна, разрушившимъ три моста, что помѣшало подкрѣпленіямъ остановить очень сильную атаку противника, принудившую насъ отступить на 5 километровъ; 3) мы продвинулись впередъ въ районѣ Перта, гдѣ контръ-атаки германцевъ не имѣли никакого успѣха; 4) германскія неудачи въ Аргоннахъ; 5) наши дальнѣйшіе успѣхи въ Верхнемъ Эльзасѣ».

«По поводу боевъ при Суассонѣ, значеніе коихъ представляется чисто мѣстнымъ, необходимо отмѣтить, что полный успѣхъ, который мы имѣли отъ 26-го до 28-го декабря, былъ остановленъ 29-го декабря повышеніемъ уровня воды въ Энѣ и разрушеніемъ мостовъ. Непріятелю, намѣревавшемуся путемъ энергичныхъ атакъ прижать насъ къ рѣкѣ и отрѣзать, не удалось провести эту операцію».

«Всѣ наши войска были отведены къ тому мѣсту, гдѣ разливомъ рѣки былъ уничтоженъ мостъ. Мы потеряли нѣсколько орудій большого калибра, приведенныхъ предварительно въ негодность. Отступленіе было произведено въ полномъ порядкѣ».

«Въ ночь на 31-ое декабря непріятель, понесшій большія потери, не пытался насъ беспокоить. 1-го января мы отразили энергичную атаку на Сень-Поль».

«Въ Аргоннахъ происходили бои. Необходимо въ особенности отмѣтить бой у Куртъ-шоссе, который начался ночью взрывомъ 8 минъ подъ германскими траншеями. Итальянскій легіонъ и одинъ французскій батальонъ бросились въ атаку».

«Итальянцы, сражавшіеся съ большимъ воодушевленіемъ, проникли на 600 метровъ за германское расположеніе и взяли въ плѣнъ одну роту, трехъ офицеровъ, 12 унтеръ-офицеровъ, пулеметы и пушки».

«Въ этомъ дѣлѣ былъ убитъ Константинъ Гарибальди. Непріятелю, однако, удалось путемъ контръ-атаки отбить часть своихъ позицій. Итальянскій легионъ этимъ дѣломъ вызвалъ общій восторгъ.

«Отъ Аргоннъ до Верхняго Эльзаса мы безостановочно подвигаемся впередъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. На этомъ театрѣ войны происходитъ въ полномъ смыслѣ слова осадная война. Линіи траншей отстоятъ одна отъ другой на 30 метровъ. Непріятель повсюду отбрасывается съ потерями.

«Достигнутые въ Верхнемъ Эльзасѣ блестящіе результаты были бы еще значительно больше, если бы движеніямъ войскъ не препятствовала дурная погода».

6-го января на западно-европейскомъ фронтѣ положеніе дѣлъ вырисовалось въ такомъ видѣ:

На бельгійскомъ театрѣ войны продолжались бури, сопровождаемыя снѣгомъ. Военныя дѣйствія ограничивались артиллерійской перестрѣлкой. Снѣгъ выпалъ также въ районѣ Арраса, гдѣ французская тяжелая артиллерія нѣсколько разъ принуждала къ молчанію непріятельскія батареи. Серьезный бой завязался въ Лабусель, гдѣ вслѣдствіе пожара французы были вынуждены въ ночь съ 4-го на 5-ое января очистить свои позиціи, которыя они затѣмъ отбили. 5-го января на разсвѣтѣ непріятель возобновилъ свои атаки на эту часть фронта.

Въ районѣ Суассона непріятель бомбардировалъ въ ночь съ 4-го на 5-ое января Сепъ-Поль, причѣмъ эта бомбардировка не сопровождалась атаками пѣхоты. День 5-го января прошелъ спокойно. Въ долинѣ рѣки Эна, къ востоку отъ Суассона и на участкѣ Реймса происходили артиллерійскіе бои. Въ сѣверо-западу отъ Понтъ-а-Муссона французы овладѣли новыми укрѣпленіями противника въ лѣсу Лепретръ, гдѣ захватили въ настоящее время 500 метровъ германскихъ траншей. Въ Вогезахъ была снѣжная буря. Въ этой области происходила артиллерійская перестрѣлка, особенно въ районѣ Банъ-де-Сантъ и въ районѣ Танна.

6-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ теченіе 4-го и 5-го января на правомъ берегу Нижней Вислы на фронтѣ отъ названной рѣки и до желѣзной дороги Варшава—Млава наши части, войдя въ различныхъ пунктахъ въ тѣсное соприкосновеніе съ противникомъ, имѣли съ нимъ рядъ мелкихъ столкновеній. Болѣе крупныя боевыя дѣйствія, носившія, однако, характеръ частныхъ боевъ, имѣли мѣсто у д. Конопки, гдѣ обстрѣливавшая наше расположеніе тяжелая артиллерія противника была приведена къ молчанію огнемъ нашихъ батарей, у Радзаново и Бежуня, впереди которыхъ противникъ занималъ укрѣпленныя имъ позиціи, а также у Добржина. У послѣдняго пункта попытка противника перейти въ наступленіе была остановлена нашимъ огнемъ, причѣмъ нѣмцы, понеся большія потери, вынуждены были отступить. Днемъ 4-го января непріятель обстрѣливалъ съ позицій лѣваго берега Вислы наше расположеніе у Вышеграда, но огонь нашихъ батарей, направленный съ фронта и фланга, заставилъ артиллерию противника замолчать. Въ теченіе 5-го января нѣмцы сильно обстрѣливали занятое нами укрѣпленіе на лѣвомъ берегу Взуры у дер. Витковице. На остальныхъ фронтахъ нашего расположенія положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ.

7-го января главнокомандующимъ кавказской арміей получена нижеслѣдующая телеграмма августѣйшаго верховнаго главнокомандующаго арміей:

«Радуюсь вновь имѣть возможность отъ всего сердца поздравить васъ и геройскія войска Кавказа, Туркестана и Сибири съ блестящей побѣдой подъ Караурганомъ. Наши дивныя войска вновь доказали свою несокрушимую силу и что, съ помощью Божіей, для нихъ ничего невозможнаго нѣтъ. Прошу передать всѣмъ славнымъ участникамъ караурганской побѣды, равно и всѣмъ отрядамъ, способствовавшимъ этой побѣдѣ, Мою самую горячую, сердечную благодарность и пожеланія дальнѣйшихъ побѣдъ.»

Генераль-адъютантъ НИКОЛАЙ».

По сообщенію штаба кавказской арміи отъ 7-го января, преслѣдованіе турецкой арміи продолжалось. Въ Зачорохскомъ краѣ вытѣсненіе противника шло успѣшно, и въ теченіе 5-го января мы овладѣли селеніемъ Гидревоти и позиціями на горѣ Султанъ-Селимъ, нанеся непріятелю значительныя потери.

На западно-европейскомъ фронтѣ отъ моря до Соммы, въ районѣ Ньюпора, происходилъ довольно сильный артиллерійскій бой, во время котораго непріятель тщетно пытался разрушить французскій мостъ у устья Изера, въ то время, какъ французамъ удалось разрушить часть его второстепенныхъ укрѣпленій, а также сильно укрѣпленную ферму близъ Сень-Жоржа. На участкахъ Ипра и Ланса происходили артиллерійскіе бои различной силы. Непріятель подвергъ ожесточенной бомбардировкѣ Бланжи близъ Арраса, но атакъ не предпринималъ. На фронтѣ отъ Соммы до Аргоннъ не произошло ничего существеннаго. На суассонскомъ, реймскомъ и кранскомъ участкахъ, въ районѣ шалонскаго участка и къ сѣверу отъ Перта и Массижа французская артиллерія успѣшно обстрѣливала непріятельскія траншеи. Въ Аргоннахъ, въ лѣсу Ла-Грюри, непріятель ожесточенно атаковалъ одну изъ французскихъ траншей. Французы послѣ минутнаго замѣшательства, подъ энергичнымъ натискомъ непріятеля, двумя рѣшительными контръ-атаками отбросили германцевъ и постепенно заняли всю линію ихъ позицій и удержали ее. Въ Сентъ-Юберѣ германцы взорвали миной часть французскихъ траншей, расположенныхъ на сѣверо-востокѣ, однако французскія войска ринулись въ образовавшіяся воронки и не подпустили непріятеля. Къ сѣверо-западу отъ Понтъ-а-Муссона, въ лѣсу Лепретръ, французы укрѣпились въ ста метрахъ отъ впереди захваченныхъ французами два дня тому назадъ германскихъ траншей. Непріятель произвелъ противъ французскихъ войскъ атаку, но успѣха не имѣлъ. На таннскомъ участкѣ происходили артиллерійскіе бои, благопріятные для французовъ.

Официальное сообщеніе французскаго правительства отъ 7-го января гласило: 6-го января вечеромъ непріятелю удалось занять одну изъ французскихъ траншей къ сѣверу отъ Нотръ-Дамъ-де-Лоретъ, но утромъ германцы были выбиты изъ нея контръ-атакою, причемъ французами было взято нѣскольکو сотъ плѣнныхъ. Въ ночь съ 6-го на 7-ое января германцы въ районѣ Альбера произвели атаку на югѣ отъ Тенваля и дошли до французскихъ проволочныхъ загра-

ждений, но затѣмъ были отброшены. Такой же неудачей окончились три послѣдовательныя атаки, направленные ими противъ Лабуассель. На Аргонской возвышенности атака германцевъ противъ Фонтень-о-Шармъ была отбита послѣ рукопашнаго боя.

Объявленъ россійскимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ слѣдующій районъ: Лифляндская, Эстляндская и Петроградская губерніи съ гор. Петроградомъ, часть Новгородскаго уѣзда, часть Выборгской, Юландской, часть Тавастгусской, Або-Бьернеборгская, Вазаская и Улеаборгская губерніи. Всѣмъ германскимъ и австрійскимъ подданнымъ, въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ, воспрещено проникновеніе въ указанный районъ и пребываніе въ ономъ безъ разрѣшенія главнаго начальника петроградскаго военнаго округа.

7-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ теченіе минувшихъ сутокъ 6-го января на всѣхъ фронтахъ нашего расположенія существенныхъ перемѣнъ не произошло. Происходила обычная ружейная и артиллерійская перестрѣлка. Въ районѣ къ сѣверу отъ Равы нѣмцы дважды пытались переходить въ частичное наступленіе, но были остановлены нашимъ артиллерійскимъ огнемъ и принуждены были отступить. Вечеромъ 5 января нѣмцы вели наступленіе въ районѣ дер. Витковице на наше предместное укрѣпленіе, освѣщая его прожекторами, ракетами и зажженной въ трехстахъ шагахъ отъ укрѣпленія соломой. Атака ихъ была отбита мѣткимъ огнемъ нашей артиллеріи. Вечеромъ того же 5-го января въ Западной Галиціи нѣмцы, обстрѣлявъ сильнымъ огнемъ наше расположеніе къ югу отъ м. Радлова и произведя пожаръ въ двухъ деревняхъ, находящихся въ тылу нашихъ позицій, густыми цѣпями бросились въ атаку на наши укрѣпленія, дошли до проволочныхъ загражденій, но, благодаря нашему мѣткому огню, не могли продвинуться дальше и, понеся большія потери, отступили на свои позиціи. Въ Буковинѣ наши войска, продолжая успѣшно продвигаться, съ боя заняли дер. Юганешти, находящуюся въ 15 верстахъ къ сѣверу отъ Дорна-Ватры, при этомъ взяты плѣнные офицеры и нижніе чины.

7-го января вечеромъ нѣмецкіе дирижабли сбросили нѣсколько бомбъ въ мирные англійскіе города Ярмутъ, Шерингэмъ, Кромеръ и Кингсъ-Линъ. Потери, нанесенныя этимъ бомбометаніемъ, ничтожны и никакого военнаго значенія не имѣютъ. Кромѣ того, нѣмецкимъ дирижаблемъ были сброшены бомбы въ окрестностяхъ Сандрингема, гдѣ въ настоящее время имѣетъ пребываніе англійскій король.

8-го января главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало объявленіе такого содержанія:

«Бюро печати австрійской главной квартиры 26-го декабря сообщило, что подъ Перемышлемъ наши попытки атаковать не имѣютъ успѣха, что гарнизонъ крѣпости регулярно производитъ вылазки и возвращается послѣ этого съ плѣнными и захваченной военной добычей и, наконецъ, что въ рядахъ нашихъ войскъ, стоящихъ подъ Перемышлемъ, якобы возникъ и притомъ вторично мятежъ. Послѣднее сообщеніе является гнуснымъ вымысломъ, не требующимъ опроверженія, которое было бы оскорбительнымъ для нашихъ доблестныхъ войскъ, осаждающихъ Перемышль.

«Наше общество, конечно, отбнить должнымъ образомъ клеветнической приѣмъ составителей даннаго австрійскаго сообщенія.

«Что касается остальныхъ австрійскихъ измышлений, то для опроверженія ихъ собраны документальныя данныя, изъ коихъ видно, что за истекшіе два

Августѣйшая сестра милосердія Ея Императорское Величество
Государыня Императрица Александра Осодоровна.

мѣсяца обложенія нами Перемышля трофеи австрійцевъ выразились въ захватѣ лишь четырехъ пулеметовъ и не свыше 60 плѣнныхъ нижнихъ чиновъ. Эти потери понесены нами при одномъ изъ столкновеній, въ которомъ частямъ двухъ гонведныхъ полковъ удалось навалиться на одну изъ нашихъ передовыхъ ротъ, которая не могла быть своевременно поддержана.

«истор. вѣстн.», мартъ 1915 г., т. сxxxix.

II

«Въ свою очередь, нами при отбитіи вылазокъ гарнизона, производившихся нерѣдко большими силами, взято въ плѣнъ 27 офицеровъ и 1906 нижнихъ чиновъ, захвачено 7 пулеметовъ, полтора милліона патроновъ, полторы версты полевой желѣзной дороги, много оружія и снаряженій. Для сужденія о потеряхъ, понесенныхъ австрійцами, достаточно отмѣтить, что при производствѣ двухъ вылазокъ гарнизона въ направленіи на Бирчу ими потеряно свыше двухъ тысячъ убитыми и ранеными, въ числѣ конхъ много старшихъ офицеровъ. Послѣ этихъ потерь вылазки на Бирчу больше не повторялись».

8-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго опубликовалъ слѣдующее объявленіе:

«По повелѣнію верховнаго главнокомандующаго, доводится до всеобщаго свѣдѣнія нижеслѣдующій приказъ его императорскаго высочества отъ 7-го сего января, за № 13:

«Наши противники за послѣднее время стали прибѣгать къ различнаго рода прокламаціямъ и обращеніямъ къ войскамъ и населенію района военныхъ дѣйствій, призывающимъ къ прекращенію борьбы и къ миру. Австрійцы перешли въ этомъ отношеніи всякіе предѣлы наглости, гнусности и высшей преступности. Изъ австрійской арміи нарочно назначенные нижніе чины разбрасываютъ среди нашихъ войскъ прокламаціи, въ которыхъ обнаглѣвшіе враги дерзаютъ обращаться якобы отъ имени Священной Особы Государя Императора и какъ бы за его подписью къ вамъ, доблестные сыны святой Руси.

Всякій вѣрноподданный знаетъ, что въ Россіи всѣ непрекословно повинуются отъ верховнаго главнокомандующаго до каждаго солдата единой, священной и державной волѣ Помазанника Божія, нашего горячо любимаго Государя Императора, который одинъ властенъ вести и прекратить войну.

Нашъ врагъ, не рассчитывая болѣе на силу своего оружія и на успѣхъ на полѣ брани, задумалъ гнуснѣйшій подлогъ, совершая тѣмъ самымъ преступное дѣло.

Знайте, русскіе чудо-богатыри, что только полное нравственное разложеніе и окончательное сознаніе невозможности долѣе бороться въ честномъ бою оружіемъ могли побудить враговъ нашихъ на такое неслыханное низкое преступленіе.

Твердо вѣрю, что съ Божьей помощью наша побѣдоносная армія своими подвигами въ предстоящихъ бояхъ сумѣетъ дать должный отвѣтъ недостойному противнику.

Повелѣваю всѣхъ лицъ, захваченныхъ съ подобными прокламаціями, предавать немедленно полевому суду, для сужденія со всей строгостью законовъ военнаго времени, какъ государственныхъ преступниковъ.

Генераль-адъютантъ НИКОЛАЙ».

«Со своей стороны штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщаетъ, что одинъ изъ чиновъ австрійской арміи, которому была поручена разброска этихъ прокламацій, показалъ, что организаторами этого гнуснаго преступленія являються австрійскаго генеральнаго штаба капитанъ Гюнтеръ и ротмистръ Полакъ».

Другое сообщеніе штаба верховнаго главнокомандующаго отъ него же 8-го января дало слѣдующій отчетъ о ходѣ нашихъ военныхъ дѣйствій на австро-Германскомъ фронтѣ: въ восточно-прусскомъ районѣ положеніе оставалось безъ переменъ. На млавскомъ направленіи нами поддерживалось тѣсное соприкосновеніе съ противникомъ, всѣ попытки коего за истекшія сутки проникнуть въ наше расположеніе были отражены. Нами съ боя взято м. Скемпле, спѣшно очищенное противникомъ. На Взурѣ и Равкѣ почти по всему фронту велась артиллерійская и ружейная перестрѣлка, причемъ наша артиллерія удачно состязалась съ артиллеріей противника и заставила замолчать нѣсколько ея батарей. Нѣсколько частичныхъ атакъ противника на этомъ фронтѣ съ успѣхомъ были отражены нашими войсками. Южнѣе рѣки Пилицы и въ Галиціи боевыхъ столкновеній не было, лишь мѣстами велась артиллерійская перестрѣлка. Въ Буковинѣ нами съ боя была занята Ворохта. Противникъ, пытавшійся перейти въ наступленіе въ районѣ Кирилибаба, нами былъ отброшенъ, причемъ взяты были въ плѣнъ командиръ одного изъ батальоновъ, офицеры и свыше 150 нижнихъ чиновъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ теченіе 6-го января въ районѣ Ахалика, Лявсара и Кягани произошелъ рядъ боевъ съ турецкими аррьергардами, остатки коихъ спѣшно отступали. Нами было взято много плѣнныхъ и захваченъ турецкій лагерь. 5-го января наши войска заняли Арданучъ. Миноносець, высланный для осмотра побережья, потопилъ у Архавы 12 груженыхъ турецкихъ судовъ. На прочихъ участкахъ кавказскаго фронта особыхъ переменъ не произошло.

8-го января былъ опубликованъ слѣдующій приказъ по кавказской арміи: «Его Императорскому Величеству, по случаю побѣды надъ турками, благоугодно было осчастливить меня слѣдующей телеграммой:

«Поздравляю васъ, графъ, съ побѣдою геройской кавказской арміи и полнымъ разгромомъ турецкихъ войскъ. Прошу представить теперь же всѣхъ наиболѣе отличившихся начальниковъ и офицеровъ къ боевымъ наградамъ, начиная съ генерала Юденича. Н и к о л а й».

«Объявляя объ этомъ высококомъ милостивомъ вниманіи Державнаго Вождя, предписываю приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ, батареяхъ, командахъ, управленіяхъ и учрежденіяхъ.

«Главнокомандующій кавказской арміей генералъ-адъютантъ генералъ-отъ-кавалеріи *графъ Воронцовъ-Дашковъ*».

Главнокомандующій юго-западнымъ фронтомъ генералъ-адъютантъ Н. И. Ивановъ получилъ всемилостивѣйшій рескриптъ и знаки ордена св. кн. Владимира 1-й степени съ мечами.

8-го января французское правительство официально сообщило слѣдующее:

«Главнокомандующій французской арміей вновь обращаетъ вниманіе общественнаго мнѣнія Франціи и нейтральныхъ странъ на лживость сообщеній германскаго главнаго штаба, который съ самаго начала войны либо измышляетъ вовсе не имѣвшія мѣста военныя дѣйствія, либо совершенно искажаетъ дѣйствительно происшедшія.

«Последнія сообщенія, напримѣръ, удваиваютъ фактическія цифры французскихъ потерь за послѣднія недѣли, между тѣмъ какъ французское военное начальство, основываясь на количествѣ убитыхъ, пленныхъ на полѣ битвы послѣ всѣхъ сраженій, имѣвшихъ мѣсто за послѣдніе два мѣсяца, установило, что потери французовъ значительно меньше потерь германцевъ.

«Живость германскихъ сообщеній доказана, кромѣ того, и недавнимъ извѣстіемъ о мнимомъ успѣхѣ германскихъ войскъ у Нотръ-Дамъ-де-Лореть то есть въ мѣстности, гдѣ французы, рѣшительно отразивъ непріятельскую атаку, взяли въ плѣнъ германскую роту.

«Со времени окончанія 2-го ноября ирскихъ боевъ и полной неудачи большого наступательнаго движенія германцевъ противъ французскаго лѣваго фланга, военныя дѣйствія приняли характеръ осадной войны.

«Конечный результатъ военныхъ дѣйствій за послѣдніе два мѣсяца заключается, во-первыхъ, въ общемъ продвиженіи впередъ французскихъ войскъ и притомъ весьма значительномъ на нѣкоторыхъ пунктахъ, и, во-вторыхъ, въ отступленіи непріятеля по всей линіи, за единственнымъ исключеніемъ района къ сѣверо-востоку отъ Суассона.

«Ко всему этому слѣдуетъ прибавить: 1) что наступленіе германцевъ въ Польшѣ уже въ теченіе мѣсяца совершенно сковано; 2) что въ Галиціи и на Карпатахъ русскія войска неудержимо продолжаютъ наступленіе; 3) что турецкая армія на Кавказѣ почти совершенно уничтожена.

«Наконецъ, слѣдуетъ указать на истощеніе германскихъ кадровъ.

«Въ виду всего изложеннаго, можно утверждать, что для достиженія рѣшительнаго и полнаго успѣха Франціи и союзниковъ достаточно выжидать и съ непоколебимымъ терпѣніемъ готовить этотъ успѣхъ.

«Наступленіе германцевъ сломлено, скоро будетъ сломлена и сила ихъ обороны».

Положеніе на западно-европейскомъ фронтѣ къ 8-му января обозначилось такъ:

Непріятель подвергъ сильной бомбардировкѣ французскія позиціи къ сѣверу отъ Нотръ-Дамъ-де-Лореть, а затѣмъ, въ 5 часовъ утра произвелъ новую атаку, которая была скоро отбита. Въ Шампани французы заняли два небольшихъ лѣска къ сѣверу отъ фермы Босежуръ; германцы произвели контръ-атаку, но безуспѣшно. На Аргонской возвышенности непріятель пытался произвести сильную атаку противъ выступа французской линіи близъ Сенъ-Юбера. Послѣ ожесточеннаго артиллерійскаго огня, изрывшаго французскія траншеи, германцы бросились въ атаку, но были отбиты орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ французскихъ войскъ. Въ районѣ Гартмансвейлеркопфа бои продолжались.

Германской подводной лодкой былъ потопленъ британскій пароходъ «Dugward». Германскій военный министръ Вильдъ-Гогенборнъ оставленъ при главной квартирѣ; управление миистерствомъ возложено на генерала Ванделя. Начальникъ германскаго генеральнаго штаба Фалькенгайнъ уволенъ, на его мѣсто назначенъ генералъ Вильдъ-Гогенборнъ.

В Австро-Венгрии призваны на военную службу родившиеся в период с 1878 по 1866 гг.

8-го января великобританское правительство официально уведомило о том, что турецкая армия, предназначенная для действий против Египта, находится в самом плачевном состоянии. Между германскими и турецкими офицерами произошло несколько кровавых столкновений; 27 офицеров-арабов заключены в тюрьму в Иерусалиме. Германские офицеры опасаются, что арабы перебьют их в пустыне. В том же сообщении заявлено было, что построенные вдоль Суэцкого канала укрепления представляются совершенно неприступными; английская армия многочисленна и защищена сильными полевыми укреплениями, вследствие чего туркам придется наступать под огнем морских судов и сухопутной артиллерии.

9-го января штаб верховного главнокомандующего сообщил, что на правом берегу Нижней Вислы от реки до Хоржеле и далее на восток продолжало поддерживаться соприкосновение с противником. Происходили мелкие стычки. На левом берегу Вислы и на Дунаец положение оставалось без существенных перемен, на некоторых участках шла обычная ружейная и артиллерийская перестрелка. В Буковине было обнаружено стягивание довольно значительных сил австрийцев. В Черном море 6-го и 7-го января потоплено несколько турецких парусных судов. Бомбардировкой в районе Хопы и Ризы сожжены и повреждены турецкие казармы, разрушен маяк и обстреляна мост.

На кавказском фронте в течение 7-го января значительных боевых столкновений не было. В течение 8-го января на всех участках происходили незначительные столкновения. Больше крупная боевая деятельность была в Закавказском крае, где наше наступление, несмотря на упорное сопротивление турок, продолжало проходить вполне успешно. У Ардоса нами было захвачено турецкое орудие.

9-го января, по официальному сообщению французского правительства, к юго-востоку от Ира неприятель проявил несколько большую деятельность, чем в последнее время. Минувшей ночью происходила незначительная ружейная и артиллерийская перестрелка в районе леса Сен-Марь, где одна из неприятельских батарей была приведена к молчанию. В Аргонах происходили ожесточенные атаки у Фонтен-Мадамь и укрепления Марья-Терезия, к югу от Фонтен-Мадамь. Неприятель был отражен французскими войсками, произведшими две смелые контр-атаки. У укрепления Марья-Терезия бой продолжался весь день, причем велся с обеих сторон крайне упорно. К ночи французы удержали за собою все позиции. Атаки, произведенные ночью неприятелем в районе Гартмансвейлерлофа, потерпели неудачу.

Появившиеся 9-го января над Дюнкерком и его окрестностями германские летчики сбросили 80 бомб. Количество жертв, поскольку удалось выяснить до настоящего времени, исчисляется приблизительно в 20 человек, из которых скончалось 7. Бомбами был подожжен наполненный товарами амбар. Французские и английские летчики преследовали неприятелей, из которых

одинъ былъ сбитъ въ Бредюнь. Оба находившіеся на аэропланѣ артиллериста взяты были въ плѣнъ.

10-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на правомъ берегу Нижней Вислы наши части, поддерживающія соприкосновеніе съ противникомъ, имѣли съ нимъ мѣстами небольшія стычки. На остальныхъ фронтахъ нашего расположенія минувшія сутки 9-го января прошли сравнительно спокойно, лишь на нѣкоторыхъ участкахъ происходила обычная артиллерійская и ружейная перестрѣлка, а попытки нѣмцевъ переходить въ частичныя наступленія легко отбивались нашимъ огнемъ. Въ Буковинѣ стягиваніе значительныхъ австрійскихъ силъ къ переваламъ подтвердилось. 8-го января непріятель, силою до дивизіи пѣхоты съ артиллеріей, атаковалъ наше расположеніе въ районѣ Кирибаба, но былъ отбитъ и до утра 9-го января наши войска удерживались на занимаемыхъ ими позиціяхъ. Нами взято было въ происшедшемъ бою свыше 200 плѣнныхъ. На карпатскихъ перевалахъ сильная снѣжная метель.

На кавказскомъ фронтѣ въ Зачорохскомъ краѣ продолжался упорный бой съ турками, занимавшими сильно укрѣпленныя позиціи. На прочихъ фронтахъ боевыхъ столкновений не было, шла лишь обычная ружейная перестрѣлка.

Государь Императоръ всемилостивѣйше пожаловалъ генералу Жоффру орденъ св. Георгія 4-й степени, который и былъ врученъ французскому главнокомандующему въ его главной квартирѣ.

На западно-европейскомъ фронтѣ 10-го января положеніе дѣлъ въ слѣдующемъ видѣ:

Къ юго-востоку отъ Ипра непріятель проявилъ нѣсколько большую дѣятельность, чѣмъ въ послѣднее время. Минувшей ночью происходила незначительная ружейная и артиллерійская перестрѣлка въ районѣ лѣса Сень-Маръ, гдѣ одна изъ непріятельскихъ батарей была приведена къ молчанію. Въ Аргонахъ происходили ожесточенныя атаки у Фонтэнъ-Мадамъ и укрѣпленія Марія-Терезія, къ югу отъ Фонтэнъ-Мадамъ. Непріятель былъ отраженъ французскими войсками, произведшими двѣ смѣлыя контръ-атаки. У укрѣпленія Марія-Терезія бой продолжался весь день, причемъ велся съ обѣихъ сторонъ крайне упорно. Къ ночи французы удержали за собою всѣ позиціи. Атаки, произведенныя ночью непріателемъ въ районѣ Гартмансвейлеркопфа, потерпѣли неудачу.

10-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на правомъ берегу Нижней Вислы наши части, поддерживающія соприкосновеніе съ противникомъ, имѣли съ нимъ мѣстами небольшія стычки. На остальныхъ фронтахъ нашего расположенія минувшія сутки 9-го января прошли сравнительно спокойно, лишь на нѣкоторыхъ участкахъ происходила обычная артиллерійская и ружейная перестрѣлка, а попытки нѣмцевъ переходить въ частичныя наступленія легко отбивались нашимъ огнемъ. Въ Буковинѣ стягиваніе значительныхъ австрійскихъ силъ къ переваламъ подтвердилось. 8-го января непріятель, силою до дивизіи пѣхоты съ артиллеріей, атаковалъ наше расположеніе въ районѣ Кирибаба, но былъ отбитъ, и до утра 9-го января наши войска удерживались на занимаемыхъ ими позиціяхъ. Нами было взято въ происшедшемъ бою свыше 200 плѣнныхъ. На Карпатскихъ перевалахъ свирѣпствовала сильная снѣжная метель.

На кавказском фронтѣ въ Зачорохскомъ краѣ продолжался упорный бой съ турками, занимавшими сильно укрѣпленныя позиціи. На прочихъ фронтахъ боевыхъ столкновений не было, шла лишь обычная ружейная перестрѣлка.

11-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на правомъ берегу Нижней Вислы за истекшія сутки 10-го января происходили небольшія стычки съ нѣмцами на фронтѣ отъ мѣстечка Радзаново до рѣки Вислы. На лѣвомъ берегу Вислы было сравнительно тихо, лишь на участкѣ Боржимовъ—Гуминь нѣмцы пытались продвинуться къ нашему расположенію. Частью открытымъ наступленіемъ, частью сапой, но были остановлены огнемъ и, понеся потери, были вынуждены отойти.

Въ Галиціи на фронтѣ отъ Яслиски на юго-востокъ до желѣзной дороги Ужгородъ—Самборъ австрійцы 9-го и 10-го января вели наступленіе противъ нашего расположенія, особенно энергичное въ районѣ Яслиски, гдѣ непріятель, обстрѣливая наши позиціи, наступалъ силами свыше дивизіи пѣхоты съ артиллеріей. Нашимъ огнемъ непріятелю были нанесены значительныя потери, и его наступленіе остановлено. Въ Буковинѣ, въ окрестностяхъ Валепутна, что въ 20-ти верстахъ западнѣе Кимполунга, наши передовыя части весь день 9-го января вели артиллерійскій бой съ австрійцами.

11-го января, по официальному сообщенію французскаго правительства, военныя дѣйствія на западномъ фронтѣ развивались въ такомъ порядкѣ. Согласно германскимъ радіотелеграммамъ, германскія войска эвакуировали траншеи въ долину рѣки Эна, близъ Берри-о-Бакъ. Слѣдуетъ пояснить, что это очищеніе германцами своихъ траншей явилось результатомъ контръ-атаки французъ, которая отдала въ ихъ руки непріятельскія позиціи. Во время этой атаки французы захватили около 40 плѣнныхъ.

На Аргонской возвышенности сраженіе продолжалось всю ночь на 10-е января у Фонтэнъ-Мадамъ и Сентъ-Юберъ. Всѣ попытки непріятеля были отражены. Утромъ бой снова возобновился.

Въ районахъ Ньюпора и Ломбартзиде непріятель ожесточеннымъ артиллерійскимъ огнемъ подготовилъ атаку новыхъ позицій, захваченныхъ французами, но атака не могла быть произведена имъ, такъ какъ дѣйствіемъ французской артиллеріи были разсѣяны пѣхотныя части, уже примкнувшія штыки для наступленія. Вокругъ Ипра артиллерійскіе бои вынудили непріятеля эвакуировать выдвинутую впередъ траншею. Между рѣкой Маасомъ и Вогезами густой туманъ препятствовалъ военнымъ операціямъ. Въ Эльзасѣ, въ районѣ Гартмансвейлеркопфа, французы продвинулись впередъ на правомъ флангѣ, несмотря на чрезвычайную пересѣченность мѣстности. Около Штейнбаха непріятельская атака, направлявшаяся изъ Уфгольца и подготовленная энергичнымъ артиллерійскимъ огнемъ, привела къ минутному завятію непріятелемъ одной изъ французскихъ выдвинутыхъ траншей, которая была взята обратно энергичной контръ-атакой.

Великобританское адмиралтейство подтвердило извѣстіе о германскомъ воздушномъ набѣгѣ на Дюнкеркъ и сообщило, что непріятелемъ не было нанесено особаго вреда. Одна бомба разорвалась у зданія американскаго консульства, выбивъ окна и перебивъ всю обстановку. Адмиралтейство, кромѣ того, сообщило,

что 9-го января два английских летчика летали над Зеебрюгге и сбросили 27 бомб над двумя подводными лодками и над расположенными на молу орудиями. Предполагают, что одна из подводных лодок потерпела значительные повреждения, а на молу испорчены орудия и нанесен значительный урон их прислуге. Во время производства воздушной разведки перед атакой один из летчиков был окружен семью германскими аэропланами, но ему удалось уйти от них, причем он был слегка ранен в бедро на пути к Зеебрюгге, но продолжал свой полет и исполнил задание.

11-го января английское адмиралтейство официально сообщило о произошедшем в Северном море бою:

«Сегодня утром предотвращен морской набег германцев в Северном море, причем потоплен германский крейсер «Blücher» и два других неприятельских крейсера сильно повреждены. Ни одно английское судно не затонуло».

Подробности боя, по сообщению адмиралтейства, таковы:

«Рано утром английская сторожевая эскадра, состоящая из броненосных и легких крейсеров, под командой вице-адмирала Битти, и флотилии контрминоносцев, под начальством капитана 2-го ранга Тирвита заметила 4 германских броненосных крейсера, несколько легких крейсеров и контрминоносцев, направлявшихся на запад, повидимому, к берегам Англии. Неприятель немедленно повернул обратно и стал удаляться полным ходом, но английская эскадра преследовала его, и около 9 часов 30 минут утра завязался бой между броненосными крейсерами «Lion», «Tiger», «Princess Royal», «New Zealand», «Indomitable», с одной стороны, и германскими судами: «Derfflinger», «Seydlitz», «Moltke», «Blücher» — с другой. Сражение продолжалось без перерыва. Вскоре после часа дня «Blücher», вышедший еще до этого из строя, накренился и пошел ко дну. Адмирал Битти донес, что два других германских броненосных крейсера потерпели серьезные повреждения, но, тем не менее, они были в состоянии продолжать свое бегство и, наконец, достигли района, в котором опасность наткнуться на германские подводные лодки и мины не позволила продолжать преследование. В английских судах убили пять. Согласно последним сообщениям, количество человеческих жертв не велико. Так, например, на крейсере «Lion», который шел во главе эскадры, раненых всего 11 человек, убитых же нет вовсе. Из экипажа «Blücher», состоявшего из 885 человек, англичанами спасено 123 человека».

Вечернее сообщение французского правительства от того же 11-го января сообщило, что положение дела на западном театре было таково:

Район к северу от Силлебеке подвергся ожесточенной бомбардировке германцев; близ замка Герентаг происходила сильная ружейная перестрелка, но пехотных атак произведено не было. Неприателем было выпущено несколько снарядов по городу Аррасу, а к северу от этого города происходила ружейная перестрелка. В районе Альбера неприятель обстреливал Лабуасель, однако французская артиллерия заставила его прекратить огонь; довольно сильная перестрелка происходила в направлении Карнуа. На Аргонской возвышенности закончились бои в районе Фурь-де-Пари; здесь французы удержали за собой все свои позиции, за исключением участка траншеи, длинной при-

близительно въ 50 метровъ, изрытаго крупными снарядами германцевъ. Въ Эльзасѣ продолжались бои въ районѣ Уффгольцъ и Гартмансвейлеркопфа, гдѣ французскія войска дошли до проволочныхъ загражденій, сооруженныхъ непріателемъ».

12-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ:

Августѣйшая сестра милосердія Ея Императорское Высочество великая княгиня Ольга Александровна.

Въ теченіе сутокъ 11-го января въ районѣ между Вислой и Млавской желѣзной дорогой положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ: продолжались лишь стычки небольшихъ частей и артиллерійская перестрѣлка. На лѣвомъ берегу Вислы также въ общемъ было спокойно. Сѣвернѣе господскаго двора Боржимова 10-го января нѣмцамъ удалось захватить одинъ изъ нашихъ передовыхъ небольшихъ окоповъ. 11-го января въ томъ же приблизительно районѣ нѣмцы пытались наступать, и даже успѣли поодиночкѣ занять другой

свой же окопъ, ими ранѣе оставленный, однако вслѣдствіе сильнаго нашего огня они выпуждены были очистить этотъ окопъ, который вслѣдъ за симъ перешелъ въ наши руки. Наша артиллерія въ теченіе 11-го января значительно затрудняла нѣмцамъ передвиженіе ихъ войскъ вдоль фронта. Въ одномъ мѣстѣ огнемъ тяжелой артиллеріи былъ заваленъ окопъ противника съ находившимися въ немъ пулеметами. Въ районѣ деревни Куржешинъ (7 верстъ сѣвернѣе Равы) огнемъ нашей артиллеріи былъ сбитъ нѣмецкій бронированный автомобиль, выѣхавшій для обстрѣла нашихъ позицій. Въ Галиціи замѣчалось нѣкоторое оживленіе дѣятельности австрійцевъ въ районѣ всѣхъ восточныхъ карпатскихъ проходовъ, начиная съ дуклинскаго.

На западно-европейскомъ театрѣ войны, по сообщенію отъ 12-го января, въ Бельгіи союзники немного продвинулись впередъ на западъ отъ Сень-Жоржа. На остальномъ фронтѣ происходила артиллерійская перестрѣлка. На фронтѣ Эна не произошло ничего существеннаго, кромѣ района Берри-о-Бака, гдѣ 11-го января утромъ была отбита непріятельская контръ-атака. Траншеи, изъза которыхъ происходилъ бой, остались въ рукахъ французовъ. Въ Шампани французы разрушили нѣсколько германскихъ укрѣпленій и прикрытій.

Въ Аргоннахъ, въ лѣсу Ла-Грюри, сильная ружейная стрѣльба германцевъ была остановлена мѣткимъ огнемъ французскихъ батарей. На Маасѣ французская артиллерія окончательно разрушила мосты у Сень-Миэля. Въ Лотарингіи у Эмберъ-Мениля французы окружили баварскій отрядъ и взяли его въ плѣнъ. Въ Вогезахъ и въ Эльзасѣ густой туманъ препятствовалъ военнымъ дѣйствіямъ. Англійскій вспомогательный крейсеръ «Viktor», носившій прежде названіе «Viking», погибъ со всѣмъ экипажемъ у сѣвернаго побережья Ирландіи отъ бури или отъ подводной мины. Найдены были только обломки судна.

13-го января сообщеніе штаба верховнаго главнокомандующаго гласило:

Въ Восточной Пруссіи, въ районѣ Пилькалена 12-го января наши части, перейдя въ наступленіе, съ боемъ отбѣснили противника на линію Мальвишкенъ—Ласдененъ, при этомъ нѣмцевъ приходилось мѣстами выбивать изъ занятыхъ ими пунктовъ штыками. На правомъ берегу Нижней Вислы въ теченіе прошедшихъ сутокъ 12-го января продолжались частныя столкновенія передовыхъ частей и перестрѣлка. Огнемъ нашей артиллеріи въ районѣ Вышеграда былъ разбитъ на лѣвомъ берегу Вислы непріятельскій наблюдательный пунктъ. На лѣвомъ берегу Вислы нѣмцы вновь неоднократно пытались наступать въ районѣ деревень Боржимовъ—Гуминъ, какъ вечеромъ 11-го, такъ и въ теченіе дня 12-го января, но были отбиты, понеся большія потери. Въ районѣ деревень Грабске-Буды и Руда (сѣверо-восточнѣе Скерневиць) огнемъ нашей артиллеріи приведены къ молчанію двѣ нѣмецкія батареи.

Въ Галиціи дѣятельность противника впереди фронта Яслиска—Ужокъ—Нж. Верецке—Майданка усилилась. Помимо артиллерійскаго огня, непріятель вель энергичное наступленіе въ нѣсколькихъ направленіяхъ, причемъ почти всюду былъ отбитъ. Нами было взято въ плѣнъ три офицера и около трехсотъ нижнихъ чиновъ. Въ Буковинѣ положеніе оставалось безъ существенныхъ переменъ.

12-го января непріятельскій цеппелинь появился надъ Либавой. Бросилъ девять бомбъ, не причинившихъ вреда, и направился къ границѣ. Вблизи Виргена дирижабль былъ подбитъ нашимъ огнемъ и упалъ въ море, въ полторѣ верстѣ отъ берега, гдѣ его окончательно разстрѣляли и потопили прибывшіе изъ Либавы буксиры. Экипажъ дирижабля, въ числѣ семи человекъ, нами былъ взятъ въ плѣнъ.

На кавказскомъ фронтѣ общее положеніе дѣлъ къ 13-му января было таково: Наше наступленіе въ Зачорохскомъ краѣ продолжалось, несмотря на упорную оборону турокъ. На ольтинскомъ направленіи имѣли мѣсто частныя бои, вызванныя стремленіемъ небольшихъ турецкихъ отрядовъ задержаться. На прочихъ участкахъ нашего расположенія шла обычная перестрѣлка, и на ольтинскомъ направленіи происходили небольшіе бои.

Прибывающія на сербскій фронтъ австро-германскія войска готовятся къ вторженію въ Сербію черезъ Текію.

Австрійскій летчикъ, залетѣвшій на румынскую территорию, былъ встрѣченъ огнемъ румынскихъ сторожевыхъ постовъ.

Непріятельскій аэропланъ сбросилъ бомбы надъ портами Кладово и Текія.

Русская миссія въ Стокгольмѣ сообщила, что она уполномочена категорически опровергнуть распространяемые иностранною печатью слухи о возможности заключенія либо франко-германскаго, либо русско-германскаго сепаратнаго мира. Эти слухи имѣютъ цѣлью пустить въ оборотъ инсинуаціи о какихъ-то разногласіяхъ между Великобританіей и остальными двумя членами согласія. Обязательства, установленныя въ полномъ единодушіи въ Лондонѣ 22-го августа 1914 года, остаются неизблемыми; отношенія между всеми союзниками нынѣ болѣе сердечны, чѣмъ когда-либо раньше.

13-го января вечернее официальное сообщеніе изъ Парижа дало слѣдующій обзоръ о ходѣ военныхъ дѣйствій на западно-европейскомъ фронтѣ:

Ночью 12-го января англійскія войска отбили новую атаку, направленную германцами противъ Живанши и Лабассэ, и контръ-атакой закончили занятіе позицій, которыя они занимали наканунѣ. Здѣсь бой носилъ весьма упорный характеръ: на одной дорогѣ отъ Ветюнъ до Лабассэ германцы оставили 300 убитыхъ.

Вечеромъ 12-го января въ результатѣ ожесточенной атаки непріятелю удалось проникнуть во французскія траншеи на пространствѣ между Гертбизъ (Heurtebise) и Фулонскимъ лѣсомъ къ западу отъ Краннъ, предварительно совершенно изрывъ траншеи воздушными торпедами. Французы произвели контръ-атаку на одномъ участкѣ названнаго лѣса, причемъ часть утерянныхъ позицій уже вновь была ими занята.

На Аргонской возвышенности французскія войска произвели двѣ атаки въ направленіи Сентъ-Юбера и Фонтэнъ-Мадамъ, причемъ имъ удалось утвердиться въ утерянныхъ недавно траншеяхъ и уничтожить нѣсколько сапныхъ ходовъ германцевъ. Контръ-атака непріятеля была здѣсь отбита.

На фронтѣ рѣки Изера бельгійскія войска продвинулись впередъ въ районѣ Первиза. Къ востоку отъ Ипра германцы на разсвѣтѣ повели атаку отрядомъ силою въ одинъ батальонъ, но были отброшены и оставили на мѣстѣ 300 уби-

тыхъ, въ томъ числѣ командира роты, шедшей впереди. Атака эта должна была быть поддержана ротою второй линіи, но вслѣдствіе мѣткого артиллерійскаго огня послѣдняя оказалась не въ состояніи выйти изъ своихъ окоповъ.

Въ Австріи призваны ландштурмисты 24-лѣтняго возраста, признанные при явкѣ къ исполненію воинской повинности или переосвидѣтельствуванію неспособными въ службу.

14-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ слѣдующее:

Въ Восточной Пруссіи въ теченіе 13-го января продолжались бои въ районѣ Мальвишкенъ—Ласдененъ.

На правомъ берегу Нижней Вислы происходили попрежнему перестрѣлки и столкновенія передовыхъ частей, причемъ на фронтѣ отъ рѣки до мѣстечка Скемпе пѣмцы, въ числѣ нѣсколькихъ батальоновъ, потѣснены назадъ.

На лѣвомъ берегу Вислы въ теченіе ночи на 13-е января и послѣдующаго дня въ общемъ существенныхъ переменъ не произошло, однако нѣмцы вновь вели повторныя атаки на наше расположеніе въ районѣ Боржимова. Всѣ атаки противника были отбиты, причемъ ворвавшіяся въ наши окопы при одной изъ упомянутыхъ атакъ отдѣльныя партіи непріятели были переколоты штыками.

Столь же безуспѣшными оказались атаки непріятели въ районѣ деревень Грабскэ-Буды и Каміонъ. Наша артиллерія въ теченіе минувшихъ сутокъ успѣшно обстрѣливала непріятельское расположеніе и привела къ молчанію одну изъ его батарей въ районѣ деревни Альтавка.

Въ Галиціи бои развернулись въ болѣе широкомъ масштабѣ на всемъ фронтѣ отъ Дуклинскаго до Вышковскаго переваловъ, на правомъ флангѣ указаннаго фронта нами при одной изъ атакъ взято около ста пѣнныхъ и два пулемета.

Въ Буковинѣ 12-го января, въ районѣ Валепутна, что юго-западнѣе Кимполунга, происходилъ артиллерійскій бой.

Штабъ кавказской арміи 14-го января извѣстилъ о томъ, что въ Чорохскомъ краѣ, въ районѣ Султаны-Селима турки съ утра 13-го января вели энергичныя атаки, которыя были нами отражены. На ольтинскомъ направленіи турки вновь, какъ и въ теченіе предыдущихъ дней, вели наступленіе, выдвинувъ при этомъ обходную колонну, однако колонна эта была отброшена назадъ съ урономъ. Въ Азербейджанѣ дѣятельность противника усилилась. Именно многочисленныя курдекія шайки, поддержанныя турецкими регулярными частями, пытались наступать въ районѣ Хоя, но были повсюду отражены. На прочихъ участкахъ въ теченіе 13-го января велась, главнымъ образомъ, ружейная перестрѣлка.

14-го января вечеромъ французское правительство официально увѣдомило о положеніи дѣлъ на западно-европейскомъ фронтѣ:

Ночью 13-го января непріятель пытался произвести внезапную атаку въ Сепь-Марскомъ лѣсу, въ районѣ Траси-ле-Валь. Послѣ сильнаго ружейнаго огня непріятель взорвалъ мины, которыми были изрыты французскія траншеи на участкѣ въ 50 метр., но не былъ въ состояніи занять ихъ вслѣдствіе огня французской артиллеріи. Траншеи эти были вновь заняты французами и восстановлены. Къ западу отъ Краннъ ночь прошла спокойно. Бой, происшедшій въ этомъ районѣ 12-го и 13-го января, представляются въ слѣдующемъ

видѣ. Послѣ продолжительнаго и ожесточеннаго обстрѣла изъ крупныхъ орудій и бомбами германская пѣхота повела атаку противъ Гертбизъ и Фулонскаго лѣса, но была отбита съ большимъ урономъ всюду, за исключеніемъ мѣстности Лакретъ. Вызванный взрывами крупныхъ снарядовъ обвалъ загородилъ входъ въ старую каменоломню, служившую мѣстомъ склада и прикрытіемъ для французскихъ войскъ, занимавшихъ траншеи у Лакретъ въ составѣ двухъ ротъ. Вслѣдствіе этого французы оказались здѣсь запертыми. Непріятель, утвердившись такимъ образомъ у Лакретъ, проникъ въ Фулонскій лѣсъ и сдѣлалъ невозможнымъ защиту сосѣднихъ траншей, которыя французы и были вынуждены оставить.

Контръ-атаки, въ результатѣ которыхъ французскія войска завладѣли большою частью утеряннаго пространства, были блестящи. Проявленная здѣсь ими лихость была выше всякой похвалы. Непріятель понесъ тяжелый уронъ, оставивъ на мѣстѣ около 1.000 убитыхъ. Взятые въ плѣнъ германцы принадлежали къ четыремъ различнымъ полкамъ, что свидѣтельствуетъ о значительности войскъ, участвовавшихъ въ произведенной атакѣ.

На Аргонской возвышенности атака непріятели у Сентъ-Юбера окончилась неудачей. Въ теченіе дня непріятель произвелъ три новыя атаки, которыя были энергично отбиты.

Сраженіе у Кантары было столкновеніемъ между англійскимъ патрулемъ и непріятельскимъ отрядомъ. Турки открыли огонь съ дальняго разстоянія изъ нѣсколькихъ горныхъ орудій. Патруль отвѣчалъ огнемъ пулеметовъ и ружей. Турки не проявили желанія подойти ближе. Небольшіе отряды непріятели были усмотрѣны въ трехъ другихъ пунктахъ къ востоку отъ канала, однако они не приходили въ соприкосновеніе съ британскими войсками. Близъ Биръ-Мура (оазисъ Фарада) съ гидроплана брошены бомбы въ турецкую колонну, которая понесла потери.

15-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго далъ слѣдующій обстоятельный отчетъ о ходѣ военныхъ дѣйствій на русско-австро-германскомъ фронтѣ. Въ теченіе 12-го января въ районѣ къ сѣверу отъ Тильзита наши части перешли въ наступленіе, отгѣснили нѣмцевъ и произвели разрушенія на желѣзнодорожной станціи Погегенъ. Бои въ районѣ лѣсовъ къ сѣверу отъ Пилькалена и Гумбинана продолжались, причемъ на нѣкоторыхъ участкахъ мы успѣшно продвигались впередъ. На остальномъ фронтѣ нашего расположенія въ Восточной Пруссіи минувшія сутки 14-го января прошли спокойно, но въ районѣ къ сѣверо-востоку отъ Даркемена, близъ Ал. Майгуншкенъ, нѣмцы вели атаку на наши позиціи; отбитые нами, они отошли обратно въ свои окопы.

На правомъ берегу Нижней Вислы продолжались стычки передовыхъ частей. На лѣвомъ берегу Вислы, въ районѣ Боржимова, наши войска, при содѣйствіи саперъ, повели въ ночь на 14-е января атаку на непріятельскія сапы и выбили изъ нихъ нѣмцевъ, забросавъ ихъ ручными гранатами. Днемъ 14-го января нѣмцы въ томъ же районѣ переходили въ наступленіе, но успѣха не имѣли. Столь же неудачно непріятель переходилъ въ наступленіе въ районѣ дер. Воля Шидловская. За истекшія сутки на фронтѣ лѣваго берега Вислы продолжалось артиллерійское состязаніе, причемъ наша артиллерія успѣшно

обстрѣливали позиціи противника, приведя къ молчанію нѣсколько его батарей и, видимо, нанеся большія потери нѣмцамъ въ окопахъ, такъ, напримѣръ, въ районѣ дер. Жидомисе было ясно видно, какъ нѣмцы изъ окоповъ выносили много раненыхъ и убитыхъ.

Въ Галиціи въ Карпатахъ, на фронтѣ отъ Дуклинскаго перевала до желѣзной дороги Стрый—Мунчаць въ теченіе 13-го и 14-го января бои развивались для насъ успѣшно, особенно въ районѣ къ юго-западу отъ Дуклы; наступавшія здѣсь части энергичнымъ натискомъ заставили непріятеля 13-го января послѣдно отступить, причемъ, отходя, онъ бросалъ патроны, снаряженіе и шанцевый инструментъ. Въ районѣ Цѣхань—Долхоны мы овладѣли 14-го января непріятельскимъ редутомъ и окружили сосѣдній съ нимъ другой редутъ. Во время этихъ боевъ нами были взяты плѣнные офицеры и нижніе чины, но число ихъ пока не выяснено. На нѣкоторыхъ другихъ участкахъ того же общаго фронта непріятель пытался препятствовать нашему продвиженію, а мѣстами даже переходилъ въ наступленіе, но вездѣ австрійцы не имѣли успѣха. Въ Буковинѣ положеніе продолжало оставаться безъ существенныхъ перемѣнъ. Продолжались стычки передовыхъ частей и артиллерійской бой.

16-го января отвѣдательное бюро опубликовало официальное слѣдующее заявленіе: «Въ газетѣ «Wiener Allgemeine Zeitung» появилась статья, указывающая на обсужденіе въ Россіи возможности заключенія сепаратнаго мира съ Австріей на основаніи уступки Двуетиной монархіей восточной Галиціи; при этомъ Россія, будто бы, готова принести въ жертву Сербію и согласиться на включеніе Сербіи въ Габсбургскую монархію. Освѣдательное бюро уполномочено самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергнуть эти слухи, лишеныя всякаго основанія и злонамѣренно распускаемые вражескою печатью».

16-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ теченіе минувшихъ сутокъ 15-го января какъ въ Восточной Пруссіи, такъ и на фронтахъ по обомъ берегамъ Вислы особыхъ перемѣнъ не произошло. Въ районѣ лѣсовъ къ сѣверу отъ Пилькалена и Гумбинена бои продолжались. Въ районѣ Боржимова нѣмцы вновь вели повторныя атаки, но были отбиты съ большими для нихъ потерями. Наша контръ-атака въ этомъ районѣ была успѣшна. Мы штыками выбили непріятеля изъ части его окоповъ и захватили нѣсколько пулеметовъ. Въ Галиціи на фронтѣ отъ Дуклинскаго до Вышковскаго переваловъ наше продвиженіе, несмотря на упорное сопротивленіе австрійцевъ, въ общемъ совершалось успѣшно, за исключеніемъ района перевала Бескидь, на которомъ, въ виду наступленія превосходныхъ силъ непріятеля, наши передовыя части нѣсколько отошли назадъ, на заранѣе подготовленную позицію. За послѣдніе три дня на всемъ указанномъ выше фронтѣ нами было взято въ плѣнъ свыше 60 офицеровъ и 2.400 нижнихъ чиновъ и захвачено три орудія и десять пулеметовъ.

На кавказскомъ фронтѣ, по сообщенію штаба кавказской арміи, въ чорокскомъ отрядѣ части противника, отброшеннаго отъ селенія Башкей, слѣдно отступали. На сарыкамышскомъ фронтѣ существенныхъ перемѣнъ не произошло. Въ теченіе 15-го января турки усиленно, но безуспѣшно обстрѣливали нѣкоторые участки нашего расположенія артиллерійскимъ огнемъ. Въ Алаш-

кертской долины продолжалось соприкосновение съ противникомъ и происходили мелкія стычки. Одна изъ нашихъ колоннъ, послѣ упорнаго боя, овладѣла Софіаномъ, захвативъ знамя, одно орудіе и запасы продовольствія. Противникъ отступилъ къ Тавризу, оставивъ на полѣ сраженія нѣсколько сотъ труповъ.

16-го января французское правительство извѣстило о томъ, что на востокъ отъ Суассона германцы дважды пытались переправиться черезъ рѣку Энъ, у мельницы Рошъ и у предмостныхъ укрѣпленій, находящихся въ рукахъ французскихъ войскъ къ сѣверу отъ Венизельскаго моста; обѣ атаки были отбиты. 15-го января, ночью, нѣсколько непріятельскихъ аэроплановъ сбрасывали бомбы надъ Дюнкеркомъ; причиненныя ими поврежденія ничтожны, однако нѣсколько человекъ убито. Въ ночь съ 15-го на 16-ое января, между 11 и 2 часами, два французскихъ авіатора сбросили нѣсколько бомбъ надъ лагерными расположеніями непріятеля въ районѣ Лана, Лаферъ и Суассона.

Утромъ 16-го января германскій аэропланъ вынужденъ былъ спуститься на востокъ отъ Жербивилье; находившіеся на немъ офицеръ и унтеръ-офицеръ были взяты въ плѣнъ.

17-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о слѣдующемъ: въ районѣ лѣсовъ къ сѣверу отъ Пилькалена и Гумбинена бои продолжались, причѣмъ къ югу отъ дер. Лебегаленъ нѣмцы были отброшены нашей штыковой контръ-атакой. На лѣвомъ берегу Вислы, въ окрестностяхъ Боржинова нѣмцами въ теченіе ночи на 16-ое января и слѣдующаго дня велись повторныя настойчивыя атаки на наши позиціи. Почти всѣ атаки были отбиты съ очень тяжелыми для непріятеля потерями, и лишь одинъ изъ передовыхъ нашихъ окоповъ остался въ рукахъ противника. Въ районѣ дер. Жидомице попытки нѣмцевъ 16-го января дважды переходить въ наступленіе были нами отбиты.

На фронтѣ Карпатъ отъ перевала Дукла до перевала Вышковъ бои постепенно начали принимать характеръ общаго сраженія. Австрійцы, стаяувъ къ названному району Карпатъ свои войска, какъ съ сосѣднихъ участковъ, такъ и съ другихъ своихъ фронтовъ, обнаруживали стремленіе вести наступленіе преимущественно долиной Верхняго Сана и путями, ведущими черезъ перевалы на Самборъ и Стрый.

Въ теченіе 15-го и 16-го января бои въ Карпатахъ развивались для насъ успѣшно на многихъ участкахъ нашего расположенія. Особенно удачно было наше наступленіе въ районѣ дер. Нижней Полянки, что юго-западнѣе Дуклы, гдѣ атакой въ штыки нами взято три ряда непріятельскихъ окоповъ. Не менѣе успѣшно шло наше наступленіе на фронтѣ къ юго-западу отъ линіи Яслиска—Балигородъ и юго-восточнѣе Лутовиски, здѣсь на одномъ изъ участковъ наши войска подошли вплотную къ проволочнымъ загражденіямъ непріятельской укрѣпленной позиціи. За эти два дня нами было взято вновь въ плѣнъ свыше 35 офицеровъ и 2.500 нижнихъ чиновъ и захвачено два пулемета и одно орудіе. Кромѣ того, нѣкоторыми другими частями нашими взяты плѣнные, число коихъ еще точно не было установлено.

Въ Черномъ морѣ 14-го января нашъ флотъ встрѣтилъ въблизи Самсуна турецкіе крейсера «Меджидіе» и «Бреслау», которые преслѣдовались нашими крей-

серами до темноты. 12-го, 13-го и 14-го января нашими миноносцами уничтожено нѣсколько турецкихъ парусниковъ. 15-го одинъ изъ нашихъ миноносцевъ произвелъ смѣлый набѣгъ на Трапезундъ, гдѣ, вступивъ въ жаркую перестрѣлку съ войсками, которыя принуждены были бѣжать, повредилъ тамъ казармы и склады муки, въ Ризѣ заставилъ замолчать обстрѣливавшія его двѣ батареи, потопилъ тамъ нѣсколько фелюгъ и повредилъ казармы.

Къ 17-го января общее положеніе дѣлъ на западно-европейскомъ фронтѣ войны обрисовалось въ такомъ видѣ: «Главнѣйшія событія на театрѣ военныхъ дѣйствій съ 3-го по 13-ое января. За этотъ періодъ времени не произошло ни одного событія, выдающагося по своимъ послѣдствіямъ. Самыя интересныя дѣла по числу участвовавшихъ въ нихъ войскъ окончились для насъ благополучно. Эти были слѣдующія: 1) крупная неудача германцевъ къ востоку отъ Ипра 12-го января, весьма тягостная для нихъ по своимъ послѣдствіямъ; 2) еще болѣе крупная неудача ихъ у Лабассэ 12-го и 13-го января и 3) отсутствіе какихъ бы то ни было попытокъ германцевъ произвести атаки въ суассонскомъ секторѣ. Во всѣхъ остальныхъ пунктахъ бои имѣли второстепенное значеніе. Неблагопріятное состояніе погоды отчасти объясняетъ ослабленіе боя. Что касается въ частности союзниковъ, то они постоянно усиливаютъ кадры своихъ войскъ и военное снаряженіе. Ихъ наступательная способность постепенно усиливается и въ ихъ интересахъ поэтому произвести самый рѣшительный ударъ въ тотъ моментъ, когда они будутъ наиболѣе сильны, такъ какъ единственная цѣль, къ которой они стремятся,—это достигнуть полного результата безъ лишнихъ жертвъ. Всѣ мѣстныя столкновенія, происходившія въ теченіе послѣднихъ дней, укрѣпляютъ увѣренность команднаго состава союзныхъ армій въ томъ, что этотъ результатъ будетъ достигнутъ. Такимъ образомъ, разсмотрѣнный періодъ времени можетъ быть сведенъ къ слѣдующему: во-первыхъ, всюду, гдѣ нѣмцы производили атаки крупными войсковыми массами, они были отражены съ громаднымъ уропомъ. Во-вторыхъ, тамъ, гдѣ они считали свои дѣйствія вполнѣ успѣшными, а именно въ суассонскомъ секторѣ, они не рѣшились на атаку. Въ другихъ пунктахъ фронта происходили сраженія мѣстнаго характера, не имѣющія особаго значенія».

День 16-го января прошелъ въ общемъ спокойно. Въ Бельгіи происходили артиллерійскіе бои. Впереди Гэнши, близъ Лабассэ, британская армія отразила атаку трехъ германскихъ батальоновъ. Противникъ понесъ при этомъ большія потери. Къ сѣверу отъ Арраса, близъ Невиль-Сень-Ваастъ, французская тяжелая артиллерія обстрѣляла германскую батарею и взорвала ея зарядные ящики. На секторахъ Альбера, Руана, Суассона, Кранна, Реймса и Перта происходили артиллерійскіе бои, иногда весьма интенсивные. Батареи французовъ дѣйствовали весьма успѣшно. Въ Веврѣ, близъ Флирэ, германцы взорвали мину, которая была предназначена уничтожить французскія траншеи, но на самомъ дѣлѣ разрушила непріятельскія.

Вечернее оффиціальное сообщеніе французскаго правительства отъ того же 17-го января подтвердило, что непріятелемъ оставлено было большое число труповъ на полѣ битвы, къ сѣверу отъ Ломбартзиде у подножья Большой дюны, а также передъ окопами англійскихъ войскъ, близъ Лабассэ.

Довольно энергичный артиллерийский бой происходил в районѣ Арраса, Эжюри и Роклянкура. На возвышенности Нувронъ германскими войсками произведенъ былъ взрывъ мины, но безрезультатно. Въ Аргоннахъ французскія войска слегка отошли назадъ и укрѣпились на новыхъ позиціяхъ, приблизительно въ 200 метрахъ позади прежняго расположенія. Въ этой мѣстности проис-

Августѣйшая сестра милосердія Ея Императорское Высочество
Великая Княгиня Марія Павловна (Младшая).

ходилъ весьма упорный бой, причемъ непріятель понесъ очень большія потери. Потери французовъ также серьезны.

18-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ лѣсахъ сѣвернѣе Гумбинена и Пилькалена наши войска, продолжая вести бой, продвигались мѣстами впередъ. На лѣвомъ берегу Вислы въ теченіе минувшихъ сутокъ 17-го января велся упорный бой въ районѣ Боржимова. Нам-

«ИСТОР. ВѢСТН.», МАРТЪ 1915 г., т. СХХХІХ.

III

цы, занявшіе 16-го января въ этомъ районѣ нашъ окопъ, были атакованы нами въ ночь на 17-е января. Послѣ ожесточеннаго штыкового боя непріятель былъ выбитъ изъ названнаго окопа, причемъ нами почти сплошь переколото около двухъ нѣмецкихъ ротъ. Въ этомъ дѣлѣ нами было взято въ плѣнъ въ общемъ три офицера и свыше шестидесяти нижнихъ чиновъ и захваченъ одинъ пулеметь. Днемъ 17-го января непріятель вновь пытался выбить насъ изъ передовыхъ окоповъ въ томъ же районѣ, но былъ отбитъ послѣ упорнаго боя, лишь небольшая партія противника успѣла задержаться въ головѣ одной изъ нашихъ сапъ. Опросомъ плѣнныхъ выяснено, что при атакѣ и взятіи части нашихъ окоповъ 16-го января въ районѣ Боржимова нѣмцы ввели въ дѣло четыре нѣхотныхъ полка, при чемъ понесли тяжкія потери. Въ районѣ деревни Витковице, въ шести верстахъ южнѣ Вышеграда, нѣмецкая застава заняла въ ночь на 17-е января высоту впереди нашего расположенія. Атакованная въ штыки нашими развѣдчиками, она была вынуждена очистить названную высоту. На семь фронтъ лѣваго берега Вислы наша артиллерія, продолжая въ теченіе минувшихъ сутокъ обстрѣливать непріятельское расположеніе, достигла на нѣкоторыхъ участкахъ ощутительныхъ результатовъ. Такъ, нашимъ огнемъ разбитъ былъ одинъ изъ непріятельскихъ пунктовъ, повреждены непріятельскіе окопы, разрушены блиндажи, подбиты три пулемета и потушенъ огонь части орудій противника.

Въ Карпатахъ на фронтѣ отъ Дуклинскаго до Вышковскаго переваловъ бои продолжались. Положеніе наше на этомъ фронтѣ въ общемъ вполне прочно. На правомъ же флангѣ на фронтѣ Нижняя Полянка—Лутовиска мы успѣшно продвигались впередъ, причемъ наши войска ежедневно захватывали плѣнныхъ, число коихъ, однако, выясняется лишь постепенно. Въ Буковинѣ на различныхъ участкахъ нашего расположенія происходили столкновения небольшихъ передовыхъ частей.

Съ кавказскаго фронта 18-го января были получены слѣдующія вѣсти:

На Сарыкамышскомъ фронтѣ вечеромъ 14-го января одна изъ нашихъ колоннъ, пользуясь сильной метелью, перевалила горный хребетъ и штурмомъ овладѣла селеніемъ Горнесъ, гдѣ взяла въ плѣнъ начальника тридцатой турецкой дивизіи со штабомъ, 16 офицеровъ, 7 врачей, 350 аскеровъ и захватила 3 горныхъ орудія, болѣе 200 винтовокъ, вычный транспортъ и много боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ. 15-го января рано утромъ турки атаковали эту колонну, но были энергичной контръ-атакой отброшены, понеся большія потери и оставивъ намъ одинъ пулеметь.

15-го января одно изъ нашихъ военныхъ судовъ, произведя лихой набѣгъ на Трапезундъ и Ризе, обстрѣляло тамъ войска, причемъ была повреждена казарма, а также потопило много фелюгъ.

Въ бояхъ подъ Тавризомъ турки потеряли 4 горныхъ орудія, боевые и продовольственные припасы и плѣнныхъ и, будучи отгнаны отъ Тавриза и понеся большія потери, бѣжали. 17-го января Тавризь былъ занятъ нашими войсками.

17-го января германская лодка взорвала миной вблизи Флитвуда англійскій пароходъ «Wenstuschal» и шедшій изъ Манчестера въ Вельфасть пароходъ «Windablanche».

18-го января изъ Парижа официально было сообщено, что германская подводная лодка атаковала и потопила утромъ 18-го января на высотѣ мыса Хантиферъ англійскій пароходъ «Такомару». Французскіе миноносцы спасли экипажъ. Германская подводная лодка атаковала днемъ 17-го же января на той же высотѣ англійскій пароходъ «Кагіа», который, однако, не затонулъ и былъ приведенъ въ Гавръ подъ эскортомъ французскихъ миноносцевъ.

17-го января почти по всему фронту происходилъ артиллерійскій бой, во многихъ пунктахъ весьма интенсивный съ обѣихъ сторонъ. Французы всюду имѣли успѣхъ. Подъ Лабассэ англійская армія снова заняла траншеи, ранѣе уступленныя германцамъ. Германцы обстрѣляли церковь въ Фонкь-Вилье, къ югу отъ Арраса.

На участкахъ аррасскомъ, руаскомъ, суассонскомъ, реймскомъ и пертскомъ французскія батареи подбили два непріятельскихъ орудія, разрушили нѣсколько траншей ручными бомбами, а также разсѣяли нѣсколько скопленій непріятельскихъ войскъ. Въ Аргоннахъ, въ лѣсу Грюри, въ которомъ французы 16-го января вынуждены были нѣсколько отступить, германцы произвели 17-го января около Фонтэнъ-Мадамъ три новыхъ атаки, которыя были отражены. На фронтѣ отъ Аргоннъ до Вогезъ не произошло никакихъ перемѣнъ. Въ частности французы занимали близъ Бадонвилле деревню Анжемонъ, по заявленію германцевъ, якобы занятую ими.

19-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о слѣдующемъ: на правомъ берегу Нижней Вислы наша конница 18-го января успѣшно прорвала нѣмецкое расположеніе на фронтѣ между м. Вѣжунъ и Оршелевскимъ озеромъ, что въ пятнадцати верстахъ сѣвернѣ Серпеца, и при этомъ захватила въ плѣнъ нѣсколько офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Попытка нѣмцевъ 17-го января вести наступленіе въ направленіи отъ Липно на Добржинъ, поддержанная огнемъ артиллеріи съ лѣваго берега Вислы, была отбита на фронтѣ дд. Маковъ—Дыблинъ, и противникъ отброшенъ на линію дд. Вельче—Насегнѣво, что сѣверо-западнѣ Влоцлавска, при своемъ отступленіи нѣмцы оставили въ д. Маковѣ много труповъ. Въ ночь съ 17-го на 18-е января въ районѣ Боржимова наши части, перейдя въ атаку, выбили нѣмцевъ изъ оставшейся наканунѣ въ ихъ рукахъ головной части нашей сапы и смежныхъ ходовъ сообщенія, при этомъ всѣ бывшіе въ нихъ нѣмцы переколоты и захвачены два пулемета. Въ теченіе 18-го января противникъ, сосредоточивъ въ районѣ Сохачевъ—Болимовъ и къ югу отъ послѣдняго большое число артиллеріи, развилъ противъ нашихъ позицій активныя дѣйствія весьма значительными силами. Наступленіе велось нѣмцами чрезвычайно упорно, въ густыхъ строяхъ, съ большими поддержками въ тылу. Въ подробностяхъ бои 18-го января въ районѣ Боржимова протекли слѣдующимъ образомъ: сосредоточивъ съ утра по этому району ураганный огонь, нѣмцы своимъ стремительнымъ наступленіемъ заставили одну изъ нашихъ частей отойти на вторую линію окоповъ. Однако контръ-атакой сосѣдей непріятель былъ выбитъ изъ всѣхъ занятыхъ имъ окоповъ съ огромными для него потерями.

Одновременно съ атакой на Боржимовъ нѣмцы повели рядъ яростныхъ повторныхъ атакъ на фронтѣ д. Гуминь—ф. Могелы, также поддерживая

ихъ ураганнымъ огнемъ. До полудня 18-го января всѣ эти атаки отбивались нами частью огнемъ, частью штыками. Между 12-ю и 2-мя часами дня нѣмцамъ, при помощи сильнаго дѣйствія ихъ артиллеріи по нашимъ окопамъ, удалось проникнуть въ часть изъ нихъ, но уже послѣ двухъ часовъ нами была предпринята общая контръ-атака, и къ вечеру 18-го января лишь небольшая часть нашихъ передовыхъ окоповъ и одна изъ усадебъ остались въ рукахъ противника. Такимъ образомъ, успѣхъ нѣмцевъ за 18-е января въ районѣ Боржимова оказался ничтожнымъ по сравненію съ тѣми потерями, кои они понесли за этотъ день, какъ отъ нашего огня, такъ и отъ штыковыхъ контръ-атакъ. Наша артиллерія, по отзыву начальствующихъ лицъ, нанесла нѣмцамъ громадный ущербъ: густыя массы противника разсѣивались ея огнемъ, а рядъ нѣмецкихъ батарей былъ приведенъ къ молчанію, вслѣдствіе чего мы могли успѣшно противостоятъ ураганному огню непріятеля.

Въ Карпатахъ бои продолжались. Несмотря на вводъ австрійцами новыхъ силъ, которыя до послѣдняго времени еще не появлялись на нашемъ фронтѣ, мы успѣшно отбили всѣ попытки непріятеля перейти въ наступленіе въ направленіи на перевалы Бескиды и Вышковъ, а на фронтѣ Нж. Полянка—Лутовиска продолжали успѣшно продвигаться впередъ.

Штабъ кавказской арміи того же 19-го января далъ слѣдующій обзоръ нашихъ побѣдоносныхъ дѣйствій на азиатскомъ фронтѣ.

22-го декабря обходная колонна турокъ въ составѣ 9-го и 10-го корпусовъ была окончательно разбита подъ Сарыкамышемъ, причѣмъ 9-й корпусъ, будучи окруженъ, сдался въ плѣнъ, разбитыя части 10-го корпуса, бросая оружіе, огнестрѣльные припасы и обозы, слѣшно отступали широкимъ фронтомъ въ предѣлы Турціи, энергично преслѣдуемые, несмотря на сильную стужу, нашими войсками.

Побѣда подъ Сарыкамышемъ еще не окончила операціи. 11-й турецкій корпусъ, доведенный почти до двойного противъ нормальнаго состава, непрерывно укомплектовываемый людьми изъ Эрзерума, обильно снабженный артиллеріей, продолжалъ атаку нашихъ авангардовъ въ районѣ Караургана и Хорумъ-Дага¹⁾ до разгрома обходной турецкой колонны у Сарыкамыша. 11-й турецкій корпусъ стремился прорвать наши авангарды, разбить ихъ по частямъ и итти на соединеніе съ войсками 9-го и 10-го корпусовъ къ Сарыкамышу, а затѣмъ послѣ разгрома обходной колонны часть 11-го корпуса, съ новымъ ожесточеніемъ бросаясь въ атаку, пыталась прикрыть отходъ 10-го корпуса.

Послѣ пораженія у Сарыкамыша Энверъ-паша прибылъ оттуда къ 10-му корпусу и лично руководилъ ея дѣйствіями. Для нашихъ войскъ явилась необходимость разбить 11-й корпусъ и довершить пораженіе войскъ отступающаго 10-го корпуса. Наши войска, съ большимъ мужествомъ и успѣхомъ отразившія яростныя атаки 11-го корпуса, послѣ необходимой перегруппировки, сами перешли въ районѣ Караургана въ рѣшительное наступленіе, стремясь захватить турокъ въ тиски, несмотря на начавшіяся сильныя метели, въ теченіе 26-го, 29-го и 31-го декабря, 1-го, 2-го и 3-го января заносившія пути.

¹⁾ Хорумъ-Дага находится въ пяти верстахъ къ сѣверу отъ Караургана.

Наши войска, дѣлая героическія усилія и проявляя изумительное упорство, непрерывно наступали, мѣстами выше пояса въ снѣгу, часто идя гуськомъ. Мужественно шли въ атаку наши славные полки. При атакѣ селенія Алтунъ-Булага ¹⁾ былъ уничтоженъ почти весь турецкій полкъ; небольшіе остатки его захвачены въ плѣнъ. Сильная природная Зивинская позиція, прочно занятая турками, была взята стремительнымъ штурмомъ, причемъ ворвавшаяся въ с. Зивинъ наша колонна захватила въ немъ двѣ роты и орудіе на плечахъ пытавшихся бѣжать турокъ. Та же колонна ворвалась въ замокъ Зивинъ, стоящій на неприступной скалѣ. Такимъ образомъ, центръ позицій турокъ былъ взятъ, а въ это время другія войска атаковали турокъ съ фланговъ. Турецкія войска были сломлены окончательно и начали поспѣшно отступать, бросая орудія съ кручъ въ снѣгъ и оставляя на своихъ позиціяхъ огнестрѣльные припасы и раненыхъ. Пять дней продолжалось энергичное преслѣдованіе турокъ. Послѣдніе, цѣпляясь за каждую новую позицію, пытались пріостановить на время преслѣдованіе нашихъ войскъ и хотя проявили при этомъ чрезвычайное упорство, но всюду были опрокинуты. Послѣднее усиліе сопротивленія турки оказали на высотахъ у селеній Верхній и Нижній Ахаликъ ²⁾ и Чермукъ ³⁾, но штыковыми атаками нашихъ войскъ они были сбиты и почти уничтожены. Нашими войсками взяты въ плѣнъ 52-й, 92-й и 54-й полки съ ихъ командирами; остатки 97-го, 98-го и 99-го полковъ также попали въ плѣнъ; захвачено три турецкихъ лагеря на горѣ Геля, на Зивинской позиціи и на высотахъ у Нижняго Ахалика. Захвачена часть артиллеріи, огнестрѣльные припасы и много плѣнныхъ.

Караурганская побѣда, законченная продолжительнымъ преслѣдованіемъ, завершила всю операцію, и значительно превосходящая числомъ турецкая армія, начавшая свое смѣлое наступленіе, понесла полное пораженіе.

Къ этому же времени въ нашей печати появились слѣдующія, хотя и не официальные, но строго проверенныя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ высокоавторитетнаго источника, о ходѣ операций нашихъ подводныхъ лодокъ. До послѣдняго времени дѣятельность нашихъ подводныхъ лодокъ въ Балтійскомъ морѣ не сопровождалась явнымъ успѣхомъ и вліяла на противника главнымъ образомъ морально. Теперь, по возвращеніи дежурныхъ подводныхъ лодокъ изъ обычнаго очереднаго крейсерства у береговъ противника, явилась возможность сообщить нѣкоторыя подробности объ этихъ операціяхъ. Во время предыдущихъ операций атаки подводныхъ лодокъ, къ сожалѣнію, не были такъ успѣшны, какъ послѣдній разъ. Такъ, до настоящаго времени лодки атаковали въ районѣ Мемеля сторожевыя суда: въ глубинѣ Данцигской бухты—миноносецъ и въ районѣ Аркона—Гедзеръ—дозорные крейсера, но противникъ каждый разъ счастливо избѣгалъ опасности. Однако, повидимому, дѣятельность

---

¹⁾ Алтунъ-Булага расположенъ въ пяти верстахъ къ юго-востоку отъ Караургана.

²⁾ Верхній и Нижній Ахалики находятся верстахъ въ десяти къ югу отъ Караургана.

³⁾ Чермукъ лежитъ въ пяти верстахъ къ юго-востоку отъ Ахалика.

нашихъ лодокъ сильно стѣсняла свободу плаванія непріятельскихъ боевыхъ судовъ вдоль своихъ береговъ, такъ какъ въ послѣднее время подводныя лодки большею частью никого не встрѣчали. Въ ближайшіе дни одна изъ лодокъ, атаковавъ крейсеръ типа «Gazelle», причинила ему серьезныя поврежденія, а другой лодкѣ удалось около мыса Моенъ потопить непріятельскій дозорный миноносецъ. Больныхъ на подводныхъ лодкахъ, несмотря на условія тяжелыхъ плаваній, не было.

19-го января съ западно-европейскаго театра войны были получены слѣдующія извѣстія о положеніи военныхъ дѣлъ:

18-го января, какъ и предыдущій день, характеризовалось артиллерійскимъ состязаніемъ, достигшимъ особой силы въ сѣверномъ районѣ. На юго-востокъ отъ Ипра германцы пытались произвести атаку противъ французскихъ траншей къ сѣверу отъ канала. Однако атака была тотчасъ же парализована огнемъ французской артиллеріи и пѣхоты. На фронтѣ по рѣкѣ Энъ отъ слиянія ея съ Уазой до Берри-о-Бака батареи французовъ разрушили нѣсколько нѣмецкихъ траншей, сооружавшихся подъ прикрытіемъ огня пулеметовъ, и заставили замолчать въ нѣсколькихъ пунктахъ германскую артиллерію удачно брошенными бомбами. Въ Шампани, къ сѣверо-востоку отъ Мениль-ле-Юрлю французы упрочили свое расположеніе вокругъ небольшого лѣса, которымъ они завладѣли третьяго дня. День прошелъ сравнительно спокойно въ Аргоннахъ, гдѣ германцы, повидимому, понесли значительныя потери во время послѣднихъ боевъ.

Вечернее официальное сообщеніе отъ того же 12-го января гласило:

Ночь съ 18-го на 19-е января прошла въ полномъ затишьѣ. 19-го января утромъ непріятель повелъ ожесточенную атаку противъ французскихъ траншей, расположенныхъ къ сѣверу отъ дороги изъ Бетюнъ на Лабассэ, но былъ отброшенъ, оставивъ большое количество убитыхъ. У Бомонъ-Амель, къ сѣверу отъ Альбера, германская пѣхота пыталась напасть врасплохъ на одну изъ французскихъ траншей, но была вынуждена бѣжать, бросивъ разрывные снаряды, которыми она была вооружена. На Аргонской возвышенности военныя дѣйствія развивались непрерывно въ районѣ Фонтэнъ-Мадамъ и Грюрійскаго лѣса. Атака германцевъ у Багатель была отбита. Одна изъ французскихъ траншей, взорванная двумя минами, была очищена безъ потерь.

Германская подводная лодка потопила англійскій пароходъ «Kilsoan Garston»; экипажу этого судна удалось спастись.

20-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ:

На млавскомъ направленіи успѣшныя для насъ стычки продолжались. На лѣвомъ берегу Вислы сраженіе на путяхъ отъ Волимова велось 19-го января съ значительнымъ напряженіемъ, при энергичномъ участіи весьма большого числа тяжелыхъ и легкихъ батарей. Атака, предпринятая германцами утромъ 19-го января въ районѣ къ сѣверу отъ Боржимова, была отбита съ большими для нихъ потерями. Крайне упорный бой происходилъ южнѣ деревни Гумина, причемъ мы отобрали потерянные 18-го января передовые окопы, а бой за усадьбу еще продолжался. Къ югу отъ Пилицы на Дунайцѣ непріятель усилилъ артиллерійскій огонь, продолжая его днемъ и ночью,

но попытки небольшихъ силъ противника продвинуться не имѣли никакого успѣха.

Въ Карпатахъ бои продолжались. 18-го и 19-го января наши войска успѣшно продвинулись съ боемъ на широкомъ фронтѣ отъ Дуклинскихъ переваловъ до Верхняго Сана, переваливъ на путяхъ отъ Яслиска къ Мезо-Лаборчу черезъ главный хребеть, причеъ нами была захвачена шестиорудійная батарея въ полномъ составѣ, двѣ мортиры для метанія бомбъ, пулеметы, значительное количество плѣнныхъ. Наступленіе непріятели въ районѣ Высоцко, къ юго-востоку отъ перевала Ужокъ, было нами отражено съ огромными для него потерями. Давно уже доходившія до войскъ свѣдѣнія о перевозкѣ германцевъ на карпатскій фронтъ подтвердились. 19-го января къ юго-востоку отъ перевала Бескидь наши войска уничтожили батальонъ 224-го германскаго полка; остатокъ батальона, въ составѣ командира батальона, командира одной изъ ротъ и двадцати нижнихъ чиновъ, взяли въ плѣнъ.

20-го января французское морское министерство официально сообщило слѣдующее:

«19-го января, въ пять часовъ дня, въ пятнадцати миляхъ къ сѣверо-востоку отъ Гавра, германская подводная лодка выпустила мину въ англійское госпитальное судно «Asturias», къ счастью, безрезультатно. Такимъ образомъ, германское судно нарушило правило гаагской конвенціи 5-го октября 1907 г.».

На сухопутномъ фронтѣ, согласно официальному сообщенію отъ 20-го января, на пространствѣ отъ моря до рѣки Лиса германская артиллерія безуспѣшно пыталась одержать верхъ надъ французской. Въ секторѣ Арраса происходила перестрѣлка въ теченіе всей ночи съ 19-го на 20-е января, но пѣхотныхъ атакъ произведено не было. Близъ Суассона французы причинили серьезныя поврежденія непріятельскимъ батареямъ, у Сенъ-Поля же отбили атаку пѣхотнаго отряда. Близъ Перть-ле-Юрлю, на границѣ лѣса, о занятіи котораго французскими войсками было сообщено уже раньше, французы продолжали продвигаться впередъ. На Аргонской возвышенности, близъ Багатель, французскія войска отбили атаку германцевъ. Въ Вогезахъ происходила артиллерійская перестрѣлка у Уфгольца; французы продвинулись въ направленіи къ Нижнему Бурнгаупту».

Высадка англійскихъ войскъ во Франціи, начавшаяся 2-го января, продолжается непрерывно, причеъ ежедневно высаживается до четырехъ тысячъ человекъ.

20-го января великобританское адмиралтейство опубликовало слѣдующее заявленіе:

«По поводу распространившихся на континентѣ свѣдѣній о томъ, будто Суэцкій каналъ закрытъ, адмиралтейство сообщаетъ, что каналъ открытъ, какъ всегда, и что приняты мѣры предосторожности, обезпечивающія безопасность проходящихъ по нему судовъ».

21-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что въ Восточной Пруссіи у деревни Гроссъ Медунишкенъ наши войска утвердились на лѣвомъ берегу Ангеррапа. На правомъ берегу Вислы столкновенія съ непріа-

телемъ участились, причемъ болѣе крупныя изъ нихъ происходили на фронтѣ Липно—Вѣжунь; наши войска овладѣли съ боя посадомъ Скемпе и отбили съ большими для непріятеля потерями попытку непріятеля атаковать село Блино; здѣсь нами были захвачены въ плѣнъ командиръ батальона, три офицера, сто нижнихъ чиновъ. На лѣвомъ берегу Вислы сраженіе на фронтѣ Боржимовъ—Гуминь—Воля Шидловская—Тартакъ Болимовскій продолжалось 20-го января съ той же энергіей. Въ передовой линіи непріятеля вошли въ бой свыше четырнадцати полковъ. Многочисленная артиллерія, включающая и тяжелые калибры, не прекращала огня ни днемъ, ни ночью. Особенно упорный бой происходилъ въ селѣ Гуминь, въ которомъ послѣ продолжительной и кровопролитной рукопашной схватки мы отразили яростныя атаки противника. Непріятель, неся громадныя потери, продолжалъ вводить въ бой новыя силы. Демонстраціи непріятеля на рѣкѣ Нидѣ успѣха не имѣли. Бои въ Карпатахъ развивались и приобрѣтали все болѣе и болѣе упорный характеръ. Обнаружены были значительныя силы германцевъ.

По сообщенію отъ 21-го января, на всемъ фронтѣ не произошло ничего существеннаго, кромѣ отраженныхъ въ Шампани трехъ германскихъ атакъ: къ западу отъ Перта, къ сѣверу отъ Мениль-Юрлю и къ сѣверу отъ Массижа. Въ Аргоннахъ новая атака на Багатель была отбита французскими войсками въ ночь съ 20-го на 21-е января.

21-го января съ англо-турецкаго фронта были получены слѣдующія извѣстія:

Британскія силы вошли 20-го января въ окрестностяхъ Измаиліи въ сопрікосновеніе съ непріятелемъ. Послѣ оживленной артиллерійской и ружейной перестрѣлки турки отступили, потерявъ большое число плѣнными, въ томъ числѣ одного офицера. Англійскія войска потеряли шесть человекъ ранеными. Установлено было, что среди турокъ продолжаютъ случаи дезертирства.

Въ ночь на 21-е января непріятель пытался перейти Суэцкій каналъ близъ Туссуна. Англійскія войска дали непріятелю возможность доставить спокойно на берегъ канала матеріалъ для наводки моста, но когда непріятель началъ наводить мостъ, англійскія войска произвели атаку, которая увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Непріятель бѣжалъ въ безпорядкѣ, оставивъ въ рукахъ англичанъ весь понтонный матеріалъ. Нѣсколько человекъ изъ непріятельскаго отряда утонули въ каналѣ.

Атака непріятеля на Кантара днемъ 21-го января была легко отражена англійскими войсками, причемъ непріятель потерялъ 16 человекъ убитыми и ранеными, а 40 человекъ взяты въ плѣнъ. Потери англичанъ: трое раненыхъ,

22-го января губернаторъ экваторіальной Африки сообщилъ въ Парижъ, что французскія войска, послѣ двухдневнаго боя 16-го января заняли фортъ Вертуа, находящійся въ центральной части Камеруна, близъ слиянія рѣки Думъ съ рѣкою Кадеи, притокомъ рѣки Санга. Этотъ успѣхъ представляется весьма важнымъ, такъ какъ онъ означаетъ продолженіе движенія, направленнаго къ окруженію германскихъ войскъ.

22-го января французское правительство официально увѣдомило, что въ Вальгін и къ сѣверу отъ Арраса происходили артиллерійскіе бои. Къ западу отъ

дороги из Лилля в Аррасъ французы заняли участокъ непріятельскихъ траншей въ 200—300 метровъ. Близъ Гебютернъ (Hebuterne) къ сѣверу отъ Альбера французская артиллерія нанесла уронъ скопившимся непріятельскимъ обозамъ. Въ долину рѣки Эна мѣткимъ огнемъ французскихъ батарей непріятельскія батареи были приведены къ молчанію, зарядные ящики взорваны,

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня
Елизавета Феодоровна.

аэропланы обращены въ бѣгство. У Вердена французы сбили аэропланъ и взяли въ плѣнъ летчиковъ. Въ Эльзасѣ атака германцевъ близъ Уфгольца потерпѣла полную неудачу.

Русскій, англійскій и французскій министры финансовъ съѣхались въ Парижъ для обсужденія финансовыхъ вопросовъ, вызванныхъ войной.

22-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что въ Восточной Пруссіи наши войска 21-го января съ боемъ нѣсколько продвину-

лись впередъ по обоимъ берегамъ Шешупы, въ районѣ Ласденена. На лѣвомъ берегу Вислы сраженіе у Боржимова и Воли Шидловской продолжалось съ чрезвычайнымъ упорствомъ и при необычайной густотѣ построения нашего противника. Съ цѣлью прорыва нашего фронта непріятель ввелъ въ бой на участкѣ около десяти верстъ семь дивизій, поддержанныхъ ста батареями. Нѣкоторыя дивизіи развертывались на фронтѣ всего около версты. Наша контръ-атака началась въ ночь на 21-е января, причемъ на всемъ фронтѣ сраженія завязались упорные штыковые бои. Намъ удалось заставить непріятеля перейти къ оборонѣ. У Боржимова нами были взяты двѣ линіи непріятельскихъ траншей, отъ Гумина непріятель былъ отброшенъ. Послѣ особенно упорныхъ рукопашныхъ схватокъ наши войска ворвались въ усадьбу Воля Шидловская, которую непріятель удерживалъ въ теченіе двухъ дней, и овладѣли ею, однако расположенный по близости винокурный заводъ оставался 21-го января еще въ рукахъ непріятеля. Сраженіе продолжалось съ тѣмъ же ожесточеніемъ.

Въ Карпатахъ бои продолжали развиваться на фронтѣ отъ Дуклинскихъ проходовъ до перевала Вышковъ. У Свидника, въ долинѣ рѣки Лаборча и на ужокскомъ направленіи наши войска продвинулись впередъ, захвативъ до 2.000 плѣнныхъ и десять пулеметовъ. На перевалахъ Тухолка и Бескиды наши войска въ теченіе послѣднихъ дней оказывали героическое сопротивление, выдерживая до десятка штыковыхъ атакъ и завершая ихъ контръ-ударами. 21-го января было принято рѣшеніе стянуть войска съ этихъ переваловъ на подготовленныя заранѣе позиціи. Наступавшія здѣсь непріятельскія силы оказались весьма значительны. Попытки непріятеля продвинуться у переваловъ Вышковъ и у Тартарова отражены были нами съ значительнымъ для непріятеля урономъ.

22-го января германское правительство опубликовало въ Берлинѣ слѣдующее официальное объявленіе:

«Все водное пространство вокругъ Великобританіи и Ирландіи, со включеніемъ Па-де-Кале, объявлено входящимъ въ сферу военныхъ дѣйствій.

«Съ 5-го февраля всякое непріятельское коммерческое судно, обнаруженное на этомъ пространствѣ, будетъ уничтожено, причемъ не всегда представится возможнымъ предостеречь экипажъ и пассажировъ отъ грозящей имъ опасности.

«Суда нейтральныхъ государствъ въ упомянутыхъ водахъ будутъ точно такъ же подвергаться опасности въ виду изданнаго англійскимъ правительствомъ 18-го января тайнаго приказа, коимъ всѣмъ англійскимъ коммерческимъ судамъ предписывается поднимать нейтральные флаги и удалять всѣ знаки и названія судоходныхъ обществъ, а также національные флаги.

«Плаваніе къ сѣверу отъ Шотландскихъ острововъ, а также вдоль береговъ Голландіи, въ предѣлахъ полосы въ тридцать морскихъ миль, объявляется безопаснымъ».

Другое официальное сообщеніе изъ Берлина гласило:

«Въ разъясненіе правительственнаго сообщенія о плаваніи въ омывающихъ Великобританію водахъ, германское правительство представило союзнымъ, нейтральнымъ и непріятельскимъ государствамъ меморандумъ, содержаніе котораго въ главныхъ чертахъ слѣдующее.

«Прежде всего, мѣры, принятія Англійей для парализованія морской торговли нейтральныхъ странъ съ Германіей, противорѣчатъ международному праву. Далѣе Англія на практикѣ уничтожила различіе между абсолютной и относительной контрбандой.

«Англичане снимали съ нейтральныхъ судовъ способныхъ къ военной службѣ германцевъ и задерживали ихъ въ качествѣ плѣнныхъ. Затѣмъ Англія объявила все Сѣверное море входящимъ въ сферу военныхъ дѣйствій. Всѣ эти мѣры имѣютъ цѣлью вызвать голодъ, обречь на уничтоженіе германскій народъ.

«Нейтральныя государства, въ общемъ, подчинились мѣропріятіямъ англійскаго правительства, и, очевидно, подъ давленіемъ англичанъ, препятствуютъ съ своей стороны провозу черезъ ихъ территорію предметовъ, предназначенныхъ для мирныхъ цѣлей, путемъ запрещенія вывоза изъ ихъ предѣловъ и транзитнаго провоза этихъ предметовъ.

«Великобританія, для оправданія принимаемыхъ ею мѣръ, ссылается на жизненные интересы имперіи; но на тѣ же интересы имѣетъ основаніе ссылаться и Германія»

22-го января великобританское правительство официально сообщило, что 12.000 турокъ съ шестью батареями раннимъ утромъ произвели рядъ рѣшительныхъ нападеній близъ Измаиліи, Кантары, Туссума и Серапеума, въ цѣляхъ перейти черезъ Суэцкій каналъ при помощи понтонныхъ мостовъ. Сраженія продолжались до трехъ часовъ пополудни, послѣ чего непріятель отступилъ подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ англійскихъ войскъ и эскадры, бросивъ многочисленныхъ убитыхъ и раненыхъ. 318 нижнихъ чиновъ и восемь офицеровъ плѣнныхъ приведены въ Каиръ. Англійскія потери выразились въ цифрахъ: 16 человекъ убитыхъ, въ томъ числѣ два офицера, 82 нижнихъ чина и 10 матросовъ съ крейсера «Hardinge»—раненыхъ. Поведеніе войскъ было превосходно.

Къ 23-го января, по официальному сообщенію, положеніе дѣлъ на западно-европейскомъ театрѣ войны приняло слѣдующій видъ:

Германскіе авіаторы проявили энергичную дѣятельность въ Бельгіи. Французы взяли непріятельскую траншею на западъ отъ дороги Аррасъ-Лилль. Эта траншея мѣшала войскамъ, занимавшимъ территорію, захваченную ими нѣсколько дней тому назадъ, на востокъ отъ упомянутой выше дороги. Французы ее взорвали, послѣ чего немедленно отрядъ зуавовъ и легкой африканской пѣхоты прочно укрѣпился на захваченной ими позиціи. Всѣ германцы, находившіеся въ этой траншеѣ, убиты или захвачены въ плѣнъ. Французская артиллерія заставила замолчать непріятельскія батареи около Адэнфера, на югѣ отъ Арраса, у Позьера, на сѣверо-востокѣ отъ Альюбера и Гама, на сѣверо-западѣ отъ Перрона, а также въ секторѣ Байи и къ югу отъ Куайона. Не произошло ничего новаго въ районѣ Порта. Въ Аргоннахъ непріятель произвелъ лишь одну атаку противъ Багатель. Эта атака, которая стоила французамъ потери нѣсколькихъ метровъ траншей, вызвала съ ихъ стороны двѣ контръ-атаки, во время которыхъ французы не только отобрали обратно потерянные ими сто метровъ траншей, но еще овладѣли территоріей за предѣлами этихъ траншей. Въ Вогезахъ происходили артиллерійскіе бои.

Вечернее официальное сообщеніе отъ того же 23-го января гласило: Въ ночь на 22 января части германскихъ войскъ безуспѣшно пытались выступить изъ траншей передъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ. Французская артиллерія весьма успѣшно обстрѣляла противника въ долину рѣки Эна. Въ Шампани къ сѣверу отъ Босежура французскія войска слегка продвинулись въ теченіе ночи. Къ сѣверу отъ Массижа непріятель днемъ 23-го января произвелъ атаку, которая была отбита. Въ Аргоннахъ французы закрѣпили за собой позиціи въ

захваченномъ 22-го января близъ Багатель районѣ. Въ Эльзасѣ была отражена атака германцевъ на югѣ отъ Альткирха. Германскій летчикъ бросилъ бомбы въ Сень-Дье.

23-го января Государь Императоръ прибылъ въ дѣйствующую армію.

23-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что сраженіе на Взурѣ и Равкѣ велось 22-го января съ неослабвующей энергіей. Наши войска, перейдя въ наступленіе, переправились черезъ Взуру близъ ея устья и овладѣли частью непріятельской позиціи. У Дахова мы выбили нѣмцевъ изъ ихъ предмостнаго укрѣпленія. У Боржимова, Гумина и Воли-Шидловской наши и непріятельскія атаки продолжаютъ чередоваться, поддерживаемыя непрерывнымъ артиллерійскимъ огнемъ. На остальномъ фронтѣ лѣваго берега Вислы, къ югу отъ желѣзной дороги Скерневицы—Варшава, былъ только рѣдкій артиллерійскій огонь. Построенный непріателемъ на Нидѣ у с. Жерники мостъ нами взорванъ. Попытки противника перейти въ частичное наступленіе на Нидѣ у Рембова и на Дунайцѣ противъ нашего конарскаго предмостнаго укрѣпленія отражены.

Въ Карпатахъ къ сѣверо-западу отъ ужокскаго направленія наступленіе нашихъ войскъ продолжалось. Нами было взято здѣсь до 3.000 плѣнныхъ. Къ юго-востоку отъ Ужка мы продолжали сдерживать натискъ весьма значительныхъ непріятельскихъ силъ.

23-го января французское военное министерство увѣдомило, что во время атаки, произведенной турецкой арміей 21-го января на Суэцкій каналъ, два французскихъ судна «Roquin» и «Dentricaitaux» содѣйствовали съ успѣхомъ защитѣ канала. Орудія перваго изъ этихъ судовъ привели къ молчанію турецкую тяжелую артиллерію, а второе судно разсѣяло большія скопленія непріателя. Оба судна не потерпѣли никакихъ потерь.

24-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ Восточной Пруссіи бои въ долинахъ Инстера и Шешупы приняли болѣе упорный характеръ. На фронтѣ сраженія, происходящаго на лѣвомъ берегу Вислы, продолжался сильный артиллерійскій огонь. Несмотря на германскія контръатаки, наши войска не только удержались на лѣвомъ берегу Взуры близъ устья, но и развили дальнѣйшее наступленіе, овладѣвъ однимъ весьма важнымъ непріятельскимъ опорнымъ пунктомъ къ сѣверу отъ сел. Витковице. Близъ господскаго двора Боржимовъ мы захватили на довольно значительномъ участкѣ одну линію германскихъ траншей и овладѣли частью второлинейныхъ непріятельскихъ окоповъ. При этомъ нами было захвачено 6 пулеметовъ. Непріатель въ районѣ Боржимова произвелъ три безуспѣшныя атаки. Демонстративныя атаки непріателя на участкахъ между Малогошемъ и Хенцинами, а также близъ Верхней Вислы у Хвалибоговице и въ Галиціи къ югу отъ Цѣнжковице отражены были нами безъ затрудненій. На Карпатахъ болѣе упорные бои происходили къ сѣверу отъ линіи Зборо—Стропко—Мезо-Лаборчъ, гдѣ мы продолжаемъ продвигаться впередъ. Въ районѣ перевала Бескидъ непріятельское наступленіе было задержано. На позиціяхъ у перевала Вышковъ и на путяхъ къ Надворной наши войска также успѣшно отбили всѣ непріятельскія атаки.

Въ Карпатахъ нами вновь было захвачено свыше 2.000 плѣнныхъ.

На западномъ театрѣ войны положеніе дѣль, по официальному сообщенію отъ 24-го января, было слѣдующее: За 23-е января пѣхотныхъ боевъ не было вовсе. На пространствѣ отъ Арраса до Реймса происходили удачные для французовъ артиллерійскіе бои. Въ районѣ Перта и Массижа положеніе оставалось прежнимъ. На Аргонской возвышенности и въ Веврѣ огнемъ французской

Королева Бельгiи съ дѣтьми.

артиллеріи были разсѣяны транспорты и подоженъ поѣздъ изъ 25 вагоновъ. Французы сбили привязной воздушный шаръ надъ германскими линіями къ сѣверо-востоку отъ Соммъ-Пи.

Германское посольство въ Вашингтонѣ опубликовало сообщеніе относительно объявленія Германіей блокады береговъ Великобританіи. Въ этомъ сообщеніи говорилось, что Германія отнюдь не имѣетъ въ виду чинить затруд-

ненія американскимъ судамъ или арестовывать американскія суда, груженныя пищевыми продуктами для гражданскаго населенія непріятельскихъ странъ.

25-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ Восточной Пруссіи, въ долину Шешупы наши войска отбили атаки непріятеля, получившаго подкрѣпленіе. На правомъ берегу Вислы успѣшныя для насъ стычки происходили на широкомъ фронтѣ. Такъ, у сел. Надрожъ казаки атаковали непріятельскій эскадронъ, поддержанный пѣхотой, и захватили 20 гусаръ и обозъ. Наши гусары въ три часа ночи ударомъ въ штыки выбили нѣмцевъ изъ деревень Подлѣсье и Гронды-Стары, причѣмъ захватили оружіе, аммуницію, проволоку. Болѣе значительное столкновеніе происходило на пути изъ Серпеца къ Рышину, гдѣ нами была произведена удачная ночная атака въ районѣ с. Оршулево. На лѣсомъ берегу Вислы, на Бзурѣ и Равкѣ 23-го января перестрѣлка продолжалась, но непріятель активныхъ дѣйствій не предпринималъ. Въ районѣ дер. Каміонъ мы вели наступленіе и нѣсколько продвинулись впередъ, несмотря на упорное сопротивленіе непріятеля. Наша артиллерія удачно обстрѣляла большую колонну нѣмцевъ, двигавшуюся отъ Земяры къ Волимову, причѣмъ пѣхота разбѣжалась, а артиллерія была брошена непріателемъ на дорогѣ.

Въ Карпатахъ бои продолжались по всему фронту, наши войска сломили сопротивленіе непріятеля на трехъ укрѣпленныхъ позиціяхъ у Мезо-Лаборча и, преслѣдуя на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, захватили два орудія, пять пулеметовъ, командира 3-го гонведнаго полка, 47 офицеровъ, 2,516 нижнихъ чиновъ. Къ сѣверу отъ перевала Ужокъ у Лутовиско непріятель вынужденъ былъ къ отступленію. Наши войска, овладѣвшія непріятельскими окопами, захватили здѣсь три пулемета и много плѣнныхъ. Атаки непріятеля, перешедшаго перевалы Тухолка и Бескидь, 23-го января были отбиты, причѣмъ непріятель, понесшій большой уронъ, былъ вынужденъ къ поспѣшному отступленію. На путяхъ къ Надворной и въ Буковинѣ наши войска, задерживая наступленіе значительныхъ силъ непріятеля на трудно-доступныхъ горныхъ позиціяхъ, постепенно стягивались назадъ.

Въ Черномъ моря наши миноносцы обстрѣливали Хопу. Крейсеръ «Бреслау», подойдя 24-го января къ Батуму, выпустилъ 20 безрезультатныхъ выстрѣловъ по нашимъ миноносцамъ, маневрировавшимъ тамъ. Послѣ двухъ выстрѣловъ съ крѣпости «Бреслау» удалился.

25-го января официально сообщили изъ Берлина, что германскій императоръ преслѣдовалъ на восточный театръ войны.

Сербская артиллерія, укрѣпившись на горѣ Пятра Гевринъ, упорно обстрѣливала австрійскіе провіантскіе склады въ Рекибахнѣ. Австрійцы отвѣчали съ горы Жупану. Артиллерійскій огонь сербовъ препятствовалъ передвиженію по шоссе изъ Волицы въ Оршово обозовъ съ провіантомъ, закупаемымъ въ Румыніи. Обозы вслѣдствіе этого вынуждены были двигаться обходными неблагоустроенными путями.

Сербы официально опубликовали 25-го января слѣдующее заявленіе:

«Какъ уже раньше сообщалось, австрійцы до настоящаго времени во всѣхъ бояхъ противъ сербовъ употребляли разрывныя пули, что было засвидѣтельствовано

иностранными специалистами и журналистами. Въ числѣ добычи, захваченной сербскими войсками въ результатъ послѣдняго пораженія австрійцевъ, въ руки сербовъ попало значительное количество такихъ пуль. Нынѣ констатировано, что непріятель продолжаетъ употреблять такія же пули въ стычкахъ, происходящихъ въ разныхъ мѣстахъ вдоль Дрины, Савы и Дуная между австрійскими и сербскими патрулями. Если непріятель будетъ и впредь пользоваться разрывными пулями, то сербы будутъ вынуждены, въ видѣ репрессаліи, употреблять такія же пули.

25-го января великобританское министерство иностранныхъ дѣлъ заявило:

«Великобританское правительство всегда признавало за коммерческими судами право пользованія нейтральнымъ флагомъ для избѣжанія захвата вполнѣ законнымъ и не заключающимъ въ себѣ нарушенія международнаго права. Уничтоженіе же не вооруженныхъ судовъ, ихъ экипажей и грузовъ, что германцы, согласно ихъ общенію, имѣютъ въ виду дѣлать, является не чѣмъ инымъ, какъ пратствомъ».

25-го января съ англо-турецкаго фронта были получены слѣдующія извѣстія:

На Суэцкомъ каналѣ новыхъ боевъ не было. Арабы и нѣкоторое число анатолійскихъ солдатъ дезертировали и сдались англичанамъ; они обнаруживаютъ сильный упадокъ духа, въ виду неудачи атаки 20-го января. Нѣкоторые изъ нихъ передавали, что они пытались вернуться къ своимъ полкамъ, но, увидѣвъ, что германскіе и турецкіе офицеры разстрѣливаютъ оставшихъ, сочли болѣе безопаснымъ сдаться. Ни одинъ непріятельскій солдатъ не достигъ въ недавнемъ бою западнаго берега канала, за исключеніемъ плѣнныхъ и четырехъ солдатъ, о бѣгствѣ которыхъ было уже сообщено. Въ настоящее время непріятель обстрѣливаетъ городъ Измаилію, однако снаряды до сихъ поръ не попадали въ городъ, въ большинствѣ случаевъ падая въ озеро Тимсахъ.

На западномъ фронтѣ, по сообщенію отъ 25-го января, въ ночь съ 24-го на 25-е января непріятель предпринялъ въ районѣ Ньюпора нѣсколько небольшихъ атакъ, которыя всѣ были отражены. За 25-е января не произошло ничего существеннаго, за исключеніемъ артиллерійскаго обстрѣла непріятелемъ участка къ сѣверу отъ Суассона.

26-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на правомъ берегу Вислы бои въ районѣ Серпца приняли болѣе упорный характеръ. Происходили также столкновенія передовыхъ частей на фронтѣ Хоржеле—Мышнець—Юганисбургъ. На лѣвомъ берегу Вислы артиллерійскій огонь продолжался, но непріятель держался пассивно. Попытка прорыва нашего фронта въ районѣ Боржимовъ—Воля-Шидловская, начатая непріятелемъ 18-го января, была приостановлена уже къ 24-му января, несмотря на введенныя германцами въ бой весьма значительныя силы. Этимъ успѣхомъ мы обязаны твердости и доблести нашихъ войскъ. Въ бою на упомянутомъ участкѣ германцы примѣняли въ широкихъ размѣрахъ стрѣльбу разрывными пулями.

Въ районѣ Нижней Взуры наши войска продолжали наступленіе, и 25-го января къ семи часамъ утра, преодолевъ три ряда проволочныхъ загражденій, овладѣли сильнымъ опорнымъ пунктомъ непріятеля у кладбища селенія Ка-

міонъ. Остатокъ гарнизона этого опорнаго пункта въ составѣ пяти офицеровъ и свыше 350 нижнихъ чиновъ, взяты нами въ плѣнъ. Произведенная черезъ часъ контръ-атака германцевъ отбита съ большими для нихъ потерями.

Въ Карпатахъ наше наступленіе продолжалось. На фронтѣ отъ Мезо-Лаборча до Лутовиска мы овладѣли нѣсколькими укрѣпленными позиціями, причѣмъ здѣсь за сутки нами было взято въ плѣнъ до 60 офицеровъ и свыше 3.500 нижнихъ чиновъ, кромѣ того, захвачено 11 пулеметовъ.

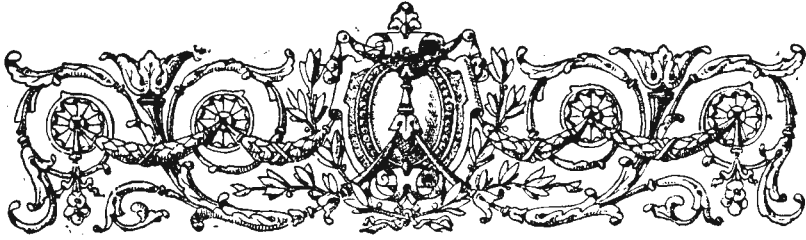
26-го января сообщеніе французскаго правительства гласило:

На фронтѣ отъ моря до Уазы происходила артиллерійская перестрѣлка, особенно ожесточенная въ Канши, къ западу отъ Лабассэ. Къ юго-западу отъ Каранси французы овладѣли германской траншеей, которая была разрушена взрывомъ мины и защитники которой были частью перебиты, частью взяты въ плѣнъ. На фронтѣ рѣки Эна и въ Шампани съ перерывами происходила артиллерійская перестрѣлка, причѣмъ во многихъ пунктахъ установлено разрушительное дѣйствіе французской артиллеріи. На западъ отъ возвышенности 191, къ сѣверу отъ Массижа, французскія батареи остановили попытку непріятеля произвести атаку. Въ Аргоннахъ атака непріятеля противъ Фонтанъ-Мадамъ была отбита. Въ Багатель германцы съ утра повели энергичную атаку со значительными пѣхотными силами, но французы удержали здѣсь всѣ свои позиціи.

Въ ночь съ 24-го на 25-е января непріятель взорвалъ въ Лавуазель три заложенные имъ мины предъ занимаемою французами деревнею. Двѣ съ половиною роты непріятеля были посланы взять приступомъ французскія позиціи, но имъ не удалось продвинуться далѣе воронокъ, образованныхъ взрывомъ.

25-го января днемъ одна изъ французскихъ ротъ контръ-атакой выбила непріятеля изъ этихъ воронокъ, въ которыхъ французы немедленно утвердились. Германцы оставили на полѣ сраженія 200 человекъ убитыми. На сѣверъ отъ Мениль-ле-Юрлю французы заняли въ ночь съ 25-го на 26-е января лѣсъ, въ которомъ непріятель сильно укрѣпился. Въ Аргоннахъ въ теченіе всей ночи съ 25-го на 26-е января продолжался пѣхотный бой, начавшійся у Багатель. Германцы, которымъ удалось продвинуться впередъ, на разсвѣтъ 26-го января удержались лишь на нѣкоторыхъ небольшихъ участкахъ французской передовой линіи, за обладаніе которыми бой продолжался въ теченіе дня.

ЗА БѢЛОЙ ЛЫБЕДЬЮ.

(Повѣсть изъ поморскаго быта).

I.

ВСЕ РѢЖЕ и рѣже вспыхивали по ночамъ стожары. Удлинился день. Подольше солнце на небѣ стоитъ, морозы полегчали. А тутъ къ серединѣ поста и за-талы начались. Поосѣлъ мѣстами снѣгъ, наледью покрылся, точно блестящее кружево на него накинули. А все еще крѣпки ледяныя покрышки на озерѣ да на рѣкѣ, ломомъ ледъ съ трудомъ прошибешь, тяжелые обозы съ лѣсомъ завсе по озеру тянутся, и опаски возчики не имѣютъ. Въ лѣсу мочезинникъ еще держится тоже, а все жъ подо ржавымъ льдомъ жива душа ключа слышится, чуть посильнѣе солнышко печь зачнетъ, сейчасъ сквозь ледъ просочится, источить его весь и полой водой поверхъ разольется.

Богородицынъ день уже прошелъ, должно сильно зимѣ на весну сдаться, но крѣпится еще морозъ, держится старый, да не долго теперь.

Алексѣй «съ горъ потоки» близокъ, весь снѣгъ попуститъ, коверъ его бѣлоснѣжный растреплетъ, а тамъ ужъ и до озера доберется, потопить его ледяную крышку, въ синеву бросить...

За солнцемъ однимъ да за теплыми дождями работа останется, анъ и вѣтерокъ съ моря подуетъ, дорогу веснѣ-краснѣ расчистить. Тогда ужъ ей, красавицѣ, бояться нечего.

«истор. вѣстн.», мартъ 1915 г., т. сxxxix.

— Приходи, милая, приходи, голубушка свѣтлая, широко ворота распахнуты, прилетай, володѣй Поморскимъ краемъ, отъ зимней спячки поморскій людъ разбуди, пусть за работу принимаются да съ теплыхъ печей послѣзуютъ!

Время коротко, а работы много, быстро промелькнутъ весенніе да лѣтніе мѣсячки, а тамъ опять снѣжные сугробы сердитый сиверко нанесетъ, завоюетъ, застудитъ, въ укрому теплую всѣхъ прогонитъ... А пока еще озеро спитъ подъ ледяной крышкой. Точно нити черезъ него перекинулись, на бѣломъ снѣгу сѣткой обозначились: все тропки и переходы да «коробка» возовая исчертили озеро.

Небольшая, но зажиточная деревня Обдоръ на самомъ берегу пораскинулась. По невысокому взгорью взбѣжала, въ тихія озерныя воды смотрится.

Дворовъ съ тридцать всего въ ней. Давно ужъ здѣсь люди осѣли, и память о томъ позабылась. Такъ, старики только кой-когда промолвливаются, что съ Новагорода-Великаго сюда ихъ предки перебрались, когда вольности новгородской чередъ пришелъ. Здѣсь посѣли, рыбачить зачали, соль курить, которымъ понравилось, лѣса кругомъ не мало, жги—хватить.

Вѣру свою въ чистотѣ сохранили, отъ никоновскихъ исправленныхъ книгъ оттолкнулись, отъ церкви россійской отошли, свои скиты да пустыньки понадѣлали, по-старинному Богу молятся. Пока попы были, съ ними молились, а какъ тѣ перемерли, за благодатью некуда было ѣздить, съ одними начетчиками да старухами остались. Такъ до сихъ поръ старую вѣру и держатъ. Кое-кто изъ молодыхъ ужъ обмѣрились, которые и табакомъ позанялись, но старики еще крѣпятся, держатся, на соблазнъ не сдаются.

Городъ недалекъ, въ полусотнѣ верстъ всего отстоитъ, норовитъ онъ въ это древнее гнѣздо своими соблазнами ворваться, души христіанскія погубить, да препона кое-какая ему легла, заливъ морской промежъ перекинулся, болота кругомъ деревни плотнымъ кольцомъ очертились, проѣзду только по одной узкой гати и имѣется. Зимой-то дорога со всѣхъ сторонъ открыта, вездѣ позамерзло, вездѣ ходъ имѣется, а какъ вешнія воды пройдутъ, озеро поразольется, болота да мочегинники непроходными стануть, словно на острову какомъ деревня останется, рѣдко кто туда и заглянетъ.

— Что тамъ у обдорцевъ, лягушекъ, что ли, ловить?—насмѣшливо говорятъ сосѣди:—чуждаются они насъ и такъ-то, чего намъ къ нимъ лѣзть.

Ну, и отчуждились обдорскіе жители ото всѣхъ, только когда съ товаромъ въ городъ поѣдутъ или на работы общественныя выйдутъ, земскій трактъ чинить, тутъ и видятся съ сосѣдями и чуждымъ людомъ, а то завсе у себя сидятъ, отчинились ото всѣхъ...

Старикамъ и старухамъ это любо, по-своему живутъ, по-старинному, изъ «уставовъ» не выходятъ, даже одежину не измѣнили,

на нѣмецкій пинжакъ косятся, кафтаны себѣ шьютъ, какъ укладомъ стариннымъ положено, со сборками и каждая сборочка особъ заповѣдь означаетъ.

Ну, а молодежь рвется на волю, тяжело ей въ узкихъ рамкахъ старины сидѣть, мятется кровь, на свободу просится, съ сердцемъ не могутъ справиться, людямъ, по иному живущимъ, завидуютъ, а изъ подчиненія стариковъ не выходятъ. Заклятыя ихъ боятся, не то что слова, взгляда суроваго слушаются, возразить не смѣютъ, а чтобы супротивъ ихъ пойти—и въ помыслахъ не держать.

Моленную, что въ скитѣ обряжена, въ положенное время ежедневно посѣщаютъ и метанье уставное исполняютъ, поклоны кладутъ, службы долгія, зачитныя выстаиваютъ.

Весь укладъ прежней жизни ведутъ, какъ было по старинѣ, такъ и теперь осталось, все справляютъ, до малой черточки выйти изъ воли старшихъ боятся.

Прежде еще, когда на старую вѣру гоненія были, по Иргизу да по заволжскимъ скитамъ разоренье шло, пописывали имъ сюда для укрому иконы старинныя, высокочтимыя, всѣхъ ихъ здѣсь по пустынькамъ попрятали, поскрыли, и невдомекъ никому изъ чиновниковъ, что сюда онѣ перекинута и утаены.

А теперь, когда старовѣрамъ свободу дали, молиться, какъ они хотятъ, не запрещаютъ, храмы и молебни ставить позволено, кое которые образа взяли они отъ здѣшнихъ хранителей, въ другія молебныя вернули, а нѣкоторыя иконы такъ и остались въ Поморьѣ, позабыли о нихъ, что ли, или послѣ разоренія скитовъ уставщицы да настоятельницы перемерли, а молодежь и не вспомнила объ укрытыхъ святыняхъ.

Вотъ почему въ обдорской молебной да въ другихъ деревняхъ, живущихъ по старой вѣрѣ и раскинутыхъ по Поморью, много осталось старинныхъ цѣнныхъ иконъ, на поклонъ которымъ немало лѣтнею порой является сюда богомольцевъ и послѣдователей старой вѣры.

Твердо держать старую вѣру всѣ эти деревни и села, а особенно въ Обдорѣ.

II.

— Ты это откуда, Дунюшка, вернулась?—спрашивала подслѣповатая, сухощавая старуха въ темно-синемъ сарафанѣ съ темной наметкой, накинутаю на сѣдые волосы, молодую дѣвушку, вошедшую въ горницу при молебной.

Просторная невысокая горница вся золотилась, залитая солнечнымъ блескомъ полудня.

— Смотрѣла, матушка Измарагда, на езеро, ужъ больно красиво оно теперь стало, снѣгъ-отъ сошелъ, ледъ потонился, словно

стекломъ покрылось,—бойко отозвалась Дуня, видная бѣлокурая дѣвушка, весело блеснувъ сѣрыми глазами.

— Ну, чего ты тамъ выглядѣла,—недовольно заворчала уставщица:—невидала тоже какую нашла! Езеро, какъ езеро, и ледъ все такой же, какъ и всегда бываетъ, убѣжала, а я здѣсь кричу тебя, докричаться не могу. Поди знаешь, что слѣпая, почитать каѳизмы хотѣлось, сама не могу.

Старуха поднесла ко лбу сложенную козырькомъ желтую, какъ воскъ, худощавую ладонь и стала всматриваться въ раскинувшееся ва окномъ озеро.

— Что это тамъ на льду шевелится, Дуня, а, Дуня,—нетерпѣливо крикнула она дѣвущкѣ-бѣлицѣ, опредѣленной сюда въ модельню старикомъ-отцомъ, крестьяниномъ сосѣдней деревни.

— Да это, матушка Измарагда, Павелъ Братниковъ въ пошевняхъ изъ города товаръ везеть.

— Ну, Господь съ нимъ, пусть трудится, Богъ труды любитъ,—старуха, махнувъ рукой, отошла отъ окна и медленно опустилась на лавку.—Ты все жъ, Дунюшка, каѳизмы-то мнѣ почитай.

Бѣлица достала съ полки старинную, всю закапанную воскомъ книгу въ кожаномъ переплетѣ, положила ее на небольшой деревянный аналой и принялась за чтеніе.

Уставщица, сначала внимательно ее слушавшая, подъ мѣрный звукъ голоса задремала. Дуня, нѣсколько разъ оборачивавшаяся на задремавшую старуху, прекратила чтеніе и, подойдя къ окну, стала смотрѣть на подъѣзжающій все ближе и ближе къ деревнѣ нагруженный возъ.

Громкое постукиваніе подшитыхъ подошвъ самоѣдскихъ пимъ, раздавшееся за дверями горницы, въ холодныхъ сѣнцахъ, разбудило уставщицу. Она недовольно вздрогнула, перекрестилась и сказала:

— Дуня, кто это тамъ застучалъ? Подъ-ка, выйди, посмотри, не до меня ль какой человѣкъ нудится.

Дѣвушка проворно исполнила ея приказаніе, распахнула тяжелую, плотно слаженную дверь и вышла въ сѣни.

Она сейчасъ же вернулась обратно.

— Василій Досифеичъ, матушка, до тебя нужду поимѣлъ, дозволишь ему войти?

— Проси, Дунюшка, проси, рада такому гостю.

Въ горницу вошелъ пожилой мужикъ, широкій въ плечахъ, въ полушубкѣ, верхнюю шубу онъ скинулъ еще въ сѣнцахъ и сейчасъ же сотворилъ «метаніе» передъ уставщицей.

— Съ кой поры мы съ тобой, Василь Досифеичъ, не видались, почитай, съ самой осени въ Обдорѣ не бывалъ?—привѣтливо встрѣтила его старуха, приподнявшаяся съ лавки.

— Не доводилось, матушка, въ эти края наѣзжать, все больше туда, по тому берегу дѣла были.

— Хорошо торгуешь?

— Да, Господь милостивъ, отъ убытка берегъ, скотинки покупилъ немало, освѣжеваль, нынѣ зима студеная, кормы отъ дорогіе, пожалъся народу пришлось, распродали скотинку кой-которые. А въ городѣ расторговался, по цѣнамъ хорошимъ; заработаль, слава Творцу, хорошо,—разсказываль мясникъ-скупщикъ, приглашенный уставщицей сѣсть рядомъ съ ней на лавку.

Его зоркіе глаза бѣгали по всѣмъ сторонамъ, точно стараясь закрѣпить все видѣнное въ памяти. Широкая ладонь привычно поглаживала и сжимала длинную сѣдѣющую бороду, лицо горѣло румянцемъ отъ жара, стоявшаго въ комнатѣ, отъ плохо вытертыхъ нимъ на чистомъ полу остались мокрые слѣды.

— Ты ужъ насъ, Василій Досифеичъ, не оставь своей милостью, только вами, благодѣтелями, и живы, удѣли толику малую своихъ щедротъ отъ барыша-то,—точно упрашивая, говорила уставщица, ни слова не проронившая изъ его разсказа.

— А я по сему дѣлу сюда нарочно и пріѣхаль,—обрадованно отозвался мясникъ и вскинулъ рукой спустившіеся на лобъ рыжеватые волосы.—Вотъ, матушка, изволь получить, два ста для твоей моленной отложилъ.

— И на томъ спасибо, благодѣтель, выразить тебѣ не могу, сколь лепта сія для насъ теперь ко времени, на инъ день Пасха Господня приближается, нужно какъ слѣдъ ее въ моленной отправить, апосля и нашимъ черницамъ да дѣвицамъ розговѣнь сдѣлать, а тамъ и бѣденъ людъ сберетъ, мало ли сырыхъ и убогихъ пріютить просятся, скоро весень вода пойдетъ, пути закажутъ, придется кое-которыхъ и здѣсь оставить, загостить,—поясняла старуха.

— Вѣдомо мнѣ это, матушка, все вѣдомо, коли правду сказывать—самимъ испытано! Вѣдь отъ той поры, какъ сироткой я послѣ отца съ матерью осталъ, приткнуться было некуда, почитай, года съ два по добрымъ людямъ ходилъ, ихъ иждивеніемъ пользовался.

Мясникъ замолчалъ, ничего не говорила и старуха, только чуть слышно шептала молитвы, перебирая въ высохшихъ рукахъ кожаную лѣстовку.

— Дѣльце у меня до тебя, матушка, имѣется,—прервалъ молчаніе посѣтитель.

— А какое такое, сказывай, благодѣтель. Коли смогу чѣмъ тебѣ пользу аль совѣтъ какой оказатъ, съ душевной охотой и радостью,—протянула старуха, съ любопытствомъ ожидая, о чемъ скажетъ ей посѣтитель.

— Ванька-то вотъ мой въ лѣта вошелъ, оженить я его надумаль, чтой-то портиться сталъ, виномъ баловаться зачалъ.

— Поди и куревомъ обміршилъ?—строго спросила уставщица.

— Ужъ и не сказывай, матушка, похвалить не можно, при мнѣ-то какъ будто и боязно ему курить, я вѣдь, ты сама знаешь, какой—

примѣчу, избобью, ну, а люди сказываютъ, что за все папироска въ зубахъ у Ваньки торчитъ.

— Грѣхъ-отъ большой!—покачала головой старая.—Коли виномъ балуется, это все еще ничего, въ писаніи сказано: «Вино веселіе пити», а вотъ за табакъ этотъ зловредный сколь тяжело прощеніе у Господа вымолить, раньше времени въ адъ кромѣшный себя предуготовляютъ... Ой, слабъ нонѣ чловѣкъ пошелъ!

Поникъ головой мясникъ, точно сочувствуя словамъ старухи, и молчалъ.

— Сказывай, Василій Досифеичъ, съ какой дѣвицей обсоюзить сынка-то своего надумалъ? Въ городѣ, что ль, подыскалъ, али здѣсь которую изъ нашихъ напимѣтилъ?

— Да любо мнѣ было бы изъ здѣшнихъ, изъ обдорскихъ которую, и старой вѣры у васъ дѣвушки крѣпче держатся, да и себя блюдутъ, а въ городѣ что, о Богѣ-то и думать забыли, завертихвосты какія-то!—и мясникъ недовольно плюнулъ:—посоветуй, матушка Измарагда, выбери которую подостойнѣе.

— Выбери!—отозвалась уставщица, и чуть замѣтная усмѣшка проскользнула по ея старческому лицу:—хитро это дѣло ты сказываешь, Василій Досифеичъ, ишь у меня ихъ здѣсь по деревнѣ сколько дѣвушекъ, всѣ съ виду хороши, скромны, родителейъ почитаютъ, претить старшимъ не смѣютъ, а въ нихъ въ самихъ не влѣзешь, тиха, тиха до вѣнца-то, а тамъ какъ подѣ повойникъ косу спрятала, и зачнетъ крутить!

— А все-таки вамъ, матушка, повиднѣе нашего, на которую дѣвицу укажете, ту и сватать будемъ.

Тонкіе пальцы уставщицы погладили подбородокъ, задумалась старуха, къ вискамъ обѣ ея руки протянулись, наметку поправили...

— По-моему-то, по-старому разумѣнію Пелагея, Родіонова дочка, пожалуй, больше другихъ для Ивана-то твоего подошла бы, сторожить его стала бы, когда нужно. Знаю я ее, больше двухъ лѣтъ въ моленной у меня прожила, поприсмотрѣлась я къ ней, да и сама-то видная такова, съ лица красовитая. Молодой парень все больше на красивую зарится.

— Истинно такъ, матушка, на дурной по виду Ивана-то не оженишь, позакинется, что лошадь съ норовомъ, и въ оглобли не введешь!

— А то есть Аннушка, Лазоревымъ отецъ ея прозывается, издавна ужъ прованіе такое ему дано, тоже дѣвушка хороша, и съ лица красовита, и всѣмъ взяла, да мягка больно, слезлива, этой съ мужемъ не справиться, все въ глаза ему смотрѣть станеть, изъ воли его не выйдетъ...

— Не, мать Измарагда, такой намъ не нужно, кажи лучше первую, позови ее сюда, какъ бы ненарокомъ, по своему какому моленному дѣлу, а я однимъ глазкомъ на нее погляжу.

— Что жъ, благодѣтель, за этимъ дѣло не станетъ. Дунюшка!— покликала она бѣлицу, и когда та вошла въ горницу на зовъ, сказала ей:— Тебѣ, милая, тамъ въ моленной одной не посправиться, кликнука Родіонову дочку, Палашу, на подмогу, скажи, что я ее зову, да пусть сейчасъ сюда идетъ. Ступай, милая!

Поклонилась низко уставщицѣ дѣвушка и шмыгнула за дверь.

III.

Точно на крыльяхъ слетѣла съ приступокъ крыльца Дуня, не смѣла она раньше изъ сѣнецъ убѣжать, а сердце рвалось давно ужъ туда, на взвозъ съ озера, по которому подымался съ возомъ Павелъ Братниковъ.

Давно ужъ милъ бѣлицѣ статный парень, все въ немъ ей правится, все по душѣ пришлось: и лицо его свѣтлое, привѣтное, и выходка спокойная, величавая, и глаза ясные, голубые, такъ въ душу, словно небо голубое, свѣтятъ. Заговорить онъ, равно какой сѣтью обовьетъ, къ себѣ манить, голосъ мягкій, залихватый, пѣсней залъется, только бы слушала, въ душу заползаетъ, а слова пѣсенныя жемчугомъ скатнымъ падаютъ на сердце.

Давно за него замужъ бы пошла Авдотья, да препона большая имѣется: не любовь онъ матушкѣ Измарагдѣ; хоть старой вѣры и держится, да сильно обміршился: и табакъ курить, и съ «церковными» ѣсть изъ одной посуды не брезгаетъ, а тутъ какъ-то прослышала старуха, что онъ и въ церковь къ никоніанамъ участилъ ходить. Сказывали даже про Павла, на исповѣди у попа въ городѣ бывалъ. Можетъ, это злые языки только про него придумали, а все жъ слушокъ есть, его не избудешь, ужъ гдѣ дымокъ вьется, тамъ и огню быть!

Сильна власть матери Измарагды по деревнѣ да и по другимъ старовѣрскимъ селеніямъ, слову ея перечить никто не смѣетъ; и лѣтами она всѣхъ старше, уважаютъ ее за жизнь праведную, за то, что блюдетъ она «отческое преданіе», древніе каноны и уставы соблюдаетъ въ сохранности, ничѣмъ ихъ не преступитъ никогда. За это и чтутъ ее, словомъ и дѣломъ претить древней уставщицѣ не смѣютъ.

Вѣдомо это и Дунѣ. Тутъ по лѣту какъ-то, минута подошла хорошая, разласковился отецъ ея, Андрей Журнаковъ, да шуткой и спрашиваетъ:

— А что, Дуняша, не выдать ли мнѣ тебя замужъ, мы съ матерью онадась померекали, довольно ты у матушки Измарагды подъ началомъ была, два года скоро, какъ при моленной находишься.

— Что жъ, батюшка,—встрепенулась дѣвушка, бойко вскидывая на отца глазами:—выдай, не прочь, пойду, коли по твоей родительской волѣ!

— Ишь ты шустрая какая,—усмѣхнулся бородастый Андрей.— А за кого бы ты пошла? Кого въ мужья поднамѣтила?

Не стерпѣла въ ту минуту Дуня, тайну свою пооткрыла, имя своего люба вымолвила:

— За Павла Братникова пошла бы...

Насушился Журнаковъ, весь лобъ складками пошелъ, не чаялъ онъ отъ дочери это имя услышать, вѣдомо ему было про парня, отъ матушки Измарагды слышалъ, да и такъ по деревнѣ слухъ прошелъ:

— Не въ ту сторону, доченька, закинулась, не гоужь онъ тебѣ.

— А почему?—рѣшилась спросить дѣвушка, смѣлость откуда у ней явилась.

— Да про то сказывать тебѣ я не стану, послухай, что другіе говорятъ, да умою своимъ пораскинь.

Поняла она, что не быть ей за Павломъ, вѣдома ей стала и причина этого.

«Анъ нѣтъ, коли волей не отдадите, уходомъ за него пойду»,—подумала и вся захолодѣла.—А родительское благословеніе? Вѣдь никогда не согласится старикъ поблагословить ихъ, хоть ужъ и вѣнчаныхъ, разъ мать Измарагда насупротивъ идетъ, а безъ родительскаго благословенія и Божьяго нѣтъ! Оно одно «строить дома»,—припомнилось Авдотѣ прочитанное въ Священномъ Писаніи.

Задумалась она, на распутьѣ стала, и ума не приложитъ, какъ поступить, что сдѣлать. Къ Павлу на бережокъ какъ-то сбѣгала, о своемъ горѣ пооткрылась, и тотъ затуманился, да ненадолго: плечами широкими тряхнулъ, взоромъ свѣтлымъ своимъ повелъ, словно лаской озарилъ прикручинившуюся Дуню, да и промолвилъ:

— Эй, Дуняша, мила моя, обождемъ, не вѣкъ намъ горевать, можетъ, смилостивится твой родитель, какъ я ему, опочя, слово другое вымолвлю да себя покажу. Пождемъ!

Молча согласилась Дуня на предложеніе Павла; такъ и ждутъ они съ самага Петрова дня до сихъ поръ, а сколь ждать еще, невѣдомо; встрѣчаются, милуются, а кой-когда въ укромѣ крѣпко другъ друга обнимутъ, поцѣлуемъ другимъ обмѣнятся.

Быстро сбѣжала дѣвушка съ береговой кручи, чуть не свалилась, коты скользятъ по наледи, ноги не держатъ, да, спасибо, парень удержалъ. Зардѣлась, словно зарница, Дуня, ласковой улыбкой озарилось лицо парня, какъ свою любу повстрѣчалъ.

— Ужъ съ кой поры тебя, Павлуша, изъ окошечка запримѣтила, сердцемъ къ тебѣ стремилась, да вырваться не могла, мать Измарагда каѳизмы читать заставила.

— Она у васъ молитвенница извѣстная,—усмѣхнулся парень:— по строгости васъ, дѣвушекъ, держитъ.

Дѣвушка съ безпокойствомъ оглянулась назадъ въ гору и посмотрѣла на низкое зданіе, въ которомъ находилась моленная. Солнце жаромъ горѣло въ окнахъ ея, глаза смежались отъ блеска.

Павель разстегнулъ полушубокъ, приложился плечомъ къ оглоблѣ и началъ помогать лошади втаскивать въ гору тяжелыя пошевни.

— Ну, пока прощай, Павлуша, я по дѣлу,—сказала Дуня.— Потомъ подь вечеръ свидимся. Какъ службу въ моленной отправимъ, прибѣгу, знаешь, туда, на задворки.

Павель согласно кивнулъ головой:

— Приходи, нужно поговорить,—дѣловито замѣтилъ онъ.

Бѣлица кинулась по тропкѣ въ гору лѣвѣе, а Братниковъ, подирая возъ, продолжалъ помогать лошади.

— Мать Измарагда сказываетъ тебѣ, Панька, сейчасъ цтти къ намъ въ моленную,—строго повторила приказъ уставщицы Дуня, врываясь въ избу Родіона.

Выгребавшая изъ печки уголья черноватая, статная дѣвушка въ сарафанѣ обернулась къ вошедшей и степенно спросила:

— Ты что это точно бѣлены объѣлась? Здравствуйте даже не скажешь, Дуняшка!

— Некогда, повторяю: мать Измарагда зоветъ тебя, ну, ну, справляйся скорѣе да и пойдемъ.

Съ изумленіемъ повела темными, глубоко сидящими глазами Пелагея на подружку. Не торопясь, выгребла остальные уголья въ чугуны, притворила заслонку къ печному выходу, молча прошла въ сосѣднее отдѣленіе избы, обулась, оправила сарафанъ, накинула враспашку полушубокъ, платкомъ повязалась и коротко кинула посланной:

— Идемъ!

Въ сѣняхъ попалась старуха Лариса, мать ея.

— Ты куда это собралась, вырядилась?—строго спросила она дочь.

— Мать Измарагда ее безпремѣнно къ себѣ сейчасъ требуетъ,—разлилась словами Дуня.

Лариса, несмотря на ея годы, еще видная женщина, похожая на свою дочь, подозрительно посмотрѣла на бѣлицу.

— Коли правда, ступайте,—все еще недовѣрчиво сказала хозяйка и прошла въ избу.

Обѣ дѣвушки направились обратно къ моленной. Дуня торопила свою спутницу, но та спокойно шла, не ускоряя шага.

IV.

Не терпѣлось мяснику увидѣть предполагаемую невѣстку. Онъ все время псматривалъ на дверь. Уставщица замѣтила это.

— Чего, Василій Досифеичъ, смотришь-то, пождать нужно,

не вскокъ же Дуня побѣжала, Родіонъ-то въ томъ концѣ живетъ, не торопынъ. А въ время не имѣется?

Мясникъ съежился подь строгимъ взглядомъ уставщицы.

— Да какъ бы вамъ, матушка, и сказать-то, до города вѣдь не близко, теперь, поди, второй въ началѣ,—и онъ вытащилъ изъ кармана жилетки, поддѣтой подь кафтанъ, большіе серебряные часы и искося посмотрѣлъ на нихъ.

— Ой, два ужъ исполнилось, третій въ началѣ, ишь, сколь по веснѣ-то солнце обманчиво стоитъ, не думалось мнѣ, что столь поздно.

— Ничего, Богъ дастъ, доберешься въ благополучіи до города,—успокаивала его старица.

— Добраться-то не легко нынѣ, по устью ледъ сильно потонился, промывы кое-гдѣ имѣются, а ближе къ берегу загоры объявились, вода подь ними полощетъ. Ноги лошади покалѣчишь, ледъ-отъ теперь острый! Да и не близко!—и мясникъ, сгибая пальцы, началъ высчитывать версты:—до Рикасихи пятнадцать, да отсель до ней, почитай, двадцать тоже наберется. Когда такую уйму дороги проѣдешь! Ужъ не знаю, какъ и быть.

— А ты бы у насъ заночеваль, Василій Досифейчъ, тутъ по сѣдству, у Артамона Егорова на ночлегъ пристроишься, у него изба большая, мѣста много, у насъ здѣсь, прости, положить тебя не могу, все женскъ-поль живетъ, разговоровъ бы потомъ не вышло.

— Да объ этомъ, матушка, не хлопочите, мѣсто себѣ найдемъ, а только, скажу напрямки, опасно, какъ тамъ мой Ванюшка-то справится одинъ. Завтра за коровкой въ уѣздъ нужно ѣхать, а я того...

Федосовъ не успѣлъ досказать своей мысли, какъ дверь отворилась и въ комнату вошли обѣ дѣвушки. Онѣ остановились у прилоки, точно опасаясь подойти ближе.

— Ты чего стоишь, Пелагея, подойди,—услыхали вошедшія голоса уставщицы.

Пелагея степенно прошла впередъ, положила передъ старухой установленное метаніе и остановилась молча передъ нею.

— Звала я тебя, Палаша, подмочь Дунѣ, ей-то одной совѣмъ не справиться, инъ Пасха Свѣтлая близится, нужно какъ слѣдуетъ Господень день встрѣнуть.

— Слушаю, матушка,—тѣмъ же горделивымъ тономъ отозвалась молодая дѣвушка и пошла къ двери.

— Постой, куда идешь-то?—крикнула ей старуха:—забыла, должно, что благодѣтель здѣсь нашъ сидитъ, привѣтомъ его обошла.

Такъ же степенно поклонилась мяснику Пелагея, тѣнью скользнулъ ея острый взглядъ по дородной фигурѣ Федосова и ушелъ куда-то внизъ.

— Больше приказа вашего никакого не будетъ, матушка?— снова раздался спокойный вопросъ Родионовой дочки!

— Не егози, пожди, пока я тебѣ все не выскажу! Когда у меня здѣсь жила, поиначе поступала, не торопилась,—забрюжжала старуха.

— А ты ступай,—кинула она Дунѣ.

Какое-то невѣдомое опасеніе всколыхнулось у Пелагеи. Чуть замѣтно она повела плечами, отъ этого движенія наброшенный на нихъ полшубокъ съѣхалъ и упалъ на полъ. Она, не торопясь, наклонилась, подняла его, но не стала одѣвать снова и держала въ рукахъ. Уходящее за береговой перелѣсокъ солнце скользнуло по ея красивому лицу, окрасило легкій пушокъ щекъ золотистымъ румянцемъ, золотыми искорками блеснуло на темномъ зрачкѣ и упало мимо. Статная крупная фигура Пелагеи вырисовалась на бѣлой стѣнѣ горницы.

— Отпустите вы ее, матушка, ишь дѣвица рвется ваше послушаніе исполнить скорѣе,—вкрадчиво проговорилъ мясникъ, видимо, стараясь вывести изъ неловкаго положенія смущенную дѣвушку.

— Ну, ступай съ Богомъ, принимайтесь за работу, не лѣнитесь,— замѣтила уставщица, отпуская Пелагею.

Тяжелая одностворная дверь безшумно запахнулась за ней.

— Карактерна!—произнесъ свое сужденіе торговецъ:—а по всему остальному хороша, больно хороша! Ванюшкѣ моему и во снѣ не приснится такая королевна. А вонъ правъ-отъ, кажись, строптивъ больно! И властна она.

— Самъ же сказывалъ, что парню твоему нужно бабу такую, которая бы его въ рукѣ держала, а Палаша какъ разъ подъ стать, ничѣмъ не поступится, на лъстю никакую не пойдетъ. Такъ какъ же, сказывай, Василій Досифеичъ, сватать, что ль, Пелагею?

— Да, кажись, оно и такъ бы, матушка, да вотъ какъ мой неуменокъ-то, какъ ему взглянется?

Съ укоризной покачала головой старая уставщица.

— Ишь, онъ у тебя какой своеволь, а по-нашему, по-старому, что родитель сказалъ, такъ и должно быть, противнымъ словомъ обмолвиться не должно.

— Прости, матушка, за словцо лишнее, а та вотъ, другая, бѣлица твоя келейная, Авдотьей, что звать, какъ по характеру-то, чтой-то она мнѣ больше по душѣ приходится!

— Ой, не люблю я, Василій Досифеичъ, какъ разборы почнуть дѣлать да сравнивать. Скажу тебѣ напрямки, что коли эта съ поровомъ, такъ Авдотья куды не въ примѣръ больше закинется, но легче на все смотреть, кое въ чемъ и мужу потрафлять зачнетъ, на справкѣ у меня живеть, родитель ейный жаловался, что мѣршиться тоже стала, ну, и прислалъ ко мнѣ, не здѣшняя, съ Солзы.

— Такъ,—безразлично протянулъ мясникъ.—А такъ бы все какъ есть, справная, къ Ивану подходящая.

— Что жъ, коли по тебѣ приходится, не прочь и ее сынку твоему посватать. Только особъ хвалить ее все жъ не стану.

— Вотъ что, матушка, въ землю тебѣ поклонюсь, попрошу, ужъ ты ее попытай такъ и сякъ, а потомъ Пасху какъ отправимъ, и толковать съ тобой зачнемъ, а теперь прости, къ домамъ нужно.

— А ночевать не надумаль?

— Нѣтъ, ладится мнѣ, что ко времени успѣю до города доѣхать, прощенья просимъ.

Федосовъ низко поклонился старухѣ, метаніе сдѣлалъ и вышелъ изъ комнаты въ сѣнцы.

За тесанину крыльца была привязана его круглая лошаденка, запряженная въ пошевни, онъ торопливо отвязалъ ее, снялъ кормушку съ сѣномъ съ ея морды, кинулъ подъ сидѣнье, точно шаръ вкатился въ пошевни, тряхнулъ вожжами и сталъ спускаться съ косогора на затягивавшейся легкимъ покровомъ сумерекъ широкой просторъ озера.

V.

Не скоро удалось Дунѣ вырваться къ милъ дружкѣ. И такъ по пустынькамъ и моленнымъ службы долгія, зачитныя, а теперь въ постъ тянулись онѣ еще дольше, вычитывали все подробно, опасаясь пропустить слово, «алилуйю» прочесть недостаточное число разъ или «Славу» не повторить.

Люта была до службы сама уставщица, ей все казалось, что недостаточно долго и благоговѣнно поють бѣлицы, не растягиваютъ какъ слѣдуетъ пѣнія. Много разъ ворчала она на другую старуху, совсѣмъ уже слѣпую, Маргариту, тоже уставщицу, но бывшую подъ началомъ у Измарагды:

— Что ты больно торопынишься, Маргарита, попомни, какому дѣлу служишь, не на посидки сюда приходишь, а Творцу небесному молиться!

Совсѣмъ уже потемнѣло. Весеннее небо покрылось звѣздами. Тонкій, еле ощущаемый аромать отходившихъ отъ зимней спячки деревьевъ носился въ свѣжемъ воздухѣ.

На сегодня морозъ отошелъ. Слышно было, какъ звонко падали капли съ крыши моленной. Со стороны озера доносилось легкое шуршаніе подтаявшаго снѣга.

Дѣвушка, сбѣжавъ съ крылечка, на минуту остановилась. Весенній воздухъ послѣ долгаго пребыванія въ тяжелой атмосферѣ моленной, переполненной запахомъ деревяннаго масла, дыма и копоти отъ свѣчь, закружилъ ей голову. Но это было одно мгновеніе. Дуня, не теряя времени, бѣгомъ бросилась по задворкамъ деревни, къ самому болоту, на краю котораго приткнулось нѣсколько деревьевъ.

Прислонившись къ одному изъ нихъ, стоялъ парень. Зоркіе глаза дѣвушки сразу отличили его фигуру.

— Прости, милый, что заставила ждать, ишь наши-то сегодня уставщицы тянули, тянули повечерье, я думала, что ужъ и конца не будетъ, канонъ больно долго читали, да приказала матушка Игмарагда еще нараспѣвъ повторно возглаголить,—засмѣялась Дуня, и смѣхъ ея нарушилъ тишину маленькой рощицы.

— Что мнѣ дѣлается, подождаль, торопиться некуда,—любовно проговорилъ парень, обнимая сильною рукою дѣвушку за плечи.

Потянулись долгіе разговоры безъ рѣчей. Молодымъ людямъ не нужно было словъ, они и такъ понимали другъ друга, только вздохнетъ порой дѣвушка, ей отзовется нѣжнымъ поцѣлуемъ парень, ласковое прозвище промолвить, и опять молчатъ. Чудится имъ, что за нихъ говорятъ эти еще безлѣсныя деревья и раскинувшееся внизу озеро, а тѣ звѣзды, что такъ ярко блестятъ на небѣ, рассказываютъ имъ вѣчную дивную сказку любви.

— Федосовъ, мясникъ, прѣзжалъ сегодня къ матушкѣ по дѣлу, смекаю, что за Ваньку хочетъ кого-нибудь изъ деревенскихъ нашихъ сватать.

— Ну, ужъ горя та хлебнетъ не мало, которая за мясниченку замужъ пойдетъ, крутитъ онъ больно, пьетъ, по трактирамъ на бильярдахъ играетъ, во хмелю буень! Ужъ который разъ въ полицію забирали.

— Ой, бѣда дѣвчончкѣ нашей будетъ, коль такой парень къ ней навяжется. Да, можетъ, только такъ зря про него сказываютъ?

— Какой тамъ сказываютъ, весь Архангель-городъ о Ванькѣ освѣдомленъ. А куплю-продажу ведетъ для себя парень съ пользой большой, обманетъ—глазомъ не сморгнетъ. Куда старику до него! Насушить покупателя сразу, а когда у мужичковъ скотину беретъ, такъ и ловчится ихъ обмудить. Должно, въ городѣ за него никто не идетъ, вотъ Василій сюда и перекинулся, уещать вашу уставщицу зачалъ.

— Должно, Паньку Родионову сватать хотятъ, за ней меня спосылала матушка. Да не пойдетъ за мясникова сына, она у насъ упрямая, норовитъ по-своему поставить.

— Смотри, Дунюшка, не тебя ли высматриваль будущій свекоръ-то!—шутливо замѣтилъ парень.

— Ой, чтой-то ты надумаль такое, сразу меня огромилъ!—испуганно отозвалась Дуня.—Не должно быть, и не смотрѣлъ на меня онъ, все больше Паньку высматриваль.

— Ну, то-то, смотри, чтобы въ самомъ дѣлѣ не огрѣшилась супротивъ меня, польстишься на деньги, меня позабудешь, за мясниченка пойдешь,—съ притворной угрозой сказалъ Павелъ.

— Павлуша милый, люба ты мой, да статочное ли дѣло, чтобы я тебя изъ мыслей выкинула, мига того нѣтъ, чтобы о тебѣ я не помнила,—любовно прошептала бѣлица и прижалась къ парню.

— Попомни Павлушку, скоро уйду я за лыбедью да гусями, время самое подходить. Какъ только потеплѣетъ еще, зачнутъ покрывки на рѣчкахъ тониться, снѣгъ отвягнетъ, сейчасъ за дѣло примусь. Ишь, какъ выяснило, а морозу ни капли нѣтъ, значить теперь на тепло пошло, сказано вѣрно: «съ марта пролѣтъе—весна зачинается».

— Должно нынѣ скоро тепло становится, на Герасима грачи прямо на гнѣздо летѣли, запримѣтила я, а это къ дружной веснѣ; снѣга нынѣ много было по зимѣ, вздынуты рѣчки да озера высоко, почитай, всю дорогу перельютъ,—дѣловито говорила Дуня.—Когда жъ ты надумалъ на пожни удариться?

— Да день-другой перегожу, теперь ужъ въ городъ съ кладью не поѣду, черезъ губу не пробраться, живо подъ ледъ уйдешь! Ну, скажемъ, о сего день вторникъ, въ пятницу, аль субботу и побѣгу.

— Павлуша, миленькій, да не должно въ такой день птицу бить, пойми, Лазарево воскресенье, а тамъ и Страстная седмица наступаетъ.

— Такъ-то оно такъ, Дунюшка, да коли промедлю, ни прохода, ни проѣзда на пожни не станетъ больше, какъ же тогда быть-то? По кладнямъ, по топи въ распутицу не проберешься! Господь простить...

Они оба замолчали. Павелъ обдумывалъ слова дѣвушки, его неприятно рѣзануло по сердцу ея замѣчаніе, что онъ будетъ стрѣлять птицъ въ такіе великіе дни. Но охотничья кровь заговорила въ немъ, и онъ громко высказалъ свое рѣшеніе:

— Э, пустое!—махнулъ рукой парень:—отмолимся опосля, коль огрѣшимся. О завтра день, Дуня, повидимся, что ль, опять съ тобой?

— Недосужно будетъ, милый, уборки ужъ больно много, и въ моленной и по горницамъ,—вздохнувъ, отвѣтила бѣлица.

— А все жъ до ухода моего повидаться намъ съ тобой нужно, сказать я тебѣ слово хочу...

— Такъ сейчасъ говори, чего жъ держать его про себя! Заколебался парень.

— Не, не выскажу, опосля лучше,—твердо промолвилъ онъ, крѣпко обнявъ дѣвушку за плечи, горячо поцѣловалъ ее, и они разошлись.

VI.

Послѣ вечерень пришелъ въ моленную Родіонъ. Его не было дома, когда уставщица прислала за дочерью, онъ ѣздилъ на дровняхъ въ лѣсъ обобратъ для топлива комеля и вѣтки отъ срублен-

ныхъ зимой деревьевъ. Онъ не понялъ изъ объясненій жены, зачѣмъ позвала уставщица Пелагею, и самъ зашелъ, думая, не нуженъ ли и онъ въ моленной.

Невысокаго роста, съ обвислыми плечами, съ темной съ просѣдью бородой, угрюмый взглядомъ, Родіонъ не смѣлъ продвинуться къ стоявшей впереди уставщицѣ и мялся въ маленькой горенкѣ около моленной.

— Ко мнѣ, что ль, ты, Родіонъ?—всматриваясь въ мужика, спросила Измарагда:—по дѣлу какому?

Родіонъ низко поклонился старухѣ и боязливо отвѣтилъ:

— Да сказывали, матушка, что Пелагею мою къ себѣ кликали, можетъ, тоже и я вамъ нуженъ по какому дѣлу?

— Спасибо, Родіонъ, да нужды въ тебѣ пока не имѣется, а дочку твою позвала, чтобы помогла Дунѣ прибрать да почистить все здѣсь у насъ къ Свѣтлomu празднику.

Родіонъ еще разъ поклонился уставщицѣ и хотѣлъ уходить, какъ послѣдняя вспомнила о сегодняшнемъ ставанѣ мясника и остановила отца Пелагеи. Хотя Федосовъ и уклонился отъ прямого отвѣта, подходитъ ли для его сына эта дѣвушка, но Измарагда все-таки хотѣла узнать, какъ посмотритъ на сватовство отецъ ея.

— Ты, Родіонъ, того, Палашу-то не просваталъ еще?

— Не, матушка, не довелось, въ мясоѣдъ прошлый былъ одинъ женишокъ, да ледащій таковой, оттуда, съ Сюзьмы наѣзжалъ, рыбой промыслить. Не по нраву чтой-то намъ съ женой пришелся. Бѣдно живетъ да и самъ, сказываютъ, не порядкомъ себя ведетъ.

— А въ городъ Пелагею отдалъ бы?

Родіонъ оживился. Согнутая спина его немного выпрямилась.

— Отчего бы и не выдать матушка, коли женихъ посватается, да кто въ нашу глушь изъ города-то заѣдетъ, своихъ, почитай, въ городѣ невѣсть не оберешься, и тоже сказать, за бѣднаго да бездольнаго, хоть и городской будетъ, отдавать несподручно...

— А если богатый посватается?

— За богатаго любая дѣвка пойдетъ, всѣ онѣ на одну колодку спиты. Это что собакѣ кость, помани издалека, прибѣжитъ,—почтительно фыркнулъ мужикъ.

— Такъ вотъ тутъ у меня одинъ женихъ объявился, на пасхальной недѣлѣ смотрѣть твою дочь пріѣдетъ.

Родіонъ оторопѣлъ. До сихъ поръ онъ думалъ, что уставщица съ нимъ шутитъ. Не вѣритъ ей онъ боялся, а все-таки выходило какъ-то странно: зачѣмъ городской женихъ пріѣдетъ смотрѣть его Пелагею?

— Такъ ты того, Родіонъ, ей спесь-то посбавь маленько, заносчива она у тебя да горда, не вѣсть что о себѣ думаетъ!

Старуха махнула головой Родіону, и онъ, еще разъ поклонившись, ушелъ.

При ихъ разговорѣ въ моленной оставались только ихъ двое да слѣпая Маргарита; чуткій слухъ былъ у слѣпой.

— И впрямь, матушка, евонову дочку сватать надумала?—спросила Маргарита.

Насупились сѣдыя брови на безкровномъ лицѣ старой уставщицы.

— Не твоего ума дѣло, мать Маргарита, чего зря болтать-то, потомъ все будетъ виднѣе,—оборвала она любопытную старуху.— Ты вотъ лучше вели покликать дѣвушекъ, чтобы безпремѣнно къ утренѣ пришли, «святитьни» некому пѣть, да и канонъ править.

Слѣпая, держась за притолокъ, выбралась изъ горницы въ сѣнцы, слабо покликкала Дуню, но та не откликнулась.

— Убѣгла куда-то,—безнадежно махнула рукой Маргарита и, осторожно ступая, начала спускаться со ступеней.

Она пробиралась въ другую избу, въ которой жили остальные скитницы-старухи. Старыя ноги скользили, вѣтеръ раздувалъ сѣдые волосы уставщицы, она еле двигалась по широкому двору моленной. Добралась. Слабыя руки ея ухватились за дверное кольцо, но отворить плотно закрытую дверь она не могла, только забрякало желѣзо... Изъ избы отворили дверь.

— Матушка Маргарита, чего ты беспокоить себя изволила,—участливо проговорила отворившая дверь старуха-скитница, помогая слѣпой войти въ избу.

— Да Дуня-то куда-то убѣгла, а матушка Измарагда приказала послать за дѣвушками бѣлицами, утреню чтобъ приходили пѣть.

— Ты не тревожься, матушка Маргарита, скажемъ,—отозвалась другая женщина помоложе, въ черной наметкѣ и темномъ сарафанѣ.—Ишь нонѣ народъ-то какой пошелъ, къ дѣлу приставленъ, а сейчасъ заверти-хвостъ убѣжала!

— Господь съ ней, молода еще, погулять хочеть, это не наше дѣло, старое, молиться завсе да поклоны стбивать,—добродушно отозвалась слѣпая.—А ну, сестрицы, доведите-ка меня обратно.

Женщины зашевелились, двѣ взяли подъ руки древнюю уставщицу и повели ее черезъ дворъ обратно.

VII.

Павель Братниковъ въ канунъ Лазаревой субботы совсѣмъ было приготовился къ отправкѣ на охоту, да задержался, «пулекъ» не хватило (такъ на сѣверѣ называютъ крупную дробь). Пришлось самому отливать ее, не бѣжать же, въ самомъ дѣлѣ, ради этого въ городъ, а въ деревнѣ нигдѣ не найдешь, старовѣры-крестьяне занимались больше рыбнымъ промысломъ, на Мурманъ рядились, а зимой по лѣсному дѣлу ходили, стрѣлять же звѣря и дичину сторонились, не желая проливать кровь. Только одинъ Павель и занимался этимъ.

Пробовала стыдить парня и мать его, вдова-старуха:

— Ишь, ты, Павлуша, кое дѣло въ такіе дни надумалъ, лтицу Божію стрѣлять, грѣхъ-отъ какой, кровь пролить неповинную, а тутъ, накося, на самыя Страсти угодилъ. Негоже, сынокъ, право, негоже!

Отмалчивался сперва Павелъ, но наконецъ ему надоѣло.

— Ну, чего, маменька, сверебите, може, я не хуже вашего знаю объ этомъ, да себя сдержатъ не могу, душа просить,—рѣшительно проговорилъ онъ.

Насупилась старуха, замолчала.

«Пульки» отлиты, штуцерокъ приготовленъ, двѣ пороховницы пороху про запасъ взяты, ѣды въ торбахъ наложено, легкія санки на высокому ходу, нарты, что подъ оленями ходять, приготовлены.

Снарядился парень, пимы одѣлъ теплыя, тулупчикъ на себя плотнѣе пригналъ, доху къ нартамъ приторочилъ, чтобы спать по почамъ было можно. Вышелъ на улицу, на всѣ четыре стороны помолился, потомъ снова въ избу вернулся, съ матерью честь-честью попрощался, въ ноги ей поклонился, прощенья за «непослухъ» у ней попросилъ, впрягся самъ въ легкія санки и пошелъ быстрымъ шагомъ изъ деревни.

Выбрался онъ рано, еще до разсвѣта, не хотѣлось ему, чтобы лишніе пересуды пошли, укоровъ слушать не захотѣлъ, да и итти было не близко: сперва по проѣзжему тракту версть 15 отойти нужно было, а тамъ свернуть тронкой въ лѣсъ, щеткой загораживавшій зыбкую тундру, по которой ему приходилось итти тоже версть пятнадцать до самыхъ монастырскихъ поженъ.

Еще на дорогѣ Павелъ встрѣтилъ Оедьку Малаго изъ Солзы; остановились.

— На «лыбедь» да на «гуся» собрался?—съ легкой завистью спросилъ тотъ, осматривая все снаряженіе Павла.—Не слѣши, миляга, нонѣ столько еще снѣгу вездѣ нанесено, и «наста» нѣтъ, пожни сплошь четверти на двѣ снѣгомъ засыпаны, птицы и въ поминѣ не бывало.

— Да ты не врешь, Оедька?—недовѣрчиво спросилъ охотникъ.

— Чего мнѣ врать, овчерась мы съ Мишуткой Рыбохвостовымъ гонялись туда на лыжахъ, въ монастырь. Не, вертай, братюга, домой, зря только плечи да ноги изотрешь!

Братниковъ по тону говорившаго понялъ, что тотъ говоритъ правду, и, разстроенный неудачей, вернулся обратно.

— Раньше Ооминой недѣли и не могли собираться на лыбедь,—кинулъ ему вслѣдъ Оедька.

За полудень къ самимъ вечернямъ вернулся охотникъ домой.

— Ишь, говорила тебѣ, Павелъ, негоже въ такіе дни кровь проливать, не допустилъ тебя Господь Богъ до грѣха, благодари Создателя за это,—укоризненно качая головой, повторяла ста-

руха-мать.—Разе какого дѣла около дома не имѣется, вѣдь ты хозяинъ, голова въ дому!

Урюмо посмотрѣлъ на нее сынъ, снялъ съ себя всю справу, спряталъ пороховницы, штуцеръ, положилъ въ шкапикъ на стѣнѣ ножъ большой, охотничій, что недавно въ городѣ купилъ, сѣлъ на лавку у окна и сталъ задумчиво смотрѣть на улицу. Сумерки чуть-чуть смежили день, но было еще достаточно свѣтло, мимо окна проходили деревенскіе.

Замѣтивъ Родіона, Павелъ накинулъ тулупчикъ на плечи, вздернулъ на голову шапку и вышелъ на улицу.

— Дядя Родіонъ, постой, нуженъ ты мнѣ,—крикнулъ онъ уже прошедшему мимо крестьянину.

— Чего тебѣ, Павелъ?—остановился тотъ, оборачиваясь къ подходившему къ нему парню.

— Слыхивалъ я, дядя Родіонъ, что твою Паньку сватать надумали... Такъ, что ли, али нѣтъ?

Покосился Родіонъ на Павла.

— Сорока, что ли, на хвостѣ тебѣ принесла? Что жъ тебѣ, аль самъ свататься къ ней надумалъ?

— Не,—тряхнулъ отрицательно головой Братниковъ:—у меня ужъ другая дѣвка наглажена... Упредить тебя только хотѣлъ, пожалѣй дочку-то, не выдавай за того парня.

— Да ты что, знахарь какой, про то вѣдаешь, что я самъ не знаю! Сказывала мать Измарагда, сватать Паньку пріѣдутъ, а кто—не говорила.

— Хитрющая она у насъ,—усомнилась въ тебѣ. Федосова мясника Ваньку сватать надумала, старикъ-то самъ сюда пріѣзжалъ, смотрѣлъ, сказывали мнѣ, Паньку-то!

Родіонъ прикусилъ конецъ бороды и внимательно слушалъ.

— Вотъ про какого богатѣя городского мать Измарагда сказывала. Спасибо, братъ, что сказаль, объ этомъ разговоръ другой будетъ, богатѣй-то онъ, правда, богатѣй, да слушокъ о немъ неважный пробѣжалъ. Ну, тамъ посмотримъ, пока прощай, Павлуша.

Родіонъ запатгалъ дальше, а Павелъ вернулся въ избу.

— Поѣсть, матушка, собрать бы...

— Чего поѣсть-то, нонѣ дни какіе настаютъ, пожуй хлѣбца, водичкой запей, не помрешь!—продолжая торжествовать побѣду, откликнулась Анисья, но сейчасъ же смилостивилась, вытащила изъ печи горшокъ теплой каши, собрала на столъ ложки, раздобыла квасу изъ подполья, и мать съ сыномъ принялись сумерничать.

VIII.

Далеко продвинулась Страстная недѣля, до Святъ дня одинъ день остался; свято блюли обдорцы эти дни, въ моленной, почитай, все время проводили, да и работы дома никакой, промежень настала.

За послѣднее время опять похолодѣло, утренники всю дневную работу солнца уничтожали, по озеру хотя съ опаской, но ѣздили, но большихъ воевъ везти по немъ не рѣшались.

Павель все время работалъ дома, въ городъ не ѣздилъ, въ лѣсъ только за дровами два раза прокатился.

Недосугъ было Дуиѣ прибѣгать подѣ деревья на болото, а въ моленной и словомъ съ Павломъ не перекинешься, и некогда, да и много глазъ имѣется, Богъ вѣсть чего не наплетутъ, удалось только ей, какъ съ крылечка сходилъ парень, шепнуть ему:

— О Святъ день, какъ разговѣмся, прибѣгу.

Братниковъ чуть замѣтно кивнулъ ей головой, у него встрепенулось сердце при мысли о свиданіи.

Въ Страстную субботу подѣ самый вечеръ пришелъ пѣшимъ Андрей Журнаковъ, отецъ Дуни. Дочь его встрѣтила.

— А что, Дуня, мать-то Измарагду возможно повидать?

— Ступайте, тятенька, я сейчасъ ей скажу.

— А вотъ и ты, Андрей, къ намъ препожаловалъ,—привѣтливо встрѣтила уставщица новаго гостя, когда онъ сдѣлалъ метаніе и низко поклонился ей.

— Норовиль подѣ Святъ день попасть, помолиться у васъ здѣсь, вотъ и сподобилъ Господь Богъ. Старухѣ-то занедужилося чтой-то, не могла придти, я одинъ добѣгъ.

— Погости, Андрей Никитичъ, я тебѣ рада,—невольню вспоминая свой разговоръ съ мясникомъ, продолжала Измарагда.—Коли пристать тебѣ негдѣ, тамъ въ избѣ, рядомъ съ моими молеельщицами для мужеска пола мѣстечко имѣется.

— Спасибо, матушка, какъ-нибудь прилажусь. А что,—пониженнымъ голосомъ спросилъ онъ,—моя-то Дуношка какъ послушаніе свое несетъ, довольна ли ты, матушка, ею?

— Худо сказать про дочку твою, Андрей Никитичъ, не можно, не лѣнива, къ службѣ ревностна, поестъ въ моленной, да и мое хозяйское послушаніе править какъ должно. Только ужъ какъ ее здѣсь держать-то, дѣвка, что птица, на волю улетѣтъ норовить, замужъ каждой изъ нихъ хочется!

Андрей, вихрястый, высокій мужикъ съ темнорусой, всклокоченной головой, недоумѣвающе посматривалъ на уставщицу. Ему казалось, что она говорить это съ укоризной, точно жалуясь на дѣвушку.

— Куды ей, матушка, замужъ-то итти еще, пусть у тебя здѣсь поживеть, на Бога порадѣетъ, успеется еще,—старался оправдаться за дочь Андрей.

— Ишь ты несмышленный, я тебѣ правду сказываю, что замужъ дочку отдать слѣдуетъ, а онъ мнѣ свое говорить,—поняла оправданіе собесѣдника Измарагда.—Женихъ, сказываю тебѣ, нашелся, и не какой еще, богатѣй, да не здѣшній, городской!

Андрей, открывъ ротъ, изумленно слушалъ ея слова.

— Вотъ, погости первый второй денекъ у насъ, самъ его увидишь, общался у насъ побывать.

— Ой, сколь ты милостива до насъ, матушка, сказать тебѣ не могу,—обрадованно воскликнулъ Журнаковъ и повалился въ ноги уставщицѣ.

— Да ты чего кланяешься-то, опосля будешь, какъ по рукамъ со сватами ударишь, а теперъ пожди.

За дверями послышался легкій стукъ, и чей-то голосъ прошепталъ:

— Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

— Аминь!—твердо отозвалась уставщица, дверь распахнулась, и въ горницу вошла пожилая, толстая поморка съ приземистымъ небольшого роста парнемъ.

— Кого я вижу! Вотъ нежданно-то нежданно Господь такую радость мнѣ послалъ,—весело сказала старуха, узнавая вошедшихъ.—Сусанна Егоровна и Митенька,—поднимая вошедшую женщину послѣ метанія съ пола и цѣлуя ее въ плечо, продолжала Измарагда.

— Съ Уны самой пріѣхали къ вамъ, матушка, парня своего привезла, давно ужъ онъ у васъ не бывалъ, Богу въ здѣшней моленной не малывался. Парнишкой малымъ когда еще сюда наѣзжалъ.

— Погляжу я на тебя, Митенька, сколь ты возросъ, ишь парень-парнемъ сталъ, бородкой заросъ. Да ты не краснѣй, какъ дѣвица,—старалась ободрить его старуха,—не бойся.

— Чего мнѣ бояться, бабинька, вѣдь не къ чужимъ какимъ пріѣхалъ, къ своимъ сродственникамъ,—вышелъ изъ молчанія парень, поднимая глаза на старуху и улыбаясь во весь ротъ.

— Бабка-то она тебѣ бабка, а долженъ ты ее наперво матушкой почестной кликать, а не попросту называть,—поправила сына мать.

— Ну, гости дорогіе, садитесь пока, а ты, Андрей, ступай, время будетъ, и толкомъ скажемся.

Журнаковъ, поклонившись, вышелъ въ сѣнцы. Пріѣзжая изъ Унскаго посада доводилась старухѣ племянницей. Но поговорить имъ не удалось.

— Матушка Измарагда, благословите въ било ударить, ко «страстямъ» приступить,—смирнымъ голосомъ спросила одна изъ старухъ черница, безшумно вошедшая въ комнату.

— Благословляю,—послышался отвѣтъ уставщицы.

Черница сотворила «прощу» и ушла.

— Ну, милые мои, угостила бы я васъ и тѣмъ и сѣмъ, но сейчасъ не ко времени, ужъ тамъ, Господь Богъ благословить, помолимся, и разговѣнье совершимъ, а теперъ на молитву собираться надо. Ступайте въ моленную, а я сейчасъ за вами слѣдомъ.

Измарагда надѣла манатею, медленно подошла къ божницѣ, взяла висѣвшую около нея лѣстовку, чинно сотворила семипоклон-

ный началъ и медленно вышла въ сѣнцы, откуда былъ ходъ въ моленную.

Въ вечернемъ холодномъ воздухѣ глухо звучали настойчивые удары била, сейчасъ же топувшіе въ темнотѣ.

IX.

Маленькая моленная была переполнена народомъ. Собрались не только свои деревенскіе, но и изъ другихъ сель, даже отдаленныхъ. Имѣлась и другая пустынь, но она отстояла еще дальше и помѣщалась въ глухомъ мѣстѣ, далеко отъ проѣзжей дороги.

Невысокій иконостасъ перегораживалъ моленную, онъ тянулся отъ окна до бревенчатой стѣны, выходящей на дворъ. Иконы были всѣ древнія, строгаго письма, между работами поморскихъ изографовъ находились двѣ иконы Рублевекой работы, но самую драгоценностью моленной была икона Казанской Божьей Матери, во время гоненій на старую вѣру принесенная сюда съ Иргиза и съ тѣхъ поръ оставшаяся здѣсь. Толстыя свѣчи желтаго воска теплились тоже въ старинныхъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, кругомъ нихъ точно стадо разсыпались мелкія свѣчи, освѣщая суровые исхудалые лики святыхъ, ихъ длинныя «брады», одинаково сложенные на всѣхъ иконахъ руки и ярко вычищенные оклады иконъ.

На маленькихъ клиросахъ, прижавшись, стояли пѣвчія стайки, голосистыя бѣлицы наполняли маленькое помѣщеніе моленной громкимъ протяжнымъ пѣніемъ безконечнаго числа «Господи, помилуй» и другими славословіями старовѣрскаго устава.

Мать Измарагда и Маргарита, одѣтыя въ мапатеи, повторяли безконечные возгласы и прошенія, старческіе голоса ихъ слабо звучали въ сгущенной атмосферѣ моленной, переполненной чадомъ отъ свѣчъ, запахомъ ладана и людского пота.

Тускло теплились лампы, дымъ глушилъ ихъ.

Старовѣрское распѣвное «Христось Воскресе» доносилось то съ одного, то съ другого клироса. Утренняя продолжалась долго, поблѣднѣли яркія звѣзды на небѣ, исчезалъ сумракъ ранне-весенней ночи, въ окно пробивался слабый разсвѣтъ, когда служба приходила къ концу.

Прозвучалъ послѣдній возгласъ Измарагды «Христось воскресе», точно обрадованная окончаніемъ долгой службы толпа молящихся отозвалась на него «Воистину воскресъ» и началось чинное христованіе.

Прошло не мало времени, пока опустѣла моленная, стали расходиться прихожае по домамъ, а почетные пріѣзжіе собирались въ горницу уставщицы для розговѣнья.

Разговлялись молча, степенно сидѣли за длиннымъ столомъ, какъ сказано въ уставѣ, «совершать трапезу благоговѣино, аки древ-

ніе христіане совершали, ибо помнить нужно, что во время трапезы соприсутствуетъ трапезующимъ самъ Христосъ».

Тишину нарушало только чтеніе одной изъ старухъ, она читала пророчества Іезекііля.

Изъ-за лѣса свѣтила заря, когда молеельщики расходились по домамъ. Журнаковъ пошелъ спать въ скитскую избу. Дуня позаботилась объ отцѣ, постлала ему тамъ помягче и почище, чѣмъ остальнымъ дальне-приходцамъ.

Прощаясь съ уставщицей, онъ добродушно замѣтилъ ей:

— Матушка Измарагда, а женихъ, что ты сказывала, городской-то пріѣхалъ на розговѣнье?

Чуть замѣтно смутилась старуха: ни Федосова отца, ни сына въ моленной не было.

— Чтой-то не видѣла, Андрей Никитичъ, должно, дорога позадержала. Ишь, нонѣ Пасха-то въ какое время стала, того и гляди половодъ пойдетъ.

— А може еще пріѣдетъ, такъ я пообожду день-другой,—наивно замѣтилъ Журнаковъ.

— Что жъ, пожди, я не прещу, може еще и пріѣдетъ.

Кивнувъ головой Дуниному отцу, она медленно прошла въ свою горницу на покой. Слѣбую уставщицу дѣвушки давно уже уложили спать.

— «Прикохнулась» Божья старушка,—заботливо говорили женщины:—годы ужъ ея не маленькіе, слаба стала.

Родіонъ ничего не спросилъ у матери Измарагды объ обѣщанномъ женихѣ, не хотѣлъ ей напоминать, не лежало у него сердце къ мясникову сыну, жалѣлъ дочь.

— Ужъ коли попутится, самой по душѣ ей придется, разговаривать ее не стапу, и я «приметную», что не гождъ онъ для насъ.

Какъ-то невзначай Дуня намекнула Пелагеѣ, что уставщица хочетъ ей сватать жениха.

Выпрямилась дѣвушка, гордо закинула голову, глаза огонькомъ блеснули.

— Не пойду я за ейнаго жениха, хоть силкомъ тащить будутъ, другой у меня на «прилукѣ» имѣется, всѣмъ взялся, что твой королевичъ заморскій.

— Ну, ну, Панька, что больно разнеслась, хвостъ-отъ распустила, — насмѣшливо отозвалась подруга:—знаемъ мы этихъ королевичей-то, въ лапоткахъ безъ слѣдки да въ опорьяхъ!

Ничего не отвѣтила ей Пелагея, только сердито вскинула на Дуню глаза и отвернулась.

Все выше, все шире расплывалась по небу заря, полымемъ вспыхнулъ востокъ, яркой киноварью пронизилась еще безлистая рощица на краю болота, окрасились стволы осинокъ да березъ, а туда

дальше, по ту сторону топи рѣзко обозначилась стѣна плотнаго еловаго бора съ протянутой поверхъ его красной полосой неба.

Скоро затихла вся деревня, все по избамъ успокоилось, всѣ пошли на покой; только, осторожно прячась за сараями и изгородью, пробиралась къ болотной рожицѣ Дуня, куда обѣщала прійти къ Павлу.

Х.

Праздникъ Пасхи выдался пынѣшнїй годъ въ самое распутье, дорога по озеру испортилась, тропки въ лѣсъ, хотя еще держались, но во многихъ мѣстахъ «насть» плохо стлался, и тяжелые возы съ бревнами проваливались въ снѣгъ.

— А ну ее съ работой, — махая рукой, говорили крестьяне: — коней только порѣжешь, пождемъ, обгодимъ Божїй праздничекъ.

И старовѣрское село всю недѣлю не работало.

Въ четвергъ и въ пятницу поразѣхался по домамъ прїѣзжїй людъ, кто куда. Уѣхалъ и Журнаковъ, не дождавшись обѣщаннаго жениха. Совершая «прошу» уставщицѣ, онъ умиленно ей повторялъ:

— Ужъ ты того, матушка Измарагда, словцо-то свое закинула, не обезсудь и на дѣлѣ, сама сказываешь, что Дуня-то теперь похорошему задѣлалась, въ послухахъ у тебя ходитъ; коли такой есть у тебя богатѣй съ города, высватай ее за него, при богатомъ зятѣ и намъ по деревнѣ куда полегшае будетъ.

— Сказывала тебѣ, Андрей Никитичъ, что похлопочу, такъ ты ужъ не безпокойся.

— Нынѣ у насъ семги-то поумалѣло куда, съ осени какъ ловъ былъ, такъ мало поймалось, рендатель отказался было, другого пришлось находить. Ужъ не знаемъ, какъ нонѣ «закройка» пойдетъ, и то еще когда, почитай подъ два мѣсяца до той поры сминеть.

— Ты, Андрей Никитичъ, какъ закройку-то ловить зачнете, спосылай къ намъ, скитскимъ, на потребу рыбешки четыре-пять, — вспомнила старуха.

— Не премину, матушка, спосылаю.

Дуня пошла проводить отца до большой дороги.

Простъ, простъ былъ Андрей Никитичъ, но удержался и ничего не сказалъ Дунѣ о женихѣ.

«Чего раньше бередить ейное сердце, пусть потомъ, какъ повидаетъ суженаго, ему подивится», думалось рыбаку.

— Слушайся матери Измарагды, — наставлялъ онъ дочь: — ишь она сколь до тебя любезна и милостива, почитай, что съ родимой дочкой съ тобой обходится.

Дуня молчала. Мысли ея были около Павла, она соображала, какъ бы снова завести разговоръ съ отцомъ о Братниковѣ, но старикъ предупредилъ ее.

— Помнишь, къ тебѣ поранѣ парень здѣшній, Павлушка, ластился?

— А что, тятенька?—встрепенулась дѣвушка отъ неожиданнаго упоминанія отца.

— Да, сказываю, что ладно я задѣлалъ, тогда ему отъ воротъ поворотъ сказывалъ, може, теперь куда что и получше для тебя найдется!—загадочно сказалъ Журнаковъ, съ улыбкой поглядывая на дочь.

Не въ отца пошла Дуня, не унаслѣдовала его простоты, сейчасъ смекнула, къ чему онъ рѣчь клонить.

«И впрямь мать Измарагда не сказала ли ему о Ванькѣ Федосовѣ!»—но она не стала спрашивать отца, а какъ дошли до большой дороги, распрощалась съ нимъ и вернулась обратно.

Когда она шла мимо избы Братникова, то хотѣла постучать въ окошко и вызвать его на улицу, да Анисью, его мать, увидала, уклонилась, чтобъ разговорамъ лишнимъ пищи не давать.

Зима совсѣмъ отошла; хотя снѣгу было еще много, но стояло тепло. Дуня распахнула шубейку, ей было душно.

Деревенская дорога осѣдала, стала вся черная. Уставщица отпустила бѣлицу проводить отца, но возвращаться обратно въ скитокъ такъ скоро ей не хотѣлось. Хорошая погода манила дѣвушку побить подолѣ на воздухъ, подышать имъ, а то и въ лѣсокъ пройти. Что-то взгрустнулось ей по Павлѣ, повидѣться захотѣлось. Тропка круто завернула въ другую сторону отъ деревни, къ лѣсу. За опушкой его, шаговъ съ сотню подалѣ стояла крѣпко срубленная изба, справный дворъ съ перекинутымъ переходцемъ черезъ ворота затягивалъ его съ другой стороны.

Съ кой поры осѣлъ здѣсь пришлый мужикъ, дальній, изъ-подъ Кандалакши пришелъ сюда. Что принудило Мирона Кандурина осѣсть здѣсь, никому не было вѣдомо.

Земли у крестьянскаго общества онъ не просилъ, купилъ только усадебный клочокъ, избу выстроилъ, хорошую, почитай, ни у кого изъ крестьянскихъ такой избы нѣтъ, ремесломъ занялся, справу лошадиную дѣлаетъ, шлею, ремни сыромятные тянетъ и всякое другое кожевенное дѣло справляетъ, живетъ тихо, отъ всѣхъ отчужденно, кромѣ жены, никого у него и нѣтъ, да и та не изъ болтливыхъ, все больше по дому работаетъ, на деревню рѣдко когда выйдетъ, а если и бываетъ, то больше Богу помолиться въ моленную идти.

Миронъ тотъ рѣже туда заходитъ, а все жъ старую вѣру держитъ, и «свѣщи возжигаетъ» передъ образами, и уставныя метанія передъ обѣими старухами кладетъ; угрюмъ только онъ больно, слово другой разъ не вымолвить, не старъ еще, а улыбки, почитай, никогда на лицѣ не видно.

Темноволосъ, скорѣе даже черенъ, глаза такіе же, глубоко ушли, въ бородѣ чуть бѣлизна просѣклась, а то ровно смоль она у него,

самъ ростомъ высокъ, плечистъ, взглянетъ, словно огнемъ обожжетъ. Такая же и жена у него, Варвара, подъ стать ему, угрюмая, неразговорчивая, темноволосая, но все жь посвѣтлѣ мужа.

Пытались обдорскія бабы съ ней дружбу вести, не подошла она къ нимъ, пересудовъ и толковъ всякихъ ихъ чуждается, каждымъ словомъ своимъ дорожить. Скажетъ, сама съ опаской сейчасъ и умолкнетъ... Насунится.

Слушокъ про Мирона шель, что съ «самимъ» знается, хотя дурного отъ него никто ничего не видѣлъ, напротивъ того, пришлецъ во многомъ чемъ помогаль деревнѣ.

Нужно «руду» остановить, пошлютъ за нимъ, наговорить, и «руда» станетъ, отъ болѣзни отъ какой тоже слово знаетъ, свадьбу умѣетъ «отпустить», а тутъ повадились дѣвушки къ нему что-то бѣгать, Мирона улещивать, упрашивать...

Вѣдомо дѣло, должно, помогаль онъ имъ, ни одна изъ нихъ шопотомъ подругѣ о томъ передавала и на шорника указывала.

Косилась старуха уставщица на пришлаго, но дурного за нимъ ничего никто не замѣчалъ, не жаловался, въ моленной онъ бываль, крестъ по-христіански на себя наладываль. Успокоилась мать Измарагда, «льсти» для ея паствы опасаться было нечего.

Дошла до лѣсной избы Дуня, взглянула на нее и раздумалась.

ХІ.

Потянуло ее съ Мирономъ повидѣться, словомъ другимъ съ нимъ переспроситься. Аленка Васильева сказывала ей, что шорникъ ей большую помощь оказалъ, любимаго парня отъ солдатчины выволилъ.

Бѣлица только что хотѣла войти во дворъ, какъ изъ избы показался самъ Миронъ.

— Ко мнѣ, что ль, идешь, Авдотья Андреевна?—тягучимъ, застойнымъ голосомъ спросилъ онъ дѣвушку, точно взбрызгивая всю ее раскидистымъ взглядомъ, и, не ожидая ея отвѣта, продолжалъ:—Сейчасъ меня въ Оедосьѣ Сафроновой звали, «куракликъ» съ младенцемъ причинился, къ ней поспѣшаю, идемъ вмѣстѣ, коли что нужно, ты все мнѣ дорогой и скажешь.

И они пошли рядомъ обратно. Миронъ умѣрилъ шагъ.

— Ну, сказывай, что тебѣ отъ меня надобно?

Смутилась Дуня, мысли пораскинулись, сама не знаетъ, о чемъ сказывать, чего просить у знахаря. Тотъ самъ навелъ ее на мысль.

— Небось о милъ-дружкѣ, о «любѣ» своемъ просьбицу какую ко мнѣ имѣешь?—заглядывая ей въ глаза, строго спросилъ чернышъ.

Онъ на ходу протянулъ свою большую вѣлосатую руку къ дѣвущкѣ, взявъ ея руку, перевернулъ ладонью, присмотрѣлся.

— Ишь дѣло-то какое, шибко полюбились вы оба, вѣдомо мнѣ, кто и парень-то какой,—криво усмѣхнулся шорникъ.

— Аль по рукѣ узналъ?—пытаясь боязливо отдернуть руку, прошептала дѣвушка.

— Другому ничего не видать, кожа одна, а мнѣ вѣдомо. Такъ слушай, вотъ что,—твердо произнесъ Миронъ:—спѣши, не спѣши, раньше предѣла, что вамъ обоимъ положенъ, не поженитесь.

— А неужто выйду я за него замужъ?—встрепенулась Дуня.

— Выйдешь... Только допрежь того много сердцемъ постраждешь, слезъ изольешь... Кровь-отъ будетъ...

— Кровь?—задрожавъ, промолвила бѣлица.

— Не бойся, руду-то останавливать мы умѣемъ, она, матушка, у насъ во власти, слово скажу, и течь перестанеть.

Разговаривая, они подошли къ самой деревнѣ.

— Пока что будетъ, тамъ увидишь сама, что дѣлать нужно.

— Дозволь мнѣ, Миронъ Анисимычъ, послушать, какъ ты куракликъ съ младенца снимать станешь,—робко спросила Дуня знахаря.

— Пойдемъ, Авдотья Андреевна, послушай.

Тяжело ступая по приступкамъ крылечка, Миронъ, а за нимъ дѣвушка вошли въ избу, гдѣ былъ больной ребенокъ.

Малютка все время безостановочно кричалъ, надрывался, ни пѣжные уговоры матери, ни цыканье ея не останавливали неумолкаемаго плача и крика. Озабоченная маленькимъ больнымъ, Федосья не замѣтила даже, какъ въ избу вошелъ Миронъ съ его спутницей. Двое дѣвочекъ-подростковъ подбѣжали къ шорнику, боязливо на него поглядывая.

— Ну, тетка Федосья, становись позади меня передъ образомъ, а я буду сказывать, — съ достоинствомъ сказалъ знахарь, подошелъ къ красному углу и нетово перекрестился большимъ старовѣрскимъ крестомъ на иконы, занавѣсочку на которыхъ предупредительно отдернула одна изъ дѣвушекъ, что-то пошептала про себя, покивалъ головой, посмотрѣлъ на три стороны и ровнымъ голосомъ проговорилъ:—Иголку дайте!

Подростки засуетились, раздобыли откуда-то иголку и принесли знахарю. На ногтѣ большого пальца она сломалъ у иголки ушко и, держа ее въ лѣвой рукѣ, сталъ обводить не перестававшаго кричать малютку. Обведя три раза, онъ снова обернулся къ иконѣ, параспѣвъ повторяя:

«Горожу огороду кругомъ этого раба Божьяго, младенца Флегонта, отъ земли и до неба обкладну, булатну, желѣзну, каменну, чтобы не брали прицы, призоры, людскіе оговоры, люди посторонны и отцовы-материны худыя думы. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!»

• Ребенокъ сталъ умолкать. Его надобдливый крикъ стихалъ, оста-

лось только какое-то воркованіе, точно голубь ворковалъ съ голубкой.

Выждавъ, пока малютка умолкъ, Миронъ осторожно воткнулъ безухую иголку въ его пеленки.

— Теперь больше не станеть,—увѣренно сказала она:—а если, тетка Ѳедосья, снова съ нимъ вопъ этотъ приключится, такъ ты встань, какъ я, къ образу и скажи: «Заря заряница, красна дѣвица, возьми у младенца раба Божьяго Флегонта ночной вопъ и дай ему ночной сонъ. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!»

— Какъ бы не забыть еще,—обрадованно прошептала женщина.

— А ну, повтори, а я послушаю.

Ѳедосья начала повторять, пока не выучила наизусть этихъ словъ.

— Ой, спасибо тебѣ, Миронъ Анисимычъ, вызволил ты меня отъ моей маяты, вѣдь ни дня ни ночи младенчикъ покою не давалъ, отецъ изъ избы убѣжалъ, ушеньки всѣ ему позастлало, да и я намаялась.

— Это съ глазу. Не проходилъ ли рыжъ челоуѣкъ мимо младенца, да не съ доброй мыслью на него посмотрѣлъ?—дѣловито спросилъ шорникъ.

— Какъ не проходилъ, мало ли ихъ, рыжихъ-то, у насъ по деревнѣ имѣется.

— А ты не кажи другимъ-то младенца, вотъ къ двумъ годамъ по-вырастетъ, тогда дурному глазу не взять его, предѣлъ положенъ. Теперь я пойду, прощай, тетка Ѳедосья.

Обрадованная мать тихонько сунула Мирону въ руку два мѣдныхъ пятака. Шорникъ зажалъ крѣпко ихъ пальцами, молча кивнулъ всѣмъ головой и вышелъ изъ избы. Дуня за нимъ послѣдовала.

— Такъ ты того, Авдотья Андреевна, недѣли черезъ двѣ аль три ко мнѣ приходи, понадобитсяъ я тебѣ въ тѣ поры, помогу,—сказалъ Миронъ и быстро зашагалъ по тропкѣ въ лѣсъ.

Точно охваченная какимъ-то столбнякомъ, Дуня пробиралась обратно къ моленной, ее поразило заклинаніе ребенка, она чувствовала невольное почтеніе къ знахарю и начинала вѣрить въ его таинственную силу.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

САНЪ-СТЕФАНУ.

Записки графа Н. П. Игнатъева съ примѣчаніями А. А. Башмакова и К. А. Губастова ¹⁾).

V.

ВЗЖАЯ изъ Бухареста, Игнатъевъ очень сожалѣлъ, что князь Горчаковъ не захотѣлъ послѣдовать его совѣту (данному, когда зашла въ Петербургъ рѣчь объ отправленіи Игнатъева чрезъ Бухарестъ въ главную квартиру) отправить въ Румынію особаго посланника, *envoyé extraordinaire*, снабженнаго достаточными полномочіями, для нахождения тамъ нѣкоторое время, способнаго уладить возникшія дѣла и недоразумѣнія между нами и румынами, воздѣйствовать на партіи, повліять на ихъ образъ дѣйствій и отношенія къ вопросамъ, насъ затрагивающимъ, и направить общественное мнѣніе въ такую важную для будущихъ нашихъ отношеній къ княжествамъ и для положенія нашего на Балканскомъ полуостровѣ историческую минуту. Игнатъевъ даже указалъ на личность, вполне пригодную для этого назначенія, Влангали (бывшаго генеральнаго консула въ Бѣлградѣ и затѣмъ посланника въ Китаѣ), который, какъ онъ доложилъ государю, могъ бы или отправиться въ Бухарестъ по подписаніи, вмѣстѣ съ Игнатъевымъ, договора съ турками, или же, если не же-

¹⁾ Продолженіе «Истор. Вѣстн.» т. СXXXIX, стр. 376.

дали его назначить уполномоченнымъ для веденія вмѣстѣ съ Игнатъевымъ переговоровъ съ Портою, тотчасъ явиться прямо въ Бухарестъ съ письмомъ отъ государя. При всѣхъ личныхъ качествахъ нашего дипломатическаго агента въ Румыніи, барона Стюарта, котораго Игнатъевъ цѣнилъ и которому отдавалъ полную справедливость, онъ не могъ, въ особенности послѣ продолжительнаго пребыванія самого канцлера, занять то положеніе, на которое слѣдовало поставить русскаго политическаго представителя для противодѣйствія сосредоточеннымъ иностраннымъ интригамъ, подстрекавшимъ шаткіе и легкомысленные умы румынскихъ политическихъ дѣятелей противъ Россіи ¹⁾). Послѣдствія оправдали опасенія Игнатъева. 22-го января Игнатъевъ выѣхалъ изъ Бухареста по желѣзной дорогѣ, а затѣмъ въ экипажѣ до главной квартиры великаго князя Алексѣя Александровича, завѣдывавшаго нашими военными судами на Дунаѣ и моряками и облегчившаго переѣздъ на военномъ гребномъ суднѣ чрезъ Дунай, по которому плавали льдины, затруднявшія переправу. На противоположномъ берегу Игнатъевъ нашелъ коляску, высланную по приказанію государя наслѣдника, и въ ней благополучно и скоро доѣхалъ до главной квартиры его императорскаго высочества, начальствовавшаго войсками восточнаго отдѣла арміи, расположенными между Руцукомъ, Шумлою и рѣкой Янтрою.

Наслѣдникъ принялъ весьма милостиво уполномоченнаго, доѣхавшаго до Брестовца, передъ обѣдомъ, и удостоилъ его, а равно и всѣхъ его спутниковъ приглашеніемъ къ своему столу. Игнатъевъ обратился къ начальнику штаба его высочества, генералу Ванновскому, съ просьбою облегчить ему переѣздъ въ Адрианополь по военной почтѣ для того, чтобы какъ можно скорѣе доѣхать до главной квартиры, ибо другого средства скорого переѣзда по Болгаріи быть не могло. Генералъ Ванновскій любезно исполнилъ просьбу Игнатъева, сдѣлавъ распоряженіе о заготовленіи ему и его спутникамъ лошадей на разставленныхъ до Казанлыка станціяхъ. Адъютантъ послѣдняго, графъ С. Д. Шереметевъ, оказалъ большую услугу Игнатъеву, предложивъ ему собственную коляску, которою онъ и воспользовался до Тырнова, гдѣ ему удалось купить старую коляску у одного изъ интендантовъ. Послѣ обѣда государь наслѣдникъ удалился въ свой кабинетъ вмѣстѣ съ Игнатъевымъ и внимательно выслушалъ его докладъ о политическомъ положеніи и о переговорахъ, веденныхъ въ Бухарестѣ, а также ознакомился съ содержаніемъ проектированнаго прелиминарнаго договора, съ приложен-

---

¹⁾ Князь Горчаковъ не обратилъ никакого вниманія на предостереженія Игнатъева, ограничился жесткими выходками противъ Гики и энергическими телеграммами къ Стюарту и не принялъ никакихъ мѣръ для своевременнаго отстраненія возникшихъ опасностей для нашего вліянія въ Румыніи. Авт.

ною къ нему картою, на которой были наложены предполагаемыя для Болгаріи, Сербіи и Черногоріи новыя границы. Его высочество выразилъ полное свое одобреніе требованіямъ, которыя мы были намѣрены предъявить туркамъ, и условіямъ будущаго договора, замѣтивъ при этомъ, что никто не могъ ожидать, чтобы мы, послѣ понесенныхъ Россіею громаднхъ жертвъ и возбужденныхъ въ нашихъ единовѣрцахъ преувеличенныхъ надеждъ, могли требовать *меньше*, нежели предположено, отъ турокъ. Извѣстіе о заключенномъ уже перемиріи въ Адрианополѣ было столько же неожиданно для наслѣдника, сколько и для генераль-адъютанта Игнатьева. Когда послѣдній доложилъ его высочеству, что получилъ это извѣстіе передъ самымъ отъѣздомъ своимъ изъ Бухареста отъ Вратіано, какъ дошедшій до князя Карла слухъ, онъ все еще надѣялся, что онъ не подтвердится, въ особенности потому, что обстоятельства намъ благоприятствовали, такъ что мы могли бы дойти безъ большихъ усилій до высотъ Босфора, что вся выгода, сознаваемая государемъ, состояла въ быстромъ преслѣдованіи нашихъ послѣднихъ успѣховъ и что мнѣ извѣстно было, «что его величеству благоугодно было, чтобы для заключенія предварительныхъ основныхъ условій мира дождался моего прибытія въ главную квартиру».

Игнатьевъ высказалъ его высочеству опасеніе, что забудутъ включить въ основныя требованія наше необходимое добавленіе— передачу намъ, въ видѣ гарантіи, при перемиріи Шумлы и Варны и что, наконецъ, дѣло можетъ быть такъ испорчено въ первоначальныхъ переговорахъ съ турецкими уполномоченными, что его нельзя уже будетъ исправить и достигнуть желаемаго результата, а потому онъ начинаетъ колебаться, пужно ли ему еще ѣхать въ главную квартиру и не лучше ли повернуть назадъ и отправиться прямо въ Константинополь моремъ, какъ было прежде предположено. Его высочество сознался, что неожиданное перемиріе его ограничило своею преждевременностью, тѣмъ болѣе, что войска его уже взяли Базарджикъ, заняли окрестности Ески-Джумы и Разграда и по донесенію командира 13-го корпуса князя Дондукова-Корсакова должны были почти безъ боя занять Шумлу, а перемиріе, оставившее въ рукахъ турокъ эту крѣпость, вынудило его не только отказаться отъ этого вѣрнаго результата и остановить свои войска, но даже отъ него потребовали изъ главной квартиры, чтобы онъ ихъ отвелъ назадъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ верстъ на 30, на другія позиціи и возвратилъ туркамъ уже занятые нашими войсками болгарскія селенія, принявшія русскихъ, какъ своихъ избавителей. Демаркаціонная линія между русскими и турецкими войсками была проведена въ главной квартирѣ безъ вѣдома и предварительнаго сношенія съ его высочествомъ, причѣмъ не было принято во вниманіе расположеніе подчиненныхъ ему войскъ въ минуту пріостановки военныхъ дѣйствій со стороны Адрианополя.

Приостановка желаемого государемъ, равно какъ и всѣми заботящимися о благѣ Россіи, о выгоды и прочности будущаго мира наступательнаго движенія къ Царьграду нашихъ войскъ, проведеніе демаркаціонной линіи и подписаніе предварительныхъ условій измѣняли совершенно то положеніе дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, при которомъ состоялась командировка Игнатьева въ главную квартиру. Незнаніе причинъ, повліявшихъ на такое рѣшеніе главнокомандующаго, сознаніе, что приведеніе въ исполненіе замышлявшагося Игнатьевымъ перенесенія переговоровъ съ турками въ Константинополь, съ возобновленіемъ въ случаѣ надобности константинопольской конференціи при участіи пребывающихъ тамъ пословъ, становится невыполнимымъ и, наконецъ, опасеніе, что, остановясь въ нашемъ наступленіи, мы доставляемъ предвидѣнную Игнатьевымъ возможность англійской эскадрѣ бросить якорь близъ Золотого Рога раньше насъ и сдѣлаться вмѣсто насъ хозяевами положенія, — крайне озаботили и смутили Игнатьева. Онъ было рѣшился не продолжать своего пути далѣе, а вернуться въ Бухарестъ и спросить по телеграфу новыхъ инструкцій изъ Петербурга, въ виду радикально измѣнившагося положенія, и разрѣшенія государя отправиться чрезъ Одессу прямо въ Константинополь, если присутствіе его тамъ будетъ высочайше признано необходимымъ. Игнатьевъ счелъ, однакоже, долгомъ откровенно высказать впечатлѣнія наслѣднику цесаревичу и сознаться въ тѣхъ мысляхъ, которыя ему приходили тогда въ голову. Его высочество отозвался, что раздѣляетъ тѣ же опасенія, что и Игнатьевъ, но не одобряетъ его намѣренія вернуться въ Бухарестъ. «Рѣшеніе это было бы, можетъ быть, логично и выгодно для васъ лично, — сказалъ его высочество: — но я полагаю, напротивъ, что вамъ, какъ русскому патріоту, слѣдуетъ отложить личные соображенія въ сторону и какъ можно скорѣе добраться до главной квартиры, чтобы постараться поправить, насколько возможно, дѣло и извлечь наибольшую пользу для Россіи изъ нынѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ». Подбодривъ Игнатьева выраженіемъ довѣрія къ его усиліямъ исполнить возложенное на него порученіе наилучшимъ образомъ, наслѣдникъ высказалъ, что смотритъ съ опасеніемъ на послѣдствія перваго ложнаго шага, сдѣланнаго въ переговорахъ съ турками, но не теряетъ надежды, что Игнатьевъ «сумѣетъ достигнуть чего-нибудь лучшаго».

Пожертвовавъ всѣми личными соображеніями, Игнатьевъ тотчасъ же рѣшился свято исполнить волю наслѣдника и, несмотря на мрачное предчувствіе личныхъ неприятностей въ главной квартирѣ и тѣхъ затрудненій, которыя нужно будетъ преодолѣть, а равно на утрату прежнихъ надеждъ на славное окончаніе войны, выѣхалъ на другое же утро, передъ разсвѣтомъ въ Бѣлу, откуда отправился въ Тырново и Габрово. Чѣмъ ближе приближался онъ къ Балканамъ,

тѣмъ дорога и движеніе по ней въ экипажѣ становились затруднительнѣе. Погода была морозная и вѣтреная. Въ Балканахъ встрѣтили путешественника вьюги, снѣжная буря и гололедица на шоссе, съ котораго сдувалъ снѣгъ вихрь, вырывавшійся изъ ущелій. Артиллерія, обозы, парки двигались за войсками и стѣсняли до нельзя проѣздъ. Вниманіе окружающихъ наслѣдника къ русскому уполномоченному было простерто до того, что въ коляску графа С. Д. Шереметева была положена буфетчикомъ его высочества провизія, которою съ благодарностію воспользовались путешественники, такъ какъ въ пути найти что-либо поѣсть было трудно. Впрочемъ, доѣхавъ къ ночи до Тырнова, Игнатьевъ остановился у губернатора и съ нимъ отобѣдалъ, пока отыскивали ему повозку, которую онъ и купилъ у интенданта, и перекладывали вещи изъ коляски графа Шереметева, которую Игнатьевъ общался возвратить въ Бѣлу.

Болгарское населеніе, узнавъ о проѣздѣ Игнатьева, тотчасъ сбѣжалось къ дому губернатора и сдѣлало русскому уполномоченному блестящую овацію, представило ему благодарственный адресъ и шумно выражало ему свою признательность за многолѣтнюю его дѣятельность въ пользу болгаръ и совершающееся освобожденіе отъ турецкаго владычества. Какъ ни уговаривали Игнатьева остаться на ночлегъ въ Тырновъ, предсказывая невозможность проѣхать горами ночью, при наступившей темнотѣ и сильномъ вѣтрѣ со снѣгомъ, но уполномоченный до того спѣшилъ въ Адрианополь, что рискнулъ отправиться далѣе по дорогѣ въ Габрово. Ему пришлось, однакоже, раскаяться въ этомъ рѣшеніи. Снѣгу столько выпало, что занесло путь, и ямщикъ никакъ не могъ отличить дорогу отъ окружающей мѣстности, постоянно сбивался, останавливался и двигался зачастую шагомъ. Перебиваясь такимъ образомъ, Игнатьевъ достигъ Габрова лишь между двумя-тремя часами утра и вынужденъ былъ, чтобы отогрѣться, остановиться на ночлегъ, тѣмъ болѣе, что ему объявили, что ранѣе полного разсвѣта везти его на Шипку никто изъ ямщиковъ-колонистовъ не берется. Чиновники дипломатическіе, Базили, Щербачевъ и Вурцель, ѣхавшіе съ нимъ въ другомъ экипажѣ, отстали, заблудились и лишь къ разсвѣту успѣли догнать своего начальника, поджидавшаго ихъ съ безпокойствомъ. Выѣхавъ изъ Габрова рано утромъ, Игнатьевъ добрался до перевала у горы св. Николая лишь около двухъ часовъ пополудни и тутъ спасенъ былъ, милостію Божіею, чудеснымъ образомъ отъ немалой опасности, напугавшей не только его спутниковъ ¹⁾, но всѣхъ нижнихъ чиновъ различныхъ командъ (выздоровѣвшихъ и догонявшихъ свои части) и парковъ, проходившихъ въ это время черезъ Шипкинскій

¹⁾ Письмо Базили, см. далѣе.

переваль. Дѣло въ томъ, что, несмотря на предостереженія и просьбы спутниковъ, Игнатъевъ остался сидѣть во время всего подъема на Шипку въ коляскѣ, тогда какъ другіе предпочли итти большую часть дороги пѣшкомъ, ибо путь былъ загроможденъ артиллерійскими и обозными повозками, державшими правую сторону дороги, то-есть ближе къ горѣ, и экипажу Игнатъева приходилось съ трудомъ пробираться большею частью по окраинѣ дороги, у самаго обрыва. Шагахъ въ тридцати или сорока до вершины горы, то-есть до того мѣста, съ котораго начинается спускъ къ Шипкѣ, коляска, въ которой сидѣлъ Игнатъевъ, по оплошности колониста-ямщика и по тѣснотѣ оставленнаго парковыми повозками мѣста для проѣзда, зацѣпилась правымъ колесомъ за какой-то фургоны. Отцѣпившись при помощи солдатъ, ящикъ сѣлъ снова на козлы и, желая избѣгнуть вторичнаго приключенія, взялъ слишкомъ влѣво къ обрыву, и на поворотѣ лѣвое заднее колесо сдвинулось съ дороги, коляска раскатилась влѣво въ эту минуту по мерзлому полотну дороги и оборвалась въ обрывѣ, увлекая своею тяжестью лошадей. Къ счастью, твердый и густой кустъ пріостановилъ на нѣсколько секундъ быстрое паденіе экипажа. Игнатъевъ, не потерявъ присутствія духа, сбросилъ съ себя шубу, выскочилъ въ одномъ пальто и вцѣпился руками за случившійся небольшой кустъ; ему удалось такимъ образомъ удержаться отъ паденія въ обрывѣ, но руки стали костенѣть, и онъ чувствовалъ, что долго продержаться въ такомъ положеніи, при почти отвѣсной покатости, онъ не въ состояннн и что силы ему скоро измѣнятся. Когда коляска съ лошадьми скатывалась, раздался на шоссе отчаянный крикъ какого-то солдатика изъ проходившей команды: «Господа, генерала-то свалили въ обрывѣ». Солдатики моментально достали въ обозѣ какую-то веревку, и Волынскаго полка унтеръ-офицеръ, самоотверженно обвязавъ вокругъ себя одинъ изъ концовъ ея, спустился на ней до мѣста, гдѣ уже съ трудомъ держался Игнатъевъ, начинавшій ослабѣвать. Другой конецъ веревки былъ въ рукахъ десятка полтора нижнихъ чиновъ. Игнатъевъ ухватился одною рукой за веревку, за которую держался его спаситель, а другую взялъ водынецъ; группа солдатъ на шоссе стала дружно вытягивать обоихъ и помогла Игнатъеву выкарабкаться на шоссе. Горячо поблагодарилъ всѣхъ ихъ Игнатъевъ, онъ отдалъ своимъ спасителямъ все, что было на немъ денегъ. Двѣ лошади были убиты при паденіи въ обрывѣ, а коляска какимъ-то чудомъ почти уцѣлѣла, только рессоры согнулись и крылья обломались, и потребовалась небольшая починка, чтобы можно было въ ней продолжать путь до Херманлы, станціи желѣзной дороги. Коляску вывезли солдаты и казаки по оврагу къ дер. Шипкѣ. Но нѣкоторыя вещи выпали, между прочимъ

«истор. вѣстн.», мартъ 1915 г., т. сxxxix.

ящикъ съ полномочіемъ и брильянтовая звѣзда св. Александра Невскаго ¹⁾).

Письмо графа Н. П. Игнатьева женѣ отъ 31-го января, изъ Адрианополя:

«Для доставленія моихъ вещей, оставшихся въ оврагѣ близъ дер. Шипки, былъ командированъ великимъ княземъ л.-гв. казачьяго полка штабсъ-ротмистръ Лесковскій. Избитымъ оказался погребецъ, многое помято и поломано, нѣсколько золотыхъ протерли футляръ и затерялись, брильянтовая звѣзда Александра Невскаго исчезла, сѣдло и сбруя съ запасными подковами и ремнями сгнули въ оврагѣ и, вѣроятно, пригодились казакамъ, разыскивавшимъ мои вещи въ балканскихъ тущахъ. Фургонъ погибъ въ оврагѣ, коляска дошла до Адрианополя какимъ-то чудомъ, однѣ рессоры пострадали и крылья ободраны. Бѣдному Евангели, оставленному при вещахъ у Шипки, пришлось выдерживать и голодъ, и холодъ. Онъ не ѣлъ четыре дня сряду. Съ особеннымъ удовольствіемъ разложилъ я свои вещи. До сихъ поръ у меня ничего, кромѣ теплаго платья, бывшаго на мнѣ, не было... даже почтовой бумаги... Я получилъ кучу привѣтствій изъ Константинополя... Конечно, несравненно лучше было бы не заключать перемирія, пока высоты надъ Константинополемъ и Босфоромъ не заняты нами, и не подписывать съ турками тѣхъ предварительныхъ условій, которыя были мною составлены еще до перехода нашего чрезъ Балканы. Но мы теперь предупредили турокъ, что въ случаѣ прихода англійской эскадры въ Босфоръ принуждены будемъ занять высоты надъ самымъ Константинополемъ—*comme contre-poids et garantie matérielle*.

«Я вступилъ здѣсь въ свою обычную роль: *пополнять и дополнять* другими сотворенное легкомысленно. Задача мнѣ предстоитъ нелегкая, сложная и неблагодарная, тѣмъ болѣе, что главная квартира и штабы устали, ослабли, обносились и жаждутъ мира. Войска растаяли такъ, что желательно было бы вернуть ихъ въ Россію до полной весны и наступленія повальныхъ болѣзней, тѣмъ болѣе вѣроятныхъ, что край истощенъ, покрытъ падалью, множествомъ труповъ и проч...

«Богъ сохранилъ меня чудомъ въ балканской пропасти, куда я слетѣлъ съ коляской при концѣ подъема на гору св. Николая».

¹⁾ Всѣ почти вещи, даже бездѣлицы, были разысканы впоследствии, по приказанію главнокомандующаго, командировавшаго для сего расторопнаго казачьяго офицера, и возвращены Игнатьеву въ Адрианополь, но уже послѣ начала переговоровъ съ турецкими уполномоченными, которые, къ счастью, вѣрили въ полномочіе Игнатьева по прежнему знакомству въ Константинополь и не рѣшились спросить у него имѣющагося у него полномочнаго документа, будучи убѣждены, что бывшій посоль имъ снабженъ. Замѣчательно, что только три вещи пропали и не были доставлены: звѣзда алмазная, запасныя подковы съ зимними шипами и уздечка конская.

Авт.

Не ожидая окончанія спасенія своего экипажа и даже не считывая на это, но страдая отъ рѣзкаго холоднаго вѣтра, свирѣпствовавшаго въ этотъ день на Шипкѣ, и желая добраться до ночи до Казанлыка, Игнатъевъ сталъ спускаться съ горы къ деревнѣ Шипкѣ, скользя и падая безпрестанно. Солдаты и тутъ не оставили его. Одинъ изъ нихъ прикрѣпилъ къ палкѣ штыкъ и предложилъ Игнатъеву упираться на эту трость новаго изобрѣтенія. Съ такимъ пособіемъ въ одной рукѣ и поддерживаемый солдатами съ другой, Игнатъевъ благополучно спустился съ горы и пошелъ въ баракъ артиллерійскихъ офицеровъ, тутъ расположенныхъ съ своею частью, которые его отогрѣли, напоили чаемъ ¹⁾ и доставили возможность добраться къ ночи до Казанлыка. Здѣсь отъ коменданта Игнатъевъ получилъ официальное подтвержденіе о дѣйствительномъ заключеніи перемирія съ турками въ Адрианополь, пять дней передъ тѣмъ, равно и о томъ, что въ главной квартирѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ по случаю «окончанія войны».

Несомнѣнность этого факта подѣйствовала удручающимъ образомъ на Игнатъева, тѣмъ болѣе, что, несмотря на то, что изъ Петербурга и Бухареста главная квартира была извѣщена о предстоящемъ прибытіи нашего уполномоченнаго и что Игнатъевъ просилъ телеграммою Нелидова изъ Бухареста доставить ему въ Тырново свѣдѣнія о положеніи дѣлъ, онъ не получилъ никакого извѣстія, ни привѣта изъ главной квартиры. Его смущало также то, что, несмотря на телеграфическое извѣщеніе, посланное главнокомандующему отъ самого государя о предстоящемъ прибытіи Игнатъева чрезъ Бухарестъ въ Адрианополь, ни одинъ изъ комендантовъ не получилъ приказанія оказать ему содѣйствія и никакихъ мѣръ не было принято для облегченія и ускоренія его переѣзда по ту сторону Балканъ, среди движущихся по направленію къ Херманлы войскъ гренадерскаго корпуса, обозовъ всевозможныхъ частей войскъ, тяжестей и артиллерійскихъ парковъ. Переночевавъ въ Казанлыкѣ и устроивъ кое-какъ свое дальнѣйшее путешествіе при обязательной помощи воинскаго начальника, Игнатъевъ отправился въ Эски-Загру чрезъ Малые Балканы. Отъ города, нѣкогда цвѣтущаго и богатаго, остались однѣ развалины послѣ разгрома, произведеннаго въ немъ Сулейманомъ-пашою въ іюлѣ; по отступленіи отряда Гурко всѣ селенія отъ Казанлыка до Херманлы были ограблены и разорены бѣжавшими турками послѣ сдачи шипкинской турецкой арміи. По пути Игнатъевъ убѣдился, что ни одна деревня не уцѣлѣла, и

---

¹⁾ Въ 1897 году Игнатъевъ получилъ письмо отъ отставнаго штабъ-капитана Егора Павловича Леонтьева, вспоминавшаго ему, что Леонтьевъ принималъ въ своемъ баракѣ при преслѣдованіи уполномоченнаго чрезъ Шипку.

пѣкоторые изъ нихъ догорали во время его поѣзда. Голодные жители-болгары изъ числа тѣхъ, которые успѣли попрятаться и уцѣлѣли, уже стали возвращаться на свои пепелища, прося милостыню и стараясь пріютиться въ развалинахъ. Дорога была въ ужасающемъ видѣ, и ни лошади, ни волю не могли вывезти подчасъ повозки безчисленныхъ обозовъ, тянущихся по непролазной грязи. Бѣдные солдаты наши впрягались въ повозки и употребляли неимоверныя усилія, чтобы вытянуть ихъ изъ грязи. Въ донесеніи отъ 3-го февраля, № 6, Игнатьевъ, описывая свое путешествіе по разоренной мѣстности, выразился слѣдующимъ образомъ: «Не ошибаются тѣ, которые утверждаютъ, что несчастія, постигающія страну послѣ военныхъ дѣйствій, еще ощутительнѣе и тяжелѣе, нежели ужасы поля сраженія. Картины, мнѣ представившіяся въ эту поѣздку, служили наилучшимъ внушеніемъ для уполномоченнаго, которому поручены переговоры для заключенія мира самымъ миролюбивымъ государемъ, употребившимъ столько усилій, чтобы избѣгнуть войны. Все, что я видѣлъ на пути изъ Казанлыка, подтверждало и доказывало, съ другой стороны, совершенную необходимость избавить разъ навсегда этотъ богатый край отъ непосредственнаго владычества турокъ и ввести новый порядокъ, могущій обезпечить благоденствіе населенія и водворить прочное мирное существованіе, согласно великодушнымъ намѣреніямъ государя императора».

На пути изъ Эски-Загры въ Херманлы Игнатьеву пришлось переночевать въ чистомъ полѣ между бивуаками гренадеръ, чтобы покормить уставшихъ своихъ лошадей и переждать темноту, изъ опасенія заблудиться въ незнакомой мѣстности даже для возницы ¹⁾.

---

¹⁾ Письмо Базили, перваго секретаря константинопольскаго посольства, сопровождавшаго графу Игнатьеву изъ Бухареста въ Санъ-Стефано въ 1878 году, къ женѣ посла, графинѣ Екатеринѣ Леонидовнѣ Игнатьевой, отъ 26-го января 1878 года: «Мы пріѣзжали на ночлегъ, когда мы ихъ имѣли—въ два, три, а вчера въ пять часовъ утра. Зато мы совершили переѣздъ изъ Бухареста въ Адрианополь меньше, нежели въ пять сутокъ, «въ 115 часовъ». Скорость необычайная и непостижимая...

«Николай Павловичъ здоровъ и замѣчательно мало усталъ. Въ Бретовацѣ Николай Павловичъ пробылъ у цесаревича до часу ночи. Въ понедѣльникъ мы выѣхали въ семь часовъ утра. Прибыли въ Тырново къ двухъ часамъ пополудни. Блестящій приемъ. Купили коляску и фургоны. Проѣхали Дреново въ десять часовъ и прибыли въ Габрово въ два часа ночи... Выѣхали въ восемь часовъ утра. Дорога скверная. Около десяти часовъ подѣхали къ началу большого подъема. Щербачевъ и Вурцель рѣшаются подняться на перевалъ пѣшкомъ. Николай Павловичъ остается спокойно въ коляскѣ, которую приходится проводить въ затруднительныхъ мѣстахъ на рукахъ проходящихъ команда. Холодъ все усиливается. Въ два часа достигли св. Николая. Дорога обставлена телѣгами и фургонами. Я пошелъ впередъ, чтобы расчищать дорогу. Николай Павловичъ, потерявъ терпѣніе, приказалъ коляскѣ двигаться, не слѣзая; экипажъ задѣваетъ за колеса фургона и толчкомъ сваленъ съ дороги вмѣстѣ съ лошадьми, коляска катится внизъ, но Николай Павловичъ, сбросивъ шубу, выскочилъ и ухватился за кустъ, не причинивъ себѣ вреда. Благодарите Бога, что онъ не повалъ въ

Наконецъ добрался онъ съ трудомъ 26-го, около полудня, до Херманлы. Ему пришлось напрасно просидѣть около двѣнадцати часовъ на станціи Тырново-Семенлы въ ожиданіи локомотива, который вытребовали изъ Адрианополя, по неимѣнію никакого локомотива на станціи для снаряженія поѣзда. Тутъ видѣлся онъ съ принцемъ Александромъ Баттенбергскимъ (впослѣдствіи княземъ болгарскимъ), который прибылъ на поѣздъ изъ Адрианополя, въ сопровожденіи нѣсколькихъ австрійскихъ и прусскихъ офицеровъ и ѣхалъ съ ними въ Филиппополь. Князь Баттенбергъ въ насмѣшливомъ тонѣ сообщилъ Игнатьеву самыя печальныя свѣдѣнія о нравственномъ состояніи главной квартиры, въ которой, по словамъ князя, всѣ устали отъ войны, рады вырваться изъ Турціи и ждуть съ нетерпѣніемъ возможности вернуться поскорѣе въ Петербургъ, забывъ восточный вопросъ, сказали прищцъ, который всѣмъ имъ надобѣлъ. Князь не постѣснился добавить, что не онъ одинъ, но всѣ иностранные офицеры, тутъ присутствующіе, могутъ

ужасную бездну, около которой проходила дорога. Съ тѣхъ поръ Николай Павловичъ сталъ терпѣливѣе и осторожнѣе. Мы прошли переваль и спусти пѣшкомъ, поддерживаемые солдатами, такъ какъ при гололедицѣ мы ужасно скользили и едва держались на ногахъ... Мы доѣхали до Казанлыка послѣ полуночи... Въ среду выѣхали въ десятомъ часу и проѣхали благополучно Малые Балканы. Въ три часа пополудни прибыли въ Эски-Загру, которая была сожжѣна 19-го и 20-го іюля, во время отступленія генерала Гурко. Положительно все уничтожено, за исключеніемъ двухъ мечетей; одна изъ нихъ, самая большая, обращена въ христіанскую молельню и на ней воздвигнуть болгарскій большой деревянный крестъ... Мы хотѣли ѣхать на Карабунаръ, но такъ какъ это былъ путь кружной, а нашъ проводникъ утверждалъ, что дорога на Тырново-Семенлы хороша, то мы по ней и пустились. Оказалось, что нашъ болгаринъ не бывалъ на ней съ самаго начала войны: не было больше слѣда прекрасной дороги; она была перерѣзана во многихъ мѣстахъ и мосты разрушены. Мы провели ночь въ полѣ, близъ горящей деревни. Вообще, почти всѣ селенія по пути уничтожены; многія еще пылали. Вездѣ то же: турки уходя, жгли болгарскія жилища, а болгары въ отмщеніе выжигали турецкія селенія; со всѣхъ сторонъ встрѣчались бѣглецы въ лохмотьяхъ, голодные, оплакивающіе свои пепелища, плачущіе и просящіе милостыню, по всему пути безконечныя ряды пушекъ, зарядныхъ ящиковъ и военныхъ обозовъ, тащащихся по непроходимой грязи. Черезъ каждые десять-пятнадцать шаговъ трупы лошадиныя или воловыя, которыхъ объѣдали по нѣсколько собакъ. Оставшіяся живыми обозныя животныя, съ трудомъ понукаемая ужасными криками людей и ударами, едва передвигали ноги, проходя не болѣе пяти-шести верстъ въ сутки, причемъ солдаты тащили большую часть на себѣ и пушки, и зарядные ящики. Вотъ картина тыла побѣдоносной арміи. Въ главной квартирѣ этого какъ будто и не замѣчаютъ.

«...Припрягши по быку къ лошадамъ въ наши повозки, мы едва дотащились въ три часа до Тырново-Семенлы—станціи желѣзной дороги. Здѣсь точно такъ же, какъ и въ Казанлыкѣ, никакихъ распоряженій не было сдѣлано (несмотря на телеграфическія извѣщенія изъ Петербурга и Бухареста, посланныя въ главную квартиру) для облегченія проѣзда уполномоченнаго и его канцеляріи. Мы телеграфировали въ Адрианополь, и только въ полночь прибылъ для насъ локомотивъ. Доѣхали до Адрианополя лишь въ пять часовъ утра... Помѣстились въ большомъ деревянномъ домѣ, полуразрушенномъ и очень неудобномъ. Неизвѣстно, когда получимъ наши вещи, съ которыми мы разстались въ Габровѣ... Сегодня съ восьми часовъ утра нашъ домъ наполненъ посѣтителями, въ томъ числѣ князь Черкасскій, Нелидовъ и пр...» Авт.

подтвердить, что всѣ тѣ, которые служили въ германской и австрійской арміяхъ, даже англичане-корреспонденты, поражены упадкомъ военнаго духа въ главной квартирѣ. Всѣ тамъ надѣются, что все кончено, что объявили утомительную войну кончною и миръ уже заключеннымъ, почему и отслужили торжественный благодарственный молебенъ. Всѣ жаждутъ отдыха, желаютъ наслаждаться добытыми лаврами, и послѣ напряженія послѣднихъ недѣль кампаніи все распустилось. Какъ о самой обыкновенной вещи, князь разсказалъ Игнатьеву, въ присутствіи иностранныхъ офицеровъ, подтвердившихъ всѣ его изреченія, что ожидается на этихъ дняхъ въ Мраморномъ морѣ англійская эскадра и что турецкіе уполномоченные, окончивъ переговоры съ главнокомандующимъ и Нелидовымъ, уѣхали уже восвояси. Онъ окончилъ вопросомъ: «Какая причина вашего приѣзда, что вы будете дѣлать въ Адрианополь, такъ какъ все уже тамъ окончено до вашего прибытія?» Это, очевидно, лишь былъ отголосокъ того, что слышалъ князь въ главной квартирѣ. Игнатьевъ скорбѣлъ и приходилъ въ негодование отъ всего слышаннаго не только отъ князя Баттенберга и, къ сожалѣнію, отъ иностранныхъ злорадно расположенныхъ офицеровъ, имъ встрѣченныхъ, которые всѣ изображали грустную картину состоянія умовъ въ главной квартирѣ. Въ сущности, въ эту минуту, когда главныя дѣйствующія лица арміи, въ особенности непосредственно окружающія главнокомандующаго, воображали, что уже «все покончено благополучно въ Турціи и что пора домой», прямая обязанность военнаго начальства не была выполнена, а въ политическомъ отношеніи ничего окончено не было и не могло быть; была лишь совершена крупная ошибка, умалившая, парализовавшая блистательные успѣхи нашего оружія и передавшая всѣ козыри, которые благое Провидѣніе и выносливая доблесть русскаго солдата доставили Россіи въ декабрь и январь, въ руки завистливыхъ англичанъ; эти послѣдніе воспользовались нашими промахами, перегнали насъ подъ Царьградомъ и сдѣлались, ради нашего благодушія, безопасности, преклоненія предъ Европою и усталости главной квартиры, хозяевами положенія, съ цѣлью однимъ ударомъ лишить насъ результатовъ, приобрѣтенныхъ долговременною дипломатическою подготовкою и, въ особенности кровью русскаго чуднаго солдата.

Очевидно было, что Игнатьеву, прибывшему слишкомъ поздно, уже почти нечего было дѣлать, ибо поправить дѣло, дурно начатое, онъ уже былъ не въ состояніи; его ожидали одни затрудненія, непріятности и разочарованія въ главной квартирѣ дѣйствующей арміи. Съ подобными мыслями и въ такомъ расположеніи духа прибылъ онъ 27-го, въ пять часовъ утра, въ Адрианополь и явился къ главнокомандующему, какъ только великій князь всталъ. Несмотря на затрудненія и задержки, встрѣченные въ пути, быстрота

переѣзда Игнатъева изъ Бухареста была для главной квартиры неожиданностью и удивила главнокомандующаго. Но, къ сожалѣнію, обстоятельства еще быстрѣе измѣнились за промежутокъ времени отъ выѣзда Игнатъева изъ Петербурга и до прибытія въ Адрианополь. Сдѣлалось очевиднымъ, что переговоры должны будутъ считаться съ большими затрудненіями нежели предполагалось, и что паника, вызванная нашими побѣдами и быстрымъ наступленіемъ русскихъ войскъ, улеглась и исчезла, вслѣдствіе перемирія, доставивъ туркамъ возможность оправиться и прійти въ себя.

Произошла тяжелая сцена между великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ и Игнатъевымъ, тотчасъ послѣ первыхъ радушныхъ привѣтствій. Игнатъевъ, доложивъ великому князю о данномъ ему порученіи и о высочайшихъ инструкціяхъ, не могъ не спросить главнокомандующаго, почему онъ остановился и поспѣшилъ заключить перемиріе, тогда какъ всѣ военныя и политическія соображенія заставляли желать скорѣйшаго появленія русскихъ войскъ на высотахъ Царьграда и Босфора ¹⁾. Игнатъевъ добавилъ,

---

¹⁾ Мы неоднократно имѣли случай указывать, что въ «Запискахъ графа Н. П. Игнатъева» есть интересный элементъ, который можно было бы назвать «дидактическимъ». У насъ нѣтъ сводки прецедентовъ и правилъ дипломатическаго искусства, для выработки школы молодыхъ дипломатовъ; но при внимательномъ чтеніи записокъ чловека, оказавшаго виртуозомъ въ дипломатіи, притомъ—записокъ, продуманныхъ имъ на склонѣ лѣтъ, во всеоружіи обширнаго опыта, всѣ элементы къ такой «сводкѣ» оказываются въ нихъ налицо. Подобно тому, какъ жизнь, дѣла, слова Суворова содержать въ себѣ «школу» русскаго войска, такъ и въ запискахъ Игнатъева мы находимъ именно цѣнныя данныя для составленія традицій и «школы» на пользу молодымъ поколѣніямъ русской дипломатіи. Самая повѣсть о томъ, что онъ вытерпѣлъ отъ олигархическихъ круговъ высшаго общества въ Петроградѣ, которые его засасывали и губили такъ же, какъ они когда-то погубили и Пушкина, есть цѣнная крупница этой «haute-école», цѣль которой можетъ быть начертана такъ: вырастить иное поколѣніе, лучшихъ русскихъ людей, которые со временемъ, дойдя до власти (хотя бы и въ области дипломатіи), смогли бы создать болѣе достойный обликъ, нежели ихъ предшественники, и дать нашей имперіи болѣе реальное охраненіе ея высшихъ государственныхъ правъ и интересовъ.

Среди тѣхъ мыслей, практическаго значенія, которыя постоянно возвращаются подъ перо Игнатъева, мы видимъ одно правило, которое вытекало въ его искусствѣ изъ глубокаго чувства реальности, именно недостававашаго у его противниковъ, враждавшихъ по складу петроградской жизни въ кругу условностей и бумажныхъ данныхъ. Это правило касалось соотношенія дипломатическихъ дѣйствій съ военными. Игнатъевъ понималъ, что всякіе переговоры, конвенціи, трактаты—получаютъ то или другое направленіе, то или другое содержаніе въ зависимости отъ личности совершившихся фактовъ (*fait-accompli*). Поэтому, въ его представленіи немисливо было приостанавливать наступленіе нашихъ войскъ ради начатыхъ переговоровъ о будущемъ мирѣ. Дарованье туркамъ перемирія было уже само по себѣ чѣмъ-то слишкомъ цѣннымъ, чтобы этотъ даръ могъ послѣдовать до опредѣленія твердыхъ предначертаній будущаго мира (*préliminaires du traité de paix*). Занятіе нами угрожающаго положенія «на высотахъ Босфора» было въ глазахъ Игнатъева необходимое условіе, которое онъ считалъ нужнымъ создать раньше всего, а потому онъ сильно волновался, когда ему

что онъ никогда не ожидалъ такой несвоевременной остановки отъ великаго князя, наслышавшись прежде о желаніи его дойти до Константинополя, тѣмъ болѣе, что «на этотъ разъ и государь этого желалъ и ожидалъ,—сказалъ Игнатьевъ,—и вамъ въ этомъ смыслѣ, сколько мнѣ извѣстно телеграфировалъ 11-го или 12-го января». Великій князь сталъ увѣрять Игнатьева, что его торопили изъ Петербурга князь Горчаковъ и изъ Лондона графъ Шуваловъ заключеніемъ перемирія, что войска устали, пооборвались, артиллерія и парки отетали при быстромъ движеніи отъ Филиппополя и что, наконецъ, по свѣдѣніямъ изъ Лондона, онъ опасается движеніемъ на Константинополь вызвать новую войну и на этотъ разъ съ Англіею. Великій князь отрицалъ полученіе отъ государя телеграммы, на которую ссылался постоянно Игнатьевъ, разрѣшающую ему итти безостановочно до высотъ Константинополя и предупредяющую, что для переговоровъ съ турками посланъ въ главную квартиру уполномоченный. Игнатьевъ не могъ удержаться отъ замѣчанія, что невѣроятно, чтобы царская телеграмма не дошла въ семь дней по полевому телеграфу, что если такъ въ дѣйствительности, то надо удивляться безопасности главной квартиры и тотчасъ же принять мѣры для возстановленія правильныхъ и непосредственныхъ сообщеній съ Петербургомъ, крайне необходимымъ въ особенности при теперешнихъ обстоятельствахъ и начинающихся мирныхъ переговорахъ, тѣмъ болѣе, что военныя дѣйствія еще могутъ возобновиться при упорствѣ турокъ, поддерживаемыхъ интригами англичанъ и австрійцевъ, и вмѣшательствѣ Англіи въ наши переговоры съ Портою. Великій князь при этихъ словахъ чуть не вскрикнулъ: «Избави Богъ... Смотри, ты намъ навяжешь еще войну съ Англіею. Пора кончить военныя дѣйствія и итти домой». Игнатьевъ въ заключеніе сказалъ, что если бы даже главнокомандующій и не получилъ разрѣшенія государя итти впередъ, то, въ виду положенія воюющихъ сторонъ, состоянія турецкой арміи и грозящаго вмѣшательства Англіи, лучшее средство предупредить усложненія

пришлось осуществить задачу «Санъ-Стефанскаго договора», при недостаточномъ осуществленіи этого условія.

Обращаясь къ событіямъ гораздо болѣе близкимъ къ настоящему времени, мы знаемъ такія политическія конъюнктуры, при которыхъ приходилось неоднократно жалѣть, что «Игнатьевская школа дипломатіи» не получила у насъ болѣе вліятельнаго значенія. Когда, въ декабрѣ 1912 года, мы настаивали («изъ чувства челоуѣколюбія») на подписаніи перемирія между «Балканскимъ союзомъ» и Турціею, то филантропическія добрыя намѣренія, очевидно, одержали верхъ въ нашихъ сферахъ надъ ясно поставленными началами Игнатьевской традиціи, которая гласила: «не благодѣтельствовать тому врагу, котораго еще не успѣли побѣдить, и не выпускать изъ рукъ фактически захваченныхъ преимуществъ, пока врагъ не подписалъ подъ нашей диктовкой надлежащаго договора».

Филантропія обошлась дорого; за нее заплатили, послѣ перемирія, славянской кровью на Чаталджѣ и на Тарабашѣ.

А. Б.

было имѣть въ виду только стратегическія соображенія, а вовсе не обращать вниманіе на предупрежденія и пожеланія, идущія изъ Лондона или даже изъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Съ этой минуты главная квартира не могла скрыть своего неудовольствія касательно появленія среди ея «воинствующаго дипломата», какъ говорили ему полушутя великій князь и генераль Непокойчицкій, а, вѣроятно, повторяли другіе. Одинъ, который обрадовался дѣйствительно его пріѣзду, это князь Черкасскій, который и поспѣшилъ зайти къ Игнатьеву, несмотря на свое болѣзненное уже состояніе и, не заставъ дома, написалъ ему слѣдующую записку (отъ 27-го января) на французскомъ языкѣ: «Дорогой графъ, жажду васъ видѣть и васъ послушать. Къ несчастью, я васъ не засталъ сегодня утромъ ¹⁾, когда явился, чтобы засвидѣтельствовать вамъ почтеніе».

Игнатьевъ отвѣтилъ, что какъ только кончитъ свои объясненія съ великимъ княземъ, такъ самъ пойдетъ. Ему прежде всего хотѣлось выяснитъ дѣйствительное положеніе дѣлъ и добиться или приближенія къ Константинополю арміи, или, по крайней мѣрѣ, немедленнаго возвращенія въ Адрианополь турецкихъ уполномоченныхъ, такъ какъ его постоянно преслѣдовало опасеніе, что благоприятная минута будетъ окончательно упущена, что англичане появятся съ эскадрою у Царьграда вслѣдствіе того, что мы отказались отъ занятія Галлиполи и побережья Дарданелль, по настоянію графа Шувалова, и что европейская конференція, затѣянная графомъ Андраши, на которую, къ сожалѣнію, слишкомъ поспѣшилъ князь Горчаковъ согласиться, соберется прежде, нежели подробности нашего мира съ Турціею будутъ установлены въ желаемомъ нами смыслѣ.

Для достиженія своей цѣли, при общей апатіи, которую онъ нашелъ въ главной квартирѣ, онъ остался въ домѣ, гдѣ она помещалась вмѣстѣ съ главнокомандующимъ, нѣсколько часовъ сряду. Общее впечатлѣніе, вынесенное изъ разговоровъ съ разными лицами и самимъ великимъ княземъ и его начальникомъ штаба, было самое безотрадное и почти подтвердило слова князя Баттенберга, показавшіяся Игнатьеву въ Семенлы крайне преувеличенными. Игнатьеву пришлось слышать почти отъ всѣхъ главныхъ чиновъ штаба одно: «Поскорѣе заключайте миръ и отпустите насъ домой. Богъ съ нами, съ этими болгарамъ, изъ-за которыхъ мы полѣзли въ такую даль». Гурко и Скобелевъ составляли одни исключеніе изъ общаго настроенія. Они и были ближе къ войску, одушевленному желаніемъ итти впередъ и бить турокъ. Игнатьеву хотѣлось, во что бы то ни стало, выяснитъ темный вопросъ о не полученной якобы телеграммѣ государя, посланной послѣ совѣщанія 9-го

---

¹⁾ Игнатьевъ былъ тогда у великаго князя.

января. Запрошенный Игнатьевымъ князь Чингисъ, котораго онъ зналъ съ малолѣтства и который завѣдывалъ полевымъ телеграфомъ, сознался, что шифрованная телеграмма государя къ главнокомандующему была имъ подана великому князю 19-го числа утромъ, то-есть въ день подписанія перемирія. Тогда Игнатьевъ вернулся къ великому князю и заявилъ ему, что онъ доискался, что упомянутая телеграмма, приглашающая его продолжать наступленіе до высотъ Царыграда, была имъ дѣйствительно получена, хотя и съ большимъ запозданіемъ, но за нѣсколько часовъ до подписанія перемирія. Смущенный великій князь съ неудовольствіемъ отвѣтилъ Игнатьеву: «То-то и бѣда,—телеграмма пришла слишкомъ поздно: Нелидовъ уже условился съ турецкими уполномоченными, а я далъ свое слово и не могъ уже его измѣнить. Слѣдовательно, пришлось утвердить перемиріе и разрѣшить Непокійчицкому его подписаніе. Чего ты отъ насъ добиваешься, приставая ко мнѣ?» Въ необдуманномъ порывѣ негодованія у Игнатьева сорвалось съ языка: «Что я хотѣлъ удостовѣриться, что разрѣшеніе государя итти впередъ до Константинополя до васъ дошло, но позвольте доложить вамъ, что если бы вы не были великимъ княземъ, а простымъ главнокомандующимъ, то подверглись бы большой отвѣтственности. Не только при полученіи такого разрѣшенія царя, но даже если бы его совѣмъ не было получено, обязанность военачальника была бы не давать себя останавливать переговорами съ турками, ищущими въ перемирії своего спасенія, а неудержимо итти впередъ, гоня разбитыхъ турокъ до береговъ Босфора, пока они еще не опомнились отъ разгрома и англичане не вмѣшались». Великій князь отвѣтилъ, что его пламенное желаніе было, дѣйствительно, дойти до Константинополя, «но тутъ ничего нельзя было подѣлать, такъ какъ я уже слово далъ Намику и Серверу пашамъ и не желая новыхъ complicацій. Притомъ надо было дать отдохнуть войскамъ, а артиллеріи подтянуться и догнать свои части». Игнатьевъ замѣтилъ, въ заключеніе, великому князю, что, по его мнѣнію, обѣщаніе, данное необдуманно туркамъ, могло бы быть легко нарушено объявленіемъ, что «обстоятельства измѣнились, что ваше обѣщаніе должно быть нарушено, такъ какъ вы—только исполнитель царской воли, а государь приказалъ итти впередъ въ виду англійскихъ интригъ. Такимъ образомъ, вы были бы вполне правы предъ турецкими уполномоченными, которые, какъ люди опытные, понимаютъ, что можете дѣйствовать самостоятельно только сообразно получаемымъ отъ государя инструкціямъ, и при томъ вы свалили бы всю вину разрыва переговоровъ на англичанъ, что подорвало бы ихъ вліяніе въ Портѣ. Наша цѣль была бы лучше достигнута, чѣмъ перемиріемъ и демаркаціонною линіею, связывающею насъ по рукамъ и ногамъ, тогда какъ туркамъ дана возможность оправиться, а ан-

гличанамъ предоставлена неосновательными соглашениями графа Шувалова съ Дербн свобода дѣйствій противъ насъ».

Весьма естественно, что послѣ такого разговора взаимныя довѣрія и прежнія личныя отношенія между великимъ княземъ и Игнатьевымъ были, къ сожалѣнiю, невозвратно нарушены, чѣмъ и воспользовались различныя личности, окружавшія главнокомандующаго и имѣвшія на него преимущественное вліяніе, чтобы еще болѣе отдалить великаго князя и возбудить его противъ того, котораго онъ предъ всѣми называлъ прежде «товарищемъ своего дѣтства и краснымъ солнышкомъ»¹⁾.

Разговоръ Игнатьева съ княземъ Черкасскимъ, разразившимся, при всей своей сдержанности, тяжкими жалобами на глав-

¹⁾ Все, что графъ Игнатьевъ говоритъ объ ошибкахъ главной квартиры и о разногласіяхъ его съ главнокомандующимъ, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ (Старшимъ),—оставлено безъ перемѣнъ и опубликовано здѣсь безъ всякихъ пропусковъ.

Это вызывается не только научной правдивостью, въ виду того, что записки Игнатьева имѣютъ большую цѣнность, какъ историческій документъ; но оно и справедливо въ томъ отношеніи, что «записки» не имѣютъ ни въ малѣйшей степени тона памфлета и отнюдь не направлены противъ памяти, несомнѣнно, свѣтлаго человѣка, какимъ былъ его высочество Николай Николаевичъ Старшій, имя коего до сихъ поръ окружено яркимъ и заслуженнымъ ореоломъ въ народной памяти у южныхъ славянъ. Онъ и къ Игнатьеву съ самой ранней юности относился дружественно и называлъ онъ его «краснымъ солнышкомъ». Слѣдъ этихъ старыхъ и хорошихъ душевныхъ связей не могъ не смягчить во многомъ тѣхъ противоположностей, которыя выяснились передъ довершеніемъ дѣла въ Санъ-Стефано. Мало того, именно благодаря упомянутой мягкости въ личныя отношенія этихъ двухъ людей столь различныхъ степеней общественной высоты, оказалось возможнымъ проявленіе той искренности въ спорѣ, доходившей даже до рѣзкости, о которой свидѣтельствуютъ здѣсь «Записки» Игнатьева.

Для безпристрастнаго читателя, обозрѣвающаго э и событія на разстояніи почти сорока лѣтъ, становится яснымъ, что великій князь, хотя и облеченный значительной властью, не въ состояніи былъ реагировать творческимъ образомъ въ достаточной мѣрѣ на духовные недуги цѣлой среды, изъ которой выросла, какъ ея «плоть отъ плоти», интригующая камарилья главной квартиры. Издали сохраняется за эпохой великой войны по освобожденію южныхъ славянъ — эпическій блескъ героизма. Но подъ микроскопомъ очевидно вскрываются язвы, и иногда именно такія язвы, которыя по ихъ природѣ были свойственны, главнымъ образомъ, вліятельнымъ и высшимъ кругамъ. Къ нашему стыду, лучше всего проникли въ тайную постановку, за кулисами власти, именно тѣ «знатные иноземцы», которые были приняты какъ «свои»—въ хвостъ принца Александра Баттенбергскаго, и они же (эти пруссаки и австрійцы) подняли насъ на смѣхъ... Тѣмъ болѣе цѣнна та страница Игнатьевскихъ записокъ, которая раскрываетъ передъ нами эту картину, очевидно, минувшихъ правовъ. Мы говоримъ «минувшихъ», какіе бы ни были недочеты нашихъ верховъ въ позднѣйшее время, а именно потому, что теперь,—во-первыхъ, «иноземцамъ» уже въ значительной степени поставленъ предѣлъ, въ согласіи съ требованіемъ общенациональнаго мнѣнія; во-вторыхъ, командующая власть не набирается въ такой ограниченности изъ узкаго круга, получившаго съ теченіемъ поколѣній нѣкоторый «олигархическій» характеръ; въ настоящее время таланты и самостоятельныя достоинства человѣка гораздо шире открываютъ доступъ къ высшимъ должностямъ для лицъ, родившихся въ разнообразныхъ кругахъ населенія. Въ этомъ заключается главный залогъ нашего расширеннаго значенія въ исторіи.

А. Б.

ную квартиру, преимущественно на генерала Непокойчицкаго и его ближайшихъ помощниковъ, на безхарактерность великаго князя, на отсутствіе всякой предусмотрительности и послѣдовательности въ ихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, на общую безопасность и апатію, на постоянную безтактность и предубѣжденіе въ отношеніи болгаръ,—что князь Черкасскій приписывалъ польскимъ вліяніямъ на различныхъ чиновъ штаба,—еще болѣе заставилъ Игнатьева призадуматься надъ будущностью начатаго имъ дѣла и положенія нашего на Балканскомъ полуостровѣ. Полученныя въ Адрианополь свѣдѣнія изъ Бухареста и Петербурга также не могли воздѣйствовать ободряющимъ образомъ среди неблагоприятной атмосферы главной квартиры. Нелидовъ, бывшій подъ начальствомъ Игнатьева передъ войною совѣтникомъ посольства, а въ то время начальникомъ дипломатической канцеляріи главнокомандующаго, раздѣлялъ общія настроенія и утомленія окружающихъ великаго князя, желалъ скорѣйшаго окончанія военныхъ дѣйствій и быстрѣйшаго заключенія мира, а потому и содѣйствовалъ и радовался заключенію перемирія. Отрадно было Игнатьеву, что бывшіе подчиненные его, входившіе въ составъ дипломатической канцеляріи и состоявшіе при князѣ Черкасскомъ, выражали радость по случаю его пріѣзда и пребывали у него. По просьбѣ князя Церетелева, бывшаго секретаря посольства и служившаго тогда въ арміи казачьимъ офицеромъ кавказской бригады и ординарцемъ генерала Гурко, Игнатьевъ испросилъ у главнокомандующаго откомандированіе его въ составъ канцеляріи уполномоченнаго.

VI.

Отъ барона Стюарта изъ Бухареста Игнатьевъ получилъ слѣдующую телеграмму, отъ 26-го января: «Въ секретномъ засѣданіи собранія избрана комиссія для составленія протеста иностраннымъ державамъ, объявляющаго, что неприкосновенность территоріи Румыніи гарантирована Парижскимъ трактатомъ и конвенціею съ Россіею и что Румыніа не согласна ни на какое вознагражденіе за Бессарабію и не уступитъ ее ни подъ какимъ видомъ».

Опасенія и предсказанія Игнатьева, что положиться на Румынію намъ нельзя и что иностранныя интриги нашли тамъ благоприятную почву, оправдывались, къ сожалѣнію. Игнатьевъ тотчасъ отвѣтилъ барону Стюарту на его послѣднюю телеграмму слѣдующимъ образомъ: «Выставьте министрамъ и, при случаѣ, самому князю бесполезность и опасность для Румыніи такихъ протестацій. Скажите отъ моего имени Братіано и Когальничано, что интересы Румыніи въ настоящемъ и будущемъ будутъ несравненно лучше охранены при взаимномъ довѣріи и согласіи съ нами».

Впрочемъ, какъ видно, не всё въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ раздѣляли розовыя мечты князя Горчакова, воображавшаго, что стоитъ вручить, мимоходомъ, письмо государя принцу Карлу объ уступкѣ Бессарабіи и громко поговорить въ Петербургѣ съ представителемъ Румыніи княземъ Гикою, чтобы наши союзники безпрекословно подчинились императорскому правительству. Вотъ письмо, полученное Игнатьевымъ, вскорѣ по приѣздѣ въ Адрианполь, отъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ, близко знакомаго съ румынами по долговременному пребыванію своему въ княжествахъ, Николая Карловича Гирса¹⁾. «Изъ вашихъ телеграммъ можно заключить, съ какими затрудненіями вамъ приходится бороться, чтобы уладить порученное вамъ дѣло въ Румыніи. Воображаю себѣ, что васъ ожидаетъ за Дунаемъ, когда придется переговаривать съ Турками. Но я увѣренъ, что все, что возможно, — будетъ вами достигнуто. Примите искреннѣйшія мои пожеланія выйти со славою изъ этихъ затрудненій. Судя по послѣдней вашей телеграммѣ, правительство румынское какъ будто помирится съ мыслью уступить намъ участокъ Бессарабіи за вознагражденіе, но я все еще боюсь, что палата надѣлаетъ намъ много хлопотъ, а между тѣмъ, право, имъ не на что жаловаться, потому что приобрѣтеніе Дельты и Добруджи ихъ вдвое вознаградитъ за уступку ничтожнаго клочка земли. Сегодня пишу я вамъ официально по двумъ довольно важнымъ вопросамъ: 1) о вознагражденіи Персіи за доброе поведеніе ея во время войны и 2) о признаніи эчміадзинскаго католикаса главою всѣхъ грегорианскихъ армянъ въ Турціи. По этому, второму вопросу поступила къ намъ записка изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, изъ которой вы усмотрите, до какой степени это дѣло для насъ важно. Что же касается до приобрѣтенія Котура для персіянъ, то я долженъ вамъ сознаться, что эта мысль принадлежитъ мнѣ. Мнѣ кажется, что при проведеніи новой нашей малоазіатской границы можно выговорить лишній... кусокъ съ тѣмъ, чтобы вымѣнять его на Котуръ. Впрочемъ, вы лучший судья въ этомъ дѣлѣ и, можетъ быть, приищите болѣе удобный способъ. Во всякомъ случаѣ, намъ непременно надо воспользоваться настоящими обстоятельствами, чтобы исполнить данное персіянамъ отъ имени государя императора обѣщаніе.

«Вамъ придется, вѣроятно, лично переговаривать съ турками насчетъ азіатской границы и на случай, если бы встрѣтились какія-либо техническія затрудненія въ этомъ, недурно было бы, по моему мнѣнію, имѣть вамъ подъ рукою офицера генеральнаго штаба кавказской арміи, спеціально знакомаго съ топографіею того края; если вы раздѣляете это мнѣніе, то вы можете немедленно вытребовать къ себѣ чрезъ военнаго министра такого офицера. Страшно

¹⁾ Впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ (1882—1895 гг.).

подумать, сколько вамъ предстоить заботъ и тревоги. Да поможетъ вамъ Богъ въ этихъ трудныхъ и столь важныхъ для Россіи обстоятельствахъ.

«Вѣрьте искренности чувствъ душевно васъ уважающаго и
пензмѣнно преданнаго
«Н. Гирса».

На второй день своего прибытія въ Адрианополь Игнатьевъ получилъ слѣдующую телеграмму отъ барона Стюарта, отъ 29-го января: «Вчера въ секретномъ засѣданіи соединенныхъ палатъ Когальничано сообщилъ всѣ документы относительно сношеній нашихъ съ Румыніею со времени депутаціи въ Ливадію. Сегодня продолженіе. Сенаторъ Константинъ Градишка потребовалъ отправленія въ Бессарабію войскъ. Братіано доказывалъ невозможность сопротивленія волѣ государя. Никакого рѣшенія не послѣдовало. Возбужденіе большое. Надѣются сильно на заступничество Австріи» ¹⁾.

Игнатьевъ, по прибытіи своемъ въ Адрианополь, телеграфировалъ канцлеру (27-го числа, днемъ) чрезъ Авлону: «Прибыль ночью въ Адрианополь. Къ сожалѣнію, не засталъ уже здѣсь турецкихъ уполномоченныхъ, отпущенныхъ въ Константинополь. По просьбѣ моей, прибытіе мое сюда для переговоровъ о мирномъ договорѣ заявляется Нелидовымъ Серверь-пашѣ ²⁾ въ Константинополь, съ приглашеніемъ отъ имени главнокомандующаго ускорить начало переговоровъ».

Жену и мать свою Игнатьевъ извѣстилъ по телеграфу же, что здоровъ и прибылъ благополучно послѣ труднаго и тяжелаго странствованія въ Балканахъ и въ долинѣ рѣки Марицы, при чемъ вынужденъ былъ доѣхать налегкѣ, безъ вещей, оставленныхъ сзади.

Отъ князя Горчакова Игнатьевъ получилъ въ Адрианополѣ слѣдующія дополнителныя инструкціи, показывающія, до какой степени онъ вначалѣ былъ готовъ на всевозможныя уступки Австріи и Англіи, въ виду ожидаемой легкости европейскаго соглашенія и въ надеждѣ на свое мирное торжество въ конференціи, и какъ постепенно проявились опасенія и разочарованія, заставившія канцлера измѣнить нѣсколько свои воззрѣнія и напирать преимущественно на то, чтобы Игнатьевъ какъ можно скорѣе заключилъ договоръ съ Портою.

¹⁾ Результатъ австро-венгерскихъ интригъ въ то время, когда князь Горчаковъ думалъ опираться на графа Андраши. Авт.

²⁾ Съ которымъ Нелидовъ велъ переговоры о перемиріи и принятіи предварительныхъ условій. Серверь-паша былъ прежде въ частыхъ и хорошихъ сношеніяхъ съ графомъ Игнатьевымъ, въ особенности когда состоялъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Поддавшись подъ вліяніе европейцевъ, онъ разочаровался подъ конецъ войны, увидѣвъ тщету обѣщаній Англіи и надеждъ, возлагавшихся на нее Портою, а потому, въ бытность свою въ главной квартирѣ, весьма рѣзко и правдиво выражалъ свое неодобраніе на коварство Англіи, чего ему не простилъ Лейярдъ, посоль Англіи. Авт.

Телеграмма канцлера отъ 28-го января:

«По высочайшему повелѣнію, полковникъ Боголюбовъ ¹⁾ уѣзжаетъ завтра. Доставить вамъ дополнительныя и объяснительныя инструкціи».

Еще прежде этихъ инструкцій, ожиданіе которыхъ могло только затруднить и смутить Игнатъева, заставить его колебаться, вынудить выказать туркамъ нерѣшительность и во всякомъ случаѣ замедлить ходъ переговоровъ на двѣ или три недѣли, канцлеръ отправилъ съ обыденнымъ курьеромъ слѣдующую инструкцію Игнатъеву (на французскомъ языкѣ): «Послѣ отъѣзда вашего превосходительства политическое положеніе измѣнилось въ такомъ смыслѣ, что, несомнѣнно, должно повліять на наши дѣйствія въ мирныхъ переговорахъ. По пріѣздѣ въ Адрианополь вы найдете всѣ подробности этого новаго положенія въ дипломатическихъ документахъ, отправленныхъ отсюда великому князю главнокомандующему. Достаточно, если я вамъ укажу на существенное:

«Во-первыхъ, самый фактъ этихъ отдѣльныхъ прелиминарныхъ переговоровъ вызвалъ оговорки и формальныя замѣчанія ²⁾. Англія первая ихъ намъ заявила. Австрія къ ней присоединилась, сначала въ общихъ выраженіяхъ, въ своемъ отвѣтѣ на просьбу Порты о посредничествѣ, но теперь уже формально, въ опредѣленныхъ выраженіяхъ, заключающихся въ сообщеніяхъ, намъ непосредственно адресованныхъ. Ихъ заключеніе состоитъ въ томъ, что вѣнскій кабинетъ признаетъ лишь только тотъ миръ, условія котораго не будутъ противны интересамъ Австро-Венгрии ³⁾ и получаютъ одобреніе Европы въ тѣхъ вопросахъ, которые затрагиваютъ европейскіе интересы.

¹⁾ Отправленный слишкомъ поздно изъ Петербурга съ новыми данными, какъ выразился въ своемъ сообщеніи генераль-адъютантъ Милютинъ, въ главную квартиру о нашихъ границахъ въ Азіи, предложенныхъ кавказскимъ намѣстникомъ и о границахъ Черногоріи. Ав т.

Боголюбовъ, Андрей Андреевичъ, вполслѣдствіи флигель-адъютантъ, генераль-лейтенантъ и начальникъ Закаспійской области. К. Г.

²⁾ Не говоря уже о сдѣланныхъ переговорахъ и договорахъ, заключенныхъ княземъ Бисмаркомъ съ австрійцами въ Никольсбургѣ и съ французами въ Парижѣ и Франкфуртѣ, нарушившихъ труды Вѣнскаго конгресса и нѣсколько европейскихъ договоровъ и самое европейское равновѣсіе, съ такимъ трудомъ Европою выработанное,—но миръ, заключенный Франціею съ Австріею въ 1869 году въ Виллафранкѣ, и множество другихъ примѣровъ свидѣлствуютъ, что мы совершенно напрасно преклонялись предъ оговорками и вмѣшательствомъ другихъ державъ для заключенія мира съ турками. Ав т.

³⁾ Очень растяжимое значеніе можно придать такой оговоркѣ, доказывающей, что Австро-Венгрія хотѣла чужими руками жаръ загребать и безъ всякаго риска пріобрѣсти выгоды себѣ, пользуясь жертвами и побѣдами Россіи. А князь Горчаковъ всегда заступался за Андраши, называя его «рыцаремъ» и своимъ другомъ. Ав т.

«Вѣнскій кабинетъ настаиваетъ на своемъ правѣ принять такое положеніе на основаніи того, что Австро-Венгрія государство пограничное съ Турціею и держава, гарантировавшая трактатъ 1856 года. Великобританскій кабинетъ становится также на почву британскихъ интересовъ и договоровъ. Такимъ образомъ, оба государства сблизились на общей почвѣ, и этотъ фактъ такого важнаго свойства, значеніе котораго отъ васъ не ускользнетъ. Это сближеніе ободрило Англію, которая надѣется выйти такимъ образомъ изъ своего одиночества. Принятое ею рѣзкое положеніе, въ свою очередь, повліяло на австро-венгерское правительство, и Порта получила въ этомъ обстоятельствѣ надежду пріобрѣсти на дипломатической европейской почвѣ поддержку для уменьшенія при переговорахъ о мирѣ нашихъ требованій, къ принятію которыхъ наши побѣды ее вынуждали.

«Сверхъ этого принципиальнаго вопроса, вы увидите, что вѣнскій кабинетъ возражаетъ противъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ мирныхъ условій ¹⁾. Онъ отвергаетъ созданіе Великой Болгаріи ²⁾ и продолжительное пребываніе въ ней нашихъ войскъ. Что касается до измѣненія ³⁾ границъ Бессарабіи, онъ не будетъ оному противиться, если мы получимъ на то согласіе Порты и Румыніи. Но ему извѣстно, что послѣдняя заблаговременно протестуетъ предъ кабинетами противъ возвращенія Россіи участка Бессарабіи.

«Въ этомъ положеніи дѣль намъ, кажется, трудно выдержать безъ измѣненія программу, которая вами была начертана ⁴⁾ для предварительнаго (préliminaire) мира.

«Во-первыхъ, что касается до этого мира и до самаго договора, который вами будетъ заключенъ, мы формально и повторительно завѣрили кабинеты, что вопросы, касающіеся европейскихъ инте-

¹⁾ Т.-е. канцлеръ какъ будто допускалъ, что Австро-Венгрія можетъ отвергать тѣ предварительныя основанія мира, отъ принятія которыхъ турками зависѣло согласіе главнокомандующаго на перемиріе и пріостановку наступательнаго движенія арміи и которыя были уже подписаны въ Адрианополѣ турецкими уполномоченными 19-го января. Авт.

²⁾ Австро-Венгрія участвовала въ константинопольской конференціи и требовала вмѣстѣ съ нами, въ лицѣ своихъ двухъ уполномоченныхъ, созданія такой же Великой Болгаріи, только раздѣленной на двѣ области—западную и восточную. Канцлеръ не потрудился обличить графа Андраши въ этой непослѣдовательности. Авт.

³⁾ Еще Бейстъ предлагалъ намъ отъ имени Австро-Венгріи, въ концѣ шестидесятихъ годовъ, взять обратно отошедшій отъ Россіи въ 1856 году участокъ Бессарабіи, признавая законность нашего желанія возврата старой границы. Андраши принималъ обидную личину великодушія въ отношеніи къ Россіи, зная, что интриги Англии и Австріи въ Румыніи удались и что мы встрѣтили противодѣйствіе, имъ же подготовленное. Авт.

⁴⁾ Впослѣдствіи многіе и въ томъ числѣ графъ Шуваловъ отрицали, что Игнатьевъ дѣйствовалъ въ Санъ-Стефано согласно инструкціи, данной изъ Петербурга, и утверждали, что чрезмѣрные его требованія были произвольны, а не выражали мысль правительства. Ложность этого толкованія очевидна. Авт.

ресовъ, будутъ отложены (réservés) до разсмотрѣнія и рѣшенія всѣхъ державъ по общему согласію. Самое слово «конференція», будучи произнесено вѣнскимъ кабинетомъ, мы объявили, что если онъ хочетъ такуюю предложить, или посовѣтоваться насчетъ этого съ другими государствами, то мы нисколько не будемъ возражать. Но съ самаго начала возникаетъ затрудненіе опредѣлить, какіе именно вопросы, вызванныя войною, должны подлежать непосредственному соглашенію между воюющими и какіе находятся въ зависимости отъ европейскаго соглашенія.

«Въ этомъ отношеніи мы считаемъ, что все, что касается перемирія и демаркаціонной линіи, исключительно зависитъ отъ воюющихъ сторонъ и мы не можемъ допустить никакого вмѣшательства ¹⁾. Впрочемъ, вопросъ о демаркаціонной линіи въ зависимости отъ рѣшенія великаго князя главнокомандующаго и вамъ нечего о томъ заботиться ²⁾.

«Военное вознагражденіе убытковъ и расходовъ также входитъ въ права воюющихъ, и мы должны будемъ это отстоять.

«Что же касается до вопросовъ политическихъ, весьма вѣроятно, что каждое развитіе, которое мы придадимъ нашимъ основнымъ условіямъ мира, будетъ тотчасъ доведено турками до свѣдѣнія кабинетовъ и если наше толкованіе этихъ основаній встрѣтитъ ихъ противодѣйствіе, то или турки будутъ на оное опираться, чтобы отвергнуть наши требованія, или же они ихъ примутъ лишь подъ условіемъ ихъ утвержденія Европою ³⁾, что отняло бы у того, что условлено будетъ между нами, всякое практическое значеніе. Необходимо, слѣдовательно, дѣйствовать съ крайнею осторожностью. Прежде всего по причинѣ вышесказаннаго еще болѣе становится предпочтительнымъ документу, содержащему прелиминарный миръ, не придавать характера договора формальнаго и окончательнаго, а лишь просто прелиминарнаго протокола ⁴⁾. Сверхъ того было бы,

¹⁾ Еще бы этого не доставало, тѣмъ болѣе, что вопросы эти были уже рѣшены главнокомандующимъ, по соглашенію съ турецкими уполномоченными, въ Адриано-польѣ, 19-го января. А в т.

²⁾ Государь-наслѣдникъ выразилъ въ Брестовацѣ Игнатьеву желаніе, чтобы онъ направилъ къ сторонѣ Шумлы демаркаціонную линію, но ему запрещено было вмѣшиваться въ этотъ вопросъ и потому онъ сообщилъ о желаніи его высочества главнокомандующему и начальнику штаба, но они не хотѣли признать ошибки, сдѣланной штабомъ. А в т.

³⁾ Игнатьеву удалось это отстранить и заставить турокъ согласиться на большую часть нашихъ первоначальныхъ требованій. Дѣло дошло до того, что турки просили считать договоръ окончательнымъ и султанъ его ратификовалъ, но мы пожелали, неизвѣстно зачѣмъ, въ угоду Европѣ, чтобы договоръ былъ прелиминарный, подлежащій разсмотрѣнію враждебныхъ европейскихъ кабинетовъ. А в т.

⁴⁾ Министерство иностранныхъ дѣлъ потеряло было изъ вида, что такой протоколъ уже былъ подписанъ при перемиріи и при такомъ взглядѣ не было уже никакого смысла ни въ отправленіи генералъ-адъютанта графа Игнатьева для мирныхъ переговоровъ, ни въ заключеніи вторичнаго протокола о томъ же предметѣ. Если бы ограничиться «истор. вѣсти», мартъ 1915 г., т. сxxxix. 4

можетъ быть, приличнѣе не входить въ слишкомъ опредѣлительныя подробности ¹⁾. Опредѣленіе границъ Болгаріи и государствъ, становящихся независимыми и увеличивающихся территорію, войдетъ, вѣроятно, въ категорію вопросовъ политическихъ, подлежащихъ пересмотру и рѣшенію которыхъ можетъ быть теперь только временнымъ и случайнымъ ²⁾. Вы оцѣните на мѣстѣ, предпочтительно ли вести о нихъ переговоры въ этой формѣ условной, или же лучше о нихъ совсѣмъ умолчать ³⁾, ограничиваясь лишь постановкою принциповъ болѣе общаго свойства, на которые согласіе Порты будетъ заявлено въ протоколѣ.

Что касается до устройства, которое предполагается дать Болгаріи, принципъ ея полной автономіи, съ вассальными отношеніями къ Портѣ и платою дани, съ христіанскимъ губернаторомъ (*gouverneur*), народнымъ управленіемъ и туземною милиціею надо ясно говорить, равно какъ и удаленіе турецкихъ войскъ за исключеніемъ нѣсколькихъ пунктовъ, о которыхъ должно условиться ⁴⁾. Вы разсудите, цѣлесообразно ли упомянуть о подробностяхъ организациі, оговоривъ послѣдующее утвержденіе оной (*sous bénéfice de ratification*), но съ совершившимся фактомъ согласія Порты относительно пребыванія нашихъ войскъ въ теченіе двухъ лѣтъ въ Болгаріи; оно такъ необходимо, что мы надѣемся отстранить то противодѣйствіе, которое мѣра эта можетъ встрѣтить. Что же касается до вопроса о проливахъ, такъ какъ мы признали европейскій характеръ онаго и невѣроятнымъ представляется, чтобы мы добились въ конференціи права прохода даже одинокихъ военныхъ судовъ для однихъ прилегающихъ къ Черному морю государствъ ⁵⁾, то для

намъ редакцію протокола въ Санъ-Стефано, Россія представилась бы на конференцію въ видѣ провинившагося школьника, съ пустыми руками и тогда всѣ наши требованія были бы умалены до нуля. Авт.

¹⁾ Спрашивается, что бы тогда значилъ документъ, подписанный уполномоченными обѣихъ сторонъ, и зачѣмъ было посылать Игнатьева, начинать переговоры и сражаться правительству на всю Европу, допустивъ, что безъ ея позволенія мы ни о чемъ договориться съ турками не смѣли послѣ побѣдоносной войны. Авт.

²⁾ Безполезны были бы переговоры, если бы слѣдовать этимъ указаніямъ, и унизительны для Россіи. Не стоило вовсе заключать договора, а между тѣмъ министерство иностранныхъ дѣлъ торопило нашихъ уполномоченныхъ поскорѣ подписать его. Авт.

³⁾ То есть, о границахъ Черногоріи, Сербіи и Болгаріи. Авт.

⁴⁾ Странно подумать, что это предписывалось Игнатьеву послѣ константинопольской конференціи, на которой онъ добился и подписи уполномоченныхъ великихъ державъ на созданіе автономіи Болгаріи, послѣ манифеста, изданнаго при началѣ войны, объявляющаго болгаръ свободными, и послѣ побѣдоносной войны, разметавшей турецкія полчища и доведшей русскія войска до окрестностей Царьграда. Можно себѣ представить положеніе Игнатьева при полученіи инструкціи, находившейся въ совершенномъ противорѣчій съ тѣми, съ которыми онъ былъ отправленъ, съ его личными убѣжденіями и съ выговоренными имъ уже у турокъ договорными условіями. Авт.

⁵⁾ То есть Россіи и Турціи, какъ предполагалъ Игнатьевъ, считавшій это *minimum* нашихъ требованій. Авт.

насъ принципъ закрытія проливовъ представляется выгоднѣйшимъ и мы его будемъ отстаивать. Поэтому частное соглашеніе, упомянутое въ нашихъ основаніяхъ¹⁾ между государемъ и султаномъ, можетъ ограничиться подтвержденіемъ особымъ договоромъ общихъ гарантій, которыя будутъ впослѣдствіи условлены въ конференціи касательно совершеннаго закрытія этихъ морскихъ проходовъ для всѣхъ иностранныхъ военныхъ судовъ.

«Одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ вопросовъ—это все, что касается исправленія границъ²⁾ Бессарабіи. Въ виду противодѣйствія, которое оно, кажется, встрѣтитъ, полагаемъ лучше объ этомъ не упоминать въ прелиминарномъ протоколѣ, который будетъ заключенъ съ Турціею³⁾. Но такъ какъ эта мѣра находится въ связи съ обмѣномъ съ Румыніею земельного участка Бессарабіи на Дельту (Дунайскую) и Добруджу, вы могли бы оговорить въ общихъ выраженіяхъ за нами право располагать этою территоріею на случай вознагражденія, предназначеннаго Румыніи, давъ обязательство, что Россія *ни въ какомъ случаѣ не оставитъ* эту территорію (Дельту и Добруджу) *въ своемъ владѣніи*.

«Среди неопредѣленности нынѣшнихъ обстоятельствъ я ограничиваюсь вышеизложенными указаніями. До того времени, когда вы вступите въ переговоры, положеніе политическое и военное обрисуетъ болѣе яснымъ образомъ⁴⁾. Я вамъ достаточно высказалъ, чтобы васъ предостеречь отъ подводныхъ камней нынѣшняго положенія. Ваша разумная сообразительность (*tact intelligent*) дополнитъ то, что недостаетъ для опредѣлительности настоящихъ инструкцій».

«Горчаковъ».

(С.-Петербургъ, 20-го января 1878 года).

¹⁾ Редактированныхъ Игнатьевымъ въ Порадимѣ, вошедшихъ въ инструкцію главнокомандующему и принятыхъ уже турками въ Адрианополь, при заключеніи перемирія.

Авт.

²⁾ Министерство иностранныхъ дѣлъ уже не смѣло требовать простого возвращенія Россіи выхваченнаго у нея въ 1856 году участка Бессарабіи, а прятало рѣшеніе русскаго царя за выраженіемъ «исправленіе границъ». Кого этимъ хотѣли надуть, но для Россіи это было унижительно.

Авт.

³⁾ Министерство иностранныхъ дѣлъ потеряло изъ виду, страха ради Австріи, что Румынія, по международному договору 1856 года, входила вмѣстѣ съ отчужденнымъ у Россіи участкомъ Бессарабіи въ составъ Турецкой имперіи и, чтобы вернуть этотъ участокъ, необходимо было получить согласіе Порты еще болѣе, нежели Румыніи, а также, что сами румыны предпочитали, какъ заявилъ Братіано Игнатьеву, чтобы Порту обязали договоромъ вернуть Россіи участокъ Бессарабіи, чѣмъ сдѣлать уступку намъ отъ имени Румыніи, съ добровольнымъ нарушеніемъ договора 1856 года.

Авт.

⁴⁾ Инструкція эта выказывала полную растерянность князя Горчакова и была плохимъ подспорьемъ Игнатьеву въ его трудномъ положеніи. Вмѣсто уясненія требованій русскаго правительства, она могла только сбить съ толку уполномоченнаго,

Авт.

4*

Крупною ошибкою, связавшею насъ въ отношеніи къ Австро-Венгріи и давшю графу Андраши поводъ затормозить всѣ наши военныя и политическія дѣйствія, было, кромѣ заключенія вѣнскаго договора 3-го января 1877 года, сообщеніе императору Францу-Иосифу заблаговременно нашихъ мирныхъ предположеній, сдѣланное изъ-подъ Плевны во время отсутствія Игнатьева (вслѣдствіе болѣзни) изъ главной квартиры, и затѣмъ передача, черезъ Новикова, въ половинѣ января основныхъ мирныхъ условий для заключенія перемирія, установленныхъ въ инструкціяхъ главнокомандующаго. Эти сообщенія, неизвѣстныя Игнатьеву до командировки его для заключенія мира, какъ бы вызывали Австро-Венгрію на выраженіе своего мнѣнія касательно даже условий, на которыхъ мы предпочитали согласиться прекратить военныя дѣйствія. Графъ Андраши не замедлил воспользоваться, съ собственнымъ вѣнскому кабинету коварствомъ, нашими промахами. Три недѣли оставили русское довѣрительное сообщеніе въ Вѣнѣ безъ всякаго отзыва и хранили глубокое молчаніе. Успокоенные донесеніями Бертолсхейма ¹⁾ о событіяхъ и потеряхъ нашихъ подъ Плевною, отсутствіи теплой одежды въ нашей арміи и общемъ положеніи дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, австрійцы прониклись убѣжденіемъ, что русскія войска до весны не двинутся за Балканы, прохожденіе которыхъ зимою считалось не только въ Вѣнѣ, но и въ Берлинѣ и Лондонѣ невозможнымъ. Европейскіе стратеги полагали, что военачальника, который бы предпринялъ такой рискованный походъ, можно будетъ считать сумасшедшимъ. Графъ Андраши, на этомъ основаніи, какъ и другіе кабинеты, не ожидалъ такой быстрой развязки и былъ застигнутъ врасплохъ событіями въ Южной Болгаріи. Онъ, какъ и всѣ кабинеты, замышлявшіе связать Россію по рукамъ и ногамъ, пользуясь нашимъ традиціоннымъ благодушіемъ, старческимъ предрасположеніемъ князя Горчакова къ конференціямъ и слабостью его къ европейскимъ соглашеніямъ, опоздали, благодаря подвигамъ русскихъ войскъ. Порта, удостовѣрившись въ неминувости гибели и въ томъ, что Англія эгоистически довольствовалась лишь подстрекательствомъ Турціи для продолженія войны, рѣшилась 30-го ноября просить Австрію о посредничествѣ ея для заключенія мира съ Россією. Но графъ Андраши отклонилъ эту просьбу, выставивъ свой поступокъ предъ русскимъ правительствомъ, какъ доказательство своей солидарности съ нами и «честности» сохраненія якобы своихъ обязательствъ предъ нами. Но истинною побудительною причиною его поступка была вовсе не честность относительно Россіи, а желаніе продолженія войны для того,

¹⁾ Австро-венгерскаго военнаго агента, бывшаго при главной квартирѣ.

А в т.

чтобы извлечь свою желаемую Австро-Венгерією пользу для себя изъ обязательствъ договора 3-го января: графъ Андраши желалъ не сохраненія обезсиленной Турціи, а ея разрушенія нашими руками, чтобы завладѣть Боснією и Герцеговиною и стать хозяиномъ въ сербскихъ земляхъ и вообще на Балканскомъ полуостровѣ, пользуясь географическимъ положеніемъ Австро-Венгрии. Какъ только сербы, вопреки желанію вѣнскаго кабинета и его воздѣйствію на князя Горчакова, приняли участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ тотчасъ же, — опасаясь возникновенія большой Сербіи, которую графъ Андраши считалъ гибельною для Венгрии, заявляя, что Австро-Венгрія созданія на своихъ границахъ значительнаго славянскаго государства, въ особенности же Сербіи или Черногоріи, допустить не можетъ и готова «пожертвовать своимъ послѣднимъ солдатомъ» для противодѣйствія такой опасности, — Австро-Венгрія стала дѣлать приготовленія и вооружаться для завладѣнія Боснією и Герцеговиною. вмѣстѣ съ тѣмъ австро-венгерскому послу въ Петербургѣ Лангенау было поручено 18-го января заявить, что всѣ постановленія, измѣняющія существующіе договоры, будутъ считаться недѣйствительными, пока не подвергнутся пересмотру всѣхъ державъ, подписавшихъ Парижскій договоръ ¹⁾. Эта дерзкая выходка, проявившая притязанія графа Андраши, идущія въ разрѣзъ съ обязательствами, принятыми имъ передъ нами (3-го января) прежде всего, не отрезвила князя Горчакова относительно вѣры въ прямодушіе политики графа Андраши и согласіе его съ нашими видами, ему извѣстными не только въ главныхъ чертахъ, но даже въ такихъ подробностяхъ,

¹⁾ Изъ сближенія двухъ датъ: 18 и 20 января 1878 года, видно, что робкая дополнительная инструкция князя Горчакова графу Игнатъеву была прямымъ подчиненіемъ нашего канцлера дерзкому требованію графа Андраши. Это сближеніе датъ весьма важно въ томъ отношеніи, что оно намъ даетъ совершенно точное указаніе того момента, когда петроградскій кабинетъ принялъ постыдное рѣшеніе, заранѣе парализовавшее всякое значеніе Санъ-Стефанскаго договора, въ угоду врагамъ Россіи. Это рѣшеніе было въ совершенномъ противорѣчій съ дипломатическими прецедентами другихъ государствъ, которыя не знали примѣра подобнаго подчиненія побѣдителя на конгрессѣ нейтральныхъ, но враждебныхъ ему державъ. Такое соотношеніе мыслимо было только въ случаѣ вассальной зависимости. Такимъ образомъ, ясно обрисовывается, что Санъ-Стефанскій договоръ возникъ не только изъ личнаго творчества и упорства Игнатъева, который продолжалъ, согласно прежнимъ высочайшимъ предначертаніямъ, дѣйствовать въ направленіи, ограждавшемъ достоинство, честь и интересы Россіи, но, кромѣ того, можно сказать, что будь на его мѣстѣ бездушный исполнительный чиновникъ, для коего соображенія личной карьеры стоятъ на первомъ планѣ, а жажда къ великому историческому творчеству есть страсть непонятная, тогда слѣпое подчиненіе нелѣпой инструкции князя Горчакова (подписанной 20-го января 1878 года) являлось уже слѣдствіемъ совершенно неизбѣжнымъ. Россія и славянство не узнали бы славной страницы Санъ-Стефанскаго договора, который (хотя онъ и былъ отмѣненъ на Берлинскомъ конгрессѣ) тѣмъ не менѣе остался, какъ памятникъ прозорливости Игнатъева и какъ ясно начертанная схема для единственно возможнаго въ то время умпротворенія Балканскаго полуострова.

А. Б.

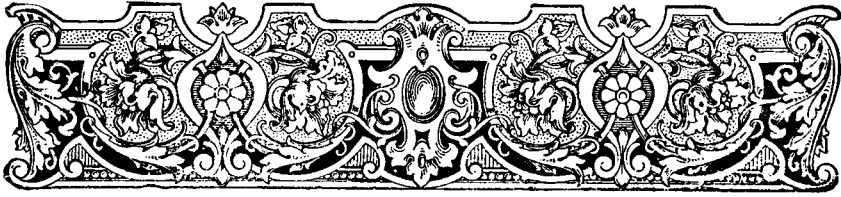
которыя не слѣдовало бы доводить до предварительнаго свѣдѣнія иностраннаго кабинета. Надо было бы, съ русской точки зрѣнія, держаться одного изъ двухъ: или привлечь Австрію вполне на свою сторону, связавъ ее болѣе прочными обязательствами, компрометирующими ее предъ Европою, въ случаѣ оглашенія ихъ, или же отвѣтить на нахальство графа Андраши угрозою дѣйствительною, предъ которою Австро-Венгрія, для избѣжанія войны, при существовавшемъ тогда подъемѣ духа и расположеніи всѣхъ славянскихъ населеній къ освободительной политикѣ Россіи, по всей вѣроятности, спасовала бы и предпочла бы соглашеніе съ нами. Канцлеръ нашъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, чѣмъ укрѣпилъ графа Андраши въ мнѣніи, что путь, на который онъ вступилъ, не опасенъ и что на стоворчивость и умѣренность Россіи можетъ онъ всегда разсчитывать.

Искра, не будучи потушеною своевременно, разразилась пламенемъ и привела къ Берлинскому договору. На первое же время она вызвала преувеличенныя опасенія князя Горчакова, колебанія въ его рѣшеніяхъ и нерѣшительную измѣнчивость въ его дѣйствіяхъ и инструкціяхъ.

Гр. Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОСЛѢ ГРОЗЫ...

(Повѣсть).

«Вышая цѣль искусства состоитъ въ томъ, чтобы дать вѣрный образъ благороднаго человѣческаго существа; большаго оно никогда не достигало, а меньшимъ оно не должно удовлетворяться.

Дж. Рескинъ.

«Неправедный пусть еще дѣлаетъ неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творить правду еще; и святой да освящается еще».

Откровение Иоанна Богослова.
Глава XXII, стихъ II.

I.

ОВНО въ двѣнадцать часовъ жаркаго юньскаго дня экспрессъ прямого сообщенія изъ Петербурга съ грохотомъ въѣхалъ въ вокзалъ большаго южнаго города. Пестрая публика, ожидавшая на платформѣ, сразу пришла въ движеніе и бросилась навстрѣчу приѣзжимъ. Утомленные долгой дорогой, путешественники какъ-то лѣниво выползали изъ вагоновъ и нерѣшительно останавливались, словно ослѣпленные непривычною яркостью южнаго солнца.

Это былъ петербургскій бо-мондъ, крупное чиновничество, направлявшееся въ крымскіе и кавказскіе курорты для восстановления силъ, истраченныхъ за зиму бессонными ночами на столичныхъ балахъ, пьяныхъ оргіяхъ и безпутныхъ загородныхъ пикникахъ. И на ихъ одутлыхъ лицахъ, то кирпично-краснаго цвѣта, апоплектическихъ, то блѣд-

ныхъ и безкровныхъ, сквозила подъ дѣланной улыбкой не то скука, не то скрытый стыдъ за всякіе физическіе и нравственныя эксцессы, въ которыхъ проходила ихъ шумная и пустая жизнь.

Толпа смѣшалась въ плотную массу и направилась къ выходу.

Въ это время изъ вагона второго класса вышелъ человѣкъ высокаго роста, крѣпко сложенный, лѣтъ тридцати пяти. Одѣтъ онъ былъ въ легкую крылатку и въ мягкой широкополой шляпѣ, изъ-подъ которой выбивались длинныя свѣтло-каштановыя, вьющіеся волосы. Его бѣло-розовое лицо, обрамленное густой русой бородой, замѣчательно красиваго, какого-то благороднаго склада, дышало увѣренностью въ себя и спокойнымъ довольствомъ. Онъ остановился, освободился отъ вынесеннаго имъ дорожнаго мѣшка и, скрестивъ руки на широкую грудь, приподнял нѣсколько голову, направивъ взоръ поверхъ толпы, куда-то вдаль, точно въ ожиданіи. И его горделивая поза, которая могла бы показаться смѣшной, если бы такъ сталъ какой-нибудь плюгавый и некрасивый человѣкъ, казалась для него совершенно естественной, какъ для человѣка, призваннаго господствовать надъ другими... И публика, проходившая около него, особенно женщины, невольно оборачивали къ нему голову и съ тайнымъ восхищеніемъ и съ любопытствомъ оглядывали его мощную фигуру.

— Варягинъ! Наконецъ-то... Съ прїѣздомъ, дорогой, съ счастливымъ прїѣздомъ.

Съ этими словами откуда-то со стороны подбѣжалъ къ нему мужчина, франтовато-одѣтый въ свѣтло-сѣрый костюмъ, въ пижамной лѣтней чиновничьей фуражкѣ.

— Здравствуй, Стуковъ, здравствуй, дружище,—обернулся къ нему Варягинъ.—Какъ видишь, я тебя поджидаю. Но и увидѣлъ бы, кажется, не узналъ бы тебя въ этой фуражкѣ. Ну, почеломкаемся...

Друзья горячо поцѣловались.

— Не кори!—весело заговорилъ чиновникъ.—Фуражку-то я надѣлъ только въ твою честь: имѣй въ виду. Ниче кокарда, братъ, въ большомъ почетѣ...

— Знаю и не думаю укорять,—смѣясь, отвѣтилъ тотъ.—Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ. Но объ этомъ рѣчь впереди... А теперь идемъ за моимъ чемоданомъ, а тамъ и въ Эльдorado, который ты мнѣ уготовилъ.

Друзья двинулись впередъ, продолжая бесѣду. Стуковъ казался нѣсколько старше Варягина. Онъ былъ худощавый бронетъ въ пенснэ, и его чрезвычайно подвижное симпатичное лицо съ бойкими, пронизывающими глазами выдавало нервный, впечатлительный темпераментъ.

— Именно Эльдorado,—продолжалъ Стуковъ.—Я исполнилъ точно твое наставленіе. Нашелъ тебѣ жилище по твоему вкусу:

тишина и спокойствіе, да кусочекъ неба и кусочекъ степи, какъ ты о томъ мечталъ. Самъ увидишь. И всего въ получасовомъ разстояніи отсюда, такъ что видѣться будемъ часто. Вѣдь намъ о многомъ, многомъ нужно переговорить, итоги подвести. Не такъ ли? Мы съ тобой почти пять лѣтъ какъ не видѣлись...

— Да, пять лѣтъ,—подтвердилъ Варягинъ, и лицо его стало серьезнымъ.

Оба почему-то задумались и замолчали.

Нѣсколько минутъ спустя, друзья, сидя рядомъ въ пролеткѣ, съ нагруженнымъ на козлахъ чемоданомъ, ѣхали по направленію къ морской пристани, откуда шелъ поѣздъ къ мѣсту пребыванія Варягина.

II.

Яркое солнце на чистомъ небѣ, заливавшее своими золотистобѣлыми лучами красивыя, широкія улицы, обсаженныя густымъ рядомъ зеленѣющихъ деревьевъ, и уличное движеніе скоро разсѣяли грустное облачко, омрачившее было на минуту нашихъ друзей.

Варягинъ смотрѣлъ съ любопытствомъ по сторонамъ, покуда бойкая лошадка быстро уносила ихъ впередъ по ровной мостовой.

— Когда-то и я здѣсь бывалъ,—задумчиво молвилъ онъ.— Отсюда я отправился моремъ во Владивостокъ. Съ тѣхъ поръ городъ, видно, сильно украсился. Какіе новые шикарные дома, а вонъ и электричка бѣжить...

— Да, снаружи все обстоитъ благополучно,—подхватилъ Стуковъ.—Особенно въ центрѣ города. Но внутри—плодъ-то гнилой. Считаю: панама таможенная—разъ, панама почтовая—два, панама пароходнаго общества—три, панама ремесленная—четыре, панама полицейская—пять, да еще хватило бы на другіе пять пальцевъ, не считая того, о чемъ, какъ говорится, знаютъ большіе, у кого бороды пошире...

— Въ такомъ случаѣ я-то долженъ знать,—смѣясь, прервалъ его Варягинъ, поглаживая свою шелковистую бороду.

— Ты знаешь, ты все знаешь,—одобрительно поддакнулъ ему Стуковъ.—А что у васъ дѣлается въ Петербургѣ?

— Петербургъ городъ умный,—отвѣтилъ, подумавъ, Варягинъ.—Умный, но чувствительный, и отъ этой чувствительности Россія и страдаетъ: очень онъ любитъ, чтобы его любили. Ты вотъ говоришь о панамахъ. Представь себѣ такую вещь: Россія... Понимаешь ли ты это слово—Россія? Я сюда ѣхалъ три дня и все Россія. А тамъ—Петербургъ. Теперь—дальше. Во всякомъ россійскомъ городѣ завелись нынче какіе-то особенные граждане, которые влюблены въ Петербургъ. Случается—панама... И замѣть, что почти всегда во главѣ панама находится человекъ, влюбленный въ Петербургъ. И какъ только открывается такая панама, онъ

сейчасъ же летить объясниться въ любви въ Петербургъ. Ибо тамъ находится Иванъ Ивановичъ, Семень Семеновичъ, Борисъ Борисовичъ—люди чувствительные, которые противъ любви никакъ не могутъ устоять... И все кончается благополучно—и панамы какъ не бывало...

— А вѣдь ты правду говоришь,—подтвердилъ Стуковъ.— Вчера какъ разъ открылась у насъ маленькая панамы: всего тысячь на пятьдесятъ. И дѣйствительно, кто-то, прикосновенный къ этому дѣлу, уже укатилъ въ Петербургъ. Должно быть, въ любви объясняться, какъ ты говоришь... И, навѣрное, козыремъ вернется...

Пролетка подкатила къ небольшому желѣзнодорожному вокзалу у самаго моря, и друзья пересѣли въ открытый лѣтній вагонъ ожидавшаго поѣзда.

— Вѣдь тамъ, кажется, лиманъ, какъ я слышалъ, лечебное мѣсто, куда ты меня увозишь?—спросилъ Варягинъ.

— Да, но домъ, гдѣ я нанялъ тебѣ помѣщеніе, находится не на лиманѣ, а дальше и выше, на горѣ, откуда у тебя чудный видъ на лиманъ и на море. Домъ окруженъ садомъ и стоитъ совершенно одиноко среди обширной степи, покрытой ковромъ полевыхъ цвѣтовъ. А воздухъ-то какой! Въ домѣ живутъ жильцы и жилички. Нѣкоторые пріѣхали для леченія, другіе для воздуха, для отдыха. Твоя комната во второмъ этажѣ съ балкономъ и находится совершенно отдѣльно, позади корпуса. Около тебя сдается только еще одна комната, да, кажется, она пустая. Можешь себѣ работать, писать, сколько душѣ угодно... Никто мѣшать тебѣ не будетъ.

Оставивъ позади себя городскія строенія и окраины города, съ торчащими высокими фабричными трубами, поѣздъ огибалъ широкую полосу воды, охваченной кряжемъ зеленыхъ и плоскихъ, довольно крутыхъ возвышенностей. Это былъ лиманъ, на берегу котораго пріютились жилые дома и лечебныя заведенія. Густая зелень садовъ и тихая гладь воды сразу дѣйствовали на умъ успокоительно, и особенно на столичнаго жителя, всю жизнь проводящаго въ угрюмыхъ стѣнахъ городской тѣсноты и людской давки. Лицо Варягина оживилось. Онъ чувствовалъ, точно зазвенѣли въ немъ нетронутыя мелодическія струны.

— Я уже вижу, что здѣсь будетъ хорошо,—сказалъ онъ, вдыхая воздухъ полной грудью.—Вотъ когда понимаешь всю гадость столичной жизни... Удивительно ли, что и душа людей тамъ дѣлается извращенной и жестокой...

Поѣздъ подъѣхалъ къ крытой платформѣ, на которой сновала дачная публика. Друзья опять пересѣли въ пролетку и двинулись въ путь, подымаясь зигзагами все выше на гору по широкой проѣзжей дорогѣ. И чѣмъ выше они поднимались, тѣмъ шире развѣртывалась даль на море и окрестности. Еще нѣсколько минутъ ѣзды,

и пролетка остановилась у входа въ садъ, окружавшій большой каменный домъ, заслоненный цвѣтущими акаціями.

— Пріѣхали,—соскакивая съ пролетки, заявилъ Стуковъ.—А вотъ и твой хозяинъ, Михайль Михайловичъ Бондаренко.

У калитки стоялъ толстый человѣкъ здороваго вида, въ соломенной шляпѣ и съ широкой улыбкой смотрѣлъ на пріѣзжихъ своими маленькими, точно просверленными буравомъ голубыми глазками, заплывшими жиромъ.

— Добро пожаловать,—гостепріимно обратился онъ къ Варягину:—давно васъ ожидаемъ. Чувствуете, какой у насъ тутъ воздухъ... Только буду просить объ одномъ: весь воздухъ себѣ въ легкія не забирайте, но и намъ немножко оставьте.

— Поневоля оставлю, а то, ей-Богу, весь унесъ бы съ собой,—отшучивался Варягинъ, добродушно здороваясь съ нимъ.

Всѣ трое направились къ дому черезъ садъ по прямой дорожкѣ, по бокамъ усѣянной высокими кустами пышной разноцвѣтной мальвы.

Въ саду, съ киркой въ рукѣ усердно рылъ землю молодой человѣкъ въ рубашкѣ, опоясанной кожанымъ кушакомъ.

— А вотъ и мой сынъ—Иванъ Михайловичъ,—отрекомендовалъ онъ его своимъ гостямъ.

Тотъ поднялъ голову и медленно подошелъ.

— Онъ у меня настоящій макака,—засмѣялся отецъ.—Всю японскую кампанію продѣлалъ... Всѣхъ страстей навидался, а теперь мирнымъ трудомъ занимается: цвѣтники насаживаетъ.

Молодой человѣкъ, свѣтлый блондинъ, сосредоточенно взглянулъ на незнакомцевъ, но не проронилъ ни слова. Только въ глазахъ его какъ будто промелькнула хитрая усмѣшка.

Хозяинъ провелъ своихъ гостей сквозь домъ на задній дворъ, гдѣ, поднявшись по наружной желѣзной лѣстницѣ, они очутились на балконѣ, на который выходили наружныя двери двухъ большихъ комнатъ. Одна изъ нихъ и была нанята Стуковымъ для Варягина.

— А вотъ сосѣднюю съ вашей комнату,—объяснилъ хозяинъ,—съ легкой руки, должно быть, господина Стукова, одна молодая дамочка вчера наняла. Завтра переѣзжаетъ. Хорошенькая сосѣдка, могу васъ увѣрить. И вамъ веселѣе будетъ: не даромъ говорятъ: дѣвица въ терему, что яблочко въ раю...

Михайль Михайловичъ раскатисто засмѣялся.

— Ну, господа, раскладывайте ваши вещи, а я пока прошу прощенія—дѣла зовутъ...

III.

Друзья остались одни.

— Спасибо тебѣ,—поблагодарилъ Варягинъ своего пріятеля.—Угодилъ... Хорошо будетъ здѣсь работать.

— Кстати, на какую тему ты пишешь?—спросилъ его Стуковъ, удобно усаживаясь на стулъ и закуривая папиросу.

— Тема простая,—отвѣтилъ Варягинъ, снимая пальто и шляпу и также садясь.—Буду описывать то, что мы съ тобой видѣли своими глазами, слышали своими ушами—вотъ и все... А теперь Расскажи о себѣ, какъ ты ладишь съ новыми товарищами. Какъ относятся къ тебѣ господа чиновники?

Стуковъ криво улынулся.

— Мирокъ интересный,—началъ онъ, затягиваясь папиросой.— Прежде я его зналъ скорѣе по наслышкѣ, по книгамъ. Войдя же въ него составнымъ элементомъ, мнѣ многое открылось въ его, такъ сказать, психологіи. Въ общемъ психологія эта незамысловатая. Всѣ помыслы направлены на служебный успѣхъ: чинъ, орденъ, жалованье. Миропониманіе его сообразуется съ миропониманіемъ главнаго начальника вѣдомства, въ которомъ онъ служитъ. Будь начальникъ либеральный, и онъ охотно держитъ либеральный рѣчи; если же начальникъ консерваторъ, то онъ сейчасъ же мѣняетъ свое мировоззрѣніе съ удивительной быстротой. При мнѣ случился такой казусъ. Назначили новаго начальника, отмѣнно ретрограднаго. Такъ я былъ пораженъ, какъ тонъ всей канцеляріи отъ писемоводителя до начальника отдѣленія моментально перемѣнился со дня на день, какъ по вдохновенію свыше.

— А какъ они на тебя смотрятъ?—спросилъ Варягинъ.

— По правдѣ сказать, какъ на паршивую овцу,—засмѣялся Стуковъ.—Но трогать не смѣютъ, ибо знаютъ, что у меня въ Петербургѣ есть знакомство и даже въ Государственной Думѣ. А потому время такое: кто знаетъ нынче, куда человѣкъ шагнуть можетъ...

— Въ общемъ, значить, разницы съ прошлымъ мало?

— Какъ тебѣ сказать... разница есть и, пожалуй, большая. Какъ никакъ, а Государственная Дума—неудобная штука. Мы вѣдь такъ долго жили въ тишинѣ и молчаніи. Особенно для большихъ чиновъ... Ну, а мелкое чиновничество, какая можетъ быть въ немъ перемѣна. Что такое въ общемъ чиновничество? Это сравнительно небольшой классъ людей, для котораго уже на дѣлѣ осуществились социальныя идеалы всеобщаго матеріальнаго достатка. Настоящіе социалисты, во плоти и крови, это мы—господа чиновники... А отъ добра добра не ищутъ...

Стуковъ весело засмѣялся.

— Э-э! вонъ куда ты махнулъ,—также засмѣялся вмѣстѣ съ нимъ и Варягинъ.—Я тебѣ лучше скажу: у меня въ Петербургѣ есть знакомый миллионеръ, большой баринъ, такъ онъ прямо объявляетъ, что онъ анархистъ: властей, дескать, не признаю: дѣлаю, что хочу. И вѣдь правъ человѣкъ. А не скучно тебѣ съ твоими социалистами?

— Вижусь съ ними только на службѣ,—отвѣтилъ Стуковъ:—но я занять кое-какими финансовыми дѣлами.—Нужно какъ-нибудь вернуть хоть часть состоянія. Вѣдь я почти все спустилъ на нашу газету въ освободительное-то время, помнишь?

— Помню и хвалю за это,—одобрилъ Варягинъ.

Стуковъ помолчалъ.

— Въ свободное время,—продолжалъ онъ,—бываю также у знакомыхъ. Чаще всего, впрочемъ, только у однихъ знакомыхъ—у профессора университета Александра Ивановича Ростовцева. Свѣтлая, хорошая личность. И жена, и сынъ у него также симпатичные люди. Съ сыномъ, Алексѣемъ, я очень подружился. Идеалистъ и мечтатель: только съ такими и не скучно говорить... Я тебя съ нимъ непременно познакомлю.

— Отлично,—согласился Варягинъ:—теперь самое интересное—молодежь. Что она думаетъ, куда смотреть,—отъ этого зависить будущее.

Стуковъ опять помолчалъ, и лицо его освѣтилось какимъ-то пріятнымъ впечатлѣніемъ. Видимо, онъ колебался—говорить ему, или нѣтъ.

Вдругъ онъ рѣшился.

— Знаешь, голубчикъ, открою тебѣ мою тайну. Отъ тебя мнѣ нечего скрывать. Старые вѣдь пріятели... Влюбленъ я, милый, и женился намѣренъ...

— Вотъ какъ!—удивился Варягинъ.—Что же—дѣло хорошее. Ты всего, кажется, на годъ старше меня. Самое, значитъ, время. Ну, рассказывай, кто она такая.

— Курсистка,—живо отвѣтилъ Стуковъ:—двадцатилѣтняя барышня и притомъ красавица въ полномъ смыслѣ слова. Зовутъ ее Натальей Васильевной Лебедевой.

— Отчего же ты мнѣ ничего объ этомъ не писалъ?—спросилъ Варягинъ.

— А потому, что только на дняхъ мы съ ней объяснились. Она дочь моего квартирнаго хозяина, отставнаго капитана пароходной компаніи, у котораго я занимаю двѣ комнаты. Такъ мало-по-малу я и влюбился въ нее, видя ее каждый день и часто бесѣдуя съ ней. Умница большая. Хотя мы не обручены, но она мнѣ не отказала, а только просила подождать до осени ея окончательнаго рѣшенія...

— Ну, не прозѣвай!—кивнулъ ему одобрительно Варягинъ.—Я всегда тебѣ твердилъ, что ты созданъ для брака... Люди, какъ ты, увлекающіеся, должны непременно носить цѣпь хотя Ги-меней...

— Я самъ такъ думаю,—молвилъ Стуковъ.—Но мнѣ хочется, чтобы и ты ее увидѣлъ и сказалъ мнѣ твое мнѣніе. Вѣдь ты мудрецъ.

— Познакомь,—согласился Варягинъ.—Интересно взглянуть на твою избранницу... А теперь прости, я займусь писаніемъ одного спѣшнаго письма, а ты себѣ сиди, если хочешь...

— Нѣтъ, я уже пойду,—заявилъ, вставая, Стуковъ.—У меня также есть дѣло, а завтра опять, конечно, буду у тебя. До свиданія, дорогой... А что подѣлываетъ Евдокія Петровна?

— Спасибо, здорова. Сторожить мое хозяйство въ Петербургѣ,—улыбнувшись, коротко отвѣтилъ Варягинъ.

Друзья попрощались и разстались.

IV.

Варягинъ, по уходѣ Стукова, сейчасъ усѣлся писать письмо и, когда кончилъ, положилъ его въ карманъ, надѣлъ шляпу и вышелъ, никѣмъ не замѣченный, изъ другой двери, выходившей прямо въ поле, на заднемъ дворѣ дома. Онъ пѣшкомъ медленно спустился по горѣ внизъ, намѣреваясь опустить въ ящикъ письмо и, кстати, гдѣ-нибудь пообѣдать. Онъ всегда любилъ много ходить, а теперь на чистомъ воздухѣ его неудержимо влекло все осмотрѣть, отдать себѣ отчетъ въ распланировкѣ курорта и окрестностей. Вдоволь нагулявшись, онъ вернулся, чувствуя богатырскій аппетитъ, и вошелъ въ маленькій ресторанъ съ садомъ, гдѣ заказалъ себѣ обѣдъ, усѣвшись за столикомъ подъ деревомъ.

Обѣдъ подавала ему молодая дѣвушка, по имени Настя, какъ сейчасъ же узналъ отъ нея Варягинъ, любившій запросто говорить съ народомъ, который также инстинктивно ему сочувствовалъ, угадывая въ немъ «своего», не гордаго барина.

Уходя, Варягинъ обѣщалъ часто заходить сюда обѣдать.

Послѣ обѣда Варягинъ поднялся опять на гору, но не пошелъ домой, а отправился черезъ поле къ отдаленному озеру, виднѣвшемуся вдали и манившему его своей гладкой поверхностью и красивыми берегами.

Послѣ часа ходьбы онъ дошелъ до самаго берега и съ наслажденіемъ прилегъ на траву. Какъ всѣ люди, одаренные творческими способностями, Варягинъ любилъ природу крѣпкой, какой-то родственною любовью. Въ сущности онъ любилъ природу больше всего на свѣтѣ, больше книгъ, больше женщинъ, больше даже великихъ, увлекавшихъ его идей. Для него природа была концомъ и началомъ всего и вмѣстѣ съ тѣмъ была той открытой книгой, гдѣ ему казалось, что онъ ясно читаетъ свою судьбу и судьбу всего человѣчества. Природа, то умирающая, то возрождающаяся, была для него послѣднимъ символомъ человѣческой жизни въ томъ, въ чемъ ни одинъ мудрецъ не могъ еще ее разгадать. Умирай и опять возрождайся,—говорила ему эта природа, кратко, безъ словъ, но въ наглядномъ примѣрѣ всего безсловеснаго и чудеснаго творе-

нія, растущаго и движущагося, начиная съ муравьевъ, пчель и бабочекъ и кончая всей живущей тварью. И этотъ законъ природы, такъ покорно и естественно принимаемый всѣмъ живущимъ, примирялъ его съ его роковою неизбѣжностью. Природа же внушила ему двѣ мысли, которыя онъ проводилъ, насколько могъ, въ жизнь: смотрѣть на жизнь, какъ на весьма короткій и преходящій періодъ нашего загадочнаго существованія и интересоваться только тѣмъ, что облагораживаетъ нашу жизнь въ мірѣ чувствъ и въ мірѣ идей.

Первая мысль освобождала его отъ всякихъ заботъ о личномъ благополучіи и сопряженной съ этимъ борьбы за матеріальныя блага, соединенной большею частью съ вредомъ для другихъ. Вторая мысль развила въ немъ доброту ко всѣмъ людямъ и всепрощеніе ихъ слабостямъ, основанное на своемъ пониманіи высшихъ жизненныхъ задачъ и ея цѣлей, которыхъ многіе люди не видятъ не по своей винѣ, а какъ слѣпые не видятъ свѣта. Относительно этого, т.-е. въ нравственную и духовную разницу между людьми, Варягинъ глубоко вѣрилъ почти съ восточнымъ суевѣріемъ. Онъ даже въ глубинѣ души былъ убѣжденъ, что всякій человѣкъ возрождается на землѣ и принимаетъ всѣ тяготы земной жизни, со смертію включительно, до тѣхъ поръ, пока онъ совсѣмъ духовно не очистится и умственно не возвысится до совершенства. А тогда онъ уже переходитъ въ иной міръ, еще болѣе совершенный, гдѣ онъ встрѣчается и живетъ съ высшими существами, пока опять не заслужитъ перейти въ другой міръ, еще высшаго блаженства. Онъ любилъ эту гипотезу, взлелѣянную имъ въ молодости, которая хорошо согласовалась съ его душевнымъ складомъ и какъ бы освѣщала темную загадку нашего существованія. Эта же вѣра направила его умъ и дѣятельность на путь активной работы, чтобы способствовать развитію въ людяхъ высшихъ идей и какъ, слѣдствіе этихъ идей, высшихъ формъ жизни. И онъ сдѣлался писателемъ.

Теперь, лежа на травѣ, Варягинъ словно набиралъ новыхъ силъ у той матери-природы, которую онъ такъ любилъ... А силы ему были нужны. Его безкровная борьба расходовала больше силъ, нежели кровавая физическая бойня. Все, что его возмущало, все зло, вся ложь жизни, которыя онъ такъ отчетливо видѣлъ вокругъ себя, постоянно волновали его, требовали мучительнаго отпора, хотя съ виду онъ оставался равнодушнымъ. Но всѣ явленія жизни имѣли отзвукъ въ его душѣ и всегда вызывали реакцію либо въ видѣ писаннаго слова, либо въ видѣ активнаго воздѣйствія. Онъ не ограничивался однимъ литературнымъ отраженіемъ своихъ чувствъ и мыслей, а считалъ необходимымъ и гораздо болѣе важнымъ личное активное участіе во всякомъ симпатичномъ ему дѣлѣ.

— Лучшая книга, — говорилъ Варягинъ, — это живой человѣкъ... Не въ книгахъ, а въ человѣчествѣ въ его совокупности прочтѣ всего хранится мудрость всѣхъ вѣковъ...

Только къ вечеру, когда наступили сумерки, Варягинъ вернулся въ свою комнату и усталый сейчасъ же легъ и крѣпко заснулъ.

V.

Вадимъ Владимировичъ Варягинъ былъ сынъ уѣзднаго фельдшера въ одной изъ южныхъ губерній. Дѣтство его было безотраднo и прошло въ бѣдности и лишенияхъ. Однако природныя способности и любознательность позволили ему окончить сперва уѣздное училище, а затѣмъ перейти въ гимназію въ губернской городъ. Но въ университетъ онъ не попалъ за неимѣніемъ средствъ. По окончаніи гимназіи онъ поступилъ на службу на желѣзнодорожную станцію вблизи родного города, откуда передъ началомъ русско-японской войны перевелся начальникомъ маленькой затерянной станціи въ Манчжуріи. Поѣхалъ онъ туда моремъ, о чемъ и вспоминалъ въ бесѣдѣ со Стуковымъ. Это путешествіе до Владивостока сильно заинтересовало его, особенно при остановкахъ парохода въ Индіи, Японіи и Китаѣ. Поселившись въ Манчжуріи, онъ сталъ изучать бытъ китайцевъ, вынося полезныя наблюденія изъ знакомства съ ихъ нравами и обычаями. Здѣсь застала его русско-японская война, въ самомъ началѣ которой онъ чуть не былъ убитъ шайкой хунхузovъ, напавшихъ на станцію. Во время этого нападенія онъ былъ раненъ въ ногу и пролежалъ около трехъ мѣсяцевъ въ кровати. Оправившись, онъ бросилъ службу и направился въ Петербургъ, куда пріѣхалъ какъ разъ къ началу политическаго и экономическаго броженія, охватившаго всю Россію. Онъ сразу примкнулъ къ этому движенію, видя въ немъ національное возрожденіе и пробужденіе народа. Онъ сталъ писать въ газетахъ, возникавшихъ тогда въ такомъ изобиліи, а также принималъ участіе въ митингахъ. Его убѣжденный голосъ и видная фигура отмѣтили его въ числѣ вліятельныхъ дѣятелей движенія. Но онъ ратовалъ не столько за проведеніе новыхъ основныхъ законовъ, сколько за необходимость полнаго пересмотра экономическихъ отношеній и за свободу мысли во всѣхъ ея проявленіяхъ.

— Для меня, — говорилъ онъ въ одномъ собраніи: — этикетка вещь пустая и часто фальшивая... Будетъ ли у насъ конституція, или нѣтъ, — не все ли равно. Неужели отъ того, что это иностранное слово, малопонятное русскому человѣку, не войдетъ въ обиходъ нашего законодательства, измѣняется суть дѣла. На Западѣ, господа, вездѣ процвѣтаетъ эта пресловутая конституція, а развѣ эти народы не подвержены тому же экономическому гнету, ре-

лигіозному, милитаристическому, капиталистическому и всякому другому. Посмотрите, что дѣлается въ Австріи, Германіи, даже въ свободолюбивой Франціи. Единое, что важно, это то, что совершается въ душѣ народа, его внутреннее освобожденіе... А для этого онъ долженъ жить по-человѣчески, и въ этомъ должны мы ему помочь прежде всего...

Въ эти бурные дни онъ познакомился съ Николаемъ Николаевичемъ Стуковымъ.

Стуковъ происходилъ изъ знатнаго и богатаго рода, изъ бюрократической семьи. Онъ обладалъ хорошимъ состояніемъ, полученнымъ имъ по наслѣдству, и имѣлъ связи съ представителями высшихъ сферъ. Онъ долго прожилъ за границей и также вернулся въ Петербургъ ко времени окончанія японской войны. Онъ сразу поддался общему подъему того времени и, не считая, сталъ тратить деньги на поддержку разныхъ обществъ, союзовъ и печатныхъ изданій. Между прочимъ, онъ основалъ собственную газету, которой сдѣлался редакторомъ и которая въ скорое время успѣла поглотить почти все его состояніе. Въ редакціи этой газеты онъ и познакомился съ Варягинымъ, сдѣлавшимся однимъ изъ видныхъ ея сотрудниковъ. Такъ шло дѣло до обратной волны, когда движеніе, не имѣвшее умѣлаго руководителя, стало переходить въ анархію и уличную революцію.

Но Стуковъ, потерявшій свое состояніе, не печалился.

— Все-таки у насъ Государственная Дума, а въ ней есть и мой кирпичекъ,—утѣшался онъ.

Буря постепенно утихала... Новое законодательное учрежденіе обратило на себя всѣ взоры, какъ спасительный маякъ вокругъ разбушевавшихся волнъ...

— Теперь только начинается созидательная работа,—изрекъ однажды Варягинъ при Стуковѣ.

— Вѣрно,—согласился съ нимъ Стуковъ.

И онъ сообщилъ Варягину о своемъ намѣреніи поступить на государственную службу.

— Я считаю,—объяснялъ онъ:—что будировать правительство—это самый легкій, но и самый непроизводительный протестъ. Этимъ занимались наши либералы чуть ли не полстолѣтье. И что изъ этого вышло? Мукденъ и Цусима... Напротивъ, намъ, желающимъ принести реальную пользу Россіи, слѣдуетъ, насколько можно въ большемъ количествѣ, проникнуть въ ея администрацію. Это такъ же вѣрно, какъ дважды два—четыре.

Варягинъ совершенно съ нимъ согласился. Самъ онъ окончательно отдался литературѣ и журналистикѣ, а Стуковъ поступилъ, при содѣйствіи вліятельныхъ знакомыхъ, на хорошую должность въ большой южный городъ, гдѣ мы и застаемъ нашихъ пріятелей, впервые встрѣтившихся послѣ долгой разлуки.

VI.

Уходя отъ Варягина, Стуковъ не столько спѣшилъ по дѣлу, сколько желалъ скорѣе увидѣться съ Натальей Васильевной Лебедевой, въ которую онъ былъ очень влюбленъ и съ которой проводилъ большую часть вечеровъ въ бесѣдѣ или сопровождая ее въ театръ или на прогулку.

При всей своей радости, что дѣвушка не отказала ему въ его предложеніи выйти за него замужъ, хотя она и отсрочила свой окончательный отвѣтъ, все же Стукова что-то беспокоило. Какъ никакъ, а чувствовалась нѣкоторая разница въ годахъ. Онъ замѣчалъ, что Лебедева, разговаривая со студентами и молодыми людьми ея лѣтъ, держала себя свободнѣе и непринужденнѣе, чѣмъ съ нимъ. А, кромѣ того, Стуковъ, пожившій долго свободной жизнью за границей, имѣвшій не одинъ мимолетный романъ, сознавалъ въ своемъ сердцѣ слѣды неизгладимыхъ воспоминаній. Правда, онъ зналъ, что это всегда такъ бываетъ съ людьми его возраста и воспитанія, но, полюбивъ серьезно въ первый разъ, тревожился скрытнымъ угрызеніемъ совѣсти, которое отчасти отражалось въ его обращеніи съ любимой дѣвушкой.

«Не догадывается ли она о моихъ прошлыхъ похожденияхъ?»—думалъ онъ иногда. Но сейчасъ же успокаивалъ себя мыслью, что дурного тутъ ничего нѣтъ. Но все-таки эта мысль его всюду преслѣдовала и не давала покоя, и онъ однажды рѣшился серьезно уяснить этотъ вопросъ для самого себя. «Мы требуемъ,—разсуждалъ онъ:—чтобы дѣвушка, на которой мы женимся, была непремѣнно чистая, а мы, мужчины, можемъ быть и нечистыми. Отчего это? Не есть ли это пережитокъ старыхъ понятій, унаслѣдованныхъ нами со всякимъ другимъ старымъ идейнымъ хламомъ. Моя личность не играетъ тутъ роли. Выйди Наташа замужъ за молодого студента, и онъ, навѣрное, оказался бы физически уже нечистымъ, не невиннымъ. Конечно, есть исключенія, но они въ счетъ не идутъ. Вопросъ, значитъ, принципиальный. Вотъ,—вспомнилъ онъ,—госпожа де-Сталь высказала такую мысль: бываютъ женщины, у которыхъ никогда не было любовниковъ, но нѣтъ женщинъ, у которыхъ бы былъ только одинъ любовникъ. А г-жа де-Сталь была женщиной умной и знала женское сердце. Значитъ, если это такъ, то дѣвушка, имѣвшая любовника раньше замужества, по всей вѣроятности, будетъ ихъ имѣть и послѣ замужества. Что же изъ этого? А то, что она подаритъ мужа чужими дѣтьми, которыхъ тотъ будетъ воспитывать на свои средства. Быть можетъ, она будетъ также эксплуатировать мужа материально ради любовника. Ага! Такъ, значитъ, и тутъ мы наталкиваемся на экономическую причину безчестности, и бракъ въ

сущности является рабствомъ для женщины. Но если это такъ, то все обстоитъ благополучно, и это вопросъ разрѣшимый. Какъ же примирить чувство съ честностью? Очень просто. Пусть бракъ дѣйствителенъ и нерасторжимъ только до тѣхъ поръ, пока обѣ стороны на то согласны. Вѣчная вѣрность также имѣеть, быть можетъ, свои предѣлы. А ревность?»—вдругъ обожгла его мысль.—«Ревность! Въ этомъ- то и прогрессъ духа, въ этомъ-то и суть интеллигентнаго развитія, чтобы имѣть силу побороть ревность». И, разсудивъ такимъ образомъ этотъ вопросъ, Стуковъ ощутилъ сразу какое-то облегченіе, и онъ рѣшилъ при первомъ удобномъ случаѣ откровенно объясниться объ этомъ съ своей невѣстой. Самый бракъ съ его устрашающей перспективой неразрывныхъ цѣпей показался ему при этихъ условіяхъ чѣмъ-то желательнымъ и не превышающимъ человѣческихъ силъ.

Вернувшись въ городъ, Стуковъ заѣхалъ на минуту на службу, гдѣ ужъ никого не засталъ, но гдѣ онъ по обыкновенію получалъ дѣловыя письма, а затѣмъ, такъ какъ опоздалъ дома на обѣдъ, заѣхалъ пообѣдать въ ресторанъ. Уже темнѣло, когда онъ вернулся домой. Прислуга ему сообщила, что Натальи Васильевны нѣтъ дома, и Стуковъ прошелъ въ свои комнаты. Онъ сѣлъ за піанино и сталъ играть. Игралъ онъ недурно, даже классическія вещи и очень любилъ музыку. Во время этого занятія кто-то постучался къ нему въ дверь.

— Вы дома? Идите сюда,—послышался сквозь двери звонкій голосъ Лебедевой.

Стуковъ быстро поднялся и поспѣшилъ въ общую гостиную, гдѣ ждала его Наталья Васильевна.

Наталья Васильевна имѣла ту наружность и ту фигуру, которыя очень нравятся большинству мужчинъ. Она была темная шатенка, очень хороша и пропорціонально сложенная. Всѣ черты ея смуглага лица привлекали особенною правильностью и мягкостью контуровъ. Въ красотѣ женскаго лица, быть можетъ, болѣе даже, чѣмъ красота линий, играетъ роль тонъ самой кожи, такъ сказать, качество тканей женскаго тѣла. И у Наташи эти чары здоровой крови соединялись съ красотой чертъ. Густые и толстые вьющіеся волосы, крѣпко насаженные надъ небольшимъ лбомъ, какіе бываютъ въ изваяніяхъ античныхъ Венеръ, дополняли это впечатлѣніе крѣпкаго организма, обѣщавшаго дать хорошее потомство.

Она была единственною дочерью у своихъ родителей: отставнаго капитана, жившаго на небольшую пенсію и мало входившаго въ духовные интересы своей дочери, и матери, днемъ постоянно занятой хозяйствомъ, а вечеромъ любившей ходить въ гости, чтобы поиграть въ карты, къ чему имѣла особенное пристрастіе.

Такимъ образомъ дѣвушка росла совсѣмъ самостоятельно, вращаясь въ кружкѣ подругъ-курсистокъ и студентовъ, и зарабо-

тала себѣ независимые взгляды, внушенные ей не теоріями, а практикой жизни.

— А я только-что вернулась и спѣшу узнать, какъ вы встрѣтили вашего друга. Я очень имъ интересуюсь.

— Знаю, знаю. Я сейчасъ вамъ все расскажу,—съ сіяющей улыбкой отвѣтилъ Стуковъ, крѣпко пожавъ руку дѣвушки.

Несмотря на ихъ хорошія отношенія, Лебедева никогда не позволяла Стукову цѣловать ей руки. «Это униженіе мужского достоинства», отшучивалась она.

Усѣвшись около нея, Стуковъ передалъ ей всѣ подробности пріѣзда Варягина и о томъ, какъ онъ былъ доволенъ нанятымъ помещеніемъ.

Лебедева слушала его со вниманіемъ.

— Скажите, а онъ женатъ?—вдругъ спросила она Стукова, когда онъ кончилъ.

Стуковъ на минуту какъ будто смутился, озадаченный.

— Да... женатъ,—отвѣтилъ онъ наконецъ нерѣшительно.

Дѣвушка нѣсколько насмѣшливо взглянула на Стукова.

— Отчего вы такъ странно отвѣчаете?—спросила она лукаво.

— Какъ странно?—еще больше смутился онъ.

— Можетъ быть, это гражданскій бракъ?—обратилась она къ нему, прямо смотря ему въ глаза.

Стуковъ не рѣшался сразу отвѣтить.

— Видите, Наталія Васильевна, разъ вы желаете узнать правду,—наконецъ проговорилъ Стуковъ, запинаясь:—то не смѣю ее скрывать. Дѣйствительно, Варягинъ живетъ... съ женой гражданскимъ бракомъ. Но, какъ и все у Варягина, и этотъ фактъ его жизни не обыкновенный и не шаблонный. Вотъ какъ это случилось. Это было въ Петербургѣ въ горячее время административныхъ репрессій. Варягинъ шелъ однажды по Николаевскому мосту, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него пробѣжала какая-то молодая женщина съ распущенными волосами и, взглянувъ на него безумнымъ взглядомъ отчаянія, перекинулась черезъ парапетъ поста и бросилась въ Неву. Варягинъ быстро поднялъ тревогу и принялъ мѣры къ ея спасенію. Къ счастью, въ это время около мѣста паденія молодой женщины пробѣжалъ лодочникъ. Варягинъ бросилъ ему спасательный кругъ, а тотъ перебросилъ его утопавшей. Но та, видимо, не хотѣла, чтобы ее спасли, и оттолкнула брошенный кругъ. Но лодочникъ, которому Варягинъ все время кричалъ, приблизился къ женщинѣ и, когда она, обезсиленная, уже шла ко дну, ему удалось схватить ее за волосы и съ большимъ трудомъ втащить въ лодку и спасти. Ее безъ сознанія повезли въ ближайшій пріемный покой, гдѣ послѣ долгихъ усилій ее привели въ чувство. Варягинъ также присутствовалъ при этомъ и заинтересовался ея судьбой. Оказалось, что мужъ ея, наборщикъ, недавно передъ тѣмъ былъ

убить въ какой-то свалкѣ съ полиціей и она съ отчаянія рѣшила покончить съ собой. Варягину она понравилась своей рѣшительностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ безконечную жалость къ ея судьбѣ. Онъ тутъ же предложилъ ей переѣхать къ нему и смотрѣть за хозяйствомъ. Она согласилась, и вотъ съ тѣхъ поръ они и живутъ вмѣстѣ мирно и дружно, какъ мужъ съ женой. Она оказалась очень сердечной, понятливой и честной натурой, да и физически она недурна собой. А Варягинъ къ тому же любитъ простой народъ...

— Вотъ что,—задумчиво произнесла Лебедева.—Ну, вашъ Варягинъ просто герой. Я должна непременно съ нимъ познакомиться. Когда же это будетъ?

— Дайте ему осмотрѣться нѣсколько дней,—отвѣтилъ Стуковъ,—и я васъ къ нему повезу. Онъ вамъ понравится...

— Странно, — послѣ нѣкотораго молчанія продолжала дѣвушка.—Сколько есть людей, которые живутъ прекрасно въ гражданскомъ бракѣ, а въ законномъ бракѣ постоянно ссорятся и мучаютъ другъ друга.

— Миѣ кажется,—встрепенулся Стуковъ:—что это бываетъ оттого, что мужчины смотрятъ часто на своихъ женъ, какъ на какихъ-то рабынь. Я такого отношенія не признаю...

— Ну, смотрите, не забывайте этого, если я буду вашей женой,—смѣясь, прервала его Лебедева.

— Нѣтъ, не забуду,—горячо продолжалъ Стуковъ.—И я давно хотѣлъ съ вами объ этомъ поговорить. Бракъ только тогда счастливъ, если онъ является результатомъ взаимнаго довѣрія и уваженія.

— А любовь?—насмѣшливо и весело встала дѣвушка.

Стуковъ не сразу отвѣтилъ. Онъ почувствовалъ, что этимъ словомъ дѣвушка попала въ слабое мѣсто его разсужденій.

— Безъ любви, конечно, не можетъ быть и брака,—докторально отвѣтилъ онъ.

— А вѣдь любовь все прощаетъ, не правда ли, Николай Николаевичъ?—выронила она, вставая.—Извините, я должна идти сейчасъ къ подругѣ,—продолжала она:—а вы не забудьте о скоромъ визитѣ къ Вадиму Владимировичу.

— Не забуду. Непременно на дняхъ соберемся. Я его предупрежу...

«Да, любовь,—вернувшись къ себѣ, вспоминалъ Стуковъ слова Лебедевой.—Вотъ и строй правильныя разсужденія, выводы и теоріи... Любовь, какъ смерть, ничего знать не хочетъ... ни логики, ни морали».

Въ эту ночь его тревожили неважные сны.

VII.

Варягинъ поздно проснулся на новой квартирѣ и только къ десяти часамъ утра успѣлъ одѣться. Намѣреваясь выйти, онъ отворилъ дверь на балконъ, откуда спускалась лѣстница къ выходу. Но на балконѣ его ожидала непредвидѣнная встрѣча. Задумчиво, опираясь тонкими блѣдными руками на перила балкона, стояла высокая молодая женщина, одѣтая въ черное платье, изящно обхватывавшее ея стройную фигуру. Она почти съ испугомъ повернула къ нему голову и вопросительно взглянула на него своими грустными и ласковыми голубыми глазами. Близна кожи и свѣтло-золотистаго цвѣта волосы придавали ея лицу какой-то религіозный характеръ, схожій съ мадоннами старой итальянской школы. На видъ ей казалось лѣтъ 27—28.

Варягинъ сейчасъ же вспомнилъ вчерашнее предупрежденіе хозяина и сообразилъ, что эта дама его квартирная сосѣдка.

— Простите,—сказалъ онъ, кланяясь и не зная, собственно, за что извиняется:—вы, вѣроятно, моя сосѣдка и намъ придется часто встрѣчаться. Позвольте представиться.

Онъ назвался.

Она протянула ему руку и тихимъ голосомъ, какъ-то грустно, конфузливо выговорила:

— Евгенія Алексѣевна Горева.

— Вы пріѣхали полечиться?—спросилъ Варягинъ.

— Представьте, что нѣтъ,—отвѣтила она, печально улыбнувшись.—Какъ-то смѣшно даже сказать. Я пріѣхала, правда, издалека, очень издалека, изъ Иркутска, и сама не знаю, зачѣмъ я пріѣхала. Вѣроятно, опять судьба. Но мнѣ здѣсь такъ понравилась эта тишина, этотъ воздухъ, что я рѣшила провести здѣсь нѣкоторое время, отдохнуть,—вздохнула она съ грустью на лицѣ.

— Значить, мы съ вами настроены на одинъ ладъ,—сочувственно отозвался ей Варягинъ.—Будемъ лечиться воздушными ваннами и солнечными лучами.

— Да, да,—согласилась она.—Я переѣхала сюда сегодня рано утромъ и вотъ стою, какъ вкопанная, на балконѣ; вдыхая этотъ воздухъ и смотря на прозрачную даль... Какъ здѣсь хорошо!

— У васъ есть здѣсь знакомые?—спросилъ Варягинъ.

— Нѣтъ, у меня здѣсь никого нѣтъ знакомыхъ, да и вообще нигдѣ нѣтъ,—прибавила она живо.

— Въ такомъ случаѣ, я буду вашимъ знакомымъ, если позволите,—молвилъ Варягинъ.—Располагайте мною. Чѣмъ могу—готовъ служить. Хотя я собираюсь писать здѣсь довольно объемистую повѣсть, но времени у меня все-таки будетъ много свободного...

— Какъ! вы писатель?—оживленно откликнулась она.—Какъ. я рада. Вотъ профессія, которую я привыкла любить и уважать больше всѣхъ другихъ.

— Отчего?—удивленно спросилъ Варягинъ.—У васъ были знакомые писатели?

— Да, и въ самыхъ трагическихъ обстоятельствахъ. Я была сестрой милосердія во все время русско-японской войны. И тутъ мнѣ пришлось знакомиться и долго бесѣдовать и иногда и ухаживать за больными и даже ранеными корреспондентами газетъ. Воспоминаніе объ этихъ встрѣчахъ и бесѣдахъ, кажется, единственный свѣтлый лучъ въ этомъ сумрачномъ времени...

— Вотъ какъ,—заинтересовался Варягинъ.—Съ вами будетъ интересно побесѣдовать. Вы столько видѣли, испытали...

— Да,—отозвалась Евгенія Алексѣевна.—Моя фамилія, къ сожалѣнію, очень соотвѣтствуетъ моей горькой судьбѣ. Сколько я уже видѣла горя въ этой жизни!..

— Это жаль! Особенно въ ваши года,—сочувственно взглянулъ на нее Варягинъ.

— Судьба раздаетъ свои тяжелые и прекрасные дары, какъ и когда ей заблагоразсудится,—молвила молодая женщина.

— Но, можетъ быть,—хотѣлъ ее утѣшить Варягинъ:—въ вашей судьбѣ радость придетъ послѣ горя. И это бываетъ.

— Какъ вамъ сказать,—отвѣтила она.—Теперь я почти свыклась со своей печалью. Что моя печаль сравнительно съ страданіями, которыя мнѣ пришлось видѣть на войнѣ. Я хоть здорова, я могу работать и, какъ видите, чувствовать красоту жизни и природы. А сколько молодыхъ жизней ушло преждевременно на моихъ глазахъ въ эту тяжелую войну... А какъ имъ хотѣлось жить...

Варягинъ не отвѣчалъ и о чемъ-то задумался.

— А вы не были замужемъ?—вдругъ спросилъ онъ.

Она дрогнула и слегка вспыхнула.

— Вадимъ Владимировичъ,—обратилась она къ нему, подождавъ:—не знаю, но вы производите на меня какое-то особенное впечатлѣніе, и я почувствовала къ вамъ сразу довѣріе... Все равно, быть можетъ, позже, но я бы вамъ рассказала свою жизнь. Пусть это будетъ теперь. Я родилась въ Петербургѣ. Родителей моихъ я лишилась рано и воспитывалась у тетки. Когда я кончила гимназію, меня неудержимо влекло чѣмъ-нибудь помочь страждущимъ и болящимъ, и я поступила въ общину сестеръ милосердія. Ровно черезъ годъ началась война, и я съ радостью перевелась на службу на полѣ брани. Рассказать вамъ все, что я видѣла, испытала, было бы слишкомъ долго. Но нервы мои дѣйствительно совсѣмъ истрепались. Тутъ я познакомилась съ однимъ офицеромъ, которому удалось убѣдить меня выйти за него замужъ. Къ военнымъ вообще я всегда относилась симпатично, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ви-

дѣла, сколько страданій они переносятъ на войнѣ. Но, къ сожалѣнію, бываютъ и здѣсь исключенія. Я вышла замужъ, мало зная характеръ и даже прошлое моего мужа. Послѣ войны онъ остался служить въ Сибири, въ Иркутскѣ. Тутъ только начались мои страданія. Онъ не только оказался человѣкомъ грубымъ и пошлымъ, но жестокимъ и еще алкоголикомъ. Я терпѣла шесть лѣтъ его издѣвательства надо мной. Это было безконечное мученіе. Наконецъ я не выдержала этой пытки и разсталась съ нимъ, почти убѣжала отъ него. И вотъ я пріѣхала... докатилась сюда, гдѣ буду искать занятія, быть можетъ, опять мѣсто сестры милосердія... Отъ мужа я никакихъ средствъ не имѣю и не возьму... А пока я рѣшила побаловать себя... и проживу здѣсь мѣсяць-другой... Вотъ вамъ моя исторія—скучная и грустная,—заклчила Горева свою краткую исповѣдь.

Варягинъ сосредоточенно ее слушалъ. Когда она кончила, онъ взялъ ея руки и молча крѣпко пожалъ.

— Ну, пойдемте теперь со мной погулять,—пригласилъ онъ ее бодримъ голосомъ.—А тамъ внизу мы и пообедаемъ. Вѣдь здѣсь, кажется, обѣдовъ не даютъ.

— Да, кажется,—отвѣтила она, съ радостью повинуваясь его желанію.

Они вышли изъ домѣ.

Весь день они провели вмѣстѣ, и вечеромъ, когда Горева вернулась въ свою комнату, она чувствовала давно не испытанное ею душевное спокойствіе. Она поняла, что въ Варягинѣ она нашла честнаго и преданнаго друга.

А Варягинъ, вернувшись къ себѣ, нашель на столѣ письмо отъ Стукова, гдѣ тотъ предупреждалъ его о своемъ пріѣздѣ къ нему на слѣдующій день вмѣстѣ съ Натальей Васильевной.

VIII.

Съ утра на слѣдующій день Евгенія Алексѣевна уѣхала въ городъ, чтобы сдѣлать нѣкоторыя покупки и привезти съ вокзала свои вещи, оставленныя тамъ на храненіе.

Варягинъ вышелъ въ садъ, гдѣ встрѣтился съ Михаиломъ Михайловичемъ.

— Что васъ совсѣмъ не видать, многоуважаемый господинъ Варягинъ?—поздоровался съ нимъ тотъ:—а я какъ разъ думалъ о васъ и хотѣлъ къ вамъ зайти, чтобы просить оказать мнѣ честь принять участіе въ маленькой трапезѣ, которую жена устраиваетъ по случаю дня моего рожденія. Не откажите, сдѣлайте милость. Кстати, вы познакомитесь съ нѣкоторыми нашими жильцами...

— Очень вамъ благодаренъ,—отрѣтилъ Варягинъ:—но я самъ жду сегодня своихъ знакомыхъ. Они скоро должны быть...

— Такъ что же, пусть и они окажутъ мнѣ честь. Мы хохлы, люди прямые, все у насъ просто дѣлается. Вонъ, видите, тамъ большая бесѣдка: въ ней мы и столъ накроемъ, позакусимъ, да и поболтаемъ всыть... Нынче день, видно, будетъ жаркій, оно и кстати въ тѣни посидѣть...

Варягину отказать показалось неловко, и онъ обѣщалъ прійти.

— А кто у васъ еще тутъ живетъ?—спросилъ онъ, садясь на скамейку.

Хозяинъ также усѣлся около него.

— Разный народъ,—отвѣчалъ онъ.—Есть лечащіеся, есть и такъ, своего рода—дачники. Есть одна барышня-дворянка, по фамиліи Дусина, веселенькая барышня. Хотя и барышня, но въ нѣкоторомъ отношеніи,—прибавилъ онъ, подмигнувъ,—кажется, ужъ дама. Да-съ. У нея часто бываетъ студентъ, нѣкій Махропинъ, за жениха ея себя выдаетъ. Есть и серьезная дѣвица—акушерка-евреечка—Софья Моисеевна Кремеръ. Лечить свою ногу. Представьте, когда у насъ здѣсь во время освобожденія народъ-то пошаливалъ, такъ ей, бѣдненькой, на улицѣ кто-то ногу прострѣлили... Счастье еще, что хуже не искалѣчили. А она-то всего на улицу въ то время вышла, чтобы раненому человѣку перевязку сдѣлать. До сихъ поръ жалуется на боль. Уже второй годъ къ намъ пріѣзжаетъ. Но никогда ни на кого не жалуется. Ни-ни... Хорошая дѣвушка... Ну, кто еще у насъ тутъ живетъ? Молодая попадья, помѣщикъ изъ Крыма, какой-то бухгалтеръ изъ Петербурга. Но этихъ мало видно, только мелькаютъ, можно сказать...

Въ эту минуту у входа показались гости. Это были Стуковъ съ Натальей Васильевной и еще какой-то студентъ, оказавшійся Алексѣемъ Александровичемъ Ростовцевымъ, сыномъ профессора, о которомъ говорилъ Стуковъ. Присоединился онъ къ нимъ по настоянію Лебедевой, но противъ желанія Стукова, хотя симпатизировавшаго ему, но ревновавшаго его къ Натальѣ Васильевнѣ, несмотря на свою философію касательно ревности.

Варягинъ съ хозяиномъ поспѣшили къ нимъ навстрѣчу и перезнакомились, причемъ Михайлъ Михайловичъ повторилъ свое приглашеніе, которое пришлось изъ учтивости принять.

Но раньше Варягинъ пригласилъ своихъ гостей къ себѣ отдохнуть. Когда они пришли, онъ вынесъ стулья на балконъ, на которые всѣ размѣстились. Начался общій разговоръ, во время котораго Лебедева все время съ любопытствомъ слѣдила за Варягинымъ. Студентъ имѣлъ пріятную наружность и, когда говорилъ, мило улыбался.

Варягина интересовали новыя вѣянія среди студентовъ, а въ частности вопросъ объ «академистахъ», особенно въ провинціи. За разъясненіями объ этомъ онъ обратился къ студенту.

Студентъ засмѣялся.

— Что такое академисты? Ихъ бы правильнѣе назвать карьеристами. Это все тѣ же «бѣлоподкладочники» прежняго времени. Разница только та, что академисты претендуютъ на политическую роль, на роль спасителей отечества. Серьезные студенты отъ нихъ сторонятся...

— Вы бы, господа студенты,—заговорила Лебедева,—брали примѣръ съ насъ, курсистокъ. У насъ такихъ раздѣленій нѣтъ, хотя это не мѣшаетъ намъ имѣть свои симпатіи и антипатіи...

— Посмотримъ, что будетъ дальше,—засмѣялся Ростовцевъ.— Смотрите, что дѣлають суфражистки въ Англии. Вы еще перещеголяете насъ, мужчинъ, если займетесь политикой...

— Вы, кажется, господа,—вмѣшался въ разговоръ Варягинъ,—поднимайте женскій вопросъ. Позвольте высказать свой взглядъ. Движеніе суфражистокъ очень интересно и, вѣроятно, кончится для нихъ успѣшно. Что роль женщинъ въ политикѣ и въ законодательной дѣятельности необходима и назрѣла, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Развѣ мы, мужчины, не доказали всю нашу несостоятельность въ сферѣ государственнаго строительства? Война и деньги—вотъ результатъ всего нашего творчества въ политикѣ. Мы накапливаемъ деньги для войнъ, а потомъ предпринимаемъ войны, на которыя тратимъ всѣ эти деньги. Вѣдь—это безуміе. А что мы дѣлаемъ для разумнаго развитія народа? Рѣшительно ничего. Какіе-то палліативы, скрывающіе наши истинныя пѣли. Что мы дѣлаемъ для искорененія пьянства, разврата, проституціи, нищенства, невѣжества, суевѣрія? Все это считается нормальными бытовыми явленіями. Вотъ почему я считаю, что время пришло внести новый элементъ, новыя идеи въ государственную жизнь народовъ. И этотъ элементъ, конечно, женщины, у которыхъ умъ, чувство и взгляды на вещи болѣе разнообразны, чѣмъ наши, и ужъ, навѣрное, болѣе гуманные.

— Bravo!—воскликнула Лебедева, радостно слушавшая Варягина.—Вотъ видите, что думаетъ писатель о суфражисткахъ, Алексѣй Александровичъ,—обратилась она къ студенту.

— Что же, я согласенъ въ принципѣ съ Вадимомъ Владимировичемъ,—отвѣтилъ тотъ.—Я только протестую противъ образа дѣйствій суфражистокъ. Я противъ насилія. Въ этомъ отношеніи я—толстовецъ...

— Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое! Не забывайте этого, молодой человекъ,—не то назидательно, не то насмѣшливо обратился къ нему Стуковъ, желавшій уличить его въ идейной отсталости.

Всѣ разсмѣялись, угадавъ истинное намѣреніе Стукова.

Въ это время прибѣжалъ мальчикъ, посланный хозяиномъ съ приглашеніемъ къ столу. Когда онъ ушелъ, Лебедева объявила, что находить неудобнымъ для себя принять приглашеніе и что пойдетъ погулять въ курортъ. Къ ней сейчасъ присоединились Стуковъ, а

также Ростовцевъ. Рѣшили, въ ожиданіи Варягина, который не могъ отказаться, что они втроемъ пойдутъ обѣдать въ курзалъ, гдѣ и будутъ его поджидать.

— Приходите скорѣе,—сочувственно простилась съ нимъ Лебедева.

Варягинъ провелъ ихъ къ выходу, а самъ отправился въ садъ, въ указанную бесѣдку.

Тутъ за столомъ онъ засталъ сидящими Михаила Михайловича, его жену, молчаливую особу, ихъ сына Ивана Михайловича, Дусину, одѣтую въ бѣлое прозрачное декольте, ея знакомаго студента Махропина и акушерку, еврейскую дѣвушку, о которой говорилъ ему хозяинъ.

Дусина была съ виду миловидная веселая барышня съ тонкими чертами лица и густыми волосами, выкрашенными по модному въ свѣтлую окраску. Но при ея наружной веселости и беззаботности невольно обращалъ вниманіе взглядъ ея голубыхъ глазъ: онъ былъ какой-то затаенный и не по лѣтамъ опытный. Этотъ взглядъ, видимо, сразу оцѣнивалъ и измѣрялъ общественную и моральную валюту собесѣдника. Въ мужской компаніи она чувствовала себя особенно хорошо: со вкусомъ пила ликеры и усиленно курила папирсы, непремѣнно, послѣ затяжки, выпуская дымъ двумя густыми струями черезъ носъ. Какъ поборница грядущей женской эмансипаціи, она не стѣснялась никакой темой разговора. Ея поклонникъ демократическаго типа студентъ говорилъ мало, но высказывалъ свои мнѣнія безапелляціонно въ формѣ непреложныхъ афоризмовъ. Большею частью онъ отрицалъ все существующее въ социальнихъ отношеніяхъ, поставивъ въ фундаментъ своего міропониманія единый законъ своихъ личныхъ хотѣній. Это былъ курьезный типъ интеллигентнаго дикаря, выработанный удивительными противорѣчіями нашей современной цивилизаціи.

Послѣ знакомства съ этими лицами Варягинъ, извинившись передъ хозяиномъ за отсутствіе своихъ знакомыхъ, занялъ мѣсто за столомъ.

— Ну, профессоръ,—шутливо обратился къ нему Михаилъ Михайловичъ:—разсудите нашъ споръ. Здѣсь идетъ у насъ такая философія, что самъ чортъ ноги переломаетъ. Представьте такую вещь: наша уважаемая докторша Софья Моисеевна проповѣдуетъ такія, какъ бы сказать, теоріи, отъ которыхъ у меня голова закружилась, а именно насчетъ дѣторожденія. Не нужно больше рожать дѣтей, да и баста...

И Михаилъ Михайловичъ залпомъ осушилъ стаканъ пива.

Дѣвушка слегка усмѣхнулась. Она была темная брюнетка съ правильными тонкими чертами и очень выразительными черными глазами подъ густыми прямыми, какъ стрѣлы, бровями.

— Ничего подобнаго я не говорю,—повернулась она къ Ва-

рягину.—У насъ рѣчь зашла о моей спеціальности, и Михаилъ Михайловичъ упрекалъ меня, что мы способствуемъ уменьшенію человѣческаго рода... Что касается меня, то я этимъ не занимаюсь, но сознаюсь, что дурного въ этомъ ничего не нахожу, такъ какъ этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ общимъ экономическимъ положеніемъ нынѣшняго строя, все становящимся тяжелѣе и безвыходнѣе для бѣднаго люда...

— Я съ вами совершенно согласенъ,—самоувѣренно заявилъ студентъ.—Какія тутъ могутъ быть еще сомнѣнія?

— И я, и я,—убѣжденно провозгласила и Дусина.

— Вотъ какъ,—отпарировалъ хозяинъ.—Всѣ теперь жалуются на дороговизну рабочихъ рукъ. Что же будетъ тогда, когда и рабочихъ не будетъ?

— Будемъ сами работать,—отозвался Варягинъ.

— Покорно васъ благодарю,—возразилъ Михаилъ Михайловичъ.—Значитъ, я землю пахай, и кули тащи, и мало ли какая еще работа существуетъ для насъ непривычная и непосильная.

— Непосильной работы нѣтъ,—отвѣчалъ Варягинъ.—Непосильная она потому, что дѣлается людьми голодными, истощенными, работающими изъ-подъ-палки, для корки хлѣба... А представьте себѣ, Михаилъ Михайловичъ, что я бы далъ вамъ сто рублей, чтобы вы одинъ день поработали, ну, скажемъ, при разгрузкѣ парохода, что ли. Согласились бы вы? А ну-ка!

— Конечно, даже съ большимъ удовольствіемъ, — засмѣялся онъ.—Эка, хватило—сто рублей... Еще бы не согласился...

— Видите, значитъ, вопросъ заключается въ условіяхъ работы,—продолжалъ Варягинъ.—А всякая работа сама по себѣ пріятна и здорова...

Софья Моисеевна опять вмѣшалась въ разговоръ.

— Въ Америкѣ эта идея регулированія человѣческаго рожденія уже практикуется. На дняхъ я читала, что восемь штатовъ уже установили закономъ такъ называемую стерилизацію, обязательную для дегенератовъ и хроническихъ преступниковъ... Это, по-моему, уже начало улучшенія человѣческаго рода. Почему человѣчеству не прійти къ мысли объ улучшеніи человѣческой расы? Это идея весьма естественная. Эта же идея должна быть примѣняема и въ цѣляхъ экономическихъ. Зачѣмъ рождать людей для страданія, для голода и нищеты?

— А какъ же съ войсками?—иронически проговорилъ Иванъ Михайловичъ.—Пожалуй, и солдатъ не доберутъ и войнъ больше не будетъ.

Всѣ засмѣялись.

— Эхъ, господа, господа,—заговорилъ Михаилъ Михайловичъ:—что-то бесѣда у насъ пошла несуразная. Давайте-ка лучше выпьемъ за здоровье хозяйки.

— Стаканчикъ пива осушу,—сказаль Варягинъ, вставая:—а затѣмъ, извините, долженъ васъ покинуть...

— Что такъ скоро?

— Дѣло есть. Спасибо за хлѣбъ-соль.

Варягинъ со всѣми простился, причемъ особенно любезно съ Софьей Моисеевной, и пошелъ отыскивать своихъ пріятелей.

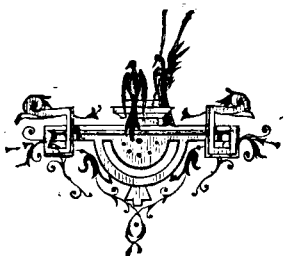
Когда онъ ушелъ, Михайлъ Михайловичъ комично щелкнулъ языкомъ и молвилъ:

— А нашъ-то писатель, кажется, того... не изъ революціонеровъ ли? Нужно будетъ паспортъ у него спросить. Да вы, Софья Моисеевна, такое наговорили, что жить тошно становится. Не смѣй рожать. Ну, да ладно. На зло вамъ, пью за вашу скорую свадьбу, да и всѣхъ барышень вообще...

Компанія еще долго угощалась въ бесѣдкѣ и разсталась только къ вечеру.

Алексѣй Плетневъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СКОБЕЛЕВЪ.

«There is a tear for all that die
«A mourner o'er the humblest grave
«But nations swell the funeral cry
«And triumph weeps about the brave¹⁾».

В у г о н.

«Война и только одна война вызываетъ то страшное и совмѣстное напряженіе всѣхъ духовныхъ сторонъ челоуѣка, въ особенности воли, которое показываетъ всю мѣру его мощи и которое не вызывается никакимъ другимъ родомъ дѣятельности».

М. Драгомировъ.

«Ясное пониманіе положенія дѣла во время боя дается рѣдкимъ единицамъ».

М. Драгомировъ.

ЕРВЫЙ разъ я видѣла М. Д. Скобелева весной въ семидесятыхъ годахъ, точно не помню года, это было въ Петербургѣ, въ Инженерномъ замкѣ²⁾. Михаилъ Дмитриевичъ зашелъ къ Михаилу Ивановичу. Ясно вижу предъ собой красивый обликъ Михаила Дмитриевича въ сѣромъ пальто съ Георгіемъ въ петлицѣ, съ голубыми глазами и съ тѣмъ яснымъ взглядомъ, о которомъ Михаилъ Ивановичъ писалъ мнѣ послѣ переправы. Михаилъ Ивановичъ насъ познакомилъ. Скобелевъ говоритъ: «Я радъ, что Михаилъ Ивановичъ такъ счастливъ, поздравьте и меня, я также женихъ, пожелайте такой же удачи». Михаилъ Ивановичъ его поцѣловалъ и сказалъ: «Дай тебѣ, Господи, въ часъ добрый, полного благополучія».

Блестящій офицеръ, начитанный, умный, одаренный той «высшей

¹⁾ Вотъ смыслъ этого четверостишія: «Надъ всякою скромною могилой проливаются слезы и слышится погребальный стоиъ. Но нація шумными воплями оплакиваетъ своихъ героевъ и съ триумфомъ провожаетъ ихъ до могилы».

²⁾ Молодые Драгомировы нѣкоторое время жили въ квартирѣ отца С. А. Драгомировой, доктора Григоровича, въ Инженерномъ замкѣ.

силой», которая дѣйствуетъ на другихъ, умѣвшій привлечь къ себѣ, показать себя въ какомъ свѣтѣ ему хочется, властолюбивый, жаждущій славы, отменно храбрый, ходившій въ бой съ полнымъ самоотверженіемъ ради своего любимаго военнаго дѣла. Обаятельный товарищъ, но не дальше границъ своего тщеславія; умѣлъ нравиться, зналъ, какъ и кому.

В. И. Дмитровскій¹⁾ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Михаилу Ивановичу такъ отзывается о М. Д. Скобелевѣ: «Хотя Скобелевъ въ душѣ и былъ плутъ, но безусловно человѣкъ талантливый, имѣвшій способность къ себѣ привязывать тѣхъ, кого хотѣлъ, и привязывать безкорыстно, одной своею симпатичною личностью, лишь бы только тотъ не становился ему поперекъ дороги».

Мнѣ всегда казалось, что М. Д. Скобелевъ ощущалъ нравственную моральную силу Михаила Ивановича, уважалъ и любилъ его, насколько могъ уважать и любить кого-нибудь. Если бы Михаилу Ивановичу везло, было бы иначе; Михаилу Ивановичу везло въ семейной жизни, въ дѣтяхъ,—это никого не смущало. Жажды славы у Михаила Ивановича не было, почести его не трогали, у него было сильное чувство долга и любви къ родинѣ. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ: «не было бы родины, не было бы насъ; счастливъ буду, если кто-нибудь изъ дѣтей положить за родину голову свою».

Скобелевъ и Михаилъ Ивановичъ хорошо знали и понимали другъ друга. Они сходились на вопросахъ, близкихъ ихъ сердцу, какъ «любимое военное дѣло», говорили безъ конца вездѣ. Рады были встрѣтиться. Вмѣстѣ они были прелестны, понимали слова на лету, умѣли во время уступать другъ-другу. Въ ихъ спорахъ получался обменъ. Зная отношенія Михаила Ивановича въ семейной жизни, никогда Михаилъ Дмитріевичъ не увлекалъ его въ кутежи. Они сходились на товарищеской почвѣ. Въ Кишиневѣ во время войны у насъ жилъ М. А. Домонтовичъ, большой другъ Михаила Дмитріевича и искренно любившій его. Скобелевъ пріѣзжалъ къ намъ каждый день, успокаивалъ меня, когда Михаилъ Ивановичъ выступилъ въ походъ, говорили откровенно, по-товарищески. Всѣ знали, что переправа будетъ у Систова, секрета никогда основательно не спрячешь, знали, что это тайна, отъ которой зависитъ успѣхъ, и бережно хранили ее.

На переправѣ М. Д. Скобелевъ былъ волонтеромъ у Михаила Ивановича, умѣлъ вдохновить, вдохновляясь самъ, умѣлъ понять то, что другіе не видѣли и не понимали. Онъ никогда бы себѣ самъ не приписалъ «успѣхъ переправы», какъ дѣлаютъ его поклонники теперь; онъ прекрасно понималъ, что заслуга Михаила Ивановича не должна быть умаляема. Въ своемъ письмѣ изъ-подъ Ловчи пишетъ Михаилъ Ивановичъ Драгомирову: «Ты мнѣ кажешься намѣ-

¹⁾ Бывшій начальникъ штаба въ корпусѣ Радецкаго.

ченнымъ свыше». Совершить переправу могъ только человѣкъ, искренно преданный долгу, умѣвшій забыть себя и предаться своей дивизіи, которая была проникнута его духомъ и вѣрой въ своего начальника, не говоря уже о той ясности и точности, съ которой было все обдуманно для успѣшнаго достиженія цѣли.

Въ одномъ письмѣ изъ Сисова Михаилъ Ивановичъ пишетъ: «Скобелевъ шель впереди стрѣлковъ и умѣлъ предвидѣть успѣхъ»¹⁾. «Онъ прилетѣлъ ко мнѣ на братскую помощь и, спасибо ему, былъ полезенъ тѣмъ, что со своимъ яснымъ спокойнымъ взглядомъ, съ веселою фізіономіею сказалъ мнѣ въ началѣ боя, когда была еще каша: «Поздравляю тебя, Михаилъ Ивановичъ, дѣло выйдетъ блистательно». И вышло». Въ письмѣ 23-го іюля Михаилъ Ивановичъ пишетъ: «Скобелевъ предложилъ себя волонтеромъ на переправѣ; представъ себѣ, совершенно спокоенъ подъ пулями и гранатами, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лѣзетъ на опасность даже тогда, когда нѣтъ никакой цѣли».

Затѣмъ начинаетъ проявляться тщеславіе Скобелева; онъ говоритъ: «Михаилъ Ивановичъ, Никополь взять, и взять блистательно; какое славное дѣло, а насъ съ тобою тамъ не было». Михаилъ Дмитріевичъ жалѣлъ, что не попалъ въ дѣло. Михаилъ Ивановичъ, наоборотъ, говорилъ: «я пойду туда, куда пошлютъ, самъ напрашиваться не буду». Отсутствіе чувства опасности у Михаила Дмитріевича, ясность, опредѣленность его взгляда, умѣнье понять душу человѣка въ трудную минуту и подчинить своей волѣ привлекали многихъ, и за нимъ шли, и вѣрили въ него.

Семейная жизнь не задалась Михаилу Дмитріевичу, онъ не обладалъ тѣми свойствами души, которыя необходимы для семейной жизни, что составляло нравственную силу и прелесть Михаила Ивановича. «Хотя нравы Михаила Дмитріевича мнѣ не всегда симпатичны,—писалъ М. И.:—но онъ мнѣ помогъ отъ сердца; кромѣ хорошаго, ничего чувствовать къ нему не могу».

Михаилъ Ивановичъ любилъ Скобелева и уважалъ въ немъ человѣка массы, боевого, волевого, со всѣми его достоинствами и недостатками. Михаилъ Ивановичъ болѣе, чѣмъ кто-либо, сознавалъ, что одни достоинства не могутъ быть въ человѣкѣ. Скобелевъ признавалъ высшую нравственную силу Михаила Ивановича, подчинялся ему иногда, когда были вмѣстѣ, но не всегда; подчасъ распушенность брала верхъ.

Передъ Ѳ. Ѳ. Радецкимъ за время шейновской операціи Скобелевъ былъ, конечно, виноватъ, не поддержалъ князя Святополкъ-Мирскаго въ-время; Ѳедоръ Ѳедоровичъ ему сказалъ, когда они встрѣтились въ академіи генеральнаго штаба у М. И. Драгоми-

¹⁾ По этому именно поводу Михаилъ Ивановичъ говорилъ: «ясное пониманіе положенія дѣла во время боя дается рѣдкимъ единицамъ».

рова: «Вы пришли къ шапочному разбору, лавры пожинать». Долго за это доставалось Михаилу Дмитриевичу, онъ не оспаривалъ и молчалъ.

Послѣ войны Михаилъ Ивановичъ и Скобелевъ завтракали вмѣстѣ. Михаилъ Ивановичъ говорить: «Я не понимаю, многие, при всей своей религіи, вѣрѣ, не понимаютъ строго моральнаго отношенія къ солдату-человѣку» Михаилъ Дмитриевичъ отвѣчаетъ: «Какая тебѣ, другъ мой, религія, помни, что у большинства *la charité bien ordonnée commence par soi-même*».

М. И. Драгомировъ пишетъ одному изъ своихъ друзей, изъ Кишинева, 1878 г.: «Скобелева нравы знаю, но онъ военный до мозга костей: *C'est tout dire*. Вѣдь и Наполеонъ, и Цезарь были мошенники, да еще какіе. Не надуешь, не продашь,—говоритъ пословица. И, помнится, еще Томасъ Муръ (замѣть, идеалистъ) хоть и съ грустью, но не могъ не признать: *que pour parvenir dans ce monde il faut tricher*. А Скобелевъ хочетъ *parvenir* всѣмъ существомъ, или, такъ сказать, брюхомъ. Я такъ тебѣ скажу: будь Скобелевъ главнокомандующимъ, охотно и не задумываясь пойду къ нему подъ команду, не взирая на то, что онъ у меня въ академіи сидѣлъ на скамьѣ; къ Гуркѣ, который старше меня и моимъ ученикомъ не былъ, не пойду ни за что по волѣ. Скобелевъ именно все то имѣетъ, что и ты признаешь за нимъ; предпріятіе, самое дерзкое въ глазахъ толпы, у него является даже не рискованнымъ: онъ себя не пожалѣетъ, чтобы осмотрѣть мѣсто, если нужно, и нѣсколько разъ; и, разумѣется, послѣ этого идетъ навѣрняка. На мой глазъ, Скобелевъ—человѣкъ съ большой и вполне заслуженной военной будущностью. Шарлатанъ безъ содержанія—явленіе возмутительное; но человѣкъ способный, дѣлающій дѣло и прибѣгающій къ шарлатанству, какъ средству, чтобы разблаговѣстить объ этомъ дѣлѣ, право, заслуживаетъ не столько упрека, сколько та среда, которая приводитъ умнаго человѣка къ убѣжденію, что безъ этого нельзя. Правда, сдѣлавъ на рубль, онъ покажетъ, что сдѣлалъ на десять; и это, если хочешь, нехорошо; но есть нѣчто болѣе мерзкое: когда человѣкъ не дѣлаетъ ни на копейку, даже того хуже, путаетъ и портитъ, а пускаетъ сигналы, что сдѣлалъ на десять рублей. И тамъ, гдѣ процвѣтаетъ не мало ловчаковъ второго сорта, ловчаки первого не только не противны, а, пожалуй, даже симпатичны. Скобелевъ тебѣ и корресподента прикормить, и въ двадцати иллюстраціяхъ пропечатается во всѣхъ позахъ, разумѣется, интересныхъ, и съ Левицкимъ крестами помѣняется; но онъ и дѣло тебѣ сдѣлаетъ и сдѣлаетъ опрятно, а не какъ-нибудь. Ты, пожалуй, подумаешь, не защищаю ли я себя, защищая Скобелева; вѣрь или не вѣрь, но воистину говорю тебѣ, что не повиненъ ни въ одномъ словѣ изъ того, что обо мнѣ печатано, и приписываю это просто тому, что участвовалъ въ первомъ изъ нашихъ дѣлъ въ Европейской Турціи. Кстати, еще тебѣ

«истор. вѣстн.», мартъ 1915 г., т. сxxxix,

6

объ Скобелевѣ: если бы онъ былъ плутъ насквозь, то не стерпѣлъ бы и пустилъ бы гуль, что удача этого дѣла принадлежить ему; а между тѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, такого гула не было. Нужно тебѣ сказать, что попросился онъ самъ на переправу, и я его принялъ съ полной готовностью, какъ человѣка, выдавшаго уже такіе виды, какихъ я не видѣлъ; принялъ, невзирая на опасеніе нѣкоторыхъ изъ подручныхъ, что Скобелевъ все припишетъ себѣ; и, какъ видишь, не ошибся; а между тѣмъ его помощь, дѣйствительно, была велика; онъ первый меня поздравилъ съ «блестящимъ»¹⁾, какъ онъ выразился, «дѣломъ», и притомъ въ такую минуту, когда я былъ глубоко возмущенъ безобразіемъ творившагося; онъ же пѣшкомъ (лошадей у насъ тогда ни у кого еще не было) передавалъ приказанія, какъ простой ординарецъ, набиваясь самъ быть посланнымъ, а не ожидалъ предложенія сходить туда или сюда. Ему во мнѣ нечего искать, ибо какъ же я могу его подвинуть? Почему и полагаю, что во всемъ этомъ онъ явилъ себя человѣкомъ даже совершенно порядочнымъ».

Въ заключеніе привожу ниже отрывки изъ корреспонденцій, писанныхъ во время войны, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ очевидца.

«Генералъ Скобелевъ 2-й по справедливости служить предметомъ всеобщаго вниманія. Имя Скобелева часто ставятъ у насъ рядомъ съ именемъ Гурко, но между ними существуетъ большое разстояніе. Они бы могли имѣть много общаго между собою, если бы судьба не повела ихъ совершенно различными путями для достиженія однородныхъ цѣлей. Среда, изъ которой вышли Скобелевъ и Гурко, ихъ связи, первоначальная служебная обстановка, даже нѣкоторыя однородныя внутреннія ихъ качества, какъ-то: жажда славы, самолюбіе, нѣкоторая жесткость сердца,—давали имъ одинаковыя шансы войти въ группу баловней судьбы и пользоваться благами, окружающими этого рода людей. Михайлъ Дмитріевичъ Скобелевъ болѣе, чѣмъ кто быто ни было другой, заслужилъ въ эту войну имя героя. Онъ интересенъ для насъ, русскихъ, какъ рѣдкая, сильная русская натура, выработавшаяся въ средѣ русскаго общества, изъ чисто русскаго матеріала. Скобелевъ началъ свою служебную карьеру кавалергардскимъ юнкеромъ. Большая доза природнаго ума отличала его между его сверстниками, но образъ жизни молодого юнкера, традиціи его среды едва ли могли выдѣлить его тогда изъ круга его товарищей по службѣ. Такъ или иначе, пустота первоначальной жизни дала о себѣ рано знать молодому Скобелеву. Михайлъ Дмитріевичъ бросилъ строевую службу, сталъ искать боевой дѣятельности и, наконецъ, почувалъ

¹⁾ Михайлъ Ивановичъ спрашиваетъ Скобелева: «Гдѣ же ты видишь блестящій успѣхъ?»—«Смотри на рожи солдатъ и ты прочтешь»,—отвѣчаетъ М. Д. Скобелевъ.

свое призваніе и безгранично увлекся обстановкою боевого офицера. «Ничто такъ не обновляетъ и не перерождаетъ человѣка, какъ война», говорилъ Прудонъ. Эти слова великаго мыслителя имѣли свое примѣненіе и къ молодому Скобелеву. По мѣрѣ увлеченія новою жизнью онъ все болѣе и болѣе убѣждался въ пустотѣ своего прошлаго, и это убѣжденіе постепенно начало его отдалять отъ людей его прежней среды. Недостатки этой среды рельефнѣе обрисовывались въ его воспоминаніяхъ. Успѣхи поощрили его на новомъ боевомъ поприщѣ и, само собою разумѣется, сильно повліяли на развитіе его самолюбія. Этому пылкому, впечатлительному человѣку захотѣлось бѣльшаго. Молодой Скобелевъ прежде всего понялъ, что ему нужно учиться: онъ отправился въ Петербургъ въ академію генеральнаго штаба. Окончивъ курсъ въ академіи, онъ отправился въ Ташкентъ, гдѣ ему легче было возвышаться на основаніи научнаго фундамента. Онъ пошелъ быстро по службѣ, и всѣ его сослуживцы по Ташкенту единогласно говорятъ, что каждой наградѣ, всякому новому повышенію онъ былъ обязанъ исключительно самому себѣ и своимъ личнымъ заслугамъ. Будучи тридцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, онъ достигъ всего, чего хотѣлъ, онъ былъ генераломъ, имѣлъ ордена: св. Георгія на шеѣ, въ петличкѣ, золотую и алмазную саблю за храбрость. Не скажу, чтобы боевые успѣхи вскружили ему голову, но пріобрѣтенная имъ популярность не могла, конечно, не повліять на складъ его характеристическихъ особенностей. Видное положеніе боевого молодого генерала, вызвавшего надежды нашего общества, наэлектризовало его самолюбіе еще больше. Кровавыя картины продолжительной боевой жизни укрѣпили его нервы, притупили чувствительность сердца. Въ періодъ успѣховъ и своего психическаго перерожденія онъ росъ надъ толпою, между тѣмъ какъ управляемая имъ толпа оставалась массою людей съ заурядными общечеловѣческими качествами. Ему нельзя было подкупить эту массу силою своихъ сердечныхъ отношеній, поэтому онъ могъ дѣйствовать только силою своего ума».

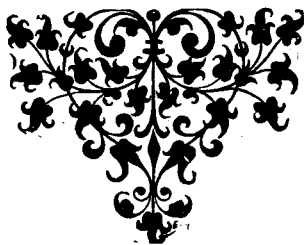
Начало войны совпало со временнымъ затишьемъ въ Ташкентѣ. Скобелева вызвали въ дѣйствующую армію. За Скобелевымъ оставались всѣ права на такое положеніе въ арміи, которое другимъ бы по настоящему пришлось пріобрѣтать путемъ долгой службы. Его сверстники далеко отстали отъ него; старшіе лѣтами были снисканы меньшими милостями. Воевать въ Ташкентѣ было мало охотниковъ, но европейская война вызвала массу желающихъ отличиться. Скобелевъ очутился въ средѣ конкурентовъ, между которыми онъ былъ самымъ опаснымъ. Упустить случай было тяжело для cadaго. Чувство зависти обуяло конкурентовъ, и они, конечно, не замедлили пустить въ ходъ всѣ пружины для того, чтобы осадить молодого Скобелева.

Скобелевъ получилъ сначала скромное назначеніе начальника штаба отдѣльной кавалерійской дивизіи въ то время, когда другіе, ничѣмъ не заявивъ себя и даже не старшіе его чинами, чуть не забрали въ свои руки бразды правленія цѣлой арміи. Само собою разумѣется, что такое отношеніе къ Скобелеву огорчило послѣдняго. Его самолюбіе было оскорблено. Это вызвало извѣстную долю озлобленія. Прошелъ было слухъ передъ переходомъ черезъ Дунай, что Скобелеву будетъ поручена за Дунаемъ отвѣтственная, серьезная экспедиція. Но слухъ этотъ не оправдался на дѣлѣ, такъ какъ вмѣсто Скобелева вызвали изъ Петербурга генерала Гурко, Скобелева отстранили, дивизію его отца расформировали, и онъ, будучи начальникомъ штаба этой дивизіи, остался ни при чемъ. Его прикомандировали къ главной квартирѣ. При переходѣ черезъ Дунай Скобелевъ исполнялъ роль ординарца у Драгомирова.

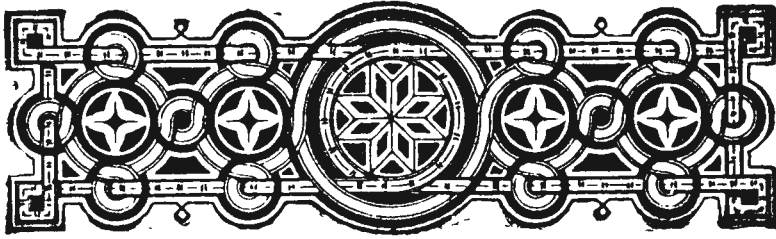
«Въ это время,—продолжаетъ корреспондентъ,—я имѣлъ честь ближе познакомиться со Скобелевымъ, вмѣстѣ съ нимъ былъ въ Тырновѣ и видѣлъ, какъ онъ тяготился своимъ бездѣйствіемъ. Наконецъ, во время плевенской операціи Скобелевъ получилъ серьезное назначеніе. Нужно было сдѣлать рекогносировку на Ловчу, отнятую у насъ турками; поручили это дѣло молодому Скобелеву. Нужно было взять Ловчу,—Скобелевъ взялъ ее. Нужно было ударить на нервъ плевенскихъ позицій 30-го и 31-го августа,—и эта задача была возложена на Скобелева; а когда онъ взялъ турецкіе редуты, его, какъ извѣстно, не поддержали, по совершенному неимѣнію резервовъ. Не знаю, какъ поступилъ бы на мѣстѣ Скобелева другой, менѣе сильный человекъ, но въ немъ самолюбіе вызывало только усиленную энергію. Нужно было уничтожить завистниковъ, показать всѣмъ и каждому, что онъ сильнѣе и выше ихъ. Сильный человекъ прибѣгаетъ всегда къ сильнымъ и открытымъ мѣрамъ, и вотъ Скобелевъ совершаетъ чудеса храбрости, отдается полному самоотверженію и въ какихъ-нибудь два дня (30-го и 31-го августа) пріобрѣтаетъ европейскую извѣстность, становится легендарною личностью въ устахъ русскаго солдата. «Бѣлымъ генераломъ» называетъ его русская печать; «русскимъ Мюратомъ» величаютъ его итальянцы; англичане, австрійцы—всѣ одновременно признаютъ въ Скобелевѣ героизмъ, умъ и талантъ. Слава Скобелева въ арміи все болѣе и болѣе вырастаетъ. Всякій его шагъ разсказывается, перетолковывается и усиливаетъ произведенное уже имъ впечатлѣніе. Идетъ Скобелевъ по полянѣ на редутъ, занятый нами и атакуемый турками. Видитъ онъ, что съ редута возвращаются два солдата; одинъ изъ нихъ хромаетъ, опираясь на ружье; другой провожаетъ его. Отступленіе солдатъ его волнуетъ. «Ты куда идешь?» спрашиваетъ онъ перваго.—«Раненъ, ваше превосходительство». — «А ты куда?» спрашиваетъ втораго.—«Товарища провожаю». Генералъ вспи-

лил. Въ этотъ самый моментъ граната ударяетъ въ голову раненаго, и онъ падаетъ мертвымъ. «Такъ вотъ же тебѣ твой товарищъ», говоритъ Скобелевъ, не мигнувъ бровью: «пошелъ назадъ на редутъ». Я не стану вдаваться въ подробное описаніе отдѣльныхъ случаевъ личной храбрости Скобелева, въ этомъ никто не сомнѣвается. Но у нѣкоторыхъ существуетъ убѣжденіе, что Скобелевъ горячъ въ бою, что онъ способенъ ввергнуть часть свою въ опасность. Слѣдующій эпизодъ вполне характеризуетъ его невозмутимое хладнокровіе. Въ день штурма Ловчи батальонъ Эстляндскаго полка вышелъ на городское кладбище, расположенное внутри города. Кладбище обстрѣливалось сильнымъ огнемъ непріятеля на 2.000 шагодъ. Достаточно было свиста пуль и нѣсколькихъ раненыхъ, чтобы батальонъ безъ приказанія побѣжалъ по кладбищу къ линіи домовъ. Скобелевъ приказалъ офицерамъ собрать батальонъ и привелъ его на середину кладбища, наиболѣе обстрѣливаемую турками. Выстроивъ батальонъ во фронтъ, Скобелевъ сталъ впереди батальона и началъ командовать одинъ за другимъ ружейные приемы. Во время этого ученя батальонъ потерялъ шесть человекъ. Солдаты оправились, и стойкость ихъ выросла и укрѣпилась. Солдаты Скобелева боготворятъ. Умъ его заставляетъ любить себя, и этотъ умъ подсказываетъ ему тѣ приемы отношеній, которые возбуждаютъ любовь къ нему. Я видѣлъ генерала Гурко на высотѣ Шипкинскаго перевала и послѣ этого не могу себѣ представить болѣе величественнаго генерала. Скобелевъ, напротивъ того, очень скромный, говорить много не любитъ. Скобелевъ кокетничаетъ, Гурко рисуется. Но холодное отношеніе къ людямъ составляетъ отличительную черту ихъ обоихъ».

С. А. Драгомирова.

ВЪ ДНИ ВОЙНЫ ВЪ ПОГРАНИЧНОЙ ДЕРЕВНѢ.

(Воспоминанія очевидца).

I. Паника.

АРКО. Солнце склонялось къ закату, но жара все еще не унималась. Сухой, знойной испариной поднимается она отъ полей, проливается съ неба, окутаннаго дымкой тумана. Только отъ неширокой зеленѣющей лужайки, укрывшейся на днѣ небольшого оврага, пахнетъ легкой освѣжающей влагой.

Я шель по узкой дорожкѣ... Тѣсно здѣсь ей...

Съ одной стороны живой стѣной подступаетъ рожь. Зрѣлые колоски на гибкихъ стебелькахъ совсѣмъ закрыли тропинку, колышутся по вѣтру, щекотно бьютъ по лицу. Голубоглазые васильки и махровыя головки дикаго мака тянутся у дорожки, точно надоѣло имъ колыхаться среди этого лѣса

бѣлыхъ душистыхъ стебельковъ созрѣвшаго хлѣба.

Съ другой—оврагъ... Внизу, въ оврагѣ шумитъ ручей, а за нимъ—уже австрійская рожь и австрійскій овесъ.

Нѣсколько дней, какъ мѣстность эта переживаетъ тяжелые, тревожные дни. Глухой, заброшенный уголокъ Бессарабіи, всегда такой тихій, покойный, жилъ теперь какою-то особенной, нервной жизнью.

Буря налетѣвшихъ событій застала деревню врасплохъ. Не знала она того, что на дипломатическомъ горизонтѣ давно уже

сгущались страшныя, зловѣщія тучи, что событія переросли уже голову «всемогущей» европейской дипломатіи и послѣдняя очутилась въ положеніи сказочнаго волшебника, не могущаго справиться съ вызванными имъ стихійными силами.

Заговорили уже пушки на Балканахъ, пробилъ грозный часъ, когда передъ сербскимъ народомъ стала роковая дилемма: или безмолвно покориться надменному врагу, или цѣною крови отстаять свою независимость. Какъ и слѣдовало ожидать, сербы предпочли послѣднее. И надвинулась вплотную опасность европейской войны...

А кругомъ видны уже были слѣды потрясеній, поколеблена экономическая жизнь, въ паникѣ финансовый міръ, въ трепетѣ цѣлыя народы. Но все это шло мимо деревни. Не слыхала она, какъ по всей Европѣ съ головокружительной быстротой раздались раскаты военной грозы.

За два дня передъ этимъ случилось событіе, вверхъ дномъ перевернувшее ровную, спокойную жизнь деревни. Ушла пограничная стража. Быстро, въ теченіе какого-нибудь часа собрались въ деревню солдаты съ четырехъ кордоновъ, и весь отрядъ изъ пятидесяти человѣкъ подъ командой офицера ушелъ въ лѣсъ по направленію Россіи.

Уходъ отряда, въ сущности не представлявшаго собой какой-нибудь серьезной военной силы, очень сильно повліялъ на настроеніе крестьянъ. Деревня сразу заговорила о войнѣ, почувствовала свою полную беспомощность на границѣ съ врагомъ, свое полное одиночество, заброшенность.

— Боже нашъ, Боже нашъ, — повторяли перепуганные крестьяне:— война, придетъ нѣмецъ, а москалівъ же нема, хто жъ за насъ стане!? Пострѣляютъ насъ всѣхъ, перерѣжутъ... ¹⁾

Полевая работа забыта была въ самомъ разгарѣ. Крестьяне не выходили изъ деревни, собирались по улицамъ и въ испугѣ обсуждали положеніе. Ждали событій.

Межа моя кончилась, я вышелъ на дорогу. Двѣ вербы тѣсно обнялись и что-то ревниво охраняють. Тутъ, оказывается, родникъ. Чья-то добрая рука расковыряла лопатой влажную землю, съ той поры прячется здѣсь подъ невысокой травой эта прохладная струя, просачивается внизъ по лужайкѣ и теряется гдѣ-то въ высокой травѣ. За поворотомъ дороги показался зеленый куполь церкви, огромный «вѣтрякъ»²⁾ широко растопырилъ свои крылья, точно цѣпкія лапы паука. А дальше изъ-за пригорка показались хаты и сады. Еще немного—и все село открылось какъ на ладони, широко раскинувшись на склону отлогой горы.

¹⁾ Война, придетъ нѣмецъ, а солдатъ уже нѣтъ, кто жъ за насъ вступится?!, Перестрѣляютъ насъ всѣхъ, перерѣжутъ...

²⁾ Вѣтряная мельница.

Я невольно остановился. Глазамъ представилась неожиданная картина. Въ деревнѣ творилось нѣчто невѣроятное. Все, что было живого въ селѣ, все высыпало на улицы—мужчины, женщины, дѣти, домашній скоть,—все это смѣшалось въ общую кучу и съ крикомъ въ паникѣ неслось по направленію лѣса. Навстрѣчу по дорогѣ бѣжала изъ села женщина и плакала:

— Ой, баринъ, несчастя, німець пішов, вже скрізь по селі, тай стріляє поганый! Ой бідна моя головонько, ой чому смерти мені ще Бог досі не дав,—причитала старушка и плакала.

— Куда ж вы біжете, бабусю?

— Куда очі бачать! Въ лісі буду жити, аби далі від німця... Ой, бідна я несчастна!.. Тікате, пані, не йдіт в село, стріляє, чуєте, знов!.. ¹⁾

Со стороны села, отъ австрійской границы, дѣйствительно, раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Но не откликнулись на нихъ ни эти цвѣтуція поля, ни небо, ни глубокій яръ, что укрылся втихомолку въ густой ржи у дороги...

Въ деревнѣ я засталъ уже послѣднія толпы убѣгающихъ. Такъ и не удалось мнѣ удержать ихъ, не удалось убѣдить, что австрійцы—не варвары, что мирное населеніе они обижать не стануть.

И послѣднія толпы бѣглецовъ скрылись къ лѣсу, туда, гдѣ, словно могучая рать богатырей, неподвижно стоятъ буки, стройные красавцы съ гладкими сѣрыми стволами, поднявъ молитвенно къ небу свои благородныя вершины...

Я пошелъ къ церкви и, проходя мимо, завернулъ въ усадьбу священника, куда я частенько любилъ заходить, зная батюшку, какъ дѣятельнаго, неутомимаго работника и хорошаго, заботливаго пастыря. Не знаю, какъ держали себя въ эти тяжелые дни другіе священники, слышалъ, правда, что нѣкоторые батюшки покидали села и уже этимъ однимъ приводили крестьянъ въ неописуемый ужасъ. Деревня лишалась единственной и притомъ послѣдней моральной опоры.

Но я счастливъ отмѣтить, что въ той деревнѣ, гдѣ довелось мнѣ наблюдать эти тревожные дни, только хладнокровіе, большое самообладаніе и трезвыя спокойныя рѣчи священника, его настойчивое воздѣйствіе на психику народа поддержало въ крестьянахъ хоть нѣкоторое присутствіе духа.

¹⁾ Охъ, баринъ, несчастіе, «німець пошелъ», уже всюду по селу, да и стрѣляетъ поганый!.. Охъ, бѣдная моя головка, охъ, почему смерти мнѣ еще Богъ до сихъ поръ не даль...

— Куда жъ вы бѣжите, бабушка?

— Куда глаза глядятъ! Въ лѣсу буду жить, лишь бы дальше отъ німца... Охъ, бѣдная я, несчастная! Уходите, баринъ, не идите въ село, стрѣляютъ, слышите, опять!

Теперь уютный домикъ батюшки, всегда такой живой и привѣтливый, стоялъ молчаливо, понуро. Всюду былъ заперто.

«Что такое,—подумалъ я;—неужто и священникъ по принципу—гдѣ овцы, тамъ и пастырь, укатилъ въ лѣсъ?..»

Со стороны церкви слышались голоса. Въ церковномъ погостѣ я засталъ всю семью священника и около десятка мужиковъ. Спокойные, убѣдительные уговоры батюшки, видимо, подѣйствовали на крестьянъ, приободрили. Слышались уже шутки, остроты.

— До вечера вернуться, як істи захотятъ,—усмѣхнулся низенькій бѣлобрысый мужичекъ:—набрали запасів доволі, стане до якоюсь часу, хто хлѣб оден взяв, хто мамалиги горшечок, як варився в печі, такъ и захопив... Ой, то-то розумні!..

— А я їм кажу,—замѣтилъ другой:—та то ж ни турок, то христіяни, віра хрищена... Але як бабів вже слухати, то нема вже добра,—убѣжденно закончилъ онъ свои разсужденія ¹⁾

Въ это время съ противоположнаго огорода изъ кукурузы, озираясь, показались три австрійскихъ солдата. Внимательно оглядѣвъ дорогу, солдаты вышли на улицу и пошли къ церкви.

Голоса крестьянъ стихли. Поровнявшись съ церковной калиткой, австрійцы перекрестились, замѣтили нашу группу и отшатнулись.

Прошло минуты двѣ томительнаго молчанія. Страшная это была картина—церковь, группа крестьянъ около, священникъ впереди, и противъ—три австрійскихъ солдата, оторопѣвшіе, растерявшіеся...

Наконецъ передній солдатъ подошелъ ко мнѣ, подаль руку.

— Що у вас доброго чути? ²⁾—спросилъ онъ по-малорусски.

— Нічого, а у вас що?

— Плохо,—вздыхнулъ онъ:—а де ваші москалі?..

— Нема,—отвѣтилъ одинъ изъ переднихъ крестьянъ.

— Эге,—недовѣрчиво покачалъ головой солдатъ:—нема!.. Охъ, Боже нашъ, Боже нашъ, — тяжело вздохнулъ онъ и зашагалъ по пыльной дорогѣ...

Это были, вѣроятно, запасные русины, быть можетъ, даже изъ ближайшей пограничной деревни.

И долго потомъ помнилъ я скорбное лицо, слышалъ тяжкій вздохъ перваго видѣннаго мною въ Россіи австрійскаго солдата, понесшаго на своихъ усталыхъ плечахъ въ нашу деревню иго въ Австріи самой мало популярной войны...

Крестьяне начали расходиться.

---

¹⁾ До вечера вернуться, какъ кушать захотятъ, набрали запасовъ довольно, хватить до какого-нибудь часа, кто хлѣбъ одинъ взялъ, кто мамалыги горшечекъ, какъ варился въ печи, такъ и захватилъ... Охъ, то-то умны!..

— А я имъ говорю—это не турки, это христіане, вѣра христіанская... Но если бабъ слушать, тутъ нѣтъ уже добра...

²⁾ Что у васъ добраго слышно?..

— От і вояка,—не унимался бѣлобрысый мужичокъ:—нещастлива моя година!.. Що це таке, на бабів, чи що таке військо!? Страхи тай годі! ¹⁾).

Уже совсѣмъ смеркалось. Надъ деревней какъ-то скоро улеглись ночныя тѣни. Только на западѣ долго еще не потухала вечерняя заря.

Я вышелъ на гору и оглянулся на село. Оттуда клубами подымался черный дымъ, показалось пламя. Это горѣло зданіе пограничнаго кордона, подожженное австрійскимъ отрядомъ.

II. Господство австрійцевъ.

Время шло. А съ нимъ шли тревожныя, тяжелыя вѣсти.

Жаркое, засушливое лѣто въ однихъ мѣстахъ Россіи, ливни и градъ въ другихъ—уничтожили надежды на хорошій урожай.

Съ несомнѣнностью выяснилось, что во многихъ и многихъ мѣстахъ населенію грозитъ плохой и даже полный неурожай.

Неурожай, голодъ... А съ ними—ихъ обычный и неизбѣжный спутникъ—эпидемія, въ той или другой формѣ.

Съ юга-востока, изъ Астраханской губерніи шли вѣсти о чумѣ, а съ юго-запада распространялась холера.

Ко всему этому—война, самый ужасный, самый страшный врагъ культуры и человѣка. Она ведетъ за собой матеріальное разореніе, слезы вдовъ и сиротъ, она останавливаетъ движеніе человѣческаго прогресса, прекращаетъ мысль, знаменуетъ собою остановку всей жизни.

Одно изъ культурныхъ европейскихъ государствъ, въ свое время подписавшее гаагскую конвенцію, презрительно отвергло сербское предложеніе третейскаго суда и, пораженное маніей величія, бросилось въ объятія самаго необузданнаго шовинизма. Культуру гонитъ культурное государство.

Къ сожалѣнію, я не знаю языка, на которомъ написанъ Талмудъ, но у меня есть переводъ его. И изъ одной изъ этихъ книгъ я возьму легенду, поразившую меня по красотѣ и содержанію.

Когда Господь задумалъ сотворить человѣка, собрались всѣ ангелы. Одни изъ нихъ воскликнули:

— Господи! Сотвори существо, которое будетъ восхвалять Тебя на землѣ, какъ мы воспѣваемъ на небѣ Твою славу.

— Внемли намъ, Всемогущій,—воскликнули другіе ангелы:— не сотвори больше никого! Человѣкъ нарушитъ ту сообразность, которую Ты установилъ на землѣ и на небесахъ.

И затихъ сонмъ ангеловъ. И долго царило молчаніе.

¹⁾ Вотъ и воинъ,—несчастіе, да и только!.. Что это такое, противъ бабъ, что ли, такое войско?.. Ужасы, да и только!..

И преклонилъ предъ престоломъ колѣна ангель милосердія. И кротко прозвучалъ голосъ его:

— Отецъ нашъ, сотвори человѣка. Создай его по образу и подобію Твоему. Я напою его сердце небесной жалостію и состраданіемъ ко всѣмъ живымъ существамъ. Зная человѣка, они будутъ прославлять Тебя.

И уможь ангель милосердія, и предсталъ заплаканный ангель мира. И сказалъ онъ:

— Господи! Не сотвори человѣка! Онъ нарушитъ миръ, установленный Тобою. Велѣдъ за человѣкомъ полетѣя кровавая рѣка. Преступленія, ужасъ и война ступятъ на землю, и Ты больше не узнаешь, что создано Тобой!

И заговорилъ суровый ангель правосудія:

— Ты, Господи, будешь судить человѣка. Онъ будетъ подчиненъ мнѣ.

И предсталъ ангель истины:

— Царь истины! остановись!—сказалъ онъ:— вмѣстѣ съ человѣкомъ Ты пошлешь на землю ложь.

И снова умолкъ сонмъ ангеловъ.

И среди глубокой тишины прозвучали слова Всевышняго:

— Ты, ангель истины, пойдешь на землю съ человѣкомъ, но останешься также небожителемъ. Ты станешь летать между небомъ и землей, связывая ихъ въ одно...

Богъ сотворилъ человѣка.

Но правъ былъ ангель, предсказывавшій, что человѣкъ принесетъ съ собой ложь...

Правъ былъ и ангель мира, предвидѣвъ, что человѣкъ принесетъ на землю ужасъ, кровь и войну...

Мнѣ живо припомнилась эта легенда, подъ звуки выстрѣловъ австрійскихъ разбѣздовъ.

Стрѣляли въ воздухъ... Зачѣмъ они стрѣляли, зачѣмъ тратили снаряды и попусту пугали мирное населеніе, я такъ и не знаю.

Правда, къ чести австрійцевъ, надобно отмѣтить, что по отношенію къ мирному населенію они были всегда очень корректны и предупредительны, при встрѣчахъ съ крестьянами всячески успокаивали ихъ, уговаривали смѣло итти на полевые работы, за вѣряя, что они воюютъ съ русскими войсками и мирное населеніе обижать не станутъ.

Мнѣ передавали такой случай. Въ сосѣдней деревушкѣ австрійскіе солдаты подожгли зданіе пограничнаго кордона.

Но прежде, чѣмъ поджечь зданіе, австрійцы вынесли изъ него все казенное имущество, сложили во дворъ въ кучу и такъ и оставили, ничего не тронувъ. И когда отъ пожара кордона загорѣлся сарайчикъ крестьянина, австрійцы тотчасъ же затушили его.

Часто нуждаясь въ продуктахъ, австрійцы все у крестьянъ покупали. Соблюдали мѣры предосторожности на случай отравленія. Но ни разу ни одинъ изъ нихъ не позволилъ себѣ что-либо украсть или отнять у крестьянъ насильно.

Еще нѣсколько дней, и почта наша прекратила свои функціи, закрыть былъ и телеграфъ. Безъ газетъ, безъ писемъ,—общеніе съ Россіей поддерживалъ лишь земскій телефонъ.

Но скоро и того не стало. Австрійцы перерѣзали провода, разгромили телефонную станцію и унесли аппаратъ.

Оборвалась послѣдняя связь съ Россіей. Мы были уже совершенно отрѣзаны. Съ двухъ сторонъ Австрія, съ третьей—Днѣстръ, за нимъ тоже Австрія, и съ четвертой, по направленію Россіи—на десятки верстъ лѣсъ, и всюду австрійскіе разѣзды, не дающіе возможности ни въѣхать, ни выѣхать.

И хочешь—не хочешь вслѣдъ за господствовавшими у насъ австрійцами приходилось повторять, что границы уже нѣтъ, что мы—уже австрійскіе. Мы, правда, добавляли: «пока»... Австрійцы вывѣсили въ деревнѣ свой двухцвѣтный флагъ.

Становилось безконечно грустно. Что тамъ, на родинѣ, гдѣ побѣды, пораженія?.. Ни вѣсти, ни отзвука... Фактически мы, вѣдь, были въ плѣну у австрійцевъ...

Настало тяжелое время. День и ночь проходили въ ожиданіи. Словно въ домѣ былъ тяжело больной и приближался кризисъ, когда кѣмъ-то будетъ непреложно рѣшенъ вопросъ о жизни или смерти.

Воображеніе смѣшивалось съ дѣйствительностью, люди перестали спать, вскакивали ночью, принимая стукъ колесъ за ружейную перестрѣлку. Каждый ждалъ, какъ господину случаю угодно будетъ распорядиться его персоной. Все благополучіе, жизнь, наконецъ, все это вполнѣ зависѣло отъ каприза какого-нибудь австрійскаго вахмистра.

И казалось, что тысячи невидимыхъ рукъ тянутся отсюда къ Россіи и самая земля стонетъ: «помогите намъ, братья, помогите!..»

Чтобы разсѣяться, дать душѣ хоть какое-нибудь питаніе отъ своего, русскаго источника, я вновь и вновь перечитывалъ наши старыя газеты. Читалъ знакомыя строки и чувствовалъ, какъ за спиной вырастаютъ крылья...

И консервативные органы печати, и даже органы, именующіеся справа «еврейскими», съ одинаковой страстностью воскликнули по адресу нѣмцевъ: «Не запугаете!»

При угрозѣ съ запада какъ бы всё племена и народности, соткавшія ткань Россійскаго государства, остро почувствовали, что Россія для всѣхъ ихъ—родина.

Есть внутренняя рознь, несправедливость, неравенство. Но это свое, домашнее. И при угрозѣ внѣшняго врага просыпается горя-

чее чувство отпора. Это и есть внутренний, естественный націонализмъ, лучшая спайка для сложно-составного государства.

И, доканчивая сейчасъ настоящую главу своихъ воспоминаній, я хочу рассказать одинъ случай, глубоко меня поразившій. Это уже не риторика, не хвастливыя фразы зазнавагося интеллекта. Это просто фактъ, какъ любить говорить мой пріятель, когда ему удается сдѣлать любопытное открытіе въ эволюціи русской общестственности.

Отправляли запасныхъ. Большинство крестьянъ этого уголка Бессарабіи въ лѣтніе мѣсяцы обыкновенно уходятъ на заработки въ другіе уѣзды губерніи, имѣющіе много помѣщичьей земли и потому болѣе нуждающіеся въ рабочихъ рукахъ.

Такъ было и въ этотъ разъ. Когда объявлена была мобилизація, всѣхъ рабочихъ возвратили въ ихъ деревни и отсюда уже отправляли въ армію.

Поэтому случилось такъ, что запасныхъ отправляли отсюда долго, по мѣрѣ ихъ возвращенія съ работъ.

Послѣдній эшалонъ пришлось отправлять уже тогда, когда мѣстность эта была въ австрійскихъ рукахъ.

Запасные рисковали отъѣздомъ, боялись, что, имѣя на рукахъ билеты, они могутъ быть захвачены австрійцами въ плѣнъ. Помогли имъ въ этомъ случаѣ ими же покидаемыя бабы.

Дѣло въ томъ, что замужнія женщины въ Бессарабіи носятъ особый головной уборъ. На голову одѣвается нѣчто вродѣ небольшой круглой коробочки вершка два вышиной, изъ толстаго картона. Сверхъ этой коробочки голову повязываютъ полотенцемъ особаго мѣстнаго издѣлія. Получается какой-то восточный нарядъ.

И вотъ бабы проявили исключительный патріотизмъ и, забывъ свое горе, сами предложили мужьямъ свои услуги, спрятали билеты ихъ подъ свои коробочки на головѣ, по мѣстному—«кырпы», вывели мужей далеко въ лѣсъ и тамъ имъ отдали билеты.

Вспомните извѣстную картину, не припомню только чью, но, кажется, изъ собранія Третьяковской галереи. Дебаркадеръ вокзала, уходитъ воинскій поѣздъ. И здѣсь, около, послѣднее прощаніе остающихся сиротъ—матерей, женъ, дѣтей. ..

Я не представляю себѣ, чтобы кто-нибудь могъ пройти мимо этой картины равнодушно. Слишкомъ ужъ много здѣсь горя, тяжелаго, неподдѣльнаго.

И думается мнѣ, что рядомъ съ картинами В. В. Верещагина, какъ прелюдія сюжетовъ послѣдняго, эта картина могла бы служить лучшей апологіей мира.

И вотъ на фонѣ этой картины представьте себѣ крестьянскихъ женщинъ, помогающихъ своимъ сыновьямъ и мужьямъ уйти на поле войны. Развѣ это не патріотическій подвигъ?..

Въ одномъ изъ романовъ Будищева баринъ застаеть своего слугу, разновидность чеховскаго Епиходова, за писаніемъ какихъ-то тетрадокъ. Баринъ освѣдомляется и узнаеть, что лакей пишетъ романъ.

— Изъ народнаго быта? Что жь! Это хорошо!

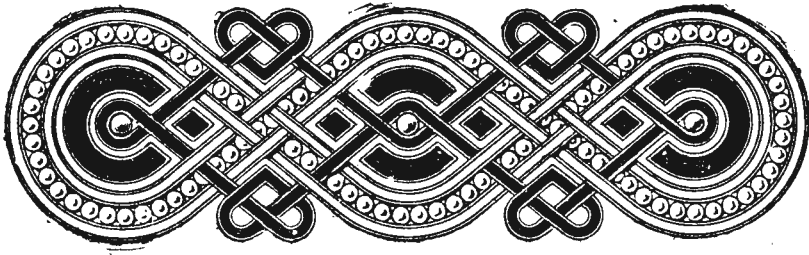
— Зачѣмъ же изъ народнаго быта?—обижается Василій.—Что въ этомъ быту приличнаго? Мракъ, невѣжество, бѣдность. Что же съ объ этомъ писать?! Я пишу романъ изъ мексиканской жизни— «Сусанна и Жакъ». Только въ мексиканскомъ быту и отдыхаешь...

Но оказывается, что и въ народномъ быту есть кое-что «приличное», на чемъ можно отдохнуть, не скучая, на манеръ будищевскаго Василя, по мексиканскому быту.

Е. Богдановичь.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О М. Е. САЛТЫКОВѢ ¹⁾.

ВЪ ПЕРВЫЙ разъ я встрѣтилась съ М. Е. Салтыковымъ въ Москвѣ, на дачѣ у Плещеева, къ которому онъ заѣхалъ проѣздомъ черезъ Москву въ свое имѣніе у станціи Пушкино. По переѣздѣ моемъ въ Петербургъ видала его въ коммунѣ, куда онъ заходилъ къ Головачеву, тогдашнему секретарю «Современника», то по дѣламъ этого журнала, то просто поболтать. Собственно послѣднее выраженіе какъ-то трудно примѣнимо къ Салтыкову. Болтовня предполагаетъ нѣкоторую долю добродушія, а онъ, даже въ самыя добродушныя минуты, выглядѣлъ угрюмымъ, ворчливымъ, большею частью кого-нибудь ругалъ или на что-нибудь жаловался. Прежде всего на цензуру, затѣмъ на редакторовъ «Современника» и «консисторію», какъ онъ обзывалъ его сотрудниковъ изъ духовнаго званія. Въ то недалекое отъ крѣпостничества время онъ, хотя и поборникъ освобожденія крестьянъ, еще не могъ все-таки отдѣлаться отъ барства и не легко мирился съ необходимостью считаться съ такъ назы-

¹⁾ Авторъ предлагаемаго отрывка изъ воспоминаній, Е. И. Жуковская, одна изъ выдающихся русскихъ женщинъ, свидѣтельница и участница движенія шестидесятихъ годовъ. Ея живо написанныя, интересныя воспоминанія, охватывающія періодъ жизни съ момента окончанія института до ухода ея изъ такъ называемой «коммуны» (общегитія, организованнаго кружкомъ передовыхъ людей по инициативѣ извѣстнаго писателя А. Слѣпцова), должны были печататься въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Но наступившія политическія событія отодвинули интересъ ко всему не касающемуся этихъ событій на задній планъ, въ виду чего редакция и вынуждена была отложить на нѣ-

ваемую имъ «консистоіею». Мой мужъ, Юлій Галактіоновичъ Жуковскій, пользовался его расположеніемъ, можетъ быть, отчасти потому, что былъ чистокровнымъ дворяниномъ. Живя въ Петербургѣ, а потомъ пріѣзжая изъ провинціи, Салтыковъ приходилъ къ намъ отводить свою душу. Вообще я думаю, что самый опытный сердцевѣдъ затруднился бы дать отчетливую характеристику Салтыкова—до того онъ былъ сотканъ изъ противорѣчивыхъ настроеній и взглядовъ. Это была какая-то смѣсь доброты и злости, зависти, жадности и щедрости, иногда наивности до смѣшного и замѣчательной цѣломудренности, столь чуждой теперешнему поколѣнію литераторовъ.

Разговаривая однажды съ двоюродной сестрой его жены, милѣйшей, на рѣдкость умной Анной Николаевной Энгельгардтъ, хорошо знавшей Салтыкова, я, передавая ей какія-то забавныя выходки, Салтыкова, посѣтившаго насъ наканунѣ, замѣтила ей: «Совершенно незнакомый съ нимъ человѣкъ могъ бы принять его за крѣпостника».

— Да онъ въ корнѣ крѣпостникъ и есть!—воскликнула она.— Весь его либерализмъ наносный элементъ; онъ просто опоздалъ родиться и попалъ въ такое время, когда крѣпостничество не къ мѣсту и не къ лицу. Какъ крайне талантливый человѣкъ, онъ быстро усвоилъ себѣ вѣяніе времени и сдѣлался либераломъ ¹⁾.

И дѣйствительно, вспоминая теперь Салтыкова начала нашего знакомства, то есть въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, я должна признать, что онъ значительно полѣвѣлъ съ годами. Я не нашла въ собраніи его сочиненій тѣхъ его фельетоновъ 64—65 года, гдѣ онъ глумился надъ передовыми женщинами, вслѣдствіе чего очень популярная въ то время княжна Макулова ²⁾ написала ему выговоръ, на который онъ пришелъ къ намъ жаловаться и при томъ совершенно по-дѣтски, какъ маленькій мальчикъ, котораго обидѣли, такъ что невольно пришлось разсмѣяться. И, даже покончивши со своей жалобой, онъ все-таки не разъ въ

которое время печатаніе «Записокъ шестидесятницы», ограничиться помѣщеніемъ въ текущемъ году предлагаемаго отрывка изъ серіи воспоминаній Е. И. Жуковской болѣе поздняго періода ея жизни, когда ей, въ качествѣ жены извѣстнаго публициста, сотрудника «Современника» и автора нашумѣвшихъ статей «Вопросы молодого поколѣнія» Ю. Г. Жуковского, приходилось жить въ близкомъ и постоянномъ общеніи съ такими выдающимися людьми, какъ Некрасовъ, Салтыковъ, Плещеевъ, Пыпинъ, Жоховъ, Головачевъ, Сергѣевичъ, Унковскій и др., а также съ выдающимися лицами бюрократическаго міра послѣ того, какъ мужъ Е. И. занялъ въ этомъ мірѣ тоже видное мѣсто.

Ред.

¹⁾ Кстати, тутъ же она сообщила мнѣ, что собирается писать характеристику двухъ Михайловъ—Салтыкова и Стасюлевича, котораго тоже имѣла возможность очень хорошо изучить, состоя въ теченіе болѣе десятика лѣтъ сотрудницей «Вѣстника Европы». Не знаю, выполнила ли она это намѣреніе, но характеристики эти должны бы быть очень любопытны и сами по себѣ и по противоположности характеровъ этихъ обоихъ Михайловъ.

Авт.

²⁾ См. «Записки шестидесятницы».

теченіе вечера возвращался къ Макуловой. Изложивши какую-нибудь мысль свою, онъ вдругъ не то шутя, не то серьезно скажетъ:

— А что она на это скажетъ?

— Да кто она?—спрашиваю.

— Да княжна Макулова.—Вотъ вамъ смѣшно!—воскликнулъ онъ на нашъ смѣхъ:—а каково мнѣ такія письма получать!

Осмѣивая всѣхъ, онъ не любилъ, чтобы ему отплачивали тою же монетою. Однажды, подшучивая надъ крайностями «Русскаго Слова», онъ изобразилъ одного изъ его сотрудниковъ Зайцева въ видѣ мальчика, который, прочтя у Молешота, что фосфоръ составляетъ главную основу мозга, принялся усердно ѣсть головки фосфорныхъ спичекъ для увеличенія своего мозгового вещества. Съ своей стороны, Зайцевъ по поводу какого-то фельетона Салтыкова замѣтилъ: «видно, что фельетонъ написанъ чернилами со стола статскаго совѣтника». Салтыковъ на это тоже обидѣлся и нѣкоторое время носился съ жалобами по этому поводу. Вообще, онъ какъ-то стыдился своего чиновничества и, дослужившись до дѣйствительнаго статскаго совѣтника, очень не любилъ, когда его даже въ шутку называли: «ваше превосходительство».

Одно время цензура какъ-то особенно урѣзывала его статьи, а затѣмъ у него вышли какія-то недоразумѣнія съ самой редакціей «Современника» вслѣдствіе его попытки осмѣять въ фельетонѣ одного изъ его сотрудниковъ. Разсердившись, онъ рѣшилъ поступить опять на службу и вскорѣ выхлопоталъ себѣ мѣсто предѣдателя казенной палаты въ Пензѣ. Онъ пришелъ къ намъ проститься передъ отъѣздомъ уже съ бритыми усами, какъ полагалось въ то время чиновникамъ. Бритые усы какъ-то мѣняютъ лицо и къ нему не сразу привыкаешь. Я плохо запоминаю и замѣчаю частныя особенности лицъ и потому, увидя Салтыкова какъ-то странно подбирающимъ губы и не сообразивъ, что онъ сбрилъ свои усы, я невольно усмѣхнулась, на него глядя. Онъ тотчасъ же отнесъ мою улыбку къ насмѣшкѣ надъ его чиновничествомъ.

— Что, небось, смѣтешь надо мною, что въ чиновники пошелъ?—задѣто сказалъ онъ мнѣ.

— Ничуть; просто у васъ какой-то странный, непривычный видъ.

— Да развѣ же ты не видишь, что онъ себѣ сбрилъ усы,—замѣтилъ Юлій Галактіоновичъ. Успокоившись съ этой стороны, Салтыковъ тотчасъ же принялся разносить цензуру и «консисторію» и рассказывать анекдоты о семинаристахъ, которыхъ, по словамъ какого-то остряка, и въ багѣ узнаешь.

Долго оставаться на службѣ онъ не могъ по своему безпокойному, неуживчивому характеру. Онъ постоянно препирался съ губернаторами; не стѣсняясь, острилъ надъ ними въ обществѣ, а

живя въ Тулѣ, написалъ цѣлую лѣтопись о губернаторахъ, причемъ мѣстнаго губернатора, какъ онъ намъ пояснилъ, изобразилъ въ видѣ губернатора съ фаршированной головой. До появленія этой лѣтописи въ печати онъ читалъ ее не только намъ въ Петербургѣ, но и своимъ знакомымъ въ Тулѣ, что, разумѣется, стало извѣстно губернатору, и онъ хлопоталъ о переводѣ Салтыкова въ другой губернской городъ. Перейдя въ Рязань, онъ и тамъ насолил губернатору и его антуражу. Я помню, какъ, прїѣзжая въ Петербургъ на побывку, онъ на какіе-то мои вопросы отвѣчалъ мнѣ нѣкоторое время по-французски, то изображая губернаторшу, то вице-губернатора. И рязанскій губернаторъ выхлопоталъ, чтобы его изъ Рязани убрали. Салтыкову предложили выйти въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и пенсіей въ 1000 или 1200 рублей, на что онъ согласился и скоро сдѣлался соредакторомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» съ Некрасовымъ.

При всей своей видимой суровости онъ былъ не чуждъ совершенно школьническихъ выходъ къ. Въ одинъ изъ его прїѣздовъ изъ провинціи мы были приглашены вмѣстѣ съ нимъ къ Унковскимъ. Такъ мы встрѣтили актера Бурдина, просившаго Унковскаго устроить ему свиданіе съ Салтыковымъ, отъ котораго ему было пужно разрѣшеніе взять въ свой бенефисъ его пьесу. Такъ какъ, кромѣ насъ и общаго нашего пріятели Европеуса, чужихъ никого не было, то появленіе среди насъ совершенно для насъ посторонняго лица, въ видѣ Бурдина, разсердило Салтыкова, прїѣхавшаго всего на нѣсколько дней. Особенно раздражала его почтительная робость передъ нимъ Бурдина.

— На кой чортъ пригласилъ онъ эту тарелку!—сказалъ онъ сердито, обращаясь къ намъ въ то время, какъ Бурдинъ, круглое лицо котораго дѣйствительно напоминало тарелку, былъ отвлеченъ Унковскимъ зачѣмъ-то въ другую сторону. И затѣмъ, когда Бурдинъ присоединился ко всѣмъ намъ, онъ, среди общаго разговора, постоянно вставлялъ какое-нибудь забавное замѣчаніе насчетъ какой-нибудь тарелки, лукаво на насъ глядя и развеселялся особенно, когда на него бросалъ недоумѣвающий взглядъ Унковскій, не понимавшій, въ чемъ дѣло, и Бурдинъ, старавшійся приладиться къ настроенію Салтыкова и ухмылявшійся его остроумамъ насчетъ тарелки.

— Да что вы все съ тарелкой?—замѣтилъ ему наконецъ Унковскій.

— Надоѣла мнѣ тарелка, я готовъ ее расшибить!—и онъ вдругъ забарабанилъ во всю мочь по двери и затѣмъ смолкъ, скучающе надулся, едва цѣдя короткіе отвѣты на обращенные къ нему по временамъ вопросы. Такое его настроеніе, видимо, подѣйствовало удручающе на Бурдина; онъ почувствовалъ себя лишнимъ между нами, всталъ прощаться и ушелъ, несмотря на приглашеніе добрѣй-

шаго Унковскаго остаться папиться чаю. По его уходѣ Салтыковъ набросился на Унковскаго за его приглашеніе Бурдина вечеромъ, когда можно было разрѣшеніе устроить заглазно или утромъ въ дѣловомъ, непродолжительномъ свиданіи. Унковскій отпарировалъ его ругань смѣхомъ и остротами. Салтыковъ разсмѣялся, оживился и въ этотъ вечеръ былъ въ особенномъ ударѣ, много рассказывалъ изъ своей провинціальной жизни и острилъ. А вдругъ нѣтъ, пѣтъ и прилететь что-нибудь о тарелкѣ.

Самой непривлекательной стороною Салтыкова была, конечно, его жадность и зависть къ деньгамъ; но это выразалось у него такимъ непосредственнымъ, дѣтскимъ образомъ, что невольно вызывало улыбку вмѣсто осужденія. Онъ завидовалъ не только богатымъ, но даже просто всякому, кому случалось заработать нѣсколько больше обыкновеннаго, хотя бы это большее было много меньше его обыкновеннаго заработка.

— Онъ завидуетъ даже мнѣ,—смѣясь рассказывала все та же кузина его жены А. Н. Энгельгардтъ:—не можетъ переварить, что я зарабатываю помимо мужа. На дняхъ во все время обѣда отпускалъ мнѣ очень забавныя шпильки по поводу моей работы въ «Вѣстникѣ Европы» и, провожая меня въ передней, замѣтилъ:

— А я бы на вашемъ мѣстѣ, Анна Николаевна, выставилъ бы на дверяхъ дощечку: Анна Николаевна Энгельгардтъ, переводчица «Нана».

Богатѣііе А. С. Суворина возбуждало его особенную зависть и вызывало разныя остроты. Ужъ на что Ю. Г. Жуковскій, къ которому онъ былъ такъ расположенъ, и его онъ не могъ оставить въ покоѣ шпилькой, когда однажды, прѣдя в редакцію въ одинъ изъ своихъ прѣздовъ въ Петербургъ и перебирая статьи перваго безцензурнаго нумера «Современника», въ которомъ Ю. Г. пришлось написать три статьи по настоятельной просьбѣ Некрасова, на его вопросъ секретарю:

— Чьи статьи?

Тотъ ему назвалъ Ю. Г.

— А эта?

— Тоже его.

— Ну, а эта?

— Опять его.

— Такъ вотъ кто у васъ теперь пишетъ!—завистливо воскликнулъ онъ и, являсь въ тотъ вечеръ къ намъ съ Унковскимъ, принялся вдругъ извиняться, что помѣшалъ мужу писать.

— Да какой, я и то написалъ три статьи въ прошломъ мѣсяцѣ, а теперь отдыхаю,—отвѣтилъ ему Юлій Галактіоновичъ.

— Такъ отдыхаете, а я все боялся вамъ помѣшать, да вотъ меня Алексѣй Михайловичъ привелъ; вы, пожалуйста, скажите, если мѣшаемъ.

Такъ какъ секретарь «Современника» Головачевъ еще утромъ, послѣ редакціоннаго приѣма, со смѣхомъ сообщилъ намъ о негодованіи Салтыкова, то Ю. Г. только разсмѣялся на выходку послѣдняго.

Зависть эта и жажда получить больше денегъ происходила главнымъ образомъ отъ чрезмѣрныхъ тратъ его красивой, свѣтской жены. Хотя онъ, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ, бранилъ ее, тѣмъ не менѣе онъ не стѣснялъ ее въ ея расходахъ.

Попытки его обогатиться покупкой имѣній всегда какъ-то разоряли скорѣе его, чѣмъ обогащали. Продавцы его какъ-то обманывали, да и покупщики поровили сдѣлать то же. Такъ, при покупкѣ имѣнія у станціи Пушкино Ярославской дороги, при провѣркѣ инвентаря, его надулъ продавецъ, показавъ между прочимъ набитый сѣномъ сарай, въ сущности пустой, съ задѣланной сѣномъ дверью. При продажѣ другого имѣнія онъ составилъ по просьбѣ покупателя черновую расписку въ полученіи имъ отъ покупателя задатка, машинально подписалъ свою фамилію и хватился объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве только на другой день, послѣ того, какъ тщетно прождалъ покупателя съ обѣщаннымъ задаткомъ. Тотъ задумалъ воспользоваться такою оплошностью Салтыкова и объявилъ было, что это была не черновая расписка, а настоящая и что Салтыковъ подписалъ ее, получивъ отъ него, не помню, сколько тысячъ задатка. Черновую расписку пришлось вытребовать не то полицейскимъ порядкомъ, не то судебнымъ вмѣшательствомъ—хорошенько не помню.

Управляющій нѣмецъ тоже его постоянно обманывалъ, судя по ругательствамъ Салтыкова по его адресу, когда мнѣ случалось переводить письма послѣдняго къ Салтыкову, плохо знавшему нѣмецкій языкъ, и составлять отвѣты на нихъ по его просьбѣ.

При покупкѣ одного какого-то имѣнія онъ призналъ у матери подъ заемное письмо 30—35 тысячъ, а затѣмъ, нѣсколько время спустя, увлекшись, описалъ ее въ одномъ изъ своимъ фельетоновъ въ видѣ помѣщицы, наготовившей приданое своимъ дочерямъ. Разсердившись на которую-нибудь изъ нихъ, она перекладывала изъ сундука провинившейся въ сундукъ другихъ дочерей. Мать разсердилась за это на него и предъявила на него взысканіе самымъ неожиданнымъ для него образомъ. Онъ собирался въ свое подмосковное имѣніе, отправилъ уже туда жену, рассчитывая выѣхать на другой день самъ, такъ какъ задержался въ Петербургѣ по случаю какихъ-то недоконченныхъ дѣлъ, какъ вдругъ къ нему явился полицейскій приставъ и взялъ съ него подписку о невыѣздѣ изъ Петербурга вслѣдствіе подачи взысканія съ него матерью вышеупо-

мянутыхъ денегъ. Онъ пришелъ къ намъ вечеромъ совѣтоваться съ мужемъ и Г. К. Рѣпинскимъ, жившимъ тогда съ нами въ одной квартирѣ; рвалъ, металъ, кричалъ, что ему во что бы то ни стало нужно выѣхать завтра же въ деревню, и глядѣлъ на насъ такъ свирѣпо, точно мы въ чемъ-то виноваты.

— Да зачѣмъ вы дали подписку?—замѣтилъ сидѣвшій у насъ Головачевъ.

— Какъ зачѣмъ!—онъ требовалъ и бумагу принесъ мнѣ для прочтенія.

— Вотъ важность какая!—возразилъ Головачевъ, находившійся кругомъ въ долгахъ и не разъ испытывшій такіе случаи:—дали бы ему взятку, чтобы оттянулъ до другого дня.

— Мелькнула у меня эта мысль, да думаю, а вдругъ онъ скажетъ: «Вы меня опишите», взятки не возьметъ, и выйдетъ пакость.

Забавны были его переходы отъ гнѣва къ самымъ постороннимъ вещамъ, ничего общаго съ предыдущимъ не имѣющимъ.

— Знаете, я на дняхъ получилъ письмо отъ женщины, — вдругъ заговорилъ онъ въ тотъ же вечеръ среди своихъ сѣтованій, свирѣпо на насъ глядя.

— Отъ Макуловой?—спросила я, смѣясь на его свирѣпый видъ.

— Нѣтъ, не отъ нея, пишетъ другая.

— Что же—бранится?

— Нѣтъ, хочетъ посовѣтоваться со мной по какому-то дѣлу, просить пріѣхать къ ней.

— Что же не поѣхали?

— Да пока жена тутъ была, некогда было, да еще Богъ знаетъ что вообразила бы. Вотъ приставъ заарестовалъ—сѣзжу къ ней завтра.

— Что же, романъ хотите, что ли, заводить?—спросилъ легкомысленный Головачевъ.

— Чортъ знаетъ, что вы говорите! Какой романъ! у меня жена есть! — воскликнулъ онъ съ негодованіемъ.

И дѣйствительно, несмотря на полное разногласіе во взглядахъ съ женою, онъ не измѣнялъ ей, хотя ругалъ ее въ глаза и за глаза, какъ я упоминала выше. Жена не обижалась на его ругань, постоянно жантильничала и разыгрывала изъ себя дурочку, хотя была далеко не глупа и прекрасно; лучше мужа, умѣла устроить свои денежные дѣла, особенно послѣ его смерти, когда она получила полную свободу дѣйствія.

Не знаю, насколько былъ къ ней привязанъ Салтыковъ, но онъ строго соблюдалъ свои обязанности мужа и впоследствии отца двоихъ дѣтей и не измѣнялъ ей.

Однажды, оставаясь лѣтомъ безъ жены, онъ пошелъ обѣдать съ Унковскимъ въ «Донону». Столъ, за которымъ они обѣдали, оказался рядомъ со столомъ знакомаго Унковскаго, адвоката, обѣдавшего съ

кокоткой. Узнавъ отъ Уиковскаго, кто такая принимавшая участіе въ общемъ разговорѣ, Салтыковъ подтолкнулъ Уиковскаго въ концѣ обѣда и сказалъ тихо:

— Заставьте ее разсказать свою исторію.

Уиковскій засмѣялся и предложилъ ему обратиться къ ней самому.

— Не хочу и не умѣю съ ними говорить, — возразилъ Салтыковъ строго и сурово.

— Хотите, она васъ поцѣлуетъ для начала знакомства, — продолжалъ подсмѣиваться Уиковскій, дѣлая движеніе по направленію къ кокоткѣ.

Салтыковъ осврѣпѣлъ:

— Я ей по рождѣ дамъ, если она осмѣлится меня коснуться!

Тотчасъ же потребовалъ счетъ и ушелъ разсерженный.

Вообще онъ проявлялъ весьма страшныя, несуразныя выходки, которыя могли сбить съ толка всякаго свѣжаго человѣка, не привыкшаго къ его странностямъ, надъ которыми добродушно подсмѣивались между собою его друзья и близко знакомые.

У него не было дѣтей въ продолженіе первыхъ шестнадцати лѣтъ супружества. Узнавъ о первой беремености своей жены, онъ до того растерялся отъ такой неожиданности, что тотчасъ же побѣжалъ дѣлиться этой новостью съ Уиковскимъ; не заставъ его дома, онъ сообщилъ эту повость Ивану, лакею Уиковскаго:

— Моя жена беременна, чортъ возьми, — и ушелъ.

Сдѣлавшись отцомъ, онъ серьезно вошелъ въ свои обязанности и считалъ долгомъ особенно блюсти свое незапятнанное имя. Одинъ изъ газетныхъ кригиковъ, разсердившись на его какую-то выходку противъ себя, обозвалъ его въ своемъ фельетонѣ «хамомъ». Онъ принялъ это серьезно къ сердцу и жаловался какъ-то наивно всѣмъ:

— Х. назвалъ меня «хамомъ», а вѣдь у меня семейство!

Появленіе двухъ малышей заставило его задуматься и приступить къ составленію духовнаго завѣщанія. Первоначально онъ предполагалъ завѣщать все женѣ, а послѣ ея смерти дѣтямъ. Онъ ходилъ по кабинету Уиковскаго, своего друга, обсуждая съ нимъ всѣ пункты завѣщанія, и вдругъ остановился, ударивъ себя по лбу: «А вдругъ она за какого-нѣбудь солдатишку еще замужъ выйдетъ!» завопилъ съ такимъ голосомъ, будто это и въ самомъ дѣлѣ вещь возможная, и тутъ же измѣнилъ свой первоначальный проектъ, завѣщая раздѣлить все свое имущество поровну между женой и дѣтьми и сверхъ того все изданіе своихъ сочиненій сыну. Жена его, послѣ смерти его, выкупила это право сына на весь доходъ съ изданія и дѣлила его тоже поровну, какъ и остальное имущество.

Привыкши во время своей государственной службы строго соблюдать законы, онъ всегда и въ частной жизни держался строгой законности, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда законность въ сущности не нарушалась, но почему-либо, по его мнѣнію, могло выйти нарушеніе. Такъ вскорѣ послѣ извѣстнаго въ свое время процесса о Мясниковскомъ наслѣдствѣ умеръ его бездѣтный братъ, оставивъ свое имущество исключительно ему, помимо его другихъ братьевъ и сестеръ. Несмотря на свои сѣтованія о недостаточности средствъ, онъ отказался получать наслѣдство брата единолично:

— А вдругъ выйдетъ Мясниковское дѣло! Нѣтъ, пусть будетъ по закону.

Упомянувъ выше о жадности Салтыкова, считаю нужнымъ упомянуть объ одномъ случаѣ, гдѣ онъ, на моихъ глазахъ, проявилъ искреннее сожалѣніе, даже отчаяніе о невозможности удовлетворить просьбу одного изъ своихъ пріятелей, жившаго въ Москвѣ, просившаго его письменно одолжить ему что-то около пяти тысячъ. Мы встрѣтились съ нимъ на обѣдѣ у Европуса, и онъ разсказалъ мнѣ объ этомъ письмѣ, сидя рядомъ со мной за обѣдомъ, и большую часть времени не переставалъ терзаться и жаловаться.

— Зачѣмъ, зачѣмъ написалъ онъ мнѣ это письмо? Вѣдь онъ знаетъ, что у меня такихъ денегъ нѣтъ,—не разъ возобновлялъ онъ свои сѣтованія.—Онъ взбаламутить меня. Я все теперь о немъ думаю: «А вдругъ онъ изъ-за меня запутается».

— Да что вы такъ, какъ будто вы одинъ у него пріятель и есть; кто другой выручить,—пробовала я его успокоить.

— Нѣтъ, зачѣмъ, зачѣмъ онъ написалъ мнѣ это раздражительное письмо?—начиналъ онъ сызнова и какъ будто уже укоряя П. за доставленное ему безпокойство.

— Можетъ быть, думалъ, вы гдѣ-нибудь достанете,—пробовала я уже извинять передъ нимъ П.

— Какъ вы это говорите! Гдѣ же, гдѣ, у кого? Скажите на милость! Я теперь покоя не найду.

Онъ дѣйствительно такъ искренно тосковалъ, что, я увѣрена, послать бы эти пять тысячъ, будь онъ у него.

Несмотря на свой свирѣпый видъ, Салтыковъ очень любилъ музыку, охотно ѣздилъ въ оперу, почему-то очень любилъ Волынни, находилъ ее очень старательной и она въ бвала въ немъ желаніе похлопать ее по плечу и сказать: «Старайся, старайся, голубушка». Живя въ провинціи, онъ выучился нѣсколько играть на фортепьяно, подъ руководствомъ своей жены, хорошей музыкантши. Однажды, перебирая мои ноты, онъ вдругъ вытащилъ какое-то легонькое понури въ четыре руки изъ какой-то оперы и предложилъ мнѣ сыграть съ нимъ, къ нашему величайшему удивленію, такъ какъ мы и не подозревали за нимъ музыкальныхъ талантовъ. Игралъ онъ со своей обычной еуровой серьезностью, соблюдая

всѣ отгѣнки, добросовѣстно останавливался на ошибкахъ, исправляя ихъ, тогда какъ я самымъ недобросовѣстнымъ образомъ смазывала свои и продолжала, не останавливаясь, дальше. Впрочемъ, за музыкой я его видѣла всего одинъ разъ и не слыхала о его дальнѣйшихъ успѣхахъ въ этомъ искусствѣ.

Разошлись мы съ нимъ какъ-то постепенно. Сдѣлавшись редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ», онъ невольно долженъ былъ держать сторону Некрасова, съ которымъ разошелся Юлій Галактионовичъ, какъ писано въ біографіи послѣдняго ¹⁾. Когда Ю. Г. вынужденъ былъ вмѣстѣ съ Антоновичемъ объяснить причину своего невступленія въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», то Салтыковъ, заслушавъ о предполагаемомъ объясненіи, билъ себя въ грудь и жаловался нашему общему знакомому Г. В. Лермантову: «Что они со мной дѣлаютъ! До сихъ поръ я подлости Некрасова таилъ про себя, а теперь всѣ узнаютъ, съ кѣмъ я имѣю дѣло».

Самъ Некрасовъ, сколько мнѣ извѣстно, до появленія брошюры Ю. Г. Жуковскаго и М. А. Антоновича очень беспокоился ея появленіемъ и тоже черезъ того же Лермантова пытался предотвратить ея появленіе, боясь утратить свой престижъ ревнителя и борника правды и защитника угнетенныхъ. Встрѣтивъ въ Англійскомъ клубѣ того же Лермантова, онъ поручилъ ему узнать у меня, приму ли я отъ него вновь изданныя его сочиненія, такъ какъ получила отъ него самого первый томъ. Я просила передать ему, что не приму.

Некрасовъ никакъ не ожидалъ, что семидесятники набросятся не на него, какъ набросились на него шестидесятники за его стихотвореніе Муравьеву, а на обиженныхъ и обойденныхъ, оправдывая пословицу: «Горе побѣжденнымъ», до того была сильна реакція въ то время, что даже до того порядочные съ вида люди, въ погонѣ за кускомъ хлѣба, утратили всякое чувство справедливости и не стыдились этого. Только одинъ Страховъ, не числившійся въ либеральномъ лагерѣ, нерѣдко травимый Антоновичемъ, выступилъ въ защиту Ю. Г. Жуковскаго и Антоновича изъ чувства человѣчности, присущей ему справедливости и безпристрастія.

Такъ какъ въ эпоху реакціи изъ либеральныхъ журналовъ держались на поверхности только Некрасовъ и Стасюлевичъ, то всѣ болѣе или менѣе причастные къ литературѣ хватались и держались за редактируемые двумя послѣдними журналы и оказались *plus royalistes que le roi*; старались лягать Жуковскаго и

¹⁾ См. Біографію Ю. Г. въ приложеніи къ его книгѣ «Нравственная культура. Матеріалы для исторіи нравственной и экономической культуры XIX вѣка».

Антоновича по всякому поводу и безъ всякаго повода, изъ желанія выслужиться передъ Некрасовымъ и удержаться на поверхности. Особенно старался въ этомъ направленіи Михайловскій при началѣ своего сотрудничества въ «Отечественныхъ Запискахъ», пока ни утвердился въ нихъ окончательно. Онъ какъ-то специализировался на томъ, чтобы затоптать Ю. Г. Жуковскаго, который никогда не считалъ нужнымъ вступать съ нимъ въ полемику: до того придирки Михайловскаго были недостойны. Однажды въ одной изъ своихъ статей онъ до того часто упоминалъ имя «Жуковскаго», что я, для курьеза, сосчитала, сколько разъ онъ упоминалъ это имя, помножила на количество буквъ строки «Отечественныхъ Записокъ», и оказалось, что именемъ Жуковскаго можно было наполнить, если не цѣлыхъ двѣ страницы, то во всякомъ случаѣ около этого.

Можно только удивляться, какъ прежніе друзья Жуковскаго—Салтыковъ и Некрасовъ—допускали такую недостойную травлю. Только и можно объяснить это тѣмъ, что Михайловскій своими нападками какъ бы оправдывалъ имъ ихъ отчужденіе отъ человѣка, котораго они, до его отказа отъ сотрудничества въ «Отечественныхъ Запискахъ», любили и читали. Волею или неволею Салтыковъ вмѣстѣ съ Елѣевымъ выступили въ защиту Некрасова, причемъ Елѣевъ обрушился больше на Юлія Галактионовича, а Салтыковъ на Антоновича.

Разсерженный на Салтыкова, Антоновичъ написалъ ему письмо съ выговоромъ, причемъ напомнилъ ему одинъ пассажъ, въ которомъ Салтыковъ совершенно случайно, никакъ не преднамѣренно, сыгралъ некрасивую роль.

Дѣло происходило въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда появленіе прокламацій было необычно. Будучи вице-губернаторомъ въ Твери, Салтыковъ получилъ какую-то прокламацію и въ видѣ курьеза, по-товарищески, показалъ ее тогдашнему тверскому губернатору Баранову. Послѣдній былъ, видимо, ехидный человѣкъ и отправилъ означенную прокламацію въ третье отдѣленіе, гдѣ, по почерку конверта, добрались до Обручева, офицера генеральнаго штаба, вслѣдствіе чего послѣдній былъ разжалованъ и сосланъ въ каторгу. Этотъ необдуманнѣйшій эпизодъ сильно возмутилъ противъ Салтыкова тѣхъ, кто про это зналъ, особенно пріятелей Обручева, пользовавшагося репутаціею талантливаго и дѣльнаго человѣка. Самъ Салтыковъ сообразилъ о своей оплошности, когда дѣло было сдѣлано, клялъ себя страшно, какъ говорятъ. Но многіе, задѣваемые имъ такъ или иначе лично, разсерженные, вспоминали объ этомъ и подогрѣвали разсказами объ этомъ эпизодѣ негодованіе противъ него за его поступокъ. Такъ, послѣ его бранной статьи противъ Антоновича, послѣдній написалъ ему частное бранное письмо, обращаясь къ нему со словами: «ваше превосхо-

дительство», и приравнял его къ Теофану Прокоповичу, намекая на эпизодъ съ Обручевымъ.

Мы долго не видались съ Салтыковымъ послѣ этого. Знали только отъ Унковскаго, что онъ рвалъ и металъ на Антоновича. Осенью, по возвращеніи нашемъ съ дачи и его изъ деревни, я въ первый разъ встрѣтилась съ нимъ въ кондитерской Назарова, нынѣ не существующей. Встрѣча была холодная, официальная, такъ какъ, затронутая его выходкой противъ Юлія Галактіоновича, я не считала нужнымъ разговаривать съ нимъ по-старому и занялась выборомъ пирожковъ, за которыми пришла. Ему же, видимо, было жаль такъ, безъ объясненія, разойтись съ нами навсегда, и потому, когда мнѣ стали завязывать корзину съ пирожками, онъ подошелъ ко мнѣ и, какъ водится, со свойственной ему нелѣпостью заявилъ мнѣ, что онъ собственно противъ Юлія Галактіоновича ничего не имѣетъ, любить и уважаетъ его попрежнему.

— Еще бы вы что-нибудь имѣли!—отвѣтила я ему строго.— Если кому имѣтъ, то мнѣ за вашу выходку противъ Юлія Галактіоновича.

— Да что я собственно браннаго противъ него написалъ?

— Трусливымъ зайчикомъ обзвали.

— А меня превосходительствомъ пазвали,—обижено сказалъ онъ.

Я невольно улыбнулась на это.

— Да развѣ же вы не превосходительство?

— Ну, да, хорошо,—сказалъ онъ:—пусть такъ. Но Антоновичъ-то, Антоновичъ какое мнѣ письмо написалъ. Я это письмо здѣсь всегда на груди ношу,—стукнулъ онъ себя въ грудь.—Вѣдь онъ меня съ Теофаномъ Прокоповичемъ сравнилъ.

— Ну, за Антоновича мы не отвѣтственны,—замѣтила я.

И такъ какъ мой пакетъ былъ завязанъ, я стала расплачиваться, а онъ уже расплатился ранѣе, то мы простились, и онъ вышелъ изъ кондитерской. Онъ уже отъѣзжалъ на извозчикѣ, когда вышла я. И тутъ какъ-то дружески, по-старому взглянулъ на меня и добродушно крикнулъ мнѣ:

— Знаете, Алексѣй Михайловичъ (Унковскій) вчера вернулся. Будете у него въ пятницу?

Я тоже по-старому, улыбаясь, кивнула ему утвердительно головой, и такъ мы разстались, если не навсегда, то уже не разговаривали болѣе на дружеской ногѣ. Встрѣчаясь у Унковскаго, намъ не приходилось почти разговаривать. Онъ какъ будто чувствовалъ себя неловко передъ Юліемъ Галактіоновичемъ, избѣгалъ сидѣть въ общей комнатѣ, торопился сѣсть за карты и уѣзжалъ до ужина.

Вскорѣ у насъ умерло двое дѣтей въ одну недѣлю, мы были до того сражены и убиты этою смертью, что бросились изъ Пе-

тербурга въ Москву. А затѣмъ умерла первая жена Унковскаго. Пятницы Унковскаго на время прикончились. Хотя мы и заѣзжали къ нему въ разное время, но съ Салтыковымъ почти не встрѣчались. Да онъ все больше болѣлъ и рѣдко показывался даже къ Унковскому. Отъ послѣдняго мы слышали, что онъ не разъ выражалъ сожалѣнiе о нашемъ разрывѣ и не переставалъ считать Юлія Галактіоновича единственнымъ человѣкомъ, неспособнымъ ни къ какимъ компромиссамъ.

Впослѣдствіи судьба соединила нашихъ дочерей въ гимназіи Оболенской въ одномъ классѣ, гдѣ онъ бѣ лѣе или менѣе дружилъ, а по смерти Салтыкова подружился еще болѣе и одновременно о выѣзжали въ свѣтъ.

Е. И. Жуковская.

ПАРИЖСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

(Августъ 1914 г.).

ВАДЦАТЬ шестого іюля (н. с.) я со своимъ русскимъ пріятелемъ сидѣли на «бѣлыхъ скамейкахъ» у шикарнаго отеля «Nassauerhof» въ тихомъ Висбаденѣ. Было скучно и знойчо. Мы оба зачитывались процессомъ m-me Caillaux, я—по стенографическому отчету «Rigago» (имѣлъ терпѣніе дочитать процессъ до конца), а пріятель по сокращенному отчету «Matin». Это было единственнымъ нашимъ развлеченіемъ, и мы отсчитывали дни, когда можно будетъ покинуть Висбаденъ.

Упитанный и красивый нѣмецъ-*portier* однажды подошелъ къ намъ и сказалъ:

— Я думаю, что это пустяки, газетныя выдумки... Я сдѣлалъ удивленное лицо.

— Да этотъ ультиматумъ Сербіи,—пояснилъ онъ.—Конечно, никакой войны изъ-за такого пустяка не будетъ,—успокоительно добавилъ *portier*.

Да, что-то вспомнилось. Какая-то краткая телеграмма объ ультиматумѣ Австріи къ Сербіи. Какъ-то, послѣ процесса Caillaux заглядывали мы и въ «политику», о которой по-лѣтнему вяло и безцвѣтно писали въ газетахъ. И намъ показалось, что изъ-за такого пустяка никто, конечно, воевать не станетъ—какой вздоръ! Но почему *portier* показалось нужнымъ заговорить о такой мелочи? Вѣроятно, любитель политики.

Но на другой день я уже прочиталъ напечатанный полностью ультиматумъ и, конечно, понялъ, насколько это серьезно.

Portier продолжалъ утѣшать:

— Я, конечно, не министръ, я маленькій человѣкъ и солдатъ, по интересуюсь политическими дѣлами. Вѣрьте мнѣ, что весь шумъ дѣлаютъ газеты. Мы не желаемъ войны, хотимъ мира и даже очень любимъ русскихъ. Когда была ваша война съ японцами, мы сочувствовали вамъ, а вовсе не желтолицымъ. Да, мы, въ сущности, очень любимъ русскихъ. Это сосѣди, добрые сосѣди, давнiе сосѣди.

Мы такъ были далеки мыслью отъ войны, что, несмотря на всю видимую серьезность положенiя, рѣшительно никто не хотѣлъ вѣрить, что будетъ война. И даже самая мысль объ этомъ показалась бы ужаснымъ вздоромъ, если бы она явилась кому-нибудь серьезно на умъ въ то время, среди мирнаго пребыванiя въ курортѣ.

Мой прiятель кончилъ курсъ леченiя и уѣхалъ въ Парижъ. Я хотѣлъ поѣхать на нѣсколько дней въ Карлсбадъ для «Nacheur'a» и написалъ туда письмо съ просьбой оставить комнату къ 1-му августа. Но мнѣ еще недѣлю пужно было полечиться въ Висбаденѣ.

Картина мирно настроеннаго курорта вдругъ стала рѣзко мѣняться. Сначала появились вечернiя Extrablatt'ы, съ телеграммами, набранными жирнымъ шрифтомъ. Потомъ стали появляться телеграммы уже среди дня, а затѣмъ чуть не каждые два часа. Ничего нельзя было понять. Сейчасъ—одно, черезъ часъ другое, а черезъ три часа—опроверженiе и того и другого. Но около вывѣшенныхъ телеграммъ жадно толпился народъ и обсуждалъ депеши. «Wiesbadener Zeitung» вмѣстѣ съ «Frankfurter Zeitung» точно вперегонку сыпали депешами, и газетчики развозили ихъ на велосипедахъ.

Въ курортномъ паркѣ играла каждый вечеръ музыка—невинные вальсы, шопеновскiе ноктюрны и непременно отрывки изъ вагнеровскихъ оперъ. И вдругъ, однажды вечеромъ, заиграла австрiйскiй гимнъ, потомъ «Wacht am Rhein», и публика кричала «ура» и «hoch» и восторженно махала шапками. Тутъ уже стало ясно, что дѣло начинается портиться. Депеши продолжали быть разнорѣчивыми, какъ-то точно парочно сбивчивыми, путанными, неясными. А въ курортномъ паркѣ продолжались манифестаціи.

На другой день я отправился въ Дрезденскiй банкъ размѣнять деньги. Но ни сторублевой, ни пятисотрублевой бумажки тамъ не взяли. «Эти деньги,—сказалъ глухой банковскiй чиновникъ,— das hat jetzt kein Wert». Пошелъ въ Deutsche Bank, и тамъ за сто рублей дали 170 марокъ вмѣсто обычныхъ 212. Тутъ ужъ совсѣмъ стало ясно, что дѣло дрянъ.

Portier и массажистъ очень сердились на «неумнаго» Curdirector'a, который въ городѣ, наполненномъ русскими, допускаетъ вмѣсто вальсовъ и полекъ политическую музыку и манифестаціи. Уже зашевелились русскiе къ отъѣзду. Но maître d'hôtel и весь

остальной персоналъ продолжали увѣрять, что все это газетная шумиха, не больше.

Однако я отправился въ Wagon lit, чтобы заказать себѣ билеты въ Парижъ. Все-таки же было ясно, что въ Карлсбадъ уже ѣхать во всякомъ случаѣ было бы болѣе чѣмъ странно. Какимъ-то чутьемъ я догадался, что черезъ Берлинъ мнѣ уже не проѣхать. Свѣдѣнія получались самыя разнорѣчивыя. Я убѣждалъ другого моего прія-теля, недавно только пріѣхавшаго въ Висбаденъ, бросить все и ѣхать со мной въ Парижъ, а оттуда, можетъ быть, черезъ Лондонъ какъ-нибудь на пароходѣ въ Петроградъ. Но онъ подымалъ меня на смѣхъ и удивлялся моему «пессимизму», какъ я—его оптимизму. Онъ даже телеграммъ не читалъ, считая всѣ эти извѣстія «чрезвычайнымъ вздоромъ».

Между тѣмъ русскіе, вообще державшіе себя очень обособленно въ Висбаденѣ, стали уже обращаться другъ къ другу безъ всякаго предварительнаго знакомства и тревожно совѣт ваться, что дѣлать и какъ быть. Мой пріяель отвѣчалъ: «все вздоръ, конечно», а я говорилъ: «вздоръ ли, я не знаю, но я уѣзжаю завтра въ Парижъ». Всѣ удивлялись, почему именно въ Парижъ? «Да потому, что уже черезъ Берлинъ не проѣхать, а застрять въ Берлинѣ—это будетъ ужасно». Вечеромъ пришелъ ко мнѣ пріяель оптимистъ и сказалъ, что онъ тоже завтра уѣзжаетъ, но... черезъ Берлинъ, потому что это прямѣе и онъ скорѣе попадетъ въ Петроградъ. А уѣзжаетъ онъ не потому, что вѣрить всей этой чепухѣ, а просто ему противно здѣсь жечь и слушать всѣ эти манифестаціи и разговоры. Я ему показалъ только-что полученную нѣмецкую телеграмму «Wiesbader Zeitung» о томъ, что отправка поѣздовъ изъ Берлина къ русской границѣ прекращена. Но онъ и этому не хотѣлъ вѣрить и заказалъ себѣ билетъ на завтрашній вечеръ. Даже конторщица агентства ему сказала, что она посылала два дня тому назадъ депешу въ Варшаву съ заказомъ спальныхъ мѣстъ и никакого отвѣта не получила. Очевидно, телеграфное сообщеніе прервано. «Такъ что жъ, я и безъ Wagon lit поѣду», отвѣтилъ неисправимый оптимистъ. Я уѣхалъ въ пятницу 31-го іюля, рано утромъ, въ Парижъ, а мой пріяель долженъ былъ выѣхать въ тотъ же день вечеромъ прямо въ Берлинъ.

Наканунѣ моего отъѣзда исчезъ другой оптимистъ—нѣмецъ portier. Я его очень разыскивалъ, мнѣ хотѣлось ему дать чаевыя деньги. Это былъ обаятельно-внимательный, предупредительный, вѣжливый и добродушный человѣкъ. Но напрасно я о немъ спрашивалъ—всѣ упорно отмалчивались или отвѣчали что-нибудь совершенно незначительное: «ушелъ», «вышелъ», «отпущенъ», «да, вѣроятно, будетъ», «можетъ быть, увидите». Но его не было и утромъ.

Я уѣхалъ. На вокзалѣ полное и обычное въ этотъ ранній утренній часъ спокойствіе. Поѣздъ мѣстный до Майнца, гдѣ пересадка

въ Schnellzug Франкфуртъ—Парижъ. И какъ только поѣздъ тронулся изъ Майнца—я сразу все понялъ. Мы ѣхали цѣлый день по вооруженной странѣ, поголовно и съ ногъ до головы вооруженной. Каждый мостъ, каждая стрѣлка, каждая будка и каждый вокзалъ охранялись войсками. Солдаты въ полномъ вооруженіи, въ мундирахъ и штанахъ защитнаго цвѣта, каски закрыты чехлами защитнаго цвѣта. Далеко по дорогамъ тянутся военные обозы. Вся Лотарингія покрыта солдатами. Я ѣхалъ и глазамъ своимъ не вѣрилъ. Что же это такое? Ни о какой мобилизаціи и слуху не было, пока мы сидѣли въ Висбаденѣ, даже не было еще объявленія о Kriegfuhrzustand, что предшествуетъ въ Германіи распоряженію о мобилизаціи. И, оказывается, страна уже полностью мобилизована. Теперь, въ пути, я понялъ исчезновеніе любезнаго portier. Его призвали.

Удивленіе мое возросло еще больше, когда мы приѣхали на французскую границу Pagny sur Moselle. Тишина и благодать. Ни одного солдата. И такъ мы доѣхали до Парижа, и нигдѣ изъ окна вагона не видали французскихъ войскъ. Но поѣздъ задержался въ пути, останавливался среди дороги и прибылъ въ Парижъ съ опозданіемъ на четыре часа. вмѣсто шести вечера—въ десять.

Приѣздъ на gare de l'Est уже показалъ, что тутъ что-то происходитъ. Ни одного носильщика. Въ отдѣленіи, гдѣ досматривается багажъ, никого, кромѣ завѣдывающаго отдѣленіемъ. Онъ разводитъ руками и говоритъ:

— Что же дѣлать? Я работаю съ утра и, вѣроятно, придется идти спать не раньше пяти часовъ утра! За три дня прибыло около десяти тысячъ мѣстъ багажа. Всѣ возвращаются изъ Германіи: русскіе, англичане, французы и мало ли кто! У насъ не хватаетъ ни рукъ, ни времени, ни силъ. Вы бы лучше, господа, разѣхались по домамъ и отелямъ, а завтра бы явились. Можетъ быть, и удалось бы кое-что разработать. Если бы у меня было четыре руки...

Но длинная рѣчь мало на кого подѣйствовала. Не ходитъ же цѣлый день грязнымъ. Нѣкоторые попались на удочку и ушли.

Вкатили нѣсколько повозокъ съ багажомъ. Одинъ господинъ узналъ свой сундукъ; съ большими усиліями свергъ его въ повозку, которую предварительно отыскалъ, и самъ повезъ къ выходу. Начальникъ предложилъ сдѣлать каждому то же самое, кто узнаетъ свои вещи, и, повидимому, былъ очень доволенъ этимъ мудрымъ разрѣшеніемъ вопроса. И вдругъ я увидѣлъ свой сундукъ. Но свалить его было не легко, онъ былъ очень загруженъ, да и свободной повозки уже не было. Досмотрщикъ за пять франковъ любезно согласился это устроить и устроилъ. Онъ взвалилъ его ребромъ на свое плечо и понесъ во дворъ.

— А вѣдь его еще не досматривали,—остановилъ я его.

Но таможенный начальникъ обозленно мнѣ крикнулъ:

— Вѣдь у васъ ничего тамъ нѣтъ, такъ о чемъ вы беспокоитесь? Возможенъ тутъ еще осмотръ?!

Я и самъ понялъ, что сказалъ глупость.

Во дворѣ ни фіакровъ, ни таксы. Пришлось бѣднягѣ нести сундукъ на улицу. Насилу поймали фіакръ—старая кляча, старый экипажъ и глухой cochег.

Изъ таможеннаго зала неслись ругательства—вѣдь вотъ бросилъ ихъ всѣхъ и потащилъ одинъ сундукъ.

Но я былъ счастливъ! Я въ Парижѣ, гдѣ такъ хорошо намъ, русскимъ, живется. Я вырвался изъ Германіи, гдѣ такъ тяжело намъ было жить. Въ Hôtel de Vade, на Итальянскомъ бульварѣ, удивительно предупредительный, ласковый, доброжелательный персоналъ... Меня отлично устроили и очень дешево. Я отправился въ café de la Paix. Цѣлый день не пришлось ничего ѣсть, кромѣ ужаснаго завтрака въ вагонъ-ресторанѣ, который уже отцѣпили въ Мецѣ. Меня поразило видѣ парижскихъ улицъ. По бульварамъ сплошная толпа народа, сосредоточенно, какъ бы раздумчиво передвигающаяся. Какъ-то не шумно, не суетливо, какъ всегда, двигалась толпа, а точно въ торжественномъ какомъ-то настроеніи, чего-то выжидаая. Нѣтъ наружныхъ столиковъ у кафе. Это производитъ какое-то необычайное впечатлѣніе. Внутри кафе переполнены.

На другое утро узналъ, что выдача багажа не производится больше съ gare de l'Est. Тѣ, которые послушались убѣжденій начальника, и до сихъ поръ, какъ я знаю, сидятъ безъ вещей. Нашъ поѣздъ былъ послѣднимъ, проскочившимъ изъ Германіи въ Парижъ. Съ сегодняшняго дня (1-го августа) желѣзнодорожное сообщеніе съ Германіей прервано...

Уѣхать вообще больше никуда нельзя. Поѣзда еще отходятъ къ югу и къ западу, но не регулярно, и желѣзнодорожныя агентства не отвѣчаютъ за то, что поѣзда придуть по назначенію. Багажа принимаютъ не больше тридцати кило на пассажира.

Бульвары переполнены. Толпа сплошной массой еле двигается по широкимъ тротуарамъ. Выхватываютъ у газетчиковъ особыя прибавленія. Это—не прежняя парижская толпа, веселая, озорная, шумная; теперь это толпа сосредоточенная и молчаливая; не угрюмая и не подавленная, нисколько, а какъ будто чуть призадумавшаяся, какъ бы пылливо прислушивающаяся къ грядущимъ событіямъ и съ сдержаннымъ нетерпѣніемъ ожидающая ихъ. Утромъ пошелъ къ своему висбаденскому пріятелю, уѣхавшему за недѣлю до меня въ Парижъ. Но его уже не оказалось въ «Grand Hôtel». Онъ куда-то уѣхалъ въ это утро, и я не знаю, успѣлъ ли онъ добраться до Россіи, если онъ туда поѣхалъ.

Въ Ліонскомъ Кредитѣ отказались размѣнять русскія деньги.

— Лучше сходите въ русскій банкъ. У насъ нѣтъ курса.

Я отправился 7 rue Helder въ русскій банкъ. Тамъ согласились размѣнять, но дали 170 франковъ вмѣсто 260 за 100 рублей.

Сдѣлалось тревожно. Наличныхъ денегъ немного, да и тѣ мало чего стоятъ, по акредитивамъ не выдаютъ ни сантима, а по переводамъ тоже выдавать не будутъ. Да и съ французскими деньгами не лучше. Вездѣ требуютъ золото и серебро. Крупныхъ бумажекъ въ 100 или 50 франковъ не мѣняютъ даже въ банкахъ. Общдали выпустить въ обращеніе 20-ти и пятифранковые билеты, заготовленные еще съ 1873 года, послѣ франко-прусской войны, но до сихъ поръ ихъ чрезвычайно мало въ обращеніи. Миѣ досталъ куаферъ одну такую бумажку въ пять франковъ, и ее съ любопытствомъ разсматривали даже служащіе русскаго банка.

Этотъ недостатокъ золота и размѣнной монеты объясняется тѣмъ, что публика кинулась въ банки и въ caisses d'épargne брать обратно вклады, и всѣ кредитныя учрежденія въ началѣ полностью удовлетворяли эти требованія. Потомъ спохватились и ограничили суммы выдачи и сроки. Населеніе очень охотно этому подчинилось, и не было ни одного скандала. Всѣ поняли изъ разъясненія министерства финансовъ серьезность момента и успокоились. Съ другой стороны, съ часу на часъ ждали объявленія мобилизаціи. Деньги нужно было беречь, чтобы снабжать размѣнной монетой людей, которымъ придется уѣзжать. Но положеніе для жителей создалось странное. Вы могли имѣть тысячефранковый билетъ въ бумажникѣ и не имѣли возможности пообѣдать.

Я послѣ всѣхъ этихъ мытарствъ присѣлъ къ столику café de la Raix и спросилъ себѣ citronnade.

— Avez vous la monnaie?—спросилъ гарсонъ.

— Non, un billet de cinquante.

— Pas de monnaie, pas de citronnade.

Было жарко, въ горлѣ пересохло, пить хотѣлось. Пришлось уйти. И много людей уходило.

Въ маленькомъ рестораникѣ Droquant на place Gaillon, гдѣ я обѣдалъ, пришлось устроить такую комбинацію. Я уплатилъ въ кассу 50 франковъ, а затѣмъ буду «заѣдать» ихъ. Другого выхода нѣтъ—не помирать же съ голоду.

У конторы «Спальныхъ вагоновъ» толпа русскихъ, чающихъ уѣхать. Много знакомыхъ. Всѣ разочарованы. Никуда никакихъ билетовъ нѣтъ. Поѣзда не принимаютъ путешественниковъ. Увѣряютъ, будто можно ѣхать въ Россію черезъ Марсель—Константинополь—Одессу, и надо записаться на пароходъ, отходящій изъ Марселя 6-го августа. Вѣжимъ въ Messagerie Maritime и записываемся. Есть еще каюты на пароходѣ «Portugale». Но очень нелюбозные агенты этой компаніи записываютъ каюты съ такимъ видомъ, какъ будто имъ мѣшаютъ въ гораздо болѣе значительномъ и важномъ дѣлѣ, которымъ они заняты. Берутъ по 100 фран-

ковъ задатка и на вопросъ, дѣйствительно ли пойдетъ пароходъ, отвѣчаютъ:

— Какъ вы хотите, чтобы мы знали? Если будетъ объявлена мобилизація, пароходъ можетъ быть превращенъ въ транспортъ.

Съ тѣмъ и ушли.

Мобилизацію объявили 1-го августа. Первая афиша появилась на стѣнахъ штаба пожарныхъ на бульварѣ du Palais. Написана крупными буквами отъ руки. Глубоко взволнованная, благоговѣнно замолчавшая толпа собралась у этой афиши. Ни звука, ни слова. Молча прочитали и съ просвѣтленными лицами разошлись.

Наканунѣ свершилось убійство, гнусное и предательское убійство Жореса. Никакого сомнѣнія, что чья-то подкупленная рука совершила это убійство, чтобы вызвать въ странѣ возмущеніе и анархію. Ожидали большихъ беспорядковъ социалистовъ и анархистовъ. Но ничего рѣшительно не было. Негодовали, конечно, всѣ, но безъ всякихъ эксцессовъ. Муниципалитетъ города Парижа и предсѣдатель совѣта министровъ отъ имени правительства разклеили по городу плакаты съ воззваніями къ населенію.

«Парижане, — такъ начинается воззваніе города:—въ ту минуту, когда французы обязаны забыть несогласія и распри, чтобы сбѣдниться вокругъ знамени родины, свершилось гнусное преступленіе. Это преступленіе возбуждаетъ законное негодованіе всѣхъ гражданъ, независимо отъ мнѣній и партій. Но каждый долженъ принести странѣ въ этотъ трудный часъ, который мы переживаемъ, жертву личнаго отреченія». Заканчивается воззваніе словами: «Франція готова, парижане храбры. Каждый сумѣетъ исполнить свой долгъ. Да здравствуетъ Парижъ, республика и Франція».

Какъ я уже сказалъ, гнусное убійство виднаго политическаго вождя не вызвало рѣшительно никакихъ беспорядковъ.

Въ ночь съ 1-го на 2-е августа по столицѣ разнеслись слухи о томъ, что Германія объявила войну Россіи. И вѣрили и не вѣрили. Русскіе «скептики» (очень несимпатичный типъ!) въ кафе говорили: «Вотъ посмотрите, какъ французы будутъ теперь къ намъ относиться... Вѣдь изъ-за насъ и ихъ втянуть въ войну. А они этого намъ не простятъ. Очень нужно имъ воевать изъ-за какой-то Сербіи!»

Меня всегда удивляло и до сихъ поръ удивляетъ это абсолютное незнакомство нѣкоторыхъ нашихъ соотечественниковъ, планирующихъ по Парижу изъ году въ годъ, съ духомъ французскаго народа, съ настроеніями и политическими взглядами нашихъ союзниковъ. Нельзя же только сидѣть въ кафе, бѣгать по магазинамъ и по театрамъ и рѣшительно ничѣмъ больше не интересоваться. Я бы сказалъ, что, даже сидя въ кафе и разсматривая въ магазинахъ вещи и забавляясь остроумными сценками revue «Cache ton nu», можно вѣдь присматриваться, прислушиваться, призадумываться и наблюдать за мелочными проявленіями жизни, за характерными черточ-

ками быта народа, среди котораго живешь. И изъ цѣлаго ряда такихъ наблюдений, иногда кажущихся незначительными, даже не всегда интересными, складывается въ мысляхъ духовный образъ народа. Это какъ сѣтъ мелкихъ штриховъ хорошаго гравера, за которыми, если отойти на разстояніе, видишь живой образъ, а вблизи это именно только сѣтъ какихъ-то перепутывающихся между собой, какъ будто даже ненужныхъ черточекъ. Я двадцать пять лѣтъ ежегодно посѣщаю Парижъ и иногда подолгу живу въ этомъ городѣ. Я живу, какъ всѣ, въ отеляхъ, обѣдаю въ ресторанахъ, сижу въ кафе и бываю въ магазинахъ и театрѣхъ. Иногда захожу въ шофферскій или извозничій кабачокъ и завтракаю тамъ. Бываю на рынкѣ и разговариваю съ кѣмъ придется. У меня есть знакомые въ Парижѣ въ разныхъ слояхъ общества. И вотъ, даже не особенно напряженно наблюдая, а какъ-то совершенно независимо отъ меня, въ душѣ моей сложился образъ этого народа. Онъ буржуазенъ въ своемъ обиходномъ быту; онъ преувеличенно бережливъ и склоненъ къ сколачиванію реенты. Онъ какъ же бережливъ и скопидоменъ, какъ русскій глупо расточителенъ и безмысленно широкъ. Что дѣлать—это національныя черты и ихъ не передѣлать! Но въ общественно-политической жизни французъ—благородный рыцарь, честный союзникъ, неспособный ни на какое предательство. Это народъ слова, народъ высокой политической честности. И какъ не подмѣтить эту черту, проходящую красной нитью черезъ всю ихъ исторію и общественную жизнь,—это непонятно!

Мы, которымъ довелось жить въ Парижѣ въ эти историческіе дни, никогда, я думаю, ихъ не забудемъ. Мобилизація, которой такъ боялись наши скептики, вызвала такую силу общаго энтузіазма, что въ этомъ порывѣ, какъ въ грандіозномъ кострѣ, превратились въ пепель всѣ партійные раздоры и раздѣленія. И вотъ, какъ по волшебству, исчезли социалисты, анархисты, радикалы и всѣ остальные, и передъ нами оказался единый въ своей цѣльности, въ своемъ патріотическомъ порывѣ благородный французскій народъ. Первый день мобилизаціи прошелъ какъ-то торжественно и благоговѣйно, точно весь народъ присутствовалъ въ храмѣ. Какая-то удивительная экономія во внѣшнихъ проявленіяхъ хлопотавшихъ въ душѣ чувствъ—въ крикахъ, жестахъ, манифестаціяхъ. На всѣхъ лицахъ какое-то сознание величія переживаемаго историческаго момента. Чинно, строго, съ серьезными, но не печальными, а радостными лицами шли призывные въ свои участки и отправлялись на вокзалы. Надо было видѣть, съ какимъ чувствомъ, съ какимъ молчаливымъ экстазомъ провожала ихъ толпа на бульварахъ. Снимали шапки, махали платками. Кое-гдѣ, опять-таки сдержанно, чтобы не нарушить торжественность минуты, раздавались крики:

— Vive la France! Vive la Russie! Vive l'armée!

И когда проходило или проѣзжало нѣсколько военныхъ, надо

было видѣть это восторженное, гордое выраженіе лицъ, эти улыбки сквозь слезы и эти судорожно сводящіяся губы и эти хриплые отъ внутренняго, сдержаннаго волненія крики! Какъ хорошо, какъ радостно это видѣть!

Позже, уже къ вечеру, образовались шествія. Толпы народа въ стройномъ, чинномъ порядкѣ несли французскія, русскія и англійскія знамена и пѣли марсельезу. Потомъ кричали виваты въ честь русской и французской націи и, если узнавали русскихъ, дѣлали имъ оваціи. Еще позже пошли по улицамъ отряды волонтеровъ-иностранцевъ: итальянскіе и славянскіе волонтеры, греческіе, румынскіе, волонтеры изъ румынскихъ евреевъ, изъ французскихъ евреевъ, изъ евреевъ всѣхъ государствъ. Всѣ эти волонтеры образовали отряды и явились записаться на войну въ военное министерство. Они несли знамена своихъ національностей, а у евреевъ-румынъ было румынское знамя, у французскихъ евреевъ— французское и плакаты съ надписями «Vive la France!» «Volontaires israélites...» и еще что-то по-еврейски.

И всѣ эти манифестанты шли въ чинномъ порядкѣ, въ ногу и, отбивая тактъ, скандируя слова, пѣли:

— Hou—hou—a—Ber-lin!

— Hou—hou—a—Ber-lin!

И толпа восторженно аплодировала имъ и провожала ихъ въ ихъ шествіи по городу до поздней ночи.

Глубочайшее негодование вызвало во французахъ извѣстіе объ объявленіи Германіей войны Россіи, появившеся съ день объявленія французской мобилизаціи.

Въ низшихъ слояхъ парижскаго населенія, среди чернорабочихъ вдругъ проснулось чувство неукротимой ненависти къ нѣмцамъ. Какъ будто уголь, прикрытый пепломъ сорокъ четыре года, вдругъ вспыхнулъ вновь съ удвоенной силой,—оказалось, онъ и не думалъ потухать ни на мгновенье.

Ночью начался разгромъ нѣмецкихъ магазиновъ. Надо было видѣть, во что превратились блестящія витрины съ громадными зеркальными стеклами такихъ магазиновъ, какъ *Cristallerie de Karlsbad*, *Klein*, какой-то сапожный магазинъ, нѣмецкое кафе, магазинъ *Arpenrodt*. Разгромили пятнадцать магазиновъ *Maggi*, владѣлецъ которыхъ нѣмецъ, который, какъ говорили въ толпѣ, успѣлъ убѣжать изъ Парижа и увезти съ собой пятнадцать миліоновъ. Всѣ *café Zimmer'a*—ихъ нѣсколько въ Парижѣ—были разгромлены. Я живу на Итальянскомъ бульварѣ, въ домѣ, гдѣ помещалась *Cristallerie de Karlsbad* и *Klein (articles de Paris, objets de luxe)*. Ненестовый шумъ и грохотъ не давалъ мнѣ спать. Я одѣлся и вышелъ на улицу. Я въ первый разъ видѣлъ, что значитъ разгромъ озвѣрѣвшей толпы. Били желѣзными ломами, штангами, какими-то полосами. Съ громомъ и звономъ въ мелкихъ дребезгахъ сыпа-

лись зеркальныя многотысячныя стекла въ палець толщиной. Сосредоточенно, медленно, точно съ какимъ-то сознаніемъ долга, съ искаженными отъ свирѣлости лицами, молодежь съ желѣзными ломами разбивала витрины. Не отвѣчаю за правильность впечатлѣнія—я самъ былъ очень взволнованъ, но мнѣ показалось, что этими погромщиками руководила какая-то своеобразно и грубо попятая идея, что-то не низменное, а именно идейное. Такъ сказать, инстинктивно, животнo понятое чувство негодованія, протеста, разнуздавшаяся жажда мести. Потому что они били и, разбивъ стекло, какъ бы сдѣлавъ свое дѣло, шли дальше, отыскивая нѣмецкія фамиліи. Но затѣмъ къ нимъ присоединились апашы и всѣ подонки Парижа. Эти уже начали настоящій грабежъ, безобразный, дикій, возмутительный, гнусный: набивали себѣ карманы аппенродтовской колбасой, карлсбадскими гранатами, уносили вазы, сервизы, статуэтки, сапоги и проч. Полиція, очевидно, не ожидала этого погрома и не успѣвала за погромщиками. Къ утру разбой прекратились. Апашы скрылись; но та же молодежь съ ломами опять пошла по нѣмецкимъ магазинамъ съ утра слѣдующаго дня и разбила магазинъ автомобилей Бенца, но ей уже не дали разгуляться. Задержали 450 человекъ. Многие, конечно, будутъ преданы полемому суду, такъ какъ со вчерашняго дня въ Парижѣ и во всей Франціи объявлено осадное положеніе (*état de siège*), вещь очень серьезная въ обывательской жизни Парижа. Это положеніе не примѣнялось уже сорокъ лѣтъ.

Утромъ въ этотъ памятный день толпа русскихъ отправилась въ русское посольство на rue de Grenelle. Было воскресенье, и посоль въ придворной формѣ, съ лентой Вѣлаго Орла черезъ плечо вышелъ на террасу посольства. Онъ только что вернулся изъ церкви—это былъ первый день объявленія войны Германіей Россіи и первый день французской мобилизаціи. Весь дворъ посольства былъ наполненъ русскими. А. П. Извольскій объявилъ о войнѣ съ Германіей и сказалъ очень красивую рѣчь; голосъ его звучалъ взволнованно. Мы всѣ спѣли «Боже, Царя храни», кричали «ура», пѣли «Марсельезу» и опять кричали: «Vive la France», «Vive la Russie», «Vive Izwolsky», «Vive l'Angleterre». Тутъ же какой-то энергичный французъ помогаль пѣть не очень-то ладно шедшую «Марсельезу» и страстно, пылко кричалъ виваты Россіи. Толпа была разношерстная. Я встрѣтилъ много знакомыхъ: редакторовъ «Петроградской Газеты» и «Петроградскаго Листка», артистокъ балета Сѣдову и Федорову 2, генерала Навроцкаго, московскаго журналиста Кугульскаго и много другихъ. Узналъ, что такъ же, какъ мы, въ Парижѣ застряли артистки Миткевичъ, Потоцкая, Рощина-Инсарова, Барашъ и др. Но въ толпѣ было много и русскихъ евреевъ и русскихъ социалистовъ, и всѣ дружно, какъ одинъ человекъ, пѣли русскій гимнъ. Дамы плакали. Было торжественно и трогательно

Затѣмъ посла начали засыпать всевозможными вопросами, какъ попасть въ Россію, какъ быть съ деньгами, совершенно обезцѣненными, а у кого нѣтъ—какъ и гдѣ ихъ добыть. Но прежде всего всѣмъ хотѣлось, конечно, узнать, какъ выбраться изъ Парижа. Нѣкоторые стали первно требовать немедленнаго отвѣта посла.

А. П. Извольскій совершенно резонно отвѣтилъ:

— Господа, война только что объявлена, а во Франціи только что началась мобилизація. Какъ же вы хотите, чтобы я отвѣтилъ вамъ немедленно? И я и мои сотрудники, конечно, сдѣлаютъ все возможное, чтобы облегчить ваше трудное положеніе. И относительно размѣна денегъ и пособій, конечно, мы сдѣлаемъ все возможное, и русскіе банки не откажутся мѣнять деньги по наивысшему возможному сейчасъ курсу... До какой степени все это сдѣлалось неожиданно, видно изъ того, что я не дѣлю тому назадъ былъ въ Петербургѣ и на политическомъ небѣ въ то время не было и признаковъ вдругъ скопившихся грозныхъ тучъ. Дайте время, мы разберемся. А пока предлагаю вамъ выбрать изъ вашей среды комиссію, которая и будетъ сноситься съ посольствомъ...

Такъ и поступили, стали тутъ же на вынесенномъ столикѣ составлять списки.

Тѣмъ изъ русскихъ, которымъ надо было спѣшить въ свои части вслѣдствіе объявленія войны и мобилизаціи, А. П. Извольскій тутъ же сказалъ:

— Всѣмъ военнымъ, господа, Государь Императоръ разрѣшилъ нести службу въ тѣхъ же чинахъ въ союзной французской арміи и тѣмъ исполнить долгъ свой передъ родиной.

Громовое ура, звуки «Марсельезы» и крики «*vive l'armée française*» раздались въ отвѣтъ на эти слова.

Конецъ дня прошелъ оживленно и шумно. Ходили процессіи съ русскими и французскими флагами, экипажи и моторы мчались съ военными на вокзалы, и толпа шумно и радостно привѣтствовала cadaго встрѣтившагося ей воина.

3-го августа наступила въ городѣ тишина. Ночныя безобразія и разбой прекратились какъ по волшебству. Осадное положеніе сдѣлало свое дѣло. Апаша, видимо, поняли, что въ такое время безчинствовать небезопасно. Ихъ еще дополнительно забрали около 150 человекъ и всѣхъ предали полемому суду. Населеніе сочувственно и благодарственно отнеслось къ этой мѣрѣ и съ полнымъ сознаниемъ подчинилось осадному положенію. Городъ наполнился полиціей, на всѣхъ углахъ, перекресткахъ, на такъ называемыхъ *rafuge*'ахъ у дворовъ, у зданій, на площадяхъ стоятъ полицейскіе, вооруженные револьверами. По всѣмъ улицамъ проходятъ патрули полицейскихъ, вооруженныхъ винтовками, взводы конной стражи, и національная гвардія разъѣзжаетъ въ разныхъ концахъ города. На многихъ улицахъ устроены пикеты: ранцы и ружья

лежать въ порядкѣ на тротуарахъ, а люди сидятъ на скамейкахъ, каждую минуту готовые прекратить силой безпорядки.

Но безпорядковъ нѣтъ. Все спокойно, и городъ словно вымеръ. Многія улицы совершенно пусты; можно ходить посреди улицы. У закрытыхъ магазиновъ и опустѣвшихъ домовъ сидятъ консервѣжи съ женами и дѣтьми, кухарки и горничныя и бесѣдуютъ о политикѣ или читаютъ газеты. Такова, напримѣръ, знаменитая rue de la Paix. Всѣ магазины на ней закрылись. Кому теперь нужны витрины Cartier, Lacloue, Lalique, Doucet, Charvet и другихъ. Пусто и ушло на блестящей когда-то еще такъ недавно «улицѣ Мира». Она словно первая испытала на себѣ весь ужасъ войны и поняла, что самое ея названіе вышло изъ моды.

Множество магазиновъ наклеили послѣ погромовъ на свои стекла большіе бѣлые плакаты: «maison française», «maison essentiellement française», «le fils du patron mobilisé», «pour cause de mobilisation tout le personnel est partie sous les drapeaux». Были и курьезныя надписи: «le patron est parti à la frontière. Dormez en paix». Знаменитое кафе Rumpelmueyer на rue de Rivoli закрылось и вывѣсило объявленіе, что хозяинъ кафе «капитанъ французской артиллеріи Румпельмейеръ—сейчасъ въ Гаврѣ». Кепта... На стеклахъ витрины нарисованъ французскій и русскій флаги и внизу надпись: «maison française et russe». По-русски: «Кепта». «Хозяинъ русскій». Подъ этой надписью, за стеклами приклеенъ подлинный паспортъ, выданный уроженцу города Вильны... Множество магазиновъ для охраны вывѣсили французскіе, русскіе (національный и штандартъ—желтый съ чернымъ орломъ) и англійскіе флаги. Это, дѣйствительно, гарантія, что такіе магазины никто, даже апаша не тронуть. Но ихъ и безъ того больше не тронуть—военное положеніе!

Поздно вечеромъ стало извѣстно, что Германія объявила войну Франціи. И это объявленіе войны, какъ сильно запоздавшее, не вызвало почти никакого отраженія въ городѣ. Всѣ это знали еще три дня тому назадъ, всѣ этого упорно и терпѣливо ждали въ теченіе трехъ дней. Первый восторженный порывъ выпалъ на долю мобилизаціи. А объявленіе войны это уже деталь, такъ сказать, бюрократическое подтвержденіе того, что всѣмъ давно извѣстно. Гораздо болѣе и интенсивнѣе интересовались тѣмъ, что сдѣлаетъ Англія. Это страшно всѣхъ волнуетъ, и всѣ страстно надѣются на эту державу.

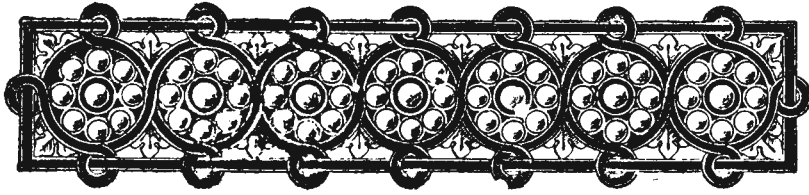
4-го августа разнеслось по городу радостное извѣстіе объ англійскомъ ультиматумѣ Германіи. Какое это было безумное ликованіе!

Объявлено распоряженіе военнаго управленія Парижа о «сочувствіи», т. е. о закрытіи всѣхъ кафе города и пригородовъ въ восемь часовъ вечера, а ресторановъ въ девять. Можете себѣ представить Парижъ, шумный, веселый Парижъ въ роли какого-нибудь нѣмецкаго курорта, въ которомъ жизнь прекращается въ девять часовъ вечера. Интересно видѣть Парижъ въ этомъ необычномъ, за пол-

вѣка не бывавшемъ настроеніи! Еще такъ недавно парижане бранились и ворчали на эту толпу иностранцевъ, запружающихъ кафе и бульвары, на эту пеструю сутолоку, на этотъ базаръ житейской суеты. А теперь они грустятъ, что все это исчезло, какъ по волшебству. Все исчезло: и фланирующая толпа, и мидинетки, бѣгущія на работу или съ работы, и автомобили, и автобусы, и трамваи? Пусто, пусто на улицахъ Парижа. Всѣ театры закрылись, и кинема тоже. Развлеченій никакихъ, но и кому же теперь до развлеченій. Трудно жить теперь въ Парижѣ людямъ избалованнымъ. Надо дѣлать пѣшкомъ огромныя разстоянія. Даже метро закрылъ свои линіи, кромѣ нѣсколькихъ главныхъ. Говорятъ, берегутъ уголь, и муниципалитетъ проситъ беречь воду. Хозяйки закупаютъ провизію чуть не пудами—все это на случай осады Парижа. Никто не вѣритъ въ эту осаду, да и городъ прекрасно снабженъ всѣмъ необходимымъ—1871 годъ научилъ многому, но на парижанъ находить иногда такая ревоуенсе, которая, конечно, ничему повредить не можетъ. Со дня объявленія мобилизаціи городъ имѣетъ совершенно праздничный видъ: всѣ дома на всѣхъ улицахъ разукрашены русскими и французскими флагами; вчера въ немъ въ огромномъ количествѣ прибавились англійскіе, а сегодня—бельгійскіе. Всѣ ходятъ съ русскими, французскими или англійскими значками въ петлицахъ, а иногда со всѣми тремя вмѣстѣ. Автомобили, отобранные для военныхъ надобностей, мчатся, пользуясь пустынностью улицъ, съ невѣроятной скоростью; и они украшены по бокамъ флагами національныхъ цвѣтовъ или бѣлымъ флагомъ съ краснымъ крестомъ. Многие огели, въ томъ числѣ и тотъ, въ которомъ я живу, превращены въ госпитали Краснаго Креста. Весь персоналъ моего отеля ушелъ на войну, осталась горничная и portier—итальянецъ, уроженецъ Парижа, пожелавшій записаться въ итальянскій волонтерскій отрядъ. Но волонтеры будутъ приняты на службу только на двадцать второй день послѣ объявленія мобилизаціи, и онъ до этого времени остается при отелѣ. По утрамъ перестали подавать масло и булки, даютъ только краюху хлѣба. Въ первое время мобилизаціи множество пекаренъ осталось безъ пекарей, взятыхъ на войну, потомъ все это опять наладится. Большіе магазины закрылись, Лафайетъ часть своего огромнаго помѣщенія отвелъ подъ госпиталь для раненыхъ. Большіе отели тоже закрылись, какъ и рестораны. Зато Дювали и Бульоны переполнены и если опоздать, то часто ничего въ нихъ не получишь—все съѣдено. Особенно иностранцы экономятъ: деньги ихъ не имѣютъ цѣны, получить денегъ съ родинѣ нѣтъ пока никакой возможности. Приходится экономить и рассчитывать каждый сантимъ. Этому помогаютъ дешевые Дювали и отсутствіе способовъ передвиженія, кромѣ пѣшаго.

В. Я. Свѣтловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

РОССІЯ, АВСТРІЯ И ПРУССІЯ ВЪ СРЕДИНѢ XVIII ВѢКА.

ВЪ НАСТОЯЩІЙ моментъ напряженной борьбы противъ германскаго милитаризма любопытно, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и поучительно оглянуться на прошлое и остановиться на событіяхъ, разыгравшихся въ среднѣ XVIII столѣтія, когда Россіи пришлось участвовать въ такъ называемой Семилѣтней войнѣ и давать отпоръ захватной политикѣ прусскаго короля Фридриха II. На этой борьбѣ противъ Пруссіи въ связи съ общимъ направленіемъ русской политики я и останавлиюсь въ своемъ изложеніи подробнѣе.

Московское государство завѣщало XVIII вѣку три главнѣйшихъ вопроса внѣшней политики, разрѣшеніе которыхъ выпало на долю Петра Великаго, его преемниковъ и послѣдователей; эти вопросы: а) крымско-турецкій, б) балтійскій и в) польскій.

Первый вопросъ ведетъ свое начало съ момента распаденія Золотой Орды и образованія особаго Крымскаго царства, ханы котораго были то врагами, то союзниками московскаго государя и попеременно то враждовали съ Москвою, то совместно нанесли удары общимъ противникамъ: Литвѣ и Польшѣ, а также другимъ татарскимъ ханствамъ. Съ паденіемъ Казани и Астрахани при Грозномъ Крымъ превращается въ разбойничье гнѣздо, откуда неслись постоянныя набѣги на южно-русскія окраины.

¹⁾ Излагая статью представляетъ собой содержаніе публичной лекціи, прочитанной мною 29-го октября и 2-го ноября 1914 года въ гор. Харьковѣ и Полтавѣ.

Борьба съ Крымомъ осложнилась тѣмъ, что крымскій ханъ отдался подъ покровительство турецкаго султана. Такимъ путемъ Турція съ Балканъ протягивается къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, становится близкимъ и опаснымъ сосѣдомъ Московской державы. Борются наступательно съ такимъ могущественнымъ врагомъ, какимъ была Турція XVI—XVII вв., для Москвы было невозможно; оставалась лишь оборонительная тактика, которой московскіе цари и держались систематически и планомѣрно до конца XVII вѣка, и только въ это время они втягиваются, въ союзѣ съ Польшей и Австріей, въ противо-турецкую коалицію и ведутъ наступательную борьбу главнымъ образомъ противъ Крыма.

Въ этотъ именно моментъ и блеснула еще не сзвѣзмъ ясная идея о томъ, что миссію Россіи составляетъ не одна задача территориальной безопасности—дойти до естественной границы на югѣ, до береговъ Чернаго и Азовскаго морей и укрѣпиться на нихъ, но и вторая, болѣе высокая цѣль—итти на помощь угнетенному славянству на Балканахъ и освободить единовѣрныхъ христіанъ отъ ига «нечестивыхъ агарянъ»—магометанъ-турокъ.

Политику своихъ предшественниковъ продолжалъ Петръ Великій. Взятіемъ Азова и устройствомъ многочисленной азовской флотиліи Петръ попытался стать твердой ногой вблизи Чернаго моря, а Прутскимъ походомъ онъ предполагалъ поднять противъ вѣковыхъ притѣснителей балканскихъ славянъ, «стоющихъ подъ варварскимъ игомъ», какъ говорилось въ его манифестѣ. И то и другое дѣйствіе Петра вызвало величайшую тревогу среди турецкихъ государственныхъ дѣятелей. Когда Петръ потребовалъ для своего флота свободнаго прохода въ Средиземное море, то Турція рѣшительно воспротивилась этому, а дипломаты откровенно говорили между собою, что захватъ русскимъ флотомъ Чернаго моря означаетъ конецъ Оттоманской имперіи. Пугаль Турцію и призракъ возстанія балканскихъ народовъ, а потому они употребили всѣ усилія къ тому, чтобы отбросить русскихъ назадъ въ ихъ движеніи къ Дунаю на помощь славянамъ.

Потерпѣвъ неудачу на Прутѣ въ 1711 году, Петръ принужденъ былъ отказать и отъ Азова. Россія снова была отрѣзана отъ Чернаго моря, но Петръ на такую жертву охотно шелъ, такъ какъ миръ съ Турціей развязывалъ ему руки на югѣ и давалъ возможность всюю мощью обрушиться на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій противъ Швеціи ради береговъ Балтійскаго моря.

Преемники великаго преобразователя въ крымско-турецкомъ вопросѣ добиваются тѣхъ же цѣлей, какія были поставлены ходомъ исторіи и передъ нимъ. Когда въ срединѣ XVIII вѣка русско-турецкое соперничество снова было выдвинуто на первую очередь и сдѣлалось предметомъ обще-европейской дипломатической игры, то задачи русской политики на этотъ разъ очерчены были шире,

отчетливѣе и яснѣе. Россія временъ Елизаветы Петровны и Екатерины II стремилась, во-первыхъ, къ тому, чтобы присоединить къ своимъ владѣніямъ Крымскій полуостровъ и берега Чернаго моря и закрѣпить ихъ за собою, во-вторыхъ, поднять единовѣрныхъ балканскихъ славянъ противъ турокъ, заселить ими югъ Россіи и, установивъ постоянную связь Россіи съ южными славянами, вѣзаться клиномъ въ сердцевину европейскихъ владѣній Оттоманской имперіи.

Вторымъ очереднымъ вопросомъ внѣшней политики, завѣщаннымъ XVIII вѣку, былъ вопросъ балтійскій. Начало его также теряется въ сѣдой старинѣ. На протяженіи многихъ вѣковъ между прибрежными государствами Балтійскаго моря идетъ споръ изъ-за преобладанія на немъ, въ цѣляхъ распространенія своей торговли. Въ XIII—XIV вв. такое преобладаніе получаетъ Ганзейскій союзъ, во главѣ съ городами Любекомъ и Висби. Въ XV в. ввиду паденія Ганзейскаго союза, на сцену выступаютъ и втягиваются въ борьбу скандинавскія государства, Ливонія, Польша, затѣмъ Москва, а изъ западныхъ государствъ изъясняются притязаніе на Балтику по торговымъ интересамъ Нидерланды и Англія. XVI и XVII вѣка знаменуютъ борьбу всѣхъ этихъ государствъ, но уже къ срединѣ XVII вѣка несомнѣнное преобладаніе получаетъ Швеція, которая настолько удачно вела свои военныя и дипломатическія дѣла, что была близка къ тому, чтобы Балтійское море превратить во внутреннее озеро Швеціи. Петръ Великій Сѣверной войной начинаетъ гигантскую борьбу противъ Швеціи, въ союзѣ съ Даніей и Польшей, и послѣ невѣроятныхъ напряженій побѣдоносно заканчиваетъ борьбу. Ништадтскій миръ 1721 года далъ Россіи берега Балтійскаго моря и утвердилъ за ней преобладаніе на Балтикѣ. Задача послѣдующей международной политики сводилась къ важной цѣли— удерживать за собою это господство, не допуская опаснаго соперничества другихъ прибалтійскихъ государствъ.

Третьимъ важнѣйшимъ звеномъ въ международныхъ отношеніяхъ Россіи былъ польскій вопросъ, корни котораго также уходятъ въ глубину вѣковъ. Происхожденіе его таково. Когда на развалинахъ Кіевского княжества образовался удѣльный порядокъ, то въ XIV — XV вѣкахъ постепенно выростали два государства: Московское и Польско-Литовское, которыя стягивали къ себѣ отдѣльныя, разрозненныя княжества. Въ XV—XVI вѣкахъ между ними ведется непрерывная борьба съ переменнымъ успѣхомъ изъ-за Верхняго и Средняго Приднѣпровья. Моментами казалось, что не Москва, а Польско-Литовское государство возьметъ верхъ, станетъ во главѣ старинныхъ русскихъ областей и объединитъ восточно-европейскую равнину. Земли Полоцкая и Смоленская, часть Черниговской и Новгородъ-Сѣверской, Кіевъ, Галиція и Волынь были захвачены Литвой и Польшей. Уже передъ московскими государями,

Иоанномъ III и передъ Грознымъ, предстала вѣковая національная задача—вернуть древне-рускія области и соединить ихъ подъ властью Москвы въ единую Россійскую державу.

XVI и XVII вѣка, несмотря на внутреннія потрясенія Московскаго государства, въ общемъ были благопріятны для него: въ Москвѣ крѣпнущій государственный организмъ, нарастали новыя силы. Въ то же время Польша, соперница Москвы, превращалась въ страну внутреннихъ конфликтовъ: національнаго, политическаго, соціальнаго и вѣроисповѣднаго. Национальный конфликтъ приводилъ къ столкновенію между поляками и литовцами съ одной стороны, между поляками, литовцами и русскими съ другой. Политическій состоялъ въ соперничествѣ сейма съ королевскою властью; побѣда осталась за сеймомъ, и королевство по имени превратилось въ республику по существу, однако «золотая свобода», которой добивались сеймы, повела за собой анархію. Сословный знаменовалъ собой распрю между магнатами и мелкою шляхтою, между шляхтою и низшимъ сельскимъ населеніемъ, которое пыталось возстаніями и бѣгствомъ спастись отъ притѣсеній шляхты. Наконецъ, вѣроисповѣдныи конфликтъ выражался въ борьбѣ католиковъ съ православными, отчасти и съ униатами. Все это подтачивало силы Польскаго королевства, и въ XVIII вѣкѣ предоставило возможность европейскимъ державамъ вмѣшиваться во внутреннія польскія дѣла.

Петръ Великій, занятый борьбой съ турками и шведами, и не думалъ ставить на очередь польскаго вопроса, жилъ съ Рѣчью Посполитою не только въ мирѣ, но даже въ союзѣ, оборонительномъ и наступательномъ, противъ шведовъ; хотя и въ его время уже проносились въ умахъ нѣкоторыхъ дипломатовъ мысль о возможности раздѣла Польши, но она полнаго сочувствія Петра къ себѣ не вызывала.

Пресмычкамъ Петра завѣщана была цѣль—зорко слѣдить за Польшею, ставить въ нее королей, хотя бы путемъ значительныхъ подкуповъ, покровительствовать православному населенію въ ней, парализовать иноземное вмѣшательство, чтобы тѣмъ подготовить присоединеніе къ Россіи старинныхъ русскихъ областей.

Если имѣть въ виду все названныя главнѣйшіе вопросы внѣшней политики, то, конечно, слѣдуетъ признать, что около середины XVIII столѣтія, въ вѣкѣ Елизаветы Петровны и Екатерины II, только два изъ нихъ стояли на очереди и ждали своего разрѣшенія: вопросы турецкій и польскій. Но Россіей единолично ни тотъ, ни другой вопросъ не могли быть разрѣшены: въ нихъ заинтересованы были важнѣйшія европейскія державы, двѣ давнія соперницы—Франція и Англія, ближайшимъ же образомъ турецкія и польскія дѣла затрагивали жизненные интересы нашихъ западныхъ сосѣдей: Австріи и Пруссіи, благодаря этому Россія должна была войти въ сложную сѣть дипломатическихъ отношеній какъ съ этими,

такъ и съ другими европейскими державами, чтобы не быть изолированной въ міровой борьбѣ и достигать успѣха союзными усиліями. Такъ въ XVIII вѣкѣ начинается постоянное и довольно вліятельное участіе Россіи въ европейскомъ концертѣ.

Каково же было положеніе самой Россіи въ средніи XVIII столѣтія и каковы были ея отношенія къ ближайшимъ сосѣдямъ? Напомню, это было время царствованія императрицы Елизаветы Петровны, вступившей на престоль путемъ дворцоваго переворота послѣ добрыхъ десяти лѣтъ правленія русскихъ саповниковъ нѣмецкаго пропехожденія, когда во главѣ государства стояли: Остерманъ, Минихъ, Биронъ, Левенвольде и цѣлый рядъ другихъ нѣмцевъ. Красавица собой, жизнерадостная, привѣтливая, съ настоящей русской душой, любящая повеселиться до упаду, Елизавета Петровна ту же жизнерадостность, оживленіе и любовь ко всему русскому принесла съ собой и на престоль: Никогда раньше и никогда позднѣе русскимъ, по рассказамъ современниковъ, не жилось такъ легко и свободно, какъ въ первые годы царствованія матушки Елизаветы Петровны. Она вѣчно была занята балами, маскарадами, путешествіями и развлеченіями, и могла, какъ говорилъ профессоръ Ключевскій, съ бала ѣхать въ церковь, а изъ церкви снова на балъ. Казалось, при всей ея подвижности и живости, она была неспособна заниматься серьезными государственными дѣлами. Случалось, что важныя бумаги ждали подписи по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ. Рассказываютъ, будто однажды, Елизавета сѣла подписывать какой-то трактатъ первостепенной важности и уже написала три буквы (Ели), но въ эту минуту на золотое перо, которымъ она обычно писала, неожиданно сѣла оса; она же смертельно боялась осъ; увидѣвши осу, она закричала, бросила ручку и убѣжала въ другую комнату, а послѣ того нѣсколько недѣль трактатъ сиротливо лежалъ на ея столѣ: ей было некогда дописать остальные шесть буквъ.

Казалось, что серьезныя дѣла, совсѣмъ не занимаютъ императрицу. Одинъ иностраннй дипломатъ жаловался своему правительству, что, несмотря на любезный пріемъ со стороны русской императрицы, онъ никакъ не можетъ добиться отъ нея благопріятнаго отвѣта по дѣламъ. Пока ведется салонный разговоръ, Елизавета, — общалъ онъ, — оживлена и любезна, но какъ только онъ начиналъ рѣчь о посольскихъ дѣлахъ, она становилась апатичной, отвѣчала ничего не значащими фразами, чѣмъ приводила его въ отчаяніе; когда же онъ опять переходилъ къ салоннымъ разговорамъ, императрица снова оживлялась. Однако неправильно было бы отсюда заключать, что императрица скучала при серьезныхъ разговорахъ и не любила заниматься государственными дѣлами. Въ данномъ случаѣ это была ея дипломатическая уловка. Близкое и внимательное изученіе времени Елизаветы Петровны приводитъ къ выводу, что

она, предоставивъ саповникамъ текущее дѣлопроизводство, несомнѣнно, вникала во всѣ важныя дѣла и сама управляла государствомъ, притомъ съ большимъ тактомъ ¹⁾.

Ближайшимъ помощникомъ Елизаветы въ международныхъ дѣлахъ былъ канцлеръ А. П. Бестужевъ-Рюминъ. По началу своей карьеры онъ былъ сподвижникъ Петра Великаго и свято хранилъ славныя традиціи великаго преобразователя. Какъ человекъ, Бестужевъ былъ очень уменъ, ловокъ, изворотливъ и настойчивъ до упрямства въ достиженіи своихъ цѣлей. Иностранные послы упрекали его въ капризности и несговорчивости. Онъ велъ широкую жизнь, несмотря на большое жалованье и порядочное состояніе, часто нуждался въ деньгахъ и проживалъ больше, чѣмъ получалъ. Иностранные дворы, англійскій и австрійскій, не разъ ссужали его крупными суммами въ видѣ кредита или въ видѣ одолженія. На этомъ основаніи Фридрихъ II бросилъ ему упрекъ въ жадности и продажности. Но этотъ упрекъ былъ несправедливъ: Бестужевъ бралъ деньги отъ друзей и союзниковъ, но не отъ враговъ, такъ что когда Фридрихъ II попытался было купить Бестужева, какъ своего противника, за большую сумму, тотъ предложеніе отвергнулъ. Брать же подарки отъ союзниковъ въ XVIII вѣкѣ считалось позволительнымъ, такъ что о Бестужевѣ можно сказать, что брать онъ бралъ, но не продавался.

Какъ дипломатъ, Бестужевъ стремился освободить Россію отъ вліянія иностранныхъ и придворныхъ интригановъ: онъ добился

---

¹⁾ Я покажу это на одномъ примѣрѣ. Въ 1743 году нужно было выбрать невѣсту наслѣднику престола Петру Ѳеодоровичу. «Выборъ будущей императрицы являлся серьезнымъ политическимъ вопросомъ не только для русскаго правительства, но и для иностранныхъ дворовъ» (Вильбасовъ), которые черезъ своихъ пословъ пытались провести въ невѣсты каждый свою кандидатку и предлагали то англійскую принцессу, то французскую, то прусскую или саксонскую, изъ-за чего плелась танкая сѣть придворныхъ интригъ. Наибольшій успѣхъ имѣлъ саксонскій проектъ, поддерживаемый Пецольдомъ и Бестужевымъ-Рюминимъ; за него стояла и Австрія. Этотъ проектъ пытался разстроить прусскій король Фридрихъ II, который добивался того, чтобы за Петра была выдана его сестра или принцесса изъ сѣверно-нѣмецкаго княжескаго дома.

Долгое время императрица стояла въ сторонѣ отъ этой игры и казалась безучастной. Но вотъ, однажды, Елизавета Петровна ведетъ съ канцлеромъ такую рѣчь. «Я много обдумывала вопросъ о бракѣ моего племянника,—говорила она,—и въ концѣ концовъ пашла самымъ лучшимъ избрать въ невѣсты великому князю такую принцессу, которая была бы протестантской религіи и хотя изъ знатнаго рода, но столь малаго, чтобы ни связи, ни свита принцессы не возбуждали бы особенно вниманія или зависти здѣшняго народа». Въ такомъ случаѣ наиболѣе удобной оказалась весьма скромная принцесса ангальтъ-цербстская (Софія-Августа-Фредерика), будущая императрица Екатерина II.

Какъ видимъ, здѣсь сказался большой дипломатическій тактъ императрицы: она не хотѣла давать перевѣсъ саксонскому проекту и связывать себя узами съ Австріей, но и брачный союзъ съ Пруссіей ей казался неосторожнымъ, нейтральная ангальтъ-цербстская принцесса казалась ей болѣе всего подходящей. М. К.

высылки французскаго посланника Шетарди, осужденія Лестока и опалы Воронцова, уличеннаго въ подкупѣ. Въ международныхъ дѣлахъ на первомъ планѣ ставилъ историческія задачи Россіи, вопросы турецкій и польскій, но къ разрѣшенію ихъ шель длительными незамѣтными путями, вопросомъ же очередной политики считалъ борьбу противъ Пруссіи.

Несмотря на то, что императрица недолюбливала Бестужева, онъ занималъ высокое и почетное положеніе при русскомъ дворѣ. Иностранные послы должны были заискивать передъ нимъ и добиваться его расположенія. Изъ дипломатовъ всего XVIII вѣка только Никита Панинъ могъ еще соперничать съ Бестужевымъ по уму, ловкости и вліянію на дѣла.

Хотя Бестужевъ руководилъ всею текущей дипломатическою дѣятельностью, однако къ рѣшенію основныхъ вопросовъ внѣшней политики въ Елизаветинское время привлекались почти все важнѣйшіе дѣятели этого царствованія. Довольно часто при дворѣ созывались особыя совѣщанія, конференціи, на которыя приглашались: Воронцовы, Шуваловы, генераль-прокуроръ князь Трубецкой, генераль Апраксинъ, нѣкоторые сенаторы и видные сановники; такимъ путемъ русская политика не была личной: ни императрица, ни Бестужевъ не вели ее исключительно согласно своей волѣ, но все правительство *in сортоге* въ лицѣ главнѣйшихъ сановниковъ намѣчало основные пути въ международныхъ дѣлахъ, и въ этомъ была нѣкоторая гарантія того, что Россія будетъ слѣдовать въ иностранныхъ дѣлахъ истиннымъ государственнымъ и національнымъ цѣлямъ и задачамъ, завѣщаннымъ ходомъ всей предыдущей исторіи, въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ.

Положеніе же дѣлъ въ Европѣ около середины XVIII вѣка было довольно напряженнымъ. Къ нему можно приложить слова Фридриха-Вильгельма I, что «нельзя высунуться изъ окна безъ каски на головѣ». Одна война слѣдовала за другой, а миръ былъ только затишьемъ передъ бурей и временемъ подготовки для послѣдующей борьбы. Франція соперничала съ Англіей изъ-за колоній, Австрія съ трудомъ могла сдерживать нападенія Пруссіи и притязанія Франціи на часть владѣній Габсбургскаго дома, Англія вмѣшивалась въ дѣла Германіи, такъ какъ владѣла Ганноверомъ и пыталась удержать свою позицію на континентѣ. Почти каждое государство съ завистью смотрѣло на владѣнія своего сосѣда, и въ умахъ тогдашнихъ королей и дипломатовъ носились планы грандіозныхъ раздѣловъ: уже не разъ поднималась мысль о раздѣлѣ Турціи, ту же участь готовили Австріи и наконецъ Польшѣ.

Въ этой захватной политикѣ побила рекордъ Пруссія, во главѣ съ своимъ королемъ Фридрихомъ II. Еще въ средніе вѣка въ Пруссіи, благодаря столкновенію нѣмцевъ съ славянами и литовцами, развился воинственный духъ и жажда завоеваній. Нѣмецкое населеніе

съ запада двигалось на востокъ вдоль береговъ Балтійскаго моря и частью пестрѣяло, частью порабощало и ассимилировало тѣ народы, которые встрѣчались на его пути. Такъ исчезли поморяне, полабскіе славяне и нѣкоторыя литовскія племена, а на ихъ мѣстахъ крѣпко усѣлся торжествующій и самодовольный пруссакъ. По словамъ одного русскаго ученаго, Пруссія «векормилась славянскою кровью и выросла на славянскихъ и литовскихъ костяхъ». Въ XVIII вѣкѣ Пруссія съ прежней силой стремится къ завоеваніямъ, но теперь ея вниманіе обращено на югъ, на германскія земли, частью самостоятельныя, частью входящія въ составъ Габсбургской монархіи. Между Австріей и Пруссіей началась борьба изъ-за первенства, и побѣда, благодаря энергіи и счастью Фридриха II, досталась Пруссіи.

Фридрихъ II, блестящій представитель фамиліи Гогенцоллерновъ, «король-философъ», какъ его называли, былъ человѣкомъ самыхъ разностороннихъ дарованій: онъ то выступалъ въ роли писателя и поэта, то надѣвалъ тогу вольнодумца-философа, друга Вольтера, презрительно свысока смотрѣлъ на общество и тогдашнюю нѣмецкую литературу (самъ онъ любилъ французскую литературу, говорилъ и писалъ почти исключительно на французскомъ языкѣ), то выступалъ въ роли искуснаго правителя и дипломата, но, кажется, болѣе всего была ему по душѣ роль полководца и прусскаго солдата, такъ какъ онъ увлекался фронтомъ, постоянными эзерциціями и парадами и въ боевой походной жизни чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ. Хотя Фридрихъ II называлъ себя «первымъ слугою своего государства», но вполне раздѣлялъ тотъ взглядъ Вольтера, что для блага общества необходимъ абсолютизмъ, сильная монархическая власть, а на простой парадъ готовъ былъ смотрѣть глазами того же философа, по мнѣнію котораго народъ представляетъ собой стадо быковъ, которымъ нужны ярмо, погонщикъ и кормъ. Фридрихъ II, казалось, цѣнилъ писателей и мыслителей, но при этомъ о нихъ онъ говорилъ такъ: «Я покровительствую только такимъ свободнымъ мыслителямъ, у которыхъ приличныя манеры и разсудительныя воззрѣнія». Въ своемъ высокомеріи къ людямъ Фридрихъ II не считалъ тѣхъ жертвъ и жизни, которыми онъ добивался своихъ политическихъ цѣлей. На солдата же смотрѣлъ, какъ на хорошо обученную, послушную командѣ машину, съ безукоризненно дѣйствующими разрушительными аппаратами. Въ такомъ направленіи и воспитывалъ онъ армію путемъ постоянного обученія и желѣзной дисциплины. Таковъ духовный отецъ современнаго нѣмецкаго милитаризма.

Въ международныхъ дѣлахъ Фридрихъ II имѣлъ весьма широкіе планы, которые расчитаны были не только на ближайшее время, но и на счастливое стеченіе обстоятельствъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. О томъ, чего хотѣлъ, къ чему стремился

и о чемъ мечталъ Фридрихъ II, мы узнаемъ не только изъ его бесѣдъ, писемъ и инструкцій посламъ, но также изъ его любопытнѣйшаго «Политическаго завѣщанія» болѣе ранней и болѣе поздней редакціи.

Широко говоря и не вдаваясь въ детали, программу и мечтанія Фридриха II можно себѣ представить въ такомъ видѣ. Пруссія должна быть первымъ государствомъ въ Германіи и ядромъ ея будущаго объединенія. Мелкія западныя княжества (Западную Пруссію) онъ предполагалъ присоединить къ Пруссіи медленно, но постепенно, не затрачивая на это никакихъ усилій, какъ говорится, съѣсть артишокъ листь за листкомъ. На востокъ держаться противъ Россіи оборонительной политики и постараться лишь при содѣйствіи Швеціи вытѣснить русскихъ изъ Лифляндіи, предоставивъ ее шведамъ, а за эту услугу получить себѣ шведскую Померанію. Всю же свою энергію направить на югъ и юго-востокъ: отнять у Австріи Силезію, овладѣть Саксоніей и закруглить свои владѣнія раздѣломъ Польши. Такимъ путемъ создавалось обширная и могущественная держава. Но на этомъ мечты Фридриха II не кончались. Онъ домогался униженія Австріи, господства Пруссіи во всей Германіи, а черезъ Австрію направлялъ взоры къ Балканамъ и въ турецкомъ султанѣ хотѣлъ бы видѣть своего союзника и сподручника. Такъ широки были замыслы представителя небольшой въ то время, но воинствующей Пруссіи.

Австрія въ срединѣ XVIII вѣка переживала тревожный моментъ. Вестфальскій миръ 1648 года «ознаменовалъ собой полное крушеніе габсбургскаго имперіализма въ Германіи и переходъ гегемоніи на материкъ къ Франціи» (Митрофановъ). Съ этой поры для Австріи начинается внутри застой, а въ международныхъ дѣлахъ—постоянное пораженіе: только въ борьбѣ съ турками австрійскіе полководцы имѣли успѣхъ и продвигались къ Дунаю, но зато въ другихъ столкновеніяхъ, военныхъ и дипломатическихъ, почти всегда терпѣли неудачи, и Австрія въ первой половинѣ XVIII вѣка растеряла свои владѣнія въ Испаніи, Италіи, Эльзасѣ и даже частью на Балканахъ.

Вступившей на престолъ въ 1740 году молодой государынѣ энергичной Маріи-Терезіи необходимо было спастись свое наслѣдство отъ своихъ противниковъ, которые готовы были разнять на части всѣ владѣнія Габсбургскаго дома въ Австріи. Изъ этихъ враговъ самымъ предприимчивымъ и смѣлымъ оказался Фридрихъ II, который и занялъ богатый край—всю Силезію. Марія-Терезія послѣ двухъ неудачныхъ войнъ заключила съ Пруссіей миръ, скрѣпя сердце, признала отторженіе большей части Силезіи, но въ душѣ затаила злобу противъ своего удачливаго соперника и дожидалась лишь удобной минуты, чтобы, при содѣйствіи другихъ державъ, напасть на Пруссію и вернуть обратно Силезію.

Превосходнымъ помощникомъ ея въ этомъ былъ канцлеръ австрійскій Кауницъ, сумѣвшій искусными переговорами привлечь на свою сторону симпатіи многихъ европейскихъ дворовъ.

При такомъ антагонизмѣ между Австріей и Пруссіей неминуемо должна была снова разразиться гроза, и взоры и той и другой державы обращались въ сторону Россіи, какъ ближайшей могущественной сосѣдки, отъ которой ждали вмѣшательства въ дѣла въ той или иной формѣ. Начались усиленные дипломатическіе переговоры, и прусскій король пускалъ въ ходъ всѣ тайныя пружины, не жалѣлъ денегъ, чтобы привлечь на свою сторону Россію и добиться по крайней мѣрѣ нейтралитета. Въ противномъ случаѣ грозилъ Швеціей и Турціей, возбуждалъ ихъ противъ Россіи, а также и Польшей, въ дѣла которой онъ вмѣшивался, ослабляя тѣмъ русское вліяніе. Въ такой политикѣ онъ находилъ поддержку во Франціи. Но всѣ интриги Фридриха II окончились неудачей. «Скоропостижный король», какъ его называлъ Бестужевъ, не вызывалъ никакихъ симпатій у императрицы Елизаветы Петровны и казался опаснымъ сосѣдомъ, а своею дружбою съ исконными врагами Россіи, Турціей и Швеціей, раздражалъ русское правительство. На этой почвѣ произошелъ между ними разрывъ. Выѣшнимъ поводомъ было слѣдующее обстоятельство. Русскій посланникъ въ Берлинѣ Гроссъ былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ съ прусскимъ королемъ и въ 1750 году, въ связи съ непріязнью русскаго двора къ Фридриху II, замѣтилъ, что его обходятъ приглашеніемъ на придворныя торжества. Онъ обидѣлся, совсѣмъ пересталъ бывать при дворѣ и написалъ въ Петербургъ къ Бестужеву объ оскорбительномъ къ нему невниманіи прусскаго короля. По приказу императрицы Гроссу велѣно было выѣхать изъ Берлина безъ прощальной аудіенціи, что было нарушеніемъ обычныхъ традицій и говорило о раздраженіи Елизаветы Петровны и Бестужева. Фридрихъ II и своему посланнику Варендорфу приказалъ такимъ же способомъ выѣхать изъ Россіи. При отъѣздѣ Варендорфъ получилъ отъ русскаго канцлера ноту, въ которой въ рѣзкихъ выраженіяхъ говорилось о причинѣ отозванія Гросса изъ Берлина. Ознакомившись съ нею, онъ не принялъ ноты и отослалъ ее обратно Бестужеву, но тотъ переслалъ ноту въ Берлинъ; тогда Фридрихъ II приказалъ ее сжечь. Такъ безъ объявленія войны и за шесть лѣтъ до нея порвались между Россіей и Пруссіей дипломатическія отношенія, которыя и не возобновлялись болѣе въ теченіе дальнѣйшихъ одиннадцати лѣтъ елизаветинскаго царствованія.

Но если отношенія Россіи къ Пруссіи были враждебны, то совсѣмъ другого рода отношенія складывались съ Австріей. Послѣ длительныхъ переговоровъ и нѣкоторыхъ колебаній, 22-го мая (2-го іюня) 1746 года былъ подписанъ союзный трактатъ между Россіей и Австріей на двадцать пять лѣтъ, главной цѣлью котораго

была оборона взаимными силами отъ общихъ враговъ. Если кто нападалъ на Россію, то Марія-Терезія обязана была дать немедленно помощь въ видѣ двадцати тысячъ пѣхоты и десяти тысячъ конницы; такого же рода обязательство приняла на себя и Елизавета Петровна по отношенію къ Австріи. Но если бы общимъ врагомъ оказалась Пруссія, то тогда каждая изъ соперницъ обязана была выставить двойное число солдатъ, именно сорокъ тысячъ пѣхоты и двадцать конницы. Намѣчался и планъ будущей кампаніи, которая должна была имѣть не только оборонительный, но и наступательный характеръ, такъ что остріе договора направлялось противъ Пруссіи и его оборонительный характеръ могъ превратиться въ наступательный, причемъ для Россіи, миролюбиво настроенной, онъ имѣлъ цѣлью лишь ослабленіе Пруссіи и пріостановку ея дальнѣйшаго роста въ интересахъ политическаго равновѣсія, а для Австріи—обратное завоеваніе утраченныхъ областей.

Оборонительный союзъ 1746 года и былъ тѣмъ зародышемъ, откуда выросла Семилѣтняя война, но потребовалось болѣе десяти лѣтъ упорной дипломатической работы, чтобы союзъ превратился въ мощное наступленіе.

Дипломатія представляетъ собой тонкую и сложную игру и въ значительной мѣрѣ обезпечиваетъ успѣхъ на бранномъ полѣ. Ея задачей служить то, чтобы, вѣрно учитывая интересы государей, правящей среды и интересы народа и шиводя ихъ въ наибольшую согласованность, нейтрализовать своихъ возможныхъ противниковъ и пріобрѣсти могущественныхъ друзей и союзниковъ. Задача русской и австрійской дипломатіи послѣ 1746 года состояла въ томъ, чтобы изолировать Пруссію и привлечь на свою сторону богатую Англію, которая должна была бы открыть свой широкій кошелекъ и оплачивать военные расходы русской арміи. Англія четыре года колебалась и торговалась, наконецъ присоединилась къ оборонительному договору, но когда поставленъ былъ на очередь вопросъ о наступательной войнѣ противъ Пруссіи, потребовались новыя субсидіи, то Англія снова затянула переговоры; впрочемъ, въ 1756 году готова была заключить субсидію конвенцію, она и была подписана. Казалось, что Англія наконецъ рѣшилась примкнуть къ русско-австрійскому союзу для наступательныхъ дѣйствій противъ Пруссіи, но окончательному сближенію трехъ великихъ державъ искусно помѣшалъ Фридрихъ II.

Фридрихъ II подкупилъ секретаря австрійскаго посланника въ Берлинѣ Вейнгартена и чиновника тайной канцеляріи въ Дрезденѣ Менцеля и отъ нихъ получалъ копіи всѣхъ секретныхъ депешъ, такъ что по этимъ копіямъ онъ могъ знать самые сокровенные замыслы своихъ противниковъ. Какъ только ему стало извѣстно о серьезныхъ намѣреніяхъ Австріи и Россіи и о подготовляемомъ

нападеніи на него при содѣйствіи Англіи, онъ принялъ рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы отвлечь Англію отъ союзницъ; онъ обѣщаль Георгу II поддерживать его противъ Франціи, охранять его ганноверскія владѣнія и добился заключенія договора между Англіей и Пруссіей (это была такъ называемая вестминстерская конвенція, подписанная въ Лондонѣ 16-го января 1756 года). По этому договору Пруссія и Англія обязались союзными силами не допускать появленія иностранныхъ войскъ въ Германіи.

Фридрихъ II, заключивъ вестминстерскую конвенцію, могъ торжествовать. Онъ разбилъ налаживавшуюся коалицію Россіи, Австріи и Англіи и уже не былъ изолированнымъ. Въ Петербургѣ и Вѣнѣ были прямо ошеломлены дипломатической удачей Фридриха II, произошелъ разрывъ съ Англіей и поиски новаго могущественнаго союзника; въ этомъ случаѣ взоры державъ были обращены на естественную соперницу Англіи—Францію. Война съ Пруссіей въ принципѣ была рѣшена, но она отодвигалась на нѣкоторое время въ виду того, что продолжались еще нѣкоторые дипломатическіе переговоры, а самое главное—русскія войска не были готовы: въ арміи обнаружился некомплектъ, новый рекрутскій наборъ вмѣсто восьмидесяти тысячъ человѣкъ далъ всего половину, такъ какъ другая половина, какъ объ этомъ узналъ Фридрихъ II изъ перехваченнаго тайнаго донесенія, разбѣжалась по лѣсамъ; не было заготовлено провіанта, снарядовъ, даже для высшаго команднаго состава не хватало дѣльныхъ генераловъ. Только одна Австрія вела дѣятельныя военныя приготовленія. Тогда Фридрихъ II рѣшилъ предупредить своихъ враговъ. Лѣтомъ 1756 года онъ въ короткій срокъ поставилъ на ноги всю армію, и по адресу императрицы Маріи-Терезіи заявилъ: «Эта дама хочетъ войны, и война начнется прежде, чѣмъ она ожидаетъ; мнѣ не остается ничего болѣе, какъ итти навстрѣчу моимъ врагамъ; войска мои готовы, и я постараюсь разстроить ихъ заговоръ прежде, чѣмъ онъ созрѣетъ». А затѣмъ, послѣ короткихъ переговоровъ ультимативнаго характера, Фридрихъ въ августѣ 1756 года вторгся въ Саксонію и разгромилъ ее. Такъ началась знаменитая Семилѣтняя война.

Производя неожиданное нападеніе на своихъ противниковъ, Фридрихъ II вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялъ къ общему свѣдѣнію, что онъ былъ вынужденъ къ этому и всю вину за открывшіяся военныя дѣйствія возлагалъ на Австрію и Россію, такъ какъ ихъ считалъ нападающей стороной.

Онъ и позднѣе не разъ возвращался къ этой мысли и пояснялъ ее такими соображеніями: «Нападающей стороной слѣдуетъ считать того, кто составляетъ замыслы атаковать и уничтожить другую державу, дѣлаетъ приготовленія для осуществленія этихъ замысловъ... и ждетъ только минуты, чтобы нанести ударъ; напротивъ, держава, принужденная вопреки своей волѣ первой начать не-

пріязненныя дѣйствія, чтобы не быть связанной по рукамъ, по ногамъ и задушенной безнаказанно, дѣйствуетъ только оборонительно» (Щепкинъ, «Русско-австрійскій союзъ», 311—312). Въ этихъ соображеніяхъ есть глубокая, любопытная мысль, но дѣло въ томъ, что она по существу неприложима къ Пруссіи XVIII вѣка, которая какъ разъ составляла замыслы и дѣлала систематическія приготовленія къ захвату сосѣднихъ земель и государствъ, не считаясь ни съ какими мирными трактатами, а пользуясь лишь удобнымъ моментомъ. Самъ Фридрихъ II откровенно заявлялъ: «Когда государи ищутъ разрыва, они приходятъ къ рѣшенію, ведутъ войну и предоставляютъ какому-нибудь трудолюбивому юристу заботу оправдать ихъ» (271). Что касается Семилѣтней войны, то даже если мы всецѣло согласимся съ Фридрихомъ II, что его нападеніе вызвано приготовленіями къ войнѣ со стороны Австріи и Россіи, тѣмъ не менѣе необходимо признать, что въ свою очередь военныя приготовленія послѣднихъ были вызваны самимъ же Фридрихомъ захватомъ Силезіи и его агрессивными планами. Но уже такова была манера этого прусскаго монарха—нападать и бить противниковъ, крича и показывая видъ, что на него нападаютъ и его бьютъ и онъ лишь защищается.

Военное выступленіе Пруссіи окончательно спаяло союзниковъ: противъ Пруссіи образовалась могущественная коалиція изъ трехъ великихъ державъ: Россіи, Австріи и Франціи, а позднѣе къ нимъ присоединилась и Швеція, на сторонѣ же Фридриха II находилась Англія. Хотя союзники располагали огромными силами, но они лишены были общаго руководства, разбросаны въ разныхъ мѣстахъ и не могли одновременно начать кампанію. Это давало возможность Фридриху обращаться то противъ одного врага, то противъ другого и временами имѣть шумный успѣхъ. Для русской арміи участіе въ Семилѣтней войнѣ началось только съ весны 1757 года. И вотъ съ этого момента происходятъ встрѣчи и столкновенія арміи Фридриха II, прославленной многочисленными побѣдами, съ русской арміей. Для послѣдней время Елизаветы Петровны было какъ бы новой эрой. Армія также, какъ и высшее правительство, освободилась отъ нѣмецкой указки и встала на свои ноги. Во главѣ ея стояли генералы съ русскими фамиліями, и только нѣсколько лицъ оставалось въ командномъ составѣ изъ обрусѣвшихъ нѣмцевъ.

Нѣкоторая русская безпечность привела къ тому, что русская армія къ началу военныхъ дѣйствій оказалась неготовой, но весной 1757 года она въ количествѣ восьмидесяти тысячъ была двинута въ Восточную Пруссію по направленію къ Кенигсбергу. Здѣсь походная жизнь закалила солдатъ. Въ томъ же году при деревнѣ Гроссъ-Эгерсдорффъ Апраксинъ на-голову разбилъ прусскій тридцатитысячный корпусъ, высланный противъ него подъ

командой фельдмаршала Левальда. Такимъ путемъ передъ русской арміей открывался путь къ Кенигсбергу и представлялась возможность захватить всю Восточную Пруссію. Но Апраксинъ, смущенный слухами о болѣзни императрицы, неожиданно повернулъ обратно и отступилъ къ русскимъ границамъ, ссылаясь на недостатокъ провіанта. Онъ былъ смѣщенъ и отданъ подъ судъ, а на его мѣсто назначенъ генералъ Ферморъ, нѣмецъ по происхожденію.

Назначеніе его встрѣчено было арміей неодобрительно; нѣкоторые опасались даже измѣны и говорили: «воронъ ворону глазъ не выклюстъ». Но Ферморъ оказался дѣльнымъ генераломъ, хотя недостаточно энергичнымъ. Въ слѣдующемъ году русская армія овладѣла Кенигсбергомъ, здѣсь введено было русское управленіе. Любопытно отмѣтить, что сейчасъ же послѣ захвата Восточной Пруссіи жители приведены были къ присягѣ на вѣрнопопданство русской императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Позднѣе это доставило много хлопотъ Фридриху II: когда Кенигсбергъ былъ снова занятъ нѣмцами, то мѣстное населеніе не хотѣло знать прусскаго короля, а считало себя на основаніи присяги подданными русской императрицы, и только когда высшая церковная власть, послѣ долгой проволочки, разрѣшила жителей отъ присяги, они вернулись въ подданство Фридриха II.

Опустошая Восточную Пруссію, русская армія встрѣтилась при деревнѣ Цорндорфѣ (близъ крѣпости Кюстринъ) съ Фридрихомъ II, который спѣшилъ спасти свои владѣнія. Здѣсь русскіе потерпѣли неудачу и принуждены были отступить, но зато въ слѣдующемъ году Салтыковъ, при участіи австрійцевъ, отомстилъ за предыдущую неудачу и на голову разбилъ самого Фридриха II, а казаки едва не захватили его въ плѣнъ. Это была славная побѣда при Кунерсдорфѣ (близъ Франкфурта на Одерѣ), и русская армія, зазимовавъ въ прусскихъ владѣніяхъ, въ слѣдующемъ году безъ особыхъ затрудненій заняла столицу Пруссіи Берлинъ, хотя вскорѣ по стратегическимъ соображеніямъ онъ былъ ими оставленъ.

Тѣснымъ русскими войсками съ востока и юго-востока, австрійцами съ юга, а французами съ юго-запада, Фридрихъ II, одерживая иногда частичные успѣхи, тѣмъ не менѣе оказался въ ужасномъ положеніи: армія его съ каждымъ годомъ таяла, слава прусскаго оружія меркла, помощь со стороны Англіи была незначительна, силы же союзниковъ казались неистощимыми. Въ тяжелыя минуты онъ впадалъ въ отчаяніе, не видѣлъ выхода изъ своего положенія, и у него мелькала мысль о самоубійствѣ. Но нерѣшительность и медлительность союзниковъ дала ему возможность оправиться, а одно несчастье, случившееся въ Россіи, послужило для него большимъ счастьемъ.

Въ 1761 году умерла императрица Елизавета Петровна, и на престолъ вступилъ Петръ III, унаслѣдовавшій отъ отца и Голштинское герцогство. Онъ дорожилъ своимъ герцогствомъ, желалъ его расширить присоединеніемъ Шлезвига и думалъ, что этого онъ добьется съ помощью Фридриха II, къ которому относился съ нескрываемымъ восторгомъ. Петръ III голштинскіе интересы поставилъ выше русскихъ, тотчасъ же по воцареніи приказалъ прекратить военныя дѣйствія противъ Пруссіи, вернуть ей завоеванныя земли и даже собирался частью своихъ войскъ помогать прусскому королю, недавнему врагу Россіи. Это была антинаціональная политика, которая вызвала всеобщее возмущеніе въ русскомъ обществѣ и въ связи съ другими обстоятельствами стоила Петру III трона, тѣмъ не менѣе она дала возможность Фридриху II счастливо выйти изъ опаснаго, критическаго положенія. Онъ успѣлъ одержать частичные успѣхи надъ своими противниками и въ ореолѣ славы закончить войну миромъ, по которому Силезія осталась за Пруссіей навсегда.

Послѣ этой войны Пруссія, хотя была истощена до крайности, тѣмъ не менѣе въ виду конечнаго успѣха поднялась на небывалую высоту, для Германіи стала центромъ дальнѣйшаго національнаго объединенія, для Европы—первоклассной державой, безъ участія которой не рѣшался ни одинъ важный вопросъ международной политики. Для Австріи неблагоприятное окончаніе Семилѣтней войны было новымъ ударомъ, который заставилъ ее окончательно помириться съ утратой Силезіи и съ появленіемъ новой великой державы въ лицѣ Пруссіи, изъяслявшей властное притязаніе на гегемонію въ Германіи.

Весьма значительны были послѣдствія этой войны и для Россіи—въ военномъ отношеніи и политическомъ. Это былъ первый опытъ появленія русскихъ войскъ въ Средней Европѣ. Несмотря на побѣды Петра Великаго надъ Карломъ XII, въ Европѣ о русской арміи были невысокаго мнѣнія: готовы были считать ее «толпой, одержимой азіатской необузданностью», не обученной и плохо вооруженной, весьма далекой отъ военнаго искусства того времени, а на командный составъ смотрѣли, какъ на рядъ бездарностей.

Казалось, что такую репутацію армія и оправдала нѣкоторыми неудачными операціями, медлительностью и распущенностью, бывшей въ войскахъ.

Но походная жизнь и боевой опытъ, какъ я указалъ выше, превратили русскихъ солдатъ въ героевъ, и они не разъ одерживали побѣды надъ лучшей въ Европѣ арміей Фридриха II, разбили самаго прославленнаго полководца и даже заняли его столицу. Такимъ путемъ въ теченіе войны русскія войска получили высокія боевыя качества, что подняло духъ арміи и въ ближайшее же

время отразилось на войнахъ императрицы Екатерины II, которая въ своей блестящей виѣшной политикѣ и громкихъ побѣдахъ пожалала то, что посѣяно было ея предшественницей, императрицей Елизаветой Петровной.

Въ политическомъ отношеніи, казалось, Семилѣтняя война была далека отъ тѣхъ основныхъ задачъ, которыя лежали предъ русскимъ правительствомъ, отъ вопросовъ: турецкаго и польскаго, но на самомъ дѣлѣ это одна только видимость, и тотъ и другой вопросы были основнымъ фономъ, на которомъ разыгралось участіе Россіи въ этой войнѣ. Ростъ политическаго могущества Пруссіи опасенъ былъ и для Россіи, но не столько самъ себѣ, сколько по связи и потому влиянію, которое приобрѣтала Пруссія въ Польшѣ и Турціи. Россіи же необходимо было, прежде всего, въ отношеніи къ турецкимъ дѣламъ обезопасить себя съ фланга и тыла, угрожаемыхъ со стороны Пруссіи, и поставить въ изолированное положеніе Турцію, чтобы съ нею считаться одинъ на одинъ. Это и было достигнуто въ ближайшія десятилѣтія.

Въ дѣлахъ польскихъ Россія хотѣла имѣть почти безраздѣльное вліяніе, и заверши она полностью разгромъ Пруссіи, она могла бы стать вершательницей судьбы Польши. Но участіе Россіи въ войнѣ оборвалось, Фридрихъ II оправился и въ польскихъ дѣлахъ выступилъ довольно сильнымъ конкурентомъ Россіи, а затѣмъ, по его инициативѣ, происходятъ польскіе раздѣлы, при которыхъ Екатеринѣ II, скрѣпя сердце, пришлось согласиться на выдѣленіе весьма значительной части Польши въ пользу Пруссіи.

Изъ этихъ, хотя и краткихъ указаній, я полагаю, въ достаточной мѣрѣ ясно, что участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ являлось необходимой, существенно-важной подготовительной операціей въ разрѣшеніи основныхъ вопросовъ русской международной политики XVIII вѣка.

На этомъ моя роль, какъ историка, кончена. Но мнѣ хотѣлось бы къ этому изложенію прибавить нѣсколько соображеній, примѣнительно къ переживаемому нами моменту. Невольно возникаетъ мысль провести параллель между тѣмъ, что происходило полтора вѣка тому назадъ, и тѣмъ, что совершается въ настоящее время. Какъ тогда завоевательная политика Пруссіи была причиной длительного общеевропейскаго пожара, такъ и въ нашъ вѣкъ агрессивная политика Германіи держала всю Европу въ напряженіи нѣсколько десятилѣтій и привела къ грандіозному столкновенію.

Тогда Пруссія, захватывая смежныя области въ Германіи, мечтала о своемъ вліяніи въ Турціи и Польшѣ. Въ настоящій моментъ дѣйствительность превзошла мечты: турки послушны Берлину, который желаетъ получить все турецкое наслѣдство и подбирается къ Азіи. Выступленіе Турціи послѣднихъ мѣсяцевъ, опубликованіе дипломатическихъ переговоровъ сорвало съ Германіи

маску благороднаго мстителя за убійство австрійскаго эрцгерцога Фердинанда. Оказывается, главнѣйшимъ мотивомъ къ войнѣ былъ простой матеріальный расчетъ, споръ о турецкомъ наслѣдствѣ. Жадная рука Германіи черезъ Австрію тянулась къ Сербіи, а черезъ владѣнія, недавно отобранныя у Турціи,—къ Салоникамъ, какъ превосходному порту, отсюда къ берегамъ Малой Азіи (порту Александретта), Багдадской дорогой къ Персидскому заливу, а затѣмъ цѣпью броненосцевъ къ крайнему восточному форпосту Циндао; такимъ путемъ получалось мощное полукольцо, которымъ Германія сдавливала бы и Турцію и дальне-восточную Азію и пріобрѣтала бы страшную силу и несомнѣнную гегемонію надъ міромъ.

Какъ прежде, такъ и теперь Германія первая открыла нападенія, несправедливо обвиняя въ томъ своихъ противниковъ. Подобная политика и образъ дѣйствій Германіи содѣйствовали образованию могущественной коалиціи, съ тою только разницею, что изъ великихъ европейскихъ державъ Австрія и Англія помѣнялись своими мѣстами: тогда Англія была съ Пруссіей, Австрія противъ нея, въ настоящее время Австрія идетъ на поводу у Германіи, но зато Англія со своимъ могущественнымъ флотомъ—на сторонѣ Россіи и Франціи.

И тогда, и теперь происходитъ напряженная борьба, стоящая колоссальныхъ жертвъ, основной смыслъ которой одинъ и тотъ же—нанести смертельный ударъ милитаризму, воинствующему тевтонизму. Въ этой борьбѣ русская армія, какъ тогда, такъ и теперь, оказалась на высотѣ своего положенія: испытывая иногда неудачи, тѣмъ не менѣе она идетъ отъ одной побѣды къ другой и уже внесла свое оружіе въ предѣлы Австріи и отчасти Германіи. При наступательномъ движеніи настоящаго времени нельзя забывать того, что полтора вѣка тому назадъ русская армія побѣдоносно заняла сердцевицу Пруссіи и русскій флагъ развѣвался на стѣнахъ Берлина. Хотѣлось бы вѣрить въ то, что силы союзниковъ не ослабѣютъ, сердца правителей будутъ полны мужественной отваги и рѣшимости—довести дѣло до благополучнаго конца и вырвать у гидры ея опасное жало, что Россія завершитъ свою историческую миссію въ борьбѣ съ Турціей, и тогда вся Европа могла бы спокойно вздохнуть и предаться исключительно одной культурной работѣ.

М. Ключковъ.

АЛЕКСѢЙ СЕРГѢЕВИЧЪ СУВОРИНЪ.

XIV.

Чеховъ передъ смертью.

БѢГУТЪ быстротечные годы!—говорить великій Гораций.

Давно ли, кажется, я зналъ Ан. П. Чехова, какъ милаго и веселаго Антошу Чехонте, какъ начинающаго и талантливаго сотрудника «Новаго Времени» и автора его первыхъ прелестныхъ лирическихъ рассказовъ въ стилѣ Тургенева? А годы шли да шли. Мѣнялись и люди, и обстоятельства.

— Вотъ ужъ у меня издана цѣлая стопка книгъ!— говоритъ Чеховъ, указывая на этажерку.— Не успѣешь оглянуться—вторымъ Николаемъ Александровичемъ Лейкинымъ очутишься... Онъ мнѣ сегодня письмо прислалъ и, что обыкновенію, страшно хвастается, что его купецъ Ивановъ восемнадцатымъ изданіемъ вышелъ...

А знаете, какъ онъ издаетъ свои книги? По 200, по 250 экземпляровъ! Раздѣлитъ 2,000 книгъ на десять частей, вотъ у него и сразу десять изданій. Преподнесъ онъ и мнѣ это «восемнадцатое изданіе»... Надпись—вродѣ, какъ на могильной плитѣ: «Антону Чехову—Николай Лейкинъ». Не люблю я, знаете, этого господина... Какъ увидалъ, такъ и не влюбилъ. Когда я въ первый разъ въ Петербургъ пріѣхалъ и познакомился съ Билибинымъ ¹⁾,

¹⁾ Покойный В. В. Билибинъ, авторъ нѣсколькихъ комедій и водевилей, сотрудникъ многихъ изданій, представлялъ собою замѣчательную личность, вполне заслуживающую названія «свѣтлой», О Билибинѣ я со временемъ напишу особую статью.

Н. Е.

представьте, на чемъ мы сошлись?—оба сразу, какъ бы стоворившись, начали ругательски ругать Лейкина! (Чеховъ засмѣялся).

— Ну, разумѣется, Лейкинъ человекъ не безъ недостатковъ,—сказалъ я, такъ же, какъ и всѣ сотрудники «Осколковъ», знавшій цѣну ихъ редактора:—но васъ-то, Антонъ Павловичъ, онъ очень любить... Вѣдь, вы начинали въ «Осколкахъ»!

— Полноте! Кого онъ въ жизни любилъ, кромѣ денегъ? Вспомните, какъ онъ по-жидовски платилъ мнѣ, вамъ, Грузинскому!.. Вотъ Пальминъ умеръ,—далъ ли онъ хоть рубль на похороны? Фефела Ивановна (сожигательница поэта Пальмина) ко мнѣ подходила и жаловалась: ничего, говоритъ, не далъ! Я ей шепнула: подайте, говорю, на Лейкина жалобу генераль-губернатору...

— А мнѣ Лейкинъ на похоронахъ Пальмина говорилъ, что послѣ него осталось 13,000 рублей, и что ихъ Фефела-то и подтибрила!

— Видите, видите, какой враль! Ну, откуда у Пальмина могло быть столько денегъ? Это отъ стиховъ-то! Нѣтъ, Фефела многимъ не поживилась... Кстати, какъ ее по настоящему-то звали?

— Пелагея Евдокимовна,—отвѣчалъ я.

— А Пальминъ называлъ ее Фефелой... Помните, Н. М., какъ мы его перевязывать ѣздили!? И вамъ эта самая Фефела 30 копеекъ на чай дала! ¹⁾

Чеховъ расхохотался, но, какъ это съ нимъ часто случалось, внезапно опять насупился и проговорилъ:

— Ну, а печеніе книгъ à la Лейкинъ все-таки я приостанавливаю!

— Почему же, Антонъ Павловичъ? Вѣдь, книги книгамъ рознь.

— А потому, дорогой мой, что вообще надо экономить запасами, отпущенными намъ природой! Кромѣ того, ужъ если писать, то писать что-нибудь значительное... романъ, напримѣръ, въ нѣсколькихъ частяхъ.

— У меня есть одинъ знакомый, нѣкто Стрижевскій,—сказалъ я.—Тотъ спитъ и видитъ, чтобы вы написали романъ въ юмористическомъ тонѣ, вроде «Записокъ пиквикскаго клуба».

Чеховъ подумалъ и усмѣхнулся.

— Знаете, что я вамъ отвѣтилъ бы, будучи... Григоріемъ Мачетомъ?

— Что же?

— Я бы спросилъ съ важной миной: скажите, это не тотъ Стрижевскій, который со мною сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости? Нѣтъ? Виновать, извиняюсь...

¹⁾ Это произошло въ первые годы моего знакомства съ Чеховымъ. Пальминъ, будучи подъ хмелькомъ, упалъ и разбилъ себѣ лобъ. Вызвали Чехова, «какъ врача и друга». Я тогда былъ у Чехова въ гостяхъ—и поѣхалъ помогать, «въ качествѣ фельдшера». Фефела хотѣла дать 30 копеекъ Чехову на извозчика, но Чеховъ отвѣчалъ: «фельдшеру дайте!» Наслау я отъ нея отбился. Н. Е.

Авторъ этихъ воспоминаній, встрѣтившись съ тогда еще здравствовавшимъ Г. А. Мачтетомъ, вспомнилъ шутливыя слова Чехова и сдѣлалъ опытъ (даже фамилію ту самую употребилъ!) И вотъ что буквально спросилъ Мачтетъ:

— Скажите, это не тотъ Стрижевскій, что былъ заключенъ въ Петропавловской крѣпости?

Большихъ усилій стоило мнѣ сохранить серьезную фізіономію.

«Ахъ, Чеховъ, Чеховъ! — думалъ я. — Мастеръ ты подмѣтить курьезную струнку ближняго...»

Скажу кстати, что рядиться въ тогу «когда-то потерпѣвшаго отъ политики»—эта манера до сихъ поръ у многихъ осталась.

Относительно сочиненія романа вродѣ диккенсовскихъ «Записокъ пикквикскаго клуба» Чеховъ сказалъ:

— Пусть-ка вашъ Стрижевскій самъ попробуетъ...

И, еще немного помолчавъ, произнесъ вразумительно:

— Короленко почти совѣмъ сошелъ со сцены... Я еще держусь, но... Знаете, это хорошо, пока никого нѣтъ! А народись новый писатель, сильный, оригинальный, тогда намъ, уже достаточно набившимъ оскомину читателю,—мать! Вотъ почему не надо печь книги, какъ кулебяки, а рассказы, какъ блины...

Какъ видите, это былъ Чеховъ, но не тотъ, что въ началѣ своей радужной карьеры. Задумчивость и хмурость уже начали омрачать этотъ, недавно беззаботный, а нынѣ переставшій нѣжно улыбаться симпатичный ликъ. Время брало свое. Та усмѣшка счастья, когда писатель творилъ и былъ доволенъ собою, пропала безслѣдно. Чехова томило желаніе создать что-нибудь очень крупное, но это крупное, увы, не создавалось. Тысячи читателей-поклонниковъ Чехова, сотни Стрижевскихъ отъ всей души желали ему блестящихъ писательскихъ перспективъ, но...

— Подите-ка, попробуйте сами!—раздавалась въ отвѣтъ фраза писателя, можетъ быть, погружающагося въ свои тайныя и невеселыя соображенія.

То былъ періодъ начала писаній Чехова въ «Русской Мысли», періодъ, на мой взглядъ, самый печальный и неудачный.

Извѣстіе объ ухудшеніи здоровья Антона Павловича и ухудшеніи настолько рѣзкомъ, что больного отвезли въ клинику профессора Остроумова, поразило меня чрезвычайно. Никто не думалъ, что Чеховъ такъ серьезно, такъ опасно нездоровъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобы Чеховъ вышелъ отъ Остроумова, чтобы сейчасъ же навѣстить стараго товарища. Это, однако, случилось не скоро. Кажется, послѣ клиники Антонъ Павловичъ уѣхалъ въ свое имѣніе Мелихово, потомъ за границу, и только поздно осенью или даже зимой мы встрѣтились. Чеховъ сильно измѣнился, былъ сморщенъ, очень исхудалъ. Особенной худобой поражали его ноги.

— Въ клиникѣ меня прескверно кормили!—сказалъ онъ мнѣ.— Вотъ бы вамъ тиснуть въ «Новомъ Времени» про что: про московскія клиники! Ужъ если меня, писателя и при этомъ врача, питали неудобоваримой дрянью, что же даютъ простымъ смертнымъ?

— А вы бы, Антонъ Павловичъ, протестовали!—сказалъ я.

— Говорилъ, протестовалъ! Смѣются: вы, говорятъ, очень избалованы... Я, знаете, даже про васъ поминалъ, говорю: надо будетъ московскому корреспонденту «Новаго Времени» сообщить о вашихъ порядкахъ... А они все въ шутку сводили: «попробуйте, говорятъ, мы васъ лечить хорошо не станемъ...» А я, знаете, съ большимъ удовольствіемъ читалъ вашъ фельетонъ о московскихъ больницахъ. Прекрасно, ярко, доказательно... Такъ ихъ и надо щелкать!

— Городской голова на меня Суворину доносъ за это послалъ: просить опровергнуть, не называя, откуда идетъ опроверженіе,— замѣтилъ я.

— А Суворинъ что?

— А Суворинъ мнѣ препроводилъ этотъ отвѣтъ и пишетъ, что если я стою на твердой почвѣ, то есть правъ и ратую за дѣйствительно обиженныхъ больныхъ, то безъ стѣсненія долженъ продолжать свое дѣло, невзирая на доносы городскихъ головъ ¹⁾.

— Молодчина Суворинъ!—сказалъ Чеховъ.—Вотъ этимъ онъ хорошъ, своихъ зря не выдастъ... У васъ говорится въ фельетонѣ о поэтѣ Епифановѣ. Кто это? Гдѣ писалъ?

— Кажется, въ «Московскомъ Листкѣ».

— Это онъ-то и вытерпѣлъ больничную пытку?

— Онъ, онъ.

— И чахоткой боленъ? Г-мъ.

Чеховъ промолчалъ и проговорилъ:

— Вотъ что, Н. М., вы передайте ему отъ меня 15 рублей... А лѣтомъ я буду въ Ялтѣ и поговорю тамъ съ врачами. Можетъ быть, удастся перетащить его туда... Тамъ ему будетъ отлично!

Я отъ души поблагодарилъ Чехова и съ былымъ восторгомъ поглядѣлъ на него.

— Вы слышали, у меня въ клиникѣ Левъ Толстой былъ?—спросилъ Чеховъ.

— Да, слышалъ.

— Ну, батенька мой, какъ тамъ всѣ забѣгали, когда увидали Толстого, какъ заметались!

Чеховъ хотѣлъ мнѣ разсказать про Льва Николаевича, но тутъ появились новые посѣтители, мужчины и дамы. Я сталъ прощаться.

Года за полтора до смерти А. П. Чехова я собирался къ нему по одному дѣлу. У меня было къ Чехову порученіе отъ третьихъ

¹⁾ Эта «бумага» городского головы, просившаго редакцію, чтобы его «не обнаруживали», хранится у меня среди прочихъ любопытныхъ документовъ. Н. Е.

лицъ, весьма щекотливое. Я долго отказывался и, вѣроятно, не скоро пошелъ бы къ Антону Павловичу, тѣмъ болѣе, что тотъ хворалъ и мало кого принималъ.

Но Чеховъ самъ позвалъ меня, приславъ «открытку» съ краткимъ текстомъ:

«Гдѣ вы? А. Чеховъ».

Я все-таки медлилъ. Чужое дѣло жерновомъ висѣло у меня на шеѣ. Я зналъ, что и Антону Павловичу оно настолько же будетъ неприятно, какъ и мнѣ. Наконецъ я собрался.

Чеховъ въ то время жилъ на Спиридоновкѣ, въ домѣ Бойцова, во флигелѣ, на дворѣ. Я не зналъ, примутъ ли меня, потому что ходили слухи о томъ, что визитеры страшно надоѣдаютъ и утомляютъ Чехова. Однако меня сейчасъ же попросили въ кабинетъ къ хозяину, но предварительно посоветовали обогрѣться въ гостиной.

Я, помедливъ, вошелъ... Въ небольшой комнатѣ какъ будто никого не было, и я остановился, думая, куда же дѣвался хозяинъ? Все было тихо.

— А, Николай Михайловичъ!—вдругъ раздался слабый и знакомый голосъ.—Что это вы запропали?

Я оглянулся и только тутъ разсмотрѣлъ, что глубокое кресло, стоящее близъ письменнаго стола, не пустое: на немъ сидѣлъ А. П. Чеховъ.

Боже! Это была тѣнь Чехова! Какъ онъ исхудалъ, умалился, изболѣлся! Какъ обострилось это милое, симпатичное лицо, какъ высохла вся фигура когда-то стройнаго и даже плечистаго юноши-Чехова! Гдѣ его волны волосъ, какъ у Антона Рубинштейна? Гдѣ живой взглядъ свѣтло-карихъ глазъ? Нѣчто безсильное и глубоко скорбное отпечаталось на всемъ Чеховѣ. Подобной страшной перемены я совершенно не ожидалъ, не приготовился къ ней.

Ахъ, какъ глупа и неумѣстна показалась мнѣ моя дѣловая миссія къ Чехову! Было бы преступленіемъ утруждать хотя лишнимъ словомъ эту угасающую жизнь. И все, что создало досаду, неудовольствіе, рознь,—все исчезло, какъ дымъ. Осталась одна безграничная любовь къ старому товарищу-писателю. Но къ этому чувству присоединилось другое: острое и пронизывающее сожалѣніе.

— Какъ поживаете?—послышался опять тихій голосъ Чехова.

Я хотѣлъ отвѣтить, но вдругъ почувствовалъ, что губы мои дрожать, и я не въ силахъ вымолвить хотя бы одно слово.

Въ давнопрошедшіе годы, въ ранней юности, я однажды былъ въ гостяхъ, куда пріѣхалъ покойный музыкантъ Порубиновскій. И онъ началъ играть на скрипкѣ. Въ первый разъ я слушалъ талантливаго артиста. И хотя скрипка не была его постояннымъ инструментомъ, онъ умѣлъ изъ него извлекать особенные звуки. Меня эта мелодія неожиданно и властно охватила и сковала: я сидѣлъ, жадно слушая, а дивные и мощные звуки впивались мнѣ въ душу,

въ сердце; они медленно неслись ввысь, дѣлаясь все тоньше, нѣжнѣе; и съ этими звуками шли къ горлу слезы; онѣ проступали сквозь рѣсницы, капали на дрожащія руки...

И вотъ, увидавъ Чехова, больного, умирающаго, гаснущаго, исчезающаго отъ насъ, я почувствовалъ эти звуки, зовущіе рыданія, я готовъ былъ упасть въ истерикѣ, мнѣ хотѣлось ломать себѣ руки и кричать: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—протестуя противъ близости смерти человѣка.

А онъ, болящій и слабый, не замѣчалъ моего волненія, не видѣлъ моего разстроенаго лица. Минуты двѣ продолжалось это нестерпимое положеніе, пока я справился и могъ что-то вымолвить, вродѣ того, что я пришелъ повидаться, но могу сейчасъ же уйти, если Антонъ Павловичъ занятъ.

— А вотъ именно я сейчасъ ничѣмъ не занятъ,—отвѣчалъ Чеховъ.—Дома никого нѣтъ... Сижу и думаю, не поѣхать ли прогуляться, въ Петровскій паркъ? Что холодно на дворѣ?

— Не особенно. Погода отличная.

— Г-мъ... Сейчасъ, пожалуй, поздно... Знаете что? Погуляемъ въ паркѣ завтра. Приѣзжайте туда часамъ къ 12. Я вамъ, какъ женщиной, рандеву назначаю (онъ улыбнулся блѣдной улыбкой, и все лицо его изрѣзалось морщинками).

Я поспѣшилъ изъявить согласіе.

— Какъ ваши дѣла съ Суворинымъ?—спросилъ Антонъ Павловичъ.

Я боялся обременять его разговорами и еще разъ освѣдомился, не мѣшаю ли я.

— Нисколько. Я очень радъ, что вы зашли. Расскажите мнѣ, почему это въ «Новомъ Времени»...

Тутъ Чеховъ началъ толковать о новыхъ сотрудникахъ названной газеты, о ея нововведеніяхъ и т. п. Затѣмъ, послѣ нѣкоторой паузы, какъ бы печально спросилъ:

— Скажите, Николай Михайловичъ, вы вѣрите въ будущую жизнь?

Я удивился и медлил отвѣтомъ.

— Впрочемъ, вы, навѣрное, человѣкъ божественный, отвергаете революцію, думаете, что Суворинъ—пророкъ своего отечества, а Буренинъ—первый русскій критикъ. Вы въ рай попадете, а вотъ мы въ аду горѣть будемъ..

Онъ помолчалъ и мечтательно проговорилъ:

— Однако Гамлетъ сказалъ: «Есть многое на свѣтѣ, другъ Горацио, что и не снилось нашимъ мудрецамъ»... Я не разъ думалъ, что это?—невѣжество Шекспира, болѣе 300 лѣтъ назадъ сказавшаго такую фразу, или что-то вѣщее? Левъ Толстой все отвергаетъ, а самъ пишетъ, что смерть есть воскресеніе! Даже такой гигантъ сомнѣвается... Н-да! Вотъ и поворачивайся на обѣ стороны...

Я съ содроганіемъ слушалъ Чехова. Всѣ эти слова звенѣли мнѣ предсмертными стопами организма, разрушаемаго безпощадной болѣзью. Сердце мое стало биться съ такою болью, что я крѣпко прижалъ къ груди лѣвую руку. Отъ болѣзненного этого ощущенія духъ захватывало.

А Чеховъ тихо продолжалъ:

— Умъ человѣческой трезвъ, пока здорово и цѣло естество. Если, напримѣръ, сердце изжито и пусто, ему ничто не поможетъ: ни религія, ни медицина! Я всегда былъ реалистомъ, но... Кстати вы, Николай Михайловичъ, видѣли когда-нибудь привидѣніе?

Я вспомнилъ «Чернаго монаха», этотъ разсказъ Чехова, полный бреда, и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, не видалъ, Антонъ Павловичъ!

— Жаль! Я бы хотѣлъ потолковать съ человѣкомъ, испытавшимъ что-нибудь сверхъестественное... Только мнѣ надо правдиваго человѣка! Если бы тутъ *** былъ, онъ бы памъ десятокъ случаевъ привелъ, и все это было бы сочиненіемъ. Онъ всегда лжетъ. Это его главная спеціальность.

Чеховъ опустилъ голову. Какъ грустна, какъ тяжка для меня была эта поза! Она врѣзалась въ мою память, и я всегда ее помню. Такъ, не поднимаясь, онъ все сидѣлъ, и мнѣ казалось, что это маленькій, беспомощный ребенокъ, и нѣтъ той любящей матери, которая могла бы теперь развеселить, утѣшить и облегчить его отъ тяготы болѣзни!

Я сидѣлъ, глядя на него, потрясенный, и говорилъ про себя одно и то же слово:

— Прощай! Прощай! Прощай!

Пора была уходить. Я было всталъ.

Чеховъ уловилъ мое движеніе.

— Вы что, Николай Михайловичъ?

— Мнѣ пора домой, Антонъ Павловичъ.

— Погодите... Можете позже написать фельетонъ въ «Новое Время»...

— Завтра, значить, мы встрѣтимся въ Петровскомъ паркѣ?

— Въ паркѣ? А, да! Разумѣется... Погодите, что я хотѣлъ вамъ сказать?

И вдругъ, опять улыбнувшись блѣдной улыбкой, Чеховъ спросилъ меня:

— Скажите, какъ фамилія К—скаго?

— Да именно такъ, какъ вы сказали,—отвѣтилъ я съ недоумѣніемъ:—К—скій.

— А вотъ и нѣтъ: его настоящая, по паспорту, фамилія—К—хесь!

Чеховъ поглядѣлъ на меня. На мигъ заблестѣло на этомъ страдальческомъ лицѣ нѣчто бывшее, связанное съ воспоминаніемъ о ве-

селомъ юморѣ, о брызгахъ живого чеховскаго остроумія, о нашей прошедшей молодости, о невозвратныхъ дняхъ нашихъ первыхъ литературныхъ выступленій...

И быстро все это погасло, какъ свѣча, задутая незримыми устами.

Я сталъ прощаться. Я пожалъ руку Антона Павловича, она была холодна, какъ гипсовая. Это прикосновеніе, это погасшее лицо безцѣннаго человѣка, этотъ послѣдній, померкшій взглядъ разбили мои нервы...

Я надѣвалъ въ передней свое пальто, стараясь заглушать рыданія, просившіяся наружу, я не видалъ, куда мнѣ идти, я вышелъ— и долго стоялъ на крыльцѣ, не зная, что со мной и куда мнѣ нужно было ѣхать...

Это было послѣднее мое свиданіе съ Антономъ Павловичемъ.

Въ 1904 году тяжело больного Чехова увезли въ Германію, и тамъ, среди тевтонскихъ безразличныхъ и холодныхъ фізіономій, вдали отъ родины и милыхъ мѣстъ погасъ этотъ свѣточъ честной русской литературы.

Чеховъ не первоклассный талантъ. Но онъ, что называется, работалъ на совѣсть, никого не обманывая, не создавая умышленно дутыхъ героевъ, не прибѣгая къ ухищреніямъ, какія вошли въ моду въ русской беллетристикѣ послѣ его смерти. Онъ далъ все, что могъ. Его труды не даютъ ему титула великаго писателя, но что Чеховъ—большой писатель, конечно, всѣ согласятся. Онъ, однако, не шелъ одной дорогой, а разбрасывался. Юморъ и маленькіе рассказы онъ оставилъ, хотя въ нихъ-то онъ и былъ мастеръ своего дѣла. Серьезность дальнѣйшихъ его произведеній не выиграла въ глубинѣ. Театръ увеличилъ его популярность, но его пьесы есть только добросовѣстная попытка создать что-нибудь значительное. Чеховъ, если хотите, не оправдалъ надеждъ нашихъ литературныхъ стариковъ: Левъ Толстой прямо говорилъ, что лучшее у Чехова—это его небольшіе, полные юмора и мѣткости рассказы; драмъ Чехова великій писатель совсѣмъ не признавалъ; А. С. Суворинъ, если не ошибаюсь, кому-то высказывалъ, что Чеховъ былъ прекраснымъ цвѣткомъ литературнаго русскаго сада, но среди цвѣтенія его постигла какая-то незамѣтная хворь, остановившая его ростъ.

Весьма нехорошо отозвалось на здоровьѣ Чехова торопливое сочиненіе пьесъ, которыхъ добивался отъ него Художественный театръ.

Нуженъ сильный талантъ и большой срокъ времени, чтобы написать если не выдающуюся, то хотя умную, занимательную и сценическую пьесу. Необходимо быть прирожденнымъ драматургомъ—если не Островскимъ, то хотя бы только Викторомъ Крыловымъ. Сцена имѣетъ свои требованія, свои особенности, свои условія. Но даже выдающіеся русскіе драматурги своихъ драмъ и комедій,

по выраженію Чехова, «не пекли, какъ кулебякъ». Толстой, Писемскій, Островскій... сколько трудовъ положили они на обработку своихъ шедевровъ!

Такъ ли поступалъ Ан. П. Чеховъ, не обладая, при этомъ, выдающимся способностями драматурга? Увы, мы здѣсь видимъ обратное. Чеховъ спѣшилъ съ пьесами. Онъ надламывалъ себя, стараясь сказать «новое слово», но не сказалъ его. Упорно, какъ въ юные годы, онъ работать не могъ. Злой недугъ не позволялъ ему этой успешной траты энергій.

Пьесы Чехова сопровождались, какъ будто, успѣхомъ. Къ сожалѣнію, это было до извѣстной степени маревомъ. Успѣхъ создавало популярное имя большого автора, полное отсутствіе таланта въ пьесахъ другихъ авторовъ того времени и, наконецъ, тѣ великія ухищренія постановокъ г.г. Станиславскаго и Немировича, какія были приняты новой публикой театровъ за какія-то «сценическія откровенія». Все это было пуфомъ, воздушнымъ замкомъ. И чеховскія пьесы, и постановки Художественнаго театра—не откровенія.

На пьесахъ для названнаго театра Чеховъ надорвалъ свои послѣднія силы—и скорбно почилъ виѣ предѣловъ своей родины...

А. С. Суворинъ, узнавъ о смерти Чехова, того цвѣтка, пересаженнаго съ его гряды неумѣлыми руками, — написалъ горячую статью, посвященную памяти Антопа Чехова. Статья эта извѣстна всѣмъ.

Миѣ Суворинъ телеграфировалъ, прося заказать дорогой серебряный вѣнокъ и возложить его на гробъ писателя. Чехова хоронили торжественно, всей Москвой, какая только была въ это время налицо.

Впослѣдствіи, увидавшись съ Суворинымъ и рассказывая ему о встрѣчѣ и похоронахъ, я услышалъ отъ него фразу:

— Москва умѣетъ цѣнить людей, и Чеховъ стоилъ общихъ слезъ и сожалѣній. Бѣда въ томъ, что онъ не такъ, какъ бы слѣдовало, распорядился при жизни и своимъ дарованіемъ, и здоровьемъ.

XV.

Юбилей «Новаго Времени».

Въ среду 28-го февраля 1901 года было отпраздновано двадцатипятилѣтіе «Новаго Времени».

Вышелъ замѣчательный № 8.982 «Новаго Времени» съ портретами всѣхъ дѣятелей и сотрудниковъ этой газеты: А. С. Суворина, А. А. Суворина, М. А. Суворина, В. П. Буренина, К. А. Скальковскаго, Б. В. Гея, А. Н. Маслова (Бѣжецкаго), В. К. Петерсена

(А—та), А. Н. Молчанова, М. М. Иванова, В. С. Россоловскаго, Н. С. Кутейникова, С. Н. Шубинскаго, Д. Н. Кайгородова, С. С. Татищева, В. С. Кривенка, О. И. Булгакова, Е. Л. Кочетова (Русскаго Странника), Ф. В. Вишневскаго (Черниговца), Л. К. Попова (Эльпе), В. Г. Авсѣенка, Я. А. Плющика-Плющевскаго, В. В. Розанова, В. С. Лялина (Петербуржца), Ф. Е. Ромера, С. И. Смирновой, И. Л. Леонтьева (Щеглова), К. М. Фофанова, С. Н. Сыромятникова (Сигмы) и мн. др.

Къ этому времени Ан. П. Чеховъ окончательно перебрался, въ смыслѣ литераторства, въ Москву, и его портрета нѣтъ среди наиболѣе выдающихся сотрудниковъ «Новаго Времени». Отсутствуетъ и А. В. Амфитеатовъ (Old Gentleman), по разнымъ «обстоятельствамъ» принужденный покинуть «Новое Время», отказавшее этому журналисту сводить личные счета съ артистами на своихъ страницахъ.

Были помѣщены портреты сотрудниковъ, не дожившихъ до юбилея: М. П. Оедорова, А. П. Коломнаина, М. А. Загуляева, А. А. Дьякова (Жителя), С. Н. Терпигорева (Атавы) и К. И. Кавоса.

Юбилей съ датой «25»—многое значить для газеты. Это цѣлая четверть вѣка, а такъ какъ жизнь политическаго газетнаго органа считается жизнью, выражаясь по-старинному, какъ подъ Севастополемъ, то и выходитъ, что «Новое Время» прожило какъ бы цѣлый вѣкъ. Сколько исторій, сколько интересныхъ статей, полемики, каръ отъ администраціи, скорпіоновъ отъ различныхъ цензуръ! И не перечесть!... Юбилей этотъ могъ бы пройти во всѣхъ отношеніяхъ хорошо. Сотрудники съѣхались отовсюду: изъ далекихъ провинцій и даже изъ-за границы: изъ Берлина явился Н. К. Мельниковъ-Сибирякъ (въ нынѣшнюю войну томящійся у нѣмцевъ въ плѣну), изъ Парижа—П. Н. Дубенскій (Вожжигъ), нынѣ уже умершій, и др.

Юбилей съ внѣшней стороны прошелъ весьма блестяще. Обычные аксесуары юбилея: массы гостей, депутацій, рѣчей, поздравлений, телеграммъ, всего этого было въ изобиліи; въ театрѣ былъ спектакль съ концертомъ—апоѳеозомъ въ честь «Новаго Времени».

Все это, дѣйствительно, удалось на славу. Но не было главнаго: объединенія сотрудниковъ. Это сразу обнаружилось. Я съ грустью увидалъ печальное лицо А. С. Суворина. Онъ былъ явно не въ духѣ. А какъ могъ бы порадоваться создатель всего благополучія, которое сверкало вокругъ на юбилей газеты! И какъ хорошо бы почтить этого высокоталантливаго руководителя именно общимъ миромъ, дружескимъ и теплымъ другъ къ другу отношеніемъ... Но въ этотъ юбилейный годъ произошло что-то, разстроившее и души, и сердца.

Между тѣмъ публика такъ и стремилась на юбилей. Театръ не могъ вмѣстить всѣхъ, желавшихъ полюбоваться апоѳеозомъ «Новаго Времени». У А. С. Суворина въ Петроградѣ было столько

искреннихъ поклонниковъ, что дай Богъ любой знаменитости сцены имѣть такое количество обожателей. Видѣть знаменитаго автора превосходныхъ «Маленькихъ писемъ» желали многіе читатели «Новаго Времени».

Съ П. Н. Дубенскимъ, парижскимъ корреспондентомъ «Новаго Времени», пріѣхаль изъ Франціи нѣкто г. Варгунинъ. Онъ прямо заявилъ, что ѣдетъ на родину не столько изъ-за родины, сколько изъ-за А. С. Суворина.

П. Н. Дубенскій недолго сотрудничалъ въ нашей газетѣ. По виду богатырь, онъ, однако, страдалъ неизлечимой болѣзною. Года черезъ три послѣ юбилея «Новаго Времени» онъ, уже больной и едва двигающійся, покончилъ жизнь самоубійствомъ. Для «Новаго Времени», по-моему, это была большая потеря: Дубенскій имѣлъ талантъ журналиста, зналъ военное дѣло (раньше служилъ полковникомъ генеральнаго штаба, если не ошибаюсь) и, кромѣ того, былъ русскимъ въ хорошемъ значеніи этого слова. Онъ интересно и безпристрастно корреспондировалъ съ процесса Дрейфуса.

И все-таки на этомъ юбилеѣ было не то, что должно бы быть. Глазные сотрудники глядѣло невесело...

То ли дѣло, припоминаю, какъ душевно и сердечно прошелъ одинъ изъ «Касьяновъ», отпразднованныхъ въ домѣ Алексѣя Сергѣевича и Анны Ивановны Сувориныхъ!

Я попалъ случайно, пріѣхавъ въ Петербургъ по редакціонному дѣлу, и тутъ же мнѣ вручили приглашеніе на обѣдъ къ Суворину.

Я не забуду этого хорошаго дня. Во-первыхъ, обѣдали чисто по-русски: съ шести часовъ вечера до четырехъ часовъ утра. Сотрудники въ квартирѣ Суворина, напоминая пчелъ въ ульѣ, ходили группами; остроумныя фразы такъ и скрещивались; вѣдь кто собрался-то: сотрудники самой талантливой газеты! Весело шутили, острили, насмѣшничали; обѣдъ начался въ двухъ залахъ: въ большой предсѣдательствовалъ самъ А. С. Суворинъ, въ малой—на первомъ мѣстѣ воссѣдала А. И. Суворина съ молоденькой дочкой А. А. Сувориной (нынѣ извѣстная артистка) и сыномъ Б. А. Суворинимъ. Мы, молодые сотрудники, ютились за этимъ столомъ. Было очень непринужденно, просто. Снѣсаревъ съ Дубровскимъ устроили пари: первому завязали глаза, и онъ, пробуя вино, угадывалъ, красное это или бѣлое. Снѣсаревъ, очевидно, могъ бы служить римскимъ дегустаторомъ у самого Нерона: онъ безошибочно угадывалъ вино, и Дубровскій проигралъ ему 25 рублей (по пять рублей за пробу).

— Онъ видитъ!—кричали въ шутку.—Сквозь платокъ видитъ!

— Полноте, господа!—объяснялъ Л. К. Поповъ.—Здѣсь просто психологія помогаетъ...

Многіе стали пробовать угадывать «по психологіи» и напугали ужасно.

Я на этомъ обѣдѣ познакомился впервые съ К. С. Тычинкинымъ, который подговаривалъ сосѣдей просить меня сказать рѣчь.

— Изъ Москвы пріѣхалъ, пусть покажетъ московское искусство краснорѣчія!—говорилъ онъ.

— Куда ужъ намъ, московскимъ вахлакамъ,—отбояривался я, дѣйствительно, не понимая, что я могу сказать на этомъ дружескомъ обѣдѣ, кромѣ развѣ одного: «Милые, хорошіе, какъ вы всѣ любезны, какъ вы мнѣ всѣ нравитесь?»

Кормили насъ на убой, восхитительными блюдами, шампанскимъ—заливали. Когда обѣдъ кончился, начался сущій греческій «симпозионъ». Около Анны Ивановны находились Евгенія Константиновна Суворина (жена А. А. Суворина). Ихъ окружали Сыромятниковъ, Розановъ, Колловичъ, Черниговецъ и другіе, а В. П. Буренинъ сидѣлъ въ отдаленіи, на диванѣ, и что-то смѣшное рассказывалъ супругѣ М. А. Суворина, Е. И. Сувориной.

— Викторъ Петровичъ, вы что же это?—вдругъ возвысила голосъ Анна Ивановна.

— А что такое?

— Вы меня покинули! Извольте сѣсть со мной рядомъ.

— Простите, я съ дамой.

— Вотъ это мило! Ваша дама—моя невѣстка, я старше и имѣю въ этомъ случаѣ преимущество.

Всѣ смѣялись.

— Нѣтъ, не признаю этого права!—спорилъ В. П. Буренинъ.

— Господа-сотрудники, что же это такое?—комически спросила Анна Ивановна.—Неужели вы дадите въ обиду вашу издательницу?!

— Василій Васильевичъ, предоставьте сюда Виктора Петровича силой!—сказала Евгенія Константиновна.—Михаилъ Михайловичъ помогите ему...

— Ну-ка, попробуйте! Попробуйте!—подзадоривалъ ихъ В. П. Буренинъ.

Сотрудники разводили руками.

— Трудно!

— Тогда я москвича попрошу!—воскликнула Анна Ивановна.—Ну-ка, матушка-Бѣлокаменная, выручай!

— Вамъ угодно по доброй волѣ итти?—спросилъ я, улыбаясь.

— Это что такое? Московскій дѣтинушка... не подходи!

— Не сдавайтесь, Викторъ Петровичъ!—ободряла нововременскаго критика Е. И. Суворина.

Я схватилъ Виктора Петровича за плечи, быстро поднялъ съ дивана и бурей домчалъ, заставляя бѣжать взятаго въ плѣнъ Виктора Петровича къ Аннѣ Ивановнѣ, и даже усадилъ его на диванъ. Дамы рукоплескали.

— Вотъ она, Москва-то!

Я думаю, никто не посѣтуетъ на меня за приведенный эпизодъ празднуемаго Сувориними Касьянова дня. Тѣмъ болѣе, что это прошлое, минувшее. Этотъ товарищескій обѣдъ и вечеръ, знаменующій zenith славы А. С. Суворина, отошелъ въ вѣчность. Умеръ Суворинъ—и отлетѣла душа объединенной семьи литераторовъ и сотрудниковъ.

Въ тотъ Касьяновъ день я былъ молодъ, здоровъ, полонъ надеждъ на будущее, и мнѣ казалось, что Касьяновы дни никогда не прекратятся...

Не то было на юбилей «Новаго Времени». Я ужъ говорилъ, что Суворинъ глядѣлъ какимъ-то больнымъ, нахмуреннымъ. Прежде, бывало, онъ встрѣчалъ меня привѣтливо и всегда освѣдомлялся объ Антонѣ Павловичѣ Чеховѣ. Теперь онъ даже и не спросилъ про недавняго любимца. Онъ сказалъ:

— У васъ въ Москвѣ начался съѣздъ актеровъ, и отсюда разные говоруны съ М. Г. Савиной поѣхали. Вы имъ не вѣрьте, этимъ краснобаямъ. М—въ, я убѣжденъ, будетъ говорить одиѣ глупости...

— Что услышу, то и напишу, Алексѣй Сергѣевичъ. Не прибавлю, да и не убавлю.

— Охъ, ужъ эти мнѣ актерскіе съезды! Дѣла отъ нихъ ни на грошъ, а пустозвонства на сто тысячъ цѣлковыхъ... Какъ толкуютъ актеры насчетъ Великаго поста, вы не знаете?

— Они почти всѣ за прекращеніе спектаклей. Говорятъ, что разсужденія о шестинедѣльномъ голоданіи—одиѣ фразы, что нужно же въ году имѣть одинъ перерывъ въ полтора мѣсяца, чтобы съѣхаться на свою вольную биржу и устроить дѣла. Кромѣ того, съезды въ московскомъ бюро имъ полезны хотя бы потому, чтобы «пообразоваться», такъ сказать, узнать столичныя вѣянія, поглядѣть новыя пьесы, словомъ, они за отдыхъ въ посту...

— Что жъ, это резонно. Знаете, вы, голубчикъ, поговорите на эту тему съ разными актерами повиднѣе, да и пишите намъ. Это любопытно и даже, для актеровъ, черезчуръ умно... Вы зачѣмъ въ Петербургъ пріѣхали?

— Какъ зачѣмъ? А юбилей-то...

— Ахъ, да, юбилей! Чортъ ихъ знаетъ, зачѣмъ они юбилей какой-то затѣяли. Это все Спѣссаревъ поджигаетъ... А, впрочемъ, я радъ...

Суворинъ помялся. Ему что-то хотѣлось спросить, но, кажется, онъ задалъ другой вопросъ:

— Что тамъ, въ московскомъ книжномъ магазинѣ, вы не знаете, что дѣлается? Говорятъ, безпорядки, упущенія...

— Не знаю,—отвѣчалъ я:—впрочемъ, управляющій Бладасовъ пріѣхалъ на юбилей, онъ, вѣроятно, къ вамъ явится...

— Какъ, и Бладасовъ пріѣхалъ? Это съ которой же стороны онъ подходитъ къ газетному юбилею? Это, голубчикъ, однако,

чортъ знать, что! Вы ему передайте, чтобы онъ явился говорить по дѣлу. Ему надо умѣть торговать, а не юбилей справлять. Литераторъ какой, скажите на милость!

Я ужъ и не радъ былъ, что упомянулъ о Бладасовѣ.

Юбилей насталь и протекъ, какъ я уже говорилъ, шумно. Суворинъ не оживлялся. Онъ былъ все время насупленъ. Съѣхались мы, сотрудники, сниматься къ лучшему фотографу,—и опять недовольное лицо А. С. Суворина появилось посреди насъ, творя ненастье въ настроеніяхъ. Долго не могли уѣсться. Никто не желалъ сѣсть на пустыя мѣста, въ первомъ ряду.

— Господа, садитесь же! Впередъ пожалуйста!

— Садись, Сережа!

— Лучше ты, Николай!

— У тебя борода, тебѣ впереди приличнѣе...

А. С. Суворинъ въ нетерпѣніи даже палкой стукнулъ:

— До какихъ же мы поръ будемъ располагаться въ группу?— съ досадою спросилъ онъ.

На другой день я уѣхалъ въ Москву, на актерскій съѣздъ, какъ всегда, многочисленный, немного шумный, немного безтолковый. Слушалъ я тамъ М—выхъ, К—выхъ и всѣхъ другихъ «краснобаевъ», но, говоря по совѣсти, никакихъ особенныхъ глупостей въ ихъ рѣчахъ не замѣчалось. Говорили только черезчуръ витиевато, какъ, впрочемъ, на актерскихъ съѣздахъ и полагается.

Безъ меня сотрудники «Новаго Времени» снимались еще разъ, и вторая группа удалась гораздо лучше.

Недавно, припоминая изъ прошлаго «толкая многая», я съ разнородными чувствами глядѣлъ на своихъ сотоварищей. Онъ, сколькихъ здѣсь теперь недостаетъ! Даже сердце сжимается...

«Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ!»

Послѣ юбилея «Новаго Времени» палетѣла гроза—и развѣяла сотрудническую рать на двѣ части... Мимо, мимо этихъ волнующихъ воспоминаній!

XVI.

Юбилей А. С. Суворина.

Великолѣпный старикъ Суворинъ, много перестрадавшій за свою долгую жизнь, достигъ зенита своей славы и отпраздновалъ юбилей, рѣдкій юбилей, обозначаемой римской цифрой:

— L.

Пятьдесятъ лѣтъ! Пятьдесятъ лѣтъ литературнаго, блестящаго, славнаго и честнаго труда!

Государь Императоръ Николай II, жалую А. С. Суворину Свой портретъ въ золотой рамѣ, соизволилъ начертать слѣдующія прекрасныя слова:

«Алексѣю Сергѣевичу Суворину, *честно проработавшему* на литературномъ поприщѣ въ теченіе 50 лѣтъ *на пользу родной страны*».

Эти слова русскаго Царя исчерпываютъ всю дѣятельность Суворина: пятьдесятъ лѣтъ честно работалъ на пользу родной Россіи! Рѣдкая, завидная участь!

Юбилей этотъ былъ торжественно и счастливо отпразднованъ 27-го февраля 1909 года, и на этотъ разъ ничто не омрачало литературныя именины стараго писателя.

По крайней мѣрѣ за полгода до юбилея ко мнѣ обратился съ письмомъ К. С. Тычинкинъ, прося подумать и извѣстить редакцію, какъ и чѣмъ могла бы Москва выразить свое участіе въ празднованіи пятидесятилѣтія общественно-литературной дѣятельности Алексѣя Сергѣевича.

«Мы всѣ въ редакціи,—писалъ г. Тычинкинъ,—озабочены тѣмъ, чтобы этотъ праздникъ удался какъ можно лучше. Нужно принять мѣры, чтобы юбилей порадовалъ нашего всѣми любимаго Суворина. О своихъ планахъ напишите Михаилу Алексѣевичу, а также и мнѣ. Самъ я затрудняюсь что-нибудь подсказать вамъ. Рѣшительно не могу представить, какъ можно привлечь вашу Бѣлокаменную къ юбилейнымъ торжествамъ. Но привлечь положительно необходимо. Постарайтесь, пожалуйста!»

Задача была, какъ видите, не легкая.

Но я разрѣшилъ ее быстро. Я рассуждалъ такъ:

— А. С. Суворинъ—человѣкъ извѣстный, уважаемый и любимый. Одно дѣло—газеты враждебнаго лагеря и другое—интеллигентное общество Москвы. Когда шла суворинская пьеса «Вопросъ», наши рецензенты ужъ не знали, какъ и чѣмъ уязвить маститаго автора, тогда какъ публика на первомъ представленіи отнеслась къ Суворину очень сочувственно. Такимъ образомъ, можно и относительно участія въ юбилеѣ обратиться непосредственно къ самому обществу Москвы.

Являлся вопросъ: какъ обратиться, въ какой формѣ?

И это у меня скомпановалось сразу.

— Адресъ!—подумалъ я:—единственный вѣрный путь,—это адресъ!

Я обратился къ моему хорошему знакомому, академику живописи К. В. Лебедеву, прекрасному художнику, постоянному участнику «передвижныхъ выставокъ», извѣстному жанристу, картины котораго, по преимуществу изъ стараго русскаго быта, всегда отличались огромными достоинствами. Его превосходный поэтический жанръ «Юродивый» былъ пріобрѣтенъ Государемъ Императоромъ.

К. В. Лебедевъ оказался почитателемъ А. С. Суворина и съ удовольствіемъ нарисовалъ чудесную виньетку для адреса. Была изображена Москва, ея Кремль. Особенно интересны и оригинальны оказались буквы въ русскомъ стилѣ, значащія имя, отчество и фамилію юбиляра.

Я заказалъ колоссальную кожаную папку и съ этой машиной началъ свой каждодневный объѣздъ болѣе или менѣе видныхъ москвичей. Я шелъ къ знакомымъ и незнакомымъ, первыхъ просилъ рекомендовать мнѣ еще такихъ лицъ, которыя своей подписью украсили бы адресъ, вторымъ рекомендовался, читалъ текстъ привѣтствія и предлагалъ адресъ для обозрѣнія и подписи.

Текстъ адреса я составилъ послѣ многихъ переделокъ и, наконецъ, написалъ его собственноручно на особомъ листѣ ватманской бумаги.

Вотъ этотъ адресъ. Печатаю его полностью, тѣмъ болѣе, что въ «Историческомъ Вѣстникѣ» онъ не былъ перепечатанъ въ свое время:

«ОТЪ СТАРОЙ МОСКВЫ».

«Глубокоочтимый Алексѣй Сергѣевичъ!

«Вся Россія празднуетъ сегодня пятидесятилѣтіе вашей литературной дѣятельности, и старая Москва, сердечно васъ любящая, шлетъ вамъ свой привѣтъ и поклонъ. Древняя російская столица прославлена краснымъ звономъ своихъ колоколовъ. Вашъ голосъ, подобно колоколу, всегда будилъ общественное сознаніе. Москва—собирательница земли русской. Она чтитъ въ васъ тѣ высокія патріотическія чувства, которыя дороги каждому гражданину, не утратившему любви къ своей странѣ, она цѣнитъ вашъ трудъ, изумительный по размѣрамъ и результатамъ. Вся жизнь ваша—сплошная борьба за Россію, за ея историческія государственныя основы, за благо русскаго народа.

«Привѣтъ же вамъ, славный писатель, пятьдесятъ лѣтъ отдававшій свой силы, страсть и талантъ родному обществу! Привѣтъ вамъ, покровитель литературныхъ дарованій, тонкій знатокъ искусства, другъ театра, издатель прекрасныхъ книгъ и талантливой газеты, король журналистики, король отъ головы до ногъ!

«Пусть еще на долгіе годы Богъ дастъ здоровья Суворину. Звучи, талантъ-колоколь, буди хорошія чувства!—Тебя внимательно слушаетъ благодарная родина!..»

Я ожидалъ, что адресъ «Отъ старой Москвы» будетъ хорошо принятъ въ Москвѣ, я надѣялся на привѣтливыя встрѣчи. А вышло даже лучше, чѣмъ я разсчитывалъ. Профессора университета, учащаяся женская и мужская молодежь, артисты, художники,

писатели, журналисты, выдающіеся общественные дѣятели, представители дворянскаго и купеческаго сословія, всё встрѣчали меня радушно, восхищались адресомъ, охотно его подписывали и желали добраго здоровья и продолженія славной дѣятельности маститому юбиляру.

Адресъ у меня даже брали, возили въ разныя учрежденія, и тамъ десятки подписей заполняли этотъ громаднѣйшій адресъ.

Скоро ужъ негдѣ было писать. Заполнены были всё промежутки, всё уголки. Я написалъ К. С. Тычинкину, что Москва на юбилей А. С. Суворина постоитъ за себя, въ грязь лицомъ не ударить.

Пріѣхавъ въ Петербургъ дня за два до юбилея, я повидался съ редакторомъ «Новаго Времени» Михаиломъ Алексѣевичемъ Суворинымъ и, уединившись въ кабинетъ В. П. Буренина, прочиталъ ему адресъ.

М. А. Суворинъ остался доволенъ и текстомъ, и виньеткой, и подписями.

— Прекрасный адресъ, и текстъ вы хорошо составили,—сказалъ онъ:—мнѣ очень нравится. А кто читать будетъ?

— Я самъ прочту,—сказалъ я:—а папку съ подписями будетъ подносить со мной В. Ф. Саранчинъ.

— Отлично, помогай Богъ прочитать хорошо. Торжество будетъ въ Дворянскомъ собраніи, въ большомъ залѣ,—сказалъ Михаилъ Алексѣевичъ и пока простился со мной.

Я былъ чрезвычайно радъ, что М. А. Суворинъ одобрилъ сочиненный мною адресъ. Это придавало мнѣ бодрости. Предстояло читать при шести тысячахъ зрителей отборнаго петербургскаго общества. Это не шутка!

Остановился я на квартирѣ члена Государственной Думы Н. П. Шубинскаго, моего давняго хорошаго знакомаго. И онъ также одобрилъ мой адресъ, а прослушавъ, какъ я читаю, сказалъ, что все сойдетъ отлично. Я не трусиль, но когда мы вмѣстѣ ѣхали на торжество въ Дворянское собраніе, сердце у меня сильно билось.

Петроградское Дворянское собраніе больше, грандіознѣе нашего Благороднаго собранія. Я увидалъ колоссальную залу, которая была вся наполнена публикой. Въ первыхъ рядахъ виднѣлись отличные туалеты дамъ, блестящіе мундиры военныхъ и фраки штатскихъ.

А. С. Суворинъ сидѣлъ на эстрадѣ, возлѣ него—ближайшіе сотрудники и дѣятели «Новаго Времени». Семья юбиляра помѣщалась въ особой ложѣ бенуара. Я ничего не понялъ, что читалъ В. А. Прокофьевъ (адресъ отъ сотрудниковъ), настолько слабъ былъ его голосъ. Это дало мнѣ мысль читать какъ можно громче. Стоялъ я среди безконечной цѣпи депутацій десятымъ по очереди. Передо мной находился товарищъ петроградскаго городского головы.

Бурные апплодисменты сопровождали чтеніе главы октябристовъ А. И. Гучкова, и, дѣйствительно, этотъ адресъ былъ прекрасенъ.

Союзъ 17-го октября и его парламентская фракція считали своею главною задачею освѣтить въ должной мѣрѣ заслуги А. С. Суворина передъ молодою, политически обновлявшеюся Россіей и называли главу «Новаго Времени» Несторомъ русской публицистики.

Между прочимъ, въ этомъ адресѣ были такія отличныя слова:

«Когда падали полководцы и терялись люди государственнаго ума, вы, Алексѣй Сергѣевичъ, въ области вашего творчества сохранили твердую ясность сознанія и непоколебимую вѣру въ Россію и ея будущее величіе. Вы не принадлежите ни къ одной изъ народившихся нынѣ партій,—это не соответствовало вашимъ привычкамъ и литературной независимости писателя. Но провозглашенныя вами добрыя слова соответствуютъ кореннымъ вѣрованіямъ союза 17-го октября!»

Чтеніе А. И. Гучкова—спокойное, внятное и выразительное—не разъ прерывалось рукоплесканіями всей залы.

Я не могъ такъ спокойно читать! Я уже весь дрожалъ той нервной дрожью дебютанта, выступающаго передъ большою и лучшей публикой. Въ Москвѣ мнѣ не разъ приходилось выступать съ публичными докладами, а также оппонировать на собраніяхъ, но тутъ волненіе оказалось гораздо большимъ. Не успѣлъ я, что называется, прійти въ себя, какъ В. Ф. Саранчинъ толкнулъ меня и сказалъ:

— Намъ!

Мы подошли, поклонились А. С. Суворину, затѣмъ я обернулся къ публикѣ и объяснилъ, какого рода подписи фигурируютъ на адресѣ отъ старой Москвы.

Затѣмъ прочиталъ и самый адресъ. Онъ былъ принятъ отлично.

Послѣ словъ «король журналистики, король отъ головы до ногъ»,—заль дрогнула отъ общихъ и оглушительныхъ рукоплесканій.

— Bravo! Вѣрно!—кричали кругомъ.—Великолѣпно!

Я закончилъ чтеніе,—новые апплодисменты, шумные, дружные... Слава Богу, значить, адресъ отъ старой Москвы имѣлъ успѣхъ!—подумалъ я.

Мнѣ потомъ говорили (М. А. Суворинъ, В. П. Буренинъ и др.), что очень хорошо прочиталъ адресъ. Даже артисты Александринскаго театра одобрили!

Это меня страшно радовало. Просто по-дѣтски.

Я и сейчасъ-то объ этомъ упоминаю только потому, что стремленіе вложить свою долю чествованія любимаго издателя всего болѣе надѣлило меня энергіей. Не будь Суворинскаго юбилея, я бы никогда не отважился на подобное выступленіе.

Торжества юбилейнаго праздника подробно описаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ», и поэтому я повторять ихъ не стану. Скажу только о своей бесѣдѣ съ А. С. Суворинымъ передъ отъѣздомъ въ Москву.

Алексѣй Сергѣевичъ, когда я вечеромъ зашелъ къ нему, бесѣдовалъ съ М. О. Меньшиковымъ.

Юбиляръ былъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа. Онъ о чемъ-то шутливо спорилъ съ Мнхаиломъ Осиповичемъ и, дружески ударивъ его по плечу, сказалъ:

— Хорошо, я подумаю! Я подумаю!

М. О. Меньшиковъ сейчасъ же ушелъ, Суворинъ обратился ко мнѣ:

— А, Москва... Старая Москва... Здравствуйте, голубчикъ!

Я пожалъ его большую, полную руку. Суворинъ показался мнѣ сущимъ богатыремъ. Крупная фигура, могучія плечи, открытое лицо въ ореолѣ серебряныхъ волосъ,—кто могъ подумать въ эту минуту, что не долго осталось жить на свѣтѣ издателю «Новаго Времени»?!

— Вы превосходно читаете... и я васъ даже не узналъ, во фракѣ... И по голосу не сразу призналъ... Всѣмъ понравилось!..

Однако скоро Суворинъ перешелъ на разспросы о Москвѣ. Я ему сообщилъ весь небольшой запасъ разныхъ московскихъ новостей. Описалъ кое-какія предвыборныя собранія съ ихъ курьезами, затѣмъ коснулся театровъ.

— Какъ здоровье Гликеріи Николаевны?—спросилъ Суворинъ.

Я подивился: невзирая на столько хлопотъ и такую массу юбилейныхъ впечатлѣній, Алексѣй Сергѣевичъ не забывалъ ничего.

Артистка Г. Н. Оедотова, о которой онъ спрашивалъ, была тяжело больна. Я даже самъ не рискнулъ поѣхать къ ней съ моимъ суворинскимъ адресомъ; его носилъ О. А. Правдинъ. Больная Оедотова сейчасъ же и съ удовольствіемъ украсила адресъ Суворина своей фамиліей.

Алексѣй Сергѣевичъ очень тронуть былъ этимъ рассказомъ.

— Экая бѣдная!—сказалъ онъ.—Что съ ней?

— Главнымъ образомъ, ноги... она ступить на нихъ не можетъ!

— Какая жалость,—сказалъ Суворинъ и подошелъ къ плававшему камину.—Я очень люблю эту артистку!

Опять скажу: этотъ могучій человекъ, на сильныхъ ногахъ, стоявшій передо мной, вытѣснялъ всякую возможность о хвори или смерти.

И что же? Г. Н. Оедотова, благодареніе Богу, жива до сихъ поръ, а Суворинъ—спитъ вѣчнымъ сномъ воистину *безвременной* кончины!

Онъ спрашивалъ меня о М. Н. Ермоловой, о новинкахъ сцены,—театраль глубоко виѣдрился въ эту многостороннюю душу талантливаго дѣятеля. Затѣмъ онъ радушно простился со мной.

XVII.

Суворинъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ.

Ударъ грома среди зимы и при безоблачномъ небѣ было бы встрѣтить не такъ неожиданно, какъ газетное извѣстіе, что у А. С. Суворина—ракъ горла.

Ракъ! Ужасная, таинственная, неизлечимая болѣзнь! Если бы это былъ случай наружнаго заболѣванія, а то въ гортани...

— Это смерть!—сказалъ мнѣ одинъ московскій врачъ.—Болѣзнь уже запущена... Петербургскій профессоръ, леча Суворина полгода, не распозналъ, что это ракъ! Простой докторъ наводитъ на истину... Удивительно!

Скоро дошли слухи, что Суворина повезли въ Германію, сначала въ Берлинъ, потомъ—во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ, какъ утверждали, находился нѣкій магъ и волшебникъ нѣмецкій профессоръ Шписъ, будто бы, великій мастеръ по вырѣзыванію раковыхъ опухолей.

Ужъ не знаю, какъ тамъ протекало леченіе А. С. Суворина, но въ Москвѣ нашлось множество людей, сильно огорченныхъ болѣзнью извѣстнаго писателя. Ко мнѣ звонили по телефону и знакомые, и незнакомые. Всѣ хотѣли знать правду, но я самъ ея не вѣдалъ. Я самъ алкалъ извѣстій...

Вскорѣ послѣ того, какъ А. С. Суворину сдѣлали вторую операцію,—въ Москвѣ начались опыты леченія раковыхъ опухолей знаменитымъ пиралоксиномъ. Директоръ клиники имени Базановой, С. Ф. фонъ-Штейнъ, положительно взволновалъ весь медицинскій міръ, объявивъ въ одномъ медицинскомъ журналѣ, что это средство, т.-е. пиралоксинъ, рекомендованное ему врачомъ Адельгеймомъ для леченія глазъ, онъ сталъ съ успѣхомъ примѣнять при леченіи рака, особенно тяжелыхъ случаевъ внутренняго характера, и... небезуспѣшно!

Поднялся страшный шумъ.

— Новое средство противъ рака!—возгласила пресса.—Новое спасительное средство!

Едва узнали объ этомъ средствѣ въ Петербургѣ, встрепенулись всѣ родные, друзья, знакомые и сотрудники Суворина.

Сейчасъ же пріѣхалъ въ Москву М. О. Меншиковъ, посѣтилъ фонъ-Штейна и его ушную клинику, затѣмъ—институтъ раковыхъ опухолей, гдѣ директоромъ, проф. В. М. Зыковымъ, также примѣнялся способъ леченія больныхъ пиралоксиномъ.

М. О. Меншиковъ сильно былъ увлеченъ новой методой леченія. Отправивъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ письмо къ Алексѣю Сергѣевичу, онъ напечаталъ въ «Новомъ Времени» свой фельетонъ о пиралоксинѣ и взбудоражилъ буквально всю Россію.

Печатались въ «Новомъ Времени» и я свои бесѣды о новомъ средствѣ съ проф. В. Ѳ. Снегиревымъ, съ фонъ-Штейномъ и съ профессоромъ Зыковымъ. Надежды почти у всѣхъ были радужныя. Я и К. С. Тычинкинъ, также прибывшій въ Москву, обходили всѣхъ раковыхъ больныхъ клиники Базановой, и С. Ф. фонъ-Штейнъ показывалъ намъ несчастныхъ, изуродованныхъ ужасающими язвами. Всѣ они лечились новымъ средствомъ.

— Пиралоксинъ быстро заживляетъ язвы,—объяснялъ фонъ-Штейнъ.—Получалось облегченіе при формахъ пораженія желудка. Будетъ ли рецидивъ—покажетъ время...

Клиника вскорѣ была переполнена больными раковыми опухолями. На квартирѣ фонъ-Штейна толпилась масса паціентовъ, прїѣзжавшихъ отовсюду. И всѣ толковали одно и то же:

— Пиралоксинъ! Пиралоксинъ!

Это слово стало какимъ-то фетишемъ больныхъ паломниковъ. Ъхали изъ далекихъ окраинъ, съ Кавказа, изъ Сибири, и каждый больной твердилъ:

— Пиралоксинъ! Пиралоксинъ!

Ъхалъ въ Москву и нашъ безцѣнный больной, Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ.

Ъхалъ онъ и не онъ. То, что я встрѣтилъ въ Національной гостиницѣ, наполнило мою душу безысходной тоской и отчаяніемъ. Суворина въ Германіи такъ оперировали, что впоследствии ужасались русскіе профессора. Но объ этомъ я скажу нѣсколько позже.

Суворинъ также прибылъ для леченія пресловутымъ пиралоксиномъ. Его осмотрѣли С. Ф. фонъ-Штейнъ, профессора В. М. Зыковъ и Н. Ф. Голубовъ.

Несчастный страдалецъ явился въ Россію съ вырѣзанной частью гортани, психудалый и ослабѣвшій. *Онъ не могъ говорить.* Только хрипѣніе вылетало изъ его усть, и если онъ хотѣлъ что-либо сообщить своему собесѣднику, онъ бралъ карандашъ и писалъ на бумагѣ...

А ему отвѣчали ... словами.

Когда я посѣтилъ А. С. Суворина, у него находилась его сестра А. С. Суворина и г-жа Дестомбъ, ходившая за Суворинымъ во время болѣзни. Ужасъ, холодный ужасъ охватилъ меня. Я не могъ отвести глазъ отъ Алексѣя Сергѣевича и не зналъ, онъ ли это передо мной... Я видѣлъ дряхлаго, изможденнаго старца, а былой старикъ-богатырь исчезъ безслѣдно. Эти ввалившіяся щеки, потухшіе глаза... Господи! Онъ умираетъ!—вотъ что огнемъ пробѣгало въ моемъ умѣ.

А. С. Суворинъ сейчасъ же сталъ просить меня (запиской и съ помощью г-жи Дестомбъ) побывать у фонъ-Штейна и передать ему нѣсколько вопросовъ, на которые желалъ получить отвѣтъ Алексѣй Сергѣевичъ.

Записка эта была не запечатана, да я ее самъ и читалъ фонъ-Штейну.

«Скажите, докторъ, — спрашивалъ Алексѣй Сергѣевичъ:— отчего я, до операціи у Шписа, имѣя на гортани язву, все-таки не чувствовалъ, что я боленъ, меня существующая во мнѣ болѣзнь рѣшительно ничѣмъ *не беспокоила*? Теперь же, послѣ операціи, послѣ удаленія у меня части гортани, я *безусловно чувствую себя очень больнымъ*».

Были и еще вопросы: о пищѣ, о пріемѣ пиралоксина, о боляхъ въ груди и т. д.

С. Ф. фонъ-Штейнъ, выслушавъ записку Суворина, сказалъ мнѣ:

— Естественно, что послѣ операціи Алексѣй Сергѣевичъ чувствуетъ себя плохо. Сама операція, далекій путь, волненія... все это сказалось, конечно! Завтра я у него буду и все ему растолкую.

Исполнивъ порученіе А. С. Суворина (последнее его порученіе мнѣ!), я уѣхалъ домой. Для меня скорая кончина Алексѣя Сергѣевича казалась неизбежной. Я помнилъ отчасти оговорки профессора В. Ф. Снегирева, Н. Ф. Голубова и друг. Этотъ пиралоксинъ имъ не внушалъ большого довѣрія: они боялись рецидива болѣзни.

— Время нужно, чтобы провѣрить его дѣйствіе!—говорили о нем.—Средство это не новое, идетъ изъ Германіи. Тамъ препараты изъ пиррогаловой кислоты также испытывали, но что-то о хорошихъ результатахъ не слышно...

На другой день ко мнѣ пріѣхалъ В. А. Суворинъ, прося указать какого-нибудь профессора по внутреннимъ болѣзнямъ, который могъ бы взглянуть его отца. Я указалъ на Н. Ф. Голубова, и онъ былъ приглашенъ.

Такимъ образомъ, Алексѣя Сергѣевича въ Москвѣ осматривали, кромѣ лечившаго пиралоксинномъ С. Ф. фонъ-Штейна, В. М. Зыковъ, профессоръ хирургин, и Н. Ф. Голубовъ, профессоръ нашей университетской терапевтической клиникки.

Н. Ф. Голубовъ подѣлился со мною впечатлѣніями, вышесказанными послѣ осмотра Суворина.

— Я давно знаю и пользовалъ Алексѣя Сергѣевича не разъ,—сказалъ онъ.—Лечилъ я его съ покойнымъ Г. А. Захарьинимъ, лѣтъ семнадцать тому назадъ. Тогда Суворинъ былъ превосходно сложенный, крѣпкій, мощный старикъ. Онъ не страдалъ ни переутомленіемъ отъ работы, ни нервами. Ни въ какомъ специальномъ леченіи не нуждался. Мы, помнится, присовѣтовали ему поѣздку, и только. Путешествія, по-моему, всегда прекрасно дѣйствуютъ на здоровыхъ и даже больныхъ людей. Теперь, при осмотрѣ Алексѣя Сергѣевича въ «Національной» гостиницѣ, я, разумѣется, касался общаго его состоянія, а сфера рака—не моя специаль-

ность. Я нашелъ, что *все органы Суворина были въ полномъ порядкѣ*. Жаль было глядѣть, что такой крѣпышъ, могущій прожить еще рядъ лѣтъ, пораженъ тяжелой болѣзью. Сердце для восьмидесятилѣтняго старика изумительно крѣпко. Такъ я и ему, больному, сказалъ: говорю, у васъ все прекрасно сохранилось! Желудокъ, почки, сердце въ отличномъ состояннн.

Когда профессоръ Голубовъ, бесѣдуя и утѣшая Суворина своимъ добрымъ голосомъ, кончилъ осмотръ, Алексѣй Сергѣевичъ схватилъ клочокъ бумаги и, быстро написавъ, подалъ профессору.

Тамъ стояло:

«Хотѣлось бы еще пожить и поработать!»

Поймите глубину этой фразы, читатель! Обезсиленный тяжкими, мучительными операціями, больной, безголосый старикъ выражаетъ одно желаніе: пожить, чтобъ *поработать*! Труженикъ, работавшій всю свою честную, нравственную, разумную и воздержную жизнь, не утратилъ своей энергіи и работоспособности на краю могилы!

Н. Ф. Голубовъ добавилъ мнѣ, что знаменитый профессоръ Г. А. Захарьинъ, впервые встрѣтившись съ Суворинымъ, остался въ восторгѣ отъ его ума, оригинальности и доброты.

Профессоръ В. М. Зыковъ повѣдалъ мнѣ нѣчто такое, чего пока у насъ не знаетъ никто.

— Когда меня позвали къ Алексѣя Сергѣевичу,—говорилъ онъ:—я пробовалъ прежде всего осмотрѣть его гортань. Меня интересовало, какую операцію произвелъ франкфуртскій нѣмецъ-профессоръ. Вѣдь онъ, какъ мнѣ говорили, вырываетъ эти «жемчужины» рака по нѣскольку разъ. И вотъ, когда я заглянулъ въ горло къ больному, я былъ пораженъ и прямо взволнованъ. Операція хваленой нѣмецкой знаменитости была произведена *съ такой нестерпимой грубостью и жестокостью*, что все оперированное мѣсто представляло собою *сплошную рану*. Поэтому мой медицинскій осмотръ являлся бесполезнымъ. Пораженное, тяжело израненное горло А. С. Суворина было недоступно для изслѣдованія. Такая операція, повторяю, есть варварство, котораго мы, русскіе хирурги, не знаемъ. Когда я увидалъ это, чувство негодованія охватило меня при видѣ такихъ безобразныхъ слѣдовъ нѣмецкой оперативной расправы надъ бѣднымъ Суворинымъ...

.....
Я оканчиваю свои записки объ А. С. Суворинѣ. Читатель пойметъ, что я ихъ велъ нервно, заноса то, что диктовало взволнованное сердце. Конечно, многого я не договорилъ, и многое о Суворинѣ осталось для меня неизвѣстнымъ. Но, какъ міръ, вся вселенная, есть лишь наше представленіе, то Суворинъ—это міръ, который я представляю, беря матеріаломъ все, что знаю объ этомъ

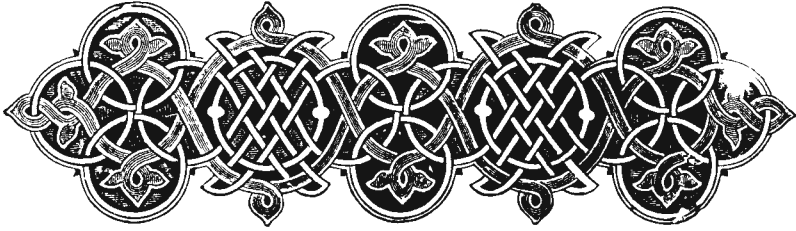
замѣчательномъ человѣкѣ. А. С. Суворинъ рисуется мнѣ, какъ страстотерпецъ постояннаго труда, усиленной работы, осмысленнаго созиданія. Большой, умный, добрый и прекрасный стоитъ онъ передо мной. Это для меня воинъ русской государственности, благородный націоналистъ, явный и неоспоримый прогрессистъ въ дѣлѣ просвѣщенія и славы родины, честный и мужественный патриотъ своего отечества, король русской журналистики, король отъ головы до ногъ!

Посвящаю эту статью моимъ товарищамъ по газетѣ и всѣмъ, кто, вспоминая А. С. Суворина, отдаетъ ему должное и, видя въ его смерти огромную потерю для Россіи, ощутить искреннюю и глубокую грусть...

Николай Ежовъ.

Москва, 1915 г.

ПРИБАЛТІЙСКОЕ ПОМѢСТНОЕ ДВОРЯНСТВО И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ ТЕКУЩИМЪ СОБЫТІЯМЪ¹⁾.

II.

БРАЩАЯСЬ къ вопросу объ отношеніи населенія Прибалтійскаго края къ текущимъ событіямъ, я, прежде всего, считаю необходимымъ опровергнуть тотъ ошибочный взглядъ, который до сихъ поръ широко распространенъ въ русскомъ обществѣ и согласно которому весь Прибалтійскій край—есть край нѣмецкій. Вотъ нѣсколько цифръ. Населеніе Лифляндіи по переписи 1897 года равно было 1.300.640 душъ обоего пола; изъ общаго числа жителей нѣмцы составляли лишь $7\frac{1}{2}\%$, русскіе $5\frac{1}{4}\%$, латыши $43\frac{1}{2}\%$, эсты—почти 40% и всѣ прочія національности—поляки, литовцы, евреи и др.—до $4\frac{1}{4}\%$. Но слѣдуетъ замѣтить, что какъ нѣмцы и русскіе, такъ и представители мелкихъ национальныхъ группъ живутъ, главнымъ образомъ, въ городахъ—такъ что, если взять исключительно внѣгородское населеніе губерніи, то нѣмцевъ будетъ не болѣе $1\frac{3}{4}\%$ общаго числа; вся остальная масса населенія принадлежитъ почти исключительно къ латышамъ и эстамъ. Въ двухъ другихъ губерніяхъ—Курляндской и Эстляндской—соотношеніе группъ приблизительно то же, съ тою лишь разницею, что въ первой живутъ исключительно латыши, а

¹⁾ Окончаніе. «Историч. Вѣстн.», т. СXXXIX, стр. 550.

во второй—исключительно эсты. За послѣднія семнадцать лѣтъ населеніе, конечно, возросло, но соотношеніе національныхъ группъ осталось то же. Что касается распредѣленія площади земельного владѣнія между національно-сословными категоріями, то имѣются слѣдующія показательныя данныя. Вся площадь Лифляндіи (съ островомъ Эзелемъ) равна приблизительно 3.800.000 десятинъ земли. За исключеніемъ земель казенныхъ, городскихъ и церковныхъ, 3.154.000 десятинъ входятъ въ составъ 729 дворянскихъ вотчинъ, изъ которыхъ въ 1900 году 618, т. е. $\frac{6}{7}$ общаго числа, принадлежало матрикулированнымъ дворянамъ нѣмецкаго происхожденія (лишь 6 не-нѣмецкихъ родовъ матрикулированы). Если же принять средній размѣръ вотчины (въ составѣ всѣхъ рядовъ земель) въ 4.326 десятинъ, то окажется, что средняя величина вотчинъ, принадлежащихъ крестьянамъ, будетъ равна 491 дес., а разночинцамъ—1.048 дес. Матрикулированные же дворяне, въ числѣ 162 фамилій, обладаютъ въ среднемъ вотчиною почти въ 5.000 дес. земли. Иначе, въ ихъ рукахъ прямо или косвенно (крестьянскія и квотныя земли) сосредоточено $96\frac{1}{2}\%$ всей площади частной земельной собственности въ губерніи. Событія послѣднихъ лѣтъ, въ частности движеніе 1905—1906 гг., и послѣдовавшая за ними покупка имѣній крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ весьма незначительно измѣнили эти цифры, соотношеніе которыхъ вполне примѣнимо и къ двумъ другимъ губерніямъ края.

Итакъ, до послѣдняго времени почти всѣ частновладѣльческія земли и сопряженные съ ними привилегіи и права по самоуправленію составляютъ достояніе небольшой кучки лицъ, которыя своимъ могуществомъ и богатствомъ въ значительной степени обязаны русской правительственной политикѣ, стоявшей, какъ мы старались доказать, въ теченіе двухъ вѣковъ на точкѣ зрѣнія покровительства и благожелательнаго отношенія къ интересамъ помѣстнаго сословія. Казалось бы, что такая политика должна породить крѣпкія симпатіи бережно охраняемаго дѣтища къ его покровителю, казалось бы, что инымъ чувствомъ, какъ чувству искренней благодарности за дарованная блага, не можетъ быть мѣста и что лояльное отношеніе нѣмецкаго дворянства къ русской государственности, въ особенности въ годину тяжелаго историческаго испытанія, не можетъ быть подвергнуто ни малѣйшему сомнѣнію. Такъ всегда думало русское правительство и, въ значительной степени, и русское общество—но такъ ли оказалось въ дѣйствительности?

Чтобы на это отвѣтить, слѣдуетъ бѣглымъ взглядомъ окинуть то направленіе, которое ярко обнаружилось въ дѣйствіяхъ руководящаго сословія въ краѣ въ десятилѣтіе, непосредственно предшествовавшее войнѣ. Нижеприводимые факты, казалось бы, отнюдь не показываютъ стремленія помѣстнаго сословія проник-

нутъся общими культурными интересами съ русскимъ народомъ, сблизиться съ нимъ, стать частью одного великаго цѣлаго.

Движеніе 1905—1906 гг. показало нѣмецкому дворянству, что безропотному, покорному подчиненію эстовъ и латышей, ихъ экономическому и соціальному приуныженію пришелъ конецъ; семисотлѣтній рабъ заговорилъ и потребовалъ себѣ права на человѣческое существованіе; оказалось, что онъ не совсѣмъ замеръ въ своей тяжелой долѣ, что проснулось національное самосознаніе, а съ его пробужденіемъ раскрылась та пропасть, которая раздѣляетъ работниковъ и поработенныхъ. Надежда на то, что можно будетъ попрежнему не только удержать все захваченное, но и заставить безъ возраженій признать этотъ захватъ—исчезла. Утрачена сила моральнаго воздѣйствія, потерянъ общій языкъ для соглашенія. И вотъ въ 1906 году создается «нѣмецкое общество» (Deutscher Verein) въ цѣляхъ культурной самозащиты нѣмечества, въ особенности—дворянскаго элемента. Но какая самозащита въ чистокультурныхъ границахъ мыслима тамъ, гдѣ на одного защищающагося приходится 50—60 противниковъ? Единственный способъ достиженія намѣченной цѣли—это путь агрессивной политики: по возможности обезвредить противника и уменьшить его численность и сплоченность. И уже съ самаго возникновенія «нѣмецкаго общества» эти задачи становятся первенствующими. Оно широко развертываетъ свою дѣятельность; оно включаетъ въ составъ своихъ членовъ большую часть мѣстнаго нѣмечества, собираетъ большія денежныя средства, устраиваетъ рядъ учебныхъ заведеній, организуетъ курсы, лекціи, бюро труда, кассы взаимопомощи и т. д. Всѣ эти учрежденія преслѣдуютъ цѣль не столько поддержанія связи между отдѣльными лицами нѣмецкаго происхожденія,—эта связь и безъ того крѣпка,—а онѣмеченіе, захватъ подъ свою моральную власть другихъ національностей, главнымъ образомъ латышей и эстовъ. Преподаваніе въ школахъ ведется исключительно на нѣмецкомъ языкѣ и въ нѣмецкомъ духѣ; завербованныхъ туда дѣтей всячески снабжаютъ обширными познаніями по исторіи, географіи и литературѣ Германіи, а изученіе Россіи и русскаго языка совершенно при томъ игнорируется; кончающіе курсы подростки и юноши, иногда въ возрастѣ семнадцати-восемнадцати лѣтъ, не только не говорятъ, но и не понимаютъ по-русски; въ нихъ усиленно внѣдряется чувство солидарности съ обще-нѣмецкими интересами. Лишь воспитанные въ такомъ направленіи юноши могутъ рассчитывать на полученіе отъ общества соотвѣствующихъ занятій, лишь для нихъ существуютъ всѣ эти кассы, эти бюро.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу одинъ фактъ. Въ школахъ «нѣмецкаго общества» въ общемъ употребленіи находился извѣстный букварь Шлимбаха (Schlimbach's Fiebel), изданный

въ Готѣ въ 1910 году. Тамъ, на стр. 52-й вы можете увидѣть очень недурно исполненный портретъ Вильгельма II, съ подписью: «Unser Kaiser». Подъ портретомъ помѣщено стихотвореніе, проникнутое подобающими нѣжными чувствами къ этому лицу, и помѣщенъ рядъ свѣдѣній о мѣстѣ его пребыванія, о членахъ его семьи, о разныхъ событіяхъ его жизни. Въ Готѣ изданіе такого букваря вполне понятно, иначе оно и быть не могло; но, согласитесь, употребленіе его въ Россіи, гдѣ, какъ извѣстно, Вильгельмъ II еще не царствуетъ, представляетъ собою нѣчто странное и вмѣстѣ съ тѣмъ очень знаменательное. Вѣдь многія сотни латышскихъ и эстонскихъ дѣтей учились по этому букварю; они съ ранняго дѣтства усвоили себѣ представленіе о Гильгельмѣ, какъ о своемъ государѣ, а о Берлинѣ—какъ о столицѣ своей родины... Замѣчу, что хотя школы «нѣмецкаго общества» закрыты еще въ августѣ мѣсяцѣ, но букварь Шлимбаха и до сихъ поръ находится въ употребленіи въ нѣсколькихъ училищахъ въ городѣ Ригѣ (напр., Маріинское училище) и въ другихъ мѣстностяхъ. Еще въ концѣ октября онъ продавался ученикамъ въ качествѣ учебнаго пособія, что удостовѣряется имѣющеюся у меня квитанціею книжнаго магазина.

Такимъ образомъ, на глазахъ у русской администраціи вполне открыто происходитъ постепенное нѣмеченіе населенія. Но этого мало. Взрослые рѣдко поддаются нѣмеченію, даже проявляютъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое сопротивленіе. Остается избавиться отъ такихъ неподатливыхъ элементовъ. И вотъ съ 1906 года тѣ же лица, которыя стоятъ во главѣ «нѣмецкаго общества», или принимаютъ въ его дѣятельности ближайшее участіе, всѣ эти Мантейфели, Сиверсы, Шредерсы и Бредрихи—обращаются къ насажденію нѣмецкой колонизаціи. Въ цѣломъ рядѣ имѣній подѣ разными благовидными предлогами (а я старался показать, что въ этихъ предлогахъ недостатка быть не можетъ) арендаторы и батраки выселяются и замѣняются нѣмцами, частью выписанными изъ разныхъ мѣстъ Россіи—изъ Волыни, Поволжья, съ юга, а частью—приглашаемыми изъ германскихъ, въ особенности прусскихъ областей. Новымъ поселенцамъ предоставляются всяческія льготы; для нихъ устраиваются спеціальныя школы, церковныя приходы съ богослуженіемъ на нѣмецкомъ языкѣ; земля имъ продается по цѣнамъ, гораздо болѣе низкимъ, чѣмъ существующія въ данной мѣстности, иногда за 50—60% стоимости, дѣлаются всевозможныя разсрочки платежа. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ выселяются всѣ латыши поголовно, какъ это было въ имѣніяхъ Оксельнъ, Кацдангенъ. Наиболѣе интенсивно ведется колонизація въ Курляндіи, именно въ западной ея части, т. е. въ тѣхъ уѣздахъ, которые примыкаютъ къ побережью Балтійскаго моря и представляютъ собою пограничную полосу. У меня есть точныя данныя о размѣрахъ

колонизації въ трехъ такихъ уѣздахъ—Гольдингенскомъ, Газенпотскомъ и Тальсенскомъ. Тамъ съ 1908 по 1911 годъ въ двадцати имѣніяхъ лишь на правѣ собственности приобрѣтено колонистами 6.247 десятинъ и на купленныхъ участкахъ поселено 5.314 душъ. Это—не считая арендаторовъ и батраковъ! Далѣе къ востоку колонизаціонная дѣятельность слабѣетъ и въ остальной части Курляндіи (отдаленной отъ моря), а также въ Лифляндіи встрѣчается лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Къ сожалѣнію, я не располагаю официальными данными о ходѣ колонизації во всемъ краѣ до настоящаго года. Судя по газетнымъ даннымъ, можно опредѣлить число поселенныхъ колонистовъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ въ 30.000 человекъ. Я лично не считаю эту цифру преувеличенною.

Но вы въ правѣ задать вопросъ: да что же смотритъ мѣстная администрація? Неужели она не замѣчаетъ всего того, что происходитъ совершенно открыто, неужели она не пытается бороться съ систематическимъ онѣмеченіемъ края и живущаго тамъ иноплеменнаго населенія?

Отвѣчу двумя фактами. Когда въ бюджетной комиссіи Государственной Думы я говорилъ по поводу нѣмецкой колонизації и указывалъ на ея вредное политическое значеніе, то курляндскій губернаторъ Набоковъ счелъ нужнымъ помѣстить въ «Новомъ Времени» отъ 28-го мая свое exposé по вопросу, въ которомъ заявлялъ, что, по его мнѣнію, нѣмецкая колонизація—явленіе чисто экономическое и никакихъ опасныхъ послѣдствій имѣть не можетъ. Главнымъ образомъ г. Набокову не понравилось мое указаніе на наличіе между колонистами иностранныхъ подданныхъ, и онъ счелъ возможнымъ оспаривать это положеніе, заявляя, что между владѣющими землею въ Курляндіи есть только два лица, пока не принявшихъ русскаго подданства. Сколько насчиталъ г. Набоковъ лицъ, уже успѣвшихъ принять русское подданство передъ приобрѣтеніемъ земли или до его опроверженія, осталось не выясненнымъ. Впрочемъ, мнѣніе курляндскаго губернатора я не считаю его личнымъ мнѣніемъ: оно лишь отраженіе взгляда, проводившагося въ Государственной Думѣ представителями прибалтійскаго помѣстнаго сословія—барономъ Фелькерзамомъ и другими. Они единогласно утверждали, что колонизація вызвана исключительно экономическими причинами,—хотя трудно себѣ представить помѣщика, изъ «экономическихъ» побужденій чуть не задаромъ раздающаго свою землю и занимающагося ломкою всего хозяйственнаго строя имѣнія—ломкой, неизбѣжной при удаленіи всѣхъ арендаторовъ и батраковъ и замѣнѣ ихъ новыми, совершенно чуждыми условіямъ края лицами.

А вотъ и другой фактъ. Въ 1906—1908 гг. въ Митавѣ издавалась газета «Baltische Tageszeitung» подъ редакцію нѣкоего Карла

фонъ-Штавенгагена. Она субсидировалась курляндскимъ дворянствомъ и считалась его органомъ. Замѣтите, что это—годы, непосредственно слѣдовавшіе за революціею и ознаменованные наибольшими репрессіями по отношенію къ мятежнымъ латышамъ, обвиненнымъ въ «сепаратистскихъ» стремленіяхъ и добивавшимся образованія самостоятельной латышской республики (въ дѣйствительности, протестовавшимъ противъ помѣщичьяго гнета). Это—годы жесточайшихъ карательныхъ экспедицій, руководимыхъ тѣми же дѣятелями «нѣмецкаго общества», господами Шредерсами и Бредрихами, годы массовыхъ смертныхъ казней и ссылокъ въ каторгу. Нѣмецкое дворянство окружено было тогда ореоломъ непоколебимой лояльности и съ его указаніями должны были особенно считаться мѣстные представители власти. Вотъ въ это-то самое время процвѣтала названная выше газета, ни разу за все свое существованіе не подвергшаяся цензурнымъ карамъ. Изъ ея столбцовъ много можно было бы извлечь на поученіе для русскаго общества, въ смыслѣ правильного изображенія идеаловъ и стремленій прибалтійскаго нѣмечества, но я ограничусь одною выдержкою. Эта сценка, напечатанная въ № 131 газеты, приводится мною въ дословномъ переводѣ:

«— Мама,—спрашиваетъ старшій сынъ:—зачѣмъ же позволяетъ нѣмецкій императоръ русскимъ такъ плохо относиться къ нѣмцамъ?

«— Дитя мое, здѣсь царствуетъ не нѣмецкій, а русскій императоръ. Вѣдь мы принадлежимъ Россіи.

«— Но почему мы принадлежимъ Россіи?

«— Слушай, мой мальчикъ! Ты знаешь, почему народъ израильскій сорокъ лѣтъ долженъ былъ странствовать въ пустынь?

«— Знаю. Потому, что онъ не слѣдовалъ заповѣдямъ Божиимъ.

«— Правильно. Вотъ и мы теперь блуждаемъ въ пустынь за наши грѣхи.

«— А когда мы выйдемъ отсюда?

«— Наши сорокъ лѣтъ пребыванія въ пустынь пройдутъ тогда, когда мы будемъ послушны велѣніямъ Божиимъ. Но, прежде всего, мы должны отъ всего сердца стремиться въ нашу обѣтованную землю. Знаешь, гдѣ наша обѣтованная земля?

«— О, да!

«— Поэтому, дитя, слушайся Бога—и онъ пошлетъ намъ Моисея, который поведетъ насъ въ нашу обѣтованную землю.

«— Когда это будетъ? Скоро?

«— Какъ я уже тебѣ сказала: когда всѣ мы будемъ добрыми и послушными Богу».

«Мальчикъ задумчиво посмотрѣлъ на мать».

Къ этой сценкѣ прибавлять нечего: она говоритъ сама за себя. Но дѣятельность «нѣмецкаго общества» и производимая имъ колонизація далеко не исчерпываютъ вопроса. Для укрѣпленія сво-

его положенія и вліянія помѣстному дворянству необходимы были и непосредственные помощники-исполнители, на которыхъ можно было бы положиться. Понятно, что эсты и латыши, хотя и наиболѣе онѣмеченные, для этого не были пригодны. И вотъ за послѣднее десятилѣтіе въ Прибалтійскомъ краѣ замѣчается наплывъ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ нѣмецкаго происхожденія, очень часто запасныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, считающихся на учетѣ въ своемъ отечествѣ, на должности лѣсничихъ, лѣсниковъ, винокуровъ, пивоваровъ, управляющихъ имѣніями, наконецъ— въ качествѣ домашней прислуги. Въ моемъ распоряженіи находится длиннѣйшій перечень тѣхъ имѣній, въ которыхъ всѣ подобныя должности заняты были иностранными подданными. Вотъ, на примѣръ, имѣніе Кауцемюнде, графа Палена. Тамъ между прочими иностранцами проживалъ въ качествѣ управляющаго офицеръ запаса германской арміи нѣкій графъ Зигмундъ фонъ-Спретти (фамилія, какъ видите, наиболѣе подходящая для управляющаго). Этотъ графъ сельскимъ хозяйствомъ совершенно не занимался, да, повидимому, и никакого понятія о немъ не имѣлъ. По цѣлымъ днямъ окрестные жители его видѣли бродящимъ по окрестнымъ полямъ и лѣсамъ съ записною книжкою въ рукахъ; онъ всегда въ ней что-то чертилъ и записывалъ и велъ очень обширную заграничную корреспонденцію. Наканунѣ объявленія войны графъ Спретти неожиданно исчезъ изъ имѣнія неизвѣстно куда. Вотъ имѣніе Графенталь, барона Клопмана, тамъ всѣ служащіе были германскіе подданные, а управляющимъ состоялъ также запасный германскій офицеръ. Наканунѣ объявленія мобилизаціи ночью въ имѣніи Графенталь съѣхалось до шестидесяти владѣльцевъ сосѣднихъ имѣній и ихъ служащихъ, послѣ чего многіе изъ пріѣхавшихъ неизвѣстно куда исчезли. То же самое нашествіе иностранцевъ замѣчалось въ имѣніи Нурмисъ, Кацдангенъ и многихъ другихъ. Характерною общою чертою для всѣхъ имѣній было исчезновеніе германскихъ подданныхъ наканунѣ объявленія мобилизаціи!

Не въ этомъ ли «нашествіи иноплеменниковъ» слѣдуетъ искать разгадки тѣхъ таинственныхъ сигнализаций ракетами, тѣхъ странныхъ вышекъ, устроенныхъ будто бы для обозрѣванія лѣсныхъ пожаровъ и наблюденій за дикими козами, но съ которыхъ ни лѣса, ни козъ нельзя было видѣть, и о которыхъ сообщалось многократно въ газетахъ? Не въ связи ли съ ихъ пребываніемъ находятся также многочисленные аэропланы, которые видѣли мѣстные жители въ совершенно различныхъ и весьма удаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ края и наличность которыхъ мѣстные власти упорно отвергали до послѣдняго времени? Я не стану подробно останавливаться на этихъ фактахъ; желающіе ознакомиться ближе съ ними благоволятъ обратиться къ весьма многочисленнымъ газетнымъ статьямъ и корреспонденціямъ за августъ, сентябрь и ок-

тябрь мѣсяцы... Какъ бы то ни было, факты этого разряда касаются единичныхъ, притомъ немногихъ представителей помѣстнаго сословія, а потому не являются характерными и не могутъ служить отвѣтомъ на поставленные мною вопросы.

Но вотъ объявлена война. Вся Россія съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за перипетіями развивающейся на нашихъ глазахъ небывалой исторической драмы; всѣ слои народа «со страхомъ Божиимъ и трепетомъ», съ полнымъ пониманіемъ долга передъ родиною принимаютъ посильное участіе въ событіяхъ, жертвы народа неисчислимы, но сознательны и добровольны. Весь народъ... за исключеніемъ небольшой горсти лицъ, входящихъ въ составъ прибалтійскаго помѣстнаго дворянства. Эти лица иначе выказали свое отношеніе къ событіямъ: не съ жертвами для родины, а съ свкорыстными намѣреніями выступили они въ самомъ началѣ войны, именно—при производствѣ мобилизаціи. Случаевъ уклоненія отъ личной явки, правда, не было—да и быть едва ли могло, уже по крайне незначительному числу призываемыхъ изъ состава нѣмецкаго дворянства (припомнимъ его малочисленность), но отношеніе къ мобилизаціи конской оставляетъ желать очень многого. Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ русское общество стало свидѣтелемъ многочисленныхъ судебныхъ процессовъ, въ которыхъ фигурировали въ качествѣ обвиняемыхъ и—осужденныхъ—тѣ же прибалтійскіе помѣщики, избличенные въ систематической утайкѣ лошадей, составленіи завѣдомо невѣрныхъ призывныхъ списковъ и т.д. Всѣмъ памятны имена барона Деллинггаузена, барона Ферзена, барона Гойнингенъ-Гюне... Но—странно: все это—помѣщики Эстляндской и частью Лифляндской губерній, курляндскихъ нѣтъ. Зависитъ ли это отъ разницы взглядовъ на событія, отъ личныхъ качествъ? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Не было недостатковъ въ подобныхъ случаяхъ и въ Курляндской губерніи, только до суда они не доходили. Вотъ, на примѣръ, IV военно-конскій участокъ Митавскаго уѣзда, завѣдуетъ которымъ нѣкій г. Лиліенфельдъ. Тамъ, въ имѣніи Графенталь барона Клопмана изъ пятидесяти лошадей не взято ни одной; въ имѣніи Кауцемюнде графа Палена изъ семидесяти взято двѣ; въ имѣніи Мезотенъ князя Ливена изъ ста—только три, и т. д. Нечего и говорить, что въ томъ же участкѣ у латышей-дворохозяевъ забраны почти всѣ лошади. Нѣкій г. фонъ-Штемпель изъ имѣнія Нидербартау, онъ же содержатель конной почтовой станціи, распорядился иначе: во время пріема онъ перемѣнилъ своихъ лошадей на загнанныхъ почтовыхъ и послѣднихъ представилъ въ комиссію; конечно, онѣ были забракованы, а послѣ отъѣзда комиссіи лошади были водворены на свое мѣсто. Такой же случай произошелъ и въ имѣніи Трикатенъ.

Не лучше обстояло дѣло съ реквизиціею рогатаго скота. Было бы излишнимъ перечислять всѣ случаи уклоненія отъ реквизиціи;

приведу только одинъ, въ виду выдающагося общественнаго положенія заинтересованнаго лица. Гробинскій уѣздный предводитель баронъ Мантельфельдъ отдалъ на время реквизиціи всѣхъ своихъ коровъ во временное пользованіе другихъ лицъ, между прочимъ и чиновъ гробинской уѣздной полиціи, а примѣру своего предводителя послѣдовали еще нѣсколько помѣщиковъ изъ того же уѣзда. Несмотря на преданіе всѣхъ этихъ случаевъ широкой гласности, мнѣ до сихъ поръ не удалось слышать, чтобы въ Курляндіи хотя бы одинъ помѣщикъ преданъ былъ суду за подобныя дѣянія. Тѣ, кому это вѣдать надлежитъ, заняты другимъ—укрѣпленіемъ престижа власти и водвореніемъ «внутренняго мира» въ подвѣдомственномъ населеніи. Эти двѣ задачи исполняются неукоснительно. Потому и былъ подвергнутъ лифляндскимъ губернаторомъ Звегинцевымъ трехмѣсячному аресту учитель Маршангъ, который въ августѣ на желѣзнодорожной станціи Ремерсгофъ позволилъ себѣ замѣтить полицейскому чиновнику барону Фитингофъ-Шелю, что нѣсколько несвоевременно въ публичномъ мѣстѣ для русскаго чиновника на нѣмецкомъ языкѣ восхвалять доблести германскихъ войскъ. Положимъ, подобный разговоръ и былъ удостовѣренъ, положимъ, полицейскій баронъ и оказался служащимъ не въ Лифляндской, а въ Курляндской губерніи, а, слѣдовательно, не находился при исполненіи служебныхъ обязанностей (какъ сказано въ приказѣ г. губернатора)—но престижъ власти! Поэтому курляндскій губернаторъ г. Набоковъ и поспѣшилъ вслѣдствіе телеграфнаго сообщенія помѣщика, барона К. фонъ-Мантейфеля, прекратить изданіе русскаго газеты «Голосъ Либавы» и безъ всякаго разслѣдованія засадить редактора, г-жу Люби, въ тюрьму: вѣдь она позволила себѣ нарушить этотъ внутренній миръ указаніемъ факта, что мѣстное нѣмецкое населеніе довольно холодно относится къ успѣхамъ русскаго оружія и сравнительно мало участвуетъ въ патріотическихъ манифестаціяхъ. Слѣша возстановить «внутренній миръ» г. Набоковъ даже допустилъ въ своемъ постановленіи объ арестѣ небольшую неточность, квалифицировавъ дѣяніе г-жи Люби, какъ «возбужденіе населенія противъ правительства»; неточность очень характерная! Можетъ быть, этими же соображеніями и вызвано было въ сентябрѣ особое заступничество лифляндскаго губернатора Звегинцева за нѣкоего лѣсничаго Гейслера, германскаго подданнаго, который въ своихъ бесѣдахъ съ мѣстными крестьянами открыто призывалъ ихъ къ возстанію и сулилъ за то различныя блага, такъ какъ, по его соображеніямъ, германцы должны въ близкомъ будущемъ стать хозяевами края... Можетъ быть, тѣми же соображеніями руководствовался тотъ же Звегинцевъ, оставляя въ Ригѣ на жительствѣ, послѣ объявленія войны, помимо многихъ тысячъ другихъ иностранцевъ, городского садовника Куфальда, германскаго подданнаго и дѣйствительнаго члена общества герман-

скаго флота (Deutscher Flotten-Verein), или принимая подъ свою защиту завѣдующаго городскими имѣніями германца Лефлера, устроителя таинственной вышки въ Огерѣ (близъ Риги). Благоволенію Звегинцева къ этому Лефлеру не повредило даже и то, что онъ, уже послѣ указа объ арестѣ имущества иностранныхъ подданныхъ, фиктивно продалъ своихъ лошадей мѣстному почетному мировому судѣ и предводителю дворянства барону Вольфу изъ имѣнія Линденбергъ, а сбрую отъ нихъ спряталъ подъ стогомъ сѣна: авось, пригодится!

Похвальное стремленіе распространять «на землѣ миръ и въ челоуѣцѣхъ благоволеніе» иногда, признаться, переходитъ границы; вѣдь нельзя же, согласитесь, изъ-за этого принципа высшему представителю мѣстной правительственной власти передавать свои полномочія постороннему лицу. Однако тотъ же г. Набоковъ пошелъ даже на такое самоупражнение. По крайней мѣрѣ, послѣ освященія лазарета въ Бальдонѣ, въ сентябрѣ, была присутствующими отправлена всеподданнѣйшая телеграмма съ многозначительною подписью: «за губернатора князь Ливень». Подписавшій— мѣстный предводитель дворянства, которому, какъ извѣстно, закономъ отнюдь не предоставлено право замѣщать губернатора.

Возвращаясь отъ дѣйствій администраціи къ помѣщикамъ, я не могу умолчать еще про три случая, болѣе похожіе на анекдоты.

Въ имѣніи Нейбадь лѣсничій фонъ-Мольтрехтъ возбудилъ дѣло противъ группы мѣстныхъ крестьянъ, ворвавшихся, по его словамъ, въ заповѣдныя лѣса владѣлицы имѣнія, баронессы Пистолькорсъ. Тѣ оригинальныя подробности, которыя раскрылись при разсмотрѣніи дѣла, заставляютъ думать, что почтенный лѣсничій поступилъ, возбуждая дѣло, нѣсколько опрометчиво. Оказывается, «врываясь» въ лѣсъ, крестьяне руководствовались интересомъ поближе посмотреть на непонятныя для нихъ приспособленія: самыя высокія деревья вдоль взморья Рижскаго залива были снабжены лѣстницами, причемъ на верхушкахъ, откуда открывался прекрасный видъ на море, устроены были особыя сидѣнья съ прикрѣпленными къ нимъ шестами. Эти приспособленія нельзя было объяснить, по обыкновенію, необходимостью наблюдать за лѣсными пожарами: лѣса съ площадокъ не было видно совсѣмъ,—но находчивый лѣсничій не потерялся: на судѣ онъ храбро заявилъ, что лѣстницы и сидѣнья сдѣланы... для ловли птицъ, чѣмъ привелъ присутствовавшихъ здѣсь же крестьянъ въ совершенное недоумѣніе.

Нѣсколько окрестныхъ жителей изъ имѣнія Лестень въ августѣ мѣсяцѣ неоднократно наблюдали появленіе аэроплановъ надъ той частью лѣса, гдѣ, по ихъ свѣдѣніямъ, находилось обширное моховое болото; замѣтили они также, что съ нѣкотораго времени по дорогѣ къ этому болоту сталъ почти ежедневно ѣздить на велосипедѣ владѣлецъ имѣнія, баронъ Фирксъ. Крестьяне сообщили о томъ мѣст-

ному полицейскому чиновнику, фонъ-Браше, который ихъ, конечно, прогналъ и не пожелалъ даже выслушать. Но латыши, вѣдь, упрямы: они обратились къ военному начальству, которое и распорядилось производствомъ надлежащаго дознанія. Оказалось, что моховое болото на большомъ пространствѣ покрыто густымъ слоемъ извести, представляющей сплошную бѣлую площадку, рѣзко выдѣляющуюся изъ окружающаго пространства, а къ ней ведетъ, помимо велосипеднаго слѣда, еще одинъ слѣдъ, подобный велосипедному, но гораздо шире; этотъ слѣдъ шель прерываясь, и видъ его далъ возможность лицу, производившему дознаніе, заключить, что это—слѣдъ отъ подъема и спуска аэроплана. . . . .

Нужно ли говорить, что дознаніе кончилось ничѣмъ? Вѣдь мѣстная полиція удостовѣрила, что баронъ Фирксъ является лицомъ, стоящимъ выше всякихъ подозрѣній, что доказывается близкимъ его знакомствомъ съ г. Набоковымъ, его постояннымъ сотоварищемъ по охотѣ; что же касается до извести, то она насыпана... для удобренія болота, въ цѣляхъ сельско-хозяйственной культуры!

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Венденскомъ уѣздѣ часто стали появляться прокламаціи отъ имени латышской социаль-демократической рабочей партіи, призывавшія мѣстное населеніе къ возстанію и протесту противъ войны. Мѣстные жители, имѣвшіе случай ознакомиться съ прокламаціями, обратили вниманіе на то, что стиль и нѣкоторыя грамматическія ошибки ихъ исключаютъ возможность составленія этихъ произведеній латышами. Стали слѣдить, и въ концѣ концовъ въ распространеніи прокламацій были пойманы съ поличнымъ... два сына мѣстнаго помѣщика, барона Менгдена! По удостовѣренію губернскаго начальства, одинъ изъ нихъ оказался сумасшедшимъ (до тѣхъ поръ припадковъ безумія въ немъ не замѣчалось), но другой не избѣгъ преданія суду.

Но довольно! Я думаю, приведенныхъ фактовъ слишкомъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что непоколебимая вѣра въ лояльность всего нѣмецкаго населенія края, а въ частности всего прибалтійскаго помѣстнаго дворянства должна подвергнуться нѣкоторой провѣркѣ; едва ли правильно продолжать попрежнему ради поощренія этой лояльности приносить въ жертву всѣ жизненные интересы и законныя требованія латышскаго и эстскаго народовъ, а, кстати, отдавать ей подъ начало и въ обученіе и весь русскій народъ! Слава Богу, поучились достаточно, а ученаго учить—только портить.

Но какъ относится къ войнѣ латыши и эсты, эти крамольники, сепаратисты, революціонеры—по единогласному признанію мѣстныхъ администраторовъ?

Въ отвѣтъ я буду кратокъ. Отмѣчу, во-первыхъ, что ни одного факта отрицательнаго характера ни я, ни другіе наблюдатели мѣстной жизни въ своемъ распоряженіи не имѣли. Во-вторыхъ, были и положительные факты. Сейчасъ же послѣ объявленія войны разными латышскими организаціями въ Ригѣ были представлены лифляндскому губернатору для отправки по назначенію нѣсколько телеграммъ съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Положимъ, эти телеграммы получены были въ Петроградѣ съ большимъ запозданіемъ; еще 13-го августа онѣ не были отправлены по мѣсту назначенія,—можетъ быть, вслѣдствіе порчи телеграфа, а, можетъ быть, и потому, что губернаторъ Звегинцевъ рѣшилъ выждать подачи подобныхъ же телеграммъ отъ нѣмецкихъ организацій и отправить ихъ огуломъ. Послѣднее, кажется, и было сдѣлано. Еще 27-го іюля мѣстный латышскій консервативный дѣятель, г. Гросвальдъ, обратился къ Звегинцеву отъ имени шестидесяти шести латышскихъ обществъ съ просьбою—разрѣшить патріотическую манифестацію, съ пѣніемъ народнаго гимна и молебствіемъ, которое согласился совершить мѣстный архіерей. Ходатайство удовлетворено не было: вѣдь слишкомъ много находилось тогда въ Ригѣ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ, на которыхъ манифестація могла произвести удручающее впечатлѣніе, а внутренній миръ и спокойствіе—дороже всего! Не было недостатка и въ пожертвованіяхъ латышей и эстовъ на военныя надобности, въ желаніи организовать лазареты для раненыхъ, но и въ этомъ отношеніи администрація проявила благоразумную осторожность: далеко не всѣ начинанія могли осуществиться. Впрочемъ, желающимъ ознакомиться съ чувствами латышей и эстовъ при объявленіи войны я рекомендую обратиться къ рѣчи курляндскаго депутата г. Гольдмана, произнесенной въ Государственной Думѣ 26-го іюля и многократно прерывавшейся бурными рукоплесканіями всей Думы. Эту рѣчь вы можете прочитать во всѣхъ газетахъ, кромѣ курляндскихъ, такъ какъ тамъ она была запрещена для напечатанія охранителемъ «внутренняго мира», губернаторомъ г. Набоковымъ.

Каковъ же выводъ? Какую часть населенія Прибалтійскаго края слѣдуетъ считать духовно слитою съ русскимъ народомъ, готовою не за страхъ, а за совѣсть итти съ нимъ рука объ руку, терпѣть общую участь, добиваться одной цѣли?

Для отвѣта позвольте обратиться къ области, отвлеченной отъ настоящаго, попытаться проникнуть въ самую сущность міро-

созерцанія народнаго. Это—область народнаго эпоса, область, въ которой, помимо временныхъ и внѣшнихъ воздѣйствій, вскрывается вся глубина народнаго духа, его симпатіи, идеалы и чаянія. Вотъ эпосъ германскій и, какъ выраженіе его, пѣснь о Нибелунгахъ. Что мы тамъ видимъ? Кровь, кровь и кровь. Закованные съ головы до ногъ въ желѣзо герои ведутъ между собою неустанную войну, захватываютъ чужія владѣнія, нещадно истребляютъ непокорныхъ, бьются до тѣхъ поръ, пока не погибаютъ всѣ до единаго. Теперь вспомните, кто любимый герой эпоса русскаго. Илья Муромецъ, мужикъ изъ села Карачарова, тридцать лѣтъ сидѣвшій сиднемъ у себя дома и двинувшійся съ мѣста только вслѣдствіе упрековъ каликъ переходящихъ, повѣдавшихъ, какъ насильничаютъ въ русской землѣ Соловьи-разбойники. Но и этого Соловья-разбойника Илья, побѣдивши, не убилъ: онъ связалъ его и живымъ доставилъ въ Кіевъ. Да что Илья! Онъ все-таки воевалъ противъ татаръ—положимъ, они сами насильничали, отнимали его кровное достояніе; но вотъ богатырь изъ богатырей, Микула Селяниновичъ, тотъ, передъ непомерною силою котораго слабымъ оказывается даже Святогоръ—олицетвореніе необузданныхъ, стихійныхъ силъ природы. Не то, что меча—кнутика у него нѣтъ въ рукахъ, чтобы подстегнуть свою кобылку, на которой онъ пашетъ свою ниву. Вся его сила, вся дѣятельность обращена на покореніе—не враговъ, а матери сырой земли, его кормилицы,—и въ этомъ его богатырскій подвигъ... Но латыши и эсты—эти прирожденные пахары, люди вѣковаго, упорнаго труда, безъ мечей, безъ замковъ и родословныхъ, безъ жажды захватить чужое—къ которому же изъ двухъ богатырей, къ Зигфриду или къ Микулѣ протянуть они свои мозолистые отъ работы руки? Кто имъ ближе, кто понятнѣе? Для меня отвѣтъ ясенъ: и латыши, и эсты, обездоленные до сихъ поръ судьбою, такъ мало получившіе на свою долю, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, признаютъ, что будущее благоденствіе ихъ не въ Германіи, а въ Россіи. Не нѣмцы-помѣщики, не прусскіе юнкера помогутъ имъ сохранить свой языкъ, свою культуру, свой бытъ, а выросшій въ трудѣ русскій народъ.

И можетъ это случиться лишь тогда, когда послѣ побѣдоносной войны исчезнутъ пережитки феодализма, насильничанья, неуваженіе къ личности и попраніе правъ другихъ; тогда, когда русскій народъ не только побѣдитъ врага внѣшняго, а освободится отъ врага внутренняго. Кто этотъ врагъ?

Двадцать шесть лѣтъ тому назадъ я впервые пріѣхалъ въ Прибалтійскій край и былъ въ Митавѣ. Тамъ, въ склепѣ древняго замка я видѣлъ прахъ герцога Бирона. Жутко былъ смотрѣть на это мертвое, гордое и жесткое лицо. Возставало въ памяти самое ненавистное для русскаго народа время—бионовщина, время «слова и дѣла», выколачиванья денегъ изъ спины русскаго мужика, необъятное

презрѣніе ко всему русскому... Въ 1889 году, въ самый годъ открытія въ Прибалтійскомъ краѣ окружныхъ судовъ, склепъ былъ заколоченъ, и трупъ Бирона навѣки скрытъ подъ землю. Но не живъ ли и до сихъ поръ его духъ?

Итакъ, да будетъ конечною нашею цѣлью—освобожденіе отъ духа Бирона; и только тогда, когда цѣль эта будетъ достигнута, мы увидимъ счастливыми и свободными—и латышей, и эстовъ, и всю великую нашу общую родину-мать—Россію!

Князь С. Мансыревъ.

АКАДЕМИКЪ И. И. ЯНЖУЛЬ.

(Характеристика и воспоминанія).

Вы помните его въ кругу его друзей?
Какъ мысли сыпались неожиданныя, живыя,
Какъ забывали мы подъ звукъ его рѣчей
И вечеръ длившійся, и годы прожитые!
А. А п у х т и н ъ.

«Вооруженный всестороннимъ знаніемъ, оживленный жадностью пытливаго ума, Одоевскій всю жизнь стремился къ правдѣ, чтобы служить ей, а ею—людямъ. Отсюда его ненависть къ житейской и научной лжи, въ чемъ бы онѣ ни проявлялись; отсюда его отзывчивость къ нуждамъ и бѣдствіямъ людей и пониманіе ихъ страданій».
А. Ѳ. Кони.

СЛОВА вышеприведеннаго эпиграфа, которыми А. Ѳ. Кони мѣтко охарактеризовалъ личность одного изъ замѣчательныхъ русскихъ людей прошлаго столѣтія, не обинуясь, можно отнести и къ недавно скончавшемуся академику Ивану Ивановичу Янжулу, посвятившему всю жизнь служенію правдѣ, знанію и дѣятельной любви къ ближнимъ. Выдающійся ученый, вооруженный глубокимъ и всестороннимъ знаніемъ въ области социальныхъ наукъ, Янжуль обладалъ вмѣстѣ съ тѣмъ живымъ темпераментомъ публициста, не позволявшимъ ему уединяться въ своемъ кабинетѣ для исключительныхъ занятій какимъ-нибудь однимъ научнымъ вопросомъ. Впечатлительный и разносторонній умъ его отзывался рѣшительно на всякую злобу дня, если только она имѣла серьезное общественное значеніе. Этимъ объясняется, почему Янжуль, сплошь и рядомъ отрываясь отъ своихъ ученыхъ

работъ, брался за перо газетнаго фельетониста. Самые разнообразныя вопросы и явленія общественной жизни привлекали его вниманіе. То онъ заинтересуется сенсационнымъ процессомъ Скублинской въ Варшавѣ и въ блестящей статьѣ «Фабрикація ангеловъ», напечатанной, какъ и большинство его публицистическихъ статей, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», выскажетъ рядъ интересныхъ и глубокихъ мыслей по вопросу объ охранѣ жизни новорожденныхъ младенцевъ; при этомъ сдѣлаетъ, по обыкновенію, множество ссылокъ на законодательную практику излюбленной имъ Англіи; то въ связи съ нашумѣвшимъ романомъ Золя заговоритъ о литературной собственности на переводы; то по поводу циркулировавшихъ одно время въ нашей періодической печати слуховъ о томъ, что между Россіей и Германіей идутъ переговоры о заключеніи литературной конвенціи, разразится грозной филиппикой противъ нѣмецкихъ литераторовъ и издателей, стремящихся по своей алчности нанести явный ущербъ нашему просвѣщенію; то вдругъ возбудитъ вопросъ о «докторской этикѣ» подъ вліяніемъ шума, поднятаго одной газетой по поводу врача, который отказался итти на помощь ночью къ неизвѣстной ему отравившейся дѣвушкѣ, и—о, ужасъ!—становится при этомъ на защиту «провинившагося» доктора, аргументируя свою точку зрѣнія цѣлыхъ рядомъ вѣскихъ и остроумныхъ доводовъ; то подвергнетъ жесточайшей критикѣ какой-нибудь изъ нашихъ «мертворожденныхъ» законопроектвъ, какъ, на примѣръ, законопроектъ объ авторскомъ правѣ; то неожиданно примется трактовать вопросъ о борьбѣ съ нашимъ застарѣлымъ зломъ—алкоголизмомъ или пьянствомъ въ связи съ дѣятельностью извѣстнаго психіатра Нижегородца въ Петроградѣ, причемъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, снова дѣлаетъ обычную ссылку на англичанъ. И вотъ что онъ, между прочимъ, говоритъ: «Одной изъ важнѣйшихъ причинъ нашихъ неудачъ въ борьбѣ съ неустройствами, со всякимъ зломъ и слабыми сторонами нашей народной жизни является невыдержанность нашего характера и отсутствіе настойчивости въ преслѣдованіи той или иной цѣли въ предпринятой борьбѣ съ извѣстнымъ бѣдствіемъ или зломъ. Кому неизвѣстно, что мы, русскіе, народъ весьма экспансивный,—быстро воспламеняемся, горячо беремся за тотъ или иной вопросъ и быстро же остываемъ. Между тѣмъ проза жизни говоритъ, что прочный успѣхъ возможенъ только при продолжительной настойчивости въ преслѣдованіи разъ поставленной цѣли. Въ этомъ отношеніи совершенно противоположными съ нами свойствами народнаго характера отличаются англичане, недаромъ получившіе свое народное названіе «Джонъ Буль» (Bull—бульдогъ или быкъ). Какъ бульдогъ, захватившій какой-нибудь предметъ въ свои зубы, не упускаетъ его чуть не до издыханія, такъ и англичанинъ упорно и настойчиво преслѣ-

дуетъ цѣль, которую онъ себѣ поставилъ въ общественной или личной жизни, пока ея не достигнетъ».

Слова эти чрезвычайно характерны для самого Янжула. По упорству въ достиженіи намѣченной цѣли, по стойкости и выдержанности характера онъ менѣе всего былъ русскимъ, а скорѣе именно англичаниномъ. Такъ, уже тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ обнаруживаетъ такую твердость воли, которая сдѣлала бы честь любому взрослому человѣку. Объ этомъ онъ подробно рассказываетъ въ своей книжкѣ: «Воспоминанія о дѣтской и школьной жизни», являющейся нынѣ библиографической рѣдкостью. Сущность его разказа вкратцѣ сводится къ слѣдующему. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ пріѣхалъ въ Россію знаменитый американскій трагикъ Айра Ольриджъ. Янжулъ былъ тогда на рождественскихъ вакаціяхъ въ Москвѣ, куда его родители переселились изъ Коломны, опредѣливши сына въ рязанскую гимназію. Впервые мальчикъ увидаль Ольриджа въ роли Отелло и, будучи въ то время уже страстнымъ театраломъ, видавшимъ не разъ такихъ артистовъ, какъ Щенкинъ, Садовскій и Шумскій, пришелъ отъ его игры въ необычайный восторгъ; онъ буквально бредилъ ею, и его лишь огорчало то, что Ольриджъ игралъ съ русскими актерами по-англійски, на совершенно непонятномъ ему языкѣ. Пробоваль онъ принести съ собой въ театръ Кетчеровскій переводъ Шекспира, но слѣдить по немъ за игрой артиста оказалось чрезвычайно неудобнымъ, ибо часто приходилось отвлекать вниманіе отъ сцены и, заглядывая въ книгу, пропускать отдѣльные моменты театральнаго дѣйствія. Отъ досады на свое незнаніе англійскаго языка онъ чуть не плакалъ... Между тѣмъ проносится слухъ, что Ольриджъ черезъ три съ половиной мѣсяца, а именно на Святой недѣлѣ, во время своего артистическаго турнэ по Россіи, пріѣдетъ въ Рязань, гдѣ имѣлся довольно приличный театръ, и будетъ тамъ играть. И вотъ у маленькаго Янжула явилась «дерзкая» мысль во что бы то ни стало изучить къ этому сроку англійскій языкъ, да такъ изучить его, чтобы понимать каждое слово.

«Помню,—рассказываетъ Янжулъ,—какъ я пришелъ къ своему оригинальному рѣшенію насчетъ обученія англійскому языку: я горячо помолился Богу, чтобы онъ далъ мнѣ силъ исполнить предпринятое, и торжественно при этомъ далъ себѣ клятву не ложиться спать, не узнавши вновь сначала двадцати пяти, потомъ по крайней мѣрѣ пятидесяти новыхъ англійскихъ словъ. Сначала немного, въ нѣсколько уроковъ, показалъ мнѣ читать надзиратель нашего пансіона, англичанинъ Моррисонъ, а затѣмъ я всецѣло былъ предоставленъ самому себѣ и учебнику Робертсона. Въ началѣ я выписываль слова изъ лексикона и затверживаль ихъ, но потомъ мнѣ это показалось кропотливо; я прямо взялъ маленькій словарь англійскаго языка Шмидта и затверживаль каждый день

сряду по алфавиту не менѣе пятидесяти словъ, пока не одолѣлъ весь лексиконъ».

Прочитавъ послѣ этого, съ помощью того же лексикона, двѣ-три англійскихъ книжки беллетристическаго содержанія, мальчикъ смѣло взялся за Шекспира и быстро изучилъ въ подлинникъ почти всѣ его сочиненія. Легко представить себѣ радость тринадцатилѣтняго гимназиста, когда на Оминой недѣлѣ Ольриджъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Рязань, а онъ переважно сидѣлъ въ городскомъ театрѣ съ книжкою англійскаго подлинника въ рукахъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за каждой, теперь уже вполне понятной ему фразой, вылетавшей изъ устъ геніальнаго трагика.

Это драгоцѣнное свойство характера, столь блистательно проявившееся въ раннемъ возрастѣ, было великолѣпнымъ подспорьемъ для всей послѣдующей научной и общественной дѣятельности И. И. Янжула, который, едва достигнувъ тридцати лѣтъ, имѣлъ уже высшее ученое званіе, катедру ординарнаго профессора и европейски-извѣстное имя. Научная эрудиція его, особенно въ области финансовой науки, была прямо колоссальна: онъ поражалъ всѣхъ глубиною и разносторонностью своихъ познаній. Обладая феноменальной памятью и какою-то особой цѣпкостью ума, позволявшей ему быстро ориентироваться въ предметъ и схватить самую его сущность съ тѣмъ, чтобы никогда уже въ жизни ея не забыть, онъ всякій научный вопросъ, каждое явленіе общественной жизни, почему-либо возбуждившее его вниманіе, изучалъ съ исчерпывающей полнотою. Не даромъ такой государственный дѣятель, какъ министръ финансовъ Н. Х. Бунге, самъ ученый и бывший кіевскій профессоръ, широко пользовался его сочиненіями по рабочему вопросу при выработкѣ новаго фабричнаго закона о малолѣтнихъ.

— Мы васъ совсѣмъ обобрали, ужъ извините великодушно, — сказалъ онъ ему однажды, бесѣдуя съ нимъ наединѣ въ своемъ министерскомъ кабинетѣ.

— Сдѣлайте одолженіе, мнѣ не жаль, — съ улыбкой отвѣчалъ И. И.

Весьма цѣнилъ Янжула и другой министръ финансовъ, графъ С. Ю. Витте, не разъ оказывавшій ему знаки вниманія и расположенія. Между прочимъ, онъ командировалъ его на всемірную выставку въ Чикаго въ 1893 году, что имѣло своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ появленіе на свѣтъ замѣчательнаго изслѣдованія нашего ученаго о промысловыхъ синдикатахъ въ Америкѣ.

По складу своего ума и характера Янжуль, какъ я уже сказалъ выше, никогда не могъ бы ограничиться одной лишь дѣятельностью кабинетнаго ученаго или профессора, — слишкомъ онъ былъ для этого *живой* человекъ, чутко относившійся къ явленіямъ повседневной жизни, болѣзненно реагиравшій на всякое ея зло и неправду. Онъ горячо любилъ Россію, скорбѣлъ о ея

неустройствахъ и несовершенствахъ, какъ можетъ скорбѣть о нихъ лишь пламенный патріотъ, и жаждалъ такой дѣятельности, которая приносила бы его соотечественникамъ непосредственную, практическую пользу. Душа его рвалась въ гущу жизни, быть можетъ, даже въ самые ея низы, гдѣ онъ, вооруженный научными свѣдѣніями, облеченный извѣстной властью, могъ бы подать руку помощи страдающимъ братьямъ своимъ, обездоленнымъ и слабымъ. Онъ мечталъ приложить къ жизни свои научныя, теоретическія познанія... И вдругъ представился для этого подходящий случай. Учреждается фабричная инспекція для надзора за работой малолѣтнихъ, и на должность перваго такого инспектора въ Москвѣ приглашается Янжуль: самъ министръ финансовъ Н. Х. Бунге, искренно къ нему расположенный, предлагаетъ ему занять этотъ постъ. Такъ началась его фабрично-инспекторская дѣятельность, принеся ему много радости вначалѣ и—увы!—горькое разочарованіе впоследствии. Становится на защиту слабыхъ противъ сильныхъ, пресѣкать всякаго рода эксплуатацію дѣтскаго труда, привлекать къ отвѣтственности безсовѣстныхъ нарушителей закона съ туго набитыми карманами,—все это было на первыхъ порахъ и интересно и, пожалуй, даже заманчиво. Но съ теченіемъ времени Янжуль убѣдился, что никакія единоличныя усилія его не могутъ измѣнить общихъ условій быта ввѣренныхъ его попеченію рабочихъ, ибо всѣ его законныя требованія, предъявляемыя къ фабрикантамъ, неизмѣнно вызывали со стороны послѣднихъ неудовольствіе и ропотъ. Доходило до того, что на него посыпались въ министерство коллективныя жалобы, въ которыхъ указывалось, что онъ притѣсняетъ будто бы «бѣдныхъ» промышленниковъ и мирволить «негодямъ»-рабочимъ. Жалобщики встрѣчали полное сочувствіе въ правительственныхъ кругахъ. Положеніе Янжула, какъ фабричнаго инспектора, день ото дня становилось все тяжелѣе; а когда во главѣ министерства финансовъ неожиданно очутился ловкій дѣлецъ и чиновникъ *rig sang* И. А. Вышнеградскій,—сдѣлалось совсѣмъ нестерпимымъ, и онъ вышелъ въ отставку. Случилось это осенью 1887 года. Помнится, одинъ изъ весьма бойкихъ публицистовъ того времени, С. Ѡ. Шараповъ, съ которымъ я впоследствии былъ довольно близко знакомъ, враждебно относившійся къ Янжулу за мнимыя «притѣсненія», будто бы чинимыя имъ крупнымъ московскимъ промышленникамъ (говорили, что сочувствіе «сердобольнаго» публициста покупалось ими за довольно приличную мзду!), злорадно объявилъ въ своей газетѣ «Русское Дѣло»: «Янжуль возвратился въ первобытное состояніе» (т.-е. сдѣлался опять только профессоромъ).

Не легко было, однако, бѣдному И. И. Янжулу примириться съ этой вынужденной отставкой, уйти отъ любимаго, близкаго его сердцу дѣла. Правда, фабрично-инспекторская служба, продол-

жавшаяся цѣлыхъ пять лѣтъ, доставляла ему немало огорченій, и у него не разъ безсильно опускались руки, когда онъ видѣлъ, что его борьба съ невѣжествомъ, косностью, равнодушіемъ и недобросовѣстностью московскихъ «толстосумовъ» почти бесплодна, что его дѣятельность зачастую тормозится въ угоду крупнымъ капиталистамъ даже самими властью имущими бюрократами и что, въ сущности, ему приходилось, выбиваясь изъ силъ, бороться на два фронта. Но и счастливые моменты выпадали на его долю, когда онъ убѣждался, что честное выполненіе имъ долга встрѣчаетъ одобреніе и поддержку со стороны лучшей части русскаго общества ¹⁾,—что его борьба съ темными сторонами жизни, съ ея зломъ и неправдой, съ безжалостной эксплоатаціей слабыхъ сильными, въ концѣ концовъ все же не остается совсѣмъ безрезультатной, и сознаніе, что даже при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ онъ могъ принести крупицу пользы, защищая маленькихъ, безпомощныхъ людей отъ обидъ, несправедливостей и притѣсненій, наполняло его сердце радостью. И этой радости онъ лишился. Каждый разъ потомъ, даже по прошествіи многихъ лѣтъ, когда въ разговорѣ съ кѣмъ-либо онъ вспоминалъ о своей фабрично-инспекторской службѣ, у него навертывались слезы на глазахъ.

Оставшись при одной профессурѣ, Янжуль сумѣлъ расширить арену своей дѣятельности, то и дѣло выступая въ разныхъ ученыхъ обществахъ съ многочисленными рефератами и докладами, имѣвшими всюду огромный успѣхъ. Но особенную популярность приобрѣлъ онъ въ Москвѣ своими публичными лекціями, которыми ему удалось собрать много тысячъ рублей на различныя благотворительныя цѣли. Это былъ превосходный лекторъ, владѣвшій изумительнымъ искусствомъ держать слушателей въ состояніи напряженнаго вниманія въ теченіе иногда двухъ-трехъ часовъ подъ рядъ. Говорилъ онъ простымъ, сжатымъ и образнымъ языкомъ, при этомъ такъ ловко умѣлъ схватить тему, «облапить» ее со всѣхъ сторонъ и держать все время въ объятіяхъ своего гибкаго ума, что даже при кажущейся нерѣдко сухости и неинтересности темы послѣдняя становилась доступной рѣшительно каждому мало-мальски образованному человѣку.

Когда я его слушалъ, мнѣ всегда казалось, что онъ очень внимательно слѣдитъ за выраженіемъ лицъ всѣхъ сидящихъ передъ нимъ слушателей, и стоитъ только кому-нибудь заскучать, какъ онъ сейчасъ же это замѣтитъ или почувствуетъ. Помнится, въ одной лекціи онъ описывалъ какія-то громадныя промышлен-

---

¹⁾ За составленный имъ отчетъ о своей фабрично-инспекторской дѣятельности въ 1882—83 гг. географическое общество наградило его большой золотой медалью.

Авт.

ныя предпріятія въ Европѣ и, дойдя до «короля пушекъ» въ Германіи, столь прославленнаго нынѣ Круппа, сталъ приводить рядъ цифръ и статистическихъ выкладокъ. Вниманіе аудиторіи понемногу начинало притупляться. Янжуль сейчасъ же это замѣтилъ и принялъ соотвѣтствующія мѣры: онъ разсказалъ какой-то комическій эпизодъ изъ своего недавняго путешествія по Германіи въ связи съ произведеннымъ имъ осмотромъ крупновскихъ предпріятій и сильно насмѣшилъ аудиторію. Всѣ оживились и прослушали лекцію до конца съ не ослабѣвающимъ интересомъ.

Живо припоминается мнѣ другая его публичная лекція, на долю которой, кажется, выпалъ наиболѣе шумный успѣхъ, носившая сенсаціонное названіе: «Милліоны и что съ ними дѣлать?» Большая аудиторія Историческаго музея была набита публикой сверху донизу, даже всѣ проходы были заняты,—вотъ ужъ истинѣ негдѣ было яблоку упасть! И кого-кого только здѣсь не было: именитое московское купечество въ лицѣ нѣсколькихъ крупнѣйшихъ денежныхъ тузовъ, среди которыхъ обращалъ на себя вниманіе своей серебряной львиной головой извѣстный меценатъ К. Т. Солдатенковъ, нарядныя дамы и бѣдно одѣтыя курсистки, видные адвокаты, какъ, напримѣръ, сидѣвшій противъ самой каеэдры Ѳ. Н. Плевако, много студентовъ, профессоровъ, кое-кто изъ представителей высшей столичной администраціи, директора государственнаго и частныхъ банковъ, военные и среди нихъ даже генералы, и т. д., и т. д. Ровно въ восемь часовъ вечера на каеэдрѣ появляется грузная фигура Янжула, неуклюже раскланивающагося съ публикой подъ громъ аплодисментовъ. Изъ-подъ высокаго лба, заканчивающагося огромной, во всю голову лысиной, съ какимъ-то привѣтливимъ недоумѣніемъ смотрятъ сквозь золотыя очки его умные глаза: «Чего, моль, хлопаете-то? Выслушайте сначала лекцію: можетъ быть, еще и не понравится!»

Лекція о милліонахъ не только понравилась, но даже пришлась какъ-то особенно по вкусу московской публикѣ. Не знаю, какъ отнеслись къ ней наши крупные капиталисты; возможно, что взгляды знаменитаго американскаго милліардера Кернеджи, изложенные даровитымъ лекторомъ, и его проповѣдь о томъ, что богатые люди должны раздавать свои состоянія на благотворительныя цѣли еще при жизни,—были имъ и не совсѣмъ по душѣ, но обыкновенные слушатели остались вполне удовлетворенными. Этотъ вечеръ былъ для Янжула настоящимъ триумфомъ: помимо того, что вызовамъ и оваціямъ не было конца, на его имя немедленно стали поступать многочисленныя заявленія о желаніи пожертвовать ту или иную сумму на такія благотворительныя цѣли, какія онъ признаетъ наиболѣе важными и нужными. Лучшихъ результатовъ отъ публичной лекціи, разумѣется, нельзя было и ожидать.

Увы! Это было послѣднимъ публичнымъ выступленіемъ Янжула въ Москвѣ, его «лебединой пѣснью». Незадолго передъ тѣмъ избранный въ дѣйствительные члены академіи наукъ, онъ удалился въ Петроградъ на постоянное жительство. Въ сущности, онъ покинулъ Москву неохотно, такъ сказать, скрѣпя сердце: ему горько было разставаться съ профессурой, къ которой онъ такъ привыкъ и съ которой у него были связаны лучшія воспоминанія молодости.

Надо замѣтить, однако, что Янжуль далеко не пользовался среди студенчества той популярностью, какую онъ по всей справедливости заслуживалъ. Въ этомъ отношеніи онъ не могъ сравняться ни съ А. И. Чупровымъ, ни даже съ М. М. Ковалевскимъ, являвшимися, особенно первый изъ нихъ, въ глазахъ студенческой молодежи своего рода трибунами. Но онъ и не искалъ популярности. Нѣсколько грубоватый въ обращеніи, совершенно лишенный такъ называемаго внѣшняго лоска, прямодушный, рѣжущій всѣмъ правду въ глаза, онъ не умѣлъ, да и не заботился о томъ, чтобы нравиться студентамъ, которые къ тому же считали его чрезмѣрно строгимъ: о строгости его на экзаменахъ ходили цѣлыя легенды. Тѣмъ не менѣе его любили, какъ профессора. Аудиториі, гдѣ онъ читалъ лекціи, были всегда полны. Очень охотно посѣщались студентами и устраивавшіяся имъ практическія занятія, на которыхъ онъ, между прочимъ, обучалъ своихъ слушателей искусству вести серьезныя научныя пренія.

Легенды о его строгости, какъ экзаменатора, конечно, были сильно преувеличены. Вѣрно лишь то, что, будучи чрезвычайно строгъ къ самому себѣ, къ исполненію собственнаго служебнаго долга, онъ требовалъ и отъ другихъ добросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ. «Студенты не должны заниматься въ университетѣ ничѣмъ постороннимъ наукѣ, ихъ главная обязанность—учиться»,—было его глубокимъ убѣжденіемъ, которое онъ открыто высказывалъ имъ всегда и при всякомъ удобномъ случаѣ. И онъ дѣйствительно требовалъ, чтобы студенты основательно знали курсъ, который онъ имъ читалъ.

Помнится, когда послѣ введенія новаго университетскаго устава стали практиковаться «зачеты семестровъ», т.-е. полугсдичныя испытанія, прежде всего доставалось отъ Янжула разнымъ маменькинымъ сынкамъ и «бѣлоподкладочникамъ», являвшимся въ университетъ только за тѣмъ, чтобы покрасоваться своими ноельскими мундирчиками и шпагами, покалякать съ такими же шелопаями, какъ они сами, о разныхъ свѣтскихъ пустякахъ и уйти, точно изъ какого-то клуба, не прослушавши ни одной лекціи. Съ этими господами Янжуль бывалъ безопаденъ. Впрочемъ, онъ не «проваливалъ» ихъ, какъ это дѣлалъ, напримѣръ,—тоже «гроза юридическаго факультета»,—профессоръ римскаго права Н. П. Бого-

лѣповъ, а ставилъ имъ пресловутый § тринадцатый, обозначающій «условный» зачетъ семестра. Всякій, получившій такой условный зачетъ, имѣлъ право проходить курсъ слѣдующаго полугодія подѣ условіемъ, что онъ сдастъ экзаменъ сразу за оба семестра. Своимъ «параграфомъ тринадцатымъ» Янжуль весьма терроризировалъ лѣнливыхъ «Митрофанушекъ» и заставлялъ ихъ усиленно заниматься.

Несмотря на то, что у Янжула не было особенно близкихъ отношеній со студентами, огромное ихъ большинство относилось къ нему съ уваженіемъ и признательностью, цѣня въ немъ не только талантливаго профессора, чьи живыя, увлекательныя лекціи глубоко западали въ душу и надолго оставались въ памяти, но и прекраснаго человѣка, гуманнаго и справедливаго. Тѣ же изъ нихъ, которые имѣли случай вступить съ нимъ въ болѣе тѣсное общеніе, пользоваться его гостепримствомъ и интимною домашней бесѣдой, нерѣдко питали къ нему даже горячую любовь. Когда кто-либо изъ студентовъ приходилъ къ И. И. на квартиру за книгой ли, за совѣтомъ или указаніями по поводу курсоваго сочиненія или по другому какому-нибудь дѣлу, нужно было видѣть, какъ этотъ грозный на экзаменахъ профессоръ ласково встрѣчалъ своего случайнаго гостя, какъ онъ ейчасъ же старался его занять, водилъ его по кабинету и съ суетливой застѣнчивостью показывалъ ему свои книжныя сокровища.

Итакъ, въ общемъ, Янжуль жилъ въ ладу со студентами. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ даже любилъ ихъ и близко принималъ къ сердцу ихъ интересы, хотя и не искалъ среди нихъ дешевой популярности, и, кажется, только впервые въ девятидесятихъ годахъ у него произошелъ съ ними конфликтъ, доставившій ему много огорченія. Случилось это такимъ образомъ. Было 19-ое февраля. Въ этотъ день на общей студенческой сходкѣ рѣшено было не давать профессорамъ читать лекцій. Профессоровъ «снямали» одного за другимъ. Дошла очередь и до Янжула.

— Нѣтъ, господа,—твердо заявилъ онъ студенческимъ депутатамъ, обратившимся къ нему съ просьбой прекратить чтеніе лекціи:—я не могу исполнить вашего желанія, потому что я считаю нелѣпностью праздновать великое событіе 19-го февраля ничегонедѣланіемъ... Стыдитесь, господа!.. Неужели нѣтъ способа болѣе достойнымъ образомъ почтить этотъ великій день? Вотъ императорское вольно-экономическое общество только что предложило свое посредничество по сбору пожертвованій на основаніе народной читальни... Ну, и давайте собирать: я первый жертвую сто рублей...

И онъ сдѣлалъ энергичный жестъ рукой, какъ бы доставая деньги и приглашая немедленно послѣдовать его примѣру.

Раздались протестующіе голоса. Въ аудиторіи поднялся шумъ. Часть слушателей аплодировала, другіе шикали и свистали.

Лекція, въ концѣ концовъ, была сорвана. Послѣ этого начались такъ называемые студенческіе безпорядки, вызвавшіе прекращеніе на нѣкоторое время занятій въ университетѣ.

Конфликтъ со студентами произвелъ на Янжула удручающее впечатлѣніе, и онъ въ первый разъ задумался надъ вопросомъ, не покинуть ли ему совсѣмъ профессуру и московское студенчество,

И. И. Янжуль.

отъ котораго онъ сталъ получать столь незаслуженныя обиды. И вотъ представился вскорѣ подходящий случай: академія наукъ, незадолго передъ тѣмъ премировавшая его книгу «Основныя начала финансовъ» и одновременно избравшая его своимъ членомъ-корреспондентомъ, преподнесла ему званіе ординарнаго академика. Утвержденный въ этомъ званіи, онъ долженъ былъ переѣхать въ Петроградъ. «Мнѣ крайне жалко было,—вспоминалъ онъ потомъ,—покинуть преподавательское дѣло и доброе отношеніе,

установившееся у меня въ цѣломъ съ большинствомъ молодежи, меня окружавшей въ Москвѣ, но надвигавшееся на Россію смутное время чувствовалось больше и больше въ разныхъ проявленіяхъ безпорядковъ, самомнѣнія и заносчивости молодежи, болѣе и болѣе захватывавшей въ свои руки политику и не принадлежащія ей права распоряжаться судьбами русскаго просвѣщенія». Какъ характерны эти слова въ устахъ Янжула! *Прогрессистъ* въ лучшемъ и истинномъ смыслѣ этого понятія, сторонникъ передовой европейской мысли, но безпартійный въ политическомъ отношеніи, онъ былъ непримиримымъ врагомъ всякаго безпорядка и произвола, съ чьей бы стороны они ни исходили. Сейчасъ мы увидимъ, какъ, сдѣлавшись академикомъ, онъ всѣми силами души и таланта готовъ былъ охранять достоинство высшаго въ Россіи научнаго учрежденія даже въ томъ случаѣ, если на него посягало само правительство. Въ 1905 году было предположено комитетомъ министровъ установить впредь до общаго пересмотра законовъ о печати такой порядокъ, чтобы книги, признаваемые министерствомъ внутреннихъ дѣлъ политически вредными, предварительно разсмотрѣнія ихъ общей цензурой, препровождались для отзыва въ императорскую академію наукъ. Янжулъ немедленно возсталъ противъ этого проекта, и 12-го февраля того же года напечаталъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» горячую статью, въ которой доказывалъ, что если упомянутое предположеніе комитета министровъ осуществится, то въ дѣятельность нашей академіи наукъ внесется чуждое ей по духу полицейское начало, крайне вредное для успѣховъ русскаго просвѣщенія. «Академія,—говоритъ Янжулъ,—есть учрежденіе чисто-научное, предназначенное по мысли законодателя исключительно для споспѣшествованія наукъ. Никакихъ видовъ и соображеній политики она не преслѣдуетъ. Постановленіе комитета министровъ противорѣчитъ, такимъ образомъ, прежде всего ея главной задачѣ. Для того, чтобы академія могла содѣйствовать движенію науки впередъ, она должна пользоваться безусловной свободой анализа, что находится въ прямомъ внутреннемъ противорѣчій вообще съ цензурой книги по какимъ бы то ни было политическимъ соображеніямъ. Научная оцѣнка книги совершается на основаніи ея ученыхъ или художественныхъ достоинствъ, а цензурная—на основаніи совершенно случайныхъ часто обстоятельствъ, имѣющихъ временный характеръ. Поэтому замѣчается весьма извѣстный фактъ, что многія выдающіяся печатныя произведенія воспрещаются цензурой, а, напротивъ, множество негодныхъ, иногда наносящихъ ущербъ общественной нравственности, свободно обращаются въ публикѣ». Далѣе, онъ высказываетъ ту мысль, что вообще «вредоносность» въ цензурномъ отношеніи произведеній печати часто обратно-пропорціональна ихъ внутреннимъ достоинствамъ: нѣкоторые, на примѣръ, произведенія Пушкина, Гри-

боѣдова, Гоголя—въ свое время, а Льва Толстого—въ наше воспрещались вопреки ихъ высокому качеству или оригинальности. «Вредоносность» того или иного произведенія въ цензурномъ отношеніи до такой степени понятіе условное, что академики, по его мнѣнію, едва ли способны добросовѣстно исполнять эту новую обязанность: для ученаго всякая книга имѣетъ право на существованіе, если обладаетъ хоть какими-нибудь достоинствами для настоящаго или будущаго времени. Члены академіи привыкли лишь къ одной научной оцѣнкѣ книгъ и совершенно не компетентны судить о ихъ политическомъ значеніи и давать желательные въ этомъ смыслѣ отзывы. Кромѣ того, измѣненіе метода сужденія о качествахъ печатнаго произведенія едва ли не принесетъ даже вреда самимъ академикамъ въ *моральномъ* отношеніи, приучивъ ихъ обращать вниманіе на «благонамѣренность» авторовъ вмѣсто одной лишь научной оцѣнки ихъ трудовъ. Наконецъ, по мнѣнію Янжула, новая обязанность, возлагаемая на нашихъ ученыхъ членовъ академіи, едва ли даже практически мыслима и законна. Вѣдь по извѣстной юридической аксіомѣ: «законъ обратной силы не имѣетъ», а потому возложеніе обязанности просмотра книгъ и отзыва для ихъ запрещенія не можетъ примѣняться къ настоящему составу академіи. «Вѣдь многіе академики,—справедливо замѣчаетъ онъ,—быть можетъ, и не приняли бы на себя этого званія, если бы знали, что на нихъ будетъ возложена въ будущемъ такая неприятная обязанность, какъ *уничтоженіе плодовъ человеческой мысли*. Никогда относительно самой слабой, повидимому, книги истинный ученый не можетъ согласиться на ея уничтоженіе, памятуя, что человѣческіе отзывы и мнѣнія могутъ быть ошибочны и разнорѣчивы; весьма часто современники объявляютъ данное печатное произведеніе никуда негоднымъ, а автора—жалкой посредственностью, а потомки, наоборотъ, считаютъ такого автора гениемъ, а его сочиненіе—гордостью человѣческаго ума. Такъ, въ аттестатѣ знаменитаго германскаго философа Гегеля, полученномъ имъ отъ тубингенскаго университета, стояло буквально: «идіють въ философіи» (!!!), а извѣстный Шопенгауеръ въ качествѣ профессора видѣлъ свои аудиторіи постоянно пустыми, наилучшія же изъ его философскихъ сочиненій отправлялись, какъ макулатура, возами на фабрики и въ лавки. Нашъ Бѣлинскій, наконецъ, былъ исключенъ изъ университета за неспособность». Въ заключеніе Янжуль говоритъ: «въ высшей степени было бы желательно, дабы чаша сія (т.-е. проектъ комитета министровъ) миновала академію».

Авторитетный голосъ этого лояльнѣйшаго изъ ученыхъ, конечно, былъ услышанъ, и въ результатѣ—бюрократическое покушеніе на честь и достоинство нашей академіи наукъ оказалось... «покушеніемъ съ негодными средствами».

Служить одной только правдѣ и неуклонно исполнять долгъ передъ родиной, руководствуясь лишь велѣніями своей чуткой совѣсти, было для Янжула величайшимъ лозунгомъ, которому онъ слѣдовалъ въ жизни съ неумолимой послѣдовательностью. Никогда, ни при какихъ условіяхъ и житейскихъ обстоятельствахъ, нельзя было ожидать, что этотъ человѣкъ покривитъ душой или вообще сдѣлаетъ что-либо противное своимъ убѣжденіямъ. Такъ, въ правительственныхъ кругахъ возбуждается вопросъ объ учрежденіи особаго министерства торговли. Янжуль рѣзко высказывается противъ этой реформы и, вѣрный своимъ прежнимъ воззрѣніямъ и симпатіямъ, неоднократно проскальзывавшимъ въ его статьямъ по рабочему вопросу, говорить, что особое высшее вѣдомство по торговлѣ еще болѣе выдвигало бы во всѣхъ случаяхъ интересы промышленныхъ классовъ. Между тѣмъ и по образованію и вообще духовному развитію эти послѣдніе классы, по его мнѣнію, стоятъ еще настолько не высоко, что большее поднятіе важности и значенія ихъ интересовъ не можетъ считаться выгоднымъ и безопаснымъ для многихъ существенныхъ интересовъ цѣлаго русскаго народа. Такова была сущность возраженій Янжула, высказанныхъ имъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Между тѣмъ особое министерство торговли все-таки учреждается, и ему же неожиданно предлагаютъ занять новый министерскій постъ. Какъ ни лестно и ни заманчиво было это предложеніе, сдѣланное ему тогдашнимъ премьеромъ, графомъ С. Ю. Витте, Янжуль, всегда вѣрный самому себѣ, категорически отъ него отказался.

Общезвѣстна также широкая вѣротерпимость Янжула, основанная на томъ же преобладающемъ свойствѣ его духовнаго облика—*правдолюбіи* и логически вытекающемъ отсюда гуманномъ и справедливомъ отношеніи къ людямъ. Напримѣръ, бѣднымъ евреямъ, выселявшимся изъ столицъ въ черту осѣдлости, онъ неоднократно оказывалъ матеріальную и моральную поддержку, глубоко и искренно жалѣя ихъ. Часто онъ принимался хлопотать передъ высшей администраціей то за одного, то за другого представителя «гонимаго племени», и многихъ ему удавалось спасти отъ грозившей имъ бѣды. Пользуясь его добротой, евреи да и другіе инородцы, чаще всего изъ учащейся молодежи, очутившіеся въ тяжеломъ положеніи, безпрестанно обращались къ нему за помощью, и онъ рѣдко кому отказывалъ. Доходило до того, что онъ уѣдетъ за границу,—однажды, напримѣръ, даже въ Америку,—его и тутъ разыщутъ, особенно бывшіе его ученики изъ евреевъ, высланные по той или иной причинѣ изъ Москвы. Разъ какъ-то явился къ нему въ Нью-Йоркѣ совершенно незнакомый юноша, отрекомендовавшись бывшимъ его слушателемъ, и просилъ найти ему какое-нибудь мѣсто. Янжуль при-

нялъ въ немъ участіе, въ свою очередь, попросилъ за него кого-то, и юноша вскорѣ былъ устроенъ, получивъ возможность безбѣдно существовать въ незнакомомъ иностранномъ большомъ, столичномъ городѣ.

Вообще при добромъ, отзывчивомъ сердцѣ Янжула у него было всегда множество такихъ «клиентовъ», которымъ онъ тѣмъ или инымъ способомъ помогаль, особенно въ московскій періодъ его жизни. Двери его маленькой, уютной квартирки на Арбатѣ были открыты рѣшительно для всѣхъ мало-мальски знакомыхъ ему лицъ, приходившихъ къ нему за помощью. Обладая въ высшей степени общительнымъ характеромъ, радушный и гостепріимный, онъ жилъ тогда очень открытой жизнью вдвоемъ со своимъ вѣрнымъ другомъ-женой Екатериной Николаевной, тоже довольно известной писательницей, энергичной и достойной сотрудницей своего мужа, всю жизнь помогавшей ему въ его научныхъ и литературныхъ занятіяхъ. По воскресеньямъ хлѣбосольные хозяева принимали у себя своихъ многочисленныхъ друзей и знакомыхъ, и ихъ квартира, состоявшая изъ четырехъ небольшихъ комнатъ, обыкновенно уже съ шести часовъ вечера наполнялась гостями. Неумолчно лилась бесѣда, по русскому обычаю, сначала за самоваромъ, потомъ въ кабинетѣ хозяина, куда переходило все общество, и мужчины и дамы, причемъ—опять чисто русская черта!—между тѣми и другими никогда не чувствовалось ни малѣйшей натянутости, точно это были все закадычные друзья и какъ будто даже одного пола; потомъ все снова собиралось въ столовой, гдѣ гостей ожидалъ продолжительный, обильный ужинъ и опять бесѣда, бесѣда безъ конца... Душой этого общества былъ самъ Иванъ Ивановичъ. Своими увлекательными разказами онъ умѣлъ приковать къ себѣ всеобщее вниманіе. Онъ много разказываль о своихъ заграничныхъ путешествіяхъ, о своихъ встрѣчахъ съ разными выдающимися людьми; между прочимъ, любилъ говорить о Левѣ Толстомъ, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ мастерскомъ изложеніи его все видѣнное и слышанное имъ получало изумительную яркость и выпуклость, и его слушателямъ казалось, что они видять передъ собой рядъ живыхъ картинъ.

Выше я упомянулъ о внѣшней грубоватости Янжула, являвшейся какъ бы антитезой той сердечности и теплоты, которыми неизмѣнно были проникнуты его отношенія къ людямъ. Что было причиной этой грубоватости? Отчасти, вѣроятно, воспитаніе въ мелкопомѣстной дворянской семьѣ, изъ которой онъ происходилъ, въ чемъ онъ и самъ признается въ своихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Росъ онъ почти безъ всякаго призора, какъ маленькій дикарь, дисциплины никакой не зналъ, вращался преимущественно въ обществѣ крестьянскихъ мальчиковъ; потомъ очутился въ уѣздномъ училищѣ съ его дореформеннымъ учебнымъ строемъ, съ

разными «авдиторами» и «сѣкуторами», колотушками, драньемъ за уши и непрерывной поркой, какъ наилучшимъ воспитательнымъ средствомъ. Правда, вскорѣ послѣ поступленія его въ гимназію произошла «эмансипація ученической спины отъ розогъ», тѣмъ не менѣе неизгладимая внѣшняя печать, какъ результатъ предшествующаго школьнаго режима, могла навсегда остаться у впечатлительнаго мальчика.

Чрезвычайно привлекательна была въ Янжулѣ его способность къ самой нѣжной привязанности, какая только возможна между лицами одного пола. Какое трогательное дружеское чувство, на примѣръ, питалъ онъ къ А. И. Чупрову! Въ сущности, это были антиподы, люди полярно противоположныхъ характеровъ. Въ то время, какъ у Чупрова широко были открыты объятія для окружающихъ, такъ что его душа представляла изъ себя какой-то постоянный дворъ, въ которомъ могли находить пристанище всякіе случайные гости, Янжулъ, наоборотъ, подходилъ къ человѣку съ большой оглядкой и сходилъ съ нимъ не прежде, чѣмъ узнавалъ его вдоль и поперекъ. Для Чупрова всѣ люди были хороши, и изъ каждаго онъ умѣлъ извлекать для себя пріятное и полезное, оттого и душа у него была «нараспашку», и всѣ одинаково любили его. Даже такой черствый бюрократъ, какъ покойный В. К. Плеве, всякій разъ, когда встрѣчался съ Янжуломъ, съ любовью разспрашивалъ о немъ послѣдняго. Неудивительно, что и Янжулъ привязался къ Чупрову всѣмъ сердцемъ. Когда въ 1905 году Чупрову грозила опасность увольненія послѣ выслуги имъ двадцатипятилѣтняго срока профессорской службы, нужно было видѣть, какъ Янжулъ волновался за своего друга и какъ онъ всячески за него хлопоталъ: ѣздилъ и къ генералъ-губернатору, и къ попечителю учебнаго округа, и, наконецъ, въ Петроградъ къ министру народнаго просвѣщенія, передъ всѣми буквально распинаясь за Чупрова. Наибольшій успѣхъ имѣло ходатайство его передъ министромъ, и Чупровъ благополучно былъ оставленъ въ университетѣ къ великой радости всѣхъ его безчисленныхъ почитателей и почитательницъ.

Не менѣе участливо относился Янжулъ и къ другому своему старому другу, И. Е. Цвѣткову, основателю извѣстной картинной галереи въ Москвѣ. Съ молодыхъ лѣтъ началась ихъ горячая дружба и продолжалась до самой старости. Когда Янжулъ, сдѣлавшись академикомъ, уѣхалъ въ Петроградъ, друзья разстались, однако видѣлись довольно часто и еще чаще переписывались. Любопытна выдержка одного изъ янжуловскихъ писемъ этого періода времени: «Ты все жалуешься на болѣзни яко бы старости и объясняешь этой главной причинойъ всѣ свои недомоганія послѣдняго времени,—пишетъ онъ И. Е. Цвѣткову.—Такъ какъ мы съ тобой, насколько припомню, ровесники, то намъ, примѣрно, по 65 лѣтъ

отъ роду. Да развѣ это уже большая старость? Я только что прочелъ первый томъ собранія писемъ Стасюлевича, изъ котораго оказывается, что ему было въ годъ смерти 85 лѣтъ,—и жизни не легкой, въ родѣ нашей: Толстой умеръ, кажется, 82 лѣтъ, и долго былъ довольно безпутнымъ человѣкомъ,—почему же намъ съ тобой вѣшать носъ на квинту и охать? А не постараться ли лучше надуть самую старость и спасти отъ жизни все, что возможно? Мы жили съ тобой тоже довольно непутево: пора тщательно осмотрѣться и исправиться въ своемъ поведеніи. Я, на примѣръ, теперь питаюсь преимущественно молокомъ, всевозможными вареными фруктами и кашей; мяса поглощаю весьма мало и начинаю чувствовать себя очень недурно, а вѣдь у меня «сахарный заводъ» внутри, котораго ты не имѣешь и не нажилъ! Итакъ, живи курилка!»

Трогательны вниманіе и заботливость, которыя онъ проявляетъ по отношенію къ своему другу при всякомъ удобномъ случаѣ. «Я былъ на дняхъ въ гостяхъ,—пишетъ онъ ему,—у своего новаго знакомаго и очень милаго человѣка, у Л. А. Боровиковскаго (оберъ-прокурора сената); онъ получилъ цѣлую кучу старыхъ картинъ и рисунковъ, найденныхъ гдѣ-то въ деревнѣ, написанныхъ рукою его предка Боровиковскаго, живописца «время Очакова и покоренья Крыма!» Я его спрашиваю, не продастъ ли онъ это негодное старье (а картины, право же, недурны!) одному моему пріятелю въ Москвѣ, немного помѣшанному на картинахъ? Онъ сказалъ, что продавать не намѣренъ семейную вещь, но что показать сочтеть за удовольствіе».

Нѣжное, отзывчивое сердце Янжула быстро и глубоко реагировало на всякія людскія горести и страданія. За годъ до своей смерти онъ пишетъ тому же И. Е. Цвѣткову изъ Висбадена: «Обращаюсь къ тебѣ неожиданно съ большой и сердечной просьбой. Я только что прочелъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» ужасную картину страданій бѣдныхъ болгаръ, какъ послѣдствія войны, притомъ большею частью въ дѣтскомъ и старческомъ возрастѣ. Я не могу вынести такихъ описаній человѣческихъ страданій и хочу посылить помощь, но какъ это сдѣлать получше и поскорѣе? Поэтому я обращаюсь къ тебѣ за помощью: потрудись сходить на этихъ же дняхъ непременно въ «Русскія Вѣдомости», внести тамъ 50 рублей и попросить ихъ отправить отъ моего имени въ Софію на имя г-жи Л. Шишмановой-Драгомановой (дочь извѣстнаго бывшаго кіевскаго профессора, котораго я лично зналъ) въ пользу раненыхъ и больныхъ болгаръ. Черезъ недѣлю я возвращаюсь въ отечество, т. е. Петербургъ, и первымъ долгомъ отошлю тебѣ эти 50 рублей съ моей искренней благодарностью за одолженіе. Кажется, я въ первый разъ у тебя прошу денегъ взаймы и надѣюсь, что ты мнѣ не откажешь въ этой просьбѣ, вызванной случайнымъ обстоятельствомъ и добрыми желаніями». Любопытно, что прекрасное движеніе своего сердца онъ

тутъ же изъ скромности пытается умалить и дискредитировать въ глазахъ друга нижеслѣдующей припиской въ концѣ письма: «пожалуйста, прости меня великодушно за всѣ эти хлопоты, которыя вызываюся, можетъ быть, моею теперешней нервною».

Впрочемъ, Янжуль былъ отчасти правъ: подъ конецъ жизни врожденная чувствительность сердца, безъ сомнѣнія, обострялась у него нервною. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, относящихся приблизительно къ тому же періоду времени, онъ пишетъ И. Е. Цвѣткову: «Я сейчасъ вернулся отъ Маковского и сдѣлалъ тамъ маленькій скандалъ: онъ мнѣ показалъ первый оттискъ на мѣди своей «Ходынки», и я разрыдался, какъ младенецъ, у котораго отняли любимую игрушку... Не дай Богъ тебѣ приобрести гравюру «Ходынки»,—ты себя этимъ погубишь!»

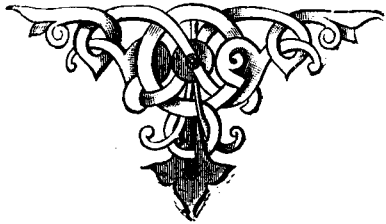
Нельзя не указать еще на одну особенность, характеризующую душевную красоту Янжула,—на его страстную любовь къ дѣтямъ. Не имѣя своихъ дѣтей, онъ горячо привязался къ чужимъ—къ дѣтямъ своей служанки Домны, которыхъ онъ не только пріютилъ у себя, но и заботился всячески о ихъ воспитаніи. Нужно было видѣть при этомъ, какъ онъ ихъ ласкалъ, какъ онъ былъ съ ними нѣженъ (куда нѣжнѣе, нежели ихъ родной отецъ!) и какъ онъ баловалъ ихъ: дня не проходило, напимѣръ, чтобы онъ не приносилъ имъ какихъ-нибудь лакомствъ или игрушекъ. А иногда онъ подолгу съ ними возился, бѣгалъ или игралъ въ лошадки, и въ неуклюжей, большой, грузной фигурѣ его, забавно качавшейся изъ стороны въ сторону, было что-то безконечно милое и трогательное.

Мнѣ не случалось видѣть Янжула въ послѣдніе годы его жизни. Говорятъ, что онъ очень страдалъ отъ глухоты, давняго своего недуга, принявшаго съ теченіемъ времени острую форму. Не имѣя возможности попрежнему бесѣдовать съ людьми и слышать ихъ, вынужденный ограничиваться въ сношеніи съ ними преимущественно собственными, какъ всегда, неистощимыми разсказами, которыхъ, слушая, разумѣется, уже никто не прерывалъ, онъ, жизнерадостный и общительный, долженъ былъ больно почувствовать свое одиночество. Вообще его закатъ былъ печальный. Можно себѣ представить, что испытывалъ бѣдный старикъ, застигнутый войной во вражеской землѣ, когда нѣмецкій банкъ вдругъ отказался что-либо выдавать по русскимъ кредитивамъ, и Янжулы, мужъ и жена, очутились въ Висбаденѣ буквально безъ гроша денегъ. И. И. страшно волновался, лишился сна, аппетита, и состояніе здоровья его сразу рѣзко ухудшилось. Между тѣмъ вернуться въ Россію не представлялось никакой возможности, хотя бы черезъ Швецію, какъ это дѣлали многіе туристы, ибо большой былъ слишкомъ слабъ: онъ уже почти не вставалъ съ постели. Къ счастью, послѣдніе дни страдальца были весьма скрашены дружеской услугою И. Е. Цвѣткова, который, случайно узнавъ изъ газетъ о его тяжеломъ

матеріальномъ положеніи, немедленно послѣшилъ ему на выручку. Какимъ-то образомъ онъ ухитрился сдѣлать такъ, что высланная имъ сумма денегъ благополучно пришла по назначенію. «Мы сейчасъ получили 2.000 марокъ отъ берлинскаго банка по порученію земельнаго банка въ Москвѣ и думаемъ, что это не иначе, какъ отъ васъ, нашего друга...»—писала Е. Н. Янжуль 5-го октября 1914 года И. Е. Цвѣткову, когда дни ея несчастнаго мужа были уже сочтены.

И вотъ горькая иронія судьбы: пламенному патриоту, беззавѣтно любившему Россію, всегда болѣвшему душой за нее, какъ за родную мать, глубоко скорбѣвшему о всѣхъ ея несовершенствахъ и неурядицахъ и страстно желавшему ей великаго, свѣтлаго будущаго, суждено было провести остатокъ дней и найти «вѣчное упокоеніе» вдали отъ родины, среди злѣйшихъ ея враговъ.

Князь Б. А. Щетининъ.

РОКОВИНЫ ШЕВЧЕНКА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ 1875 ГОДУ.

(Изъ воспоминаній).

В ТРОМЪ 26-го февраля 1875 года ко мнѣ, студенту петроградскаго университета, зашелъ одинъ изъ моихъ товарищей-малороссовъ и сообщилъ, что въ этотъ день, день смерти Шевченка, будутъ поминки по немъ въ квартирѣ одного инженернаго полковника, стараго пріятеля «кобзаря», Федора Ивановича Черненка.

— Если хочешь, пойдемъ туда вмѣстѣ: обойдется недорого, — намъ по карману, увидимъ интересныхъ людей, будетъ весело...

Собраться нужно было къ двѣнадцати часамъ дня. Я съ удовольствіемъ отозвался на приглашеніе, и вскорѣ мы оба уже шагали съ Васильевскаго Острова на уголъ Ивановской и Кабинетской, гдѣ въ скромной квартиркѣ, со двора, въ третьемъ или четвертомъ этажѣ жилъ гостепрійный «Хведіръ Ивановичъ». Когда мы явились туда, полдень еще не наступилъ, но небольшія комнаты были уже на половину полны гостями, число которыхъ ежеминутно увеличивалось. Тутъ были и студенты-малороссы въ шитыхъ рубашкахъ подъ пиджаками, и «дівчины» въ яркихъ запасахъ и плахахъ, и пожилые люди, и почтенные старцы... Пришелъ профессоръ Костомаровъ, явился высокій, худощавый, съ нависшими по-хохлацки усами Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ, быстро заговорилъ по-малороссійски переходившій отъ одной группы

къ другой Данило Лукичъ Мордовцевъ; были тутъ и двое-трое военныхъ,—между ними какой-то отставной генераль, фамилію котораго я теперь забылъ, удивительно похожій на Тараса Бульбу, какимъ этотъ гоголевскій герой рисуется въ нашемъ воображеніи; былъ и неизмѣнный въ теченіе чуть ли не цѣлаго полувѣка абонентъ итальянской оперы, прозванный *l'amico della patria*, о которомъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ д-ръ В. Б. Бертенсонъ, и много другихъ интересныхъ лицъ. Знакомые обмѣнивались рукопожатіями и привѣтствіями, незнакомые знакомились, и всякій чувствовалъ себя совершенно непринужденно, какъ дома. Одинъ изъ гостей бережно внесъ завязанное въ скатерть большое блюдо. «Що це таке?»—спросили его. «А це—Тарасові», былъ отвѣтъ. Скатерть развязали, оказалось блюдо съ кутьей; тутъ только узнали, что поминки предполагается начать панихидой. Дѣйствительно, вскорѣ пришелъ старенькій священникъ, бывший, какъ мнѣ объяснили, авторомъ цѣлаго тома проповѣдей на малороссійскомъ языкѣ, и, облачившись, началъ служить панихиду одинъ, безъ дьякона, отгѣняя слова заупокойныхъ молитвъ типичнымъ малороссійскимъ говоромъ, которому, по указанію Кулиша, вторилъ и студенческій хоръ. «Во блаженномъ успініи вічний покой подаждь, Господе, успшему рабу Твоему Тарасові и сотвори йому вічну пам'ять!» возглашалъ священникъ. «Вічная пам'ять!» отвѣчалъ ему хоръ молодыхъ голосовъ.

Кончилась панихида, и хозяинъ пригласилъ гостей въ сосѣднія комнаты, гдѣ на столахъ были въ изобиліи всякія украинскія яства: и горячіе вареники, и неизбѣжное сало, и колбасы, и ветчина, и рыбка, и «горілка», и «запеканка», и сливянка, и проч. и проч. Во главѣ стола сѣли: Костомаровъ, Кулишъ, Мордовцевъ и другіе почетные гости; молодежь тѣснилась вокругъ нихъ, прислушиваясь къ ихъ разговорамъ. Костомаровъ прочелъ, между прочимъ, сохранившееся у него подлинное письмо Шевченка, которое затѣмъ пошло по рукамъ гостей. Кулишъ, въ ту пору еще не называвшій, какъ впоследствии, музы украинскаго пѣвца «пьяною», читалъ стихотворенія, не вошедшія еще тогда въ изданіе «Кобзаря», и вспоминалъ о своемъ сотрудничествѣ въ «Библіотекѣ для чтенія» Сенковскаго. При этомъ онъ, между прочимъ, замѣтилъ, что именно имъ, Кулишомъ, было придумано и впервые пущено въ литературный обиходъ слово «сторонникъ», какъ переводъ французскаго *partisan*. Пріѣхавшій изъ Кіева молодой челоувѣкъ рассказывалъ, что тамъ была поставлена,—не помню только, публично или въ частномъ домѣ,—незадолго передъ тѣмъ написанная опера Лысенка «Різдвяна Нічъ» (Ночь подъ Рождество), въ которой рассказчикъ пѣлъ партію Вакулы. Вскорѣ зазвѣло фортепьяно, и «Вакула» красивымъ теноромъ спѣлъ свою арію, а потомъ, въ отвѣтъ на рукоплесканія и крики: «Ще

разъ!» пропѣлъ «Думы моі, думы моі» и еще нѣсколько пѣсень Шевченка. Кстати, по поводу криковъ «Ще разъ!» Костомаровъ замѣтилъ, что одинъ пріѣзжій хохоль, впервые попавшій въ Петербургъ въ оперу и слыша возгласы «bis», никакъ не могъ понять: «якого це воны біса кличуть?» Когда же на эти возгласы вышелъ изъ кулисъ пѣвецъ, то сказалъ: «Такъ ось який вінъ!»

На смѣну тенору появились и пѣвицы, и мы услышали граціозныя пѣсенки: «У перетику ходила», «Протоптала стежечку черезъ яръ», «Ой, мамо» и другія. Затѣмъ составился и хоръ, и раздались близкіе сердцу каждаго украинца звуки «Зозули», «Реве та стогне» и т. д. Не обошлось дѣло и безъ малороссійской «марсельезы»:

.....
 .....
 .....
 .....
 .....
 .....
 .....
 .....
 .....
 .....

Впрочемъ, «политика»—неизбѣжная дань молодому увлеченію—не играла на этой поминальной пирушкѣ сколько-нибудь видной роли и сейчасъ же уступила мѣсто простодушному веселью, все болѣе и болѣе разгоравшемуся отъ горілки и запеканки. Послышалась звонкая трель «гопака», и двое студентовъ, сбросивъ пиджаки и оставшись въ расшитыхъ рубашкахъ, подпоясанныхъ синими кушаками, лихо заломили на бекрень смушковые шапки и подъ припѣвы хора начали выдѣлывать ногами такіе выкрутасы, отъ которыхъ не отказался бы и знаменитый гоголевскій танцоръ «Заколдованнаго мѣста». Старикъ Костомаровъ хлопалъ въ ладоши и подбадривалъ танцующихъ возгласами «Веселѣнько!», а стоявшая кругомъ молодежь, притоптывая въ тактъ музыкѣ, подпѣвала: «Ой, дуба, дуба, дуба, моя дівчино любя!»

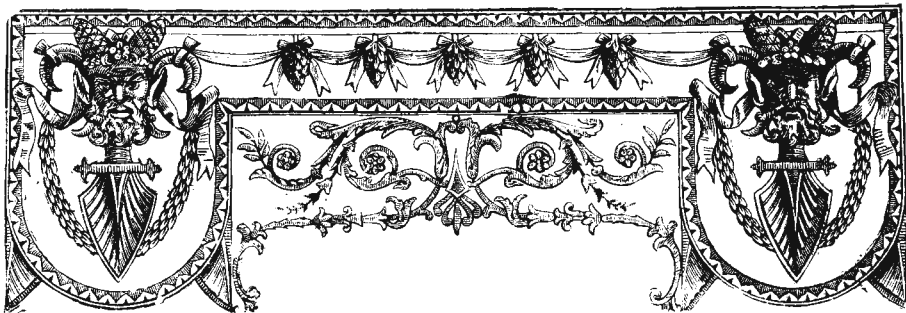
Долго не расходилась веселая компанія... Старики давно уже уѣхали, а молодежь все еще продолжала музыку, пѣніе и пляску. Наконецъ, пора было «и честь знать» и откланяться радушному Федору Ивановичу, пріютившему земляковъ въ памятный для нихъ день. На столикѣ въ передней оказалась тарелка, на которую гости клали, по мѣрѣ силъ, свои приношенія въ возмѣщеніе расходовъ хозяина. Едва ли, однако, этими скромными лептами окупился его издержки...

Впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось бывать на «роковинахъ» Шевченка, устраивавшихся уже публично,—обыкновенно въ залѣ Павловой,—съ эстрадою, на которой выступали чтецы, пѣвцы и танцоры, и съ общимъ ужиномъ въ заключеніе. Здѣсь, между прочимъ, Д. Л. Мордовцевъ читалъ «Думы мои» по книжкѣ, близко поднося ее къ двумъ горѣвшимъ свѣчкамъ и иногда перепутывая строки; появлялись на эстрадѣ и старенькіе любители-пѣвцы, на исполненіе которыхъ публика смотрѣла не только снисходительно, но, можно сказать, съ нѣкоторымъ умиленіемъ, какъ на сильную дань памяти украинскаго кобзаря. Все это было, конечно, простодушно-трогательно; но эти публичные вечера, само собою разумѣется, не могли отличаться той непринужденностью и задухновенностью, съ какою объединялась «невеличка купка украинцівъ» подъ гостепріимнымъ кровомъ Ѡ. И. Черненка.

П. Морозовъ.

РОССІЯ И АНГЛІЯ.

Ихъ прошлыя отношенія и будущее взаимодействіе ¹⁾).

ВРЕДЪБЛЯЯ сущность генія величайшаго изъ нашихъ національныхъ поэтовъ; Достоевскій, въ своей извѣстной рѣчи о Пушкинѣ, высказалъ впервые, смѣло и не обинуясь, мысль объ универсальности русскаго духа, о его способности и потребности погружаться въ глубину чужого народнаго генія, доходить до самыхъ родниковъ его и впитывать ихъ въ себя или, какъ выразился Достоевскій, «принимать въ душу свою геній чужихъ націй».

Столь опредѣленно введенная въ наше самосознаніе мысль эта въ то время показалаcя большимъ парадоксомъ и вызвала вокругъ себя шумную полемику. Утверждали, что эта универсальность русскаго духа есть просто-напросто результатъ оторванности русскаго человѣка отъ почвы, неприпущенность его къ какому-либо живому, практическому дѣлу. Другіе увѣряли, что, вобравъ въ себя византійскую цивилизацію, потомъ подвергшись вліянію цивилизаціи восточной и, наконецъ, западной, нашъ народъ такъ и не создалъ своей собственной цивилизаціи и поневолѣ принужденъ цѣпляться за чью-нибудь чужую. Но, различно объясняя при-

¹⁾ Докладъ, прочитанный 8-го февраля с. г. въ засѣданіи общества экспериментальной педагогикѣ и вызвавшій образованіе новаго общества, имѣющаго цѣлью взаимное сближеніе обѣихъ странъ на педагогической почвѣ.

чины этой особенности русской народной психики, никто не отрицалъ, однако, ея наличности.

Тридцать четыре года прошло со дня этой рѣчи Достоевскаго, и мы теперь знаемъ, что его мысль оказалась прозорливою. Теперь мы уже обрѣли подъ собою почву и стоимъ сами около огромнаго дѣла государственнаго и общественнаго строительства, но, я думаю, можно поручиться, что никогда, даже послѣ побѣдоносной войны, душа Россіи не будетъ скована той національной исключительностью, примѣръ которой явила собою современная Германія. Выработанное всей многовѣковой исторіей свойство русскаго духа не можетъ пропасть, и онъ попрежнему будетъ стремиться къ соприкосновенію съ чужимъ гениемъ. Мы можемъ даже указать и направленіе этого стремленія: народъ влечетъ туда, гдѣ проявляется основная формула всякаго человѣческаго прогресса: истина, добро и красота, къ тѣмъ странамъ, гдѣ, хотя медленно и не безъ борьбы, и, можетъ быть, въ тусклыхъ формахъ, но все же вводится въ жизнь осуществленіе этой формулы. Такими странами издавна были очаги человѣческой культуры и цивилизациі, т. е. Франція и Англія.

О соприкосновеніи Россіи съ Франціей я здѣсь говорить не буду: объ этомъ создается уже своя историческая литература. Моя цѣль дать бѣглый очеркъ о взаимодѣйствіи русскаго и англійскаго народнаго гения, собрать въ одну картину факты, всѣмъ извѣстные, но разрозненно лежащіе въ нашемъ сознаніи.

Мы знакомы съ англичанами не со вчерашняго дня. Этому знакомству минуло уже три съ половиною вѣка. Какъ извѣстно, половина XVI столѣтія есть время зарожденія морскаго могущества Англіи. Вырвавшись на соленый просторъ морей, англичане начинаютъ забираться въ самые отдаленные уголки земнаго шара и между прочимъ снаряжаютъ экспедицію изъ трехъ кораблей для открытія какого-то сѣвернаго царства, о которомъ ходила молва, оставившая по себѣ слѣдъ и у Шекспира. Экспедиція, какъ извѣстно, потерпѣла крушеніе въ Ледовитомъ океанѣ, никакого гиперборейскаго царства англичане не нашли, но зато открыли Россію, къ сѣвернымъ берегамъ которой прибило единственный изъ трехъ кораблей, спасшійся отъ гибели. Капитанъ его Ченслеръ прибылъ черезъ Архангельскъ въ Москву и предсталъ предъ пресвѣтлыя очи царя Ивана Васильевича. Появленіемъ Ченслера въ московскомъ Кремлѣ было положено начало дальнѣйшихъ сношеній Россіи съ Англіей. Обрато на родину Ченслеръ поѣхалъ уже не одинъ, а съ бояриномъ Осипомъ Григорьевичемъ Непеемъ—первымъ русскимъ посломъ въ Англіи. У береговъ Шотландіи корабль Ченслера потерпѣлъ крушеніе, весь экипажъ погибъ. Но судьбѣ было не угодно, чтобы сношенія крайняго европейскаго Запада съ крайнимъ европейскимъ Востокомъ оборвались вслѣдствіе такой слѣпой случай-

ности; отъ крушенія спасся одинъ Непей, который и былъ принятъ королевой Маріей.

Съ этого момента уже не прерываются сношенія между обѣими странами. Ихъ отношенія на пространствѣ трехъ съ половиною вѣковъ не разъ мѣняли свой характеръ и отъ союзныхъ и дружественныхъ переходили во враждебныя и непріязненныя. При Петрѣ Великомъ они были въ общемъ дружественны, при его дочери Елизаветѣ былъ подписанъ въ 1742 году настоящій союзный договоръ. Вооруженный нейтралитетъ Екатерины II сильно охладилъ эти отношенія, но вспыхнувшая французская революція снова сблизила обѣ націи. При Павлѣ I мы опять имѣемъ союзный договоръ 1798 года, но болѣзненная вспыльчивость императора такъ рѣзко измѣнила эти союзныя отношенія, что недавній союз замѣнился вооруженной угрозой, и англійская эскадра появилась въ виду Кронштадта.

Перемѣна царствованія не внесла перемѣнъ въ сложившіяся отношенія, и при Александрѣ Павловичѣ повторилось то же, что было и при его отцѣ, только въ обратномъ порядкѣ: англичане были сначала врагами, а потомъ союзниками Россіи. Раздраженные присоединеніемъ Россіи къ континентальной системѣ, англичане объявили намъ настоящую войну: адмиралъ Нельсонъ захватилъ въ плѣнъ нашего адмирала Сенявина съ девятью кораблями, и этой безкровной побѣдой война и окончилась. Когда же безпокойное честолюбіе Наполеона вызвало противъ него коалицію, англичане и русскіе оказались около одного дѣла.

Въ XIX вѣкѣ между Англійей и Россіей сталъ стѣною восточный вопросъ, доведшій оба народа до весьма печальнаго и ненужнаго кровопролитія подъ Севастополемъ. Не зная Россіи и опасаясь ея, англичане традиціонно поддерживали неизлечимо больного на Босфорѣ, во вредъ себѣ и Россіи. Только теперь вскрылась огромная дипломатическая ошибка, и англійское общественное мнѣніе имѣетъ мужество открыто заявить, что Англія все время ставила «не на ту лошадь».

Отъ взаимоотношеній политическихъ перейдемъ къ духовному воздѣйствію обѣихъ странъ другъ на друга. Оставляя въ сторонѣ область чисто экономическую, какъ слишкомъ спеціальную, остановимся нѣсколько на той области, въ которой наиболѣе определенно сказывается народный геній націи, т. е. на ея литературѣ, наукѣ и искусствѣ.

Англійская литература проникла и укрѣпилась у насъ почти полтора вѣка тому назадъ. Шекспиръ, безъ котораго трудно себѣ представить мало-мальски полную русскую бібліотеку, сталъ извѣстенъ у насъ почти одновременно съ Франціей, но въ то время, какъ французы въ лицѣ Вольтера находили его грубымъ и считали необходимымъ исправлять его текстъ, мы восприняли и оцѣнили

Шекспира во всей его свѣжей непосредственности, и печальная фигура датскаго принца стала понятной и близкой нашей сѣверной душѣ. О вліяніи Байрона едва ли нужно долго говорить. Вы знаете, какіе глубокіе слѣды оставилъ байронизмъ на двухъ величайшихъ русскихъ поэтахъ, а черезъ нихъ и на русской жизни, расплодивъ въ ней «героевъ нашего времени», духовнымъ отцомъ которыхъ былъ Пушкинскій «москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ». Въ Теккереѣ и въ особенности въ Диккенсѣ мы узнали англійскую перелицовку нашего Гоголя. До сихъ поръ на нашемъ книжномъ рынкѣ продолжаютъ выходить многочисленныя изданія Диккенса. До сихъ поръ мы продолжаемъ добродушно посмѣиваться вмѣстѣ съ англичанами надъ похождениями нашего стариннаго друга мистера Пикквика. До сихъ поръ благородный духъ Диккенса и его трогательные образы продолжаютъ волновать русскаго читателя, прочно присвоившаго себѣ англійскаго романиста.

Мнѣ недосугъ говорить здѣсь о вліяніи на русскую жизнь разныхъ *divi minoris* англійской литературы, но я не могу пройти молчаніемъ педагогическаго вліянія англійскихъ писателей на наши подрастающія поколѣнія. Дефо съ его Робинзономъ, Вальтеръ-Скоттъ, воскрешающій всю прелесть давно прошедшей жизни, Свифтъ, у котораго, правда, выпуты терніи и скорпіоны, наконецъ, тотъ же Диккенсъ съ своими трогательными рассказами изъ дѣтскаго міра—царятъ непоколебимо, вмѣстѣ съ Жюлемъ Верномъ, въ нашихъ дѣтскихъ. Русскому ребенку, а потомъ и подростку такъ же неизбежно пройти черезъ нихъ, какъ сквозь почти неминуемую краснуху или корь. И трудно учесть, сколько добрыхъ чувствъ и красивыхъ образовъ закладываетъ въ свѣжую русскую душу эта англійская литература!

Трудно также учесть во всемъ объемѣ и вліяніе англійской науки на развитіе научнаго знанія въ Россіи. Я не считаю себя достаточно компетентнымъ, чтобы говорить о научномъ воздѣйствіи англійской научной мысли на русскую въ области наукъ точныхъ и прикладныхъ, но долженъ отмѣтить это вліяніе въ области философскихъ и историческихъ концепцій. Имена Бокля, Милля, Дарвина, Спенсера пользуются у насъ громаднѣйшей популярностью. Въ свое время они были настоящими властителями нашихъ думъ и, несомнѣнно, оставили въ Россіи глубокіе, хотя, быть можетъ, и не хорошо еще осознанные слѣды. Я, по крайней мѣрѣ, затрудняюсь представить себѣ русскаго интеллигентнаго человѣка, который не прочелъ бы самъ твореній этихъ руководящихъ умовъ или, по меньшей мѣрѣ, не воспринялъ ихъ ученіе хотя изъ вторыхъ рукъ.

Но, скажутъ намъ, вѣдь ученіе Дарвина, синтетическая философія Спенсера, трагедія Шекспира, романы Диккенса—все это вошло въ общую человѣческую сокровищницу идеальныхъ цѣнностей, и русскіе, конечно, не могли миновать ихъ вліянія. Это еще не дока-

зательство, что Россія съ пристальнымъ интересомъ слѣдитъ за жизнью и дѣятельностью англійскаго народа. Другое дѣло, если будетъ видно, что русская мысль интересуется вопросомъ о, томъ какъ сложился самъ англійскій народъ, хочетъ познать то, что накоплено ему его предками, узнать его прошлые пути.

Чтобы отвѣтить на это, обратимся опять къ показаніямъ нашего книжнаго рынка. Что на немъ есть по части англійской исторіи? Маколей переведенъ у насъ давнымъ-давно, давнымъ-давно объявленъ лучшей книгой для историческаго чтенія и, въ качествѣ таковой, составляетъ нынѣ библиографическую рѣдкость. Много переведено у насъ и изъ Карлейля, и этотъ пуританинъ съ своимъ причудливымъ историческимъ рисункомъ и пламеннымъ краснорѣчіемъ, въ основѣ котораго лежитъ бурный протестъ противъ механическаго пониманія исторіи, даже въ періоды господства у насъ экономическаго матеріализма, продолжалъ неотразимо привлекать къ себѣ вниманіе русскаго интеллигента съ развитымъ литературнымъ вкусомъ. Далѣе мы имѣемъ и читаемъ цѣлый рядъ крупныхъ англійскихъ историковъ: Трайля, Грина, Сили, Гардинера, Фримана и Стеббса, съ которыми мы подходимъ уже къ историческимъ основамъ англійской государственной жизни.

Государственное устройство Англии, съ ея свободой личности и абсолютнымъ господствомъ права и закона, всегда представлялось идеаломъ для русскаго передового общества. Вотъ почему и историки этой государственности были переведены у насъ давнымъ-давно, немедленно по выходѣ въ свѣтъ у себя на родинѣ. Съ тѣхъ поръ количество такихъ переводныхъ трудовъ у насъ значительно возросло: мы имѣемъ теперь капитальные труды Энсона, Дайси, Лоу по государственному праву Англии, Атши по самоуправленію, Джефсона по части публичныхъ собраній и союзовъ, Сиднея Уэбба по экономической исторіи вмѣстѣ съ цѣлой плеядой старыхъ экономистовъ во главѣ съ Адамомъ Смитомъ, которымъ зачитывался еще Евгеній Онѣгинъ.

Менѣ знакома намъ третья изъ намѣченныхъ мной областей— область англійскаго искусства. Правда, мы можемъ любоваться въ Эрмитажѣ дивными твореніями Рейнольдса, правда, въ нашихъ гостинныхъ не рѣдкость встрѣтить англійскіе художественные журналы, въ родѣ «Studio», но въ общемъ мы имѣемъ объ англійскомъ искусствѣ слабое представленіе, и это очень жаль, ибо въ нѣкоторыхъ областяхъ, напримѣръ, въ акварельной живописи, англичане являются до сихъ поръ не превзойденными мастерами.

Русскій читатель съ интересомъ слѣдитъ и имѣетъ возможность слѣдить и за дѣловой, повседневной жизнью страны. Англійская жизнь въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ одна изъ непремѣнныхъ темъ нашихъ газетъ и въ особенности журналовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заведены особая регулярная корреспонденціи

изъ Англіи, которыя держатъ русское общество въ курсѣ современной ея жизни.

Таковъ активъ Россіи въ дѣлѣ знакомства между собой обѣихъ странъ. Перенесемъ теперь съ континента на острова и постараемся опредѣлить, что знаетъ Англія о Россіи.

Тѣ изъ васъ, кому случилось послѣ путешествія по Западной Европѣ впервые попадать въ Англію, безъ сомнѣнія, помнятъ то жуткое чувство, которое охватываетъ русскаго туриста, когда онъ перейдетъ на бортъ огромнаго англійскаго парохода, ждущаго въ каждомъ порту путешественниковъ на Британскіе острова. Когда вы путешествовали по Австріи, и въ особенности по Германіи, вы чувствовали, что на васъ, такъ сказать, падаетъ тѣнь вашего отечества. Въ Берлинѣ—я имѣю въ виду время до начала войны—русскій языкъ слышался на каждомъ шагу, русскія газеты продавались наравнѣ съ мѣстными, нѣмецкими, встрѣчались даже вывѣски на русскомъ языкѣ. Въ Парижѣ въ каждой собравшейся кучкѣ прохожихъ вы, навѣрно, могли набрести на земляка, а въ каждомъ кіоскѣ пріобрѣсти русскую газету. Попавъ въ Лондонъ, вы сразу замѣчаете, что тутъ русскимъ духомъ и не пахнетъ. Русскіе, конечно, есть и въ Лондонѣ, но въ этомъ огромномъ городѣ, гдѣ больше католиковъ, чѣмъ въ Римѣ, больше ирландцевъ, чѣмъ въ Дублинѣ, больше евреевъ, чѣмъ во всей Палестинѣ, они затеряны и не играютъ никакой роли. Къ тому же среди нихъ есть немало лицъ, эмигрировавшихъ съ родины и не имѣющихъ большого желанія глядѣть на нее доброжелательно. Газетъ русскихъ вы тамъ не найдете, а если найдете, то лишь съ большимъ трудомъ. Въ англійскихъ же упоминалось о Россіи въ нѣсколькихъ строкахъ въ числѣ другихъ телеграммъ, сходящихся въ Лондонѣ со всѣхъ концовъ міра.

Если вы разговоритесь о Россіи съ среднимъ англичаниномъ, даже побывавшимъ въ англійскихъ владѣніяхъ гдѣ-нибудь въ Канадѣ или Австраліи, то вы скоро замѣтите, что наше отечество представляется ему чѣмъ-то весьма неяснымъ, но огромнымъ, могучимъ и, надо признаться, мало симпатичнымъ. Про него можно услышать много вздору. Я не могу забыть, какъ мнѣ случайно попала въ руки книга какого-то англійскаго автора, побывавшаго въ Россіи и, очевидно, вывезшаго отсюда массу открытокъ съ изображеніями русскихъ типовъ, которые онъ и воспроизвелъ въ своей книгѣ для большей наглядности текста. Къ несчастью, онъ смѣшалъ два русскіе слова: кучеръ и купецъ и подъ видомъ русскаго купца воспроизвелъ бородатаго мучера въ кучерскомъ армякѣ и треугольной кучерской шляпѣ. Подъ этимъ изображеніемъ сдѣлана надпись: «A russian merchant», а въ скобкахъ латинскими буквами «сооретз».

Но, кромѣ такихъ добросовѣстныхъ курьезовъ, въ Лондонѣ въ оборотъ пускается про Россію множество невѣрныхъ свѣдѣній со-

вершенно сознательно. Представители народностей, населяющихъ Россію и имѣющихъ счеты съ русскимъ правительствомъ, ведутъ въ Лондонѣ сильную антирусскую пропаганду. Въ ихъ изображеніи Россія выходитъ, конечно, не такой, какой видимъ ее мы. Пропаганда антирусскихъ чувствъ не брезгаетъ, повидимому, никакими средствами, и я долженъ отмѣтить фактъ, дважды мною замѣченный: злодѣи кинематографическихъ драмъ изъ великосвѣтской жизни непременно оказываются русскими, какимъ-нибудь небывалымъ Count Orloff'ымъ и т. п. Нужно, впрочемъ, сказать, что въ созданіи такого мало лестнаго для насъ представленія виновны и мы сами. Вѣдь не такъ еще давно брошена нами пошлая мода, въ силу которой всякій, кто претендовалъ на званіе передового человѣка, долженъ былъ презрительно щуриться и ругать силошъ все русское, особенно если онъ попадалъ за границу. Последней отрыжкой этого убогаго міросозерцанія явилась вышедшая какъ разъ передъ войной увѣсистая книжка о Россіи г-жи Жаринцовой (*Russia, country of extrimities*), которую я, по крайней мѣрѣ, не могъ читать безъ глубокаго отвращенія.

Что же при такихъ условіяхъ знала о Россіи трудовая и дѣловая Англія лѣтъ десять тому назадъ? Очень мало. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Соляномъ Городкѣ читаль лекціи объ англійскихъ университетахъ профессоръ педагогики шеффилдскаго университета Гринъ, и когда одинъ изъ присутствовавшихъ на лекціи предложилъ ему вопросъ, знакомы ли англичане съ русскими педагогами, Гринъ отвѣтилъ, что русскіе педагоги въ Англійи не извѣстны совсѣмъ, а изъ всей русской литературы средній англичанинъ знаетъ Тургенева, Л. Толстого и Максима Горькаго. Къ этому можно прибавить, что изъ области русской науки средній англичанинъ назоветъ еще имена Менделѣева, да, пожалуй, московско-оксфордскаго профессора Виноградова, специализировавшагося по исторіи Англійи. Пользовались еще необыкновенной популярностью въ Лондонѣ имена Шаляпина и балерины Павловой, но это и все, что лондонскій обыватель знаетъ объ искусствѣ Россіи.

Чѣмъ объяснить себѣ это странное на первый взглядъ явленіе, что Англія, давно уже не спускавшая съ насъ глазъ, знаетъ о нашей великой странѣ такъ же мало, какъ о маленькой Сербіи? Причинъ для этого было, конечно, много, и я не могу излагать ихъ всѣ съ исчерпывающей полнотой. Но указать на нѣкоторыя изъ нихъ я считаю необходимымъ. Первая причина—международное европейское положеніе. Чтобы узнать другъ друга, необходимо сблизиться. Но это сблизеніе «кита» со «слономъ», какъ называлъ Россію и Англійю Бисмаркъ, было очень нежелательно и даже опасно коекому въ Европѣ, и будущему историку предстоитъ вскрыть вопросъ, какія силы работали надъ разъединеніемъ обѣихъ этихъ странъ. Теперь же мы можемъ только указать, какъ работали эти силы.

Россію отпугивали отъ этого сближенія указаніями на то, что Англія—родина свободы, замаскированная республика, поборница такъ называвшихся у насъ «превратныхъ идей». Англіи съ другой стороны нашептывали, что русскіе спятъ и во снѣ видятъ, какъ бы завоевать и отнять у нихъ Индію. Англичане попались на эту удочку, и еще недавно, уже послѣ начала войны, я, къ величайшему моему огорченію, имѣлъ случай прочесть статью редактора газеты «Daily News» Гардинера, предостерегаващаго своихъ соотечественниковъ противъ Россіи, такъ какъ Индія-де продолжаетъ оставаться на своемъ мѣстѣ.

Русское общество прекрасно знаетъ, какъ напрасны въ этомъ отношеніи страхи англичанъ. Если въ Россіи и заходила, въ періоды обостренія англо-русскихъ отношеній, рѣчь объ Индіи, то какъ о единственно возможномъ театрѣ войны между Англіей и Россіей, въ случаѣ, если бы, Боже сохрани, такая война вспыхнула. Но завоеваніе Индіи, приобщеніе ея къ Россіи русское общество всегда считало политической авантюрой, и этотъ взглядъ нашель себѣ яркое выраженіе въ представленномъ военнымъ министромъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ всеподданнѣйшемъ докладѣ. Вотъ что писалъ въ немъ генераль-адъютантъ Куропаткинъ, прекрасно знающій, по своей долговременной службѣ въ краѣ, наши средне-азиатскія отношенія: «Глубоко убѣжденный, что овладѣніе Индіей составитъ несчастіе и непосильную тяжесть для Россіи, я признаю естественнымъ и желательнымъ установить настолько дружескія отношенія къ Англіи, чтобы, въ случаѣ волненій противъ Англіи въ Индіи, мы были на сторонѣ англичанъ».

Полагаемъ, что недоразумѣнія насчетъ Индіи теперь исчезнутъ такъ же, какъ исчезаютъ англійскія предубѣжденія насчетъ проливовъ.

Вторая общая причина, державшая до сихъ поръ Англію и Россію вдали другъ отъ друга, заключается въ отсутствіи между ними прочныхъ и обширныхъ экономическихъ связей. Въ наше время экономическое сближеніе народовъ едва ли не прочнѣе всякихъ политическихъ комбинацій. Но этого сближенія между русскимъ дѣловымъ міромъ и англичанами до сихъ поръ не могло быть, ибо, какъ извѣстно, русскій рынокъ былъ цѣликомъ и даже въ мелочахъ захваченъ нѣмцами, почти вытѣснившими всѣхъ другихъ конкурентовъ.

Изъ частныхъ причинъ укажу также двѣ. Прежде всего слабое распространеніе у насъ англійскаго языка. Англичане—плохіе лингвисты и говорятъ, обыкновенно, только по-англійски. Русскіе—прекрасные лингвисты, но, будучи славянами и живя въ XX вѣкѣ, они предпочитаютъ подражать Германіи и изучаютъ въ массѣ латинскій языкъ, оставляя изученіе англійскаго лишь въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Взаимное незнаніе языка слу-

жить, конечно, огромнымъ тормозомъ и для развитія взаимныхъ сношеній.

Наконецъ, надо еще указать на отсутствіе или на недостаточность и у насъ, и у англичанъ специальныхъ организацій, которыя дѣятельно преслѣдовали бы цѣли взаимнаго личнаго ознакомленія Россіи съ Англіей и наоборотъ. Какое могущественное дѣйствіе имѣеть такое ознакомленіе, показываетъ недавній примѣръ извѣстнаго англійскаго романиста Уэллса. Относившійся ранѣе къ Россіи безразлично, Уэллсъ, побывавъ у насъ, нашелъ въ русскихъ что-то общее съ англичанами, отчего ему было гораздо труднѣе отличить отъ англичанъ русскихъ, чѣмъ представителей другихъ національностей. Вернувшись въ Лондонъ, Уэллсъ сталъ горячимъ руссофиломъ и теперь ведетъ въ газетахъ жаркую полемику съ извѣстнымъ драматургомъ Бернардомъ Шоу, который остается еще во власти прежнихъ антирусскихъ чувствъ.

Разумѣется, указанныя мною причины, мѣшавшія до сихъ поръ англо-русскому культурному сближенію, должны будутъ исчезнуть въ самомъ непродолжительномъ времени: одинъ изъ нихъ будутъ сметены игрою міровыхъ силъ, другія устранены нашей доброю волей. И англичане уже поняли, что насталъ историческій часъ, когда въ интересахъ прогресса и цивилизаціи обѣ великія страны должны познакомиться другъ съ другомъ поближе, и спѣшать наверстать пропущенное. Въ Англіи уже образовалось сильное руссофильское теченіе, во главѣ котораго идетъ газета «Times». На лондонскомъ книжномъ рынкѣ то и дѣло появляются сочиненія, посвященныя разнымъ сторонамъ русской жизни. Такъ, введеніе у насъ народнаго представительства нашло себѣ компетентнаго историка въ лицѣ профессора Пэрс (Pares—Russia und Reform). Морисъ Берингъ сдѣлалъ въ своей книгѣ интересную попытку опредѣлить нравственную личность русскаго народа. Переизданное сочиненіе знатока Россіи сэра Меккензи Уоллеса даетъ широкую картину русской жизни со всѣми особенностями ея общественнаго и государственнаго уклада. Недавній нашъ гость Reynolds посвящаетъ свою книгу «My russian year» главнымъ образомъ результатамъ новѣйшаго нашего землеустройства. Обрусѣвшій англичанинъ Степанъ Петровичъ Грахамъ погрузился въ самую толщу народную и съ котомкой за плечами и посохомъ въ рукѣ бродитъ съ нашими странниками изъ монастыря въ монастырь, отъ Соловокъ до Иерусалима, вѣрно отражая въ своихъ книгахъ наши народныя думы и чаянія.

Для дѣловыхъ людей англійскіе книгоиздатели располагаютъ такими богатыми свѣдѣніями изданіями, какъ «Русскій Ежегодникъ» (The Russian Yearbook), издаваемый Кеннардомъ. Для нихъ же газета «Times» время отъ времени выпускаетъ такъ называемый «Русскій номеръ «Times», сплошь посвященный Россіи и вопросамъ англо-русскаго экономическаго сближенія.

Оживился спросъ въ Англіи и на произведенія нашей художественной и научной литературы. Къ тому, что уже имѣлось въ англійскомъ переводѣ, за послѣдніе годы прибавились переводы Пушкина, Крылова, Достоевскаго, Чехова. Прекрасные труды по русской исторіи бібліотекаря Британскаго музея Низбета Бэна (*The first Romanov, The Slavonic Europe, The last King of Poland*) теперь усилены переводомъ капитальнаго курса русской исторіи покойнаго В. О. Ключевскаго.

Для ознакомленія съ политической жизнью Россіи и съ существующими въ ней теченіями, а также со взглядами русскихъ политическихъ дѣятелей на событія англійской жизни и наоборотъ возникъ въ Лондонѣ года два тому назадъ особый журналъ— «Англо-Русское Обзорѣніе» («*The Anglo-Roussian Review*»). Этотъ журналъ выходитъ книжками четыре раза въ годъ и содержитъ въ себѣ главнымъ образомъ переводы статей членовъ нашей Государственной Думы различныхъ фракцій.

Не могу не отмѣтить здѣсь глубокаго интереса англичанъ къ области русской религіозной жизни, дошедшаго до мысли о соединеніи церквей. Движеніе это началось уже давно, приблизительно съ полвѣка тому назадъ, и усилилось въ девятидесятыхъ годахъ, когда впервые пріѣзжалъ въ Россію архіепископъ іоркскій. Горячимъ сторонникомъ этого движенія въ Англіи является мистеръ Биркбекъ, или, какъ у насъ его называютъ, Иванъ Васильевичъ Биркбекъ, извѣдившій за сорокъ лѣтъ всю Россію и положившій такъ много силъ на изученіе догмы и обрядности православной церкви. Пораженный красотой нашего богослуженія, мистеръ Биркбекъ перевелъ много нашихъ церковныхъ пѣснопѣній на англійскій языкъ и ввелъ у себѣ на родинѣ русскую панихиду, которая, по распоряженію королевы Викторіи, исполняется теперь во всѣхъ дворцовыхъ церквахъ. Движеніе это продолжается и сейчасъ, и намъ извѣстно, что одна изъ крупныхъ книжныхъ фирмъ изъ *Pater noster Row*, занимающаяся издательствомъ книгъ духовнаго содержанія, приступила уже къ издательству житій преподобныхъ Сергія Радонежскаго и Нила Сорскаго, причемъ въ изданіи будутъ даны и самыя сочиненія заволжскаго старца.

Изъ этого бѣглаго очерка политическихъ и культурныхъ сношеній Россіи съ Англіей нельзя не усмотрѣть, что почва для сближенія обѣихъ странъ уже достаточно подготовлена. Она разрыхлена и вспахана трудами немногихъ отдѣльныхъ лицъ. Упомянемъ здѣсь съ благодарностью прежде всего имя О. А. Новиковой (Кирѣевой). Вращаясь много, много лѣтъ среди самыхъ выдающихся дѣятелей англійской политической жизни, знакомясь съ Гладстономъ, Карлейлемъ, Фриманомъ, Сольсбери и многими другими, г-жа Новикова болѣе четверти вѣка сражалась въ Англіи за интересы Россіи, и сейчасъ остается желаннымъ сотрудникомъ «*Times*».

Не даромъ Дизраэли прозвалъ ее «членомъ парламента отъ Россіи», подъ каковымъ заглавіемъ и написалъ очеркъ ея публицистической дѣятельности извѣстный журналистъ Стэдъ, погибшій на «Титаникѣ».

Упомянемъ здѣсь еще П. Н. Милюкова, лѣтъ десять тому назадъ писавшаго въ «Athenaeum» талантливые обзоры русской литературы, членомъ Государственной Думы, потрудившихся для установленія связей между обоими парламентами. Наконецъ минувшимъ лѣтомъ соединительной чертой между англійскимъ педагогическимъ міромъ и Россіей сталъ профессоръ Нечаевъ, приглашенный Британской ассоціаціей на конгрессъ въ Австраліи прочесть рядъ сообщений о постановкѣ въ Россіи школьнаго дѣла, которымъ англичане интересуются давно и о которомъ имѣютъ прекрасную официальную работу, напечатанную въ числѣ другихъ изданій парламента.

Съ англійской стороны въ томъ же направленіи дѣйствуютъ профессоръ Персъ, профессоръ Гринъ, мистеръ Берингъ и готовы оказать всякое содѣйствіе культурному сближенію обѣихъ странъ и профессоръ П. Г. Виноградовъ. Но англичане идутъ дальше. Они поняли, что усилій отдѣльныхъ лицъ въ такомъ большомъ дѣлѣ недостаточно, что наше поколѣніе, заваленное житейскими дѣлами, можетъ лишь принять на себя инициативу этого сближенія, закладывая чувство симпатіи и взаимнаго влеченія въ поколѣнія, которыя послѣ насъ наслѣдуютъ землю. Вотъ почему къ старинному уже обществу «Англо-русскому лондонскому литературному обществу» (The Anglo-Russian Literary Society of London), собирающемуся періодически подъ предѣдательствомъ мистера Казалетта въ Имперскомъ институтѣ и знакомящему путемъ рефератовъ своихъ членомъ съ русской исторіей и литературой, къ этому обществу англичане прибавили еще учебные курсы «Ливерпульская университетская школа для изученія Россіи» (The Liverpool University School of Russian Studies), преслѣдующіе цѣль—ознакомленіе съ русскимъ языкомъ и литературой молодого поколѣнія Англій. Кромѣ общихъ курсовъ, устроены еще спеціальныя двухлѣтнія курсы русскаго языка, для изученія котораго при курсахъ состоитъ русская бібліотека, уже насчитывающая болѣе двухъ тысячъ томовъ.

Ознакомленіе съ нашимъ отечествомъ черезъ книгу при помощи фотографической пластинки даетъ, конечно, хорошее понятіе о Россіи, но оно лишено наглядности, лишено тѣхъ живыхъ впечатлѣній, благодаря которымъ отвлеченное понятіе претворяется въ душѣ въ живучее осязательное представленіе. Вотъ почему, думается мнѣ, въ дѣлѣ ознакомленія обѣихъ странъ между собою слѣдуетъ сдѣлать еще шагъ впередъ: надо, чтобы обѣ союзныя націи пришли между собой въ личное соприкосновеніе, надо

сдѣлать такъ, чтобы русская молодежь могла повидать Англію, а англійская побывать въ этой далекой Россіи.

Но, быть можетъ, возразятъ мнѣ, зачѣмъ искать вліянія въ русскую народную стихію чуждаго элемента? Не лучше ли, съ точки зрѣнія общественной педагогики, направить всю силу нашего самосознанія на познаніе самихъ себя, своего національнаго духа и развивать его въ его чистомъ видѣ, безъ всякихъ примѣсей иностранныхъ вліяній?

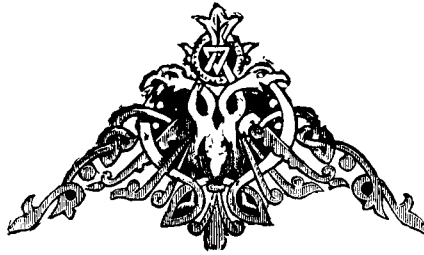
Возраженіе какъ будто патріотическое. Но какъ же быть тогда съ великимъ патріотомъ и глубочайшимъ провидцемъ этого національнаго духа, тѣмъ же Достоевскимъ, который говоритъ: «Что же такое сила духа русской народности, какъ не стремленіе въ конечныхъ цѣляхъ своихъ ко всемірности и всечеловѣчности?» Отгораживать этотъ народный духъ отъ соприкосновенія съ иноземными вліяніями не значить ли дѣйствовать наперекоръ его предназначенію и затруднять достиженіе имъ его высшихъ синтетическихъ цѣлей? Не правильнѣе ли будетъ при подобныхъ условіяхъ для соціальной педагогики ограничить свою работу выборомъ самыхъ точекъ соприкосновенія, такъ чтобы запросы русской народной души, по возможности, приходили въ соприкосновеніе съ культурой народовъ, обладающихъ наибольшимъ благородствомъ? А въ числѣ такихъ культуръ будетъ, несомнѣнно, и англійская. Соприкосновеніе съ нею, кажется, никому еще не сдѣлало зла, а въ насъ, русскихъ, всегда вызывало подъемъ и нашего собственнаго самосознанія. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1742 году мы были въ союзѣ съ англичанами, и царствованіе императрицы Елизаветы носило вполне національный характеръ. Въ 1806 году англійскій король Георгъ III, отпуская изъ Лондона нашего посла графа Воронцова, говорилъ: «Слѣдовало бы лишиться здраваго смысла и увлечься безразсудными идеями, чтобы вообразить, будто можетъ существовать болѣе естественный союзъ въ мірѣ, чѣмъ союзъ Россіи съ Великобританіей. Добрый англичанинъ долженъ быть и добрымъ русскимъ и наоборотъ». Это было сказано въ царствованіе Александра I, и царствованіе это прошло не безъ славы для Россіи и не безъ подъема нашего національнаго сознанія, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе просвѣщенныхъ кругахъ нашего общества. Слѣдующую вспышку у насъ англофильства мы наблюдали въ шестидесятыхъ годахъ, когда Англіей увлекался въ особенности М. Н. Катковъ съ его «Русскимъ Вѣстникомъ». И какъ разъ въ эпоху еще не успѣваго остыть англофильства Россія получаетъ свои великія реформы. Въ нынѣшнее царствованіе мы сами переживали усиленіе англофильскихъ чувствъ, и Россія получила свою величайшую реформу, народное представительство.

Я, разумѣется, далеко отъ мысли приводить эти явленія въ причинную связь, но не могу не отмѣтить ихъ, какъ страннымъ об-

разомъ сокутствующія одно другому, и при отсутствіи противоположеній беру смѣлость думать, что это сокутствіе сохранится и на будущее время.

Итакъ, послѣ приведенныхъ фактовъ, врядъ ли можно отрицать великую пользу взаимнаго ознакомленія Россіи и Англіи, особенно въ лицѣ ея молодого поколѣнія, еще не зараженнаго историческими предрасудками. Почва для этого уже разрыхлена и готова. Идея этого ознакомленія носится, такъ сказать, въ воздухѣ, и будемъ надѣяться, что правъ тотъ философъ, который утверждалъ, что идеи—это тѣнь приближающихся событій. Будемъ надѣяться, что и событія не заставятъ себя долго ждать.

А. Бѣловъ.

КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ.

I.

Дорога въ пустынь.—Общій видъ пустыни.

ВУТЬ ВЪ КОРЕННУЮ пустынь лежитъ по Московско-Курской желѣзной дорогѣ. За станціею Золотухино поѣздъ пробѣгаетъ по мосту черезъ рѣку Тускорь, на берегахъ которой стоятъ пустынь и Курскъ. По обѣ стороны желѣзнодорожнаго полотна раскинулись черноземныя поля, прекрасно описанныя щигровскимъ помѣщикомъ, извѣстнымъ писателемъ-туристомъ Евгениемъ Марковымъ. На околицахъ большихъ селъ и деревень кое-гдѣ высятся пирамидальныя тополя, правда, еще не столь величественныя, какъ въ коренной Малороссіи.

Впереди направо, среди зелени бѣлѣетъ святая обитель.

На платформѣ станціи Коренная пустынь, называвшейся раньше Будановской, стоитъ большая каменная часовня монастыря, монахъ которой во время стоянки поѣзда ходитъ по платформѣ со сборомъ подающаго, звоня въ колокольчикъ.

Отъ станціи до пустыни четыре версты по проселочной дорогѣ. Масса извозчиковъ ждетъ у вокзала богомольцевъ. Ну, и экипажи у этихъ возницъ! Простыя самодѣльныя деревянныя дрожки съ холщевымъ навѣсомъ во время ѣзды ходуномъ ходятъ—того и гляди, что разсыплются на нѣсколько частей. Отъ станціи до самаго монастыря протянулась огромная деревня Будановка, вдоль которой мы и ѣдемъ.

На скатъ горы, на правомъ берегу Тускори, среди обширныхъ рощъ и садовъ пріютилась обитель. Ея бѣлые храмы и зданія то живописно скрываются въ купѣ окружающихъ ихъ деревьевъ, то выглядываютъ изъ-за нихъ, словно головки бѣлыхъ лилій изъ корзины зелени. Виденъ величественный соборный храмъ, позади его высится колокольня. За соборомъ и колокольней стоятъ обширный двухъэтажный домъ настоятеля монастыря и другія зданія, налѣво выглядываетъ скитскій храмъ. Близъ собора видно начало крытой галереи, идущей къ нижнему колодезю, гдѣ явилась чудотворная икона. Самая галерея закрыта вѣтвями вѣковыхъ деревьевъ, но нижняя церковь, построенная надъ святымъ колодеземъ, отлично видна. Удивительно красивы въ осеннюю пору года «въ багрець и золото одѣтые» рощи и сады обители.

Къ югу отъ монастыря, въ сторону Курска, высоко на горѣ стоитъ большой каменный храмъ села Долгаго, а къ сѣверу раскинулись бѣлыя хатки деревни Служни, населеніе которой кормится работою на братію монастыря.

У подножья горы красиво вьется рѣка Тускорь, черезъ которую богомольцевъ перевозятъ на двухъ большихъ лодкахъ.

Отъ монастыря до Курска 27 верстъ.

II.

Краткая исторія пустыни.—Явленіе чудотворной иконы.—Перенесеніе иконы въ Рыльскъ.—Священникъ «Боголюбовъ».—Разсѣченіе иконы на двѣ части татарами.—Новое обрѣтеніе иконы.—Попытки жителей Рыльска помѣстити икону въ своемъ городѣ.—Основаніе пустыни.—Построеніе курскаго Знаменскаго монастыря.—Самостоятельное существованіе пустыни.

Анонимный авторъ историческаго описанія нашей обители ¹⁾ говоритъ: «Въ 6803 году отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова въ 1295 году, 8-го сентября, случилось одному благочестивому мужу притти ради своего прибытка въ лѣсъ, которымъ поросли окрестности Курска по его разореніи, и по Божію смотрѣнію увидѣлъ онъ близъ рѣки Тускори въ полугорѣ, у корня ²⁾ большаго дерева лежащую ницъ икону, которую лишь только поднятъ отъ земли, какъ тотчасъ же изъ того мѣста протекъ источникъ воды; увидя это, оный мужъ поставилъ честно обрѣтенную имъ икону Знаменія Божіей Матери въ душлѣ того дерева, а самъ тогда же объявилъ о семъ преславномъ чудѣ своимъ товарищамъ, которые, согласясь между собой, построили на нѣсколько сажень выше упомянутаго мѣста на лѣсистомъ острову (гдѣ нынѣ находится со-

¹⁾ Историческое описаніе Коренной Рождественно-Богородицкой пустыни. Изданіе 5. Москва. 1898. Стр. 11.

²⁾ Отсюда и названіе пустыни Коренной.

борная монастырская церковь) часовню изъ лѣса, срубленнаго на семь же мѣстѣ, и, поставивъ въ ней чудотворную икону, возвратились съ миромъ восвосяи.

Молва объ явленіи иконы, конечно, быстро распространилась по округѣ, дошла она и до города Рыльска, которымъ правилъ въ то время князь, по прозвищу Шемяка. Послѣдній приказалъ икону перенести въ Рыльскъ, что и было немедленно исполнено. Когда икона была принесена къ городскимъ воротамъ, люди, несшіе ее, отправили посланнаго къ князю просить его самолично встрѣтить и внести въ городъ святую икону. Князь отъ исполненія этой просьбы отказался и приказалъ икону поставить за городомъ.

Преданіе гласить, что за такое непочтеніе къ чудотворному образу Богоматери князь былъ пораженъ слѣпотою. Но князь скоро понялъ свой нечестивый поступокъ. «Онъ притекъ къ мѣсту, гдѣ была поставлена святая икона, принесъ передъ нею всенародное покаянiе и получилъ исцѣленіе», [причемъ далъ обѣтъ поставить въ Рыльскѣ для нея храмъ, что вскорѣ и исполнилъ. «Но сія чудотворная икона не благоволила имѣть въ этомъ храмѣ постоянное пребываніе, чудесно перейдя опять въ пустыню на мѣсто своего явленія, гдѣ и пребывала попрежнему, источая исцѣленія съ вѣрою приходящимъ».

Итакъ, святая икона опять на мѣстѣ своего явленія.

Священникъ Рыльска, по прозвищу Боголюбъ, движимый глубокой вѣрой въ святую икону, сталъ совершать частыя паломничества къ часовнѣ на рѣку Тускоръ и служить тамъ для богомольцевъ молебны.

Разъ Боголюбъ усердно молился въ часовнѣ, и въ это время на нее набрела шайка татаръ. Сжечь часовню, такъ рѣшили татары. Они обложили часовню хворостомъ и подожгли ее. Часовня не загорѣлась. Еще два раза они поджигали ее, но она осталась невредимой.

— Не вамъ, исчадіе ада, изничтожить сію часовню. Сама Царица Небесная охраняетъ ее,—молвилъ Боголюбъ ворвавшимся въ часовню татарамъ, указывая на икону.

Татары схватили Боголюба, связали его и выволокли изъ часовни, а затѣмъ вынесли изъ часовни икону и разсѣкли ее на двѣ части; одну часть иконы бросили тутъ же, близъ часовни, а другую часть бросили вдаль. Послѣ этого часовня была ими сожжена до гла. Священникъ Боголюбъ былъ взятъ татарами въ плѣнъ.

Боголюбъ былъ изъ тѣхъ русскихъ людей, которыхъ никакими посулами, никакими угрозами нельзя склонить къ перемѣнѣ вѣры. И въ ордѣ онъ продолжалъ непрестанное служеніе Богу. Когда однажды онъ пасъ въ полѣ стадо и пѣлъ, по своему обыкновенію, церковныя пѣсни, мимо проѣхали послы русскаго князя. Услыхавъ родныя пѣсни и узнавъ о томъ, кто ихъ пѣлъ, послы вы-

купили Боголюба изъ плѣна и возвратили его въ Россію. По возвращеніи на родину Боголюбъ немедленно отправился въ курскія дебри на поиски разсѣченной надвое чудотворной иконы. И онъ нашелъ ее; одна половина находилась въ кустѣ, а другая въ близкомъ разстояніи отъ послѣдняго. «И едва только сложилъ онъ обѣ половины, онѣ въ то же самое время соединились чудеснымъ образомъ такъ крѣпко, что не осталось и слѣдовъ разсѣченія; а изъ мѣста соединенія обѣихъ частей выступила роса».

На мѣстѣ явленія иконы Боголюбъ построилъ хижину, въ которой и помѣстилъ ее, а затѣмъ самъ отправился въ Рыльскъ. Горожане, услышавъ отъ священника о чудесахъ, явленныхъ святою иконою, снова перенесли ее въ свой городъ и поставили ее въ храмъ, построенномъ княземъ Шемякою. Но на другой же день горожане, пришедшіе къ всенощной, не нашли иконы на своемъ мѣстѣ: святая икона оказалась на мѣстѣ своего явленія. Тогда жители Рыльска построили тамъ часовню, куда и поставили икону.

И еще неоднократно, но столь же безуспѣшно, жители Рыльска пытались помѣстить святую икону въ своемъ городѣ...

Слава о чудотворной иконѣ достигла Москвы. По волѣ царя Феодора Иоанновича икона была принесена въ Москву. Царь, патріархъ Іовъ, освященный соборъ, ближніе бояре и войска встрѣтили икону за городомъ, у села Котловъ.

Вся Москва помолилась передъ святою иконою.

Царь богато украсилъ икону и «отпустилъ ее съ подобающей честью изъ Москвы обратно въ пустынь, гдѣ тогда же повелѣлъ построить своимъ царскимъ изживеніемъ монастырь съ церковью во имя Рождества Пресвятыя Богородицы».

Это было въ 1597 году.

Такъ возникла Коренная Рождество-Богородицкая пустынь.

Постоянные набѣги татаръ на наши крайныя принудили царя повелѣть перенести икону изъ пустыни, какъ подвергавшейся большей опасности, чѣмъ городъ, въ Курскъ. Здѣсь она была поставлена въ соборной Воскресенской церкви.

Въ 1604 году первый самозванецъ приказалъ перенести святую икону въ Путивль, гдѣ была его временная резиденція. Лже-Дмитрій взялъ затѣмъ съ собой икону въ Москву.

Въ 1611 году, во время нахождения иконы въ Москвѣ, польскія и литовскія полчища подъ предводительствомъ гетмана Жолкѣвскаго осадили Курскъ и взяли большой Острогъ. Куряне принуждены были скрыться въ малый Острожекъ. Они дали торжественное обѣщаніе построить въ этомъ Острожкѣ монастырь для чудотворной иконы, если Господь и Богоматерь избавятъ ихъ отъ врага.

Поляки и литовцы послѣ тщетныхъ попытокъ взять Острожекъ отступили отъ Курска.

Вѣрные данному обѣту, куряне построили около храма Рождества Пресвятыя Богородицы деревянный монастырь, гдѣ и помѣстили въ 1618 году чудотворную икону. Около того же времени была возобновлена и разоренная непріятелемъ пустынь. По преданію, именно въ 1618 году и была въ первый разъ принесена въ Коренную пустынь изъ Курскаго монастыря святая икона. Съ того времени послѣдняя ежегодно въ девятую пятницу послѣ Пасхи переносится изъ Курска въ пустынь, въ которой она и остается до 12 сентября ¹⁾. Въ этомъ же 1618 году при монастырѣ былъ открытъ «торгъ», обратившійся впоследствии въ знаменитую Коренную ярмарку.

Въ XVII вѣкѣ пустынь «Пустыньскій Богородицкій монастырекъ» находился въ зависимости отъ Курскаго Богородицкаго монастыря и право на владѣніе послѣдняго первымъ подтверждалось царскими грамотами каждый разъ при перемѣнѣ настоятелей. Причемъ во все это время пустынь «содержалась отъ получаемаго во время бываемаго въ ней о девятой пятницѣ богомоленія съ построенныхъ подлѣ того монастыря лавокъ сбору и собираемыхъ въ церкви за отправленіе молебновъ подаяній, и построеннаго близъ онаго жъ монастыря для пріѣзжающихъ богомольцевъ гостинаго постоялаго двора, а равно и имѣющихся при ней двухъ садовъ».

Въ 1703 году въ пустыни на мѣстѣ бывшей деревянной церкви была воздвигнута новая каменная соборная церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, а черезъ десять лѣтъ послѣ того близъ мѣста и колодезя, гдѣ явилась чудотворная икона, была построена каменная церковь во имя Пресвятыя Богородицы Живоноснаго Ея источника. Тогда же была устроена отъ собора въ тому храму галерея.

Въ 1764 году, то есть со времени введенія въ дѣйствіе «учрежденія о духовныхъ имѣніяхъ», начинается самостоятельное существованіе обители, причемъ первымъ настоятелемъ ея былъ назначенъ Исаія Илляшевичъ, постриженный въ монашество знаменитымъ святителемъ Іоасафомъ Горленкомъ Бѣлгородскимъ. Насколько бѣденъ былъ монастырь при вступленіи въ управленіе имъ Исаіи, можно видѣть изъ составленной имъ описи церковнаго и монастырскаго имущества, въ которой между прочимъ имѣлась такая характерная запись:

«Домашняго скота: ѣзжихъ лошадей три: всѣ престарѣлыя.

«Примѣчаніе. Двѣ пали въ трудахъ, одна продана.

«Рогатаго скота: старыхъ и молодыхъ коровъ, быковъ двулѣтнихъ и подтелковъ малыхъ всѣхъ 11.

«Примѣчаніе. По приговору братскому, за неимѣніемъ чѣмъ кормить,—проданы.

¹⁾ Но первоначально, повидимому, икона оставалась въ пустыни не болѣе 3—14 дней.

«Денегъ не имѣется».

Отецъ Исаія, управлявшій обителью въ теченіе пяти лѣтъ, не мало способствовалъ улучшенію положенія монастыря. Но особенно много послужилъ на пользу послѣдняго отецъ Макарій Каменецкій, вступившій въ управленіе обителью въ 1799 году; его преемникамъ уже не трудно было привести Коренную пустынь въ то цвѣтущее состояніе, въ которомъ она находится въ настоящее время.

Наше краткое историческое описаніе Коренной пустыни мы закончимъ упоминаніемъ о напумѣвшемъ на всю Россію взрывѣ въ курскомъ Знаменскомъ монастырѣ, при которомъ, однако, чудотворная икона осталась невредимой.

III.

Современное состояніе пустыни.—Церковь во имя Живоноснаго Источника.—«Корень», у котораго явилась св. икона.—Галерея.—Соборный храмъ.—Чудотворная икона.— Колокольня и церковь во имя Всѣхъ Святыхъ.—Скитъ.

На берегу рѣки Тускори, близъ того мѣста, гдѣ устроены причаль для монастырскаго парома, подъ сѣнью вѣковыхъ деревьевъ стоитъ небольшая каменная церковь во имя Живоноснаго Источника. Настоящая церковь была построена на средства знаменитаго сподвижника Петра Великаго, фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева въ память Полтавской побѣды.

Церковь очень невелика и не имѣетъ богатаго убранства. Посреди ея устроены обнесенный желѣзной рѣшеткою колодезь, въ который вставленъ мѣдный котель. Вода, кристальной чистоты, сюда проведена изъ «самообразовавшагося при явленіи святой иконы источника». На днѣ котла чернѣетъ множество мѣдяковъ и бѣлѣютъ серебряныя монеты, брошенныя сюда богомольцами.

Южныя двери этой церкви выходятъ на небольшой дворикъ, «на западной сторонѣ котораго покатость горы обѣщана отвѣсно и одѣта каменною одеждою, къ которой приставленъ деревянный щитъ; въ немъ вверху, сквозь продѣланное въ каменной одеждѣ отверстіе», виденъ «корень» того вяза, у котораго 600 лѣтъ тому назадъ явилась чудотворная икона. На щитѣ ниже корня помѣщена копія послѣдней.

Отъ описанной церкви вверхъ по горѣ устроена подъ желѣзной крышей широкая каменная лѣстница, имѣющая восемь уступовъ, изъ которыхъ два послѣднихъ составляютъ прямой уголъ съ остальными шестью. Вся лѣстница съ сѣверной стороны освѣщается большими итальянскими окнами. Противъ каждаго большого окна на южной сторонѣ недурно написаны большія картины, изображающія явленія чудотворной иконы и проистекавшія отъ ней чудеса. Потолокъ галереи расписанъ альфреско разнообразными узорами. Лѣстница галереи выходитъ на верхнюю площадку, противъ сѣвер-

ныхъ дверей соборнаго храма. Внутренній видъ этой галереи или «сходовъ», какъ называютъ ее въ монастырѣ, чрезвычайно красивъ. Построена она была въ тридцатыхъ годахъ архимандритомъ Паисіемъ и обошлась монастырю въ 800,000 рублей ассигнаціями.

Величественъ соборный храмъ во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, освященный въ 1860 году. Онъ построенъ въ византійско-русскомъ стилѣ и по внѣшнему виду имѣетъ сходство съ Благовѣщенскою конногвардейскою церковью въ Петербургѣ. Мѣсто, на которомъ стоитъ храмъ, покато отъ запада къ востоку, а потому нижній этажъ его со стороны алтаря представляетъ отдѣльное помѣщеніе, входъ въ которое устроенъ подъ высокимъ крыльцомъ, ведущимъ въ настоящую церковь. Храмъ очень обширенъ и свѣтелъ. Своды его поддерживаются двумя рядами массивныхъ квадратныхъ колоннъ. Стѣны расписаны священными изображеніями. Иконостасъ двухъярусный, украшенный по золотому полю позлащенными колоннами и рѣзбой. Мѣстные иконы Спасителя и Божіей Матери украшены серебряными ризами. За столбами, закрывающими клиросы, устроены два высокихъ кіота; въ правомъ кіотѣ помѣщается храмовая икона Рождества Богородицы въ серебряно-позлащенномъ окладѣ, а въ лѣвомъ—въ такомъ же окладѣ икона Казанской Божіей Матери. Последняя почитается чудотворной по бывшимъ отъ нея исцѣленіямъ. Говорятъ, что ранѣе она находилась на монастырской кухнѣ, а послѣ совершившагося по молитвѣ предъ нею чудеснаго исцѣленія больного погами послушника она была помѣщена въ церковной трапезѣ и наконецъ была поставлена на нынѣшнее мѣсто свое.

На лѣвой сторонѣ собора устроенъ придѣлъ во имя св. Іоанна Предтечи Господня.

Въ симметрію съ придѣломъ во имя св. Іоанна Предтечи устроено въ одной линіи съ иконостасами особое мѣсто для чудотворной иконы Знаменія Божіей Матери также въ видѣ иконостаса. Въ этомъ иконостасѣ, въ особенномъ позлащенномъ кіотѣ, и помѣщается святая икона во время своего временнаго пребыванія въ обители. Передъ иконою устроена возвышенная площадка, обведенная перилами, на которую ведутъ, для прикладыванія къ святынь, деревянныя лѣсенки съ двухъ сторонъ. Во время отсутствія изъ обители чудотворной иконы, а равно и во время ношенія ея по окрестнымъ селеніямъ, на ея мѣсто ставится точная копія ея, пожертвованная царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами курскому Знаменскому монастырю.

Святая икона очень не велика: она имѣетъ въ вышину и ширину всего шесть вершковъ. Икона богато украшена драгоценными камнями. «А то украшеніе у чудотворнаго образа Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Знаменія нарицаемаго Курскія: золотые и серебряные оклады и каменья и утварь жемчужная и

пелена жалованные блаженные памяти Государя Царя и Великаго Князя Θεодора Иоанновича всея Россіи и его Государя Благовѣрной царицы и Великой Княгини Ирины Θεодоровны.

«У тово жъ чудотворнаго образа Пречистыя Богородицы украшеніе убрусецъ шелковъ, блаженные памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Θεодоровича всея Россіи, Благовѣрной и Христолюбивой Царицы и Великой Княгини Евдокіи Лукьяновны».

Около собора высится стройная колокольня, видная за нѣсколько десятковъ верстъ; подъ нею устроены широкія святаыя врата, внутреннія стѣны которыхъ покрыты фресковой живописью съ изображеніями страшнаго суда, ада и т. п. Въ большомъ каменномъ корпусѣ, стоящемъ вблизи соборнаго храма, находится теплая церковь во имя Всѣхъ Святыхъ, ничѣмъ, впрочемъ, не замѣчательная. Подъ этою церковью устроена братская трапеза.

Для помѣщенія богомольцевъ въ монастырѣ имѣется двѣ вполне приличныхъ гостиницы.

Приблизительно въ верстѣ отъ соборнаго храма, за оврагомъ, устроенъ монастырскій скитъ съ храмомъ во имя Знаменія Божіей Матери, построеннымъ въ 1875 году. Черезъ оврагъ перекинутъ мостикъ. Удивительно живописное, поэтическое мѣстечко—этотъ логъ! Такими мѣстечками я любовался въ Святогорскомъ монастырѣ, близъ города Славянска, который, какъ извѣстно, принадлежитъ къ красивѣйшимъ, по мѣстоположенію, русскимъ монастырямъ.

Скитъ обнесенъ деревянной оградой. Когда я и сопровождавшій меня по обители послушникъ подошли къ скиту, то ворота его и калитка оказались запертыми. Долго и тщетно звали мы привратника... Тогда послушникъ выдернулъ изъ ограды колъ, и мы пролѣзли въ образовавшееся отверстіе. Нашему воровскому примѣру послѣдовала, охая и крестясь, почтенная старушка-монахиня.

Въ этотъ день все населеніе скита словно вымерло: мы не разыскали ни отца Марка, у котораго хранятся ключи отъ храма, ни другихъ скитскихъ иноковъ.

Такъ мнѣ и не удалось осмотрѣть скитскій храмъ.

— Да вы и не огорчайтесь этимъ, — утѣшилъ меня послушникъ:—въ семь храмъ нѣтъ ничего достойнаго обозрѣнія.

Вблизи храма, среди вѣковыхъ гигантовъ-деревьевъ, устроено кладбище для погребенія какъ монаховъ, такъ и мірянъ.

Въ скиту разбитъ обширный фруктовый садъ.

IV.

Коренная ярмарка.

Западные ворота ведутъ на площадь, отъ которой протянулась длинная улица съ обширными каменными рядами и амбарами, построенными въ царствованіе Екатерины II, вмѣсто бывшихъ здѣсь

ранѣе деревянныхъ. Здѣсь, какъ упоминалось выше, съ 1618 года, въ девятую пятницу послѣ Пасхи, собирался «торгъ», Коренная ярмарка, игравшая въ былое время для центральной Россіи такую же большую роль, какъ для Поволжья—Макарьевская. Мѣсто ярмарки занимало до 50 десятинъ земли и съ трехъ сторонъ было обнесено валомъ и рвомъ. Главнымъ предметомъ торговли были мануфактурныя издѣлія, чай, сахаръ, бакалейные товары, металлическія издѣлія, мѣха, кожи и пр. Насколько ярмарка была значительна, можно судить по тому, что обороты ея во второй половинѣ прошлаго столѣтія достигали 7 милліоновъ рублей. Въ 1860 году ярмарка была перенесена въ Курскъ и начала постепенно падать.

8-го сентября, въ день монастырскаго храмоваго праздника, здѣсь устраивается небольшая ярмарка съ обычными балаганами и каруселями. Бродя по вѣсковымъ рощамъ и садамъ, среди царившаго безмолвія, не нарушавшагося даже пѣніемъ птицъ, было странно слышать звуки развеселыхъ полекъ и вальсовъ, несшихся съ ярмарки.

V.

Тяжелыя думы о современномъ состояніи нѣкоторыхъ св. обителей.

Гулко неслись надъ рощами и садами, надъ красавицей Тускорью, надъ окрестными полями мощные звуки монастырскаго колокола. Я возвращался на вокзалъ. Мой Евдокимъ усердно хлесталъ кнутомъ пару доморожденныхъ лошадокъ, еле бѣжавшихъ.

— Ну, ну, буде вамъ упираться, лѣнливый, — все время твердилъ Евдокимъ.

А какъ было не «упираться» этимъ клячонкамъ, когда хозяинъ замучилъ ихъ непрестанной ѣздой.

Мнѣ думалась грустная дума. Наши прадѣды, праотцы, дѣды взирали на монастыри, какъ на святыя обители, какъ на пріюты для бездомныхъ и больницы для страждущихъ, какъ на оплотъ вѣры въ Бога и разсадники просвѣщенія, а на спасавшихся въ нихъ отъ соблазновъ сего міра грѣховнаго иноковъ, какъ на людей особой благочестивой жизни, усердныхъ молитвенниковъ за нихъ, грѣшниковъ, пребывающихъ въ міру, утѣшителей въ скорбяхъ, окруженныхъ едва ли не ореоломъ «великихъ ловцовъ передъ Господомъ».

Мысленно проходили передъ глазами образы духовныхъ богатырей, подвижниковъ нашей церкви: кіево-печерскихъ угодниковъ, преподобнаго Сергія Радонежскаго, задушеннаго злодѣйской рукою чловѣка-звѣря святителя Филиппа, яраго защитника земщины на Руси, сподвижника великаго Петра, святителя Митрофанія Воронежскаго, великаго аскета и истиннаго пастыря Христова святителя Задонскаго Тихона, немощнаго плотью, но сильнаго духомъ святителя Иоасафа Бѣлгородскаго, Серафима Саровскаго, великаго оптинскаго старца іеромонаха Амвросія и многихъ другихъ и

другихъ... И что же? Вѣра въ Бога все болѣе и болѣе падаетъ, и быстро исчезаетъ всякое довѣріе къ обителямъ, какъ къ очагамъ религіознымъ, просвѣтительнымъ и благотворительнымъ. Но это грустное, тяжелое явленіе вызвано не однимъ атеизмомъ, правда, пустившимъ уже глубокіе корни въ нашемъ обществѣ. Едва ли не главными обличителями монашеской «скверны» явились сами же официальные представители церкви. Покойнаго К. П. Побѣдоносцева вѣдь нельзя заподозрѣть въ невѣріи, но и онъ былъ вынужденъ признать, что «крайне умножились и развратъ и преступления въ средѣ духовенства, особенно по монастырямъ и много страшныхъ дѣлъ обличается въ судебномъ разсмотрѣніи».

Дѣйствительно, за «монашеской стѣной» творится что-то неладное, тамъ идетъ полный распадъ всего уклада жизни, завѣщаннаго и Спасителемъ, и отцами церкви, и подвижниками иноческой жизни. Чуть ли не каждый день и телеграфъ и почта сообщаютъ намъ о поразительныхъ фактахъ, срывающихъ завѣсу съ «закулисной» жизни иноковъ.

Давно ли мы читали о тѣхъ хищеніяхъ, которыя открылись въ Оптиной пустыни, гдѣ еще въ наши дни подвизался старецъ Амвросій, къ которому непрерывной вереницей шли и «лучшіе» русскіе люди побесѣдовать о «смыслѣ жизни», и тысячи «труждающихся и обремененныхъ» съ своею скорбью и съ исканіемъ также «смысла жизни»? Давно ли въ древнемъ Угличѣ, площадь котораго когда-то была обогрета невинной кровью царевича-мученика, былъ обнаруженъ въ монастырскомъ домѣ у самыхъ стѣнъ мужского монастыря притонъ, гдѣ монахи устраивали попойки, и гдѣ нашли трупы двухъ женщинъ? Давно ли духовный судъ вынесъ обвинительный приговоръ настоятелю кіевскаго Свято-Троицкаго монастыря архимандриту Мельхиседеку, носившему, по пропіи судьбы, имя того патріарха, который, по словамъ Библии, былъ прообразомъ самого Христа, — такому идеальному пастырю заблудшихъ овецъ, который не постѣнился растратить на оргіи съ женщинами и на содержаніе ихъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей монастырскихъ денегъ?.. И еще кошмарное дѣло. Въ Ченстоховѣ, въ монастырѣ, построенномъ королемъ Владиславомъ на Ясной горѣ и принадлежащемъ паулинскому ордену, съ глубокочтимой и католиками, и православными чудотворной иконой Богоматери похищаются многоцѣнные украшенія ея... А затѣмъ открываются удивительные факты изъ жизни иноковъ этой обители, кстати сказать, обладающей огромными богатствами. Оказалось, что эти иноки, эти люди, давшіе обѣтъ цѣломудрія и отреченія отъ всѣхъ благъ земныхъ, на трудовые гроши вѣрующихъ жили въ полное свое удовольствіе: они имѣли у себя лакеевъ, содержали рысаковъ и великолѣпные экипажи, переодѣвались въ свѣтское платье и ѣздили съ разными дамами на пикники, зазорные даже для мірянъ и, конечно, недопустимые для «отрекшихся отъ міра сего».

Вся глубина нравственнаго паденія этихъ милыхъ людей особенно ярко проявилась въ лицѣ разоблаченнаго и отданнаго въ руки правосудія отца Дамазія. Это чудовище, носящее образъ человѣческой, истинный сынъ сатаны, убивая своего брата, прочиталъ надъ нимъ отходную, далъ отпущеніе грѣховъ, а затѣмъ твердою рукою задушилъ его. Когда же эта тайна, потрясающая и приводящая въ ужасъ душу, стала явной, отецъ Дамазій впалъ въ преступное ханжество: онъ сталъ отказываться отъ пищи и непрерывно молиться тому Богу, надъ которымъ онъ дерзко надругался, и той Богоматери, чудотворный образъ которой разбойнически ограбилъ. Жутко! Страшно становится отъ адскихъ подвиговъ современныхъ иноковъ святыхъ обителей, въ которыхъ долженъ царить кроткій духъ христіанства.

Я сидѣлъ въ залѣ вокзала и заносилъ въ записную книжку впечатлѣнія, вынесенныя изъ поѣздки. Въ залу вошла не старая женщина и на рукахъ внесла дѣвочку, а другую дѣвочку внесъ носильщикъ. Одной на видъ было лѣтъ 10, а другой—лѣтъ 8. Оказалось, что у нихъ у обѣихъ были парализованы ноги, почему онѣ и не могли ходить. Ихъ милостивныя личики безучастно выглядывали изъ-подъ платковъ.

— Господи, что же это такое?—начала страшный разсказъ женщина, не обращаясь ни къ кому въ особенности изъ сидѣвшихъ въ залѣ.—Гдѣ же искать милости, исцѣленія? Я возила этихъ несчастныхъ къ лучшимъ докторамъ и въ Москву и въ Казань. Ни черта они не помогли! Говорятъ, что бывають чудеса и излечиваются неизлечимые люди. Стала возить ихъ по святымъ мѣстамъ. И гдѣ я только не была съ ними! И ниоткуда не пришло исцѣленіе! Какъ я усердно молилась здѣсь!.. И вотъ видите, опять никакой помощи...

Далѣе начался вопль истерзанной, измученной матери, граничащій съ кошунствомъ.

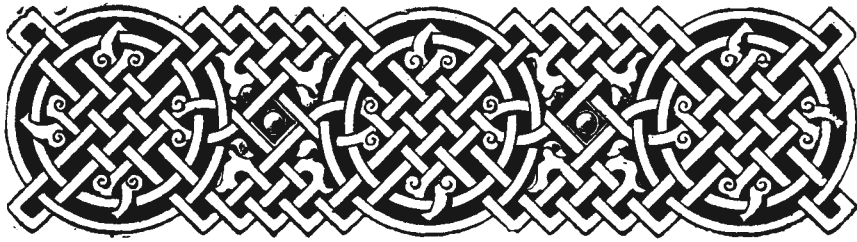
Я не въ силахъ былъ долѣе слушать эту несчастную женщину и вышелъ на платформу.

Къ станціи на всѣхъ парахъ подходилъ мой поѣздъ...

Андрей Фирсовъ.

ВЪ СТРАНѢ НАШИХЪ СОЮЗНИКОВЪ).

VI.

ВЪ ТѢМЪ мы посѣтили городской садъ, откуда, полюбовавшись красивой панорамой города и бухты, отправились на вокзалъ продолжать наше путешествіе далѣе.

Путь нашъ лежалъ въ большой торговый городъ Осака, въ коемъ имѣются многочисленныя узкія и длинныя улицы, по обѣимъ сторонамъ которыхъ, тянутся безконечныя ряды различныхъ магазиновъ, лавокъ и мастерскихъ.

Мы посѣтили многіе большіе магазины, наполненные оригинальными и сравнительно недорогими японскими издѣліями.

Затѣмъ поѣхали на кустарную выставку, она была интересна тѣмъ, что въ ней въ особомъ большомъ залѣ были выставлены различныя реликвіи и вещи, принадлежавшія покойному микадо, котораго японцы называютъ Великимъ. Тутъ были разные костюмы, шляпы, шпаги и дивной работы вазы клуазоне, альбомы, шкатулки, шитыя шелкомъ картины, ширмы и много другихъ интересныхъ вещей, при осмотрѣ которыхъ полиція просила публику снимать шляпы.

Въ этомъ же залѣ были выставлены нѣсколько портретовъ и бюстовъ генерала Ноги, который, какъ извѣстно, отличился въ русско-японскую войну при взятіи крѣпости Портъ-Артура и затѣмъ, вскорѣ послѣ смерти микадо, въ знакъ особой печали по немъ по-

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXIX, стр. 607.

кончилъ съ собой «хара-кири», то есть распоролъ себѣ животъ, благодаря чему онъ сдѣлался популярнымъ народнымъ героемъ, его карточки и бюсты выставлены въ окнахъ многихъ магазиновъ.

Кустарныя издѣлія на выставкѣ, очевидно, собранныя наспѣхъ, не представляли интереса, все это можно было видѣть въ многочисленныхъ магазинахъ и лавкахъ.

Съ выставки мы отправились въ чайный домикъ, подъ названіемъ «Даймое», гдѣ спеціально готовятъ японское національное блюдо «скіяги».

При входѣ въ чайный домикъ насъ попросили снять ботинки и въ однихъ чулкахъ повели коридоромъ въ чистую комнату съ тремя стѣнами, четвертая была раздвинута, мы черезъ нее любовались маленькимъ изящнымъ садикомъ, фонтаномъ и прудикомъ; въ послѣднемъ плавали двѣ маленькія японскія утки и золотыя рыбки.

Въ комнатѣ не было никакой мебели, мы сѣли по срединѣ ея на полъ, устланный чистыми циновками, причемъ г. Езаке сѣлъ, ловко поджавъ подъ себя ноги, а я свои некрасиво вытянулъ далеко въ сторону.

Вскорѣ въ комнату вошла молодая японка, одѣтая въ цвѣтной киримонъ съ привязаннымъ на поясницѣ разноцвѣтнымъ бантомъ и на головѣ имѣвшая трехэтажную замысловатую прическу. Подойдя къ намъ, она молча, съ пріятной улыбкой на широкомъ лицѣ, каждому изъ насъ отвѣсила по земному поклону. Я спросилъ: «Зачѣмъ она кланяется намъ такъ низко?» Мой благородный гидъ Езаке отвѣтилъ, что этимъ она исполняетъ японскую «чиримонію»,—онъ не могъ произнести букву «ц» и поэтому говорилъ чиримонія.

Японка скрылась. Затѣмъ она не спѣша принесла и поставила около насъ на полъ маленькую фаянсовую жаровню, называемую «хибачъ», сковороду съ мелко нарѣзанными кусочками курицы. Положила туда грибовъ, зеленого луку и еще какіе-то предметы. Названія коихъ я не знаю, влила на сковороду масла и постарила ее на жаровню и затѣмъ сѣла около насъ, поджавъ подъ себя ноги.

Японка все это продѣлывала съ пріятной улыбкой.

Г. Езаке говорилъ съ ней о чемъ-то по-японски; я былъ голоденъ и поэтому все время смотрѣлъ на шипящее «скіяги», оно заинтересовало меня болѣе японки.

Черезъ 15 минутъ «скіяги» было готово. Японка взяла маленькую фарфоровую чашечку, влила туда разбитое сырое куриное яйцо, разболтала его и съ двумя тоненькими палочками подала мнѣ. Я спросилъ г. Езаке, что я долженъ дѣлать съ этими вещами? Онъ отвѣтилъ: «Возьмите съ сковороды кипящій кусочекъ курицы, окуните его въ яйцо и кушайте».

Какъ, ѣсть безъ хлѣба, безъ соли да еще какими-то палочками, которыя у меня вертѣлись вокругъ пальцевъ! Я сталъ протестовать

и потребовалъ, чтобы японка принесла хлѣба, соли и вилку; послѣдніе два предмета нашлись въ чайномъ домикѣ, но хлѣба не оказалось, потому что тамъ его не имѣютъ. Я просилъ подать мнѣ вмѣсто хлѣба варенаго рису.

Нужно было видѣть, съ какимъ изумленіемъ смотрѣла на мой бунтъ японка, она съ низкими поклонами подала мнѣ большую миску варенаго риса, я всыпалъ туда соли и началъ брать вилкой съ сковороды кипящіе кусочки курицы, грибовъ и прочее, окуналъ ихъ въ яйцо и затѣмъ съѣдалъ. Скіяги оказалось чрезвычайно вкуснымъ блюдомъ, мы вдвоемъ съ г. Езаке быстро все съѣли, и я попросилъ, чтобы японка поскорѣе жарила другую порцію, которую мы съѣли также съ большимъ аппетитомъ. Оригинальный и вкусный японскій завтракъ стоилъ намъ что-то около двухъ рублей. Расплатившись за скіяги, я спросилъ какъ зовутъ нашу кормилицу. Она улыбнулась и отвѣтила: «Умэ». Наградивъ ее пуръ-буаромъ, мы поѣхали далѣе по желѣзной дорогѣ въ Моджи.

Японскія желѣзныя дороги всѣ узкоколейныя, хорошо оборудованныя. Поѣзда-экспрессы, на которыхъ мнѣ пришлось тамъ проѣхать болѣе трехъ тысячъ верстъ, идутъ быстро и безъ тряски.

Вагоны небольшіе, низкіе, но довольно чистые и свѣтлые, съ двумя продольными диванами (поперечныхъ мѣсть тамъ нѣтъ).

Въ вагонахъ I-го класса японки и японцы влѣзаютъ на диваны и, поджавъ подъ себя ноги, сидятъ на нихъ въ самыхъ неестественныхъ позахъ.

Каждому пассажиру кондукторъ приноситъ кожаныя туфли безъ пятокъ.

На японскихъ желѣзныхъ дорогахъ пыль совершенно отсутствовать, это объясняется свойствомъ почвы.

Въ экспрессахъ въ концѣ поѣзда находится вагонъ-салонъ съ большими зеркальными стеклами, мягкими креслами, библіотекой и письменнымъ столомъ, на которомъ лежатъ въ изобиліи бесплатныя бумага и конверты.

Затѣмъ въ каждомъ поѣздѣ имѣется вагонъ-ресторанъ съ порядочной французской кухней и съ баснословно дешевыми цѣнами, самое дорогое блюдо тамъ стоитъ 25 копеекъ.

На типичныхъ японскихъ станціяхъ, съ растущими вокругъ нихъ деревьями и цвѣтами, во время остановокъ поѣздовъ бываетъ всегда оживленно и шумно.

Среди публики снуетъ много разносчиковъ, предлагающихъ газеты, папирсы, фрукты, горячій чай въ желтыхъ глиняныхъ чайникахъ, японскіе обѣды и прочее.

Мы купили себѣ такой японскій обѣдъ, заключавшійся въ трехъ деревянныхъ коробкахъ, связанныхъ вмѣстѣ.

Въ первой изъ нихъ находился вареный рисъ и двѣ деревянныя палочки, во второй кусочекъ жареной рыбы и нѣсколько креветокъ и

въ третьей холодная баранина, соленый огурецъ, блинчики и зелень.

Всѣ эти три коробки стоили 25 копеекъ. Японскій обѣдъ оказался вполнѣ доброкачественнымъ и, можетъ быть, и вкуснымъ,—разумѣется, только не для русскаго желудка.

Японія. Рисовыя поля.

Въ Японіи нельзя найти пяди земли, которая не была бы раздѣлана съ любовью и большимъ знаніемъ дѣла.

Какъ извѣстно, главнымъ продуктомъ питанія у японцевъ служитъ рисъ; японцы ѣдятъ его вмѣсто хлѣба, затѣмъ изъ него выгоняютъ рисовую водку, подѣ названіемъ «саки».

«Истор. вѣсти», мартъ 1916 г., т. сѣхххх.

Рисовая солома идетъ на плетеніе шляпъ, цыновокъ и на выдѣлку бумаги.

Рисъ сажаютъ небольшими кустиками на поляхъ, залитыхъ водой, послѣдняя протекаетъ на нихъ посредствомъ канавокъ, проведенныхъ изъ горныхъ рѣчекъ и ручьевъ.

Въ Японіи, кромѣ риса, произрастаютъ пшеница, ячмень и просо.

На японскихъ поляхъ водятся во множествѣ маленькія птички съ черной головкой и желтыми крылышками. Эти пернатые отличаются большой смѣлостью и прожорливостью; главнымъ образомъ они наносятъ вредъ рисовымъ полямъ, на которыхъ для защиты отъ этихъ миниатюрныхъ мародеровъ протягиваются по всѣмъ направленіямъ бечевки съ привязанными къ нимъ красными бумажками.

Японскія дѣти, съ ранняго утра и до вечера, дергаютъ эти бечевки и тѣмъ отпугиваютъ маленькихъ враговъ.

Между зелеными рисовыми полями по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги почти непрерывной линіей тянутся благоустроенныя селенія съ красивыми домиками, крытыми бѣлой черепицей и кокетливо выглядывающими изъ густой зелени фруктовыхъ садовъ, усыпанныхъ съѣльными плодами померанцевъ, мандариновъ, гранатъ, грушъ и другихъ.

Каждый сельскій домикъ окруженъ живой изгородью, тщательно подрѣзанной въ видѣ невысокихъ зеленыхъ стѣнъ.

Между селеніями по всѣмъ направленіямъ тянутся узкія шоссейныя дороги, содержащіяся въ образцовомъ порядкѣ.

Во многихъ мѣстахъ по склону горъ видны большія плантаціи японскаго чая, растущаго круглыми кустами, вышиной не болѣе одного аршина.

VII.

Я не могъ достаточно налюбоваться изящной красотой японской природы; я называю ее изящной потому, что въ этой удивительной природѣ трудно разобрать, гдѣ кончается ея естественная красота и гдѣ начинается изумительное искусство японцевъ обрабатывать и тщательно отдѣлывать эту красоту.

Между прочимъ, въ Японіи мнѣ пришлось видѣть крошечные садики съ клумбами цвѣтовъ, карликовыми соснами, пихтами, дубами, кедрами (вышиной не болѣе трехъ вершковъ), гротиками, прудиками, мостиками и дорожками, разбитыми въ невысокихъ квадратныхъ ящикахъ, мѣрой не болѣе 20 вершковъ.

Такіе сказочные садики стоятъ отъ 100 до 150 рублей. Къ сожалѣнію, эти чудеса нельзя привезти въ Россію, потому что карликовые цвѣты и деревцы не выдерживаютъ нашего климата и гибнутъ въ дорогѣ.

Мы подъѣзжаемъ къ небольшому городку Моджи, находящемуся на берегу пролива шириной въ три версты, раздѣляющаго островъ Кіу-Сіу отъ Нипона.

Здѣсь пассажиры пересаживаются изъ вагоновъ на небольшой пароходъ, отходящій на другую сторону пролива въ гор. Симоносеки.

Кіото. Драгоцѣнные ворота въ кумирнѣ Хигаши-Хонгадзи.

На пароходѣ мы встрѣтили японца, говорящаго по-русски, онъ между прочимъ сказалъ, что вверху на горахъ, окружающихъ города Моджи и Симоносеки, находится много артиллеріи, защищающей проливъ; но съ парохода не было видно ни фортовъ ни пушекъ, они, по обыкновенію японцевъ, были тщательно замаскированы деревьями и кустарниками.

Въ Симоносеки мы осмотрѣли рыбную пристань, около нея стояло нѣсколько десятковъ небольшихъ тральныхъ пароходовъ, съ которыхъ сѣтями ловятъ рыбу въ открытомъ морѣ.

Съ нѣкоторыхъ изъ нихъ выгружали большія корзины съ живой рыбой «тай», которую японцы считаютъ священной; она розоваго цвѣта, имѣетъ большую голову и горбатый корпусъ, величиной отъ трехъ до восьми вершковъ, мясо ея чрезвычайно нѣжное и вкусное.

Японцы ѣдятъ эту рыбу въ сыромъ видѣ, разрѣзанную на тонкіе ломтики, приправленные японской соей.

Ящикъ свѣжей рыбы «тай», вѣсомъ въ пять пудовъ стоитъ девять рублей.

Другія породы рыбъ продаются еще дешевле; по этой дешевизнѣ можно судить, какими колоссальными рыбными богатствами обладаетъ Японія, въ которой рыба, какъ продуктъ питанія, играетъ громадную роль.

Изъ Симоносеки мы поѣхали по желѣзной дорогѣ далѣе на сѣверъ; проѣзжаемъ мимо громаднаго казеннаго чугуно-литейнаго завода съ дымящимися надъ нимъ высокими кирпичными трубами. Черезъ нѣсколько часовъ мы были уже въ Кіото. Это старинный городъ, японцы его называютъ японской Москвой. Его маленькіе деревянные домики красиво разбросаны въ большой котловинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной горами, покрытыми густымъ лѣсомъ.

По срединѣ города протекаетъ неширокая быстрая рѣка.

Чтобы лучше видѣть красивую и своеобразную панораму города, мы поселились въ отелѣ «Міяко», стоящемъ на горѣ, откуда былъ виденъ весь городъ и окружающіе его холмы.

Маленькій номеръ въ отелѣ «Міяко» стоилъ 7 рублей съ полнымъ пансіономъ; кухня французская, кормили хорошо. За табльдотомъ служили молодыя японки, одѣтыя въ киримоны, на головахъ съ громадными прическами, причемъ ноги ихъ были безъ башмаковъ, въ однихъ чулкахъ.

Большой обѣденный залъ съ многочисленными столиками, украшенными маленькими кудрявыми соснами, цвѣтами и разноцвѣтными бумажными фонариками, былъ чрезвычайно оригиналенъ и красивъ.

Служанки двигались между столовъ, какъ тѣни, медленно и неслышно; мнѣ очень нравилась эта оригинальная японская обстановка.

На другой день, рано утромъ, насъ разбудилъ мелодичный звонъ колоколовъ, разливавшійся мягкой волной въ чистомъ воздухѣ яснаго утра.

Это звонили въ громадные гонги въ кумирняхъ. Съ послѣднихъ мы и начали осмотръ города.

Прежде всего мы посѣтили буддійскую старинную кумирню Кіамидзо, существующую 1150 лѣтъ.

Надъ входомъ въ кумирню висятъ рядомъ три небольшихъ мѣдныхъ гонга съ привязанными къ нимъ съ наружныхъ сторонъ толстыми канатами.

Желающій молиться сначала будитъ нужнаго ему идола, уда-

Кіото. Статуя Будды въ кумирнѣ Хигаши-Хонгадзи.

ря канатомъ по гонгу, послѣ этого хлопаютъ въ ладоши три раза и бросаетъ мѣдную монету въ стоящее тутъ же корыто, затѣмъ снимаетъ башмаки, идетъ въ кумирню, становится тамъ на колѣни и начинаетъ шептать молитву.

Въ кумирнѣ Кіамидзо находится особенно чтимый идолопоклонниками небольшой деревянный идолъ, сидящій на тронѣ съ поджатыми ногами.

Къ нему ежедневно приходятъ страдающіе разными болѣзнями и трутъ руками больныя мѣста, сначала идолу, а затѣмъ себѣ.

Послѣ такой операціи больные будто бы получаютъ исцѣленіе.

Отъ слишкомъ усерднаго тренія идолопоклонниками этого идола, у него у самого не въ порядкѣ голова, руки и ноги, требующія если не леченія, то основательнаго ремонта.

Въ этой же кумирнѣ съ правой стороны, за рѣшеткой помѣщается большой идолъ Гименей, которому молятся молодые люди обоюгаго пола; женихъ проситъ себѣ хорошую невѣсту, — невѣста — хорошаго жениха. Передъ этимъ идоломъ стояли на колѣняхъ нѣсколько молодыхъ японцевъ.

По окончаніи молитвы молящійся свертываетъ жгутомъ листъ тонкой папирсной бумаги и привязываетъ его къ рѣшеткѣ кумирни, такихъ бумажекъ виситъ множество.

Отсюда мы поѣхали въ самую большую и богатую кумирню подъ названіемъ Хигаши-Хонгаджи. Въ ея оградѣ, подъ широкой крышей находятся ворота изумительной работы, сдѣланныя изъ краснаго дерева, съ массивной золотой инкрустаціей.

Дежурный бонза пояснилъ намъ, что эти драгоценныя ворота, стоящія болѣе 200.000 рублей, недавно пожертвовала богатая старушка.

Мы вошли въ громадную кумирню, отдѣланную съ необычайной роскошью и богатствомъ.

Прежде всего обращаютъ вниманіе нѣсколько десятковъ массивныхъ мраморныхъ колоннъ, съ бронзовыми вызолоченными капителями.

Прямо противъ входа въ нишѣ помѣщается большая статуя Будды, сдѣланная изъ серебра, она ограждена массивной бронзовой вызолоченной рѣшеткой.

Остальные идолы въ этой кумирнѣ сдѣланы изъ бронзы.

Отсюда мы поѣхали въ кумирню Дангеку-Денъ, находящуюся на окраинѣ города, въ красивомъ паркѣ, гдѣ между прочими чудесами бонзы ухитрились вырастить изъ живой сосны форму лодки, съ парусомъ и рулемъ.

Этому феноменальному дереву насчитываютъ пятьсотъ лѣтъ. Въ этомъ же паркѣ при кумирнѣ имѣется прудъ съ ужасающимъ количествомъ крупной золотой рыбы и чудовищной величины карповъ, есть экземпляры болѣе шестнадцати вершковъ.

Громадная стая различныхъ рыбъ, плавающихъ на поверхности воды, привлекаетъ много любопытныхъ на специально для этого устроенную террасу, откуда публика кормитъ рыбу мучными лепешками и рисомъ.

Кіото. 500-лѣтняя сосна, имѣющая форму лодки.

VIII.

Слѣдующій день мы посвятили осмотру фабрики фарфоровыхъ издѣлій и различныхъ магазиновъ.

Искусство въ широкомъ значеніи этого слова въ Японіи отсутствуетъ, но тамъ есть нѣкоторыя производства, близко граничащія съ искусствомъ, такъ, напримѣръ: шитыя шелкомъ картины и ширмы доведены тамъ до большого совершенства; хороши также издѣлія изъ фарфора, слоновой кости, черепахи, клуазоне и друг.

При осмотрѣ фарфоровой фабрики между прочимъ мы обратили вниманіе на кропотливый трудъ художниковъ, писавшихъ на фарфоровыхъ вещахъ тончайшими кисточками микроскопическія картины и орнаменты.

На нашъ вопросъ, сколько получаютъ такіе художники, завѣдующій фабрикой отвѣтилъ: «По одному іену въ день». (Іень равняется приблизительно рублю). При этомъ нужно замѣтить, что въ Японіи жизнь очень дешевая—въ три-четыре раза дешевле, нежели у насъ въ Россіи, и поэтому всякій трудъ и мастерство оплачивается тамъ крайне дешево.

Японцы, которыхъ въ шутку называютъ «азиатскими французами», всѣ безъ исключенія маленькаго роста, съ желтыми бритыми лицами, съ черной щетинистой шевелюрой на головѣ, чрезвычайно некрасивы, большинство изъ нихъ похожи на обезьянъ. Очевидно, отсюда и произошло названіе ихъ «макаками». Но при этомъ они трудолюбивы, жизнерадостны, вѣжливы и почтительны до комизма.

У японцевъ рукопожатія не существуетъ, при встрѣчѣ знакомыхъ они становятся другъ противъ друга, одновременно сгибаютъ спины и начинаютъ дѣлать многочисленные поясные поклоны, затѣмъ остаются нѣкоторое время въ согнутомъ положеніи, выжидая, чтобы первымъ выпрямился его «визави». У японцевъ это называется «циримоніей», она преподается въ школахъ и одинаково обязательна какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ.

Японскія женщины не отличаются красотой.

Проживъ въ Японіи цѣлый мѣсяцъ и побывавъ въ нѣсколькихъ большихъ городахъ, мы не видѣли ни одной сколько-нибудь красивой женщины.

Всѣ онѣ низенькаго роста, съ желтыми скуластыми лицами, съ узкими глазами, впалой грудью и утиной походкой, чрезвычайно некрасивы и неграціозны. Японки не украшаютъ себя брилльантами, мѣхами, перьями и иными вещами; онѣ одѣты всегда въ свой національный костюмъ киримонъ, въ которомъ единственнымъ украшеніемъ служитъ широкой цвѣтной поясъ, называемый «оби», съ привязаннымъ къ нему сзади на поясицѣ разноцвѣтнымъ бантомъ въ видѣ большой подушки.

Японки вездѣ ходятъ съ открытой головой; онѣ не носятъ шляпокъ и платковъ, ихъ замѣняютъ тамъ довольно замысловатыми высокими прическами; чтобы не помять и не испортить послѣднія, японки на ночь кладутъ свои головы, вмѣсто мягкихъ подушекъ, на деревянныя подставки подъ названіемъ «макуры», формою похожія на отрубокъ рельса. Японская дамская инквизиція, пожалуй, нисколько не уступитъ европейскимъ корсетамъ, о которыхъ японки не имѣютъ ни малѣйшаго понятія.

Какъ извѣстно, въ Японіи до сихъ поръ, прекрасный полъ находится въ положеніи рабынь. Тамъ нѣтъ обычнаго ухаживанія

за женщинами, наоборотъ, замѣчается слишкомъ индифферентное отношеніе сильнаго пола къ слабому, это особенно замѣтно на улицахъ, на нихъ вы не встрѣтите японцевъ и японокъ, идущихъ вмѣстѣ, или воркующихъ «парочекъ».

Но эта наружная изолированность половъ нисколько не мѣ-

Ток о. Японка съ ребенкомъ.

шаетъ завидному плодородію японокъ, которыя въ возрастѣ отъ пятнадцати до сорока лѣтъ почти всѣ ходять съ привязанными на спинѣ грудными младенцами.

Такого плодородія наблюдать намъ еще нигдѣ не приходилось.

Японскія женщины, не отличаясь наружной красотой, въ то же самое время обладаютъ прекрасными нравственными качествами: онѣ незлобивы, не коварны, не расточительны, чистоплотны и хорошия матери и жены.

Дѣтей своихъ онѣ вездѣ посятъ съ собой на спинѣ, привязанныхъ кушаками.

Замужнія японки, для большей доказательности своихъ нравственныхъ качествъ, бреютъ себѣ брови и красятъ зубы черной эмалевой краской и такимъ образомъ становятся еще болѣе некрасивыми. Это онѣ дѣлаютъ для того, чтобы не нравиться никому, кромѣ мужа.

Привязанные на спинахъ матерей, японскіе младенцы, очевидно, чувствуютъ себя тамъ хорошо, такъ какъ они почти никогда не плачутъ и большею частью спятъ, свѣсивъ на сторону свои безпомощно качающіяся головы.

Въ Японіи имѣется особый классъ молодыхъ дѣвицъ, подъ названіемъ «майки», для нихъ имѣются спеціальныя школы, гдѣ, кромѣ научныхъ предметовъ, преподаются хорошия манеры, танцы, пѣніе и искусство забавлять гостей.

Молодыя дѣвицы отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, окончивъ курсъ въ такой школѣ, находятъ себѣ мѣсто въ многочисленныхъ чайныхъ домикахъ, гдѣ онѣ, за небольшое вознагражденіе, танцуютъ передъ гостями съ 8 часовъ вечера до 5 часовъ утра.

Черезъ пять-шесть лѣтъ, а иногда и болѣе, майка получаетъ прибавку гонорара и повышеніе—она становится «гейшей».

Въ чайныхъ домикахъ обязанности гейшъ заключаются въ слѣдующемъ: онѣ встрѣчаютъ гостей низкими поклонами, усаживаютъ ихъ на полъ и сами садятся рядомъ съ ними и, аккомпанируя себѣ на шамисинъ-цуцуми, поютъ охрипшими голосами свои грустныя и крайне немелодичныя пѣсни.

Подъ ихъ жалкую музыку и тусавое завываніе майки тутъ же передъ гостями, кривляясь и размахивая вѣерами, медленно и однообразно топчутся на одномъ мѣстѣ,—это и есть японскіе танцы.

Въ аптрактахъ майки садятся для отдыха на полъ въ сторонкѣ; въ это время гейши угощаютъ гостей изъ крошечныхъ чашечекъ «саке» и различными неудобоваримыми закусками, приносимыми служанками.

Гости, въ свою очередь, угощаютъ гейшъ теплой рисовой водкой, которую онѣ пьютъ охотно и при этомъ очень много курятъ табакъ изъ маленькихъ трубочекъ.

Въ общемъ все это оригинально, но и страшно скучно.

Все время думаешь, какъ бы поскорѣе кончить эту японскую «пиримонію».

Такое удовольствіе въ чайныхъ домикахъ оплачивается довольно дорого—отъ 25 рублей и болѣе.

Въ Японіи школьное образованіе обязательно для каждаго, оно поставлено тамъ широко и правильно.

Въ начальныхъ школахъ, вмѣстѣ съ научными предметами, преподаются правила этикета, вѣжливости, уваженія къ старшимъ, состраданія, великодушія, выносливости, патріотизма и храбрости.

Токіо. Майки въ школѣ во время занятій.

Послѣднюю преподаютъ тамъ слѣдующимъ образомъ: передъ семи-восьмилѣтнимъ ребенкомъ становится учитель съ большимъ деревяннымъ мечомъ и начинаетъ махать имъ въ близкомъ разстояніи надъ головой ученика, который въ это время долженъ стоять храбро и не моргать глазами.

Въ японскихъ городахъ и селахъ намъ часто приходилось встрѣчать экскурсіи учащихся, которыя во главѣ съ маленькими горнистами и въ сопровожденіи учителей и учительницъ весело шагаютъ по горамъ.

Въ правильной постановкѣ воспитанія дѣтей и всеобщаго образованія въ японскихъ школахъ главнымъ образомъ и заключается та сила, съ помощью которой эти пигмеи сумѣли побѣдить такого колосса, какъ Россія...

IX.

Продолжая путешествіе, мы поѣхали изъ Кіото въ столицу Японіи Токио. Передъ нами снова развертывается живой чудный калейдоскопъ японской природы.

Потянулись высокіе зеленые холмы съ чайными плантаціями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на горахъ видны развалины древнихъ замковъ и кумирень, окруженныя изумрудной зеленью горныхъ лѣсовъ.

Вскорѣ показалась гора Фузи-Яма, вышиной въ 12.370 футовъ, она представляетъ собой величественную и поразительной красоты картину; ея остроконечная верхушка, всегда покрытая снѣгомъ, подъ яркими лучами японскаго солнца блеститъ, какъ расплавленное серебро.

Фузи-Яма по праву считается первой красой Японіи; отъ этой величественной горы до Токио мѣстность чрезвычайно живописна.

По обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги тянутся красивыя горы, между которыми быстрыя рѣчки весело катятъ по каменистому дну свои чистыя кристальныя воды, по берегамъ коихъ пріютились крошечныя дачи, утопающія въ цвѣтахъ и въ зелени тропической флоры.

Ущельемъ, пролегающимъ среди невысокихъ горъ, поѣздъ незамѣтно подходитъ къ Токио.

Мы входимъ въ низкій деревянный временный вокзалъ, гдѣ было много публики, большинство которой было одѣто уже не въ киримоны, а въ европейскія платья.

Токио довольно большой городъ, его центральная часть имѣетъ вполне европейскій видъ; широкія чистыя улицы съ хорошими мостовыми и съ посаженными по обѣимъ сторонамъ ихъ деревьями, четырехъ и пятиэтажные каменные дома, большіе магазины съ зеркальными стеклами, электрическое освѣщеніе, трамвай, телефонъ и другіе плоды цивилизаціи невольно переносятъ мысленно въ Европу. Но черезъ пять-шесть кварталовъ отъ центра начинается чисто японскій городъ, съ узкими улицами, съ маленькими деревянными домами, бумажными фонарями и проч.

Въ центрѣ города разбитъ красивый паркъ, около котораго за высокими стѣнами и глубокими рвами, наполненными водой, находится небольшой старинный дворецъ, въ которомъ живетъ микадо.

На другой день утромъ мы поѣхали съ визитомъ къ моему знакомому японскому генераль-лейтенанту Ацуши-Мурата.

Долго везли насъ дженерикши по узкимъ чистымъ улицамъ, но вотъ наконецъ мы пріѣхали къ подъѣзду небольшого красиваго домика, при входѣ въ который насъ радушно встрѣтилъ генераль, ранѣе извѣщенный по телефону о нашемъ пріѣздѣ. Онъ провель насъ въ свой кабинетъ, гдѣ представилъ мнѣ маленькаго роста японца г. Хигуци, преподавателя русскаго языка въ токійскомъ кадетскомъ корпусѣ, прекрасно говорящаго по-русски.

Токио. Гейша, пишущая письмо.

Представляя его, генераль сказалъ, что г. Хигуци будетъ нашимъ переводчикомъ, такъ какъ за десять лѣтъ генераль совсѣмъ разучился говорить по-русски.

Тутъ я долженъ пояснить, что съ генераломъ Мурата я познакомился въ Россіи, гдѣ онъ служилъ военнымъ атташе при японскомъ посольствѣ въ Петроградѣ.

Онъ посѣтилъ меня два раза въ моемъ домѣ въ Москвѣ и просилъ меня отдать ему визитъ въ Токио, что я и исполнилъ.

Вскорѣ въ кабинетъ вошли двѣ японки, супруга и замужняя дочь генерала.

Послѣ обычнаго представленія я по-европейски поздоровался съ дамами, поцѣловавъ имъ руки. Вдругъ обѣ дамы начали отвѣшивать мнѣ поцѣленные поклоны, я тоже сталъ кивать имъ головой. Церемонія эта продолжалась довольно долго; чтобы кончить ее, я деликатнымъ образомъ сталъ указывать рукой на диванъ, давая этимъ понять имъ, что пора, дескать, и сѣсть.

Наконецъ дамы догадались и сѣли.

Началась оживленная бесѣда. Генераль, человѣкъ энергичный и очень веселый собесѣдникъ, вспоминалъ наши совмѣстные походы въ Крыму, гдѣ я съ нимъ случайно встрѣтился, и затѣмъ свой визитъ ко мнѣ въ Москву, гдѣ онъ катался на конькахъ въ моемъ саду и, упавъ на ледъ, больно расшибъ себѣ затылокъ.

Подали шампанское и фрукты.

Между прочимъ въ разговорѣ коснулись нашей неудачной войны, причѣмъ генераль высказалъ свое порицаніе нашимъ военачальникамъ, занимавшимся болѣе пикировкой между собой и кутежами...

При этомъ онъ отдалъ должную дань героизму русскихъ войскъ, сказавъ, что, благодаря особой храбрости и выносливости русскихъ солдатъ, паденіе крѣпости Портъ-Артура стоило японцамъ множества человѣческихъ жертвъ.

Затѣмъ меня пригласили посмотреть (какъ выразился генераль) японскій бытъ. Для этого предварительно одѣли на мои ботинки полотняные чехлы; семья генерала и Езаке, сбросивъ свои деревянные башмаки, шли въ однихъ чулкахъ.

Мы прошли нѣсколько небольшихъ комнатъ, полы коихъ были устланы чистыми циновками, но мебель въ нихъ отсутствовала.

Во время осмотра пустыхъ комнатъ я спросилъ: «Гдѣ же ваша столовая и спальня?» Генераль, улыбаясь, отвѣтилъ: «У японцевъ нѣтъ ни того ни другого, но они могутъ ѣсть и спать на полу въ каждой комнатѣ».

Жилище японцевъ приспособляется къ настоящей минутѣ и не хранитъ слѣдовъ прошлаго.

Такъ, напримѣръ, наступаетъ ночь—задвигаются ставни съ наружной стороны домовъ. Внутри дома комнаты дѣлятся раздвижными перегородками изъ промасленной бумаги на маленькія отдѣленія, зажигаются бумажные фонари, и спальни готовы.

Утромъ ставни и перегородки раздвигаются; спальныя принадлежности убираются въ особыя помѣщенія, комнаты выметаются, и въ нихъ проникаетъ чистый утренній воздухъ.

Мы вошли въ комнату, въ которой одна стѣна была съ нишей, по краямъ послѣдней на полу стояли двѣ вазы съ вѣтками живыхъ цвѣтовъ.

Генеральша, обращаясь ко мнѣ, сказала: «Эта комната приготовлена къ данному моменту», и, указывая на вазы, добавила: «обра-

тите вниманіе на эти вѣтки, означающія эмблему особаго уваженія къ гостю,—онѣ поставлены для васъ».

Я отвѣтилъ ей на это глубокимъ поклономъ. Въ этой же комнатѣ я увидѣлъ нашу семейную фотографическую карточку съ надписью,

Токио. Прическа головы.

подаренную мной генералу десять лѣтъ тому назадъ, при посѣщеніи имъ въ Москвѣ моего дома.

Насъ привели въ маленькій изящный садикъ, гдѣ, поблагодаривъ любезныхъ хозяевъ за радушный пріемъ, мы простились съ ними и поѣхали въ русскую православную миссію.

Черезъ часъ дженерикши привезли насъ въ лучшую часть города, гдѣ на высокомъ холмѣ недавно построенъ православный каменный храмъ и около него два трехъэтажныхъ корпуса, въ нихъ

помѣщается русская православная миссія во главѣ съ епископомъ Сергіемъ (который въ то время былъ гдѣ-то въ отъѣздѣ).

Тутъ же находятся школы мужская и женская, больница и амбулаторія.

При въѣздѣ въ миссію насъ встрѣтилъ г. Хигуци.

Мы сначала вошли въ довольно величественный и свѣтлый храмъ, затѣмъ поднялись на колокольню, откуда долго любовались разстилавшейся внизу красивой и оригинальной панорамой японской столицы.

Затѣмъ мы посѣтили школы мужскую и женскую. Въ послѣдней происходила спѣвка.

Русскій дьяконъ, старикъ, съ скрипкой въ рукахъ обучалъ духовному пѣнію хоръ, состоявшій изъ двадцати пяти молодыхъ японскихъ дѣвицъ, пѣніе ихъ было довольно стройное.

Отсюда мы прошли въ двѣ маленькія комнатки съ самой убогой обстановкой, въ нихъ жилъ покойный популярный и всѣми любимый архіепископъ японскій Николай.

Сопровождавшій насъ г. Хигуци рассказалъ намъ много интереснаго и поучительнаго изъ жизни этого святителя.

Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова безребренникомъ.

Получаемое имъ жалованье онъ все полностью отдавалъ на нужды православной миссіи и бѣднымъ безъ различія вѣроисповѣданій; не оставляя себѣ ничего, онъ жилъ крайне бѣдно.

Скудную пищу изъ двухъ блюдовъ, онъ принималъ только одинъ разъ въ день.

Одѣвался всегда въ старыя потертыя рясы, на прорванные мѣста въ нихъ онъ самъ нашивалъ заплаты.

Спалъ на жесткой постели, кровать коей сколочена изъ простыхъ досокъ.

Онъ былъ чрезвычайно аккуратенъ и бережливъ, каждая вещь у него сберегалась и лежала на своемъ мѣстѣ.

Въ обращеніи съ каждымъ до безконечности былъ простъ и любезенъ.

Къ нему шли охотно за совѣтомъ и помощью люди всѣхъ вѣроисповѣданій, и онъ никому не отказывалъ, для cadaго находилъ слова утѣшенія и помогаль матеріально.

Онъ пользовался громадною популярностью не только среди христіанъ, но и среди идолопоклонниковъ и евреевъ—его любили всѣ.

При его погребеніи микадо прислалъ ему на гробъ роскошный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Этотъ выдающійся случай, не имѣвшій прецедента, въ то время произвелъ большую сенсацію среди всѣхъ классовъ японскаго населенія.

Послѣ владыки осталось немного вещей: маленькая божница съ древними иконами, двѣ полки съ духовными книгами и жур-

налами, старый покривившійся письменный столъ, на которомъ между прочими вещами лежитъ коробочка съ десяткомъ исписанныхъ карандашей, длиной не болѣе одного вершка. Въ ящикѣ стола находится коробка съ иглками и нитками. На стѣнѣ висятъ

Токіо. Драма изъ жизни самураевъ въ японскомъ театрѣ.

нѣсколько ветхихъ рясъ и подрясниковъ съ грубо нашитыми на нихъ заплатами.

Всѣ эти реликвіи и убогая обстановка двухъ маленькихъ комнатъ тщательно оберегаются и остаются въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были при жизни покойнаго архипастыря.

«Истор. вѣстн.», мартъ 1915 г., т. сxxxix.

Вотъ хорошій примѣръ для нашихъ архіереевъ, одѣвающихся въ шелковыя рясы и живущихъ на барскую ногу.

Вечеромъ мы отправились въ японскій театръ, въ которомъ шла драма изъ жизни самураевъ.

Японскій театръ устроенъ нѣсколько иначе, чѣмъ у насъ; въ немъ въ партерѣ, вмѣсто креселъ и стульевъ, во всю величину зала устроены на полу двухаршинные квадратные ящики, вышиной въ шесть вершковъ.

Между этими ящиками, для прохода, по ихъ стѣнкамъ приколочены доски, шириною въ четыре вершка.

Затѣмъ, съ лѣвой стороны зрительнаго зала, во всю его длину со сцены до выхода, положены мостки, шириною въ полтора аршина. По этимъ мосткамъ входятъ на сцену артисты гусинымъ шагомъ и съ трагичнымъ видомъ.

Музыканты сидятъ на сценѣ съ лѣвой стороны, за рѣшеткой.

Декораціи и аксесуары самые примитивные.

Женскія роли исполняются мужчинами.

Представленіе было наивно и балаганно. Странно одѣтые люди о чемъ-то долго разговаривали на непонятномъ языкѣ, а иногда мычали, затѣмъ дрались и уходили.

Японскій оркестръ, состоявшій изъ восьми человѣкъ, игравшихъ на шамисенъ-цуцуми, дудкахъ и барабанахъ, мелодіей былъ похожъ на десятокъ мартовскихъ котовъ, подравшихся на крышѣ. Въ общемъ все было дико и скучно.

Но зато была очень интересна публика, сидѣвшая съ поджатыми ногами въ ящикахъ въ партерѣ; въ каждомъ загонѣ помѣщалось по два, а въ нѣкоторыхъ и по четыре человѣка.

Японская публика мало обращала вниманія на представленіе, потому что была занята другимъ дѣломъ.

Во время дѣйствія молодья японки, одѣтыя въ кириконы, тихо двигались по бортамъ этихъ загоновъ и приносили туда чайники, чашки съ рисомъ и различными закусками, которыя японки и японцы ловко ѣли двумя палочками, заливая зеленымъ японскимъ чаемъ и теплой рисовой водкой.

При этомъ нѣсколько японцевъ, очевидно, нагрузившись «саки», тутъ же въ ящикахъ легли спать, и ихъ пріятному кейфу никто не мѣшалъ.

Когда мы выходили изъ театра, шелъ сильный дождь.

Дженерикши быстро сдѣлали изъ своихъ колясочекъ каретки со стеклами; мы сѣли въ каретки; дженерикши доставили насъ сухими въ отель «Империаль», отстоящій отъ театра нѣсколько болѣе версты, за что мы заплатили имъ по сорокъ копеекъ.

Они приняли ихъ отъ насъ съ низкимъ поклономъ. Тутъ мы вспомнили нашего московскаго извозчика, который за это взялъ

бы не менѣ рубля и при этомъ еще попросилъ бы «на чаекъ съ вашей милости».

Утромъ на другой день генераль Мурата отдалъ мнѣ визитъ. Онъ привезъ съ собой коробку и, отдавая ее мнѣ, сказалъ:

Окрестности Нагасаки. Мѣстечко Моги.

— Это мой маленькій подарокъ вашей мадамъ.

Въ свою очередь, я подарилъ ему свою книгу «На Востокъ», сдѣлавъ на ней лестную надпись.

Побесѣдовавъ съ полчаса, я проводилъ генерала до подъезда и тамъ простился съ нимъ. Въ привезенной имъ коробкѣ находилась цѣнная матерія для дамскаго платья.

Въ Токио мы побывали во многихъ большихъ магазинахъ, гдѣ насъ встрѣчали съ низкими поклонами. Во время выбора вещей намъ подносили въ крошечныхъ чашечкахъ японскій зеленый чай, безъ сахара, вмѣсто послѣдняго въ нѣкоторыхъ магазинахъ подавали печенье.

Прогуливаясь по Токио, мы съ г. Езаке вошли на мостъ, въ это время туда быстро въѣхалъ на велосипедѣ шестнадцатилѣтній мальчикъ и сшибъ съ ногъ проходившую по мосту молодую японку, она, отлетѣвъ въ сторону, упала на мостовую и, очевидно, сильно ушиблась; съ трудомъ вставъ на ноги и прихрамывая, она пошла своей дорогой, не высказавъ ни малѣйшаго неудовольствія.

Въ этотъ моментъ я быстро подошелъ къ мальчику и громкимъ, энергичнымъ голосомъ по-русски сдѣлалъ ему выговоръ за неосторожную ѣзду.

Нужно было видѣть, какими удивленными глазами смотрѣлъ на меня японецъ.

Въ это время къ намъ подошелъ г. Езаке и, улыбаясь, нѣжно взявъ меня подъ руку, сказалъ:

— Господинъ, пойдемте.

И мы ушли.

При этомъ происшествіи не было ни слезъ, ни раздраженія, ни жалобы, ни городского... все обошлось тихо и спокойно.

Случай этотъ ясно иллюстрируетъ японскую выносливость и необычайное умѣніе скрывать свои чувства.

На лицахъ этихъ удивительныхъ сфинксовъ вы никогда ничего не прочтете, они всегда загадочны, какъ ребусы.

Въ Токио и другихъ большихъ японскихъ городахъ на улицахъ почти совсѣмъ не видно военныхъ и полицейскихъ чиновъ.

Въ центральныхъ частяхъ города очень рѣдкіе полицейскіе посты помѣщаются въ небольшихъ будкахъ, похожихъ на садовыя бесѣдки, гдѣ всегда дежуритъ городской, тамъ имѣется телефонъ, по которому, въ случаѣ надобности, онъ вызываетъ нарядъ полиціи.

Въ Нагасаки при насъ былъ такой случай: въ пивной лавкѣ сидѣли сорокъ матросовъ японскихъ и мяукали свои пѣсни. Въ это время туда вошли американскіе матросы въ числѣ пятнадцати человѣкъ; они произнесли что-то обидное по адресу японцевъ, послѣдніе выскочили изъ-за столовъ и дружно бросились въ атаку на высокихъ американцевъ. Произошла форменная баталія, собравшая большую толпу любопытныхъ.

Вдругъ, какъ изъ земли, явился большой нарядъ полиціи, городовые схватили за шиворотъ по парѣ крошечныхъ японскихъ матросовъ и куда-то ихъ поволокли. Въ то же самое время американскимъ матросамъ предложено было немедленно отправиться на свое судно, что и было ими исполнено, порядокъ былъ быстро восстановленъ.

Японское шпіонство, которое меня такъ пугало при вѣздѣ въ Японію, практикуется довольно просто. Этимъ дѣломъ завѣдуетъ тамъ полиція, причемъ каждый японецъ, безразлично, кто бы онъ ни былъ, входя въ соприкосновеніе съ иностранцемъ, обязанъ подъ строжайшей отвѣтственностью сообщать въ префектуру слова и дѣйствія туристовъ; если послѣдніе своими дѣйствіями внушаютъ какое-либо подозрѣніе, то къ нимъ немедленно командировается для наблюденій полицейскій чиновникъ, переодѣтый большею частью въ дженерикшу или лакея.

Такимъ образомъ, моими шпіонами были дженерикши; съ однимъ изъ нихъ, говорившимъ немного по-русски, я ѣздилъ много и долго въ Нагасаки.

При прощаніи этотъ невольный шпіонъ преподнесъ мнѣ корзину съ фруктами и при этомъ очень просилъ, чтобы я опять поскорѣй пріѣзжалъ въ Японію.

Х.

Изъ Токио мы поѣхали въ главный портовый городъ Японіи, Иокогаму, изъ котораго ежедневно отправляется множество японскихъ пароходовъ во всѣ части свѣта.

Въ Иокогамѣ мы успѣли обозрѣть центральную европейскую часть города, съ находящимися въ ней большими универсальными магазинами, складами и многочисленными экспедиціонными конторами, затѣмъ полюбовались красивой набережной и большой коммерческой бухтой, въ которой стояло множество различныхъ пароходовъ и парусныхъ судовъ.

Отсюда мы отправились по желѣзной дорогѣ въ мѣстечко Нико. Дорогой намъ удалось видѣть большіе маневры японскихъ войскъ, всѣхъ родовъ оружія.

Насколько возможно было видѣть изъ окна вагона, мы замѣтили, что выправка и обмундировка маленькихъ японскихъ солдатъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Всѣ ихъ передвиженія, наступленія и атаки производились безъ суеты, съ необычной точностью и въ образцовомъ порядкѣ.

Черезъ пять часовъ мы были уже въ Нико, это чрезвычайно красивое мѣстечко, находящееся отъ Токио въ 180 верстахъ.

Нико расположено на высокой горѣ, среди роскошнаго парка съ растущими въ немъ гигантскими камфарными деревьями и съ большими цвѣтниками, среди которыхъ находятся нѣсколько богатѣйшихъ буддійскихъ кумиренъ.

Въ паркѣ по всѣмъ направленіямъ весело журчатъ быстрые ручьи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ горъ падаютъ вертикально большіе водопады.

Лѣтомъ здѣсь настоящій рай. Это очаровательное мѣстечко считается главнымъ японскимъ перломъ. Любоваться дивной природой Нико и его богатыми кумирными ежедневно прїѣзжаютъ множество туристовъ и пилигримовъ.

Въ тѣнистомъ паркѣ, между прочимъ, обращаетъ всеобщее вниманіе гигантское камфарное дерево, изъ ствола котораго на высотѣ двухъ саженъ растетъ другое толстое дерево, совершенно иной породы. Въ Нико имѣется небольшой дворецъ, въ которомъ лѣтомъ живетъ микадо.

Въ тотъ же день вечеромъ мы возвратились въ Токио.

Дженерикши повезли насъ съ вокзала по главной улицѣ, подъ названіемъ Гинза, по обѣимъ сторонамъ ея стояло много народу, ожидавшаго процессію учащихся, праздновавшихъ въ этотъ день тридцатилѣтній юбилей существованія городскихъ школъ.

По этому случаю дома на Гинзѣ были убраны флагами, зеленью и разноцвѣтными бумажными фонарями.

Изъ открытыхъ оконъ домовъ публика и ученики городскихъ школъ махали круглыми красными фонарями и при этомъ что-то громко кричали.

Вдали показалась многолюдная процессія, съ музыкой, пѣніемъ и множествомъ зажженныхъ разноцвѣтныхъ фонарей.

Японцы большіе любители всякихъ церемоній и процессій, въ которыхъ вмѣстѣ съ молодежью участвуютъ и старики. Какъ-то странно и смѣшно видѣть почтенныхъ людей 50—60 лѣтъ и болѣе, съ серьезными лицами, благоговѣнно несущихъ на высокихъ бамбуковыхъ палкахъ бумажные фонарики или пучокъ бумажныхъ цвѣтовъ...

Послѣ четырехдневнаго пребыванія въ Токио мы поѣхали по желѣзной дорогѣ обратно въ Нагасаки.

Проѣзжаемъ опять мимо грандіозной красавицы горы Фузи-Яма, изъ окна вагона она была видна въ теченіе трехъ часовъ.

Снова любуемся сказочными красотами японской природы и никакъ не можемъ въ достаточной степени налюбоваться ими.

Въ разныхъ частяхъ свѣта намъ приходилось видѣть много живописныхъ мѣстъ, разбросанныхъ небольшими клочками по земному шару.

Въ Японіи чарующая красота природы, артистически отдѣланная и облагороженная человѣкомъ, тянется непрерывно на протяженіи двухъ тысячъ верстъ и все время заставляеть европейскихъ туристовъ невольно восхищаться ею.

Намъ казалось очень страннымъ, что пассажиры-японцы почти не обращали никакого вниманія на эту красоту, большинство ихъ сидѣли на диванахъ съ поджатыми ногами, уткнувъ свои носы въ газеты и книги, напечатанныя столбиками, которые читаются не слѣва направо, а сверху внизъ.

Очень оригинальны японскія письма; японцы пишутъ ихъ большими толстыми буквами и не перомъ, а кисточкой, и также столбиками сверху внизъ.

Черезъ два съ половиной дня мы прибыли въ Нагасаки.

На слѣдующій день я былъ за обѣдней въ маленькой русской православной церкви, очень бѣдно обставленной; служилъ въ ней молодой священникъ-японецъ, читавшій молитвы на двухъ языкахъ: по-славянски и по-японски. На клиросѣ пѣли довольно порядочно двѣ японки—сопрано и контральто—и также половину обѣдни по-японски и другую половину по-славянски, причемъ на послѣднемъ языкѣ онѣ пѣли хуже, такъ какъ нѣкоторыя слова онѣ произносили съ большимъ затрудненіемъ.

Въ церкви молящихся было двое русскихъ и семь японцевъ.

По окончаніи обѣдни я спросилъ священника: «Почему у васъ такъ мало молящихся?» Онъ отвѣтилъ, что послѣ русско-японской войны въ Нагасаки осталось русскихъ очень мало, а христіане-японцы народъ нерелигіозный и въ церковь ходятъ довольно рѣдко и неохотно.

Поэтому въ церкви нѣтъ никакихъ доходовъ, существуетъ она на небольшую сумму, ежегодно собираемую русскимъ консуломъ среди русской колоніи.

Адмиралъ Скальскій вторично встрѣтилъ меня еще любезнѣе.

Онъ отыскалъ для меня японскую фунэ (рыболовную лодку), на которой я съ двумя японскими рыбаками, не говорящими ни слова по-русски, ѣздилъ подъ парусомъ далеко въ море ловить рыбу удочками.

На глубинѣ сотни аршинъ и болѣе намъ попадались на крючокъ небольшія, но поразительно красивыя и разнообразныя рыбы, названія которыхъ я не знаю. Тутъ были рыбы красныя, желтыя, черныя, бѣлыя, зеленыя и другихъ цвѣтовъ и разнообразныхъ формъ.

Мы каждый разъ ловили по 25—30 рыбъ, которыя отдавали адмиралу Скальскому; съ нимъ мы ѣздили на паровомъ катерѣ на другую сторону бухты въ деревню «Иносу», которая до войны считалась русской деревней, въ ней проживала большая часть русской колоніи.

Тамъ находилось русское офицерское собраніе, въ которомъ моряки проводили время очень весело.

Но русско-японская война положила конецъ этому веселью, теперь тамъ осталось отъ русской широкой жизни одно только пріятное воспоминаніе и еще... русское кладбище.

Въ пяти верстахъ отъ Нагасаки, въ маленькой бухточкѣ, окруженной горами, находится живописное мѣстечко Моги. Мнѣ очень нравился этотъ красивый уголокъ, и я нѣсколько разъ ѣздилъ на дженерикшѣ туда ловить рыбу.

Однажды въ отелѣ, во время обѣда, ко мнѣ подошла хозяйка-японка и чистымъ русскимъ языкомъ спросила, нравится ли мнѣ Моти и надолго ли я пріѣхалъ сюда? Я отвѣтилъ и затѣмъ спросилъ ее: гдѣ она научилась такъ хорошо говорить по-русски? Она сказала, что до войны держала буфетъ въ русскомъ офицерскомъ собраніи, въ деревнѣ Иноса, и тамъ научилась говорить по-русски.

При этомъ она рассказала мнѣ много интереснаго изъ былой жизни и походовъ нашихъ моряковъ въ Нагасаки.

Японія, какъ островная держава, состоитъ изъ живописнѣйшихъ, гористыхъ острововъ, которыхъ въ ней насчитывается болѣе трехъ тысячъ.

Между островами протекаетъ множество проливовъ, берега коихъ покрыты красивой тропической растительностью, среди которой особенно выдѣляются бамбуковыя рощи съ ихъ высокими гладкими, какъ бы полированными стволами и вверху съ большой шапкой мелкой изумрудной листвы, похожей на нашу иву.

Въ гористыхъ берегахъ прозрачнаго моря находится много маленькихъ бухточекъ, въ которыхъ виднѣются живописные поселки рыбаковъ.

На эту райскую природу японское солнце щедро льетъ свои золотые лучи съ голубого неба.

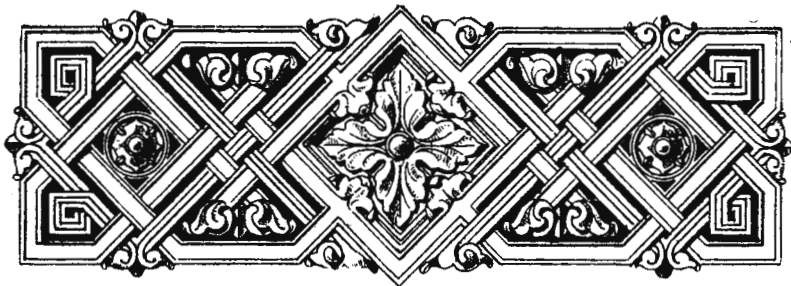
Кругомъ невозмутимая тишина. Дивная страна.

Въ послѣднее время Японія привлекаетъ множество европейскихъ туристовъ, преимущественно англичанъ, послѣдними были переполнены въ японскихъ городахъ всѣ первоклассные отели.

Путешествіе по Японіи каждому можетъ доставить большое удовольствіе и пользу, тамъ одновременно можно любоваться чудной природой и оригинальнымъ бытомъ крайне интереснаго народа и многому у него научиться.

И. А. Слоновъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА.

(Галицкая Русь: ея современное положеніе и нужды).

ЛУБОКОЮ, искреннею радостью наполняется сердце каждого русскаго человѣка при мысли, что Россія объединяетъ, наконецъ, въ державномъ своемъ обладаніи и послѣдніе отпрыски русскаго народа, находившіяся еще подъ чужеземнымъ владычествомъ и населяющіе Прикарпатскую Русь—вотчину святого князя Владимира. Теплое сочувствіе наше къ русскимъ братьямъ нашимъ въ Буковинѣ, Галиціи и Угорской Руси какъ бы усугубляется сознаниемъ, что они послѣдніе приходятъ на нашъ общерусскій пиръ, послѣдніе, и не по своей винѣ, возвращаются на лоно общей нашей матери, Россіи, и, слѣдовательно, болѣе всѣхъ насъ испытывали всю тягость иноплеменнаго владычества, весь ужасъ подъяремнаго существованія. Несомнѣнно, что все русское общество проникнуто желаніемъ, чтобы эти зарубежные братья наши возможно скорѣе заврачевали свои раны и вошли въ общерусскую жизнь, какъ полноправныя члены великаго, недѣлимаго русскаго народа.

Среди этихъ зарубежныхъ русскихъ наибольшее вниманіе по своей многочисленности и сложности своихъ отношеній обращаютъ на себя галичане, принадлежащіе къ малорусскому племени. Число ихъ, по переписи 1910 года, простирается до трехъ милліоновъ двухсотъ тысячъ человѣкъ уніатскаго вѣроисповѣданія, живущихъ въ восточной Галиціи. Остальное населеніе Галиціи составляютъ

поляки (свыше четырех милліоновъ), евреи (до 800 тысячъ) и нѣмцы (около 90.000 человекъ). Почти всѣ русскіе (94,4%) принадлежатъ къ крестьянскому сословію и занимаются земледѣліемъ, а ихъ интеллигенція представлена священниками, учителями и отчасти чиновниками судебного вѣдомства. Но огромное большинство русскихъ крестьянскихъ хозяйствъ (до 60%) заключаютъ въ себѣ участки менѣе двухъ гектаровъ, и русскіе крестьяне находятся въ рукахъ болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ—поляковъ и евреевъ; послѣдніе, владѣя сами 10% всей частной поземельной собственности въ Галиціи, снимаютъ еще въ аренду крупныя польскія имѣнія, сдавая ихъ крестьянамъ мелкими участками; они же скупаютъ и крестьянскіе участки, почему-либо поступающіе въ продажу. Малоземелье, чрезвычайная экономическая зависимость отъ поляковъ и евреевъ, завладѣвшихъ также всею торговлей и промышленностью края, ставятъ русскихъ крестьянъ въ тяжкое экономическое положеніе, вынуждающее ихъ часто къ переселенію въ Америку; на ихъ мѣсто являются польскіе крестьяне изъ западной Галиціи, въ пользу которыхъ работаетъ польскій парцелляціонный банкъ во Львовѣ. За послѣднее десятилѣтіе число поляковъ въ Галиціи увеличилось почти на 700.000 человекъ, тогда какъ приростъ русскихъ ограничился только 127 тысячами. Въ тяжелой своей долѣ, подъ давленіемъ польской власти и капитала, многіе русскіе переходятъ въ католицизмъ изъ уни, представляющей собою искусственно созданное еще въ XVII вѣкѣ орудіе для колонизаціи русскихъ людей. Подъ давленіемъ этихъ причинъ за 1900—1910 г.г. въ восточной Галиціи число поляковъ возросло на 33,6%, католики на 20%, между тѣмъ какъ малороссы, путемъ естественнаго прироста, всего на 4,3%, а униаты—на 9,2%. Если бы русская Галиція продолжала оставаться въ такомъ положеніи и далѣе, то можно было бы математически точно опредѣлить тотъ историческій часъ, когда въ Галиціи изстрадавшееся русское населеніе должно было бы уступить свое мѣсто польскому и еврейскому и исчезнуть изъ этой древнерусской земли путемъ эмиграціи и ополяченія.

Помимо хозяйственныхъ и религіозныхъ причинъ этому способствовала бы и quasi-просвѣтительная дѣятельность польскихъ властей въ Галиціи и земскій польскій школьный совѣтъ, заправляющій ходомъ просвѣщенія въ Галиціи. 76% русскихъ галичанъ—неграмотны, а въ существующихъ малорусскихъ школахъ обязательно преподаваніе польскаго языка. Среди учащихся—поляковъ 71%, а малороссовъ—26,9%. Чисто малорусскихъ учительскихъ семинарій нѣтъ, и только въ семи мужскихъ и трехъ женскихъ семинаріяхъ нѣкоторые предметы преподаются на малорусскомъ языкѣ. Въ области средняго образованія русскимъ дано еще менѣе мѣста. Изъ 56 правительственныхъ мужскихъ гимназій малорусскихъ

только пять, среди женских—одна. Малороссы принуждены обучаться въ польскихъ и нѣмецкихъ заведеніяхъ. Изъ всей массы учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Галиціи малороссовъ только 21%. Языкъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Галиціи—исключительно польскій, какъ и во львовскомъ университетѣ (съ 1879 г.), въ которомъ на всѣхъ факультетахъ, считая и богословскій, имѣется всего десять профессорскихъ кафедръ съ малорусскимъ языкомъ преподаванія. Какъ и слѣдуетъ представителямъ австрійскаго «быдла», русскимъ людямъ въ высшемъ учебномъ заведеніи края отведено даже меньше мѣста, чѣмъ евреямъ: во львовскомъ университетѣ на 63% поляковъ и 26% евреевъ—малороссовъ всего только 22%, да и изъ нихъ значительная доля студентовъ богословскаго факультета, будущихъ униатскихъ священниковъ, т. е. людей, уже подвергшихся сильному вліянію колонизаціи.

Чтобы, наконецъ, вытравить у галичанъ сознаніе ихъ принадлежности къ великому русскому народу, австро-польское правительство присвоило имъ официальное названіе «рутенъ», хотя сами галичане всегда называли и называютъ себя русскими (въ единственномъ числѣ—русинъ). Украинифилы, чтобы только не называть галичанъ русскими, окрестили ихъ «русинами», производя это слово отъ слова «русинъ»—словопроизводство столь же правильное этимологически, какъ если бы татаръ мы назвали татаринами (отъ «татаринъ») или крестьянъ—крестьянинами (отъ слова «крестьянинъ»).

Мы не будемъ, за неимѣніемъ мѣста, входить въ разсмотрѣніе историческихъ условій, благодаря которымъ поляки Галиціи, послѣ перехода ея подъ австрійское владычество, не только сохранили свое господствующее положеніе надъ малороссами, какъ и прежде въ Рѣчи Посполитой, но и усилили его. Главною причиною этого преобладанія поляковъ являлась, впрочемъ, боязнь австрійскаго правительства, что галицкіе русскіе рано или поздно обнаружатъ свое естественное, кровное тяготѣніе къ сосѣдней великой единоплеменной русской державѣ. Поляки умѣло воспользовались этой боязнью, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ власть въ Галиціи. Намѣстники Галиціи назначались исключительно изъ поляковъ. Въ галиційскомъ сеймѣ за поляками (преимущественно шляхтой) изъ 228 депутатскихъ мѣстъ закрѣплено 157, а за малороссами всего только 58. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка шляхта создала особую организацію, такъ называемый «Центральный избирательный комитетъ», который намѣчалъ и проводилъ выборы удобныхъ шляхтѣ кандидатовъ, не стѣсняясь средствами. Галиційскіе выборы прославились на всю Европу многочисленными арестами избирателей и убійствами. «Что касается до малороссовъ,—говорить профессоръ Ястребовъ въ своей книгѣ «Галиція наканунѣ

великой войны 1914 года»,—то польская шляхта относительно ихъ стояла на точкѣ зрѣнія старой люблинской уніи 1569 года и признавала только тѣхъ малороссовъ, которые считали себя «gente Rutheni, natione Poloni». Евреямъ дарована была не только терпимость, но и покровительство, поскольку они держали себя, какъ «поляки Моисеева закона», т. е. если и не сливались съ поляками, то, по крайней мѣрѣ, усваивали ихъ политическіе идеалы. Польскій языкъ былъ признанъ официальнымъ языкомъ всѣхъ центральныхъ учреждений Галиціи.

Лишь въ послѣднее время, въ ожиданіи грозной борьбы съ Россіей, австрійскіе нѣмцы задумали использовать нѣкоторую часть галичанъ, какъ орудіе противъ Россіи въ цѣляхъ украинофильской пропаганды, для образованія «украинскаго Піемонта», и стали способствовать развитію національнаго самосознанія галичанъ въ этомъ направленіи всевозможными средствами. Нѣмцамъ въ этомъ отношеніи стали содѣйствовать и культурно-близкіе къ нимъ евреи и тѣ галицкіе русскіе, которые, воспитавшись въ нѣмецкихъ и польскихъ школахъ, выросли въ полной отчужденности отъ Россіи и ея культуры. Къ нимъ присоединились, наконецъ, и выходцы изъ самой Россіи, мечтавшіе о созданіи, подъ властью Габсбурговъ и съ помощью нѣмцевъ, «самостійной Украины» на федеративныхъ началахъ. Для австрійскаго правительства выгодно было поощрять эти мечтанія новорожденныхъ «украинцевъ», ибо мечтанія эти въ концѣ концовъ, какъ и заигрыванія поляковъ, должны были послужить къ вѣдшему торжеству германизма въ борьбѣ его со славянской Россіей.

Это зародившееся въ средѣ галичанъ «украинское» движеніе, при благоприятныхъ условіяхъ, могло сдѣлаться для нихъ еще болѣе пагубнымъ, чѣмъ даже польское и еврейское засилье, потому что вело ихъ на борьбу съ ихъ матерью, великой Россіей, и лишало ихъ всякой опоры для противодѣйствія въ будущемъ исконнымъ врагамъ славянскаго племени. Въ своемъ ослѣпленіи галицкіе украинофилы сдѣлались даже большими врагами «недѣлимой Россіи», чѣмъ сами поляки и евреи. Дѣло дошло до того, что все русское стало преслѣдоваться въ Галиціи, какъ проявленіе государственной измѣны. Русскія книги были воспрещены, русское этимологическое правописаніе замѣнено фонетическимъ, а русскіе люди, не забывавшіе своей духовной связи съ русскимъ народомъ, посажены были на скамью подсудимыхъ, а нѣкоторые даже жестоко наказаны. Все это дѣлалось въ Галиціи украинофилами съ благословенія нѣмецкихъ властей, и образовавшаяся среди нихъ національно-демократическая партія въ созданныхъ ею при субсидіяхъ австрійскаго правительства просвѣтительныхъ и экономическихъ организаціяхъ для возбужденія «украинскаго движенія» не только въ предѣлахъ Галиціи, но и внѣ ея,—всячески культу-

вировала вражду къ Россіи, а потому отъ своихъ противниковъ и получила по справедливости названіе «мазепинской». Преслѣдуя всякое проявленіе симпатій галичанъ къ православію, украинофилы, вопреки всѣмъ завѣтамъ малорусской исторіи, ревностно заботятся о поддержаніи уніатскаго вѣроисповѣданія среди галичанъ, такъ какъ въ православіи видятъ элементъ, связующій ихъ съ русскимъ народомъ, а въ уніи—элементъ разъединяющій, усиливающій сепаратическія теченія; для этой цѣли они не погнушались даже вступить въ блокъ съ евреями. Партія «староруссовъ», которую украинцы называли «москвофильской», подвергалась обвиненіямъ въ государственной измѣнѣ и должна была почти вовсе прекратить свою дѣятельность. Эта партія, представителемъ которой на сеймѣ былъ депутатъ о. Наумовичъ, еще въ 1865 году громко провозгласила идею объ общерусскомъ культурномъ единствѣ галичанъ съ русскими. Изъ организацій этой партіи особенно извѣстно «общество имени Михаила Качковскаго», которое работало въ области популярнаго издательства, а также устраивало въ селахъ бібліотеки, читальни, потребительныя лавки, сельско-хозяйственныя выставки и т. д. Понятно, что нѣмцы, поляки и украинофилы спѣшили путемъ репрессій парализовать эту дѣятельность старорусской партіи, а о. Наумовичъ, обвиненный въ государственной измѣнѣ, долженъ былъ искать спасенія въ Россіи. Зато широко развилась дѣятельность украинскихъ просвѣтительныхъ обществъ «Просвита» и «Товарищества имени Шевченка», которымъ, помимо субсидіи, австрійское правительство предоставило монополию изданія украинскихъ учебниковъ, дававшую огромный доходъ. Все это завершилось шесть мѣсяцевъ тому назадъ, въ моментъ объявленія Австріей войны Россіи, изданіемъ украинскими партіями воззванія «къ украинскому народу», написаннаго въ чувствахъ самой глубокой вражды къ Россіи; въ то же время тысячи членовъ старорусской партіи были арестованы, а нѣкоторые даже казнены или измучены. Въ интересныхъ корреспонденціяхъ С. Богдановича въ «Голосѣ Руси» разъяснена дѣятельность въ этомъ смыслѣ украинскихъ «просвѣтительныхъ» организацій, расширившихъ кругъ своихъ дѣйствій и на русскую Буковину, и описано даже знамя ихъ, изображающее на одной сторонѣ Богородицу, а на другой—Мазепу (!). Въ нихъ же указана, между прочимъ, ужъ вовсе не просвѣтительная пропаганда «народнаго» журнала, издававшаяся на средства извѣстнаго уніатскаго митрополита Шептицкаго (бывшаго австрійскаго офицера-драгуна): онъ, на примѣръ, увѣрялъ своихъ читателей, что Иуда продалъ Христа послѣ того, какъ принялъ православіе... Такъ начала свою активную политическую дѣятельность «просвѣтительная», свободолобивая національно-демократическая галицкая партія въ моментъ разгорѣвшейся борьбы между германизмомъ и славянствомъ... Мечты галицкихъ

русскихъ объ единеніи съ Россіей она прямо объявляла «измѣнническими» и «утопическими».

Эти выродки-галичане забыли слова истиннаго малоросса, глубоко русскаго по своимъ чувствамъ человѣка, покойнаго историка Н. И. Костомарова, любви котораго къ Малороссіи не можетъ заподозрѣть ни одинъ самый крайній мазепинецъ: «Если бы существовала у кого-нибудь мысль объ отдѣленіи Малой Россіи отъ имперіи, то она была бы въ одинаковой степени нелѣпа, какъ мысль о самобытности всякаго удѣльнаго княженія, на которыя когда-то разбивалась русская земля въ удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи; но едва ли такая мысль могла найти себѣ долговременное пребываніе въ головѣ, не нуждающейся въ помощи психіатра». Но, быть можетъ, украинцы новѣйшей формаціи и не знаютъ объ этой отповѣди Костомарова, потому что статья, заключающая ее въ себѣ («Украинофильство»), не находитъ себѣ мѣста въ позднѣйшихъ изданіяхъ его сочиненій, какъ и другія его статьи, не нравящіяся украинофиламъ и евреямъ. Въ этомъ отношеніи, въ фальсификаціи историко-литературныхъ свѣдѣній объ украинофильскомъ движеніи, украинцы находятъ себѣ поддержку и во многихъ якобы «прогрессивныхъ» органахъ русской печати, усердно старающихся воспитать русскую мысль въ національно-федеративномъ направленіи, улыбающемся русскимъ инородцамъ...

Въ настоящее время, когда Галиція уже занята русскими войсками и включеніе ея въ составъ Россійской имперіи уже не подлежитъ сомнѣнію, національно-демократическая партія въ Галиціи уже ищетъ себѣ поддержки у... русскаго общества, мало знакомаго съ положеніемъ галицкихъ дѣлъ, и, прикрываясь своими якобы національными просвѣтительными цѣлями и умалчивая о своихъ противорусскихъ дѣяніяхъ и цѣляхъ, требуетъ отъ русской власти упроченія занятаго ею въ Галиціи положенія. Въ изданіи журнала «Украинская Жизнь»: «Галичина, Буковина, Угорская Русь», являющемся апологіей дѣятельности національно-демократической партіи и тщательно скрывающемъ ея политическія выступленія, мы находимъ слѣдующія лицемѣрныя строки:

«Если теперь, послѣ побѣдъ въ Галиціи, Россія получаетъ свое «наслѣдіе не въ видѣ совершенно полонизованнаго края, то она обязана этимъ только украинскому національному движенію, отбившему натискъ польскаго націонализма. Романтики общерусскаго единства—галицкіе москвофилы—оказались безсильными (еще бы!) въ борьбѣ съ польской культурой, ибо отказались (?) отъ единственно дѣйствительнаго въ такой борьбѣ орудія—роднаго языка и основаннаго на немъ національнаго самосознанія... И вотъ возникаетъ могучій и больной вопросъ: что же въ самомъ дѣлѣ ожидаетъ «возсоединенную Галицію» въ предѣлахъ новаго отечества? Возобновится ли послѣ войны интенсивная общественная

жизнь галицкаго населенія, направленная къ его культурному и экономическому подъему? Получать ли вновь силу тѣ формы политической жизни, въ которую галицкіе русины (sic) выросли и вырастили свои культурныя приобрѣтенія?.. Возсоединенный народъ (sic) въ правѣ разсчитывать, что его освободятъ отъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій, съ которыми онъ боролся, но сохранять за нимъ тѣ выработанныя имъ средства (понимай: украинскія организаціи съ правительственными субсидіями), съ помощью которыхъ онъ приобрѣталъ познанія и повышалъ свою культуру» (стр. 229—230).

На эти вопросы лицемѣрствующаго мазепинства, выступающаго теперь въ роли невинной овечки, русское общество и русская власть, безъ сомнѣнія, дадутъ лишь одинъ отвѣтъ: «русское дѣло въ Галичинѣ, среди изстрадавшагося отъ политика новъ русскаго населенія, не можетъ дѣлаться врагами великой, недѣлимой Россіи, не далѣе, какъ вчера, бывшими усердными помощниками австрійскаго правительства въ его борьбѣ съ русскимъ народомъ». Для сліянія галичанъ съ остальнымъ русскимъ народомъ, на почвѣ уваженія къ правамъ мѣстнаго нарѣчія и мѣстныхъ обычаевъ, у русскаго общества найдутся другія, болѣе культурныя и мирныя средства, чѣмъ созиданіе «самостійной Украины» и пропаганда политическаго сепаратизма среди малороссовъ имперіи. Война съ нѣмцами уже научила наше общество съ меньшею беззаботностью, чѣмъ прежде, разбираться въ національныхъ вопросахъ, и оно сумѣетъ опредѣлить истинную цѣнность тѣхъ «культурныхъ» вывѣсокъ, которыя прикрываютъ вождельнія совсѣмъ другого порядка. И культурные замыслы гг. украиннофиловъ и ихъ приспѣшниковъ уже потому не могутъ возбуждать довѣрія въ русскомъ обществѣ, что основаны на умышленномъ сокрытіи фактовъ, давно извѣстныхъ не только намъ, но и всей Европѣ изъ издававшагося въ Вѣнѣ самими украинцами журнала «Украинische Rundschau» и изъ ихъ сношеній съ официальными сферами Германіи чрезъ «Ostmarkenverein»... «Не дай, Боже, нашему теляти двухъ матокъ сосати!»

Е. Шумигорскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ,

Прибалтійскій край и война. Матеріалы изъ русской печати за августъ, сентябрь и октябрь 1914 г. Собралъ и составилъ А. Тупинъ. Съ предисловіемъ профессора К. И. Арабажина. Петр. 1915.

ТА КНИГА появилась какъ нельзя болѣе кстати. Съ первыхъ же дней войны русское общество было удивлено, потомъ поражено и, наконецъ, возмущено различными сообщеніями о положеніи дѣлъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Тѣ, которые считались съ давнихъ поръ оплотомъ государственности, непоколебимыми адами лояльности, тѣ, для обезпеченія благополучія которыхъ съ готовностью приносились въ жертву насущнѣйшіе интересы другихъ частей населенія,—остзейскіе бароны—предстали передъ русскимъ обществомъ въ новомъ свѣтѣ. Появились извѣстія о такихъ вещахъ, которыя совсѣмъ не мирились съ понятіемъ лояльности. Таинственныя бетонныя площадки и вышки неизвѣстнаго назначенія въ баронскихъ имѣніяхъ, сигнализациі, базы для аэроплановъ—въ связи съ возможностью десанта непріятельскихъ войскъ на Балтійскомъ побережьи. Немного спустя—многочисленные процессы объ укравательствѣ лошадей при мобилизациі, о своеобразныхъ обходахъ правилъ о реквизиціи рогатаго скота—и все это на ряду съ тѣми громкими фамиліями, которыя издавна знакомы русскому обывателю, какъ часто встрѣчающіяся среди высшихъ слоевъ нашей администраціи и дипломатіи. Помимо фактовъ единичныхъ, случайныхъ, передъ русскимъ обществомъ вскрылись явленія гораздо болѣе важныя: произ-

водившаяся въ теченіе десятилѣтій беззащитная нѣмецкая колонизація нашихъ окраинъ, плодотворная германизаторская дѣятельность «Дейчеръ-ферейна», наличіе цѣлыхъ полчищъ германскихъ подданныхъ, зачастую запасныхъ воинскихъ чиновъ, наводнявшихъ баронскіе замки и имѣнія. Печать дѣятельно способствовала возбужденію общественнаго интереса ко всѣмъ этимъ явленіямъ и освѣщала разныя стороны жизни въ «странѣ чудесъ»; благодаря неустанной дѣятельности прессы, столь злободневный теперь вопросъ о нѣмецкомъ засилѣ развернулся въ широкую картину предстоящей намъ борьбы съ нѣмцами въ области соціальной политики, промышленности и торговли. Эта борьба—неизбѣжна, она—вопросъ ближайшаго будущаго, и для ея успѣха мы должны ознакомиться со всѣми свойствами и дѣйствіями нашего противника; какъ сказано, газеты давали и даютъ для этого достаточный матеріалъ, но статьи и замѣтки, разсѣяанныя по разнымъ изданіямъ или, ускользаютъ отъ нашего вниманія, или, прочитанныя мимоходомъ, не оставляютъ по себѣ прочнаго слѣда; общее впечатлѣніе теряется. Составитель книги, заглавіе которой выписано въ началѣ, пошелъ навстрѣчу назрѣвшей потребности. Для освѣщенія вопроса о нѣмецкомъ засилѣ онъ собралъ всѣ статьи о Прибалтійскомъ краѣ, появившіяся за первые три мѣсяца войны въ «Новомъ Времени», «Вечернемъ Времени», «Утрѣ Россіи», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Инвалидѣ» и нѣкоторыхъ мѣстныхъ газетахъ. Въ статьяхъ не обойдена ни одна изъ сторонъ мѣстной жизни: здѣсь земское хозяйство и колонизація, городское самоуправленіе, печать, церковь, школа, взаимныя національныя отношенія, настроенія разныхъ общественныхъ группъ при объявленіи войны и въ первомъ ея періодѣ, наконецъ, дѣятельность мѣстныхъ благотворительныхъ заведеній по уходу за ранеными и помощи запаснымъ. Первое по количеству мѣсто занимаютъ статьи А. Ренникова, этого неутомимаго изобличителя разныхъ мѣстныхъ «странностей» и безобразій, объѣздившаго лично весь край; изъ бесѣдъ съ мѣстными жителями и изъ непосредственныхъ наблюденій онъ почерпнулъ громадный запасъ фактовъ, дотолѣ совершенно неизвѣстныхъ широкой публикѣ и тѣмъ сильнѣе ея поразившихъ. Правда, въ статьяхъ его многое имѣетъ черезчуръ узкую печать злободневности, иногда сенсаціи, встрѣчаются небольшія неточности, но въ общемъ впечатлѣніе отъ нихъ получается удручающее, и могущій быть сдѣланнымъ выводъ всецѣло подтверждается статьями всѣхъ другихъ авторовъ, вошедшихъ въ книгу. Выводъ—тотъ, что между Россіей и Прибалтійскимъ краемъ существуетъ глубокая пропасть духовнаго отчужденія; единственно властное въ краѣ сословіе—нѣмецкіе помѣщичьи-дворяне являютъя вопліи чуждыми русскимъ народнымъ и даже государственнымъ интересамъ; они—истые сыны Германіи, Германіи современной, проникнутой духомъ юнкерства и милитаризма, не знающіе и не желающіе знать русскаго народа... Вотъ, напримѣръ, завѣтъ одного изъ лифляндскихъ дворянъ его дѣтямъ, находящійся въ его духовномъ завѣщаніи: «при воспоминаніи объ отцѣ не забывай никогда, что онъ тебѣ приказываетъ: оставайся истиннымъ сыномъ своей нѣмецкой родины» (стр. 71). Такой завѣтъ является естественнымъ слѣдствіемъ системы воспитанія дѣтей въ прибалтійскихъ помѣщичьихъ семьяхъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ изъ лучшихъ

знатоковъ Прибалтійскаго края, бывшій эстляндскій губернаторъ князь Шаховской: «въ нѣмецкихъ семьяхъ здѣшняго края издавна замѣчается двойственная система воспитанія дѣтей и дальнѣйшаго обезпеченія ихъ судьбы. Въ то время, какъ однихъ изъ сыновей отдають въ русскія учебныя заведенія въ Петроградъ и по окончаніи курса сдаютъ съ своихъ хлѣбовъ на хлѣба правительственные, — другихъ не только воспитываютъ въ мѣстныхъ заведеніяхъ края, но и по возможности препятствуютъ имъ проникнуть за восточную его границу. Дома воспитываютъ тѣхъ членовъ семьи, которые предназначаются для занятій въ имѣніяхъ по хозяйству и для службы въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Проходя среднее образованіе въ рыцарскомъ домскомъ училищѣ и ему подобныхъ, они воспринимаетъ въ нихъ закаляемое впоследствии въ дерптскомъ университетѣ то направленіе и тотъ духъ, которые создали отчужденность края отъ остальныхъ частей имперіи» (стр. 58).

Къ сожалѣнію, далеко не всѣ русскіе администраторы смотрѣли на дѣло съ этой точки зрѣнія. Когда состоялось высочайшее повелѣніе о назначеніи на административныя должности въ Прибалтійскомъ краѣ преимущественно лицъ русскаго происхожденія, то генераль-губернаторъ баронъ А. Н. Меллеръ-Закомельскій, вмѣсто исполненія этого повелѣнія, сталъ въ официальной бумагѣ доказывать, что назначать русскихъ уѣздными начальниками невозможно, такъ какъ русскіе люди не обладаютъ для этого достаточной культурностью! (Стр. 113). Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Предисловіе къ книгѣ профессора К. И. Арабажипа даетъ совершенно правильную характеристику мѣстныхъ отношеній и справедливо опредѣляетъ національный антагонизмъ въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ борьбу экономически-соціальную.

Кн. С. М.—въ.

Сборникъ московскаго архива министерства юстиціи. Томъ пятый. Псковъ и его пригороды. Стр. XI + 499. Цѣна 3 р. Томъ шестой. Псковъ и его природы. Стр. IX + 555. Ц. 3 р. 50 к. Мсква. 1914 г.

Томъ сборника пятый заключаетъ въ себѣ полный текстъ подлинной псковской писцовой книги 1585—1587 годовъ, и съ нѣсколькими мѣрами Григорія Мѣщанинова-Морозова и Ивана Дровнина № 355, въ цѣломъ до сихъ поръ еще не появлявшейся въ печати, хотя какъ матеріаломъ ею пользовались Н. Д. Чечулинъ въ изслѣдованіи о «Городахъ Московскаго государства въ XVI вѣкѣ» и Н. С. Суворовъ въ обзорѣ «Псковскаго церковнаго землевладѣнія». Начало писцовой книги, въ нѣсколько десятковъ листовъ, къ сожалѣнію, въ подлинникѣ утрачено, оно заключало цѣнное описаніе самого города Пскова, его Кремля, церквей, бѣлыхъ и тяглыхъ дворовъ и части земель, съ продолженія которыхъ и идетъ печатный текстъ разбираемой нами книги, захватывающій, однако, и при дефектѣ почти ея половину—210 листовъ. Въ остальномъ содержаніи писцовой книги составляетъ описаніе слѣдующихъ псковскихъ городовъ и ихъ уѣздовъ: Гдова, Краснаго, Кобыля, Острова, Изборска, Вышгорода, Вороноча, Дубкова, Выбора, Врева, Велья, Володимерца, Опочки и Себежа.

Будучи составлена всего черезъ какія-нибудь пять лѣтъ послѣ осады въ 1581 году Пскова Баторіемъ писцовая книга Мъщанинова и Дровнина въ одномъ случаѣ указываетъ на положеніе здѣсь знаменитаго защитника Пскова: «У таможенныхъ избы, на Рву, дворъ Соляной, подъ навѣсы кладутъ торговые люди соль и посконы, а отъ мѣста имали у нихъ на государя, царя и великаго князя на недѣлю по 4 московки, а нынѣ съ тѣхъ мѣсть емлютъ на намѣстника на князя Ивана Петровича Шуйскаго по тому жь» (стр. 14).

Слѣдовъ осады Пскова въ 1581 году по писцовой книгѣ почти незамѣтно: торговая жизнь богатаго города бьетъ полнымъ ключомъ; здѣсь такое изобиліе всякихъ промышленныхъ людей и отдѣльныхъ рядовъ, что, пожалуй, даже въ самой Москвѣ въ это время ихъ было менѣе; ряды Котманный, Однорядочный, Полоницскій, Крениевый и др. Интересно описаніе во Псковѣ межъ «Трупеховскихъ и Птровскихъ воротъ» денежнаго царскаго двора, «а на немъ хоромъ: изба шти сажень, передъ сѣни дощаты; дѣлаютъ въ той избѣ мастера денги, а въ комнатѣ у избы сѣдятъ прикащики; сарай рублень на 2 передѣла, а въ немъ 4 печи камены, а въ нихъ тянутъ серебро; другой сарай, въ немъ 5 печей каменыхъ, въ нихъ плавятъ серебро; анбаръ въ заметѣ, въ немъ дѣлаютъ гнѣзда, въ чемъ плавятъ серебро. Прикащикъ живетъ на дворѣ, а денежные мастера въ Петровскомъ концѣ, у Нового Вознесенья и въ Завелиткой засадѣ».

Въ археологическомъ отношеніи цѣнны указанія на урочища прежнихъ погребеній: въ самомъ Псковѣ «Могильни на Иванской улицѣ подлѣ Духовскаго монастыря» (стр. 1) и въ посадѣ Вороночѣ «могильникъ Вороновъ подлѣ столбошинской дороги Ржевской» (стр. 340). Въ Псковѣ въ Щепетинномъ ряду лавка «вдовы Королихи Авдотьи» (стр. 33) указываетъ на довольно древнее появленіе у насъ этого прозвища.

Рѣдко, но все же попадаются отзвуки о прежней псковской самостоятельной вѣчевой жизни. Въ Изборскомъ уѣздѣ при жизни «старыхъ псковскихъ бояръ» на оброкѣ за Усовымъ и Харитоновымъ (стр. 306), въ Никольской губѣ на рѣкѣ Щепцѣ пожня «Подкуянскихъ бояръ»—на оброкѣ за Шершневыми крестьянами (стр. 307).

Текстъ писцовой книги тщательно приготоуленъ къ печати В. В. Нечаевымъ и къ ней приложены столь необходимые въ справочномъ изданіи указатели: личный, географическій и предметный.

Томъ шестой сборника, заключающій въ себѣ вторую внигу матеріаловъ о Псковѣ и его пригородахъ, изданъ подъ редакціей Н. П. Чулкова. Эту часть составляютъ документы, извлеченные почти исключительно изъ дѣлъ Разряднаго приказа и пополненные производствами сената, за 1580—1733 годы. Документы настолько разнообразны и цѣнны, что могутъ служить не только историку, но археологу, юристу, экономисту и историку военному. Значительную часть матеріаловъ представляютъ росписные списки и годовыя смѣтныя книги; они даютъ свѣдѣнія о численности разныхъ разрядовъ населенія, о денежной казнѣ, хлѣбныхъ и военныхъ припасахъ, о состояніи городскихъ укрѣпленій, размѣщеніи народа по стѣнамъ и башнямъ, о видѣ пищалей, мѣстонахожденіи тайниковъ, слуховъ, подлазовъ, колодезей, пороховыхъ погребовъ.

Особенно содержателен росписной списокъ Пскова 1644 года, къ сожалѣнiю, самый ближайшій изъ сохранившихся къ знаменитой защитѣ города княземъ И. П. Шуйскимъ. Онъ указываетъ, что псковской Кремль имѣлъ мѣрою кругомъ стѣну въ 418 сажень, въ ней на башняхъ было 149 боевъ; въ Среднемъ городѣ вдоль по стѣнѣ считается 1.168¹/₂ сажень, а въ ея башняхъ 552 боя, да въ томъ же городѣ въ Домантовѣ стѣнѣ 83¹/₄ сажени. Наконецъ въ «Окольномъ каменномъ городѣ», къ которому, главнымъ образомъ, вель свои приступы Баторiй, стѣна мѣрою имѣла 2.558 сажень. Если принять число защитниковъ Пскова въ 1581 году въ извѣстную цифру 30.000 и если допустить, что всѣ они исключительно были размѣщены при нападенiи Баторiя въ «Окольномъ городѣ», то на каждой сажени здѣшней стѣны стояло до двѣнадцати защитниковъ. Длина же всѣхъ псковскихъ стѣнъ равнялась 3,927³/₄ саженямъ, или 7⁴/₅ верстамъ, что совпадаетъ съ замѣчанiемъ Карамзина, сказавшаго, что псковскiя стѣны для обороны тянулись на разстоянiи «семи или восьми верстъ».

Наше современное народное зло, ослабѣвшее во время настоящихъ военныхъ дѣйствiй по случаю закрытiя монополiи, отличалось и въ XVII вѣкъ страшною разнузданностью, какъ видно изъ слѣдующаго документа. Въ 1665 г. доносилъ воевода, въ ночи 5-го октября городъ Опочка весь выгорѣлъ, только «отняли Верхнюю его часть». По собраннымъ свѣдѣнiямъ, оказалось, что мужики въ шинкахъ перепились и стрѣлецъ Куземка Чижикъ, напився пьянъ безмѣрно, зажегъ вѣнникъ на шесть и сталъ бѣгать за своей женою, хотя ее мучить и гривну денегъ на пропой выпросить; бѣгаючи, зажегъ солому на своемъ дворѣ, а отъ него и весь городъ выгорѣлъ. Къ воеводѣ изъ Москвы послали грамоту, чтобъ у стрѣльца Чижика, отъ котораго пожаръ произошелъ, отсѣчь лѣвую руку по запястье, учинивъ крѣпкiй заказъ, чтобы пьянства и шинковъ впредь не держали. Городъ же сдѣлать тотчасъ, чтобъ «непрiятельскiе люди изгономъ какого дурна не учинили» (стр. 442).

О сохранившемся до нашего времени одномъ изъ старинныхъ псковскихъ домовъ—Поганкина—напечатано сообщенiе, что въ 1728 году «выморочный каменный дворъ посадскаго человѣка Ивана Поганкина занять съ 1711 года псковскимъ магазиномъ съ провiантомъ и фуражомъ и, кромѣ того, съ 1721 г.— порохомъ и всякими припасами псковской артиллерiи» (стр. 289).

Въ числѣ интересныхъ мелочей можно отмѣтить наличность во Псковѣ въ 1626 году, въ числѣ наряда, «полбочки каракуль желѣзныхъ (особыхъ рогулекъ), что мечуть въ ровъ для приступнаго времени», т. е. для задержки конницы (стр. 23), и обилiе прозвищъ пушкамъ въ зависимости отъ звука ихъ выстрѣловъ: «Плакида», «Пѣвецъ», «Соловей», «Скоропѣя» и др.

Къ тому шестому приложены также три указателя.

Оба, пятый и шестой, тома «Сборника Архива» послужатъ, безъ сомнѣнiя, вкладомъ для русской исторiи вообще и для исторiи Псковскаго края въ особенности.

И. С. В.

Наше прошлое. Рассказы из русской истории. Подъ редакціей Вишнякова, Мельгунова и Сыроѣчковскихъ, часть II, съ 98-ю рисунками. М. 1915. 392 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

«Наше прошлое», какъ сообщалось въ предисловіи къ первой части, представляя собой книгу для чтенія въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, «должно дать рядъ картинъ преимущественно бытовыхъ, иногда эпизодовъ, но отнюдь не случайныхъ: эпизодъ допускался только тогда, когда онъ былъ яркимъ выраженіемъ тѣхъ или другихъ общихъ явленій исторической жизни и въ то же время, позволяя сконцентрировать вокругъ себя общій матеріалъ, давалъ возможность достигнуть большей картинности изложенія. Вымышленнаго, недостовернаго и не засвидѣтельствованнаго документомъ или инымъ историческимъ памятникомъ не должно было быть въ книгѣ». «Задачей книги было осмыслить явленія. И, конечно, при этихъ условіяхъ приоритетъ должно было отдать явленіямъ такъ называемаго внутренняго порядка, потому что вопросы внѣшней политики, которой такъ часто отдають въ элементарныхъ книгахъ преимущественное вниманіе, по глубокому убѣжденію редакціи, не могутъ быть осмыслены (за весьма малымъ исключеніемъ) въ томъ возрастѣ, для котораго предназначается книга».

Въ этихъ положеніяхъ сомнительнымъ и весьма спорнымъ является тотъ взглядъ редакціи, будто явленія внутренняго порядка для учениковъ младшаго возраста доступнѣе «вопросовъ внѣшней политики», шире говоря, внѣшней исторіи, факты которой, по словамъ предисловія, яко бы «не могутъ быть осмыслены» учащимися младшаго возраста. Обычно педагоги-практики опредѣленно говорятъ какъ разъ наоборотъ, именно, что внѣшняя исторія, походы, напримѣръ, Олега, нашествіе татаръ, Отечественная война не только вполне понятны для учениковъ, но и кажутся имъ интереснѣе, чѣмъ, напр., исторія учреждений, сословныя отношенія и прочее. Сами составители второй части «Нашего прошлаго» увидѣли крайность своего взгляда и въ нарушение принятаго основнаго правила ввели въ составъ второй части очерки о Нарвской битвѣ, Полтавѣ, Гангутѣ, Тильзитѣ, Бородинѣ и Крымской кампаніи.

Своимъ содержаніемъ вторая часть «Нашего прошлаго» охватываетъ XVIII и XIX вѣка, даже часть XX вѣка, такъ какъ послѣдній очеркъ говоритъ о выборахъ въ Государственную Думу. Всего на протяженіи 389 страницъ данъ 71 очеркъ, значить на каждый очеркъ приходится 5—6 страницъ въ среднемъ, хотя встрѣчаются и въ двѣ страницы. Для характеристики содержанія книги приведу нѣскольکو статей. Здѣсь помѣщены такіе очерки: 1) «Въ нѣмецкой слободѣ»; 2) «Просвѣщеніе при Петрѣ»; 3) «Толки въ народѣ о Петрѣ»; 4) «Недоимки»; 5) «Русскій дворъ при Аннѣ Иоанновнѣ»; 6) «Вахтпарадъ» (при Павлѣ I); 7) «Въ военныхъ поселеніяхъ»; 8) «Голодъ въ деревнѣ» (при Николаѣ I); 9) «Въ земскомъ собраніи» и друг.

Что касается изложенія, то во всей книгѣ замѣтно желаніе упростить его, приспособить къ пониманію дѣтей, вниманію которыхъ она предназначена.

Несмотря на то, что статьи «Нашего прошлаго» коротки, почти всѣ онѣ представляютъ собой или цѣльный небольшой рассказъ или характеристику,

или же какой-либо эпизодъ, иллюстрирующій вмѣстѣ съ другими цѣлую полосу исторической жизни. Напр., статьи С. А. Князькова и В. Сыроѣчковскаго о Нарвѣ, Полтавѣ и Гангудѣ даютъ прекрасную обрисовку борьбы Петра Великаго съ Карломъ XII; статьи Богровой: «Левендальскій праздникъ» и гр. Безбородко—характерны для придворнаго быта Екатерининскаго времени. Дореформенный бытъ описывается нѣсколькими статьями о жизни помѣщика, крестьянъ, о городскихъ порядкахъ и дореформенномъ судѣ.

Но каковъ матеріалъ и какъ имъ пользовались составители книги «Наше прошлое»? Къ сожалѣнію, здѣсь приходится отмѣтить неразборчивость авторовъ и ихъ, можетъ быть, преднамѣренную односторонность. Повидимому, составители довольно часто брали матеріалъ изъ мемуаровъ, путешествій и дневниковъ современниковъ. И въ этомъ отношеніи у составителей не было почти никакого критическаго чутья. Укажу на примѣръ. Составители по крайней мѣрѣ пять статей (Богрова, Сыроѣчковскій и Вышинская) щедрой рукой воспользовались мемуарами А. М. Тургенева, не обращая вниманія на то, что этотъ болтливый старикъ, писавшій въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка, на восьмомъ десяткѣ лѣтъ своей жизни, писавшій о томъ, что было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и больше, все перепуталъ, извратилъ, благодаря чему его мемуары являются почти сплошнымъ анекдотомъ. Изъ этихъ-то мемуаровъ и выписываются составителями статей цѣлыя страницы, при томъ съ нѣкоторыми добавленіями и искаженіями. Такъ, анекдотъ о томъ, какъ вельможа, послѣ знатной попойки, вызванный Екатериной къ докладу, пустилъ себѣ кровь и читалъ докладъ по чистому листу бумаги, рассказывается Тургениевымъ объ А. В. Храповицкомъ, въ статьѣ же г-жи Богровой онъ получилъ приложение къ гр. Безбородко; фразѣ о Павловскомъ царствованіи: «Эта кутерьма долго существовать не можетъ», яко бы сказанной, по словамъ Тургенева, гр. Салтыковымъ однажды за нѣсколько недѣль до смерти Павла, г. Сыроѣчковскимъ придано общее значеніе («прибавляли»).

Нельзя также не обратить вниманіе на своеобразный подборъ статей. Во второмъ отдѣлѣ, относящемся къ XVIII вѣку послѣ эпохи Петра Великаго, указано 15 статей, но изъ нихъ девять посвящено однообразнымъ сюжетамъ: сбору недоимокъ, тайной канцеляріи, крѣпостной фабрикѣ, Пугачевскому бунту, торговлѣ крѣпостными, описанію жизни крестьянъ по Радищеву, безпросвѣтнымъ временамъ Павла I. На протяженіи 75-ти лѣтъ только и слышно, что раздаются удары плетью, батогами, жестокія истязанія, безчеловѣчное обращеніе и притѣсненіе, вызывающее кровавый бунтъ. Нѣчто подобное представляютъ статьи, относящіяся къ концу царствованія Александра I и ко времени Николая I. И такіе картины и рассказы преподносятся дѣтямъ съ цѣлью «осмыслить явленія», «общія явленія исторической жизни» Россіи! Вообще, вся вторая часть «Нашего прошлаго», за рѣдкимъ исключеніемъ, страдаетъ крайне одностороннимъ подборомъ статей и недостаточно объективнымъ освѣщеніемъ.

Наконецъ, послѣднимъ большимъ недочетомъ книги я считаю то, что она, будучи предназначаема для учащихся младшаго возраста (отъ 8—12 лѣтъ), содержитъ такіе сюжеты, которые никакимъ образомъ не должны быть во-

димы въ книгу подобнаго рода. Таковы, напр., статьи Коваленскаго о Посошковѣ, Сырофчовскаго о Рднщевѣ, статьи о редакціонной комиссіи, о земскомъ собраніи, о выборахъ въ Государственную Думу и другіе.

«Наше прошлое», безъ сомнѣнія, по замыслу интересно, и нельзя не приѣтствовать попытку дать школъ книгу для чтенія по русской исторіи дѣтямъ младшаго возраста, въ которой былъ бы развернуть «рядъ картинъ, преимущественно бытовыхъ». Но эта попытка страдать существенными недочетами, и «Наше прошлое» можетъ имѣть примѣненіе въ школъ, по моему мнѣнію, не въ видѣ книги, отданной въ руки маленькаго читателя, а лишь въ видѣ книги, которой пользуется преподаватель, осторожно выбирая изъ нея для дѣтскаго чтенія только отдѣльныя части.

М. К.—въ.

Труды пермской губернской ученой архивной комиссіи. X. (Изданъ 15-го февраля 1913 г.). Пермь. 1914. Стр. XI+245, съ 2 план. Цѣна 1 р. 50 к.

Въ настоящемъ выпускѣ «Трудовъ» пермской архивной комиссіи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе богатый этнографическій, пѣсенный и отчасти діалектологическій матеріалъ, заключающійся въ статьѣ крестьянина А. Н. Гладкихъ: «Крестьянскіе свадебные обряды и проч. у жителей села Торговичскаго, Красноуфимскаго уѣзда Пермской губерніи». Нѣкоторыя изъ приведенныхъ здѣсь свадебныхъ пѣсень носятъ слѣды несомнѣнной древности и вліянія Востока. Такъ, на примѣръ, про невѣсту поется, что она выходила на крылечко «во шахматы играть, золоты ковры метати». В. С. Верхоланцевъ далъ подробную лѣтопись событій въ жизни Перми съ 1890 по 1912 годъ, предпославъ ей краткій хронологическій перечень фактовъ изъ исторіи Перми съ ея зародыша—Ягошихинскаго завода (въ 1723 году). Разумѣется, эта лѣтопись представляетъ значительный мѣстный интересъ, но нѣкоторыя свѣдѣнія ея имѣютъ и общее значеніе. Таково, на примѣръ, упоминаніе о смерти (въ 1900 году) сельскаго священника І. М. Первушина, который изъ глуши Шадринскаго уѣзда посылалъ математическія статьи, доставившія ему званіе члена-корреспондента петербургской, парижской и неаполитанской академій. Отмѣтимъ кстати, что пьеса «Черные вороны» написана не г. Рышковымъ, а г. Протопоповымъ. А. И. Слупскій сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о нѣсколькихъ подземныхъ ходахъ, существующихъ въ Соликамскѣ, за раскопку и расчищеніе которыхъ принимались пѣсколько разъ, но за недостаткомъ средствъ останавливались,—обычное наше небреженіе къ родной старинѣ. Въ довольно обстоятельныхъ въ общемъ воспоминаніяхъ г. Воеводина о пермскомъ уѣздномъ училищѣ въ 1860—1862 годахъ рассказанъ слѣдующій характерный фактъ: на шестой недѣлѣ поста въ 1861 году пермскія дамы патронессы устроили живыя картины съ сюжетомъ: три отрока, горящіе въ печи огненной, замѣнивъ только отроковъ отроковицами, вѣроятно, потому, что могли распоряжаться ими безпретятвеннѣе. Но библейскаго чуда не послѣдовало, а по законамъ природы двѣ отроковицы сильно искалѣчились, третья же сгорѣла совсѣмъ. Правда, ей устроили торжественныя похороны. Кромѣ того, въ «Трудахъ»

приведены результаты разбора членами комиссіи разнаго рода архивныхъ дѣлъ. Особенно потрудился здѣсь товарищъ предѣдателя комиссіи Л. Е. Воеводинъ, который, кромѣ того, представилъ и весьма дѣльные общія соображенія о системѣ въ постановкѣ и веденіи архивнаго дѣла. **А. М—въ.**

Труды псковскаго археологическаго общества. Выпускъ десятый. Псковъ, 1914. Стр. 380.

«Труды» названнаго общества посвящены описанію археологическихъ развѣдокъ и раскопокъ Псковской губерніи (докладъ Вл. Крейтона), дающихъ небезынтересный матеріалъ о бытѣ полочанъ (отъ рѣки Полота, впадающей въ Западную Двину) и кривичей, выселившихся изъ полочанъ на сѣверо-востокъ и смѣшавшихся здѣсь съ чудью и финнами. Рѣка Великая, омывающая Псковскій уѣздъ, ежегодно мѣняетъ свои берега и образуетъ обвалы съ образчиками каменныхъ орудій, черепковъ глиняной посуды и погребныхъ сосудовъ, найденныхъ г. Крейтономъ въ погостѣ Овинчице и деревнѣ Покрутищъ. Наиболѣе обстоятельно имъ описаны «богатырскія могилки» и курганы съ трупосожиганіями (VIII—IX вв.) и «жальники» (XI—XIII вв.), въ которыхъ (жальническія погребенія) трупосожиганіе уступаетъ мѣсто погребенію сначала на поверхности земли (погребеніе надземное), а затѣмъ и въ ямахъ (погребеніе подземное). Въ докладѣ г. Крейтона подробно описаны круглые бугры (тивиковскіе) и длинныя могилы (тайловскія), съ описаніемъ костровъ, поверхности грунта, насыпи, глиняныхъ сосудовъ вверхъ дномъ лежащихъ съ пережженными костями и т. д. Онъ вполне убѣжденъ, вопреки мнѣнію извѣстнаго археолога А. А. Спицына, что курганы съ трупосожженіями въ Псковской губерніи принадлежатъ славянской, а не финской культурѣ.

Въ томъ же выпускѣ «Трудовъ» псковскихъ археологовъ помѣщена интересная статья Л. Софійскаго о первомъ исторіографѣ города Опочки Л. Травинѣ, съ приложеніемъ обширной записки послѣдняго о мѣстномъ краѣ. Для новыхъ работъ по исторіи Псковской области и всѣхъ послѣдующихъ къ ней переменъ псковскіе археологи рѣшили издать археологическую карту своей губерніи, а г. Н. Окуличъ-Казаринъ собралъ для этого «Матеріалы», съ предметнымъ и географическимъ именъ указателемъ, въ надеждѣ, что «его трудъ поможетъ изыскателямъ освѣтить вопросъ древнѣйшей этнографіи края, которая представляетъ до сихъ поръ много нерѣшенныхъ наукою загадокъ».

А. Фаресовъ.

А. А. Пазухинъ. Родословная Пазухиныхъ и родословные матеріалы Пазухинскаго архива. Спб. 1914. Стр. 91.

Нельзя не привѣтствовать появленіе работы А. А. Пазухина: посвятить свой трудъ разработкѣ исторіи своего рода, онъ далъ добросовѣстно и съ возможною полнотою обследованное его родословіе, къ которому присоединилъ

любопытные и содержательные историко-генеалогические материалы, извлеченные из семейного архива и дающие ряд цѣнных указаний на родственныя отношенія значительнаго количества фамилій, состоящихъ въ связи съ Пазухинами.

Типичный исконно-русскій родъ, хотя и причисляющій себя, по обычаю, къ родамъ «выѣзжимъ», костромичи и симбиряки Пазухины принадлежать къ числу не выдѣляющихся родовитостью, но довольно древнихъ и безусловно почтенныхъ фамилій, всегда съ честью служившихъ Россіи и безъ шума дѣлавшихъ свое скромное служилое и хозяйственно-культурное дѣло. Цѣлый рядъ Пазухиныхъ, съ первыхъ же поколѣній рода, кровью своею запечатлѣлъ вѣрность своему долгу: Василій Захаровичъ убитъ былъ въ «панцину», а братъ его Діомидъ—подъ Калугою «на вылазкѣ», сынъ перваго—Иванъ—погибъ подъ Полцкомъ въ 1563 году, а сынъ второго—тоже Иванъ, уже дворянинъ московскій—подъ Конотопомъ въ 1659 году, очевидно, уже въ старости; племянникъ послѣдняго—Борисъ Андреевичъ, извѣстный своимъ посольствомъ въ Хиву и Бухару (1669—1673), былъ убитъ по пути, тоже съ посольствомъ, въ Крымъ (1679 г.) и т. д. На рубежѣ XVIII вѣка Пазухины служили въ дворянахъ московскихъ, стряпчихъ, стольникахъ, а при Петрѣ и его преемникахъ проходили службу въ полкахъ и во флотѣ, не достигая высокихъ чиновъ, но и не оставаясь на низахъ служебной іерархіи, участвуя во всѣхъ походахъ елизаветинскихъ, екатерининскихъ и alexандровскихъ временъ, не говоря о послѣдующихъ. Изъ представительницъ рода Пазухиныхъ слѣдуетъ вспомнить Екатерину Петровну—родительницу исторіографа Карамзина. Родословная разработана составителемъ въ достаточной степени подробно и, хотя не имѣетъ ссылокъ на документы, внушаетъ полное къ себѣ довѣріе. Въ видѣ приложеній къ росписи Пазухиныхъ даны: роспись родственной имъ нижегородской вѣтви Бутурлиныхъ, очень цѣнный семейный лѣтописецъ Н. С. Бутурлина съ многочисленными записями фамиліальныхъ событій за цѣлое столѣтіе съ половины XVIII до половины XIX вѣка, довольно оригинальная, составленная Петромъ Петровичемъ Пазухинымъ († 1794) «Родословная роспись фамиліи Пазухиныхъ и къ нимъ присоединенныхъ чрезъ браки супружества разныхъ фамилій» (Араповыхъ, Чемесовыхъ, Ермоловыхъ, Языковыхъ, Булыгиныхъ, Ладыженскихъ; Карамзиныхъ и др.), семейный лѣтописецъ В. М. Бестужева († 1785) и краткія родословныя росписи Евреиныхъ, Бокиныхъ, Возницыныхъ, Пѣвцовыхъ и Ларионовыхъ, извлеченныя изъ одного тяжёлаго дѣла XVIII вѣка. Книга снабжена подробными именными указателями, облегчающими наведеніе справокъ. Въ общемъ она даетъ довольно богатый и интересный материалъ, главнымъ образомъ, вполнѣ достовѣрный, прочный, генеалогическій материалъ. Очень хотѣлось бы видѣть продолженіе трудовъ А. А. Пазухина въ области изученія отечественнаго родословія, еще столь мало разработанной.

Б. Модзалевскій.

Н. К. Никольскій. Рукописная книжность древнерусскихъ библиотекъ (XI—XVII вв.). Матеріалы для словаря владѣльцевъ рукописей, писцовъ, переводчиковъ, справщиковъ и книгохранителей. Выпускъ I. А—Б. (Пам. др. письм. СХХХII) S. a. (1914), 8°. Стр. XLIV+163.

Въ 1906 году профессоръ Никольскій издалъ начало замѣчательнаго единственнаго въ своемъ родѣ труда—«Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій» (X—XI вв.). Это начало, однако, до сихъ поръ не имѣло продолженія; между тѣмъ, потребность въ такомъ пособіи ощущается все болѣе и болѣе. Въ предисловіи къ новому своему труду «Рукописная книжность» проф. Никольскій не разъ подчеркиваетъ необходимость собрать и систематизировать свѣдѣнія о древне-русской книжности, но идетъ теперь нѣсколько инымъ путемъ. Онъ ставитъ во главу угла «исторію книги». Эта исторія «должна быть необходимою предпосылкою и спутникомъ исторіи наличныхъ остатковъ древне-русской литературы». Отсюда вытекаетъ характеръ и планъ новаго труда: онъ, по мысли автора, долженъ обнимать факты: 1) относящіеся къ виѣшней исторіи древней русской книжности, 2) обзоръ ея состава и 3) наблюденія надъ исторіей книжно-литературнаго движенія въ древней Руси. Въ первомъ отдѣлѣ будутъ собраны свѣдѣнія: а) о владѣльцахъ рукописей, писцахъ, переводчикахъ, справщикахъ и книгохранителяхъ (по алфавиту ихъ именъ); б) о мѣстонахожденіи рукописей (географическій указатель библиотекъ какъ прежнихъ, такъ и современныхъ, въ которыхъ хранились или хранятся славяно-русскія рукописи XI—XVII вв., и в) о датированныхъ рукописяхъ (хронологическій списокъ извѣстныхъ автору славяно-русскихъ рукописей отъ X до начала XVIII вв.; г) въ видѣ дополненія списокъ сохранившихся пергаментныхъ рукописей, какъ памятниковъ древнѣйшаго періода русской книжности. Второй отдѣлъ, по предположенію проф. Никольскаго, будетъ содержать алфавитный списокъ: а) авторовъ и б) ихъ произведеній, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ, встрѣчающихся въ донетровской книжности. Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ авторъ обѣщаетъ дать опытъ изложенія исторіи древне-русской книжности и литературы (стр. IX). Таковъ планъ громаднаго труда, предпринятаго проф. Никольскимъ. Нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ этому предпріятію; но нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, скрыть и трудностей по осуществленію его. Намъ кажется, въ значительной степени эти трудности облегчились бы, если бы авторъ поставилъ себѣ болѣе опредѣленные задачи, ограничилъ бы поле изученія и тѣснѣе представилъ въ своемъ трудѣ лишь то, что непосредственно относится къ судьбамъ древней русской книжности въ древности, когда она имѣла живое, дѣйствительное значеніе и не была, подобно тому, какъ теперь—лишь предметомъ изученія археолога, историка и историка литературы. Въ самомъ дѣлѣ, что мы находимъ въ первомъ «пробномъ» выпускѣ? Свѣдѣнія о писцахъ, владѣльцахъ и проч. Но какого времени? Время—не ограничено опредѣленными рамками, скъ жъ XI—XVII вв. Тутъ на ряду съ данными о владѣльцахъ XVI—XVII вв. читаемъ и о священникѣ Абрамовичѣ, пожертвовавшемъ въ 1868 году евангеліе XV вѣка въ виленскую публичную библио-

теку, и о проф. Абрамовичѣ, пожертвовавшемъ въ бібліотеку петроградской духовной академіи евангеліе XVI в., о г. Бабенко, у котораго были комитетомъ двѣнадцатаго археологическаго съѣзда приобрѣтены рукописи и проч., о лицахъ, весьма, можетъ быть, почтенныхъ, но едва ли вліявшихъ хоть сколько-нибудь на возникновеніе и судьбу памятниковъ письменности въ границахъ XI—XVII вѣковъ! Едва ли нужно, на нашъ взглядъ, подробно перечислять рукописи, приобрѣтенныя А. А. Титовымъ у Большакова: имѣется описаніе рукописей Титова, гдѣ все это указано, а историческаго значенія фактъ покупки у Большакова, а не у иного книгопродавца-антиквара, кажется, не имѣть... Да въ другомъ случаѣ, именно говоря о рукописяхъ Булаева, авторъ такъ и поступаетъ: ссылается на описаніе ихъ, опубликованное въ свое время въ отчетѣ императорской публичной бібліотеки. Второе, что могло бы облегчить трудъ проф. Никольскаго отъ балласта,—это разграниченіе рукописей славяно-русскихъ отъ юго-славянскихъ. Едва ли слѣдовало вносить въ указатель упоминанія о разныхъ писцахъ и владѣльцахъ-сербсахъ—Алексѣѣ, Ананіи, Антоніи, Арсеніи, Дим. Баняцѣ, Байчѣ и друг., о болгарсахъ, о полякахъ—Боворовскомъ, Браницкихъ, Вальцерѣ (а не Вальсѣрѣ) и друг.. Ограничившись только тѣмъ, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ древне-русской книжности до XVII в. включительно, даже до XVIII в.,—авторъ сберегъ бы мѣсто и время, и трудъ его, на нашъ взглядъ, только выигралъ бы. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ первый выпускъ, можно быть признательнымъ автору. И историкъ, и археологъ, и историкъ древней русской литературы—получаютъ въ новомъ трудѣ проф. Никольскаго необходимое и драгоцѣнное пособіе.

В. П.

Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову. Юбилейный сборникъ. М. Стр. 1914. 384. Ц. 2 р. 25 к.—Поэтъ міровой скорби. Очеркъ пррф. К. И. Арабажина. Пгр. 1914. Стр. 32. Ц. 50 к.

Сборникъ «Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову»—едва ли не самое цѣнное приобрѣтеніе для Лермонтовской исторіографіи изъ всего, что дали недавніе юбилейные дни. Нѣкоторыя изъ статей сборника имѣютъ большой историко-литературный интересъ какъ по замыслу, такъ и по исполненію. Таковы статьи Н. Л. Бродскаго, Н. М. Мендельсона, И. Н. Розанова и профессора М. Н. Розанова. Въ статьѣ Н. Л. Бродскаго («Поэтическая исповѣдь русскаго интеллигента 30—40-хъ годовъ») весьма документально освѣщается связь Лермонтова съ современной ему интеллигенціей 30—40-хъ годовъ; и хотя нельзя согласиться вполнѣ съ стремленіемъ автора вдвинуть своеобразную духовную организацію Лермонтова въ тѣсныя рамки опредѣленной эпохи (ср. слѣд. по порядку статью И. М. Соловьева «Поэзія одинокой души»), но нельзя, однако, и отрицать того, что въ римахъ Лермонтова слышится «душевный тонъ его современниковъ» и что «онъ раздѣлялъ мечты и муки своей эпохи». Н. М. Мендельсонъ въ статьѣ «Народные мотивы въ поэзіи Лермонтова» подвергаетъ внимательному анализу любопытный, но мало обследованный, вопросъ о вліяніи на творчества Лермонтова народной поэзіи; послѣ извѣстнаго этюда профессора Владимірова

(«Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи М. Ю. Лермонтова») статья г. Мендельсона впервые ставит данный вопрос на прочную историко-литературную почву. Въ статьѣ И. Н. Розанова («Отзвуки Лермонтова») дается интересный подборъ фактовъ вліянія Лермонтова на послѣдующую русскую литературу, начиная съ поэтовъ 40-хъ годовъ, напримѣръ, Огарева и Грубера, и кончая Надсономъ, Мережковскимъ, Бальмонтомъ и другими современными поэтами. Въ статьѣ профессора М. Н. Розанова («Байроническіе мотивы въ творествѣ Лермонтова») пересмотрѣнъ еще разъ старый вопросъ о байронизмѣ Лермонтова, но параллельно съ его «руссоизмомъ», и тѣмъ самымъ внесена важная поправка въ рѣшеніе вопроса о «байроническихъ» мотивахъ въ Лермонтовской поэзіи, изъ которыхъ нѣкоторые, несомнѣнно, были навѣяны вліяніемъ Руссо. Изъ другихъ статей, отличающихся большей широтой темы, весьма интересенъ этюдъ профессора Сакулина, въ которомъ красиво и убѣдительно рѣшается излюбленный въ новѣйшей Лермонтовской историографіи вопросъ о Лермонтовскомъ дуализмѣ и сверхчеловѣчествѣ—въ сторону «постепеннаго оправданія земли» и «признанія самоцѣнности жизни». Менѣе убѣдительны статьи С. В. Шувалова—«Религія Лермонтова»—и В. М. Фишера—«Поэтика Лермонтова»: для первой не хватаетъ біографическаго и автобіографическаго матеріала, который служилъ бы опорой для вполне прочныхъ выводовъ, сдѣланныхъ на основаніи только произведеній поэта; для другой—недостаетъ предварительнаго детальнаго изученія произведеній Лермонтова. Статья С. В. Шувалова «Вліянія на творчество Лермонтова русской и европейской поэзіи» группируетъ въ краткій обзоръ наблюденія надъ литературными вліяніями на Лермонтова, сдѣланныя въ разное время критиками и историками литературы; этюдъ интересенъ какъ попытка дать общую картину многообразнаго общенія творчества Лермонтова съ литературами русской и иностранными.

Вторая изъ названныхъ книгъ даетъ краткій очеркъ жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. Отмѣчая двѣ наиболѣе характерныя точки зрѣнія на Лермонтова (одна, по которой «творчеству Лермонтова придается исключительно внѣвременный и внѣпространственный характеръ»; другая, по которой Лермонтова считаютъ поэтомъ именно данной эпохи), профессоръ К. И. Арабажинъ становится посредникъ между ними и старается указать въ творествѣ Лермонтова какъ историко-бытовые, такъ и общечеловѣческіе мотивы. Основными чертами поэзіи Лермонтова онъ считаетъ идеализмъ и разочарованіе, характеризующіе Лермонтова въ его отношеніяхъ какъ къ современности, такъ и къ внѣвременнымъ проблемамъ человѣческаго существованія; при этомъ въ идеализмѣ Лермонтова г. Арабажинъ видитъ всѣ особенности «платоновскаго идеализма» или «платоновскаго міроощущенія земной жизни». Сужденія свои о Лермонтовѣ авторъ обосновалъ на двухъ весьма почтенныхъ истолкователяхъ Лермонтовской поэзіи—Н. А. Котляревскомъ и Д. Н. Овсяннико-Куликовскомъ; но въ узкихъ рамкахъ десяти печатныхъ страницъ (22—32) самому г. Арабажину не удалось достаточно рельефно очертить ни тѣ «два лика» Лермонтова (ликъ «житейскій, суетный, будничныи» и ликъ «поэта, знающаго великія тайны поэтическаго прозрѣнія, озареннаго какимъ-то нездѣшнымъ свѣтомъ»), о которыхъ онъ говоритъ въ самомъ началѣ своего очерка, ни тотъ Лермонтов-

скій «эгоизмъ», который дѣлаетъ его творчество «простымъ раскрытіемъ личности поэта». Какъ сочиненіе, предназначенное для общедоступнаго журнала «Знаніе для всѣхъ», работа г. Арабажина во всякомъ случаѣ стоитъ несравненно выше другихъ, нерѣдко спѣшно и по шаблону исполненныхъ, очерковъ жизни и творчества Лермонтова, рассчитанныхъ лишь на широкій сбытъ подобныхъ изданій въ юбилейные дни. Съ внѣшней стороны очеркъ, украшенный портретами, автографами и рисунками, изданъ не только тщательно, но и нарядно.

И. Замотинъ.

В. Евгеньевъ. Николай Алексѣевич Некрасовъ. Сборникъ статей и матеріаловъ. Москва. Книгоиздательство К. Ф. Некрасова. МСМХІV. Стр. 313 и 1 таблица. Цѣна 2 руб.

Книга г. Евгеньева распадается на двѣ части. Первая озаглавлена: «Изъ жизни Н. А. Некрасова» и состоитъ изъ пяти главъ, трактующихъ о семейной хроникѣ рода Некрасовыхъ, о Некрасовѣ и его отцѣ, о гимназическихъ годахъ Некрасова, о жизни его въ началѣ сороковыхъ годовъ и о Некрасовѣ въ роли редактора-издателя «Современника». Вторая—«Некрасовъ и русская общественность»—состоитъ изъ шести главъ и трактуетъ о народолюбіи Некрасова и источникахъ этого народолюбія, о Некрасовѣ—пѣвцѣ героическихъ порывовъ русской интеллигенціи, о Некрасовѣ и современныхъ ему реакціонныхъ теченіяхъ, о кой-чемъ изъ исторіи отношенія къ Некрасову интеллигентнаго общества и учащейся молодежи, о Некрасовѣ и читателяхъ изъ народа, о цензурныхъ мытарствахъ Некрасова. Авторъ преслѣдовалъ, по собственнымъ своимъ словамъ, двѣ совершенно опредѣленные цѣли: первое, «освѣтить наиболѣе темные пункты біографіи Некрасова, каковыми, безъ сомнѣнія, являются вопросъ о предкахъ поэта, его пребываніе въ ярославской гимназіи и первые годы петербургской жизни»; второе, «выяснить основы общественнаго міросозерцанія Некрасова въ связи съ его отношеніемъ къ тремъ главнымъ факторамъ русской жизни—народу, интеллигенціи и правительственной власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдить, какое отношеніе къ себѣ возбуждала поэзія Некрасова со стороны каждаго изъ этихъ факторовъ».

О вкусахъ не спорятъ. Мы лично предпочли бы вмѣсто второй половины книги, въ интересахъ же «некрасовѣднія», видѣть не разработку вопроса объ отношеніи къ Некрасову трехъ «факторовъ» (и слово-то какое не русское!), а разработку новыхъ біографическихъ данныхъ или чисто литературныхъ: о происхожденіи того или другого стихотворенія поэта, о вліяніи его и о вліяніяхъ на него, о его стихѣ и т. д., словомъ, о томъ воистину вѣчномъ въ поэтѣ, установленіе чего необходимо для сознательнаго отношенія къ прямому его наслѣдію—его творчеству—широкаго круга читателей. Объ отношеніи трехъ «факторовъ» къ Некрасову писать легко, но, къ сожалѣнію, эта легкость видная, ибо въ частности ни интеллигенція, ни правительственная власть, ни народъ въ узкомъ смыслѣ слова (въ пониманіи автора) не составляютъ Россіи, и ея мнѣніе (единственно бы важное) о Некрасовѣ, полагаемъ, остается такою же

тайной, какою было и до изысканій составителя разбираемой нами книги. Въ этомъ трудность всѣхъ социологическихъ построений.

Но будемъ исходить изъ того, что есть. Книга по обилію и новизнѣ опубликованныхъ фактическихъ данныхъ превосходить всѣ другія работы подобнаго же рода, и будущіе біографы поэта стануть обращаться къ ней. Это несомнѣнно. Особенно цѣнны свѣдѣнія о родѣ Некрасовыхъ, объ отцѣ поэта и его отношеніяхъ къ сыну, разсѣивающія нѣкоторыя легенды, о времени ученія поэта въ ярославской гимназіи, гдѣ онъ пробылъ ровно четыре года; любопытны отношенія Некрасова къ Ѳ. А. Кони, редактору «Пантеона», и ректору петроградскаго университета П. А. Плетневу, и т. д. Съ другой стороны, г. Евгеньевымъ опубликовано не мало неизвѣстныхъ доселѣ стихотвореній Некрасова, его писемъ, сообщеній о немъ разныхъ лицъ.

Однако справедливость требуетъ сказать слѣдующее. Было бы правильнѣе, если бы г. Евгеньевъ назвалъ свою книгу только сборникомъ матеріаловъ. Слово «статья» предполагаетъ необходимо, что вопросъ, подвергнутый разсмотрѣнію въ ней, обсужденъ съ всестороннею законченностью. Мы не знаемъ, что въ своей книгѣ г. Евгеньевъ назвалъ бы матеріалами, что—статьей. На нашъ взглядъ, вся книга—матеріалы. Приведемъ одинъ, по недостатку мѣста, но разительный примѣръ. Глава книги, трактующая о Некрасовѣ въ роли редактора-издателя «Современника», вовсе не заключаетъ въ себѣ всей дѣятельности поэта на семь поприщъ. Въ ней обрисованы отношенія Некрасова и Плетнева, прежняго собственника журнала, а также приведены воспоминанія Ипп. Ап. Панаева, завѣдывавшаго конторой «Современника». Все это было бы прекрасно, если бы авторъ не пускался въ реабилитацию добродѣтельности Некрасова, чѣмъ, впрочемъ, онъ занимается и на протяженіи всей своей книги. Разъ дѣло обстоитъ такъ, позволительно спросить: а какъ же исторія съ участіемъ въ «Современникѣ» В. Г. Бѣлинскаго, который превратился изъ соиздателя въ простаго сотрудника и который послѣ этого писалъ къ Тургеневу: «Я и теперь высоко цѣню Некрасова за его богатую натуру и даровитость; но тѣмъ не менѣе онъ въ моихъ глазахъ—человѣкъ, у котораго будетъ капиталъ, который будетъ богатъ, а я знаю, какъ это дѣлается. Вотъ ужъ началъ съ меня» (см. Письма, III). Пока это дѣло не получило разъясненія—а оно, насколько намъ извѣстно, не разъяснено—и покуда другое дѣло, исторія съ имѣнемъ Огарева, тоже не разъяснено, всякая реабилитация будетъ односторонней, будетъ создавать тѣ легенды, коимъ не мѣсто въ историко-литературной работѣ. Итакъ, передъ нами не статья, а скорѣе комментарий къ ново-найденнымъ матеріаламъ.

Не могутъ нравиться и такія фразы, что если, пріобрѣтая сотрудничество Бѣлинскаго, Некрасовъ слѣдовалъ общему голосу, то «угадать первозрядные таланты въ авторѣ провалившейся диссертации и только что выпущенномъ студентѣ педагогическаго института могъ только человѣкъ съ незауряднымъ чутьемъ и рѣдкою проицательностью». Все сказанное не что иное, какъ пустая риторическая фраза. «Авторъ провалившейся (?) диссертации—Чернышевскій еще въ 1854 году прочно утвердился въ «Современникѣ», ставъ со слѣдующаго однимъ изъ соредакторовъ его и авторомъ «Эстетическихъ отношеній къ дѣй-

ствительности», диссертации, надѣлавшей не мало шума и «провалившейся» въ хорошемъ для Некрасова смыслѣ; ибо провалили ее за казавшуюся новизну и смѣлость мыслей. Съ другой стороны, единственный критикъ того времени, А. В. Дружининъ, съ 1856 года окончательно оставилъ «Современникъ». Что касается «только что выпущеннаго студента»—Добролюбова, то его провелъ въ «Современникъ» Чернышевскій въ 1857 г. осенью, какъ власть имѣющій редакторъ. Все это, надо полагать, извѣстно и г. Евгеньеву. Къ чему же тогда пышныя фразы о прозорливости Некрасова и т. д.? Онѣ оставляютъ неприятный осадокъ.

Указателя именъ, конечно, нѣтъ.

Издана книга довольно небрежно и во всякомъ случаѣ дорого.

Влад. Квяжинъ.

«Библиографическія Извѣстія». Изданіе московскаго библиографическаго общества при московскомъ университетѣ, подъ редакцію Б. Ст. Боднарскаго Кн. 1—4. Москва 1913—1914 г.г.

«Библиографическія Извѣстія» являются вторымъ по времени органомъ московскаго библиографическаго общества; первымъ былъ журналъ «Книговѣдѣніе», выходившій подъ редакцію А. Д. Торопова въ теченіе трехъ лѣтъ съ 1896 года включительно. Съ прекращеніемъ «Книговѣдѣнія» дѣятельность кружка на нѣкоторое время замерла, и только послѣ его преобразованія она стала вновь проявляться благодаря энергіи и любви къ дѣлу г. Боднарскаго. По первоначальному предположенію «Библиографическія Извѣстія» должны были преслѣд вать узкую задачу—оповѣщать интересующихся о выдающихся фактахъ изъ жизни общества и помѣщать спеціальныя работы по библиографіи. Позднѣе программа была измѣнена, и редакция рѣшила давать широкій прос оръ для всего, что имѣетъ хотя бы косвенное отношеніе къ вопросамъ книговѣдѣнія и въ частности къ библиографіи. Журналъ выходитъ четырьмя книжками въ годъ и теперь уже позволяетъ судить не только о намѣреніяхъ редакціи, но до нѣкоторой степени и о самомъ исполненіи поставленныхъ ею задачъ. Въ статьѣ отъ редакціи заявляется, что предшественники «Библиографическихъ Извѣстій» терпѣли крушеніе главнымъ образомъ потому, что въ самой основѣ ихъ лежала ложная мысль совмѣщенія спеціально библиографическихъ и общелитературныхъ задачъ, въ результатѣ чего ни та, ни другая не могли быть разрѣшены удовлетворительно. Поэтому новый журналъ обѣщаетъ безусловно и тщательно избѣгать уклоненій въ сторону, заявляя, что никакія заманчивыя перспективы не увлекутъ его на опасный путь разносторонности и что лозунгомъ журнала будетъ чистота типа.

Что касается библиографическаго «сredo», то редакция обѣщаетъ придерживаться научныхъ методовъ и положеній, доминирующихъ въ средѣ библиографическаго общества при московскомъ университетѣ, но въ чемъ состоятъ эти научныя методы и положенія, редакция ничего не сообщаетъ, и, узнаетъ ли ихъ читатель изъ самаго журнала, вопросъ пока остается открытымъ.

Изъ помѣщенного матеріала обращаетъ вниманіе горячо написанная статья г. Дерунова «Жизненные задачи библиографіи», въ которой онъ, пересмотрѣвъ главнѣйшія работы по библиографіи и библиографическіе журналы, произвелъ очень обширную и весьма почтенную работу и далъ яркую, хотя и преувеличенно неблагоприятную характеристику русской библиографіи. Г. Деруновъ не остался вполне объективнымъ изслѣдователемъ и ввелъ въ статью излишнюю страстность, не лишенную желчныхъ выпадовъ. Особенно достается покойному Межову за якобы ремесленническій характеръ его работъ, за униженіе званія библиографа. Временами г. Деруновъ тратитъ слишкомъ много увлеченія тамъ, гдѣ убѣдительно было бы спокойное слово. Но, несмотря на все это, слѣдуетъ сказать, что статья имѣетъ большую цѣнность по затронутымъ въ ней вопросамъ и если бы наши библиографы отнеслись къ дѣлу съ тѣмъ же рвеніемъ, то дѣло отъ этого могло бы только выиграть. Изъ другихъ статей слѣдуетъ отмѣтить работу г. Иваска объ инкунабулахъ, гдѣ съ присущими почтенному библиографу тщательностью и умѣніемъ приведена обширная библиографія вопроса на разныхъ языкахъ. Изъ указателей помѣщены: 1) «Литература по балканскому вопросу и о балканскихъ странахъ», 2) «Отечественная война въ литературѣ на иностранныхъ языкахъ». За статьей г. Дерунова непосредственно слѣдуетъ статья самого редактора о десятичной системѣ, которую онъ горячо пропагандируетъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Къ сожалѣнію, здѣсь не мѣсто говорить, насколько эта система практична, насколько она одновременно примѣнима и для каталога, и для разстановки книгъ по библиотечнымъ полкамъ. Желательно отъ самого г. Бондарскаго получить болѣе обстоятельную статью, вѣрнѣе, руководство, которымъ можно было бы пользоваться въ библиотечномъ дѣлѣ.

Въ концѣ скажемъ, что журналъ г. Бондарскаго дѣйствительно старается выдержать «чистоту типа», ставъ журналомъ исключительно библиографическимъ. Искренно желаемъ почтенному редактору успѣха въ его трудномъ и отвѣтственномъ начинаніи.

Н. Лисовскій.

**Извѣстія тифлисскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Кн. первая. Вып. первый.
Тифлисъ. 1914. Ц. 1 р. 80 к. Стр. 186.**

Первый выпускъ «Извѣстій тифлисскихъ высшихъ женскихъ курсовъ» 1914 года заключаетъ въ себѣ отчетъ о состояніи курсовъ за 1912—1913 гг. и научный отдѣлъ.

Изъ названнаго отчета видно, что открытые 26-го сентября 1909 года въ составѣ двухъ отдѣленій (историко-словеснаго и естественнаго), съ трехлѣтнимъ курсомъ тифлисскіе высшіе курсы въ концѣ третьяго учебнаго года реорганизовались въ четырехгодичное высшее учебное заведеніе съ историко-словеснымъ и естественными факультетами, вполне соответствующими, по своимъ учебнымъ планамъ и программамъ, историческому и славяно-русскому отдѣленіямъ историко-филологическаго и естественному отдѣленію физико-математическаго факультетовъ русскихъ университетовъ.

Научный отдѣлъ перваго выпуска «Извѣстій» начинается рѣчью г. Эрна: «Споръ Джоберти съ Розмини». Въ разсужденіи этомъ сопоставляются взгляды итальянскихъ философовъ первой половины XIX столѣтія. Очеркъ, несмотря на довольно неуклюжее мѣстами изложеніе и специальность темы, интересенъ.

Большая часть перваго выпуска «Извѣстій» удѣлена изслѣдованіямъ и сообщеніямъ А. В. Маркова. Находимъ здѣсь его статью: «Отношенія между русскими и мордвою» въ исторіи и въ области народной поэзи, въ связи съ вопросомъ о происхожденіи великорусскаго племени. Предложены и «Русскія народныя пѣсни» изъ собранія А. В. Маркова, и редактированныя имъ и снабженныя примѣчаніями—«Памятники старой русской литературы». Это—странички своеобразно-колоритной словесности на подобные сюжеты: «Повѣсть сказуетъ отъ избранныхъ словъ; отвращаетъ отъ неудобнаго словія и отъ матерня лаянія», «Сказаніе о богатствѣ и о немилостивой смерти». Математику и славяно-русскую письменность затрагиваютъ статьи гг. Лейбензона и Бѣляева. Г. Какабадзе далъ замѣтку: «Годъ смерти грузинской царицы Тамары Великой». Имѣются въ первомъ выпускѣ и рецензіи. Второй выпускъ первой книги «Извѣстій» вмѣщаетъ въ себѣ «программы лекцій и другія свѣдѣнія о преподаваніи предметовъ».

А. Налимовъ.

Военная энциклопедія. XXXIII и XXXIV томы. Стр. 320. Изданіе товарищества И. Д. Сытина. Петроградъ. 1914.

«Новые выпуски «Военной Энциклопедіи» заключаютъ нѣсколько важныхъ и цѣнныхъ статей. Такъ, въ статьѣ «Оборона укрѣпленной позиціи», оставшейся по существу вѣрною прежнимъ основаніямъ, введено множество новыхъ факторовъ, о которыхъ прежде не могло быть и рѣчи въ полевой войнѣ. Сюда вошли: воздушная развѣдка въ обширномъ примѣненіи; техническія загражденія такой прочности и такого размѣра, которыхъ прежде не наблюдалось, употребленіе сапныхъ работъ, багарей, тяжелыхъ орудій осаднаго типа, автомобилей для развѣдочныхъ цѣлей и для массовой перевозки войскъ и т. п. Что касается статьи «Окопы», то она, при всей своей обстоятельности, должна быть значительно дополнена опытомъ настоящей войны, въ которой окопы играютъ такую важную роль. Вообще, нельзя, не пожалѣть, что опытъ послѣдней войны не могъ быть использованъ при изданіи «Военной энциклопедіи», что неминуемо должно привести къ значительнымъ дополненіямъ ко многимъ отдѣламъ энциклопедіи.

При составленіи большой статьи «Отечественная война 1812 года» автору пришлось преодолѣть значительныя затрудненія, чтобы удовлетворить требованіямъ «словаря»: съ одной стороны, надо было представить общую картину крупнаго историческаго событія, а съ другой—дать точныя, сухія свѣдѣнія, отвѣчающія многостороннимъ справкамъ. При статьѣ имѣются обильныя приложенія: двѣ карты (въ краскахъ) движенія обѣихъ сторонъ къ Москвѣ и отступленія разбитой арміи Наполеона за предѣлы Россійской имперіи, нѣсколько картинъ, иллюстрирующихъ важнѣйшіе моменты кампаніи: «Совѣтъ

истор. вѣстн., мартъ 1915 г., т. сxxxix,

18

въ Філяхъ» съ картины Кившенка, «Отступленіе великой арміи, съ картины Верещагина и нѣсколько рисунковъ, изображающихъ памятники войны, какъ на нашей землѣ, такъ и за границей. Въ вышедшихъ томахъ помѣщено множество біографій историческихъ лицъ и общественныхъ дѣятелей, снабженныхъ портретами и иллюстраціями; въ числѣ ихъ находятся: семья Орловыхъ, біографія Паскевича съ весьма хорошимъ портретомъ, біографическія данныя объ императорѣ Павлѣ Петровичѣ и друг.

Нельзя не пожалѣть, что на время войны изданіе «Военной Энциклопедіи» придется приостановить, какъ по отсутствію сотрудниковъ, выбывшихъ на театръ военныхъ дѣйствій, такъ и по необходимости выждать результаты войны.

Л. Н.

П. Е. Казанскій, проф., предсѣдатель одесскаго отдѣленія галицко-русскаго общества «Присоединеніе Галичины, Буковины и Угорской Руси». Одесса. 1915 г. Ц. 25 к. «Современное положеніе Червонной Руси» (Австро-венгерскія звѣрства). Одесса. 1915 г. Ц. 30 к.

Между обѣими брошюрами профессора Казанскаго имѣется тѣсная связь. Первая имѣетъ по преимуществу историческій характеръ: она очерчиваетъ историческія судьбы исконныхъ русскихъ земель, отторгнутыхъ отъ Руси, какъ силою чужого оружія, такъ и ошибками собственной дипломатіи и теперь возвращаемыхъ въ родное лоно. Вторая книжка посвящена изображенію тѣхъ страданій, которыя пришлось и приходится выносить русскому населенію австрійскихъ провинцій отъ мрачно-подозрительной администраціи и скотски разнузданныхъ австро-венгерскихъ солдатъ. Волосы становятся дыбомъ при чтеніи совершенныхъ и совершаемыхъ ужасовъ. Кромѣ того, глубокое негодование закипаетъ, когда узнаешь, что въ этихъ ужасахъ прямо и косвенно принимали участіе братья несчастныхъ мучениковъ по крови, пятнающие себя злобнымъ и бессмысленно-продажнымъ предательствомъ мѣстные «мазепинцы». Книжка о современномъ положеніи Червонной Руси написана горячо и ярко на основаніи личныхъ наблюденій автора, а также свидѣтельствъ русской и галицкой печати. Въ короткій срокъ брошюра уже потребовала втораго изданія. Исходная ея точка зрѣнія та, что настоящая война съ Австріей и Германіей является послѣднимъ моментомъ въ исторіи собиранія земли русской.

В. Гр—скій.

А. П. Нечаевъ. Исторія философіи для начинающихъ изучать эту науку. Съ 20 портретами въ текстѣ. М. 1914. Стр. 176. Ц. 1 р. 25 к.

Профессоръ Нечаевъ задался цѣлью написать такое руководство по исторіи философіи, которае можно было бы дать въ руки всякому грамотному человѣку. Задача эта чрезвычайно трудная, ибо, если вообще трудно дать популярное руководство любой отрасли науки, то сдѣлать это съ философией вдвое труднѣе: тутъ какъ разъ можно наговорить однихъ терминовъ и вмѣсто исторіи науки написать исторію заблужденій человѣческаго ума. Однако со-

ставитель вышеуказанной книжки счастливо избѣгъ этой Сциллы и Харибды. На пространствѣ 176 страницъ г. Нечаевъ сумѣлъ уложить изложеніе главнѣйшихъ философскихъ системъ, начиная отъ древнихъ грековъ и кончая Спенсеромъ. Авторъ даетъ сжатое обзорѣніе каждой системы и искусно выдѣляетъ въ ней то, что было въ ней истиннаго, жизнеспособнаго, даващаго дальнѣйшіе ростки философской мысли. Изложеніе его, не теряя научности, просто и ясно, такъ что его книга дѣйствительно можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для первоначальнаго ознакомленія съ исторіей философіи и можетъ сослужить хорошую службу русскому обществу, гдѣ учебники Виндельбанда, Фалькенберга и другихъ многимъ еще не по силамъ. Можно только пожалѣть, что авторъ слишкомъ скомкалъ изложеніе новѣйшихъ системъ, которыя слѣдовало бы нѣсколько расширить.

А. Б.

Б. Л. Сегаль. Исторія еврейскаго народа. Ч. II. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Одесса. 1914. Стр. IV+187. Ц. 75 к.

Предъ нами учебникъ, обнимающій исторію еврейскаго народа за время отъ покоренія Іудеи Александромъ Македонскимъ, съ 330 г. до Р. Х. по VII в. по Р. Х. Это одинъ изъ болѣе интересныхъ и богатыхъ содержаніемъ періодовъ исторіи этого народа; періодъ, въ которомъ сложился весь религиозный и этический обликъ, окрѣпшій и расцвѣтшій за время утраты политической самостоятельности іудеевъ. Вся умственная и духовная жизнь лучшихъ дѣтей Израиля сосредоточилась тогда на глубокомъ вкорененіи въ іудеяхъ принципъ обособленій отъ другихъ народовъ, дабы они не подвергнулись ассимиляціи и не были поглощены завоевателями. Къ сожалѣнію, большая часть книги посвящена авторомъ менѣе интересной политической жизни еврейскаго народа подъ римскимъ владычествомъ. Нельзя не упрекнуть автора за то, что онъ слишкомъ детально и сухо излагаетъ факты и весьма мало заботится о красотѣ стиля.

О. Л.

Министерство внутреннихъ дѣлъ.—Управленіе сельской продовольственной части.—Отчетъ по продовольственной кампаніи 1912—1913 гг. Спб. 1914. Стр.+LXVII+183+83.

Очередной отчетъ по мѣропріятіямъ правительства въ области удовлетворенія продовольственныхъ, сѣменныхъ и кормовыхъ нуждъ населенія, вызванныхъ неурожаемъ, стихійными бѣдствіями и разными вредителями въ 1912 году, составленъ въ общемъ по плану отчетовъ за прежніе годы, рецензированныхъ въ свое время на страницахъ «Историческаго Вѣстника».

Въ порядкѣ изложенія отчетъ заключаетъ въ себѣ подробныя данныя о состояніи и движеніи имперскаго продовольственнаго капитала, свѣдѣнія о сборѣ хлѣбовъ въ 1912 году, о метеорологическихъ условіяхъ года и причинахъ недостаточнаго сбора хлѣбовъ въ нѣкоторыхъ районахъ имперіи.

18*

Самыя операціи, или виды помощи населенію, пострадавшему отъ недорода, обрисовываются отчетомъ въ слѣдующемъ видѣ. Выдавались ссуды натурой, а въ Семирѣченской области и отчасти въ Тифлисской губерніи и Забайкальской области—деньгами, на продовольствіе и обмѣненіе; производились общественныя работы; продавались хлѣбъ и кормъ по заготовительной цѣнѣ и, наконецъ, оказывалась благотворительная помощь. Сверхъ этого, одинъ изъ отдѣловъ отчета посвященъ задолженности населенія имперіи продовольственнымъ капиталамъ и запасамъ и дѣятельности ликвидаціоннаго отдѣла управленія сельской продовольственной части.

По даннымъ отчета, минувшій годъ является благопріятнымъ въ продовольственномъ отношеніи. Недородъ почти не обнаруженъ и продовольственная помощь потребовалась лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ семнадцати губерній и областей имперіи.

Общественныя работы, энергичнымъ проводникомъ которыхъ въ дѣлѣ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая, какъ извѣстно, является завѣдывающій продовольственнымъ дѣломъ въ имперіи, шталмейстеръ Высочайшаго двора, В. Э. Фришъ, съ обычнымъ успѣхомъ выполнялись въ девяти губерніяхъ. Отчетъ обильно иллюстрированъ снимками производившихся работъ въ Сибири, Поволжьѣ и Степномъ краѣ.

Положеніе и состояніе продовольственныхъ капиталовъ и запасовъ продолжаютъ оставаться устойчивыми и неизмѣнно укрѣпляются и улучшаются. Поступленіе долговъ отмѣчается весьма успѣшнымъ, вслѣдствіе чего наличность капиталовъ и запасовъ замѣтно возросла. Такъ, наличность увеличилась противъ предшествовавшаго года: по общественнымъ натуральнымъ запасамъ на пятнадцать милліоновъ пудовъ, губернскихъ и областныхъ продовольственныхъ капиталовъ на семь милліоновъ рублей (поднялась съ 4 до 11 милліоновъ), общественныхъ продовольственныхъ капиталовъ на одиннадцать милліоновъ рублей.

Успѣшными результатами отмѣчается дѣятельность управленія сельской продовольственной части и по другимъ отдѣламъ его завѣдыванія: выясненію продовольственной задолженности населенія и производству дѣлъ по ликвидаціи претензій и расчетовъ съ желѣзными дорогами по перевозкѣ казенныхъ продовольственныхъ грузовъ. Отчетъ снабженъ подробными таблицами и объясненіями по этимъ отдѣламъ, къ которымъ мы и отсылаемъ интересующихся, не имѣя возможности останавливаться на этихъ предметахъ въ краткой рецензій. Упомянемъ только въ заключеніе, что на ряду съ этими и другими интересными подробностями отчета можетъ привлечь особое вниманіе читателя глава о благотворительной помощи, оказанной за счетъ средствъ имперскаго и губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ, въ видѣ безвозвратныхъ пособій, врачебно-питательной и врачебно-санитарной помощи, устройства школьныхъ столовыхъ и проч.

В. Кузнецовъ.

«Война и Пэмъ». Библиотека «Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. Карикатуры. Война и Пэмъ. (Выпускъ I. Июль—декабрь). *Carricatures. La Guerre et Pème*. Петр. 1915. 48 рис. Цѣна 1 р. 50 к.

Безпредѣльный бушующій океанъ, бросающій волны людей, извергающій огонь, съющій смерть, обездоливающій миллионы людей и... маленькій, скромный человекъ-блондинъ, средняго роста, говорящій тихимъ голосомъ.

«Война ужасъ человѣческаго бытія—Пэмъ мирная спокойная фигура. Но какъ въ увеличительномъ стеклѣ отражаются огромные пейзажи вверхъ ногами, такъ и въ душѣ талантливаго карикатуриста всѣ событія огромной важности, воспринимаются иначе, и художникъ находитъ свои формы, создаетъ свое особое міровоззрѣніе, которое понимаютъ тѣ, въ комъ еще живъ духъ бодрости, кто способенъ смѣяться въ лицо врагу, потрясающему громами и старающемуся навести панику.

Пэмъ—вырастаетъ въ большого человека. Онъ цѣлымъ рядомъ своихъ карикатуръ поставилъ себя во главѣ людей бодрыхъ, сильныхъ духомъ и началъ смѣяться, здоровымъ заразительнымъ смѣхомъ, издѣваясь надъ угрозами, запугиваніемъ, смѣясь надъ подлостью придерживающихся нейтралитета, надъ похвалой врага, такъ трепетавшаго даже при видѣ одинокихъ казачковъ.

Человекъ, который смѣется, не такъ легко поддается чувству страха, паникѣ. Смѣхъ бодритъ. Смѣхъ даетъ успокоеніе, смѣхъ и нерѣшительнаго человека дѣлаетъ героемъ.

А Пэмъ многихъ заставилъ смѣяться и смѣяться отъ души. И за это ему нужно сказать спасибо. Война со всѣми перипетіями, съ дипломатическими недоразумѣніями, съ подлостью трусливыхъ «нейтралистовъ», заставило его еще энергичнѣе взяться за свое талантливое перо и отразить многое въ маленькомъ смѣшномъ видѣ. Въмѣсто того, чтобы опасаться и сердиться, Пэмъ заставилъ насъ только смѣяться и этимъ поднялъ духъ многихъ.

Спасибо ему.

Н. Бравченко.

Солдатскія сказки. Подъ редакціей Н. Г. Козырева. Библиотека «Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. Петр. 1915. Стр. 230. Ц. 75 к.

Въ названный сборникъ включены народныя русскія сказки о нашихъ солдатахъ, взятыя изъ собраній Аванасьева, Драгоманова, Садовникова, Ончукова, Шейна, Козырева и др. Изложеніе сказокъ подвергнуто составителемъ нѣкоторой переработкѣ, но всѣ особенности народной рѣчи по возможности сохранены. Открывается сборникъ сказкой про двухъ царей, русскаго и нѣмецкаго, и о томъ, какъ царь русскій перешеголявъ царя нѣмецкаго, поступилъ съ нимъ великодушно и даже изволилъ съ нимъ разговаривать. Авторъ этой сказки г. Козыревымъ не указанъ, а сама сказка названа «вѣроятно, длиннымъ солдатскимъ произведеніемъ», между тѣмъ какъ авторомъ ея былъ Федоръ Сергѣевичъ Чернышевъ (род. въ 1805 г., ум. въ 1869 г.); въ 1835 г. на австро-прусской границѣ близъ города Калиша происходили военные маневры, во время которыхъ между государями русскимъ, австрійскимъ и прусскимъ

былъ заключенъ вѣчный миръ. Встрѣчи и близкое знакомство русскихъ солдатъ съ нѣмецкими вызвали со стороны первыхъ множество мѣткихъ словечекъ, шутокъ и т. п., чѣмъ и воспользовался Чернышевъ, составившій настоящую сказку, чрезвычайно нравившуюся его современникамъ. Эта сказка обратила на себя вниманіе императора Николая I, который сдѣлалъ автора своимъ флигель-адъютантомъ.

Въ сборникѣ помѣщено болѣе 40 сказокъ, представляющихъ немалый интересъ не только по своей занимательности, непосредственному здоровому юмору и множеству разсыпанныхъ въ нихъ драгоценныхъ блескокъ чисто народной рѣчи, но и потому, что въ нихъ этихъ забавныхъ солдатскихъ сказкахъ, ярко отразилась та смѣтливость, понятливость, находчивость и постоянное оптимистическое настроеніе, которыя весьма характерны для русскаго солдата. Въ настоящее время, когда вниманіе общества привлечено къ безыменной сѣрой солдатской массѣ, доблестно борющейся за нашу безопасность съ жестокимъ и сильнымъ врагомъ, выходъ сборника солдатскихъ сказокъ какъ нельзя болѣе кстати, ибо онъ знакомитъ насъ лучше всякихъ стратегическихъ журнальныхъ и газетныхъ статей съ тѣмъ бодрымъ и стойкимъ состояніемъ духа солдата, которые въ рѣдкія минуты досуга добродушно забавляются разказами о томъ, какъ солдатъ чертямъ сыръ дѣлилъ или какъ солдатъ на испанской принцессѣ женился.

Весьма желательно распространеніе настоящаго сборника въ лазаретахъ среди нашихъ раненыхъ солдатъ, которымъ это легкое и забавное чтеніе доставитъ немало удовольствія.

Издана книга изящно, украшена смѣшной обложкой карикатуриста Пѣма и цѣна ея не дорога.

Д. М.—ко.

Труды восточно-сибирскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества. № 8. Иркутская лѣтопись 1857—1880 г. (Продолженіе «Лѣтописи» П. И. Пеземскаго и В. А. Кротова). Составилъ Н. С. Романовъ. Подъ редакціей члена отдѣла И. И. Серебренникова. Иркутскъ. 1914. Стр. 410 + XV. Цѣна не обозначена.

Иркутскъ довольно счастливъ «въ лѣтописномъ отношеніи». Пеземскій и Кротовъ дали намъ иркутскую «Лѣтопись» за 1652—1856 гг. Теперь г. Романовъ пополняетъ этотъ трудъ «Лѣтописью» за 1857—1880 гг. Источниками для этой работы послужили «Иркутскія Губернскія» и «Впархіальныя Вѣдомости» и газета «Сибирь». «Лѣтопись» г. Романова обнимаетъ, по возможности, все стороны иркутской жизни, насколько она отразилась въ названныхъ выше вѣдомостяхъ и газетъ ихъ; тутъ встрѣчаются свѣдѣнія и о театрѣ и прочихъ зрѣлищахъ, и о научныхъ работахъ, такъ или иначе касающихся Иркутска, и о школахъ, и о городской смѣтѣ, и т. п., даже перечень трактировъ и гостиницъ и ихъ владельцевъ за нѣкоторые годы. Трудъ г. Романова можно, конечно, только привѣтствовать: это не только важное и цѣнное пособіе для историка, но и любопытный справочникъ для иркутянъ, интересующихся судьбами своего города. Книга снабжена указателями личныхъ именъ и предметнымъ. Было бы очень хорошо,

если бы у г. Романова нашлись достойны подражатели и въ другихъ городахъ нашего отечества: работа ихъ сильно подвинула бы впередъ «дѣло» по исторіографіи русскихъ городовъ, которое теперь еще во многихъ мѣстахъ находится лишь «въ зачаточномъ состояніи». Въ заключеніе, позволимъ себѣ привести здѣсь небольшую выдержку изъ разбираемой «Лѣтописи», хорошо иллюстрирующую, какъ даже въ недавнемъ прошломъ губернскаѣ власти заботились о насажденіи трезвости среди иркутскаго населенія. Вотъ она, эта краснорѣчивая страничка изъ великой исторіи «русскаго кабака», помѣщенная въ «Лѣтописи» (стр. 339) подъ 1876 годомъ: «Мартъ. Губернское присутствіе отгѣило опредѣленіе думы объ ограниченіи числа питейныхъ заведеній и назначило для Иркутска 130 (втрое болѣе незначительныхъ думою), разрѣшивъ распивочную продажу въ ренсковыхъ погребахъ и въ водочныхъ магазинахъ. Взрослое населеніе Иркутска состоитъ (въ 1876 г.) изъ 11.000 человекъ, значить, каждое заведеніе приходится на 83 потребителя. Каждое заведеніе должно получить въ годъ 2.100 рублей (патентъ 250 рублей, сидѣльцу 600 рублей, квартира 250 рублей, прибыли 1.000 рублей), всего, значить, 278.300 рублей, то есть съ каждаго взрослого приходится 25 рублей 30 коп.». «Комментаріи», конечно, къ этимъ строкамъ уже совершенно излишни. По-истинѣ: «свѣжо преданіе...» **Т. М.**

В. В. Бруснянинъ. Трагедія Михайловскаго замка. Романъ въ двухъ томахъ изъ эпохи царствованія Павла I. Т. I. Часть первая. Тоска по власти. Петр.-М. 1914. Стр. 313. Цѣна 2 р.

Трагедія императора Павла, по мнѣнію автора, заключается въ томъ, что онъ мечталъ быть похожимъ на Петра I, а умеръ Павломъ I. Авторъ слѣдитъ за жизнью своего вѣщеноснаго героя съ поры его сознательнаго дѣтства и доводитъ въ первомъ томѣ изложеніе до открытія Павломъ измѣны ему его первой супруги Натальи Алексѣевны. Г. Бруснянинъ внимательно прочелъ источники и пособія, относящіяся къ его темѣ, и далъ въ общемъ живую и интересную книгу, напоминающую скорѣе беллетристическую хронику, чѣмъ романъ. Но, разумѣется, задача охарактеризовать такой сложный характеръ, какъ у Павла I, для изученія личности котораго къ тому же собраны далеко не все матеріалы, представляетъ часто почти неодолимые трудности, и врядъ ли выводы г. Бруснянина могутъ быть признаны вездѣ правильными. Такъ, напрасно, кажется, авторъ придаетъ слишкомъ много значенія извѣстіямъ о политическихъ интригахъ Натальи Алексѣевны и Разумовскаго, такъ какъ тогда наказаніе фаворита послѣ смерти цесаревны было бы гораздо серьезнѣе, и, во всякомъ случаѣ, немислима была бы его дальнѣйшая служба на дипломатическомъ поприщѣ. Къ сожалѣнію, романъ написанъ довольно спѣшно и нѣсколько небрежнымъ стилемъ. Такъ, предметъ первой любви Павла, Чоголокова, называется то Варварой, то Вѣрой; извѣстный камчатскій авантюристъ носилъ фамилію Беніовскій, а не Беневадскій; любимецъ Павла князь Александръ В. Куракинъ называется разъ Борисомъ. Что касается стиля, то врядъ ли правильно писать Павелъ «одѣлъ шарфъ». Неудачны и такія фразы: «А живой и подвижной це-

саревичъ любилъ такихъ людей, часто скучая въ обществѣ... учителей цесаревича» или «нарочито читалъ онъ (Тепловъ) свой предметъ до того сухо и неинтересно..., такъ что Павелъ сталъ скучать за его уроками».

Л. Л.

К. Я. Гротъ. Австро-Венгрія или Карпато-Дунайскія земли въ судьбахъ славянства и въ русскихъ историческихъ изученіяхъ. Петроградъ. 1914. Стр. 118. Цѣна 60 коп. Продается въ пользу жертвъ великой освободительной борьбы съ германствомъ.

Статью съ вышеприведеннымъ заглавіемъ нашъ извѣстный ученый славистъ К. Я. Гротъ напечаталъ впервые еще въ 1905 году въ «Новомъ сборникѣ статей по славяновѣдѣнію», изданномъ въ честь его знаменитаго учителя, академика Владимира Ивановича Ламанскаго. При первомъ появленіи эта цѣнная работа не привлекла къ себѣ большого вниманія отчасти потому, что помѣщена была въ книгѣ, мало интересной для широкой публики, а главное потому, что при тогдашнихъ условіяхъ русской жизни намъ было не до славянства. Поэтому нельзя не поблагодарить почтеннаго автора, что онъ повторяетъ изданіе своего труда именно теперь, когда онъ является злободневнымъ. Въ живомъ и общедоступномъ изложеніи профессоръ Гротъ останавливается на главныхъ моментахъ исторіи Карпато-Дунайскихъ земель въ ихъ отношеніи къ славянству, дѣля эту исторію на шесть эпохъ, начиная со времени заселенія славянъ (V в.) и кончая нашими днями. Огромная эрудиція автора позволяетъ ему выбрать для каждой изъ этихъ эпохъ наиболѣе рельефныя и характерныя факты. Вполнѣ справедливы также неоднократныя сѣтованія профессора Грота на то, что мы мало интересуемся западнымъ славянствомъ.

Весьма любопытны, наконецъ, тѣ общіе выводы, къ которымъ приходитъ почтенный авторъ. Прежде всего, теперь утратила всякій смыслъ та государственная идея, которая оправдывала прежде бытіе Габсбургской монархіи, а именно—сплоченіе во-едино Карпато-дунайскихъ земель для борьбы съ турками. Во-вторыхъ, такъ называемый «будущій «тріализмъ» Австріи, т. е. объединеніе послѣ настоящей войны подъ одной короной трехъ основныхъ частей ея—Австріи, Венгріи и земель Чешской короны,—продолжалъ бы быть источникомъ смуты и раздоровъ, угрозой миру и равновѣсію въ Европѣ. Поэтому должно быть образовано независимое Чешское королевство въ составѣ земель чешской, моравской, австро-силезской и, вѣроятно, словацкой. Нѣмецкія провинціи Австріи могутъ быть оставлены въ соединеніи съ мадьярской Венгріей, но съ тѣмъ, чтобы этой послѣдней принадлежала первенствующая роль въ новомъ государственномъ организмѣ.

Книга профессора Грота заслуживаетъ самаго широкаго распространенія и въ бібліотекахъ нашихъ учебныхъ заведеній, и среди всѣхъ лицъ, хоть сколько-нибудь интересующихся затронутыми въ ней вопросами.

А. М.

Подробный орфографический словарь. Составилъ В. А. Зелинскій. Изд. второе, исправленное и значительно увеличенное. Москва. 1914. Стр. VIII+686. Ц. 2 р.

Вышедшій уже вторымъ изданіемъ «Подробный орфографический словарь» В. Зелинскаго принесетъ несомнѣнную пользу не только учащимся и лицамъ, ищущимъ образованія, но и многимъ людямъ, уже покончившимъ со школой, ибо русское правописаніе очень своеобразно, не легко и часто спорно. Книга заключаетъ въ себѣ, кромѣ правильнаго начертанія словъ, указанія правильнаго переноса ихъ съ одной строки въ другую. «Взяться за эту кропотливую работу,—говоритъ составитель въ предисловіи,—понутило меня то всѣмъ извѣстное обстоятельство, что въ русскомъ языкѣ ни въ одномъ отдѣлѣ орфографіи не дѣлаютъ такъ много грубыхъ ошибокъ, какъ въ переносѣ словъ, причемъ большинство, къ сожалѣнію, и не считаетъ эти погрѣшности за ошибки, а между тѣмъ эти важныя ошибки, краснорѣчиво вопіющія противъ грубой неграмотности зачастую людей съ среднимъ и даже высшимъ образованіемъ, попадаютъ на каждомъ шагѣ не только въ рукописяхъ, но, что весьма печально, и въ книгахъ, журналахъ, газетахъ и т. д.». Затѣмъ словарь помогаетъ еще въ одномъ отношеніи,—именно указываетъ на правильныя ударенія въ словахъ и на произношеніе звука е. Если при обиліи многихъ говоровъ и мѣстныхъ особенностей русскаго языка даже природнымъ русскимъ людямъ очень часто приходится сомнѣваться въ правильности своего произношенія того или другого слова, то еще болѣе должны нуждаться въ постоянной помощи наши многочисленныя инородцы, которымъ настоящая книга можетъ служить въ данномъ случаѣ хорошимъ и надежнымъ подспорьемъ. Наконецъ остается отмѣтить, что г. Зелинскій въ своемъ трудѣ далъ краткія объясненія (числомъ болѣе двѣнадцати съ половиною тысячъ) всѣхъ встрѣчающихся непонятныхъ или малопонятныхъ словъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ техническихъ, областныхъ, историческихъ, міеологическихъ, географическихъ, именъ писателей, художниковъ, композиторовъ, разныхъ выдающихся дѣятелей и проч., вводя, такимъ образомъ, въ свой словарь элементъ энциклопедизма, что еще болѣе увеличиваетъ цѣнность и полезность этого хорошаго справочника и для широкой массы учащихся, и для учителей, особенно провинціальныя и народныхъ, и вообще для лицъ, стремящихся къ самообразованію. Цѣна «Словаря» (2 рубля за большой томъ безъ малаго въ 700 страницъ) совсѣмъ не высока и должна послужить къ большому его распространенію въ широкихъ и разнородныхъ кругахъ русскаго общества. Д. М.

Н. В. Пуцило и М. М. Лебекина. «Въ родномъ мірѣ». Хрестоматія для младшихъ и среднихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Послѣіе при обученіи русскому языку. Изданіе «Петербургскаго учебнаго магазина». Спб. 1910—1914. Изданіе третье, дополненное и исправленное. Ч. I. Стр. XII+342. Ц. 1 р.—Ч. II. Стр. XV+426. Ц. 1 р.—Ч. III. Стр. XV+594.—Ч. IV. Стр. XV+715.

Названная хрестоматія гг. Пуцило и Лебекиной выгодно отличается отъ многочисленныхъ однородныхъ изданій большимъ вкусомъ въ выборѣ литературныхъ отрывковъ и глубокою продуманностью въ самомъ планѣ сборника.

Составители стремятся развивать умственные силы учащихся, стараются помочь имъ въ созданіи собственнаго цѣльнаго міровоззрѣнія, способствуя совершенствованію ихъ рѣчи, умѣло знакомя ихъ съ лучшими образцами родной литературы, воспитывая чувства національныя, эстетическія, нравственныя. Граматный литературный матеріалъ взятъ преимущественно изъ лучшихъ произведеній классиковъ, но не забыты и многіе современные и недавніе писатели; нѣкоторыя произведенія впервые появляются на страницахъ хрестоматіи. Много мѣста удѣлено описанію родной природы, замѣчательныхъ мѣстностей Россіи, ея прошлаго; много страницъ посвящено памяти нашихъ выдающихся людей на всѣхъ отрасляхъ. Книги богато иллюстрированы портретами знаменитыхъ русскихъ людей, видами историческихъ памятниковъ и многочисленными снимками съ картинъ Айвазовскаго, Богданова-Бѣльскаго, Васнецова, Верещагина, Крамского, Маковского, Нестерова, Рѣпина, Шишкина и мн. др. Къ хрестоматіи приложены словари непонятныхъ и иностранныхъ словъ, указатели помѣщенныхъ литературныхъ произведеній и снимковъ съ картинъ и весьма умѣло составленный списокъ книгъ для чтенія учащимся. Хрестоматія удостоена преміи имени Ѳ. В. Езерскаго и одобрена, рекомендована и допущена многими вѣдомствами. Внѣшность изданія увеличиваетъ отрадное впечатлѣніе, остающееся послѣ ознакомленія съ этой удачной, продуманной работой гг. Пучило и Лебединной.

М—о.

Э. Микельсонъ. По слѣдамъ жертвъ ледяной пустыни. Переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Съ рисунками и картами. Изданіе А. Ф. Девріена. Петроградъ. 1914. Стр. 414. Ц. 4 р. 50 к.

Конрадъ Гюнтеръ. Цейлонъ. Введеніе въ міръ тропиковъ. Переводъ Наталіи Холодковской подъ редакціей проф. Н. А. Холодковскаго. Изданіе А. Ф. Девріена. Петроградъ. 1914. Стр. 365. Ц. 3 р. 25 к.

Дм. Львовичъ. По киргизской степи. Путевыя очерки. Изданіе А. Ф. Девріена. Петроградъ. 1914. Стр. 224. Ц. 2 р. 25 к.

Все менѣе и менѣе: остается на земномъ шарѣ такихъ мѣсть, на которыя не ступала еще нога человѣческая. Люди науки прокладываютъ новые пути, изыскиваютъ новыя средства для использованія естественныхъ богатствъ; практики съ коммерческою цѣлью вкладываютъ капиталы, и вновь изслѣдованныя страны начинаютъ оживать и пробуждаться подъ шумъ работы человѣка, эксплуатирующаго ихъ природныя сокровища. Но не всѣ мѣстности, открытыя человѣкомъ, хорошо изучены и обслѣдованы; больше всего это относится къ обоимъ полюсамъ, почему путешествія туда кто-то мѣтко прозвалъ «охотою за полюсами». Не видя непосредственной практической пользы отъ этихъ экспедицій, широкая публика охладѣла къ полярнымъ экспедиціямъ и перестала ихъ поддерживать матеріально. Между тѣмъ взгляды этотъ, но меньшей мѣрѣ, преждевремененъ, ибо чисто научныя экспедиціи, помимо расширенія человѣческаго кругозора, неоднократно приводили къ послѣдствіямъ чисто пракческаго характера, очевиднымъ для самыхъ предубѣжденныхъ людей, ищущихъ непосредственнаго приложенія знаній къ выгодамъ жизни. Правда,

въ полярныхъ странахъ, по всей вѣроятности, нѣтъ несмѣтныхъ богатствъ, но нѣтъ пока достаточныхъ основаній и отрицать ихъ. Какъ примѣръ практической пользы экспедицій къ полюсамъ, можно указать экспедицію 1906—7 гг. на Землю Принца Карла: еще до окончанія научныхъ изысканій по слѣдамъ науки пошла торговля; метеорологическія изслѣдованія ученаго Мосмана, участника экспедиціи «*Scottia*» (1902—4 г.) установили пока связь между погодой Чили и Уэдельскимъ моремъ; предвидится связь и собираются матеріалы для предсказанія состоянія муссоновъ въ Индійскомъ океанѣ, что, въ свою очередь, привело бы къ возможности предупреждать Индію о грозящемъ неурожаѣ и заблаговременномъ принятіи надлежащихъ мѣръ предосторожности противъ голода и разоренія.

Такимъ образомъ. паденіе интереса къ арктическимъ странамъ не оправдывается даже съ практической точки зрѣнія, не говоря уже объ интересѣ научномъ и той притягательной силѣ, которая влечетъ насъ къ необыкновеннымъ проявленіямъ человѣческаго духа и энергіи. Къ сожалѣнію, большинство записокъ о полярныхъ экспедиціяхъ страдаетъ слишкомъ тяжелой для неспеціалистовъ эрудиціей и подробностями, отпугивающими обыкновеннаго читателя. Поэтому мы съ удовольствіемъ отмѣтимъ чрезвычайно занимательный отчетъ одной изъ арктическихъ экспедицій—«По слѣдамъ жертвъ ледяной пустыни»—какъ книгу, выгодно отличающуюся отъ подобныхъ ей доступностью, увлекательностью и красивой простотой изложенія.

Въ 1906 году изъ Копенгагена отправилась для изслѣдованія восточнаго берега Гренландіи «Датская» экспедиція съ М. Эриксономъ во главѣ, которая выполнила обширную картографическую программу, привезла въ 1908 году на родину много цѣннаго научнаго матеріала и результатами превзошла большинство прежнихъ попытокъ такого же рода, но самъ Эриксенъ погибъ, а розыски погибшихъ были поручены новой экспедиціи Э. Миккельсена, автора разсматриваемой книги. Во главѣ экипажа «Алабамы» изъ 6 человѣкъ Миккельсенъ отправился въ путь въ маѣ 1909 г. и, послѣ опасной встрѣчи съ пловучими льдами, благополучно прибылъ къ о. Шаннону, откуда и были предприняты поиски Эриксена и изслѣдованіе берега, сначала до Датской гавани, а затѣмъ до земли Ламберта. Послѣ рождественскаго отдыха у стоянки «Алабамы» экипажъ раздѣлился на двѣ части: одна, для изслѣдованія береговъ королевы Луизы, не выполнила своей задачи изъ-за льдовъ и непогоды, вернулась, нашла «Алабаму» погибшей и спаслась на зашедшемъ къ Шаннону суднѣ; другая же нашла документы «Датской» экспедиціи, съ невѣроятной трудностью обслѣдовала берега восточной Гренландіи до фіорда Независимости и еле добралась къ Шаннону, гдѣ и провела въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ жизнь Робинзоновъ.

Эти приключенія и составили содержаніе интересной книги Э. Миккельсена. Авторъ, непосредственный участникъ и главное дѣйствующее лицо экспедиціи, одновременно художникъ и поэтъ, ярко и умѣло изображающій волшебныя картины полярнаго ландшафта. Отсутствие безпочвенной фантазіи, правдивость и естественность изложенія, врожденный и здоровый юморъ дѣлаютъ книгу Э. Миккельсена одной изъ самыхъ пріятныхъ и цѣнныхъ среди другихъ рассказовъ о путешествіяхъ.

Другая книга, изданная тѣмъ же Девриеномъ, посвящена описанію Цейлона, этой древней страны чудесъ и загадокъ, которая больше всѣхъ мѣстностей земного шара притягиваетъ вниманіе и интересъ европейцевъ. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить такое сочетаніе богатствъ природы, древней культуры и своеобразнаго населенія. Книга Конрада Гюнтера, ученаго естествоиспытателя и путешественника, счастливо совмѣщаетъ въ себѣ свойства наблюдателя безъ ученаго педантизма съ пріятной, легкой и всѣмъ доступной манерой изложенія, даетъ живую и правдивую картину жемчужины Великаго океана и ея изумруднаго великолѣбія. Любой интеллигентный читатель найдетъ здѣсь много интереснаго, а преподаватель естествознанія и географіи имѣетъ возможность использовать эту книгу для ряда занимательныхъ классныхъ бесѣдъ при полной увѣренности сообщаемыхъ свѣдѣній.

Путевые очерки Дм. Львовича «По киргизской степи» даютъ наглядное представленіе о жизни киргизовъ. Авторъ, видимо, хорошо знакомъ со степью и кочевниками, съ большимъ умѣніемъ изображаетъ выдающіяся явленія во время своего путешествія, обнаруживаетъ знаніе магометанскаго міра и языка киргизовъ, что дало автору возможность быстро пріобрѣтать довѣріе туземцевъ. Поэтому содержательныя путевыя замѣтки г. Дм. Львовича занимательны и производятъ впечатлѣніе правдивымъ изображеніемъ интимнаго міра киргизовъ, переживающихъ въ настоящій моментъ тяжелый кризисъ разложенія кочевого быта подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и переменъ экономическихъ факторовъ; ярко охарактеризована авторомъ семейная обстановка киргизовъ и приведены любопытные образцы киргизскихъ пѣсней на темы обще-лирическаго и общественно-экономическаго.

Всѣ три рассмотрѣнныя нами книги изданы Девриеномъ изящно и украшены многочисленными, удачно подобранными иллюстраціями, во многомъ увеличивающими ихъ цѣнность и интересъ.

Д. А. М.

**Труды пермской губернской архивной комиссіи. Выпускъ II. Пермь 1914.
Стр. XIX+254. Ц. 1 р. 50 к.**

Въ официальномъ отдѣлѣ книги читаемъ прежде всего доклады съѣзду делегатовъ отъ архивныхъ комиссій 1914 года пермскаго представителя, г. Воеводина. Онъ, думаемъ, основательно озабоченъ «систематизированіемъ просмотра описей разныхъ присутственныхъ мѣстъ», «приложеніемъ и къ этому черному труду принципиальныхъ требованій».

Г. Воеводинъ ставитъ на видъ и то, что «Пермскій край представляетъ неисчерпаемый источникъ матеріаловъ, какъ по археологіи, такъ и по исторіи, потому что обитаемость его восходитъ далеко за историческія времена»... «и въ этнографическомъ отношеніи Пермская губернія представляетъ массу матеріала для изученія. Едва ли какая-нибудь другая губернія можетъ похвастаться такимъ обиліемъ разныхъ племенъ, ея населяющихъ, какое имѣетъ Пермская».

«Гвоздь» научнаго отдѣла «Трудовъ», надо быть, работа покойнаго Н. Н. Новокрещенныхъ—«Глядѣновское костыще Пермской губерніи на рѣкѣ Камѣ»,—

сь 17 таблицами, подъ редакціей Ѳ. А. и А. Ѳ. Теплоуховыхъ. Уже черезъ посредство однихъ рисунковъ, видимо, тщательно воспроизводившихся, ичнепосвященный читатель тутъ заглядываетъ въ любопытную культурную древность.

Имѣется въ книгѣ и «памятка»—«Царствующій домъ Романовыхъ и Пермскій край».

Не мало здѣсь колоритныхъ черточекъ, выявляющихъ особое время, особыя пѣсни.

Возьмемъ, на примѣръ, отмѣтку про 1622 г. «И намъ то вѣдомо безъ челобитья, что вѣзять изъ Поморскихъ городовъ въ Сибирь торговые люди и закупаютъ въ Верхотурьѣ многіе хлѣбные запасы въ отвозъ на продажу, въ Монгазею, и тѣмъ богатѣють, а отъ того въ сибирскихъ городахъ хлѣбъ живетъ дорогъ, и служебнымъ людямъ въ хлѣбной дороговѣ живетъ нужда великая...» Виновныхъ вѣлѣно подвергать смертной казни».

Назовемъ еще слѣдующіе матеріалы и статьи 11 выпуска: «Извлеченіе изъ рукописной книги—секретныя дѣла «Слово и дѣло» за 1751 г.—діакона о. Золотова, «Воспоминанія о жизни въ Кыповскомъ заводѣ» (1868—1874 гг.) А. Е. Воеводина, «Шадринскіе акты XVII в.» (подъ ред. дѣйств. члена археол. инстит. П. С. Богословскаго), «Опись дѣламъ историческаго архива пермской губернской ученой архивной комиссіи». Часть I. Заканчивается книга некрологомъ члена комиссіи—И. П. Филатова.

А. Наликовъ.

Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи (годъ двадцать седьмой). № 51. Подъ редакціей предсѣдателя комиссіи Арс. Ив. Маркевича. Симферополь 1914. Стр. 326. Цѣна не обозначена.

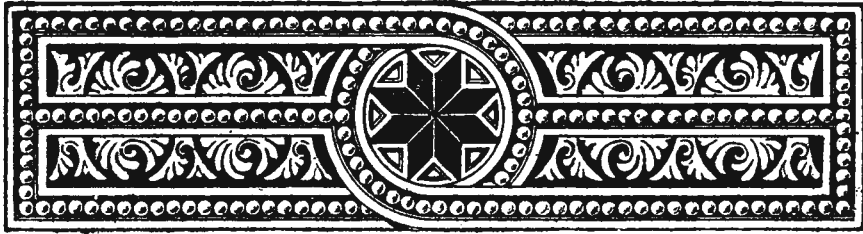
Новый выпускъ трудовъ таврической архивной комиссіи полонъ разнообразнаго матеріала, представляющаго главнымъ образомъ мѣстный интересъ. Такъ, изъ московскихъ архивовъ отдѣленія главнаго штаба и министерства иностранныхъ дѣлъ изданы письма князя В. М. Долгорукова-Крымскаго къ князю Г. А. Потемкину и др. (Н. И. Поликарповымъ) и обширная записка графа П. А. Толстого «Состояніе народа турецкаго въ 1703 году» (А. А. Сергѣевымъ). Письма князя Долгорукова относятся къ 1774 году и, не давая особенно новаго матеріала, ярко характеризуютъ тогдашнія событія, особенно десантъ 50 тысячъ турокъ въ Алуштѣ и блестящую побѣду надъ ними незначительнаго нашего отряда (въ 2.400 человекъ). На записку графа Толстого впервые обратилъ вниманіе преждевременно погибшій для исторической науки Н. П. Павловъ-Сильванскій. Документъ этотъ даетъ много любопытныхъ подробностей для характеристики тогдашнихъ взаимоотношеній Россіи и Турціи и для характеристики его составителя. Разумѣется, современныя политическія событія еще болѣе подчеркиваютъ интересъ къ этимъ архивнымъ матеріаламъ. Предсѣдатель комиссіи Арс. Ив. Маркевичъ извлекъ изъ архива канцеляріи таврическаго губернатора нѣсколько новыхъ матеріаловъ, касающихся извѣстнаго изслѣдователя Тавриды П. И. Кеппена, и указалъ на то, что въ библиотекѣ Академіи Наукъ хранится очень много рукописей этого ученаго, доселѣ еще не изданныхъ. Тотъ же г. Маркевичъ сообщилъ не вошедшія въ изданіе «Архива

графовъ Мордвиновыхъ», но, къ сожалѣнію, не особенно интересныя письма и прошенія графа Н. С. Мордвинова касательно его процесса съ татарами по имѣнію въ Байдарской долині. Извѣстный знатокъ исторіи нашихъ войсковыхъ частей, Г. С. Габаевъ, далъ сводъ документовъ о военной службѣ крымскихъ татаръ подъ русскими знаменами. Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ приводитъ въ переводѣ любопытный армянскій варьянтъ (XV или XVI вѣка) апокрифическаго сказанія о проповѣди апостола Ѳомы въ Индіи. Изъ археологическихъ статей выпуска особаго вниманія заслуживаетъ сообщеніе Н. М. Печенкина о разрушенномъ при постройкѣ батареи такъ называемомъ «Шверинскомъ» курганѣ, троекратно раскапывавшемся (въ 1872, 1890 и 1908 годахъ), но еще не окончательно обследованномъ. Къ статьѣ приложены хорошо исполненныя фототипическія таблицы со снимками съ кургана и найденныхъ въ немъ вещей. Нѣсколько несвоевременнымъ представляется помѣщеніе въ разбираемой книгѣ рецензіи г. Спиридонова на книгу д-ра И. Франко «Святой Климентъ у Корсуни (Львовъ. 1902—1905)», напечатанную во Львовѣ еще въ 1902—1905 годахъ. Правда, рецензія была написана въ 1908 году. Между прочимъ, г. Спиридоновъ святителя британской церкви Альдгельма упорно именуетъ Адельгеймомъ. Въ помѣщенныхъ въ концѣ выпуска протоколахъ, между прочимъ, напечатано дѣло объ имуществѣ, оставшемся послѣ извѣстной по исторіи съ ожерельемъ Маріи-Антуанетты графини Гаше.

Л. Л.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Императоръ Александръ II въ домашнемъ быту.—Воспоминанія жены художника Васильева.—Горькая пилюля императора Вильгельма I.—Тайны германскаго шпёнажа.—Новое о погребеніи Ломоносова.—Мемуары графини Потоцкой.—Императоръ Александръ I подъ перь польской патриотки.—Наполеонъ передъ польскими дамами.—Великій завоеватель и графиня Валевская.—Неудачный романъ принца Мюрата.

Е УХОДЯ въ глубину и не давая цѣнныхъ психологическихъ уясненій, многочисленныя воспоминанія частныхъ лицъ за послѣдніе годы достаточно вскрыли внѣшнія подробности придворной жизни послѣдней четверти минувшаго вѣка. Придворный бытъ эпохи Александра II перестаетъ быть недоступнымъ и невѣдомымъ, какъ это было еще недавно. Цѣлый рядъ чрезвычайно интересныхъ страницъ, рисующихъ въ частности отношенія добраго монарха къ дворцовой молодежи, внимательный читатель запомнилъ по «Историческому Вѣстнику». Сейчасъ эту литературу въ послѣдней книжкѣ «Русской Старины» обогащаетъ вдова знаменитаго профессора живописи Васильева, Н. К. Васильева¹⁾. Авторъ увидѣлъ монарха еще на классной скамьѣ Смольнаго института. Уже тогда государь отличилъ дѣвочку особенной лаской. Съ 1864 года Васильева могла часто видѣть его и говорить съ нимъ.

¹⁾ По случайному совпаденію въ февральской книжкѣ «Истор. Вѣстн.» напечатаны воспоминанія Н. Н. Львовой, рисующей передъ читателями тѣ же картины встрѣчи покойнаго государя Александра II съ дѣтьми въ Павловскѣ.

Александръ II и на этотъ разъ рисуется яснымъ, душевнымъ, глубоко любящимъ дѣтой человѣкомъ. Онъ входитъ во всѣ интересы, показываетъ имъ императрицу и великихъ князей, принимаетъ отъ нихъ землянику, собранную въ паркѣ, катаетъ ихъ въ своемъ шарабанѣ и доволенъ, когда никого изъ нихъ не потеряетъ, показываетъ имъ фокусы съ папиросой, пуская, напримѣръ, дымъ черезъ ухо и т. п.

Среди милыхъ пустячковъ, какіе вспоминаетъ Васильева, время отъ времени мелькаетъ деталь, которою можетъ не пренебречь и будущій историкъ Александрова царствованія. Характерны, напримѣръ, рассказы царя изъ его дѣтства о времени, проведенномъ имъ въ Павловскѣ у августѣйшей бабки, императрицы Маріи Ѳеодоровны, позволявшей цесаревичу въ жаркое время бѣгать босикомъ по рѣкѣ Славянкѣ и ловить рыбу. «Если есть во мнѣ что хорошее,—говорилъ дѣтямъ государь:—то я всецѣло обязанъ этимъ своей бабкѣ, которая меня воспитывала».

Въ привычныхъ же строгихъ, почти суровыхъ тонахъ вырисовывается въ воспоминаніяхъ царя-Освободителя и его отецъ. Императоръ Николай не любилъ, когда курятъ, и не могъ поощрять этого и въ сынѣ. «Разъ, еще юношей,—рассказываетъ государь,—шелъ я по коридору дворца съ папиросой, вдругъ показался навстрѣчу отецъ. Я чувствовалъ уже, что будетъ неудовольствіе, сжалъ въ кулакъ горящую папиросу и хотя сильно жгло мнѣ ладонь, но я, не морщась отвѣчалъ на всѣ вопросы батюшки». Вспоминалъ онъ такъ же, какъ однажды во время лагернаго дежурства въ Красномъ Селѣ ему пришла очередь ночного дежурства у Царскаго валика на мосту: «Былъ проливной дождь и спать сильно хотѣлось,—рассказывалъ государь:—не долго думая, я преспокойно залѣзъ подъ мостикъ и расположился спать. Отецъ же вздумалъ провѣрить, точно ли я исполняю службу, какъ и другіе, пріѣхалъ ночью для провѣрки и, не найдя меня на мѣстѣ, наказалъ еще дежурствомъ на гауптвахтѣ». И много еще рассказывалъ онъ про свое дѣтство.

Однажды, шутя, въ разговорѣ съ мальчиками, государь спросилъ ихъ, кѣмъ бы они хотѣли быть. Конечно, всѣ захотѣли быть генералами, но нашелся одинъ, который, заявилъ: «Я хочу быть царемъ».

— А что же ты думаешь,—спросилъ государь:—легко быть царемъ? И скажи мнѣ, почему ты хочешь быть царемъ?

— Я бы все ѣлъ сладкіе пироги и черничный супъ!—отвѣтилъ мальчикъ.

Государь много смѣялся, говоря, что не желаетъ ему быть царемъ,—это очень тяжело, и желаетъ ему ѣсть супъ и пироги,—это хорошо и вкусно.

Дѣвочка уже подрастала, когда, однажды, во время прогулки государь спросилъ Васильеву, почему это онъ съ ней говоритъ всегда по-русски. «Давайте, хотя для вашей практики по-французски или по-нѣмецки говорить», добавилъ онъ. Я сказала: «Хорошо, будемъ говорить по-французски, но только ни за что по-нѣмецки, такъ какъ терпѣть не могу нѣмцевъ и даже ихъ языкъ». Государь сказалъ: «Какъ же такъ можно говорить, вѣдь вы знаете, что они намъ родственники?» «Какіе?» удивившись, спросила я. «А по императрицѣ». Послѣ этого объясненія мы опять стали говорить по-русски и до самаго конца нашего знакомства съ государемъ говорили не иначе, какъ по-русски.

Типичную картинку институтских нравов рисует Васильева, когда рассказывает о поѣздѣ института въ Петергофъ.

Государь оставилъ свободный стулъ около Васильевой и попросилъ ее поберечь его для себя. Вдругъ является начальница, Д. А. Львова, и собирается сѣсть на этотъ стулъ. Васильева понимала, что поступаетъ дерзко, безтактно, не уступая начальницѣ своего собственного мѣста, но не нашла силъ отказаться отъ счастья посидѣть съ государемъ и коротко отвѣтила, что государь прошилъ поберечь ее это мѣсто. Начальница строго взглянула на дѣвочку, но отошла, а государь, какъ общалъ, вернулся къ своему стулу и сидѣлъ около барышни.

По возвращеніи домой Васильеву, конечно, немедленно потребовали къ начальницѣ, отъ которой она и получила заслуженный выговоръ. Барышни чистосердечно извинилась, сказавъ, что и другая на ея мѣстѣ едва ли отказалась бы отъ такого необычайнаго счастья. Начальница, побранивъ воспитанницу, указала на свое пеловкое положеніе передъ другими институтками, но переложила гнѣвъ на милость, когда Васильева предложила ей прелестный персикъ, полученный изъ рукъ государя.

Ласковые лирическіе тона отличаютъ глубоко симпатичный рассказъ жены художника, дышащій неподдѣльной любовью къ монарху и всей его семьѣ, дарившимъ ей не холодную любезность по этикету, а настоящее человѣческое чувство. Васильева встрѣчалась съ государемъ и позднѣе, уже замужней женщиной, и тотъ всегда узнавалъ ее и находилъ для нея ласковое слово. Ея мужу онъ сказалъ: «Ваша жена—моя старинная пріятельница, и я всегда радъ ее видѣть,—вѣдь она сверстница моей Машѣ».

Редакторъ «Русской Старины» П. Н. Вороновъ на этотъ разъ даетъ въ «Записной книжкѣ» довольно пикантный анекдотъ о томъ, какъ императору Вильгельму I однажды пришлось проглотить пилюлю во время своего пребыванія въ Россіи на военномъ парадѣ.

«Это было въ 1873 году, когда Вильгельмъ пріѣзжалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Бисмаркомъ и Мольтке. Между прочимъ, изъ провинціи былъ вызванъ на смотръ къ своему германскому шефу нашъ Орденовскій драгунскій полкъ. По обычаю того времени, командиръ полка полковникъ Л. уже считалъ себя несомнѣннымъ флигель-адъютантомъ послѣ смотра и даже заготовилъ соответственный аксельбантъ, эполеты и погоны. Увы, неосторожный отвѣтъ его на вопросъ германскаго императора разсѣялъ эту надежду, какъ дымъ.

При объѣздѣ развернутаго строя полка нашимъ государемъ и Вильгельмомъ пѣмедкій императоръ остановился у боевыхъ литавровъ полка и спросилъ командира, за что полкъ получилъ литавры.

— За взятіе Берлина!—поспѣшили отвѣтить полковникъ.

Понятно, что послѣ этого отвѣта онъ долженъ былъ распроститься навсегда съ мечтою о назначеніи въ свиту императора.

Въ книжкахъ «Нашей Старины» общають значительный интересъ воспоминанія Анненковой, фрейлины императрицы Маріи Александровны, пока охватывающія ея дѣтство, а изъ историческихъ событій касающіяся только болѣзни и кончины царственной супруги Павла.

Въ той же книжкѣ очень кстати историческія параллели о Германіи старой и новой А. Е. Кауфмана. Въ черную книгу нѣмецкаго шпіонства авторъ вписываетъ еще нѣсколько любопытныхъ фактовъ и обыкновеній нынѣшнихъ нѣмцевъ. Вотъ, между прочимъ, одна изъ разгадокъ блестящаго успѣха нѣмецкихъ шпіоновъ въ канунъ нынѣшней войны, оказавшихся даже при русскихъ паспортахъ.

«Нѣмецкія власти,—разсказываетъ г. Кауфманъ,—подъ разными предлогами стали задерживать у себя иностранные паспорта, доставлявшіеся имъ иностранными консулами для визы. Американское консульство одного южно-германскаго города передало нѣмецкимъ властямъ двѣсти паспортовъ. Когда послѣдніе были потребованы обратно, нѣмцы отвѣтили, что они затерялись. Пришлось выдать дубликаты, а съ подлинными паспортами стали разгуливать по Европѣ нѣмецкіе шпіоны. Разстрѣлянный недавно въ Англии нѣмецкій шпіонъ, офицеръ Лоди, имѣлъ у себя паспортъ американскаго гражданина.

Кромѣ шпіоновъ, подвизающихся внѣ Германіи, нѣмцы имѣютъ цѣлую армію туземныхъ шпіоновъ, обязанныхъ соглядатайствовать въ самой Германіи, слѣдить за иностранными посольствами и охранять всякіе секреты, относящіеся къ нѣмецкимъ вооруженіямъ, оберегать заводы, изготовляющіе оружіе и т. д. На однихъ заводахъ Круппа насчитываются тысячи шпіоновъ среди служащихъ и рабочихъ.

Нѣмецкіе шпіоны наканунѣ войны наводнили маленькую Бельгію. Задолго до появленія тамъ нѣмцевъ на кіоскахъ и заборахъ появились плакаты и рекламы о разныхъ товарахъ. Оказалось, что это были шифрованные сообщенія для будущиxъ нѣмецкихъ воиновъ. Невинный, на первый взглядъ, плакатъ о вязанныхъ фуфайкахъ при расшифрованіи его указывалъ, что на данной улицѣ въ такихъ-то домахъ имѣются склады съ провизіей, а въ другихъ хранятся крупныя денежныя суммы или живутъ люди, расположенные къ нѣмцамъ и могущіе оказывать имъ услуги.

Такъ дѣйствовали нѣмецкіе шпіонскихъ дѣлъ мастера передъ нынѣшней войной.

Еще сто лѣтъ назадъ пруссакъ Гарденбергъ писалъ изъ Бреславля дѣвицѣ Каролинѣ, что «добрый отецъ намѣренъ переслать дядѣ брачный контрактъ» и что «бракъ любезной Амаліи скоро состоится». Это означало, что король Пруссіи, разгромленный Наполеономъ I, заключаетъ союзный договоръ съ дядею Александромъ I, и Амалія, т. е. Пруссія, будетъ спасена. Какъ любезная Амалія отблагодарила дядю, т. е. Россію, за ея спасеніе—показали позднѣйшая прусская политика и нынѣшняя война.

Недавняя годовщина Лермонтова, прошедшая в тѣни вѣ силу налетѣвшихъ на русскую жизнь трагическихъ событій, оказалась и вѣ литературномъ отношеніи незначительной. Она буквально не обогатила ничѣмъ ни литературной сокровищницы самого поэта, ни его біографическаго архива. Съ нѣкоторымъ опозданіемъ появляющаяся вѣ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» статья Л. Соколова «Около смерти Лермонтова», написанная на основаніи бумагъ архива кавказской консисторіи, рѣшительно устанавливаетъ доселѣ нѣсколько колеблющійся фактъ погребенія поэта.

Какъ извѣстно, вѣ документахъ, доселѣ оглашенныхъ, есть противорѣчія по вопросу, былъ ли точно Лермонтовъ удостоенъ церковнаго отпѣванія, или былъ лишень его, какъ убитый на дуэли, каковыхъ церковный законъ причисляетъ къ самоубійцамъ. Послѣ статьи Соколова можно съ несомнѣнностью видѣть, что мѣстное духовенство, изъ боязни кары, отказалось совершать отпѣваніе надъ Лермонтовымъ. Гробъ былъ только сопровожденъ священникомъ до могилы при пѣніи «Святый Боже». Вѣ рассказѣ объ этихъ проходахъ нѣкоего Роцановскаго есть кой-какія новыя детали.

«У квартиры покойника, — рассказываетъ онъ, — встрѣтилъ я большое стеченіе жителей Пятигорска и посѣтителей минеральныхъ водъ, разговаривающихъ между собою о жизни за гробомъ, о смерти, рано постигшей молодого поэта, общавшаго многое для русской литературы. Не входя во дворъ, я вступилъ вѣ общій разговоръ, вѣ коемъ, между прочимъ, могъ замѣтить, какъ многіе будто съ ропотомъ говорили, что болѣе двухъ часовъ для выноса тѣла они дожидаются священника». Слѣдуетъ рассказъ о появленіи священника и дьякона и о медленномъ выходѣ печальнаго кортежа со двора. «Духовенство, поя пѣнь, тихо слѣдовало къ кладбищу. За нимъ, вѣ богато убранномъ гробѣ было попеременно несено тѣло умершаго штабъ и оберъ-офицерами, одѣтыми вѣ мундиры, вѣ сопровожденіи многочисленнаго народа, питавшаго уваженіе къ памяти даровитаго поэта или къ страдальческой смерти его, принятой на дуэли. Печальная процессія достигла вновь приготовленной могилы, вѣ которую былъ опущенъ вѣ скорости несомый гробъ безъ отправленія, по закону христіанскому, обряда, — вѣ этомъ я удостовѣряю, какъ самовидецъ».

Надъ тѣломъ Лермонтова, по словамъ другаго очевидца, шло непрерывное чтеніе псалтыри, а вѣ десницѣ оказалась разрѣшительная грамота. По душѣ Лермонтова была роздана милостыня «нищимъ и бѣднаго состоянія людямъ».

Небезынтересенъ и попутно затрагиваемый вопросъ, на какомъ основаніи Лермонтовъ значился по госпитальной книгѣ, хотя вѣ госпиталѣ не состоялъ. «Праздно жить вѣ Пятигорскѣ при водахъ, — пишетъ современникъ, — по всей вѣроятности, онъ не могъ, а только для пользованія оными при болѣзни. Вѣ противномъ случаѣ мѣстное военное начальство не потерпѣло бы продерживать уклоняющагося отъ службы. Всѣ оберъ-офицеры, воспользовавшись отпускомъ на воды, пользуются казенными прогонами и содержаніемъ вѣ госпиталяхъ, а не пользоваться послѣднимъ, вѣроятно, была добрая воля Лермонтова. Былъ ли Лермонтовъ вѣ добромъ здоровьѣ, или одержимъ какою болѣзнью? Ни перваго, ни послѣдняго подтвердительно сказать не можемъ».

Борьба около смерти и могилы Лермонтова, вызвавшая, какъ извѣстно, кляузническую переписку мѣстнаго причта съ консисторіей, чуть не цѣликомъ повторилась черезъ цѣлый рядъ десятилѣтій, въ 1881 году, въ сорокалѣтнюю годовщину Лермонтова. Мѣстное общество долго не могло добиться разрѣшенія властей даже теперь совершить панихиду по бурномъ духѣ раба Божія Михаила. Нужна была цѣлая переписка съ епархіальнымъ начальствомъ прежде, чѣмъ получилась разрѣшительная телеграмма мѣстнаго архіерея. Такъ Лермонтовъ пережилъ судьбу воспѣтаго имъ Измаиль-бея. Всю жизнь вызывавшій людей и судьбу на бой, онъ ссорилъ людей и сорокъ лѣтъ спустя послѣ смерти!

Какъ нельзя болѣе кстати во дни новаго разгара польскаго мечтательства, теперь идущаго въ полную параллель и русскимъ чаяніямъ, выходить въ свѣтъ мемуары графини Потоцкой, родственницы Станислава-Августа Понятовскаго, свидѣтельница и участница польскихъ мечтаній эпохи наполеоновскихъ войнъ.

Жена Александра Потоцкаго, личность, стоявшая въ центрѣ польскихъ объединителей, принимавшая въ своемъ палацко русскаго монарха и разговаривавшая съ Наполеономъ, Потоцкая отличается отъ великаго множества женщинъ интересной судьбы, оставившихъ послѣ себя мемуары, просто литературнымъ талантомъ. И въ своей фейерверкомъ горѣвшей жизни она беретъ исключительно интересное. Разсказъ ея быстръ, полонъ фактовъ, чуждъ надобливой склонности морализировать или философствовать. Это она представляетъ читателю.

Въ 1805 году Потоцкой пришлось принимать у себя высокаго гостя— Александра I. Характеръ молодого русскаго царя и его внѣшность графиня зарисовываетъ въ привычныхъ тонахъ восторженной женской оцѣнки его юной красоты, но съ оговорками и съ психологическимъ проникновеніемъ, какое оказывалось далеко не у всѣхъ мемуаристовъ, лицомъ къ лицу встрѣчавшихся съ Александромъ.

«Императоръ,—разсказываетъ Потоцкая,—прибылъ въ четыре часа. Онъ былъ молодъ и красивъ, но хотя онъ былъ прекрасно сложенъ, его осанка показалась мнѣ болѣе элегантною, чѣмъ благородною и важною. Его манеры были лишены той непринужденности, которая присуща человѣку, находящемуся въ исключительномъ положеніи и привыкшему повелѣвать. Повидимому, онъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ; въ его чрезмѣрной учтивости сквозило что-то банальное и вообще все, вплоть до его необычайной прямыни, вслѣдствіе чрезмѣрно-узкаго мундира, придавало ему видъ скорѣе прелестнаго молодого офицера, чѣмъ юнаго монарха».

Въ качествѣ правовѣрной польки Потоцкая, разумѣется, въ присутствіи Александра была поглощена мыслью о будущей судьбѣ Польши, но Александръ былъ такъ остороженъ, что невозможно было заговорить съ нимъ на эту жгучую тему. Передъ самымъ обѣдомъ какъ-то таинственно уяснилось, кто изъ приглашенныхъ можетъ быть допущенъ къ царскому столу. Такими оказались только князь Чарторыжскій и генералъ Калькрейтъ, остальная свита обѣдала въ отдѣльной залѣ.

«Куввергъ государя былъ поставленъ отдѣльно во главѣ стола. Онъ, оказалось, былъ этимъ доволенъ и придвинулъ свое кресло къ моему стулу. Онъ былъ мало, а говорилъ много. Его разговоръ былъ простъ и сдержанъ. Нельзя было предположить въ немъ блестящихъ талантовъ, но слѣдовало признать, что мысли, высказываемыя имъ, были возвышенныя, а манера выражаться—чрезвычайно осторожна. Почти не поднимался вопросъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя способствовали его пріѣзду сюда, а тѣ немногія слова, которыя онъ произнесъ по этому поводу, отличались сдержаннымъ благородіемъ. Что касается генераловъ его свиты, то они не отличались такой же скромностью. Они просили насъ дать имъ порученія въ Парижъ, воображая, что ихъ побѣды и триумфы непременно приведутъ ихъ туда. А между тѣмъ, спустя мѣсяцъ послѣ отъѣзда нашего царственного гостя, мы узнали, что онъ былъ разбитъ подъ Аустерлицемъ и тотчасъ же возвратился въ Петербургъ.

«Александръ былъ тугъ на ухо, и, какъ всѣ молодые люди со слабымъ слухомъ, старался говорить очень тихо, а такъ какъ никто не осмѣливался переспрашивать его, то отвѣчали ему, что попало, не разбирая.

«Когда всѣ затѣмъ перешли въ гостиную, онъ пробылъ здѣсь еще добрыхъ два часа, все время оставаясь на ногахъ. Говорили, что мундиръ его такъ узокъ, что во всякомъ другомъ положеніи онъ чувствуетъ себя неловко. Около полуночи онъ наконецъ удалился, выбравъ изъ приготовленныхъ для него двухъ комнатъ самую простую».

Уѣзжая на другой день и уже садясь въ карету, Александръ любезно спросилъ красавицу-польку, чѣмъ онъ могъ бы доказать ей свою признательность. Потоцкая говоритъ, что у нея чуть не сорвалось съ языка «попросить у него Польшу», но взглядъ мужа охладилъ ее, она сдержала свой порывъ и попросила монарха... написать имя въ ея книгѣ, гдѣ расписывались всѣ, посѣщавшіе Вилановъ.

Изображеніе тогдашней Польши, переживавшей медовый мѣсяцъ своихъ надеждъ въ связи съ вѣрой въ уничтоженіе Пруссіи, даетъ небезынтересныя аналогіи. Молодежь пѣла патріотическія пѣсни, пила за здоровье своихъ освободителей и братьевъ-французовъ. Первый французскій полкъ, прибывшій въ Варшаву, былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ, не поддающимся описанію. На улицахъ были накрыты столы, съ французами цѣловались, передъ ними открывались всѣ двери—включительно до винныхъ погребковъ.

Однако, когда долженъ былъ прибыть Наполеонъ, магнаты, находившіеся подъ властью русскаго императора, отошли въ сторону, оглядываясь на русское правительство. Навстрѣчу побѣдителю вышли въ Познани три незначительныхъ лица. Орлинымъ окомъ Наполеонъ сразу оцѣнилъ депутацію и сказалъ къ ней рѣчь пустую, банальную и безъ всякихъ обѣщаній. Начали было воздвигать триумфальныя арки, готовить иллюминацію, но Наполеону вздумалось обмануть общія ожиданія, и онъ прибылъ въ четыре часа утра на скверной лошадекѣ, какую ему дали на послѣдней почтовой станціи. Все еще было погружено въ глубокій сонъ. Императоръ самъ разбудилъ караульнаго въ будкѣ, который и далъ условленный сигналъ.

Передь официальной депутаціей онъ сказалъ рѣчь, гдѣ опять не вырвалось ни одного слова, какое можно было бы принять за обѣщаніе. Черезъ нѣсколько дней Потоцкая, въ числѣ другихъ дамъ, представлялась великому завоевателю. Перо исторической повѣствовательницы теперь переходитъ въ руки кокетливой польской пани, для которой понравиться великому человѣку являлось вопросомъ національнаго самолюбія.

«Я была очень довольна своимъ костюмомъ. Моя беременность была еще мало замѣтна, и я вполнѣ ее скрыла платьемъ изъ чернаго бархата, вышитаго à la Mathilde золотомъ и жемчугами. Открытый воротъ à la van Dyck, легкая накладка изъ локоновъ и всѣ мои брильянты чудесно дополняли этотъ благородный и строгій нарядъ, который, говоря правду, составлялъ рѣзкій контрастъ съ моимъ свѣжимъ и веселымъ лицомъ. Этотъ фантастическій костюмъ тогда еще не былъ освященъ модой, и я, кажется, одна изъ первыхъ ввела его, тѣмъ болѣе, что мои туалеты всегда носили скорѣе художественный, чѣмъ модный отпечатокъ.

«Я слѣдовала за своей свекровью, наблюдая, произвелъ ли эффектъ мой туалетъ среди этихъ опытныхъ и въ то же время требовательныхъ цѣнителей, и, признаюсь, я была въ восхищеніи, когда услышала одобрителный шопотъ и слѣдующую фразу:

«— Ахъ, какъ это оригинально! Точно красивый портретъ въ старинной рамѣ! Ничего подобнаго не увидишь даже въ Парижѣ!

«Насъ ввели въ великолѣпный залъ съ историческими картинами, перенесенными впоследствии въ Москву по приказанію императора Николая I.

«Залъ былъ освѣщенъ à giorno. Много дамъ уже стояли рядами, и такъ какъ приглашенія были сдѣланы не по строгому выбору, то число собравшихся было довольно значительно.

«Мы ждали довольно долго, и, признаюсь, къ нашему любопытству примѣшивался и нѣкоторый страхъ. Вдругъ общее движеніе нарушило тишину, двери съ шумомъ распахнулись, и Галейранъ, выступивъ впередъ, произнесъ громко и отчетливо то магическое слово, которое заставляло тогда трепетать весь міръ.

— Императоръ.

И тотчасъ же показался Наполеонъ. Онъ остановился на минуту, какъ бы давая возможность рассмотреть себя.

«Мной овладѣло какое-то оцѣпенѣніе, нѣмое изумленіе, какъ бы отъ присутствія какого-то необыкновеннаго чуда. Мнѣ казалось, что вокругъ него сиялъ ореолъ. Недопустимо, — думала я, когда нѣсколько пришла въ себя, — чтобы такое полное могущества существо могло умереть, такой всеобъемлющій гений—исчезнуть безъ слѣда... И мысленно я даровала ему двойное безсмертіе. Возможно, — я ничуть не хочу защищаться, — что въ томъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ на меня, немалую роль играли моя молодость и живость воображенія, но какъ бы то ни было, я рассказываю совершенно откровенно только то, что я тогда испытала.

«Моя свекровь стояла возлѣ двери, въ которую вошелъ императоръ. Онъ обратился къ ней первой и сказалъ ей нѣсколько лестныхъ словъ о ея мужѣ.

Затѣмъ наступила моя очередь. Я теперь даже не могу припомнить, что онъ мнѣ сказалъ,—такъ я была смущена. Вѣроятно, это была одна изъ тѣхъ банальныхъ фразъ, съ которыми обыкновенно обращаются ко всѣмъ молодымъ женщинамъ! Я навѣрное отвѣтила что-то не попадѣ, потому что онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня, чѣмъ еще болѣе смутилъ меня и заставилъ меня забыть все, кромѣ граціозной и нѣжной улыбки, освѣтившей его лицо, когда онъ съ немногими словами обратился ко мнѣ. Вмѣстѣ съ этой улыбкой, появлявшейся у него всякій разъ, когда онъ говорилъ съ женщиной, съ его лица исчезала та суровость, которая сквозила въ его взглядѣ.

«Затѣмъ очень быстро онъ обошелъ всю залу. Многія изъ дамъ попытались выразить ему свои надежды, зародившіяся вслѣдствіе его пребыванія здѣсь, но онъ отвѣчалъ односложно на эти патріотическіе порывы, по меньшей мѣрѣ неумѣстные на такомъ пріемѣ. Меньше чѣмъ черезъ полчаса пріемъ былъ оконченъ. Вернувшись къ двери, черезъ которую онъ вошелъ, онъ обратился къ Талейрану и довольно громко сказалъ:

«— Сколько хорошенькихъ женщинъ!

«Повернувшись еще разъ, онъ послалъ намъ граціозный привѣтъ рукой и затѣмъ удалился въ свои покои.

На балу у Талейрана Потоцкая была свидѣтельницей первой завязи чувства у императора къ знаменитой графинѣ Валевской. Потоцкая видѣла кадрили съ нею великаго человѣка—чуть ли не первое явленіе въ ихъ комедіи любви.

«— Какъ, по-вашему, я танцую?—спросилъ онъ меня, улыбаясь:—вы, вѣроятно, смѣялись надо мной?

«— Говоря правду, государь,—отвѣчала я:—для великаго человѣка вы танцуете превосходно!

«Передъ тѣмъ Наполеонъ сидѣлъ между своей будущей фавориткой и мною и послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора спросилъ меня, кто такая его другая сосѣдка, и, когда я назвала ее, онъ обратился къ ней съ такимъ видомъ, какъ будто онъ ее давно зналъ.

«Мы потомъ узнали, что Талейранъ простеръ свою услужливость до того, что устроилъ первое свиданіе Наполеона съ графиней Валевской и устранилъ всѣ встрѣтившіяся затрудненія. Когда Наполеонъ выразилъ желаніе прибавить къ числу своихъ побѣдъ и польку, ему была выбрана какъ разъ такая, какая для этого и требовалась, а именно—прелестная и глупая. Нѣкоторые утверждали, что они замѣтили, какъ послѣ кадрили императоръ пожалъ руку своей дамѣ, что равнялось, по ихъ словамъ, назначенію свиданія.

Свиданіе состоялось; романъ начался и пошелъ на всѣхъ порахъ. Съ самолюбіемъ типичной польки Потоцкая роняетъ фразу, въ которой слышится, пожалуй, и легкая обида за предпочтеніе. «Мы всѣ,—пишетъ она,—были огорчены, что женщина нашего общества проявила столько легкомыслія и защищалась такъ же слабо, какъ крѣпость Ульмъ».

Но она отдаетъ справедливость очаровательности Валевской. «Она была такъ воспитательна, что напоминала собой головку Греза. Ея глаза, ротъ и зубы были прелестны. Ея улыбка была такъ плѣнительна, взглядъ такъ кротокъ и вся она такъ обворожительна, что никто и не замѣчалъ неправильности чертъ ея

лица. Выйдя замужъ 16 лѣтъ за 80-лѣтняго старика, котораго никто никогда не видѣлъ, она занимала въ свѣтъ положеніе молодой вдовы».

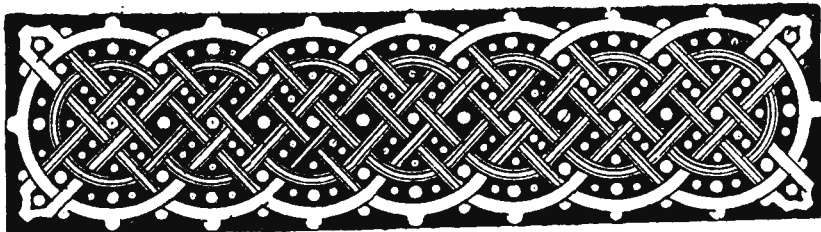
Самой Потоцкой улыбалась судьба съ принцемъ Мюратомъ. Французы вообще уже настроились какъ побѣдители. Однажды отъ Мюрата, гостившаго въ замкѣ Потоцкой, пришелъ частный секретарь и весьма смущенно попытался передать ей ключъ отъ того покоя, гдѣ устроился принцъ. Графиня должна была сама догадаться, зачѣмъ ключъ можетъ ей понадобится. Она вспыхнула отъ гнѣва. Юный секретарь прочелъ это въ ея взглядѣ и едва не свалился со стула.

Умная полька вышла изъ затрудненія блистательно, доказавъ, что у нея есть остроуміе. По сосѣдству въ Мюратомъ были расположены покои ея старой свекрови. Потоцкая приняла ключъ съ улыбкой и обѣщала передать его своей свекрови, — «въ силу своего возраста она не любитъ многолюдныхъ собраний и, вѣроятно, воспользуется любезнымъ приглашеніемъ его свѣтлости».

Живая жизнь, отдѣленная отъ насъ уже столѣтіемъ слишкомъ, но моментами впадающая въ тона современной жизни, бьетъ ключомъ на страницахъ пестрыхъ мемуаровъ талантливой графини, и въ наши дни ихъ прочтутъ съ повышеннымъ вниманіемъ.

А. Измайловъ.

Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили съ 15 января
по 15 февраля для отзыва слѣдующія книги:

Проф. В. В. Есиповъ. Очерки правовой и общественной жизни славянъ. Обычай славянъ, славянское богослуженіе въ Польшѣ, славяне и германцы. Варшава, 1914. Стр. 39. Ц. 30 к.

— Польскіе крестьяне за сто лѣтъ. Пгр. 1914. Стр. 22. Ц. 30 к.

— Славяне, нѣмцы и турки. «Культурная» Германія. Галиція и Польша. Исторія повторяется. (Отклики войны). Пгр. 1914. Стр. 56. Ц. 60 к.

Г. Крупль. Робкія зори. Стихотворенія, 2-е изданіе. Псковъ. 1915. Стр. 113. Ц. 60 к.

Л. В. Падалка. Прошлое Полтавской территоріи и ея заселеніе. Исслѣдованія и матеріалы съ картами. Изданіе Полтавской ученой архивной комиссіи. Полтава. 1914. Стр. X+236. Ц. 1 р. 20 к.

С. В. Жуковскій. Сношенія Россіи съ Бухарой и Хивой за послѣднее трехсотлѣтіе. Труды общества русскихъ ориенталистовъ. Пгр. 1915. Стр. XII+214. Ц. 1 р. 25 к.

М. Н. Загоскинъ. Собраніе сочиненій. Подъ ред. М. Н. Никольскаго. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Пгр. 1915. Стр. XXXII+2326. Ц. 6 р. 50 к.

Настоящее собраніе сочиненій автора популярнаго «Юрія Милославскаго» является цѣннымъ вкладомъ въ ученическія бібліотеки и хорошимъ

праздничнымъ подаркомъ для читающаго юношества. Къ книгѣ приложенъ обстоятельный біографическій очеркъ, составленный П. В. Быковымъ, и много иллюстрацій. Кромѣ исторической беллетристики, въ этомъ изданіи помѣщены избранныя стихотворенія и журнальныя статьи М. Н. Загоскина.

М. А. Лятскій. Великіе міра. Избранники исторіи всѣхъ временъ и народовъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Пгр. 1915. Стр. 290. Цѣна не обозначена.

Легкіе историческіе очерки и рассказы г. Лятскаго посвящены описанію жизни и дѣятельности великихъ правителей и завоевателей древнихъ и среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени до Екатерины II. Въ рассказахъ, написанныхъ живо и ярко, юные читатели почерпнутъ много полезныхъ свѣдѣній о положеніи бытѣ и нравахъ странъ, влстителей которыхъ описываетъ авторъ. Интересу книги много способствуетъ обиліе иллюстрацій.

Н. М. Лаговъ. Галичина, ея исторія, природа, населеніе, богатства и достопримѣчательности. Изданіе Н. П. Карбасникова. Пгр. 1915. Стр. VIII+123. Ц. 80 к.

Русское народное искусство на второй всероссійской кустарной выставкѣ въ Петроградѣ въ 1913 г. Изданіе Главн.

управления землеустройства и земледѣлія. Пгр. 1914. Стр. V+LXXXVIII+85. Цѣна не обозн.

Л. В. Падалка. Карта Боплана о заселеніи Полтавской территоріи во второй четверти XVII вѣка.—Карта козацкихъ полковъ на Полтавской территоріи.—Карта територіального разграниченія Полтавской губерніи въ масштабахъ мѣстныхъ изученій. Съ приложеніемъ таблицы и поясительн. текста. Изданія полтавской ученой архивной комиссіи. Полтава. 1914. Ц. по 50 к.

И. П. Матченко. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ I. Основныя свѣдѣнія по общей географіи (математической, физической и политической) въ связи съ начальной географіей Россіи. Кіевъ. 1915. Стр. 169. Ц. 60 к.

Хрестоматія по русской исторіи. Т. II. Составл. Мих. Коваленскій. Изданіе т-ва «Міръ». Москва. 1915. Стр. XII+320. Ц. 1 р. 20 к.

М. Литвиновъ. Прусскій профессоръ во главѣ русскаго учебнаго округа. Харьковъ. 1914. Стр. 48. Ц. не обозн.

Памятники міровой литературы. Сакунтала. Драма Калидасы. Переводъ К. Бальмонта. М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1915. Стр. 190. Ц. 1 р. 25 к.—Писатели Запада. Италия. Петрарка. Автобіографія. Исповѣдь. Сонеты. Переводъ М. Гершензона и Вяч. Иванова. М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1915. Стр. 273. Ц. 2 р. 25 к.

Новые выпуски извѣстной серіи «Памятниковъ міровой литературы» блещутъ тѣми же выдающимися достоинствами, какъ и предшествующіе. Бальмонтъ, по обыкновенію, хорошо справился съ первенствующимъ произведеніемъ величайшаго индійскаго поэта. Жаль только, что къ переводу не приложено, ни введенія, ни примѣчаній. Зато г. Гершензонъ далъ изящный этюдъ о Петраркѣ и такъ же удачно передалъ его прозу, какъ В. И. Ивановъ—стихи. Къ сожалѣнію, изъ сочиненій Петрарки взято очень мало (сонетовъ всего 33). Книга украшена двумя портретами Петрарки и facsimile его рисунка и записи.

Дѣтямъ о Христѣ. Хрестоматія для дѣтей. Съ рис. Вып. 1-й. Изданіе кіевскаго религиозно-философскаго общества. Кіевъ. 1914. Стр. 190. Ц. 1 р.

«Русскій Библиофиль» за 1914 г. Пгр. Вып. I—VIII. Ц. 8 р. 50 к.

С. С. Розановъ. Кн. С. Н. Трубецкой. Москва. 1915. Стр. 22. Ц. 20 к.

С. С. Розановъ. Поэты Бельгіи. Москва. 1915. Стр. 38. Ц. 25 к.

Монст. Карл. Гротъ, какъ государственный и общественный дѣятель. Матеріалы для его біографіи и характеристики. Изданіе попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣдѣхъ. Петроградъ. 1915. Т. I. Стр. 446+84. Т. II. Стр. 482. Ц. не обозначена.

Е. Остриковъ. Нѣгоши. (Черногорская королевская династія). Историческая памятка. Пятигорскъ. 1915. Стр. 17. Ц. 30 к.

И. Гриневская. Изъ книги жизни. Рассказы. Петр. 1915. Стр. 204. Ц. 1 р.

Н. Мистровъ-Сомовъ. На порогахъ къ смерти. Драм. этюдъ въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ. (Эпизодъ изъ русско-японской войны). Тифлисъ. 1914. Стр. 31. Ц. 40 к.

Отчетъ московскаго столичнаго попечительства о народной трезвости за 1913 г. Москва. 1914. Стр. 185. Цѣна не обозначена.

Б. Юрьевскій. Возрожденіе деревни. Петроградъ. 1914. Стр. 213. Ц. 1 р.

Русскія народныя картинки. Матеріалы для полнаго описанія ихъ со снимками. Ч. I. Вып. I. Сказки, былины, пѣсни, повѣсти, романы и «забавные» листы. Митава. 1915. Стр. 32. Ц. 40 к.

Кн. фонъ-Бюловъ, бывш. канцлеръ Германской имперіи. Внѣшняя политика Германіи. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ прив.-доц. П. Бицилли. Кн.-во А. А. Ивасенко. Одесса. 1915. Стр. 75. Ц. 75 к.

В. Вондракъ. Древне-церковно-славянскій синтаксисъ. Переводъ Н. Петровскаго. Изданіе книжнаго магазина Маркелова и Шаронова. Казань. 1915. Стр. 64. Ц. 55 к.

Переводъ воспроизводитъ отдѣлъ одного изъ лучшихъ трудовъ по древне-церковно-славянскому языку: «Altkirchenslavische Grammatik v. W. Vondrák. Zweite Auflage» (Berl. 1912). и сдѣланъ высоко авторитетнымъ славістомъ, проф. Н. М. Петровскимъ.

Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Изданіе «Вадруги» и К. Ф. Некрасова. Т. I. Москва. 1915. Стр. XII+255. Ц. не обозначена.

Е. Нелидова. Русь въ ея столицахъ. Историческіе очерки. Вып. III. Кіевъ. Съ 24 рис. Пгр. 1915. Стр. 218. Ц. 55 к.

Свящ. А. Тышко. О самодержавной царской власти и ея божественномъ установленіи. Пгр. 1915. Стр. 176. Ц. 80 к.

Судебные уставы императора Александра II по юбилейному изданію 1914 года съ законодательными къ нимъ мотивами. Неофициальное изданіе С. Г. Щегловитова. Пгр. 1915. Стр. 668. Ц. 3 р. 50 к.

Книга лжи. Германская бѣлая книга о возникновеніи германо-руско-французской войны. По представленнымъ рейхстагу матеріаламъ. Переводъ Р. Марковичъ. Петр. 1915. Стр. 63. Ц. 50 к.

Проф. В. В. Есиповъ. «Варшавскій Дневникъ» за 50 лѣтъ. Варшава. 1914. Стр. 48. Матеріалы къ исторіи императорскаго варшавскаго университета. Вып. I. Біографическіе очерки. Варшава. 1913. Стр. 63. Цѣна не обозначена. То же. Вып. II. Исторія высшаго образования въ Царствѣ Польскомъ. Біографическіе очерки. Варшава. 1915. Стр. 53. Цѣна не обозначена.

Первая брошюра, оттискъ изъ «Варш. Дневн.», даетъ главнымъ образомъ біографіи редакторовъ за первое ея 50-лѣтіе (1863—1913) Н. И. Павлицева, П. И. Вейнберга, Н. В. Берга, кн. Н. Н. Голицына, П. К. Щербальскаго, П. А. Кулаковскаго, В. В. Крестовскаго и А. Т. Тимановскаго. котораго смѣнилъ авторъ, В. В. Есиповъ. Остальныя двѣ брошюры содержатъ біографіи 11 профессоровъ Варшавск. университета (наиболѣе подробно біографіи С. М. Будзінскаго и Г. Э. Симоненка) и перечень важнѣйшихъ фактовъ и датъ изъ исторіи высшаго образования въ Царствѣ Польскомъ за 1815—1915 гг.

П. Х. Вожючая Германия. Пгр. 1915. Стр. 113. Ц. 80 к.

А. Витинъ. Шведъ. Историческ. этюдъ начала XVIII вѣка. Изъ жизни старой Хованщины. Харьковъ. 1914. Стр. 52. Цѣна не обозначена.

А. Витинъ. Тайга. Рассказъ. Харьковъ. 1915. Стр. 79. Цѣна не обозначена.

А. А. Алексѣевъ. Очеркъ бюджетнаго права русскихъ законодательныхъ палатъ. Петр. 1915. Стр. 73. Цѣна не обозначена.

В. Филоненко. Башкиры. Уфа. 1915. Стр. 74. Ц. 75 к.

Въ брошюрѣ г. Филоненка дается сводка имѣющихся въ литературѣ матеріаловъ по исторіи и описанію быта и нравовъ Башкиріи и ея обитателей. Особенно интересна исторія башкиръ со времени ихъ подданства Россіи. Въ качествѣ справочника и указателя по вопросу о башкирахъ книга г. Филоненко полезна для широкой массы читателей.

Л. В. Падалиа. Происхожденіе и значеніе имени «Русь». Полтава. 1915. Стр. 40. Ц. 20 к.

Г. Буассе. Общественное настроеніе времянь римскихъ цезарей (L'orro-

sion sous les Césars). Перев. съ 6 франц. изданія В. Я. Яковлева. Петроградъ. Изданіе Н. И. Карбасникова. 1915. Стр. III+295. Ц. 1 р. 25 к.

Это уже третье русское изданіе книги Буассе. Предшествующій переводъ (г. Спиридонова) появился въ Москвѣ въ 1913 г. и былъ своевременно отмѣченъ въ «Истор. Вѣстн.». Г. Яковлевъ передалъ изящный стиль французскаго ученаго въ общемъ тщательно; но надо сознаться, что содержаніе книги, появившейся впервые въ 1873 г., нынѣ значительно устарѣло.

Нарикатуры. Война и Пэмъ. (Вып. 1-й. Июль-декабрь). Изданіе Б. А. Суворина. Пгр. 1915. Стр. 48. Ц. 1 р. 50 к.

Солдатскія сказки. Подъ редакціей Н. Г. Козырева. Изданіе Б. А. Суворина. Пгр. 1915. Стр. 230. Ц. 75 к.

П. И. Солосинъ. Начальный курсъ исторіи русскаго языка въ связи съ древнецерковно-славянскомъ. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Пгр. 1915. Стр. VI+96. Ц. 50 к.

Н. Н. Шиповъ. Нужны ли славянофилы для разрѣшенія славянскаго вопроса? Петр. 1915. Стр. 57. Ц. 25 к.

Сочиненія Константина Сергѣевича Аксакова. Т. I. Редакция и примѣчанія Е. А. Ляцкого. Издательство «Огни». Петр. 1915. Стр. VIII+652. Ц. 3 р.

Сборникъ статей, посвященныхъ Л. М. Савелову. Изданіе историко-родословнаго общества въ Москвѣ. М. 1915. Стр. 329. Цѣна не обозначена.

Юбилейный сборникъ статей. Изданіе студенческаго историко-этнографическаго кружка при императорек. университетѣ св. Владимира подъ руководствомъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Кіевъ. 1914. Стр. 336. Ц. 2 р.

Н. Макаренко. Путевыя замѣтки и наброски о русскомъ искусствѣ. Вып. 1-й. Бѣлозерскій край. Изданіе А. А. Жукова. 1914. Стр. 58. Цѣна не обознач.

Н. А. Лаппо-Данилевская. Русскій баринъ. Романъ въ четырехъ частяхъ. Пгр. 1915. Стр. 479. Цѣна 2 руб.

Объемистый романъ г-жи Лаппо-Данилевской охватываетъ продолжительный періодъ нашей жизни, начиная съ «диктатуры сердца» гр. Лорисъ-Меликова и кончая нынѣшней войной, во время которой гибнетъ главный герой Михаилъ Гуракинъ. Удачно придуманный и пикантный сюжетъ даетъ возможность автору нарисовать цѣлый рядъ интересныхъ и драматическихъ сценъ изъ жизни нашего великосвѣтскаго общества, съ бытомъ котораго г-жа Лаппо-Данилевская, повп-

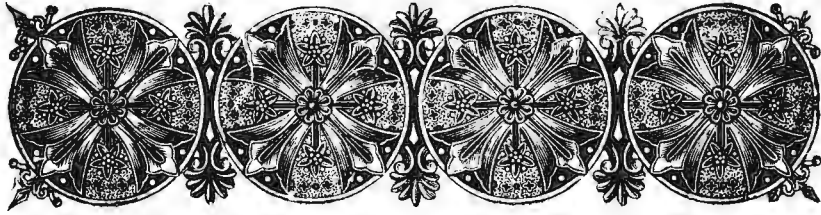
димому, хорошо знакома. Личность главного героя является въ общемъ и жизненной, и симпатичной. «Въ его безшабашности всегда скрывалась цѣльная натура русскаго барства: большая, способная на подвиги душа». Кромѣ Гуракина, въ романѣ встрѣчаемъ цѣлый рядъ интересныхъ типовъ (Волынский), нѣкоторые изъ нихъ, повидимому, списаны прямо съ натуры, какъ, напримѣръ, отецъ Лука Пенутевъ.

Записки нефилологическаго общества при императорскомъ петроградскомъ университетѣ. Вып. VIII. Сборникъ въ честь проф. Э. А. Брауна. Изданъ подъ редакціей проф. Д. К. Петрова и прив.-доц. К. Э. Тандера. Петр. 1915. Стр. VI+407. Съ портр. Цѣна 4 р. 50 к.

А. Ветуховъ. Основы вѣры и знанія (религіи и науки) по даннымъ языка. (Замѣтки по поводу «Феодицей» свящ. о. Флоренскаго). Харьковъ. 1915. Стр. 108. Ц. 1 р.

Брошюра представляетъ оттискъ изъ журнала «Вѣра и Разумъ» за минувшій годъ. Заглавіе книги не вполне соответствуетъ содержанію, такъ какъ данныя языка привлечены къ разсужденію только отчасти, и къ тому же всѣ греческія слова искажены опечатками, но брошюра очень помогаетъ разобраться въ богатомъ и сложномъ содержаніи диссертациі о. Флоренскаго.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВОЛЬСКІЙ король и его лекторъ.—Быть причисленнымъ въ качествѣ лектора къ какой-нибудь коронованной особѣ, безъ сомнѣнія, весьма лестно для молодого человѣка, жить при дворѣ и во дворцѣ, имѣть въ своемъ распоряженіи богатую библіотеку и достаточное количество времени, чтобы вести дневникъ,—это еще заманчивѣе для человѣка съ скромными потребностями и литературными наклонностями. Вотъ почему мы легко поймемъ, какъ былъ доволенъ Маркъ Ревердиль, когда лѣтомъ 1766 г. его увѣдомили, что польскій король Станиславъ Понятовскій назначилъ его своимъ лекторомъ.

Ревердилью въ это время было тридцать три года. Родомъ онъ былъ изъ Швейцаріи, которая въ эту эпоху была настоящимъ разсадникомъ учителей и гувернеровъ для самыхъ знатныхъ въ Европѣ семей.

Ревердиль отправился въ Варшаву черезъ Италію, посѣтилъ Римъ, Флоренцію, Неаполь и позднею осенью прибылъ въ польскую столицу. Онъ отправился прямо во дворецъ и самымъ скромнымъ образомъ объявилъ тамъ, кто онъ такой. Но никто не былъ предувѣдомленъ объ его пріѣздѣ. Ревердиль попросилъ, чтобы его отвели въ его комнату. Но никакой комнаты для него не отводилось. Тогда Ревердиль попросилъ, чтобы его отвели къ его соотечественнику Сень-Сафорэну, занимавшему при польскомъ королѣ постъ датскаго посланника. Но Сень-Сафорэнъ оказался въ отсутствіи. Будущій лекторъ долженъ былъ, пока что, пріютиться въ пивной лавкѣ и тамъ дожидаться начала своей придворной карьеры. На другой день дворцовое управленіе отвело ему помѣщеніе, откуда долженъ былъ выбраться, кряхтя и бранясь, одинъ изъ королевскихъ медиковъ. Ревердилью сказали, что ужинающій будетъ во дворцѣ. Это было зарей его славы.

Съ бьющимся сердцемъ усѣлся Ревердиль за королевскій столъ. Но, осмотрѣвшись хорошенъко, онъ замѣтилъ, что за столомъ сидятъ одни слуги, да и то не перваго ранга. Это его оскорбило. Но онъ покорился этому временному разочарованію: когда король узнаетъ его таланты, его манеры, то положеніе его, конечно, должно будетъ измѣниться. На слѣдующій день состоялось его свиданіе съ королемъ. Швейцарца ввели въ пріемный залъ. Король Станиславъ пошелъ ему навстрѣчу и, весело улыбаясь, протянулъ ему руку, промолвивъ:

— Наконецъ-то вы прибыли.

Черезъ нѣсколько секундъ Ревердиль оказался уже въ пріемной и напрасно ждалъ, когда его опять позовутъ къ королю. Пришлось, однако, проскучать тамъ цѣлый день. Двѣ недѣли потомъ лекторъ не слышитъ о королѣ ни слова. Наконецъ онъ пускается на хитрость: онъ дѣлаетъ визиты камергеру, мажордому, дворцовому священнику, частному секретарю Станислава и добивается того, что ему разрѣшаютъ обѣдать за вторымъ столомъ, гдѣ можно пить кофе и вино въ бѣльшемъ количествѣ. Но больше всего удручаетъ его то, что ему не предоставляютъ экипажа: онъ принужденъ колесить по грязнымъ улицамъ пѣшкомъ, несмотря на рану, которая была у него на ногѣ.

Придворные косятся на него, очевидно, опасаясь, что онъ можетъ пріобрѣсти вліяніе на короля. Но онъ видитъ его величество довольно рѣдко, ибо король предпочитаетъ болѣе галантныя удовольствія, чѣмъ слушать его чтеніе. Черезъ двѣ недѣли Ревердиль былъ, наконецъ, позванъ къ королю и прочелъ ему отрывокъ изъ «Исторіи Германіи» отца Бара. Станиславъ, казалось, остался совершенно доволенъ его чтеніемъ. Но вдругъ онъ потребовалъ, чтобы лекторъ прочелъ ему модный въ то время англійскій романъ «Тристанъ Шанди». Ревердиль имѣлъ отвратительное англійское произношеніе, но, о чудеса! король и на этотъ разъ оказался совершенно доволенъ.

Станиславъ очень добръ и очень разсѣянъ, какъ всѣ влюбленные: онъ атакуетъ каждую новую юбку, которая появляется при дворѣ, извиняясь тѣмъ, что государственныя причины заставляютъ его оставаться старымъ холостякомъ. Онъ жалуется на денежныя затрудненія и политическія интриги, съ которыми ему приходится бороться. Но у Ревердила свои заботы. Ни король, ни придворный казначей не заикаются объ его жалованьѣ, а между тѣмъ ему приходится дѣлать расходы самому. Король приказалъ ему усовершенствоваться въ англійскомъ языкѣ и взялъ себя въ голову обучить его и польскому. Къ тому же, несмотря на настойчивыя просьбы, ему все не даютъ и не даютъ экипажа: приходится попрежнему мѣсить грязь ногами. Наконецъ ему отвели помѣщеніе въ самомъ дворцѣ, но тутъ его ждали новыя неприятности: дерзкіе придворные лакеи не даютъ ему свѣчей, и бѣдный швейцарскій лекторъ долженъ укладываться спать въ темнотѣ. Чтобы не переломать себя костей во мракѣ, онъ было стащилъ себя свѣчу изъ королевскаго кабинета, но негодая-лакей отнял у него ее силою. Всѣ способности Ревердила теперь направлены на одну цѣль: добыть свѣчей. Однажды, когда лакей куда-то отлучился, ему удалось затащить въ себя въ комнату цѣлый канделябръ. Но это не произошло даромъ: какъ-то ночью вспыхнулъ пожаръ во дворцѣ, и всѣ стали приписывать его неосторожному обращенію съ огнемъ лектора. Потомъ Ревердила

стали притѣснять насчетъ воды. Онъ наконецъ не выдержалъ и вспылѣлъ. Онъ потребовалъ, чтобы ему дали опредѣленное жалованье и положеніе. Ему удалось передать королю свою докладную записку. Станиславъ распорядился, чтобы ему положили двадцать пять дукатовъ въ мѣсяць, отвели бы помѣщеніе съ услугами и—главное—предоставили бы въ его распоряженіе лошадь.

Но лошадь ему предоставили такую, что она, того и гляди, упадетъ въ экипажъ. Съ другой стороны, и король, зная, что теперь лектору платять, сталъ засыпать его всяческими порученіями. Читать ему приходилось уже шесть часовъ въ сутки: три утромъ и три вечеромъ, пока король разсматривалъ разныя гравюры, нисколько не скрывая, что онъ не слушаетъ чтенія. Въ приемной приходится ждать теперь до полночи. Если онъ уходилъ спать, за нимъ немедленно являлся лакей, и, напудренный, причесанный, держа шляпу подъ мышкой, онъ опять ждалъ, пока у Станислава, занятаго съ какой-нибудь изъ своихъ фаворитокъ, не проходило окончательно желаніе слушать чтеніе.

Не будучи въ состояніи оплачивать, какъ слѣдуетъ, своего лектора, Станиславъ изыскивалъ способы вознаграждать его иными способами. Однажды онъ сдѣлалъ ему предложеніе, которое и во снѣ не снилось швейцарцу. Въ числѣ женщинъ, которыми интересовался его величество, была одна молодая иностранка, нѣкая Констанція Лажени, у которой въ 1769 году родился сынъ. Станиславъ позвалъ къ себѣ своего лектора и дружески предложилъ ему, не хочетъ ли онъ жениться на этой восемнадцатилѣтней особѣ и получить за нею въ приданое семьсотъ дукатовъ. Ревердилю показалось, что наконецъ-то для него настанетъ время приобрести при дворѣ вліяніе и овладѣть всѣми свѣчами, которыя ему нужны, и онъ согласился. Помолвка состоялась въ тотъ же вечеръ. Невѣста получила отъ короля золотыя часы, а женихъ бутылку венгерскаго. Ревердиль хотѣлъ было спросить разрѣшеніе родителей на бракъ, но ждать было некогда. Свадьба совершилась на другой же день. Торжество закончилось веселымъ ужиномъ, послѣ котораго всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ, не исключая и новобрачнаго, который вернулся въ одиночествѣ въ свою прежнюю комнату. Затравленный кредиторами, король Станиславъ не могъ исполнить своего обѣщанія и денежно поддерживать супруговъ. М-ше Ревердиль принуждена была скоро отправиться въ Швейцарію, гдѣ ея ребенокъ поступилъ очень умно и умеръ, а ея бракъ былъ расторгнутъ.

Король Станиславъ показалъ себя неблагодарнымъ. Ревердиль принужденъ былъ попрежнему таскать свѣчи, къ тому же и король не переставалъ его преслѣдовать насмѣшками по поводу его брака. Кончилось тѣмъ, что швейцарецъ окончательно потерялъ вкусъ къ величію, пересталъ заниматься своимъ дѣломъ и, запершись у себя въ комнатѣ, спалъ по цѣлымъ днямъ.

Въ 1778 году ему еще разъ пришлось выйти изъ своего затворничества: онъ опять понадобился королю. Наскучивъ своей новой любовницей Дально, Станиславъ предложилъ Ревердилю опять «устроиться по старому». Лекторъ принялъ предложеніе, но на этотъ разъ предварительно поставилъ свои условія. Онъ согласенъ жениться на бывшей фавориткѣ, но лишь съ тѣмъ, чтобы ему былъ удушенъ столяръ, была дана настоящая лошадь съ экипажемъ и выдавалось

по тридцати свѣчей въ мѣсяцъ. Станиславъ принялъ условія, и m-me Далько превратилась въ m-me Ревердиль.

Но и на этотъ разъ бѣдный швейцарецъ не добился исполненія своихъ скромныхъ желаній. Лошадь оказалась запаленной, а новая супруга принесла съ собой въ приданое лишь кучу долговъ. Наступало, впрочемъ, время, когда Польша было не до лекторовъ, не до библиотекъ и даже не до короля. Ревердиль, подхваченный ураганомъ, свалившимъ тронъ короля Станислава, исчезъ куда-то изъ Варшавы, оставивъ тамъ свою жену и свой дневникъ, напечатанный недавно Фредерикомъ Барбе въ журналѣ «Mercure de France». Есть свѣдѣнія, что онъ попалъ изъ Польши въ Америку, увезенный туда какимъ-то богачомъ, у котораго была библиотечка и, быть можетъ, надѣвшаая любовница.

— Трагедія «Оленьей залы».—Ни одного иностраннаго государя не принималъ Парижъ съ такимъ восторгомъ, съ какимъ двѣсти шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ онъ встрѣчалъ дочь шведскаго короля Густава-Адольфа Христину. Этой королеви предшествовала цѣлая легенда: тридцати лѣтъ отъ роду она знала уже семнадцать языковъ и слыла самой образованной женщиной во всей подлунной. Въ возрастъ, въ которомъ дѣти едва знаютъ азбуку, она уже переводила Фукидида и разсуждала о философіи съ Декартомъ. Она ненавидѣла женщинъ и никакъ не могла примириться съ своимъ поломъ. Во время разныхъ церемоній она появлялась въ ботфортахъ и со шпагой и въ своихъ манерахъ подражала мужчинамъ. Несмотря на всѣ настоянія окружающихъ, она отказывалась вступить въ бракъ и въ одинъ прекрасный день объявила своему двору, что ей надѣло быть шведской королевой и что она намѣрена уѣхать изъ Швеции съ тѣмъ, чтобы никогда туда уже не возвращаться. Власть была ей въ тягость, и она предпочитала заниматься литературой. Отрекшись въ пользу одного изъ своихъ родственниковъ, Христина безъ особаго сожалѣнія разсталась со Швеціей. Придавая очень мало значенія религиознымъ обрядамъ, она бранила католицизмъ, пока жила въ протестантскихъ страхахъ, и стала католичкой, какъ только поселилась въ Римѣ, съ цѣлью наслаждаться его художественными древностями.

Такая репутація вольномыслия и республиканства въ высшей степени возбуждала любопытство тогдашнихъ парижанъ. Король при приближеніи Христины къ Парижу выѣхалъ ей навстрѣчу; горожане оделись въ лучшія одежды и стояли шпалерами отъ самой заставы до Луврскаго дворца. Всѣ окна и балконы заняты были знатными персонами, а на улицахъ тѣснились огромныя толпы простого народа. Христина ѣхала верхомъ, держа въ рукахъ мужскую шляпу съ султаномъ. Бѣлокурая, съ орлинымъ носомъ и голубыми глазами, она производила впечатлѣніе ловкаго юноши. Нѣсколько итальянскихъ слугъ со смуглыми лицами и хитрой внѣшностью ѣхали слѣдомъ за ней и не спускали съ нея глазъ. Этотъ вѣздъ былъ привѣтствованъ громкими криками.

Но вечеромъ при дворѣ вышелъ цѣлый скандалъ. Согласно программѣ, въ этотъ день былъ назначенъ обѣдъ, а затѣмъ представленіе. Христина танцуетъ, не снимая своихъ ботфоровъ, вступаетъ въ споръ съ придворными, которые тѣсняются около нея цѣлой толпой, и ругается, какъ извозчикъ. Дамы съ ужасомъ смотрятъ, какъ, развалившись въ креслѣ, она садится нога на ногу, дѣлаетъ

замѣчанія актерамъ и громко, на весь залъ, вздыхаетъ. Явившись къ ней утромъ, онъ находитъ ее на постели, подъ грубымъ одѣяломъ, достойной лишь прислуги. Все освѣщеніе комнаты на ночь состояло изъ одной свѣчи.

Цѣлые дни Христина проводила въ библіотекахъ, принимала у себя ученыхъ и вела съ ними жаркіе споры. Но въ Парижѣ постарались сократить ея пребываніе, и она снова отправилась въ путь со своими итальянцами.

Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Италіи, Христина, уже вкусившая прелестей парижской жизни, пожелала вернуться снова въ столицу Франціи. Но въ Парижѣ не забыли ея извѣстнѣйшихъ ругательствъ. Къ тому же существовало подозрѣніе, что она сидитъ безъ денегъ и дѣло не обойдется безъ займа. Вотъ почему ей было предложено остановиться въ Фонтенбло съ покорнѣйшей просьбой не выѣзжать оттуда. Зная ея равнодушіе къ окружающей обстановкѣ, ей отвели помѣщеніе не во дворцѣ, а въ боковомъ флигель, предназначенномъ для прислуги. Она заняла тамъ со своими итальянцами четыре смежныхъ комнаты, при чемъ въ ея распоряженіе было предоставлена также во дворцѣ Оленья зала.

10-го ноября 1657 года къ Христинѣ спѣшно былъ вызванъ настоятель собора съ дворцомъ монастыря, отецъ Лебель. Онъ отправился, не теряя времени. Сопровождавшій его человекъ ввелъ его въ Оленью залу и быстро заперъ за нимъ дверь.

Изумленный такимъ приѣмомъ, монахъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по огромной и совершенной пустой залѣ. По срединѣ ея онъ замѣтилъ одного изъ итальянцевъ свиты бывшей шведской королевы маркиза де-Мональдески и Христину, которые о чемъ-то оживленно бесѣдовали. Поодаль стояли три другихъ итальянца съ обнаженными шпагами. Христина, повидимому, слушала Мональдески съ величайшимъ терпѣніемъ, опершись на чернаго дерева палку съ круглымъ набалдашникомъ. Мональдески, повидимому, о чемъ-то ее умолялъ: онъ бросился впередъ нею на колѣни, досталъ изъ кармана какую-то бумажку и передалъ ее ей вмѣстѣ съ маленькими ключами. Христина, не обнаруживая никакого гнѣва, повернулась къ отцу Лебелю и сказала:

— Будьте свидѣтелемъ, что я ничего не предпринимаю противъ этого человека. Я даю этому измѣннику время оправдаться, если онъ можетъ.

И бесѣда ихъ возобновилась съ новой силой. Королева продолжала выслушивать своего собесѣдника съ полнымъ спокойствіемъ. Длилось это около часу. Затѣмъ она опять подошла къ монаху и твердымъ голосомъ, безъ малѣйшей дрожи, промолвила:

— Я ухажу и оставляю вамъ этого человека. Приготовьте его къ смерти и позаботьтесь о его душѣ.

Пораженный этими словами, отецъ Лебель, въ свою очередь, бросается на колѣни и умоляетъ о пощадѣ, но королева спокойно покидаетъ залъ и уходитъ въ свои апартаменты. Три человека со шпагами приближаются. Но Мональдески не сдается, онъ умоляетъ отца Лебеля пойти къ Христинѣ и вымолить у нея прощеніе. Но три человека со шпагами увѣряютъ, что это будетъ бесполезно и лучше приготовиться къ смерти. Они прикасаются остриемъ шпагъ къ тѣлу Мональдески, не нанося ему, однако, ранъ. Несчастный мар-

кизь дрожить, как осиновый листъ, и зубы его выбиваютъ дробь. Одинъ изъ итальянцевъ рѣшается, наконецъ, пойти къ Христинѣ, но скоро возвращается отъ нея.

— Маркизь, — говоритъ онъ: — вспомни о Богѣ и приготовься умереть.

Мональдески снова впадаетъ въ отчаяніе. Онъ такъ жалокъ, что отецъ Лебель рѣшается отправиться къ Христинѣ самъ. Онъ истощаетъ всѣ свои аргументы, утверждаетъ, что во Франціи никто не можетъ отправлять правосудія самовольно и что король будетъ очень недоволенъ всѣмъ этимъ дѣломъ.

— Какъ? Развѣ еще съ нимъ не покончено? — хладнокровно спрашиваетъ бывшая королева: — неужели онъ такой трусъ?

Отецъ Лебель не знаетъ, что ему дѣлать. Ему хотѣлось бы поскорѣе вернуться въ свой мирный монастырь, предоставивъ этимъ иностранцамъ раздѣляться между собой, какъ они знаютъ. Но вдругъ онъ вспоминаетъ, что его ждетъ въ залѣ несчастный, осужденный на смерть.

Узнавъ, что спасенія нѣтъ, Мональдески громко вскрикиваетъ, бросается на колѣни и начинаетъ исповѣдываться, перемѣшивая французскія, латинскія и итальянскія слова. Три человѣка со шпагами удаляются въ конецъ залы и терпѣливо дожидаются момента, когда имъ можно будетъ дѣйствовать. Наконецъ одинъ изъ нихъ, Сентинелли, теряетъ терпѣніе и, приблизившись къ маркизу, спрашиваетъ:

— Надо умереть. Готовъ ли ты наконецъ?

Неожиданно онъ толкаетъ его къ стѣнѣ и всаживаетъ шпагу ему въ животъ. Мональдески схватывается рукою за клинокъ и обрѣзаетъ себѣ три пальца. Тогда другой убійца наноситъ ему ударъ прямо въ лицо.

Раненый бросается на землю, получаетъ отпущеніе грѣховъ и дѣлаетъ знакъ, чтобы поскорѣе прикончили. Убійцы возятся съ нимъ довольно долго: его защищаетъ надѣтая подъ платьемъ кольчуга. Вдругъ растворяется дверь, и входитъ духовникъ королевы. Палачи приостанавливаютъ свою работу: быть можетъ, онъ несетъ за собой прощеніе. Но увы! Прощенія нѣтъ, и духовникъ пришелъ освѣдомиться, «кончено ли дѣло».

Тогда Сентинелли протыкаетъ шпагой умирающаго. Мональдески былъ еще живъ съ четверть часа. Отецъ Лебель, стоя около него на колѣняхъ, читалъ отходную. Отвратительная сцена убійства длилась болѣе двухъ часовъ. Когда Мональдески испустилъ послѣдній вздохъ, отецъ Лебель взялъ его тѣло въ Авонь, гдѣ и предалъ землѣ на мѣстномъ кладбищѣ. Кольчуга и шпага Мональдески до сего времени висятъ на стѣнѣ въ Оленьей залѣ въ Фонтенбло, а любопытнымъ посѣтителемъ показываютъ и его могилу.

За что постигла несчастнаго Мональдески такая жестокая месть, въ точности не установлено. Имѣются, однако, основанія предполагать, что трагедія разыгралась на почвѣ романическихъ отношеній между итальянцемъ и Христиной, и такъ по крайней мѣрѣ смотрите на это кровавое злодѣяніе новѣйшій его историкъ Шарль Фоллей въ своей книгѣ «*Femmes aimées, femmes aimantes*».

— Откуда взялъ Дюма своихъ «Трехъ мушкетеровъ». — Въ 1701 году появилась биографія знаменитаго своими воспомина-

ніями и амурными похождениями гасконца Артаньяна, написанная нѣкимъ Куртиль де-Сандра. Черезъ полтора ста лѣтъ этотъ основательно забытый трудъ въ разрозненномъ экземплярѣ случайно попался въ руки Александра Дюма. Ознакомившись съ нимъ, знаменитый романистъ былъ пораженъ странными именами, которыя носили три товарища главнаго героя: Атось, Портось, Арамись. Дюма былъ убѣжденъ, что это псевдонимы, подъ которыми скрываются знаменитые люди того времени. Не давая себѣ труда раскрыть эти псевдонимы, Дюма такъ и оставилъ эти имена въ своемъ знаменитомъ романѣ «Три мушкетера».

То, что онъ считалъ выдуманнымъ, оказалось дѣйствительно вѣрнымъ въ его романѣ, и разысканія ученыхъ теперь уже установили, что Атось, Портось и Арамись существовали на самомъ дѣлѣ: Атось—это маленькая деревушка въ Беарнѣ, и одинъ изъ обладателей этой деревушки Арманъ Силлегъ, королевскій мушкетеръ, умеръ въ 1643 году въ Парижѣ и похороненъ на кладбищѣ св. Сульпиція. Повидимому, онъ былъ убитъ на дуэли, ибо въ актѣ его погребенія сказано, что тѣло его было найдено въ Пре-о-Клеръ.

Портось въ дѣйствительности назывался Исаакъ де-Порто. Онъ вступилъ въ число мушкетеровъ за годъ до смерти своего товарища Атоса. Что касается Арамиса, то дѣйствительное имя его было Анри Арамизъ, потомство его существуетъ и до сего времени.

Остается еще ротный командиръ мушкетеровъ Тревилль или Трувилль. Это также лицо вполне реальное, дядя Арамиза, раненый при осадѣ Рашелли. Красивый выстроенный имъ замокъ въ Гаскони принадлежитъ до сихъ поръ одному изъ его потомковъ.

Разсказывая о нихъ, вышеупомянутый біографъ XVIII вѣка Куртиль де-Сандра особенно подробно останавливается на самомъ знаменитомъ изъ дѣйствительныхъ мушкетеровъ, д'Артаньянѣ, родившемся около 1620 года въ старинномъ замкѣ Кастельморъ, сохранившемся и до сего времени. Двадцати лѣтъ отъ роду д'Артаньянъ отправляется изъ родительскаго дома въ Парижъ искать счастья. Въ карманѣ у него всего нѣсколько грошей. Черезъ десять лѣтъ онъ былъ уже командиромъ гвардіи и получалъ болѣе сорока тысячъ экю одного жалованья, что на нынѣшнія деньги составляетъ полмилліона франковъ. Добившись обезпеченнаго положенія, д'Артаньякъ сталъ подумывать о женитьбѣ. Утомленный многочисленными любовными похождениями, онъ вступилъ въ бракъ съ вдовою одного бургундскаго дворянина Шарлоттой де-Шансели.

На брачномъ контрактѣ расписались король и кардиналъ Мазарини. Послѣ великолѣпной свадьбы молодые поселились въ вновь устроенномъ домѣ недалеко отъ казармъ мушкетеровъ, которыя еще лѣтъ сорокъ тому назадъ можно было видѣть въ Парижѣ на набережной Вольтера. Не такъ давно французскимъ архивистамъ удалось найти опись имущества этого дома, которая даетъ возможность возстановить дѣйствительную обстановку, въ которой жилъ герой романовъ Дюма.

Въ этомъ домѣ супруги прожили нѣсколько лѣтъ. Здѣсь родились у нихъ два сына, получившіе одно и то же имя Людовика. Семейная жизнь д'Артаньяновъ была не изъ мирныхъ. Сама же д'Артаньянъ отлично вѣдала продѣлки

своего мужа, страшно ревновала его и устраивала цѣлые скандалы. Д'Артаньянъ дѣйствительно былъ не безгрѣшенъ. Чтобы поддерживать блестящую репутацію своего отряда мушкетеровъ, онъ вступилъ въ связь съ одной богатой дамой, которая ссужала его деньгами. Въ тѣ отдаленныя времена подобныя вещи не только не встрѣчали себѣ осужденія, но наоборотъ, вызывали похвалы ловкости кавалера и его заботливости о славѣ своихъ солдатъ. Однако жена нашего героя взглянула совершенно иначе. Она наняла шпионовъ, которые выслѣдили ея мужа, и заявила ему, что уѣзжаетъ жить въ свое собственное имѣніе. Д'Артаньянъ не протестовалъ, и такимъ образомъ разрывъ совершился. Вскорѣ послѣ этого въ 1673 году д'Артаньянъ былъ убитъ при осадѣ Маастрихта: пуля попала ему въ шею.

Таковъ былъ настоящій д'Артаньянъ. Въ романѣ Дюма онъ вышелъ красивѣе и лучше, ибо Дюма не зналъ многихъ подробностей его жизни, въ родѣ только что рассказаннаго его разрыва съ женою.

— Изъ воспоминаній о Тьерѣ.—Въ одной изъ книжекъ римскаго журнала «Nuova Antologia» за прошлый годъ находимъ нѣсколько замѣтокъ о Тьерѣ, весьма характерныхъ для этого виднаго французскаго историка и перваго президента третьей республики.

Домъ Тьера, разрушенный коммунарами въ 1871 году, былъ отстроенъ заново на государственный счетъ. Тьеръ принималъ у себя каждый вечеръ, часовъ съ десяти. Посѣтителей обыкновенно бывало очень много и при томъ самыхъ разнородныхъ. М-ше Тьеръ въ большинствѣ случаевъ дремала въ своемъ большомъ креслѣ около камина. Ея сестра м-ше Донъ употребляла всѣ усилія, чтобы также не сомкнуть своихъ красивыхъ и грустныхъ глазъ. Говорили, что она была влюблена въ генерала Ламорисьера и послѣ его смерти не могла уже найти себѣ утѣшенія ни въ чемъ.

Вставъ изъ-за обѣденнаго стола, Тьеръ обыкновенно ложился спать, но не больше, какъ на десять-пятнадцать минутъ, а затѣмъ выходилъ къ гостямъ и вступалъ съ ними въ бесѣду. При этомъ онъ или клалъ ноги передъ каминъ, или ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголь и очень рѣдко садился. Бесѣда съ Тьеромъ была, съ сущности, монологомъ. Не прерываемый никѣмъ, онъ переходилъ отъ одного предмета къ другому. Въ своей гостиной онъ былъ не менѣе краснорѣчивъ, чѣмъ на трибунѣ: его рѣчь всегда была краснорѣчивой импровизаціей, богатой и точной въ одно и то же время. Что рѣдко бываетъ, Тьеръ писалъ такъ же хорошо и свободно, какъ говорилъ. Эту писательскую манеру Тьера лучше всего разъяснилъ Сентъ-Бевъ: «Тьеръ хочетъ,—писалъ онъ,—объяснить ходъ человѣческихъ событій совершенно особеннымъ способомъ, столь точнымъ и подходящимъ къ каждому разряду фактовъ, что ему кажется, что такое знаніе, разъ оно достигнуто, и составляетъ основное условіе, самую сущность исторіи».

Несмотря на то, что на своихъ пріемахъ Тьеръ почти всегда говорилъ одинъ, онъ находилъ время и слушать другихъ и поучаться у нихъ. Обыкновенно онъ спрашивалъ своихъ собесѣдниковъ о родѣ ихъ занятій. Сужденія, которыя онъ при этомъ произносилъ, приводили иногда компетентныхъ людей въ большое смущеніе. Такъ, однажды онъ пригласилъ къ себѣ знаменитаго хи-

мика Бертело. Бертело заготовилъ заранѣ маленькую рѣчь, въ которой хотѣлъ сказать нѣсколько словъ о двухъ сдѣланныхъ имъ открытіяхъ. Но не успѣлъ онъ и рта раскрыть, какъ Тьеръ началъ излагать ему свои собственные воззрѣнія на химію. Потомъ, въ разговорѣ съ пріятелями, Бертело увѣрялъ, что Тьеръ превосходно знаетъ химію, но онъ остановился на Лавуазье.

Въ другой разъ дѣло было во время его путешествія въ Англію, куда онъ отправлялся на похороны королевы Амаліи. Съ нимъ вмѣстѣ ѣхалъ и Гизо. Море было довольно бурно, и Гизо жестоко страдалъ отъ морской болѣзни. Тьеръ послалъ Ремюза справиться объ его здоровьѣ. Гизо разсыпался въ благодарностяхъ и, охая, спросилъ, въ свою очередь, о томъ, какъ себя чувствуетъ г. президентъ.

— Г. президентъ,—отвѣчалъ Ремюза,—находится сейчасъ на капитанскомъ мостикѣ и учитъ капитана, что ему дѣлать во время бури.

Мѣткія слова Бертело: «онъ остановился на Лавуазье», можно примѣнить ко всѣмъ областямъ дѣятельности Тьера. Президентъ республики, онъ былъ въ душѣ правымъ консерваторомъ. Несмотря на господствовавшее въ его время общее увлеченіе романтизмомъ, онъ оставался по своимъ вкусамъ классикомъ во вкусѣ Буало. Онъ не вѣрилъ въ значеніе желѣзныхъ дорогъ и всеобщему избирательному праву покорился только по необходимости. Какъ экономистъ, онъ былъ завзятымъ сторонникомъ протекціонизма, какъ государственный дѣятель—всячески сопротивлялся введенію гражданского брака.

Когда Тьеръ узналъ, что Тэнъ собирается писать исторію революціи, онъ поручилъ сказать ему, чтобы онъ не трогалъ его революціи? Это событіе представлялось ему его полной литературной собственностью, до которой не должны были дотрогиваться другіе. Онъ дѣятельно знакомился со всѣми ея слѣдами и въ особенности увлекался Наполеономъ, забывая въ своемъ благоговѣніи къ императору, что онъ министръ Людовика-Филиппа.

Гамбетта рассказывалъ еще такой анекдотъ про Тьера. Тьеръ, сильно недолюбливавшій Гамбетту, рѣшилъ, однако, съ нимъ познакомиться ближе и съ этою цѣлью зашелъ къ нему въ редакцію официальной газеты французскаго правительства «*Republique Française*». Гамбетты въ это время не было въ редакціи. Узнавъ о визитѣ Тьера, онъ поспѣшилъ выразить ему свое сожалѣніе по поводу того, что свиданіе ихъ не состоялось.

— О, я не потерялъ даромъ своего времени,—отвѣчалъ Тьеръ.—Вокругъ васъ все говорятъ о политикѣ. Я довольно долго бесѣдовалъ о ней съ вашимъ привратникомъ (старымъ коммунаромъ, который при имперіи былъ сосланъ на Чортовъ островъ). Онъ отлично понимаетъ толкъ въ политикѣ и судить о ней гораздо лучше, чѣмъ герцогъ де-Брольи.

— Р о к о в о й   ш а г ѣ   Т у р ц і и.—Несчастная роль Турціи, которую Германія для спасенія своихъ интересовъ обрекла на вѣрную гибель, съ перваго момента привела въ отчаяніе турецкихъ патріотовъ. Они сразу поняли игру Вильгельма, и одинъ изъ нихъ, принцъ Сабахъ-Эддинъ, племянникъ султана и оттоманскій реформаторъ, сдѣлалъ послѣдній шагъ для ея спасенія. Онъ обратился сначала съ двумя депешами къ министру внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ къ самому султану.

Въ письмѣ къ редактору «La Revue» Ж. Фино принцъ пишетъ, что всѣмъ извѣстно, какія усилія дѣлали они, чтобы помѣшать правительству Единенія и Прогресса втянуть Турцію въ авантюру, самую трагическую, какаѣ только была за все время существованія Оттоманской имперіи.

«Еще задолго до начала военныхъ дѣйствій,—говоритъ онъ,—мы привлекли вниманіе комитета на опасность, какой подвергаетъ насъ его двуличное поведеніе относительно тройственного союза. Въ началѣ августа, когда прошелъ первый слухъ, что официальная Турція, противъ воли турецкаго народа, хочетъ присоединиться къ Германіи, я послалъ въ Константинополь депеши, прося даже тѣхъ, кто несправедливо приговорилъ меня къ смерти, избѣжать этого безумія».

Въ депешѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ Талаатъ-бею принцъ обращалъ его вниманіе на то, что Турція можетъ сыграть полезную и благородную роль въ предстоящихъ трагическихъ обстоятельствахъ.

Ужасный кошмаръ, который угрожалъ всему человѣчеству, Турція могла разсѣять и въ то же время обуздать германское честолюбіе, но она этого не сдѣлала. Нѣмецкая побѣда осуществила бы горячую мечту Германіи—наложить руки на Малую Азію. А между тѣмъ если бы Турція вмѣстѣ съ бѣлградскимъ, аѣнскимъ и бухарестскимъ кабинетами немедленно открыто примкнула къ тройственному союзу, то ея положеніе было бы иное. Она обезпечила бы собственное существованіе и доказала бы всему міру, что столько разъ дискредитировавшая себя Турція обладаетъ по крайней мѣрѣ предвидѣніемъ. Въ заключеніе онъ просилъ министра, чтобы турецкое правительство не уступило единственнаго благоприятнаго случая заставить Европу забыть прежнія ошибки Турции и завоевать для нея симпатію и уваженіе цивилизованнаго міра.

Но, очевидно, эта депеша не произвела ожидаемаго принцемъ впечатлѣнія, и событія шли быстрымъ шагомъ къ роковой пропасти.

Тогда принцъ посылаетъ вторую депешу съ тѣмъ же призывомъ. Въ ней онъ предупреждаетъ министра, что нарушеніе нейтралитета въ пользу Германіи подвергнетъ Турцію ужасной катастрофѣ. «Наши національные интересы,—писалъ онъ,—велятъ намъ болѣе, чѣмъ когда, вести общее дѣло съ державами тройственного союза и немедленно прийти къ соглашенію съ Греціей и Румыніей».

Вопросъ объ островахъ, который портилъ отношенія Турціи и Греціи, потерялъ свое значеніе предъ грознымъ событіемъ, которое ставило на карту судьбу Турции. Онъ совѣтовалъ какъ можно скорѣе прийти къ этому соглашенію, и тогда всѣ балканскія государства автоматически присоединятся къ тройственному союзу. Въ такомъ случаѣ Турція не только облегчила бы осуществленіе устойчиваго продолжительнаго мира, но еще спасла бы собственную независимость.

Въ августѣ принцъ послалъ третью депешу уже султану Магомету V.

«Обнажая оружіе за Германію, — писалъ принцъ,—ваше правительство приговариваетъ нашу страну къ смерти. Однако ваше величество не можете оставаться въ невѣдѣніи, что совѣтъ вашихъ честныхъ подданныхъ возмущена этимъ чудовищнымъ поступкомъ: турецкій народъ вполне солидаренъ съ союзниками».

Загъмь принцъ указываеь султану, что историческая дружба съ Франціей и Англіей запрещаетъ Турціи считать Россію своимъ противникомъ. Въ-сто того, чтобы оказывать нелѣпое гостепрїимство германскому флоту, Турція,—говорить принцъ,—должна была бы направить всѣ свои силы противъ Германіи. Онъ оканчиваетъ депешу слѣдующими словами:

«Въ тотъ моментъ, когда я убѣдился, что мои безпрерывныя обращенія къ вашимъ министрамъ остаются тщетными, я послѣдній разъ прошу ваше величество сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы остановить войну, объявленную противъ интересовъ и желанія націи».

Но и это воззваніе было голосомъ вопіющаго въ пустынь. Между тѣмъ безумный шагъ къ пропасти уже былъ сдѣланъ. Только теперь, когда національное негодование выражается все громче и становится тревожнѣе, турецкое правительство, повидимому, прозрѣло и увидѣло, какая опасность грозитъ Турціи. Нѣкоторые изъ государственныхъ дѣятелей пытались увѣрить принца и его сторонниковъ, что они всегда относились къ Германіи враждебно и очень желали бы присоединиться къ союзнымъ державамъ «Лучше поздно, чѣмъ никогда,—замѣчаетъ принцъ.—но теперь имъ никто не довѣряетъ ни въ Турціи, ни за границей. Эти фальшивые руководители народа обезчестили свою страну и повели ее къ гибели, поэтому они не имѣютъ болѣе права управлять ея судьбой».

— П о с л ѣ д н і й л е й б ъ - м е д и к ъ Н а п о л е о н а.—Франсуа Антомарки былъ менѣе всего предназначенъ къ славѣ. Въ 1818 году онъ занималъ скромную должность прозектора при медицинской школѣ во Флоренціи. Уроженецъ Корсики, онъ почти до пятнадцати лѣтъ оставался безъ всякихъ учителей и съ трудомъ говорил по-французски. Явившись во Флоренцію, чтобы изучать анатомію, онъ, повидимому, такъ и не добился диплома на званіе врача, хотя потомъ и именовалъ себя докторомъ. Антомарки въ сущности остался любителемъ-прозекторомъ, преданнымъ разнымъ физиологическимъ изслѣдованіямъ, и никогда не занимался леченіемъ, какъ вдругъ въ 1818 году кардиналь Фешъ, дядя Наполеона, назначилъ его лейбъ-медикомъ своего племянника, находившагося уже на островѣ Святой Елены. «Его появленіе—чудо Божіе,—писалъ кардиналь о Наполеонѣ,—и Богъ сдѣлаетъ съ нимъ именно то, что ему будетъ угодно». Кардиналь былъ убѣжденъ, что ученость или невѣжество врача не могутъ оказать равно никакого вліянія на дальнѣйшую судьбу знаменитаго узника. Кардиналь даже знаетъ, что Наполеона уже нѣтъ на островѣ Св. Елены: Св. Дѣва является каждую ночь во снѣ одной благочестивой нѣмкѣ и черезъ нее сообщаетъ всѣ свѣдѣнія о Наполеонѣ. Эта ясновидящая недавно получила извѣщеніе, что Наполеонъ взятъ ангелами съ своего скалистаго острова и отнесенъ ими неизвѣстно куда, что его здоровье вполне удовлетворительно, и миръ скоро услышитъ о немъ опять.

Изумленный кардиналь не можетъ не подѣлиться съ другими такимъ извѣстіемъ. Лакозь, только что вернувшійся съ острова въ Европу, отнесся къ этимъ слухамъ очень недовѣрчиво, но кардиналь спѣшитъ его успокоить. «Хотя газеты и англичане и увѣряютъ, что онъ все еще тамъ, но на самомъ дѣлѣ его тамъ нѣтъ и въ этомъ намъ дана увѣренность свыше».

Понятно, что, полагаясь на такую увѣренность свыше, считали лишнимъ посылать на островъ Св. Елены искуснаго и знающаго врача, а девять тысячъ франковъ, которые назначались лейбъ-медику Наполеона, приходились весьма кстати для Антомарки, весь заработокъ котораго ограничивался скромной суммой, которую онъ получалъ отъ общества «друзей искусства» за наблюдение за печатаніемъ «Анатоміи» Масканьи. Антомарки съ восторгомъ принялъ предложеніе и по-студенчески, безъ всякаго багажа, не сѣша тронулся въ путь. Онъ пробылъ сорокъ дней въ Римѣ, прожилъ четыре мѣсяца въ Лондонѣ; рекомендуясь всеѣмъ «медикомъ Наполеона». Наконецъ, въ юлѣ онъ сѣлъ на корабль въ Грѣвсендѣ и 18-го сентября добрался до острова св. Елены. Пока онъ жилъ то тутъ, то тамъ, Наполеона въ теченіе цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ не навѣстилъ ни одинъ докторъ, и ракъ безпрепятственно продолжалъ свою разрушительную работу.

Прежде, чѣмъ явиться къ сверженному императору, Антомарки счелъ своимъ долгомъ явиться къ губернатору острова Гудсону Лоу и здѣсь не безъ умиленія узналъ, что Наполеонъ еще находится на островѣ. Уходя за «генераломъ» онъ началъ съ того, что предписалъ Наполеону какъ можно больше двигаться. Это было очень на руку англичанамъ: убійственный климатъ острова вызывалъ частыя заболѣванія почками. Большая часть семей на островѣ не выходитъ изъ траура, писала одна лондонская газета. Докторъ Стокъ, констатировавшій у Наполеона заболѣваніе печени и настаивавшій на вредности для него климата этого острова, лишился мѣста. Антомарки, еще не повидавъ императора, уже рѣшилъ, что болѣзнь, на которую онъ жалуется, болѣзнь политическая, при помощи которой императоръ хочетъ добиться перемѣны мѣста своего заключенія. Онъ видѣлъ, какъ за столомъ губернатора англичане говорили объ этой болѣзни съ усмѣшкой, и заранѣе приготовился дѣйствовать въ извѣстномъ духѣ.

И вотъ начинается отчаянная борьба умирающаго Наполеона съ его нелѣпымъ «лейбъ-медикомъ». Императоръ потерялъ аппетитъ, ноги у него опухли. «Надо побольше ходить, работать въ саду»,—спокойно отвѣчаетъ Антомарки. У Наполеона разыгрываются въ боку ужасающія боли. Ему кажется, какъ будто кто-то воткнулъ ему въ бокъ перочинный ножъ и ворочаетъ его въ ранѣ. «Пустьяки, это просто запоръ», отвѣчаетъ Антомарки. Его никогда нѣтъ при «генералѣ». Онъ вѣчно въ городѣ и занятъ волокитствомъ и разными похождениями. Онъ бываетъ у своего пациента по утрамъ, но не больше, какъ мигнуть на пять, и является, не снимая шляпы и пальто. Съ Наполеономъ онъ обращается запанибрата и назначаетъ ему лекарства, даже не выслушавъ толкомъ, въ чемъ дѣло. Въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ, чувствуя приближеніе смерти, дѣлаетъ аббату Виньяли свои послѣднія распоряженія, Антомарки не можетъ удержаться отъ смѣху: такъ смѣшно кажется ему все происходящее. На этотъ разъ умирающій императоръ возмущается.

— Ваши глупыя выходки раздражаютъ меня. Уйдите вонъ.

— Не стойло бы и заниматься имъ,—прибавилъ Наполеонъ, когда Антомарки вышелъ.—Едва ли найдется больной, за которымъ ходили бы такъ плохо, какъ за мной.

Когда Наполеонъ умеръ, его тѣло было вскрыто, и къ глубокому изумленію Антомарки оказалось, что у него былъ ракъ. На другой день нужно было снять маску съ лица умершаго. Подъ предлогомъ, будто нехорошъ алебастръ, Антомарки уклонился отъ этой операціи, и маску снялъ англійскій врачъ Буртонъ. Но маска все-таки попала въ руки Антомарки. Съ нею его отправили въ Англію, давъ ему, кромѣ того, восемнадцать тысячъ франковъ. Но въ Англію онъ явился безъ гроша денегъ. Куда дѣвались данныя ему деньги,—неизвѣстно. Теперь Антомарки остается только извлечь славу изъ своего званія «лейбъ-медика Наполеона». Осенью 1821 года онъ отправляется въ Италію, въ надеждѣ встрѣтиться тамъ съ вдовою Наполеона, Маріей-Луизой. Онъ рассчитывалъ рассказать ей, что императоръ былъ такъ доволенъ его уходомъ за нимъ, что назначилъ ему пожизненную ренту въ шесть тысячъ франковъ и выразилъ желаніе, чтобы его жена лечилась не у кого другого, какъ у Антомарки. Но Марія-Луиза не желаетъ его слушать: она не любитъ излишнихъ волненій. вмѣсто нея Антомарки принимаетъ графъ Нейпергъ, ея «*magi en exercice*» и отдѣляется отъ назойливаго итальянца небольшоимъ подаркомъ. Антомарки переселяется въ Парижъ, и, усѣвшись въ улицѣ Риволи, начинаетъ, за неимѣніемъ пациентовъ, давать бесплатные совѣты.

Съ теченіемъ времени онъ сближается съ душеприказчиками Наполеона и какимъ-то образомъ успѣваетъ убѣдить ихъ, что покойный императоръ дѣйствительно назначилъ ему пожизненную ренту. Онъ успѣваетъ убѣдить ихъ кое въ чемъ еще большею: будто императоръ завѣщалъ ему въ наслѣдство сто тысячъ франковъ. Однако ни этого наслѣдства, ни пожизненной ренты онъ не получилъ. Третейскій судъ присудилъ ему лишь пенсію въ три тысячи франковъ ежегодно.

Послѣ революціи 1830 года Антомарки попытался сдѣлать аферу съ маской, снятой съ Наполеона докторомъ Буртономъ. Онъ объявилъ о своемъ намѣреніи въ газетахъ, выпустилъ особья объявленія. Реклама сдѣлала свое дѣло, и Антомарки продалъ право воспроизведеніе этой маски двумъ извѣстнымъ тогда литейщикамъ.

Извлеки въ Европѣ все, что можно, изъ своего званія, итальянецъ отправился въ Америку и въ Новомъ Орлеанѣ занялся гомеопатическимъ леченіемъ. Результаты не оправдали ожиданій, и Антомарки перебрался въ Сантъ-Яго, гдѣ превратился уже въ окулиста. Здѣсь онъ почему-то приобрѣлъ громкую славу, которой, впрочемъ, ему пришлось пользоваться недолго: въ 1838 году онъ схватилъ желтую лихорадку и умеръ.

Исторія этого шарлатана рассказана Ф. Массономъ въ его трудѣ «*Autour de Sainte Hélepe*», вышедшемъ года два тому назадъ.

— П р е д с к а з а н і я Н о с т р а д а м у с а.—Во всѣ времена чело-
вѣчество стремилось разгадать тайну своего бытія и заглянуть на послѣднія страницы главы, въ которой оно также играло роль. Эта жажда разгадать тайну выражалась согласно эпохѣ, въ которой оно жило, и его настроенію. Послѣднее мѣнялось вмѣстѣ съ эпохой. Вспрошавшихъ то уносила волна религіознаго экстаза, то они бросались въ объятія вихремъ налетавшаго на нихъ атеизма, то блуждали въ потемкахъ суетвѣрія, пока наиболѣе сильныя умы не выводили

ихъ на вѣрный путь научныхъ знаній. Подобные этапы совершались почти черезъ правильные промежутки времени.

Въ послѣдніе годы волна суевѣрія опять поглотила человѣчество. Разумѣется, съ каждымъ новымъ цикломъ это настроеніе все болѣе теряло свой первобытный характеръ. Теперь люди уже не такъ слѣпо отдаются подобному неизбежному порыву суевѣрія, какъ ихъ менѣе культурные предки. Они стараются научно выяснитъ «чудесные» факты, но все-таки нѣтъ-нѣтъ, да и попадаютъ субъекты, которые относятся ко всему со слѣпой вѣрой въ чудесное.

Оккультное настроеніе проникло и въ литературу. Тысячи экземпляровъ подобныхъ сочиненій были выброшены на книжный рынокъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Многіе изъ авторовъ этихъ трудовъ принадлежатъ къ категоріи суевѣрныхъ.

Предъ нами недавно вышедшая въ Парижѣ книга объ извѣстномъ ученомъ математикѣ, астрологѣ и прорицателѣ XVI вѣка—Мишель Нострадамусѣ. Авторъ, Шарль Никулло, историкъ и политическій дѣятель, но это не мѣшаетъ ему интересоваться оккультизмомъ. Уже нѣсколько лѣтъ онъ посвящаетъ свои досуги изученію этого вопроса и съ этой цѣлью перечитываетъ рукописи и сочиненія всѣхъ вѣковъ и эпохъ, которыя относятся до оккультизма. Между ними ему попались предсказанія М. Нострадамуса, и онъ былъ пораженъ ихъ точностью.

Къ Нострадамусу Никулло подходит не какъ ученый XX вѣка, а какъ вѣрный сынъ католической церкви, и въ «чудесномъ» ищетъ сверхъестественныя силы. Онъ не признаетъ, что въ XX вѣкѣ Богъ означаетъ свѣтъ ученія, а дьяволъ—тѣмъ невѣжества, и потому приходитъ къ странному для нашей эпохи заключенію, что Нострадамусъ пользовался для своихъ предсказаній услугами сатаны.

Несмотря на свои заявленія,—говоритъ Ш. Никулло,—и на то, что онъ былъ католикъ и исполнялъ всѣ внѣшніе обряды своей религіи, Нострадамусъ разумѣется, примѣнялъ для раскрытія будущихъ событій средства, запрещенныя святой церковью и Св. Писаніемъ. Онъ прибѣгалъ, кромѣ астрологическихъ исчисленій, къ бѣлой магіи. По мнѣнію Ш. Никулло, одна астрологія не могла такъ точно передать картину будущихъ событій. «Здѣсь вмѣшалась какаятосверхъестественная сила,—говоритъ онъ:—и бѣлая магія занимаетъ видное мѣсто». При этомъ онъ ссылается на признаніе самого Нострадамуса.

Какъ-то странно слышать въ XX вѣкѣ такія слова отъ культурнаго европейца. Ученый XVI вѣка, признаваясь, что онъ прибѣгалъ къ магіи, конечно, не подозрѣвалъ, что существуетъ самовнушеніе и что черезъ четыре вѣка основа «чудеснаго» будетъ обнаружена и гипнотизмъ сдѣлается послушнымъ орудіемъ въ рукахъ ученыхъ.

Мишель Нострадамусъ являлся исключительной личностью среди маговъ и прорицателей своей эпохи. Онъ происходилъ изъ семьи ученыхъ математиковъ и астрологовъ, предки которыхъ, въ свою очередь, были извѣстны какъ ученые астрологи и математики и медики. Такъ было со стороны отца и матери. Способность къ прорицанію будущаго перешла къ нему по наслѣдству.

Онъ родился въ Сень-Реми въ Провансѣ въ 1503 году. Его отецъ былъ мѣстнымъ нотаріусомъ, а одинъ изъ его предковъ со стороны отца—придворнымъ врачомъ короля іерусалимскаго и сицилійскаго, графа Прованскаго. Другой предокъ былъ врачомъ сына герцога калабрійскаго. Ихъ родоначальникъ Нострадамусъ былъ еврейскаго происхожденія и перешелъ въ католичество.

Мишель Нострадамусъ съ юныхъ лѣтъ шутя изучилъ астрологію. Когда наступило время для обученія, его отправили въ Авиньонъ, а потомъ въ университетъ въ Монпелье, гдѣ онъ прослушалъ курсъ философіи и теоріи медицины. Его научное образованіе было внезапно прервано появленіемъ въ странѣ чумы. Ему пришлось примѣнить на практикѣ свои познанія и онъ отправился въ Нарбонну и Тулузу, гдѣ принялся за леченіе больныхъ. Въ это время Нострадамусу исполнилось двадцать два года. Черезъ четыре года ему удалось заработать денегъ и возвратиться въ Монпелье защищать диссертацию на доктора. Онъ блестяще исполнилъ свою задачу при громкомъ одобреніи ареопага ученыхъ.

Нѣсколько времени спустя Нострадамусъ женился. У него было уже двое дѣтей, когда его жена скончалась, и тогда онъ возвратился въ Провансѣ. Вскорѣ Нострадамусъ вторично женился и принялся писать свои «Centuries» и прочія предсказанія.

Онъ долго не рѣшался ихъ обнародовать изъ опасенія вызвать непріязнь и клеветы, но не выдержалъ и выпустилъ ихъ въ свѣтъ. Эти предсказанія привели всѣхъ въ восторгъ не только на его родинѣ, но и за границей. Слухи о немъ дошли до Генриха II.

Сознательно или безсознательно, Нострадамусъ примѣшивалъ магію къ своимъ предсказаніямъ, которыхъ добивался будто бы съ помощью сверхъестественной силы. Сторонники ясновидѣнія приписывали ему эту способность, но Ш. Никулло упорно отрицаетъ это и настаиваетъ на его близости съ сверхъестественнымъ силамъ.

Самъ Нострадамусъ въ это время не имѣлъ яснаго представленія о самовнушеніи и, описывая состояніе духа во время акта прорицанія, говоритъ: «Когда ночью я занимался тайнымъ изслѣдованіемъ, то среди моего уединенія появлялось желтое пламя и располагалось на краю мѣдной чаши съ водою, которая служила для магическихъ заклинаній. Изъ этого пламени выходилъ Бранхусъ, сынъ Аполлона, съ жезломъ въ рукѣ. Ногою онъ проводилъ кругъ и производилъ волну». При звукахъ его голоса Нострадамуса охватывалъ такой страхъ, что у него дрожали руки. Божество садилось возлѣ него.

Нострадамусъ увѣрялъ, что всѣ эти приемы были неизбѣжны: магическое заклинаніе было необходимо, чтобы упросить интеллектуальныя силы содѣйствовать ему при прорицаніи. Онъ садился предъ чашей для заклинаній, окруживъ себя магическимъ кругомъ. Нострадамусъ велъ особый режимъ и спалъ только три часа въ сутки, посвящая все остальное время астрологическимъ исчисленіямъ. Но прежде, чѣмъ приняться за магическія заклинанія, астрологъ узнавалъ, благопріятно ли расположеніе звѣздъ.

Нострадамусъ хотя и ссыался на помощь сверхъестественныхъ силъ, но все-таки опасался господствующаго предубѣжденія противъ магіи. Онъ го-

ворилъ, что ему содѣйствуютъ только бѣлыя силы, добрые духи. Съ другой стороны, онъ опасался гнѣва сильныхъ міра и потому старался затемнять смыслъ своихъ политическихъ предсказаній. Въ большинствѣ случаевъ они касались государственныхъ переворотовъ, революцій, войнъ, смѣны династіи, упадка папской власти и т. д. Здѣсь, конечно, фигурировали имена, упоминались эпохи, и Нострадамусъ старался какъ можно загадочнѣе давать имена и отмѣчать эпохи. Въ этомъ отношеніи онъ доходилъ до виртуозности. Римскія цифры онъ называлъ въ четверостишіяхъ именами предметовъ, которые напоминали формою ту или другую цифру. Вилы обозначали V; шесть раскрытыхъ ножницъ шесть разъ X. Жаба означала Меровинговъ, лилія — Капетовъ, пчелы Наполеоновскую династію. Подобную неясность Нострадамусъ объяснилъ Генриху II тѣмъ, что нѣкоторые предсказанія настолько неудобно объяснять, что онъ предпочитаетъ лишь намекать на нихъ.

Появленіе первыхъ «Centuries» въ стихахъ въ 1555 г. произвело большой эффектъ. Этому появленію предшествовалъ рядъ удачныхъ предсказаній отдѣльнымъ личностямъ, и слава о немъ распространилась при французскомъ дворѣ. Тогда Генрихъ II пригласилъ Нострадамуса къ себѣ. Астрологъ предупредилъ короля, что ему угрожаетъ опасность во время дуэли. Король не хотѣлъ этому вѣрить, настолько невѣроятна была дуэль въ его высокомъ положеніи. Но во время празднествъ по случаю свадьбы его сестры Маргариты Французской съ герцогомъ Савойскимъ стрѣла графа Габріэля Монтгомери, офицера шотландской гвардіи, нанесла королю ударъ въ глазъ. Въ предсказаніи Нострадамусъ прибавилъ еще, что вѣтвь Валуа угаснетъ. Но все это было сказано такимъ иносказательнымъ стилемъ, что объ этомъ можно было догадаться только послѣ совершившихся событій.

Нострадамусъ сталъ пользоваться особенно громаднымъ успѣхомъ послѣ того, какъ предсказалъ смерть Генриха II. Тогда всѣ европейскіе монархи обратились къ нему за предсказаніями.

Потребовалось бы слишкомъ много мѣста для передачи замѣчательно точныхъ предсказаній историческихъ событій въ европейскихъ государствахъ. Нострадамусъ предвидѣлъ всѣ государственные перевороты во Франціи. Вообще наибольшее количество его предсказаній касаются царствованія Людовика XVI и французской революціи. Необыкновенно точныя предсказанія относятся къ эпохѣ, которая была двѣсти лѣтъ спустя послѣ его смерти. Между прочимъ въ одномъ изъ четверостишіи онъ говоритъ, что Людовикъ XVI по своей добротѣ будетъ слушаться своей легкомысленной жены, внезапно рѣшить и отмѣнять реформы, и это будетъ причиной его смерти.

Бѣгство въ Вареннъ описано Нострадамусомъ очень подробно.

Ужасы революціи описаны имъ также замѣчательно точно. «Красные», говоритъ онъ, пойдутъ просвѣщать ряды тѣхъ, кто захочетъ поддерживать великую расу Капетовъ, которой угрожаетъ опасность. Изъ этихъ роялистовъ не останется въ живыхъ ни одной семьи. Когда красные будутъ побѣдителями, то найдутся болѣе красные, чѣмъ они, и гильотинируютъ ихъ.

Нострадамусъ не упустилъ ни малѣйшихъ событій революціи. Великій Красный, какъ онъ называлъ Робеспьера, причинитъ много горя и зла; онъ про-

льеть кровь невинных вдовъ и дѣвственницъ, не разбирая ни лѣтъ, ни положенія. Онъ будетъ кощунствовать надъ религіей, и отъ ужаса и страха никто не будетъ протестовать. Когда Робеспьеръ достигнетъ высокаго положенія и низвергнетъ своего короля, то появится воинъ, уроженецъ провинціи по ту сторону моря. Онъ подыметъ армію, которая перейдетъ горы (итальянскую армію). Этотъ воинъ—Наполеонъ, и о немъ Нострадамусъ даетъ замѣчательно точныя свѣдѣнія. Онъ говоритъ прямо. Императоръ родится въ Корсикѣ, близъ Италіи. Его имперія дорого обойдется Франціи, которую онъ оставитъ разоренной и уменьшенной. Можно сказать, видя новое дворянство, которымъ онъ окружитъ свой тронъ, что среди нихъ менѣе принцевъ, чѣмъ мясниковъ. Онъ электризуетъ свою армію, и его могущество возрастетъ послѣ похода въ Египетъ въ 1778 году. Его сынъ и наслѣдники будутъ изгнаны, какъ и онъ самъ, на скалу. Наполеона Нострадамусъ называлъ «Соколомъ».

Въ другомъ четверостишіи Нострадамусъ говоритъ: «Простой солдатъ достигнетъ имперіи. Онъ перемѣнитъ свой мундиръ на императорскую мантію». Онъ называетъ его Марсомъ, намекая на постоянныя войны, и говоритъ, что онъ захочетъ завоевать весь міръ, но кончитъ печально.

Вступленіе въ Парижъ нѣмцевъ описано имъ въ четверостишіи очень мѣтко. Нострадамусъ предсказалъ, что Наполеонъ «лишитъ Францію Савойи» и «родственникъ орла» будетъ изгнанъ изъ Италіи австрійцами. Наполеонъ, «безчеловѣчный тиранъ», сто разъ умретъ съ горя (на Св. Еленѣ). Сенатъ, вполнѣ преданный императору, разсердится на него за его смѣлыя предпріятія, принесетъ его отреченіе.

Судьбу Наполеона III Нострадамусъ описалъ такъ же вѣрно, какъ и всѣ послѣдующія событія. Вторую имперію замѣнитъ «молодая женщина, очень слабая отъ рожденія»—такъ онъ назвалъ республику. Здѣсь Нострадамусъ не жалѣлъ порицаній и обрисовалъ ее самымъ наихудшимъ и роковымъ правительствомъ. Онъ предсказалъ отдѣленіе церкви отъ государства, гоненіе религіи и господство оккультныхъ сектъ: спиритовъ, нѣмецкихъ теософовъ и необуддистовъ. Но его словамъ, различнымъ нѣмецкимъ сектамъ почти удастся возстановить язычество. Но въ концѣ концовъ французы возвратятся въ христіанскую церковь.

До сихъ поръ все предсказанное Нострадамусомъ уже совершилось. Но дальнѣйшія предсказанія касаются будущаго. Республику онъ называетъ «безплодной женщиной», такъ какъ эта форма правленія не основана на наслѣдіи. Она водворится и у трехъ латинскихъ народовъ—римскаго, испанскаго и португальскаго. Она захочетъ распространиться на востокъ и направится въ Австро-Венгрію, но германцы и греки, соединясь, ее поразятъ. Эта итальянская революція принесетъ несчастье церкви и папѣ. Въ своихъ многочисленныхъ предсказаніяхъ Нострадамусъ рисуетъ итальянскую республику, какъ самую ужасную. Это событіе произойдетъ немного ранѣе или немного позже большаго наводненія. Если папа не спасется бѣгствомъ, то его постигнетъ величайшая опасность. Всѣ замки и дворцы будутъ объаты пламенемъ.

Когда могущество папы совершенно уничтожится, то итальянская респуб-

лика повторить первую французскую республику. Кровь священниковъ, монаховъ и монахинъ польется, какъ вода. Повсюду будетъ несчастье, разгромъ и стоны духовенства. Папа принужденъ будетъ покинуть Римъ. Нострадамусъ совѣтуетъ ему не поселяться въ городъ, гдѣ протекають двѣ рѣчки. Здѣсь его, также и его приближенныхъ ожидаетъ смерть. Это произойдетъ въ воскресенье, на четвертой недѣлѣ поста до обѣдни, когда папа ежегодно благословляетъ золотую розу, предназначенную для католической принцессы.

Антихристомъ Нострадамусъ называетъ не личность, а эпоху. Первая эпоха антихриста была французская революція, вторая эпоха антихриста— итальянская революція. При этой революціи человѣческая кровь, особенно духовенства, польется по улицамъ, какъ дождевая вода. Старый и Новый Заветъ будутъ изгнаны и сожжены.

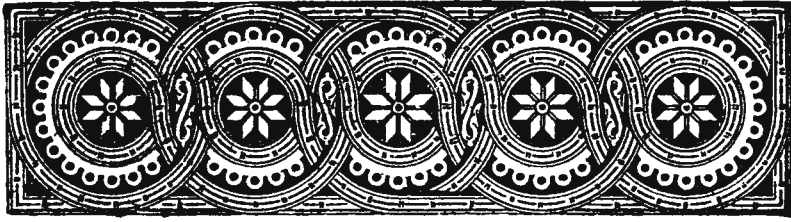
Но въ концѣ концовъ св. церковь повсюду вновь воцарится. Великій Кельтъ введетъ въ Римъ папу, откуда были изгнаны его предшественники. Онъ уничтожитъ власть республиканцевъ. Наступитъ вѣкъ счастливый и все будетъ приведено въ порядокъ. Въ Римѣ послѣдуютъ помилованія, и печаль смѣнится радостью. Только республиканцамъ грозитъ бѣда.

Итальянская революція не пощадитъ и короля. Священный городъ будетъ отнятъ у папы не революціей, а королемъ, потомки котораго, отецъ и сынъ, будутъ убиты. Одного изъ нихъ Нострадамусъ называетъ «великимъ генуэзцемъ». Викторъ-Эмануилъ III со стороны матери приходится внукомъ герцога Фердинанда Генуэзскаго, брата Виктора-Эмануила II, римскаго узурпатора. Нострадамусъ предсказываетъ, что три сообщника съ блѣдными лицами прикинутся калѣками, спрячутъ подъ одежду кинжалы и набросаются на короля изъ Пьемонтскаго дома. Король Гумбертъ I, сынъ Виктора-Эмануила II, избѣжалъ покушенія въ 1878 году, но въ 1897 году былъ убитъ анархистомъ Гаэтано Бреши въ 1900 г. въ Минцѣ.

Преслѣдованіе духовенства въ итальянской республикѣ начнется въ 1918 г. и будетъ продолжаться три года до 1921 года. Въ этомъ году окончится республика масоновъ.

Затѣмъ во Франціи снова водворится монархія. Но до этого времени весной наступитъ революція съ переменнымъ правительствомъ. Она окончится въ октябрѣ, просуществовавъ семьдесятъ три года и семь мѣсяцевъ, и въ 1931 г. во Франціи послѣдуетъ необыкновенный переворотъ, послѣ котораго водворится порядокъ. Это случится съ появленіемъ молодого главы изъ Бельгіи, который выйдетъ изъ семьи, не игравшей политической роли. Съ политической точки зрѣнія съ его появленіемъ католическая церковь снова займетъ господствующее положеніе. Съ этого момента водворится миръ между всѣми партіями. Сатана будетъ заключенъ въ самую глубину ада.

На папскій престолъ взойдетъ папа, который уцѣлѣетъ во время преслѣдованія духовенства. Онъ обратитъ въ христіанство всѣхъ невѣрныхъ и особенно евреевъ. Этотъ папа пойдетъ рука объ руку съ императоромъ и будетъ его помощникомъ.

С М Ъ С Ъ.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ фондѣ. Подъ предѣдательствомъ С. А. Венгерова 2-го февраля состоялось годовое общее собраніе членовъ литературнаго фонда. Собраніе почтило вставаніемъ память умершихъ членовъ фонда, а затѣмъ профессоръ Н. И. Карѣвъ произнесъ прочувствованное слово памяти В. И. Ламанскаго, послѣдняго изъ основателей фонда. Собраніе выразило присутствовавшимъ членамъ семьи В. И. Ламанскаго соболѣзнованіе по поводу тяжелой утраты. Секретарь фонда прочиталъ отчетъ по секретарской части съ 1-го ноября 1913 г. по 1-е ноября 1914 года. За этотъ періодъ времени въ фондѣ числилось 446 членовъ. Комитетъ фонда имѣлъ за годъ 30 засѣданій, на которыхъ было вынесено 1.096 постановленій. Просьбъ о пособіяхъ было заслушано 668, изъ нихъ удовлетворено 521. 38 лицамъ были выданы пенсіи на сумму 10.141 р. Пособій на воспитаніе и обученіе дѣтей литераторовъ выдано 3.871 р. 75 к.; продолжительныхъ пособій выдано на 12.336 р.; ссудъ 109 лицамъ на сумму 8.542 р. 75 к.; единовременныхъ пособій выдано 115 лицамъ на сумму 4.700 р. Вечера и спектакли дали фонду 3.305 р. 53 к. чистой прибыли. Изъ отчета по казначейской части за этотъ же періодъ времени видно, что на 1-е ноября 1914 г. въ кассѣ фонда имѣется 896.556 р. 86 к. Послѣ прочтенія отчета по дому писателей и доклада ревизіонной комиссіи состоялись выборы. Въ члены комитета избраны: Н. И. Карѣвъ, Н. А. Котляревскій, Н. Н. Сакулинъ и М. И. Туганъ-Варановскій. Отказавшійся было отъ званія члена комитета Л. Ф. Пантелѣвъ, послѣ долгихъ и настойчивыхъ просьбъ всего собранія, согласился остаться въ комитетѣ. Въ совѣтъ по управленію домомъ писателей имени

В. Ф. Голубева избраны Чириковъ, Яковенко и Бередниковъ. Въ новые члены фонда избраны: Д. Н. Вороновъ, Л. М. Добронравовъ и Е. И. Замятинъ.

Присужденіе великому князю Николаю Михайловичу ученой степени. Въ послѣднемъ засѣданіи совѣта профессоровъ московскаго университета было заслушано представленіе историко-филологическаго факультета о присужденіи великому князю Николаю Михайловичу, автору многочисленныхъ трудовъ по исторіи, ученой степени доктора русской исторіи *honoris causa*. Историко-филологическій факультетъ въ представленіи своемъ указываетъ, что ученые труды великаго князя Николая Михайловича составляютъ выдающійся по цѣнности вкладъ въ историческую науку. Особенно большое значеніе для русской исторіи имѣютъ труды его императорскаго высочества, охватывающіе эпоху царствованія императора Александра I. Въ этомъ капитальномъ историческомъ изслѣдованіи приведены цѣнные архивные документы, не появлявшіеся до сихъ поръ въ печати и составляющіе новый историческій матеріалъ, отражающій совершенно до того не изслѣдованные моменты Александровской эпохи. Заслуженный профессоръ А. Н. Филипповъ указалъ, что труды великаго князя Николая Михайловича имѣютъ огромное значеніе не только для русской исторіи, но и для исторіи права. Совѣтъ профессоровъ единогласно постановилъ присудить великому князю Николаю Михайловичу ученую степень доктора русской исторіи московскаго университета *honoris causa*.

Къ вопросу объ учрежденіи въ гор. Москвѣ центрального русскаго церковнаго древлехранилища ¹⁾. Живой обмѣнъ мнѣній въ засѣданіяхъ церковно-археологическаго отдѣла при обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія вызвалъ вопросъ объ учрежденіи въ гор. Москвѣ центрального русскаго церковнаго древлехранилища. Своимъ возникновеніемъ этотъ вопросъ обязанъ бюджетной комиссіи Государственной Думы. Обсуждая въ засѣданіи 13-го марта истекшаго года вопросъ объ отпускѣ изъ государственной казны средствъ на сооруженіе пристройки къ зданію московской синодальной конторы для помѣщенія въ ней патріаршей библіотеки, бюджетная комиссія, между прочимъ, высказала пожеланіе о созданіи въ Москвѣ особаго русскаго церковнаго древлехранилища, гдѣ бы должнымъ образомъ могли быть расположены памятники русской церковной старины. По при этомъ бюджетная комиссія постановила, не дѣлая опредѣленнаго указанія по этому предмету, предоставить вѣдомству православнаго исповѣданія самому войти въ обсужденіе вопроса о созданіи древлехранилища съ тѣмъ, чтобы соотвѣтственныя его заключенія по этому вопросу были представлены въ бюджетную комиссію при смѣтѣ Святѣйшаго Синода на 1915 годъ. При обсужденіи пожеланія бюджетной комиссіи Святѣйшій Синодъ, считая главной задачей созданія центрального церковнаго древлехранилища охрану памятниковъ древности и предоставленіе возможности пользованія этими памятниками для просвѣтительныхъ цѣлей, призналъ созданіе церковнаго древлехранилища цѣлесообразнымъ, но при условіи, чтобы образованіе такого древлехранилища не отразилось неблаго-

¹⁾ Сообщилъ М. С. Померанцевъ.

пріятнымъ образомъ на существованіи и дѣятельности мѣстныхъ церковно-археологическихъ учреждений, являющихся нынѣ единственнымъ источникомъ, который питаетъ церковно-археологическую мысль на мѣстахъ, поддерживаетъ въ епархіяхъ интересъ къ церковной старинѣ и подготавливаетъ здѣсь контингентъ опытныхъ археологовъ, безъ просвѣщенной помощи которыхъ самая охрана памятниковъ не можетъ быть поддерживаема надлежащимъ образомъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ Святѣйшій Синодъ поручилъ епархіальнымъ преосвященнымъ доставить свѣдѣнія, какіе именно предметы и памятники старины могли бы быть переданы въ проектируемое древлехранилище. Московскій митрополитъ препроводилъ указъ Синода церковно-археологическому отдѣлу съ просьбой дать свое мнѣніе и заключеніе. При обсужденіи вопроса о церковномъ древлехранилищѣ въ засѣданіяхъ 17-го ноября и 1-го декабря мнѣнія раздѣлились. Одни члены церковно-археологическаго отдѣла находили, что всѣ памятники церковной старины должны остаться на мѣстахъ въ той обстановкѣ, въ которой они, такъ сказать, выросли и что, если создавать центральный церковно-археологическій музей, то не слѣдуетъ его пополнять путемъ принудительнаго отчужденія вещей отъ церквей и монастырей, а можно пріобрѣтать памятники церковной старины путемъ добровольныхъ пожертвованій и покупки. Другіе члены, напротивъ, высказались за то, чтобы большая часть памятниковъ церковной старины, имѣющихъ научное значеніе, по крайней мѣрѣ до половины XVIII вѣка, была взята принудительно изъ церквей и монастырей въ виду того, что ученымъ часто бываетъ очень трудно пользоваться для научнаго изученія памятниками, разбросанными въ различныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества, а иногда доступъ къ памятникамъ бываетъ крайне затрудненъ по разнообразнымъ причинамъ; созданіе же центрального церковнаго древлехранилища желательно именно въ Москвѣ въ силу ея центрального географическаго положенія; при этомъ много памятниковъ будетъ спасено отъ порчи и гибели и сбережется та энергія, которую часто приходится тратить археологамъ для полученія доступа къ памятникамъ древности, научная же продуктивность отъ учрежденія центрального музея можетъ только возрасти въ виду громаднаго значенія аналогіи при ученыхъ изысканіяхъ: однородные археологическіе предметы, расположенные рядомъ, дадутъ возможность лучше прослѣдить эволюцію различныхъ формъ на протяженіи ряда вѣковъ. Большинство членовъ отдѣла согласилось съ послѣднимъ мнѣніемъ, но при этомъ признало, что едва ли возможно ограничивать собраніе памятниковъ какою-либо хронологическою датой, а слѣдовало бы пополнять будущій музей, если онъ будетъ созданъ, вещественными и письменными памятниками церковной старины всѣхъ эпохъ, оставивъ на мѣстахъ лишь памятники, служащіе въ настоящее время предметами церковнаго почитанія, а также вещи, принадлежащія мѣстнымъ научно-поставленнымъ церковно-археологическимъ учреждениямъ. Всесторонне обсудивъ поставленный вопросъ, церковно-археологическій отдѣлъ пришелъ къ заключенію, что въ проектируемое центральное русское церковное древлехранилище могли бы быть переданы всѣ памятники церковной старины, не относящіеся къ предметамъ церковнаго почитанія,—прину-

дительно изъ церквей и монастырей, добровольно отъ научно-археологическихъ учреждений и путемъ покупки отъ частныхъ лицъ.

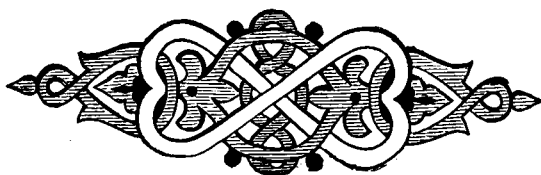
Исторія первой мужской гимназіи въ Саратовѣ. Въ 1920 году исполняется сто лѣтъ со дня открытія первой мужской гимназіи въ Саратовѣ. Въ свое вѣковое служеніе обществу гимназія дала цѣлый рядъ крупныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ русской жизни. Достаточно вспомнить имена доктора Захарьина, профессора Пыпина. Желательно, поэтому, должнымъ образомъ освѣтить жизнь гимназіи за первое столѣтіе ея существованія. Въ настоящее время пишущій эти строки приступилъ къ собиранію матеріаловъ по исторіи гимназіи, а также по исторіи просвѣщенія въ Саратовскомъ краѣ вообще. Такъ какъ работы такого характера требуютъ большого числа источниковъ и матеріаловъ, то я обращаюсь къ обществу, особенно къ саратовскимъ старожиламъ, съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ сообщеніи матеріаловъ и воспоминаній по исторіи указаннаго вопроса. Эта помощь можетъ выразиться въ доставленіи портретовъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ гимназіи (директоровъ, преподавателей, учениковъ), воспоминаній, документовъ, дневниковъ, указаній на печатныя статьи въ газетахъ, журналахъ и книгахъ, ученическихъ сочиненій за старые годы и т. д. Всякое самое незначительное указаніе будетъ принято съ глубокой благодарностью. По снятіи фотографій и копій подлинники будутъ возвращены доставившимъ ихъ. Только при общественной поддержкѣ возможно дѣйствительно вѣрное изображеніе жизни гимназіи за первое столѣтіе ея существованія. Адресъ: Саратовъ, первая мужская гимназія, преподавателю А. А. Лебеву.

Двадцатипятилѣтіе учено-литературной дѣятельности профессора А. І. Малейна. 20-го декабря 1914 года исполнилось двадцать пять лѣтъ ученой и литературной дѣятельности профессора римской словесности петроградскаго историко-филологическаго института и приватъ-доцента петроградскаго университета Александра Іустиновича Малейна. Юбиларъ родился въ 1869 году въ гор. Торжкѣ Тверской губерніи. По окончаніи тверской гимназіи А. І. поступилъ въ историко-филологическій институтъ, будучи студентомъ котораго онъ въ 1889 году впервые выступилъ на литературную дорогу съ рецензіей на работу профессора Нагевскаго («Библиографія по исторіи римской литературы въ Россіи») и съ тѣхъ поръ сталъ въ число постоянныхъ сотрудниковъ журнала «Библиографъ» Н. М. Лисовскаго. Окончивъ курсъ института и сдавши магистерскій экзамень, А. І. Малейнъ, по командировкѣ министерства народнаго просвѣщенія, поѣхалъ за границу для усовершенствованія въ избранной имъ специальности—древне-римской словесности. Прослушавъ курсы въ гейдельбергскомъ и боннскомъ университетахъ, онъ отправился въ Италію и долгое время пробылъ въ Римѣ, Неаполѣ, Флоренціи. Вернувшись оттуда, А. І. Малейнъ вступаетъ на педагогическое поприще и съ 1905 года въ качествѣ экстраординарнаго профессора занимаетъ кафедру римской словесности въ петроградскомъ историко-филологическомъ институтѣ. Кромѣ того, онъ преподавалъ латинскій языкъ въ императорскомъ Александровскомъ лицейѣ и въ первой петроградской гимназіи, съ 1904 года состоитъ приватъ-доцентомъ петроградскаго университета. Большинство печатныхъ работъ и лекцій посвящены изученію древне-рим-

ской поэзии. Къ этимъ трудамъ нужно отнести его двѣ диссертациі: магистерская—«Марціаль. Исслѣдованія въ области рукописнаго преданія поэта и его интерпретаціи» (Спб. 1900) и докторская—«Рукописное преданіе загадокъ Альдгельма» (Спб. 1905), а также множество статей, замѣтокъ и рецензій по своей специальности и изъ области библіографіи въ журналахъ «Вибліографъ», «Историческій Вѣстникъ», «Гимназія», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Филологическое Обозрѣніе», «Гермесъ» и мн. др. Журналъ «Гермесъ» редактируется съ октября 1907 года А. І. Маленинымъ (совмѣстно съ С. О. Цыбульскимъ). Не уходя всецѣло въ область избранной имъ специальности, А. І. Маленинъ интересуется также и прошлой культурой нашей родины, и плодомъ этихъ занятій его явились изданные А. С. Суворинымъ переводы сочиненій иностранцевъ о Россіи, каковы «Дневникъ» Корба (1906 г.), «Записки о московитскихъ дѣлахъ» Герберштейна (1908 г.), записки Плано-Карпини и Рубрука (1911 г.). Много работаетъ А. І. надъ исторіей классической филологіи въ Россіи; часть матеріаловъ этой исторіи профессоръ Маленинъ использовалъ въ видѣ отдѣльныхъ статей, какъ, напримѣръ: «Біографія Н. Θ. Кошанскаго» (Спб. 1900), «Исторія петербургскаго общества классической филологіи и педагогики» (М. 1899), «Латинскій церковный языкъ» (М. 1907) и цѣлый рядъ статей и замѣтокъ въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Эфрона. Вопросы библіографіи всегда были такъ же близки А. І. Маленину, какъ и вопросы изъ избранной имъ специальности. Живое участіе принялъ онъ въ учрежденіи библіологическаго общества, дѣятельно сотрудничалъ въ издаваемомъ обществомъ «Литературномъ Вѣстникѣ», а въ настоящее время завѣдуетъ отдѣломъ критики и библіографіи въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Профессоръ А. І. Маленинъ состоитъ почетнымъ членомъ библіологическаго общества и въ день его юбилея его избрало въ свои почетные члены библіографическое общество при московскомъ университетѣ. Въ виду переживаемыхъ нами грозныхъ тяжелыхъ событій профессоръ А. І. Маленинъ рѣшительно отказался отъ всякаго празднованія своихъ литературнымъ именинъ. Въ день юбилея имъ было получено много привѣтствій. Считаая А. І. своимъ ближайшимъ сотрудникомъ по журналу, редакція «Историческаго Вѣстника» пользуется настоящимъ случаемъ принести ему свои сердечныя и дружескія поздравленія и пожеланія всего наилучшаго въ жизни.

Закрытіе императорскаго вольно-экономическаго общества. 30-го января, по требованію военныхъ властей, закрыто на все время военнаго положенія императорское вольно-экономическое общество въ Петроградѣ. Закрытіе вольно-экономическаго общества произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ помѣщеніи общества было назначено общее собраніе, посвященное памяти павшаго въ бою члена общества А. М. Колюбакина. Собраніе открылось въ часть дня въ большомъ залѣ. Предсѣдательствовалъ профессоръ Л. И. Лутугинъ. Присутствовало много членовъ Государственной Думы. Рѣчи подходили къ концу. Началь свою рѣчь, на тему: «Колюбакинъ, какъ земець», Б. Б. Веселовскій. Въ это время въ залъ, гдѣ происходило собраніе, явился приставъ и, подойдя къ предсѣдателю профессору Лутугину, подаль официальную бумагу петроградскаго градоначальника, въ которой объявлялось о закры-

тіи вольно-экономическаго общества. Г. Веселовскій закончилъ свою рѣчь, послѣ чего собраніе было закрыто. Сейчасъ же послѣ закрытія собранія состоялось экстренное засѣданіе совѣта вольно-экономическаго общества, подѣ председательствомъ профессора Лутугина. Совѣтъ обсуждалъ создавшееся съ закрытіемъ общества положеніе. Всѣхъ интересовалъ вопросъ, какія послѣдствія ожидаютъ общество и всѣ его учрежденія послѣ закрытія. Въ официальной бумагѣ петроградскаго градоначальника объ этомъ ничего не говорилось. Съ цѣлью болѣе точно выяснить характеръ распоряженія властей о закрытіи общества и его послѣдствія совѣтъ постановилъ командировать особую депутацію къ главному управляющему землеустройствомъ и земледѣліемъ А. В. Кривошеину, въ вѣдѣніи котораго состоитъ императорское вольно-экономическое общество.

НЕКРОЛОГИ

БИРИЛЕВЪ, А. А. † 5-го февраля въ Петроградѣ скончался членъ Государственнаго Совѣта, адмиралъ Алексѣй Алексѣевичъ Бирилевъ, бывшій прежде морскимъ министромъ. Покойный родился 16-го марта 1844 года и воспитывался въ морскомъ корпусѣ. Произведенный въ гардемарины (1862 г.) и затѣмъ въ мичманы (1864 г.), онъ совершилъ много плаваній на разныхъ судахъ въ должностяхъ вахтеннаго начальника и старшаго офицера, а съ 1880 года въ званіи командира, послѣдовательно управляя фрегатомъ «Адмиралъ Лазаревъ», миноносцемъ «Взрывъ», миннымъ крейсеромъ «Лейтенантъ Ильинъ», клиперомъ «Плутунъ», броненосцами: «Мининъ», «Сисой Великій», «Адмиралъ Ушаковъ» и «Гангутъ». Произведенный въ контръ-адмиралы, А. А. Бирилевъ былъ командующимъ учебнымъ артиллерійскимъ отрядомъ и затѣмъ начальствующимъ надъ отдѣльнымъ

отрядомъ судовъ въ Средиземномъ морѣ, причемъ два раза ему пришлось со своими судами быть во Франціи и принимать горячія оваціи союзниковъ по адресу Россіи и ея флота. Послѣ производства въ вице-адмиралы (1901 г.), покойный былъ назначенъ старшимъ флагманомъ Балтійскаго флота, а съ 1904 г.—командиромъ Кронштадтскаго порта и военнымъ губернаторомъ города Кронштадта. Послѣднія двѣ должности онъ занималъ до іюня 1905 года когда былъ назначенъ морскимъ министромъ (1905—1907 гг.) и вслѣдъ за тѣмъ—членомъ Государственнаго Совѣта (1907—1915 гг.). Перу А. А. Бирилева принадлежали статьи, помѣщенные въ «Морскомъ Сборникѣ» и «Русскомъ Вѣстникѣ». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1915, № 31).

† **Голубевъ, П. А.** 5-го февраля, въ семь часовъ утра, умеръ извѣстный статистикъ-публицистъ Петръ Александровичъ Голубевъ, работавшій послѣдніе два года въ самарскомъ земствѣ. П. А. родился въ 1855 году крѣпостнымъ крестьяниномъ Вятской губерніи. Послѣ прохождения курса глазовскаго

уѣзднаго училища онъ окончилъ вятскую гимназію и математическій факультетъ казанскаго университета. Въ 1879 году П. А. окончилъ университетъ и, какъ стипендіатъ, былъ посланъ учителемъ въ гимназію степного городка Оренбургской губерніи, гдѣ и пробылъ до 1883 года. Послѣ кратковременной службы въ казанской городской управѣ П. А. былъ высланъ на три года въ гор. Царевкокшайскъ. Отсюда онъ началъ сотрудничество въ одной изъ немногихъ и лучшихъ тогда провинціальныхъ газетъ—«Волжскомъ Вѣстникѣ» проф. Загоскина. Кромѣ постоянного отдѣла литературныхъ обзоровъ, П. А. напечаталъ въ газетѣ рядъ статей по земскимъ вопросамъ, которыя обратили на него вниманіе лицъ, интересующихся земскимъ управленіемъ. Редакція «Русскихъ Вѣдомостей» сама обратилась къ нему съ просьбой о сотрудничествѣ. Съ этого времени земскіе и городскіе вопросы сдѣлались главной темой литературныхъ работъ П. А. Въ области бюджетныхъ вопросовъ земствъ и городовъ П. А. былъ однимъ изъ наиболѣе свѣдущихъ специалистовъ Россіи. Прекрасно сознавая всѣ организаціонные недостатки нашего земскаго и городского строя, чему посвящена не малая доля его публицистическихъ трудовъ, Голубевъ, тѣмъ не менѣе, высоко цѣнилъ мѣстное самоуправленіе, какъ единственную у насъ по тому времени практическую школу общественности. Другой постоянной же темой публицистики покойнаго былъ крестьянскій вопросъ. Будучи крестьяниномъ по рожденію и «народникомъ» по міросозерцанію, П. А. ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ подходилъ, прежде всего, съ точки зрѣнія интересовъ крестьянства, какъ самаго крупнаго и наиболѣе обездоленнаго слоя населенія. Не успѣлъ П. А. отдохнуть въ Казани отъ царевкокшайскаго одиночества, какъ судьба бросила его на три года въ Томскъ. Здѣсь онъ вошелъ въ редакціонную группу «Сибирской Газеты» вмѣстѣ съ Д. А. Клеменцемъ, Ф. В. Волховскимъ, К. М. Станюковичемъ. Послѣ Сибири П. А. вернулся въ родную Вятку, поступилъ на службу въ контроль; здѣсь вмѣстѣ съ кружкомъ старыхъ товарищей онъ вскорѣ основалъ и велъ до закрытія (въ 1898 году) газету «Вятскій Край». Изъ Вятки, за газетную борьбу съ мѣстной администраціей, покойный былъ переведенъ на службу въ Пермь, но и отсюда, «за безпокойство», долженъ былъ уйти въ отставку въ началѣ «освободительнаго движенія». Въ дни общественаго подъема мы встрѣчаемъ покойнаго уже въ Петроградѣ въ редакціи издававшагося тогда Юрицинымъ «Сына Отечества», въ которомъ онъ принималъ самое близкое участіе, вплоть до прекращенія изданія въ 1906 году. Въ 1906 году же П. А. возвращается въ Вятку и возобновляетъ изданіе «Вятскаго Края», принимая дѣятельное участіе въ мѣстной общественной жизни. Во время выборовъ во вторую Государственную Думу онъ возвращается въ крестьянское сословіе и отъ крестьянъ проходитъ въ выборщики. Но администрація «разъясняетъ» его избраніе. Потерпѣвъ эту неудачу, П. А. отправляется въ Петроградъ въ качествѣ корреспондента «Вятскаго Края» въ Государственной Думѣ, что даетъ ему возможность вступить въ одну изъ народническихъ фракцій. Роспускъ Думы вынуждаетъ его покинуть столицу. И вскорѣ покойнаго можно уже встрѣтить опять въ Казани. Здѣсь онъ редактируетъ «Волжско-Камскую Рѣчь». Однако въ Казани П. А. не «закживается». Отсюда его высылаютъ въ

Красный Яр Астраханской губернии. Изъ Краснаго Яра онъ сотрудничаетъ въ астраханскихъ газетахъ, а затѣмъ переселяется въ Ставрополь и въ качествѣ соредатора вступаетъ въ редакцію «Сѣверо-Кавказскаго Края». Изъ Ставрополя покойный переезжаетъ въ Самару на службу въ губернское земство. Здѣсь имъ ведется работа по исторіи земскихъ бюджетовъ Самарской губернии. Не довольствуясь газетной работой, П. А. сотрудничалъ въ цѣломъ рядѣ толстыхъ ежемѣсячныхъ журналовъ: въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Юридическомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Богатствѣ», «Русской Мысли» и «Вѣстникѣ Европы». Кромѣ того, имъ были составлены историко-статистическія таблицы по нѣсколькимъ земствамъ. Изъ отдѣльныхъ трудовъ П. А. надо отмѣтить «Историко-статистическія таблицы по Вятской губернии», составленныя имъ для юбилейной парижской выставки. За эту книгу вятское земство получило золотую медаль. (Некрологъ его: «Волжское Слово», 1915, № 2184).

† **Живило, К. Т.**¹⁾ 13-го ноября въ Екатеринодарѣ скончался мѣстный общественный дѣятель Кирилль Трофимовичъ Живило. Покойный по происхожденію былъ казакомъ ст. Переяславской; родился въ 1854 году; образованіе получилъ въ кубанской учительской семинаріи, по окончаніи курса которой въ 1878 году былъ назначенъ учителемъ Григориополискаго станичнаго училища, а затѣмъ былъ переведенъ завѣдывающимъ расшеватскимъ двухкласснымъ училищемъ. Педагогическая дѣятельность К. Т. продолжалась до 1890 г., когда онъ переселился въ Екатеринодаръ, выбравъ себѣ другой родъ занятій. Какъ станичный учитель, К. Т. оставилъ по себѣ неизгладимый до сихъ поръ слѣдъ въ тѣхъ школахъ, гдѣ ему приходилось учительствовать лѣтъ 20—25 тому назадъ. К. Т. настолько сильно любилъ свое учительское дѣло, что никогда не могъ молчать, когда видѣлъ въ немъ какіе-либо недочеты и промахи. Онъ тотчасъ же принимался за болѣе энергичную работу и стремился всѣми силами эти недочеты исправить, уничтожить всѣ препоны, мѣшавшія планомѣрной, продуктивной дѣятельности. Когда въ концѣ 1879 года покойный нынѣ редакторъ единственной въ то время на Кубани газеты «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей»—Е. Д. Фелицынъ—призвалъ на столбцахъ ея мѣстныхъ корреспондентовъ обратить вниманіе на свою газету и присылать корреспонденціи съ мѣсть, К. Т. изъ всѣхъ кубанскихъ учителей откликнулся на этотъ призывъ первымъ и въ первомъ номерѣ газеты за 1880 г. была уже помѣщена статья его подъ заглавіемъ «Школьные недуги и средство», вызвавшая цѣлый рядъ другихъ статей и замѣтокъ по школьному вопросу. Въ «отвѣтахъ» редакціи газеты все чаще и чаще стали появляться слова «учитель» и «учительница», и связь газеты съ народнымъ учителемъ стала очень крѣпка. Большинство корреспонденцій газеты восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ, не только о школьныхъ дѣлахъ, но и по общимъ вопросамъ, принадлежало учителямъ. Значительное же число ихъ было написано К. Т. Будучи учителемъ, онъ печаталъ статьи не только по школьнымъ вопросамъ, но и по вопросамъ сельскаго хозяйства, по археологіи, по

¹⁾ Сообщилъ Б. Городецкій.

географіи, этнографіи и статистикѣ. Въ то же время К. Т. сотрудничалъ въ «Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», въ «Кубанскомъ Сборникѣ», въ «Сѣверо-Кавказскомъ Краѣ» и во всѣхъ почти мѣстныхъ изданіяхъ его. Въ 1908 году К. Т. приступаетъ къ реорганизации кубанскаго войскового музея, до того времени скромно ютившагося при кубанскомъ областномъ статистическомъ комитетѣ. Трудями и энергіей К. Т. музей этотъ былъ пополненъ многочисленными научными коллекціями и предметами мѣстной старины и въ 1909 году преобразованъ въ самостоятельный этнографическій и естественно-историческій музей Кубанскаго казачьяго войска. Здѣсь, въ роли руководителя всего музейнаго дѣла (до 1911 г.), К. Т. не забылъ своего первичнаго призванія,—въ немъ и здѣсь прорвалась струнка идейнаго учителя: онъ организовалъ бесплатныя поѣздки станичныхъ учениковъ въ Екатеринодаръ для обозрѣнія музея и вообще достопримѣчательностей города. Какъ ни любилъ К. Т. реорганизованный имъ музей, но работа въ немъ для богатой натуры его была слишкомъ узка, мала; для нея нужна была болѣе широкая, болѣе кипучая дѣятельность. И онъ скоро ее нашелъ и воплотилъ въ идеѣ постройки Черноморско-Кубанской желѣзной дороги. Большой знатокъ Кубанской области, извѣдывшій ее вдоль и поперекъ, К. Т. не могъ не видѣть, что богатый по природѣ край—Черноморія—терпитъ зачастую экономическія невзгоды изъ-за отсутствія удобныхъ путей сообщенія. И вотъ у него постепенно созрѣваетъ мысль о созданіи проекта постройки Черноморско-Кубанской желѣзной дороги. Его сильный и увѣренный призывъ къ черноморцамъ о необходимости осуществленія этой мысли быстро находитъ живой откликъ среди казачества, и уже 29-го іюня 1909 года созывается въ ст. Брюховецкой большой съѣздъ изъ представителей черноморскихъ станицъ, для обсужденія этого предложенія. Работы этого съѣзда и были основнымъ базисомъ при выработкѣ приводимаго въ настоящее время въ исполненіе проекта постройки Черноморско-Кубанской желѣзной дороги. Во главѣ всего дѣла, какъ предсѣдатель правленія строящейся дороги, становится по выбору акціонеровъ К. Т. и со свойственной ему энергіей приступаетъ къ большой работѣ по сооруженію новой желѣзной дороги на народныя станичныя средства. Въ это дѣло онъ вложилъ всѣ свои недюжинныя силы, свой организаторскій талантъ и свои знанія Кубанскаго края. Въ должности предсѣдателя правленія дороги К. Т. состоялъ до послѣдняго октябрьскаго съѣзда акціонеровъ и только смерть неожиданно оторвала его отъ дѣтища, не давъ ему возможности быть свидѣтелемъ окончанія осуществленія своей богатой идеи.

† **Колюбакинъ, А. М.** 21-го января геройски погибъ при атакѣ штабс-капитанъ Александръ Михайловичъ Колюбакинъ, бывшій членъ Государственной Думы отъ гор. Петрограда и секретарь думской фракціи народной свободы. А. М. Колюбакинъ родился въ 1869 году. Окончивъ военное училище, онъ поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, а затѣмъ состоялъ при штабѣ первой пѣхотной гвардейской дивизіи. Въ 1894 году А. М. вышелъ въ запасъ и посвятилъ себя земской дѣятельности въ качествѣ гласнаго уѣзднаго и губернскаго земствъ по Новгородской и Тверской губерніямъ.

Вскорѣ онъ былъ избранъ предсѣдателемъ новгородской губернской земской управы. Во время выборовъ въ третью Государственную Думу А. М., состоя въ рядахъ партіи народной свободы, выставилъ свою кандидатуру отъ гор. Петрограда и былъ избранъ. Въ Думѣ А. М. занялъ выдающееся положеніе и состоялъ, между прочимъ, секретаремъ фракціи народной свободы. За одну изъ своихъ публичныхъ рѣчей А. М. былъ привлеченъ къ отвѣтственности и приговоренъ къ году заключенія въ крѣпости и въ силу этого былъ признанъ утратившимъ свою депутатскія полномочія. (Некрологъ его: «Раннее Утро», 1915, № 20).

† **Корневскій, П. И.** Въ Кіевѣ, въ больницѣ, въ ночь на 25-е декабря скончался писатель Петръ Ивановичъ Корневскій. Окончивъ учительскую семинарію, П. И. нѣкоторое время былъ народнымъ учителемъ. Оставивъ учительство, П. И. поступилъ на службу въ крестьянскій поземельный банкъ въ Вильнѣ. Ознакомившись тамъ съ порядками, П. И. Корневскій не могъ молчать и написалъ извѣстную и въ свое время нашумѣвшую статью «Крестьянскій Генрихъ Блоккъ». Статья была помѣщена въ «Русскомъ Богатствѣ» (1908 г., № 6) и привлекла вниманіе всей русской печати. Написанная съ компетентностью и прекрасная въ литературномъ отношеніи, статья перепечатывалась въ газетахъ, вызвала комментаріи. Принесла автору славу—и увольненіе отъ службы. На статью обратилъ вниманіе Л. Н. Толстой и написалъ автору поразившихъ его разоблаченій горячее письмо. Съ разрѣшенія великаго писателя письмо это дано въ видѣ предисловія къ отдѣльному выпуску статьи, изданному «Русскимъ Богатствомъ». Узнавъ затѣмъ о постигшей автора статьи невзгодѣ, Левъ Николаевичъ принялъ участіе въ его судьбѣ, написавъ просьбу къ издателю выходившей въ Петроградѣ газеты «Новая Русь». И когда П. И. Корневскій, до того не работавшій въ газетахъ, явился въ редакцію, его приняли внимательно, сердечно и предоставили возможный заработокъ. Живя въ Петроградѣ и работая въ «Новой Руси», Корневскій написалъ нѣсколько большихъ очерковъ и отослалъ ихъ въ «Историческій Вѣстникъ». Покойный С. Н. Шубинскій сразу оцѣнилъ литературныя достоинства очерковъ, напечаталъ одну работу и прислалъ Корневскому душевное письмо, предлагая работать въ журналъ. Петръ Ивановичъ весь тогда отдался литературной работѣ. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» онъ помѣстилъ нѣсколько довольно крупныхъ работъ. Но нуженъ былъ постоянный заработокъ для существованія семьи; Корневскій переѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ нашель службу на частной желѣзной дорогѣ. Однако неудержимо тянуло къ журналистикѣ. И П. И. началъ работать въ «Кіевской Мысли». Его первыми очерками здѣсь, также обратившими на себя вниманіе и перепечатанными въ свое время въ русской прессѣ, были очерки Холмщины, откуда покойный самъ происходилъ и которую зналъ хорошо. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ дорожныхъ очерковъ, явившихся результатомъ поѣздокъ покойнаго по Россіи. Здѣсь были поѣздки и по Волини, и по Волгѣ, и на донецкія шахты, и на соляныя копи, и по Кавказу, и къ сектантамъ. Особенно интересовали П. И. наши малеванцы, и имъ онъ посвятилъ самыя сердечныя свои строки. (Некрологъ его: «Кіевская Мысль», 1915, № 357).

† **Литвицкій, Ѳ. Н.** Скончался 4 февраля въ Одессѣ одинъ изъ популярнѣйшихъ представителей присяжной адвокатуры присяжн. повѣр. Ѳеодоръ Николаевичъ Литвицкій. Ѳ. Н. скончался въ преклонномъ возрастѣ (на 60 году жизни), но душу сохранилъ юною, пылкую душу идеалиста, горячо откликавшуюся на всякую неправду жизни. Ѳ. Н. окончилъ въ 1874 году военно-юридическую академію и карьеру свою началъ по военно-судебному вѣдомству, въ которомъ прослужилъ 9 лѣтъ. Затѣмъ покойный перешелъ на службу въ гражданское судебное вѣдомство. До 1890 года онъ состоялъ товарищемъ прокурора каменецъ-подольскаго окружнаго суда, а въ періодъ 1890—1893 годовъ состоялъ въ той же должности въ одесскомъ окружномъ судѣ. При министрѣ юстиціи Н. В. Муравьевѣ Ѳ. Н. порываетъ съ магистратурой и переходитъ въ адвокатское сословіе. Съ первыхъ же шаговъ своей новой дѣятельности Ѳ. Н. завоевываетъ симпатіи всѣхъ обращающихся къ нему за совѣтомъ и помощью и пріобрѣтаетъ большую клиентуру. Ѳ. Н. принимаетъ участіе во многихъ громкихъ процессахъ. Такъ, онъ выступаетъ въ дѣлѣ военной организаціи социаль-революціонеровъ, военной организаціи социаль-демократовъ, въ извѣстномъ дѣлѣ о взрывѣ на Екатерининской улицѣ, въ дѣлѣ николаевскихъ скопцовъ. Когда въ Гроднѣ слушалось близко затронувшее интересы адвокатскаго сословія дѣло присужнаго повѣреннаго Гиллерсона, одесскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ командировалъ своимъ представителемъ въ процессѣ покойнаго Ѳ. Н. Человѣкъ съ чуткой душой, съ большимъ чувствомъ общественности, Ѳ. Н. реагировалъ на каждое событіе, волновавшее общество, горячими статьями въ печати. Написалъ Ѳ. Н. брошюру—«О смертной казни», изданную за границей. Въ городскомъ кредитномъ обществѣ покойный состоялъ членомъ наблюдательнаго комитета и часто исполнялъ обязанности предсѣдателя правленія. Ѳ. Н. и въ свою дѣятельность въ кредитномъ обществѣ вносилъ много чуткости, вникалъ въ нужды заемщиковъ и снискалъ въ ихъ средѣ всеобщую любовь. Въ лицѣ Ѳ. Н. понесло утрату и одесское общество вспомошествованія литераторовъ и ученыхъ, въ каковомъ обществѣ покойный состоялъ предсѣдателемъ. Ѳ. Н. былъ предсѣдателемъ покойнаго одесскаго литературнаго общества, которому отдалъ много силъ и энергіи. (Некрологъ его: «Одесскія Новости», 1915, № 9609).

† **Некрасова, Ѳ. А.** 25-го января скончалась Ѳекла Анисимовна Некрасова, жена знаменитаго поэта. Біографы поэта не обходятъ молчаніемъ спутницу жизни Некрасова. Она вошла въ его домъ совсѣмъ юной,—Некрасову было тогда подъ пятьдесятъ. «Зина», какъ ее звалъ поэтъ, «Зина Николаевна», какъ величали ее друзья Н. А.,—а на самомъ дѣлѣ Ѳекла Анисимовна,—любила Некрасова до забвенія и ухаживала за нимъ, уже больнымъ въ тѣ годы, не зная отдыха недѣлями. Такъ они прожили около десяти лѣтъ. Н. А. Некрасовъ посвятилъ женѣ нѣсколько стихотвореній и незадолго до смерти рѣшилъ обвѣнчаться, завѣщавъ ей право на нѣкоторыя литературныя произведенія. Некрасову стоило большихъ усилій и хлопотъ добиться у митрополита Исидора разрѣшенія вѣнчаться на дому, вопреки канонамъ. Послѣ смерти Некрасова Ѳекла Анисимовна какъ-то совершенно исчезла съ литературнаго горизонта. Современники и друзья Н. А. долго не знали, куда она уѣхала, но вотъ о ней въ

концѣ девяностыхъ годовъ прошелъ первый слухъ. Большинство не вѣрило, что рѣчь идетъ о вдовѣ поэта. Потребовались «свидѣтельства» стариковъ, удостоившихъ, что Фекла Анисимовна, пріютившаяся гдѣ-то подь Саратовѣмъ, и есть та самая «Зина». **Ф. А. Некрасова** долго не могла примириться съ кончиной **Н. А.** и старушка нашла утѣшеніе въ одной изъ сектъ. Всѣ бумаги, оставленныя послѣ **Н. А.**, она передала родной сестрѣ поэта, **Буткевичъ**, которая, въ свою очередь, купила у **Ф. А.** небольшое имѣніе въ Новгородской губерніи, подаренное ей **Некрасовымъ**. Часть имѣнія была отдана г-жой **Буткевичъ** новгородскому земству, которое устроило здѣсь сельско-хозяйственную школу. Пять лѣтъ тому назадъ до Петрограда дошли слухи о томъ, что **Ф. А.** сильно нуждается. Литературный фондъ, узнавъ о нуждѣ вдовы поэта, въ 1901 г. пришелъ ей на помощь. **Ф. А.** получала нѣкоторое время по 600 рублей изъ фонда ежегодно, причѣмъ половину этихъ денегъ присылало фонду для **Некрасовой** новгородское земство. Два года назадъ **Ф. А.** отказалась отъ помощи. Хворала **Некрасова** уже давно. Она умерла въ преклонномъ возрастѣ. Ей было 68 лѣтъ. Семь рабочаго, у котораго она жила, завѣщаны ею кое-какія сбереженія. (Некрологъ ея: «Вечернее Время», 1915, № 1010).

† **Павликъ, М. И.** 13-го января скончался во Львовѣ, на 64 году жизни, выдающійся мѣстный журналистъ и политическій дѣятель, одинъ изъ творцовъ и вождей такъ называемой «украинской радикальной партіи» въ Галичинѣ—**Михаилъ Ивановичъ Павликъ**. Покойный, сынъ крестьянина гуцула, по окончаніи гимназіи въ 1873 году, поступилъ на юридическій факультетъ львовскаго университета, причѣмъ сразу примкнулъ къ русской студенческой организации «академическій кружокъ» и принималъ живое участіе въ издававшемся послѣдней литературно-общественномъ журнальчикѣ «Другъ». Вскорѣ, однако, подь вліяніемъ писемъ, а затѣмъ и личнаго знакомства съ покойнымъ **М. П. Драгомановымъ, М. И.** вмѣстѣ со своимъ сверстникомъ и другомъ **И. Я. Франкомъ** и рядомъ другихъ молодыхъ русскихъ студентовъ перешли въ «укаинофильскій» лагерь и, увлекшись социаль-демократизмомъ, образовали въ немъ небольшую «радикальную» группу, изъ которой со временемъ, въ 1890 годахъ, возникла особая, хотя и немногочисленная, «украинская радикальная партія». Увлеченіе социалистическими идеями подвергло **М. И.**, какъ и его товарищей, преслѣдованіямъ со стороны австрійскаго правительства до тюремнаго заключенія включительно, ввиду чего ему пришлось, не окончивъ курса, выйти изъ университета и даже на нѣкоторое время уѣхать за границу, въ Швейцарію, гдѣ въ то время жилъ и любимый его учитель—**М. П. Драгомановъ**. Возвратившись въ началѣ 1880 годовъ на родину, **М. И.**, гонимый чужими и отвергнутый своими, работалъ сначала въ нѣкоторыхъ польскихъ львовскихъ демократическихъ газетахъ, а со временемъ приступилъ къ изданію собственныхъ «укаинско-радикальныхъ» журналовъ, изъ которыхъ наибольшей долговременностью и популярностью пользовался двухнедѣльникъ «Народъ». Въ послѣдніе годы **М. И.** получилъ кое-какія занятія при «товариществѣ имени Шевченка» во Львовѣ, но, тѣмъ не менѣе, несмотря на свое рѣдкое трудолюбіе и добросовѣстность, сильно нуждался и умеръ въ нищитѣ. Изъ литературныхъ произведеній **М. И. Павлика** наибольшую извѣстность приобрѣли въ свое время, благодаря

своей живой яркости и откровенному реализму, его народные рассказы из жизни гуцульских горцев, въ особенности освобожденный изъ-подъ запрета рассказъ «Гребенщукъ Татьяна». Изъ публицистическихъ работъ М. И. слѣдуетъ особенно отмѣтить его цѣнный очеркъ исторіи нашихъ народныхъ читателей, къ которому онъ, между прочимъ, съ рѣдкой у насъ искренностью и безпристрастіемъ, воздалъ должную дань великимъ заслугамъ народнаго просвѣтителя Галицкой Руси—Наумовича. Пробовалъ покойный свои силы и въ историко-филологической области, но единственныя двѣ его работы этого рода—описание бібліотеки польскаго писателя Крашевскаго и статья о старинныхъ малорусскихъ интермедіяхъ Гаватовича, свидѣтельствуя о кропотливой добросовѣстности автора-самоучки, не представляютъ въ общемъ ничего выдающагося. Послѣдніе годы М. И. съ трогательной вѣрностью и преданностью посвятилъ культу памяти своего учителя и друга—Драгоманова, издавая нѣсколько томовъ переписки и перевода и редактируя собраніе историко-филологическихъ работъ послѣдняго. (Некрологъ его: «Прикарпатская Русь», 1915, № 1528).

† **Ришави, проф., Л. А.** Въ ночь на 17-ое января скончался послѣ операции въ Евангелической больницѣ въ Одессѣ заслуженный проф. Людвигъ Адальбертовичъ Ришави. Покойный родился въ 1851 году въ Подольской губ. Студенческіе годы покойный провелъ сперва въ кievскомъ, а затѣмъ въ новороссійскомъ университетѣ, по окончаніи котораго въ 1872 году былъ избранъ на должность хранителя ботаническаго кабинета новороссійскаго университета. Въ 1878 году онъ защитилъ диссертацию на степень магистра ботаники, послѣ чего въ 1879 году былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ варшавскій университетъ, гдѣ и оставался до 1884 года. Въ 1884 году былъ переведенъ въ новороссійскій университетъ приватъ-доцентомъ съ содержаніемъ экстраординарнаго профессора, а съ 1885 года, по защитѣ докторской диссертациі, назначенъ сперва экстраординарнымъ, а съ 1895 года ординарнымъ профессоромъ. Въ 1901 году, за выслугою 30 лѣтъ, онъ былъ оставленъ при университетѣ въ качествѣ внѣштатнаго профессора, въ 1904 году получилъ званіе заслуженнаго профессора. Изъ научныхъ трудовъ Л. А. Ришави наибольшее значеніе имѣютъ изслѣдованія надъ дыханіемъ растений, послужившія темой для его магистерской диссертациі. Полученные имъ результаты цитируются во всѣхъ университетскихъ учебникахъ физиологіи растений, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. (Некрологъ его: «Одесскій Листокъ», 1915, № 16).

† **Соколовъ, Д. П., протоіерей.** 3-го февраля скончался митрофорный протоіерей Дмитрій Павловичъ Соколовъ—извѣстный педагогъ-законоучитель и авторъ распространенныхъ учебниковъ по Закону Божію. Покойный родился въ Ярославлѣ въ 1832 году, образованіе получилъ въ петроградскихъ духовныхъ семинаріи и академіи. За сочиненіе «Исторія раздѣленія русской митрополіи» онъ былъ удостоенъ степени магистра богословія. Пробывъ недолго учителемъ Александро-Невскаго духовнаго училища, покойный былъ рукоположенъ въ священники и былъ назначенъ настоятелемъ церкви и законоучителемъ Маріинскаго женскаго института. Въ это время онъ сблизился съ кружкомъ молодыхъ преподавателей и профессоровъ, во главѣ котораго находились П. Г. Рѣдкинъ, затѣмъ педагоги Ушинскій, Паульсенъ и Вессель. О. Дмитрій принялъ

дѣятельное участіе во всѣхъ предпріятіяхъ кружка: въ таврической школѣ и въ педагогическомъ журналѣ «Учитель». Подъ вліяніемъ новыхъ тогда педагогическихъ идей покойный отказался отъ шаблоннаго сухого преподаванія Закона Божія, выработалъ свой методъ преподаванія и явился въ этой области новаторомъ. Великая княгиня Марія Николаевна, посѣщая институтъ, обратила вниманіе на молодого законоучителя и пригласила его настоятелемъ въ свою дворцовую церковь и законоучителемъ своихъ августѣйшихъ дѣтей. Съ 1862 года до отвода Маріинскаго дворца подъ государственную канцелярію, Государственный Совѣтъ и комиссію по принятію прошеній на Высочайшее имя, о. Дмитрій былъ настоятелемъ церкви. Одновременно онъ занимался законоучительствомъ на педагогическихъ курсахъ при петроградской дирекціи народныхъ училищъ, въ Васильеостровской женской гимназіи, въ пятой классической гимназіи и въ земской учительской школѣ. Досуги службы покойный посвятилъ общественной дѣятельности по комитету грамотности, участвуя въ организаціи новыхъ сельскихъ школъ, въ изданіи и даровой разсылкѣ учебниковъ. Комитетъ грамотности отиѣтилъ эту дѣятельность покойнаго присужденіемъ ему золотой медали «За труды по народному образованію». Въ 60-хъ годахъ о. Дмитрій организовалъ, по мысли великой княгини Маріи Николаевны, петроградскій домъ милосердія для женщинъ, желающихъ покинуть путь разврата. Въ этомъ учрежденіи онъ продолжалъ свою работу и при новой покровительницѣ, дочери великой княгини Маріи Николаевны, е. и. в. принцессѣ Евгениіи Максимилиановнѣ Ольденбургской, состоя до конца жизни почетнымъ членомъ. Первый учебникъ по Закону Божію былъ составленъ о. Дмитріемъ въ шестидесятыхъ годахъ: «Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской». Книга эта, изданная седьмымъ изданіемъ, рѣзко расходилась съ учебными программами и не нашла себѣ мѣста въ школахъ. Знакомство съ писателемъ Погоскимъ натолкнуло покойнаго на составленіе сжатаго краткаго учебника для солдатъ, изданнаго подъ заголовкомъ «Краткое начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ». Книжка эта имѣла крупный успѣхъ. Затѣмъ она была передѣлана для дѣтскаго возраста, въ текстъ были введены рисунки, и въ результатѣ получились учебники по Закону Божію, получившіе наибольшее распространеніе и сдѣлавшіе имя автора популярнымъ. Учебники эти переведены на грузинскій, армянскій, новогреческій, болгарскій, сербскій, финскій, латышскій и даже на японскій языки. «Священная исторія Ветхаго Завѣта» и «Новаго Завѣта» выдержали болѣе 60 изданій, «Начальное наставленіе въ православной вѣрѣ» вышло 104 изданіемъ, «Молитвы, заповѣди и символъ вѣры»—102 изданіемъ. Съ 1882 года покойный былъ наблюдателемъ за ходомъ преподаванія Закона Божія въ женскихъ патріотическихъ школахъ, въ 1898 г. былъ избранъ почетнымъ членомъ петроградскаго женскаго патріотическаго общества. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ о. Дмитрій преподавалъ Законъ Божій дѣтямъ великаго князя Михаила Николаевича. Съ 1884 г. былъ пресвитеромъ собора Императорскаго Зимняго дворца и въ 1902 году онъ удалился на покой. Въ лицѣ его сошелъ въ могилу почетный членъ многихъ просвѣдительныхъ и благотворительныхъ организацій. (Некрологъ его: «Новое Вр.», 1914, № 13975).

† **Соколовскій, Л. Н.** Въ Цюрихѣ 1-го февраля скоропостижно, отъ апоплектического удара, скончался Левъ Наумовичъ Соколовскій, въ теченіе мно-

гихъ лѣтъ и вплоть до начала великой войны европейской состоявшій корреспондентомъ «Русскаго Слова» въ Вѣнѣ. Его письма-корреспонденци, подписывавшяся долгое время псевдонимомъ Н. Караваевъ, а въ послѣдніе два-три года— Л. Соколовскій, представляли собой полную и живую хронику какъ общественной, такъ и политической жизни въ столицѣ Габсбургской имперіи. Съ наступленіемъ войны корреспонденту русской газеты работать было не только трудно, но подчасъ и опасно. Л. Н. Соколовскій работалъ успѣшно и смѣло. Въ Вѣнѣ покойный былъ старожиломъ. Еще до начала своей работы въ «Русскомъ Словѣ» онъ корреспондировалъ изъ Вѣны же въ другія изданія, изъ которыхъ стоитъ упомянуть «Россію» Г. П. Сазонова. Врачъ по образованію, Л. Н. имѣлъ въ Вѣнѣ хорошую медицинскую практику, и, вѣроятно, широкія знакомства Соколовскаго-врача не разъ оказывали значительныя услуги Соколовскому-корреспонденту. Наконецъ, въ Вѣнѣ же Л. Н. нашелъ свое личное счастье, свой семейный уютъ. Все это разбила война. Еще ранѣе первыхъ выстрѣловъ положеніе корреспондента «Русскаго Слова» въ австрійской столицѣ стало невыносимымъ. Вѣрный присягѣ журналиста, Л. Н. оставался на своемъ посту до послѣдней возможности и покинулъ Вѣну только тогда, когда австрійская цензура пресѣкла всякую возможность работы, и въ то же время обозначилась вѣроятность самыхъ крутыхъ, самыхъ незаконныхъ репрессій со стороны озвѣрѣвшихъ австріяковъ. Соколовскій выѣхалъ въ Швейцарію, въ Цюрихъ. Экстренность этой эмиграціи, этого бѣгства, конечно, разрушила всѣ элементы, изъ которыхъ годами сложилась его личная жизнь въ Вѣнѣ. Всѣ эти обстоятельства не замедлили сказаться на здоровьи Л. Н. Соколовскаго, и 1-го февраля онъ скоропостижно скончался. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1915, № 28).

† **Церетелли, А. Р., князь.** Скончался на 75 году своей жизни Акакій Ростомовичъ Церетелли въ своемъ имѣніи въ Кутаисской губерніи. Родился А. Р. въ 1840 году и получилъ образованіе на восточномъ факультетѣ петроградскаго университета. Будучи еще мальчикомъ, онъ уже началъ писать стихи, и въ 1858 году, когда поэту было всего только 18 лѣтъ, онъ напечаталъ въ грузинскомъ журналѣ «Вискари» свои первыя «народныя пѣсни». Эти народныя пѣсни впоследствии въ дѣйствительности стали народными пѣснями Грузіи. Церетелли можно назвать національнымъ поэтомъ Грузіи. Многія его пѣсни извѣстны всякому грузину и стали застольными пѣснями Грузіи. Помимо стихотвореній, покойный извѣстенъ, какъ драматургъ. Его перу принадлежать: драма «Коварная Тамара», напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы» за 1892 годъ, въ переводѣ В. Величко, и драма «Кудуръ Ханумъ», напечатанная въ «Вѣстникѣ Иностранной Литературы», въ переводѣ В. Лебедева. Кромѣ этихъ двухъ драмъ, извѣстны его бытовая пьеса «Кинто» и психологическая повѣсть «Три рода любви». Помимо того Церетелли выступалъ во многихъ изданіяхъ, какъ публицистъ, и прочелъ много лекцій. Съ 1898 по 1900 годъ князь Церетелли издавалъ журналъ «Кребули». Собраніе сочиненій Церетелли было издано въ двухъ томахъ въ 1893 году въ Тифлисѣ. Многія стихотворенія покойнаго переведены на русскій языкъ В. Величко («Восточные мотивы») и Ив. Тхоржевскимъ («Грузинскіе поэты въ образахъ»), а также и на другіе европейскіе языки. (Некрологъ его: «Сѣверное Утро», 1915, № 23).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу ст. г. Гурвича.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (октябрь—ноябрь 1914 г.) была помѣщена статья г. Гурвича «Забытый писатель». Недуги мои не дали мнѣ возможности своевременно исправить одно не соответствующее дѣйствительности сообщеніе.

Авторъ статьи передаетъ, какъ фактъ, что я якобы въ 1893 году женился на своей эконоmkѣ, которая особенной заботливостію и усердіемъ во время моей болѣзни расположила меня къ себѣ. На самомъ дѣлѣ произошло такъ. Я овдовѣлъ въ 1891 г., и вдовѣлъ 10 лѣтъ. Въ 1901 году, будучи въ Крыму, познакомился съ молодой интеллигентной барышней, на которой черезъ три мѣсяца тамъ же въ Крыму и женился.

«Забытый писатель» Д. Стахѣевъ.

II.

Письмо къ редактору.

Милостивый Государь.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1914 годъ были помѣщены за вашею подписью статьи, подъ названіемъ «Прологъ японской войны (Архивные матеріалы)».

Въ іюльской книжкѣ вы впервые упомянули мою фамилію. Это заставило меня просить глубокоуважаемаго С. А. Панчулидзева ознакомить васъ съ составленнымъ мною въ 1913 году «Сборникомъ матеріаловъ для выясненія причинъ возникновенія войны съ Японіей въ 1904—5 гг.», а также съ изданнымъ мною въ 1913 году, съ разрѣшенія министерства императорскаго двора, на правахъ рукописи, историческимъ очеркомъ: «Чукотскій полуостровъ. Экспедиціи В. М. Вонлярлярскаго и открытіе новаго золотоноснаго района близъ устья рѣки Анадыря въ 1900—1912 гг.».

Въ этомъ очеркѣ, излагая послѣдовательно мою дѣятельность на Чукотскомъ полуостровѣ, я коснулся, насколько это было возможно, «концессій на Ялу» и причинъ возникновенія войны съ Японіей, освѣтивъ этотъ вопросъ документально съ новой точки зрѣнія.

«Сборникъ матеріаловъ» мною напечатанъ не былъ и имѣется лишь въ рукописи, 2 копіи съ которой были переданы мною въ началѣ 1914 года С. А. Панчулидзеву для приобщенія къ особымъ архивамъ, находящимся въ его распоряженіи.

Собранные въ этомъ «Сборникѣ» документы, по моему мнѣнію, устанавливаютъ:

1) Что въ 1899 году было пріобрѣтено право на эксплуатацію лѣсовъ въ Сѣверной Корей по концессіи, которая, однако, никогда использована не была.

2) Что лѣсныхъ концессій на рѣкѣ Ялу въ Манчжуріи никогда не существовало.

3) Что пріобрѣтеніе лѣсной концессіи въ Сѣверной Корей и вся связанная съ этой концессіей дѣятельность не были частнымъ дѣломъ, о чемъ было извѣстно всѣмъ подлежащимъ министрамъ.

4) Что лица, подписавшія въ 1903 г. «предварительный договоръ» на предметъ учрежденія «лѣсопромышленнаго товарищества на Дальнемъ Востоку» (въ числѣ которыхъ былъ и я) никакихъ денегъ въ это предпріятіе не вносили и никакихъ денежныхъ выгодъ не имѣли. Этотъ договоръ, подписанный ими во исполненіе «журнальнаго постановленія особаго совѣщанія отъ 7-го мая 1905 года», никогда осуществлень не былъ. Все это подтверждается актами, внесенными въ книги петроградскаго нотаріуса Арцыбушева за 1903 и 1905 года.

5) Что я лично не только не принималъ участія въ эксплуатаціи какихъ-либо концессій на рѣки Ялу, но и не участвовалъ въ политической дѣятельности по Дальнему Востоку статсъ-секретаря А. М. Безобразова, свиты Его Величества контръ-адмирала А. М. Абаза и статскаго совѣтника Н. Г. Матюнина, начавшейся въ 1902 году.

Весьма жаль, что вы получили отъ С. А. Панчулидзева копію съ моего «Сборника» только въ августѣ 1914 года, когда вашъ историческій очеркъ былъ почти законченъ, вслѣдствіе чего «Прологъ японской войны» не могъ получить должной полноты.

В. Вонлярлярскій.

III.

Отвѣтъ В. М. Вонлярлярскому.

Заканчивая обнародованіе «архивныхъ матеріаловъ», посвященныхъ «Прологу» русско-японской войны, я заявилъ, что считаю сейчасъ несвоевременнымъ касаться этой темы. Моя точка зрѣнія и понынѣ, даже послѣ письма Вашего ко мнѣ, остается неизмѣнною, почему я отказываюсь отъ какихъ-либо объясненій по возбужденнымъ Вами вопросамъ. Современемъ, вѣроятно, придется вернуться къ нимъ, т. к. я уже имѣю заявленія нѣсколькихъ лицъ, желающихъ поразсказать кое-что любопытное, относящееся къ знаменательному историческому «Прологу».

Б. Глинскій.

Легко его могу нарушить? Такъ
Я понялъ вашу мысль?

Мендоза.

Я этого не говорилъ. Сказалъ я,
Что если бѣ донъ-Хуанъ рѣшилъ жениться
На дочери моей...

Филиппъ (*мягкимъ голосомъ*).

Что вы сказали,
Отлично знаю я... Его слова
Записаны, Перезъ?

Перезъ.

Да, ваше
Величество.

Мендоза (*съ удареніемъ*).

Публично я признался
Въ убійствѣ донъ-Хуана, государь!
Ужели не достаточно такого
Признанья?

Филиппъ.

Не достаточно. Должны мы
Узнать еще, что привести могло
Васъ къ преступленію гнусному. Я вижу,
Не понимаете вы вотъ чего:
Коль я допросъ произвожу вамъ лично,
То дѣлаю я это для того,
Чтобы избавить васъ отъ униженья
Подвергнуться допросу предъ судомъ
Подъ пыткой. Вы, дорогой Мендоза,
Должны быть благодарны мнѣ.

Мендоза (*холодно*).

Я ваше
Величество благодарю за все.

Филиппъ.

Итакъ, извѣстно намъ, что вы давно
Таили къ принцу ненависть и, вѣрно,
Рѣшили, что его убьете вы,
Когда вернется онъ.

Дѣлаетъ паузу, ожидая отвѣта. Мендоза мрачно
молчитъ.

Вѣдь отречься
 Не будете вы отъ того, что въ полдень
 Сегодня вы клялись убить Хуана
 При первой же его попыткѣ
 Свиданья съ вашей дочерью? Вѣдь это
 Сказали вы, Мендоза? Къ вашей чести
 Я обращаюсь: говорили вы
 Такъ, или—нѣтъ?

Мендоза.

Да, я говорилъ,
 Но какъ могли узнать вы это, ваше
 Величество?

Филиппъ (*вытягивая нижнюю губу и
 какъ бы смакуя что-то вкусное*).

Я знаю все. Мнѣ служатъ
 Усердно во дворцѣ моемъ. Перезъ,
 Внимательнѣе будьте и точнѣе
 Записывайте. Да, мы также знаемъ,
 Что вечеромъ сегодня ваша дочь
 Свиданіе имѣла съ донъ-Хуаномъ.
 Объ этомъ, вѣроятно, какъ другіе,
 И вы узнали. Дѣвочка была
 Неосторожна... Признаете вы,
 Что было вамъ извѣстно ихъ свиданье?
 Молчите?

Мендоза (*вздрагиваетъ, гнѣвно нахму-
 ривается и бросаетъ взглядъ
 ненависти на Переза, который
 потупляется*).

Государь, велите выйти
 Отсюда донъ-Антонио Перезу—
 И вашему величеству скажу
 Я все, что знаю.

Филиппъ (*рѣзко*).

Человѣкъ, который
 Въ убійствѣ уличается, не можетъ
 Самъ слушателей выбирать своихъ.
 Отвѣтъ давайте на мои вопросы
 Или молчите. Сознаетесь вы,
 Что знали про любовное свиданье
 Хуана съ вашей дочерью? Ну, что жъ
 Вы скажете?

Мелдоза (*гордо*).

Ни слова, государь,
Коль вы молчаніе мнѣ разрѣшили.

Филиппъ.

Это

Не принесетъ вамъ пользы. Запишите,
Перезъ, что отвѣчать онъ отказался.
Прибавьте, что молчаніе его
Равняется признанью: вѣдь иначе
Онъ отрицалъ бы. Да, молчанье ваше
Послужитъ поводомъ для передачи
Разбора дѣла на судѣ въ обычномъ
Порядкѣ.

Бросаетъ взглядъ на Мендозу, подчеркивая
последнія слова.

Мендоза (*съ горькимъ презрѣніемъ*).

Разъ не отрицаю я
Свершеннаго мной дѣла,—умоляю
Я, государь, дозволить мнѣ скорѣй
Казнь за него принять. Извѣстно Богу,
Что умереть готовъ я. Пусть умру
Я завтра, иль сегодня въ эту ночь.
Вѣдь донъ-Антоніо Перезъ мой приговоръ
Ужъ, безъ сомнѣнья, приготовилъ. Стоитъ
Лишь подписать его вамъ, ваше
Величество.

Филиппъ.

Нѣтъ, я хочу, чтобъ вы
Судомъ воспользовались правымъ, гласнымъ,
Чтобъ полная дана была возможность
Вамъ оправдаться. Тайна неумѣстна.
Ужасное такое преступленье
Судъ всенародно долженъ разобрать...
Вы помните: когда по волѣ Божьей
Лишился я единственнаго сына,
Несчастнаго донъ-Карлоса, меня
Преслѣдовали злыми клеветами,
Что будто жизнь инфанта сократилъ
Я разными жестокостями. Гласность
Необходима полная. Вѣдь это
Ужасно бъ было, если бъ кто-нибудь
Осмѣлился предположить, что братъ мой
Погибъ съ согласья моего.

Пауза.

5*

Хотя вы
Убили донъ-Хуана хладнокровно,
Но... все жъ я справедливъ и не могу
Забить, что долгой, безпорочной службой
Вы доказали преданность отчизнѣ
И королю. Обязанъ я слѣдить,
Чтобъ были всѣ причины преступленья
Уяснены для подданныхъ моихъ,
Чтобъ даже и малѣйшаго сомнѣнья
Въ умахъ предубѣжденныхъ не осталось...
Вы понимаете?.. Я повторяю,
Что если лично соблаговолилъ
Я допросить васъ—мною руководило
Лишь доброе желаніе избавить
Сѣдого воина отъ мукъ и пытокъ
Формального суда. Поймите это.

Мендоза (*тихо, со злобой*).

Я поплять это, государь, и поплять
Я многое еще другое...

Филиппъ (*холодно и надменно*).

Нѣтъ
Необходимости, чтобъ понимали
Вы иначе иль болѣе того,
Что я сказалъ... Ну—дальше! Объясните,
Въ какое время вечеромъ сегодня
Пришли вы въ комнату Хуана?

Мендоза.

Ваше
Величество, вы знаете объ этомъ.

Филиппъ (*совершенно спокойно*).

Я ничего не знаю. Вы дежурнымъ
Сегодня были. Въ кабинетъ меня
Вы послѣ ужина сопровождали,
Я тамъ съ Перезомъ занялся дѣлами,
Потомъ вернулся въ тронный залъ. Туда
Минуть чрезъ пять явились вы и гласно
Созналися въ убійствѣ. Такъ, Перезъ,
Вѣдь это было?

Перезъ.

Безъ сомнѣнья, ваше
Величество.

Мендоза.

Но развѣ, государь,
Вы не пошли по лѣстницѣ потайной
Со мной въ покои донъ-Хуана?

Филиппъ (*съ притворнымъ глубокимъ
изумленіемъ*).

Съ вами?!

Что это за безуміе еще?..
Перезъ, записывать не надо это...
Увѣренъ я, что этотъ человѣкъ
Сошелъ съ ума...

Мендоза (*со стономъ*).

О, государь...

Филиппъ

Молчите!

И отвѣчайте только на мои
Вопросы. Вы сейчасъ сказали,
Что принцъ былъ безоруженъ?

Мендоза.

Да, его

Высочество былъ безоруженъ.

Филиппъ.

Вы

Его убили безоружнымъ? Это
Вы подтверждаете?

Мендоза съ глубокимъ страданіемъ въ лицѣ на-
клоняетъ голову.

Перезъ, пишите:

«Былъ безоружнымъ». Вы могли, однако,
Ему защиту предоставить: это
Приличіе бы было для такого
Солдата стараго, какъ вы.

Пауза.

Съ Хуаномъ

У васъ, быть можетъ, вышла ссора?

Мендоза.

Нѣтъ,

Мы не ссорились.

Филиппъ.

Такъ, значить, было
Убийство преднамѣренное это?
Куда вы принца поразили?

Мендоза.

Въ грудь.

Филиппъ (*смотритъ на свои руки
и качаетъ головой*).

Жестокое, жестокое убійство!..

Мендоза (*пристально глядитъ на
короля*).

Да, государь, вы совершенно правы.
Жестокое убійство это было.

Филиппъ (*невольюно вздрагиваетъ.
Пауза*).

Вы ранѣе убійства или послѣ
Дочь вашу видѣли?

Мендоза.

Я дочь не видѣлъ.

Филиппъ.

Вы до убійства видѣлися съ нею—
Вѣдь вы признались въ этомъ?

Мендоза.

Государь,

Я этого не говорилъ...

Филиппъ.

Ну, все равно...

Вѣдь если бъ вы застали вашу дочь
У донъ-Хуана—хладнокровно такъ
Вы не могли бы совершить убійство...

За дверью тихій стукъ. Филиппъ дѣлаетъ знакъ Перезу. Перезъ идетъ къ двери. Дверь приоткрывается и оттуда просовывается рука съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ сложенный листокъ бумаги. Перезъ передаетъ листокъ Филиппу, онъ развертываетъ записку, прочитываетъ внимательно, снова свертываетъ и обращается къ Мендозѣ.

Такъ вы отказываетесь сознаться,
Что вашу дочь застали у Хуана?

Мендоза.

Я дочери не видѣлъ. Это я
Уже сказалъ!

Филиппъ (*съ раздраженіемъ*).

Но память у меня
Хорошая и если бы она
Мнѣ измѣнила, то у насъ вѣдь это
Все здѣсь записано. Когда спросилъ я,
Извѣстно ли вамъ было о свиданьи
Хуана съ вашей дочерью—отвѣтить
Вы отказались, но молчанье ваше
Признаньемъ было.

Мендоза (*настойчиво*).

Нѣтъ, признаться въ этомъ
Я не могу:

Филиппъ.

Но почему же?

Мендоза.

Ложью
Признанье это будетъ!

Филиппъ.

Ваша дочь
Сама призналась.

Мендоза.

Я не повѣрю этому!

Филиппъ.

Въ запискѣ,
Мнѣ поданной сейчасъ, доносятъ вотъ что:
Долоресъ—такъ вѣдь, кажется, зовутъ
Дочь вашу—въ тронномъ залѣ передъ всѣми
Созналася, что вечеромъ была
У донъ-Хуана въ спальнѣ въ ту минуту,
Когда его убили.

Мендоза (*кричитъ*).

Это ложь!
Ложь гнусная! Тамъ не была Долоресъ!

Филиппъ.

Она сказала, что была. При этомъ
 Она прибавила, что принцъ убить
 Не вами—ею. Это вздоръ, конечно.
 Ковидному, въ спальнѣ гдѣ-нибудь
 Она скрывалась, разъ вы говорите,
 Что тамъ ее не видѣли вы... Ясно,
 Что на глазахъ у дочери Хуана
 Убили вы, не зная самъ про это.

Мендоза (*внѣ себя*).

Тамъ не было ея—я повторяю!

Филиппъ.

Она была, разъ признается въ этомъ,—
 И я не потеряю, чтобы меня
 Вы прерывали... Да, она была,
 Ея свидѣтельство въ расчетъ мы примемъ.
 Какъ можете вы утверждать, Мендоза,
 Что не было ея тамъ? Развѣ обыскъ
 Вы въ спальнѣ дѣлали? Смотрѣли вы
 За занавѣсками?

Мендоза (*потерянно*).

Нѣтъ, не смотрѣлъ...

Филиппъ.

Ну, если такъ—не можете вы клясться,
 Что въ комнатѣ не спряталась она...
 Ее не видѣли вы. Это жаль:
 Тогда бы поводъ былъ для снисхожденья...
 Признанье этой дѣвушки бросаетъ
 На ваше преступленье свѣтъ: вы знали
 Объ отношеняхъ дочери къ Хуану
 И самымъ звѣрскимъ образомъ отмстили
 Вы принцу. Эта месть должна
 Васъ привести къ послѣдствіямъ ужаснымъ:
 Теперь умрете вы на эшафотѣ
 Мучительною смертью, оставляя
 Позоромъ обезчещенную дочь,
 Которой въ монастырскомъ заключеннѣ
 Придется жизнь несчастную окончить.
 Вы брата отняли у короля
 И у Испаніи ея героя...
 Что можетъ хуже быть еще?

Мендоза *(съ мрачнымъ озлобленіемъ).*

Бываютъ

Дѣла еще похуже этихъ, ваше
Величество! Бываютъ преступленья
Еще ужаснѣе! Я былъ бы во сто разъ
Гнуснѣй, когда бы, совершивъ убійство,
Свалилъ его позоръ на челоуѣка,
Настолько преданнаго мнѣ, что онъ
Взялъ добровольно на себя вину
Злодѣйства моего; я былъ бы гаже
Во сто разъ, когда бы я навлечь старался
Проклятiя невинному, на правду
Набрасывая горы низкой лжи!
Да, это было бы гнуснѣй того,
Что сдѣлалъ я. Богъ надъ убійцей можетъ
Умилосердиться. Но тѣмъ, кто губить
Друзей предательствомъ,—всѣ казни ада
Готовить Богъ!

Филиппъ *(Перезу съ притворнымъ
сожаленіемъ).*

Боюсь, онъ помѣшался—
Не правда ли, Перезъ? Въ его рѣчахъ
Всѣ признаки безумiя.

Перезъ *(качая головою, съ важ-
ностью).*

Да, ваше
Велпчество, и я боюсь. Не знаетъ
Онъ самъ, что говорить.

Мендоза *(дико устремляя взглядъ на
короля, потомъ на Переза,
которые потупляются).*

Нѣтъ, знаю я,
Что говорю, и говорю я правду!..
Въ признанье дочери моей не вѣрю,
И ежели въ несчастномъ заблужденнѣ
Она сказала что-нибудь—могли бы
Вы дать мнѣ умереть, не заставляя
Испить предъ смертью горечь этой чаши!..
Извѣстно Богу—въ годы долгой службы
Я жизнью жертвовалъ нерѣдко ради
Испанiи и ради короля.
Извѣстно Богу, что бы я ни сдѣлалъ

Дурного—я готовъ перенести
 Отъ вашего величества упреки,
 Которые вамъ было бы угодно
 Наединѣ мнѣ сдѣлать. Но клянусь
 Моей предсмертной клятвой—никогда
 Я не прощу, что этотъ вотъ писецъ
 Присутствовалъ при растерзаньи въ клочья
 Достоинства и чести дворянина
 Испаніи и стараго солдата!
 Въ послѣдній часъ мой Небо я молю,
 Чтобъ и его когда-нибудь пытали
 Такъ, какъ теперь меня пытаются здѣсь,
 И даже болѣе еще, покуда
 Помплованья не запроситъ онъ,—
 Чего не сдѣлаю я передъ вами!

Филиппъ (холодно).

Вы забываетесь! Перезъ
 Мой секретарь и уваженья онъ
 Заслуживаетъ. Помните при этомъ,
 Что обвиняетесь въ убійствѣ вы,
 А онъ невинный человѣкъ.

Мендоза дѣлаетъ движеніе, желая возразить.

Довольно!

Допросъ оконченъ... и теперь меня
 Вы больше не увидите, Мендоза.
 Вы въ заключеніи будете все время,
 Пока продлится судъ, который долженъ
 Одинъ исходъ имѣть для васъ. Приблизьтесь!

Властно выпрямляется. Мендоза подходитъ къ
 нему и преклоняетъ колѣно.

Я не злопамятенъ. Прощать обиды
 Религія внушаетъ намъ. Убили
 Вы брата моего, но не хочу я,
 Чтобъ умерли вы съ мыслью, что питаю
 Я злобу въ сердцѣ: я прощаю вашъ
 Поступокъ и протягиваю руку
 Въ залогъ прощенья. Пусть хоть это будетъ
 Вамъ утѣшеньемъ.

Беретъ за руку Мендозу и пожимаетъ ее. Мен-
 доза цѣлуетъ руку короля.

Позовите стражу:
Чтобъ въ западную башню отвели
На эту ночь донъ-Дьего де-Мендозу!

Быстро встаетъ и уходитъ въ дверь въ глубинѣ сцены. Перезъ идетъ къ другой двери и дѣлаетъ знакъ. Входятъ офицеръ и отрядъ королевской стражи. Окружаютъ Мендозу. Перезъ уходитъ, передавъ приказаніе короля офицеру.

СЦЕНА II.

Тѣ же, Долоресъ, донъ-Рюй-Гомезъ-де-Сильва, Офицеръ королевской стражи.

Долоресъ (*въ дверяхъ*).

Отецъ! Отецъ!

Бросается къ стражамъ. За нею слѣдуетъ Гомезъ.

Офицеръ (*удерживая Долоресъ*).

Прошу васъ...

Донъ-Рюй-Гомезъ (*офицеру*).

Это дочь

Донъ-Дьего де-Мендозы. Допустите
Ей краткое свиданіе съ отцомъ.

Офицеръ.

Его величество далъ повелѣнье
Донъ-Дьего де-Мендозу отвести
Въ тюрьму немедленно...

Донъ-Рюй-Гомезъ.

Вы объясните,

Что сдѣлали вы это по приказу
Донъ-Рюй-Гомеза.

Офицеръ почтительно отстраняется и даетъ солдатамъ знакъ, чтобы они разступились.

Долоресъ (*на колыняхъ передъ отцомъ, хватаетъ его за руку съ рыданьемъ*).

Отецъ!.. Ты арестованъ... ты...

Мендоза (*отталкиваетъ ее и громко командуетъ, обращаясь къ солдатамъ*).

Сомкнись!

Впередъ!

Донъ-Рюй-Гомезъ (*Мендозъ*).

Донъ-Дъего, неужель разстаться
Такъ съ дочерью рѣшаетесь вы?

Мендоза (*рѣзко*).

Мнѣ

Ей нечего сказать. Я опозоренъ
Бя поступкомъ.

Донъ-Рюй-Гомезъ.

Преступленье то,
Въ которомъ вы сознались, тяжелѣе
Поступка вашей дочери: любовь
Ее влекла, васъ—ненависть. По праву
Святому человѣчности осмѣлюсь
Вамъ дать совѣтъ: наединѣ проститесь
По-христіански...

Офицеру.

Удалите стражу

И ждите за дверями. Я беру
Отвѣтственность за это на себя.

Офицеръ и стража уходятъ. Гомезъ также.

СЦЕНА III.

Мендоза, Долорезъ.

Долорезъ (*все на колыняхъ передъ отцомъ, съ надрывающимъ плачемъ. Мендоза отвертывается*).

Отецъ! Вы не хотите говорить...
Вы слушать не желаете меня,
Когда я жду хоть слова...

Мендоза.

Что же можемъ
Сказать другъ другу мы? Зачѣмъ меня
Задерживашь ты, когда я долженъ
Погибнуть за убійство человѣка,
Который опозорилъ и тебя,
И честь мою... Я осужденъ на казнь
И чѣмъ скорѣй свершится приговоръ,
Тѣмъ мнѣ отраднѣй будетъ... Понимаешь
Ты это, дочь моя?..

Долоресь (съ безумнымъ воплемъ).

Приговоренъ
Ты къ смерти?! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Не могутъ
Такого приговора сдѣлать: я
Вѣдь имъ сказала, что была тамъ
И что не вами сдѣлано убійство!
Они должны повѣрить мнѣ...

Мендоза.

Они
Повѣрили... и думаютъ, Долоресь,
Что я засталъ васъ вмѣстѣ и убилъ
Хуана. Я приговоренъ заранѣй
И долженъ умереть. Твое признанье
Меня еще изобличило больше...
Но если бъ судъ и затянулся—ты
Предупредила палача: онъ мертвымъ
Найдетъ отца, котораго убила
Его же дочь...

Долоресь (рыдаетъ).

О, Боже милосердный!..

Мендоза.

Не пощадивъ меня, ты и себя
Не пощадила... Твой любовникъ умеръ,
Ты имя доброе могла сберечь,
Но предпочла безумную огласку,
Чтобъ я позналъ еще на эшафотѣ
Всю глубину позора моего!..
И хочешь ты прощенія отца,
И ждешь ты моего благословенья!..

Долоресъ.

Отецъ, клянусь вамъ—я невинна такъ же,
 Какъ въ день, когда меня родила мать!
 Клянусь вамъ памятью ея святою!

Мендоза.

Возможно ль это?.. Но зачѣмъ же ты
 Рѣшилась на безумное признанье
 Предъ всѣмъ дворомъ? Не сыщется на свѣтѣ
 Ни женщины, ни дѣвушки невинной,
 Которая могла сказать бы то,
 Что ты сказала громко предъ толпою
 Мужчинъ и женщинъ...

Долоресъ.

Сдѣлала я это,
 Отецъ, затѣмъ, чтобъ вашу жизнь спасти!

Мендоза (пораженъ).

О, Боже! дай мнѣ этому повѣрить,
 Дай мнѣ повѣрить прежде, чѣмъ умру я
 На эшафотѣ...

Долоресъ.

Это правда! правда!
 Повѣрить вы должны! И если мнѣ
 Вы не повѣрите—изъ гроба встанеть
 Тотъ, кто убитъ былъ вами и кому
 Я сердце отдала: мою невинность
 Онъ засвидѣтельствуетъ передъ вами!
 Клянусь его душою, что на небѣ,
 И вашей и моею душой клянусь
 И буду, буду клясться въ мигъ предсмертный,
 Что не далеко и для меня...

Мендоза (съ рыданіемъ обнимаетъ ее.)

Дитя

Мое несчастное и дорогое,
 Я вѣрю, вѣрю!.. Дай обнять тебя,
 Дай мнѣ поцѣловать тебя... Мы оба
 Теперь благословить другъ друга можемъ
 Предъ вѣчною разлукой: оба мы
 Невинны... Дѣвочка моя, и ты мнѣ
 Повѣрь, что этихъ рукъ не обагрить я
 Въ крови Хуана...

Долоресъ.

Какъ, отецъ?.. Но кто же
Убилъ его?... За что?

Мендоза.

Я не могу,
Не долженъ раскрывать тебѣ, Долоресъ,
Я эту тайну. Догадаться ты
Должна сама... Хуанъ былъ мертвъ, когда я
Его увидѣлъ... да...

Долоресъ.

Такъ, стало быть,
Его убилъ... Шопотомъ.

Король?.. Король?..

Мендоза молчить.

И вашу
Смерть допустить онъ!.. нѣтъ, вы не умрете!

Мендоза.

Дитя мое, я долженъ умереть
И умереть теперь могу спокойно:
Ты вновь вернулася ко мнѣ...

Долоресъ (*прижимаясь къ нему, судорожно*).

Нѣтъ, нѣтъ,
Вы не умрете... Я не отпущу васъ!
Пусть съ вами и меня ведутъ въ тюрьму!

Мендоза.

Теперь меня ничто спасти не можетъ.
Но, разъ ты знаешь все, то мнѣ легко
Покинуть жизнь... О, если бы я прежде
Могъ думать, что меня такъ любишь ты...
Но я тебя не понималъ...

Долоресъ.

Всегда я
Любила васъ всѣмъ сердцемъ... И теперь

Спасу я васъ, спасу... и мы уѣдемъ
 Отсюда далеко—и вы, и я,
 И бѣдная Инесь... и будемъ вмѣстѣ
 Мы жить, покуда я не отойду
 Къ нему на небо...

Мендоза (*качаетъ печально головой*).

Поздно, слишкомъ поздно,
 Моя малютка дорогая... Богъ
 Благословить тебя, и ты забудешь
 Свою тоску... Но мой конецъ рѣшонъ:
 Не болѣе двухъ дней предлится это—
 Народъ вѣдь будетъ требовать возмездья
 За смерть убитаго у короля,
 И кровь моя прольется неизбежно...
 Прощай же, дѣвочка моя, прощай,
 И да почтеть на твоей головкѣ
 Благословенье Божіе...

Долоресъ.

Отецъ,
 Минуту подожди еще... минуту
 Одну, одну... Прошу тебя...

Входятъ Рюй-Гомезъ, Офицеръ, стража.

СЦЕНА IV

Тѣ же, Рюй-Гомезъ, Офицеръ, стража.

Мендоза.

Пора!..
 Мужайся, дорогая... Наконецъ мы
 Нашли другъ друга... Скоро мы навѣки
 Соединимся...

Долоресъ (*твердо, съ глубокой рѣши-
 мостью*).

Нѣтъ, я не прощаюсь,
 Я не хочу прощаться... Мы еще
 Увидимся!

Мендоза (*окружающимъ его солдатамъ сурово и рѣдко командуетъ*).

Впередъ!

Уходитъ въ сопровожденіи Офицера и стражи, бросивъ въ послѣдній разъ взглядъ на дочь.

Долоресъ (*бросается порывисто къ Гомезу*).

Донъ-Рюй-Гомезъ,

Я умоляю—дайте мнѣ возможность
Увидѣть короля наединѣ!

Гомезъ.

Боюсь, что это будетъ очень трудно,
Дитя мое, но намъ поможетъ Богъ.
Я это сдѣлаю для васъ. Идемте.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ V

Декорация четвертаго дѣйствія.

Филиппъ, Долоресъ.

СЦЕНА I.

Филиппъ сидитъ. Долоресъ входитъ и, остановившись у дверей, дѣлаетъ церемоніальный поклонъ. Филиппъ не замѣчаетъ ея. Она кланяется вторично. Филиппъ медленно оглядываетъ ее тупымъ, пристальнымъ взоромъ. Долоресъ отвѣчаетъ холоднымъ и презрительнымъ взглядомъ. Лицо ея блѣдно. Въ глубокихъ глазахъ огонь.

Филиппъ *(не отрывая руки отъ кресла, дѣлаетъ знакъ пальцемъ, указывая на стулъ близъ него, Долоресъ садится).*

Вы за отца пришли просить, я знаю.
Я выслушать готовъ васъ. Поступили
Вы хорошо, что обратились лично
Ко мнѣ. Я васъ пойму скорѣй,
Чѣмъ всякаго, кто могъ бы передать
Мнѣ вашу просьбу... и, насколько это
Во власти короля, я окажу
Вамъ милость.

Долоресъ *(тихимъ, твердымъ голосомъ).*

Государь, я правосудья
Прошу—не милости.

Филиппъ.

То и другое
Связь тѣсную имѣютъ. Вашъ отецъ
Нуждается равно и въ правосудьи,
И въ милости.

Долоресъ.

Нѣтъ, милость не нужна
Невинному. Отецъ мой преступленья
Не совершилъ. Извѣстно это, ваше
Величество, вамъ столько же, какъ мнѣ.

Филиппъ.

Когда бы это было мнѣ извѣстно—
Онъ арестованъ не былъ бы. Скажите
Все, что вы знаете.

Долоресъ (съ глубокимъ убѣжденіемъ).

Я знаю правду!

Филиппъ (съ нѣкоторой тревогой).

Ее узнать и я хочу... Быть можетъ,
Тогда я лучше въ дѣлѣ разберусь
И легче будетъ мнѣ помочь вамъ, если
Возможно это... Ну, скажите жъ мнѣ,
Что вамъ извѣстно?

Долоресъ (наклонившись къ нему и смотря прямо въ глаза, понижаетъ голосъ до шопота).

Я была за дверью,
Которую желали вы открыть,
И тамъ все слышала, все, ваше
Величество! Я слышала, какъ вы
Мечъ обнажили, слышала паденье
Убитаго, слова отца, когда
Вину чужую взялъ онъ, чтобъ не зналъ,
Какъ братъ родной убить былъ королемъ!

*Филиппъ (блѣдный, стараясь при-
творнымъ спокойствіемъ
подавить волненіе).*

Довольно...

Долоресъ (внѣ себя).

Нѣтъ, вы, государь, желали
Узнать всю правду—я скажу ее!
Когда съ отцомъ моимъ вы удалились,
Я въ комнату вошла... Тамъ донъ-Хуана
Нашла я мертваго... Убить онъ
Былъ безоружнымъ... на спасенье жизни

Надежды не было... Вы видите—вотъ кровь
 На платъѣ у меня, кровь человѣка,
 Котораго любила я... Кровь эта
 Пролита вами! За меня онъ умеръ:
 Вѣдь вы ему въ лицо слова такія
 Сказали обо мнѣ, какихъ нельзя
 Снести тому, кто любить... Онъ былъ правъ,
 Что назвалъ трусомъ васъ... и не забуду
 Я словъ его предсмертныхъ... Перенесъ
 Онъ все, чѣмъ вы его пытали: оскорбленья,
 Насмѣшки всѣ надъ матерью его,
 Но онъ не могъ дозволить, чтобы грязью
 Въ мое бросали имя—и его
 Изъ трусости убили вы!.. Ну, что же—
 Извѣстна ли мнѣ истина? Сказала ль
 Хоть слово я, что не было бы правдой?..
 Сознаться же теперь—не мой отецъ,
 А вы преступникъ!.. Неужель у васъ
 Нѣтъ мужества сознаться?

Филиппъ.

Королямъ

Не дѣлають допросовъ.

Долоресъ.

Предо мною

Вы не король—нѣтъ, вы убійца брата,
 Убійца человѣка, чьей женой
 Могла бы быть я завтра... Я—испанка,
 Я не хочу, чтобы моя отчизна
 Заклеймена была предъ цѣлымъ свѣтомъ
 Молвою объ убійствахъ королевскихъ:
 Спасите моего отца—и ради
 Отчизны я не выдамъ вашу тайну!..
 Но если вы не сдѣлаете это,
 Тогда убейте здѣсь меня на мѣстѣ,
 Какъ вы убили брата, или я—
 Клянусь вамъ!—всея Испаніи скажу,
 Кто вы такой!.. И люди, что любили
 Загубленнаго вами донъ-Хуана,
 На васъ возстануть и за кровь его
 Прольютъ и вашу кровь, хоть это будетъ
 Кровь короля, и вы такимъ умрете,
 Какимъ убійство совершили,—трусомъ
 Умрете вы!

Филиппъ подавленный молчить.

Ну, что же вы молчите?
Вы не хотите говорить?.. Тогда
Меня убейте прежде, чѣмъ уйду я:
Я ждать не стану больше...

Она идетъ къ двери.

Филиппъ (*дрожжа поднимается, судорожно опираясь на ручки кресла, и кричитъ испуганно*).

Нѣтъ,

Остановитесь... нѣтъ, не уходите...
Чего хотите вы?

Долоресъ (*дѣлаетъ къ нему шагъ*).

Хочу признанья,
Что я сказала правду и виновникъ
Убійства донъ-Хуана не отецъ,
А—вы!

Она снова дѣлаетъ движеніе уйти.

Филиппъ (*задыхался*).

Да... это правда... Правда...
Я это сдѣлалъ... Только ради Бога
Меня не выдайте...

Долоресъ.

Сознанье ваше—
Еще не все... Я требую свободы
И безопасности отца. Должны вы
Тотчасъ же дать приказъ, чтобъ возвратился
Онъ какъ свободный человѣкъ сюда.

Филиппъ.

Но это невозможно! Въ преступленьи
Предъ всѣмъ дворомъ признался вашъ отецъ
И безъ суда его освободить
Нельзя теперь. Вы просите о томъ,
Чего исполнить не могу я.

Долоресъ.

Ваше
Величество, я не прошу, я ставлю
Условія убійцѣ моего
Возлюбленнаго.

Филиппъ *(кричитъ, задыхаясь отъ гнѣва)*.

Нѣтъ, ужъ это слишкомъ!
Вы обезумѣли! Я позову
Сейчасъ же слугъ моихъ и прикажу имъ
Арестовать васъ. Въ заключеннн вы
Опомнитесь!.. Я дерзостей довольно
Выслушивалъ отъ васъ...

Долоресъ.

Ну, что жъ—зовите
Кого угодно! Все жъ себя спасти
Вамъ не удастся. Тамъ, за этой дверью,
Донъ-Рюй-Гомезъ, тамъ камергеры, стража...
И прежде, чѣмъ велите вы меня
Арестовать—я все скажу, всю правду!
Да, если вы приказъ освободить
Отца мнѣ не напишете сейчасъ—
Я ухожу! Минуть чрезъ десять вспыхнетъ
Мятежъ средь вашего дворца... а завтра
Возстанетъ вся Испанія, чтобъ вамъ
Отмстить за смерть Хуана! Не забыла
Еще она, какъ вами былъ загубленъ
Донъ-Карлосъ! Живы тѣ еще, кто видѣлъ,
Какъ собственной рукой вы поднесли
Отраву королевѣ Изабеллѣ!

Филиппъ.

Не забывайся, дѣвушка! Кому
Ты дерзкія бросаешь оскорбленья?—
Король передъ тобою! Берегись!..

Долоресъ.

Нѣтъ, берегись ты, донъ-Филиппъ Австрійскій,
Король Испаніи и полусвѣта,
Чтобъ голосъ дѣвушки не заглушилъ
Твоихъ угрозъ, чтобъ слабою рукою
Не сокрушила дѣвушка твой тронъ!
Чтобъ человѣчество все не возстало,
Грозя тебѣ отмщеніемъ за кровь,
Тобой пролитуя!.. Тебѣ дарю я
Еще одну минуту: дай приказъ
Освободить отца!.. Ты не согласишься?

Такъ—гибни! Дверь открою я
И расскажу я всѣмъ!..

Она бросается къ двери и хватаетъ бронзовую ручку.

Филиппъ.

Остановитесь!..

Идетъ къ письменному столу, беретъ перо, быстро пишетъ на листѣ бумагѣ и подаетъ его Долоресъ одною рукой, а другую украдкой протягиваетъ къ серебряному колокольчику. Долоресъ замѣчаетъ это.

Долоресъ (*съ рѣзкимъ повелительнымъ жестомъ*).

Если зазвоните вы—

Я отворю тотчасъ же дверь!.. Бумагу
Изъ вашихъ рукъ должна я получитьъ
Здѣсь, гдѣ я въ безопасности... Приказъ
Прочту сперва сама я...

Филиппъ (*злобно улыбаясь*).

Дочь Мендозы,

Вы женщина ужасная!..

Онъ передаетъ ей бумагу. Нѣсколько мгновений они смотрятъ другъ другу въ глаза. Въ лицѣ Долоресъ мелькаетъ подозрѣніе, что онъ попытается схватить ее у двери. Не отходя отъ двери, она протягиваетъ руку къ королю, а другою пріотворяетъ немного дверь, которая открывается внутрь. Филиппъ, понявъ ея подозрѣніе, передергивается, подходить къ Долоресъ и отдаетъ ей бумагу. Долоресъ пробѣгаетъ глазами приказъ.

Долоресъ.

Благодарю васъ, ваше
Величество.

Низко присѣдаетъ и широко растворяетъ дверь

СЦЕНА II.

Тѣ же, донъ-Рюй-Гомезъ.

Филиппъ (*увидѣвъ Гомеза, стоящаго за дверью, дѣлаетъ ему знакъ*)

Донъ-Рюй-Гомезъ, войдите.

Гомезъ входитъ.

Внявъ просьбамъ этой дѣвушки и свѣдавъ
Всю правду отъ нея, ея отца

Освободить рѣшили мы. Скажите
 Донъ-Дьего де-Мендозѣ, что приказъ
 Нашъ королевскій о его свободѣ
 Врученъ вамъ дочерью его.

Дѣлаетъ повелительный знакъ Долоресъ. Она
 передаетъ приказъ Гомезу.

Исполнить

Немедленно.

Гомезъ.

Вѣсть радостную эту
 Самъ передамъ я, государь, Мендозѣ.
 Уходить.

СЦЕНА III.

Филиппъ, Долоресъ.

Филиппъ (*мрачно усмѣхаясь, окидываетъ Долоресъ долгимъ взглядомъ*).

За дерзкую борьбу со мною васъ
 Прощаю я... меня вы побѣдили...
 Но... короли не могутъ выносить
 Такихъ побѣдъ отъ подданныхъ... Надѣюсь,
 Я при дворѣ моемъ не буду больше
 Васъ видѣть.

Долоресъ (*почти рыдая*).

Государь, теперь мнѣ въ жизни
 Одно осталось: плакать и молиться...
 Въ стѣнахъ монастыря себя навѣки
 Я схороню и тамъ я буду ждать
 Желанный смерти день, когда на небѣ
 Я встрѣчусь съ тѣмъ, кого любила я...

СЦЕНА IV.

Тѣ же, донъ-Хуанъ.

Хуанъ (*который вошелъ незамѣтно
 при послѣднихъ словахъ До-
 лоресъ*).

Ты встрѣтишься съ нимъ на землѣ, Долоресъ,
 Для жизни и для счастья!..

Долоресъ.

Хуанъ!..

Ты живъ!.. Ты живъ!..

Съ крикомъ невыразимой радости порывается къ Хуану, готовая упасть къ его ногамъ. Онъ спѣшитъ поддержать ее. Филиппъ нервно вздрагиваетъ, поднимается съ кресель, блѣдный отъ изумленія и испуга, и дѣлаетъ шагъ къ Хуану.

Хуанъ (*Филиппу*).

Простите, государь,

Вошелъ я безъ доклада... мнѣ хотѣлось
Скорѣ васъ избавить отъ тревоги,
Что душу вамъ наполнила, конечно
При вѣсти о моей кончинѣ мнимой...

Филиппъ (*оправившись отъ испуга*).

Да, дорогой мой братъ,
Никто такъ не былъ огорченъ глубоко,
Какъ я... и радъ привѣтствовать теперь
Я первымъ ваше возвращенъе къ жизни...
Но какъ же—объясните—приключился
Такой загадочный и странный случай?
Кто вамъ нанесъ ударъ, который, къ счастью,
Не оказался роковымъ для васъ?
Зачѣмъ нашъ старый другъ Мендоза вздумалъ
Себя убійцей вашимъ объявить
Предъ всѣмъ дворомъ?

Хуанъ.

Исторія моя

Проста и коротка... и если ваше
Величество кой-что найдете въ ней
Неяснымъ—я прошу у васъ прощенья,
Что я себѣ позволилъ умолчать
Подробности моей интимной жизни...
Вотъ какъ все было... Вечеромъ сегодня
Сидѣлъ я въ комнатѣ своей... Ко мнѣ
Зашелъ одинъ хорошій мой знакомый...
Я довѣрялся издавна ему.
Но въ этотъ разъ межъ нами вышла ссора...
Позвольте скрыть мнѣ имя человѣка,
Который чуть не отнял жизнь мою:
Я не желалъ бы сдѣлать вредъ ему...

Пристально глядитъ въ глаза Филиппу. Тотъ молча киваетъ головою.

Мы обмѣнялись рѣзкими словами
 И, какъ между мужчинами бываетъ,
 Въ горячности мы обнажили шпаги...
 Я получилъ ударъ клинка—сюда вотъ,
 Пустякъ, царапина—но поскользнулся
 И на спину упалъ. Паденье это
 Меня ошеломило, я лишился
 Сознанія... Противникъ мой подумалъ,
 Что я убитъ, и послѣшилъ уйти...
 Затѣмъ—какъ рассказали мнѣ—Мендоза
 Вошелъ ко мнѣ—то время нашей схватки,
 Иль позже—я не знаю—и меня
 Онъ также счелъ за мертвеца. Въ порывѣ
 Великодушномъ, чтобы смерть мою
 Молва пустой не объяснила ссорой
 Соперниковъ изъ-за любви къ его
 Прекрасной дочери—вину убійства онъ
 Взялъ на себя... Такъ я, по крайней мѣрѣ,
 Все это дѣло понялъ, государь...

Филиппъ (*усмѣхаясь*).

Возможно, что вы правы...

Хуанъ.

Остальное
 Все объясняется легко... Предъ вами
 Здѣсь дочь великодушнаго отца,
 Которой мужество и благородство
 Извѣстно всѣмъ. Я съ давнихъ поръ ее
 Люблю всѣмъ сердцемъ... И клянусь предъ Богомъ
 И вами, государь, она чиста,
 Какъ ангелы небесъ!.. Повѣривъ слуху,
 Что я убитъ Мендозою, она
 Спасти отца хотѣла и признала
 Себя преступницей. Я ваше
 Величество прошу, я умоляю
 Все сказанное мною подкрѣпить
 Предъ всѣми вашей королевской властью.
 И если бы нашелся человѣкъ,
 Который могъ бы усомниться въ правдѣ
 Того, что вы узнали отъ меня,—
 Пускай онъ выскажется передъ вами:
 Я, государь, желаю, чтобы всѣ
 Повѣрили мнѣ...

Филиппъ.

Я вамъ вѣрю больше,
Чѣмъ клятвамъ всякаго другого! Здѣсь,
Надѣюсь, не осмѣлится никто
Зъ томъ сомнѣваться, въ чемъ мы съ вами оба
Убѣждены!

Хуанъ.

Благодарю васъ, ваше
Величество... Затѣмъ позвольте мнѣ
Просить о милостивомъ разрѣшеніи
На бракъ мой съ доньей Долоресъ, давно
Любимой мною... Я осмѣлюсь думать—
Вы не откажете мнѣ въ этой просьбѣ
Теперь, когда увидѣли въ ней дочь,
Достойную ея отца.

Филиппъ.

Охотно
Согласье я даю... Но что Мендоза
Объ этомъ думаетъ?

Входитъ камергеръ.

Камергеръ.

Донъ-Дьего де-Мендоза—
Аудіенціи испрашиваетъ онъ
У вашего величества...

Филиппъ.

А... кстати...
Пускай войдетъ.
Камергеръ уходитъ. Входитъ Мендоза.

СЦЕНА V.

Тѣ же, Мендоза.

Мендоза.

Я, государь, пришелъ
Сердечную принести вамъ благодарность
За милосердіе и справедливость вашу
И вымолить прощенье за обманъ,
Внушенный преданностью...
Преклоняетъ колѣни.

Филиппъ.

Вашу дочь,
Прекрасную Долоресъ, вы должны

Благодарить, Мендоза. Обнимите
Ее, какъ добрую спасительницу вашу
И какъ невѣсту принца донъ-Хуана
Австрійскаго.

Мендоза (*взволнованно*).

Вы, государь, сказали...

Филиппъ.

Мы здѣсь безъ васъ рѣшили этотъ бракъ,
Для всѣхъ равно желанный: для меня
Для брата моего и, безъ сомнѣнья,
Для вашей дочери... и ждемъ теперь,
Что скажете на это вы?

Мендоза.

Я, ваше
Величество, скажу, что старый воинъ
Глубоко осчастливленъ королевскимъ
Рѣшеньемъ вашимъ и великой честью,
Оказанною дому моему
Его высочествомъ... Я этотъ день
Счастливейшимъ считать до гроба буду:
Мнѣ жизнь вы подарили вмѣстѣ съ счастьемъ
Любимой дочери!..

Онъ протягиваетъ въ порывѣ глубокой нѣж-
ности руки къ Долоресъ. Она бросается въ его
объятія. За сценой шумъ, голоса.

Филиппъ (*прислушиваясь*).

Что тамъ за шумъ?

Входитъ камергеръ.

Камергеръ.

Весь дворъ взволнованъ радостною вѣстью...
Придворные и дамы просятъ ваше
Величество о дозволеньи имъ
Призѣтствовать васъ, государь, и принца.

Филиппъ даетъ знакъ согласія. Два пажа отво-
ряютъ двери. Входятъ придворные мужчины и
дамы.

Всѣ.

Да здравствуетъ король и да живетъ
На счастье Испаніи и славу
Принцъ донъ-Хуанъ Австрійскій!

ЗАНАВѢСЪ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Дон.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки ввѣо поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1915 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 2-й.

Богословіе.

СОКОЛОВЪ, П. проф. Епархіи константинопольской церкви настоящаго времени. ТРОИЦКІЙ, С. Православіе, унія и католичество у славянъ и румынъ въ Австро-Венгріи. Съ картой. Ц. 70 к.

Философія, психологія, логика.

ВЕТУХОВЪ, А. Основы вѣры и знанія (религія и науки) по даннымъ языка. Харьковъ. 1915. Ц. 1 р.
ВИНОГРАДОВЪ, С. Основанія теоріи детерминантовъ. М. Ц. 75 к.
ЛАЗУРСКІЙ, А. Программа изслѣдованія личности. Ц. 20 к.
— Психологія общая и экспериментальная. Ц. 2 р.
МЕТНЕРЪ, Э. Разборъ взглядовъ Р. Штейнера въ связи съ вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М. 1914. Ц. 2 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

ЛПСОВСКІЙ, Н. Книговѣдѣніе, какъ предметъ преподаванія, его сущность и задачи. Ц. 75 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АВСТРИЙСКІЙ ЛЕЙТЕНАНТЪ. Куда идешь ты, Австрія? Романъ. Ц. 80 к.
АФАНАСЬЕВЪ, К. Маленькіе рассказы. М. 1915. Ц. 30 к.
БОРОДАЕВСКІЙ, В. Уединенный доль. Вторая книга стиховъ. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
БЪЛОВЪ, В. Кровью и желѣзомъ. Впечатлѣнія офицера-участника. Августъ—сентябрь. Цѣна 1 р.
ГАРИНЪ-МИХАЙЛОВСКІЙ, Н. Дикій человекъ. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
ГЕОРГІЕВЪ, Г. Лимонъ. Шутка. Пенсіонеръ. Ц. 30 к.
ГОРЬКІЙ, М. Матвѣй Кожемякинъ. Повѣсть. Кн. 2. Ч. 3—4. Ц. 1 р. 85 к.
ГРИГОРЬЕВЪ, С. Два мѣсяца въ германскомъ плѣну. Впечатлѣнія, наблюденія, выводы. Одесса. 1914. Ц. 60 к.
ГУМИЛЕВСКІЙ, Л. Рассказы изъ современной войны. Ц. 40 к.
КОНРАДЪ, Г. Тайный агентъ. Романъ. М. 1915. Ц. 1 р. 25 к.
ЛАЗАРЕВСКІЙ, Б. Три тополя. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ, Н. Русскій баринъ. Романъ. Ц. 2 р.

«Истор. вѣстн.», мартъ 1915 г., т. сxxxix.

1/422

ЛОНДОНЪ, Д. Лунная долина. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
 МАНСФЕЛЬДЪ, Е. Кляксы. М. 1915. Ц. 75 к.
 МОЛОДОЙ, В. Безъ отвѣта. Поэма лиричной души. Ц. 1 р. 20 к.
 ОКУНЕВЪ, Я. На передовыхъ позиціяхъ. Боевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 25 к.
 ОССЕНДОВСКІЙ, А. Женщины, возставшія и побѣжденные. Романъ. Ц. 1 р.
 РУССКІЙ СМѢХЪ. Сборникъ сатиры и юмора, отъ А. Пушкина до А. Амфитеатрова. Сост. В. Князевъ. Ц. 1 р. 25 к.
 СВИРСКІЙ, А. Пограничники и др. рассказы. М. 1915. Ц. 1 р. 25 к.

СЛАДКОПѢВЦЕВЪ, В. Мои рассказы. Т. 2-й. Ц. 1 р. 25 к.
 СОЛОГУБЪ, О. Война. Стихи. Ц. 40 к.
 СУРОЯКСКІЙ, П. Зеленый шумъ. Рассказы. Ц. 85 к.
 СВЕРЯНИНЪ, П. Ананасы въ шампанскомъ. Поэмы. М. 1915. Ц. 1 р. 25 к.
 ТОФАМЪ, А. При дворѣ Гогенцоллерновъ. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.
 ШАМОНИНЪ, В. На погостѣ. Стихи. Ц. 40 к.
 ШЛИХТЪ, фонъ. Жизнь золотыхъ мотыльковъ. Разоблаченія герман. офицера. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

АКСАКОВЪ, Конст. Серг. Сочиненія. Томъ I. Ц. 3 р.
 АЛДАНОВЪ, М. Толстой и Ролланъ. Т. I. Ц. 2 р.
 АЛЕКСАНДРОВЪ, П. Сѣверная система. Опытъ изслѣдованія идей и хода вѣдѣнной политики Россіи въ первую половину царствованія императрицы Екатерины II. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
 БЕМОНЪ Ш. и МОНО Г. Исторія Европы въ средніе вѣка. Ц. 2 р.
 БІОГРАФІЯ Михаила Григорьевича Кривошлыка, съ портретомъ. Ц. 10 к.
 БУЗЕСКУЛЪ, В. Лекціи по исторіи Греціи. Т. I. Введеніе въ исторію Греціи, обзоръ восточниковъ и очеркъ разработки. Ц. 3 р. 25 к.
 ВСЕЛОВСКІЙ, С. Сошное письмо. Изслѣдованіе по исторіи кадра и посоланнаго обложенія Московскаго государства. Т. I. М. 1915. Ц. 3 р.
 ГИНСЪ, Г. и ШАФРАНОВЪ, П. Сельскохозяйственное вѣдѣнство за 75 лѣтъ его дѣятельности. Ц. 3 р.
 ЗАПИСКИ ЖЕНЪ ДЕКАБРИСТА, П. Е. Анненкова. Ц. 1 р. 50 к.
 ЗАРУДСКІЙ, Б. Парижскій клубъ якобинцевъ въ первые годы его существованія. Очерки. Кіевъ. 1914. Ц. 50 к.
 КОНСТАНТИНЪ КАРЛОВИЧЪ ГРОТЪ

какъ государственный и общественный дѣятель. Матеріалы для его біографіи и характеристики. Къ столѣтію со дня его рожденія. Т. I—II. Цѣна за два тома 4 р.
 КОРНИЛОВЪ, А. Молодые годы Михаила Бакунина изъ исторіи русскаго романтизма. М. 1915. Ц. 4 р. 50 к.
 ЛАВИССЪ, Э. Очерки по исторіи Пруссіи. М. 1915. Ц. 1 р. 25 к.
 ЛЮБАВСКІЙ, М. Лекціи по древней русской исторіи до конца XVI вѣка. М. 1915. Ц. 2 р. 50 к.
 НАШЕ ПРОШЛОЕ. Рассказы изъ русской исторіи. Ч. II. 18 и 19 вв. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.
 НЕЛИДОВА, Е. Русь въ ея столицахъ. Историческіе очерки. III. Кіевъ. Съ 24 рис. Ц. 55 к.
 ПОГОДИНЪ, А. Краткій очеркъ исторіи Славянъ. М. 1915. Ц. 60 к.
 СБОРНИКЪ въ память князя Павла Петровича Вяземскаго. Ц. 1 р.
 СБОРНИКЪ СТАТЕЙ, посвященныхъ Л. Н. Савелову. Н. 1915. Ц. 5 р. 50 к.
 СМІРНОВЪ, Н. Орель Россійскій, твореніе Симеона Полоцкаго. Ц. 10 р.
 ЯНИЦКІЙ, Н. Писцовая книга Бѣженской пятны Новгородской области 1564 года. Кіевъ. 1914. Ц. 15 к.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

АБАМЕЛЕКЪ-ЛАЗАРЕВЪ, кн. Задачи Россіи и условія прочнаго мира. Ц. 1 р.
 БИЛИМОВИЧЪ, А. Въ вопросу о расцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ. Ч. I. Теорія потребностей. Понятіе субъективной цѣнности, цѣны и объективной мѣрновой цѣнности. Кіевъ. 1914. Ц. 2 р. 50 к.
 БЮЛОВЪ, фонъ, кн. Вѣдѣнная политика Германіи. Одесса. 1915. Ц. 75 к.
 ДЖОРДЖИКИЯ, Н. Критика психологической теоріи права проф. Л. I. Петражицкаго. Кіевъ. 1915. Ц. 30 к.
 ЗАВИТНЕВИЧЪ, В. Банкротство начало германской культуры и идеалъ русской цивилизаціи. Кіевъ. 1915. Ц. 40 к.
 ИВАНОВЪ, П. Законы объ иностранцахъ, подданныхъ воюющихъ съ Россіей державъ и сенатская практика. Одесса. 1915. Ц. 60 к.
 ИШХАНИНЪ, В. Нѣмецкій профессоръ о германскомъ шовинизмѣ. Ц. 15 к.
 КАЗАНСКІЙ, П. Небольшой, но поучительный эпизодъ изъ области современныхъ галицко-русскихъ отношеній. Одесса. 1915. Ц. 10 к.
 КЕЧЕДЖИ-ПАПОВАЛОВЪ, М. Экономическая Турція къ концу перваго десятилѣтія XX вѣка. Ц. 60 к.

КИСТЯКОВСКІЙ, Ю. Обезпечена ли Германія средствами продовольствія? Кіевъ. 1915. Ц. 35 к.
 КЛАДО, Н. Очерки мировой войны. В. 5. Ц. 50 к.
 КНИГА ЛЖИ. Германская бѣлая книга о возникновеніи германо-руско-французской войны. Ц. 50 к.
 ЛИПРАНДИ, А. Еврейство и антисемитизмъ. Харьковъ. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
 МАСЛОВЪ, П. Экономическія причины мировой войны. М. Ц. 25 к.
 НОВАКОВСКІЙ, С. Панамскій каналъ и его мировое значеніе. Кіевъ. 1914. Ц. 6 р.
 «НОВЫЕ ИДЕИ ВЪ ПРАВОВѢДѢНІИ» № 4. Философія права и нравственности. II. Ц. 80 к.
 ОЗЕРОВЪ, И. Алкоголизмъ и борьба съ нимъ. М. 1914. Ц. 60 к.
 ПОГОДИНЪ, А. Славянскій міръ. Политическое и экономическое положеніе славянскихъ народовъ передъ войной 1914 г. Ц. 1 р. 75 к.
 РАДВУХЪ, Г. Введеніе въ науку права. М. 1915. Ц. 1 р. 25 к.
 РЕМИЗОВЪ, А. За святую Русь. Думы о родной землѣ. Ц. 40 к.

- С. А. Война и экономическая независимость Россіи. Ц. 10 к.
 СЕРГЬЕВСКІЙ, Н. Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ. Ч. общія. Изд. II. Ц. 2 р. 50 к.
 СОБОДИНСКІЙ, Л. Мерси. Статистико-экономическій очеркъ. Ц. 4 р.
 СОКОЛОВСКІЙ, П. Русская школа въ Восточной Сибири и Примурскомъ краѣ. X. 1914. Ц. 3 р.
 ХЕЙФИЦЪ, Ю. Галиція. Политическое, административное и судебное устройство. Ц. 1 р.
 Х. П. Воюющая Германія. Ц. 80 к.
 ШАПИРО, Г. Для чего потребительнымъ обществамъ нужны союзы. Ц. 35 к.
 ШЕЛУХИНЪ, С. Нѣмецкая колонизація на югѣ Россіи. Одесса. 1915. Ц. 50 к.
 ЭРИСТОВЪ, А. Къ законопроекту о ликвидаціи хиванскихъ отношеній въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ. Ц. 30 к.
 ЭРИСТОВЪ, А. О государственномъ банкѣ. Ц. 35 к.
 ЯКОВЛЕВЪ, Н. Сборникъ узаконеній о сбереженіи дѣловъ частныхъ и общественныхъ. Ц. 2 р. 50 к.

Искусство.

- ГИЛЬДЕНБРАНДЪ, А. Проблема формы въ изобразительномъ искусствѣ. М. Ц. 3 р.
 «ЕЖЕГОДНИКЪ» императорскихъ театровъ. 1914. Вып. 7. Ц. 1 р.
 КАРНАТУРЫ, Война и Пѣтъ. Вып. I. Ц. 1 р. 50 к.
 РУССКОЕ народное искусство на второй Всероссийской кустарной выставкѣ въ Петроградѣ въ 1913 г. Изд. гл. упр. землеустр. и землед. Ц. 12 р.

Естествознаніе и математика.

- БРЮНЪ, В. Деградація энергии и гибель міра. Ц. 1 р.
 ВОЕЙКОВЪ, А. Климатъ Кисловодска и Черноморскаго побережья Кавказа. М. 1914. Ц. 30 к.
 ЗАЛЕНСКІЙ, В. Краткое руководство по физиологии растений для высшихъ учебныхъ заведеній. Ц. 2 р. 25 к.
 НАБАТОВЪ, М. Морской аквариумъ въ комнатѣ, его устройство и уходъ за нимъ. Ст. 144 рис. въ текстѣ. Изд. 2. 1915. Ц. 1 р. 25 к.
 НАТАНСОНЪ, А. Общая ботаника. М. 1915. Ц. 3 р.
 «НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ МАТЕМАТИКѢ», № 10. Математика и философія. II. Ц. 80 к.
 СУКАЧЕВЪ, В. Введеніе въ ученіе о растительныхъ сообществахъ. Ц. 35 к.
 ХВОЛЬСОНЪ, О. Курсы физики. Т. IV. Вторая половина. Ц. 6 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- ВОЕЙКОВЪ, А. Сѣверная часть Черноморскаго побережья, ея климатъ и колонизація. Ц. 40 к.
 ГАЛИЧИНА, БУКОВИНА, УГОРСКАЯ РУСЬ. Составлено сотрудниками «Украинская Жизнь». М. 1915. Ц. 1 р. 40 к.
 РЕВЕЛЮТИ, Л. На крышѣ міра. Изъ Калькутты въ Ташкентъ черезъ Кашмиръ, Гильгитъ, Хунзу и Памиры. Ц. 1 р. 50 к.
 ФЕЩЕНКО-ЧОПОВСКІЙ, И. Промышленность и природныя богатства Галиціи. Кіевъ. 1915. Ц. 20 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- ЕМЕЛЬЯНОВЪ, И. Сельскохоз. энтомологія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки. Ц. 1 р.
 ИВАНОВСКІЙ, В. Испытаніе плодовыхъ и овощныхъ сушилокъ при уманскомъ училищѣ садоводства. Ц. 50 к.
 КЕРНЪ, Э. Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе. Ст. 29 рис. Ц. 1 р.
 КИЧУНОВЪ, Н. Огородничество въ Россіи. Вып. 5. Огородный промыселъ и промышленно-огородныя культуры подъ Петроградомъ съ 357 рис. Ц. 2 р. 50 к.
 КРЮКОВЪ, Н. Славянскія земли. Сельское хозяйство въ связи съ общимъ развитіемъ этимъ странъ. Т. I. Юго-Западный районъ. Съ 89 рис. и 11 карт. Ц. 2 р.
 ПЛЕМБЪ, Ч. Типы и породы сельскохозяйственныхъ животныхъ. Ц. 1 р. 75 к.
 ПЯТНИЦКІЙ, П. Маслодѣліе. М. Ц. 20 к.
 СААДИ, Садъ плодовой. Разказы и ученія. Ц. 1 р.
 СКОРНЯКОВЪ, Е. Орошеніе плодовыхъ садовъ въ Сѣв. Америкѣ. Ц. 85 к.
 ФРУВЕРТЪ, К. Селекція кукурузы, кормовой свеклы и другихъ корнеплодовъ, масличныхъ растений и кормовыхъ злаковъ. Ц. 1 р.
 ХАНССОНЪ, Н. Дѣятельность контрольныхъ союзовъ. Руководство для контрольныхъ ассистентовъ и членовъ союзовъ. Ц. 40 к.
 ЩЕРБИНИНЪ, Г. Вопросы экономіи мелкаго хозяйства пригвѣит. къ задачамъ агрономической и кооперативной помощи. Ц. 1 р.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- БЕЗЕРСКІЙ О. Русская упрощенная тройная система. Учебн. счетоводство земскихъ и городскихъ управъ. Ч. практическая. Ц. 2 р. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

БОРЕЙКО, Д. Испытания материалов для аэроплановъ. Ц. 60 к.

БОЯРОГЛО, П. Изготовление авиационныхъ роторныхъ двигателей «Гномъ» на заводе общества моторовъ Гномъ въ Москвѣ. Ц. 40 к.

БЪЛИВСКИЙ, А. Ртутные выпрямители переменнаго тока. Новочеркасскъ. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ВЛАДИМИРОВЪ, К. Графическій расчетъ турбомашинъ. Ц. 50 к.

ЗМИЕНКО, С. Постройка ледорѣза изъ дерева въ натуральную величину и расшиловка его на шаблоны ледорѣзныхъ ламней. Ц. 60 к.

ЛИНДЕ, И. Календарь-справочникъ для электротехниковъ на 1915 г. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к.

ЛИНДНЕРЪ, М. Сборникъ схемъ установокъ слабого тока. Одесса. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

ЮРЕНЦЪ, Г. и ПРЕГЕРЪ, Э. Таранъ и гидронульсортъ. Ц. 40 к.

НАУМОВЪ, В. Производство большихъ газовыхъ двигателей на заводе Коке-риалля. Ц. 75 к.

ОТЧЕТЪ по испытанию европейскихъ и канадскихъ уборочныхъ машинъ. Ч. III. Ц. 75 к.

ЧЕРМАКЪ, Д. Сверлильные станки. Обзоръ типовъ и конструкцій. Ц. 70 к.

ШАРПАНТЬЕ, С. Бракъ въ литейномъ дѣлѣ и его учетъ. Ц. 85 к.

— Брикетирование металлическихъ стружекъ. Ц. 30 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

БЕЛРКЕ, Л. Учебникъ практической хирургіи для врачей и учащихся. Т. I, II. Ц. за два тома 8 р.

ГРАВИЦЪ, Е. Гигиена обшденной жизни. Ц. 75 к.

ЦАТРОПТОВЪ, П. Курсъ гигиены для средне-медиц. школъ. Ц. 1 р. 20 к.

ЖУКОВСКИЙ, В. Оспопрививаніе. Лекціи. Ц. 80 к.

ЛЕКЦИИ ПО ОБЩЕЙ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПАТОЛОГИИ. Съ 36 рис. Ц. 5 р. 50 к.

МОНР, Л. Руководство по внутреннимъ болѣзнямъ. Инфекціонныя болѣзни. Два тома. Ц. 8 р.

ПОЛЮЦОВЪ, В. Проблема наследственности, какъ научная схема. М. 1915. Ц. 20 к.

Военное и морское дѣло.

РИСУНКИ наружныхъ отличій воинскихъ чиновъ и званій. Ц. 1 р. 25 к.

ШПЕНЦЕРЪ, С. Современный военный флотъ и морская война. Одесса. 1914. Ц. 15 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

ЕЗЕРСКИЙ, О. Австрійскій и русскій универсальные общенародные алфавиты и русская народная азбука (она же общенародная). Ц. 15 к.

ЕНЬКО, П. Методика начального счета по лабораторному методу. Ч. I. Практика обученія. Ц. 60 к.

— Сборникъ практическихъ расчетовъ для начального обученія счету по лаборатор. методу. Ц. 15 к.

— справочникъ по начал. счету для учащихся. Ц. 15 к.

— Методика начального счета. Ч. II. Теоретическія основанія. Ц. 30 к.

ГЕБЕЛЬ, В. Наглядная геометрія въ задачахъ и вопросахъ. М. 1915. Ц. 50 к.

ГЕНЕРОПИТОМЦЕВА, Е. Жизненный методъ преподаванія языковъ и его значеніе. Ч. I. Ц. 2 р.

ДЕМЪОВЪ, М. Уроки въ народной школѣ. Краткое методическое руководство. М. Ц. 60 к.

КОЗЛОВЪ, С. Новая постановка письменныхъ работъ въ русской школѣ. Ц. 30 к.

КРВАЗЪЕ, А. Элементарный курсъ грамматики французскаго языка. Ц. 45 к.

МАРГОЛИНЪ, Д. Новая программа для поступленія въ торговыя школы и классы. Кіевъ. 1915. Ц. 30 к.

РЕЙНЪ, В. Педагогика. Ц. 65 к.

ЦВѢТКОВЪ, О. Объясненіе символа вѣры, молитвы Господней, заповѣдей и богослуженія. Шестисалміе и часы. М. 1915. Ц. 25 к.

ЦИНГЕРЪ, А. Начальная физика. Вторая ступень. Механика. М. 1915. Ц. 1 р. 15 к.

ЩУКИНЪ, М. Руководитель экстерновъ. Справочное пособие для лицъ, экзаменующихся на аттестатъ зрѣлости. Ц. 1 р. 50 к.

Книги для дѣтей и юношества.

БАДЕНЪ-ПАУЭЛЛЬ, Развѣдчики. Повесть изъ жизни а нглійскаго юношества. Ц. 1 р. 25 к.

Спортъ, охота, игры.

АНДОСКИЙ, А. Ружейный дробовой снарядъ. Сборникъ статей по практикѣ рациональной дробовой стрѣльбы. Ц. 1 р.

Справочныя книги.

ГЕРМАНСКІЯ И АВСТРІЙСКІЯ ФИРМЫ ВЪ МОСКВѢ НА 1914 ГОДЪ. М. 1915. Ц. 1 р.

ИМЕННОЙ СПИСОКЪ раненыхъ и

больныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. №№ 24, 25, 26. Ц. по 5 к.

ПЕТРОГРАДСКИЙ студенческій календарь на 1915 г. Ц. 35 к.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городского) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

